

ОНЕЖСКІЯ БЫЛИНЫ

ЗАПИСАННЫЯ

Alexandre Fedorovitch Gylferding.
АЛЕКСАНДРОМЪ ФЕДОРОВИЧЕМЪ

ГИЛЬФЕРДИНГОМЪ

ЛВТОМЪ 1871 ГОДА

СЪ ДВУМЯ ПОРТРЕТАМИ ОНЕЖСКИХЪ РАПСОДОВЪ И ПАПЪВАМИ БЫЛИНЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1873

27221,35
✓

1874, Dec. 18.
Subscription Fund.

1874

1874

Однимъ изъ отличительныхъ качествъ покойнаго Александра Федоровича Гильфердинга было, весьма рѣдкое у насъ, стремленіе къ ученымъ путешествіямъ по Россіи и землямъ Славянскимъ: въ послѣдніе годы, не проходило ни одного лѣта безъ посѣщенія имъ того, или другого славяно-русскаго края; каждая такая поѣздка, важная для ученаго сама-по-себѣ, была и ревизія и проверка и дополненіе его кабинетныхъ занятій и домысловъ, — приносила цѣнные матеріалы и вклады въ науку. Такъ, и въ лѣтніе мѣсяцы 1871 года Гильфердингу пожелалось «побывать на нашемъ Сѣверѣ, чтобы составить себѣ понятіе о его населеніи, которое до сихъ поръ живетъ въ охотѣ первобытной борьбы съ невзгодами враждебной природы». «Въ особенности (замѣчаетъ Гильфердингъ) манило меня въ Олонецкую губернію желаніе послушать хоть одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ рапсодовъ, какихъ мнѣсь нашель П. Н. Рыбниковъ». «Имѣя въ виду, что сборникъ г. Рыбникова былъ плодомъ многолѣтняго пребыванія въ краѣ, я, располагавшій только двумя мѣсяцами, вовсе не рассчитывалъ вначалѣ на возможность его сколько-нибудь существенно дополнить, а хотѣлъ только удовлетворить личному любопытству знакомствомъ съ нѣсколькими сказителями. Между тѣмъ, счастливый случай скоро заставилъ меня изъ туриста превратиться въ собирателя». Хотя Гильфердингъ видитъ этотъ «счастливый случай» въ встрѣчѣ своей съ сказителемъ Іевомъ Еремѣевымъ, но главная причина, почему онъ изъ туриста превратился въ собирателя, есть сама «счастливая натура» Гильфердинга, богато-одаренная, роскошно образованная и развившаяся въ кругу — литературной русской средѣ, между такъ-называемыми славянофилами. Увлечшись встрѣтившимся первымъ сказителемъ, Гильфердингъ, съ необычайнымъ одушевленіемъ и поражающею энергіею, взялся за записываніе былинъ, и въ два мѣсяца (точнѣе — въ 48 * дней) состави-

* См. ниже, «Дневникъ путешествія.»

лась рукопись въ 1203 полулиста (болѣе 2000 страницъ), писанная въ отъ первой до послѣдней строки, рукою покойнаго! Пролушано 70 пѣвцовъ и пѣвицъ, собраны и составлены ихъ, біографіи, записано и провѣрено 318 былинъ! Человѣчное и умѣлое обращеніе съ Онежскимъ крестьяниномъ-раскольникомъ, щедрая расплата съ сказителями — привлекли къ Гильфердингу столько пѣвцовъ, что инымъ приходилось ждать очереди по два и по три дня, между тѣмъ какъ Гильфердингъ записывалъ былинны «до полного физическаго утомленія». Кажется, этого громаднаго, собраннаго имъ, матеріала было достаточно; но не успѣлъ наступить іюнь мѣсяць 1872 года какъ Гильфердингъ отправился изъ Петербурга на новые гѣиски за былинами. Поѣздка эта въ самомъ началѣ была прервана всего менѣе ожидаемою катастрофою: 20 іюня, общество и наука понесли большую, незамѣнимую потерю въ лицѣ Гильфердинга.....

Къ изданію на собственное иждивеніе своего собранія былинъ Гильфердингъ приступилъ еще осенью 1871 года. Вся рукопись, приготовленная имъ къ печати, сразу отдана была въ типографію, и при жизни его отпечатана почти половина, именно: двадцать одинъ листъ. Правописаніе, какъ замѣтитъ читатель, было принято по преимуществу фонетическое, что особенно видно на нѣкоторыхъ прилагательныхъ окончаніяхъ. Иногда въ такихъ случаяхъ, а также и для отмѣтки другихъ особенностей, при печатаніи употреблялся курсивный шрифтъ. Къ тексту приложены два портрета сказителей (Рябинина и Щеголѣнка) и напѣвы былинъ. Передъ текстомъ перепечатана изъ мартовской книжки «Вѣстника Европы» за 1872 годъ статья Гильфердинга «Олонецкая губернія и ея народныя рапсоды», въ которой нѣкоторыя позднѣйшія рукописныя добавленія автора отмѣчены угловыми скобками. Въ концѣ оглавленія помѣщенъ списокъ былинъ по содержанію. Словарь-указатель не приложенъ потому, что онъ задержалъ бы надолго выходъ книги и увеличилъ бы ея цѣну; такъ какъ онъ самъ-по-себѣ можетъ составить изрядную книжку листовъ въ 12 — 15 печатныхъ, то, вѣроятно, и будетъ изданъ особо.

Въ заключеніе мы должны сказать, что намъ досталась честь докончить печатаніе собранія былинъ Гильфердинга, равно какъ и принять участіе и въ первой его половинѣ.

Петръ Гильтебрандтъ.

ДНЕВНИКЪ *)

ПУТЕШЕСТВІЯ АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВИЧА ГИЛЬФЕРДИНГА.

ІЮНЬ

- 20 — Петрозаводскъ, № 149.
- 29 — Петрозаводскъ, № 150.
- 30 — Петрозаводскъ, № 151.
- „ — Онего, №№ 163, 164, 166, 167.

ІЮЛЬ

- 1 — Горское, №№ 165, 168, 169.
- 3 — Леликово, №№ 91, 92, 93, 94, 95, 104, 105, 106, 110, 111.
- 4 — Леликово, №№ 96, 97, 107, 108, 109, 118, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143.
- 5 — Кижы, №№ 112, 120, 145.
- 6 — Кижы, №№ 75, 77, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 121, 126.
- 7 — Дуткинъ-Наволокъ въ Кижяхъ, №№ 73, 80, 87, 113, 114, 115, 116, 117, 123.
- 8 — Кижы, №№ 74, 76, 78, 81, 83, 85, 88.
- 10 — Тамбица, №№ 40, 41, 42.
- „ — Типеница, №№ 43, 44.
- 11 — Толвуй, №№ 38, 39.
- 12 — Толвуй, №№ 33, 34, 36, 37.
- 14 — Масельга, №№ 25, 26, 27, 28, 29.
- „ — Маткозеро, №№ 30, 31.
- 15 — Тайгеница, №№ 178, 179, 180, 181, 183, 184.
- „ — Выгозеро, №№ 190, 191, 192, 193, 194.
- 16 — Выгозеро, № 171.
- „ — Тайгеница, №№ 173, 174, 176, 177.
- 17 — Тайгеница, №№ 170, 172, 175, 186, 188, 189.
- „ — Данилово, №№ 185, 187.

*) Дневникъ этотъ составленъ на основаніи датъ, имѣющихся въ концѣ каждой былинны: число, мѣстность и №№ былинъ. Только подъ девятью былинами (№№ 130, 144, 146, 147, 148, 152, 153, 154, 155) Гильфердингъ позабылъ поставить дату; но, судя по пѣвцамъ, отъ которыхъ онѣ записаны, — должны быть отнесены въ 30 іюня и 5 іюля. Кромѣ того, нѣкоторыя былинны записаны въ Петербургѣ отъ пріѣзжавшихъ къ Гильфердингу раисодовъ въ сентябрѣ (№№ 119, 122, 134, 125, 127, 128, 129), въ октябрѣ (№ 156) и въ ноябрѣ (№№ 79, 82, 84, 86, 89, 90, 160).

- 19 — Чолмужи, №№ 32, 35, 157.
- 20 — Чолмужи, №№ 158, 159, 161, 162.
- 21 — дер. Римъ на Пудожской Горѣ, № 6.
- 22 — тамъ же, №№ 2, 5, 8, 10, 16, 17, 21.
- 23 — тамъ же, №№ 7, 12, 18, 19, 20, 22, 23, 24.
- 24 — тамъ же, №№ 1, 3, 4, 9, 13, 14, 15.
- 25 — Тайгеница, № 182.
- 26 — Марнаволокъ, №№ 11, 45, 46, 47, 48, 50, 53, 54.
- 27 — Марнаволокъ, №№ 49, 51, 52.
- 28 — Шаль, №№ 55, 58, 59, 60, 61.
- 29 — Шаль, №№ 56, 57, 62, 66, 68.
- 31 — Пудожь, №№ 63, 64, 65, 67.

АВГУСТЪ

- 1 — Сумозеро, № 70.
- 2 — Сумозеро, № 69.
- 4 — Куганаволокъ на Водлозерѣ, №№ 71, 72.
- 5 — Водлозеро, №№ 212, 213.
- 6 — Водлозеро, №№ 206, 207, 208, 209, 216, 217, 218.
- 7 — Куганаволокъ, №№ 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 214, 215.
- 8 — рѣка Черева, № 210.
- „ — Заволочье, № 211.
- 10 — Кенозеро, №№ 226, 228, 230.
- 11 — д. Немагова на Кенозерѣ, №№ 220, 221, 223, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 258.
- 12 — тамъ же, №№ 219, 222, 224, 225, 254, 255, 256, 259, 261, 262, 263, 264, 293, 294, 295.
- 13 — Кенозеро, №№ 245, 246, 247, 248, 257, 260.
- 14 — тамъ же, №№ 227, 229, 231, 249, 250, 251, 273, 274, 275, 276, 286.
- 15 — тамъ же, №№ 232, 233, 235, 252, 253, 270, 271, 272, 292.
- 16 — тамъ же, №№ 234, 236, 237, 238.
- „ — Кенозерскій погостъ, №№ 277, 278, 279, 280.
- „ — д. Немагова, №№ 281, 282, 283, 287, 288, 289, 290, 291.
- 17 — Кенозеро, №№ 265, 266, 267, 268, 269, 284, 285, 296, 297, 298, 299, 300, 301.
- 18 — Ошевенокъ, №№ 302, 303.
- 23 — Моша, №№ 315.
- 24 — Моша, №№ 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 313, 314, 318.
- 25 — Моша, №№ 311, 312, 316, 317.

ОЛОНЕЦКАЯ ГУБЕРНІЯ

и

ЕЯ НАРОДНЫЕ РАПСОДЫ.

Мнѣ давно хотѣлось побывать на нашемъ Сѣверѣ, чтобы составить себѣ понятіе о его населеніи, которое до сихъ поръ живетъ въ эпохѣ первобытной борьбы съ невзгодами враждебной природы. Въ особенности манило меня въ Олонецкую губернію желаніе послушать хоть одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ рапсодовъ, какихъ здѣсь нашель П. Н. Рыбниковъ. Самъ Пав. Ник. поощрялъ меня къ поѣздкѣ въ этотъ край, подавъ надежду, что она можетъ быть не бесполезна и послѣ его работъ; онъ съ величайшею обязательностью сообщилъ мнѣ практическіе совѣты, извлеченные изъ опыта десятилѣтняго пребыванія въ Олонецкой губерніи. Имѣя передъ собою два свободныхъ мѣсяца нынѣшнимъ лѣтомъ, я расположилъ свою поѣздку такъ, чтобы посѣтить мѣстности, которыя были мнѣ указаны г. Рыбниковымъ, какъ пребываніе лучшихъ «сказителей», именно: Сѣнную Губу и Кижы на южной оконечности Заонежскаго полуострова, Толвуи на его сѣверной сторонѣ, Пудожское побережье на сѣверо-восточномъ берегу Онежскаго озера, Кенозеро въ сѣверо-восточномъ углу Пудожскаго и такъ-называемую Мошенскую сторону въ сѣверо-восточномъ углу Каргопольскаго уѣзда. Кромѣ того, предварительно переѣзда въ Сѣнную Губу, я изъ Петрозаводска заглянулъ въ Горскій погостъ и Мелую Губу; потомъ изъ Толвуи переѣхалъ въ Повѣнецъ и оттуда сдѣлалъ экскурсію черезъ Масельгу на Выгозеро и въ Даниловъ; а на Кенозеро поѣхалъ не прямымъ путемъ изъ Пудожа, а черезъ Сумозеро и Водлозеро. Эту длинную дорогу зигзагами, начатую изъ Петрозаводска 30-го іюня, я окончилъ въ Вельскѣ 27-го августа.

Я изложу съ нѣкоторою подробностью результаты моей поѣздки по отношенію къ предмету, который меня занималъ спеціально, именно — народной эпической поэзіи; но какъ Олонецкая губернія и особенно сѣверо-восточная ея часть вообще мало извѣстна, то предпошлю этимъ спеціальнымъ замѣчаніямъ нѣсколько словъ, чтобы сказать общер-

впечатлѣніе, какое этотъ край произвелъ на меня. Общее впечатлѣніе — и тяжелое и вмѣстѣ отрадное. Отраднo видѣть сѣверно-русскаго крестьянина этой мѣстности (другихъ не знаю и о нихъ не говорю), отраднo видѣть его *самого по себѣ*; тяжело видѣть обстановку, въ которую онъ поставленъ природою, еще тяжелѣе — ту, въ которой держать его масса сложившихся и наслоившихся недоразумѣній. Народа добрѣе, честнѣе и болѣе одареннаго природнымъ умомъ и житейскимъ смысломъ я не видывалъ; онъ поражаетъ путешественника столько же своимъ радушіемъ и гостепріимствомъ, сколько отсутствіемъ корысти. Самый бѣдный крестьянинъ, у котораго хлѣба не достаетъ на пропитаніе, и тотъ принимаетъ плату за оказанное одолженіе, иногда сопряженное съ тяжелымъ трудомъ и потерей времени, какъ нѣчто такое, чего онъ не ждалъ и не требуетъ. Онъ садится въ лодку гребцомъ, работаетъ весломъ часовъ 15 къ-ряду, не теряя до конца хорошаго расположенія духа и своей природенной шутливости. Приученный большинствомъ мѣстнаго чиновничества къ крайне безперемонному (чтобы выразиться помягче) обращенію, онъ относится къ этому съ изумительнымъ добродушіемъ и не обнаруживаетъ ни тѣни недовѣрія и непріязни къ нашему брату, человѣку привилегированнаго класса, хотя ему доводится имѣть дѣло только съ самыми непривлекательными его экземплярами. При первомъ признакѣ человѣчнаго съ нимъ обхожденія, онъ такъ сказать расцвѣтаетъ, дѣлается дружественнымъ и готовъ оказать вамъ всякую услугу, но между тѣмъ никогда не впадаетъ въ тотъ тяжелый тонъ грубой, безтактной фамиллярности, отъ котораго не всегда можетъ удержаться простомудинъ на Западѣ, когда съ нимъ захочетъ сблизиться человѣкъ изъ болѣе образованнаго слоя общества. Что касается матеріальной обстановки сѣверно-русскаго крестьянина и его экономическаго быта, то для сужденія о томъ потребовались бы совсѣмъ другія изслѣдованія чѣмъ тѣ, какимъ я посвятилъ свое время въ эту поѣздку. Ограничусь только самыми общими замѣчаніями. Матеріальная обстановка сѣверно-русскаго крестьянина нѣсколько сносна у Онежскаго озера, потому что тутъ онъ располагаетъ обширнымъ водоемомъ, который находится въ прямой связи съ Петербургскимъ портомъ; но дальше къ сѣверу и востоку вы видите только лѣсъ, лѣсъ и болото и опять лѣсъ; озѣра, разбросанныя въ этомъ краѣ, служатъ только для сообщенія между деревнями, ихъ окружающими. Климатъ такой, что здѣсь природа отказывается въ томъ, безъ чего намъ трудно себѣ представить жизнь русскаго человѣка; у него нѣтъ ни капусты, ни гречи, ни огурцовъ, ни луку; овесъ, разными способами приготавливаемый, составляетъ существеннѣйшую часть пищи. Отсутствуетъ и другая принадлежность русскаго народа — телѣга. Телѣга не можетъ пройти по тамошнимъ болотистымъ дорогамъ. Она появляется только 35 верстъ южнѣе Кенозера, въ Ошевенской волости, съ которой начинается болѣе сухая и плодородная часть Каргопольскаго уѣзда. Сѣвернѣе, около Кенозера, Водлозера, Выгозера и по Заонезью возятъ что-нибудь и лѣтомъ на саняхъ (дровняхъ), или же на волокахъ, т.-е. оглобляхъ, которыя передними концами прикрѣплены къ хомуту, а задними волочатся по землѣ; къ нимъ придѣлана поперечная доска, къ которой привязывается кладь. Когда же нужно ѣхать человѣку, онъ отправляется

верхомъ тамъ, гдѣ не можетъ пользоваться водянымъ сообщеніемъ. Для своза хлѣба съ ближайшихъ къ деревнямъ полей есть кое-гдѣ двухколесныя таратайки, съ неуклюже сколоченными, скорѣе многоугольными, чѣмъ круглыми, деревянными безъ желѣзныхъ шинъ колесами, таратайки, передъ которыми здѣшнія чухонскія кажутся усовершенствованнымъ экипажемъ.

Легко вообразить, но трудно передать словами, какого тяжелаго труда требуетъ отъ человѣка эта сѣверная природа. Главныя и единственно-прибыльныя работы — распаханіе «нивь», т. е. полянъ, расчищаемыхъ изъ-подъ лѣсу и черезъ три года забрасываемыхъ, и рыбная ловля въ осеннее время — сопряжены съ невѣроятными физическими усиліями. Но, чтобы существовать, крестьянинъ долженъ соединять съ этимъ и всевозможныя другія заработки: потому никто не ограничивается однимъ хлѣбопашествомъ и рыболовствомъ; кто занимается въ свободное время какимъ-нибудь деревенскимъ ремесломъ, кто идетъ въ извозъ къ Бѣлому морю зимою, а лѣтомъ въ бурлаки на каналъ, кто «полѣсуетъ», т. е. стрѣляетъ и ловитъ дичь и т. д. Женщины и дѣвушки принуждены работать столько же, сколько мужчины. Крестьянинъ этихъ мѣстъ радъ и доволенъ, если совокупными усиліями семьи онъ, по тамошнему выраженію, «огорюетъ» какъ-нибудь подати и не умретъ съ голоду. Это — народъ-труженикъ въ полномъ смыслѣ слова.

И что особенно грустно, это слышать единогласно и повсемѣстно и видѣть несомнѣнные признаки, что тамошній народъ бѣднѣетъ, что положеніе его ухудшилось въ послѣднее время противъ прежняго. Это — благодаря нашей братьѣ бюрократамъ. Кому-то изъ нихъ пришло въ голову, что интересъ казны требуетъ охраненія лѣсовъ нашего Сѣвера отъ крестьянъ, которые распаханіемъ въ нихъ свои «нивы». Подсѣчное хозяйство было сочтено за неправильное, хищническое, варварское; забыли только, что безъ него тамъ жить нельзя; что только свѣжая лѣсная земля даетъ въ этомъ климатѣ урожай, окупающій трудъ; что распаханіемъ только такія мѣста, на которыхъ растутъ мелкій березовый и ольховый лѣсъ, никуда не годный, а цѣннаго лѣсу не трогаютъ, по той простой причинѣ, что земля, на которой растетъ сосна и лиственница, подъ посѣвъ не годится; что наконецъ полянки, которыя крестьяне въ силахъ распахать, составляютъ самую микроскопическую величину въ безконечности тамошнихъ «суземковъ» — поросшихъ лѣсомъ безлюдныхъ пространствъ, раздѣляющихъ поселенія на нашемъ Сѣверѣ. Нѣтъ, казенный интересъ превыше всего, а казенный интересъ требуетъ-могъ охраненія лѣсовъ! И вотъ крестьянскія расчистки были обставлены такими стѣсненіями, что, при добросовѣстномъ и «неусыпномъ» исполненіи на мѣстѣ предписаній, населеніе цѣлыхъ волостей вдругъ лишалось главнаго средства пропитанія, и крестьяне благословляли судьбу тамъ, гдѣ исполнитель позволялъ себя усыплять.

Это — одно изъ проявленій бюрократической опеки на нашемъ Сѣверѣ. Но есть проявленіе болѣе общее и также неотрадное, хотя оно не такъ ощутительно въ матеріальномъ отношеніи. Извѣстно, что всѣ крестьяне сѣверныхъ уѣздовъ Олонецкой губерніи принадлежатъ къ разряду крестьянъ государственныхъ. Какіе были ихъ вну-

тренніе распорядки въ прежнія времена—не знаю; но, со времени учрежденія министерства государственныхъ имуществъ, они попали подъ непосредственную чиновничью опеку. Хоть имъ предоставлялись всѣ формы выборнаго общественнаго самоуправленія, но въ сущности вся власть передана была въ руки окружнаго начальника, и выборные головы и расправы стали только исполнителями его приказаній. Это до такой степени отъучило тамошнихъ крестьянъ отъ серьезнаго отношенія къ своему общественному управленію, что и въ настоящее время, когда опека снята, они слишкомъ недовѣрчиво смотрятъ на данныя имъ права, считаютъ мирового посредника такимъ же начальникомъ, какимъ былъ окружной, и неохотно идутъ на общественныя должности, видя въ нихъ однѣ только хлопоты и отвѣтственность. По всей вѣроятности, пройдетъ цѣлое поколѣніе, пока изгладится этотъ мертвящій слѣдъ прежней чиновничьей опеки.

Но гдѣ слѣды бюрократическихъ «мѣропріятій» производятъ потрясающее впечатлѣніе, это—въ сѣверной части Повѣнецкаго уѣзда, около Выгозера! Едва ли есть страна, гдѣ жизнь горьчѣе для человѣка: ибо земля почти отказываетъ ему въ вознагражденія за ея обработку, хлѣбъ то-и-дѣло вымерзаетъ, рыбы не много и не такая, которая годилась бы для вывоза, сплавлять лѣсъ некуда, звѣриный промыселъ недостаточенъ, чтобы кормить населеніе, слишкомъ для этого густое. Словомъ, здѣсь нужно безконечное, безысходное труженичество, чтобы только прокормиться. Какое же остается утѣшеніе человѣку при такой жизни? Одно единственное — религія, и дѣйствительно: народъ здѣсь отличается особенною набожностью. Но что же? Вы пріѣзжаете въ село и среди опрятныхъ, красивыхъ его избъ васъ поражаетъ видъ какой-то печальной развалины. Проходя мимо, крестьяне, васъ провожающіе, благоговѣнно снимаютъ шапки и крестятся. — «Что это такое за развалина?» — «Да это была наша часовня, а лѣтъ двадцать тому назадъ пришелъ изъ Питера приказъ, да пріѣзжалъ изъ губерніи чиновникъ, вывезъ наши образа, запечаталъ часовню, снялъ съ нея крестъ и запретилъ намъ до нея дотронуться. Такъ она и стоитъ вотъ ужъ двадцать лѣтъ и скоро совсѣмъ развалится». — «А гдѣ же теперь бываетъ у васъ богослуженіе?» — «Да нигдѣ, батюшко, потому намъ всякое «оказательство» запрещено». Другой крестьянинъ — православный — поясняетъ, что въ этомъ селѣ живутъ все раскольники и начальство строго смотритъ, чтобы не было у нихъ богослуженія. И это не въ одномъ мѣстѣ, а то же самое почти въ каждомъ селѣ: вездѣ разваливаюціяся часовни, запечатанныя по распоряженіямъ изъ Петербурга; кладбища съ заколоченными воротами, въ которыя строго воспрещено входить, дабы кто-нибудь изъ раскольниковъ не отважился служить заупокойную службу по родителямъ; вездѣ это доброе, привѣтливое, кроткое населеніе тружениковъ-Выгозеровъ лишено утѣшенія религіи! И всего курьезнѣе, что это дѣлается не изъ какого-нибудь фанатизма къ православію, а просто такъ, по канцелярской рутинѣ.

Со мной ѣхалъ русскій простолюдинъ, петербургскій житель. Когда мы проѣхали первыя расколыничьи селенія, онъ вдругъ сдѣлалъ мнѣ такой наивный вопросъ: «Скажите, отчего это у насъ въ Петербургѣ позволяютъ и католикамъ и лютеранамъ имѣть свои церкви на Невскомъ проспектѣ, и позволяютъ жидамъ и мусульманамъ служить

по своей вѣрѣ, а здѣсь такъ стѣсняють нашихъ русскихъ мужичковъ въ ихъ вѣрѣ? Вѣдь они, какъ мы, вѣрують въ Господа Иисуса Христа, а не то что жидаы, которые Христа проклинають; у нихъ тѣ же святые и тѣ же молитвы какъ у насъ, а не то что у лютеранъ и католиковъ, а ихъ такъ стѣсняють, что даже покойника не дають отпѣть и въ самый большой праздникъ не позволяютъ служить!»!

Признаюсь, я не нашель отвѣта. Нашель ли бы что отвѣчать кто-либо изъ моихъ благосклонныхъ читателей?

Ограничиваюсь этими общими впечатлѣніями и перехожу къ тому, что меня преимущественно занимало въ Олонецкомъ краѣ, именно—къ остаткамъ народной эпической поэзіи. Побывавши въ Олонецкой губерніи, особенно—въ сѣверной и восточной ея частяхъ, легко уяснить себѣ причины, по которымъ могла сохраниться здѣсь въ народной памяти эпическая поэзія, давно исчезнувшая въ другихъ мѣстахъ Россіи. Этихъ причинъ двѣ, и необходимо было ихъ совмѣстное дѣйствіе; эти причины—*свобода* и *глушь*.

Народъ здѣсь оставался всегда свободнымъ отъ крѣпостного рабства. Ощущая себя свободнымъ человѣкомъ, русскій крестьянинъ Заонежья не терялъ сочувствія къ идеаламъ свободной силы, воспѣваемымъ въ старинныхъ расподіяхъ. Напротивъ того, что могло бы остаться сроднаго въ типѣ эпическаго богатыря человѣку, чувствовавшему себя рабомъ?

Въ то же время свободный крестьянинъ Заонежья жилъ въ глуши, которая охраняла его отъ вліяній, разлагающихъ и убивающихъ первобытную эпическую поэзію: къ нему не проникали ни солдатскій построй, ни фабричная промышленность, ни новая мода; его едва коснулася и грамотность, такъ что даже въ настоящее время грамотный человѣкъ между крестьянами этого края есть весьма рѣдкое исключеніе. Такимъ образомъ, здѣсь могли удержаться въ полной силѣ стихіи, составляющія необходимое условіе для сохраненія эпической поэзіи: вѣрность старинѣ и вѣра въ чудесное. Вѣрность старинѣ такова, что она препятствуетъ даже такимъ нововведеніямъ, которыхъ польза очевидна и которыя приняты во всей Россіи. Такъ, напр., сѣно косятъ не косами, а горбушами, не только тамъ, гдѣ это можетъ быть удобно, т. е. между деревьями и по кочкамъ, а на самыхъ гладкихъ и хорошихъ лугахъ, хотя косьба горбушами требуетъ вдвое больше напряженія и времени. Изъ крестьянъ болѣе развитые сами признають это, но говорятъ, что ничего не подѣлаешь: «наши дѣды и отцы косили горбушею», это доводъ, противъ котораго заонежскій крестьянинъ не принимаетъ возраженія. Тотъ же отцовскій и дѣдовскій обычай поддерживаетъ изнурительное для лошади употребленіе дровней лѣтомъ даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ можно бы пользоваться телегою. Какъ было при отцахъ и дѣдахъ, такъ должно оставаться и теперь: понятно, какое это благопріятное условіе для сохраненія древнихъ преданій и былинъ. Въ то же время вся совокупность условій, въ которыхъ живетъ этотъ народъ, устраняетъ отъ него все, что могло бы ослабить въ немъ наивность дѣдовскихъ вѣрованій. Безъ вѣры въ чудесное невозможно, чтобы продолжала жить природною, непосредственною жизнью эпическая поэзія. Когда человѣкъ усомнится, чтобы богатырь могъ носить палицу

въ сорокъ пудъ или одинъ положить на мѣстѣ цѣлое войско, — эпическая поэзія въ немъ убита. А множество признаковъ убѣдили меня, что сѣверно-русскій крестьянинъ, поющій былины, и огромное большинство тѣхъ, которые его слушаютъ, — безусловно вѣрятъ въ истину чудесъ, какія въ былинѣ изображаются. Мнѣ очень памятенъ переездъ съ Сумозера на Водлозеро; меня сопровождалъ извѣстный уже г. Рыбникову сказитель Андрей Сорокинъ, и отъ скуки затянулъ длинную былину про сорокъ каликъ съ каликою. Между нимъ и мною ѣхалъ хозяинъ лошади, которая шла подо мною, и онъ, никогда не слыхавъ этой былины, постоянно сопровождалъ ее своими замѣчаніями. «Ахъ она мерзкая баба», повторилъ онъ нѣсколько разъ, слушая, какъ княгиня Опраксія соблазняла каличьяго атамана сотворить съ нею грѣхъ. «Эка братъ бѣда пришла!» воскликнулъ онъ, когда у атамана въ подсумкѣ оказалась положенная туда мстительною княгиною чаша княженецкая, и атаману пришлось самому осудить себя на жестоку казнь:

А не рушайте вы заповѣди великіей,
А какъ вы сѣките мнѣ ноги рѣзвыи,
А й рубите-тко руи бѣлыи,
А й со лба-то копайте очи ясныи,
А й тяните-ко языкъ мнѣ-ка со темени,
А й копайте какъ по грудямъ во матушку сыру-землю.

«Вотъ чудесно, право!» было его заключеніе, когда пѣвецъ пропѣлъ о томъ, какъ приходилъ Микола Можайскій,

А ему вложилъ да ноги рѣзвыи,
А вложилъ да руи бѣлыи,
А положилъ ему да очи ясныи,
Положилъ языкъ во темя вѣдь,
А й положилъ какъ здыханье во бѣлую грудь.

Словомъ, мой провожатый слушалъ всю эту былину съ такою же вѣрою въ дѣйствительность того, чтѣ въ ней разсказывается, какъ еслибы дѣло шло о событіи вчерашняго дня, правда, необыкновенномъ и удивительномъ, но тѣмъ не менѣе вполне достоверномъ. То же самое наблюденіе мнѣ пришлось дѣлать много разъ. Иногда самъ пѣвецъ былины, когда заставишь пѣть ее съ разстановкою, необходимою для записыванья, вставляетъ между стихами свои комментаріи, и комментаріи эти свидѣлствуютъ, что онъ вполне живетъ мыслию въ томъ мірѣ, который воспѣваетъ. Такъ, напр., Никифоръ Прохоровъ сопровождалъ событія, описываемыя имъ въ былинѣ о Михайлѣ Потыкѣ, такими замѣчаніями: «каково, братцы, три мѣсяца прожить въ землѣ!» или: «вишь поганая змѣя, выдумала еще хитрить»; или «вотъ, подумаешь, бабьи уловки каковы» и т. д. Когда со стороны какого-нибудь изъ грамотѣевъ заявляется сомнѣніе, дѣйствительно ли все было такъ, какъ поется въ былинѣ, расподъ объясняетъ дѣло весьма просто: «встарину-де люди были вовсе не такіе какъ теперь». Только отъ двухъ сказителей я слышалъ выраженіе нѣкотораго невѣрія; и тотъ и дру-

гой не только грамотные, но и начётчики, одинъ перешедшій изъ раскола въ единовѣріе, другой недавно «остаровѣрившійся». И тотъ и другой говорили мнѣ, что имъ трудно вѣрится, будто богатыри дѣйствительно имѣли такую силу, какая имъ приписывается въ былинахъ, будто, напр., Илья Муромецъ могъ побить сразу 40 тысячъ разбойниковъ, но что они поютъ такъ, потому что такъ слышали отъ отца. Но эти скептики составляютъ самыя рѣдкія исключенія.

Огромное большинство живетъ еще вполне подъ господствомъ эпического міросозерцанія. Потому неудивительно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого края эпическая поэзія и теперь ключомъ бьетъ.

Я никакъ не ожидалъ найти въ этомъ отношеніи такой богатой жатвы. Имѣя въ виду, что сборникъ г. Рыбникова былъ плодомъ многолѣтняго пребыванія въ краѣ, я, располагавшій только двумя мѣсяцами, вовсе не рассчитывалъ вначалѣ на возможность его сколько-нибудь существенно дополнить, а хотѣлъ только удовлетворить личному любопытству знакомствомъ съ нѣсколькими сказителями. Между тѣмъ счастливый случай скоро заставилъ меня изъ туриста превратиться въ собирателя. Въ Петрозаводскѣ указали мнѣ слѣпого старика-крестьянина, пріѣхавшаго туда для закупокъ. Онъ сначала неохотно сознался, что знаетъ кое-какія «старины», но какъ собирался ѣхать домой въ ту же сторону, куда лежалъ путь и мнѣ, то согласился сѣсть въ мою лодку. Дорѣдой я упросилъ его сказать свои старины, и старикъ Іевъ Еремѣевъ запѣлъ превосходную былинку про превращенія Добрыни подъ магическимъ дѣйствіемъ нашей русской Цирцеи, Маринки:

Она стало-то Добрынюшку обвертывати:
 Обвернула-то Добрыню да сорокою,
 Обвернула-то Добрыню да вороною,
 Обвернула-то Добрыню да свиньею,
 Обвернула-то Добрынюшку гвѣдѣмъ туромъ:
 Рожки у тура да въ золотѣ,
 Ножики у тура да въ сѣребри,
 Шерсть на турѣ да рыжа бархату.

Мнѣ не приходилось читать столь полнаго и архаическаго пересказа этой былинны, и впечатлѣніе, подъ которымъ я находился, усилилось еще болѣе, когда я тутъ же, изъ разговора Іева Еремѣева съ другими крестьянами узналъ, что онъ — завзятый раскольникъ.

Между тѣмъ руководствуясь сборникомъ г. Рыбникова и объясненіемъ его ¹⁾, я

¹⁾ См. «Замѣтку» его, т. III, стр. IX: «Шунгскіе туземцы смотрѣли на старину даже не совсѣмъ доброжелательно. Ихъ занимала только религіозная старина, и тутъ у меня подтвердилось замѣчаніе, сдѣланное мною еще въ Черниговской губерніи: гдѣ сильно разовьется старообрядчество, тамъ народъ интересуется памятниками поэзіи и вообще искусства лишь настолько, насколько они причастны религіозной области и насколько они поддерживаются обычаемъ, возмимѣвшимъ силу съ XVII вѣка. Къ мірскимъ пѣснямъ ревностные старовѣры большою частію относятся еще съ тѣмъ настроеніемъ, которое вызвало въ аскетахъ древней Руси такого рода запрещеніе: «пѣсней сатанинскихъ не пѣти и мірскихъ людей не соблазнять». Потому въ Повѣнецкомъ уѣздѣ слышно едва-едва про двухъ-трехъ сказителей».

былъ увѣренъ, что у раскольниковъ нельзя найти никакихъ остатковъ народнаго эпоса, и думалъ, что посѣщеніе мѣстъ, гдѣ преобладаетъ старообрядчество, было бы для меня потерей времени. Явно языческая былина, пропѣтая человѣкомъ, извѣстнымъ своими раскольничьими убѣжденіями, совершенно мѣняла эти предположенія, отчасти даже самый планъ путешествія. Я сталъ подозрѣвать (а потомъ вполне убѣдился), что г. Рыбниковъ не могъ найти ничего у старообрядцевъ по своему личному положенію, какъ членъ мѣстной губернской администраціи, но что въ дѣйствительности былины поются и раскольниками. вмѣсто того, чтобы избѣгать мѣстъ населенныхъ старовѣрами, я рѣшился побывать въ самомъ центрѣ этого населенія, на Выгозерѣ. Программа на случай встрѣчи съ старообрядцами была у меня готовая: обходиться съ ними вѣжливо, не употреблять выраженій, оскорбительныхъ для ихъ религіознаго чувства, не вызывать религіозныхъ споровъ, а когда зайдетъ рѣчь о религіи, относиться къ ихъ вѣрованіямъ тѣмъ тономъ уваженія, которымъ принято въ образованномъ обществѣ говорить съ иновѣрцемъ объ его религіозныхъ убѣжденіяхъ. Программа кажется не хитрая, но, сколько мнѣ удалось замѣтить, она была тамъ до нѣкоторой степени новостью. Не знаю, приписать ли моей программѣ, что предвѣщанія, мною слышанныя, будто я встрѣчу со стороны раскольниковъ самый грубый пріемъ и что они мнѣ ничего не сообщать, нигдѣ не сбывались. Разумѣется, я не дѣлалъ никакихъ щекотливыхъ разспросовъ; но былины они вездѣ охотно сказывали и позволяли записывать. Въ одномъ случаѣ нельзя было даже ожидать такого довѣрія. Мнѣ было извѣстно имя одного крестьянина въ Каргопольскомъ уѣздѣ, какъ отличнаго сказителя. Приѣхавъ въ ту мѣстность, гдѣ онъ живетъ, я хотѣлъ послать нарочнаго, чтобы прагласить его къ себѣ. «Это совершенно бесполезно, отвѣчалъ мнѣ хозяинъ дома, гдѣ я остановился; деньги, которые вы заплатите гонцу (а нужно было ѣхать верстъ за 40 по очень дурной дорогѣ верхомъ) пропадутъ даромъ. Этотъ человѣкъ недавно только, всего года три тому, остаровѣрился (т.-е. перешелъ изъ православія въ расколъ) и боится попасть за это подъ отвѣтъ; онъ ни за что не поѣдетъ къ вамъ». Тѣмъ не менѣе я настоялъ на посылкѣ гонца, который на другой день вернулся съ весьма неопредѣленнымъ отвѣтомъ, «что молъ подумасть, что ему нездоровится» и проч. — «Ну, я такъ и зналъ, говорить мой хозяинъ; нѣтъ, онъ не приѣдетъ». — «А ежели я къ нему поѣду, то скажетъ ли онъ свои былины?» — «Конечно скажетъ, гостю вѣдь отказать нельзя». Я уже сталъ собираться въ дорогу, какъ прискакалъ самъ «остаровѣрившійся» сказитель, который, дѣйствительно, своими былинами оправдалъ желаніе его послушать. Потомъ я узналъ, что онъ, по дорогѣ, заѣзжалъ къ какой-то наставницѣ, которая тамошними раскольникамъ «за попа служить», и что она ему разрѣшила ѣхать сказывать старины.

Очень помогла мнѣ въ собираніи былины и другая, тоже совершенно случайная встрѣча при самомъ началѣ моей поѣздки.

Еще на пароходѣ, везшемъ меня изъ Петербурга, найдя себѣ мѣстечко на носовой палубѣ, я разговорился тутъ съ нѣкоторыми крестьянами изъ Заонежья, разспросилъ ихъ о сказителяхъ, которые мнѣ извѣстны были по книгѣ г. Рыбникова, и узналъ

между прочимъ, что объ одномъ изъ этихъ сказителей, Абрамѣ Евтихievѣ, можно получить свѣдѣнія въ самомъ Петрозаводскѣ, потому что тамъ живетъ его сынъ. Старикъ оказался въ гостяхъ у сына, и уже въ самый день моего приѣзда я имѣлъ удовольствіе услышать его прекрасныя былины. Мы съ нимъ сошлись такъ, что онъ охотно согласился сопровождать меня по всему Заонежью и до самого Каргополя и былъ мнѣ весьма полезенъ. Будучи по ремеслу крестьянскимъ портнымъ, онъ всю осень и зиму ходитъ по деревнямъ Заонежья, останавливаясь тамъ, гдѣ нужна его работа. Такимъ образомъ у него есть знакомые во всѣхъ углахъ этого края, и благодаря ему легко устранилось недовѣріе, съ какимъ крестьяне обыкновенно смотрятъ на приѣзжаго изъ Петербурга. Я старался останавливаться въ такихъ селеніяхъ, гдѣ можно было рассчитывать навѣрно услышать былины; а пока я ихъ тамъ записывалъ, Абрамъ Евтихievъ, бывало, пойдетъ по окрестности, иногда далеко, верстъ за 40 и даже за 50, «доставать сказителей», какъ онъ выражался; удостовѣренные имъ, что они будутъ вознаграждены, крестьяне шли очень охотно сообщить свои былины; потому слухъ о вознагражденіи приводилъ и такихъ, про которыхъ мы не знали. Случалось такъ, что инымъ приходилось ждать очереди по два и по три дня, между тѣмъ какъ я записывалъ былины до полного физическаго утомленія. Такимъ образомъ въ короткое время двухъ мѣсяцевъ удалось найти 70 человекъ, мужчинъ и женщинъ, знающихъ былины. Я долженъ прибавить, что въ этомъ числѣ 16 человекъ¹⁾ извѣстны были частію лично, частію чрезъ посредство другихъ г. Рыбникову, что за симъ 5 человекъ²⁾, отъ которыхъ у него записаны былины, съ того времени умерли, и что наконецъ 7 человекъ, упоминаемыхъ въ его сборникѣ, либо остались въ сторонѣ отъ моего пути, либо случайно не были мною отысканы. При знакомствѣ съ пѣвцами и пѣвицами былинь я старался обращать вниманіе на личныя обстоятельства каждаго, чтобы уяснить себѣ вліяніе личности сказителя на характеръ самыхъ расподій; въ составленномъ мною сборникѣ читатели найдутъ біографическія свѣдѣнія о каждомъ сказителѣ и сказительницѣ. Здѣсь позволю себѣ привести нѣкоторыя общія замѣчанія, основанныя на знакомствѣ съ этими 70 ю личностями.

Прежде всего необходимо имѣть въ виду, что былины сохранились только въ средѣ крестьянъ; я упомяну ниже объ единственномъ встрѣченномъ мною исключеніи, которое впрочемъ имѣетъ совершенно случайный характеръ. Мнѣ указывали на какого-то пономаря, а въ другомъ мѣстѣ на дьячка, которые будто бы знаютъ «старины»; обнадеживали, что услышу «старины» отъ одного изъ такъ-называемыхъ «обѣльныхъ

1) Рябининъ, Кузьма Романовъ, Прохоровъ, Паромскій старикъ (т.-е. Иванъ Сивцевъ), Бутылка (т.-е. Абрамъ Евтихievъ), Сорокинъ, Ѳедотовъ (т.-е. Дутиковъ), Левлевъ, Потахинъ (т.-е. Потапъ Антоновъ), Щеголёнокъ, Корниловъ, Сарафановъ, Никитинъ, Михайло Богдановъ (т.-е. Михайло Ивановъ), Лукинъ и слѣпой Иванъ (т.-е. Ивашъ Фелоновъ). Къ этому числу слѣдуетъ прибавить еще упоминаемую въ сборникѣ г. Рыбникова «племянницу Щеголёнка» (т.-е. Прасковью Гавриловну Юхову изъ дер. Ятовщины Кижской волости): она мнѣ пѣла былины, но ихъ ужъ такъ плохо помнила и такъ путала, что я съ ея словъ ничего не рѣшился записать.

2) Леонтій Богдановъ, Трофимъ Романовъ, Василій Лазаревъ, Амосовъ и Савиновъ.

вотчинниковъ» въ Чолмужахъ. Но оказалось, что пономарь рассказываетъ только какія-то сказки, что дьячекъ есть повѣствователь анекдотовъ, а объльный вотчинникъ въ Чолмужахъ знаетъ наизусть жалованную грамоту царя Михаила Феодоровича его предку.

Во-вторыхъ: почти всѣ наши рапсоды неграмотные. Я встрѣтилъ только пятиркихъ грамотныхъ между 70-ю пѣвцами и пѣвицами былинь (Василій Акимовъ, Андрей Сарафановъ, Иванъ Касьяновъ въ Кижскомъ краѣ, Иванъ Кропачевъ на Кенозерѣ и Николай Швецовъ на Мошѣ).

Въ-третьихъ: былины поются православными и старовѣрами совершенно одинаково, безъ малѣйшаго признака измѣненія ихъ у послѣднихъ подѣ влияніемъ ихъ религіозныхъ идей.

Въ-четвертыхъ: пѣніе былинь не развилось на нашемъ Сѣверѣ въ профессію, какъ было въ древней Греціи, въ средніе вѣка на Западѣ и какъ мы видимъ въ Малороссіи, а остается дѣломъ домашняго досуга людей, которымъ память и голосъ позволяютъ усваивать себѣ «старины». Профессиональный характеръ имѣетъ пѣніе духовныхъ стиховъ, составляющее источникъ дохода для нищихъ «каликъ» на ярмаркахъ и въ храмовые праздники; но калики почти не знаютъ народныхъ былинь. Я встрѣтилъ только одного такого пѣвца по профессіи (Ивана Фепонова, извѣстнаго уже по сборнику г. Рыбникова подѣ именемъ слѣпотаго Ивана), который соединяетъ съ пѣніемъ духовныхъ стиховъ знаніе былинь; но на послѣдніа онъ смотритъ, какъ на нѣчто второстепенное и постороннее для его профессіи. Но за то почти всѣ крестьяне и крестьянки, которыа поютъ былины, сверхъ того знаютъ и духовные стихи, особенно про Алексѣя человека божія, Егорія-храбраго, Анику-воина, царя Соломона и Голубиную Книгу. Я полагаю, что эти стихи ими выше цѣнятся и чаще поются, чѣмъ народныа былины.

Между сказителями, мною встрѣченными, только у одного можно было отчасти замѣтить, что онъ придаетъ нѣкоторымъ образомъ практическую цѣну знанію былинь и считаетъ себя какъ бы пѣвцомъ былинь по профессіи; это извѣстный по сборнику г. Рыбникова Кузьма Романовъ. Когда я пріѣхалъ въ его сосѣдство и послалъ пригласить его, то онъ отказался-было идти, потому-де, что недавно передѣ этимъ какой-то баринъ заставилъ его пропѣть нѣсколько былинь и далъ ему за это всего 10 коп. Подобнаго меркантильнаго взгляда рѣшительно ни у кого другаго изъ пѣвцовъ былинь не встрѣчалъ; напротивъ, они обыкновенно удивлялись, что я платилъ деньги за былины, и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ сказителей, молодой парень на Выгозерѣ, получивъ за то, что пропѣлъ мнѣ нѣсколько былинь, больше, чѣмъ сколько могъ бы въ то же время заработать въ полѣ, сталъ потомъ объявлять во всеуслышаніе, что отнынѣ не будетъ пропускать мимо ушей ни одной былины, а все станетъ заучивать, потому что теперъ-де видить, что и это знаніе имѣетъ свою цѣну. Что же касается до Кузьмы Романова, то его взглядъ на пѣніе былинь, какъ на свою профессію, образовался, какъ кажется, только въ недавнее время, благодаря пользѣ, которую оно ему принесло: слѣпотаго * * * * * безпомощный старикъ, онъ, по милости г. Рыбникова, принявшаго въ немъ силъ и

участіе, сталъ получать пожизненное пособіе (по 6 руб. въ годъ), а затѣмъ удостоился даже приглашенія пропѣть былины предъ покойнымъ Цесаревичемъ, во время пріѣзда его высочества въ Олонецкую губернію: фактъ, который поднялъ Романова, какъ пѣвца былинь, неизмѣримо высоко во мнѣніи мѣстныхъ жителей и его собственномъ.

Читатель видитъ, что обстоятельства сложились совершенно исключительно, чтобы придать пѣнію былинь для Романова практическое значеніе; но, повторяю, этотъ случай единственный.

Затѣмъ весьма замѣчательно, что знаніе былинь составляетъ какъ бы преимущество наиболѣе исправной части крестьянскаго населенія. Исключенія (кромѣ весьма немногихъ лицъ, которыхъ я засталъ случайно разоренными пожаромъ, либо продолжительными горячками) — составляютъ только одни слѣпые (Кузьма Романовъ, Иванъ Фепоновъ, Семень Корниловъ и Петръ Прохоровъ), которые поставлены своимъ физическимъ недостаткомъ въ безпомощное положеніе; но, впрочемъ, и между слѣпыми сказителями я нашелъ человѣка, именно вышеупомянутаго Іева Еремѣева, который, оставшись въ дѣтствѣ слѣпымъ и нищимъ сиротою, благодаря изумительной энергіи и способностямъ, самъ, своими трудами, создалъ себѣ порядочное хозяйство. Лучшіе пѣвцы былинь извѣстны въ то же время какъ хорошіе и, относительно, зажиточные домохозяева: я назову Рябинина и Касьянова въ Кижяхъ, Андрея Тимошеева въ Толвуи, Абрама Евтихѣева и Петра Калинина на Пудожской-Горѣ, Никифора Прохорова въ Купецкомъ, Потапа Антонова въ Шалѣ, Сорокина на Сумозерѣ, Никитина, Федора Захарова и Алексѣя Висарионова на Выгозерѣ, Ивана Захарова, лучшаго сказителя и перваго богача на Водлозерѣ, Ивана Сивцова Пѣромскаго, перваго сказителя и одного изъ зажиточнѣйшихъ крестьянъ на Кенозерѣ, кенозерскихъ же сказителей Петра Воинова и Михаила Иванова, Николая Швецова на Мошѣ и друг. Повидимому былины укладываются только въ такихъ головахъ, которыя соединяютъ природный умъ и память съ порядочностью, необходимою и для пракческаго успѣха въ жизни. Сколько разъ мнѣ говорили, что въ такой-то деревнѣ я найду такого-то нищаго или такого-то кабакаго засѣдателя, который сдумѣетъ спѣть разныя «исторіи»: но нищіе по профессіи, какъ сказано выше, знали только духовные стихи, а пропившіеся въ кабацкѣ мудрецы являлись съ запасомъ пѣсенъ, болѣе или менѣе разгульныхъ, и анекдотовъ, болѣе или менѣе остроумныхъ, но ни одинъ рѣшительно не былъ эпическимъ раисодомъ. Изъ крестьянъ, отъ которыхъ можно услышать былины, многіе вовсе не пьютъ вина; извѣстнаго же какъ пьяницу я между ними ни одного не встрѣтилъ.

Разспрашивая этихъ крестьянъ про обстоятельства ихъ жизни, я могъ вывести заключеніе, что сохраненію былинь особенно благопріятствовали нѣкоторыя мастерства. Такъ, когда читатель будетъ просматривать свѣдѣнія о сказителяхъ, со словъ которыхъ мною записаны былины, онъ замѣтитъ, что многіе изъ нихъ, и именно тѣ, которые больше другихъ упомянулъ, либо сами занимаются портняжнымъ, или сапожнымъ ремесломъ, или изготовленіемъ рыболовныхъ снастей, либо заимствовали былины отъ лицъ, занимавшихся этими мастерствами. Сами крестьяне не разъ объясняли мнѣ, что,

сидя долгіе часы на мѣстѣ за однообразною работою шитья для плетенья сѣтей приходитъ охота пѣть «старины», и онѣ тогда легко усваиваются; напротивъ того, «крестьянство» (т. е. земледѣліе) и другія тяжелыя работы не только не оставляютъ къ тому времени, но заглушаютъ въ памяти даже то, что прежде помнилось и пѣвалось. Впрочемъ, читатель долженъ имѣть въ виду, что мастерства, о которыхъ я говорю, отнюдь не составляютъ исключительнаго занятія кого-либо изъ пѣвцовъ былины; каждый изъ нихъ въ то же время земледѣлецъ и лѣтомъ работаетъ по своему крестьянскому хозяйству. Разница только та, что иные въ свободное зимнее время занимаются мастерствомъ, благопріятствующимъ сохраненію эпическихъ пѣсней, тогда какъ занятія другихъ, напр., звѣриный промыселъ, лѣсныя работы, извозничество и т. п., не оставляютъ досуга для расподій.

Прежде чѣмъ закончу эти общія замѣчанія о нашихъ народныхъ расподахъ и перейду къ болѣе частнымъ, остановлюсь на двухъ фактахъ, которые указываетъ г. Рыбниковъ. Во-первыхъ, у него говорится, что «у женщинъ есть свои бабы старины, которыя поются ими съ особенною любовью, а мужчинами не такъ-то охотно»: во-вторыхъ, онъ представляетъ эпическую поэзію какъ нѣчто вымирающее: «у большинства сказителей, говоритъ онъ, врядъ ли найдутся наслѣдники и черезъ двадцать-тридцать лѣтъ, по смерти лучшихъ представителей нынѣшняго поколѣнія пѣвцовъ, былины и въ Олонецкой губерніи удержатся въ памяти у очень немногихъ изъ сельскаго населенія». Это вполне справедливо относительно той мѣстности, съ которою г. Рыбниковъ лично ознакомился, именно побережья Онежскаго озера; здѣсь, дѣйствительно, эпическая поэзія близка къ вымиранию, былины поются преимущественно стариками и этимъ старикамъ-сказителямъ, точно, не видно преемниковъ въ молодомъ поколѣніи; здѣсь, дѣйствительно, женщины рѣдко знаютъ другія былины, кромѣ какъ про Ставра, Ивана Годиновича и Чурилу Пленковича, которыя, кажется, ихъ интересуютъ тѣмъ, что въ этихъ былинахъ главныя дѣйствующія лица — женщины же. Но совершенно другое дѣло дальше къ сѣверу и востоку, на Выгозерѣ, на Водлозерѣ, на Кенозерѣ. Тамъ былевая поэзія живетъ столько же въ старшемъ, сколько въ молодомъ поколѣніи; тамъ незамѣтно также никакой разницы между предметами, о которыхъ поютъ мужчины и женщины. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно Кенозеро. Побережья этого озера, въ которое со всѣхъ сторонъ вдаются колѣнами мысы и «наволоки», такъ что, не смотря на его значительную величину, озеро имѣетъ въ каждой точкѣ видъ залива, либо пролива — побережья Кенозера составляютъ какъ бы отдѣльный, довольно хлѣбородный, усѣянный деревнями оазисъ среди громаднаго пустыря болотъ и лѣсовъ, и въ этомъ оазисѣ цвѣтеть въ настоящее время эпическая поэзія. Крестьяне и крестьянки, поющія былины, насчитываются здѣсь десятками; поютъ былины старыи и малыи; вы здѣсь услышите одинъ и тотъ же вариантъ отъ пяти-шести человекъ, мужчинъ и женщинъ, которые живутъ въ разныхъ деревняхъ; въ то же время вы встрѣтите трехъ братьевъ, которые живутъ въ одномъ домѣ и изъ которыхъ каждый знаетъ свои особыя былины; вы встрѣтите семейство, въ которомъ и мужъ и жена охотники пѣтъ былины и поютъ раз-

ныя. Женщины здѣсь воспѣваютъ тѣхъ же богатырей, какъ и мужчины, специальный же «бабій» богатырь Прионежья, Ставерь, котораго хитрая жена выручаетъ отъ князя Владиміра, вовсе неизвѣстенъ кенозеркамъ. На Кенозерѣ мнѣ сказали, что знаетъ былины и супруга мѣстнаго іерея, бывшаго благочиннаго, о. Георгіевскаго. Это меня крайне удивило, потому что дотошѣ не встрѣчалось ни малѣйшаго признака, чтобы былины пѣлись внѣ крестьянской сферы, и первая моя мысль была, не принадлежитъ ли пѣвица былинь, о которой мнѣ сказали, по происхожденію сама къ этой сферѣ. Но оказалось, что пѣтъ. Г-жа Георгіевская — дочь бывшаго прежде на Кенозерѣ священника, родилась и воспитывалась въ отцовскомъ домѣ «на погостѣ» и въ немъ же осталась жить и замужемъ. Обязательно позволивъ мнѣ записать съ ея голоса тѣ былины, которыя остались у нея въ памяти (а прежде она знала ихъ больше, пока заботы хозяйства и воспитанія дѣтей не поглотили всего ея досуга), почтенная г-жа Георгіевская рассказала, что ея отецъ, отличавшійся крайнею суровостью, строжайше запрещалъ своимъ дочерямъ пѣніе святочныхъ, пливовыхъ и т. под. пѣсень, которыя составляютъ обыкновенную забаву молодыхъ дѣвушекъ, такъ какъ онѣ эти пѣсни почиталъ грѣховными: что же было дѣлать, чтобы разгонять скуку? И вотъ, дочери строгаго іерея заучили и принялись распѣвать былины, которыя онѣ слышали отъ старика-крестьянина, каждую зиму работавшаго въ ихъ домѣ какъ портной.

Другой фактъ не менѣ замѣчательнъ. Я записывалъ былины со словъ крестьянки Матрены Меньшиковой, записалъ былину про Илью Муромца, какъ онъ пришелъ въ Кіевъ каликою и сталъ поить «голей кабацкіихъ», записалъ варіантъ рѣдкой и единственно на Кенозерѣ слышанной мною былины про Щелкана Дудентьевича, какъ вдругъ Меньшикова, сказавъ, что знаетъ еще хорошую старинку, запѣла:

«Были юные Оно и дѣвушка Мара,
Двое съ трехъ лѣтъ выростали,
Одною водицей умывались» и т. д.,

словомъ, пропѣла съ начала до конца всю предлинную сербскую пѣсню про Юву и Мару въ переводѣ Щербины. «Отъ кого, спрашиваю, ты этой старинкѣ научилась?» — «Да отъ стариковъ нашихъ слыхала, отецъ и другіе старики пѣвали». Этотъ отвѣтъ показывалъ, что пѣвица уже не отличала Ювы и Мары отъ другихъ «старинъ», которыя она заимствовала отъ родителей; потомъ изъ разговора съ нею я узналъ, что мужъ у нея грамотный и сынъ, тоже выучившійся грамотѣ, бывалъ въ Петербургѣ. Такимъ образомъ не трудно было догадаться, что къ нимъ въ домъ попалъ экземпляръ Щербиновской «Пчелы», и что мужъ или сынъ прочиталъ вслухъ при Матренѣ переводъ Ювы и Мары. Но знаменателенъ фактъ усвоенія этой поэмы безграмотною кенозерскою крестьянкою, несмотря на чуждый русскому уху складъ стиха, на непонятныя слова, которыми поэма пересыпана. Не смотря на все это, она въ состояніи была пропѣть всю сербскую поэму такъ же плавно и безъ запинки, какъ какую-нибудь родную

былину ¹⁾. Она примѣняла сербскій стихъ къ нашему эпическому складу, протягивая хорическое его окончаніе, такъ что оно занимало темпъ дактиля, она преисправно приносила слова «тамбура», «горная вила», «родимая майка» и проч. Не показывают ли эти факты, что тамъ, на Кенозерѣ, воздухъ, такъ сказать, еще пропитанъ духомъ эпической поэзіи, что эта поэзія тамъ не только не вымираетъ, а даже еще ищетъ себѣ новыхъ предметовъ? То же самое можно сказать и про Водлозеро, гдѣ только начинаютъ прививаться былины. Изъ семи человекъ, которыхъ мнѣ тамъ указали, какъ знатоковъ былинь, только одинъ заимствовалъ ихъ отъ отца; всѣ прочіе выучились былинамъ на чужой сторонѣ, а если у себя дома, то отъ заѣзжихъ людей. Особенно характеристиченъ слѣдующій случай. Крестьянинъ деревни Чуялы на Водлозерѣ, Матвѣй Нигозѣркинъ пропѣлъ очень складно былины про Дюка Степановича и про неудавшуюся свадьбу Алеши Поповича на Добрыниной женѣ; пропѣлъ, наконецъ, начало былины про

¹⁾ Для сличенія приводимъ начало этой былины, какъ ее усвоила себѣ кенозерская крестьянка и печатный текстъ Щербины:

«Иово и Мара» въ устахъ Матрены Меньшиковой.

Печатный текстъ.

Были юные Ово и дѣвушка Мара,
Двое съ трехъ лѣтъ выростали,
Одною водицей умывались,
Однѣмъ полотномъ утирались,
Одинъ же сонъ ночью выдали,
Такъ любо другъ другу въ очи смотрѣли,
И какъ солнце въ глубокое море.
Ованъ-отъ былъ удалъ изъ удалыхъ,
И не простого — господскаго рода.
А Мара-то была сиротка,
И столь была гибка, какъ ель молодая,
И мало было вѣку любить эту Мару.
Какъ не видишь, такъ такъ и заболѣешь,
А увидишь, такъ вылѣчить разомъ.
Въ пору ужъ было Иовѣ жениться,
Дѣвущкѣ Марѣ можно ужъ выйти и замужъ.
Спрашиваетъ юные Ово:
«Душа моя Мара,
Любишь ли меня, мое сердце,
Какъ я держу тебя на мысляхъ?»
Потихоньку Мара ему отвѣчала:
«Юные Ово, перо дорогое!
Дороже очей ты мнѣ своихъ,
Какъ мать сына у сердца ношу я». Выслушалъ эти рѣчи непримѣтные сторожъ,
Довесъ онъ Овановой майки.
Говорить-де Овану эта майка:
Юные Ово, перо дорогое!
Забудь ты и думать объ этой дѣвчонкѣ:
Даютъ за тебя лучше и краше,
Даютъ-де Отлагича Злата Фатиму.
Не видала, что солнце что мѣсяцъ,
Не видала, какъ поля зеленѣютъ,
Не видала муравки на поли,

Двое милыхъ, любясь, выростали:
Юный Иово да дѣвушка Мара,
Съ малолѣтства отъ третьяго года;
Ихъ увидишь, — такъ радостно станеть —
Скажешь, это василекъ со тминомъ...
Умывались одною водою,
Утирались однимъ полотенцемъ,
Любо въ очи другъ-другу глядѣли,
Будто солнце въ глубокое море;
Пѣли пѣсню одну вечерами,
Темной ночью одинъ сонъ выдали.
Впору Иовѣ ужъ было жениться
Межно было отдать Мару замужъ...
Выросъ Иово — удалъ изъ удалыхъ,
Красотою — красивѣй дѣвицы.
Мара — слова для Мары не сыщешь! —
И на свѣтѣ такой не бывало!...
Не увидишь очей ея лучше,
Тоньше стана ея не найдется,
Миловидна, чтѣ горная вила,
А гибка то, чтѣ ель молодая.
Годъ на Мару гляди — и все мало
Мало бѣ вѣку любить эту Мару!
Какъ увидишь ее — заболѣешь,
А посмотреть — такъ вылѣчить разомъ...
Но сироткой была наша Мара,
Иово жъ былъ изъ богатаго рода,
Не простого — господскаго рода.
Разъ онъ Марѣ, вздохнувши, промовилъ:
«Такъ ли любишь меня, моя Мара,
Какъ люблю я тебя, мое сердце?»
Тихо Мара ему отвѣчала:
«Милый Иово, ты глазъ мнѣ дороже,
Завсегда ты на мысляхъ у Мары!

три поѣздки Ильи Муромца. Когда я, по обыкновенію, сталъ его разспрашивать, откуда онъ знаетъ эти былины, Нигозёркинъ разсказалъ, что онъ имъ научился не далѣе какъ *въ прошломъ году* (а надо замѣтить, что это человѣкъ уже не молодой, ему за 40 лѣтъ); что до того времени онъ никогда не пѣвалъ былинь, но прошлою осенью заѣхалъ къ нему переночевать какой-то старичокъ-крестьянинъ изъ-за Кенозера. У него въ избѣ сидѣло тогда человѣкъ полдесятокъ, они и стали просить старичка разсказать или спѣть имъ что-нибудь. Старикъ пропѣлъ имъ былину про Дюка Степановича, и она Нигозёркину такъ понравилась, что онъ просилъ своего гостя ее спѣть другой, а потомъ еще и третій разъ. Такъ онъ ее и «понялъ». Старикъ на другой день уѣхалъ, но на возвратномъ пути опять остановился переночевать у Нигозёркина, который тогда выучилъ отъ него былину про Добрыню и Алешу; былины же про Илью Муромца не удалось запомнить всей, а только начало.

Такъ-то усвоивается эпическая поэзія на Водлозерѣ. Не знаю, не стоитъ ли явившаяся вдругъ въ Водлозерахъ охота къ былинамъ въ связи съ переходомъ въ ихъ бытѣ: они, прежде жившіе земледѣлемъ, вдругъ, вслѣдствіе усердія начальства, воспретившаго дѣлать расчистки въ окружающихъ лѣсахъ, принуждены были помирать съ голоду и, чтобы не совсѣмъ помереть, принялись плести какія-то усовершенствованныя сѣти и вылавливать рыбу изъ Водлозера: а плетеніе сѣтей, какъ мы видѣли, есть занятіе, особенно благопріятствующее былевой поэзіи.

Какъ бы то ни было, нѣтъ ни какого сомнѣнія, что на Кенозерѣ и Водлозерѣ нашъ народный эпосъ еще совершенно живучъ, и можетъ тамъ долго-долго продержаться, если только въ эту глушь не проникнетъ промышленное движеніе и школа. Сравнительно съ Водлозеромъ и Кенозеромъ, берега Онежскаго озера, соединеннаго воднымъ путемъ съ Петербургомъ, суть мѣста, гораздо болѣе открытыя вліяніямъ, убивающимъ эпическую поэзію въ народѣ, и потому неудивительно, что здѣсь она уже представляетъ признаки вымиранія. Къ числу этихъ признаковъ я отношу и замѣченное г. Рыбниковымъ явленіе, что у женщинъ есть какъ-бы особыя любимыя былины. Примѣръ Кено-

Не видала мужчины ни разу,
И ктому же богатаго рода,
И не простого — господскаго рода
Богатство во время тебѣ пригодится...»
и т. далѣе.

Какъ мать сына, ношу тебя въ сердцѣ..»
Ихъ подслушалъ незамѣтный сторожъ —
Мать Ювана тѣ слышала рѣчи;
Злясь на Мару, сказала Ювану:
«Милый Юво, перо дорогое!
Позабудь ты объ этой дѣвчонкѣ..
Есть невѣста и лучше, и краше:
То — Фатима, Аглагича злато.
Фата съ дѣтства взлелѣяла въ клѣткѣ,
И не знаетъ, что солнце, что мѣсяць;
Не видала, какъ хлѣбъ зеленѣетъ,
Не видала муравки на полѣ,
Не видала ни-разу мужчины, —
А къ тому жъ и богатаго рода,
И въ подмогу богатствомъ сгодится...»
и т. далѣе.

зера показываетъ, что это не есть явленіе общее. Въ самомъ Прионежскомъ краѣ любимыя былины женщинъ про Ставра, про Ивана Годиновича, про Чурилу поются также мужчинами; но за то рѣдкая изъ женщинъ знаетъ былины болѣе такъ сказать серьезныя, какъ-то: про Илью Муромца, про Садка, про Вольгу и т. дал. Мыѣ кажется, что и здѣсь одинъ и тотъ же кругъ былинь былъ нѣкогда, какъ на Кенозерѣ, общими достояніемъ и мужчинъ, и женщинъ; по мѣрѣ же утраты вкуса къ эпической поэзіи, послѣднія перестали пѣть все то, что не представляло для нихъ особеннаго интереса, и такимъ образомъ сохраняли въ памяти только пикантныя былины про Ставра, Чурилушку, Хотѣнку Блудова и т. под.

Когда слушаешь напихъ народныхъ рапсодовъ, — прежде всего дивишься тому, до какой степени всѣ они, всѣ безъ исключенія, вѣрно выдерживаютъ характеры дѣйствующихъ въ былинахъ лицъ. Рапсоды эти далеко не равны по достоинствамъ: они представляютъ цѣлую градацію отъ истинныхъ мастеровъ, одаренныхъ несомнѣннымъ художественнымъ чувствомъ, до безобразныхъ пачкуновъ, такъ что собраніе былинь, съ ихъ словъ записанныхъ, можно сравнить съ картинною галлереею, въ которой однообразный рядъ сюжетовъ повторялся бы въ нѣсколькихъ десяткахъ копій, начиная отъ прекраснѣйшихъ рисунковъ и кончая отвратительнымъ мараньемъ. Но каковъ бы ни былъ рисунокъ, самый изящный или каррикатурный, обликъ каждой физиономіи въ этой галлерей вездѣ сохраняетъ свои типическія черты. Ни разу князь Владиміръ не выступитъ изъ роли благодушнаго, но не всегда справедливаго правителя, который самъ лично совершенно безсиленъ; ни разу Илья Муромецъ не измѣнитъ типу спокойной, увѣренной въ себѣ, скромной, чуждой всякой аффектаціи и хвастовства, но требующей себѣ уваженія силы; вездѣ Добрыня явится олицетвореніемъ вѣжливости и изящнаго благородства, Алеша Поповичъ — нахальства и подлости, Чурила — франтовства и женолюбія, вездѣ Михайло Пѣтыкъ будетъ разгульнымъ, увлекающимся всякими страстями удалцомъ, Ставеръ — глупымъ мужемъ умнѣйшей и преданной женщины, Василий Игнатьевичъ — пьяницей, отрезвляющимся въ минуту бѣды и который тогда становится героемъ, Дюкъ Степановичъ — хвастливымъ рыцаремъ, который пользуется преимуществами высшей цивилизаціи предъ русскими и т. д.; словомъ сказать, типичность лицъ въ нашемъ эпосѣ выработана до такой степени, что каждый изъ этихъ типовъ сталъ неизмѣннымъ общенароднымъ достояніемъ. Сѣверно-русскому крестьянину, сохраняющему въ памяти эпическія сказанія, очевидно присущи не только какія-нибудь общія неопредѣленныя представленія о его герояхъ, но живыя очертанія ихъ характеровъ; иначе наши былины, въ которыхъ мы такъ часто встрѣчаемъ искаженія и крайнюю путаницу въ обстоятельствахъ описываемыхъ дѣйствій, искажали и путали бы и характеры дѣйствующихъ лицъ; а этого-то никогда не бываетъ. Потому кажется, что въ сохраненіи и преемственной передачѣ былинь, кромѣ механическаго дѣйствія памяти, должно участвовать какое-то коллективное, если можно такъ выразиться, поэтическое чутье въ народѣ. Но за симъ главнѣйшее участіе принадлежитъ памяти. Въ самомъ дѣлѣ, нужна громадная сила памяти для того, чтобы заучить и пѣть безъ за-

лишки поэмы, которыя длятся иногда по два и по три часа. Это одна изъ причинъ, что эпическая поэзія должна исчезать съ развитіемъ грамотности и промышленнаго духа въ народѣ: эпическимъ пѣснямъ нужна свободная память, онѣ могутъ влѣститься только въ голову, не загроможденную книжнымъ ученіемъ, не занятую расчетами житейской борьбы. Память есть единственная сила, которая сознательно для самихъ пѣвцовъ дѣйствуетъ въ усвоеніи и воспроизведеніи ихъ рапсодій; участія личнаго творчества никто изъ нихъ не подозрѣваетъ, хотя оно существуетъ несомнѣнно. Изъ разговора съ любимымъ сказителемъ вы сейчасъ увидите, что онъ вполне чуждъ сочинительства: онъ старается пѣть именно такъ, какъ пѣлъ его отецъ, дѣдъ или учитель; если онъ чего-нибудь не упомянулъ, то либо пропускаетъ, либо рассказываетъ словами; но какъ бы подробно онъ ни зналъ содержанія какого-нибудь эпизода или цѣлой былины, онъ, разъ забывши какъ она поется, никогда не рѣшится возстановить ее стихами, хотя при однообразіи эпическаго склада это казалось бы весьма легко. Я былъ свидѣтелемъ смѣшного фіаско, которое потерпѣлъ одинъ водлозерскій нищій, слѣпой Анясьмъ, поющій по профессіи духовные стихи: ему захотѣлось заработать у меня денегъ, и когда я ему сказалъ, что духовныхъ стиховъ мнѣ не нужно, а нужны былины, онъ, видно понадѣявшись на себя, прехладнокровно началъ пѣть про Илью Муромца; но пѣлъ онъ чепуху и нескладницу невообразимую. Такъ, напр., онъ пѣлъ:

И говорить-то Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ
Своему-то родителю батюшку и матушки,
Говорить-то еиѣ имъ таково слово:
А ѣ ты родитель мой батюшка и матушка,
Дай прощеньицо благословеньицо
Во чистое поле ѣхати и поляковать
И биться и ратиться
За церкви соборныи, за весь тотъ міръ православный,
За вѣрушку да кровь отечество,
За царя да за земнаго правителя,
Всероссійскаго да содержателя,
За все воинство и христолюбимое!

Потомъ онъ сознался, что былины не пѣвалъ, а зналъ про Илью рассказъ только словами. Другой крестьянинъ, Андрей Сорокинъ, говорилъ мнѣ, что, будучи еще съ малѣтства охотникомъ до былинь, онъ иногда пытался распѣвать голосомъ, въ видѣ былины, ту или другую сказку, но что это ему никогда не удавалось. Впрочемъ, самая эта попытка показываетъ въ Сорокинѣ склонность къ личному сочинительству, которая не могла не отозваться и на его былинахъ. И дѣйствительно: ни въ комъ не было видно такого, можно сказать, безцеремоннаго отношенія къ тексту былинь. Однажды, записывая былину, которую я уже прежде слышалъ отъ Сорокина, я замѣтилъ ему въ одномъ мѣстѣ, что онъ прежде пѣлъ этотъ эпизодъ иначе: «ахъ, это все равно, отвѣчай Сорокинъ, я могу спѣть такъ или иначе, какъ вамъ будетъ угодно!» Ничего подобнаго мнѣ ни отъ кого другого изъ сказителей не приходилось слышать, и я припи-

сываю склонности къ сочинительству въ Сорокинѣ особый характеръ, которымъ отличаются его былины, ихъ безконечную амплификацію, дѣлающую ихъ такъ скучными¹⁾.

Сорокинъ составляетъ единственное въ своемъ родѣ явленіе. Всѣ прочіе сказители всегда утверждали, что то, что рассказываетъ словами, никоимъ образомъ не можетъ быть пѣто стихомъ; когда я замѣчалъ имъ, что они пропустили что-нибудь или спѣли нескладно, то иные старались «выпомнить» лучше это мѣсто, но ни кому въ голову не приходило сгладить пропускъ или нескладницу собственнымъ измышленіемъ. Обыкновенно же, хотя бы указана была въ былинѣ явная нелѣпица, сказитель отвѣчалъ: «такъ поется», а про что разъ сказано, что «такъ поется», то свято; тутъ, значитъ, разсуждать нечего. Когда попадалось въ былинѣ какое-нибудь непонятное слово и я спрашивалъ его объясненія, то получалъ его только въ такомъ случаѣ, когда слово принадлежало къ употребительнымъ мѣстнымъ провинциализмамъ: если же слово не было въ употребленіи, то былъ всегда одинъ отвѣтъ: «такъ поется», или: «такъ пѣвали старики, а что значитъ, мы не знаемъ». Не разъ сказитель, пропѣвъ про князя Владиміра какой-нибудь стихъ, весьма къ нему непочтительный, просилъ за это не взыскать, «потому-де мы сами знаемъ, что не хорошо такъ говорить про святого, да что дѣлать? такъ пѣвали отцы, и мы такъ отъ нихъ научились». Только благодаря тому, что каждый сказитель считаетъ себя обязаннымъ пѣть былинку такъ, какъ самъ ее слышалъ, а его слушатели вполне довольствуются тѣмъ, что «такъ поется», и объясненій никакихъ не требуютъ, — только благодаря этому и могла удержаться въ былинахъ такая масса древнихъ, ставшихъ непонятными народу словъ и оборотовъ; только благодаря этому могли удержаться бытовья черты другой эпохи, неимѣющія ничего общаго съ тѣмъ, что окружаетъ крестьянина, подробности вооруженія, котораго онъ никогда не видалъ, картины природы, ему совершенно чуждой. Нужно побывать на нашемъ Сѣверѣ, чтобы вполне понять, какъ велика твердость преданія, обнаруживаемая въ народѣ его былинами. Мы, жители менѣе сѣверныхъ широтъ, не находимъ ничего особенно для насъ необычнаго въ природѣ, изображаемой нашимъ бога-

¹⁾ Г. Рыбниковъ обратилъ вниманіе на эту черту былинъ Сорокина и писалъ: «Обиліе подробностей, нѣкоторая расплывчивость, богатство эпизодовъ, соединеніе многихъ былинъ въ одну — у Сумозерскаго пѣвца (дѣло идетъ о Сорокинѣ) ясно указываетъ промыселъ сказителя, содержателя постоялаго двора: чѣмъ дольше длится былина, тѣмъ ему выгоднѣе: обязательные слушатели рады лежа слушать до поздняго вечера». (Т. IV, замѣтка, стр. XXXVI). Я долженъ оговорить ошибку, въ которую впалъ почтенный собиратель по невольному недоразумѣнію. Андрей Сорокинъ никогда не былъ содержателемъ постоялаго двора и даже крайне удивился, когда я его спросилъ объ этомъ; въ мѣстности, гдѣ онъ живетъ, нѣтъ ни одного постоялаго двора. Но дер. Сумозеро единственная на протяженіи 60-ти верстъ, отдѣляющихъ Водлозеро отъ гор. Пудожя; потому всѣ проѣзжающіе по этому направленію принуждены въ ней ночевать и пользуются для того гостепріемствомъ Сумозерскихъ крестьянъ, между прочимъ и Сорокина, у котораго есть своя изба. Оттого г. Рыбниковъ могъ подумать, что онъ содержитъ постоялый дворъ. Впрочемъ, не только пріемъ проѣзжихъ не составляетъ промысла для Сорокина, который живетъ исключительно хлѣбопашествомъ и съ гордостью показывалъ мнѣ большія пространства «нивь», расчищенныхъ его руками изъ-подъ лѣсу, но обстоятельство, что онъ живетъ въ такомъ проѣзжемъ мѣстѣ какъ Сумозеро не могло повліять на складъ его былинъ, ибо онъ переселился въ эту деревню уже взрослымъ работникомъ (его принялъ въ домъ тесть), а родился и выросъ въ деревушкѣ Ценежахъ у Пудожя.

тырскимъ эпосомъ, въ этихъ «сырыхъ дубахъ», въ этой «ковыль-травѣ», въ этомъ «раздольѣ чистомъ полѣ», которые составляютъ обстановку каждой сцены въ нашихъ былинахъ. Мы не замѣчаемъ, что сохраненіе этой обстановки приднѣпровской природы въ былинахъ Заонежья есть такое же чудо народной памяти, какъ, напр., сохраненіе образа «гнѣдаготура», давно исчезнувшаго, или облика богатыря съ шоломомъ на головѣ, съ колчаномъ за спиною, въ кольчугѣ и съ «палицей боевою». Видалъ ли крестьянинъ Заонежья дубъ? Дубъ ему знакомъ столько же, сколько намъ съ вами, читатель, какая-нибудь банана. Знаетъ ли онъ, что это такое ковыль - трава? Онъ не имѣетъ о ней ни малѣйшаго понятію. Видалъ ли онъ хоть разъ на своемъ вѣку «раздолье чистое поле»? Нѣтъ, поле, какъ раздолье, на которомъ можно проскакать, есть представленіе для него совершенно чуждое: ибо поля, какія онъ видитъ, суть маленькіе, по большей части устѣянные камнемъ или пнями, клочки пашни либо сѣнокосу, окруженные лѣсомъ; если же виднѣтся кое-гдѣ чистое гладкое мѣсто, то это не раздолье для скакуна, это — трясина, куда не отважится ступить ни лошадь, ни человѣкъ. А крестьянинъ этого края продолжаетъ пѣть про раздолье чистое поле, какъ будто бы онъ жилъ на Украинѣ!

Но само собою разумѣется, что, кромѣ завѣщаннаго преданіемъ, сѣверно-русская былина носить въ себѣ и мѣстныя, и личные стихіи. Когда сказитель поетъ, что добрый конь богатырскій

«Мхи болота перескакивалъ,
Мелкія озера промежъ ногъ лущалъ»,

то онъ рисуетъ картину, которая составила на мѣстѣ. Такихъ чертъ можно найти не мало. Нельзя не замѣтить той особенной обстоятельности, съ которою въ былинахъ нашихъ изображается сѣдланіе коня и снаряженіе корабля: эти картины конечно не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя привнесены на Сѣверѣ въ составъ нашихъ былинъ; но если именно сѣдланіе коня и снаряженіе корабля излагается въ нихъ пространнѣе и съ большею такъ сказать любовью, чѣмъ другія дѣйствія, — то это могло произойти оттого, что изъ всѣхъ дѣйствій, приписываемыхъ богатырямъ, именно сѣдланіе коня и снаряженіе корабля особенно близко знакомы сѣверно-русскому крестьянину. Когда ему нужно отправиться въ путь, приходится либо осѣдлатъ себѣ лошадь, либо снарядить парусную лодку. Я думаю, что вліянію мѣстной жизни слѣдуетъ приписать и то, что, въ Онежскомъ краѣ сохранился, рядомъ съ богатыремъ-мужиною, образъ богатыря-женщины или *полянницы*. Это представленіе до такой степени стало чуждо намъ, что, при изданіи въ Москвѣ перваго тома сборника Рыбникова, тамъ даже ученые не поняли, что такое поляница, какъ показываетъ примѣчаніе издателей къ этому слову (стр. 27): «*паленица, поленица, поляница*: удалая голова, что рыскаетъ по полю ради подвиговъ»). Между тѣмъ въ сѣверной части Олонецкой губерніи на Выгозерѣ, на Волозерѣ, на Повѣнецкомъ и Пудожскомъ побережьѣ каждый крестьянинъ вамъ ска-

¹⁾ Такое же неправильное толкованіе и въ словарѣ Даля: *поленица* — удалыца, ватага шамуновъ, ваѣздники, разбойники; *поленица удалая* — шайка, вольница.

жетъ положительно, что въ старину богатырскіе подвиги совершали одинаково и мужчины и женщины, и что какъ мужчины назывались *богатырями*, такъ женщины *поляницами*. Это я слышалъ десяткч разъ. [Поляница — это значить женщина-*богатырица*, говорилъ водлозеръ Сухановъ.] Что такое поляница? спросилъ я между прочимъ у [другого] водлозерскаго пѣвца Нигозѣркина, думая поставить его втупикъ, такъ какъ онъ только недавно и случайно выучился кое-какимъ былинамъ: «А вотъ видите, отвѣчалъ онъ, досюль (т. е. въ прежнес время) и женщины воевали, ходили на войну какъ и мужчины, это *поляницы* значить по нашему, по деревенски».

Не стану дѣлать гипотезъ о томъ, имѣеть ли преданіе о женщинахъ-богатыряхъ въ нашемъ эпосѣ связь съ женщинами-воительницами, о которыхъ говорятъ писатели древности у племенъ, обитавшихъ въ Черноморскихъ краяхъ, или съ воинственными дѣвами чешскихъ легендъ, но какъ бы образъ женщины-богатыря ня сложился, — сохраненію его въ живомъ представленіи народа способствовали несомнѣнно бытовья условія въ сѣверной части Олонецкой губерніи. Здѣсь отъ женщины требуется не только равная доля физическаго труда, но требуется та же неустрашимость и отвага, что отъ мужчины. Здѣсь женщина въ бурю должна умѣть грести и править лодкою, въ осеннюю непогоду тянуть «кереводы» и невода, въ зимнія мятели отправляться въ извозъ къ Бѣлому морю. Олицетворяя въ богатырѣ мужскую силу и отвагу, крестьянинъ этихъ мѣстъ не могъ отдѣлять его отъ такого же героическаго типа женщины; потому такъ ясно и сохранилось здѣсь понятіе о *поляницѣ*, которое въ другихъ краяхъ Россіи потеряло свою опредѣленность. Такъ даже въ Кижахъ и на Кенозерѣ, въ отвѣтъ на вопросъ о томъ, что такое поляница, скажутъ, либо что это то же самое, что богатырь, либо что поляницами назывались воители пониже степенью, чѣмъ богатыри, либо, наконецъ, отвѣтятъ просто: «такъ поется, поляница, а что такое, не знаемъ». [Впрочемъ, я тамъ лучшіе пѣвцы (напр. Рябининъ) употребляють названіе «поляница», — хотя кажется бессознательно, по старой памяти, — собственно тогда, когда рѣчь идетъ о женщинахъ-воительницахъ*].

Кромѣ мѣстныхъ вліяній, въ былинѣ участвуетъ личная стихія, вносимая въ нее каждымъ пѣвцомъ; участіе это чрезвычайно велико, гораздо больше, чѣмъ можно бы предполагать, послушавъ увѣренья самихъ сказителей, что они поютъ именно такъ, какъ переняли отъ стариковъ. На Кенозерѣ я встрѣтилъ двухъ весьма замѣчательныхъ сказителей, которые заимствовали былины отъ одного и того же учителя: это — Иванъ Сивцевъ, по прозванію Пѣромской, который выучился пѣть былины отъ своего отца, и Петръ Воиновъ, ученикъ того же старика Пѣромскаго, у котораго онъ жилъ въ работникахъ. Если сравнить былины, съ ихъ словъ записанныя, то сейчасъ замѣтишь, что онѣ весьма сходны по содержанію, но значительно рознятся въ подробностяхъ изложе-

*) [См. №№ 77 и 81. Если въ былинѣ о королевичахъ изъ Крякова (№ 87) Рябининъ по-видимому смѣшиваетъ поляницу съ богатыремъ мужскаго пола, то это произошло очевидно оттого, что часть этой былины, въ которой говорится о поляницѣ, есть почти буквальная вставка изъ другой былины, изображающей борьбу Ильи Муромца съ настоящею поляницею — его дочерью (№ 77).]

нія и оборотахъ рѣчи. Такое же различіе представляютъ былины кенозерскаго же пѣвца Андрея Гусева и тѣ же былины, какъ ихъ поетъ его сынъ Харламъ Гусевъ.

Можно сказать, что въ каждой былинѣ есть двѣ составныя части: мѣста *типическія*, по большей части описательнаго содержанія, либо заключающія въ себѣ рѣчи, влагаемыя въ уста героевъ, и мѣста *переходныя*, которыя соединяютъ между собою типическія мѣста и въ которыхъ рассказывается ходъ дѣйствія. Первые изъ нихъ сказитель знаетъ наизусть и поетъ совершенно одинаково, сколько бы разъ онъ ни повторялъ былину; переходныя мѣста, должно быть, не заучиваются наизусть, а въ памяти хранятся только общій остовъ, такъ что всякій разъ, какъ сказитель поетъ былину, онъ ес тутъ же сочиняетъ, то прибавляя, то сокращая, то мѣняя порядокъ стиховъ и самыя выраженія. Въ устахъ лучшихъ сказителей, которые поютъ часто и выработали себѣ, такъ сказать, постоянный текстъ, эти отступленія составляютъ, конечно, весьма незначительные варианты; но возьмите сказителя съ менѣе сильною памятью или давно отвыкшаго отъ своихъ былинь и заставьте его пропѣть два раза къ ряду одну и ту же былину, — вы удивитесь, какую услышите большую разницу въ ея текстѣ, кромѣ типическихъ мѣстъ.

Эти типическія мѣста у каждаго сказителя имѣютъ свои особенности, и каждый сказитель употребляетъ одно и то же типическое мѣсто всякій разъ, когда представляется къ тому подходящій смыслъ, а иногда даже некстати, прицѣпляясь къ тому или другому слову. Оттого всѣ былины, какія поетъ одинъ и тотъ же сказитель, представляютъ много сходныхъ и тождественныхъ мѣстъ, хотя бы не имѣли ничего общаго между собою по содержанію. Такимъ образомъ типическія мѣста, о которыхъ я говорю, всего болѣе отражаютъ на себѣ личность сказителя. Каждый изъ нихъ выбираетъ себѣ изъ массы готовыхъ эпическихъ картинъ запасъ, болѣе или менѣе значительный, смотря по силѣ своей памяти и затвердивъ ихъ, этимъ запасомъ одинаково пользуется во всѣхъ своихъ былинахъ. У двухъ сказителей, Ивана Фепонова и Потапа Антонова, богатыри отличаются особенною набожностью, они то-и-дѣло молятся Богу; а изъ этихъ сказителей, Фепоновъ, какъ упомянуто выше, калика, т. е. пѣвецъ духовныхъ стиховъ по профессіи, — Антоновъ же, хотя простой крестьянинъ-земледѣлецъ, но выучился былинамъ тоже отъ калики по профессіи, нынѣ умершаго. Такимъ образомъ, набожный складъ духовныхъ стиховъ отразился у нихъ и въ былинахъ.

Изложенныя здѣсь наблюденія представлялись мнѣ сами собою, пока я слушалъ нашихъ сказителей и записывалъ ихъ расподія. Я тогда же пришелъ къ убѣжденію, что собранныя былины должны быть, при изданіи, расположены не по предметамъ, а *по сказителямъ*. Конечно, эта система имѣетъ большія неудобства, и я первый готовъ признать, что окончательное, полное изданіе нашихъ эпическихъ пѣсенъ, точно также какъ необходимое въ литературѣ нашей очищенное изданіе избранныхъ былинь, слѣдуетъ сдѣлать по предметамъ, съ систематическимъ подборомъ вариантовъ. Но для полнаго изданія еще не наступило время: изданіе же хрестоматіи не есть моя цѣль. Я считаю эпическія пѣсни, сохранившіяся въ народѣ нашемъ, настолько цѣнными для науки,

что онѣ заслуживаютъ всѣ изданія; при изданіи же сырого матеріала, какимъ представляется собраніе записанныхъ мною былинъ, система расположенія ихъ по рапсодамъ имѣетъ то преимущество, что при ней можетъ легко уясниться важный вопросъ объ отношеніяхъ личнаго творчества и преданія въ составѣ былинъ. Съ этой точки зрѣнія получаетъ цѣну многое, что иначе казалось бы незаслуживающимъ ни какого вниманія. Такъ, напр., читатель встрѣтитъ въ моемъ сборникѣ два ужасно плохіе варианта извѣстной былины про отъѣздъ Добрыни Никитича и неудачное сватовство Алеша Поповича на его женѣ. Въ одномъ изъ этихъ пересказовъ всего подробнѣе описываются и выставляются ребромъ заботы Владиміра о томъ, чтобы прислуга не впускала никого посторонняго на брачный пиръ Алешинъ, и переговоры Добрыни съ служителями о томъ, чтобы ему дозволили войти: словомъ, центръ дѣйствія перенесенъ въ переднюю. Въ другомъ пересказѣ Владиміръ, чтобы понудить Добрынину жену выйти за Алешу Поповича, издаетъ указъ удалить изъ Кіева «всѣхъ вдовъ и женъ безпаспортныхъ» и грозитъ Настасьѣ этимъ закономъ. Что можетъ быть безобразнѣе того и другого пересказа? Между тѣмъ первый изъ нихъ характеристиченъ по отношенію къ личности самого пѣвца: это — молодой человѣкъ, который ходилъ бурлакомъ на Каналъ, на заработанныя деньги кутилъ въ Петербургѣ на Сѣнной, прокутившись поступилъ въ услуженіе къ какому-то купцу и недавно только воротился къ себѣ въ деревню и сѣлъ тамъ на крестьянство. Изъ всѣхъ пѣвцовъ былинъ, мнѣ встрѣтившихся, этотъ больше всѣхъ вращался въ лакейской сферѣ, и героями былины вышли у него лакеи. Пересказъ же, гдѣ говорится о безпаспортныхъ вдовахъ, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ запечатлѣвается въ былинахъ слѣдъ событій, поражающихъ народъ. Этотъ вариантъ, который я слышалъ единственно на Водлозерѣ, заключаетъ въ себѣ воспоминаніе того, что въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія разогнали изъ раскольниковыхъ скитовъ въ Даниловѣ и на Лексѣ (т. е. за нѣсколько десятковъ верстъ отъ Водлозера) всѣхъ вдовъ и дѣвицъ, проживавшихъ тамъ безъ паспортовъ.

Каждая былина вмѣщаетъ въ себѣ и наслѣдіе предковъ и личный вкладъ пѣвца; но, сверхъ того, она носитъ на себѣ и отпечатокъ мѣстности. Сколько мнѣ показалось, пѣвцы былинъ въ Олонецкой губерніи должны быть раздѣлены, по мѣстности, на двѣ большія группы, изъ которыхъ каждая имѣетъ, затѣмъ, свои подраздѣленія. Эти двѣ большія группы можно бы пишущему въ Петербургѣ назвать *прионежскою* (или если угодно употребить старинное слово — *обонежскою*) и *заонежскою*, потому что первая обнимаетъ мѣстности прилегающія къ Онегу, а вторая — края, которые лежатъ къ сѣверу и востоку отъ Онега; но второе названіе произвело бы путаницу, такъ какъ слово *Заонежье* употребляется народомъ въ смыслѣ діаметрально противоположномъ тому, который мы бы ему теперь придали. Заонежьемъ русскіе (когда колонизація этого края шла съ востока на западъ) называли тотъ большой полуостровъ, который вдается въ Онежское озеро по сю сторону главнаго его бассейна. Итакъ, намъ приходится искать другого названія: я назову эту группу, въ противоположность Прионеж-

ской, группою *сѣверо-восточною*, такъ какъ она обнимаетъ окрестности Выгозера, Водлозера, Кенозера и Моши.

Группа *Прионежская* характеризуется пространностью былинъ, *сѣверо-восточная* группа — относительно ихъ сжатостью. Эти два типическіе признака являются какъ въ построении самыхъ рапсодій, такъ и въ складѣ стиха. Въ Прионежьѣ былины отличаются качествомъ, которое еще Гораціи приписывалъ эпическимъ пѣснопѣніямъ, — длиннотою: — *dic age longum, Calliope, melos*. Въ Прионежьѣ слышатся былины въ тысячу стиховъ и болѣе, и замѣтна склонность сказителей къ длинному стиху (7-ми, 8-ми, 9-ти-стопному) со множествомъ вставочныхъ частицъ. На сѣверо-востокѣ, напротивъ того, преобладаетъ стихъ короткій, 5-ти и 6-ти-стопный; вставочныя частицы употребляются умѣреннѣе; повторенія, которыя такъ удлинняютъ былины въ устахъ прионежскихъ пѣвцовъ, здѣсь вводятся гораздо рѣже; ходъ разказа живѣе и менѣе обставленъ подробностями, такъ что рѣдкая былина достигаетъ и 300 — 400 стиховъ. Само собою разумѣется, что и на Прионежьѣ нѣкоторыя былины бываютъ короткія, а у выгозерскихъ и кенозерскихъ сказителей попадаются такія, которыя изобилуютъ длиннотами: но я говорю объ общемъ, преобладающемъ типѣ, а въ этомъ, какъ мнѣ кажется, различіе весьма явственно.

Перехожу къ подраздѣленіямъ обѣихъ группъ и начинаю съ Прионежской. Когда я былъ на томъ полуостровѣ, который слыветъ Заонежьемъ, то слышалъ, что народъ дѣлитъ его по какому-то старинному преданію на три части: Кижы, Толвуй и Шуньюгу. Имя *Кижъ* обнимаетъ югозападную часть Заонежья, т.-е. погосты Сѣвнугубскій, Кижскій, Великогубскій, Яндомозерскій, Космозерскій; Толвуй есть общее названіе для восточной полосы Заонежья, т.-е. погостовъ Типеницкаго, Кузарандскаго, Выгозерскаго, Толвуйскаго, Фоймогубскаго; наконецъ Шуньюгою называется сѣверо-западный уголъ Заонежья. Про послѣдній край ничего не могу сказать, потому что въ немъ не былъ, а слышалъ, что тамъ едва ли можно встрѣтить былины; но я былъ удивленъ тѣмъ, что хотя между Кижами и Толвуйею нѣтъ ни природной, ни административной, а есть только какая-то воображаемая по преданію граница, — манера у пѣвцовъ былинъ въ томъ и другомъ краѣ совершенно особенная. Въ то же время Толвуйская манера совершенно сходна съ тою, которая замѣчается на противоположномъ, сѣверо-восточномъ берегу Онежскаго озера, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ до самаго перевала на Масельгѣ. Потому думаю, что можно Прионежскихъ рапсодовъ раздѣлить на двѣ, такъ сказать, школы — Кижскую и Толвуй-Повѣнецкую. Что это заключеніе не совсѣмъ произвольное, могу подтвердить свидѣтельствомъ самихъ крестьянъ. Въ Пудожгорскомъ погостѣ, въ деревнѣ Горкѣ, стоятъ рядомъ, бокъ о-бокъ, избы двухъ замѣчательныхъ сказителей: Абрама Евтихѣева (Бутылки), о которомъ я упоминалъ выше, и Петра Лукина Калинина. Первый сопровождалъ меня изъ Петрозаводска, ко второму мы пріѣхали въ гости на Пудожскую Гору. Когда Калининъ пропѣлъ длинную былинку о Добрынюшкѣ, хозяинъ и гребцы моей лодки, привыкшіе слышать Абрама, всѣ тотчасъ замѣтили: «какъ странно, два такіе близкіе сосѣда, а сказываютъ былины совершенно разно!»

Абрамъ Евтихievъ тотчасъ объяснилъ намъ это: «Петръ Лукичъ, говорилъ онъ, понялъ былины отъ своего отца, а я отъ своего; батюшка же мой не тутошній, онъ родомъ изъ Кижь, съ Космосера, и переселился со мною на Пудожскую Гору, когда мнѣ уже было лѣтъ 20; оттого я и пою былины какъ Кижане, а не какъ здѣшніе.»

Въ чемъ же состоитъ различіе этихъ двухъ школъ? Въ чертахъ весьма мелкихъ, но которыя даютъ, такъ сказать, тонъ всей рапсодіи, а именно въ тѣхъ непрерывно повторяющихся вставочныхъ частицахъ, которыя служатъ какъ бы подпорками нашего эпического стиха, подобно гомерическимъ частицамъ *ἄρα, αὖ, ἔ, δῆ* и проч.

Въ Кижяхъ такими частицами, — кромѣ общеупотребительныхъ *да, а, и, м,* — служатъ обыкновенно: *какъ, вѣдь* и *де*; у Толвуйскихъ сказителей вы никогда не услышите ни *какъ*, ни *вѣдь*, ни *де* въ смыслѣ простой вставки; они опираютъ стихъ на частицахъ *нынъ* или *нунъ, же, было* и *есть* или *е*: это послѣднее (*есть* или, сокращенно, *е*) большею частію употребляется при глаголахъ прошедшаго времени, такъ что оно является какъ бы остаткомъ старинной формы образованія прошедшаго, но какъ смыслъ этого приставочнаго «есть» или «е» уже потерявъ, то сказители нерѣдко пользуются имъ просто для стиха.

Отъ школы Повѣнецко-Толвуйской, также какъ отъ Кижской, однако менѣе отъ первой, чѣмъ отъ послѣдней, отличаются по складу былины, которыя я слышалъ на восточной сторонѣ Онега, ближе къ городу Пудожу. Но въ этой мѣстности нашлось только четверо сказителей, изъ которыхъ у каждаго есть весьма замѣтныя особенности. Это объясняется различіемъ источниковъ ихъ былинь. Только у одного изъ нихъ, Сорокина, онѣ мѣстнаго происхожденія; другой, Иванъ Феоновъ, выучился былинамъ на Онегѣ-рѣкѣ; къ третьему Потапу Антонову, онѣ перешли изъ Вытегорскаго уѣзда; наконецъ Никифоромъ Прохоровымъ поются былины, занесенныя тоже изъ какого-то дальняго мѣста (его отецъ выучился имъ, когда служилъ въ-пастухахъ у помѣщика, стало быть, во всякомъ случаѣ не близко отъ родины Прохорова, потому что тамъ нѣтъ вовсе помѣщичьихъ имѣній). Итакъ, этихъ четверыхъ сказителей можно соединить по мѣстности въ группу, но нельзя назвать одною школою.

Что касается до *сѣверо-восточной* группы, то я не подмѣтилъ тамъ различія собственно въ складѣ былинь между отдѣльными мѣстностями. Во всѣхъ мѣстностяхъ этой группы, на Выгозерѣ, Водлозерѣ, Кенозерѣ, манера сказителей одна и та же, — тѣ же короткіе стихи, та же краткость въ разсказѣ, та же относительная умѣренность въ употребленіи вставочныхъ частицъ. Тѣмъ не менѣе считаю нужнымъ раздѣлить сѣверо-восточную группу географически на Выгозерскую, Водлозерскую и Кенозерскую, потому что между этими мѣстностями есть различіе — не въ складѣ былинь, а въ ихъ сюжетахъ. На Выгозерѣ воспѣваются тѣ же герои, что и въ Прионежьѣ: общеизвѣстные Илья Муромецъ, Добрыня, Чурило и т. д., и сверхъ того Дунай Ивановичъ, Ставеръ Годвиновичъ, Дюкъ Степановичъ, Садко купецъ богатый; на Кенозерѣ же про четырехъ послѣднихъ вовсе не поютъ, про Дуная и Ставра тамъ даже не слышали; напротивъ того, сказанія про Илью Муромца и Чурилу здѣсь многочисленнѣе,

особенно — пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ имѣютъ у кенозерскихъ сказителей такое преобладающее значеніе, какого не видно въ Прионежьѣ; сверхъ того, на Кенозерѣ поются нѣкоторыя былины, вовсе неизвѣстныя въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, о Щелканѣ. Группа Водлозерская не имѣетъ никакой опредѣленной физономіи, потому что, какъ замѣчено выше, тамъ эпическая поэзія только начинается, заносимая съ разныхъ сторонъ. Наконецъ, въ послѣдней изъ мѣстностей, которыя я рѣшился причислить къ сѣверо-восточной группѣ, — на Мошѣ, слишкомъ мало остатковъ эпической поэзіи, чтобы можно было судить о ея характерѣ. Былины тамъ, по большей части, перешли въ прозаическіе рассказы въ видѣ сказокъ, и на Мошѣ остался только одинъ замѣчательный пѣвецъ былинь (Швецовъ). Его былины довольно замѣтно отличаются отъ кенозерскихъ, и какъ Мошенскій край, по природнымъ условіямъ, всего ближе связанъ съ Шенкурскимъ уѣздомъ Архангельской губерніи, то можно бы предложить, что и въ отношеніи къ былевой поэзіи онъ составляетъ часть Шенкурской группы: но объ этой послѣдней я не имѣю никакихъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ личнаго наблюденія.

Между прочимъ слѣдуетъ замѣтить, что кенозерскія и мошенскія былины отличаются отъ всѣхъ прочихъ по нарѣчію. На всемъ Прионежьѣ, также какъ на Выгозерѣ и на Водлозерѣ, господствуетъ сѣверно-русское нарѣчіе, въ которомъ *о* произносится всегда чисто, безъ перехода въ *а*, и родительный падежъ прилагательныхъ на *аю*, *ого* выговаривается такъ, какъ мы его пишемъ; при этомъ замѣчается еще свойственная новгородцамъ склонность буквы *ь* къ звуку *и* и буквы *ц* къ звуку *ч*, но случаи, въ которыхъ вмѣсто *ь* слышится чистое *и*, вмѣсто *ц* — чистое *ч* рѣдки и непостоянны, обыкновенно же является средній звукъ, который трудно передать. Такъ, напр., очень рѣдко скажутъ: *блѣый свитъ*, *молодечъ*, обыкновенно же выходитъ не то *блѣый свитъ*, *молодечъ*, не то *блѣый свѣтъ*, *молодецъ*, а что-то среднее.

Съ Водлозера на Кенозеро ѣдешь верстъ 90 или 100 болотистыми рѣками, по совершенно безлюдному «суземку», на серединѣ котораго волокъ въ 5 верстъ и деревушка. Этотъ волокъ есть водораздѣлъ между водами балтійскаго и бѣломорскаго бассейновъ. Переѣхавъ водораздѣлъ, замѣчаешь тотчасъ и нѣкоторую переменъ въ нарѣчій: *и* произносится чисто, *ь* уже весьма рѣдко принимаетъ отбѣнокъ звука *и*, впервые слышится переходъ *и* въ *а* въ родительномъ падежѣ, особенно въ мелкихъ словахъ *тово*, *сево*, *нево* и т. п.

Тотъ же самый говоръ слышенъ и на Мошѣ; далѣе по пути отъ Моши къ Вельску переѣзжаешь другой большой болотистый пустырь, отдѣляющій воды, которыя текутъ въ Онегу-рѣку, отъ притоковъ Сѣверной Двины. Съ этимъ водораздѣломъ опять-таки соединено измѣненіе въ нарѣчій: ослабѣваетъ *оканье*, окончаніе *аю* чаще переходитъ въ *аго*, произношеніе *ь* какъ *и* совсѣмъ исчезаетъ, и любопытно, что съ переменною въ нарѣчій совпадаетъ и другая, экономическая. До этого водораздѣла вся экономическая жизнь народа тяготѣетъ исключительно къ Петербургу и Архангельску, съ Москвою нѣтъ ни малѣйшей связи (кромѣ рѣдкихъ богатыхъ торговцевъ, бывающихъ на Нижегородской ярмаркѣ): за болотистымъ волокомъ, отдѣляющимъ Мошенскій

край отъ Пуйскаго, Москва является главнымъ, наиболѣе знакомымъ народу экономическимъ центромъ, Петербургъ отходитъ на второй планъ.

Я удалился отъ нити своего изложенія. Мнѣ остается къ замѣчаніямъ о складѣ нашихъ былинъ прибавить нѣсколько наблюденій насчетъ ихъ размѣра. Къ этимъ наблюденіямъ меня привела съ перваго же дня встрѣча съ Абрамомъ Евтихьевымъ, съ которымъ, какъ сказано, я познакомился при самомъ приѣздѣ въ Петрозаводскъ. Онъ сталъ мнѣ пѣть свои былины, уже извѣстныя мнѣ по изданію г. Рыбникова, и слѣдя за ними по печатному тексту, я былъ пораженъ разницею — не въ содержаніи разсказа, а въ стихѣ. Въ печатномъ текстѣ стихотворное строеніе выражается только дактилическимъ окончаніемъ стиха; внутри же стиха никакого размѣра нѣтъ; когда же пѣлъ Абрамъ Евтихievъ, то у него явно слышался не только музыкальный кадансъ напѣва, но и тоническое стопосложеніе стиха. Я рѣшился записать былинку вновь; сказитель вызвался сказать мнѣ ее «пословесно», безъ напѣва, и говорилъ, что онъ уже привыкъ «пословесно» передавать свои былины тѣмъ, которые прежде ихъ у него «списывали». Я началъ «списывать» былинку о Михайлѣ Пѣтыкѣ; размѣръ исчезъ, выходила рубленая проза въ родѣ той, какою эта былина напечатана была въ «Олонецкихъ Вѣдомостяхъ»¹⁾ и потомъ перешла въ сборникъ г. Рыбникова (т. I, № 38). Я попытался-было переправить эту рубленую прозу въ стихъ, заставивъ сказителя вторично пропѣть ее, но это оказалось неисполнимымъ, потому что, какъ объяснено выше, сказители каждый разъ мѣняютъ нѣсколько изложеніе былины, переставляютъ слова и частицы, то прибавляютъ, то опускаютъ какой-нибудь стихъ, то употребляютъ другія выраженія. Прислушавшись нѣсколько дней къ первымъ встрѣченнымъ сказителямъ и напрасно пробившись съ ними, чтобы записать былинку совершенно вѣрно, съ соблюденіемъ размѣра, какимъ она поется, я попробовалъ приучить своего спутника рапсода *пѣть* (а не пересказывать только словами) былинку съ такою разстановкою между каждымъ стихомъ, чтобы можно было записывать. Это было легко растолковать Абраму Евтихievу, и я рѣшился записать вновь его былины. Напѣвъ поддерживалъ стихотворный размѣръ, который при передачѣ сказителемъ былины словами тотчасъ исчезаетъ отъ пропуска вставочныхъ частицъ и сліянія двухъ стиховъ въ одинъ, и былина вышла на бумагѣ такою, какъ она дѣйствительно была пропѣта. Тотъ же приемъ употреблялъ я впослѣдствіи со всѣми другими сказителями, и онъ мнѣ удавался почти всегда. Только въ рѣдкихъ случаяхъ (они будутъ мною всякій разъ обозначены) мои старанія были тщетны. Такъ черезъ-чуръ ветхій и почти глухой старикъ Кузьма Романовъ и замѣчательная, впрочемъ, сказительница Домна Сурикова никакъ не могли приладиться къ пѣсенной передачѣ былины. Когда они начинали сказывать ее нараспѣвъ, то не въ состояніи были остановиться, чтобы не пропѣть вдругъ цѣлую тираду, которую могъ бы записать развѣ стенографъ; когда же я ихъ останавливалъ и просилъ повторить

¹⁾ По списку, доставленному П. О. Бутеневымъ.

то же потише, то впадали въ прозаическій пересказъ, въ которомъ стихосложеніе исчезало.

Записавъ съ возможною внимательностью къ стихотворному размѣру былины 70-ти сказителей и сказительницъ, позволю себѣ сдѣлать нѣкоторые общіе выводы. Сказителей въ этомъ отношеніи можно распределить на три группы:

1. Сказители, которые точно соблюдаютъ въ каждой былинѣ правильный размѣръ;
2. Сказители, которые соблюдаютъ размѣръ, но не всегда правильный; и
3. Сказители, которые вовсе не соблюдаютъ размѣра.

Что правильное тоническое стопосложеніе составляетъ коренное, нормальное свойство русской народной былины; что неправильность въ стихотворномъ размѣрѣ есть признакъ порчи, а совершенное отсутствіе размѣра — дальнѣйшая степень такой порчи, это не требуетъ доказательствъ для каждаго, кто либо послушаетъ нашихъ сказителей, либо потрудится прочесть былины, записанныя съ ихъ напѣва. Онъ найдетъ правильный тоническій стихъ у тѣхъ именно сказителей, у которыхъ былины и по содержанию самыя складныя, самыя полныя, самыя архаическія; онъ замѣтитъ, что рассоды, которые допускаютъ неправильности въ стопосложеніи, — все-таки обыкновенно поютъ правильнымъ стихомъ повстрѣяющіяся типическія мѣста, т.-е. то, въ чемъ всего болѣе сохраняется древній складъ рѣчи; онъ увидитъ, что совершенно разрушенный стихъ имѣетъ спутникомъ разрушеніе и въ содержаніи и во внутреннемъ складѣ былинь.

Какой же размѣръ нашего народнаго эпического стиха? Не одинъ, а нѣсколько.

Г. Рыбниковъ замѣтилъ, что у Рябинина «одинъ и тотъ же быстрый голосъ очень веселъ въ Ставрѣ, въ Пóтыкѣ какъ-то заунывнѣе, а въ Вольгѣ и Микулукѣ выходитъ торжественнымъ». Г. Рыбниковъ разумѣетъ здѣсь собственно напѣвъ, но за напѣвомъ скрывается его основа — размѣръ стиха. Въ Ставрѣ у Рябинина хорей съ дактилемъ, въ Пóтыкѣ — чистый хорей, въ Вольгѣ и Микулѣ — анапестъ. Эти три размѣра вмѣщаютъ въ себѣ весь нашъ народный эпосъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ болѣе позднихъ его произведеній.

Преобладающій размѣръ, который я назову *обыкновеннымъ эпическимъ размѣромъ*, есть чистый хорей съ дактилическимъ окончаніемъ.

Число стопъ неопредѣленно, такъ что стихъ является *растяжимымъ*. Растяжимость при правильномъ тоническомъ размѣрѣ составляетъ отличительное свойство русскаго эпического стиха. Но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что у хорошихъ пѣвцовъ растяжимость стиха бываетъ весьма умеренная. Рѣшительное преобладаніе принадлежитъ стиху 5-ти и 6-ти-стопному, который затѣмъ можетъ расширяться до 7-ми и суживаться до 4-хъ стопъ; стихи же длиннѣе или короче того допускаются лишь развѣ какъ самая рѣдкая аномалія. Чрезмѣрно длиннаго стиха (болѣе 8-ми стопъ) вы никогда не услышите отъ сказителя, если только онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, у которыхъ размѣръ стиха совсѣмъ разрушенъ. Встрѣчая такіе длинные стихи въ печатныхъ изданіяхъ былинь, мы должны ихъ объяснять тѣмъ, что сказители, когда

передаютъ былину словами, безъ напѣва, часто сливаютъ два и даже три стиха въ одинъ. Можно также замѣтить, что въ нѣкоторыхъ былинахъ преобладаетъ типъ стиха болѣе короткаго, такъ что наибольшая часть стиховъ 4-хъ и 5-ти-стопные, въ другихъ преобладаютъ длинныя, 6-ти-стопные съ примѣсю 7-ми-стопныхъ. Такъ Калининъ пѣлъ былины про Илью Муромца стихомъ по преимуществу 4-хъ и 5-ти-стопнымъ, про Добрыню Никитича 6-ти и 7-ми-стопнымъ. Любопытно было бы сравнить русскій эпическій стихъ съ такимъ же стихомъ у другихъ народовъ: какіе бы это сравненіе дало результаты? Съ стихомъ южно-славянскимъ, силлабическимъ и нерастяжимымъ (т.-е. безъ тоническаго склада и съ непремѣннымъ соблюденіемъ одинаковаго числа слоговъ), у насъ нѣтъ ничего общаго кромѣ того, что каждый стихъ, и русскій и южно-славянскій, долженъ представлять какой-нибудь болѣе или менѣе цѣльный смыслъ, какую-нибудь фразу или отдѣльный членъ фразы, не допуская ни въ какомъ случаѣ такъ-называемаго enjambement, столь любимаго напротивъ въ стихѣ древне-греческаго, германскаго и скандинавскаго эпоса.

Впрочемъ, не стану удаляться отъ своего предмета и потому возвращаюсь къ размѣрамъ олонецкихъ сказителей. Вотъ примѣръ стиха, который я назвалъ обыкновеннымъ эпическимъ ¹⁾:

¹⁾ Если читатель потрудится сравнить эти строки съ напечатанными въ сборникѣ г. Рыбникова, т. I, стр. 54, то онъ замѣтитъ, какъ размѣръ исчезалъ вслѣдствіе того, что былина записывалась имъ по-словесно и только повѣрялась по напѣву (см. «замѣтку» въ III т., стр. XIX), а не списывалась непосредственно съ голоса. — Вотъ соответствующее мѣсто у г. Рыбникова:

Старый казакъ Илья Муромецъ
 Поѣхалъ на добромъ конѣ
 Мимо Черниговъ градъ:
 Подъ Черниговымъ силушки чернымъ черно,
 Чернымъ черно, какъ черна ворона.
 Припустилъ онъ коня богатырскаго
 На эту силушку великую,
 Сталъ конемъ топтать и копьемъ колоть,
 Потопталъ и покололъ силу въ скоромъ времени,
 И подѣхалъ онъ ко городу ко Чернигову.
 Приходятъ мужики къ нему Черниговцы,
 Отворяютъ ему ворота въ Черниговъ градъ
 И зовутъ его въ Черниговъ воеводою.
 Говоритъ имъ Илья таковы слова:
 «А ѣ же вы, мужики Черниговцы!
 «Нейду я къ вамъ въ Черниговъ воеводою;
 «А скажите-ка мнѣ дорогу прямоѣзжую,
 «Прямоѣзжую дорогу въ стольно-кѣвъ градъ».
 Говорили ему мужички Черниговцы:
 — А ѣ же, удаленькій дородній добрый молодець,
 — Славный богатырь свято-русскій!
 — Прямоѣзжею дорожкой въ Кѣвъ пятьсотъ версть,
 — Окольною дорожкой цѣла тысяча.
 — Прямоѣзжая дороженька заколодила,
 — Заколодила дорожка, замуравѣла;

Изъ того ли то изъ города изъ Муромля,
 Изъ того села да съ Карачирова,
 Выѣзжалъ удаленькой, дородній добрый молодець.
 Онъ стоялъ заутрену во Муромли
 А ѣ къ обѣденѣ поспѣть хотѣлъ онъ въ стольней Кіевъ градъ,
 Да ѣ подѣхалъ онъ ко славному ко городу къ Чернигову.
 У того ли города Чернигова
 Нагнаво-то силушки чернымъ-черно,
 А ѣ чернымъ-черно какъ черна вѣрова,
 Такъ лѣхотою никто тутъ не прохаживать,
 На добромъ кони никто тутъ не проѣзживатьъ,
 Птица черный воронъ не пролетывать,
 Сѣрый звѣрь да не прорыскивать.
 А подѣхалъ какъ ко силушкѣ великой,
 Онъ какъ сталь-то эту силушку великую,
 Сталь конемъ тонтать да сталь копьемъ козоть,
 А ѣ побилъ онъ эту силу всю великую.
 Евъ подѣхалъ-то подѣ славный подѣ Черниговъ градъ.
 Выходили мужички да тутъ черниговски
 И отворили-то ворота во Черниговъ градъ,
 А ѣ зовуть его въ Черниговъ воеводою.
 Говорить-то имъ Илья да таковы слова:
 «А ѣ же мужички да вы Черниговски,
 «Я не йду къ вамъ во Черниговъ воеводою.
 «Укажите мнѣ дорожку прямоѣзжую,
 «Прямоѣзжую да въ стольній Кіевъ градъ.»
 Говорили мужички ему Черниговски:
 — Ты удаленькой, дородній добрый молодець,
 — А ѣ ты славныя богатырь сваторусскіи!
 — Прямоѣзжая дорожка заколѣбла,
 — Заколѣбла дорожка, замуравѣла.
 — А ѣ по той ли по дорожкѣ прямоѣзжою
 — Да ѣ лѣхотою никто да не прохаживалъ
 — На добромъ кони никто да не проѣзживалъ.
 — Какъ у той ли-то у грязи-то у Черной,
 — Да у той ли у березы у покляпны,
 — Да у той ли рѣчки у Смородини,
 — У того креста у Леванидова,
 — Сиди Соловей разбойникъ во сыромъ дубу,

-
- Сѣрый звѣрь тутъ не прорыскивать,
  - Черный воронъ не пролетывать:
  - Какъ у тоя у Грязи у Черныя
  - У тоя у березы у покляпны,
  - У славнаго креста у Леванидова.
  - У славненькой у рѣчки у Смородинки,
  - Сидитъ Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ.
  - Свищеть Соловей онъ по соловьему,
  - Воскричить-то онъ, злодѣй, по звѣрному:
  - Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
  - Что есть людюшекъ, всѣ жертвы лежать. —

— Сиди Сдловой розбойникъ Одихманъевъ сынъ,
 — А то свищеть Сдловой да по солбвѣму,
 — Енъ кричить злодѣй розбойникъ по звѣриному.
 — Й отъ него ли-то отъ пдсвнсту солдвьяго,
 — Й отъ него ли-то отъ пдкрыгу звѣринаго
 — То всѣ травушки муравы улетаются,
 — Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
 — Темны лѣсушки къ земли вси приклоняются,
 — А что есть людей, то вси мертвы лежать. —

Этимъ размѣромъ лучшіе сказители, какъ-то Рябининъ, Еремѣевъ, Калининъ, вамъ пропоютъ былинну въ тысячу слишкомъ стиховъ, не сбиваясь въ стопосложеніи. Если у нихъ въ сотнѣ стиховъ найдется одинъ какой-нибудь неправильный, то это конечно такъ же мало значить, какъ то, что и старикъ Гомеръ бывало, «засыпая», скажетъ плохой гекзаметръ. Но большинство нашихъ сказителей позволяютъ себѣ въ хоренческомъ стихѣ двѣ вольности, которыя, впрочемъ, мало замѣтны при пѣніи былины: именно, въ началѣ стиха они изрѣдка допускаютъ приставку или недостачу одного слога, такъ что хорей превращается въ ямбъ, а въ срединѣ иногда вмѣсто хорей употребляютъ дактиль; но какъ при этомъ два краткіе слога дактиля сливаются въ произношеніи, то хоренческой кадансъ отъ того не теряется. Привожу примѣръ такой былины, записанный со словъ Абрама Евтихѣева:

*Добрынюшкѣ-то матушка говаривала,
 Да й Микитичу-то матушка наказывала:*
 «Ты не ѣзди-ко далече во чисто полѣ
 «На туѣ горѣ да сорочинскую,
 «Не топчи-ко младыхъ зміенншевъ,
 «Ты не выручай-ко полоновъ да русьскіихъ,
 «Не купишь Добрыня во Пучай рѣки;
 «Но Пучай рѣка очинъ свирипая,
 «Но середняя-то струйка какъ огонь сѣчетъ.»
 А Добрыня свдеи матушки не слушался,
 Какъ онъ ѣдетъ далече во чисто полѣ,
 А на тую на гору сорочинскую,
 Потопталъ онъ младыхъ зміенншевъ,
 А й повручалъ онъ полоновъ да русьскіихъ.
 Богатырско его сердце распотѣлоси,
 Роспотѣлось сердце нажадѣлоси,
 Онъ приправилъ своего добра коня.
 Онъ добра коня да во Пучай-рѣки.
 Онъ слѣзалъ Добрыня со добра коня,
 Онъ снималъ Добрыня платье цвѣтноѣ,
 Да онъ забрелъ за струечку за первую,
 Да онъ забрелъ за струечку за среднюю
 И самъ говорилъ да таково слово:
 «Мнѣ Добрынюшки матушка говаривала,
 «Мнѣ Микитичу маменька й наказывала,
 «Что не ѣзди-ко далече во чисто полѣ

«На тую горѹ на сорочинскую,
 «Не топчѹ-ко младыхъ змиеншювъ,
 «А не выручай полововъ да русьскихъ
И не куплѣсь Добрыня во Пучай рѣки,
 «Но Пучай рѣка очѣнь свирпая,
 «А середная-та струйка какъ огонь сѣчетъ;
 «А Пучай рѣка она кротнѣ-смирна
 «Она будто лужа-та дождевая.»
 Не успѣлъ Добрыня словца молвити, —
 Вѣтра нѣтъ — да тучу наднесло
 Тучи нѣтъ — да быдто дождь дождитъ
 А ѿ дождя-то нѣтъ, да только громъ громитъ,
 Громъ громитъ да свищеть молнія.
 А какъ лѣтитъ змиенцо Горыничцо
 О тыѣхъ двѣнадцати о хоботахъ.
 А Добрыня той змиѣ да приужахнется.
 Говоритъ змиѣ ему проклятая:
 — Ты теперича Добрыня во моихъ рукахъ;
 — Захочу тебя Добрыню тѣперь потоплю,
 — Захочу тебя Добрыню тѣперь съѣмъ-сождру,
 — Захочу тебя Добрыню въ хоботѣ возьму,
 — Въ хоботѣ возьму Добрыню, во норѹ снесу.—
Припадаеть змяя какъ ко быстрой рѣки,
 А Добрынюшка-то плавать онъ гораздъ вѣдь былъ
 Онъ нырнѣтъ на бережокъ на тѣмошной
 Онъ нырнѣтъ на бережокъ на здѣшний, и т. д.

Такимъ образомъ, на 52 стиха оказывается 42 совершенно правильныхъ хорей-ческихъ, въ 4-хъ стихахъ хорей превращенъ въ ямбъ, въ 6-ти стихахъ есть дактилическія стопы вмѣсто хорей ¹⁾. Можно сказать, что такой, нѣсколько тронутый порчею, хорей въ настоящее время преобладаетъ у олонецкихъ сказителей, за исключеніемъ немногихъ наилучшихъ, которые умѣютъ выдерживать размѣръ стиха совершенно, и съ другой стороны тѣхъ, какъ Щеголенокъ, Сорокинъ, Сарафановъ, которые вовсе утратили размѣръ въ стихѣ.

¹⁾ Въ сборникѣ г. Рыбникова (т. I, 122) это мѣсто читается такъ по списку г. Бутенева, записанному, какъ рассказывалъ самъ Евтихievъ, съ «пословесной» передачи былинны:

Добрынюшкѣ матушка говорила:
 «Что молодѣ началъ ѣздить во чисто поле,
 «На тую горю Сорочинскую,
 «Топтать-то молодыхъ змиенышей,
 «Выручать-то полововъ русьскихъ.
 «Не куплѣсь, Добрыня, во Пучай-рѣки.
 «Пучай-рѣка есть свирпая:
 «Средня струйка какъ огонь сичеть».
 Добрынюшка матушки не слушался.
 . . . . .
 Какъ былъ онъ во чистомъ поли,
 На тыихъ горахъ на высокиихъ,
 Потопталъ младыхъ змиенышей,

Второй размѣръ въ былинахъ можно назвать *тришымъ* какъ по его тону, такъ и потому, что этимъ размѣромъ сложены былины менѣе серьезныя по содержанию, а именно про Соловья Будимірова, Чурилу Пленковича, Ставра, иногда про Дуная Ивановича, а также про нашествіе Батыя на Кіевъ, событіе, которому народный эпосъ придалъ шутливый колоритъ. Размѣръ этотъ отличается тѣмъ, что хоренческія стопы перемѣшаны съ дактилическими, которыя при томъ не скрадываются, какъ въ чисто-эпическомъ размѣрѣ, а выговариваются весьма явственно. Надобно замѣтить, что никогда былина не складывается цѣликомъ изъ такихъ стиховъ, — что было бы черезъ-чуръ утомительно для слуха, — а они перемѣшиваются съ чистыми хоренческими стихами. Для примѣра привожу начало пропѣтой Рябиннымъ былины о Дунаѣ Ивановичѣ:

Повыручиаъ полоновъ рускиихъ,
 Богатырско его сердце пожадѣлося
 Пожадѣлося и распотѣлося.
 Онъ приправилъ своего добра коня,
 Добра коня ко Пучай-рѣки,
 Слѣзаетъ онъ скоро съ добра коня,
 Снималъ съ себя платье цвѣтное,
 Забрелъ за струечку за первую,
 И забрелъ за струечку за среднюю.
 И самъ говорилъ таково слово:
 «Миѣ Добрынюшки матушка говаривала,
 «Миѣ Никитичу матушка наказывала, —
 «Что не ѣзди далече во чисто поле,
 «На тую гору Сорочинскую,
 «Не топчи-ко младыхъ зминышей.
 «Не выручай полоновъ рускиихъ,
 «Не купилсь, Добрыня, во Пучай-рѣки,
 «Что Пучай-рѣка есть свирипая:
 «Середня струйка какъ огонь сячетъ.
 «А Пучай-рѣка есть кротка, смирна:
 «Она будто лужа дождевая».
 Какъ въ тую пору въ то время
 Вѣтра нѣтъ, тучу наднесло,
 Тучи нѣтъ, а только дождь дождитъ,
 Дождя-то нѣтъ, искры сыпятся, —
 Летитъ Змище-Горынище
 О двенадцати змиа о хоботахъ.
 Хочетъ змиа его съ конемъ сожечь,
 Сама говоритъ таково слово:
 — Тепереча Добрыня въ моихъ рукахъ,
 — Захочу — Добрыню теперъ потоплю,
 — Захочу — Добрыню въ хобота возьму,
 — Въ хобота возьму и на Русь возьму,
 — Захочу — Добрыню съѣмъ-сожру. —
 Добрынюшка плавать гораздъ онъ былъ:
 Нырнетъ на бережекъ на тамошній,
 Нырнетъ на бережекъ на здѣшній.

Владиміръ князь стольно-кїевской
 Заводилъ онъ почестенъ пиръ-пированьицо
 А ѿ на всѣхъ-то на князей на бѣаровъ
 Да ѿ на русьскихъ могучихъ богатырей,
 На всѣхъ славныхъ поляницъ на удалыхъ.
 А сидятъ-то молодцы на чествѣмъ пирѹ,
 Всѣ-то сидятъ пьяны-веселы.
 Владимиръ князь по горенки показивалъ,
 Пословечно государь выговаривалъ:
 «Всѣ есть добры молодцы поженены,
 «Красныя дѣвушки замужъ даны,
 «Столько я одинъ хожу холостъ не жѣненой.
 «То вы знаете ль мнѣ братцы супротивичку,
 «Чтобы личушкой она да ѿ супротивъ меня
 «Очушки у ней бы ясныхъ соболей
 «Бровушки у ней бы черныхъ соболей,
 «А походочкой она бы лани бѣлою,
 «Бѣлою лани напольскою,
 «Напольской лани златорогія,
 «А чтобы было бы мнѣ съ кимъ жить да быть, вѣкъ корѣтати.
 «А'ще вамъ молодцамъ было бѣ то кому поклонятся?»
 Всѣ богатыри за столикомъ умолкнули,
 Всѣ молодцы да пріутихнули
 За столомъ-та сидятъ, загулялися, и т. д.

Пусть читатель сравнитъ это мѣсто съ началомъ былины того же пѣвца о Добрынѣ и Васильѣ Казиміровѣ. Тамъ Рябининъ пѣлъ:

Заводилъ почестенъ пиръ да ѿ пированьицо,

Здѣсь:

Заводилъ онъ почестенъ пиръ пированьицо

Тамъ:

На всѣхъ сильныхъ русьскихъ могучихъ на богатырей
 А ѿ на славныхъ поляницъ на удалыхъ

Здѣсь:

Да ѿ на русьскихъ могучихъ богатырей
 На всѣхъ славныхъ поляницъ на удалыхъ.

Такимъ образомъ одинъ и тотъ же стихъ, смотря по характеру былины, складывается то хоремическимъ, то дактилическимъ размѣромъ. Любопытно при томъ, что въ концѣ былины про Дуная и про Чурилу, когда игривый ихъ тонъ уступаетъ мѣсто трагической развязкѣ, дактилическіе стихи исчезаютъ и размѣръ переходитъ въ чистый хорей.

У нѣкоторыхъ сказителей мы находимъ особенный вариантъ дактилическаго размѣра, состоящій въ томъ, что послѣдняя стопа удлинняется и стихъ кончается не дактилемъ, а четырехъ или пяти-сложною стопою съ небольшимъ повышеиѣмъ голоса на

послѣднемъ слогѣ. Это придаетъ еще бѣльшую легкость размѣру; но такіе стихи никогда не допускаются иначе, какъ въ перемежку съ обыкновенными:

Эгворить младъ Соловейъ сынъ Гудимировичъ:
 «Сходену выкидывай серѣбряную,
 «Другу выкидывай подзолоченую,
 «Третью выкидай исповѣжаную.
 «Берите подарки умилнїи,
 «Кунїцъ въ лисицъ да заморскїихъ.»
 Брали ѣны во бѣлїи руки,
 Матушку камочку узѣрчатую,
 И самъ береть гуселка ярѣчатнїи,
 И самъ ѣдетъ по сходенки золоченнїи,
 Матушка ѣдетъ по серѣбряннїи,
 Вся его дружина по исповѣжаннїи;
 Приходятъ оны ко Владиміру на двѣрь.
 Приходить въ палату грановитую,
 Крестъ кладеть по писаному,
 А поклонн-ты ведеть по учѣному,
 На всѣ три вѣды на четыре онъ на стѣроны,
 Тому ли Владиміру въ особнїи.
 Подаютъ ему подарочки хорошіе,
 Матушка камочку узѣрчатую
 Молодой княгини Опраксїи.
 Внимаетъ княгиня на бѣлїи рукїи,
 А внимаетъ княгиня дивуется:
 Да не дорога камочка заморская,
 А ѣ дороги узоры заморскїи.
 Сталь его Владиміръ выспрашиватїи
 Сталь его Владиміръ вывѣдыватїи:
 — Ты скажисъ, молодець, съ коѣй земли,
 — Какъ молодца именѣмъ зовутъ?

Третїи размѣръ, *анапестическїи*, отличается тѣмъ, что вся тяжесть стиха падаетъ на послѣднюю стопу, въ которой произносятся два ударенїя, одно самое рѣзкое, на послѣднемъ слогѣ, другое на третьемъ или четвертомъ слогѣ съ конца, а у одного сказителя (Висарїонова) слышалось иногда два ударенїя на двухъ послѣднихъ слогахъ рядомъ, и при этомъ на послѣднемъ болѣе протяжное, такъ что стихъ выходитъ какой-то особенно медленный и грузный. Анапестическїи размѣръ соответствуетъ тому, что г. Рыбниковъ называетъ «торжественнымъ» напѣвомъ, и встрѣчается въ весьма немногихъ былинахъ, а именно о Вольгѣ, Микулѣ и Кольванѣ. Тѣмъ же размѣромъ пѣлась вѣроятно и былина о дѣтствѣ Ильи Муромца, но единственный сказитель, сохранившїи эту былинку, Щеголѣнокъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые отвыкли отъ соблюденїя размѣра, и только отдѣльные стихи напоминали у него анапестическїи складъ. Былины о Вольгѣ и Микулѣ Селяннїи принадлежатъ тѣмъ, которыя меньше всѣхъ интересуютъ народъ и мало поются даже тѣми, которыя ихъ еще помнятъ. Потому и размѣръ, о которомъ я говорю, является вездѣ болѣе или менѣе разрушеннымъ во внутреннемъ строенїи стиха. Вотъ примѣры:

Жилъ Святославъ девяносто лѣтъ,
 Жилъ Святославъ и преставилсѣ;
 Оставалось отъ него чадо милое,
 Младый Вольга Святославговичъ.
 Сталъ Вольга онъ растѣтъ матерѣтъ,
 Похотѣлось Вольгѣ-то много мудрости:
 Шукой рыбою ходитъ Вольги во синихъ моряхъ,
 Птицей соколомъ летать Вольги подъ оболоча,
 Волкомъ и рыскалъ во чистыхъ поляхъ.
 Уходили-то всѣ рыбушенъ въ глубокія моря,
 Улетали всѣ птички за оболоча,
 Убѣгали-то всѣ звѣри за тѣмни лѣса.
 Сталъ Вольга онъ растѣтъ матерѣтъ
 И сбиралъ соби дружинишку хоробрую,
 Тридцать молодцовъ безъ единого,
 Самъ еще Вольга во тридцатникъ, и т. д.

Рабиникъ.

Или:

Во чистомъ поли съѣзжалосѣ
 Три сильнѣихъ могучѣихъ богатырѣ
 По имени первѣи Колыванъ богатырѣ,
 Другой Муромлянъ богатырѣ,
 Третий Самсонъ богатырѣ.
 Про между собою рѣчи говорилѣ,
 Которыя изъ насъ будетъ бѣльшій братъ?
 Говоритъ Самсонъ богатырѣ:
 «Кабы былъ столбъ въ землѣ,
 «Кабы было кольцо въ столбѣ
 «Я бы землю всю во кругъ повернулъ.»
 Говоритъ Муромлянъ богатырѣ:
 «Я бы такожде повернулъ.»
 Говоритъ Колыванъ богатырѣ:
 «Я такожде могъ повернуть.»
 Господь Всевышній творецъ
 За ихнее похвалѣнїе
 Далъ имъ привидѣнїе:
 Куда у ихъ было нарчено въ путь ѣхать,
 Лежитъ на пороги сумка,
 Въ таковой сумкѣ сложенъ весь земный грузъ.
 Выскакивать со своего со добраго коня
 Самсонъ богатырѣ,
 Хватаетъ таковую сумку,
 Сумка съ мѣста не ворохнѣтсѣ.
 Выходитъ Муромлянъ богатырѣ
 Со своего со добраго коня,
 Хватаетъ таковую сумку,
 По колѣвамъ въ землю усылъ,
 Сумка съ мѣста не ворохнѣтсѣ.
 Выходитъ Колыванъ богатырѣ
 Со своего со добраго коня,

Хватаетъ такую сумку
 По грудямъ въ землю сѣлъ,
 Сумка съ мѣста не ворохнѣтъ.
 Съ небесъ имъ гласъ прогласило:
 Сильнии могучи богатыри!
 Отстаньте прочь отъ таковыя сумки,
 Весь земныя грузъ въ сумку слѣженъ.
 Впередки не похваляйтесь
 Всю землю владѣти,
 Наблюдайте своё доброё,
 Ъздите по Русѣ,
 Дѣлайте зашитѣ,
 Сохраняйте Русею отъ неприятели,
 А хвастать по пустому не знайте.

Алексѣй Висарионовъ.

Эти три размѣра: обыкновенный хорейскій, хорейскій съ дактилемъ и анапестическій, какъ я сказалъ, вмѣщаются въ себѣ весь нашъ народный эпосъ; я разумѣю циклъ былинь, которыя составляютъ главное содержаніе эпическихъ сказаній нашего Сѣвера, такъ-называемыя кievскія и новгородскія былины и разныя рапсодіи, тоже называемыя въ народѣ былинами, въ которыхъ описываются событія, такъ - сказать, безыменныя (напр., про братьевъ-разбойниковъ, про горѣ, про ревниваго мужа и т. д.). Но этимъ не ограничилось развитіе великорусскаго эпоса, и въ другихъ его произведеніяхъ являются и другіе размѣры. Укажу на тѣ, которыя мнѣ случилось встрѣтить занесенными въ Олонецкую губернію.

Во-первыхъ, есть типъ, сходный со вторымъ изъ приведенныхъ размѣровъ (хорей съ дактилемъ), но отличающійся тѣмъ, что стихи состоятъ изъ меньшаго числа стопъ, 3-хъ или 4-хъ вмѣсто обыкновеннаго 5-ти, 6-ти и 7-ми-стопнаго стиха. Такимъ размѣромъ поются: былина про Щелкана Дудентьевича и какая-то шутивая былина про князя Ромодановскаго и его большого быка.

А на стулѣ на бархатѣ,
 На золотѣ на ременьчатомъ
 Сидѣлъ тутъ царь Возягъ,
 Возягъ сынъ Таврольевичъ,
 Ёнъ де суды разсуживалъ
 Всѣ дѣла приговаривалъ
 И князевъ бояръ пожаловалъ
 Селами, похѣстьями,
 Городамъ съ пригородками.
 И Хому дарилъ Томкою *)
 И Ерѣму Новымъ-городомъ.
 И Щелканушка дома не случилось,
 И уѣхалъ Щелканушко
 Ёнъ во землю жидовскую,
 Ёнъ для чѣртова прѣвежу,

*) Т. е. Тотьмою.

Ради дани и выходу.
 Ёнъ-де съ поля по колосу бралъ,
 Съ улицы по курицы,
 Съ мужика по пяти рублей,
 У кого-де пяти рублей нѣтъ
 У того онъ жену беретъ,
 У кого какъ женѣ-то нѣтъ
 И того самого беретъ.
 Какъ у Щелкана не выробишься,
 Со двора вовъ не вырядишься.
 Какъ прѣхалъ Щелканушко
 Изъ земли изъ жидовскіе
 Ко царю на широкой дворъ:
 Токо токо *) ты, царь Возягъ,
 Царь Возягъ сынъ Таврольевичъ,
 И ты суди разсуживалъ,
 Всѣ дѣла приговаривалъ,
 Всѣхъ князьевъ бояръ жаловалъ
 И селами и помѣстьями,
 Городамъ съ пригородками,
 И Хому дарилъ Токмою
 И Ерѣму Новѣмъ-городомъ:
 Подари-тко Щелканушка,
 Ты любимого зятюшка,
 Мѣня Тверію городомъ,
 Мѣня Тверію славною.
 Мѣня Тверію богатою,
 Двумя братцами рѣдкими
 И князьемъ благовѣрными,
 И Борисомъ Борисовичемъ
 И Митриемъ Борисовичемъ.»
 Говоритъ ему царь Возягъ!
 «Ты любимое зятюшко
 Щелканъ сынъ Дудентьевичъ!
 Заколѣ-ко чада милаго,
 Своего сына любимого.
 Ты Гордѣя Щелкановича,
 Нацѣди-ко ты чашу руды
 Токо чашу серѣбряную,
 Выпей ту чашу руды,
 Стоючись передъ Звягой-царѣмъ.
 Передъ Звягой Таврольевичемъ!»
 Токо взявши Щелканушко
 Заколотъ чада милаго,
 Своего сына любимого,
 И Гордѣя Щелкановича,
 Нацѣдилъ же ёнъ чашу руды,
 Токо чашу серѣбряную
 Выпилъ ту чашу руды.

1) Частица, сложенная изъ *то* и приставки *ко*, употребляется вмѣсто *то* или *туда*

Стоячись передъ Звагой царёмъ,
 Передъ Звагой Таврольевичемъ.
 Подарилъ его царь Возвяхъ
 Его Тверю городомъ,
 Его Тверю славною,
 Его Тверью богатою,
 Двумя братцами рѣдными
 И князьёмъ благовѣрными,
 И Борисомъ Борисовичемъ
 И Митриемъ Борисовичемъ.
 И поѣхалъ Щелканушко,
 И заѣхалъ Щелканушко
 Къ родной сестры проститися,
 Токо къ Марьѣ Дудентьевной:
 «Ты прощай моя рѣдна сестра
 Токо Марья Дудентьевна!»
 — «Ты прощай же мой рѣдвой братъ,
 Ужо по роду рѣдвой-братъ,
 По прозванью окаянной братъ!
 И кабы ти уѣхати
 И назадъ не приѣхати
 Кабы ти самому на ножъ остыть
 И на сабли на вострѣ!»
 И уѣхалъ Щелканушко
 Еще самъ головѣй вершилъ.

Матрена Меньшикова.

Во-вторыхъ, существуютъ былины, ясно принадлежащія XVII-му вѣку; которыя сложены тѣмъ самымъ размѣромъ, какъ записанныя для Ричарда Джемса пѣсни времени Самозванцевъ. Это 5-ти и 6-ти-стопный хорей (изрѣдка по неправильности переходящій въ ямбъ или дактиль) съ хорейскимъ же, а не дактилическимъ окончаніемъ. Произведенія, этимъ стихомъ сложенные, уже не суть собственны былины, а скорѣе должны быть названы историческими пѣснями. Въ нихъ отсутствуетъ героическій характеръ. Когда же пѣвецъ XVII-го вѣка облакалъ событія, хотя бы близкой ему эпохи, блескомъ чудеснаго, то онъ пѣлъ о нихъ эпическимъ размѣромъ былинь кіевскаго и новгородскаго цикла. Сравните былины, въ которыхъ героемъ является Никита Романовичъ со всѣми атрибутами эпическаго богатыря, и историческія пѣсни, записанныя для Ричарда Джемса въ 1619 году, или нижеслѣдующую былину о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и вы увидите, что разница въ размѣрѣ совпадаетъ съ различіемъ въ самомъ тонѣ и такъ сказать освѣщеніи поэтическаго разсказа.

Посрѣдѣ ль было московскаго царства,
 Средѣ было російскаго государства,
 Какъ у свѣта у Архангела Михайла,
 У Ивана у великаго въ соборѣ,
 Зазвонили во большой во колоколь,
 Всѣхъ князей-бояръ къ обѣднѣ созывали,
 Тамъ служили святни молебень.

Выходилъ наша надежда государь-царь
 Алексѣй сударь Михайловичъ московской,
 Становился государь на ровно мѣсто,
 На всѣ стороны онъ поклонился.
 Что ни золота труба да вострубила,
 Не серебряная полочка звенѣла,
 Зговорила наша надежда государь-царь
 Алексѣй сударь Михайловичъ московскій:
 «Ай же вы князья-бояра
 «Пособите государю дума думать,
 «Дума думать государю, не продумать,
 «А отдать ли мнѣ то городъ Смоленецъ и т. д.

Иванъ Касьяновъ.

Тѣмъ же самымъ размѣромъ сложена и весьма распространенная былина о пти-
 цахъ и звѣряхъ:

А й отчего же зима да зачалася,
 А й красное лѣто состоялось?
 Зачалася зима да отъ мороза,
 А й красно лѣто отъ солнца,
 А й богатая осень отъ лѣта.
 И по тмя-то осени богатой
 Вылетала малая птица,
 А й малая птица пѣвица. •
 Садилась въ зелену садочку.
 А на тое на дерево калино,
 Ай начала пѣти жупѣти,
 Всякими она-то ясаками.
 А й услышали русьскія птици,
 Собиралися стады они стадами,
 Прилетали къ зелену садочку,
 А й садилась птици рядами,
 Въ одну сторону до головами,
 А начали пѣти, жупѣти,
 Заморскую птицу пытати:
 «Ай малая птица пѣвица!
 «Скажи Божью правду, не утайсе:
 «Кто у васъ за моремъ большій,
 «Кто за Дунаечкимъ мѣньшій?» и т. д.

Иванъ Феофановъ.

Наконецъ, я долженъ упомянуть и о третьемъ разрядѣ былинъ, которыя тоже
 слышатся на нашемъ Сѣверѣ, хотя онѣ очевидно занесены туда случайно, — о были-
 нахъ поволжскихъ или козацкихъ. Нужно ихъ послушать на мѣстѣ и въ большомъ чи-
 слѣ, чтобы судить объ ихъ складѣ и размѣрѣ. Сколько я могъ замѣтить, онѣ состав-
 ляютъ переходъ отъ эпическихкихъ къ лирическимъ пѣснямъ; это — единственныя былины,
 которыя поются съ переливами голоса, съ перехватомъ посреди стиха, съ повтореніемъ
 слоговъ и словъ, напимѣръ:

Какъ собирались казаки | — на крутъ бережокъ,
 Ахъ доньски гребеньски | — запорожскіи,
 Запорожски казаки | — и все были янцѣи,
 Ахъ атаманъ былъ у дон | — скихъ у казаковъ.
 Ой изъ тихаго Дону Ермакъ | — былъ Тимоѣевичъ,
 А есаулъ былъ у дон | — скихъ у казаковъ
 Ахъ со Двины Оста | — фей Лаурентьевичъ.
 Какъ садились казаки | — на легки стружки,
 Ай на легки стружки | — сѣли на мелки павозки
 Какъ грянули размахну | — ли внизъ по Волги рѣки и т. д.

Или:

Какъ во славномъ было го|рода во Ва|страканіи
 Проявился тамъ дѣти|нушка незнаемъ человекъ,
 Какъ незнакомой дѣти|нушка невѣдомой откуль.
 Васко шепетно по Ва|стракани погулнваетъ,
 Ужъ онъ штапамъ офицерушкамъ не кланяется,
 Востраканскому губерна|тору челоѣмъ ему не бѣдетъ.
 А сапоженки на ножкахъ шелкомъ таченніи,
 Черна шляпа на кудряхъ | и перчатки на рукахъ,
 А й свой тотъ чиншевой кафтанъ | на одномъ плечи таскалъ
 И какъ персидской кушачекъ | во бѣлыхъ рукахъ держалъ.
 Какъ увидѣлъ молодца, губерна|торъ скричалъ:
 Вы сходите приведи|те удалаго молодца.
 Еще сталъ то губерна|торъ его спрашивать:
 «А ты скажись, скажись ко дѣти|нушка незнаемъ человекъ,
 «Изъ тиху ли ты Дону казакъ|аль казачей сынъ,
 «Аль ты съ нашего крѣпката го|рода изъ Ва|стракани?»
 Какъ проговорить дѣти|нушка незнаемъ человекъ;
 «Изъ тиху-то я Дону не казакъ | не казачей сынъ,
 «Я не съ вашего крѣпкаго го|рода, а изъ Ва|стракани
 «Я со Камы то со рѣки | Сеньки Рязина сынъ.
 «Посулился мой-то ба|тюшко завтра въ гости къ вамъ бѣтъ,
 «Вы умѣйте-тко моего ба|тюшка кормить его поить,
 «Вы кормить его поить | и честно жаловати.»

Или наконецъ:

Ой растушится расплачется | нашъ прусскій — нашъ прусскій, — нашъ прусскій король,
 А й сидючись то на укра|сушки ой на крутой — горы,
 А онъ глядѣлъ смотрѣлъ на свою укрѣ|пушку на Берлинъ — на Берлинъ — городъ,
 И на свою укрѣпушку | на Берлинъ да на Берлинъ — на Берлинъ — городъ:
 «Ты ли то укрѣпа | моя ты укрѣ — укрѣ — пушка,
 «Ты мой Берлинъ | мой Берлинъ — мой Берлинъ — городъ!
 «А ты кому-то моя укрѣ|пушка — доставала — достава — ласе?
 «Доставаласе да достава|ласе моя укрѣ — укрѣ — пушка
 Ой царю бѣлому | ой царю — ой царю — бѣлому
 А какъ другому же генера|душку Краснощо—Краснощо—кову и т. д.

Иванъ Захаровъ.

Впрочемъ, въ Олонецкой губерніи всѣ эти послѣдніе разряды пѣсень составляютъ весьма рѣдкое исключеніе въ массѣ былинъ, сложенныхъ то чистымъ хореемъ съ дак-

тническимъ окончаніемъ, то хореемъ, смѣшаннымъ съ дактилемъ. Прислушиваясь къ этимъ былинамъ, записывая ихъ съ голоса сказителей, я вынесъ полное убѣжденіе, что тоническое стопосложеніе въ русскомъ стихѣ не есть изобрѣтеніе Ломоносова, а есть изобрѣтеніе самого русскаго народа, его коренное достояніе. Если Ломоносовъ, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ образцовъ, примѣнилъ тоническое стихосложеніе къ нашей художественной поэзіи, то руководился ли онъ собственно подражаніемъ нѣмцамъ? Нѣтъ, какъ онъ самъ писалъ, первымъ и главнѣйшимъ его основаніемъ было то, что «россійскіе стихи надлежитъ сочинять по природному нашего языка свойству»; и когда Ломоносовъ съ такимъ вѣрнымъ чутьемъ съ перваго же раза угадалъ въ стихѣ природное языка нашего свойство, то кто знаетъ, не слышался ли ему отзвукъ народныхъ былинъ, конечно знакомыхъ его уху: ибо и до сихъ поръ помнятъ на Выгозерѣ, что былины перешли туда съ Поморья? Надобно припомнить и то, что Ломоносовъ въ своей «версификаціи» отводитъ почетное мѣсто такъ-называемымъ имъ «тригласнымъ» римама, т. е. дактилическимъ; а дактиль на концѣ стиха — этого конечно онъ не могъ найти въ своихъ нѣмецкихъ образцахъ.

Да извинить меня читатель за это отступленіе отъ своего намѣренія держаться исключительно круга фактическихъ наблюденій и замѣчаній, не вдаваясь въ область личныхъ догадокъ и толкованій. У насъ до сихъ поръ къ сожалѣнію толкованіе народнаго эпоса черезъ-чуръ опережало и перевѣшивало его собиранье. Надѣюсь, что меня не обвинять въ этой слабости, если я въ заключеніе моей длинной статьи представлю и съ своей стороны маленькую догадку о происхожденіи одного изъ богатырей нашихъ былинъ — Святогора. Всякій, конечно, чувствуетъ, что это имя искусственное, навѣянное сказаніемъ о томъ, что Святогоръ, какъ поется во всѣхъ о немъ былинахъ, жилъ на какихъ-то *Святыхъ-горахъ*, всякій чувствуетъ, что за этимъ именемъ скрывается что-либо другое. И вотъ одинъ изъ лучшихъ сказителей, слѣпой Иванъ Феоновъ, пропѣлъ въ былинѣ о нашествіи Батыги на Кіевъ:

А по грѣху ли то тогда да учинилосе,
 А ѿ богатырей во Кіевѣ не случилосе:
Святополкъ богатырь на Святыхъ на горахъ,
 А ѿ молодой Добрыня во чистомъ поли,
 А Алешка Поповичъ въ богомольной стороны,
 А Самсонъ да Илья у сына у моря.

Въ этомъ мѣстѣ другіе сказители поютъ «Святогоръ богатырь на Святыхъ на горахъ». Я думалъ сперва, что ослышался, или что Феоновъ ошибся, и заставилъ его потому разъ пять повторить эти самыя стихи; но онъ все твердилъ свое: «*Святополкъ* богатырь на Святыхъ на горахъ», и увѣрилъ меня при этомъ что такъ-моль поется. Мнѣ сперва показалось это имя Святополка страннымъ, а теперъ думаю, что оно имѣ-

XLVIII

еть значеніе. Вспомнимъ, что Святогоръ есть единственный богатырь, дружественный русскимъ, но нерусскій, богатырь, который «не ѣздилъ на Святую Русь», а къ которому, напротивъ, русскіе богатыри ѣздятъ на поклоненіе какъ къ старшему и сильнѣйшему; вспомнимъ, что онъ живетъ на горахъ, вспомнимъ его таинственное исчезновеніе, — всѣ эти черты получаютъ смыслъ только въ примѣненіи къ Святополку великоморавскому, этому древнѣйшему представителю славянской силы, этому легендарному герою, который уже въ разсказѣ Космы Пражскаго укрывается въ горы и тамъ кончается таинственною смертію.

Пусть читатель судитъ о степени вѣроятности этой гипотезы. Если же она подтвердится, то личность Святогора будетъ весьма важна, какъ звено, связывающее нашъ народный эпосъ съ древностью другихъ славянъ.

А. Гильфердингъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

К.

ПОВѢНЕЦКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ. — ТОЛВУЙ.

ПОВѢНЕЦЪ.

I. Калининъ, Петръ Лукичъ.

1. — Святогоръ	6
2. — Садко, Вольга и Микула	9
3. — Илья Муромецъ и Соловей Разбой- никъ	16
4. — Илья Муромецъ и Идолище	22
5. — Добрыня Никитичъ	25
6. — Михайло Потыкъ	47
7. — Ставеръ	67
8. — Смерть Чурилы	75
9. — Дюкъ	78
10. — Князь Карамышевскій	91
11. — Рахта Рагнозерскій	97
12. — Наѣздъ Литовцевъ	100
13. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ	104
14. — Гришка Отрешевъ	110

II. Оомина, Аक्सинья Кузминяшна.

15. — Вольга	112
16. — Илья Муромецъ	113
17. — Добрыня и Маринка	115
18. — Василий Игнатьевичъ и Батыга	117

19. — Хотень Блудовичъ	119
20. — Дюкъ	121

III. Конопова, Домна Дмитриевна.

21. — Ставеръ	125
-------------------------	-----

IV. Корсаковъ, Федоръ Александровичъ.

22. — Илья Муромецъ и Идолище	129
23. — Добрыня и Алеша	131
24. — Кострюкъ	138

V. Койбинъ, Степанъ.

25. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ	141
--	-----

VI. Котова, Марѳа Трофимовна.

26. — Добрыня и Алеша	144
27. — Чурило	148
28. — Братья разбойники и сестра	149
29. — Пѣтухъ и Лисица	151

VII. Попова, Настасья Афанасьевна.

30. — Василий Буслаевичъ	152
31. — Два любовника	154

ТОЛВУЙ.

VIII. Гришинъ, Иванъ Артемьевичъ.

32. — Вольга и Микула	157
33. — Добрыня и Алеша	160
34. — Дунай	165

35. — Чурида	169
36. — Соловей Будимировичъ	172
37. — Взятіе Азова	174

IX. Тимоѣевъ, Андрей.

38. — Добрыня и Алеша	176
39. — Михайло Потыкъ	180

X. Прохоровъ, Петръ.

40. — Михайло Потыкъ	190
41. — Василий Игнатьевичъ и Батыга	205
42. — Наѣздъ Литовцевъ	207

XI. Антоновъ, Тимоѣей.

43. — Добрыня и Алеша	211
44. — Василий Буслаевичъ	215

II.

ПУДОГА.

XII. Прохоровъ, Никифоръ.

45. — Вольга и Микула	226
46. — Илья и сынъ	228
47. — Илья въ ссорѣ съ Владиміромъ	233
48. — Илья Муромецъ и Идолице	236
49. — Добрыня и Алеша	242
50. — Нѣпра и Донъ	252
51. — Иванъ Годиновичъ	255
52. — Михайло Потыкъ	259
53. — Соловей Будимировичъ	283
54. — Василий Буслаевичъ	289

XIII. Феоновъ, Иванъ.

55. — Вольга и Микула	296
56. — Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ	298
57. — Илья Муромецъ и Калинь царь	304
58. — Последняя поѣздка Ильи Муромца	310
59. — Добрыня и Змѣй	313
60. — Василий Игнатьевичъ и Батыга	321
61. — Наѣздъ Литовцевъ	325
62. — Птицы и звѣри	330

XIV. Антоновъ, Потапъ Трофимовичъ.

63. — Сухманъ	334
64. — Добрыня и Змѣй	338

65. — Добрыня и Алеша	347
+ 66. — Василий Игнатьевичъ и Батыга	358
67. — Смерть Чурилы	363
68. — Соловей Будимировичъ	367

XV. Сорокинъ, Андрей Пантелѣевичъ.

69. — Илья Муромецъ и Калинь царь	372
70. — Садко	384
71. — Наѣздъ Литовцевъ	399
72. — Сорокъ каликъ	409
Разворѣчія у Рыбникова	421

III.

КИЖИ.

XVI. Рябининъ, Трофимъ Григорьевичъ.

73. — Вольга и Микула	435
74. — Илья и Соловей разбойникъ	439
75. — Илья Муромецъ и Калинь царь	445
76. — Илья Муромецъ въ ссорѣ со Владиміромъ	458
77. — Илья Муромецъ и дочь его	461
78. — Добрыня и Маринка	468
79. — Добрыня и Змѣй	470
80. — Добрыня и Василий Казимировъ	480
81. — Дунай	502
82. — Михайло Потыкъ	511
83. — Иванъ Годиновичъ	513
84. — Хотенъ Влудовичъ	517
85. — Дюкъ	521
86. — Сорокъ каликъ	533
87. — Королевичи изъ Крякова	534
88. — Скопинъ	540
89. — Молодецъ и худая жена	542
90. — Горе	545

XVII. Романовъ, Кузьма Ивановичъ.

91. — Вольга	551
92. — Илья Муромецъ и Калинь царь	556
93. — Добрыня и Змѣй	559
94. — Дунай	561
95. — Императоръ Петръ	567
96. — Сорокъ каликъ	569
97. — Молодецъ и худая жена	573

XVIII. Ювлевъ, Терентій.

98. — Микула Селянновичъ	577
99. — Алеша Поповичъ и Тугариль Змѣй	578
100. — Добрыня и Алеша	579
101. — Калика богатырь	584
102. — Дунай	586
103. — Василій Буслаевичъ	593

XIX. Сарафановъ, Андрей Васильевичъ.

104. — Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ	597
105. — Илья Муромецъ и Калинъ царь	599
106. — Илья Муромецъ и Идолище	604
107. — Добрыня и Алеша	—
108. — Дунай	610
109. — Ставеръ	614
110. — Смерть Чурилы	618
111. — Гришка Отрепьевъ	620

XX. Дьяковъ, Александръ.

112. — Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ	621
---	-----

XXI. Корниловъ, Семень.

113. — Настасья Никулична	624
114. — Илья Муромецъ и Сокольникъ	625
115. — Дюкъ	627
116. — Василій Игнатьевичъ и Батыга	633
117. — Молодецъ и худая жена	634

XXII. Щегалбнокъ, Василій Петровичъ.

118. — Святогоръ и Добрыня	636
119. — Святогоръ и Садко	642
120. — Первые подвиги Ильи Муромца	646
121. — Илья Муромецъ и Калинъ царь	655
122. — Добрыня и Маринка	660
123. — Добрыня и Змѣй	663
124. — Добрыня въ онагъ	667
125. — Дунай	671
126. — Хотень Влудовичъ	676
127. — Чурило	677
128. — Дюкъ	681
129. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ	683
130. — Птицы	689

XXIII. Аксеновъ, Василій.

131. — Вольга и Микула	692
132. — Добрыня	693
133. — Иванъ Гостиный сынъ	694
134. — Два любовника	696

XXIV. Нелюдина, Степанида Кононовна.

135. — Иванъ Гостиный сынъ	698
136. — Королевича изъ Крякова	700
137. — Птицы и звѣри	702

XXV. Сурикова, Домна Васильевна.

138. — Илья Муромецъ и Калинъ царь	704
139. — Дунай	711
140. — Ставеръ	717
141. — Василій Буслаевичъ	722
142. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ	727
143. — Гришка Отрепьевъ	730

XXVI. Дутиковъ, Николай Филипповъ.

144. — Илья Муромецъ и Идолище	732
145. — Добрыня и Алеша	734
146. — Садко	738
147. — Королевича изъ Крякова	740

XXVII. Чуковъ, Абрамъ Евтихievъ.

148. — Добрыня и Змѣй	744
149. — Добрыня и Алеша Поповичъ	751
150. — Михайло Потыкъ	759
151. — Ставеръ	766
152. — Дюкъ Степановичъ	775
153. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ	784
154. — Земскій соборъ	789
155. — Молодецъ и королевна	791

XXVIII. Касьяновъ, Иванъ Аникievичъ.

156. — Вольга	795
157. — Добрыня и Змѣй	799
158. — Михайло Потыкъ	811
159. — Дюкъ	817
160. — Взятіе Казани	827
161. — Земскій соборъ	—
162. — Молодецъ и королевна	829

XXIX. Еремѣевъ, Іевъ.

163. — Добрыня и Маринка	832
164. — Хотень Блудовичъ	835
165. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ	838
166. — Кострюкъ	842
167. — Братья разбойники и сестра	844

XXX. Макарова и Пастухова.

168. — Добрыня и Алеша	845
169. — Ставеръ	851

IV.

ВЫГОЗЕРО.

XXXI. Никитинъ, Ѳедоръ.

170. — Илья Муромецъ и Калинъ царь	861
171. — Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ	866
172. — Иванъ Гостинный сынъ	873
173. — Сорокъ калнѣ	875
174. — Садко	877
175. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ	880
176. — Братья разбойники и сестра	884
177. — Горе	886

XXXII. Захаровъ, Ѳедоръ.

178. — Илья Муромецъ и Идолище	877
179. — Иванъ Годиновичъ	889
180. — Дюкъ	892
181. — Василий Игнатьевичъ и Батыга	893
182. — Королевичи изъ Кракова	896
183. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ	898
184. — Молодецъ и королевична Литовская	902

XXXIII. Батѳвъ, Алексѣй Висарионовъ.

185. — Колыванъ богатырь	904
186. — Илья Муромецъ и Идолище	905
187. — Добрыня и Олеша	909
188. — Иванъ Годиновичъ	913
189. — Смерть Чурилы	918

XXXIV. Лисица, Елена Алексѣева.

190. — Поѣздки Илья Муромца	922
191. — Дунай	924
192. — Данило Игнатьевичъ	927
193. — Кострюкъ	930

XXXV. Елисѣевъ, Иванъ.

194. — Женитьба Добрыни	932
-----------------------------------	-----

V.

ВОДЛОЗЕРО.

XXXVI. Захаровъ, Иванъ Григорьевичъ.

195. — Вольга и Микула Селяниновъ	941
196. — Илья Муромецъ и Идолище	943
197. — Поѣздки Илья Муромца	946
198. — Добрыня и Алеша	947
199. — Соловей Будимировичъ	952
200. — Королевичи изъ Кракова	955
201. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ	957
202. — Ермакъ	960
203. — Стенька Разинъ	962
204. — Шведская война	963
205. — Прусскій король	964

XXXVII. Сухановъ, Трофимъ Ивановичъ.

206. — Добрыня и Алеша	965
207. — Калика-богатырь	974
208. — Соловей Будимировичъ	976
209. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ	979

XXXVIII. Пановъ, Савелій Кузьмичъ.

210. — Илья Муромецъ	983
211. — Добрыня и Олеша	996

XXXIX. Ѳедуловъ, Павелъ Антоновичъ.

212. — Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ	1000
213. — Дюкъ	1003

XI. Петровъ, Алексѣй.

214. — Дунай	1013
------------------------	------

XLII. Сухановъ, Василій Алексѣевичъ.

215. — Добрыня и Алеша. 1016

XLIII. Нягезбръкинъ, Матвей Ѳедоровичъ.

216. — Поѣздки Ильи Муромца 1022

217. — Добрыня и Алеша. 1024

218. — Дюкъ 1031

VI.**КЕНОЗЕРО.****XLIII. Сивцевъ (Пѳромской), Иванъ Павловичъ.**

219. — Илья Муромецъ и сынъ его. . . 1046

220. — Илья Муромецъ въ Цареградѣ . 1050

221. — Три поѣздки Ильи Муромца . . 1052

222. — Добрыня и Алеша 1054

223. — Молодость Чурилы. 1059

224. — Смерть Чурилы. 1065

225. — Дюкъ 1068

XLIV. Воиновъ, Петръ Андреевичъ.

226. — Илья Муромецъ и сынъ его. . . 1080

227. — Добрыня и Маринка. 1088

228. — Добрыня и Алеша. 1090

229. — Молодость Чурилы. 1097

230. — Дюкъ 1104

+ 231. — Василій Игнатьевичъ и Батыга . 1117

XLV. Калитина, Ирина Денисовна.

232. — Илья Муромецъ въ Цареградѣ . 1119

233. — Илья Муромецъ и сынъ его. . . 1124

234. — Отъѣздъ Добрыни 1127

235. — Щелканъ Дудетьевичъ. 1128

236. — Гришка Отрепьевъ. 1130

237. — Шведская война. 1131

238. — Небылица. 1132

XLVI. Тряпичинъ, Михайло Ивановъ.

239. — Илья Муромецъ и голи кабацкіе. 1133

240. — Три поѣздки Ильи Муромца . . 1136

241. — Добрыня и Змѣй 1138

242. — Смерть Чурилы 1141

243. — Дюкъ. 1143

244. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ 1144

XLVII. Костинъ, Александръ Давыдовъ.

245. — Илья Муромецъ и Идолнице. . . 1148

246. — Илья Муромецъ и сынъ его. . . 1149

247. — Братья Дородовичи 1152

248. — Братья разбойники и сестра . . 1154

XLVIII. Кукниновъ, Николай Ивановъ.

249. — Илья Муромецъ и голи кабацкіе. 1155

250. — Илья Муромецъ и Алеша Дородовичъ 1157

251. — Молодость Чурилы. 1160

XLIX. Патрикѣевъ, Филиппъ Васильевичъ.

252. — Михайло Дородовичъ. 1164

253. — Ревнивый мужъ. 1166

L. Кроначевъ (Лядковъ), Иванъ Михайловичъ.

254. — Вольга и Щелканъ. 1168

255. — Микула Селяновичъ и Иванъ Годиновичъ 1169

256. — Женитьба Ивана Годиновича . . 1172

257. — Илья Муромецъ и голи кабацкіе. 1175

258. — Василій Игнатьевичъ и Батыга . 1179

259. — Василій Буслаевичъ 1184

260. — Авдотья Рязаночка. 1187

261. — Кострюкъ. 1191

262. — Молодецъ и рѣка Смородина . . 1193

263. — Молодецъ и королева. 1195

264. — Птицы 1197

LI. Третьяковъ, Игнатій Григорьевичъ.

265. — Святогоръ. 1199

266. — Поѣздки Ильи Муромца 1201

267. — Добрыня и Маринка. 1205

268. — Смерть Чурилы 1207

269. — Щелканъ Дудетьевичъ. 1209

LII. Гурьбинъ, Иванъ Александровичъ.

270. — Святогоръ. 1210

271. — Три поѣздки Ильи Муромца. . . 1211

272. — Дунай 1214

LIII. Меншиковъ, Петръ Яковлевичъ.

273. — Святогоръ 1217
 274. — Илья Муромецъ и Соловей раз-
 бойникъ 1219
 275. — Иванъ Годиновичъ 1221
 276. — Степъка Разинъ 1225

LIV. Георгиевская, Авдотья Васильевна.

277. — Хотенъ Блудовичъ 1227
 278. — Данило Игнатьевичъ 1228
 279. — Дюкъ 1230
 280. — Птицы 1231

LV. Меньшикова, Матрена Григорьевна.

281. — Илья Муромецъ и голи кабацкіе. 1234
 282. — Хотенъ Блудовичъ 1235
 283. — Щелканъ Дудетьевичъ 1237

LVI. Лоскутова, Марья Семеновна.

- 284. — Василій Буслаевичъ 1240
 285. — Два любовника 1242

LVII. Шумановъ, Ѳедоръ Григорьевичъ.

- 286. — Василій Буслаевичъ 1243

LVIII. Гусевъ, Андрей Тимоѳеевичъ.

287. — Три поѣздки Ильи Муромца . . . 1246
 288. — Добрыня и Маринка 1249
 289. — Добрыня и Змѣй 1251
 290. — Добрыня и Алеша 1252

LIX. Гусевъ, Харламъ Андреевичъ.

291. — Три поѣздки Ильи Муромца . . . 1255
 292. — Добрыня и Алеша 1258

LX. Андреева, Ирина.

293. — Иванъ Годиновичъ 1262
 294. — Братья разбойники 1265
 295. — Небылица 1266

LXI. Максимовъ, Степанъ Ильичъ.

296. — Илья Муромецъ и Калинъ царь. 1267
 297. — Старина о большомъ быкѣ . . . 1272

LXII. Максимовъ, Андрей Ильичъ.

298. — Птицы 1275

LXIII. Максимова, Варвара Ивановна.

299. — Князь Михайло 1277
 300. — Невольное постриженіе 1278

LXIV. Лоскутовъ, Ѳедоръ Никифоровичъ.

301. — Сорокъ каликъ 1279

LXV. Заваль, Ефимъ Яковлевичъ.

302. — Королевичи изъ Крякова 1280
 303. — Старина о большомъ быкѣ . . . 1284

VII.**МОША.****LXVI. Швецовъ, Николай Михайловичъ.**

304. — Илья Муромецъ и Калинъ царь. 1293
 305. — Три поѣздки Ильи Муромца . . . 1299
 306. — Добрыня и Алеша 1302
 307. — Иванъ Годиновичъ 1306
 308. — Хотенъ Блудовичъ 1309
 309. — Смерть Чурилы 1312
 310. — Кострюкъ 1315
 311. — Молодецъ и королевна 1317
 312. — Петербургская старинка 1319

LXVII. Юрьевъ, Антонъ Степановичъ.

313. — Добрыня 1320
 314. — Молодецъ и королевна 1321

LXVIII. Макушкинъ, Андрей Ѳедоровичъ.

315. — Добрыня и Алеша 1323

LXIX. Малыгинъ, Петръ Саватьевичъ.

316. — Добрыня и Маринка 1326

LXX. Курниковъ, Иванъ Ивановичъ.

317. — Кострюкъ 1329

LXXI. Сивцевъ, Тимоѳей Михайловичъ.

318. — Событіе 1830-хъ годовъ 1332

СШСОКЪ

БЫЛИНЪ ПО СОДЕРЖАНІЮ.

- Авдотья Рязаночка, № 260.
Азова (взятіе), № 37.
Алѣша Поповичъ и Тугаринъ Змѣй, № 99.
Большой Быкъ (старина о ремѣ), №№ 297, 303.
Васплій Буслаевичъ, №№ 30, 44, 54, 103, 141, 259, 284, 286.
Василій Игнатьевичъ и Батыга, №№ 18, 41, 60, 66, 116, 181, 231, 258.
Вольга, №№ 15, 91, 156.
Вольга и Микула, №№ 32, 45, 55, 73, 131, 195.
Вольга и Щелканъ, № 254.
Горе, №№ 90, 177.
Гришка Отрепьевъ, №№ 14, 111, 143, 236.
Давило Игнатьевичъ, №№ 192, 278.
Добрыня, №№ 5, 132, 313.
Добрыня и Алѣша, №№ 23, 26, 33, 38, 43, 49, 65, 100, 107, 145, 149, 168, 187, 198, 206, 211, 215, 217, 222, 228, 290, 292, 306, 315.
Добрыня и Василій Казиміровъ, № 80.
Добрыня и Змѣй, №№ 59, 64, 79, 93, 123, 148, 157, 241, 289.
Добрыня и Маринка, №№ 17, 78, 122, 163, 227, 267, 288, 316.
Добрыня въ опалѣ, № 124.
Добрыни (женитьба), № 194.
Добрыни (отъѣздъ), № 234.
Дородовичи (братья), № 247.
Дунай, №№ 34, 81, 94, 102, 108, 125, 139, 191, 214, 272.
Дюкъ, №№ 9, 20, 85, 115, 128, 152, 159, 180, 213, 218, 225, 230, 243, 279.
Ермакъ, № 202.
Земскій Соборъ, №№ 154, 161.
Иванъ Васильевичъ (грозный царь), №№ 13, 25, 129, 142, 153, 165, 175, 183, 201, 209, 244.
Иванъ Годиновичъ, №№ 51, 83, 179, 188, 275, 307.
Ивана Годиновича (женитьба), №№ 256, 293.
Иванъ Гостинный сынъ, №№ 133, 135, 172.
Илья Муромецъ, №№ 16, 210.
Илья Муромца (первые подвиги), № 120.
Илья Муромца (поѣздки), №№ 190, 197, 216, 266.
Илья Муромца (три поѣздки), №№ 221, 240, 271, 287, 291, 305.
Илья Муромца (последняя поѣздка), № 58.
Илья въ ссорѣ съ Владиміромъ, №№ 47, 76.
Илья Муромецъ въ Цареградѣ, №№ 220, 232.
Илья Муромецъ и дочь его, № 77.
Илья Муромецъ и сынъ его, №№ 46, 219, 226, 233, 246.

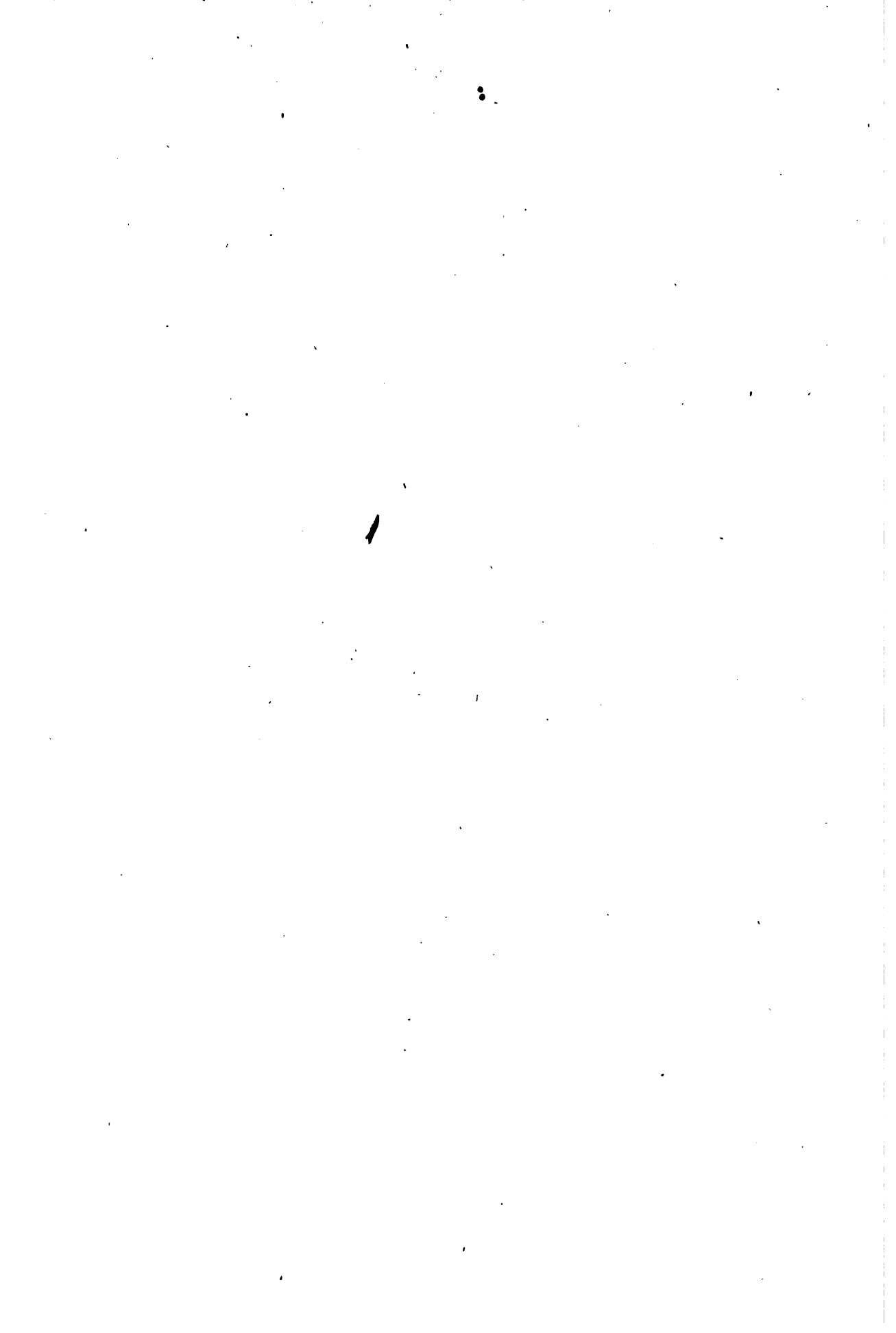
- Илья Муромецъ и Алёша Дородовичъ, № 250.
 Илья Муромецъ и голи кабацкіе, №№ 239, 249, 257, 281.
 Илья Муромецъ и Идолище, №№ 4, 22, 48, 106, 144, 178, 186, 196, 245.
 Илья Муромецъ и Калинъ царь, №№ 57, 69, 75, 92, 105, 121, 138, 170, 296, 304.
 Илья Муромецъ и Сокольникъ, № 114.
 Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ, №№ 3, 56, 74, 104, 112, 171, 212, 274.
 Казани (взятіе), № 160.
 Калика-богатырь, №№ 101, 207.
 Каликъ (сорокъ), №№ 72, 86, 96, 173, 301.
 Карамышевскій (князь), № 10.
 Колывавъ-богатырь, № 185.
 Королевичи изъ Крякова, №№ 87, 136, 147, 182, 200, 302.
 Кострюкъ, №№ 24, 166, 193, 261, 310, 317.
 Литовцевъ (наѣздъ), №№ 12, 42, 61.
 Любовника (два), №№ 31, 134, 285.
 Микула Селяниновичъ, № 98.
 Микула Селяниновичъ и Иванъ Годиповичъ, № 255.
 Михайло (князь), № 299.
 Михайло Дородовичъ, № 252.
 Михайло Потыкъ, №№ 6, 40, 52, 82, 150, 153.
 Молодецъ и королевична Литовская, № 184.
 Молодецъ и королева, №№ 155, 162, 263, 311, 314.
 Молодецъ и рѣка Смородина, № 262.
 Молодецъ и худая жена, №№ 89, 97, 117.
 Настасья Никулчна, № 113.
 Небылица, №№ 238, 295.
 Невольное постриженіе, № 300.
 Нѣпра и Донъ, № 50.
 Петербургская старина, № 312.
 Петръ (императоръ), № 95.
 Прусскій король, № 205.
 Птицы, №№ 130, 264, 280, 298.
 Птицы и звѣри, №№ 62, 137.
 Пѣтухъ и Лисица, № 29.
 Разбойники (братья) и сестра, №№ 28, 167, 176, 248, 294.
 Рахта Рагнозерскій, № 11.
 Ревнивый мужъ, № 253.
 Садко, №№ 70, 146, 174.
 Садко, Вольга и Микула, № 2.
 Святогоръ, №№ 1, 265, 270, 273.
 Святогоръ и Добрыня, № 118.
 Святогоръ и Садко, № 119.
 Скопивъ, № 88.
 Событіе 1830-хъ годовъ, № 318.
 Соловей Будимировичъ, №№ 36, 53, 68, 199, 208.
 Ставеръ, №№ 7, 21, 109, 140, 151, 169.
 Стенька Разинъ, №№ 203, 276.
 Сухманъ, № 63.
 Хотенъ Блудовичъ, №№ 19, 84, 126, 164, 277, 282, 308.
 Чурило, №№ 27, 35, 127.
 Чурилы (молодость), №№ 223, 229, 251.
 Чурилы (смерть), №№ 8, 67, 110, 189, 224, 242, 268, 309.
 Шведская война, №№ 204, 237.
 Щелканъ Дудентьевичъ, №№ 235, 269, 283.

I.

ПОВЪПЕЦКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ.

ТОЛВУЙ.

ПОВѢЩЕЦЪ.

I.

КАЛИНИНЪ.

Петръ Лукичъ Калининъ, крестьянинъ дер. Горка Пудожгорскаго погоста (Повѣнецкаго уѣзда) 43 лѣтъ, средняго роста, съ черными волосами, небольшой черной бородкой и голубыми глазами, странно неповоротливый и неуклюжий. По ремеслу онъ портной; мальчикомъ и молодымъ человекомъ онъ много ходилъ по деревнямъ въ окрестностяхъ Шуньги и Толвуи для портняжныхъ работъ и при этомъ привыкъ пѣть былины, которыя частью слышалъ отъ стариковъ въ тѣхъ мѣстахъ, частью же перенялъ у своего отца; послѣдній, по словамъ Калинина, зналъ ихъ очень много. Въ послѣдствіи Калининъ бросилъ портняжное дѣло и «сталъ на крестьянство»; съ этого времени онъ рѣже поетъ былины и многія изъ нихъ забылъ, въ молодости же онъ зналъ ихъ столько, что и въ недѣлю бы не переслушать. О громадной памяти Калинина свидѣтельствуешь то, что кромѣ былинь, ниже помѣщаемыхъ, онъ знаетъ еще много духовныхъ стиховъ и предлинныхъ связокъ. Калининъ поетъ не очень изящно, но весьма складно, строго соблюдая стихотворный размѣръ и сбиваясь съ него только въ тѣхъ былинахъ, которыя онъ уже плохо помнитъ, какъ напр. въ Святогорѣ (№ 1) и Садкѣ (№ 2). Про послѣднюю онъ говорилъ, что слышалъ ее болѣе лѣтъ 20 тому назадъ отъ древняго старика ни-

щаго гдѣ-то около Толвуи или Шуньги и тотчасъ ее перенялъ, но уже не пѣвалъ ее лѣтъ 20 и потому многое въ ней забылъ. — Г. Рыбниковъ приглашалъ Калинина къ себѣ, но онъ, какъ разсказывалъ, не рѣшился къ нему ѣхать и постарался также уклониться отъ писаря, которому мѣстный исправникъ поручилъ записать его былины для г. Рыбникова. Писарь этотъ записалъ (и то сокращенно) двѣ былины съ его словъ (см. сборникъ г. Рыбникова т. IV, № № 12 и 17, гдѣ онъ по ошибкѣ названъ Васильемъ Лукинымъ; въ «замѣткѣ» къ III-му тому стр. XXXVI онъ упоминается подъ именемъ Петра Лукина).

Былины, здѣсь печатаемыя, записаны всѣ «съ голоса», т. е. въ томъ видѣ, какъ онѣ поются, а не съ словеснаго пересказа стиховъ.

1.

СВЯТОГОРЬ *).

На тихъ горахъ высокинхъ,
На той на Святой Горы,
Быль богатырь чюдныи,
Что ль во весь же міръ онъ дивныи,

*) По словамъ пѣвца, это есть окончаніе очень пространной былины про Святогора; но больше этого отрывка онъ не могъ припомнить.

Во весь же міръ былъ дивныи.
 Не ѣздилъ онъ на святую Русь,
 Не носила его да мать сыра земля.
 Хотѣлъ узнать казакъ нашъ Илья Муромецъ
 Славнаго Святогора нунь *) богатыря.
 Отправляется казакъ нашъ Илья Муромецъ
 Къ тому же Святогору тутъ богатырю
 На тыи было горы на высокіи.
 Приѣзжаетъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ
 А на тыи было горущи высокіи
 Къ тому же Святогору да богатырю,
 Приѣзжаетъ-то къ ему да поближехонько,
 А ѿ поклонъ ведетъ да понизехонько:
 «Здравствуешь богатырице порныи **)
 «Порныи богатырь ты да дивныи!»
 — Ты откуда, добрый молодецъ,
 — Какъ ти нарекають по отечеству?
 «Я есть города нунь Муромля
 «А села да Карачаева,
 «Я старшии казакъ да Илья Муромецъ.
 «Захотѣлъ я посмотрѣть Святогора нунь богатыря:
 «Онъ не ѣздитъ нунь на матушку сыру землю,
 «Къ намъ богатырямъ да онъ не явится.»
 Отвѣчаетъ богатырь было порныи:
 — Я бы ѣздилъ тутъ на матушку сыру землю,—
 — Не носить меня мать сыра земля,
 — Мнѣ не придано тутъ ѣздить на святую Русь,
 — Мнѣ позволено тутъ ѣздить по горамъ да по
 высокіимъ
 — Да по щелейкамъ ***) во толстыимъ.
 — А ты старшии казакъ да Илья Муромецъ,
 — Мы съѣздимъ же-ко нунечу по щелейкамъ,
 — А поѣздимъ-ко со мною да по Святымъ Горамъ.
 Ёздили они было по щелейкамъ,
 Разъѣзжали тутъ они да по Святымъ Горамъ,
 Ёздили они по многу времени,
 Ёздили они да забавлялися.
 Находили тутъ они да чюдо чюдное,
 Находили тутъ они да диво дивное,
 Находили площадницу ****) да огромную.
 Говоритъ богатырь Илья Муромцу:
 — Ахъ ты старшии казакъ да Илья Муромецъ!
 — Ты ложись-ка въ площадницу да въ огромную:
 — Поглядимъ-ка площадницы мы огромную,
 — Что она тебѣ поладится-ль?—
 Спускается казакъ да Илья Муромецъ,

*) Нунь, нунечу, нунечу — вмѣсто нывь, вынече.

**) т. е. крѣпкій.

***) Щелья — скала.

****) Площаница — гробъ.

Опускался тутъ казакъ да изъ добра коня
 А ложился было въ гробъ въ этотъ въ огромныи,—
 А этотъ гробъ-то Илья Муромцу да дологъ есть.
 Опускается богатырь Святогорскіи
 А съ того было съ добра коня,
 А ложился въ площадницу онъ во дивную,—
 Та же площадница да по немъ пришла,
 Самъ же съ площадницы тутъ не выстанеть:
 — Ахъ ты старшии казакъ да Илья Муромецъ!
 — Ты повыздынь съ площадницы да огромныи.—
 Приставае тутъ казакъ да Илья Муромецъ
 Къ Святогору да богатырю,—
 Да не могъ поднять онъ Святогора тутъ богатыря
 А съ того гробъ глубокаго.
 Говоритъ же тутъ богатырь Святогорскіи:
 — Ты сломай-ко эти щелья да высокіи
 — А повыздынь-ко съ гробъ меня глубокаго.—
 Старшии казакъ да Илья Муромецъ
 Какъ ударилъ своей палицей
 Да по щелейки по толстыи,
 А по той горы да по высокіи, —
 Ставился тутъ обручъ да желѣзныи
 Черезъ тотъ да гробъ еще великіи,
 Черезъ тую площадницу было дивную.
 Бьетъ тутъ Илья Муромецъ да дрѹгой разъ, —
 Что ударитъ, тутъ же обручъ было ставится.
 Отвѣчаетъ тутъ богатырь Святогорскіи:
 — Видно тутъ же есть богатырь да кончается!
 — Ахъ ты старшии казакъ да Илья Муромецъ,
 — А ты съѣзди-тко да къ моему было родителю
 — Къ древному да батюшку,
 — Къ древному да темному,
 — Ты проси-ка у мойго родителя у батюшка
 — Мнѣ-ка вѣчнаго прощеньица.—
 Отправляется казакъ да Илья Муромецъ
 Отъ того же Святогора прочъ богатыря
 На ту гору на Палавонскую
 А къ тому же старичку да было древному,
 Хотъ бы древному да темному.
 Приѣзжае Илья Муромецъ
 На ту на гору Палавонскую
 Къ древному да къ темному:
 «Здравствуешь, престарши да дѣдушка,
 «Древныи ты темныи!
 «Я привезъ тебѣ поклонъ да челомъ-битыицо
 «Отъ твоего сына любимаго
 «Отъ того же Святогора я богатыря:
 «Проситъ онъ прощеньица да вѣчнаго.
 «Какъ легъ же въ площадницу онъ въ огромную
 «Да во тотъ было во гробъ во каменной,
 «Я отгулъ не могъ его повыздынуть».

Розсердился тут старикъ да было темны,
 Темны старикъ да было древни:
 — Знать убилъ же Святогора ты богатыря,
 — Приѣзжаешь нунь ко мнѣ-ка-ва со вѣдома,
 — Ты привозишь мнѣ-ка вѣсточку нерадостну.—
 Какъ хватить тутъ же палицу да богатырскую
 Да помáхне во богатыря,
 А й богатырь тутъ увѣрнется,
 Да старикъ тутъ образумится.
 Далъ ему да вѣчное прощеньицо
 Святогору да богатырю
 Да и сыну да любезному.
 Приѣзжаетъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ
 Къ Святогору да богатырю,
 Онъ привозитъ тутъ прощенье ему вѣчное.
 Съ нимъ же онъ да тутъ прощается,
 Святогоръ же тутъ же онъ кончается.

Записано въ дер. Рямъ
 на Пудожской Горѣ 24 июля.

2.

САДКО, ВОЛЬГА И МИКУЛА *).

Во славномъ во Новѣ градѣ
 Находится купецъ да богатыи,
 Былъ работникъ Сатокъ новгородскій.
 Отправлялись купци новгородскій
 Торговать за синѣ морѣ
 ..... **)
 Торговали за синимъ за славнымъ морюшкѣмъ.
 Отправляются они во славный во Новгородъ,
 Выѣзжали они среди моря.
 Становились корабли новгородскій,
 Стояли на мори трѣи сутей,
 Не куда оны не подаваются.
 Говорять купци новгородскій:
 «Требуе изъ насъ Водянои царь
 «Каку ни съ насъ онъ пошлину.»
 Отвѣчае вода имъ матушкѣ:
 — Проситъ человекъ Водянои царь. —
 Выбирали купци новгородскій
 Изъ артели человекъ въ синѣ морѣ.

*) Эта былина отличается особымъ размѣромъ, съ двумя ударениями въ концѣ стиха, при чемъ удареніе на последнемъ слогѣ произносится особенно рѣзко.

**) Калвинъ не могъ припомнить названія страны, куда купцы ѣхали.

Пожелалъ съ артели Сатокъ работничѣвъ,
 Рядилъ много злата серебра
 И мелкихъ съ ихъ же жемчугѣвъ:
 Буде буду я на святую Русь,
 Должны отдать купци новгородскій.
 Отпускали Сатка работничѣвъ
 Во славно во синѣ морѣ
 На двухъ дощечкахъ дубовыхъ.
 Отправлялся Сатокъ работничѣвъ
 За большое у нихъ было злото.
 Спустился Сатокъ работничѣвъ
 Во славно во синѣ морѣ.
 Приходить къ силы къ отпадшій,
 Къ тому къ царю къ невѣрному,
 Къ тому приходитъ къ двору къ царевому.
 На трехъ столбахъ у двора цареваго
 Положено по головѣ человекскій.
 Говоритъ Сатокъ работничѣвъ:
 «Ляже видно мой головушкѣ
 «У того царя невѣрнаго,
 «У той же силы отпадшій».
 Приходить Сатокъ работничѣвъ,
 Приходить же онъ въ царской дѣмъ
 И на то онъ судилищѣ:
 Остужается царь невѣрный
 Со своей молодѣи женой,
 И спрашивать Сатка работничѣвъ:
 — Что Сатокъ работничѣвъ?» —
 «Отъ тѣхъ купцовъ новгородскійхъ
 «Посланъ Сатокъ работничѣвъ.
 «Объ чѣмъ ты, царь невѣрный,
 «Требуешь человекъ тѣ съ Русь?»
 — И зову я къ себѣ на судилищѣ,—
 — Спорилъ со своей молодѣи женой:
 — Что на Россіи у васъ нуньчу дѣтса:
 — Дороже бузатъ-желѣзо краснаго видъ золота?
 Отвѣчаетъ Сатокъ работничѣвъ:
 «У насъ на Россіи нунь дѣтса,—
 «Подороже бузатъ-желѣзо краснаго видъ золота».
 Свочилъ же царь невѣрный,
 Тягилъ въ руки саблю воструѣ,
 Отсѣкъ царици буйну голову *).
 Отвѣчаетъ Сатку работничѣву:
 — Ай Сатокъ работничѣвъ!
 — Не угодно ли служить царю невѣрному?—
 «Отъ васъ, царь, не отнимаюся,
 «Только хотѣлось бы не бѣлый свѣтъ.»

*) Пѣвецъ объяснилъ, что царица, жена Водянаго, утѣра-ла, будто на Руси золото дороже желѣза, и что для разрѣшенія этого спора потребовалъ Водяной человекъ съ Руси.

— Женись-ко, Сатокъ работничѣкъ,
 — Награжу тебя Сатокъ имѣніемъ. —
 Не отнимался Сатокъ работничѣкъ
 Отъ того царя невѣрнаго.
 Приводитъ ѣнъ ему три дѣвушкѣй:
 Двѣ дѣвушки бѣленькихъ,
 Третья дѣвушка черная,
 Черна дѣвчонька чиганочка.
 Ступае дѣвчонька на ногу
 Тому Сатку работничкѣу, —
 Догадался Сатокъ работничѣкъ,
 Отвѣчаетъ царю невѣрному:
 «Возьму я дѣвушку черную.»
 Отвелъ же невѣрный царь
 Ему дѣвушку черную.
 Ложилися Сатокъ работничѣкъ
 И спать онъ съ дѣвушкой черной.
 Говоритъ ему дѣвушка черная,
 Черна дѣвчонька чиганочка:
 — Не вались, Сатокъ работничѣкъ,
 — Близехонько ко мнѣ въ дѣвушкѣй,
 — Накинь свои рѣчки Сатковѣй,
 — Накинь конецъ перстиковѣвъ. —
 Накинувъ Сатокъ работничѣкъ,
 Накинувъ онъ конецъ перстиковѣвъ, —
 И тутъ Сатокъ работничѣкъ
 Объявился въ тую ночь въ Новѣ градѣ
 И лежить покрай матушки Волхова,
 Одни ручки въ водѣ ягд.
 Приѣзжаютъ купци новгородскіи
 Изъ-за славнаго синя моря:
 Получилъ съ ихъ злато и серебрѣ,
 Получилъ съ ихъ и мелкіи жемчугѣй.
 Вознесся Сатокъ работничѣкъ
 Вознесся е славою,
 Прописалъ себя въ купци богатѣй.
 Кажется Саткѣу богатомѣу,
 Не во снѣ ему кажется,
 На яву емѣ видится:
 — Вязи-тко ты шелковѣвъ невѣдѣ,
 — Лови-тко ты въ матушки Волховѣй
 — Что попадетъ тебѣ въ неводѣй:
 — Сострой амбарѣй великѣй,
 — Въ амбарѣй вали безпощадно грязь. —
 Попадае мусоръ и чеврой *) тутѣ,
 Попадае листья и дубья колѣдникѣй.
 Валилъ въ амбарѣй великѣй
 И всяку неподѣльну грязь.
 Всѣ новгородчана смѣялися

*) Чеврой — рѣчной песокъ.

Надѣ тымъ Саткомъ работничѣкомъ:
 — Вознесся Сатокъ работничѣкъ,
 — Прописалъ себя въ купечествѣ
 — И залогоу великаго,
 — А нунъ ловить мусоръ и чеврой тутѣ
 — И всяку неподѣльну грязь,
 — И валилъ въ амбарѣй великѣй! —
 На яву у Сатка причудилося,
 Все золото серебро въ амбарѣй объявилосѣй.
 Произвелъ Саткѣу купецъ богатѣй
 И все на денежный счетъ же вдрѣтъ, —
 И не узналъ свою казну безсмѣтнуѣй.
 Повыхвасталъ Саткѣу богатѣй,
 Повыхвасталъ съ купцами новгородскіи:
 «Ай же вы купци новгородскіи,
 «Ай же вы купци издревле здѣй!
 «Я повыкупию у васъ запасы всѣхъ хлѣбныхъ,
 «Повыкупию товары вси красныи
 «И на свое было имѣніе
 «И на свою злату казну!»
 И вси купци новгородскіи
 Всѣ купци задѣумалися:
 — Неужто не можетъ поставить на Сатка купца
 богатого
 — Хлѣбовъ запасныхъ и товаровъ намѣ крас-
 ныхъ,
 — Чтобы не выкупить Саткѣу купцѣу богатомѣу
 — Нашего имѣщества? —
 Не смѣли бить о великѣй залогѣ,
 Не смѣли на одинъ же разъ,
 А били съ Саткомъ они на три разъ, —
 Били купци о своихъ главахъ,
 И Сатокъ купецъ богатѣй
 Билъ о своей буйной головѣй.
 Сталъ кунить запасы онъ хлѣбныхъ
 И товары вси красныи,
 Очистилъ вси лавки у купцовъ новгородскіихъ.
 Нечего купить Саткѣу богатомѣу
 У тыхъ купцовъ новгородскіихъ,
 Повыкупилъ съ лавазовъ запасы всѣхъ хлѣбныхъ,
 Съ лавокъ товары вси красныи.
 Наставляли купци было въ другой разъ
 Про того Сатка купца богатого,
 Сталъ кунить Сатокъ въ другой разъ
 Изъ лавазовъ запасы онъ хлѣбныхъ,
 Изъ лавокъ товары все красныи,
 Повыкупилъ на свое большое имѣніе
 Изъ лавазовъ запасы онъ хлѣбныхъ,
 Изъ лавокъ товары всѣ красныи,
 Не осталосѣй запасовъ тутѣ хлѣбныхъ,
 Не осталосѣй товаровъ тутѣ красныхъ.

Сами купци новгородскій
 Сами купци призадумались,
 Сами купци приужахнулись:
 — Набъ *) намъ поставить буйны головѣ,
 — Не заправимъ запасовъ ли хлѣбныхъ,
 — Не заправимъ товаровъ мы красныхъ,
 — Чтобъ не выкупить Сатку купцу богатому. —
 Писали купцамъ греческимъ,
 Писали купцамъ заморскимъ:
 Пособили бы наставить запасы же хлѣбный,
 Пособили бы наставить товары все красныи.
 Наставили купци заморскій,
 Заморскій купци что ли греческй,
 Наставили запасы тутъ хлѣбный,
 Наставили товары тутъ красныи
 Въ помочъ купцамъ новгородскимъ
 Сталь купить Сатокъ купецъ богатый
 Въ томъ въ своемъ въ Новѣ градѣ,
 Повыкупилъ Сатокъ онъ же третью часть:
 Не хватае у Сатка больше золота
 Купить тутъ запасовъ да хлѣбныхъ,
 Да товаровъ да красныхъ.
 За свое за бахвальство за ложноѣ,
 За свое пустое за хвастаньѣ
 Отсѣчь набъ Сатку буйна головѣ,
 Прикончить Сатку своя скоро жизнь.
 Сбѣжалъ Сатокъ купецъ богатый
 Отъ тыхъ купцевъ новгородскихъ,
 Сбѣжалъ изъ думы изъ вѣрбикій
 Къ тому Вольги Всеславьеву:
 «Молодой Вольга Всеславьевичъ,
 «Сбереги меня Сатка купца богатого
 «Отъ тою смерти напрасной
 «За свое за ложной хвастаньѣ!»
 Одѣвался Вольга Всеславьевичъ
 И въ латы богатирскій,
 Береть орудію богатирскую,
 Ставился Вольга Всеславьевичъ,
 Ставился на матушку на Волховѣ,
 Ставился на широкъ мость,
 Казнилъ онъ народъ беззачно безпошлинно,
 Рылъ *) народъ во матушку во Волховѣ
 И всихъ купцевъ новгородскихъ;
 Бѣжали купци новгородскій,
 Тѣи мужики новгородчанѣ
 Къ тому было отцу его крестному
 Къ тому Вольги Всеславьева:
 — Упроси-тко ты Вольгу Всеславьева.

— За того Сатка купца богатого
 — Казнить народъ беззачно безпошлинно. —
 Одѣвается отецъ его крестный,
 Кладывае колоколъ себя на главу
 Кладывае колоколъ же мѣдный,
 Мѣдныи колоколъ еще сорокъ пудъ.
 Идетъ къ крестовому дитятку
 Къ тому Вольги Всеславьеву:
 «Ай крестовое мое ты дитятедъ,
 «Ай Вольга Всеславьевичъ!
 «Не казни жъ народъ беззачно безпошлинно
 «За того купца ты невѣрнаго,
 «Не за вѣрнаго купца богатого,
 «За богатого Сатка новгородскаго!»
 Упирается отца онъ крестнаго,
 А ударилъ отца онъ крестнаго
 Своимъ копьемъ бурзамецкимъ
 Во его буйную голову,
 Въ тотъ колоколъ было мѣдный
 И молодой Вольга Всеславьевичъ.
 И лопнулъ колоколъ было мѣдный
 На главы у того отца крестоваго.
 Убилъ отца онъ крестоваго.
 Тутъ самъ Вольга ужахнулся вдруть,
 Убирался онъ съ матушки съ Волхова,
 Приходить къ родители къ матери,
 Самъ Вольга и хвастаетъ:
 — Ай родитель моя матушка!
 — Я сдѣлалъ теперъ незаконный судъ,
 — Убилъ своего отца было крестнаго. —
 Говорить родитель ему матушка
 Тому Вольги Всеславьеву:
 «Молодой Вольга Всеславьевичъ!
 «Не потерпнть тебя небесной царь,
 «Что убилъ отца ты крестнаго,
 «За ту напрасну смерть».
 Молодой Вольга Всеславьевичъ
 Справляется къ дружини хороброю,
 Набралъ дружини хороброю
 Набралъ сорокъ стрѣльцевъ молодыхъ молодцевъ,
 Сорокъ молодцевъ удалыхъ борцевъ,
 Отправляется съ дружиной хороброю,
 Отправляется Вольга Всеславьевичъ,
 Отправлялся въ дальню сторону.
 Приѣзжае Вольга Всеславьевичъ,
 Приѣзжае къ Викулу Селягину.
 Паше Викула Селягинъ сынъ
 Во томъ въ чистомъ полѣ,
 Борозды гоняе предолгий,
 Сошка его поскрипливатьъ,
 Солова кобылка его поступливатьъ,

*) Набъ — надобно.

*) Рылъ — сбрасывать.

Камешки вонь вывертываѣтъ,
 Дѣрень Викула внизь повертываѣтъ.
 Приѣзжаетъ Вольга Всеславьевичъ
 Къ Викулы Селягину:
 — Богъ помочь, ратаръ великій,
 — Во чистомъ поли попахиваѣтъ!
 — Какъ ты зовуть, ратаръ великій,
 — По имени нарекають по отечеству? —
 Отвѣчаетъ тутъ ратаръ великій,
 Называется Викулушкой,
 По изотчинѣ звеличается Селягинъ сынъ.
 — Къ тебѣ я ѣхалъ Викула Селягинъ сынъ
 — А нашолъ тебя въ чистомъ поли
 И спрашивать Викула Селягинъ сынъ:
 «Откуда удалой добрый молодецъ?»
 — Есть я молодецъ изъ дальнихъ мѣсть,
 — По прозванью Вольга Всеславьевичъ. —
 «И вы есть Вольга Всеславьевичъ?
 «Куда вы отправились?»
 — Отправился къ Викулы Селягину,
 — Искать Викулы Селягина,
 — Что поренъ Викула Селягинъ сынъ. —
 И отвѣчаетъ Викула Селягинъ сынъ:
 «Велика сила у Викулы Селягина,
 «Какъ ратаремъ живу во чистомъ поли.»
 — Ай ты молодой Викула Селягинъ сынъ!
 — Поѣдемъ съ нами въ Курчовецъ,
 — Поѣдемъ съ нами въ Орѣховецъ. —
 Отвѣчае Викула Селягинъ сынъ:
 «Я недавно былъ братцы во Курчевцѣ,
 «Привезъ два мѣха соли пребольшихъ,
 «Въ который же мѣхъ входитъ сорокъ пудъ.»
 Зоветь его Вольга Всеславьевичъ
 Съ собою ѣхать въ Курчовецъ,
 Съ собою ѣхать въ Орѣховецъ.
 Не отнимался Викула Селягинъ сынъ,
 Выпрягалъ кобылку онъ солову,
 Кладъ сошку на ноженку,
 Лишнулъ *) сошку далѣко въ край.
 Садился на кобылку на солову,
 Поѣхалъ Викула Селягинъ сынъ.
 Пошла Викулина кобылка тутъ солова,
 Пошла во цѣлый шагъ, —
 Молодой Вольга Всеславьевичъ
 Со своей дружиной хороброю
 Одва гонятся во всю же рысь.
 Испроговорить Вольга Всеславьевичъ
 — Ай Викула Селягинъ сынъ!
 — Эта бы кобыла конемъ была,

*) т. е. явугъ.

— Стоила бы кобыла пятьсотъ рублѣвъ. —
 Отвѣчае Викула Селягинъ сынъ:
 «Не возьму за кобылу цѣлой тысящѣ.»
 Поѣхали въ путь дорожену,
 Не доѣхали до города Орѣхова,
 Попадае имъ камень огромный,
 На камешки подиись великаѣ:
 Скакать черезъ этотъ же камешокъ
 Тому же богатырѣ
 Тому Вольгѣ Всеславьеву,
 Дружинушки его въ поперѣгъ каменѣ,
 Ему Вольгѣ вдоль камешка, —
 Не скочить Вольга Всеславьевичъ,
 Тутъ будетъ Вольги скорѣ смерть.
 Отправляется дружина хоробрая,
 Скакала она впоперѣгъ сѣго каменѣ;
 Направляется Вольга Всеславьевичъ
 Скочить сѣго вдоль каменѣ.
 Скочилъ Вольга Всеславьевичъ,
 Черезъ всю длину сѣго каменѣ,
 Задѣвае конь подковами
 За длинны за камешокъ.
 Застрдалъ Вольга Всеславьевичъ,
 Не доѣхалъ Вольга до Орѣховца,
 Скопчался на той пути дороженкѣ
 И тотъ же Вольга Всеславьевичъ.
 Доставала дружина хоробрая
 Доставала Вольгу Всеславьевѣ
 Въ свое же мѣсто великое *).
 Тутъ же Вольга приставился.

Записано тамъ же, 22 июля.

3.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙ- НИКЪ.

Того ли города онъ Муромля,
 Изъ того ли нунъ села да Карачаева,
 А Илья да сынъ Ивановичъ
 Просить у родителя прощеньца,
 Онъ прощенья просить съ благословеньцомъ
 ѣхать къ городу Чернигову,
 Отъ Чернигова-то ѣхать нунъ ко Киеву
 А ко ласковому князю ко Владимиру.

*) Пѣвецъ не могъ припомнить названія мѣста, куда дружина отвезла похоронить Вольгу.

Далъ отецъ прощенье съ благословеньицомъ
 Ъхать къ городу Чернигову.
 Онъ сядилъ тутъ Илья да на добра копя,
 Бралъ же въ руки онъ да тугой лукъ,
 А поѣхалъ онъ прямой дорожкой некольною
 А отъ города отъ Муромля
 А до города Чернигова.
 Перевелъ станъ большій разбойнички,
 Онъ очистилъ тутъ дороженки.
 Подъѣзжаетъ тутъ онъ подъ Черниговъ градъ,
 Гди стоитъ тутъ войско бусурманское
 А ѣ подъ городомъ Черниговымъ,—
 Тутъ не сдѣлано ни выпуску ни выѣзду
 Что ли князю да черниговску.
 Молодой Илья да сынъ Ивановичъ.
 Онъ прибилъ же тое войско всё бусарское (такъ),
 Всихъ татаръ да всихъ поганыхъ,
 Онъ очистилъ тутъ Черниговъ градъ,
 Збавилъ князя да черниговска
 Отъ татаръ было поганыхъ.
 Приѣзжаетъ тутъ ко князю ко черниговску,
 Князь черниговскій зрадѣется:
 «Ты откуда, добрый молодецъ,
 «Ты коѣй земли, коѣй орды,
 «Какъ ты нарекають по отечеству?»
 — Я есть города отъ Муромля
 — Да села есть Карачаевска,
 — Да Илья же сынъ Ивановичъ.—
 Привялъ его князь черниговскій
 Во великое себѣ-ка-ва гостѣбищо,
 Онъ дарилъ ему да чѣстныи подарочки,
 Подарилъ тутъ е орудію да богатѣрскую,
 Подарилъ копье да ему вострое,
 Да пожертвовалъ ѣнъ саблю ему вострую.
 Тутъ поѣхалъ да Илья же сынъ Ивановичъ
 Отъ Чернигова на Кіевъ градъ
 А прямой дорожкой не окольною,
 А гди Соловей да сынъ Рахматовичъ
 А сидитъ онъ на двѣнадцати дубахъ да сорочин-
 скинхъ,
 Не пропустить онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
 Бьетъ онъ свистомъ соловьинымъ,
 Покрыкомъ своимъ звѣриннымъ.
 Тутъ есть станы да разбойнички
 Да артели тутъ великіи
 На прямой дорожки не окольныи.
 Тутъ поѣхалъ же Илья да сынъ Ивановичъ
 Отъ Чернигова до Кіева,
 Перевелъ же станы вси разбойнички,
 Онъ убилъ артели вси разбойниковъ.
 Подъѣзжае подъ гнѣздо да Соловьиное

Того Соловья Рахматова.
 Засвисталъ же Соловей Рахматовичъ,
 Засвисталъ по соловьиному,
 Закрычалъ онъ по звѣриному;
 У Илья сына Иванова
 Добрый конь его да подтыкается,
 Спадатъ со рѣзвѣихъ ногъ,
 Падатъ онъ же на колѣночка.
 Говоритъ Илья Ивановичъ:
 — Ахъ ты волчья сыть, медвѣжья выть!
 — Что же ты да новѣче подтыкаешься?
 — Что ль ты не бывалъ да во темномъ лѣсу,
 — Не слыхалъ ты соловьиного да пѣсвисту,
 — Не слыхалъ ли ты звѣринаго да покрыку?
 — Ты ставай-ко на рѣзвѣ ноги,
 — Ты вези-ко подъ гнѣздо да Соловьиное,
 — Подъ того же было Соловья Рахматова!—
 Подъѣзжае тутъ Илья да сынъ Ивановичъ
 Подъ того же Соловья Рахматова,
 Подъ гнѣздо да соловьиное.
 Какъ подѣхалъ Илья да сынъ Ивановичъ
 Подъ гнѣздо да Соловьиное,
 Онъ натягивалъ свой тугой лукъ,
 Онъ натягивалъ тетивочки шелкѣвыи,
 А накладывалъ тутъ стрѣлочку калѣную,
 Стрѣлили стрѣлочку во Соловья
 Во того да во Рахматова,
 Во того да во разбойника;
 Попадала тая стрѣлочка
 А во Соловья Рахматова
 И свалила тая стрѣлочка
 Оттуль Соловья Рахматова,
 А Рахматова разбойничка,—
 Повалился будто сѣнная-та кучищо.
 А до смерти не убило ли,
 Только Соловья разило ли.
 А Илья да сынъ Ивановичъ
 Бралъ же Соловья Рахматова,
 Бралъ Илья да за желтѣи вудри,
 Вязалъ Соловья Рахматова
 Онъ ко лѣвою ко стремени.
 Тутъ сядилъ на добра копя,
 Повесть Соловья Рахматова
 А ѣ ко городу ко Кіеву
 А ко ласковому князю ко Владиміру
 Черезъ тотъ же было домъ да Соловьиный,
 Гдѣ живетъ же тамъ жена е Соловьиная
 Со своимъ тамъ же дѣтками.
 А глядятъ же его дѣтушки
 Того Соловья Рахматова
 Во косевчато окошечко,

Говорятъ же ты дѣтушки:
 «Ахъ ты матушка, ты матушка!
 «Батюшка-тогь ѣде, мужика везеть».
 Была дочь да одноглазая,
 А глядитъ она въ окошечко,
 А сама она да испроговорить:
 — Ахъ вы глупыи вы дѣтушки,
 — Неразумны наши дѣтушки!
 — А не батюшка-тогь ѣде, мужика везеть,
 — А мужикъ-тогь ѣде, везе батюшка.—
 Говорить же Соловьина молода жена:
 «Вы бѣжите-тко на широкъ дворъ,
 Тамъ здымайте подворотенку
 Подворотенку да вы серебрану,
 А убейте мужика да на проѣздѣ тутъ
 Во своихъ было воротахъ ли.
 Увидалъ же тутъ да Соловей Рахматовичъ
 Подворотенку здымаючи:
 — Ахъ вы глупыи вы дѣтушки,
 — Неразумныи вы дѣтушки!
 — Вы зачымъ же нунь здымаете
 — Подворотенку серсбряну?
 — Что ли убьете вы подворотенкой,
 — Какъ не могъ-то я убить да еще раньше васъ?
 — Вы зовите-тко въ гостѣбищо,
 — Вы дарите-тко подарочки,
 — Чтобы онъ оставилъ вамъ же батюшка.—
 Звали во великое гостѣбищо
 Да Илью сына Иванова,
 Выносили ему честныи подарочки.
 Не бралъ честныхъ подарочковъ,
 Не оставилъ имъ же Соловья Рахматова,
 Везъ ко городу ко Киеву
 А ко ласковому князю ко Владимиру.
 Приѣзжае онъ ко городу ко Киеву
 А ко ласковому князю ко Владимиру,
 Тутъ же онъ приѣхалъ да на широкъ дворъ
 Къ тымъ же ко полатамъ бѣлокаменнымъ,
 Вяжетъ онъ коня да у столба да у точенаго
 У того кольца да золоченаго,
 Заполъ же во полаты бѣлокаменны,
 Крестъ владеть да по писаному,
 А поклонъ ведеть да по ученому,
 Бьетъ челомъ да покланяется
 А на всихъ же на четыре на сторонушки,
 Князю со княгинушкой въ сторону:
 «Здравствуй, солнышко Владимиръ стольнѣ-киевской
 «Со своей было княгиною!»
 Спрашивать Владимиръ стольнѣ-киевской:
 — Ты откуда, удалый доброй молодець,
 — А коей земли коей орды,

— Какъ ты именемъ зовуть,
 — Какъ ты нарекають по отечеству?
 «Я есть города отъ Муромля
 «А села да Карачаева,
 «А Илья да сынъ Ивановичъ.»
 — А отъ города отъ Муромля
 — Отъ села да Карачаева
 — Вы куда-ка нуньчу ѣхали? —
 Отвѣчае тутъ Илья да сынъ Ивановичъ:
 «Мы ѣхали да на Черниговъ градъ,
 «Отъ Чернигова на Киевъ градъ
 «А прямой дорожкой некольною.»
 Говорить ему Владимиръ стольнѣ-киевской:
 — Ай же ты Илья да сынъ Ивановичъ!
 — Тутъ великии артели да разбойниковъ
 — На прямой дорожки некольною. —
 «Вси разбойнички убитыи,
 «Вси дороженьки очищены.»
 Спрашивать Владимиръ стольнѣ-киевской:
 — Подъ Черниговомъ да стбитъ войско бусур-
 манское,
 — Все поганщи татарова,
 — А стоить татаръ да много тысящей,
 — Запертъ да Черниговъ градъ,
 — Нѣтъ ни выходу ни выѣзду. —
 Говорить же тутъ Илья да сынъ Ивановичъ:
 «А убито тое войско бусурманское,
 «Да очищенъ тутъ Черниговъ градъ,
 «Что ли избавленъ еще князь черниговской
 «А отъ тыхъ поганыхъ татаровой.»
 — Отъ Чернигова куды же вы тутъ ѣхали? —
 «Ѣхали да отъ Чернигова
 «Отъ Чернигова на Киевъ градъ
 «А й прямой дорожкой некольною,
 «Гди живетъ тутъ Соловей Рахматовичъ».
 Говорить ему Владимиръ стольнѣ-киевской:
 — Какъ же вы отгуда-ка проѣхали?
 — Тутъ великии артели е разбойниковъ. —
 «А разбойнички убитыи,
 «Что ли станочки посожганы.»
 — Тутъ же Соловей Рахматовичъ
 — Онъ сидитъ на двѣнадцати дубахъ да соро-
 чинскихъ,
 — Не стрѣльбой пальбой онъ бьетъ да человѣче-
 ской,
 — Бьетъ же посвистомъ да соловьинымъ,
 — Бьетъ же покрыкомъ звѣриннымъ. —
 «Соловей Рахматовичъ
 «На твоємъ да широкомъ двори
 «У моей было у лѣвои у стремена,
 «Онъ привезень нунь во Киевъ градъ.»

Князь да со княгиною
 А скорешенько бѣжали да на широкъ дворъ
 Посмотрѣть да было Сбловья Рахматова.
 Выбѣгали тутъ на широкъ дворъ
 Къ тому Сбловью Рахматову,
 А ѣ къ Рахматову разбойнику:
 — Ахъ ты Сбловей Рахматовичъ,
 — Засвищи по соловьиному,
 — Закрычи-тко по звѣриному!—
 Отвѣчае нмъ же Сбловей:
 «Не у васъ я хлѣба кушаю,
 «А не васъ я хочу слушати.»
 А ѣ выходитъ тутъ Илья да сынъ Ивановичъ;
 Испроговорить Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
 — Ай же ты Илья да сынъ Ивановичъ!
 — Заставъ Сбловья да засвистать,
 — Засвистать по соловьиному,
 — Закрычать да по звѣриному.—
 Говорилъ Илья Ивановичъ:
 «Ахъ ты Сбловей Рахматовичъ,
 «Засвищи-ко ты полѹ-свистомъ,
 «Закрычи-ко нунь полѹ-крькомъ!»
 Сбловей Рахматовичъ,
 А Рахматовичъ разбойничекъ,
 Засвисталъ-то онъ во весь же свистъ,
 Закрычалъ-то онъ во весь тутъ крькъ.
 Князь да со княгиною
 Пали оны, бмерли.
 Какъ Илья же сынъ Ивановичъ
 Какъ подскочить онъ ко Сбловью,
 Къ Сбловью Рахматову
 А къ Рахматову разбойнику,
 Какъ отдѣрнеть да отъ стремени,
 Какъ ударить о кирпичень мость,—
 Повернулись тутъ глаза-ты вонъ косицами,
 На четыре части голова тутъ лоннула;
 А рострясъ князі съ княгиною,
 Что ли солнышка Владиміра
 А и князя стольнѣ-кѣвска.
 Испроговорить Владиміръ стольнѣ-Кѣвской:
 — Благодарствуешь Илья да сынъ Ивановичъ,
 — Збавилъ насъ отъ смерти отъ напрасныа!
 — Нареку тебѣ я нма да по новому:
 — Быдъ-ко ты казакъ да Илья Муромецъ,
 — Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
 — А живи-тко ты у насъ во Кіевѣ,
 — А огннѣ ты живи вѣкъ по вѣку!—

Записано тамъ же, 24 іюля.

4.

ИЛЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

Ай татаринъ да поганни,
 Чтоль Идолищо великое,
 Набралъ силы онъ татарскін,
 Набралъ силы много тысящей,
 Онъ поѣхалъ нунь татаринъ да поганни,
 А Идолищо великое,
 А великое да страшное,
 А ѣ ко солнышку Владиміру
 А ѣ ко князю стольнѣ-кѣвску.
 Приѣзжаетъ тутъ татаринъ да поганни,
 А Идолищо великое,
 А великое да страшное,
 Ставить силушку вкругъ Кіева,
 Ставить силушку на много вѣрствъ,
 Самъ поѣхалъ онъ къ Владиміру.
 Убоился нашъ Владиміръ стольнѣ-кѣвской
 Что ль татарина да онъ было поганнаго,
 Что ль Идолища да онъ было великаго.
 Не случилось да у Владиміра
 Дома русьскінхъ могуиныхъ богатырей, —
 Уѣхали богатыри въ чисто поле,
 Во чисто поле уѣхали поляковать:
 А ѣ ни стараго казака Ильи Муромца,
 А ѣ ни мѡлода Добрынюшки Нивитича,
 Ни Михайлы бѣло Пѡтъка Иванова.
 Былъ одинъ Алешенька Левонтьевичъ,
 Хотъ бы смѣли Алешка — не удални.
 А не смѣлъ же ѣхать въ супротивности
 А противъ было поганнаго татарина
 А противъ того Идолища великаго.
 Ужъ какъ солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской
 Что ль татарину да кланялся,
 Звалъ онъ тутъ въ великое гостебищо,
 На свое было велико пированьицо
 Во свои было палаты бѣловаменны.
 Тутъ же ѣздитъ Илья Муромецъ да у Царя-града,
 Онъ незгодушку про Кіевъ да провѣдаеть.
 Какъ приправитъ Илья Муромецъ да коня добраго,
 Отъ Царя-града приправитъ же до Кіева,
 Тутъ поѣхалъ Илья Муромецъ въ чисто поле
 А подъ тую было силу подъ татарскую.
 Попадаетъ ему старецъ перегримищо,
 Перегримищо да тутъ могучи Иванищо;
 Говоритъ ему казакъ да Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
 «Ты Иванищо да е могучи!
 «Не очистишь что же нуньчу града Кіева,

«Ты не убьешь нунь поганыхъ татаровой?»

Говорилъ ему Иванищо могучее:

— Тамъ татаринъ е великіи,

— А великіи Идолищо да страшнии,

— Онъ по кую да хлѣба къ выти ѣсть,

— По ведру вина да онъ на разъ-то пьеть,

— Такъ не смію я итти туды къ татарину. —

Говорить ему казакъ да Илья Муромецъ,

Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:

«Ай же ты Иванищо могучее!

«Дай-ко мнѣ-ка платицевъ нунь старческихъ

«Да заптѣвъ же мнѣ-ка нуньчу старческихъ,

«Своей шляпы нунь же мнѣ-ка-ва да старческой,

«Да й клюки же мнѣ-ка сорока пудовъ, —

«Не узналъ бы нунь татаринъ да поганинъ,

«Что меня же нунь казѣка Ильи Муромца,

«А Ильи сынъ Иванова.»

— А не далъ бы я ти платицевъ да старческихъ,

— А не смію не дать платицевъ тутъ старческихъ

— Съ чести ти не дать, такъ возьмешь не съ чести,

— Не съ честивозьмешь, ужъ мнѣ-ка бокъ набьешь!

Отдавае ему платица-ты старчески,

Лапти тутъ давае онъ же старчески,

Шляпу онъ давае тутъ же старчески,

А клюку-ту онъ давае сорока пудовъ.

Принимастъ тутъ же платя богатырскіи

А садился на коня да богатырскаго,

Онъ поѣхалъ Ильей Муромцомъ.

А идеть тутъ Илья Муромецъ,

Что идеть же къ солнышку Владимиру,

Что идеть Иванищо могучее

Въ платяхъ тутъ же старческихъ,

Онъ идеть мимо палаты бѣлокаменны

Мимо ты косевчаты окошечка,

Гди сидитъ было Идолищо поганое,

Гди татаринъ да невѣрнии.

А взглянулъ было татаринъ во окошечко,

Самъ татаринъ испроговорить,

Говорить же тутъ татаринъ да поганинъ:

— А по платицамъ да иде старчищо,

— По походочкѣ такъ Илья Муромецъ. —

Онъ приходитъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ

А въ тни въ полаты бѣлокаменны

И во тыхъ было во платяхъ да во старческихъ

Того старца peregrinitsa,

Peregrinitsa да тутъ Иванища.

Говорить же тутъ Идолищо поганое:

— Ай же старчищо да peregrinitsa!

— А й великъ у васъ казакъ да Илья Муромецъ?

Отвѣчае ему старецъ peregrinitsa:

«Не огромный нашъ казакъ да Илья Муромецъ,

«Ужъ онъ толь великъ какъ я же есть.»

— А по многу ли вашъ ѣсть да Илья Муромецъ?—

Отвѣчае ему старецъ peregrinitsa:

«Не по многу ѣсть казакъ да Илья Муромецъ:

«По три онъ калачнеа крупивчатыхъ.»

— Онъ по многу же ли къ выти да вина-то пьеть?—

Отвѣчае ему старецъ peregrinitsa:

«Онъ одинъ же пьеть да нунь стаканецъ ли.»

Отвѣчасть тутъ Идолищо поганое:

— Это что же есть да нуньчу за богатырь ли!

— Какъ нашии татарскіи богатыри

— По кую да хлѣба къ выти кушаютъ,

— На разъ же по ведру вина да выпьютъ ли.—

Отвѣчасть тутъ казакъ да Илья Муромецъ,

Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:

«Какъ у нашего попа да у Левонтыя у Ростовскаго

«Какъ бывала тутъ коровнища обжорища,

«По кубочѣ *) соломы да на разъ ѣла,

«По лохани да питья е да на разъ пила,

«Ѣла, ѣла, пила, пила, сама лопнула!»

Тутъ Идолищу поганому не кажется, —

Какъ ухватить онъ пожищо да кинжалищо

Да какъ махне онъ въ казѣка Плью Муромца,

Во того было Илью Иванова.

А казакъ тотъ былъ на пожни еще повертокъ,

А на печку Илья Муромецъ выскакивалъ,

На зету онъ ножичокъ подхватывалъ,

А назадъ да къ нему носомъ поворачивалъ, —

Какъ подскочить тутъ казакъ да Илья Муромецъ

Со своей было клюхою сорочинскою,

Какъ ударить онъ его да въ буйну голову, —

Отлетѣла голова да будто пугвица.

А какъ выскочить онъ да на широкъ дворъ,

Взялъ же онъ клюхой было помахивать

А поганыхъ татаровой охаживать,

А прибилъ же всехъ поганыхъ татаровой,

А очистиъ Илья Муромецъ да Кіевъ градъ,

Збавилъ онъ же солнышка Владимира

Изъ того же было полону великаго.

Тутъ же Илья Муромцу да-е славу поють.

Записано тамъ же, 24 июля.

*) Кубоча — гукать или сножь соломы.

5.

ДОБРЬНЯ НИКИТИЧЬ *).

Добрынюшки-то матушка говаривала,
 Никитичу-то родненька наказывала:
 «Ах ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
 «Ты походишь нунь гулять да е во Кіевъ градъ,
 «Подъ ты нунь гулай да по вснмъ улличкамъ,
 «И по тымъ же ты по мелкимъ переулочкамъ,
 «Только не ходи ко сукиной Маринушки,
 «Къ той Маринушки Кайдаловной,
 «А Кайдалевной да королевичной,
 «Въ тую ли во частую во улличку,
 «Да во тотъ ли нунь во мелкій переулочекъ.
 «Сука блядь Маринка та Кайдалевна,
 «А Кайдалевна да королевична,
 «Королевична да и волшебница,
 «Она много нунь казнила да князей князевичевъ,
 «Много королей да королевичевъ,
 «Деять русьскіихъ могучіихъ богатырей,
 «А безъ счету тутъ народушку да черняди.
 «Зайдешъ ты, Добрынюшка Никитиничъ,
 «Къ той же ко Маринушкѣ Кайдаловной,
 «Тамъ тебѣ Добрыня живу не бывать!»
 Отправляется Добрыня сынъ Никитиничъ
 Онъ ходитъ гулять по городу по Кіеву,
 Да по тымъ же нунь по частымъ по улличкамъ,
 Тутъ по мелкимъ Добрыня переулочкамъ,
 Ходитъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ,
 А не шоль же онъ къ Маринушкѣ Кайдаловной.
 Онъ увидѣлъ голуба да со голубушкой,
 А сидитъ же голубъ со голубушкой
 А во той же нунь Маринки во Кайдалевны
 Въ ей же онъ сидитъ голубъ во уллички,
 Сидятъ что ли голубъ со голубою
 Что ли носъ съ носкомъ а ротъ съ роткомъ.
 А Добрынюшкѣ Никитичу не кажется,
 Что сидитъ же тутъ да голубъ со голубушкой
 Носъ съ носкомъ да было ротъ съ роткомъ,
 Онъ натягивалъ тетивочки шелковни,
 Онъ накладывалъ тутъ стрѣлочки калѣпны,
 Онъ стрѣляетъ тутъ же въ голуба съ голубушкой.
 Не попала тая стрѣлочка каленая
 А й во голуба да со голубою,
 А летѣла тая стрѣлочка прямо во высобъ теремъ,

**) Калитинъ пѣлъ подъ-рядъ всю былинну о Добрынь Никитичѣ, какъ одно цѣлое, но говоритъ, что она обыкновенно поется въ трехъ частяхъ, которыя составляютъ каждая отдельную былинну.

Въ то было окошечко косовчато
 Къ суѣ ко Маринушки Кайдалевной,
 А й Кайдалевной да королевичной.
 Тутъ скорешенько Добрыня шоль да широкимъ
 дворомъ,

Поскорѣ тутъ Добрыня по крылечку,
 Въжливѣ же Добрыня по новымъ сѣнямъ,
 А побасче тутъ Добрыня въ новой горенкѣ,
 А беретъ же свою стрѣлочку каленую.
 Говоритъ ему Маринка да Кайдалевна,
 А й Кайдалевна да королевична:
 «Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
 «Сдѣлаемъ, Добрынюшка, со мной любовь.»
 Отвѣчаетъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
 — Ахъ ты душенька Маринушка Кайдалевна!
 — Я тебѣ-ка-ва не полюбовничокъ. —
 Обвернулся тутъ Добрыня съ новой горницы
 И выходитъ тутъ Добрынюшка на широкъ дворъ.
 Тутъ скочила же Маринушка Кайдалова,
 Брала тутъ ножицо да кинжалцо,
 А стругаетъ тутъ сѣдочки да Добрынины
 Рыла *) тутъ во печку во муравлену
 И сама же тутъ къ сѣдочкамъ приговаривать:
 «Горите вы сѣдочки да Добрынины
 «Во той было во печки во муравленой,
 «Гори-тко во Добрынюшки по мнѣ душа!»
 Воротился тутъ Добрыня съ широка двора,
 А приходитъ ко Маринѣ ко Кайдалевной,
 А й къ Кайдалевной да королевичной:
 — Ахъ ты душенька Маринушка Кайдалевна,
 — А й Кайдалевна да королевична!
 — Ужъ ты сдѣлаемъ Маринушка со мной любовь,
 — Ахъ ты съ душенькой съ Добрынюшкой Микитичемъ. —

«Ахъ ты молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
 «Что же надо мной да надсмѣхаешься?
 «Давень тебя звала въ полюбовнички,—
 «Ты въ меня топерь **) Добрыня не влюблялся ли;
 «Нунечу зовешь да въ полюбовницы!»
 Воротила тутъ она было богатыря
 Тымъ было туромъ да златорогимъ,
 А спустила тутъ богатыря въ чисто поле;
 А пошоль же тутъ богатырь по чисту полю,
 А пошоль же онъ туромъ да златорогимъ.
 Увидае онъ тутъ стадо да гусиное
 Той же онъ Авдотьи онъ Ивановны
 А желанной онъ своей да было тетушки,—
 Притопталъ же всѣхъ гусей да до одного,

*) т. е. бросала.

**) т. е. въ то время.

Не оставилъ онъ гусеныша на сімена.
 Тутъ прихода пастухи было гусинни
 А прихода пастухи да жалобу творять:
 «Ахъ ты мѡлода Авдотья да Ивановна!
 «А приходитъ къ намъ же туръ да златорогѡи,
 «Притопталъ же всѣхъ гусей да до единого,
 «Не оставилъ намъ гусеныша на сімена.»
 Приходилъ же къ стаду къ лебединому,
 Притопталъ же лебедей всѣхъ до единой,
 Не оставилъ онъ лебѣдушки на сімена.
 Не поспѣли пастухи да взадъ сойти,
 А приходятъ пастухи да лебединни,
 Тьи жъ пастухи да жалобу творять:
 «Мѡлода Авдотья да Ивановна!
 «Приходилъ къ намъ туръ да златорогѡи,
 «Притопталъ же лебедей всѣхъ до единой,
 «Не оставилъ онъ лебѣдушки на сімена.»
 Онъ приходитъ туръ во стадо во овечьѣе,
 Притопталъ же всѣхъ овецъ да до единой,
 Не оставилъ онъ овечки имъ на сімена.
 Не поспѣли пастухи да тьи взадъ сойти,
 А прихода пастухи было овечьи:
 «Молода Авдотья да Ивановна!
 «Приходилъ къ намъ туръ да златорогѡи,
 «Притопталъ же всѣхъ овецъ да до единой,
 «Не оставилъ онъ овечки намъ на сімена.»
 Шоль же туръ да златорогѡи
 А во то было во стадо во скотинное,
 Ко тому было ко скѡту ко рогатому,
 Притопталъ же всѣхъ коровъ да до единой,
 Не оставилъ имъ коровушки на сімена.
 Не поспѣли пастухи да тьи взадъ сойти,
 А прихода пастухи же къ ей коровѡи,
 Тьи пастухи да жалобу творять:
 «Ахъ ты мѡлода Авдотья да Ивановна!
 «Приходилъ ко стаду ко скотинному
 «Приходилъ же туръ да златорогѡи,
 «Притопталъ же всѣхъ коровъ да до единой,
 «Не оставилъ намъ коровушки на сімена.»
 Говорила тутъ Авдотья да Ивановна:
 — А не быть же нунъ турѡ да златорогому,
 — Быть же нунъ любимому племяннику,
 — Мѡлоду Добрынюшки Никитичу.
 — Онъ обернуть у Мариши у Кайдальевной
 — Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
 — А повернуть онъ туромъ да златорогѡимъ.—
 Находилъ же стадо онъ кониное
 Тотъ же туръ да златорогѡи,
 Разгонялъ же всѣхъ коней да по чисту полю,
 Не оставилъ имъ лошадушки на сімена.
 А ѡй приходятъ пастухи да къ ей конинни,

Сами пастухи да жалобу творять:
 «Молода Авдотья ты Ивановна!
 «Приходилъ же къ намъ тутъ туръ да златорогѡи,
 «Разгонялъ же всѣхъ коней да по чисту полю,
 «Не оставилъ намъ лошадушки на сімена.»
 Молода Авдотья да Ивановна
 Повернулась тутъ она было сорокою,
 А летѣла къ сувѣ ко Маринушкѣ Кайдальевной,
 А садилась на окошечко косовчато.
 Стала тутъ сорока выщеватывать,
 Стала тутъ сорока выговаривать:
 — Ахъ ты сува нунъ Маринушка Кайдальевна,
 — А ѡй Кайдальевна да королевична!
 — А зачѣмъ же повернула ты Добрынюшку,
 — А Добрынюшку да ты Никитича,
 — Тымъ же нунъ турѡмъ да златорогѡимъ,
 — А спустила тутъ Добрыню во чистѡ поле?
 — Отврати-тво ты Добрынюшку Никитича
 — Отъ того же нунъ турѡ да златорогаго:
 — Не отвориши ты Добрынюшки Никитича
 — Отъ того же отъ тура да златорогаго, —
 — Оверну тебя, Маринушка, сорокою,
 — Я спущу тебя, Маришка, во чисто колѣ, —
 — Вѣкъ же ты летай да тамъ сорокою! —
 Обвернулась тутъ Маришка да сорокою,
 А летѣла тутъ сорока во чистѡ поле,
 А садилась къ туру да на златѡ рога.
 Стала тутъ сорока выщеватывать,
 Взяла тутъ сорока выговаривать:
 «А ѡй же туръ да златорогѡи,
 «Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
 «Сдѣлай съ нами заповѣдь великую
 «А принять сомной съ Маришкой по злату вѣнцу, —
 «Отвращу я отъ турѡ ты златорогаго».
 Говорилъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
 — Ахъ ты душенька Маринуша Кайдальевна,
 — А ѡй Кайдальевна да королевична!
 — Отврати-тво отъ турѡ да златорогаго,
 — Сдѣлаю я заповѣдь великую,
 — Я приму съ тобой, Марина, по злату вѣнцу.
 Отвернула отъ турѡ да златорогаго
 Мѡлода Добрынюшку Никитича.
 Приходили тутъ ко городу ко Киеву
 Къ ласковому князю ко Владимиру,
 Принялъ со Мариной по злату вѣнцу.
 А проводитъ онъ свою да было свадьбу,
 Отправляется во ложни да во теплыи
 Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
 Самъ же онъ служаночкамъ наказывать:
 — А ѡй же слуги мои вѣрнии!
 — Попрошу у васъ же чару зеленѡ вина,

— Вы попрежде мни подайте саблю вострую. —
 Пошл же онъ во ложни да во теплыи;
 Обвернула тутъ его да горностадушкомъ,
 Взѣла горносталина попуживать,
 Взѣла горносталина покышживать,
 Приломалъ же горносталя да свои нѣкти прочь.
 Обвернула тутъ она его соколикомъ,
 Взѣла тутъ соколика попуживать,
 Взѣла тутъ соколика покышживать,
 Примахалъ соколъ да свои крыльица.
 Тутъ смолился онъ Маринуши Кайдальевной,
 Ай Кайдальевной да королевичной:
 — Не могу летать я нунечку соколикомъ,
 — Примахалъ свои я нунчу крыльица,
 — Ты позволь-ко мнѣ-ка выпить чару зелена вина.
 Молода Мариска да Кайдалевна,
 Ай Кайдалевна да королевична,
 Отвернула тутъ Добрыню добрымъ молодцемъ;
 А скривчалъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
 — Ай же слуги мои вѣрныи,
 — Вы подайте-тко мнѣ чару зелена вина! —
 Подавали ему тутъ слуги вѣрныи,
 Покорешенько тутъ подавали саблю вострую.
 Нѣ пилъ онъ тутъ чары зелена вина,
 Смѣхне онъ Добрыня саблей востроу
 И отнесъ же онъ Маринѣ буйну голову,
 А за ей было поступки неумильнии.
 Поутру сходилъ во теплую свою да парну баенку,
 Идутъ же было князи тутъ да бояра:
 «Здравствуйшь, Добрыня сынъ Никитиничъ,
 «Со своею да съ любимой семей
 «Съ той было Маринушкой Кайдальевной,
 «А й Кайдальевной да королевичной!»
 — А й же нунъ вы князи еще бояра,
 — Вся же вы Владиміровы дворяна!
 — Я вечеръ же братци былъ женатъ нѣ хѣдоть,
 — А нынечу я сталъ братци холѣсть нѣ жѣнать!
 — Я отсѣвъ же нунъ Маринѣ буйну голову
 — За ейны было поступи неумильнии. —
 «Благодарствуешь Добрыня сынъ Никитиничъ,
 «Что отсѣвъ же ты Маринки буйну голову
 «За ейны поступи неумильнии!
 «Много тутъ казна да народу она русьскаго,
 «Много тутъ князей она князевичевъ,
 «Много королей да королевичевъ,
 «Деять русьскіихъ могучіихъ богатырей,
 «А безъ счету тутъ народушка да черняди!»

Матушка Добрынюшкѣ говаривала,
 Матушка Никитичу наказывала:

«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
 «Ты не ѣзди-тко на гору сорочинскую,
 «Не топчи-тко тамъ ты малыихъ зміенышовъ,
 «Не выручай же полону тамъ русьскаго,
 «Не куплись-ко ты во матушкѣ Пучай-рѣки;
 «Тая рѣка свирипая,
 «Свирипая рѣка сама сердитая:
 «Изь-за первая же струйки какъ огонь сѣчетъ,
 «Изь-за другою же струйки искра сыплется,
 «Изь-за третьею же струйки дымъ столбомъ валить,
 «Дымъ столбомъ валить да самъ со пламенью».
 Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ
 Онъ не слушалъ да родители тутъ матушки
 Честной вдовы Офимьи Александровной,
 Ѣздилъ онъ на гору сорочинскую,
 Топталъ онъ тутъ малыихъ зміенышковъ,
 Выручалъ тутъ полону да русьскаго.
 Тутъ купался да Добрыня во Пучай-рѣки,
 Самъ же тутъ Добрыня испроговорилъ:
 — Матушка Добрынюшки говаривала,
 — Родная Никитичу наказывала:
 — «Ты не ѣзди-тко на гору сорочинскую,
 — «Не топчи-тко тамъ ты малыихъ зміенышовъ,
 — «Не куплись Добрыня во Пучай-рѣки,
 — «Тая рѣка свирипая,
 — «Свирипая рѣка да е сердитая:
 — «Изь-за первая же струйки какъ огонь сѣчетъ,
 — «Изь-за другою же струйки искра сыплется,
 — «Изь-за третьею же струйки дымъ столбомъ
 валить,
 — «Дымъ столбомъ валить да самъ со пламенью.
 — Эта матушка Пучай-рѣка
 — Какъ ложинушка дождѣвая. —
 Не поспѣлъ тутъ же Добрыня словца молвити, —
 Изъ-за первая же струйки какъ огонь сѣчетъ,
 Изъ-за другою же струйки искра сыплется,
 Изъ-за третьею же струйки дымъ столбомъ валить,
 Дымъ столбомъ валить да самъ со пламенью.
 Выходить тутъ змія было проклятая,
 О двѣнадцати змія было о хоботахъ:
 «Ахъ ты молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
 «Захочу я нынъ Добрынюшку пѣло сожру,
 «Захочу Добрыню въ хобота возьму,
 «Захочу Добрынюшку въ полонъ снесу».
 Испроговорить Добрыня сынъ Никитиничъ:
 — Ай же ты змія было проклятая!
 — Ты поспѣла бы Добрынюшку да захватить,
 — Въ ты пору Добрынюшкой похвастати, —
 — А нунчу Добрыня не въ твоихъ рукахъ.
 Нѣрнетъ тутъ Добрынюшка у бережка,
 Вынырнула Добрынюшка на другою, —

Нѣту у Добрыни ко́ня добраго,
 Нѣту у Добрыни ко́пья востраго,
 Нечѣмъ тутъ Добрынюшкѣ поправиться.
 Самъ же тутъ Добрыня приужа́хнется,
 Самъ Добрыня испроговоритъ:
 — Видно понечу Добрынюшкѣ кончинушка! —
 Лежитъ тутъ колпакъ да земли греческой,
 А вѣсу-то колпакъ буде трехъ пудовъ.
 Ударилъ онъ змѣю было по хоботамъ,
 Отшибъ змѣи двѣнадцать тыхъ же хоботовъ,
 Сбился на змѣю да ояъ съ колѣнками,
 Выхватилъ ножицо да княжалицо,
 Хоче онъ змѣю было порѣспасти.
 Змѣя ему да тутъ смолилася:
 «Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
 «Будь-ка ты Добрынюшка да большій братъ,
 «Я теби да сѣстра меньшая.
 «Сдѣлаю мы же заповѣдъ великую:
 «Тебѣ-ка-ва не ѣздитъ нынѣ на гору сорочинскую,
 «Не топтать же здѣ-ка маленькихъ змѣиныхъ,
 «Не вырѣчь пѣлову да русьскаго;
 «А я теби сестра да буду меньшая, —
 «Миѣ-ка не летать да на святую Русь,
 «А не братъ же больше пѣлову да русьскаго,
 «Не носить же миѣ народу христіанскаго».
 Отслабилъ онъ колѣни да богатырскихъ,
 Змѣя была да тутъ ^{сидѣла} лукавая, —
 Сподъ колѣни да тутъ змѣя свернулася,
 Улетѣла тутъ змѣя да во буйиль-траву.
 И мѣлодой Добрыня сынъ Никитиничъ
 Пошолъ же онъ ко городу ко Кіеву,
 Ко ласковому вязю ко Владиміру,
 Къ своей тутъ къ родители ко матушки,
 Къ честной вдовы Офимѣ Олександровной.
 И самъ Добрыня порасхвастался:
 — Какъ нѣту у Добрыни ко́ня добраго,
 — Какъ нѣту у Добрыни ко́пья востраго,
 — Не на комъ поѣхать нынѣ Добрыни во чисто
 поле! —

Испроговоритъ Владиміръ стольнѣ-кіевской:
 «Какъ солнышко у насъ идетъ на вечерѣ,
 «Почестный пиръ идетъ у насъ на весели,
 «А миѣ-ка-ва Владиміру не весело.
 «Одна у мя любимая племянничка,
 «И мѣлода Забава дочь Потятинча;
 «Летѣла тутъ змѣя у насъ проклятая,
 «Летѣла же змѣя да черезъ Кіевъ градъ;
 «Ходила нунъ Забава донъ Потятинча
 «Она съ мамзай да съ няньками
 «Въ зеленомъ саду гулятилася.
 «Подпадала тутъ змѣя было проклятая

«Ко той матушки да во сырой земли,
 «Ухватила тутъ Забаву дочь Потятинчу
 «Въ зеленомъ саду да ю гуляючи
 «Во свои было во хобота змѣиныхъ,
 «Унесла она въ пещерушку змѣиную».
 Сидятъ же тутъ два русьскихъ могучихъ богатыря:
 Сидитъ же тутъ Алешенька Левонтьевичъ,
 Во другинхъ Добрыня сынъ Никитиничъ.
 Испроговоритъ Владиміръ стольнѣ-кіевской:
 «Вы русьскіи могучіи богатыри,
 «Ай же ты Алешенька Левонтьевичъ!
 «Можь ли ты достать у насъ Забаву дочь Потя-
 тинчу,
 «Изъ той было пещеры изъ змѣиной?»
 Испроговоритъ Алешенька Левонтьевичъ:
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кіевской!
 — Я слыхалъ было на семь свѣти,
 — Я слыхалъ же отъ Добрынюшки Никитича:
 «Добрынюшка змѣи было крестовый братъ.
 — Отдасть же тутъ змѣя проклятая
 — Мѣлоду Добрынюшки Никитичу
 — Безъ бою безъ драки кроволитія
 — Тую же нунъ Забаву дочь Потятинчу. —
 Испроговоритъ Владиміръ стольнѣ-кіевской:
 «Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
 «Ты достань-ко нунъ Забаву дочь Потятинчу
 «Да изъ той было пещерушки змѣиной.
 «Не достанешь ты Забавы дочь Потятинчой,
 «Прикажу теби Добрыня голову рубить».
 Повѣсилъ тутъ Добрыня буйну голову,
 Утопилъ же очи ясны
 А во тотъ ли во кирпичень мостъ,
 Ничего ему Добрыня не отвѣтствуетъ.
 Ставааетъ тутъ Добрыня на рѣзвы ноги,
 Отдасть ему великое почтеніе
 Ему нунъ за весело пированіе.
 И пошолъ же ко родители ко матушкѣ
 И къ честной вдовы Офимѣ Олександровной.
 Тутъ стрѣтаетъ его да родитель матушка,
 Сама же тутъ Добрыня испроговоритъ:
 «Что же ты рожиное не весело,
 «Буйну голову рожиное повѣсило?
 «Ахъ ты молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
 «Али ѣствы-ты были не по уму?
 «Али пѣтѣца-ты были не по разуму?
 «Аль дуракъ-тотъ надъ тобою надсмѣялся ли?
 «Али пѣяница ли тамъ тебя приобозвалъ?
 «Али чарою тебя да тамъ приобнесли?»
 Говорилъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ,
 Говорилъ же онъ родители тутъ матушкѣ
 А честной вдовы Офимѣ Олександровной:

— Ай честна вдова Офимья Александровна!
 — Ъсты-ты же были мѣ-ка по уму
 — А и питыца-ты были мѣ по разуму,
 — Чарою меня тамъ не приобнесли
 — А дуракъ-тогъ надо мною не смѣлся же
 — А и пьяница меня да не приоббозвалъ;
 — А накинулъ на насъ службу да великую
 — Солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
 — А достать было Забаву дочь Потятичну
 — А изъ той было пещеры изъ змѣиноу,
 — А нунъ нѣту у Добрыни коня добраго
 — А нунъ нѣту у Добрыни кобы востраго,
 — Не съ чѣмъ мни поѣхати на гору сорочинскую
 — Къ той было змѣи нынъ ко проклатоу. —

Говорила тутъ родитель ему матушка

А честна вдова Офимья Александровна:

«А роконое моѣ ты нынъ же дитятко,

«Молодой Добрынюшка Никитиничъ!

«Богу ты молишь да спать ложись,

«Буде утро мудро, мудренѣе буде вечера —

«День у насъ же буде тамъ приоточѣнъ.

«Ты поди-ко на конюшню на стоялую,

«Ты бери коня съ конюшенни стоялыя, —

«Батюшковъ же конь стоитъ да дѣдушковъ,

«А стоитъ бурко пятнадцать лѣтъ, ^{а саван}

«По козѣнъ въ наземъ же ноги призарощены,

«Дверь по поясу въ наземъ зарощена.»

Приходитъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ

А ко той ли ко конюшеннѣ стоялыя,

Повыдернулъ же дверь онъ конь изъ назму, ^{сидитъ}

Конь же ноги изъ назму да конь выдѣргивать,

А беретъ же тутъ Добрынюшка Никитиничъ

Беретъ Добрынюшка добра коня

На ту же на узду да на тесману,

Выводитъ изъ конюшенни стоялыя,

Кормилъ коня пшеною бѣояровой,

Понлъ питьями медвяныма.

Ложился тутъ Добрыня на великъ одѣръ.

Ставае онъ по утрушку ранехонько,

Умываеся онъ да и бѣлехонько,

Сваряжаеся да хорошоконько,

А сѣдае своего да онъ добра коня,

Кладывае онъ же потнички на потнички,

А на потнички онъ кладе войлочки,

А на войлочки червальское сѣделышко,

И садился тутъ Добрыня на добра коня.

Провожаеъ тутъ родитель его матушка

А честна вдова Офимья Александровна,

На поѣздѣ ему плѣточку нунъ подала,

Подала тутъ плѣтку шамахинскую

А семи шелковъ да было разныхъ,

А Добрынюшеѣ она было наказывать:

«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!

«Вотъ теби да плетка шамахинская:

«Сѣдешъ ты на гору сорочинскую,

«Станешъ топтать маленькихъ змѣнышовъ,

«Выручатъ тутъ полону да русьскаго,

«Да не станеть твой же бурушко поскакивать

«А змѣнышовъ отъ ногъ да прочь отряхивать, —

«Ты хлыщи бурва да нунъ промѣжъ уши,

«Ты промѣжъ ушй хлыщи да ты промѣжъ ноги,

«Ты промѣжъ ногй да промѣжъ заднй,

«Самъ бурку да приговаривай:

««Бурушка ты нунъ поскакивай,

««А змѣнышовъ отъ ногъ да прочь отряхивай!»»

Тутъ простилася да воротилася.

Видли тутъ Добрынюшку да садучи,

А не видли тутъ удалаго поѣдучи.

Не дорожками поѣхалъ не воротами,

Черезъ ту стѣну поѣхалъ городовую,

Черезъ тую было башню наугольную,

Онъ на тую гору сорочинскую.

Сталъ топтать да маленькихъ змѣнышовъ,

Выручатъ да полону нунъ русьскаго.

Подточили тутъ змѣныши бурку да щоточки,

А не сталъ же его бурушко поскакивать.

На кони же тутъ Добрыня приѣхается, —

Нунечку Добрынюшеи кончилашка! ^{сидитъ}

Спомнилъ онъ навазъ да было матушенинъ,

Сунулъ онъ же руку во глубоу карманъ,

Выдернулъ же плѣтку шамахинскую

А семи шелковъ да шамахинскйхъ,

Сталъ хлыстать бурка да онъ промѣжъ уши,

Промѣжъ ушй да онъ промѣжъ ноги,

А промѣжъ ногй да промѣжъ заднй,

Самъ бурку да приговаривать:

— Ахъ ты бурушко, да нунъ поскакивай,

— А змѣнышовъ отъ ногъ да прочь отряхивай!

Сталъ же ёго бурушко поскакивать

А змѣнышовъ отъ ногъ да прочь отряхивать,

Притопталъ же всихъ онъ маленькихъ змѣнышовъ,

Выручалъ онъ полону да русьскаго.

И выходитъ тутъ змѣя было проклатая

Да изъ той было пещеры изъ змѣиноу

И сама же тутъ Добрыня испроговорить:

«Ахъ ты душенька Добрынюшка Никитиничъ!

«Ты порушилъ свою заповѣдъ великую,

«Ты приѣхалъ нунъ на гору сорочинскую

«А топтать же мѣихъ маленькихъ змѣнышовъ.»

Говорить же тутъ Добрынюшка Никитиничъ:

— Ай же ты змѣя проклатая!

— Я ли нунъ порушилъ свою заповѣдъ,

— Али ты змѣя проклятая порушила?
 — Ты зачнмъ летѣла черезъ Кіевъ градъ,
 — Унесла у насъ Забаву дочь Потятичну?
 — Ты отдай-ка мнѣ Забаву дочь Потятичну
 — Безъ бою безъ драки кроволитіа. —
 Не отдавала она безъ бою безъ драки кроволитіа,
 Заводила она бой драку великую
 Да большое тутъ съ Добрыней кроволитіе.
 Бился тутъ Добрыня со змѣей трой сутки
 А не може онъ побить змѣи проклятою.
 Наконецъ хотѣлъ Добрынюшка отѣхати, —
 Изъ небесъ же тутъ Добрынюшка да гласъ гласить:
 «Ахъ ты молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
 «Бился со змѣей ты да трой сутки,
 «А побейся-ко съ змѣей да еще три часу».
 Тутъ побился онъ Добрыня еще три часу,
 А побилъ змѣю да онъ проклятую.
 Попустила кровь свою змѣиную,
 Отъ востока кровь она да внизъ да запада,
 А не прижре матушка да тутъ сыра земля
 Этой крови да змѣиную.
 А стоитъ же тутъ Добрыня во кровѣ трой сутки,
 На кони сидитъ Добрыня — приужахнется,
 Хочетъ тутъ Добрыня прочь отѣхати.
 Зъ-за небесей Добрыня снова гласъ гласить:
 «Ай ты молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
 «Бей-ко ты копьемъ да бурзаемцкимъ
 «Да во ту же матушку сыру землю,
 «Самъ къ земли да приговаривай.»
 Сталъ же бить да во сыру землю,
 Самъ къ земли да приговаривать:
 — Розступись-ко ты же матушка сыра земля
 — На четыре на вси стороны,
 — Ты прижри-ко эту кровь да всю змѣиную! —
 Розступилась было матушка сыра земля
 На всихъ на четыре да на стороны,
 Прижрала да кровь въ себя змѣиную.
 Опускается Добрынюшка съ добра коня
 И пошолъ же по пещерамъ по змѣинимъ,
 Изъ тни же изъ пещеры изъ змѣиную
 Сталъ же выводить да полону онъ русьскаго,
 Много вывелъ онъ было князей князевичевъ,
 Много королей да королевичевъ,
 Много онъ дѣвицъ да королевичныхъ,
 Много нунъ дѣвицъ да и князевичныхъ
 А изъ той было пещеры изъ змѣиную, —
 А не може онъ найти Забаву дочь Потятичной.
 Много онъ прошолъ пещеръ змѣинныхъ
 И заходитъ онъ въ пещеру во послѣднюю,
 Онъ нашолъ же тамъ Забаву дочь Потятичну
 Въ той послѣднею пещеры во змѣиную.

А выводить онъ Забаву дочь Потятичну
 А изъ той было пещерушки змѣиную,
 Да выводить онъ Забавушку на бѣлий свѣтъ,
 Говоритъ же королямъ да королевичамъ,
 Говоритъ князямъ да онъ князевичамъ
 И дѣвицамъ королевичнымъ
 И дѣвицамъ онъ да нунъ князевичнымъ:
 — Кто откулъ вы да увѣсены,
 — Всякъ ступайте въ свою сторону
 — А собирайтесь вси да по своимъ мѣстамъ,
 — И не троне васъ змѣя болѣ проклятая.
 — А убита е змѣя да та проклятая
 — А пропущена да кровь она змѣиная
 — Отъ востока кровь да внизъ до запада,
 — Не унесетъ нунъ болю полону да русьскаго
 — И народу христіаньскаго.
 — А убита е змѣя да у Добрынюшенъ
 — И приковъчена да жизнь нунъчу змѣиная. —
 А садилъ тутъ Добрыня на добра коня,
 Бралъ же онъ Забаву дочь Потятичну
 А садилъ же онъ Забаву на право ^{стѣгано}
 А поѣхалъ тутъ Добрыня по чисту полю.
 Испроговоритъ Забава дочь Потятична:
 «За твою было великую за выслугу
 «Назвала тебя бы я нунъ батюшкомъ, —
 «И назвать тебя Добрыня нунъчу не можно!
 «За твою великую за выслугу
 «Я бы назвала нунъ братцемъ да родимымъ, —
 «А назвать тебя Добрыня нунъчу не можно!
 «За твою великую за выслугу,
 «Я бы назвала нинъ другомъ да любимымъ, —
 «Въ насъ же вы Добрынюшка не влюбитесь!»
 Говоритъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
 Молодой Забавы дочь Потятичной:
 — Ахъ ты молодъ Забава дочь Потятична!
 — Вы есть нунъчу роду княженецкаго,
 — Я есть роду христіаньскаго:
 — Насъ нельзя назвать же другомъ да любимымъ.
 А везетъ же онъ Добрыня по чисту полю,
 Онъ наѣхалъ во чистомъ полѣ да ископнть,
 Ископнть да лошадиную,
 А какъ ступлами земля да проворочена.
 Тутъ поѣхалъ нунъ Добрыня сынъ Никитиничъ
 Той же ископнтью лошадиную,
 Онъ увидѣлъ тутъ Алешеньку Левонтьева:
 — Ай же ты Алешенька Левонтьевичъ!
 — Ты прими отъ насъ Забаву дочь Потятичну.
 — Везъ же я Забаву да во честности,
 — Да отъ насъ прими Алешенька во честности,
 — Не стыди-тко ей да личка бѣлаго, —
 — Ты пристѣдишь ей да личко бѣлое,

— Миѣ-ка-ва она да тутъ ^{сестрѣ} пожалится, —
 — Я те завтра тутъ Олешка голову срублю!
 — А свеzia-ко ты къ Владимиру во честности,
 — Къ солнышку ко князю стольнѣ-кѣевску. —
 Отправляетъ тутъ Забаву дочь Потятичну
 Съ тѣмъ было Олешенькой Левонтьевымъ,
 Самъ поѣхалъ ископытю лошадиною.
 Наѣзжае онъ богатыря въ чистомъ поли, —
 А сидитъ богатырь на добромъ кони,
 А сидитъ богатырь въ платьяхъ женскихъ.
 Говоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
 — Е же не богатырь на добромъ кони,
 — Есть же поляница знать удалая
 — А какá ни тутъ дѣвица либо женщина! —
 И поѣхалъ тутъ Добрыня на богатыря,
 Онъ ударилъ поляницу въ буйну голову.
 А сидитъ же поляница — не сворохнется
 А назадъ тутъ поляница не оглянется.
 На кони сидитъ Добрыня — приужахнется,
 Отѣзжае прочь Добрыня отъ богатыря
 А отъ той же поляницы отъ удалы:
 — Видно смѣлостью Добрынюшкѣ по старому,
 — Видно сила у Добрыни не по прежнему! —
 А стоитъ же во чистомъ поли да сѣрой дубъ
 Да въ обнѣмъ же онъ стоитъ да человѣческой.
 Наѣзжаетъ же Добрынюшка на сѣрой дубъ
 А попробывать да силы богатырскіи.
 Какъ ударить тутъ Добрынюшка во сѣрой дубъ,
 Онъ росшибъ же дубъ да весь по ластиньямъ.
 На кони сидитъ Добрыня — приужахнется:
 — Видно сила у Добрынюшки по старому,
 — Видно смѣлость у Добрыни не по прежнему!
 Разѣзжается Добрыня сынъ Никитиничъ
 На своѣмъ же тутъ Добрыня на добромъ кони
 А на ту же поляницу на удалую,
 Чѣсне поляницу въ буйну голову.
 На кони сидитъ же поляница — не сворохнется
 И назадъ же поляница не оглянется.
 На кони сидитъ Добрыня — самъ ужахнется:
 — Смѣлость у Добрынюшки по прежнему,
 — Видно сила у Добрыни не по старому!
 — Со смѣю же Добрыня нынъ повибился! —
 Отѣзжае прочь отъ поляницы отъ удалы,
 А стоитъ тутъ во чистомъ поли да сѣрой дубъ,
 Онъ стоитъ да въ два обнѣма человѣческихъ.
 Наѣзжаетъ тутъ Добрынюшка на сѣрой дубъ,
 Какъ ударить тутъ Добрынюшка во сѣрой дубъ,
 А росшибъ же дубъ да весь по ластиньямъ.
 На кони сидитъ Добрыня — приужахнется:
 — Видно сила у Добрынюшки по старому,
 — Видно смѣлость у Добрыни не по прежнему!

Розгорѣлся тутъ Добрыня на добрі кони
 И наѣхалъ тутъ Добрынюшка да въ третій разъ
 А на ту же поляницу на удалую,
 Да ударить поляницу въ буйну голову.
 На кони сидитъ же поляница, сворохнуласе
 И назадъ же поляница оглянуласе,
 Говоритъ же поляница да удалая:
 «Думала же, русскіи комарни покусиваютъ, —
 «Ажно русскіи богатыри пощалеиваютъ!»
 Ухватила тутъ Добрыню за желты кудри,
 Сдернула Добрынюшку съ коня долой
 А спустила тутъ Добрыню во глубокъ мѣшокъ,
 А во тотъ мѣшокъ да тутъ во кожаной.
 А повезъ же ейный было добрый конь,
 А повезъ же онъ да по чисту полю,
 Испровѣщитса же ейный добрый конь:
 — А ѣ же поляница ты удалая,
 — Молодá Настасья дочь Никулична!
 — Не могу везти да двухъ богатырей:
 — Силою богатырь супротивъ тебя,
 — Смѣлостью богатырь да вдвоѣмъ тебя. —
 Молода Настасья дочь Никулична
 Здымала тутъ богатыря съ мѣшка да вонъ же съ
 козальца,
 Сама къ богатырю да испроговорить:
 «Старыи богатырь да матѣрин —
 «Назову я нунъ себѣ-ка-ва да батюшкой;
 «Ежели богатырь да молодыи,
 «Ежели богатырь намъ прилюбится,
 «Назову я себѣ другомъ да любимымъ;
 «Ежели богатырь не прилюбится, —
 «На доловъ владу, другой прижму
 «И въ овсяный блинъ да ёго сдѣлаю».
 Увидала тутъ Добрынюшку Никитича:
 «Здравствуй душевнѣка Добрыня сынъ Никити-
 ничъ!»
 Испроговорить Добрыня сынъ Никитиничъ:
 — Ахъ ты поляница да удалая!
 — Что же ты меня да нунъчу знаешь ли?
 — Я тебя да нунъ не знаю ли. —
 «А бывала я во городи во Кіеви,
 «Я видала ты Добрынюшку Никитича,
 «А тебѣ же меня нунъчу негдѣ знать.
 «Я того же короля дочь ляховицкаго,
 «Молода Настасья дочь Никулична,
 «А поѣхала въ чисто поле поляковать
 «А искать же я собѣ-ка супротивничка.
 «Возьмешь ли Добрыня во замужество, —
 «Я спущу тебя Добрынюшка во живности,
 «Сдѣлай со мной заповѣдь великую.
 «А не сдѣлаешь ты заповѣди да великія, —

«На долонь кладу, другой сверху прижму,
«Сдѣлаю тебя я да въ овсяный блинъ».
— Ахъ ты молода Настасья дочь Никулична!
— Ты спусти меня во живности,
— Сдѣлаю я заповѣдь великую,
— Я приму съ тобой Настасья по злату вѣнцу.
Сдѣлали тутъ заповѣдь великую.

Нунь поѣхали ко городу ко Киеву
Да ко ласковому князю ко Владиміру.
Пріѣзжаютъ тутъ ко городу ко Киеву
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Пріѣзжаетъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
А къ своей было къ родители ко матушки
А къ честной вдовы Офимьи Александровной,
А стрѣгаетъ тутъ родитель ёго матушка
А честна вдова Офимья Александровна,
И сама же у Добрынюшки да спрашивать:
«Ты кого привезъ, Добрыня сынъ Никитиничъ?»
— Ай честна вдова Офимья Александровна,
— Ты родитель моя да нуньчу матушка!
— Я привезъ себѣ-ка супротивную,
— Молоду Настасью дочь Никуличну,
— А принять же съ ей съ Настасьей по злату
вѣнцу.—

Отправлялись же ко ласковому князю ко Владиміру
Да во гридни шли они да во столови.
Крестъ-то владъ да по писаному,
Бьетъ челомъ Добрыня поклавается
Да на всихъ же на четыре онъ на стороны,
Князю со княгинюшкой въ особину:
— Здравствуй, солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣв-
ской! —

«Здравствуешь, Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Ты кого привезъ, Добрынюшка Никитиничъ?»
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
— Я привезъ же нынъ себѣ-ка супротивную,
— А принять же намъ съ Настасьей по злату
вѣнцу.—

Сдѣлали объ ихъ же публигацію,
Провели же ю да въ вѣрушку крещоную,
Принялъ тутъ съ Настасьей по злату вѣнцу,
Сталь же онъ съ Настасьей вѣкъ корѣтати.

Добрынюшка-тотъ матушкѣ говариваль,
А Никитиничъ-тотъ рѣдненькой наказываль:
— Ты зачѣмъ меня несчастнаго спорѣдила!
— Спорѣдила бы, родитель моя матушка,
— Обвертѣла бы мою да буйну голову,
— Обвертѣла тонкимъ бѣленькимъ рукавичкомъ,

— А спустила бы во черное-то море вотурецкое,—
— Я бы вѣкъ да тамъ Добрыня во морі лежалъ,
— Я отпниѣ бы Добрыня вѣкъ да по вѣку,
— Я не ѣздилъ бы Добрыня по святой Руси,
— Я не билъ бы нунъ Добрыня безновинныхъ душъ,
— Не слезилъ бы я Добрыня отпей матерей,
— Не спускалъ бы сиротать да малыхъ дѣтушокъ!—

Отвѣчала тутъ родитель ёму матушка
А честна вдова Офимья Александровна:
«Я бы рада тя спорѣдити
«А таланомъ-участью да въ Илью Муромца,
«Силою во Святогора нунъ богатыря,
«Красотою было въ Осипа прекраснаго,
«Славою было въ Волгѣ Всеславьева,
«А ѣ богачествомъ въ купца Садка богатаго,
«А ѣ богатаго купца да новгородскаго,
«А смѣлостью въ Олешку во Поповича,
«А походкою шапливою
«Во того было Чурилушку Пленковича,—
«Только вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича:
«Ты стѣты есть да другихъ Богъ не далъ,
«Другихъ Богъ теби не далъ да не пожаловаль».
Розсердился тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
На родитель свою матушку,
Да скорешенько Добрынюшка на дворъ-тотъ шолъ
А сдѣлаетъ тутъ Добрынюшка добра боя,
Кладывѣе онъ же потнички на потнички
Да на потнички онъ клѣде войлочки
А на войлочки черѣальское сдѣлашко,
А подтягивать двѣнадцать тѣгихъ подирутовъ
А тринадцатый для-ради ерѣности,
Чтобы добрый конь изъ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ чистомъ поли не выронилъ.
А у той ли у правыи у стрѣмены
Провожала ёго тутъ родитель матушка,
А у той было у лѣвыи у стрѣмены
Провожала-то его да любима семья,
Молодѣ Настасья да Никулична.
А тутъ честна вдова Офимья Александровна
Тутъ простиласи да воротиласи
А домой пошла, сама заплакала.
А у той было у лѣвыи у стрѣмены
Иде молода Настасья дочь Никулична,
Стала у Добрынюшки выспрашивать,
Она стала у Никитича вывѣдывать:
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Ты скажи-тко нунъ, Добрыня сынъ Никитиничъ,
«А когда же ждатель ты нуньчу со чистѣ поля
«А когда ты сожидатель въ свою сторону?»
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты мѣлода Настасья дочь Никулична!

— Какъ ты стала у Добрынюшки выспрашивать,
 — Стала у Никитича вывѣдывать,
 — Я ти стану нунь высказывать:
 — Жди-тко ты Добрынюшку по три годы,—
 — Я по три годы не буду, жди по друго три,
 — А какъ пробѣде тому времени да шесть годовъ,
 — Я не буту тутъ Добрыня изъ чиста поля,—
 — Хоть вдовой живи да хоть замужъ поди,
 — Поди за князя хоть за боярина,
 — Хоть за русьскаго могучаго богатыря,
 — Только не ходи за брата за названого,
 — За того было Олешеньку Поповича.—
 Тутъ простиласи да воротиласи
 А домой пошла, сама заплакала.
 День-то за день будто дождь сѣкѣтъ,
 А недѣля за недѣлей какъ трава ростѣтъ,
 Годъ-тотъ за годомъ да какъ рѣка бѣжить,
 А прошло-то тому времечки да три годы,
 Не бывалъ же тутъ Добрыня изъ чиста поля.
 Стала ждаты Добрынюшку по друго три.
 День-то за день будто дождь сѣкѣтъ,
 А недѣля за недѣлей какъ трава ростѣтъ,
 Годъ-тотъ за годомъ да какъ рѣка бѣжить,
 А пришло-то тому времени да шесть годовъ,
 Не бывалъ же тутъ Добрыня изъ чиста поля.
 Приѣзжаетъ тутъ Олешенька Левонтьевичъ,
 Онъ привозить было вѣсточку нерадостну:
 А побитъ лежитъ Добрыня во чистомъ поли,
 А плеча его да испрострѣляны,
 Голова его да испроломана,
 Головой лежить да въ часть раки товъ кустъ.
 А честна вдова Офимья Александровна
 Она взяла по полатамъ-то похаживать,
 Своимъ гблоскомъ поваживать:
 «А лежить въ чистомъ поли Добрынюшка убиты!»
 Тутъ сталъ солнышко Владиміръ-тотъ захаживать
 А Настасью-ту Никуличну засватывать:
 «Поди за князя хоть за боярина,
 «Хоть за русьскаго могучаго богатыря.»
 А побольше тутъ зовутъ-то за Олешеньку,
 За того было Олешку за Поповича.
 Не пошла она не за князя не за боярина,
 Не за русьскаго могучаго богатыря,
 Не за смѣлаго Олешку за Поповича:
 «Справила я заповѣдь-то мужнюю,
 «Справлю свою заповѣдь-то женьскую.»
 Стаза ждаты Добрынюшку по друго шесть.
 День-то за день будто дождь сѣкѣтъ,
 А недѣля за недѣлей какъ трава ростѣтъ,
 Годъ-тотъ за годомъ да какъ рѣка бѣжить.
 Прошло тому времечки двѣнадцать лѣтъ,

Не бывалъ же тутъ Добрыня изъ чиста поля.
 Приѣзжаетъ тутъ Олешенька Левонтьевичъ,
 Приѣзжаетъ тутъ Олешка да во друго разъ,
 А привозить было вѣсточку въ друго разъ,
 Тую вѣсточку привозить да нерадостну:
 А побитъ лежитъ Добрыня во чистомъ поли,
 А плеча его да испрострѣляны,
 Голова его да испроломана,
 Головой лежить да въ часть раки товъ кустъ.
 Тутъ сталъ солнышко Владиміръ-тотъ захаживать
 А Настасью-ту Никуличну засватывать:
 «Поди хоть за князя, хоть за боярина,
 «Хоть за русьскаго могучаго богатыря.»
 А побольше стали звать да за Олешеньку,
 За того было Олешеньку Поповича.
 Не пошла она не за князя, не за боярина,
 Не за русьскаго могучаго богатыря,
 А пошла замужъ за смѣлаго Олешу за Поповича.
 Что ли свадебка у нихъ была по третій день
 А севодня-то итти да ко Божьей церкви.
 Ъздитъ тутъ Добрыня у Царя-града.
 Конь-то тутъ Добрынинъ подтыкается
 А къ сырой земли да приклоняется:
 — Ахъ ты волчья сытъ, медвѣжья вытъ!
 — Что же ты да нунчу подтыкаешься?
 — Надъ собой ли ты незгодушку-ту вѣдаешь,
 — Надъ собой ли вѣдаешь, аль надо мной,
 — Надо мной Добрынюшкой Никитичомъ? —
 Изъ небесъ было Добрынюшки да гласъ гласить:
 «Ахъ ты молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
 «А твоя-та любимая семья за мужъ пошла
 «А за смѣлаго Олешку за Поповича,
 «Свадебка у нихъ было по третій день,
 «А принять-же имъ съ Олешкой по злату вѣнцу.»
 Розсердился тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ,
 Какъ приправилъ коня добраго
 Отъ Царя-града на Кіевъ градъ,
 Не дорожками поѣхалъ не воротами,
 Рѣки-ты озера перескакивалъ,
 Широкий раздолья промежъ ногъ пушалъ,
 А ко Кіеву Добрынюшка прискакивалъ,
 А приѣхалъ онъ ко славному ко городу ко Кіеву
 А ко ласковому князю ко Владиміру.
 Черезъ ту стѣну наѣхалъ городовую,
 Черезъ тую башню наугольную,
 А къ тому было подворьницу вдовному,
 А къ честной вдовы Офимьи Александровной,
 Со чиста поля наѣхалъ онъ скорымъ гоньцемъ,
 А не спрашивалъ у двѣрей онъ придверничковъ,
 У воротъ не спрашивалъ да приворотничковъ,
 Всихъ же прочъ взашибъ да и отталкивать,

А бѣжить тутъ во полаты бѣлокаменны.
 Все придвернички да приворотнички
 Вслѣдъ идуть да жалобу творять:
 «А честна вдова Офимья Александровна!
 «Этотъ-то удалый добрый молодець
 «Со чиста поля наѣхалъ онъ скорымъ гоньцемъ,
 «Ко подворьцу онъ ѣхалъ ко вдовиному,
 «Онъ не спрашивалъ у дверей да придверничковъ,
 «У воротъ не спрашивалъ да приворотничковъ,
 «Всѣхъ же насъ тутъ взашей прочь отталкивалъ!»
 А честна вдова Офимья Александровна
 Она взяла по полатамъ-то показивать,
 Своимъ женскимъ тутъ голоскомъ поваживать:
 «А прошло-то времени двѣнадцать лѣтъ,
 «Закатилось у меня да красно солнышко,
 «Какъ уѣхалъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ,
 «А уѣхалъ тутъ Добрыня далече далече во чисто
 поле, —
 «А лежитъ же тутъ Добрыня во чистомъ поли,
 «А плеча его да испрострѣяны,
 «Голова его да испроломана,
 «Головой лежитъ да въ часть рабитовъ кустъ!
 «А какъ нунечку было теперечку
 «Закатается да младъ свѣтѣль мѣсяць!»
 Испроговорить Добрыня сынъ Никитиничъ:
 — Ай честна вдова Офимья Александровна!
 — Мнѣ-ка-ва Добрынюшка крестовый братъ,
 — Мнѣ-ка-ва Добрынюшка наказывалъ —
 — А Добрыня-тотъ поѣхалъ ко Царю-граду,
 — Я-то нунь поѣхалъ да ко Киеву —
 — А не слѣдуетъ ли ти Богъ же быть во Киеви,
 — А велѣлъ спросить про молодую Настасью про
 Микулщну,
 — Про Добрыню да любимую семью. —
 Испроговорить честна вдова Офимья Александровна:
 «А какъ нунечу Добрынина да любимая семья
 «А какъ нунечу Настасья да замужъ пошла
 «За того за смѣлаго Олешку за Поповича.
 «Свадебка у нихъ было по третій день,
 «А принять же имъ съ Олешкой по злату вѣнцу.»
 Говорить же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
 — Мнѣ-ка-ва Добрынюшка крестовый братъ,
 — Мнѣ-ка-ва Добрынюшка наказывалъ:
 → Слѣдуетъ Богъ же быть теби во Киеви
 — У того было подворьца вдовиного,
 — А велѣлъ же взять онъ платья скоморовскіи
 — Въ новой горенки да тутъ на стопочен,
 — А въ глубокіихъ своихъ во погребахъ
 — Взять дубинку сорока пудовъ,
 — А на свадебки меня бы не обидѣли,

— Да велѣлъ же взять гусельшка яровчаты,
 — Да во томъ же во глубокомъ во погреби. —
 А честна вдова Офимья Александровна
 Тутъ скорѣшенько бѣжала въ нову горенку,
 Притащила ему платья скоморовскіи,
 Отмыкала она погреба глубокіи,
 Подавала тутъ гусельшка яровчаты,
 Самъ же взялъ дубинку сорока пудовъ,
 А пошолъ же скоморошиной на свадебку.
 А приходитъ скоморошиной на свадебку
 А ѣ къ тому двору да княженецкому,
 А не спрашивать у дверей да придверничковъ,
 У воротъ не спрашивать да приворотничковъ,
 Онъ всѣхъ взашей прочь отталкивалъ.
 Все придвернички да приворотнички
 Они вслѣдъ идуть да жалобу творять:
 «Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-киевской!
 «Этотъ-то удалый добрый молодець
 «Со чиста поля онъ давень ѣхалъ да скорымъ гонь-
 цемъ
 «Ко тому было подворью ко вдовиному,
 «Тамъ не спрашивалъ у дверей да придверничковъ,
 «У воротъ не спрашивалъ да приворотничковъ,
 «Онъ всѣхъ взашей прочь отталкивалъ;
 «Нунь идетъ на княженецкій дворъ,
 «Нунь идетъ да скоморошиной,
 «А не спрашивать у дверей да придверничковъ,
 «У воротъ насъ приворотничковъ,
 «Взашей прочь насъ всѣхъ отталкивалъ.»
 Говорить ему Владиміръ стольнѣ-киевской:
 «Ай же ты удала скоморошина!
 «Ты зачѣмъ же ѣхалъ давень ко подворьцу,
 «А къ тому подворьцу вдовиному,
 «Тамъ не спрашивашъ ты у дверей придверничковъ
 «У воротъ не спрашивашъ да приворотничковъ,
 «Взашей прочь ты всѣхъ отталкивалъ?
 «Нунь идешь на княженецкій дворъ
 «И не спрашивашъ ты у дверей придверничковъ,
 «У воротъ-то нашихъ приворотничковъ,
 «Взашей прочь ты всѣхъ отталкивалъ?»
 Скоморошина тутъ въ рѣчи да не вчуется,
 Скоморошина тутъ къ рѣчамъ да не примется,
 Говорить же тутъ удала скоморошина:
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-киевской!
 — Гдѣ-то наше мѣсто скоморовское? —
 Отвѣчае князь Владиміръ стольнѣ-киевской:
 «Ваше мѣсто скоморовское
 «Что ль на печки да на запечки».
 Скоморошина тутъ мѣстомъ не побрѣзговалъ
 А скочилъ на печку на муравлену,
 Заиграетъ тутъ въ гусельшка яровчаты

А на той было на печки на муравленой,
 А играет-то Добрынюшка во Киеви
 А на ви́нгрыш беретъ да во Цари-гради,
 А отъ старого да всихъ до малаго
 А повнигралъ поименно.
 Все же за столомъ да призадумались,
 Все же тутъ игры да призаслухались,
 Все же за столомъ да испрогворять:
 «А не быть же нунь удалой скоморошины,
 «Быть же нунь дородню добру молодцу,
 «Свято-русьскому могучему богатырю!»
 Говорилъ же тутъ Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
 «Ай же ты удала скоморошина,
 «А дородній добрый молодець!
 «Опускайся-ко изъ печки да изъ запечка,
 «Дамъ теби три мѣста три любимыихъ:
 «Одно мѣсто нунь возли меня,
 «Друго мѣсто супротивъ меня,
 «Третье мѣсто куда самъ захошь.»
 Говорить же тутъ удала скоморошина:
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 — Дай-ко мнѣ-ка мѣсто на скамеечкѣ
 — Супротивъ было княгнушки молодцы,
 — Молодой Настасья да Никуличной. —
 Говорить ему Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
 «Ай же ты удала скоморошина!
 «Дано ти три мѣста три любимыихъ, —
 «Куды знаешь ты туды садись,
 «Что ты здумаешь такъ то дѣлай,
 «Что захочешь такъ ты то твори!»
 — А позволъ-ко мнѣ, Владиміръ стольнѣ-кѣвской,
 — Налить чару зелена вина. —
 Наливае было чару зелена вина
 А опустить въ чару свой злаченъ перстень
 А подносить онъ Настасья да Никуличной,
 Той княгнушки молодцы:
 — Ахъ ты мѡлода Настасья дочь Никулична!
 — Ужъ ты кошъ добра — такъ нуньчу пьешь до дна,
 — А не кошъ добра — такъ ты не пьешь до дна.
 Мѡлода Настасья дочь Никулична
 Взѣла она чару единой рукой,
 Выпила ту чару единымъ духомъ,
 Тутъ увидла въ чары свой злаченъ перстень,
 Да которымъ съ Добрыней обручаласи,
 Сама же она князю поклониласи:
 «Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 «А не тотъ мой мужъ, который нунь возли меня,
 «Тотъ мой мужъ, который супротивъ меня.
 «Тутъ прѣхалъ нунь Добрыня въ свою сторону,
 «Онъ напомнилъ тутъ Добрыня отца матушку,
 «Отыскалъ Добрыня молоду жену».

Ай выходитъ зъ-за столовъ да вонъ зъ-за дубовыхъ,
 Пала тутъ Добрыня во рѣзвѣ ноги:
 «Ты прости, прости, Добрыня сынъ Никитичъ,
 «А во той вины прости меня во глупости,
 «Что не по твоему наказу я нунь сдѣлала,
 «А пошла за мужъ за смѣлаго Олешку за Поповича,
 «А во той вины прости меня во глупости!»
 Говорить же тутъ Добрыня сынъ Никитичъ:
 — Не дивую я тутъ разуму да женскому:
 — У ней волосъ дологъ умъ кѡрѡтѡбѣ, —
 — А я дивую нунь же солнышку Владиміру
 — Со своей было княгиною:
 — Онъ же солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской
 — Онъ же былъ да сватомъ ли,
 — А княгнушка да свахою, —
 — Отъ живаго мужа жонушку за мужъ берутъ,
 просватають! —

Тутъ солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской
 Онъ повѣсилъ буйну голову
 А въ тотъ же во кирпиченъ мостъ
 Со своей было княгиною.
 Тутъ выходитъ да Олешенька Левонтьевичъ
 Зъ-за тихихъ столовъ да бѣлодубовыхъ,
 Палъ же тутъ Добрыня во рѣзвѣ ноги:
 «Ты прости, прости, Добрыня сынъ Никитичъ,
 «Что я посидѣлъ возли твоей княгнушки молодцы,
 «Мѡлодой Настасья дочь Никуличной!»
 — Ай же братецъ ты названцы,
 — Ай Олешенька Левонтьевичъ!
 — А во той-то вины братецъ тебя Богъ проститъ,
 — А во другой вины братецъ тебя не прощу:
 — А зачѣмъ же прѣзжалъ ты изъ чиста поля,
 — Привозилъ же про насъ вѣсточку нерадостну,
 — Что лежитъ побить Добрыня во чистомъ поли,
 — А плеча его да испрострѣляны,
 — Голова его да испроломана,
 — Головой лежитъ да въ часть ракутовъ кустъ?
 — Ты слезилъ же нунь родитель мой матушку
 — А честну вдову Офимью Олександровну.
 — Тяжелешенько тутъ она по мнѣ плакала
 — А слезила тутъ она да очи ясны,
 — А скорбила тутъ она да личко бѣлоѣ,
 — Тяжелешенько она да по мнѣ плакала! —
 Какъ ухватить онъ Алешку за желты кудри,
 Взять же онъ Алешеньку охаживать,
 А не слышно было въ бухканьи да охканья!
 Хоть и всякой-то на свѣти женится,
 Да не всякому женитьба удавается,
 А не дай Богъ да женитьбы да Олешинной!
 Только тутъ Алешка и женатъ бывалъ,
 Только тутъ Алешка да съ женой спалъ.

Синему морю да на тишину,
Всѣмъ добрымъ же людямъ на послушанье.

Записано тамъ же, 22 и 23 іюля.

6.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ

(См. Рыбникова, т. IV № 12).

А й у солнышка да у Владиміра
Пироваице было по третій день.
Солнышко идетъ на вечери,
А почетный пиръ идетъ на весели,
Вси-то на пиру да напивались,
Вси же на честномъ да наѣдались,
Вси же на пиру и поросхвастались.
Испроговоритъ солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣв-

ской:

«Нечѣмъ солнышку Владиміру похвастати.
«Не повыправлѣны дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною». Сидятъ же тутъ три русьскіихъ могучіихъ богатыря:
Старый казакъ да Илья Муромецъ,
Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
Испроговоритъ Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
«Ай же вы три русьскіихъ могучіихъ богатыря!
«Старый казакъ да Илья Муромецъ,
«Вы съѣздитѣ-тко въ Каменнѣ Орду,
«Въ Каменнѣ-то Орду въ большу землю,
«Повыправьте-тко дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Съѣздитѣ-тко вы да нѣ въ большу землю,
«Не въ большую-ту землю да въ Золоту Орду,
«Тамъ повыправтѣ-тко дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
«Третій могучій богатырь да Михайло Пóтыкъ
сынъ Ивановичъ,
«Ты съѣзди-тко въ землю во Подольскую,
«Тамъ повыправь-ко ты дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною».
А богатыри они да призадумались

И повѣсили свои да буйны головы,
Утопили свои очи ясныи
Да во тотъ же во виричень мостъ.
Испроговоритъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
— Что же вы богатыри задумались?
— А держите-тко богатыри отвѣтъ-же нынѣ. —
Испроговоритъ казакъ да Илья Муромецъ:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
«Отправляй-ко ты меня да во большу землю,
«Во большую ту землю да въ Каменнѣ Орду,
«Тамъ повыправлю да дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною».
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
— Отправляй-ко ты меня да не въ большу землю,
— Не въ большую-ту землю да въ Золоту Орду,
— Тамъ повыправлю да дани выходы
— За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
— За тринадцать лѣтъ да съ половиною. —
А Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ Владиміру да испроговоритъ:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
«Отправляй-ко ты меня въ землю Подольскую,
«Я повыправлю да дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною».
Первый русьскій могучій богатырь,
Старый казакъ да Илья Муромецъ,
Ставае онъ по утрьшку ранѣхонько,
Умывается онъ да и блѣхонько,
Снаряжается да хорошохонько,
Онъ сѣдае своего добра коня,
Кладывае онъ же потнички на потнички,
А на потнички онъ кладѣ войлочки,
А на войлочки черкальское сѣдельшко,
Подтягивать двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Тринадцатый-тотъ клалъ да ради крѣпости,
Чтобы въ чистомъ поли доброй конь же съ-подъ
сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ чистомъ поли не впронилъ.
Видли добра молодца-то сядучи,
Тутъ не видли да удалаго поѣдучи.
Не дорожками поѣхалъ, не воротами,
Черезъ ту стѣнѣ поѣхалъ городовую,
Черезъ тую было башню наугольную,
Да къ тому кресту поѣхалъ Леванидову.
Тутъ богатырь опочивъ держалъ.
Другій русьскій могучій богатырь,
Молодой Добрыняшка Никитиничъ,
Онъ ставае по утрьшку ранѣхонько,

Умывается было блѣхонько,
 Снаряжается да хорошохонько,
 Сѣдае своего добра коня,
 Кладывае было потнички на потнички,
 А на потнички онъ владе войлочки,
 А на войлочки черкальское сѣдельшко,
 Подтягивать двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
 Онъ тринадцатый-тотъ владъ да ради крѣпости,
 Чтобъ въ чѣстомъ поли добрый конь же съ-подъ
 сѣдла не выскочилъ,

Добра молодца въ чѣстомъ поли не выронилъ.
 Видли добра молодца-то сядучи,
 А не видли да удалаго поѣдучи.
 Не дорожками поѣхалъ, не воротами,
 Черезъ ту стѣну поѣхалъ городовую,
 Черезъ тую было башню наугольную,
 Да къ тому кресту поѣхалъ Леванидову.
 Тутъ богатырь опочивъ держалъ.
 А третїи же русьскїи могучїи бѣгатырь,
 Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ,
 Онъ ставае по утришку ранѣхонько,
 Умывается было блѣхонько,
 Снаряжается да хорошохонько,
 Сѣдае своего добра коня,
 Кладывае было потнички на потнички,
 А на потнички онъ владе войлочки,
 А на войлочки черкальское сѣдельшко,
 Подтягивать двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
 Онъ тринадцатый-тотъ владъ да ради крѣпости,
 Чтобъ въ чѣстомъ поли добрый конь же съ-подъ
 сѣдла не выскочилъ,

Добра молодца въ чѣстомъ поли не выронилъ.
 Видли добра молодца-то сядучи,
 А не видли да удалаго поѣдучи.
 Не дорожками поѣхалъ, не воротами,
 Черезъ ту стѣну поѣхалъ городовую,
 Черезъ тую было башню наугольную,
 Да къ тому кресту поѣхалъ Леванидову.
 Тутъ богатырь опочивъ держалъ.
 Тутъ крестами да богатыри побратались,
 Назвались да братьями крестовыми.
 Испроговоритъ казакъ да Илья Муромецъ:
 — Кто попрежде насъ тутъ е повиправитъ,
 — Къ дрѹгому на стрѣту братцы поспѣвать. —
 Тутъ простилися да оны братица.
 Старши казакъ да Илья Муромецъ
 Онъ поѣхалъ во большу землю,
 Во большую ту землю да въ Каменнѹ Орду
 Онъ повиправлять да даней выходовъ
 За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
 За тринадцать лѣтъ да съ половиною.

Мужички же вдругъ да скашевались*),
 А не стали отдавать да даней выходовъ
 За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
 За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
 Тутъ старши казакъ да Илья Муромецъ
 По своему онъ съ мужичками распоряжается,
 Мужички же перепалися,
 Отъ его да растулялися**),
 Стали отдавать да дани выходы
 За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
 За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
 Молодой Добрыня сынъ Никитничъ
 Съѣхалъ онъ же не въ большу землю,
 Не въ большую-ту землю да въ Золоту Орду,
 Сталъ же выправлять да даней выходовъ,
 За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
 За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
 Мужички же вдругъ да скашевались,
 А не стали отдавать да даней выходовъ
 За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
 За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
 Молодой Добрынюшка Никитничъ
 По своему онъ съ мужичками распорядился,
 Мужички же перепалися,
 Отъ его да растулялися,
 Стали отдавать да дани выходы
 За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
 За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
 Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Съѣхалъ въ землю во Подольскую,
 Сталъ же выправлять да даней выходовъ
 За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
 За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
 Мужички же вси да скашевались,
 А не стали отдавать да даней выходовъ
 За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
 За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
 Распорядился тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ива-
 новичъ,

Распорядился онъ по богатырскому.
 Мужички же перепалися,
 Отъ его да растулялися,
 Стали отдавать да дани выходы
 За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
 За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
 Онъ повиправилъ да дани выходы
 За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
 За тринадцать лѣтъ да съ половиною.

*) т. е. взбунтовались.

**) Попратались.

Тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Онъ пошолъ было ходить гулять по заводамъ,
 Стрѣлять же онъ да бѣльныхъ лебѣдушокъ.
 Ходилъ гулялъ по заводамъ,
 Стрѣлялъ же онъ да бѣльныхъ лебѣдушокъ,
 Находилъ же онъ да бѣлую лебѣдушку,
 Плаваешь лебѣдушка на заводи.
 Онъ натягивалъ же было тѣгой лукъ,
 Навладивать онъ стрѣлочку каленую,
 Хочеть стрѣлить бѣлую лебѣдушку,
 Лебѣдушка ему да испрогóворить:
 «Ай Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Не стрѣлай-ко ты же бѣлою лебѣдушки.
 «Я есть же нонь не бѣлая лебѣдушка,
 «Есть же я да красна дѣвушка,
 «Марья лебедь бѣлая да королевична,
 «Королевична да я подóлянка.
 «Не убей-ко ты меня же нунь подóлянки,
 «Ты возьми меня нунь во замужество,
 «Ты свези-тко нунь меня во Кіевъ градъ,
 «Проведи-тко мѣня въ вѣрушку крещоную,
 «Примемъ мы съ тобою по злату вѣвцю,
 «Станемъ мы же вѣкъ съ тобой корóбати».
 Задавался тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 Бралъ же Марью лебедь бѣлую,
 Лебедь бѣлую да королевичну,
 Королевичну да онъ подóлянку,
 Дѣлалъ же онъ съ Марьей да великъ залогъ.
 Получаетъ тутъ же дани выходы
 Со того же короля да со подóльского,
 За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
 За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
 Отправляется онъ было въ Кіевъ градъ,
 Ко тому было ко солнышку Владиміру
 А ѣ ко князю столыѣ-кíевску.
 Пріѣзжаетъ тутъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 А ко столыѣму ко городу ко Кіеву
 А ѣ ко ласковому князю ко Владиміру.
 Привозитъ онъ да дани выходы
 Изъ той было изъ зѣмли изъ подóльскіи,
 Отъ того же короля да отъ подóльского.
 Одавае онъ Владиміру да князю столыѣ-кíевску,
 Князь же тутъ да зрадовáлся ли.
 Получае онъ съ Михайлы Пóтыка Ивапова,
 Получае онъ да дани выходы
 За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
 За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
 Благодарилъ его Владиміръ столыѣ-кíевской,
 Что повыправилъ ты дани выходы
 За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
 За тринадцать лѣтъ да съ половиною,

Изъ той ли зѣмли изъ подóльскіи.
 Марью лебедь бѣлую да королевичну,
 Королевичну да онъ подóлянку,
 Онъ привѣлъ же было въ вѣрушку крещоную,
 Сдѣлалъ съ ею заповѣдь великую:
 Кто изъ насъ да нунь попѣредѣ,
 Кто поидеть да во сыру землю,
 Другому итти да на три мѣсяца,
 Итти же во сыру землю.
 Испрогóворить Владиміръ столыѣ-кíевской:
 — Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Что ты дѣлаешъ да заповѣдь великую,
 — Заповѣдь да неподóльную,
 — Да на долго тутъ итти да во сыру землю? —
 Тутъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 Самъ Михайло испрогóворить:
 «Видно надо сдѣлать мнѣ-ка заповѣдь великую
 «Съ Марьей лебедь бѣлою,
 «Что она-то мнѣ-ка прилюбилася.»
 А пріялъ-то же съ ей да по злату вѣвцю,
 Сталъ же съ ею вѣкъ корóбати.
 Въ тую пору да во тó время
 Наѣзжае было царь Бухарь заморскіи,
 Наѣзжае царь Бухарь съ посланникомъ,
 Править онъ да дани выходы
 Что ли съ солнышка Владиміра,
 Что ль со князя столыѣ-кíевска:
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ столыѣ-кíевской!
 — Ты пожалуй-ко нунь дани выходы
 — За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
 — За тринадцать лѣтъ да съ половиною. —
 Солнышко Владиміръ столыѣ-кíевской
 Призываетъ онъ Михайлу Пóтыка Иванова:
 «Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Пріѣзжае къ намъ же царь Бухарь заморскіи,
 «Править онъ же съ насъ да дани выходы
 «За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
 «За тринадцать лѣтъ да съ половиною.»
 Испрогóворить Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ:
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ столыѣ-кíевской!
 — Ты садись-ко нунь Владиміръ на ременьчатъ
 стугъ,
 — Пиши-тко было ерлычкѣ да скорописчати:
 — Отправлены да дани выходы
 — За Михайлой Пóтыкомъ Ивановымъ
 — За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
 — За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
 — Я поѣду нынечу безъ даней выходовъ. —
 Онъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
 Поѣзжаетъ онъ къ царю Бухарю да заморскому.
 Повозитъ ерлычки да скорописчати

Къ тому же онъ къ царю ко Бухарю да ко заморскому,

Что отправлены да дани выходы

За Михайло Пóтыкомъ Ивановичъ

За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,

За тринадцать лѣтъ да съ половиною.

Пріѣзжаетъ къ Бухарю царю заморскому,

Подаваетъ ёрлычки да скорописчаты

Да царю Бухарю заморскому.

Принимаетъ было царь Бухарь заморскіи

Ты ёрлыки да скорописчаты,

Скорешенько ёрлычки да распечатывать,

Поскорѣ того да онъ прочитывать,

Самъ же царь Бухарь да тутъ зрадѣется:

«Ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!

«Гдѣ же у васъ выходы остались?»

— У насъ оси да въ телѣжкахъ припомниси,

— Да телѣжки у насъ поломалиси.

— Тамъ починщицки да въ поли пріосталиси,

— А телѣжекъ во чистомъ поли починивать.»

Испроговорить царь Бухарь заморскіи:

«Ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!

«Чѣмъ же нынѣ у васъ да на Россіи забавляются?»

— У насъ же на Россіи забавляются, —

— Нынѣ играютъ да во шашечки дубовыи,

— Что ли ставятъ да дощечки да кленовыи. —

Доставали тутъ дощечку да кленовую,

Что же ставили тутъ шашечки дубовыи

На туя тутъ на дощечку на кленовую;

Тутъ играли было въ шашечки дубовыи

Тую было дощечку да кленовую.

А на ту дощечку на кленовую

Ставилъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,

Ставилъ же онъ своего добра коня,

Ставилъ же свою да буйну голову.

Царь Бухарь было заморскіи

Ставилъ на дощечку на кленовую,

Ставилъ онъ же дани выходы

За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,

За тринадцать лѣтъ да съ половиною.

Тутъ играли было въ шашечки дубовыи,

Тую было дощечку да кленовую.

Проигралъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,

Проигралъ онъ своего добра коня,

Проигралъ же онъ свою да буйну голову

На той было дощечки на кленовою

Тому Бухарю онъ царю заморскому.

Тутъ царь Бухарь было заморскіи,

Тутъ же царь да онъ зрадѣется.

Ставили дощечку да во дрóгой разъ,

Ставили тутъ шашечки дубовыи

На тую же на дощечку на кленовую.

Ставилъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ

На ту было на дощечку на кленовую

Свою же Марью лебедь бѣлую,

Лебедь бѣлую да королевичну,

Королевичну подолянку;

Въ дрóгихъ ставилъ онъ родитель свою матушку

На тую же на дощечку на кленовую.

Царь Бухарь было заморскіи

Ставилъ на дощечку на кленовую,

Ставилъ тутъ Михайлина добра коня,

Ставилъ тутъ его да буйну голову,

Ставилъ онъ да дани выходы

За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,

За тринадцать лѣтъ да съ половиною.

Тутъ играли да дощечку да во дрóгой разъ.

Сыграли было дощечку въ дрóгой разъ,

Повыигралъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,

Своего повыигралъ добра коня,

Повыигралъ свою да буйну голову

И повыигралъ да дани выходы

За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,

За тринадцать лѣтъ да съ половиною.

Ставили дощечку они въ третій разъ.

Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ

Ставилъ онъ да дани выходы

За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,

За тринадцать лѣтъ да съ половиною

На ту было дощечку на кленовую,

Ставилъ своего добра коня,

Ставилъ онъ свою да буйну голову.

Царь Бухарь было заморскіи

Ставилъ на дощечку на кленовую,

Ставилъ онъ полъ-царства полъ-имяства онъ заморскаго.

Стали тутъ играть дощечку да во третій разъ,

Играли тутъ дощечку да во третій разъ.

Тутъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ

Повыигралъ дощечку было въ третій разъ,

Повыигралъ полъ-царства полъ-имяства онъ заморскаго

Со царя Бухаря со заморскаго.

Розсердился было царь Бухарь заморскіи,

Ставили дощечку во четвертій разъ.

Ставилъ онъ все царство все бухарское заморское,

А Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ

Ставилъ онъ полъ-царства полъ-имяства онъ заморскаго,

Ставилъ онъ да дани выходы

За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,

За тринадцать лѣтъ да съ половиною.

Играли тутъ дощечку да въ четвертый разъ.
Повыигралъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ дощечку да въ четвертый разъ
Со того царя Бухаря онъ съ заморскаго,
Повыигралъ все царство онъ бухарско да за-
морское.

Ставили дощечку они въ пятый разъ.
Царь Бухарь было заморскій,
Ставилъ онъ свою да буйну голову.
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Ставилъ царство тутъ бухарско да заморское
На ту было дощечку да на пятаю.
Стали тутъ играть да бны въ шашечки.....
На пятú-то дверь тутъ отворяется,
Крестовый ёму братецъ да пхається,
Пріѣзжаетъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
«Молодой ты Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Играешь ты во шашечки въ дубовыи
«Да на той же на дощечки на кленовыи,
«Надъ собой же ты незгодушки не вѣдашь,
«Какъ твоя-то Марья лебедь бѣлая,
«Лебедь бѣлая да королевична,
«Королевична было подолянка,
«Что она же нынчу было померла.»

Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ скочилъ же на свои да на рѣзвы ноги,
Ухватить онъ дощечку да кленовую
Съ тѣма шашками съ дубовыма,
Ударилъ онъ во двери съ ободвереньемъ,
Повыставилъ онъ двери вонъ со липиною.
Перепался было царь Бухарь заморскій,
Смолился онъ Михайла Пóтыку Иванову:
— Михайла Пóтыкъ ты Ивановичъ!
— Ты оставь меня царя да нунъ во живности,—
— Получай же нунъ ты царство все бухарское
заморское! —

А Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Самъ же тутъ да братьямъ испроговорить:
«Ай вы братьица мои были крестовыи!
«Получайте-тко нунъ съ царя со Бухаря со за-
морскаго
«Вы царство нунъ бухарско все заморское,
«Оставьте-ко царя да посидѣльщикомъ,
«Не досугъ же мнѣ-ка-ва съ нимъ нунъ угладиться
(тикъ).

«Я поѣду нунъ ко городу ко Кіеву
«А й по ласковому князю ко Владиміру.»
Тутъ уѣхалъ да Михайла Пóтыкъ сынъ Ивано-
вичъ.

А русскіи могучіи богатыри
Получали тутъ съ царя да дани выходи,

Получали тутъ же царство да бухарско все за-
морское,

Оставили царя да посидѣльщикомъ.
А Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Пріѣзжае онъ ко городу ко Кіеву
А й по ласковому князю ко Владиміру.
Князь же тутъ его да было спрашивать:
— Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Какъ же ты оттуль да нонъ повѣхалъ? —
Испроговорить Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кіевской!
«Повыиграли у насъ дани выходи
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною,
«Съ того царя Бухаря да съ заморскаго,
«Да повыиграно царство все бухарско все за-
морское
«И съ того царя съ Бухаря да съ заморскаго,
«Все царство все имянство все бухарское.
«Осталнсь получать же тамъ богатыри,
«Мои братьица крестовыи,
«Старыи казаки да Илья Муромецъ
«И молодой Добрыня сынъ Никитиничъ.»
— Да чимъ же нонъ тебя мнѣ наскори пожертво-
вать?

— Города ли теби дать да съ пригородками,
— Аль села тебѣ же дать да со приселками,
— Золотой казны тебѣ-ка-ва по надобью? —
«Ничего же мнѣ-ка-ва не надобно,
«Городовъ мнѣ нонъ не надо съ пригородками,
«Что ли сель не надо со приселками,
«Золотой казны не надобно по надобью,
«Дай-ко на царевыхъ на кабакахъ,
«Дай-ко мни поволочку великую
«Пить же мнѣ вино да нонъ безденежно,
«Гдѣ кружкою да полукружкою,
«Гдѣ четвертью да гдѣ полуведромъ,
«А при времечки гдѣ и цѣлымъ ведромъ.»
Солнышко Владиміръ стольнѣ-кіевской
Дать ему поволочку великую
На тыхъ же на царевыхъ на кабакахъ
Пить ему вино было безденежно,
Гдѣ кружкою да полукружкою,
Гдѣ четвертью да гдѣ полуведромъ,
А при времечки гдѣ и цѣлымъ ведромъ.
Испроговорить Владиміръ стольнѣ-кіевской:
— Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Напрасно же ты сдѣлалъ нунъчу заповѣдь ве-
ликую. —

Испроговорить Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кіевской!

«И тоё-то да нувьчу сдѣлано, —
 «Надо нувь птти да во сыру землю,
 «Во сыру землю птти да на три мѣсяца.»
 Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Приказалъ же онъ тутъ дѣлать домовищечко,
 Чтобы можно мнѣ-ка стóя стоять,
 Стоя стоять да сѣди сидѣть,
 При времечки да чтобы лёжа лечь.
 Бралъ же онъ запасъ туды великинъ:
 Бралъ свѣчи туды и ладоны,
 Береть хлѣба на три мѣсяца,
 Воды бѣреть на три мѣсяца.
 Ходилъ же онъ было во кузницамъ,
 Велѣлъ ковать же клещи да желѣзники,
 Бралъ же прутья онъ да троинъ,
 Первы прутья оловянины,
 Вторѣи было прутья онъ желѣзные,
 Третьи прутья онъ береть да туды мѣдныи.
 Отправляется же онъ тутъ во сыру землю,
 Отправляется онъ да на три мѣсяца.
 Прожилъ тутъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
 Прожилъ въ матушкѣ сырой земли первѣи сутки,
 Начинаетъ жить же онъ тутъ сутки другѣи,
 Пришыватъ къ ему змѣище да проклятое,
 О двѣнадцати была змѣя о хоботахъ.
 Пролізала ему гробъ было желѣзныи.
 А Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Захватилъ было змѣю онъ да проклятую
 Тымъ было клещами да желѣзными.
 Сѣкъ же онъ ю прутьями да оловянными,
 Другѣи сѣкъ же прутьями желѣзными,
 Третьими онъ сѣкъ ю прутьями да мѣдными.
 Змѣя ему да тутъ смолилася:
 — Ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Не убей меня змѣи было проклятою,
 — Дамъ тебѣ я заповидь великую
 — Оживить-то нувь тебѣ-ка Марью лебедь бѣлую,
 — Лебедь бѣлую да королевичну,
 — Королевичну было подолянку,
 — Достану я тебѣ-ка-ва живой воды. —
 Испроговорить Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
 «Ой же ты змѣя было проклятая,
 «Ты змѣя было лукавая,
 «Дай-ко ты змѣеныша въ великъ залогъ!»
 Дала тутъ змѣя лукавая,
 Дала тутъ змѣеныша въ великъ залогъ.
 Рубилъ же онъ змѣеныша на мелкии на часточки.
 Отправляется змѣя было проклятая,
 Доставаетъ тутъ она было живу воду.
 Складывалъ же онъ змѣеныша во мѣсто ли,
 Мочилъ же того малаго змѣеныша, —

Засвивался было маленькѣи змѣенышою.
 Брызгалъ же Марью лебедь бѣлую,
 Брызгалъ онъ ю во три же разъ:
 Первый разъ она продрогнула,
 Другой разъ она зашевелилася,
 Третьй разъ она да проглаголила:
 — Фу фу фу я долго нувь попрóспала! —
 Испроговорить Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
 «Кабъ не я, такъ ты отнынѣ до вѣкъ бы прóспала».
 Скричалъ же тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивано-
 вичъ
 Своимъ голосомъ да богатырскимъ.
 Теремки да пошатилиси,
 Околенки у нихъ да повалилиси,
 Все же во гради да приужахнулись,
 Все сами же тутъ въ городѣ спроговорять:
 — И нашему уродищу въ сырой земли не пожни-
 лось.
 — Отправлялся онъ въ сыру землю да на три
 мѣсяца, —
 — Наступаютъ нувь на насъ троѣи сутки,
 — Изъ сырой земли уродище дается. —
 И здымали тутъ его да изъ сырой земли,
 Изъ сырой земли на бѣлый свѣтъ.
 Тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Онъ пошолъ гулять да по царевнымъ по кабакамъ,
 Пить вино да онъ безденежно,
 Гдѣ кружкой да полукружкой,
 Гдѣ четвертью да гдѣ полуведромъ,
 А при времечки гдѣ и цѣлымъ ведромъ.
 Марья лебедь бѣлая,
 Королевична было подолянка,
 Посылала она вѣдомъ королю да политовскому,
 Что наѣхалъ бы король да политовскѣи,
 Увезъ бы онъ меня да Марью лебедь бѣлую,
 Лебедь бѣлую онъ да подолянку,
 А и подолянку да королевичну,
 Въ тую землю во литовскую.
 Прѣзжаетъ тутъ король да политовскѣи,
 Прѣзжаетъ тутъ король да по молчаному,
 Онъ увозитъ Марью лебедь бѣлую,
 Лебедь бѣлую да королевичну,
 Королевичну онъ да подолянку.
 Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Надъ собой же онъ того да тутъ не вѣдаётъ,
 Что увезъ же да король да политовскѣи
 Его же Марью лебедь бѣлую,
 Лебедь бѣлую да королевичну,
 Королевичну онъ да подолянку.
 Присказала было вѣсточка нерадостна
 Михайлы Пóтыку Иванову:

«Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановчъ!
 «Ты пьешь да проклаждаешься,
 «Надъ собой негодюшки не вѣдаешь,
 «Какъ твоя-то Марья лебедь бѣлая,
 «Лебедь бѣлая да королевична,
 «Королевична было подолянка,
 «Уѣхала съ королемъ да политовскімъ
 «Во матушку да въ земляну Литву».
 Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Одѣвае онъ же платица-ты женскіи,
 Накручается же онъ да было женщиной
 И поѣхалъ вслѣдъ же онъ погоною
 За тымъ же королемъ да политовскімъ.
 Не узналъ бы да король да политовскіи,
 Не узналъ бы онъ да вслѣдъ погонюшки.
 Подѣзжаетъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивано-
 вичъ

Вслѣдъ же онъ было погоною
 За тымъ же королемъ да политовскімъ.
 Увидала Марья лебедь бѣлая,
 Лебедь бѣлая да королевична,
 Королевична да тутъ подолянка,
 Сама ему да испроговорить:
 — Ай же ты король да политовскіи!
 — Ъде нунъ за нами вслѣдъ погонюшка,
 — Ъдетъ тутъ за нами женщина, —
 — Хотя и женщиной да тѣда-ка сокрученость,
 — Не женщина тутъ ѣдетъ вслѣдъ погонюшка,
 — Ъдетъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
 — Отправляй меня скорешенько на стрѣту ли,
 — И давай же мнѣ наитковъ еще сонныхъ.
 — Онъ же до вина да есте спадсливый.
 — Поднесу ему я чару зелена вина, —
 — Гди вынше, онъ же тутъ и въ сонъ заснетъ.—
 Подѣзжаетъ тутъ къ ему она на стрѣту ли,
 Тяжелешенько да она плаче ли:
 «Ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановчъ!
 «Увезъ меня король да политовскіи,
 «Что ли силою увезъ меня изъ Кіева».
 Подноситъ ему чару зелена вина:
 «Выпей още чару зелена вина».
 Гди вынше, тутъ и въ сонъ заснулъ.
 Подскочила тутъ къ кою да къ богатырскому,
 Принимаетъ на плечо да на волшебное,
 Спустила тутъ его было черезъ плечо,
 Сама же тутъ Михайла приговаривать:
 «Гди былъ молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ива-
 новичъ,
 «Стань-ко нынъ горючій бѣлой камешокъ.
 «Будь-ко ты Михайло нынъ во камени».
 Отправляется съ королемъ да политовскімъ

Въ ту было да въ земляну Литву,
 И уѣхала да въ земляну Литву
 Къ тому же королю да политовскому.
 Жила съ кóродемъ да политовскімъ,
 Жила она много тамъ же времени.
 Стосковалось было братьямъ же крестовымъ:
 Старому казаку Ильѣ Муромцу,
 Мóлоду Добрынюшку Никитичу.
 Крутились было они каликами,
 Обували они лапти было липовы,
 Надѣвали они платица нецвѣтными,
 Пошли они да тѣда-ка каликами
 Отъ солнышка Владиміра отъ князя-стольнѣ-кіевска
 Къ тому же королю да къ политовскому
 Искать же тутъ Михайла Пóтыка Иванова,
 Своего же было брата да крестоваго.
 Въ день они идутъ было по солнышку,
 А въ ночь они идутъ было по камешку.
 Приходятъ тутъ ко бѣлому ко камению.
 Выходитъ тутъ изъ другою изъ рóзстаніи,
 Выходитъ тутъ калика было старая,
 И старая калика да сѣдтая,
 Хотя сѣдтая калика да й пѣштая.
 — Здравствуйте, калики перехожіе! —
 «Ты здравствуешь калика было старая,
 «Старая калика ты матѣра,
 «Ты матѣра калика ты сѣдтая,
 «Ты сѣдтая калика да пѣштая».
 — Куда же вы калики нунъ направились? —
 Испроговорятъ тутъ русскіи могучіи богатыри:
 «Ай же ты калика было старая!
 «Хоть нынъ у насъ накрученость каликами,
 «Е мы не калики перехожіи,
 «Е мы русскіи могучіи богатыри:
 «Старии казакъ да Ильѣ Муромецъ,
 «Мóлодой Добрынюшка Никитиничъ.
 «Пошли искать Михайла Пóтыка Иванова,
 «Своего же брата мы крестоваго,
 «Сваторусьскаго богатыря».
 Испроговорятъ же русскіи могучіи богатыри:
 «Ты откудова калика есть же старая?»
 — Я дальняя калика есть же старая,
 — И дальняя калика я не здѣшная, —
 — Пошолъ искать Михайла Пóтыка Иванова.—
 Приходили тутъ калики перехожіи
 А къ тому же королю да политовскому,
 Ставились калики срѣди города,
 Супротивъ того двора да королевскаго.
 Тутъ скрыцали да калики перехожіи, —
 Теремки у нихъ да пошатились,
 Околенки у нихъ да поважились,

Вся же во гради да приужахнулись:
 Что же нунь да чюдо е случилоси,
 Какі же намъ калики появилисн?
 Испроговоритъ король да политовскіи:
 «Это е три чюда объявилоси».
 Говорила Марья лебедь бѣлая,
 Лебедь бѣлая да королевична,
 Королевична да тутъ подолянка:
 — Тутъ не чюдо къ намъ же нуньчу объявилоси,
 — Два богатыря да къ намъ же нунь явилоси:
 — Старши казаѣ да Илья Муромецъ,
 — Молодой Добрынюшка Никитиничъ.
 — А третья калика незнакомая,
 — Незнакомая калика да сѣдатая,
 — Сѣдатая калика да плѣшатая,
 — Тая е калика да незнаема.
 — Зови-тко ты король да во гостѣбищо
 — Этнихъ каликъ да перехожинхъ.
 — Не пойдуть оны къ намъ да въ гостѣбищо,
 — Розорятъ оны же нашу земляну Литву
 — Два русьскіи могучіи богатыря. —
 Выходилъ же тутъ король да политовскіи,
 Сворешенько же выходилъ на широкъ дворъ
 Съ той ли Марьей лебедь бѣлою,
 Лебедь бѣлою да онъ подолянкой,
 А подолянкой да королевичной.
 Подходила она къ братьецамъ крестовнымъ
 Своего же она мужа да названаго,
 Звала тутъ себѣ-ка-ва въ гостѣбищо,
 Тяжелешенько по нѣмъ да она плакала.
 Спрашивали русьскіи могучіи богатыри,
 Старши казаѣ да Илья Муромецъ,
 Что ли молодой Добрынюшка Никитиничъ:
 «Не видала ли Михайла Потыка да ты Иванова?»
 — Не видала я Михайла Потыка Иванова.
 — Тяжелешенько по нѣмъ да я же плачу есть,
 — Вспомню я его да въ каждый день. —
 И зовѣтъ она себѣ-ка-ва въ гостѣбищо
 Къ тому же королю да политовскому.
 Тутъ приходитъ же король да политовскіи
 И зовѣтъ же онъ богатырей къ собі въ гости.
 Приходятъ тутъ калики перехожіи
 Къ тому же королю да къ политовскому,
 Гостили у того же короля да политовскаго.
 Дарили имъ же честныи тутъ дѣрева,
 Дарили имъ же злато что ли серебро,
 И мелкіи имъ тутъ же жемчуги,
 И каменья дарили драгоцѣнныи.
 Откланялисн тутъ же калики перехожіи,
 Отправилисн калики со гостѣбища,
 Начего же тутъ калики не провѣдали

Про русьскаго могучаго богатыря,
 Про Михайлу Потыка Иванова.
 Отправилисн же въ путь они дороженьку,
 Въ день они идутъ было по солнышку,
 Въ ночь они идутъ было по камешку.
 Приходятъ тутъ ко бѣлому горячему ко каменю.
 Испроговоритъ калика было старая,
 Еще старая калика да матерая:
 «Вамъ же нунь, калики перехожіи,
 «Вамъ же нунь поити же надо въ сторону,
 «Мнѣ-ка-ва поити надѣ же въ другую.
 «Будемъ на прощенье животовъ дѣлать».
 Испроговорятъ тутъ русьскіи могучіи богатыри:
 — Ай же ты калика нуньчу старая,
 — Ты старая калика да матерая,
 — Матерая калика да сѣдатая,
 — Сѣдатая калика да плѣшатая!
 — Ты дѣли-тко нуньчу дѣрева. —
 Дѣлила-то калика было старая,
 Старая калика да матерая,
 И дѣлила тутъ великіи подарочки,
 И дѣлитъ она да на четыре да на часточки.
 Испроговорятъ тутъ русьскіи могучіи богатыри:
 «Что же ты, калика было старая,
 «Старая калика ты матерая,
 «Что дѣлишь ты нынѣ подарочки,
 «На четыре ты дѣлишь на часточки?
 «Трое насъ же нунечу находится,
 «А кому же эта часть нунь остается?»
 Говоритъ же имъ калика было старая:
 — Ай же вы калики перехожіи!
 — Станемъ-ко здымать мы этотъ камешокъ.
 — Кто изъ насъ же здыне этотъ камешокъ че-
 рѣзъ плечо,
 — А тому же часть четвертая достанется. —
 Думаютъ же русьскіи могучіи богатыри
 Своимъ же тутъ умомъ да богатырскимъ:
 Неужтѣ не здынемъ мы да камня?
 Часть эта да намъ же нынѣ достанется.
 Испроговоритъ калика имъ же старая,
 Старая калика да матерая:
 — Ай вы русьскіи могучіи богатыри!
 — А здымайте-тко горячій бѣлый камешокъ. —
 Принимается Добрыня сынъ Никитиничъ
 Здымать же нынѣ горячій бѣлый камешокъ,
 Здымать же этотъ камень да черѣзъ плечо.
 Выздынулъ Добрынюшка до пояса, —
 По волѣну тутъ Добрынюшка во землю сѣлъ,
 Не могъ же онъ здынутъ да было камешка
 Черезъ тѣе нунь плечо да богатырское.

Принимался тутъ же старин казакъ да Ильѣ Муромецъ.

Онъ здымае этотъ бѣлы горючій камешокъ,
Онъ здымае себѣ камешокъ на груди ли,
А по стегнамъ Ильѣ Муромецъ да въ землю сѣлъ.

Приходитъ тутъ калика эта старая,
Эта старая калика да сѣдтая,
Сѣдтая калика да плѣштая,

Налагаетъ еще руки на бѣлы горючій камешокъ
И здымае камешокъ черѣзъ плечо,

Спуститъ этотъ камешокъ черѣзъ плечо,
Спуститъ камень о сыру землю,

Сама же къ каменю да приговаривать:

— Колись-ко этотъ камешокъ да на двое,

— Иди-ко ты Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ

— Изъ бѣлаго горючаго изъ камешка! —

Кололся этотъ камешокъ нуль на двое,

Выходитъ тутъ Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ,

Увидае онъ же братьевъ крестовникъ.

«Здравствуйте вы братья крестовники!»

— Здравствуй ты Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!

— Отъ чего попалъ въ горючій бѣлы камешокъ? —

«Отъ своей же я нуль Марьи лебедь бѣлы,

«Лебедь бѣлы да я подолянки,

«А ѣ подолянки да королевичной.

«Подносила она зелья мѣ-ка соннаго,

«Подносила она зеленымъ виномъ, —

«А гдѣ выпилъ, тутъ я въ сонъ заснулъ,

«И самъ себе я понечу не вѣдаю».

Говоритъ же тутъ калика ему старая,

Старая калика да матерая:

— Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!

— Будешь ты у города у Кіева

— А у ласковаго князя у Владиміра,

— Ты сдѣлай-ко двѣ церкви, двѣ соборныхъ,

— Одну церковь нульче дѣлай ты Спасителю,

— Другу церковь матушкѣ да пресвятой Богородицы,

— Въ той же нуль Миколы да святителю.

— Упросила матушка да пресвятая Богородица

— А сходитъ меня для васъ да на сыру землю,

— Избавитъ нуль отъ смерти отъ напрасно,

— Отъ напрасно отъ смерти отъ волшебною. —

Простиласи калика было старая,

Старая калика да матерая,

Отправилася калика въ свою сторону.

Испроговарятъ тутъ русьскіи могучіи богатыри:

«Ай ты братецъ да названни,

«Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!

«Пойдемъ-ко съ нами въ свою сторону,

«Къ тому было ко городу ко Кіеву,
«Ко ласковому князю ко Владиміру».

Говорилъ Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ:

— Ай же мои братья крестовники!

— Мѣ-ка-ва сходитъ надо во землю Литву,

— А къ тому же королю ко политовскому.

— Угналъ онъ да моего добра коня,

— И увезъ же Марью лебедь бѣлую,

— Лебедь бѣлую да королевичну,

— Королевичну онъ да подолянку. —

Испроговарятъ тутъ братья крестовники:

«Ай ты братецъ да названни,

«Михайла Пѣтыкъ да Ивановичъ!

«Не жена теби она, да есть волшебница,

«Сконаетъ твою голову да богатырскую,

«Ты получишь отъ ей смерть напрасную».

Тутъ Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ

Онъ братья крестовникъ не слушаеъ,

Приказалъ же братъ имъ этни подарочки

И отпраляться имъ ко городу ко Кіеву.

Самъ пошолъ же къ королю да политовскому,

Политовскому да земли-польскому (*такъ*),

Въ тую онъ пошолъ во землю Литву.

Приходитъ онъ каликой перехожеей,

Ставился же онъ тутъ среди города,

Противу тутъ двора да королевскаго,

Крычалъ же онъ да во всю голову.

Теремъ же тутъ да пошатилися,

Что околенки у нихъ вси повалилися,

Вси уродища они да приужахнулися,

Сами же они тутъ испроговарятъ:

— Недавно чюда здѣ-ка были объявилися,

— А нуль опять да чюдо появилоси. —

Испроговаритъ тутъ Марья лебедь бѣлая,

Лебедь бѣлая да королевична,

Королевична да и подолянка:

«Не калика это есть да перехожая,

«А Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ.»

Скорешенько наливаетъ чару зелья соннаго,

Выбѣгаетъ тутъ скорешенько да на широкъ дворъ,

Стрѣтаетъ тутъ Михайла Пѣтыка

Съ чарой зелена вина.

Выпилъ онъ же чару зелена вина, —

Какъ онъ выпилъ чару зелена вина,

Гдѣ выпилъ, тутъ же въ сонъ заснулъ.

Тащила тутъ во сѣни во челядинны.

Увидала тутъ Настасья королевична,

Что тащатъ сп (*такъ*) богатыря во сѣни во челядинны,

По немъ она да сжаловалася.

Приходила тутъ во сѣни во челядинны

Эта Марья лебедь бѣлая,
 Лебедь бѣлая да королевична,
 Прибывала тутъ богатыря да на стѣну,
 Была ему въ руки въ ноги еще гвѣздица.
 Не хватило тутъ гвозда да у ней пягаго,
 Пятаго гвозда ему середняго,
 Средняго гвозда ему сердечнаго.
 Побѣгала тутъ изъ сѣней изъ челядинныхъ,
 Побѣгала за гвоздомъ она да пятинимъ.
 Молода Настасья королевична
 Вытаскивала гвѣздя вонъ да со стѣны,
 Прибила тутъ на мѣсто да татарина,
 Прибила тутъ татарина да мертваго,
 Мертваго татарина да мерзлага.
 Уводила тутъ Настасья королевична
 Того было богатыря изъ сѣней изъ челядинныхъ.
 Прибѣгаетъ Марья лебедь бѣлая,
 Лебедь бѣлая да королевична,
 Королевична она подолянка,
 Не смотрѣла тутъ она да на стѣну,
 Забила тутъ татарина мѣсто богатыря.
 Отправляется къ королю да литовскому,
 Сама же тутъ ему да еще хвастаетъ:
 — Перевела я нынчу своего да ненавистничка,
 — Михайла Пѣтыка сынъ Иванова. —
 Прожилъ у Настасьи онъ потай да тронъ суточни,
 Проситъ онъ коня да богатырскаго,
 Да у той было Настасьи королевичной:
 «Ахъ ты мѣлода Настасья королевична!
 «Проси-тко у родителя у батюшка,
 «Нѣтъ ли нунъ коня да богатырскаго
 «Сѣздить въ чисто поле да поляковать.»
 Молода Настасья королевична
 Тутъ приходитъ къ королю да литовскому,
 Къ своему она къ родителю да батюшку:
 — Ахъ ты старинъ король да литовскій,
 — Ай же ты родитель мой да батюшко!
 — Дай-ко мни коня да богатырскаго
 — Сѣздить въ чисто поле да поляковать,
 — Простудитъ лицо свое да женское. —
 Испробворить король же литовскій:
 «Поди-ко на конюшни на стоялн,
 «Выбирай-ко ты коня да нынъ по разуму.»
 Приходила на конюшни на стоялн,
 Выбирала тутъ коня да богатырскаго
 Михайлы Пѣтыка Иванова.
 Пригоняетъ тутъ коня да богатырскаго
 А Михайлы Пѣтыка Иванова
 Къ своему крыльцу да королевскому.
 Одѣвается богатырь да по женскому,
 Уѣзжаетъ онъ богатырь было женщиной,

Уѣзжаетъ тутъ богатырь во чисто поле,
 Изъ чиста поля набѣхалъ онъ богатыремъ,
 Ставился же онъ тутъ среди двора,
 У того же короля да литовскаго,
 Онъ проситъ же тутъ войска да великаго.
 Узнаваетъ Марья лебедь бѣлая,
 Лебедь бѣлая да королевична,
 Королевична да тутъ подолянка.
 Скорѣшенько выбѣгаетъ да на широкъ дворъ,
 Наливаетъ она чару зеленѣмъ виномъ
 И подноситъ ему зелье было сонное.
 Молода Настасья королевична
 По поясу бросилася въ окошечко:
 — Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Выпьешь чару нунъ же ты да зелена випа,
 — Гди выпьешь тутъ же въ сонъ заснешь.
 — Будеть ти отсѣчь она твоя да буйна голова,
 — А твоей же тутъ да саблей вострою. —
 Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ
 Не пилъ же чары зелена вина;
 Смѣхне онъ да саблей вострою, —
 Отнесъ же ейну буйну голову
 За ейни поступки неумильни.
 Розсердѣлся тутъ богатырь святорусскій:
 «Отнесу же королю я буйну голову,
 «Розорю же я тутъ землю всю литовскую!»
 Упросила тутъ Настасья королевична:
 — Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Не рубли-тко ты родителю да буйной головы
 — За его было поступки неумильни,
 — Не розори-тко ты да земляной Литвы. —
 Укротилъ же свое сердце богатырское;
 Бралъ одну Настасью королевичну
 Отъ того же короля да литовскаго,
 Бралъ мѣлоду Настасью онъ во честности.
 Увезъ къ городу было ко Киеву,
 А къ ласковому князю ко Владиміру,
 И привелъ же онъ тутъ въ вѣрушку крешоноу.
 Принялъ тутъ съ Настасьей по злату вѣнцу,
 Сталъ же съ ней да вѣкъ корѣтати.
 Сталъ же строить онъ двѣ церкви двѣ соборныхъ,
 Перву церковь онъ соборную
 Строилъ онъ Спасителю,
 Другу церковь онъ же строилъ да соборную
 Матушки да пресвятою Богородици
 И Миколи онъ было святителю.
 Тутъ Михайлы Пѣтыку сынъ Иванову славу поють,
 Синему морю на тишину,
 Всемъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записано тамъ же, 21 іюля.

7.

СТАВЕРЬ.

А у солнышка да у Владимира
 Пированьцо было на третій день.
 А вси-то на пиру да напивались,
 Вси же на честноемъ наѣдались,
 Вси же на пиру да порасхвастались.
 И'ный хвалить города да съ пригородками,
 И'ный хвалить тутъ же села со приселками,
 И'ный хвастаетъ тутъ золотой казной,
 Золотой казной да тутъ безсмѣтноу,
 И'ный хвалится да добрымъ тутъ комоньми,
 Разумный хвастаетъ да родной матушкой,
 Безумный хвалится да молодой женой.
 Сидитъ молодой Ставерь да сынъ Годиновичъ,
 Онъ не ѣсть, не пьетъ, не кушаетъ,
 Его бѣлоу лебѣдушки не рушаетъ,
 Да ничѣмъ Ставерь не хвастаетъ.
 Ходитъ солнышко Владиміръ стольнѣ-кїевской,
 Самъ солнышко да испроговорить:
 «Ахъ ты молодой Ставерь да сынъ Годиновичъ!
 «Ты не ѣшь, не пьешь, да самъ не кушаешь,
 «Моей бѣлоу лебѣдушки не рушаешь,
 «Самъ же нунь Ставерь да е не хвастаешь.
 «У насъ нѣту городовъ да съ пригородками,
 «Видно нѣтъ у насъ да села и со приселками,
 «Нѣту золотой казны по надобью,
 «Нѣту добрыхъ комоней по надобью,
 «А не хороша Ставрова рѣдна матушка,
 «Да не похвальна Ставрова молода жена?»
 Отвѣчаетъ тутъ Ставерь да сынъ Годиновичъ:
 — У насъ есть тутъ города да съ пригородками, —
 — То мнѣ молодцу не похваляба;
 — Есть у насъ и села со приселками, —
 — То мнѣ молодцу не похваляба;
 — Золота казна у молодца не держится *), —
 — То мнѣ молодцу не похваляба;
 — Добры комони у молодца не ѣзятся, —
 — То мнѣ молодцу не похваляба;
 — Хоть и хороша моя да рѣдна матушка, —
 — То мнѣ молодцу не похваляба;
 — Хоть бы похвальна моя да молода жена, —
 — То мнѣ молодцу не похваляба:
 — Она всѣхъ князей бояръ повыманить **),
 — Она солнышка Владиміра съ ума сведеть. —

*) т. е. не издерживается, не переводится.

**) т. е. обманеть.

А вси князи тутъ бояра призадумались.
 «А похвасталъ нунь Ставерь да сынъ Годиновичъ,
 «Ай похвасталъ онъ своей да молодой женой:
 «Всѣхъ князей бояръ да нунь она повыманить,
 «Она солнышка Владиміра съ ума сведеть!
 «Засадимте-тко Ставра да въ погребѣ,
 «А во ты было погребѣ глубокіи.
 «Пусть-ко нынѣ Ставрова молода жена
 «Всѣхъ князей бояръ да насъ повыманить,
 «Солнышка Владиміра съ ума сведеть».
 Былъ же у Ставра да было свой чѣловѣкъ,
 А садился на Ставрова на добра копя,
 Онъ поѣхалъ тутъ во землю ляховитскую,
 Къ той же Василисты ко Никуличной, *)
 Да къ Ставровой молодой жены.
 Приѣзжае къ Василисты ко Никуличной,
 Къ той же ко Ставровой молодой жены.
 Говоритъ же Василисты да Никуличной:
 — Ай же Василиста дочь Никулична,
 — Ай же ты Ставрова молода жена!
 — А похвасталъ нунь Ставерь да сынъ Годиновичъ.
 — А тобой да молодой женой,
 — Василистой да Никуличной,
 — Что же всѣхъ князей бояръ да ты повыманить,
 — Солнышка Владиміра съ ума сведешь. —
 Говоритъ тутъ Василиста дочь Никулична:
 «Деньгами Ставра да мнѣ не выкупить,
 «Силою Ставра да мнѣ не выручить, —
 «Могу ли нѣтъ догадками да женскимъ».
 А бѣжала тутъ она къ фельдмаршаламъ (такъ),
 Подрубила волоса да по мужичьему,
 Набрала дружинишки хороброу,
 Сорѣкъ молодцевъ, молодыхъ борцевъ,
 Сорѣкъ молодцевъ, молодыхъ стрѣльцевъ,
 А сама она поѣхала посланникомъ,
 А ко солнышку Владиміру,
 А ко князю стольнѣ-кїевску.
 Оставляетъ тутъ дружину во чистомъ поли,
 А сама тутъ приѣзжаетъ да посланникомъ.
 — Здравствуй солнышко Владиміръ стольнѣ-кїев-
 ской! —
 «Ты откудова, удалый добрый молодецъ,
 «Ты коѣй земли, коѣй орды,
 «Какъ ты нунь зовутъ по имени,
 «Нарекваютьъ по изотчнны?»
 — Я изъ земли ляховитскіи,
 — Того короля сынъ ляховитскаго,

*) По объясненію Калинина, эта Василиста была сестра Настасьи Никуличны, жены Добрынявой.

— Молодой Василий да Никуличъ ли.
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 — Я прѣхалъ нунь о добромъ дѣлѣ къ вамъ, объ
     свѣтовствѣ
 — На твоей было любимыи на дочери. —
 «Я пойду къ дочѣри нунь подумаю».
 Приходить солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской
 А своей дочѣри еще спрашивать:
 — Ахъ ты дочь моя возлюбленна!
 — Прѣзжае короля сынъ ляховитскаго,
 — Молодой Василий да Никуличъ ли,
 — На теби любимыи на дочери да свататься. —
 Отвѣчае ему дочь было возлюбленна:
 «Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 «Что у тя Владиміръ нуньчу нѣ умѣ,
 «Что у теба нуньчу да на разумѣ?
 «Выдаваешь ты дѣвчѣну самъ за женщину:
 «Пельки *) мякѣнныи все по женьскому,
 «Ричъ поговори все по женьскому,
 «Гди жуковинья-ты **) были, тамъ и мѣсто знать,
 «Она стѣгна жметъ добра бѣрѣжетъ».
 Испроговоритъ Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
 — Я пойду посла теперечь поотвѣдаю. —
 Приходить тутъ къ послу да ляховитскому,
 Къ мѣлоду Василью да Никуличу.
 — Молодой Василий да Никуличъ ли!
 — Не угодно ли съ дороги сходить въ баенку?—
 «Это, солнышко Владиміръ, да не худо намъ
 «А сходить съ дороги въ теплу парну баенку».
 Приказалъ Владиміръ стопить баенку,
 А приходитъ тутъ Владиміръ стольнѣ-кѣвской
 Къ мѣлоду Василью да Никуличу:
 — А пожалуй-ко ты въ теплу парну баенку. —
 А докѣ Владиміръ въ домѣ гладился ***),
 Той порой посолъ въ байнѣ отпарился,
 Стрѣту-ту идетъ, да ему чѣсть воздаеть:
 «Благодарствуешь, Владиміръ стольнѣ-кѣвской,
 «Да на тепло-парною вашей на баенки».
 Владиміръ тутъ ему да отвѣчае ли:
 — Что же скоро въ баенкѣ отпарились? —
 «Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 «Ваше дѣло е хозяйское,
 «Наше дѣло е посольное,
 «Недосугъ намъ долго въ байнѣ гладиться,
 «Въ тепло-парною тамъ париться.
 «Я прѣхалъ вамъ, о добромъ дѣлѣ да объ свѣто-
     ствѣ

«На твоей любимыи на дочери».
 — Я пойду еще къ дочѣри тамъ подумаю. —
 Солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской
 Онъ приходитъ тутъ, дочѣри самъ же спрашивать:
 — Ай ты дочь моя возлюбленна!
 — Того короля сынъ ляховитскаго,
 — Молодой Василий да Никуличъ ли,
 — Онъ прѣхалъ да о добромъ дѣлѣ да о свѣто-
     ствѣ
 — На тебѣ было любимыи на дочери. —
 Отвѣчае дочь ему любимая:
 «Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 «Что у тя Владиміръ нуньчу нѣ умѣ,
 «Что у теба нуньчу да на разумѣ?
 «Выдаваешь ты дѣвчѣну самъ за женщину:
 «Пельки мякѣнныи все по женьскому,
 «Ричъ поговори все по женьскому,
 «Гди жуковинья-ты были, тамъ и мѣсто знать,
 «Она стѣгна жметъ добра бережетъ».
 Испроговоритъ Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
 — Я пойду посла теперечь поотвѣдаю. —
 Тутъ приходитъ да къ Василью ко Никуличу;
 — Ахъ ты молодой Василий да Никуличъ ли!
 — Ты пройди въ палаты бѣлокаменны,
 — Тамъ ты хлѣба соли да откупаешь,
 — А отдохнешь послѣ тепло-парной баенки. —
 А проходитъ онъ въ палаты бѣлокаменны,
 Тамъ же онъ да хлѣба купаеъ.
 А выходитъ онъ изъ-за столовъ
 И Владиміру да чѣсть воздаеть.
 А отводитъ тутъ Владиміръ стольнѣ-кѣвской
 А во тин нунь да ложни да во теплыи.
 Молодой Василий да Никуличъ ли,
 Гдѣ головой-то быть, да тутъ же жоной легъ.
 Выходитъ онъ изъ ложни да изъ теплыи:
 «Благодарствуешь, Владиміръ стольнѣ-кѣвской,
 «На твоей да тамъ на ложни да на теплыи!
 «Я прѣхалъ нонь о добромъ дѣлѣ къ вамъ, о свѣ-
     товствѣ
 «На твоей любимыи на дочери».
 Отвѣчае тутъ Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
 — Я пойду еще къ дочѣри, тамъ подумаю. —
 Тутъ заходитъ онъ во ложни да во теплыи,
 Смотритъ тамъ плеча да богатырскіи,—
 А широкъ плеча да богатырскіи.
 И приходитъ онъ къ дочѣри, самъ же спрашивать:
 «Ай ты дочь моя возлюбленна!
 «Того короля сынъ ляховитскаго,
 «Молодой Василий да Никуличъ ли,
 «А прѣхалъ къ намъ о добромъ дѣлѣ да о свѣто-
     ствѣ

*) Груди.

**) Мѣста подъ кольцами.

***) т. е. ладился, собирался.

«На тебѣ было любимыи на дочери».
 Отвѣчае дочь ему любимая:
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 — Что у тя Владиміръ нуьчу на умѣ,
 — Что у теби нуьчу да на разумѣ?
 — Выдаваешъ ты дѣвичіну самъ за женщину:
 — Пельки мякѣньки все по женьскому,
 — Ричь поговори все по женьскому,
 — Гди жуковнѣя-ты были, тамъ и мѣсто знать,
 — Она стѣгна жметъ добра бережетъ. —
 Испрогѣворить Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
 — Я пойду посла еще да поотвѣдаю. —
 Приходитъ тутъ къ Василію ко Никуличу:
 «Ахъ ты молодой Василій да Никуличъ ли!
 «Неугодно ли съ дворянами потѣшиться,
 «Пострѣлять въ колечко золоченое?»
 Отвѣчаешъ тутъ Василій да Никуличъ ли:
 — Оставлены стрѣльни да во чистомъ поли.
 — Мнѣ-ка-ва теперичу да самому отвѣдати,
 — А стрѣлять въ колечко золоченое. —
 Солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской
 Онъ поставилъ молодá стрѣльця.
 Первой разъ стрѣлялъ да онъ не дострѣлялъ,
 А другой же разъ стрѣлялъ перестрѣлялъ,
 Третій разъ стрѣлялъ да туди не попалъ.
 Молодой Василій да Никуличъ ли
 А натагивалъ тетивочек шелковин,
 А накладывалъ онъ стрѣлочку калѣцую,
 А стрѣляетъ тутъ въ колечко золоченое,
 Попадаетъ тутъ въ колечко золоченое,
 Коле стрѣлочку да на двое,
 Мѣрюю однаки да вѣсѣмъ равны.
 Самъ Василій испрогѣворить:
 «Солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 «Я прѣхалъ нонь о добромъ дѣлѣ къ вамъ, о свѣ-
 товетвѣ
 «На твоей любимыи на дочери».
 — Я пойду къ дочѣри, тамъ подумаю. —
 Приходитъ онъ къ дочѣри, самъ же спрашивать.
 Говорить ему да дочь любимая:
 «Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 «Что у тя Владиміръ нуьчу на умѣ,
 «Что у теби нуьчу да на разумѣ?
 «Выдаваешъ ты дѣвичіну самъ за женщину:
 «Пельки мякѣньки все по женьскому,
 «Ричь поговори все по женьскому,
 «Гди жуковнѣя-ты были, тамъ и мѣсто знать,
 «Она стѣгна жметъ добра бережетъ». —
 Испрогѣворить Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
 — Я пойду посла теперечъ поотвѣдаю. —
 А приходитъ тутъ къ Василію ко Никуличу,

къ молоду Василію да Никуличу:
 «Молодой Василій да Никуличъ ли!
 «Неугодно ль съ моими дворянами потѣшиться,
 «А ѣ потѣшиться да поборотиться?»
 — Да оставлены борьци да во чистомъ поли,
 — Самому же нуьчу мнѣ-ка поотвѣдати. —
 Тутъ выходитъ да Василій да Никуличъ ли,
 Онъ выходитъ да на шірокъ дворъ,
 Сталь съ дворянами онъ тѣшиться,
 Сталь онъ тѣшиться да онъ боротиться.
 Одного захватить въ руку, другаго да въ другую,
 Третьяго онъ смѣхнеть во серѣдочку.
 По трою же онъ Василій да на зень ложилъ, —
 А которыихъ положитъ, больше ты не выставуть.
 А выходитъ тутъ Владиміръ да на шірокъ дворъ:
 «Ахъ ты молодой Василій да Никуличъ ли!
 «Укроти-тко свое сердце богатырское».
 Испрогѣворить молодой Василій да Никуличъ ли:
 — Я прѣхалъ нонь о добромъ дѣлѣ къ вамъ, о
 сватовствѣ
 — На твоей любимыи на дочери, —
 — А ты съ чести мнѣ не дашь, такъ возьму не
 съ чести,
 — Нѣ съ чести возьму, да теби бокъ набью. —
 Не пошолъ же тутъ Владиміръ больше спрашивать,
 Сталь свою тутъ дочь просватывать,
 За того было Василія за Никулича,
 За тую было Ставрову молодую жену.
 А свадебка у нихъ была по третій день,
 А Василій да Никуличъ закручинился,
 Онъ повѣсилъ своѣ да буйну голову,
 Утопилъ же очи ясны о кирпиченъ мость.
 Испрогѣворить Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
 «Что же ты Василій закручинился?»
 — Что же мнѣ-ка стало нуьч не весело:
 — Батюшка ли дома у насъ померъ ли,
 — Али матушка у насъ да дома померла,
 — Алъ надъ дружиной во чистомъ поли не ладно
 есть.
 — Нѣтъ ли у васъ мѣдихъ загусельщичковъ,
 — Поиграть да во гусельшка яровчаты,
 — Звеселить мое сердечико? —
 Доставали что ли мѣдихъ загусельщичковъ.
 Все играютъ да не весело,
 Не могли же звеселить Василія да Никулича.
 Говорить было Василій да Никуличъ ли:
 — Нѣтъ ли у тя мѣдихъ затюремщичковъ,
 — Поиграть въ гусельшка яровчаты? —
 Повыпустили мѣдихъ затюремщичковъ,
 Стали тутъ играть въ гусельшка яровчаты,
 Все играютъ да не весело.

Говорить было Василій да Никуличъ ли:
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кїевской!
 — Я слыхалъ же отъ своихъ было родителей:
 — Нѣтъ ли здѣсь Ставрѣ Годинова,
 — Онъ гораздъ играть въ гусельшка яровчаты.—
 Тутъ выводятъ Ставра съ погребовъ глубокихъ,
 Заигравъ въ гусельшка яровчаты,
 Звеселился тутъ Василій да Никуличъ ли.
 — Здравствуешь Ставеръ да сынъ Годиновичъ!
 — Ты меня Ставеръ да нунъ же знаешь ли? —
 Отвѣчаетъ тутъ Ставеръ да сынъ Годиновичъ:
 «Я тебя топеричку не знаю ли».
 — А помнишь ли, Ставеръ да сынъ Годиновичъ,
 — Какъ мы съ тобою въ грамотѣ учились ли,
 — А моя была чернильница серебряна,
 — А твое было перо да подзолочено,
 — Ты тутъ помакивалъ всегда, всегда,
 — А я помакивалъ тогда сегды? —
 «Я съ тобою въ грамотѣ не учивался».
 — А не помнишь ли, Ставеръ да сынъ Годиновичъ,
 — А мы съ тобою свачкой погрѣвали,
 — А мое было колечко золоченое,
 — Твоя-то бѣла свачка серебряна,
 — Ты тутъ попадавалъ всегда, всегда,
 — А я попадавалъ тогда сегды? —
 «Я-то съ тобой свачкой не игривалъ».
 Говорить же тутъ Василій да Никуличъ ли:
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кїевской!
 — Ты спусти-ко со мной Ставра сѣздить во чисто поле,
 — Посмотрѣть дружинушки хороброу. —
 Говорятъ тутъ князи бѣра:
 «Какъ спустить Ставра, такъ не видать Ставра,
 «Не спустить Ставра, такъ розгнѣвить посла».
 А не смѣли тутъ посла порозгнѣвить,
 Отпустили Ставра сѣздить во чисто поле.
 Приѣзжаетъ тутъ Василій во чисто поле
 Ко своей было дружинушки хороброу.
 Тутъ идетъ въ шатры да онъ полотняны,
 Одѣвае платя было женскїи,
 Сокручается Василій было женщиной.
 — Здравствуешь Ставеръ да сынъ Годиновичъ!
 — А нунечу меня да ты не знаешь ли? —
 Отвѣчаетъ тутъ Ставеръ да сынъ Годиновичъ:
 «Здравствуй, молодая Василиста дочь Никулична,
 «Нунечу Ставрова молода жена!»
 Спрашивать да Василиста дочь Никулична
 У того Ставра Годинова:
 — Молодой же ты Ставеръ да сынъ Годиновичъ!
 — Ты за что же засажень да былъ во погребѣ? —
 «Я похвасталъ нунъ тобой да молодой женой,

«Что ты всехъ князей бояръ теперь повыманишь,
 «Что ли солнышка Владимира съ ума сведешь.
 «А поѣдемъ, Василиста дочь Никулична,
 «Мы поѣдемъ въ свою сторону»
 Говорила Василиста дочь Никулична:
 — Намъ не честь хвала да молодецкая,
 — Что ли воровски ухаты намъ со Кїева.
 — А поѣдемъ-ко мы свадебки доигрывать.
 — Все князи да бояра нунъ повыманены,
 — Солнышко Владиміръ да съ ума сведень. —
 Накрутилась тутъ она да е посланникомъ,
 Приѣзжаетъ тутъ она ко городу ко Кїеву
 А ко ласковому князю ко Владиміру,
 Что ли свадебки она доигрывать,
 А сама же у Владимира тутъ спрашивать:
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кїевской!
 — А за что же засажень Ставеръ Годиновичъ
 — А во погребѣ глубоки? —
 «А за то же засажень Ставеръ Годиновичъ
 «А во погребѣ глубоки:
 «Онъ похвасталъ нунъ своей да молодой женой:
 «Всехъ князей бояръ она повыманить,
 «Она солнышка Владимира съ ума сведеть».
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кїевской!
 — Что у ты Владиміръ нунъче на умѣ,
 — Что у ты Владиміръ е на разумѣ,
 — Выдаваешь ты дѣвчину самъ за женщину,
 — А за тую за Ставрову молодую жену,
 — А за тую Василисту за Никуличну? —
 Солнышко Владиміръ стольнѣ-кїевской
 Онъ повѣсилъ буйну голову,
 Утопилъ же очи ясны во кирпиченъ мость.
 Все же князи тутъ бояра призадумались,
 Все же князи тутъ бояра испроговорять:
 «Она всехъ князей бояръ да насъ повыманила,
 «Тебя солнышко Владиміръ да съ ума свела.
 «Благодарствуешь Ставеръ да сынъ Годиновичъ!
 «Зналъ похвастатъ молодой женой!
 «Ты торгуй-ко нунъ Ставеръ да здѣ во Кїевѣ,
 «Ты отныи же торгуй, да вѣкъ же по вѣку,
 «Здѣ во Кїевѣ безошлинно».

Записано тамъ же, 23 іюля.

8.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ *).

А справляется Чурилка убирается,
 Обувае сапожки зелень сафьянъ,
 Кругъ носочка носочка яичко вати,
 Пятак о пятеу — туды воробей летѣль,
 Туды воробей летѣль самъ крыломъ не задѣль.
 Одѣвае онъ платица цвѣтныи,
 Одѣвае онъ шапоньку въ пятьсотъ рублей,
 А й ушнесту, пушисту, завѣснесту,
 И спереди не видно личка бѣлаго,
 И сзади не видно кудерь жолтыихъ.
 Справляется Чурилка убирается,
 Убирае Чурилка добра коня,
 Кладываль онъ потнички на потнички,
 На потнички владе войлочки,
 А на войлочки кладѣтъ да онъ сѣделышко.
 Подтягиваль двѣнадцать тутихъ подпруговъ,
 Чтобъ сподъ сѣдла же добрый конь не выскочплъ,
 Добра молодца въ чистомъ поли не выронилъ.
 Видли Чурилушку садучи,
 А не видли удала поѣдучи.
 Уѣхаль Чурила въ чисто полѣ,
 Приѣзжае къ Катеринѣ Микуличной,
 Подъ ей же окошко косевчато,
 Ко той ли Катерины Микуличной.
 Увидала Катеринушка Микулична,
 По поясу бросилась въ окошечко,
 Говорила Чурилушки Пленкову:
 «Молодой Чурила сынъ Пленковичъ!
 «Поѣзжай-ко Чурила въ гостѣбишо.
 «Нѣту Безмѣра Васильевича,
 «Ушолъ у насъ Безмѣръ да Васильевичъ,
 «Ушолъ же Безмѣръ ко заутренки
 «И буде стоять тамъ обѣденку.»
 Подѣзжае Чурила сынъ Пленковичъ
 Ко той же Катеринѣ Микуличной,
 Заѣзжае Чурила на широкъ дворъ.
 Выбѣгала Катерина Микулична,
 Стрѣгала Чурилушку Пленкова,
 Брала за ручки за бѣлми,
 За тми перстни за значенни,
 Цѣловала въ уста его въ сахарнии.
 Брала Чурилина добра коня,
 Вела на конюшни стоялми,
 И сыпала пшену бѣлоярову.
 Отошла отъ коня, поклониласи:

*) Размѣръ дактилическiй.

«Бшь-ко конь лошадь добрая!
 «Не для тебя я, конь, кланяюсь,
 «Для твоя (такъ) любимого хозяинна,
 «Для того Чурилушки Пленковича.»
 Взяла тутъ Чурилушку Пленковича,
 Проводила тутъ въ полаты бѣлокаменны,
 Садла его было на ступьчичи,
 Подносила дощечку дубовую.
 Стали играть они въ шашечки;
 Сама же Чурилы испрогѣворить:
 «Чорта-то да не за игра
 «А во тми во шашки во шахманки!
 «Пойдемъ-ко, Чурила, позабавимся
 «На туѣ кроватку тисовую,
 »На туѣ перинку пуховую,
 «Тамъ же Чурила позабавимся.»
 Увидала дѣвчоночка черная,
 Хотъ бы черна дѣвчоночка челядинка,
 Тую же Катерину Микуличну
 Съ тымъ же Чурилушкой Пленковичемъ
 На той же кроватки тисовыи,
 На той же перинки пуховыи.
 Выскочилъ Чурилушка Пленковичъ
 Изъ той кроватки съ тисовою,
 Съ той же периночки пуховыи,
 Говорилъ же дѣвчоночку черному:
 — Ужь ты черна дѣвчоночка чиганочка!
 — Вотъ ты полтина на бѣлнлишка,
 — И друга полтина на руманнлишка,
 — А третью полтину куды хѣшь кледи.
 — Вотъ теби шапонька пятьсотъ рублѣвъ,
 — Ушнеста, пушнеста, завѣснеста, —
 — И спереди не видно личка чернаго,
 — И сзади не видно пучка вшиваго. —
 Говорила Катерина Микулична:
 «Ай же Чурилушка Пленковичъ!
 «Эти полтинушки мни отдай,
 «Эту шапоньку самъ держи.»
 Обвернула дѣвчоночка черная
 Изъ той же полаты бѣлокаменной,
 Бѣжала дѣвчоночка во Божей храмъ
 Къ тому было Безмѣру Васильевичу:
 — Ахъ ты молодой Безмѣръ сынъ Васильевичъ
 — Ты стоишь же здѣ, Богу молишься,
 — У тебя же е тамъ нушь гостъ въ гостяхъ,
 — У твоей же Катерины Микуличной
 — Е же Чурилушка Пленковичъ —
 — Братъ съ сестрой что ли мужъ съ женой,
 — Что ли мужъ съ женой забавляются. —
 Молодой Безмѣръ сынъ Васильевичъ
 Скорешенько пошолъ со Божьи храму

Къ той же полаты бѣлокаменной.
 Приходитъ ко полаты бѣлокаменной.
 Выбѣгала Катеринуша Микулчна,
 Рострепала волоса свои женскіи,
 Стрѣтала Безмѣръ Васильевича:
 «Ахъ ты молодой Безмѣръ сынъ Васильевичъ!
 «Одва безъ тебя я не умерла,
 «Забогѣло сердечко ретливое.»
 Говоритъ же Безмѣръ сынъ Васильевичъ
 Той же дѣвчонки челядинной:
 — Завела же ты дѣвчонка доказывать,
 — А нуечу дѣвчонка показывать. —
 «Ахъ ты молодой Безмѣръ сынъ Васильевичъ!
 «Поди-ко на конюшню стоялю,
 «Во твоей же конюшни стояли
 «Стоитъ же Чурилушкинъ доброй конь
 «И зобле пшену бѣлоярову.»
 Приходитъ Безмѣръ сынъ Васильевичъ
 Онъ на тую конюшню стоялю,
 Увидѣлъ Чурилина добра коня,
 Отсѣкъ же Чурилину добру коню,
 Отсѣкъ же ему буйну голову.
 Приходитъ въ полаты бѣлокаменны,
 Самъ же дѣвчонку испроговорилъ:
 — Завела же ты дѣвчонка доказывать,
 — Нуечу дѣвчонка показывать. —
 Говорила дѣвчоночка черная,
 Черна дѣвчонка челядинка:
 «Бери-тко ларці окованныи,
 «А здымай ларци выше головы.»
 Тяпулъ ларци окованныи,
 Ломалъ же ларци окованныи,
 Увидѣлъ Чурилушку Пленкова.
 Отсѣкъ же Чурилу буйну голову
 За его же поступи неумильніи.
 Говорила Катерина Микулчна:
 — Гди палá головка конинная,
 — Тутъ палá головка Чурилинна,
 — Тутъ пади головка Катеринина! —
 Отсѣкъ же Безмѣръ сынъ Васильевичъ,
 Отсѣкъ же Катерини буйну голову
 А за ей да поступи неумильніи.
 Говоритъ тутъ Безмѣръ сынъ Васильевичъ:
 «Гди палá головка конинная,
 «Тутъ палá головка Чурилинна,
 «Тутъ палá головка Катеринина,
 «Тутъ пади головка дѣвки черною!
 «Черна дѣвчонка челядинка,
 «Знала бы дѣвчонка коровъ кормить,
 «Не доказывала бы она мужнихъ женъ.»
 Отсѣкъ же дѣвчонки буйну голову.

Самъ же Безмѣръ приужахнется, —
 Отсѣкъ же Безмѣръ себи голову.

Записано та з же, 22 юля.

9.

Д Ю К Ъ.

А во той было Индѣюшки богатни,
 Да во той было Корелы во провлятни,
 А былъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
 А севодня день да былъ суботни.
 Онъ ходилъ гулялъ да по всимъ заводямъ,
 Онъ стрѣлялъ гусей да тамъ же лебедей, —
 Сдумалъ ѣхать онъ было во Кіевъ градъ.
 А севодня день братцы суботни,
 Завтра намъ итти да ко Божьей церкви.
 Онъ ставае тутъ по утришку ранешенько,
 Отправляется онъ до къ Божьей церкви.
 Онъ стоялъ же тамъ великодѣнную заутреню,
 Сдумалъ ѣхать тутъ же онъ во Кіевъ градъ,
 А приходитъ ко родители ко матушкѣ,
 А къ честной вдове Мамельфи Тимофеевной,
 Онъ отъ той великодѣнныи заутрени:
 «Ты родитель моя матушка,
 «Ты честная вдова Мамельфа Тимофеевна!
 «Дай прощенье съ благословеньицомъ
 «Ѣхать къ столыбѣму ко городу ко Кіеву
 «А во ласковому князю ко Владиміру
 «Посмотрить же мнѣ-ка Кіевъ градъ.
 «Скажутъ: Кіевъ граду въ честьъ въ добри.»
 Матушка ему да испроговоритъ,
 А честная вдова Мамельфа Тимофеевна:
 — Ай рожоно мѣе дитятко,
 — Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 — А й окольною дорожкой туди дальнею
 — А гоньци гоняють по три мѣсяца,
 — Съ коня на конь, съ лошади тутъ на лошадь.
 — Пройде времени въ дороги да три мѣсяца.
 — А прямой дорожкой не окольною
 — Е три заставы великиихъ:
 — Перва застава великая
 — Что ли горушки толкуции.
 — Какъ ростолнута да горя вмѣсто столнута,
 — Тутъ ти Дюку не проѣхати,
 — Молодому живу не бывати.
 — Друга застава великая
 — Что ли птичущи клеучии.

— А росправа пгици крыльнца,
 — Тутъ ти Дюку не проѣхати,
 — Молодому живу не бывать.
 — Третья застава великая —
 — А лежитъ змѣя проклятая,
 — О двѣнадцати змѣя о хоботахъ.
 — А росправитъ змѣя хоботы,
 — Тутъ ти Дюку не проѣхати,
 — Молодому живу не бывать. —
 Испроговоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ
 А родители тутъ матушки,
 А честной вдовы Мамельфы Тимофеевной:
 «Ты родитель моя матушка,
 «Честна вдова Мамельфа Тимофеевна!
 «Дай прощеньицо съ благословленьицомъ
 «Ѣхать къ стольнѣму ко городу ко Кіеву
 «А ѣ ко ласковому князю ко Владиміру:
 «Дашь прощеньицо съ благословленьицомъ — по-
 ѣду ли,
 «Хоть не дашь прощеньица съ благословленьи-
 цемъ —
 «Все равно поѣду я.»
 Дала тутъ прощенье съ благословеньицомъ
 Ѣхать къ стольнѣму ко городу ко Кіеву
 А ѣ ко ласковому князю ко Владиміру.
 Онъ кормилъ коня пшеною бѣлояровой,
 Понлъ питьями медвянима,
 Онъ сѣдлаетъ тутъ добра коня,
 Кладывае онъ же потнички на потнички,
 А на потнички да кладѣ войлочки
 А на войлочки черкельское сѣдельшко.
 Онъ подтягиватъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ
 А тринадцатый-тотъ клалъ для-ради крѣпости,
 Чтобы въ чистомъ поли добрый конь да сподъ
 сѣдла не выскочилъ,
 Добра молодца въ чистомъ поли не выронилъ.
 Провожаеть-то его да рѣдна матушка,
 Та было Мамельфа Тимофеевна,
 А сама ему наказывать:
 — А рожно мѣе дитятво,
 — Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 — Ты не хвастай-ко своимъ большимъ имѣніемъ,
 — Не быдъ-ко ты рожное захвастливо,
 — Такъ не будешь ты рожное захвачено. —
 Роспростилася да воротилася.
 Видли добра молодца-то садучи,
 А не видли тутъ удалого поѣдучи.
 Съ горы на гору да съ холмы на холму
 Взялъ онъ рѣки-ты озера перескакивать,
 Широки раздолья промежъ ногъ пушать.
 Къ первой заставы прискакивалъ,

А ростолнутся-то горы, вмѣсто столнутя.
 Ты горушки ростолнулись,
 Не поспѣли вмѣсто столнутя, —
 Его бурушко проскакивалъ,
 Его маленькій повертывалъ.
 Съ горы на гору да съ холмы на холму
 Къ другой заставы прискакивалъ.
 Не поспѣли птицы крыльцовъ росправити, —
 Его бурушко проскакивалъ,
 Его маленькій повертывалъ.
 Съ горы на гору да съ холмы на холму
 Рѣки-ты озера перескакивалъ,
 Широки раздолья промежъ ногъ пушалъ.
 Къ третьей заставы прискакивалъ.
 Не поспѣла змѣя хоботовъ росправити, —
 Его бурушко проскакивалъ,
 Его маленькій повертывалъ.
 Съ горы на гору да съ холмы на холму
 Рѣки взялъ озера перескакивать,
 Широки раздолья промежъ ногъ пушать,
 Онъ ко городу ко Кіеву прискакивалъ.
 Пріѣзжае что ли къ солнышку къ Владиміру,
 А ко князю стольнѣ-кіевску.
 Привязалъ же онъ добра коня
 У того столба да у точѣнаго,
 У того кольца да золочѣнаго,
 А ѣ заходитъ онъ въ полаты бѣлокаменни,
 Крестъ кладетъ да по писаному,
 А поклонъ ведеть да по учѣному,
 Бьетъ челомъ да поклоняется
 А на всихъ же на четыре стороны,
 Князю со княгиною въ особину.
 «Здравствуй, солнышко Владиміръ стольнѣ-кіев-
 ской
 «Со своей было княгиною Апраксией!»
 Говорилъ ему Владиміръ стольнѣ-кіевской:
 — Ужъ ты здравствуешь, удалый добрый молодець!
 — И какъ тебя зовутъ нуньчу по имени,
 — Нарекаютъ по отчеству? —
 «Я изъ той же нунь Индѣи да богатой,
 «А изъ той было Корелы я проклятою,
 «Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.»
 — А давно ли ты бояринъ да повыѣхалъ? —
 «Ай ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кіевской!
 «Дома я стоялъ же тамъ заутренку,
 «А сюды поспѣлъ же я нунь ко обѣденѣ
 «А вотъ было во Кіевъ градъ.»
 А справляется тутъ солнышко къ обѣденѣ
 Съ тымъ же молодымъ боярниномъ,
 Съ Дюкомъ нунь Степановымъ.
 А пошли оны по улчкямъ,

Палъ дождички великіи,
 Сѣзали тутъ улички да грязныи.
 Шоль же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Измараль же онъ сапожки да зелёнъ сафьянъ.
 Тутъ приходитъ да бояринъ ко обѣденки,
 На сапожки тутъ бояринъ да поглядывать:
 — А сказали было: Кіевъ градъ въ чести въ добри!
 — Ай же въ Кіевѣ да не по нашему,
 — Постланы мосты да все кирпичныи,
 — Сыпаны пески да рудожелтыи,
 — Палъ дождички великіи,
 — Измочили тутъ пески да рудожелтыи,
 — Измараль-то я сапожки да зелёнъ сафьянъ.
 — А у насъ было въ Индѣи во богатии,
 — А у насъ было въ Корелѣ во проклятии,
 — Все же стланы мостыи дубовыи,
 — Поверху было да сукна одинцовыи. —
 А стоитъ же тутъ Чурилушка сынъ Плѣнковичъ,
 Говорилъ же тутъ Чурилушка сынъ же Плѣнковичъ:
 «Ай же ты мужикъ да деревенщина,
 «А пустыни ты мужикъ да нунычу хвастаешь!
 «Ты убилъ купца либо боярина,
 «Снялъ же тутъ сапожки да зелёнъ сафьянъ,
 «Самъ же ты сапожковъ знать не держивалъ,
 «Все же на сапожки ты поглядывашъ.
 «А ударимъ-ко бояринъ во великъ залогъ,
 «Ѣздить-то же намъ да е по три годы,
 «А по три годы-то намъ же Ѣздить по три дни, —
 «Въ каждый день да платица-ты смѣнныи,
 «Чтобы конюшени у насъ да были смѣнныи.»
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Былъ же тутъ съ Чурилою о великъ залогъ,
 Ѣздить имъ же нуны по три годы,
 А по три годы то намъ же Ѣздить по три дни,
 А который же изъ насъ лучше повьступитъ,
 Другому изъ насъ да голова рубить.
 А по Чурилушки по Плѣнкови
 А ручались Кіевомъ Черниговомъ,
 А по томъ было по Дюкъ по Степановъ
 Да ручался одинъ отче да черниговской,
 А крестовой его батюшко:
 Ѣздить-то имъ да по три годы,
 А по три годы-то имъ же Ѣздить по три дни,
 А который же изъ нихъ лучше повьступитъ,
 Другому изъ нихъ да голова рубить.
 Тутъ выходятъ отъ великодѣнныи обѣденки.
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Прѣшолъ къ солнышку Владимиру
 А ѣ ко князю стольнѣ-кіевску,
 Тутъ приполъ да хлѣба кумати
 А во тинъ гриди во столовыи.

Тутъ садилси за столыи дубовыи,
 Приносили тутъ колачики крупивчаты
 Что ли Дюку да Степанову.
 Сталь же онъ колачиковъ тутъ кумати,
 Мавишовъ-тогъ ѣсть да корочку подъ столъ ме-
 четъ:
 — А сказали: Кіевъ градъ въ чести въ добри!
 — А все въ Кіевѣ да не по нашему.
 — Эти колачики крупивчаты
 — Пахнутъ-то на глинушку дождовую,
 — А на то же на помялушко сосновое.
 — У моеи было родители у матушени
 — Есть же печки тамъ муравлены,
 — Тамъ помялушка шелковыи,
 — А не пахнутъ тамъ колачики на глину на
 дождовую,
 — А колачикъ съѣшь, другога хочется,
 — Другой съѣшь, третей съ ума не идетъ. —
 Воиъ исходитъ зъ-за столовъ да за дубовыхъ,
 Крестъ кладеть да по писаному,
 А поклонъ ведеть да по учѣному:
 — Благодарствуешь, Владимиръ стольнѣ-кіевской,
 — За твои было колачики крупивчаты. —
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Сталь справляться во Индѣюшку,
 А во ту было Индѣю во богатую,
 А во ту было Корелу во проклятую!
 Не спустили тутъ боярина
 Ѣхать въ ту было Индѣю во богатую,
 А во ту было Корелу во проклятую.
 Тутъ садилси да бояринъ на ременчатъ стулъ,
 Пише ёрлуки да своронисчаты,
 Кладывае онъ же въ сумки перемѣтныи,
 Отпускае онъ добра коня
 Съ тима сумками да перемѣтныма
 Ко своей было къ родители ко матушки,
 Ко честной было Мамельфы Тимофеевной.
 — Ай родитель моя матушка,
 — Ты честна вдова Мамельфа Тимофеевна!
 — Посылай-ко ты мнѣ-ка-ва нынъ платицовъ
 — А на три годы пошли да ты же на три дни,
 — Въ каждый день да платица-ты смѣнныи;
 — Ты пошли-ко злата сѣребра,
 — Ты пошли-ко мнѣ на три годы,
 — Ты на три годы пошли да на три дни,
 — А не спуста меня съѣздить во Индѣюшку,
 — А во ту было въ Индѣю во богатую,
 — А во ту было въ Корелу во проклятую.
 — Я ударилъ нунычу здѣ-ка о великъ залогъ,
 — Я похвасталъ знать Индѣей да богатую,
 — Да похвасталъ я Корелой да проклятую:

— У насъ было во Индѣи во богатии, —
 — А стоять у насъ полаты бѣлокаменны,
 — Что ли столбики у насъ да тамъ точены,
 — Крыши тамъ у насъ да золочены,
 — А за то же и захваченъ Дюкъ Степановичъ. —
 Отправляеть тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Отправляеть тутъ добра коня
 Ко родители ко матушки
 А къ честной вдовы Мамельфы Тимофеевны.
 Сталь же его бурушко поскакивать,
 Съ горы на гору да съ холмы на холму,
 Взялъ же рѣки-ты озера перескакивать,
 Широкий раздолья промежь ногъ пущать.
 Къ первой заставы прискакиваль.
 Не успѣла змѣя хоботовъ росправити, —
 Тую заставу проскакиваль.
 Къ другою заставы прискакиваль,
 Не успѣли птицы крыльцовъ росправити, —
 Тую заставу проскакиваль.
 Къ третьей заставы прискакиваль.
 Не успѣли горы вмѣсто столнуться, —
 Тую заставу проскакиваль,
 Ко Индѣюшки прискакиваль,
 Среди двора да ставился,
 Заржалъ лошадиннымъ тутъ ѣсакомъ.
 Услыхала тутъ Мамельфа Тимофеевна,
 Тутъ взглянула во косевчато окошечко,
 Увидала тутъ боярина добра коня:
 «Видно тутъ розовое убитое!»
 Выбѣгала тутъ на широкъ дворъ,
 Увидала она сумки перемѣтныя,
 Брала она сумки перемѣтныя,
 Выносила сумки перемѣтныя,
 Роспечатьвать тутъ ѣрлуки да скоропсчаты,
 Сама же тутъ да испроговорить:
 «Видно тутъ розовое захвастливо,
 «Тамъ мое розовое захвачено.»
 Собирала тутъ служанокъ своихъ вѣрныхъ,
 Отправляе ему платицовой на три годы,
 А на три годы да на три дни,
 Въ каждый день да трижды днѣмъ
 Ему платица-ты смѣнны.
 Отпускае еще злата ему сѣребра,
 А на три годы да на три дни,
 Чтобъ хватило да боярину
 Дюку да Степанову.
 Пише ѣрлычки да скоропсчаты
 Мблodu боярину а Дюку да Степанову:
 Да не хватить буде злата сѣребра,
 А ко мни да вѣдомъ посылайте-тко.
 Рыла она сумки перемѣтны,

Отправляла тутъ его добра коня
 Къ мблodu боярину а въ Дюку да Степанову
 Тутъ было во Кіевъ градъ.
 А ѣ пошолъ же его бурушко поскакивать
 Съ горы на гору да съ холмы на холму,
 Взялъ же рѣки-ты озера перескакивать,
 Широкий раздолья промежь ногъ пущать.
 Къ первой заставы прискакиваль.
 Не успѣли горы вмѣсто столнуться, —
 Тую заставу проскакиваль,
 Къ другою заставы прискакиваль.
 Не успѣли птицы крыльцовъ росправити, —
 Тую заставу проскакиваль,
 Къ третьей заставы прискакиваль.
 Не успѣла змѣя хоботовъ росправити, —
 Тую заставу проскакиваль,
 Тутъ ко городу ко Кіеву прискакиваль.
 Онъ приноситъ было сумки перемѣтныя,
 Молоду боярину а Дюку да Степанову,
 А привозить ему платицы да платица,
 Онъ на три годы привозить на три дни.
 Вся Кіевомъ платицовой ужახнулись,
 Стали выбирать оны общѣничковъ
 А во ту было Индѣю во богатую:
 Мблoda Добрынюшку Никитича,
 Въ другихъ тутъ Михайлу Пѣтыка Иванова,
 А въ третыхъ Олешеньку Поповича.
 Говорить же тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кіевской!
 — Вы не посылайте-тко Олешеньки Поповича
 — А во ту было Индѣю во богатую
 — Нашихъ животовъ общѣннвать.
 — Наши животы сиротскіи,
 — Его глазуска поповскіи,
 — Его глазуска озарятя,
 — А не вытти вѣвѣ съ Индѣюшени.
 — Вы пошлите-тко казѣба Илью Муромца,
 — Мблoda Добрынюшку Никитича,
 — Въ третыхъ Михайлу Пѣтыка Иванова,
 — А трехъ русьскіихъ могучіихъ богатирей, —
 — А не вѣвѣ же имъ тамъ животы общѣннвать!
 — Не какіе наши животы, сиротскіи. —
 А отправились богатыри,
 А отправились въ Индѣю во богатую
 А во ту было въ Корелу во проклятую,
 Дюковѣихъ животовъ общѣннвать.
 Сталь же тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Сталь же со Чурилушкой поѣзживать.
 Въ каждый день Чурилушки да конюшени-ты
 смѣнны
 Наставляютъ ему Кіевомъ.

А молодой бояринъ Джекъ Степановичъ
На росы бурка да перекайтывать,
Шерсть же на бурья да пережёнится,
Въ каждый день-то шерсть да на емъ смѣнная.
Одѣвае въ каждый день-то платьица онъ смѣнныи,
Да не то бояринъ и по трижды въ день.
Стали ѣздить со Чурилой было Плёнковымъ
А гулять да во чистомъ поли.

А пошли туды да русьскіи могучіи богатыри
А во ту было Индѣю во богатую

Его животовъ обцѣнывать,
Старин казакъ да Илья Муромецъ,
Молодой Добрынюшка Никитиничъ,
Михайло Пётыхъ сынъ Ивановичъ.

Боротали тутъ въ дорогѣ да три мѣсяца,
А подходятъ подъ Индѣю подъ богатую,
А подъ ту было Корелушку проклятую.
Усмотрѣли тутъ Индѣю да богатую,
Усмотрѣли тутъ Корелу да проклятую.

Вся Индѣя что ли насъ да перепаласи,
Вся Индѣя вдругъ да загорѣласи?

А подходятъ подъ Индѣю подъ богатую,
А подходятъ подъ Корелу подъ проклятую,
Думали Индѣя перепаласи,—

Ажно ихъ Индѣя не спугаласи,

Вся Индѣя тутъ стоитъ да у нихъ въ золоти,

А ѣ полаты тутъ у нихъ да бѣлокаменны,

Столбики у нихъ были точевны,

Крышки-ты у нихъ да золоченыи.

Выходятъ тутъ они да средіи города

А къ той было Мамельфы Тимофеевной

Къ ей же нуль полатамъ бѣлокаменнымъ.

Тутъ идуть же отъ обѣдни жены старо-матери.

«Ужъ вы здравствуйте артель да жоны старо-матери!»

Отвѣчаютъ имъ же жоны старо-матери:

— Вы откуда добры молодцы? —

Отвѣчаютъ имъ удали добры молодцы,

Святорусьскіи богатыри:

«Есть мѣ города нуль Кіева

«А ѣ отъ ласковаго князя отъ Владиміра,

«А ѣ обцѣннички же Дюковимъ животамъ.

«Ми пришли обцѣнывать да Дюковимъ животовъ.

«Есть ли этта Дюковая матушка?»

— Нѣту этта Дюковини матушки,

— Этта Дюковини коровниці. —

А приходитъ тутъ артель да ихъ же другая:

«Здравствуйте вы жоны старо-матери!

«Есть ли этта Дюковая матушка?»

Отвѣчаютъ тутъ же жоны старо-матери:

«Нѣту этта Дюковини матушки,

«Этта Дюковини да портомойниці.»

А идѣтъ же тутъ артель да было третьяя:

— Здравствуйте вы жоны старо-матери!

— Есть ли этта Дюковая матушка? —

«Нѣту этта Дюковини матушки,

«Этта Дюковини постельниці.»

А идѣтъ же тутъ артель четвертая:

— Здравствуйте вы жоны старо-матери!

— Есть ли этта Дюковая матушка? —

«Нѣту этта Дюковини матушки,

«Этта Дюковини колачниці.»

А идѣтъ же тутъ артель да пятая:

— Здравствуйте вы жоны старо-матери!

— Есть ли этта Дюковая матушка? —

«Нѣту этта Дюковини матушки,

«Этта Дюковини да горничны.»

А идѣтъ же тутъ артель да шѣстая,

Тутъ идеть женá да старо-матера,

Вся она идеть да было въ золоти:

— Здравствуйте вы жоны старо-матери!

— Есть ли этта Дюковая матушка? —

Говорятъ тутъ жоны старо-матери:

«Есть же этта Дюковая матушка.»

Тутъ выходитъ Дюковая матушка,

А честна вдова Мамельфа Тимофеевна:

— А вы здравствуйте удали добры молодцы!

— Вы коей земли, коей орды,

— Какъ васъ именѣмъ зовуть,

— Какъ васъ нарекають по отечеству? —

«Есть же ми тутъ города-е Кіева

«А ѣ отъ ласковаго князя отъ Владиміра,

«Посланы у Дюка у Степанова

«Своихъ животовъ обцѣнывать.

«Я есть старини казакъ да Илья Муромецъ,

«Другой мѣлодой Добрыня сынъ Никитиничъ,

«Въ третнихъ Михайло Пётыхъ сынъ Ивановичъ,

«А ѣ удали добры молодцы,

«Святорусьскіи богатыри.»

— Ужъ ты старини казакъ да Илья Муромецъ,

— Ужъ ты молодой Добрынюшка Никитиничъ,

— А Михайло Пётыхъ сынъ Ивановичъ!

— А подите къ намъ да хлѣба соли нульчу кушати,

— Бѣлюю лебѣдушки порушати.

— Не какіе наши животы, сиротскіи,

— Наши животы бобыльскіи,

— А не долго прѣйде животѣ обцѣнывать. —

Отправлялисн богатыри

А ѣ во ты было полаты бѣлокаменны,

Къ той было Мамельфы Тимофеевной,

Тутъ же хлѣба кушати.

Тутъ приходятъ да во гридци во столовыи,

Крестъ владуть да по писаному
 И поклонъ ведутъ да по учёному,
 Бьютъ челою да поклапаятся
 На всѣ на четыре стороны,
 Ей Мамельфы да въ особину.
 Тутъ садились они кѣба было кущати,
 Ей же бѣлою лебѣдушки порушати.
 А колачникъ съѣли, дрúгаго тутъ хочется,
 А по третьемъ душа горить.
 Наѣдалиси они да было дó сыти,
 Напивалиси они да было дó пьяна.
 Стали тутъ богатыри отдохъ держать,
 Спали тутъ богатыри трой сутки.
 А по той же по Индѣи по богатоей,
 А по той же по Корелы по проклатоей
 Потекла рѣка да было съ зóлотомъ.
 Прохватились тутъ же русьскіи могучии богатыри,
 Старши казаць да Илья Муромецъ,
 Молодой Добрынюшка Никитиничъ,
 Михайла Пóтыкъ синъ Ивановичъ,
 А пошли тутъ по Индѣюшки погуливать,
 Узнавать было Индѣюшки богатши,
 Узнавать было Корелушки проклатши,
 Что обцѣнивать Индѣя-та богатая,
 А какіе есть тутъ Дюковыи животы.
 А во той было Индѣи во богатши,
 А во той было Корелушки проклатши
 Станы тамъ же мостики дубови,
 На верѣхъ-то у нихъ сузна одинцови.
 Проходили тутъ богатыри
 А по той было Индѣи по богатши,
 А узнали тутъ же Дюковыи животы,
 Увидали тутъ рѣку да золоченую,
 И самы себи они да испроговорятъ:
 «Какъ намъ этга Дюковыи животы обцѣнивать,
 «Тутъ же вѣкъ свой намъ скорótати.»
 Стали тутъ же обцѣнивать да животовъ,
 Да обцѣнивали сбрую лошадиную.
 Прошло времечки безъ мала да три гóды есть,
 И самы себи богатыри спроговорятъ:
 «Ай же мы да братьица крестови!»
 «А не нужно намъ всихъ животовъ обцѣнивать,
 «А какъ вси намъ животы обцѣнивать
 «Такъ намъ вѣкъ же тóда-ка скорótати.»
 Отправляются три русьскіихъ могучихъ богатыря
 А изъ той же изъ Индѣи изъ богатши,
 Да изъ той же изъ Корелы вонъ съ проклатши
 А ко стольнему ко городу ко Киеву
 А й ко ласковому князю ко Владиміру.
 Шли въ дорогѣ да три мѣсяца,
 А приходя къ городу ко Киеву

А ко ласковому князю ко Владиміру.
 Говорили что ли солнышку Владиміру,
 Что ли князю стольнѣ-кіевску:
 «Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кіевской!
 «Не могли же мы да Дюковыихъ животовъ приоб-
 цѣнить.
 «Обцѣнять же тамъ намъ Дюковыи животы, —
 «Такъ же вѣкъ же тамъ да надо намъ скорótати».
 Тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Ызидил со Чурилушкой по три гóды,
 А по три гóды, да по три дни.
 А приходитъ имъ было послѣдній день,
 Кто у нихъ получше да повыступитъ,
 Дрúгому изъ ихъ да голова рубить.
 Сегодня день братцы у насъ суботни,
 Завтра у насъ день да воскресеньцо,
 А птти-то имъ да ко Божьей церкви.
 Да который-то изъ нихъ лучше повыступитъ,
 Дрúгому изъ ихъ да голова рубить.
 Тутъ приходятъ да они да во заутренки,
 А Чурилушко тотъ Пленковичъ
 Ставится на крылосо на правое,
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Ставится на крылосо на лѣвое.
 Молодой Чурилушко сынъ Пленковичъ
 Сталь же свою славушку показывать,
 Сталь же онъ тутъ плеточкой поваживать,
 Онъ отъ пуговки да сталь было до пуговки,
 А й отъ петелки до петелки;
 Тутъ отъ пуговки да пуговки
 А й пошли враны, стали прогуркивать,
 А й отъ петелки до петелки
 Поплыла змѣя, стала просвистывать.
 Кіевомъ было Чернигомомъ
 Все они да приужахнулись,
 Все они да тутъ же призадумались
 А самы ему да испроговорятъ:
 — Благодарствуешь Чурилушка сынъ Пленковичъ!
 — Некуда боярину да Дюку да Степанову,
 — Некуда да лучше нынѣ повыступитъ. —
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Онъ повѣсилъ буйну голову,
 Утопилъ онъ очи ясны во кирпиченъ мостъ,
 Самъ бояринъ призадумался.
 Сталь же тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Сталь онъ плеточкой поваживать,
 А й отъ пуговки да онъ до пуговки,
 Что ль отъ петелки да онъ до петелки.
 А й отъ пуговки было до пуговки
 Пошли птицушки пѣвучи,
 А й отъ петелки до петелки

Пошли звѣрюшки крикучи́и,
 Вдругъ запѣли тыи птицущки пѣвучи́и,
 Закрычали вдругъ же звѣри вси крикучи́и.
 Все во церкви пали, обмерли.
 Говорилъ же тутъ Владиміръ стольнѣ-кїевской:
 «Ахъ ты молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 «Ай уйми-тко ты же птиценекъ пѣвучи́ихъ,
 «Да уйми-тко всякъ же звѣрюшковъ крикучи́ихъ,
 «Ты оставь-ко намъ людей да хоть на сімена».
 Отвѣчаетъ тутъ боярня Дюкъ Степановичъ:
 — Не у васъ я хлѣба соли нувьчу кушаю,
 — Я не васъ-то хочу нувьчу слушати. —
 Говорилъ же тутъ Владиміръ стольнѣ-кїевской:
 «Ай же отче ты черниговской!
 «Ты молись-ко да крестовому нувъ дитяти,
 «Молоду боярину что ль Дюку да Степанову,
 «Унялъ чтобъ птиценекъ пѣвучи́ихъ,
 «Чтобы унялъ звѣрюшковъ крикучи́ихъ».
 Говорилъ же ему отче да черниговской,
 А крестовый его батюшка:
 — Ахъ ты молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 — Ты уйми-тко нувьчу птиценекъ пѣвучи́ихъ,
 — А уйми-тко ты же звѣрюшковъ крикучи́ихъ. —
 Отвѣчаетъ тутъ боярня Дюкъ Степановичъ:
 «Я у васъ же хлѣба соли нувьчу кушаю,
 «Да я васъ же хочу слушати».
 Унялъ тутъ же птиценекъ пѣвучи́ихъ,
 Всихъ же унялъ звѣрюшковъ крикучи́ихъ.
 Говорилъ же тутъ боярня Дюкъ Степановичъ:
 «Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кїевской!
 «Кто у насъ лучше да повьступилъ?»
 Тутъ повѣсилъ да Владиміръ буйну голову,
 Утопилъ да очи ясны во крпичень мость,
 Ничего ему да не отвѣтствуетъ.
 Испроговорилъ боярня Дюкъ Степановичъ:
 — Обзадорилъ ты Чурилушка сынъ Пленковичъ!
 — Это молодцамъ да намъ съ тобой не похвальба, —
 — А поѣдемъ-ко Чурилушка къ Пучай-рѣкѣ,
 — Скочимъ черезъ матушку Пучай-рѣку:
 — Кто изъ насъ тутъ лучше да повьступитъ? —
 Не хотѣлось бы Чурилушки ѣхать къ матушкѣ
 Пучай-рѣкѣ,
 Его похвальба да напередъ зашла.
 Поѣзжаетъ тутъ Чурилушка сынъ Пленковичъ
 Что ли съ молодымъ бояриномъ
 Да со Дюкомъ со Степановымъ
 Къ той матушкѣ Пучай-рѣкѣ.
 Приѣзжаютъ тутъ же къ матушкѣ Пучай-рѣкѣ
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Тотъ же да Чурилушка сынъ Пленковичъ.
 Говорилъ ему боярня Дюкъ Степановичъ:

«Ай ты молодой Чурила сынъ да Пленковичъ!
 «Твоя похвальба-та напередъ зашла.
 «Скочи-ко черезъ матушку Пучай-рѣку
 «На свось-то на добромъ конѣ».
 Тотъ же Чурилушка сынъ Пленковичъ
 Розсердилъ же тутъ опъ своего добра коня,
 Скочилъ черезъ матушку Пучай-рѣку,
 Осередь рѣки Чурилушка въ воду пошолъ.
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Онъ приправилъ своего тутъ бурушка
 Черезъ матушку Пучай-рѣку.
 Съ бережка бояринъ да выскакивать,
 Къ другому бояринъ да прискакивать,
 Поскорешенько назадъ коня да поворачивать,
 Осередь рѣки бояринъ да припадывать,
 За волосы онъ Чурилушку захватывать,
 Да съ воды съ конемъ выдмливать,
 Къ солнышку къ Владиміру притаскивать.
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кїевской!
 — Кто у насъ лучше да повьступилъ? —
 Говорилъ же тутъ Владиміръ стольнѣ-кїевской:
 «Ахъ ты молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 «Не срубилъ-тко ты Чурилки буйной головы
 «За его теперь поступки неумильни,
 «За его было да ложное-то хвѣстанье».
 Отвѣчаетъ тутъ боярня Дюкъ Степановичъ:
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кїевской!
 — Кабы лучше насъ Чурилушка повьступилъ,
 — Мнѣ-ка-ва бы онъ срубилъ да буйну голову.
 — А пусть-ко ты, Чурилушка ты Пленковичъ,
 — А не срублена твоя да буйна голова
 — За твои поступки неумильни,
 — За твое за ложное за хвѣстанье.
 — Ты княземъ да Владиміромъ упрошенный,
 — Кїевскима да черниговскима,
 — А й черниговскима бабамы умоленный.
 — Ты не ѣзди-тко нувъ съ нами со бурлаками,
 — А ты ѣзди-тко нувъ въ Кїеви,
 — Въ Кїеви въ Чернигови межъ бабамы,
 — А вѣтъ же тамъ ты ѣзди по вѣву! —

Записано тамъ же, 24 іюля.

10.

КНЯЗЬ КАРАМЫШЕВСКИЙ.

Былъ же славный князь да Карамышевской,
 Жилъ онъ покрай матушки Вятлѣ рѣкѣ,
 Ъздилъ онъ по матушки Вятлѣ рѣкѣ,
 Прибиралъ же себи мѣсто да любимое,
 А прибралъ себи мѣсто да любимое
 Покрай матушки было Вятлѣ рѣкѣ;
 Даль за мѣсто онъ пятьсотъ рублей.
 Признали тутъ же князи было бояра
 Его мѣсто да любимое,
 Давали тутъ за мѣсто цѣлу тысящу.
 И тотъ же князь да Карамышевской
 Заводилъ же онъ тутъ да почетный пиръ,
 На князей пиръ да онъ на бояръ пиръ
 И на всихъ гостей да званныхъ браннихъ.
 Приѣзжаетъ тутъ Илья да кумъ же темный,
 Илья да кумъ же темный розбойничекъ,
 Со своей было дружинишкой хороброу,
 И съ Гришкой нунь съ Олешкой со Баскаковымъ,
 На то же на велико пированіе
 А на тотъ же на почетный пиръ.
 Розсадилъ же было князь да Карамышевской,
 Всихъ же розсадилъ по своимъ мѣстамъ,
 Всеи же ѣли, всеи же пили тутъ да кушали,
 Его бѣлую лебѣдушку тутъ рушали.
 А сидитъ Илья да кумъ же темный,
 Онъ не ѣсть, не пьетъ, да самъ не кушаетъ,
 Его бѣлою лебѣдушки не рушаетъ.
 Ходитъ князь Иванъ да Карамышевской
 По своимъ было полатамъ бѣлокаменнымъ,
 И самъ же князь да испроговоритъ:
 «Ай же ты Илья да кумъ же темный,
 «А кумъ же темный розбойничекъ!
 «Ты что не ѣшь, не пьешь, да ты не кушаешь,
 «Моей бѣлою лебѣдушки не рушаешь?
 «Ѣствы-ты мой теби не по уму,
 «Али питница мой ти не по разуму?
 «Али чарою тебя да нунь прибнесли,
 «Аль дуракъ-тотъ надъ тобой да насмѣялся ли,
 «Али пьяница тебя да нунь приббозвалъ?»
 — Ѣствы-ты твои да были по уму,
 — Питница твои были по разуму,
 — Чарою меня тамъ не прибнесли,
 — Дуракъ надо мною не смѣялся ли,
 — И пьяница меня да не приббозвалъ. —
 Ходитъ было князь да Карамышевской
 И по тымъ же по полатамъ бѣлокаменнымъ.
 Говорилъ же князь да Карамышевской:

«Твое сердце знать розбойничко,
 «На кой день же ты головушки не убьешь ли,
 «На тотъ же день не мошь ты живъ же быть.»
 Тутъ мутно ёго око помутилоси,
 Розбойническое сердце розгорѣлоси
 И съ кровью тутъ глаза да повернулоси,
 Повыглянулъ на князя онъ же съ подлостью.
 Говоритъ же тутъ княгиня Карамышевска
 Своему же было князю Карамышевску:
 — Ай же князь да Карамышевской!
 — Ты роздражилъ нунь Илью да кума темнаго,
 — Кума темнаго розбойничка.
 — Его мутное тутъ око помутилоси,
 — А розбойничко тутъ сердце розгорѣлоси,
 — А съ подлостью на васъ да онъ повѣглянулъ.—
 Говорилъ же тутъ да князь да Карамышевской:
 «Зналъ же я розбойничка роздражити,
 «Знаю я розбойничка утѣшити.»
 Шолъ же во глубокіи во погребѣ,
 На мисѣ онъ клалъ да красна золота,
 А на другу кладывае чистаго тутъ сѣребра,
 А на третью каменьевъ драгоценныхъ.
 Тутъ подноситъ онъ Илью да куму темному,
 Куму темному, розбойнику,
 Эти честныи да дѣрева.
 Принимаетъ тутъ Илья да кумъ же темный
 Эти честныи подарочки,
 Самъ ему да кланялся:
 — Благодарствуешь да князь же Карамышевской
 — За твои великии подарочки.
 — Ты не бойся-тко Ильи да кума темнаго,
 — Кума темнаго розбойничка,
 — Со дружинишкой меня да со хороброу,
 — Съ Гришкой нунь съ Олешкой со Баскаковымъ.
 — Бойся-тко ты ноченьки нунь темныи,
 — Темныи ты ноченьки осеннии. —
 Князь же Карамышевской зрадѣется:
 Я зналъ же нунь розбойничка роздражити,
 Я умѣлъ же нунь розбойничка утѣшити.
 Съ той же со великою со радости,
 Что утѣшилъ онъ да пунечку розбойничка,
 А того же нунь Илью да кума темнаго,
 Тутъ дѣшьяна же князь да напивается,
 И дѣштыи же князь да наѣдается,
 И самъ же тутъ же князь да поросхвастался
 Своимъ тутъ мѣстомъ да любимымъ:
 «Я ѣздилъ нунь по матушки Вятлѣ рѣкѣ,
 «Прибиралъ же себи мѣсто я любимое,
 «Даль же я за мѣсто нунь пятьсотъ рублѣвъ,
 «Князи же бояра мни давали цѣлу тысящу,
 «Я не продалъ нунь да мѣста да любимаго.»

Всѣ тутъ на пиру да наѣдались,
 Всѣ же на честноу да напивались,
 Всѣ со пиру по домамъ да разбирались.
 Тутъ уѣхалъ да Илья же кумъ да темный,
 А Илья же кумъ да темный розбойничекъ,
 Со своей было дружиной со хороброу.
 Дождается онъ ноченьки тутъ темны,
 Хотъ бы темны тутъ ноченьки осенни,
 И дождался тутъ онъ ноченьки да темны,
 Хотъ бы темны тутъ ноченьки осенни.
 Говорилъ же онъ дружинишки хороброу:
 «Ай вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы,
 «Ай же вы дружинишка хоробрая!
 «А поѣдите-тко къ князю Карамышеску,
 «Подъ его было подь мѣсто подь любимое.»
 Собирались тутъ Гришка да Олешка нунь Баска-
 ковы

Съ тымъ же нунь Ильей да кумомъ темнымъ,
 Кумомъ темнымъ розбойникомъ.
 Садилсь они въ лодочку коломенку,
 Подѣзжали тутъ по матушки Вятки рѣки,
 Подѣзжали тутъ подь мѣсто подь любимое.
 Програнула было лодочка коломенка
 Да проскрипули весельишка яровчаты
 А подь то было село да подь любимое,
 Подь того ли было князя Карамышенска.
 Говорила тутъ княгиня Карамышенска:
 — Ай же князь Иванъ да Карамышенской!
 — А подь нашей село любимое
 — Програнула было лодочка коломенка
 — А проскрипули весельишка яровчаты,
 — Тутъ подѣхалъ нунь Илья къ намъ кумъ да
 темны,
 — Кумъ же темны, розбойничекъ. —
 Говоритъ же было князь тутъ Карамышевской:
 «Не напился бы теперечку я допьяна,
 «Не боялся бы Ильи да кума темнаго,
 «Кабы могъ я нунь ходить да на рѣзвѣхъ ногахъ,
 «Могъ носить въ рукахъ бы я черлный вязъ,
 «Не боялся бы Ильи да кума темнаго,
 «Кума темнаго розбойника!»
 Подь окномъ же тутъ Илья все да повслушалъ,
 Говорилъ же Гришки нунь Олешкѣ да Баскако-
 вымъ:
 — Вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!
 — Берите-тко конецъ бревна да слягу бѣлую,
 — И выставте-тко двери вонъ со липиньѣмъ. —
 Тутъ Гришка да Олешка нунь Баскаковы
 Брали тутъ конецъ бревна да слягу бѣлую,
 Ударили тутъ въ двери да со липиньѣмъ
 И выставили двери съ ободвереней.

Приходить тутъ Илья же кумъ да темны,
 Кумъ же темны, розбойничекъ,
 Приходить тутъ въ полаты бѣлокаменны,
 Говоритъ же тутъ Илья да кумъ же темны,
 Кумъ же темны, розбойничекъ:
 «Вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!
 «Вы берите-тко копые да бурзаецкое,
 «Вы сколите-тко нунь князя Карамышенска,
 «А во той было во ложни да во теплыи.»
 Говорили тутъ же Гришка да Олешка нунь Баска-
 ковы:

— Ай не носятъ насъ да ножки рѣзвыи,
 — А не здынутса да ручки наши бѣлыи,
 — Что сколотъ же нунь намъ князя Карамышенска
 — А во той было во теплыи во ложеньки.
 — Мы ѣли, пили, тутъ же купали,
 — Его бѣлую лебедушку тутъ рупали,
 — Мы приняла да честноу подарочки, —
 — Не можемъ мы сколотъ нунь князя Карамы-
 шенска. —

Его мутное тутъ око помутилось,
 А розбойническое сердце розгорѣлось.
 Какъ тяпне онъ копые да бурзаецкое,
 И сколотъ же тутъ онъ князя Карамышенска
 А во той было во ложни да во теплыи.
 Говорилъ же тутъ Илья да кумъ же темны,
 Кумъ же темны, розбойничекъ:
 «Ай вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!
 «Вы сколите-тко княгиню нунь за люлечкой.»
 Отвѣчаютъ Гришка да Олешка нунь Баскаковы:
 — Ай не носятъ насъ да ножки рѣзвыи,
 — А не здынутса да ручки наши бѣлыи
 — Да сколотъ же намъ княгиню да за люлечкой!
 — Она мужа тутъ да не учила ли *)
 — Что роздрѣжитъ Илью кума темнаго. —
 Его мутное тутъ око помутилось,
 А розбойническое сердце розгорѣлось,
 И сколотъ же онъ княгиню да за люлечкой.
 «Ай вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!
 «Вы возьмите-тко младенчика изъ люлечки,
 «Рвите-тко младенчика да на двое.»
 Гришка тутъ Олешка да Баскаковы
 Отвѣчали тутъ Ильи да куму темному:
 — Ай не носятъ насъ да ножки рѣзвыи,
 — А не здынутса да ручки наши бѣлыи,
 — Что его нунь душенка безвинная,
 — Не училъ же онъ да отца матери! —

*) Ли не виѣтъ здѣсь смысла вопросительнаго, а вопро-
 тавъ, утвердительный, вѣсто: не учила вѣдь.

Мутное тутъ око помутилось,
 Хоть розбойничко же сердце розгорѣдоси,
 Выхватилъ младенчика изъ люлечки,
 На ногу ступилъ, за другую да дернулъ ли,
 На двое младенчика порозорвалъ.
 Тутъ пограбилъ онъ же князя Карамышинска,
 Сбѣжалъ тутъ же мѣсто да любимое,
 И убѣжалъ тутъ Илья да кумъ же темныи
 Со своей было дружинишкой хороброю.
 Съѣхалъ тутъ Илья да въ свой же домъ
 Со своей было дружинишкой хороброю.
 Мутно ёго око тутъ же мутится,
 Розбойническое сердце роздѣляется:
 Ъхать мнѣ ко городу ко Киеву
 А ѡ ласковому князю ко Владимиру,
 А ѡ убить же тамъ Василья сына Карамышинска.
 Собралъ онъ дружины сорокъ тысячей,
 Самъ розбойничекъ поѣхалъ да посланникомъ
 А ѡ солнышку къ Владимиру,
 А ѡ князю стольнѣ-киевску.
 Приѣзжае со дружинишкой хороброю,
 Половину оставиле во чистомъ поли,
 А съ другою приѣзжае въ Киевъ градъ.
 Просить у Владимира да войска безпощаднаго,
 Онъ большаго просить кроволитя *).
 Убоялся нашъ Владиміръ стольнѣ-киевской
 Тутъ Ильи да кума темнаго розбойника,
 Онъ просилъ къ себѣ во гридни во столовыи,
 Во великое себѣ-ка во гостѣбищо.
 Пожелалъ же тутъ Илья да кумъ же темныи,
 Кумъ же темныи, розбойничекъ,
 Что ли къ солнышку къ Владимиру,
 Что ль ко князю стольнѣ-киевску,
 А во ты ли въ гридни во столовыи
 Во великое гостѣбищѣ
 Со своей дружинишкой хороброю,
 Съ Гришкой со Олешкой со Баскаковымъ.
 Тутъ солнышко Владиміръ стольнѣ-киевской
 Ставилъ онъ же столики дубовыи
 И угацивалъ великимъ гостѣбищемъ,
 А садилъ Илью на мѣсто да на первое,
 А садилъ во мѣсто да во большее.
 Да разнощилъ былъ Василій да Ивановичъ,
 Что ль любимыи его племянничокъ,
 Племянничокъ да ѡ крестничокъ,
 Того князя Карамышевска его-то рѣдной сынъ.
 Розносили онъ чару зелена вина

*) По объясненію пѣвца, это значитъ, что онъ объявляетъ Владимиру войну.

На томъ ли на великоемъ гостѣбищѣ.
 Перву чару нѣсь онъ, нѣ донесъ,
 А другую нѣсь же, перенесъ,
 А третьей чары Ильи нѣ подалъ,
 А и нѣ подалъ розбойничю.
 Мутно его око помутилось,
 А розбойничко тутъ сердце загорѣдоси,
 Съ кровью тутъ глаза да повернулись,
 Съ полюбья да онъ повѣгланулъ
 На того было Василья на Иванова.
 Самъ же тутъ Илья да испроговоритъ:
 «Ай ты солнышко Владиміръ стольнѣ-киевской!
 «И какой у ты поставленъ да разнощичокъ,—
 «Перву чару нѣсь да къ намъ же нѣ донесъ,
 «А другу чару нѣсь да насъ онъ перенесъ,
 «И третью-то чары намъ же нѣ подалъ?
 «А заводитъ онъ же бой драку великую,
 «А большое онъ же съ вами кроволитіе.»
 Говоритъ же тутъ Владиміръ стольнѣ-киевской:
 — Ай же ты любимыи племянничокъ,
 — Ай Василей да Ивановичъ,
 — Ты крестовое мое да было дитятко!
 — А зачѣмъ же ты роздрѣжилъ нунъ Илью да
 кума темнаго,
 — Кума темнаго розбойника?
 — За твои поступки неумильни
 — Прикажу ти голову рубить! —
 Тяжелѣшенько тутъ онъ да поросплакался:
 «Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-киевской,
 «Ты родитель мой же дѣдушка,
 «Да крестовый мой же батюшко!
 «Ты не носятъ да меня же ножи рѣзвыи,
 «Да не здынутся мои же ручки бѣлыи
 «Подать чары зелена вина.
 «А ѡ убилъ же онъ родителя нунъ батюшка,
 «Что ли князя Карамышевска,
 «Твоего ли зятя да любимаго,
 «А во той было во ложни да во теплыи,
 «А мою было родитель тутъ же матушку
 «А твою было сестрицу да родимую,
 «А скололъ же онъ за люлечкой,
 «Моего же было брата да родимаго
 «А и въюноша тутъ малаго,
 «А онъ выдернулъ пзъ люлечки,
 «На ногу ступилъ, за другую тутъ дернулъ ли,—
 «И на двое его порозорвалъ!
 «И видѣлъ бы Илью да я на ножки,
 «А не то же поднести да ёму чару зелена вина,
 «А тому Ильѣ да куму темному,
 «Куму темному, розбойнику!»
 Говоритъ ему Владиміръ стольнѣ-киевской:

— Ай же ты крестово мое дятяго,
 — Ай Василей да Ивановичъ!
 — Бude мошь отлѣть ты кровь родительску,
 — Бude мошь ты съ нимъ да нунь поправитъся,
 — Ты убей-ко нунь Илью да кума тѣмнаго,
 — Бума темнаго, розбойника. —
 Мутно ёго око помутилось,
 Богатырско сердце загорѣлось,
 Подскачилъ къ столамъ да онъ дубовымъ,
 Какъ ухватить онъ Илью да за желты кудри,
 Зднеть тутъ Илью да выше головы,
 Топнулъ онъ Илью да о кирпичень мость,
 Повернулись тутъ глаза да вонъ косицами.
 Какъ ухватить онъ его да тутъ же за ноги,
 Взялъ же онъ розбойникомъ помахивать.
 Выскочилъ Василей да на широкъ дворъ,
 Добирается до оси до телѣжныи,
 До телѣжныи до оси до желѣзныи,
 А тай-то ёму мѣра по плечу пришла.
 Взялъ же по той силушки помахивать, —
 Вся же сила тутъ его да розбѣжаласи,
 Малы да розбѣжалисьи,
 Старыи тутъ растулялисьи,
 Вся та силушка назадъ ушла,
 Вся же сила по своимъ мѣстамъ.
 Забирается во гридни во столовыи
 Чте ль ко солнышку ко князю ко Владимиру.
 — Благодарствуй ты любимыи племянничокъ,
 — Ты племянничокъ да крестничокъ,
 — Да Василей ты Ивановичъ!
 — Отлѣть ты ему да кровь родительску
 — Да тому было розбойнику,
 — Да тому Ильи да куму тѣмному. —

Записано тамъ же, 22 июля.

41.

РАХТА РАГНОЗЕРСКИЙ *).

Проѣзжалъ борець было невѣрныи,
 Много городовъ прошолъ,

*) Рагнозеромъ называется небольшое озеро и деревушка въ юго-востоку отъ Пудожской горы, къ юго-западу отъ Волозера; на картѣ неправильно написано Рангозеро. Говорятъ, будто тамъ еще существуетъ преданіе, что въ этой деревнѣ вѣкогда жилъ знаменитый борець. Когда Калининъ

Много онъ борцовъ повѣдиль,
 Иныхъ онъ до смѣрти убилъ.
 Приѣзжае онъ въ Москву да бѣлокаменну,
 Самъ же князю похваляется:
 «Ай же князь ты московскій!
 «Дай мнѣ нуньчу поединщика.
 «Ты не дадешъ намъ да поединщика, —
 «Я вашею Москву да всю огнѣмъ прижгу.»
 Много находилоси младыхъ борцовъ,
 А никто не можетъ съ нимъ да супротивитъся,
 А й борець противъ его да не находится.
 Изъ той же изъ-подъ сѣверной сторонушки
 А стоять же мужики да балахонники,
 А й самы они да испроговорять:
 — Кабы нашъ-то же да Рахта рагнозерскій,
 — Этого борца онъ бы нунь въ кучку склалъ! —
 Подходить человекъ да незнакомни,
 У тихъ же мужиковъ онъ да спрашивать:
 «Вы откуда мужички да балахонники,
 «А какой же у васъ Рахта рагнозерскій?»
 Отвѣчали мужики да балахонники:
 — Нашъ бы Рахта рагнозерскій
 — Этого борца да онъ бы въ кучку склалъ. —
 Подхватили мужиковъ да балахонниковъ
 А держали ихъ-то въ крѣпости,
 Отправляли тутъ скорѣ гонца
 Въ ту деревню Рагнозерскую,
 За тѣмъ Рахтой рагнозерскимъ.
 Приѣзжаетъ тутъ гонецъ было московскій
 Въ ту деревню Рагнозерскую.
 Не случилось было Рахты дома-ли,
 При тоѣмъ гонци да при московскоемъ,
 Находился Рахта въ лѣсахъ е.
 Спрашивать гонецъ было московскій:
 «Этта ль есть да Рахта рагнозерскій?»
 Отвѣчаетъ тутъ ему да было женщина:
 — Тутъ живетъ же Рахта рагнозерскій.
 — Ты откуда удалий добрый молодець?
 «Я изъ той Москвы да бѣлокаменной,
 «Тотъ гонецъ да было скорыи
 «А за тѣмъ было за Рахтой рагнозерскимъ.
 «Требуе тутъ было князь московскій

пропѣлъ эту былинну, бывшій тутъ кижскій крестьянинъ В. Я. Мореходовъ сказалъ мнѣ, что онъ слышалъ ее, когда былъ мальчикомъ лѣтъ 12-ти (т. е. лѣтъ 30 тому назадъ) отъ старика, который приходилъ къ нимъ въ домъ, что онъ помнитъ, что старикъ этотъ московскаго князя называлъ Василиемъ, но какъ по отчеству не можетъ припомнить, и что Калининъ пропустилъ одну памятную ему подробность, именно что Рахта, прежде чѣмъ вести его на единоборство, завязали глаза.

«Съ тымъ борцемъ да поборотися,
«А съ невѣрнымъ поратитися.»
Отвѣчаетъ ему женщина:
— Ай же ты гонецъ было московскій!
— Какъ изъ лѣсу приде Рахта рагнозерскій,
— Не серди ты-тко его голоднаго,
— А й голоднаго его да холоднаго.
— Дай ему волю хлѣба нунь покушати,
— А тожно*) ты его да нуньчу спрашивай. —
Туть приходитъ съ лѣсу Рахта рагнозерскій.
Зготавлиеть обѣдъ да ему женщина,
Онъ же сѣлъ туть хлѣба кушати,
А поѣлъ же туть нунь Рахта рагнозерскій.
Ты ставае да гонецъ было московскій
А й ему же туть нунь поклоняется:
«Ты есть нуньчу Рахта рагнозерскій?
«Требуеть тя князь нуцьчу московскій
«Съ тымъ борцемъ да поборотитися,
«Что ль съ невѣрнымъ да попытатися.»
— Отправляйся-ко, гонецъ да ты московскій,
— Нунь въ Москву свою да бѣлокаменну.
— Я послушаю нунь князя да московскаго
— А прибуду я въ Москву да на бореніе,
— Да прибуду нунь попрежде васъ.
— А прибуду буде раньше васъ,
— Гди искать мнѣ князя да московскаго? —
«Ты прибудешъ нунь въ Москву да бѣлокаменну,
«Спросишь же ты князя тамъ московскаго,
«Тамъ тебѣ-ка-ва покажутъ ли.»
А й гонецъ въ Москву да отправляется;
Рахта туть на лыжи было ставитя,
Что ли Рахта туть въ Москву да отправляется,
Да попрежде туть гонца въ Москву онъ ставитя.
Отыскалъ же туть онъ князя да московскаго,
А кормил туть его да было досыти,
А понли туть его да было допьяна.
Тотъ гонецъ въ Москву было присказивалъ,
А про Рахту онъ у князя было спрашивалъ.
Отвѣчае туть да князь было московскій:
— Здѣсь-ко Рахта что ль въ Москвы даобъявляется.
— Именѣмъ своимъ да Рахта называется. —
Говоритъ гонецъ быто московскій
Что ли князю да московскому:
«Ты держи-тко его сутки да голоднаго,
«Тожно ты спусти къ борцу да на бореніе
«А къ невѣрному на показаніе.»
Выдержали сутки да голоднаго
А спустили туть его да на бореніе.
Говоритъ туть Рахта рагнозерскій:

*) Тогда.

— Я боротся князь да пунечу не знаю ли,
— Я поратитися съ борцомъ да не умѣю ли, —
— Да привычка нунь у насъ да была женская. —
Какъ ухватитъ онъ борца за плечи ли
Да топнетъ туть борца да о кирпичемъ мость,
Сбилъ его всего да въ кучку вдругъ.
«Ай же ты да Рахта рагнозерскій!
«Чимъ тебя да пунечу пожертвовать?»
— Ничего мнѣ князь не надобно.
— Дай-ко мнѣ-ка благословенъцо,
— Что ль на нашемъ было на озерушкѣ
— Не ловили да мелкою тамъ рыбушки
— А безъ нашего да дозволенъца. —
Даль ему да князь было московскій,
Даль ему да князь туть дозволенъцо,
Чтобъ не ловили безъ его благословенъца.

Записано на Марнаволокъ, 26 июля.

—
12.

НАЪЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ.

(См. Рыбникова, т. IV, 17).

У того же короля да политовскаго
Прованъцо было на третій день.
Вси же на пиру да напивалиси,
Вси же на честномъ наѣдалиси,
Вси же на пиру да поросхвастались.
Сидятъ на пиру два малыхъ два Витвичка,
Два тныхъ поганиныхъ татарина,
Два тныхъ любимыхъ племянничка,
Не ѣдятъ они, не пьютъ было, не кушаютъ,
Его бѣлою лебѣдушки не рушаютъ.
Ходитъ старыи да ихъ же дядюшка,
Тотъ же нунь король да политовскій,
Политовскій король да земли польскій.
«Что же вы два малыхъ два Витвичка,
«Два тныхъ любимыхъ племянничка,
«Вы не ѣли нунь, не пили, да не кушали,
«Моей бѣлою лебѣдушки не рушали?
«Ѣствы-ты ли вамъ нуньчу не по уму,
«Али пѣтыца-ты вамъ да не по разуму,
«Али думаете думушку вы крѣпкую,
«Али крѣпкую вы думу заединую?»
Отвѣчали туть любими племяннички,
Ты нунь погани татарова,
А любезному туть дядюшки,
Старому же королю да политовскому:

— Политовскій король да земли польскіи!
 — Думаемъ мы думушку нунь крѣпкую,
 — Крѣпкую мы думу заединую,
 — Ъхать намъ во матушку во каменнѹ Москву,
 — Въ каменнѹ Москву да въ Золоту Орду. —
 Говорить же имъ тутъ старши нунь дядюшка,
 Тотъ же нунь король да политовскіи,
 Политовскіи король да земли польскіи:
 «Ай вы два тыхъ два малыхъ два Витвичка,
 «Два тыхъ любимыхъ племянничка!
 «Вы не ѣдѣте-тко да въ каменнѹ Москву,
 «Въ каменнѹ-ту Москву да въ Золоту Орду.
 «Я колько ни нунь туди-ка-ва да ѣзживалъ,
 «А во цѣлости назадъ да не пріѣзживалъ.
 «Силушку свою да поростратарю (*такъ*),
 «Самъ же я король да на уходъ уйду.
 «Ай совѣтуеъ вамъ старши нунь дядюшка,
 «Политовскіи король да земли польскіи:
 «Поѣжайте-тко въ Индѹю во богатую,
 «А во ту Корелушку проклятую,
 «Розорите тамъ Индѹюшку богатую,
 «Розорите всю Корелу тамъ проклятую».
 Два тыхъ два малыхъ два Витвичка,
 Два тыхъ любимыхъ племянничка,
 Два тыхъ логанныхъ татарина
 А послушали тутъ дядюшки да старого,
 Старого тутъ дядюшки матерого,
 А того же короля да политовскаго.
 А поѣхали они да во Индѹюшку,
 А въ ту было Индѹю во богатую,
 А въ ту было Корелу во проклятую.
 Подѣзжали тутъ они да подъ Индѹюшку,
 А подъ ту было Индѹю подъ богатую,
 А подъ ту было Корелу подъ проклятую.
 Розорили тутъ Индѹю всю богатую,
 Розорили всю Корелушку проклятую,
 Изъ конца они въ конецъ да съ головней прошли.
 А приходя ко кресту да Левандову,
 Стали тутъ татара опочивъ держать,
 И самъ себѣ да испроговорятъ:
 — Ай же зтнимъ намъ разомъ да поладилось,
 — А поѣдемъ-ка мы братцы въ каменнѹ Москву,
 — Въ каменнѹ Москву да въ Золоту Орду! —
 Пріѣзжали тутъ они да въ каменнѹ Москву,
 Въ каменнѹ-ту Москву да въ Золоту Орду.
 Розорили тутъ они да каменнѹ Москву,
 Каменнѹ Москву да Золоту Орду,
 Первое они тутъ село Ярославское,
 Другое тутъ село Переславское,
 Третье-то село Косы-Улицы *).

*) По объясненію пѣвца, эти три села составляли первоначальную Москву, а послѣ описываемаго здѣсь разгрома она стала строиться городомъ.

Стали тутъ татара опочивъ держать,
 Стали тутъ татара хлѣба кушати.
 А на той было на горочки на Вшивны
 Старши Микитушка Романовичъ
 А провѣдалъ тутъ же онъ побѣдушку *):
 Розорили тутъ они да каменнѹ Москву,
 Первое-то село Ярославское,
 Другое-то село Переславское,
 Третье розорили село Косы-Улицы.
 Сталъ онъ тутъ могучими плечами поворачивать,
 Самъ себи Микита испроговорить:
 «Ахъ ты молодость ты молодецкая!
 «Улетѣла моя молодость въ чистѹ поле,
 «Во чистѹ поле да яснымъ соколомъ,
 «Прилетѣла ко мнѣ старость со чиста поля,
 «Со чиста поля да чернымъ ворономъ,
 «А садилась за плеча да богатырскіи!»
 Тутъ же взялъ онъ по полатамъ-то похаживать,
 Своей силушки **) Микитушка наказывать:
 «Ай ты силушка моя было безсмѣтная,
 «А безсмѣтная ты силушка безсмертная!
 «Улечу же нуньчу я въ чистѹ поле,
 «Во чистѹ поле да чернымъ ворономъ».
 Обернулся тутъ Микита чернымъ ворономъ,
 Улетѣлъ же тутъ Микита во чистѹ поле.
 Вся же сила у татаръ да спать порозлегла.
 Обернулся тутъ Микитушка сѣрымъ волкомъ,
 А конюшокъ-то всѣхъ у нихъ повывадилъ.
 Обернулся тутъ Микита добрымъ молодцомъ,
 Все замочилъ въ оруженцахъ повыщербилъ,
 Сабелки у нихъ да все повытушилъ,
 Тесачики у нихъ да все повывломалъ.
 Обернулся онъ да горностальщикомъ
 А приходитъ во полаты бѣлокаменны
 Ко своей было любимой племянничкѣ,
 Къ той было Авдотѣ ко Ивановной.
 А сидитъ его племянничка за люлечкой,
 Молода Авдотья да Ивановна.
 — Бай люді дѣтишо да великое!
 — Кабы вѣдалъ ты, любимыи нашъ дядюшка,
 — Старши Микитушка Романовичъ,
 — Моего бы нуньчу мужа не потрѣбили
 — А меня бы нуньч младой не обезчестили! —
 Ходитъ тутъ младенчикъ трехъ годовъ,
 Самъ младенчикъ испроговорить:
 «А родитель моя матушка,

чально Москву, а послѣ описываемаго здѣсь разгрома она стала строиться городомъ.

*) г. е. бѣду.

**) Сила здѣсь въ смыслѣ войска.

«Молода Авдотья да Ивановна!
 «Нашъ-то старин тутъ дядюшка,
 «Что Микитушка Романовичъ,
 «А въ избушкѣ онъ у насъ нунъ горностаушкомъ». Тымъ же двумъ нунъ малымъ двумъ Витвичкамъ,
 Тымъ же двумъ поганимъ татаровамъ
 Недосугъ же имъ было-то хлѣба кушати.
 А скочили тутъ татара на рѣзвѣи ноги,
 Тянули тутъ шубку соболонную
 А накиннули они на горностаушка.
 Горностау же былъ тотъ пѣвергокъ,
 Да въ рукавъ-то горностау да вонъ выскакивалъ,
 Что ль въ окошечко да вонъ вымахивалъ.
 Обвернулся онъ да чернымъ ворономъ,
 Улетѣлъ же онъ да во чисто поле
 А заграялъ онъ же чернымъ ворономъ, —
 Стала тутъ Микитина да силушка коней сѣдлатъ.
 Другой разъ заграялъ чернымъ ворономъ, —
 Силушка тутъ да поѣхала.
 Третій разъ заграялъ чернымъ ворономъ, —
 Вся Микитина тутъ силушка при ѣмъ стала.
 Тыхъ два тыхъ два малыхъ два Витвича,
 Два тыхъ поганихъ татарина
 Тутъ бросили они да за оружица, —
 Тутъ въ оружицахъ замочки повѣщерблены.
 А бросили они было за сабелки, —
 Сабелки у нихъ да вси повѣтуплены.
 А бросили они да за тесачики, —
 Все тесачики у нихъ да нунъ повѣломаны.
 А бросили они да за добрыхъ коней, —
 Конюшки у нихъ да вси задавлены.
 Некуда уйти было поганимъ татаровамъ.
 Обступила тутъ же силушка на кругъ же ихъ
 А того было Микитушки Романова.
 Старин Микитушка Романовичъ
 Онъ забралъ же ихъ поганихъ татаровей,
 А забралъ же онъ великій плѣвъ,
 Поплѣвилъ же силу всю татарскую,
 Захватилъ же двухъ поганихъ татаринновъ.
 Одному же взялъ да глаза выкопалъ,
 Другому же по колѣнамъ ноги вырубилъ
 А садилъ же брату кошелемъ *) его:
 Одинъ поди тащи его за плѣчами,
 Другой поди дорогу да показывай.
 «Вы подьте-тко нунъ къ старому да дядюшкѣ,
 «Къ тому же королю да политовскому,
 «А подьте-тко вы къ дядюшкѣ да хвастайте:
 «Розорили мы нунъчу каменну Москву,
 «Каменну-ту Москву да Золоту Орду,

*) т. е. на спину, какъ носить кошель.

«Первое-то село Ярославское,
 «Другое-то село Переславское,
 «Третье село Коси-Улицы, —
 «Подьте-тко вы къ дядюшкѣ да хвастайте!»

Записано въ дер. Римъ
 на Пудожской Горѣ, 23 июля.

13.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

А й когда-жде (такъ) возсіяло солнце красное
 А на томъ было на нѣбушкѣ на ясноемъ,
 Какъ въ тѣ пору теперичку
 Воцарился нашъ прегрозный царь,
 Нашъ прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ.
 Онъ повывелъ тутъ измѣну изъ Казань-града,
 Онъ повывелъ тутъ измѣну изъ Рязань-града,
 Онъ повывелъ-то измѣнушку изъ Пскова,
 А й повывесъ онъ царенье изъ Царя-града,
 А царя-то Перфила онъ подъ мечъ склонилъ,
 А царицы-то Елены голову срубилъ,
 Царскую перфицу на себя одѣлъ,
 Царскіи востыль да себи въ руки взялъ.
 Заводилъ же онъ почестный пиръ,
 А на князей пиръ, на бѣаръ пиръ
 А на всихъ гостей да званныхъ бранныхъ.
 Все же на пиру да напивалиси,
 Все же на пиру да поросхвастались.
 Поросхвастался прегрозный царь,
 Нашъ прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ:
 «Я повывелъ тутъ измѣну изъ Казань-града,
 «Я повывелъ тутъ измѣну изъ Рязань-града,
 «Я повывелъ-то измѣнушку изъ Пскова,
 «А й повывесъ я царенье изъ Царя-града,
 «А царя-то Перфила я подъ мечъ склонилъ,
 «А царицы-то Елены голову срубилъ,
 «Царскую перфицу на себя одѣлъ,
 «Царскіи востыль да себи въ руки взялъ.
 «Я повывелъ нунъ измѣну съ Новгородчины,
 «Я повыведу измѣну съ каменнѣи Москвы». Ходитъ тутъ Иванушко царевичъ госядарь,
 Самъ же непроговорить:
 — Ай прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ!
 — Не повывести измѣны съ каменнѣи Москвы.
 — За однимъ столомъ измѣна хлѣба кушаетъ,
 — Платица-ты носить одноцвѣтныи
 — А сапожен-ты на ножкахъ одноличныи. —

Мутно ёго око помутилось,
Царско его сердце загорѣлось.
«Ай же ты Иванушко царевичъ гѣсѣдѣрь!
«А подай-ко мнѣ измѣнщика да на очи,
«Я теперичку измѣнщику да голову срублю!»
Ходить тутъ Иванушко царевичъ гѣсѣдѣрь,
Самъ Иванушко да испроговорить:
— Я же глупымъ да разумомъ промотвился.
— На себя сказать, такъ живу нѣ бывать,
— А ѣ на братца сказать — братца жаль,
— А я жаль братца не такъ какъ себя...
— Ай прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ,
— Ай родитель нашъ же батюшко!
— Ты-то ѣхалъ уличкой, —
— Иныхъ билъ казнилъ да иныхъ вѣшалъ ли,
— Достальнихъ по тюрьмамъ садилъ.
— Я-то ѣхалъ уличкой, —
— Иныхъ билъ казнилъ да иныхъ вѣшалъ ли,
— Достальнихъ по тюрьмамъ садилъ;
— А серѣдечкой да ѣхалъ Ѡдѣдоръ да Ивановичъ,
— Билъ казнилъ да иныхъ вѣшалъ ли,
— Достальнихъ по тюрьмамъ садилъ,
— Напередъ же онъ указы да порѣзсмылялъ,
— Чтобы малыи да порозѣгались,
— Чтобы старьи да растулялися...
— А пунечку теперечку
— Вся измѣнушка у насъ да вдругъ повыстала. —
Мутно ёго око помутилось,
Его царско сердце розгорѣлось.
«Ай же палачи вы немилѣсливы!
«Вы возьмите-тео нунъ Ѡдѣдора Иванова
«За тый за рученьки за бѣлыи,
«За тый перстий да за злаченни,
«Вы сведите Ѡдѣдора да во чисто поле
«На тоѣ болотце да на житное,
«На туѣ на плаху да на липову,
«А срубите Ѡдѣдору да буйну голову
«За его поступки неумильни».
Сидятъ тутъ палачи да немилѣсливы,
Большей тулится за средняго,
Средній тулится за меньшаго,
А ѣ отъ меньшаго-то братцу вѣкъ отвѣту нѣтъ.
Сидитъ маленький Малютка воръ Шкурлатовъ сынъ:
— Ай прегрозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Много я казнилъ князей князевичевъ,
— Много королей да королевичевъ,
— Нунъ да Ѡдѣдору я нѣ спущу. —
Бралъ тутъ Ѡдѣдора Иванова
За тый за рученьки за бѣлыи,
За тый перстий да за злаченни,
Велъ же Ѡдѣдора въ чисто поле

На тоѣ болотце да на житное,
На туѣ на плаху да на липову.
А и Марѣя-та Романовна
Кинулась она въ одной рубашки бѣзъ костыца *)
А въ однихъ чулочникахъ бѣзъ чоботовъ,
А накинула тутъ шубку соболиную,
Черныхъ соболей да шубку во пять сотъ рублей,
А ѣ бѣгомъ бѣжить на горочку на Вшивую
Къ тому братцу ко родимому,
Ко Микитушкѣ Романову.
Прибѣгала тутъ на горочку на Вшивую
Къ тому братцу ко родимому,
Ко Микитушкѣ Романову. —
Не спрашивать тутъ у дверей придверничковъ,
У воротъ да приворотничковъ,
А прочь взашей она да всихъ отталкивать.
А ѣ придвернички да приворотнички
Они вслѣдъ идутъ да жалобу творять:
«Ай Микитушка Романовичъ!
«Да твоя-то есть сестрица да родимая,
«Что ли Марѣя-та Романовна,
«А ѣ бѣжить она не въ покрути,
«Надъ тобой она да надсмѣхается,
«Всихъ же насъ да взашей прочь отталкивать».
Говорить же тутъ Никитушка Романовичъ:
— Что же ты, сестрица да родимая,
— Что бѣжишь, надъ нами надсмѣхаетесь,
— Нашихъ взашей прочь отталкивашь? —
Тажелешенько она да пороспалакалась
А Микитушка Романову розжаловалась.
«Ай ты братецъ ты родимый
«Да Никитушка Романовичъ!
«Я ли надъ тобой да надсмѣхаюси,
«Али ты же надо мной да надсмѣхаетесь,
«Али надъ собой незгодушки великии не вѣдаешь,
«Али надъ собой да нунѣ надо мной,
«Надъ сестрицей да родимою?
«Твоего-то племничка,
«Племничка да крестника,
«Али Ѡдѣдора Иванова,
«Увели его да во чисто поле
«На тоѣ болотце да на житное,
«На туѣ на плаху да на липову,
«Срубить Ѡдѣдору да буйну голову
«За него поступи неумильни».
Старьи Никита да Романовичъ
Бросилъ онъ кафтанъ да на одно плечо,
Кинулъ шляпу на одно ухо,
Тянулъ въ руки саблю вострую,

*) Костычъ — родъ сарафана.

Онъ садился на коня да не на сѣдлана,
 Не на сѣдлана коня да не на уздана,
 Онъ садился на коня однимъ стегномъ.
 Городомъ-то ѣде голосомъ кричить,
 Голосомъ кричить да самъ шляпой машеть:
 — Ахъ ты маленькой Малютка воръ Шкурлатовъ
 сынъ!

— Не клони-тко нунь же Ѳёдора Иванова,
 — На ту было на плаху да на липову,
 — Не руби-тко Ѳёдору да буйной головы
 — За его поступки неумильни.
 — Срубишь же ты Ѳёдору да буйну голову, —
 — Не тотъ же кусокъ съѣшь а самъ подавишься,
 — Не тотъ же стоканъ выпьешь самъ заклѣ-
 нешься! —

А неспрашивать Малютка воръ Шкурлатовъ сынъ,
 Клонить Ѳёдора Иванова.

А скривчалъ же тутъ Микитушка Романовичъ:

— Ай ты Ѳедоръ да Ивановичъ!

— Не клони-тко своей буйни ты головы,

— Царскій родъ на казени не кáзнится. —

А не сталъ же Ѳедоръ да сдаватися,

А не сталъ клонить своей да буйной головы

А на тую онъ на плаху да на липову.

А розѣхался Микитушка Романовичъ

А къ тому же палачу да немплосливу,

Къ малому Малютѣ да Шкурлатову.

Не клонилъ же онъ Малютки да Шкурлатова

На тую на плаху да на липову, —

Какъ смáхне онъ да саблей вострою,

Онъ отсѣкъ Малютки буйну голову

За него поступки неумильни,

Что зачимъ везе на казень царскій родъ

А срубить-то ему буйну голову.

Онъ братъ Ѳёдора было Иванова

За тый за рученьки за бѣли,

Цѣловалъ въ уста его сахарни,

Посадилъ его да на добра коня,

На свое садилъ было да на право стегно,

Повезъ Ѳёдора Иванова

А на ту было на горочку на Вшивую

А къ тому было къ подворьницу Микитицу.

Севодни братцы день суботни,

Завтра день да воскресеньице,

Имъ итти-то ко Божьей церкви.

А ставалъ же тутъ прегрозный царь Иванъ Ва-
 сильевичъ

Онъ по утрышку ранехонько,

Умывается онъ да бѣлехонько,

Снаряжается онъ хорошохонько,

Одѣвае платья опалѣни,

Кбней подпругаютъ воронѣныхъ.

А й поѣхалъ тутъ прегрозный царь Иванъ Василье-
 вичъ,

Онъ поѣхалъ ко заутренн.

А ставае тутъ Микитушка Романовичъ

А й по утрышку равехонько,

Умывается онъ да бѣлехонько,

Снаряжается онъ хорошохонько,

Одѣвае платья красни,

Кбней подпругаютъ все же рыжихъ,

Кареты подпругаютъ золочени.

Приѣжае онъ да тутъ же ко заутренки.

Испроговорить Микитушка Романовичъ:

— Здравствуй ты прегрозный сударь царь Иванъ
 Васильевичъ,

— Со своей да любимой семьей

— А со Марей-то Романовной,

— Да со Ѳедоромъ Ивановымъ,

— Со Ивановомъ-то Ивановымъ! —

Говорить же тутъ прегрозный царь,

Нашъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ:

«Ай ты старыи Никита да Романовичъ,

«Ай ты шуришь да любими!

«Ты незгодушки не вѣдаешь,

«Надо мной великою незгодушки:

«Твоего-то племничка,

«Племничка да крестничка,

«Что ли Ѳёдора Иванова, —

«Нѣту Ѳёдора во живности».

Старыи Микитушка Романовичъ

Снова тутъ его да онъ проздравствовалъ:

— Здравствуй ты прегрозный сударь царь Иванъ
 Васильевичъ,

— Со своей да любимой семьей

— А со Марей-то Романовной,

— Да со Ѳедоромъ Ивановымъ,

— Со Ивановомъ-то Ивановымъ. —

Говорить же нашъ прегрозный царь,

Нашъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ:

«Ахъ ты старыи Никита да Романовичъ!

«Что же въ рѣчи ты не вчуешься,

«Самъ ты къ рѣчамъ да не примешься?

«Твоего то племничка,

«Племничка да крестничка,

«Нѣту Ѳёдора во живности».

Говорить же тутъ Микитушка да въ третій разъ:

— Здравствуй ты прегрозный сударь царь Иванъ
 Васильевичъ,

— Со своей да любимой семьей

— А со Марей то Романовной,

— Да со Ѳедоромъ Ивановымъ,

— Со Иваномъ-то Ивановымъ. —

Мутно ёго око помутилось,

Царско ёго сердце розгорѣлось.

Отвѣчае тутъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ:

«Ахъ ты старый песь Микитушка Романовичъ!

«Надо мною знать Микита надсмѣхаешься?

«Видемъ отъ великодушныи заутрени,

«Приважу теби Микита голову срубить».

Тяжелешенько тутъ царь да поросплакался:

«По ворахъ да по разбойничкахъ

«Е заступнички да заборонщички.

«По моемъ рожиномъ по дитятки

»Не было нунь да заступушки,

«Ни заступушки ни заборонушки!»

Говорить же тутъ Микитушка Романовичъ:

— А бываетъ ли тутъ грѣшному прощеньицо? —

«А бываетъ тутъ да грѣшному прощеньицо,

«Того грѣшнаго да негдѣ взять».

Говорить было Микитушка во дрúгой разъ:

— А бываетъ ли тутъ грѣшному прощеньицо? —

«А бываетъ тутъ да грѣшному прощеньицо,

«Того грѣшнаго да негдѣ взять».

Говорить же тутъ Микитушка да въ третій разъ:

— А прости-тко того грѣшнаго. —

«Того грѣшнаго нунь Богъ простить,

«Того грѣшнаго нунь негдѣ взять!»

Отвѣчае тутъ Микитушка Романовичъ:

— Ай прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ!

— Не отрублена да Ѳёдору да буйна голова,

— А отрублена Малюгѣ да Шкурлатову

— За него поступки неумильныи,

— Да зачимъ же иде казнити царскій родъ:

— Царскій родъ на казени не казнится. —

Говорить же нашъ прегрозный царь,

Нашъ прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ:

«Ахъ ты старын Микитушка Романовичъ,

«Ай да шуринъ да любимини!

«Что теби Микитушка пожаловать?

«Города ли теби дать да съ пригородками,

«Али села дать да со приселками,

«Али силушки тобѣ-ка-ва по надобью,

«Али золотой казны тобѣ-ка-ва по надобью,

«Али добрыхъ комоней тобѣ-ка-ва по надобью?»

Отвѣчае тутъ Микитушка Романовичъ:

— Не надо мнѣ-ка городовъ да съ пригородками,

— Не надо мнѣ-ка селъ да со приселками,

— Мнѣ-ка силушки по надобью,

— Золотой казны по надобью,

— Добрыхъ комоней по надобью:

— Золота казна у мѡлодца не держится *),

— Добра комони у мѡлодца не ѣдятся.

— Дай-ко мнѣ Микитину да отчину.

— Хоть коня угоиц, хоть жену ўвѣди,

— Хоть каку ни е побѣдушку да сдѣлай ли,

— Да въ Микитину да отчину ўйди,

— Того добраго же мѡлодца да Богъ простигъ. —

А ѡ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ

Даль Микитину да отчину.

Записано тамъ же, 24 июля.

14.

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ **).

Ай Гришка розстрига Отрепьевъ сынъ,
 Не поспѣлъ воръ собака воцаритися,
 Захотѣлъ воръ собака женитися,
 Не у князей боиръ въ каменной Москвы,
 У того короля въ земляной Литвы.
 Взялъ Гришка Маришку королевичну,
 Заводилъ заковъ по своему:
 Князи боира къ обѣдни шли,
 А ѡ Гришка съ Маришкою въ байну шоль.
 Князи боира отъ обѣдни шли,
 А ѡ Гришка съ Маришкой изъ байни идѣтъ.
 У Иоанна Великаго,
 У Софьи премудрыи
 Приказалъ звонить въ наибольшій колоколь,
 Въ самый огромный:
 «Ко мнѣ-ка-ва ѣдетъ вѣдь дальній гость,
 «Дальній гость ѣде любимый тестъ,
 «Еще тотъ же король политовскин,
 «Политовскин король земли польскин,
 «Ко мнѣ-ка во гостѣбницо.»
 Михайла князь Скопинъ москѡвскин
 Видитъ измѣвщща,
 Садился Михайла на ременьчатъ стулъ,
 Писалъ ѣрлуки скорописчаты ***)
 Ко тому королю политовскому,
 Политовскому королю ли польскому:

*) т. е. не задерживается.

**) Размѣръ дактилическйй.

***) Каливинъ объяснялъ, что Скопинъ писалъ въ Польшу эти подложныя письма отъ имени Самозванца нарочно для того, чтобы появленіемъ поляковъ въ Москвѣ возбудить бунтъ противъ Гришки.

— Политовскіи король земли польскіи,
— Ты мой любимый тесть!
— Ты пошли-ко мнѣ силы сорокъ тысящей,
— Очистить своя каменнѣ Москва. —

Сошли ёрлукн скоропсчати
Тому королю политовскому.
Политовскіи король земли польскіи
Посылае силы сорокъ тысящей.
Приходитъ тутъ сила польская
Въ ту Москву бѣлокаменну.
Стоитъ Гришка розстрижка Отрепьевъ сынъ
Противъ зеркала хрустальнаго,
Держитъ книгу въ рукахъ волшебную,
Волхвуетъ Гришка розстрижка Отрепьевъ сынъ:
«Я стоялъ же Гришка нунъ три́годы,
«Простою я тридцать лѣтъ.»
Зглянулъ въ окошко косевчато,
Обступила сила кругомъ вокругъ,
Все сила съ копыями.
Гришка розстрижка Отрепьевъ сынъ
Думаетъ умомъ своимъ царскіимъ:
«Подѣлаю крыльница дьявольскіи,
«Улечу нунъ я дьяволомъ.»
Не послѣлъ Гришка сдѣлать крыльницовъ,
Тамъ скололи Гришку розстрижку Отрепьева.
Только тутъ Гришка царемъ бывалъ,
Только тутъ Гришка вѣдъ царствовалъ.

Записано тамъ же, 24 июля.

II.

АКСИНЬЯ ОМИНА.

Аксинья Кузминична Омина, близкая сосѣдка Калинина, крестьянка дер. Римъ на Пудожской Горѣ, лѣтъ 30-ти отъ роду, большая мастерица нѣтъ былины и пѣсни. Ея манера пѣть отличается особенно тѣмъ, что по требованію стиха она перѣдко, не прибѣгая къ вставнымъ частіцамъ, вмѣсто того превращаетъ букву з въ гласный звукъ и произноситъ его какъ ѣ. Былины свои она научилась пѣть отъ матери, которой уже нѣтъ въ живыхъ. Кромѣ печатаемыхъ здѣсь былинь, она пѣла еще про отъѣздъ Добрыни и Алашу Поповича совершенно сходно съ Каминичемъ, отъ котораго заимствовала эту былину, но съ нѣкоторыми пропусками и сокращеніями.

15.

ВОЛЬГА.

Когда зарождался младъ свѣтѣль мѣсяць,
Тогда зарождался Вольгѣ богатѣрь.
Отъ его отъ славы богатѣрскою
Оргн-ты *) вси да приумолкнули,
Птица улетѣла вся подь оболоку,
Рыба ушла да въ глубокой станѣ,
Звѣри ушли да во темнѣ лѣса,
Царь Сантагъ да въ Вольгѣ **) сбѣжалъ
Со своей царицей со Давыдьевой.
Сталъ Вольгѣ да лѣтъ десятки-то,
А ѣ задался онъ Вольга да во мудрости,
А ѣ во мудрости Вольга да онъ въ хитры хитрости,
Птицей онъ летать да подь оболоку,
Рыбою ходитъ да въ глубокіи станѣ,
Звѣрами ходитъ да во темнѣ лѣса.
Овернулася Вольгѣ да малой птичиной,
Улетѣлъ-то Вольгѣ да онъ подь оболоку,
А ѣ птицу всю да онъ порозгонялъ.
Овернулася Вольгѣ да добрымъ молодцомъ:
«Братцы дружинуска хоробрая!
«Ставьте-тко пѣсточнн ***) дубовыи,
«Силышка вы ладьте-тко шелковныи,
«Птица не улетѣла бѣ подь оболоку.»
Овернулася Вольгѣ да свѣжей рыбиной,
А ѣ пошоль-то Вольгѣ да въ глубокой станѣ
Рыбу-то всю да онъ порозгонялъ.
Овернулася Вольгѣ да добрымъ молодцомъ:
«Братцы дружинуска хоробрая!
«Ладьте-тко нѣвода шелковныи,
«Проволоки вы кладите да золочоныи,
«Рыба не ушла бѣ въ глубокой станѣ.»
Овернулася Вольгѣ да лютымъ звѣремъ,
А ѣ ушоль-то Вольгѣ да во темнѣ лѣса,
Звѣрей-то всѣхъ да онъ порозгонялъ.
Овернулася Вольгѣ да добрымъ молодцомъ:
«Братцы дружинуска хоробрая!
«Ладьте-тко пищалочки винтовныи,
«Заватите-тко пулечки калѣныи,
«Звѣри не ушли бѣ да во темнѣ лѣса.»
Поѣзжае Вольгѣ въ Вольгѣ-городѣ.
Видла царица нехоробіи снѣ:

*) Что значить «орги», пѣвица не умѣла объяснить, угадалъ только, что такъ поется.

**) Омина нѣсколько разъ повторила этотъ стихъ и на вопросъ, что это значить: «въ Вольгѣ сбѣжалъ», отвѣчала только, что «такъ поется».

***) Западня для ловли птицъ.

Бьется соколъ да съ чернѣмъ воронѣмъ,
 Пѣребилъ соколъ да чернѣ воронѣ:
 Ясный тотъ соколъ — Вольгѣ богатѣрь,
 Черный тотъ воронъ — то самъ Санталъ.

Записано въ дер. Римъ
 на Пудожской Горѣ, 24 іюля.

16.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ *).

У стольняго у князя у Владиміра
 Заводился у него да почестный пиръ.
 Все на пиру да напивались,
 Все на пиру да поросхвастались.
 Единный тотъ хвастать золотой казной,
 Единный тотъ хвастать цвѣтнѣмъ платицомъ,
 Единный тотъ хвастать добрѣмъ конемъ;
 Умный тотъ хвастаетъ отцомъ матерью,
 А ѣ безумный тотъ хвастать молодой женой.
 А ѣ сидитъ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
 А ѣ сидитъ да ничимъ онъ не хвастаетъ.
 Стольнѣй князь да Владиміра (такъ)
 Згѣворить да таково слово:
 «Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
 «Что же ты сидишь ничимъ не хвастаешь?»
 — Платя у меня да есть на вѣздѣ (такъ)
 — Золотой казны у мни да есть по надобью,
 — Добрыхъ коней да на вѣздѣ есть,
 — Отца матушки да живого вѣтъ.
 — Есть у мни да молода жена,
 — Офимья у меня да Олександровна:
 — Оманула у меня да девять царей,
 — Десять русьскѣхъ могучѣхъ богатырѣвъ,
 — А ѣ оманетъ тебя стольнѣ-князя Владиміра. —
 А ѣ посадилъ его въ крѣпъ во тѣмную,
 Самъ посмалъ скорѣхъ гонцѣвъ
 А ѣ къ его-то молодой жены,
 А ѣ ко той Офимѣ Олександровной:
 — Аѣ же молода жена Офимья Олександровна!
 — Наказывалъ да теби Илья Муромецъ,
 — Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
 — Обмануть тебѣ стольнѣ-князя Владиміра. —
 Говорить Офимья Олександровна:

*) Здѣсь Илья Муромецъ, конечно просто по ошибкѣ, поставленъ въ роль, обыкновенно приписываемую Ставру Годивовичу.

«Какъ мой мужъ да напивается,
 «Такъ онъ пушай да прохмѣляется.»
 Сама выпустила скорѣхъ пословъ,
 Садилась-то на стулья на дубовыи,
 Подрубила-то волосы по мужскому,
 Сокрутиласи да въ платица во мужскѣи,
 Обсѣдала она да вѣдъ добра коня,
 Брала она стрѣлочку каленую,
 Палицу да во сорокъ пудъ,
 Приѣзжала ко стольнѣму ко князю ко Владиміру,
 Сваталаси на его на родной дочери,
 На Катерины она да Миклуловной (такъ).
 «Аѣ ты чьей земли да чьей орды?
 «Ты чьего отца да чьей матушки?»
 — Я есть посолъ скорый земли русьскѣи. —
 Згѣворить Катерина Владимірна:
 «Аѣ же ты да родной татенька!
 «Глупымъ разумомъ вольничаетъ,
 «Выдаваешь ты дѣвчину а за женщину:
 «У ей жопка крутенька какъ по женскому,
 «У ей пѣленьки *) мяконьки какъ по женскому,
 «Гдѣ жуковины лежали тутъ и мѣста знать.»
 — Молчи-тко ты дочѣ, мы попытаемъ-тко,
 — Можеть ли натянуть да тугой лукъ,
 — А ѣ выстрѣлять да съ каленой стрѣлы.
 — Пошлемъ съ Чурилушкой Щипленковымъ
 — А ѣ на далечо чисто, полѣ. —
 А ѣ Чурилушка да Щипленковичъ
 А ѣ не могъ да натянуть онъ тугой лукъ,
 А ѣ выстрѣлять да съ каленой стрѣлы.
 Послы **) скорый да зѣмли русьскѣи
 А натянула она да вѣдъ тугой лукъ.
 И выстрѣлила да съ каленой стрѣлы.
 Говорить Катерина Владимірна:
 «Аѣ же ты родной мой татенька!
 «Глупымъ ты разумомъ вольничаетъ,
 «Выдаваешь ты дѣвчину за женщину:
 «У ей жопка крутенька какъ по женскому,
 «У ей пѣлечки мяконьки какъ по женскому,
 «Гдѣ жуковины лежали, тутъ и мѣста знать.»
 — Молчи ты дочѣ, да попытаемъ-ко,
 — Положимъ во спальню во теплую,
 — На перина положимъ на пуховую.
 — Если она да буде женщина,
 — Буде яма на постели-то.
 — Если она мужчина-то,
 — Буде яма на зголовниці. —
 Проснала да темну ноченьку

*) т. е. груди.

**) т. е. посолъ.

Ногами да на зголовьницю
 А й плечами она да на постелю-то.
 А й тутъ повѣрилъ стольній князь Владиміры,
 А й просватывалъ свою рѣдну дочь.
 Водили ихъ во цереву во Божію,
 Витыма перстнями обручили-то,
 Златыма вѣнцами обложили-то.
 Заводили они да почостный пирь.
 А й сидить-то послѣ скорын,
 Послѣ скорын земли русьскіи,
 Повѣшена сидить да буйца голова.
 А й згворить стольный князь да Владиміры:
 «Ай же послѣ скорын земли русьскіи,
 «Зять молодѣи да послѣ скорын!
 «Ай зачѣмъ же ты вѣсишь буйну голову?»
 Згворилъ да таково слово:
 — Стольный князь да Владиміры!
 — Есть у тебя да во темной крѣпцѣ,
 — Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.
 — Нельзя ли его да выпустить,
 — Со мною-то на почостный пирь?
 — Мы въ одномъ поли съ нѣмъ побѣживали,
 — Съ одной стрѣлочки мы выстрѣливали,
 — Въ одно колечечко попадавали. —
 Стольній князь да Владиміры
 Онъ выпустилъ да Илью Муромца,
 А й на зятиннѣ его да на почостный пирь.
 Згворить послѣ скорын земли русьскіи
 Послѣ скорын да зять молодѣи:
 «Ужь ты знаешь ли Илья, догадаешься ль Илья,
 «Ужь я чья жена?»
 Згворить да Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
 — Эй же ты стольный князь да Владиміры!
 — Оманула ты да моя жена;
 — Видалъ ты дѣвчину а за женщину! —

Записано тамъ же, 22 іюля.

17.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

Три году Добрынюшка стольничалъ,
 Три году Добрынюшка чашничалъ,
 Три году Добрыня у воротъ простоялъ,
 На десятый годъ еще гулять ушолъ.
 Наказывала Добрыни рѣдна матушка:
 «Ты ходи гуляй Добрынюшка по городу,

«Ты по городу гуляй по Киеву,
 «Только не ходи во улочки Маринкины,
 «Въ переулки не ходи да во Игнатевски.
 «Тамъ е дѣвушка да зельница,
 «Зельница дѣвушка кореньница.
 «Извела-то она денѣтъ молодцѣвъ,
 «Девять русьскіихъ могучіихъ богатырѣвъ,
 «Тебя же изведетъ да во десятыхъ.»
 Забылъ-то наказанье родной матушки,
 Зашолъ-то онъ во улочки Маринкины.
 У Маринушки да на окошечки
 Сидятъ голубы да со голубушками,
 Носочки съ носочками цѣлуются,
 Они правыма крылами обнимаются.
 Тутъ Добрыни въ запретѣ пришло,
 Натягивалъ Добрынюшка тугой лукъ,
 Направлявалъ Добрыня валену стрѣлу,
 Убилъ у Маринушку милѣ дружка,
 А Ивана убилъ царевича,
 По прозванью убилъ Туга-змиѣвича.
 Бросилась Маринушка по плечъ во окно:
 — Ай же ты Добрынюшка Микитичъ!
 — Холость ты ходишь не женѣтъ ноеньу,
 — Я красна дѣвица на выдавань:
 — Возь-ко меня да за себя замужъ. —
 Но съ ума' Добрыня слово спрѣговориалъ:
 «Ай же ты дѣвушка зельница,
 «Зельница ты кореньница!
 «Извела ты девѣтъ молодцѣвъ,
 «Девять русьскіихъ могучіихъ богатырѣвъ,
 «Меня же изведешь да во десятыхъ.»
 Обвернулся Добрынюшка, домой пошолъ.
 Она брала-то ножички булатніи,
 Она-то рѣзала Добрынины слѣдочки,
 Приговоры приговаривала крѣпкіи:
 — Такъ бы рѣзало у Добрыни ретливо сердцѣ по

мни. —

Обвернулся Добрынюшка и къ ей пришолъ.
 Повернула Добрыню сѣрымъ волкомъ,
 Отпустила Добрыню ко синѣ морю.
 Добрынина матушка
 Ена день ждала, да другой ждала,
 Недѣлю ждала, да другу ждала,
 Ена годъ еще ждала, другой ждала,
 Не слыхать Добрынюшки Микитича.
 Накинула шубу на одно плечо,
 Приходила къ Маринкѣ подъ окошечко:
 «Эй же ты дѣвушка зельница!
 «Отверни у мнѣ Добрынюшку по старому,
 «По старому Добрынюшку по прежнему.
 «Не отвѣрнешь ты Добрынюшки по старому,—

«Я тя поверну собакою,
«Собакой поверну тя подоконою.
«Еще тебя потѣшу я сорокою,
«Сорокою тебя да я коловою» *).
Отвернула Добрынюшку по старому.
Онъ бралъ въ руки стрѣлочку каленую,
Розвязалъ ю на скамеечку дубовую,
Розстрѣлялъ ѳвъ Марину по чисту полю.

Записано тамъ же. 22 іюля

18.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

Изъ-подъ бѣлоей березки кудревастой
Выходила турица златорогая
Со своимъ турама со дѣтушками.
Розошлась турица, розпростилась:
«Вы прости-тко туры да малы дѣтушки.»
Случилось турама мимо Кіевъ градъ ити,
Мимо тую стѣну да городовую.
А ѳ сподъ той стѣны сподъ городовыи
Ходитъ дѣвица душа красная,
Въ рукахъ носить святу книгу евангельѣ,
А не только **) читаетъ—вдвоємъ она плачѣтъ
Не дѣвица ходитъ душа красная,
Плаче стѣна да городовая,—
Ѣна свѣдала надъ Кіевымъ незгодушку.

Сподъ восточною да сподъ сторонушки
А ѳ наѣде Батыга Батыговичъ
Со своимъ со сыномъ со Батыгушкою,
А ѳ со зятемъ Тороканчикомъ Корабликовымъ,
А ѳ со тымъ со дѣчкомъ со выдумщикомъ.
У Батыги-то силы сорокъ тысячей,
А ѳ у сына-то силы сорокъ тысячей,
У дѣчка-то вѣдь силы сорокъ тысячей,
А ѳ у зятя-то силы сорокъ тысячей.
Обступае Батыга околъ Кіевá кругомъ,
А ѳ Кіевъ градъ да не малъ не великъ,
Соколу же летѣтъ да на меженный день,
А ѳ маленькой птичкѣ не пролетѣтъ.
А ѳ во Кіевѣ Владиміръ пороздумался:

*) Сорока называется коловою, потому что сидитъ по колѣ-
намъ на заборѣхъ (объясненіе пѣвца).

**) т. е. столько.

«А ѳ не знаю я да съ Батыгою поправиться,
«А ѳ некому съ Батыгою супротивиться.
«Косогоры (такъ) богатырь во Святѣхъ во горѣхъ,
«А ѳ Самсонъ да Илья у синѣ у морѣ,
«А ѳ молодой Добрыня во чистомъ во полѣ,
«А ѳ молодой Олеша въ богомольной сторонѣ.»
По голямъ-то гулялъ двѣнадцать лѣтъ
По прозваньюцу Василій сынъ Игнатъевичъ.
А ѳ приходитъ Василій ко Батыги на лицѣ,
Убилъ лучшѣхъ головушекъ хорошенькѣхъ:
Убилъ сына Батыгу Батыговича,
Убилъ зятя Тороканчика Корабликова,
А ѳ убилъ дѣчка онъ выдумщика.
А ѳ посылаетъ Батыга скорѣхъ гонцѣвъ,
А ѳ скорѣхъ гонцѣвъ да во Кіевъ славенъ градъ,
А ѳ во Кіевѣ славенъ градъ да виноватаго послать.
А ѳ во Кіевѣ Владиміръ пороздумался:
«А ѳ не знаю я да виноватаго найтѣ.»
Приходили солдаты коравульными:
— Благослови-тко Владиміръ слово спрѣговорить.
— А ѳ знаёмъ мы да виноватаго найтѣ:
— По голямъ-то гулялъ двѣнадцать лѣтъ
— По прозваньюцу Василій сынъ Игнатъевичъ.—
Находили Василія въ кабацѣ на печѣ,
Приводили Василія ко царю на лицѣ.
«Опохмѣлъ меня Владиміръ чарой хмѣльною.»
Наливаетъ онъ чару зеленá вина,
Другу наливаетъ пива пьянаго,
А ѳ третью рюму да сладкаго меду.
А ѳ сливали питьѣ во единѣ судно,
А ѳ мѣрой питья полъ-пятá ведра,
А ѳ вѣсомъ питья полъ-пятá пуда.
Принимается Василей единѣй рукой,
Выпиваетъ Василей на единѣй духъ.
Розгорѣлось у Василія ретливо сердце,
Розмахалась у Василія ручка правая:
А ѳ нунѣ пойду да ко Батыги на лицѣ.
«Опохмѣлъ меня Батыга чарой хмѣльною,
«А ѳ пособлю я тебѣ славенъ Кіевъ градъ-тотъ
взять.»
А ѳ на ты рѣчи Батыга приокнулася.
Наливаетъ онъ чару зелена вина,
Другу наливаетъ пива пьянаго,
А ѳ третью рюму да сладкаго меду.
А ѳ сливали питьѣ во единѣ судно,
А ѳ мѣрой питья полъ-пятá ведра,
А ѳ вѣсомъ питья полъ-пятá пуда.
Принимается Василей единѣй рукой,
Выпиваетъ Василей во единѣй духъ.
Розгорѣлось у Василія ретливо сердце,
Розмахалась у Василія ручка правая.

А и сталъ онъ по силушѣ поѣзживати,
 А и сталъ-то онъ сидушки порубливати.
 А и были у Батыги кони добрыи,
 Коня добрыи да изнарѣженный.
 Поѣзжае Батыга, заклинается:
 «Не дай Господи ни мни да ни дѣтямъ ни моймъ,
 «А ѣ ни дѣтямъ ни моймъ ни внучатамъ,
 «А не внучатамъ ни правнучатамъ!
 «Видно есте во Києви богатыри.»

Церковно пѣтѣ въ каменной Москвы,
 Колокольный звонъ во Нови-городѣ,
 Щелье камень въ сѣверной сторонѣ,
 Мхи да болота въ поморской сторонѣ.

Записано тамъ же, 23 июля.

—
 49.

ХОТЕНЬ БЛУДОВИЧЪ.

У стольнаго у князя у Владимира
 Заводился у него да почостный пиръ.
 Было на пиру да двѣ вдовы:
 Одна Маринка Часова вдова,
 Друга Авдотья Блудова вдова.
 Наливае Авдотья Блудова вдова,
 Наливала она чару зелена вина,
 Не только вина что сладкаго меду,
 Подносила Маринки Часовой вдовы,
 За чарою она вѣдь да носваталась
 На Чайной дѣвицы на Часовичной.
 Она вылила чару во ясны очи,
 Измочила шубу черныхъ соболей.
 Ушла-то Авдотья Блудова вдова,
 Идетъ она домой, да прикручинивши,
 Прикручинивши она да запечалавши.
 Стрѣчаетъ ю мододой Котѣнко Блудовъ сынъ:
 «Ай же рѣдна ты да моя матушка!
 «Что же ты идешь да закручинивши?
 «Мѣстомъ ли тебя да приобняли,
 «Пьяница ли городова тебя вѣругала,
 «Аль чарою ли тебя да приобнесли?»
 — Чарою меня да не приобнесли,
 — Пьяница городова не выругала,
 — Мѣстомъ меня да не обняли.
 — Наливала я вѣдь чару зелена вина,
 — А ѣ не только вина что сладкаго меду,

— Подносила Маринки Часовой вдовы,
 — А ѣ за чарою я да носваталась
 — А ѣ на Чайной дѣвицы на Часовичной.
 — Она вылила чару во ясны очи,
 — Измочила у меня шубу черныхъ соболей. —

«Ай же рѣдна ты да моя матушка!
 «Чайная дѣвица на моихъ рукахъ:
 «Я какъ захочу, такъ за себя возьму,
 «Я не захочу, — за службу за панютушку.»
 Справлялся онъ да скорешенько,
 Убирался онъ да хорошошенько.
 Видли добра молодца сидучи,
 А ѣ не видли добра молодца поѣдучи.
 А ѣ повѣхалъ да на чисто полѣ,
 Вѣхалъ мимо покоевъ Маринки Часовой вдовы,
 Хлопнулъ-то онъ палицей по терему,
 Все-ты терема да пошатался,
 Вереи же все да розвалилися,
 Терема унесъ да во чисто полѣ.

Чайная дѣвица Часовична

А ѣ бросалася да что ль поплечь въ окно.
 — Ай же молодой Котѣнко ты Блудовъ сынъ!
 — Отца-то у ты звали видѣ Блудощомъ,
 — А ѣ тебя же будутъ звать да уродощомъ!
 — Что же вѣдишь по городу уродуешь?—

Енъ згворить да таково слово:

«Ахъ ты Чайная дѣвица Часовична!
 «У тебя-то есть да девѣтъ братцевъ,
 «У твоей-то матушки девѣтъ сынковъ:
 «Пусть-ко выѣдутъ на чисто поле
 «Съ молодымъ Котѣнкомъ перевидѣться.»

Насыпае Марина Часова вдова,
 Насыпала она мису злата серебра,
 Другу насыпае скачна жемчугу,
 Жертвуетъ стольнѣму князю Владимиру,
 Своему братцю родимому:

— Стольній князь да Владимиръ!

— Упроси-тко молодца Котѣнка Блудовъ сынъ
 (такъ),

— Чтобы взялъ бы Чайную дѣвицу Часовичну
 за себя замужъ,

— Не за службу бы онъ за панютушку. —

Згворить стольній князь да Владимиръ:

«Ай же сестрица родимая!
 «Какъ же ты да наливалася,
 «Такъ же нунь да прохмѣляйся-тко.»

Згворить молодой Котѣнко Блудовъ сынъ:

«Кто же отъ бѣды да откупается, —
 «Стольній князь да накупается?»

Прирубилъ онъ, пригубилъ да до единой головы
 У Маринки да Часовой вдовы,

А ѿ сплѣвилъ-то онъ девѣтъ синовъ,
 Покорилъ-то стольняго князя Владиміра,
 Взявъ Чайну дѣвицу Часовичну
 Замужъ за службу за панютушку.

Записано тамъ же, 23 іюля.

20.

Д Ю К Ъ.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Вѣзжае онъ на далече чисто полѣ,
 Хочѣ пострѣлить да чорна ворона.
 Чорный тотъ вѣдъ воронъ ему смолится:
 «Ай же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 «Не збей моей туши о смру́ землю,
 «А ѿ не рушай моихъ перьявъ по чисту́ полю,
 «Не пролей-ко крови по смру́ дубу!
 «Слава тая по Русѣ носитя:
 «Старца убить не спасенѣе добыть,
 «Ворона убить не корѣсть получить.
 «А ѿ поѣзжай-ко ты да во Кіевъ градъ:
 «Есте во Кіевѣ богатыри,
 «Е кому да тамъ поправитяся,
 «Е кому съ тобой да супротивитяся.»
 Богатырское сердечко розгорѣлось,
 Ворона убить не захотѣлось.
 А ѿ прѣзжае онъ да домой-то видѣ
 Со далеча со чиста поля:
 — Ай же родна моя да вѣдъ матушка,
 — Ай Нанерпа ты Тимофеевна!
 — Дай прощеньице мнѣ съ басловленьцомъ,
 — Я поѣду-то да во Кіевъ градъ. —
 «Ай же чадо ты да мое милое,
 «Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 «Уродилось мое дитятко захвастливо,
 «Роскватаешся животншвами сиротсвиима.»
 — А ѿ какъ дашь прощеньице, я поѣду-то,
 — А ѿ не дашь-то, я все поѣду ли. —
 «Поѣзжаеш ты чадо мое милое,
 «Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 «А ѿ надежъ на себя платя́я не цвѣтныи,
 «А ѿ сапожки на ноги да не зеленъ сафьянъ,
 «А ѿ возьми конька да мала шахманка.»
 Платица надѣлъ на себѣ цвѣтныи,
 А сапожки обулъ да зеленъ сафьянъ,
 Бралъ конька да мала шахманка.
 Видя добра молодца садучи,

А не видя добра молодца поѣдучи.
 А ѿ бѣжалъ конекъ да малый шахманокъ,
 Горы онъ доли промежъ ногъ пуцалъ,
 Маленьки озерка перепрыгивалъ,
 А ѿ быстрыи рѣчки хвостомъ застигалъ.
 Во ихной во Индѣи въ богатойи,
 Во ихной во Корелы во проклятойи,
 Во ихной во деревеньки во Галичи,
 Отходили отъ заутрени отъ раннѣю, —
 А ѿ прѣзжае онъ да во Кіевъ градъ.
 Зазвонили ко обѣдни ко столовою,
 А ѿ приходитъ во черковъ присвященную,
 Богу онъ да низко молитяся,
 На вси стороны да онъ вѣдъ клонитяся,
 Крѣсть онъ кладѣтъ да по писаному,
 А ѿ поклонъ онъ ведѣтъ да по ученому,
 Съ ножки на ножку поступливатъ,
 Съ плѣча онъ на плѣче поглядиватъ,
 Онъ цвѣтныимъ платицемъ подрачиватъ,
 Стольняго онъ князя подраживатъ.
 Згѣворитъ стольный князь да Владиміръ-тотъ:
 — Какая-то наѣхала холопина боярская,
 — Убилъ князя либо боярина,
 — Нѣтъ даеъ сильнаго могучаго богатыря,
 — А ѿ съ того онъ содралъ платя́я цвѣтныи,
 — А ѿ сапожковъ зеленъ сафьянъ не держивалъ,
 — Цвѣтныихъ-то платицовъ не нашивалъ. —
 Отхѣда-то отъ обѣдни отъ столовою.
 Згѣворитъ стольный князь да Владиміръ:
 — Люди есть да вы вѣдъ зашлии,
 — Хлѣба кушать я милости прошу. —
 Згѣворитъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 «А ѿ въ чужомъ-то мѣсти да еъ обѣду радъ.»
 А ѿ сама згѣворитъ да таково слово:
 «Ай сказали что во Кіевѣ хорошѣ да хорошѣ!
 «Здѣ-ка мостики да все вѣдъ каменныи
 «А дороженьки да здѣсь вѣдъ глинянныи,
 «А ѿ зеленъ сафьянъ сапожки мараются.
 «Какъ у насъ-то во Индѣи во богатойи,
 «Во Корелы-то у насъ да во проклятойи,
 «Во деревенькѣ у насъ да въ Галичи,
 «Мостики у насъ-то все калиновыи,
 «Сукна-то у насъ да одинцовыи,
 «А ѿ зеленъ сафьянъ сапожки идя чистятяся,
 «Во черну́ю грязь да не мараются.»
 Приходитъ онъ во полаты бѣлокаменныи,
 А ѿ сидитъ ѣнъ за столомъ да за дубовымъ,
 Мякишовъ онъ ѣсть, корочки подъ столъ роѣтъ,
 Самъ въ окошечко сидитъ да поглядиватъ:
 «Ай сказали что въ Кіевѣ хорошѣ да хорошѣ!
 «Здѣ-ка печки все да вѣдъ глиняныи,

«А ѿ помялушка-то все да вѣдь сосновни,
 «А ѿ вахнутъ пирожки да на помялушка.
 «Какъ у моеѣ-то у родной у матушки
 «У Нанерны да Тимофеевни
 «А ѿ печки у ней да все хрустальныи,
 «Помялушка у ней да семи шелковъ, —
 «Пирожокъ-тотъ ѣшь — другой въ рѹки берѣшь,
 «По третѣемъ да дуна горитъ.
 «Здѣ-ка домики да все каменныи,
 «Крышечки да все желѣзныи.
 «У насъ какъ во Индѣѣ во богатоѣй,
 «Во Корелы-то у насъ да во проклятой,
 «Въ нашей во деревеньки во Галичи,
 «Домики у насъ да стоѣ мѣдныи,
 «Крыши у насъ да все серебряныи,
 «Шоломы, потоки *) золочоныи,
 «Шарики самоцѣтныи камешки,
 «Домики стоятъ да быдто жаръ горятъ.»
 — Аѣ же мѣлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 — А ѿ можешь ли да намъ сказать:
 — Колько писаревъ могутъ имѣнье описать? —
 «Аѣ же стольней князь да Владиміры!
 «Не описать мойго имѣнья шести писарямъ,
 «Шести писарямъ да во двѣнадцать годъ.»
 Отправляе стольней князь да Владиміры
 Трехъ писарей да трехъ молѣдныихъ,
 Ужъ какъ мастеровъ да онъ ученыхъ,
 А ѿ посадитъ его въ крѣнь да во тѣмную.
 А ѿ приходять писари-то молѣдныи,
 Мастеры приходять что ль ученыхъ
 А во ихъ-то во Индѣю во богатую,
 А во ихъ-то во Корелу во проклятую,
 Во деревеньку его да вѣдь во Галичу,
 Къ родной его да вѣдь къ матушки
 А ѿ къ Нанерны оны къ Тимофеевной:
 — Здравствуйшь Нанерна Тимофеевна,
 — Молода боярина Дюка Степанова матушка!
 — Мы посланы отъ стольняго отъ князя отъ
 Владиміра
 — Описывать ваше что ль имѣньцо. —
 Она згѣворитъ да таково слово:
 «Уродилось моѣ дитятко захвастливо,
 «Росхвастался животинками сиротскимма.»
 Отворила она погребъ глубокии,
 Показала она сбрую лошадиную.
 А ѿ сидѣли три писаря молѣдныихъ,
 А ѿ писали-то мастера ученыхъ,
 Шестъ годовъ описали шостую частиночку
 Этоѣ сбруи лошадиной.

*) Шоломы — крыши, потоки — желоба для стока воды.

Самы згѣворятъ да таково слово:

— Не описать намъ имѣнья на своемъ вѣку.
 — Аѣ же родна его матушка,
 — Нанерна ты да Тимофеевна!
 — Мы не будемъ описывать имѣньца,
 — Только отвори-тко погребы глубокии. —
 Отворила она погребы глубокии.
 А ѿ висятъ-то во погребѣ три бочечки,
 А ѿ бочечки висятъ да серебряныи
 На цѣпочкахъ да золочоныихъ
 А ѿ въ одно мѣсто да пощалеиваѣтъ,
 Будто бѣлыи лебѣдушки разговариваѣтъ.
 Они згѣворятъ да таково слово:
 — Ты прощай-ко Нанерна Тимофеевна!
 — Мы поѣдемъ да въ свою сторону,
 — Ко стольнейму князю ко Владиміру. —
 Идутъ-то мастера молѣдныи,
 Писари идутъ да вѣдь ученые.
 Згѣворитъ стольней князь Владиміры:
 — Срубимъ мы вѣдь буйну голову
 — Молоду боярину Дюку Степановичу.
 — Описали три писаря молѣдныихъ
 — А имѣнье его во шесть годовъ. —
 А ѿ приходя ко стольнейму ко князю ко Владиміру.
 — Стольней князь да Владиміръ-то,
 — А ѿ тебѣ рубить да буйна голова,
 — Не описать намъ имѣнья на своемъ вѣку. —
 А ѿ повипустили молода боярина Дюка Степановича
 А ѿ съ темной крѣни.
 Онъ повиѣхалъ на чисто поле
 А ѿ побилъ молода Чурилушку Щапленкова,
 Завоевалъ онъ двухъ братцевъ двухъ Любвицѣвъ,
 А ѿ покорилъ онъ стольняго князя Владиміра.

Записано тамъ же, 23 іюля.

III.

ДОМНА КОНОНОВА.

Домна Дмитріевна Кононова, мать богатыхъ крестьянъ-торговцевъ Кононовыхъ въ дер. Римъ на Пудожской Горѣ, 69-лѣтняя беззубая старуха. Она знала въ молодости довольно много былинъ и поетъ ихъ до сихъ поръ, но только для того, чтобы «тѣшить» (т. е. баюкать) внучатъ, которыхъ ей предоставлено нянчить. Съ ея словъ было очень трудно записывать, по-

тому что она, шамкая, выговаривает слишком невнятно. Она часто путает и сбивается на прозаическій лад сказки. Здѣсь помѣщается одна ея «старинка», какъ образецъ былинны, полученной назначеніе колыбельной пѣсни. Въ такомъ же родѣ она пѣла отрывки былинъ про Илью Муромца и Дюка Степановича.

21.

СТАВЕРЬ.

Солнышко Владимір князь стольнѣ-кѣвской
Задернулъ онъ почестный пиръ
На всѣхъ князей, на бѣяра,
На всѣхъ могучихъ богатырей,
На всѣхъ поляницъ на удалыхъ.
Сотѣжались на почестный пиръ
Всѣ князи и всѣ бѣяра,
Всѣ могучи богатыри,
Всѣ поляницы удалыи.
Отъ города Чернѣ-города
Прѣѣзжае молодой Ставеръ сынъ Гординовичъ.
По ступенькамъ ставится тихошенько,
По сѣнечкамъ иде легошенько,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ веде по ученому
На всѣ на четыре на стороны,
Солнышку Владиміру въ особину:
«Здравствуй солнышко Владимір князь,
«Со своей любимой племянничкой,
«Со Анной со Владиміровной!»
Говоритъ солнышко Владимір князь:
— Поди-тко дородній добрый молодець!
— Ты кобѣ земли, кобѣ орды,
— Коего отца, кобѣ матери,
— Какъ тебя именѣмъ зовутъ,
— Какъ величаютъ по отечеству? —
«Я изъ города Чернѣ-города
«Молодой Ставеръ сынъ Гординовичъ.»
Садился за дубовый столъ.
Они пили, веселились,
Всѣ стали пьяны-веселы,
Всѣ на пиру порохвастались.
Сильный хвастаетъ своей силою,
Богатый хвастаетъ богатствомъ,
Плный хвастать добрыимъ конемъ,
А разумный хвастать отцомъ матерью,

А безумный хвастать молодой женой.
Молодой Ставеръ сынъ Гординовичъ
Сидитъ, не ѣстъ, не пьетъ, не кушаетъ,
Ничимъ же онъ не хвастаетъ.
Говоритъ солнышко Владимір князь стольнѣ-
кѣвской:
— Что же ты, дородній добрый молодець,
— Сидишь, не ѣшь, не пьешь, не кушаешь,
— Ничимъ же ты молодець не хвастаешь? —
Говоритъ молодой Ставеръ сынъ Гординовичъ:
«Ай ты солнышко Владимір князь стольнѣ-кѣв-
ской!
«Чимъ же мнѣ молодцу похвастати?
«Силою я вышелъ не сильныи,
«А богатствомъ не богатыи,
«А добра копя не случилоси.
«Только хвастать мнѣ не хвастать ли молодой
женой,
«Молодой женой Настасѣей Микуличной:
«Есть у меня молода жена,
«Вашъ Кіевъ градъ купитъ-продасть,
«Самого царя съ ума выведеть.»
Тыи рѣчи ему не любилиси,
Онъ зговоритъ своимъ слугамъ вѣрнымъ:
— Вы возьмите Ставра, сведите Ставра,
— Сведите Ставра во глубокъ погребъ,
— За его за рѣчи неумильнии,
— Заприте рѣшеточки желѣзныи,
— Кладите накладки булатныи. —
Взяли слуги вѣрныи,
Повели Ставра во глубокъ погребъ.
Былъ у него грозѣнь посѣлъ,
Служка Микулка Селягинновичъ.
Садился онъ на добра копя,
Былъ во городи во Кіевѣ —
Объявился въ городи въ Чернѣ-городѣ,
Приходить къ молодой женѣ,
Къ молодой Настасѣ Микуличной:
«Здравствуй молода жена,
«Молода Настасья Микулична!
«Ты ѣшь да пьешь да прохлаждаешься,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь!
«Засаженъ Ставеръ во глубокъ погребъ
«За свои за рѣчи неумильнии:
«Ухвасталъ тобой молодой женой,
«Что скупишь-продашь весь Кіевъ градъ,
«Самого царя съ ума выведешь.»
А скорешенько ставала на рѣзвыи ноги,
Здумала своимъ умомъ-разумомъ,
Садилась на ремешчатъ стулъ,
Подбривала волоса свои женскіи по мужичьему,

Надѣвала она платица мужичин,
 Сѣдала она добра коня.
 Какъ видли Настасьюшку сядучи,
 А не видли Настасьюшки поѣдучи.
 Была въ городи Черній-города —
 Объявиласи во городи во Києви.
 По ступенцамъ идетъ тихошенько,
 По сінечкамъ иде полегешенько,
 Кресть кладе по писаному,
 Поклонъ веде по ученому
 На вси на три на четыре на стороны,
 Солнышку Владиміру въ особину:
 — Здравствуешь Владиміръ стольнѣ-кіевской,
 — Со своей Анной со Владиміровоной! —
 «Поди-тко ты пожалуй добрый молодець!
 «Ты коѣй земли, коѣй орды,
 «Коего отца, коѣй матери,
 «Какъ тебя именѣмъ зовутъ,
 «Какъ величаютъ по отечеству?»
 — Я отъ города отъ Черній-города,
 — А зовутъ Василиій Микулинничъ.
 — У тебя есть племянница любимая
 — А по имени Анна Владиміровна,
 — Хочу взять за себя, ты хоти-тко дати за меня—
 — Честнымъ пиркомъ да за свадебку. —
 Говоритъ Анна Владиміровна:
 «Не отдавай ты дѣвчину за женщину,
 «Обумъ *) буде съ тоски пропасть.»
 — А я могу посла отвѣдати:
 — Истоплю я парну баенку,
 — Сходимъ мы съ посломъ попариться. —
 Истопили парну баенку,
 Солнышко Владиміръ иде въ баенку,
 А молодой посолъ иде изъ баенки.
 Говоритъ Владиміръ князь стольнѣ-кіевской:
 «Что же грозѣнъ посѣлъ скорѣ попарилъ?»
 — Ай ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кіевской!
 — Ваше дѣло е хозяйское,
 — Наше дѣло е дорожное. —
 Говоритъ Анна Володиміровна:
 «Не отдавай ты дѣвчину за женщину,
 «Обумъ буде съ тоски пропасть.»
 — А я могу посла отвѣдати:
 — Постелимъ ему постельку пуховую. —
 Онъ полъ-ночи спалъ головой на зголовницѣ,
 А полъ-ночи спалъ ногами на зголовницѣ.
 Не могъ посла отвѣдати,
 Хочеть выдать Анну Володиміровну.
 Анна Володиміровна тутъ змолиласи:

*) т. е. обомыть.

«Не отдавай ты дѣвчину за женщину,
 «Обумъ буде съ тоски пропасть.
 «На лавочки сидить, ногами вмѣстѣ жметъ,
 «Съ проволокю глаза поваживаеть.»
 — А я могу посла отвѣдати:
 — Дамъ ему стрѣлочку каленую,
 — Пускай росколетъ во чистѣмъ поли,
 — Чтобы обѣ стороны ровнымъ ровни,
 — А тамъ честнымъ пиркомъ да за свадебку. —

Расколомъ Василиій Микулинничъ; потомъ онъ потребовалъ себѣ поединщика. Владиміръ спрашиваетъ, кого дать поединщикомъ? Онъ говоритъ: есть у тебя въ погребу Ставеръ Гординовичъ; дай мнѣ его въ поединщики. Тутъ они въ чистомъ полѣ сѣхались и разѣхались; разѣхались, — никой никого не ранили; она говоритъ:

Помнишь ли Ставеръ, памятуешь ли Ставеръ,
 Когда я колечко поставливала,
 Ты стрѣлочкой въ колечко-то попадаывалъ?

Онъ въ эти рѣчи не вчуется; сѣхались въ другой разъ, опять никой никого не ранили. Она говоритъ:

Помнишь ли Ставеръ, памятуешь ли Ставеръ,
 Когда я колечко поставливала,
 Ты свачкой въ колечко попадаывалъ?

Въ третій разъ сѣхались, опять другъ друга не ранили. Тутъ она размахнула груди свои женскіи.

Тутъ онъ бралъ ю за ручки за бѣлыи,
 Цѣловалъ въ уста сахарнии,
 Пополъ во солнышку Владиміру.

Владиміръ князь стольнѣ-кіевской ему простилъ вину, что похвасталъ молодой женой:

Не пустымъ онъ ей похвасталъ.

Записано тамъ же, 22 іюля.

IV.

КОРСАКОВЪ.

Федоръ Александровичъ Корсаковъ,
крестьянинъ дер. Костиной, Песчанской волости
(сосѣдней съ Пудожгорскою, но принадлежащей въ
Пудожскому уѣзду), паренъ 26 лѣтъ, выучившись
портняжному мастерству, ходилъ работать по де-
ревямъ и въ это время научился пѣть былины.
Потомъ, бросивъ это занятіе, ходилъ бурлачить
на каналъ, работалъ въ каменщикахъ въ Гат-
чинѣ; истративъ заработанныя деньги въ Петер-
бургѣ, поступилъ въ услуженіе къ одному купцу;
наконецъ возвратился домой и, женившись, сѣлъ
на крестьянство. Корсаковъ необыкновенный ве-
сельчакъ, юмористъ, мастеръ пѣть лихія и по-
хабныя пѣсни; большой охотникъ погулять, онъ
служить запѣвалой и вожакомъ молодежи на
деревенскихъ праздникахъ. Былины отошли у
него на второй планъ; онъ забылъ большую часть
тѣхъ, которыя пѣвалъ въ прежнее время.

—
22.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

Тѣни-изъ-подъ-тѣни изъ-подъ той стѣны высокія,
Изъ-подъ той ли сподъ березки сподъ кудрявця,
Протекала тутъ рѣченка быстрая.
Изъ-подъ той ли изъ-подъ сѣверной сторонушки
Ѣхалъ тутъ черезъ эту быстру рѣченку,
Ѣхалъ Батыга Батыговичъ,
Ѣхалъ-то онъ да во Кіевъ градъ
А ѣ ко ласковому князю ко Владиміру
И со своей ли рать-силою великою,
Обставилъ тутъ силы-то кругъ Кіева
А на всѣ же на сторонушки а на шесть верстъ,
Хочетъ забрать нашъ Кіевъ градъ.
Выходили тутъ туръ со туратами,
А ѣ со глуныма со малыма ребятами.
Они видѣли надъ Кіевомъ незгодушку,
Они видѣли надъ Кіевомъ великую,
Они видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чуднымъ-чудно,
Они видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ дивнымъ-дивно.
Выходилъ-то нунъ нашъ Владиміръ князь
Со своими подарками золоченыма.
Онъ встрѣчалъ-то Батыгу Батыговица,

Просить Батыгу Батыговича
А въ свои полаты бѣлокаменны,
И хлѣбца соли-то ему да покушати,
А колачиковъ крупивчатыхъ порушати.
Идѣтъ-то Одолище поганое
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Вдругъ посмалъ онъ повѣсточку
Къ старому казаку къ Ильи Муромцу,
Къ Ильи Муромцу да во чистѣ полѣ,
Поспѣвалъ бы онъ да на боищю.
Услыхалъ нашъ казакъ Илья Муромецъ,
Сталь-то успѣвать по своимъ успѣхамъ богатыр-
скимъ,
Сталь-то успѣвать со чиста поля да во Кіевъ градъ
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Пріѣзжаетъ онъ во дворовую,
Одѣваетъ нунъ одежду соби стариковскую,
Кладываётъ собѣ шляпоньку пуховую,
А беретъ въ руки влюху нунъ горбатую,
А идетъ онъ нунъ въ полату бѣлокаменну,
Ко тому ли-то къ Одолищу поганому.
А сидитъ-то Одолище поганое
За почестнымъ столомъ да у князя у Владиміра.
Очень нашъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Очень же низко ему кланялся:
— Здравствуй-ко Одолище поганое! —
«Здравствуй ты калика переходяя!
«Видалъ ли ты, калика переходяя,
«Храбраго воина да Илью Муромца?»
Отвѣчалъ-то калика переходяя:
— А ѣ такой же нашъ богатыръ Илья Муромецъ,
— Онъ такой же есть какъ и самый я. —
Говоритъ тутъ Одолище поганое:
«А по многу ли вашъ казакъ Илья Муромецъ къ
выти хлѣба кушаётъ?»
— Малую часть нашей кушаётъ,
— По три-то фунтика колачиковъ крупивчатыхъ,
— А ѣ по маленькой-то чашечкѣ воды-то пьеть. —
Отвѣчаетъ Одолище поганое:
«По семи-то пудовъ я къ выти кушаю,
«По цѣлой кадки воды кушаю.»
Говоритъ тутъ калика переходяя
А ѣ тому ли-то Одолищу поганому:
— Была-то у моего же родна нуни батюшка,
— Была же лошадь халстная (такъ),
— А по многу она ѣла, пила, кушала,
— Очень-то скоро сама лопнула. —
Не понравилось Одолищу поганому.
Онъ смахнулъ-то со стола да ножомъ собѣ длин-
нымъ, —
Этотъ-то ножъ да стоимъ же сталь.

Обернулся нашъ калика перехожая,
 А подвинулся къ Одолицу поганому, —
 Какъ ударилъ ёму шляпошкой пуховою,
 А й прогрязла голова тутъ у Одолица поганого.
 Старинъ казакъ Илья Муромецъ
 Выходилъ-то онъ во дворовую,
 Онъ беретъ собѣ коня да богатырсково,
 Во другихъ-то беретъ собѣ палицу стопудовую,
 Въ другу-ту руку копье длинное.
 Поѣхалъ онъ на рать на силушку великую,
 На великую, на татарскую.
 Сталь-то по силушки поскакивать,
 Онъ прибилъ нунь всю силу-то великую.
 Приѣзжаетъ-то ко князю ко Владимиру.
 Сдѣлали весельцо почестный пиръ,
 Стали тутъ жить оны по прежнему.
 Ничего-то князь нунь не опасается,
 Ничего ли-то нунь не сумляется.
 Отправлялся нашъ старинъ казакъ Илья Муромецъ
 Ко тому ли-то ко королю литовскому
 Посмотрить его дочери любимой,
 Той ли-то Марьи Митріевичной.
 А женить ему нужно братца нунь крестоваго,
 А й братца того ли названого,
 А того ли то Иванушка могучаго.
 Приѣзжали тутъ ко королю литовскому,
 А ко его ли-то ко дочени любимыя,
 А ко той ли-то ко Марьи Митріевичной.
 Взали-то ю и въ замужество
 За того ли-то Иванушка могучаго,
 Сдѣлали оны да почестный пиръ,
 На пиру-то вси напивались,
 На пиру-то вси похвалялися.
 Говорить-то нашъ князь стольнѣ-киевской:
 «Вы вѣрныи мои да служители!
 «Не съѣзжайте-ко вы со Кіева,
 «А живите-тко вы да по старому,
 «Живите-тко по старому по прежнему.»

Записано въ дер. Римъ
 на Пудожской Горѣ, 23 июля.

23.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Въ славномъ во городѣ во Муровѣ,
 А й села-тко да Качегарова,
 А й у ласковаго князя у Владимира,

Быль у нихъ да есть почестный пиръ.
 На пиру да былъ слуга вѣрныи,
 Старинъ казакъ да Илья Муромецъ,
 Во другихъ-то молодой Дюкъ Степановичъ,
 А Чурилушка же Плёнковичъ,
 А й Олешенька Поповичъ королевскій сынъ,
 А еще-то былъ Добрынюшка Микитиничъ;
 Онъ захвастливый же былъ да неудачливый.
 Онъ выходилъ съ почестнаго пира отъ князя отъ
 Владимира,

И приходилъ-то къ государыни къ своей да род-
 ной маменьки

И вопроговорилъ же ей да таково слово:
 «Ай же ты государыни Добрынюшкина матушка,
 «А Ефимья ты же Олександровна!
 «И ты когда меня спородила,
 «Завернула бы въ вачочеп во ерушатыя,
 «Ты видала бы меня да во сине море!
 «Не ходилъ бы я Добрыня по бѣлу свѣту,
 «Не рутылъ бы я Добрынюшка тутъ горькихъ
 слезъ.»

— Ай же ты мое да чадо милое,
 — А дитя мое любимое,
 — Ты Добрыня сынъ Никитиничъ!
 — Ужь я рада бы тебя спородить,
 — А я силою въ богатыря да въ Илью Муромца,
 — Я богатствомъ во Дюка во Степанова,
 — А я удалю въ Чурилушку е Плёнкова,
 — А я смѣлостью въ Олешеньку въ Поповича.—
 Какъ во пору же е во то время
 Выходилъ-то нашъ Добрынюшка да онъ Микити-
 ничъ,

Онъ-ка бралъ соби коня есте добраго,
 А онъ добра коня да богатырскаго,
 А сдѣдалъ ему сдѣлушко червальское,
 А стремена владеть да золоченныя,
 Онъ подтяжечки подтягивалъ шелковыя.
 Одѣвае собѣ латы богатырскія,
 Онъ беретъ соби копье-то въ руки длинное,
 Онъ-ка палицу да стопудовую.
 Онъ садился на своего добра коня
 И хотеть выѣхать онъ съ широкá двора,
 А съ широка двора да онъ въ чистó полѣ.
 И наказывае на поѣздѣ таково слово
 Государыни своей да родной маменькѣ,
 Онъ Офимь Олександровной,
 И во другихъ онъ наказывалъ своей да молодой
 женѣ,

Молодой-то е Настасіи Микуличной:

«Я ѣду въ чистó поле,
 «Проживи-тко ты, исполни мою заповѣдь,

«Проживи же ты нуньчу шесть годовъ,
 «А потомъ-то хоть вдовой живи, хоть заму́жь
 поди,
 «Если я не буду черезъ шесть годовъ съ чиста́
 поля,
 «А поди хоть за богатыря, хоть за крестьянина,
 «Не ходи-ка ты за братца за крестоваго,
 «За Алешеньку ты Поповича,
 «А й за бабьяго ты надсмѣшника.»
 Ужь какъ видѣли богатыря-то сядучи,
 Не видѣли богатыря поѣдучи.
 Онъ какъ выѣхалъ Добрыня съ широка́ двора,
 Онъ какъ ѣхалъ не воротами широкима,
 Онъ скочилъ да черезъ стѣну городовую,
 Сталъ онъ съ горы на гору поскакивать,
 Широки раздолья между ногъ пустилъ,
 Онъ какъ рѣки нунь озера перескакивалъ.
 Отъ него поѣздки богатырскія,
 Отъ него поступки лошадинныя
 Времечко идетъ да какъ вода течеть,
 А день за день какъ и дождь дожить.
 А прошло-то тому времечки е шесть годовъ,
 Не видать-то тутъ Добрынюшки съ чиста поля.
 Сталъ Олешенька же королевскій сынъ показивать,
 Въ други́хъ съ нимъ князь стольнѣ-кѣевской.
 Они стали-то да е подсвѣтывать
 А й Добрынюку его да молоду жену,
 А й Настасьюшку да е Микуличну,
 За того ли-то за братца за крестоваго,
 За Алешеньку Поповича.
 И положила она заповѣдъ на друго́ шесть годовъ:
 Если не буде нунь Добрыня сынъ Микитиничъ,
 Какъ не буде онъ да со чиста́ поля,
 А й потомъ я за тебя заму́жь поиду.
 Отъ него ли-то поѣздки богатырскія,
 Отъ него ли-то поступки лошадинныя
 Временъ (*такъ*) идетъ да какъ вода течеть,
 А день за день какъ и дождь дожить.
 А прошло-то тому времечки двѣнадцать годъ,
 Не видать-то все Добрынюшки съ чиста поля.
 И приходилъ Алеша королевскій сынъ,
 Въ други́хъ съ нимъ князь стольнѣ-кѣевской,
 Приходили на ей теперъ свататься.
 Тутъ Добрынюшка да молода жена,
 И молода-то е Настасья да Микулична,
 Еще тѣда-ва она да е заму́жь пошла
 За того ли-то за братца за крестоваго,
 За Олешеньку она да за Поповича.
 Какъ повелся-то у нихъ почестный пиръ да сва-
 дебка,
 Повелась-то свадебка двѣнадцать дѣтъ,

На пиру-то вси да напивались,
 На пиру-то вси да наѣдался.
 Очень строго е привязано
 Какъ у ласковаго князя у Владиміра,
 «Кто если вспомнить на почестномъ пиру на сва-
 дебкѣ
 А й Добрынюшки его да нунь Микитича,
 Еще прямо нунь сади того во крѣпости,
 А не спрашивать ни роду и ни племени,
 Никакого его теперъ да отзыву.
 Они крѣпости всѣ да повѣладили,
 А столбы-то вси оны е повѣставили,
 А для всякою опасности,
 Въ особину же для Добрынюшки да е Микитича,
 Чтобы въ ту пору да въ то время
 Не пріѣхалъ нашъ Добрыня на почестенъ пиръ.
 Какъ идетъ у нихъ почестный пиръ да свадебка
 И послѣдній день да е двѣнадцатой,
 Какъ во ту пору во то время
 Наѣзжалъ-то нашъ Добрынюшка съ чиста поля.
 Онъ пріѣхалъ осерѣдъ двора широкаго,
 Привязалъ коня да ко столбу да ко точеному,
 И къ тому ли-то кольцу да золоченому,
 И приходилъ онъ къ государыни къ своей род-
 ной маменькѣ.
 Ужь онъ крѣсть-отъ да кладеть тамъ по писаному,
 Онъ поклонъ-тотъ тамъ ведеть да по ученому,
 А й на вси да на четыре на сторонюшки,
 Онъ какъ матушки своей да е въ особину.
 Воспроговорить же самъ да таково слово
 А своей да рѣдной маменькѣ,
 Онъ Офимья Александровной:
 «Ужь ты здравствуй государыни Добрынюшкѣ
 матушка!
 «Отъ Добрыни я тебѣ-ка-ва поклонъ привезъ.
 «Мы съ твоимъ-то чадомъ милымъ,
 «А съ дѣтѣмъ твоимъ да е любимымъ,
 «А й съ Добрынюшкой Микитичомъ
 «Видѣть были во чистомъ поли.
 «Онъ поѣхалъ тамъ дороженькой окольною,
 «Я же ѣхалъ тамъ дорожкой прямоѣжею.
 «Онъ поѣхалъ на почестный пиръ на свадебку
 «А ко ласковому князю ко Владиміру,
 «А ко своему-то братцу ко названому,
 «А къ тому ли-то къ Олешенькѣ Поповичу.»
 — Ай же ты молода скоморошина,
 — Ты кабацкая вака ни е подбѣрина!
 — Не должно бы те да надо мною надсмѣхатися.
 — Забавилоси мое да красно солнышко двѣнад-
 цать годъ,
 — Закается теперъ да младъ свѣтѣль мѣсяцъ,

— А й Добрынина да молода жена,
 — Молода-то е Настасья да Микulichна,
 — А й тутъ она замужь ушла
 — А й за брата за названого крестового,
 — За Олешеньку да е Поповича.
 — А й ведется тамъ у нихъ почестный пиръ да
 свадебка,
 — А ведется-то послѣдній день двѣнадцатый. —
 Воспроговорить Добрыня таково слово:
 «Еще велѣлъ Добрынюшка Микитиничъ
 «Привезти-то онъ гусельшка яровчаты,
 «А которми находятся въ него во ложняхъ тамъ
 во теплыхъ
 «На кроваточки кисовыя
 «А на стопочки да на точѣнья,
 «И велѣлъ-то привезти на почестный пиръ на
 свадебку,
 «Звеселить свое сердечко богатырскоё.»
 Только стала нонь смекатися,
 По рѣчамъ его да догадатися,
 Кинула ему руку на голову,
 Увидала у него да е примѣточку:
 — Не моё ли ты да чадо милоё,
 — Не моё ли ты дитя было любимое,
 — А не Добрыня ль сынъ да былъ Никитиничъ?
 — Извини-ко ты да нунь пожалуста,
 — Что обругала я тебя да обезчестила,
 — А удаленькаго храбраго же воина. —
 Цѣловала тутъ его въ бѣлы уста,
 Нарекала своимъ сыномъ милымъ
 А дѣтѣмъ она его любимымъ.
 Ухватилъ-то тутъ Добрынюшка Микитиничъ
 Онъ свои-то тамъ гусельшки яровчаты,
 Поскакалъ-то онъ на гридню на столовую
 А ко ласковому князю ко Владимиру
 Да къ названому ко братцу ко крестовому,
 А къ тому ли ко Олешенькѣ Поповичу,
 Да къ княгинѣ ко своей да молодой жены.
 Приѣзжалъ-то онъ ко каменной стѣны,
 Къ широкимъ-то воротамъ, ко крѣпости.
 Какъ у ласковаго князя у Владимира
 А приставлены-то всё да заключевнички
 А всё главныи свои да дворнички
 А ко той ли къ высокой да каменной стѣны
 А къ воротамъ да ко широкимъ.
 Очень строго имъ наказано:
 А й у князя у Владимира
 Не пуцать-то на почестный пиръ на свадебку
 Никакого-то безъ званія,
 Безъ доклада все жъ у ласковаго князя у Вла-
 димира.

Всыпаетъ имъ онъ злата ноньку сѣребра,
 А всемъ дворничкамъ да заключевничкамъ,
 Онъ же скачнаго имъ жемчуга.
 Очень крѣпко имъ да здохожается,
 На почестный пиръ давается:
 «Выпустите-ко меня вы нунь пожалуста,
 «А вси дворнички вы заключевнички,
 «А ко ласковому князю ко Владимиру.»
 Не пуцають нунь Добрынюшкы Микитича,
 Не берутъ съ него ни злата нунь ни сѣребра,
 А ни скачнаго-то жемчуга,
 Не пуцають на почестный пиръ на свадебку
 А ко братцу названому крестовому,
 А къ тому ли-то къ Олешенькѣ къ Поповичу
 И молодой жены къ Настасьи да къ Микulichной:
 «Вы подите-ко пожалуста,
 «А вси дворнички вы заключевнички,
 «Здохожите-ко вы ласковому князю да Владимиру
 «Обо мнѣ о храброемъ о воинѣ.»
 Отошли отъ воротъ вси дворнички
 А вси главныи его да заключевнички.
 Розгорѣлося его сердечико ретливое,
 Онъ столбы-то всё повышаталъ
 И ворота-то во чисто поле повыпендалъ.
 Онъ заполь-то на почестный пиръ на свадебку
 И высталъ тамъ на печеньку муравую,
 И сталъ онъ струночки потягивать,
 Сталъ гусельшка подлаживать.
 Заигралъ какъ онъ въ гусельшка яровчаты,
 На почестномъ пиру да на свадебкѣ,
 На пиру-то вси да призамогнули.
 Звеселилъ-то онъ какъ ласковаго князя да Вла-
 димира,
 Воспроговорить ему да таково слово:
 — Ай же ты молодець, съ какой земли, съ какой
 орды?
 — Я не знаю есть ли пмечки тобѣ, отечества.
 — Опускайся-ко со печки со муравыя,
 — Ты садись-ко съ нами на почестный пиръ на
 золотъ стулъ
 — А въ особину гдѣ мѣсто е понравится. —
 Наливаетъ ёму чару зелена вина,
 Еще медамы настоялыма,
 Подносилъ-то тутъ Добрыня е Микитицу:
 — Ай же ты да молодой игрокъ!
 — Ужь ты пей-ко отъ меня да чару зелена вина. —
 А й другую чару-то подносятъ братаецъ да назва-
 ненькой,
 Молодой князь а й Олешенька Поповичъ королев-
 ской сынъ.
 Еще третью чару наливаетъ молода жена,

Молодая Настасѣя-га Микулична:

«Пей-ко ты же отъ меня да чару зелена вина.
«Какъ играть такой игрой мой прежній мужъ,
«А Добрыня смяъ Микитиничъ.»
И взялъ положилъ Добрынюшка Микитиничъ
А свой перстень-то значенна,
А которымъ съ ней да поручалися,
Онъ во чару зелена вина,
Подносилъ возвратно молодой жени:
— Ай же ты княгиня молодá! пей отъ меня чару
зелена вина.

— Ужь ты пьешь до дна, такъ увидашь добра,
— А не пьешь до дна, не выдашь добра. —
Выпивала Настасѣя тутъ Микулична,
Выпивала она чару зелена вина,
Увидала тамъ свой перстень-то значенна,
А которымъ же съ Добрыней поручаласи.
Воспрогóворить она за почестнымъ пиромъ за
свадебкой,

Воспрогóворить она да таково слово:

«По Русіи пословница та водится:
«А мужъ въ глѣсъ по дрова, жена замужъ пошла.
«Ай ты Добрынюшка Микитиничъ,
«Ты возьми-ко пуньбу плѣточку шелковую,
«Ужь ты бей меня-то жонушку по нагузку!»
Воспрогóворить Добрыня таково слово
За почестнымъ пиромъ онъ да за свадебкой:
— Не дивую я теби да молода жена,
— А Настасѣя ты Микулична!
— Я дивую-то названому же братцу е крестовому,
— А тому ли Олешеньки Поповичу, —
— Отъ жива мужа жену беретъ;
— А въ другихъ-то я дивую ласковому князю е

Владимиру, —

— Отъ жива мужа да жону сватаѣтъ. —
Разгорѣлся его да сердце богатырскоѣ,
Возсерчалъ-то онъ на братца на крестоваго,
На Олешеньку Поповича.
Ухватилъ его за желты кудри,
Выводилъ да за почестнаго пира за свадебки,
Выводилъ его на гридню на столовую,
Ужь какъ сталь-то онъ по гридни да поваживать,
А въ одной рукѣ-то держитъ у него желты кудри,
А въ другой рукѣ держитъ гуселышка яровчаты,
И сталь за желты кудри поваживать,
А гуселышками тутъ Олешеньку охаживать.
Воспрогóворить Олеша таково слово:

«По Русіи-то пословница та водится:
«Ужь какъ всякій, братцы, женится,
«А не всякому женидба задавадается.
«Не дай Господи на сѣмъ свѣти

«Какъ Олешеньки Поповичу!»

А какъ взялъ-то онъ свою да молоду жену,
Молоду-то е Настасью Микуличну,
Увозилъ-то е возвратно въ свою сторону.
Еще тѣда-ка Олешеньки славы поютъ,
А тому ли-то пиру да вѣкъ по вѣку,
А вѣкъ по вѣку отнынѣ до вѣку.

Записано тамъ же, 23 іюля.

—
24.

КОСТРЮКЪ.

Въ той было столничѣ,
Въ дальнею граничѣ,
Была поляница-та крымская,
Царица татарская,
Съ Кострюкомъ приумиласи,
Съ молодымъ стовориласи
Ѣхать въ царство русійское,
Государство московскоѣ.
До Москвы-то не дойдучи
И до горы до Ясавулова,
Все шатры-то тутъ роздернули,
Ербучки-то все повьстлалн (*такъ*),
Посылали скоропослѣннаго посланничка
Ко тому ли царю къ Ивану Васильевичу,
Заказать да поотвѣдати,
Чтобы полаты онъ розглаживалъ
А ѣнъ ѣствы-ты налаживалъ
А ѣнъ питья-ты да принаставливалъ.
Еще ѣдетъ-то Кострюкъ Темнюкъ,
Поляница было крымская
А царица та удалая:
«Есть ли у ты Богъ на стѣны,
«Есть ли у ты хлѣбъ на столи,
«Есть ли борци на дворци,
«Да удалы добры молодци
«Съ Кострюкомъ-то поборотнся,
«Со удалымъ попытатися
«А плеча да богатырскаго,
«А личя-то молодецкаго?»
Воспрогóворить нувъ грозный царь Иванъ Ва-
сильевичъ,

Воспрогóворить ему да таково слово:

— Еще есть-то у мя Богъ на стѣны,
— Еще есть у мя же хлѣбъ на столи,
— Еще есть у мя борци на дворци, —

— Ай удады добры молодци,
 — Съ Кострюкомъ-то попытатися,
 — Съ молодымъ поотвѣдати
 — А й плеча да богатырскаго,
 — А лица его да молодецкаго.
 — А й два братца есть крестовеньки,
 — Они родиной же съ Вологды:
 — Одного-то зовуть Федью,
 — А другаго есть Михалкою,
 — И не бьются есть не борются,
 — Одной кашки есть напорются,
 — Какъ живутъ у мя въ прислужникахъ. —
 Нунь въ ту пору да во то время
 Наѣзжалъ самъ Кострюкъ на съѣзжій дворъ,
 Онъ же къ грозному царю къ Ивану е Васильеву.
 Закрычалъ-то онъ своимъ да громемъ голосомъ,
 Онъ своимъ да богатырскимъ,
 Онъ по всей землѣ, по всей орды,
 Онъ по всей да подселенноу:
 «Ай давай же мнѣ-ка царь да супротивника.
 «Если ты не дашь да супротивника,
 «Я все царство нунь пройду да головнѣю провачу!»
 А несеть-то грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 Онъ несеть же ему нунь подарочокъ,
 Ему злата было сѣребра.
 Онъ же просить нунь въ свои полаты бѣлокаменны
 Хлѣбца соли есть покушати
 И колачиковъ порушати.
 Ничего Кострюкъ не слушаетъ,
 А й одно кричитъ: давай же супротивника.
 Какъ во ту пору, во то время
 Какъ скамья случилоси двуногая
 Близко сильнаго богатыря.
 Ухватила-то нашъ Кострюкъ Темнюкъ
 Онъ скамью да есть двуногую.
 Онъ-ка билъ да всѣхъ богатырей
 Безъ разбору государскихъ.
 Какъ убилъ же тридцать есть богатырей,
 Пятьдесятъ-то онъ татариниовъ,
 А и пятьдесятъ-то онъ татариниовъ плѣненниихъ.
 Еще вси они лежать какъ мѣши пища,
 Еще моля Кострюку да Темнюку,
 Сильному богатырю:
 — Еще дай бы теби Господи
 — А й на дворъ итти да сковою,
 — А й со двора да окоракою! —
 Какъ бѣжалъ-то нашъ Кострюкъ,
 По мосткамъ-то бѣжалъ да деревяннымиъ,
 А мостинья-то вси да змблются,
 А тынинья-ты съ мостинья вси вонъ сиплются.
 И прискавалъ-то онъ на съѣзжій дворъ

Онъ ко братцамъ ко крестовинимъ,
 Онъ съ нимъ да поборотися,
 Съ молодыма попытатися.
 Ужъ какъ Фетеньку-то разъ топнуль,
 А й онъ Фетеньку другой топнуль,
 И стоитъ нашъ-то Фетенька не шѣтнется,
 На головушкѣ волосушка не стрѣхнутся.
 Какъ другой-то братецъ есть крестовенькой,
 Михалка нунь въ борьбу да снаряжается,
 Самъ съ собою похваляется:
 «Что жъ ты братъ да подаваешься?»
 Тутъ припадывали они понѣже себя,
 А подхватывали Кострюка да крѣпко на руки,
 Его на руки свои да богатырскія,
 И выкидывали повыше креста да Леванидова.
 До зені-то не допадучи,
 А летма въ верѣхъ да скоро лѣтячи,
 На немъ кожа вся же перелопала,
 А отъ рукъ ихъ богатырскихъ,
 А отъ двухъ же братцевъ есть крестовинихъ.
 А рука нога ломиласи,
 Глаза вонъ да воротилися.
 Еще смотреть поляница та же крымская,
 Богатырша нунь сама естѣ удалая,
 На борьбу-то все на ихъ да богатырскую
 А на двухъ на братцевъ на крестовинихъ,
 Ушибили Кострюка да сильна богатыря.
 Ухватила копьѣ свое длинное,
 Какъ поѣхала она въ ѣзду съ Москвы,
 Она ѣде заклинается:
 — А не дай мнѣ-ка-ва болѣ Господи,
 — Болѣ вѣкъ въ Москвы да не бывать,
 — И московскихъ борцевъ да въ глаза не в-
 датъ! —
 А Кострюку да Темнюку да сильному да вонну
 Еще тѣда-ка ему да все славы поють,
 А вѣкъ по вѣку отныи дѣ вѣку.
 А живѣтъ-то нашъ да грозный царь Иванъ Ва-
 сильевичъ,
 А живѣтъ-то онъ да звеселяется,
 Звеселяется въ своихъ да радостяхъ,
 Онъ своимъ-то же войнами защищается,
 А живѣтъ-то онъ безъ всякой опасности,
 А вѣкъ по вѣку отныи дѣ вѣку, аминь!

Записано тамъ же, 23 июля.

V.

КОЙБИНЪ.

Степанъ Койбинъ, на Масельгѣ, старикъ лѣтъ за 60, старообрядецъ, самый зажиточный изъ крестьянъ на масельскомъ перевалѣ. Онъ знаетъ содержаніе многихъ былинъ, но рассказываетъ ихъ словами, нѣкоторыя въ прежнее время пѣвалъ, теперь могъ припомнить «голосомъ», т. е. на распѣвъ, только одну, про грознаго царя Ивана Васильевича. Койбинъ рассказывалъ, что въ ихъ мѣстности былъ большой знатокъ былинъ, крестьянинъ Адрианъ Кипринъ, но онъ умеръ уже много лѣтъ тому назадъ, и никто его былинъ не перепялъ.

25.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Когда возсіяло солнце красное
На тое на небо на ясное,
Тогда воцарился грозный царь Иванъ Васильевичъ.

Коею улицей ѣхалъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,

Туть куръ нѣ поетъ;
Коею улицей ѣхалъ Иванушко Ивановичъ,
Туть куръ нѣ поетъ;
Коею улицей ѣхалъ Малиута Скурнатовичъ,
Туть куръ нѣ поетъ;

Коею улицей ѣхалъ Ѳѣдоръ Ивановичъ, —
Сказывалъ онъ улицы казненни,
А вси ты улицы не казненни,
Становилъ онъ живыхъ мертвыми.
Собрался туть почестень пиръ,
Вси на пиру ваѣдалися,
Вси на пиру напивалися,
Вси на пиру росхвасталися.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Ходитъ по полатъ бѣлокаменной,
Чешетъ бороду и голову,
Самъ говоритъ таково слово:
«Вивель я измѣну изъ Пскова,
«Вивель я измѣну съ каменной Москвы,
«Вивель я измѣну изъ Низова!»
Изъ-за того стола бѣлодубова,

Изъ-за тья скамейки кленовыя
Испрогѣворитъ Иванушко Ивановичъ:
— Свѣтъ государь нашъ батюшко,
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Не вывести измѣны съ каменной Москвы.
— Таперича измѣна за столомъ сидитъ,
— Она съ нами ѣсть да пьетъ да кушаетъ,
— Съ нами бѣлого лебедя рушаетъ. —
Его царское сердце возгорѣлося:
«Дай-ка измѣну мнѣ на очи!
«Отсѣку я ему буйную голову!»
Ему на друга сказать да на боярина,
Пролить да будетъ кровь понапрасному.
Пришло сказать на брата родимаго,
На того на Ѳѣдора Ивановича:
— Коей улицей ѣхалъ Ѳѣдоръ Ивановичъ, —
— Сказывалъ онъ улицы казненни,
— Вси ты улицы не казненни,
— Становилъ онъ живыхъ все мертвыми.
Туть его царско сердце возгорѣлося:
«Ай же вы палачи немилѣсливы!
«Возьмите-тко вы Ѳѣдора Ивановича
«За его за ручки за бѣлыи,
«За его перстни за злеченни,
«Отсѣките ему буйную голову!»
Большій туляется за меньшаго,
Меньшій туляется за средняго,
А отъ средняго и отвѣту нѣтъ.
Испрогѣворитъ Малиута Скурнатовичъ:
— Дѣлать намъ дѣло повелѣное,
— Сказать намъ слово говореное. —
Взяли Ѳѣдора царевича
За его за ручки за бѣлыи,
За его за перстни за злеченни.
Справилась туть Настасья Романовна
Ко своему братцу Никитѣ Романовичу, —
У ней чоботы на ножкахъ безъ чулочиковъ.
Испрогѣворитъ Никита Романовичъ:
«Что это за чудо удивилоси —
«Незваная та гостья пѣшѣ пришла?»
— Ѳѣдора царевича жива нѣту,
— Твоего любимаго племянничка! —
Туть Никита Романовичъ
Взялъ коня себи неосѣдлана,
Неосѣдлана, необуздана
Онъ шапкой машетъ и голосомъ кричитъ:
«Ай же палачи немилѣсливы!
«Сѣйдитѣ вы этотъ кусъ и подавитесь.
«Подѣте-тко на царевъ кобакъ,
«Прибирайте мѣлодца лицѣ въ лицѣ,
«Лицѣ въ лицѣ и плечо въ плечо,

«Отсѣките ему буйную голову.»
 Тутъ палачи немилосливы
 Прибрали молодца лицѣ въ лицѣ,
 Лицѣ въ лицѣ и плечо въ плечо,
 Отсѣкли ему буйную голову.
 Тутъ Микита Романовичъ
 Надѣваетъ платье что ни лучшее.
 Приѣзжаетъ къ грозному царю Ивану Васильевичу,
 Бьетъ челомъ на всѣ четыре на стороны,
 Грозному царю Ивану Васильевичу въ особину.
 Испроговоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 «Ужъ ты старая собака сѣдатый песъ!
 «Али ты надо мною насмѣхаешься,
 «Аль не знаешь моей негодюшки великой?
 «Я въ медвѣдно зашью и кобелямъ скормлю.»
 Испроговоритъ Никита Романовичъ:
 — Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 — Какъ твоя негодюшка великая?
 «Обѣдора царевича жива нѣту,
 «Твоего любимого племянничка.»
 Испроговоритъ Никита Романовичъ:
 — Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 — Обѣдоръ царевичъ въ зеленѣ саду гуляетъ
 — И бьетъ челомъ на всѣ на четыре стороны
 — А грозному царю Ивану Васильевичу въ осо-

бину. —
 Тутъ испроговоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:

«Ай же ты Никита Романовичъ!
 «Города ль возьмешь съ пригородками,
 «Аль безъ счету возьмешь золотой казны?»
 Испроговоритъ Никита Романовичъ:
 — Не надѣ мнѣ-ка ни городовъ съ пригородками,
 — И не надѣ мнѣ-ка золотой казны.
 — Напиши ты твое слово: кто въ Микитину отчину ушелъ,
 — Того и Богъ унесъ!

Записано на Масельгѣ, 14 июля.

VI.

КОТОВА.

Марѣя Трофимовна Котова, крестьянка лѣтъ 50-ти, на Масельгѣ. Научилась кое-какимъ былинамъ отъ стариковъ, поетъ ихъ очень плавно. Кромѣ былинъ она поетъ тѣмъ же скла-

домъ и побасенку про пѣтуха и лисицу (см. № 29); эту побасенку она называла «старинкой».

—
 26.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Во славномъ во городѣ во Києви,
 У честной вдовы Офимьи Олександровны,
 А былъ-то единый сынъ Добрынюшка Микитичъ.
 А спроговоритъ своей матушкѣ,
 Молодой честной вдовы Офимьи Олександровны
 А ѣ да таковы слова:
 «Ужъ ты матушка моя, честна вдова Офимья
 Олександровна!
 «Ты на что меня безсчастнаго спородила,
 «Ты на что меня да безгаланнаго отродила?
 «Ты бы силушкой спородила
 «Что во стараго казѣка Илью Муромца;
 «Ты бы могушкой спородила
 «Во Самсона во богатыря;
 «Ты бы смѣлостью спородила
 «Во Олешенку Поповича,
 «Красотой меня спородила
 «Да во Осипа во прекраснаго.»
 Какъ спроговоритъ да его матушка,
 Молода честна вдова Офимья Олександровна
 Таковы слова:
 — Ужъ ты дитячко мое Добрынюшка Микитичъ!
 — Ужъ я была бы да пресвятою Богородицей,
 — Я спородила бы тебя
 — Силушкой да во стараго казѣка Илью Муромца,
 — Я могушкой бы спородила
 — Во Самсона во богатыря,
 — И смѣлостью спородила бы во Олешенку Поповича,
 — Красотою бы спородила
 — Во Осипа бы во прекраснаго. —
 Какъ спроговоритъ Добрынюшка Микитичъ своей
 матушкѣ:

«Ужъ ты матушка моя,
 «Молода честна вдова Офимья Олександровна!
 «Ужъ ты дай мнѣ-ка прощеницѣ,
 «Прощеницѣ да благословленицѣ
 «Есть повиѣхатъ мнѣ-ка далеко,
 «Далече, далече во чисто поле,
 «Мнѣ попробовать есть свой силушки,
 «Силушки есть теперенку богатырской.»

«И дашь ты прощеньице поѣду,
 «Не дашь благословеньица поѣду.»
 Услыхала молода его княгиня е Настасья Викулична.
 — Ай же ты Добрынюшка Микитичъ есть!
 — Ты куды поѣзжаешь,
 — На кого меня молодую, несчастную,
 — Ниньче оставляешь? —
 Какъ спроговорить Добрынюшка Микитичъ таковы слова:

«Ай же ты Настасья Викулична!
 «Жди-тко ты меня три году.
 «Черезъ три году не буду — жди шесть лѣтъ,
 «Черезъ шесть годовъ не буду — девять лѣтъ.
 «Какъ минуется девять лѣтъ,
 «Жди меня е двѣнадцать лѣтъ.
 «Черезъ двѣнадцать лѣтъ не буду,
 «Хоть вдовой живи, хоть замужь поди,
 «За купца поди, за боярина поди,
 «За хрестьянина поди, за мѣщанина поди,
 «За Олешенку Поповича только не поди.
 «Вѣдь Олешенька Поповичъ миѣ крестовой братъ.»
 Види Добрынюшку сядучи,
 А не видли Добрынюшки поѣдучи.
 Первый скокъ нашли за стѣной городскойю,
 Другой скокъ нашли черезъ три вѣрсты,
 Третьего скоку что найти не могли.
 Ждала Настасья Викулична,
 Дожидала Добрынюшку ровно три году.
 Миновалоси е Добрынюшки ровно шесть годовъ,
 Все-то Добрынюшки Микитича нѣтъ.
 Ждала она ровно девять лѣтъ.
 Миновалоси е двѣнадцать лѣтъ,
 Все-то Добрынюшки Микитича нѣтъ.
 Стали-то киевски бабы подговаривать,
 Подговаривать стали, уманывать
 Молоду Настасью Викуличну
 А за этого да Олешенку Поповича,
 За Олешенку да за Поповича.
 Въ тую порушку да въ тое времячко
 А Добрынюшки Микитичу да стосковалоси.
 И ставаль-то Добрынюшка Микитичъ есть,
 А онъ есть поутру равѣшенько,
 Умывается Добрынюшка бѣлѣшенько,
 Утираася въ топко бѣло полотно.
 Выходить-то Добрынюшка Микитичъ е
 На широкую на уличку,
 Онъ глядѣлъ-то смотрѣлъ во вси стороны,
 А одна сторона помиліе всихъ.
 Садилса Добрынюшка Микитичъ на добра коня,
 А ѣ отправилса Добрынюшка да въ тую сторону.

Попадае Добрынюшкѣ Микитичу
 Есть калика переходжая.
 Какъ спроговорить Добрынюшка Микитичъ есть:
 «Ай же ты калика переходжая!
 «Ты откуль идешь, откуль путь держишь?»
 Отвѣчать ему калика переходжая:
 — Я иду-то со города со Кіева. —
 Что ль еще того помиліе Добрынюшкѣ Микитичу?
 Сталь онъ спрашивать каликую переходжую:
 «Ай же ты калика переходжая!
 «Что добро дѣется во городѣ во Кіевѣ?»
 Отвѣчать ему калика переходжая:
 — Все добро дѣется во городѣ во Кіевѣ.
 — Есть-то молодая Настасья Викулична а за
 мужъ пошла,
 — А за мужъ пошла а за Олешенку,
 — За Олешенку пошла за Поповича. —
 Какъ еще спросилъ есть Добрынюшка Микитичъ
 есть:

«Ай же ты калика переходжая!
 «Ужь ты дай-ка миѣ-ка свое платице,
 «Платице черноѣ да дай каличьѣ,
 «А ѣ каличьѣ да клюху желѣзную.»
 — Я не далъ бы тебѣ платьѣвъ каличьинхъ,
 — Платьѣвъ каличьихъ, клюхѣ желѣзной,
 — Ты возьмешь у меня, да и бокъ набьешь. —
 Солѣзаетъ Добрынюшка Микитичъ со добра коня,
 Надѣваетъ на себя платя каличьѣ,
 Береть въ руки клюху желѣзную.
 И пошолъ тутъ Добрынюшка Микитичъ съ горы
 на гору,
 Онъ клюшенкой да подпирается,
 Съ горы на гору да перескакиваетъ.
 Приходитъ ко городу ко Кіеву,
 А стучаетъ подь окошечко
 У старой вдовы Офимьи Олександровны:
 «Ай же ты вдова да Офимья Олександровна!
 «А наказывалъ Добрынюшка Микитичъ, низко
 кланялся,
 «А велѣлъ подать гусельшка,
 «Есть во темноемъ чуланчикѣ на полочкѣ.»
 Есть стяхнула Офимья Олександровна да своей старостью,
 Подавала гусельшка муравчаты (такъ).
 Идетъ тутъ Добрынюшка Микитичъ есть на честной пиръ,
 Онъ на честный пиръ идѣ на свадебку
 Ко Олешенки да ко Поповичу.
 Онъ не спрашиваетъ ни у дверей ни придверничковъ,

Онъ не спрашиваетъ ни у воротъ ни приворот-
ничковъ,

Онъ становится есть о лининку,
Онъ играетъ во муравчаты гусельшка.

Еще спрашиваетъ е Олешенка Поповичъ:

— Ты скажи есть чей да откулешной,

— Ты кой орды, ты кой земли,

— Ты чьего есть отца, чьей матери? —

Что ль отвѣтъ-отъ держалъ есть Добрынюшка

Микитичъ:

«Есть-то я теперь заводска скоморошина.»

Тутъ спроговорить молода Настасья Викулична
да такovy слова:

— И есть-то теперь не заводска скоморошина,

— Есть-то теперенку Добрынюшка Микитичъ. —

Наливаетъ Олешенка Поповичъ е ту чару зелена
вина,

Вѣсомъ чара полтора пуда,

Мѣрой чара полтора ведра,

Ужь подносить ту чару е Добрынюшкѣ Микитичу.

Онъ беретъ ту чару единымъ перстомъ,

Единымъ перстомъ беретъ мизѣншкомъ.

Выпилъ онъ чару на единый здухъ.

Наливаетъ Добрынюшка Микитичъ чару зелена
вина,

Подносить молодой Настасьи Викуличной:

«Выпьешь до дна, увидишь добра.»

Выпивала ту чару зелена вина.

Какъ поглядить — въ чарѣ золотой перстень,

Что ль котормъ перстнемъ обручались е съ До-
нышкой Микитичемъ.

Какъ подходить Добрынюшка Микитичъ есть

Ко смирному ко Олешенкѣ Поповичу,

Онъ беретъ-то правой рукой е Олешеньку Попо-
вича за желты кудри,

Бросилъ Олешенку да о кирпичный полъ.

Тольки Олешенка живъ бывалъ,

Съ молодой Настасьей Викуличной живалъ.

Бралъ-то онъ мѣлоду Настасью Викуличну е за
праву за рученку,

Проводилъ-то онъ во свои бѣлокаменны полаты,

Ко своей-то родной матушкѣ,

Ко староей вдовѣ Офимѣ Олександровны.

Тутъ-то ёго матушка приросплакалась,

Приросплакалась е да й обрадовалась.

Записано на Масельгѣ, 14 июля.

27.

ЧУРИЛО.

Во славномъ городѣ во Киевѣ

Жилъ былъ Чурилушка Пленковичъ,

А не Пленковичъ Чурило, добрый молодець.

Справляется Чурило, снаряжается Чурило,

Наливаетъ Чурило ключевой воды въ тазъ,

Умываетъ Чурило личко бѣленькое,

Утирается Чурило въ тонко бѣло полотно,

Надѣваетъ сапожки на ножки зеленого сафьяна,

Сапожки сафьяну были турецкаго,

Шитья нѣмецкаго.

Подъ пята, подъ пята воробей пролетѣлъ,

Около посочка янчко прокатило.

На себя кафтанъ васильковаго сукна,

На головушку шапочку ушисту пушпесту завѣснесту,

Пятьсотъ-то рублей серебромъ,

А сѣдла убирать коня шахманка.

Были подложки шелковыи,

Пряжки застежки золоченыи,

Пряжки застежки что шелкъ-то тѣбеть,

Золото не трется, серебро не ржавѣеть.

Видли Чурилушку садучи,

А не видли Чурилушки поѣдучи.

Приѣзжаетъ Чурило ко городу ко Киеву

Да ко славному царю ко Владимиру.

Увидѣла Катерина Викулична

Чурилушку Пленковича изъ косивчата окошечка.

Она по поясъ кидалась въ косивчато окно,

Поскорѣ того на широкій дворъ,

Отворяла широки ворота,

Еще звала Чурилушку Пленковича

Ко себѣ на широкій дворъ,

Убирала коня его шахманка,

Проводила коня во конюшеньку,

А во тую во конюшню во кониную,

А во эту во стойлу лошадиную.

Наливала коню ключевой воды въ тазъ,

Насыпала коню бѣлояровой пшени,

Пойдучи отъ коня да поклониласи:

«Ужь пей мой конь да нечистой духъ!

«Я не ради тебя кланяюси,

«Ради Чурилушки Пленковича.

«А не Пленковичъ Чурило, добрый молодець.» —

«Станемъ-ко Чурило въ шашечки играть.»

Разъ-то играли проигрывались,

Другой разъ играли проигрывались.

«Бросимъ-ка Чурилушка шапочную игру,

«Сядемъ-ко Чурилушка на тисову кровать.»

Пришла черная дѣвчонка челяночка.

— Это кто у ты Катерина Викулична,

— Это кто въ гостяхъ, али братъ родной,

— Али братъ родной, али мужъ грозной? —

Отвѣтъ держитъ Катерина Викулична:

«Что не братъ родной и не мужъ грозной.»

Говоритъ Чурила-тогъ Пленковичъ:

— Замоли-тко дѣвчонка челяночка!

— Во-вотъ я тебѣ теперь шапочку дарю,

— Моя шапочка пятьсотъ рублей серебромъ,

— А ушиста пушиста завѣсиста,

— Спереди не видно личка бѣленькаго,

— Сзади не видно желтыхъ кудрей. —

Отвѣтъ держитъ Катерина Викулична:

«Не давай-ко ей шапочки дѣвчонкѣ челяночкѣ,

«Лучше самъ ты носи да Чурилушка Пленковичъ,

«Лучше ей-то ты дай полтинку серебромъ.»

Видитъ Чурила дѣлать теперь нечего.

Поѣзжаетъ Чурилушка ко городу,

Ко городу ко славному ко Киеву,

Ко тому-то царю ко Владиміру,

Брестъ-то ведетъ по писаному,

А поклонъ-то ведетъ по ученому,

Бьетъ-то челомъ царю Владиміру:

— Здравствуй царь Владиміръ есть грозно-киевскій,

— Грозно-киевскій велики! —

Еще спрашиваетъ Владиміръ царь грозно-киевскій:

«Скажи, чей ты да откудешиной,

«Ты кой орды, ты кой земли,

«Ты чьего отца, чьей-то матери?»

— Отца матери не помню теперь,

— Есть молодецъ я Чурилушка Пленковичъ. —

(Конецъ пѣвица не помнила).

Записано тамъ же, 14 іюля.

28.

БРАТЯ-РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА.

Жила была вдовица пашница,

Какъ у той вдовы было семь сыновъ,

Было семь сыновъ да единая дочь.

Единую дочь сталъ сватать за синѣ море,

За синѣ морѣ да за глубокое,

За того купца да за богатаго.

Еще здумала да е повидала.

Ужъ я годъ да въ умѣ не было,

Другой жила да въ разумѣ не пришло,

Въ третей годъ стосковалоси.

Я у свекрушка да подаваласи,

А у свекровушки да доложиласи.

Ужъ свекрушко да отпускаетъ,

Свекровушка да снаряжаетъ.

Есть-то сѣли съ мужомъ да поѣхали.

Изъ-за лѣсу лѣсу темнаго,

Изъ-за горъ да за высокиныхъ

Наставала туча темная,

Туча темная да весьма грозная.

Какъ наѣхало да семь разбойничковъ,

Какъ убили моего мужа,

Какъ бросили въ синѣ море да моего сына,

Е повывезли меня младу на гору.

Это вси-то есть да семь разбойничковъ

Они сѣли хлѣба соли кушати,

Бѣла лебедя разрушати.

Что ль одинъ единъ разбойничекъ

Не кушаетъ, на молѳдую поглядывать,

Что молѳдая проплакивать.

Что ль спрашивать молѳдую:

«Ты скажи скажи молѳдая,

«Ты кой орды, кой земли,

«Ты чьего отца да чьей-то матери?»

Какъ спроговоритъ молѳдая:

— Я вдовица есть-то пашница.

— Какъ у той вдовы пашницы

— Было семь сыновъ да единая дочь,

— Эти семь сыновъ да во разбой пошли,

— А меня младу да за мужъ выдала. —

Тутъ спроговоритъ одинъ единъ разбойничекъ:

«Ай же братцы вы мои разбойнички!

«Мы убили своего зятя,

«Обезчестили да своюю сестру

«Своюю сестру да свою родную.»

Какъ скочили ль тутъ разбойнички:

«Что ль сошьемте мы шелѳвъ невѣдъ,

«Мы повыловимъ да своего зятя,

«Мы достанемъ своего племянника со синѣ моря...»

(Конецъ не помнила).

Записано тамъ же, 14 іюля.

29.

ПѢТУХЪ И ЛИСИЦА.

Какъ сидѣлъ пѣтушейла духовное дитя во бере-
зонькѣ,
Какъ пришла тутъ лисица ко березонькѣ,
Стала она пѣтуха есть оманывати,
Ай оманывати да подговаривати:
«А ѿ же пѣтушейло е духовное дитя!
«Опустисѣ теперь на землю.»
Сталъ пѣтушокъ опушати,
Съ ивинки на ивинку да перепурхивать,
А съ пруточка на пруточникъ перескакивати.
Поймала лисица пѣтуха въ когти,
Стала держать ёго плотно.
Какъ спробоуворить пѣтушейло духовное дитяти
(такъ):
— Ай спусти пѣтуха меня, духовная мати!
— Будешь ты въ Даниловомъ монастыри просви-
ровъ печѣ. —
Тутъ у лисици ослабли нѣгти,
Отпустила она пѣтуха.
Тутъ-то пошла лисица ко боярину на дворь,
Думала себи она куру изловить.
Тутъ-то пѣтухъ запѣлъ зарычалъ,
Тутъ-то лисица перепала есть,
Побѣжали на лисицю дѣвки съ кокотами,
Бабы съ помялами,
Тутъ-то едва меня лисици не убили.
Тутъ-то думаетъ лисица: уловлю я пѣтуха.
Тутъ поднялся пѣтухъ е на сѣдало.
Надо той лисици пѣтуха изловить,
Изловить, уморить пѣтуха, его жизни рѣшить.
Какъ пришла тутъ лисица опять,
Опять стала пѣтуха оманывати,
А обманывати да подговаривати:
«Ай ты пѣтушейла духовноѣ дитя!
«Опустисѣ теперь на землю.»
Смотрить пѣтушейла на лисины слова,
Отвѣчатъ онъ лисици:
— Ты оманешь теперь, задавишь пѣтуха. —
«Ты не бойся теперь, духовной смѣй,
«Не оману теперь, не задавлю.»
Тутъ-то лисица обаяла да обсовѣтовала.
Опустился пѣтухъ на сырѣ землю.
Згребла пѣтуха она въ когти,
Стала держать его плотно:
— Ай же ты есть духовная мати лисица,
— Спусти ты пѣтуха. —
«Не отпущу я отъ себя пѣтуха:

«Ты жилъ былъ у господина на дворѣ,
«Захотѣлось мнѣ курицю уловить,
«Ты затрѣснулъ, запѣлъ, зарычалъ.
«Налетѣли тутъ дѣвки съ кокотами,
«Бабы съ помялами,
«Такъ едва меня лисици не убили въ ты поры.
«Вы блудники, беззаконники,
«По девяти, по десяти жонъ держите,
«А на улицю сходите да деретесь,
«Не надъ малою корыстью напрасную рѣзную
кровь проливаете.»

Крылушка обломала,
Перышка общипала,
Стала съ бочка теревить, —
Только и живъ былъ пѣтышка.

Записано тамъ же, 14 іюля.

VII.

ПОПОВА.

Настасья Аванасьевна Попова, молодуха-крестьянка лѣтъ 25-ти, на Масельгѣ, слыхала былинны отъ своей матери, удержала въ памяти только одну про Василя Буслаева да старинку про двухъ любовниковъ. Кромѣ того она пѣла хоромъ съ Абрамомъ Евтхіевымъ старину про девять братьевъ разбойниковъ и сестру ими полоненную.

30.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
Съ каменноѣ Москвой состарѣлся *),
Съ Новымъ-городомъ спору не было.
Одно у Буслава было отплодыще

*) Слѣдовало бы сказать:

Жилъ Буславъ состарѣлся,
Съ каменноѣ Москвой не ссорился,

но пѣвица, на увѣреніе, что она говорила безсмыслицу, стояла на своемъ, что «такъ поется», и что пѣть иначе нельзя какъ «съ каменноѣ Москвой состарѣлся.»

Молодой Василий сын Буславьевичъ.

Стало ему быть пятнадцать лѣтъ,

Сталъ онъ на улицѣ показывать,

Съ робатыи шутки пошучивать:

Кого за ногу — нога-та прочь,

Кого за руку — рука-та прочь.

Стали приходять мужики да новгородскіи

Къ его матушкѣ честной вдовы Омельфы Тимофеевны:

«Ай же ты матушка честна вдова Омельфа Тимофеевна!

«Ты уйми-тко свое чадо одинакое,

«Молода Василия Буславевича,

«Не оставитъ-то людей на сѣмена!»

А во ту-то пору во то время

Выбиралъ себѣ княгину *) хоробрую,

Поставилъ эту чару полтора ведра:

Кто подыне эту чару единѣй рукой

Кто выпьетъ эту чару единѣмъ духомъ —

Биться, драться, ратиться;

Кто кого побьетъ, съ того братъ пошлина:

Со дѣвокъ братъ повѣнчалное,

Со старіицъ братъ постригалное,

Съ гостей торговыхъ посукояное.

Взяла Василия Буславевича,

Взяла родна матушка Омельфа Тимофеевна,

Взяла его за бѣлы руки,

Приводила его на ширѣкой дворъ,

Бросила Василия во глубокъ погребъ,

Пеньемъ колодезь заворочала,

Бѣлодубовыма дверми перезаперла,

Булатнима замочками перезамнула:

— Ай ты спи Василий, высыпайся тамъ! —

А выходитъ поварная дѣвушка

А чернавушка съ ведромъ по воду,

Коромыселкомъ убила тридцать душъ,

А приходитъ да ко погребу,

Ко широкому да ко глубокому

И спробовритъ она да таково слово:

«А ты спишь, Василий, высынаешься,

«Надъ собою незгоды не вѣдаешь,

«А твоя княгина въ крові бьется,

«Булавами у ей голова поломана,

«Кушавами у ей голова оверчена.»

А выскакивать Василия со погреба,

А со погреба со широкаго,

Со широкаго со глубокаго, —

Не подержали Василия Буславевича

Ни пенья ни колодезя ни двери бѣлодубовы

Ни замочки булатни,

Подержала Василия Буславевича слягъ сарайная,

Слягъ сарайная восьмѣ сажень.

А онъ сталъ слягѣй помахивать,

Куды махнеть — туды улица,

Переулками народъ валится.

Стали приходять мужики да новгородскіи

Къ его матушкѣ къ честной вдовы Омельфы Тимофеевны:

«Ты уйми-тко свое чадо одинакое,

«Млада млада Василия Буславевича,

«Не оставитъ и людей на сѣмена!»

— Ай же вы, мужики да новгородскіи,

— Вы какую же надо мною бѣду знаете,

— А вы какъ же надо мной надсмѣхаетесь?

— Ради васъ я Василия потрѣбила,

— Во глубокъ погребъ я Василия бросила,

— Пеньемъ колодезь заворочала,

— Бѣлодубовыма дверма перезаперла,

— Булатнима замочками перезамнула. —

А выходитъ его матушка,

Честна вдова Омельфа Тимофеевна,

А выходитъ она да на ширѣкой дворъ,

Приходитъ она ко погребу широкому,

Широкому да глубокому, —

Нѣтъ Василия во погребу,

Пенья колодезя всѣ розворочены

А булатни замочки порозломаны,

Бѣлодубовы двери поростворены.

Запрягала она въ однуколочку,

Выѣзжала она по Нову-городу,

Его матушка ѣде а рукой машеть,

А рукой машеть да головѣй качать:

— Ай же Василий Буславевичъ,

— Ты уйми-тко свое сердце богатырское,

— Не оставишь и людей на сѣмена! —

Онъ бросилъ слягу, плюнулъ, прочь прошолъ.

Записано на Маткозерѣ, 14 июля.

*) Слово *княгиня* здѣсь очевидно употреблено по недоразумѣнію вмѣсто *дружина*, но Попова опять-таки увѣряла, что «такъ поется».

Жило-то было девять дочерей,
Всѣ онѣ ходили во Божью церкву,
Всѣ онѣ молились по лѣстовочкѣ,

Всѣ онѣ сказали, что «Господи свѣтъ»,
Васильюшка скажетъ Салфеюшкѣ: «подвинься
сюды».

Взялъ онѣ Салфею за бѣлыя руки,
Повелъ Салфею во Божью церкву,
Принялъ съ Салфеей золотыя вѣнцы.
А Васильева матушка по городу идетъ,
Во правой руки зеленая вина несетъ,
А во лѣвой зеленое ярово.
А со правой руки Василью поднесла,
Съ лѣвой руки да Салфеѣ поднесла:
«Васильюшка пей да Салфеѣ не давай,
«Салфеюшка пей да Василью не давай.»
Васильюшко пилъ да Салфеюшкѣ поднесъ,
Салфеюшка пила, Василью поднесла.
Васильюшка скажетъ: «головушка болитъ»;
Салфеюшка скажетъ: «сердечушко щемитъ».
Они къ утру ко свѣту преставились.

Васильюшка крутили въ голевую *) во парчѣ,
Салфеюшку крутили во толстую простину.
Васильюшка несли на бѣлыхъ на рукахъ,
Салфеюшку несли на буйныхъ на головахъ.
Васильюшка ложили по правую сторону,
Салфеюшку ложили на лѣвую сторону.
На Васильюшкѣ повыросъ часть ракитовъ кустъ,
На Салфеюшкѣ повыросло кипарисно древо.
Уже во-мѣсто дрѣва совналися,
А цвѣточки съ цвѣточками соплеталися.
Малыи идутъ — набалуются,
Молодыи идутъ — надивуются,
А старыи идутъ — они наплачутся.

Записано тамъ же, 14 юля.

*) т. е. чистаго золота.

ТОЛВУЙ.

VIII.

ГРИШИНЪ.

Иванъ Артемьевичъ Гришинъ, 75-лѣтній старикъ, крестьянинъ изъ дер. Загубья у Толвуи, зналъ въ прежнее время очень много былинъ, по старости лѣтъ позабылъ нѣкоторыя, а въ другихъ могъ припомнить только начало. На вопросъ, отъ кого онъ заимствовалъ свои былинны, Гришинъ отвѣчалъ, что «старики пѣвали въ ихъ мѣстѣ», и онъ отъ нихъ перенялъ.

—
32.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

Молодѣ Вольѣ Всеславьевича
Жаловалъ крестовнй его батюшко
Какъ двумъ городами его лучшима:
Еще Курцовцомъ его, Орѣховцомъ.
Забиралъ тутъ молодой Вольѣ Всеславьевичъ
Дружину онъ хоробрую,
Забиралъ себѣ во дружину тридцать человекъ,
Еще самъ Вольѣ во тридцатыхъ былъ.
И брали они жеребчиковъ молодыхъ,
Молодыхъ жеребчиковъ бухарскихъ,
Бухарскихъ жеребчиковъ темнокарихъ,
Темнокарихъ жеребчиковъ нелѣгченыхъ.

Садились они на добрыхъ коней
Поѣхали по далечу-далечу по чисту пою.
Услыхали они въ чистомъ поли пахара,
Пахаря-пахарюшка.
Они по дѣнь ѣхали въ чистомъ поли,
Пахаря не наѣхали,
И по другой дѣнь ѣхали съ утра до вечера,
Пахаря не наѣхали,
И по третій дѣнь ѣхали съ утра до вечера,
Пахаря и наѣхали.
Этотъ пахарь пашенку попахиваетъ,
У ратая сошенка его поскрипливаетъ,
А у ратая омешики прокырскиваютъ;
Да у этого пахаря у пахарюшка
Сошка-то была у его волжаная,
А во сошки были плотники кленовыи,
А на плотникахъ рогачихъ былъ дорогъ рыбій зубъ;
Омешики на сошки были булатнн,
А присошечикъ на омешичкахъ былъ красназолота.
А у этого у пахаря у пахарюшка
Выражена была кобылушка соловая;
У этой у кобылы-то у соловой
Хвостъ-отъ до земли розстнается,
А грива-то колесомъ у ей завивается.
Тутъ возгворить молодой Вольѣ ему Всеславьевичъ:
«Надоть ли тебѣ Божья помощь, пахарь е пахарюшко?»
Тутъ возгворить пахарь ему пахарюшко:
— Надоть-то Божья помощь, молодой Вольѣ-то е Всеславьевичъ. —

Туть возгóворить мóлодой Волья-то е Всеславье-
вичь:

«Ай же ты пахарь е пахарюшко!
«Ты скажи-ко мнѣ да испотай себя,
«Какъ тебя зовуть е по имени,
«Какъ звеличаютъ е по отечеству?»

Туть возгóворить пахарь ему пахарюшко:
— Знать-то молодца е по выѣзду,
— Сильнаго могучаго богáтыря по храбрости.—
Туть возгóворить мóлодой Волья ему Всеславье-
вичь:

«Ай же ты пахарь е пахарюшко!
«Ты же скажи-ко мнѣ да испотай себя,
«Какъ тебя зовуть е по имени,
«Какъ звеличаютъ е по отечеству?»
Туть возгóворить пахарь ему пахарюшко:
— Ай же ты мóлодой Волья Всеславьевичь!
— Я какъ драни-то надеру и жита-то насѣю,
— Жито выростеть, я и домой выволочу,
— Домой выволочу, я дома выколочу.
— Я какъ пива наварю да гостей какъ заберу,
— Гости стануть они шить да стануть кушати,
— И стануть они да меня здравствовать:
— Ахъ ты здравствуешь, Викула е Селянновичь!—
Туть возгóворить мóлодой Волья ему Всеславье-
вичь:

«Ай же ты Викула е Селянновичь!
«Какъ жаловалъ крестовый меня батюшко
«А какъ двумя городами меня онъ лучшима,
«Еще Курцовомъ да онъ Орѣховомъ.»
Туть возгóворить Викула-то Селянновичь:
— Ай же ты мóлодой ты Волья е Всеславьевичь!
— Я недавно былъ вѣдь я во Курцовцѣ,
— Я недавно былъ вѣдь я въ Орѣховцѣ,
— Былъ-то вѣдь я тамъ третьѣго дни,
— Закупилъ я соли ровно три мѣха,
— Въ которомъ же мѣху было по сту пудъ,
— Положилъ я на кобылу е на сóловую
— Да самъ-то молодець я садился ровно сброкъ
пудъ,
— Поѣхалъ я по Курцовцу да по Орѣховцу;
— Туть стали мужики меня захватывать,
— Еще Курцовцы да Орѣховцы,
— И стали съ меня туть они грошовъ просить,
— Я зачалъ имъ туть кулакомъ грозить,
— Положилъ я мужиковъ туть больше тысячи.—
Туть возгóворить мóлодой Волья ему Всеславье-
вичь:

«Ай же ты Викула е Селянновичь!
«Пондемъ отводить да мнѣ-ка вотчины.»
Туть обрúжился-то Викула Селянновичь

На эту кобылу онъ на сóловую
И поѣхали по дáлечу-дáлечу по чисту полю.
Викулы-то Селянновича кобыла какъ ступкомъ
идеть,

А Вольинъ-то конь во всю мѣтъ бѣжать.
Туть возгóворить Викула-то Селянновичь:
— Ай же мóлодой Волья-то е Всеславьевичь!
— Я забылъ-то сошку закинуть во ракитовъ кустъ:
— Не ради вора, не ради розбойника,
— А ради прокою я кабацкаго».

Туть мóлодой Волья-то е Всеславьевичь
Воротилъ свою дружину онъ хоробрую,
Воротилъ онъ дружины ровно тридцать человекъ.
Бѣзли къ этой сошки они къ вóлжанья
И не могли сошки съ земли они пóднати;
Пріѣзжали оттуль удалы добры молодцы,
Сами говорятъ да таково слово:
«Мы не могли-то сошки съ земли пóднати.»
Туть воротился самъ Викула-то Селянновичь,
Подѣзжалъ онъ къ этой сошкѣ онъ ко вóлжанья,
Пóдхватилъ онъ сошку е на плѣтовнищу
Да махнулъ-то эту сошку онъ въ ракитовъ кустъ *).

Записано въ Чолмужалъ, 19 июля.

33.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Какъ Добрынюшка матушкѣ говаривалъ:
«Ахъ ты свѣтъ моя рóдна матушка,
«Ты честна вдова Офимья Олександровна!
«Начто же ты матушка спорóдила,
«Зачѣмъ ты меня на бѣлый свѣтъ попустила?
«Ты бы лучше матушка меня спорóдила
«Катучимъ валучимъ бѣлымъ камешкомъ,
«Брала бы ты валучий камешокъ
«Во свои во бѣлыи ручени,—
«Я лежалъ бы, Добрынюшка, вѣкъ по вѣку въ
синѣмъ мори.»

Туть возгóворить ему да рóдна матушка,
Честна вдова Офимья Олександровна:

*) Слущая эту былинну, другой сказитель, Иванъ Касьяновъ, объяснилъ, что онъ слышалъ, что Викула Селянновичь былъ отецъ той Настасьи Микуличны, поляницы удалой, на которой женился Добрыня Никитичъ; онъ же сообщилъ тогда, что его соедѣлъ Иуда Егоровъ, старообрáдческій наставникъ на Космо-зерѣ, знаетъ очень хорошо эту старину про Вольгу и Викулу.

— Ай ты мой есть чадо милое,
 — Ты Добрынюшка Микитинецъ!
 — Я бы рада была тебя спородити
 — Во казѣку Илью Муромца,
 — Я бы рада была тебя спородити
 — Силою во Собора во богатыря,
 — Смѣлостью спородити въ смѣлаго Олешу во
 Поповича,
 — Еще Богъ-то дитятко мнѣ надалъ тебя споро-
 дити. —

Тутъ пошолъ онъ по конюшнямъ по стоялымъ,
 Выбралъ себѣ коня добраго
 На своихъ-то на конюшняхъ на стоялныхъ,
 Сталъ-то онъ тутъ латиться да сталъ кольчужиться;
 На этого-то онъ коня на добраго
 Потнички-то онъ кладетъ на потнички
 И на потнички накладываетъ все войлочны,
 На войлочны накладываетъ онъ сѣделышко,
 А сѣделышко накладываетъ онъ е черкальское,
 Онъ подтягиваетъ, подлаживаетъ тугихъ двѣна-
 цать подпруговъ.

Садился тутъ удалый добрый молодецъ
 На это сѣделышко черкальское.
 Выходитъ его да рѣдна матушка,
 Честна вдова Офимья Александровна,
 Выходитъ она да на широкій бѣлый дворъ,
 Приходитъ къ ему стремену она булатному,
 Еще ко его ножѣ богатырской.
 Сама она горяшница порослакалась,
 Сама говоритъ она таково слово:

— Ай же ты мой есть любимой сынъ,
 — Еще молодой Добрынюшка Микитинецъ!
 — Куда же ты Добрынюшка сражаешься,
 — Куда же ты есть Добрынюшка отправляешься,
 — Когда-то мнѣ горяшницѣ обжидать домой? —
 Тутъ возгворить ей Добрынюшка Микитинецъ:
 «Ай же ты моя есть рѣдна матушка,
 «Честна вдова Офимья Александровна!
 «Посылаетъ меня князь Владиміръ стольнѣ-кѣв-
 ской

«Съѣздитъ-то за море мнѣ есть за Кіево
 «Ко тому-то королю да ко Бухардову,
 «Свезти туды дани выходы за двѣнадцать лѣтъ.»
 Выходитъ тутъ его есть молодѣ семья,
 Еще молода Настасьюшка Микулична,
 Приходитъ ко его ко стремену булатному,
 Еще ко его къ ножѣ богатырскія,
 Сама она горяшница порослакалась,
 Сама-то говоритъ таково слово:
 — Ай ты мой вѣдь есть законный молодой,
 — Еще молодой Добрынюшка е Микитинецъ!

— Когда-то мнѣ горяшницѣ обжидать домой? —
 Тутъ возгворить Добрынюшка ей Микитинецъ:
 «Ай же ты есть моя любимѣ семья,
 «Еще молода Настасьюшка Микулична!
 «Прожди-ко ты мужа шесть лѣтъ назадъ.
 «Если Добрынюшка въ шесть лѣтъ да не отворо-
 тится,
 «Больше вѣкъ не жди Добрынюшки, вѣкъ не па-
 мятуй,
 «То что поди хотъ за князя, хотъ за боярина,
 «Хотъ за русскаго поди ты, за татарина,
 «Стольки нѣ ходи за смѣлаго за Олешу за По-
 повича,
 «Какъ за мѣго за братца за крестоваго,
 «Еще за того за женскаго насмѣшника.»
 Они видли тутъ молодца-то сядучись,
 А не видли его молодца поѣдучись.
 Онъ не воротами поѣхалъ, самъ черезъ стѣну,
 А черезъ стѣну махнулъ да городовую,
 Лише столько во чистомъ поли пылъ пошла.
 Съ горы на гору онъ вѣдь перескакивалъ,
 Съ холмы на холму онъ ли перепрыгивалъ,
 Такъ рѣки-ты озера промежъ ногъ спускалъ.
 Куды падали копыта лошадинны,
 Туды ставились колодецы глубокиа,
 А глубокии колодецы е княжчя.
 Какъ дѣничокъ за дѣничкомъ какъ дождь идетъ,
 А недѣлька за недѣлкою бивъ трава ростеть,
 А какъ годышекъ за годышкомъ какъ соколъ ле-
 тить.

Прошло тому времечки шесть лѣтъ назадъ,
 Нѣту отъ Добрынюшки ни вѣсти, нѣтъ ни повѣсти.
 Тутъ приходитъ князь Владиміръ стольнѣ-кѣвской
 Ко той къ Настасьюшкѣ Микуличной,
 И сталъ-то Настасьюшку подговаривать
 За того за смѣлаго Олешенку Поповича,
 Еще за его за братца за крестоваго,
 За того за женскаго насмѣшника.
 Тутъ возгворить Настасьюшка Микулична:
 «Ай же ты князь Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 «Я мужнюю-ту заповѣдь повиполнила,
 «Прождала-то я мужа шесть лѣтъ назадъ.
 «Положу я теперько свою заповѣдь,
 «Прожду я мужа друго шесть лѣтъ;
 «Ежели Добрынюшка въ двѣнадцать лѣтъ да не
 отворотится,
 «То что я пойду хошь за князя, хошь за боярина,
 «Хошь за русскаго пойду я, за татарина,
 «А хошь за того за смѣлаго Олешу за Поповича,
 «Еще за его за братца за крестоваго.»
 Какъ дѣничокъ за дѣничкомъ какъ дождь идетъ,

Недѣлька за недѣлкой бивъ трава ростеть,
А какъ годишекъ за годишкою какъ совѣтъ ле-
титъ.

Прошло-то тому времечки двѣнадцать лѣтъ,
Нѣту отъ Добрынюшки ни вѣсти ни повѣсти.
Сталь-то тутъ князь Владиміръ стольнѣ-кѣвской,
Сталь-то онъ къ Настасьюшкѣ подхаживать
И сталь-то Настасьюшку онъ подговаривать
Зá того за смѣлаго Олешу за Поповича,
Зá его за брата за крестоваго.

Пошла тутъ она сама да во Божью церковь
Съ тымъ-то она съ Олешей со Поповичемъ,
Принимать они помзи да по злату вѣнцу.
Посли этой поры да этой времечки
Честна вдова Офимья Александровна
Садиласи въ своихъ полатахъ бѣлокаменныхъ,
Садилася она подъ окошечко косевчатое
И сама она горюша поросплакалась,
И сама-то она говоритъ таково слово:
— Ахъ двѣнадцать-то годишковъ вазадъ закати-
лось у меня-то красно солнышко,
— Теперь повыватилася у меня да е свѣтѣль мѣ-
сяць! —

Изъ дáлеча-далéча изъ чистá поля
Не бѣлая пороша снѣжку выпала,
По этой порошокъ по бѣлу снѣжку
Не бѣлъ заюшко ли онъ просекаиваль,
Не бѣлая куронаточка тамъ напурхивала,
Наѣзжалъ удалый добрый молодець,
Прямó онъ ѣдетъ на Добрынинъ дворъ,
Привязалъ-то коня онъ ко столбику,
Ко тому столбу онъ точеному,
Къ эхтому колецку онъ золоченому,
Привязалъ-то онъ коня своего тутъ добраго
И самъ идё въ полаты бѣлокамены,
Крестъ-то онъ владётъ по писаному,
Повлоны все ведеть онъ по учёному
На всѣ ли на четыре онъ е на стороны,
Честной вдовы Офимьи Александровной онъ е въ
особину:

— Привязалъ-то тебѣ, Офимья Александровна,
— Добрынюшка приказалъ тебѣ низко кланяться.
— Оставлялся твой Добрынюшка во чистомъ поли
— И оставлялся твой Добрынюшка во живности;
— Да еще-то мнѣ твой Добрынюшка показазалъ,
— Ведѣль-то взять гусельшка его ярóвчатне,
— Да еще-то мнѣ Добрынюшка показазалъ,
— Ведѣль-то взять его кунью его шубоньку,
— Кунью шубоньку ведѣль онъ взялъ соболиную. —
Тутъ брала-то честна вдова Офимья Александр-
ровна,

Брала-то она тутъ золоты ключи
И сходила-то она во глубокъ погрѣбъ,
Приносила ему кунью шубоньку,
Кунью шубоньку его соболиную,
Приносила ему гусельшка она ярóвчатне.
Снарядилася тутъ удалый добрый молодець
И во эту кунью онъ шубоньку,
И брала-то онъ эти гусельшка ярóвчатне,
Самъ говоритъ онъ таково слово:
— Ай же ты честна вдова Офимья Александровна!
— Гдѣ жъ его есть любимá семья,
— Еще мóлода Настасьюшка Микулична? —
Тутъ возгóворить честна вдова Офимья Алексан-
дровна:

«А ушла-то Настасьюшка Микулична,
«Ушла-то она да во Божью церковь,
«Принимать они со Олешей со Поповичемъ,
«Принимать ушли по злату вѣнцу.»
Пошолъ тутъ удалой доброй молодець
Къ Олешѣ ко Поповичу на пированьицо.
Крестъ онъ владеть по писаному,
Повлоны все ведеть по учёному
На всѣ ли на четыре онъ е на стороны,
Князю-то Владиміру онъ въ особину.
Самъ говоритъ тутъ таково слово:
— Ай же ты князь Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
— Дай ко упáлому *) добру молодцу заѣзжему
— Мѣстечко мнѣ-ка скрómное. —

Отводили они мѣстечко ему скрómное
На этой на печкѣ на муравленой.
Садилася тутъ удалый добрый молодець
На эту на печку на муравленую,
Игралъ онъ во гусельшка тутъ ярóвчатне,
А все напгрища приводитъ онъ Добрынины.
Тутъ стоить княгиня за дубовымъ столомъ,
А стоить она, сама подумливаётъ:
«Ай же ты князь Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
«Прикличъ-ко ты удала добра молодца ко дубову
столу,
«Выпить-то чару ему позволь ты зелена вина.»
Прикликали его удала добра молодца къ дубову
столу:

— Выпивай-ко ты чару зелена вина. —
Наливали ему чару зелена вина полтора ведра,
И брала-то онъ какъ чару одной рукой,
Выпивалъ ту чару единымъ духомъ,
Положилъ въ ту чару свой злаченъ перстень,
Самъ говоритъ таково слово:

*) Упáлый то же, что у другихъ сказителей упáмый —
хорошій, красивый.

«Ай же ты Настасьюшка е Микулична!
 «Наливай-ко эту чару зелена вина,
 «Выпивай-ко эту чару единымъ духомъ:
 «То что ты увидишь въ этой чары себи добра.»
 Налила эту чару полтора ведра,
 Поднимала какъ эту чару одной рукой,
 Выпивала эту чару единымъ духомъ
 И увидла въ этой чарѣ свой значенъ перстень,
 Которымъ перстнемъ съ имъ да обручавши была.
 Тутъ возговорить Настасьюшка Микулична:
 — Ай же ты князь Владиміръ стольнѣ-кїевской!
 — Не то мнѣ-ка мужъ, который подліи меня,
 — А то мнѣ-ка мужъ, который супротивъ меня.»
 Тутъ возговорить Настасьюшка Микулична:
 — Ай же ты Добрынюшка Микитичъ!
 — У жонки е волосъ дологъ да умъ коротокъ. —
 Тутъ возговорить Добрынюшка Микитичъ:
 «Я не дивую женскому глупому разуму, —
 «Точно у жонки волосъ дологъ да умъ коротокъ, —
 «Я дивую вашему царскому разуму,
 «Что отъ живаго мужа вы берете за другаго.
 «А ты, смѣлый Олешенка Поповичъ-е,
 «А ты братецъ мой крестовини,
 «Не даль я тебѣ ячка о Христовѣ днѣ,
 «Теперько дамъ тебѣ ячко о Петровѣ днѣ!»
 Хватилъ тутъ Олешенку онъ за бѣлыи груди,
 Да витацилъ Олешенку онъ черезъ дубовъ столъ,
 Да какъ началъ онъ Олешенку потаскивати,
 Шалыгой подорожною зачалъ пощажкивати.
 И тутъ вси князи, вси бѣяра
 Съ этого пиру да забросалися,
 И всѣ-то по домамъ они разѣзжались.

Записано въ Толвуи, 12 іюля.

—
 34.

ДУНАЙ.

Забѣралъ себи дружины онъ хоробрый
 Князь Владиміръ стольнѣ-кїевской,
 И вси на пиру-то наѣдалися,
 И вси на пиру-то напивалися,
 И всѣ-то на пиру они поросхвасталсь.
 Тотъ хвастать тымъ, да иной-то инимъ,
 Иной-отъ похвасталъ золотой казной,
 Иной-отъ похвасталъ своей силою,
 Иной-отъ похвасталъ своей смѣлостью,
 Разумный-отъ похвасталъ отцемъ матушкой,

А безумный-отъ похвасталъ молодой женой.
 Самъ государь онъ свѣщенъ радощѣмъ,
 И самъ-то онъ по гриденкѣ похаживаѣтъ,
 И башмачиками-то онъ самъ вѣдь поскрипливаѣтъ:
 «Ай же вы князи, вси мои бѣяра,
 «Ай же вы поляници вси мои удалы!
 «И вси-то у меня во Кїевѣ вы пожѣнены,
 «И всѣ-то дѣвѣшки боярѣшки замужъ даны,
 «А одинъ у васъ во Кїевѣ я холѣсть не жепать
 «Еще князь Владиміръ стольнѣ-кїевской.
 «Не знаете-ль гдѣ мнѣ взять супротивная?»
 Выходитъ тутъ Дунай-тотъ сынъ Ивановичъ,
 Супротивъ-то государя становился онъ:
 — Ты свѣтъ-то государь нашъ батюшко!
 — Я знаю, гдѣ тебѣ взять бы супротивная:
 — И есть какъ во той землѣ во ляхвїи,
 — У того-то есть короля у ляховинскаго,
 — Есте у него тамъ днѣи дочери:
 — Первая дочь е Марья королевична, —
 — Тою тебѣ государь не владати;
 — И другая е дочь Опраксы королевична, —
 — Было бы кому намъ поклонитися
 — Всимъ городомъ намъ да всимъ Кїевомъ. —
 Тутъ возговорить государь ему батюшко:
 «Ай же ты Дунай сынъ Ивановичъ!
 «Ты бери-тко ты моей казны е безчестныя,
 «Бери-тко моей силы е безсмѣтныя,
 «Поѣзжай-то ты во землю во ляхкую,
 «Ко тому ли королю да ляховинскому,
 «О доброемъ дѣлѣ есть о свѣтовствѣ
 «На молодой Опраксїи королевичной.»
 Тутъ возговорить Дунай-тотъ сынъ Ивановичъ:
 — Ай же ты государь и нагъ батюшко!
 — Не падотъ мнѣ казны твоей е безсметныя,
 — Не надотъ мнѣ-ка силы твоей е безсмѣтныя,
 — Только дай-ка мнѣ-ка смѣла Олешенку Попо-

вица:

— Смѣлыя Олешенка Поповичъ онъ на ножку
 храмъ да на походку скоръ;
 — Да въ другихъ дай Добрынюшку Микитича. —
 Видѣли они молодець тутъ садучись
 И ихъ они видѣли на добрыхъ коней поѣдучись.
 Не воротами они поѣхали, черезъ стѣну,
 А черезъ стѣну они махнули городовую,
 А стольни во чистомъ полѣ пылъ пошла.
 Приѣзжаютъ они въ землю есть во ляхкую,
 Ко тому-то королю они къ ляховинскому
 О доброемъ дѣлѣ они о свѣтовствѣ.
 Заѣхали они безъ слова на широкой дворъ,
 Привязали тутъ они коней ко столбику,
 Ко этому ко столбику они точеному,

Ко этому колечку онъ золочену.
Туть возгóворить Дунай-тотъ сынъ Ивановичъ:
«Ай же ты братецъ мой названья,
«Еще смѣляя Олешенька Поповичъ ты!
«Еще стой-ко ты, Олеша, на широкомъ на дворѣ,
«Еще стой-косъ ты, Олешенька, самъ подогадывайся.»

Самъ иде въ полаты въ бѣлокаменны,
Высталъ на крылечко на перёное,
Самъ говоритъ онъ таково слово:
«Ай же ты братецъ мой названья,
«Еще молодой Добрынюшка Микитиницъ!
«Еще стой-ко, Добрынюшка, на широкихъ сѣняхъ,
«Еще стой-косъ ты, Добрынюшка, самъ подогадывайся.»

И самъ иде въ полаты бѣлокаменны,
Крестъ-то кладець онъ по писаному,
Поклоны всѣ ведетъ онъ по ученому,
На всѣ ли на четыре онъ на стороны,
Самому-то королю да онъ въ особину:
«Ты здравствуешь, король е ляховинскія!
«Мы прѣехали къ тебѣ о добромъ дѣлѣ о свѣтовствѣ
«На молодой Опраксѣи королевичной,
«За ласкова князя за Владиміра.»

Туть возгóворить ему король тотъ ляховинскія:
— Ай же ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
— Такой ли ты про дѣло есть не вѣдаешь,
— А такой ль надо мною насмѣхаешься?
— Еще есть у меня Опраксія е просватана
— Во ту есть она во Золоту орду,
— За того-то короля да и за Каина. —
Туть возгóворить Дунай ему Ивановичъ:
«Ай же ты король е ляховинскія!
«Не бывать твоей Опраксѣи въ Золотой орды,
«А быть твоей Опраксѣи въ нашомъ Кіевѣ,
«За ласковымъ за княземъ за Владиміромъ.»

Этое-то слово ему не въ любовь пришло,
Онъ ударилъ туть Дуная по бѣдѣ лицу.
Обвернулся туть Дунай сынъ Ивановичъ,
Ударилъ короля-то онъ по чернѣ лицу;
Упалъ туть король е о кириченъ полъ.
Бралъ-то короля онъ за рѣзвѣи ноги,
Зачалъ королевъ-то онъ помахивати,
Панóвъ-то улановъ сталъ поукивати.
Тамъ услышалъ е Добрынюшка Микитинецъ,
Есть-то во полатахъ пошолъ шумъ-то великъ,
Прискочить туть Добрынюшка къ ободверенкѣ,
Вырвалъ туть Добрынюшка онъ ободверенку;
Зачалъ туть Добрынюшка помахивати,
Зачалъ ободверенкой помахивати,
Панóвъ-то улановъ сталъ поукивати.

Услышалъ тамъ на широкомъ на дворѣ
Смѣляя Олешенька е Поповицъ тамъ,
Есть-то во полатахъ пошолъ шумъ-то великъ,
Прискочить туть Олеша ко телѣги ко орднискія,
Вырвалъ онъ осице телѣжное,
Телѣжное осице окованое,
Окованое осице ровно сорокъ пудъ;
Началъ туть Олешенка похаживати,
Панóвъ-то улановъ сталъ поукивати.
Выбрались три братца названья,
Выбрались они да на широкой бѣлѣй дворъ;
Туть возгóворить Дунай-тотъ сынъ Ивановичъ:
«Ай же вы братцы, вы мои товарища!
«Попало мнѣ Дунаю есть побывало доброе, —
«А плотенъ король на жпльа есть, самъ не по-рвется.»

Выходить-то Опраксія королевична
Она на широкой бѣлѣй дворъ,
Захватила Дуная за могучиі плеча,
Еще говоритъ она таково слово:
— Ай же ты Дунай сынъ Ивановичъ,
— Оставъ-косъ ты татаръ хотъ и на сѣмена!
— Ъду я ко городу ко Кіеву
— За ласкова князя за Владиміра. —
Садилнсь онъ туть на добрыхъ коней
И брали они Опраксію королевичну,
И поѣхали по дѣлечу далечу по чистѣ полю.
Ѣхали по дѣлечу далечу по чистѣ полю,
Во чистомъ полѣ наѣхала Марья королевична,
Она сшибла-то Дуная и съ добра коня,
Скакала-то ему она да на бѣлѣи груди,
Выдернула она ножищо е кинжалищо,
Хотѣла ему пороть и бѣлу грудь,
Сама-то говоритъ она да таково слово:
«Ай же ты есть Дунай да сынъ Ивановичъ!
«Такой ль ты есть про дѣло есть не вѣдаешь,
«Не знаешь ты пошибовъ нашихъ женскіихъ?»
— А что есть пошибки ваши женскія? —
«А ты бы правою рукой да по лѣлькамъ *) билъ,
«А лѣвою ногою бы подѣ гузно пихнулъ.»
Онъ правою рукою ю по лѣлькамъ билъ,
А лѣвою ногою ю подѣ гузно пихнулъ,
И слетѣла эта Марья за три поприща.
Туть скакала-то ей Дунай на бѣлѣи груди,
Хотѣлъ онъ ей пороть-то бѣлу грудь;
Туть смолиласи Марья королевична:
«Ай же ты Дунай да сынъ Ивановичъ,
«Не пори-ко ты моей да е бѣлой груди!
«Ъду я ко городу ко Кіеву,

*) т. е. по грудямъ.

«Отлавать своей сестрицы я родимыя
«За того за князя за Владиміра...»

(Дальше не помнит).

Записано въ Толуи, 12 іюля.

35.

ЧУРИЛА.

Ѣздилъ-то Чурилушка онъ Пленковичъ,
Ѣздилъ онъ по далѣчу далѣчу по чисту полю,
На своемъ-то Ѣздилъ на добромъ конѣ,
Во своемъ онъ Ѣздилъ кованомъ сѣдлѣ.
Сѣдельшко было его черкальское,
Подстѣнуто было двѣнадцать тугихъ подпруговъ.
Подпруги были да все шелковыя,
Праздечки были да золоченныя,
А шпенѣчки были булатныя.
Еще шелкъ не рвется, какъ булатъ не гнется,
Красно золото съ земли оно не ржавѣетъ,
Не ради красы не ради бодрости,
А ради крѣпости богатырскія,
Добрый конь чтобы сподъ него не выпрыгнулъ.
Ѣхалъ онъ по городу по Киеву,
Забирать себѣ дружину на почестень пиръ,
И захалъ онъ къ Пермю ко Васильевичу
Подъ тое окошечко косевчатое.
Бьется-то онъ тутъ колотится
Сквозь тую блезну да сквозь хрустальную.
Отворяетъ тутъ окошечко косевчатое,
Выскакаетъ оттудъ дѣвушка поваренная
И сама-то говорить да таково слово:
«Еще нѣтъ у насъ въ доми-то хозяина,
«Онъ уѣхалъ во Божью церковь
«Богу тамъ онъ е молитися,
«Чуднымъ образамъ онъ да поклоняется.»
Услыхала Катерина тутъ Микулична,
Она бьетъ-то дѣвку по лѣву лицу,
Сама-то говорить ей таково слово:
— Ай же ты дѣвка е страдница!
— Только знала бы ты дѣвка шти кашу варить,
— Шти кашу варить, работниковъ кормить,
— Не твое бы дѣло гостей откѣзывать. —
Тутъ выходитъ она на синечки на бѣлыя
И на ты переходочки на частыя,
Сама выходитъ она, Катерина Микулична,
Выходитъ она на широкій дворъ

И встрѣчаетъ удала добра молодца,
Еще Чурилушку е Пленковича,
И беретъ его за ручки за бѣлыя,
За его перстни да за значенныя,
И цѣловала въ уста его сахарныя,
Провела его коня добраго
На свою конюшню на стоялюю,
И провела его въ свою бѣлую во ковнату.
Садилсь оны играть-то съ ей во шахматы:
Еще разъ-то онъ-игралъ да ю поигралъ,
Еще другой-тотъ игралъ да ю поигралъ,
А третій-тотъ разъ ей и ступить не далъ.
Тутъ возгдоритъ Катерина-та Микулична:
— Ай же ты упавый добрый молодець,
— Еще молодой Чурилушка ты Пленковичъ!
— А знать-то мнѣ съ тобой играть во шахматы,
— А знать-то мнѣ да на тебя смотрѣть,
— А какъ бѣлое-то тѣло у меня ходуномъ ходить,
— А къ бѣлому-то тѣлу да рубашка лънетъ!
— А какъ дѣлалъ бы ты дѣло есть повелѣное,
— Скидывалъ бы ты шапочку, клалъ на стопочку,
— Однорядочку снялъ бы, клалъ на грядочку,
— А зеленъ сафьянъ сапожекъ снялъ бы, клалъ
подъ лавочку
— Да ложилса спать бы на кроваточку,
— На тую кроватку на кисовую,
— На эту на перину на пуховую
— Да на тое на круто складно на зголовъицо
— Да подъ тое теплое ты одѣялышко подъ со-
болиное. —
Скидывалса тутъ Чурилушка онъ Пленковичъ:
Однорядочку снялъ да клалъ на грядочку,
А зеленъ сафьянъ сапожки клалъ подъ лавочку,
И ложилса спать онъ на кроваточку,
На тую кроватку на кисовую
Да на эту онъ перину на пуховую
Да на тое круто складно на зголовъицо
Да подъ тое одѣялышко онъ соболиное.
Тутъ-то Катерина она Микулична
Скидываласи она въ тонкую рубашечку безъ пояса,
Ложиласи тутъ же на кроваточку,
На тую кроватку на кисовую
И на тую перинку на пуховую,
На тое на круто складно зголовъицо
И подъ тое тепло одѣялышко соболиное.
Услыхала тамъ дѣвушка поваренная,
Поваренная дѣвка все челѣдинна,
Выходитъ-то дѣвка на бѣлы сѣни,
Сама-то говорить да таково слово:
«Я пойду-то, дѣвка, на Божью церковь,
«Скажу-то Пермю сыну Васильевичу.»

Услышала тут Чурилушка Пленковичъ:
 — Ай же ты дѣвка е страдница!
 — Не ходи-ко ты, дѣвка, во Божью церковь,
 — Не сказывай Пермату сыну Васильевичу,
 — А возьми-ко ты денегъ пятьдесятъ рублей,
 — А когда ты, дѣвушка, замужъ пойдешь,
 — Подарю я те косякъ камки,
 — Еще дѣрогой камочки заморскія. —
 Ничего того дѣвушка не послушалась,
 Пошла-то она да во Божью церковь.
 Пришла-то она да во Божью церковь,
 Крестъ-то кладеть по писаному,
 А поклоны-то ведеть по учѣному,
 На веѣ ли четыре на стороны,
 Пермату сыну Васильевичу въ особину:
 «Ай же ты Пермать сынъ Васильевичъ!
 «Ты стоишь-то здѣсь да Богу молишься,
 «Чуднымъ образамъ ты да поклоняешься,
 «Надъ собою самъ незгоды ты не вѣдаешь!
 «Еще есть у ты въ домѣ нелюбимый гость,
 «Еще молодой Чурилушка е Пленковичъ,
 «И гуляеть онъ со Катериною Микуличной.»
 Это слово-то ему не въ любовь пришло,
 Самъ онъ говоритъ да таково слово:
 — Ай же ты, дѣвка, если бѣль говоришь,
 — Я буду тебя, дѣвушка, жаловать,
 — А если ты мнѣ, дѣвка, ложь говоришь,
 — Я не дамъ тебѣ сроку на малый часъ,
 — Срублю тебѣ, дѣвка, буйну голову! —
 Выходитъ онъ на улицу на бѣлую
 И садился-то онъ на добра коня.
 Приѣзжаетъ къ своимъ полатамъ бѣлокаменнымъ
 И самъ пришолъ въ полаты бѣлокаменны.
 Самъ онъ говоритъ да таково слово:
 — Ай же ты Катерина е Микулична!
 — Что же ты не зашла е во Божью церковь,
 — Богу-то тамъ е молитися,
 — Чуднымъ образамъ ты да поклоняться тамъ? —
 Тутъ возговоритъ Катерина-та Микулична:
 «Ай же ты Пермать сынъ Васильевичъ!
 «Ты не знаешь развѣ обрядовъ нашихъ женскіихъ?
 «Еще нельзя-то мнѣ итти да во Божью церковь.»
 — Ай же ты, дѣвка е страдница,
 — Все-то ты мнѣ, дѣвка, е ложь говоришь!
 — Срублю я тебѣ, дѣвка, буйну голову,
 — Не дамъ я тебѣ сроку на малый часъ! —
 Жалобнѣшенько дѣвушка заплакала,
 Сама-то говоритъ она таково слово:
 «Ай же ты Пермать сынъ Васильевичъ!
 «Сходи-ко на свою конюшню на стоялую:
 «А бакъ на твоей конюшнѣ на стоялой

«Стоитъ-то тамъ Чурилинъ добрый конь.»
 Сходилъ-то на конюшню на стоялую,
 Увидѣлъ тамъ коня добраго Чурилинаго
 И приходитъ онъ въ полаты въ бѣлокаменны.
 Тутъ возговоритъ Катерина-та Микулична:
 «Ай же Пермать сынъ Васильевичъ!
 «А ѣздилъ мой братецъ тотъ родимыя
 «И по далечу ѣздилъ онъ по чисту полю,
 «Со Чурилушкой оны да соѣзжались
 «Да конямы-то оны тамъ вѣдъ е помѣнялись,
 «Да приѣхаль-то братецъ ко мнѣ родимыя
 «Да на Чурилинкомъ приѣхалъ на добромъ конѣ.»
 Тутъ возговоритъ Пермать сынъ Васильевичъ:
 — Ай же ты, дѣвка е страдница,
 — Все ты мнѣ-ка, дѣвка, ложь говоришь!
 — Я срублю тебѣ, дѣвка, буйну голову. —
 Жалобнѣшенько дѣвушка заплакала,
 Сама-то говоритъ она таково слово:
 «Ай же ты Пермать сынъ Васильевичъ!
 «Сходи-ко во свою во теплую во ложню-ту,
 «А спитъ-то тамъ Чурилушка, онъ не прохва-
 тится.» —

Онъ сходилъ тутъ во теплую во ложню-ту,
 Онъ увидѣлъ Чурилу-то Пленковича,
 Заздннулъ онъ мечъ-то выше головы,
 Срубилъ онъ Чурилу буйну голову.
 Тутъ-то е Чурилушеѣ славу поють.
 Тутъ-то е Катерина Микулична
 Выходитъ она на сѣнечки на бѣлыя,
 На тыя переходечки на частыя:
 «Ахъ ты старый песь, ты сѣдѣя борода,
 «А сгубилъ ты удала добра молодца,
 «Еще молада Чурилушку е Пленковича!»

Записано въ Чолмухахъ, 19 іюля.

36.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧЪ.

Изъ-подъ дуба, дуба было сѣраго
 Изъ-подъ вяза, вяза сподъ черленаго,
 Изъ-подъ кустышка да сподъ ракитова,
 Сподъ ты березы сподъ кудрявья,
 Изъ-подъ камешка было изъ-подъ бѣлаго
 Пала, выпадала мать Нѣпра рѣка,
 Выпадала она въ море, море Чѣрное;
 Съ по морю, по морю, морю Чѣрному
 Выходила она да во Турецкоѣ

По Турецкому морю, морю Чёрному
 Выплавало оттуда тридцать караблей.
 Единный-отъ карабль тутъ напередъ ушолъ,
 Онъ напередъ бѣжитъ да бивъ соколъ летитъ.
 Еще носъ-корма въ ёмъ по звѣриному,
 А какъ хоботы-ты мечеть по змѣиному,
 Боконъ выведены въ ёмъ да по туриному, —
 Хорошо, братцѣ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
 Мѣсто хвоста было повѣшено
 По тому волку да по заморскому;
 Мѣсто ушей было повѣшено
 По ты кунницы по сибирскія, —
 Хорошо, братцѣ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
 Мѣсто бровъ было продернуто
 Какъ по черному по собою заморскому, —
 Хорошо, братцѣ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
 Шеймы *) канаты были шелковыи, —
 Хорошо, братцѣ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
 Явори на карабли булатнѣя,
 Еще лапочки были всѣ золочёння, —
 Хорошо, братцѣ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
 И парусы на карабли рущатой камки,
 Еще дѣрога камѣчка е заморская.
 Хорошо, братцѣ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
 Еще рубка на карабли была рѣбьящета.
 Въ этой бесѣдѣ рѣбьящетою
 Сидѣлъ молодой Сбловей Будимировичъ
 Еще со своей родителью матушкой,
 На имя со Ульяной со Васильевной.
 Игралъ онъ во гусельшка яровчаты,
 Слѣдѣшалъ свою родитель матушку,
 Еще на имя Ульяну Васильевну.
 Прѣѣзжали они ко городу ко Кіеву,
 Еще ко тому они ко берегу ко крутому,
 Ко тому песочнику они розсѣпчатому.
 Выходитъ самъ Сбловей Будимировичъ
 И самъ говоритъ да таково слово:
 «Ай же вы моя дружинишка хоробрая,
 «А васъ триста молодцовъ е безъ единого!
 «Скидывайте-ко вы кожѣнки лосинныя,
 «Надѣвайте-ко вы кафтаны роскурланъ-сукна,
 «Одѣвайте-ко вы шляпоники пуховыя,
 «Берите кушаки-то все шелковыя
 «Да выметывайте сходенку вы луженую,
 «Луженую сходню, мѣдью луженую,
 «Да насыпьте эту сходню чиста сѣребра;
 «Да выметывайте сходенку вы луженую,
 «Луженую сходню себрѣлуженую (такъ),
 «Да насыпьте эту сходню чиста золота;

*) Шеймы по объясненію пѣвца значить «обнастка».

«И третью сходенку выметывайте,
 «Выметывайте вы сходенку вы луженую,
 «Луженую сходню себрѣлуженую,
 «Себрѣлуженую сходню позолоченую.»
 Выходитъ самъ Сбловей Будимировичъ
 Еще со своей съ родителью со матушкой,
 Самъ онъ говоритъ тутъ таково слово:
 «Ай же вы дружинишка хоробрая,
 «Васъ триста молодцовъ е безъ единого!
 «Подите-тео на горку вы на конную,
 «На этою на горкѣ и на конныя,
 «Гдѣ пироги и гдѣ блины продаютъ
 «И малыи ребята тамъ барышничаютъ, —
 «Поставьте къ утру свѣту мнѣ-то три терема,
 «Еще три терема да златоверхнихъ,
 «Что верхи бы со верхами совивалися,
 «Молода Забава и Путятична
 «На этии верхи бы оглядѣлася...»

(Дальше не знаетъ).

Записано въ Толвуи, 12 іюля.

—
 37.

ВЗЯТІЕ АЗОВА.

Какъ выходитъ вѣдъ государь нашъ по день,
 Выкликаетъ надежда онъ по дрѹгой,
 Выкликаетъ насъ надежда царь по третей:
 «Еще всѣ же вы князи, вси боѣры
 «А всѣ думскіе царевы генерала!
 «Пособите государю думы думать,
 «Государю чтобы дума не продумать,
 «Какъ бы взять бы мнѣ Азовъ горѣдъ безъ бою,
 «Безъ бою, безъ драки кроволитья.»
 Еще большій тулится за середняго,
 А середній тулится за меньшаго,
 А отъ меньшаго государю ни отвѣта нѣтъ.
 Выходитъ тутъ казакъ е донскій,
 Еще онъ же молодецъ е удалый,
 Супротивъ онъ государя становился,
 Понизешенько надеждѣ поклонился:
 — Охъ ты батюшко надежда государь царь,
 — Олексій сударь Михайловичъ московскій!
 — Бласловите, государь, мнѣ словца молвить.
 — Еще возьмемъ мы Азовъ горѣдъ безъ бою,
 — Еще безъ бою возьмемъ безъ драки,
 — Еще безъ большаго велика кроволитья. —

По головушкѣ казаченка погладилъ:
 «Благодарствуйшь казакъ тебѣ донскій,
 «Еще ты же молодець е удалій,
 «Еще ты же молодець-то есть смѣлѣе!
 «Еще смѣль-то съ государемъ говорити:
 «А какъ будетъ ли казакъ тебѣ съ дѣла,
 «Я пожалую по дорогу кафтану
 «А какъ со тима съ клинами золотыма
 «И со обѣщамы со тима дорогима.»
 Пятьсотъ они телѣжекъ снарядили,
 По пяти туды казачковъ положили,
 Они черныма юхтамы накрывали,
 Какъ булатными гвоздцями обивали.
 Еще они другіе пятьсотъ тутъ снарядили,
 Микотнымъ-то товаромъ нарузили
 А туды же къ Азову пропустили.
 Они стали тутъ къ Азову подъѣзжати.
 Еще тутъ-то казаку ему не спится,
 Еще браль-то онъ подарки дорогіи,
 Къ самому-то онъ Санталу относился:
 — Ахъ ты здравствуешь Санталъ ты е турецкій,
 — Поздравляю тебя силой со нѣмецкой!
 — Еще во теби подарки дорогіи
 — Какъ отъ нашего царя теби отъ бѣлаго.
 — Да просиль-то вѣдь нашъ царь тебя бѣлѣй,
 — Да просиль-то онъ въ Азовѣ торговати,
 — Какъ русійскихъ товаровъ продавати
 — А какъ вашихъ мы заморскіихъ покупати. —
 А какъ эти ему подарки прилюбились,
 Приказаль-то онъ въ Азовѣ горѣдъ вѣѣзжати,
 Велѣлъ кажныи телѣжки осмотрити.
 Какъ пятьсотъ они телѣжекъ просмотрили,
 Еще другіихъ телѣжекъ не суетили,
 Они всѣхъ они возовъ-то запустили.
 Они зачали въ Азовѣ торговати
 А своихъ они товаровъ продавати
 А заморскіихъ они стали закупати,
 А булатніихъ возцовъ тыхъ отдирати,
 Еще черныхъ юхтовъ тыхъ открывати
 Да оттудова молодцовъ тыхъ выпускаати.
 Еще зачали казачки-то тутъ гуляти,
 Они начали въ Азови шурмовати,
 Да начали турчановъ убивати,
 Много множество турчановъ тутъ прибили.
 А одва-то тутъ Санталъ и самъ уѣхалъ
 Еще во свою столицу въ городѣву.
 Еще тутъ казачкамъ имъ не спится,
 Они валь-то земляной тутъ завалили
 Какъ повыше стѣны они городѣвой.
 Тутъ Санталъ-то онъ турецкой
 Набираетъ себѣ силы сорокъ тысячъ,

Подъѣзжаетъ онъ къ Азову тутъ ко городу,
 Еще началъ онъ въ Азовѣ горѣдъ ломиться.
 Еще валь-то земляной они розсыпали,
 Стѣну каменну они да проломилн,
 Еще тутъ они въ Азовѣ горѣдъ забились,
 Еще начали въ Азовѣ шурмовати,
 Они стали казачковъ тутъ убивати.
 Тутъ немножеко казачковъ тутъ оставлялось.
 Собирались казачки тутъ въ Бѣжью церковь,
 Отслужили тутъ молебень со обѣдней:
 — Еще ай же ты Микола Чудотворецъ,
 — Не придай-ко намъ напрасно умерети!
 — Пострижемся мы тобѣ-ка вси въ монахи,
 — Всѣ въ монахи пострижемся, въ потріархи,
 — Всѣ въ монахи пострижемся, въ потріархи.—
 Напустилъ тутъ Микола Чудотворецъ,
 Напустилъ тутъ на турчанъ онъ темну темень,
 Они дружка дружку прирубилн,
 Какъ густымъ ту рѣку загустили.

Записано въ Толвуи, 12 іюля.

IX.

ТИМОФЕЕВЪ.

Андрей Тимофеевъ, крестьянинъ 60-ти лѣтъ, изъ дер. Зѣгорья у Толвуи. Выучился пѣть былинныи у мѣстныхъ старожилловъ; земледѣлецъ.

38.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Добрынюшка матушкѣ говаривалъ:
 «Ай же ты честна вдова Офимья Олександровна!
 «Ты бѣ меня Добрыни не спорѣдила,
 «Спорѣдила бы Добрыню, да на бѣлѣй свѣтъ не
 попустила,
 «Завертѣла бы Добрыню въ тонко бѣлое полот-
 нище,
 «Вывосила бы Добрыню на гору да на Сионскую!
 «Кидала бы Добрыню во синѣ море,
 «Катался бы, валялся Добрыня я по вѣку,
 «По вѣку и по скончанію »
 Испроговорять его да родна матушка:

— Рада бы я, дитятко, спородити
 — Во того во смѣрнаго казѣка Илью Муромца,
 — Во того во смѣлаго Олешенку Поповича. —
 Умывался тутъ Добрыня въ ключеву воду,
 Сокрутился тутъ Добрыня въ платьѣ цвѣтное,
 Выходилъ онъ во свою конюшню бѣлодубову,
 Бралъ да своего-то сиза бурушка,
 Сиза бурушка косматаго,
 Не сѣдана онъ да вѣдь не уздана.
 Надѣвалъ онъ уздицю тесмяную,
 Кладывалъ онъ потнички на потнички,
 Войлочки на войлочки,
 Сѣделышко черкальсато (*такъ*),
 Двѣнадцать подпругекъ шелковныхъ,
 Нѣ ради красы нѣ ради басы,
 Ради крѣпости богатырскія.
 Выходитъ его да любима семья,
 Молода Настасьюшка Микулична:
 — Ты куда поѣзжашь, да куды путь держишь,
 — На кого ты покидаешь молоду жену? —
 Испроговорить Добрынюшка Микитиничъ:
 «Ай же ты моя да любима семья!
 «Когда стала ты у меня сирашивать,
 «Тогда я буду теби сказывать.
 «Поѣду я, добрый молодець,
 «Во чистѣ поле поликовать, казѣковать;
 «Постою я вѣдь за вѣру христіанскую,
 «Порублю я вѣдь поганыхъ татаровеи.
 «Сождай-ко ты Добрыню со чистѣ поля ровно
 три годы,
 «Три годы пройдетъ, да до шести годовъ, —
 «Шесть годовъ пройдетъ, хошь вдовой живи,
 «Хошь вдовой живи да хошь замужъ поди,
 «Зѣ князя поди, хошь за боярина,
 «За могучаго поди богатыря,
 «Только нѣ ходи за того за смѣлаго,
 «Только нѣ ходи за Олешенку Поповича.
 «Олешенка Поповичъ мнѣ крестовый братъ.»
 День тутъ за день какъ птица летитъ,
 Недѣля за недѣлю какъ дождь дождитъ,
 Годъ-тотъ за годъ бивъ трава ростеть;
 Проходитъ тому времечки ровно три годы.
 Приходитъ солнце Владиміръ свататься,
 Свататься да низко кланяться
 Зѣ того за смѣлаго Олешу вѣдь Поповича:
 — Ты поди-ко вѣдь теперъ да во замужество. —
 Испроговорить Настасья таково слово:
 «Сождала я Добрыню ровно три годы,
 «Сожждать буду Добрыню до шести годовъ.»
 День-тотъ за день какъ птица летитъ,
 Недѣля за недѣлю какъ дождь дождитъ,

Годъ-тотъ за годъ бивъ трава ростеть;
 Проходило тому времечки шесть годовъ.
 Приходитъ Владиміръ стольнѣ-кїевской
 Свататься да низко кланяться
 Зѣ того за смѣлаго Олешу вѣдь Поповича.
 Испроговорить Настасья таково слово:
 «Справляла я вѣдь мужей завѣтъ,
 «Справлять буду вѣдь вдовей завѣтъ,
 «Не пойду я до двѣнадцати годовъ.»
 День-то за день какъ птица летитъ,
 Недѣля за недѣлю какъ дождь дождитъ,
 Годъ-тотъ за годъ бивъ трава ростеть;
 Проходитъ тому времечки ровно шесть годовъ.
 Приходитъ Владиміръ свататься,
 Свататься да низко кланяться
 Зѣ того за смѣлаго Олешу вѣдь Поповича.
 Силой беретъ, къ ней въ думу не идетъ.
 Заводили они тутъ да почестень пиръ.
 У того-то вѣдь у Добрынюшки
 Была малая служаночка;
 Обвернулась она да малой кѣлицей *),
 Слетала она да во чистѣ поле,
 Отыскала она Добрынюшку Микитича.
 Онъ спитъ да прокладывается
 Во своемъ да во бѣломъ шатри:
 — Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
 — Ты спишь да прокладываешься,
 — Надъ собой пезгодушки не вѣдаешь.
 — Нѣтъ у тебя въ доми вѣдь любимой семьи,
 — Молодой Настасьюшки Микуличны. —
 Пробуждался тутъ Добрыня со сну богатырскаго,
 Бралъ своего да сиза бурушка
 Не сѣдана онъ да вѣдь не уздана,
 Надѣвалъ онъ уздицю тесмяную,
 Кладывалъ онъ потнички на потнички,
 Войлочки на войлочки,
 Сѣделышко черкальсато,
 Двѣнадцать подпругекъ шелковныхъ,
 Нѣ ради красы, нѣ ради басы,
 Ради крѣпости богатырскія.
 Садился тутъ Добрыня на добра коня.
 Видли добра молодца ли садучи,
 Нѣ видли его поѣдучи.
 Приѣзжаетъ тутъ Добрынюшка Микитиничъ
 Во свой-то онъ да во Кїевъ градъ,
 Приходитъ онъ въ свою да полату бѣлокаменну,
 Крестъ владеть онъ по писаному,
 Поклонъ ведеть да по учѣному,

*) Пѣвецъ говорилъ, что не знаетъ, какого рода эта птица.
 На лужицко-сербскомъ нарѣчїи колымъ значить лебедь.

Кланяется онъ да на четыре вѣдъ сторонушки,
Своей матушкѣ онъ въ собиону:

«Здравствуй ты честнѣ вдова Офимья Олександровна!

«Бду я добрый молодецъ со чистѣ поля,
«Кланяюсь тебѣ отъ Добрынюшки низкѣй поклонъ.»

Испроговорить его да родна матушка:

— Какъ бы былъ мой Добрыня въ живности,
— Не дошло бы вамъ ворами надрыгаться,
— Не отняли бы у меня да любимѣи семьи,
— Молодой Настасьишкой Микуличной! —

Испроговорить Добрыня таково слово:

«Бду я добрый молодецъ со чистѣ поля.
«Наказывалъ Добрыня путь-шалыгу подорожную,
«Наказывалъ Добрыня гусельшка яровчаты,
«Сапоженки на ноженки зеленѣ сафьянъ,
«Наказывалъ Добрыня шубоньку да соболиную,
«Шапочку на головочку ушистую, пушистую,
«Ушистую, пушистую, завѣсисту.»

Видитъ тутъ честнѣ вдова Офимья Олександровна,
Приносила тутъ-то она да платье цвѣтное.

Походилъ тутъ Добрыня на почестенъ пиръ.

Вся на ппру мѣста были призваны,

Садился Добрыня покрай печенки;

Внималъ Добрынюшка гусельшка яровчаты,

Сталъ тутъ Добрынюшка поигрывать

Во свои гусельшка въ яровчаты,

Весь пѣръ-тотъ привелъ да на весельицо.

Испроговорятъ тутъ да таково слово:

— Какъ бы этой малой скоморошницы

— Чарочка да зеленѣ вина,

— Зелена вина да полтора ведра. —

Приносили ему чару зелена вина,

Зелена вина да полтора ведра.

Бралъ тутъ Добрыня единой рукой,

Выпивалъ Добрыня единымъ духомъ.

Испроговорить Добрыня таково слово:

«Дали мнѣ чарочку задравную,

«Дайте-тко теперъ да и забавную.»

Пошолъ онъ тутъ отъ печки отъ муравлянки

Ко тому-то ко столу молодецкому;

Онъ спускалъ тутъ свой значенъ перстенъ

Въ тую чару зелена вина.

Испроговорить Добрыня таково слово:

«Ай же ты мѣлода Настасья ты Микулична!

«Выпей-ко чару зелена вина, —

«Выпьешь до дна, такъ увидашъ добра,

«Не выпьешь до дна, такъ не видать добра.»

Брала тутъ Настасья единой рукой,

Выпивала вѣдъ Настасья единымъ духомъ,

Увидла тамъ-то на двѣ вѣдъ значенъ перстенъ,
Которымъ перстнемъ съ Добрыней обручалася.

Испроговорить Настасья таково слово:

— Ай же ты мой ли Добрынюшка Микуличничъ!

— Бери-тко ты меня за волосы за женскіи,

— Кеди-тко (такъ) ты меня о бѣлодубовъ мость,

— Привяжи-тко меня къ жеребцамъ ко неученымъ,

— Ростощили бы меня да по чисту полю! —

Испроговорить Добрынюшка Микуличничъ:

«Не дивую я полу женскому,

«Дивую своему брату вѣстовому!

«У живѣ мужа хочеть жену отнять.»

Хваталъ онъ тутъ Олешу за желтѣ кудри,

Кидалъ тутъ Олешу о бѣлодубовъ мость,

Зачалъ тутъ Добрыня пощаливать

Той-то путь-шалыгой подорожной.

Сталъ Олеша тутъ поахкивать,

Въ охванѣи не слышать его лѣчканья *).

И спустилъ его Добрыня со бѣлѣиныхъ рукъ.

Садился тутъ Олеша покрай лавочки,

Испроговорить Олеша таково слово:

— Всякѣй-то чертъ на вѣву-то женится,

— Не всякому женидѣба удаваеця. —

Только и Олешенька женатъ бывалъ.

Записано въ Толвуи, 11 июля.

39.

МИХАЙЛО ПОТЫЕЪ.

Не заюшко въ чистѣмъ полѣ выскакивалъ,

Не горносталюшка выплясывалъ,

Выѣзжалъ тамъ доброй молодецъ,

Доброй молодецъ Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановъ-впчъ.

Направлялъ онъ да коня своего богатырскаго,

Увидалъ онъ во чистѣмъ поли

Лань да златорогую,

Спускалъ своего да добра коня

Во всю прыть да лошадиную;

Догоняетъ онъ да эту лань да златорогую,

Хочетъ колотъ ю во бѣлую грудь.

Испроговорить эта лань да златорогая

Человѣческимъ она голосомъ:

«Ай же ты Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ,

*) т. е. звука его ударовъ (такъ объяснилъ пѣвецъ).

«Не коли-тко ты да моей бѣлой груди!
«Я есть вѣдь нѣ лань-то златорогая,
«Я есть Марья лебедь бѣла, королевична.
«У меня на семь свѣтѣ положенъ вѣдь такой
завѣтъ:

«Кто меня можетъ на бѣгу догнать,
«За того я пойду въ замужество.»
Повернулась эта лань да златорогая
Въ человѣческой она образъ;
Онъ брагъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
За бѣлы руки да за златѣ перстни,
Цѣловалъ ю тутъ въ уста да во сахарнии,
Отвозилъ ю тутъ во Кіевъ градъ.
Принимали тутъ они законъ да вѣдь супружеской.
Сталъ онъ жить-то съ ней да на весельици,
Напиваться зеленá вина онъ допяна.
Приходитъ онъ во свою полату бѣлокаменну,
Стрѣгаетъ его своя да любимá семья,
Испрогóворитъ Марья ему да таково слово:
«Ай же ты моя да любимá семья!
«Я теби скажу да таково слово:
«Кто у насъ да напередъ помрѣтъ,
«Тому-то сѣсть да во сырú землю.
«Если я да напередъ помру,
«Тебѣ со мной сидѣтъ да ровно три мѣсяца да
во сырой землѣ;
«Если ты помрешь, я съ тобой буду сидѣтъ да
во сырой землѣ.»

Написали они между собой вѣдь записи.
И онъ ходитъ да на царѣвъ кобакъ,
Напивается онъ да зелена вина вѣдь допяна.
Пріѣзжаютъ-то съ разныхъ мѣстъ да сорокъ царей,
Сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
Сорокъ королей да сорокъ королевичевъ.
Оны пишуть ко Владиміру,
Владиміру да стольнѣ-кіевскому:
— Выведи ты эту Марью лебедь бѣлу, королевичну,
— Бѣзъ бою, безъ драки, безъ великаго крово-
литія. —

Собираетъ тутъ Владиміръ стольнѣ-кіевской
Своихъ господъ, своихъ бояръ;
Сталъ онъ тутъ Владиміръ совѣтъ совѣтовать
Со своима господамы, со своима боярямы:
«Ежели намъ не отдать этой Марья лебедь бѣ-
лой, королевичной,
«Приведуть нашъ стóльной Кіевъ градъ во ро-
зопеніе.»

На ту пору, на то времечко
Приходитъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Въ эту полату бѣлокаменну,
Кланяется онъ Владиміру тутъ въ собину:

— Ай же ты Владиміръ стольнѣ-кіевской!
— Не отдамъ я своей душевнѣя
— Бѣзъ бою, безъ драки, безъ великаго крово-
литія. —

Бѣретъ онъ своихъ да двухъ братьевъ кресто-
выихъ,
Бѣретъ стараго казака Илью Муромца,
Во вторыхъ беретъ Добрынюшку Микитича.
Сокрутились они въ платьѣ женское,
Причесали они свои кудри русыя по женскому,
Садилась они въ телѣжку во ордынскую,
Пріѣзжали оны да во чисто поле,
Роздернули оны тутъ вѣдь бѣлой шатеръ.
Приходило тутъ сорокъ царей, сорокъ царевичевъ:
«Вѣрно что Владиміръ стольнѣ-кіевской
«Не посмѣлъ съ нами воевати де,
«Повывелъ онъ Марью лебедь бѣлу, королевичну,
«Повывелъ Марью во чисто поле.»
Испрогóворятъ тутъ оны да таково слово:
«Ай же ты Марья лебедь бѣла, королевична!
«За кого же ты за насъ замужъ идешь?»
Испрогóворитъ Михайла самымъ тонкимъ жен-
скимъ голосомъ:

— Кто кого изъ насъ на бою побѣтъ,
— За того я вѣдь замужъ иду. —
Выходили оны татарева во чисто поле,
Тотъ того побѣтъ, другой друго́го побѣтъ, —
Не выходили-то у нихъ поединщика одинаго.
Приходятъ оны опять да ко бѣлу шатру:
«Нѣтъ у насъ такого поединщика.
«За кого же нынѣ ты замужъ идешь?»
Молодецко сердечко мало стѣрпывалъ,
Розгорѣлось его да сердце богатырское,
Выскакивалъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Со своего онъ да бѣла шатра;
Не увидѣлъ онъ сабли вострыи,
Не увидѣлъ онъ меча клáденца,
Хваталъ онъ телѣжку ордынскую,
Выхватывалъ онъ осіщѣ желѣзное,
Зачалъ онъ осіщѣмъ тутъ помахивать,
Прибилъ онъ сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
Сорокъ королей, сорокъ королевичевъ.
Поѣзжали оны тутъ во Кіевъ градъ
Со своима онъ съ братьями крестовыми.
Подѣзжаетъ онъ да ко своей полатѣ бѣлока-
менной,
Испрогóворятъ ему да таково слово:
— Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Нѣтъ у тебя въ доми да любимой семьи,
— Нѣтъ у тебя да въ живности
— Молодой-то Марья лебедь бѣлой, королевичной. —

Испроговорить Михайло таково слово:

«Ай же вы мои плотники, работники!
«Дѣлайте гробницу не малую,
«Чтобы можно въ ней двоимъ лежать,
«Двоимъ лежать и стоя стоять.
«Кладите-тео вы припасу съѣстнаго
«На три мѣсяца.
«Опущусь-то я съ ней да во сыру землю.
«У меня съ ней сдѣланы были записи:
«Который у насъ да напередъ умретъ,
«Другому сидѣть да ровно три мѣсяца да во сы-
рой земли.»

Привозили эту гробницу немалую

На то кладбище,

Положили туды да Марью лебедь бѣлу, короле-
вичну.

Садился тутъ Михайло въ эту гробницу немалую;

Опускали его да во сыру землю,

Засыпали его да вѣдь желтымъ пескомъ.

Походило тому времечки ровно три недѣлюшки,

Пришлыло тутъ къ ней змѣищѣ веретѣнище (*такъ*),

Стало у ней сосать да вѣдь бѣлую грудь.

Хватилъ тутъ Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ
Свою саблю вострую,

Хочеть отсѣчь у ней буйну голову.

Испроговорить змѣищѣ веретѣнищѣ:

— Не руби-тко ты да моей буйной головы!

— Много я для тебѣ добра сдѣлаю,

— Оживлю я тебѣ Марью лебедь бѣлу, короле-
вичну. —

И даѣтъ ему да свой великъ залогъ,

Своего она вѣдь дѣтища.

Отпльываетъ отъ этой гробницы бѣлодубовой,

Приноситъ она змѣя вѣдь живой воды,

Подаваетъ она змѣя ему живу воду.

Разъ тутъ сбрызнулъ — она и здрогнула,

Другой разъ сбрызнулъ — она сидѣ съла,

Трѣтій разъ сбрызнулъ — она да заговорила:

«Ай же ты Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!

«Гди мы теперь съ тобой находимся?»

— Находимся да во сырѣй земли! —

Закричалъ онъ своимъ голосомъ,

Своимъ голосомъ да богатырскимъ.

Услыхали его да братьицо (*такъ*) крестовны:

«Стоснулось нашему братцу крестовому во сырѣй
земли,

«Живому тѣлу съ мертвымъ.»

Приходили тутъ они ко этой могилы ко кладбищу:

Желтой песокъ они тутъ розсыпали,

Снимали-то съ этой гробницы покровъ-то вѣдь
верхній.

Выходитъ тутъ Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ

Со сырѣй земли,

За собой ведеть свою да любимую семью,

Молоду-то Марью лебедь бѣлу, королевичну.

Приходитъ онъ во свой во Кіевъ градъ,

Сталъ онъ жить-то вѣдь по прежнему,

Напиваться зеленá вина онъ дѣшьяна.

Удаляется тутъ Михайло во чисто поле,

Поляковать онъ да и вазáковать;

Порублялъ онъ да вѣдь поганыхъ татаревей

За свою вѣру да христіанскую.

Приѣзжаетъ-то съ другой земли,

Приѣзжаетъ-то король да вѣдь ляхетскій,

Пишетъ тутъ-то онъ да грамотку

Ко Владиміру да столѣннѣ-кіевскому:

— Повыведи ты Марью лебедь бѣлу, короле-
вичну,

— Во чисто поле,

— Бѣзъ бою, бѣзъ драки, бѣзъ великаго крово-
литія. —

Испроговорить Владиміръ таково слово:

«Некимъ мнѣ съ нимъ да воевать будетъ, —

«Повывести надоть Марью лебедь бѣлу, короле-
вичну,

«Во этое да во чисто поле.»

Выводили Марью лебедь бѣлу, королевичну,

Во чисто поле.

Принималъ-то тутъ король да вѣдь ляхетскій

Ю за рученки за бѣлыи,

Увозилъ онъ во свою землю.

День-то за день какъ птица летить,

Недѣля за недѣлю какъ дождь дождитъ,

Годъ-тотъ за годъ бывъ трава ростеть.

Проходило тому ровно три годы,

Приѣзжаетъ тутъ со чистá поля

Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ

Со своимъ онъ со братьями крестовыми.

— Гдѣ же моя да любимá семья? —

Испроговорять ему да таково слово:

«Увезъ твою да любимую семью

«Красивын король да вѣдь ляхетскій.»

Испроговорить Михайла таково слово:

— Поѣду я добрый молодецъ

— Во тую землю да во ляхетскую,

— Не отдамъ я своей Марьи лебедь бѣлой, коро-
левичной. —

Садился тутъ Михайла на добра коня.

Видѣли оны Михайла тутъ сядучи,

Не видѣли Михайлы тутъ поѣдучи.

Приѣзжаетъ тутъ Михайло во тую землю,

Во тую землю да во ляхетскую,

Приѣзжаетъ-то Михайла къ тымъ полатамъ бѣло-
каменнымъ.

Усмотрѣла его да любимá семья
Во тоѣ окно да во косевчато,
Испроговоритъ она да таково слово:
«Ай же ты красивый король да вѣдь ляхетскій!
«Приѣзжаетъ къ намъ теперь да нелюбимый гость.»
Наливала она чару зеленá вина,
Зеленá вина да полтора ведра,
Спускала она туды да зелья лютаго:
«Ай же ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Прости меня дуру жонку стрáмницу, —
«Мужъ по дрова, жена замужъ пошла.
«Твое есть дѣло вѣдь дорожное,
«Мое дѣло есть да понево́льнеё, —
«Выпей-во чару зелена вина,
«Зелена вина да полгора ведра.»
Брала тутъ Михайла единойъ рукою,
Выпивалъ Михайла единымъ духомъ.
Тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Свалился онъ со своего да со добра́ коня.
Испроговоритъ она да таково слово:
«Ай же ты красивый король да вѣдь ляхетскій!
«Ежели хочешь ты вѣдь мной владать,
«Куды надоть отвози его во чистó поле.»
Испроговоритъ король да вѣдь ляхетскій:
— Мужъ-то твой, волá твоя. —
Приказала она запрячь-то пару коней богатыр-
скихъ,

Отвозила его да во чистó поле,
Хватала тутъ она да бѣлы горючъ камень,
Колотила его да по правойъ стороне:
«Окаменѣй-во ты Михайла ровно на три годышка,
«Бакъ три годы пройдетъ, пройди да сквозь сырú
землю!»

Повернула его большымъ каменемъ.
День-то за день какъ птица летить,
Недѣля за недѣлю какъ дождь дождитъ,
Проходило тутъ время ровно годышекъ.
Стоснулось имъ, братьямъ крестовнымъ,
Старому казаку Илью Муромцу,
Во вторыхъ-то Добрынюшкѣ Микитичу,
Сокрутились они въ платѣ вѣдь нищѣцкое,
Надѣвали себи трои они подсумки,
Шли они путемъ дорогою.
Выходятъ со сторонъ калика незнаемая:
— Ай же вы калики есть незнаемы!
— Возьмите меня да вѣдь во третѣихъ,
— Поверстайте меня да во атамань. —
Брали тутъ калику во товарища,
Поверстали калику во атамань.

Приходили они въ тую землю во ляхетскую,
Ставовились они да противъ черто́гъ они вѣдь
царскихъ,

Закрычали они свонма голосамы зычнымъ:
«Ай же ты король да вѣдь ляхетскій!
«Насыпь-во намъ трои подсумки:
«Одни подсумки-то чиста сѣребра,
«Други подсумки-то красна золота,
«Третьи подсумки-то скачна жемчугу, —
«Полно намъ каликамъ волочитися,
«Было бы намъ каликамъ по смерть ѣсть и пить.»
Услышалъ тутъ король да вѣдь ляхетскій
Голоса да очень громкйн,
Король тутъ-то приужахнулся.
И зглянетъ тутъ Марья лебедь бѣла, королевична,
Во тое окно да во косевчато,
Узнала-то она да этиныхъ богатырей:
— Это вѣдь не калики есть, да есть богатыри,
— Моего мужа вѣдь прежнаго
— Есть они да братья вѣдь крестовны.
— Зазывай ихъ во свои полаты бѣлокаменны,
— Насыпай имъ трои подсумки:
— Первы подсумки да чиста сѣребра,
— Вторы подсумки да красна золота,
— Третьи подсумки да скачна жемчугу. —
Созывали ихъ во полату бѣлокаменну,
Насыпали имъ да трои подсумки:
Одни подсумки да чиста сѣребра,
Други подсумки да красна золота,
Третьи подсумки да скачна жемчугу.
Походятъ они да во чистó полѣ,
Приходятъ къ этому бѣлу камению.
Испроговоритъ калика та незнаема:
«Ай же вы мои братцы, вы товарища!
«Взяли вы меня да во товарища,
«Поверстали вы меня да во атамань,
«Надоть намъ теперь да вѣдь живóть дѣлить.»
Снимали они тутъ трои подсумки
Со своихъ они тутъ плечъ да со могучихъ,
Кладывали они да во-и́сто.
И сталь-то тутъ калика да незнаема
Кладывать онъ да на четѣре стопы.
Испроговорятъ тутъ его братья крестовны:
— Ай же ты калика есть незнаема!
— Взяли тебя мы во товарища,
— Поверстали тебя мы во атамань,
— Неправильнѣ ты вѣдь живóть дѣлншь. —
Испроговоритъ калика-то незнаема:
«Брали меня да во товарища,
«Поверстали меня да во атамань,
«Я справедливо теперь живóть дѣлю:

«Который изъ насъ можетъ бѣль горючъ камень
«Кинуть черезъ буйну голову,
«Тому четвергай стопа достанется.»
Бралъ тутъ Добринюшка Никитиничъ
Этотъ да бѣль горючъ камень,
Во свое колѣно здималъ да богатырское,
Самъ-то по щѣточку въ землю зашепъ.
Подхватывалъ тутъ старын казакъ да Пляя Му-
ромецъ,

Здймалъ-то онъ во свою во грудь во бѣлюю,
Уходилъ онъ по колѣнъ да во сырѹ землю.
Бралъ-то тутъ калика да незнаема
Этотъ-то да бѣль горючъ камень,
Кидалъ онъ черезъ свою да буйну голову.
Испрогѡворилъ калика таково слово:
«Впереди стань доброй молодецъ,
«Лучше стань ты, лучше прежнаго!»
Пробуждался онъ со сну да богатырскаго,
Испрогѡворить Михайла таково слово:
— Ай же вы мои братцы крестовны,
— Какъ я долго спалъ! —
Испрогѡворять его братья крестовны:
«Какъ бы не было у насъ этого товарища,
«Не былъ бы теперь ты въ живности.»
Побѣжалъ Михайла во ту землю,
Во ту землю во ляхетскую,
Становился Михайла противо полать да бѣлока-
менныхъ,

Закричалъ онъ богатырскимъ-то голосомъ:
— Ай же ты красивый король да ты ляхетскій!
— Насыпъ-ко ты мнѣ то же трое подсумен:
— Первы подсумки-то чиста сѣребра
— Вторы подсумки-то красна золота,
— Третья подсумки-то скачна жемчугу. —
Взглянула Марья лебедь бѣлая
Во тое во косевчато окошечко,
Испрогѡворить она да таково слово:
«Ай же ты красивый король да вѣдь ляхетскій!
«Приходить сюда мой прѣжней мужъ.»
Наливала Марья чару зеленá вина,
Зелена вина да полтора ведра,
Положила Марья зелья лютаго,
Выходила она да на перѣное крылечико.
Испрогѡворить-то Марья таково слово:
«Ай же ты Михайла Пѡтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Прости меня дуру жонку стрáмниду, —
«Мужъ по дрова, жена замужъ пошла.
«Выпей-ко чарочку зеленá вина,
«Зелена вина да полтора ведра.»
Бралъ тутъ Михайла Пѡтыкъ сынъ Ивановичъ,
Бралъ онъ чару единой рукой,

Выпивалъ онъ чару единымъ духомъ,
Свалился онъ на сыру землѹ да мѣртвымъ.
Испрогѡворить Марья таково слово:
«Ай же ты красивый король да вѣдь ляхетскій!
«Ежели ты хочешь вѣдь-то мной владать,
«Куда хочешь, туди его и подѣвай.»
Испрогѡворить красивый король да вѣдь ляхет-
скій:

— Мужъ твой и воля есть твоя. —
Марья лебедь бѣла, королевична,
Приказывать его да ко стѣны прибить,
Колотила ѣму гвоздя желѣзныи
Во бѣлы руки и въ рѣзвы ноги.
И пошла она тутъ во кузницу,
Хотѣла она сковать ему-то длинный гвоздь,
Заковать ему да во бѣлѹю грудь.
У него-то свѣтъ въ очахъ да помятѹшися. —
Была у этого у короля да у ляхетскаго
Единая дочь Настасья королевична,
Приходитъ она къ этому богатырю,
Испрогѡворить она да таково слово:
«Ай же ты Михайло Пѡтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Хочешь ли ты да на сѣмъ свѣти еще живъ бы-
вать?»»

Испрогѡворить Михайла таково слово:
— Ай же ты Настасья королевична!
— Хотѣлось бы мнѣ да живѹ бывать. —
Испрогѡворить она тутъ таково слово:
«Положимъ-ко мы съ тобой вѣдь заповѣдь,
«Ежели ты возьмешь меня въ замужество,
«Еще будешь ты на сѣмъ свѣти живъ бывать.»
Полагаетъ тутъ Михайла вѣдь заклятѣ.
Приказала она да своимъ слугамъ вѣрнымъ,
Приказала она да со стѣны-то снять,
Приказала она да на мѣсто прибить татарина,
Татарина прибить поганаго.
Отводила Михайлу во свою полату бѣлокаменну,
Добывала она тутъ дохтуровъ
Излѣчить ему эти раны великїя.
Проходило тому времечки шесть недѣль,
Заживали его раны великїя.
— Ай же ты Настасья королевична!
— Какъ бы повывели да моего добра коня,
— Обсѣдлана бы да обуздана. —
Убирается Настасья въ свое платье цвѣтное,
Приходитъ она ко своему да вѣдь родителю:
«Мнѣ что-то во снахъ привидѣлось,
«Какъ бы видѣть-то Михайлина добра коня
«Обсѣдлана вѣдь и обуздана.»
Не смѣняеть (такъ) онъ да своей дочери,
Приказываетъ выводить коня да богатырскаго

Къ ей крыльцу да ко перёному.
 Выскакивалъ Михайла со полаты бѣлокаменной,—
 Видли добра молодца на коня вѣдь сядучи,
 Не видли добра молодца поѣдучи.
 Уѣзжаетъ Михайла во чисто поле,
 Накопляетъ силу онъ по прежнему,
 Приѣзжаетъ онъ во ту землю ляхетскую,
 Ко тымъ полатамъ бѣлокаменнымъ.
 Увидѣла Марья лебедь бѣла, королевична,
 Со того-то со косевчата окошечка,
 Наливала Марья зеленá вина,
 Зелена вина да полтора ведра,
 Полагала туды зелья лютаго,
 Выходила она да на крылечко на перёное.
 Испроговорить Марья таково слово:
 — Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
 — Прости мня дуру жонку стрáмницу, —
 — Мужъ по дрова, жена замужъ пошла.
 — Выпей-ко чару зеленá вина!
 — Твое дѣло есть дорожное,
 — Мое дѣло есть да подневольнее. —
 Береть онъ Михайла эту чару зелена вина,
 Зелена вина да во праву руку.
 Глядитъ въ это косевчато окошечко
 Молода Нáстасья королевична:
 «Ай же ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Погляди-тко ты на рученьку на правую,
 «Зглянь-ко ты на рученьку на лѣвую!»
 Зглянулъ тутъ Михайла на рученьку на правую,
 Зглянулъ тутъ Михайла на рученьку на лѣвую,
 Увидѣлъ тутъ Михайла на своихъ рукахъ,
 Что были у него раны превелювнн,
 Спомнилъ тутъ онъ прежній завѣтъ-то свой,
 Кидалъ онъ эту чару зеленá вина,
 Зелена вина да на сыру землю,
 Хваталъ тутъ Марью лебедь бѣлу, королевичну,
 Видалъ онъ Марью о сыру землю.

Записано тамъ же, 11 июля.

Х.

ПЕТРЪ ПРОХОРОВЪ.

Петръ Прохоровъ, крестьянинъ-слѣпецъ изъ дер. Черный Наволокъ у Тамбицы, 45-ти лѣтъ, пропитывается частью съ небольшого участка земли, ему предоставленнаго миромъ, частью мирскимъ подаваемъ. Рассказывалъ, что пѣтъ

былины научился отъ захожихъ картополовъ, бывавшихъ въ Заонежьѣ. Поетъ довольно складно, хотя не выдерживаетъ размѣра и иные стихи у него какъ бы обрываются.

40.

МИХАЙЛА ПОТЫКЪ.

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ
 У ласковаго князя у Владиміра
 Были званы браны гости приходящн
 На почетный пиръ.
 Красно солнышко на вечери,
 Почетный пиръ на весели.
 Всѣ на пиру да наѣдалися,
 Всѣ на пиру да напивалися,
 Всѣ на пиру-то поросхвасталися.
 Иный хвалится добрымá коньми,
 Иный хвалится своимъ имѣніемъ,
 Иный хвалится золотой казной,
 Глупый хвалится молодой женой.
 А поросхвастался Владиміръ стольнѣ-кіевской:
 «А у меня-то у князя да у Владиміра
 «Есть на пиру русьскнхъ могучнхъ три богá-
 тыря:
 «Есть старой казакъ да Илья Муромецъ,
 «Есть Добрынюшка Микитиничъ,
 «Есть Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
 «Ай же вы русьскнн могучнн богáтыри!
 «Послужите-тко мнѣ князю-то Владиміру.
 «Ай же ты старой казакъ да Илья Муромецъ,
 «Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
 «Возьми-тко ты уздицу тесмяную
 «Да поди-тко на конюшню на стоялую,
 «Возьми тамъ сѣделышко черкасское,
 «Уздай сѣдай бурушка кавурушка,
 «Подтягивай двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
 «Тринадцатый для-ради крѣпости.
 «Добрынюшка Микитиничъ!
 «Возьми-тко ты уздицу тесмяную,
 «Поди на конюшню на стоялую,
 «Тамъ возьми сѣделышко черкасское,
 «Уздай сѣдай бурушка кавурушка,
 «Подтягивай двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
 «Тринадцатый для-ради крѣпости.
 «Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Возьми-тко ты уздицу тесмяную

«Да и поѣди на конюшню на стоялую,
 «Тамъ возьми сѣдельшко черкасское,
 «Уздай сѣдлай бурушка кавурушка,
 «Подтягивай двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
 «Тринадцатый для-ради крѣпости.
 «Всѣ подпруги-то шелковыи,
 «Шпеньки желѣза-то булатняго
 «А стремена краснаго золота;
 «Красно золото не ржавѣть,
 «На конѣ добрый молодецъ не старѣть.
 «Ай же ты старобй казакъ да Илья Муромецъ!
 «Съѣзди-тко ты въ большу землѣ да въ Золоту

Орду,

«Нагрузи-тко ты оттудова дани выходы,
 «Телѣжки-ты ордынскіи,
 «Отпусти ко городу ко Кіеву.
 «Добрынюшка Микитиничъ!
 «Съѣзди-тко ты въ большу землѣ во Большу Орду,
 «Нагрузи-тко оттудова
 «Телѣжки-ты ордынскіи,
 «Отпусти ко городу ко Кіеву.
 «Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Съѣзди-тко ты въ землю-ту Подольскую,
 «Возьми тамъ русскую красавицу,
 «Марью лебедь бѣлую,
 «Подблянку королевичну.»

Взялъ тутъ старобй казакъ Илья Муромецъ
 Уздицу тесмяную

Да и поѣхалъ на конюшню на стоялую;
 Онъ взялъ сѣдельшко черкасское,
 Уздалъ сѣдлай бурушка кавурушка,
 Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
 Тринадцатый для-ради крѣпости.
 Добрынюшка Микитиничъ
 Взялъ тутъ уздицу тесмяную,
 Поѣхалъ на конюшню на стоялую,
 Взялъ тамъ сѣдельшко черкасское,
 Уздалъ сѣдлай бурушка кавурушка,
 Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
 Тринадцатый для-ради крѣпости.
 Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ
 Взялъ тутъ уздицу тесмяную,
 Поѣхалъ на конюшню на стоялую,
 Взялъ тамъ сѣдельшко черкасское,
 Уздалъ сѣдлай бурушка кавурушка,
 Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
 Тринадцатый для-ради крѣпости.
 Всѣ подпруги-то шелковыи,
 Шпеньки желѣза-то булатняго,
 Стремена краснаго золота;
 Красно золото не ржавѣть,

На конѣ доброй молодецъ не старѣть.
 Садился тутъ старобй казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
 На добра коня;
 Видли добра молодца садучи,
 Не видли поѣдучи;
 Не воротами ѣхалъ — черезъ стѣну,
 Черезъ стѣну да городовую,
 Мимо тую башню наугольную.
 Добрынюшка Микитиничъ
 Садился на добра коня;
 Видли добра молодца садучи,
 Не видли поѣдучи;
 Не воротами ѣхалъ — черезъ стѣну,
 Черезъ стѣну да городовую,
 Мимо тую башню наугольную.
 Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ
 Садился на добра коня;
 Видли добра молодца садучи,
 Не видли поѣдучи;
 Не воротами ѣхалъ — черезъ стѣну,
 Черезъ стѣну да городовую,
 Мимо тую башню наугольную.
 Приѣзжали ко вресту да къ Леванидову.
 Тутъ они врестами-то побратались,
 Назвалися братьями-то назваными:
 Который скорѣе съѣздитъ, такъ за того Бѣга мо-
 лить,
 Который скорѣе помрѣтъ, такъ того поминать.
 Поѣхалъ тутъ старобй казакъ да Илья Муромецъ
 Во большу землѣ да въ Золоту Орду,
 Нагрузился-то оттудова дани выходы,
 Телѣжки-ты ордынскіи,
 Отпустилъ онъ ко городу ко Кіеву.
 Поѣхалъ тутъ Добрынюшка Микитиничъ
 Во большу землѣ да во Большу орду,
 Нагрузился-то оттудова дани выходы,
 Телѣжки-ты ордынскіи,
 Отпустилъ ко городу ко Кіеву.
 Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ
 Поѣхалъ въ землю ту Подольскую
 Къ королю тому къ подольскому,
 За щитомъ онъ взялъ русскую красавицу,
 Марью лебедь бѣлую,
 Подблянку да королевичну,
 Приѣзжаетъ ко городу ко Кіеву.
 Приѣзжаетъ съ другой стороны посолъ да заморскій
 Отъ царя да отъ бухарьскаго,
 Около города около Кіева колесомъ прошолъ,
 Скрычалъ онъ по звѣриному,
 Засвисталъ онъ по змѣиному:

«Ай же ты Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 «Отдайте намъ русскую красавицу,
 «Марью лебедь бѣлую,
 «Подолянку да королевичну;
 «Не такъ, Кіевъ за щитомъ возьмемъ,
 «Вывесемъ святиню со Божьихъ церквей,
 «Станемъ держать добрыхъ вѣмоней.
 «Отпусти-тко ты дани выходы,
 «Телѣжки-ты ордынскіи
 «Въ землю ту Бухарскую,
 «Къ королю тому бухарскому.»
 Створить Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
 — Ай же ты Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 — Напиши-тко ты ёруки,
 — Что посланы дани выходы
 — Во землю ту заморскую,
 — Къ королю да ко бухарскому
 — За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ.—
 Отправляется Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Въ землю ту заморскую,
 Къ королю да ко бухарскому.
 Створить-то русская красавица,
 Марья лебедь бѣлая,
 Подблянка да королевична:
 «Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Съѣдешь какъ во землю ты заморскую,
 «Бъ королю да ко бухарскому,
 «Который скорѣе помрѣтъ, такъ прожить въ землѣ
 мертвымъ три мѣсяца.»
 Поѣзжаетъ-то Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Въ землю ту заморскую,
 Къ королю да ко бухарскому.
 Онъ выложилъ на столъ да эти ёруки:
 — Изволь-ко ты просматривать. —
 И онъ скоро распечатывалъ, скрѣпъ того про-
 сматривалъ,
 Ужь онъ самъ говорить таково слово:
 «Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Гдѣ же у тебя дани выходы?»
 Говорить тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
 — Остались дани выходы въ чистомъ полп,
 — Въ телѣжкахъ оси приломались,
 — Остались починивать. —
 Они сдѣлали дощечку на золоти.
 Михайла Пóтыкъ ступень ступилъ,
 Ступень ступилъ да и другой ступилъ,
 Третей ступилъ да и третъ земли выигралъ.
 Они сдѣлали другу дощечку на золоти.
 Михайла Пóтыкъ ступень ступилъ,
 Ступень ступилъ да и другой ступилъ,
 Третей ступилъ да и поль-земли выигралъ.

Сдѣлали третью дощечку на золоти.
 Перепала тутъ вѣсточка нерадостна
 Къ Михайлу Пóтыку сыну Иванову,
 Налетѣлъ сизъ голубчикъ дóрогой,
 Сѣлъ онъ на окошечко
 И началъ выговаривать:
 «Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Ты ѣшь да пьешь да проклаждаешься,
 «Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
 «Померла твоя русская красавица,
 «Марья лебедь бѣлая,
 «Подблянка да королевична.»
 Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Онъ бросилъ дощечку изъ дверей въ двери,
 Убилъ всѣхъ у дверей придверниковъ,
 У воротъ всѣхъ приворотниковъ.
 Створить царь заморскіи да и бухарскіи:
 — Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Не убей-ко всѣхъ и до единого,
 — Оставь хоть и на сѣмни,
 — Возьми всю землю заморскую
 — Отъ царя да отъ бухарскаго. —
 Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Онъ взялъ всю землю заморскую
 Отъ царя да отъ бухарскаго,
 Поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву.
 Приѣзжаетъ-то Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Ко городу ко Кіеву,
 Приказалъ онъ сдѣлать домовищечко,
 Чтобы можно лежа лежать,
 Лежа лежать и сидя сидѣть,
 И стоа стоять.
 Приказалъ онъ класть провизьи на три мѣсяца,
 Приказалъ сковать онъ клещи-ты желѣзныи.
 Они сдѣлали домовищечко,
 Чтобы можно лежа лежать,
 Лежа лежать и сидя сидѣть,
 И стоа стоять.
 Клади провизьи на три мѣсяца
 И сковали клещи-ты желѣзныи.
 Похоронили тутъ Михайлу Пóтыка сына Иванова
 Съ русской красавицей,
 Съ Марьей да лебедь бѣлоей,
 Съ подблянкой да королевичной,
 Во сырѣ землю.
 Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Сутки прожилъ да и други прожилъ,
 А другія прожилъ да и третьи прожилъ.
 Подплыла змѣя да подземельная,
 Разъ лизнѣла гробъ, надлизнула,
 Другой лизнѣла, пролизнула

Третій лизнула, въ гробъ плывётъ.

Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ

Захватилъ оныя вѣшанна-то желѣзныма

Змѣю да подземельную,

И говоритъ змѣя да подземельная:

«Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!

«Спусти меня змѣю да подземельную,

«Ты возьми въ закладъ змѣёныша.

«Схожу я къ синюю морю,

«Привнесу живой воды да мертвой воды,

«И оживлю твою русскую красавицу,

«Марью лебедь бѣлую,

«Подолжанку да королевичну.»

Оныя спустилъ змѣю да подземельную,

Оныя взялъ въ закладъ змѣёныша.

Сходила тутъ змѣя да подземельная

Къ спешу морю,

Принесла живой воды и мертвой воды.

Приносить-то Михайла Потыку сыну Иванову.

Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ

Оныя взялъ змѣёныша, разорвалъ,—

Разъ брызнулъ — и сросся весь,

Другой брызнулъ — зашевелился,

Третій брызнулъ — поплылъ со гроба вонь.

Русскую красавицу Марью лебедь бѣлую

Разъ брызнулъ — кровь зайграла,

Другой брызнулъ — зашевелилася,

Третій брызнулъ — сидѣ сѣла,

И говоритъ таково слово:

— Ахъ какъ я долго спала! —

Говорить Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:

«Кабы не я, такъ ты бы и вѣкъ не стала.»

И прожили они въ земли три мѣсяца.

Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ

Скрячалъ, слычалъ зычнымъ голосомъ;

Земля да сколибалася,

Всѣ теремъ да пошатилися,

Съ церковей маковки да повалилися;

Всѣ въ городѣ да ужахнулись:

«Еще что это да за уродище!»

Сговоришь Владимиръ стольнѣ-кѣвской:

— Есть это Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ.—

Выполнили Михайлу Потыка сына Иванова

Со сирой земли.

Говорить Владимиръ стольнѣ-кѣвской:

«Ай же ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!

«Чимъ я теперь тебя стану жаловать?

«Дать ли тебѣ города съ пригородками,

«Али дать села со приселками,

«Али дать тебѣ золотой казны по надобью?»

Говорить Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:

— Не надо мнѣ городовъ да съ пригородками,

— Не надо мнѣ селовъ да со приселками,

— Не надо мнѣ золотой казны по надобью,

— А дай ты мнѣ повольку-ту великую

— Ходить по царевымъ по кабакамъ,

— Пить зелено вино безденежно,

— Гдѣ кружку, гдѣ полкружки,

— Гдѣ полведра, гдѣ цѣло ведро. —

Владимиръ стольнѣ-кѣвской

Даль-то повольку-ту великую

Михайлу Потыку сыну Иванову,

Ходить по царевымъ по кабакамъ,

Пить зелено вино безденежно,

Гдѣ кружку, гдѣ полкружки,

Гдѣ полведра, гдѣ цѣло ведро.

Сталъ ходить Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ

По царевымъ по кабакамъ,

Пить зелено вино безденежно,

Гдѣ кружку, гдѣ полкружки,

Гдѣ полведра, гдѣ цѣло ведро.

Приѣхало тутъ сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,

Сорокъ королевей, сорокъ королевичевъ

Ко городу ко Кіеву.

У кажнаго у царя да у царевича,

У кажнаго короля да королевича

Силы по три тмы, по три тысящи.

И говоритъ-то вѣдь сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,

Сорокъ королевей, сорокъ королевичевъ:

«Владимиръ стольнѣ-кѣвской!

«Отдай намъ русскую красавицу,

«Марью лебедь бѣлую,

«Подолжанку королевичну.

«Нѣтъ, такъ Кіевъ да щитомъ возьмемъ,

«Вынесемъ святыню со Божьихъ церковей,

«Будемъ держать да добрыхъ комоной.»

Перепала тутъ вѣсточка нерадостна

Къ Михайлѣ Потыку сыну Иванову:

— Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!

— Ты вѣшь да нѣшь да проклаждаешься,

— Надъ собою незгодушки не вѣдаешь:

— Приѣхало вѣдь ко городу ко Кіеву

— Сорокъ царей, сорокъ царевичей,

— Сорокъ королевей, сорокъ королевичей.

— У кажнаго царя да у царевича,

— У кажнаго короля да королевича

— Силы по три тмы, по три тысящи. —

Накрутился Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ

Русскою красавицей,

Марьей лебедь бѣлой,

Подолжанкой да королевичной.

Приходитъ-го къ сорока царямъ, къ сорока царицамъ

И къ сорока королямъ, къ сорока королевичамъ
И самъ говоритъ таково слово:

«Ай же сорокъ царей, сорокъ царицъ,
«Ай же сорокъ королей, сорокъ королевичей!
«А стрѣляйте-тко вы изъ тугихъ луковъ:
«Кто ближе стрѣлитъ, тотъ скорѣе придетъ,
«Кто далѣе стрѣлитъ, тотъ послѣе придетъ, —
«За того я и замужъ пойду.»

Тотъ стрѣлитъ да иной перестрѣлитъ,
А никто не можетъ перестрѣлитъ.

«Ай же вы, сорокъ царей, сорокъ царицъ,
«Сорокъ королей, сорокъ королевичей!

«Бросайте-тко другъ друга:
«Кто можетъ бросить всѣхъ до одинаго,
«За того я и замужъ пойду.»

Тотъ броситъ того да иной иного,
Никто не можетъ бросить до одинаго.

Ухватилъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Долгаго татарина,

Началъ онъ помахивать;

Куда мѣхнеть — улица,

Отмѣхнеть — переулками,

Прибилъ всѣхъ до одинаго,

Не оставилъ и на сѣмена.

Сталъ ходить по цѣрквамъ по кабакамъ,

Пилъ зеленое вино бездежно.

Приѣхалъ тутъ король да политовскій

Ко городу ко Кіеву,

Нагналъ онъ силы смѣту нѣтъ,

И самъ говоритъ таково слово:

«Ай же ты Владиміръ стольнѣ-кїевской!

«Отдай ты намъ русскую красавицу,

«Марью лебедь бѣлую,

«Подблянку да королевичну.

«Нѣтъ, такъ Кіевъ за щитомъ возьмемъ,

«Вывесемъ святиню со Божїихъ церквей,

«Будемъ держать да добрыхъ комоней.»

Перепала тутъ вѣсточка нерадостна

Къ Михайлѣ Пóтыку сыну Иванову:

— Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!

— Ты ѣшь да пьешь да проклаждаешься,

— Надъ собой негодущи не вѣдаешь:

— Приѣхалъ вѣдь король да политовскій

— Ко городу ко Кіеву,

— Нагналъ онъ силы смѣту нѣтъ. —

Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ

Приходитъ къ королю да къ политовскому;

Онъ ухватилъ долгаго татарина,

Началъ онъ помахивать;

Куда мѣхнеть — туды улица,

Отмѣхнеть — переулками.

Перепала тутъ вѣсточка нерадостна

Къ Михайлѣ Пóтыку сыну Иванову:

— Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!

— Ты бьешь да убиваешь вѣдь...

— Уѣхала твоя русская красавица,

— Марья лебедь бѣлая,

— Подблянка да королевична,

— Съ королемъ да съ политовскимъ. —

Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ

Взялъ своего бурушка кавурушка,

Поѣхалъ онъ въ землю политовскую.

Король да политовскій

Съ Марьей лебедь бѣлою

Приѣзжали ко кресту ко Леванидову,

Раздернули они широкъ бѣлъ шагеръ,

Стали опочивъ держать.

Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ

Приѣзжаетъ ко бѣлу шатру,

И говоритъ-то русская красавица,

Марья лебедь бѣлая,

Подблянка да королевична:

«Ай же ты король да политовскій!

«Есть это Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.»

Надла ему чару зеленая вина

Зелена вина да забудущаго,

Выходитъ изъ бѣла шатра,

Говоритъ-то таково слово:

— Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!

— Ты прими чару единой рукой

— Да выпей чару единымъ духомъ;

— Некому съ нами теперь супротивиться,

— Поѣдемъ мы ко городу ко Кіеву. —

А Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ

До вина-то онъ неспачливъ былъ;

Онъ принялъ чару единой рукой

Да выпилъ чару единымъ духомъ,

Какъ быдто въ сонъ заснулъ.

Русская красавица,

Марья лебедь бѣлая,

Подблянка да королевична,

Ухватила какъ Михайла Пóтыка сына Иванова,

Она бросила черѣзъ плечо,

Згóворила таково слово:

«Стань-ко бѣлой камешокъ,

«И стой-ко камень по три годы,

«А нѣтъ, такъ вынѣ и до вѣка.»

И сталъ бѣлой камешокъ.

Русская красавица,

Марья лебедь бѣлая,

Подблянка да королевична,
 Поѣхали съ королемъ да политовскімъ
 Въ землю въ политовскую.
 А братьица названни,
 Старой казакъ да Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
 Добрынюшка Микитиничъ,
 Сидели они лапотники,
 Въ носки заплели по самоцвѣтному по камешку.
 Двемъ идутъ по солнышку,
 Ночью идутъ по камешку,
 Приходятъ-то ко этому ко бѣлому ко каменю.
 Выходить-то съ другой стороны
 Старая калика сѣдая:
 «Ай же вы старыи калики сѣдатыи,
 «Сѣдатыи да перехожин!
 «Рады ль вы товарища?»
 Сгворять калики перехожин:
 — Ай же ты старая перехожа!
 — Неужто мы не ради товарища? —
 Пошли они въ землю политовскую,
 Къ королю да къ политовскому подъ окошечко,
 Сбрычали, сбрычали зычнымъ голосомъ по ка-
 личьему.

Вся земля да сколыбалася,
 Съ церввей маковки да повалилися,
 Всѣ въ городѣ да ужаснулися:
 «Еще что это за уродище?»
 Сгворить-то русская красавица,
 Марья лебедь бѣлая,
 Подблянка да королевична:
 — Ай же ты король да политовскин!
 — Есть-то это деверья названни,
 — А третья калика незнаема.
 — Надо взять во покои во особыи,
 — Кормить досыти, и поить допьяна,
 — И дарить долюби. —
 И взяли ихъ во покои во особыи,
 Кормили досыти, поили допьяна,
 И дарили долюби.
 Пошли они во Кіевъ градъ,
 И говорить-то старой казакъ Илья Муромецъ:
 «Ай же ты русская красавица,
 «Марья лебедь бѣлая, подблянка да королевична!
 «Ты не знаешь ли Михайлы Потыка сына Ива-
 нова?»
 Отвѣтъ держитъ русская красавица,
 Марья лебедь бѣлая,
 Подблянка да королевична:
 — Ай же вы деверья названни!
 — Не знаю Михайлы Потыка сына Иванова

— И не могу нигдѣ наспрашивать. —
 Приходятъ-то калики перехожин
 Ко этому ко бѣлому ко каменю.
 Сгворить старая калика сѣдая,
 Сѣдая да перехожа:
 «Ай же ты старой казакъ да Илья Муромецъ,
 «Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
 «Добрынюшка Микитиничъ!
 «Станѣйте-тко дѣлать мы животовъ.»
 И сгворять калики перехожин:
 — Ай же ты старая калика сѣдая!
 — А дѣли-тко наши животы. —
 Онъ сталъ дѣлить ихъ животовъ
 На четыре на четверти.
 Сгворить старой казакъ да Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
 «А что же ты, старая калика сѣдая,
 «А дѣлишь животы на четыре на четверти?»
 Сгворить старая калика сѣдая:
 — Ай же ты старой казакъ да Илья Муромецъ,
 — Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
 — Съ того я дѣлю на четыре на четверти. —
 — Кто можетъ здынуть этотъ камень черезъ плечо
 — И броситъ о сырѣ землю,
 — Чтобы роскололся камень на двоѣ,
 — Тому четвертая четверть-то. —
 Прискочилъ старой казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
 Ко этому ко бѣлому ко каменю.
 Здынулъ камень въ колено, да въ колено въ
 землю загрязь.
 Прискочилъ Добрынюшка Микитиничъ
 Ко этому ко бѣлому ко каменю,
 Здынулъ камень въ поясъ, да въ поясъ и въ землі
 загрязь.
 Старая калика сѣдая
 Прискочилъ ко этому ко бѣлому ко каменю.
 Здынулъ камень черезъ плечо, бросилъ камень о
 сырѣ землю
 И самъ сгворилъ таково слово:
 — Росколись-ко камень на двоѣ. —
 И роскололся камень на двоѣ,
 Выскочилъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Со этого со бѣлаго со каменя.
 И сгворить тутъ старая калика сѣдая:
 — Ай же ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Придешь какъ ко городу ко Кіеву,
 — Сострой-ко церковь-ту Миколину
 — Своему ты ангелу, Михайлу архангелу. —
 Потерялась тутъ старая калика сѣдая,
 Сѣдая да перехожа незнаемо.

Братъца названны пошли они ко городу ко Киеву,
 А Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Пошолъ онъ въ землю политовскую,
 Къ королю да къ политовскому.
 Приходить къ королю да подь окошечко,
 Скрычалъ, слычалъ зычнымъ голосомъ.
 Земля да сколыбалася,
 Съ церковей маковни да повалилися,
 Всѣ въ городъ ужаснулися:
 «Еще что это за уродище?»
 Стóворить-то русская красавица,
 Марья лебедь бѣлая,
 Подóблянка да королевична:
 — Ай же ты король да политовскій!
 — Есть это Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ. —
 Налгла ему чару зеленá вина,
 Зелена вина да забудúщаго.
 Выходить на крылечко на дубовоѣ
 И говорить да таково слово:
 — Ай же ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Прими чару единóй рукой
 — Да выпей чару единímъ духомъ.
 — Некому съ нами теперь супротивиться.
 — У бабы волосъ дологъ, úмъ короткъ:
 — Куда ведутъ, туды и деть,
 — Куды везуть, туды ѣдѣтъ. —
 Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Онъ принялъ чару единóй рукой
 Да ѣ выпилъ чару единímъ духомъ, —
 Какъ быдто въ сонъ заснулъ.
 Ухватила тутъ русская красавица
 Михайла Пóтыка сына Иванова,
 Снесла она его въ сѣни челядни-ты,
 Роспала его на стѣну,
 Въ руки забила по гвозду,
 Въ ноги забила по гвозду,
 Еще вѣтъ гвозда сердечнаго!
 Сошла въ рынокъ купить гвозда сердечнаго.
 Настасья королевична
 Отпираетъ она окошечко,
 Кричитъ, зычитъ женскимъ голосомъ:
 «Ай же ты мой батюшко король да политовскій!
 «Ты спусти скорѣй меня въ сѣни челядни-ты
 «Посмотрѣть русскаго могучаго богáтыря.»
 Говорить король да политовскій:
 — А сходи, Настасья королевична,
 — Въ сѣни челядни-ты,
 — А посмотри русскаго могучаго богáтыря. —
 Приходить-то Настасья королевична
 Въ сѣни челядни-ты.
 Нектами гвоздѣ со стѣны вырвала,

Роспала долгаго татарина,
 Михайла Пóтыка сына Иванова
 Завернула въ шубку соболинную,
 Повела его во покои во особы.
 Говорить король да политовскій:
 — Ай же ты Настасья королевична!
 — Кого ты ведешь въ шубки соболинны? —
 Отвѣтъ держитъ Настасья королевична:
 «Ай же ты мой батюшко король да политовскій!
 «Была взята маленькая дѣвушка,
 «Перепаала *) она русскаго могучаго богáтыря, —
 «Съ того я веду въ шубки соболинны.»
 Настасья королевична
 Провела она Михайлу Пóтыка сына Иванова
 Во покои во особы.
 Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Сутки прожилъ, другіе прожилъ,
 Другіе прожилъ, третій прожилъ,
 И самъ говорить таково слово:
 — Ай же ты Настасья королевична!
 — Былъ бы мнѣ бы конь да богатырскій бы,
 — Были бы мнѣ латы да желѣзныи,
 — Была бы мнѣ да сабля вострая,
 — Было бы мнѣ копьѣ да долгомѣрное,
 — Были бы мнѣ штыки да молодецкіи,
 — Поѣхалъ бы я да обкольчужился,
 — Убилъ бы я русскую красавицу,
 — Марью лебедь бѣлую,
 — Подóблянку да королевичну. —
 Стóворить Настасья королевична:
 «Ай же ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Проживи-тко ты три мѣсяца,
 «Заживи-тко ты ранки кровавыи.»
 Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Прожилъ онъ три мѣсяца,
 Заживилъ онъ ранки-ты кровавыи,
 И стóворить да таково слово:
 — Ай же ты Настасья королевична!
 — Былъ бы мнѣ бы конь да богатырскій бы,
 — Были бы мнѣ латы да желѣзныи,
 — Была бы мнѣ да сабля вострая,
 — Было бы мнѣ копьѣ да долгомѣрное,
 — Были бы мнѣ штыки да молодецкіи,
 — Поѣхалъ бы я да обкольчужился,
 — Убилъ бы я русскую красавицу,
 — Марью лебедь бѣлую,
 — Подóблянку да королевичну. —
 Настасья королевична

*) т. е. испугалась.

Отпираетъ она окошечко

И кричить женскимъ голосомъ:

«Ай же ты мой батюшко король да политовскій!

«Не могу больше жить во покояхъ во особыхъ!»

«Былъ бы мнѣ конь да богатырскій,

«Были бы мнѣ латы да желѣзныи,

«Была бы мнѣ да сабля вострая,

«Было бы мнѣ копье да долгомѣрное,

«Были бы мнѣ штыви да молодецкіи,

«Поѣхала бы я да обкольчужилась

«Во чисто поле прогуливаться.»

Говорить король да политовскій:

— Ай же ты Настасья королевична!

— Возьми-тко ты уздицу тесмяную

— Да поѣди на конюшню на стоялую,

— Тамъ возьми сѣделишко черкасское,

— Ты уздай-сѣдай бурушка кавурушка,

— Подтягивай двѣнадцать тугихъ подпруговъ,

— Тринадцатый ради крѣпости;

— Возьми тамъ латы ты желѣзныи,

— Возьми тамъ саблю вострую,

— Возьми тамъ ты копье да долгомѣрное,

— Возьми тамъ ты штыви да молодецкіи. —

Взяла тутъ Настасья королевична

Уздицу тесмяную,

Приходитъ на конюшню на стоялую,

Взяла тамъ сѣделишко черкасское,

Уздала сѣдала бурушка кавурушка,

Подтягивала двѣнадцать тугихъ подпруговъ,

Тринадцатый ради крѣпости.

Приводить ко крылечку ко дубовому,

Приходитъ во покои во особые,

Говорить да таково слово:

«Ай же ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!

«А убей-то русскую красавицу,

«Марью лебедь бѣлую,

«Подблянку да королевичну,

«Да й поѣдемъ съ тобой ко городу ко Кіеву,

«Да й примемъ съ тобой по злату вѣнцу...»

«Ты примешь чару единойъ рукой,

«Ты выпьешь чару единымъ духомъ,

«Какъ быдто въ сонъ заснешь, —

«Выватитъ она у тебя саблю вострую,

«Отсѣеетъ тебѣ буйну голову.»

Садился тутъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ

на добра коня,

Поѣхалъ онъ да обкольчужился;

Приѣзжаетъ къ королю да подъ окошечко,

Скричалъ, сзычалъ зычнымъ голосомъ.

Земля да сколыбалася,

Всѣ теремы да пошатилися,

Съ церквей маковки да повалилися,

Всѣ въ городъ да ужахнулись:

«Еще что это за уродище?»

Сгóворить русская красавица,

Марья лебедь бѣлая,

Подблянка да королевична:

— Ай же ты король да политовскій!

— Есть это Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ. —

Налила ему чару зелена вина,

Зелена вина забудшаго,

Выходитъ на крылечко

И говоритъ таково слово:

— Ай же ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!

— Ты прими чару единойъ рукой

— Да выпей единымъ духомъ.

— Некому съ нами теперь супротивиться;

— Поѣдемъ мы ко городу ко Кіеву. —

И Настасья королевична

Отпираетъ свое окошечко,

Кричитъ, зычитъ женскимъ голосомъ:

«Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!

«Не прими ты чару единойъ рукой

«Да не выпей чару единымъ духомъ,

«А убей ты русскую красавицу,

«Марью лебедь бѣлую,

«Подблянку да королевичну.

«Поѣдемъ съ тобой ко городу ко Кіеву

«Да примемъ съ тобой по злату вѣнцу.»

Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ

Занесъ саблю вострую

Да убилъ тутъ русскую красавицу,

Марью лебедь бѣлую,

Подблянку да королевичну.

И пошолъ онъ во покои во особые

Къ королю да къ политовскому;

Онъ хотѣлъ убить короля да политовскаго;

А выходитъ-то Настасья королевична,

Захватила Михайлу Пóтыка сына Иванова

И начала она его да уговаривать:

«Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!

«А не убей-ко ты моего батюшка,

«А поѣдемъ мы съ тобой ко городу ко Кіеву,

«Примемъ съ тобою по злату вѣнцу.»

Поѣхали ко городу ко Кіеву,

Они приняли по злату вѣнцу,

Съ Настасьей королевичной

Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.

Состроилъ онъ церковь-ту Миколіну

Своему ангелу, Миханлу архангелу.

Старину спюю синему морю на тишину,
Добрымъ людямъ на послушанье.

Записано въ Тамбицѣ, 10 июля.

41.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

Сподь той ли сподь березы кудреватя,
Сподь того ли сподь креста Леванидова
Выходило четыре туря да золоторогинхъ,
Шли эти туря да мимо Кіевъ славный градъ,
Видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чудно,
Видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ дивно:
А по той ли стѣны по городовой
Шла ли-то душа да красна дѣвушка,
А читаетъ святу книгу евангелье,
А не столько читаетъ, вдвоемъ она плачетъ.
Стрѣгилась турица ихна матушка:
— Здравствуйте туря да малы дѣтушки! —
«Здравствуйте турица наша матушка!
«Шли ми туря да мимо Кіевъ славной градъ,
«Видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чудно,
«Видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ дивно:
«А по той ли стѣны по городовой
«Шла ли-то душа да красна дѣвушка,
«А читаетъ святу книгу евангелье,
«А не столько читаетъ, вдвоемъ она плачетъ.»
Говоритъ турица ихна матушка:
— Гупны туря да малы дѣтушки,
— Не бывали вы туры да на святой Руси,
— Не видали вы туры да свѣту бѣлаго!
— А тутъ плакала не душа красна дѣвушка,
— А тутъ плакала стѣна да городова.
— Она вѣдаетъ надъ Кіевомъ несчастнцо,
— Она вѣдаетъ надъ Кіевомъ великое.
— А сподь той ли сторонущки съ восточныи
— Наѣзжаетъ-то Батыга сынъ Батыговичъ
— Съ затемъ Тараканчикомъ Карабликовымъ
— А со темъ дьячкомъ да со выдумщикомъ. —
А роздернули они да широки бѣлы шатры;
У Батыги силы сорокъ тысячей,
А ѣ у Батыгина сына сорокъ тысячей,
А ѣ у зятя Тараканчика Карабликова
Силы сорокъ тысячей,
У того ли дьячка да у выдумщика
Силы сорокъ тысячей.
А не случилось во Кіеву богатырей:

А старобі казаекъ да Пля Муромецъ
Онъ былъ въ богомольной стороны;
А случилось во Кіеву голь кабацкая,
А Василей сынъ Игнатъевичъ.
Направляетъ онъ стрѣлочку каленую,
Онъ стрѣляетъ до бѣлымъ по шатрамъ,
А убилъ-то вѣдъ лучшихъ три головушки,
А убилъ-то вѣдъ сына Батыгина,
А убилъ-то вѣдъ зятя Тараканчика Карабликова,
А убилъ-то вѣдъ того ли дьячка да выдумщика.
А приходитъ-то Василей сынъ Игнатъевичъ:
«Ай Батыга, опохмѣли мою буйную головушку!
«Еще знаю во Кіеву воротця незаперты,
«А не заперты воротця незаложенны.»
Наливали ему чару зеленя вина,
Наливали ему другу пива пьянаго,
Наливали ему третью мѣду сладкаго,
А сливали эти чары въ единю мѣсто;
Мѣрой эта чара полтора ведра,
Вѣсомъ эта чара полтора пуда.
А принимаетъ-то Василей сынъ Игнатъевичъ еди-
ною рукой,

Выпиваетъ единымъ духомъ.

Говорилъ-то тутъ Василей сынъ Игнатъевичъ:
«Ай же ты Батыга, дай-ко силы сорокъ тысячей.»
Далъ ему силы сорокъ тысячей.

Выѣзжаетъ Василей сынъ Игнатъевичъ на чисто
на полѣ,

Началъ онъ по силушкѣ поѣзживатѣ,
Началъ онъ той силушки порубливатѣ,
Онъ прибилъ, прирубилъ до единой головы.
А приходитъ-то Василей сынъ Игнатъевичъ:
«Ай-ка ты Батыга, опохмѣль-ко мою буйную го-
ловушку.»

Наливали ему чару зелена вина,
Наливали ему другу пива пьянаго,
Наливали ему третью мѣду сладкаго,
А сливали эти чары въ единю мѣсто;
Мѣрой эта чара полтора ведра,
Вѣсомъ эта чара полтора пуда.

А принимаетъ-то Василей единой рукой,
Выпиваетъ-то Василей единымъ духомъ.

Говоритъ Василей таково слово:
«Еще знаю во Кіеву воротця незаперты,
«А незаперты воротця незаложенны.
«Дай-ко мнѣ силы сорокъ тысячей.»

Далъ ему Батыга силы сорокъ тысячей.
Выѣзжаетъ-то Василей на чисто на полѣ.
Сталъ онъ по силушкѣ поѣзживатѣ,
Сталъ онъ вѣдъ силушку порубливатѣ,
Онъ прибилъ, прирубилъ до единой головы.

Приходить-то Василей сынъ Игнатьевичъ:
 «Опохмѣль-ко, Батыга, буйну голову.»
 Наливали ему чару зелена вина,
 Наливали ему другу пива пьянаго,
 Наливали ему третью меду сладкаго,
 А сливали эти чары въ едино мѣсто;
 Мѣрой эта чара полтора ведра,
 Вѣсомъ эта чара полтора пуда.
 Принимаетъ-то Василей единою рукой,
 Выпиваетъ-то Василей единымъ духомъ,
 Говоритъ-то Василей таково слово:
 «Еще знаю я во Києви воротця незаперты,
 «А незаперты воротця незаложенны.
 «Дай-ко мнѣ силы сорокъ тысячей.»
 И далъ ему силы сорокъ тысячей.
 А поѣхалъ Василей на чисто на полѣ,
 Сталъ онъ по силушкѣ поѣзживатьъ,
 Сталъ онъ той силушки порубиватьъ,
 Онъ приблизъ прирубилъ до единой головѣ.
 А богатырскоѣ сердце розгорѣлоси,
 Богатырская рука да размахаласи,
 Приѣзжаетъ-то Василей къ Батыгѣ вѣдъ,
 Началъ онъ по силушкѣ поѣзживатьъ,
 Началъ онъ той силушки порубиватьъ,
 Онъ приблизъ, прирубилъ до единой головѣ.
 А поѣхалъ-то Василей въ славный Києвъ въ слав-
 ный градъ.
 А старину споетъ синему морю на тишину,
 Вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записано тамъ же, 10 июля.

—
 42.

НАѢЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ.

Два Ливика да литовскіихъ,
 Два племянника да королевскіихъ
 Приѣзжали къ дядюшкѣ,
 Чолпанъ король литовскому:
 — Дядюшко Чолпанъ король литовскій!
 — Мы хотимъ ѣхать на святую Русь
 — Къ Роману Митріевичу на почестный пиръ.—
 И говоритъ имъ дядюшка Чолпанъ король литов-
 скій:
 «Ай же вы два Ливика да литовскіихъ,
 «Два племянника королевскіихъ!
 «Ахъ кто не ѣзживалъ на святую Русь,
 «А счастливъ со Россіи не выѣзживалъ.

«Поѣзжайте-тко во чисто поле:
 «Во чистомъ поли есть вѣдъ погребы тамъ глу-
 бокии
 «А насыпаны они золотомъ,—
 «Будетъ вамъ да будетъ вашимъ дѣтямъ вѣдъ.»
 Они съѣздили да во чисто полѣ,
 Они взяли это золото,
 Приѣзжали къ дядюшкѣ Чолпанъ король литовскому
 И говорятъ да таково слово:
 — Ай же ты дядюшка король Чолпанъ, король ли-
 товскій!
 — А мы хотимъ ѣхать на святую Русь,
 — А на святую Русь да въ каменную Москву. —
 Они здумали да ѣ поѣхали.
 Наѣзжали въ Росіи они первое село,
 Велико село да ровно три церкви;
 Они ѣли пили да ѣ пограбили,
 Велико село да огню придали.
 Наѣзжали въ Росіи они второе село,
 Велико село да вѣдъ шесть церквей;
 Они ѣли пили да ѣ пограбили,
 Велико село да огню придали.
 Наѣзжали въ Росіи они третье село,
 Велико село да девять церквей;
 Они ѣли пили да ѣ пограбили,
 Велико село да огню придали.
 Перепадала тутъ вѣсточка нерадостна
 Грозному царю Иванъ Васильевичу:
 «Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 «Ты ѣшь да пьешь да проклаждаешься,
 «Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
 «Наѣзжало вѣдъ два Ливика литовскіихъ,
 «Два племянника да королевскіихъ,
 «Наѣзжали въ Росіи первое село,
 «Велико село да ровно три церкви;
 «Они ѣли пили да ѣ пограбили,
 «Велико село да огню придали.
 «Наѣзжали въ Росіи они второе село,
 «Велико село да вѣдъ шесть церквей;
 «Они ѣли пили да ѣ пограбили,
 «Велико село огню придали.
 «Наѣзжали въ Росіи они третье село,
 «Велико село да девять церквей;
 «Они ѣли пили да ѣ пограбили,
 «Велико село огню придали.
 «Увелили они Настасью Митріевну
 «А съ трехмѣсячнымъ младенчикомъ.»
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ
 Онъ бралъ себи силушки по надобью,
 Онъ бралъ силушки три дружинишки;
 Пошли они къ рѣкѣ да къ Смородни;

Онъ сдѣлалъ тутъ да три жеребья.
 Первый жеребей бросилъ на воду,
 А тотъ жеребей да вѣдь ко дву полъ:
 «А этой дружинишкѣ убитой быть.»
 Онъ сдѣлалъ другой жеребей,
 Онъ вѣдь бросилъ его на воду,
 А пошолъ тотъ жеребей въ поводъ воды:
 «А эта дружинишка въ половъ будетъ взята.»
 Сдѣлалъ третей жеребей,
 Онъ бросилъ его вѣдь на воду,
 Пошолъ жеребей вѣдь встрѣтъ воды:
 «Эта дружинишка со мной будетъ.»
 И пошли они да во чисто поле.
 Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 «Ай же вы дружинишка хоробрая!
 «Я какъ первой разъ закричу чернымъ ворономъ,
 «Вы ѣште пейте да вѣдь кушайте;
 «Второй разъ закричу я чернымъ ворономъ,
 «А вы быдте при всѣй при орудіи;
 «А третій разъ закричу я чернымъ ворономъ,
 «А вы, дружинишка хоробрая,
 «Вы при мнѣ быдте.»
 И пошолъ тутъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 Онъ зашолъ въ ложню въ оружейную,
 А замочки отъ оружицевъ онъ порозвертѣлъ,
 По чисту полю да вѣдь порозбросалъ,
 Отъ тугихъ луковъ тетивочки всѣ побѣщипалъ,
 По чисту полю всѣ порозбросалъ,
 Зашолъ онъ въ стойло лошадиное,
 А головушки у лошадушекъ онъ побѣщипалъ,
 По чисту полю-то всѣ порозбросалъ.
 Обвернулся онъ да горносталечкомъ
 И началъ по бѣлу шатру онъ побѣгивать,
 А вѣдь бѣлъ шатеръ сталъ продрагивать.
 А говорилъ-то тутъ младеничекъ таково слово:
 «А не нашъ ли то дядушка побѣгиваетъ,
 «Что бѣлъ шатеръ да продрагиваетъ?»
 Эте да два Ливика да литовскіихъ,
 Два племянника королевскіихъ
 Приокрили шубой соболиною.
 Выскочилъ горносталечекъ во шубной рукавъ,
 Обвернулся онъ да чернымъ ворономъ.
 Онъ вѣдь сѣлъ да на сѣрой дубъ,
 Закричалъ онъ чернымъ ворономъ;
 А хоробрая да дружинишка
 Они ѣли пили да вѣдь кушали.
 Говорать-то два Ливика да литовскіихъ,
 Два племянника королевскіихъ:
 «Не кричи-тко черной воронъ на сырѣмъ дубу!
 «Мы скоро тебя да позастрѣлимъ.»
 А бѣжали въ ложню въ оружейную, —

А замочки да порозверчены
 По чисту полю да порозбросаны.
 А второй разъ закричалъ черной воронъ на сырѣмъ дубу;
 Вся хоробрая дружинишка обкольчужилась.
 Говорать-то два Ливика да литовскіихъ,
 Два племянника королевскіихъ:
 «А не кричи-тко черной воронъ на сырѣмъ дубу!
 «А мы скоро тебя да й позастрѣлимъ.»
 А хватились они да за тугіи луки,—
 А тетивочки приотщипаны,
 По чисту полю да порозбросаны.
 Закричалъ-то третей разъ черной воронъ;
 А бѣжали они въ стойло лошадиною,—
 А у лошадушекъ головушки поотрублены,
 По чисту полю да порозбросаны.
 Поскакала тутъ дружинишка хоробрая,
 Они взяли этихъ двухъ Ливиковъ литовскіихъ,
 Двухъ племянниковъ королевскіихъ,
 Они взяли, руки ноги имъ повывломали,
 Посадили ихъ да на лошадушки
 А отправили ихъ въ землю-ту литовскую,
 Къ дядушкѣ Чолманъ король литовскому.
 И такую они дали заповѣдь:
 «Не дай Богъ да не дай Господи
 «А бывать больше на святой Руси,
 «Намъ да нашимъ дѣтямъ, нашимъ внучатамъ!»

Записано тамъ же, 10 июля.

XI.

ТИМОФЕЙ АНТОНОВЪ.

Тимофей Антоновъ изъ Типеницы, крестьянинъ 35-ти лѣтъ, земледѣлецъ и деревенскій сапожникъ. Его мать, умершая четыре года тому назадъ, была великая мастерица плѣтъ былинны и знала ихъ очень много. Антоновъ сохранилъ въ памяти только двѣ изъ тѣхъ, которыя она плѣвала.

43.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Говариваль Добрынюшка матушки,
 Говариваль да самъ наказываль:
 «Свѣтъ ли государь да моя матушка,
 «И честна вдова Офимья Александровна!
 «Ты зачѣмъ меня молодца безсчастнаго рѣдила?
 «И ужъ какъ ты бы мѣня нынѣку рѣдила
 «И во снѣ бы море бѣлымъ камешкомъ бросила,
 «И лежалъ бы я Добрыня бѣлымъ камешкомъ
 «И не ѣздилъ бы въ поле поляковать
 «И не билъ бы удалыхъ добрыхъ молодцевъ
 «И не слезилъ бы Добрыня отцевъ мѣтерей.
 «И ужъ какъ понечку, матушка, таперечку,
 «Дай же ты мнѣ-ка прощеньице,
 «И прощенье дай да и благословеньице
 «Мнѣ-ка ѣхать въ далече далече во чисто поле.
 «И ужъ ты дашь прощенье, и поѣду я,
 «А ѣ не дашь прощенье, да ѣ поѣду я.»
 И заходилъ-то ѣнъ въ конюшню бѣлодубову
 И бралъ себи коня не сѣдлана,
 А ѣ не сѣдлана бралъ да не ѣзжана,
 И ужъ ѣнъ уздицю-ту надѣвалъ тесмяную,
 И сѣделашко полагалъ черкальское,
 Подпруги клалъ да изъ семи шелковъ,
 И не ради красы да молодцеюй,
 Ради крѣпости да богатырскоей.
 И ужъ какъ шелкъ-тотъ нѣ рвется, булатъ нѣ
 гнется,
 Красно золото не ржавѣтъ.
 И выходитъ молодцы (такъ) Настасья да Микулична,
 Она спрашивать у Добрыни у Микитича:
 — Аѣ же ты Добрынюшка Никитинъ сынъ!
 — И ужъ ты какъ же нынѣка мнѣ волю дашь:
 — А ѣ вдовой ли жить, аль замужъ пойти? —
 «Ужъ ты молодцы Настасья да Микулична,
 «Ужъ какъ мужъ-то въ лѣсъ, а жена замужъ!
 «Ужъ ты пожди-тко Добрыню перво шесть годовъ, —
 «Перво шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ,
 «И пожди-тко Добрыню второ шесть годовъ;
 «Второ шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ, —
 «И ужъ такъ-то теби да воля вольная,
 «Хоть вдовой живи, хоть замужъ иди.
 «Хоть ты поди нонь за князя, за боярина,
 «Хоть за русьскаго могучаго богатыря,
 «И только нѣ ходи нонь за Олешу за Поповича
 «И за бабьяго да пересмѣшника.»
 И ужъ какъ видли Добрыню нонь сядуци,
 Ужъ не видли Добрынюшки поѣдуци.

Только въ далечи далечи во чисто поле
 Поднималася погода непомѣрная
 А ѣ отъ ископоти да лошадиной.
 И ужъ какъ ждала Настасья перво шесть годовъ,
 Перво шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ.
 Ужъ какъ солнышко Владиміръ князь стольнѣ-
 кievской
 Свата посылаетъ нынѣку свататься,
 Княгиню Опраксию свакою.
 — И ужъ я ждала Добрынюшку перво шесть годовъ,
 — Перво шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ,
 — Ужъ я прожду Добрыню второ шесть годовъ. —
 И ужъ какъ ждала Настасья второ шесть годовъ,
 Второ шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ,
 И ужъ какъ тую пору да въ то времечко
 Честна вдова Офимья Александровна
 Она пошла ко честной обѣдни ко заутреней.
 Въ тую пору да въ то времечко,
 Идетъ съ далеча далеча со чисто поля
 Три калики перехожихъ.
 И ужъ какъ гуля-ты на нихъ да сорочинскіи,
 Подсумки да рыта бархату
 И лапотники на ножкахъ и семи шелковъ
 И въ носу вилетено по камешку по яфанту.
 Они въ день идутъ по красному по солнышку,
 Они въ ночь пдутъ по камешку по яфанту.
 Перва калика перехожая
 Она спрашивала пути широкой дороженьи
 И въ далече въ далече во чисто поле.
 И ужъ какъ друга-та калика перехожая
 Ена проситъ милостинки да подъ окошечкомъ.
 Третья-та калика перехожая
 Ена безъ-проси (такъ) зашла да на вдовинный дворъ.
 И ужъ крест-отъ кладеть да по писаному,
 Поклон-отъ ведеть да по ученому
 И что на вси на четыре нонь на стороны,
 И ужъ какъ молодцы Настасья нонь въ особину.
 И ужъ молода Настасья да Микулична
 Она съ лавочки не стала и поклону-то не въздала.
 И спроговоритъ калика перехожая:
 — А ѣ упито было-то, уѣдено,
 — И въ красній-то было похожено,
 — На добрыхъ коняхъ было поѣзжено!
 — И ужъ какъ понечку было топеречку
 — Съ лавочки не стануть, намъ поклову-то не
 въздають. —
 И поворотъ держитъ калика перехожая
 И во далече въ далече во чисто поле.
 И приходитъ богоданая ѣйна матушка
 И честна вдова Офимья Александровна
 И отъ честной отъ обѣдни отъ заутреней.

Какъ разсказывать молоды Настасья да Микулична:

«Ай же богодана моя матушка,
«Ты честна вдова Офимья Александровна!
«Ужь ты была у честной обѣдни у заутреней,
«Во тую-то пору да въ тое времечко
«Приходило со далеча съ далеча со чиста поля,
«Приходило три катѣнн переходжихъ,
«И ужъ какъ гунья-то на нихъ да сорочинскія,
«Подсумки да рыта бархоту
«И лапотники на ножкахъ и семи шелковъ,
«Въ носу влетено по камешку по яфанту.
«Ени въ день идуть по красному по солнышку,
«Ени въ ночь идуть по камешку по яфанту.»
И спроговорить честна вдова да Александровна:
— Ужь ты молоды Настасья да Микулична!
— Не валики-то были переходжихъ,
— И ужъ какъ русскихъ могучихъ три богатыря:
— Первый богатырь Илья Муромецъ,
— И другой богатырь Пётръ Михайла сынъ
Ивановичъ,
— И ужъ какъ третій-то богатырь Добрынюшка
Микитичъ сынъ.—

И ужъ какъ солнышко Владиміръ князь стольнѣ-
кѣвской

И ужъ ёнъ свата послалъ нынѣку свататься,
И княгиню Опраксию свахонъ.
А ѣи отказывать Настасья всихъ сватовей:
«Ужь я ждала Добрыню перво шесть годовъ,
«Ужь я ждала Добрыню второ шесть годовъ,
«Второ шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ.
«Я пожду-то Добрыню третье шесть годовъ;
«Третье шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ, —
«То что мнѣ-ка буде воля вольная,
«Хоть вдовой живи, а хоть замужъ поди.»

И ужъ какъ тутъ Настасья Микулична
Ждала Добрыню третье шесть годовъ,
Третье шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ.
Ужь какъ солнышко Владиміръ князь стольнѣ-
кѣвской

Свата послалъ какъ онъ свататься,
Княгиню Опраксию свахонъ.
Туть-то вѣдь Настасья Микулична
Она спрашивать у своей богоданой у матушки:
— Ай же богодана моя матушка,
— Ты честна вдова Офимья Александровна!
— Какъ же мнѣ-ка нынѣку волю дашь:
— Аль вдовою жить, аль замужъ пойти? —
Какъ говоритъ она да такovy слова:
«Ай же ты молоды Настасья да Микулична!
«И топеръ теби да воля вольная,

«Хоть вдовой живи, а хоть замужъ поди.»
И ужъ какъ тутъ Настасьяшка замужъ пошла
За этого Олешу за Поповича,
И за бабьяго да пересѣшанка.
И ужъ какъ тутъ у солнышка нынѣ пиръ пошоль,
Прибѣгала со далеча съ далеча со чиста поля,
Прибѣгала скоро скоморошина
Ко честной вдовы Офимьи Александровной,
Говорить она да такovy слова:
— И ты честна вдова Офимья Александровна!
— Ужь ты дай-то мнѣ Добрынины гусельшохъ,
— И поиграть у солнышка у князя на пирѣ вѣдь
все. —

Прибѣгала скоро скоморошина
И говоритъ она да такovy слова:
— Ай же ты князь да стольнѣ-кѣвской!
— Дай же нынѣку мнѣ-ка мѣстце сѣсть,
— Поиграть-то мнѣ въ Добрынины гусельшка. —
Говорить солнышко князь стольнѣ-кѣвской:
«Ай же ты скоро скоморошина!
«Ужь какъ мѣстца-ты вси да призаняты,
«Столько мѣстца что на печки на муравленой.»
И ужъ какъ скочить скоро скоморошина
На эту на печку на муравлену,
Сталь играть въ Добрынины гусельшка;
Ужь ёнъ также играетъ что Добрынюшка Микитичъ сынъ,

Онъ съ Кѣева игралъ все до Новграда,
А ѣи съ Новграда игралъ да все до Кѣева.
И ужъ какъ солнышку игра та прилюбиласи,
Налилъ ёму чару пива пьнаго,
Другу-ту налилъ зеленя вина,
Зелена вина налилъ полтора ведра,
И подноситъ скорой скоморошинѣ:
«И ты бери-тко чару единой рукой,
«Выпей-ко чару единымъ духомъ.»
Ужь какъ бралъ онъ чару единой рукой,
Выпилъ чару единымъ духомъ.
Третью-то налилъ меду сладкаго,
Подноситъ скорой скоморошинѣ:
«Ты бери-тко чару единой рукой,
«Выпей чару единымъ духомъ.»
И говоритъ-то скоро скоморошина:
— Ужь ты солнышко Владиміръ князь стольнѣ-
кѣвской!
— И кому знаю, эту чару поднесу. —
И подноситъ чару нонѣ молоды Настасьи да
Микуличной:
— Молоды Настасья да Микулична!
— Бери-тко чару единой рукой,
— Выпей чару единымъ духомъ.

— Ужь ты пьешь до дна — увидишь добра,
 — А ѣ не пьешь до дна — да не видать добра. —
 Браза она чару единой рукой,
 Пила чару единымъ духомъ;
 Тамъ на дни лежить перстень обрученн,
 Съ котормимъ съ Добрыней обручаласи.
 И ужь какъ тутъ-то Настасья приужахнулась,
 Говорить она да таковы слова:
 «Какъ не тотъ мой мужь, кой возлі мена,
 «А тотъ мой мужь, кой супротивъ мена.»
 И ужь какъ брала его за руки за бѣлыи
 Да за него за перстни за злаченни,
 И цѣловала во уста-то во сахарни.
 И ужь какъ тутъ-то нынъ Добрынюшка Мики-
 тинъ сынъ
 Говорить-то онъ да таковы слова:
 — Не дивую я да глушой женщины,
 — Дивую я солнышку князю стольнѣ-кѣевску,
 — Отъ жива мужа жону отводитъ. —
 И ужь какъ бралъ-то онъ Олешу за желты кудри,
 Бросилъ Олешу на кирпичень мость,
 Только-то Олешенька и женать биваль.

Записано въ Типеницѣ, 10 июля.

44.

ВАСИЛІЙ БУСЛАВЕВИЧЪ.

Жилъ да былъ Буславъ да девяносто лѣтъ,
 Девяносто лѣтъ да цѣлу гнѣсшу,
 И за тымъ Буславъ да переставился.
 Оставлялоси да чадо милое,
 А ѣ милое дитя да что любимое,
 Еще молодой Василій да Буславьевичъ.
 И онъ сталъ на улицу похаживать,
 Съ малымъ ребятами побалывать,
 Не хороби у него да пошли шуточки:
 И кого ѣнъ возьмѣтъ за руку, —
 У того руки да быдто не было,
 И кого ѣнъ возьмѣтъ за ногу, —
 У того ноги да быдто не было.
 Пошли мужики да новгородчана
 Къ честной вдови Намельфы Тимофеевны,
 И творять на него жалобу великую:
 «Честна вдова Намельфа Тимофеевна!
 «Уйми-тко свое да чадо милое,
 «А ѣ милое дитя да что любимое,

«Молода Василья да Буславьева.
 «Не наполнить намъ будетъ малыхъ дѣтушекъ!»
 — Я теперь тебя матушка послушаю. —
 Сталъ онъ стрѣлочекъ подѣлывать,
 Сталъ на стрѣлочкахъ подпись-ту подписывать:
 Кому хочется да сыто ѣсть и пить,
 Тотъ ступай къ Василью на широкой дворъ,
 На широкой дворъ да на почестень пиръ.
 И пошли мужики да новгородчана,
 Пошли старьи да идутъ малыи,
 А еще къ ему да идутъ древнѣ.
 Спроговорить Василій да Буславьевичъ:
 «Кому хочется да сыто ѣсть и пить,
 «Тотъ ступай къ Василью на широкой дворъ,
 «На широкой дворъ да на почестень пиръ.»
 И пошли мужики да новгородчана,
 Идутъ старьи да идутъ малыи,
 Еще къ ему да идутъ древнѣ.
 Испроговорить Василій да Буславьевичъ:
 «Кому хочется да сыто ѣсть и пить,
 «Тотъ ступай къ Василью на широкой дворъ,
 «На широкой дворъ да на почестень пиръ.»
 И пошли мужики да новгородчана,
 И пошли старьи да идутъ малыи,
 Еще къ ему да идутъ древнѣ.
 Испроговорить Василій да Буславьевичъ:
 «Не наполнить буде пива пьянаго,
 «Не насытитъ буде меду сладкаго.»
 Испроговорить Василій да Буславьевичъ:
 «Кто истерпитъ мой черленый вязъ,
 «Тотъ выпьетъ чару зеленя вина,
 «Поклонъ поставитъ да ѣ во дворъ пойдетъ.»
 Еще какъ большій тулится на середняго,
 Средній-то тулится да на меньшаго,
 Отъ меньшаго брата отвѣта нѣтъ.
 Пошли мужики да новгородчана,
 И говорятъ они да таковы слова:
 — И не упито-то было да не уѣдено,
 — И въ краснѣ-то хорошо не бѣло хожено,
 — На добрыхъ коняхъ не было ѣзжено,
 — Безвѣчя на вѣкъ призализано *). —
 И ужь тутъ какъ нынъ Василій да Буславьевичъ
 Допьяна да ѣнъ вѣдъ напивается,
 Испохмѣлица да зашолъ въ маленьку,
 Въ маленьку зашолъ да во челѣдинку,
 Испохмѣлица да плотно спать заснулъ.
 И провѣдала его да родна матушка,
 И заворочала дубьемъ да колодыямъ нонь,

*) т. е. найдено, получено, отъ глагола *лѣзть*, *залѣзати*.

Чтобы не можно вытти на святую Русь.
Идетъ дѣвушка, идетъ служаночка.
На Дунай рѣку идетъ по воду,
И сама Василью нынѣо говоритъ:
«Ай же ты Василій да Буславѣвичъ!
«Долго спишь ты, вѣдь не пробудишься,
«И твоѣ братьѣ, дружина все хоробрая,
«Въ далѣчи далѣчи во чистомъ поли
«А и бьются нонь они да ратятся,
«Главы кушаками перевязаны,
«И уже они да во рудѣ ходять.»
Спроговорить Василій да Буславѣвичъ:
— Ай же ты дѣвушка, ай же ты служаночка!
— И сослужи-тко мнѣ службу не великую,
— И сроботай-ко роботу не тяжелую,
— И отворочай-ко все дубѣ да колоды нонь
— И повипусти Василья на святую Русь. —
Послушала его вѣдь дѣвушка,
Послушала его служаночка,
Отворочала все дубья да колоды нонь
И повипустить Василья на святую Русь.
И ужь какъ наскори попала тутъ телѣжна ось,
Взялъ онъ осью той да помахивать,
Взялъ онъ мужиковъ да поколачивать,
И уже мужиковъ да мало ставится.
Пошли-то мужики да новгородчана
Пошли къ старцишу, пошли къ Ондрицишу
И къ его оцишу *) таки крестному:
«Ай же ты старцише, ай же Ондрицише!
«И уйми-тко чадо милое, дитѣ любимое,
«Еще мѡлода Василья да Буславѣва,
«И оставь-ко мужиковъ хотъ и на сѣмена.»
И пошоль старцише, пошоль Ондрицише,
И на главы-то несе волоколь,
Язвномъ подпирается.
Что Василій здогодается:
— Ай же ты старцише, ай же ты Ондрицише,
— Да мое оцишѣ таки крестное!
— Не даво яичко ти христовское,
— Вотъ теби яичко нонь петровское.
— И ужь ты взглянь-ко на небо,
— Что на неби-то дѣтается. —
И взглянулъ старцише, взглянулъ Ондрицише,
И уперь старциша да подъ яснѣ очн,
И упалъ старцише да о сыру землю.
Только старцишѣ да вѣдь ѣтъ живъ бывалъ.
Ужь какъ тутъ-то нонь Василій да Буславѣвичъ,
Ужь какъ сталъ онъ осью-то помахивать,

Сталь мужиковъ доколачивать,
И уже мужиковъ да мало ставится.
Пошли мужики да новгородчана
Къ честной вдовы да къ Тимофеевной,
И говорятъ они да таковы слова:
«И честна вдова да ты Намельфа Тимофеевна!
«И уйми-тко свое чадо милое,
«А и милоѣ дитѣ любимое,
«И что мѡлода ль Василья да Буславѣва.
«И оставь-ко мужиковъ хотъ и на сѣмена.»
И ужь какъ тутъ честна вдова да Тимофеевна
И садилась ѣна да на добра ковы
И поѣхала во далѣче въ далѣче во чистѡ поле,
А еще къ нему сзadı да призавѣхала
И захватила ѣго за руки за бѣлны
И за него перстни что за злеченные,
И говорить она да таковы слова:
— Ай же ты да мое дитатко,
— И ужь ты мѡлодой Василій да Буславѣвичъ!
— Теби полно во поли нонь поляковать,
— И оставь-ко мужиковъ хотъ и на сѣмена. —
И говорить-то нонь Василій да Буславѣвичъ:
«Ай же ты да моя матушка!
«Кабы ты ко мнѣ да спереди зашла,
«Я теперь бы тебѣ живой да не спустилъ, —
«И росходилось мое сердце богатырское.
«Я теперь тебе матушка послушаю. —
«Ай же вы дружѣе братьѣ хороброе,
«Садитесь-ко на насады черленные,
«Поѣдьте по славному веряжскому!»
И поѣхали по славному по веряжскому.
Заѣхали на гору сорочинскую,
И ничего-то на горы они да не напли;
Столько лежить-то на горы да кость суха глава,
Кость суха глава да человѣцка.
И ужь какъ сталъ Василей кости-то попинывать,
И суху главу да поталыхивать (такъ):
— Ты провѣщись-ко да кость суха глава,
— Кость суха глава да человѣцкинымъ голосомъ,
— Али ты кость да е мошеницка,
— Али ты кость да подорожницка,
— Али ты кость да е татарская,
— Али ты кость да е крестьянская? —
И провѣщилась да кость суха глава
И человѣцкинымъ голосомъ:
«Ай же ты Василій да Буславѣвичъ!
«Ты меня кости не попинывай,
«И сухой главы не поталыхивай.
«Я вѣдь кость-то не мошеницка,
«Я вѣдь кость не подорожницка,
«Я вѣдь кость-то не татарская,

*) Отъ слова *отца*.

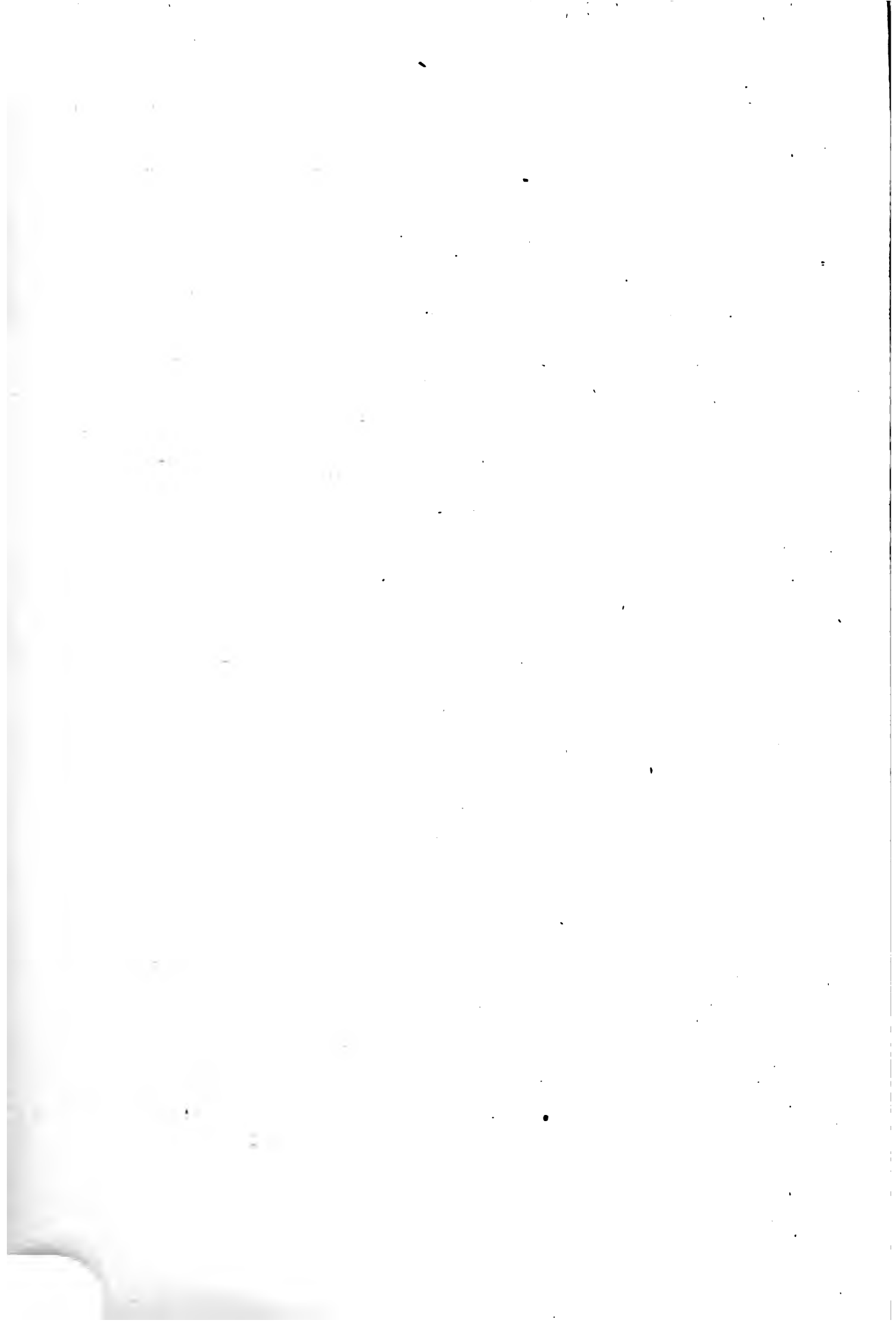
«Я вѣдь кость была крестьянская.
 «Ай же ты Васиій да Буславьевичъ!
 «Ужь какъ тутъ же будешь ты кататися,
 «Тутъ же будешь ты валатися.»
 Ужь какъ тутъ Василью стосковалоси;
 — Ай же вы дружѣ братьѣ хороброе!
 — И пойдете по горы по сорочинскія. —
 И пошли-то по горы по сорочинскія
 И ничего-то на горы они да не нашли;
 Есть только лежатъ на горы бѣлый камешокъ,
 И на камешкѣ подишь-то подисана:
 И кто заѣде на гору на сорочинскую,
 И скочить-то вдоль да бѣла камешка.
 И въ долину-то камень сорока сажень,
 А въ ширину-то камень тридцати сажень.

И ужъ тутъ-то какъ Василью призахвѣстнулось:
 — Ай же вы дружѣ братьѣ хороброе!
 — И скочите впоперекъ-то бѣла камешка,
 — И ужъ какъ я удалый добрый молодець
 — Скочу-то я вдоль бѣла камешка. —
 И самъ завѣлъ скочить, но не дѣскачилъ,
 И ужъ какъ тутъ-то нонь Василью смерть случилося.
 И метали они сходни-ты дубовни,
 И ужъ какъ ставили кресты животворящии.
 Спасеть-то Богъ теби на тишны,
 И вамъ-то добрымъ людямъ на послушанье.

Записано тамъ же, 10 июля.

II.

ШУДОГА.

ПУДОГА.

XII.

НИКИФОРЪ ПРОХОРОВЪ.

Никифоръ Прохоровъ, крестьянинъ дер. Буракова Купецкой волости, 51 года, плотный, средняго роста мужчина, русый, съ небольшою бородкой; живеть земледѣльческимъ трудомъ. Переялъ всѣ былинны, какія знаетъ, отъ своего отца, умершаго 80-лѣтнимъ старикомъ болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. Онъ рассказывалъ, что отецъ, будучи мальчикомъ, былъ нанятъ въ пастухи къ какому-то барину, далеко отъ дому, но гдѣ именно, этого Никифоръ не помнитъ. Мальчишка-пастухъ понравился барину игрою въ рожокъ, и баринъ часто звалъ его къ себѣ въ домъ, держалъ въ комнатѣ, гдѣ сидѣлъ, и заставлялъ по временамъ играть на пастушьемъ рожкѣ, награждая за то пряниками; тѣмъ временемъ у барина сживалъ какой-то старикъ и сказывалъ ему былинны. Тутъ-то мальчишка-пастухъ, прислушиваясь къ пѣнію старика, переялъ отъ него многія изъ былинъ, которыми тотъ услаждалъ барина; когда и не было барина, онъ часто приставалъ къ этому старику, чтобы ему спѣлъ чтонибудь. Таковъ, по словамъ Прохорова, единственный источникъ его былинъ; ни отъ кого другаго, кромѣ отца, онъ ихъ не заимствовалъ. Прохоровъ поетъ очень хорошо и плавно, такъ что нестрогое соблюденіе имъ размѣра дѣлается для слушателя почти незамѣтнымъ. Впрочемъ, не

смотря на неточность размѣра, онъ хорошо сохраняетъ различіе по напѣву между былинами, сложенными хоренческимъ стихомъ, и тѣми, въ которыхъ стихъ дактилическій (какъ напр. № 53). Никифоръ Прохоровъ пѣлъ свои былинны г. Рыбникову, который записывалъ ихъ съ его словъ въ продолженіе дѣлаго вечера, а на слѣдующій день, уѣзжая, поручилъ записать остальные мѣстному исправнику; послѣдній, по словамъ Прохорова, передалъ эту работу своему писарю. Одну изъ былинъ, которыя онъ пѣлъ г. Рыбникову, именно про царя Волшана и Ваньку Удовкина (Рыби. т. I, 76), онъ въ настоящее время уже позабылъ; также не могъ припомнить ничего про Садка, о которомъ при г. Рыбниковѣ зналъ еще отрывокъ (тамъ же, 62).

45.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

(См. Рыбникова, т. I, 4).

Народилъ Микулушка Селягиневичъ,
А тотъ этотъ Вольга да е Всеславьевичъ.
А рыбы ты ушли да въ глубоки станы,
А птицы улетѣли во темныя лѣса,
А звѣри-то ушли за крутыя горы.
Да тутъ этотъ Микулушка Селягиневичъ,

А тутъ Вольга да Всеславьевичъ,
 Повязали оны неводы шелковыи,
 А ту эту рыбушку повѣловили.
 А поладили петелки шелковыи,
 А ту эту птичку повѣдалили.
 А поладили оружьница цильнии,
 А этмихъ звѣрьевъ да повѣстрѣляли.
 Да какъ тутъ-то еще да вѣдь что было,
 Въ поли ратай орѣтъ, сошка наскрыпнваетъ.
 Какъ тутъ этотъ Микулушка Селягинновичъ
 Онъ день-отъ ѣдетъ да другой еще,
 А на третій день онъ доѣхалъ тутъ.
 А нашолъ онъ тутъ въ поли да вѣдь ратая:
 «А Богъ-ти помочь ратай здѣ.»
 — А ты этые Вольга Всеславьевичъ,
 — А пожалуй-ко Микулушка Селягинновичъ! —
 Ино тутъ дубья да колоды въ борозду валить.
 — Ай же ты Вольга да е Всеславьевичъ *). —
 А тутъ-то оны да согласилиси,
 А тутъ-то оны да думу думали
 А ѣхать тутъ оны во Куржовець,
 А ѣхать молодцамъ да во Орѣховець
 А со своей со силушкой великою.
 А набъ-то **) Вольгѣ да сошка обрядить.
 А подхватилъ-то своимъ чоботомъ сафьяннымъ
 А тую-то сошку да ратную,
 А улетѣла тая сошка по подоблачью,
 А пала тая сошка на сырѣ землю,
 А ушла тая сошка до рогача она
 А во тую матушку во сырѣ землю.
 Ино поѣхали они добры молодцы
 А ко тому ко городу ко Куржову,
 А ко Куржову городу къ Орѣхову.
 Какъ тыи мужики были куржевски
 А тыи мужики было орѣховски
 А узнали ихъ-то ѣдучи,
 Что ѣдутъ-то оны къ имъ во Куржовець,
 А ѣдутъ оны къ имъ въ Орѣховець;
 Подѣлали мосточки подильнии,
 Подильнии мосточки все калиновыи,
 Калиновы мосточки все фальшивыи.
 Да зашла эта силушка Никулушкина
 А на эти мосточки на калиновы,
 А подломилась ты мосточки да калиновыи,
 А калиновы мосточки фальшивыи,

*) Не смотря на всѣ указанія, что тутъ нескладница, Прохоровъ не могъ лучше припомнить это мѣсто, но говорилъ только, что самъ сознаетъ, что эта былина у него спуталась въ головѣ.

**) *Набъ* — надобно.

А погнуло тутъ силушки да много той.
 Какъ тутъ-то Микулушка Селягинновичъ,
 А какъ тотъ это Вольга Всеславьевичъ
 А тутъ-то оны да розсердилися,
 А тутъ-то оны да розгнѣвалися,
 Да заѣхали молодцы да во Куржовець,
 А заѣхали оны да во Орѣховець,
 Нахлыстали мужиковъ оны куржевскихъ,
 Нахлыстали мужиковъ оны орѣховскихъ,
 А нахлыстали-то ихъ всихъ до любви:
 Каково вамъ мужики да за дурачество!
 Да поѣхали они тутъ со Куржовца,
 Да поѣхали тутъ по чистѣ полю.
 Да два гонится Микулушка Селягинновичъ
 А за этимъ Вольгѣ да Всеславьевичемъ.
 Какъ говоритъ Микулушка Селягинновичъ:
 «Обожди-тко меня да братъ названни,
 «А ты эты да Вольга Всеславьевичъ.»
 Обождалъ тутъ его Вольга да Всеславьевичъ,
 А сталъ Микулушка цѣны цѣнить,
 А цѣны цѣнить кобылушки той:
 «Да эта кобыла у тебя была содовая,
 «Дать за эту кобылу нунь нятьсотъ рублей.
 «А кабы эта кобылушка конѣмъ была,
 «Дать за этого коня цѣла тысяча.»
 — Да ай же ты Микулушка Селягинновичъ!
 — А не знашь моеи кобылушки цѣны ты цѣнить.
 — Кабы эта кобылушка конѣмъ-то была,
 — Дакъ за этого коня цѣны нѣ было бы.
 — А нунь эта кобылушка кобылой стала,
 — Дать за эту кобылу цѣла тысяча. —

Записано на Марнаволоктѣ, 26 июля.

46.

ИЛЯ И СЫНЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 14).

Да на наше на село на прекрасное,
 На стольней-отъ городъ на Кіевъ градъ
 Наѣзжай молодой младой Солонниковъ,
 А зъ-за того за славна за сини моря,
 Выпрашивать себѣ онъ поединщика:
 «Да ай же ты да князь стольней-киевской!
 «А дай-ко мнѣ-ка ты да поединщика.
 «Какъ ежели какъ не даешь какъ мнѣ,
 «А я-то вѣдь вашъ стольней Кіевъ градъ

«Да я съ коньца его зажгу,
«Головнѣй покачу.»
Какъ тутъ ужъ князь стольнѣ-кѣвской
А шоль-то онъ на выходы высокин
А закричалъ онъ князь во всю голову:
— Да ай же вы русійски всѣ могучин богатыри!
— А подите-тко на думушку великую
— А стольнѣму-то князю къ Володимеру. —
Какъ услышалъ-то ужъ вѣдь этотъ крикъ
А старин казакъ Илья Муромецъ,
Какъ скоро тутъ Ильюшенка справляется
А скоро старичокъ снаряжается.
А приходитъ Илья тутъ да Муромецъ,
Идетъ тутъ Илья онъ по новѣмъ сѣнямъ,
Какъ по тни по гридни по столовни,
Щегъ онъ старикъ, самъ шатается,
А ступеньки мостники подгибаются.
Какъ приходитъ Илья тутъ Муромецъ,
Отворилъ онъ двери тутъ да на пату
А здравствуетъ онъ князя съ княгинею:
«А здравствуй-ко ты князь стольнѣ-кѣвской
«А со своей княгинѣй со Апраксѣй!
«А ты чего кричишь, насъ треложншь ли,
«А насъ русійскиныхъ могучинхъ богатырѣвъ?»
Какъ онъ на то ему да отвѣтъ держитъ:
— Ахъ ты старин казакъ Илья Муромецъ!
— Да какъ-то не кричать, не треложать мнѣ?
— Да на наше на село на прекрасное
— Да на стольнѣй-отъ городъ какъ на Кіевъ градъ,
— Не знаю я, какой то невѣжа есть,
— А наѣзжать зъ-за славна за синѣ мора
— Молодой младой сюды Соловниковъ,
— Выпрашивать себѣ онъ поединщика,
— Какъ говорить-то ми онъ таково слово:
— «Да ай же ты да князь стольнѣ-кѣвской!
— «Дай-ко мнѣ сюда ты поединщика.
— «Какъ ежели ты мнѣ не дѣешь нунъ,
— «А я вашъ стольнѣй-то городъ-то Кіевъ градъ
— «Съ коньца его зажгу,
— «Головнѣй его покачу.» —
Какъ это тутъ Илья да Муромецъ,
Какъ все это Ильюшка повьслушалъ,
Скочилъ онъ какъ Илья на рѣзвѣи ноги,
Ударилъ кулакомъ во дубовый столъ,
А розлетѣлся столъ на вси стороны:
«Да ай же ты князь стольнѣ-кѣвской!
«Какъ я еще могу да служить-стоять
«За стольнѣй-отъ городъ я за Кіевъ градъ.»
Какъ скоро тутъ еще Ильюшенка поворотъ дер-
жалъ,
Приходитъ Ильюшенка назадъ домой,

Какъ скоро тутъ Ильюшенка сѣдлалъ добрѣ коня,
А добраго коня богатырскаго,
Кладывае подируги на подируги,
А кладывае потнички на потнички,
А кладывае войлочки на войлочки,
Сѣдѣлка кладывае на сѣдѣлшка,
Черкальское сѣдѣлко на верѣхъ еще,
А ти эти подтяжечки шелковыи,
Кладывае, самъ выговаривае:
«А не дя-то вѣдь, братцы, красн басы,
«А не дя-то вѣдь мнѣ было угрожества,
«А дя укрьши мнѣ богатырскии.»
Какъ видли-то вѣдь молодца тутъ сядучи,
Не видли какъ удалаго поѣдучи,
Не знаютъ въ кою сторону поѣхалъ онъ.
Поѣхалъ тутъ Ильюша во чисто полѣ,
Какъ приѣзжать Ильюша на Соловника
Изъ далеча изъ чистѣ поля.
Какъ ударилъ онъ Соловника въ голову
А палицей своей богатырскою, —
Какъ сидитъ что ль Соловниковъ, не стрѣхнется,
Какъ жолтн кудѣрка не сворохнутса.
Отѣхалъ тутъ Ильюшка, роздумалса:
«А колько ни татаръ я на вѣкѣ бивалъ,
«А съ одного вѣдь-то разѣу я все пошибалъ,
«А этого вѣдь татарина не могъ сшибить,
«Какъ сидитъ онъ татаринъ, самъ не стрѣхнется,
«А жолтн кудѣрка не сворохнутса.»
Какъ приправливалъ Ильюшенка опять онъ добрѣ
коя
А на того на млада на Соловника.
Какъ ударилъ онъ Соловника опять ёго въ голову
А палицей своей богатырскою, —
А сидитъ что Соловниковъ, не стрѣхнется,
Жолтн кудѣрка не сворохнутса.
Какъ отѣзжалъ Ильюша на чисто полѣ,
На чисто поле далечошенько,
Какъ самъ-то онъ Ильюшенка роздумалса:
«Да это ужъ мнѣ ль не бѣда ль пришла,
«А не бѣда ль пришла, видно смерть пришла?»
Какъ тутъ за тымъ еще Соловникомъ
Рѣчиствъ языкъ тутъ да мѣшается,
А мозги въ головы потрясаются,
А со ясныхъ очей еще видъ теряется.
Какъ говорить Соловникъ таково слово:
— Да ай же вы да слуги мои вѣрнии!
— А ѣдьте вы за славно за синѣ море
— А ко моей ко рѣднни ко матушки,
— А ко тни ко матушки къ Натальюшки,
— А ѣдьте вы не съ радостнымъ извѣстьномъ.
— Не знаю я, какой-то невѣжа есть,

— А наѣзжать изъ далеча ко мнѣ изъ чиста поля
 — А бьетъ-то меня нунь въ буйну голову.
 — А нуньчу у меня топерь у мѳлодца
 — Рѣчьсть языкъ топерь мѣшается,
 — Мозги въ головы потрясаются,
 — А со ясныхъ очей еще видъ теряется. —
 Какъ тутъ ёго слуги-ты вѣрныи
 Поѣхали туда оны съ извѣстницомъ,
 Какъ со тымъ извѣстницомъ нерадостнымъ.
 Какъ тутъ старой тотъ казакъ Илья Муромецъ
 Опять-то онъ приправливалъ добра коня
 На того на млада на Солѳвника.
 Какъ ударилъ онъ Соловника тутъ въ голову
 Палицой своей богатырскою,
 А сидитъ-то что Соловниковъ, не стрѣхнется,
 Опять жолтын кудерка не сворохнутся.
 Какъ тутъ-то Илья онъ удержалъ коня,
 Какъ говоритъ тутъ Илья таково слово:
 «Да ай же ты удалой доброй молодець!
 «Да полно е намъ да битъся ратитъся,
 «А лучше мы еще, доброй молодець,
 «Опустимся мы нунь со добрыхъ коней,
 «Станемъ нунь битъся руконашкою.»
 Какъ тутъ-то вѣдь спускалися оны съ добрыхъ
 коней
 А на тую-то матушку сырѳю землю,
 Пошли-то оны битъся руконашкою.
 Какъ тутъ-то розошлись, разбѣжались, —
 Ильюшенка да былъ онъ свичень-то,
 А свичень-то Ильюшенка, догадливъ онъ, —
 Какъ скоро обскочилъ вѣ околъ ёго,
 Ударилъ-то вѣдь въ сутѣчь да во шею-то,
 Мѳлода ударилъ онъ Солѳвника.
 Какъ сбиль тутъ ёго да на сыру землю,
 Какъ сѣлъ тутъ Ильюшенка Муромецъ,
 А сѣлъ-то къ ёму на бѣлѳю грудь,
 А выдернулъ ножницю самъ кнжѣлицю,
 Занѣсь тутъ Ильюшенка правѳу руку
 А на того на млада на Солѳвника, —
 Тутъ рука въ плечи застоаласи.
 Какъ началъ тутъ Ильюшенка доспрашивать,
 Какъ началъ тутъ Ильюшенка вывѣдывать:
 «Да ай же ты удалой доброй молодець!
 «Ты скажи, скажи, не утай себя,
 «Отца ли ты есть ли царевичъ былъ,
 «Ли короля ли ты еще королевичъ былъ?
 «А ты скажи, скажи да коѣй орды,
 «Ты еще скажи мнѣ да былъ коѣй земли?»
 Какъ говоритъ Солѳвникъ таково слово:
 — Ахъ ты старая собака, сѣдатый пѣсь!
 — Какъ ты нонь надо мною насмѣхаешься.

— Какъ былъ бы я у ты на бѣлѳой груди,
 — Да не спрашивалъ бы у ты ни имени,
 — Не спрашивалъ бы у ты ни изотчины,
 — Прямо бы пласталъ я ти бѣлѳю грудь. —
 Занѣсь опять Ильюшенка вострой-отъ ножъ,
 Вострой-отъ ножъ занѣсь да правѳу руку,
 Да рука въ плечи тутъ застоаласи.
 Какъ началъ тутъ Ильюшенка доспрашивать:
 «Ай же ты удалой доброй молодець!
 «А ты скажи, скажи, не утай себя,
 «Коѣй-то ты орды есть, коѣй земли,
 «А коѣго отца да коѣй матушки?
 «Царь ли ты вѣдь былъ здѣ, царевичъ ли,
 «Король ли ты былъ, королевичъ здѣсь?»
 Говоритъ онъ тутъ таково слово:
 — Ахъ ты старая собака, сѣдатый пѣсь!
 — Нонь ты надо мной надсмѣхаешься,
 — Сидишь ты на моѣй на бѣлѳой груди.
 — Былъ бы я у ты на бѣлѳой груди,
 — Не спрашивалъ бы у ты ни имени,
 — Не спрашивалъ у ты бы ни изотчины,
 — Прямо бы пласталъ я тебѣ бѣлѳю грудь. —
 Занѣсь опять Ильюшенка вострой-отъ ножъ,
 Вострой-отъ ножъ занѣсь, свою правѳу руку,
 Да рука тутъ въ плечи да застоаласи.
 А началъ тутъ Ильюша онъ доспрашивать:
 «Ай же удалой доброй молодець!
 «А ты скажи, скажи, не утай себя,
 «Коѣй-то орды есть, коѣй земли,
 «А коѣго отца да коѣй матушки?
 «Царь ли ты вѣдь былъ здѣ, царевичъ ли,
 «Король ли ты былъ, королевичъ здѣсь?»
 Какъ началъ онъ затѳмъ ему высказывать:
 — Ахъ ты старая собака, сѣдатый пѣсь!
 — Какъ былъ бы я у ты на бѣлѳой груди,
 — Не спрашивалъ бы у ты ни имени,
 — Не спрашивалъ у ты бы ни изотчины,
 — Прямо бы пласталъ я тебѣ бѣлѳю грудь!
 — Когда началъ ты вѣдь нунь выспрашивать,
 — Когда началъ нунь ты вѣдь довѣдывать,
 — Какъ я тебѣ скажу нунь порѳскажу:
 — Есть-то я зѣ-за славна зѣ-за синѳя моря,
 — А есть-то молодой младой Солѳвниковъ,
 — А есть-то я отъ матушки Натальюшки,
 — А вѣдь батюшка не знаю я какой-то былъ. —
 Скочилъ тутъ Илья на рѣзвыи ноги,
 Здымаетъ онъ за рученки за бѣлѳыи:
 «Ахъ ты молодой младой Соловниковъ,
 «Да ахъ же ты вѣдь сынъ мой любимыи!
 «Какъ полно е намъ битъся ратитъся,
 «Лучше мы съ тобой поѣдимъ, попьемъ.»

Какъ сѣли тутъ оны, поѣли, поняли, поеушали,
Бѣлыя лебѣдушки порушали.

Какъ тутъ-то Ильюшенка спать да легъ,

А спитъ онъ молодець, проклаждается,

Надъ собой незлодушки не вѣдаетъ.

Какъ этотъ молодой младой Соловниковъ

Какъ скоро самъ съ собой думу думаетъ,

Какъ скоро натянулъ онъ свой тугой лукъ

А кладывае стрѣлочку каленую,

Какъ скоро онъ стрѣлилъ еще Илью въ бѣлую грудь.

Какъ тутъ еще Ильѣ не къ суду пришло,

Какъ былъ тутъ у Ильи да золотъ крестъ,

А золотъ крестъ онъ былъ три нуда есть.

Какъ ото сна богатырь пробуждается,

Самъ на уличку онъ тутъ пометається,

Какъ выскакалъ онъ въ тонкихъ бѣлыхъ чулочкахъ
безъ чоботовъ

А въ тонкихъ бѣлыхъ рубашки самъ безъ пояса,—

Хватилъ-то онъ Соловника ёго за желтыя кудри,

Какъ бросилъ тутъ его онъ о сыру землю,

Какъ видернулъ ножницю онъ внижалищю, —

Какъ тутъ рука въ плечи не застоилася,

Сборо онъ пласталъ ёму бѣлую грудь,

Какъ вынималъ сердечко тутъ со печенью,

Рѣзѣкъ его на четыре на часточки

А роскидалъ ёго по чисту полю.

Только-то й Соловнику славы поють,

А Пльива-та слава не минуется,

Отъишь-то вѣкъ по вѣку поють его Ильюшенку.

Записано тамъ же, 26 июля.

47.

ИЛѢЯ ВЪ ССОРѢ СЪ ВЛАДИМИРОМЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 18).

А тотъ ли-то князь да стольнѣ-кѣвской
А й сдѣлалъ какъ задернулъ свой почестной пиръ
Для князей, для бояръ да для богатырей,
А для тыхъ богатырей да русскихъ,
Чтобы всяко званіе да шло туда
А на тотъ, на тотъ да на почестной пиръ
А къ стольнѣму князю ко Владимиру.
Да забылъ онъ позвать да что лучшаго,
А что лучшаго да лучшаго богатыря,
А стараго казака Илью Муромца.
Да тутъ-то вѣдь къ Ильюшѣ не къ лицу пришло,

А не къ лицу пришло, стало похабно есть,

И тутъ-то Ильѣ да роззодорился,

А тутъ-то Ильѣ да розретивился.

Какъ скоро натянулъ онъ свой тугой лукъ

А клалъ онъ тутъ стрѣлочку каленую,

А тутъ-то самъ Ильюшенка раздумался:

«А что мнѣ молодцу будѣ подѣлати?»

«А я нынѣ молодець е розгнѣванной,

«А я нынѣ молодець есть роздрѣженной.»

Какъ онъ-то за тымъ тутъ повѣдумалъ,

А стрѣлилъ-то онъ тутъ по Божыимъ церквамъ,

А по тымъ стрѣлилъ по чуднымъ крестамъ

А по тымъ маковкамъ золоченымъ.

Да пали тутъ тыи маковки,

Да пали тутъ, отпали на сыру землю,

Да самъ онъ закричалъ тутъ во всю голову:

«Да ай же вы были голи мои,

«А голи мои вы кабацкии,

«А доброты-то вы еще царскіи!

«А собирайтесь-ко вы да сюда-то вси,

«А обирайте маковки вси золоченыи.

«А подѣйте-ко вы да со мной еще

«А тотъ-то на тотъ да на царѣвъ кабакъ,

«Какъ станемъ нунѣ пить да зеленá вина,

«Да станемъ-то пить да заодно со мной.»

Да какъ тутъ-то эти да голи были,

А голи были оны кабацкии,

А доброты всё были царскіи,

Обирали маковки тыи золоченыи,

Самы оны къ ёму да прибѣгаютъ всё:

— А батюшко ты да отецъ нашъ былъ! —

А пили тутъ оны да зеленó вино,

Какъ пили тутъ оны да заодношенько.

Да какъ видить-то князь что бѣда пришла,

А бѣда-та пришла да неминучая,

Да какъ тутъ-то онъ да е скорымъ-скоро,

А скорымъ скорò, скорò скорешенько,

А сдѣлалъ онъ задернулъ тутъ почостной пиръ

А для стараго казака Ильи Муромца.

Да тутъ-то вѣдь князь да стольнѣ-кѣвской,

Да тутъ-то вѣдь онъ еще думалъ есть

Со князьямъ со бояры со русійскима

А со тима со могучима богатырми:

«А думайте-тко братцы вы нунѣ думашку,

«А думайте-тко братцы думу крѣпкую,

«А думайте думу не продумайте:

«А намъ кого будѣтъ послать да Илью позвать,

«А позвать сюды къ намъ на почестной пиръ,

«А стараго казака Илью Муромца?»

А какъ тутъ-то они да думу думали:

— А намъ-то есть кого послать Илью позвать?

— А пошлемъ-ко мы Добрынюшку Микитича,
 — Онъ ему да вѣдь братъ крестовни,
 — А крестовни-то братецъ да названни,
 — Дакъ онъ-то, бывать, его послушаетъ. —
 Какъ тутъ-то Добрынюшка Микитиничъ
 А приходитъ-то онъ братцу да крестовому,
 Да какъ здравствуетъ онъ братца да крестоваго:
 «А здравствуй-ко братецъ мой крестовни,
 «А крестовни братецъ мой названни!»
 Да какъ старин казакъ Илья Муромецъ
 Да какъ онъ-то его да также здравствуетъ:
 — Ай здравствуй-ко братъ мой крестовни,
 — А молодой Добрынюшка Микитиничъ!
 — Ты зачѣмъ же приполъ да загулялъ сюда? —
 «А приполъ-то я, братецъ, загулялъ къ тебѣ,
 «А о дѣлѣ-то приполъ да не о маломъ.
 «Да у насъ-то съ тобой было раньше того,
 «А раньше того дѣло подѣлано
 «А пописи были пописанны,
 «А заповѣди да поположены,
 «А слушать-то брату да меньшому,
 «А меньшому слушать брата большого.
 «Да еще-то какъ у насъ да есте съ тобой
 «А слушать-то брату вѣдь большому,
 «А ѣ большому слушать брата меньшого.»
 Да тутъ говорить Илья таково слово:
 — Ахъ ты братецъ да мой да былъ крестовни!
 — Да какъ нунечку тонеречку у насъ съ тобой
 — А всѣ-то пописи да были вѣдь пописаны
 — А заповѣди были поположены,
 — А слушать-то брату вѣдь меньшому,
 — А меньшому слушать да большого,
 — А большому слушать брата меньшого.
 — Кабы не братецъ ты крестовни былъ,
 — А некого бы я не послушалъ здѣ!
 — Дакъ послушаю я братца нунь крестоваго,
 — А крестоваго братца я названаго.
 — А тотъ ли-то князь стольнѣ-кѣвской
 — А зналъ-то послать меня кого позвать!
 — Когда ты меня, Добрынюшка Микитиничъ,
 — Меня позвалъ туды да на почетной пиръ,
 — Да я тебя братецъ же слушаю. —
 Да приходитъ онъ къ князю къ Володимеру
 Да тотъ старин казакъ да Илья Муромецъ
 А со тымъ съ Добрынюшкой съ Микитичемъ,
 А со братомъ со своимъ да со крестовнымъ.
 А давають ему тутъ мѣсто не меньшее,
 А не меньшее мѣсто было — большое,
 А садятъ-то ихъ во большій уголь,
 А во большій уголь да за большій-отъ столъ.
 Да какъ налили тутъ чару зеленá вина,

А несли эту чару радомъ къ ему
 А къ старому казаку къ Илье къ Муромцу.
 Да какъ принялъ онъ чару единой рукой
 А выпилъ онъ чару во единой здохъ.
 А другú наливали пива пьянаго,
 А несли эту чару радомъ къ ему,
 А принялъ тутъ Ильюша единой рукой,
 Еще выпилъ онъ опять тутъ во единой здохъ.
 Какъ третью наливали мѣду сладкаго,
 Да принялъ молодецъ тутъ единой рукой,
 Еще выпилъ онъ опять тутъ во единой здохъ.
 Тутъ наѣлиси, напились вси, накушались,
 Да стали тутъ они да вси пьянѣшеньки
 А стали тутъ они вси веселѣшеньки.
 Какъ говорить Илья тутъ таково слово:
 — Ай же ты князь стольнѣ-кѣвской!
 — А зналъ-то послать кого мѣня позвать,
 — А послалъ-то братца ко мнѣ ты крестоваго,
 — А того-то мни Добрынюшка Микитича.
 — Кабы-то мни да вѣдь не братецъ былъ,
 — А некого-то я бы не послушалъ здѣ,
 — А скоро натянулъ бы я свой тугой лукъ,
 — Да клалъ бы я стрѣлочку каленую,
 — Да стрѣлилъ бы ты въ гридню во столовую,
 — А я убилъ бы ты князя со княгинюю.
 — За это я тебѣ-то нунь прошу
 — А эту вино да ты великую. —

Записано тамъ же, 26 июля.

48.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

(См. Рыбникова, т. I, 17).

Какъ сильное могучо-то Иванищо,
 Какъ онъ Иванищо справляется,
 Какъ онъ-то тутъ Иванъ да снаряжается
 Итти къ городу еще Еросолиму,
 Какъ Господу тамъ Богу помолитися,
 Во Ёрдаи тамъ рѣченки кушатися,
 Въ кипарисномъ деревци сушитися,
 Господнѣму да гробу приложитися.
 А сильное-то могучо Иванищо,
 У его лапотци на ножкахъ семи шелковъ,
 Ключа-то у его вѣдь сорокъ пудъ.
 Какъ ино тутъ промежъ-то лапотци поплѣтени
 Каменя-то были самоцвѣтны.

Какъ межѣн цидень да шоль онъ по красному
солнышку,
Въ осенну ночь онъ шоль по доро́гому каменю
самоцвѣтному.

Ино тутъ это сильной могучей Иванищо
Сходилъ къ городу еще Еросóлимю,
Тамъ Господу-то Богу онъ молился есть,
Во Ёрдань-то рѣченки купался онъ,
Въ кипарисномъ деревци сушился бы,
Господнему-то гробу приложился да.
Какъ тутъ-то онъ Иванъ поворотъ держалъ,
Назадъ-то онъ тутъ шоль мимо Царь-отъ градъ.
Какъ тутъ было еще въ Царі-гради
Наѣхало погано тутъ Идолищо,
Одогѣли какъ поганы вси татарева,
Какъ скоро тутъ святни образа были покóлоты,
Да въ черны-то грязи были потоптаны,
Въ Божьихъ-то церквахъ онъ началъ тутъ коней
кормить.

Какъ это сильно могуче тутъ Иванищо
Хватилъ-то онъ татарина подъ пазуху,
Вытащилъ погана на чистó поле
А началъ у поганаго доспрашивать:
«Ай же ты татаринъ да невѣрный былъ!
«А ты скажи, татаринъ, не утай себя:
«Какой у васъ погано есть Идолищо,
«Великъ ли-то онъ ростомъ собой да былъ?»
Говорить татаринъ таково слово:
— Какъ есть у насъ погано есть Идолищо
— Въ долину двѣ сажени печатныхъ,
— А въ ширину сажень была печатная,
— А головищо что вѣдь люто лохóлищо,
— А глазища что пивныи чáпища,
— А носъ-отъ на рожѣ онъ съ локоть былъ. —
Какъ хватилъ-то онъ татарина тутъ за руку,
Бросилъ онъ ёго въ чистó полѣ,
А розлетѣлись у татарина тутъ косточки.
Пошоль-то тутъ Иванищо впередъ опять,
Идетъ онъ путемъ да дорожкойю,
На стрѣчу тутъ ему да стрѣчается
Старини казакъ Илья Муромецъ:
«Здравствуй-ко ты старини казакъ Илья Муро-
мецъ!»

Какъ онъ ёго вѣдь тутъ еще здравствуетъ:
— Здравствуй сильной могучо ты Иванищо!
— Ты откуль идешь, ты откуль бредешь,
— А ты откуль еще свой да пúть держишь? —
«А я бреду, Илья еще Муромецъ,
«Отъ того я города Еросóлима.
«Я тамъ былъ ино Господу Богу молился тамъ,
Во Ёрдань-то рѣченки купался тамъ,
»

«А въ кипарисномъ деревци сушился тамъ,
«Ко Господнему гробу приложился былъ.
«Какъ скоро я назадъ тутъ поворотъ держалъ,
«Шоль-то я назадъ мимо Царь-отъ градъ.»
Какъ началъ тутъ Ильюшенка доспрашивать,
Какъ началъ тутъ Ильюшенка довѣдывать:
— Какъ все ли-то въ Царі-гради по старому,
— Какъ все ли-то въ Царі-гради по прежнему?—
А говорить тутъ Иванъ таково слово:
«Какъ въ Царі-гради-то нувчю не по старому,
«Въ Царі-гради-то нувчю не по прежнему.
«Одогѣли есть поганыи татарева,
«Наѣхалъ есть поганое Идолищо,
«Святни образа были покóлоты,
«Въ черныи грязи были потоптаны,
«Да во Божьихъ церквахъ тамъ коней кормить.»
— Дуракъ ты сильной могучо есть Иванищо!
— Силы у тебя есте съ два меня,
— Силости, ухватки половинки вѣтъ.
— За первни бы рѣчи тебя жаловалъ,
— За эти бы тебя й наказалъ
— По тому-то тѣлу по на́гому!
— Зачѣмъ же ты не выручилъ царя-то Костян-
тина Боголюбова?
— Какъ ино скоро розувай же съ ногъ,
— Лапотци розувай семи шелковъ,
— А обувай мои башмачники сафьянни.
— Сокручуся я каликой перехожею. —
Сокрутился е каликой перехожею,
Давать-то ему тутъ своего добра коня:
— На-ко сильной могучо ты Иванищо,
— А на-ко вѣдь моего ты да добра коня!
— Хотя ты ѣзди ль, хотъ водкомъ води,
— А столько еще, сильной могучо ты Иванищо,
— Живи-то ты на улóвномъ *) этомъ мѣстечки,
— А живи-тко ты еще, ожидай меня,
— Назадъ-то сюды буду я обратно бы.
— Давай сюды влюшú-то мнѣ-ка сорокъ пудъ.—
Не дойдеть тутъ Ивану розговаривать,
Скоро подавать ему влюшу свою сорокъ пудъ,
Взимать-то онъ отъ ёго тутъ добра коня.
Пошоль тутъ Ильюшенка скорымъ скоро
Той ли-то каликой перехожею.
Какъ приходилъ Ильюшенка во Царь-отъ градъ,
Хватилъ онъ тамъ татарина подъ пазуху,
Вытащилъ его онъ на чистó полѣ,
Какъ началъ у татарина доспрашивать:
— Ты скажи, татаринъ, не утай себя,
*) Уловное мѣсто — гдѣ легко уловить или найти кого-
нибудь.

— Какой у васъ невѣжа есть поганый былъ,
 — Поганый былъ поганое Идолицо? —
 Какъ говорить татаринъ таково слово:
 «Есть у насъ поганое Идолицо
 «А росту двѣ сажени печатныхъ,
 «Въ ширину сажень была печатная,
 «А головищо что вѣдь лютое лохалищо,
 «Глазища что вѣдь пивныя чѣшища,
 «А носъ-отъ вѣдь на рожи съ локоть былъ.»
 Хватилъ-то онъ татарина за руку,
 Бросилъ онъ ёго во чисто поле,
 Розлетѣлись у ёго тутъ косточки.
 Какъ тутъ-то вѣдь еще Илья Муромецъ
 Заходитъ Ильюшенка во Царь-отъ градъ,
 Закричалъ Илья тутъ во всю голову:
 — Ахъ ты царь да Костянтипъ Боголюбовичъ!
 — А дай-ка мнѣ калики перехожіи
 — Злато мнѣ, милостину спасеную. —
 Какъ иво царь-онъ Костянтипъ-онъ Боголюбовичъ
 Онъ-то вѣдь ужъ тутъ зрадовѣется.
 Какъ тутъ въ Цари-гради отъ брыку еще каличьяго
 Теремы-то вѣдь тутъ пошатался,
 Хрустальніи оконнички посыпались,
 Какъ у поганого сердечко тутъ ужъхнулось.
 Какъ говорить поганой таково слово:
 «А царь ты Костянтипъ Боголюбовъ былъ!
 «Какой это калика перехожая?»
 Говоритъ тутъ царь Костянтипъ таково слово:
 — Это есте русская калика здѣ. —
 «Возьми-ко ты каликушку къ себѣ его,
 «Корми-ко ты каликушку да пои его,
 «Надай-ко ему ты злата сѣребра,
 «Надай-ко ему злата ты дѣлюби.»
 Взималъ онъ царь Костянтипъ Боголюбовичъ,
 Взималъ онъ тутъ каликушку къ себѣ его
 Въ особой-то покой да въ потайныи,
 Кормилъ поилъ калику, зрадовѣется,
 И самъ-то онъ ему вопроговоритъ:
 «Да не красное ль то солнышко порѣспекло,
 «Не младъ ли здѣ свѣтелъ мѣсяцъ порѣсвѣтилъ?
 «Какъ нуечку топеречку здѣ еще
 «Какъ намъ еще сюда показался бы
 «Какъ старши казакъ здѣсь Илья Муромецъ.
 «Какъ нуль-то есть было топеречку
 «Отъ тии бѣды онъ насъ повыручить,
 «Отъ тии отъ смерти безнапрасныи!»
 Какъ тутъ это поганое Идолицо
 Возимаетъ онъ калику на доспросъ къ себи:
 — Да ай же ты калика было русская!
 — Ты скажи, скажи калика, не утай себя,
 — Какой-то на Руси у васъ богатырь есть,

— А старши казакъ есть Илья Муромецъ?
 — Великъ ли онъ ростомъ, по многу ль хлѣба ѣсть,
 — По многу ль еще пьеть зеленѣ вина? —
 Какъ тутъ эта калика было русская
 Началъ онъ калика тутъ высказывать:
 «Да ай же ты поганое Идолицо!
 «У насъ-то есть во Києви
 «Илья-то вѣдь да Муромецъ
 «А волосомъ да возрастомъ ровнѣмъ съ меня,
 «А мы съ имъ были братьица крестовныи,
 «А хлѣба ѣсть какъ по три-то колачика крупив-
 чатыхъ,
 «А пьеть-то зелена вина на три пятачика на
 мѣдныхъ.»
 — Да чортъ-то вѣдь во Києви-то есть, не богатырь
 былъ!
 — А былъ бы-то вѣдь здѣ да богатырь тотъ,
 — Какъ я бы тутъ его на долонь-ту влялъ,
 — Другой рукой опять бы сверху прижалъ,
 — А тутъ бы еще да вѣдь блинъ-то сталъ,
 — Дунуль бы его во чисто поле!
 — Какъ я-то еще вѣдь Идолицо
 — А росту двѣ сажени печатныхъ,
 — А въ ширину-то вѣдь сажень была печатная,
 — Головищо у меня да что люто лохалищо,
 — Глазища у меня да что пивныи чѣшища,
 — Носъ-отъ вѣдь на рожи съ локоть бы.
 — Какъ я-то вѣдь да къ выти хлѣба ѣмъ
 — А вѣдь по три-то нечи печонныхъ,
 — Пью-то я еще зелена вина
 — А по три-то ведра я вѣдь мѣрныхъ,
 — Какъ штей-то я хлебаю — по яловицы есте
 рускин *). —

Говоритъ Илья тутъ таково слово:
 «У насъ какъ у попа было ростовскаго
 «Какъ была что корова обжориста,
 «А много она ѣла, пила, тутъ и трѣснула,
 «Тебѣ-то бы поганому да также быть.»
 Какъ этии тутъ рѣчи не слюбились,
 Поганому ему не къ лицу пришли,
 Хватилъ какъ онъ ножищо тутъ книжалищо
 Со того стола со дубова,
 Какъ бросилъ ёнъ во Илью-то Муромца,
 Что въ эту калику перехожую.
 Какъ тутъ-то вѣдь Илья не дойдѣтъ сидѣть,
 Какъ скоро ёнъ отъ ножика отскакивалъ,
 Колпакомъ тотъ ножикъ пріотваживалъ.
 Какъ пролетѣлъ тутъ ножикъ да мимо-то,
 Ударилъ онъ во дверь во дубовую,

*) т. е. въ этихъ щакъ есть цѣлая тѣлаа.

Как выскочила дверь тутъ съ ободверной,
Улетѣла тая дверь да во сѣни-ты,
Дѣвѣдѣ тамъ своихъ да татаровой
На жертвѣ убило, друто равнило.
Какъ остальнѣ татарѣ проклинають тутъ:
— Буди грою проклять, нашъ татаринъ ты! —
Какъ тутъ оишь Ильюшѣ не доидеть сидѣть,
Скоро онъ къ поганому подсѣкаивалъ,
Ударилъ какъ клюшой его въ голову,
Какъ тутъ-то онъ поганый да захамкалъ есть.
Хватилъ затымъ поганого онъ за ноги,
Какъ началъ онъ поганымъ тутъ помахивать,
Помахивать Ильюша, выговаривать:
«Вотъ мнѣ-ка братцы нуньчу оружьѣ по плечу
пришло.»

А бѣтъ-то, самъ Ильюша выговаривать:
«Крѣпокъ-то поганый самъ на жилочкахъ,
«А тянется поганый, самъ не рвется.»
Началъ онъ поганыхъ тутъ охаживать
Какъ этимъ поганымъ Идолицомъ.
Приблизъ-то онъ поганыхъ всихъ въ три часу
А не оставилъ тутъ поганого на сѣмена.
Какъ царь тутъ Костянтинъ-онъ Боголюбовичъ
Благодарствуетъ его Илью Муромца:
— Благодаримъ тебя ты старин казакъ Илья Му-
ромецъ!

— Нонь ты насъ еще да повырчишь,
— А нонь ты насъ еще да повыключишь
— Отъ тни отъ смерти безнапрасныи.
— Ахъ ты старин казакъ да Илья Муромецъ!
— Живи-тко ты здѣсь у насъ на жительство,
— Пожалую тебя я воеводую. —

Какъ говоритъ Илья ему Муромецъ:
«Спасибо царь ты Костянтинъ Боголюбовичъ!
«А послужилъ у ти столькѣ *) я три часу,
«А выслужилъ у ти хлѣбъ соль мяккую,
«Да я у ти еще слово гладкое,
«Да еще увѣтливо да привѣтливо.
«Служилъ-то я у князя Володимера,
«Служилъ я у его ровню тридцать лѣтъ,
«Не выслужилъ-то я хлѣба соли тамъ мяккѣи,
«А не выслужилъ-то я слова тамъ гладкаго,
«Слова у его я увѣтлива есть привѣтлива.
«Да ахъ ты царь Костянтинъ Боголюбовичъ!
«Нельзя-то вѣдь еще мнѣ здѣ-ка жить,
«Нельзя-то вѣдь-то было, невозможно есть:
«Оставленъ есть оставешъ (такъ) на дороженки.»
Какъ царь-тотъ Костянтинъ Боголюбовичъ
Насыпалъ ему чашу красна золота,

А другую-ту чашу скачна жемчугу,
Третьюю еще чиста сѣребра.
Какъ принималъ Ильюшенка, взибалъ къ себѣ,
Высыпалъ-то въ кармакъ злато сѣребро,
Тотъ ли-то этотъ скачный жемчужокъ,
Благодарилъ-то онъ тутъ царя Костянтина Бого-
любова:

«Это вѣдь мое-то заработное.»
Какъ тутъ-то съ царѣмъ Костянтиномъ респро-
стилися,
Тутъ скоро Ильюша поворотъ держалъ.
Придетъ онъ на узовно это мѣстечко,
Ажно тутъ Иваннцо притаскано,
Да ажно тутъ Иваннцо придерзано *).
Какъ и приходитъ тутъ Илья Муромецъ,
Скидывалъ онъ съ себѣ платья-ты каличѣи,
Розувалъ лапѣтцы семи шелковъ,
Обувалъ на ножки-то сапожки сафьянныи,
Надѣвалъ на ся платыца цвѣтныи,
Взималъ тутъ онъ къ себѣ своего добра коня,
Садился тутъ Илья на добра коня,
Тутъ-то онъ съ Иваннцомъ еще респрощается:
«Прощай-ко нунь ты сильной могучо Иваннцо!
«Впредь ты такъ да больше не дѣлай-ко,
«А впрѣчай-ко ты Русію отъ поганыхъ.»
Да поѣхалъ тутъ Ильюшенка во Кіевъ градъ.

Записано тамъ же, 26 іюля.

49.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Какъ молодой Добрынюшка Микитиниць
Онъ ходилъ гулять по чисту полю,
Прѣзжалъ Добрынюшка къ сыру дубу.
Какъ сидитъ-то вѣдь тутъ на сыромъ дубу,
Сидитъ-то еще сидитъ цѣрнѣи враць.
Какъ тутъ этотъ Добрынюшка Микитиниць
Натягивалъ скоро свой онъ тѣгой лукъ
А клѣмѣе стрѣлочку каленую,
А хочеть онъ стрѣлѣть тутъ цѣрна ворона.
Воронъ тутъ ему sproзвѣчилъ
А тымъ этимъ язѣкомъ чоловѣческѣи:
«Да ай же ты Добрынюшка Микитиниць!
«А не стрѣли цѣня цѣрна ворона,
«Я тебѣ сважу всё порѣскажу.

*) т. е. только.

*) т. е. у него платье истаскано и порвано.

«Какъ въ Києви ребята есть говорятъ:
 «Старца-то убить есть не спасенъ,
 «Какъ ворона-то стрѣлить не корысть буде по-
 лучить,
 «Сизымъ перьемъ воронинымъ не натѣшиться,
 «Мясомъ те жонимъ не наѣстися.»
 Какъ у того было да у ворона
 Пользъ конецъ-то крылья были бѣлыи.
 Какъ говорить-то воронъ таково слово:
 «Ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
 «А я тебѣ скажу все поробскажу.
 «Ѣдъ же ты на гору на высокую
 «А на тое на шоломцѣ искатнеѣ,
 «А тамъ-то есть три чудушка три чудныхихъ,
 «Тамъ-то есть три дивушка три дивныхихъ:
 «Какъ первое тамъ чудо бѣлымъ-бѣло,
 «А другое-то чудо краснымъ-красно,
 «А третее-то чудо чернымъ-черно.»
 Какъ тутъ этотъ Добрынюшка Микитиницъ
 Какъ скоро молодецъ самъ пороздумался,
 Говорить тутъ ворону: «это правда есть,
 «А старца вѣдъ убить буде не спасенъ,
 «Ворона стрѣлить не корысть буде получитьъ,
 «А сизымъ воронинымъ перьемъ мнѣ-ка не на-
 тѣшиться,
 «Мясомъ мнѣ его не наѣстися.»
 Какъ отнускалъ Добрынюшка свой тугой лукъ
 А вынималъ онъ стрѣлочку каленую,
 Самъ-то онъ еще тутъ пороздумался:
 — А лучше я поѣду что на гору на высокую,
 — На тое-то я шоломцѣ искатнее,
 — Глянуть-то тамъ три чуда я три чудныхихъ,
 — Глянуть-то я три дивушка три дивныхихъ. —
 Какъ скоро онъ приравливалъ добра коня,
 Тутъ скорымъ-скоро, скоро да скорѣшенько
 Вхалъ онъ на гору на высокую
 А на тое-то на шоломцѣ искатнее.
 Какъ смотреть тутъ Добрынюшка Микитиницъ,
 Какъ иво тутъ стоитъ шатѣръ бѣлополотняной,
 Какъ у патра замокъ былъ булатнн,
 На замоку тутъ подпись подписана:
 «Кто во шатѣръ еще сюды заходитъ,
 «Тотъ изъ шатра живъ да не выводитъ.»
 Какъ розгорѣлось его сердце богатырское,
 Ударилъ кулакомъ по замоку-то онъ,
 Отпалъ замокъ вѣдъ тутъ на сыру землю.
 Смотрить тутъ Добрынюшка Микитиницъ,
 А тамъ въ шатрѣ столы были розставлены,
 Тамъ въ шатрѣ да ѣствы-ты розложены.
 Какъ онъ-то тотъ Добрынюшка Микитиницъ
 Не столько молодецъ да вѣдъ ѣлъ-то пилъ,

А сколько молодецъ онъ тутъ на-земь срылъ
 А спролилъ молодецъ, во ногахъ стоятъ.
 А самъ молодецъ онъ да спать-то лѣгъ.
 А спать онъ молодецъ прокладается,
 А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
 Изъ далеча тутъ вѣдъ изъ чиста поля
 А прѣзжать Олеша смнъ Поповичъ былъ,
 А смотреть тутъ Олешенька на чудо-то:
 Не столько вѣдъ да спито, съѣдено,
 Сколько спролито да срыто, въ ногахъ притоптано.
 А тутъ-то вѣдъ Олеша розретивился
 А розгорѣлось его сердце богатырское.
 Занесъ-то онъ вострѣ копьѣ вострымъ коньцѣмъ.
 Хочетъ онъ ударить Добрынюшку въ бѣлую грудь.
 За тымъ-то онъ Олешенька роздумался:
 «Не честь-то мнѣ хвала да молодецкая
 «А бить-то мнѣ-ка соннаго что мѣртваго.
 «А лучше сяду на добра коня Добрынина,
 «А буду биться, стану я драться ратиться
 «Со тымъ съ Добрынюшкой съ Микитицомъ.
 «А на томъ на добромъ кони Добрыниномъ.»
 Садился тутъ Олеша на добра коня,
 А на того добра коня Добрынина, —
 Какъ ударилъ онъ Добрынюшку тупымъ коньцѣмъ,
 Тупымъ коньцѣмъ ударилъ да вострымъ коньцѣмъ.
 Ото сна богатырь пробуждается,
 На лицу тутъ скоро пометается.
 Выскакалъ онъ въ тонкихъ бѣлыхъ чулочкахъ
 безъ чоботовъ
 А въ тонкн бѣлыи рубашкѣ что безъ пояса.
 Да тутъ Добрынюшка Микитиницъ
 А ухватилъ онъ свою палицу еще богатырскую.
 Какъ начали тутъ драться они ратиться.
 Добрынюшка поскакивать шхотую,
 Олешенька тотъ ѣздитъ на добромъ конѣ,
 А на томъ на добромъ конѣ Добрыниномъ.
 Какъ день бьются они тутъ не ѣдаючи,
 Ночь бьются они да не пиваючи.
 Какъ другой день бьются они и другу ночь,
 Отдоху-то вѣдъ тутъ имъ не дается.
 А третій день бьются и третью ночь,
 Отъ нихъ пошоль-то тутъ еще стукъ да гремъ
 А стала мать земелюшка продагивать.
 Какъ этотъ услыхалъ-то стукъ да гремъ
 А старин казакъ тутъ Илья Муромецъ,
 Какъ тутъ сидитъ Ильюшенка, самъ думаетъ:
 — А й это есте русскнн богатыри.
 — Гдѣ ни-то дерутся оны, ратятся? —
 Какъ скоро тутъ Ильюшенка сѣдлаъ добра коня,
 Кладывалъ онъ подпруги на подпруги,
 А кладываетъ потнички на потнички,

Кладывает войлочки на войлочки
 А кладывает сѣделка на сѣделышка,
 Черкальское сѣделко на верѣхъ еще,
 Ты эти подтяжечки шелковыи,
 Кладывает, самъ выговаривать:
 — А не для-то мнѣ, братцы, красы басы,
 — А не для-то вѣдь было для угожества,
 — Для укрѣпы мнѣ богатырскіи. —
 Какъ видли что вѣдь молодца да сядучи,
 Не видли тутъ удалаго поѣдучи,
 Не знаютъ, во кою сторону уѣхалъ онъ.
 Какъ ѣхалъ тутъ Ильюша на круту гору,
 На тое-то шоломцѣ некатнее,
 Дажно тутъ дерутся есть два русскіихъ богатыря,
 Молодой Добрынюшка Микитиницъ
 А смѣли Олешенька Поповичъ-онъ.
 Какъ захватилъ Ильюшенка Добрыню во праву
 руку,
 Олешу захватилъ самъ во лѣвую,
 А закричалъ Ильюша во всю голову:
 — Ай же вы русійскіе могучіе богатыри!
 — А вы надъ чимъ деретесь да ратитесь? —
 Какъ говоритъ Олеша таково слово:
 «Ахъ ты старини казакъ Илья Муромецъ!
 «Да какъ-то мнѣ не драться не ратиться?
 «Какъ у меня въ шатрѣ были столы тамъ роз-
 ставлены,
 «У меня-то ѣствы вси розложены, —
 «Какъ этотъ-то Добрынюшка Микитиницъ,
 «Не столько онъ Добрынюшка да сѣлъ да спилъ,
 «А сколько онъ тутъ спроилъ да на-земь срылъ,
 «На-земь срылъ Добрыня, во ногахъ стопталъ,
 «А мнѣ-ка молодцу того-то жалъ.»
 Говоритъ Ильюша таково слово:
 — Спасио ти Олеша, за своею стоишь. —
 Говоритъ Добрынюшки Микитицу:
 — Да ахъ же ты Добрынюшка Микитиницъ,
 — Крестовый братъ ты мой да названни!
 — А ты надъ чимъ дерешься да ратишься? —
 «Ахъ ты братъ мой крестови названни,
 «А старини казакъ ты Илья Муромецъ!
 «Какъ-то мнѣ не драться да не ратиться?
 «Какъ у ёго у пса у розбойника
 «Фальшивая да написъ написана:
 «Какъ кто въ шатѣръ сюды еще заходитъ,
 «Тотъ съ шатра да живъ тутъ не вѣходитъ;
 «А я хочу-то живъ да повитти есть.»
 — Спасио ти Добрыня, на чужомъ дому смѣло
 поступашъ. —
 А ино вѣдь-то тутъ еще Ильюша вопроговоритъ:
 — А укротите вы да сердце богатырское,

— А назовитесь вы да братьями крестовима,
 — А лучше вы крестами побратайтесь. —
 А ёнъ ихъ уlestилъ тутъ угворилъ,
 Да тутъ они не начали больше битися ратиться,
 Укротили сердце богатырское.
 Какъ тутъ они крестами побратались,
 Назвались братьями крестовима:
 Добрынюшка назвался да большой братъ,
 Алешенька назвался меньшой ёму.
 Какъ тутъ розошлись порозѣхались.
 Какъ тутъ-то на стольней-отъ городъ какъ на
 Киевъ градъ
 Наѣзжала тутъ поганá Литва,
 Одогъли что ль поганни татарева.
 На ту пору было на то времячко
 Богатырей тамъ дома не случилось,
 Случилось только два русскихіихъ два богатыря,
 А молодой Добрынюшка Микитиницъ,
 Смѣлой-то Олешенька Поповицъ былъ.
 Какъ говоритъ Добрыня таково слово:
 «Ахъ же ты Олешка сынъ Поповичъ былъ!
 «Сѣдай-ко ты своего добра коня,
 «Поѣдемъ мы съ тобой во чисто поле
 «А станемъ битъ поганихъ татаревей,
 «Одолимъ ли тамъ мы погану Литву.»
 Какъ скоро тутъ Добрынюшка сѣдлаеъ добрыхъ
 коней,
 Кладываеъ онъ подпруги на подпруги
 А потнички Добрынюшка на потнички,
 Войлочки что еще на войлочки,
 Сѣделышка еще на сѣделышка,
 Черкальское сѣделко на верѣхъ еще,
 Ты эти подтяжечки шелковыи,
 А кладываетъ, самъ онъ выговаривать:
 «Не для-то мнѣ, братцы, красы басы,
 «А не для-то вѣдь было для угожества,
 «Для укрѣпы мнѣ богатырскіи.»
 Поѣзжать Добрыня, самъ наказывать:
 «Ахъ же ты моя молода жена,
 «Да нушь ты Васялиста Микулична!
 «Уѣду я вѣдь нушь во чисто поле
 «А битъ тамъ я поганихъ татаревей,
 «Тую эту тамъ погану Литву.
 «Какъ пройдетъ поры времечки три году,
 «А живъ-то я сюда не появлюсь еще,
 «Да тожно ты вѣдь хоть вдовой живи,
 «А хоть ли ты тутъ да замужъ поди,
 «Стольки ты не ходи-тко за Олешенку Поповица.»
 Какъ видли молодца ёго сядучи,
 Не видли тамъ удалаго поѣдучи.
 Какъ тутъ этотъ Добрынюшка Микитиницъ

А съ тымъ съ этымъ Олешенькой Поповицмъ
 Бхали они тутъ во чистомъ полѣ.
 Приправливалъ Добрынюшка добра коня,
 Забхалъ въ эту силушку въ середочку,
 Какъ начать бить ту силу татарскую, —
 Олешенька стоитъ тамъ на чистомъ поли,
 Какъ смотреть-то онъ на брата онъ крестоваго,
 Какъ бѣтса тамъ Добрынюшка Микитиницъ.
 Прибилъ-то тотъ Добрынюшка Микитиницъ
 Какъ эту онъ силу всю въ три часу.
 Какъ смотреть онъ на брата на крестоваго,
 А на того Олешеньку Поповица,
 А смотреть онъ, глядитъ, думу думаетъ:
 «А видно нѣтъ жива да брата-то крестоваго,
 «А смѣлаго Олешеньки Поповича.»
 Какъ ино вѣдь тутъ самъ Добрынюшка раздумался:
 «А видно есте путь моя хорошая.»
 Какъ тутъ-то онъ побхалъ что за славно за синѣ
 морѣ,

Корить-то тамъ язъки все невѣрныи
 А прибавлять земельки свято-русскіи.
 Прошло тутъ поры времечки три году.
 Какъ тутъ этотъ Олешенька Поповичъ сынъ
 Приходить къ Василисту къ Микуличной:
 — Да ахъ ты Василиста Микулична!
 — Да я вчера гулялъ на чистомъ поли,
 — А видѣлъ я Добрынюшку убитаго.
 — Лежить-то онъ головушкой въ раки товъ кустъ
 — А рѣзвими ногми да во куваль-траву.
 — Поди ты Василиста за меня замужъ. —

Какъ говорить промовить таково слово
 А тая Василиста Микулична:
 «Ай же ты Олешенька Поповичъ сынъ!
 «Исполнила я заповѣдь мужнюю,
 «Прошло нунъ поры времечки три году;
 «Исполню я-то заповѣдь свою еще.
 «А пусть-ко станеть поры времечки шесть годовъ,
 «Тожно тутъ я вѣдь замужъ пойду.»
 Опять прошло тутъ времечки три году.
 Какъ началъ тутъ Олешенька подхаживать
 А со тымъ со княземъ со Владимиромъ:
 — Да ахъ ты Василиста Микулична!
 — А я вчера гулялъ на чистомъ поли;
 — А видѣлъ у Добрынюшки что косточки рос-
 тасканы. —

Какъ ино тутъ тая Василиста Микулична
 Тутъ она еще пороздумалась:
 «Исполнила я заповѣдь мужнюю;
 «Исполнила я заповѣдь свою-то я,
 «А нѣтъ жива Добрынюшки Микитица,
 «А не видать сюда ёго появиться.»

Пошла тутъ за Олешеньку Поповича.
 Какъ тамъ это Добрынюшка Микитиницъ
 За тымъ за славнымъ за синимъ моремъ,
 А тамъ онъ-то Добрыня на чистомъ поли,
 На чистомъ поли Добрынюшка, въ бѣломъ шатри
 А самъ онъ молодець забавляется,
 Играетъ онъ въ доски-ты шахматны
 А въ дороги тавлен золочѣныи,
 А надъ собой незлодушки не вѣдаетъ,
 Какъ тутъ-то вѣдь ёго молода жена,
 А тая Василиста Микулична,
 Какъ тутъ она скоро да замужъ пошла,
 А за того Алешеньку Поповица.
 Какъ налеталъ тутъ голубъ со голубкою
 А ко тому къ Добрынюшки къ Микитицу,
 Садилсь на шатѣръ на окошечко,
 Началъ голубъ по окошечку похаживать.
 А началъ онъ тутъ голубъ погуркивать,
 Началъ онъ затымъ выговаривать,
 А звѣщевалъ язкомъ человѣческимъ:
 — Ахъ же ты Добрынюшка Микитиницъ!
 — Играешь ты въ доски во шахматы,
 — Въ дороги тавлен золочѣныи,
 — Играшь, самъ молодець ты проклаждаешься,
 — А надъ собой незлодушки не вѣдаешь,
 — А я тебѣ звѣщую провѣщую есть.
 — Какъ есть-то вѣдь твоя молода жена,
 — Молода жена любима семья,
 — Какъ есть-то вѣдь ужъ нунечу замужъ пошла
 — За того Олешку за Поповича. —
 Скочилъ тутъ Добрыня на рѣзвими ноги,
 Со той со досады со великин
 Какъ бросилъ эту доску онъ шахматню
 О тую о матушку о спру землю,
 Мать-то что земелюшка продрогнула.
 А выходилъ тутъ Добрыня со бѣла шатра
 А самъ скоро сѣдзалъ онъ добра коня,
 Сѣдлатъ-то онъ коня и выговаривать:
 «Ай же ты мой вѣдь ужъ добрый конь!
 «Какъ нѣсъ меня сюды да ты три году,
 «Неси-тко нунъ домой меня по три-то дая
 «Во стольнѣй-отъ какъ городъ во Киевъ градъ.»
 Садилса самъ скоро на добра коня,
 Скоримъ скоро, скоро скорешенько,
 Побхалъ тутъ Добрыня зъ-за синя моря.
 Пошолъ тутъ, поскакалъ его доброй конь,
 Рѣки-ты ль озѣра перескакивалъ
 А темной онъ тотъ лѣсъ промежъ ногъ пустилъ,
 А синѣе онъ морѣ на околь бѣжалъ.
 Пришолъ-то, прискакалъ ёго добрый конь во три-
 то дни

Во стольнёй-отъ во городъ во Киевъ градъ.
 Выскакалъ тутъ Добрыня со добра коня,
 Насыпалъ коню тутъ ишени бѣлодровой,
 А скоро самъ онъ шолъ по новѣмъ сѣнямъ,
 Заходилъ въ свою въ горенку во новую,
 А крѣсть онъ кладмвае по писаному,
 Поклонъ-то ужъ вѣлъ по учёному,
 На вси тутъ на четыре сторонюшки,
 А рѣдной своей матушки въ особину:
 «Ай здравствуй-ко моя ты рѣдна матушка!»
 Матушка она тутъ прослезилася,
 А матушка она тутъ поросплакалась:
 — Ахъ же ты удалой доброй молодець!
 — А что ты надъ старушкой надсмѣхаешься! —
 Какъ говорить Добрыня таково слово:
 «Видно, матушка, ты меня не узнала есть.»
 Она опять на то ёму отвѣтъ держитъ:
 — Ахъ же ты удалой доброй молодець!
 — Какъ у моёго милаго у дитятка,
 — А у того Добрынюшки Микитица,
 — На ёмъ были платица все цвѣтныи,
 — А нунь-ка на тебѣ всё платица лосинни,
 — А лосинни платья всё звѣринни. —
 «Да ай же ты моя родна матушка!
 Какъ видно ты меня не узнала есть.»
 Говорить старушка таково слово:
 — Ахъ же ты удалой доброй молодець!
 — Подойди къ старушки поближешенько, —
 — А у моёго у милаго у дитятка
 — Была-то вѣдь знадѣбка родимная,
 — А былъ-то на головки рубечѣкъ-то есть. —
 Какъ онъ скоро Добрынюшка подхаживалъ
 А ко тѣй старушки да ко древному,
 Какъ тутъ эта старушка да пощупала,
 Ажно было тутъ да до правды-то,
 А есть тамъ была знадѣбка родимная.
 Какъ тутъ она старушка взрадовалася,
 Сама она съ сынкомъ тутъ поздоровкалась.
 Какъ говорить Добрыня таково слово:
 «Да ай же ты моя родна матушка!
 «А гдѣ-то есть моя молодá жона,
 «Тая Василиста Микучична?»
 Какъ говорить старушка таково слово:
 — Да ай же ты дитя моё милое!
 — Твоя-то вунучу есть молада жона,
 — Молода жона да замужъ пошла
 — За того Алёшу за Поповича. —
 Какъ говорить Добрыня таково слово:
 «Да ахъ же ты моя ль родна матушка!
 «Поди-ко есть во погребы глубокии,
 «Неси ты мнѣ гусѣлышка яровчаты.

«Я пойду къ Олѣшѣ на почестный пирь,
 «На тую на свадебку великую.»
 Какъ тутъ-то вѣдь старушенька скорымъ скоро
 Бѣжала какъ во погребы глубокии,
 Визимаетъ тамъ гусѣлышка яровчаты,
 А ты эти гусѣлка да были еще ровно сорокъ пудъ.
 Идѣтъ она старушка попирается,
 Подавать Добрынюшки гусѣлышка.
 Визимаетъ тутъ Добрынюшка Микитицицъ
 А ты эти гусѣлка все яровчаты,
 Самъ скоро Добрынюшка справляется,
 А скоро молодець наряжается
 Скорой малой смѣлой скоморошиной.
 Приходитъ Добрыня на почестный пирь
 А на-то столованѣ на великоё.
 Становиися тутъ Добрыня во порогу,
 Повѣлъ онъ по гусѣлышкамъ яровчатымъ,
 Заигралъ Добрыня по улыльнѣму,
 По улыльнѣму по умилнѣму.
 Какъ вси-то вѣдь ужъ князи и бояра-ты
 А ты эти русійскіи богатыри
 Какъ вси оны тутъ приослушались.
 За тымъ заигралъ Добрыня по весѣлому;
 Стало красно солнышко при вѣтери,
 А сталь-то тутъ почестный пирь при весели.
 Какъ вси-то оны тутъ да наѣдалисе,
 А вси-то оны тутъ да напивалисе,
 Стали тутъ оны да пнянѣшеньки.
 Играть-то всё Добрыня по весѣлому;
 Какъ вси оны затымъ тутъ розскабалнсе,
 Какъ вси оны затымъ вѣдь роспалсалнсе,
 А скачуть пляшуть вси промежъ собой,
 А ничего оны тутъ не вѣдаютъ.
 Какъ говорить тутъ князь стольнё-кѣвской:
 — Да ай же ты удалой добрый молодець!
 — Незнаёмъ мы теби да ни имени,
 — Не знаёмъ мы теби ни изотчины,
 — Царь ли ты есть ли царевичъ здѣсь,
 — Аль король ты да вѣдь королевичъ есть,
 — Али съ тиха Дону ты донской казакъ,
 — Аль грозной есть посолъ ляховитскіи? —
 «Не царь-то я вѣдь, не царевичъ былъ,
 «А не король-то я, не королевичъ былъ,
 «Не есть съ тиха Дону не донской казакъ,
 «Не грозной я посолъ ляховитскіи,
 «Какъ есть-то я зъ-за славна зъ-за синя моря
 «А скоро мала смѣла скоморошина.»
 Какъ князь-то тутъ ему воспрогворить:
 — Ахъ скоро мала смѣла скоморошина!
 — А чимъ-то намъ тебя буде жаловать
 — А за эту игру за умилнью?»

— Города ль теби набѣ съ пригородками,
 — Али села да ти набѣ со приселками,
 — Аль много набѣ безсчотной золотой казны? —
 Какъ онъ-то вѣдь на то имѣ отвѣтъ держитъ:
 «Да ахъ же ты да князь стольнѣ-кѣвской!
 «Не набѣ мнѣ городовъ съ пригородками,
 «Не набѣ-то мнѣ-ка сель-то съ приселками,
 «Не набѣ-то мнѣ безсчотной золотой казны, —
 «А у меня своей есте дѣлюби.
 «А столько-то вы мнѣ позволѣте-ко:
 «Напейте мнѣ-ка чару зеленá вина.»
 Какъ тутъ-то ему князь вопроговѣритъ:
 — Скорá мала смѣла скоморошина!
 — Что угодно надо, то мы сдѣлаемъ. —
 Какъ налили тутъ чару зелена вина,
 Подносятъ тутъ Добрынюшка Микитицу.
 Какъ этотъ-то Добрынюшка Микитичъ-онъ
 Спустилъ-то онъ туды свой златонъ перстень,
 А въ эту-то чашу княженецкую,
 Конимъ перстнѣмъ оны обручались
 Со той съ Василистой съ Микуличной.
 Подносить эту чашу княженецкую
 А той да Василисты Микуличной,
 Подносить, самъ Добрынюшка спроговѣритъ:
 «Ай ты Василиста Микулична!
 «А пей-ко ты чару зеленá вина
 «Отъ малой смѣлой ты да скоморошины.
 «А пей-ко ты до дна — дакъ увидашь добра,
 «А не пьешь до дна — дакъ не видашь добра.»
 Она тутъ Василиста Микулична
 Маленько же она тутъ догадаласе.
 А сколько пи-то пила, остатки на-зень пила-то, —
 Какъ взглянетъ въ эту чашу княженецкую,
 Ажно тамъ лежитъ да златонъ перстень.
 Какъ смотреть-то она на перстень тутъ,
 А на перстнѣ тутъ подпись подпсана,
 Конимъ перстнѣмъ оны обручались
 Со тымъ съ Добрынюшкомъ съ Микитицомъ.
 Какъ тутъ-то да Василиста-та Микулична
 А й высказáла зъ-за стола княженецкаго,
 Какъ говорить она тутъ таково слово:
 — Не тотъ-то вѣдь мужъ, кой подлѣ меня,
 — А тотъ-то вѣдь мужъ, кой насупротивъ меня. —
 Клонится Добрыня поклоняется,
 Сама она ему извиняется:
 — Ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
 — Исполнила я заповѣдь твою-то я,
 — А другую исполнила свою-то я,
 — А тожно вѣдь я тутъ замужъ пошла
 — А за того Олешку за Поповича. —
 Какъ говорить Добрыня таково слово:

«Да ай же Василиста ты Микулична!
 «Когда-то ты исполнили да заповѣдь свою, —
 «За твою я заповѣдь тебѣ прощу.
 «Не исполнила бы заповѣдь свою-то ты,
 «Отсѣкъ бы я головку тебѣ буйную.
 «Пошла ты за Олешку за Поповича, —
 «Дакъ я тебѣ еще за то прощу.»
 Какъ тутъ затымъ Добрынюшка Микитиницъ
 Хватилъ то онъ Олешу за желты кудри,
 А выдернулъ съ кормана плетъ шелковую,
 Какъ началъ онъ Олешку ёго чѣствовать
 А началъ онъ хлыстать его Олешеньку,
 А бьетъ-то онъ тутъ, хлыщеть, выговаривать:
 «А какво Олешка ти жениться здѣсь,
 «Отъ живого мужа жѣна отлучать!»
 Какъ клѣнется Олешка проклинается:
 — А будетъ трою проклять на вѣку тотъ былъ,
 — Кто станетъ будетъ эдакъ-то жениться,
 — Отъ живого мужа жѣна отлучать. —
 Какъ нахлысталъ Добрынюшка его тутъ дѣлюби,
 А дѣлюби Добрыня ёго дѣсоти,
 Какъ со стыду со страму со великого
 А тутъ этотъ Олешенька Поповичъ-онъ
 Уѣхалъ онъ безвѣстно, не знаютъ гдѣ.

Записано тамъ же, 27 юля.

—
50.

НѢПРА И ДОНЪ.

(См. Рыбникова, т. 1, 32).

Какъ тотъ ли этотъ князь стольнѣ-кѣвской
 А сдѣлалъ онъ задернулъ свой почѣстный пиръ.
 Какъ вся-то къ ему на пиръ собирались,
 Все тамъ на пиру наѣдались,
 Какъ все тамъ на пиру напивались,
 Стали тамъ оны все пьянѣшеньки
 А стали все оны веселешеньки,
 Князи все бояра-то русійскіи
 А тыи-ты могучи все богатыри,
 Какъ все-то они вѣдь тамъ расхвастались.
 Какъ тутъ была еще межѣ има
 А тая эта Нѣпра королевична.
 Какъ-то тая Нѣпра королевична
 Какъ говорить промолвить таково слово:
 «А нѣту здѣ стрѣльцовъ добрыхъ мѣлодцовъ
 «Противо меня Нѣпры королевичной!

«Силою да нѣту ухваткою
 «Противъ стараго казака Ильи Муромца,
 «А красотою еще было убожествомъ
 «Противо вѣдь Михайлы Пѣтика Иванова,
 «А тишиною говоромъ смиренничомъ
 «Противо-то Добрынюшки Микитица,
 «А нѣту-то видъ еще богатствомъ
 «Противъ-то вѣдь Дюка Степанова,
 «А нѣту-то да вѣдь смѣлостью
 «Противо смѣлаго Алешеньки Поповича,
 «Послушною походкою пощанкою
 «Противо-то Чурилки пана *) Плѣнкова.»
 Сама она еще не спохватила
 А тихаго вѣдь Дона-то сына Иванова,
 А своѣго-то мужа любимаго.
 Какъ тихи тутъ Донъ сынъ Ивановичъ
 А говоритъ промолвить таково слово:
 — Ай же ты да Нѣпра королевична!
 — Когда же ты охвоча-то была удалая
 — Стрѣлять-то было стрѣлочокъ каленныхъ,
 — Подѣмъ-ко мы съ тобой на чисто поле,
 — Станемъ стрѣлять стрѣлочокъ каленныхъ, —
 — Который вѣдь стрѣлѣть видяе-то? —
 Какъ тутъ-то тая Нѣпра королевична
 Взямаеъ тутъ-то ножичокъ бузатниш,
 Какъ тое-то колечушко серебряно,
 Относитъ что за версту за мѣрную,
 Натянула тутъ она свой да тугой лукъ
 А глаза ѣна стрѣлочку каленую,
 Стрѣлила тутъ за версту за мѣрную,
 Попадала въ колечко-то серебряно,
 И росколола ѣна стрѣлочку равниимъ равно,
 Да равниимъ то равно стрѣлку на двое.
 А глаза половинки на вѣсы они,
 Никоя никоѣй не перетягивать.
 Какъ тихи тутъ Донъ сынъ Ивановичъ,
 Розгорѣлось ѣго сердце богатырское,
 Какъ скоро натянулъ свой онъ тугой лукъ,
 Кладиваетъ стрѣлочку каленую.
 Какъ началъ тутъ Донъ сынъ Ивановичъ,
 Началъ-то онъ стрѣлочкой помахать
 А началъ вѣдь-то самъ выговаривать:
 — Ай же ты моя любимá каленá стрѣла!
 — Пади же ты не на воду, не на землю,
 — А ты пади ко Нѣпры королевичной,
 — А ты пади же ѣй во бѣлую грудь. —
 Какъ тутъ-то тая Нѣпра королевична,
 Какъ тутъ-то вѣдь она да прослезилася

А тутъ-то вѣдь она порослакалася:
 «Ахъ тихи ты Донъ сынъ Ивановичъ!
 «А не стрѣлай-тко моя Нѣпра королевичной.
 «Да несу я ти сына любимаго,
 «А по колѣнъ-то ноженьки во сѣребри,
 «А по локоть-то рúченьки во золоти,
 «А по косицамъ пекутъ будто звѣздышки,
 «На зади-то возсиятъ будто свѣтѣль мѣсяць,
 «Впереди-то какъ будто солнышко.»
 Какъ розгорѣлось ѣго сердце богатырское,
 А ничега тутъ онъ вѣдь не послѣдовалъ.
 Какъ скоро онъ стрѣлилъ ю во бѣлую грудь,
 Какъ пала тутъ она на сырú землю,
 Облилася она кровью тутъ горячею.
 Какъ тихи тутъ Донъ сынъ Ивановичъ
 Взямаеъ онъ ножичо тутъ кнжжалищю, —
 Иво ль то вѣдь еще правда ль есть?
 Пластала-то онъ вѣдь ѣй да бѣлую грудь.
 Какъ было-то вѣдь тутъ да до правды бы:
 Засиянь-то вѣдь во чреви тотъ сынъ-то былъ,
 По колѣнъ-то ноженки во сѣребри,
 А по локоть-то рúченьки во золоти,
 Назади просвѣчать будто свѣтѣль мѣсяць,
 Впереди еще какъ тамъ солнышко.
 Какъ взялъ это ножичо онъ кнжжалищю,
 Становилъ онъ-то ножикъ вѣдь супротивъ себя,
 А становилъ онъ ножикъ, выговаривалъ:
 — Да куды пала головка бѣлой лебеди,
 — А тутъ пади головушка сѣра гуся. —
 Паль онъ на ножичо тутъ кнжжалищю,
 Да тутъ-то вѣдь имъ пришла е горькая смерть.
 Какъ отъ ихъ-то отъ крови отъ крестьянскии,
 Отъ крестьянскии крови безнапрасныи,
 Какъ протекала тутъ да Нѣпра рѣка.
 Въ глубину рѣка двадцати сажонъ,
 А въ ширину рѣка сороки сажень (такъ).
 Только-то вѣдь Донушку славу поють,
 А той ли этой Нѣпры королевичной.
 Тутъ-то ихъ да жителство рѣшилося.

Записано тамъ же, 26 июля.

*) *Щат* — щеголь, *пощанка* — щегольство.

51.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ *).

(См. Рыблякова, т. I, 33).

А й Иванушко, Иванушко Годиновиць,
 А поѣзжае что Иванушко женитися,
 А къ гостю къ купцю еще Митрици.
 А за то за славное за синѣ море:
 «Да ахъ же ты мой родной дяюшка,
 «А стольнѣй ты князь да Владимиръ нашъ!
 «А пожалуйте позвольте-то мнѣ-ка-ва,
 «Ино силы мнѣ-ка сорокъ тысячей.
 «А еще-то вы мнѣ-ка пожалуйте,
 «А любезный ты мой еще дяюшка,
 «А друго казна ты сорокъ тысячей.»
 Какъ тутъ-то вѣдъ князь стольнѣ-кѣвской
 А давать ему силы сорокъ тысячей,
 А друго какъ денегъ сорокъ тысячей.
 А тутъ-то Иванушко Годиновиць,
 А поѣхалъ онъ Иванушко женитися
 А къ гостю къ купцю онъ тутъ къ Митрици,
 А приѣзжасть тутъ Иванушко Годиновиць
 А къ гостю къ купцю онъ тутъ къ Митрици,
 А говоритъ промолвить таково слово:
 «А гость ты купецъ да еще Митрици!
 «А есте какъ у ты да есть любезная дочь,
 «А тая эта Марья Митриѣвична,
 «А отдай-ко ты повьдай за меня замужъ,
 «А за Ивана, за Ивана за Годиновица.»
 А говоритъ ему Митриѣ таково слово:
 — А Иванушко, Иванушко Годиновиць!
 — А выдалъ бы Марью Митриѣвичну,
 — А выдалъ бы повьдалъ за тебя замужъ;
 — А у меня Марьюшка просватаная
 — За царя за Кошега за Трипѣтовича,
 — Не повьдама я, Иванъ, за тебя замужъ. —
 Скочилъ тутъ Иванъ на рѣзвѣ ноги,
 Хватилъ-то онъ ножкицо тутъ кинжалуцо.
 Какъ ударилъ тутъ Иванъ да во дубовый столъ,
 А ушолъ тутъ ножки да до череня.
 А говоритъ Иванъ тутъ таково слово:
 «Ты съ добра мнѣ отдашь, дакъ я добромъ возьму,
 «А съ добра не отдашь, дакъ я силѣмъ возьму.»

*) Прослушавъ эту быльну, Иванъ Фепановъ (см. ниже, XIII) замѣтилъ, что и самъ ее пѣвалъ въ прежнее время, съ тою только разницею, что Иванъ Годиновиць (такъ онъ произносилъ это имя) не взялъ предложенной, ему Владимиромъ силы 40 тысячей и казны, а выпросилъ себѣ только въ товарищи одного «Ефимка паромка.»

Какъ скочилъ тутъ Иванъ на рѣзвѣ ноги
 А взимать-то онъ Марью Митриѣвичну,
 А взимать ю за руценья за бѣлны
 А зѣ тыи за перстни за злаченыи.
 Да какъ тутъ-то Иванушко Годиновиць
 А поѣхалъ назадъ да въ свою сторону,
 А ѣдетъ тутъ Иванъ по чисту полю,
 А ѣхалъ онъ отъѣхалъ далецѣшенько.
 Какъ говоритъ тутъ Иванъ да таково слово:
 «А рать же вы слушка великая,
 «А ѣдьте-то вы топеры съ извѣстницею
 «А ко моему ко рѣдному ко дяюшкѣ,
 «А къ стольнѣму князю ко Владимиру:
 «А взята у насъ Марья Митриѣвична,
 «А взята-то, взята, мы силѣмъ да веземъ.»
 Какъ ратная слушка великая
 Да какъ тутъ-то она отправляласе,
 А скорымъ-то скорѣ, скорѣ скорѣшенько,
 А ко тому ко городу ко Кіеву
 А къ стольнѣму князю ко Владимиру.
 Какъ тутъ тотъ Иванушко Годиновиць
 Ино хочеть онъ съ Марьей позабавитися,
 А началъ забавлятися на чистѣмъ погѣ,
 А на чистѣмъ-то поли да во бѣломъ шатри.
 А живеть тутъ молодецъ, забавляется,
 А надъ собою незгодунки не вѣдаеть.
 А на ту-то пору да на то времячко
 Приѣзжаеть Кошей да сынъ Трипѣтовичъ
 А къ гостю къ купцю еще къ Митрици
 А за Марьей-то, за Марьей Митриѣвичной.
 Какъ говоритъ спромолвить таково слово:
 — Ахъ ты гость, ты купецъ да еще Митрици!
 — А ты скажи, скажи да не утай себя:
 — А гдѣ у ты Марья Митриѣвична? —
 Какъ говоритъ промолвить таково слово
 А гость-отъ купецъ да еще Митрици:
 «А царь ты Кошегъ сынъ Трипѣтовичъ!
 «А тая эта Марья Митриѣвична
 «Увѣзена у Иванушка Годиновица,
 «А взята-то, взята за себя замужъ.»
 Какъ царь тутъ Кошегъ сынъ Трипѣтовичъ
 А скоро-то онъ вѣдъ снаряжается,
 А скоро за Иваномъ отправляется,
 А скоро за Иваномъ вслѣдъ съ угоною.
 Какъ засталъ-то ѣнъ Ивана на чистѣмъ поли,
 А на чистѣмъ полюшки въ бѣломъ шатри,
 А съ той съ этой Марьей Митриѣвичной.
 Да увидалъ тутъ Иванушко Годиновиць
 А царя того Кошега да Трипѣтовича, —
 Не дойде тутъ Иванушку вѣдъ болѣше сидѣть.
 Скочилъ тутъ Иванъ на рѣзвѣ ноги,

А начали тутъ бится бимъ ратиться
 А со царёмъ со Кошегомъ со Трипéтовичемъ;
 Да побилъ тутъ Иванушко Годинови́чъ
 А царя да Кошега что Трипéтовича,
 А побилъ его, сбилъ на сыру землю,
 А сѣлъ-то тутъ Иванъ да на бѣлую грудь
 А къ царю къ Кошегу къ Трипéтовичу.
 А на ту-то пору да на то времечко
 А ножища при себи да не случилосе.
 А говоритъ Иванъ тутъ таково слово:
 — Ай ты Марья, ты Марья Митри́евична!
 — А дай-ко ты ножищо мнѣ княжалицо
 — А пластать мнѣ Кошегу бѣлая грудь,
 — А вынять что сердечушко су печенью (*такъ*),
 — А розрыть, роскидать по чисту́ полю. —
 А говоритъ Кошегъ тутъ таково слово:
 «Ай ты Марья же, Марья Митри́евична!
 «А не давай-ко ты Иванушку ножища того,
 «А ножища-то ножища ты княжалища.
 «Дай я теби скажу да все порозскажу, —
 «А поди-ко ты Марья за меня замужъ,
 «Дакъ будешь станешь слыть ты царицею;
 «А не ходи-ко ты за Иванушка Годинови́ча.
 «Да если ты да вѣдь пойдѣшь за его,
 «Дакъ будешь ты тамъ слыть да во портомойни-
 цахъ
 «А у столыяго князя у Влади́мира.»
 Какъ этая тутъ Марьюшка роздумаласе:
 — А что мнѣ-ка слыть да въ портомойницахъ,
 — А лучше мнѣ слыть буде царицею. —
 Какъ тутъ-то она да вѣдь подумала;
 Говоритъ опять Кошегъ таково слово:
 «Да ай же ты Марья Митри́евична!
 «А тащи-ко ты Ивана за желты́ кудри,
 «А со тыхъ со моихъ со бѣлыхъ грудей.»
 Какъ тая тутъ Марья Митри́евична
 Какъ хватила тутъ Ивана за желты́ кудри,
 А тащила тутъ его да со бѣлыхъ грудей
 Со царя со Кошега со Трипéтовича.
 Какъ ино тутъ оны да его Иванушка Годинови́ча
 Да связали тутъ Ивану бѣлы рученьки,
 А связали-то Ивану рѣзвы ноженки,
 Какъ бросили Ивана тутъ подь сѣрой дубъ.
 Да тутъ царь-то Кошегъ да сынъ Трипéтовичъ
 А началъ онъ съ Марьей забавлятися.
 Да на ту-то пору да на то времячко
 А налеталъ налеталъ да тутъ-то чѣрной вранъ,
 Садился тутъ воронъ на сѣрой дубъ
 А закричалъ воронъ громкимъ голосомъ,
 А спрозвѣчался язѣкомъ человѣческимъ,
 А врчичить говоритъ онъ таково слово:

— А не владѣть этой Марьей Митри́евичной
 — А царю да Кошегу да Трипéтовичу,
 — А владѣть этой Марьей Митри́евичной
 — А тому да Иванушку Годинови́чу! —
 А царь тутъ Кошегъ сынъ Трипéтовичъ
 Началъ ворони́но звѣщованіе,
 Дѣватилъ-то онъ скоро свой тѣгой дубъ
 А кладываеъ стрѣлочку каленую,
 А стрѣлилъ-то онъ въ чѣрнаго во ворона,
 А стрѣлилъ-то, стрѣлилъ да не попалъ въ ёго.
 А полетѣлъ-то тутъ воронъ далечимъ далеко,
 А улетѣла тая стрѣлка по подблочью.
 А замолъ тутъ Кошегъ да во бѣлой шатеръ,
 А надъ собой незгодушки не вѣдаеъ.
 Какъ этая стрѣла да тутъ каленая
 А обернулася стрѣла назадъ обратно естъ,
 А пала тутъ стрѣла да на бѣлой шатѣрь,
 А пала попала въ буйну голову
 А царю да Кошегу Трипéтовичу.
 Да тутъ-то вѣдь царь Кошегъ сынъ Трипéтовичъ
 А паль-то онъ на матушку сыру землю,
 А обилися онъ кровью горючею, —
 А только тутъ Кошегушку славы поють.
 Какъ тая эта Марья Митри́евична
 А взимала въ руки сабелку вострую,
 А начала сабелкой помахивати,
 А начала тутъ Марья выговаривати:
 «Какъ у женщины-то вѣдь да какъ нунечку
 «А волосъ-то дологъ да вѣдь умъ коротокъ.
 «А й отъ бѣрежка я топерь откѣчнуласе,
 «А къ дрѣугому какъ я не прикачнуласе.
 «А отсѣчь мнѣ Ивану буйна гóлова.»
 Какъ говоритъ Иванъ тутъ таково слово:
 — Ай ты Марья, ты Марья Митри́евична!
 — А не сѣй-тео ты мни да головушки, —
 — А топеречка нунъ я въ безвременьицѣ,
 — А лучше ты поди да за меня замужъ.
 — А столько-то я еще да вѣдь ужъ тебя,
 — Да за эту вину да за великую,
 — А дамъ я ти три грóзы небóльшенькии. —
 Да какъ тутъ она Марьюшка роздумаласе:
 «А первую онъ грозу мнѣ-ка-ва даеъ,
 «А первую даеъ, дакъ я вѣдь годъ про́живу,
 «А дрѣугую даеъ, дакъ я дрѣугой про́живу,
 «А трѣтьюю даеъ, дакъ я вѣкъ про́живу.
 «А отвязу я-то Ивана отъ сыра́ дуба,
 «Отвязу-то ему да бѣлы рученьки,
 «А отвязу ему рѣзвы ноженъки.»
 Отвязала тутъ Ивана отъ сыра́го дуба,
 А розвязала тутъ ему бѣлы рученьки,
 Розвязала тутъ ему рѣзвы ноженъки.

Да какъ сталъ тутъ Иванъ на рѣзвѣ ноги,
 А взимаеъ въ руки сабелку вострую,
 Да отсѣкъ ей по колѣнъ тутъ рѣзвы ноженъки,
 А потомъ да отсѣкъ да бѣлы рученьки:
 — А этихъ мнѣ-ка ноженѣкъ не надобно,
 — Охажали какъ поганого татарина.
 — А этихъ мнѣ-ка рученекъ не надобно,
 — Обнимали какъ поганого татарина. —
 Да отсѣкъ-то ей еще тутъ губушки:
 — А этихъ мнѣ-ка губушекъ не надобно,
 — А цѣловали что поганого татарина. —
 А только Марья и Кошегу славы поютъ.
 А тутъ-то Иванушко Годиновичъ
 Пошоль-то одинъ да добрый молодецъ,
 А одинъ-то одинъ да единешенѣкъ.
 А пришолъ тутъ Иванъ да во Кіевъ градъ
 А ко своему ко рѣдному ко дядюшки,
 А ко тому ко князю ко Владиміру,
 А пришолъ-то онъ пришолъ да не привѣлъ никого,
 А розсказалъ незгодушку великую
 А стольнѣму-то князю да Владиміру:
 — Да ай же ты родной мой дядюшка,
 — А стольнѣй ты князь да естъ Владиміръ нашъ!
 — А надо мной была незгода тамъ великая:
 — Я покончилъ да царя да Кошега тамъ,
 — А царя да Кошега Трипѣтовича;
 — А Марья была провинилася,
 — А сдѣлала вину она великую,
 — Да тамъ я Марьюшку покончилъ ю,
 — А отсѣкъ-то я ей рѣзвы ноженъки,
 — А отсѣкъ я потомъ да бѣлы рученьки,
 — А во третьихъ отсѣкъ ей губушки. —
 Ино тутъ имъ и славы поютъ.

Записано тамъ же, 27 июля.

52.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

А й старин казаетъ онъ Илья Муромецъ,
 А говоритъ Ильюша таково слово:
 «Да ай же мои братья крѣстовни,
 «Крѣстовни-то братьяца названы,
 «А молодой Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ,
 «Молодой Добрынюшка Микитиничъ!
 «А їдъ-ко ты Добрыня за синѣ море,
 «Кори-тео ты язьки тамъ невѣрныи,
 «Прибавляй земельки святорусскіи.

«А ты-то їдъ еще Михайлушка
 «Бо тыи ко корбѣ *) ко темныи,
 «Ко тыи ко грязіи ко черныи,
 «Кори ты тамъ язьки все невѣрныи,
 «Прибавляй земельки святорусскіи.
 «А я-то видъ стариеъ да постарше вась,
 «Поїду я во далѣчо еще во чисто поле,
 «Корить-то я язьки тамъ невѣрныи,
 «Стану прибавлять земельки святорусскіи.»
 Какъ тутъ-то молодцы да порозѣхались.
 Добрынюшка уѣхалъ за синѣ морѣ,
 Михайла їнъ уѣхалъ ко корбѣ ко темныи,
 А ко тыи ко грязіи ко черныи,
 Къ царю онъ къ Вахрамѣю къ Вахрамѣеву.
 Ильюшенъка уѣхалъ во чисто поле,
 Корить-то тамъ язьки все невѣрныи
 А прибавлять земельки святорусскіи.
 Приѣхалъ тутъ Михайло сынъ Ивановъ-онъ
 А на тоѣ на далѣчо на чисто полѣ,
 Роздѣрнулъ тутъ Михайлушка свой бѣлъ шатѣръ,
 А бѣлъ шатѣръ еще бѣлополѣтняной.
 Тутъ-то онъ Михайлушка роздумался:
 — Не честь-то мнѣ хвала молодецкая
 — Ёхать молодцу мнѣ-ка томному,
 — А томному молодцу мнѣ голодному;
 — А лучше молодецъ я поїмъ пополю. —
 Какъ тутъ-то вѣдъ Михайла сынъ Ивановичъ
 Поїлъ, попилъ Михайлушка, покушалъ онъ,
 Самъ онъ молодецъ тутъ да спать-то лѣгъ.
 Какъ у того царя Вахрамѣя Вахрамѣева
 А была жила тамъ да любезна дочь,
 А тая эта Марья лебедь бѣлая.
 Взнимала она трубоньку подзорную,
 Выходитъ что на выходы высокин
 А смотреть какъ во трубоньку подзорную
 Во далѣчо она во чисто полѣ:
 Углядѣла усмотрѣла во чистомъ поли,
 Стоитъ-то тамъ шатѣръ бѣлополѣтняной,
 Стоитъ тамъ шатѣръ еще смѣхнется,
 Стоитъ шатѣръ тамъ еще розмѣхнется,
 Стоитъ шатѣръ еще вѣдъ ужъ соїдется,
 Стоитъ шатѣръ тамъ еще розбѣдется.
 Какъ смотреть эта Марья лебедь бѣлая,
 А смотреть что она, еще думу думаетъ:
 «А это есте здѣ да русьскій богатырь же.»
 Какъ бросила тутъ трубоньку подзорную,
 Приходитъ тутъ ко рѣдному ко батюшку:
 «Да ай же ты да мой рѣдной батюшко,

*) Что такое *корба*, пѣвецъ въ точности не зналъ, но сказалъ, что по его соображенію это должно значить *лѣсъ*.

«А царь ты Вахрамѣй Вахрамѣевичъ!
 «А далъ ты мнѣ прошенья благословленьца
 «Летать-то мнѣ по тихимъ заводамъ,
 «А по тымъ по зеленымъ по затресьямъ,
 «А бѣлой лебедью три году.
 «А тамъ я налеталась нагулялася,
 «Еще вѣдь я наволеваласе *)
 «По тымъ по тихимъ по заводамъ,
 «А по тымъ по зеленымъ по затресьямъ.
 «А вувчу вѣдь ты да позволь-ко мнѣ
 «А друго ты еще мнѣ-ка три году
 «Ходить гулять-то во далечемъ мни во чистомъ
 поли,
 «А красной мнѣ гулять еще дѣвшкой.»
 Какъ онъ опять на то ей отвѣтъ держитъ:
 — Да ахъ же ты да Марья лебедь бѣлая,
 — Ай же ты да дочка-та царская мудрѣная!
 — Когда плавада по тихимъ по заводамъ,
 — По тымъ по зеленымъ по затресьямъ,
 — А бѣлой ты лебѣдушкой три году,
 — Ходи же ты гуляй красной дѣвшкой
 — А друго-то еще три да три году,
 — А тожно **) тутъ я тебя замужъ отдамъ. —
 Какъ тутъ она еще поворотиласе,
 Батюшку она да поклониласе.
 Какъ батюшко да даетъ ей нянѣкъ мамокъ-тыхъ,
 Ахъ тыхъ ли этихъ вѣрныхъ служаночекъ.
 Какъ тутъ она пошла красна дѣвшка
 Во далечо она во чисто полѣ,
 Скоримъ скорѣ, скорѣ да скорѣшенько,
 Не могутъ за ней тамъ гнаться нянѣки-ты,
 Не могутъ за ней гнаться служаночки.
 Какъ смотритъ тутъ она красна дѣвшка,
 А нянѣки эти всѣ да остаются,
 Какъ говорить она тутъ таково слово:
 «Да ай же вы мои ли вы нянюшки!
 «А вы назадъ топерь воротитесь-ко,
 «Не нагоняйтесь вамъ со мной красной дѣвшкой.»
 Какъ нянюшки вѣдь ей поклонилися,
 Назадъ оны обратпо воротилися.
 Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая,
 Выходитъ тутъ она ко бѣлу шатру,
 Какъ у того шатра бѣлополотняна
 Стоитъ-то тутъ, увидалъ ю добрый конь,
 Къ началъ ржать да еще кобымъ-то мять ***)
 Во матушку-ту во сыру землю,
 А стала мать земелюшка продрагивать.

*) г. е. пользовалась волею. **) Тожно — тогда. ***) Ко-
 пытомъ, по объясненію пѣвца, тутъ значить — копытомъ; «такъ
 поется», утверждалъ Прохоровъ.

Какъ ото сну богатырь пробуждается,
 На улицу онъ самъ пометается,
 Выскавалъ онъ въ тонкихъ бѣлыхъ чулочкахъ
 безъ чоботовъ,
 Въ тонкіи бѣлми рубашки безъ пояса.
 Смотритъ тутъ Михайло на вси стороны,
 А некого онъ не наглядѣлъ тутъ былъ.
 Какъ говорить коню таково слово:
 — Да ай ты волчья сыть травяной мѣшокъ!
 — А что же ржешь ты да кобымъ-то мнешь
 — А во тую во матушку сыру землю,
 — Треложишь ты русійского богатыря? —
 Какъ взглянетъ на другую шатра еще другу стѣ-
 рону,

Ажно тамъ-то вѣдь стоитъ красна дѣвшка.
 Какъ тутъ-то онъ Михайлушка подскакивалъ,
 А хочетъ цѣловать миловать-то ю,
 Какъ тутъ она ему воспроговоритъ:
 «Ай же ты удалой доброй молодецъ!
 «Не знаю я теби да ни имени,
 «Не знаю я тебя ни изогчны.
 «А царь ли ты есте, ли царевичъ былъ,
 «Король ли ты да королевичъ есть?
 «Столько знаю да ты русской-то богатырь здѣсь.
 «А не цѣлуй меня красной дѣвшки,
 «А у меня уста были поганни,
 «А есть-то вѣдь ужъ вѣры я не ваши,
 «Не вашей-то вѣдь вѣры есть, поганая.
 «А лучше-то возьми ты меня къ себѣ еще,
 «Ты возьми, сади на добра коня,
 «А ты вези меня да во Кіевъ градъ,
 «А проводи во вѣру во крешену,
 «А тожно ты возьми-тко меня за себя замужъ.»
 Какъ тутъ-то вѣдь Михайла сынъ Ивановъ былъ
 Садилъ онъ-то къ себѣ на добра коня,
 Повезъ-то вѣдь ужъ ю тутъ во Кіевъ градъ;
 А привозилъ Михайлушка во Кіевъ градъ,
 А проводилъ во вѣру во крешену,
 А приняли оны тутъ златы вѣнцы,
 Какъ клали оны заповѣдь великую:
 Который-то у ихъ да напередъ умереть,
 Тому итти во матушку сыру землю на три году
 Со тымъ со тѣломъ со мертвынмъ.
 Ино оны вѣдь стали жить-то быть,
 Жить-то быть да семью сводить,
 Какъ стали-то они дѣтей наживать.
 Да тутъ затымъ князь тотъ стольнѣ-кіевской
 Какъ сдѣлалъ онъ задернулъ свой почестный ширъ
 Для князей бояръ да для кіевскихъ
 А для русійскихъ всихъ могучихъ богатырѣвъ;
 Какъ вси-то оны на ширъ собираются,

А вси тутъ на пиру наѣдаются,
 А вси тутъ на пиру напиваются,
 Стали всѣ онѣ тамъ пьянѣшеньки,
 А стали всѣ оны веселѣшеньки.
 Стало красно солнышко при вечери,
 Да почетной пиръ, братцы, при весели.
 Какъ тутъ-то вѣдь не ясны соколы
 Во чистомъ поли еще розлеталися,
 Такъ русійскіе могучіе богатыри
 Въ одно мѣсто сѣзжались
 А на тотъ-то на тотъ на почетной пиръ.
 Ильюшенка пріѣхалъ изъ чиста поля,
 Хвастаетъ Ильюшенка спроговорить:
 — А былъ-то я еще во чистомъ поли,
 — Корилъ-то я язѣки все невѣрны,
 — А прибавлялъ земельки святорусскіи. —
 Какъ хвастаетъ-то тутъ Добрынюшва:
 «А былъ-то я за славнымъ за синимъ моремъ,
 «Корилъ тамъ я язѣки все невѣрны,
 «А прибавлялъ земельки святорусскіи.»
 Какъ ино что Михайлушка да чимъ буде повы-
 хвастать,
 Сидитъ-то тутъ Михайло думу думаетъ:
 — Какъ я, у меня нунчу у молодца
 — Получена столбѣй есть молодца жена.
 — Безумной-отъ какъ хвастать молодой женой,
 — А умной-отъ какъ хвастать старой матушкой. —
 Какъ тутъ-то онъ Михайлушка повыдумалъ:
 — Какъ былъ-то я у корбы у темныи
 — А у тщи у грязи я у черныи,
 — А у того царя я Вахрамѣя Вахрамѣва,
 — Корилъ-то я язѣкушки невѣрныи,
 — А прибавлялъ земельки святорусскіи.
 — Еще-то я съ царѣмъ тамъ во другіихъ
 — Игралъ-то я во доски тамъ во шахматны
 — А въ дѣроги тавлеи золоченыи;
 — Какъ я съ его еще тамъ повыигралъ
 — Безсчѣтной-то еще-то золотой казны
 — А сорокъ-то телѣгъ я ордынскіихъ.
 — Повѣзъ-то я казну да во Кіевъ градъ,
 — Какъ отвозилъ я ю на чистѣ полѣ,
 — Какъ оси-ты телѣжныи желѣзны подломилсе,
 — Копалъ-то тутъ я погребы глубокии,
 — Спустилъ казну во погребы глубокии. —
 На ту пору еще на то времечко
 Изъ Кіева тутъ дань поспросиласе
 Къ царю тутъ къ Вахрамѣю къ Вахрамѣву,
 За двѣнадцать лѣтъ за прошлыи годы что за ну-
 нѣшній.
 Какъ князи тутъ-то кіевскіи, вси бояра
 А тотъ ли этотъ князь столбѣн-кіевской

Какъ говоритъ промовить таково слово:
 «Да ай же вы бояра вы мои всѣ кіевскіи,
 «Русійскіи всѣ могучіи богатыри!
 «Когда нунъ у Михайлушка казна еще
 «Повыиграна съ царя съ Вахрамѣя Вахрамѣва,
 «Дакъ нунечку еще да топеречку
 «Изъ Кіева нунъ дань поспросиласе
 «Царю тутъ Вахрамѣю Вахрамѣву —
 «Поплемъ-то мы ёго да туды-ка-ва
 «Отдать назадъ безсчѣтна золота казна,
 «А за двѣнадцать лѣтъ за прошлыи годы что за
 нунѣшній.»

Накинули тутъ службу великую
 А на того Михайлу на Пѣтыка
 Вси князи тутъ бояра кіевскіи,
 Вси русійскіи могучіи богатыри.
 Какъ тутъ-то вѣдь Михайла отряжается,
 Какъ тутъ-то онъ Михайла снаряжается,
 Опять назадъ ко корбы ко темныи
 А ко тщи ко грязи ко черныи,
 Къ царю ёнъ къ Вахрамѣю Вахрамѣву,
 А ѣхалъ онъ туды да три мѣсяца.
 Какъ пріѣзжалъ онъ тутъ во царство-то
 Къ царю ёнъ къ Вахрамѣю Вахрамѣву,
 А заѣзжалъ на ёго да на широкъ дворъ,
 А становилъ онъ добра коня вѣдь середь широка
 двора,

Ко тому столбу ко тоценому,
 А привязалъ къ кольцу къ золоценому.
 Насыпалъ коню онъ пшени бѣлояровой,
 Самъ онъ шолъ вѣдь тутъ по новымъ сѣнямъ,
 А заходилъ въ полату во царскую
 Къ царю ёнъ къ Вахрамѣю Вахрамѣву.
 Какъ скоро онъ Михайлушка докладъ держалъ,
 Клонится Михайло на вси стороны,
 А клонится на четыре сторонушки,
 Царю да Вахрамѣю въ особину:
 — Здравствуй-царь ты Вахрамѣй Вахрамѣвичъ!
 «Ахъ здравствуй-ко удалый доброй молодецъ!
 «Не знаю я тебѣ да не имени,
 «Не знаю я тебѣ не изотчини.
 «А царь ли ты вѣдь есть, ли царевичъ здѣ,
 «Ли король, ли ты королевичъ есть,
 «Али съ тиха Донѣ ты донской казакъ,
 «Аль грозной есть посоль ляховитскіи,
 «Аль старыи казакъ ты Илья Муромецъ?»
 Какъ говоритъ Михайла таково слово:
 — Не царь-то вѣдь ужъ я, не царевичъ есть,
 — А не король-то я, не королевичъ есть,
 — Не изъ тиха Донѣ не донской казакъ,
 — Не грозной я посоль ляховитскій былъ,

— Не старій я казакъ Илья Муромецъ.
 — А есть-то я изъ города изъ Кіева
 — Молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.—
 «Зачимъ же ты Михайла заѣзжалъ сюда?»
 — Зашолъ-то я сюда заѣзжалъ къ тебѣ,
 — А царь ты Вахрамѣй Вахрамѣвичъ,
 — А я слыжалъ — скажутъ ты охвочъ играть
 — Да въ доски-ты шахматны,
 — А въ дóроги тавлен золочены,
 — А я-то вѣдь еще ужъ также бы.
 — Пониграемъ-ко во доски мы шахматны,
 — Въ дóроги тавлен золочены.
 — Да ахъ же ты царь Вахрамѣй Вахрамѣвичъ!
 — Насыпъ-ко ты да безсчѣтной золотой казны
 — А сорокъ-то телѣгъ да ордынскіихъ. —
 Какъ ино тутъ Михайлушко спроговорить:
 — Ахъ ты царь же Вахрамѣй Вахрамѣвичъ!
 — А бью я о головки молодецкіи,
 — Какъ я теби буду служить да слугою вѣрною
 — А сорокъ-то годовъ тебѣ съ годичкомъ,
 — За сорокъ-то телѣгъ за ордынскіихъ. —
 Какъ этотъ-то царь Вахрамѣй Вахрамѣвъ былъ
 Охвочъ играть во доски-ты шахматны
 А въ дóроги тавлен золочены,
 Всякого-то вѣдь онъ да поигралъ.
 Какъ тутъ-то себѣ да вѣдь думаетъ:
 А вабъ мнѣ молюдца да повыиграть.
 Какъ тутъ они наставили дощечку-ту шахматну,
 Начали они по дощечки ходить гулять.
 А тутъ Михайлушка ступень ступилъ — не досту-
 пилъ,
 А дрúгой какъ ступилъ, самъ призаступилъ,
 А третій что ступилъ, его поигралъ,
 А выигралъ безсчѣтну золоту казну
 А сорокъ-то телѣгъ-тыхъ ордынскіихъ.
 Говорить промовить таково слово:
 — Да ахъ ты царь Вахрамѣй Вахрамѣвичъ!
 — Топеречку еще было нунечку
 — Дань изъ города изъ Кіева спросиласи.
 — Тебѣ-то вѣдь нунь она назадъ поидеть
 — Какъ эта безсчѣтна золота казна,
 — А за двѣнадцать годъ за прошлыи что годы
 что за нунѣшній,
 — Назадъ-то вѣдь тутъ дань поворотиласе. —
 Какъ тутъ-то вѣдь царю да Вахрамѣю Вахрамѣву
 А стало зарко есть, роззадорило,
 Стало жалъ безсчѣтной золотой казны.
 Какъ говоритъ Михайлы таково слово:
 «А молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «А пониграмъ еще со мной ты другой-отъ разъ.
 «Насыплю я безсчѣтной золотой казны

«А сорокъ я телѣгъ да ордынскіихъ,
 «А ты-то мнѣ служить да слугою будъ вѣрною
 «А сорокъ-то годовъ еще съ годичкомъ.»
 Какъ бьетъ опять Михайлушко о своей головкѣ
 молодецкіи,
 Наставили тутъ доску-ту шахматну,
 Какъ начали они тутъ ходить гулять
 По тыи дощечки по шахматнѣй,
 Какъ тутъ Михайлушка ступень ступилъ — не до-
 ступилъ,
 А дрúгой-то ступилъ, самъ призаступилъ,
 А третій-то ступилъ, его й поигралъ,
 Какъ выигралъ безсчѣтной золотой казны
 Сорокъ-то телѣгъ да ордынскіихъ.
 Какъ тутъ-то вѣдь царь Вахрамѣй Вахрамѣ-
 вичъ
 Воспроговорить опять ѣн таково слово:
 «Молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Сыграемъ-ко мы еще остатній разъ
 «Во тыи во дощечки во шахматни.
 «Какъ я-то вѣдь ужъ царь Вахрамѣй Вахрамѣ-
 вичъ
 «А бью съ тобой, Михайло сынъ Ивановичъ,
 «А о тоѣмъ о томъ великъ залогъ,
 «А буду я платить дань во Кіевъ градъ,
 «А за тыихъ двѣнадцать лѣтъ за прошлыи что
 годы что за нунѣшній,
 «А сорокъ я телѣгъ да ордынскіихъ;
 «А ты бей-ко о головки молодецкіи,
 «Служить-то мнѣ слугою да вѣрною,
 «А будъ ты мнѣ служить да до смерти-то.»
 Какъ тутъ-то онъ Михайлушка
 А бьетъ-то онъ о головки молодецкіи,
 Служить-то царю до смерти-то.
 «Остатній разъ наставили дощечку тутъ шахматну.
 А й тутъ Михайлушка ступень ступилъ — не до-
 ступилъ,
 А дрúгой-то ступилъ, самъ призаступилъ,
 А третій какъ ступилъ, его и поигралъ,
 Выигралъ безсчѣтну золоту казну,
 А дань платить во Кіевъ градъ великую.
 На ту пору было на то: времечко
 А налеталъ тутъ голубъ на окошечко,
 Садился-то тутъ голубъ со голубкою,
 Началъ по окошечку похаживать,
 А началъ онъ затымъ выговаривать
 А тымъ а тымъ язѣкомъ человѣческимъ:
 — Молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Ты играшь молодецъ да проклаждаешься,
 — А надъ собой незгодушки не вѣдаешь.
 — Твоя-то есть вѣдь молода жена,

— А тая-та вѣдь Марья лебедь бѣлая, преставилась. —

Скочилъ тутъ какъ Михайла на рѣзвѣи ноги,
Хватилъ онъ эту доску тутъ шахматню,
Какъ бросилъ эту доску о кирпичной мостъ

А во полаты тутъ да во царскіи,

А терема вси тутъ пошаталисе,

Хрустальніи оконницы посыпались,

Да князи тутъ бояра вси мертвѣ лежать,

А царь тотъ Вахрамѣй Вахрамѣевичъ

А ходитъ-то вѣдь онъ роскораяю.

Какъ самъ онъ говоритъ таково слово:

«Ахъ молодой Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!

«Оставь ты мнѣ бояръ хоть на сімена,

«Не стужай-во доской ты во кирпичной мостъ.»

Какъ говоритъ Михайло таково слово:

— Ахъ же ты да царь Вахрамѣй Вахрамѣевъ былъ!

— А скоро же ты вези-тко безсчѣтну золоту казну

— Во стольней-отъ городъ да во Кіевъ градъ. —

Какъ скоро самъ бѣжалъ на широкій дворъ,

Какъ ино вѣдь сѣдлаетъ онъ своего добра коня,

Сѣдлатъ, самъ выговаривать:

— Да ахъ же ты мой-то вѣдь ужъ добрый конь!

— А нѣсь-то ты сюды меня три мѣсяца,

— Неси-тко нунъ домой меня во три часу. —

Приправливалъ Михайлушка добра коня,

Пошолъ ѣнъ поскакалъ ѣго добрый конь

Рѣки-ты озѣра перескакивать,

А тѣмной-отъ вѣдь лѣсъ промежъ ногъ пустилъ,

Пришолъ онъ прискакалъ да во Кіевъ градъ,

Пришолъ онъ прискакалъ вѣдь ужъ въ три часу.

Розсѣдывалъ коня тутъ розуздывалъ,

А насыпалъ пшени бѣлоровой,

А скоро самъ бѣжалъ онъ на выходы высокіи,

Закрычалъ Михайло во всю голову:

— Да ай же мон братьница крѣстовыи,

— Крѣстовыи вы братьница названыи,

— Ай старыи казакъ ты Илья Муромецъ,

— А молодой Добрынюшка Микитиничъ!

— А подьте-тко вы къ брату крестовому

— А на тую на думушку великую. —

Какъ тутъ-то вѣдь ужъ братьница справлялся,

Туть-то оны удали снаряжался,

Приходятъ оны къ брату крестовому,

Къ мѡлоду Михайлы да къ Пѣтыку:

«Ай же братъ крѣстовый нашъ названыи!

«А ты чегѡ крѣчишь, насъ треложнись ты,

«Русійскіихъ могучихъ насъ богатырѣвъ?»

Какъ онъ на то вѣдь имъ отвѣтъ держитъ:

— Да ай же мон братьница крѣстовыи,

— Крѣстовыи вы братьница названыи!

— Стройте вы колоду бѣлодубову,

— Итти-то мнѣ во матушку во сырѣ землю

— А со тнѣмъ со тѣломъ со мѣртвынѣмъ,

— Итти-то мнѣ туды да на три году, —

— Чтобы можно власть-то хлѣба соли воды да туды-ка-ва,

— Чтобы было тамъ мни на три году запасу-то. —

Какъ этии тутъ братьница крестовыи

Скорѣмъ скорѣ, скорѣ да скорешенько

Какъ строили колоду бѣлодубову;

Какъ тотъ этотъ Михайла сынъ Ивановъ былъ

Какъ скоро самъ бѣжалъ онъ во кузницу,

Сковалъ тамъ онъ трѣи-ты клѣщи-ты,

А трѣи прутья еще да желѣзныи,

А трѣи еще прутья оловяныи,

А третѣи напоследѣ еще мѣдныи.

Какъ заходилъ въ колоду бѣлодубову

А со тнѣмъ со тѣломъ со мѣртвынѣмъ,

Какъ братьница крестовыи тутъ названыи

Да набіли оны обручи желѣзныи

На тую колоду бѣлодубову.

А это тутъ вѣдь дѣло да дѣтсѣя

А во тую въ субботу въ христовскую;

Какъ тутъ эти старыи казакъ да Илья Муромецъ,

Молодой Добрынюшка Микитиничъ,

А братья что крѣстовыи названыи,

Копали погребъ тутъ оны глубокии,

Спустили ихъ во матушку во сырѣ землю,

Зарыли-то ихъ въ желтѣи пески.

Какъ тамъ было змѣя подземельная,

Ходила тамъ змѣя по подземелью,

Приходитъ къ той колоды бѣлодубовой,

Какъ разъ она змѣя тутъ да дѣрнула,

А обручи на колоды тутъ лопнули.

Другой-отъ разъ еще она й дѣрнула,

А рядъ-то ѣна тѣсу тутъ сдѣрнула

А со тнѣи колоды бѣлодубовой.

Какъ тутъ-то вѣдь Михайлы не доидетъ сидѣтъ,

А скоро какъ скочилъ онъ тутъ на ноги,

Хватилъ-то онъ тутъ клѣщи желѣзныи.

Какъ эта змѣя тутъ подземельная

Трѣтѣи еще разъ она дѣрнула,

Остатнѣи-то рядъ она сдѣрнула.

Какъ тутъ Михайла съ женой спокказался,

Да тутъ тая змѣя зрадовалася:

«А буду-то я нунѣчу сытал,

«Сытая змѣя не голодная.

«Одно есте тѣло да мѣртвое,

«Друга жива головка челоѡѣческа.»

Какъ скоро тутъ Михайло сынъ Ивановичъ

Захватилъ змѣю ю во клѣщи-ты,

Хватилъ онъ тутъ-то прутья желѣзныи,
 А почалъ бить поганую ю въ одноконечную *).
 Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
 «Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
 «А принесу я ти живú воду да въ три году.»
 Какъ бьеть-то змѣю въ одноконечную.
 Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
 «Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
 «А я принесу я-то живú воду да въ два году.»
 — Да нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать.—
 Какъ бьеть-то онъ змѣю въ одноконечную.
 Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
 «Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
 «Принесу-то я тебѣ живú воду въ одинъ-то годъ.»
 А росхлысталъ онъ прутья-то желѣзныи
 О тую змѣю о проклятую,
 Хватилъ онъ тутъ-то прутья оловянныи,
 А бьеть-то онъ змѣю въ одноконечную.
 Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
 «Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
 «Принесу тебѣ живú воду я въ полъ-году.»
 — А нѣтъ, мнѣ, окаянна, всё такъ долго ждать.—
 А бьеть-то онъ змѣю въ одноконечную.
 Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
 «Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
 «А принесу живú воду въ три мѣсяца.»
 — А нѣтъ-то, мнѣ, поганая, все долго ждать.—
 А бьеть-то онъ змѣю въ одноконечную.
 Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
 «Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
 «А принесу живú воду въ два мѣсяца.»
 — А нѣтъ-то, мнѣ, поганая, все долго ждать.—
 А бьеть-то онъ змѣю въ одноконечную,
 А росхлысталъ онъ прутья оловянныи,
 Хватилъ-то онъ прутья да мѣдныи,
 А бьеть-то онъ змѣю въ одноконечную.
 Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
 «Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
 «А принесу я ти живú воду а въ мѣсяцъ-то.»
 — А нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать.—
 А бьеть-то онъ змѣю въ одноконечную.
 Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:

«Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
 «Принесу я ти живú воду въ недѣлю-то.»
 — А нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать.—
 А бьеть-то онъ змѣю въ одноконечную.
 Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
 «Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «А принесу я ти живú воду въ три-то дни.»
 — А нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать.—
 А бьеть-то онъ змѣю въ одноконечную.
 Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
 «Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Принесу я ти живú воду въ два-то дня.»
 — А нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать.—
 А бьеть-то онъ змѣю въ одноконечную.
 Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
 «Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Принесу я ти живú воду въ одинъ-то день.»
 — А нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать.—
 Какъ бьеть-то онъ змѣю въ одноконечную.
 А молится змѣя тутъ, покланяется:
 «Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Не бей больше змѣи, не кровавь меня,
 «Принесу я ти живú воду въ три часу.»
 Какъ отпуская Михайло сынъ Ивановъ былъ
 Какъ эту змѣю онъ поганую,
 Какъ взялъ въ закладъ къ себѣ змѣёнышовъ,
 Не спустилъ ихъ со змѣёй со поганую.
 Полетѣла та змѣя по подземелью,
 Принесла она живú воду въ три часу.
 Какъ скоро тутъ Михайла сынъ Ивановъ былъ
 Взялъ онъ тутъ да вѣдь змѣёныша,
 Ступилъ-то онъ змѣёнышу на ногу,
 А какъ роздернулъ-то змѣёныша на двое,
 Приказалъ-то вѣдь по старому въ одно мѣсто,
 Помазалъ-то живой водой змѣёныша,
 Какъ сросся-то змѣёнышь, стать по старому;
 А въ другихъ помазалъ — шевелился онъ,
 А въ третыхъ-то збрзнулъ — побѣжалъ-то какъ.
 Какъ говоритъ Михайла таково слово:
 — Ай же ты змѣя да поганая!
 — Клади же ты да заповѣдь великую,
 — Чтобы ти не ходить по подземелью,
 — А не съѣдать-то бы тѣлъ ти мѣртвыихъ.—
 Какъ клала она заповѣдь поганая великую
 А не ходить больше по подземелью
 А не съѣдать бы тѣлъ да вѣдь мѣртвыихъ,
 Спустилъ-то онъ поганую, не ранилъ ни.
 Какъ скоро тутъ Михайло сынъ Ивановъ былъ
 Збрзнулъ эту Марью лебедь бѣлую
 Живой водой да ю да вѣдькою, эт

*) т. е. безъ перерыва, — такъ объяснилъ пѣвецъ.

Какъ тутъ она еще да вѣдь вздрогнула.
 Какъ другою разъ збриснѣтъ—она сидя съѣла-то,
 А въ трѣтѣйшѣ-то онъ збриснѣтъ—она повыстала,
 А даль водѣ-то въ ротъ — она заговорила-то:
 — Ахъ молодой Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!
 — А долго-то я нунечку спѣла-то. —
 «Кабы не я, такъ ты вѣдь вѣкъ бы спѣла-то,
 «А ты вѣдь да Марья лебедь бѣлая.»
 Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка роздумался,
 А какъ бы имъ повытти со сырой земли.
 Какъ думаль-то Михайлушка, удумаль онъ,
 А закрывалъ Михайла во всю голову.
 Какъ этоу дѣло-то вѣдь дѣется,
 Выходитъ что народъ тутъ отъ завтрянки хри-
 стосскѣн

На тую на буювку да на ту сырѣ землю.
 Какъ ино вѣдь народъ еще приуслѣхались,
 А что это за чудо за диво есть,
 Мертвыи въ земли закрывали вси.
 Какъ этии тутъ братьица крестовыи,
 Старши казаекъ да Илья Муромецъ,
 Молодой Добрынюшка Микитиничъ
 Въ одно мѣсто они сходилися,
 Сами тутъ они вѣдь ужъ думу думаютъ:
 — А видно нашъ есть братецъ былъ крестовыи,
 — А стало душно-то ёму во матушки сырой земли,
 — А со тымъ со тѣломъ со мѣртвыимъ,
 — А ёнъ кричить вѣдь тамъ громнымъ голосомъ. —
 Какъ скоро взымали лопаты желѣзныи,
 Бѣжали тутъ они да на яму-ту,
 Розрыли какъ они тутъ жолтѣи пески,
 Ажно тамъ они да обѣ живы.
 Какъ тутъ выходилъ Михайло изъ матушки сы-
 рой земли,
 Скоро онъ тутъ съ братцами христоскался.
 Какъ началъ тутъ Михайлушка жить да быть,
 Тутъ пошла вѣдь славушка великая
 По всѣй орды, по всѣй земли, по всѣй да селенныи,
 Какъ есть-то есте Марья лебедь бѣлая,
 Лебедушка тамъ бѣлая, дочь царская,
 А царская тамъ дочка мудреная,
 Мудрёна она дочка безсмѣртная.
 Какъ на эту на славушку великую
 Приѣзжаетъ тутъ этотъ прекрасный царь Иванъ
 Окульевичъ

А со своей со силою великою
 А на тотъ-то да на Кіевъ градъ.
 Какъ на ту пору было на то времечко
 Богатырей тутъ дома не случилоси,
 Стольи тутъ дома да случилоси
 Молодой Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ.

Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка сряжается,
 А тутъ-то вѣдь Михайло снаряжается
 Во далечо еще во чисто поле,
 А драться съ той со силою великою.
 Подѣхалъ тутъ Михайло сынъ Ивановъ былъ,
 Приблизъ онъ эту силу всю въ три часу.
 Воротился тутъ Михайлушка домой онъ во Кіевъ
 градъ,

Да тутъ-то вѣдь Михайлушка онъ спать-то лёгъ.
 Какъ спитъ онъ молодець прокладается,
 А надъ собою незгодушен не вѣдаеть.
 Опять-то приѣзжаетъ тотъ прекрасный царь Иванъ
 Окульевичъ,

Больше того онъ со силою съ войскомъ былъ,
 А во тотъ-то во тотъ да во Кіевъ градъ.
 А началъ онъ тутъ Марьюшку подсватывать,
 А началъ онъ тутъ Марью подговаривать:
 «Да ай же ты да Марья лебедь бѣлая!
 «А ты поди-ко Марья за меня замужъ,
 «А за царя ты за Ивана за Окульева.»
 Какъ началъ улетать ю, уговаривать:
 «А ты поди поди за меня замужъ,
 «А будешь слытъ за мной ты царицею,
 «А за Михайломъ будешь слытъ не царицею,
 «А будешь станешь слытъ портомойница
 «У стольного у князя у Владиміра.»
 Какъ тутъ она еще да подумала:
 — А что-то мнѣ-ка слытъ портомойница,
 — А лучше буде слытъ мнѣ царицею
 — А за тымъ за Ивановомъ за Окульевичемъ. —
 Какъ ино тутъ она еще на то укидаласи,
 Позвалася, пошла за ёго замужъ.
 Какъ спитъ-то тутъ Михайло прокладается,
 А ничего Михайлушко не вѣдаеть.
 А тутъ-то есть его молода жена,
 А тая-то вѣдь было любимѣ семья,
 А еще она Марья лебедь бѣлая,
 Замужъ пошла за прекраснаго царя-то за Окульева.
 Поѣхалъ тутъ-то царь въ свою сторону.
 Какъ ото сну богатырь пробуждается,
 Молодой Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ.
 Какъ тутъ-то ёго братьица приѣхали,
 Старши казаекъ да Илья Муромецъ,
 А молодой Добрынюшка Микитиничъ.
 Какъ началъ онъ у ихъ тутъ доспрашивать,
 Началъ онъ у ихъ тутъ доведывать:
 «Да ай же мой братьица крестовыи,
 «Крѣстовыи вы братьица названыи!
 «А гдѣ-то есть моя молода жена,
 «А тая-та вѣдь Марья лебедь бѣлая?»
 Какъ тутъ ёму онѣи воспрогѣворять:

— Какъ слышали отъ князя отъ Владиміра,
 — Твоѣ-то тамъ есте молода жена
 — Она была вѣдь нунечку замужъ пошла
 — А за царя-то за Ивана за Окульева. —
 Какъ онъ на то вѣдь имъ отвѣтъ держитъ:
 «Ай же мои братьница крестовни!
 «Пойдемте *) мы, братьница, за ямъ слѣдъ **) съ
 угоною.»

Говорятъ ему таково слово:

— Да ай же ты нашъ братаецъ крестовный былъ!
 — Не честь-то намъ хвала молодцамъ
 — А ѣхать за чужой женой еще слѣдъ съ угоною.
 — Кабы ѣхать намъ-то вѣдь ужъ слѣдъ тебя,
 — Дакъ ѣхали бы мы слѣдъ съ угоною. —
 — А ѣдь-ко ты одинъ доброй молодець,
 — А ѣдь-ко, ничего да не спрашивай,
 — А застанешь ты вѣдь ихъ на чистомъ поли,
 — А отсѣки ты тамъ царю да головушку. —
 Поѣхалъ тутъ Михайла слѣдъ съ угоною,
 Засталъ-то вѣдь ужъ ихъ на чистомъ поли.
 Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая
 Увидала тутъ Михайлушку Пóтыка,
 Какъ тутъ своро наливала питей она,
 А питей наливала да сонныхъ.
 Подходить тутъ къ Михайлы да къ Пóтыку:
 «Ахъ молодъ-то ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ива-
 новичъ!
 «Меня силомъ везетъ да прекрасный царь Иванъ
 Окулевичъ.

«Какъ выпей-ко ты чару зеленá вина
 «Со тоски досады со великии.»
 Какъ тутъ этотъ Михайла сынъ Ивановичъ
 Выпивалъ онъ чару зеленá вина,
 А по другой да тутъ душа горитъ,
 Другую-то онъ выпилъ да вѣдь трѣтью вслѣдъ.
 Напился тутъ Михайла онъ допьяна,
 Паль-то на матушку на сыру землю.
 Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая
 А говоритъ Ивану таково слово:
 «Прекрасныи ты царь Иванъ Окулевичъ!
 «А отсѣки Михайлы ты головушку.»
 Какъ говоритъ Иванъ тутъ таково слово:
 — Да ахъ же ты да Марья лебедь бѣлая!
 — Не честь-то мнѣ хвала молодецкая
 — А соннаго-то битъ что мнѣ мѣртваго.
 — А лучше онъ проснитса протверезитса,
 — Дакъ буду я битъ-то ёго силою,
 — Силою я войскомъ великиимъ,
 — А будетъ молодцу мнѣ тутъ честь хвала. —

*) т. е. поѣдемте. **) т. е. вслѣдъ.

Какъ тутъ она еще да скорымъ скорò
 Приказала-то слугамъ она вѣрнымъ
 А выкопать что яму глубокую.
 Какъ слуги ей тутъ да вѣрныи
 Копали они яму глубокую.
 Взимала тутъ Михайлу подъ пазухи,
 Какъ бросила Михайла во сыру землю,
 А приказала-то зарыть его въ песочкии жолтыи.
 Какъ ино тутъ впередъ они поѣхали,
 Оставался тутъ Михайла на чистомъ поли.
 Какъ тутъ-то у Михайлы вѣдь добрый конь
 А побѣжалъ ко городу ко Киеву,
 А прибѣгалъ тутъ конь да во Киевъ градъ,
 А началъ онъ тутъ бѣгать да по Киеву.
 Увидли-то какъ братья тутъ крестовни,
 Молодой Добрынюшка Мняитиничъ
 А старши казакъ тутъ Илья Муромецъ,
 Самы какъ говорятъ промежъ собой:
 «А нѣтъ жива-то братаца же крестоваго,
 «Крестоваго-то братаца названого,
 «Молодá Михайлушки Пóтыка.»
 Садились тутъ они на добрыхъ коней,
 Поѣхали они слѣдъ съ угоною.
 А ѣдутъ тутъ они по чисту поли,
 Михайлинъ еще конь напередъ бѣжитъ.
 А прибѣгалъ на яму на глубокую,
 Какъ началъ тутъ онъ ржать да копьёмъ-то мять
 Во матушку во ту во сыру землю.
 Какъ смотреть эти братаецъ крестовни:
 «А видно эта братаецъ нашъ крестовный былъ,
 «А молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.»
 Какъ тутъ-то вѣдь они да скорымъ скорò
 Копали эту яму глубокую,
 А ёнъ-то тамъ проспалса, прохмѣлился, протве-
 резился.
 Скочилъ-то тутъ Михайла на рѣзвѣи ноги,
 Какъ говоритъ Михайла таково слово:
 — Ай же мои братьница крестовни!
 — А гдѣ-то есте Марья лебедь бѣлая? —
 Говорятъ тутъ братья таково слово:
 «А тая-та вѣдь Марья лебедь бѣлая
 «Она-то вѣдь ужъ нунечку замужъ пошла
 «А за прекраснаго царя да за Окульева.»
 — Пойдемте мы братьница съ угоною. —
 Какъ говорятъ они тутъ таково слово:
 «Не честь-то намъ хвала молодецкая
 «А ѣхать намъ за бабой слѣдъ съ угоною,
 «А стыдно намъ буде да похабно е.
 «А ѣдь-ко ты одинъ, добрый молодець,
 «Застанешь-то вѣдь ихъ ты на чистомъ поли,
 «А ничего больше ты не слѣдуй-ко,

«А отсѣки царю ты буйну голову,
«Возьми къ себѣ ты Марью лебедь бѣлую.»
Какъ тутъ-то онъ Михайлушка спрашивается,
Какъ скоро слѣдъ съ угоной сваряжается.
Засталь-то ихъ опять на чистомъ поли,
А у тяхъ розстановъ у крестовскѣихъ,
А у того креста Леванидова.
Увидла тая Марья лебедь бѣлая
Молода Михайлу тутъ Пѣтыка,
Какъ говоритъ она таково слово:
— Ай же ты прекрасный царь Иванъ Окульевъ ты!
— А не отсѣки Михайлы буйной головы,
— А отсѣкеть Михайла ти головушку. —
Какъ тутъ она опять скорѣмъ скорѣ
А налила питей еще сошныихъ,
Подноситъ-то Михайлушки Пѣтыку,
Подноситъ-то, сама уговаривать:
— А какъ межѣнный день не можетъ живъ-то
быть,
— Не можетъ живъ-то быть да безъ краснаго
солнышка,
— А такъ я безъ тебя, молодой Михайла Пѣтыкъ
сынъ Иवानовичъ,
— А не могу-то я не ѣсть не пить,
— Не ѣсть не пить, не могу больше жива быть
— А безъ тебя, молодой Михайла Пѣтыкъ сынъ
Ивановичъ.
— А выпей-ко съ тоски нунъ съ кручинушки,
— А выпей-ко ты чару зелена вина. —
Какъ тутъ-то вѣдъ Михайлушка на то да уки-
дается,
А выпилъ-то онъ чару зелена вина,
А выпилъ — по другой душа горитъ,
А третью-то онъ выпилъ — самъ пьянъ-то сталъ,
А палъ на матушку на сыру землю.
Какъ тая эта Марья лебедь бѣлая
А говорить промолвить таково слово:
— Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
— А отсѣки Михайлы буйну голову,
— Полю тутъ Михайлы слѣдъ гонятися. —
А говорить тутъ онъ таково слово:
«Ай же ты Марья лебедь бѣлая!
«А сонваго-то битъ что мнѣ мертваго.
«А пусть-во онъ проснится, прохмѣлится, про-
тверзится,
«А буду вѣдъ я его битъ войскомъ-то,
«А рать-то я вѣдъ слушкой великою.»
Она ему на то отвѣтъ держитъ:
— Прибѣтъ-то вѣдъ силу-ту великую. —
Опять-то царь на то не слагается,
А поѣзжать-то царь да впередъ опять.

Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая
Взимала тутъ Михайлушку Пѣтыка,
Какъ бросила Михайлу черѣзъ плечо,
А бросила, сама выговаривать:
— А гдѣ-то былъ удалой добрый молодець,
— А стань-то бѣлъ горючин камешокъ,
— А этотъ камешокъ пролежи да наверхъ земли
три году,
— А черезъ три году проди-ко онъ скрозъ ма-
тушку скрозъ сыру землю. —
Поѣхали они тутъ впередъ опять,
А прѣзжали въ эту землю Сарацинскую.
Какъ познали тутъ братица крестовыи,
Старыи казаки тутъ Илья Муромецъ
А молодой Добрынюшка Микитиничъ,
А не видать что братца есть крестоваго,
Мблота Михайлы Пѣтыка Иванова,
Самы тутъ говорятъ промежъ собой:
«А набъ искать-то братца намъ крестоваго,
«А молода Михайлу Пѣтыка Иванова.»
Какъ справились ѣны тутъ калѣамы,
Идутъ они путѣмъ да дорожкой,
Выходить старичокъ со сторонушки:
— А здравствуйте-тко братцы добры молодцы,
— А старыи казакъ ты Илья Муромецъ
— А молодой Добрынюшка Микитиничъ! —
А онъ-то ихъ знаетъ да онъ не знаетъ кто:
«А здравствуй-ко ты еще дѣдушко.»
— А Богъ вамъ по пути добрымъ молодцамъ.
— А возьте-ко вы, братцы, во товарищи,
— Во товарищи вы возьте въ атаманы вы. —
Какъ тутъ-то они вѣдъ думу думаютъ,
Самы-то говорятъ промежъ собой:
«Какой-то есть товарищъ еще намъ-то былъ,
«А гди ѣму да гнаться за нами-то!»....
«А ради мы вѣдъ, дѣдушко, товарища.»
Поголъ рядомъ съ имъ тутъ дѣдушко,
Поголъ рядомъ, еще напередъ-то ихъ.
А стали какъ ѣны оставляться бы,
Одва-то старичка на виду ѣго держать-то.
Какъ тутъ пришли въ землю въ Сарацинскую,
Къ прекрасному къ царю да къ Ивану Окульеву,
Ко тии ко Марьи Вахрамѣвной.
Какъ стали тутъ онъ да рядомъ еще,
Закрычали тутъ онъ во всю голову:
— Ахъ же ты да Марья лебедь бѣлая,
— Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевъ былъ!
— Адайте намъ злату еще милѣстину спасеную. —
Какъ тутъ-то въ земли Сарацинскѣи
Теремъ во царствѣ пошаталися,
Хрустальнии оконницы посыпалися

А отъ того отъ крику отъ каличьяго.
 Какъ тутъ она въ окошко по поясу бросалася,
 А злая-то Марья лебедь бѣлая,
 А смотрѣть-то каликъ что переходящихъ.
 А смотреть, что сама воспроизговорить:
 «Прекрасны ты царь Иванъ Окульевичъ!
 «А это не каликъ, есте русскіи богатыри:
 «Старши казаць Илья Муромецъ
 «А молодой Добрынюшка Микитичъ-онъ,
 «А трѣтей я не знаю какой-то е.
 «Возьми каликъ къ себи, ты корми пон.»
 Взяли тутъ каликъ да къ себѣ они
 А во тую полату во царскую,
 Кормили-то понли каликъ они досыти.
 А досыти кормили ихъ да дѣляна,
 А надали имъ злата тутъ сѣребра,
 Насыпали-то имъ да по подсумку.
 Какъ тутъ они пошли назадъ еще добры молодцы
 Въ столпѣму ко городу ко Киеву,
 А бошли отъ царства ровно три версты,
 Забыли они братца что крестоваго,
 А молода Михайлу Пѣтыка Иванова.
 Какъ отошли они, затѣмъ вспомнилъ:
 — Зачѣмъ-то мы пошли, а не то сдѣлали,
 — Забыли-то мы братца-то крестоваго,
 — Молода Михайлу Пѣтыка Иванова. —
 Какъ тутъ скоро назадъ ворочались,
 Самѣ тутъ говорятъ таково слово:
 — Ай же ты да Марья лебедь бѣлая!
 — Куды дѣвала ты да братца-то крестоваго,
 — А молода Михайлушку Пѣтыка? —
 Какъ тутъ она по поясу въ окошко то бросалася,
 Отвѣчать-то имъ таково слово:
 «А вашъ-то есте братецъ крестовый —
 «Лежить онъ у розстанокъ у крестовскихъ,
 «А у того креста Леванидова,
 «А бѣлыми горючимъ камешкомъ.»
 Какъ тутъ они поклонились воротились,
 Какъ тутъ пошли путемъ да дорогою:
 Смотрать, ищутъ братца-то крестоваго,
 Проходятъ они братца тутъ крестоваго.
 Какъ злая калика переходяла
 А говорить тутъ имъ таково слово:
 — Ай же вы да братья все крестовыи!
 — Прошли да вы что братца есть крестоваго,
 — А молода Михайлу Пѣтыка Иванова. —
 Какъ тутъ-то воротился старичокъ-тотъ былъ,
 Приводить этихъ братьицовъ крестовыхъ
 Ко тому горючему ко камешку,
 Да говорить тутъ старичокъ таково слово:
 «А скидывайте-ко вы братцы съ плечъ подсумки,

«А кладьте вы еще на сыру землю,
 «А высыпайте вы да злато сѣребро,
 «А сыньте-тко все вы въ одно мѣсто.»
 Какъ высыпали злато они сѣребро
 А со тыхъ со тыхъ да со подсумковъ,
 А сыпали они тутъ въ одно мѣсто.
 Какъ началъ старичокъ тутъ живота дѣлить,
 Дѣлитъ онъ на четыре на части бы.
 Какъ тутъ-то говорятъ они таково слово:
 — Ай же ты да дѣдушко древний былъ!
 — А что же ты животъ дѣлишь не ладно бы,
 — А на четыре-то части не ровнѣ-то бы? —
 Какъ говорятъ старикъ тутъ таково слово:
 «А кто-то этотъ здѣнетъ да камешокъ,
 «А кинетъ этотъ камень черѣзъ плечо,
 «Тому двѣ кучи да злата сѣребра.»
 А послать Ильюшенка Добрынюшку
 А призвѣнуть тотъ камешокъ горючий.
 Сочилъ-то тутъ Добрынюшка Микитичъ-онъ,
 Хватилъ онъ этотъ камень, здѣнулъ его,
 Здѣнулъ-то столько до колѣнъ-то онъ,
 А больше-то Добрынюшка не могъ здѣнуть,
 А бросилъ этотъ камень на сыру землю.
 Подскакивалъ вѣдь тутъ Илья Муромецъ,
 Здѣнулъ онъ этотъ камень до пояса,
 Какъ больше-то Ильюшенка не могъ здѣнуть.
 Какъ этотъ старичокъ тутъ подхаживалъ
 А этотъ-то ѣнъ камешокъ покатывалъ,
 А самъ онъ камешку выговаривалъ:
 «А гдѣ-то былъ горючий бѣлой камешокъ,
 «А стая-ко тутъ удалый доброй молодець,
 «А молодой Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ,
 «Подлекчись-ко Михайлушка леккимъ-лекко!»
 Взямалъ-то ѣнъ да кинулъ черѣзъ плечо,
 А назадъ тамъ сталъ удалый доброй молодець,
 Молодой Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ.
 Какъ тутъ-то старичокъ имъ спроговорить:
 «Ай же вы богатыри русскіи!
 «А я-то есть Микола можайскій,
 «А я вамъ пособляю за вѣру-отечество
 «А я-то вамъ есть русскимъ богатырямъ.»
 Да столько они видли старичка тутъ бы.
 Какъ строили они тутъ часовену
 Тому они Миколы можайскому.
 Какъ тутъ этотъ Михайло сынъ Ивановичъ
 А говорить-то имъ таково слово:
 — Ахъ же мой братица крестовый!
 — А гдѣ-то есть моя молода жена,
 — А тая-та вѣдь Марья лебедь бѣлая? —
 Какъ говорятъ они таково слово:
 «Твоя-та еще есть молода жена

«Замужъ пошла за царя за Ивана за Окульева.»
 Какъ говорить онъ имъ таково слово:
 — Пойдемте-ко мы, братцы, слѣдъ съ угоною.—
 Какъ говорятъ они таково слово:
 «Не честь-то намъ хвала молодецкая
 «Итти намъ за чужой-то жондой вѣдъ за бабью.
 «Какъ мы-то за тобой, доброй молодець,
 «Идемъ-то мы да слѣдъ-то съ угоною.
 «Поди-тко ты одинъ, доброй молодець,
 «А ничего не слѣдуй-ко, не спрашивай,
 «А отсѣки царю ты буйну голову,
 «Тутъ возьми ты Марью лебедь бѣлую.»
 Какъ скоро шолъ Михайла-онъ Пóтыкъ-тотъ,
 А приходилъ въ землю Сарацинскую;
 Идѣтъ-то онъ къ полаты ко царскіи.
 Увидла тая Марья лебедь бѣлая,
 Какъ налила питей она сонныхъ
 А тую эту чару зеленá вина,
 Сама тутъ говорить таково слово:
 — Прекрасни ты царь Иванъ Окульевъ былъ!
 — А не отсѣкъ Михайлы буйной головы,
 — А онъ-то нонь Михайлушка живой-то сталъ.—
 Какъ тутъ она подходитъ близѣшонько,
 А клонится Михайлы повизѣшонько:
 — Ахъ ты молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ива-
 новичъ!
 — Силóмъ увѣзъ прекрасный царь Иванъ Окулье-
 вичъ.
 — Какъ нунечку еще было топеречку
 — Межѣнный день не можетъ живъ-то быть
 — А безъ того безъ краснаго безъ солнышка,
 — А такъ я безъ тебя, молодой Михайла Пóтыкъ
 сынъ Ивановичъ,
 — А не могу-то я да вѣдъ жива быть,
 — А жива быть, не могу-то ѣсть ни пить.
 — Топерь твои уста были печальни,
 — А ты-то вѣдъ въ великой во кручинушки,
 — А выше-ко съ тоски ты со досадушки
 — А нунечку какъ чару зеленá вина. —
 Какъ выпилъ-то онъ чару — по другой душа го-
 рить,
 А дрúгу выпилъ, еще третью слѣдъ.
 Напила тутъ Михайлушка допяна,
 Палъ онъ тутъ на матушку на сырú землю.
 Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая
 А говорить промолвить таково слово:
 — Прекрасни ты царь Иванъ Окульевичъ!
 — А отсѣки Михайлы буйну голову. —
 А говорить-то царь таково слово:
 «Да ай же ты да Марья лебедь бѣлая!
 «Не честь-то мнѣ хвала молодецкая

«А бить-то мнѣ-ка соннаго что мертваго,
 «А лучше пусть проснитса, прохмѣдитса, про-
 тверезитса,
 «А буду бить ёго я вѣдъ войскомъ-тымъ
 «А силушкой своей я великою.
 «Какъ я ёго побью, а мнѣ-ка будетъ тутъ честь
 хвала
 «По всѣй орды еще да селенни.»
 Какъ тутъ-то эта Марья лебедь бѣлая
 Бѣжала вѣдъ какъ скоро въ кузницу,
 Сквала тутъ ёна да вѣдъ пять гвоздовъ,
 Взимала она молотъ три пуда тутъ,
 Хватила тутъ Михайлу какъ подъ пазухи,
 Стащила что къ стѣны-то городовни,
 Роспялила Михайлу она на стѣну,
 Забила ёму въ ногу да гвоздь она,
 А въ дрúгую забила дрúгой она,
 А въ руку-то забила ёна, въ дрúгу такъ,
 А пятой-отъ гвоздь ёна обронила-то.
 Какъ тутъ она еще да Михайлушку
 Ударила вѣдъ молотомъ въ бѣло лицо,
 Облился-то онъ кровью тутъ горячею.
 Какъ ино тутъ у того прекраснаго царя Ивана
 да Окульева
 А бѣло-то сестрица да рóдная,
 А та эта Настасья Окульевна.
 Пошла она гулять тутъ по городу,
 Приходитъ ко стѣны къ городовни,
 А смотреть — тутъ задѣрнута черная завѣса,
 Завѣшанъ тутъ Михайлушко Пóтыкъ-онъ.
 Какъ тутъ она вѣдъ завѣсы отдѣрнула,
 А смотреть на Михайлушку Пóтыка.
 Какъ тутъ онъ прохмѣлился добрый молодець,
 Какъ тутъ ему она воспрогóворить:
 — Молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Возьмешь ли ты меня за себя замужъ?
 — А я бы-то тебя да избавила
 — А отъ тни отъ смерти безнапрасни. —
 «Да ай же ты Настасья Окульевна!
 «А я тебя возьму за себя замужъ.»
 А клять-то ёнъ тутъ заповѣдъ великую.
 Какъ этая Настасья тутъ Окульевна
 Скорымъ скорó бѣжала въ кузницу,
 Взимала она клѣщи тамъ желѣзныи,
 Отдирала отъ стѣны городовни
 А молодá Михайлушку Пóтыка.
 Взимала тамъ она съ тóрмы грѣшника,
 На мѣсто да прибила на стѣну городовную,
 Гдѣ висѣлъ Михайлушка Пóтыкъ-тотъ,
 А утащила тутъ Михайлушку Пóтыка
 Въ особой-то покой да въ потайни.

Какъ взяла она надобей здравныхъ,
Скорѣмъ скорѣ излѣчила тутъ Михайлушку.

Сама тутъ говорить таково слово:

— Ай же ты Михайла сынъ Ивановъ былъ!

— А набъ-то теби латы и кольчуги нунь,

— А набъ-то тебѣ сабля-та вострая,

— А палица еще богатырская,

— А набъ-то тебѣ да добра коня? —

«Ай же ты Настасья Окульевна!

«А надо, нужно, мнѣ-ка-ва надо вѣдь.»

Какъ тутъ она да скорѣмъ скорѣ скорешенько

Приходить да ко рѣдному братцу-то:

— Ай же ты мой братецъ родимый,

— Прекрасный ты царь Иванъ Окулевичъ!

— А я-то красна дѣвушка нездрава е.

— Ночесъ мнѣ во снѣ-видѣньи казалось ли,

— Какъ далъ ты ужъ мнѣ бы добра коня;

— А латы-ты ужъ мнѣ-ка, кольчуги-ты,

— А палицу еще богатырскую,

— Саблю да во третѣхъ вострую,

— Да здрава-то бы стала красна дѣвушка. —

Какъ онъ ей давалъ латы еще да кольчуги-ты,

А палицу еще богатырскую,

Даваешь въ третѣхъ саблю-ту вострую,

Давалъ онъ ей еще тутъ добра коня,

Добраго коня богатырскаго.

Какъ тутъ она сокрутилась обладилась,

Обсѣдала коня богатырскаго,

Какъ отъѣзжала тутъ она на чисто поле,

Говорила-то Михайлушки Потъку,

Какъ говорила тамъ она ему въ потай еще:

— Приди-ко ты Михайла на чисто поле,

— А дамъ я теби тутъ добра коня,

— А дамъ теби латы кольчуги вси,

— А палицу еще богатырскую,

— А саблю еще дамъ я ти вострую. —

А отходилъ Михайла на чисто поле,

А приѣзжать Настасья-та Окульевна

На тоѣ на то на чисто поле

А ко тому Михайлушки къ Потъку,

А подавать скоро ему тутъ добра коня,

Палицу свою богатырскую,

А латы-ты, кольчуги богатырскіи,

А саблю-ту еще она вострую;

Сокрутился тутъ Михайлушка богатыремъ.

Какъ тутъ эта Настасья Окульевна

Вѣжала-то она назадъ домой скорѣмъ скорѣ,

Приходить-то ко рѣдному братцу-то:

— Благодарите тебѣ братецъ мой родимый!

— А далъ-то вѣдь какъ ты мнѣ добра коня,

— А палицу ты мни богатырскую,

— А саблю ты мнѣ-ка да вострую,

— А съѣздила я вѣдь прогуляласе,

— Стала здрава я вѣдь нуньчу красна дѣвушка. —

Сама она подвѣстала на печку тутъ.

Какъ ѣдетъ молодой Михайла Потъкъ сынъ Ива-
новичъ

Какъ на тоѣмъ на томъ добромъ кони.

Увидла тая Марья лебедь бѣлая,

Какъ ино тутъ подѣзжаетъ Михайло сынъ Ива-
новичъ

Ко тии полаты ко царскіи;

Какъ говорить-то Марья лебедь бѣлая:

— Прекрасный ты царь Иванъ Окулевичъ!

— Згубила насъ сестра твоя рѣдная,

— А та эта Настасья Окульевна. —

Какъ тутъ эта Настасья Окульевна

Скоро она съ печки опускаласе.

Какъ тая эта Марья лебедь бѣлая

А налила питей опять сонныхъ,

А налила она тутъ, подходитъ-то

А ко тому Михайлушки Потъку:

— Ахъ молодой Михайла Потъкъ сынъ Ивановичъ!

— Топерь-то нуньчу, нуньчу топеречку,

— Не можеть-то межѣнный день а жить-то бытъ,

— А жить-то бытъ безъ краснаго безъ солнышка,

— А такъ я безъ тоби, а молодой Михайла сынъ
Ивановичъ,

— Не могу-то я вѣдь жѣва бытъ,

— Не ѣсть, не пить, не жѣва бытъ.

— Какъ топеръ твои уста нунь печальнии,

— Печальнии уста да кручиннии,

— А выпей-ко ты чару зеленá вина

— Со тии тоски со досадушки,

— А со досады съ той со великии. —

А просить-то она во слѣзахъ ёго,

А во тыхъ во слѣзахъ во великиихъ.

Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка Потъкъ-онъ

Занѣсъ-то онъ праву руку за чару-то,

Какъ тутъ эта Настасья Окульевна

А толнула ёна ёго подъ руку, —

Улетѣла тая чара далечохонько.

Какъ тутъ молодой Михайла Потъкъ сынъ Ива-
новичъ

Напередъ отсѣкъ-то Марьи буйну голову,

Потомъ отсѣкъ царю да прекрасному Ивану
Окулеву, —

А только-то вѣдь имъ тутъ славы поють, —

А придасть-то онъ имъ да горькую смерть.

Какъ скоро взялъ Настасью Окульевну,

А взялъ онъ взялъ вѣдь ю за себя замужъ;

Пошли они во церковь во Божию,

Какъ приняли оны тутъ златы вѣнцы,
 Придѣлся тутъ Михайлушка на дарство-то.
 А сталь-то тутъ Михайлушка царить-то жить
 А лучше-то онъ стараго да лучше прежнего.

Записано тамъ же, 27 іюля.

53.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 54).

А мхи были болота въ поморской сторонѣ,
 А гольная щелья *) въ Бѣлѣ-озерѣ,
 А тая эта зябель въ подсіверной странѣ,
 А сраны сарафаны по Мѣши по рѣкѣ,
 Да рострубисты становницы въ Кѣргополѣ,
 Да тутъ темныя лѣсы что смоленскіе,
 А широки врата да чпгаринскіе.

А изъ-подъ дуба дуба дуба сѣраго,
 А изъ-подъ того сподъ камешка сподъ яфонта,
 А выходила выбѣгала тамъ Волга мать рѣка,
 Да какъ устьемъ бѣжить да во синѣ море,
 А во то во синѣ море во Турецкое;
 А по той ли по матушки по Волги рѣкѣ
 А бѣжало бѣжить а тридцать трѣ карабля,
 А еще тамъ бѣжало бѣжить да безъ ѓдного,
 А одинъ тотъ карабль есть лучше краше всѣхъ.
 Да какъ тутъ въ караблю было написаноѣ,
 Да какъ тутъ въ караблю напечатаноѣ,
 А написанъ-то носъ-отъ по змѣиному,
 А корма-то была по звѣриному.
 Тутъ кадѣлы **) канаты были шелковыи,
 А паруса тутъ были изъ семи шелковъ,
 А ты эти коржинья ***) подзолоченыи.
 Да какъ тутъ было въ томъ караблю
 Да младъ сидитъ Сѣловей да сынъ Гудимировичъ
 А со своимъ со дружинама съ хоробрима,
 А хоробрима дружинама Соловьѣвима,
 Ино со своею со рѣдною со матушкою.
 Говоритъ тутъ Сѣловей таково слово:
 «Что вы братцы дружинишки хоробрни,

*) Щелья — скала; что значить гольная, пѣвецъ не умѣлъ
 объяснить въ точности. **) т. е. снасти, — такъ объяснилъ
 пѣвецъ. ***) Коржинья, по словамъ Прохорова, значить
 «пропуски, крѣпости для скрѣпы судна».

«А хоробрни дружинья Соловьѣвни!
 «Да слушайте-тко бѣльшого й атамана-то вы,
 «Да дѣлайте дѣло повелѣное:
 «А принимайте-ко шестики мѣрныи вы,
 «А мрряйте-ко лудья *) морской-то этѣ,
 «А чтобы намъ молодцамъ туда проѣхати.»
 Да тутъ ѣхали проѣхали что молодцы оны.
 Да какъ тутъ Сѣловей сынъ Гудимировичъ
 А говоритъ промолвить таково слово:
 «А принимайте въ руки трубоньки подзорнии,
 «А глядите вы смотрите славный Кіевъ градъ,
 «А тую эту присталь карабельную,
 «Чтобы намъ молодцамъ еще попасти туда.»
 Да тутъ ѣхали проѣхали что молодцы оны,
 Да попали въ эту присталь карабельную,
 А подъ стѣбною-отъ подъ городъ какъ подъ
 Кіевъ градъ.

Да какъ тутъ Сѣловей сынъ Гудимировичъ
 Еще говоритъ промолвить таково слово:
 «Ахъ вы братцы дружинишки хоробрни,
 «А хоробрни дружинки Соловьѣвни!
 «А слушайте-тко бѣльшого й атамана-то вы,
 «Да дѣлайте дѣло повелѣное:
 «А принимайте первую сходенку волжаную,
 «А другую сходенку серебряную,
 «А третью еще сходенку красна золота,
 «А бросайте-ко сходенки на крутъ береждкъ.»
 Какъ тутъ эти дружинишки хоробрни,
 А хоробрни дружинья Соловьѣвни,
 А принимали первую сходенку тутъ волжаную,
 А другую сходенку серебряную,
 Ино третью сходенку красна золота,
 А бросили сходенки на крутъ береждкъ.
 «А по волжаной сходенки вамъ братцы итти,
 «Все мои дружинишкамъ хоробрнимъ,
 «А хоробрнимъ дружинишкамъ Соловьѣвнимъ;
 «А по серебрянымъ сходенкамъ матушки моѣй,
 «А по золотой сходенкѣ мѣѣ-ка итти,
 «А младому Сѣловью сыну Гудимирову.»
 Да какъ тутъ Сѣловей да сынъ Гудимировичъ
 А принимаетъ онъ подарочки великии,
 Да сѣрокъ сороковъ тутъ черныхъ соболѣвъ,
 А мѣлого звѣрю тутъ и смѣту нѣтъ;
 А принимаетъ тутъ флакѣ да заморскіи камѣи,
 А заморскіи камочки золочѣныи,
 Да приходитъ онъ къ князю къ Володимѣру,
 А во тую во гридню во столовую.
 А крѣсть онъ кладывѣе по писаному,
 А поклонъ онъ вѣдъ вѣдъ да по учѣному,

*) Луда — мѣсто, устѣнное подводными камнями.

А клонится онъ на четыре на всё,
 А на вси четыре на сторонушки,
 А стольнѣму князю-то въ особину.
 А здравствуетъ князя тутъ съ княгиною:
 «А здравствуй-ко князь да стольнѣ-кѣвской
 «А со своей княгиной со Апраксѣй,
 «А со своей любимой со племянницей!»
 Да какъ онъ его тутъ еще здравствуетъ:
 — А здравствуй ты удамый добрый молодецъ!
 — Не знаю я тебя ни по имени,
 — А знаю что тебя да по зпочинѣ,
 — А царь ли ты есть, ли царевичъ ли,
 — Ли король ли ты есть, королевичъ ли,
 — Али съ тиха Дону ты донской казакъ,
 — Али грозныи посоль ты ляховитскій бы? —
 «Да не царь-то я, да не царевичъ былъ,
 «А не король-то я, не королевичъ былъ,
 «А не изъ тиха Дону я донской казакъ,
 «А не грозныи посоль я ляховитскій былъ;
 «А есть какъ я зъ-за славнаго синя моря,
 «А я есть младъ Соловей да сынъ Гудиміровичъ.
 «А я пришолъ-то къ теби да здѣ докладъ держу,
 «А на-ко ти подарочки великіи мой,
 «А на ти сорокъ сороковъ моихъ черныхъ собо-
 лѣвъ,
 «А ино мелкого звѣрю еще смѣту вѣтъ.
 «А на-тко ты княгиня да Опраксія,
 «А на-тко ты подарочекъ великіи,
 «А возьми-тко ты флаги да заморскіи камки,
 «А заморскіи камочки золоченыи.»
 А принимать-то княгиня да восхвалявать:
 — А ты младъ Соловей да сынъ Гудиміровичъ!
 — А спасибо за подарочки великіи.
 — А не бывать-то зди камки такой во Кіеві
 — И не бывать, не бывать да не бывать таковой.—
 Да тутъ князь-то еще да стольнѣ-кѣвской
 Онъ тутъ говоритъ промолвить таково слово:
 «Ай младъ Соловей да сынъ Гудиміровичъ!
 «А чимъ-то мнѣ-ка тебя жаловати
 «А за эти подарочки великіи?
 «Города ли тебѣ надо съ пригородками,
 «Аль села ли тебѣ надо е съ присѣлками,
 «Али много набѣ безсчетной золотой казны?»
 Да онъ говоритъ промолвить таково слово:
 — Да ай же ты князь да стольнѣ-кѣвской!
 — А не набѣ мнѣ городовъ съ пригородками,
 — Да не набѣ мнѣ-ка селъ да съ присѣлками,
 — А не набѣ-то мни безсчетной золотой казны,
 — А у меня да своей есте долюби.
 — А столько ты мнѣ позволѣ-ко еще
 — А поставить построить мнѣ-ка три терема,

— А три терема мнѣ златоверхнихъ,
 — Середь города да середь Кіева,
 — А гди маленьки ребятка да сайки продають,
 — А гди сайки продають да гди барышничайтъ.—
 А говоритъ промолвить таково слово
 Ино тотъ ли князь да стольнѣ-кѣвской:
 «Ахъ ты младъ Соловей да сынъ Гудиміровичъ!
 «Кудм знаешь туды ставѣ-ко еще,
 «А за эти подарки за великіи.»
 Да скоро Соловей тутъ поворотъ держаль.
 Приходитъ ко дружинишкамъ хоробримъ,
 А хоробримъ дружинамъ Соловѣевымъ,
 Да онъ говоритъ промолвить таково слово:
 — Что вы братцы дружинишка хоробримъ,
 — А хоробримъ дружиня Соловѣевимъ!
 — А вы слушайте-ко большаго атамана-то вы,
 — А скидывайте съ себи платица цвѣтныи,
 — А надѣвайте на ся платица лосиныи,
 — А лосиныи платица звѣриныи,
 — Да взимайте-тко топоришки булатнии,
 — А стройте-то ставьте братцы три терема,
 — А три терема-то златоверхнихъ,
 — Середь города да середь Кіева,
 — Что верхи бы съ верхами завивалиси,
 — А что къ утру къ свѣту чтобы готовы были,
 — А готовы были мнѣ-ка жить перейти. —
 Какъ эти тутъ дружинишка хоробримъ
 Они слушали-то большаго й атамана онъ,
 Скидывали съ себе платица цвѣтныи онъ,
 Надѣвали на ся платица лосиныи онъ,
 Да взимали тутъ топорики булатнии,
 А ставили строили тутъ три терема,
 А три терема да златоверхнихъ,
 Что верхи-ты съ верхами завиваются,
 А къ утру къ свѣту готовы онъ,
 А готовы они да можно жить перейти.
 Да какъ тутъ Соловей сынъ Гудиміровичъ
 А въ тии теремы да собирается ень
 Со своимъ со дружинами съ хоробримъ,
 А съ хоробримъ съ дружинами Соловѣевымъ,
 А со своей со родною со матушкой.
 Да тутъ-то вѣдъ у князя Володимера
 Ино тая-то любимая племянница,
 Молода Любавушка Забавишна,
 Да взимаетъ въ руки трубоньку подзорную,
 А шла она на выходы высокіи,
 А смотреть въ эту трубоньку подзорную
 А по городу по городу по Кіеву;
 А углядѣла усмотрѣла тамъ и три терема,
 А три терема да златоверхнихъ,
 А верхи что съ верхами завиваются,

Середь города да середь Кіева.
 Какъ бросала эту трубоньку подзорною,
 А приходитъ ко рѣдному къ дядюшкѣ,
 Еще стольнему князю къ Володимеру.
 «Да ай же ты мой рѣдной дядюшка!
 «Да позволъ-ко ты мни да красной дѣвухѣ
 «Проходиться прогуляться вдоль по Кіеву,
 «Вдоль по Кіеву да мнѣ по городу.»
 Да онъ-то вѣдь на то ей отвѣтъ держитъ:
 — Да ай же ты да моя любимая,
 — Ай любимая любима племянница!
 — А сходи-тко ты прогуляйся тудѣ. —
 Ино тутъ эта любима племянница,
 Да скорѣмъ-то скорѣ, скорѣ скорѣшенько,
 Да вѣдь тутъ-то она да сокручалася,
 А вѣдь тутъ-то да снаряжалася,
 Вдоль по городу гулять да вѣдь по Кіеву.
 Да къ первому къ терему подходитъ она,
 Ино въ томъ теремѣ да шопотѣмъ говорятъ,
 А тутъ-то Соловьѣва родна матушка
 Да какъ молится-то Господу Бѣгу она.
 Да къ другому къ терему подходитъ она,
 А тая-то любимая племянница,
 Ино въ томъ теремѣ да тамъ-то стукъ да гремѣ.
 А тутъ-то Соловьѣвыи дружинухи
 Тутъ считаютъ-то безсчетну золоту казну
 Да у млада Соловья Гудѣмѣровича.
 Да какъ къ третьему къ терему подходитъ она,
 Ино въ томъ теремѣ да млада сидитъ да Сѣловей,
 А млада сидитъ Сѣловей да сынъ Гудѣмѣровичъ
 Со своимъ со дружинами съ хоробрѣма,
 Со хоробрѣма дружинами Соловьѣвыми,
 А на тоѣмъ стугѣмъ золочѣномъ,
 А й сидитъ-то сидитъ забавляется;
 Тамъ вси скачуть, пляшуть оны, пѣсенки поѣтъ,
 Во музѣки да во скрипочки наигрываютъ.
 Да какъ тутъ эта любимая племянница
 Да подходитъ она къ ему ближѣшенько
 А влонится она понизѣшенько:
 «Здравствуй млада Соловей да сынъ Гудѣмѣро-
 вичъ
 «Со своимъ со дружинами съ хоробрѣма!»
 Да какъ онъ-то тутъ ю да здравствуетъ:
 — А здравствуй-ко Любавушка Забавишна! —
 Да тутъ-то она къ ему спрѣговорить:
 «Ай ты млада Соловей да сынъ Гудѣмѣровичъ!
 «А возьми-тко меня ты за себѣ замужъ.»
 — Да какъ всимъ ты мнѣ дѣвуха въ любовь
 пришла,
 — А однимъ ты мнѣ дѣвка не въ любовь пришла,
 — А сама ты себѣ дѣвка просватываешь.

— А твое бы-то дѣло да не этта *) быть,
 — А не этта быть, да дома жить,
 — А дома-то жить да ти коровъ кормить,
 — А коровъ-тыхъ кормить да ти телятъ поить. —
 А тутъ стало дѣвки не любѣшенько,
 Не любѣшенько не хорошохонько,
 А стало тутъ дѣвухи похабно ей.
 А тутъ скорѣмъ скорѣ, скорѣ скорѣ скорѣшенько,
 А дѣвуха она да поворотъ держитъ.
 А на то млада Соловей да сынъ Гудѣмѣровичъ
 Ино на то да не сердился есть,
 Да скорѣмъ-то скорѣ, скорѣ скорѣшенько,
 А тутъ слѣдъ-то онъ шоль большѣмъ сватомъ,
 Да приходитъ онъ къ князю Володимеру,
 Ино во тую въ гридню во столовую,
 Да онъ-то вѣдь ему тутъ докладъ держитъ:
 — А здравствуй-ко князь да стольнѣ-кѣвской
 — А со своей съ княгиней со Опраксѣей,
 — А со своей съ любимой со племянницей,
 — А съ молодой Любавушкой Забавичной! —
 Какъ онъ-то ёго вѣдь здравствуетъ:
 «Здравствуй млада Соловей да сынъ Гудѣмѣровичъ!
 «А ты зачѣмъ зашоль да здѣ докладъ держишь?»
 — Да я зашоль-то да здѣ докладъ держу
 — А о добромъ дѣлѣ здѣ о свѣтовствѣ.
 — Да есть у ты любимая племянница,
 — А нельзя ли-то отдать да за менѣ замужъ? —
 Да какъ сдѣлали оны тутъ рукобѣтницю,
 Да просваталъ тутъ-то князь да стольнѣ-кѣвской
 А ту эту любимую племянницу
 А за млада Сѣловья сына Гудѣмѣровича.
 А какъ шли оны во церковь тутъ во Божію,
 Да тутъ приняли они да что ль златы вѣнцы,
 А млада Сѣловей да сынъ Гудѣмѣровичъ
 А съ молодой Любавушкой Забавичной;
 А какъ тутъ-то скорѣмъ да скорѣшенько
 Да завѣла пошла да тутъ-то поивтеръ **)
 По тому-то да синю морю, —
 Да тутъ млада Сѣловей да сынъ Гудѣмѣровичъ,
 А скорѣмъ-то скорѣ да онъ скорѣшенько,
 А тутъ-то со княземъ рѣспрошася,
 А самъ на кѣрабли да онъ сбѣрается
 А съ той молодой Любушкой Забавишной,
 Да со своимъ со дружинами съ хоробрѣма,
 А со своей со рѣдною со матушкой.
 Какъ тутъ на кѣрабли да собираются,
 Обираютъ тутъ оны да три терѣми (такъ),
 Ино три терѣма да златоверхнихъ,
 А на тыи на эти да на кѣрабли.

*) Этта — здѣсь. **) т. е. попутный вѣтеръ.

А поѣхалъ онъ тутъ да вѣдь домѣи еще,
 А домой-то домой да въ свою сторону,
 А за славное за славно за синѣ море.
 А началъ тутъ онъ да жить-то быть,
 А жить-то быть да семью сводить,
 А семью сводить да дѣтѣй наживать.
 А сталъ-то онъ тутъ по здоровому,
 А сталъ-то онъ да по хорошему.

Записано тамъ же, 26 іюля.

54.

ВАСИЛІЙ ВУСЛАВВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 57)

А молодой Васильюшко Буславьевичъ
 Сдѣлалъ онъ задернулъ свой почестный пиръ,
 А чтобы тутъ еще да всяко званье-то
 А шло бы да къ Василью на почестный пиръ.
 Какъ тутъ-то мужики-ты новгородскіи
 Приходятъ къ Васильюшкоу Буславьеву
 А на тотъ-то на почестный пиръ.
 Какъ тотъ этотъ Васильюшко Буславьевичъ
 А началъ ихъ встрѣчать да ухаживать,
 А тнихъ мужиковъ да новгородскіихъ, —
 Какъ взялъ-то онъ Васильюшко черной-отъ вязъ,
 Какъ подскочилъ Васильюшко къ малому къ упаво-
 му *) Потанюшкѣ,
 Какъ ударилъ онъ Васильюшко Потанюшку,
 Ударилъ онъ его тутъ чернымъ вязомъ, —
 Стоитъ-то тотъ Потанюшко не стрѣхнется,
 А желтыи кудѣрка не сворохнутя, —
 А то мол дружинюшка хоробрая!
 Садилъ его Потанюшку въ большой уголъ,
 А во большой уголъ еще за большой-отъ столъ,
 Кормилъ понлъ Потанюшку да досыти,
 А досыти Потанюшку да дѣбьяна.
 Опять-то взялъ Васильюшко черной-отъ вязъ,
 Какъ тутъ скорѣ Васильюшко подсказивалъ,
 Ударилъ-то Васильюшко да Ѳомушку,
 Толстого Ѳому благоуродлива;
 Стоитъ тутъ Ѳома да вѣдь не стрѣхнется,
 Желтыи кудѣрка не сворохнутя, —
 А то моя дружинюшка хоробрая!
 Садилъ онъ и Ѳому за большой-отъ столъ,

За большой его столъ во большой уголъ,
 Кормилъ понлъ еще онъ Ѳомушку
 А досыти его и дѣбьяна.
 Роздрѣжилъ онъ мужиковъ новгородскіихъ-тѣхъ;
 Какъ тутъ ты мужики да новгородскіи
 А тутъ-то вѣдь они да придумали:
 «А сдѣлайте робата свой почестной пиръ,
 «Не позовемъ-то мы Василья да Буславьева.»
 Какъ тутъ они Васильюшка не позовали.
 Какъ этотъ-то Васильюшко Буславьевичъ
 А скоро молодець онъ отправляется,
 Скоро ѣтъ удалый снаряжается,
 А со тима дружинами съ хоробрима,
 Съ малымъ съ упавымъ съ Потанюшкой,
 Съ толстымъ еще съ Ѳомѣи благоуродливымъ.
 Какъ приходитъ Василей на почестной пиръ
 А къ тинимъ мужикамъ да къ новгородскимъ,
 Воспромолятъ мужики тутъ таково слово:
 «А не званому вѣдь гостю здѣ мѣста нѣтъ.»
 Говоритъ Василей таково слово:
 — А званому-то гостю много чести набъ *),
 — Незваному-то гостю какъ и Бѣгъ прише. —
 Садился тутъ Василей за большой-отъ столъ,
 За большой вѣдь столъ да во большой уголъ,
 А они ѣли пили тутъ и кушали.
 Какъ тутъ-то мужикамъ да стало зарко-то **),
 Да набъ-то мужикамъ егдъ концать ***) еще,
 Да того Васильюшка Буславьева,
 А говорятъ промолвятъ таково слово:
 «Ай же ты Васильюшко Буславьевъ былъ!
 «Попишемъ-ко съ тобой мы да пописи,
 «Поположимъ-ко да съ тобой еще заповѣдь,
 «А съ утра намъ да ранымъ ранешенько
 «На тотъ на мосточикъ на Волховой,
 «А будѣмъ станѣмъ драгъся мы ратигъся
 «А мы съ тобой съ удалымъ со молодцомъ,
 «Съ толстымъ Ѳомѣи еще съ благоуродливымъ,
 «Съ маленькимъ съ упавенькимъ Потанюшкой.
 «Чтобы ты съ утра да былъ ранешенько,
 «Шоль бы на мосточикъ на Волховой
 «А со тима съ дружинами съ хоробрима.»
 Какъ тутъ они наѣлиси, напилиси,
 Какъ вси они тутъ наушались,
 Стали тутъ они да пьянѣшеньки,
 А сдѣлали большо тутъ рукобитыицо;
 Тутъ-то розолиси до ўтра бы.
 Прознала это дѣло тутъ Васильева матушка,
 Пало тутъ еще къ ей извѣстыицо,

*) Упавый — красивый.

*) Набъ — надобно. **) т. е. задорно. ***) т. е. съ нимъ поковачтъ.

Набъ-то драться Васильюшку Буславьеву
 Со своимъ со дружинами съ хоробрима
 А на томъ мосточикъ на Волховомъ.
 Ну приходилъ Васильюшко назадъ домой
 Ко своей ко рѣдной ко матушкѣ,
 Ко честной вдовы къ Офимьѣ къ Олександровной.
 Какъ тутъ эта Васильева матушка
 Положила спать во погребы глубокіи,
 Замнула молодца его во погребы.
 Какъ тотъ этотъ Васильюшко спать-то легъ,
 Прошла-то тая ночка тутъ темная,
 Приходитъ-то день тутъ да свѣтлыи.
 Какъ ты эти дружинишки хоробрни
 Ставають-то по утру ранешенько,
 Умываются да бѣлешенько,
 А трутся-то миткалинновымъ полотенушкомъ,
 А знаютъ-то что у нихъ е подблано.
 Какъ скоро шли на мосточикъ на Волховой,
 Какъ начали они тутъ биться ратиться
 Съ тмѣ-то мужиками съ новгородскими.
 Какъ день бьются они не ѣдаючи,
 А другой-то ѣмъ не пиваючи,
 Отдоху молодцамъ не даваючи,
 И третій день началъ-то биться тутъ,
 Какъ третій день они тутъ, третью ночь;
 Какъ тутъ-то у дружинишки хоробрни
 Стали у нихъ головушки были переломаны,
 Переломаны головушки розбитыи,
 Платками тутъ головки перевязаны,
 А кушачками-то были переверчены.
 Какъ тутъ этотъ Василей сынъ Буславьевичъ
 Спитъ онъ молодець тутъ проклаждається,
 А надъ собой незгодушки не вѣдаеть,
 Какъ ёго были дружини-ты хоробрни
 Прибиты у его, головки переломаны.
 У его-то дѣвка-та была придворная,
 Выходить-то на рѣченку Волхово,
 Выходить за водой съ водоносомъ-то
 А смотреть на дружинъ-тыхъ хоробрныхъ,
 На малаго упаваго Потанюшку
 А на толста еще Ѳому благоуродлива, —
 А у нихъ все головки переломаны,
 Платками-то головки переверчены,
 Кушачками-то были тутъ перевязаны.
 Какъ скоро тутъ она да скорымъ скоро
 Бѣжала тая дѣвка тутъ ко погребу,
 Ударила тутъ она еще водоносомъ-тымъ
 А по тому замку по булатному;
 Отпалъ тутъ замокъ на сыру землю,
 Ростворила да она дверь тутъ дубовую.
 Прошли-то вѣдъ тутъ трои суточки.

Ото сну богатырь пробуждается,
 Какъ тотъ этотъ Василій сынъ Буславьевичъ.
 Кричить-то тутъ вѣдъ дѣвка громнымъ голосомъ:
 — Да ахъ ты сынъ Василій е Буславьевъ былъ!
 — Спишь ты молодець, самъ проклаждаешься,
 — А надъ собой незгодушки не вѣдаешь,
 — Какъ у твоихъ дружинъ все у хоробрныхъ,
 — У нихъ какъ головушки были переломаны,
 — Розбитыи, платками перевязаны. —
 Какъ тутъ ото сну богатырь пробуждается,
 На улицу самъ онъ помѣтається,
 Какъ выскочилъ онъ въ тонкихъ бѣлыхъ чуло-
 чинахъ безъ чоботовъ,
 Въ тонкіи бѣлыи рубашки самъ безъ пояса,
 А ухватилъ-то ось телѣжную желѣзную,
 Бѣжалъ онъ на мосточикъ на Волховой.
 Какъ ино тутъ-то онъ воспроговорить:
 «Ай мѡи дружинишки хоробрни!
 «Ай укротите вы да сердце богатырское,
 «Я топерь за васъ нунъ пороботаю,
 «А подьте-тко вы братцы на отдохъ-то нунъ.»
 Какъ тутъ пошли дружинишки хоробрни,
 Тутъ они пошли да на отдохъ-то е.
 Какъ началъ тутъ Васильюшко помахивать
 Той-то осью да телѣжной желѣзною,
 Куды махнеть — тутъ стануть да улицы,
 А перемахнеть — туды да переулочки.
 Какъ началъ тутъ Васильюшко робѡтати,
 Какъ видать тутъ мужики что бѣда пришла,
 Бѣда-то та пришла тутъ неминучая, —
 Какъ тутъ-то вѣдъ они да придумали:
 Какъ бы намъ еще да супротивиться?
 Какъ тутъ-то вѣдъ они да еще пошли, —
 А былъ тамъ жилъ еще въ манастыри
 Старчицо тамъ жилъ перегримицо, —
 Какъ приходятъ мужики-ты новгородскіи,
 Клонятся саміи ёму молятся:
 — Ай ты старичицо есть перегримицо!
 — Послушай мужиковъ насъ новгородскихъ ты.
 — Дадимъ те мы чашу красна золота,
 — А другую дадимъ да скачна жемчугу,
 — Третьюю еще да чиста сѣребра. —
 На то-то вѣдъ ужъ онъ да увидається,
 Позвался-то онъ вѣдъ да за нихъ пошолъ
 А ѣхаль-то на мосточикъ-тотъ на Волховой,
 А драться со Васильюшкомъ Буславьевымъ.
 Навалилъ онъ колоколъ да двѣнадцать пудъ,
 Навалилъ онъ къ себѣ да на голову,
 А садился тутъ онъ на добра коня,
 Какъ ѣхаль онъ ко риченки Волхову,
 Ко тому мосточикъ ко волховску,

А заѣзжаетъ на мосточнѣ онъ на Волховой,
 Самъ кричитъ онъ громкимъ голосомъ:
 «Да ахъ же ты Васильюшко Буславьевичъ!
 «Малолѣтно ты дитя не запурхивай *),
 «Прямоѣзжей дорожки не заваливай.»
 Какъ онъ-то тутъ Васильюшко отвѣтъ держитъ:
 — Да ахъ же ты да мой крѣстный батюшко,
 — А старчищо ты былъ есть перегрѣмищо!
 — Не даѣ ты яичко о Христови дни,
 — Даѣкъ дамъ я ти яичко о Петрови дни. —
 Какъ скоро тутъ Васильюшко подсказивалъ,
 Ударилъ-то онъ осью въ колоколь-то былъ,
 А развалился тутъ колоколь на двѣ стороны;
 А въ другіихъ переправилъ ёго й въ голову,
 Спихнулъ ёго во риченку во Волхово,
 Со тымъ спихнулъ да со добрымъ концёмъ.
 Какъ видятъ мужики что тутъ бѣда пришла,
 Бѣда-то та пришла да неминучая,
 Какъ тутъ они опять да скоро думали,
 Бѣжали тутъ къ Васильёвой да матушки,
 Говорятъ промовятъ таково слово:
 «Да ахъ же ты Васильева да рѣдна матушка,
 «Честна вдова Офимья Александровна!
 «Повиручи отъ смерти безнапрасны.»
 Какъ тутъ честна вдова Офимья Александровна
 Скорымъ скорѣ, скорѣ да скорешенько,
 Бѣжала на мосточнѣ-то на Волховой
 Въ тонкіи бѣлѣи рубашечки безъ пояса,
 Въ тонкіихъ бѣлѣхъ чулочичкахъ безъ чоботовъ.
 Заходила на мосточнѣ на Волховъ-тотъ,
 Скочила сзади-то къ Василью на могучій плеча,
 Закричала тутъ она во всю голову:
 — Да ахъ же ты дитя моё милое,
 — Ай же ты да чадо любимое,
 — А молодой Васильюшко Буславьевичъ!
 — Ахъ ты меня старушеньки послушай здѣ,
 — А укроти ты сердце богатырское,
 — Полно бить те мужиковъ новгородскихъ,
 — Оставь ты мужиковъ хоть на сімена. —
 «Ай же ты моя родна матушка,
 «Честна вдова Офимья Александровна!
 «Ты была вѣдъ матушка догадлива,
 «А ладно ты вѣдъ матушка удумала,
 «Скочила ты на плечи да сзади мя.
 «А бы въ торопяхъ есть въ озарности
 «Убилъ бы ты старушку не за что-то я.
 «Да нуъ же ты, моя матушка, послушай,
 «Когда просишь ты меня добра мѣлодца,
 «Я вѣдъ нуъчу матушку послушай.»

*) т. е. «не заскакивай высоко» (объясненіе пѣвца).

Да укротилъ тутъ сердце богатырское,
 Пошолъ-то онъ со матушкой домой-то тутъ.

А молодой Васильюшко Буславьевичъ
 Онъ ходилъ гулялъ по чисту полю,
 А со тьма съ дружинами съ хоробрима,
 Съ толстымъ ёмой еще съ благоуродливымъ
 А съ маленькимъ съ упавенькимъ Потанюшкой.
 Какъ приходитъ молодой Василій сынъ Буславье-
 вичъ,

Лежить-то тутъ ужъ какъ вѣдъ на чистомъ поли
 Пустая голова человическая.

Какъ тутъ этотъ Василій сынъ Буславьевичъ
 Скоро къ головы онъ подсказивалъ,
 А своимъ-то онъ чоботомъ подфатывалъ,
 Пинулъ онъ эту голову Васильюшко, —
 Какъ улетѣла голова тутъ по подоблачю,
 Пала голова тутъ на сыру землю,
 Сама она ёму тутъ воспрѣвѣщила:

«Да ахъ же ты Василій сынъ Буславьевичъ!
 «Почему жъ меня заразилъ топеръ?
 «Лежала голова я вѣдъ тридцать лѣтъ,
 «Да никто-то меня вѣдъ не пинывалъ,
 «Да никто же какъ меня тутъ не ранивалъ,
 «Какъ ты-то вѣдъ ужъ нуъ пинулъ, заразилъ меня.
 «Какъ будешь ты гулять во чистомъ поли,
 «А не забудь-ко ты этого помѣстыца *),
 «Пойдешь сюды да ты назадъ обратно бы,
 «Посмотри ты на меня на безсчастну головушку.»
 Какъ тутъ гулялъ Васильюшко въ чистомъ полѣ
 А со тьма съ дружинами съ хоробрима,
 Находился нагулялся тамъ Васильюшко,
 Пошолъ назадъ туды да обратно бы
 Этнимъ путемъ да дорогою.

Приходитъ онъ къ уловному тому да помѣстыцу,
 Гдѣ та голова тутъ лежала-то,
 Какъ смотреть-то еще—вѣдъ стала тутъ гора ка-
 менная.

Какъ смотреть тутъ Васильюшко Буславьевичъ,
 Какъ на этой горѣ на каменной
 Подпись-та была подписана:

А кто-то тутъ черезъ гору перѣскачить,
 Перескачить черезъ гору три разу,
 Того-то тутъ да вѣдъ Господь простить;
 Ахъ кто-то вѣдъ есть не перѣскачить,
 Тотъ будетъ троѣ проклять на вѣку-то былъ.
 Какъ тутъ этотъ Васильюшко Буславьевичъ, —
 Розгорѣлось ёго сердце богатырское,

*) т. е. этого мѣста.

Скочилъ-то онъ черезъ гору каменну.
 Какъ эти дружинишки хоробры,
 А маленькой упавенькой Потанюшка
 И толстый Тома благоуродливый,
 Скакали-то они да е со ратовьёмъ *).
 Какъ тотъ этотъ Васильюшко Буславьевичъ
 Да скочилъ назадъ еще черезъ гору,
 Да скочилъ онъ Васильюшко назадъ-пять **) былъ,
 Какъ тутъ-то вѣдъ Василей сынъ Буславьевичъ
 Задѣлъ какъ своимъ чоботомъ сафьяннымъ
 За тую гору да за каменну,
 Поворотило какъ Васильюшка Буславьева
 Вничъ *) его вѣдъ молодца головушкой,
 Какъ палъ тутъ Василей о сыру землю,
 Пришла тутъ Васильюшку горькая смерть.
 Какъ эти дружинишки хоробры
 Скакали они три разѹ о ратовья.
 Какъ тутъ эти дружинишки хоробры
 Копали тутъ-то яму на чистомъ поли
 А роспростилася съ Васильюшкомъ Буславьевымъ,
 Спустили какъ тутъ ёго во матушку сыру землю.
 Только тутъ Васильюшку славіи поють.

Записано тамъ же, 26 іюля.

XIII.

ФЕПОНОВЪ.

Иванъ Фепоновъ, крестьянинъ дер. Мелентьевской, Купецкой волости, высокой, старообразный, слѣпой съ 5-лѣтнаго возраста. Ему теперь 50 лѣтъ отъ роду; живетъ онъ частью тѣмъ, что плететь сѣти, лапти, кошелы, частью подааньемъ, которое собираетъ на ярмаркахъ и въ храмовые праздники, распѣвая духовные стихи. Кромѣ стиховъ онъ знаетъ и нѣсколько быливъ, пѣніе которыхъ впрочемъ не составляетъ для него источника дохода, какъ пѣніе духовныхъ стиховъ. Былиннамъ этимъ онъ научился въ молодости отъ слѣпнаго калкии Петра Степановича Мѣщанинова, уроженца Бережной Дубравы (Каргопольскаго уѣзда, на Онегѣ-рѣкѣ). По словамъ Фепонова, этотъ калкиа Мѣщаниновъ зналъ *семь-*

*) т. е. съ жердью, которая имъ служила опорой. **) *Назадъ-пять*—назадъ пятами, т. е. обернувшись не лицомъ, а спиной (такъ объяснилъ Прохоровъ). ***) т. е. назвничъ.

десять быливъ. Фепоновъ былъ лично извѣстенъ г. Рыбникову, который его встрѣчалъ на Шунгской ярмаркѣ и записывалъ духовные стихи, которые онъ тамъ пѣлъ. Съ его же словъ записана г. Рыбниковымъ одна былина. Въ сборникѣ г. Рыбникова онъ значится подъ именемъ «слѣпаго Ивана.»

—
55.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

А ѿ во стольноѣмъ во городи во Києви
 А ѿ народилася младъ Вольга Всеславьевичъ;
 А ѿ рыбы-ты сбѣжали въ глубоки станы,
 А ѿ птицы-ты слѣтели во темни гѣса,
 А ѿ звѣри-ты сбѣжали за Туги горы.
 А ѿ возросъ тутъ молодой Вольга да сынъ Все-
 славьевичъ,

Подбираетъ вѣдъ дружину сорокъ тысяшей.
 Когда ты ли купци да вси вѣдъ бѣара
 Изъ того ли изъ Туринца славна города
 А ѿ платили дань да вѣдъ во Києвъ градъ,
 А ѿ ко ласковому князю ко Владимиру,
 А ѿ не стали-то вносить да дани пошляны.
 А ѿ тутъ ли-то Вольга Всеславьевичъ
 А ѿ справляется тутъ Вольга снаряжается
 Со своей дружинишкой хороброю,
 Во Туринецъ городъ во Орѣховецъ.
 А ѿдетъ-то Вольга день до вечера,
 Слышитъ ратоя да въ поли пашучись,
 А ѿ и сощечка у ратоя поскрипывать,
 А ѿ и ратой во чистомъ поли посвистывать,
 А ѿ на солову кобылу онъ погукивать.
 А ѿ онъ дрѹгой день ѿдетъ до вечера,
 А у ратоя-то сошика поскрипывать,
 Ратой во чистомъ поли посвистывать,
 А ѿ на солову кобылу онъ погукивать.
 Это третей день ѿдетъ до вечера
 Тотъ ли-то Вольга Всеславьевичъ
 Со своей ли онъ дружиной со хороброю,
 Наѣзжаетъ-то онъ въ поли стара ратоя,
 Того ли Микулу да Селѣгнновича:

«А Богъ теби помочь да стѣрны старикъ,
 «Аѿ Микула Селѣгиновичъ!»

И тотъ ли-то Микула да Селѣгнновичъ
 И папсетъ на кобылы онъ на соловой,
 Дубы колоды всѣ въ бѣрозду валитъ.

Воспроговорить тутъ Вольга таково слово:

«Ай же ты Мнѣзушка Селягиниовичъ!

«А й твоя кабы кобыла да конемъ была,
«А даль бы за коня теби пятьсотъ рублей.»

Говорить ему Микула Селягиниовичъ:

— Молодой ты Вольга княженецкой сынъ!

— А й кобыла-та кобыла, не возьму я за кобылу
цѣлой тысящи. —

Говорить-то вѣдъ Микула таково слово:

«Ай куда же теперь Вольга путь держишь
«Со своею со дружинишкой хороброю?»

Ай зговорить тутъ Вольга таково слово:

— Ай же ты вѣдъ старья старикъ,

— Ты Микулушка Селягиниовичъ!

— А й поѣхалъ со дружиной со хороброю

— Брать-то я Туриница вѣдъ города Орѣховца. —

Говорить-то вѣдъ Микула таково слово:

«Молодой ты Вольга Всеславьевичъ!

«Не взять тебѣ Туриница да города Орѣховца.

«Былъ я третіею дни въ Туриници въ городѣ
Орѣховци, —

«Это грубы злыи мужики да вѣдъ орѣховци

«Зафальшивили мою да золоту казну,

«Почитали за гроши они за мѣдными,

«А й за мѣдными гроши да за фальшиви.»

Воспроговорить тутъ Вольга таково слово:

— Старый ты мой дялюшка да вѣдъ Микулушка!

— Ай поѣдемъ-ко да ты ко мнѣ въ помочь,

— Братъ Туриница города Орѣховца. —

Это тутъ-то вѣдъ Микулушка Селягиниовичъ

А поѣхалъ-то Микула а за Вольгой вслѣдъ.

А й Микулина кобыла да ступкомъ идѣтъ,

А й Вольгины кони во весь духъ бѣжать.

Пріѣзжали близъ Туриница да города Орѣховца.

А тии мужики да вѣдъ орѣховци

А на тихъ на рѣченькахъ на быстрихъ

А й подрѣзали мосты да всѣ дубовые,

Потопили много силы да Вольгиной.

А й тутъ ли-то Вольга Всеславьевичъ

Заѣзжаетъ во Туринецъ съ своимъ дялюшкой.

Они много силы рубятъ, больше въ плѣнъ берутъ,

Покорили розорили Туринецъ-отъ городъ Орѣхо-
вецъ.

Это скоро Вольга поворотъ держитъ,

А во славный во столичный во Кіевъ-градъ.

Заѣзжаетъ Вольга на широкой дворѣ,

А й сходитъ онъ да со добра коня,

А й заходитъ Вольга во высокъ теремъ,

А это тутъ Вольга опочивъ держитъ.

Эта тая-та поѣздка тымъ рѣшилася.

Записано въ Шалѣ, 28 іюля.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

А й первая поѣздка Ильи Муромца

А отъ того ли-то отъ города отъ Муромля,

Изъ того ли-то села изъ Карачакова.

А й справляется удалый снаряжается,

Старши казакъ да Ильи Муромецъ

А й во столичный во славный во Кіевъ градъ,

А й ко ласкову князю на почетной пирь.

А й приходитъ-то Ильюна во Божью церковь,

А й ко тымъ заутрени ко равнею,

А й налагаеть вѣдъ Ильи на себе заповѣдъ,

А й заповѣдъ Ильи себи великую:

Чтобы ѣхалъ вѣдъ Ильюшѣ да во Кіевъ градъ,

А й не красть бы-то Ильюшѣ да не воровать,

Не укинуться на прелесть бы на женскую,

А й не кровавить бы Ильи да сабли вострыи,

А й не кровавить бы да стрѣлочекъ каленныхъ,

А ѣхать бы дорожкой прямоѣжею

А й ко славному ко городу ко Кіеву,

И онъ справляется Ильюша, снаряжается,

А й обуваеть-то Ильи да черны чоботы,

А одѣваеть-то онъ платица дорожныи,

Надѣваеть на головку пуховой кивѣрь,

А обкольчужился Ильюша, онъ облатился.

А й уздае сѣдлае коня добраго,

Налагае вѣдъ онъ потнички на потнички,

Налагае вѣдъ онъ войлоки на войлоки,

Полагаеть онъ сѣделашко червацкое.

Это туго вѣдъ онъ подруги подтягивалъ,

А й самъ-то онъ Ильи да быговаривалъ:

«А не для-ради красы басы, братцы, молодецкія,

«А для укрѣпушки-то было богатирскіи.»

А й беретъ-то вѣдъ Ильи свой тугой лукъ,

А й беретъ-то Ильи саблю вострую,

А й беретъ-то онъ копѣ да долгомѣрноѣ,

А й беретъ-то онъ палицу военную,

А й выходитъ-то Ильи да на широкой дворѣ,

А й садился Ильи на добра коня,

А видли добра молодца да случись,

А не видли тутъ удалаго поѣдучись.

А пріѣзжаетъ вѣдъ онъ къ городу Бекешовцю;

А окдѣл ли того да города Бекешовца

Стоитъ много множество поганихъ татаровей.

А заѣзжаетъ-то Ильи да во Бекешевъ градъ,

И это началъ онъ по улочкамъ побѣгивать,

А это началъ про дороженку розспрашивать,

А заходитъ-то Ильи да во Божью церковь.

А собиралисе вси мужики бекешовци

А во тую-то во церковь во соборную,
 А всё каются они да причащаются,
 А и къ смерти они всё да зготовляются.
 А тутъ старши казакъ да Илья Муромецъ
 А онъ глаза-ты вѣдь крестить да по писаному,
 А и поклонъ-то онъ ведетъ да по учёному,
 А и на вси стороны Ильюша поклоняется,
 А челомъ-то онъ бьетъ да о сыру землю:
 «Ай здравсвуйте вси мужики бекешовци!
 «А и покажите вы дорожку прямоѣзжую,
 «Прямоѣзжую дорожку прямохожую,
 «А и черезъ темны лѣса да тыи Брынскіи,
 «А черезъ тыи грязи теперь Черныи,
 «А черезъ тое вѣдь поселе Соловьіноѣ.»
 Говорять-то вѣдь мужики бекешовци:
 — А не можемъ показать да мы дорожки пря-
 ѣзжія.

— А на нашъ ли на Бекешовъ градъ
 — Наступило много вѣдь поганыхъ татаревей. —
 Это скоро тутъ Ильюша поворотъ держить,
 А и выходитъ-то Ильюша со Божьей церкви,
 А и садился-то Ильюша на добра коня,
 Выѣзжаетъ-то Ильюша вонъ изъ города,
 Вырываетъ онъ дубинку въ три обѣими.
 Это началъ онъ дубинушкой помахивать,
 А и началъ онъ татаръ да тутъ охаживать,
 А и приближъ пригубилъ до единой головѣ,
 А дубинку на лозинки всю порѣсцолжалъ.
 Это скоро тутъ Ильюша поворотъ держить,
 Заѣзжаетъ онъ во городъ во Бекешовецъ:
 «Ай же вы мужики бекешовци!
 «А и покажите вы дорожку прямоѣзжую,
 «Прямоѣзжую дорожку прямохожую,
 «А во славный во стольней во Кіевъ градъ!»
 А вопроговорять тутъ мужики бекешовци:
 — Ай же ты удалой доброй молодець!
 — А и живи-ко ты у насъ да воеводою,
 — А береги-тко городъ нашъ Бекешовецъ! —
 А вопроговорить Илья да таково слово:
 «А и не буду вѣдь я жить да воеводою,
 «А и покажите вы дорожку прямоѣзжую.»
 А это тутъ-то мужики бекешовци
 А насыпали они чашу красна золота,
 А другую насыпали чиста сѣребра,
 А третью насыпали скатна жемчугу,
 А подносили тутъ Ильи да во подарочкахъ.
 А и не беретъ Илья да злата сѣребра,
 А и не мелкаго скатнаго жемчуга.
 А и говорятъ да мужики да тутъ бекешовци:
 — Ай же ты удалой доброй молодець!
 — А не проѣхать ти дорожкой прямоѣзжею,

— А заросласи тутъ дорожка да темнымъ лѣсомъ.
 — А на той-то на пути да на дороженки,
 — А у той-то вѣдь у грязи да у Черныи,
 — А у той-ли вѣдь у рѣчки у Черниговской,
 — А сидитъ Сѣловей розбойникъ онъ Рахментовичъ,
 — А сидитъ Сѣловей-то онъ да на семи дубахъ,
 — Это въ восьми берѣзници покляпыи.
 — А засвищетъ онъ да по змѣиному,
 — Закричитъ ли-то онъ по звѣриному,
 — А жолты пески со кряжиковъ посыплотсе,
 — А темны лѣсы къ сырой земли приклонятсе, —
 — А побьетъ-то онъ тебѣ своимъ голосомъ. —
 А и вопроговорить Ильюша таково слово:
 «Ай же вы мужики бекешовци!
 «А и покажите вы дорожку прямоѣзжую.»
 А и показали тутъ дорожку прямоѣзжую.
 А и садился тутъ Илья да на добра коня,
 А, видли добра молодца да садучись,
 А не видли тутъ удалаго поѣдучись.
 А не буйны-ты вѣтры тутъ завѣяли,
 А поѣхалъ тутъ удалой доброй молодець
 Этой той ли да дорожкой прямоѣзжею,
 А и прямоѣзжею дорожкой прямохожею.
 А приѣзжаетъ вѣдь онъ скоро ко темнымъ лѣсамъ,
 А и ко тне грязи да ко Черныи,
 А развалилисе тутъ мостики дубовые,
 А больше тутъ Илью не ѣхать нѣкуды.
 А спущался тутъ удамый со добра коня,
 А ведетъ коня-то онъ на поводи,
 А и правою рукой дубя колодыя рветъ,
 А про себя Ильюшенка онъ мость мостить,
 И проѣзжаетъ-то Ильюша ровно тридцать версть.
 А и садился-то Илья да на добра коня,
 Приѣзжаетъ-то Илья ко той ли рѣчки ко Черни-
 говской,
 А онъ слышитъ тутъ гнѣздо да Соловьіное.
 А сорываетъ онъ Илья да маковъ листь,
 А затыкаетъ онъ Илья да уши въ головы.
 А увидѣлъ его Сѣловей розбойникъ да Рахментовичъ,
 А и закрычалъ-то онъ вѣдь по звѣриному,
 А свистнулъ-то онъ по змѣиному,
 А ино мать сыра земля продрогнула,
 А со кряжиковъ песочники посыпались,
 А во рѣченей вода вся помутилася,
 А темныи да лѣсы приклонилисе,
 А богатырской конь да на колѣнна палъ,
 А и молодой Илья одва съ коня не палъ.
 А бьетъ-то онъ коня да по тучнымъ ребрамъ:
 «Ай волчья сыть да травяной мѣшокъ!

«А по лѣсу ты конь да мой не хаживалъ,
 «А ѣ вороньнаго ты крику ты не слыхивалъ?»
 А подѣзжаетъ онъ вѣдь къ кусту ракиводу,
 Вынималъ Ильюшюша ножико да кнѣжалицо,
 А вырубилъ онъ стрѣлочку ракиводу,
 А ѣ натягивалъ Ильюшенка свой тугой луць,
 И налагаетъ вѣдь онъ стрѣлочку ракиводу,
 А самъ онъ ко стрѣлы да приговаривать:
 «А ты лети, моя стрѣла, не въ тѣмной лѣсъ,
 «А ты лети, моя стрѣла, да не въ чистѣ полѣ,
 «А ѣ лети ты Соловью ему въ правѣй-отъ глазъ,
 «А вылетай-ко ты стрѣла да ко лѣво ухо!»
 А стрѣлилъ вѣдь онъ ту стрѣлочку ракиводу,
 А ѣ пала стрѣлочка разбойнику во правой глазъ,
 А выдѣтала-то она да во лѣво ухо.
 Покатился онъ оттуда что овсяный снопъ;
 А беретъ его Илья да за бѣлы руки,
 А вазалъ-то къ стремени да ко булатни,
 А повѣзъ-то вѣдь Илья его во Кіевъ градъ.
 Приѣзжае ко поселяю къ Соловьиному,
 Увидали-то Илью да его дѣтушки:
 — Татенька-тогъ ѣдетъ, мужика везетъ. —
 А взглянула-то его да молода жона:
 — Мужикъ-отъ ѣдетъ, Соловья везе. —
 А тутъ-то дочка его бѣлая
 А выбѣгала-то она да на ширѣй дворъ,
 А хватила подворотню въ девяносто пудъ,
 А хочеть-то ударить Илью въ голову;
 А поворотушки-ты были молодецки,
 А знаетъ онъ пошибы вси дѣвѣчи,
 А пинаеть-то дѣвку Илья подъ гузно,
 А бьетъ-то онъ дѣвку по бѣлымъ грудямъ,
 А улетѣла тутъ дѣвка за ширѣй дворъ.
 А ѣ говорилъ тутъ онъ разбойникъ таково слово:
 «А ѣ же ты моя да молода жона,
 «А ѣ же вы мон да малы дѣточки!
 «А ѣ насыпайте три тѣлги злата сѣребра
 «А ѣ старому казаку Илью Муромцу,
 «А ѣ просите-тко меня да на свой волю.»
 А не беретъ Илья да не злата ни сѣребра:
 — А ѣ твой животъ да есть неправеднъ. —
 А повезъ-то онъ ко городу ко Кіеву
 И ко тому ко князю ко Владиміру.
 А приѣзжаетъ-то онъ скоро да во Кіевъ градъ,
 И поспѣлъ вѣдь тутъ Илья ко тѣе ко обѣдени
 ко поздние.
 А ѣ становилъ-то онъ коня на княженецкой дворъ,
 А вазалъ коня къ столбу точену
 А ѣ ко тому кольцу ко золочену.
 А ѣ приходитъ-то Илья да во Божью церковь,
 А ѣ ко тѣе обѣдени ко поздние,

А онъ крестъ-то сложилъ да по писаному,
 А поклон-отъ онъ ведетъ да по ученому.
 И отстояли оны позднюю обѣденку.
 А на вси стороны Илья да поклоняется,
 А князю со княгиною въ особину.
 А ѣ солнышко Владиміръ стольнѣ-кіевской
 А зоветь-то князей да на почестной пиръ
 А сильныхъ могучихъ богатырей.
 И заходили тутъ во гридню княженецкую,
 А ѣ въ княженецкую-ту гридню во столовую,
 А сажались за столы ли за дубовы
 А за тѣе ли за скатерти за браные
 А за тѣе ли за ѣствы за сахарни,
 И хлѣба-то соли да ихъ кушати,
 А ѣ бѣлаго лебедя порушати.
 А Владиміръ-отъ князь да стольнѣ-кіевской
 А самъ онъ на Ильюшюшку посматривать,
 А ѣ таково слово князь да выговаривать:
 «А ѣ же ты удалой доброй молодець!
 «А ѣ коѣй ты орды да коѣй земли,
 «А ѣ какъ-то тебя зовуть по имени,
 «А звеличаютъ-то тебя да по отечеству?»
 А вопроговорить Илья да таково слово:
 — А ѣ же ты Владиміръ князь да стольнѣ-кіевской!
 — А я естѣ изъ города изъ Муромля,
 — А изъ того вѣдь я села да Карачакова,
 — Еще старши казакъ да Илья Муромецъ,
 — Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ. —
 А ѣ вопроговорить Владиміръ таково слово:
 «А ѣ когдаже ты выѣхалъ изъ города изъ Муромля?»
 А на то ему Илья да вѣдь отвѣтъ держалъ:
 — А сѣгоднѣшняго дня простоялъ я ранныи за-
 утреди,
 — А поспѣлъ я сюда ко тѣи ли ко обѣдени ко
 поздни. —
 А говоритъ Владиміръ таково слово:
 «А ѣ же ты старши казакъ да Илья Муромецъ!
 «А ѣ какой же ты дорожкой проѣзжалъ сюды?»
 Зговорить-то вѣдь да таково слово:
 — А ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею,
 — А прямоѣзжею дорожкой прямохожею. —
 «А видалъ ли ты у рѣчки у Черниговской,
 «А видалъ ли ты разбойника Рахментьева?»
 А говоритъ-то вѣдь Ильюша таково слово:
 — А привѣзъ я разбойника его сюды,
 — А теперъ разбойникъ-то у стремени висить. —
 А приказалъ-то вѣдь Владиміръ-отъ князь да
 стольнѣ-кіевской,
 А ѣ приводилъ его Ильюша на почестной пиръ.
 Зговорить тутъ солнышко Владиміръ стольнѣ-
 кіевской:

«Ай ты Сболовей розбойникъ Рахментовичъ!
«Закрычи-тко ты розбойникъ бѣльшею прогласи-
пой,

«А закрычи-тко ты да по звѣрному,
«А засвищи-тко ты розбойникъ по змѣиному.»
Воспроговорить розбойникъ таково слово:
— Ай же ты Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
— Не твоѣ ли-то я ѣмъ, я вѣдь-то кушаю,
— Не хочу я тебя князя слушати. —

Испроговорить Владиміръ таково слово:
«А старши казавъ да Илья Муромецъ!
«А й прикажи-ко закрычатъ да ты розбойнику.»
Воспроговорить Ильюша таково слово:

— Ай ты Сболовей розбойникъ да Рахментовичъ!
— Ай закрычи-тко ты да гласомъ нижнимъ. —

Это Сболовей розбойникъ да Рахментовичъ
А скрычалъ-то онъ да гласомъ своимъ нижнимъ,
А й маковки со теремовъ посыпались,
А хрустальніе околенки розлопали,
А всѣ ли заходили окаракою,
А князь-то Владиміръ онъ со стула палъ,
А три часу онъ князь да безъ души лежалъ.
А это скоро вѣдь-то князь да пробуждается,
А говоритъ-то князь да таково слово:

«Положу я тя во Кіевъ градъ да воеводою.»

А й говоритъ-то вѣдь розбойникъ таково слово:
— Ай положишь ты меня да воевсдою,
— А всѣ будутъ во Кіевѣ отъ меня вѣдати *),
— А сердцо мое да есть розбойницко. —

А й говоритъ-то вѣдь Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
«А положу я тебе въ монастырь Благовѣщенской
строителѣмъ.»

А говоритъ-то вѣдь розбойникъ таково слово:
— А не строитель я буду, монастырю розоритель
вѣдь. —

А й беретъ его Илья за тыи ли за рученки за бѣлыя,
А выводитъ-то Илья да во чисто поле,
А й привязалъ-то вѣдь Илья его на сѣрой дубъ,
А натягивалъ Ильюшенка свой тугой лукъ,
Накладаетъ вѣдь онъ стрѣлочку каленую,
А стрѣлилъ-то онъ розбойнику во бѣлу грудь,
А роздробилъ-то тутъ его да бѣлу грудь, —
А й полно тутъ розбойнику розбойничать!
Это первая поѣздка Ильи Муромца,
А по тыхъ мѣсть поѣздка да кончается.

Записано тамъ же, 29 іюля.

*) т. е. выть.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

А й во стольнѣмъ во городѣ во Кіевѣ
А й у ласкова князя у Владиміра
А начинался заводился да почетной пиръ,
А на многія на князи да на бѣяра.
А не зоветъ онъ вѣдь собѣ да во почетной пиръ
А сильныхъ могучихъ богатырей.
А приходитъ-то Ильюша да не званный онъ.
А приказалъ-то вѣдь Владиміръ князь да стольнѣ-
кѣвской

Засадить его туда да во глубоко погрѣбъ,
А поморить его смертью голодною.
А сильни кѣвски богатыри
А розсердились тутъ на князя на Владиміра,
А оны скоро вѣдь сядились на добрыхъ коней,
А уѣхали оны да во чисто полѣ,
А й во тое роздолье во широкой:

«А й не будемъ вѣдь мы жить больше во Кіевѣ,
«А не будемъ мы служить князю Владиміру.»
А у князя-то вѣдь дочка-та малешенька,
А малешенька-та дочка молодѣшенька,
Во-потай берѣ влючи у своей матери

А отъ тыхъ ли-то отъ погрѣбовъ глубокихъ;
Составляетъ *) она хлѣбъ да Илья Муромцу.
А й проходило вѣдь тутъ времени ровно три году;
А тогда же вѣдь тотъ воръ, воръ Калинъ царь,
А собираетъ онъ себѣ да вѣдь много царей,
А много-то царей да много королей,
А собрали силы оны смѣту вѣтъ,
А моѣхали ко стольнѣму ко городу ко Кіеву,

А на туя ли на славу на великую,
А ко ласкову князю ко Владиміру,
А хочуть взять оны княгину да Опраксию,
А поворотъ себѣ-ка оны Кіевъ градъ.
Становилась эта сила близко Кіева,

Близко Кіева стоитъ да во чистѣмъ поли.
Калинъ царь а посылаетъ онъ поганого татарина
А й со тымъ писѣмомъ со посольнимъ,
А ко тому ли-то ко князю ко Владиміру:
— Ай же ты поганни татарщиц!

— Знаешь говорить да ты по русскому,
— А мычатъ про себя да по татарскому?
— А й снеси-ко ты писѣмышко ко князю ко Вла-
диміру. —

А тутъ татаринъ да поганни

*) т. е. доставляетъ, — такъ объяснилъ пѣвецъ.

А сядиhsя скоро на добрѣ коня,
 А получаетъ онъ письмо да къ себѣ на руки, 45
 А поѣхалъ онъ во городу ко Кіеву
 А ѣ ко ласкову князю ко Владиміру.
 Заѣзжаетъ-то онъ въ градъ да не воротами,
 А черезъ тую ли-то стѣну городѣвую,
 А заѣзжаетъ онъ къ князю да на широкій дворъ.
 А ѣ вязалъ коня къ столбу точоному
 А ѣ ко тому кольцу да къ золочоному,
 А ѣ приходитъ онъ въ покои княженецкіе,
 А онъ глазъ-то не креститъ, Богу не молится,
 А не даетъ-то онъ чести Владиміру, 55
 А положилъ-то онъ письмо да на дубовой столъ:
 «А ѣ прочитай-ко ты письмо, Владиміръ князь»
 А онъ смотритъ, во письмѣ да есть написано,
 А проситъ-то у князя да Калинъ царь
 А ѣ славнаго города да Кіева, 60
 Да обручныя княгини да Апраксин,
 А безъ бою-то безъ драки безъ великин
 А безъ большого-то такого кроволитія.
 А закручинился тотъ князь да запечалился
 Это той тоской печалью онъ великою: 65
 — А розсердѣлъ-то я теперь богатырей
 — А стараго казака Илью Муромца
 — А засадилъ-то его во глубокъ погрѣбъ,
 — А ѣ поморилъ его смѣретью голодною, —
 — А некому стоять буде за Кіевъ градъ. — 70
 А дочка его была малешенька,
 А малешенька-та дочка молодешенька,
 А ѣ говорила-то она да таково слово:
 «Ай же ты родитель ты мой папенька!
 «А слышала во церкви во писаніи, 75
 «А старому казаку на бою смерть не уписана,
 «И голодная смерть не уписана.
 «А бери-тко князь ты золоты ключи.»
 А беретъ-то князь да золоты ключи,
 А отмыкаетъ-то вѣдъ князь да глубокой погрѣбъ,
 А во погреби Ильюнюшка живой сидитъ,
 А ѣ горитъ у Ильюни воскова свѣча,
 А читаетъ онъ вѣдъ книгу да евангелье.
 А извиняется тутъ князь да стольнѣ-кіевской
 А старому казаку Илью Муромцу: 85
 — А прости-тко ты меня да Илья Муромецъ!
 — А посадилъ я тя во погреби глубокия,
 — А хотѣлъ поморить смертью голодною,
 — А еще вѣдъ ты Ильюнюшка да живъ вѣдъ есть.
 — А не знаешь ты незгодушки великия: 90
 — А ко славному ко городу ко Кіеву
 — Наѣзжалъ-то тутъ поганни воръ Калинъ царь,
 — А собрана дружинюшка много царей,
 — А много царей-то собралъ, много королей,

— А подобрано силы у ихъ смѣту нѣтъ, 95
 — А все сильнѣи могучи татарева.
 — А не мошь ли постоять да ты за Кіевъ градъ,
 — А за матушку стоять да свято-Русь землю,
 — А постоять ли-то за церкви за соборныя, 100
 — А тыи за кресты животворящіе,
 — А спасти насъ тѣперь всѣхъ князей бояръ?
 — А некому поѣхать супротиво царя Калина,
 — А розсердѣлъ-то я теперь богатырей,
 — А уѣхали они да во чистѣ полѣ,
 — А ѣ не бывали онъ здѣсь да три году. — 105
 А ѣ говоритъ-то ему старши казакъ да Илья Му-
 ромецъ:
 «Ай Владиміръ князь ты стольнѣ-кіевской!
 «А гдѣ же есте мои да конь добрыи?»
 — А твой конь во стойлы лошадинны. —
 А ѣ тутъ-то старши казакъ да Илья Муромецъ 110
 Одѣваетъ латы-ты кольчуги золоченны,
 А онъ уздаетъ сѣдаетъ коня добраго,
 А ѣ полагаетъ вѣдъ онъ потнички на потнички,
 А ѣ полагаетъ вѣдъ онъ войлочки на войлочки,
 А на верѣхъ-то онъ сѣдѣлышко черкальское, 115
 А ѣ беретъ-то вѣдъ Ильюня да свой тѣгой лукъ,
 А ѣ беретъ-то тутъ Илья да каленѣ стрѣли,
 А ѣ беретъ-то тутъ Илья да саблю вострую,
 А ѣ беретъ-то онъ копѣе да долготѣрноѣ,
 А ѣ беретъ-то онъ да палицу военную,
 А ѣ беретъ-то онъ трубку-ту подзорную,
 А ѣ садился Илья да на добрѣ коня,
 А не смѣетъ напуститъ на тую силу не на смѣтную
 (такъ),
 А на сильнѣихъ могучиыхъ татаревей.
 А выѣзжаетъ-то Илья да во чистѣ полѣ, 120
 А поднимается на гору на високою,
 А ѣ поглядѣлъ вѣдъ онъ во трубку во подзорную,
 А на вси-то на четыре онъ на стороны;
 А со первой горы Илья да онъ слушается,
 А на другую-то онъ гору поднимается,
 А поглядѣлъ-то онъ во трубку во подзорную,
 А ѣ на вси онъ на четыре да на стороны;
 А со другой горы да онъ Илья спускается,
 А на третью високу поднимается,
 А поглядѣлъ-то онъ во трубку во подзорную,
 А на вси онъ на четыре да на стороны;
 А въ той ли сторонѣ да подвосточныя
 А увидае въ поли тамъ бѣлой шатѣръ.
 А приѣзжаетъ тутъ Илья да ко бѣлу шатру,
 А у того ли въ поли у бѣла шатра
 А стоятъ двѣнадцать коней богатырскіихъ,
 А видитъ-то Илья да таково дѣло:
 А стоятъ ты кони, кони тутъ русійскіи,

А ёго-то вѣдъ братицевъ крестовныхъ,
 А крестовныхъ-то братцевъ вѣдъ названнихъ.
 А онъ вазалъ коня тутъ ко столбу точеному,
 А ѣ припущалъ-то ко пшены да бѣлоровой,
 А заходили-то тутъ Илья да во бѣлой шатёръ,
 А глаза-ты онъ креститъ да по писаному,
 А ѣ поклон-отъ онъ ведеть да по учёному,
 А на вси стороны Ильюня поклоняется,
 А ѣ крестному онъ батюшку въ особину:
 «А здравствуешь ты крестный ты мой батюшко,
 «А ѣ Самсонъ сынъ Самойловичъ!
 «А вы здравствуйте крестова моя братія,
 «А крестовая вы братія названая!»
 А увидали-то оны да Илью Муромца,
 А скоро вѣдъ скочили на рѣзвыя ноги,
 А съ Ильюшенкой тутъ братія здоровкались:
 — А старыи казакъ да Илья Муромецъ!
 — А ѣ говорили, ты посаженъ во глубоку погрѣбъ
 — У того ли-то у князя у Владиміра,
 — А поморѣнъ ты смереть голодною, —
 — А ты вѣрно старикъ да живъ поѣзживашъ.
 А ѣ говорить-то вѣдъ Илья да таково слово:
 «Ай же ты крестной мой батюшко,
 «А Самсонъ сынъ Самойловичъ,
 «А вси братія крестовая названая!
 «А поѣдете на помочъ на великую,
 «А ѣ насупротивъ поѣдемъ царя Каліна.»
 А говорить-то вѣдъ крестной ёму батюшко:
 — А я самъ-то вѣдъ не ѣду, да теби не бласловлю,
 — А не буду я стоять большѣ за Кіевъ градъ,
 — А ѣ не могу болѣ смотрѣть на князя Владиміра;
 — А на Апраксию да королевицну,
 — А ѣ положено заклятіе великоѣ. —
 А говорить-то вѣдъ Ильюня таково слово:
 «Ай же ты вѣдъ крестной мой батюшко!
 «А поѣдемъ-ко ты на помочъ великую,
 «Супротивъ поѣдемъ царя Каліна,
 «А не ради вѣдъ мы князя да Владиміра,
 «А не ради мы княгини да Апракси,
 «А и ради матушки поѣдемъ свято-Русь земли,
 «А радї той ли-то вѣры православныя,
 «А для ради церквей да мы соборныхъ,
 «А для матушенъ да Богородицы.»
 И это тутъ-то крестный его батюшко
 А вся крестовая названа его братія
 А поѣхали да на помочъ великую,
 А супротивъ царя да оны Каліна.
 А выѣзжали-то на гору на высокую,
 А оны брали трубку тутъ подзорную
 А ѣ поглядѣли тутъ на силу на поганую;
 А стоитъ-то сила тая во чистомъ поли,

Аки синее море колибається,
 Ино мать-та земля да подгибається.
 И тутъ-то оны шатеръ розставили,
 А ѣ вязали коней къ столбу точеному,
 Это тутъ-то оны да опочивъ держать.
 А Ильюнюшки не спится, мало собитя;
 И зауснула вѣдъ тутъ братія крестовая.
 А встаётъ-то вѣдъ Илья да на рѣзвыя ноги
 А выходитъ-то вѣдъ Илья да изъ бѣла шатра
 А садился-то Илья да на добра коня,
 А спучается *) со горы со высокія,
 А напучаетъ *) онъ на рать-силу поганую
 А на сильныхъ на могучихъ на татаревей.
 А силу-ту онъ бьетъ да трои сутки не ѣдаючи,
 А не ѣдаючи Илья да не пиваючи,
 А съ добра коня Илья да не слѣзаючи,
 А добру коню отдоху не даваючи;
 А бьетъ-то силу до шести онъ дѣнь,
 А не ѣдаючи Илья да не пиваючи,
 А съ добра коня Илья да не слѣзаючи,
 А добру коню отдоху не даваючи.
 А его доброй-отъ конь да проязичился
 А тѣмъ ли язѣкомъ человѣческимъ:
 — Ай ты старыи казакъ да Илья Муромецъ!
 — А укроти-тко ты вѣдъ сердце богатырскоѣ.
 — А у поганыхъ у татаревей
 — А е сдѣлано три подкопа глубокихъ:
 — А ли во первой подкопъ скочу да я повывесочу,
 — А тебя-то я Ильюшу да повывезу;
 — А во другой подкопъ скочу да я повывесочу,
 — А тебя-то я Ильюшу да повывезу;
 — А во третей подкопъ скочу да я повывесочу,
 — А тебя-то я Ильюшенку не вывезу. —
 А розгорѣлось ёго сердце богатырскоѣ,
 А розмахалась его рученка-та правая,
 А направилъ онъ коня да во глубоку подкопъ.
 Его добрый конь оттуль повывесочилъ,
 А Ильюнюшку съ подкона онъ повытащилъ;
 А со другаго подкона конь повывесочилъ,
 А онъ Ильюнюшку оттуда онъ повытащилъ;
 А со третьяго подкона конь повывесочилъ,
 А Ильюшенку съ подкона онъ не вытащилъ.
 А сбѣжалъ его конь да во чисто поле,
 Это началъ онъ вѣдъ по полю побѣгивать.
 Это сильнии могучии татарева
 А здымали-то Илью да вѣдъ со погреба,
 А связали-то Ильи да ручки бѣлыя
 А во тыи ли во пѣтыни шелкбныя,
 А повели его на казень-ту на смертнью,

*) т. е. спускается, напучаетъ.

А ѿ отрубить-то вѣдь Ильи да буйна голова.
 А вѣдутъ Илью да мимо церковь соборную, 245
 А возмолился тутъ Ильѣ да всѣмъ святителямъ.
 А ѿ какъ изъ дѣлеча далѣча изъ чистѣ поля
 Наѣзжалъ-то тутъ къ Ильюшенки да добрый конь,
 А ѿ хватилъ-то онъ зубами да за тѣя пѣтныи шел-

кѣвныя, 250

Оборвалъ-то пѣтныи шелкѣвныя

А слободилъ его онъ ручки да бѣлыя.

А скочилъ Ильѣ да на добра коня,

А виѣзжаетъ-то Ильѣ да во чисто полѣ,

А ѿ патагивать Ильѣ свой тѣгой лукъ,

Нагагаетъ вѣдь онъ стрѣлочку каленую, 255

А самъ онъ ко стрѣлѣ да приговариваетъ:

«А пади моя стрѣла ни на воду, ни на землѣ,

«А не въ темный лѣсъ, да не въ чисто полѣ,

«А пади моя стрѣла на тую ли на гору на высокую,

«А проломитъ-тко крышу-ту шатровую, 260

«А пади-тко крестному ты батюшкѣ,

«А крестному ты батюшкѣ во бѣлу грудь,

«А роздробитъ ему ты груди бѣлыя,

«А за тую за измѣну за великую.»

А тутъ стрѣлилъ да Ильѣ Муромецъ; 265

А легла тутъ стрѣла да вѣдь на гору на высокую,

А ѿ проломла она крышу-ту шатровую,

А пала она крестному отцу на бѣлу грудь,

А на бѣлую-ту грудь да во значеный крестъ.

А ото сна тутъ крестный пробуждается, 270

Говорить-то имъ да таково слово:

— А ѿ вы сильнии могучии богатыри,

— А пробуждайтесь ото сна да вы отъ крѣпкаго!

— А гдѣ-то у насъ стари казакъ да Ильѣ Му-

ромецъ?

— А мы ѣдимъ да пьемъ да проглаждаемъ, 275

— А мы не вѣдаемъ незгоды надъ Ильюшенкой.—

А ставали вѣдь тутъ сильнии могучии богатыри,

А скоро-то ставали на рѣзвѣ ноги,

А ѿ выходили-то онѣ да изъ шатра долой,

А садилися онѣ да на добрыхъ коней, 280

А спущалися онѣ да съ высокои горы,

Нападали на поганыхъ татаревей,

А прибили прирубали да всю силу ту несмѣтную,

А несмѣтную ту силу да несчѣтную.

Это скоро тутъ онѣ да поворотъ держать

А ѿ ко стольнѣму ко городу ко Киеву

А ко ласкову ко князю ко Владиміру.

Заѣзжали-то ко князю да въ широкій дворъ,

А вазали-то коней къ столбу точѣному,

Бо тому кольцу ко золочѣному, 285

А приходять-то во гридню во столбовую.

А Владиміръ князь да стольнѣ-кѣвской

А завель-то онъ тутъ свой почестный пиръ,

А на многія на вязы да на бѣлра

А на сильныхъ на могучихъ на богатырей.

А всѣ ли на пиру да напивалисе,

А всѣ ли на пиру да наѣдалисе

А всѣ ли на пиру да пьяны веселы.

А красное солнышко при вечери.

А почестной-отъ пиръ да весь при весели. 290

А Владиміръ-отъ князь да стольнѣ-кѣвской

А жалуетъ онъ сильныхъ могучихъ богатырей,

А даетъ города да съ пригородкамъ,

А даетъ золоту казну безсчѣтную.

А князь-то онъ богатырей да содержать *) ихъ 305
 сталъ.

Записано тамъ же. 29 июля.

58.

ПОСЛѢДНЯЯ ПОѢЗДКА ИЛЬИ МУРОМЦА.

А ѣздили-то старъ по чистѣ полю,

И отъ младости да старъ до старости,

И отъ старости да до гробной доски,

Эдакаго чуда не наѣзживаль:

Наѣзжаетъ старъ да три дороженки,

А ѿ три пути широкѣхъ розстановки;

А на этихъ путяхъ на дороженкахъ

А ѿ стоитъ стоитъ дубовой столобъ,

А ѿ на столби-то подпись подписана:

А ѿ во первую дорожку ѣхать — убиту быть,

А во другую ѣхать — женату быть,

А во третью ѣхать — богату быть.

Это тутъ старъ пороздумалъ:

«На что мнѣ-ка-ва стару женату быть?»

«Молодая-то жена да то чужа корысть.

«На что мнѣ-ка-ва стару богату быть?»

«Это надо мнѣ-ка старому убиту быть.»

А поѣхалъ-то вѣдь старый въ ту дороженку.

Проѣзжаетъ-то вѣдь старый ровно три часу,

Проѣзжаетъ-то онъ мѣста ровно триста верстъ.

Заѣзжаетъ онъ за горы за высокіи,

Наѣзжаетъ терема да преввысокіи,

Наѣзжаетъ-то онъ станъ да вѣдь розбойничкой,

А не много ихъ не мало соробъ тысячей.

А увидали тутъ вѣдь стараго розбойника,

А розбойники ты всѣ да насквакалисе,

*) т. е. держать при себѣ въ чести, такъ пояснилъ пѣвецъ.

А й за стараго оны всѣ захватилисе.
 Говорить же вѣдь имъ старый таково слово:
 «Ай же вы тати да розбойники,
 «Ай плуты же вы да подорожники!
 «Что же взять-то вамъ съ меня со стараго?
 «У меня вѣту ни злата, да ни сѣребра,
 «А й не мелкаго ли-то да скатнаго-то жемчуга;
 «А кошуля на себѣ да въ цѣлу тысячу,
 «А сѣделышко черкальско во пятьсотъ рублей,
 «А коню-то моему да вѣдь цѣны нѣту.»
 И закрычалъ тамъ атаманъ да вѣдь розбойничкой,
 Закрычалъ-то атаманъ да громнымъ голосомъ:
 — Ай же вы тати да розбойники,
 — А плуты этакіе подорожники!
 — Да чего же вамъ со старымъ розговаривать?
 — А й срубите-тко ему да буйну голову! —
 Это тутъ вѣдь старенькой распѣхнется,
 Это началъ своей палицей помахивать;
 Куда махнеть — туда улица,
 Въ задъ отмѣхнеть — переулками.
 Онъ приблизъ-то приломиль да вснхъ розбойни-
 ковъ,
 И онъ съ перваго да до остѣтнѣго.
 Это скоро тутъ да старый поворотъ держалъ,
 Это старую-ту подпись зафальшививалъ,
 А новую-ту подпись подписывалъ:
 «А ѣздилъ тутъ старый, да убить не былъ.»
 А поѣхалъ тутъ вѣдь старый гдѣ женату быть.
 Ѣдетъ времечки онъ столько три часу,
 Проѣзжаетъ онъ вѣдь мѣста ровно триста вѣрствъ.
 Наѣзжаетъ тутъ вѣдь старый красиво село,
 А селомъ-то назвать да велико стоитъ,
 Городомъ-то назвать да малю стоитъ;
 И построены во сели да королевскій дворъ,
 Живетъ душечка Маринка королевична,
 Прилецаетъ-то она да добрыхъ молодцовъ.
 А заѣзжаетъ тутъ вѣдь старый на широкой дворъ,
 А й сходилъ тутъ старъ да со добра коня,
 А й вязалъ-то коня къ столбу точену
 И къ тому ли-то колецку золочену. •
 И выходила тутъ Маринка на широкой дворъ,
 А й беретъ его за ручки-ты за бѣли
 А цѣлуетъ во уста да во сахарни,
 А проводить вѣдь въ полату бѣлокаменну.
 А садилъ вѣдь его да за дубовый столъ,
 А за тѣя ли за скатерти шелковыи,
 А за тѣя ли за ѣствы за сахарни,
 И за сладкіе за пѣтыя за медвяныи.
 А сама отходѣ да поклоняется,
 Згворить она ему да таково слово:
 «Ѣшь-ко старъ — не наѣдайся ты,

«Пей-ко старъ — не напивайся-ко,
 «Чтобы могъ бы ты со мной да позабавиться.»
 Ѣсть-то вѣдь старый наѣдается,
 Пѣть-то вѣдь старъ да наливается,
 Себи никакой незгодушки не вѣдаетъ.
 А вѣдь брала тутъ Маринка за бѣлы руки,
 Повела-то вѣдь его да во теплу спальню
 И ко тѣй кровати ко подожистой,
 Сама-то говоритъ да таково слово:
 «А ложись-ко старенькой о стѣночку,
 «Лягу молода да я на крѣночекъ.»
 А говоритъ вѣдь ей тутъ старый таково слово:
 — Ахъ ты душечка Маринка королевична!
 — А ложись-ко ты Маринка да о стѣночку,
 — Лягу вѣдь я старый вѣдь на крѣночекъ.
 — У меня-то вѣдь у стараго теперь да не по
 старому,
 — Не по старому у мя, да мочъ не держится,
 — Почасту я буду старый ночью вонъ ходить,
 — А вонъ я ходить, да вѣдь коня смотрѣть. —
 Взималъ-то ю за ручки за бѣли,
 А видалъ ю на кроватку на подожисту,
 Провалилася Маринка во глубокъ погрѣбъ.
 А й беретъ-то вѣдь старый золоты ключи,
 Отмыкае старый кованы замки,
 Выпускае онъ много царей,
 А много царей да царевичѣвъ,
 А много ли королей да королевичѣвъ,
 Много сильныхъ могучихъ богатырей.
 Говорятъ ему старому таково слово:
 «А спасибо теби, старини казакъ да Илья Муро-
 мець,
 «Что ты выпустилъ съ неголи со великии.»
 А й беретъ вѣдь старый-то Маринку за бѣлы руки,
 Выводилъ-то Маринку во чисто полѣ,
 А й вязалъ-то Маринку ко сыру дубу,
 А й натягивалъ-то старый да свой тугой лукъ,
 И налагаетъ вѣдь онъ стрѣлочку каленую,
 А стрѣляетъ онъ Маринку да во бѣлу грудь,
 Роздробилъ-то у Маринки ретиво сердце.
 Это тутъ ли-то старый поворотъ держалъ,
 И приѣзжаетъ-то старый къ дубову столбу,
 Это старую-ту подпись зафальшививалъ
 И новую-ту подпись онъ подписывалъ:
 «Ѣздилъ-то вѣдь старый, да женать не былъ.»
 А поѣхалъ-то вѣдь старый гдѣ богату быть.
 Проѣзжаетъ-то вѣдь времечки ровно три часу,
 Проѣзжаетъ вѣдь онъ мѣста ровно триста верствъ.
 Наѣзжаетъ вѣдь онъ въ поли да глубокъ погрѣбъ,
 А насыпанъ погрѣбъ злата сѣребра,
 А насыпанъ онъ туда да скатна жемчугу,

А наваленъ-то вѣдь на погребъ превеликъ камень,
 А этотъ камень былъ тридевяносто пудъ.
 А сходилъ-то старый со добра коня,
 Подпалъ ли старый могучимъ плечомъ,
 А онъ выкинулъ со погребя великъ камень,
 А побралъ ли-то много злата много сѣребра,
 Много мелкаго скатнаго жемчуга;
 А й построилъ онъ церкви соборныя,
 Устанавливалъ звонъ колокольни.
 А й тутъ же вѣдь старый поворотъ держалъ.
 Приѣзжаетъ старый къ дубову столбу,
 Старый эти подписи не зафальшивливалъ,
 Новую-ту подпись подписывалъ:
 «А ѣздилъ-то старый, да богатой былъ.»
 Приѣзжае онъ во славной во Киевъ градъ
 А ко тымъ ли онъ пещерамъ да ко киевскимъ,
 А прилетала невидима сила ангельска,
 А взимали-то ёгд да со добра коня
 И заносили во пещеры-ты во киевски,
 И тутъ же вѣдь старый опочивъ держалъ.
 А й потамѣсть ми старому славы поёмъ,
 Старому казаку Ильи Муромцю.

Записано тамъ же, 28 июля.

59.

ДОБРЫНЯ И ЗМЪЙ.

Какъ во стольноёмъ во городи во Киеви
 Жилъ былъ тамъ удалый добрый молодець,
 Молодой Добрынюшка Никитиничъ,
 Пожелалъ-то ити онъ за охвотою.
 Обуваетъ онъ сапожки на ножки зелёнъ сафьянъ,
 Одѣваетъ онъ Добрыня платье цвѣтное,
 Налагаетъ онъ вѣдь шапку во пятьсотъ рублей,
 А й беретъ-то вѣдь Добрыня да свой тугой лукъ,
 Этотъ тугой лукъ Добрынюшка рѣзвчатой,
 А й беретъ-то вѣдь онъ стрѣлочки казенны,
 А й приходитъ-то Добрыня ко синю морю,
 А й приходитъ-то Добрыня къ первой заводи;
 Не попало тутъ ни гуся, ни лебедя,
 А й не сѣраго-то малаго утеныша.
 А й приходитъ-то Добрыня къ другой заводи,
 Не находятъ онъ ни гуся, да ни лебедя,
 А й ни сѣраго-то малаго утеныша.
 А й приходитъ-то Добрыня къ третьей заводи,
 Не находятъ онъ ни гуся, да ни лебедя,
 А й ни сѣраго-то малаго утеныша.

Розгорѣлось у Добрыни ретивѣ сердце,
 Скоро тутъ Добрыня поворотъ держалъ,
 А й приходитъ-то Добрынюшка во свой-отъ домъ,
 Во свой домъ приходитъ къ своей матушки,
 А й садился онъ на лавочку брусовую,
 Утопилъ онъ очи во дубовый мостъ.
 А й подходитъ-то къ Добрыни родна матушка,
 А сама-то говорить да таково слово:
 «Ай ты молодой Добрынюшка Никитиничъ!
 «Что же Добрыня не весѣлъ приполъ?»
 А й говорить-то вѣдь Добрыня своей матушкѣ:
 — Ай же ты родитель моя матушка!
 — Дай-ко ты Добрыни мнѣ прощеньцо,
 — Дай-ко ты Добрыни благословеньцо,
 — Ъхать мнѣ Добрыни ко Пучай рѣки. —
 Говорить-то вѣдь Добрыни родна матушка:
 «Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
 «А не дамъ я ти прощенья благословеньца
 «Ъхать ти Добрыни ко Пучай рѣки.
 «Кто на Пучай рѣки на (семь свѣтн) да ѣзживалъ,
 «А счастливъ-то оттуль да не приѣзживалъ.»
 Говорить Добрыня своей матушки:
 — Ай же ты родитель моя матушка!
 — А даешь мнѣ-ка прощение — поѣду я,
 — Не даешь мнѣ-ка прощениа — поѣду я. —
 А и дѣла мать прощение Добрынюшки
 Ъхать-то Добрыни ко Пучай рѣки.
 Скидываетъ-то Добрыня платье цвѣтное,
 Одѣваетъ-то онъ платицо дорожное,
 Налагалъ-то на головку шляпу земли гречецкой,
 Онъ уздалъ сѣдалъ да вѣдь добра коня,
 Налагаетъ вѣдь онъ уздичу тѣсмиую,
 Налагаетъ вѣдь онъ потники на потники,
 Налагаетъ вѣдь онъ войлоки на войлоки,
 На верѣхъ-то онъ сѣделышко черкасское.
 А и туго вѣдь онъ подпруги подтягивалъ,
 Самъ ли-то Добрыня выговаривалъ:
 — Не для ради красы басы, братцы, молодецкие,
 — Для укрѣпушки-то было богатырскии. —
 А й беретъ-то вѣдь Добрыня да свой тугой лукъ,
 А й беретъ-то вѣдь Добрыня казенн стрѣлы,
 А й беретъ-то вѣдь Добрыня саблю вострую,
 А й беретъ копьѣ да долгомѣрное,
 А й беретъ-то онъ вѣдь палицу военную,
 А й беретъ-то Добрыня слугу младаго.
 А поѣдучи Добрыни родна матушка наказывать:
 «Ай же ты молодой Добрынюшка Никитиничъ!
 «Съѣдешь ты Добрыня ко Пучай рѣки,
 «Одолить тебя жары да непомерныи, —
 «Не купилсь-ко ты Добрыня во Пучай рѣки.»
 Види-то да добра молодца вѣдь случилсь,

Не видали тутъ удалаго поѣдучись.
 А приѣзжаетъ-то Добрыня ко Пучай рѣки,
 Одолилъ ты жары да непомятныи,
 Не попомнилъ онъ наказанья родительска.
 Онъ снимаетъ со головки шляпу земли греческой,
 Роздѣваетъ вѣдь онъ платица дорожныи,
 Роздѣваетъ вѣдь Добрыня черны чѣботы,
 Скидываетъ онъ порточки семи шелковъ,
 Роздѣваетъ онъ рубашку миткалиную,
 Началь тутъ Добрыня во Пучай рѣки купатися.
 Черезъ первую-то струю да ныркомъ пронырнулъ,
 Черезъ другую струю да онъ повнырнулъ, —
 А не темныя ли тѣмени затѣмнѣли,
 А не черныя тутъ облаци попадали,
 А летить ко Добрынюшки люта змѣя,
 А люта-та змѣя да печерская.
 Увидалъ Добрыня погану змѣю,
 Черезъ первую-то струю да ныркомъ пронырнулъ,
 Черезъ другую струю да онъ повнырнулъ.
 Младъ-то слуга да былъ онъ торболокъ,
 А угналъ-то у Добрынюшки добра коня,
 А увезъ-то у Добрынюшки онъ тугой лукъ,
 А увезъ-то у Добрыни саблю вострую,
 А увезъ конь да долгомѣрное,
 А увезъ-то онъ палицу военную,
 Стольки онъ оставилъ одну шляповьку,
 Одну шляпу-ту оставилъ земли гречецкой.
 Хватилъ-то Добрыня свою шляповьку,
 А ударилъ онъ змѣю да тутъ поганую,
 А отбилъ онъ у змѣи да вѣдь три хобота,
 А три хобота отбилъ да что ни лучшиихъ.
 А змѣя тогда Добрынюшки смолласи:
 — Ахъ ты молодой Добрыня сынъ Микитиничъ!
 — Не придай ты мнѣ смѣрети напрасныи,
 — Не пролей ты моей крови безповинныи.
 — А не буду я летать да по святой Руси,
 — А не буду я пѣлнить большѣ богатырей,
 — А не буду я давить да молодыхъ жонъ,
 — А не буду сиротать да малыхъ дѣтушекъ,
 — А ты будь-во мнѣ Добрыня да ты большой
 братъ,
 — Я буду змѣя да сестрой мѣньшою. —
 А на ты ласы Добрыня приукинулся,
 А спустилъ-то онъ змѣю да на свою волю;
 А й пошолъ Добрынюшка во свой-отъ домъ,
 А й во свой-отъ домъ Добрыня къ своей матушки.
 Настигаетъ вѣдь Добрыню во чистомъ поли,
 Во чистомъ поли Добрынюшку да темна ночь.
 А тутъ столбики Добрынюшка розставлявалъ,
 Бѣлополотняный шатеръ да онъ роздѣргивалъ,
 А тутъ-то Добрыня опочивъ держалъ.

А встаетъ-то Добрыня по утру рано,
 Умывался ключевой водой бѣлешенью,
 Утирался въ полотенно-то миткалинное,
 Господу Богу да онъ молится.
 Чтобы спасъ меня Господь, помилуешь.
 А й выходитъ-то Добрыня со бѣла шатра,
 А не темныя ли тѣмени затѣмнѣли,
 А не черныя тутъ облаци попадали, —
 Летить по воздуху люта змѣя,
 А й несетъ змѣя да дочку царскую,
 Царскую-ту дочку княженецкую,
 Молоду Марфиду Всеславьевну.
 А й пошолъ Добрыня да во свой-отъ домъ,
 Приходилъ Добрыня къ своей матушки,
 Во свою-ту онъ гряди во столовую,
 А садился онъ на лавочку брусую.
 А Владиміръ князь да стольнѣ-кѣвской,
 Начинаетъ-то Владиміръ да почетной пиръ
 А на многія на князи да на бояры
 А на сплвннхъ могуцихъ богатырей,
 На тыхъ пѣлннцъ да на удалнхъ,
 На всѣхъ зашлнхъ да добрыхъ молодцовъ.
 А й говорить-то вѣдь Добрыня своей матушки:
 «Ай же ты родитель моя матушка!
 «Дай-ко ты Добрыни мнѣ прощеньицо,
 «Дай-ко мнѣ Добрыни благословеньицо,
 «А поѣду я Добрыня на почетной пиръ
 «Ко ласкову князю ко Владиміру.»
 А й говорила-то Добрыни родна матушка:
 — А не дамъ я ти Добрынюшки прощеньица,
 — А не дамъ я ти Добрыни благословеньица,
 — Ъхать ти Добрыни на почетной пиръ
 — Ко ласкову князю ко Владиміру;
 — А й живи-тео ты Добрыня во своемъ дому,
 — Во своемъ дому Добрыня своей матушки,
 — Ъшь ты хлѣба соли досыти,
 — Пей зеленѣ вина ты дѣпьяна,
 — Носи-тео золотой казны ты долюби. —
 А й говорить-то вѣдь Добрыня родной матушки:
 «Ай же ты родитель моя матушка!
 «А даешь мнѣ-ка прощеніе — поѣду я,
 «Не даешь мнѣ-ка прощенія — поѣду я.»
 Дала матъ Добрынюшки прощеньицо,
 Дала матъ Добрыни благословеньицо.
 А справлѣтся Добрыня, свѣряжеться,
 Обуваетъ онъ сапожники на ноженки зеленѣ
 сафьянъ,
 Одѣваетъ-то Добрыня платье цвѣтное,
 Налгаетъ вѣдь онъ шапку во пятьсотъ рублей,
 А й выходитъ-то Добрыня на широкой дворъ,
 Онъ уздае сѣдлае коня добраго,

Налагаеть вѣдь онъ уздицу тесмянную,
 Налагаеть вѣдь онъ потнички на потнички,
 Налагаеть вѣдь онъ войлоки на войлоки,
 На верѣхъ-то онъ сѣделышко черкасское.
 А и крѣпко вѣдь онъ подпруги подтягиваль,
 А и подпруги шокѣ заморскаго,
 А и заморскаго шокѣ ^{шолланскаго},
 Прижкѣ славныя мѣди бы съ ^{казанскія} (такъ),
 Шпенѣчки-то бузаль-желѣза да сибирскаго,
 Не для красы басы, братцы, молодецкія,
 А для укрѣпшени-то было богатирскіи.
 Садился вѣдь Добрыня на добра коня,
 Приѣзжаетъ-то Добрыня на широкой дворъ,
 Становилъ коня-то посреди двора,
 Онъ вязаль коня къ столбу ^{точеному},
 Ко тому ли-то колезку золоченому.
 А и приходилъ онъ во гридню во столовую,
 А глаза-ты онъ крестить да по писаному,
 А и поклонъ-то въ деть да по ученому,
 На вси стороны Добрыня поклоняется,
 А и князю со княгнуою въ особину.
 А и проводили-то Добрыню во большо мѣсто,
 А за ты за эти столы за дубовыи,
 А за ты ли за ѣства за сахарни,
 А за ты ли за питья за медвяныи,
 Наливали ему чару зеленѣ вина,
 Наливали-то вторую пива пьянаго,
 Наливали ему третью меду сладкаго,
 Слил эти чары въ едино мѣсто;
 Стала мѣрой эта чара полтора ведра,
 Стала вѣсомъ эта чара полтора пуда.
 А и принималъ Добрыня единой рукой,
 Выпиваетъ-то Добрыня на единый духъ.
 А и Владимиръ-отъ князь да стольнѣ-кѣвской
 А по гридни ко столовой онъ похаживать,
 Самъ онъ на богатырей посматривать;
 Говорить да таково слово:
 — Ай же сильнии могучии богатыри!
 — А накинѣ на васъ службу я великую:
 — Съѣздить надо во Туги-горы,
 — А и во Туги-горы съѣздить ко любой змѣи
 — А за нашу за дочкою за царскою,
 — А за царскою за дочкой княженецкою. —
 Большой-отъ ^{тѣлѣ} тѣлѣ за средняго,
 Средній-отъ скрывается за меньшаго,
 А отъ меньшаго отъ чину имъ отвѣту вѣтъ;
 Зъ-за того ли зъ-за стола за середняго
 А выходитъ-то Семень-то въ баринъ Карамышеч-
 кой,
 Самъ онъ зговорить да таково слово:
 «Ахъ ты батюшко Владимиръ стольнѣ-кѣвской!

«А былъ-то я вчерась да во чистомъ поли,
 «Видѣлъ я Добрыню у Пучай рѣки, —
 «Со змѣю-то Добрыня дрался ратился,
 «А змѣя-то вѣдь Добрыни извивилася,
 «Называла-то Добрыню братомъ большимъ,
 «А нарѣкала-то себя да сестрой меньшою.
 «Посылай-ко ты Добрыню во Туги-горы
 «А за вашу за дочкою за царскою,
 «А за царскою-то дочкой княженецкою.»
 Воспроговорить-то князь Владимиръ-отъ да столь-
 нѣ-кѣвской:
 — Ахъ ты молодой Добрынюшка Мпкитиничъ!
 — Отправляйся ты Добрыня во Туги-горы,
 — А и во Туги-горы Добрыня ко любой змѣи
 — А за нашу за дочкою за царскою,
 — А за царскою-то дочкой княженецкою. —
 Закручинился Добрыня запечалился,
 А и скочилъ-то тутъ Добрыня на рѣвнѣ ноги,
 А и топнулъ-то Добрыня во дубовой мостъ,
 А и стулья-ты дубовы ^{зипиталисе},
 А со стульевъ всѣ бояра ^{повалилисе}.
 Выбѣгае тутъ Добрыня на широкой дворъ,
 Отвязаль ли-то коня да отъ столба,
 Отъ того ли-то столба да отъ точенаго,
 Отъ того ли-то колезка золоченаго;
 А и садился-то Добрыня на добра коня,
 Приѣзжаетъ-то Добрынюшка на свой-отъ дворъ,
 Спускается Добрыня со добра коня,
 А и вязаль коня-то ко столбу точеному,
 Ко тому ли-то колезку къ золоченому,
 Насыпаль-то онъ ишени да бѣлояровой.
 А и заходитъ онъ Добрыня да во свой-отъ домъ,
 А и во свой-отъ домъ Добрыня своей матушки.
 А и садился-то Добрыня онъ на лавочку,
 Повѣсилъ-то Добрыня буйну голову,
 Утопилъ-то очи во дубовой мостъ.
 А къ Добрынюшкѣ подходитъ его матушка,
 А сама ли говорила таково слово:
 «Что же ты Добрыня не веселъ пришлоъ?
 «Мѣсто ли въ пиру да не по разуму,
 «Али чарой ли тебя въ пиру да обнесли,
 «Али пьяница дуракъ да въ глаза наплевалъ,
 «Али красныя дѣвцы обсмѣялисе?»
 Воспроговорить Добрыня своей матушкѣ:
 — А мѣсто во пиру мнѣ было большое,
 — А большое-то мѣсто не меньшее,
 — А и чарой во пиру меня не обнесли,
 — А пьяница дуракъ да въ глаза не плевалъ,
 — Красныя дѣвцы не обсмѣялисе;
 — А Владимиръ князь да стольнѣ-кѣвской
 — А накинѣ-то онъ службу вѣдь великую:

— А надо мнѣ-ка ѣхать во Тугі-горы,
 — А ѡ во Тугі-горы ѣхать ко лютой змѣи,
 — А за ^{любовь} за дочкой княженецкою. —
 А ѡ справляется Добрыня снаряжается
 А во дальнюю да въ путь дороженеу.
 Обуваль Добрыня черны чоботы,
 Одѣваль онъ платица дорожныи,
 Налагалъ онъ шляпу земли греченкой,
 А онъ ѡздакъ сѣдалъ коня добраго,
 Налагалъ онъ ѡздицу тесманую,
 Налагалъ онъ потнички на потнички,
 Налагалъ онъ войлоки на войлоки,
 На верѣхъ-то онъ сѣделышко черкасское,
 А ѡ да туго подпруги подтягиваль,
 А ѡ да самъ Добрыня выговариваль:
 А не для красы басы, братцы, молодецкія,
 Для укрѣпушки-то былъ богатырскія.
 А ѡ приходитъ ко Добрыни родна матушка,
 Подаетъ Добрыни свой шелковый ^{плать} платъ,
 Говорить она да таково слово:
 «Ахъ ты молодой Добрынюшка Микитиничъ!
 «А ѡ съѣдешь Добрыня во Тугі горы,
 «Во Туги-горы Добрыня ко лютой змѣи,
 «А ѡ ты будешь со змѣей Добрыня драться ра-
 титься,
 «А ѡ тогда змѣя да побивать ^{будеть} будетъ, —
 «Вынимай-ко ты съ карманца свой шелковый
 платъ,
 «Утирай-ко ты Добрыня очи ясныи,
 «Утирай-ко ты Добрыня лицо бѣлое,
 «А ужъ ты бей коня по тучнымъ ребрамъ.»
 Это тутъ ли-то Добрынюшка Микитиничъ
 А ѡ заходитъ онъ Добрыня да во свой-отъ домъ,
 А ѡ беретъ-то въдъ Добрынюшка свой тугой луць,
 А ѡ беретъ-то въдъ Добрыня калені стрѣлы,
 А ѡ беретъ-то въдъ Добрыня саблю вострую,
 А ѡ беретъ-то онъ копѣ да долготѣрное,
 А ѡ беретъ-то въдъ онъ палицу военную,
 А онъ Господу-то Богу да онъ молится,
 А ѡ да молится Миколы да святителю,
 А ѡ чтобъ спасъ Господь меня помиловаль.
 А ѡ выходитъ-то Добрыня на широкой дворъ,
 Провожають-то Добрыню родна матушка,
 Подаетъ-то въдъ Добрыни шелкову ю плеть,
 Сама-то згворить да таково слово:
 «А ѡ съѣдешь ты Добрыня во Тугі-горы,
 «Во Туги-горы Добрыня ко лютой змѣи,
 «Станешь со змѣей да драться ратиться,
 «А ѡ ты бей змѣю да плѣткою шолковой,
 «Покоришь змѣю да какъ скотинину,
 «Какъ скотинину да въдъ крестьянскую.»

А ѡ садился-то Добрыня на добра коня.
 Эта видли добра молодца въдъ сядучись,
 А ѡ не видли въдъ удалаго поѣдучись.
 Проѣзжаетъ онъ дорожку-ту въдъ дальнюю,
 Приѣзжаетъ-то Добрынюшка скорымъ скоро,
 Становилъ коня да во чистомъ поли
 И онъ визалъ коня да ко сырѣ дубу,
 Самъ онъ выходилъ на тое ли на мѣсто на ^{уловное} уловное
 А ко той пещеры ко змѣинни.
 Постоялъ тутъ въдъ Добрыня мало времечки,
 А не темны ли тѣмени затѣмнѣли,
 Да не черны-то облаци попадали,
 А ѡ летитъ-то летитъ поганя змѣя,
 А ѡ несеть змѣя да тѣло мѣртвое,
 Тѣло мѣртвое да богатырское.
 А ѡ увидала-то Добрынюшеу Микитича,
 А ѡ спущала тѣло на сыру землю,
 Эта начала съ Добрыней драться ратиться.
 А ѡ дрались Добрыня со змѣюю день до вечера,
 А ѡ змѣя-то въдъ Добрыню побивать стала;
 А ѡ напомнилъ онъ наказанье родительско,
 А ѡ вынималъ платокъ да изъ карманчика,
 А ѡ ^{пробѣ} пробѣ Добрыня очи ясныи,
 Поприбѣтеръ-то Добрыня лицо бѣлое,
 И ужъ бьетъ коня да по тучнымъ ^{ребрамъ} ребрамъ:
 — А ты волчья ^{бить} бить да травяной мѣшокъ!
 — Что ль ты по темнѣ лѣсу да въдъ не хаживаль,
 — Аль змѣинаго ты свисту да не слыхиваль? —
 А ѡ его добрый конь да сталъ поскакивать,
 Сталъ поскакивать да сталъ помакивать
 Лучше стараго да лучше прежнаго.
 Эта дракъ тутъ Добрыня да другой-отъ день,
 А ѡ другой-отъ день да онъ до вечера,
 А ѡ проклятая змѣя да побивать стала.
 А ѡ напомнилъ онъ наказанье родительско,
 Вынималъ-то плетку изъ карманчика,
 Бьетъ змѣю да своей плѣточкой,
 Укротилъ змѣю аки скотинину,
 А ѡ аки скотинину да крестьянскую.
 Отрубилъ змѣи да онъ вси хоботы,
 Розрубилъ змѣю да на мелкі части,
 Роспиналъ змѣю да по чистѣ полю.
 А ѡ заходитъ онъ въ пещеры во змѣинни,
 А во ^{тѣхъ} тѣхъ ли во пещерахъ во змѣинныхъ
 А ^{роскована} роскована *) тамъ дочка княженецкая,
 Въ ручки въ ножки биты гвоздія желѣзныи.
 А тамъ во пещерахъ во змѣинныхъ

*) т. е. правована къ стѣнѣ руками врозь, — такъ объяснилъ Фепоновъ.

А не много ли не мало да двѣнадцать всѣхъ
змѣннышовъ;
А ѣ ^и прибылъ-то вѣдь Добрыня всѣхъ змѣннышовъ,
А ѣ снималъ онъ со стѣны да красну дѣвушку,
Приходилъ Добрыня на зеленый лугъ,
Бъ своему Добрыня коню доброму.
А ѣ садился вѣдь Добрыня на добра коня,
Пріѣзжаетъ-то Добрынюшка ко стольнему ко го-
роду ко Кіеву
А ѣ ко ласкову ко князю ко Владимиру,
А ѣ привозитъ князю дочку любимую.
А ѣ за тую-то за выслугу великую
Князь его нечимъ не жаловалъ.
Пріѣзжаетъ-то Добрынюшка во свой-отъ домъ,
А засталъ *) коня во стойлу лошадиную,
Наспалъ коню пшени да бѣлояровой.
А ѣ заходить-то Добрыня въ нову гобницу,
Эта тутъ Добрыня опочивъ держалъ.
Эта тымъ повѣдка та рѣшлася.

Записано тамъ же, 28 іюля.

60.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

(См. Рыбникова, т. II, 10).

Какъ изъ далеча было изъ чиста поля,
Изъ-подъ бѣлыя березки кудреастыи,
Изъ-подъ того ли сподъ кустичка ракитова,
А ѣ выходила-то турица златорогая,
И выходила-то турица со турятами,
А ѣ расходились турѣ да во чистомъ поли,
Во чистомъ поли туры да со турицою.
А ѣ лучилося турама да мимо Кіевъ градъ птти,
А ѣ видли надъ Кіевымъ чуднымъ чудно,
Видли надъ Кіевымъ дивнымъ дивно.
По той по стѣны по городовни
Ходитъ дѣвица душа красная,
А на рукахъ носить книгу Леванидову,
А не только читаетъ, да вдвой плаче.
А тому чуду туры удивились,
Въ чистое поле возвратились,
Сошлись, со турицей поздорѣвались:
«А ты здравствуешь турица наша матушка!»
— Ай здравствуйте туры да малы дѣтушки!

*) т. е. поставилъ.

— А гдѣ вы туры были, что вы видѣли? —
«Ай же ты турица наша матушка!»
«А ѣ были мы туры да во чистомъ поли,
«А лучилося намъ турама да мимо Кіевъ градъ
птти,
«А ѣ видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чудно,
«А ѣ видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ дивно:
«А по той стѣны по городовни
«Ходитъ-то дѣвица душа красная,
«А на рукахъ носить книгу Леванидову,
«А не только читаетъ, да вдвой плаче.»
Говоритъ-то вѣдь турица родна матушка:
— Ай же вы туры да малы дѣтушки!
— А ѣ не дѣвица плачетъ, да стѣна плаче,
— А ѣ стѣна-та плаче городова,
— А она вѣдаетъ незгодушку надъ Кіевомъ,
— А ѣ она вѣдаетъ незгодушку великую. —

А изъ-подъ той ли страны да сподъ восточныи
А наѣзжалъ ли Батыга сынъ Сергѣевичъ,
А онъ съ сыномъ со Батыгой со Батыговичемъ,
А онъ съ зятемъ Тараканчикомъ Корабликовымъ,
А онъ со чернымъ дьячкомъ да со выдумщикомъ.
А ѣ у Батыги-то силы сорокъ тысячей,
А у сына у Батыгина силы сорокъ тысячей,
А у зятя Тараканова силы сорокъ тысячей,
А у чернаго дьячка, дьячка выдумщика,
А той ли той да силы счѣту нѣтъ,
А той ли той да силы да вѣдь смѣту нѣтъ:
Соколу будетъ летѣтъ да на межѣнный долгій день,
А малю-то птички не облетѣтъ.
Становилась тая сила во чистомъ поли.
А по грѣху ли-то тогда да учинилось,
А ѣ богатырей во Кіевѣ не лучилося:
Святополкъ богатырь на святыхъ на горѣхъ,
А ѣ молодой Добрыня во чистомъ поли,
А Алешка Поповичъ въ богомольной сторонѣ,
А Самсонъ да Илья у синя моря.
А лучилося во Кіевѣ голъ кабацкая,
А по имени Василей сынъ Игнатѣвичъ.
А двѣнадцать годовъ по кабакамъ онъ гулялъ,
Пропилъ промоталъ все житѣ бытѣ свое,
А ѣ пропилъ Василей коня добраго,
А съ той ли-то уздицей тесмяною,
Съ тѣмъ сѣдомъ да со черкальскимъ,
А триста онъ стрѣлочекъ въ залогъ отдалъ.
А со похмѣлья у Василья головка болѣтъ,
Съ перепоею у Василья ретиво сердце шемить,
И нечимъ у Василья опохмѣлиться.
А ѣ беретъ-то Василей да свой туюгой лукъ,
Этотъ туюгой лукъ Васильюшко розривчатой,

Налагаетъ вѣдь онъ стрѣлочку каленую.
 А ѿ выходитъ-то Василей вонъ изъ Кіева,
 А стрѣлилъ-то Василей да по тѣмъ шатрамъ,
 А ѿ по тѣмъ шатрамъ Василей по полотнянымъ,
 А ѿ убилъ-то Василей три головушки,
 Три головушки Василей три хорошенькихъ:
 А убилъ сына Батыгу Батыговича,
 А убилъ зятя Тараканчика Корабликова,
 А убилъ чернаго дьячка, дьячка выдумщика.
 И это скоро-то Василей поворотъ держалъ
 А ѿ во столнѣй во славной во Кіевъ градъ.
 А это тутъ Батыга сынъ Сергіевичъ
 А посылаетъ-то Батыга да скорѣхъ пословъ,
 Скорѣхъ пословъ Батыга виноватаго пскать.
 А ѿ приходили-то солдаты каравульни,
 Находили-то Василѣя въ кабаки на печи,
 Приводили-то Василѣя ко Батыги на лицѣ.
 А ѿ Василей отъ Батыги извиняется,
 Низко Василей поклоняется:
 «Ай прости меня Батыга во такой большой вини!
 «А убилъ я три головки хорошенькихъ,
 «Хорошенькихъ головы что ни лучшенькихъ:
 «Убилъ сына Батыгу Батыговича,
 «Убилъ зятя Тараканчика Корабликова,
 «Убилъ чернаго дьячка, дьячка выдумщика.
 «А со похмѣля у меня теперъ головка болѣтъ,
 «А съ перепоею у меня да ретиво сердцѣ щемитъ.
 «А опохмѣль-ко меня да чарой винною,
 «А выкупи-ко мнѣ да коня добраго,
 «Съ той ли-то уздицей тесмяною,
 «А съ тѣмъ сѣдломъ да со черкальскимъ,
 «А триста еще стрѣлочекъ каленыхъ.
 «Еще дай-ко мнѣ-ка силы сорокъ тысячей,
 «Пособлю взять-плѣнить да теперъ Кіевъ градъ.
 «А знаю я воротца незаперты,
 «А незаперты воротца незаложены,
 «А во славный во столнѣй во Кіевъ градъ.»
 А на ты ласѣ Батыга приукинулся,
 А выкупилъ ему да коня добраго,
 А съ той ли-то уздицей тесмяною,
 А съ тѣмъ сѣдломъ да со черкальскимъ,
 А триста-то стрѣлочекъ каленыхъ.
 А наливаетъ ему чару зеленá вина,
 А наливаетъ-то другую пива пьянаго,
 А наливаетъ-то онъ третью мѣду сладкаго,
 А слилъ-то эти чары въ единѣ мѣсто.
 Стала мѣрой эта чара полтора ведра,
 Стала вѣсомъ эта чара полтора пуда.
 А принималъ Василей единѣю рукой,
 Выпиваетъ-то Василей на единный духъ.
 А крутешенько Василей поворачивалсе,

Веселешенько Василей поговаривае:

«Я могу теперъ, Батыга, да добрымъ конѣмъ вла-
 дать,
 «Я могу теперъ, Батыга, во чистѣмъ полѣ гулять,
 «Я могу теперъ, Батыга, вострой сабелкой махатъ.»
 И далъ ему силы сорокъ тысячей.
 А выѣзжалъ Василей во чистѣ полѣ
 А за ты этѣ за лѣсушки за тѣмные,
 А за ты этѣ за горы за высокіе,
 И это началъ онъ по силушкѣ поѣзживатѣ,
 И это началъ вѣдь онъ силушки порубливатѣ,
 И онъ прибилъ прирубилъ до единой головѣ.
 Скоро тутъ Василей поворотъ держалъ.
 А приѣзжаетъ тутъ Василей ко Батыги на лицѣ,
 А ѿ съ добра коня Васильюшка спускается,
 А низко Василей поклоняется,
 Самъ же онъ Батыгѣ извиняется:
 «Ай прости-ко ты Батыга во такой большой вини!
 «Потерялъ я вѣдь силы сорокъ тысячей.
 «А со похмѣля у меня теперъ головка болѣтъ,
 «Съ перепоею у меня да ретиво сердцѣ щемитъ,
 «Помутились у меня да очи ясныя,
 «А подрожало у меня да ретиво сердцѣ.
 «А опохмѣль-ко ты меня да чарой винною,
 «А дай-ко ты силы сорокъ тысячей,
 «Пособлю взять-плѣнить да я Кіевъ градъ.»
 А на ты ласѣ Батыга приукинулся,
 Наливаетъ вѣдь онъ чару зеленá вина,
 Наливаетъ онъ другую пива пьянаго,
 Наливаетъ вѣдь онъ третью мѣду сладкаго,
 Слилъ эти чары въ единѣ мѣсто.
 Стала мѣрой эта чара полтора ведра,
 Стала вѣсомъ эта чара полтора пуда.
 А принималъ Василей единѣю рукой,
 А выпивалъ Василей на единный духъ,
 А ѿ крутешенько Василей поворачивалсе,
 Веселешенько Василей поговаривае:
 «Ай же ты Батыга сынъ Сергіевичъ!
 «Я могу теперъ, Батыга, да добрымъ конѣмъ вла-
 дать,
 «Я могу теперъ, Батыга, во чистѣмъ полѣ гулять,
 «Я могу теперъ, Батыга, вострой сабелкой махатъ.»
 А далъ ему силы сорокъ тысячей.
 А садился Василей на добра коня,
 А выѣзжалъ Василей во чисто полѣ
 А за ты этѣ за лѣсушки за тѣмные,
 А за ты этѣ за горы за высокіе,
 И это началъ онъ по силушкѣ поѣзживатѣ,
 И это началъ вѣдь онъ силушки порубливатѣ,
 И онъ прибилъ прирубилъ до единой головѣ.
 А розгорѣлось у Василѣя ретиво сердцѣ,

А ѿ размахалася у Василя ручка правая.
 А ѿ приѣзжаетъ-то Василей ко Батыги на лицо,
 И это началъ онъ по силушки побѣзживать,
 И это началъ вѣдъ онъ силушки порубливать,
 А онъ прибилъ прирубилъ до единой головы.
 А ѿ тотъ ли Батыга на уходъ пошолъ,
 А ѿ бѣжить-то Батыга запинается,
 Запинается Батыга закинается:
 — Не дай Боже, не дай Богъ да не дай дѣтямъ
 моймъ,
 — Не дай дѣтямъ моймъ да моймъ внучатамъ
 — А во Києви бывать да вѣдъ Києва видать! —

А ѿ чистыи поля были ко Опскову,
 А широкій роздольица ко Києву,
 А высокія-ты горы Сорочинскіи,
 А церковно-то строенье въ каменнѣи Москвы,
 Колокольнѣи-отъ звонъ да въ Новѣ-городѣ,
 А ѿ тѣртія колачкии Валдайскія,
 А ѿ щипливыи щеголиви въ Ярославѣи городѣ,
 Дешѣвыи поцѣлуи въ Бѣлозерской сторонѣ,
 А сладкии напиткии во Питери,
 А мхи-ты болота ко снѣгу морю,
 А щельѣ каменѣ ко сѣверикѣ,
 А широкіи подоли Пудожаночки,
 А ѿ дублѣны сарафаны по Онѣги по рѣкѣ,
 Толстобрюхія бабенки Лѣшмозѣрочки,
 А ѿ пучеглазья бабенки Пошозѣрочки.
 А Дунай Дунай Дунай,
 Да болѣ пѣть впередъ не знай *).

Записано тамъ же, 28 іюля.

61.

НАЪЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ.

А ѿ на панови да на уланови (такъ)
 Тамъ жило было два Ливкиа,
 Боролевскіихъ да два племянника.
 Они думали да думу крѣпкую,
 Они хочуть ѣхать во святую Русь,
 А ѿ во матушку да каменнѣи Москву,
 Къ молодому князю Роману Митрѣевичу,

* Последніе стихи суть, по замѣчанію сказителя, «выбылице», которую старый каліка Мѣщаниновъ — учитель Фелловова — пѣвалъ послѣ этой былины.

А ѿ къ ему да на почестный пирь.
 А ѿ приходять-то они къ свѣому дядюшкѣ,
 Чѣмбалъ королю земли литовскіе:
 «Ахъ ты дядюшка да нашъ Чѣмбалъ король,
 «А ѿ Чѣмбалъ король земли литовскіе!
 «Ужъ ты дай-ко намъ теперь прощеньицо,
 «Ахъ ты дай-ко намъ да благословеньицо, —
 «Хочемъ ѣхать мы да во святую Русь,
 «А ѿ во матушку да каменнѣи Москву,
 «А ѿ ко тому ко князю Роману Митрѣевичу,
 «А ѿ къ ему-то ѣхать на почестный пирь.»
 Говорить имъ дядюшка Чѣмбалъ король,
 А ѿ Чѣмбалъ король земли литовскіе:
 — А ѿ да рѣдныи мои племяннички!
 — А ѿ не дамъ я вамъ теперь прощеньица,
 — А ѿ не дамъ я вамъ да благословеньица,
 — Это ѣхать вамъ да на святую Русь.
 — Еще кто жъ ѣзжалъ да на святую Русь,
 — А ѿ счастливыи съ Русси да не выѣзживалъ. —
 Не послушали они свѣою дядюшкѣ,
 А ѿ уздали вѣдъ сѣдали да добрыхъ коней,
 Обкольчужились скоро, облатились,
 А ѿ садлисе они да на добрыхъ коней,
 Приѣзжали-то они да во святую Русь.
 Наѣзжали-то въ Русси оно первое село,
 А первое село да Ярославское,
 А ѿ первое село да прекрасное;
 А ѿ во томъ сели да было три церкви,
 А ѿ было три церкви три соборныхъ.
 Они жили были да пограбили,
 Это-то село да огню придали.
 А ѿ наѣзжали въ Русси да второе село,
 А ѿ второе село Катеринградское,
 Превеликое село да прекрасное;
 А во томъ сели да было шесть церквей,
 Было шесть церквей да шесть соборныхъ.
 Они жили были да пограбили,
 Это-то село да все огнемъ пожгли.
 Наѣзжали во Русси да третье село,
 А третье село да Косоульское,
 А это-то село да превеликое,
 Превеликое село да прекрасное;
 А ѿ во томъ сели было девѣтъ церквей,
 А ѿ девѣтъ церквей было соборныхъ.
 Они жили были да пограбили,
 А это-то село да все огнемъ пожгли,
 Положили млѣду полоненочку,
 А млѣду Настасью да вѣдъ Митрѣевичу,
 Со тымъ младенцемъ двоумѣсячнымъ;
 Увезли далече во чистѣ поле
 За быстру рѣку да за Смородину.

Во чистомъ поли столбы розставили,
 На столбы шатры оны роздернули,
 Это тутъ-то молодцы да опочивъ держать,
 А ѣ не много ли не мало столько шесть-то дней.
 Какъ изъ дѣлеча далѣча изъ чистѣ поля
 Налетала мала птица, пѣвчій заворобочокъ (*такъ*),
 А садился онъ ко князю во зеленый садъ,
 А въ саду побѣть онъ выговаривать:
 «Ай ты молодой князь Романъ Митріевичъ!
 «Бшь ты пьешь да проклаждаешься,
 «Надъ собой ты вѣдь незгодушки не вѣдаешь.
 «Во твою-то во святую Русь

«А ѣ пріѣхало-то два поганихъ два Ливика,
 «Королевскіи да два племянника;
 «Наѣзжали-то въ Русі они первѣ село,
 «Оны жили были да пограбили,
 «Оны то село да вѣдь огнѣмъ пожгли;
 «Наѣзжали-то въ Русі они вторѣ село,
 «Оны жили были да пограбили,
 «Оны то село да вѣдь огнѣмъ пожгли;
 «Наѣзжали-то въ Русі они третѣ село,
 «Оны жили были да пограбили,
 «Это-то село да вѣдь огнѣмъ пожгли,
 «А полонили мѣду полоненочку,
 «А ѣ твою-то родиму сестру
 «Со тымъ младенцемъ двоумѣсячнымъ,
 «Увезли-то вѣдь далече во чисто поле,
 «За быстру рѣку да за Смородину.»

А ѣ закручинился тутъ князь да запечалился
 Еще той тоской печалью онъ великою.
 А хватилъ-то онъ ножищо да кинжалыщо,
 Кинулъ онъ ножищо во дубовой столъ,
 Пролетѣло тутъ ножищо скрозъ дубовой столъ,
 Скрозъ дубовой столъ, сталѣ въ кирпичный мостъ:
 — Не дойдеть-то имъ пенкамъ да надсѣхатисе. —

А ѣ собираеть-то онъ силы равво три полку,
 Равво три полку да вѣдь трытысячныхъ.
 Поѣзжаетъ тутъ вѣдь князь да Романъ Митріевичъ

А ѣ со своей со дружиной со хороброю
 А ѣ во далѣчо далѣчо во чисто полѣ.
 Первая дружина да ѣдятъ-то пьютъ нападкою*),
 Вторая-то шоломомъ роскатнымъ*),
 Третья дружина ѣли столѣмъ скатертью.
 Пріѣзжае князь да ко быстрой рѣкѣ,
 Ко быстрой рѣкѣ да ко Смородинѣ;

*) *Нападкою* — напидываясь на пищу п патье, какъ животныя, безъ помощи рукъ; *шоломомъ роскатнымъ* — розважившись въ лежачемъ положеніи: такъ объяснилъ пѣвецъ.

А ѣ вырѣзывать-то онъ да три жеребья,
 А три жеребья вырѣзывать три липовыхъ;
 А ѣ спущаль-то онъ да первы жеребья
 На быстру рѣку да на Смородину:
 А которы-то ѣли пили да нападкою,
 Ты жеребья да каменѣмъ ко дну, —
 А ѣ той-то дружины да убитой быть.
 А ѣ спущаеть онъ-то вторы жеребья
 На быстру рѣку онъ да на Смородину:
 А которы-то ѣли шоломомъ роскатнымъ,
 Ты жеребья да дны внизь быстринь, —
 Это тая-та дружина буде во полонъ взята.
 А спущаль-то онъ вѣдь треты жеребья:
 А которы-то ѣли столѣмъ скатертью,
 Ты-ты вѣдь жеребья встрѣчу быстринь, —
 Это тая-то дружина да весьма храбра.
 А двѣ этѣ дружины оставляетъ тутъ,
 Третью-ту дружину за собой беретъ.
 Выѣзжали оны скоро во чисто полѣ;
 Говоритъ тутъ младый князь Романъ да Митріевичъ:

— Ай же вы дружинуска хоробрая!
 — А вы слушайте-тко большаго вотамана,
 — А и дѣлайте вы дѣло повелѣное:
 — А и закрывитъ какъ черны воронъ на сыромъ дубу.
 — На сыромъ дубу да во первой наконъ,
 — А ѣ вы ѣшьте тогда вы кушайте;
 — А закрывитъ черной-то воронъ на сыромъ дубу,
 — На сыромъ дубу да во второй наконъ,
 — Вы уздайте сѣдлайте да добрыхъ коней;
 — А закрывитъ-то черны воронъ на сыромъ дубу,
 — На сыромъ дубу да во третей наконъ,
 — А вы ѣдте ко шатрамъ бѣлополотнянымъ,
 — А ѣ возьмите вы берите да вы Ливиковъ,
 — Королевскіихъ возьмите вы племянниковъ. —
 А самъ онъ обернулся да сѣрымъ волкомъ,
 Это началъ онъ вѣдь по полю побѣгивать,
 Это началъ онъ по чистому порыскивать,
 Прибѣгалъ-то онъ вѣдь близко ко бѣлу шатру.
 Заходилъ скорѣ во стойлы лошадины,
 У добрыхъ коней головочки поотрывать,
 По чисту полю головочки порѣскидалъ.
 Обернулся князь-то добрымъ молодцомъ,
 Заходилъ-то въ кладовыи оружейныя,
 А у оружьцовъ замочки повывертѣлъ,
 По чисту полю замочки порѣскидалъ.
 Обернулся бѣлымъ малынымъ горносталѣмъ.
 У тугихъ луковъ тетивочки повыщелкалъ.
 Это началъ по шатру да онъ побѣгивать,
 Этотъ весь шатѣръ да сталъ продагивать;

Двоумѣсячный младенчикъ проязычился:
 «Маменька, маменька, не мой ли-то дяденка,
 Твой братецъ по бѣлу шатру побѣгивать,
 «Пно бѣлъ-то шатерь да весь продрагивать?»
 Услыхали эти рѣчи да вѣдь Ливики,
 Начали горносталя поганивать,
 Соболиной ёго шубонькой закидывать,
 А прикинули вѣдь шубой соболиною, —
 А повискочили сподъ шубы соболиныи,
 А скочилъ-то онъ тогда да на окошечко,
 Со окошечка скочилъ да за окошечко.
 Обвернулся онъ тогда да чернымъ борономъ,
 А й садился-то онъ да на сѣрой дубъ;
 Закрычалъ-то воронъ во первой наконъ,
 А во пѣрвый-то наконъ да на сыромъ дубу.
 Говорять-то поганьи-ты Ливики:
 — Ай не кричи-тко ты черной воронъ да на
 сыромъ дубу!
 — А поберемъ-то вѣдь мы нонь туги луки,
 — А й пострѣлимъ мы тебя да черна ворона,
 — А мы кровь твою-ту пробьемъ по сырѣ дубу,
 — А мы перье-то распустимъ по чистѣ полю! —
 А й закричалъ тутъ вранъ да на сыромъ дубу,
 А й на сыромъ дубу да во второй наконъ.
 Говорять-то вѣдь тутъ Ливики таково слово:
 — Ай не кричи-тко ты черной воронъ да на
 сыромъ дубу!
 — А й поберемъ-то мы теперь свои оружища,
 — А й пострѣлимъ мы тебя да черна ворона,
 — А мы кровь твою-ту пробьемъ по сырѣ дубу,
 — А мы перье-то распустимъ по чистѣ полю! —
 А й закричалъ тутъ вранъ да во третей наконъ, —
 Назъжае тутъ дружинишка хоробрая.
 Это тутъ-то Ливики вѣдь испугалися
 А за тугіе-ты луки да захватилисе, —
 А у тугихъ луковъ тетивочки пощолканы,
 По чистѣ полю тетивочки роскиданы;
 А бѣжали дни скоро въ оружейную,
 А у оружищевъ замочки отверчены,
 По чистѣ полю замочки роскиданы;
 А бѣжали тутъ во стойлу лошадиную,
 А тутъ у ихъ кони безъ головъ стоятъ.
 А слушался онъ да изъ сыра дуба,
 Обвернулся онъ да добрымъ молодцомъ.
 А вимали дни тутъ поганыхъ Ливиковъ,
 А у большого-то руки сломали, глаза выкопали,
 А у меньшого сломали рѣзвыи ноги до гузна,
 А й посадили тутъ-то меньшого на большого,
 А отпустили-то да ихъ во свою сторону.
 Записано тамъ же, 28 іюля.

ПТИЦЫ И ЗВѢРИ *).

А й отчего-те зима да зачаласе,
 А и красно лѣто состоялось?
 Зачалася зима да отъ мороза,
 А и красно лѣто отъ солнца,
 А й богатая осень отъ лѣта.
 И по тѣя-то осени богатой
 Вылетала малая птица,
 А и малая птица пѣвица;
 Садилася въ зеленѣ садочку,
 А на тое на дерево калино (*такъ*),
 А и начала пѣти, жупѣти,
 Всякими она-те ясаками.
 А й услышали русьскія птицы,
 Сбиралися стады они стадами,
 Прилетали къ зеленѣ садочку,
 А й садилися птицы рядами,
 Въ одну сторону да головами;
 А начали пѣти, жупѣти,
 Заморскую птицу пытаги:
 «Ай малая птица пѣвица!
 «Скажи Божью правду, не утайсе:
 «Кто у васъ за моремъ большій,
 «Кто за дунаечкимъ меньшіи?»
 А отвѣтъ держитъ птица пѣвица:
 — Глупыи вы русьскія птицы!
 — А зачѣмъ же сюда да прилетали,
 — Зачѣмъ про синѣ морѣ спрашали?
 — Всѣ у насъ за моремъ большій,
 — Всѣ за дунаечкимъ меньшіи.
 — А й крестьяна у насъ по деревнямъ,
 — А десятски у насъ по селеньямъ,
 — А й старосты у насъ по волостямъ,
 — Пош дѣяки у насъ по погостамъ,
 — Старцы игумны въ манастѣрахъ,
 — Подъячіе люди по присутвамъ,
 — А гости торговли по посадамъ.
 — Воеводы живутъ у насъ по мызамъ,
 — Солдаты идуть по походамъ,
 — Цари да царствуютъ по царствамъ,
 — А всѣ ль-то у насъ они по службамъ,

*) Эта «старинка» отличается какъ особымъ размѣромъ, такъ и тѣмъ, что пѣвецъ въ ней неоднократно протягиваетъ буквы э и е, произнося вмѣсто э-ра почти ы, вмѣсто е-ра почти и. Вездѣ, гдѣ онъ это дѣлалъ, надъ буквами э и е поставлена черточка. Чтобы при томъ быть вполне точнымъ, собиратель, записавъ настоящую «старинку», заставилъ Фенова еще три раза повторить ее.

— Всѣ ль-то у насъ и по роботамъ.
 — А еще бы за дунаецкимъ моремъ
 — Бѣлой-отъ колпикъ *) былъ царикъ,
 — Бѣлая колпика царица.
 — А гуси-ты на моріи бояра,
 — Лебеди боярицкія жены,
 — Соловей при нихъ веселѣи
 — Во всякія игры играеть,
 — Все вѣдь онъ бояръ и спотѣшаеть.
 — Воробыи боярски холопы,
 — Коля жердьѣ да роботали,
 — Крестьянски конюшя разбивали,
 — Оттого сыты пребывали.
 — А голубчик-отъ на мори попикъ,
 — Голубушка-та была попадѣюшка,
 — А ѣи косачей дьячки церковны,
 — Тетѣрки-ты дьяческія жѣнки,
 — Куликъ понамарь церковной.
 — А травник-отъ былъ протаможникъ **),
 — А терпукъ-отъ былъ вѣдь трапезникъ.
 — А канюк-отъ былъ чѣловальникъ,
 — Рябчик-отъ на мори стряпчей.
 — А ластушки красны дѣвцы,
 — Утки да были молодцы,
 — Селезень гостѣи торговой;
 — А ѣи по синему морю вѣдь онъ плаваеть,
 — Всякими товарами торгуеть.
 — Чайки-ты были водолавы,
 — Гагары-ты были рыболовы,
 — А съ озера въ озеро ныряли,
 — Всяку оны рыбу добывали;
 — На горы ***) ихъ рыба не бывала,
 — А въ торгѣ ихъ рыбы не видали,
 — Крестьяна ихъ рыбы не ѣдали.
 — А журавль-отъ былъ перевозчикъ;
 — По синему морю вѣдь онъ бродить,
 — Русскія птицы перевозить,
 — Цвѣтнаго платія не мочить.
 — Галици были черницы,
 — Черныя вранѣ да глѣмѣцъ,
 — А жстрѣбъ былъ и атаманомъ,
 — А филин-отъ татѣ да разбойникъ.
 — Сокол-отъ скорыи посланникъ,
 — Орѣд-отъ на мори налетникъ;
 — Единожды въ годѣ прелетаетъ,
 — А велику себѣ дань собираетъ, —

*) Фепоновъ не умѣлъ объяснить хорошевно, что это за птица, но говорилъ въ видѣ догадки, что это должно быть какая-то птица «подорожникъ», являющаяся зимовать въ Прионежье. У сербовъ-лужичанъ колыи значитъ лебедь. **) т. е. таможенный чиновникъ. ***) т. е. на сушѣ.

— По три головѣи да по четыре,
 — Иногда по цѣлому десятеу.
 — А мошник-отъ *) на мори крестьяншѣ,
 — Коппала **) крестьянскія жѣнка.
 — А синька блядѣ полежлива;
 — Часто лежитъ она хвораеть,
 — Долго она не пропадаеть,
 — Роботы роботатъ она можетъ,
 — Казака нанять она не смислитъ.
 — Дрозд-отъ у ней казаченко,
 — День-то онъ ночи роботаеъ,
 — Гроша онъ найму да не видаеъ.
 — Кокуша ***) побѣдна горюша;
 — Много она ѣицъ выкладаетъ,
 — А счоту во ѣицахъ не знаеть,
 — Дѣтей выводити не умѣеть.
 — Куропать бобыль безпомѣстной;
 — Штаники онъ носитъ съ напусками,
 — Изъ куста во кустѣ перебродитъ,
 — Помѣстья себѣ да не имѣеть.
 — Дятель-отъ на мори плѣтчикъ,
 — Желна-та церковной строитель;
 — По темному лѣсу летаетъ,
 — Всяко она дерево пятаеть,
 — Церкви соборы роботаеть.
 — Сорока кабацкая жѣнка;
 — Черныя чѣботы держала,
 — Съ ножки на ножку скакала,
 — На груди подошвы подымала,
 — Молодыхъ ребятъ приманяла;
 — Безъ колача да ѣсть не садеть,
 — Безъ молодца да спать не ляжетъ;
 — Пѣшь же она курва не ходитъ,
 — Всѣ ль-то ѣдѣ на подводахъ,
 — А пара ѣи кѣней воронныхъ,
 — Извоички ребята молодцы.
 — Ворона-та на мори бабва;
 — Когти толстыи грязныи,
 — Порядню-ту водить худую.
 — Пѣтухи казаки донскіи, —
 — То-то молодцы да удалыи;
 — По многу жѣнѣи онѣи содѣржатъ,
 — По три жѣнѣи да по четыре,
 — Иной до цѣлаго десятка,
 — А всѣхъ нарядити онъ умѣеть,
 — Всѣма розрядити разумѣеть,
 — Не такъ какъ на Руси ѣи мужа
 — Одна ѣго бажоная жѣнушка, —

*) т. е. глухой тетеревъ. **) Самка глузого тетерега. ***) т. е. кукушка.

- И той нарядить онъ не умѣтъ,
- На роботу разрядить не разумѣтъ.
- А курица послѣдняя птица;
- Бто ни ея да помнѣтъ
- Всякой въ дырѣ да ковчѣтъ,
- Все изъ яйца бѣднѣ пытѣтъ,
- Любимымъ затевѣямъ и припасѣтъ.

—

- Левъ-тотъ на мори мясникъ былъ,
- Медвѣдъ-отъ былъ кожедѣрникъ;
- Много онъ кожѣ придираѣтъ,
- Сопоговъ на ногахъ не выдаѣтъ.
- Волкъ-тотъ на мори овчинникъ;
- Много онъ овчинѣ придираѣтъ,
- А ѣ шубы онъ на плечахъ не выдаѣтъ,
- Велику себи стужу принимаѣтъ.
- Олень-отъ сворны посланникъ,
- Зайко-то на мори калачникъ,
- А ножки тонѣньки бѣлѣньки,
- Калачики пекѣтъ онъ и мяконьки.
- А лица молада молодца;
- Дологъ хвостъ — и не наступитъ,
- Здѣлаѣтъ вину — она не скажѣ.
- А собака-та зла луха свекрова;
- День она ночи варайдѣтъ,
- Дѣла никакова не скажѣтъ.
- А ѣ кошки этѣ были вдовицы,
- То-то сироты да бобылицы;
- Днѣмъ кошкѣ лежѣ по печкамъ,
- Ночью пойдутъ по добычкамъ,
- А кривочки горшочекъ открывають,
- Безъ ложки сметанѣу снимають,
- За то же ихъ бьютъ и безпощадно. —
- А всѣмъ молодцамъ былъ и роспускъ,
- Всѣмъ удалымъ былъ и розѣздъ:
- Браснымъ дѣвѣцамъ по терѣмамъ,
- А ѣ молодымъ молодцамъ былъ по лавкамъ,
- А молодымъ молодцамъ по скамейкамъ,
- Старымъ старикамъ и по полатамъ,
- Старымъ старушкѣамъ по печкамъ.
- То-то старуха на печки,
- То-то старухи надобства, —
- Бривка овсянаго тѣста.
- А ѣа бы старуха, молчала,
- Молчала бы старуха, не ворчала... тпру.

Записано тамъ же, 29 июля.

XIV.

ПОТАПЪ АНТОНОВЪ.

Потапъ Трофимовичъ Антоновъ, крестьянинъ дер. Гагарки Шальскаго погоста, бодрый старикъ, лѣтъ подь 70 отъ роду, занимающийся земледѣлемъ и рыболовствомъ. Были-намъ онъ выучился отъ своего дѣда, крестьянина, умершаго 97-ми лѣтъ, а дѣдъ, въ свою очередь, перенялъ ихъ отъ слѣпаго калики Мины Ефимова изъ Андомы (Вытегорскаго уѣзда), который много странствовалъ, ходилъ и въ Москву и тамъ, по увѣренію Антонова, научился «старинамъ» *). Этотъ Мина пользовался особеннымъ уваженіемъ своею мудростію; самъ Антоновъ помнитъ его въ дѣтствѣ; умеръ онъ лѣтъ 60 тому назадъ. Потапъ Антоновъ сдѣлался извѣстенъ г. Рыбникову, для сборника котораго писарь, служившій при мѣстномъ исправникѣ, записалъ съ его словъ нѣсколько былинь. По какой-то ошибкѣ онъ при этомъ названъ Потапомъ Потахнинымъ.

63.

СУХМАНЪ.

Было во славномъ во городѣ во Києви,
У ласкова князя у Владиміра,
Заводился у него-то тутъ почестной пиръ.
На томъ на пиру у Владиміра
Были князи вѣдъ тутъ, вси вѣдъ бѣяра,
А вси сильни могучи вси богатыри;
А сидитъ во саможъ-то во большомъ углу
А Сухманъ да сидитъ сынъ Долмантьѣвичъ.
Вси князи оны вси тутъ бѣяра,
Сильнии могучи богатыри,
Ѣдятъ-то, пьютъ, вси-то кушаютъ
И бѣлую лебедь оны рушаютъ.
Молодой Сухманъ сынъ Долмантьѣвичъ
Онъ не ѣсть, не пьетъ, самъ не кушаетъ,
Бѣлой лебеди самъ не рушаетъ,

*) Если Мина Ефимовъ звалъ былины, то конечно могъ ихъ почерпнуть скорѣе на родинѣ, въ Андомѣ, чѣмъ въ Москвѣ; но Москва, для крестьянина Прионежья, является мѣстомъ крайне отдаленнымъ и мало кому знакомымъ; поэтому, вѣроятно, и сложилось понятіе, что Мина, который ходилъ въ Москву, вынесъ оттуда свою премудрость.

Нечимъ молодець самъ не хвастаетъ.
 Згворить Владиміръ стольно-кїевской:
 «Что же ты, Сухманъ сынъ Долмантьевичъ,
 «Ты не ѣшь, ты не пьешь, ты не кушаешь,
 «Бѣлой лебеди самъ не рушаешь,
 «Ничимъ молодець самъ не хвастаетъ?»
 Воспрогворить Сухманъ сынъ Долмантьевичъ:
 — Ахъ же ты Владиміръ стольно-кїевской!
 — Дай-ко мнѣ времечки день съ утра,
 — День съ утра и какъ до вечера,
 — Мнѣ поѣздитъ Сухману нынѣ по заводамъ.
 — Привезу ти лебедушку живьемъ въ руки,
 — А на твои на пиръ княженецки,
 — На твои на столъ на дубови. —
 Даль ему времечки день съ утра,
 День съ утра и какъ до вечера.
 Поѣхалъ Сухманъ сынъ Долмантьевичъ;
 Онъ ѣздитъ день съ утра до вечера
 А по тихимъ глубовимъ по заводамъ,
 Не наѣхалъ ни на гуся ни на лебедя,
 Ни на сѣраго на малаго утѣнша.
 Проѣздитъ Сухманъ трои суточки,
 Приѣхалъ Сухманъ сынъ Долмантьевичъ
 Ко матушкѣ ко Нѣпрї рѣки;
 А у той ли у матушки Нѣпрї рѣки
 А стоитъ тутъ сила вѣдь-то малая, —
 Вода съ пескомъ возмутилася;
 Стоитъ за Нѣпрїю, за Нѣпрїю рѣкой
 А невѣрныи силы сорокъ тысячей,
 Мостятъ мосты все калиновыи,
 Ладятъ тутъ перейти черезъ ту Нѣпру,
 Ко тому ли ко городу ко Кїеву,
 Ко ласкову князю Владиміру,
 Ладятъ Кїевъ градъ какъ огнемъ пожгать,
 А Владиміра-того во полонъ-тотъ взять.
 Тутъ Сухманъ здогодается,
 А пошолъ Сухманъ за ту Нѣпру,
 Находилъ онъ дубиночку вязиночку,
 Въ долину какъ дубина девяти сажонъ,
 Въ толщину какъ дубина три обѣмени.
 Тутъ Сухманъ снаряжается, —
 За вершинку бралъ — съ кѣмля собѣ бѣжалъ.
 Сталъ по поганымъ показивать,
 По тою по силѣ по невѣрнымъ,
 Сталъ онъ дубиною помахивать,
 Убилъ онъ татаръ сорокъ тысячей;
 Со всихъ сторонъ дубину приушолвалъ онъ,
 Въ кровь онъ дубину приомаралъ тутъ.
 А изъ поганни изъ силы тутъ
 Осталосо только два татарина,
 А онъ отъ его ображался,

За тыя за кусты завалился.
 Пошолъ тутъ Сухманъ онъ во Кїевъ градъ
 Ко тому ли князю ко Владиміру.
 Говорить Владиміръ таково слово:
 «Что же долго ты ѣздитъ, Сухманъ, теперь?»
 «Ѣздитъ ты да трои суточки,
 «Привезъ ты ко мнѣ нынѣ лебедушку,
 «Обѣщался коѣ да живьемъ въ руки,
 «А ни сѣраго ни малаго утѣнша?»
 Отвѣтъ держитъ Сухманъ какъ тутъ,
 Отвѣтъ держалъ сынъ Долмантьевичъ:
 — Не до того мнѣ-ка нынѣ дѣялось.
 — Былъ я вѣдь нынѣ за Нѣпрїю рѣкой,
 — Увидалъ я силы сорокъ тысячей,
 — Той ли силы поганни,
 — Той ли силы все невѣрныи.
 — Они ладилъ тутъ какъ вѣдь Кїевъ градъ,
 — Кїевъ градъ какъ огнемъ пожгать,
 — А Владиміра тебя въ полонъ какъ взять. —
 А говорятъ князи вѣдь и бѣра
 А и сильни могучи богатыри:
 «Ахъ ты Владиміръ стольно-кїевской!
 «Не надъ нами Сухманъ насмѣхается,
 «Надъ тобою Сухманъ нарыгається,
 «Надъ тобою ли нынѣ какъ Владиміръ князь.»
 За тыя за рѣчи за похвальныи
 Посадилъ его Владиміръ стольно-кїевской
 Во тѣй погребѣ во глубокѣи,
 Во тѣй темниці темныи.
 Желѣзными плитами задвѣгали,
 А землѣй его призасѣпали,
 А травой его замуравили,
 Не много ли не мало лѣтъ-то на тридцать.
 Послали туда вѣдь-то ослѣдовать,
 Къ той ли ко матушки Нѣпрї рѣки,
 Старого казака Илью Муромца.
 А пошолъ старѣй казакъ Илья Муромецъ,
 Онъ пошолъ къ матушки Нѣпрї рѣки,
 А сталъ Илья какъ по силѣ показивать,
 По той ли силы онъ поганни,
 По той ли по силѣ все невѣрныи, —
 Онъ нашолъ тамъ дубиночку вязиночку,
 А лежитъ она межъ силы межъ поганюю,
 А лежитъ тая дубина девяти сажонъ,
 Въ толщину тая дубина три обѣмени,
 Со всихъ сторонъ дубина приушолвана,
 Въ кровь дубина приомарана.
 Пошолъ да старѣй онъ ко городу,
 Ко тому ко городу ко Кїеву,
 Увидалъ два татарина поганнихъ.
 Говорятъ тутъ татарини поганни:

— Ты куда калика пережаживашь,
 — Ты откуда идёшь, откуда путь держишь? —
 Воспроговори старой Илья Муромецъ: 12
 «Я иду вѣдь отъ города отъ Кіева,
 «Отъ ласкова князя Владиміра.»
 Говорятъ татарины поганни:
 — У васъ какъ вѣдь есть нынь во Кіевѣ
 — А богатырь старой Илья Муромецъ; 12
 — По многу заѣдать-то хлѣба къ выти онъ,
 — По многу ль выпивать питья медвянаго? —
 Говоритъ Ильюша таково слово:
 «У насъ какъ было нынь во Кіевѣ,
 «У ласкова князя Владиміра,
 «Бѣтъ хлѣба по колачику крупивчату,
 «Запивае стаканчикомъ медвяннымъ.»
 — То тутъ у Ильюши вѣдь не сила есть.
 — Какъ мы есть поганы татарова.
 — Ъдимъ хлѣба къ выти по печи печенаго, 12
 — По ушату пьемъ водоносныхъ. —
 Воспроговори Илья тутъ вѣдь Муромецъ:
 «У насъ было во городѣ во Кіевѣ,
 «При ласковомъ князи Владиміри,
 «Корѣвищо была обжорищо, —
 «Она много ѣла, вино пила тутъ,
 «Нынѣ вся она теперь перелопала.»
 Тутъ татаринамъ поганымъ не къ лицу пришло,
 Выскакали со шатра полотнянаго,
 Кинули въ Ильюшу ножищо, они тутъ.
 Попало тутъ во дверь во дубовую,
 Выскочила тутъ и со липиньями.
 Взялъ Ильюша старой тутъ вѣдь Муромецъ
 Ключу свою онъ дорожную,
 А ударилъ ёнъ по татаровамъ, —
 Тутъ у татаринѣвъ души нѣту.
 Приходитъ старой Илья Муромецъ
 Ко городу ко тому ко Кіеву,
 Ко ласкову князю Владиміру,
 Отвѣтъ держалъ, выговаривалъ:
 «Правда Сухмана Долмантьѣвица,
 «Чѣмъ Сухманъ только хвастаетъ.
 «Быль-то я у Нѣпріи рѣки,
 «Видѣлъ силы поганой убитою,
 «Числомъ лежитъ сорокъ тысячей.
 «Межъ тима межъ поганима татарами
 «Увидѣлъ дубину девяти сажонъ,
 «Въ толщину дубина три обѣмевн,
 «Со всихъ сторонъ дубина приушолкана,
 «Въ кровь-ту дубина приомарана.»
 Згворитъ Владиміръ таково слово:
 — Ахъ же вы князи вы бѣра,
 — А вы сильни могучи вси богатыри!

— Выводите Сухмана со погребовъ,
 — Со тыхъ погребовъ со глубокіихъ, 12
 — А со тыхъ ли со тѣмницъ со тѣмныхъ. —
 Тутъ приходили князи бѣра,
 Сильни могучи богатыри;
 Траву-ту всю они тутъ вырвали, 12
 Землю изъ плиты вѣдь повырыли,
 Желѣзную плиту повыняли,
 Выводили Сухмана сына Долмантьѣвича
 Со тыхъ погребовъ со глубокіихъ,
 Со тыхъ ли со тѣмницъ со тѣмныхъ. 12
 Воспроговори ему вси князи бѣра:
 «Ахъ ты Сухманъ сынъ Долмантьѣвичъ!
 «За твои услуги великіи
 «Тебя пожалуетъ Владиміръ столень-кіевской
 «Золотою казной тебя долюбѣ, 12
 «Городами-то да съ пригородками,
 «Приселами-то да со приселками.»
 Выходитъ Сухманъ сынъ Долмантьѣвичъ
 Со тыхъ погребовъ со глубокіихъ,
 Со тыхъ ли со тѣмницъ со тѣмныхъ,
 Говоритъ Сухманъ таково слово:
 — А не честь хвала молодецкая
 — Братъ города съ пригородками,
 — Братъ присела да со приселками,
 — Братъ мнѣ безсчетна золота казна,
 — А моя есть смерть напрасная,
 — Отъ тыхъ отъ ранъ отъ великіихъ. —
 Выдергалъ онъ листочки макѣвни:
 — Протеки отъ ранъ отъ великіихъ,
 — Протеки Сухманъ рѣка ты кровавая! —

Записано въ Пудожѣ, 31 іюля.

64.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

И задумалъ Добрынюшка поѣхать ёнъ
 Ко той ли ко рѣчки ко Пучайни.
 Только проситъ Добрынюшка прощеньица,
 Только проситъ Добрыня благословеньица
 У родители свои какъ у матушки,
 У честной вдовы Офимьи Александровной:
 «Ужъ какъ дай-ко мнѣ-ка-ва прощеньицо,
 «Дай-ко мнѣ-ка благословеньицо,
 «Мнѣ съѣздить ко рѣчки ко Пучайни;
 «Надо въ той мнѣ рѣчкѣ покупатися,
 «Простудить мнѣ-ка нынь да тѣло нѣжное.»

Отвѣтъ держитъ да ко Добрынюшкѣ
 А его же вѣдь тутъ родна матушка:
 — Ахъ же ты чадо мое милое,
 — Молодой Добрынюшка Микитиницъ!
 — А тамъ вѣдь есть змѣя какъ тутъ поганая,
 — Тобѣ съѣсть Добрыня, поглотаетъ она. —
 Говоритъ Добрыня родной матушкѣ:
 «Не боюсь я змѣи топерь поганини.
 «Ужъ ты дашь мнѣ прощенья — поѣду я
 «А не дашь прощенья — поѣду я.»
 Только дала Добрынюшкѣ прощеньицо,
 Только дала Добрыни благословленьицо.
 А выходитъ Добрыня на широкъ дворъ,
 А беретъ въ руки уздицу тесмяную,
 На тѣло добра коня ѣнъ накладываетъ,
 Войлочкѣ да онъ накидываетъ,
 Сѣдлышко да онъ накладываетъ,
 Тое сѣдлышко ^{свои} окованое,
 А двѣнадцати подпругами подтягивалъ,
 Самъ ѣнъ подпругамъ приговаривалъ.
 Не прости были подпруги, — семи шелковъ,
 Не простого-то шолку, — шахтанскаго,
 Пряжечкѣ изъ мѣди изъ казанскѣи,
 Шпенечки изъ булата были желѣза сибирскаго.
 Съ собою беретъ онъ товарища
 Пѣтыку Михайла Ивановича.
 Во туги руки тугой быстрой лужь,
 Палицу беретъ онъ военную,
 А копьѣ-то беретъ да долгомѣрноѣ,
 Саблю ^{взѣмаетъ}-то вострую.
 Съѣлъ-то Добрыня на коня добраго,
 Поѣхали ко рѣкѣ ко Пучайнѣи.
 День-тотъ ѣдутъ не доѣдучись,
 А другой ѣдутъ не выдаучись,
 А на третій-то день доѣзжающись.
 А прѣхалъ Добрыня ко Пучай ко рѣкѣ,
 Останавливалъ коня на чистомѣ на поли,
 Привязывалъ коня да къ дубу сѣрому,
 Оставлялъ-то тутъ брата крестоваго,
 Пѣтыку Михайла Ивановича.
 Пошолъ-то Добрыня къ рѣчкѣ быстрой,
 Ко той ли-то ко рѣчкѣ ко свиринѣи,
 Скидываетъ съ сѣбя платѣ-то дорожноѣ,
 Розуваеъ сапожки зеленъ сафьянъ,
 Вынимаетъ съ буйной головы
 Шляпу свою да земли греческой,
 Скидываетъ рубашку миткалнвую,
 Штаники розуль ѣнъ со напускамѣи.
 Опустился Добрыня въ рѣчку быструю,
 Сквозь тую онъ струйку вѣдь пробѣгнулъ,
 Сквозь другу онъ тутъ повѣндрнулъ,

Сквозь третью онъ повыскачиль.
 И это тутъ вода въ рѣкѣ смутилася,
 Лютая змѣя ^{показалася} поразилася.
 Тутъ ^{перепался} братъ крестовнии,
 Пѣтыкъ Михайла сынъ Ивановичъ,
 Угналъ Добрыни коня добраго,
 Увѣзъ у Добрыни тугой быстрой лужь,
 Палицу увѣзъ ѣнъ военную,
 Копьѣ-то увѣзъ какъ долгомѣрное,
 Саблю увѣзъ ѣнъ вѣдь вострую.
 Одна осталася только шляпа греческа,
 Тая ли шляпа богатырская.
 Тутъ вѣдь выскакнвалъ со риченкѣ,
 Надѣвалъ ѣнъ платѣ свое скоро тутъ,
 Обувалъ ѣнъ сапожки зеленъ сафьянъ,
 Бралъ ѣнъ шляпу земли греческой,
 А махнулъ-то вѣдь какъ онъ на ту змѣю,
 А ѣи на тую змѣю на поганую,
 Отбилъ-то у змѣи онъ три хобота,
 Пропустилъ-то змѣи ^{ровъ} провъ горючую,
 А спѣшилъ-то змѣю да на сыру землю,
 Наступилъ-то змѣи да ножкой правою,
 А на тѣи наступилъ да ей на хоботы,
 Садилъ отсѣчь буйну голову.
 Тутъ-то змѣя ему смодилася,
 Нечестлива она ^{выидя} покорилася:
 — Ахъ же ты Добрынюшка Микитиницъ!
 — Не убей-ко змѣи меня до смерти нынѣ.
 — Я буду змѣя теби ^{покорная} покорная,
 — А я буду змѣя теби ^{повинная} повинная.
 — Спусти-ко ты змѣю да на своѣ волю,
 — А я буду сестра теби меньшая,
 — А ты будешь братъ да мнѣ-ка бѣльшии. —
 А на ты ласѣ Добрыня приукинулъ,
 Спустилъ-то змѣю да на своѣ волю.
 Тутъ-то змѣя подымалася
 Выше глѣсу того она стоящего,
 Ниже облака того вѣдь летааго,
 Полетѣла змѣя какъ ко Киѣву,
 Ко тому ли ко князю ко Владимиру.
 Тутъ пошолъ какъ Добрынюшка во свой-тотъ домъ;
 Сустыгала Добрыню нощка темная
 На тоѣмъ поли его на чистомѣ.
 Столбички розставилъ тоѣныи,
 Шатѣръ-тотъ ^{роздвинулъ} роздвинулъ подотвнянии,
 Тутъ-то Добрыня спать ложился онъ,
 На матушку ложился на сыру землю,
 На тую ложился ^{мураву} мураву траву.
 Спалъ тутъ Добрыня отъ вѣчера,
 Спалъ тутъ Добрыня до полуночи,
 Отъ полуночи спалъ ѣнъ вѣдь до утра.

Отъ крѣпкаго сна пробуждается,
 По утру ставалъ ѣнъ ранешенько,
 Умывался водою самъ бѣлешенько,
 Утирался позотѣншкѡмъ сушохоныѡ,
 Господу Богу помѡлплся,
 Въ сирую во землю поклѡнплся.
 Береть въ руки-то трубочку подзорную,
 Оглядѣлъ ѣнъ ко городу ко Кіѣву,
 Ко ласкову князю Владиміру.
 Летитъ-то тутъ змѣя поганая,
 А несѣтъ во когтяхъ дочку царскую,
 Царскую дочку княжецецкую.
 Тутъ-то Добрыня закручинился,
 Тутъ какъ Добрыня запечалился.
 Онъ приходитъ Добрыня во свой какъ домъ,
 Онъ садился на брусѡву нову лавочку,
 Онъ повѣсплѣ голову до самѡй зеницъ.
 Подходить къ ему рѡдна матушка,
 Она стала Добрынюшку выспрашивать,
 Она стала Добрынюшку вѣдѣивати:
 «О чемъ ты Добрынюшка кручинпшьяся,
 «О чемъ ты Добрынюшка печалишьяся?»
 А отвѣтъ держалъ Добрыня къ родной матушкѣ:
 — Не объ чемъ я Добрыня не кручинюся,
 — Не объ чемъ я Добрыня не печалуюся,
 — Только дай-ко мнѣ-ка матушка прощеньицо,
 — Только дай-ко мнѣ благословленьицо,
 — Мнѣ съѣздитъ ко городу ко Кіѣву,
 — Ко ласкову князю ко Владиміру;
 — У того князя какъ у Владиміра
 — А ѣй зачался пиръ да на двѣнадцатъ дѣнь,
 — Для князей ли пиръ какъ для бояровъ
 — А для сильныхъ могучихъ для богатырѣвъ. —
 Сѣлъ тутъ Добрыня на коня добраго;
 Скоро будучись Добрыня на чистѡмъ на поли,
 Приѣзжаетъ ко городу ко Кіѣву,
 Ко тому ко князю ко Владиміру,
 Ко тѣмъ стѣны городѡвыи,
 Ко тѣмъ ко башни углѡвыи.
 Прямо ѣхалъ Добрыня черезъ стѣну тутъ,
 Черезъ тую стѣну городѡвую,
 Черезъ тую башню углѡвую.
 Заѣзжаетъ Добрыня ко Владиміру на дворъ,
 Обсѣиваетъ слѣзаетъ съ коня добраго,
 Привязываетъ коня ѣнъ ко столбичку,
 Ко тому ли столбу ко точѣному,
 Ко тому ль кольцу золочѣному,
 Насыпаетъ ишени бѣлоаровы.
 Пошолъ-то вѣдѣ Добрыня во высѡкой домъ,
 Проходитъ ѣнъ во грѣденю столовую,
 Гдѣ стоятъ столы тамъ дубовыи,

Кладены скатерти шелкѡвыи,
 А уклады ѣствы сахарнѣи,
 А ѣй розставлены пѣтья медвяныи.
 Онъ крестъ тутъ клалъ по писанѡму,
 А поклѡны-ты ведеть по учѣному,
 На всѣ на четыре на стороны,
 Тому же Владиміру въ особиву.
 Ставаетъ Владиміръ на рѣзвѣи ноги,
 Говоритъ Владиміръ таково слово:
 «Ахъ же вы князи вы бояра,
 «А вы сильни могучи богатыри!
 «Ставайте зѣ-за стѡловъ вы дубовыихъ,
 «Зѣ-за тѣихъ за ѣстовъ вы сахарнѣихъ,
 «Зѣ-за тѣихъ за пѣтѣвъ вы медвяныихъ,
 «Вы берите-ко гостя нынѣ подѣ руки,
 «Садите вы гостя за стѡлъ какъ нынѣ,
 «За тѣи стѡлы его дубовыи,
 «За тѣи за ѣства за сахарнѣи,
 «А и за тѣи за пѣтѣ за медвяныи,
 «Проводите вы во мѣсто во большѡе,
 «Гдѣ ему мѣсто вѣдѣ полюбѣи.»
 А ставали князі тутъ вѣдѣ бояра,
 Сильни могучи вси богатыри,
 А вѣмали тутъ гостя вѣдѣ за руки,
 Проводили за стѡлы тѣи дубовыи.
 За тѣи за ѣствы за сахарнѣи,
 За тѣи за пѣтѣ за медвяныи,
 Наливали чару зелѣнаго вина,
 Другу наливали пива пьянаго,
 Третью наливали меду сладкаго.
 Принимаетъ Добрыня единѡй рукой,
 Выпиваетъ Добрыня единѣмъ духѡмъ.
 Ставаетъ Владиміръ на рѣзвѣи ноги,
 А приходитъ Владиміръ супротивъ стѡла,
 Самъ онъ говорилъ таково слово:
 «Ахъ же вы князи вы бояра,
 «А вы сильни могучи богатыри!
 «Кто у васъ ѣдетъ во Тугѣи-горы,
 «А во тѣи пещеры змѣинныи,
 «За моѣй-то вѣдѣ дочкой за царскою,
 «За моѣй-то дочкой государскою?»
 И какъ за тѣма стѡлами за дубовыма,
 За тѣми за ѣствами сахарнѣими,
 За тѣма за пѣтѣями медвяныма,
 Да никто ничего тутъ не спроговоритъ;
 Ни отъ большѣго, какъ ни отъ мѣньшого, —
 Зѣ-за того стѡла зѣ-за середнего
 Мѣньшой бояринъ Иванъ какъ тутъ,
 А по изотчѣнѣи какъ Карамышовичъ,
 Зѣ-за стѡла выходитъ зѣ-за середнего,
 Поклѡнплся къ Владиміру низешенько,

А ёнъ самъ згворилъ таково слово:
 — Послухай-ко Владиміръ столень-кіевской!
 — Изъ насъ некому ѣхать въ Тугі-горы,
 — А во тии пещеры змѣинни,
 — За твой-то за дочкой за царскою,
 — За твой-то дочкой княженецкою.
 — А я былъ теперь какъ у риценки,
 — А у той я рѣки да у Пучайныи,
 — А я видѣлъ какъ тамъ Добрынюшку,
 — Онъ какъ со змѣю тамъ ^{тутъ} поляковалъ,
 — А махнулъ на змѣю какъ шляпой греческой,
 — А отбилъ отъ змѣи-то онъ три хобота,
 — Пропустилъ-то змѣи какъ кровь горючую,
 — А спишь-то змѣю да на сыру землю,
 — Наступилъ-то змѣи какъ онъ на хоботы,
 — Ладилъ отсѣчь буйну голову, —
 — Это тутъ же змѣя возмолилася,
 — Нечестлива ему покорилася,
 — Называла его братомъ большимъ,
 — А ёна называлась сестрой мѣньшею.
 — Дакъ ему буде ѣхать во Тугі-горы,
 — Во тии пещеры во змѣинни,
 — За твой топри *) дочкой за царскою,
 — За твоей топри дочкой княженецкою. —
 И подходит Владиміръ стольно-кіевской
 Ко тому Добрыни близешенько,
 Говоритъ словце ему поскорѣшенько:
 «Ты послухай Добрыня сынъ Микитинецъ!
 «Я накинну на тя службу великую,
 «А я службу накинну не малую:
 «А ты съѣзди отъ города отъ Кіѣва,
 «Отъ того князя какъ отъ Владиміра,
 «А во тии во славыи Тугі-горы,
 «А во тии пещеры змѣинни,
 «За мой-то дочкой за царскою,
 «За мой-то дочкой княженецкою.»
 Ставалъ тутъ Добрыня на рѣзвѣи ноги,
 А выходитъ зъ-за стѣловъ дубовиныхъ,
 Зъ-за тнихъ за ѣстовъ зъ-за сахарниныхъ,
 Зъ-за тнихъ за питьевъ за медвяниныхъ,
 Господу Богу помолился самъ,
 Всѣмъ благодарность относилъ какъ онъ.
 Становилася Добрыня на своѣ мѣсто
 Осередь той полаты грановитиы,
 Топнулъ Добрыня ножкой правою,
 Тымъ ли онъ чоботомъ булатнимъ, —
 Весь шатѣръ тутъ шатается,
 Тии столы опрѣвѣдаются,
 Питья въ стоканахъ проливаются,

*) *Топри* — теперь.

А бояра со стульевъ повалилнсе,
 По тому мосту да побѣтилнсе.
 А выходитъ Добрыня на улицу,
 Къ своему коню приходитъ ко доброму:
 — Ахъ ты мой конь есте добрый,
 — А не знаешь топерь ты незгодушки!
 — А Владиміръ князь столень-кіевской
 — Онъ накиннулъ службу тяжѣлую. —
 Садилася Добрыня на коня добраго
 А поѣхалъ Добрынюшка во свой-отъ домъ.
 Становилъ коня да своя *(такъ)* добраго
 А во тую во стойлу лошадиную,
 Насыпалъ пшѣні бѣлоровыи.
 А приходитъ Добрыня въ свой какъ домъ,
 А садилася онъ какъ вѣдь на лавочку,
 Онъ повѣсилъ головку до самой зени,
 Самъ ёнъ кручинится, печалится.
 Подходить къ ему какъ родна матушка,
 Честна вдова Офимья Олександровна,
 Начала Добрыню выпрашивати,
 Ена начала Добрыню выѣдывати:
 «Ты объ чѣмъ нынѣ Добрынюшка кручиннишься,
 «Да объ чѣмъ ты Добрынюшка печалишься?
 «А ты былъ вѣдь Добрынюшка во Кіѣви,
 «А у ласкова князя у Владиміра,
 «А на томъ ты на пиру на почѣстномъ, —
 «Али мѣсто тебѣ было не полюби,
 «Али чара ли тебѣ не рядомъ пришла,
 «Не рядомъ пришла какъ ^{недочѣтн}а,
 «Али пьяница дуракъ въ глаза наплевалъ,
 «Али дѣвки-курвы насмѣялисе?»
 Згворитъ Добрыня таково слово:
 — Ай же ты родитель моя матушка,
 — А ты честна вдова Офимья Олександровна!
 — А вѣдь мѣсто было мнѣ-ка вѣдь полюби,
 — А й вѣдь чара ко мнѣ да всё рядомъ-то шла,
 — А й чара тая вѣдь-то почѣтна,
 — Пьяница дуракъ въ глаза не плѣвалъ,
 — Дѣвки-курвы не смѣялисе;
 — А накиннулъ Владиміръ столень-кіевской
 — На меня службу топерь тяжѣлую.
 — Надо съѣздить мнѣ-ка во Тугі-горы,
 — А во тии пещеры змѣинни,
 — За его-то за дочкой за царскою,
 — За его за дочкой княженецкою;
 — Дакъ объ томъ я Добрынюшка кручинюсе,
 — А объ томъ такъ Добрынюшка печалуюсь. —
 Говоритъ родитель ему матушка,
 Честна вдова Офимья Олександровна:
 «Не кручинися Добрыня, не печалуйся.
 «А ѣздилъ-то вѣдь твой вѣдь батюшко

«Во тии во славны во Туги-горы,
 «Во тии пещеры змѣинны,
 «Побиваль ѓнъ ту змѣю поганую.
 «Ты послухай-ко да меня матушки,
 «Честной вдовы Офимьи Александровной:
 «Ты поѣдешь теперъ да во Туги-горы,
 «А во тии пещеры во змѣинны,
 «Не бери-тко съ собой туга бѣстра лука,
 «Не бери-ко ты палицы военны,
 «Не бери-ко конья долгомѣрнаго,
 «Не бери-ко ты сабли съ собой вострою.
 «Дамъ теби плеточку семи шелковъ;
 «Этой плеточкой будешь помахивать;
 «А еще дамъ я тебѣ тальянской платъ,
 «А рука твоя правая призмащется,
 «Свѣтъ со глазъ какъ потеряется,
 «Тебя станетъ змѣя она погаскивать,
 «Станетъ люта́я тебя погаскивать,
 «Ты возьми-тко нынѣ свой тальянской платъ,
 «Поводи по тому лицу по бѣлому,
 «А утри-тко свои тии очи ясныи,
 «Будешь лучше стараго да лучше прежнаго.
 «Поводи коня да по толстымъ рѣбрамъ
 «Тымъ платкомъ ты тальянскимъ,
 «Тогда здымай ты ручку свою правую,
 «А махни плетью да ты шелковою, —
 «Ты сложонишь змѣю-ту на сыру землю,
 «Оторвешь у змѣи вѣдъ шесть хоботовъ,
 «Придаешь змѣи смерть ты вѣдъ скорую.»
 Это съѣлъ Добрыня коня добраго (такъ),
 Онь поѣхалъ Добрыня во тии оны
 А во тии славны да во Туги-горы,
 Во тии пещеры да во змѣинны;
 Ъхалъ Добрынюшка двѣдцать дѣнь,
 Обѣда Добрыня не обѣдывалъ,
 Только колачиномъ Добрыня загусывалъ.
 На тринадцатый день доѣзжаетъ онъ
 А во тии во славны во Туги-горы,
 Въ тии пещеры змѣинны,
 А ко тымъ вѣдъ ѓнъ ко Тугимъ-горамъ.
 А и то змѣи какъ не случилось
 А во тыхъ во славныхъ во Тугихъ-горахъ,
 А во тыхъ ли во пещерахъ во змѣинныхъ;
 Только тамъ сидитъ одна дочка царская,
 Царская дочка княженецкая.
 Глядитъ Добрыня во чисто полѣ,
 А лѣтитъ змѣя тутъ поганая,
 Во когтяхъ несетъ да тѣло мѣртвое.
 А увидла змѣя какъ Добрынюшеу,
 Какъ сидитъ Добрыня кони доброёмъ (такъ),
 А спустила змѣя тѣло мѣртвое,

А й на матушку спустила на сыру землю,
 А на тую спустила мураву траву,
 Сама подлетѣла ко Добрынюшкѣ:
 — Ахъ же ты Добрынюшка Микитиницъ!
 — Ты зачѣмъ нынѣ приѣхалъ въ Туги-горы,
 — А во тии пещеры змѣинны? —
 Тутъ-то змѣя она сряжается
 Со Добрынюшкой да битися ратиться.
 Оны билисъ со змѣей трои суточки,
 Не ѣдаючисъ какъ не пиваючисъ.
 Стала змѣя тутъ поганая,
 Она стала Добрынюшку покидывать,
 Она стала Добрынюшку побрасывать.
 А вспомнилъ онъ Добрынюшка
 А родительско онъ наказаньию,
 А береть-то Добрыня въ руки бѣлыи,
 А береть-то Добрыня платъ тальянскіи,
 Поводилъ ѓнъ самъ какъ по бѣлу лицу,
 Утеръ глаза да свои ясныи,
 Сталъ Добрыня лучше стараго,
 Сталъ Добрыня лучше прежнаго.
 Поводилъ коня онъ по тучнымъ ребрамъ,
 Пошелъ его конь по чисту полю,
 По чисту полю пошелъ со храбростью.
 Поималъ Добрыня змѣю лютую,
 Поималъ Добрыня во бѣлыи руки,
 Привелонилъ Добрыня ко сырой земли,
 А махнулъ-то Добрыня ручкой правою
 Тою ли плеткою шелковою,
 Оторвалъ ѓнъ змѣи да буйну голову.
 Приѣзжаетъ тутъ Добрыня ко пещеры той,
 А ко той ли ко пещеры ко змѣинны,
 А знималъ-то вѣдъ тутъ дочку царскую,
 Царскую дочку княженецкую.
 Онь поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
 Ко ласкову князю Владимиру,
 Тутъ онъ привезъ да дочку царскую,
 Тую ли дочку княженецкую.
 Выходитъ Владимиръ на круто крыльцо,
 А стрѣгаетъ Владимиръ со чѣстью тутъ,
 Со великою со той благодарностью:
 «А спасибо ти Добрыня Микитиницъ!
 «Сослужилъ мнѣ-ка службу великую,
 «А привезъ мою да ты дочку царскую,
 «Царскую дочку княженецкую.»
 А дарилъ его Добрыню золотой казной,
 А дарилъ его Добрыню платьемъ цвѣтнымъ,
 Благодарность сказалъ да до самой земли:
 «А спасибо благодарно Добрынюшеа!
 «Послужилъ мнѣ-ка князю Владимиру.
 «Никого не могъ найти я во Кіевѣ, —

«Шъ тыхъ только изъ богатырѣвъ
«Только ты одинъ нашолся Добрынюшка.»
Туть Владиміръ остается,
А поѣхалъ Добрыня во свой онъ домъ.

Записано тамъ же, 31 июля

65.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

(См. Рыбникова, т. III, 17).

Во славномъ во городи во Кіевѣ,
При ласковомъ князи при Владиміри,
Жили были честніи туть бояра
И вси сильни могучи богатыри.
Воспрогворить Добрыня такое слово:
«Ахъ же ты Владиміръ столень-кіевской!
«Хочу я Добрыня пожениться
«На молодой Настасьи Микуличной.»
Это туть вѣдь завѣлся у Добрынюшекъ,
Этотъ туть вѣдь завѣлся почетной пиръ,
Перво любовь начинается,
Честніи пиръ производится.
Пошолъ туть Добрыня во Божью церкву,
Принялъ Добрыня по злату вѣнцу,
Златыи вѣнцами повѣнчались,
Златыи перстнями обручались.
А ѣ живеть-то Добрынюшка при Кіевѣ,
Онъ при ласкови князи при Владиміри.
А изволилъ Добрыня онъ сказать теперь,
Честное слово воспрогворить:
«Ахъ же ты есть молода жена,
«Молода Настасья Микулична!
«Ахъ же родитель моя матушка,
«Честна вдова Офимья Александровна!
«Дай мнѣ Добрынюшки прощеньце,
«Дай-ко Добрыни благословеньце,
«А съѣздитъ Добрыня на чисто на полѣ,
«А мнѣ ли Добрыни исполковать,
«Могучіи плечіи Добрынюшки растакивать.»
Отвѣтъ держитъ ему матушка,
Честна вдова Офимья Александровна:
— Поѣзжаешь Добрыня на чисто на полѣ,
— На кого оставляешь стару матушку?
— На кого покидаешь молоду жену,
— Молоду Настасью Микуличну?
— Куда оставляешь золоту казну,

— Куда кладешь-то цвѣтно платице,
— На кого еще оставишь добрыхъ коней? —
Отвѣтъ держитъ Добрыня онъ ко матушки,
Ко честной вдове Офимьи Александровной:
«Ты родитель моя-ка сударь матушка,
«Ты честна вдова Офимья Александровна!
«А добрыхъ коней я во полѣ спущу,
«Золоту казну я въ погребѣ замну,
«Цвѣтно платице я на вѣшки кладу.
«А тебе какъ родитель моя матушка,
«Честна вдова Офимья Александровна,
«Оставляю тебѣ я золотой казны,
«Золотой казны тебѣ безсчетныи.
«Молодой жены я завѣтъ кладу:
«Я не буду Добрынюшка съ чиста поля,
«Я не буду Добрыня ровно три году,
«А во ты-пору Настасья вдовой живи,
«Хоть вдовой живи, да хоть замужъ поди,
«Ты за князя поди, ли за боярина,
«Аль за сильнаго могучаго богатыря;
«Не ходи только за брата за крестоваго,
«А за младаго Олѣшу за Поповица.»
Это туть Добрыня снаряжается,
А ѣ на добрыхъ коней-то онъ собирается,
А береть съ собой нынече товарища,
Брата береть-то онъ крестоваго,
А и Пѣтыку Михайлу Ивановича,
И поѣхали они на чисто на полѣ.
День отъ дни какъ коротается,
Скоро будутъ здѣсь они какъ на чистыхъ на поляхъ
А на тыхъ ли на роздольницахъ широкихъ.
Оны ѣхали, дорожку продолжали туть,
А приѣхали оны на чисто на полѣ
А на тми на роздольца широкии,
Подѣлали туть стойлы лошадинни,
Роздернули шатры полотняни,
Наспѣли шены бѣлояровни
Во тыхъ ли во стойлахъ лошадинныхъ.
Оны-то вѣдь стали пировати туть,
Хлѣба соли туть покушати,
По чары выпить зеленаго вина,
По другой-то выпить пива пьянаго,
По третьей выпить меду сладкаго.
Поѣли попили покушали,
Сдѣлали вынь опочивъ себѣ,
А ѣ ложилися спать во бѣлыхъ шатрахъ,
А ѣ ложилися спать по вечеру
И спали туть ѣни до утра,
До того же спали до бѣла свѣту.
Туть Добрыня профатается,
Самъ говоритъ таково слово:

«Стань-ко братъ мой крестовни,
 «Подъ ты Михайла сынъ Ивановичъ,
 «Ото крѣпка сна да пробудись-ко ти.»
 Ставалъ его братъ тутъ крестовни,
 Вымылъ очи свѣжой водой,
 Утерся полотеншскомъ сушохонокъ,
 Господу Богу помѣлился,
 На вси стороны вѣдъ ѣнъ поклонился,
 И пошолъ во конюшни лошадинни,
 Засмотритъ пошолъ ѣнъ да добрихъ коней,
 Всѣ ль кони стоять тамъ по старому,
 Всѣ ль кони стоять тутъ по прежнему.
 Осмотрѣлъ, оглядѣлъ онъ коней добрихъ,
 Всѣ кони стоять тамъ по прежнему,
 Зоблютъ пшениу бѣлоярную.
 Пошолъ ѣнъ какъ отъ добрихъ коней,
 И взялъ ѣнъ тутъ вѣдъ во бѣлы руки,
 Трубочку взялъ ѣнъ подозрную,
 Поглядѣлъ ѣнъ тутъ во чисто полѣ,
 Оглядѣлъ ѣнъ во чисто полѣ какъ тутъ,
 Во тое во поле во чистоѣ,
 А ко той ли горы онъ ко высокои,
 Ко тымъ лѣсамъ ко дремуцимъ, —
 Подъ той ли подъ горою подъ высокою
 А стоитъ вѣдъ конь тамъ богатырскій,
 А сидитъ на кони воинъ главный:
 Голова на немъ какъ бубракъ сильная,
 И глаза у него какъ чаши пивни,
 Носъ палица какъ богатырская;
 На лѣвой ноги какъ борзой кобель,
 На правой ноги какъ ясень соколъ.
 Это тотъ ли кобель воспроборкиваетъ,
 А ясень соколъ какъ воспросвистываетъ,
 И также богатырь воспроговорилъ ѣнъ:
 — Я матушку русьскую землю,
 — А русьскую землю я наскрозъ пройду,
 — Чтонилучшихъ богатыревъ въполонъвозьму. —
 Это тутъ его братъ крестовни,
 Пѣтыкъ Михайла сынъ Ивановичъ,
 Ёнъ повѣсилъ головушку до самой земли,
 А идетъ-то онъ, самъ кручинится,
 А идетъ-то, самъ ѣнъ печалится;
 А стрѣгаетъ его братъ тутъ крестовни,
 Молодой Добрынюшка Микитявичъ:
 «Объ чемъ ты мой братъ нынѣ кручинишься,
 «Объ чемъ ты скоро нынѣ запечалился?»
 Отвѣтъ дѣржитъ брату крестовноу
 Пѣтыкъ Михайла сынъ Ивановичъ:
 — Видѣлъ богатыря прешрашнаго,
 — А сидитъ богатырь на добромъ кони,
 — А сидитъ-то богатырь, самъ шатается,

— Ладить-то ѣнъ русьску землю наскрозъ пройти,
 — Насъ богатыревъ нынѣ какъ во полонъ взимать. —

Возговоришь Добрыня таково слово:
 «Поѣзжай-ко богатырь поскорѣшенько,
 «Пѣтыкъ Михайла сынъ Ивановичъ!
 «Прогони-тко богатыря съ чисто поля,
 «Со тою со силою великою,
 «Со тою со силою невѣрною.»
 Поклонился братъ ему крестовни,
 Пѣтыкъ Михайла сынъ Ивановичъ:
 — Я не смѣю поѣхать на чисто полѣ
 — На этого богатыря прешрашнаго, —
 — Я этого богатыря весьма боюсь. —
 Это-то Добрынюшка выходитъ самъ
 Со того ль шатра полотнянаго:
 «Оставляйся братъ ты мой крестовни,
 «Стереги береги ты бѣлой шатѣрь;
 «Я поѣду Добрыня на чисто полѣ
 «Предъ того ль богатыря прешрашнаго.»
 Выскакивалъ Добрыня скорымъ на скоро
 На тое сѣдлышко окованое,
 Взимаетъ палицу военную,
 А конь-то беретъ долгомѣрною,
 Поводами коня онъ призадергиваетъ,
 Шпорами коня подшевеливаетъ.
 Никуда какъ Добрыня не оглянется,
 Только смотритъ Добрыня во чисто полѣ,
 На того ли прешрашнаго богатыря.
 Онъ наѣхалъ Добрыня предъ богатыря,
 Закричалъ-то Добрыня во всю голову,
 Колько у Добрыни было гѣлоса:
 «Что же ты богатырь сидишь на кони,
 «А не стрѣтаешь меня таперъ Добрынюшку?
 «Надо намъ съ тобою познакомиться.»
 Призынулъ ѣнъ головки богатырь тутъ,
 Самъ зговоришь таково слово:
 — Молодой Добрыня не поѣзживай,
 — А русьской богатырь не попурихивай,
 — А будешь въ мой руки пойманой,
 — А вдругъ ты будешь приобщипаной! —
 А на то Добрыня не согласѣнъ былъ.
 Розгорѣлось его сердце богатырскоѣ,
 Розогналъ ѣнъ коня какъ по чисту полю,
 Билъ коня ѣнъ по туцнѣмъ ребрамъ,
 А поѣхалъ онъ на ручку онъ на правую,
 Ставъ битъ рубить онъ силу тутъ поганую,
 Котора стояла при богатыри.
 Докъ ладился онъ богатырь, ладился,
 А во ты-пору Добрынюшка прикончилъ всѣхъ,
 А убилъ ѣнъ силы поганыи,

А убилъ ёнъ силы сорокъ тысячей.
 Самъ онъ говорилъ таково слово
 Молодой Добрыня Микитиницъ:
 «Выѣзжай-ко богатырь на чисто на полѣ!
 «У меня палица какъ розмахаласе,
 «Сила какъ расходиласе.»
 Поѣхалъ богатырь на чисто на полѣ,
 Розѣздъ-то дѣлали великіи.
 Съѣхались на копыа на вострыи,
 Копыа по яблокамъ срывалнсе,
 А другъ друга они не ранили.
 А съѣхались они на палицы,
 А ѣ на палицы тми военныи,
 Другъ друга тутъ приударили,
 Ни который котораго не ранили.
 Третій разъ они съѣхались
 А на тми на сабли на вострыи, —
 Отфатилъ Добрыня богатырю,
 Отфатилъ ёнъ Добрыня буйну голову.
 Паль тутъ богатырь со добра коня,
 Тотъ богатырь кончается.
 Тутъ поѣхалъ Добрыня къ своему шатру,
 Къ своему шатру онъ ко бѣлому,
 А ко брату тому онъ ко крестовому.
 Соходилъ Добрыня ёнъ съ коня добраго,
 Становилъ коня да ёнъ въ стойлы-тм,
 А во стойлы во тми лошадинныи.
 День-тотъ за день какъ вода текеть,
 А недѣла за недѣлю какъ трава ростеть;
 Прошло того времечку вѣдъ три году,
 А не видать Добрыни со чиста поля.
 Сталъ Владиміръ тутъ подхаживать,
 Молодую Настасью подговаривать
 За его ли за брата за крестоваго,
 А за младаго Алёшу Поповица.
 Отвѣтъ держитъ Настасья Микулична:
 — Я исполнила заповѣдъ женскую,
 — Я исполню вѣдъ заповѣдъ мужскую.
 — А не будетъ Добрыня со чиста поля,
 — А пройдетъ того времечки-то вѣдъ шесть го-
 довъ,
 — Я во ты-пору Настасья вдовой живу,
 — Хоть вдовой живу я, хоть замужъ пойду,
 — Я за князя ль пойду, за боярина,
 — А за сильнаго могучаго богатыря,
 — Не пойду ль только за брата крестоваго,
 — А за младаго Олёшу Поповица. —
 Это день отъ дни какъ продолжается,
 А ѣздитъ Добрыня на чистѣхъ на поляхъ,
 А проходить-то времечки вѣдъ шесть годовъ,
 А не видать-то Добрыни со чиста поля.

Это сталъ Владиміръ ёнъ подхаживать,
 Сталъ ёнъ Настасью подговаривать:
 «Ты поди поди Настасья Микулична,
 «А поди топере во замужество,
 «А за брата поди-ка за крестоваго,
 «За младаго Алёшу за Поповица;
 «А я былъ Владиміръ на чистомъ поли,
 «Видѣлъ Добрынюшку убитаго,
 «А лежить убитъ Добрыня на чистомъ поли,
 «А ёнъ ножками лежить вдоль дороженки,
 «Буйной головой лежить во ракитовъ кустъ,
 «А ёнъ ручками лежить о сырѣ землю,
 «Сквозь его ребра травка выросла,
 «Росцвѣли цвѣточки лазуревы.»
 Это тутъ Настасья приодумалась:
 — Я не знаю сама своей головушки,
 — А сама своей головушки подѣвати,
 — А меня не въ честь берутъ, какъ неохвотой,
 — А и силою меня берутъ неволею. —
 А про то вѣдъ Добрынюшка не вѣдаеть,
 Какъ тутъ вѣдъ Настасья просваталась
 За того ли за брата за крестоваго,
 И за младаго Олёшу за Поповица.
 А на тую на пору въ тое времячко
 А приѣхалъ къ Добрынюшки богатырь нынъ,
 А на томъ ли богатырь на добромъ кони,
 А ѣ на томъ ли богатырь кованомъ сѣдлѣ.
 Это тотъ ли богатырь съ Золотой Орды,
 Да король земли какъ онъ бухарскіи.
 Онъ проситъ король земли бухарскіи
 Выѣхать Добрыню на чистое на полѣ.
 Говоритъ Добрыня таково слово:
 «Молодой богатырь Золотой Орды,
 «Еще король земли бухарскіи!
 «А ѣздишь ты, да не поурхивай,
 «А будешь ты курёнокъ пойманой,
 «А младай богатырь ты общипаной.»
 Скорымъ-на-скоро Добрыня снаряжается
 На своёмъ Добрыня кони доброёмъ
 А на томъ ли Добрыня кованомъ сѣдлѣ;
 Они съѣхались на копыа на вострыи,
 Копыа пополамъ приломилиси,
 Другъ друга они не ранили;
 А ѣ на тми на палицы военныи,
 Палицы у нихъ сломилиси,
 Другъ друга они не ранили.
 Третій разъ они какъ тутъ постѣхались.
 Оба выпали они со добрыхъ коней,
 Стали они собой таскаться,
 Подъ нима земля какъ подгибаться.
 Розгорѣлся Добрыня Микитиницъ

Своимъ сердцемъ онъ тутъ богатырскимъ,
 А фатилъ короля за желтѣ кудри,
 Бинулъ короля ѣнъ на сырѣ землю,
 Сѣлъ королю на бѣлыя груди,
 Зазднѣлъ ѣнъ Добрыня саблю вострую, —
 Во плечи рука тутъ застоилася.
 Сталъ ѣнъ Добрынюшка выспрашивать,
 Сталъ ѣнъ богатыря вывѣдывать:
 «Ты скажись, скажись, богатырь, со коѣй земли,
 «Какъ тебя богатырь именемъ зовутъ,
 «Какъ звеличаютъ по отечеству?»
 Говоритъ король ни съ упадкою:
 — Ахъ сѣдатый пѣсь ты сѣда брада!
 — Бабы я какъ былъ на твоихъ грудяхъ,
 — Я не спрашивалъ бы ни роду ни племени,
 — А не имени тебѣ бы ни отечества;
 — Пласталъ те груди вѣдь я бѣлыми,
 — Вынималъ бы сердце со опеченью. —
 Зазднѣлъ Добрыня ручку правую,
 Поднѣлъ Добрыня саблю вострую
 А хотѣлъ ѣнъ отсѣчь буйну голову, —
 Во плечи рука тутъ застоилася.
 Сталъ ѣнъ Добрынюшка выспрашивать,
 Сталъ ѣнъ Добрынюшка вывѣдывать:
 «А скажись, молодецъ ты богатырь нынѣ:
 «Со коѣй земли ты, со коѣй орды,
 «Какъ молодца именемъ зовутъ?»
 Говоритъ король таково слово:
 — Я есть вѣдь богатырь Золотой Орды,
 — Я король земли я есть бухарскій. —
 А принималъ Добрыня за бѣлыя руки,
 Отнималъ (такъ) Добрыня отъ сырой земли,
 Поставилъ Добрыня на рѣзвыя ноги,
 Говоритъ Добрыня таково слово:
 «А садись-ко богатырь на добра коня,
 «Поѣзжай-ко богатырь во свою землю,
 «Во свою землю да Золоту Орду.
 «Подарю тебѣ колечко подзолоченое,
 «А сvezи-тко топерь да своей матушки,
 «Дорогой сvezи топеричу подарочокъ,
 «А еще сvezи ты челомъ-битыице.»
 Это сѣлъ тутъ король земли бухарскій,
 А поѣхалъ король-тотъ во свою землю.
 А поѣхалъ Добрыня во бѣлыя шатры,
 А легъ-то спать какъ Добрынюшка
 А при тнихъ при латахъ богатырскихъ,
 А поѣхалъ король, тутъ придумался:
 — А честь хвала мнѣ молодецкая
 — А сѣхатъ мнѣ-ка во свою землю,
 — Во славную мою Золоту Орду,
 — Сvezти матушкѣ своей мнѣ низкѣй поклонъ,

— Дорогіе сvezти мнѣ-ка подарочки;
 — Станутъ люди все мнѣ смѣяться,
 — Будутъ звать меня какъ заугольниимъ,
 — Будутъ звать меня какъ беззаконнымъ. —
 Поворотъ держалъ богатырь со дороженки,
 Приѣзжаетъ богатырь ко бѣлу шатру,
 Зазднѣлъ богатырь саблю вострую,
 Онъ ударилъ Добрыню по бѣлой шени.
 Вострал сабля не забрала,
 Прокатилась она со бѣлой шени,
 Доватилась она до рѣзвыихъ ногъ.
 Тутъ Добрыня испужался есть,
 Отъ крѣпкаго сну онъ пробуждается.
 Возсталъ ѣнъ Добрыня на рѣзвыя ноги,
 Внималъ короля ѣнъ за желтѣ кудри,
 А здималъ короля да отъ земли сырой,
 Кинулъ короля о сырѣ землю,
 Придалъ королю смерть-ту скорую,
 «Отъ кого ты чадо ты зачатъ было,
 «Отъ кого ты чадо вѣдь посяно,
 «Отъ того ты чадо нынѣ кончайся-тко!»
 Это тутъ у князя у Владиміра
 А пошолъ онъ начался почетной пиръ, —
 Это идѣтъ Настасья во замужество
 А ѣ за младаго Олѣшу Поповица,
 За его за брата за крестоваго.
 А на туя пору въ тое времячко
 Налеталъ тутъ голубъ со голубкою,
 А садился голубъ на бѣлой шатѣрь,
 Полетаеъ голубъ въ каменну Москву,
 Оставляетъ голубку на бѣломъ шатру.
 Згворитъ голубка голубчику:
 — Не остануси голубка на бѣломъ шатру,
 — Полечу съ тобой голубка въ каменну Мо-
 скуву.
 — Какъ вынечу таперичу
 — А уѣхалъ Добрыня на чистѣ поля,
 — А оставилъ Настасью во Кіевѣ,
 — А прошло того времечки вѣдь шесть годовъ,
 — А нынѣ Настасья-то замужъ пошла,
 — Не за князя пошла за боярина,
 — Не за сильнаго могучаго богатыря,
 — Пошла столько Настасья Микулична
 — А за братца его за крестоваго,
 — А ѣ за млада Алѣшу за Поповица. —
 Это тутъ Добрыня догодается,
 На своихъ коней скоро собираются,
 Они сѣли, съ товарищомъ поѣхали
 Ко тому ли князю ко Владиміру,
 Ко братцу тому ли ко крестовому,
 Ко младому Алешу ко Поповицу,

Ко ему топерь на почестной пиръ.
 Подѣхали оны тутъ ко Кіеву,
 Розлагали розсѣдали коней добрыхъ
 А спустили коней да во чисты поля.
 А приходитъ Добрыня во свой-тотъ домъ,
 Ко родители ко той ли ко матушкѣ,
 Ко честной вдовы Офимьи Александровной,
 Самъ ѣтъ во платъи во дорожноѣмъ.
 Это тутъ вдова какъ перепаласе,
 Крѣпко вдова испугаласе.
 Говоритъ Добрыня таково слово:

«Ты послухай, честна вдова Офимья Александровна!

«Накорми меня топерь со дороженки,
 «Поднеси мнѣ-ка чару зелѣнаго вина,
 «Это другу поднеси мнѣ пива пьянаго,
 «Третью поднеси мнѣ меду сладкаго.»

«Это тутъ его узнала родна матушка,
 Честна вдова Офимья Александровна.
 А згворитъ Добрыня таково слово:

«А гдѣ моя, нынѣ молода жена,
 «Гдѣ моя топерь любимая семья,
 «Молода Настасья Микулична?»
 — А твоя топерь молода жена,
 — А твоя топерь да любимая семья,
 — Она топерь да замужъ пошла;
 — А не за князя идетъ вѣдь за боярина,
 — Не за сильнаго могучаго богатыря,
 — Берутъ ю за брата за крестоваго,
 — А за млада Олешеньку Поповица.
 — А не въ честь берутъ ю, не охвотушкой,
 — А й силою берутъ ю невольюшкой. —

Сокрутился Добрынюшка Микитиницъ
 А во тни во платъя каличьи,
 Взялъ въ руки гуселка ярвчатыи,
 И пошолъ вѣдь онъ тутъ на почестной пиръ
 Ко тому ѣтъ князю ко Владиміру,
 Ко младому Олешу ко Половицу.
 Приходитъ ѣтъ тутъ во высокой домъ,
 Онъ проходитъ во гридню столовую,
 Гдѣ сидятъ тамъ князи вѣдь бояра
 А и сильни могучи тутъ богатыря,
 Гдѣ сидитъ князь тутъ молодой,
 А Алешенька тутъ Поповицъ,
 Подли его сидитъ тутъ Настасья Микулична.
 Говоритъ калика таково слово:

— Ахъ же ты Владиміръ столень-кіевской!
 — Дай-ко калики топерь мѣстечко
 — А на тую на печку мурѣвленную. —
 А тутъ ему дали вѣдь мѣстечко
 А на той ли на печки мурѣвленной.

Сѣлъ тутъ калика, слово вымолвилъ:

— Ахъ же ты Владиміръ столень-кіевской!
 — Позволь-ко калики заиграть топерь,
 — А позволь-ко Владиміръ заиграть-то мнѣ,
 — Какъ мнѣ-ка калики во гусельника,
 — А во тни ли во гусли ярвчатыи. —

Заиграла калика въ гусельника,
 Во тни во гусли ярвчатыи,
 Тонцы повелъ отъ Нова-города,
 Другіе повелъ отъ Царя-града.

Это тутъ Владиміръ здоходается:

«Выходи-ко калика со залпечья,
 «А садись-ко калика за дубовый столъ,
 «Супротивъ князя топерь молодого,
 «Супротиво княгини Опраксии,
 «Молодой Настасьи Микуличной.»

Говоритъ калика таково слово:

— Ахъ же ты Владиміръ столень-кіевской!
 — А налей-ко калики ты вѣдь чару нынѣ,
 — Чару наливай умѣренную. —

Это тутъ Владиміръ догодается,
 Наливалъ ему чару зелѣнаго вина,
 Другу наливалъ тутъ пива пьянаго,
 Третью наливалъ ѣтъ меду сладкаго.

Это тутъ у калики розгорѣлось

Сердце его какъ богатырское:

— А позволь-ко, Владиміръ столень-кіевской,
 — А налить мнѣ нынѣ чару зелѣнаго вина,
 — Поднести вѣдь нынѣ молодой Настасьи Микуличной. —

«Наливай-ко калика какъ ты знаешь нынѣ.»

Наливалъ калика, приговаривалъ,
 Спускалъ туда перстень именитыи,
 Коимъ перстнѣмъ обручались,
 Подносилъ молодой княгини Микуличной,
 Самъ подноситъ, выговаривать:
 — Прими-тко нынѣ ты Настасья Микулична,
 — Прими-тко нынѣ отъ калики зелѣнаго вина,
 — Принимай Настасья единой рукой,
 — Выпивай Настасья единымъ духомъ.
 — Пьешь Настасья вѣдь нынѣ до дна,
 — Увидашъ Настасья себѣ добра. —

Принимала Настасья единой рукой,
 Выпивала Настасья единымъ духомъ;

Она пила чару, оглядѣла тутъ
 Спущонный перстень именитыи,
 Коимъ перстнѣмъ обручались.

Скочила зъ-за столовъ зъ-за дубовыхъ,

Зъ-за тныхъ за вѣстовъ за сахарныхъ:

«Ахъ же вы князи, вы бояра,
 «Сильни могучи вси богатыри!

«А не тотъ вѣдь мужъ, кой подліи меня,
 «А тотъ мой мужъ да супротивъ меня.
 «Прости-ко, Добрынюшка Микитиницъ,
 «Мужъ ты мой Богомъ суждѣнн,
 «А женихъ ты мой какъ обручѣнн,
 «Не дивуй-ко ты разуму женскому,
 «Подивуй-ко ты разуму мужскому!
 «А не честью-то берутъ меня охвотою,
 «Силою берутъ меня неводсю.»
 Это тутъ Добрыня росходился самъ,
 Самъ говорилъ таково слово:
 — Не дивую я разуму-то женскому,
 — Подивую я разуму мужскому,
 — А честнй завѣты исполнила.
 — Не пріѣхалъ Добрыня со чиста поля,
 — Не пріѣхалъ я Добрыня ровно три году,
 — Не пріѣхалъ Добрыня ровно шесть годовъ,
 — Пала вѣсточка ко мнѣ нерадостна.
 — Я топерь пріѣхалъ ко Кіеву,
 — Ко ласкову князю ко Владиміру.
 — Ахъ ты Владиміръ столень-кіевской!
 — Что ты Владиміръ топерь дѣлаешь,
 — Отъ жива мужа какъ ты жену берешь! —
 Подходитъ нынъ Добрыня Микитиницъ
 А ко брату тому ко крестовому,
 А къ Олѣши тому ко Поповицу:
 — А на что ты, братъ мой крестовни,
 — А берешь мою нынъ молоду жену,
 — Молоду Настасью Мигуличну? —
 А вималъ ѣнъ Олѣшу за желтй кудри,
 А вималъ ѣнъ Олѣшу о кирпичной мостъ,
 Понридалъ Олѣшѣ смерть-ту своруу.
 Сталъ Добрынюшка похаживать,
 Съ ноги на ногу Добрынюшка наступивать,
 Звичнымъ голосомъ по терему поваживать:
 — Ахъ же князіи видно бѣра,
 — А вы сильни могучи богатыри,
 — Ай ты нашъ Владиміръ на что нынъ укину-
 лись,
 — Дѣлаете дѣло нехоршее! —
 Это тутъ бояра перепалися,
 Со того пиру какъ разбѣгалися.
 Говоритъ Добрыня таково слово:
 — Ахъ же Владиміръ столень-кіевской!
 — Я служилъ тебѣ какъ вѣрой правдою,
 — А ты вѣдь сдѣлаа дѣло доброе:
 — Молоду Настасью Мигуличну
 — А силою берешь ты великою.
 — Ты прощай меня нынъ-ка, Владиміръ князь! —
 Взялъ Настасью за бѣлыи руки,
 Повѣлъ Настасью во свой онъ домъ.

Это тутъ Добрыня наживается,
 А исторія-рѣчь тымъ кончается.

Записано тамъ же, 31 іюля.

66.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

(См. Рыбникова, т. III, 37).

Динь-динь-динь изъ подъ того креста Леванидова
 Выходило выбѣгало два тура три тура.
 Случилосе турамъ мимо Кіевъ градъ итти;
 Они видли надъ Кіевымъ дивнымъ дивно,
 Они видли надъ Кіевомъ чуднымъ чудно:
 Выходила дѣвица, слезно плакала,
 Она книгу читала евангелью,
 А и не только читала, вдвоёмъ плакала.
 Соходились туры со рѣдной матушкой:
 «Здравствуй турица родна матушка,
 «Ты здравствуй турица златорогая!
 «А мы шли туры да мимо Кіевъ градъ,
 «А й мы видли надъ Кіевымъ дивнымъ дивно,
 «А и видѣли надъ Кіевымъ чуднымъ чудно:
 «Выходила дѣвица, слезно плакала,
 «На рукахъ держитъ книгу святу евангелью,
 «А и не только читаетъ, вдвоёмъ плачетъ.»
 — А й вы глупы туры-ты малы дѣтушки!
 — Не дѣвица выходила, слезно плакала,
 — А й не книгу читала не евангелью, —
 — Тутъ плакала стѣна городобая;
 — Она свѣдала надъ Кіевымъ негдоушку:
 — Наѣхалъ князь Батыга Батыговичъ,
 — Со своимъ со сыномъ со Батыгою,
 — Со зятемъ Тороканчикомъ Корабликовымъ,
 — Со тымъ дьячкомъ со выдумщикомъ.
 — У Батыгушки силы сорокъ тысячей,
 — А у смнушка силы сорокъ тысячей,
 — А у зятюшка силы сорокъ тысячей,
 — У дьячка ль было силы сорокъ тысячей. —
 Проситъ Батыга отъ Кіева,
 Проситъ Батыга супротивника,
 Проситъ Батыга поединника:
 «Владиміръ князь стольне-кіевской!
 «Дай-ко мнѣ-ка супротивника,
 «Дай-ко мнѣ поединника,
 «Чтобы со мной съ Батыгой поправиться.»
 Да несчастно во Кіевѣ случилоси,

Что ни лучших богатырей не згодилось.
 Святогорь богатырь на святыхъ на горахъ,
 А Илья да Самсонъ у сѣняго у морѣ,
 Добрынюшка Микитичъ во чистыхъ во поляхъ,
 А Алеша богомоль въ богомольней сторонѣ.
 Жилъ-то былъ голъ кабакалъ,
 Пропилъ промоталъ все житье бытѣ своё,
 А идетъ-то онъ ко Владиміру на дворъ,
 Крестъ кладетъ-то по писаному,
 А поклонъ ведеть по учёному
 На всѣ три на четыре на стороны,
 Князю Владиміру въ особину:
 — Здравствуй Владиміръ стольне-кѣвской!
 — Опохмѣль-ко Василя чарой пьяною.
 — У Васи съ похмѣлья буйна голова болить,
 — У Василя ретивѣ сердце щемить. —
 Приказалъ князь Владиміръ стольне-кѣвской
 Наливать ему чару зелѣнаго вина,
 Другу наливать пива пьянаго,
 Третью наливать меду сладкаго.
 Становилось питья полъ-пятá пуда,
 Становилось питья полтора ведра.
 Принималъ тутъ Василій единѣю рукой,
 Выпилъ Василій единѣмъ духомъ,
 Самъ ѣнъ Василій слово вымолвилъ:
 — Я теперъ могу на своемъ кони сидѣть,
 — Я теперъ могу своей саблей владѣть,
 — Которая сабля во сорокъ пудъ. —
 Взямалъ выбиралъ да коня добраго,
 Шелковую уздицу налагалъ на его,
 На косматаго коня войлокъ накидывалъ,
 Сѣделшко черкасско накладывалъ,
 А двѣнадцать подпругъ онъ подтягивалъ,
 Не для ради красы басы убожества,
 Для-ради укрѣпы богатырскіи;
 Булатъ не гнется не ломится,
 Шелковыя подпруги не обрвутся.
 Тугіе луки по бокамъ металъ,
 Калену стрѣлу онъ въ подзолотку (такъ) клалъ,
 Шодковъ онъ поводъ въ бѣлыя руки бралъ,
 Шпорами коня онъ потыкивалъ.
 Конь его добрый поскакивалъ
 За ту за стѣну городовую
 И за ту за башню заугловую.
 Поѣхалъ Василей на чисто на полѣ,
 Видитъ Батыгу на чистомъ на полѣ.
 Натягалъ Василей каленный лукъ,
 Стрѣлку вынималъ съ подзолоточки,
 Стрѣлялъ по головамъ что ни лучшенѣимъ,
 Убилъ сына Батыгу Батыговича,
 Убилъ зятя Тороканчика Корабликова,

Убилъ черна дьячка ѣнъ выдумщика.
 У Батыги вѣдъ кони хорошии,
 У Батыги вѣдъ кони снаряжныи, —
 Посылаетъ Батыга скорыхъ гонцовъ,
 Скорыхъ гонцовъ въ славенъ Кіевъ градъ.
 Кіевъ градъ онъ немалой есть, —
 Соколу летѣть на упрѣгу ему,
 Маленькой птицѣ натѣшиться,
 Виноватаго во Кіевѣ не взмѣскати.
 Ѣдетъ Василей ко Батыги на лицо
 На своемъ кони онъ на добромъ
 И на томъ сѣдлѣ на окованомъ.
 Рѣки озѣра между ноги пускалъ,
 Сини моря ѣнъ около скакалъ,
 На горы высоки выскакиваетъ,
 Хвостъ по земли розстиляется,
 Грива подъ копыта подвивается,
 Огненный пламень вымахиваетъ,
 Тымъ лукомъ каленнымъ выстрѣливаетъ,
 Вострымъ копьемъ онъ помакиваетъ.
 Отъ того копья какъ отъ востраго,
 Отъ той отъ палицы военныи
 На Батыгу страхъ да уклоняется,
 Стоитъ онъ Батыга, удивляется:
 Колько ни было какъ выѣзживанѣ,
 На такомъ было страху не стѣванѣ,
 Какъ ѣдетъ отъ города отъ Кіева,
 Отъ того отъ князя отъ Владиміра,
 Ѣдетъ богатырь удалый молодецъ,
 Самъ онъ собою тутъ не хвастаетъ,
 Только страшно стоять-то на чистомъ на полѣ.
 Приѣхалъ Василей ко Батыгѣ на лицо:
 — Здравствуй Батыга Батыговичъ,
 — Со своимъ со сыномъ со Батыгомъ,
 — Со зятемъ Тороканомъ Корабликовымъ! —
 Отвѣтъ держитъ тотъ Батыга нынъ:
 «Нѣту сына Батыги Батыговича,
 «Нѣту зятя Торокана Корабликова,
 «Нѣту черна дьячка какъ выдумщика!»
 Отвѣтъ держалъ Василей ко Батыги нынъ:
 — Прости-ко меня во первой нынъ винѣ,
 — Во первой винѣ прости во великии!
 — Я убилъ у тебя сына Батыгу нынъ,
 — Убилъ зятя Торокана Корабликова,
 — Убилъ черна дьячка я выдумщика.
 — За свою за вину за великую
 — Я могу послужить какъ Батыги тебѣ.
 — Дай-ко мнѣ силы сорокъ тысячей,
 — Я поѣду ко городу ко Кіеву
 — А ко ласкову князю ко Владиміру,
 — А мы Кіевъ градъ да мы огнемъ пожгемъ,

— А Владиміра мы во полонъ возьмёмъ. —
 А на ты лясѣ Батыга приукинулся,
 Далъ ему силы сорокъ тысячей.
 Выѣхалъ Василей на чисто на полѣ,
 Поворотъ держалъ на ручику на правую,
 Присѣкъ прирубилъ до одной головы.
 Скоро ѣде Василей ко Батыги на лицо:
 — Прости-ко Батыга во другой вины,
 — Во другой вины ты меня велики!
 — Потералъ я силы сорокъ тысячей.
 — Нынѣ я въ городѣ повымотрѣлъ,
 — Нынѣ я во Кіевѣ повыглядѣлъ,
 — Гдѣ стоятъ воротца отложенныи.
 — Прямо нынѣ мы поѣдемъ и ко Кіеву,
 — Только дай мнѣ-ка силы сорокъ тысячей. —
 Онъ поѣхалъ со тоу-то со силоу,
 Поворотъ держалъ на ручику на правую,
 Палицей съѣтъ онъ военноу,
 Коньёмъ ёнъ съѣтъ да долгомѣрнымъ,
 Не оставилъ Василей ни единой головы.
 Приѣхалъ Василей ко Батыги на лицо,
 Челомъ ему билъ и поклоняется:
 — Я еще вѣдъ во городѣ все вымотрѣлъ,
 — Я нынѣ же Батыга постовъ за тебя. —
 Далъ ему силы сорокъ тысячей,
 Сорокъ сороковъ все черныхъ соболѣвъ,
 Злата сребра ему смѣту нѣтъ.
 Повыѣхалъ Василей на чисто на полѣ,
 Ёдетъ ко Кіеву со радостью,
 Всю онъ силу вѣдъ саблей рубить.
 Натягалъ Батыга вѣдъ трубочку,
 Трубочку натягивалъ подзорную,
 Глядитъ онъ во славно во чисто полѣ,
 Ко тому ль ко городу ко Кіеву,
 Ко тому ль ко князю Владиміру,
 На тми поля-то онъ на чистыи,
 На тм луга на зелѣнни,
 На тм на травы на шелковни, —
 Видитъ дѣло не хорошеѣ.
 Сбирается Батыга на добрыхъ конѣй,
 Поѣзжае Батыга во своѣ скоро землю,
 Во тую во землю во невѣрную.
 Клёнется Батыга проклинается:
 «Не дай мнѣ нынѣ подъ Кіевымъ бывать,
 «Не могу я теперъ про Кіевъ прѣсказать,
 «Золоту казну я истрѣтилъ всю!
 «Кіевъ градъ онъ не малый есть,
 «Во Кіевѣ богатырѣвъ смѣту нѣтъ.»
 Что ни лучшіе богатыри во Кіевѣ,
 Золота казна-то во Черниговѣ,
 Цѣтнѣ платъ въ Новѣ-городѣ,

Хлѣбны запасы Смолѣнца городу.
 Поѣхалъ Батыга онъ отъ Кіева,
 День онъ ночь удаляется
 Отъ того ли отъ города отъ Кіева,
 Отъ того ли князя отъ Владиміра.
 Увидѣлъ Василей Игнатѣвъ сынъ,
 Розгорѣлось его сердце богатырскоѣ,
 Роскипѣлась его мысль молодецкая,
 Самъ онъ говоритъ таково слово:
 — Не поѣду ко городу ко Кіеву,
 — Ко тому князю къ Владиміру,
 — Поѣду въ сугонъ да въ слѣды Батыгины,
 — Пусть онъ Батыга не хвастаетъ,
 — Со мной съ богатыремъ нынѣ повидается.
 — Я поѣду вѣдъ нынѣ да спрошу его:
 — Что же те Батыги не слюбилоси,
 — Ты поѣхалъ вѣдъ нынѣ-ка отъ Кіева,
 — Да поѣхалъ ты, не простилси нынѣ
 — Съ тымъ ли съ городомъ со Кіевымъ? —
 Это тутъ Батыги не слюбилоси,
 Обнажилъ онъ Батыга саблю вострую
 На того ли на Василья на Игнатѣевича,
 На храбраго воина военнаго.
 Взималъ ёнъ тутъ какъ Василей нунъ
 А ѣ наѣхалъ Василей съ саблей востроу,
 Отсѣкъ-то Василей буйну голову
 А невѣрному Батыги по кореню.
 А упалъ-то Батыга съ коня добраго
 На тую на матушку сыру землю
 А на ту ёнъ на мураву траву.
 Отѣзжаетъ Василей отъ Батыги нынѣ,
 Прирубилъ прикосилъ послѣдню силу тутъ.
 Поѣхалъ Василей ёнъ ко Кіеву,
 Ко тому ко князю Владиміру,
 Кричалъ онъ Василей на полі на томъ,
 На поли на томъ какъ на чистоёмъ:
 — Прикажи-тко, Владиміръ стольнѣ-кіевскоѣ,
 — Отпереть мнѣ ворота широкии,
 — Заѣхать на кони мнѣ-ка на доброёмъ
 — За тую стѣну городовую,
 — За тую за башню угловую! —
 Отворили ворота широко ему,
 Заѣзжае Василей на кони доброёмъ,
 Сходитъ слѣзаетъ съ коня добраго,
 Самъ онъ привязывать коня какъ тутъ
 Ко тому столбу ёнъ точеному,
 Насыпать пшени бѣлоодровни;
 Заходить ёнъ въ полату бѣлокаменную,
 Крѣсть кладывѣетъ по писаному,
 Поклоны ведѣтъ-то по учёному.
 Говоритъ Владиміръ таково слово:

«Ахъ же слуги мои вѣрныи,
 «Слуги вы мои княжецекии!
 «Допросите Василья вы какъ нынечу,
 «Каково ѣнъ ѣздилъ во чистомъ поли.»
 Какъ спросили слуги его вѣрныи,
 Ты слуги княжецекии:
 — Каково ты ѣздилъ во чистомъ поли? —
 Згѳворить Василей таково слово:
 «Вся сила вѣдъ воспорублена,
 «Славны богатыри привибиты.»
 Какъ завель тутъ князь какъ Владимиръ нынъ,
 Для того война для главнаго,
 Завель ѣнъ балъ какъ на двѣнадцать дѣнъ;
 А на томъ на пиру княжецекоѣмъ
 А сидятъ тамъ вси князи бѳяра,
 А вси говорятъ таково слово:
 — Ахъ же Василей Игнатъѣвъ сынъ!
 — Вѣдъ всѣ ли богатыри розѣхались,
 — А хоть ты нынъ сѣздилъ на чистѳ полѣ,
 — Постоаялъ ты Василей за Кіевъ градъ,
 — За того князя за Владимира! —
 И на томъ ли пиру вси расходятся,
 И пиръ тотъ весь да нынъ кончается.

Записано въ Шаѣ, 29 іюля.

67.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

(См. Рыбникова, т. III, 26).

Ѣздитъ Чурилушка выгудиваетъ,
 На своемъ Чурила на добромъ конѣ,
 Приѣхалъ Чурила къ Вельминому дому,
 Скрычалъ-то Чурила во всю голову:
 «Въ домѣ ль Вельма сынъ Васильевичъ?»
 Выходитъ выбѣгать Катеринушка,
 Выходитъ она дочь Микулична,
 Сама говоритъ таково слово:
 — Да вѣту Вельма сына Васильевича,
 — Ушолъ Вельма во Божью цереву.
 — Что же ты Чурила не пожаловалъ? —
 А отвѣтъ держалъ какъ Чурилушка:
 «Не въ убори я былъ, Катеринушка;
 «Нынъ я Чурила обладился,
 «Лапотци обувалъ я семи шелковъ,
 «Пѳдпяты пѳты шиломъ вострѣ,
 «Около носовъ яйцѳмъ прокатить,

«Пѳдъ пяты пѳты воробѣй пролетитъ;
 «Шапочка ушиста пушѣста былѳ,
 «Хорошо была надѣсистай,
 «Сопереди не видно лица бѣлаго,
 «Изади не видно шеи бѣлыи, —
 «Дакъ нынъ я Чурилушка обладился
 «И такъ я Чурилушка приѣхалъ къ тебѣ.»
 Воспрося его Катеринушка
 Брала за ручки за бѣлыи
 И провела его въ полату браную.
 Садилась за столы дубовыи,
 За тыи за ѣствы сахарнии,
 Наливала ѣму пѣтъя медяныи,
 Отходя же сама низко кланяласп:
 — Ъшь-ко пей ты Чурилушка,
 — Покушай-ко ты нынъ Поплѣнковичъ! —
 Поѣлъ-то попилъ какъ Чурилушка,
 Изъ-за стола выходитъ дубоваго,
 Зъ-за тыи за ѣствы сахарнии,
 Зъ-за того пѣтъя за медянаго,
 Господу Богу поклонитя,
 На всѣ стороны онъ поклоняетя,
 Катерину да ѣнъ въ особину:
 «Благодарно тебѣ Катеринушка,
 «Благодарно тебѣ дочь Микулична!»
 Отвѣтъ держала Катеринушка:
 — На дѳбро тебѣ-ка здоровьице,
 — Да на дѳбро тебѣ-ка Чурилушка,
 — Чурилушка да ты Поплѣнковицъ! —
 Взяла за ручки за бѣлыи,
 За его перетий за злаченыи,
 Повела его въ спаленку теплую,
 Къ той ли ко кроватки ко кисовыи,
 Къ той ли ко перинушки ко пуховыи,
 Ко крутому високому зголовницу,
 Къ тому ль одѣялу соболиному.
 Сама говорила таковоѳ слово:
 «Изволь-ко ложитяся Чурилушка,
 «Изволь-ко ложитяся сынъ Поплѣнковицъ!»
 Лѣгъ тутъ спать какъ Чурилушка,
 Лѣгъ тутъ спать да сынъ Поплѣнковицъ,
 Подли ѳго-то Катеринушка,
 Да подли бочка дочь Микулична.
 Они стали-то жити-то бѣти они,
 Межу собою времечки корѳтати.
 Какъ на тую пору въ тое времячко
 Провѣдала дѣвка дворовая,
 Дворовая дѣвка челягична, —
 Башмаченка обувала на босѳю ногѳ,
 Шубу падѣвала на однеѳ плечѳ,
 Вѣжала дѣвченка ко Божѣен церкви,

Кричала дѣвчошка во всю голову:

— Что же ты, Вельма сынъ Васильевичъ,
— Стоишь ты Вельма во Божьей церкви,
— Господу Богу Вельма молишься,
— До мосту ты Вельма поклоняешься,
— Надъ собой ты незгодушки не вѣдаешь!
— Есть у тебя во твоёмъ дому,
— Во твоёмъ дому какъ нелюбимый гость,
— Онъ ѣсть-то ѣсть прокладается,
— Со твоею женою забавляется. —
Онъ кинулъ головушку межъ плечью,
Утупилъ ясны очи въ казньовъ мость,
Самъ згворилъ таково слово:
«Ахъ ты вѣдь дѣвка дворовая,
«Дворовая ты дѣвка челягична!
«А никто тебя дѣвку не спрашиваетъ,
«А никто тебя дѣвку вывѣдываетъ (*такъ*)!
«Знала бы ты дѣвка своё дѣло,
«А своё бы ты дѣвка дворовое,
«Знала бы ты дѣвка коровъ кормить,
«Знала бы ты дѣвка телашовъ понть!
«Правду говоришь — во замужъ возьму,
«А неправду говоришь — голову срублю.»
Какъ бѣжала тутъ дѣвка на своё мѣсто,
На своё на мѣсто на прежное.
А приходитъ Вельма отъ Божьей церкви,
Приходитъ-то Вельма ко конюшенки,
Ко той ли ко стойлы лошадины,
Гдѣ стоялъ-то конь его добрыи, —
А не видить коня своя (*такъ*) добраго,
Только видить коня ѣнъ Чурилушкина;
Онъ зоблетъ пшену бѣлояровую,
А его видно конь какъ пріотоганъ,
А Вельминъ же конь тутъ пріотведенъ.
Такъ отходить отъ конюшни стоялыи
А отъ той ли отъ стойлы лошадины,
Приходитъ къ воротцамъ рѣшотчатыймъ,
Да ко тымъ ко пѣтничкамъ (*такъ*) булатнѣмъ,
Ко тымъ ли петличкамъ шелковенькѣмъ;
У тыхъ воротецъ колотится,
У тыхъ воротецъ давается.
Это тутъ Катеринушка,
Это тутъ дочь она Микулична,
Крику ѣна испугаласи,
Крику сама перепаласи.
Бѣжитъ она какъ въ однихъ чулкахъ,
Да безъ черныхъ бѣжитъ безъ чеботовъ,
Въ одной тоненькой мягдой рубашечки;
У ней женскіи волосы рострѣпанни,
У ей пѣжна грудь бѣла показаная.
Отпирала воротца рѣшотчатый.

Говорить Вельма тутъ сынъ Васильевичъ:

«Что же ты Катеринушка
«Видно крѣпко меня испугаласи?
«Въ однихъ бѣлыхъ чулкахъ ты безъ чеботовъ,
«Въ одной тоненькой мягдой рубашечки.»
Отвѣтъ держала Катеринушка,
Отвѣтъ держитъ дочь Микулична:
— Ахъ же ты Вельма сынъ Васильевичъ!
— Мнѣ ль Катеринушки не можется,
— Мнѣ ль Микуличной хворается,
— Да крѣпко мнѣ не домогается. —
Позошь-то Вельма тутъ по полатушки,
Да увидѣлъ лапѣтцы Чурилушкины:
«Эти лапѣтцы у Чурилушки выдалъ.»
Отвѣтъ дѣржитъ Катеринушка,
Отвѣтъ держитъ дочь Микулична:
— Ахъ же Вельма сынъ Васильевичъ!
— А эти лапѣтцы брата моего,
— А по смерти моей по души отдать. —
Позошь-то Вельма да по полатушки,
А увидѣлъ шапку Чурилушкину:
«А эту шапку на Чурилушки выдалъ,
«Эту шапку у Чурилушки слыхалъ.»
Отвѣтъ дѣржитъ Катеринушка,
Отвѣтъ дѣржитъ дочь Микулична:
— Это шапка брата моего,
— А по смерти моей по души отдать. —
Позошь Вельма ѣнъ во спаленку,
Увидѣлъ тамъ какъ Чурилушку
На той кровати кисовни,
На той перини пуховни,
Подъ тымъ одѣяломъ соболиннымъ,
Да на томъ ли еще на зголовницѣ,
Обвернулся на стѣнку лицовую,
Кѣ той ко стопочкѣ точенни.
Взялъ-то Вельма да саблю вострую,
Отсѣкъ-то Чурилушки буйну голову.
Поворотъ держалъ на ручку на правую:
«Гдѣ пала голова Чурилушкина,
«Тутъ пади голова Катеринушкина!»
Такъ дѣвку дворовую,
Эту дѣвку челягичну,
Ѣнъ отмигъ чередилъ,
Въ цвѣтно плаѣтье снарядилъ,
По утру по свѣту въ вѣнцу позошь,
Во тую онъ во Божью церкву,
Принимали оны да по злату вѣнцу,
Златыми вѣнцами повѣнчалисе,
Златыми перстнями обручалисе.
Приходитъ Вельма тутъ во полатушку,
Приводилъ ѣнъ ту за бѣлу руку.

Такъ оны нынѣ теперичу
 Стали жити-то быти оны,
 Межу собою времечки корѳтати.
 Тутъ Чурилушки славу поють,
 Тутъ Катерины неминуему.

Записано въ Пудожѣ, 31 июля.

68.

СОЛОВЕЙ ВУДИМИРОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. III, 32).

Изъ-за того острова Кадоляскаго,
 Изъ-за того ли моря за Дунайскаго,
 Выходило выбѣгало тридцать караблей.
 Ино на тынхъ было тутъ на карабляхъ
 Тридцать молодецвъ безъ единого,
 Самъ Соловей во тридцатыхъ,
 Тридцать одна его матушка родна.
 Хорошо карабли изукрашены,
 Хорошо карабли изнаряжены:
 И носъ корма да по туриному,
 Шпирокі бока по лосиному,
 Парусы крупчатой камни,
 Якори на карабляхъ бузатни,
 У якоревъ колечка серебряный,
 Кадолы-ты *) изъ семи шелковъ;
 И мѣсто было руля повѣшено
 По заморскому соболю по дорогомѣ,
 Да руль-то былъ заналаженной.
 И на томъ было какъ на карабли
 Младъ Соловейко Гудимировичъ.
 Самъ зговорилъ таково слово:
 «Ай вся моя дружина хоробрая!
 «Дѣлайте дѣло повелѣное,
 «Слушайте большаго атамана.
 «Вы берите-тко трубочки подзорныи,
 «Глядите во славно во синѣ морѣ,
 «Ко тому ли ко городу ко Киеву,
 «Ко ласкову князю Владимиру,
 «Наглядите въ присталь карабельною.»
 И ставали во машты высокин,
 Дѣлали дѣло повелѣное,
 Слушали большаго атамана,
 Глядѣли во славно синѣе морѣ,

*) т. е. снасти, такъ объяснилъ пѣвецъ.

Ко тому ли ко городу ко Киеву,
 Ко ласкову князю Владимиру,
 Углядѣли присталь карабельною.
 Скоро будучи съ караблемъ подъ Киевомъ,
 Забѣгали во присталь карабельною,
 Парусы спускали крупчатой камни,
 Якори бросали бузатни.
 Зговорить младъ Соловей сынъ Гудимировичъ:
 «Сходенку выкидай серебряную,
 «Другу выкидай подзолоченую,
 «Третью выкидай исповѣжаную.
 «Берите подарки умильни,
 «Кунци вы лисицъ да заморскіихъ.»
 Брала ѣны во бѣлыи руки,
 Матушка камочку узбрчатую,
 И самъ беретъ гуселка ярѳчатый,
 И самъ идетъ по сходенки золоченый,
 Матушка идетъ по серебряный,
 Вся его дружина по исповѣжанный;
 Приходятъ оны ко Владимиру на двѳръ.
 Приходитъ въ палату грановитую,
 Крѣсть кладѣтъ по писаному,
 А поклонны-ты ведѣтъ по ученому,
 На всѣ три вѣдъ на четыре онъ на стороны,
 Тому ли Владимиру въ особину.
 Подаютъ ему подарочки хорошіе,
 Матушка камочку узбрчатую
 Молодой княгини Опракци.
 Взимаютъ княгиня на бѣлыи руки,
 А взимаютъ княгиня, дивуетси:
 Да не дорога камочка заморская,
 А ѣ дороги узоры заморскіи!
 Сталь его Владимиръ выспрашивати,
 Сталь его Владимиръ вывѣдывати:
 — Ты скажись, молодецъ, со кой земли,
 — Какъ молодца именѣмъ зовутъ? —
 Подходитъ къ ему поблизешенько,
 Поклонилси князю самъ низешенько:
 «Зъ-за того я моря зъ-за Дунайскаго,
 «Зъ-за того я острова Кадоляскаго
 «Душечка удалый добрый молодецъ,
 «Младъ Соловейко да сынъ Гудимировичъ.»
 — Ты зачѣмъ же сюда побывалъ ко мни?
 — Торгомъ торговать ли на съѣздъ ко мни,
 — Ли на съѣздъ ко мни, ли на житьѣ пожить? —
 Отвѣтъ держалъ Соловѣюшко,
 Младъ Соловей да сынъ Гудимировичъ:
 «Не торгомъ торговать да не на съѣздъ къ тобѣ,
 «Я приѣхалъ къ тобѣ какъ на житьѣ пожить.
 «Дай-ко мнѣ да топеръ мистечка
 «Подли себѣ да ты подли бочка.

«Есть у тя молода племянница,
 «Молода Забавушка Пуятична,
 «У нѣй какъ есть во зеленѣхъ садохъ (такъ)
 «Дубица вязь повѣрощеной:
 «Позволь-ко мнѣ-ка нуль су (такъ) повѣрубити,
 «Изъ саду вонъ мнѣ повѣметати,
 «Постройть мнѣ да тамъ три терема,
 «Со трѣми со сѣнами съ нарядними.»
 Згворить Владиміръ таковѣ словъ:
 — За тыя за рѣчи умильни,
 — За твои слова постановны,
 — Ступай нынъ теперь въ зеленѣи садѣ,
 — Дѣлай ты дѣло повелѣное. —
 Также приходитъ Солобьюшко,
 Младъ Соловей да сынъ Гудиміровичъ,
 Ко своей дружини ко хоробрыи,
 Тридцать молодцовъ безъ единого:
 «Дѣлайте вы дѣло повелѣноѣ,
 «Слушайте большаго атамана,
 «Берите вы нынъ да во бѣлыи руки
 «А и ты лъ топорики булатни,
 «Подѣлайте кирочки лопаточки,
 «Поди вы таперъ да въ зеленѣи садѣ —
 «Дубыя вы вязыя все повѣрубите,
 «Да изъ саду вонъ да вы повѣмчитѣ,
 «А тыи кореня вы повѣкопайте;
 «Постройте вы тамъ да ровно три терема,
 «Со трѣма со сѣнами съ нарядными, —
 «По утру мнѣ-ка стать пинь-ка жить поити.»
 Дѣлаи дѣло повелѣноѣ,
 Слушали большаго атамана,
 А имѣли топорики булатни,
 Подѣлаи кирочки лопаточки,
 Дубыя-то вязыя повѣрубилѣ,
 Изъ саду вонъ какъ тутъ повѣмстали,
 Построили онѣ вѣдъ тутъ три терема,
 Со трѣма со сѣнами съ нарядными;
 Къ утру свѣту они жить пошли.
 По утру было какъ тутъ равѣшенъко
 А ставала какъ есть нынъ Забавушка,
 Молода Забава Уятична,
 Умывалась водою тутъ бѣлѣшенъко,
 Утиралась полотѣнушкою сумѣхонъко,
 Она Господу Богу помолѣласе,
 Глядѣла-она тутъ во окошечко,
 Сама-то она тутъ счудоваласе,
 Сама-то она тутъ здивоваласе:
 — Что это нынъ чуде счудилосѣ,
 — Вино пиво да воспрокурилосѣ?
 — А во моихъ топеръ зеленѣхъ садахъ
 — А дубицо вязыя все повѣрублено

— А изъ саду вонъ они повѣметани. —
 Какъ шубу надѣвала на одно плечо,
 Башмачки надѣвала на босую ногу,
 Пошла она Забава въ зеленѣи садѣ,
 Приходитъ она ко перву терему, —
 Въ первомъ терему шопоткомъ говорятъ:
 Молится матушка вѣдъ Господу,
 Умаливать за сына за любимаго,
 За младаго сына Гудиміровича.
 Приходятъ она ко другу терему, —
 Въ другомъ терему стучитъ гремитъ,
 Стучитъ гремитъ какъ золота казна:
 Считаетъ Соловей да золоту казну,
 Золоту казну ѣнъ тутъ безсчѣтную.
 Приходила она ко третью терему, —
 Тамъ играютъ во гусѣлка ярвчатый,
 Тонцы ведутъ отъ Новѣ-города,
 Други ведутъ-то отъ Ерсолима,
 Пригѣвы пригѣвають хоробшій.
 Заходила Забава Уятична
 Во тотъ ли она во бѣлой шатѣръ,
 Крѣсть она клалѣ по писаному,
 Поклоны-ты вела какъ по учѣному,
 На вси три вѣдъ на чѣтыре какъ на стѣорыи,
 Той ли дружини въ особину;
 Садилась на брусѣву нову лавочку,
 Сидѣла она видно дѣнь съ утра,
 День съ утра она до вечера,
 А отъ вечера какъ до полуночи,
 Отъ полуночи какъ до бѣлы свѣту.
 По утру было тутъ поравѣшенъко
 Приходитъ душечка удалый мѣлодецъ,
 Младъ Соловейка сынъ Гудиміровичъ,
 Самъ онъ говоритъ таковѣ словъ:
 «Чья у васъ дѣвица присвѣтаная,
 «Чья у васъ дѣвица незнаема?»
 Ставала Забава на рѣзвыи ноги,
 Поклонилась Забава до самой земли:
 — Здравствуй удалый добрый мѣлодецъ,
 — Младъ Соловейко Гудиміровичъ!
 — Есть ты мѣлодецъ вѣдъ нежѣнѣный,
 — Я ли дѣвица на выдѣвани. —
 Згворить душка удалый добрый мѣлодецъ,
 Младъ Соловей да сынъ Гудиміровичъ:
 «За все тебя дѣвица, за все люблю,
 «За одно тебя дѣвица я никакъ не люблю,
 «Ты сама себе дѣвица просвѣтала...
 «Ступай-ко дѣвица ты во своѣи нынъ дѣмъ,
 «Бей-ко челомъ поклонайси-тко
 «Князю лъ тому же ты Владиміру,
 «Чтобы онъ завѣлъ какъ пинь почестный пиръ.»

Такъ пошла нынѣ дѣвица какъ по свой тутъ домъ,
 Вила дѣвица и челомъ она
 Кѣ тому ко князю Владиміру:
 — Ты послушай-ко нынѣ мой ты дядюшка,
 — Ты Владиміръ князь-ко стольне-кіевской!
 — Во своей полаты грановиты
 — Для меня любимой племянницы
 — Заведи-ко ты нынѣ какъ почестный пиръ,
 — Чтобы было мнѣ чимъ нынѣ похвастати. —
 А какъ завелъ вѣдь ей тутъ дядюшка,
 Онъ завелъ нынѣ тутъ какъ почестный пиръ.
 На томъ на пиру да было весело,
 Пили ѣли проклаждалися.
 Тогда приходитъ удалый молодецъ,
 Младъ Соловѣйко сынъ Гудиміровичъ,
 Береть еѣ дѣвицу за бѣлыя руки,
 Пошли они съ дѣвицей во Божью церкву,
 Златыми перстнями да обручались,
 Златыми вѣнцами да повѣнчались.
 Приходитъ Соловѣй ко Владиміру,
 Приноситъ благодарность великую,
 Дѣлать почѣтъ ему честныи,
 Честныи почѣтъ и благодарныи.
 Пошолъ Соловѣй да во свой тутъ домъ,
 Сталъ Соловѣй-то жить и быть,
 Мѣжу собой времечки корѣтати.
 Здунинай Дунай сынъ Ивановичъ Дунай,
 Сынъ Ивановичъ Дунай про то дѣло не знай.

Мхи да болота въ Помѣрской сторонѣ,
 Щелья каменя Подѣвѣрной странѣ,
 Претолстыи горы высокіи,
 Превысоки лѣса все дремучіи.
 А рострубисты сарафаны по Моши по рѣки,
 Здунинай Дунай про то дѣло не знай.

Записано въ Шагѣ, 29 іюля.

XV.

АНДРЕЙ СОРОКИНЪ.

Андрей Пантелѣевъ Сорокинъ, крестьянинъ дер. Новинка на Сумозерѣ, 43 лѣтъ, черноволосый, средняго роста, съ небольшою бородкой; живетъ земледѣлемъ; родился и жилъ до 30-лѣтняго возраста въ дер. Ценежахъ у Пудожа, переселился на Сумозеро въ домъ тестя, у

котораго не было сыновей. Его отецъ и дѣдъ не пѣвали былины; онъ выучился имъ мальчиномъ и молодымъ человѣкомъ, когда живалъ подолгу на мельницѣ, гдѣ собиралось много крестьянъ изъ окрестныхъ деревень и коротали время, распѣвая «старины». Въ числѣ своихъ учителей Сорокинъ называлъ старика Аванася изъ Кутгалы у Пудожа; отъ него онъ перенялъ былинну про Соловья Будиміровича. Сорокинъ поетъ весьма пріятнымъ голосомъ и складною, мѣрною рѣчью былины, не смотря на то, что вовсе не соблюдаетъ въ нихъ размѣра. Онъ пробовалъ когда-то распѣвать въ видѣ былины и сказки, которыя рассказываются «словами» (т. е. прозаическою рѣчью), но это, какъ онъ говорилъ, ему не удавалось: видя, что дѣло не ладится, онъ бросилъ эту мысль. Сорокинъ пріѣзжалъ къ г. Рыбникову, который частью самъ записалъ его былины, частью поручилъ это писарю. При слѣченіи напечатанныхъ въ сборникѣ г. Рыбникова былины Сорокина съ тѣмъ, какъ онъ ихъ пѣлъ нынѣ, не оказалось почти никакой разницы, кромѣ нѣкоторыхъ частицъ (*а ѣ, какъ*), которыя Сорокинъ ставитъ въ началѣ каждаго почти стиха при пѣвіи былины «голосомъ» и опускаетъ при пословесной ея передачѣ. Такъ какъ, по отсутствію размѣра въ былинахъ Сорокина, онѣ, будучи записаны съ голоса, не разнятся ничѣмъ, кромѣ мелкихъ и случайныхъ измѣненій, отъ текста, напечатаннаго въ сборникѣ г. Рыбникова, то тѣ былины, которыя вошли въ этотъ сборникъ, здѣсь не повторяются, а приводятся лишь существенныя въ нихъ варианты, дѣланкомъ же печатаются только былины, у г. Рыбникова не помѣщенныя.

69.

ИЛЪЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

А ѣ не волна ли какъ на мори расходиласи,
 А ѣ не сине море всколыбалоси,
 А ѣ взволновался да вѣдь Кáлинъ царь,
 А ѣ на славныи на стольныи на городъ на Кіевъ
 онъ,
 А ѣ на солнышка князя Владиміра,
 А ѣ какъ онъ на святую Русь.
 А ѣ какъ бралъ ѣнъ съ сорока земель
 А ѣ какъ сорокъ ѣнъ королей да королевичевъ;

А ѿ за кажнымъ королѣмъ королевичемъ
 А ѿ какъ силы было какъ по сороку ужъ тысячей.
 А ѿ какъ бразъ ѣнъ пятьсотъ князей да бояръ
 онъ невѣрныхъ,
 А ѿ за кажнымъ силы по сороку было тысячей.
 А ѿ какъ пришолъ онъ подъ славныи подъ стольнии
 А ѿ подъ городъ по Кіевъ-онъ,
 А ѿ становился ѣнъ ко матушки да Елисей-рѣки,
 А ѿ во ты во поля во Елисна.
 А ѿ какъ тутъ безбожныи Калинъ царь
 Призвалъ онъ посланника да любезнаго,
 А ѿ какъ самъ говорилъ онъ посланнику таково
 слово:
 «А ѿ же ты посланникъ любезный!
 «А ѿ и носи какъ мою чернилицу да вальчаную,
 «А ѿ и носи моѣ перо какъ лебединое,
 «А ѿ и носи листъ бумагу гербовую.»
 А ѿ какъ тутъ безбожный Калинъ царь
 А ѿ сажился онъ да на ремечать стулъ,
 А ѿ къ тому онъ столику ко дубовому;
 А ѿ какъ началъ онъ ѣрлуковъ да написывать,
 А ѿ какъ началъ силу свою онъ да назначивать,
 А ѿ и писалъ ужъ какъ силушки много да тысячей,
 А ѿ какъ ѣнъ ерлуки запечатывалъ,
 Подавалъ-то онъ посланнику да любезному,
 А ѿ какъ говорилъ ѣнъ ему таково слово:
 «А ѿ же ты посланникъ любезный безызмѣнный!
 «А ѿ и бери ерлуки во бѣлыи руки,
 «А ѿ ступай-ко садись на добра коня,
 «А ѿ и поѣзжай-ко ты во славный во Кіевъ во го-
 родъ-онъ,
 «А ѿ и ко солнышку ко князю ѣдъ прямо на ши-
 рокъ дворъ,
 «А ѿ ставови-тко добра коня осередѣ двора широка,
 «Осередѣ двора широка княженецкаго,
 «А ѿ самъ прямо поди-тко въ полаты вѣдъ княже-
 нецкии,
 «А ѿ какъ проходи въ полаты-ты княженецкии,
 «А ѿ и какъ русьскому Богу не кланяйся,
 «А ѿ и какъ солнышку князю челомъ не бей,
 «Не клони ѣму буйныи головушки,
 «Кладывай ерлуки ему на дубовый столъ,
 «А ѿ и да говори рѣчи съ нимъ да не съ упадкою,
 «А ѿ и скажи: «солнышко князь стольнѣ-кїевской!
 «А ѿ и бери ерлуки во бѣлыи рѣки,
 «А ѿ и ерлуки распечатывай,
 «А ѿ и какъ ты распечатывай да развертывай,
 «А ѿ и до важнаго словечка да высматривай.»
 «А ѿ и скажи ему да еще таковыи слова,
 «А ѿ и скажи: «солнышко князь стольнѣ-кїевской!
 «А ѿ и по всему какъ по городу какъ по Кіеву

«А ѿ и со Божьихъ какъ церквей да чудныи кресты
 повиснимай,
 «Во церквахъ сдѣлай стойлыи лошадинныи,
 «А ѿ и стоять нашимъ да добрымъ конямъ.
 «А ѿ и еще по всему какъ по городу какъ по Кіеву
 «А ѿ и умой-ко полаты вѣдъ бѣлокаменныи,
 «А ѿ стоять нашей рать силы великии.
 «А ѿ еще по всему какъ по городу какъ по Кіеву
 «А ѿ и широкии улущки да поныпаши.»
 «А ѿ и потомъ повернись да поди съ полаты вонъ
 съ бѣлокаменныхъ,
 «А ѿ и потомъ садись на своего на добра коня,
 «А ѿ и поѣзжай въ свою рать силу великую.»
 А ѿ и какъ тутъ посланникъ любезный безызмѣн-
 ный
 А ѿ и какъ шолъ садился ѣнъ на своего добра коня,
 А ѿ и какъ ѣхалъ во славный да во стольный
 А ѿ и во городъ во Кіев-отъ;
 А ѿ и прїѣзжалъ какъ онъ ко солнышку князю къ
 Владиміру,
 А ѿ и прїѣзжалъ къ нему онъ на широкъ дворъ,
 Становилъ какъ онъ да добра коня
 Осередѣ двора широка княженецкаго,
 А ѿ и какъ самъ онъ шолъ прямо въ полаты кня-
 женецкіе,
 А ѿ и какъ русьскому Богу не кланялся,
 А ѿ и какъ солнышку князю челомъ не билъ,
 Не клонилъ ему буйныи головушки.
 А ѿ и какъ самъ кладывалъ ерлуки на дубовый
 столъ
 Говорилъ какъ рѣчи самъ да не съ упадкою,
 А ѿ и какъ говорилъ:—ужъ ты солнышко Владиміръ
 князь,
 — А ѿ и Владиміръ князь да стольнѣ-кїевской!
 — А ѿ и ты бери ерлуки во бѣлыи руки,
 — А ѿ ерлуки распечатывай,
 — А ѿ ты еще ихъ да развертывай,
 — А ѿ и до важнаго словечка да высматривай.
 — А ѿ ты еще да послухай-ко
 — А ѿ что тебѣ я скажу:
 — А ѿ и какъ ты по всему какъ по городу по Кіеву
 — А ѿ и широкии улущки поныпаши,
 — А ѿ и съ Божьихъ какъ церквей да чудныи кресты
 повиснимай,
 — Во церквахъ сдѣлай стойлыи лошадинныи,
 — А ѿ и стояти нашимъ добрымъ конямъ;
 — А ѿ еще какъ по городу да по Кіеву
 — А ѿ умой-ко полаты вѣдъ ты бѣлокаменныи.
 — А ѿ и стоять нашей рать силы великии. —
 А ѿ и потомъ повернулся ѣнъ
 А ѿ и пошолъ онъ съ полаты-то княженецкихъ,

- Выходилъ-то онъ на широкъ дворъ,
 А ѿ какъ онъ садился на своего да на добра коня,
 А ѿ какъ онъ поѣхалъ въ свою рать силу великую.
 100 А ѿ какъ тутъ солнышко да Владиміръ князь
 А ставалъ ѣнъ какъ со мѣста да со большого,
 А ѿ взиамалъ свой золотой тотъ стулъ,
 А ѿ садился ко тому столу ко дубовому,
 105 А ѿ какъ бралъ ерлуки да во бѣлы руки,
 Ерлуки онъ тутъ распечатывалъ,
 Распечатывалъ онъ розвертывалъ,
 А ѿ до кажнаго словечка онъ высматривалъ.
 А ѿ какъ тутъ увидѣлъ ѣнъ какъ у матушки,
 А у матушки да Елисей-рѣки,
 110 А ѿ во тыхъ во поляхъ во Елисінахъ,
 А стоитъ какъ безбожный Калинъ царь
 Со своей силой съ невѣрною,
 А ѿ какъ слушки на чистомъ поли
 А ѿ какъ мелкаго гѣсу да шумячего,
 115 А ѿ не видно ни краю да ни берега;
 А ѿ какъ знаменѣвъ на чистомъ поли
 А ѿ какъ будто сухого гѣсу жароваго.
 А ѿ какъ тутъ устранился солнышко Владиміръ
 князь,
 А ѿ повѣсилъ свою буйную ѣнъ головушку
 120 А ѿ какъ ниже плечъ своихъ могучихъ,
 Притупилъ очи ясны во кирпичной полъ,
 А ѿ самъ говорилъ да еще таковы слова:
 «А ѿ же ты жонá моя да любезная,
 «А ѿ княгиня Апраксія!
 125 «А ѿ пришло видно времечко да великое,
 «А ѿ пришло видно въ половъ отдать
 «Славный городъ намъ Кіев-отъ
 «А ѿ безбожному царю ужъ какъ Калину!
 «А ѿ какъ видно дѣлать намъ нечего,
 130 «А ѿ какъ всѣмъ-то князьямъ да бояринамъ,
 «Всѣмъ сенаторамъ-то думнымъ,
 «А какъ всѣмъ вельможамъ, купцамъ да всѣмъ
 богатнымъ,
 «А ѿ какъ всѣмъ полянцамъ удалымъ,
 «А ѿ русейскимъ сильнымъ могучимъ богатырямъ!
 135 «А ѿ пришлось имъ да порозѣхаться,
 «А ѿ повиѣхатъ какъ со города да со Кіева,
 «А ѿ какъ намъ съ тобой на убѣгъ бѣжать.
 «А ѿ какъ видно дѣлать намъ нечего
 «Со безбожнымъ царемъ да намъ со Калинымъ!»
 140 А какъ давалъ какъ ѣи ерлуки скорописчаты,
 А ѿ какъ брала ѣна ерлуки во бѣлы руки,
 А ѿ какъ начала да читать она розсматривать,
 А ѿ сама говорила вѣдъ таковы слова:
 — А ѿ же солнышко Владиміръ князь!
 — А ѿ послушай-ко что я скажу.
- А ѿ возми-тко ты публикуй-ко вѣдъ
 — А указы ты строгіе,
 — А ѿ по городу по Кіеву,
 — А ѿ по городу по Чернигову,
 — А ѿ по прочимъ городамъ по губерскимъ, по
 уѣзднымъ,
 — А ѿ выпускай затюремщиковъ грѣшниковъ,
 — А ѿ прощай-ко во всѣхъ винахъ великихъ,
 — А ѿ какъ всихъ призывай къ себѣ да на по-
 честень пиръ.
 — А ѿ какъ призывай-ко сильныхъ могучихъ
 богатырей,
 150 — Призывай-ко стараго казака да Илью Муромца.
 — А хоща онъ сердить на тебя на солнышка князя
 на Владиміра,
 — А може приѣде къ тебѣ да на почестень пиръ.
 — А пусть-ко оны со честного пиру да порозѣ-
 ѣдутся да порозойдутся,
 — А мы тожно *) съ тобой на убѣгъ поидемъ. —
 160 А ѿ какъ солнышко да Владиміръ князь стольне-
 кievской
 А ѿ писалъ онъ письма скорми,
 Письма строгіи,
 Призывалъ кулиерковъ онъ вѣдъ скормихъ,
 А ѿ розсылалъ письма ѣнъ по городу по Кіеву,
 165 А ѿ какъ ѣнъ да по городу Чернигову,
 А ѿ по прочимъ городамъ по губерскимъ по
 уѣзднымъ,
 По своимъ городамъ да по русейскимъ;
 А ѿ выпускалъ затюремщиковъ грѣшниковъ,
 А ѿ прощалъ какъ во всѣхъ винахъ-то ихъ ве-
 ликихъ,
 170 А ѿ просилъ къ себѣ ихъ всѣхъ да на почестень
 пиръ,
 А ѿ какъ всѣхъ онъ князей бояръ тошеръ,
 А ѿ какъ всѣхъ сенаторовъ какъ думныхъ,
 А ѿ какъ всѣхъ вельможъ, купцевъ теперь бога-
 тыхъ,
 А ѿ какъ поляницъ да всѣхъ удалыхъ,
 А ѿ русейскихъ сильныхъ могучихъ богатырей,
 А ѿ просилъ онъ стараго казака Илью Муромца.
 А ѿ теперь послѣ этого
 А ѿ какъ много собиралосе, какъ много съѣзжалосе,
 А ѿ князей бояръ топеръ,
 А ѿ сенаторовъ да думныхъ,
 А ѿ вельможъ, купцевъ богатныхъ,
 Полянницъ да удалыхъ,
 А ѿ русейскихъ сильныхъ могучихъ богатырей.
 А ѿ наѣхали ко солнышку князю Владиміру,

*) т. е. тогда.

А й наѣхали на широкъ дворъ, 125
 А й какъ нагнади да добрыхъ коней
 Полонъ широкъ дворъ да княженецкин.
 Набрались полны какъ полаты княженецкин
 А все князей да бояръ топерь,
 А й сенаторовъ да думныхъ, 120
 А й вельможъ, купцей богатыхъ,
 Поляницъ да удалыхъ,
 А й русейскихъ сильныхъ могучихъ богатырей;
 А й сажилиси какъ за ты столы за дубовые,
 А за ты скамейки за оковыи, 125
 А за ты за ѣствы за сахарные,
 За напитки за ты за медвяные.
 А какъ начали пить топерь, проклаждаются,
 Надъ собою незгоды не начаючи,
 А й какъ всё на пиру пьяны веселы, 130
 А й какъ столько не весель былъ одинъ солнышко
 Владимиръ князь.
 А й какъ ходить по полатамъ княженецкимъ,
 А й повѣшена буйная головушка
 А й какъ ниже плечъ своихъ могучихъ,
 А й притуплены очушки ясны во кирпичной
 полъ. 135
 А й какъ самъ говорилъ топерь таковы слова:
 «Ай же вы князи бояра вѣдъ,
 «А й какъ сенаторы да думные,
 «А й вельможи, купцы вы богатые,
 «Поляницы удалые, 140
 «А й русейскіе сильни могучи богатыри!
 «А й какъ вы у мя на чествомъ пиру
 «А вы у мя да пьяны веселы,
 «А вы всё напивалисе,
 «Похвальбами вы всё пофалилисе. 145
 «А й какъ столько вы не знаете,
 «А й надъ нами есть незгода великая:
 «А у матушки да Елисей-рѣви,
 «А й во тыхъ во поляхъ во Елицинахъ
 «А й стоитъ какъ безбожный Калинъ царь 150
 «Со своей какъ со ратью силой великою;
 «А й стоитъ ужъ какъ силушки на чистомъ поли
 «А й какъ будто мелкаго лѣсу шумячего;
 «А й какъ знаменьевъ на чистомъ поли
 «А й какъ будто сухого лѣсу жароваго. 155
 «А намъ да приказано
 «А по всёму какъ по городу по Киеву
 «А й широкіи улочки выпыхать,
 «А й съ Божьихъ какъ цервей да чудны кресты
 повыснимать,
 «Во церквахъ сдѣлать стойлы лошадиные, 160
 «А по всёму какъ по городу по Киеву
 «А умытъ полаты бѣлокаменны,

«А стоять ихней рать силы великин.»
 А й тутъ бралъ ерлуки скорописчаты,
 Подавалъ старому казаку да Ильи Муромцу. 165
 Тотъ какъ бралъ ерлуки на бѣлы руки,
 А ерлуки началъ розвертывать,
 А началъ ерлуки да онъ розматривать,—
 Такъ и тотъ повѣсилъ буйну голову
 Ниже плечъ своихъ могучихъ, 170
 Притупилъ очи ясны во кирпичной полъ.
 А й какъ понесли эти ерлуки съ рукъ какъ на
 руки,
 А й какъ начали всё розматривать,
 Такъ и всё какъ повѣсили буйны головы
 Ниже плечъ своихъ могучихъ, 175
 Потому что они да устрашилисе.
 А й какъ говорилъ ужъ солнышко Владимиръ
 князь:
 «Ай же гости бажёные любезные,
 «Ай русейскіе сильни могучи богатыри!
 «А что же заведемъ да топерь дѣлати?» 180
 А й какъ тутъ ставалъ какъ со мѣста со большаго
 на рѣвнъ поги,
 А ставалъ-то старой казакъ Ильи Муромецъ,
 А й какъ самъ говорилъ топерь да таковы слова:
 — Ай же солнышко да Владимиръ князь!
 — А й послушай-ко что я скажу. 185
 — А й возьми-ко насыпь ты топеричко
 — А й какъ перву телѣгу ордынскую,
 — А й насыпь-ко краснаго золота,
 — А й насыпь-ко другу телѣгу чистаго сѣребра,
 — А й насыпь-ко третью телѣгу мелкаго да круп- 190
 наго скатнаго жемчугу,
 — А й кати-тко въ подарочкахъ
 — Ко безбожному царю да ко Калину,
 — А проси-тко ты строку на три мѣсяца.
 — А ежели бѣ даль онъ намъ строку на три мѣ-
 сяца, 195
 — А й какъ я да въ три мѣсяца
 — А какъ съѣзжу я къ чисту полю,
 — А какъ я сберу свою дружину да хоробрую,
 — А какъ сберу я тридцать молодцовъ да безъ
 одинаго,
 — А тогда я съѣзжу ко безбожному царю ко Ка-
 лину,
 — Въ рать его силу да великую. 200
 — А й тогда да я попробую,
 — А я да отвѣдаю,
 — А врядъ больше приѣде онъ
 — А й ко славному ко городу ко Киеву. —
 А й какъ солнышко да Владимиръ князь да столь- 205
 нѣ-киевской

- Приказалъ онъ какъ насыпать первую телѣгу да
ордынскую
- А ѿ какъ краснаго золота,
А ѿ какъ другу телѣгу чистаго сѣребра,
А ѿ какъ третью телѣгу мелкаго крупнаго скат-
наго да жемчугу;
- 220 А ѿ покатили русейскіи посланники
А отъ солнышка отъ князя отъ Владиміра
Ко безбожному царю топерь да ко Калину,
А ѿ просили строку топерь да на три мѣсяца.
Говорилъ какъ безбожный Калинъ царь:
- 285 «Ай же вы русейскіе вы посланники
«А отъ солнышка отъ князя отъ Владиміра!
«А хощь возьму я ваши подарочки дѣроги,
«А какъ дамъ я строку вамъ на три мѣсяца,
«А чтобы да въ три мѣсяца,
290 «Чтобы было все исполнено
«По моему да приказанью:
«А всё удушки роспаханы,
«А со всёхъ церквей чудны кресты сняты,
«Въ церквахъ сдѣланы столбы лошадиные.
295 «А умыты полаты бѣлокаменны.»
А воротились взадъ какъ русейскіи посланники,
А сказали солнышку князю таковы слова
И розказали какъ да приказано.
- 300 А ѿ какъ тутъ-то старой казакъ Илья Муромецъ
А ѿ какъ всё ёнъ то же новыслухалъ,
А какъ скоро шолъ ёнъ, сядица на добра коня,
А какъ скоро поѣхалъ ёнъ да въ чисто поле,
А какъ собирать-то онъ своей дружины да хоро-
брошей;
- 305 А какъ вѣдъ топеречку послѣ этого
А ѿ промедлилось времечки три мѣсяца,
Не видать какъ старого казака Илья Муромца да
изъ чиста поля.
А ѿ какъ солнышко князь опять да не веселье
сталъ,
А ѿ какъ самъ говорилъ да таковы слова:
— Ай же ты княгиня Апраксія!
310 — А ѿ какъ видно какъ пришло тое времечко
да великое,
— А ѿ какъ топерь пришло да отдать въ полонъ
— А какъ славный городъ намъ Кіев-отъ;
— А какъ всёмъ князьямъ да боярамъ вѣдъ
— А ѿ какъ быть да порозѣхаться,
— А ѿ какъ всёмъ полянцамъ удалымъ,
— А ѿ русейскимъ сильнымъ могучимъ богаты-
рямъ
— А намъ пришло съ тобой какъ на убѣгъ бѣ-
жать.
— А какъ видно на кого была надѣя великая,
- А ѿ на старого казака да Илью Муромца,
— А ѿ у того топерь да уѣхано
— А въ далече далече да въ чисто поле,
— А ѿ не будетъ ёнъ изъ чиста поля. —
А ѿ какъ тутъ ёнъ говоритъ ему таковы слова:
«Ай же ты солнышко Владиміръ князь!
315 «Забери остатнее столованье да почестень пирь,
«А ѿ забери-тко ты топерь всёхъ князей боярь,
«Всёхъ сенаторовъ да думныхъ,
«А ѿ какъ всёхъ вельможъ, купцей богатыхъ,
«Всёхъ поляницъ да ты удалыхъ,
320 «А русейскихъ сильныхъ могучихъ богатырей.
«А какъ пусть-ко вѣдъ со честна пира порозѣй-
дутся,
«Со честнаго пиру порозѣдутся.»
А ѿ какъ забиралъ онъ остатнее столованье да
почестень пирь.
А ѿ какъ тутъ прѣзжали князи бояра вѣдъ,
325 Сенаторы да думные,
А ѿ вельможы, купцы всё богатые,
Поляницъ удалые,
А русейскы сильны могучи богатыри
А ѿ ко солнышку князю Владиміру на почестень
пирь;
330 А ѿ какъ вѣдъ набрались полны полаты бѣлока-
менны
Все удалыхъ добрыхъ молодцовъ.
А ѿ какъ вѣдъ да сядице
А ѿ за ты столы за дубовы княженецкіе,
А за ты за ѣствы сахарніе,
335 А за ты за напитки за медвяныи.
А какъ болѣ сядятъ оны,
Никто не пьетъ да не кушаетъ,
А у всёхъ повѣшены да буйны головы
А ѿ какъ ниже плечъ своихъ могучихъ,
340 Притуплены оушени ясныи,
Оушки ясныи во крпичной полъ.
А тутъ еще какъ съ мѣста середяго
А еще ставалъ удалый добрый молодець,
А ставалъ какъ вѣдъ молодой Ермакъ сынъ Ти-
моѣевичъ,
345 А ставалъ какъ молодой Ермакъ да на рѣзныи ноги,
А говорилъ молодой Ермакъ да таковы слова:
— Ай же солнышко да Владиміръ князь стольне-
кѣвской!
— А спусти-тко меня да ты въ чисто поле.
— А ѿ какъ съѣзжу я да сыну топерь
350 — А какъ старого казака да Илью Муромца
— А со всёй я съ дружиной со хороброю. —
А ѿ какъ ёнъ говорилъ ему:
«Ай же ты молодой Ермакъ,

«Молодой Ермакъ сынъ Тимоѣевичъ!
 «А ѿ какъ ты молодѣць молодѣшенокъ,
 «А ѿ какъ ты молодѣць да лѣтъ двѣнадцати,
 «Не бывать тебѣ да въ чистомъ поли;
 «Не видать те стараго казака да Ильи Муромца.
 «Вѣдь промедлилось времечки три мѣсяца,
 «А въ три мѣсяца Богъ знать куда у его топерь»

уѣхаво,
 «А какъ може уѣхано
 «Край свѣтушка край бѣлаго.»
 А какъ наливалъ ему чару онъ да зеленá вина,
 Зелена вина чара мѣрой полтора ведра,
 Вѣсомъ какъ чара ровно полтора пуда,
 А ѿ подавалъ-то ему солнышко князь да единой
 рукой,
 Принималъ какъ онъ да единой рукой,
 Выпивалъ онъ какъ да единымъ духомъ.

Онъ опять онъ давается ѣхать въ чистó поле:
 — Ай же солнышко да Владиміръ князь да столь-

не-киевской!
 — А спусти меня да въ чистó полѣ,
 — А съѣзжу сыщу я какъ стараго казака да

Илью Муромца
 — А со всей съ дружиной съ хороброю. —
 А ѿ какъ ѣнъ да говорилъ ему:

«Ай же ты молодой Ермакъ,
 «Молодой Ермакъ сынъ Тимоѣевичъ!
 «А ѿ какъ ты молодѣць молодѣшенокъ,
 «Молодѣць ты лѣтъ да двѣнадцати,
 «А ѿ не бывать тебѣ да въ чистомъ поли,
 «Не видать те стараго казака Ильи Муромца.»
 «Вѣдь промедлилось времечки ровно да три мѣ-

сяца,
 «А ѿ какъ може въ три мѣсяца
 «А уѣхано край свѣтушка край бѣлаго.»
 Наливалъ ему какъ вторую-ту чару зеленá вина,
 А ѿ какъ мѣрой чара полтора ведра,
 Вѣсомъ какъ чара ровно полтора пуда.

А ѿ подавалъ-то ему солнышко князь да единой
 рукой,
 Принималъ какъ молодой Ермакъ да единой рукой,
 Выпивалъ какъ молодой Ермакъ да единымъ ду-

хомъ.
 А ѿ опять онъ давается ѣхать во чистó полѣ:

— Ай же солнышко Владиміръ князь!
 — А спусти меня да въ чистó полѣ,
 — А съѣзжу сыщу я стараго казака да Илью

Муромца
 — А со всеѿ я съ дружиной съ хороброю. —
 А ѿ какъ тутъ говорилъ ему солнышко Владиміръ

князь:
 «Ай же ты молодой Ермакъ,

»Молодой Ермакъ сынъ Тимоѣевичъ!
 «А ѿ какъ ты молодѣць да молодѣшенокъ,
 «Ты какъ молодѣць да лѣтъ двѣнадцати,
 «А ѿ не бывать тебѣ да въ чистомъ поли,
 «Не видать те стараго казака Ильи Муромца.
 «Вѣдь какъ промедлилось времечки да три мѣсяца,
 «А въ три мѣсяца Богъ знать куда у его уѣхано,
 «А ѿ какъ може уѣхано край свѣтушку край

бѣлаго.»
 А ѿ наливалъ ему третью да чару зеленá вина,
 А ѿ какъ мѣрой чара полтора ведра,
 Вѣсомъ какъ чара ровно полтора пуда.

А ѿ подавалъ-то ему солнышко князь да единой
 рукой,
 Принималъ какъ молодой Ермакъ да единой рукой,

Выпивалъ какъ молодой Ермакъ да единымъ ду-
 хомъ.

А ѿ потомъ какъ онъ ставалъ да на рѣзвѣ ноги,
 А ѿ какъ тутъ скакалъ черезъ ты столы ѣнъ ду-
 бовые,

Черезъ ты ѣствѣ сахарніе,
 А черезъ ты напѣтки да медвяные,
 А ѿ какъ столько едва да розобралъ

А на стючки приправу свою да богатырскую,
 А ѿ какъ онъ приправу вѣдь да богатырскую.

А ѿ бѣжалъ потомъ онъ на широкъ дворъ,
 А ѿ садился ѣнъ на своего на добра коня,
 А ѿ поѣхалъ онъ съ того ли двора да княженецкаго.

А тутъ какъ топеречко солнышко Владиміръ князь
 А ѿ не зпать какъ куда уѣхалъ молодой Ермакъ:
 А искать ли онъ да стараго казака Ильи Муромца,
 Али онъ уѣхалъ въ поля да во Елисіина?

А онъ прямо ѣхалъ въ ты поля во Елисіина,
 А ѿ поѣхалъ ко матушкѣ да Елисей-рѣки.
 А ѿ какъ онъ увидѣлъ на тыхъ поляхъ на Ели-

сіинахъ,
 А стюпть-то ужъ слюшки какъ на чистомъ поли,
 А какъ мелкаго лѣсу шумячего,
 А ѿ не видно ни краю да ни берега,

А ѿ какъ знаменъѣвъ на чистомъ поли
 Какъ сухого лѣсу жароваго.

А ѿ какъ тутъ ли самъ пороздумался:
 А хошь много силы на чистомъ поли,

А ѿ какъ столько могу я розбить на своемъ да
 на добромъ конѣ,

А не захватить меня во рать во силы великѣй
 А поганымъ воинамъ,

А ѿ потому что у мня подо мной да конь кры-

латый.
 А ѿ столько хоче спуститься на рать на силу
 великую,

- 450 А й какъ шумъ зашумѣлъ изъ чиста поля,
А какъ онъ посмотритъ вѣдь на чисто полѣ,
А какъ ажю ѣде старой казакъ Илья Муромецъ,
А Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
А й со всѣй онъ съ дружиной съ хороброю.
- 455 А й какъ тутъ ужъ какъ сѣхалось
А й какъ тридцать молодцовъ да со единымъ,
А й какъ тридцать сильныхъ русейскихъ богатырей;
А й какъ тутъ старой казакъ Илья Муромецъ
А й говоритъ своей дружины да хоробрей:
- 460 — Ай же вы пятнадцать молодцовъ да вы удалыхъ!
— А й поѣжайте-тео о матушку Елисей-рѣку,
— А й не упущайте-ко силы за матушку Елисей-рѣку,
— А й какъ другіе поѣжайте-тео на чисто полѣ,
— Становитесь-во ратѣй силой великою,
465 — А не упущайте-ко силушки да на чисто полѣ,
— Съ краю рубите до одинаго. —
А й какъ тутъ правой рукой да поѣхалъ старой казакъ,
А й старой-то казакъ да Илья Муромецъ;
А й лѣвой рукой какъ поѣхалъ да молодой Ермакъ,
470 Молодой Ермакъ сынъ Тимоѣевичъ;
А й какъ начали рубить да силушку на чистомъ поли,
А й какъ начали прижимать со всѣхъ да со сторушювъ, —
А какъ не промедлилось времечки ровно до шести часовъ,
А той порой до тымъ времечкомъ
475 А й какъ силу присѣкли до одинаго.
А й какъ тутъ молодой Ермакъ какъ розѣхался
Ко безбожному царю ѣнъ ко Калину,
Измалъ царя Калина за желты кудри,
А й какъ самъ сказалъ ему таковы слова:
480 «А й какъ вотъ тебѣ, безбожный Калинъ царь,
«Вотъ тебѣ улушки роспаханы,
«Со тыхъ Божьихъ цервей чудны кресты сняты вѣдь,
«А й какъ вотъ во церквахъ сдѣланы стойлы лошадины,
«Вотъ те умыты да вѣдь полаты бѣлокаменны!
485 «Нѣтъ, не приписывай ерлуковъ скорописчатыхъ
«А й ко нашему солнышку князю Владиміру,
«А й съ угрозами со великима!»
А й здынулъ его выше буйныя головушки,
А спустилъ какъ о матушку да о сырѣ землю,
490 А й какъ тутъ у царя какъ у Калина
А й на ѣмъ да кожа лопнула,
А й какъ тутъ царь Калину славы поють.
- А й какъ тутъ удалыи добры молодцы
А й сажилсе на добрыхъ коней
А й отправились во славныи какъ во стольни
А й во городъ во Кіев-отъ
А й ко солнышку князю Владиміру,
А й пріѣхали, какъ сказали вѣдь,
Что убить безбожный Калинъ царь,
495 А со всею со рать силой великою, —
А й какъ тутъ солнышко какъ Владиміръ князь
А й на радости на великѣй
А й какъ тутъ для удалыхъ для молодцовъ
Забиралъ столованье почестенъ пиръ;
А й какъ начали пить, кушать вѣдь, добромъ про-
глаждаются,
А й какъ надъ собой незгоды боги не начаютъся.
А й какъ публиковалъ указъ онъ строгіи
А й по городу по Кіеву,
Розотворилъ какъ онъ всѣ кабаки конторы онъ,
500 Чтобы весь народъ какъ пилъ да зеленѣ вино;
Кто не пье зеленѣ вина,
Тотъ бы пилъ да пива пьяныя;
А кто не пьетъ цивовъ пьяныхъ,
Тотъ бы пилъ медѣ стоялые, —
505 Чтобы всѣ да веселилсе.
А топерь да послѣ этого
А й тому да всему да славы поють.
А й Дунай, Дунай,
Богъ вѣкъ не знай.
- Записано на Сумозерѣ, 2 августа.
-
- 70.
- САДКО.
- А какъ вѣдь во славномъ въ Новѣ-града,
А й какъ былъ Садкѣ да гусельщик-отъ,
А й какъ не было много несчотной золотой базны,
А й какъ только ѣнъ ходилъ по честнымъ пирамъ,
Спотѣшалъ какъ онъ да купцѣй, бояръ,
Веселилъ какъ онъ ихъ на честныхъ пирахъ.
А й какъ тутъ надъ Садкомъ топерь да случилсе.
Не зовутъ Садкѣ ужъ цѣлый день да на поче-
стенъ пиръ,
А й не зовутъ какъ другой день на почестенъ
пиръ,
А й какъ третій день не зовутъ да на почестенъ
пиръ.
А й какъ Садкѣ топерь да соскучилсѣ,

А ѿ пошолъ Садкѣ да ко Ильмѣнъ онъ ко озеру,
 А ѿ садился онъ на синь на горячъ камень,
 А ѿ какъ началъ играть онъ во гусли во яровчаты,
 А игралъ съ утра какъ день топерь до вечера.
 А ѿ по вечеру какъ по поздному
 А ѿ волна ужъ въ озерѣ какъ сходилася,
 А какъ вѣдь вода съ пескомъ топерь смутилася,
 А ѿ утрашилса Садкѣ топеречку да сидѣти онъ,
 Одолѣлъ какъ Садка страхъ топерь великій,
 А ѿ пошолъ вонъ Садкѣ да отъ озера,
 А ѿ пошолъ Садкѣ какъ во Новъ-городъ.

А опять какъ прошла топерь тѣмна ночь,
 А ѿ опять какъ на дрúгой день
 Не зовутъ Садка да на почестенъ пиръ,
 А дрúгой-то да не зовутъ его на почестенъ пиръ,
 А ѿ какъ третій-то день не зовутъ на почестенъ пиръ.

А ѿ какъ опять Садку топерь да соскучилось,
 А пошолъ Садкѣ ко Ильмѣнъ да онъ ко озеру,
 А ѿ садился онъ опять на синь да на горячъ камень

У Ильмѣнъ да онъ у озера.

А ѿ какъ началъ играть онъ опять во гусли во яровчаты,

А игралъ ужъ какъ съ утра день до вечера.
 А ѿ какъ по вечеру опять какъ по поздному
 А ѿ волна ужъ какъ въ озерѣ сходилася,
 А ѿ какъ вода съ пескомъ топерь смутилася,
 А ѿ утрашилса опять Садкѣ да новгородскѣи,
 Одолѣлъ Садка ужъ какъ страхъ топерь великѣи.
 А какъ пошолъ опять какъ отъ Ильмѣнъ да отъ озера,

А какъ онъ пошолъ во свой да онъ во Новъ-городъ.
 А ѿ какъ тутъ опять надъ нимъ да случилося,
 Не зовутъ Садка опять да на почестенъ пиръ.

А ѿ какъ тутъ опять дрúгой день не зовутъ Садка да на почестенъ пиръ,

А ѿ какъ третій день не зовутъ Садка да на почестенъ пиръ,

А ѿ опять Садку топерь да соскучилось.
 А ѿ пошолъ Садкѣ ко Ильмѣнъ да ко озеру,
 А ѿ какъ онъ садился на синь горячъ камень да объ озеро,

А ѿ какъ началъ играть во гусли во яровчаты,
 А ѿ какъ вѣдь опять игралъ онъ съ утра до вечера,
 А волна ужъ какъ въ озерѣ сходилася,
 А вода ли съ пескомъ да смутилася;
 А тутъ осмѣлился какъ Садкѣ да новгородскѣи
 А сидѣти играть какъ онъ объ озеро.

А ѿ какъ тутъ вышелъ Царь Водянбѣи топерь со озера,

А ѿ какъ самъ говоритъ Царь Водянбѣи да такы слова:

«Благодаримъ-ка Садкѣ да новгородскѣи!
 «А спотѣшилъ насъ топерь да ты во озерѣ,
 «А у мя было да какъ во озерѣ,
 «А ѿ какъ у мя столованье да почестенъ пиръ,
 «А ѿ какъ всѣхъ розвеселилъ у мя да на честномъ пиру

«А ѿ любезныхъ да гостей моихъ.
 «А ѿ какъ я не знаю топерь Садка тебя да чѣмъ пожаловать:

«А ступай, Садкѣ, топера да во свой во Новъ-городъ,

«А ѿ какъ завтра позовутъ тебя да на почестенъ пиръ,

«А ѿ какъ будетъ у купца столованье почестенъ пиръ,

«А ѿ какъ много будетъ купей на пиру много новгородскѣихъ,

«А ѿ какъ будутъ всѣ на пиру да напиватися,
 «Будутъ всѣ на пиру да наѣдатися,

«А ѿ какъ будутъ всѣ пофальбами теперь да пофалатися,

«А ѿ кто чимъ будетъ теперь да фастати,
 «А ѿ кто чимъ будетъ топерь да похвалатися;

«А ѿной какъ будетъ фастати да несчѣтной золотой казной,

«А какъ ѿной будетъ фастать добрымъ конемъ,
 «Иной буде фастать силой удачей молодецкомъ,

«А ѿной буде фастать молодой молодечествомъ,
 «А какъ умной разумной да буде фастати

«Старымъ батюшкомъ, старой матушкой,
 «А ѿ безумный дуракъ да буде фастати

«А ѿ своей онъ какъ молодой женой;
 «А ты, Садкѣ, да пофастай-ко:

««А я знаю, что во Ильмѣнъ да во озерѣ
 ««А что есте рѣба-то перья золотыи вѣдь.»»

«А какъ будутъ купцы да богатыи
 «А съ тобой да будутъ спробовать,

«А что нѣту рыбы такою вѣдь,
 «А что топерь да золотыи вѣдь,

«А ты съ нима бей о залогъ топерь великѣи,
 «Залагай свою буйную да голову,

«А какъ съ нихъ выражай топерь
 «А какъ лавки во ряду да во гостиномъ

«Съ дорогима да товарамъ;
 «А потомъ свяжите неводъ да шёлковой,

«Прѣзжайте вы ловить да во Ильмѣнъ во озеро,
 «А закиньте три тонѣи во Ильмѣнъ да во озерѣ,

«А я въ кажду тоню дамъ топерь по рыбины,
 «Ужъ какъ перья золотыи вѣдь.

«А ѿ получиши лавки во ряду да во гостиноёмъ
 «Съ дорогима вѣдь товарамы;
 «А ѿ потомъ будешь ты купецъ Садкѣ какъ новгородскіи,
 «А купецъ будешь богатни.»
 А ѿ пошолъ Садкѣ во свой да какъ во Новъ-городъ.
 А ѿ какъ вѣдь да на дрѹгой день
 А какъ позвали Садеа да на почестенъ пиръ
 А ѿ къ купцю да богатому.
 А ѿ какъ тутъ да много собираюсе
 А ѿ къ купцю да на почестенъ пиръ
 А купцей какъ богатныхъ новгородскихъ;
 А ѿ какъ всѣ топерь на пиру наивалиси,
 А ѿ какъ всѣ на пиру да наѣдалисе,
 А ѿ пофальбами всѣ пофалилисе.
 А кто чѣмъ ужъ какъ теперь да фастаетъ,
 А кто чѣмъ на пиру да похваляется;
 А иной фастае какъ несчотной золотой казной,
 А иной фастае да добрымъ конёмъ,
 А иной фастае силою удачей молодецкою;
 А ѿ какъ умной топерь ужъ какъ фастаетъ
 А ѿ старымъ батюшккомъ, старой матушкой,
 А ѿ безумной дураемъ ужъ какъ фастаетъ,
 А ѿ какъ фастае да какъ своей молодой женой;
 А сидитъ Садкѣ какъ ничимъ да онъ не фастаетъ,
 А сидитъ Садкѣ какъ ничимъ онъ не похваляется.
 А ѿ какъ тутъ сидятъ купци богатни новгородскіи,
 А ѿ какъ говорятъ Садкѣ таковы слова:
 — А что же, Садкѣ, сидишь, ничимъ же ты не фастаешь,
 — Что ничимъ, Садкѣ, да ты не похваляешься?—
 А ѿ говорить Садкѣ таковы слова:
 «А ѿ же вы купци богатне новгородскіи!
 «А ѿ какъ чимъ мнѣ Садку топерь фастати,
 «А какъ чѣмъ-то Садку похвалятися?
 «А нѣту у мя много несчотной золотой казны,
 «А нѣту у мя какъ прекрасной молодой жены,
 «А какъ мнѣ Садку только есть однимъ да мнѣ пофастати:
 «Во Ильмень да какъ во озери
 «А есте рыба какъ перья золотни вѣдь.»
 А ѿ какъ тутъ купци богатни новгородскіи
 А ѿ начали съ нимъ да они спробовать,
 Во Ильмень да что во озери
 А нѣту рыбы такую что,
 Чтобы были перья золотни вѣдь.
 А ѿ какъ говорилъ Садкѣ новгородскіи:
 «Даъ заложу я свою буйную головушку,
 «Богъ заложить да ѹ мя нечего.»
 А они говора: мы заложимъ въ ряду да во гостиноёмъ

Шестъ купцей, шесть богатныхъ;
 А залагали вѣдь какъ по лавочекн,
 Съ дорогима да съ товарамы.
 А ѿ тутъ послѣ этого
 А связали неводъ шёлковой,
 А ѿ поѣхали ловить какъ въ Ильмень да какъ во озери,
 А ѿ закидывали тоню во Ильмень да вѣдь во озери,
 А рыбу ужъ какъ добыли перья золотни вѣдь;
 А ѿ закинули дрѹгу тоню во Ильмень да вѣдь во озери,
 А ѿ какъ добыли дрѹгую рыбину перья золотни вѣдь;
 А ѿ закинули третью тоню во Ильмень да вѣдь во озери,
 А ѿ какъ добыли ужъ какъ рыбинку перья золотни вѣдь.
 А топерь какъ купци да новгородскіи богатни
 А ѿ какъ видать — дѣлатъ да нечего,
 А ѿ какъ вышло правильнѣ, какъ говорилъ Садкѣ да новгородскіи,
 А ѿ какъ отперлиси ѣвы да отъ лавочекъ,
 А въ ряду да во гостиноёмъ,
 А ѿ съ дорогима вѣдь съ товарамы.
 А ѿ какъ тутъ получилъ Садкѣ да новгородскіи
 А ѿ въ ряду во гостиноёмъ
 А шесть ужъ какъ лавочекъ съ дорогима онъ товарамы,
 А ѿ записался Садкѣ въ купци да въ новгородскіи,
 А ѿ какъ сталъ топерь Садкѣ купецъ богатни.
 А какъ сталъ торговать Садкѣ да топеречку
 Въ своёмъ да онъ во городи,
 А ѿ какъ сталъ ѣздитъ Садкѣ торговать да по всѣмъ мѣстамъ,
 А ѿ по прочимъ городамъ да онъ по дальнимъ,
 А ѿ какъ сталъ получать барыши да онъ великіе.
 А ѿ какъ тутъ да послѣ этого
 А женился какъ Садкѣ купецъ новгородскіи богатни.
 А еще какъ Садкѣ послѣ этого
 А ѿ какъ выстроилъ онъ полати бѣлокаменны,
 А ѿ какъ сдѣлалъ Садкѣ да въ своихъ онъ полатухахъ,
 А ѿ какъ обдѣлалъ въ теремахъ все да по небесному:
 А ѿ какъ на неби пекётъ да красное ужъ солнышко,
 Въ теремахъ у его пекётъ да красно солнышко;
 А ѿ какъ на неби свѣтитъ младъ да свѣтѣлъ мѣсяцъ,
 У ёго въ теремахъ да младъ свѣтѣлъ мѣсяцъ;

А ѿ какъ на неби пекутъ да звѣзды частны,
 А у его въ теремахъ пекутъ да звѣзды частны;
 А ѿ какъ всѣмъ изукрасилъ Садкѣ свои полаты
 бѣлокаменны.

А ѿ топерь какъ вѣдь послѣ этого
 А ѿ собиралъ Садкѣ столованье да почестень пирь,
 А ѿ какъ всѣхъ своихъ купцей богатныхъ новгородскихъ,

А ѿ какъ всѣхъ-то господь онъ своихъ новгородскихъ,
 А ѿ какъ онъ еще настоятелей своихъ да новгородскихъ;

А ѿ какъ были настоятели новгородскіе
 А ѿ Лука Зиновьевъ вѣдь да Оома да Назарьевъ
 вѣдь;

А еще какъ собиралъ-то онъ всихъ мужиковъ новгородскихъ,

А ѿ какъ повелъ Садкѣ столованье почестень пирь богатыи.

А топерь какъ всѣ у Садка на честномъ пиру,
 А ѿ какъ всѣ у Садка да напивалисе,
 А ѿ какъ всѣ у Садка топерь да наѣдалисе,
 А ѿ похвальбами-то всѣ да пофалалисе.

А ѿ кто чимъ на пиру ужъ какъ фастаетъ,
 А ѿ кто чѣмъ на пиру похваляется;
 А ѿной какъ фастаетъ несчетной золотой казной,
 А ѿной фастаетъ какъ добрымъ конемъ,

А ѿной фастаетъ силою могучю богатырскою,
 А ѿной фастаетъ славнымъ отечествомъ,
 А ѿной фастаетъ молодымъ да молодечествомъ;
 А какъ умной разумной какъ фастаетъ

Старымъ батюшкомъ да старой матушкой,
 А ѿ безумный дуракъ ужъ какъ фастаетъ
 А ѿ своей да молодой женой.

А ѿ какъ вѣдь Садкѣ по полатушкамъ онъ похаживать,

А ѿ Садкѣ ли-то самъ да выговаривать:
 «А ѿ же вы купци новгородскіе вы богатые,
 «А ѿ же всѣ господа новгородскіе,
 «А ѿ же всѣ настоятели новгородскіе,
 «Мужики какъ вы да новгородскіе!

«А у меня какъ вси вы на честномъ пиру
 «А вси вы у меня какъ пьяны веселы,
 «А какъ вси на пиру напивалисе,
 «А ѿ какъ всѣ на пиру да наѣдалисе,
 «А ѿ похвальбами всѣ вы похвалялисе.
 «А ѿ кто чимъ у васъ топерь хвастаетъ:
 «А ѿной хвастаетъ какъ блинцемъ,
 «А ѿной фастаетъ у васъ да неблинцемъ.
 «А какъ чѣмъ буде мнѣ Садку топерь пофастати?
 «А ѿ у меня у Садка новгородскаго

«А золота казна у меня топерь не тощится,
 «А цвѣтное платье у меня топерь не держится,
 «А ѿ дружиннушка хоробрая не измѣняется;
 «А столько мнѣ Садку будѣ пофастати
 «А ѿ своей мнѣ несчетной золотой казной:
 «А ѿ на свою я несчетну золоту казну
 «А ѿ повикушу я какъ всѣ товары новгородскіе,
 «А какъ всѣ худыя товары я добрые,
 «А что не буде болѣ товаровъ въ продажѣ во
 городи.»

А ѿ какъ ставали тутъ настоятели вѣдь новгородскіе,

А ѿ Оома да Назарьевъ вѣдь,
 А ѿ Лука да Зиновьевъ вѣдь,
 А ѿ какъ тутъ ставали да на рѣзвѣи ноги,
 А ѿ какъ говорили самы вѣдь да таковы слова:

— А ѿ же ты Садке купецъ богатый новгородскій!
 — А о чомъ ли о многомъ бьешь съ нами о великѣ закладѣ,

— Ежели выкупишь товары новгородскіе,
 — А ѿ худыя товары всѣ добрыя,
 — Чтобы не было въ продажѣ товаровъ да во
 городи? —

А ѿ говорилъ Садке имъ намѣсто таковы слова:
 «А ѿ же вы настоятели новгородскіе!
 «А сколько угодно у меня фатить заложить безсчетной золотой казны.»

А ѿ говоря настоятели намѣсто новгородскіе:
 — А ѿ же ты Садке да новгородскій!
 — А хошь ударъ съ нами ты о тридцати о тысячахъ. —

А ѿ ударилъ Садкѣ о тридцати да вѣдь о тысячахъ.
 А ѿ какъ всѣ со честного пиру розѣзжалисьсе,
 А ѿ какъ всѣ со честнаго пиру разбиралисе
 А ѿ какъ по своимъ домамъ по своимъ мѣстамъ;
 А ѿ какъ тутъ Садке купецъ богатый новгородскій,

А ѿ какъ онъ на другой день вставалъ по утру
 да по раному,
 А ѿ какъ вѣдь будилъ онъ свою вѣдь дружиннушку
 хоробрую,

А ѿ давалъ какъ онъ да дружиннушки
 А ѿ какъ долюби онъ безсчетныя золотыя казны;
 А какъ спущалъ онъ по улицамъ торговнымъ,
 А ѿ какъ самъ прямо шолъ во гостиную рядъ,
 А ѿ какъ тутъ повикушилъ онъ товары новгородскіе,

А ѿ худыя товары всѣ добрыя.
 А ѿ ставалъ какъ на другой день
 Садкѣ купецъ богатый новгородскій,
 А ѿ какъ онъ будилъ дружиннушку хоробрую,

А ѿ давалъ ужъ какъ дѣлюби безсчѣтныи золотѣ
казны,

А ѿ какъ самъ прямо шолъ во гостинный рядъ,—

А ѿ какъ тутъ много товаровъ привезено,

А ѿ какъ много товаровъ принаполнено

А ѿ на ту на славу великую новгородскую;

Онъ повыкунилъ еще товары новгородскіе,

А ѿ худы товары всѣ добрые.

А ѿ на третій день ставалъ Садкѣ купецъ богатый
новгородскій,

А ѿ будилъ какъ онъ да дружинишку хоробрую,

А ѿ давалъ ужъ какъ дѣлюби дружинишки

А ѿ какъ много несчѣтной золотой казны,

А ѿ какъ роспуцалъ онъ дружинишку по улицамъ
торговнымъ,

А ѿ какъ самъ онъ прямо шолъ да во гостинный
рядъ,—

А ѿ какъ тутъ на славу великую новгородскую

А ѿ подоспѣли какъ товары вѣдь московскіе,

А ѿ какъ тутъ принаполнился какъ гостинной
рядъ

А ѿ дорогиныя товарамы вѣдь московскіи.

А ѿ какъ тутъ Садкѣ топерь да пороздумался:

«А ѿ какъ я повыкупаю еще товары всѣ москов-
скіе,—

«А ѿ на тую на славу великую новгородскую

«А ѿ подоспѣютъ вѣдь какъ товары заморскіе,

«А ѿ какъ вѣдь топерь ужъ какъ мнѣ Садку

«А ѿ не выкупить какъ товаровъ вѣдь

«Со всѣго да со бѣла свѣту.

«А ѿ какъ лучше пусть не я да богатѣе,

«А Садкѣ купецъ да новгородскій,

«А ѿ какъ пусть побогатѣе меня славный Нов-
городъ,

«Что не могъ не я да повыкупить

«А ѿ товаровъ новгородскихъ,

«Чтобы не было продажи да во городи;

«А лучше отдамъ я денежокъ тридцать тысячей,

«Залогъ свой великій!»

А отдавалъ ужъ какъ денежокъ тридцать тысячей,
Отпирался отъ залогу да великаго.

А потомъ какъ построилъ тридцать кáраблей,

Тридцать кáраблей, тридцать чѣрныхихъ,

А ѿ какъ вѣдь свалилъ онъ товары новгородскіе

А ѿ на черныи на кáрабли,

А ѿ поѣхалъ торговать купецъ богатый новго-
родскій

А ѿ какъ на своихъ на черныхъ на кáрабляхъ.

А поѣхалъ онъ да по Волхову,

А ѿ со Волхова онъ во Ладожско,

А со Ладожскаго выплывалъ да во Неву рѣку,

А ѿ какъ со Невы рѣки какъ выѣхалъ на синѣ
морѣ.

А ѿ какъ ѣхалъ онъ по синю морю,

А ѿ какъ тутъ воротилъ онъ въ Золоту Орду.

А ѿ какъ тамъ продавалъ онъ товары да вѣдь
новгородскіе,

А ѿ получалъ онъ барыши топерь великіе,

А ѿ какъ насыпалъ онъ бочки вѣдь сороковки-ты

А ѿ какъ краснаго золота;

А ѿ насыпалъ онъ много бочекъ да чистаго сѣ-
ребра,

А еще насыпалъ онъ много бочекъ мелкаго онъ
крупнаго скатнаго жемчугу.

А какъ потомъ поѣхалъ онъ зъ-за Золотои Орды,

А ѿ какъ выѣхалъ топеречку опять да на синѣ морѣ,

А ѿ какъ на синемъ морѣ устоялисе да черныи
кáрабли,

А ѿ какъ волной-то бьетъ и паруса-то рветъ,

А ѿ какъ ломать черныи кáрабли,—

А все съ мѣста не йдутъ черныи кáрабли.

А ѿ воспроговорила Садкѣ купецъ богатый нов-
городскій

А ѿ во своей онъ дружинишки хоробрыи:

«А ѿ же ты дружина хоробрая!

«А ѿ какъ сколько ни по морю ѣздили,

«А мы Морскому Царю дани да не плачивали.

«А топерь-то дани требуетъ Морской-то Царь въ
синѣ морѣ.»

А ѿ тутъ говорилъ Садкѣ купецъ богатый новго-
родскій:

«А ѿ же ты дружина хоробрая!

«А ѿ возьмите-тко вы мечи-тко въ синѣ морѣ

«А ѿ какъ бочку сороковку краснаго золота.»

А ѿ какъ тутъ дружина да хоробрая

А ѿ какъ брали бочку сороковку краснаго золота,

А мѣтали бочку въ синѣ морѣ.

А ѿ какъ все волной-то бьетъ, паруса-то рветъ,

А ѿ ломать черныи кáрабли да на синемъ мори,—

Всѣ не йдутъ съ мѣста кáрабли да на синемъ мори.

А ѿ опять воспроговорила Садкѣ купецъ богатый
новгородскій

А ѿ своей какъ дружинишки хоробрыи:

«А ѿ же ты дружинишка моя ты хоробрая!

«А видно мало этой дани Царю Морскому въ
синѣ морѣ.

«А ѿ возьмите-тко вы мечи-тко въ синѣ морѣ

«А ѿ какъ другую вѣдь бочку чистаго сѣребра.»

А ѿ какъ тутъ дружинишка хоробрая

А видали какъ другую бочку въ синѣ морѣ

А какъ чистаго да сѣребра.

А ѿ какъ все волной-то бьетъ, паруса-то рветъ,

А ѿ ломать черны карабли да на синёмъ мори,—
А все не йдутъ съ мѣста карабли да на синёмъ
мори.

А ѿ какъ тутъ говорилъ Садкѣ купецъ богатый
новгородскій

А ѿ какъ своѣй онъ дружинишка хоробрый:

«А ѿ же ты дружина хоробрая!

«А видно этой мало какъ дани въ синѣ морѣ.

«А берите-тко третью бочку да крупнаго мелкаго
скатняго жемчугу,

«А выдайте-тко бочку въ синѣ морѣ.»

А какъ тутъ дружина хоробрая

А ѿ какъ брали бочку крупнаго мелкаго скатняго
жемчугу,

А видали бочку въ синѣ морѣ.

А ѿ какъ все на синёмъ мори стоять да черны
карабли,

А волной-то бьеть, паруса-то рветъ,

А ѿ какъ все ломать черны карабли, —

А ѿ все съ мѣста не йдутъ да черны карабли.

А ѿ какъ тутъ говорилъ Садкѣ купецъ богатый
новгородскій

А своѣй какъ дружинишка онъ хоробрый:

«А ѿ же ты любезная какъ дружинишка да хо-
робрая!

«А видно Морской-то Царь требуе какъ живой
голови у насъ въ синѣ морѣ.

«А ѿ же ты дружина хоробрая!

«А ѿ возьмите-тко ужъ какъ дѣлайте

«А ѿ да жеребья да себѣ волжаны,

«А ѿ какъ всякъ свои ѿмена вы пишете на же-
ребьи,

«А спускайте жеребья на синѣ морѣ;

«А я сдѣлаю себѣ-то я жеребей на красное-то
на золото *).

«А ѿ какъ спустимъ жеребья топерь мы на синѣ
морѣ,

«А ѿ какъ чей у насъ жеребей топерь да ко дну
пойдетъ,

«А тому итти какъ у насъ да въ синѣ морѣ.»

А у всѣй какъ у дружины хоробрый

А ѿ жеребья топерь гоголѣмъ пловать,

А ѿ у Садка купца гостя богатаго да ключомъ
на дно.

А ѿ говорилъ Садкѣ таковы слова:

«А ѿ какъ эти жеребьи есть неправильныи;

«А ѿ вы сдѣлайте жеребьи какъ на красное да
золото,

«А я сдѣлаю жеребей да дубовыи.

«А ѿ какъ вы пишете всякъ свои ѿмена да на
жеребьи,

«А ѿ спускайте-тко жеребьи на синѣ морѣ.

«А ѿ какъ чей у насъ жеребей да ко дну пойдетъ,

«А тому какъ у насъ итти да въ синѣ морѣ.»

А ѿ какъ вся тутъ дружинишка хоробрая

А ѿ спускали жеребья на синѣ морѣ,

А ѿ у всѣй какъ у дружинишки хоробрый

А ѿ какъ всѣ жеребья какъ топерь да гоголѣмъ
пловать,

А Садковъ какъ жеребей да топерь ключомъ надно.

А ѿ опять говорилъ Садкѣ да таковы слова:

«А какъ эти жеребьи есть неправильныи.

«А ѿ же ты дружина хоробрая!

«А ѿ какъ дѣлайте вы какъ жеребьи дубовыи,

«А ѿ какъ сдѣлаю я жеребей липовой,

«А какъ будемъ писать мы ѿмена всѣ на жеребьи,

«А спускать ужъ какъ будемъ жеребья мы на
синѣ морѣ,

«А топерь какъ въ остатнихъ *)

«Какъ чей топерь жеребей ко дну пойдетъ,

«А ѿ тому какъ итти у насъ да въ синѣ морѣ.»

А ѿ какъ тутъ вся дружина хоробрая

А ѿ какъ дѣлали жеребьи всѣ дубовыи,

А онъ дѣлалъ ужъ какъ жеребей себѣ липовой.

А ѿ какъ всякъ свои ѿмена да писали на жеребьи,

А ѿ спускали жеребья на синѣ морѣ.

А у всѣй дружинишки вѣдъ хоробрый

А ѿ жеребья топерь гоголѣмъ цывуть да на си-
нѣмъ мори,

А ѿ у Садка купца богатаго новгородскаго клю-
чомъ на дно.

А какъ тутъ говорилъ Садкѣ таковы слова:

«А ѿ какъ видно Садку да дѣлать топерь нечего,

«А ѿ самого Садка требуетъ Царь Морской да
въ синѣ морѣ.

«А ѿ же ты дружинишка моя да хоробрая любезная!

«А ѿ возьмите-тко вы несите-тко

«А ѿ мою какъ чернильницу вы вальячную,

«А ѿ неси-тко какъ перо лебединое,

«А ѿ несите-тко вы бумаги топерь вы мнѣ гер-
бовыи.»

А ѿ какъ тутъ какъ дружинишка вѣдъ хоробрая

А несли ему какъ чернильницу да вальячную,

А ѿ несли какъ перо лебединое,

А ѿ несли какъ листь-бумагу какъ гербовую.

А ѿ какъ тутъ Садкѣ купецъ богатый новгородскій

А садился ѿнъ на ремечать стулъ

А къ тому онъ къ столнику ко дубовому,

*) т. е., какъ объяснилъ сказитель, съ золотомъ надписью.

*) т. е. въ послѣдній разъ.

А ѿ какъ началъ онъ имѣнница своего да онъ
отписывать,
А какъ отписывалъ онъ имѣнныя по Божьимъ церк-
вамъ,
А ѿ какъ много отписывалъ онъ имѣнныя нищей
братіи,
А какъ ино имѣнница онъ отписывалъ да моло-
дой жены,
А ѿ достальнѣе имѣнныя отписывалъ дружины онъ
хоробрѣй.

А ѿ какъ самъ потомъ заплакалъ ѣнъ,
Говорилъ ѣнъ какъ дружинишкѣ хоробрѣй:
«А ѿ же ты дружина хоробрая да любезная!
«А ѿ полагайте вы доску дубовую на синѣ морѣ,
«А что мнѣ свалится Садку мнѣ-ка на доску,
«А не то какъ страшно мнѣ принять смерть во
синѣмъ мори.»

А ѿ какъ тутъ онъ еще вѣмалъ съ собой свои
гуселька яровчаты,
А ѿ заплакалъ горько, прощался ѣнъ съ дружи-
нушкой хороброю,
А ѿ прощался ѣнъ топеречку со всемъ да со бѣ-
лымъ свѣтомъ,
А ѿ какъ онъ топеречку какъ прощался вѣдъ
А со своимъ онъ со Новымъ со городомъ;
А потомъ свалился на доску онъ на дубовую,
А ѿ понесло какъ Садка на доски да по синю морю.
А ѿ какъ тутъ побѣжали черны-ты карабли,
А ѿ какъ будто полетѣли черны вороны;
А ѿ какъ тутъ остался топеръ Садкѣ да на си-
нѣмъ мори.

А ѿ какъ вѣдъ со страху великаго
А заснулъ Садкѣ на той доскѣ на дубовыи.
А какъ вѣдъ проснулся Садкѣ купецъ богатый
новгородскій.

А ѿ въ Окянъ-мори да на самомъ дни,
А увидѣлъ — скрозь воду певеть красно сол-
нушко,
А какъ вѣдъ очудилась (такъ) возлѣ полата бѣло-
каменна,
А заходилъ какъ онъ въ полату бѣлокаменну,
А ѿ сидитъ топеръ какъ во полатушкахъ
А ѿ какъ Царь-то Морской топеръ на стули вѣдъ,
А ѿ говорилъ Царь-то Морской такыи слова:
— А ѿ какъ здравствуйте купецъ богатый,
— Садкѣ да новгородскій!
— А ѿ какъ сколько ни по морю ѣздилъ ты,
— А ѿ какъ Морскому Царю дани не плачивалъ
въ синѣ морѣ,
— А ѿ топеръ ужъ самъ весь пришолъ во мнѣ
да во подарочкахъ.

— Ахъ скажутъ, ты мастѣръ играть во гусли во
яровчаты:
— А поиграй-ко мнѣ какъ въ гусли во яровчаты.—
А какъ тутъ Садкѣ видить, въ синѣмъ морѣ дѣ-
лать нечего,
Принужонъ онъ играть какъ во гусли во яровчаты;
А ѿ какъ началъ играть Садкѣ какъ во гусли во
яровчаты,
А какъ началъ плясать Царь Морской топеръ въ
синѣмъ мори,
А отъ него сколебалосе все синѣ морѣ
А сходиласе волна да на синѣмъ мори,
А ѿ какъ сталъ онъ разбивать много черныхъ ка-
раблей да на синѣмъ мори,
А ѿ какъ много стало вѣдъ тонуть народу да въ
синѣ морѣ,
А ѿ какъ много стало гинуть имѣнница да въ
синѣ морѣ.

А какъ топеръ на синѣмъ мори многи люди добрыи,
А ѿ какъ многи вѣдъ да люди православныи,
Отъ желанница какъ молятся Микола да Можай-
скому,
А ѿ чтобы повывнесъ Микола изъ угодникъ изъ
синя моря.

А какъ тутъ Садкѣ новгородскаго какъ чѣснѣло въ
плечо да во правое,
А ѿ какъ обернулся назадъ Садкѣ купецъ бога-
тый новгородскій,—
А стоитъ какъ топеръ старичокъ да назадъ ужъ
какъ бѣлми сѣдатыи,
А ѿ какъ говорилъ да старичокъ такыи слова:
«А ѿ какъ полно те играть, Садкѣ, во гусли во
яровчаты въ синѣмъ мори!»
А ѿ говорятъ Садкѣ какъ намѣсто такыи слова:
— А ѿ топеръ у мнѣ не своя воля да въ синѣмъ
мори,
— Заставлять какъ играть мѣна Царь Морской.—
А ѿ говорилъ опять старичокъ намѣсто такыи
слова:
«А ѿ какъ ты, Садкѣ купецъ богатый новгородскій,
«А ѿ какъ ты струночки повыври-ко,
«Какъ шинѣчки повывломаи,
«А ѿ какъ ты скажи топеръ Царю Морскому вѣдъ:
«А ѿ у мнѣ струнъ не случилосе,
«Шинѣчиковъ у мнѣ не пригодилосе,
«А ѿ какъ болѣтъ играть у мнѣ не во что.
«А тебѣ скаже какъ Царь Морской:
«А ѿ не угодно ли тебѣ Садкѣ жениться въ си-
нѣмъ мори
«А ѿ на душечѣхъ какъ на красной на дѣвушкѣ?
«А ѿ какъ ты скажи ему топеръ да въ синѣмъ мори,

«А ѿ скажи: Царь Морской, какъ воля твоя топерь
въ синёмъ мори,

«А ѿ какъ что ты знашь, то и дѣлай-ко.

«А ѿ какъ онъ скажетъ тебѣ да топеречку:

«А ѿ заўтра ты приготовляйся-тео,

«А ѿ Садке купецъ богатый новгородскій,

«А ѿ выбирай, какъ скажетъ, ты дѣвицу себѣ по
уму по разуму,

«Такъ ты смотри, перво триста дѣвиць ты стадо
пропусти,

«А ты другое триста дѣвиць ты стадо пропусти,

«А какъ третье триста дѣвиць ты стадо про-

пусти,

«А въ томъ стади на конци на остатнѣемъ

«А ѿ идетъ какъ дѣвица красавица,

«А по фамилин какъ Чернава-то:

«Такъ ты эту Чернаву-то бери въ замужество;

«А ѿ тогда ты Садке да счастливъ будешь.

«А ѿ какъ лягешь спать первой ночи вѣдь,

«А смотри, не твори блуда никакого-то

«Съ той дѣвицей со Чернавою.

«Какъ проснешься тутъ ты въ синёмъ мори,

«Такъ будешь въ Новѣ градѣ на крутомъ кряжу,

«А о ту о риченку о Чернаву-ту.

«А ежели сотворишь какъ блудъ ты въ синёмъ

мори,

«Такъ ты останешься на вѣки да въ синёмъ мори.

«А когда ты будешь вѣдь на святой Руси,

«Да во своёмъ да ты да во городи,

«А ѿ тогда построй ты церковь соборную

«Да Николаи да Можайскому,

«А ѿ какъ есть я Никола Можайскій.»

А какъ тутъ потерялся топерь старичокъ да сѣ-

датнѣй.

А ѿ какъ тутъ Садке купецъ богатый новгородскій

въ синёмъ мори

А ѿ какъ струночки онъ повѣривалъ,

Шпинѣчки у гусельшекъ повывломалъ,

А не сталъ вѣдь онъ богѣ итрати во гусли во
яровчаты.

А ѿ остоялся какъ Царь Морской,

Не сталъ плясать онъ топерь въ синёмъ мори.

А ѿ какъ самъ говорилъ ужъ Царь таковы слова:

— А что же не играшь, Садке купецъ богатый
новгородскій,

— А ѿ во гусли вѣдь да во яровчаты? —

А ѿ говорилъ Садке таковы слова:

«А ѿ топерь струночки какъ я повѣривалъ,

«Шпинѣчки я повывломалъ,

«А у меня богѣ съ собой нпчего да не случилосе.»

А ѿ какъ говорилъ Царь Морской:

— Не угодно ли тебѣ жениться, Садке, въ синёмъ
мори,

— А ѿ какъ вѣдь на душегѣ на красной да на
дѣвушкѣ? —

А ѿ какъ онъ намѣсто вѣдь говорилъ ему:

«А ѿ топерь какъ волюшка твоя надо мной въ
синёмъ мори.»

А ѿ какъ тутъ говорилъ ужъ Царь Морской:

— А ѿ же ты Садке купецъ богатый новгородскій!

— А ѿ заўтра выбирай себѣ дѣвицу да красавицу

— По уму себѣ да по разуму. —

А ѿ какъ дошло дѣло до утра вѣдь до равнаго,

А ѿ какъ сталъ Садке купецъ богатый новгород-
скій,

А ѿ какъ пошолъ выбирать себѣ дѣвицу красавица,

А ѿ посмотреть, стоятъ ужъ какъ Царь Морской.

А ѿ какъ триста дѣвиць повели мимо ихъ-то вѣдь,

А онъ-то перво триста дѣвиць да стадо пропу-
стилъ,

А друго онъ триста дѣвиць да стадо пропустилъ,

А ѿ третье онъ триста дѣвиць да стадо пропу-
стилъ.

А посмотреть, позади идетъ дѣвица красавица,

А ѿ по фамилин что какъ зовуть Чернавою.

А онъ ту Чернаву любовалъ, брагъ за себя во
замужество.

А ѿ какъ тутъ говорилъ Царь Морской таковы
слова:

— А ѿ какъ ты умѣлъ да жениться, Садке, въ си-
нёмъ мори. —

А топерь какъ пошло у нихъ столованье да по-
честенъ пиръ въ синёмъ мори,

А ѿ какъ тутъ прошло у нихъ столованье да по-
честенъ пиръ,

А какъ тутъ ложился спать Садке купецъ бога-
тый новгородскій

А въ синёмъ мори онъ съ дѣвицею съ красавицей,
А во спальней онъ да во тёплой;

А ѿ не творилъ съ ней блуда никакого, да заснулъ
въ сонѣ во крѣпкин.

А ѿ какъ онъ проснулся Садке купецъ богатый
новгородскій,

Ажно очудился Садке во своёмъ да во городи,

О рѣку о Чернаву на крутомъ кряжу.

А ѿ какъ тутъ увидѣлъ, — бѣжать по Волхову

А свои да черни да карабли,

А какъ вѣдь дружинушка какъ хоробрал

А поминають вѣдь Садка въ синёмъ мори,

А ѿ Садка купца богатаго да жена его

А поминать Садка со всей дружиною хороброю.

А какъ тутъ увидла дружинушка,

Что стоить Садкѣ на крутомъ бряжу да о Волхово,
 А ѿ какъ тутъ дружинишка вся она расчудоваласе,
 А ѿ какъ тому чуду вѣдь сдивоваласе,
 Что оставили мы Садка да на синѣмъ мори,
 А Садкѣ впереди насъ да во своемъ во городи.
 А ѿ какъ встрѣтилъ вѣдь Садкѣ дружинишку хо-
 робрую,

Вси черные тутъ кáрабли,

А какъ топерь поздоровкались,

Пошли во полаты Садка купца богатаго.

А какъ онъ топеречку здоровкался со своею съ
 молодой женой.

А ѿ топерь какъ онъ послѣ этого

А ѿ повыгрузилъ онъ со кáраблей

А какъ всё своё да онъ имѣннцо,

А ѿ повыватилъ какъ ѣнъ всю свою да несчетну
 золоту казну.

А ѿ топерь какъ на свою онъ несчетну золоту
 казну

А ѿ какъ сдѣлалъ церковь соборную

Николы да Можайскому,

А ѿ какъ дрúгую церковь сдѣлалъ Пресвятыи
 Богородицы.

А ѿ топерь какъ вѣдь да послѣ этого

А ѿ какъ началъ Господу Богу онъ да молитися,

А ѿ о своихъ грѣхахъ да онъ прощатися;

А какъ боги не сталъ вывзвать да на синѣ морѣ,

А ѿ какъ сталъ проживать во своемъ да онъ во
 городи.

А ѿ топерь какъ вѣдь да послѣ этого

А ѿ тому да всему да славы поють.

Записано тамъ же, 1 августа.

71.

НАВЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ.

А ѿ какъ у Чембала короля у литовскаго

А ѿ какъ былъ столованье почестень пирь,

А для своихъ какъ для пánовьѣвъ для улáновьѣвъ,

А для бурзѣвъ поганиныхъ татаровьѣвъ.

А ѿ какъ вси на пиру напивались,

А ѿ какъ вси на пиру да наѣдались,

А ѿ пофалъбамы всё пофалълисе.

А ѿ какъ вѣдь король по полатушкамъ какъ по-
 хаживать,

А ѿ король какъ увидѣлъ за тмиа столами дубо-
 выма,

А ѿ увидѣлъ ѣнъ, сидятъ два любезныхъ пле-
 мянника,

А ѿ не пьютъ да не кушаютъ,

Бѣлой лебеди да не рушаютъ,

А сидятъ, повѣшены буйныя головушки

А ѿ пониже своихъ плечъ могучихъ,

А ѿ притуплены очушки ясныи въ кирпичной полъ,

Приздумались удамы добры мѣлодцы.

А говорилъ имъ какъ родитель свой ужъ какъ
 дядюшка,

А ѿ Чембалъ король да литовскій:

«А ѿ же вы два витничка два совѣтничка,

«А ѿ два любезныхъ королевскихъ да племян-
 ника!

«А ѿ сидите за столами дубовыма,

«А ѿ какъ не пьете вы не кушаете,

«Бѣлой лебеди вы не рушаете,

«А ѿ повѣсили буйныя головы ниже плечъ своихъ
 могучихъ,

«А ѿ притупили какъ очушки ясныи во кирпич-
 ной полъ.

«А развѣ вамъ какъ напитокки мои не по праву-то,

«А ѣствы мои не по обычаю,

«Али мужикъ деревенщина

«А обнесъ васъ словами да нехорошима,

«Али вы каку ни незгодушку свѣдали

«А ѿ надъ своей да надъ буйной головушкой,

«Али вы какъ да въ чистомъ поли

«Аль слышали рать-силу каку нибудь великую?»

А ѿ они говорятъ ему такovy слова:

— А ѿ же ты родитель ты нашъ дядюшка,

— А ѿ Чембалъ король да ты литовскій!

— Никакой вѣдь какъ мужикъ деревенщина

— Не обнесъ насъ словами нехорошима,

— Никакой вѣдь мы незгодушки не свѣдали,

— А никакой рать-силы великин да не слышали

— А ѿ какъ мы да въ чистомъ поли;

— А ѿ какъ ѣствы намъ всё по праву-то,

— А ѿ напитокки да по обычаю, —

— А ѿ какъ только не можемъ боль терпѣть славы
 да великин

— А ѿ про князя Романа Митриѣвича:

— А ѿ про его слава идѣ да великая

— А ѿ по всимъ землямъ по всимъ ордамъ,

— А ѿ по всимъ чужимъ дальнимъ сторонушкамъ.

— А ѿ родитель ты нашъ дядюшка,

— А ѿ Чембалъ король да литовскій!

— А ѿ давай-ко силы намъ да сорокъ тысячей,

— А ѿ поѣдемъ мы на святую Русь,

— А ко князю Роману Митриѣвичу,

— А подъ матушку славну каменну Москву. —

А ѿ говорилъ имъ ужь какъ дядюшка:
 «А ѿ же вы два любезниці племянника!
 «А у мя была пора-сила великая,
 «Я не смѣлъ ѣхать да на святую Русь
 «А ко князю Роману Митріевичу,
 «А ѿ потому что я да слыхалъ топерь,
 «А ѿ какъ князь Романъ Митрѣвичъ,
 «А во матушки славной каменной Москвы,
 «А какъ ѣнъ да хитѣръ мудѣръ,
 «А какъ знать язѣки какъ ужь птичѣи,
 «Знать ѣнъ язѣки какъ вранѣици,
 «А какъ ѣнъ мастеръ вѣдъ по полямъ скакать,
 «А ѿ по полямъ скакать да онъ сѣрѣмъ волкомъ,
 «А по темнымъ лѣсамъ летать да чернымъ вѣрономъ,
 «А по крутымъ горамъ скакать чернымъ да горностапшвомъ,
 «А ѿ какъ по синѣимъ морямъ плавать сѣрой утушкой:
 «Такъ вѣдъ я терпѣлъ славу ужь какъ вѣкъ по вѣку,
 «А не смѣлъ я ѣхать на святую Русь.
 «А ѿ какъ сколько ни я слыхалъ, на святую Русь
 «А какъ силушки важивали,
 «А взадъ ужь какъ силушки вѣвѣ не вываживали.
 «А ѿ какъ я дамъ вамъ силы вѣдъ сорокъ тысячей,
 «А какъ силу-войско все вѣдъ латничковъ я кольчужничковъ,
 «А силу-войско на добрыхъ коняхъ,
 «А поѣзжайте-тео во землю во Лимонскую,
 «А ѿ какъ та земля есть пребогатѣюща,
 «А ѿ какъ въ той земли много есть красного золота,
 «А ѿ какъ въ той земли много есть да чиста сѣребра,
 «А ѿ какъ много есть мелкаго скатнаго да жемчугу,
 «А силы-рати въ ней мало можется.
 «А ѿ какъ можете тую землю въ полонъ-то взять.»
 А ѿ любезниці племянники да согласилисе.
 А ѿ какъ давалъ вѣдъ имъ дядюшка
 А Чембалъ король литовскіи
 А ѿ какъ силушки сорокъ тысячей,
 А ѿ какъ силушку войско вѣдъ на добрыхъ коняхъ,
 А ѿ все латничковъ все кольчужничковъ,
 А ѿ отпускалъ ихъ во землю вѣдъ да во Лимонскую.
 А ѿ какъ отправились они да поѣхали
 А со всей со ратью со силой великою;
 А ѿ какъ сѣхали во землю вѣдъ во Лимонскую,
 А тую землю всю въ полонъ взяли,

А ѿ самого короля предали смерти да злою вѣдъ.
 А ѿ какъ съ той земли со Лимонскіи
 А какъ погнали добрыхъ коней
 А стады-ты стадами вѣдъ,
 А ѿ повели какъ добрыхъ молодцевъ
 А ряды-ты рядами вѣдъ;
 А ѿ какъ вели молодыхъ молодушекъ,
 А какъ красныхъ дѣвушекъ,
 А ѿ повели они толпѣцами.
 А ѿ какъ красного золота,
 А ѿ какъ чистаго да сѣребра,
 А ѿ какъ мелкаго скатнаго да жемчугу
 А покатили многи телѣги да ордынскіи.
 А какъ выѣхали на славное чисто полѣ,
 А ѿ какъ на чистомъ полѣ пороздумались:
 А однакоже вышла намъ путь счастливая!
 А ѿ два братца вѣдъ два родимыхъ,
 А ѿ два любезныхъ королевскіихъ племянника,
 А ѿ говоря какъ сами промѣжъ собой:
 — А однакоже когда вышла намъ путь счастливая,
 — А ѿ поѣдемъ-ка мы на святую Русь,
 — А ѿ подъ матушку славную каменную Москву,
 — А ко князю Роману Митріевичу. —
 А ѿ какъ взяли они да отправились,
 А ѿ приѣхали какъ подъ матушку славную каменную Москву.
 А подъ той какъ подъ матушкой славной каменной Москвой
 А розбили четыре села да что ни лучшихъ,
 А какъ перво село Лягово,
 А какъ друго село Коротяево,
 А какъ третье село Карачаево,
 А какъ четвертое село что ни лучшее Косы-улицы.
 А у князя Романа Митріевича
 А ѿ убили зятя любезнаго,
 А ѿ увезли Настасью вѣдъ да Митріевичну
 А ѿ со любезной какъ со плѣмничкой съ трехъ да мѣсячной.
 А ѿ увезли они какъ во рубежу ко московскому,
 А ѿ какъ тутъ роздѣрнули шатры они да шолковы,
 А ѿ какъ начали стоять добры молодцы,
 А дожидаютъ какъ осени богатней хлѣбородней:
 А ѿ будетъ боранъ тучѣнъ, да овѣсъ ядрѣнъ,
 А ѿ когда повьростутъ пшеницы вѣдъ да бѣлояры,
 А ѿ тогда они грозятся какъ захвати
 А ѿ во матушку славную каменную Москву,
 А ко князю Роману вѣдъ да Митріевичу.
 А ѿ говорятъ какъ сами промѣжъ собой:
 — А ѿ московскіи князь Романъ Митрѣвичъ
 — А ѿ не смѣлъ какъ намъ показаться на свѣтлѣи
 очи! —

А й во матушки славной каменной Москвы
 А у князя Романа Митриевича
 А какъ былъ забранъ столованье почестенъ пирь,
 А й какъ для ради своего силы-войска великаго,
 А й какъ для ради своихъ сильныхъ могучихъ
 богатырей;
 А какъ пьеть-то онъ, кушать, прокладается,
 А й незгодушки великии да не начается.
 А какъ летить вѣронъ черныи мимо подѣконьѣ,
 А й садился какъ супротивъ князя Романа Ми-
 триевича
 А й какъ воронъ во садъ да во зеленый,
 А й какъ ѣвъ на яблонь на кудрявую;
 А й грае воронъ вѣдъ да по враниному:
 «Ай же ты московскій князь Романъ Митрь-
 вичъ!
 «Пьешь ты, кушаешь вѣдъ да прокладается,
 «А й надъ собой незгодушки да не начешься!
 «А й отъ Чембала короля отъ литовскаго
 «А й наѣхало два любезныхъ два племянника
 «А й подъ матушку славную каменную Москву,
 «А й розбили твои четыре села да что ни луч-
 шихъ:
 «А перво село ужъ какъ Лагово,
 «А друго какъ село да Коротяево,
 «А й какъ третьей село да Карачаево,
 «А четвертой село да Косы-улицы,
 «А й убили твоего зятя любезнаго,
 «А увезли твою сестрицу родимую,
 «А й какъ вѣдъ Настасью вѣдъ да Митриевичну,
 «А со своимъ да со младенчикомъ,
 «А со младенчикомъ съ трѣхъ да мѣсячнымъ,
 «А й ко рубежу ко московскому.
 «А стоятъ они какъ у рубежа да у московскаго,
 «А й какъ спущены у ихъ добрыи кони
 «А во вашии во травки во шолковы,
 «А во вашии пшеницы вѣдъ да бѣлояри.
 «А й дожидаютъ осени какъ богатней хлѣбород-
 нней;
 «А й когда вѣдъ будетъ боранъ тучѣнъ да овесъ
 ядрѣнъ,
 «А й повырутуть пшеницы бѣлояри,
 «А тогда еще грозятся заѣхати
 «А й во матушку славную каменную Москву;
 «А еще говорятъ ѣны самы промежъ собой:
 «А что московскій князь Романъ Митрьевичъ
 «А не смѣлъ намъ показаться на свѣтлыи очи.»
 А какъ тутъ московскій князь Романъ Митрь-
 вичъ
 А й ставалъ какъ онъ да на рѣзвыи ноги,
 А й говорилъ онъ таковы слова:

— А й же сила вы сила какъ любезная войско
 сорокъ тысячей,
 — А всѣ князи бояра вѣдъ,
 — А сенаторы мои да думныи!
 — А пьетѣ, кушаете, прокладаетесь,
 — А й надъ собой незгодушки какъ не начаетесь.
 — А получили я какъ сейчасъ ужъ какъ вѣсточку
 нерадостну,
 — А какъ вѣсть-то я нехорошую:
 — А вѣдъ отъ Чембала короля отъ литовскаго
 — А й наѣхало два любезныхъ два племянника,
 — А й подъ нашу матушку славную каменную Мо-
 скву,
 — А й розбили наши четыре села да что ни луч-
 шихъ:
 — А перво село ужъ какъ Лагово,
 — А друго какъ село да Коротяево,
 — А й какъ третьей село да Карачаево,
 — А четвертой село да Косы-улицы,
 — А й убили моего зятя любезнаго,
 — А увезли мою сестрицу родимую,
 — А й какъ вѣдъ Настасью вѣдъ да Митриевичну,
 — А со своимъ да со младенчикомъ,
 — А со младенчикомъ съ трѣхъ да мѣсячнымъ,
 — А й ко рубежу ко московскому.
 — А стоятъ они какъ у рубежа да у московскаго,
 — А й какъ спущены у ихъ добрыи кони
 — А во нашии во травки во шолковы,
 — А во нашии пшеницы вѣдъ да бѣлояри,
 — А й дожидаютъ осени какъ богатней хлѣбо-
 родней;
 — А й когда вѣдъ будетъ боранъ тучѣнъ да овесъ
 ядрѣнъ,
 — А й повырутуть пшеницы бѣлояри,
 — А тогда еще грозятся заѣхати
 — А й во матушку славную каменную Москву.
 — Ай же сила моя все войско вы сорокъ тысячей,
 — А какъ сила войско латички все кольчужники,
 — А сила войско все на добрыхъ коняхъ!
 — А вы сѣдлайте-тко да уздайте добрыхъ коней
 — А й крѣпко-на-крѣпко туго-на-туго,
 — А поѣдемъ мы за имѣ вслѣдъ топерь съ угоною,
 — А й чтобы королевская какъ щеняда да бѣло-
 губая
 — А чтобы ѣна могла да нами фастати,
 — А й какъ фастати нашей матушкой славной ка-
 менной Москвой!
 — А топерь какъ мы поѣдемъ вслѣдъ да съ уго-
 ною. —
 А сила войско все сорокъ тысячей
 А сѣдлали уздали добрыхъ коней,

А ѿ туго-на-туго крѣпко-на-крѣпко,
 А какъ всѣ сѣдилисе на добрыхъ коней,
 А ѿ поѣхали вслѣдъ съ угономъ;
 А ѿ какъ всѣ оны да отправилсъ,
 А отправилса московскій съ нимъ князь Романъ
 Митрьевичъ.
 А приѣзжали какъ оны ко рѣкѣ да ко Березины,
 А ѿ какъ вѣдъ московскій князь Романъ Митрьевичъ
 А припушалъ да свою силушку
 А какъ пить да ко рѣкѣ ко Березины,
 А начала сила пить во рѣкѣ во Березины,
 А ѿ какъ сила пила во рѣкѣ во Березины,
 А какъ смотритъ на силушку
 А ѿ московскій князь Романъ Митрьевичъ:
 А какъ ина сила пьетъ да нападкою,
 А ина сила пьетъ шоломамы да черпушкамы.
 А ѿ московскій князь Романъ Митрьевичъ
 А ѿ говорилъ ѣнъ да таковы слова
 А силы любезною:
 — А ѿ же сила моя вы любезная,
 — А сила войско сорокъ тысячей!
 — А ѿ котора сила пила нападкою,
 — А поѣзжайте-тко а ѿ взадъ да во матушку сла-
 ную каменну Москву,
 — А ѿ той силушки на бою да мертвой-то быть.—
 А ѿ котора сила пила шоломамы черпушкамы,
 А ѿ какъ тую силу за собой-то брать,
 А ѿ какъ выѣхалъ онъ на далѣчо на далѣчо на
 чисто полѣ,
 Становилъ свою силу на чистомъ поли,
 А ѿ какъ самъ своей силы ѣнъ наказывалъ:
 — А ѿ же сила любезная моя, войско сорокъ ты-
 сячей!
 — А ѿ вы какъ кормите-тко вы добрыхъ коней,
 — А не травками вы не шоломама (такъ),
 — А ѿ кормите-тко пшеницами да бѣлогрѣма,
 — А самы слушайте:
 — А ѿ заграю я первой наконъ да по врани-
 ному, —
 — А ѿ какъ да сѣдлите-тко удайте-тко добрыхъ
 коней;
 — А заграю я какъ второй наконъ по врани-
 ному, —
 — А какъ вы пригѣтовляйтесь-ко;
 — А ѿ заграю третей наконъ какъ я по врани-
 ному, —
 — А какъ ѣдите-ко скорымъ скоромъ, скоро-на-скоро,
 — А ѿ заставляйте-ко меня во живностяхъ. —
 А ѿ какъ самъ обернулся онъ чернымъ ворономъ,
 Полетѣлъ какъ онъ да по чисту полю,

А прилеталъ какъ онъ ко рубежу ко московскому;
 А ѿ какъ тамъ у ихъ какъ бѣлы шатры да по-
 роздѣрнуты,
 А тамъ у ихъ добры кони пороспущены,
 Пороспущены да по чисту полю;
 А ѿ у ихъ вѣдъ сабели какъ порозмѣтаны,
 А какъ оружія порозмѣтаны;
 А какъ копыца востры порозмѣтаны,
 А ѿ туги луки порозмѣтаны,
 А ѿ какъ сила крѣпко спитъ да не пробудитса.
 А ѿ какъ вѣдъ московскій князь Романъ Митрьевичъ
 А ѿ какъ обвернулся ѣнъ да сѣрымъ волкомъ,
 А ѿ какъ началъ ѣнъ гонять ихнихъ добрыхъ
 коней,
 А ѿ какъ началъ гонять да по чисту полю,
 А у ихнихъ горлышка ѣнъ повывралъ вѣдъ,
 А ихнихъ загналъ во рѣку да во Березину.
 А ѿ потомъ какъ обвернулся онъ тонкимъ бѣлымъ
 да горностаюшкомъ,
 А ѿ заскакивалъ къ нимъ онъ во шатрики,
 А ѿ какъ тамъ топеръ онъ у тугихъ луковъ
 А ѿ тетивочки какъ онъ да повывралъ вѣдъ,
 А у копыцовъ конечки да всѣ повывломалъ,
 У оружьевъ кремешки да всѣ повывертѣлъ,
 А у сабелокъ всѣ острѣнца повывиципалъ.
 А ѿ какъ племянка трехъ да мѣсячна
 А провѣщицалса язѣкомъ она да по хорошему:
 «А ѿ же ты родитель моя да матушка,
 «А ѿ Настасья Митриѣвична!
 «А твой братецъ любезный,
 «А какъ мой родитель да какъ дядюшка,
 «А московскій князь Романъ Митрьевичъ
 «А поскакива онъ по шатрику
 «Тонкимъ бѣлымъ да горностаюшкомъ,
 «А выпучае насъ со полозу ѣнъ великаго.»
 А ѿ какъ тутъ услышали два любезныхъ коро-
 левскихъ
 А два любезныхъ два племянника,
 А какъ говорятъ сами вѣдъ таковы слова:
 — А ставай-ка наша сила войско великой,
 — А скорымъ скоро да скоро-на-скоро,
 — А имайте горностаюшка да во шатрикахъ!—
 А начали иматъ горностаюшка да во шатрикахъ,
 А ѿ начали да закидывать
 А ѿ какъ шубками его да соболинныма,
 А ѿ какъ онъ по шубоньѣ, по рукавчику,
 А ѿ выскакивалъ да онъ на улушку.
 А ѿ какъ тамъ обвернулся онъ да чернымъ во-
 рономъ,
 А ѿ какъ бы летѣлъ онъ на сѣрой дубъ,

— А ѿ какъ на святую Русь силы важивано,
 — А ѿ со святой Русеи силы взадь не вываживали,
 — А не бѣзъ чего *) отъ князя Романа Митриѣ-
 вича! —

А ѿ говорили вѣдъ два любезныхъ королевски-
 нхъ племянника:

«А ѿ родитель ты нашъ дядюшка,
 «А Чембалъ король литовскій!
 «А ѿ казни насъ казенью своеручною,
 «А ѿ копей-ко насъ во матушку сыру землю,
 «А не можемъ мы болѣ терпѣть безчестья да ве-
 ликаго,

«А что мы со святой Руси
 «А приѣхалъ какъ безногой на бѣзглазобѣ!»
 А какъ дядюшка Чембалъ король да литовскій,
 А хоша жалко было, только вѣдъ казнилъ своихъ
 племянниковъ

А своей казенью да своеручною,
 А копалъ какъ ихъ во матушку сыру землю,
 Хоронилъ ихъ со славою великою.
 А ѿ какъ двумъ королевскимъ да племянникамъ
 А топерь да имъ славы поють.
 А Дунай Дунай да болѣ вѣкъ не знай.

Записано въ Куга-наволоктъ
 на Водозерѣ, 4 августа.

72.

СОРОКЪ КАЛИЕЪ.

А ѿ на тоѣмъ вѣдъ на полѣ на турецкоѣмъ
 А ѿ какъ вѣдъ сбиралосе какъ съѣзжалосе
 А ѿ какъ много сильныхъ могучихъ какъ богатырей,

А ѿ какъ тридцать богатырей со единимъ;
 А ѿ единни былъ богатырь-отъ
 Молодой Касьянъ да Офонасьевичъ.

А спустилися они какъ съ добрыхъ коней,
 А ѿ какъ вѣдъ садилисе на лужокъ на зеленый,
 А ѿ садилисе да бесѣдовать.

А ѿ какъ стали тутъ они топерь розсужать про-
 межъ собой,

А ѿ какъ кто гдѣ бывалъ удалый добрый молодецъ,
 А ѿ кто бывалъ какъ въ какой земли да въ какой
 орды,

А кто гдѣ-ка билъ поганыхъ татаровѣвъ,

А ѿ кто билъ поганыхъ идѣлицовъ.

А ѿ какъ выслушалъ молодой Касьянъ Офонасье-
 вичъ

А ѿ какъ рѣчь онъ отъ сильныхъ богатырей,
 А ѿ какъ самъ говорилъ имъ да таковы слова:
 «А ѿ же вы какъ сильни могучи вы богатыри!
 «А предъ Богомъ согрѣшили вы тяжко вѣдъ,
 «Вѣдъ убили много буйныхъ головушекъ пона-
 прасно вѣдъ,

«А пролили крови да горячией.
 «А ѿ согласны ли вы что да я вамъ скажу:
 «А ѿ не лучше ли забросить топерь войско намъ
 великое,

«А ѿ какъ ѣздить намъ да по чисту полю, —
 «А ѿ какъ намъ сходитъ-то ко граду къ Еросѣлиму,
 «Ко святой святыни Богу помолитисе,
 «Ко Господню гробу намъ да приложитисе,
 «А во Ерданъ рѣки окупатисе,
 «Во своихъ грѣхахъ да намъ прощатисе?
 «А столько *), вы сильни вы богатыри,
 «А въ томъ класть надо намъ заповѣдь себѣ ве-
 ликая,

«А ѿ чтобы не красть намъ да бы не воровать,
 «А ѿ на женскую прелесть не упадывать,
 «И не кровавить намъ своихъ рукъ да больше вѣкъ
 да богатырскихъ.

«А ѿ кто станетъ красть либо воровать,
 «А ѿ на женскую прелесть да упадывать,
 «А либо кровавить да руку вѣдъ богатырскую,
 «А ѿ такому по колѣнъ отрубить да ноги рѣзвыи,
 «По локоть отсѣчь да руки бѣлые,
 «А со лба какъ копать да очи ясные,
 «А тянуть ему какъ языкъ теперь со теменн,
 «А ѿ копать по грудямъ какъ во матушку сыру
 землю.»

А ѿ какъ они всѣ тому дѣлу не устрашилисе,
 Они всѣ согласилисе.

А какъ они да спустили добрыхъ коней

А во травки во шолковы

А ѿ на ты поля да на чистыя,

А ѿ самы надѣвали какъ платья калпцкія,

Какъ тутъ они клѣдывали да подсумки,

А ѿ подсумки да калычій,

На свои плеча вѣдъ да богатырскія,

А ѿ какъ брали они по кюки по дорожной,

А ѿ какъ тутъ они да отправилися,

А ѿ какъ вѣдъ пошли какъ удалы добры молодцы

А ѿ ко граду вѣдъ да Еросѣлиму.

А ѿ какъ встрѣтили какъ въ чистомъ поли

*) т. е. даввно.

*) т. е. только.

А ѿ какъ солнышка князя да Владиміра,
 А ѿ какъ самы вѣдь топерь говорятъ таковы слова:
 — Ай же солнышко Владиміръ князь стольне-
 кіевской!
 — Сотвори-тко намъ ужъ какъ милостыню руко-
 данную благословѣнную,
 — Сорока намъ калігамъ со единою. —
 А ѿ какъ тутъ говорилъ солнышко Владиміръ князь
 стольне-кіевской:
 «Ай же вы сорокъ кашкѣ да со единымъ!»
 «А ѿ у мян хлѣба да соли вѣдь съ собой да не
 случилося,
 «А у мян золотой казны не пригодилося.
 «А ѿ ступайте-тко во городъ во Кіев-отъ
 «А ѿ какъ къ мѣей княгини Апраксіи,
 «А она накормитъ напоитъ-то васъ,
 «А ѿ да вы да почитайте-тко
 «У мян въ полатахъ княженецкіихъ,
 «А ѿ скажите, что послалъ да солнышко Влади-
 міръ князь
 «Насъ изъ чиста поля.»
 А оны пошли какъ отравились во городъ во
 Кіев-отъ,
 А ѿ пришли какъ ко князю на шірогъ дворъ,
 А потомъ проходили въ полаты вѣдь княженецкіи,
 А ѿ какъ вѣдь говорятъ самы-то таковы слова:
 — Ай же ты княгиня Апраксія!
 — А ѿ какъ послалъ насъ изъ чиста поля
 — А ѿ какъ солнышко Владиміръ князь стольне-
 кіевской,
 — А ѿ какъ онъ велѣлъ накормитъ напоитъ тебѣ,
 — А ѿ мы будѣмъ да почевать топерь. —
 А ѿ какъ она вѣдь скоримъ скорѣ, скоро-на-скоро
 Приказала какъ вѣдь поставить столы да дубовые,
 Наноситъ ѣстовъ сахарніихъ,
 Наноситъ какъ напитки да медвяніихъ.
 А ѿ какъ тутъ наѣлись да накушались
 А ѿ какъ сорокъ калігѣ да со каліею,
 А ѿ какъ тутъ выходили зъ-за тыхъ столовъ зъ-за
 дубовыхъ,
 А ѿ топерь спать оны ложились.
 А ѿ какъ тутъ все ихъ замичала княгиня Апраксія,
 А ѿ что одинъ изъ артели былъ да прекрасный,
 Что называли его молодой Касьянъ да Офонасье-
 вичъ;
 А ѿ какъ не могла она заснуть во спальни кня-
 женецкой;
 А ѿ пришла она да смотреть топерь,
 А что всѣ ли спя удамы добры молодцы,
 А ѿ какъ приходила къ нимъ добрымъ молод-
 цамъ, —

А ѿ какъ всѣ спятъ сорокъ калігѣ да добрыхъ
 молодцовъ,
 А ѿ какъ вѣдь единая каліка не спитъ, да Богу
 молитса.
 А ѿ какъ вѣдь она говоритъ сама таковы слова:
 «Ай же ты молодой Касьянъ да Офонасьевичъ!
 «А ѿ какъ полно Господу Богу молитисе,
 «А ѿ пора тебѣ спать топерь ложитисе.
 «А ѿ подемъ со мной во спальню вѣдь княже-
 нецкую,
 «А на тую перину пуховую.»
 А ѿ какъ ѣнъ отвернулся, сказалъ-то ѣи:
 — Ай же ты княгиня Апраксія!
 — А ѿ поди же прочь отъ меня съ добра.
 — Не пойду я во спальню вѣдь княженецкую,
 — Не хочу я сквернить спальни княженецкой,
 — Не хочу сквернить своего тѣла бѣлаго,
 — А ѿ когда я пошолъ Богу молитиса. —
 А ѿ она овернулась, ушла топерь
 А ѿ во спальню вѣдь княженецкую;
 А ѿ не могла да заснуть топерь.
 А опять топерь она пришла какъ къ калікушѣи,
 А ѣнъ все не спитъ, да Богу молитса.
 А она говоритъ опять ему да таковы слова:
 «Ай же ты молодой Касьянъ да Офонасьевичъ!
 «А ѿ какъ полно те Господу Богу молитисе,
 «А ѿ пора топерь спать тебѣ ложитисе.
 «А ѿ подемъ со мной во спальню вѣдь княже-
 нецкую,
 «А ѿ на ту перину пуховую.»
 А ѿ какъ онъ овернулся, сказалъ-то ѣи:
 — Ай же ты княгиня да Апраксія!
 — А ѿ же ты съ добра какъ прочь поди отъ меня
 да отъ молодца.
 — А ѿ пойду ли я съ тобой во спальню княже-
 нецкую,
 — А ѿ когда пошолъ Господу Богу я молитисе,
 — А ѿ когда владена заповѣдь у насъ да великая,
 — А ѿ не красть да намъ не воровать,
 — А ѿ на женскія прелести не уадывать,
 — А ѿ не кровавить да рукъ своихъ да богатыр-
 скіихъ,
 — А ѿ сходить намъ ко граду къ Еросѣлиму,
 — А ѿ какъ Господу Богу помолитиса намъ,
 — Ко Господню гробу приложитисе,
 — Во Ерданъ рѣкѣ окупатисе,
 — Во своихъ какъ грѣхахъ да намъ прощатисе;
 — А ѿ какъ ежели стане красть либо воровать,
 — А ѿ на женскую прелесть уадывать,
 — А ѿ какъ кровавить руки да бѣлыи,
 — А ѿ такому по колѣнъ отрубить да ноги рѣзные,

— По лобѣтъ отрубить да руки бѣлые,
 — А ѿ со лба какъ копать да очи ясные,
 — А ѿ гануть намъ языкъ да вѣдь со темени.—
 А она опять какъ поворотиласе,
 А ушла опять во спальню она княженецкую.
 А ѿ она еще тому не устрашиласе,
 А еще она спатъ да не ложиласе,
 А еще пришла ко каликушки;
 А все какъ калика не спитъ, да Богу молитсе.
 А ѿ какъ вѣдь ѿна говоритъ таковы слова:
 «А ѿ же ты молодой Касьянъ да Офонасьевичъ!
 «А ѿ какъ полно те Господу Богу молитсе,
 «А ѿ пора тебѣ спатъ, смотри, ложитсе.
 «А ѿ подемы со мной во спальню вѣдь княже-
 нецкую.»
 А ѿ какъ онъ отворотилсе вѣдь добрый молодець,
 А ѿ хватилъ свою дубину да дорожную,
 А держалъ онъ замакъ да великинъ,
 А ѿ какъ самъ говоритъ таковы слова:
 — А ѿ же ты княгина Апраксія!
 — А ежели ты какъ съ добра не пойдѣшь топерь,
 — А ударю какъ я дубиной дорожною,
 — А тутъ у мя ты падѣшь да на кирпичной
 полѣ. —
 А она топерь какъ тутъ да устрашиласе,
 А ѿ какъ скоро взадъ поворотиласе,
 А ѿ тожно какъ опять сошла во спальню княже-
 нецкую.
 А ѿ потомъ молодой Касьянъ да Офонасьевичъ
 Тутъ какъ спатъ да ѿнъ ложилсе-то,
 А ѿ заснулъ какъ во сонъ да богатырскій.
 А она тамъ во спальнѣ что удумала
 А ѿ княгина Апраксія, —
 А ѿ какъ взяла еще вышла со спальни княже-
 нецкѣей,
 А пришла она тихошенько,
 А ѿ гдѣ спатъ какъ удали добры молодцы,
 А какъ сорокъ каликъ да со каликою;
 А она какъ ранѣше замѣтила
 А у мѡлода Касьяна Офонасьева,
 А что у его былъ какъ подсумокъ,
 А ѿ какъ лыту (такъ) бархату краснаго;
 А ѿ какъ взяла распорола ужъ его какъ подсумокъ,
 Кладывала туды чашу княженецкую,
 А ѿ зашла какъ бархатней подсумокъ,
 А ѿ потомъ шла какъ во спальню княженецкую.
 А потомъ прошло времечко да до утрія,
 А ѿ ставали какъ сорокъ каликъ да со каликою,
 А ѿ какъ начали оны обуватсе, умыватсе,
 А ѿ какъ начали Господу Богу да молитсе.
 А ѿ потомъ какъ княгина Апраксія

Приказала поставитъ столы она дубовые,
 А ѿ наноситъ ѿстовъ сахарниихъ
 А ѿ напитокъ медвяннихъ;
 А ѿ какъ вѣдь садила сорокъ каликъ со каликою
 А ѿ какъ хлѣба соли да кушати.
 А ѿ какъ садилсе сорокъ каликъ со каликою
 А ѿ какъ хлѣба соли да кушати,
 А ѿ наѣлисе оны ужъ какъ досыта,
 А ѿ наѣлисе, напились да накушалисе.
 Потомъ вышли зъ-за столовъ оны дубовыхъ,
 А ѿ благодарили княгину Апраксію,
 А ѿ какъ Бога молили за солнышеа князя Вла-
 димира.
 А ѿ потомъ надѣвали какъ платья каличинъ,
 А потомъ брали оны свои подсумки бархатниъ,
 А ѿ кладали на плечѣ богатырскіи,
 А ѿ потомъ поклонилсе княгиня Апраксія,
 А потомъ оны да отправилисѣ,
 А опять какъ пошли оны ко граду Еросѡлнму.
 А потомъ какъ вѣдь да наѣхалъ изъ чистѣ поля
 А ѿ какъ солнышко Владиміръ князь,
 А Владиміръ князь да стольнѣ-кїевской,
 А ѿ какъ садилсе хлѣба кушати да трапѣзовать,
 А ѿ какъ вѣдь стали искать чаши княженецкѣей,—
 А ѿ какъ вѣту вигдѣ чаши вѣдь княженецкѣей.
 А ѿ какъ начали искать по всѣмъ полатамъ кня-
 женецкиимъ,
 А ѿ какъ тутъ говорилъ ужъ солнышко да Вла-
 диміръ князь:
 «А ѿ куда же дѣваласе
 «А ѿ какъ чаша вѣдь княженецкая?
 «Кто у насъ унесъ чашу вѣдь княженецкую?»
 А ѿ говоритъ княгина вѣдь таковы слова:
 «А ѿ же солнышко Владиміръ князь!
 «А ѿ у ты были посланы изъ чистѣ поля
 «А ѿ какъ сорокъ каликъ да со единимъ:
 «Не оны ли унесли чашу вѣдь княженецкую?
 «А оны вѣдь здѣсь ночевали-то,
 «А ѿ недавно отправилисѣ въ чисто полѣ.
 «А ѿ смотри, оны унесли твою чашу княженецкую.»
 А ѿ какъ солнышко да Владиміръ князь,
 А ѿ Владиміръ князь да стольнѣ-кїевской,
 А ѿ какъ ѿнъ скоримъ скорѡ, скоро-вѣ-скоро,
 А привазывалъ свѡихъ сильнихъ богатырей,
 А ѿ какъ самъ говорилъ онъ богатырямъ таковы
 слова:
 — А ѿ же вы любезныи богатыри!
 — А кто бы у васъ съѣздилъ въ чистѡ полѣ
 — А ѿ да вслѣдъ съ угономъ за каликами?
 — А ѿ какъ вѣдь и каликушки
 — Унесли какъ чашу княженецкую. —

А й какъ тутъ говорилъ старой казакъ да Илья Муромецъ:

«Ай же солнышко да Владимиръ князь,
«А й Владимиръ князь да стольне-кѣвской!
«А это не сорокъ каликъ да со каликою,
«А смотри сорокъ сильныхъ могучихъ богатырей.
«А только же намъ кого да послать будетъ?»
А й говорилъ какъ солнышко да Владимиръ князь:
— А пошлѣте смѣлаго Олешенку Поповича. —
А послали какъ смѣлаго Олешу да Поповича,
А велѣли спросить Олѣши по хорошему.
А Олешенька шолъ какъ садился на добра коня,
А Олеша не боялся да отправился.
А й какъ засталъ сорокъ каликъ да онъ въ чи-
стѣмъ поли,

А й сидя калики, хлѣба кушаютъ, трапѣзуютъ.
А й какъ онъ говорилъ каликамъ таковы слова:
«Ай же вы сорокъ каликъ со каликою!
«А видно вы не сорокъ каликъ да со каликою,
«А й какъ сорокъ воровъ сорокъ разбойниковъ!
«А украли вы чашу вѣдь княженецкую,
«А съ добра вы отдайте чашу вѣдь княженецкую.»
А й какъ тутъ молодой Касьянъ да Офонасьевичъ
А й ставалъ да на рѣзвѣ ноги,
А взибалъ свою дубину онъ дорожную,
А держалъ онъ замахъ топерь да великин,
А й какъ самъ говорилъ таковы слова:
— А й какой ты прѣхалъ изъ города изъ Кіева,
— Я те дамъ какъ вѣдь чашу княженецкую, —
— А й какъ ты у мя не долго скатишься вѣдь
съ добра коня!
— Развѣ мы украли чашу княженецкую?
— А й какъ развѣ приходили для вашей чаши
княженецкѣй? —

А Олешенька со страху великаго,
А Олеша видитъ, дѣлать топерь нечего,
А й поворотилъ скоро Олеша да добра коня,
А й какъ скоро поѣхалъ онъ въ городъ во Кіев-отъ,
Скоро прѣзжалъ ко солнышку ко князю ко Вла-
диміру,
А й какъ самъ говорилъ таковы слова:
«Ай же солнышко Владимиръ князь стольне-кѣв-
ской!
«А й дѣйствительно какъ не сорокъ каликъ со
каликою,
«А дѣйствительно сорокъ воровъ сорокъ разбой-
никовъ.
«А й какъ я спросилъ вѣдь про чашу про княже-
нецкую,
«А они какъ все на меня да сходились,
«А одинъ хватилъ какъ дубину да дорожную,

«А едва не убилъ меня да на добромъ кони,
«А едва я уѣхалъ вѣдь да изъ чиста поля.»
А й тутъ говорилъ опять старой казакъ Илья
Муромецъ:

— Ай же солнышко Владимиръ князь стольне-
кѣвской!
— А й не гляди-тко ты на дурака какъ на смѣлаго
Олешу на Поповича, —
— А я знаю какъ Олешенька спрашивалъ.
— А й какъ надо послать намъ туда больше не-
кого,
— А й послати намъ молодого Добрыню да Ни-
китича, —
— А тотъ ужъ спроситъ вѣдь да по хорошему. —
А й послали какъ молодого какъ Добрыню какъ
Никитича,

А й поѣхалъ молодой Добрынюшка въ чисто полѣ,
А й засталъ ихъ на томъ на одномъ да на мѣстечки;
А все сидя, хлѣба кушаютъ, трапѣзуютъ.
А й какъ ѣнъ говорилъ молодой Добрыня Мики-
тиничъ:

«А какъ здравствуйте, сорокъ каликъ да со ка-
ликою,
«А хлѣбъ да соль, какъ сорокъ каликъ со каликою!»
А они говоря: — поди пожалуй, удалой добрый
молодецъ,
— Хлѣба кушать, удалой доброй молодецъ,
— А садись-ко съ нами за кумпанью хлѣба ку-
шати. —
А й какъ тутъ говорилъ молодой Добрыня Ми-
китинецъ:

«Ай же вы сорокъ каликъ да со каликою!
«А что я вамъ скажу да добрымъ молодцамъ:
«А й какъ вѣдь топерь у насъ какъ во городѣ
да во Кіевѣ
«А й какъ сдѣлалась тревога да великая,
«Потерялась золотая чаша княженецкая,
«Безъ которой чаши князь топерь хлѣба не ку-
шаетъ.

«А какъ вы пощтите-тко, добры молодцы,
«Не попала ли къ вамъ въ ошибку къ какому ли
къ молодцу въ подсумокъ.»
А они какъ все-то другъ на друга розглядѣлись,
А не знаютъ что да топерь дѣлать.
А й какъ тутъ говорилъ молодой Касьянъ да Офо-
насьевичъ:

— Ай же вы товарищи вы любезные,
— А й калики богомольни!
— А й распорите свои да подсумки
— А покажите ему молодцу. —
А й какъ все каликушки ставали на рѣзвѣ ноги,

А всё брали свои ужъ какъ подсумки,
 А ѣй показали молодому Добрыни да Микитичу.
 А не въ какомъ какъ во подсумки
 А ѣй какъ не нашлась чаша вѣдь княженецкая;
 А ѣй развертывалъ ужъ какъ подсумокъ
 Молодой Касьянъ да Офонасьевичъ,
 А свой подсумокъ бархатнѣй,
 А ѣй какъ тутъ объявилась чаша княженецкая.
 А ѣй какъ тутъ они всё взволновались,
 А ѣй топерь всё какъ счудовались:
 — А кто насъ звалъ Господу Богу молитисе,
 — А кто владѣлъ у насъ заповѣдь великую,
 — А у того какъ очудилась чаша княженецкая. —
 А ѣй какъ сами всё вѣдь говорятъ таковы слова:
 — Ай же ты молодой Касьянъ да Офонасьевичъ!
 — А что мы будемъ съ тобой да топерь дѣлати?
 — А ѣй ты самъ вѣдь какъ владѣлъ заповѣдь великую. —
 А ѣй какъ тутъ говорилъ молодой Касьянъ Офонасьевичъ:
 «Ай же вы любезны товарищи!
 «А я что не укралъ вѣдь чаши княженецкѣй;
 «А ѣй ночесъ вѣдь три разъ приходила княгиня да Апраксія,
 «А меня звала во спальню княженецкую,
 «А черезъ то владена чаша княженецкая,
 «А что я не шолъ во спальню княженецкую.
 «А ѣй какъ вѣдь ужъ вы дѣлаете дѣло повелѣное,
 «А не рушайте вы заповѣди великѣй:
 «А какъ вы сѣкните мѣнѣ ноги рѣзвны,
 «А ѣй рубите-тко руки бѣлыя,
 «А ѣй со лба-то копайте очи ясные,
 «А ѣй тяните-тко языкъ мѣнѣ-ка со темени,
 «А ѣй копайте какъ по грудямъ во матушку сыру землю!»
 А они какъ тутъ топерь какъ всё они заплакали,
 А отъ желанья какъ начали съ нимъ прощатисе,
 А какъ всё отъ желанья съ нимъ простилисе.
 А хоша жалко было, только приступилисе,
 А ѣй по колѣнъ отсѣкли ему да ноги рѣзвны,
 По локотъ отрубилъ руки бѣлыя,
 А со лба какъ копали очи ясные,
 А ѣй тянули языкъ ему со темени,
 А ѣй копали по грудямъ во матушку сыру землю;
 А ѣй потомъ какъ со мѣртвными простилисе,
 А ѣй какъ тутъ они какъ заплакали, отпавилисѣ
 А какъ граду вѣдь да Ерусолиму.
 А ѣй какъ тутъ молодой Добрыня Микитичъ
 А ѣй какъ высмотрѣлъ всё да ихъ дѣяньцо,
 А ѣй какъ скоро-на-скоро тоже ѣнъ топерь отпавилсѣ

А со чашою да княженецкою,
 А ѣй во городъ онъ во Кіев-отъ.
 А ѣй прѣзжалъ онъ какъ во городъ во Кіев-отъ
 А ѣй ко солнышку князю да на широкъ дворъ,
 А ѣй потомъ шолъ въ полаты княженецкѣе,
 Подавалъ солнышку князю чашу княженецкую,
 А ѣй какъ самъ говорилъ да таковы слова:
 — Ай же солнышко Владиміръ князь ты да стольне-кѣвской!
 — А ѣй какое я чудушко видѣлъ да въ чистомъ поли, —
 — А хоша не сорокъ каликъ да со каликою,
 — А сорокъ сильныхъ богатырей.
 — А столько видно крѣпко владена заповѣдь великая
 — А итти Господу Богу да молитисе.
 — А не украли чаши они вѣдь княженецкѣе,
 — А какъ ни будетъ въ ошибку попалъ имъ чаша княженецкая. —
 А ѣй не сказалъ того, что звала княгиня да Апраксія
 А ѣй во спальню вѣдь княженецкую,
 А что онъ не шолъ во спальню княженецкую,
 Черезъ то она зашла вѣдь чашу княженецкую;
 А столько ѣнъ да сказалъ топерь:
 — А ѣй у кого какъ нашлась чаша вѣдь княженецкая,
 — А того казнили какъ они топерь въ чистомъ поли:
 — По колѣнъ отсѣкли ноги рѣзвны,
 — По локотъ отрубилъ руки бѣлыя,
 — А со лба какъ копали очи ясные,
 — А ѣй тянули языкъ они со темени,
 — А ѣй копали по грудямъ во матушку сыру землю. —
 А ѣй началъ солнышко князь туда справлятисе,
 И начало много богатырей справлятисе,
 А смотреть того дѣла да великаго.
 А ѣй какъ той порой да тымъ времячкомъ
 А впереди какъ ихъ добрыхъ млодцовъ
 Къ молодому Касьяну къ Офонасьеву
 Приходилъ какъ Микола да Можайскій,
 А ему какъ вложилъ да ноги рѣзвны,
 А вложилъ да руки бѣлыя,
 А ѣй положилъ ѣму да очи ясные,
 Положилъ языкъ во тема вѣдь,
 А ѣй положилъ какъ здыханье во бѣлую грудь,
 А ѣй поставилъ какъ ѣго да на рѣзвыя ноги,
 А ѣй какъ самъ говорилъ ему да таковы слова:
 «А ѣй ступай, молодой Касьянъ да Офонасьевичъ,

«А ѿ на первомъ на станціи *)
 «А ѿ застанешъ свою да дружью-братію,
 «А ѿ своихъ да ты товарищовъ.
 «А меня вѣдь Господь послалъ
 «А къ тебѣ да добру молодцу,
 «А потому что ты напрасно сказанъ да добрый
 молодець:
 «Не украсть ты вѣдь чаши княженецкѣй,
 «А за то меня вѣдь Господь послалъ.
 «А какъ сходишь ты ко граду да къ Еросѣлиму,
 «Ко святой святѣни Богу помолитисе,
 «Ко Господню гробу приложитисе,
 «А во Ерданъ какъ рѣки да окупаетесь,
 «А ѿ во своихъ грѣхахъ да попрашаетеся,
 «А ѿ какъ взадъ да вы воротитесь
 «А къ своимъ да къ добрымъ конямъ,
 «А ѿ поѣдете по своимъ мѣстамъ,
 «А ѿ тогда какъ съѣдешъ во свою ужъ какъ
 землю ты,
 «А сдѣлай-ко церковь ты да соборную,
 «А ты Микола да Можайскому;
 «А я какъ есть Микола да Можайскій.»
 А ѿ тутъ потерялся старичокъ да топерь бѣлый.
 А ѿ какъ тутъ молодой Касьянъ топерь отправился,
 А какъ засталъ своихъ топерь товарищовъ
 А какъ по вечеру да по позднему,
 А они сидѣ, хлѣба кушаютъ, трапезуютъ.
 А они какъ топерь ли тому чуду чудовались,
 Что сказали молодого Касьяна Офонасьева,
 А ѿ какъ ѣнъ насъ да засталъ топерь;
 А ѿ какъ что надъ нимъ да топерь счудилось,
 А какъ видно такъ ему Господь благословилъ то-
 перь,
 А не кто иной не помогъ ему;
 А какъ всѣ они обрадовались ужъ какъ радостью
 великою.
 А ѿ потомъ какъ на тое на мѣсто-то,
 Гдѣ былъ сказанъ молодой Касьянъ да Офонасье-
 вичъ,
 А ѿ поѣхалъ какъ солнышко Владиміръ князь,
 А Владиміръ князь да стольнѣ-кѣвской;
 А наѣхало съ нимъ много прочіихъ богатырей.
 А столько знать тая яма великая,
 А гдѣ былъ сказанъ удалой добрый молодець,
 Гдѣ закопанъ во матушку сыру землю.
 А такъ вѣдь тому чуду чудуются,
 А на то они расположились:
 А ѿ куды ни увеселъ у нихъ топерь

*) Пѣвецъ видимо искалъ слова и, какъ бы не находя вѣ-
 стоящаго выраженія, пропѣлъ: «станціи».

А ѿ закопанъ во матушку сыру землю.
 А и тутъ они какъ поѣхали во городъ во Кѣв-отъ.
 А ѿ какъ тутъ сорокъ сильнѣихъ богатырей
 Приходили во градъ да Еросѣлим-отъ,
 А ѿ какъ Господу Богу помолились,
 Ко Господню гробу приложилисе,
 А ѿ во Ерданъ какъ рѣки да окупалисѣ,
 А ѿ во своихъ какъ грѣхахъ да попрашилисе.
 А ѿ ужъ какъ взадъ они да отправились
 А ѿ со града вѣдь да Еросѣлима
 А ѿ къ своимъ да къ добрымъ конямъ,
 А пришли они опять какъ во городъ во Кѣв-отъ,
 Приходили ко солнышку князю да на широкъ дворъ
 А ѿ попросили какъ милѣстѣны рукоданней,
 Рукоданней благословѣнней:
 — А ѿ же солнышко да Владиміръ князь да столь-
 нѣ-кѣвской!
 — А ѿ сотвори-тко намъ да Христа ради,
 — А ѿ какъ милѣстѣну намъ да Христа ради,
 — Чтобы было сорока казѣкамъ пообѣдати. —
 А ѿ закричали всѣ вдругъ да громнымъ голосомъ,
 Ажно задрожали полаты княженецкѣй.
 А ѿ говорилъ какъ имъ топерь солнышко Влади-
 мѣръ князь:
 «А ѿ же вы сорокъ казѣкъ да со казѣкою!
 «А ступайте-тко во полаты хлѣба кушати,
 «Во полаты вѣдь княженецкѣй.
 «А ѿ накормлю я васъ сорокъ казѣкъ да со еди-
 нымъ,
 «А напою васъ сорокъ казѣкъ да со единымъ.»
 А они говорятъ топерь да такыя слова:
 — А не идемъ мы къ тебѣ во полаты княженецкѣй;
 — Потому мы не идемъ къ тебѣ,
 — А что у ты княгиня Апраксѣя
 — А опять нашему мѣлоду Касьяну Офонасьеву
 — А положить во подсумокъ
 — А чашу вѣдь княженецкую,
 — А украде у ты у солнышка у князя у Владиміра.
 — Оногда ночѣвали, такъ знаемъ мы,
 — А ѣна какъ звала его во спальню княженецкую,
 — А ѣнъ не шолъ какъ съ ней во спальню кня-
 женецкую,
 — А за то ему ѣна какъ твою чашу княженецкую
 — А клала во подсумокъ во бархатнѣй, —
 — А за то какъ казнили его мы да добра молодца;
 — А хоша сказнили, только онъ сходилъ съ нами
 во граду Еросѣлиму. —
 А ѿ какъ солнышко да Владиміръ князь да стольнѣ-
 кѣвской
 А ѿ какъ милѣстѣну далъ рукоданную да благо-
 словѣнную Христа ради,

А что буде каливкамъ пообѣдати.
 А какъ сошли топерь да на чисто поле,
 На чисто полѣ къ своимъ добрымъ конямъ,
 Потому что нѣдалечо были порато*) кони оставлены
 А отъ города да отъ Кіева;
 А ѣ приходили какъ къ добрымъ конямъ,
 А садились хлѣба кушать да трапезовать.
 А поѣли какъ, попили, покушали,
 А ѣ потомъ какъ начали брать своихъ добрыхъ
 коней,
 А ѣ какъ начали сѣдлатъ уздаты добрыхъ коней,
 А ѣ какъ начали отправляться по своимъ да по
 сторонущкамъ,
 А ѣ начали другъ съ другомъ прощатисе.
 А всѣ простились вѣдь да отъ желаньца,
 А ѣ топерь всѣ да порозѣхались
 А ѣ по своимъ мѣстамъ, по своимъ домамъ.
 А какъ больше изъ нихъ какъ нѣ какой не сталъ
 ѣздить да въ чисто поле,
 Болѣ не стали кровавить рукъ да богатырскихъ.
 А ѣ какъ тутъ молодой Касьянъ да Офонасьевичъ
 Приѣзжалъ во свою какъ онъ во землю-ту,
 А ѣ тамъ какъ состроилъ церковь соборную
 А ѣ Миколы онъ да Можайскому.
 А ѣ какъ началъ ѣнъ какъ тутъ Господу Богу да
 молитисе,
 А ѣ какъ началъ въ своихъ грѣхахъ прощатисе.
 А ѣ топерь да послѣ этого
 А ѣ тому да всему да славы поють.
 А ѣ Дунай Дунай болѣ вѣкъ нѣ знай.

Записано тамъ же, 4 августа.

Когда Сорокинъ пѣлъ былинъ, которыя запи-
 саны были съ его словъ г. Рыбниковымъ, оказа-
 лись слѣдующія замѣтныя разнорѣчія:

1. ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ ВЪ ССОРЪ СЪ ВЛАДИМИ- РОМЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 63).

Стихъ 5. «Унавенькой» а не «уналенькой».

Ст. 104. На шумъ на гамъ на веливн
 Какъ на тотъ ли городъ на Смоленскій.

Ст. 129. Сколько самъ-то билъ, втрое конемъ
 топталъ.

*) т. е. очень.

Ст. 137. Во городъ Смолѣиной.

Ст. 138. Мужики Смолѣиной (тоже ст. 175).

Ст. 159. Удавенькой какъ упавенькой.

Ст. 181. Скакали вси на стѣну городовую.

Ст. 196. Суды суди ты всѣ правильни.

Послѣ ст. 210. А ѣ какъ есте двѣ дорожки пу-
 тистыя.

Ст. 227. На крякновистыхъ.

Ст. 263. Волчья сыть пеляной мѣшонокъ.

Ст. 265. Крику звѣрнаго, той прогласицы бога-
 тырскіи.

Ст. 282. Поватился Соловешко со гнѣздышка.

Послѣ ст. 290. Самъ работа дорожку прямоѣжену.

Ст. 298. Ко посѣльцу Соловѣиному.

Ст. 306. «Привязана» вмѣсто «прикована».

Ст. 345. «Скатняго», а не «скачнаго».

Ст. 361. Во Киев-отъ (такъ вездѣ, вмѣсто: во
 Киевъ-то).

Ст. 365. княженецкаго.

Стихи 388—393 Сорокинъ пропустилъ.

Ст. 414, 417, 426, 428, 440, 443. «на зени» вмѣ-
 сто «на земли» или «мертвы».

Послѣ ст. 449. Пошолъ на городъ на Киев-отъ

Вмѣсто ст. 469—493 Сорокинъ пѣлъ:

А какъ солнышко князь какъ вышелъ на улушку
 на широую,

А на свой онъ да на широкъ дворъ,

А со своимъ какъ съ русейскимъ какъ богатырми,

А ѣ увидѣлъ среди двора чудо чудное,

А ѣ увидѣлъ дивушко дивное,

А ѣ какъ стоитъ осередь двора ужъ какъ доб-
 рый конь,

Нп къ чему конь да не привязыванъ.

А ѣ у коня какъ у стремени,

А ѣ у стремени у правой у булатнѣи,

А ѣ какъ стоитъ чудушко чудное, диво дивное,

А ѣ стоитъ проклятой Соловей

А ѣ привязавъ жолтыма кудерками онъ ко стре-
 мени.

А ѣ какъ тутъ онъ пороздумался, началъ совѣ-
 товать

А ѣ съ любезными какъ съ русейскимъ богатырями:
 «А ѣ какъ кто пріѣхалъ къ намъ во городъ во
 Кіев-отъ?»

«А ѣ какъ ежели пріѣхала какъ невѣжа поганая

«А ѣ погано Идолицо,

«Тамъ русскому Богу ѣнъ не влѣнялся бѣ,

«Солнышку князю челомъ не билъ.

«А ѣ какой нибудь свой русскій есть богатырь-
 отъ.»

А й какъ тутъ говорилъ молодой Добрыня Ми-
китиницъ:
— Ай же солнышко Владимиръ князь стольнѣ-
кѣвской!
— А какъ я всѣхъ русейскихъ богатырей знаю
на святой Руси,
— А какъ столько я да не знаю вѣдь,
— А какъ есте говорятъ топерь
— А во городи какъ во Муромци
— А какъ въ томъ селѣ въ Карачаевомъ
— А какъ е старой казакъ Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
— А ему вѣдь на бою смерть-та не написана,
— А какъ тутъ-то дѣлать съ нимъ намъ-то нечего,
— Какъ намъ вѣдь-то всемъ городомъ Кіевымъ,
— А й какъ столько намъ кого послать позвать его,
— А й позвать его на почестенъ пиръ. —
А й говоритъ какъ солнышко да Владимиръ князь:
«А й кого же намъ да позвать будетъ?»
«А й какъ ежели да послать-то намъ
«А й какъ смѣлаго Олѣшеньку Поповича и проч.

Вмѣсто ст. 512, 513. А й нигѣ послалъ позвать
тебя.

Ст. 537, 538 Сорокинъ пропустилъ.

Ст. 580, 581 опущены.

Ст. 645. Фасталь, може, неблизцемъ.

Ст. 649 подъ городомъ подъ Смоленскимъ.

Ст. 656 отъ города отъ Смоленскаго.

Послѣ ст. 658. Ай во тыхъ мѣстахъ во Брянскихъ.

Ст. 666. Привезенъ у мя.

Ст. 752. покарамбалсь.

Ст. 769. Не строитель вѣдь, а вѣковой разори-
тель онъ.

Послѣ ст. 785. А сиди тутъ Соловей вѣки неру-
шимме.

2. СТАВЕРЪ.

(У Рыбникова, т. II, № 19).

Послѣ стиха 9 Сорокинъ пѣлъ:

«А й во славномъ городѣ да въ Черниговѣ
Какъ прослышалъ-то старъ Ставеръ сынъ Годи-
новичъ

А й про тотъ столованье онъ почестенъ пиръ,
А й какъ говорилъ своей Василисты Микулиной:

«Ай же ты моя молода жена,
«Ай молода жена любимá семья,
«Ай молода Василиста да Микулична!
«А я поѣду во славныи во стольнии
«А й во городъ во Кіев-отъ
«А й ко солнышку князю Владимиру
«А й на тотъ столованье почестенъ пиръ.»
А й тутъ ёна говорить ему таковы слова:
— Ай ты мужъ ты мой любезныи,
— Ай ужъ старъ ты. Ставеръ сынъ Годиновичъ!
— А й не велѣла бы тебѣ ужъ какъ ѣхати,
— Набъ чтобъ ты не сдѣлался тамъ несчастнымъ.
— Какъ будете вы пьяны веселы,
— Какъ будете вы всѣ фастасти,
— А ты старъ охотникъ пофастати:
— Ты смотри не фастай мной молодой женой,
— А ничѣмъ-смотри не фастай тамъ,
— Не фастай во городи во Кіеви.

Потомъ Сорокинъ описывалъ, какъ Ставеръ
сѣдлаетъ коня, одѣвается, приѣзжаетъ въ Кіевъ,
ставитъ коня на дворѣ княженецкомъ, входитъ
въ полаты, кланяется; тутъ всѣ садятся за столъ
и тогда слѣдуетъ продолженіе былинны, со стиха
10 у Рыбникова.

Ст. 96. потнички на потнички

Послѣ ст. 109: Брала съ собой дружинишку хо-
робрую

Дружинишку что у Ставра была.

Послѣ ст. 112: Оставила дружину во чистомъ поли
Сама поѣхала во городъ Кіев-отъ.

Послѣ ст. 132: Возрощёной ты мой батюшко (такъ
и въ другихъ мѣстахъ былинны).

Ст. 147: «посла», вмѣсто «послать».

Ст. 182: острѣнце, вмѣсто острице (такъ и въ
другихъ мѣстахъ).

Ст. 208. на вѣсы на вѣрныи.

Ст. 221. Раньше солнышка князя Владимира *).

Ст. 342. На свой на широкъ дворъ.

*) Въ этомъ же смыслѣ, очевидно. Сорокинъ, когда пѣлъ
г. Рыбникову, употребилъ выраженіе: «вставала по утру по
равнему—до солнышка князя до Владимира»; потому нельзя
понять, какое тутъ «замѣчательное отождествленіе солнышка
Владимира съ равнымъ утреннимъ солнцемъ» вѣрдево изда-
телемъ II-го тома Рыбниковаго сборника.

3. ДЮКЪ.

(У Рыбникова, т. II, № 30).

Стихъ 2 Сорокинъ пропустилъ.

Ст. 21. Прогласици поѣздки богатырскія, дѣла ратнаго.

Ст. 67 шоломчатую, вмѣсто холломчатую.

Ст. 135 богатырь-оть, вмѣсто богатырь (такъ и въ другихъ стихахъ былины, оканчивающихся этимъ словомъ).

Послѣ ст. 264 Сорокинъ вставилъ:

А й выходили съ шатра да со шолкова

А й на улушку на широкую,

А й какъ тутъ говорилъ какъ старобй казакъ Илья Муромецъ:

«Ай же братецъ мой да крестовны

«Ай молодой бояринъ Дюкъ да Степановичъ!

«А й куда же мы да коня владемъ

«А й погананаго да Идолища?

«А топерь у насъ есть по коню по доброму,

«А какъ гнать намъ его топерь некуда.

«А й гдѣ видно пала голова хозяйская,

«А тутъ пади да головушка добра коня!»

А й чеснулъ коня какъ межъ ушей рукой правую.

А й какъ конь-тотъ палъ да на смру землю.

Ст. 307 Изъ той *Корѣтти* богатыя, вмѣсто «Корелы»; такъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ этой былины.Ст. 317: Либо халуина господская,
Либо волочага голь кабацкая.

Ст. 381. «мостовъ калиновыхъ», а не «каленныхъ».

Ст. 430. «задушились», вм. «затенулись».

Ст. 481. Аль будьто мужики залисскін.

Ст. 487. «пороздорили», вм. «пороссорились».

Ст. 664. Со города со Галичи.

Ст. 822. «Не даль бы», вмѣсто «даль ли».

Ст. 823. «надсматривалъ», вм. «засматривалъ».

4. СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

(У Рыбникова, т. II, № 31).

Ст. 3. во Опскову.

Ст. 8. мимо Казань мимо Астрахань.

Ст. 19. «черненые», вмѣсто «черные».

Ст. 46. Будиміровичъ (а не Будиморовичъ, какъ отмѣчено въ примѣчаніи къ этому стиху).

Ст. 61. шапочки гладены черны-мурмонки.

Ст. 75. скатняго (такъ и въ другихъ мѣстахъ, вм. скачнаго).

Ст. 91. Киев-оть (такъ и въ другихъ мѣстахъ, вм. Киевъ, когда этимъ кончается стихъ).

Ст. 102. «присталь», а не «пристапъ».

Ст. 109. сундуки окованные.

Послѣ ст. 139. Любезной племянницы солнышка князя Владимира.

Ст. 205. Три терема златоверхіихъ.

Ст. 214. «розували», ст. 215. «обували», вм. «скидывали», «одѣвали».

Ст. 229. «стекольчаты», а не «стекольныи».

Послѣ ст. 263. Не зналъ что забаяти.

Послѣ ст. 296 Сорокинъ вставилъ:

А й какъ тутъ солнышко Владимиръ князь
Призывалъ онъ свою любезную племянницу,
Молоду Любаву Путятичну:

«Ай же ты любезная племянница

«Молода Любава Путятична!

«А й желаешь ли итти ужъ какъ замуж-оть

«Ужъ какъ въ тую землю Веденецкую,

«А й за млада Соловья сына какъ Будиміровича?»

А й какъ вѣдь ѣна говоритъ ему таковы слова:

— А й родитель мой дядюшка,

— Возрощённый мой какъ батюшко!

— А й какъ воля топерь твоя надъ красною надъ
дѣвушкой,

— А хошь отдавай, хоша ты вѣтъ меня. —

А какъ ѣнь говоритъ: «я желаю вѣдь отдать тебя.»

А й она говоритъ: «ежели желаешь ты отдать меня
Такъ я иду за его во замужество.»

Конецъ былины, начиная съ стиха 305, Сорокинъ пѣлъ такъ:

А й какъ тутъ честнымъ пирѣомъ да за свадебку.

А й какъ тутъ младъ Соловей сынъ Будиміровичъ

А й какъ началъ дарить-то ѣнь

А й князей боярь да господь-то всѣхъ

А й краснымъ золотомъ, а й какъ чистымъ да
сѣребромъ,

А й какъ мелкимъ скатнымъ жемчугомъ;

А й какъ даль солнышку князю много несчётной
золотой казны,

А для того онъ даль топеречку,

А й чтобы ѣнь да его да для молодца

Для пріѣзду счастливаго

И для его да для свадебки,

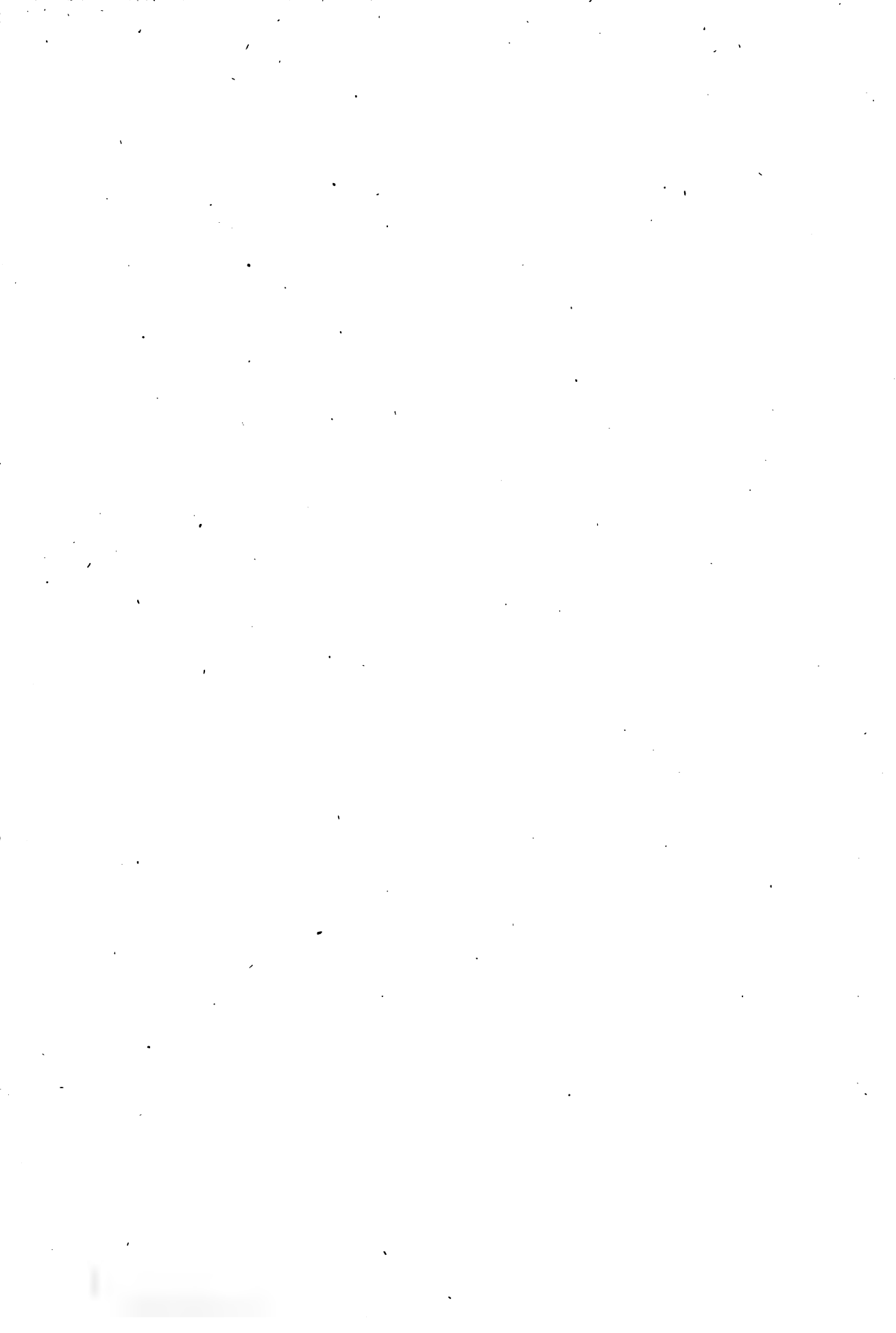
По всему какъ по городу да по Киеву

А ѣ розотворилъ всѣ кабаки конторы пивовар-
ни-ты,
Чтобы весь народъ какъ пилъ да зеленó вино,
А ѣ какъ кто не пѣе да зеленá вина,
Тотъ бы пилъ да пива пьяные,
А ѣ какъ кто не пѣе пивовъ пьяныхъ,
Тотъ бы пилъ да мѣды сладкіе,
Чтобы знали что да наѣхалъ вѣдь
А ѣ какъ младъ Соловей сынъ Будиміровичъ
А ѣ зъ-за славнаго синя моря
А ѣ свататься на молодой Любови Путятичной.
Шоъ-то пиръ какъ у ихъ трои сутки-ты,
А ѣ топерь какъ послѣ тронхъ сутокъ
А ѣ какъ говорилъ да солнышко Владимиръ князь:
«Ай же ты младъ Соловей сынъ Будиміровъ,
«А ѣ любезныи нынѣ племянникъ мой!
«А ѣ какъ здѣ ли будешь вѣвчаться съ нѣй,
«А такъ домой какъ будешь отправлятися?»
— Ай же солнышко Владимиръ князь!
— А я буду такъ домой да отправлятися. —
А ѣ какъ топерь да послѣ этого
А ѣ какъ началъ ѣнъ отправлятися,
А ѣ какъ началъ ѣнъ на черныи на кáрабли сби-
ратися,
А ѣ какъ приказалъ дружинушки все собирать на
черныи на кáрабли.
А ѣ какъ тутъ оставлялъ солнышку князю Вла-
диміру
А ѣ три терема да златоверхіихъ
Въ томъ саду во Путятичномъ,
А ѣ на той на горки да на Конныи.
А ѣ потомъ послѣ этого
А ѣ дарилъ какъ солнышко Владимиръ князь
А ѣ свою любезную племянницу
А ѣ какъ краснымъ золотомъ,

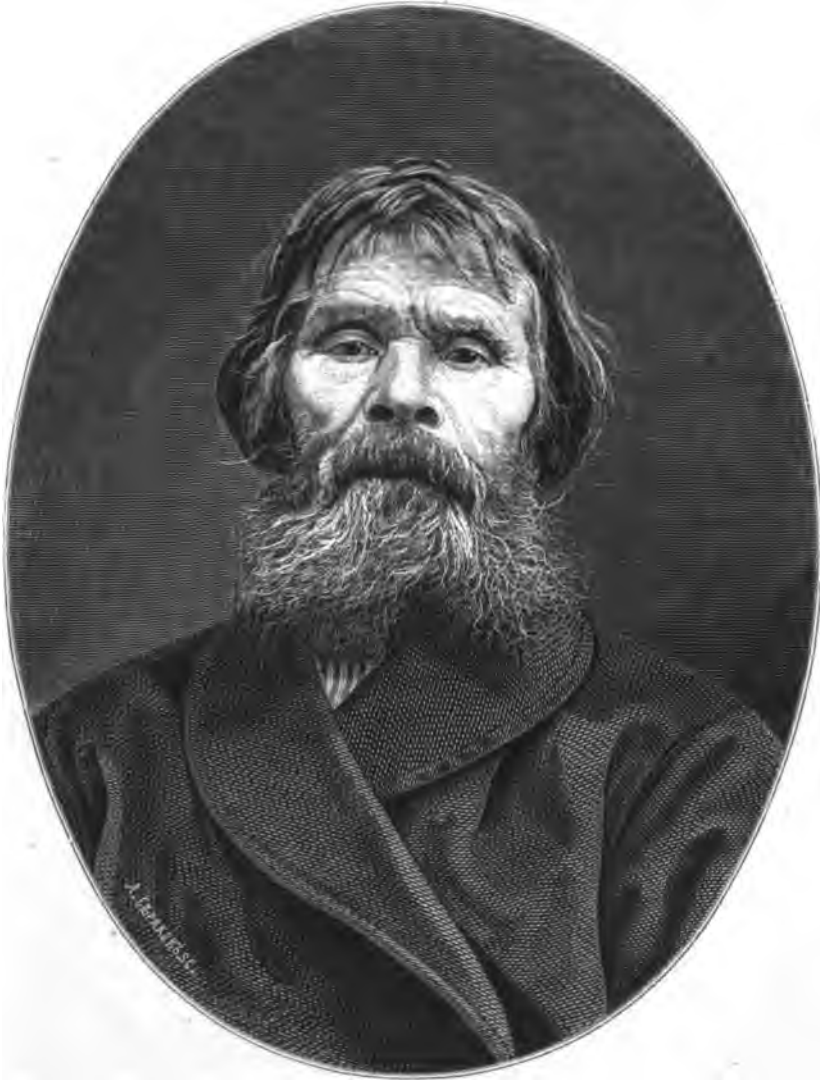
А ѣ да чистымъ да сѣребромъ,
Мелкіимъ сватніимъ жемчугомъ,
А вѣщами всѣ разныма,
А какъ началъ отпущать ю за славное синѣ море;
А ѣ пошли провожать какъ ю,
А ѣ какъ вѣдь молodu Любову да Путятичну
А ѣ какъ многи князя бояра вѣдь,
Сенаторы да думные
И вельможи, купци всѣ богатые,
А ѣ какъ многи поляници да удалые,
Многи русейскіе сильни богатыри,
Провожалъ свой какъ дядюшка
А ѣ какъ солнышко Владимиръ князь да стольнѣ-
кѣвской
А ѣ на черныи на кáрабли.
А ѣ потомъ какъ отправился
А ѣ какъ младъ Соловей сынъ Будиміровъ,
Приказалъ отвалить да свои кáрабли
А ѣ во славное синѣ морѣ,
А ѣ какъ ояъ поѣхалъ за славное синѣ морѣ
Въ свою землю вѣдь да Веденецкую,
Прѣвжалъ какъ въ свою землю Веденецкую,
Для своихъ мужиковъ веденецкіихъ
Для своихъ всѣхъ господъ да веденецкіихъ,
Для купцей богатыхъ веденецкіихъ,
А ѣ завѣлъ столованье да почестень пиръ,
Повѣчался тутъ съ молодой Любовою да Пу-
тятичной.
А топерь у ихъ да послѣ этого
А какъ сталъ младъ Соловей въ земли да веде-
нецкоюй
Съ молодой Любовою да Путятичной,
А тому да всему славіи поють.
А ѣ Дунай Дунай, да болѣ вѣѣкъ не знай.

III.

К И Ж И.

ТРОФИМЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ
РЯБНИЦКЪ.

К И Ж И.

XVI.

РЯБИНИНЪ.

Трофимъ Григорьевичъ Рябининъ, крестьянинъ дер. Серёдки, Кижской волости, 78 лѣтъ отъ роду, еще бодрый старикъ средняго роста, почти безъ сѣдины. Родился въ дер. Гарницы сосѣдняго съ Кижскимъ Сѣнногубскаго погоста. Его отецъ былъ взятъ въ милицію во время шведской войны (должно быть при Екатеринѣ), когда онъ былъ еще малымъ ребенкомъ. Черезъ годъ послѣ ухода отца на службу, мать умерла, отецъ былъ убитъ на войнѣ. Молодаго Трофима Григорьева воспиталъ «православный мѣръ». Когда подросъ, онъ, чтобы не просить милостыни и не быть въ тягость чужимъ людямъ, сталъ ходить по окрестнымъ деревнямъ чинить сѣти, ловушки и другія рыболовныя снасти. При этомъ ему случалось работать подолгу вмѣстѣ съ Ильею Елустафьевымъ, бѣднымъ старикомъ съ Волкострова, дер. Шляминской, который, «откачавшись» отъ своего сына, ходилъ тоже по волостямъ и пропитывался тѣмъ, что «ладилъ» (т. е. мастерилъ) и чинилъ всякаго рода сѣти для рыбной ловли. Этотъ Илья Елустафьевъ (умершій тому назадъ лѣтъ 40, девяноста лѣтъ отъ роду) зналъ очень много былинъ и пѣвалъ ихъ за работой, и Рябининъ многое отъ него «понялъ». Между прочимъ, отъ него онъ научился былинамъ про Илью и Калина царя и Молодца и худую жену.

Въ 1812 году онъ поступилъ въ работники въ домъ своего дяди Игнатія Иванова Андреевыхъ (въ дер. Гарницы), который по словамъ его былъ самымъ лучшимъ пѣвцомъ былинъ во всемъ ихъ краѣ и превосходилъ даже Елустафьева. Тутъ же жилъ и зять Игнатія Иванова, Василій Софроновъ Сарафановъ (отецъ нынѣшняго сказателя Сарафанова, см. ниже) и былъ тоже мастеръ пѣть былинны. Отъ Игнатія Иванова Рябининъ «понялъ» наибольшую часть своихъ былинъ, именно про Вольгу, Илью и Соловья разбойника, Илью узнающаго свою дочь, Дуная, Потыка, королевичей изъ Крякова и Скопина. Былинны про Добрыню въ борьбѣ со змѣемъ и про Добрыню въ отъѣздѣ съ Василиемъ Казимировымъ онъ узналъ еще ранѣе того, отъ крестьянина Ивана Агапитова Завьялова въ Гарницахъ, котораго слышалъ въ дѣтствѣ (Завьяловъ, по словамъ Рябинина, умеръ почти 70 лѣтъ тому назадъ); про Дюка онъ научился отъ старика Ивана Коккойкина, жившаго до 100 годовъ; про Ивана Годиновича отъ крестьянина Федора Трепалина изъ дер. Мигуровъ: у обоихъ послѣднихъ (Коккойкина и Трепалина) ему случилось по временамъ бывать въ работникахъ. 24 лѣтъ отъ роду Рябининъ женился и перешелъ въ домъ тестя въ дер. Середка, гдѣ съ тѣхъ поръ живетъ на крестьянствѣ. Но кромѣ хлѣбопашества, главное его занятіе составляла рыбная ловля. Не ограничиваясь промысломъ около дома, онъ разъ 40 на своемъ вѣку ходилъ съ другими

крестьянами изъ Заонежья на ловлю въ Ладожское озеро; бывалъ раза два въ Петербургъ, но на самое короткое время, только для сбыта рыбы. Онъ считается весьма исправнымъ домохозяиномъ, хотя не изъ самыхъ зажиточныхъ. Изъ четырехъ его сыновей двое были взяты въ солдаты и умерли на службѣ; двое живутъ при отцѣ и отчасти переняли отъ него умѣнье пѣть былины. Рябининъ извѣстенъ былъ г. Рыбникову, который записалъ съ его словъ 23 былины (считая въ томъ числѣ отрывки). Въ настоящее время онъ всѣхъ не могъ уже вспомнить. Всѣ здѣсь помѣщаемыя былины записаны у него «съ голоса». Пребываніе Рябинина въ Петербургъ, куда онъ прибылъ по приглашенію Отдѣленія Этнографіи Русскаго Географическаго Общества, дало случай вновь повѣрить прежнюю записку. Рябининъ разсказывалъ, что онъ слышалъ отъ стариковъ и разныя другія былины, которыхъ не упомянулъ. Такъ онъ слышалъ, но очень давно, отъ одного старика былину про рагнозерскаго старика Ѳѣдора Рахкова, который ходилъ бороться въ Москву (сравни былину про Рахту рагнозерскаго, которая помѣщена выше № 11); отъ вышеупмянутаго Завьялова слышалъ онъ большую былину про Михайлу Потыка, которая, судя по тому, какъ онъ передавалъ ея содержаніе, была сходна съ тою, которую пѣлъ Калининъ о томъ же богатырѣ (см. выше № 6).

73.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

(У Рыбникова, т. I, 3).

Жилъ Святославъ девяносто лѣтъ,
Жилъ Святославъ да переставился.
Оставалось отъ него чадо милое
Молодой Вольгѣ Святославговичъ.
Сталъ Вольга рости матерѣтъ,
Похотѣлося Вольгѣ да много мудростей:
Щукой рыбою ходить Вольгѣ во синихъ моряхъ,
Птицей соколомъ летать Вольгѣ подъ оболокѣй,
Волкомъ и рыскалъ во чистыхъ поляхъ.
Уходили-то вси рыбушки во глубокіи морѣ,
Улетали вси птвички за оболокѣй,
Убѣгали вси звѣри за тѣмны лѣса.
Сталъ Вольгѣ онъ рости матерѣтъ

И сбѣралъ соби дружинишку, хоробрую,
Тридцать молодцевъ безъ единого,
Самъ еще Вольгѣ во тридцатыхъ.
Былъ у него родной дядюшка,
Славныи князь Владиміръ стольно-киевской;
Жаловалъ его трѣма городама все крестьянами:
Первыимъ городомъ Гурчовцемъ,
Другимъ городомъ Орѣховцемъ,
Третьимъ городомъ Крестьяновцемъ.
Молодой Вольгѣ Святославговичъ
Онъ поѣхалъ къ городамъ и за получкою
Со своей дружинишкой хороброю.
Выѣхалъ Вольгѣ во чисто поле,
Енъ услышалъ во чистомъ поли ратоя;
А ореть въ поли ратой, понукиваѣтъ,
А у ратоя-то сошка поскрипываѣтъ,
Да по камешкамъ омешки прочиркиваѣтъ.
Ѣхалъ Вольгѣ онъ до ратоя,
День съ утра ѣхалъ до вечера,
Да не могъ ратоя въ полѣ наѣхати.
А ореть-то въ поли ратой, понукиваѣтъ,
А у ратоя сошка поскрипываѣтъ,
Да по камешкамъ омешки прочиркиваѣтъ.
Ѣхалъ Вольгѣ еще другоу день,
Другой день съ утра до пѣбѣды,
Со своей со дружинишкой хороброю.
Енъ наѣхалъ въ чистомъ поли ратоя,
А ореть въ полѣ ратой, понукиваѣтъ,
Съ края въ край бороздки помѣтываѣтъ,
Въ край онъ уѣдетъ — другога невидѣтъ.
То кореня камѣня вывѣртываѣтъ,
Да великія онъ камѣня вси въ борозду валитъ.
У ратоя кобылка солóвенька,
Да у ратоя сошка кленовал,
Гужики у ратоя шелковыя.
Говорилъ Вольгѣ таковы слова:
«Богъ теби помочь оратаюшко,
«А орать да пахать да крестьяноваті,
«Съ края въ край бороздки помѣтываті!»
Говорилъ оратой таковы слова:
— Да поди-ко ты, Вольгѣ Святославговичъ!
— Ми-ка надобно Божья помочь крестьяновать,
— Съ края въ край бороздки помѣтывать.
— А и далече ль Вольгѣ ѣдешь, куда путь держишь
— Со своею со дружинишкой хороброю? —
Говорилъ Вольгѣ таковы слова:
«А ѣду къ городамъ я за получкою,
«Къ первому ко городу ко Гурчѣвцу,
«Къ другому-то городу къ Орѣховцу,
«Къ третьему городу къ Крестьяновцу.»
Говорилъ оратой таковы слова:

1) Про Вольгу и Микулу (см. № 73, стр. 435).

Довольно скоро.

Жилъ Святославъ де-вя-но-сто лѣтъ, Жилъ Святославъ да не-ре-ста-вил-ся, Ос-та-

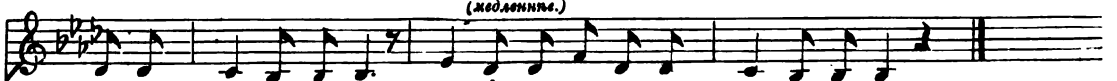
валось отъ не-го ча - дѣ ми-ло - е Мѣ-ло-дѣй Вольга Свято - славговичъ.

Сталъ Вольга ѣнъ ро - стѣть матерѣтъ, По - хо - тѣ - ло - ся Воль - гѣ много муд-ро-стей:

Шукой ры - бо - ю хо-дить ѣ-му во си - нѣ-ихъ моряхъ, Птицей со-ко-ломъ летать Воль-

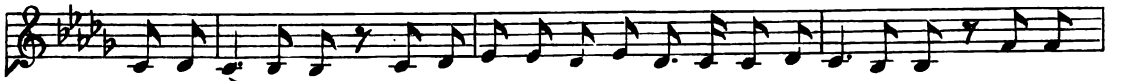
гѣ подѣ о - бо - ло - ви, Ры-ска-ти волкомъ во чи-стѣхъ по-ляхъ.

2) Про Добрыню и Василя Казимірова (см. № 80, стр. 480).

Умеренно.

На чест - номъ пиру Владиміръ сталъ показивать: Ай же вы мо - и да кня-

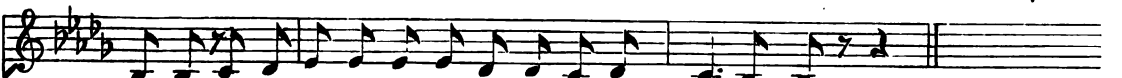
зи бо - я - ра, Сильны рус-скі-е мо гу - чѣ - е бо - гѣ - ты-ря! Задол-

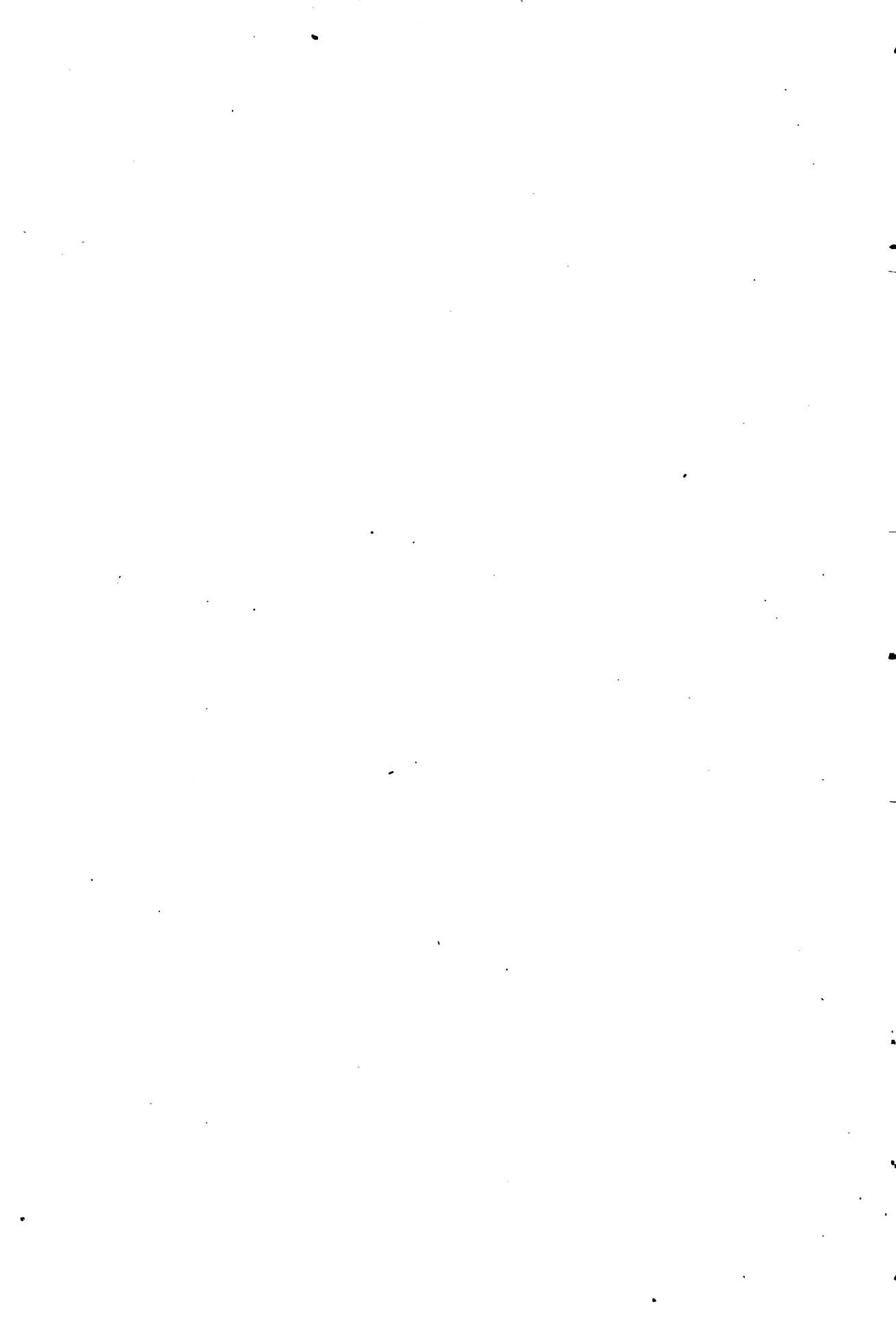
жалъ-то я ко ко-ро-лю-то Бо-ті-я-ну Бо-ті - я-но-ву, Да во

даль-нѣ-я во зем-ли Со-ро-чин-скі-я Да за ста-ры-е то го-ды и за но-

нѣшній, И сполна я го-су-да-рю за двѣ - надцать годѣ.

— Ай же Вольга Святославовичъ!
 — Да недавно былъ я въ городи — третьяго дни
 — На своей кобылѣ соловую,
 — А привезъ оттуль соли я два мѣха,
 — Два мѣха-то соли привезъ по сѣроку пудъ,
 — А живутъ мужики тамъ розбойники,
 — Ены просятъ грошѣвъ подорожныхъ.
 — А я былъ съ шалгой подорожною,
 — А платилъ имъ гроши я подорожны:
 — А кой стѣа стоитъ, тотъ и сѣда сидѣтъ,
 — А кой сѣда сидитъ, тотъ и лѣжа лежить*). —
 Говорилъ Вольга таковы слова:
 «Ай же оратай оратаюшко!
 «Да поѣдемъ-ко со мною во товарищахъ,
 «Да ко тѣмъ къ городамъ за получкою.»
 Этотъ оратай оратаюшко
 Мужики съ сошки онъ повыстенулъ
 Да кобылку изъ сошки повѣвернулъ,
 А со тою онъ сошки со кленовенькой,
 А ѣ оставилъ онъ тутъ сошку кленовую,
 Онъ садился на кобылку соловеньку;
 Они сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
 По славному роздольцу чисту полю.
 Говорилъ оратай таковы слова:
 — Ай же Вольга Святославовичъ!
 — А оставилъ я сошку въ бороздочен....
 — Да не гля-ради прохожаго проѣзжаго,
 — Ради мужика деревеицины:
 — Они сошку съ земельки повыдернуть,
 — Изъ омешиковъ земельку повытряхнуть,
 — Изъ сошки омешики повыколнуть, —
 — Мнѣ нечѣмъ будетъ мѣлодцу крестьяноватѣ.
 — А пошли ты дружиннушку хоробрую,
 — Чтобы сошку съ земельки повѣдернулъ.
 — Изъ омешиковъ земелька повѣтряхнулъ,
 — Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ. —
 Молодой Вольга Святославовичъ
 Посылаетъ тутъ два да три добрыхъ мѣлодца
 Со своей съ дружиннушки съ хороброю
 Да ко этой ко сошкѣ кленовенькой,
 Чтобы сошку съ земельки повѣдернулъ,
 Изъ омешиковъ земельку повѣтряхнулъ,
 Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
 Ъдутъ туды два да три добрыхъ мѣлодца
 Ко этой ко сошки кленовой;
 Они сошку за обжи кругомъ вертятъ,
 А имъ сошки отъ зѣмли поднятъ нельзя,
 Да не могутъ они сошку съ земельки повѣдернутъ,

*) Въ другой разъ Рябичинъ вмѣсто «тотъ и лежа лежить», пѣлъ: «тотъ и вѣвъ не стоитъ».

Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
 Бросити сошки за ракитовъ кустъ.
 Молодой Вольга Святославовичъ
 Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ
 Онъ своей дружиннушки хороброю
 А ко этой ко сошкѣ кленовой.
 Приѣхали они цѣлымъ десяточкомъ
 Ко этой славной ко сошкѣ кленовенькой;
 Они сошку за обжи кругомъ вертятъ, —
 Сошки отъ земли поднятъ нельзя,
 Не могутъ они сошки съ земельки повѣдернутъ,
 Изъ омешиковъ земельки повѣтряхнутъ,
 Бросити сошки за ракитовъ кустъ.
 Молодой Вольга Святославовичъ
 Посылаетъ всю дружиннушку хоробрую,
 То онъ тридцать мѣлодцовъ безъ одинаго.
 Эта дружиннушка хоробрая,
 Тридцать мѣлодцовъ да безъ одинаго.
 А подѣхали ко сошкѣ кленовенькой,
 Брала сошку за обжи, кругомъ вертятъ, —
 Сошки отъ земельки поднятъ нельзя,
 Не могутъ они сошки съ земельки повѣдернутъ,
 Изъ омешиковъ земельки повѣтряхнутъ,
 Бросити сошки за ракитовъ кустъ.
 Говоритъ оратай таковы слова:
 — Ай же Вольга Святославовичъ!
 — То не мудрая дружиннушка хоробрая твоя,
 — А не могутъ они сошки съ земельки повыдер-
 нуть,
 — Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
 — Бросити сошки за ракитовъ кустъ.
 — Не дружиннушка тутъ есте хоробрая,
 — Столько одна есте хлѣбюастъ. —
 Этотъ оратай оратаюшко
 Онъ подѣхалъ на кобылѣ соловенькой
 А ко этой ко сошкѣ кленовенькой,
 Бралъ эту сошку одной ручкой,
 Сошку съ земельки повыдернулъ,
 Изъ омешиковъ земельку повытряхнулъ,
 Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
 Они сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
 Да по славному роздолью чисту полю.
 А у ратоя кобылка она рѣсью идѣтъ,
 А Вольгинъ-тотъ конь да поскакиваетъ;
 А у ратоя кобылка грудью пошла,
 Такъ Вольгинъ-тотъ конь остается.
 Сталъ Вольга покрѣиватъ,
 Сталъ колпакомъ Вольга помѣхиватъ,
 Говорилъ Вольга таковы слова:
 «Стой-ко постой да оратаюшко!»
 Говорилъ Вольга таковы слова:

«Ай же оратай оратаюшко,
 «Эта кобылка конёмъ бы была,
 «За эту кобылку пятьсотъ бы далъ.»
 Говорить оратай таковы слова:
 — Взялъ я кобылку жеребчикомъ,
 — Жеребчикомъ взялъ ю сподъ матушки,
 — Заплатилъ я за кобылку пятьсотъ рублей:
 — Этая кобылка конёмъ бы была,
 — Этой бы кобылки и смѣты нѣтъ. —
 Говорилъ Вольга таковы слова:
 «Ай же ты оратай оратаюшко!
 «Какъ-то тебя да именёмъ зовуть,
 «Какъ звеличаютъ по отечеству?»
 Говорилъ оратай таковы слова:
 — Ай же Вольга ты Святославговичъ!
 — Ржи напашу, въ скирды складу,
 — Въ скирды складу да домой выволочу,
 — Домой выволочу, дома вымолочу,
 — Драни надеру да то я пива наварю,
 — Пива наварю, мужичковъ напою,
 — Станутъ мужички меня поклѣиватъ:
 — Ай ты молодой Миклушка Селяниновичъ! —

Записано въ Кижѣ,
 дер. Дугинь-Наволокъ, 7 июля;
 повѣрено въ Петербургѣ,
 4 декабря.

74.

ИЛЯ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 40).

Изъ того ли-то изъ города изъ Муромля,
 Изъ того села да съ Карачирова,
 Выѣзжалъ удаленькой дороднй добрый млодець,
 Онъ стоялъ заутрену во Муромли
 А й къ обѣденѣ поспѣтъ хотѣлъ онъ въ стольней
 Кіевъ градъ,
 Да й подѣхалъ онъ ко славному ко городу къ
 Чернигову.
 У того ли города Чернигова
 Нагнанъ-то силушки чернымъ черно,
 А й чернымъ черно какъ черна ворона;
 Такъ пѣхотю нието тутъ не прохаживать,
 На добромъ кони нието тутъ не проѣзживать,
 Птица черной воронъ не пролетывать,
 Сѣрый звѣрь да не прорыскивать.

А подѣхалъ какъ ко силушеѣ великоей,
 Онъ какъ сталь-то эту силушку великую,
 Сталь конемъ топтать да сталь копьёмъ колоть,
 А й побилъ онъ эту силу всю великую.
 Ёнъ подѣхалъ-то подъ славный подъ Черниговъ
 градъ;
 Выходили мужички да тутъ черниговски
 Й отворяли-то ворота во Черниговъ градъ,
 А й зовуть его въ Черниговъ воеводу.
 Говорить-то имъ Илья да таковы слова:
 «Ай же мужички да вы Черниговски!
 «Я не йду къ вамъ во Черниговъ воеводу.
 «Уважите мнѣ дорожку прямоѣзжую,
 «Прямоѣзжую да въ стольнй Кіевъ градъ.»
 Говорили мужички ему черниговски:
 — Ты удаленькой дороднй добрый млодець,
 — Ай ты славннй богатырь святорусьскин!
 — Прямоѣзжая дорожка заколодѣла,
 — Заколодѣла дорожка, замуравѣла,
 — А й по той ли по дорожкѣ прямоѣзжою
 — Да й пѣхотю нието да не прохаживалъ,
 — На добромъ кони нието да не проѣзживалъ:
 — Какъ у той ли-то у грязи-то у Черной,
 — Да у той ли у березы у покляпня,
 — Да у той ли рѣчки у Смородини,
 — У того креста у Леванидова,
 — Сиди Соловей розбойникъ во сырѣмъ дубу,
 — Сиди Соловей розбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
 — А то свищеть Соловей да по солѣвему
 — Ёнъ врычить злодѣй розбойникъ по звѣриному
 — Й отъ него ли-то отъ пѣсвисту солѣвьяго,
 — Й отъ него ли-то отъ покряку звѣринаго,
 — То всѣ травушки муравы улетаются,
 — Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
 — Темны лѣсушки къ земли вси приклоняются,
 — А что есть людей, то вси мертвы лежать.
 — Прямоѣзжею дороженькой пятьсотъ есть версть,
 — А й окольной дорожкой цѣла тысяща. —
 Онъ спустилъ добра коня да й богатырскаго,
 Онъ поѣхалъ-то дорожкой прямоѣзжею.
 Ёго добрый конь да богатырскин
 Съ горы на гору сталь перескакивать,
 Съ холмы на холму сталь перемахивать,
 Мелки рѣченки озера промежъ ногъ спущалъ.
 Подѣзжаетъ онъ ко рѣчкѣ ко Смородинки,
 Да ко тоей онъ ко Грязи онъ ко Черной,
 Да ко тою ко березы ко покляпня,
 Къ тому славному кресту ко Леванидову.
 Засвисталъ-то Соловей да й по солѣвему
 Закрычалъ злодѣй розбойникъ по звѣриному,
 Такъ всѣ травушки муравы улеталися,

Да и лазуревы цвѣточки отсыпалися,
 Темны лѣсушки къ землѣ вси приклонилися.
 Его добрый конь да богатырскій
 А онъ на корзнѣ (такъ) да потыкается;
 А и какъ старій-отъ казакъ да Илья Муромецъ
 Береть плеточку шелковую въ бѣдѣ руку,
 А онъ билъ коня а по крутымъ ребрамъ;
 Говорилъ-то онъ Илья да таковы слова:
 «Ахъ ты волчья ситъ да и травяной мѣщокъ!
 «Али ты итти не хошь али нести не мошь?
 «Что ты на корзнѣ собака потыкаешься?
 «Не слыхалъ ли посвисту солбьяго,
 «Не слыхалъ ли покрыку звѣринаго,
 «Не видалъ ли ты ударовъ богатырскихъ?»
 А и тутъ старія казакъ да Илья Муромецъ
 Да беретъ-то онъ свой тѣпой лукъ розрывчатый,
 Во свои беретъ во бѣлы онъ во ручушки,
 Ёнъ тетивочку шелковеньку натягивалъ
 А онъ стрѣлочку каленую накладывалъ,
 То онъ стрѣлилъ въ того Сбловья разбойника,
 Ёму выбилъ право око со косичею.
 Ёнъ спустилъ-то Сбловья да на сыру землю,
 Пристегнулъ его ко правому ко стремечки бу-
 латному,
 Ёнъ повезъ его по славну по чистѣ полю,
 Мимо гнѣздышко повезъ да Соловьиное.
 Во томъ гнѣздышкѣ да Соловьиноемъ
 А случилось быть да и три дочери,
 А и три дочери его любимыихъ;
 Бѣльша дочка этасмотритъ во окошечко косевчато,
 Говоритъ ёна да таковы слова:
 — Ёдетъ-то нашъ батюшко чистѣмъ полемъ,
 — А сидитъ-то на добромъ кони,
 — Да везетъ ёнъ мужичица деревенщину,
 — Да у праваго у стремени прикована. —
 Поглядѣла его друга дочь любимая,
 Говорила-то она да таковы слова:
 «Ёдетъ батюшко роздольцемъ чистѣмъ полемъ
 «Да и везетъ онъ мужичица деревенщину,
 «Да и ко правому ко стремени прикована.»
 Поглядѣла его меньша дочь любимая,
 Говорила-то она да таковы слова:
 — Ёдетъ мужичицо деревенщина,
 — Да и сидитъ мужикъ онъ на добромъ кони,
 — Да и везетъ-то наша батюшка у стремени,
 — У булатнаго у стремени прикована.
 — Ёму выбито-то право око со косичею. —
 Говорила то и она да таковы слова:
 — Ай же мужевья нашъ любимыи!
 — Вы берите-тко рогатины звѣрныи,
 — Да бѣжите-тко въ роздольце чистѣ поле

— Да вы бейте мужичица деревенщину. —
 Эти мужевья да ихъ любимыи,
 Зятевья то-есть да Соловьиныи,
 Похватали какъ рогатины звѣрныи
 Да и бѣжали-то они да и во чистѣ поле
 Ко тому ли къ мужичицу деревенщину,
 Да хотять убить-то мужичица деревенщину.
 Говоритъ имъ Соловей разбойникъ. Одохмантьевъ
 сынъ:

«Ай же зятевья монъ любимыи!
 «Побросайте-тко рогатины звѣрныи,
 «Вы зовите мужика да деревенщину,
 «Въ свѣе гнѣздышко зовите Соловьиное,
 «Да кормите ёго ѣстувшкой сахарною,
 «Да вы пойте ёго питицемъ медвянымъ,
 «Да и дарите ёму дѣры драгоцѣнные.»
 Эти зятевья да Соловьиныи
 Побросали-то рогатины звѣрныи
 А и зовуть-то мужика да и деревенщину
 Во то гнѣздышко да Соловьиное;
 Да и мужикъ-отъ деревенщина не слушатся,
 А онъ ѣдетъ-то по славному чистѣ полю,
 Прямоѣзжею дорожкой въ стольней Кіевъ градъ,
 Ёнъ приѣхалъ-то во славный стольней Кіевъ градъ
 А ко славному ко князю на широкой дворъ.
 А и Владиміръ князь онъ вышелъ со Божьей
 церкви,
 Онъ пришолъ въ полату бѣлокаменну,
 Во столовую свою во горенку,
 Они сѣли ѣсть да пить да хлѣба кушати,
 Хлѣба кушати да пообѣдати.
 А и тутъ старія казакъ да Илья Муромецъ
 Становилъ коня да посередѣ двора,
 Самъ идетъ онъ во полаты бѣлокаменны,
 Проходилъ онъ во столовую во горенку,
 На пату онъ дверь-ту порозмахивалъ,
 Крест-отъ клалъ ёнъ по писаному,
 Велъ поклоны по учёному,
 На всѣ на три на четыре на сторонки низко
 кланялся,
 Самому князю Владиміру въ особину,
 Еще всимъ его князьямъ онъ подколѣнныимъ.
 Тутъ Владиміръ князь сталъ мѣлодца выспраши-
 вать:
 — Ты скажи-тко, ты отгуешной, дородній добрый
 мѣлодецъ,
 — Тѣбе какъ-то мѣлодца да именѣмъ зовуть,
 — Звеличаютъ удалаго по отечеству? —
 Говорилъ-то старія казакъ да Илья Муромецъ:
 «Есть я съ славнаго изъ города изъ Муромля,
 «Изъ того села да съ Карачирова,

«Есть я старья казакъ да Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.»
Говоритъ ему Владиміръ таковы слова:
— Ай же старья казакъ да Илья Муромецъ!
— Да й давно ли ты повѣхалъ изъ Муромля
— И которою дороженкой ты ѣхалъ въ стольнѣй
Кіевъ градъ? —

Говорилъ Илья онъ таковы слова:
«Ай ты славныя Владиміръ стольнѣ-кіевской!
«Я стоялъ заутрену христовскую во Муромля,
«А й къ обѣдени поспѣть хотѣлъ я въ стольнѣй
Кіевъ градъ,

«То моя дорожка призамѣшкалась;
«А я ѣхалъ-то дорожкой прямоѣзжею,
«Прямоѣзжею дороженкой я ѣхалъ мимо-то Чер-
ниговъ градъ,

«Ѣхалъ мимо эту Грязь да мимо Черную,
«Мимо славну рѣчку Смородину,
«Мимо славную березу-ту поклаюю,
«Мимо славный ѣхалъ Леванидовъ крестъ.»

Говорилъ ему Владиміръ таковы слова:
— Ай же мужичицо деревенщина,
— Во глазахъ мужикъ да подыгаешься,
— Во глазахъ мужикъ да насмѣхаешься!
— Какъ у славнаго у города Чернигова
— Нагнанъ тутъ силы много множество,
— То пѣхотою никто да не прохаживалъ,
— И на добромъ конѣ никто да не проѣзживалъ,
— Туды сѣрый звѣрь да не прорыскивалъ,
— Птица черныи воронъ не пролетывалъ;
— А у той ли-то у Грязи-то у Черной,
— Да у славной у рѣчки у Смородины,
— А й у той ли у березы у поклаюю,
— У того креста у Леванидова,
— Соловей сидитъ розбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
— То какъ свещеть Соловей да по солобьеву,
— Какъ кричить злодѣи розбойникъ по звѣриному,
— То всѣ травушки муравы улетаются,
— А лазуревы цвѣтки прочь отсыпаются,
— Темны лѣсушки къ земли вси приклоняются,
— А что есть людей, то вси мертвѣ лежать. —

Говорилъ ему Илья да таковы слова:
«Ты Владиміръ князь да стольнѣ-кіевской!
«Соловей розбойникъ на твоємъ дворѣ,
«Ему выбито вѣдь право око со косичею,
«Й онъ ко стремену булатному прикованой.»
То Владиміръ князь-отъ стольнѣ-кіевской
Онъ скорешенько ставалъ да на рѣзвѣ ножки,
Кунью шубоньку накинуть на одно плечко,
То онъ шапочку соболью на одно ушко,
Онъ выходитъ-то на свой-то на широкой дворъ

Посмотрѣть на Соловья розбойника.
Говорилъ-то вѣдь Владиміръ князь да таковы
слова:
— Засвищи-тко, Соловей, ты по солобьеву
— Закрычи-тко ты, собака, по звѣриному. —
Говорилъ-то Соловей ему розбойникъ Одихман-
тьевъ сынъ:

«Не у васъ-то я сегодня, князь, обѣдаю,
«А не васъ-то я хочу да и послушати,
«Я обѣдалъ-то у стараго казака Ильи Муромца,
«Да его хочу-то я послушати.»

Говорилъ-то какъ Владиміръ князь да стольнѣ-
кіевской:

— Ай же старья казакъ ты Илья Муромецъ!
— Прикажи-тко засвистать ты Соловью да й по
солобьеву,

— Прикажи-тко закрывать да по звѣриному. —
Говорилъ Илья да таковы слова:

«Ай же Соловей розбойникъ Одихмантьевъ сынъ!
«Засвищи-тко ты во полъ-свишту солобьяго,
«Закрычи-тко ты во полъ-крыку звѣриного.»
Говорилъ-то ему Соловей розбойникъ Одихман-
тьевъ сынъ:

— Ай же старья казакъ ты Илья Муромецъ!

— Мои раночки кровавы запечатались,
— Да не ходять-то мои уста сахарнии,
— Не могу я засвистать да й по солобьеву
— Закрывать-то не могу я по звѣриному.

— А й вели-тко князю ты Владиміру
— Налить чару мнѣ да зеленá вина,
— Я повыпью-то какъ чару зеленá вина,
— Мои раночки кровавы порозойдутся
— Да й уста мои сахарни поросходятся,
— Да тогда я засвищу да по солобьеву,
— Да тогда я закричу да по звѣриному. —

Говорилъ Илья-тотъ князю онъ Владиміру:
«Ты Владиміръ князь да стольнѣ-кіевской!
«Ты поди въ свою столовую во горенку,
«Наливай-ко чару зеленá вина,
«Ты не малую стопу да полтора ведра,
«Подноси-тко къ Соловью къ розбойнику.»
То Владиміръ князь да стольнѣ-кіевской
Онъ скоренько полъ въ столову свою горенку,
Наливалъ онъ чару зеленá вина,
Да не маду онъ стопу да полторá ведра,
Розводилъ медами онъ стоялыма,
Приносилъ-то ѣвъ ко Соловью розбойнику.
Соловей розбойникъ Одихмантьевъ сынъ
Принялъ чарочку отъ князя онъ одной ручкой,
Выпилъ чарочку-ту Соловей однимъ духомъ,
Засвисталъ какъ Соловей тутъ по солобьеву,

Закричалъ розбойникъ по звѣриному,
 Маковки на теремахъ покрѣвились
 А окóленки во теремахъ розсыпались
 Отъ него отъ посвисту соловьяго,
 А что есть-то людошокъ, такъ вси мертвы лежатъ;
 А Владиміръ князь-отъ стольнѣ-кѣвской
 Куньей шубонькой онъ укрывается.
 А ѣ тутъ старой-отъ казакъ да Илья Муромецъ
 Онъ скорешенько садился на добра коня,
 А ѣ онъ везъ-то Сбóлвья да во чистó поле,
 Ё онъ срубилъ ему да буйну голову.
 Говорилъ Илья да такovy слова:

«Тоби полно-тко свистать да по солóвьему,
 «Тоби полно-тко кричать да по звѣриному,
 «Тоби полно-тко слезить да отцей-мáтерей,
 «Тоби полно-тко вдовить да женъ молóдыхъ,
 «Тоби полно-тко спущать-то сиротать да малыхъ
 дѣтушокъ.»

А тутъ Сбóлвью ему ѣ славу поють,
 А ѣ славу поють ему вѣкъ по вѣку.

Записано въ Кяхтѣ, 8 июля.

75.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Какъ Владиміръ князь да стольнѣ-кѣвской
 Порозгнѣвался на стараго казáка Илью Муромца,
 Засадилъ его во погребъ во холодныи
 Да на три-то году пóры времени.
 А у славнаго у князя у Владиміра
 Была дочь да одинакая,
 Она видить: это дѣло есть немалое,
 А что посадилъ Владиміръ князь да стольнѣ-кѣв-
 ской

Стараго казáка Илью Муромца
 Въ тотъ во погребъ во холодныи;
 А онъ могъ бы постоять одинъ за вѣру за оте-
 чество,

Могъ бы постоять одинъ за Кіевъ градъ,
 Могъ бы постоять одинъ за церкви за соборныи,
 Могъ бы побережъ онъ князя да Владиміра,
 Могъ бы побережъ Опраксу королевичну.
 Приказала сдѣлать да ключи поддѣльныи,
 Положила-то людей да петаенныхъ,
 Приказала-то на погребъ на холодныи
 Да снести перины да подушечки пуховни,
 Одѣзла приказала снести теплыи,

Ена ѣствушку поставить да хорошую,
 И одѣжу смѣнять съ нова на ново
 Тому старому казáку Ильѣ Муромцу.
 А Владиміръ князь про то не вѣдаеть.
 И воспыгаль-то тутъ собака Кáлинъ царь на Кіевъ
 градъ

И хотить ѣнъ рóзорить да стольнѣи Кіевъ градъ,
 Чернедь-мужичковъ онъ всѣхъ повырубить,
 Божьи церкви всѣ на дымъ спустить,
 Князю-то Владиміру да голова срубить
 Да со той Опраксои королевичной.

Посылаеть-то собака Калинъ царь посланника,
 А посланника во стольнѣи Кіевъ градъ,
 И даеть ему ѣнъ грамоту посыльную
 И посланнику-то онъ наказываль:

«Какъ поѣдешъ ты во стольнѣи Кіевъ градъ,
 «Будешъ ты посланникъ въ стольнеѣмъ во Кіевѣ
 «Да у славнаго у князя у Владиміра,
 «Будешъ на него на широкѣи дворѣ
 «И сойдешъ какъ тутъ ты со добра коня,
 «Да ѣ спущай коня ты на посыльной дворѣ,
 «Самъ поди-тко во полату бѣлокаменну,
 «Да пройдеши полатои бѣлокаменной,
 «Да ѣ войдеши въ его столовую во горенку,
 «На пятú ты дверь да порозмахивай,
 «Не снимай-ко киверá съ головушки,
 «Подходи-ко ты ко столу къ дубовому,
 «Становись-ко супротѣвъ князѣи Владиміра,
 «Полагай-ко грамоту на зóлотѣи столѣ,
 «Говори-тко князю ты Владиміру:

«Ты Владиміръ князь да стольнѣ-кѣвской,
 «Ты бери-тко грамоту посыльную
 «Да смотри, что въ грамотѣ написано,
 «Да гляди, что въ грамотѣ да напечатано;
 «Очищай-ко ты всѣ улики стрѣлецкии,
 «Всѣ великіе дворы да княженецкии,
 «По всему-то городу по Кіеву,
 «А по всѣмъ по улицамъ шпрокинѣи
 «Да по всѣмъ-то переулкамъ княженецкии
 «Нáставъ сладкиихъ хмѣльныхъ напитокѣхъ,
 «Чтобъ стояли бочка о бочку близко-пó-близку,
 «Чтобы было ѣ чего стоять собакѣ царю Кáлину
 «Со своимъ-то войскамъ со великима
 «Во твоѣмъ во городѣ во Кіевѣ.»»

То Владиміръ князь да стольнѣ-кѣвской
 Бралъ-то книгу онъ посыльную,
 Да и грамоту ту распечатываль,
 И смотрѣль, что въ грамотѣ написано,
 И смотрѣль, что въ грамотѣ да напечатано,
 А что велѣно очистить улицы стрѣлецкии
 И большіе дворы княженецкіе,

Да наставитъ сладкихъ хмѣльныхъ напитокехъ
 А по всѣмъ по улицамъ широкимъ
 Да по всѣмъ-то переулкамъ княженецкимъ.
 Тутъ Владиміръ князь да стольнѣ-кѣвской
 Видитъ: есть это дѣло немалое,
 А немало дѣло-то, великое,
 А садился-то Владиміръ князь да на червленый
 стулъ,

Да писалъ-то вѣдь онъ грамоту повинную:
 — Ай же ты собака да и Калинъ царь!
 — Дай-ко мнѣ ты пѣры времечки на три году,
 — На три году дай и на три мѣсяца,
 — На три мѣсяца да еще на три дня,
 — Мнѣ очистить улицы стрѣлецкіи,
 — Всѣ великіе двory да княженецкіи,
 — Накурить мнѣ сладкихъ хмѣльныхъ напитокехъ
 — Да й наставитъ по всему-то городу по Кіеву
 — Да й по всѣмъ по улицамъ широкимъ,
 — По всимъ славнымъ переулкамъ княженец-
 кимъ. —

Отсылаетъ эту грамоту повинную,
 Отсылаетъ ко собацѣ царю Калину;
 А й собака тотъ да Калинъ царь
 Далъ ему онъ пѣры времечки на три году,
 На три году далъ и на три мѣсяца,
 На три мѣсяца да еще на три дня.
 Еще день за день вѣдь какъ и дождь дождитъ,
 А недѣля за недѣлей какъ рѣка бѣжитъ,
 Прошло пѣры времечки да три году,
 А три году да три мѣсяца,
 А три мѣсяца и еще три-то дня;
 Тутъ подѣхалъ вѣдь собака Калинъ царь,
 Онъ подѣхалъ вѣдь подъ Кіевъ градъ
 Со своими со войсками со великими.
 Тутъ Владиміръ князь да стольнѣ-кѣвской
 Онъ по горенки да сталъ похаживать,
 Съ ясныхъ очушокъ онъ ронитъ слезы вѣдь го-
 рючіи,

Шелковѣмъ платкомъ князь утирается,
 Говоритъ Владиміръ князь да такovy слова:
 «Нѣтъ жива-то стараго казака Ильи Муромца,
 «Некому стоять теперь за вѣру за отечество,
 «Некому стоять за церквы вѣдь за Божіи,
 «Некому стоять-то вѣдь за Кіевъ градъ,
 «Да вѣдь некому сберечь князя Владиміра
 «Да и той Опраксы королевичной!»
 Говоритъ ему любима дочь да такovy слова:
 — Ай ты батюшко Владиміръ князь нашъ столь-
 нѣ-кѣвской!
 — Вѣдь есть живъ-то старья казакъ да Илья
 Муромецъ,

— Вѣдь онъ живъ на погребѣ холодномъ. —
 Тутъ Владиміръ князь-отъ стольнѣ-кѣвской
 Онъ скорешенько беретъ да золоты ключи
 Да идетъ на погребъ на холодныи,
 Отмыкаетъ онъ скорешенько погребъ да холодныи.
 Да подходитъ ко рѣшоткамъ ко желѣзнымъ,
 Ростворилъ-то онъ рѣшотки да желѣзныи.
 Да тамъ старья казакъ да Илья Муромецъ
 Онъ во погребѣ сидитъ-то, самъ не старѣтся;
 Тамъ перинушки подушечки пуховыи,
 Одѣяла снѣсены тамъ теплыи,
 Ъвтушка поставлена хорошая,
 А одежица на немъ да живетъ смѣнная.
 Ёнъ беретъ его за ручушки за бѣлыи,
 За его за перстни за злаченныи,
 Выводилъ его со погреба холоднаго,
 Приводилъ его въ полату бѣлокаменну,
 Становилъ-то онъ Илью да супротивъ себя,
 Цѣловалъ въ уста его сахарніи,
 Заводилъ его за століки дубовыи,
 Да садилъ Илью-то ёнъ подлѣ себя,
 И кормилъ его да ѣвтушкой сахарнею,
 Да поилъ-то пѣтыицемъ медвянымъ,
 И говорилъ-то онъ Ильѣ да такovy слова:
 «Ай же старья казакъ да Илья Муромецъ!
 «Нашъ-то Кіевъ градъ нынѣ въ полону стоитъ,
 «Обошолъ собака Калинъ царь нашъ Кіевъ градъ
 «Со своими со войсками со великими.
 «А постой-ко ты за вѣру за отечество,
 «И постой-ко ты за славный Кіевъ градъ,
 «Да постой за матушки Божьей церквы,
 «Да постой-ко ты за князя за Владиміра
 «Да постой-ко за Опраксу королевичну!»
 Такъ тутъ старья казакъ да Илья Муромецъ
 Выходилъ онъ со полаты бѣлокаменной,
 Шолъ по городу онъ да по Кіеву,
 Заходилъ въ свою полату бѣлокаменну,
 Да спросилъ-то какъ онъ паробка любимаго,
 Шолъ со паробкомъ да со любимымъ
 А на свой на славный на широкій дворъ,
 Заходилъ онъ во конюшену въ стоялую,
 Посмотрѣлъ добра коня онъ богатырскаго.
 Говорилъ Илья да такovy слова:
 — Ай же ты мой паробокъ любимый,
 — Вѣрныи ты слуга мой безымянныи,
 — Хорошо держалъ моего коня ты богатырскаго!—
 Цѣловалъ его онъ во уста сахарніи,
 Выводилъ добра коня съ конюшени стоялыи
 А й на тотъ на славный на широкій дворъ.
 А й тутъ старья казакъ да Илья Муромецъ
 Сталъ добра коня тутъ онъ засѣдывать;

На коня накладываетъ потничекъ,
 А на потничекъ накладываетъ войлочекъ,
 Потничекъ онъ клалъ да вѣдь шелковенькой,
 А на потничекъ подкладывалъ подпотничекъ,
 На подпотничекъ сѣделко клалъ черкасское,
 А черкасское сѣдлышко недержано,
 И подтягивалъ двѣнадцать подируговъ шелковныхъ,
 И шилѣчики онъ втягивалъ булатніи,
 А стремяночки покладывалъ булатніи,
 Пращечки покладывалъ онъ красна золота, —
 Да не для красы угожества,
 Ради крѣпости все богатырской:
 Еще подируги шелковы тянутся, да дни не рвутся,
 Да булатъ желѣзо гнется, не ломается,
 Пращечки-ты красна золота
 Онѣ мовнуть, да не ржавѣютъ.
 И садился тутъ Илья да на добра коня,
 Бралъ съ собою доспѣхи крѣпки богатырскіи,
 Во-первыхъ бралъ палицу булатную,
 Во-вторыхъ бралъ копье боржамецкое,
 А еще бралъ свою саблю вострую,
 А еще бралъ шалыгу подорожную,
 И поѣхалъ онъ изъ города изъ Кіева.
 Выѣхалъ Илья да во чистѣ поле
 И подѣхалъ онъ ко войскамъ ко татарскимъ
 Посмотрѣлъ на войска на татарскіи:
 Нагнано-то силъ много множество,
 Какъ онъ покрену отъ человѣчьяго,
 Какъ отъ ржанья лошадиного
 Унываетъ сердце человѣческо.
 Тутъ старья казакъ да Илья Муромецъ
 Онъ поѣхалъ по роздольцу чисту полю,
 Не могъ кѣнца краю силушкѣ наѣхати.
 Онъ повискочилъ на гору на высокую,
 Посмотрѣлъ на всѣ на три четыре стороны,
 Посмотрѣлъ на силушку татарскую,
 Кѣнца краю силы насмотрѣть не могъ.
 И повискочилъ онъ на гору на другую,
 Посмотрѣлъ на всѣ на три четыре стороны,
 Кѣнца краю силы насмотрѣть не могъ.
 Онъ спустился съ той со горы со высокѣи,
 Да онъ ѣхалъ по роздольцу чисту полю
 И повискочилъ на третью гору на высокую,
 Посмотрѣлъ-то подъ восточную вѣдь сторону,
 Насмотрѣлъ онъ подъ восточной стѣроной,
 Насмотрѣлъ онъ тамъ шатрѣ бѣлы
 И у бѣлыхъ шатровъ-то кони богатырскіи.
 Онъ спустился съ той съ горы высокѣи
 И поѣхалъ по роздольцу чисту полю,
 Приѣхалъ Илья къ шатрамъ ко бѣлымъ,
 Какъ сходилъ Илья да со добра коня

Да у тыхъ шатровъ у бѣлыхъ
 А тамъ стоять кони богатырскіи,
 У того ли пѣлотна стоить у бѣлаго,
 Они зоблють-то пшену да бѣлоярову.
 Говорить Илья да такovy слова:
 «Поотвѣдать мнѣ-на счастья великаго.»
 Онъ навинулъ поводы шелковыи
 На добра коня да ѣ богатырскаго
 Да спустил коня ко пѣлотну ко бѣлому:
 «А ѣ допустятъ ли-то кони богатырскіи
 «Моего коня да богатырскаго
 «Ко тому ли пѣлотну ко бѣлому
 «Позобать пшену да бѣлоярову?»
 Его добрый конь идетъ-то грудью къ пѣлотну,
 А идетъ зобать пшену да бѣлоярову;
 Старья казакъ да Илья Муромецъ
 А идетъ ѣнъ да во бѣлы шатѣръ.
 Приходитъ Илья Муромецъ во бѣлы шатѣръ;
 Въ томъ бѣломъ шатрѣ двѣнадцать-то богатырей
 И богатыри всѣ святорусскіи,
 Они сѣли хлѣба соли кушати
 А и сѣли-то они да пообѣдати.
 Говорить Илья да такovy слова:
 «Хлѣбъ да соль, богатыри да святорусскіи
 «А и крестный ты мой батюшка
 «А ѣ Самсонъ да ты Самойловичъ!»
 Говорить ему да крестный батюшка:
 — А ѣ поди ты крестничекъ любимыи,
 — Старья казакъ да Илья Муромецъ,
 — А садись-ко съ нами пообѣдати. —
 И онъ высталъ ли да на рѣзвѣ ноги,
 Съ Ильей Муромцемъ да поздоровкались
 Поздоровкались они да цѣловались,
 Посадили Илью Муромца да за единый столъ
 Хлѣба соли да покушати.
 Ихъ двѣнадцать-то богатырей,
 Илья Муромецъ да онъ тринадцатый.
 Они пѣбли, попили, пообѣдали,
 Выходили зъ-за стола изъ-за дубоваго,
 Они Господу Богу помолилися;
 Говорилъ имъ старья казакъ да Илья Муромецъ:
 «Крестный ты мой батюшка Самсонъ Самойловичъ
 «И вы русскіи могучии богатыри!
 «Вы сѣдайте-тко добрыхъ коней
 «А ѣ садитесь вы да на добрыхъ коней,
 «Поѣжайте-тко да во роздольцу чистѣ поле,
 «А ѣ подъ тотъ подъ славный столный Кіевъ градъ.
 «Какъ подъ нашимъ-то подъ городомъ подъ Кіевомъ
 «А стоитъ собака Калинъ царь,
 «А стоитъ со войскамы великими,
 «Розоритъ хотѣтъ ѣпъ столный Кіевъ градъ,

«Чернедь мужиковъ онъ всѣхъ поврубить,
 «Божьи церкви всѣ на дымъ спустить,
 «Князю-то Владимиру да со Опраксою королевичной
 «Онъ срубить-то хочеть буйны головы.
 «Вы постоите-тко за вѣру за отечество,
 «Вы постоите-тко за славный стольній Кіевъ градъ
 «Вы постоите-тко за церкви-ты за Божіи,
 «Вы поберегите-тко князѣ Владимира
 «И со той Опраксою королевичной!»
 Говорить ему Самсонъ Самойловичъ:
 — Ай же крестничекъ ты мой любимый,
 — Старья казакъ да Илья Муромецъ!
 — А й не будемъ мы да и коней сѣдлатъ,
 — И не будемъ мы садиться на добрыхъ коней,
 — Не поѣдемъ мы во славно во чисто поле,
 — Да не будемъ мы стоять за вѣру за отечество,
 — Да не будемъ мы стоять за стольній Кіевъ градъ,
 — Да не будемъ мы стоять за матушки Божьи
 церкви,
 — Да не будемъ мы беречь князѣ Владимира
 — Да еще съ Опраксою королевичной:
 — У него вѣдь есте много да князей бояръ,
 — Кормить ихъ и поить да и жалуетъ,
 — Ничего намъ нѣтъ отъ князя отъ Владимира.—
 Говорить-то старья казакъ да Илья Муромецъ:
 «Ай же ты мой крестный батюшка,
 «А й Самсонъ да ты Самойловичъ!
 «Это дѣло у насъ будетъ нехорошее,
 «Какъ собака Калинъ царь онъ розорить да Кіевъ
 градъ,
 «Да онъ чернедь мужиковъ-то всѣхъ поврубить,
 «Да онъ Божьи церкви всѣ на дымъ спустить,
 «Да князѣ Владимиру съ Опраксою королевичной
 «А онъ срубить имъ да буйныя головушки.
 «Вы сѣдлайте-тко добрыхъ коней
 «И садитесь-ко вы на добрыхъ коней,
 «Поѣзжайте-тко въ чисто поле подъ Кіевъ градъ,
 «И постоите вы за вѣру за отечество,
 «И постоите вы за славный стольній Кіевъ градъ,
 «И постоите вы за церкви-ты за Божіи,
 «Вы поберегите-тко князѣ Владимира
 «И со той съ Опраксою королевичной.»
 Говорить Самсонъ Самойловичъ да таковы слова:
 — Ай же крестничекъ ты мой любимый,
 — Старья казакъ да Илья Муромецъ!
 — А й не будемъ мы да и коней сѣдлатъ,
 — И не будемъ мы садиться на добрыхъ коней,
 — Не поѣдемъ мы во славно во чисто поле,
 — Да не будемъ мы стоять за вѣру за отечество,
 — Да не будемъ мы стоять за стольній Кіевъ градъ,

— Да не будемъ мы стоять за матушки Божьи
 церкви;
 — Да не будемъ мы беречь князѣ Владимира
 — Да еще съ Опраксою королевичной:
 — У него вѣдь есте много да князей бояръ,
 — Кормить ихъ и поить да и жалуетъ,
 — Ничего намъ нѣтъ отъ князя отъ Владимира.—
 Говорить-то старья казакъ да Илья Муромецъ:
 «Ай же ты мой крестный батюшка,
 «Ай Самсонъ да ты Самойловичъ,
 «Это дѣло у насъ будетъ нехорошее!
 «Вы сѣдлайте-тко добрыхъ коней
 «И садитесь-ко вы на добрыхъ коней,
 «Поѣзжайте-тко въ чисто поле подъ Кіевъ градъ,
 «И постоите вы за вѣру за отечество,
 «И постоите вы за славный стольній Кіевъ градъ,
 «И постоите вы за церкви-ты за Божіи,
 «Вы поберегите-тко князѣ Владимира
 «И со той съ Опраксою королевичной.»
 Говорить ему Самсонъ Самойловичъ:
 — Ай же крестничекъ ты мой любимый,
 — Старья казакъ да Илья Муромецъ!
 — А й не будемъ мы да и коней сѣдлатъ,
 — И не будемъ мы садиться на добрыхъ коней,
 — Не поѣдемъ мы во славно во чисто поле,
 — Да не будемъ мы стоять за вѣру за отечество,
 — Да не будемъ мы стоять за стольній Кіевъ градъ,
 — Да не будемъ мы стоять за матушки Божьи
 церкви,
 — Да не будемъ мы беречь князѣ Владимира
 — Да еще съ Опраксою королевичной:
 — У него вѣдь есте много да князей бояръ,
 — Кормить ихъ и поить да и жалуетъ,
 — Ничего намъ нѣтъ отъ князя отъ Владимира.—
 А й тутъ старья казакъ да Илья Муромецъ
 Онъ какъ видитъ, что дѣло ему не полюби,
 А й выходитъ-то Илья да со бѣла шатра,
 Приходилъ къ добру коню да богатырскому,
 Бралъ его за поводы шелкъвыи,
 Отводилъ отъ полотна отъ бѣлаго
 А отъ той пшени отъ бѣлояровой,
 Да садился Илья на добра коня,
 То онъ ѣхалъ по роздольцу чисту полю
 И подѣхалъ онъ ко войскамъ ко татарскимъ.
 Не ясенъ соколъ да напускаетъ на гусей на ле-
 бедей
 Да на малыхъ перелѣтныихъ на сѣрыхъ утушекъ,
 Напускаетъ-то богатырь святорусскій
 А на тую лп на силу на татарскую.
 Онъ спустил коня да богатырскаго,
 Да поѣхалъ ли по той по силушкѣ татарской,

— Молодой щенокъ да напустилъ на силу на великую,

— Тобѣ гдѣ-то одному побить моя сила великая!

— Вы роскуйте-тко Ильѣ да ножки рѣзвыи,

— Розвяжите-тко Ильѣ да ручки бѣлыи. —

И росковали ему ножки рѣзвыи,

Розвязали ему ручки бѣлыи.

Говорилъ собака Калинъ царь да таковы слова:

— Ай же старня казакъ да Илья Муромецъ!

— Да садись-во ты со мной а за единый столъ,

— Ъшь-во ѣствушку мою сахарную,

— Да и пей-во мои питыца медвяныи,

— И одежь-во ты мою одежу дрогоценную,

— И держи-тко *) мою золоту казну,

— Золоту казну держи по надобью,

— Не служи-тко ты князю Владимиру,

— Да служи-тко ты собагѣ царю Калину. —

Говорилъ Илья да таковы слова:

«А ѡ не сяду я съ тобой да за единый столъ,

«Не буду ѣсть твоихъ ѣствушекъ сахарныхъ,

«Не буду пить твоихъ питыцевъ медвяныхъ,

«Не буду носить твоей одежи дрогоценныи,

«Не буду держать твоей безсчетной золотой казны,

«Не буду служить тобѣ собагѣ царю Калину,

«Еще буду служить я за вѣру за отечество,

«А ѡ буду стоять за стольный Киевъ градъ,

«А буду стоять за церквы за Господнии,

«А буду стоять за князя за Владимира

«И со той Опраксои королевичной.»

Тутъ старой казакъ да Илья Муромецъ

Онъ выходитъ со полатки полотняной

Да ушолъ въ роздольицу въ чисто поле.

Да тѣснить стали его татары-ты поганин,

Хотятъ обневолить они стараго казака Илью Муромца.

А у стараго казака Ильи Муромца

При соби да не случилось-то доспѣховъ крѣпкихъ,

Нечѣмъ-то ему съ татарами да попротивиться.

Старня казакъ да Илья Муромецъ

Видитъ ѣнъ — дѣло немалое,

Да схватилъ татарина ѣнъ за ноги,

Тако сталъ татаринѡмъ помахивать,

Сталъ ѣнъ бить татаръ татаринѡмъ,

Ѣ отъ него татары стали бѣгати,

И прошолъ ѣнъ скрозъ всю силушку татарскую,

Вышелъ онъ въ роздольицу чисто поле,

Да онъ бросилъ-то татарина да въ сторону,

То идетъ онъ по роздольицу чисто полю.

При соби-то нѣтъ коня да богатырскаго,

При соби-то нѣтъ доспѣховъ крѣпкихъ.

Засвисталъ въ свистокъ Илья онъ богатырскіи,

Услыхалъ ѣго добрый конь да во чисто поле,

Прибѣжалъ онъ къ старому казаку Ильѣ Муромцу.

Еще старня казакъ да Илья Муромецъ

Какъ садился онъ да на добра коня

И поѣхалъ по роздольицу чисто полю,

Выскочилъ онъ да на гору на високую,

Посмотрѣлъ-то подъ восточную онъ сторону, —

А ѡ подъ той ли подъ восточной подъ сторонешкой

А ѡ у тихъ ли у шатровъ у бѣлыхъ

Стоять добры кони богатырскіи.

А тутъ старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ

Опустился ѣнъ да со добра коня,

Бралъ свой тугой лукъ розрывчатой въ бѣлы ручки,

Натянулъ тетивочку шелковеньку,

Наложилъ онъ стрѣлочку каленую,

Ѣ онъ спущалъ ту стрѣлочку во бѣлы шатѣръ,

Говорилъ Илья да таковы слова:

«А лети-тко, стрѣлочка каленая,

«А лети-тко, стрѣлочка, во бѣлы шатѣръ,

«Да сими-тко крышу со бѣлы шатра,

«Да пади-тко стрѣлка на бѣлы груди

«Къ моему ко батюшкѣ ко крестному,

«И проголзни-тко *) по груди ты по бѣлы,

«Сдѣлай-во ты сцапину **) да маленьку,

«Маленькую сцапину да невеликую.

«Онъ и спитъ тамъ, прохлаждается,

«А мнѣ здѣсь-то одному да мало можется.»

Ѣ онъ спустилъ какъ эту тетивочку шелковую

Да спустилъ онъ эту стрѣлочку каленую,

Да провиснула какъ эта стрѣлочка каленая

Да во тотъ во славныи во бѣлы шатѣръ,

Она сняла крышу со бѣлы шатра,

Пала она стрѣлка на бѣлы груди

Ко тому ли-то Самсону ко Самойловичу,

По бѣлой груди вѣдъ стрѣлочка проголзнула,

Сдѣлала она да сцапину-то маленьку.

А ѡ тутъ славныи богатырь свято-русскіи,

А ѡ Самсонъ-то вѣдъ Самойловичъ,

Пробудился-то Самсонъ отъ крѣпка сна,

Пороскинулъ свои очи ясныи, —

Да какъ снята крыша со бѣлы шатра

Пролетѣла стрѣлка по бѣлой груди,

Она сцапнѡчку сдѣлала да на бѣлой груди.

Ѣ онъ скорешенько сталъ на рѣзвыи ноги,

Говорилъ Самсонъ да таковы слова:

— Ай же славныи мои богатыри вы святорусскіи,

— Вы скорешенько сдѣлайте-тко добрыхъ коней,

*) т. е. издерживай.

*) т. е. проскользни. **) т. е. царапину.

— Да садитесь-тко вы на добрыхъ коней!
 — Мнѣ отъ крестничка да отъ любимаго
 — Прилетѣли-то подарочки да нелюбимыи,
 — Долетѣла стрѣлочка каленая
 — Черезъ мой-то славный бѣлъ шатѣръ,
 — Она крышу снѣла вѣдь да со бѣлѣ шатра,
 — Да проголанула-то стрѣлка по бѣлѣй груди,
 — Она спанинку-то дала по бѣлѣй груди,
 — Только малу спанинку-то дала невеликую:
 — Погодился мнѣ Самсону крестъ на воротаи,
 — Крестъ на воротаи шести пудовъ;
 — Есть бы не былъ крестъ да на моей груди,
 — Оторвала бы мнѣ буйну голову. —

Тутъ богатыри все святорусьскіи
 Скоро вѣдь сѣдлали да добрыхъ коней
 И сядились молодцы да на добрыхъ коней,
 И поѣхали роздольцемъ чистымъ полемъ
 Ко тому ко городу ко Киеву,
 Кѣ тымъ они силамъ ко татарскимъ.
 А со той горы да со высокин
 Усмотрѣлъ ли стария казакъ да Илья Муромецъ,
 А то ѣдутъ вѣдь богатыри чистымъ полемъ,
 А то ѣдутъ вѣдь да на добрыхъ коняхъ.
 И спустился ѣвъ съ горы высокин
 И подѣхалъ ѣвъ къ богатырямъ ко святорусь-
 скимъ —
 Ихъ двѣнадцать-то богатырей, Илья тринадцатый.
 И прѣхали они ко силушкѣ татарской,
 Припустили коней богатырскихъ,
 Стали бить-то силушку татарскую,
 Притоптали тутъ всю силушку великую,
 И прѣхали къ полатѣвъ полотняной;
 А сидитъ собака Калинъ царь въ полатѣвъ полот-
 няной.

Говорять-то какъ богатыри да святорусьскіи:
 — А срубить-то буйную головушку
 — А тому собакѣ царю Калину. —
 Говорилъ старій казакъ да Илья Муромецъ:
 «А почто рубить ему да буйная головушка?
 «Мы свезѣмте-тко его во стольній Киевъ градъ
 «Да ѣ ко славному ко князю ко Владимиру.»
 Привезли его собаку царя Калина
 А во тотъ во славный Киевъ градъ
 Да ко славному ко князю ко Владимиру,
 Привели его въ полату бѣлокамону
 Да ко славному ко князю ко Владимиру.
 То Владимиръ князь да стольнѣ-киевской
 Онъ беретъ собаку за бѣлы руки
 И садитъ его за столики дубовыи,
 Кѣрмилъ его ѣствушкой сахарнею
 Да понлъ-то пѣтьцемъ медвянымъ.

Говорилъ ему собака Калинъ царь да таковы слова:
 — Ай же ты Владимиръ князь да стольнѣ-киевской,
 — Не сруби-тко мнѣ да буйной головы!
 — Мы напишемъ промежь собой записи великии,
 — Буду тебѣ платити дани вѣкъ и по вѣку,
 — А тобѣ-то князю я Владимиру! —
 А тутъ той старинкѣ и славу поють,
 А по тнихъ мѣсть старинка и покончилась.

Записано въ Князѣ, 6 іюля.

76.

ИЛЯ МУРОМЕЦЪ ВЪ ССОРЪ СО ВЛАДИМИРОМЪ.

Славный Владимиръ стольнѣ-киевской
 Сбиралъ-то онъ славный почестевъ пиръ
 На многихъ князей онъ и бояровъ,
 Славныхъ сильныхъ могучихъ богатырей;
 А на пиръ ли-то онъ нѣ позвалъ
 Старога казѣка Илья Муромца.
 Старому казѣку Ильѣ Муромцу
 За досаду показалось-то великую,
 Ё онъ не знаетъ что вѣдь сдѣлати
 Супротивъ тому князѣвъ Владимиру.
 Ё онъ беретъ-то какъ свой тѣгой лукъ розрыв-
 чатый,
 А онъ стрѣлочки беретъ каленны,
 Выходилъ Илья онъ да на Киевъ градъ
 И по граду Киеву сталъ онъ показивать
 И на матушки Божьей церкви погуливать.
 На церквахъ-то онъ кресты все да повывломалъ,
 Маковки онъ золочены все повывстрѣлялъ.
 Да кричалъ Илья онъ во всю голову,
 Во всю голову кричалъ онъ громкимъ голосомъ:
 «Ай же пьянцы вы голюшки кабацкіи!
 «Да и выходите съ кабаковъ домовъ питейныхъ
 «Ё обирайте-тко вы маковки да золоченыи,
 «То несите въ кабаки въ домѣ питейныи,
 «Да вы пейте-тко да вина дѣсыта.»
 Тамъ доносятъ-то вѣдь князю да Владимиру:
 — Ай Владимиръ князь да стольнѣ-киевской!
 — А ты ѣшь да пѣшь да на честиомъ пѣру,
 — А какъ старой-отъ казѣкъ да Илья Муромецъ
 — Ёвъ по городу по Киеву показивать,
 — Ёвъ на матушки Божьей церкви погуливать,
 — На Божьихъ церквахъ кресты повывломилъ
 — А все маковки онъ золоченыи повывстрѣлялъ;
 — А ѣ кричитъ-то вѣдь Илья онъ во всю голову,

— Во всю голову кричить онъ громнымъ голосомъ:
 — Ай же пьяници вы голюшки кабацкіи!
 — Да и выходите съ кабаковъ домовъ питейныхъ
 — Й обирайте-тко вы маковки да золоченни,
 — То несите въ кабаки въ домъ питейные
 — Да вы пейте-тко да вина дѣсыта. —
 Тутъ Владиміръ князь да стольнѣ-кѣвской
 И онъ сталъ Владиміръ дума думати,
 Ёму какъ-то надобно съ Ильей да помирится.
 И завелъ Владиміръ князь да стольнѣ-кѣвской,
 Онъ завелъ почестенъ пирь да и на дрѹгой день.
 Тутъ Владиміръ князь да стольнѣ-кѣвской
 Да 'ще онъ сталъ да и дума думати:
 «Мнѣ кого послать будѣтъ на пирь позвать
 «Того стараго казака Илью Муромца?
 «Самому пойти мнѣ-то Владиміру не хочется,
 «А Опраксія послать, — то не къ лицу идетъ.»
 Й онъ какъ шоль-то по столовой своей горенкѣ,
 Шоль-то онъ о столики дубовы,
 Становился супротивъ молодого Добрынюшки,
 Говорилъ Добрыня таковы слова:
 «Ты молодѣнькой Добрынюшка, сходи-тко ты
 «Къ старому казаку къ Ильи Муромцу,
 «Да зайдѣ въ полаты бѣлокаменны,
 «Да пройди-тко во столовую во горенку,
 «На пятѹ-то дверь ты порозмахивай
 «Еще крестъ клади да й по писаному,
 «Да й поклонъ веде-тко по учѣному,
 «А й ты бей челомъ да низко кланяйся
 «А й до тыхъ половъ и до кирпичныхъ
 «А й до самой матушки сырой земли
 «Старому казаку Ильи Муромцу,
 «Говори-тко Ильи ты да таковы слова:
 ««Ай ты старня казакъ да Ильи Муромецъ!
 ««Я пришлоу къ тобѣ отъ князя отъ Владиміра
 ««Й отъ Опраксіи отъ королевичной,
 ««Да пришлоу тебе позвать я на почестенъ пирь.»»
 Молодой Добрынюшка Микитинецъ
 Ёнъ скорешенько-то сталъ да на рѣзвѣ ноги,
 Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
 Да онъ шапочку соболью на одно ушко,
 Выходилъ онъ со столовою со горенки,
 Да й прошолъ полатой бѣлокаменной,
 Выходилъ Добрыня онъ на Кіевъ градъ,
 Ёнъ пошоль-то какъ по городу по Кіеву,
 Пришлоу къ старому казаку къ Ильѣ Муромцу
 Да въ его полаты бѣлокаменны,
 Ёнъ пришлоу какъ во столовую во горенку,
 На пятѹ-то онъ дверь да порозмахивалъ,
 Да онъ крест-отъ клалъ да по писаному,
 Да й поклоны велъ да по учѣному,

А 'ще биль-то онъ челомъ да низко кланялся
 А й до тыхъ половъ и до кирпичныхъ
 Да й до самой матушки сырой земли,
 Говорилъ-то онъ Ильи да таковы слова:
 «Ай же братецъ ты мой да крестовни,
 «Старня казакъ да Ильи Муромецъ!
 «Я къ тоби посланъ отъ князя отъ Владиміра,
 «Отъ Опраксы королевичной,
 «А й позвать тебя да й на почестенъ пирь.»
 Еще старый-отъ казакъ да Ильи Муромецъ
 Скорешенько ставалъ онъ на рѣзвѣ ножки,
 Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
 Да онъ шапоньку соболью на одно ушко,
 Выходили со столовыи со горенки,
 Да прошли они полатой бѣлокаменной,
 Выходили-то они на стольній Кіевъ градъ,
 Пѣшли они къ князю къ Владиміру
 Да й на славный-отъ почестенъ пирь.
 Тамъ Владиміръ князь да стольнѣ-кѣвской
 Онъ во горенки да вѣдъ похаживалъ,
 Да въ окошечко онъ князь посматривалъ,
 Говорить-то со Опраксою королевичной:
 «Подойдутъ ли къ мнѣ какъ два русскіихъ богатыря
 «Да на мой-отъ славный на почестенъ пирь?»
 И прошли они въ полату въ бѣлокаменну,
 И взопли они въ столовую во горенку.
 Тутъ Владиміръ князь да стольнѣ-кѣвской
 Со Опраксіей да королевичной
 Подошли-то они къ старому казаку къ Ильѣ Муромцу,
 Они брали-то за ручушки за бѣлыи,
 Говорили-то они да таковы слова:
 «Ай же старня казакъ ты Ильи Муромецъ!
 «Твое мѣстечко было да вѣдъ пониже всихъ,
 «Тѣперь мѣстечко за столикомъ повыше всихъ!
 «Ты садись-ко да за столки за дубовыи.»
 Тутъ кормили его ѣстувшкой сахарною,
 А й поили питьцемъ медвянымъ.
 Они тутъ съ Ильей и помирился.

Записано тамъ же, 8 іюля.

77.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЬ И ДОЧЬ ЕГО.

(См. Рыбникова, т. I, 12).

А ѿ на славной московской на заставы
Стояло двѣнадцать богатырей ихъ святорусьскѣхъ,
А по ней по славной по московской по заставы
А ѿ пѣхотою никто да не прохаживалъ,
На добромъ кони никто тутъ не проѣживалъ,
Птица чернѣй воронъ не пролетывалъ,
А ѿ ще сѣрый звѣрь да не прорыскавалъ.
А ѿ то черезъ эту славную московскую-то заставу
Ѣдетъ поляничца удалая,
А ѿ удала поляничца великая,
Конь подъ нѣю какъ сильнѣя гора,
Поляница на кони будто сѣннѣ конна,
У ней шапочка надѣта на головушку
А ѿ пушистая сама завѣсита,
Спереду-то не видать личка румянаго
И сзадѣ не видѣтъ шея бѣлой.
Ѣна ѣхала собака насмѣялася,
Не сказала Божьей помочи богатырямъ,
Ѣна ѣдетъ прямоѣзжею дорожкой къ стольне-

Кіеву.

Говорить тутъ старья казакъ да Илья Муромецъ:
«А ѿ же братьяца мой крестовни,
«А ѿ богатыря вы святорусьскѣи,
«А ѿ вы славная дружинюшка хоробрая!
«Кому ѣхать намъ въ роздольце чистѣ поле?
«Поотвѣдате надо силушки великою
«Да ѿ у той у поляниці у удалю.»
Говорилъ-то тутъ Олешенка Григорьевичъ:
— Я поѣду во роздольце чистѣ поле,
— Посмотрю на поляницу на удалю. —
Какъ садился-то Олеша на добра коня,
А онъ выѣхалъ въ роздольце чистѣ поле,
Посмотрѣлъ на поляницу зъ-за сырѣ дуба,
Да не смѣлъ онъ къ поляниці той подѣхати,
Да ѿ не могъ у ней онъ силушки отвѣдати.
Поскорешенько Олеша поворотъ держалъ,
Прѣѣзжалъ на заставу московскую,
Говорилъ-то и Олеша таковы слова:
— А ѿ вы славныи богатыри да святорусьскѣи!
— Хотѣ-то былъ я во роздольцѣ чистѣмъ поли,
— Да ѿ не смѣлъ я къ поляницішу подѣхати,
— А ѿ не могъ я ѿ ней силушки отвѣдати. —
Говорилъ-то тутъ молоденькой Добрынюшка:
«Я поѣду во роздольце чистѣ поле,
Посмотрю на поляницу на удалю.

Тутъ Добрынюшка садился на добра коня
Да ѿ поѣхалъ во роздольце чистѣ поле,
Онъ наѣхалъ поляницу во чистѣмъ поли,
Такъ не смѣлъ онъ къ поляницішу подѣхати,
Да не могъ у ней онъ силушки отвѣдати.
Ѣздитъ поляница по чистѣ полю
На добромъ кони на богатырскоѣмъ,
Ѣна ѣздитъ въ поли, сама тѣшится,
На правой руки у ней-то соловѣи сидитъ,
На лѣвой руки да жавроленочекъ.
А ѿ тутъ молодой Добрынюшка Микитинецъ
Да не смѣлъ онъ къ поляниці той подѣхати,
Да не могъ у ней онъ силы поотвѣдати;
Поскорешенко назадъ онъ поворотъ держалъ,
Прѣѣзжалъ на заставу московскую.

Говорилъ Добрыня таковы слова:

«А ѿ же братьяца мой да вы крестовни,
«Да богатыря вы славныи святорусьскѣи!
«То хотѣ былъ я во роздольцѣ чистѣмъ поли,
«Посмотрѣлъ на поляницу на удалю,
«Она ѣзди въ поли, сама тѣшится,
«На правой руки у ней-то соловей сидитъ,
«На лѣвой руки да жавроленочекъ.
«Да не смѣлъ я къ поляниці той подѣхати
«И не могъ-то ѿ ней силушки отвѣдати.
«Ѣна ѣдетъ-то ко городу ко Кіеву,
«Ѣна кличетъ выкликаетъ поединщика,
«Супротивъ себя да супротивника,
«Изъ чистѣ поля да и наѣздника,
«Поляница говоритъ да таковы слова:
«Какъ Владиміръ князь-отъ стольне-кіевской
«Какъ не дѣетъ мнѣ-ка онъ да супротивника,
««Изъ чистѣ поля да и наѣздника,
««А ѿ прѣѣду я тогда во славной стольнѣй Кіевъ
градъ,
««Розорю-то славнѣй стольнѣй Кіевъ градъ,
««А я чернедь мужичковъ-тихъ всѣхъ повырублю
««А Божьей церкви я всѣ на дымъ спущу,
««Самому князю Владиміру я голову срублю
««Со Опраксѣей да съ королевичной!»»
Говорить имъ старѣй казакъ да Илья Муромецъ:
— А ѿ богатыря вы святорусьскѣи,
— Славная дружинюшка хоробрая!
— Я поѣду во роздольце чистѣ поле, —
— На бою-то мнѣ-ка смерть да не написана;
— Поотвѣдаю, я силушки великою
— Да у той у поляниці у удалю. —
Говорилъ ему Добрынюшка Микитинецъ:
«А ѿ же старья казакъ да Илья Муромецъ!
«Ты поѣдешь во роздольце чистѣ поле
«Да на тѣя на удары на тяжелыи,

«Да ѡ на тѣя на побоища на смѣртныи,
 «Намъ куда велишь птти да ѡ куды ѣхати?»
 Говорилъ-то имъ Илья да таковы слова:
 — Ай же братица мои да вы крестовни!
 — Поѣзжайте-тео роздольцемъ чистымъ полемъ,
 — Заѣзжайте вы на гору на высокую,
 — Посмотрите вы на драку богатырскую:
 — Надо мною будетъ братци безвременице,
 — Такъ поспѣйте ко мни братица на выруку.—
 Да ѡ садился тутъ Илья да на добра коня,
 Ёнъ поѣхалъ по роздольцу чисту полю,
 Ёнъ повискочилъ на гору на высокую,
 А ѡ сходилъ Илья онъ со добра коня,
 Посмотрѣлъ на поляницу на удалую,
 Какъ-то ѣздитъ поляничцо въ чистомъ поли;
 Ы она ѣздитъ поляница по чисту полю
 На добромъ кони на богатырскомъ,
 Она шуточк-ты шутитъ не великии,
 А ѡ кидаетъ она палицу булатную
 А ѡ подъ облаку да подъ ходячую,
 На добромъ кони она да вѣдъ подѣзживатьъ,
 А ѡ одною рѣкой палицу подхватыватьъ,
 Какъ перомъ-то лебединимъ поигрыватьъ,
 А ѡ такъ эту палицу булатную покидыватьъ.
 И подходилъ-то какъ Илья онъ ко добру коню,
 Да онъ палъ на бедра лошадиныи,
 Говорилъ-то какъ Илья онъ таковы слова:
 — Ай же бурушко мой маленькой косматенькой!
 — послужи-тео мнѣ да вѣрой правдою,
 — Вѣрой правдой послужи-тео неизмѣнною,
 — А ѡ по старому служи еще по прежнему,
 — Не отдай меня татарину въ чистомъ поли,
 — Чтобъ срубилъ мнѣ-ка татаринъ буйну го-
 лову! —
 А ѡ садился тутъ Илья онъ на добра коня,
 То онъ ѣхалъ по роздолью по чисту полю
 Ы онъ наѣхалъ поляницу во чистомъ поли,
 Поляници онъ подѣхалъ со бѣла лица,
 Поляницу становилъ онъ супротивъ себя,
 Говорилъ ёнъ поляница таковы слова:
 — Ай же поляница ты удалая!
 — Надобно другъ ѡ другá намъ силушки отвѣдати.
 — Порозѣдемся съ роздольца съ чистá поля
 — На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскихъ,
 — Да приударимъ-ко во палици булатнии,
 — А ѡ тутъ силушки другъ ѡ другá ѡ отвѣдаемъ.—
 Порозѣхались онѣ да на добрыхъ коняхъ
 Да ѡ по славу по роздольцу чисту полю,
 Ы они съѣхались съ чистá поля да со роздольца
 На своихъ-то коняхъ богатырскихъ,
 То приударилъ во палици булатнии,

Ёны другъ другá-то били по бѣлымъ грудямъ,
 Ёны били другъ другá да не жалухою
 Да со всею своѣй силы съ богатырскою, —
 У нихъ палицы въ рукахъ да ѡ погибалися
 А ѡ по маковкамъ да ѡ отломилися.
 А подъ нима-то доспѣхи были крѣпкѣи,
 Ёны другъ другá не сшибли со добрыхъ коней,
 А не били ѡны другъ другá, не ранили,
 Ни котораго мѣстечка не кровавили.
 Ставовили добрыхъ коней богатырскихъ,
 Говорили-то они да промежду собой:
 «Какъ намъ силушка другъ у другá отвѣдати?
 «Порозѣхаться съ роздольца съ чистá поля
 «На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскихъ,
 «Приударить падо въ коня въ муржамецкѣи,
 «Тутъ мы силушка другъ у другá ѡ отвѣдаемъ.»
 Порозѣхались они да на добрыхъ коняхъ
 А ѡ во славной въ роздольцо чистó поле,
 Припустили ѡны другъ къ другу добрыхъ коней,
 Порозѣхались съ роздольца съ чистá поля,
 Приударили во коня въ муржамецкѣи,
 Ёны другъ другá-то били не жалухою,
 Не жалухою-то били по бѣлымъ грудямъ, —
 Такъ у нихъ въ рукахъ-то коня погибалися
 А ѡ по маковкамъ да ѡ отломилися.
 Такъ доспѣхи-ты подъ нима были крѣпкѣи,
 Ёны другъ другá не сшибли со добрыхъ коней,
 Да ѡ не били, другъ другá не ранили,
 Никотораго мѣстечка не кровавили.
 Ставовили добрыхъ коней богатырскихъ,
 Говорили-то они да промежду собой:
 «А 'ще какъ-то намъ у другъ другá-то силушка
 отвѣдати?
 «Надо биться-то намъ боемъ рукопашкою,
 «Тутъ у другъ друга мы силушка отвѣдаемъ.»
 Тутъ сходили молодци съ добрыхъ коней,
 Опустилися на матушку сыру землю,
 Пошли-то ѡны биться боемъ рукопашкою.
 Еще эта поляничца удалая
 А ѡ весьма была она да зла-догадлива
 Ы ученá была бороться объ одной ручкѣ;
 Подходила-то ко старому казакѣ въ Ильѣ Муромцу,
 Подхватила-то Илью да на косу бодру (такъ),
 Да спустила-то на матушку сыру землю,
 Да ступила Ильѣ Муромцу на бѣлу грудь,
 Она брала-то рогатину звѣриную,
 Заносила-то свою да руку правую,
 Заносила руку выше гóловы,
 Опустить хотѣла ниже пояса....
 На бою-то Ильѣ смерть и не написана,
 У ней правая рука въ плечи да застоилася,

Во ясныхъ очахъ да ѿ помутился свѣтъ,
 Она стала у богатыря выпрашивать:
 «Ай скажи-тко ты богатырь святорусьскій,
 «Тобѣ какъ-то молодца да именѣмъ зовуть,
 «Звеличаютъ удалого по отечеству?»
 А ѿще старня казакъ-отъ Илья Муромецъ —
 Розгорѣлось ѿ сердце богатырское,
 Ёнъ опъ смахнулъ своей да правой ручушкой,
 Да онъ сшибъ-то вѣдь богатыря съ бѣлой груди,
 Ёнъ скорешенко скочилъ-то на рѣзвѣ ножи,
 Онъ хватилъ какъ поляницу на косу бодру,
 Да спустилъ опъ ю на матушку сырѣ землю,
 Да ступилъ онъ поляници на бѣлыя груди,
 А ѿ беретъ-то въ руки своей булатнѣй ножъ,
 Заносилъ свою онъ ручку правую,
 Заносилъ онъ выше головы,
 Опустить онъ хочеть ручку ниже пояса;
 А ѿ по Божьему ли по велѣнью
 Права ручушка въ плечи-то остоялася,
 Въ ясныхъ очушкахъ-то помутился свѣтъ.
 То онъ сталъ у поляничца выпрашивать:
 — Да ѿ скажи-тко, поляница, попровѣдай-ко,
 — Ты коѣй земли да ты коѣй Литвы,
 — Еще какъ-то поляничку именѣмъ зовуть,
 — Удалю звеличаютъ по отечеству? —
 Говорила поляница ѿ горько плакала:
 «Ай ты старая базѣйка новодревяная (*такъ*)!
 «Тоби просто надо мною насмѣхатися,
 «Какъ стоишь-то на мойей да на бѣлой груди,
 «Во руки ты держишь свой булатнѣй ножъ,
 «Роспластать хотѣишь мой да груди бѣлыи!
 «Я стояла на твоѣй какъ на бѣлой груди,
 «Я пластала бы твои да груди бѣлыи,
 «Доставала бы твоѣ сердце со печеней
 «Не спросила бы отца твоѣго ѿ матери,
 «Твоѣго ни роду я ни племени.»
 И розгорѣлось сердце у богатыря
 Да ѿ у стараго казака Илья Муромца,
 Заносилъ-то опъ свою да ручку правую,
 Задвинулъ онъ ручку выше головы,
 Опустить хотѣишь ю ниже пояса;
 Тутъ по Божьему да по велѣнью
 Права ручушка въ плечи да остоялася,
 Въ ясныхъ очушкахъ да ѿ помутился свѣтъ,
 Такъ онъ сталъ у поляничца-то выпрашивать:
 — Ты скажи-тко поляница мни провѣдай-ко,
 — Ты коѣй земли да ты коѣй Литвы,
 — Тоби какъ-то поляничку именѣмъ зовуть,
 — Звеличаютъ удалого по отечеству? —
 Говорила поляница ѿ горько плакала:
 «Ай ты старая базѣйка новодревяная!

«Тоби просто надо мною насмѣхатися,
 «Какъ стоишь ты на мойей да на бѣлой груди,
 «Во руки ты держишь свой булатнѣй ножъ,
 «Роспластать ты мни хотѣишь да груди бѣлыи!
 «Какъ стояла бѣ я да на твоѣй бѣлой груди,
 «Я пластала бы твои да груди бѣлыи,
 «Доставала бы твоѣ сердце со печенью,
 «Не спросила бы ни батюшка ни матушки,
 «Твоѣго-то я ни роду да ни племени.»
 Тутъ у стараго казака Илья Муромца
 Розгорѣлось ѿ сердце богатырское
 Ёнъ еще занесъ да руку правую,
 А ѿ здвинулъ-то ручку выше головы,
 А спустить хотѣишь ёнъ ниже пояса.
 По Господнему тутъ по велѣнью
 Права ручушка въ плечи-то остоялася,
 Въ ясныхъ очушкахъ-то помутился свѣтъ.
 Ёнъ еще-то сталъ у поляници поввыспрашивать:
 — Ты скажи-то поляница попровѣдай-ко,
 — Ты коѣй земли да ты коѣй Литвы,
 — Тобѣ какъ мнѣ поляницу именѣмъ назвать
 — п удалого звеличати по отечеству? —
 Говорила поляница таковы слова:
 «Ты удаленькой дороднѣй добрый молодецъ,
 «Ай ты славнѣй богатырь святорусьскій!
 «Когда сталъ ты у меня да ѿ выпрашивать,
 «Я про то стану тебѣ высказывать.
 «Есть я родомъ изъ земли да изъ Тальянскою *)
 «У меня есть рѣдна матушка честнѣя вдова,
 «Да честна вдова она колачница,
 «Кѣлачи пекла да тымъ меня воспитала
 «А ѿ до полнога да вѣдь до возрасту;
 «Тогда стала я имѣть въ плечахъ да силушку
 великую,
 «Избирала мнѣ-ка матушка добра коня,
 «А ѿ добра коня да богатырскаго,
 «п отпустила мѣня ѣхать на святую Русь
 «Поискать собѣ да рѣдна батюшка,
 «Поотвѣдать мнѣ да роду племени.»
 А ѿ тутъ старѣй-отъ казакъ да Илья Муромецъ
 Ёнъ скорешенко соскочилъ да со бѣлой груди,
 Бралъ-то ю за ручушки за бѣлыи,
 Бралъ за перстни за злеченни,
 Онъ здвинулъ-то ю со матушки сырѣй земли,
 Становилъ-то онъ ю на рѣзвѣ ножи,
 На рѣзвѣ онъ ножи ставилъ супротивъ себя,
 Цѣловалъ ю во уста ёнъ во сахарнѣи,
 Называлъ ю собѣ дочерью любимую:
 — А когда я былъ во той земли во Тальянскою *),
 *) Пѣвецъ сперва говорилъ: «во Глянскою» (или «въ Огланскою»), а потомъ поправился: «во Тальянскою.»

— Три годѹ служилъ у короля тальянскаго,
 — Да я жилъ тогда да ѿ честной вдовы,
 — У честной вдовы да ѿ у козачницы,
 — У ней спалъ я на кровати на тесовой
 — Да на той перникѣ на пуховой,
 — У самой ли ѹ ней на бѣлой груди. —
 Ъ бни сѣли на добрыхъ коней да порозѣхались
 Да по славну по роздольцу чистѹ полю.
 Еще старий-отъ казакъ да Илья Муромецъ
 Пороздѣрнулъ онъ свой шатѣръ бѣлыи,
 Да онъ легъ-то спать да ѿ прокладатися
 А послѣ бою онъ да послѣ драки;
 А ѿ какъ эта поляничца удалая
 Она ѣхала роздольцемъ чистымъ полемъ,
 На кони она сидѣла, пороздумалась:
 «Хоть-то сѣздилъ на славну на святую Русь,
 «Такъ я нажила себѣ посмѣхъ великин:
 «Этотъ славный богатырь святорусьскин
 «А ѿ онъ назвалъ тую мою матку блядкою,
 «Мѣне назвалъ выбляткомъ.
 «Я поѣду во роздольце въ чистѹ поле
 «Да убью-то я въ полѣ богатыря,
 «Не спущу этѹ посмѣшку на святую Русь,
 «На святую Русь да и на бѣлый свѣтъ.»
 Ъна ѣхала роздольцемъ чистымъ полемъ,
 Насмотрѣла-то она да бѣлъ шатѣръ
 Подѣвжала-то она да ко бѣлѹ шатру,
 Она била-то рогатиной звѣриною
 А во этотъ-то во славный бѣлъ шатѣръ, —
 Улетѣлъ-то шатѣръ бѣлый съ Ильи Муромца.
 Его доброй конь да богатырскин
 А онъ ржѣтъ-то конь да ѿ во всю голову,
 Бьетъ ногами въ матушку въ сырѹ землю;
 Илья Муромецъ онъ спитъ тамъ, не пробудится
 Отъ того-отъ крѣпка сна отъ богатырскаго.
 Эта поляничца удалая
 Ъна бьетъ его рогатиной звѣриною,
 Ъна бьетъ его да по бѣлой груди, —
 Еще спитъ Илья да ѿ не пробудится
 А отъ крѣпка сна отъ богатырскаго.
 Погодился у Ильи да крестъ на ворота,
 Крестъ на ворота да полтора пуда:
 Пробудился онъ звону отъ крестоваго,
 А ѿ онъ скинулъ-то свои да ясны очушки,
 Какъ надъ верхомъ-тымъ стоитъ вѣдь поляничца
 удалая,
 На добромъ конѣ на богатырскомъ,
 Бьетъ рогатиной звѣриной по бѣлой груди.
 Тутъ скочилъ-то какъ Илья онъ на рѣзвѣ ноги,
 А схватилъ какъ поляницу за желты кудри,
 Да спустилъ онъ поляницу на сырѹ земля,

Да ступилъ онъ поляницы на правѹ ногу,
 Да онъ дернулъ поляницу за лѣвѹ ногу
 А онъ надрвоѣ да ѿ порозорвалъ,
 А ѿ рубилъ онъ поляницу по мелкимъ кускамъ.
 Да садился-то Илья да на добра коня,
 Да онъ рылъ-то *) ты кусочки по чистѹ полю
 Да онъ первую половинку-то кормилъ сѣрымъ вол-
 камъ,
 А другую половину чернымъ воронамъ.
 А ѿ тутъ поляницы ѣй славу поютъ,
 Славу поютъ вѣкъ по вѣку.

Записано тамъ же, 6 июля.

78.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

Три годика Добрынюшка-то чашничалъ,
 Три годика Добрынюшка-то стольничалъ,
 Да три годѹ Добрыня у воротъ стоялъ.
 Похотѣлось-то молодому Добрынюшкѣ
 Походить по городу по Киеву,
 Погулять по улицамъ широкимъ,
 По всѣмъ славнымъ переулкамъ княженецкимъ.
 Говоритъ Добрыня рѣдна матушка:
 «А ѿ же ты свѣтъ мое чадо милое,
 «Молодой Добрынюшка Микитиничъ!
 «Ты ходи гуляй по городу по Киеву
 «Да ѿ по всѣмъ-то улицамъ широкимъ,
 «По всѣмъ славнымъ переулкамъ княженецкимъ,
 «Не ходи только въ татарскую въ слободушку,
 «Не зайдн только въ Маринкину во улицу,
 «А ѿ убилъ-то Маринка трехъ богатырей,
 «Да ѿ убьетъ тебя она четвертаго.»
 Молодой Добрынюшка Микитиничъ
 Какъ беретъ свой тѹгой лукъ розрывчатый,
 Беретъ стрѣлочки Добрынюшка каленыи,
 Ъ онъ пошолъ ходить по городу по Киеву,
 Ъ онъ гулялъ-то какъ по улицамъ широкимъ,
 По всѣмъ славнымъ переулкамъ княженецкимъ,
 Прогулялъ онъ цѣлый день съ утра до вечера;
 И на поздней онъ да то на вечерѣ
 Похотѣлось молодому-то Добрынюшкѣ
 Да ѿ сходить ѣму въ татарскую слободушку
 А ѿ зайти-то во Маринкину во улицу,
 Пѹсмотреть на ней **) полаты бѣлокаменны.

*) т. е. бросать. **) т. е. на ея.

Й онъ зашоль-то какъ въ татарскую слободушку
 Да й прошоль-то во Маринкину во улицу,
 Посмотрѣлъ на ней полаты бѣлокаменны;
 Какъ у ней-то у полаты бѣлокаменной
 Порозвернута полатка полотняная,
 Да й сидить-то какъ Маринка во полатки полот-

вяной,
 Да й сидитъ она съ татаринѣмъ поганинѣмъ,
 А й со тымъ сидитъ Горынищѣмъ проклятинѣмъ,
 Да й сидитъ она въ полаткѣ, сама гладится *).
 То молодому Добрынюшкѣ-то дѣло не слюбилоси,
 Й онъ беретъ свой тугой лукъ разрывчатой,
 Во свои беретъ во бѣлмы въ ручушки,
 Налагаетъ-то онъ стрѣлочку каленую,
 Натянулъ тетивочку шелкъовеньку,
 Онъ спустилъ тую тетивочку шелкъовеньку
 Да во эту въ стрѣлку во каленую.

Пролетѣла эта стрѣлочка каленая
 А й во эту во полатку въ полотняную,
 То онъ на-двоѣ Горынища й порозорвалъ.
 Тутъ хотѣтъ какъ пойти молодой Добрынюшка
 Да со этой со татарской со слободушки
 Да со этой ли съ Маринкиной со улицы,
 Никуды Добрынюшки пойти-то вѣтъ пути;
 А йще видить-то молоденькой Добрынюшка,
 Что дѣло-то есте да немалое,

Подошолъ онъ ко полаткѣ полотняной,
 Говорилъ-то ёвъ Маринкѣ таковы слова:
 «А идешь ли ты Маринка за меня замужъ?»

Говорила-то Маринка таковы слова:
 — А й молоденькой Добрынюшка,
 — А йще славныя богатырь сваторусьскіи!
 — Если ты возьмешь, такъ я замужъ иду
 — За молодого Добрынюшку Никитича. —

Й онъ бралъ ю за ручушки за бѣлмы
 И за ней ю бралъ за перстни за злеченни,
 И выводитъ ю съ полатки полотняной,
 Становилъ-то онъ Маринку супротивъ себя,
 Говорилъ-то онъ Маринкѣ таковы слова:
 «А пойдемъ-ко мы Маринка во чисто поле,
 «Вокругъ кустышка ракитова съ тобою повѣн-

чаемся,
 «Да тогда ты будешь вѣдь моя жена.»
 То какъ взялъ-то ю за ручушки за бѣлмы,
 Да за перстни ю бралъ за злеченни,
 Да й повелъ Маринку во чисто поле
 Приводилъ онъ ю ко кустышку ракитову,
 Вокругъ кустышка ракитова они да повѣнчались.
 Становилъ-то ю Добрыня супротивъ себя,

*) т. е. вѣнчался.

Говорилъ-то ей Добрыня таковы слова:
 «А й теперь-ко ты Маринка есть моя жена,
 «А должна ты мни повиноватися.»
 То онъ бралъ свою да саблю вострую,
 Во свои ю бралъ во бѣлмы рѣчушки,
 Й онъ смахнулъ-то своѣй саблей востроей,
 И срубилъ-то онъ ей ножки по колѣночкамъ;
 Говорилъ-то ей Добрыня таковы слова:
 «А й почто-то эти ножки да рѣзвыи?
 «Й оплетали-то татарина поганина,
 «А й того Горынища проклятаго.»
 Й онъ другой-то разъ смахнулъ да саблей востроей,
 А срубилъ ей ручки по локоточкамъ;
 Говорилъ Добрыня таковы слова:
 «А й почто-то эти бѣлмы да ручушки?
 «Й обнимали-то татарина поганина,
 «А й того Горынища проклятаго.»
 И онъ еще третій разъ смахнулъ да саблей востроей,

А срубилъ-то ей уста сахарни;
 Говорилъ Добрыня таковы слова:
 «А й почто эти уста сахарни?
 «Цѣловали-то татарина поганина,
 «А й того Горынища проклятаго.»
 А й тутъ ей Маринки да славу поють
 Славу поють вѣкъ по вѣку.

Записано тамъ же, 8 июля.

—
 79.

ДОВРЬНЯ И ЗМЪЙ.

Да й спорбдила Добрыню рѣдна матушка
 Да возрѣстила до полнаго до возраста;
 Сталъ молоденькой Добрынюшка Никитинецъ
 На добромъ конѣ въ чисто полѣ поѣзживать,
 Сталъ онъ малыхъ змѣёнышевъ потаптывать.
 Приѣзжалъ Добрыня изъ чиста поля,
 А й сходилъ-то какъ Добрынюшка съ добра копа
 И онъ шолъ въ свою полату въ бѣлокаменну,
 Проходилъ онъ во столову свою горенку,
 Ко своей ко рѣдною ко матушки.
 Говорила тутъ Добрыни рѣдна матушка:
 «Ай же свѣтъ моё падѣ любимое,
 «Ты молоденькой Добрынюшка Никитинецъ!
 «Ты на добромъ конѣ въ чисто поле поѣзживашъ,
 «Да ты малыхъ змѣёнышевъ потаптывашъ.
 «Не съѣзжай-ко ты молоденькой Добрынюшка

«Да ты дѣлече далѣче во чисто поле,
 «Кѣ тымъ славнымъ горамъ да къ сорочинскимъ,
 «Да ко тымъ норамъ да ко змѣннымъ,
 «Не топчи-ко ты тамъ малыхъ змѣнышевъ,
 «Не входи-ко ты во норы въ змѣныя,
 «Не выпускай-ко походовъ оттуль расейскихъ;
 «Не съѣзжай-ко ты молоденькой Добрынюшка
 «Ко той славной ко матушки къ Пучай-рѣки,
 «Не ходи-ко ты купаться во Пучай-рѣки,
 «То Пучай-рѣка очюнь свирная,
 «Во Пучай-рѣки двѣ струйки очюнь быстрыхъ:
 «Перва струечка въ Пучай-рѣки быстрымъ быстра,
 «Друга струечка быстра, быдто огонь съветъ.»
 То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
 Родной матушки-то онъ не слушатся,
 Выходилъ онъ со столовой своей горенки
 Да й во славны полаты бѣлокаменны,
 Й одѣвалъ соби одежицу снарядную
 Да й рубашечки-манѣшечки шелковеньки,
 Всю одѣжицу одѣлъ онъ да хорошеньку,
 А хорошеньку одежицу снарядную;
 Выходилъ онъ изъ полаты бѣлокаменной
 Да й на свой на славный на широкъ на дворъ,
 Заходилъ онъ во конюшеньку стоялую,
 Бралъ добра коня онъ богатырскаго,
 Бралъ добра коня Добрынюшка, засѣдывалъ,
 А й садился-то Добрыня на добра коня,
 Да съ собою бралъ онъ паличку булатную,
 Да й не для-радѣ да драги кроволитыца великаго,
 А онъ бралъ-то для потѣхи молодецею.
 То повѣхалъ Добрынюшка въ чисто поле
 На добрымъ кони на богатырскоемъ,
 То онъ ѣздилъ цѣлый день съ утра до вечера
 Да по славу по роздольцу чисту полю.
 Похотѣлось-то молодому Добрынюшки
 Ему съѣздити во далече чисто поле,
 Да й ко тымъ горамъ ко сорочинскимъ,
 Да й ко тымъ норамъ да ко змѣннымъ.
 Й онъ спустилъ коня да богатырскаго,
 Да й поѣхалъ по роздольцу чисту полю.
 Еще день за день какъ быдто дождь дожить,
 Да й недѣля за недѣлей какъ рѣка бѣжить:
 То онъ день ѣдетъ по красному по солнышку,
 Да онъ въ ночь ѣхалъ по свѣтлому по мѣсяцу,
 Приѣзжалъ онъ ко горамъ да къ сорочинскимъ,
 Сталъ онъ ѣздить по роздольцу чисту полю,
 Онъ-то ѣздилъ цѣлый день съ утра до вечера,
 Потопталъ онъ много множество змѣнышовъ.
 Й услышалъ-то тутъ молоденькой Добрынюшка—
 Ёго доброй конь да богатырскій
 А й сталъ на ноги да конь припадывать.

А й поѣхалъ-то молоденькой Добрынюшка
 Отъ тыхъ славныхъ отъ горъ отъ сорочинскихъ
 Да й отъ тыхъ отъ норъ онъ отъ змѣнныхъ,
 Да й поѣхалъ-то Добрыня въ стольней Киевъ градъ.
 Еще день за день какъ быдто дождь дожить,
 Да й недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжить;
 То онъ въ день ѣдетъ по красному по солнышку,
 А онъ въ ночь ѣдетъ по свѣтлому по мѣсяцу,
 Онъ повѣхалъ въ роздольцу въ чисто полѣ.
 Похотѣлось тутъ молодому Добрынюшки
 Съѣздити-то ко славной ко Пучай-рѣки,
 Посмотрѣть ему на славную Пучай-рѣку.
 То онъ ѣхалъ по роздольцу чисту полю,
 Да приѣхалъ онъ ко славной ко Пучай-рѣки,
 Ставовилъ коня онъ богатырскаго,
 Да й сходилъ Добрыня со добра коня,
 Посмотрѣлъ-то онъ на славную Пучай-рѣку.
 Похотѣлось тутъ молодому Добрынюшки
 Покупатися во славной во Пучай-рѣки;
 Онъ одѣжицу съ себя снималъ всю дѣ-нага,
 Да й пошолъ-то онъ купаться во Пучай-рѣку.
 Тамъ на тую пору на то времецо
 А й на славной да на Пучай-рѣки
 Да й случились быть тутъ красны дѣвушки;
 Они вдеплютъ тонко бѣленькое платице,
 Говорятъ они молодому Добрынюшки:
 — Ты удаленькой дородней доброй молодецъ!
 — То во нашей во славной во Пучай-рѣки —
 — Наги добры молодцы не куплются,
 — Они куплются въ тонкихъ бѣлыхъ полотняныхъ
 рубашечкахъ. —
 Говорилъ-то имъ молоденькой Добрынюшки:
 «Ай жо дѣвушки да вы голубушки,
 «Бѣломойници вы портомойници!
 «Ничего-то вы вѣдъ дѣвушки не знаете,
 «Только знайте-тко вы дѣвушки самѣ себя.»
 Онъ пошолъ-то какъ купаться во Пучай-рѣку,
 Перешолъ Добрыня перву струечку,
 Перешолъ Добрыня другу струечку,
 Перешолъ-то онъ Пучай-рѣку отъ бережева до
 другою;
 Похотѣлось тутъ молодому Добрынюшки
 Покупатися во Пучай-рѣки, понѣрвати.
 Тамъ на тую пору на то времецо
 Да изъ далеча далеча изъ чиста поля,
 Изъ-подъ западней да сподъ сторонушки,
 Да й не дождь дожить да й то не громъ громить,
 А й не громъ громить, да шумъ великъ идетъ:
 Налетѣла надъ моладаго Добрынюшку
 А й змѣяница да то Горынищо,
 А й о трехъ змѣянищо о головахъ,

О двѣнадцати она о хоботахъ;
 Надѣтѣла надъ молодого Добрынюшку,
 Говорила-то змѣицо таковы слова:
 — А топерь Добрынюшка въ моихъ рукахъ,
 — А въ моихъ рукахъ да онъ въ моей воли!
 — А 'ще что я похочу, то надъ нимъ сдѣлаю:
 — Похочу-то я молодого Добрынюшку,
 — Похочу, Добрынюшку въ полонъ возьму,
 — Похочу-то я Добрынюшку-то и огнемъ пожгу,
 — Похочу-то я Добрынюшку-то и въ себя пожру.—

И у того ли у молодого Добрынюшии
 Его сердце богатырско не ужáхнулось;
 Онъ гораздъ былъ плавать по быстрымъ рѣкамъ,
 Да и нырнулъ-то онъ отъ бережка ко другому,
 Да и отъ другаго отъ бережка ко етому.
 И онъ вспомнилъ тутъ свою да рѣдну матушку:
 «Не велѣла мнѣ да рѣдна матушка
 «Уѣзжать-то дáлече въ чисто полѣ,
 «Да и ко тымъ она горамъ ко сорочинскимъ,
 «Да и ко тымъ порамъ да ко змѣйнымъ,
 «Не велѣла мнѣ-ка ѣздить ко Пучай-рѣки,
 «Не велѣла мнѣ купаться во Пучай-рѣкѣ.
 «Да и не за то ли здѣ-ка ноньчу странѣствую?»
 И онъ ащѣ нырнулъ отъ бережка до бережка,
 Выходилъ Добрыня на крутой берѣгъ.
 Тутъ змѣйницо Горыницо проклятоѣ
 Она стала на Добрыню искры сыпати,
 Она стала жгать да тѣла бѣлаго.
 И у того ли у молодого Добрынюшии
 Не случилось ничто быть въ бѣлыхъ ручушкахъ,
 Да и ему нечимъ со змѣицомъ попротивиться.
 Поглянулъ-то какъ молоденькой Добрынюшка
 По тому по крутому по бережку,
 Не случилось ничто лежать на крутомъ на берѣгу,
 Ему ничегó взять въ бѣлми во ручушки,
 Ему нечимъ со змѣицомъ попротивиться.
 Ёна сыплетъ ёго искрой наутышною (такъ),
 Ёна жгётъ ёго да тѣло бѣлое.
 Столько увидалъ молоденькой Добрынюшка,
 Да и на крутомъ да онъ на берѣги
 То лежитъ колпакъ да земли греческой;
 Енъ берётъ-то тотъ колпакъ да во бѣлы ручки,
 Онъ со тою ли досадушки великою
 Да ударилъ онъ змѣйница Горынища.
 Еще пала-то змѣя да на сыру землю,
 На сыру-то зѣмлю пала во кѣвѣль траву.
 Молодон-то Добрынюшка Микитинецъ
 Очюнь смѣлой былъ да оворѣтистой.
 Да и скочилъ-то онъ змѣицу на бѣлы груди,
 Роспáстать-то ей хотить да груди бѣлми,
 Онъ хотить-то ей срубить да буйны головы.

Тутъ змѣйницо Горыницо молиласи:
 — Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
 — Не убей мена да змѣи лютою,
 — Да спусти-тко полетать да по бѣлу свѣту.
 — Мы напишемъ съ тобой записи промѣжъ собой,
 — То велики записи немалыи:
 — Не съѣзжаться бы вѣкъ по вѣку въ чистомъ
 поли,
 — Намъ не дѣлать бою драки кроволитиá про-
 мѣжъ собой,

— Бою драки кроволитиá великаго. —
 Молодон-то Добрынюшка Микитинецъ
 Ёмъ скорѣшенько сходилъ-то со бѣлой груди;
 Написали оны записи промѣжъ собой,
 То велики оны записи немалыи:
 Не съѣзжаться бы вѣкъ по вѣку въ чистомъ поли,
 Намъ не дѣлать бою драки кроволитиáца про-
 мѣжъ собой.

Тутъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
 Онъ скорѣшенько бѣжалъ да ко добру коню,
 Надѣвалъ свою одѣжцу снарядную,
 А и рубашечки-манѣшечки шелковеньки,
 Всю одѣжцу надѣлъ снарядную,
 Онъ скорѣшенько садился на добра коня,
 Выѣзжалъ Добрыня во чисто полѣ,
 Посмотрѣть-то на змѣицо на Горыницо,
 Да которымъ она мѣстечкомъ полѣтитъ по чисту
 полю.

Да и летѣла-то змѣицо черезъ Кіевъ градъ,
 Ко сырѣй земли змѣйницо припадала,
 Унесла она у князя у Владымира,
 Унесла-то плѣмничку любимую,
 Да прекрасную Забавушку Путятицу.
 То приѣхалъ-то Добрыня въ стóльній Кіевъ градъ,
 Да на свой Добрыня на широкой дворъ,
 Да сходилъ Добрынюшка съ добра коня.
 Подбѣгаетъ къ нему паробокъ любимии,
 Онъ берётъ коня да и богатырскаго,
 Да и повелъ въ конюшенку въ стоялюю,
 Сталъ добра коня да ёнъ розсѣдывать,
 Да сталъ паробокъ добра коня кормить понть,
 Онъ кормитъ понть да сталъ улаживатъ.
 То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
 Онъ прошолъ своей полѣтой бѣлокаменной,
 Заходилъ онъ во столову свою горенку
 Ко своей ко родною ко матушки, буря
 То ничимъ Добрынюшка не хвастаетъ.

Тутъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
 На почестень пиръ ко князю сталъ похаживать;

То ходилъ Добрынюшка по дѣнь поры,
 Да ходилъ Добрыня по другой поры,
 Да ходилъ Добрынюшка по третей день.
 То Владимиръ князь-отъ стольнѣ-кѣвской
 Онъ по горенкѣ да и показивать,
 Пословечно государь онъ выговаривать:

«Ай жо вы мои да князи бѣяра,
 «Сильни русьскіе могучіе богатыря,
 «Еще вси волхи бы всѣ волшебники!
 «Есть ли въ нашеѣмъ во городи во Кіевн
 «Таковы люди чтобъ съѣздить имъ да во чисто
 поле,

«Кѣ тымъ славнымъ ко горамъ да сорочинскимъ,
 «Кѣ тымъ славнымъ порамъ да ко змѣннимъ,
 «Кто бы могъ сходить во норы во змѣнны,
 «Кто бы могъ достать да племячку любимую,
 «А прекрасную Забавушку Путятичну?»
 Таковыхъ людей во градѣ не находится;
 Не могутъ-то съѣздити во дѣлече чисто поле,
 Кѣ тымъ славнымъ ко горамъ ко сорочинскимъ,
 Да ко тымъ порамъ да ко змѣннимъ.

Тутъ Владимиръ князь-отъ стольнѣ-кѣвской

А й по горенки да князь показивать,
 Пословечно государь ѣнъ выговаривать:

«Ай жо вы мои да князи бѣяра,
 «Сильни русьскіи могучіе богатыри!
 «Задѣлжалъ-то я во земли во невѣрны,
 «У меня-то дани есть неплочены
 «За двѣнадцать годъ да съ половиною.»
 Приходилъ-то онъ къ Михайлушкѣ ко Пѣтыку,
 Говорилъ Михайлушкѣ таковы слова:
 «Ты Михайло Пѣтыкъ снѣтъ Ивановичъ!
 «А й ты съѣзди-тко во землю въ Подитовскую,
 «Къ королю-то къ Чубадью къ политовскому,
 «Отвези-тко дани за двѣнадцать годъ,
 «За двѣнадцать годъ да й съ половиною.»
 Пришолъ къ старому къ казакѣ къ Ильи Муромцу,
 Говорилъ Владимиръ таковы слова:

«Ай ты старья казакъ да Илья Муромецъ!

«А ты съѣзди-тко во землю-ту во Шведскую,

«А ко тому королю ты съѣзди къ шведскому,

«Вывези-тко дани за двѣнадцать годъ,

«За двѣнадцать годъ да съ половиною.»

Тутъ Олешенька Григорьевичъ по горенкѣ показивать,

Пословечно князю выговаривать:

— Ты Владимиръ князь да столень-кѣвской!

— А й навинь-то ту вѣдъ служобку великую,

— Да велику служобку немалую,

— На того да на молодого Добрынюшку,

— Чтобы съѣздилъ онъ во дѣлече чисто полѣ,

— Кѣ тымъ славнымъ ко горамъ да сорочинскимъ,

— Да сходилъ бы онъ во норы во змѣнны,

— Отыскалъ бы твою племячку любимую,

— Да прекрасную Забавушку Путятичну,

— А привѣзъ бы ѣнъ Забаву въ стольнѣ-Кіевъ
 градъ

— Да къ тоби ко князю на широкой дворѣ,

— Да привелъ бы во полаты въ бѣлокаменны,

— Да онъ подадъ бы тобѣ ю во бѣлы руки. —

Тутъ Владимиръ князь да стольнѣ-кѣвской

Приходилъ-то онъ къ молодому Добрынюшкѣ,

Говорилъ Добрыни таковы слова:

«Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!

«Налогаю тоби служобку великую,

«Да й велику служобку немаленьку:

«А й ты съѣзди-тко во дѣлече дѣлече во чисто
 поле,

«Кѣ тымъ славнымъ ко горамъ ко сорочинскимъ,

«Да сходи-тко ты во норы во змѣнны,

«Отыщи-тко племячку любимую

«А прекрасную Забавушку Путятичну,

«Привези-тко ты ю въ стольнѣ-Кіевъ-градъ,

«Приведи-тко мни въ полаты въ бѣлокаменны,

«Да подай-ко ты Забаву во бѣлы руки.»

Тутъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ

Онъ за столикомъ сидитъ, самъ запечалился,

Запечалился онъ закручинился.

Выходилъ-то онъ за столиковъ дубовныхъ,

Выходилъ онъ за скамеечокъ околвинныхъ,

Проходилъ-то ѣнъ полатой бѣлокаменной,

Выходилъ онъ изъ полаты бѣлокаменной,

Онъ съ честнѣ пиру идетъ да и не весело.

Приходилъ въ свои полаты бѣлокаменны,

Проходилъ онъ во столову своѣю горенку,

Ко своѣй ко рѣдною ко матушкѣ.

Говорить Добрыни рѣдна матушка:

— Ай ты свѣтъ моѣ кадѣ любимое,

— Да й молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!

— Что съ честнѣ пиру пришло да ты не весело?

— То мѣстечико было въ пиру не по чину?

— Али чарою въ пиру тебя прибнесли?

— Аль ето мяница дуракъ да приобгалился?*) —

Говорилъ Добрыня рѣдной матушки:

«Ай жо свѣтъ моя ты рѣдна матушка!

«Да въ пиру-то мѣсто было по чину,

«А ище чарой во пиру меня не обнесли,

«Да то пьяница дуракъ да не обгалился, —

«А й Владимиръ князь-отъ стольнѣ-кѣвской

«Наложилъ-то мни-ка служобку великую,

*) т. е. насмѣялся.

«А ѿ великую мни службу не малую:
 «Велѣлъ съѣздить мни во далече въ чисто поле,
 «Кѣ тымъ славнымъ ко горамъ да къ сорочин-
 скимъ,
 «Онъ велѣлъ сходитъ во норы во змѣинны,
 «Отыскать мнѣ велѣлъ племяннику любимую,
 «А прекрасную Забавушку Путятичну,
 «Да и привезти велѣлъ ю въ стольнѣ-Кіевъ градъ,
 «Привезти ко князю на широкой дворъ,
 «Привезти ю во полаты въ бѣлокаменны,
 «Пѣдаты князю-то да во бѣлы руки.»
 Говорила тутъ Добрыни рѣдна матушка:
 — Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
 — А ты ѣшь-ка пей да на покой ложись,
 — Утро мудренѣе живеть *) вечера. —
 То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
 Онъ поѣлъ-то ѣствушокъ сахарныхъ,
 Да попилъ-то питьяцѣвъ медвяныхъ,
 Молодой Добрыня на покой улѣтъ.
 Да ѿ по утрушку да то ранѣонько,
 До исходу зорѣ да раннѣ-утренной,
 До вѣставанья да красна солнышка,
 Да ѿ будила-то Добрыню рѣдна матушка:
 — А ставай-ко ты молоденькой Добрынюшка!
 — Да ты дѣлай дѣло повелѣное,
 — Сослужи-тко эту службу великую. —
 Молодой Добрынюшка Микитинецъ
 Онъ скоренько сталъ да то ѿ отъ крѣпка сна,
 Умывался-то Добрынюшка бѣлѣшенько,
 Надѣвался онъ да ѿ хорошохонько,
 Выходилъ онъ изъ полаты бѣлокаменной
 Да ѿ на свой на славный на широкой дворъ,
 Проходилъ ѣнъ во конюшеньку въ стоялую,
 Бралъ коня Добрыня богатырскаго,
 Да ѿ сѣдлалъ Добрынюшка добра коня,
 Да ѿ садился-то Добрыня на добра коня,
 Выѣзжалъ Добрыня съ широка двора.
 Тутъ заплакала Добрынюшкина матушка,
 Она стала-то ронить да слѣзъ горючихъ,
 Она стала-то скорбитъ да личка бѣлаго,
 Говорила-то она да ѿ таковы слова:
 — Я Добрынюшку безсчастнаго спорѣдила!
 — Какъ войдетъ-то ѣнъ во норы въ змѣинны,
 — Да войдетъ ко тымъ змѣямъ ко лютымъ,
 — Порѣстачать-то его да тѣло бѣлое,
 — Еще выпьютъ со Добрыни сурѣвую кровь. —
 То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
 Онъ поѣхалъ по роздольцу чисту полю.
 Еще день-то за день быдто дождь дождитъ,

А недѣля за недѣлю какъ рѣва бѣжить;
 Да онъ въ день ѣхалъ по красному по солнышку,
 То онъ въ ночь ѣхалъ по свѣтлому по мѣсяцу,
 Онъ подѣхалъ ко горамъ да къ сорочинскимъ,
 Да сталъ ѣздить по роздольцу чисту полю,
 Сталъ онъ малыхъ змѣёнышевъ потаптывать.
 ѿ онъ проѣздилъ цѣлый день съ утра до вечера,
 Притопталъ-то много множество змѣёнышовъ.
 ѿ услышалъ молоденькой Добрынюшка —
 ѿго доброй конь да богатырскій
 А сталъ на ноги да конь припадывать.
 То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
 Береть плеточку шелкову во бѣлы руки,
 То онъ билъ коня да ѿ богатырскаго,
 Первый разъ его ударилъ промежъ уши,
 Дрúгой разъ ударилъ промежъ ноги,
 Прѣмежъ ноги онъ ударилъ прѣмежъ задни,
 Да ѿ онъ билъ коня да не жалухюю,
 Да со всей онъ силы съ богатырскою,
 ѿнъ давалъ ему удары-ты тяжѣлы.
 ѿго доброй конь да богатырскій
 По чисту полю онъ сталъ поскакивать,
 По цѣлой версты онъ сталъ помакивать,
 По колѣну сталъ въ земелюшку погрязивать,
 Изъ земелюшки сталъ ножѣкъ ѣнъ выхвативать,
 По стѣнной купны земельки ѣнъ вывертывалъ,
 За три вѣстрѣлу (такъ) онъ камешки отендывалъ.
 ѿ онъ скакалъ-то по чисту полю, помакивалъ,
 ѿ онъ отъ ногъ своихъ змѣёнышевъ отрякивалъ,
 Потопталъ вснхъ малыхъ змѣёнышовъ.
 Подѣзжалъ онъ ко норамъ да ко змѣиннымъ,
 Становилъ коня онъ богатырскаго,
 Да ѿ сходилъ Добрыня со добра коня
 Онъ на матушку да на сыру землю,
 Облачался-то (такъ) молоденькой Добрынюшка
 Во доспѣхи онъ да въ свои крѣпки:
 Во-первыхъ бралъ саблю свою вострую,
 На бѣлы груди коньѣ клалъ муржамецкоѣ,
 Онъ подъ лѣвую да и подъ пазушку
 Пологалъ ѣнъ палицу булатную,
 Подъ кушакъ ѣнъ клалъ шальгу подорожную,
 ѿ онъ пошолъ во ты во норы во змѣинны.
 Приходилъ ѣнъ ко норамъ да ко змѣиннымъ, —
 Тамъ затворами затворено-то мѣднымъ,
 Да подпорами-то подперто жалѣзнымъ,
 Такъ нельзя войти во норы во змѣинны.
 То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
 А подпоры онъ жалѣзные откидывалъ,
 Да ѿ затворы-ты онъ мѣдныи отдвигивалъ,
 Онъ прошолъ во норы во змѣинны.
 Посмотрѣлъ-то онъ на норы на змѣинны,

*) т. е. бываетъ.

А ѿ во тыхъ норахъ да во змѣннихъ
 Много множество да половѣвъ сидитъ,
 Полонѣ сидятъ да все расейскіи,
 А ѿ сидятъ-то тамъ да князи бѣара,
 Сидятъ русьскіи могучіи богатыря.
 Похотѣлось-то молодому Добрынюшки,
 Похотѣлось-то Добрыни полонѣ считать,
 ѿ онъ пошолъ какъ по порамъ да по змѣннимъ,
 Начиталъ-то половѣвъ ѿнъ много множество,
 Да ѿ дошолъ ѿнъ до змѣнища Горынища;
 А ѿ у той-то у змѣнища у проклятоу
 Да ѿ сидитъ Забавушку Путятична.
 Говорилъ Добрыня таковы слова:
 «Ай жо ты Забавушка Путятична!
 «Да ставай скоренько на рѣзвѣ ноги,
 «Выходи-тко ты со норъ да со змѣннихъ,
 «Мы поѣдемъ-ко съ тобой да въ стольнѣ-Кіевъ
 градъ.

«За тебя-то ѣзжу да я странствую
 «Да ѿ по далечу далечу по чистымъ полямъ,
 «Да хожу я по норамъ да по змѣннимъ.»
 Говоритъ ѿму змѣнищо Горынищо:
 — Ты молоденькой Добрынюшка Микитинець!
 — Не отдамъ тобѣ Забавушки Путятичной
 — Безъ боѣ безъ драки кроволитія.
 — А у насъ-то съ тобой записъ написаны
 — Да у тоу ли у славноу Пучай-рѣки,
 — Не съѣзжаться бѣ намъ въ роздольцѣ чистомъ
 поли,
 — Намъ не дѣлать боѣ драки кроволитія.
 — Да промѣжъ собой бы намъ великаго.
 — Ты приѣхалъ ко горамъ да сорочинскимъ,
 — Потопталъ ты малыхъ змѣненшювъ,
 — Выпускаешъ половѣ отсюль расейскіи,
 — Увезти хотишь Забавушку Путятичну. —
 Говорилъ-то ѿи молоденькой Добрынюшка:
 «Ай же ты змѣнищо проклятая!
 «А ѿ когда ты полетѣла отъ Пучай-рѣки,
 «Да зачимъ жо ты летѣла черезъ Кіевъ градъ?
 «Да почто же ты къ сырой земли припѣдала?
 «Да почто же унесла у насъ Забавушку Пу-
 тятичну?»
 Бралъ-то ю за ручушки за бѣлыи,
 Да за нѣи бралъ ю перстан за значенни,
 Да повелъ-то ю изъ норъ онъ изъ змѣннихъ.
 Говорилъ Добрыня таковы слова:
 «Ай же половѣ да вы расейскіи!
 «Выходите-тко со норъ вы со змѣннихъ,
 «А ѿ ступайте-тко да по своимъ мѣстамъ,
 «По своимъ мѣстамъ да по своимъ домамъ.»
 Какъ пошли-то полонѣ зтѣ расейскіи

А ѿ со тыхъ со норъ да ѿ со змѣннихъ,
 У нихъ сдѣлался да то и шумъ великъ.
 Молодон-то Добрынюшка Микитинець
 Приходилъ Добрыня ко добру коню,
 А ѿ садилъ-то ѿнъ Забаву на добра коня,
 На добра коня садилъ ю къ головѣ хребтомъ,
 Самъ Добрынюшка садился къ головѣ лицемъ,
 Да ѿ поѣхалъ-то Добрыня въ стольнѣ-Кіевъ градъ.
 Онъ приѣхалъ къ князю на широкой дворъ,
 Да ѿ сходилъ Добрыня со добра коня,
 Обицаетъ онъ Забавушку Путятичну,
 Да повелъ въ полаты въ бѣловаменны,
 Да онъ подалъ князю ю Владимиру
 Во его во бѣлыи во ручушки.
 А тутъ этоѿ старинушки славу поютъ.

Записано въ Петербургѣ, 24 ноября.

80.

ДОБРЫНЯ И ВАСИЛІЙ КАЗИМИРОВЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 27).

А Владимиръ князь да стольнѣ-кіевской
 Заводилъ почестенъ пиръ да ѿ пированьице
 На многіихъ князей да на всехъ бѣаровъ,
 На всехъ сильныхъ русьскихъ могучихъ на бо-
 гатырей
 А ѿ на славныхъ поляницъ да на удалныхъ.
 На честномъ пиру Владимиръ сталъ похаживать:
 «Ай же вы мои да князи бѣара,
 «Сильни русьскіе могучіе богатыря!
 «Задолжалъ-то я ко королю-то Ботіану Ботіанову
 «Да во тые дальніе во земли Сорочинскіе
 «Да за старые-то годы и за новѣшній,
 «Исполна я государю за двѣнадцать годъ,
 «За двѣнадцать годъ да ѿ съ половиною.
 «Кого же мнѣ послать туды отвѣзти дави выходи
 «За двѣнадцать годъ да ѿ съ половиною
 «Къ королю-то къ Ботіану Ботіанову,
 «А двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,
 «А 'ще грамоту да и повинную?»
 Всѣ богатыря за столикомъ умокнули,
 Всѣ умокнули и приутихнули,
 Какъ богатыри за столикомъ-то притулялися,
 А большая-то тулится за среднюю,
 А середня тулится за меньшую,
 А отъ меньшей отъ тулицы отвѣту нѣтъ.

Изъ-за тыхъ ли-то за столичковъ дубовиныхъ,
 Изъ-за тыхъ ли-то скамеечекъ окольниихъ
 Вышелъ стария Перминъ да синь Ивановичъ,
 Сталъ по горенкѣ ѣнъ Пѣрминъ да похаживать
 А Владимиру князю да сталъ ѣнъ поговаривать:
 — Ты Владиміръ князь да стольнѣ-кѣвской!
 — Бласлови-тко государь мнѣ словце вымолвить.
 — А ще знаю я богу послать поѣхати
 — А й во дальнія-ты земли въ Сорочинскіи:
 — Послать мѡлода Васильюшка Казимірова.
 — Молодой Васильюшко Казиміровъ
 — Й отвезетъ ѣнъ дани за двѣнадцать годъ,
 — За двѣнадцать годъ да й съ половиною. —
 И тутъ Владиміръ князь-отъ стольнѣ-кѣвской
 Ёнъ скоренько шолъ да по столовой своей горенки,
 Бралъ ѣнъ чарочку да во бѣлы ручки,
 Наливалъ-то чару зеленá вина
 Й онъ не малую стопу да й полтора ведра,
 Розводилъ-то ѣнъ медамы все стоялыма,
 Подносилъ-то ѣнъ къ Васильюшку къ Казимірову.
 Мѡлодой-то Васильюшко Казиміровъ
 Енъ скорешенько ставаетъ на рѣзвѣ ножи
 И беретъ чарочку отъ князя во бѣлы руки,
 Принялъ чарочку одной ручкой
 И выпилъ чарочку однимъ духомъ,
 И на ногахъ Васильюшко стоитъ онъ, не пошат-
 нется,
 И говоритъ-то онъ со княземъ, не мѣшается,
 И спромолвилъ-то онъ князю-то Владимиру,
 Говорилъ ѣнъ князю таковы слова:
 — Ай же ты Владиміръ князь да стольнѣ-кѣвской!
 — Ёще ѣду-то я въ земли-ты во дальни Сорочин-
 скіи,
 — А й везу я дани за двѣнадцать годъ,
 — За двѣнадцать годъ и съ половиною;
 — Столько дай ты мнѣ-ка во товарищахъ
 — Моёго-то брата да крестоваго,
 — А й мѡлодаго Добрынюшку Микитинца. —
 Тутъ Владиміръ князь да стольнѣ-кѣвской
 Ёнъ идетъ-то по столовой своей горенки,
 Беретъ чарочку Владимиру во бѣлы ручки,
 Налилъ чарочку Владимиру зеленá вина,
 Енъ не малую стопу да полтора ведра,
 Розводилъ-то онъ медамы все стоялыма,
 Подносилъ-то ѣнъ къ мѡлодому къ Добрынюшѣ.
 Молодой Добрынюшка Микитинецъ
 Онъ скорешенько ставалъ да на рѣзвѣ ножи,
 Эту чарочку онъ бралъ да во бѣлы ручки
 Й отъ того отъ князя отъ Владимира,
 Ёще бралъ ѣнъ чарочку одной ручкой
 И выпивалъ ѣнъ чарочку однимъ духомъ,

На ногахъ стоитъ Добрыня, не пошатнется,
 Говоритъ онъ съ княземъ, не мѣшается:
 — Ты Владиміръ князь да стольнѣ-кѣвской!
 — Бласлови мнѣ государь словце вымолвить.
 — Ёду я въ товарищахъ съ Васильюшомъ
 — И везу я дани за двѣнадцать годъ,
 — За двѣнадцать годъ и съ половиною;
 — Столько дай-ка намъ еще да во товарищахъ
 — Моёго-то брата да крестоваго,
 — Молодаго Иванушка Дубровича;
 — А й ему-то вѣдь Иванушку коней сѣдлатъ,
 — Да ёму Иванушке й розсѣдлывать,
 — Ёму плети подавать да плети принимать. —
 То Владиміръ князь да стольнѣ-кѣвской
 Идетъ по своей онъ по столовой по горенки,
 Беретъ чарочку Владимиру во бѣлы ручки
 Наливалъ ѣнъ чару зеленá вина,
 А й не малую стопу да полтора ведра,
 Подносилъ онъ ко Иванушку Дубровичу.
 А й ставалъ Иванушко Дубровичъ на рѣзвѣ ножи,
 Да онъ чарочку ту бралъ да во бѣлы ручки,
 Принялъ чарочку отъ князя онъ одной ручкой,
 Выпилъ чарочку Иванушко однимъ духомъ,
 На ногахъ стоитъ Иванушко, да не пошатнется,
 Говоритъ Иванъ да не мѣшается:
 — Ты Владиміръ князь нашъ стольнѣ-кѣвской!
 — Бласлови-тко государь словце вымолвить.
 — Ёще ѣду я въ товарищахъ съ Васильюшомъ,
 — Съ молодымъ Добрынюшкой Микитинцемъ,
 — Да везу я эти дани за двѣнадцать годъ,
 — За двѣнадцать годъ да съ половиною. —
 Молодой Васильюшко Казиміровъ,
 Молодой Добрынюшка Микитинецъ,
 Молодой Иванушко Дубровичъ-отъ
 Выходили изъ-за столичковъ дубовиныхъ,
 Изъ-за тыхъ скамеечекъ окольниихъ.
 Молодой Васильюшко Казиміровъ
 Сталъ по горенки Васильюшко похаживать,
 Пословечно сталъ онъ князю выговаривать:
 — Ты Владиміръ князь нашъ стольнѣ-кѣвской!
 — Приноси-тко ты намъ дани за двѣнадцать годъ,
 — За двѣнадцать годъ да съ половиною,
 — А двѣнадцать креченей, двѣнадцать лебедей,
 — Насыпай-ко мисы чиста сѣребра,
 — А й другіе мисы красна золота,
 — Третьи мисы насыпай-ко скатна жемчугу. —
 Тутъ Владиміръ князь-отъ стольнѣ-кѣвской
 А й беретъ-то онъ скоренько золоты ключи,
 Й онъ на погребѣ идетъ да на глубокіи,
 То беретъ-то онъ двѣнадцать лебедей,
 А двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,

Насыпаль-то первы мисы чиста сѣребра,
 Да ѣ другія мисы красна зодота,
 Третьи мисы насыпаль онъ скатна жемчугу,
 Приносишь онъ во полату бѣлокаменну,
 Подавалъ богатырямъ да святорусьскімъ
 Со своихъ-то онъ со бѣлыхъ со ручушекъ.
 Тутъ богатыри да святорусьскіи
 Ы они Господу тутъ Богу помолилися,
 На всѣ на три на четыре на стороншки клони-

лися,
 Да со всима мѣлодцами попростилися,
 Да съ самѣмъ они со княземъ со Владиміромъ,
 Со Опраксіей да королевичной.

Выходили молодцы они съ позать да бѣлокамен-

ныхъ,
 Шли они по граду-то по Киеву,
 Ыны думушку-то думали заобщую:
 «Гдѣ намъ съѣхаться въ роздольцѣ въ чистомъ
 поли,

«На своихъ на добрыхъ коняхъ да богатырскіихъ?»
 Говорилъ-то имъ Васильюшко Казиміровъ:

— Ай же братица мон крестовыи,
 — Ай ты славная дружинишка хоробрая!
 — То мы съѣдемся въ роздольци чистомъ поли
 — Да у славнаго сыра дуба у Нѣвида,
 — Да ѣ у славнаго у камня у Латыря
 — Да ѣ на тыхъ мы на дороженкахъ крестовы-

ихъ. —
 Тутъ пошли-то добры мѣлодцы въ свои полаты
 бѣлокаменны,

Оны стали добрыхъ конюшомъ засѣдывать,
 Да засѣдывать добрыхъ коней улаживать.
 Молодой Добрынюшка Микитинецъ

Ѣ онъ пришолъ въ свою полату бѣлокаменну,
 Со честна пиру пришолъ-то да не весело.

Говорила тутъ Добрыни рѣдна матушка:

«Ай же свѣтъ моѣ чадѣ любимое!
 «Ты съ честна пиру пришолъ да что не весело?
 «То ли мѣстечко въ пиру было не по чину?
 «Али чарою въ пиру тебя приобнесли?
 «Али пьяница дуракъ кто приобгалился?»

Говорилъ-то ѣй Добрыни таковы слова:

— Ай же свѣтъ моя ты рѣдна матушка!
 — А ще мѣсто-то въ пиру мѣ было по чину,
 — Меня чарою въ пиру да тамъ не обнесли
 — А ще пьяница дуракъ мѣ не обгалился.
 — То Владиміръ князь да стольнѣ-бѣвской
 — Наложилъ ѣнъ служобку великую
 — Ы велику служобку немалуу:
 — Отвести-то надо данн за двѣнадцать годъ,
 — За двѣнадцать годъ да съ половиною,

— Да ѣ во дальнѣи во земли въ Сорочинскіи,

— Да во ту во саму во темну орду. —

Говорилъ-то ѣнъ да свѣѣй рѣдной матушкѣ:

— Ай же свѣтъ моя ты рѣдна матушка!

— Да ѣ безчастнаго спорѣдила Добрынюшку:

— Ёще лучше бы Добрынюшку спорѣдила

— А ѣ горючимъ да бѣлымъ камешкомъ,

— Завертѣла бы во тонкой бѣленькой рукавич-

чекъ,

— Подошла бы ты ко славному къ Кіань-мору,

— Бросила бы ты да этотъ камешокъ въ Кіань-

море,
 — Въ Обіань-море глубокое! —

Говорила тутъ Добрыни рѣдна матушка,

Говорила она да горько заплакала:

«Ай же свѣтъ моѣ чадѣ любимое,

«Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!

«Если бѣ знала надѣ тобою я незгодушку,

«Ёще этое бы знала безвременнице великое,

«То не такъ бы я тебя Добрынюшку спорѣдила:

«Я спорѣдила бѣ тебя да и Добрынюшку

«Возрастомъ-то въ стараго казѣка Илью Муромца,

«Тѣбе силушкой Добрынюшку спорѣдила

«Да ѣ во славна Святогора во богатыря,

«Я бы смѣлостью Добрынюшку спорѣдила

«Да ѣ во славнаго богатыря въ Олешеуку По-

повича,

«Красотою бы спорѣдила Добрынюшку

«Да во славнаго-то князя во Владиміра!»

Молодой Добрынюшка Микитинецъ

Говорилъ свѣѣй онъ рѣдной матушкѣ:

— Ай же свѣтъ моя ты рѣдна матушка

— Да ѣ честна вдова Намельфа Тимофеевна,

— Дай прощеньицо мѣ-ка благословеньицо,

— Дай на тья вѣки нерушными! —

И тутъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ

Надѣвалъ онъ на себя одежицу дорогоцѣнную

И рубашечки манишечки шелковеньки,

Всю хорошеньку одежицу снарядную;

Выходилъ онъ изъ полаты бѣлокаменной

А ѣ на свой-то вышелъ на широкой дворъ,

Заходилъ онъ во конюшенку въ стоялую,

Бралъ коня Добрыни богатырскаго,

Выводилъ онъ со конюшени стоялой

А на свой-тогъ вывелъ на широкой дворъ,

Сталъ добра коня Добрынюшка засѣдывать,

Сталъ засѣдывать добра коня улаживать;

На добра коня покладываетъ потничекъ,

А онъ потничкомъ да то клалъ войлочекъ

Да подѣ потникомъ подпотищекъ шелковенькой,

На подпотищекъ сѣделышко черкасское,

И черкаское сѣдельшко хорошенъко,
 Да которое сѣдельшко было да изукрашено,
 Дорогима-то шелками пообшивано,
 Да и червоннымъ золотомъ обвивано;
 То онъ подпруги подтягивалъ шелковеньки,
 Да и шпилечики онъ встѣгивалъ булатніи,
 Пряжечки онъ полагалъ да красна золота,
 А двѣнадцать подпруговъ подтягалъ настоящіихъ,
 Да и тринадцатой-тотъ подпругъ онъ покладаетъ
 запасныи.

Говоритъ Добрыня рѣдн матушка:
 «Ой же свѣтъ моё чадо любимое,
 «Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
 «Ты покладалъ на добра коня да богатырскаго
 «А двѣнадцать подпруговъ да настоящіихъ:
 «Еще что же полагаешь ты тринадцатый-то под-
 пругъ да запасныи?»

Говорилъ-то ей Добрыня таковы слова:
 — Ай же свѣтъ моя ты рѣдн матушка!
 — Какъ я буду-то во далече далече во чистомъ
 поли
 — Да во тую во земли во Сорочинскую,
 — Въ тую порушку да въ тое времечко
 — Наѣзжать будутъ ко мнѣ люди могучи,
 — И будутъ-то силушки моей отвѣдывать
 — А и тѣснить-то будутъ во чистомъ поли:
 — Въ тую порушку да въ тое времечко
 — Похочу я съ ними попротнвиться,
 — Чтобы было мнѣ на что да понадѣяться,
 — Чтобы добрый конь мой да и богатырскіи
 — Съ-подъ сѣдельшка да онъ не выскочилъ,
 — И на кони сидѣлъ бы доброй молодецъ, не
 старился. —

А и садится-то Добрыня на добра коня;
 Говорила тутъ Добрынина-та матушка:
 «Ай же свѣтъ моя любимая семеюшка,
 «Молода Настасьюшка Микулична!
 «Ты чего сидишь во теремѣ въ златомъ верху?
 «Надъ собою ли незгодушки не вѣдаешь?
 «Закатается-то наше красно солнышко
 «Да за этни за горы за высокии
 «Да и за этни за лѣсушки за темныи,
 «А и съѣзжаетъ-то Добрыня съ широка двора.
 «А и поди-тко ты скоренько на широкъ на дворъ,
 «Да и зайди-тко ты Добрынюшкѣ съ бѣла лица,
 «Подойди къ нему ко правому ко стремечкѣ,
 «Говори-тко ты Добрыня не съ упадкою,
 «Поспроси-тко у мѣладого Добрынюшки:
 «Онъ далече ль ѣдетъ, куды путь держитъ?
 «Скоро ждать велитъ намъ, когда дождатъ?
 «Намъ когда и велитъ въ окошечко посматривать?»

Мѣлада Настасьюшка Микулична
 Какъ скорешенько бѣжала на широкій дворъ,
 И въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса
 И въ однихъ тонкихъ чулочкахъ безъ чоботовъ,
 То зашла она Добрыня со бѣла личка,
 Подошла къ нему ко стремечки ко правому,
 Да и ко правому ко стремечки къ булатному,
 И говорила-то Добрыня не съ упадкою:
 «Ай же свѣтъ моя любимая здержавушка,
 «Молодой Добрынюшка Микитинецъ!
 «Ты далече ль ѣдешь, куды путь держишь?
 «Скоро ль ждать велишь намъ, когда дождатъ?
 «Намъ когда велишь въ окошечко посматривать?»
 Говорилъ-то ей Добрыня таковы слова:

— Ай же ты моя любимая семеюшка,
 — Молода Настасьюшка Микулична!
 — Когда стала у меня про то выспрашивать,
 — Я стану про то тебѣ высказывать:
 — Перво шесть годовъ-то за себя пожди,
 — Друго шесть годовъ такъ за меня пожди,
 — Того времечки исполнится двѣнадцать годъ,
 — Да и ходи-тко ты тогда во мой зеленой садъ,
 — Ты посматривай-тко на сахарне мое деревце:
 — Если буде прилетать-то голубъ со голубушкой,
 — Станетъ голубъ со голубушкой на деревцѣ про-
 гуркивать,
 — А что нѣтъ жива Добрынюшки Микитинца,
 — А и побить Добрынюшка въ чистомъ поли,
 — Поросястаны его да груди бѣлми,
 — Да и повнято его сердце со печеней,
 — Поотрублена ему буйна головушка,
 — А и брошенъ Добрыня за ракивовъ кустъ, —
 — Въ тую порушку да въ тое времечко
 — Да смотри ты на свой на широкій дворъ:
 — Прибѣжить-то какъ мой добрый конь да бога-
 тырскіи
 — А и на вашъ-то на вдовиной дворъ,
 — А и тогда вы въ тую пору въ тое времечко
 — Про меня тогда вы и узнаете,
 — А что нѣтъ жива Добрынюшки Микитинца;
 — А и тогда ты хоть вдовой живи, а хоть за-
 мужъ поди,
 — Хоть за внязя ты поди, хоть за боярина,
 — Хоть за сильнаго за русскаго могучаго бо-
 гатыря,
 — Столько не ходи-тко замужъ за богатыря,
 — За того Олешенку Поповича,
 — А и за бабьяго да за насмѣшника, —
 — А и Олеша-тотъ Поповичъ мнѣ названный
 братъ. —

На кони-то мѣлада да видѣли сядучись,

Со двора его не видѣли поѣдучись.
 Со двора онъ ѣхаль не воротами,
 И онъ изъ города-то ѣхаль не дорожкой,
 Ѣхаль прямо черезъ стѣну городовую.
 Какъ онъ ѣхаль по роздольицу чисту полю,
 Похотѣлось тутъ молодому Добрынюшкѣ
 Попытать коня да и богатырскаго,
 Поотвѣдать его силушку великую.
 Да и беретъ онъ плѣточку шелкову во бѣлы руки,
 Да онъ билъ коня да по крутымъ ребрамъ,
 По крутымъ ребрамъ ѣтъ билъ да не жалуюю,
 А и со всею свѣей силы съ богатырскою.
 Его доброй конь да богатырскій
 То пошолъ скакать да по чисту полю,
 По цѣлой версты онъ да поскакивалъ,
 По колѣнушку въ земельку ѣтъ угрязивалъ,
 Изъ земельки свои ноженъки выхватывалъ,
 По сѣнной купны земельюшки вывертывалъ,
 За три выстрѣлу онъ камешки откидывалъ.
 Такъ не молвія въ чистомъ поли промолвила,
 Да и проѣхаль-то Добрыня на добромъ кони,
 То вси травушки муравы онлеталися,
 Все лазуревы цвѣточки осыпалися,
 И мелкіи лѣсушекъ къ земли вси приклонялися.
 Онъ-то ѣхаль по роздольицу чисту полю,
 А и ко сірому ко дубу ѣтъ ко Нѣвину,
 Къ тому славному ко каменю Олатырю;
 Ётъ наѣхаль своихъ братьицевъ крестовныхъ.
 И сходили молодци тутъ со добрыхъ коней,
 Да и ходили-то пѣхотой по чисту полю,
 И они думашку все думали-то крѣпую,
 Думашку-ту крѣпую великую,
 Что намъ дальняя дорожка не короткая;
 И они сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
 На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскихъ.
 Они въ день ѣдутъ по красному по солнышку,
 Въ ночь ѣдутъ по свѣтлому по мѣсяцу.
 А 'ще день за день какъ быдто дождь дождить,
 Да и недѣля за недѣлей какъ рѣва бѣжитъ,
 Добры молодци дороженку корбтають.
 Они ѣдутъ-то по славному роздольицу чисту полю,
 Да и приѣхали во земли Сорочинскіи,
 Къ королю-то Ботеяну на широкой дворъ.
 Съ добрыхъ коней молодци да и опустилися,
 То не спустили добрыхъ коней на посылной дворъ;
 Молодой Васильюшко Казиміровъ
 Онъ беретъ свое копые да муржамецкое,
 Онъ спустилъ копые во матушку-то во сыру землю,
 Во сыру землю спустилъ копые вострымъ концемъ,
 Добрыхъ коней бы къ копыю да онъ привязывалъ,
 Никого-то къ добрымъ конямъ не приказывалъ.

Пороздернули они полотно бѣлое,
 Насыпали-то пшени да бѣлюрову
 Своимъ добрымъ конямъ богатырскимъ.
 Да беретъ-то дани онъ подъ пазушку,
 А двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,
 Да еще онъ беретъ грамоту повинную;
 Брали они мисы чиста сѣребра,
 А и другія мисы брали съ краснымъ золотомъ,
 Третьи мисы они брали скатна жемчугу,
 И пошли они въ полаты бѣлокаменны,
 Заходили во полату въ бѣлокаменну,
 Да и пошли-то во столовую во горенку.
 Молодой Васильюшко Казиміровъ
 На пяту онъ идетъ двери порозмахивать,
 То они какъ Господу-то Богу помолилися,
 Они крест-отъ клали по писаному,
 Да и вели поклоны по ученому,
 На вси на три на четыре на сторонушекъ да низко
 кланялися,
 Самому-то королю въ особину,
 Еще всимъ его князьямъ да подколѣннымъ.
 Сталъ король у добрыхъ у молодцевъ выпрашивать:
 «Вы откудешни дородни добры молодци?
 «Еще какъ-то молодцевъ васъ именѣмъ зовутъ,
 «Звеличаютъ молодцевъ васъ по отчеству?»
 Говорили молодци да таковы слова:
 — Есте мы со матушки святой Руси
 — Да и отъ славнаго отъ князя отъ Владиміра,
 — Привезли какъ къ тѣби дани за двѣнадцать
 годъ,
 — За двѣнадцать годъ да съ половиною. —
 Полагать ли стали даней-тыхъ на зѣлотъ столъ,
 Положили-то двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,
 Положили первы мисы чиста сѣребра,
 А и другія мисы красна золота,
 Третьи мисы полагали скатна жемчуга,
 Положили грамоту повинную.
 А и король-отъ Ботіянъ да Ботіановичъ
 Ётъ садилъ-то ихъ за столикъ за дубовыи
 Да и за тѣя ли скамеечки окольнии,
 То онъ не ѣствушкой кормилъ ихъ да сахарнею
 Да и не питицею поилъ ихъ да медвянымъ,
 Да онъ сталъ у добрыхъ молодцевъ выпрашивать:
 «Ай же вы удаленьки дородни добры молодци!
 «Еще есть ли-то на вашей на святой Руси
 «Да у славнаго у князя у Владиміра,
 «У нихъ есть ли та игра да и картежная,
 «А играютъ ли они да въ шапки шахматы
 «Да и-во славны во велѣн во вѣмецкии?»

«А 'ще кто изъ васъ гораздъ сыграть во шашки-
ты во шахматы,

«Да во славны во велѣн въ нѣмецкіи?»

Говорилъ ему молоденькой Васильюшко Казимі-
ровъ:

— Ай же славны король земли Литовскія!

— У меня всѣ игроки'домá оставлены,

— Только есте у меня надѣюшка

— То на Спаса на Пречисту Богородицу,

— Да на свбего на брата на крестоваго,

— На молодого Добрынюшку Микитинца. —

Приносили къ нимъ-то доску эту шашечну;

Какъ сыграли въ первый разъ да въ игру шашечну,

Молодой Добрынюшка Микитинецъ

Енъ со тою со великой со горячности

Просмотрѣлъ одинъ да ступень шашечной,

Обыгралъ его король да вѣдъ литовскіи

Ботіанъ да Ботіановець,

И онъ повыигралъ у мѡлода Добрынюшки добра
кона,

А и добра коня онъ богатырскаго.

А и подъ дрѹгую игру они залого-ты поклáдали,

А и король-отъ полагаетъ онъ великую безсчетну
золоту казну,

А и молодой Добрынюшка Микитинецъ

Положилъ залогомъ свою буйную головушку.

Какъ сыграли-то они да еще дрѹгой разъ,

Молодой Добрынюшка Микитинецъ

Тутъ онъ короля да и побыгралъ.

Еще третей разъ сыграли игру шашечну.

Говорилъ-то вѣдъ король-тотъ Ботіанъ да Ботіа-
новець:

«Ай же славны богатыри вы сваторусскіи!

«Изъ васъ кто-то есть гораздъ стрѣлять изъ луку
изъ розрывчата

«И пропущать тая стрѣлочка калѣная

«По тому ли по острѣю по ножовому,

«Да во тѣе во колечико серебряно,

«Чтобы стрѣлочка катилася калѣная

«По тому катилася острѣю по ножовому,

«На двѣ стороны она шла бы вѣсѡмъ ровно

«И угодилъ бы въ колечико серебряно?»

Говорилъ Васильюшко Казиміровъ:

— Ай же король Ботіанъ да Ботіановець!

— Я не зналъ твоей утѣхи королевскою,

— Да своей не зналъ хватки богатырскою.

— У меня всѣ стрѣльцы-ты домá оставлены,

— У меня стѡльбе надѣюшка

— Что на Спаса на пречисту Богородицу,

— Да на своего на брата на крестоваго

— Да на мѡлода Добрынюшку Микитинца. —

Говорилъ король своимъ онъ слѹгамъ вѣрнымъ:

«Ай же вы мои да слуги вѣрны!

«Вы подите-ко на погребъ на глубокіи

«А и несите-тко мой королевской лукъ,

«Да и подайте-тко богатырю да сваторусьскому

«А и молодому Добрынюшкѣ Микитинцу.»

И пошли его да слуги вѣрны,

На него-то шли на погребъ на глубокии,

А и несутъ они да королевской лукъ,

А и три ихъ четыре татарина,

Подносили-то къ молодому къ Добрынюшкѣ.

Молодой Добрынюшка Микитинецъ

А и беретъ онъ тѹгой лукъ розрывчатый,

Сталъ онъ стрѣлочекъ Добрынюшка накладывать,

Сталъ тетивочекъ Добрынюшка натягивать, —

И сталъ тѹгой лукъ розрывчатый полапывать,

А и порѡзорвалъ онъ тѹгой лукъ, повылѡмалъ.

Говорилъ-то тутъ Добрыня таковы слова:

— Ай же ты король Ботіанъ да Ботіановець!

— А и твое-то есте дрѹнное лученочко пометное,

— Да не изъ чего богатырю повыстрѣлить,

— Пропустить-то мнѣ-ка стрѣлочку каленую

— По тому острѣю по ножовому

— Да и во тѣе во колечико серебряно. —

Говорилъ король онъ таковы слова:

«Ай же вы да слуги мои вѣрны!

«Вы ступайте-тко на мѡи на глубокии погребъ,

«Да двѣнадцать вы богатырей могучихъ,

«И неси-тко мой вы самолучшій лукъ,

«Самолучшій лукъ вы королевскіи.»

Какъ идетъ туда дружина королевская,

Да двѣнадцать молодцевъ да все богатырей,

И несутъ они да королевской лукъ,

Да и подносятъ ко мѡлоду ко Добрынюшкѣ.

Молодой-то Добрынюшка Микитиницъ

Берѣтъ-то онъ ихъ тѹгой лукъ розрывчатый,

Какъ-то сталъ Добрыня стрѣлочекъ накладывать,

Сталъ тетивочекъ Добрынюшка натягивать,

Да и шелковы тетивочки-ты стали всѣ полапывать,

А и порѡзорвалъ онъ тѹгой лукъ, повылѡмалъ.

И говорилъ-то какъ Добрыня таковы слова:

— Ай же ты король Ботіанъ да Ботіановець!

— Твое дрѹнное лученочко пометное,

— Да не изъ чего богатырю повыстрѣлить,

— Пропустить-то этой стрѣлочки каленыи

— По тому острѣю по ножовому,

— Да и во то въ колечико серебряно. —

Говорить-то тутъ Добрынюшка Микитинецъ:

— Ай же братецъ мой крестовыи,

— Молодой Иванушко Дубровичу (такъ)!

— А и поди-ко ты на славной на широкой дворѣ

И у того ли у молодого Добрынюшки
 Не случилось ничто-то быть во бѣлыхъ ручушкахъ,
 Ему нечѣмъ-то съ татарамы да ѿ попротивиться.
 Енѣ хватилъ татарина-то за ноги,
 Такъ онѣ сталъ татаринѣмъ помахивать,
 А енѣ сталъ татаръ да поколачивать, —
 А татаринъ-то вѣдь гнется да не ломится.
 Молодой Иванушко Дубович-отъ
 Выскочилъ съ балхону королевскаго,
 А ѿ бѣжалъ скоренько на широкой дворѣ,
 Да ѿ схватилъ Иванушко телѣжну ось,
 Да ѿ онѣ сталъ телѣжной осью-то помахивать,
 Да ѿ онѣ сталъ татаръ-то поколачивать.
 Они вышли со двора да изъ широкаго
 Да ѿ на тотъ на городъ королевскій,
 И они стали битъ-то силушку великую.
 И вуды идутъ они, такъ падеть улничкой,
 А ѿ повернутся, такъ падеть переулками.
 Они билися тутъ цѣлыя-то суточки
 Не ѣдаючись да ѿ не пиваючись,
 Да ѿ побили онѣ силушку великую.
 Говорилъ король-отъ таковы слова:
 — Ай же славный ты богатырь святорусьскія,
 — Молодой Васильюшко Казиміровъ!
 — Ты на мой поди-тко да на славной градъ,
 — Да ѿ уйми-тко ты богатырей своихъ да свято-
     русьскіихъ,
 — Чтобъ оставили мнѣ силы на посѣмена!
 — Получайте-тко вы дани себѣ выходы
 — И за старья за годы и за нынѣшній,
 — Да и за вси вы за времена да ѿ за досюлешни,
 — Исполна-то государю за двѣнадцать годъ. —
 Молодой Васильюшко Казиміровъ
 Енѣ скорешенько идетъ да на широкъ на дворѣ,
 Енѣ садился-то Василій на добра коня,
 Выѣзжалъ-то какъ Василій на великой градъ,
 Енѣ поѣхалъ-то по славному по городу
 На своемъ добромъ конѣ на богатырскоемъ,
 И наѣхалъ-то онѣ братицѣвъ крестовиныхъ;
 Онѣ подѣхалъ-то къ молодому къ Добрынюшки,
 Налагалъ-то онѣ свои да храпы крѣпкіи
 А и на него на плечка на могучіи,
 И говорилъ ему Василій таковы слова:
 — Ай же ты молоденькой Добрынюшка!
 — А сегодня ты да вѣдь позавтракалъ,
 — А ѿ оставь-ко мнѣ хоть пообѣдати,
 — Да уйми-тко еще братца-то крестоваго,
 — Молода Иванушка Дубовича,
 — И пойдемте-тко въ полаты бѣлокаменны
 — Къ королю-то ко Ботейану къ Ботейанову,
 — Получать-то будемъ дани за двѣнадцать годъ. —

Шли-то какъ они да на широкъ на дворѣ,
 Да ѿ прошли они въ полаты бѣлокаменны,
 Приносилъ король имъ дани за двѣнадцать годъ,
 А двѣнадцать лѣбедей, двѣнадцать креченей,
 И принесъ къ нимъ грамоту повинную,
 Да ѿ принесъ имъ первы мисы чиста сѣребра,
 Имъ принесъ другія мисы красна золота,
 Третьи мисы приносилъ енѣ скатна жемчуга;
 Далъ имъ грамоту да енѣ повинную,
 А ѿ платитъ-то надо дани выходы,
 Платитъ-то славному-то князю и Владимиру,
 Да ѿ платитъ-то надобно вѣтъ по вѣку.
 Выходили молодци да на широкъ на дворѣ,
 Садилсъ молодци-то ѿ на добрыхъ коней,
 И они ѣхали роздольцемъ чистымъ полемъ.
 И еще день за день быдто дождь дожжнѣтъ,
 Да недѣля за недѣлей какъ рѣка бѣжитъ;
 Ены ѣдутъ въ день по красному по солнышку,
 Ены въ ночь ѣдутъ по свѣтлому по мѣсяцу,
 Ены вскорѣ добры молодци дороженьку корѣтали,
 Они скоро ѣхали чистымъ полемъ,
 Приѣзжали-то ко дубу-то ко Невину,
 Да ѿ ко славноѣму каменю къ Олатиру.
 А со тою со пути а со дороженьки
 Похотѣлось отдохнуть имъ добрымъ молодцамъ;
 Пороздѣрнули онѣ да шатры бѣлыи,
 Они хлѣба соли-то покушали,
 И они легли-то спать да ѿ проклаждатися.
 Тамъ на тую пору на то времячко
 Прилетаетъ голубъ со голубкою,
 Да ѿ садится голубъ енѣ на сѣрой дубъ,
 На сиромъ дубѣ сталъ голубъ со голубушкой про-
     гуркивать:
 «Ай же ты молоденькой Добрынюшка!
 «Во шатрѣ ты спишь да проклаждаешься,
 «Надъ собою ты незгодушки не вѣдаешь.
 «А ѿ твоя-то молода жена Настасья-то Мигулична
 «А ѿ замужъ идетъ да ѿ за богатыря,
 «Да ѿ за славнаго Олешу за Поповича.»
 Молодон-то Добрынюшка Микитиничъ
 Онѣ скорешенько скочилъ-то на рѣзвѣ ножи,
 И скорешенько сѣдлалъ добра коня,
 И скоренько-то садился на добра коня,
 Скоро ѣхалъ онѣ роздольцемъ чистымъ полемъ
 Да во тотъ-то славный столый Кіевъ градъ.
 Да ѿ приѣхалъ-то Добрынюшка Микитинецъ
 На свой славный на широкъ на дворѣ,
 Становилъ коня онѣ богатырскаго
 Ко тому къ крылечку къ переному,
 Пристанулъ-то ѿго поводомъ шелковымъ
 Да къ тому колечку къ серебряну,

А онъ самъ идетъ въ полату бѣлокаменну,
 Да ѿ прошолъ въ свою въ столовую во горенку,
 И усмотрѣлъ-то ёнъ свою-ту родну матушку;
 А ѿ сидитъ-то ёго матушка не весело,
 Она ронитъ-то свои да горючі слѣзы.
 Ёнъ-то матушеѣ Добрынюшка поклонъ принесъ:
 — Ай же свѣтъ честна вдова Намельфа Тимо-
 феевна!
 — А я отъ Добрынюшки съ чиста поля поклонъ
 привезъ.
 — Мы съ Добрынюшкой вчерась да порозѣха-
 лись,
 — А ѿ Добрынюшка поѣхалъ ко Царю-граду,
 — А меня послалъ онъ къ стольнѣ-Кіеву,
 — А ѿ къ тоби вѣдъ онъ зайти велѣлъ да на ши-
 рокой дворъ
 — Да ѿ сходить къ тоби въ полаты бѣлокаменны,
 — Да ѿ велѣлъ тоби сходить на погребы глубоки,
 — Принести велѣлъ со погребѣ лапотки шелко-
 веньки,
 — Да велѣлъ-то принести еще-то платице да
 скоморовчато,
 — Да ѿ принести велѣлъ гусельшки яровчаты,
 — Да въ кой гусельшки-то съ мѡлоду Добры-
 нюшкапоигрывать;
 — Да ѿ велѣлъ сходить Добрыня на почестенъ
 пиръ
 — Ко тому ко князю ко Владимиру,
 — Да сходить велѣлъ ко князю ко Олешеньку къ
 Поповичу
 — Да ко тоби ко княгинѣ ко мѡлодой,
 — Ко Настасьишкѣ да ѿ ко Микуличной. —
 Говорила-то ему вдова да горько плакала:
 «Ай же мужичицо деревенщина!
 «Надо мною тебѣ просто надсмѣхатися
 «И надъ моимъ-то вѣдъ дворомъ да надъ вдови-
 ннымъ.
 «Если былъ бы живъ молоденькой Добрынюшка
 Микитинецъ
 «Не дошло бѣ тобѣ смѣяться надо мной
 «Да надъ моимъ дворомъ да надъ вдовинымъ.»
 Молодой Добрынюшка Микитинецъ
 Передъ ней стоитъ, самъ низко кланяется:
 — Ты честна вдова Мамельфа Тимофеевна!
 — Мы вчерась съ Добрынюшкой розѣхались
 — Да ѿ во славномъ роздольцѣ въ чистомъ полѣ,
 — А ѿ Добрынюшка поѣхалъ ко Царю-граду,
 — А ѿ послалъ меня ёнъ къ стольнѣ-Кіеву,
 — Да велѣлъ къ тобѣ заѣхать на широкой дворъ
 — Да сходить велѣлъ въ полаты бѣлокаменны,
 — Да ѿ тебѣ велѣлъ молоденькой Добрынюшка,

— Сходить велѣлъ на погребъ на глубокия,
 — Принести оттуль лапотки шелковни,
 — Принести-то велѣлъ платице да скоморовчато,
 — Да ѿ подать велѣлъ Добрынюшка гусельшки
 яровчаты,
 — Да ѿ велѣлъ мнѣ-ка сходить ёнъ на почестенъ
 пиръ
 — Ко тому ко князю ко Владимиру,
 — Да къ тому князю Олешеньку Поповичу,
 — Къ той княгини ко мѡлодой,
 — Къ той Настасѣ да Микуличной. —
 Говорила-то вдова да горько плакала:
 «Ай же мужичицо деревенщина!
 «Во глазахъ собака насмѣхаешься,
 «Во глазахъ собака подлыгаешься!
 «Если бѣ была бы эта славушка да ѿ на святой
 Русь,
 «А что есть-то живъ Добрынюшка Микитинецъ,
 «Не дошло бы-то смѣяться надъ моимъ-то надъ
 дворомъ,
 «Надъ моимъ дворомъ да надъ вдовинымъ.»
 Молодой-то Добрынюшка Микитинецъ
 Поскореньку онъ ей поклонъ отнесъ:
 — Ты честна вдова Мамельфа Тимофеевна!
 — Мы вчерась съ Добрынюшкой розѣхались,
 — Да ѿ во славномъ роздольцѣ въ чистомъ полѣ,
 — А ѿ Добрынюшка поѣхалъ ко Царю-граду,
 — А ѿ послалъ меня ёнъ къ стольнѣ-Кіеву,
 — Да велѣлъ къ тобѣ заѣхать на широкой дворъ
 — Да сходить велѣлъ въ полаты бѣлокаменны,
 — Да ѿ тебѣ велѣлъ молоденькой Добрынюшка,
 — Сходить велѣлъ на погребъ на глубокия,
 — Принести оттуль лапотки шелковни,
 — Принести-то велѣлъ платице да скоморовчато,
 — Да ѿ подать велѣлъ Добрынюшка гусельшки
 яровчаты,
 — Да ѿ велѣлъ мнѣ-ка сходить ёнъ на почестенъ
 пиръ
 — Ко тому ко князю ко Владимиру,
 — Да къ тому князю Олешеньку Поповичу,
 — Къ молодой княгинѣ ко Настасѣ ко Мику-
 личной. —
 Да честна вдова Намельфа Тимофеевна
 Да ѿ горько она да ѿ заплакала,
 И говорила-то вдова да таковы слова:
 «Не узналъ-то свѣтымъ Духомъ вѣдъ мужице
 деревенщина,
 «Не узналъ ёнъ про лапотки Добрынины,
 «Не узналъ-то ёнъ про платье скоморовчато,
 «Не узналъ-то про гусельшки яровчаты.»
 Ёна брала-то скоренько золоты ключи,

Шла скорешенько на погребъ на глубокіи,
 Да и приносила-то лапотники шелковыи,
 Приносила платьё скоморовчато,
 Приносила-то гусельшка аровчаты,
 Подавала мужичищу деревенщинѣ.
 Говорилъ-то мужичищу деревенщина:
 — Ты честна вдова Мамельфа Тимофеевна!
 — Виѣстяхъ мы росли съ молоденькимъ Добрынюшкомъ,
 — Виѣстяхъ грамотѣ училися,
 — Ъли мы съ Добрыней по однакому
 — И намъ одежица съ Добрынюшкой-то ладилась. —

Какъ-то сталъ мужичищу деревенщина,
 Ёнъ обулъ лапотники шелковыи
 Да и надѣлъ-то вѣдѣ онъ платьё скоморовчато,
 Во бѣлыи ручки гуселка бралъ аровчаты, —
 Да и лапотники на ноженки Добрынюшкѣ поладилсь,

Ему платьице-то скоморовчато
 На себя Добрынюшкѣ поладилось.
 Такъ пошолъ-то какъ Добрыня на почестенъ пиръ,
 Тамъ придверники стоятъ да приворотники,
 Тамъ не стали допускать-то какъ Добрынюшку.
 Молодой Добрынюшка Микитинецъ
 А и онъ сталъ придверниковъ отпихивать,
 Приворотниковъ онъ сталъ да оттолкивать,
 Онъ вошолъ-то во полату бѣлокаменну,
 Проходилъ ёнъ во столовую во горенку;
 Тамъ приходятъ-то ко князю ко Владимиру,
 Да приносятъ къ нему жалобу великую:

«Ты Владимиръ князь нашъ стольнѣ-кѣвской!
 «Какъ пришолъ-то скоморохъ къ намъ на почестенъ пиръ,

«Ёнъ придверниковъ разбилъ всихъ приворотниковъ,

«Безъ доклада ёнъ зашолъ куда въ полаты бѣлокаменны.»

То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
 По столовой онъ по горенкѣ похаживать,
 То онъ князю-то Владимиру да поговаривать:
 — Ай Владимиръ князь ты стольнѣ-кѣвской!
 — А ще гди у васъ сидятъ-то скоморохи на честномъ пиру?

— Прикажи-тко изобрать мнѣ-ка мѣстечко на честномъ пиру,

— Прикажи-тко ты Владимиръ мнѣ игру играть,

— Игру играть во гусельшка аровчаты,

— Воспотѣшить мнѣ-ка самого князя Владимира,

— Воспотѣшить мнѣ-ка князя да Олешеньку Поповича,

— Воспотѣшить мнѣ княгина-та молодая,

— А и княгина-та Настасья да Микелична. —

Говорилъ-то какъ молодому Добрынюшкѣ,

Говорилъ-то ёму Владимиръ князь:

«Ай же молодой ты скоморошина!

«Ты поди садись-ко поблизко той печеньки кирпичною,

«А играй игру въ гуселка во аровчаты,

«Воспотѣшь-ка самого князя Владимира,

«Воспотѣшь-ко князя-то Олешеньку Поповича,

«Воспотѣшь-ко ты княгину-ту молодую,

«Мблodu Настасьюшку Микеличну.»

Какъ садился-то молоденькой Добрынюшка

Близко печки сѣлъ близкѣ кирпичною,

Бралъ гусельшка Добрынюшка въ бѣлыи ручки,

Заигралъ Добрынюшка въ гусельшка,

Онъ игру играетъ все хорошеньку,

И выигрывалъ наигрыши хорошеньки,

Что изъ Кіева да и до Царя-града,

Изъ Царя-града до Еросѣлиму,

Съ Еросѣлиму ко тою коземлѣ да къ Сорочинской.

Еще вси-то скоморохи приумолкнули,

Еще вси-то игроки-то порозслѣхались,

А и не слыжали игри эдакой на семь свѣти;

Самому князю Владимиру ему игра слюбилася.

Какъ ставалъ-то князь Владимиръ на рѣзвѣ ножен,

Наливалъ онъ чару зеленá вина,

Ёнъ не малую стопу да полтора ведра,

Розводилъ-то онъ медами все стоялыма;

Самъ Владимиръ князь-отъ стольнѣ-кѣвской

Подносилъ-то эту чару зеленá вина

Ко тому онъ къ молодому скоморошинѣ.

Молодой да скоморошина

Ёнъ скорешенько ставаетъ на рѣзвѣ ножи,

Бѣретъ чарочку-ту онъ да во бѣлыи ручки,

Принимаетъ чарочку одной ручкой,

Выпиваетъ эту чарочку однимъ духомъ;

Подаетъ-то назадъ князю онъ Владимиру,

Понизешенько Владимиру онъ кланялся:

— Ты Владимиръ князь да стольнѣ-кѣвской!

— Отъ васъ выпилъ-то я чару зеленá вина,

— Мнѣ позволъ еще сыграть-то во гусельшка аровчаты,

— Воспотѣшить князя мнѣ Олешеньку Поповича. —

А и позволилъ-то ему Владимиръ князь

А играть игру въ гусельшка аровчаты,

Воспотѣшить князя-то Олешеньку Поповича.

И онъ садился близко печеньки кирпичныи,

И заигралъ онъ во гусельшка аровчаты,

Игралъ-то вѣдѣ игру онъ все хорошеньку

И выигрывалъ наигрыши хорошеньки,

Что изъ Кіева да й до Царя-града,
 Изъ Царя-града до Еросоліму,
 Съ Еросоліму ко тою ко землѣ да къ Сорочинской.
 Еще всѣ-то игроки-то порозслухались,
 Молодые скоморохи приумолянули,
 А и не слыхали ігры эдакой на семь свѣтѣ.
 Такъ игра эта Владиміру слюбился,
 Говорилъ Владиміръ таковы слова
 А й тому князю Олешенькѣ Поповичу:
 «Ай ставай-ко ты Олеша на рѣзвѣ ноги,
 «А бери-тко чару во бѣлы руки,
 «Наливай-ко чару зеленá вина,
 «Да й не малую стопу да полтора ведра,
 «И розводи медамы все стоялыма,
 «Поднеси-тко къ молодому скоморошинѣ.»
 А й ставалъ Олешенька Поповичъ на рѣзвѣ ноги
 А бралъ чарочку въ бѣлы руки,
 Подносилъ-то къ молодому скоморошинѣ.
 А й ставалъ-то скоморохъ да на рѣзвѣ ножки
 А онъ чарочку-то бралъ въ бѣлы руки
 Отъ того-то отъ Олешеньки Поповича,
 Принималъ онъ эту чарочку одной рукой,
 Выпивалъ онъ чарочку однѣмъ духомъ.
 Енъ садился-то на мѣсто скоморовское,
 Говорилъ-то скоморохъ да й таковы слова:
 — Ты Владиміръ князь да стольнѣ-кіевской!
 — А позволь играть въ гусельшка яровчаты,
 — Воспотѣшитъ мнѣ княгиня-то молодая,
 — Мѣлода Настасьюшка Микulichна. —
 Тутъ онъ бралъ гусельшка яровчаты въ бѣлы руки,
 А игру игралъ да онъ хорошую,
 Онъ наигрыши выигрывалъ хорошеньки,
 А изъ Кіева да й до Царяграда,
 Изъ Царя-града до Еросоліма,
 Съ Еросоліма ко той къ землѣ да къ Сорочинской.
 То весьма эти наигрыши Владиміру слюбился.
 Говорилъ ему Владиміръ князь да стольне-кіев-
 ской:

«Ай же ты молодой скоморошина!
 «Подходи-тко ко столу да княженецкому,
 «А й садись-ко съ нами за единой столъ:
 «Перво мѣстечко тоби да есть подліи меня,
 «Друго мѣстечко подли князю Олешеньки Поповича,
 «Третье мѣстечко избирай-ко едби полюби.»
 Говорилъ-то скоморохъ да й таковы слова:
 — Ты Владиміръ князь да стольне-кіевской!
 — А й то не люблю мнѣ мѣстечко подліи тебя,
 — А то не люблю мнѣ мѣстечко подліи князя
 — А подли князю Олешеньки Поповича,
 — Любо мѣстечко мнѣ супротивъ княгини-той
 молодой,

— Супротивъ Настасьюшки Микulichной. —
 Какъ садился скоморохъ съ нимъ за единый столъ,
 Супротивъ княгини сѣлъ молодой,
 Супротивъ Настасьюшки Микulichной.
 Говорилъ-то скоморохъ-отъ таковы слова:
 — Ай ты славныя Владиміръ князь да стольнѣ-
 кіевской!
 — Выпилъ рюмочку отъ князя я Владиміра.
 — А й позволь-ко налить рюмочку мнѣ зеленá
 вина,
 — Поднести мнѣ да ко князю ко Владиміру. —
 Какъ ставалъ-то скоморохъ да на рѣзвѣ ножки,
 Наливалъ-то рюмочку онъ зеленá вина,
 То не малу онъ стопу да полтора ведра,
 И розводилъ-то онъ медамы все стоялыма,
 Приносилъ ко князю ко Владиміру.
 А Владиміръ князь-отъ стольнѣ-кіевской,
 Онъ ставалъ скоренько на рѣзвѣ ножки,
 А онъ бралъ ту рюмочку одной рукой,
 Выпилъ рюмочку Владиміръ единымъ духомъ.
 Говорилъ-то скоморохъ да й таковы слова:
 — Ты Владиміръ князь да стольнѣ-кіевской!
 — Налить-то я рюмочку какъ князю-то Владиміру.
 — Позволь поднести мнѣ еще рюмочку
 — А тому князю Олешеньки Поповичу. —
 Наливалъ-то какъ онъ чару зеленá вина,
 Розводилъ медамы все стоялыма,
 Подносилъ князю Олешеньки Поповичу.
 А й ставалъ Олеша на рѣзвѣ ножки,
 Принялъ чарочку Олеша во бѣлы ручки,
 Бралъ-то чарочку Олешенька одной ручкой.
 Выпилъ чарочку Олешенька однимъ духомъ.
 Скоморохъ нимъ говорилъ да таковы слова:
 — А Владиміръ князь ты стольнѣ-кіевской!
 — Позволь чарочку налить мнѣ зеленá вина.
 — Поднести княгинюшкѣ молодой,
 — А той ли Настасьюшкѣ Микulichной. —
 То онъ бралъ какъ чарочку въ бѣлы руки,
 Наливалъ онъ чару зеленá вина,
 А не малую стопу да полтора ведра,
 Розводилъ медамы все стоялыма,
 Онъ спустилъ туда онъ свой злачень перстень.
 Въ эту спустилъ во чарочку,
 Подносилъ онъ ко Настасьюшкѣ Микulichной,
 Говорилъ-то ей онъ таковы слова:
 — Ай же ты княгиня да молодая,
 — Мѣлода Настасьюшка Микulichна!
 — Испей чарочку отъ насъ ты зеленá вина. —
 Молода Настасьюшка Микulichна
 То скоренько ставала на рѣзвѣ ноги,
 Эту брала чарочку въ бѣлы ручки,

Подносила ко устамъ своимъ сахарнѣмъ.
 Говорилъ ей скоморохъ да таковы слова:
 — Молода Настасьюшка Микулична!
 — Если хошь добра, таеъ ты пей до дна. —
 Молода Настасьюшка Микулична
 Она женщина была не глупая,
 Она пила-то вѣдъ чарочку до доньшка,
 А во нѣю ко устамъ да ко сахарнѣмъ
 Прикатился къ ней да тутъ злачевъ перстень;
 Она страхнеть этотъ перстень на дубовый столъ,
 И смотрѣла-то на этотъ на злачевъ перстень,
 Да которымъ она перстнемъ обручалася
 Да во матушкѣ да во Божьей церкви;
 Положила она чарочку на злотъ столъ
 И оперлася о нѣго плечка о могучи,
 Да и скочила-то Настасья черезъ золотъ столъ,
 Говорила-то она да и таковы слова:
 «Ай же свѣтъ моя любимая здержавушка,
 «Молодой Добрынюшка Микитинецъ!
 «А и у бабы волосъ дологъ, умъ короткою *(такъ)*:
 «Не послушала твоего наказу богатырскаго,
 «Я пошла замужъ за славнаго богатыря,
 «За того Олешеньку Поповича.»
 Тутъ молодой Добрынюшка Микитинецъ
 Онъ скорешенько встаетъ да и на рѣзвѣ ножи,
 Да и беретъ-то онъ Олешу за желтѣ кудри,
 Бросилъ онъ Олешу о кирничной мостъ,
 Да онъ выдернулъ шалыгу подорожную,
 Сталъ шалыгою Олешеньку охаживать,
 Говорилъ-то вѣдъ Добрыня таковы слова:
 — Ай же хошь ты у жива мужа жену отнять?—
 Заступать-то сталъ да и Владимиръ князь
 За того онъ за Олешеньку Поповича:
 «Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
 «Да и прости-тко насъ во этой глупости.»
 Говорилъ молоденькой Добрынюшка:
 — Ай ты славныи Владимиръ князь да стольне-
 кievской!

— Да ты самъ ходилъ Настасью сватати;
 — А и Опраксія ходила она свакою...
 — Ты свою-то жону гложешь, еще самъ скребешь,
 — А и чужую жону ты замужъ даешь. —
 Тутъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
 А и беретъ-то ея Настасьюшку Микуличну
 А за ней ли-то за рученьки за бѣлп,
 То за ней беретъ за перстни за злачены,
 А повѣлъ въ свои полаты бѣлокаменны,
 Во свою привелъ столову ю во горенку;
 Стали жить-то быть да вѣкъ любовь творить.

Записано тамъ же, 7 июля:
 повѣрено въ Петербургѣ, 26 ноября.

ДУНАЙ *).

(См. Рыбникова, т. I. 31).

А Владимиръ князь стольне-кievской
 Заводилъ онъ почестенъ пиръ пированьицо
 А и на всѣхъ-то на князей на бояровъ,
 Да и на русьскихъ могучихъ богатырей,
 На всѣхъ славныхъ поляницъ на удалыхъ.
 А сидятъ-то молодци на честномъ пиру,
 Всѣ-то сидятъ пьяны веселы;
 Владимиръ князь по горенки показивалъ,
 Пословечно государь выговаривалъ:
 «Всѣ есть добры молодци поженены,
 «Красныи дѣвушки замужъ даны,
 «Столько я одинъ хожу холбѣтъ не жененой:
 «То вы знаете ль мнѣ братци супротивнику,
 «Чтобы личушкомъ она да и супротивъ меня,
 «Очушки у ней бы ясныхъ соколовъ,
 «Бровушки у ней бы черныхъ соболей,
 «А походочкой она бы лани бѣлоу,
 «Бѣлоу лани напольской,
 «Напольской лани златорогія,
 «А чтобы было бы мнѣ съ кимъ жить да быть,
 вѣкъ коротати,
 «А 'ще вамъ молодцамъ было бѣ то кому покло-
 нятися?»

Всѣ богатыри за столикомъ умоленули,
 Всѣ молодци да приутикнули,
 За столомъ-то сидятъ затулялися:
 Бѣлая тулится къ середнюю,
 Середняя тулится за меньшую,
 А отъ меньшей тулицы отвѣту нѣтъ.
 Зѣ-за тогдъ за столничка дубоваго,
 Изъ-за тыхъ скамеечекъ окольнихъ

*) Эта былина, какъ она записана при первой встрѣчѣ собирателя съ Рыбнинымъ въ Кяхтѣ и здѣсь напечатана, представляеть разиѣръ, который можно назвать дактилическимъ. Въ Петербургѣ Рыбнинъ пѣлъ ее нѣсколько иначе, растягивая стихи и придавая имъ, посредствомъ вставочныхъ частицъ и удлиненія нѣкоторыхъ словъ, обыкновенный разиѣръ другихъ былинъ — разиѣръ хорекскій. На вопросъ о причинѣ этого Рыбнинъ отвѣчалъ, что отъ утомленія онъ не можетъ попасть на настоящій «голосъ» этой былинны, который для него теперь сталъ слишкомъ труденъ, а потому перемѣнилъ ея складъ на болѣе легкій. На предложеніе собирателя записать былинну во второй разъ, какъ онъ ее сталъ пѣть въ Петербургѣ, Рыбнинъ отвѣчалъ просьбою этого не дѣлать, потому что въ такомъ случаѣ былинна о Дунаѣ явилась бы не въ настоящемъ своемъ видѣ.

Вышелъ старья Пермійъ сынъ Ивановичъ, —
 Понизешевку князю поклоняется:
 — Ты Владиміръ князь и стольнѣ-кѣвской!
 — Благослови-ко государь мнѣ словце вымолвить.
 — А 'ще знаю я тоби супротивничку:
 — Личушкѣмъ-то она супротивъ тебя,
 — Очушки у ней ясныхъ соколовъ,
 — Бровушки у ней черныхъ сѣбелей,
 — А походочкой она лани бѣлыя,
 — Она бѣлыя лани напольскія,
 — А напольской лани златорогою;
 — Тоби буде съ кимъ жить, вѣкъ корѣтати,
 — Намъ молодцамъ будетъ-то кому поклоняться.
 — А во той ли во славной въ хоробрѣй Литвы,
 — У того ли-то у короля литовскаго *),
 — Есть прекрасна дочь Опраксы королевична,
 — Да ѣ сидитъ она во теремѣ въ златѣмъ верху;
 — На ню красное солнышко не обпекеть,
 — Буйныи вѣтрушки не обвѣютъ,
 — Многіи люди не обгалатся **).
 — Есть-то у короля друга дочь,
 — Друга дочь Настасья королевична;
 — Она ѣздитъ во чистѣмъ поли, полякуеть,
 — Сильнѣ поляничцо удалое. —
 Говорилъ Владиміръ таковы слова:
 «Ай же мои князи бѣра,
 «Сильніи русьскіи могучии богатыря,
 «Славныи поляничци вси удалыи!
 «Мни кого-то послать изъ васъ-то посвататься,
 «За меня за князя Владиміра,
 «У того ли-то у короля литовскаго *)
 «На прекрасной на Опраксы королевичной?»
 Всѣ за столомъ сидятъ умолкнули,
 Всѣ молодци пріутихнули.
 Старья Пермійъ сынъ Ивановичъ,
 А по горенкѣ Пермійъ ѣнъ похаживаетъ,
 Пословечно князю ѣнъ выговариваетъ:
 — Ты Владиміръ князь стольнѣ-кѣвской!
 — Благослови мнѣ государь словце молвити.
 — А ѣ то знаю я послать кого посвататься
 — За тебя за князя за Владиміра
 — У того у короля литовскаго
 — На прекрасной Опраксы королевичной:
 — Послать тихаго Дунаюшка Ивановича;
 — Тихія Дунай во послахъ бивальъ,
 — Тихія Дунай много зѣмель зналъ,
 — Тихія Дунай говоритъ гораздъ, —
 — Да ему-то Дунаюшку посвататься

*) Въ Петербургѣ Рябининъ пѣлъ: «короля хороброевскаго».

**) т. е. не посмѣются.

— За тебя за князя за Владиміра
 — У того у короля литовскаго
 — На прекрасной Опраксы королевичной. —
 Славныи Владиміръ стольнѣ-кѣвской
 Скоро шолъ по горенкѣ столовни,
 Бралъ-то онъ чарочку въ бѣлыи руки,
 Наливалъ-то онъ чару зеленѣ вина,
 А не малую стопу — полтора ведра,
 Розводилъ ѣнъ медамы стоялыма,
 Подносилъ онъ-то ко тихому Дунаюшку,
 Кѣ тому Дунаюшку Ивановичу;
 Тихія Дунаюшко Ивановичъ
 Онъ скорешенько ставаетъ на рѣзвѣ ножи,
 Чару бралъ отъ князя во бѣлыи ручки,
 Принялъ-то онъ чарочку одной ручкой,
 Выпилъ-то онъ чарочку однимъ душкомъ,
 Подалъ чарочку онъ князю Владиміру,
 Понизенько онъ князю поклоняется:
 «А Владиміръ ты князь стольнѣ-кѣвской!
 «Благослови мнѣ государь словце вымолвить.
 «Ѣду я посвататься за князя за Владиміра
 «П у того у короля литовскаго
 «На прекрасной Опраксы королевичной;
 «Столько дай-ко ты мнѣ еще товарища,
 «Мѣлода Васильюшка Казимірова.»
 А Владиміръ князь стольнѣ-кѣвской
 Онъ скорешенько бралъ чару во бѣлыи ручки,
 Наливалъ онъ чару зеленѣ вина,
 Не малую стопу — полтора ведра,
 Розводилъ ѣнъ медамы все стоялыма,
 Подносилъ ѣнъ къ Василью Казимірову.
 Молодой Василій Казиміровичъ
 Онъ скорешенько ставалъ на рѣзвѣ ножи,
 Чарочку онъ бралъ во бѣлыи ручки
 Отъ того отъ князя Владиміра,
 Принялъ-то онъ чарочку одной ручкой,
 Выпилъ онъ чарочку однимъ душкомъ,
 Подалъ онъ чарочку князю Владиміру,
 Понизешенько Владиміру поклоняется:
 — Ты Владиміръ князь стольнѣ-кѣвской!
 — Благослови государь словце вымолвить.
 — Ѣду я съ Дунаюшкомъ посвататься
 — За тебя за князя за Владиміра
 — А ѣ у славнаго у короля литовскаго
 — Прекрасную Опраксы королевичну;
 — Дай-ко ещѣ намъ товарища,
 — Моего-то брата крестоваго,
 — А Васильюшка парѣбка заморскаго:
 — А ему-то Васильюшку коней сѣдлатъ,
 — Да ему-то Васильюшку розсѣдлывать,
 — А ему-то Васильюшку плети подавать,

— Ему плети подавать, ему плети принимать. —

Владимиръ князь стольнѣ-кѣвской
 Береть онъ чарочку во бѣлыя руки,
 Наливаетъ онъ чару зеленá вина,
 А не малую стопу — полтора ведра,
 Розводилъ ѣнъ медамы все стоялыма,
 Подносилъ ѣнъ къ Васильюшку ко паробку,
 А къ Васильюшку къ паробку заморскому.
 Становился Василей на рѣзвыя ножки,
 Бралъ-то онъ чару во бѣлыя ручки,
 Принялъ онъ чарочку одной ручкой,
 Выпилъ онъ чарочку однимъ душкомъ,
 А Владимиру-то князю поклоняется.
 А пошли они съ полаты бѣлокаменны,
 Выходили молодци они на Кіевъ градъ,
 Шли въ свои полаты бѣлокаменны,
 А сѣдлали добрыхъ коней богатырскіихъ,
 А поѣхали роздольцею чистымъ полемъ
 А во славную въ эту въ хоробру Литву.
 А пріѣхали они на широкъ на дворъ
 Ко тому ли они къ королю литовскому.
 Тихія Дунаюшко Ивановичъ
 А съ товарищемъ Василиемъ Казиміровымъ
 А пошли они въ полаты бѣлокаменны,
 А Васильюшко паробокъ заморскій
 Сталь-то онъ по двору похаживать,
 За собою сталь добрыхъ коней поваживать.
 Тихія Дунаюшко Ивановичъ,
 Молодой Василей Казиміровъ,
 Какъ прошли они въ полаты бѣлокаменны,
 Заходили во столовую во горенку,
 На пату дверь порозмáхивали,
 Они Господу Богу помолилися,
 Били челомъ низко клáнялися,
 Самому-то королю они въ особину,
 Всѣмъ-то князьямъ подколѣннымъ.
 Садилъ ихъ король за единой столъ,
 А кормилъ-то ихъ ѣствушкой сахарнею,
 А поилъ-то ихъ питьцемъ медвянымъ.
 Тихому Дунаюшку Ивановичу
 Подносилъ къ нему чару зеленá вина,
 То не малую стопу — полтора ведра;
 Тихія Дунаюшко Ивановичъ,
 А скорешенько ставалъ на рѣзвыя ножки,
 Чарочку онъ бралъ во бѣлыя ручки,
 Бралъ-то онъ чарочку одной ручкой, —
 Онъ за этою за чарочкой посватался
 У того у короля литовскаго
 На ѣго на дочери любимой,
 На прекрасной Опраксы королевичной,
 За своего за князя Владимира.

Говорилъ король таковы слова:

«Глушый князь Владимиръ стольнѣ-кѣвской:
 «Енъ не зналъ кого послать ко мнѣ посвататься,
 «Изъ бояръ мнѣ-ка боярина богатаго,
 «Изъ богатырей богатыря могучаго,
 «Изъ крестьянъ мнѣ-ка крестьянина хорошаго, —
 «Онъ послать мнѣ-ка холопину дворянскую!
 «Ай же мои слуги вѣрныи,
 «Вы берите-тко Дуная за бѣлыя ручки,
 «Да й ведите-тко на погребъ холодныи,
 «За нѣго за рѣчи неумильныи.»
 Тихія Дунаюшко Ивановичъ
 Скоро-то онъ скочить черезъ злотыя столъ,
 А схватилъ ѣнъ татарина за ноги,
 Сталь ѣнъ татариномъ помáхиватъ,
 Сталь бить татаръ, поколáчиватъ, —
 А король-то по застолью бѣгаеть.
 Куньею шубой укрывается.

Говоритъ король таковы слова:

«Ай же тихія Дунаюшко Ивановичъ!
 «А садись-ко со мной за единой столъ.
 «Ѣшь-ко ты пей съ одной мисочки.
 «Сдѣлаемъ съ тобою мы свáтовство
 «Да на моей ли на дочери любимой,
 «На прекрасной Опраксы королевичной,
 «За того за князя Владимира.»

Говорилъ Дунай таковы слова:

— Ай же король ты литовскій!
 — Еще не учествовалъ молодець пріѣдучись,
 — Не ужаловать-то молодець поѣдучись.
 — Въ честь я Опраксію да королевичну
 — Да возьму-то я за князя за Владимира, —
 — А не въ честь я возьму за товарища
 — За того Васильюшка Казимірова. —

Тихія Дунаюшко Ивановичъ

Скоро пошь полатой бѣлокаменною,
 Выходилъ-то Дунай на широкъ на дворъ,
 Проходилъ ѣнъ ко терему къ златымъ верхамъ,
 Сталь Дунаюшко замочиковъ отщáлевватъ,
 Сталь Дунаюшко онъ дверцей выстáвливатъ,
 Онъ приходитъ-то во теремъ во златыя верхи;
 По тому-то терему злату верху
 А Опраксія королевична похаживаетъ
 А въ одной тонкой рубашкѣ безъ пояса,
 А въ однихъ тонкихъ чулочкахъ безъ чоботовъ,
 У ней русая коса пороспущена.

Воспрогóворилъ Дунай таковы слова:

— Ай же ты Опраксія королевична!
 — А идешь ли ты замужъ за князя за Влади-
 міра? —

Говоритъ ему Опраксія королевична:

«Ай ты славныя богатырь святорусьскія!
 «Три году я Господу молилася,
 «Чтобъ попастьъ мнѣ-ка замужь за князя за Влади-
 мѣра»

Бралъ ѣтъ ю за ручушки за бѣлыи,
 Бралъ ю за перстни злаченни,
 Цѣловалъ въ уста во сахарнии
 А за нѣи за рѣчи умилни,
 Выводилъ онъ ю со тѣрема златыхъ верховъ,
 Приводилъ ю Дунай на широкой дворъ,
 А садилъ ю Дунай на добра коня,
 На добра коня садилъ къ головѣ хребтомъ,
 Самъ Дунаюшко садился къ головы лицѣмъ.
 Они сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
 А по славному роздолю чисту полю;
 Ихъ достигла темна ночька въ чистомъ поли,
 Они спать легли прокладатися.
 Говорить-то Дунаюшку Ивановичу
 А прекрасная Опраксія королевична:
 «Ай же тихія Дунаюшко Ивановичъ!
 «У меня-то вѣдь есть сестра рѣдная,
 «А Настасья есть королевична,
 «Она сильныя поляница и удалая,
 «Она ѣзди во чистомъ поли, полякуеть, —
 «Какъ найдеть-то она ко бѣлымъ шатрамъ,
 «Во бѣлыхъ шатрахъ намъ живымъ не бываѣтъ.»
 Эта Настасья королевична
 Узнала про сестрицу свою рѣдную, —
 Увезли у ней сестрицу на святую Русь,
 Не влюби у нихъ брали богатыри;
 Она ѣхала въ погону по чисту полю,
 А скакала на кони богатырскоемъ
 Да по славну роздолю чисту полю;
 По цѣлой версты конь поскакивалъ,
 По колѣвъ онъ въ земелюшку угрязывалъ,
 Онъ съ земелюшки ножки выхватывалъ,
 По сѣнвой купны онъ земелики вывертывалъ,
 За три вѣстрѣлы камешки откидывалъ.
 Не путѣмъ она ѣдетъ не дороженкой,
 Она ѣхала роздолницею чистымъ полемъ,
 Проѣхала она да сестру рѣдную,
 А проѣхала она и мимо Кіевъ градъ.
 Тихія Дунаюшко Ивановичъ,
 Садился Дунай на добрыхъ коней,
 А садилъ ѣтъ Опраксу королевичну
 А Василью Казимірову да ѣ на добра коня,
 А садилъ-то ю къ головы хребтомъ,
 А Васильюшко-то садился къ головы лицѣмъ.
 Тихія Дунаюшко Ивановичъ
 А послать съ нима паробка любимаго,
 Онъ того Василія заморскаго.

Отвести ю князю на широкой дворъ,
 Отвести въ полаты бѣлокаменны
 А подать-то ю князю во бѣлы ручки.
 А самъ тихія Дунаюшко Ивановичъ
 Онъ поѣхалъ во роздоле чистѣ поле
 Посмотрѣтъ на поляницу удалую,
 А ѣ на эту Настасью королевичну.
 Молодой Васильюшко Казиміровъ,
 Со своимъ со паробкомъ любимымъ,
 Они ѣхали роздолницею чистымъ полемъ
 На добрыхъ коняхъ на богатырскихъ,
 Ускоряли-то они скоро-на-скори,
 Приѣхали-то они въ стольней Кіевъ градъ
 А ко славному ко князю на широкой дворъ,
 А скорешенько спустились со добрыхъ коней,
 Опустили-то Опраксію королевичну
 Со добра коня съ богатырскаго.
 А повель-то ю Васильюшко Казиміровъ
 Во эту полату бѣлокаменную
 Ко тому ко князю ко Владимиру,
 Подать онъ ю во бѣлы ручки.
 Тихія Дунаюшко Ивановичъ
 ѣхалъ онъ роздолницею чистымъ полемъ,
 Енъ наѣхалъ поляницу во чистомъ поли,
 Становилъ ѣтъ поляницу супротивъ себя,
 Говорилъ ѣтъ поляници таковы слова:
 — Ай же Настасья королевична!
 — Я досталъ твою сестрицу родимую,
 — А досталъ замужь за князя Владимира.
 — Ты идѣшь ли замужь за Дунаюшка,
 — За того за Дунаюшка Ивановича? —
 Говорила Настасья королевична:
 «Тихія Дунаюшко Ивановичъ,
 «Славныи богатырь святорусьскіи!
 «Если ты мной не ломаешься,
 «Я иду это замужь за Дунаюшка,
 «За тебя Дунаюшка Ивановича.»
 Они сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
 Приѣхали они въ стольнѣ-Кіевъ градъ,
 А приѣхали ко матушѣ къ Божьей церкви;
 А Владимиръ князь стольнѣ-Кіевской
 Повѣнчался ѣтъ во матушѣ въ Божьей церкви
 А со тою со Опраксою королевичной,
 А ѣ выходитъ ѣтъ со Божьей церкви, —
 Тихія Дунаюшко въ церкву пошолъ
 Повѣнчатися съ сестрицей со другою,
 А со тою съ Настасьей королевичной.
 Во Божьей церкви повѣнчались,
 Принимали-то онѣ золоты вѣнцы,
 Они заповѣдь велпкую поклáдали:
 А что жпть-то имъ бытъ, вѣкъ корѣтати.

Выходилъ-то Дунай со Божьей церкви,
 Приходилъ ѳнъ ко князю ко Владимиру,
 Сдѣлалъ онѣ тутъ почестень ширь,
 А ѣ на всѣхъ-то князей на всѣхъ бояровъ,
 На всѣхъ русьскѣихъ могучѣихъ богатырей,
 На всѣхъ славныхъ поляницъ на удалыхъ.
 Всѣ на пиру наѣдалися,
 Всѣ на пиру напивалися,
 Всѣ на пиру поросхвасталися.
 Хвастаетъ богатой золотой казной,
 Золотой казной онѣ безсчетомъ,
 Щеголь хвастаетъ одежей драгоценною,
 Сильный хвастаетъ-то силушкой великою,
 Иной хвастаетъ богатырь добрымъ конемъ;
 Тихія Дунаюшко Ивановичъ
 Онѣ выходитъ-то зъ-за столика дубоваго,
 Изъ-за тихъ семейекъ овольникъ,
 Отъ своей семейшкѣ любимой,
 Отъ молодой отъ Настасьи королевичной,
 Сталъ Дунаюшко по горенкѣ похаживати,
 Пословечно Дунай выговаривати:
 — Нѣтъ мене лучше молодца во всемъ Кіевѣ!
 — А ѣ никто не смѣлъ ѣхати посвататься
 — Да ѣ за славнаго за князя Владимира
 — На Опракшѣ королевичной, —
 — Самъ я женился и людей женилъ,
 — Самъ я боець и удалой молодець,
 — А гораздъ-то стрѣлять я изъ лука изъ тугаго! —
 Говорила Настасья королевична:
 «Свѣтъ ты здержавушка любимая,
 «Тихія Дунаюшко Ивановичъ!
 «А нечѣмъ-то вѣдь я да не хуже тебя:
 «Сила моя есть побольше твоей,
 «А ухваточка моя удалѣе твоя.»
 А Дунаюшку-то дѣло не слюбилося,
 А молода жена перехвастала.
 Говорилъ Дунай такыя слова:
 — Ай же Настасья королевична!
 — А ставай-ко ты на рѣзвѣ ножки,
 — Поѣдемъ мы съ тобой во чисто поле,
 — Востроты мы ѣ другъ друга отвѣдаемъ. —
 Вышелъ Дунай во чисто поле,
 Положилъ ѳнъ колечко серебряно
 На свою на буйну головушку,
 А ѣ наставилъ ѳнъ свой вострый ножъ,
 Говорилъ ѳнъ Настасьи королевичной:
 — Ай же Настасья королевична!
 — Стойди-тко отъ меня да за пятьсотъ шаховъ,
 — Пропусти-тко эту стрѣлочку каленую
 — По тому острѣю по ножевому,
 — Чтобы стрѣлочка катилась на двѣ стороны,

— На двѣ стороны катилась вѣсомъ равна
 — И угодила бы въ колечко серебряное. —
 Эта Настасья королевична
 Она брала свой тугой лукъ розрывчатой,
 Налагала она стрѣлочку каленую,
 Натягала она тетивочку шелковеньку
 А спущала въ эту стрѣлочку каленую;
 Пропустила эту стрѣлочку каленую
 По тому острѣю по ножевому,
 Прокатилась эта стрѣлочка каленая
 По тому острѣю на двѣ стороны вѣсомъ ровно,
 Угодила во колечко серебряно.
 Три разъ она Настасьюшка прострѣлила
 Изъ того изъ лука изъ розрывчата
 По тому острѣю по ножевому,
 Пропустила эту стрѣлочку каленую
 Да ѣ во то ли во колечко во серебряно.
 Говорилъ-то ѳнъ Дунай да такыя слова:
 — Становись-ко ты Настасья супротивъ меня. —
 Онѣ поклáдалъ ѳнъ колечко серебряно
 Да на нѣй на буйную головушку,
 Ёнъ наставилъ свою ножъ булатнею (такъ)
 И то отпелъ онѣ отъ Настасьюшки пятьсотъ ша-
 ховъ.

То Настасья королевична молилася,
 А ѣ молилася она да ѣ горько плакала:
 «Ай же тихія Дунаюшко Ивановичъ,
 «Ты меня прости во женской глупости!
 «А ѣ по поясу вкопай меня въ сыру землю,
 «А ще бей-ко ты меня да ѣ по нагѣ тѣлу,
 «А прости меня во глупости во женскою,
 «Не стрѣляй-ко ты изъ лука изъ розрывчата,
 «Не спущай-ко стрѣлочки каленая
 «По тому ты по острѣю по ножевому
 «Да ѣ во то колечко во серебряно.
 «А ѣ теперь-то ты Дунаюшко хмѣльнѣшенекъ,
 «А ѣ, теперь Дунаюшко пьянѣшенекъ,
 «А убьешь меня ту молодую жену,
 «А ѣ ты сдѣлашь двѣ головки безповинныхъ.
 «У меня съ тобой во чревѣ есть чадѣ посѣяно,
 «По колѣнкамъ у него есть ножки въ сѣребри,
 «По локоточкамъ ѳго ручки въ красномъ золоти,
 «А назáди у него цекеть свѣтѣль мѣсяць,
 «Отъ ясныхъ очей какъ будто лучъ пекеть.»
 Ничего тому Дунай да не пытаючися,
 Какъ бралъ тугой лукъ да свой розрывчатой,
 Наложилъ-то стрѣлочку каленую,
 Ёнъ спустилъ тетивочку шелковую.
 Пролетѣла эта стрѣлочка каленая
 А ѣ Настасья королевичной да во бѣзѣ груди,
 А ѣ тутъ Настасьюшки славу поюгъ.

Пріпелъ тихія Дунаюшко Ивановичъ,
 Подошогъ онъ къ ней да поросплакался.
 А онъ брагъ свою да саблю вострую,
 Роспласталъ онъ ей да чрево женское,
 Посмотрѣлъ-то какъ у нихъ чадѣ засѣяно:
 По колѣнчкамъ-то ноженъ въ сѣребри,
 По локоточкамъ-то ручки въ красномъ золоти,
 По косицамъ у него какъ звѣзды частыя,
 Назадъ-то него да какъ свѣтелъ мѣсяць,
 Отъ очей-тыхъ отъ него какъ быдто лучъ пекеть.
 Да тутъ тихія Дунаюшко росплакался,
 И говорилъ Дунай да такovy слова:

— Ай по тыхъ поръ видно что Дунаюшко же-
 вать бывалъ! —

Становилъ-то онъ свою да саблю вострую,
 Говорилъ Дунай да такovy слова:

— Напередъ-то протекла рѣка Настасьина,

— А другая протекла рѣка Дунаева! —

Становилъ свою онъ саблю вострую,
 Да онъ палъ на саблю-ту на вострую,
 Отрубилъ свою буйну головушку.
 Тутъ Дунаюшку съ Настасьюшкой славу поють,
 Имъ славу поють да вѣки по вѣку.

Записано въ Кижѣхъ, 8 іюля.

82.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 35).

Да й ходилъ-то мѣлодецъ да изъ орды въ орду,
 Загулялъ-то мѣлодецъ да къ королю въ Литву.
 А й король-отъ мѣлодца онъ любить жадуеть,
 Королевна мѣлодца она въ любіи держитъ.
 Да й ходилъ-то мѣлодецъ да поросхвастался:
 «Да й ходилъ-то мѣлодецъ да изъ орды въ орду,
 «Загулялъ-то мѣлодецъ да къ королю въ Литву,
 «А король-то мѣлодца да любить жадуеть,
 «Королевна мѣлодца она въ любіи держитъ.»
 Да й ходилъ Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ,
 Да й ходилъ ко тою славноу ко матушки Пучай
 рѣки,
 Да й стрѣлялъ Михайла гусей лебедей,
 Да й стрѣлялъ-то перелѣтныхъ сѣрыхъ утушекъ.
 Да й по той ли-то по матушки Пучай рѣки
 То пловеть волода бѣлодубая,
 Да й на тою на колоды бѣлодубовой

Сидитъ бѣленька на ней лебѣдушка.
 Молодой Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ
 А й береть-то онъ свой тугой лукъ розрывчатой,
 Натянулъ тетивочку шелковеньку,
 Наложилъ ѣнъ стрѣлочку каленую,
 Хѣтитъ подстрѣлить онъ бѣлую лебѣдушку.
 Поднималася та бѣлая лебѣдушка
 Да й на ты на крыла лебеднины,
 Вылетала-то она да й на крутой берѣгъ.
 Обвернулась-то лебѣдка красной дѣвушкой.
 Молодой Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ
 Онъ подходитъ-то да къ красной дѣвушкѣ,
 А й береть онъ ю за ручушки за бѣленьки,
 Да й за ней ли брагъ за перстни за злечены,
 Цѣловать хотѣлъ въ уста ю во сахарни.
 Говорила-то ему да красна дѣвушка:
 «Ты Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ,
 «Не цѣлуй-во ты меня да красной дѣвушки!
 «А я дѣвушка есть роду-то невѣрнаго,
 «Да й невѣрнаго есть роду некрещеная.
 «Ты когда меня сведѣшь да въ стольнѣ-Кіевъ градъ,
 «Да когда доставлешь *(такъ)* въ вѣрушку кре-
 щоную,
 «Да й тогда съ тобой мы повѣнчаемся,
 «Да й тогда съ тобой мы нацѣлуемся.»
 То Михайла Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ
 А й береть-то онъ да красну дѣвицю
 Да за ней-то за ручушки за бѣлки,
 Да за ней брагъ за перстни за злечены,
 А онъ вель-то ю да въ стольнѣ-Кіевъ градъ,
 Приходилъ-то съ ней ко матушки Божьей церкви,
 Да завелъ ю въ матушку въ Божью церковь.
 Тутъ крестили ю да и молитвили,
 Имя-то ей дали Марья лебедь бѣлая.
 Ёны тутъ съ Михайлой повѣнчались,
 Ёны Господу тутъ Богу помолилися,
 Ко Господнему кресту да й приложилися.
 Выходили ѣны съ матушки съ Божьей церкви,
 Шли по славному по городу по Кіеву,
 Во свою-то шли въ полату въ бѣлокаменну,
 Проходили во столову свою горенку,
 Стали жить да быть, во вѣкъ любовь творить.

Записано въ Петербургѣ, 27 ноября.

83.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 34).

Молодой Иванушко Годиновичъ
 Похотѣлъ-то онъ да поженится,
 Похотѣлъ во славной Золотой Орды
 На прекрасной Настасьи Митріевичной.
 Говорилъ ему Владиміръ князь да стольнѣ-клев-

ской:

«Ай же крестничекъ ты мой любими!
 «Хочешь ѣхать пожениться въ Золоту Орду?
 «Что ты братъ будешь съ собой да въ Золоту
 Орду?»

«А й безсчетную велику золоту казну,
 «А й одежцу ты братъ дорогоценную,
 «Али братъ ты будешь силушку *) великую?»
 Говорилъ Иванушко Годиновичъ:

— А й крестовый ты мой батюшка,
 — Ай ты славныя Владиміръ князь да стольнѣ-
 киевской!
 — Мни не надобно безсчетной золотой казны:
 — Золотой казной мнѣ дѣвушки не выкупить;
 — Силы арміи великія не надобно:
 — Мнѣ не дракою братъ дѣвушку, да не вой-
 скамы великими;
 — Да не надобно одежи драгоценней.
 — Есть поидеть въ любви Настасья Митріевична,
 — Такъ возьму въ любви Настасью Митріевичну,
 — Такъ не надо бы одежи драгоценной,
 — Да й не надо мни безсчетной золотой казны,
 — Да не надо силы арміи великой,
 — Только дай мнѣ-ка да паробка любимаго,
 — Чтобы паробку добра коня сѣдлатъ,
 — Чтобы паробку коня розсѣдлывать,
 — Ему шетка подавать да шетка принимать.—
 А Владиміръ князь-отъ стольнѣ-клевской
 Да какъ далъ ему-то паробка любимаго,
 Й они сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
 Молодой Иванушко Годиновичъ
 Со своимъ со паробкомъ любимымъ.
 Ены ѣхали роздольцемъ чистымъ полемъ,
 Они въ день ѣдутъ по красному по солнышку,
 Они въ ночь ѣдутъ по свѣтлому по мѣсяцу,
 Ускоряють-то дороженьку чистымъ полемъ.
 А й приѣхали они во Золоту Орду

Ко прекрасной Настасьѣ Митріевичной,—
 А у ней-то сватухи сидятъ,
 Сватухи сидятъ да тою сватають
 За того за сына-то за царьского,
 За того за Фѣдора Иванова.
 Какъ посваталъ ю Иванушко Годиновичъ:
 — Ай же ты Настасья Митріевична,
 — А й поди-тво ты да за меня замужь!
 — Я свезу тебя на славну на святую Русь,
 — Я доставлю (такъ) тебя во вѣрушку кре-
 щоную,
 — А 'ще будешь ты у насъ да роду вѣрнаго,
 — А 'ще дѣтушки пойдутъ крещени.—
 Позвалась она пойти замужь Иванушка Годинова
 (такъ).

Какъ приказа-то сѣдлатъ она добра коня,
 А й сѣдали-то они добрыхъ коней,
 Да й поѣхали роздольцемъ чистымъ полемъ
 Съ этой славной да Золотой Орды,
 Они ѣхали роздольцемъ чистымъ полемъ..
 Молодой Иванушко Годиновичъ
 А й отправилъ-то онъ паробка любимаго.
 А во тотъ во славный въ стольнѣ-Кіевъ градъ
 Да й ко славному-то князю ко Владиміру:
 «Я въ любви везу Настасью Митріевичну.»
 Его паробокъ да то любими
 И онъ поѣхалъ-то скоренько по чисту полю
 Да й во тотъ во славной въ стольнѣ-Кіевъ градъ,
 Онъ приѣхалъ-то ко князю ко Владиміру,
 Онъ приполъ къ нему въ полату бѣлокаменну,
 Говорилъ-то князю таковы слова:
 «Ты Владиміръ князь да стольнѣ-клевской!
 «Какъ въ любви везетъ Настасью Митріевичну
 «Да твой крестничекъ любими,
 «Молодой Иванушко Годиновичъ.»
 Тамъ на ту пору на то времечко
 А настигъ ихъ царьской сынъ да во чистомъ поли,
 А и тотъ вѣдь Фѣдор-отъ Ивановичъ.
 Иванушко Годиновичъ онъ ѣдетъ по праву руку
 Настасьи Митріевичной,
 А й по лѣвую да ей по рученьку
 А поѣхалъ царьской сынъ Фѣдоръ Ивановичъ;
 Стадъ Настасью Митріевичну
 Царьской сынъ да уговаривать:
 — Ай же ты Настасья Митріевична!
 — Ты куда умъ клала и замужь пошла?
 — Какъ будешь ты во городъ во Кіевъ
 — Вазачихою у князя у Владиміра,
 — У Опраксія у королевичной,
 — Еще будешь ты да портомойницей.
 — За меня поди замужь за сына царьского,

*) Рабинниъ пропѣлъ сперва: «ту армію великую», а по-
 томъ, поправившись, сказалъ: «силушку великую».

— У меня будешь ты да царцею. —
 А й у той ли у Настасьи Митриэвичной
 А туди у нею й умъ пошесть,
 Да й пошла замужъ за сына-то за царьского.
 Они вѣзуть-то приважутъ какъ Иванушку Го-
 динова
 Да й ко славному да ко сыру дубу;
 Пороздернули они свою полатку полотняную,
 Они спали во полатки полотняной,
 Они гладились въ полатки, тамо листились.
 Ены вышли со полатки полотняной;
 Тамъ на тую порушку да й на то времечко
 Черезъ ихъ летѣло два бѣлыхъ два лебедя.
 Говорила-то Настасья Митриэвична,
 Говорила-то она да й сыну царьскому:
 «Ай же царьской сынъ Ѳедоръ Ивановичь!
 «Захотѣлось на поносѣ мнѣ-ка мяса лебединаго.
 «Ты возьми-тко тѣгой лукъ розрывчатой,
 «Натани-тко ты тетивочку шелкѡвеньку,
 «Наложил-тко стрѣлочку каленую,
 «Подстрѣль бѣлую да мнѣ лебедушку,
 «Мнѣ покушать мяса лебединаго.»
 Царьской сынъ Ѳедоръ Ивановичь
 Скоро бралъ свой тѣгой лукъ розрывчатой,
 Натянулъ-то онъ тетивочку шелкѡвую,
 Наложилъ онъ стрѣлочку каленую,
 Енъ спустил тетивочку шелкѡвую
 Въ зву стрѣлочку онъ во каленую;
 А й во верхъ-то полетѣла эта стрѣлочка каленая,
 А й по Божьему да й по велѣнью
 А свилась-то стрѣлочка каленая,
 Она пала-то да во головушку,
 Во головушку-ту пала сыну царьскому,
 А й тому вѣдь Ѳедору Иванову.
 Тутъ-то Ѳедору да й сыну царьскому,
 А ему славу поють да вѣки по вѣку.
 Тутъ Настасья Митриэвична
 Какъ стала по чисту полю похаживать;
 А Иванушко стоитъ ѣнъ у сыра дуба,
 У сыра дуба стоитъ ѣнъ да привязаной.
 Говорить ему Настасья Митриэвична:
 «Ай же молодой Иванушко Годиновичь!
 «А й прости-тко ты меня да въ женской глуности,
 «А возьми меня замужъ да красну дѣвушку,
 «Да й свежи-тко ты меня да на святую Русь,
 «А й во славномъ во стольне-Кіевъ градъ,
 «Да й доставлѣшь мѣне въ вѣрушку крещеную;
 «А сходимъ мы съ тобой да во Божью церковь,
 «А и примемъ мы съ тобой да золоты вѣнцы,
 «Мы положимъ съ тобой заповѣдь великую,
 «Намъ въ любви бы жить съ тобой вѣкъ по вѣку.»

Говорилъ-то ей Иванушко Годиновичь:
 — Ай же ты Настасья Митриэвична!
 — Какъ ты справишь-то три заповѣди женскихъ,
 — А тогда ты будешь и моя жена. —
 Отвязала-то Иванушка она да отъ сыра дуба.
 Тутъ молодой Иванушко Годиновичь
 Становилъ Настасью супротивъ себя,
 Во свои во бѣлы онъ во ручушки
 А онъ бралъ свою да саблю вострую,
 Й онъ смахнулъ своей да саблю вострую,
 Да срубилъ ей ножки по когнѡчкамъ.
 Говорилъ Иванушко ѣнъ таковы слова:
 — А почто-то эти ноженки-ты рѣзвыи?
 — Оплетали-то татарина поганаго,
 — А й того-то Ѳедора Иванова. —
 И то смахнулъ своей онъ саблей вострую,
 Отрубилъ ей ручки по локѡточкамъ,
 Говорилъ Иванъ да таковы слова:
 — А й почто-то эти ручки бѣлми?
 — Обнимали-то татарина поганаго,
 — А й того ли Ѳедора Иванова. —
 Онъ смахнулъ еще да саблей вострую,
 Отрубилъ-то ей уста сахарнии,
 Говорилъ да какъ Иванушко да таковы слова:
 — А й почто эти уста сахарнии?
 — Цѣловали-то татарина поганаго,
 — А й того ли Ѳедора Иванова. —
 А 'ще тутъ Настасьюшкѣ славу поють,
 Ей славу поють да вѣки по вѣку.
 Молодой Иванушко Годиновичь
 Онъ садился скоро на добра коня,
 Онъ да ѣхалъ какъ роздольцемъ чистымъ полемъ
 Да во славный свой да стольне-Кіевъ градъ.
 Тамъ Владиміръ князь да стольне-кіевской,
 А крестовой его батюшко,
 Дождаетъ крестничка любимаго
 Со Настасьюшкой да Митриэвичной.
 А приѣхалъ-то Иванушко Годиновичь
 А й по вечеру онъ да поздешенько,
 А онъ крадчи-то заѣхалъ на широкой дворъ,
 Боядись пришло въ полату бѣлокаменну
 Да й ко славному ко князю ко Владиміру;
 Говорить ему да тутъ Владиміръ князь:
 «Ай же ты Иванушко Годиновичь!
 «А 'ще гди твоя княгиня есть молодая,
 «Молода Настасья Митриэвична?»
 Говорилъ ему Иванушко Годиновичь:
 — Ай же славныя Владиміръ стольне-кіевской,
 — А крестовою да ты мой батюшко!
 — А й всякъ молодець на сѣмъ свѣтѣ онъ же-
 нится,

«Да й за своего Хотинушку за Блудовича?
 «Сидитъ моя Офимья во тереме,
 «А во тереме сидитъ во златомъ верху,
 «На ню красной солнышко не оббевѣтъ,
 «Буйнии вѣтры не оббѣвѣтъ,
 «Многія люди не обгалатся.
 «Твой сынъ Хотинушка Блудовичъ
 «Ѣздитъ онъ по городу, уродуетъ
 «Со своимъ со паробкомъ любимимъ,
 «Ищеть бобоваго зѣрнедки,
 «Гди-то бы Хотинушки обѣдъ сочинитъ.»
 Воспрогворилъ Хотинка таковы слова:
 — Свѣтъ ты моя да рѣдна матушка,
 — Ахъ ты честная вдова честно-Блудова жонѣ!
 — Въ честь я Офимку за собѣ возьму,
 — А й не въ честь я Офимку за товарища,
 — Да за своѣго за паробка любимаго. —
 Повернѣтся Хотинушка въ высокъ терѣмъ,
 Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
 Шاپочку соболью на одно ушко,
 Шолъ ѣнъ полатой бѣлокаменной,
 Выходилъ-то Хотинъ а на широкъ на дворъ,
 Заходилъ ѣнъ во конюшеньку стоялую,
 Выводилъ ѣнъ коня богатырскаго,
 Ѣнъ садился на добра коня не сѣдлана,
 Бралъ свою паличку булатную,
 Поѣхалъ-то Хотинушка въ чистѣ поле.
 На добромъ кони въ чистомъ поли поѣзживаѣтъ,
 Сталъ онъ шуточокъ Хотинушка пошучиватъ,
 Сталъ онъ паличку булатную покидыватъ,
 На добромъ кони Хотинушка подѣзживаѣтъ,
 Онъ одною ручкой паличку подхватываѣтъ, —
 Не велика ѣго паличка булатная,
 Вѣсу она й девяносто пудъ.
 А й у мѣлода Хотинушки у Блудовича
 Кровь-то въ нѣмъ и роспылалася,
 Сердцѣ ѣго розгорѣлоси
 За эту родительску обидушку.
 То онъ поѣхалъ по роздолю чисту полю,
 А во всю ѣнъ ѣхалъ въ силу лошадиную,
 Онъ подѣхалъ какъ ко терему къ злату верху,
 Билъ онъ палицей булатнѣй по терему,
 Да по славному по терему злату верху;
 Маковки на тереме покрывилисѣ,
 Да й околени во тереме розсѣпалисѣ.
 Молодой Хотинушка Блудовичъ
 Сходить онъ скоренько со добра коня,
 Подходить онъ ко терему къ злату верху,
 Сталъ ѣнъ замочиковъ отщѣлживатъ,
 Сталъ ѣнъ дверцей выстѣлживатъ,
 А приходитъ онъ во теремъ во злату верхи.

Ходитъ Офимья по терему
 А цѣ одной тонкѣй рубашки безъ пояса,
 А въ однихъ тонкѣхъ чулочникахъ безъ чоботовъ,
 У нѣй русая коса пороспущеная.
 Говорилъ Хотинъ а таковы слова:
 — Ай же Офимья купецъ-дочѣ!
 — А идѣшь ли ты замужъ за Хотинушку,
 — За того Хотинушку за Блудовича? —
 Воспрогворить Офимья таковы слова:
 «Три году я Господу молилася,
 «Что понасть бы мнѣ замужъ за Хотинушку,
 «За того Хотинушку за Блудовича.»
 Молодой Хотинушка Блудовичъ
 Бралъ онъ ю за ручушки за бѣлени,
 Бралъ за нѣй за перстни злаченни,
 Цѣловалъ въ уста во сахарни
 Онъ за нѣй за рѣчи за умилни,
 Выводилъ онъ Офимью со терема,
 А привелъ-то Офимью ко добру коню,
 Ко добру коню привелъ къ богатырскаму,
 Да й садилъ ѣнъ Офимью на добра коня,
 На коня онъ ю садилъ къ головы хребтомъ,
 Самъ ѣнъ садился къ головы лицѣмъ.
 Они сѣли на добра коня, поѣхали
 Да по славному городу по Кіеву,
 Да й пріѣхали ко матушки къ Божѣй церквы.
 Молодой Хотинушка Блудовичъ
 Онъ скорѣшенько-то сходить со добра коня,
 Опускаетъ онъ Офимью со добра коня,
 Бралъ онъ ю за ручушки за бѣленьки,
 Бралъ за нѣй за перстни злаченни,
 Да повелъ ю во матушку въ Божью церковь.
 Выходили-то со матушки съ Божѣй церкви,
 Молодой Хотинушка Блудовичъ
 А садилъ онъ ю да на добра коня,
 На добра коня садилъ ю къ головы хребтомъ,
 Самъ ѣнъ садился къ головы лицѣмъ,
 Да пріѣхали къ Хотину на широкъ на дворъ.
 Молодой Хотинушка Блудовичъ
 Онъ скорѣшенько сходить со добра коня,
 Опускаетъ онъ Офимью со добра коня,
 А й берѣтъ онъ ю за ручушки за бѣленьки,
 А за нѣй берѣтъ за перстни злаченни,
 Шли они полатой бѣлокаменной,
 Проходили во столову свою въ горенку.
 Стали жить да бытъ, вѣкъ корѣтати.

Записано въ Петербургѣ, 25 ноября.

85.

Д Ю К Ъ.

(См. Рыбникова, т. I, 41).

Да изъ тоу ли со Галичи съ провлятоу,
 А ѿ со той ли славной съ Индѣи со богатоу,
 Съ того славнаго богата съ Вѣлинь-города,
 Съ Вѣлинь-города да со индѣйскаго,
 А сряжался молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Да повѣхать на матушку святую Русь,
 Посмотрѣть-то онъ хотѣтъ на славной стольнѣ-
 Кіевъ градъ,
 Посмотрѣть хотѣтъ на славнаго на князя на Вла-
 димира,
 На прекрасную Опраксию на королевичну,
 Посмотрѣть хотѣтъ на сильнѣихъ на русьскѣихъ на
 мочучнѣихъ богатырей,
 На всѣхъ славныхъ поляницъ онъ на удалныхъ.
 Говорила Дюку рѣдна матушка:
 «Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 «Хонь сряжаешься ты на святую Русь,
 «Посмотрѣть хотѣшь ты на святую Русь,
 «Посмотрѣть хотѣшь на князя на Владимира,
 «А ѿ на душечку прекрасну королевичну,
 «Да ѿ на сильнѣихъ мочучнѣихъ на богатырей,
 «На всѣхъ славныхъ поляницъ-то на удалныхъ,—
 «Не бывать тоби да ѿ на святой Руси,
 «Не видать тоби да ѿ стольнѣ-Кіева:
 «А ѿ до славнаго до города до Кіева
 «То стоить три заставы великнѣихъ:
 «Перва застава-то змѣи полкѣвучинъ,
 «Друга застава е звѣри поѣдучинъ,
 «Третья застава-то горушки толкучинъ.»
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Рѣдной матушки да онъ не слушатся,
 Онъ сѣдлаъ коня да богатырскаго,
 Поѣзжаетъ Дюкъ да въ стольной Кіевъ градъ.
 Говорила Дюку рѣдна матушка:
 «А ѿ же свѣтъ моѣ чадо любнмоѣ,
 «Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 «Когда будешь ты на матушкѣ святой Руси,
 «Да ѿ когда будешь во градѣ ты во Кіевѣ,
 «Да ѿ будешь когда у князя у Владимира,
 «А ѿ охочь ты испивать такъ зеленѣ вина,
 «А ѿ нехвастай-ко своимъ художествомъ (такъ)
 «Супротивъ русьскѣихъ мочучнѣихъ богатырей.»
 Тутъ поѣхалъ Дюкъ онъ на добромъ конѣ,
 Подѣзжаетъ Дюкъ ко первой ко заставѣ,
 Да ко тнѣмъ змѣямъ полкѣвучинѣмъ.

Бѣретъ плетку онъ шелковѣу во бѣлѣи ручки,
 А онъ билъ коня-то по крутымъ ребрамъ.
 Его добрый конь да богатырскаіа
 Поднимался онъ отъ матушки сырой земли,
 Перѣскочилъ онъ черезъ заставу великую,
 Черезъ змѣевъ этихъ полкѣвучинѣхъ.
 Енъ поѣхалъ-то роздольцемъ чистѣмъ полемъ,
 Подѣзжалъ онъ въ другой заставы великою,
 Да ко тнѣмъ звѣрямъ ко поѣдучинѣмъ.
 То онъ билъ коня да по крутымъ бедрамъ,
 А билъ плѣточкой своею шелковенькой.
 Его добрый конь да богатырскаіа
 Какъ вспранулъ отъ матушки сырой земли,
 Перенѣсь енъ черезъ заставу великую,
 Черезъ тнѣхъ звѣрей да поѣдучинѣхъ.
 Онъ поѣхалъ по роздольцу чистѣу полю,
 Подѣзжаетъ енъ ко третѣей ко заставѣ вели-
 коей,
 А ѿ ко тнѣмъ ко горамъ потолкучинѣмъ.
 Эти горушки толкучи вмѣсто столнулись,
 Вмѣсто столнулись они да поростолнулись, —
 Проскочилъ онъ прѣмежъ горушки толкучинъ.
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Онъ поѣхалъ по роздольцу чистѣу полю,
 Да повѣхалъ на матушку святую Русь.
 То прѣѣхалъ онъ во славной стольной Кіевъ градъ
 Да ѿ ко ласкову ко князю на широкъ на дворѣ.
 То Владимира-то въ домѣ не случилося,
 А ѿ ушоль-то князь Владимиръ во Божью церковь
 Ушелъ Господу онъ Богу помолитися,
 Ко Господнему кресту онъ приложитися.
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Онъ пошолъ по граду-то по Кіеву,
 Енъ зашолъ во матушку Божью церковь,
 То онъ крестъ кладеть да ѿ по писаному,
 Енъ ведеть поклонъ по учѣному,
 На всѣ на три на четыре на сторонушки онъ
 кланялся
 Онъ до тнѣхъ половъ да до кирпичныхъ,
 А ѿ до матушки онъ до сырой земли,
 Самому князю Владимиру въ особину,
 Всимъ его князьямъ онъ подколѣннѣимъ.
 По правѣ руку Владимира стоялъ-то вѣдъ молодень-
 кой Добрынюшка,
 По лѣвѣу руку-ту князя-то Владимира
 Стоялъ молодой Шурилушко-то Пленковичъ.
 Сталъ Владимиръ князь у Дюка повѣспрашивать:
 — Ты скажи откуль, удалнѣй добрый молодець?
 — Ты коѣи земли да ты коѣи Литвы?
 — Тѣбя-то какъ-то молодца да именѣмъ называть,
 — Звѣлчати удалого по отечеству? —

Говорилъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ай ты славный князь Владиміръ стольне-кѣв-
ской!»

«Есте я изъ Галичи проклятой,
«Да изъ тою со Индѣюшки богатою,
«Да со славнаго богата съ Волянъ-города,
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.»
Говорить-то вѣдь Шурилушка-тотъ Плѣнковичъ,
Да и говоритъ Шурила таковы слова:
— Ты Владиміръ князь да стольне-кѣвской!
— Во глазахъ мужикъ да подымается,
— Да и во глазахъ собака насмѣхается!
— Повороты есте тутъ не Дюковы,
— Поговорюшка-то есть не Дюкова,
— А й должѣнъ тутъ быть холопина дворянская.—
Это дѣло-то и Дюку не слюбилось.

Выходили-то со матушки Божѣй церквы
Да й пошли оны по городу по Кіеву.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Сталъ загадочекъ Владиміру отгадывать:
«Ай ты славный князь Владиміръ стольнѣ-кѣв-
ской!»

«У васъ въ Кіевѣ-то все да не по нашему:
«Настланы у васъ мосточки кирпичныи,
«Да й поручинки положены калиновы, —
«Какъ идешь-то по мосточкамъ по кирпичнымъ,
«Мѣдной гвоздѣ да прищиплется,
«Цвѣтно платьице да призабрыжжеться.
«Какъ во нашей-то Индѣюшки богатой
«Да й во нашемъ въ славномъ Волянъ-городѣ,
«У мой-то рѣднои у матушки —
«У ней настланы мосточки все калиновы,
«Да й положены поручинки серебряны,
«Да й на эти на мосты да на кирпичныи
«Настланы-то у ней сукна гормузинныи:
«Какъ пойдешь-то по мосточкамъ по калиновымъ,
«Да о эти о поручинки серебряны,
«Мѣдное гвоздѣ у васъ такъ не ущиплется,
«Цвѣтно платьицѣ да й не забрыжжеться.»
А й ко тымъ рѣчамъ Владиміръ князь не при-
мется.

Приходили во полаты въ бѣлокаменны,
То садилса за столни дубовы,
Да й за тѣя за скамеи окольни;
Оны сѣли-то ѣсть ѣствуши сахарнею,
Испивать-то питьицѣвъ медвяныхъ.
Подносили къ нимъ колачиковъ-тыхъ пшонныхъ;
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Сталъ загадочекъ Владиміру отгадывать,
А' ще корочку-ту ѣнъ вокругъ кусаль,
А й середочку-то ѣнъ такъ кобелямъ бросаль.

То Владиміръ князь ко тымъ рѣчамъ не примется.
Говорилъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ты Владиміръ князь да стольнѣ-кѣвской!»

«Да все въ Кіевѣ у васъ есть не по нашему:
«Да й у васъ какъ сдѣлана-то бочечка дубовая,
«Да й набиваны обручии еловыи,
«У васъ дѣлано мѣшалочко сосновое,
«А' ще тутъ у васъ да й колачи мѣсятъ;
«У васъ дѣлана какъ печка-та кирпичная,
«У васъ топятся-то дровца-ты еловыи,
«У васъ дѣлано помялишко сосновое,
«А и тутъ у васъ да колачи пекутъ.
«Какъ во нашу въ Индѣи во богатою
«Да во славномъ во богатомъ Волянъ-городѣ,
«У мой-то рѣдною у матушки,
«У ней сдѣлана-то бочечка серебряная,
«А й обручии набиты золоченыи,
«Да й положены туды да й мѣды сладки;
«У ней сдѣлано мѣшалочко дубовое,
«Оны тутъ да й колачи мѣсятъ;
«У ней сдѣлана-то печка кирпичная,
«У ней топятся-то дровца-ты дубовыи,
«У ней сдѣлано помялишко шелковое,
«Настлано туды бумага-то гербовою,
«А' ще тутъ оны да й колачи пекутъ.»

Владиміръ князь ко тымъ рѣчамъ не примется.
Подносили къ имъ да сладку водочку;
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Бѣретъ рюмочку онъ во бѣлыи ручи,
Подносили онъ эту рюмочку къ устамъ своимъ
сахарнимъ,

Да й по горенки онъ водочку выплескаль;
Говорилъ-то Дюкъ имъ таковы слова:
«Ай ты славный Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
«У васъ въ Кіевѣ-то все вѣдь не по нашему:
«У васъ сдѣланы есть бочечки дубовыи,
«Да й набиваны обручии еловыи,
«Туда водочка винцѣ у васъ положено
«Да й на эти на погребы глубокыи,
«У васъ водочка винцѣ тамъ призадохнется,
«А й нельзя-то испивать да сладкой водочки;
«Какъ во нашу Индѣюшки богатою
«Да й во славномъ богатомъ въ Волянъ-городѣ,
«У мой ли-то у рѣдною у матушки,
«У ней сдѣланы какъ бочечки серебряны,
«А й набиты обручки да золоченыи,
«У ней водочка винцѣ туды положено,
«У ней поднато на воздухъ-тотъ не лѣккии.
«Да на тѣя-то цѣпопечки на мѣдныи, —
«У насъ водочка винцѣ такъ не задохнется,
«А' ще чарочку-ту пьешь, такъ другой хочется,

«А ще другу пьешь, по третьей-то душа горить.»
 Да Владимиръ князь ко тымъ рѣчамъ не примется.
 А ѿ Шурилушко-того Пленковичъ по горенки
 похаживать,

Таковы слова Шурило поговаривать:

— Что же ты холопина дворянска поросхвастался
 — А ѿ своимъ ты да имѣнїемъ богатствомъ,
 — Поросхвастался уѣдами ты сладима,
 — Да ѿ поросхвастался ты пїтьями медвяными?
 — То ударимъ-ко со мною да великъ закладъ:
 — На три году поры времени проѣздити
 — На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскихъ,
 — Чтобы важный день одежица носить намъ
 снова-на-ново,

— Снова-на-ново носить бы что ни лучшая. —

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ

Говорилъ Шурилу таковы слова:

«Ай жо молодой Шурилушка ты Пленковичъ!
 «Тоби просто бить со мною о великъ закладъ,
 «Какъ живешь ты въ свдемъ городъ во Киевѣ.
 «У васъ полны кладовни-ты одежицы наклады,
 «У мене естѣ одежица дорожная,
 «Мои платья да все завозни.»

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ

Енъ скорешенько садился на череной стуль,

Енъ писалъ-то письма скорописчаты

Ко своей ко рѣдною ко матушкѣ:

«Ай же свѣтъ моя ты рѣдна матушка!
 «Да ѿ повмручъ-ко меня ты со неволюшки,
 «Сподъ того ли сподъ закладу сподъ тяжелого;
 «Ты пошли-тко мнѣ одежицы снарядноѣ,
 «Чтобъ хватило на три года поры времени,
 «Да ѿ держать чтобы одежда снова-на-ново,
 «Снова-на-ново держать да чтобы каждый день,
 «Что ни каждый день держать да что ни лучшая.»

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ

Онъ прошолъ полатой бѣлокаменной,
 Выходилъ-то онъ бояринъ на широкой дворѣ,
 Онъ приходитъ ко добру коню да къ богатырскому,
 Полагаетъ онъ камвертъ да подъ сѣдельшко,
 Отпущалъ коня онъ богатырскаго,
 Говорилъ коню онъ таковы слова:

«Побѣгай-ко ты мой добрый конь да богатырскїи
 «Да ѿ во славу во Индѣюшку въ богатую,
 «А ѿ бѣжи-тко ты на славный на широкъ на дворъ,
 «Ко своимъ-то конюхамъ любимымъ.»

Побѣжалъ-то его добрый конь да богатырскїи

Да ѿ по славному роздольцу чисту полю,
 Пробѣжалъ онъ во Индѣюшку въ богатую,
 Прибѣгалъ онъ въ славны Волинъ-городъ
 А ѿ на свой-то онъ да на широкой дворѣ.

Усмотрѣли ѣго конюхи любими,

Приходили-то ко Дюковой ко матушкѣ,

Ко честной вдова Настася ко Васильевной,

Приходили они къ ней да поклонялися:

— Ты честна вдова Настася да Васильевна!

— Прибѣжалъ-то Дюковъ конь да на широкъ на
 дворъ. —

Тутъ сидитъ она да и горько заплакала:

«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ

«Положилъ свою буйну головушку

«Да ѿ на матушкѣ на славной на святой Руси.»

Подошла она къ коню да къ богатырскому,

Приказала-то добра коня розсѣдливать;

Розсѣдали-то добра коня да ѿ богатырскаго,

Тамъ нашла она камвертикъ, распечатала,

Посмотрѣла что у Дюва принаписано.

Она скоро шла въ полату бѣлокаменну,

Она брала-то скоренько золоты ключи,

Шла на тѣя кладовни на платѣни *),

Полагала-то одежи снова-на-ново,

А ѿ на три году да поры времени,

Да ѿ набила-то вѣдь сумки переметны;

Она кинула скоренько на добра коня

Черезъ этотъ сѣдельшко черкасское,

Отпустила-то коня да въ стольне-Киевъ градъ.

Пѣшелъ добрый конь да по чисту полю,

Прибѣгалъ-то онъ да въ стольне-Киевъ градъ

Да ѿ ко славному-то князю на широкой дворѣ.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ

Выходилъ-то онъ да ѿ на широкой дворѣ,

Подходилъ-то онъ къ коню да къ богатырскому,

Да онъ бралъ-то сумки переметны,

Бралъ-то эти сумки, распечатывалъ,

Посмотрѣлъ-то на одежи драгоценны,

Положилъ-то эти сумки за крѣпкой замокъ.

Сталъ одежицы оттуля Дюкъ понашивать,

На добромъ конѣ сталъ со Шурилою поѣзживать;

Ѣздить важный день они да и по городу,

Да ѿ по городу Ѣздить по Киеву,

Да ѿ проѣздили они по годъ поры,

Да проѣздили они да еще другой годъ,

Да ѿ проѣздили еще они и третїй годъ.

Какъ по третїй годъ да ѿ на послѣднїй день

Имъ поѣхать надобно къ обѣденѣ Христовскою,

Молодой Шурилушко-то Пленковичъ

Надѣвалъ одежицу снарядную,

Енъ снарядную одежицу хорошеньку:

У рубашечки манѣшечки шелковеньки,

Кунью шубку онъ надѣлъ на плечва на могучи,

*) т. е. въ которыхъ держать платье.

Еще строчка строчена-то чистымъ серебромъ,
 Друга строчка строчена такъ краснымъ золотомъ,
 Петелки-ты вшиваны шелковыи,
 Пуговики положены да золочены;
 А ѣ во этии во петелки шелковыи
 А то вилѣтано по красной по дѣвушки,
 Въ эти пуговики-ты въ золоченыи
 А ѣ то вливано по доброму по молодцу:
 Какъ застѣнутся, такъ и обѣймутся,
 Поростѣнутся, такъ поцѣлуются.
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Енъ надѣлъ одежицу да все снарядную,
 Енъ снарядную одежицу хорошенъку:
 Енъ рубашечки манѣшечки шелковеньки,
 Онъ надѣлъ еще свою да кунью шубоньку,
 Одна строчка строчена такъ чистымъ серебромъ,
 Друга строчка строчена-то краснымъ золотомъ,
 Петелки-ты вилетаны шелковеньки,
 Пуговики-ты вливаны да золоченыи,
 Въ петелки-ты вилетано по красной по дѣвушкѣ,
 А ѣ во пуговики-ты вливано по доброму по молодцу:
 Какъ застѣнутся, такъ и обѣймутся,
 А ѣ ростѣнутся, такъ поцѣлуются.
 У молодца у Дюка у боярина
 На головушку надѣта есте шапочка, —
 Спереду введенъ да то свѣтѣлъ мѣсяць,
 А ѣ вокругъ-то введенны-то звѣзды частыи,
 На веру шеломъ какъ быдто жаръ горить.
 А ѣ пришли-то молодцы они въ Божьѣ церковь.
 Какъ Владимиръ князь-отъ стольнѣ-кѣвской
 Поглянулъ-то вѣдъ Владимиръ на праву руку,
 На молодца Шурилушку на Пленкова,
 Говорилъ Владимиръ таковы слова:
 — Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 — Прозакладалъ все имѣние богатство
 — А молодому Шурилушкѣ-то Пленкову. —
 Говорилъ Пермнъ-то сынъ Ивановичъ,
 Говорилъ ѣнъ князю-то Владимиру:
 «Ты Владимиръ князь да стольнѣ-кѣвской!
 «Посмотри-тко ты да на лѣву руку:
 «Молодой Шурилушка-тотъ Пленковичъ
 «Прозакладалъ ѣнъ свою буйну головушку.»
 То Владимиръ князь да стольнѣ-кѣвской
 Посмотрѣлъ-то онъ да на лѣву руку,
 На молодца на Дюка на боярина,
 Какъ одежица на немъ да что ни лучшая,
 Шапочка надѣта на головушку,
 Спереду введенъ да и свѣтѣлъ мѣсяць,
 По косицамъ введенны да звѣзды частыи,
 А шеломъ на шапочкѣ какъ быдто жаръ горить.
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ

Бѣретъ плеточку шелкову во бѣлы ручки,
 Провѣлъ плеточкой шелковой по бѣлой груди, —
 Еще петелки-ты свицуть по солովьему,
 А ѣ то пуговики крычатъ-то по звѣриному.
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 По бѣлой груди сталъ плеточкой поваживать,
 А ѣ народъ сталъ падать на кирпичной мостъ
 Отъ того отъ по́свисту солովьяго,
 Отъ того отъ по́крыку звѣринаго.
 Говорилъ ѣму Владимиръ князь да стольнѣ-кѣвской:
 — Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 — Перестань-ко вѣдить плетвой по бѣлой груди,
 — Тоби полно-тко ронить да людеи чернети. —
 Ены Господу какъ Богу помолилися,
 Ко Господнему кресту какъ приложилися,
 Выходили-то со матушки съ Божьѣ церкви,
 Да ѣ пришли въ полаты бѣлокаменны
 Да ѣ ко славному-то князю ко Владимиру,
 Ены стали-то ѣсть ѣствушки сахарнею,
 Испивать-то стали питьицеви медвяныхъ.
 Подходилъ-то какъ Шурилушка-тотъ Пленковичъ
 Ко тымъ столикамъ онъ ко дубовымъ,
 Говорилъ Шуринъ таковы слова:
 «А ѣ что ты холопина дворянская расхвастался
 «Своимъ имѣниемъ богатствомъ великимъ?
 «Да ѣ ударимъ-ко со мной въ великъ закладъ,
 «Чтобы намъ-то скочить черезъ славну матушку
 Пучай-рѣку.»
 Говорилъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 — Молодой Шурилушка ты Пленковичъ!
 — Тѣбѣ просто битъ со мною о великъ закладъ,
 — Какъ твой добрый конь да богатырскіи
 — У своихъ стоитъ у конюховъ любимыхъ,
 — Зоблетъ онъ пшену да бѣлоярову,
 — Испиваетъ свѣжу ключеву воду, —
 — А мое-то жеребатушко дорожное,
 — А ѣ дорожное да призаѣхано. —
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Онъ бѣжалъ-то какъ скоренько на широкой дворъ
 Къ своему коню онъ богатырскому,
 Паль-то онъ на бѣдра лошадинны,
 Говорилъ-то онъ коню да таковы слова:
 — А ѣ мой добрый конь да богатырскіи!
 — Мошь ли выручить меня ты со неволюшки,
 — Сподъ того закладу сподъ великаго;
 — Еще мошь ли ты скочить черезъ славну Нѣпру-
 рѣку *)? —

*) Пропѣвъ: «Нѣпру-рѣку», Рявиннъ поправился и ска-
 залъ: «Пучай-рѣку», и на вопросъ собирателя объявилъ, что
 надо пѣть: «Пучай-рѣку» и что онъ обмолвился, назвавъ рѣку
 Нѣпру.

Воспровѣщилъ ёму добрый конь да богатырскій,
 Испроговорилъ языкомъ челоуѣческимъ:
 «Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 «А ѣ ты бей въ великъ закладъ, закладайся.
 «У Шурилушки-то конь мой меньшій братъ,
 «А ѣ у стараго казѣка Ильи Муромца
 «Его добрый конь такъ мнѣ-ка большій братъ:
 «У него есть трои крылышка подкожныи,
 «У меня есть двое крылышка подкожныи,
 «У молодѣаго Шурилушка у Плѣнкова
 «У него коня да ѣ богатырскаго
 «Да ѣ одны-то есте крылышка подкожныи.
 «Какъ подбѣдетъ какова пора да каково времѣ,
 «Нѣ уступлю тогда я брату большему,
 «А ѣ меньшому брату съ мѣне вѣчто взять.»
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Енѣ скореекко шолъ въ полаты бѣлокаменны,
 Они били-то съ Шурилушкой великъ закладъ,
 А ѣ великъ закладъ да то не малыи:
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Енѣ залогомъ-тымъ покладѣаетъ безсчетну золоту
 казну,
 Молодой Шурилушко-то Плѣнковичъ
 Онѣ покладѣаетъ залогомъ буйну голову.
 Ены сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
 Да ѣ ко славною ко матушкѣ къ Пучай-рѣкѣ.
 То за нима ѣдутъ русьскіи могучіи богатыря
 Посмотрѣтъ на нихъ замашки богатырскіи.
 Порозѣхали съ роздольца чистѣ поля,
 Припустили добрыхъ коней богатырскіихъ
 А ѣ свакать-то черезъ матушку Пучай-рѣку.
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Онѣ проскочить черезъ славную Пучай-рѣку
 Да ѣ на тотъ на славный крутой бѣрежекъ;
 Молодой Шурилушко-то Плѣнковичъ
 Посередѣ рѣки онѣ приогрушился (такъ)
 Со добрымъ конемъ да съ богатырскимъ.
 Поглянулъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 А то нѣтъ при немъ да и товарица,
 А ѣ то плавае Шурилушка посередѣ рѣки;
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Поскорешенько онѣ поворотъ держалъ,
 Припустилъ коня онѣ богатырскаго
 Скбчить черезъ матушку Пучай-рѣку,
 А ѣ скочилъ-то ёго добрый конь да богатырскій
 Черезъ славну матушку Пучай-рѣку,
 За кудерушка Шурилу ёнѣ повыхватилъ,
 Со Пучай-рѣки Шурилу ёнѣ повытащилъ,
 Да онѣ посадилъ Шурилу на крутой берѣгъ,
 Говорилъ Шурилу такыи слова:
 — Молодой Шурилушка ты Плѣнковичъ!

— Да ѣ не надо ти смѣяться вкругъ богатырей,
 — Да ѣ не надобно Шурилу да въ закладъ бить,
 — А ѣ ходи-тко ты Шурилушка по Кіеву,
 — А ѣ по Кіеву ходи за блядками. —
 Ены сѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
 А ѣ пріѣхали ко князю ко Владимиру
 На него на славный на широкой дворъ,
 Заходили во полату въ бѣлокаменну.
 Говорилъ Шурилушка-тотъ Плѣнковичъ:
 «Ты Владимиръ князь нашъ стольнѣ-кіевской!
 «Полагай-ко писарѣвъ ты да оцѣнщиковъ,
 «Отпущай-ко во Индѣю во богатую
 «Описать у Дюка ихъ богатество,
 «Ихъ богатество да все имѣніе,
 «Ихъ великую безсчетну золоту казну.»
 Тутъ славныи Владимиръ стольнѣ-кіевской
 Посмыаеъ онѣ двѣнадцать-то богатырей да свято-
 русьскіихъ:
 — Поѣзжайте-тко богатыри вы во Индѣюшку,
 — Ё учитайте-тко имѣніе богатество,
 — Ихъ великую безсчетну золоту казну. —
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Да по горенкѣ онѣ да похаживать,
 А Владимиру онѣ князю выговаривать:
 «А ѣ Владимиръ князь да стольнѣ-кіевской!
 «Посылай-ко ты всёхъ русьскіихъ могучіихъ бо-
 гатырей,
 «А двѣнадцать-то богатырей-тыхъ святорусь-
 скіихъ,
 «Не посылай-ко ты богатыря Олешеньки,
 «Молода Олешеньки Поповича:
 «А онѣ роду есте-то поповскаго,
 «У него глазеночка завидливы;
 «Какъ увидить ёнѣ имѣніе богатество,
 «Да ѣ увидить онѣ безсчетну золоту казну,
 «Не поѣдетъ больше въ стольнѣ-Кіевъ градъ,
 «Онѣ полсжитъ тамъ буйну головушку.»
 Какъ садилсъ молодци-ты на добрыхъ коней,
 Ены ѣхали роздольцемъ чистымъ полемъ:
 А ѣ во тою во Индѣюшки въ богатой
 Да во славномъ въ богатомъ въ Волынъ-городѣ
 У нихъ кровельки все были золоченны;
 Они ѣхали роздольцемъ чистымъ полемъ,
 Да ѣ заѣхали на гору на высокую
 Посмотрѣтъ-то на Индѣю на богатую;
 А во томъ ли-то во славномъ Волынъ-городѣ
 Кровельки да золоченны
 Отдали они какъ быдто жаръ горить.
 Говорятъ богатыря да святорусьскіи:
 — Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 — Прозакладѣалъ все имѣніе богатество,

— А срубить теби буйна головушка!
 — А Волинь твой городъ вѣдь огнѣмъ горить,
 — Молодой ты Дюкъ, ты прозакладался! —
 Какъ прѣхали во славны въ Волинь-городъ,
 А ѣ на тотъ на славный на широкой дворъ,
 По всему ѣго двору да по широкому
 Настланъ да сукна гормузинныя.
 Становили они коней богатырскіихъ
 Посередѣ двора оны шпрокаго,
 Да ѣ пошли самѣ въ полаты въ бѣлокаменны;
 Такъ у Дюка-то ступеньки есть серебряны,
 А ѣ то грядочки у Дюка все орленны,
 А ѣ орленны да золоченны.
 То пришли они въ полаты во первой покой,
 Оны Господу-то Богу помолилися,
 На вси стороны-то низко поклонилися:
 — Ай ты здравствуешь честна вдова Настасьюшка
 Васильевна,
 — Ай ты Дюковая матушка! —
 Говорилъ имъ Дюкъ да таковы слова:
 «А ѣ не матушка моя тутъ есть не рѣдная,
 «А ѣ тутъ есть моя да рукомойница,
 «Полагаеть она воду въ рукомойничекъ.»
 Проходили молодцы оны въ другой покой,
 Оны Господу-то Богу помолилися,
 На всѣ на три на четыре на сторонки поклонилися:
 — Ай ты здравствуешь честна вдова Настасья
 да Васильевна! —
 Говорилъ имъ Дюкъ-отъ таковы слова:
 «Да ѣ не матушка тутъ есть моя не рѣдная,
 «А тутъ есть моя да судомойница.»
 А ѣ прошли они еще въ третей покой,
 Оны Господу-то Богу поклоулися,
 На всѣ на три на четыре на сторонки поклонилися,
 А честной вдовы да и въ особину:
 — Ай ты здравствуешь честна вдова Настасья
 да Васильевна! —
 Говорить-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 «Да ѣ не матушка тутъ есть моя не рѣдная,
 «А и есть моя да то и столыница.»
 Тутъ прошли они еще въ покой четвертомъ,
 Оны Господу-то Богу помолилися,
 На всѣ на три на четыре на сторонки низко кла-
 нялись,
 Да честной вдовы Настасья-той Васильевной
 Низко кланялись-то ѣй въ особину.
 Говорить-то молодой бояринъ Дюкъ Степано-
 вичъ:
 «Ай вы славны богатыря да святорусьскіи!
 «Тутъ сидеть моя да рѣдна матушка,
 «То честна вдова Настасья да Васильевна.»

Какъ скорешенько честна вдова ставала на рѣзвы
 ножки,
 Со своимъ она со сыномъ со любимымъ
 Со пути да со дороженьки она тутъ поздоровеалась.
 Говорилъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 «Ай же свѣтъ моя ты рѣдна матушка,
 «Ты честна вдова Настасья да Васильевна!
 «Какъ прѣхали богатыря да святорусьскіи
 «Описать имѣніе наше богатство,
 «Описать нашу безсчетну золоту казну.»
 То честна вдова Настасья-то Васильевна
 Да ѣ скорешенько беретъ-то золоты ключи,
 Повела по кладовымъ да по богатнымъ,
 Повела по погребамъ глубокимъ.
 Еще тихія Дунаюшко Ивановичъ
 Говорилъ Дунаюшко онъ таковы слова:
 — Ай же братьница мои да вы крестовни!
 — То пишете писма въ стольней Кіевъ градъ
 — Да ѣ ко славному-то князю ко Владимиру:
 — Да ѣ во нашемо въ городѣ во Кіевѣ
 — Да ѣ не хватить-то безсчетной золотой казны
 — Да ѣ купить-то только перья со чернлами
 — Да во тою во Индѣюшки въ богатую
 — Описать безсчетна золота казна,
 — Описать богатство великоѣ. —
 Тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Приказалъ онъ накрывать на столки дубовни,
 Становить-то ѣствушки сахарни,
 Становить-то питьца медвянни.
 Онъ садилъ богатырей да святорусьскіихъ
 Да ѣ за тия столки дубовни,
 Онъ кормить-то сталъ ихъ ѣствушкой сахарней,
 Сталъ поить ихъ питьцемъ медвяннымъ;
 Оны рюмочку-то пьютъ, такъ другой хочется,
 Оны другую-ту пьютъ, такъ по третей душа го-
 рить.
 Тутъ богатыря да святорусьскіи
 А ѣ поѣли-то оны покушали,
 Выходили изъ-за столки дубовнихъ,
 Изъ-за тыхъ скамеечекъ окольнихъ,
 Оны Господу-то Богу помолилися
 На всѣ на три на четыре на сторонки низко кла-
 нялись,
 А самой честной вдовы да ѣй въ особину
 А ѣ до тыхъ половъ да и кирпичныхъ,
 А ѣ до тою ли до матушки сырой земли.

Записано въ Кіяхѣ, 8 іюля.

86.

СОРОКЪ КАЛѢКЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 39).

Да ѿ ходили-то калѣки переходжѣи,
 А ѿ лапѣтѣи на ножкахъ-то шелковеньѣи,
 ѿ у нихъ подсумен-ты шиты съ черна бархату,
 Да во нихъ рукахъ-то влѣхи кости рыбѣю,
 На головушкахъ-то шляпки земли гречецкой.
 Да ѿ ходили молодци они съ землѣи въ землю,
 Загуляли молодци да къ королю въ Литву,
 Ко тому-то зашли къ королю къ литовскому,
 Заходили къ королю да ѿ на широкой дворѣ,
 Становились молодци да ѿ посередѣ двора,
 Супротивѣ окошечка косявчата,
 Попросили-то у короля милѣстинки,
 Да ѿ воскреснули они да громкимъ голосомъ,
 Громкимъ голосомъ крикнули во всю голову:
 «Ай же батюшко король литовскѣи!
 «Сотвори король да намъ милѣстинку,
 «А и тымъ калѣкамъ переходжѣимъ:
 «Не рублями мы берѣмъ да не полтинками,
 «А берѣмъ-то мы цѣлымъ тысящамъ.»
 А ѿ отъ нихъ-то поврыковъ отъ богатырскѣихъ,
 Да ѿ отъ голосовъ отъ нихъ отъ молодецкѣихъ,
 А на теремахъ-то маковки покрывились,
 А ѿ въ окошечкахъ околенки розсыпались.
 Поглянулъ король въ косявчато окошечко,
 Говорилъ король-отъ таковы слова:
 — Ай же вы мои да слуги вѣрныи!
 — Да ѿ подите-тко вы на мой на широкъ на
 дворѣ, —
 — Не калѣки-то пришли не переходжѣи,
 — Да пришли богатыря къ намъ свѣторусскѣи.
 — Вы берите-тко за ручушки за бѣлыи,
 — Да ѿ за нихъ-то перстни за злечении,
 — Да ѿ ведите-тко въ рехтѣли (такъ) въ коро-
 левскѣи,
 — Да ѿ во славныи въ полаты бѣлокаменны,
 — Да ѿ садите ихъ за столики дубовыи,
 — Да ѿ за тѣе за скамеечки окольнии.
 — Вы кормите-ко ихъ ѣствушкой сахарнею,
 — То вы пойте-ко ихъ пивыцею медвянымъ,
 — Да ѿ дарите-тко имъ дѣры дрогоценныи. —
 Шли туды ѣго да слуги вѣрныи,
 А ѿ на славной шли они широкой дворѣ,
 Они брали ихъ за ручушки за бѣлыи,
 То за нихъ-то перстни за злечении,
 То вели они въ рехтѣли въ королевскѣи,

Да ѿ во славныи въ полаты въ бѣлокаменны,
 А ѿ садили ихъ за столики дубовыи,
 Да за тѣе за скамеечки окольнии,
 А ѿ кормили-то ихъ ѣствушкой сахарнею,
 Да ѿ поили-то ихъ пивыцею медвянымъ,
 Да ѿ дарили дѣры драгоценныи:
 Насыпали мисы чиста сѣребра,
 Да ѿ другѣи мисы красна золота,
 Третѣи мисы насыпали скатво-жемчугомъ.
 Припесли они къ калѣкамъ переходжѣимъ,
 Да ѿ пошли этѣ калѣки похвалялися:
 «Ай ты славныи король литовскѣи!
 «Да ѿ умѣлъ калѣкъ кормить поить,
 «Да ѿ умѣлъ дарить-то дѣры драгоценныи!»
 Выходили молодци да во чистѣ поло
 Да ѿ прошли во славнѣй въ стольнѣ-Кѣевъ градѣ,
 Розошлись въ свои полаты бѣлокаменны,
 Стали жить-то бытъ да вѣкъ корѣтати.

(Больше не знаетъ.)

Записано въ Петербургѣ, 27 ноября.

87.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА.

(См. Рыбникова, т. I, 72).

Изъ того было изъ города изъ Крякова,
 Съ того славнаго села да со Березова,
 А со тою ли со улицы Рогатицы,
 Изъ того подворья богатырскаго,
 Охвочъ ѣздитъ молодецъ былъ за охвоткою;
 А ѿ стрѣлялъ-то онъ да ѿ гусей лебедей,
 Стрѣлялъ малыхъ перелетныхъ сѣрыхъ утупокъ.
 То онъ ѣздилъ по роздольнику чисту полю,
 Цѣлый день съ утра ѣздилъ до вечера,
 Да и не наѣхалъ онъ ни гуся онъ ни лебедя,
 Да ѿ не малаго да перелетнаго утенушка.
 Онъ по дрѣгой день ѣздилъ съ утра до пѣбѣдья,
 Енъ подѣхалъ-то ко синему ко морюшебу,
 Насмотрѣлъ двѣ бѣлыи лебедушки:
 Да на той ли какъ на тихой забереги,
 Да на томъ зеленоемъ на затреси
 Плаваютъ двѣ лебеди, колиблются.
 Становилъ-то онъ коня да богатырскаго,
 А свой тѣгой лукъ разрывчатой отстегивалъ
 Отъ того отъ праваго отъ стремечка булатнаго,

Наложилъ-то онъ и стрѣлочку каленую,
 Натянулъ тетивочку шелковеньку,
 Хóтитъ подстрѣлить двухъ бѣлыхъ лебедушекъ.
 Воспрогóворили бѣлая лебедушка,
 Проязычили язýкомъ человѣческимъ:
 «Ты удаленькой дорóдней добрый молодецъ,
 «Ай ты славныя богáтырь свaтoрyсьскiи!
 «Хoшь насъ подстрѣлишь двухъ бѣлыхъ лебеду-
 шекъ,
 «Не укрятаешъ плеча могучаго,
 «Не утѣшишь сердца молодецкаго.
 «Не двѣ лебеди мы есть да не двѣ бѣлыхъ,
 «Есть двѣ дѣвушки да есть двѣ красныхъ,
 «Двѣ прекрасныхъ Настасьи Митрiевични.
 «Мы летаемъ-то отъ пана отъ поганаго,
 «Мы летаемъ поры времени по трѣ году,
 «Улетѣли мы за синей за морюшко.
 «Поѣзжай-ко ты въ роздольице чистó поле,
 «Да й ко славному ко городу ко Кiеву,
 «Да й ко ласковому князю ко Владимиру:
 «А й Владимиръ князь онъ ѣсть-то пьетъ и про-
 клаждается,
 «Надъ собой незгодушки не вѣдаеть.
 «Какъ поѣдешъ ты роздольицемъ чистымъ полемъ,
 «Да прiѣдешъ ты къ сыру дубу врякнóвисту
 «Насмотри-тко птицу во сыромъ дубѣ,
 «Сидитъ птица черной воронъ во сыромъ дубѣ,
 «Перьице у ворона чернымъ черно,
 «Крыльице у ворона бѣлымъ бѣло,
 «Перьица роспущены до матушки сырой земли.»
 Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
 На конѣ сидитъ, самъ пороздумался:
 — Хоть-то подстрѣлю двухъ бѣлыхъ лебедушекъ,
 — Да й побью я двѣ головки безповинныхъ,
 — Не укратаю плеча могучаго,
 — Не утѣшу сердца молодецкаго. —
 Енъ сымаетъ эту стрѣлочку каленую,
 Отпустилъ тетивочку шелковеньку,
 А й свой тóгой лукъ розрывчатый пристегивалъ
 А й ко правому ко стремечки булатнѣму,
 Да й поѣхалъ онъ роздольицемъ чистымъ полемъ
 А й ко славному ко городу ко Кiеву.
 Подѣзжалъ онъ ко сыру дубу врякнóвисту,
 Насмотрѣлъ енъ птицу черна ворона;
 Сиди птица черной воронъ во сыромъ дубѣ,
 Перьице у ворона чернымъ черно,
 Крыльице у ворона бѣлымъ бѣло,
 А й роспущены перьица до матушки сырой земли;
 Эдакою птицы на свѣтѣ не видано,
 А й на бѣлоемъ да и не слыхано.
 Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ

Онъ отъ праваго отъ стремечки булатнѣго
 Отстянулъ свой тóгой лукъ розрывчатый,
 Наложилъ енъ стрѣлочку каленую,
 Натянулъ тетивочку шелковеньку,
 Говорилъ-то молодецъ да й таковы слова:
 — Я подстрѣлю эту птицу черна ворона,
 — Ёго кровь-то росточу да по сыру дубу,
 — Его тушицу спущу я на сыру землю,
 — Перьице я роспущу да по чистó полю
 — Да по тою по долинушкѣ широкою. —
 Воспрогóворилъ-то воронъ птица черная,
 Испровѣщилъ да язýкомъ человѣческимъ:
 «Ты удаленькой дорóдней добрый молодецъ,
 «Славныя богáтырь свaтoрyсьскiи!
 «Ты слыхалъ ли поговорю на святой Руси:
 «Въ кельи старца-то убить—такъ то не спáсеньѣ,
 «Черна ворона подстрѣлить—то не кóрньсть по-
 лучить.
 «Хоть подстрѣлишь мѣне птицу черна ворона,
 «Поросточишь мою кровь ты по сыру дубу,
 «Спустишь тушицу на матушку сыру землю, —
 «Не укрятаешъ плеча да ты могучаго,
 «Не утѣшишь сердца молодецкаго.
 «Поѣзжай-ко ты во славный столярнѣй Кiевъ градъ,
 «Да й ко славному ко князю ко Владимиру, —
 «А й у славнаго-то князя у Владимира
 «Есть почестенъ пиръ да й пированьице,
 «То онъ ѣсть да пьетъ да й проклаждается,
 «Надъ собою князь незгодушки не вѣдаеть:
 «То вѣдъ ѣздитъ полянчицо въ чистóмъ поли,
 «Она кличетъ выкликаеть поединника,
 «Супротивъ себя да й супротивника,
 «Изъ чистá поля она наѣздника:
 ««Онъ не дастъ ли мнѣ-ка если поединника,
 ««Супротивъ меня да й супротивника,
 ««Изъ чистá поля да что наѣздника, —
 ««Розору я славный столярнѣй Кiевъ градъ,
 ««А 'ще чернедь мужичковъ-то всѣхъ повирублю,
 ««Всѣ Божьи церквы-то я на дымъ спущу,
 ««Самому князю Владимиру я голову срублю
 ««Со Опраксiей да королевичной.»
 Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
 На добромъ конѣ сидитъ, самъ пороздумался:
 — То слыхалъ я поговорю на святой Руси:
 — Въ кельи старца-то убить—такъ то не спáсеньѣ,
 — Черна ворона подстрѣлить—то не кóрньсть по-
 лучить;
 — Хоть я подстрѣлю-то птицу черна ворона,
 — Росточу-то его кровь да по сыру дубу,
 — Его тушицу спущу да й на сыру землю,
 — Роспущу-то ёго перьице да й по чистó полю

— Да по тою по долинушкѣ широкою, —
 — Не укрятаю плеча-то я могучаго
 — И не утѣшу сердца молодецкаго. —
 Онъ снмааетъ эту стрѣлочку каленую,
 Отпустилъ тетивочку шелковую,
 А свой тугой дуэкъ разрывчатый пристегивалъ
 А ѣ ко правому ко стремечки къ булатнѣму,
 На кони сидятъ да ѣ пороздумался:

— Прямѣажею дороженькой поѣхать въ стольней
 Киевъ градъ,

— То не честь мнѣ-ка хвала да ѣ отъ богатырей,
 — А ѣ не выслуга отъ князя отъ Владимира, —
 — А поѣхать мнѣ дорожкой во чисто поле
 — А ѣ ко тою полянищцу удалюю, —
 — А ѣ убьетъ-то поляница во чистомъ полѣ,
 — Не бывать-то мни да на святой Руси,
 — А и не видать-то мблодцю мнѣ свѣту бѣлаго. —

Онъ спустилъ коня да ѣ богатырскаго,
 Енъ поѣхалъ по роздольцу чисту полю,
 Енъ подѣхалъ къ поляниці ко удалюю.
 Они съѣхались добры молодцы да ѣ поздоровка-

лись,

Они дѣлали сговоръ да ѣ промежду собой,
 Какъ другъ у другá намъ силушки отвѣдати:
 Намъ розѣхаться съ роздольца чистá поля
 На своихъ на коняхъ богатырскихъ,
 Приударить надо въ палици булатнѣи,
 Тутъ мы силушки у другъ другá отвѣдаемъ.
 Порозѣхались они да на добрыхъ коняхъ
 По славному роздольцу чисту полю;
 Они съѣхались съ роздольца чистá поля
 На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскихъ,
 Приударили во палици булатнѣи,
 Они другъ другá-то били не жалухою, —
 Со всей силушки да богатырскѣи
 Били палицима (такъ) булатнѣи да по бѣлымъ
 грудямъ.

И у нихъ палици въ рукахъ да погибались,
 А ѣ по маковкамъ да ѣ отломилися;
 А ѣ подъ нима какъ доспѣхи были крѣпнѣи,
 Ёни другъ другá не сшибли со добрыхъ коней,
 Да ѣ не били они другъ другá, не ранили,
 Никотораго мѣстечка не кровавили.
 Становили мблодци они добрыхъ коней
 Ё они дѣлали сговоръ да промежду собой,
 Порозѣхаться съ роздольца чистá поля
 На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскихъ,
 Приударить надо въ конья муржамецкѣи,
 Надо силушки у другъ другá отвѣдати.
 Порозѣхались съ роздольца чиста поля
 На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскихъ,

Приударили во конья муржамецкѣи,
 Они другъ другá-то били не жалухою,
 Не жалухою-то били по бѣлымъ грудямъ.
 У нихъ конья-ты въ рукахъ да погибались,
 А ѣ по маковкамъ да ѣ отломилися;
 А ѣ подъ нима какъ доспѣхи были крѣпнѣи,
 Ёни другъ другá не сшибли со добрыхъ коней,
 Да ѣ не били они другъ другá, не ранили,
 Никотораго мѣстечка не кровавили.
 Становили добрыхъ коней богатырскихъ,
 Говорили молодци-ты промежду собой:
 Опуститься надо со добрыхъ коней
 А ѣ на матушку да ѣ на сыру землю,
 Надо биться-то намъ боемъ рукопашкою,
 Тутъ у другъ другá мы силушку отвѣдаемъ.
 Выходили молодци они съ добрыхъ коней,
 Становилися на матушку сыру землю
 Да ѣ пошли-то биться боемъ рукопашкою.
 Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
 Онъ весьма былъ обученъ бороться объ одной
 ручкѣ;

Подошолъ онъ къ полянищцу удалюю,
 Да ѣ схватилъ онъ поляницу на косу бодру (такъ),
 Да ѣ спустилъ на матушку сыру землю,
 Внималъ-то свой онъ ножъ булатнѣю (такъ),
 Заносилъ свою да ручку правую,
 Завосилъ онъ ручку выше головы,
 Да ѣ спустить хотѣлъ ю ниже пояса. —
 Права ручушку въ плечахъ да застоюлася,
 Въ ясныхъ очушкахъ да ѣ помутился свѣтъ.
 То онъ сталъ у поляниці повспрашивать:
 — Ты скажи-тко, поляница, мнѣ провѣдай-ко:
 — Ты съ коѣй Литвы, да ты съ коѣй земли,
 — Тобѣ какъ-то поляничку именѣмъ зовутъ.
 — Ё удалюю звеличаютъ по отечеству? —

Говорила поляница ѣ горько плакала:
 «А ѣ ты старая базмыка новодревная (такъ)!
 «Тобѣ просто надо мною насмѣхатися,
 «Какъ стоишь ты на моѣй бѣлой груди
 «И въ рукахъ ты держишь свой булатнѣи ножъ,
 «Ты хотишь пластать мои да груди бѣлыи,
 «Доставать хотишь моѣ сердце со печеней!
 «Есть стояла я бы на твоѣй бѣлой груди,
 «Да пластала бы твои я груди бѣлыи,
 «Доставала бы твоѣ да сердце съ печеней, —
 «Не спросила бъ я отца твоѣго матери,
 «А ни твоего ни роду я ни племени.»
 Розгорѣлось сердце у богатыря
 А у мблода Петроя у Петровича.
 Енъ занесъ свою да ручку правую,
 Ручку правую занесъ онъ выше головы,

Опустить ю хочеть ниже, пояса, —
 Права ручушка въ плечи да застолясе,
 Въ ясныхъ очушкахъ да помутился свѣтъ.
 То онъ сталъ у поляницы повыспрашивать:
 — Ты скажи-тко, поляница, мнѣ провѣдай-тко:
 — Ты коѣй земли да ты коѣй Литвы,
 — Тѣбя какъ-то поляничку именѣмъ зовуть,
 — Тѣбя какъ-то звеличаютъ по отечеству? —
 Говорила поляница такovy слова:
 «Ай ты славныя богатырь святорусскія!
 «А й ты когда сталъ у меня выспрашивать,
 «Я стану про то тобѣ высказывать:
 «Родомъ есть изъ города изъ Кракова,
 «Изъ того села да со Березова,
 «А й со тою ли со улицы Рогатицы,
 «Со того подворья богатырскаго,
 «Молодой Лука Петровичъ королевской сынъ.
 «Увезѣнъ былъ маленькимъ робеночкомъ:
 «Увезли меня татара-ты поганни,
 «Да й во ту во славну въ хоробру Литву,
 «То возрѣстали до полного до возрасту;
 «Во плечахъ сталъ я имѣть-то силушку великую,
 «Избиралъ коня соби я богатырскаго,
 «Я повнѣхалъ на матушку святую Русь
 «Поискать собѣ я ѳтца матушки,
 «Поотвѣдать своего да роду племени.»
 Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
 Енъ скорешенько соскочить со бѣлой груди,
 То й беретъ его за ручушки за бѣяни,
 За него беретъ за перстни за злаченны,
 То здымалъ его со матушки сырой земли,
 Становилъ онъ молодца да й на рѣзвыя ноги,
 На рѣзвыя ноги да й супротивъ себя,
 Цѣловалъ ёго въ уста онъ во сахарницъ,
 Называлъ-то братцемъ соби рѣднимъ.
 Ены сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
 Ко тому ко городу ко Брякову,
 Ко тому селу да ко Березову,
 Да ко тою улицы Рогатицы,
 Къ тому славному въ подворью богатырскому;
 Приѣзжали-то онѣ да й на широкой дворъ,
 Какъ сходили молодцы они съ добрыхъ коней,
 Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
 Онъ бѣжалъ скорѣ въ полату бѣлокаменну;
 Молодой Лука Петровичъ королевской сынъ
 А й сталъ по двору Лука показивать,
 За собою сталъ добра коня поваживать.
 Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
 Енъ скорешенько шолъ полатой бѣлокаменной,
 Проходилъ ёнъ во столову свою горенку,
 Ко своей ко рѣдной пришелъ матушкѣ:

— Ай ты свѣтъ моя да й рѣдна матушка!
 — Какъ-то былъ я во роздолницѣ чистомъ поли,
 — Да й наѣхалъ я въ чистомъ поли татарина,
 — А кормилъ я ёго ѣствушкой сахарнею,
 — Да й понлъ я ёго питьицемъ медвянымъ. —
 Говорить ему тутъ рѣдна матушка:
 «Ай же свѣтъ моѣ чадо любимое,
 «Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ!
 «Какъ наѣхалъ ты въ чистомъ поли татарина,
 «То не ѣствушкой кормилъ бы ты сахарнею,
 «То не питьицемъ понлъ бы ты медвянымъ,
 «А й то билъ бы ёго палицей булатнею,
 «Да й кололъ бы ты ёго да кобыемъ вострымъ.
 «Увезли у тѣбя братця они рѣднаго,
 «Увезли-то ёны маленькимъ робеночкомъ,
 «Увезли его татары-ты поганни!»
 Говорилъ Петрой Петровичъ такovy слова:
 — Ай ты свѣтъ моя да рѣдна матушка!
 — Не татарина наѣхалъ я въ чистомъ поле,
 — А й наѣхалъ братця соби рѣднаго,
 — Мѣлода Луку да я Петровича.
 — А й Лука Петровичъ по двору показивать,
 — За собою добра коня поваживать. —
 То честна вдова Настасья-то Васильевна
 Какъ скорешенько бѣжала на широкой дворъ,
 Да й въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
 Въ ѳднихъ тонкихъ чулочкахъ безъ чоботовъ,
 Приходила къ свѣому да къ сыну рѣдному,
 Къ мѣлоду Луки да й ко Петровичу,
 Ена брала-то за ручушки за бѣяньки,
 За него-то перстни за злаченны,
 Цѣловала во уста его въ сахарницъ,
 Называла-то соби да сыномъ рѣднимъ;
 Да й вела его въ полату бѣлокаменну,
 Да вела въ столову свою горенку,
 Да й садила-то за столики дубовыи,
 Ихъ кормила ѣствушкой сахарнею,
 Да й понла-то ихъ питьицемъ медвянымъ.
 Они стали жить бытъ, вѣкъ корѣтати.

Записано тамъ же, 7 июля.

88.

СКОПИНЬ.

Обошла Москву Литва поганая,
 Да й садился тутъ Скопинъ да на добра коня,
 Еще ѣхалъ-то Скопинъ да и во Новгородъ,

Онъ заутрену служилъ пречистой Богородицѣ,
 На заутрену онъ положилъ пятьсотъ рублей,
 На обѣдню полагалъ онъ цѣлу тысящу,
 Сбиралъ ѣмъ мужичковъ да новгородскіихъ,
 Говорилъ ѣмъ мужичкамъ да новгородскимъ:
 «Ай же мужички вы новгородскіа!
 «Соберите-тко мнѣ силушки соробѣ тысящъ
 «Да я повыгнать изъ Москвы Литва поганая.»
 Эти мужички да новгородскіа
 Сбирали ѣму силушки соробѣ тысящъ;
 Ъхалъ-то Скопинъ да къ каменной Москвы
 Со своимъ со войскамъ со великими.
 У Литвы Москва да попрізаныта,
 А я всѣ дѣлы у Литвы да призастанены,
 А я оружіями литовскими
 Магазины принаполнены,
 Ему некакъ-то подѣхатъ къ каменной Москвы.
 А ще шолъ Скопинъ по славной каменной Москвы,
 Приходилъ-то онъ ко князю ко московскому,
 Ко тому къ Микитушѣ къ Романову.
 А ще грозный царь Иванъ Васильевичъ
 Во Москвы живетъ да ѣмъ не весело
 Онъ со этою царицею со московскою,
 Да со тою со Настасьишкой Романовной,
 Етъ про нихъ дѣла да и не вѣдаеть.
 Говорилъ Скопинъ-отъ князю-то московскому:
 «Ай же князь Микитушка Романовичъ,
 «Розорить нашу Москву Литва поганая!»
 Тутъ московской князь Микитушка Романовичъ
 А я садился-то Микита на черленый стулъ,
 Я онъ повѣсилъ свою буйную головушку
 Да пониже плечъ своихъ могучіихъ,
 Ясны очушки втопилъ онъ во кирпичной мостъ,
 Говорилъ-то тутъ Микита такыя слова:
 — Ай же молодость моя молодая!
 — Улетѣла отъ меня да я во чисто поле,
 — Во чисто поле да яснымъ соколомъ!
 — Ай ты старость ты моя да и глубокая!
 — Налетала ты да изъ чиста поля,
 — Изъ чиста поля да чернымъ ворономъ,
 — Да я садилася ко мнѣ на плечка на могучи!—
 А я тутъ сталъ Микита на рѣзвыя ноги,
 А я то палъ Микита о кирпичной мостъ,
 Обвернулся тонкимъ бѣлымъ горносталячникомъ,
 Я онъ бѣжалъ по славной каменной Москвы,
 Забѣгалъ онъ въ магазинъ въ оружейный,
 Отъ оружей всѣ замочки прочь повыщелкалъ;
 Онъ бѣжалъ-то на конюшни лошадины, —
 У добрыхъ коней всѣ глочки выиторкалъ;
 Бѣжалъ онъ тонкимъ бѣлымъ горносталячникомъ
 Во свою полату бѣловаменну,

А я тутъ палъ Микита о кирпичной мостъ,
 Обвернулся, сталъ Микита добрымъ молодцемъ.
 Выходилъ-то какъ Микита на шировой дворъ,
 Отобралъ добра коня Микита богатырскаго,
 Я онъ сѣдлалъ коня да богатырскаго,
 Онъ повѣхалъ на славну каменну Мосеву
 Воевать съ Литвою со поганую.
 Какъ пошла Литва погана по конюшнямъ лоша-
 диннымъ,
 Да у добрыхъ коней вси глочки росторканы;
 То пошли оны по тымъ славнымъ магазеймъ ору-
 жейнымъ,
 Отъ оружей всѣ замочки отщолканы, —
 То имъ нечѣмъ воевать да съ каменной Москвой.
 А я поганая Литва она въ побѣгъ пошла,
 А я очистили-то славну каменну Мосеву.
 Еще тымъ эти дѣла покончилисъ.

Записано тамъ же, 8 июля.

89.

МОЛОДЕЦЪ И ХУДАЯ ЖЕНА.

А я сидитъ сидитъ кручиненъ доброй молодецъ,
 Да я сидитъ печаленъ доброй молодецъ,
 Онъ повѣсилъ свою буйную головушку
 Да я пониже плечъ своихъ могучіихъ.
 «Ты чего сидишь печаленъ, доброй молодецъ,
 «Ты чего сидишь кручиненъ, доброй молодецъ?»
 — Еще какъ-то, молодцю мнѣ не кручиниться?
 — Еще какъ-то, молодцю мнѣ не печалиться?
 — Какъ вечеръ-то легъ я — не поужиналъ,
 — Я утрѣсь-то сталъ да не позавтракалъ,
 — Пообѣдати схватился — тамъ и хлѣба нѣтъ.
 — Поневолили-то молодца жениться,
 — Поженили-то въ деревни у сусѣдушка,
 — У сусѣда бны брали у богатаго
 — Да я приданого-то много — человекъ худой.
 — А я приданое виситъ на грядочѣ,
 — Да я худая жонга-та на ручьи спитъ.
 — То мнѣ не съ кимъ добру молодцю поглядиться*),
 — Да и не съ кимъ добру молодцю полиститься**). —
 Я оттого-то молодецъ да во гульбу пошолъ,
 Во гульбу пошолъ да во гуляньицо;
 Еще день за день какъ быдто дождь дожить,
 Да я недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ,

*) т. е. повѣдиться. **) т. е. поласкаться.

Да пошоль-то молодѣць а изъ земли въ землю,
Изъ земли въ землю да изъ орды въ орду,
И зашоль-то къ королю къ литовскому,
Да и задался во служеніи къ литовской короле-
вичной,

Да и служилъ у ней двѣнадцать годъ,
А двѣнадцать годъ служилъ онъ вѣрой правдою,
Вѣрой правдой онъ служилъ да неизмѣною:

На кровати спалъ онъ на тисовой,
А и на той онъ на перинѣ на пуховой,
У самой ли-то у ней да на бѣлой груди.
Стосковалось тутъ дородню добру мѡлодцу

По своей-то по родимой по сторонущи,
Онъ докладалъ королю литовскому:

— Ай ты батюшко король литовскій!
— Стосковалось по родимей мни сторонущи,
— Захотѣлось посмотрѣть мнѣ на отцовско на
помѣстьицо:

— Тамъ не выросло ль зелѣное кропивушко? —
Приказалъ король ему коня сѣдлатъ,
Королевична литовская

Насыпала-то безсчетну золоту казну,
Во шелковѣ камвертѣ да запечатала,
Положила она мѡлодцу въ глубоокъ карманъ;
А и поѣхалъ тутъ дородней добрый мѡлодець.

А 'ще день за день какъ быдо дождь дождитъ,
То и недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ,
А и то ѣхалъ мѡлодець да изъ орды въ орду,
Да и проѣхалъ мѡлодець онъ изъ земли въ землю,
Пріѣзжалъ онъ на отцѣвско на помѣстьицо.

На отцѣвскоемъ да и на помѣстьицѣ
То стоитъ худая мала хизинка,
Да и у той ли малой 'худой хизинки
Ходить малыхъ два глухихъ два вьюнышка *).

Говорилъ-то имъ дородней доброй мѡлодець:
— Ай же малы вы глухи вьюнышки!
— Вы котораго-то дому да коей семьи?

— Еще есть ли-то у васъ да отецъ матушка? —
говѣщали ему малы глухи вьюнышки:
«Ай ты дядюшка да и незнаѣмой!
«Столько есть у насъ одна родитель матушка,
«А и то нѣтъ у насъ да рѡдна батюшка.»

Говорилъ-то имъ дородней доброй мѡлодець:
— Ай же малы вы глухи вьюнышки!
— А и куда у васъ ушла да рѡдна матушка? —
Говорили ему глухи малы вьюнышки:
«А и ушла-то наша рѡдна матушка
«На крестьянскую да на роботушку,
«А и тымъ она да насъ воспитывать.»

*) т. е. юноши.

И онъ стоялъ-то вѣдь до позднего до вечера.
Тутъ худая-та жонá, да жѡна умная,
Жѡна умная многоразумная,
То идетъ она съ крестьянской со роботушки,
Во правой руки несеть-то косу вострую,
Во лѣвой руки несеть-то грабли частыи,
На плечахъ бѣдна горюшица дрова несеть,
Приходила-то къ худому къ малой хизинки.
Говорилъ-то ей дородней доброй мѡлодець:
— А и честная ль ты вдова аль жѡна мужняя? —
Отвѣщала-то ему да жѡна умная,
Жѡна умная многоразумная:
«Не вдова-то есть, жонá не мужняя,
«Сирота я есть да горе-горькая.»
Говорилъ-то ей дородней доброй мѡлодець:
— Не вдова ты есть, да жѡна мужняя. —
«Почому ты мѣня знаешь жѡну мужнюю?»
— Потому я знаю жѡну мужнюю,
— Что съ тобою мы росли да близко-пѡ-близку,
— Да играли мы съ тобою въ шашки въ шахматы
— Да во славны во велен во нѣмецкѣи,
— А и тогда съ тебя я часто ѣзди бралъ....
— Подойди-тко ты ко мни да жѡна умная,
— Жѡна умная многоразумная,
— Положи-тко свои ручки во глубоокъ карманъ.
— Вынимай-ко изъ кармана ты шелковѣ камвертѣ,
— Вынимай камвертѣ да распечатывай. —
То худая-та жонá да жѡна умная,
Жѡна умная многоразумная,
Подошла она къ дородню добру мѡлодцу,
Положила свои ручушки въ глубоокъ карманъ,
Вынимала-то оттуль она шелковѣ камвертѣ,
Вынимала-то камвертѣ да распечатала,
Находила во камвертѣ свой злаченъ перстень, —
А когда оны вѣщались во матушки,
Да и во матушки вѣщались во Божьей церкви,
Тогда этимъ она перстнемъ обручалася.
И она брала-то за ручушки за бѣлыи,
За нѣго за перстни за злаченны,
Цѣловала во уста его сахарныи,
Называла-то соби мужѡмъ любимымъ.

Записано въ Петербургѣ, 25 ноября.

90.

ГОРЕ.

(См. Рыбникова, т. I, 85).

А й батюшка у матушки
 Какъ жилъ-то мѡлодецъ да онъ во дроушкѣ *),
 А онъ ѡль сладко да и носилъ краснѡ,
 А й носилъ краснѡ да работалъ лёкко.
 Похотѣлось тутъ дорожку добру мѡлодцу
 Да й сходить ёму на чужу на сторонущу,
 Посмотрѣть людей да показать себя.
 Да ёнъ дѣлалъ-то одѣжцу хорошеньку,
 А онъ шилъ собѣ да кунью шубоньку,
 По подолу онъ строчилъ ю чистымъ сѣребромъ,
 По рукавчикамъ да й околъ ворота
 Строчилъ шубоньку да краснымъ золотомъ;
 Воротъ шилъ-то въ шубки выше головы,
 Спереду-то нѣ видать личкѣ румянаго,
 Изъ-заду не видно шеи бѣлою;
 На головушку-ту шапочку онъ шилъ да соболиную,
 Дорогихъ-то сѡболей заморьскѣихъ,
 А й кушачикъ опоясалъ онъ шелковенькой,
 Да й перчаточки на ручки съ чистымъ сѣребромъ,
 Да й сапоженьки на ноженьки сафьянны:
 Вокругъ носика-то носа лицѣмъ кати,
 Подъ пяту подъ пяту воробей лети;
 А онъ денежекъ-тыхъ взялъ да пятьдесятъ рублей,
 Пятьдесятъ рублей-то взялъ ёнъ со полтинкою,
 Да й пошолъ-то ёнъ на чужую на дальню на сто-
 ронущу.

Приходилъ-то онъ ко городу ко чужому,
 Тутъ сустигла мѡлодца да ночка тѣмная,
 Да й не знаетъ онъ куды да прѣютитися,
 Городъ чужь, люди ёму незнаемы.
 А й пришолъ-то ёнъ къ царѣвому къ кабаку;
 Еще тутъ-то мѡлодецъ да запечалился,
 Еще тутъ-то мѡлодецъ да й закручинился,
 Приклонилъ буйну головушку къ сырѡй землѣ,
 Ясны очушки втопилъ онъ во сырѡу землю.
 Изъ того царѣвого изъ кабака
 Выходило бѣбицо курвяжицо,
 Да й турьяна бѣбицо ярыжная,
 А й станѡмъ ровна да и лицѣмъ бѣла,
 У' ней кровь въ лица да какъ у зѣнца,
 Во лицѣ ягѡдници *) какъ цвѣту макова.
 Она стала вѡкругъ мѡлодца показивать:
 «Ты чоѡ стоишь зручиненъ, доброй мѡлодецъ?

«Ты чоѡ стоишь печаленъ, доброй мѡлодецъ?
 «То ли городъ тоби чужь, люди незнаемы,
 «Да й не знаешь ты куда да прѣютитися?
 «Ты поди-тко мѡлодецъ да й во царевъ кабаки,
 «Выпей рюмочку вина зеленого,
 «Да и тутъ ты мѡлодецъ да роскуражишься,
 «Тутъ пойдешь по городу показивать,
 «Да й будѣшь по чужому погуливать,
 «Да чужихъ людей да познавать будѣшь.»
 Ёнъ послушалъ бѣбица курвяжица,
 Да й турьяной бѣбица ярыжною;
 Заходилъ-то мѡлодецъ ёнъ во царевъ кабаки,
 Выпилъ рюмочку вина зеленого,
 Выпилъ рюмочку да още другую,
 Испивалъ-то онъ да й третью рюмочку,
 А и тутъ-то мѡлодецъ да й роскуражился,
 А онъ бѣбищой турьяной позабавился.
 Таевъ онъ денежекъ-тыхъ пропилъ пятьдесятъ
 рублей,

Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтинкою,
 Обвалился мѡлодецъ тутъ на царевъ кабаки.
 Подошли-то къ нѣму голюшки кабацкыи
 Й отполсали кушачикъ семишолковый,
 А й то сняли съ нѣго шубоньку-ту кунью,
 А й съ головушки-то шапочку-ту сняли соболиную,
 Съ ручокъ сняли-то перчаточки да съ чистымъ
 сѣребромъ,
 Да й сапоженьки розули съ ногъ сафьянны,
 А й лапѡтники обули ёму липовы,
 Да й рогѡзаньку надѣли ёму липову,
 Да й поношену да туу брошену,
 На головушку колпакъ надѣли липовой,
 Да й поношеной да тотъ и брошеной.
 Пробудился мѡлодецъ да ёнъ отъ крѣпка сна,
 Да й отъ крѣпка сна отъ мѡлодецаго,
 Пороскинулъ онъ свои да ясны очушки, —
 А вся снята-то одѣжа дрогѡцѣнная,
 А й надѣто-то одѣженько всё липово.
 Тутъ сидитъ-то мѡлодецъ да запечаливши,
 Тутъ сидитъ-то мѡлодецъ да й закручинивши,
 Ёнъ повѣсилъ свою буйную головушку
 Да й на правую онъ на сторонущу,
 Ясны очушки втопилъ ёнъ во кирпичной мостъ.
 Подошла-то къ нѣму бѣбицо курвяжицо,
 Да й турьяно бѣбицо ярыжное,
 То станѡмъ ровна да и лицѣмъ бѣла,
 У ней кровь въ лица быдѡ у зѣнца,
 Во лицѣ ягѡдници-то цвѣту макова.
 Подносила къ нѣму чару зеленѣ вина:
 «Ты удаленькой дорожнѣй доброй мѡлодецъ!
 «Да испей-ко чару зеленѣ вина, —

*) т. е. бѡловствѣ или вѣгѣ. **) т. е. щекѣ.

«Тбби полно добру мѳлодецѳу печалиться,
«Тбби полно добру мѳлодецѳу кручиниться.»
Выпилъ рѳюмочку вина зеленого,
А и тутъ-то мѳлодецѳъ ѳнъ роскуражился,
Выходилъ-то мѳлодецѳъ съ царева кабака,
ѳнъ пошолъ ходить по городу по чѳужому,
Да онъ сталъ-то познавать да онъ чужихъ людей.
Проходилъ ѳнъ цѳлой день съ утра ѳ до вечера,
ѳнъ зашолъ къ хозяину къ басонщичку,
Онъ задѳлся во роботѳушку въ басонскую.
Онъ живѳтъ-то доброй мѳлодецѳъ по годъ поры,
Да ѳ живѳтъ-то доброй мѳлодецѳъ другой годъ,
Да ѳ живѳтъ-то доброй мѳлодецѳъ по третьей годъ,
Еще денежокѳъ ѳнъ нажилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей ѳнъ нажилъ со полтинкою.
Сшилъ онъ соби шубоньку-ту куньюю,
По подолу онъ строчилъ ю чистымъ сѳребромъ,
По рукавчикамъ да ѳ околъ ворота
Стрѳчилъ шубоньку да краснымъ золотомъ;
Воротъ шилъ-то въ шубки выше гѳловы,
Спереду-то нѳ видать личка румянаго,
Изъ-задѳ не видно шеи бѳлою;
На головушку-ту шапочку онъ шилъ да соболиную,
Дорогихъ-то собѳлей заморьскихъ,
Онъ кушачик-отъ купилъ да семишолковный,
Онъ сапожки сшилъ соби сафьянными:
Вокругъ носива-то носа лицѳмъ кати,
А ѳ то подъ пѳту подъ пѳту воробей летить.
Онъ пошолъ ходить по городу по чѳужому,
Онъ ходилъ гулялъ да день до вечера,
Да ѳ суетица мѳлодца да ночка темная.
ѳнъ не знаетъ да куды да прѳютитися,
Подходилъ-то ѳнъ къ царѳвоѳму къ кабаку,
Припечаливши стоитъ онъ приручинивши,
Приклонилъ свою головушку къ сырѳи земли,
Ясны очуши втѳпилъ онъ во сырѳу землю.
Со того ли кабака да со цареваго
Выходило бѳбищо курвяжищо,
Она стала вокругъ мѳлодца похаживать,
Говорила-то ѳ она да таковы слова:
«Ты чога стоишь печалень доброй мѳлодецѳъ?
«Ты чога стоишь кручинень доброй мѳлодецѳъ?
«То ли городъ чужъ тобі, люди незнаемы,
«Да ѳ не знаешь ты куда да прѳютитися?
«Да ѳ поди-теѳ мѳлодецѳъ да ѳ во царѳвъ кабакъ,
«А ѳ ты рѳюмочку-ту выпей зеленѳ вина,
«Еще тутъ ты мѳлодецѳъ да роскуражишься,
«Будешь познавать ты чѳужа города,
«Познавать-то будешь ты чужихъ людей.»
ѳнъ послушалъ бѳбища курвяжища,
Да ѳ турыжной бѳбища ярыжною.

Заходилъ-то мѳлодецѳъ ѳнъ во царѳвъ кабакъ,
Выпилъ рѳюмочку вина зеленого,
Выпилъ мѳлодецѳъ да то и дрѳгую
Выпилъ мѳлодецѳъ да еще третьюю,
Еще тутъ-то мѳлодецѳъ да роскуражился,
Да онъ денежекѳъ-тыхъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтинною.
Обвалился мѳлодецѳъ ѳнъ на царѳвъ кабакъ.
Подѳшли-то къ нему голѳшки кабацныи,
Отпоясали кушачикъ семишолковный,
Да то сняли съ него куньюю-ту шубоньку,
Сняли шапочку да соболиную,
Да ѳ перчаточки-ты сняли съ чистымъ сѳребромъ,
Да ѳ сапожки-ты розули съ ногъ сафьянными.
Пробудился мѳлодецѳъ отъ крѳива сна,
Пороскинулъ онъ свои да ясны очушки, —
То вѳдъ снята вся одѳжа дрогоценная,
А ѳ одѳжица одѳта-то все липова,
Да ѳ поношена да тая брошена.
Запечалился ѳнъ закручинился,
Да ѳ повѳсилъ свою буйную головушку,
Ясны очушки втѳпилъ ѳнъ во кирпичной мѳсть.
Подѳшло-то къ нѳму бѳбищо курвяжищо,
То станѳмъ ровнѳ да и лицѳмъ бѳла,
У ней кровь въ лицѳ быдѳто у заца,
Во лицѳ ягѳдици-то цвѳту макова.
Подносила къ нѳму чару зеленѳ вина:
«Ты удаленькой дороднѳй доброй мѳлодецѳъ!
«Да испей-жо чару зеленѳ вина,
«А 'ще тутъ-то мѳлодецѳъ ты роскуражишься.»
Тутъ удаленькой дороднѳй доброй мѳлодецѳъ
Испивалъ онъ чару зеленѳ вина,
Выходилъ-то мѳлодецѳъ съ царева кабака,
ѳнъ пошолъ ходить по городу по чѳужому,
Да онъ сталъ-то познавать да онъ чужихъ людей.
Проходилъ ѳнъ цѳлой день съ утра ѳ до вечера,
ѳнъ зашолъ къ хозяину къ басонщичку,
Онъ задѳлся во роботѳушку въ басонскую.
Онъ живѳтъ-то доброй мѳлодецѳъ по годъ поры,
Да ѳ живѳтъ-то доброй мѳлодецѳъ другой годъ,
Да ѳ живѳтъ-то доброй мѳлодецѳъ по третьей годъ,
Еще денежокѳъ ѳнъ нажилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей ѳнъ нажилъ со полтинкою.
Сшилъ онъ соби шубоньку-ту куньюю,
По подолу онъ строчилъ ю чистымъ сѳребромъ,
По рукавчикамъ да ѳ околъ ворота
Стрѳчилъ шубоньку да краснымъ золотомъ;
Воротъ шилъ-то въ шубки выше гѳловы,
Спереду-то нѳ видать личка румянаго,
Изъ-задѳ не видно шеи бѳлою;
На головушку-ту шапочку онъ шилъ да соболиную,

Дорогихъ-то соболей заморьскѣихъ,
 Онъ кушачикъ-отъ кушилъ да семишолковый,
 Онъ сапожки спилъ соби сафьянни:
 Вокругъ носика-то носа янцѣмъ кати,
 А ѣй то подъ пату подъ пату воробей летить.
 Онъ пошогъ ходить по городу по чужому,
 Онъ ходилъ гулялъ да день до вечера,
 Да ѣй суглигла мѡлодца да нѡчка темная.
 Енъ не знаетъ да куды да пріютитися,
 Подходилъ-то енъ къ царёвому къ кабаку,
 Припечаливши стоитъ онъ прикручинивши,
 Приклонилъ свою головушку къ сырѡй земли,
 Ясны очушки втопилъ онъ во сырѡу землю.
 Со того ли кабака да со цареваго
 Выходило бѡбищу курвяжищу,
 Она стала вѡкругъ мѡлодца похаживать,
 Говорила-то ѣй она да такыи слова:
 «Ты чого стоишь печазень, доброй мѡлодецъ?
 «Ты чого стоишь кручинень, доброй мѡлодецъ?
 «То ли городъ чужъ тоби, людѣй незнаемы,
 «Да ѣй не знаешь ты куда да пріютитися?
 «Да ѣй поди-тко мѡлодецъ да ѣй во царевъ кабакъ,
 «А ѣй ты рюмочку-ту выпей зеленѡ вина,
 «Еще тутъ ты мѡлодецъ да роскуражишься,
 «Будешь познавать ты чужѡ города,
 «Познавать-то будешь ты чужихъ людѣй.»
 Енъ послушалъ бѡбища курвяжища,
 Да ѣй туряжной бѡбища ярыжноу.
 Заходилъ-то мѡлодецъ енъ во царевъ кабакъ,
 Выпилъ рюмочку вина зеленого,
 Выпилъ мѡлодецъ да то и дрѡгую,
 Выпилъ мѡлодецъ да еще ѣй третью,
 Еще тутъ-то мѡлодецъ да роскуражился,
 Да онъ денежекъ-тыхъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
 Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтиною.
 Обвалился мѡлодецъ енъ на царевъ кабакъ.
 Подошли-то къ нѣму голюшки кабацнии,
 Отпоясали кушачикъ семишолковый,
 Да то сняли съ него кунью-ту шубоньку,
 Сняли шапочку да соболинуу,
 Да ѣй першачочки-ты сняли съ чистымъ сѣребромъ,
 Да ѣй сапожки-ты розули съ ногъ сафьянни.
 Пробудился мѡлодецъ отъ крѣпка сна,
 Пороскинулъ онъ свои да ясны очушки, —
 То вѣдъ снята вся одѣжа драгоцѣнная,
 А ѣй одѣжица одѣта-то всѣ липова,
 Да ѣй поношена да тая брошена.
 Запечалился енъ закручинился,
 Да ѣй повѣсилъ свою буйную головушку,
 Ясны очушки втопилъ енъ во кирпичной мостъ.
 Подошло-то къ нѣму бѡбищу курвяжищу;

То станѡмъ ровнѡ да и лицѣмъ бѣла,
 У ней кровь въ лицѣ быдѡ у заяца,
 Во лицѣ ягѡдици-то цвѣту макова;
 Подносила къ нѣму чару зеленѡ вина:
 «Ты удаленькой дорѡднѣй доброй мѡлодецъ!
 «Да испей-ко чару зеленѡ вина.»
 Испивалъ-то мѡлодецъ онъ чару зеленѡ вина,
 Выходилъ енъ съ кабака да ѣй со цареваго,
 Обвернулся доброй мѡлодецъ сѣрымъ волкомъ,
 Побѣжалъ-то онъ отъ Горюшка въ чистѡ поле, —
 А и Горюшко за нимъ собакою.
 Обвернулся-то да ѣй доброй мѡлодецъ,
 Полетѣлъ-то онъ да яснымъ соколомъ, —
 Горюшко вслѣдъ за нимъ чернымъ ворономъ....
 А и тутъ-то доброй мѡлодецъ приставился.
 Да свези-то на могилу на родительску,
 Положили добра мѡлодца въ сырѡу землю, —
 Прибѣгало тутъ да къ нѣму Горюшко,
 Прибѣгало Горе, обѣ немъ плакало:
 — А ѣй хорошъ ты былъ удаленькой дорѡднѣй
 мѡлодецъ!
 — Я тебѣ пойду во славу въ каменну Москву,
 — У меня тамъ есть еще лучшѣй тобя. —

Записано въ Петербургѣ, 27 ноября.

XVII.

КУЗЬМА РОМАНОВЪ.

Кузьма Ивановичъ Романовъ, крестьянинъ дер. Лонгасы, Сѣнногубской волости, лѣтъ за 80, слѣпой съ малолѣтства, щедурный, небольшого роста, сгорбленный, сѣденькой старичокъ. Онъ съ молоду остался безпомощнымъ сиротѡю на попеченіи міра, который сдалъ приходившійся на долю Романова участѡкъ другому крестьянину, съ обязательствомъ доставлять ему сколько нужно для пропитанія. Такъ онъ прожилъ весь вѣкъ, занимая избушку, доставшуюся ему отъ родителей. Былины онъ заимствовала отъ того же Ильи Елустафьева, отъ котораго учился и Рябининъ; по его словамъ, онъ кромѣ Елустафьева не имѣлъ другаго учителя. Поѣтъ онъ былины слабымъ, хребезжащимъ голосомъ, не договаривая конца стиховъ. Въ большей части былины онъ не помнитъ конца или рассказываетъ конецъ словамъ. При этомъ оказалось, что когда

онъ пѣлъ свои былинны г. Рыбникову, болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, онъ обрывалъ ихъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и теперь, и что какъ самый кругъ былинъ, которыхъ онъ поѣтъ, такъ и текстъ каждой изъ нихъ остались безъ всякаго существеннаго измѣненія. Съ тѣхъ поръ какъ записывалъ съ его словъ г. Рыбниковъ, онъ забылъ только былину про Василя Буслаева, которую и тогда онъ плохо зналъ и могъ восстановить въ памяти только при помощи покойнаго Леонтія Богданова. Кузьма Романовъ отличается отъ всѣхъ прочихъ сказителей, упоминаемыхъ въ настоящемъ сборникѣ, тѣмъ что онъ считаетъ пѣніе былинъ чѣмъ-то въ родѣ профессіи, составляющей его извѣстность и дающей ему нѣкоторую прибыль. Суда по его разговорамъ, этотъ взглядъ особенно укоренился въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ приглашенъ спѣть былинны передъ покойнымъ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ во время его путешествія на сѣверъ. Кузьма Романовъ считаетъ себя первымъ сказителемъ и не охотно признаетъ, чтобы кто либо другой зналъ порядочно былинны. При всемъ стараніи, невозможно было записать его былинны съ напѣва, такъ какъ онъ, разъ «взявъ былинну на голосъ», не въ состояніи уже остановиться. Потому былинны, здѣсь печатаемыя, не представляютъ размѣра съ тою вѣрностью, съ какою Романовъ его дѣйствительно соблюдаетъ, когда распѣваетъ былинны; притомъ Романовъ, совершенно беззубый, произносилъ такъ невнятно, что собиратель нѣкоторыхъ стиховъ не могъ хорошенько разслышать и принужденъ былъ въ этихъ случаяхъ придерживаться текста Рыбникова. Кромѣ помѣщаемыхъ здѣсь былинъ, онъ сказывалъ еще былинну про Хотена (Рыбн. т. II, 22) совершенно сходно съ Рыбниковскимъ текстомъ.

91.

ВОЛЬГА.

(См. Рыбникова, т. I, 1).

Закатилось красное солнышко
За лѣсушки за темныя, за моря за широкія,
Розсаждалися звѣзды частыя по свѣтлѣ небу:
Порождалися Вольга сударь Буславлевичъ

На святой Руси.

И росъ Вольга Буславлевичъ до пяти годковъ,
Пололъ Вольга сударь Буславлевичъ по сырой
земли;

Мать сыра земля сколыбалася,
Звѣри въ лѣсахъ разбѣжались,
Птицы по подоблачью разлетались,
И рыбы по синю морю разметались.
И пошолъ Вольга сударь Буславлевичъ
Обучаться всякихъ хитростей мудростей,
Всякихъ языковъ онъ различныхъ;
Задался Вольга сударь Буславлевичъ на семь годъ,
А прожилъ двѣнадцать лѣтъ,
Обучался хитростямъ мудростямъ,
Всякихъ языковъ различныхъ.
Собиралъ дружину себѣ добрую,
Добрую дружину, хоробрую,
И тридцать богатырей безъ единого,
Самъ становился тридцатымъ:
«Ай же вы дружина моя добрая хоробрая!
«Слушайте большого брата атамана-то,
«И дѣлайте дѣло повелѣное:
«Вейте веревочки шелковыя,
«Становите веревочки по темнѣ лѣсу,
«Становите веревочки по сырой земли,
«А ловите вы куницъ лисицъ,
«Дивныхъ звѣрей черныхъ соболей
«И подеопучинхъ бѣлыхъ зайчковъ,
«Бѣлыхъ зайчковъ, малыхъ горносталюшковъ,
«И ловите по три дня по трѣ ночи.»
Слушали большого брата атамана-то,
Дѣлали дѣло повелѣное:
Вили веревочки шелковыя,
Становили веревочки по темнѣ лѣсу по сырой
земли,

Ловили по три дня по трѣ ночи, —
Не могли добыть ни одного звѣрка.
Повернулся Вольга сударь Буславлевичъ,
Повернулся онъ левымъ звѣремъ (*такъ*);
Поскочилъ по сырой земли по темнѣ лѣсу,
Заворачивалъ куницъ лисицъ,
И дивныхъ звѣрей черныхъ соболей,
И бѣлыхъ поскаучинхъ зайчковъ,
И малыхъ горносталюшковъ.
И будетъ во градѣ во Киевѣ
А со своею дружиною со доброю,
И скажетъ Вольга сударь Буславлевичъ:
«Дружинушка ты моя добрая хоробрая!
«Слушайте большого брата атамана-то
«И дѣлайте дѣло повелѣное,
«А вейте силышка шелковыя,

«Становите силышка на темный лѣсъ,
 «На темный лѣсъ на самый верхъ,
 «Ловите гусей лебедей, ясныхъ соколей,
 «А малую птицу-ту пташицу,
 «И ловите по три дни и по три ночи.»
 И слухали большого братца атамана-то,
 А дѣлали дѣло повелѣное:
 А вили силышка шелковы,
 Становили силышка на темный лѣсъ на самый
 верхъ;

Ловили по три дни по три ночи, —
 Не могли добыть ни одной птички.
 Повернулся Вольга сударь Буславлевичъ Науй
 птицей,

Полетѣлъ по подоблачю.
 Заверачивалъ гусей лебедей, ясныхъ соколей,
 И малую птицу-ту пташицу.
 И будутъ во городъ во Киевѣ
 Со своей дружинишкой со добромъ;
 Скажетъ Вольга сударь Буславлевичъ:
 «Дружина моя добрая хоробрая!
 «Слушайте большого братца атамана-то,
 «Дѣлайте вы дѣло повелѣное:
 «Возьмите топоры дроворубные,
 «Стройте судѣнышко дубовое,
 «Вяжите путевы шелковы,
 «Выѣзжайте вы на сине море,
 «Ловите рыбу семжинку да бѣлужинку,
 «Щученьку плотиченьку,
 «И дорогую рыбку осѣтринку,
 «И ловите по три дни по три ночи.»
 И слухали большого братца атамана-то,
 Дѣлали дѣло повелѣное:
 Брали топоры дроворубные,
 Строили судѣнышко дубовое,
 Вязали путевы шелковы,
 Выѣзжали на синѣ море,
 Ловили по три дни по три ночи, —
 Не могли добыть ни одной рыбки.
 Повернулся Вольга сударь Буславлевичъ рыбой
 щучинкой

И побѣжалъ по синю морю.
 Заворачивалъ рыбу семжинку бѣлужинку,
 Щученьку, плотиченьку,
 Дорогую рыбку осѣтринку.
 И будутъ во градъ во Киевѣ
 Со своею дружиною со добромъ,
 И скажетъ Вольга сударь Буславлевичъ:
 «Дружина моя добрая хоробрая!
 «Вы слушайте большого братца атамана-то:
 «Кого бы намъ послать во Турецъ землю,

«Провѣдати про думу про царскую,
 «И что царь думы думаетъ,
 «И думаетъ ли ѣхать на святую Русь?
 «А стараго послать — будетъ долго ждать;
 «Да середняго послать-то — виномъ запоятъ,
 «А малаго послать, —
 «Маленькой съ дѣвущками заиграется,
 «А со молодущками распотѣшится,
 «А со старыма старушками разговоръ держать,
 «И буде намъ долго ждать.
 «А видно будѣ Вольгѣ самому пойти!»
 Повернулся Вольга сударь Буславлевичъ
 Малуя птицею-пташицей,
 Полетѣлъ ѣтъ по подоблачю.
 И будетъ скоро во той земли Турецкой,
 Будетъ у сантала у турецкаго,
 А у той полаты бѣлокаменной,
 Противъ самыихъ окошечекъ,
 И слухаетъ онъ рѣчи тайныя. —
 Говоритъ царь со царицею:
 «Ай же ты царица Панталовна!
 «А ты знаешь ли про то, вѣдаешь?
 «На Руси-то трава растетъ не по старому,
 «Цвѣты цвѣтутъ не по прежному,
 «А на Руси трава растетъ не по прежному,
 «А видно Вольгѣ-то живаго нѣтъ.
 «А поѣду я на святую Русь,
 «Возьму я себѣ девять городовъ,
 «Подарю я девять сыновъ,
 «А тебѣ царица Панталовна
 «Подарю я шубовьку дорогу.»
 Проговоритъ царица Панталовна:
 — Ай же ты царь Турецъ-санталя!
 — А я знаю про то, вѣдаю:
 — На Руси трава все растетъ по старому,
 — Цвѣты-то цвѣтутъ все по прежному.
 — А ночѣсь спалось, во сняхъ видѣлось:
 — Бывъ сподъ восточныя сподъ сторонушки
 — Налетала птица малая пташица,
 — А сподъ западней сподъ сторонушки
 — Налетала птица черной воронъ;
 — Слеталися оны во чистомъ полѣ,
 — Промежду собой подиралися;
 — Малая птица пташица
 — Чернаго ворона повыклевала,
 — И по перышку она повыщипала
 — А на вѣтеръ все повѣлускала.
 — То есть Вольга сударь Буславлевичъ,
 — А что черной воронъ — Турецъ-санталя. —
 Проговоритъ царь Турецъ-санталя:
 «Ай же ты царица Панталовна!

«А я думаю скоро ѣхать на святую Русь,
«Возьму я девять городовъ,
«Подарю девять сыновъ,
«Привезу себѣ шубоньку дорогу.»

Говоритъ царица Панталовна:

— А не взять тебѣ девяти городовъ,
— И не подарить тебѣ девяти сыновъ,
— И не привезти тебѣ шубоньки дорогой! —

Проговоритъ царь Турецъ-санталя:

«Ахъ ты старый чортъ!

«Сама спала, себѣ сонъ видѣла!»

И ударить онъ по бѣлу лицу,

И повернется, — по дрѹгому,

И кинетъ царицу о кирпиченъ полъ,

И кинетъ ю второй-то разъ:

«А поѣду я на святую Русь,

«Возьму я девять городовъ,

«Подарю девять сыновъ,

«Привезу себѣ шубоньку дорогу!»

А повернулся Вольга сударь Буславлевичъ,

Повернулся сѣрымъ волкомъ,

И поскачилъ-то ѣвъ на конюшенъ дворъ,

Добрыхъ коней-тѣхъ всѣхъ перебралъ,

Глотки-то у всѣхъ у нихъ перервалъ.

А повернулся Вольга сударь Буславлевичъ

Малымъ горностаюшкомъ,

Поскачилъ во горницу въ оружейную,

Тутіе луки переломалъ,

И шелковыя тетивочки перервалъ,

И каленныя стрѣлы всѣ повломалъ,

Вострыя сабли повыщербилъ,

Палицы булатныя дугой согнулъ.

Тутъ Вольга сударь Буславлевичъ,

Повернулся Вольга сударь Буславлевичъ

Малою птицею пташицей, —

И будетъ скоро во градъ во Кіевѣ,

И повернулся онъ добрымъ молодцомъ

И будетъ онъ съ своею со дружиною со доброю:

«Дружина моя добрая хоробрая!

«Пойдемте мы во Турецъ-землю.»

И пошли оны во Турецъ-землю,

И силу турецкую во полонъ брали:

«Дружина моя добрая хоробрая!

«Станемъ-те теперь полону подѣлять!»

Что было на дѣлу дорого,

Что было на дѣлу дешево?

А добрые кони по семи рублей,

А оружье булатное по шести рублей,

Вострыя сабли по пяти рублей,

Палицы булатныя по трѣ рубля.

А то было на дѣлу дешево — женскій полъ:

Старушечки быди по полумечки,
А молодущечки по двѣ полумечки,
А красныя дѣвушки по денежкѣ.

Записано на Леляковѣ, 3 іюля.

92.

ИЛЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

(См Рыбникова. т. I, 24).

А собака ты собака злодѣй Калинъ царь!
А думаетъ онъ думашку недобрую,
Совѣты совѣтуетъ не хорошіе,
А й помышляетъ онъ собака Калинъ царь
А отъ жива мужа жену огнять,
У того у князя Владиміра
Молоду Опраксу королевичну.
А собирается онъ собака злодѣй Калинъ царь,
Собираетъ силы и смѣты нѣтъ,
Собиралъ сорокъ царей, сорокъ королей,
У всякаго было у царя у царевича
По сорока было тысячей, по тысячѣ,
У всякаго было у короля у королевича
По триста было тысячей, по тысячѣ.
Собирался собака ровно три году,
Во четвертый годъ собака во походъ пошолъ,
И какъ скоро онъ буде на томъ поле на Куликовѣ,
И розставилъ ѣвъ силу по чисту полю,
А самъ сходитъ собака со добра коня,
А писалъ ярлыкѣ скорописчаты,
Не чернилами писалъ, краснымъ золотомъ;
А день проѣздилъ, съ утра день до вечера,
По силы по татарскою,
А выбиралъ все татаръ самолучшіихъ.
И по дрѹгой день проѣздилъ день, съ утра день
до вечера,
По силы по татарскою,
И по третій день проѣздилъ день, съ утра день
до вечера,
По силы по татарскія,
А выбиралъ татарина самолучшаго,
Выбиралъ татарина лучшаго, самолучшаго,
Отдавалъ ярлыкѣ скорописчаты,
А говорилъ ему наказывалъ:
«Поѣзжай ко городу ко Кіеву,
«А не вѣзжай въ ворота бѣлодубовы,
«А ты скачи черезъ стѣну городобую»

«А прїѣзжай къ крылечку ко перёному,
 «Не привязывай коня, да не приказывай,
 «Бѣжи скорѣй въ палаты княженецкія,
 «А поди въ палату не съ унадкою,
 «А отворяй двери все на пятау,
 «А отворяй двери, не запирай,
 «И поди въ палату княженецкую,
 «Отдавай ярыжки князю Владимиру,
 «И самъ изъ словъ выговаривай:
 ««Ай же ты Владимиръ стольно-кїевской!
 ««Очистилъ бы палату княженецкую,
 ««А стоять бы самому царю Калину,
 ««Очистилъ бы подворья богатырскія,
 ««А стоять тамъ силы татарской.»»
 «И самъ скоро поворотъ держи,
 «И бѣжи скорѣе на широкой дворъ,
 «И садись скорѣе на добра коня,
 «Поѣзжай въ ворота бѣлодубовы.»
 Поѣхалъ татаринъ ко городу ко Кіеву,
 Сдѣлалъ дѣло повелѣное.
 Князь Владимиръ стольно-кїевскій,
 А собиралъ всѣхъ могучіихъ богатырей,
 А самъ князь Владимиръ поросплакался,
 А всѣмъ могучимъ богатырямъ росклаваяся:
 — Ай же вы могучіе богатыри!
 — Какъ бы съ неприятелемъ поправиться? —
 Все могучіи богатыри отвѣтъ держать:
 «Князь Владимиръ стольно-кїевской!
 «Думаемъ съ неприятелемъ-тымъ поправиться.»
 И бысть *(такъ)* князь весель радостень.
 А всѣ единъ по единому
 Изъ города изъ Кіева онѣ повиѣдутъ.
 У его-то былъ любимый ли племничекъ,
 Младый Ермакъ Тимофеевичъ, —
 А приходитъ онъ къ дядюшкѣ къ князю Владимиру,
 А бьетъ челомъ, покладается:
 «А дядюшка князь ты Владимиръ стольнѣ-кїевской!
 «А дай мнѣ прощеньице благословленьице
 «А изъ города изъ Кіева повиѣхать!»
 А прогѣворить князь Владимиръ стольнѣ-кїевской:
 — Ай же любимый мой племничекъ,
 — Младый Ермакъ Тимофеевичъ!
 — А ты младшенекъ да ты глупшенекъ,
 — А отъ роду вѣку двѣнадцать лѣтъ,
 — А устрашишься ты вѣдь ужѣхнешься
 — Силы войска татарскаго:
 — Не дамъ тебѣ прощеньица благословленьица
 — А изъ города изъ Кіева повиѣхать. —
 А спрогѣворить младый Ермакъ Тимофеевичъ:
 «Дядюшка князь Владимиръ стольно-кїевской!
 «А ты дашь мнѣ прощеньице, повиѣду,

«Аль не дашь мнѣ прощеньица, повиѣду.»
 А и скоро бѣжить во конюшенъ дворъ
 А беретъ себѣ коня добраго,
 Добраго коня лучшаго,
 Коня лучшаго самолучшаго,
 А сѣдаетъ уздаетъ коня добраго,
 И беретъ себѣ копье вострое,
 Копье вострое, палицу булатную,
 А скоро изъ города изъ Кіева повиѣдетъ,
 А скоро будетъ на томъ полѣ на Елѣскинѣ,
 А у того вѣдь у сїра дуба Нѣвида,
 У того у камня у Латыря,
 Гдѣ съѣзжались могучіи богатыри;
 И скоро сходилъ съ добра коня,
 И сталъ по бѣлымъ шатрамъ поглядывать:
 А въ которомъ шатрѣ былъ старшій казакъ,
 Старшій казакъ Илья Муромецъ,
 А на томъ шатрѣ было три примѣточки,
 А примѣточки были замѣченныя,
 А три кисточки были золоченныя;
 А на Добрынюшки Никитича на томъ шатрѣ
 А двѣ кисточки были шелковыя;
 А на Алешеньки Поповича на томъ шатрѣ
 Была кисточка едина шелкова.
 И пошолъ ѣнъ въ бѣлой шатерь,
 И приходилъ во единъ бѣлой шатерь,
 И бьетъ челомъ поклоняется
 Всѣмъ могучимъ богатырямъ:
 «Ай же вы могучіи богатыри!
 «Бдите, пьете, утѣшаетесь,
 «Во всякія игры забавляетесь,
 «А остался князь Владимиръ стольно-кїевской
 «Кручиновать, печаловать,
 «Кручиновать князь, печаловать.»
 Прогѣворять могучіи богатыри:
 — Ай ты младой Ермакъ Тимофеевичъ!
 — Пойди-ка ты на сирой дубъ на Невидъ,
 — Погляди ты на силу войско татарское. —
 И онъ скоро бѣжить на сирой дубъ
 И поглядитъ на войско татарское;
 Опустился со сира дуба,
 И садился на добра коня,
 И поѣхалъ въ войско татарское.
 А прошло времени не малое,
 И схватились всѣ могучіи богатыри:
 — Ай же вы богатыри могучіи!
 — Что же долго нѣту со сира дуба?
 — Видно устрашился онъ силы-войска татар-
 скаго. —
 Посылають Алешеньку Поповича:
 — Поди-тко Алешенька сынъ Ивановичъ,

— Погляди со сыра дуба на войско татарское.—
 Поглядѣлъ Алешенька Поповичъ сынъ Ивановичъ,
 Ажно ѣздитъ по силу по татарскую
 Младый Ермакъ Тимофеевичъ:
 Куды ѣздитъ, туды улица,
 А повернуть — переулками.
 Какъ пришлоъ Алешенька Поповичъ сынъ Ива-
 новичъ,

Говоритъ имъ таковы слова:
 «Ай же братцы могучи богатыри!
 «А ѣздитъ Ермакъ по силу по татарскую,
 «Куды ѣздитъ, туды улица,
 «А повернуть — переулками.»
 Посылаютъ Добрынюшка Никитича:
 — Поди, Добрынюшка Никитичъ,
 — Младаго Ермака Тимофеевича
 — Ласковыма словами его уговаривай,
 — И удерживай баграмы желѣзными,
 — Укротилъ бы свое сердце богатырское. —
 И скоро Добрынюшка Никитичъ
 Поѣхалъ въ силу войско татарское,
 И захватывалъ баграмы желѣзными,
 И уговаривалъ словами ласковыма:
 «Украти свое сердце богатырское,
 «Младый Ермакъ Тимофеевичъ!
 «Ты младешенець глупешенець,
 «Сорвешься ты, надорвешься.»
 И укротилъ свое сердце молодецкое
 Младый Ермакъ Тимофеевичъ.

Записано тамъ же, 3 июля.

93.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

(См. Рыбникова, т. I, 23).

Поробсладчѣтся поростужитса
 Добрынюшка Никитичъ
 Предъ своей передъ государыней матушкой:
 «Ай же ты моя рѣдна матушка,
 «Честна вдова Офимья Александровна!
 «Для чего ты меня несчастнаго спорѣдила
 «Несчастнаго, ѣталаннаго?
 «А спорѣдила бы ты, матушка,
 «Счасками бы ты спорѣдила
 «Въ стольно-кѣвскаго князя во Владимира,
 «А красю бы ты спорѣдила

«Во Осипа прекраснаго,
 «А сизюю бы ты спорѣдила
 «А въ стараго казѣка Илью Муромца,
 «А смѣлостью бы ты спорѣдила
 «Во Алешу во Поповича!»
 Отвѣтъ держитъ честна вдова Офимья Александровна:

— Ай же ты чадо милое,
 — Ты чаделко мое любимое,
 — Молодой Добрынюшка Никитичъ!
 — А ты вѣдь Добрынюшка въ послахъ бывалъ,
 — Ты Добрынюшка говорить гораздъ,
 — А ты говорить гораздъ, разговаривать. —
 Говоритъ Добрынюшка Никитичъ:
 «Посылаютъ меня матушка въ землю Сорочинскую,
 «Во тую землю на Пучай-рѣку,
 «Выручать-то княженецкую племянницу.»
 Первый посолъ отъ города отъ Кіева
 Старый казѣкъ Илья Муромецъ,
 А второй посолъ Добрынюшка Никитичъ.
 И поѣхалъ Добрынюшка Никитичъ
 Въ тую въ землю Сорочинскую;
 И скоро будетъ на той рѣки на Пучай-рѣки,
 И хочеть Добрынюшка Никитичъ
 Хочеть купаться во Пучай-рѣки,
 Хочеть купаться нагнѣмъ тѣломъ.
 На той рѣки дѣвницы платье мыли бѣлили;
 Проговоритъ всѣ дѣвницы портомойницы,
 Портомойницы, бѣломойницы:
 — Ай же ты Добрынюшка Никитичъ!
 — У насъ не куплетса во Пучай-рѣки нагнѣмъ
 тѣломъ,
 — У насъ кѣплетса во Пучай-рѣки во рубашеч-
 кахъ. —

А проговоритъ Добрынюшка Никитичъ:
 «Дѣвницы вы красавицы,
 «Портомойницы, бѣломойницы!
 «А вы самы спали, сѣбѣ сонъ видѣли!»
 А скидываетъ ѣнъ бѣлую рубашечку
 И куплетса во Пучай-рѣки нагнѣмъ тѣломъ;
 И первую струю, струю быструю
 Онъ переплылъ струю, переплылъ,
 И другую струю, струю быструю,
 Онъ переплылъ струю, переплылъ.
 И закрычалъ-то малой паробка,
 Закрычалъ вѣробья громкимъ голосомъ:
 — Ай же ты Добрынюшка Никитичъ!
 — Изъ-подъ западня стороныши иде шумъ ве-
 ликъ! —
 Налетѣла змѣя лютая Горыныца;
 И скорешенько Добрынюшка поворотъ держалъ,

И приплыль ёнъ ко круто-красному берегу,
 И одѣваетъ ёнъ тонку бѣлую рубашечку,
 И скоро ёнъ облатился и обкольчужился,
 И хватаетъ ёнъ палицу булатную,
 И бьетъ змѣю лютую по змѣннымъ по хоботамъ,
 Бьетъ онъ змѣю палицей булатнею,
 А тутъ змѣя ему молилася:
 — Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
 — Отдамъ я вашу королевичну .... —

(Далше пѣсецъ не помнилъ.)

Записано тамъ же. 3 июля.

94.

ДУНАЙ.

(См. Рыбникова, т. I, 30).

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
 У ласкова князя у Владиміра
 Было пированье почестенъ пиръ
 На многихъ князей на бѣяровъ,
 На могучихъ на богатырей,
 На всѣхъ купцовъ на торговыхъ,
 На всѣхъ мужиковъ деревенскихъ.
 Красное солнышко на вечерѣ,
 Почестенъ пиръ идетъ на веселѣ.
 Испроговоритъ Владиміръ стольно-кіевской:
 «Ай вы всѣ князи бѣяра,
 «Всѣ могучи богатыри,
 «Всѣ купцы торговли
 «Всѣ мужики деревенскіи!
 «Всѣ на пиру поженены,
 «Одинъ я князь не женатый есть.
 «Знаете ль вы про меня княгиню супротивную,
 «Чтобы ростомъ была высокая,
 «Станомъ она становитая,
 «И на лицо она красовитая,
 «Походка у ней часта и рѣчь баска,
 «Было бы мнѣ князю съ кѣмъ жить да быть,
 «Дума думати, долгіе вѣки корѣтати,
 «И всѣмъ вамъ князьямъ всѣмъ бѣярамъ,
 «Всѣмъ могучимъ богатырямъ,
 «Всѣмъ купцамъ торговымъ,
 «Всѣмъ мужикамъ деревенскимъ,
 «И всему красному городу Кіеву
 «Было бы кому поклонятися?»

Всѣ на пиру призамокнули
 И ни отъ кого на пиру отвѣта нѣтъ.
 Одинъ удалый добрый молодець,
 Изъ-по имени Дунаюшка Ивановичъ,
 Выходилъ за століка дубоваго,
 Очень онъ пьянъ — не шатается,
 Говоритъ рѣчи — не смѣшается,
 Низки поклоны поклоняется:
 — Князь Владиміръ стольно-кіевской!
 — Я знаю про то вѣдаю
 — Про тебя княгиню супротивную:
 — Во той во земли въ хоробрѣй Литвы,
 — У того королевскаго величества,
 — Есть двѣ дочери великія,
 — Обѣ дочери на выдѣваны:
 — Бѣлая дочь Настасья королевична,
 — Тая дочь все полякуеть;
 — А меньшая дочь все при домѣ живетъ,
 — Тая есть Опракса королевична:
 — Она ростомъ высокая,
 — Станомъ она становитая,
 — И лицомъ она красовитая,
 — Походка у ней часта и рѣчь баска,
 — Будетъ тебѣ князю съ кѣмъ жить да быть,
 — Дума думати, долгіе вѣки корѣтати,
 — И всѣмъ князьямъ всѣмъ бѣярамъ,
 — Всѣмъ могучимъ богатырямъ,
 — Всѣмъ купцамъ торговымъ,
 — Всѣмъ мужикамъ деревенскимъ,
 — И всему красному городу Кіеву
 — Будетъ кому поклонятися. —
 Этми рѣчи слюбился;
 Скажетъ князь Владиміръ стольно-кіевской:
 «Ай же ты Дунаюшка Ивановичъ!
 «Возьми ты у меня силы сорокъ тысячей,
 «Возьми казны десять тысячей,
 «И воѣзжай во тую землю въ хоробру Литву,
 «И добрымъ словомъ посватайся:
 «Буде въ честь не дають, такъ ты силой возьми,
 «А столько привези Опраксу королевичну.»
 Проговоритъ Дунаюшка Ивановичъ:
 — Солнышко ты Владиміръ стольно-кіевской!
 — Не надо-ка-ва силы сорокъ тысячей,
 — Но надо казны десять тысячей;
 — Дай-ка ты мнѣ любимаго товарища,
 — Любимаго товарища Добрыню Никитича. —
 Испроговоритъ князь Владиміръ стольно-кіевской:
 «Ай же ты Добрынюшка Никитиничъ!
 «Пожалуй ты къ Дунаюшеѣ въ товарищи.»
 Скоро Добрынюшка понаенулся (такъ)
 И скоро они выѣдутъ со города со Кіева,

Скоро сядились на добрыхъ коней;
 Видли добрыхъ молодцевъ сядучись,
 Не видли добрыхъ молодцевъ ѣдучись:
 Быдо ясные соколы попурхнули,
 Такъ добрые молодцы повиѣхали.
 И скоро будутъ во той земли въ хоробрѣй Литвы,
 У того королевскаго величества,
 На тотъ дворъ на королевскіи,
 Противу самнихъ окошечекъ,
 И скоро сходили со добрыхъ коней.
 Прогѣворить Дунаюшка Ивановичъ:
 «Ай же ты Добрынюшка Нивитиничъ!
 «Стои ты у коней, коней паси,
 «А поглядывай на ринду (такъ) королевскую,
 «На палату вяженецкую:
 «Какowo мнѣ-ка будетъ, такъ тебя позову,
 «А какowo бы время, такъ приѣхать бы.»
 А приходитъ къ королевскому величеству;
 Знаеть онъ порядию королевскую:
 Не надо креститься, молитвиться, —
 Бьетъ челомъ, поклоняется:
 «Здравствуй батюшка король хоробрѣй Литвы!»
 А оглянется король хоробрѣй Литвы:
 — Пренная ты слуга, слуга вѣрная!
 — Жилъ ты у меня три году,
 — Первый годъ жилъ ты во конюхахъ,
 — А другой годъ жилъ ты во чашникахъ,
 — А третій годъ жилъ ты во стольникахъ,
 — Вѣрой служилъ, вѣрой правдою:
 — За твои услуги молодецкія
 — Посажу тебя за большій столъ,
 — За большій столъ, въ большѣе мѣсто;
 — Ъшь молодець досыта
 — И пей молодець дѣлюби. —
 И посадилъ его за большій столъ, въ большѣе мѣсто,
 Сталъ его король выспрашивать:
 — Скажи, скажи, Дунай, не утай себя,
 — Куды ты поѣхалъ, куды путь держишь?
 — Насъ ли посмотришь али себя показать,
 — А у насъ ли пожить а еще послужить? —
 «Батюшка король хоробрѣй Литвы!
 «А поѣхалъ я за добрымъ дѣломъ, —
 «Засвататься на твоей дочери на Опраксіи.»
 Этни рѣчи ему не слюбился:
 — Ай же ты Дунай сынъ Ивановичъ!
 — Не за свое дѣло взялся — за бездѣльнице:
 — Меньшую дочь ты просватывашь,
 — А большую дочь чѣмъ засадилъ?
 — Ай же вы татаровья могучи!
 — Возьмите Дуная за бѣлыя руки,
 — А сведите Дуная во глубокъ погребъ,

— Заприте рѣшотками желѣзными,
 — Задвиньте досками дубовыми,
 — Засыпьте песками рудожелтыма;
 — Пусть-ка Дунай во Литвы погостить,
 — Во Литвы погостить, въ погребу посидить,
 — А можетъ Дунай догадается. —
 Выставалъ Дунай на рѣзвыя ноги
 И здымалъ рученьки выше своей буйной головы,
 И опирается на рученьки о дубовый столъ:
 Столы дубовые роскратились,
 Питья на столахъ проливались,
 Вся посуда розсыпалася.
 Всѣ татаровья испужалися,
 Скоро приѣжали слуги вѣрные
 Со того двора съ королевскаго:
 «Ай же ты батюшка король хоробрѣй Литвы!
 «Ѣшь ты, пьешь, угѣшаешься,
 «Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
 «На дворѣ дѣтина не знай собой —
 «Во лѣвой рукѣ два повода добрыхъ коней,
 «А во правой рукѣ дубина сарацинская —
 «Какъ бывъ ясный соколъ попурхиваетъ,
 «Такъ тотъ добрый молодець посказиваетъ,
 «На всѣ стороны дубиною размахиваетъ,
 «И убилъ татаръ до одного,
 «Не оставитъ татаръ на сѣмена.»
 Тутъ король догадается,
 Прогѣворить король хоробрѣй Литвы:
 — Ай же Дунаюшка Ивановичъ!
 — Напомни ты старую хлѣбъ да соль,
 — Оставь татаръ хоть на сѣмена:
 — Отдамъ свою дочь королевичну
 — За вашего князя за Владимира. —
 Скоро они сядились на добрыхъ коней,
 Скоро поѣхали съ того двора королевскаго
 Съ молодой Опраксой королевичной.
 И во тия пути во дороженьки
 Сустигала ихъ ночька темная;
 Роздернули полатку полотняную
 И тутъ добры молодцы и спать легли;
 Во ноженки поставили добрыхъ коней,
 А въ головы вострыя копы,
 А по правую руку сабли вострыя,
 А по лѣвую винжалища булатныя.
 И спать добры молодцы высыпаются,
 Темную ночь коротаючись;
 Ничего добры молодцы не видѣли,
 Хоть не видѣли оны, столько слышали,
 Какъ ѣхалъ татаринъ на чисто поле.
 Повставали поутру равешенько,
 И выходили на путь на дороженьку:

Ёдетъ татаринъ въ погону въ слѣдъ,
 Добрый конь въ дорожку до щеточки прогрызиваль,
 Камешки съ дорожки вывертываль,
 За два-выстрѣла камешки выметываль.
 Поѣхаль Добрынюшка Никитиничъ
 Съ Опраксой королевичной ко городу ко Киеву;
 Поѣхаль Дунаюшка Ивановичъ
 По этой по лошадиной по ѡскопыти
 За тымъ татариномъ въ погону въ слѣдъ.
 Гдѣ было татарина такъ доѣзжать,
 Гдѣ было татарина копьёмъ торыбать,
 Такъ съ татариномъ промолвился:
 «Стой ты татаринъ во чистомъ полѣ,
 «Рыкни татаринъ по звѣриному,
 «Свисни татаринъ по змѣиному!»
 Рыкнулъ татаринъ по звѣриному,
 Свиснулъ татаринъ по змѣиному:
 Темные лѣсы распѣдались,
 Въ чистомъ полѣ камешки роскатывались,
 Траванька въ чистомъ полѣ повянула,
 Цвѣточки на землю повмыспались, —
 Упалъ Дунаюшка съ добра коня.
 Скоро Дунаюшка славалъ на рѣзвѣ ноги,
 И сшибъ татарина съ добра коня:
 «Скажи ты татаринъ не утай собой:
 «Чьего ты татаринъ роду, чьего племени?»
 Говорилъ татаринъ таковы слова:
 — Ай же Дунай сынъ Ивановичъ!
 — Какъ бывъ былъ я на твоихъ грудяхъ,
 — Не спрашивалъ ни родины ни дѣдины,
 — А пласталъ бы твои груди бѣлыя. —
 Садился Дунаюшка на бѣлыя груди,
 Какъ роскинулъ плащи татарскіе,
 Хочетъ пластать груди бѣлыя, —
 А видить по перькамъ что женскій полъ.
 У. его сердечушко ужѣхнулось,
 А рука въ плечи застоялася:
 — Что же ты Дунаюшка не опозналъ?
 — А мы въ одной дороженьки не ѣзживали,
 — Въ одной бесѣдушки не сиживали,
 — Съ одной чарочки не кушивали?
 — А ты жилъ у насъ ровно три году:
 — Первый годъ жилъ ты во конюхахъ,
 — А другой годъ ты жилъ во чашникахъ,
 — А третій годъ жилъ во столыникахъ. —
 «Ай же ты Настасья королевична!
 «Поѣдемъ мы скоро ко городу ко Киеву,
 «И примемъ мы чуднѣ кресты золоты вѣнцы.»
 Приѣхали ко городу ко Киеву
 Ко той ко церкви соборныя;
 Меньша сестрица вѣнчается,

Бѣльша сестрица жъ вѣнцу пригла.
 Пиръ у нихъ пошолъ ровно по три дни;
 На пиру Дунаюшка росхвастался:
 «Во всемъ городѣ во Киевѣ
 «Нѣтъ такого молодца на Дуная Ивановича:
 «Самъ себя женилъ, а друга подарилъ.»
 Отвѣтъ держитъ Настасья королевична:
 — Ай же ты Дунай Ивановичъ!
 — Не пустымъ ли ты Дунаюшка росхвастался?
 — А и не долго я въ городѣ побыла,
 — А много въ городѣ признала:
 — Нѣтъ такого молодца на щепленьце,
 — На щепленьце *) — Добрыни Никитича,
 — А нѣтъ на смѣлость Алеши Поповича,
 — А на выстрѣлъ нѣтъ Настасьи королевичной:
 — А стрѣляла я стрѣлочку каленую,
 — Попадала стрѣлкой въ ножечной острей,
 — Розсѣкала стрѣлочку на двѣ половиночки, —
 — Обѣ половинки ровнѣ пришли,
 — На взглядъ ровнаки и вѣсомъ ровны. —
 И тутъ Дунаюшки ко стыду пришло,
 Скажетъ Дунаюшка Ивановичъ:
 «Ай же ты Настасья королевична!
 «Поѣдемъ Настасьюшка нъ чистѣ поле,
 «Стрѣлять стрѣлочки каленныя.»
 И выѣхали во чистѣ поле:
 И стрѣляла ѣна стрѣлочку каленую,
 И попадала стрѣлкой въ ножечной острей,
 Розсѣкала стрѣлочку на двѣ половиночки,
 Обѣ половинки ровнѣ пришли,
 На взглядъ ровнаки и вѣсомъ ровны.
 И стрѣлилъ Дунаюшка Ивановичъ;
 Такъ разъ стрѣлилъ, перестрѣлилъ,
 Другой разъ стрѣлилъ, не дострѣлилъ,
 И третій разъ стрѣлилъ, попасть не могъ.
 Тутъ розсердился Дунаюшка Ивановичъ,
 Наставилъ стрѣлочку каленую
 Во Настасьины бѣлыя груди.
 Тутъ Настасья ему смолилася:
 — Ай же Дунаюшка Ивановичъ!
 — Лучше ты мѣ-ка-ва пригрози три грозы,
 — А не стрѣляй стрѣлочки каленныя;
 — Первую грозу мѣ-ка пригрози:
 — Возьми ты плеточку шелковую,
 — Омочи плетку въ горячѣ смолу
 — И бей меня по нагѣ тѣлу;
 — И другую грозу мѣ-ка пригрози:
 — Возьми меня за волосы за женскія,

*) т. е. изящная походка и манеры, — такъ объяснилъ пѣ-
 вецъ.

— Привяжи ко стремены сѣдельному
 — И гоняй коня по чисту полю;
 — А третью грозу мнѣ-ка пригрози:
 — Веди меня во улицу крестовую
 — И копай по цѣрькамъ во сыру землю,
 — И бей меня клиньями дубовыма,
 — И засыпь песками рудожелтыма,
 — Голодомъ мори, овсомъ корми,
 — А держи меня ровно три мѣсяца,
 — А дай мнѣ-ка чѣрево повѣносити,
 — Дай мнѣ младенца поотрѣдити,
 — Свои хоть сѣмена на свѣтъ спустить.
 — У меня во черевѣ младенецъ есть —
 — Такого младенца во градѣ нѣтъ:
 — По колѣнъ ножки-то въ сѣребрѣ,
 — По локѣтъ руки-то въ золотѣ,
 — По косицамъ частыя звѣздочки,
 — А въ темі печеть красно солнышко! —
 На эти онъ рѣчи не взираючись,
 И спускаетъ стрѣлочку каленую
 Во Настасьины бѣлы груди;
 Пала Настасья на головушку;
 Пласталъ ѣнъ ей груді бѣлы,
 Вынималъ сердце со печенью, —
 У нея во черевѣ младенецъ есть,
 Такого младенца во градѣ нѣтъ:
 По колѣнъ ножки-то въ сѣребрѣ,
 По локѣтъ руки-то въ золотѣ,
 По косицамъ частыя звѣздочки,
 А въ темі печеть красное солнышко.
 Тутъ самъ ѣнъ на свои руки носѣгнулся.
 Гдѣ пала Дунаева головушка,
 Протекала рѣчка Дунай рѣка,
 А гдѣ пала Настасьина головушка,
 Протекала рѣчка Настасья рѣка.

Записано тамъ же, 3 июля.

95.

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 42).

Ходилъ-гулялъ добрый молодецъ по чисту полю,
 Искалъ себи-ка поединщика,
 И находилъ ѣнъ шестьдесятъ удалыхъ добрыхъ
 молодецъ.
 И сидятъ ѣны во един' кругу (*такъ*),

Подблѣютъ они золоту казну,
 Золотой казны сорокъ тысячей.
 Проговорить удаленькій дородній добрый молодецъ:
 «Ай же вы удалы дородни добры молодцы!
 «Дай-ко мнѣ-ка-ва золотой казны малый жере-
 бѣечекъ.»

А проговарятъ вси удалы добры молодцы:
 — А голяцокъ-то дородній добрый молодецъ!
 — Не можешь ты нажить себи золотой казны. —
 Показалось это слово за досаду за обиду за ве-
 ликую,

Ухватилъ ень черлиный (*такъ*) вязъ,
 Ударилъ черлинымъ вязомъ по сырой земли;
 Отъ того удару молодецкаго
 Мать сыра земля всколыбалася,
 Добрыи молодцы испугалися,
 По чисту полю разбѣжались,
 Оставили золоту казну,
 Золоту казну сорокъ тысячей.
 Взялъ онъ золоту казну,
 Пошолъ во каменну Москву,
 Приходилъ на царевъ кабацкѣ,
 Понлъ пьяницы а голей кабацкиныхъ:
 «Пейте пьяницы голі кабацки,
 «Не пропить моей золотой казны.»
 А пригодилися служки монастырскіе,
 Довосили императорскому величеству
 Петру Алексѣвичу;
 И сталъ его императорско величество,
 Петръ императоръ Алексѣвичъ,
 Сталъ его допрашивать:
 — Скажи, скажи удаленькой дородній добрый
 молодецъ!
 — Былъ ли ты красть манастыря Румянцева? —
 Такъ этотъ удаленькой добрый молодецъ прого-
 ворить:

«Петръ императоръ Алексѣвичъ!
 «Я не былъ красть манастыря Румянцева,
 «А ходилъ гулялъ по чисту полю,
 «А искалъ себи-ка поединщика
 «И находилъ во чистомъ полѣ:
 «А сидятъ они во един' кругу
 «И подблѣютъ они золоту казну,
 «И золотой казны сорокъ тысячей;
 «И просилъ я у нихъ золотой казны.
 «Хотя малаго жеребечка.
 «А они говорятъ удалы молодцы:
 ««Голяцокъ-ты дородній добрый молодецъ!
 ««Не можешь ты нажить себи золотой казны!
 «Показалось мнѣ это слово за досаду за обиду за
 великую:

«Ухватилъ я черлиный вязь,
 «Ударилъ черлинымъ вязомъ по сырой землѣ;
 «Отъ того удара молодецкаго
 «Мать сыра земля всколыбалася,
 «Добрыи молодцы испугалися,
 «По чисту полю разбѣжались,
 «Взялъ я золоту казну,
 «Пошолъ въ каменну Москву.»

И прогѣворитъ Петръ императоръ Алексѣевичъ:
 — Ай же ты удаленькой дороднѣй добрый мѣло-
 децъ!

— Ходи-гуляй по чисту полю
 — И стой за вѣру христіанскую! —

Записано тамъ же, 3 іюля.

96.

СОРОКЪ КАЛИКЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 18).

Собиралися сорокъ калѣкъ со калѣкою,
 А самъ-то атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ,
 А собиралися калѣки на зеленый лугъ,
 А сажалися калѣки во единый кругъ,
 Думали они думушку-ту добрую
 А совѣты совѣтуютъ хорошіе,
 А итти оны ко городу Еросѣлиму,
 Ко святой святинѣ помолитися,
 Господнему гробу приложитися.
 А оны положили заповѣдь великую:
 «А кто обворуется и кто обладуется,
 «Того бить ключами калѣчима,
 «Тануть языкъ вонъ со теменю,
 «И копать очи ясныя косицами,
 «А копать того во сыру землю по бѣлымъ гру-
 дамъ.»

И пошли они, — котомочекъ бархатны,
 Изъ чернаго бархата заморскаго,
 И повысили краснымъ золотомъ,
 И повысѣдили скатнымъ жемчугомъ;
 У котомочекъ ламочки семи шелковъ;
 На ножкахъ сапожки турець-сафьянъ,
 А не простого сафьяну — заморскаго;
 На головушкахъ шляпы земли Греческой.
 А влюшья у калѣкъ-тыхъ рыба вость,
 И взяли они-ко по камешку Антѣвенту.
 А скоро калѣки въ походъ пошли;

А въ день идутъ по красному по солнышку,
 Ночь идутъ по камешку Антѣвенту;
 А будутъ они на чистѣ поле,
 И сажалися они во единый кругъ,
 Думали думушку добрую,
 А совѣты совѣтуютъ хорошіе:
 А зайти ко городу ко Кіеву
 А ко князю ко Владиміру
 Поѣсть, попить, хлѣба покушати.
 И приходили ко городу ко Кіеву,
 И закрывали калѣки громкимъ голосомъ:
 ««Свѣтъ надежа князь Владиміръ стольно-кѣв-
 ской!»

««А пошли мы ко городу къ Еросѣлиму,
 ««А зашли ко городу ко Кіеву,
 ««А поѣсть, попить, хлѣба покушати.»»
 А тая-то побѣда *) учинилася,
 А князя дома не случилось;
 А выходила Опракса королевична,
 Бьетъ челомъ поклоняется:
 «Ай же вы калѣки перекожіе!
 «Пойдите во столову богатырскую,
 «И дамъ вамъ ѣствушку сахарною
 «И дамъ питьицевь медвяныхъ, —
 «Ѣшьте досыти, пейте вы долюби!»
 Приходили во столову богатырскую;
 Подавали имъ ѣствушку сахарною,
 И дали питьицевь медвяныхъ;
 Ѣли они досыти, пили долюби,
 И много они благодарствуютъ:
 ««Благодарствуешь, княгиня Опракса королевична,
 ««За хлѣбъ за соль, за всѣ кушанья.»»
 Дарила ихъ Опракса королевична
 Чистыниъ сѣребромъ краснымъ золотомъ,
 А самого-то атамана скатнымъ жемчугомъ.
 А прогѣворитъ Опракса королевична:
 «Ай же ты атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ!
 «А пожалуй-ко во спальну во теплую:
 «Есть молвить я словечушко тайное.»
 Проходили во спальну во теплую,
 А сажалися на кроваточку тетовую;
 И прогѣворитъ Опракса королевична:
 «Ай же ты атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ!
 «А сдѣлаемъ любовь со мной великую.»
 А ѣ да прогѣворитъ атаманъ Ѳома сударь Ива-
 новичъ:

— А какъ пошли мы ко городу Еросѣлиму,
 — Положили мы заповѣдь великую:
 — «Кто обворуется, обладуется,

*) т. е. бѣда.

— «Бить того кляухами калычьима,
— «И копать очи ясныя косицами,
— «А тянуть языкъ со теменю,
— «И копать во сыру землю по бѣлымъ гру-
дямъ.» —

Эты ей рѣчи не слюбилися,
А бѣжить скорехонько въ особливъ покой,
А хватала чашу княженецкую
И кладывала въ переплеты калѣчьин.
А скоро вѣдь калѣки въ походъ пошли,
Выходили они на чистѣ поле,
Садилися калѣки во единый кругъ,
И тутъ калѣки поросхвастались:
«Были мы во городѣ во Кіевѣ,
«Пили, ѣли, хлѣба кушали
«А дарила Опракса королевична,
«А дарила насъ чистымъ сѣребромъ,
«Дарила насъ краснымъ золотомъ,
«А самого атамана скатымъ жемчугомъ.»
И прогворить княгиня Опракса королевична:
«Ѣсть да пить — такъ во Кіевѣ,
«А постоять за Кіевъ — такъ не кому!»
А повискочить Чурилушка сынъ Пленковичъ:
— Ай же ты княгиня Опракса королевична!
— А пойду-то я ко кругу калѣчьему,
— Сдѣлаю обыски великіе,
— Отыщу я вѣдь чашу княженецкую. —
И приходитъ онъ къ кругу-то калѣчьему,
А не бьетъ челомъ, не поклоняется,
А говоритъ онъ да не съ упадкою:
— Ай же вы калѣки перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— А ѣли вы, много хлѣба стрескали,
— А украи вы чашу княженецкую....
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите вы чашу княженецкую. —
Эты имъ рѣчи не слюбилися,
Скочили калѣки на рѣзвыя ноги,
А какъ ему штаны бархатны отыкали,
И жопу ему кляухами натывали;
А прогворятъ калѣки перехожіе:
«Пойди ко городу ко Кіеву
«И неси на насъ жалобу великую
«Князю Владиміру, Опраксѣ королевичной.»
А приходитъ Чурила сынъ Пленковичъ:
— Ай же ты княгиня Опракса королевична!
— А не калѣки есть, воры грабители. —
Прогворить Опракса королевична:
«Ѣсть да пить — такъ во Кіевѣ,
«А постоять за Кіевъ — такъ некому!»
А повискочить Алеша Поповичъ сынъ Ивановичъ:

— Ай же ты княгиня Опракса королевична!
— Пойду я ко кругу-то вѣдь калѣчьему,
— Сдѣлаю обыски великіе,
— Отыщу я чашу княженецкую. —
И приходитъ онъ ко кругу калѣчьему,
А не бьетъ челомъ, не поклоняется,
И говоритъ не съ упадкою:
— Ай же вы калѣки перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— А ѣли вы, много хлѣба стрескали,
— А украли чашу княженецкую....
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите вы чашу княженецкую. —
Эты имъ рѣчи не слюбилися,
Какъ скочили калѣки на рѣзвыя ноги
И ему штаны бархатны отыкали,
Наклѣскали жопу долонами:
«Поди ко городу ко Кіеву
«И неси на насъ жалобу великую.»
И приходитъ ко городу ко Кіеву:
— Ай же ты княгиня Опракса королевична!
— А не калѣки есть, воры грабители. —
Прогворить княгиня Опракса королевична:
«Ѣсть да пить — такъ во Кіевѣ,
«А постоять за Кіевъ — такъ некому!»
Повискочить Добрынюшеа Никитиничъ:
— Ай же ты княгиня Опракса королевична!
— А пойду я ко кругу-то вѣдь калѣчьему,
— Сдѣлаю обыски великіе,
— Отыщу чашу княженецкую. —
И приходитъ ко кругу калѣчьему,
И бьетъ челомъ, поклоняется:
— Ай же вы калѣки перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— Ѣли, пили, хлѣба кушали;
— У насъ чаша княженецкая затералася:
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите чашу княженецкую. —
Сдѣлали обыски великіе,
Отыскали чашу княженецкую
У атамана-то Өомы Ивановича
Въ переплетахъ калѣчьинихъ;
Какъ отыскали чашу княженецкую,
И били его кляухами калычьима,
А копали очи ясныя косицами,
И тянули языкъ вонъ со теменю,
А копали во сыру землю по бѣлымъ грудямъ
А били клиньями дубовыми;
А пошли-то калѣки ко городу Еросѣлиму.
А за ихъ за неправду великую
Напустилъ Господь темень на ясныя очи:

И пошли они калѣки не дорогою,
 А ходять они по чисту полю не дорогою,
 Не дорогою, бездорожицей.
 А за его правду великую
 Послалъ Господь съ небесі двухъ ангеловъ,
 И вложили душеньку въ бѣлы груди,
 И приставили очи ясныя къ бѣлу лицу.
 И пошолъ атаманъ Ома сударь Ивановичъ по
 чисту полю,
 И ходять калѣки, кричать по чисту полю,
 Не дорогою ходять, бездорожицей.
 Закричалъ Ома сударь Ивановичъ:
 «Ай же вы калѣки перехожіе!
 «Что же вы ходите не дорогою, бездорожицей?»
 И кричать всѣ калѣки громкимъ голосомъ:
 «Ай же ты Ома сударь Ивановичъ!
 «За твою за правду великую
 «А вложилъ Господь тебѣ душеньку въ бѣлы
 груди,
 «А приставилъ очи ясныя ко бѣлу лицу;
 «А за нашу за неправду великую
 «Напустилъ темень на ясныя очи.»

Записано тамъ же, 4 іюля.

97.

МОЛОДЕЦЪ И ХУДАЯ ЖЕНА.

(См. Рыбникова, т. I, 78).

Жилъ былъ у батюшки единый сынъ,
 Во друкушѣ *) былъ у матушки
 И во любви былъ у батюшки.
 Похотѣли отецъ съ матушкой
 Пожениться удалому доброму молодцу;
 И поженили отецъ съ матушкой
 Не въ простомъ мѣсти, а въ богатоемъ:
 «Приданого много, — человекъ худой;
 «А не съ ѣмъ будетъ жить да быть,
 «Думу думать, долги вѣки корѣтати.
 «Приданому будетъ висѣть на грядочки,
 «А цвѣтну платицу на грядочки,
 «И на грядочки, на гвоздики,
 «А худой жены на моей руки.»
 Отдался загулялся добрый молодецъ,
 Загулялся въ хоробру Литву,

*) т. е. въ бѣловствѣ.

Задался добрый молодецъ къ королевскому вели-
 честву,
 Задался королевскому величеству на двѣнадцать
 лѣтъ,
 Зачалъ жить быть, вѣдушку корѣтати.
 День по день и недѣля по недѣлѣ и годъ по годъ
 Прошло времячко ровно двѣнадцать лѣтъ.
 Стосковался, сторѣвался, шолъ на царевъ кабакъ
 И пилъ винца кабацкаго;
 Ударила хмѣлина кабацкая.
 Тутъ добрый молодецъ поросхвастался:
 «Король-тотъ меня жалуетъ,
 «Королевна душка красна дѣвушка Аннушка
 «Во любви держитъ меня у сердечушка.»
 Пригодилъ слуги королевскіе,
 Доносили королевскому величеству такіа рѣчи
 похвальныя,
 Не съ убавочкомъ, а со прибавочкомъ.
 Воспылался королевское величество
 На удалого дородна добра молодца:
 — Ай же слуги вы королевскіе,
 — Палачи вы немилѣсливы!
 — Подите скуйте ему ножки рѣзвыя,
 — Завяжите ручки бѣлыя,
 — Закройте очи ясныя черной тафтой,
 — Сведите его на чистѣ поле,
 — Рубите казните буйну голову,
 — За эти за рѣчи за похвальныя. —
 Шли слуги королевскіе,
 Сквали ножки рѣзвыя,
 Связали ручки бѣлыя,
 Завязали очи ясныя черной тафтой
 И повели его удалого дородна добра молодца
 Во чистѣ поле на казень смертную.
 Онъ проговоритъ удалый добрый молодецъ:
 «Ай же вы слуги королевскіе,
 «Палачи вы немилѣсливы!
 «Возьмите у меня денегъ пять рублей,
 «Ведите помимо полату королевскую,
 «Мимо тое окошечко косявчето,
 «Дайте мнѣ-ка волюшку попроситися
 «Съ душкой красною дѣвужкой,
 «Со Аннушкой королевичной.»
 Взяли его денежекъ пять рублей,
 Повели мимо полату королевскую
 И мимо окошечко косявчето.
 Крычить дородный добрый молодецъ
 Громкимъ голосомъ во всю голову:
 «Прости, прости душка красна дѣвушка Аннушка!
 «Повели меня на казень смертную!»
 Услышала душка красна дѣвушка Аннушка

Его громкаго голоса,
 Кидалася въ окошечко по поясу,
 Кричала зычнымъ (*такъ*) голосомъ:
 — Ай же вы слуги королевскіе,
 — Палачи немилостивы!
 — Ведите вы его въ полату королевскую, въ по-
 кон особливые;
 — Стану добра молодца допрашивать. —
 Приводили его въ полату королевскую,
 Въ полату королевскую, въ покои особливые.
 Стала душка красна дѣвушка Аннушка
 Его удалаго дородна добра молодца допрашивать:
 — Скажи, скажи удаленькій дородній добрый
 молодецъ:
 — Жилъ ты былъ у моего батюшки двѣнадцать
 лѣтъ,
 — Вѣрой жилъ, правдой жилъ, неизмѣной жилъ,
 — За что топеричу мой батюшка на тебя про-
 гнѣвался? —
 Прогбворить удаленькій дородній добрый моло-
 децъ:
 «Жилъ былъ у твоего батюшки двѣнадцать лѣтъ,
 «Вѣрой жилъ, правдой жилъ, неизмѣной жилъ;
 «Стосковался сгоревался добрый молодецъ,
 «Таеъ шолъ на царевъ кабаекъ
 «И пилъ вина кабацкаго,
 «Ударилъ хмѣлина кабацкаго;
 «Туть-то я пороскхвастался:
 ««Король-тотъ меня жаулетъ,
 ««Королевна душка красна дѣвушка Аннушка
 ««Во любви держитъ меня да у сердечушка.»
 Скажетъ душка красная дѣвушка Аннушка:
 — Ай же слуги королевскіе,
 — Палачи немилостивы!
 — Возьмите у меня денегъ пятьдесятъ рублей,
 — Роскуйте ему ножки рѣзвыя,
 — Розвяжите ручки бѣлыя,
 — Откройте ему очи ясныя,
 — И спустите его на своѣ волю,
 — На свою родину на сторонушку,
 — Ко своему къ отцу ко матери,
 — Ко своѣй жены неудачливой. —
 И взяли у ей денегъ пятьдесятъ рублей,
 Росковали ножки рѣзвыя,
 Розвязали ручки бѣлыя,
 Открыли очи ясныя,
 И спустили его на своѣ волю,
 И пошолъ на свою родиную сторонушку;
 И дала душка красна дѣвушка Аннушка
 Ему денегъ ровно семьсотъ рублей.
 Во тою пути во дороженьки

Проходило три дороженьки:
 Первая дорожка къ отцу къ матери,
 И другая дорожка къ роду племени,
 А третья дорожка къ молодой жены.
 И туть-то добрый молодецъ пороздумался:
 «Въ котору мнѣ дорожку пойти будетъ?
 «Пойти мнѣ въ дорожку къ отцу къ матери,
 «Отца матери можетъ живаго нѣтъ;
 «А пойти какъ къ роду племени,
 «Не познаетъ родъ племя любимое.»
 Пошолъ дородній добрый молодецъ
 Къ молодой жены неудачливой.
 Въ этой пути во дороженьки
 Приходила полата бѣлокаменна;
 Стобички точенные, а повыше рукъ золоченые,
 Обиты окошечки кунницами, лисницами
 И дорогими соболями заморскими;
 Играетъ на улицы два юноша малыихъ:
 «Ай же вы юноши малые!
 «Есть ли у васъ родима матушка,
 «Есть ли у васъ рѣдній батюшка?»
 Прогбворятъ юноши малые:
 — Ай же ты нашъ дядюшка!
 — Есть у насъ родима матушка,
 — Осталась отъ батюшка беременна
 — А принесла насъ два юношей малыихъ;
 — А нашъ батюшка въ гульбу ушолъ,
 — Двѣнадцать лѣтъ да слыху нѣтъ. —
 Захваталъ ихъ ручками бѣлыма,
 Цѣловалъ во уста во сахарнии:
 «Ай же вы юноши малые!
 «Я вамъ не дядюшка, рѣдній батюшка,
 «Подите скажите своѣй родимой матушкѣ:
 ««Нашъ, скажите, батюшка съ гульбы пришолъ.»
 Скакали бѣжали два юноши малые:
 — Ай же ты родимая матушка!
 — Нашъ батюшка съ гульбы пришолъ. —
 Бѣжить молода жена неудачлива:
 — Ай же ты милая моя ладушка,
 — Крѣпкая здержавушка!
 — Поди въ полату бѣлокаменну,
 — Полно по чужой сторонушкѣ шататися! —

Записано тамъ же, 4 іюля.

XVIII.

ТЕРЕНТІЙ ІЕВЛЕВЪ.

Терентій Іевлевъ, крестьянинъ съ Волк-острова, Кижской волости, лѣтъ съ небольшимъ 50-ти, высокаго роста, богатырскаго тѣлосложенія, съ благообразнымъ лицомъ, русый, съ большою рыжею бородою. Внукъ Ильи Елустафьева, отъ котораго Рябининъ и Романовъ учились былинамъ. Сынъ этого Елустафьева, Іевъ, отецъ Терентія, вовсе не перенялъ отъ своего родителя знанія былинъ, потому что ему недосугъ былъ, онъ сѣлъ на «крестьянство» и занялся имъ исключительно. Дѣдъ, напротивъ того, живя не въ ладахъ съ сыномъ, мало занимался крестьянствомъ, а больше ходилъ по людямъ, работая разнаго рода рыболовныя снасти. При этомъ онъ часто бралъ съ собою мальчика Терентія, и внуку удержалъ въ памяти кое-что изъ пѣсней, которыми старикъ сопровождалъ свою работу. Но по малолѣтству онъ могъ «понять» только малую часть того, что зналъ дѣдъ (Елустафьевъ умеръ, когда внуку было около 10 лѣтъ), и потому, наследовавъ отцу въ крестьянствѣ, онъ не имѣлъ времени распѣвать былины, и онѣ заглохли въ его памяти. Терентій считается весьма исправнымъ домохозяиномъ и очень уважается. Онъ извѣстенъ былъ г. Рыбникову, который лично записалъ былинныя съ его словъ.

98.

МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 1).

Микулушка Селянинъ
 Была у него кобыла Подъни-голова.
 Какъ тутъ Микулушка ораетъ да пахалъ,
 А ѣнъ сосенн да ѣлки въ борозду валилъ,
 А ѣнъ ржи-то напахалъ да домой выволочилъ,
 Домой выволочилъ да дома вымолотилъ,
 А ѣнъ пива накурилъ, да гостей назвалъ.
 Стали пиво пить да все Микулушку хвалить:
 «А тебѣ было Микулушкѣ орать да пахать,
 «Да тебѣ Микулушкѣ крестьяновать!»

Былъ онъ Микулушка въ городи во Кіевѣ,
 А ѣнъ вывезъ-то соли оттуль двѣ мѣха,
 Въ который мѣхъ походить пудовъ по сороку.

(Больше не помнитъ.)

Записано въ Кижяхъ, 6 іюля.

99.

АЛЕША ПОПОВИЧЪ И ТУГАРИНЪ ЗМѢЙ.

Какъ Олешенька Поповичъ сынъ Ивановичъ
 Ёнъ на далечи далечи на чистомъ поли
 Да ѣдетъ-ка тутъ Олешенька да и на добромъ конѣ,
 Да какъ видитъ-то онъ Тугарина невѣрнаго,
 Высоко летитъ Тугаринъ, близъ подь облакой.
 Какъ тутъ Олешенька спустился-то съ добра коня,
 Да какъ ставился Олеша на востокъ лицемъ,
 Да онъ молится тутъ Господу святителю:
 «Дай-ко ты Господи дождичка частаго да и мелкаго,
 «Чтобы омочило у Тугарина бумажны крыльица,
 «Спустился бы Тугаринъ на сырѣ землю,
 «Да какъ мнѣ было съ Тугариномъ посяѣхаться.»
 Да и по Олешенькину тутъ моленію,
 Какъ по Божьему-то по велѣнію,
 Наставала тученька-та темная
 Съ частнымъ дождичкомъ да съ молніей,
 Омочило у Тугарина бумажны крыльица,
 Спустился тутъ Тугаринъ на сырѣ землю.
 Да какъ ѣдетъ-то Тугаринъ на добромъ конѣ,
 На добромъ конѣ да по сырой землѣ,
 А идетъ Олешенка къ нему на стрѣтушку.
 Какъ тутъ Задолице (такъ) поганое
 Замахнулся онъ кинжаломъ-то булатнымъ,
 Что срубить Олешѣ буйну голову;
 Да какъ былъ Олешенка востеръ собою,
 Завернулся онъ за ту гриву лошадиную,
 Промахнулся тутъ Тугаринъ-тогъ невѣрный,
 Ушло съ рукъ кинжалище булатное,
 Ушло въ землю до чѣрена.
 Какъ былъ Олешенка востеръ собою,
 Повывернулся тутъ онъ зъ-за гривы лошадиной,
 Енъ ударить своей палицей военной Тугарина,—
 Своротилось главѣще на правѣ страну,
 А 'ще тулово да на лѣвую.
 Беретъ Олешенка Поповичъ сынъ Ивановичъ
 Кинжалище булатное,
 Воткнулъ онъ въ буйную голову, —

Не можетъ ень главица на плечо поднять,
Закрываютъ онъ своимъ зычнымъ жалкимъ голосомъ:

«Ужь вы служки панюшки, вѣрны нанюшки (такъ)!

«Подсобите-ко главице на плечо поднять.»

Подбѣжали служки панюшки, вѣрны нанюшки,

Подсобили главице на плечо поднять.

Несётъ онъ тутъ къ своему добру коню,

Привязалъ онъ желтымъ волосочками

Ко тымъ стремянамъ да лошадинымъ,

Поѣхалъ онъ ко городу ко Киеву.

Подбѣзжаетъ онъ ко городу ко Киеву,

Кричитъ онъ да во всю голову:

«Ай же вы бабы портомойницы!

«Я привезъ-то вамъ буцище со чиста поля,—

«Вы хоть платье мойте, а хоть зѳу варите,

«Хоть всимъ городомъ срать ходите.»

Записано тамъ же, 6 юля.

100.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Какъ Добрынюшка-то своей матушкѣ говаривалъ:

«Ай же моя матушка да ты родимая!

«На что же меня несчастнаго да и спорѳдила,

«Не во своего государя свѣта батюшка,

«Да не въ сильнаго могучаго богатыря,

«Да й не въ купца гостя торговаго?

«Когда же ты меня да поотрѳдила,

«Свертѣла ты бѣ меня въ камѳчку во крупчатую,

«Снесла бы ты меня да край синя моря,

«Спустила бѣ ты меня да на святую воду,

«Такъ шолъ бы я туды на само дно,

«Лежалъ бы я да й мѣсто камешка самоцвѣтнаго;

«Буйны бѣ вѣтрушки тамъ на меня не вѣяли,

«Добры бѣ людюшки тамъ про меня не баяли.

«Какъ нонечку-таперечку посылаетъ меня солнышко,

«Солнышко Владиміръ князь да столень кievской

«Во ту да въ матушку въ каменную Москву,

«Во каменную Москву да въ хоробрую Литву

«За той меня за данью да за почлиной.

«Розстояннице туды есть полнолѣрное,

«Житье туды есть все невѣрное.

«Но когда я туды свѣзжу, когда здѣсь буду,

«Бывать ли мнѣ на родимой на сторонкѣ, аль не бывать,

«Видать ли мнѣ родимая сторонюшка, аль той не видать.»

Идетъ ли тутъ Добрынюшка да й на широкой дворѣ,
Ень сѣдлаетъ да уздаетъ коня добраго.

Говорить ли тутъ честная вдова Офимья Александровна,

Да ко свѳей тутъ она невѣстухи:

— Ай же ты моя невѣстуха!

— Поди-тео ты да й на широкой дворѣ,

— Спроси-тео ты у своего да богосвѣженнаго:

— Куда онъ поѣзжаетъ, куда путь держать,

— Когда онъ оттуль будетъ, когда ждать велить? —

«Ай же ты молода жена Настасья дочь Микулична!

«Когда ты у меня поспрѳсила:

«Перво три году ты пожди мене за меня,

«А 'ще друго три пожди мене за себя, —

«Пойдетъ ли того времечки шесть лѣтъ назадъ,

«Да за тое шесть и другое шесть,

«Да тутъ сполнится вѣдъ времечки двѣнадцать лѣтъ,

«Буду живъ такъ я здѣсь буду,

«А живъ не буду, такъ и ждать некого.

«Да еще я тутъ тебѣ монѣкажу:

«Какъ послѣ моего бываньяца

«Хоть замужъ поди, хоть вдовой живи,

«Хоть ты за князя поди, хоть за боярина,

«Хоть за сильнаго могучаго за богатыря,

«Столько не ходи за смѣлаго за Олешеньку за Поповича,

«Какъ Олешенка Поповичъ названный братъ, да мнѣ-ка меньшей братъ,

«А я Олешенкѣ-то есте большой братъ.»

Какъ садился тутъ Добрынюшка да на добра коня,

Тутъ видѣли добраго-то молодца садучи,

Не видѣли со двора его поѣдучи.

Со двора-то онъ поѣхалъ не воротами,

Въ чисто полюшко поѣхалъ не дорогою.

Идетъ-то тутъ честная вдова Офимья Александровна

Во свои во покои во любимыи,

Садилась она на брусосу бѣлу лавочку,

Глядитъ она на далече далече на чисто поле,

Ена горькими слезами да обливается,

Полотничнымъ рукавцемъ пооттирается,

Сама говоритъ да таково слово:

— Закатилоса сугрѣвное межѣнное тѣплое красное солнышко

— За лѣсушки да темныи, за горушки да высокии,

— За мхи, за озера за широкии.

— Столько свѣтитъ на меня теперечку свѣтѣль мѣсяцъ, —

— Осталася со мной невѣстуха молода Настасья
дочь Микулична.—

Да тутъ годъ по годъ бывъ трава ростеть,
Да какъ три-то прождала мене за меня,
А 'ще три-то года прождала мене за себя,
Тутъ прошло ли того времечки шесть лѣтъ назадъ;
За тое шесть прождала да и другое шесть.
Какъ сполнилось тутъ времечки двѣнадцать лѣтъ,
Да приходитъ съ поля вѣсточка нерадостна:
Какъ на далѣчи далѣчи на чистомъ полѣ
А ѣ лежитъ Добрынюшка да на сырѣй земли,
Свезозъ бѣлы груди копьемъ проколото,
Тутъ на верху выросла вѣдь травонька шелковая,
Росцвѣли цвѣточки лазуревы.

Какъ сталъ ли тутъ Олешенька Поповичъ сынъ
Ивановичъ

Ѣнъ подхаживать, подсватывать да подговаривать,
Да и подбили тутъ Настасью съ ума разума.
Заводили они свадебку почестный пирь,
Не на мало не много на двѣнадцать дѣнь.

Какъ со далѣчи далѣчи со чиста поля
Наѣзжаетъ тутъ дѣтинушка залѣщанинъ,
Залѣщанинъ да деревенщенинъ
Да во той Офимѣ Александровнѣ,
Онъ вѣдь прямо ѣдетъ на широкой дворъ,
Да розмахивалъ воротца-ты на пяту,
Не спрашивалъ онъ ни придворничковъ ни при-
дверничковъ,

Ни придверничковъ ни приворотничковъ,
Да ѣ розмахивалъ воротца-ты на пяту,
Да Ѣнъ ставилъ тутъ коня да среди двора,
Не привязанаго да и не приказанаго.

Идетъ ли дѣтинушка во рингу (такъ) княже-
нецкую,

Да Ѣнъ крестъ несетъ да ѣ по писаному,
Ѣнъ поклонъ ведетъ да по ученому.

Какъ тутъ говорить честна вдова Офимья Олек-
сандровна:

— Ай же ты дѣтинушка залѣщанинъ да дере-
венщенинъ!

— Наступаешь ты на мой да на вдовиной дворъ,

— Донесу я князю-то Владиміру,

— А ѣ засадитъ Ѣнъ тебя да во глубокъ погрѣбъ.—

«Ай же ты честна вдова Офимья Александровна!

«Какъ гдѣ-то у тебя невѣстуха,

«Молода жена Настасья дочь Микулична?»

— Какъ пришла пришла *) Ѣна замужъ пошла

— Зато за смѣлаго Олешеньку да за Поповича.—

*) На вопросъ, что это значить, пѣвецъ отвѣчалъ, что «такъ поется», что это значить «фантазія».

«Да Ѣна вѣдь не вдова, да есте мужняя жена:

«Я далече далече на чистомъ поли

«Я видѣлъ Добрынюшку на добромъ конѣ,

«Я третьёго дни съ Добрынюшкой порозѣхался,

«Тебѣ правлю поклонъ да челомъ-бѣтнече

«Отъ того Добрынюшки Микулича.»

А тутъ стала вѣдь вдова да рада весела.

Какъ еще Добрынюшка тутъ матушкѣ наказывалъ,

Какъ спустилась бы она да во глубокъ погрѣбъ,

Розвертѣла бы камочку-ту крупчатую,

Подала бы мнѣ платица-ты цвѣтныи, —

Поположь бы я на нихъ на пирь на смѣреную на
свадебку.

Положилъ-то Ѣнъ гусельшкы яровчаты подь праву
полу,

Поположь на нихъ на пирь на смѣреную на сва-
дебку,

Приходитъ онъ во рингу княженецкую,

Ѣнъ крестъ несетъ да ѣ по писаному,

А и поклонъ ведетъ да по ученому,

Да Ѣнъ на вси на три на четыре на сторонушки,

Да Ѣнъ князю-то Владиміру поклонъ несетъ въ
особину,

Новобрачному да съ новобрачноюй.

Говорить ли тутъ Владиміръ князь да столень
кіевской:

— Ай же ты дѣтинушка залѣщанинъ да деревен-
щенинъ!

— Что же ты подолгу долгаешься,

— Пóтиху на смѣреную на свадебку наряжаешься?

— Тóперь вси-то есте мѣста да перезанаты

— Подь князями да подь боярами,

— Все сидятъ, ѣдятъ да хлѣба кушаютъ,

— Какъ надобно итти да во Божью церковь

— Намъ ставить молодыхъ подь златѣ вѣнцы.

— Столько просто одно мѣстечко да скоморошное

— На той на печи на земляной. —

Поскочилъ дѣтинушка залѣщанинъ да и деревен-
щенинъ

Ѣнъ на ту на печку на земляную,

Положилъ гусельшкы на свои колѣна молодецкія,

Учалъ почалъ во гусельшкы выигрывать,

То играетъ онъ отъ Царяграда,

Выпѣваетъ онъ отъ Еросóлима.

Этто всѣма-та игра да прилюбилася;

Наливалъ тутъ чарочку зеленá вина

Владиміръ князь да столень кіевской,

Подливалъ онъ-то и медку сладкаго,

Да скрычалъ онъ своимъ зычнымъ голосомъ:

— Ай же ты дѣтинушка залѣщанинъ да деревен-
щенинъ!

— Спустись-ко ты со печки со земляной,
 — Выпей выкушай чару да зелена вина. —
 Ёнъ спустился-то со печки со земляной,
 Выпилъ выкушалъ чару да зеленá вина,
 Поскочилъ на печку на земляную,
 Учаль почаль во гусельшка выигрывать,
 Играеть-то онъ отъ Царяграда,
 Выпѣваетъ онъ отъ Еросóлима.
 Это всѣмъ-та игра да прилюбилася,
 Они-то всѣ да порозслухались.

Наливалъ онъ князь Владиміръ столень кievской
 чару зеленá вина,

Поддивалъ онъ въ чару медау сладкаго,
 Вскричалъ онъ своимъ зычнымъ голосомъ:
 — Ай же ты дѣтинушка залѣщанинъ да деревен-
 щенинъ!

— Спустись-ко ты со печки со земляной,
 — Выпей выкушай чару да зеленá вина.
 — Да какъ перво мѣстечко теби возлі́ меня,
 — А 'ще дрúго мѣсто супротивъ меня,
 — А еще третье мѣстечко гди по разуму,
 — Хоть самъ ты пей, хоть кому любо тому под-
 носн. —

Наливалъ онъ чарочку зелена вина,
 Поддивалъ ёнъ въ чару медау сладкаго,
 Да свялъ-то онъ съ правой руки значень перстень,
 А спустиль-то ёнъ въ чару да въ зеленó вино,
 Подносилъ-то онъ Настасья да Мигуличной,
 Да ёнъ самъ говоритъ да таковы слова:
 «Какъ выпьешь чарочку до два, такъ увидашъ
 добра,
 «А не выпьешь чарочки до дна, такъ не видать
 добра.»

А какъ чарочку-то она какъ выфуткала *) да вы-
 кушала,

Приватилася къ ней къ устамъ золочень перстень.
 Береть она ручкой лѣвою, надѣваетъ на ручку
 на правую,

Сама говоритъ да таковы слова:
 — Какъ не тотъ мой мужъ, который сидитъ подлі́
 меня,
 — А тотъ мой мужъ, который стоитъ супротивъ
 меня. —

Какъ идетъ Добрынюшка въ большой уголъ,
 Онъ беретъ Олешеньку за желты́ кудри,
 Да й повыхватилъ на рингу княженецкую;
 Ёнъ ударить-то Олешеньку да о кирпичень полъ,
 Его хочеть переправить а 'ще и дрúгой разъ.

*) Іевлевъ не могъ объяснить точнаго значенія этого слова
 и сказалъ только, что «такъ поется.»

Какъ былъ у нихъ-то вѣдь старóй казакъ Ілья
 Муромецъ,

Ілья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 Захватилъ его за плѣчка за могучія,
 Онъ самъ говоритъ да таковы слова:
 «Не убей-ко за напрасницу богатыря,
 «Хоть онъ силой-то не силенъ, да напѣсомъ
 смѣлъ.»

Береть-то ёнъ ю за ручку за правую,
 Береть ю своей ручкой лѣвою,
 Ёнъ крестъ несетъ да й по писаному,
 Ёнъ поклонъ ведеть да по учёному,
 На всѣ на три на четыре стороны поклоняется,
 Поворотился ёнъ со ринги съ княженецкой,
 Повелъ ю во свои покои во любимыи,
 Зовѣтъ-то ёнъ дружину всю хоробрую:
 — Пойдемъ-ко со мной во покои во любимыи,
 — Стану я годины именины вси выправливать,
 — Все выправливать за двѣнадцать лѣтъ. —

Записано тамъ же, 6 іюля.

101.

КАЛИБА - БОГАТЫРЬ.

Какъ съ-подъ ельничку да съ-подъ березничку,
 Да съ-подъ частаго молодаго съ-подъ олешничку,
 Выходилъ каликушка не маленькій.
 На ногахъ лапóтики-тѣ у него семи шелковъ,
 Не простыхъ шелковъ да самошинскихъ;
 Какъ въ косы-тѣ заплетено было по камешку,
 По камешку по самоцвѣтному,
 Что-ль не для-ради красы басы,
 Для ради крѣпости богатырской,
 Чтобы свѣтло было итти по тѣмъ путямъ,
 По широкимъ путямъ по дороженкамъ.
 О костыль каликушка опиралася,
 Высоко каликушка поднималася,
 Поднялся тутъ каликушка поповыше лѣсу стоя-
 чаго,
 Поднялся тутъ каликушка поповниже оболочка
 ходячаго,
 Прискакалъ каликушка ко Пучай-рѣчкѣ, —
 Немала рѣчка—триста нятьдесятъ.
 На тыхъ поляхъ да на Куликовыхъ,
 На тыхъ лугахъ да на зеленыхъ,
 Тамъ не облачко да призаси́гло,
 Тамъ не рошица да берѣзовая, —

Силушка стоит да городобая,
 Силушка стоит армія.
 О костью калікушка опиралася,
 Да й за рѣчку калікушка поднималася.
 Заскочила калікушка въ эту силу да городобую,
 Заскочила калікушка въ эту армію:
 Тутъ сорокъ царей сорокъ цареевичевъ,
 Сорокъ королевъ сорокъ королевичей,
 Хоть мелкой-то силушкѣ и смѣты нѣтъ,
 Но сидитъ тѣрчанка да богатырченка.
 Какъ сталъ калікушка выпрашивать:
 «Ты скажи туркѣ да не утай меня,
 «Не утай меня да не сгуби себя:
 «Куда-то эта силушка снаряжена?»
 — Снарядилась эта силушка ко городу ко Кіеву,
 — Хочетъ Кіевъ городъ да головней катить,
 — А й добрыхъ коней да табунами брать,
 — Красныхъ дѣвушекъ во полонъ взымать,
 — А старихъ людей да на огнѣ сожгать. —
 Тутъ взялъ его калікушка за желтѣ кудри,
 Помахнулъ калікушка на свой помахъ,
 Да й пустилъ его да й до сырѣи земли;
 Лопнула у турки коженка
 Съ гузнѣ да й до головушки.
 О костью калікушка да й опиралася,
 Высоко каліка поднималася.
 Поднялся тотъ калікушка поповыше глѣсу стоячаго,
 Поднялся тотъ калікушка попонизе оболочка хо-
 дячаго,
 Прискакалъ ко городу ко Кіеву,
 Онъ въ Кіевъ градъ скакалъ да не дорогою,
 Онъ въ Кіевъ градъ зашелъ да не воротами,
 Черезъ ту башку *(такъ)* да наугольную,
 Закричалъ калікушка въ полголоса, —
 Владиміръ князь-тотъ съ ума сошолъ,
 Княгиня ходитъ розкаракою.
 Какъ былъ у нихъ Добрынюшка Микитичичъ,
 Похватилъ Добрынюшка черленый вазъ,
 Какъ былъ калікушка да по головушкѣ,
 Тутъ стоитъ калікушка—не стрѣхнется,
 Желты кудрушки да й не сворохнутся.
 Какъ былъ у нихъ старѣи казакъ да Илья Му-
 ромецъ,
 Илья Муромецъ да й сынъ Ивановичъ,
 Онъ самъ говоритъ да таковы слова:
 «Ужъ вы глушии неразумныи богатыри!
 «Не спѣшили бы-то калікушку бить бранить,
 «Вы спѣшили бы калікушку кормить поить,
 «Всякихъ новостей-то у него выпрашивать.»
 Наливалъ калікушкѣ чару да полтора ведра,
 Подносилъ ему да единой рукой;

Выпивалъ калікушка да за единый духъ.
 Они стали калікушку кормить поить,
 Всякихъ новостей-тѣхъ у него выпрашивать,
 Сдѣлали во городѣ во Кіевѣ осторожности ве-
 ликии.

Записано тамъ же, 6 іюля.

102.

ДУНАЙ.

(См. Рыбникова, т. II, 12).

Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
 Да и у ласкова князя у Владиміра,
 Былъ-то вѣдь у него дочестной пиръ;
 А какъ всѣ-то на пиру были пособраны,
 Всѣ были вси князи, вси боляре,
 А всѣ сильніи могучіи богатыри,
 Да всѣ тутъ поляниченки удалыи.
 Они всѣ были за столы посаженны,
 Всѣмъ были кушанья налаженны,
 Да какъ всѣ они сидѣть да пьютъ, хлѣба кушаютъ,
 Потѣшаются да похваляются:
 А какъ умный-отъ хвастаетъ отцемъ матерью,
 А безумный-отъ хвастаетъ молодой женой,
 А худой молодой неудачливой.
 А какъ говори Владиміръ князь столень кіевской:
 «А всѣ всѣ у мѣня были поженены,
 «Вы вы были у меня повѣнчаныи,
 «А единъ-то у васъ князь не женатъ,
 «А Владиміръ князь столень кіевской.
 «А вы знаете ли ему да вѣдаете ль ему супро-
 тивную?»
 «А была бы-то жена мнѣ хорошая:
 «Ена ростомъ-тымъ да высокая,
 «А и садомъ-тымъ она да садомитая *(такъ)*,
 «А красой-то она да красовитая,
 «У нея кровь-то бы въ лицѣ какъ у бѣлаго зайца,
 «А какъ было бы то мнѣ-ка съ ней жить да и
 быть,
 «А и долгій-отъ вѣкъ-то корѣтати,
 «А 'ще было бы-то вамъ кому честь воздать,
 «А 'ще было бы-то кому и поклоняться.»
 А тутъ всѣ за столомъ призамоленули,
 Всѣ за столомъ приутихнули,
 Да й нието никакого словечка не вымолвить,
 А еще большіи тулятся за средняго,

Средніи тулятся за меньшаго,
 А отъ меньшаго-то и отговору нѣтъ.
 Да какъ выходилъ Дунаюшко Ивановичъ,
 А выходилъ-то изъ запечья,
 А онъ подходилъ-то ко тому столу княженецкому,
 Да онъ самъ говоритъ да таковы слова:
 — А вѣдь знаю то бы я да вѣдь вѣдаю:
 — Какъ далече далече подъ сточной стороной,
 — У того ли короля храбра Литскаго (*такъ*),
 — А какъ есть у него да двѣ дочери,
 — А и двѣ дочери обѣ хорошии,
 — Только большая дочіи мало при доми живётъ
 — Она ѣздитъ во чисто поле поляковать;
 — А какъ мѣнша дочіи всегда при доми, —
 — А 'ще ббольшая Настасья королевична,
 — А какъ мѣншая эта Опраксимья.
 — Опраксимья эта королевична
 — А и была бы то би жена да хорошая,
 — Она ростомъ-тымъ да высокая,
 — А и садомъ-тымъ она да садомитая,
 — А красой-то она да красовитая,
 — У нея кровь то бы въ лица какъ у бѣлаго зайца,
 — А какъ было бы-то тобѣ съ ней жить да и
 быть,
 — А и долгій-отъ вѣкъ-то корѣтати,
 — А 'ще было бы-то намъ кому честь воздать,
 — А 'ще было бы-то кому и поклонитися. —
 «Ай же ты Дунаюшко Ивановичъ!
 «А умѣлъ же ты теперечко повыхвастать,
 «А умѣй-ко ты оттуль ее повывести.
 «Много ли туди ты силѣ возьмешь,
 «Много ли возьмешь золотой казны?»
 — А не надобно мни сила княженецкая
 — И не надобно мни золотой казны,
 — Да не бится тамъ мнѣ не ратиться;
 — Столько дай мнѣ-ка-ва во товарищи
 — Во товарищи Добрынюшку Микитича,
 — А 'ще мнѣ-ка-ва двухъ жеребчиковъ неѣзжа-
 нныхъ
 — Чтобы два сѣдла оба недѣржаныи,
 — Да вѣдь узды обѣ неузданыи,
 — Двѣ плеточки обѣ нехлѣстанныи;
 — Да пиши-тко ты брѣмки о добромъ дѣлѣ о свѣ-
 товствѣ
 — На той на дочѣри на Опраксимьи,
 — На Опраксимьи королевичной. —
 А сѣдлаи уздали добрыхъ коней,
 Да и поѣхали ко матушкѣ къ каменной Москвы,
 Къ каменной Москвы къ хоробрѣи Литвы,
 Ко тому ли королю храбро-литскому
 А и о добромъ дѣлѣ о свѣтовствѣ.

Приѣзжаютъ-то они въ хоробру Литву,
 И они ставили тутъ коней среди двора
 Непривязанныхъ да неприказанныхъ,
 Да поставилъ онъ товарища Добрынюшку Микити-
 ца,
 Да онъ самъ говоритъ таковы слова:
 — Ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
 — А стой-тко ты на широкѣмъ дворѣ,
 — Гляди-тко на рингу королевскую,
 — Какова пора, каково время,
 — Чтобы можно намъ отсюда да поуѣхати. —
 А идетъ-то Дунаюшко Ивановичъ
 Во тую во рингу королевскую,
 Да онъ крест-отъ несетъ по писанному,
 Да онъ поклон-отъ ведетъ по ученому,
 На всѣ на три на четыре стороны поклоняется,
 Да онъ королю несетъ поклонъ въ особину:
 — Ужъ ты здравствуешь батюшко король да хо-
 роброй Литвы! —
 «Ужъ ты здравствуешь Дунаюшко Ивановичъ!
 «Ты куда ѣдѣшь, куда пѣть держишь?
 «А ты намъ послужить или себя показати?»
 — А какъ вамъ послужить и себя показати,
 — А 'ще другое дѣло есть больше всѣхъ:
 — Я обѣ добромъ дѣлѣ обѣ свѣтовствѣ
 — На твоей да дочушкѣ Опраксимьи,
 — На Опраксимьи на королевичной,
 — Да и за нашего князя Владимира. —
 А какъ говоритъ король хоробрѣи Литвы:
 «Ай же ты Дунаюшко Ивановичъ!
 «А ты взялся за безумье за великое.
 «Да какъ вашъ тотъ князь не великъ собою,
 «А 'ще ваши царѣща уродливыи, —
 «Не отдамъ я своей дочери
 «Да и за вашего князя Владимира,
 «А возьму ли я тебя за желтѣ кудри,
 «Посажу я тебя въ глубокъ погрѣбъ,
 «А пусть-ко Дунаюшко у насъ посидѣтъ,
 «Да пусть-ко Дунай въ погрѣбу погоститъ,
 «То что Дунай да и обумѣется.»
 Да какъ подходитъ Дунаюшко Ивановичъ
 Кѣ тому столу да ко дубѣвому,
 Енъ смахнулъ свои руки вышѣ головѣи,
 Да пустилъ онъ до стола да до дубоваго.
 А какъ пѣтъ на столахъ проливаются,
 А 'ще столъ въ шапѣ приймается,
 А и мать земля сколыбається,
 Да какъ самъ онъ говоритъ таковы слова:
 — Есть я здѣсь не одинъ собою,
 — Да какъ есть-то я здѣсь со товарищемъ,
 — Во товарищахъ Добрынюшка Микитиницъ. —

А какъ въ той ли поры ко тому времени
 Да вѣдь скоро со двора тутъ послы пришла:
 «Ужь ты батюшка король хороброй Литвы!
 «А ты ѣшь да пьешь, спотѣшаешься,
 «А ты надъ собой незгодушки не знаешься.
 «А какъ есть-то дѣтника не знамъ собой,
 «Во лѣвой рукѣ водить два добра коня,
 «А во правой дубина сарацынская;
 «Какъ ясной соколъ по двору покурхиваетъ,
 «А вѣдь такъ-то онъ по двору поскакиваетъ,
 «На всѣ стороны дубиной помакиваетъ,
 «Такъ приближъ-то всѣхъ татаръ до единого,
 «Не оставилъ онъ татаръ тебе на сѣмена.»
 Такъ какъ говорить король хороброй Литвы:
 — Ай же Дунаюшко Ивановичъ!
 — Уйми-тко ты своего товарища,
 — А какъ видно-то дочушка Богомъ суженая.—
 Идетъ-ли Дунай на крутой крылецъ,
 Самъ говорить таковы слова:
 «Ай ты Добрынюшка Микитилицъ!
 «Полно тебѣ теперь уродовать,
 «А какъ есть-то намъ видно Божья помочь.»
 А какъ говорилъ король хороброй Литвы:
 — Ужь вы служки панюшки вѣрны панюшки!
 — Вы умойте убѣдите Опраксимью,
 — Напуните-тко вы ей да личко бѣлое,
 — А умойте-тко вы ю бѣлешенько,
 — Да сокрутите вы ю хорошешенько,
 — Да веди-тко во рингу королевскую,
 — Отпустить-то ее да на святую Русь
 — А й въ замужество за князя Владимира. —
 Да беретъ-то Дунаюшко Ивановичъ,
 А беретъ-то своей ручкой лѣвою
 За ней-то за ручку за правую,
 За ней-то за перстни значенны,
 А онъ крест-отъ ведетъ по писаному,
 А и поклонъ-тотъ несетъ по ученому,
 На всѣ на три на четыре стороны поклоняется,
 А ѣнъ королю поклонъ несетъ въ особину:
 «А прощай ты батюшка король хороброй Литвы.»
 А идетъ-то ѣнъ вѣдь на широкой дворъ,
 А ведетъ-то онъ Опраксимью королевичну.
 Какъ самъ-то онъ садился на добра коня,
 Да и ю посадилъ на добра коня на татарскаго,
 А онъ коня татарскаго себѣ въ поводъ взялъ,
 Да поѣхали они ко городу ко Киеву.
 Сустигала на путь ихъ ночь темная,
 Да спустился тутъ ѣнъ да со добра коня,
 Порозднернулъ Дунаюшко свой бѣлъ шатерь,
 Зашли-то они да въ свой бѣлъ шатерь,
 Да ложился Дунаюшко да во шатрихъ (такъ) спать;

А ѣнъ во ноги поставилъ саблю вострую,
 Да ѣнъ въ голову кладетъ кинжалище булатное,
 Да ѣнъ по боци (такъ) кладетъ палицу военную,
 А какъ тутъ-то они спятъ, сномъ темну почку
 коробаютъ.

Да какъ той-то они той ночью темною
 Хоть не видѣли, да столько слышали,
 Какъ по тоей дорожкѣ Цареградской
 Тутъ ѣхалъ татаринъ невѣрный,
 Да посвистывалъ ѣнъ да по змѣиному,
 Да покрывалъ ѣнъ да по звѣриному.
 Да поутру ставши они дорожку осматриваютъ,
 Куда ѣхалъ татаринъ невѣрный:
 У того коня да у татарскаго
 А какъ въ землю тутъ ножки да щетки угрыз-

вали,
 Камешки съ дорожки вивертываны,
 За три выстрѣлы камешки отмѣтываны.
 Отпустилъ-то онъ Опраксимью королевичу
 Кó тому ли ко городу ко Киеву
 Съ тымъ ли Добрынюшкой Микитичемъ,
 А какъ самъ-то онъ поѣхалъ за татаринѣмъ въ

погону вслѣдъ,
 Да загналъ ѣнъ татарина въ чистомъ поли,
 Гдѣ было къ татарину молчкомъ подѣзжать,
 Гдѣ было татарина коньемъ торыкать,
 Такъ вѣдь ѣнъ со татаринѣмъ промолвился:
 «Скажи татаринъ невѣрный!
 «Куда ты ѣдешь, куда путь держишь?»
 Да тутъ крикнетъ татаринъ по звѣриному,
 Да какъ свиснетъ татаринъ по змѣиному,
 Да какъ тутъ у Дунаюшка конь-то сполóхался,
 Сполохался да на колѣнка палъ;
 Да ѣнъ бьетъ-то коня по толстымъ ребрамъ,
 Да ѣнъ самъ говорить таковы слова:
 «А ты волчья смѣть, травной мѣшокъ!
 «Что же ты теперь потыкаешься,
 «Али надо мной надсмѣхаешься?
 «Не слыхалъ ли ты посвисту да молодецкаго,
 «А ты покрику да богатырскаго?»
 Подѣзжалъ ли Дунаюшко Ивановичъ
 Подѣзжалъ онъ къ татарину невѣрному,
 Да и ударилъ онъ татарина вострымъ коньемъ,
 Вострымъ коньемъ да тупымъ концемъ,
 Сбилъ ѣнъ татарина съ добра коня,
 Не казилъ ѣнъ татарина, допрашивалъ:
 «Скажи татаринъ невѣрный!
 «Куда ты ѣдешь, куда путь держишь?
 «А я вижу-то по пелькамъ что ты женской полкъ
 (такъ).»
 — То вчерашняго дня я дома не была,

— Да какъ было со святой Руси два богатыря,
 — Увели-то сестрицу Опраксимью,
 — Да поѣхала за ней я въ когону вслѣдъ.
 — А мнѣ навѣротить сестрицу Опраксимью,
 — Либо положить головушка Настасьина. —
 Такъ не казнилъ ей Дунаюшко Ивановичъ,
 Да тутъ-то на ней онъ посватался.
 Садилъ-то вѣдь ю на добра коня,
 А самъ-то онъ сѣлъ на свѣго;
 Ешь татарскаго коня себи въ поводъ взялъ,
 Да поѣхалъ онъ ко городу ко Киеву,
 Да ѣхъ въ домъ не входѣ й во Божью церковь.
 А тамъ Владиміръ князь вѣнчается
 Съ Опраксимьей со королевичной,
 Да тутъ повѣнчался Дунаюшко Ивановичъ,
 Повѣнчался онъ съ Настасьей королевичной;
 Онѣ вмѣстѣ двѣ сестрицы крестились и молит-
 вились,
 Онѣ вмѣстѣ двѣ сестрицы замужъ пошли.
 Заводили они свадебку почестной пиръ,
 Не на мало не на много на двѣнадцать дѣтъ.
 Тутъ вси были на пиру пособраны,
 Все князи вси бѣара,
 Все сильнии могучи богатыри,
 Все поляници удални,
 А какъ вси они сидятъ да ѣдятъ, хлѣба кушаютъ,
 Всѣ ѣли да пили, порасхвастались,
 Но умный какъ хвастаетъ отцемъ матерью,
 А безумный-то хвастаетъ худой женой неудач-
 ливой.
 Да какъ тутъ повыхвасталъ Дунаюшко Ивано-
 вичъ:
 «Нѣтъ стрѣльца удала молодца
 «Супротивъ Дуная Ивановича.»
 А какъ говоритъ Настасья королевична:
 — Хотъ немножко я во городѣ во Киевѣ побывла,
 — Столько много я во городѣ во Киевѣ приви-
 дѣла:
 — Тотъ стрѣлецъ во чистомъ полѣ,
 — Кто положить на головушку колечко сере-
 бряно
 — И наставить напротивъ колечка ножъ булат-
 ный,
 — И отступить назадъ-отъ пятьсотъ шаговъ,
 — И будетъ онъ стрѣлять изъ луку каленаго,
 — И пропускать будетъ эту стрѣлочку каленую
 — По острѣю ножовому,
 — И попадать будетъ въ колечко серебряно. —
 Такъ тутъ тихія Дунай Ивановичъ
 Становился онъ на рѣзвѣхъ ножкахъ,
 И положилъ себи на головушку колечко серебряно,

И велѣлъ отступить Настасья королевичнѣ,
 Велѣлъ отступить пятьсотъ шаговъ.
 И полагаала она стрѣлочку каленую,
 Натягивала тетивочки шелковыя
 И спущала она стрѣлочку каленую;
 Эта стрѣлочка каленая прокатилась по острѣю
 ножовому
 И угодила въ колечко въ серебряно.
 Три разъ Настасья королевична прострѣлила
 И пропустила стрѣлочку каленую
 Во этое колечко серебряно,
 И не сшибла колечка со головушки.
 Тутъ тихія Дунаюшко Ивановичъ
 Сходилъ онъ со этого со мѣстечка,
 На это мѣсто становилъ онъ Настасью короле-
 вичну,
 Положилъ ей колечко на головушку,
 Самъ отступилъ ему пятьсотъ шаговъ
 И бралъ свой тугой лукъ розривчатой
 Во бѣли свои ручушки;
 Тутъ молилась Настасья королевична,
 Молилась и горько плакала:
 — Ай же тихія Дунаюшко Ивановичъ!
 — Копай-ко ты мѣня до пояса въ сырѣ землю
 — И бей ты меня по нагу тѣлу, —
 — Прости-тео меня въ женской глупости,
 — Не убей-ко меня Настасья королевичной,
 — Не сдѣлай-ко двухъ головушекъ непови-
 нныхъ:
 — Есть у меня во чревѣ съ тобой дитятеко по-
 сѣяно,
 — По локоть ручки въ золоти,
 — По колѣнъ ножки въ серебрѣ,
 — По косицамъ у него частіи звѣзды,
 — На всякой на волосинчкѣ
 — По скачонной по жемчужинкѣ;
 — Сзади-то его печеть-то свѣтилъ (такъ) мѣсяцъ,
 — Отъ очей-то пекеть да солнце красное. —
 Ничего-то Дунаюшко да не послѣдовалъ,
 Разгорѣлось его сердце молодецкое,
 Да натягивалъ онъ стрѣлочку каленую,
 Подмазывалъ онъ саломъ — тымъ змѣйнымъ,
 Да наставлялъ онъ Настасю во бѣли груди,
 Да тутъ Настасья смерть пришла.
 Тутъ у ней чѣрево распластывать,
 Вынимаетъ онъ младенца со бѣлыхъ грудей:
 По локоть ручки въ золоти,
 По колѣнъ ножки въ серебрѣ,
 По косицамъ у него частіи звѣзды,
 На всякой на волосинчкѣ
 По скачонной по жемчужинкѣ;

Сзади-то его печѣть-то свѣтилъ мѣсяць,
Отъ очей-то печетъ да солнце красное.
Взялъ Дунаюшко Ивановичъ востро копье,
Поставилъ востро копье во сыру землю тупнымъ
концемъ,

А вострѣмъ концемъ себи да во бѣлыя груди,
Тутъ Дунаюшко на свой руки посягнулъ:
— Гдѣ протекла Настасья рѣка,
— Тутъ протекли и Дунай рѣка! —
Тутъ Дунаюшку и славу поють.

Записано тамъ же, 6 іюля.

103.

ВАСИЛІЙ БУСЛАВЕВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 32).

А какъ жилъ Буславъ да девяносто лѣтъ,
Да и зуба во рти нѣтъ,
Онъ со городомъ со Кіевымъ на брани не былъ,
Со матушкой каменною Москвою да вѣкъ не спари-
валъ.

Оставалось у него да чадо милое,
Чадо милое, дитѣ любимое,
Молодой Василій сынъ Буславьевичъ.
Какъ былъ во городѣ Кіевѣ великій балъ поче-
стный пиръ

У того у князя у Владиміра,
Онъ повыхватилъ князь зелена вина да девять бо-
чечекъ,

Девять бочечекъ да сороковочекъ,
Пива пьянаго да й девяносто пудъ.
Были на пиру воры мужики городо-земскіе (*такъ*),
А й тутъ ѣли, пили, порасхвастались.
Да и тутъ повыхвасталъ молодой Василій сынъ
Буславьевичъ,

Со своей дружиной со хороброей
Побороть Васильюшку весь Кіевъ градъ,
Побороть ему вся матушка каменная Москва,
Со всѣми пригородками и со малыма.
Тутъ сдѣлалъ они вѣдь записи крѣпкіи,
Что завтра итти на побоище на смертное,
Биться ратиться да й ракомъ ставиться (*такъ*).
Пришолъ Василій къ матушкѣ съ честна пира
Садился на брусовую бѣду лавочку,
Повѣсилъ онъ буйную голову
Промежъ ты свои плеча да и богатырскія,

Утупилъ онъ оянъ ясны во калиновъ мость.
Подходить къ нему родная матушка:

— Ай же ты молодой Василій сынъ Буславье-
вичъ!

— Что же ты теперь да закручинился,
— Закручинился да й запечалился?

«А й же ты родна матушка!

«Какъ же мнѣ-ка теперь не кручиниться,

«Не кручиниться да не печалиться?

«Какъ я былъ на пиру да на почетномъ у князя
у Владиміра,

«Мы тамъ ѣли дѣсыти, пили дѣсьяна,

«А й тутъ-то мы поросхвастались,

«Я повыхвасталъ, что побороть мнѣ-ка-ва весь
Кіевъ градъ,

«Побороть мнѣ вся каменная Москва,

«А й каменная Москва да й хоробрá Литва,

«Съ своей дружиной той съ хороброей.

«Сдѣлали мы записи крѣпкіи

«Съ мужиками городо-земскіма,

«Чтобъ побороть мнѣ весь Кіевъ градъ,

«Вся матушка каменная Москва,

«Со всѣми пригородками и со малыма.

«Завтра итти мнѣ на побоище короткое

«Биться и ратиться,

«На конѣ придется дыбомъ ставиться.»

Тутъ Василья родна матушка

Понла питьемъ да забудущимъ,

Свела Василья въ теплу ложню спать.

Да спать Василій, не прохватится,

Не прохватится да й не пробудится;

Тамъ по записи да й дѣло дѣлають,

Его вся дружина-то въ крови стоять.

Тутъ была-то у Васильюшка дѣвушка дворовая;

Ведеречко было у ней дубовое,

Коромысельцо было у ней кленовое,

Носила она Василью воду свѣжую,

Тутъ носила она Василью водушку

Сама говорить да таковы слова:

— Ай же ты, молодой Василій Буславьевичъ!

— Хорошо-то тебѣ было хвастать на пиру да на
почетномъ,

— Какъ нынче-то тебя въ пору не знать, —

— Твоя вся дружина-та въ крови стоять. —

Какъ тутъ Васильюшко прохватится,

Схватился онъ за платица за цвѣтныи,

За всѣ-то ты копыа да долгомѣрные,

За сабли за тесаки за лемтячныи,

Схватился-то вѣдь онъ да и за добра кони,

Тутъ все у матушки да приобряжено

Да добрый конь-то вѣдь спущенъ на поле..

Енъ въ однихъ чулочкахъ да шелковыхъ
Повыскачилъ Васильюшко да и на широкій дворъ
Да и повыхватилъ Васильюшко телѣжну ось,
Тутъ пошолъ Васильюшко поскакивать,
На всѣ стороны телѣжной осью-то помахивать:
Да и рукой махнетъ—падетъ улица.
Другой махнетъ—падетъ переулочекъ.
Тутъ скакалъ Васильюшко, поскакивалъ,
Да и махалъ Васильюшко, помакивалъ.
Тутъ видить его дядька, крестный батюшко,
Что силы ужъ стало мало ставиться,
Поскачилъ его дядька крестный батюшко
Енъ на ту башню да и колокольню,
Енъ сорвалъ колоколъ до девяносто пудъ,
Надѣлъ опъ себѣ на головушку,
Идетъ-то онъ да на Обуховъ мость
Колокольнымъ языкомъ-то онъ поднирается,
Обуховъ мость да нагибается;
И онъ самъ говорить да таковы слова:
«Пурхалъ-то ясный соколъ, ну да и дѣпурхалъ,
«Ходилъ-то добрый молодецъ, ну да и дѣходилъ!»
Какъ былъ тотъ Васильюшко востеръ собой;
Подскачилъ онъ плечкомъ подъ колоколъ
Спихнулъ онъ дядьку крестнаго батюшку подъ
Обуховъ мость;
Да и какъ былъ Васильюшко востеръ собой,
Вернулся тутъ Васильюшка да подъ Обуховъ мость,
Да тамъ-то ужъ дядька крестнаго батюшки и жи-
ваго нѣтъ,
Да повыхватилъ онъ Васильюшко языкъ-тотъ ко-
локольный,
Онъ бьетъ-то дядьку крестнаго батюшку между
уши:
«Вотъ-ти, вотъ тебѣ яничко, крестный батюшко!
«Не дано тебѣ яничко о Христови-дни,
«Ты прими-тко мое яничко о Петрови-дни!»
Повыскачилъ Васильюшка да и на Обуховъ мость.
Тутъ еще пошолъ Васильюшко да поскакивать,
Самъ онъ говорить да таковы слова:
«Тутъ-то Васильюшке червленый вязъ,
«Червленый вязъ, конье долгомѣрное,
«Тутъ-то и сабля острая и палица военная!»
Пошолъ-то тутъ Васильюшко поскакивать,
На вси стороны языкомъ колокольнымъ помахи-
вать;
Скакалъ Васильюшко, поскакивалъ,
На всѣ стороны языкомъ-тымъ помакивалъ,
Какъ силушка-то стало мало ставиться.
Владимиръ князь столень кievскій
Бѣжалъ-то къ его рѣдной матушкѣ,
Перебрѣсиль онъ да ёго матушку,

Идетъ ли тутъ честна вдова,
Береть его за плечка за могучи,
Сама говорить да таковы слова:
— Ай же ты рожоно мое дитятко,
— Молодой Васильюшка сынъ Буславьевичъ!
— Уходи-тко свои плечушка могучи,
— Укрѣпи (такъ) сердечушко ретивое! —
«Спасибо тебѣ, рѣдна матушка
«Что ты сзادی пришла!
«Какъ бы спереди пришла,
«Такъ тамъ же ты бѣ и была:
«Расходились мои плечушки могучи,
«Разгорѣлось-то сердечушко ретивое,
«Бѣлый свѣтъ въ глазахъ да поматушился (такъ).»
Береть его за ручки-ты за бѣлья
Ведеть его въ свои покои во любимыя,
Стала она еко кормить поить,
Да стали они жить да быть, да все добра тво-
рить.

Записано тамъ же, 6 июля.

XIX.

АНДРЕЙ САРАФАНОВЪ.

Андрей Васильевичъ Сарафановъ
изъ Гарницъ, Сѣнногубской волости, крестьянинъ
лѣтъ подъ 50, грамотный, пользующійся извѣст-
ностью какъ рассказчикъ, помнитъ много старинъ,
которыя слышалъ отъ родителей. Его дѣдъ Игна-
тій Андреевъ, какъ упомянуто выше (XVI), былъ
великій мастеръ пѣть былины, и отъ него-то въ
дѣтствѣ Сарафановъ ихъ и перенялъ. Но, сохраняя
въ памяти содержаніе былинъ, онъ почти раз-
учился пѣсенному ихъ складу; онъ передаетъ бы-
лины прозаическимъ пересказомъ и не въ состоя-
ніи выдерживать ихъ «на голое». Былинамъ онъ
сталъ предпочитать сказки, которыхъ считается
отличнымъ знатокомъ; нѣсколько разъ онъ пред-
лагалъ собирателю, спрашивавшему его о были-
нахъ, рассказать ему про Бову королевича, Еру-
слана Лазаревича, Англійскаго милорда и т. под.
Сарафановъ былъ извѣстенъ г. Рыбникову. Сличе-
ніе его былинъ, какъ онѣ были записаны г. Рыб-
никовымъ, съ нынѣшнимъ ихъ пересказомъ пока-
зываетъ въ нихъ разительный упадокъ поэтиче-
скаго склада, который можно объяснить тѣмъ,

что Сарафановъ, по его собственнымъ словамъ, съ глѣтами все болѣе и болѣе отвыкаетъ отъ распѣва былинь, причувннись передавать ихъ въ формѣ сказокъ.

104.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

(См. Рыбникова, т. III, 4).

Ѣхалъ Илья Муромецъ въ пути въ дороженьѣ, Подѣзжаетъ онъ въ деревни къ Обалковщинѣ, Стрѣчаютъ его мужики да и Обалковскн.

«Куда ты Илья Муромецъ ѣдешь, куда путь держишь?»

— Ай же вы мужички да Обалковскн!

— Куда мнѣ дороженкою прямоѣзжоу,

— Дороженкою прямоѣзжоу да во Кіевъ градъ?—

«Ай же ты Илья Муромецъ!

«Ѣхать тебѣ окольной дорогой да много верстѣ,

«А Ѣхать мимо рѣченку Смородину

«Дорожкой прямоѣзжеу.

«Только прямоѣзжая дороженка

«Завалилася дубьемъ да и колоденьеамъ.»

— Отчего сія путь дороженка прямоѣзжая

— Завалилася дубьемъ да и колоденьеамъ?—

«Оттого же завалилася сія рѣченка Смородина,

«Завалилася дубьемъ да колоденьеамъ,

«Что свито у Соловья Рохманова

«Гнѣздо свито свое великое,

«Свито гнѣздо на двѣнадцати дубахъ,

«На двѣнадцати кокѣтищахъ

«И на пяти поприщахъ.

«Что мимо его гнѣзда воины не проѣзживали,

«Птицы не пролетывали,

«А боялись свисту соловьиного,

«Отъ свисту соловьиного живы не могли бывать.»

Илья Муромецъ и пустилъ своего коня добраго

Дороженькой прямоѣзжеу,

И котора дубьемъ колодьемъ завалилася.

Черезъ дубе колоде конь да перескакиваетъ,

Подѣзжалъ Илья Муромецъ во гнѣзду да соловьиному;

Засвисталъ - то Соловей Рахмановъ въ третъ свисту, —

У Ильи-то Муромца сталъ конь да подтыкаться, Илья Муромецъ билъ коня по крутымъ бедрамъ:

— Ай же ты волчья сыть, не слыхалъ чтоль свисту соловьиного? —

Соловей Рахмановъ засвисталъ въ другой разъ.

Отъ Соловья Рахманова по́свисту

Сталъ конь у Ильи Муромца гараже подтыкаться.

Илья Муромецъ билъ коня по крутымъ бедрамъ:

— Ай же ты волчья сыть, медвѣжья шерсть!

— Не ужоль не слыхалъ ты свисту соловьиного,

— Крыку звѣринаго? —

И пустилъ коня еще шибче того;

Конь богатирскій на аршинъ сталъ землю вывертывать.

Видитъ тутъ Соловей Рахмановичъ,

Что ѣдетъ сильной храброй воинъ подъ гнѣздо соловьиное,

И Соловей Рахмановъ засвисталъ во весь свистъ;

И отъ свисту соловьиного

Лѣса дремучиі пошаталися,

Подъ Ильей Муромцемъ конь на колѣнка палъ.

И розсердился Илья Муромецъ на своего коня богатирскаго,

Билъ коня еще рѣзвѣе по крутымъ бедрамъ:

— Ай же ты волчья сыть, медвѣжья шерсть!

— Не слыхалъ ты свисту соловьиного,

— Крыку звѣринаго? —

И еще того сильнѣе пустился подъ гнѣздо соловьиное

И Соловей Рахмановъ высунулъ изъ гнѣзда своего буину голову.

И натягивалъ Илья свой лукъ крѣпкіи,

Накладывалъ стрѣлу каленую,

И стрѣлилъ онъ Соловья Рахманова,

И стрѣлилъ ему прямо въ правый глазъ,

И вишибъ у него правый глазъ,

И вишалъ Соловей Рахмановъ на сыру землю.

И пристягнулъ его Илья Муромецъ къ стремени булатному

И отправился впередъ путемъ дороженькой.

И случилось Ильи Муромцу Ѣхать мимо мизы Соловья Рахманова.

Зятовья и смотрятъ съ мизы этой Соловья Рахманова,

И говорятъ женамъ своимъ:

«И нашъ татенька ѣдетъ Соловей Рахмановичъ,

«И у стремени мужика везетъ.»

Смотрятъ его дочери любимиі:

— Не татенька нашъ ѣде, мужика везетъ,

— А мужикъ ѣде, татеньку у стремени. —

И скоренько онѣ одѣвали свою одежду хорошую, Выходили на широкъ дворъ,

Отпирали свои ворота крѣпкіи настежо (такъ),

И подымали подворотню на дѣляхъ
 Да въ восемьдесятъ пудовъ,
 И просили Илью во почестное во гостѣбнице.
 Илья Муромецъ глянулъ на нихъ шіроки ворота
 И види Илья Муромецъ—есть фальша великая,
 И проскакалъ Илья Муромецъ мимо путемъ до-
 роженькой

И прямо онъ во Кіевъ градъ.
 И прїѣзжаетъ Илья Муромецъ во Кіевъ градъ,
 Промежъ заутреней и обѣдней,
 И идетъ онъ ко службѣ во Божью церковь,
 И ведетъ съ собою Соловья Рахманова.
 И простояли они обѣдню во Божѣй церкви,
 И выходитъ весь народъ отъ обѣдни, православ-
 ныи

И смотреть и дивятся, что привезъ Илья Му-
 ромецъ Соловья Рахманова.
 Выходитъ Илья Муромецъ изъ Божѣй церкви съ
 Соловьемъ Рахмановымъ

И говорить онъ Соловью Рахманову:
 «Ай же ты Соловей Рахмановичъ!
 «Засвищи-ко ты въ треть свисту соловьянаго.»
 Тутъ Соловей Рахмановъ не послушалъ Илья Му-
 ромца,

Не засвисталъ да въ треть свисту,
 А засвисталъ да въ весь свистъ да соловьянни.
 И отъ свисту соловьянаго,
 Весь народъ да палъ о спру землю
 И словно какъ мертвы лежать,
 И отъ свисту соловьянаго вси дома пошатилися.
 И на это розсердился Илья Муромецъ,
 Что не послушалъ Соловей Рахмановичъ
 Что онъ велѣлъ засвистать въ треть свисту со-
 ловьянаго,
 А засвисталъ да въ весь свистъ да соловьянни,
 И за то взялъ, Соловью Рахманову
 Отсѣвъ Илья Муромецъ буйну голову.

Записано на Леликовѣ, 3 іюля.

105.

ИЛЛЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Наѣхалъ царь Калинъ подъ Кіевъ градъ,
 Подѣхалъ подъ князя подъ Владимира,
 И посылаетъ онъ посла своего вѣрнаго
 Къ солнышку ко Владимиру стольнѣ-кїевскому:
 «Ты очисти широки улицы стрѣлцкіе

«И большіе дома княженецкіе,
 «Постоять тутъ царю Калину
 «Со своею силушкой любимою.»
 Тутъ Владимиръ князь усумнился есть
 И запечалился,
 Сдѣлался невеселъ, буйну голову повѣсилъ.
 И прїѣзжаетъ къ нему старой казакъ Илья Му-
 ромецъ,

Отпираетъ онъ двери-тѣя на пату,
 Входитъ онъ въ полату бѣлокаменну,
 Крестъ онъ кладетъ по писаному,
 Поклон-отъ ведетъ по учёному,
 На вси да на четыре стороны поклоняется,
 Еще Владимиру князю стольнѣ-кїевскому,
 Владимиру князю со княгиною въ особину.
 Потомъ онъ прогворилъ старый казакъ Илья
 Муромецъ:

— Ай же ты солнышко Владимиръ князь!
 — Полюби-ко мое слово что я тебѣ говорю.
 — Наспиш-ка мисѣ да чиста сѣребра,
 — Другую мисѣ да свачна жемчуга,
 — Третью мисѣ да красна золота,
 — И станемъ мы просить да на три мѣсяца
 — Строку у царя у Калина
 — Очистить улицы стрѣлцкіе,
 — Большіе дома княженецкіе. —

Потомъ отвезъ старый казакъ Илья Муромецъ
 Эти подарки царю Калину,
 И царь Калинъ ты подарки принялъ
 И далъ строку на три мѣсяца.
 Потомъ старый казакъ Илья Муромецъ,
 Поворотился на гору на Латинскую,
 Гдѣ тамъ стоятъ воины кїевскіе,
 Тридцать воиновъ безъ воина,
 Стоять на горѣ на Латинскій.
 Прїѣзжаетъ ко князю ко Владимиру
 Его рѣдный племянничекъ,
 Младый Ермакъ Тимофеевичъ.
 Идетъ онъ въ полату со прихваткою,
 Со прихваткою не съ упадкою,
 И отпираетъ онъ дверь да на пату:
 «Здравствуй солнышко Владимиръ князь!
 «Что же ты сидишь невеселъ,
 «Что же ты буйну голову повѣсилъ?»
 — Ай же младый Ермакъ да Тимофеевичъ!
 — Чего же мнѣ веселитися?
 — Когда во Кіевѣ была добра пора,
 — Тогда во Кіевѣ было защитчиковъ,
 — Защитчиковъ 'и заступниковъ, —
 — А какъ стало во Кіевѣ недобра пора,
 — Такъ нѣтъ во Кіевѣ защитчиковъ,

— Защитчиковъ и заступчиковъ. —

Отвѣчае младый Ермакъ Тимофеевичъ:

«Ай же ты солнышко Владиміръ князь,

«Родной мой дядюшка!

«Дай же-ко мнѣ благословеньице,

«Благословеньице и прощеньице

«Выѣхать ко царю ко Калину,

«Во тую силу во поганую,

«Попробовать своихъ плечъ богатырскихъ.»

Отвѣчаетъ солнышко Владиміръ князь:

— Ай же ты родной мой племянничекъ,

— Младый Ермакъ Тимофеевичъ!

— Ты есть младшенекъ, ты есть глупшенекъ,

— Прервешь свою силу богатырскую,

— И убьютъ тебя татара да поганые.

— Не дамъ я тебѣ ни благословенья ни прощенья. —

Говоритъ младый Ермакъ Тимофеевичъ:

«Ай же ты дядюшка мой родной,

«Солнышко Владиміръ князь!

«Дай же ты мнѣ свое благословеньице,

«Благословеньице и прощеньице,

«Повыѣхать на горюшку Латынскую,

«Гди свои войны тридцать безъ война стоять.»

Солнышко Владиміръ князь стольне-кѣвской

Далъ свое благословенье и прощеньице

Повыѣхать на горюшку Латынскую.

Отправился младый Ермакъ Тимофеевичъ

На тую-то на гору на Латынскую,

И поѣхалъ онъ да во чисто поле.

Пришло двѣ пути дороженьи:

Одна на гору-ту Латынскую,

А другая къ царю Калину во чисто поле.

И младой Ермакъ да Тимофеевичъ

Перекрестилъ свои глаза да на востокъ итти:

«Не поѣду я на гору на Латынскую,

«А поѣду я во силу во поганую,

«Попробую я своихъ плечъ богатырскихъ,

«Храбрости своя молодецкой.»

И подѣзжаетъ онъ къ царю Калину,

Ко силы ко поганой.

Не ясенъ соколъ напускается

На гусей лебедей, на сѣрныхъ малыихъ уточекъ,

На татаръ да на поганыхъ

Напускается Ермакъ Тимофеевичъ.

Ѣдетъ онъ — улицѣ валить,

Свѣрнетъ — переулочкой.

Бьетъ, а вдвоёмъ втроёмъ конёмъ топчетъ,

И силу у царя Калина валомъ валить.

Потомъ глядятъ съ этой горы со Латынскія

Свои войны кѣвскіе.

И проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:

— Что больше некому выѣхать со Кіева,

— Какъ повиѣхалъ младый Ермакъ да Тимофеевичъ.

— Прирветъ онъ свою силу богатырскую,

— Убьютъ его татара да поганни. —

Посылаетъ онъ смѣлый Алешу да Поповица:

— Ай же ты смѣлый Алеша да Поповицъ!

— Урашывай ты млада Ермака Тимофеевича

— Словами ласковыми,

— И накидывай ты на него да храни *) бѣлме,

— И подтягивай его ко бѣлой груди,

— Чтобы укротилъ свое сердце богатырское,

— И проси-ка ты его словами ласковыми:

— Ай же ты младый Ермакъ Тимофеевичъ!

— Ты позавтракалъ, дай же мнѣ и пообѣдати. —

У Ермака да Тимофеевича

Розгорѣлось сердце богатырское,

Прирвалъ его храни бѣлме,

А еще этого сердитѣ поѣхалъ

Валить въ силу поганую.

Усмотрѣлъ старый казакъ Илья Муромецъ,

Что прервалъ Ермакъ храни бѣлме:

— Прерветъ свою силу богатырскую,

— Убьютъ его татара да поганые. —

Посылаетъ онъ Добрынюшку Миесича,

Старой казакъ Илья Муромецъ

Посылаетъ во силу во поганую:

— Поѣзжай-ко ты во силу во поганую,

— Подѣзжай-ко ты ко младому Ермаку да Тимофеевичу,

— И накидывай на него да храни бѣлме,

— И подтягивай его ты ко бѣлой груди,

— И урашывай его словами ласковыми,

— Чтобы укротилъ свое сердце богатырское. —

И какъ накиннулъ онъ храни бѣлме

И подтянулъ его ко своей бѣлой груди,

То младый Ермакъ да Тимофеевичъ,

Прирвалъ его да храни бѣлме,

А еще этого сердитѣ поѣхалъ

Рубить татаръ да и поганыхъ.

Въ это же время смотритъ старый казакъ Илья

Муромецъ

И видитъ, что прерветъ Ермакъ Тимофеевичъ

Свою силу богатырскую:

— Не могли тыи войны укротить его храбрости. —

Потомъ обѣдлалъ старой казакъ Илья Муромецъ

Своего добраго коня,

*) По объясненію Сарфанова, *храни* значитъ рука, но не въ смыслѣ кисти рука, а всей рука отъ плеча.

И отправился во силу во поганую
Къ царю Калину.
Подъѣзжаетъ онъ къ младу Ермаку да Тимофее-
вичу,

Накинулъ онъ свои да и храпы бѣлые
Старый казакъ Илья Муромецъ:
— Ай же ты младый Ермакъ да Тимофеевичъ!
— Укrotи-ка свое сердце богатырское,
— Ты же сегодня вѣдь позавтракалъ,
— Ты же сегодня да и пообѣдалъ,
— Такъ дай-ка ты мнѣ хоть паўжинать,
— Побить да и татаръ да поганыхъ. —

То младый Ермакъ да Тимофеевичъ
Прервалъ у стары казакъ (такъ) Илья Муромца,
Прервалъ его храпы бѣлые.

То ѣдетъ младый Ермакъ да Тимофеевичъ,
ѣдетъ со лѣвны фланки,
Сколько ни бьетъ, а вдвоёмъ втроёмъ конёмъ
топчетъ;

А потомъ поворотился старой казакъ Илья Му-
ромецъ

Съ правая фланки.
ѣдетъ онъ — улицей,
Повѣрнетъ — переулочкомъ,
Валомъ валить силу невѣрную,
Сколько ни бьетъ, а вдвоёмъ втроёмъ конёмъ
топчетъ.

И прибили они всю силу у царя у Калина,
Всю силушку поганую.
То царь Калинъ и выкинулъ ихъ подарки
Три мисы: одну съ серебромъ,
Другу съ жемчугомъ, а третью съ краснымъ зо-
лотомъ,

И самъ на охоту погъ
На уѣздъ въ свою сторону,
Нѣ попалъ захвати во Киевъ градъ.
Всѣ поѣхали во Киевъ градъ
Всѣ сильныи могучии богатыри.
И солнышко Владимиръ стольнѣ-киевской
Встрѣчаетъ со радостью великою,
Со радостью и веселиемъ,
А въ особину млада Ермака да Тимофеевича.

Записано тамъ же, 3 июля.

ИЛЬЯ МУРОМЦЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

Наѣхало Идолище поганое,
Наѣхало на Киевъ градъ,
И весь хочеть градъ пожрать.
И принялъ солнышко Владимиръ князь его во
Киевъ градъ,

Во свои да во полаты бѣлокаменны,
И кормилъ его поилъ и досыта,
По воду ему жаркое жарилъ.
И сидитъ онъ за трапезой, жаркова кушаетъ.
Приходитъ во ту пору во то время
Старый казакъ Илья Муромецъ,

И говоритъ онъ таковы слова:
«Была у крестьянина свинья да и обжорлива,
«Много ѣла да она лопнула.»

И отвѣчаетъ-то обжорлице поганое:
— Ничего я больше не желаю, кабы мнѣ Ильюшу
повидать,
— И никого я не боюсь, только Илью бы посмо-
трѣть. —

А онъ стоитъ напротивъ у стола,
Отвѣчаетъ Идолищу поганому:
«Гляди-ко на меня, такой же Илья.»
Онъ говоритъ Идолище поганое:
— Коли Илья таковъ, что за воинъ и за рыцаръ
есть?
— На долонь клану, другой прижму и буде плав-
сень. —

Илья въ это время розсердился,
Со своей головы киверъ свернулъ,
И въ Идолище поганое махнулъ,
И съ него голову свернулъ — пристѣнокъ выломилъ;
Только Идолище поганое и живъ бывалъ,
Только и живъ бывалъ, только Илья видалъ.

Записано тамъ же, 3 июля.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Былъ-то Добрынюшка при времени,
И онъ-то у стольнаго у Владимира
Былъ онъ три года да во стольникахъ,
И потому-то вѣдь Добрынюшка проштрафился
По наговору да по богатырскому.

И взялъ-то вѣдь солнышко Владиміръ князь,
Приказалъ посадить Добрынюшку во темницы да
во крѣпкіи,

И сидѣлъ Добрынюшка во темницахъ во крѣпкіихъ,
Годъ сидѣлъ Добрынюшка и три мѣсяца.

Прознала его маменка

Честна вдова Офимья Александровна,

И приходитъ она къ солнышку ко князю ко Влади-
миру,

Отпираетъ она дверь-то да на пята;

И заходитъ она во полату бѣлокаменну;

Крест-отъ она кладець по писаному,

Поклон-отъ она ведець по ученому,

На всѣ на четыре стороны поклоняется,

Ще стольнѣ-кѣвскому князю Владимиру

Со княтиною въ особину:

«А ще ты солнышко Владиміръ князь стольнѣ-
кѣвской!

«Зачѣмъ же ты посадилъ моего рожонаго дитятка

«Во тми во темницы да во крѣпкіи?

«Не состоитъ на немъ никакой вины.»

И отвѣчае солнышко Владиміръ князь:

— Ай же ты честна вдова Офимья Александровна!

— Повыпущу твоего сына Добрынюшку Микити-
нича

— Со темницъ да и со крѣпкіихъ. —

И отправилась честна вдова Офимья Алексан-
дровна

Въ свои-то вѣдь полаты бѣлокаменны.

И солнышко Владиміръ князь

Собралъ да своихъ князей бояровъ,

Всѣхъ могучіихъ богатыревъ,

Дума думати, куда бы Добрынюшку отправить,

Чтобы Добрынюшки да живу не бывать.

И думали всѣ князи ббара думу крѣпкую,

И проговорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:

«Ай же ты солнышко Владиміръ князь стольнѣ-
кѣвской!

«Послать Добрынюшку Микитинца во Литву во
поганую,

«Во Литву поганую ко королю литовскому

«Повыправить дань да за двѣнадцать лѣтъ.»

Это слово князю и похвалилось,

Велѣлъ потребовать Добрынюшеу.

И приводать Добрынюшку ко князю ко Владимиру.

— Ай же ты Добрынюшка Микитиница!

— Тебя въ той вины прощу во первой, —

— Съѣзди ты во Литву во поганую

— Повыправь-ко ты дань за двѣнадцать лѣтъ. —

Сдѣлался Добрынюшко невеселъ,

Отправился въ свои полаты бѣлокаменны,

Ко своей родной маменькѣ

Къ честной вдовы Офимьи Александровнѣ,

И къ молодой женѣ Настасьѣ Николаевнѣ.

И встрѣчаетъ его съ радостью честна вдова Офимья
Олександровна

Своего рожонаго дитятко.

Онъ ночевалъ въ своихъ полатахъ бѣлокаменныхъ

Съ молодой женою Настасьей Николаевной,

По утру сталъ собираться въ путь дороженку

И своей онъ молодой жены наказывалъ:

«Ай же ты молода жена Настасья Николаевна!

«Жди-тко ты меня да со чиста поля первый годъ
поры;

«Исполнится первой годъ поры, жди-тко ты, меня
другой годъ поры;

«Исполнится это времячко двѣ году,

«И жди-тко ты меня третій годъ поры.

«Исполнится это времячко три годы;

«И жди-тко ты меня Настасья Николаевна,

«Жди-тко ты меня еще три года.

«Исполнится это времячко шесть лѣтъ вѣдь-то,

«И жди-тко ты меня со чиста поля

«Еще жди меня три года.

«Исполнится всему времячки двѣнадцать лѣтъ,

«Въ это же время молода жена Настасья Нико-
лаевна,

«Хоть вдовой живи, хоть замужъ пойдн,

«Только не ходи-ко ты за смѣлаго за Олешу за
Поповица,

«За роднаго за племяника

«За князя за Владиміроваго,

«За бабьяго насмѣшника.»

Тутъ Добрынюшка Никитиничъ

Сталъ направляться въ путь дороженку,

Обсѣдалъ своего коня да богатырскаго.

И только-то онъ сказалъ: «Прощай-ко ты моя
маменка,

Честна вдова Офимья Александровна!»

И видели добра молодца сядуци,

И не видели добра молодца поѣдуци.

Поѣхалъ добрый молодець не воротамн,

Скакалъ его добрый конь стѣною городовой,

И поѣхалъ онъ изъ орды въ орду,

Въ погану Литву ко королю литовскому,

И ѣхалъ онъ въ одну сторону

Добрынюшка Микитиница ровно три году,

И подѣхалъ онъ подѣ Литву да подѣ поганую,

И сталъ онъ во Литвы да поѣзживать

Сталъ онъ во Литвы да и куражиться,

Сталъ онъ татаръ да поколачивать,

Дани за двѣнадцать лѣтъ попрашивать.

И ъздилъ-то Добрынюшко много времени во чистомъ поли,

Дань-то ему почастехонько понашивали,
И стало исполняться это времечко двѣнадцать лѣтъ.

И въ это же время ему проговорилъ сущій-вѣщій конь,

Проговорилъ языкомъ человѣческимъ:

— Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!

— Насыпай-ко коню пшені да бѣлояровой,

— Корми-тко ты коня да и дѣсьта;

— Есть надъ тобой незгодушка не малая,

— Немалая незгода, великая:

— Твоя да молода жена замужъ пошла

— За смѣлаго Олешу за Поповица.

— Солнышко Владиміръ князь письмо-то вѣдъ составилъ

— Представилъ честной вдовы Офимьи Александровны:

— Добрынюшка во чистомъ полѣ лежитъ, головушка отсѣчена.—

Какъ накормилъ коня да пшеной бѣлояровой,

Ставалъ поутру да и ранешенько,

Умывался онъ бѣлешенько,

Обсѣдлагъ своего коня да богатырскаго,

И отправился Добрынюшка въ свою сторону

Со Литвы да со поганья.

Ѣхалъ въ тую сторону ровно три году,

А взадъ такъ онъ представилъ въ трои сутки.

И приѣзжаетъ онъ прямо къ честной вдовы

Къ Офимьи Александровны.

Приходитъ онъ въ полати бѣлокаменны,

Отворяетъ онъ двери на пату:

«А здравствуешь честна вдова Офимья Александровна!

«Добрынюшка теби да низко кланялся.»

Отвѣчаетъ, слезно плачетъ,

Честна вдова Офимья Александровна:

— Почему же ты знаешь моего родимаго дитя?

— Мое дитяеко лежитъ да во чистомъ полѣ,

— Буйна головка отсѣчена. —

Онъ да отвѣчаетъ таковы слова:

«Ай же ты честна вдова Офимья Александровна!

«Трои сутки какъ мы съ Добрынюшкой да порозѣхались,

«Добрынюшка теби да низко кланялся.»

Потомъ и говорить онъ таковы слова:

«Ай же ты честна вдова Офимья Александровна!

«Поддай-ка ты гуселушка яровчаты,

«Добрынюшкыно платице коморовчато (такъ).»

Потомъ вѣдъ честна вдова Офимья Александровна и поросплавалась:

— Если бы не во живности остался Добрынюшка Никитиничъ,

— Таеъ не зналъ бы онъ спросить про платице коморовчато,

— Про гуселушка яровчаты. —

И взяла честна вдова Офимья Александровна свои ключи

И сходила во погребы глубокии,

И принесла она платице коморовчато

И гуселушка яровчаты,

И подала она той малой коморошныи.

Малой коморошина надѣлъ свое платице коморовчато

И взялъ онъ гуселушка яровчаты,

И садился онъ да на добра коня,

И похвалъ онъ да на почетной црѣ.

И приѣзжаетъ малый коморошина

Ко солнышку князю ко Владиміру,

Идетъ онъ во полати бѣлокаменны,

Идетъ-то не съ унадкою, идетъ съ прихваткою богатырскою,

Отпираетъ онъ двери-то да на пату,

Крест-отъ онъ кладетъ да по писаному,

А поклон-отъ ведетъ да по ученому,

На всѣ да на четыре стороны поклоняется,

А ще солнышку Владиміру да въ особину:

«Солнышко Владиміръ князь, дай ты малой коморошинѣ

«Мѣстечко поиграть во гуселушка яровчаты.»

Солнышко Владиміръ князь отвѣчаетъ онъ да таковы слова:

— Перво ты мѣстечко возли меня,

— Другое ты мѣстечко супротивъ меня,

— Третье-то мѣстечко на печенькѣ земляной.—

Какъ ему отвели мѣстечко на печенькѣ земляной,

И скочилъ малый коморошина на печеньку земляную,

И сталъ онъ во гуселушка яровчаты поигрывать,

Всихъ да на пиру и извеселилъ,

И всихъ да на пиру игрой да утѣшилъ вѣдъ.

И солнышко Владиміръ князь подходитъ къ печенькѣ земляной,

Наливаетъ ему чару зеленá вина,

И чара не мала не велика,

Мѣрой чара полтора ведра,

А вѣсомъ чара полтора пуда;

Бралъ-то вѣдъ малый коморошина

Сію чару да одной рукой,

Выпивалъ-то онъ однимъ духомъ.

И соскочилъ-то малый коморошина со пѣченьки
земляной
И сталъ онъ по мостиночкамъ поступывать,
Стали мостиночки полапывать,
Подкладенки потрескивать,
И сталъ онъ малый коморошина да выговаривать:
«Быль я во Литвы да во поганой,
«Повыправилъ я дань да за двѣнадцать лѣтъ.»
Потомъ на пиру вси да испугалися:
— Вѣрно прѣхалъ Добрыня со чиста поля, —
— Не бывать намъ на пиру никому живымъ. —
А сталъ Добрынюшка съ мостиночки на мости-
ночку поступывать,
Стали мостиночки полапывать,
И говорить онъ таковы слова:
«Ай же ты солнышко Владиміръ князь!
«Налей-ко ты мнѣ чару зелена вина.»
И солнышко Владиміръ князь испугался самъ,
Что походочка его да некрасивая.
И говорить онъ таковы слова:
— Ай же ты малый коморошина!
— Налвай-ко ты чару своей рукою
— И разводи-ка медами да стоялыми. —
Тотъ малый коморошина налилъ чару зелена вина,
И подноситъ молодой жевѣ Настасѣ дочъ Ми-
куличнѣ:
«Выпей-ко ты чарочку до дна, такъ увидашь
ты добра.
«Чарочка ни мала ни велика,
«Мѣрой полтора ведра,
«Вѣсомъ полтора пуда.
«Пей сію чару до дна, увидашь добра,
«Не пьешь чару до дна, такъ не видать тебѣ
добра.»
Она брала чарочку одной рукою,
Выпивала чарочку однимъ духомъ,
И подняла съ сей чарочки значень перстень,
Которымъ она съ Добрынюшкой обручалася.
Она говоритъ таковы слова:
— Ай же солнышко Владиміръ князь!
— Не тотъ мой мужъ, который возилъ меня,
— Тотъ мой мужъ, который супротивъ меня. —
«Вси-то на пиру да испугалися:
«Вѣрно Добрынюшка прѣхалъ да во живности.»
А тутъ-то Добрынюшка Никитиничъ
Взялъ-то смѣлаго Олешу Поповича
За желтѣ кудри,
И поднялъ онъ выше своей буйныя головы,
И хочетъ спустить его о поля да о дубовыи.
То старый казакъ Илья Муромецъ
Накинулъ онъ свои храпы бѣлыи:

— Оставь-ка ты у насъ Олешеньку во живности. —
Тутъ Добрынюшка спустилъ его о поля да о ду-
бовыи.

Только смѣлый Олеша Поповичъ и женать бывалъ,
Только женать бывалъ и съ женой живалъ.

Записано тамъ же, 4 іюля.

108.

ДУНАЙ.

(См. Рыбникова, т III, 24).

Выходить солнышко Владиміръ князь
И говорить своимъ да князьямъ бѣрамъ:
«Солнышко у насъ на вечерѣ,
«Почестный пиръ прошолъ на весели,
«Всѣ же вы добры молодцы
«У меня вы да вѣдь пожѣнены,
«Одинъ-то я вѣдь солнышко Владиміръ князь
«Холость есть, не женать хожу.
«Изберите-ка мнѣ невѣсту супротивъ меня
«Возростомъ и волосомъ;
«Походочка у ней чтобы была павлиная,
«Разговоръ чтобы былъ лебединый,
«Очи были бы ясна совола,
«Брови черпа соболя.
«Собирайтеся-ко вси мои князи бѣара,
«Вси мои да подколѣнные,
«Подвогѣнные и подданые мои.»
И собралися вси князи бѣара,
Сильныи могучии богатыри,
И думаютъ они да думу вѣрнкую,
Кого послать во чужу орду.
Потомъ предъявляе имъ старый казакъ Илья Му-
ромецъ:
— Некого намъ послать, какъ послать тихій Ду-
най да сынъ Ивановичъ;
— У короля литовскаго былъ да онъ во коню-
хахъ,
— Былъ во конюхахъ двѣнадцать лѣтъ,
— Онъ бывалъ въ чужихъ земляхъ, видалъ чу-
жихъ людей. —
Отправили его во чужу орду,
Дали помощника Добрынюшке Никитинца.
И тутъ-то они да добры молодцы
Сѣдали своихъ коней да богатырскихъ,
И видѣли добрыхъ молодцевъ сядуци,

А не видѣли добрыхъ молодецвъ поѣдуци;
 Поѣхали они да не въ воротахъ,
 Скакали кони богатырскіи
 Черезъ стѣну городовую.
 Поѣхали изъ орды въ орду, изъ земли въ землю,
 И подъѣзжаютъ они подъ королевство Литовское,
 И въѣзжаютъ они въ королевство Литовское,
 Прямо къ королю литовскому,
 И встрѣчаетъ ихъ король литовскій.
 И отвѣчаетъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ:
 «Мы за добрымъ за дѣломъ пріѣхали за свѣтов-
 ствомъ.»
 И встрѣтилъ король литовскій во почетное го-
 стѣище.
 И отвѣчаетъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ:
 «Ай ты король литовскій!
 «Пріѣхали мы къ тоби свататься,
 «Только твоей большой дочери Настасьи короле-
 вичны не надо,
 «А отдай-ко за солнышко за князя Владимира
 «Меньшую дочь Марью королевичну.»
 На то король Литовскій розсердился,
 И розгорѣлось его сердце богатырское,
 И скрычалъ своимъ поданнымъ громнымъ голо-
 сомъ:
 — Оберите-ко тихій Дунай сынъ Ивановичъ,
 — И Добрынюшка Никитича въ крѣпкое мѣсто.—
 А они добры молодцы не зѣвали,
 Они добрыхъ коней сѣдали,
 И на татаръ на поганыхъ да напустились.
 Король литовскій смотреть во чистое поле,—
 Мало у него да татаръ становится.
 И скрычалъ да онъ громнымъ голосомъ:
 — Ай же ты тихій Дунай да сынъ Ивановичъ!
 — Оставь-ко мнѣ татаръ да и на сѣмена,
 — Бери-ко мою любимую да меньшую дочеръ
 — За солнышка за князя за Владимира.—
 Тихій Дунай сынъ Ивановичъ
 Да Добрыня Никитичъ
 Прекратили свое сердце богатырское,
 И подъѣзжаютъ они къ полатамъ бѣлокаменнымъ,
 Беруть-то не съ упадкою, а берутъ-то со при-
 хваткою,
 Со прихваткою богатырскою.
 И отправились они въ свою сторону
 Съ тою Марью королевичной (такъ),
 И ѣхали они далече ль близко ль чистымъ полемъ,
 И наѣхали слѣдъ рыцаря спльнаго,
 Спльнаго и храбраго.
 И тутъ же говоритъ тихій Дунай сынъ Ивано-
 вичъ,

И говоритъ онъ да такыя слова:
 «Ай же ты Добрыня Никитичъ!
 «Поѣзжай-ко ты съ Марью королевичной
 «Во Кіевъ градъ ко Владимиру,
 «А я остануся во чистомъ полѣ,
 «Что за рыцарь выѣхалъ прежде насъ.»
 И роспростились они тутъ, и тихій Дунай сынъ
 Ивановичъ
 Отправился этимъ слѣдомъ богатырскимъ,
 А Добрынюшка Никитичъ во Кіевъ градъ.
 И тихій Дунай сынъ Ивановичъ
 Наѣхалъ рыцаря во чистомъ полѣ,
 И они съѣхались въ одно мѣсто
 Два сильныхъ могучихъ богатыря,
 И сдѣлали они разъѣздъ во чистомъ полѣ,
 Попробовать своихъ плечъ богатырскихъ
 И храбрости своей молодецкоюй,
 Ударились цалицами булатными,
 И тихій Дунай сынъ Ивановичъ
 Едва на конѣ усидѣлъ.
 Розѣхались опять во чистомъ полѣ
 И съѣзжаются опять въ одно мѣсто,
 Какъ двѣ горы скатываются,
 И ударили они палицами булатными,
 Такъ аки громъ грянулъ.
 Тихій Дунай сынъ Ивановичъ
 Сразу того рыцаря изъ сѣдла вышибъ,
 И палъ на сырѣ землю,
 И самъ наступилъ на круты бедра,
 И прижалъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ
 Тупымъ концемъ копья ко сырой земли,
 И сталъ его спрашивать:
 «Каковъ ты есть роду племени,
 «Какого отца матери?»
 А онъ рыцарь отвѣчаетъ:
 — Если бы я сидѣлъ на твоихъ бѣлыхъ грудяхъ
 — Не спрашивалъ бы роду племени,
 — А пласталъ бы твои груди бѣлыя.—
 Такъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ
 Не пластаетъ груди бѣлыхъ,
 А опять спросилъ рыцаря:
 «Каковъ ты есть роду племени,
 «Какого отца матери?»
 Она отвѣчаетъ:
 — Я есть Настасья королевична,
 — Короля литовскаго дочь.—
 Опустился Дунай сынъ Ивановичъ съ добра коня
 И бралъ ее Настасью за бѣлыя руки,
 И цѣловалъ ю въ сахарны уста.
 И сѣли они на коней богатырскихъ
 И отправились они во Кіевъ градъ.

И прїѣхали они во Кіевъ градъ,
 На пирь постѣли къ князю стольне-кіевскому.
 Тутъ они на пиру да напивались,
 Тутъ они на пиру да наѣдались,
 Тутъ они да порасхвастались:
 Тихій Дунай сынъ Ивановичъ похвасталъ,
 Что мастеръ въ стрѣлочку стрѣлать,
 А прекрасная Настасья королевична отвѣчаетъ
 ему:

— Ай же тихій Дунай сынъ Ивановичъ!
 — Если стрѣлочку стрѣлишь, перестрѣлишь,
 — Либо стрѣлочку сгрѣлишь, не дострѣлишь,
 — А я стрѣлю не перестрѣлю. —

Потомъ они выѣхали въ чистое поле
 И положили цѣль куды стрѣлать.
 Тихій Дунай сынъ Ивановичъ
 Первой разъ стрѣлилъ, перестрѣлилъ,
 А другой разъ стрѣлилъ, не дострѣлилъ;
 А она натягивала свой тугой лукъ,
 Положила стрѣлочку каленую,
 Она стрѣлила не перестрѣлила.
 Потомъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ разсер-
 дился,
 Розгорѣлось его сердце богатырское,
 Соскочилъ онъ съ коня богатырскаго
 И схватилъ онъ Настасью королевичну съ коня
 да богатырскаго,

Бросилъ о сыру землю,
 И заводитъ пластать да груди бѣлиш,
 Она и смолзлась:
 — Ай же ты тихій Дунай сынъ Ивановичъ!
 — Не пластай ты моихъ грудей бѣлишихъ,
 — Я тебѣ въ зѣтомъ брюхѣ принесу трехъ сы-
 новъ,

— По колѣнушки въ сѣребри,
 — По локоточки въ золоти.
 — И по косицамъ частии звѣзды,
 — А сзади у нихъ свѣтелъ мѣсяць,
 — А во лби красное солнышко. —
 И тихій Дунай сынъ Ивановичъ —
 Розгорѣлось его сердце богатырское,
 И пласталь ей груди бѣлиш.
 Какъ распласталь ей груди бѣлиш,
 Вынялъ оттель трехъ младенцевъ:
 По колѣнушки въ сѣребри,
 По локоточки въ золоти,
 И по косицамъ частии звѣзды,
 И сзади у нихъ свѣтелъ мѣсяць,
 А во лби красное солнышко.
 Поставилъ коще тупымъ концемъ въ землю,
 А на вострый конецъ самъ грудью палъ.

Отъ Дунаевой крови и Настасьиной крови
 Протекло тутъ двѣ рѣки:
 Дунай рѣка и Настасья рѣка.

Записано тамъ же, 4 іюля.

109.

СТАВЕРЬ.

Во городѣ во Кіевѣ,
 У солнышка князя у Владиміра
 И былъ почестенъ пирь на весели.
 А будетъ день на вечерѣ,
 Все на пиру да напивались,
 Все же на пиру да наѣдались,
 Все же на пиру да поросхвастались:
 Умною-отъ хвастаетъ матушкою,
 А ипий-отъ хвастаетъ имѣніемъ богатствомъ,
 Ипий хвастаетъ плечомъ да богатырскимъ,
 А безумный-отъ похвасталъ молодой женой.
 А сидитъ же тутъ Ставеръ да Стогодиновичъ,
 И говоритъ солнышко Владиміръ князь:
 «Ай же ты Ставеръ да Стогодиновичъ!
 «Что же ты сидишь не хвастаешь?»
 — Чимъ мнѣ-ка-ва да добру молодцу похвастати?
 — И у добра молодца добры конюшки не ѣздятся,
 — И у добра молодца цвѣтны платица не но-
 сятся,
 — У добра молодца золота казна не тащит-
 ся (такъ). —

Опять же Владиміръ князь
 Говоритъ ему таковы слова:
 «Отчего же у тебя золота казна не тащится?»
 — Оттого у меня золота казна не тащится,
 — Что сорокъ заводовъ со заводами. —
 «Отчего же у тебя цвѣтно платье не носится?»
 — Оттого у меня цвѣтно платье не носитя,
 — Что каждый день да платье смѣнное. —
 «Отчего же у тебя да добры конюшки не ѣздятся?»
 — А оттого у меня добры конюшки не ѣздятся, —
 — Сорокъ кобылъ со кобылою
 — Каждый годъ приносятъ по жеребчюку.
 — Есть у добра молодца молодá жена,
 — Настасья дочь Мнѣулчича:
 — Всихъ князей да бояровъ да она вѣдь повы-
 манитъ,
 — Солнышка Владиміра князя и съума сведеть. —
 Тутъ ли солнышко Владиміръ князь

Скричалъ да громкимъ голосомъ:
 «Ай же мои сильніи могучіи богатыри,
 «Все же мои князья да подколѣнныи!
 «Возьмите-ка Ставра да Стогодинова,
 «Отведите его во темницы бѣлокаменни,
 «Пушай-ка тамъ Ставеръ да обумѣтся,
 «Пушай-ка тамъ да образумится.»
 И взяли Ставра да Стогодинова,
 Посадили во темницу бѣлу каменну,
 И сидѣлъ Ставеръ да Стогодиновичъ.
 Прознала его молода жена,
 Настасья дочь Микулчича,
 Она подстригла свои волосы по-мужечки,
 И округилась она да по-рыцарску (*такъ*),
 И обедала она коня да богатырскаго,
 И взяла она палицу булатную, доспѣхи крѣпкіе,
 И приѣхала она въ стольной Кіевъ градъ,
 И прямо она ко солнышку ко Владиміру,
 Ко Владиміру князю стольне-кіевскому.
 — Ай же ты солнышко князь стольне-кіевскій!
 — Я приѣхалъ вѣдь къ тебѣ за добрымъ дѣломъ
 за свѣтовствомъ:
 — Отдай-ка ты дочку за меня за храбраго за
 рыцаря. —
 Солнышко Владиміръ принимаетъ во гостѣищу
 во почестное,
 И хочетъ кразу просватать свою дочь возлю-
 бенную;
 Приходитъ дочь къ нему въ полату бѣлокаменну:
 «Ай ты мой батюшко возлюбленный,
 «Солнышко Владиміръ князь!
 «Не отдай-ко ты дѣвчину да за женщину,
 «Не надѣлай-ко смѣху по всей Руси.»
 Опять же Владиміръ князь стольне-кіевскій:
 — Ахъ дочь моя возлюбленная!
 — Какъ же не отдать тебя за рыцаря,
 — За эдакаго за витязя? —
 «Я замѣтила сего рыцаря:
 «Есть дѣвчина либо женщина, —
 «На рукахъ златы перстни ношены.»
 Опять говоритъ солнышку Владиміру:
 «Ай же татенька мой возлюбленный!
 «Надо узнать, его въ спальню позвать.
 «Какъ онъ въ спальней проспитъ на пуховой
 постелѣ,
 «Можно узнать, мужчина али женщина:
 «Если мужчина — подъ грудью яма будетъ,
 «Если женщина, такъ подъ жокою.»
 Потомъ потребовалъ сего рыцаря
 Солнышко Владиміръ князь опочивать въ спальню.
 Онъ съ радостью идетъ опочивать,

Полутру онъ вставалъ раненько
 И страхнулъ свою постелю пуховую;
 Потомъ умывался онъ бѣленько,
 И выходилъ изъ сей спальней изъ палаты,
 И отдалъ благодарность солнышку князю Влади-
 міру
 На тепломъ ночлегѣ, на мягкой постелѣ,
 И поѣхалъ сей рыцарь въ чистое поле прогули-
 ваться.
 И въ это же время княжеская дочь возлюблена
 Бинулась она во спальню,
 А на постели узвать нельзя:
 Мушина ли почивалъ, али женщина?
 Сей рыцарь приѣзжаетъ со чиста поля
 Опять за тымъ же добрымъ дѣломъ за свѣтовствомъ.
 Солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской
 Хочетъ просватать свою дочь возлюбленну
 За сего рыцаря, что храбрый сей рыцарь есть.
 Дочь его возлюблена выходитъ:
 «Ай же ты мой татенько возлюбленный,
 «Солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской!
 «Не надѣлай-ко смѣху по всей Руси,
 «Не отдай-ко ты дѣвчины да за женщину.»
 Солнышко Владиміръ князь проговорилъ да та-
 ковы слова:
 — Какъ же мни тебя да не просватати?
 — Какъ же мы да узнаемъ, мужчина ли али
 женщина? —
 «Ай же ты мой татенько возлюбленный,
 «Солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской!
 «Истопить да парна баенка,
 «Позвать да его съ пути да со дороженьки
 «Въ парну баенку,
 «Послать да своихъ слугъ да вѣрныхъ
 «Узнать, мужчина ли есть али женщина?»
 Истопили парну баенку
 И просить сего рыцаря
 Солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской:
 — Ай же ты храбрый рыцарь, не угодно ли съ
 пути съ дороженьки
 — Попариться да въ парной баенки? —
 «Весьма доволенъ съ пути съ дороженьки
 «Попариться да въ парной баенки.»
 И скорѣ этотъ рыцарь роздѣвался,
 Въ парну баенку сбирался,
 И онъ полъ въ парну баенку скоренко,
 Умывался онъ бѣленько.
 Направили они слугъ своихъ вѣрныхъ
 За нимъ да вслѣдъ въ парну баенку,
 А онъ ужъ съ баенки на встрѣчу идетъ и благо-
 дарность отдаетъ.

И тутъ же этотъ рыцарь обсѣдлалъ своего коня
богатырскаго,
И выѣхалъ во чисто поле и скричалъ онъ по зарю
да по утреней:

«Ай же ты солнышко Владиміръ князь!

«Дай же ты съ Кіева мнѣ поединщика;

«А если не дашь мнѣ поединщика,

«Весь градъ пѣнию, а дочь твою силой возьму.»

Солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской ис-
пугался

И не зваецъ кого изъ рыцарей послать.

И собиралъ своихъ князей боѣровъ

И съ ними думаетъ крѣпка думушка.

И говорить старый казакъ Илья Муромецъ:

— Некого послать какъ Ставра Стогодинова. —

И говорить Владиміръ князь стольне-кіевской:

«Послать не послать — выпустить Ставра Сто-
годинова

«Со тыхъ со темницъ да со крѣпкихъ.»

Приводятъ Ставра да Стогодинова

Со темницъ да со крѣпкихъ

Къ солнышку ко князю ко Владиміру:

— Ай же ты солнышко Владиміръ князь!

— Зачѣмъ же ты меня требуешь? —

«А зачѣмъ я тебя требую, —

«Въ той вини я тебя прощаю,

«Только повѣдь во чисто поле,

«Побѣди-ка ты рыцаря во чистомъ поли.»

Потомъ Ставеръ да Стогодиновичъ

Сѣдлалъ своего коня да богатырскаго,

Повыѣхалъ онъ да во чисто поле

И наѣхалъ во чистомъ поле на рыцаря.

Сдѣлали розѣзды во чистомъ поли

Попробовать своихъ плечъ богатырскихъ,

Ударились палицами булатными.

Она да Ставра и зашибла вѣдь,

Ставра да Стогодинова,

И палъ Ставеръ да на сыру землю:

— Ай же ты Ставеръ да Стогодиновичъ!

— Чего же желаешь нынѣ живота, али смерти?

— Помнишь ли ты Ставеръ да Стогодиновичъ,

— Какъ мы съ тобою въ одномъ училищѣ учились, —

— У меня чернильничка серебряна,

— А у тебя перышко золоченое?

— И сплошь ты въ мою черниленку помакивалъ,

— И даже частенько помакивалъ,

— А я тогда-сейда. —

Тутъ же Ставеръ не можетъ образумиться:

— Ай же ты Ставеръ да Стогодиновичъ!

— Чимъ же ты во поли похващаешь?

— Никогда ты не хвастай молодой женой!

— Ты похвасталъ молодой женой,

— А теперъ я самъ въ поли радъ жены дать. —

Потомъ развернула свои бѣлы груди

И показала ему свое естество, —

И тутъ онъ узналъ, что своя жена,

Молода жена Настасья дочь Микеулична.

Тутъ они брали другъ дружку за бѣлы руки.

И сѣли они тутъ на добрыхъ коней:

— Ну Ставеръ да Стогодиновичъ!

— Никогда не хвастай молодой женой, —

— Жена же тебя съ полону вывела. —

И поѣхали въ свою сторону

На радость и на веселье;

Только были и во Кіевн.

А тутъ дочь отвѣчаетъ Владиміру:

«Ай же ты батюшко солнышко Владиміръ князь!

«Одва ты не надѣлалъ смѣху на всей Руси,

«Одва ты не отдалъ дѣвчину за женщину!»

Записано тамъ же, 4 іюля.

—
110.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

(См. Рыбникова, т. III, 25).

Во христовскую заутреню

Поѣхалъ Добрынюшка Микитиничъ во Кіевъ градъ,

Поѣхалъ во Божью церковь.

И въ это же время пріѣхалъ Шурилушка Щип-
лѣнковичъ

Къ Домнѣ Александровнѣ,

И увидала Домна Александровна,

Выходила она на широкъ дворъ,

Отпирала она широки врата,

И встрѣчала она Шурилушку Щиплѣнковича,

Брала его за бѣлы руки

И цѣловала его въ сахарны уста,

Выпрягала его коня рыцарскаго,

Убирала коня во конюшни во новыи,

И санки постановила во карѣтничъ во свой,

И брала она Шурилушку за бѣлы руки,

И проводила во полаты бѣловаменны.

И скидывалъ-то онъ шубоньку кунью,

Шапочку соболиную,

Сапоженьки козловые.

И проводила она Шурилушку

Прямо во свою во спальную.

И въ это же время у Щурилушки была служанка
вѣрностная
И говорила ему: «ахъ Щурило, это не хорошо!»
— Дѣвка молчи, я съ те сарафанъ сдѣру! —
Дѣвки-то не понравилось.
Если бь онъ отвѣчалъ, что сарафанъ куплю,
А онъ отвѣчалъ, что сарафанъ сдѣру.
Она бѣжала во Киевъ градъ ко Божьей церкви,
Ко большимъ ключамъ церковнымъ,
Прямо она къ Добрынюшеѣ Микитинцу:
«Ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
«Побѣжай-ко ты на свой домъ, —
«Приѣхалъ къ тебѣ гость незваный да и нежданный
«И не по обычаю тебѣ, не по разуму,
«Приѣхалъ къ твоей Домны Александровны
«Щурилушка Щипленковичъ.»
То Добрынюшка Микитиницъ
Выходилъ да со Божьей церкви,
И скакалъ онъ на своего коня да богатырскаго,
И скакалъ къ своимъ да и полатамъ бѣлокамен-
нымъ,
И заѣзжалъ онъ на широкъ дворъ;
И стрѣчала его Домна Александровна.
Заводи онъ своего коня да богатырскаго
Во свои да во конюшенки во новыя,
И тамъ стоитъ да конь Щурилушки Щипленковича.
И тутъ-то вѣдь и говорить Добрынюшка Мики-
тиницъ:
«Это, Домна Александровна, это что?»
— А тебѣ сударь почто? —
Онъ заходитъ въ каретничекъ во свой,
Увидалъ онъ Щурилушкины саночки самокатныя:
«Это, Домна Александровна, это что?»
— А тебѣ сударь почто? —
Заходи онъ въ свои полаты бѣлокаменны,
Виситъ шубонька Щурилина кунья,
И говорить Добрынюшка Микитиницъ:
«Это, Домна Александровна, это что?»
— А тебѣ сударь почто? —
Заходитъ онъ въ другую во комнату,
Увидалъ онъ Щурилушкины сапоженьки,
Соболоную шапочку на гвозднѣхъ:
«Это, Домна Александровна, это что?»
— А тебѣ сударь почто? —
Нѣтъ его Щурилушки здѣсь Щипленковича.
Добрынюшка Микитиницъ
Отпираетъ двери въ свою спальную полату:
«Это, Домна Александровна, это что?»
— А тебѣ сударь почто? —
Розсердилось Добрынюшки сердце богатырское,
И схватилъ онъ свою саблю острую,

И отсѣлъ онъ Щурилушеѣ буйну голову
И своей молодой женѣ Домнѣ Александровной.
А потомъ Добрынюшка Никитиницъ
Съ этой служанкой повѣнчался,
А Щурилушка только и живъ бывалъ.
А Добрынюшка сталъ жить да быть, добра нажи-
вать, изъ лиха избывать.

Записано тамъ же, 3 іюля.

111.

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ.

Гришка разстрижка когда царѣлъ въ Расен,
И онъ царѣлъ вѣдь во Росен
До годоваго до владычнаго до праздника
До Христова дни.
Весь народъ да вѣдь пошолъ на службу на хри-
стовскую,
А Гришка да разстрижка со своею царицею Ма-
ришкой,
Марией Ивановной князя литовскаго дочь,
Они не на службу христовскую пошли, —
Пошли въ парную баенку,
Въ чистую умывальню,
И парились они въ парной баенѣ,
Умывались въ умывальной
Христовскую заутреню.
Идетъ народъ отъ службы отъ христовской,
А Гришка разстрижка идетъ да съ парной баенки
Со своею-то царицею со Мариною Ивановной,
Князя литовскаго дочь.
И одѣвались они тутъ въ драгоценныя платья,
И выходили они въ драгоценныхъ платьяхъ
На гульбище на прихладыще.
И у Гришки у разстрижки былъ во чистомъ полѣ
Храбрый воинъ рыцарь Годуновъ,
И берегъ Гришку разстрижку.
И вдругъ со чиста поля приходитъ грамота,
Гришеѣ разстрижки со чиста поля:
Нѣтъ его защитника во живности,
Отсѣчена ему да буйна голова.
И только Гришка царемъ бывалъ,
И только Марина Ивановна царицей была,
Рѣшили его жизнь сесвѣтную.

Записано тамъ же, 3 іюля.

XX.

АЛЕКСАНДРЪ ДЬЯКОВЪ.

Александръ Дьяковъ, крестьянинъ дер. Потаневщины Кижской волости, лѣтъ около 50 отъ роду. Жилъ крестьянствомъ, но въ послѣднее время ослѣпъ, и мѣръ опредѣлилъ его на перевозъ, положивъ ему за это содержаніе. Дьяковъ слышалъ былинны отъ того же Елустафьева, о которомъ упоминалось при прежнихъ связителяхъ; онъ удержалъ въ памяти только одну нижеслѣдующую.

112.

ИЛЯ МУРОМЕЦЬ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

Старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Держалъ поѣздку со Муромля.
Стоялъ христовскую заутреню во Муромлѣ,
Завѣтъ положилъ поспѣть во Кіевъ градъ
Къ обѣдн ко христовсѣи,
Завѣтъ положилъ ѣхать путемъ дорожкой,
Руки не кровавити.
Вышелъ на улицу широкую,
Тутъ молодець пороздумалъ:
Есть ко Кіеву да двѣ дороженьки,
Двѣ пути двѣ дороженьки:
Первая дорожка прямоѣзжая,
Другая дорожка окольная.
Окольная дороженька семьсотъ-то верстъ,
А прямоѣзжая дорога ровно триста верстъ;
Сорокъ лѣтъ дорожка заколдѣла,
Сидитъ Сболовей Рахмановичъ,
Сидитъ у рѣченки у Черныи
У того дуба Леванидина,
У той береза погляныи;
Убилъ сорокъ богатыривъ съ богатыривъ,
А мелкой сныи и сѣтыи нѣтъ.
А тутъ сказалъ Илья Муромецъ:
«Не честь хвала ѣхать дорожкой окольною,
«А поѣду я дорожкой прямоѣзжею.»
Поѣхалъ дорожкой прямоѣзжею
Ко этой ко рѣчкѣ ко Черной,
Ко тому дубу Леванидову,
Ко той ко березкѣ ко погляныи.
Тутъ Сболовей Рахмановичъ

Крыкнулъ по звѣриному,
Свиснулъ по змѣиному;
У Илья Муромца конь на колѣнѣка палъ.
Илья Муромецъ бьетъ коня по тучнымъ бедрамъ:
«Ай ты волчья снѣть, травяной мѣшокъ!
«Не слыхалъ ли ты крику звѣринаго,
«Не слыхалъ ли ты свисту змѣинаго?»
А натягивалъ-то Илья Муромецъ свой шелковый
лукъ,

Положилъ онъ стрѣлочку каменую,
Стрѣлилъ Сболовью во сѣрой дубъ.
Пришла стрѣлочка Сболовью во правый глазъ,
Вышла Сболовью въ затилочекъ.
Сболовей съ дуба упалъ на землю на матушку.
Привязалъ Илья Муромецъ Сболовья ко стрѣмени,
Поѣхалъ къ подворью соловьиному,
Ко тоей его семеюшкѣ любимыи.
Выѣхалъ на соловьиное поле на широкое,
Увидала дочи мѣньшая соловьиная,
Увидала во окошечко косивчато,
Говоритъ своей матушкѣ:
— Матушка, матушка родимая!
— Батюшка ѣде, мужика везетъ,
— Мужика везетъ у стременн,
— Верхъ-то ноженьки а внизъ головушка. —

Большая дочь поглянула въ окошечко:
«Ахъ ты сестра меньшая,
«Вѣкомъ меньше, а окомъ есть тупѣ меня!
«А мужикъ-то ѣде деревенщина,
«Везетъ батюшку у стремени.»
А середняя дочіи скочила,
Схватила подворотеньку пятьсотъ пудовъ,
Хочетъ Илья Муромецъ придать.
Илья Муромецъ ударилъ ю да и кнѣтовнищемъ,
Она слетѣла на задній тынь,
Тамъ на жопы ползаетъ, —
Батюшку не выручила, а увѣче себѣ на вѣкъ
нажила.

Говоритъ Сболовей Рахмановичъ:
— Ай же ты моя семеюшка любимая!
— Не деритесь-ко съ Ильей Муромцемъ,
— А несите-тко ему золотой казны. —
А Илья Муромецъ копые свое вострое,
Вострое копые трехсаженное,
Тыкнулъ свое копые во матушку во спру землю,
Велѣлъ засыпать копые вострое,
Копые вострое золотой казной.
Они заносили, копые вострое
Золотой казной засыпали, —
А Илья Муромецъ взялъ, копые выдернулъ,
Да поѣхалъ ко городу ко Кіеву

Поспѣтъ къ обѣдни ко христоскіи.
 Приѣхалъ онъ во Кіевъ градъ
 Ко ласкову князю Владиміру,
 Поставилъ коня среди двора,
 Неприказана, непривязана,
 Самъ пошолъ къ обѣдни ко христоскіи.
 Пришолъ на крыльцо церковное;
 Владиміръ идетъ отъ обѣдни христоскіи.
 Онъ бьетъ челою поклоняется:
 «Здравствуйшь Владиміръ князь стольне-кіевской!
 «Положилъ завѣтъ поспѣтъ ко обѣдни ко хри-
 стоскіи,
 «Маленько-молья дорожкой позашишчался (*такъ*),
 «Не пошалъ къ обѣднѣ ко христоскіи,
 «Бхалъ я дорожкой прямоѣзжу,
 «Привезъ я Соловья у стремени.»
 Идетъ рядою со Владиміромъ,
 А говорятъ князья и бѣара:
 — Владиміръ князь стольне-кіевской!
 — Манишь мужикъ деревенщина. —
 Пришелъ Владиміръ князь на свой на широкій
 дворъ,
 Увидѣлъ Соловья у стремени;
 Говоритъ Ильи таково слово:
 «Какъ тебя зовутъ по имени,
 «Какъ величаютъ по отечеству?»
 Говоритъ-то Илья Муромецъ, отвѣтъ держитъ:
 — Аль зовутъ меня Ильюшенкомъ,
 — Да по отечеству Ивановъ сынъ. —
 Говорилъ Владиміръ князь стольне-кіевской:
 «Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
 «Прошу тебя къ себѣ пожаловать
 «Во почестное да и во гостебнице.»

Записано въ Кижяхъ, 5 іюля.

XXI.

СЕМЕНЪ КОРНИЛОВЪ.

Семенъ Корниловъ (по мѣстному про-
 зношенію Корниловъ), крестьянинъ дер. Кургя-
 ницы Кижской волости, 52-хъ лѣтъ, высокаго
 роста, худой, сторбленный, слѣпой. Онъ ослѣпъ
 съ 13-лѣтняго возраста и съ тѣхъ поръ кормится
 частью работою у родственниковъ, частью мир-
 скою помощью. Былны узналъ отъ стороннихъ
 людей и поетъ ихъ весьма складно.

113.

НАСТАСЬЯ НИКУЛИЧНА.

(См. Рыбникова, т. II, 61).

Начинается розказъ люди добрыи для васъ,
 Какъ оратай-тогъ оретъ да вѣдь подсвистывае.
 У оратая сошка поскрыпливае,
 У оратая сошка красна дерева,
 У оратая оmeshи серѣбряннѣ,
 А присошокъ красна золотѣ.
 У оратая сапожки на ножкахъ зелѣнь сафьянъ,
 Пята шиломъ, носы востры,
 Около носа айцо прожатъ,
 А подъ пату воробей пролетитъ.
 Кудри у молодца качаются,
 Не скачѣтъ жемчугъ да розсыпается;
 Брови какъ чернаго соболя,
 А глазы какъ яснаго сокола.
 А ще было-то у молодца похожено,
 А у добраго было поѣзжено
 На томъ ли на соколи на батюшкѣ
 А на большоемъ карабли;
 У того у сокола у батюшки,
 А у большаго у карабля,
 Носъ корма по звѣриному.
 А бока-ты были по змѣиному;
 На томъ ли на соколи на батюшкѣ,
 А и на большоемъ карабли,
 Снасти канаты были шелковы,
 Паруса были полѣтняны.
 На томъ ли на соколи на батюшкѣ,
 Да на большоемъ карабли,
 Якори были булатные,
 Булата жалѣза заморскаго;
 На томъ ли на соколи на батюшкѣ,
 А и на большоемъ карабли,
 Флюгера-то были да дорогѣи камни;
 А ще на томъ ли на соколи на батюшкѣ,
 Да на большоемъ карабли,
 Была поланица удалая.
 А жопа у ней крутенька по женьскому,
 Поступочка у ней частенька по женьскому,
 Поговорюшка у ней гладенька по женьскому.
 Быть ли не быть ли Настасѣи Никуличнѣ послу,
 Тутъ-то Настасѣи славу поютъ.

Записано въ Кижяхъ, 7 іюля.

114.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОКОЛЬНИКЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 63)

Изъ-за горь-то горь высокиихъ,
Изъ-за лѣсушковъ дремучиихъ,
Выѣзжалъ-то татарской сынъ,
Татарской сынъ да по имени Михаилъ Долгомъ-
ровичъ.

Онъ ѣдетъ по чисту полю и видитъ ѣнъ поѣздку
богатырскую

А ископять-ту лошадиную.

Тутъ татарско сердце розгорѣлось,
Онъ поѣхалъ тутъ по зѣрѣкамъ да вѣдь по зѣ-
водямъ,

Онъ стрѣлялъ тутъ гусей, лебедей
Да и пернатыхъ сѣрыхъ утушокъ.
И онъ увидѣлъ тутъ вѣдь сильнаго могучаго бо-
гатыря,

И сильнаго могучаго богатыря, да стараго казака
да Илью Муромца.

Они по чисту полю да вѣдь розѣхались,
А не двѣ тучи темныхъ сошлись,
А два сильныхъ могучихъ богатыря сѣзжались.

Оны въ первой разъ сразились,
У нихъ конья приломилися;
А 'ще дрѹгой разъ сразились,
У нихъ сабли приломилися;
Оны въ третій разъ вѣдь сходятъ со добрыхъ коней,
Тутъ беремечкомъ схватилися.

Они долго другъ и съ другомъ тутъ водилися.
У Ильи-то права ноженька свернуласи,
Права ноженька свернуласи, лѣва ручка отмах-
нуласи,

Паль Илья да о сыру землю.

Тутъ скочилъ татаринъ вѣдь Ильи да на бѣлы
грудь

И вынимаетъ онъ ножиче вѣдь кинжалище,
Хочетъ шлѣстать вѣдь Ильи да бѣлыя груди.

Онъ сталъ поганый надсмѣхатися:

«Ужь ты старая собака, ты сѣдатый песь!

«Тебѣ ли ѣздить во чистомъ поли,

«Во чистомъ поли да на добромъ кони?

«Жилъ бы ты во городи во Киевѣ,

«Пасъ бы ты гусей да лебедей,

«Да вѣдь пернатыхъ сѣрыхъ утушокъ.»

Это слово-то Ильи вѣдь не слюбилоса,

Какъ ударилъ-то Илья вѣдь татарина въ бѣлую
грудь,

Подынулъ-то онъ татарина повыше лѣсу стоячаго,
Пониже облакы ходячя,
И палъ татаринъ о сыру землю,
И лежитъ татаринъ вѣдь не вѣдаетъ,
Гдѣ рука, гдѣ нога, гдѣ буйна голова;
Лежалъ-то татаринъ тутъ три дни да вѣдь три
ноченьки,

А старый казакъ да Илья Муромецъ
Онъ садился на добра коня,
Онъ поѣхалъ ко бѣлу патру,
Онъ пустилъ коня да на зелѣный лугъ
Самъ онъ входитъ вѣдь во бѣлы шатеръ,
Онъ хлѣба соли тутъ покушаетъ,
Крестъ кладетъ да по писаному,
Поклонъ ведетъ да по ученому.

А въ это время въ этотъ часъ татаринъ какъ
быдто отъ сна да пробуждается,
Сталъ на ноги, да самъ быдто шатается.

Онъ садился на добра коня,
Онъ поѣхалъ ко своей матушкѣ,
А и ко матушкѣ а и ко Семигорѣ, бабѣ-то Вла-
димирѣ.

Онъ ѣдетъ, самъ качается,
Стрѣбаетъ его матушка Семигорка, баба да Вла-
димирѣ,

Говоритъ ему да таково слово:

— Что же ты дитатко ѣдешь не по старому,

— ѣдешь не по прежнему,

— Самъ сидишь въ сѣдлѣ да вѣдь качаешься? —

И тутъ возгворитъ молодой татарскій сынъ:

«Ты не знаешь, мать, незгодушки.

«Я наѣхалъ во чистомъ поли

«Старую собаку да сѣдатаго пса;

«Ужь мы въ первый разъ да съ нимъ сразилися,

«У насъ копыя приломилися;

«А 'ще другой разъ сразилися,

«У насъ сабли приломилися;

«А 'ще въ третій разъ мы сошли со добрыхъ коней

«Дружка съ дружкой беремечкомъ схватилися,

«У его у стараго да права ножка отвернуласи,

«Лѣва ручка отмахнуласи,

«Ужь онъ палъ какъ о сыру землю,

«Я садился-то на бѣлы груди,

«Вынимагъ-то я ножиче кинжалище,

«И сталъ надъ нимъ да надсмѣхатися:

««Ужь ты старая собака, сѣдатый песь!

««Жилъ бы ты во городи во Киевѣ,

««И пасъ бы ты гусей да лебедей,

««Да вѣдь пернатыхъ сѣрыхъ утушокъ!»»

«Это слово-то ему вѣдь не слюбилоса,

«Онъ ударилъ-то меня да во бѣлую грудь,

«Подынулъ-то меня да повыше лѣсу стоячаго,
 «Пониже облаки ходячія, —
 «Ужъ я палъ какъ о сырѣ землю,
 «И лежалъ-то я вѣдъ три дни и три ноченьки,
 «Гдѣ рука, гдѣ нога, да гдѣ буйная голова.
 «Черезъ три дни черезъ три ноченьки
 «Пробуждался я отъ сна да будто пьяныи.»
 Какъ возговорить ему да рѣдна матушка:
 — Ужъ ты дитятко, молодой ты Сокольникъ!
 — Это вѣдъ не старая собака, не сѣдатый песь,
 — А это есте старый казакъ да Илья Муромецъ. —
 Тутъ у татарина сердце розгорѣлось,
 Онъ скорешенько садился на добра коня,
 Онъ поѣхалъ во чистѣ поле
 Ко тому ли ко бѣлѣ шатру,
 Онъ пустилъ коня да вѣдъ на зѣленъ лугъ,
 Онъ скочилъ въ шатеръ, да самъ не спрашивалъ,
 И схватилъ-то онъ ножнице вѣдъ кинжалище,
 И ударилъ онъ Илью да во бѣлѣю грудь,
 А Илья лежитъ сонный, какъ и мертвыи;
 И понало у Ильи да въ зѣлотъ крестъ.
 Тутъ Илья отъ сна да пробуждается,
 Тутъ хватилъ Илья татарина вѣдъ за ноги
 И роздѣрнулъ его на-двое;
 Одну ногу кинулъ къ Семигорѣ, бабѣ-то Влади-
 мирѣ,
 А другую ногу кинулъ во Ефратъ рѣку.
 Тутъ садился-то Илья да на добра коня,
 Тутъ поѣхалъ вѣдъ Илья ко городу ко Киеву
 И ко князю ко Владиміру,
 Бьетъ челомъ да поклоняется.
 Тутъ Ильѣ честь пошла и славу поютъ.

Записано въ Казанѣ, 7 іюля.

115.

Д Ю К Ъ.

Какъ во той ли во Индѣи во богатыи,
 Какъ во той ли во Карелы во упрямыи,
 Какъ во томъ ли во городѣ Волицѣ,
 Жилъ былъ молодой боярской сынъ да Дюкъ Сте-
 пановичъ.
 Онъ беретъ себи свой тѣгой лукъ,
 Да еще беретъ онъ тридцать три стрѣлы кале-
 нныхъ,
 А тридцать-то каленныхъ а три-то золоченныхъ,
 Онъ ходилъ-то по зарѣки да и по заводи,

И стрѣлялъ-то гусей лебедей.
 Розстрѣлялъ онъ тридцать три стрѣлы,
 Не попалъ онъ ни въ одну:
 «Мнѣ не жалко тридцати-то стрѣлъ,
 «А только жалко мнѣ-ка трехъ-то стрѣлъ:
 «Эти три стрѣлы да вѣдъ каленныи,
 «Оны вси да золоченныи,
 «И перьями сажонныи,
 «Оны перьями орловыма, —
 «Не того орла который вѣдъ летаетъ во чистѣмъ
 поли,
 «А того орла который сидитъ на мори,
 «На мори сидитъ на камени;
 «А 'ще тотъ орелъ сворѣхнется,
 «Сине морюшко сколыблется,
 «А въ деревняхъ пѣтухи спокуютъ;
 «Тутъ ѣздятъ гости корабельщики,
 «Обираютъ перья-ты орловыа,
 «Оны привозятъ къ моей матушкѣ
 «Емельфѣ Тимофеевнѣ.»
 Тутъ приходитъ молодой боярской сынъ да Дюкъ
 Степановичъ
 Во свои-ты полаты бѣлокаменныи,
 Онъ приходитъ вѣдъ во гридни во столовыи,
 Онъ бьетъ челомъ да поклоняется,
 У матушки своей да сдоложается,
 Говорить да таково слово:
 «Ужъ ты матушка родимая!
 «Я хочу вѣдъ ѣхать-то ко городу ко Киеву
 «А Богу помолитися,
 «Князю кievскому поклонитися.»
 Какъ возговорить ему да рѣдна матушка,
 Рѣдна матушка Емельфа Тимофеевна:
 — Ужъ ты дитятко да Дюкъ Степановичъ!
 — Ты еще вѣдъ молодѣшенѣкъ,
 — Эта есте дорожка лальная,
 — Кругомъ ѣхать г три года,
 — А прямо ѣхать три мѣсяца.
 — На прямой-то вѣдъ дороженькѣ
 — Есть три заставы великіе:
 — Перва застава змѣиная,
 — Друга застава звѣриная,
 — Третья застава семь есте богатырей:
 — А первый нашъ казакъ Илья Муромецъ,
 — А другой опять Добрынюшка Никитиничъ,
 — Третій-то Олешенка Поповичъ,
 — Четвертый-то Чурилушка Щапенковичъ,
 — Пятый-то Михайла Долгомѣровичъ
 — Шѣстый сѣмый два брата Агрикановы. —
 Тутъ пошолъ-то Дюкъ Степановичъ
 По дворама-то по конюшенькамъ,

По дворамъ да по конюшенькамъ
 Избирать себѣ коня да вѣдь по разуму;
 Онъ выбралъ-то коня себѣ по разуму,
 Бурушка маленькаго и косматенькаго.
 Онъ надѣлъ-то вѣдь уздицу-то тесмяную,
 А не для красы басы молодецкія,
 А для крѣпости да богатырскія;
 Онъ владеть-то вѣдь сѣдельшко черкасское,
 А не для красы басы молодецкія,
 А для крѣпости да богатырскія;
 Онъ подтягивать подпруги шелковыя,
 А семи шелковъ да шемаханскіихъ,
 А не для красы басы молодецкія,
 А для крѣпости да богатырскія;
 Онъ вѣдь стягивать тутъ пряжки-то серебряныя
 И онъ вдергивать тутъ иглы золоченыя,
 А не для красы басы молодецкія,
 А для крѣпости да богатырскія.
 Онъ ведетъ коня да ко перѣному крыльцу,
 Ко перѣному крыльцу, да ко точену столбу,
 Ко точену столбу, да ко золочену кольцу.
 Тутъ приходитъ Дюкъ Степановичъ во гридни во
 столовыи,
 Онъ крестъ владеть да по писаному,
 Поклонъ ведетъ да по ученому,
 Онъ съ матушкой прощается,
 Въ путь дорожку отправляется.
 Видѣли добра молодца сядучисъ,
 А не видѣли добра молодца поѣдучисъ,—
 Только видать что въ поли кудельбѣ (такъ)
 стоитъ,
 А подъ Дюкомъ-то конь какъ стрѣла летить.
 Приѣзжаетъ тутъ Дюкъ къ первой заставѣ змѣинныя;
 Змѣи розсержаются а на Дюка розъяряются,
 Поглотить его хотятъ.
 Дюкъ сталь коня понуживать,
 Сталь бурушка поправлявать,
 Сталь бурушко поскакивать,
 Перву заставу проѣхалъ онъ безъ пакости.
 Къ дрѹгой заставѣ приѣхалъ онъ звѣринойей;
 Звѣри розсержаются а на Дюка розъяряются,
 Хотуть съ конемъ его зглотать.
 Дюкъ Степановичъ бурушка поправлявать,
 Косматаго понуживать,
 Сталь бурушко поскакивать,
 Сталь косматенькой помахивать,
 Дрѹгу заставу проѣхалъ онъ безъ пакости.
 Къ третей заставѣ приѣхалъ онъ къ великойей,
 Гдѣ семь стоитъ богатырей,
 Поляннцъ да вѣдь удалнхъ;
 Онъ приѣхалъ вѣдь не спрашивать.

Тутъ выходитъ нашъ донской казакъ Илья Му-
 ромецъ,

Выходитъ со бѣла шатра

И говорить да таково слово:

«Что ты за невѣжа ѣдешь мимо да не спрашивашъ?
 «Мимо нашу заставу ни конный не проѣзживалъ,
 «Ни пѣшій ни прокахивалъ, ни звѣрь не проры-
 скивалъ,

«А вѣдь птица полетитъ, да и та перо сронитъ.

«Ты скажи-ко вѣдь удалый добрый молодець,

«Изъ какой земли да изъ какой орды,

«Куда ѣдешь, куда нѣтъ держишь,

«И какъ тебя зовутъ?»

И возгворить-то молодой боярской сынъ да Дюкъ
 Степановичъ:

— Я есте изъ Индѣи изъ богатяя,

— Да изъ Корели изъ упрямыя,

— Съ того ли города Волинца,

— Молодой боярской сынъ да Дюкъ Степановичъ;

— Ужъ я ѣду да ко городу ко Киеву,

— Богу помолитися, князю поклонитися.

— Скажутъ, Киевъ градъ да на красы стоитъ. —

Тутъ возгворить-то Илья Муромецъ:

«Ты скажи-тко да удалый добрый молодець,

«Ты давно ли выѣхалъ изъ Индѣи изъ богатяя?»

Тутъ отвѣтъ держитъ да Дюкъ Степановичъ:

— Я выѣхалъ-то изъ Индѣи изъ богатяя

— Послѣ поздннхъ вечеренъ,

— А хочу поспѣть въ Киевъ на обѣдню. —

Этому Илья да подвился,

Тутъ съ Дюкомъ-то Степановымъ простился.

Тутъ садился Дюкъ Степановичъ на добра коня,

На добра коня на бурушка косматаго;

Тутъ видѣли добраго молодца сядучи,

А не видѣли добра молодца поѣдучи,—

Только видать что въ поли кудельба стоитъ,

А подъ Дюкомъ-то конь какъ стрѣла летить.

Приѣхалъ-то Дюкъ Степановичъ

Ко тому ко городу ко Киеву;

Ко ласкову ко князю ко Владиміру

Онъ ко поѣзду княженецкому.

Онъ поставилъ коня да не привязываетъ,

Ни у кого ничего да онъ не спрашиваетъ,

Онъ идетъ да вѣдь прямо во Божью церковь,

Крестъ владеть да по писаному,

Поклонъ ведетъ да по ученому,

Князю Владиміру въ osobинну.

Они Богу помолитися, обѣдни простояли,

И выходятъ тутъ изъ церкви изъ соборныя.

Ужъ какъ сталь-то князь Владиміръ тутъ вы-
 спрашивать:

«Ты скажи-тво да удалий добрый молодецъ,
«Изъ какой земли, да изъ какой орды,
«Какого отца матери,
«Какъ тебя по имени зовуть?»
Отвѣтъ держитъ Дюкъ Степановичъ:
— Я есть вѣдь изъ Индѣи изъ богатня,
— Изъ Корелы изъ упрямыя,
— Съ того города Волынца,
— Молодой боярской сынъ да Дюкъ Степано-
вичъ. —

Тутъ пошли они отъ церкви отъ соборныя
Прямо вѣдь на княжей дворъ,
Тутъ идетъ-то Дюкъ Степановичъ,
Да самъ-то онъ головушкой покачивать,
По двору идетъ, головушкой покачивать.
Они приходятъ вѣдь въ полаты бѣлокаменныя
А во гридни во столовыя,
А Дюкъ Степановичъ идетъ да все головушкой
покачивать

Онъ крестъ кладетъ да по писаному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
Князю-то съ княгиною въ особину.
Тутъ сядили они да за столы за дубовыя
Да за скатерти-ты бранныя.
Тутъ собралися князи бѣяра
И сильнии могучии богатыри,
Все за столомъ сидятъ ѣдать да кушаютъ,
Ѣдятъ да кушаютъ, сами все слушаютъ.
Поднесли-то Дюку Степановичу
Чару зеленая вина;
Онъ поль-чарочки-то пилъ, а друго такъ отложилъ;
Поднесли ему да чару пива пьянаго,
Онъ поль-чарочки-то пилъ, а друго такъ отложилъ;
Принесли ему колачинеъ крупивчатый,
Онъ поль-колачика ѣлъ, друго такъ отложилъ.
Тутъ возгворитъ Владиміръ князь да столень
киевской:

«Ужъ ты что же, Дюкъ Степановичъ,
«Половинку чары пьешь, а друго такъ кладешь,
«А ще что же ты поль-колачика ѣшь, а друго
такъ кладешь?»

Тутъ возгворитъ да Дюкъ Степановичъ:
— Ужъ ты солнышко Владиміръ князь да столень
киевской!

— У васъ всё да не по нашему;
— Я пришлоу какъ къ вамъ во гридни во столовыя,
— У васъ стоятъ столы дубовыя,
— А на столахъ все скатерти забранныя,
— А у насъ столы да все кленовыя,
— А скатерти-ты все шелковыя,
— А семи шелковъ да шемаханскіихъ.

— У васъ все да не по нашему;
— У васъ печки-ты вирпичныя,
— А у насъ печки изразцовыя,
— Карнизы золоченыя.
— У васъ все да не по нашему;
— У насъ вина виноградныя,
— А у васъ вина-ты простыя вѣдь;
— У насъ меду стоялыя,
— А у васъ-то меду кислыя;
— У насъ колачинеъ крупивчатыя, —
— Колачик-отъ ѣшь, а по другому душа горитъ;
— Потому душа горитъ: у насъ помяльца-ты
шелковыя,
— А мочать-то ихъ въ меду да вѣдь стоялыя;
— У васъ помяльца-то сосновыя,
— Такъ колачинеъ-то на хвѣйку пахнутъ.
— У насъ какъ матушка Емельфа Тимофеевна.
— Пойдетъ-то во церковь во соборную,
— Впереди идутъ лопатчики,
— А во слѣдъ идутъ метельщики,
— Дорожку розгребають да песочкомъ посыпають,
— А подъ рукой идутъ вѣдь няньки,
— А во слѣдъ идутъ служанки;
— У нея лапотники на ножкахъ шелковыя,
— Семи шелковъ да шемаханскіихъ,
— А одежда на себи да шуба соборная, —
— Придетъ-то въ церковь во соборную
— Крестъ кладетъ по писаному,
— Поклонъ ведетъ по ученому,
— На вси стороны да поклоняется;
— А идетъ какъ она изъ церкви изъ соборныя
— На свой на широкой дворъ,
— У насъ-то на дворѣ да сувна посланы да один-
цовыя.

— У васъ все да не по нашему;
— У васъ дорожки не розглажены,
— Песочкомъ не засыпаны,
— У васъ на дворѣ хотъ звѣрь ногу ломитъ; —
— Дворники да слуги въ шапки да въ бабки
играють,
— Въ красныхъ рубашкахъ гуляютъ. —
Тутъ они поѣли да покушали,
Они крестъ-то кладутъ по писаному,
Поклонъ ведутъ по ученому,
Князю-то Владиміру въ особину.

(Конца не помнитъ.)

Записано тамъ же, 7 іюля.

116.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

(См. Рыбникова, т. II, 65).

Изъ-подъ бѣлыя березки кудревастеѣя,
 Да изъ-подъ чуднаго креста да Левантинова,
 Выходила тутъ турица златорогая
 Съ молодыма турама малыма дѣтушками.
 Лучилось итти турамъ да мимо славный Кіевъ
 градъ.

Они видѣли—дѣвица-та ходитъ, держитъ книгу-ту
 евангелье,

А не столбы читаетъ, а всё ѣна плачѣтъ.
 Она видѣла надъ городомъ чуднымъ чудно,
 Она видѣла надъ Кіевомъ дивнымъ дивно,
 Какъ наѣхалъ тутъ Батыгушка Батыговичъ,
 А ѣ со сыномъ со Батыгомъ Батыговичемъ,
 Да и со зятемъ Тараканчикомъ Караблнковымъ
 И со дьячкомъ да выдумщичкомъ.

У Батыги-то съ сыномъ силы сорокъ тысячей,
 Да у зятя-то силы сорокъ тысячей,
 Да у дьячка-то вѣдь силы сорокъ тысячей.

Тутъ-то князь закручинился,

А Владиміръ запечалился.

По голямъ голи шатаются,

По царевымъ кабакамъ столыпаются,

А Василій въ кабаки безъ портокъ на печи.

А ѣ возговоритъ Василій таково слово:

«Наливайте-тко Василью чару зеленá вина,

«А другую-то пива пьянаго,

«А третью-то слáдкаго меду.»

Сливали то пѣтье да вѣдь въ одно мѣсто,

Становилось пѣтья да полтора ведра.

Выпиваетъ тутъ Василій на единый духъ,

Говоритъ-то тутъ Василій таково слово:

«Я теперъ могу добрымъ конемъ владать,

«Я теперъ могу вострой саблей махать.»

Тутъ садился вѣдь Василій на добра коня, —

Видѣли добраго молодца садучи,

А не видѣли добраго молодца поѣдучи.

Поѣхалъ вѣдь Василій не воротами,

А черезъ тую стѣну городовую,

Только видать — въ поли кудельбá стоять,

А подъ Васильемъ конь будто стрѣла летитъ.

Тутъ наѣхалъ вѣдь Василій на Батыгу,

Да со сыномъ со Батыгомъ Батыговичемъ,

Онъ убилъ вѣдь Батыгу Батыговича

И убилъ зятя Тараканчика Караблнкова

И убилъ-то дьячка выдумщица.

Поѣхалъ тутъ Василій ко городу ко Кіеву,
 Да и ко ласкову ко князю ко Владиміру.
 Онъ прїѣзжаетъ на княжій дворъ,
 Бьетъ челомъ да поклоняется,
 Самъ съ княземъ Владиміромъ прощается.
 Тутъ-то Василью славу поютъ.

Записано тамъ же, 7 юля.

117.

МОЛОДЕЦЪ И ХУДАЯ ЖЕНА.

Женили меня молодца,

Не у голова женили — у богатаго,

А приданаго-то много — человекъ худой;

Цвѣтное портишечко на грядчкѣ виситъ,

А худая женішка на ручкѣ лежитъ.

Пошолъ пошолъ удалый добрый молодецъ

Отъ худой жены да неудачливой

Изъ орды въ орду да къ королю въ Литву.

Онъ бьетъ челомъ да поклоняется,

Самъ королю да во служеніе дается.

Первыхъ три году да онъ жилъ во конюхахъ,

А друго три году онъ жилъ да вѣдь во ключникахъ,

А третье три году онъ жилъ да во постельникахъ,

А четвертыхъ три году онъ жилъ да вѣдь во

спальняхъ,

Жилъ-то онъ съ королевичною

Быдто братъ съ сестрой, да быдто мужъ съ женой.

Чрезъ двѣнадцать лѣтъ ему да захотѣлося

Съ отцемъ да съ матушкой да повидатися,

Со худой женой да неудачливой.

Онъ пошолъ пошолъ да добрый молодецъ,

Онъ зашолъ да во царевъ кабакъ,

Выпилъ рюмку, выпилъ дви,

Самъ онъ поросплакался,

Поросплакался да поросхвастался:

«Ужъ какъ жилъ я у короля въ Литвы,

«У короля въ Литвы да съ королевичной,

«Первыхъ три году я жилъ да вѣдь во конюхахъ,

«Другихъ три году я жилъ да вѣдь во ключникахъ,

«Третьи три году я жилъ да вѣдь въ постельни-

кахъ,

«Четверто три году я жилъ да вѣдь во спальни-

кахъ,

«Жилъ-то я со королевичной

«Быдто братъ съ сестрой, да быдто мужъ съ женой.»

Тутъ случились палачи да немилослвы,

Тутъ схватили добра молодца скорѣшенько;
 Рѣзвы ноженьки сковали,
 Бѣлы рученьки связали,
 Буйну голову тряпкой завязали,
 Повели его да къ королю въ Литву,
 За его рѣчи неумныя,
 За басни неразумныя,
 И ведутъ-то его мимо королевской дворъ.
 Онъ смолчился палачамъ да немилосливымъ:
 «Вы не ведите-тко меня къ королю на дворъ,
 «А вы ведите-тко меня да къ королевичной.»
 Увидала тутъ королевична,
 Идутъ-то палачи да немилосливы, —
 Она бросалась во окно да вѣдь по поясу,
 Она кричала жалкимъ голосомъ:
 — Ужь вы палачи да палачи вы немилосливы!
 — Вы не водите-тко да моего слугу,
 — Моего слугу на королевской дворъ,
 — А вы лучше-то возьмите какого ни пьяню-
 шечку;
 — Ужь я дамъ вамъ много злата, много сѣребра. —
 Палачи тутъ смилосердились,
 Слугу къ ней отпускають,
 А пьянюшку-то къ себѣ имають,
 Бѣлы рученьки связали,
 Рѣзвы ноженьки сковали,
 И всѣ ты хвѣсты королю-то розказали;
 Отсѣкли ему буйную голову.
 А королева своего слугу вѣрнаго
 Накормила, напоила
 И въ отлично *) платьѣ снарядила,
 Въ путь дорожку отпустила,
 Отъ смерти слободила.

Записано тамъ же, 7 июля.

XXII.

ВАСИЛІЙ ЩЕГОЛЕНОКЪ.

Василій Петровичъ Щеголенокъ,
 крестьянинъ дер. Боярищны, Кижской волости,
 65-ти лѣтъ отъ роду; земледѣлецъ и вмѣстѣ съ
 сѣмъ саножный мастеръ; приобрѣлъ склонность
 къ пѣнію былинь еще въ малолѣтствѣ, слушая

*) т. е. въ такое платье. въ которомъ его везли было
 узавать. — такъ повѣсилъ Корниловъ.

своего дѣда и въ особенности дядю Тимофея, ко-
 торый, будучи безногимъ, сорокъ лѣтъ сидѣлъ въ
 углу въ домѣ его отца и занимался саножною
 работою. Перенявъ ремесло дяди, Щеголенокъ
 отъ него же научился и большей части тѣхъ бы-
 линъ, которыя помнитъ понынѣ. Поетъ онъ бы-
 лины не громкимъ, но довольно приятнымъ, хотя
 уже старческимъ голосомъ, соединяя, впрочемъ,
 часто въ одну былину разнородные предметы и
 не придерживаясь опредѣленнаго размѣра. Ще-
 голенокъ былъ извѣстенъ г. Рыбникову; осенью
 1871 года онъ побывалъ въ Петербургѣ. Здѣсь
 онъ прибавилъ нѣсколько былинь къ тѣмъ, кото-
 рыя онъ пѣлъ собирателю въ Кижяхъ и которыхъ
 тогда не могъ хорошенько припомнить; при этомъ
 повѣрнулъ вновь и текстъ былинь, записанныхъ
 на мѣстѣ. Всѣ былины записаны «съ голоса». —
 Щеголенокъ, хотя неграмотный, но большой охот-
 никъ ходить по монастырямъ и слушать боже-
 ственныя книги; это отзывается отчасти и въ
 тонѣ его былинь.

118.

СВЯТОГОРЪ И ДОБРЫНЯ.

Да на славной на заставѣ на московскіи
 Тамъ стояло двѣнадцать богатырей;
 Да проговорилъ Святогоръ богатырь,
 Онъ старше всѣхъ богатырей:
 «Русскіе могучіи богатыри,
 «Ай же вы полиницы удалыя!
 «Кого же намъ послать во землю во Тальянскую?
 «Да послать ли Святогора богатыря,
 «Такъ вѣдь некому стоять на заставѣ,
 «А ѿ на заставѣ да и на московскіи.
 «Да посмать ли намъ Добрынюшку Нпвятича
 «Да во эту землю во Тальянскую,
 «Да вѣдь тамъ надо ему биться ратиться,
 «А стоять-то ему за столичный Кіевъ градъ,
 «За свое ли за родно за отечество
 «Да за тую ль-то за вѣру христіанскую,
 «Надо повзыбратъ пошлина да за двѣнадцать лѣтъ.»
 Да проговорилъ-то Святогоръ тутъ богатырь:
 «Ай же ты Добрынюшка Никитиничъ!
 «Потъжай ко этому подворью вдовьиному
 «Честной-то вѣдь вдови Офимьи Александровной,
 «Напроси-тко Добрынюшка прощеньца,

ВАСИЛІЙ ПЕТРОВИЧЪ
ЩЕГОЛЕНКОЪ.

«Напроси-тко Добрыня благословеньца
 «Да поѣхать ли во землю во Тальянскую,
 «Тамъ надо биться ратиться
 «И стоять-то за стольный Кіевъ градъ,
 «За свое-то рѣдно отчество
 «И за ту за вѣру христіанскую.
 «Тебе выбралъ ли солнышко Владиміръ князь
 «Подписались русскіи могучіи богатыри
 «И вси поляницы-ты удали.»
 И проговори честна мужняя вдова
 Да вѣдь Офимья Александровна,
 А проговоритъ она да вѣдь таково слово:
 — Ай ты Добрынюшка Никитиничъ!
 — Я бы знала Добрынюшка, я бы вѣдала,
 — Я спородила бы тебя силою великою
 — Супротивъ Святогора богатыри,
 — А смѣлостью супротивъ стараго казака, а су-
 противъ Ильи Муромца,
 — И грамотой-то бы выучила тебя Добрынюшка
 — Супротивъ Олещеньки Поповича. —
 Да проговоритъ Добрыня таково слово:
 «Честна мужняя вдова Офимья Александровна!
 «Да ты дашь прощеньце побѣду,
 «А не дашь благословеньца побѣду:
 «А меня выбралъ солнышко Владиміръ князь,
 «А меня выбрали русскіе могучіе богатыри,
 «Подписался Святогоръ богатырь.»
 И высталъ Добрынюшка на свои рѣзвыя ноги
 Во своей ли полаты богатырской,
 Онъ беретъ уздечку тесмяную,
 Надѣвае на коня богатырскаго,
 Кладывае на коня испотники,
 На потнички да вѣдь войлочки,
 На войлочки сѣдлышко черкальское
 И затягиваетъ двѣнадцать подпруговъ,
 И во подпругахъ пряжечки серебряны,
 А во пряжечкахъ штылѣчки чиста золота;
 Арабское золото не держится
 И булатъ-то желѣзо не ржавѣетъ.
 И завязываетъ Добрынюшка святочки онъ семи
 шелковъ
 Онъ не для ради красы, а ради крѣпости.
 И проговоритъ тутъ честна вдова
 Да вѣдь Офимья Александровна:
 — Да что же Настасья Никулична
 — Со своимъ мужемъ не прощаешься? —
 И она стала молода жена Настасья Никулична
 На свои-то на рѣзвыя ноги,
 Да илетъ-то покоемъ бѣлодубовымъ
 И опускается по ступенечкамъ по крутымъ,
 Да выходитъ на улицу на широкую,

Да проговоритъ она да и таково слово:
 «Ай же ты Добрынюшка Никитиничъ!
 «А когда те сожидать да со чиста поля?»
 Да проговоритъ Добрыня таково слово:
 — Сожидайте меня да вы три году;
 — На проходи тому время три году,
 — Сожидайте вы меня да шесть годовъ;
 — И на проходи тому шесть годовъ
 — Сожидайте вы меня девять лѣтъ,
 — Да ждите вы меня да двѣнадцать лѣтъ.
 — На проходи тому времени двѣнадцать лѣтъ,
 — Тутъ ты Настасья Никулична
 — Хоть замужъ поди, хоть вдовой живи,
 — Да не ходи за смѣлаго Алешу за Поповича,
 — За того ль за дѣвочьяго насмѣшника
 — И за мѣго названого за меньшаго за брата. —
 Она беретъ Настасья Никулична
 А того Добрынюшку Никитича
 За эти ручки за бѣзья,
 За эти перстни за злечення,
 А цѣлуетъ въ уста во сахарніи.
 И какъ съѣлъ ли удамый добрый молодецъ
 Добрынюшка Никитиничъ,
 Какъ-то видѣли добра молодца посадучи
 На этого коня да богатырскаго
 А на эту степь (такъ) да лошадиною,
 А не видѣли добра молодца побѣдучи.
 И скакалъ-то конь съ горы-то на гору,
 И мелкіе рѣки перешакивалъ,
 А большіе озера перескакивалъ,
 А куда конь летитъ, туда ископытъ стѣлбомъ
 стаѣтъ.
 А съѣхалъ ли Добрынюшко во землю Тальян-
 скую;
 Да вѣдь надо тамъ ему биться ратиться,
 А стоять-то ему за стольный Кіевъ градъ,
 За свое-то за рѣдно за отчество,
 Да за ту ль-то за вѣру христіанскую.
 На проходи тому времени три года,
 Да не видно Добрынюшки со чиста поля;
 На проходи тому времени шесть годовъ,
 А не видно Добрынюшки со чиста поля;
 На проходи тому времени девять лѣтъ,
 А не видно Добрынюшки со чиста поля;
 На проходи тому времени двѣнадцать лѣтъ,
 А не видно Добрынюшки со чиста поля.
 И застучалось у полаты богатырской
 А у того ли кольца золоченаго,
 А на томъ ли на крыльцѣ на перешоемъ;
 Да проговоритъ тутъ чество-мужняя вдова Офимья
 Александровна:

«Какъ бы былъ-то удаленькій Добрынюшка Никитиничъ,

«Не дошло бы надсмѣяться надъ подворьницею,
«Надъ подворьницею надъ вдовиннымъ.»

Отворила да и ворота богатырскія,
Да пришло-то три калѣки переходжн,
У калѣкъ-то лапѣтки на ножкахъ семи шелковъ,
Да котомочки за плечами бархатны,
Да пришли оны въ покои богатырскіи,
И они крест-отъ кладутъ по писаному,
Да поклонн ведутъ по ученому,
На двѣ на три на четыре насторонки поклоняются,
Честной вдовы да вѣдь Афимья Александровна

И оны дѣлаютъ поклонъ да вѣдь въ особину:

— Честно-мужняя вдова Афимья Александровна!

— А мы видѣли Добрынюшку въ чистомъ поли,

— Лежить-то Добрынюшка убитыи,

— Буйна голова Добрынюшки розломана,

— Бѣлы груди у Добрынюшки распластаны,

— Да конь богатырскій по колѣнъ въ крови.

— И ростеть ли на Добрынюшки травонька,

— А растеть ли на Добрынюшки шелковая,

— Да на травоньки цвѣтуть да вѣдь цвѣтики,

— А цвѣтики цвѣтуть да вѣдь лазуревы. —

И проговорить другой калѣка переходжн:

«Ай же ты Настасья Никулична!

«Мы пришли тебя посватати

«А за этого за смѣлаго за Олешу за Поповича,

«За того ль-то за дѣвѣчьяго насмѣшника

«И за его-то за меньшаго а названого за брата.»

Да просватала сама себя Настасья Никулична,

Увели ее старци калѣки переходжн,

Увели ее Настасью Никуличну

За этого за смѣлаго Олешу за Поповича,

За того ль за дѣвѣчьяго насмѣшника

А за того за меньшаго за брата названого.

И проходи тому временьки три денька,

И застучалось у полаты богатырскою

И на томъ ли на крыльцѣ да на перѣноемъ

И у того ли вольца у золоченаго.

Да проговори честно-мужняя вдова да вѣдь Офимья

Александровна

Да сквозь свои-то слезы да горючн:

— И какъ былъ Добрынюшка Никитиничъ,

— Не дошло бы надсмѣяться надъ подворьницею,

— Надъ подворьницею да на вдовиннымъ! —

И отворила ворота да богатырскіи,

И пришло ли удалъ добрый молодецъ

И пришло ли молодецъ незнакомый,

Онъ крестъ кладеть по писаному,

Да поклонъ ведеть по ученому,

На двѣ на три на четыре стороны поклоняется,
Честно-мужней вдовы Афимья Александровна
Онъ-то дѣлаеть поклонъ да вѣдь въ особину.

Онъ проговорить удалый добрый молодецъ:

«Честно-мужняя вдова Афимья Александровна!

«И не спознала ты Добрынюшки Никитича?»

Да беретъ ее за ручки за бѣлны,

И за эти за перстни значены,

Да цѣлуе во уста да во сахарнн.

И онъ проговорить удалый-то добрый молодецъ:

«А гдѣ-то жена моя Настасья Никулична?»

И проговорить честно-мужняя вдова да вѣдь

Афимья Александровна:

— Да твоя жена Настасья Никулична

— Да просватала сама себя

— За смѣлаго Олешу за Поповича,

— За того ль-то за дѣвѣчьяго насмѣшника,

— А за твоего ль-то меньшаго брата за названого,

— На проходи тому временьки три денька. —

Да заходит ли млáднй Добрынюшка Никитиничъ

Во свой ли кабинетъ богатырскн,

Да беретъ три златницы три серебряныхъ,

И каждая златница стоить сто рублей,

Онъ садился-то Добрынюшка Никитиничъ

И на этого коня-то богатырскаго,

И со этыма послѣхама богатырскими

И со этою со палицей булатнею,

Онъ и плѣточкой коня Добрынюшка попуживаеть,

И палицей булатнею Добрынюшка поигрываеть.

И надо ѣхать Добрынюшкѣ во эту землю во Смо-

ленскую

И во этому Олешенькѣ Поповичу

Да на широкъ дворъ на почестень пиръ.

А садился Добрынюшка Никитиничъ

А на своего коня да богатырскаго, —

Куда конь летить, туды ископытъ стаеть,

И мелки броды перешакивалъ,

А рѣчки широки перескакивалъ,

А озера болота вокрѣгъ ѣхаль.

И приѣхаль Добрыня во земли Смоленскую

Ко этому Олешѣ ко Поповичу

А на широкъ дворъ на богатырскн;

Да вѣдь заперты ворота да и богатырскн,

Да стоять тутъ его да слуги вѣрнн,

Не пропускаютъ туду на широкъ дворъ на поче-

стенъ пиръ

А ни коннаго ни пѣшаго.

А проговорить Добрыня таково слово:

«Ай же вы слуги вѣрнн

«Алешеньки да вы Поповича!

«Вы возьмите съ меня златницу да серебряну,

«А вѣдь златница стоитъ сто рублей,
 «Да пустите удалаго добра молодца
 «А дѣтнушку скоморошину
 «Да на широкъ дворъ да и на почестень пиръ
 «Да ко этому Олешу ко Поповичу.»
 Взяли-то златницу да серебряну
 И отворили ворота да и богатырскіи
 Да пустили дѣтнушку скоморошину.
 И приходитъ дѣтнушка скоморошина,
 А всё-то гости были званни,
 А всё-то были гости бранни,
 Да всё-то гости за столомъ сидятъ.
 И сѣлъ ли дѣтнѣка скоморошина
 И на эту на печку на земляночку,
 И началъ-то выигрывать въ туселышка
 Игрышки хорошии;
 Онъ первое розстояніе играетъ да ѣ отъ до Кіева,
 Да другое розстояніе играетъ да ѣ до Царяграда,
 А третье розстояніе играетъ да ѣ до земли Со-
 рочинской,
 Отъ Сорочинской до Тальянской,
 Отъ Тальянской до Еросѣлима.
 Эти наигрыши показались Настасѣи Никуличной,
 Прогѣворить она да ѣ таково слово:
 — Ай же вы-то слуги-то вѣрнии
 — Алешеньки-то вы Поповича!
 — А вы налейте чару зеленá-то вина,
 — Да не малу не большую, да полтора ведра,
 — Поднесите дѣтнѣки скоморошники. —
 И онъ сидитъ дѣтнѣка скоморошина
 И на этой-то на печкѣ на земляночкѣ,
 И наигрыши наигрываетъ хороши,
 И выигрываетъ отъ Еросѣлима,
 Отъ Еросѣлима до земли Тальянской,
 Отъ Тальянской до Сорочинской,
 Отъ Сорочинской до Царяграда,
 И отъ Царяграда да вѣдь до Кіева.
 Показались-то выигрывать Настасѣи Никуличной,
 И онъ прогѣворить дѣтнѣка скоморошина:
 «Ай же вы слуги вѣрнии,
 «Слуги вѣрнии богоданны
 «Алешеньки Поповича!
 «Дайте мнѣ графинъ во мои руки,
 «И дайте стакавъ да во мои руки,
 «Я налью-то чару зеленá вина,
 «Зелена вина не малу не большую, да полтора
 ведра,
 «Да я кому знаю тому поднесу.»
 И налилъ-то дѣтнушка скоморошина,
 Онъ ту чару налилъ зеленá вина,
 Онъ-то ни малу ни большую, полтора ведра,

Онъ подноситъ Настасѣи Никуличной,
 И самъ на словахъ выговаривать:
 «Ай же ты Настасѣя Никулична!
 «А ты пѣшь чару до дна, да ты увидишь добра,
 «И не пѣшь чары до дна—ты не видишь добра.»
 Она выпила чару до дѣнушка
 А увидла на дни два перстня обручны:
 А одинъ перстень Добрынюшки Никитинича,
 А другой перстень Настасѣи Никуличной.
 Она выстала Настасѣя Никулична
 А за этимъ столомъ за княжецецкиимъ
 А за этою доской да за дубовою,
 При гостяхъ-то вѣдь было званникъ,
 Званникъ да гостяхъ чѣщенникъ,
 Да прогѣвори Настасѣя Никулична:
 — Ай же ты Олешенька поповскій сынъ!
 — Не тотъ мой мужъ, кто за столомъ сидитъ,
 — Тотъ мой мужъ, кто середь избы стоитъ. —
 Она вышла-то Настасѣя Никулична
 А зъ-за этого стола за княжецецаго
 И захватила удала добра молодца
 Добрынюшка Никитинича
 А за эти за ручки за бѣли,
 А за эти за перстни за злаченни,
 Цѣловала во уста да во сахарни.
 Да прогѣворить Алеша поповскій сынъ
 А за этимъ столомъ за окольнымъ,
 И прогѣворить таково слово:
 «Ай же вы-то мои да гости званни,
 «Ай же вы-то мои да гости бранни!
 «И всякъ ли-то удалый добрый молодецъ поже-
 нится,
 «А не всякому удалу добру молодцу женидба
 удавется.»
 Да только Алешенька Поповичъ и женатъ бывалъ,
 Да поѣмъ тебѣ старинушку, славу поѣмъ.

Записано въ Кіевѣ, 4 іюля.

119.

СВЯТОГОРЬ И САДКО.

Святогоръ-то былъ богатырь
 И жилъ-то у Садка купца богатаго,
 И Садко-то вѣдь купецъ-то былъ богатня.
 Явилась у Святогора-то богатыря,
 Явилась сила-то великая,
 И прогѣворилъ ли Святогоръ это богатырь

И этому Садку богатому:
 «И я поѣду-то ко стольному ко граду ко Кіеву.»
 Да прогѣворилъ Садко купецъ богатыя:
 — Ай же Святогоръ да богатырь ты!
 — И вѣтъ у насъ послѣховъ богатырскіихъ. —
 И написалъ-то листъ Садко купецъ богатыя,
 Написалъ-то въ землю Сорочинскую;
 Выслали-то шляпу сорочинскую
 А тому ли Святогору-то богатырю,
 Вѣсомъ шляпониѣка-то сорока пудовъ.
 И облачае Святогоръ богатырь
 Своего ли онъ коня да богатырскаго,
 И выводятъ своего коня богатырскаго
 И на этотъ дворъ Садка купца богатаго;
 Надѣвае на коня уздичу тесмяную,
 Во уздичи новода были шелковыя,
 И тыхъ ли шелковъ, шелковъ розниихъ,
 Розниихъ шелковъ да шелковъ шемаханскіихъ;
 Кладывае на коня Святогоръ да вѣдь богатырь,
 Кладывае на коня да исподнички,
 И на исподнички да онъ войлочки,
 И на войлочки онъ сѣдѣлшико,
 А сѣдѣлшико онъ черкальское,
 И затягивае подпруги двѣнадцатеры,
 И завязывае свясточки семи шелковъ,
 Онъ не для красы, для ради крѣпости;
 Пряжечки во подпругахъ серебряны,
 Да штылечики въ подпругахъ-то золоченны;
 И во сапожкахъ Святогора-то богатыря
 Да шпорни-то были булатъ-жельзные.
 Да садился Святогоръ да богатырь
 Да на этого коня богатырскаго,
 Да со своими-то послѣхами богатырскими,
 Да со этой со палицей булатнею,
 Да со этимъ мечемъ да вѣдь со вострымъ,
 Да со этимъ со лукомъ со тутинъ,
 Во колчанѣ тамъ-то стрѣлочки каленны.
 И поѣхалъ-то Святогоръ-то вѣдь богатырь
 Отъ Садка купца-то вѣдь богатаго
 Да въ путь въ дороженку великую.
 Да прогѣворилъ ли Святогоръ да вѣдь богатырь:
 «Ай ты конь-то мой богатырскій ли!
 «И послужи-тео ты вѣрой правдой мнѣ.»
 Онъ прогѣворилъ-то конь богатырскій
 Голосомъ человѣческимъ:
 — Ай же Святогоръ да ты богатырь!
 — Когда съѣлъ ты на степь на лошадиную,
 — Да не жми-тео шпорами булатнима
 — Да меня-то подъ крутыя ребра,
 — Да не хлыщи-тео меня плѣточкой шолоковой
 — Да по этой-то по степи лошадиною,

— Не натягивай ты поводовъ шелковниихъ, —
 — И тогда могу служить вѣрой правдой тебе. —
 Да вѣдь ѣдетъ Святогоръ-то богатырь,
 ѣдетъ вѣдь путемъ дороженькой,
 Палицу булатною выкидываетъ изъ виду вонъ.
 Разъяренилъ-то свое сердце богатырское
 И прогѣворилъ-то Святогоръ тутъ богатырь:
 «Какъ бы было кольцо въ небѣ въ Божьемъ,
 «Да друго кольцо во сырой землѣ во матушки,
 «Поворотилъ бы я землю-то матушку,
 «Поворотилъ бы я краемъ къ верху ю.»
 Задремалъ ли Святогоръ да богатырь
 Да на этомъ кони сѣдючи богатырскомъ,
 И наѣхалъ-то ли сзади русской могучей богатырь,
 Ёнъ ударилъ-то копьемъ по плечамъ могучимъ,
 Енъ ударилъ-то концемъ да не востринимъ.
 Да прогѣворилъ ли Святогоръ да вѣдь богатырь,
 Да прогѣворилъ ли таково слово:
 «Какъ кусаютъ мухи русскія да дѣ-болыня.»
 И онъ другой разъ ударилъ по плечамъ могучимъ,
 А копьемъ да концемъ не востринимъ, —
 И взялъ онъ росправилъ свою руку богатырскую,
 Захватилъ-то русскаго могучаго богатыря,
 Посадилъ въ свой колчанъ богатырской-то,
 Да поѣхалъ ли путемъ да онъ дороженькой.
 Да конь богатырской у Святогора у богатыря
 Да идѣтъ дорожкой, потыкается,
 И прогѣворилъ-то конь и голосомъ человѣчьимъ:
 — Ай ты Святогоръ да богатырь!
 — Оттого я не могу нести двухъ богатырей,
 — И кладенъ у тебе да во свой колчанъ. —
 Онъ и вынулъ изъ колчана да богатыря
 И со этимъ конемъ да богатырскимъ,
 И прогѣворилъ ли Святогоръ да тутъ богатырь:
 «Да ты кто есть русской могучей богатырь?»
 Онъ прогѣворитъ ему таково слово:
 — Я богатырь отъ стольнаго отъ города отъ Кіева,
 — Да Самсонъ да и Самойловичъ. —
 Да прогѣворилъ ли Святогоръ тутъ богатырь:
 «Ай же ты Самсонъ да ты Самойловичъ!
 «По крестовому по братовству я большой братъ,
 «А ты будешь ли, Самсонъ да ты Самойловичъ,
 «Да ты будешь мнѣ меньшей братъ.»
 Розсержаютъ они своихъ коней богатырскіихъ,
 Розгоряется ихъ сердце богатырское.
 И во той пути широкой дороженьки
 Да свернулъ-то вѣдь Самсонъ да вѣдь Самойло-
 вичъ,
 Да свернулъ-то во праву руку въ дороженьку
 окольную.
 И приѣхалъ-то Святогоръ да богатырь

И ко этой ли ко щельи *) ко великин,
И вѣдъ вышелъ изъ коня да богатырскаго;
Розгорѣлось его сердце богатырское,
Оглянулся вѣдъ назадъ Святогоръ богатырь, —
А вѣдъ вѣтъ Самсона-то Самойловича.
Онъ поднялся на эту-то на щельгу на великую,
Каменьевъ видать своимъ руками богатырскими:
«Если поѣдетъ Самсонъ-то вѣдъ Самойловичъ,
«Я убью его камнями великими
«Со щельги со крутою.»
Да не могъ дожидать Святогоръ-то богатырь.
Да садился на коня своего да богатырскаго,
Онъ ѣдетъ ли путемъ дороженькой широкой,
Да идѣть-то вѣдъ два старца впереди его,
Да несутъ за плечами да по сумочкѣ.
И онъ коня-то богатырскаго понуживать,
Да не можетъ-то достать онъ старцевъ незнако-

мныхъ.
И остолпились эти старцы незнакомни,
Положили они сумочки да на сыру землю,
И проговорить тутъ старецъ едино слово:
— Ай же Святогоръ да ты богатырь!
— Опустись-ко ты со своего коня да богатырскаго
— Да на этую на матушку сыру землю,
— Да подписана на сумочкахъ,
— Да подписана все земляная тягота:
— Ты попробуй Святогоръ да ты богатырь
— Своей силы ты великою. —

И онъ захватилъ-то сумочку однимъ перстомъ,
Другой разъ захватилъ да вѣдъ одной рукой,
Да третей разъ-то Святогоръ да вѣдъ богатырь
Погребилъ онъ свою силу всю великую,
Не могъ придрннуть онъ сумочки-то старцевой,
Онъ утразнулъ во сыру землю по колѣночку.
Потерялись тутъ-то старцы незнакомни,
Да тутъ сѣлъ ли Святогоръ да вѣдъ богатырь,
Да онъ сѣлъ ли на своего коня да богатырскаго,
И уходилось ѣго сердце богатырское
А у этой да вѣдъ у сумочки.
Да поѣхалъ ли Святогоръ да богатырь
Да дороженькой поѣхалъ да широкой,
Попадаетъ-то на встрѣчу Самсонъ да вѣдъ Са-
мойловичъ;

Они поѣхали ко городу ко Киеву.
Лежить-то вѣдъ о путь о дороженьку
Да гробница тутъ да каменная,
Она обнята обручами да желѣзными.
Да проговорилъ ли тутъ Святогоръ да вѣдъ бо-
гатырь:

«Ай же ты Самсонъ да вѣдъ Самойловичъ!
«Розруби-тко ты саблей вострою
«Да вѣдъ эти обручи желѣзнии.»
Ѣвъ ударилъ ли Самсонъ да вѣдъ Самойловичъ
Да вѣдъ по этимъ обручамъ желѣзнымъ,
И отвалились эти обручи желѣзныи
И отъ этой отъ гробницы отъ каменной,
И отырылъ-то онъ доску-ту гробовую
И отъ этой отъ гробницы-то отъ каменной.
Да проговорилъ ли тутъ Самсонъ да вѣдъ Самай-
ловичъ:
— Ай ты большой братъ Святогоръ да богатырь!
— Да ты лягъ во эту во гробницу-то во каменну. —
Опустился Святогоръ да богатырь
Да на этую на матеръ на сыру землю,
Да прошли-то его слѣзы-то горючія,
А прошли-то они изъ аснѣхъ очей,
Ѣвъ и лѣгъ-то во гробницу вѣдъ во каменну,
Да сложилъ онъ свои руки богатырскіи
И на свои-то онъ да на бѣлыя груди,
На бѣлыя груди да богатырскіи.
Да тутъ принялъ себя Святогоръ да вѣдъ богатырь,
Принялъ себѣ тутъ онъ смерть великую.
Да тутъ Святогору да богатырю славу поѣмъ.

Записано въ Петербургѣ, 5 септѣбря.

120.

ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Да старѣй казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Онъ сидѣлъ ли тридцать лѣтъ на сѣдалищи,
Онъ не имѣлъ-то да ни рукъ ни ногъ.
Да пришло къ нему два старцы незнакомни.
Проговорить ему старецъ да едино слово:
«Ай же 'Илей возстань ты на свои рѣзвыя ноги,
«Дай-ко пива выпити яндому.»
Илей говорить-то старцю таково слово:
— Не имѣю я да вѣдъ ни рукъ ни ногъ,
— Сижу тридцать лѣтъ на сѣдалищи. —
Говорилъ старшій старецъ едино слово:
«Ай же 'Илей возстань ты на свои рѣзвыя ноги,
«Иди ты 'Илей къ водоносу ты,
«Налей пива яндому,
«Принеси ты яндому пнтѣ.»
Высталъ 'Илей на свои рѣзвыя ноги,
Пришелъ 'Илей къ водоносу-то

*) г. е. скала.

Яндо́му захвати́л пи́тя съ водоносу-то,
 Приноси́л-то старцу́ единому;
 Старецъ говори́тъ ему да ѿ таково слово:
 «Да пей-ко ты 'Илей да самъ яндо́му.»
 Выпи́л 'Илей пи́тя яндо́му,
 Почувствова́л въ себѣ силу да великую,
 Говори́л старецъ-то друго́ слово:
 «Ай же 'Илей дай же мнѣ пива́ выпить яндо́му.»
 Онъ пошолъ по мосту по дубовому.
 Закрычали баблн подь мостомъ бѣлодубовымъ,
 Загнулись-то тутъ мосты калиновы.
 Зачерпнулъ пи́тя 'Илей съ водоносу,
 Приноси́л старцу́ яндо́му пи́тя.
 Старецъ говори́тъ ему да ѿ таково слово:
 «Да пей-ко ты Илей да самъ яндо́му.»
 И выпилъ 'Илей дру́гу яндо́му,
 Услышала́ Илей въ себи силу великую.
 Проговори́тъ тутъ старецъ еще едино́ слово:
 «Ай же ты 'Илей дай-ко выпить яндо́му пи́тя.»
 Онъ какъ выпилъ 'Илей пива-то яндо́му,
 Онъ почувя́л въ себѣ 'Илей силу да великую.
 Говори́л друго́й старецъ таково слово:
 — Ай же ты 'Илей налей-ко мнѣ пива́ яндо́му.—
 Наливае́тъ 'Илей пива съ водоносу,
 А приноси́тъ старцу-то дру́гому,
 Проговори́лъ ли старецъ таково слово:
 — Если приказатъ тебѣ третьѣ пить яндо́му,
 — Не удержи́тъ тебѣ силы великия,
 — Не удержи́тъ тебѣ силы богатырскія. —
 Выпи́л-то старецъ вѣдь самъ яндо́му,
 И проговори́лъ старецъ да таково слово:
 — Ай же ты 'Илей, да ты справься-тко да ко городу,
 — Ко городу да ты ко Киеву,
 — Ко солнышку князю да ко Владими́ру.
 — И выйдешъ изъ своего ты посѣлія
 — Тутко о путь камень есть неподвижны,
 — На камня да подпи́сь есть подписана.—
 И ходитъ Илей покбѣмъ бѣлодубовымъ
 Да тымъ ли мостомъ да калиновымъ.
 Пришли его родители да рожденни,
 Пришли оны со роботы со крестьянской,
 Пришли его братія да родимыя,
 Да пришли его сестры да любимыя.
 Обрадовались его рожденни да родители,
 И съ радости родители опечалились:
 Тридцать лѣтъ сидѣлъ на сѣдалищи,
 Не имѣлъ-то онъ ни рукъ ни ногъ.
 Говоритъ 'Илей своимъ рожденнымъ родителямъ,
 Говоритъ 'Илей да таково слово:
 «Ай же вы мои родители рожденные!
 «Гди вы были на крестьянской на роботушкѣ?»

А ѿ же отвѣчали его рожденные родители:
 — Слава тебѣ Господи, тридцать лѣтъ сидѣлъ Илей
 да на сѣдалищи,
 — Не имѣлъ 'Илей вѣдь ни рукъ ни ногъ. —
 Спросилъ у рожденных родителей:
 «Ай же вы мои рожденные родители!
 «Гдѣ вы роботали крестьянскую роботушку?»
 Говорилъ ему родители да рожденные:
 — Ай же ты Илей, мы роботаемъ лугъ-пожню,
 — Чистимъ лугъ-пожню за три поприща отъ
 дому. —
 «Ай же ты родитель мой рожденны!
 «Сведи меня туда да на займище,
 «Укажите вы мнѣ мою роботушку.»
 Привелъ его родители да на займище:
 «Укажи мнѣ родители, по которыхъ мѣсть межа.»
 Захватилъ Илейко лѣсу кусту въ пасть,
 Отрубилъ лѣсом дремучин по корешку,
 Бросилъ на мѣсто на пристойное,
 Говорилъ родителю да таково слово:
 «Ай же ты мой-то родитель рожденны!
 «Полно ли тебѣ лугъ-пожню чистить.
 «Простите меня съ рожденного со мѣста.»
 Отправлялся 'Илей къ стольному городу ко Киеву.
 Пришолъ къ тому камени неподвижному,
 На камени была подпи́сь да подписано:
 — 'Илей, 'Илей, камень сопри съ мѣста неподвиж-
 наго,
 — Тамъ есть конь богатырскій тебѣ,
 — Со вѣми-то поспѣхамы да богатырскими;
 — Тамъ есть-то пшубка соболиная,
 — Тамъ есть-то плеточка шелкбвал,
 — Тамъ есть-то палица булатная. —
 Проговори́лъ Илей да таково слово:
 «Ай же ты конь богатырской!
 «Служи-тко ты вѣрою правдою мнѣ.»
 Конь-то проговори́лъ Илею таково слово:
 — Ай же ты 'Илей, старбй казакъ Илья Муромецъ,
 — Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
 — Ты мѡшь ли владать конемъ богатырскимъ?—
 Онъ садился старбй казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 На этого коня на богатырскаго,
 А со этыма поспѣхамы богатырскими;
 Садился тотъ старбй казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.
 Проговори́лъ конь голосомъ челоуѣчинимъ:
 — Ай же старбй казакъ Илья Муромецъ,
 — Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
 — Знай ты мною управлять, дакъ тебѣ Господь
 коня да богатырскаго,

— Послалъ Господь ангеловъ милослѣвннхъ
 — На твое рожденое на мѣсто;
 — Далъ тебѣ Господь рудѣ-нозѣ;
 — Не написано теби, старой казакъ Илья Муромецъ,

— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 — Не написана тебѣ смерть на убойщи. —
 И поѣхалъ ли старой казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 Путемъ ли-то дороженкой-то широкой.
 Конь-то вѣдь мелкій-то рѣчки перешакивалъ,
 Глубоки озерѣ перескакивалъ.
 И онъ-то старой казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 И коня-то онъ понуживаетъ,
 И плеточкой шелковой дотрогиваетъ,
 Палицей булатнею старой казакъ Илья Муромецъ
 Онъ поигрываетъ,
 Палицу булатную онъ кидываетъ изъ виду вонъ:
 Палицѣ булатней сорокъ-то пудовъ.
 Онъ-то ѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ,
 И пришло на путь ему три розстанн;
 На розстаняхъ-то было тутъ написано:
 Въ лѣву руку-то ѣхать — богату быть,
 Прямо ѣхать — убитому быть,
 Въ правую руку ѣхать — женатому быть.
 И раздумался старой казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
 Мнѣ не надо-то на старость да богатиться,
 Мнѣ не надо-то на старость да жениться,
 Мнѣ надо на старость туды-то ѣхать гдѣ убиту
 быть.

И поѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ
 Прямо въ путь дороженку во широку,
 И вдругъ наѣхалъ на четыреста разбойниковъ.
 Всѣ-то разбойники спать улеглись,
 Один-отъ разбойникъ показиваетъ,
 Показиваетъ, покраулииваетъ.
 Проговорилъ разбойникъ таково слово:
 «Ай же ты старой казакъ Илья Муромецъ!
 «Отдай-ко ты намъ коня богатырскаго, —
 «Да волею отдашь, да мы волею возьмемъ,
 «А волею не отдашь, такъ мы неволею.
 «Ай же старой казакъ Илья Муромецъ!
 «Отдай-ко ты палицу булатную, —
 «Да волею отдашь, да мы волею возьмемъ,
 «А волею не отдашь, такъ мы неволею.
 «Отдай-ко ты старой казакъ Илья Муромецъ,
 «Отдай-ко ты плеточку шелкову, —
 «Ты волею отдашь, да мы волею возьмемъ,
 «И волей не отдашь, такъ мы неволею.

«Ай ты старой казакъ Илья Муромецъ!
 «Отдай-ко ты шубку соболнную, —
 «Ты волею отдашь, да мы волею возьмемъ,
 «Волей не отдашь, такъ мы неволею.»
 Проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:
 — Да мнѣ на старость надо шубка погрѣваться,
 — Мнѣ на старость надо конь богатырскаго,
 — Мнѣ стару казаку надо палица поигрывать,
 — Плетка шелковая надо коня понуживать. —
 И розгорѣлись его жилы богатырскаго,
 Розгорѣлись его рупы бѣлыя,
 Умертвилъ Илей-то всѣхъ четыреста разбойнич-
 ковъ,
 Этого единаго разбойничка привязалъ ко стре-
 мечу булатному,
 Привязалъ къ этому ко тороку коннному.
 И мелки рѣчки конь перешакивалъ,
 И глубоки рѣчки конь перескакивалъ;
 Плеточкой шелковой тутъ старой казакъ Илья
 Муромецъ,

Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 Плеточкой коня богатырскаго понуживаетъ,
 Палицей булатнею старой казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 Палицей булатнею поигрываетъ,
 Палицу булатную выкидываетъ изъ виду вонъ:
 Палица-то булатная сорока пудовъ.
 Онъ прѣхалъ ли старой казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 И прѣхалъ ли ко городу ко Брякову,
 Ко городу ли прѣхалъ ко Брякову,
 И къ этому Одолицу поганому.
 Заѣхалъ на дворъ богатырскаго
 И много множество татаръ тутъ поганыхъ
 Умертвилъ старой казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 Умертвилъ-то всѣхъ татаръ да вѣдь поганыхъ
 И этой палицей булатнею,
 А й булатнею, мечемъ богатырскимъ.
 Привязалъ своего коня богатырскаго
 Ко этому столбу ко точеному,
 Ко этому кольцу ко золоченому.
 Шоль-то къ Одолицу поганому
 Во эти покои бѣлодубовы.
 Сидитъ тутъ Одолице поганое
 И въ этой онъ покои бѣлодубовой:
 Голова-то у него пивной котель,
 Глаза-то у него пивны чаши
 И между глазами у Одолица поганого пядень.
 То спросить Одолице поганое:
 «Ай же ты крестьянскаго сынъ!

«Есть на Руси старой казакъ Илья Муромецъ,
 «Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
 «Онъ великъ ли-то ростомъ есть?»
 Прогбворить крестьянской сынъ,
 Прогбворить ему таково слово:
 — Е на Руси старой казакъ Илья Муромецъ,
 — Е онъ росту такой какъ я. —
 «И много ли онъ хлѣба соли къ выти кушаетъ?»
 — Онъ кушаетъ крестьянской сынъ,
 — Старой казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивано-
 вичъ,
 — По три фунта хлѣба ѣсть,
 — И мяса ѣсть по три фунта,
 — И пиво пьеть по пивной по чашѣ. —
 Отвѣчаетъ тутъ Одолище поганое:
 «Ой же ты крестьяншице сынъ!
 «Какой же есть-то русскій могучой богатырь?
 «Какъ есть-то я богатырь, —
 «Ѣмъ-то я хлѣба по пѣчи,
 «Мяса ѣмъ я по стагу
 «И пива пью по три ядомы.»
 Прогбворилъ ли тутъ крестьянской-то сынъ,
 Прогбворилъ Одолищу поганому:
 — У моего родителя у батюшка
 — Была на дворѣ корова да обжориста,
 — Ъла да пила — ю розорвало. —
 Одолище поганое розгорѣлось его сердце бога-
 тырское
 И взялъ съ гвоздя ножичко кинжалнищо,
 Бросило въ сына крестьянскаго.
 И въ емъ была въ крестьянскомъ сынѣ,
 Въ старомъ казакѣ Ильѣ Муромцѣ,
 Ухватка была богатырская,
 Острилился отъ этого ножика кинжализца,
 Пролетѣлъ же этотъ ножичъ кинжализцо
 Во эти сѣни во рѣшетчаты.
 Онъ вышелъ ли старой казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 И отъ этого Одолища погананаго
 А съ этихъ сѣней да со рѣшетчатыхъ
 На широкъ дворъ ко своему ли коню да къ бо-
 гатырскому,
 Увеселилось ёго сердце богатырское:
 Очистилъ-де старой казакъ Илья Муромецъ
 Путь дороженьку да широку
 Ко этому ко городу ко Киеву,
 Ко тому ли солнышку ко князю ко Владиміру.
 И тутка старой казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 Онъ по городу Крякову погуливаетъ,
 Онъ погуливае а ѣ похаживае,

Самъ думу крѣпку подумывае:
 — Надо бы ѣхать отъ города отъ Крякова
 — И надо бы ѣхать въ руку во правую, —
 — Въ лѣвую руку ѣхать ко Соловью Рахманову. —
 Садился старой казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 На того ли коня на богатырскаго
 Отъ этого ли Одолища погананаго,
 Отъ этого ли отъ города Крякова;
 Привязалъ ли это Одолище поганое
 Старой казакъ Илья Муромецъ
 Къ этому ко стремяни булатному
 А ко этому ко тороку конному,
 И конь мелкѣн переброды перешахивалъ,
 Глубокѣи рѣки перескакивалъ,
 Мхи и озера на обѣмъ-то держалъ.
 Ыдетъ ли путѣмъ ли-то дороженькой широкой
 Ко этому ли Соловью Рахманову;
 И этотъ ли Соловей Рахмановъ,
 Явный розбойничъ по бѣлу свѣту,
 Имѣе онъ жительство на двѣнадцати дубахъ,
 Не пропускаетъ онъ къ соби ни коннаго,
 Ни коннаго онъ ни пѣшаго.
 Онъ ѣдетъ старой казакъ Илья Муромецъ,
 Палицей булатнею поигрывать
 И палицу булатною выкидаетъ изъ виду вонъ,
 И палица булатная сорока пудовъ;
 Плеткою коня да вѣдъ шелковою попуживать.
 Приѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 Ко этому же полю ко великому,
 Ко этому ко полю ко чистому.
 Ызди Соловей Рахмановъ на богатырскомъ конѣ
 И палицей булатнею поигрываетъ,
 И палицу булатную выкидаетъ изъ виду вонъ.
 Устрашился же у старѣ казака Ильи Муромца,
 Устрашился конь да богатырскѣи
 Этого Соловья Рахманова.
 Онъ свистнулъ тутъ по змѣиному,
 Крикнулъ онъ по звѣриному,
 Сѣ рта пламя у него помѣхиваетъ,
 Съ носу искры у него попрядывають.
 Устрашился у старѣ казака Илья Муромецъ
 Этого крику да звѣринаго,
 Этого свисту да змѣинаго,
 Его конь да богатырскѣи,
 Палъ ли конь его богатырскѣи на сыру землю,
 Палъ ли конь да на когѣна.
 Прогбворить старой казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
 — Ай же волчьа ситъ, целовой мѣшокъ!

— Ты что же утрашился кряку звѣринаго,
 — Утрашился ты свисту звѣннаго?
 — Послужи-тео вѣрой правдой мнѣ. —
 Они съѣхались на поля на чистоёмъ
 Старой казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 Со этими Соловьемъ со Рахмановымъ,
 И сбилъ ли старой казакъ Илья Муромецъ
 Этого Соловья Рахманова
 Со сѣдельника черкаскаго,
 Со этого коня да богатырскаго,
 Со этой палицей со булатнею,
 Съ этими поспѣхами богатырскими.
 Его розгорѣлось сердце богатырское,
 Вышелъ со своего добра-то коня,
 Отвязалъ-то вѣдь онъ того да розбойника
 Отъ своего онъ стремени булатнаго,
 Отъ этого торока коннаго,
 Еще тутъ старой казакъ Илья Муромецъ
 Отвязалъ онъ того Одолица поганнаго
 Отъ этого торока коннаго,
 Отъ этого стремени булатнаго,
 Привязалъ онъ Соловья Рахманова
 И ко этому ко стремени булатному,
 И ко этому тороку конному.
 Поѣхалъ со поля тутъ со чистаго
 Старой казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 А со этими со Соловьемъ Рахмановымъ,
 И ко этой полати богатырскойей.
 Сидятъ въ покои богатырскойей,
 Сидятъ три дочери рождення,
 Сидятъ три зятя любимые.
 Большая дочь поговариваетъ:
 «Нашъ-то батюшка ѣдетъ со чиста поля,
 «И русскаго могучаго богатыря везетъ у стре-
 мени булатнаго
 «И у этого торока коннаго.»
 Средняя дочь проговоритъ таково слово:
 — Правду говоришь моя сестра родная!
 — ѣдетъ родитель батюшко,
 — Везетъ русскаго могучаго богатыря
 — У этого у торока коннаго,
 — У этого у стремени булатнаго. —
 Маленькая сестра говоритъ таково слово:
 «Ай же вы сестры мои родныя!
 «Русскій могучій богатырь ѣдетъ,
 «Везетъ нашего родителя батюшку
 «У этого у торока коннаго,
 «У этого у стремени булатнаго.»
 Приѣхалъ ли старой казакъ Илья Муромецъ

Ко этой ли полати богатырскойей,
 Розгорѣлось его сердце богатырское.
 Поднята у этихъ у дочерей подворотня чугунная,
 Вѣхатъ бы туда русскому могучу богатырю
 На широкъ туды ему на бѣлой дворъ,
 Чтобы умертвить его подворотней чугунною.
 Какъ была-то у него ухватка богатырская,
 Узналъ онъ ихъ намѣры думини,
 Что хочють они умертвити
 Русскаго могучаго богатыря, —
 Осадилъ своего коня да богатырскаго
 Своей назадъ уздой тесмяною, —
 Спустили подворотню-ту чугунную;
 Какъ была у него ухватка богатырская
 Въ старомъ казакѣ Ильѣ Муромцѣ,
 Ильѣ Муромцѣ сыну Ивановичу,
 Ухватка была крестьянская,
 Онъ вѣхалъ къ нимъ на широкой дворъ,
 Привязалъ своего коня богатырскаго
 Ко этому столбу ко точеному,
 Ко этому кольцу къ золоченому,
 Умертвилъ онъ его дочерей рожденныхъ
 И въ этомъ покои бѣлодубовомъ
 Умертвилъ онъ и родныхъ зятовей,
 Отрубилъ имъ буйны головы
 Этими мечемъ богатырскимиъ.
 Онъ здрадовался старой казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
 — И я очистилъ дорогу ко городу ко Киеву,
 — Ко солнышку князю да ко Владимиру. —
 Приѣхалъ-то въ городъ во Черниговъ,
 Входитъ-то онъ въ церковь въ Божій храмъ,
 Крест-отъ кладетъ по писаному,
 Поклон-отъ ведеть по учёному,
 Иконамъ верукотвореннымъ покланяется:
 — Не исполнилъ старой казакъ Илья Муромецъ
 — Заповѣди я той да Божией,
 — Надо бы служить Господу Богу во храмѣ мо-
 лебенъ:
 — Окровавлены руки да во человѣчью кровь. —
 Онъ поѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ,
 Онъ поѣхалъ ко городу ко Киеву,
 Ко тому ль князю ко солнышку,
 Ко солнышку князю ко Владимиру.
 Приѣзжаетъ онъ старой казакъ Илья Муромецъ,
 Отворяетъ онъ ворота да на пята,
 Приѣзжаетъ онъ на княжий дворъ,
 Привязалъ коня да богатырскаго,
 Приходитъ въ полати грядовитныя,
 Крестъ-то кладетъ по писаному,
 Да поклонъ ведеть по учёному,

И на двѣ на три на четыре стороны поклоняется,
И солнышку князю да вѣдь Владиміру
Онъ-то дѣлаеть поклонъ да вѣдь въ особину:
«Ай же ты старой казакъ Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
«А второй ты ѣхалъ да дороженькой?»
Отвѣчалъ ли старой казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
— А ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
— А я ѣхалъ ли по городу по Кривову,
— И я ѣхалъ ли по Сбловью Рахманову,
— И очистилъ вси пути дорожки шіроки
— И во всѣй ли-то земли святорусскою. —

Записано въ Кяхтѣ, 5 іюля,
повѣрено въ Петербургѣ, 8 сентября.

121.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

(См. Рыбникова, т. I, 22).

Во стольномъ во городи во Кіевѣ,
У ласкова у князя у Владиміра,
Заводилось пированьице почестенъ пиръ,
На многихъ на князей на бѣяровъ,
А на русскіихъ могучіихъ богатырей,
А на всѣхъ на поляницъ на удалыхъ.
Солнышко Владиміръ князь стольнѣ-кѣвской
Онъ похвастаѣ а вѣдь городомъ,
А вѣдь городомъ а вѣдь Кіевомъ;
Русскіи могучіи богатыри
А похвастали-то они силою,
А силою своею богатырскою;
И гости купцы тутъ торговли
А похвастались они тутъ товарами,
А тѣма ли товарами заморскими,
А кунницами лисницами а черными соболями за-
морскими.
И умной похвастаѣеть отцемъ матерью,
А безумный похваляется молодой женой.
Добрынюшка похвасталъ добрымъ конемъ,
Олеша Поповичъ онъ похвасталъ золотой казной.
Есть ли у молодца золота казна,
Золота казна да не тощится,
Малы денежки да не держатся.
Вси русскіи могучіи богатыри
Да вси поляници удалми

Да вси со двора расходились
По своимъ ли-то полатамъ богатырскимъ.
Середи-то почельнѣ темни
Вдругъ-то заблю въ бѣло колокольчато
На томъ ли дворѣ на княженецкомъ
У солнышка князя у Владиміра;
Пришолъ татаринъ поганни,
Ѣрмѣтъ на столъ выкладывалъ
Солнышку князю Владиміру,
На тотъ ли столъ на дубови
А на ту доску золоченую,
И самъ-то на словахъ выговаривалъ:
«Ай же солнышко Владиміръ князь,
«Владиміръ князь стольнѣ-кѣвской!
«Прибери-тко вси дворъ да княженецкія,
«Очисти-тко вси полати богатырскіи,
«Очисти-тко ты улци стрѣлецкіи
«Вѣѣхати Канну (такъ) собакъ да поганой
«Во стольнѣи градъ да во Кіевъ.»
Испугалса солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской
Отъ Канны собаки отъ поганого,
Отъ силы его да вѣдь великоюй,
Послалъ звать русскіихъ могучіихъ богатыревъ,
Старого казака Илью Муромца.
Вси пришли русскіи могучіи богатыри,
Вси пришли поляници тутъ удалми,
Нѣтъ одного старъ казака,
А старъ казака Илья Муромца,
Илья Муромца сына Ивановича.
Да прогѣворить тутъ солнышко Владиміръ князь,
А Владиміръ князь стольнѣ-кѣвской:
— А й гдѣ же старой казакъ Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ? —
Привели старого казака Илью Муромца.
Онъ крестъ владеть по писаному,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Поклон-отъ ведеть по учѣному,
На двѣ на три на четыре стороны поклоняется
И солнышку князю Владиміру въ особину.
Да прогѣворить солнышко Владиміръ князь,
А Владиміръ князь стольнѣ-кѣвской:
— Ай же ты старой казакъ Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
— Какъ есть ли кому стоять за Кіевъ градъ,
— За своѣ ли рѣдноѣ отечество,
— За тую ль вѣру христіанскую? —
Да прогѣворить старой казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
«Ты солнышко Владиміръ князь стольнѣ-кѣвской!
«Дай-ко ты мнѣ времени и побѣдохнуть,
«Не на много не на мало на двѣнадцать дней.»

Они съѣхали русскіи могучіи богатыри
 Отъ этого двора княженецкаго,
 Отъ солнышка князя Владиміра,
 Поѣхали ко полю да ко чистому,
 Роздёрнули шатры да бѣлши,
 Насыпали конямъ шёнѣ бѣлояровой,
 Да вси кони стоятъ да вси шёнѣ ѣдятъ.
 Пришолъ ли тутъ младой Ермакъ Тимофеевъ сынъ
 А ко солнышку ко князю ко Владиміру
 Да на шірокъ дворъ на почестенъ пиръ,
 Да онъ крестъ владеть по писаному,
 Поклонъ ведеть по учёному,
 И на двѣ на три на четыре стороны поклоняется:
 — Ты солнышко Владиміръ князь стольнѣ-кѣв-
 ской!

— Ты дай-ко мнѣ прощеньицо,
 — Дай-ко ты мнѣ благословеньицо
 — Да поѣхать ко этимъ татарамъ ко поганнимъ
 — Да на это ли на поле да на чистое.
 — Надо намъ тамъ биться да ратиться,
 — Да стоять ли-то за стольный Кіевъ градъ,
 — За свое ли за рѣдное отечество,
 — За тую ли вѣру христіанскую. —
 Прогворилъ тутъ солнышко Владиміръ князь,
 Владиміръ князь стольнѣ-кѣвской:

«Ай же ты младый Ермакъ Тимофеевичъ!
 «Ты есть-то вьюношъ, отъ роду тебѣ вѣдъ семь-
 надцать лѣтъ.»
 Да прогворилъ ли младый Ермакъ Тимофеевъ
 сынъ:

— Солнышко Владиміръ князь,
 — Владиміръ князь стольнѣ-кѣвской!
 — Да ты дашь ли прощеньице поѣду,
 — А не дашь ли благословенья поѣду. —
 «Ай же ты младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ!
 «Да гдѣ же твой рѣдной батюшко?»
 Прогворилъ младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ:
 — Солнышко Владиміръ князь,
 — Владиміръ князь стольнѣ-кѣвской!
 — Мой-то родной батюшко ушолъ къ Герману
 Сергію,

— Въ старци ушолъ постригатися,
 — А я поѣду ко татарамъ ко поганнимъ,
 — Надо мнѣ тамъ биться ратиться,
 — А стоять-то за стольный Кіевъ градъ,
 — За свое ли за рѣдное отечество. —
 И поѣхалъ ли-то Ермакъ Тимофеевъ сынъ,
 Садился да на коня богатырскаго,
 А со этимъ послѣхами богатырскими,
 И плѣточкой-то коня полуживаётъ
 И палицей булатнею поигрываетъ,

А палицу булатною выкидываетъ,
 И палицу выкидываетъ подъ облаки,
 А палица булатная сорока пудовъ.
 Онъ выѣхалъ младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ,
 Ко этимъ шатрамъ ко бѣлшимъ.
 Прогворить старой казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
 «Ты встань-ко младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ,
 «Во дубъ тотъ встань во шірокой
 «И посмотри ты на поле на чистое:
 «Много ль нагнано у Калина у собаки у поганья
 «Много ль нагнано татаръ да поганнихъ?»
 И много множество у Калина у собаки у поганья,
 А прѣхалъ-то Калинъ собака да поганая
 Ко той ко рѣкѣ ко Смородинѣ,
 Ко тому ли дубу ко шіроку,
 Ко тому ли каменю къ Олатиру,
 И привелъ сорокъ царей, сорокъ царевичей,
 И сорокъ королей королевичей;
 У царей силы по цѣлой есть по тысяцѣ,
 А у королей по десяти тысячъ.
 Ко той ли-то рѣкѣ-то Смородинѣ,
 Ко тому ли ко дубу ко шіроку,
 Ко тому ли ко каменю къ Олатиру
 Высталъ младъ Ермакъ Тимофеевъ сынъ
 Во дубъ ли онъ да во шірокой,
 Посмотрѣлъ-то онъ во трубку во подзорную,
 Какъ нагнано у Калина у собаки у поганья
 Да ко той ли рѣкѣ ко Смородинѣ
 Много множество татаръ да поганнихъ,
 Вѣдъ сѣрому-то волку въ день-то не обскавать,
 Чѣрному ворону въ день не облетѣть.
 Онъ вышелъ младъ Ермакъ Тимофеевъ сынъ
 Со этого со дуба да со шірока
 Да на эту на матеръ на сырѣю землю,
 Прогворить русскимъ могучимъ богатырямъ:
 — Русскіе вы могучіе богатыри,
 — Ай же вы поляницы да удалыи!
 — Не честь е вамъ — конямъ богатырскимъ
 — Въ шатрахъ да бѣлодубовыхъ
 — А вѣсть-то имъ шёнѣ да бѣлоярову. —
 Какъ садился младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ
 На этого коня да богатырскаго,
 Поѣхалъ ли на это ли на поле да на чистое
 Ко этимъ ли татарамъ ко поганнимъ.
 И всталъ ли старой казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 Онъ всталъ ли въ тотъ шірокъ дубъ,
 Посмотрѣлъ ли онъ на поле на чистое,
 Посмотрѣлъ во-трубку подзорную,
 Какъ вѣдъ сѣрому-то волку въ день-то не обскавать,

Чёрному ворону въ день не облетѣть,
Только нагнано татаръ поганыхъ.
И опустился старобъ казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
А со этого со дубу да й со широка
И на этую на матеръ на сырую землю,
А какъ садился на коня богатырскаго,
И плеточкой-то коня понуживаетъ,
И палицей булатнею поигрываетъ,
Палицу булатную выкидываетъ,
Онъ палицу булатную подъ облака,
А палица вѣсу сорока пудовъ.
Онъ вѣхалъ во поле во чистое
А ко этимъ татарамъ ко поганымъ,
Начали они рубить татаръ да поганыхъ
Да со младымъ Ермакомъ Тимофеевымъ,
Прирубили они всѣхъ татаръ да поганыхъ
На этоемъ на поли да на чистоемъ,
У этой у рѣки да у Смородины,
У того ли дуба у широка,
У того ль у камня у Олатыря;
Прирубили они всѣхъ татаръ поганыхъ,
Розгорѣлися сердца богатырскія,
Росходились жили богатырскія.
А подумалъ ли старобъ казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
Какъ была бы сила небесная,
Прирубили бы мы силу всю небесную;
И проговорилъ да старобъ казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Онъ проговорилъ себи да таково слово:
«Какъ явилась бы тутъ сила небесная,
«Прирубили бы мы силу всю небесную!»
Розрубать татарина одного,
А сдѣлается съ одина два;
А розрубать и по двухъ татаръ да поганыхъ,
А сдѣлается съ двухъ да четыре.
Рубили тутъ всё татаръ да поганыхъ,
Да пересѣлся-то старобъ казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Отъ этихъ татаръ да отъ поганыхъ,
Окаменѣлъ его конь да богатырскон,
И сдѣлался мощи да святыи
Да со старѣ казака Ильи Муромца,
Ильи Муромца сына Ивановича *).

Записано въ Кяхтѣ, 6 июля.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

Да во стольнобѣ во городи во Києвѣ,
И у ласкова князя у Владиміра,
И вси были богатыри позазваны,
Поляницы удалы да й пособраны,
Да вси на пиру сыты пьяны веселы.
Да проговорилъ тутъ солнышко Владиміръ князь:
«А вси богатыри сыты пьяны веселы,
«Я могу нунъ похвастать городомъ,
«Да городомъ да Києвомъ.»
Да проговорятъ богатыри таково слово:
— Мы можемъ похвастать силой своею да богатырскою. —
Да сидитъ-то младыи Добрынюшка Никитиничъ:
«Да ты солнышко Владиміръ стольнѣ-киевской!
«Я служу у тебя во дворѣ да княженецкоемъ,
«Да спусти меня съѣздить по городу,
«Да по городу да по Києву,
«Да по этимъ по узкимъ переулочкамъ.»
Да проговорятъ тутъ русскіи могучи богатыри:
— Ай же ты младый-то Добрынюшка Никитиничъ!
— Поѣзжай-ко ко подворьнику ко вдовиному,
— Да проси-тко ты у честно-мужней вдовы Офимьи Александровны,
— Да ты проси-тко прощеньица,
— Да проси-тко ты благословеньица,
— И ѣхать-то по городу,
— А по городу вѣдь по Києву,
— Да по этимъ по узкимъ переулочкамъ. —
Да проговоритъ честно-мужняя вдова Офимья Александровна:
«Ай же ты молодой-то Добрынюшка Никитиничъ!
«Ты поѣдешь-то по городу по Києву,
«По этимъ по узкимъ переулочкамъ,
«Только не заѣдь въ татарскую во улицу,
«Въ Маринкину еще да во слободу:
«Она убила трѣхъ-то русскіихъ могучихъ богатырѣвъ,
«И убьетъ-то четвертаго русскаго могучаго богатыря.»
Енъ поѣхалъ ли младый-то Добрынюшка
Да со этими поспѣхами богатырскими,
Да со этой со саблей да со востроёй,

*) На вопросъ о томъ, откуда ему извѣстно о такой кончѣ Ильи Муромца, Щеголенокъ отвѣчалъ, что это извѣстно изъ Прѣлога, и прибавилъ, что нѣкогда раскольники вышрав-

ляли въ Києвѣ доѣранныхъ людей разузнать, какъ сложены персты въ мощахъ Ильи Муромца; эти люди, воротившись, рассказывали, что персты у него раставуши, такъ что не видно, какъ онъ слагалъ персты при крестномъ знаменіи.

Енъ поѣхалъ ли по городу по Киеву,
 Да по этнимъ по частымъ переулочкамъ,
 Онъ заѣхалъ ли въ татарскую улицу.
 Да тамъ въ татарской да вѣдь во улицы
 И пискъ да иберезгъ великъ идетъ,
 И розгорѣлись-то его жили богатырскіи
 Да во этнихъ во рудѣхъ да во бѣлнихъ,
 Прирубилъ всѣхъ татаръ да поганыхъ.
 И онъ-то ѣхалъ ли въ Маринкину во слободу,
 Да пріѣхалъ ли къ полатки полотняной
 И опустился со коня да богатырскаго,
 И отворяе ворота да онъ-то на пату
 Да въ эту полатку полотняную,
 И тамъ сидитъ Маринка со татариниомъ
 И со татариниомъ да со поганымъ,
 Да со этнимъ Одолицомъ поганымъ,
 Да со этнимъ Горюнищомъ поганымъ.
 Своима она рѣзвыма ногами татарина охватываетъ,

Да татарина Горюнища поганого
 Руками его бѣлыми татарина обнимаетъ,
 Да татарина Горюнища поганого
 И ко бѣлымъ грудямъ да прижимаетъ,
 И цѣлуетъ-то устами своими да сахарными
 Да этого татарина Горюнища поганого,
 Да вѣдь этого Одолица поганого,
 Енъ прогворилъ ли младій тутъ Добрынюшка:
 — Ай же ты Маринушка, идѣшь ли за меня замужь? —

Ена говорила таково слово:
 «И только иду за младяго Добрынюшку Никитица,
 «Да за русскаго могучаго богатыря.»

Енъ прогворилъ тутъ младіи Добрынюшка Никитицець:
 — Ай же ты Маринушка, тутъ а это есть,
 — Да намъ нужно повѣнчаться съ тобой около кустышка,
 — Да во чистомъ поли около кустышка ракитоваго. —

Да обвелъ ли тутъ младій Добрынюшка Никитицичъ

Околъ кустышка ракитова тріи разу,
 Енъ прогворилъ ли тутъ да таково слово:
 — Ай же ты Маринушка жена моя! —
 И вынялъ съ ножней да саблю вострую
 Да съ того ли темляка богатырскаго,
 Отрубилъ ли ей рѣзвы ноженки,
 Рѣзвы ноженки по колѣночку,
 И самъ говорилъ таково слово:
 — Я за то те отрубилъ да рѣзвы ноженки:
 — Когда ты сидѣла въ полатки полотняной

— Да со этымъ Одолицомъ поганымъ,
 — Да со этымъ Горюнищомъ поганымъ,
 — Ты охватывала своими ногами рѣзвыма. —
 Переверне саблю востру на другу сторону,
 Отрубилъ-то ей да руки бѣлыми,
 Руки бѣлыми да по локоточки:
 — Я за то те отрубилъ да руки бѣлыми:
 — Когда ты сидѣла-то съ Одолицомъ поганымъ
 — Въ этой полатки полотняной,
 — Прижимала ты руками да вѣдь бѣлыми
 — Ко своей ли ты во бѣлой груди. —
 И отрубилъ онъ у ней буйну голову,
 Да прогворилъ тутъ младій да Добрынюшка:
 — Оттого я отрубилъ у тебя буйну голову:
 — Когда-то ты сидѣла въ полатки полотняной
 — Да съ этнимъ Одолицомъ поганымъ,
 — Съ этнимъ Горюнищомъ поганымъ,
 — Цѣловала ты устами да сахарными
 — И этого Одолица поганого,
 — И этого Горюнища поганого,
 — И за то отрубилъ у тебя буйну голову,
 — Чтобы больше не цѣловала Одолица поганого. —
 Онъ съѣхалъ ли назадъ во стольней Киевъ градъ
 Къ честно-мужней вдовы Офимѣ Александровной.
 Да прогворить тутъ честно-мужная вдова Офимья Александровна:

«Да что же ты, младій Добрынюшка,
 «Долго ѣздилъ ты по городу,
 «Долго ѣздилъ-то по Киеву,
 «По этнимъ по узкимъ переулочкамъ?»
 — Честно-мужная вдова да ты Офимья Александровна!

— Я былъ ли во улицы татарской
 — Да всихъ прирубилъ тамъ татаръ я поганыхъ,
 — И былъ въ Маринкиной я слободы,
 — Повѣнчался съ ней около кустышка ракитова,
 — И отрубилъ ей ножки по колѣночку,
 — И отрубилъ руки бѣлы по локоточку,
 — И отрубилъ ей буйну голову:
 — За то я отрубилъ, что сидѣла въ полатки полотняной

— Да съ этнимъ Одолицомъ поганымъ,
 — Да съ этнимъ Горюнищомъ поганымъ,
 — Захватывала его ногами рѣзвыма,
 — И обнимала его руками бѣлыми,
 — Цѣловала-то устами да сахарными
 — Да вѣдь этого Горюнища поганого. —
 Да тутъ ли старинушка славу поемъ.

Записано въ Петербургѣ, 10 сентября.

123.

ДОВРЫНЯ И ЗМЪЙ.

Какъ во стольномъ во городѣ во Киевѣ,
 При ласкови князи при Владиміри,
 Были русскіи могучіи богатыри,
 Тыи поляницы были удалми.
 Да проговорилъ Добрыня таково слово,
 Таково слово Добрынюшка великое:
 «Ай вы русскіи могучіи богатыри,
 «Ай же вы поляницы вси удалми!
 «У насъ нынече то время начинается,
 «И время начинается среди лѣта.
 «Среди-то лѣта было краснаго
 «Захотилось Добрынюшеѣ Никитичу
 «Окупать свое тѣло да богатырское,
 «Ѣхать ли ко тоей да ко рѣченки
 «А ко рѣченки а ко Почаевой.»
 Приѣхалъ ли Добрынюшка Никитиничъ
 Къ честно-мужней ли вдови Офимѣ Александровной

И проговорилъ Добрыня таково слово:
 «Честно-мужняя ты вдова Офимья Александровна!
 «Захотѣлось мнѣ-ка ѣхать-то ко рѣченки
 «И ко этой-то ко рѣченкѣ ко Почаевой
 «Окупать-то свое тѣло да нагое,
 «Тѣло нагое богатырское.»
 И проговорить Офимья Александровна:
 — Ай же дитятко мое роженое!
 — Безъ родителя ты росъ да безъ желаннаго
 — И росъ ты со родителю со матушкой.
 — Да куды ты справляешься Добрынюшко,
 — Да куды ты отправляешься въ широкой путь?—
 Онъ проговорилъ Добрыня таково слово:
 «Честно-мужняя вдова ты Офимья Александровна!
 «Ми ^{desire} хвота-то поѣхать ко рѣченкѣ
 «И ко этой-то ко рѣченкѣ ко Почаевой
 «Покупать-то своё тѣло нагое,
 «Тѣло нагое богатырское.»
 Она проговорить ему да ѣ таково слово:
 — Ай ты чадо мое да ты роженое!
 — Эта рѣченка была да вѣдъ Почаева —
 — Поперекъ-то рѣки верста мѣрная
 — И глубиной-то рѣва сорока сажень.
 И ставаетъ-то Добрынюшка на ноженки
 И ставаетъ-то на рѣзвыи
 И надѣваетъ босавички на босую ногу,
 Надѣваетъ онъ одежду богатырскую,
 Богатырскую одежду самолѣскую;
 Надѣваетъ-то онъ шляпонку на головушку

И выходить-то Добрынюшка со сѣнцей,
 И со сѣнцей выходить со рѣшетчатыхъ,
 И приходи Добрынюшка въ конюшню бѣлодубову,
 И отворяе ворота да онъ на пату,
 Да беретъ-то жеребчика неѣзжаного,
 А неѣзжана жеребчика не сѣдланого.
 Надѣваетъ тутъ Добрынюшка уздицу на головушку,
 На головушку да на буйную,
 И уздица была та вѣдъ семи шелковъ,
 Поводъ-то онъ былъ онъ сѣребромъ злоченъ
 Сѣребромъ злоченъ да сѣбчимъ (такъ).
 Да выводитъ Добрынюшка коня да богатырскаго
 А со этой конюшни бѣлодубовой,
 А не ѣзжанъ жеребецъ не сѣдланъ былъ;
 Кладываетъ на жеребчика исподнички,
 На исподнички да онъ войлочки,
 И на войлочки онъ сѣделышко,
 Да сѣделышко онъ черкасское;
 Затягиваетъ Добрынюшка подпруги
 И подпруги затягиваетъ двѣнадцатеры, —
 Пряжки во подпругахъ булатна желѣза,
 А йтлы во пряжечкахъ ^{10 рубли} червона золота.
 Крыкнулъ Добрынюшка громкимъ голосомъ:
 «И поѣду ко рѣченки и ко Почаевой!»
 Услыхали ёго слуги вѣрныи,
 Выходятъ слуги на широкъ дворъ.
 Онъ беретъ ли палицу булатную,
 Енъ беретъ копье долгомѣрное,
 Онъ беретъ саблю на поясъ,
 Беретъ-то плеточку шелковую,
 И поднимался на коня богатырскаго,
 Онъ приѣхалъ коня да подъ круты ребра,
 И шпорамы своимъ булатнима.
 Испроговорилъ конь таково слово:
 — Ай же Добрынюшко Никитиничъ!
 — Не жми-тко шпорамы меня подъ круты ребра.—
 Енъ поѣхалъ ли Добрыня со широкъ двора,
 И выѣхалъ въ дороженьку широкую
 И поѣхалъ ко рѣчкѣ ко Почаевой.
 Онъ плеточкой коня Добрынюшка
 И плеточкой коня да онъ поуживаетъ,
 Палицей булатнею Добрынюшка поигрываетъ,
 Копьемъ долгомѣрнымъ поворачиваетъ.
 И поѣхалъ онъ ко рѣчкѣ ко Почаевой,
 И до рѣченки еще тамъ три поприща
 И конь-то стулае по воли своей.
 Да приѣхалъ ли Добрынюшка ко рѣченки,
 И ко рѣченки да ко Почаевой,
 И выходитъ Добрыня со добра коня,
 Выходить-то Добрыня на крутой берѣгъ
 И начинается Добрынюшка дѣло дѣлати.

Да прогворить Добрыня таково слово:

«Ай же ты дѣтинеа неудакова *)!»

«Покарабуль-ко ты коня да богатырскаго

«А у той ли у рѣченъи у Почаевой,

«Мій охвота покупаться да й у рѣченъи

«И во рѣченъи во Почаевой,

«Покунати свое тѣло нагое,

«Тѣло нагое да богатырское.»

Да тутъ протомойки (*такъ*) на рѣчкѣ бѣлье мыли

И бѣлье мыли оны, пблоскали оны,

Да прогворить Добрыня таково слово:

— Ай же ты Добрынюшка Никитиничъ!

— Не купи-тко ты своего тѣла нагаго

— И во этой во рѣченъѣ во Почаевой,

— Тѣла нагаго богатырскаго,

— Да купи-тко ты въ рубашѣ полотняной. —

И зашолъ ли Добрынюшка во рѣченку,

Окупалъ ли свое да тѣло богатырское

А во этой ли рубашѣ полотняной.

Да сподъ западней сторонкѣ стукъ да гремъ ве-

линь идетъ.

Сколыбаласи на рѣченъѣ на Почаеви (*такъ*)

И свѣжая-та ключевая водушка,

И забилась-то волна по крутымъ берегамъ.

И надѣлса тутъ Добрынюшка въ одежду бога-

тырскую;

Показалиси змѣя да восьмиглавая

Да по этой ли по рѣчкѣ по Почаевой.

Разгорѣлось его сердце богатырское,

Разгорѣлись его *жилы* богатырскіи,

Онъ беретъ-то вѣдъ Добрыня саблю въ рученьи

И во рученьи беретъ богатырскіи,

А хочеть показнѣ змѣини головы,

Головы змѣини восьмиглавыи.

И смолилась тутъ змѣя восьмиглавая

И голосомъ смолилась человекѣиимъ:

«Не казни-тко ты Добрынюшка змѣини головы,

«Я иду ко морю, ко синю морю,

«А иду къ королю ко великому,

«Ко великому королю да у синя моря;

«И есть-то у него да едина дочь,

«Единая дочь королевская:

«Брови-то у ней черна соболя,

«И очи у ней ясна сокола,

«По косицамъ-то у ней звѣзды частыя.

«Я достану-то, Добрынюшка Никитиничъ,

«Я достану эту королевичну отъ синя моря,

«Да жди-тко ты меня Добрыня три денька.»

Да проходить тому времени три деньку,

Приходитъ Добрынюшка ко рѣченки,

Приходитъ Добрынюшка ко Почаевой,

Стоитъ-то тутъ дѣвица на крутомъ берегу,

А брови-ты у ней черна соболя,

А очи-ты у ней ясна сокола,

На косицахъ-то у ней звѣзды частыя.

И захватывае Добрынюшка ю за рученьки,

Прижимае ю къ сердечушку ретивому.

Сколыбнулось его сердце богатырское

Да прогворить Добрыня таково слово:

— Ночь поѣдемъ мы съ тобой да вѣдъ ко городу,

— Да ко городу да мы во Киеву,

— Ко тому ли князю во Владимиру.

— Могу ль-то я похвастать таковымъ словомъ

— Русскимъ могучимъ богатыремъ:

— Я досталъ ли красну дѣвицу отъ синя моря

— Отъ синя моря отъ короля великаго. —

Да прогворять тутъ русскіи могучіи богатыри,

Да прогворять тутъ поляницы удалыи:

«Ай ты Добрынюшка Никитиничъ!

«Да досталъ ли ты ю да красну дѣвицу

«Отъ синя моря да отъ того ли короля

«Отъ того ли короля да отъ великаго?»

Заводить-то Добрынюшка ю въ *покои* бѣлуду-

бовы;

Устрашилась его *алармел* родна матушка

Честная вдова Офимья Александровна, —

И брови-то у ней черна соболя,

А вѣдъ очи-то у ней да ясна сокола,

И на косицахъ-то у ней звѣзды частыя.

И прогворить эта честно-мужняя вдова

Да вѣдъ Офимья Александровна:

— Ты досталъ ли, мое ты чадо любимое,

— А дѣвицу отъ синя моря отъ короля да ты

великаго?

— Вѣдъ тутъ теби Добрынюшка Никитиничъ

— Не надѣя-то на красную на дѣвицу,

— Она вышла-то съ земли да вѣдъ съ невѣрною,

— Да по заповѣди теби да видъ прѣставила,

— Приставила змѣя да восьмиглавая.

— И оставить надо тутъ Добрынюшка эту дѣ-

вицу

— И не взять-то ей теби да во *супружество*,

— Надо докладъ сдѣлать солнышку князю Вла-

диміру. —

Какъ прогворить солнышко Владимиръ князь да

стольнѣ-киевской:

«Ай ты Добрынюшка Никитиничъ!

«Зачѣмъ же ты оставилъ змѣю восьмиглавую,

*) По объясненію Щеголенка, это значитъ: неудачная или неудаленная.

«Зачѣмъ же ты да не рубилъ ей да буйны головы,
«Эти головы да змѣишны?»

(Конца не помнитъ.)

Записано въ Кяхтѣ, 7 июля.

124.

ДОБРЫНЯ ВЪ ОПАЛѢ.

Какъ во стольнѣмъ во городѣ во Кіевѣ
И у солнышка князі да у Владиміра
Собраны были русскіи могучіи богатыри,
Да тѣи ли поляницы удами
Да во ту ли полату грановитую.
Да тѣи русскіи могучіи богатыри
По мѣстамъ были вѣдь розсажены,
И были они да вѣдь накормлены,
И накормлены были да вѣдь набѣены,
И сыты они да вѣдь-то веселы.
И проговорилъ солнышко Владиміръ князь,
А Владиміръ князь да стольнѣ-кіевской:
«Ай вы русскіи могучіи богатыри,
«Ай же поляницы вы удами!
«Я похвастаю вѣдь городомъ,
«А городомъ да вѣдь Кіевомъ.»
Да Самсонъ да вѣдь Самойловичъ
Онъ похвасталъ своей силой богатырскою,
И тотъ старой казакъ Илья Муромецъ
Тоже онъ похвасталъ своей силой богатырскою,
Дюкъ-то вѣдь Степановичъ
Тоже онъ похвасталъ своей пошанкой **) моло-

децкою,

И также-то Чурило вѣдь Шаплѣнковичъ
Тоже онъ похвасталъ своей пошанкой молодецкою.
Да сидитъ-то млади Добрынюшка Микитиничъ,
Да сидитъ за этымъ столомъ да княженецкимъ,
А не хвастаетъ онъ никакимъ словомъ.
Тутъ проговорилъ солнышко Владиміръ князь,
Владиміръ князь стольнѣ-кіевской:
«Что же ты, млади Добрынюшка Микитиничъ,
«А за что же ты сидишь, ничимъ не хвастаешь?»
Онъ проговорилъ ли млади Добрынюшка Микитиничъ:

*) Такъ, вмѣсто «пошанкой», т. е. щегольствомъ; но Щеголенокъ говоритъ, что не понимаетъ этого слова, чѣмъ и объясняется ошибка въ его произношеніи.

— Ты солнышко Владиміръ князь стольнѣ-кіевской,

— Вы русскіи могучіи богатыри,

— Вы всё поляницы вы удами!

— И я похвастаю своей молодой женой,

— Молодой Настасьей да Никуличной:

— Она князей бояръ съ ума повыведѣтъ

— И солнышка Владиміра вонъ повыведетъ. —

Это слово не казалось солнышку князю Владиміру,

Онъ станетъ на свои да на рѣзвіи ноги,

Онъ идѣтъ своей полатой грановитой

И съ ножки на ножку переступиваетъ,

И по буйной головущей ручками поглаживаетъ

И самъ проговоритъ солнышко Владиміръ князь:

«И будутъ ли ко тому дѣлу охотнички,

«Аль будутъ къ этому дѣлу невольнички?»

И у этого стола княженецкаго

Сидитъ-то тамъ дѣтнушка невеличенькой,

Самъ проговоритъ да таково слово:

«Да къ этому дѣлу будутъ охотнички,

«Не надо вѣдь невольничковъ.»

— Бери-тко младаго Добрынюшку Никитича

— За этыи за рученьки за бѣлыи,

— За этыи за перстни за злачѣнне,

— Отведи его во погребы глубокіе

— А за его за рѣчи неумильни. —

Взялъ ли свѣлъ ли младаго Добрынюшку

Со той ли со полаты грановитыи,

И по этымъ по узкимъ переулочкамъ,

И засадилъ во этыи во погребы глубокіе.

И со той полаты грановитыи

Донесли таково слово честно-мужнейей вдовы

Офимь Александровной:

— И засажень ли млади Добрынюшка Никитиничъ

— Во этыи во погребы глубокіи. —

Тутъ проговоритъ честно-мужняя вдова Офимья Александровна

Сквозь свои слѣзы да горючии:

«Я рѣстила младаго Добрынюшку Микитича

«Не во богатствѣ — во сирочествѣ.»

И проходитъ тому времени да три денька,

И обрубила тутъ Настасья-та Никулична

Свои волосы да по мужичьему,

Да взяла ли коня да богатырскаго,

И взяла она свой тугой лукъ

Да со этыма со стрѣлочками каленныма,

И приѣзжаетъ она ко солнышку князю Владиміру

И на княжой дворъ, на богатырскаго дворъ,

И проговоритъ ли: — Посоль земли турецкой,

— И этого солтана да турецкаго;

— Покаравульте-тко моего коня да богитырсеаго
 — И на этоёмъ дворѣ да княженецкоёмъ,
 — Я пойду ко солнышку князю Владимиру
 — И во эту полату грянвитую. —
 Отворилъ ворота онъ тутъ да на пята
 Да приходитъ тутъ въ полату грянвитую.
 Тутъ всѣ сидятъ русскіи могучіи богатыри
 И всѣ сидятъ поляницы тутъ удами.
 Этотъ ли посолъ земли турецкой
 И этого солтана да турецкаго
 Онъ крест-отъ кладѣтъ по писаному,
 Поклонъ ведѣтъ ко ученому,
 На двѣ на три на четыре стороны поклоняется
 И солнышку князю Владимиру въ особину:
 — Ай же ты солнышко Владимиръ князь стольне-
 кievской!
 — Я приѣхалъ ко твоему ко городу ко Киеву
 — Да просить поединничка,
 — Да стрѣлять-то стрѣлочку каленую
 — Изъ этого изъ луку да изъ тугаго,
 — И во чистомъ поли поставитъ кольцо серебряно
 — И власть ли ножичекъ булатнїи
 — И розрубить ли 'эту стрѣлочку каленую по-по-
 ламъ:
 — Одна другой половина-то не больше,
 — Одна другой половина да вѣсомъ не тяжелъ-
 ше. —
 И посмаетъ солнышко Владимиръ князь и стольне-
 кievской:
 «Вы русскіи могучіи богатыри!
 «Вы подите-тко въ поле во чистое
 «Стрѣлять эту стрѣлочку каленую
 «Изъ этого изъ луку изъ тугаго,
 «И во это ли кольцо во серебряно,
 «Во этотъ ли во ножичекъ булатнїи, —
 «Розрубить надо стрѣлочку каленую по-поламъ:
 «Одна другой половина-то не больше,
 «Одна другой половина да вѣсомъ не тяжелъше.»
 Тутъ и шли русскіи могучіи богатыри
 А на это ли на поле да на чистое;
 Тутъ шолъ ли Самсонъ да Самойловичъ,
 Тутъ шолъ ли старой казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.
 Во этоёмъ ли полѣ да во чистоемъ
 Тамъ наложено кольцо да серебряно,
 Ножичекъ тамъ наложенъ да булатнїи-тотъ.
 Стрѣлилъ-то Самсонъ да Самойловичъ
 Стрѣлочку да онъ каленую
 А изъ этого изъ луку изъ тугаго,
 Первый разъ-то стрѣлилъ да перестрѣлилъ,
 Другой разъ-то стрѣлилъ да не дострѣлилъ,

А третій разъ-то стрѣлилъ да попасть не могъ.
 И также старой казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 Первый разъ-то стрѣлилъ да перестрѣлилъ,
 Другой разъ-то стрѣлилъ да не дострѣлилъ,
 А третій разъ-то стрѣлилъ да попасть не могъ.
 И тутъ солнышку князю да Владимиру
 Стало это дѣло за досадушку,
 Стало за досадушку да за великую:
 — Ты солнышко Владимиръ князь да стольне-
 кievской!
 — Какъ у насъ былъ ли младый-то Добрынюшка
 Микитиничъ,
 — Онъ могъ стрѣлять стрѣлочку каленую
 — Изъ этого изъ луку изъ тугаго. —
 Тутъ проговоришь солнышко Владимиръ князь:
 «Вы русскіи могучіи богатыри!
 «Вы идите-тко ко погребу глубокому,
 «Вы достаньте-тко младаго Добрынюшку Микити-
 тича,
 «Отруйте-тко пески да вы желтїи,
 «Выпустите его на волю да на вольнюю.»
 Вышелъ ли младый Добрынюшка Микитиничъ
 Изъ этого изъ погреба глубокаго,
 И приходять-то къ солнышку князю да Владимиру
 Самсонъ-тотъ да Самойловичъ,
 Да старый казакъ Илья Муромецъ,
 Приводять ли-то младаго Добрынюшку Микитича
 И во эту полату грянвитую.
 И проговоритъ солнышко Владимиръ князь столь-
 не-кievской:
 «Да приѣхалъ ли посолъ земли Турецкой,
 «Да вѣдъ этого солтана да турецкаго,
 «Просить онъ поединничка
 «На это ли на поле да на чистое
 «Да стрѣлитъ ли стрѣлочку каленую.
 «Вы подите-тко русскіи могучіи богатыри
 «Со младымъ Добрынюшкой Микитичемъ,
 «И со своимъ ли лукомъ со тугимъ.»
 И стрѣлитъ-то посолъ земли Турецкой,
 Изъ своего изъ луку да изъ тугаго
 И въ это ли кольцо во серебряно
 И во этотъ ли ножичекъ булатнїи,
 Розрубить онъ стрѣлочку да вѣдъ пополамъ:
 Одна другой половина-то не больше,
 Одна другой вѣсомъ не тяжелъше.
 И приклялся ли младый Добрынюшка Микитиничъ
 И со своимъ ли со лукомъ со тугимъ,
 Стрѣлилъ вѣдъ стрѣлочку каленую
 И въ это ли кольцо да во серебряно
 И во этотъ во ножичекъ булатнїи,

И розрубилъ онъ стрѣлочку каленую пополамъ:
Одна другой половина-то не больше,
Одна другой вѣсомъ не тяжелше.
Выѣхалъ ли младнй Добрынюшка Никитиничъ .
Со этого ль поля да со чистаго,
Во свою ль полату богатырскую,
Ко той ли ко честной вдовы Офимьи Олександровной.

Онъ приходитъ въ свою полату богатырскую,
Онъ крест-отъ владеть по писаному,
Поклонъ ведетъ по учебному,
И на двѣ на три на четыре сторонки поклоняется,
Честно-мужнии вдовы Офимьи Олександровной
Онъ-то дѣлаеть поклонъ да вѣдь въ особину.
Зрадовалась честно-мужная вдова да вѣдь Офимья Олександровна:

— Ты пріѣхалъ ли младнй Добрынюшка,
— Со этмихъ со погребовъ со глубокнхъ,
— Вышла ли волюшка вольная
— Отъ солнышка князя да отъ Владиміра.—
И тутъ тебѣ старинушку да славу поють.

Записано въ Петербургѣ, 8 сентября.

—
125.

ДУНАЙ.

Какъ во стольноѣмъ во городи во Кіеви,
У солнышка князя да й у Владиміра,
Были собраны русскіи могучіи богатыри,
Да вси поляницы ли удални.
Ены ѣли пили да вѣдь кушали
И за этнимъ столомъ да княженецкіимъ
И стали они да вѣдь-то на весели.
Да прогворилъ тутъ солнышко Владиміръ князь
Да Владиміръ князь стольнѣ-кіевской:
«Да вы русскіи могучіи богатыри,
«Ай же вы поляницы да удални!
«Да вы знаете ль мнѣ княгиню въ супружество
взять,
«Да было бы мнѣ съ кимъ вѣкъ коротать,
«Да было бы съ кимъ княжество держать?»
Да прогворилъ ли младнй тутъ Добрынюшка:
— Я знаю къ тебѣ да вѣдь княгиню взять,
— Да вѣдь будетъ тебѣ съ кимъ вѣкъ коротать,
— Да съ кимъ будетъ княжество держать:
— И есть у короля въ Литвы,
— Есть-то у него да вѣдь три дочери:

— Да первая дочь Опракса королевична,
— Да друга дочь Марья королевична,
— Да третья дочь да есть не въ дорости.
— Да взять теби можно Опраксу королевичну,
— Да будетъ теби съ кимъ вѣкъ коротать
— Да вѣкъ коротать, да съ кимъ княжество дер-
жать. —

Да прогворить тутъ солнышко Владиміръ князь,
Да прогворить онъ да й таково слово:
«И ай же ты младнй Добрынюшка Никитиничъ!
«Поѣзжай-ко ты къ королю въ Литву.»
Онъ прогворить ли младнй Добрынюшка:
— И не честь молодцу ѣхать да единому,
— Надо взять другаго богатыря. —
«Выберай себи богатыря по разуму
«Да ѣхать съ тобой въ землю во Литовскую.»
Онъ прогворилъ Добрынюшка Никитиничъ:
— Ай же ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
— Да поѣдемъ мы съ тобой въ землю во Литов-
скую,

— Къ королю туды да вѣдь къ великому,
— Да посватать-то Опракса королевичной. —
Оны собрались русскіи могучіи богатыри
Изъ этой-то полаты грановитоей,
Они заходятъ-то въ конюшню богатырскую,
Надѣвають на коней уздицы да тесмяныя,
Во уздицы поводѣ да вѣдь шелковыи,
Да вѣдь тыхъ ли шолковъ, шолковъ разныихъ,
И разныихъ шолковъ да шолковъ шанскнхъ;
Кладывѣють на коней да вѣдь исподнички,
На исподнички да оны войлочки,
И на войлочка оны сѣдлышко,
Да сѣдлышко да вѣдь черкальское,
И затягивають подпруги двѣнадцатеры,
И во подпругахъ пражки серебряныя,
И во пражечки штылѣчки чиста золота,
И завязываютъ свясточки семи шолковъ,
И не ради-то красы, ради крѣпости,
Да тыхъ ли шелковъ да шолковъ разныихъ,
Шолковъ разныихъ да шолковъ шанскнхъ.
И надѣли на головушку по шляпоньки,
И шляпоньки земли да сорочннскою,
И вѣсомъ шляпы сорока пудовъ;
И взяли по палицы булатнѣей,
И взяли по луку по тугому,
И взяли по плѣточки шелковоѣй,
И сажилсь на коней да богатырскнхъ.
Выѣзжаютъ со двора да княженецкаго
И на эти переулочки на кѣвскн,
На эти переулочки на узеньки,
Волею идутъ кони богатырскн.

Они выехали съ града изъ Кіева
 И въ эту путь да въ дороженьку,
 Они приехали коней да богатырскіихъ,
 Они приехали-то шпорами вострыма
 Да подь этии да подь крутыя ребра,
 Да ударили ихъ плеточкой шелковою
 Да по этой по степи лошадиною.
 Да пошли ихъ кони богатырскіи —
 И мелки, озера перескакивали,
 И глубоки озёра перемахивали,
 Лѣсомъ ѣдутъ дремучимъ,
 Ли только отъ нихъ-то исконьты стаётъ;
 Ёны съехали тутъ къ королю въ Литву.
 Приѣзжаютъ онѣ на королевской дворъ,
 Тамъ наставлено татаръ много поганыихъ.
 И опустидишь тутъ русски могучи богатыри
 Со своихъ ли-то коней да богатырскіихъ
 И на эту на матушку да на сыру землю.
 И проговорить тутъ младый да Добрынюшка,
 Да проговорить онъ да ѣ таково слово:
 — Ай же ты Дунай сынъ Ивановичъ!
 — Каравуль-ко ты коней да богатырскіихъ. —
 Ёнъ пошолъ ли младый Добрынюшка,
 Во покои пошолъ да королевскіи,
 И отворяе ворота онъ-то на пяту,
 Да приходи въ чокои королевскіи.
 Онъ крест-отъ кладётъ по писаному,
 Да поклонъ ведётъ по учёному,
 И на всѣ на три на четыре сторонки поклоняется,
 Королю-то дѣлае поклонъ да вѣдь въ особину.
 «Ай же ты Добрынюшка Никитиничъ!
 «Приѣхалъ ли ты да ѣ не по старому
 «Королю храбру да во служение?»
 — Я приѣхалъ ли посватать-то Опракемъ короле-
 вичной
 — И за солнышеа князя Владиміра. —
 Тутъ приходитъ-то татаринъ да поганинъ,
 Говорилъ ли онъ да ѣ таково слово:
 «Тамъ стоитъ ли русской могучой богатырь,
 «У коней стоитъ да богатырскіихъ,
 «Онъ прирубилъ-то всихъ татаръ да вѣдь пога-
 ныихъ,
 «На дворѣ татаръ да мало ставится.»
 Да проговорилъ король да ѣ таково слово:
 — Да закличъ-тко ты своего русскаго богатыря. —
 Опъ закличалъ-то Дуная сына Иваныча:
 «Не руби татаръ да ты поганиихъ,
 «Да ты ступай сѣды въ полаты королевскіи,
 «Они каравулять пашихъ-то коней да богатыр-
 скіихъ.»
 Да пришолъ ли Дунай да сынъ Ивановичъ

Да во этии полаты королевскіи;
 Да проговорилъ тутъ младой да Добрынюшка,
 Онъ проговорить опять да таково слово:
 «Да когда къ теби приѣхать къ королю въ Литву?»
 — Когда можете вы да справиться,
 — Тогда приѣзжайте къ королю въ Литву,
 — И отдамъ-то я Опракеу королевичну
 — И за солнышка князія да за Владиміра. —
 Приглянулася ли Дунаю сыну Иванычу
 Да вѣдь эта Марья королевична,
 Да проговорилъ Дунай да сынъ Ивановичъ:
 «Ай же ты король земли Литовскоѣй!
 «Я не поѣду ко городу назадъ да вѣдь ко Кіеву,
 «Если ты дашь за мѣня Марью королевичну
 «Да во этоѣ велико во супружество.
 «Да пусть ѣде младый взадъ Добрынюшка,
 «И одинъ ѣде ко городу ко Кіеву.»
 Ёнъ остался тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
 Онъ остался тутъ у короля въ Литвы.
 И проговорить вѣдь Марья королевична:
 — Ай же ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
 — Я мастеръ стрѣлять стрѣлочки калѣныи
 — Да во этоѣмъ во поли да во чистоѣмъ,
 — И держать въ руки кольцо да серебряно
 — Да Дунаю сыну да вѣдь Ивановичу,
 — Да стрѣлять вѣдь изъ этого изъ луку да изъ
 тугаго,
 — И стрѣлить стрѣлочку калѣную,
 — И поставитъ тутъ да ножичокъ булатнии,
 — Да противо кольца да вѣдь серебрянаго,
 — Да попасть ли стрѣлочкой калѣною
 — Да въ это кольцо да во серебряноѣ,
 — Да во этотъ во ножичокъ булатнии,
 — Розрубить-то стрѣлочку калѣную да вѣдь по-
 поламъ,
 — И одна другой половииа да не больше,
 — Да чтобы вѣсомъ была одна другой да не тя-
 желше:
 — И тошто*) иду тебѣ въ супружество. —
 И натянула она свой да вѣдь тугой лукъ,
 Да вѣдь стрѣлила стрѣлочку калѣную
 Да изъ этого изъ луку да изъ тугаго,
 Да попала она въ кольцо да во серебряно
 И во этотъ во ножичокъ булатнии,
 И розрубила она стрѣлочку калѣную
 И одна другой половины не больше,
 И вѣсомъ она да не тяжелше.
 И онъ проговорить Дунай да сынъ Ивановичъ:
 «Ай же ты Марья королевична!

*) т. е. тогда или въ такомъ случаѣ.

«Нувъ держи-тко ты кольцо да серебряно,
 «Да держи-тко ножичокъ булатнѣи.
 «Я буду стрѣлать стрѣлочку калѣную
 «Да изъ этого изъ луку да изъ тугаго.»
 Тутъ проговорить Марья королевична:
 — Ай же ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
 — Не стрѣлай-ко ты стрѣлочки калѣной.
 — Не попасть теби въ кольцо да во серебряно,
 — И не попасть теби въ ножичокъ булатнѣи,
 — Не розрубить теби стрѣлочки калѣной. —
 А не могъ терпѣть Дунай да сынъ Ивановичъ:
 «Нѣтъ ужъ надо стрѣлить, Марья королевична,
 «Да стрѣлочку да вѣдь калѣную,
 «Да тоже мнѣ изъ луку да изъ тугаго,
 «Да попасть во кольцо да во серебряно
 «Да во этотъ-то во ножичокъ булатнѣи.»
 Она проговорить Марья королевична,
 Да проговорить она да й таково слово:
 — Да ты стрѣлишь мнѣ да во бѣлы груди.
 — Я спорѣжу теби сына да единого:
 — По колѣночку ножки да въ сѣребри,
 — По локѣточки да ручки въ золоти,
 — На головушки будутъ волоса звѣзды частыи,
 — И очи-ты будутъ ясна сокола. —
 Она стала держать Марья королевична
 И этого кольца да вѣдь серѣбрянаго,
 Да вѣдь этого ножичка булатнаго;
 И натянулъ ли тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
 И натянулъ онъ свой да тугой лукъ,
 Да спустилъ ли стрѣлочку калѣную
 Да изъ этого изъ луку да изъ тугаго.
 Онъ первой разъ стрѣлилъ да и перестрѣлилъ,
 Да другой-то разъ стрѣлилъ да не дострѣлилъ,
 Да въ третій разъ стрѣлилъ да въ груди поналъ
 Да вѣдь этой Марьи королевичной.
 Да приходитъ тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ.
 Онъ приходитъ тутъ да ко бѣлѣ тѣлу,
 Роспласталъ-то ей тутъ грудюшки бѣлыи,
 Да засѣянь-то младенецъ да во чреви:
 По колѣночку ножки въ сѣребри,
 По локѣточки ручки въ золоти,
 На головушки волоса звѣзды частыи,
 И глазюшка у него ясна сокола.
 И заплакалъ тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ
 Да по этойъ по Марьи королевичной,
 Говорилъ ли тутъ онъ да таково слово:
 «Да гдѣ легла Марья королевична,
 «Да на эту легла да на сыру землю,
 «Да тутъ лягъ Дунай сынъ Ивановичъ.»
 Да легъ ли Дунай сынъ Ивановичъ
 И возли Марьи королевичной,

И духъ онъ отдалъ Господу Богу.
 И послѣ этого прошла рѣченъка Дунай рѣка,
 Да тутъ теби старинушку славу поють.

Записано въ Петербургѣ, 8 сентября.

126.

ХОТЕНЬ БЛУДОВИЧЪ.

Во стольноёмъ во городѣ во Киевѣ,
 При ласковомъ князи при Владиміри,
 Была честная вдова Часовова жена,
 Была блудна жена да Хотинушкина мать.
 Завела она-то честна вдова Часовова жена,
 Завела она тутъ да почестень пирь,
 Князей-то боярь на пирь посѣбрала
 И русскіихъ могучіихъ богатыревъ позѣбрала.
 Они ѣли да ишли на радости,
 Пили хмѣльное на весели,
 И были-то гости на мѣсто розсаженыи,
 И носила тутъ честна вдова Часовова жена,
 Носила по честной по чарочкѣ,
 И всякъ-то гостямъ да приходимъ,
 И приходитъ она съ чарочкою зеленою
 А къ блудной жены да Хотинушки мать;
 Сидитъ она — буйная головушка между плечи
 повѣшенал

И очи ясны во калиновѣ мостъ утупленни,
 Чарочки питія съ рукъ не вынимаетъ.
 И проговорить Хотинушкина матушка:
 «И честна мужняя вдова Часовова жена!
 «Я осмѣлюси словѣ-то сказать, словѣ выразить
 «Есть у меня дѣтинюшка блудной сынъ, —
 «А й ты честна вдова Часовова жена —
 «Есть у тебя единая дѣвушка Устинушка:
 «Отдай-ко Устинушку въ законной бракъ
 «И за этого за Блудова дѣтинюшку Хотинушку.»
 И проговорить честна вдова Часовова жена:
 — И не отдамъ я Устинушку за блуднаго сына
 Хотинушку. —

Походятъ гости собѣ съ пиру вонъ,
 И пошла тутъ Хотинушкина матушка,
 Да буйную голову повѣсила,
 А буйную голову между плечи,
 Утупила очи ясны во сыру землю.
 И увидѣлъ блудной сынъ Хотинушка,
 И приходитъ Хотинушкина матушка
 Ко своей ли полаты жилецкой,
 Да приходитъ она да вѣдь не весела.

Да проговорить Хотинушка блудной сынъ:
 «Ай же ты мати моя да ты рѣдвая!
 «И была ты на почестномъ на гостѣбницѣ
 «А у честной вдовы Часовава жены:
 «И мѣсто ль теби не по разуму,
 «Аль чарой великой теби обнесли,
 «Аль словомъ тебя опорочили?»
 Говорила ему матушка словечко:
 — Ай же ты блудной сынъ Хотинушка!
 — Я сказала честной вдовы Часовава жены,
 — Я сказала ей единое словечушко:
 — А дай-ко ты дочерь Устинушку
 — Да за блуднаго сына Хотинушку.
 — Не отдасть она дочери Устинушки
 — За блуднаго сына Хотинушку. —
 Да проговорить блудный сынъ Хотинушка:
 «А мы возьмемъ ее Устинушку.
 «Она волею отдасть, такъ мы волею возьмемъ,
 «А вѣдь волей не отдасть, мы неволей возьмемъ
 «А не то, такъ возьмемъ кроволитіемъ.»
 И посватали Устинушку вѣлавъ
 И за этого блуднаго сына Хотинушку.
 Говорила тутъ честная вдова Часовава жена:
 — Ой же блудный сынъ да Хотинушка!
 — Не отдамъ я дочери Устинушки
 — За блуднаго тебе за сына Хотинушку. —
 И проговорить Хотинъ да таково слово:
 «А мы возьмемъ Устинушку кроволитіемъ.»
 Тутъ-то Устинушка не вышла
 За этого за блуднаго сына Хотинушку.

(Конецъ не помнитъ.)

Записано въ Кяхтѣ, 6 июля.

127.

ЧУРИЛО.

«Поженить-то меня батюшко а неволею,
 «И женила меня матушка не охотою,
 «Да приданаго многа — человекъ-отъ худой;
 «Да придано большо на градкѣ висить,
 «Да золото монета въ кованомъ ларци,
 «Да худая женишка на руки лежитъ,
 «И на руки лежить да цѣловать велить,
 «Цѣловать-то мнѣ-ка ей не хочется.»
 И заплѣлъ тутъ Шурилушко Щапленковичъ
 По самоцѣтному по камешку
 Да въ эти лапотники шелковьи,
 Помошь ли Шурилушка Щапленковичъ

Со своей ли со сторонушки рожденни,
 Изъ земли въ землю, да изъ орды въ орду.
 И шоль ли Шурилушка Щапленковичъ,
 И шоль ли онъ къ королю храбру,
 Да нанялся къ королю храбру
 Да на десять лѣтъ и во служеніе.
 Онъ служилъ ли-то Шурилушка Щапленковичъ
 Королю въ Литвы да вѣдь литовскому,
 Онъ служилъ да вѣрой правдою
 Вѣрой правдою да безошибочно,
 Да вѣдь ѣлъ да пилъ да съ одного судна.
 И проходить ему времечко срочное,
 И по своей стороны стосковалоси
 Да по этихъ рожденныхъ родителяхъ,
 Да худѣ-то женишечка на умъ не йдетъ.
 И давае королевска ему дочерь
 И даваетъ ему денежекъ пятьдесятъ рублей,
 Пятьдесятъ-то рублей да со поштиною.
 Тутъ пошоль ли-то Шурилушка Щапленковичъ
 Отъ короля въ Литвы да отъ литовскаго,
 И пошоль-то по городу да Окиянову,
 И выходитъ супротиво того домишечку питейнаго.
 Изъ питейника домишечка выходитъ-то бабѣночка,
 Бабѣночка турижная *) да зряжная,
 Подвигается къ Шурилушкѣ да близѣхонько,
 Да сама-то говорить да таково слово:
 — Ай же ты дѣтнушка ясень сокозь!
 — Приустила-то твои да рѣзвы поженьки
 — Да во этой во пути да й во дороженьки,
 — И примахались твои ручки бѣлыи
 — А во этой пути да й во дороженьки,
 — Припечалились уста твои сахарныи
 — А во этой пути да й во дороженьки,
 — Приустила твоя буйная головушка
 — А въ пути дороженьки во широкой.
 — Да ты, ясень сокозь дѣтнушка,
 — А зайдѣ-тко ты да на царевъ кабакъ,
 — Да ты выпей-ко да чару зеленѣ вина,
 — И запей-ко ты медамы настоялыма,
 — И орати своѣ ретивое сердечушко,
 — И распечаль-ко ты свои уста сахарныи,
 — Розвесели свою буйную головушку. —
 И онъ зашоль ли-то Шурилушка Щапленковичъ
 Да въ это-то домишечко въ питейное,
 Да онъ сѣлъ-то на скамеечку дубовую,
 Наливаетъ она чару зеленѣ вина,
 И запилъ онъ тутъ медамы настоялыма.
 Тутъ проговорить ясень сокозь Шурилушка Ща-
 плѣнковичъ:

*) По объясненію Щеголея. турижная значитъ: обо-
 равная.

«И я жилъ молодецъ у короля въ Литвы,
 «И служилъ-то я вѣрой правдою ему,
 «И ѣлъ да пилъ я съ одного судна.»
 И похвасталъ дочеръ' королевскою:
 «И спалъ я у дочери королевской,
 «И спалъ я на правѣи руки,
 «И на правѣи руки у бѣлой груди,
 «Цѣловалъ ю во уста да ѣ во сахарныи.»
 И услышали тутъ короля да литовскаго
 А слуги вѣдь да и вѣрныи,
 Да сковали-то ему да ножки рѣзвыи,
 И завѣсили ему да очи ясныи,
 И хочутъ вѣсти на поле куликовое.
 И онъ проговорить Щурилушка Щапленковичъ:
 «Ай же вы ребята короля да вы литовскаго!
 «Вы возьмите съ мѣня денежокъ да пятьдесятъ
 рублей,

«И пятьдесятъ рублей да со полтньюю,
 «Да ведите мѣня мимо королевской домъ,
 «Да послѣдне мни-ка съ ней проститися,
 «Да послѣдне мнѣ съ ней розставатися.»
 Повели его Щурилушку Щапленкова
 Мимо королевской домъ,
 Онъ и крикнулъ тутъ да громкимъ голосомъ:
 «Ай ты дочь-то вѣдь королевская!
 «Да послѣдне мни съ тобой проститися,
 «Да послѣдне мни да розставатися.»
 Проговорить-то эта дочь да королевская:
 — Вы возьмите-тко съ мѣня да сѣмдесятъ рублей,
 — Да роскуйте ему да ножки рѣзвыи
 — И розвяжите ему да ручки бѣлыи,
 — И откройте ему да очи ясныи,
 — Да спустите на волю да ѣ на вольнюю. —
 Онъ взяла дочь королевская
 Во свои новы сѣни да рѣшотчаты.
 Онъ проговорить Щурилушка Щапленковичъ:
 «Я еще хочу послужить короля въ Литвы,
 «Хоть еще бы послужилъ да два годика.»
 Да служилъ ли Щурилушка Щапленковичъ
 Да служилъ еще вѣдь да два годика.
 На проходи ему времечко строчное
 Ёнъ походитъ Щурилушка Щапленковичъ
 И давае ему денежокъ пятьдесятъ рублей,
 Да сама ѣ говорила таково слово:
 — Не зайди-тко больше на царень кабакъ,
 — И не выпей болѣ чары зелена вина,
 — Не запей-ко медамы настоялыма,
 — Не похвастай мной королевичной. —
 Да пошолъ Щурилушка Щапленковичъ,
 Да пошолъ онъ отъ короля съ Литвы,
 И опять пришло итти по городу,

И пришло итти да по Кіянову.
 И тутъ прошолъ ли Щурилушка Щапленковичъ
 И этотъ городъ Кіяновъ весь,
 И вышелъ на дороженьку на шіроку,
 И пошолъ оттуда изъ земли въ землю,
 Изъ земли въ землю да въ свою сторону.
 Да идетъ ли Щурилушко Щапленковичъ,
 Идетъ-то дороженькой да шірокой,
 Да впереди-то себя пахарь да понахваѣтъ,
 Лошадку-то пахарь понукиваѣтъ,
 Да сошка у пахаря поскрипываѣтъ,
 Онъ день-то шолъ да до пахаря не дошолъ,
 Да дрúгой день-то дороженькой пошолъ,
 И пахарь, слышитъ, попахиваѣтъ,
 И лошадку-то пахарь понукиваѣтъ,
 Да вѣдь сошка у пахаря поскрипываѣтъ.
 И третей-то день пошолъ Щурилушка Щаплен-
 ковичъ,

Да вѣдь тоже пахарь попахиваѣтъ,
 Да лошадку пахарь понукиваѣтъ,
 И сошка у пахаря поскрипываѣтъ.
 И третей день шолъ да до пахаря дошолъ;
 У пахаря лошадка пѣганенькая,
 Да сошка у пахаря кленовенькая,
 И омешки на сошкѣ булать желѣза:
 «И Богъ теби помочъ крестьянушко!»
 — Да поди-тко дѣтинушка ясень соколъ. —
 Тутъ пришолъ ли Щурилушка Щапленковичъ,
 Да пришолъ ли тутъ да во свою сторону
 Да ко этымъ рожденнымъ родителамъ.
 Престарѣли родители рождении;
 Да здоровался Щурилушко Щапленковичъ,
 Да худа-то женишка да тутъ на умъ не идетъ.
 Да заплакали рождении родители:
 — Да пришолъ ли ты Щурилушка Щапленковичъ,
 — Да пришолъ ты да во свою сторону. —
 И прожилъ-то Щурилушка Щапленковичъ
 И отдыхалъ на мѣстечки три денечки,
 И слыши по себѣ силу великую,
 И ладить итти да вѣдь во Кіевъ градъ
 Да ко солнышку князю да ко Владимиру,
 Да даваться-то на службу богатырскую.
 Онъ пришолъ ли-то ко городу ко Кіеву
 На этотъ ли на дворъ на княжевецкой-то,
 Отворяе ворота да тутъ онъ на пату
 И въ эту полату грановитую,
 Да тутъ сидятъ русски могучи богатыри,
 Все поляницы тутъ удалыи,
 Да за этымъ столомъ да княженецкимъ.
 Онъ крест-отъ кладѣтъ да по писаному,
 Да поклон-отъ ведѣтъ по учоному,

И на двѣ на три на четыре сторонки поклоняется
 Да солнышку князю да вѣдь Владиміру
 Ень-то дѣлаеть поклонъ да вѣдь въ особину,
 Да вѣдь самъ говорилъ да таково слово:

«И ты солнышко Владиміръ князь стольнѣ-кѣв-
 ской!

«И возьми-тко мя въ службу богатырскую.»
 — Я возьму тебя Щурилушка Щапленковичъ
 — И въ службу къ себи да въ богатырскую,
 — Только надо служить да вѣрой правдой мнѣ,
 — Вѣрой правдою да безошибочно. —
 Тутъ тебѣ старинушку славу поёмъ.

Записано въ Петербургѣ, 8 сентября.

—
 128.

Д Ю К Ъ .

Да во стольномъ во городи во Кіеви
 И у солнышка князі й у Владиміра,
 Заводился цированьцо почестенъ пиръ
 На многихъ на князей на бояръ,
 И на русскихъ могучихъ богатырѣвъ,
 Да на всихъ поляницъ на удалыхъ.
 Да вси на пиру сыты пьяны веселы,
 И вси на пиру розвеселилися.
 Солнышко Владиміръ князь стольнѣ-кѣвской
 Ёнъ похвастаетъ-то вѣдь городомъ,
 Городомъ похвастаетъ да вѣдь Кіевомъ.
 Самсонъ да Самойловичъ похвасталъ своей силой
 богатырской,

Да Ставѣръ да сынъ Годиновичъ
 Онъ похвасталъ своей силой богатырскою,
 Да старой казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 Ёнъ похвасталъ своей силой богатырскою.
 И Олешенька Поповъ сынъ
 Онъ розхвасталъ своей золотой казной —
 Есть ли у молодца — золотой казной.
 Да сидитъ ли млáдый Добрынюшка Никитиничъ
 Онъ похвасталъ своимъ-то конемъ богатырскимъ
 И млáдъ Ермакъ Тимофеевъ сынъ
 Онъ похвасталъ своей силой богатырскою.
 Да сидитъ тутъ Щурилушка Щапленковичъ
 Ёнъ похвасталъ своей пошпкой молодецкою,
 Да сидитъ тутъ Дюкъ да Степановичъ
 Онъ похвасталъ своей пошпкой молодецкою.
 Надо ѣхать имъ во полѣ да во чистой
 И розсердить своихъ коней да богатырскихъ,

Воротиться назадъ да ко рѣченки,
 Да ко рѣченки ко Почаевой,
 Впоперѣкъ-то рѣка верста мѣрная,
 Глубиной-то рѣка да сорока сажонъ.
 Это слово говоритъ Самсонъ да вѣдь Самойловичъ.
 Они вышли изъ-за стола да изъ-за окольяго,
 Да изъ этоей полаты гряновитую,
 Да вышли они на широкъ на бѣлой дворъ,
 Они заходя въ конюшню богатырскую,
 И надѣвають на коней уздицы чесмявыи.
 И во уздицахъ повода были шелковыи,
 Вѣдь разныхъ шолковъ шолковъ шанскихъ,
 Кладываютъ на коней они исподничьи,
 На исподнички они войлочки,
 На войлочко они сѣдлышко,
 Да сѣдлышко они черкальское.
 Да затягиваютъ подпруги двѣнадцатеры,
 И завязываютъ свисточки семи шелковъ,
 Да не для ради красы, да ради крѣпости,
 Да тыхъ ли шолковъ шелковъ разныхъ,
 Да разныхъ шелковъ да шелковъ шанскихъ.
 Пряжечки во подпругахъ серебряныи,
 Да штылѣчки были они чиста злота,
 У сапожковъ шпоры булатъ желѣза,
 И осѣдали коней да богатырскихъ.
 Да Щурилушка тутъ Щапленковичъ,
 Да Дюкъ да тутъ да Степановичъ,
 Шляпоныи на головушки земли да Сорочинскою,
 Шляпоныи на головушки сорока пудовъ,
 И палиці булатни сорокъ пудовъ,
 И сабли взяли съ собой вострыи.
 Ёны сажались на коней богатырскихъ,
 Выѣзжаютъ со двора да княженецкаго
 И на этии на Кѣвски переулочки,
 И сзадъ ѣда три русскихъ могучихъ богатыря.
 И напередъ ѣде Щурилушка Щапленковичъ,
 Вслѣдъ ѣде Дюкъ да Степановичъ.
 Да проговорила Дюкъ да Степановичъ
 Да своему ли коню да богатырскому:
 «Ай же ты сивушка бѣрушка,
 «Да ты вѣщей вѣронке!
 «Какъ ты служилъ моему родителю да батюшку,
 «Также и мнѣ послужи вѣрой правдою.»
 Да проговорила тутъ конь голосомъ человѣчинимъ:
 — Ай же ты Дюкъ да Степановичъ!
 — Когда сядешь ты на степь да лошадиною
 — Да не жми-тко ты шпорами булатными
 — Да подъ эти меня да подъ круті ребра,
 — Не хлыщи-тко плѣточкой шелковою
 — Да по этой по степи лошадиною,
 — Не натагай поводовъ да ты тесмянныхъ.

— Ты держись-ко за гриву да за святую гриву,
 — Я гошто тебя служить буду вѣрой правдою.—
 Они съѣхали во поле да во чистое
 И розсердили-то своихъ коней да богатырскихъ.
 Приѣхали ко рѣчки ко Почаевой,
 Тутъ стоитъ три русскихъ могучихъ богатырѣвъ,
 Да смотрѣть надо на чудо да на чудной.
 Ёны скочили до половины рѣченки Почаевой,
 Оборвалися у Щурилушки Шаплѣнковича
 Оборвалися повода да вѣдь шелковыи,
 Оборвалися-то стрѣмени булатни
 Въ половины-то рѣченки Почаевой.
 Да проговорилъ ли Дюкъ да Степановичъ,
 Онъ проговорилъ да таково слово:
 «Мнѣ не жалко головы человѣчьей,
 «Мнѣ жалко головы лошадиной.»
 И взялъ ли коня да богатырскаго
 И этого Щурилушки Шаплѣнковича,
 И взялъ ли Дюкъ да Степановичъ
 И вытащилъ его да вѣдь изъ рѣченки,
 Да изъ рѣченки изъ Почаевой,
 И вытащилъ его да ѣ на крутой берѣгъ,
 Да на эту на матушку сыру землю.
 Да проговорилъ тутъ Дюкъ да Степановичъ:
 «Ты не хвастай-ко Щурилушка Шаплѣнковичъ,
 «Да не хвастай ты на дворъ пойдучи
 «Да ты похвастай-ко со двора да пойдучи.»
 И остудился Щурилушка Шаплѣнковичъ
 И всѣхъ четырехъ русскихъ могучихъ богатырѣвъ.
 Да тутъ ли старинушку и славу поють.

Записано въ Петербургѣ, 9 сентября.

—
 129.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Когда воцарился Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 Тогда возсіяло на небѣ солнышко,
 Тогда рыбы вси на глубь сошли,
 Тогда съѣжали звѣри въ лѣса темныи.
 Мы сидѣли да были по конѣцъ пальца,
 Мы ѣли да пили по конѣцъ столца:
 «Да вы слушайте братцы послушайте,
 «Я скажу старину стародавнюю,
 «Стародавнюю старинушку бывалую,
 «Какъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
 «Снарядилъ ли войско подъ Казань-то городъ,
 «Тамъ стояло-то войско подъ Казань де городомъ»

«Не много не мало семь-то годовъ.»
 Да проговорилъ пушкарь да таково слово:
 — Да ты Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 — Подкопать бы намъ подкопы глубокіе
 — И подѣ эти подѣ стѣны городовни,
 — Закатить бы намъ бочки съ зельемъ лютымъ,
 — Начинить бы намъ бочки чернымъ порохомъ,
 — И зажгаты бы намъ свѣчи восковыи
 — Во эти во руды во бѣлыи,
 — За эти за стѣны да за дубовыи,
 — Во рукахъ-то свѣщи догорѣются
 — Надѣ стѣнами да ничево вѣдь не дѣется. —
 «Ай же пушкарь да ты обманываешь!»
 — Ай же ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 — Ты позволь слово сказать да словцо вымолвить:
 — Во рукахъ-то свѣщи да они ясно горятъ,
 — За стѣнами свѣщи они не ясно горятъ. —
 Не успѣлъ ли пушкарь да слова вымолвить,
 Трѣснули башени треугольныи,
 Разорвало стѣны городовни,
 И зашло тутъ войско во Казань-то городъ,
 Да повывесли знамена со Казань города,
 Да повывесли порфила-ту царскую,
 Изъ-за этого стола да изъ-за окольного.
 Какъ грозной царь Иванъ Васильевичъ
 Ёнъ по свѣтлой по свѣтлицѣ похаживаетъ,
 Ёнъ сапогъ о сапогъ поколачиваетъ,
 Да самъ онъ говорилъ таково слово:
 «И нунъ заведу я почестень пирь
 «И на многихъ на князей на бояръ,
 «И на русскихъ могучихъ богатырѣвъ,
 «И на всихъ поляницъ на удалыихъ.
 «Я повыведу измѣну нунъ съ каменной Москвы,
 «Я повыведу измѣну со Новѣ города,
 «Я повыведу измѣну да ѣ со Опского,
 «Я повыведу измѣну да ѣ со Вѣстракани.»
 Да проговорилъ тутъ грозной царь Иванъ Васильевичъ:
 «Ай же ты Ѳедоръ да Ивановичъ!
 «Да садись-ко на коня да ѣ богатырскаго
 «И со этими посѣхамы богатырскими.
 «Поѣзжай-ко ты да великой Москвой,
 «Каменной Москвой да ты великою,
 «Старыхъ и малыхъ конѣмъ топчи,
 «Русскихъ могучихъ богатырѣвъ саблей руби,
 «Да ты не дѣлай-ко измѣны въ каменной Москвы.»
 Да поѣхалъ ли-то Ѳедоръ да Ивановичъ
 Старыхъ и малыхъ конѣмъ не топталъ,
 Русскихъ могучихъ богатырѣвъ саблей не рубилъ.
 Онъ-то дѣлалъ измѣну-ту въ каменной Москвы.
 Приѣзжаетъ онъ ко двору да тутъ ко царскому,

И ко этому столу да княженецкому,
И отворяе ворота да онъ-то на пята,
Онъ и крестъ-то кладётъ да и по писаному,
Онъ и поклонъ-то ведётъ да и по учоному,
И на двѣ на три на четыре на сторонки покло-
няется,
Ивану-то Васильевичу дѣлаетъ поклонъ-то въ осо-
бину.

Тутъ какъ станетъ грозный царь Иванъ Василье-
вичъ

И на свои-то да на рѣзвѣи ноги,
И самъ говорить да во всю голову:
«Ай вы русскіи могучіи богатыри,
«Ай же вы поляници удалыи!

«Я повынесъ-то знамѣна съ Казань города,
«Я повынесъ ли порфила-то царскую
«А зѣ-за этого стола да зѣ-за окольного,
«Я вывелъ ли измѣну съ каменной Москвы,
«Я вывелъ ли измѣну со Нова города,
«Я вывелъ ли измѣну вѣдъ со Опского,
«Я вывелъ ли измѣну и со Вѣстракани.»
Какъ сидятъ тутъ воры да и Гагарины:
— А ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Да твоя-то измѣна за столомъ сидитъ,
— И твоя-то измѣна на тебя глядитъ. —

Ѣнъ кликнулъ Потанюшка Курлатова.
Какъ средней-то тулится за большаго,
Какъ меньшей-то тулится за средняго.
Говорятъ Потанюшка Курлатовъ сынъ:
«А видно мни да ко судьбыи пришло.»
Да беретъ-то Ѳедора Ивановича,
Да беретъ-то Скурлатовъ за ружьи за бѣлы,
За эти беретъ ли за перстни злаченны,
Да поводитъ на поле на чистое,
На ту ль-то на плаху на дубовую,
Отрубить-то ему да буйна голова.
И придалъ смерть ему напрасна,
И вынулъ сердце со печенью.
И взяла тутъ Настасья Романовна
И стала на свои да на рѣзвѣи ноги,
Надѣвала черевички на босу ногу,
Кладывала она шубу соболинну на одно плечо,
И шла-то въ стару казаку да къ Никиты Рома-
новичу.

И крест-отъ кладётъ по писаному,
Поклон-отъ ведётъ по учоному,
И на двѣ на три на четыре сторонки поклоняется
Да стару казаку Никиты Романовичу
Она дѣлаетъ поклонъ да вѣдъ въ особину:
— Ай ты старой казакъ Никита Романовичъ!
— Да ты пьешь да ѣшь да проклаждаешься,

— А надъ нами ты незгодушки не вѣдашь.
— Нѣтъ-то у насъ сына да любимаго
— Ѳедора Ивановича,
— Взялъ ли Малюченка Потанюшка Курлатовъ

сынъ
— И взялъ ли за ружьи за бѣлы,
— И за эти за перстни злаченны,
— И свѣлъ ли на поле на чистое,
— На ту ль-то на плаху дубовую,
— И отрубилъ-то ему да буйну голову,
— Да придалъ-то смерть ему напрасную,
— Да вынулъ сердце со печенью.
— И нѣтъ твоего крестнаго любимаго
— И Ѳедора да Ивановича. —

Да проговоритъ старой казакъ Никита Романо-
вичъ:

«Долго долго не некало красно солнышко — двѣ-
надцать лѣтъ,

«Не бывала-то Настасья Романовна
«У стару казака Никита Романовича.»

Онъ сталъ ли старой казакъ Никита Романовичъ
И на свои сталъ на рѣзвѣи ноги,
И надѣвае босовички на босу ногу,
И надѣвае сертукъ да на одно плечо,
И онъ кидалъ колпакъ да на одно ухо.
Онъ беретъ-то коня да и богатырскаго,
Онъ садится на коня да и богатырскаго,
Онъ крикнулъ тутъ во всю голову:
«Ай же народъ сторонитесь вы!

«Старыхъ и малыхъ конѣмъ стопчу,
«Русскихъ могучихъ богатырѣвъ саблѣи срублю.»
Далъ народъ улицу широку да вѣдъ продолговату,
Каменной Москвой ѣхать да великою.

И онъ выѣхалъ на поле да и на чистое,
Онъ и крикнулъ тутъ да во всю голову:
«Ай ты Малюченко Потанюшка Курлатовъ сынъ!

«Да ты съѣшь этотъ кусъ да подавишься,
«Да ты вынешь эту чару захлѣбнешься.»

Да приѣхалъ ли Никита да Романовичъ
Да ко этой ко плахѣ ко дубовой,
И досталъ-то онъ Ѳедора Ивановича,
И досталъ-то его да вѣдъ во живности.

Онъ сходитъ съ коня да и богатырскаго,
Онъ беретъ-то Скурлатова за волосы,
Онъ видае Скурлатова о плаху о дубовую
И отрубилъ-то ему да буйну голову,
Да придалъ смерть да напрасную,
Да вынулъ сердце со печенью.

И севодня дѣется пятница великая,
Завтра буде субота христовская.
И сядитъ тутъ старой казакъ Никита Романовичъ

На своего ли коня да богатырскаго,
 А со этымъ ли со Оѣдоромъ Ивановичемъ,
 И привѣзъ его въ полату богатырскую.
 И въ эту въ субботу во христовскую
 Какъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 Розсылалъ-то онъ афишки по всѣмъ сторонамъ,
 И по своимъ-то слугамъ да вѣдъ вѣрнымъ,
 И по своимъ-то слугамъ да вѣдъ подданнымъ:
 — Да вы пойдете къ заутренней христовою,
 — Вы надѣйте одежду распечальную,
 — И вѣтъ-то у мня сына да любимаго
 — И Оѣдора да вѣдъ Ивановича.
 — Да свѣтъ ли Скурлатовъ на чисто поле,
 — И отрубилъ-то ему да буйну голову,
 — И придалъ ему смерть напрасную,
 — Да вынялъ сердце со печенью. —
 Да пришли эти слуги его вѣрныи,
 И пришли эти слуги его подданныи,
 Да пришли-то во церковь во Божью,
 Да ко этой заутренней христовою
 И надѣта одежда распечальная.
 Да приходитъ старой казакъ Никита Романовичъ
 Онъ крест-отъ кладѣтъ по писаному,
 И поклон-отъ ведѣтъ по ученому,
 И на двѣ на три на четыре стороны покланяется,
 И грозному царю да вѣдъ Ивану Васильевичу
 Онъ-то дѣлаетъ поклонъ да вѣдъ въ особину.
 Да вѣдъ самъ говорилъ да таково слово:
 — Да ты здравствуй-ко грозный царь Иванъ Ва-
 сильевичъ
 — Со своей семьей, да со моей сестрой,
 — Да со тымъ ли со яснымъ со соколомъ
 — Да со Оѣдоромъ да Ивановичемъ! —
 Ёнъ повернется грозный царь Иванъ Васильевичъ
 И згляне на него да немилымъ окомъ:
 «Какъ былъ бы ты собака не въ церкви не въ
 Божью,
 «Я не далъ бы собакѣ на часъ живота.»
 Какъ сваже старой казакъ Никита Романовичъ
 — Да живѣтъ ли грѣшному прощеньцо,
 — Да живѣтъ ли грѣшному благословеньцо? —
 «Я простилъ бы да вѣдъ некого,
 «Я помиловалъ бы да негдѣ взять.»
 И повернется старой казакъ Никита Романовичъ
 Да со этой церкви да со Божью,
 Во свою ль-то онъ полату богатырскую,
 Говорить-то тутъ Оѣдору Иванычу:
 — Ай ты мой крестничокъ да мой любимой ты!
 — Я досталъ ли-то у грознаго царя у Ивана да
 Васильевича
 — Я досталъ ли у него да вѣдъ прощеньцо,

— Я досталъ ли у него да вѣдъ благословеньцо.
 — Да ты ставай-ко вѣдъ по утрушку ранѣхонько,
 — Умывайся-тко да ты бѣлѣхонько,
 — Утирайся-тко да вѣдъ сухохонько,
 — Убирайся ты да хорошохонько,
 — Да мы пойдѣмъ-то вѣдъ во церковь да во
 Божью
 — И ко этой заутренней христовою. —
 И пришли оны во церковь да во Божью,
 Да крестъ оны кладутъ да по писаному,
 Да поклонъ ведутъ оны да по ученому,
 И на двѣ на три на четыре стороны покланяются
 И грозному царю да вѣдъ Ивану Васильевичу
 Оны дѣлаютъ поклонъ да вѣдъ въ особину.
 Да проговорить старой казакъ Никита Романовичъ:
 — Да ты здравствуй-ко грозный царь Иванъ Ва-
 сильевичъ,
 — Со моей сестрой да со своей семьей
 — Да со тымъ ли со яснымъ со соколомъ
 — Да со Оѣдоромъ со Ивановичемъ! —
 Да повернется грозный царь Иванъ Васильевичъ
 Да къ стару казачу Никиты Романовичу,
 Онъ берѣтъ его за ручки за бѣлыи,
 И берѣтъ-то за перстни за злачныи,
 И цѣлуе во уста да во сахарныи,
 Да вѣдъ самъ говорилъ и таково слово:
 «Ай же ты старой казакъ Никита Романовичъ!
 «Да чимъ тебя на скори пожаловать:
 «Городами ли тебя и пригородками,
 «Али ли силою тебя да вѣдъ велюко,
 «Али золотой казной да вѣдъ безсчѣтною?»
 — Ай же ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 — Мни не надо городовъ съ пригородками,
 — Мни не надо-то вѣдъ силы богатырскою,
 — Мни не надо золотой казны безсчѣтною,
 — И у мня-то всего того своего вѣдъ есть.
 — Мни пожалуй-ко грозный царь Иванъ Василье-
 вичъ
 — Да вѣдъ на скори Микитину отчину.
 — И кто какой грѣхъ-то сдѣлаетъ
 — Кто въ Микитину отчину уидеть, того Богъ
 простилъ. —
 Тутъ пожаловалъ ли грозный царь Иванъ Ва-
 сильевичъ
 Какъ на крути Микитину отчину
 Да стару казачу Никиты Романовичу.
 Да старинушки и славу поѣмъ.

Записано въ Петербургѣ, 8 сентября.

130.

ПТИЦЫ.

(См. Рыбникова, т. II, 59).

И отчего братцы зима становилась?
 Становилась зима отъ морозовъ.
 Отчего братцы становилась весна красна?
 Весна красна становилась отъ зимы холодной.
 Отчего братцы становилось лѣто тепло?
 Становилось лѣто тепло отъ весны отъ красной.
 Отчего братцы становилась осень богата?
 Становилась осень богата отъ лѣта отъ тепла.

Покладутъ крестьяне стоги,
 Имъ жить хорошо,
 И весело и прохладно.
 Да цари живутъ по царствамъ,
 Да бояре живутъ-то по мѣстамъ,
 И мелкіи судьи живутъ по уѣздамъ,
 А поповъ-дѣлки живутъ по погостамъ,
 А сироты мелкіи люди живутъ они по подворьямъ.

А про то бы братцы было вѣсто:
 Старой бабы на печи было мѣсто,
 И лежала она бы — не бурчала бы,
 Была бы подъ носомъ крынка съ тѣстомъ.
 Стары старичи лежать по печамъ,
 Стары старушки лежать по прилавкамъ,
 Молоды молодичи съ мужьями по чуланамъ
 спать,
 Красны дѣвицы по ошѣткамъ спятъ,
 Малыя ребята спятъ по зенькамъ спятъ.

Тутъ изъ далеча изъ далеча,
 Изъ синяго дунайскаго моря,
 И налетала малая птичка-пташка,
 Спрашиваетъ и русскихъ птицъ:
 «Ай же вы русскія птицы!
 «Какое вамъ жить-то на Руси?»
 Отвѣчали русскія птицы:
 — Ай же ты мала птица-пташка!
 — Хорошо вамъ жить на Руси:
 — Все птицы у насъ при дѣлѣ,
 — Да все птицы у насъ при работѣ
 — И все птицы у насъ при каравулѣ. —

И налетали птицы вѣробьи,
 Садилась оны по вѣламъ,
 Садилась оны по изгородамъ,

Садилась оны по малыимъ ракинымъ кусточкамъ
 Да садилась оны вдоль зеленой дубравы,
 А живутъ оны въ домахъ по рагузу.
 Губаль-птица на морѣ плотникъ.
 Ястребъ на морѣ стряпчій:
 Съ богатаго двора беретъ по куренку,
 Со вдовы съ сироты беретъ по двѣ и по три, —
 То есть великая въ немъ неправда.
 Лебеди на морѣ были бояра.
 Капюкъ на морѣ хлопотникъ,
 Гусь на морѣ морской ходатель.
 Чайки на морѣ были олѣ погошанки.
 Свицца была на морѣ пѣвица:
 И то она была не пѣвица
 То она была пономарица.
 И чирка на морѣ она была рыболовка
 И побѣднымъ голосомъ она да рыдасть,
 И рыбы много добываетъ:
 И только съ рыбой въ ярмаку не ѣздитъ,
 И на тую рыбу больше призоръ не бываетъ.
 Сойка на морѣ, она была верещата.
 Утка на морѣ, она — сѣроплавка.
 Селезень-то на морѣ — удалый добрый молодець,
 Ластушки на морѣ были косатыя красны дѣвушки.
 Соловей на морѣ птица
 Хорошо поеть, любо и слушать.
 Жавроленочекъ, онъ по поднебесью летаетъ,
 Жалобнехонько онъ щекотаетъ.
 Вытлюгъ на морѣ травникъ, самъ лѣбедникъ.
 Куликъ на морѣ догоногій,
 Самъ-то былъ тонконосий.
 Косачъ на морѣ казакъ донскоій
 И тетерка на морѣ молодая жонка.
 Галки на морѣ, оны погошаны.
 Гагара изъ озера въ озеро она летаетъ.
 Бѣлка на морѣ была росомаха.
 Вортъ былъ на морѣ старецъ,
 И старецъ онъ былъ стронтель,
 И былъ стронтель, то онъ былъ не стронтель,
 Былъ онъ монастырскій разоритель.
 Журавъ на морѣ пономаръ монастырскій:
 Въ большой колоколъ ударить,
 Къ обѣднѣ итти заставить,
 И ножки у него доленьки,
 Чулки на ногахъ у него узеньки,
 И по мосту ходитъ онъ не знаетъ,
 И мосту мостить не умѣетъ.
 И на морѣ медвѣдь кожемяка:
 Много кожъ онъ симасть
 На ногахъ поршневы не видаетъ.
 И на морѣ волкъ-отъ овчинникъ:

Много овчинъ онъ снимаетъ,
 Много по закуштинамъ охичаетъ,
 Самъ на себѣ шубы не видаеть.
 Лисица на морѣ — молода молодица:
 Много винъ сдѣлае
 Про себя вины не скаже,
 Дологъ хвостъ на свой не ступить.
 Заяцъ на морѣ сошки не дѣлае,
 Рѣпки не паше,
 Рѣшкой сытъ, пребываетъ,
 Онъ все крестьянина на Руси разоряетъ,
 Во вѣки больше онъ сытъ пребываетъ.
 Охъ тошнехонько, охъ тяжеленько, —
 Кошкѣ на морѣ вдовицы,
 И то бобыли — сироты,
 День она по печамъ,
 День она по ошѣткамъ,
 И ночь-то придетъ — поиде по молочнымъ крын-
 камъ.

Да сорока на морѣ — кабацкая жошка:
 Съ ножки на ножку пляшетъ,
 Молодыхъ молодець прибираетъ.
 И курица на морѣ побѣдна птица:
 И кто ню во дворѣ поймаеть,
 Всякій пирстомъ въ дырѣ поконае,
 Оттуль яйцо добывае,
 И зятю тѣща яйцо добываеть,
 Отъ того теща и честь залучаетъ.
 На морѣ воронница бабка пунорѣзна:
 Головище у ней толстѣе,
 Платыце у ней грязнѣе.

Какъ будутъ люди-ты обѣдать,
 Какъ станутъ нищи по подоконью бѣгать:
 Холодныхъ щей не хлебаи,
 Горячихъ вѣкъ не видаи.

Мы про то, братцы, не знали и не вѣдали,
 Что знали то и сказали.

XXIII.

ВАСИЛІЙ АКСЕНОВЪ.

Василій Аксеновъ съ Деликова, 80-лѣт-
 ній старикъ-крестьянинъ, грамотный, мастеръ
 рассказывать сказки и обладающій нѣсколькими
 любочными изданіями. На вопросъ о былинахъ,

онъ сперва отвѣчалъ, что ихъ все забылъ, но
 потомъ вспомнилъ отрывокъ про Вольгу и Ми-
 кулу и другія былинны, здѣсь помѣщаемыя. Отъ
 кого онъ имъ научился, не могъ припомнить.

—
 131.

ВОЛЬГА И МИКУЛА *).

Во славномъ городи во Кіеви,
 У ласкова князя у Владимира
 Былъ любимый племянничекъ
 Младой Вольга Святославъевичъ.
 Князь Владиміръ столичнѣ-кіевскій
 Пожаловалъ ему три города,
 Три города что не лучишихъ:
 Гурсовцемъ да Черевовцемъ,
 Да третьимъ городомъ Орѣховцемъ.
 И поѣхалъ племянникъ городовъ смотрѣть
 Услыхалъ оратая на нивы **) оручиво,
 Услыхалъ оратая за двѣнадцать верстъ
 Како ратай покрививаетъ,
 Омешики о камешки поскрипываютъ.
 А сошка-та была у него дубовая,
 Омешики чистаго серебра,
 А присошекъ краснаго золота.
 Пріѣхалъ Вольга Святославъевичъ
 Самъ говоритъ таково слово:
 «Богъ помочъ, крестьянникъ оратай, на нивы ору-
 чись.»

— Милости просимъ, Вольга Святославъевичъ! —
 «Почему ты меня знаешь именемъ зовешь?»
 — А потому тебя знаю, именемъ зову,
 — Служилъ твоему батюшкѣ двѣнадцать лѣтъ,
 — А за двѣнадцать лѣтъ еще наемъ не взятъ. —
 Говоритъ Вольга Святославъевичъ:
 «А послужи мнѣ-ка-ва тринадцатый,
 «За тринадцать лѣтъ вдругъ наемъ отдамъ.
 «А съѣдимъ со мной городовъ смотрѣть.
 «И какъ тебя какъ, крестьянникъ, именемъ зовуть?»
 — Какъ я жыта напашу, да домой выволочу,
 — Да дома и вымолочу,
 — Да солоду папарю и пива наварю,
 — Гостей зазову и гостей накормлю,
 — И пойдутъ гости будутъ благодаримъ

*) Старикъ Аксеновъ плохо помнилъ эту былинку, и нѣко-
 торые стихи ему подсказывала Степанида Конова (XXI).

**) Это значить — въ лѣсу.

— Благодаримъ Микула Селянниковъ. —
 Такъ ёнъ какъ бросилъ сошку въ ракивовъ кусть,
 Улетѣла сошка подъ оболово,
 Потомъ упала въ ракивовъ кусть,
 Сошка была двѣнадцать пудъ.
 И поѣхалъ съ нимъ городовъ смотрѣть,
 А сѣлова кобылка пѣшомъ идетъ,
 А Вольгынъ конь пробѣгиваетъ,
 А сѣлова кобылка во рысь идетъ,
 А Вольгынъ конь и гнаться не могъ.
 Остался Вольга середѣ лѣса,
 Колнакомъ махалъ, голосомъ кричалъ:
 «Не оставь меня, Микула Селянниковъ,
 «Не оставь меня среди лѣса.»
 А ёнъ скажетъ: «кабы моя кобылка конемъ была,
 «Моей кобылкѣ цѣны не было.»

Записано на Леликовѣ, 4 июля.

132.

ДОБРЫНЯ *).

Во славномъ городѣ во Кіевѣ
 Жилъ старой Пермьт Васильевичъ
 Имѣлъ жену Катерину Микуличну.
 Приѣзжалъ къ ней гость любимый
 Добрыня Микитиничъ
 У воротъ стучится, колотится,
 Выбѣгала тутъ дѣвка поваренка,
 Поваренка и челѣдника,
 Сама говоритъ таково слово:
 «Кто у воротъ стучается?
 «У насъ стараго Пермьта въ домѣ нѣтъ,
 «Ушолъ къ обѣднѣ къ божественной.»
 Услыхала тутъ Катерина Микулична
 И бьетъ она дѣвку правойъ рукой на лѣвѣу лицу:
 — Не твое дѣло гостей отказывать,
 — А твое дѣло шти кашу варить,
 — Шти кашу варить да казаковъ кормить. —
 Запускала тутъ Добрыню Микитича,
 Сѣли они играть во шахматы.
 Разъ игралъ, Катерину поигралъ,
 Другой игралъ, Катерину поигралъ,
 А третій разъ Катерина ступити не дасть.
 Говоритъ Катерина Микулична:
 — Не могу смотрѣть на твою красу,

— Мое бѣлое тѣло ходуномъ ходитъ,
 — Тонка бѣлая рубашечка къ тѣлу льнетъ,
 — Полны чѣботы воды натекли.
 — Ложись-ко ты Добрыня на кроваточку. —
 И сталъ тутъ Добрыня попихивать,
 Тесовая кроваточка поскрипывать.
 А тутъ услыхала дѣвка поваренка,
 Проходить въ эту теплую горницу,
 Сама говоритъ таково слово:
 «Схожу я къ старому Пермьту Васильевичу,
 «Скажу, что есть у тебя гость немилый.»
 Проговоритъ Добрыня Микитиничъ:
 — Не ходи-тко ты дѣвка къ Пермьту Васильевичу
 — Вотъ тебѣ дѣвка косякъ камки,
 — Въ золотѣ камочка не погнется. —
 На то дѣвка не позѣрилась,
 А сходила она во Божью церкву,
 Сказала старому Пермьту Васильевичу:
 «Есть у тебя дома не милый гость
 «Занимается съ Катериной Микуличной.»
 Не достоявши Пермьтъ обѣдни, домой пошолъ,
 Бралъ онъ въ руки саблю вострую,
 Отрубилъ Добрыню буйную голову.

Записано тамъ же, 4 июля.

133.

ИВАНЪ ГОСТИНЫЙ СЫНЪ.

Какъ во славномъ во гради во Кіевѣ,
 У ласкова князя у Владиміра,
 Было пированье почестенъ пиръ.
 Все на пиру наѣдался,
 Все на пиру напивался,
 Все на пиру поросхвастался:
 Тотъ хвастаетъ тѣмъ, иной инымъ,
 Умною хвастаетъ добрымъ конемъ,
 Добрымъ конемъ да отцемъ матерью,
 А безумный хвастать молодой женой.
 А тутъ солнышко Владиміръ князь
 Самъ да поросхвастался:
 «Кто бы со мной билъ во великъ закладъ
 «Скакать отъ города отъ Кіева,
 «Отъ Кіева до города Чернигова,
 «Между тѣми частями между лебедами,
 «Межу тою обѣдней завтрянцей,
 «А перескѣку-то было да ровно триста верстъ.»
 Выставалъ тутъ Иванушко Гостинный сынъ
 Изъ-за того стола изъ-за дубоваго,
 Самъ говоритъ таково слово:

*) Здѣсь Добрыня. вѣроятно по оплошкѣ, поставленъ на мѣсто Чурилы Плевковича.

— Солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской!
 — Я съ тобою бью во великъ закладъ
 — Скакагь отъ города отъ Кіева до Чернигова
 — А перескоку было ровно триста верстъ. —
 Тутъ проговорить Владиміръ князь стольне-кіев-
 скій:

«У меня-то у князя есть триста жеребцовъ,
 «Триста жеребцовъ и три жеребца.
 «Кологривый жеребець и сивогривый живобоецъ
 «Есть младшій косматый бурушко.
 «А у тебѣ Иванушка Гостинный сынъ
 «На космъ-то черти буде повиѣхать?»
 Не досидѣвши Иванушка въ пиру домой пошолъ
 Не проходитъ онъ во гридни во столовыс,
 А проходитъ въ конюшенку стоялую
 Ко своему-то косматому ко бѣрушку,
 Клавался ему во правую во лѣвую во поженку:
 — Былъ я у князя на пиру.
 — Въ пьяномъ разумѣ порохвастался
 — Скакать отъ города отъ Кіева до Чернигова,
 — Между тѣма частыма между лѣбедами,
 — Между тою обѣдней заиреницей,
 — А перескоку-то будетъ да ровно триста
 верстъ. —

Насыпалъ тутъ своему косматому бурушку
 Пшени бѣлояровой,
 Наливалъ ему питьица медвянаго,
 Проходитъ во гридни во столовыи,
 Во свою во теплую спаленку.
 Тутъ Иванушку не очень спится,
 Подушечка въ головахъ вертѣтся.
 Ставалъ онъ поутру ранѣшенько,
 Умывался онъ бѣлѣшенько,
 Одѣвалъ онъ сапожки на ножки
 Зеленъ сафьянъ а носы востры,
 Около пята яичко кати,
 А подъ пату воробей пролетитъ.
 Сталъ онъ латиться, будатиться,
 Будатиться, кольчужиться,
 Прошолъ онъ во конюшну стоялую,
 Сталъ онъ сѣдлатъ своего бурушка,
 Надѣвалъ онъ шубу соболиную,
 Надѣвалъ онъ шапочку собольюю
 Пушисту и ушисту,
 Ушисту и завѣсисту.
 Спереди съ-подъ шапки глазъ не видать,
 А сзади съ-подъ шапки шея бѣлоей.
 Повелъ онъ своего косматого бурушка
 За поводы шелковыи,
 Косматый конь съ Иванушкой шуточки пошучи-
 валь,

За соболиную шубоньку покусывалъ,
 По дѣлому соболу видѣргивалъ.
 Провелъ онъ своего косматого бурушку
 Ко князю ко Владиміру,
 Привязывалъ онъ ко тому столбу да ко точеному.
 Ко тому кольпу да къ золоченому,
 Проходитъ онъ ко князю ко Владиміру,
 Молятся Богу по писаному,
 Поклонъ ведетъ по учѣному
 На вси на четыре на стороны,
 А князю Владиміру въ особину,
 Самъ онъ говоритъ таково слово:
 — Ахъ ты стольне Владиміръ князь, полно спать,
 порѣ вставать,
 — Закладнии заповѣди пора выполнить. —
 Выставалъ тутъ Владиміръ князь стольне-кіевской,
 Самъ говоритъ таково слово:
 «Ай же вы мои конюхи придворныи,
 «Гоните-тко вы триста жеребцѣвъ и трехъ же-
 ребцѣвъ.»
 Тутъ скоро конюхи пригнали триста жеребцѣвъ
 и трехъ жеребцѣвъ
 Кологрива жеребца и сивогрива живобоца
 И младаго косматого бурушка.
 Иванушковъ конь увидалъ и заржалъ
 На тѣхъ триста жеребцѣвъ.
 Кологривый жеребець ископытился,
 Сивогривой жеребець обваричился*),
 А младый косматый бурушко хвостъ заскалъ да
 въ поле ускалъ,
 Въ теремахъ верхи пошатался,
 И на столахъ пѣтъя расплескался,
 А тутъ князи бояра тутъ вси мертвы лежать,
 А Владиміръ князь ходитъ раскаракою,
 Соболиной шубой укрываеся,
 А самъ говоритъ таково слово:
 «Ай же ты Иванушко Гостинный сынъ!
 «Веди-тко своего косматушка бурушка съ моего
 двора,
 «Чортъ съ тобою и съ твоимъ конемъ.»
 Только-то они и ѣздили.

Записано тамъ же, 4 іюля.

134.

ДВА ЛЮБОВНИКА.

Во славномъ городи во Кіеви
 Жила-то была честная вдова,

*) Захромалъ.

Было у вдовушки тридцать дочерей
И вси оны во спасенье пошли,
Вси разбѣхались по пустымъ пустынямъ
И по всемъ монастырямъ,
Все становились по крѣдосамъ
И все поютъ «Господи Боже.»
Одна Софеюшка промолвилась:
Хотѣла сказать «Господи Божи»
А втѣпоры сказала: «Васильюшко подвинься
суды.»

Услышала Васильева матушка,
Скорешенько бѣжала во Кіевъ градъ,
На гривенку купила зелена вина,
На другую купила зелья лютаго.
Василью называла зелена вина,
А Софен наливала зелья лютаго.
Говорить она таково слово:
«Ты Васильюшко пей да Сафен не давай,
«А Сафеюшка пей Василью не давай.»
А Васильюшко пилъ и Сафен подносилъ,
А Сафеюшка пила и Василью подносила.
Васильюшка говоритъ что головушка болитъ,
А Сафея говоритъ: ретивѣ сердце щемить.
Они оба вдругъ переставились
И оба вдругъ переславились.
Василья несутъ на буйныхъ головахъ,
А Сафею несутъ на бѣлыхъ на рукахъ.
Василья хорошили по правую руку,
А Сафею хорошили по лѣвую руку.
На Васильѣ выросло кипарично дерево,
А Сафеѣ выростала золота верба,
Они вмѣсто верхочками свивались,
И вмѣсто листочками слипались.
Тутъ старый идетъ-то напачется,
А младый идетъ надивуется,
А малый идетъ-то натѣшится.
Тутъ провѣдала Васильева матушка
Кипарично дерево повырубила,
А золоту вербу повысушила.

Записано тамъ же, 4 іюля.

XXIV.

СТЕПАНИДА НЕКЛЮДИНА.

Степанида Кононовна Неклюдина,
дочь Конова Савиновича Неклюдина съ Зяблыхъ
Нивъ, славившагося во всемъ околотеѣ сказителя,
о которомъ слыхалъ и г. Рыбниковъ (см. т. III,

стр. XXVIII). Ей лѣтъ подъ 50, она, какъ неза-
мужняя дочь, живетъ на отцовской осѣдлости,
на Зяблыхъ Нивахъ у Конды, Сѣнногубской во-
лости. Помнить она былинны плохо, но когда слы-
шала, какъ пѣли другіе, именно Аксѣновъ, Су-
рикова и Дутиковъ, то нерѣдко припоминала,
какъ пѣвалъ то или другое мѣсто ея отецъ, и
ихъ поправляла или дополняла.

135.

ИВАНЪ ГОСТИННЫЙ СЫНЪ.

Въ столѣтѣмъ красномъ Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,
Былъ то у него почестень пирь
На многихъ на князей на бѣяровъ,
На русьскіихъ могучіихъ богатыревъ.
Вси на пиру да наѣдалися,
Вси на пиру да напьявалися,
Вси на пиру да поросхвасталися:
Умный хваста отцемъ матерью,
Ой безумный хваста молодой женой,
Душка Иванъ Гостинный сынъ
Сидитъ-то онъ не ѣсть не пьетъ,
Не ѣсть не пьетъ ничѣмъ не хвастаетъ.
Сгѣворить Владиміръ стольно-кіевской:
«Душка Иванъ Гостинный сынъ!
«Что же ты сидишь не ѣшь не пьешь,
«Не ѣшь не пьешь не кушаешь,
«Бѣлыя лебеди не рушаешь?
«Мѣсто ли было тебя не по любви,
«Хлѣбъ да соль не по души,
«Царой тебя побобшили
«Пьяница не надсмѣялася ли?»
Душка Иванъ Гостинный сынъ
Сгѣворить онъ князю Владиміру:
— Нецѣмъ мнѣ-ка-ва похвастати
— Мѣсто мнѣ-ка по любви
— Хлѣбъ да соль мнѣ-ка по души,
— Пьяница не надсмѣялася.
— Лучше станемъ во великъ закладъ:
— Я пробью свою буйнѣ голову,
— Ты пробей казны своей,
— Казны своей сорокъ тысящей. —
Сгѣворилъ Владиміръ князь стольне-кіевской:
«Ужъ ты душка Иванъ Гостинный сынъ!
«Во хмѣлю дѣтина призахвастался,
«Не на комъ тебѣ повѣхатъ

«По широкому роздолью розгуливати.»
 Скоро написали письма крѣпкіи,
 Приложили тутъ и ручки бѣлыя,
 Ъхать имъ на добрыхъ коняхъ
 Межь обѣдней и межь завтреней,
 Межу частыма молебнама,
 Кѣ тому ко городу ко Чернигову.
 И перебѣгу ко Чернигову триста три версты
 мѣрныхъ.

Тутъ душа Иванъ Гостинный сынъ
 Крест-отъ клалъ по писаному,
 Поклоны вель по учѣному,
 На вса на четыре на сторонушки,
 Князю Владимиру въ особину.
 Приходить къ полаты бѣлокаменной,
 Заходитъ онъ на широкій дворъ,
 Отворяетъ конюшню бѣлодубову,
 Паль ѣнъ въ ножку правую,
 Въ правую ножку лошадиную:
 — Ай же ты мой добрый конь!
 — Былъ я севодня на честномъ пиру,
 — Пробилъ я севодня буйную голову.
 — Можешь ли ты меня выручити,
 — Мою буйную голову повыкупити? —
 Стѣворитъ ему добрый конь,
 Стѣворитъ голосомъ человѣчимъ:
 «Ай же ты душа Иванъ Гостинный сынъ!
 «Князя Владимиру къ стыду приведу,
 «Братца своего, его постражду,
 «Твою буйную голову выкуплю.»
 Взялъ ѣнъ за поводы за шѣлковыи,
 За подбраздѣ за серебряно
 Приводитъ ко тому и ко князю Владимиру,
 Приводитъ его на широкій дворъ,
 Тутъ сидятъ князи бѣара.
 Сталъ онъ по двору похаживать,
 Добраго коня сталъ похаживати.
 Добрый конь сталъ за шубку похвативать
 По черному соболу выдѣргивати.
 Тутъ сидятъ князи бѣара,
 Стѣворятъ тутъ князи бѣара:
 — Глуный душа Иванъ Гостинный сынъ!
 — Спортилъ шубу твой добрый конь. —
 Душка Иванъ Гостинный сынъ
 Говоритъ таково слово:
 «Стоитъ эта шубка мѣ-ка-ва пятьсотъ рублей,
 «Живъ я бывалъ, шубку держивалъ,
 «Живъ я буду шубку сдѣлаю въ тысячу.»
 Приходить въ полату бѣлокаменную
 Кѣ тому ко князю ко Владимиру,
 Крест-отъ клалъ по писаному,

Поклоны вель по учѣному,
 На вса на четыре сторонушки,
 Князю Владимиру въ особину:
 «Владимиръ князь стѣльне-киевской!
 «Время намъ ѣхати на добрыхъ коняхъ
 «Кѣ тому граду ко Чернигову,
 «Межу частыма молебнама,
 «И перебѣгу ко Чернигову триста три версты
 мѣрныхъ.»

Зѣвопилъ Владимиръ стѣльне-киевской:
 — Подѣте-тко вы мои конюхи,
 — Подѣте вы на конюшій дворъ,
 — Выбирайте-тко мои конюхи
 — Тридцать жеребцѣвъ, да трехъ жеребцѣвъ,
 — Сивогрива жеребца, кологрива жеребца,
 — Маленька полонѣнаго воронка,
 — Нѣ него надѣя великая. —
 Душка Ивана Гостинаго
 Зѣржалъ ѣго добрый конь,
 Князя Владимира по конюшенеи
 Все ты кони мертвы лежатъ:
 Сивогривый жеребецъ ископытися,
 Кологривый жеребецъ на колѣяка палъ,
 Маленькій полоненный воронкѣ
 Голову залапилъ, хвостъ заломилъ,
 Хвостъ заломилъ, черезъ Пучай рѣку скочилъ,
 Въ чисто поле ушолъ.
 Ай же вы князи бѣара
 Буде отдали сумма великая
 Душкѣ Ивану Гостинному.

Записано тамъ же, 4 июля.

136.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА *)).

Со того ли города со Крякова,
 Отъ того ли отъ села да отъ Берѣзова,
 Поѣзжалъ Лука Петровичъ королевскій сынъ.
 На зеленое на затресе
 Стрѣлять да гусей лебедей,
 Малыхъ перелетныхъ утушекъ.
 Онъ не стрѣлялъ ни гуся ни лебеда,
 Ни малаго перелетнаго утѣнуша.
 Показалось это ему за досадушку,

*) По словамъ Кононовой, эта быльва обыкновенно поется хоромъ, въ четыре или пять голосовъ, весьма жалобнымъ пѣньемъ.

Увидаль онъ на сырѣмъ дубу черна ворона:
 «Я подстрѣлю черна вѣрона на сырѣмъ дубу,
 «Спущу его тушу о сыру землю,
 «Распущу его перья по чисту полю.»
 Провѣщитца птица вѣщая воронъ чернын:
 — Старца убить не спасенье,
 — Черна ворона подстрѣлить некорыстьзалучить.
 — Подѣзжай Лука Петровичъ королевской сынъ
 — Во далече, далече во чисто поле,
 — Во чистѣмъ полѣ теби буде Божья помочь. —
 И пашолъ онъ во чистѣмъ полѣ татаринѣмъ.
 Ударили они въ сабли острын,
 Въ сабли вострын, до обуха притунилися.
 Ударили они въ палици булатнын,
 У нихъ палици въ рукахъ да нагибалися.
 Ударили они рукопашковъ, —
 Сбилъ Лука Петровичъ королевской сынъ
 Татарина да онъ во сырѣмъ землю,
 Сталъ татарину на бѣлы груди,
 Заздынулъ ножице выше головы.
 Его свѣтло око помутилося,
 Рука въ плечѣ да застоилася,
 Ретиво сердце приудрогнуло:
 «Ты скажи-ка мнѣ татаринъ не утай же мнѣ:
 «Ты съ кой земли, да ты съ кой орды,
 «Коего ты града урождение?»
 «Тебя какъ-то зовутъ мѣлодца по имечки
 «Звездичаютъ тебя да по отечеству?»
 — Кабы я бы былъ да на твоихъ грудяхъ,
 — Я не спрашивалъ бы ни роду ни племени,
 — Не спрашивалъ бы я твоей родины,
 — Пласталъ бы я твои груди бѣлыя,
 — Вынималъ бы сердце со пѣчевью. —
 Заздынулъ ножице на вторѣй на конѣ.
 Его свѣтло око помутилося,
 Рука въ плечѣ да застоилася,
 Ретиво сердце приудрогнуло:
 «Ты скажи-ка мнѣ татаринъ не утай же мнѣ:
 «Ты съ кой земли, да ты съ кой орды,
 «Коего ты града урождение?»
 «Тебя какъ-то зовутъ мѣлодца по имечки,
 «Звездичаютъ тебя да по отечеству?»
 — Когда сталъ ты меня выспрашивать
 — Я стану тебѣ розказывать:
 — Со того ли города со Крякова,
 — Отъ того села да отъ Березова,
 — По имечки меня зовутъ Васильюшкомъ,
 — По отечеству я Петровъ-тотъ сынъ. —
 Скочилъ Лука Петровичъ на рѣзвѣ ноги,
 Еще бралъ-то братца за бѣлы руки,
 Цѣловалъ въ уста да во сахарнии,

Повезъ-то онъ его да въ свою сторону,
 Ко своей-то ко родителю ко матушкѣ
 Ко честной вдовы Настасьѣ Александровнѣ.
 Приходи во полату бѣлокаменну,
 Крестъ онъ клалъ по писаному,
 Поклоны-то велъ по ученому,
 На всѣ на три па четыре сторонушки,
 Своей матушкѣ бьетъ въ особину:
 «Здравствуй матушка честна вдова
 «Честна вдова Настасья Александровна!
 «Я привезъ теби съ поля гостя любимаго.
 «Составляй-ко ему ѣствушки сахарнын,
 «Напиточки полаживай медвянны.»
 — Ахъ ты чадо мое милое
 — Варила бы я этимъ гостямъ смолу вареную
 — И толкла бы имъ версту *) толченую.
 — Тому времячки есть двѣнадцать лѣтъ
 — Увели у меня сына Василья Петровича трое-
 мѣсячна. —
 «Пойдемъ-ка родитель матушка,
 «Не татарина привезъ тебѣ съ чиста поля, —
 «Братца родимаго, твоего-то сына любимаго.»
 Подвелъ къ столбу каменному,
 Потомъ показывалъ сына любимаго,
 Сдѣлали здоровье плотнехонько.

Записано тамъ же, 4 июля.

137.

ПТИЦЫ И ЗВЪРИ **).

Отчего братцы зима становилась?
 Стаивилась зима отъ морозовъ,
 Отъ зимы наставала весна красная,
 Отъ весны наставало лѣто теплое,
 Отъ теплаго лѣта наставала осень богатая.
 Цари-то живутъ наши по царствамъ,
 Воеводы-то живутъ по уѣздамъ,
 Пои дьяки живутъ по погостамъ,
 Крестьяне живутъ по деревнямъ,
 Бобыли сироты вдругъ тыхъ же,
 Чтобы было братцы про то вѣсто,
 Старой бабы на печи бы мѣсто,
 А подъ носомъ крынка съ тѣстомъ,
 Чтобы она лежала не порчала.

*) Камень.

**) Некоторые стихи въ этой «старинкѣ» подсказывалъ Ду-
 тиковъ (XXIII).

Изъ моря моря со дунайскаго моря,
 Прилетала малая птица пѣвица,
 Садилася на деревцо калиново.
 Прилетали тутъ русьскіи птицы,
 Садилися они вси по коламя,
 Садилися они вси по изгородки,
 Вдоль по зеленыя дубровкѣ,
 Учали жупѣть и говорити,
 Какъ младъ соловей щекотати,
 А русьскаго голоса являти.
 Кто у насъ на морѣ больше,
 Кто у насъ на морѣ меньше.

Зелѣнъ птица на морѣ надлетникъ,
 Зуи на морѣ поварь,
 Клевецъ на морѣ плотникъ,
 Колзанъ на морѣ поддеверье,
 Витлюкъ ключникъ язычникъ,
 Жаворонокъ земскій
 То-есть очищикъ деревенской,
 Пава на морѣ гостя богата,
 Павны жонки торговки,
 Пѣтухи козаки донскіе
 То наши молодцы удалые,
 Держить куръ-по двѣ и по три,
 И держить по цѣлому десятку,
 И всихъ овъ наряжаетъ
 И вси его боятся.
 Не такъ какъ на Руси крестьяне:
 Одной баженой женки
 И той парядить не умѣютъ.

Сорока на морѣ кабацкая жонка
 Съ ножки на ножку скакала,
 Удалыхъ молодцовъ примѣчала,
 То себи честь залучала.
 Ворона на морѣ цупорѣзная бабка.
 Журавъ на морѣ вытегорскій,
 То пономарь монастырскій:
 Въ бѣлой колоколъ ударить,
 Завтракать обѣдать кличь.
 Побѣдная птица курица
 Кто ее во дворѣ поймаешь,
 Всяка въ ней жопу покопаетъ,
 Яйца добываетъ,
 Зятю свѣту запасаешь,
 Отъ зятя свѣта честь залучаешь.

Сѣрый волкъ овчинникъ,
 По многу овецъ съѣдаетъ,
 А шубу себѣ не видаешь,

По закустошью ночуетъ,
 Надѣется на свою на теплую шубу.
 Старый медвѣдь кожемяка,
 По многу кожь сминаетъ,
 А порткѣвъ на ногахъ не видаешь.
 Кошечка вдовица
 Та сирота бобылица,
 День она по печамъ,
 Ночь она по добычамъ:
 Молосны крички ломаешь.
 За то и бьютъ безпощадно.
 Собака на мори свекрова,
 Много она бранится,
 Никто ея не боится.
 А лисица на мори молодница:
 Долгій хвостъ да не ступить,
 Сдѣла вину да не скажеть.

Записано тамъ же, 4 іюли.

XXV.

ДОМНА СУРИКОВА.

Домна Васильевна Сурикова, крестьянка дер. Ковды Сѣнногубской волости, вдова лѣтъ 40, раскольница. Былины, которыя она поетъ очень складно и отчетливо, хотя слабымъ дребезжащимъ голосомъ, она переняла отъ стариковъ, между которыми особенно отличался Ковновъ съ Зяблыхъ-Нивъ. Пѣть съ такою разстановкою, чтобы можно было записать былины съ «голоса», а не со словесной передачи, она не могла привыкнуть. Кромѣ былинь, здѣсь помѣщаемыхъ, она знала также, но уже плохо помнила, былину про Илью и Соловья разбойника, а также ишла стихъ про царя Соломона, извѣстный по изданію г. Рыбникова.

138.

ИЛЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Рѣки-то озера ко Новгороду,
 Мхи-то болота ко Бѣлоозеру,
 Широки роздѣлья ко Олскому,
 Темныя лѣса ко Смоленскому,

Чисты поля къ Ерусолоѣлиму.
 Матушка Казань подошла подъ Острохань:
 Устьемъ выпадала во Черно море,
 Въ тое ли во морюшко во Черное.
 Собирается сподобляется,
 Справляется царь Калина
 Ко стольнѣму городу ко Киеву,
 Ко ласкову князю Владимиру,
 Что царя со царицей во полонъ обратъ,
 А душеньку царевну въ замужеству.
 Сбиралъ свою силу по три году,
 Собралъ силы и смѣты нѣтъ.
 Приказалъ своей силы великоюй
 Въ одно мѣсто бросить по камешку,
 Стала гора превеличающа:
 Только силы, что смѣты нѣтъ.
 Подходить царь Калинъ подъ Киевъ градъ,
 Становилъ свою силу въ чистомъ поли,
 Повыбралъ онъ лучше татаревевъ,
 Посылае къ стольнему городу Киеву,
 Къ ласкову князю Владимиру:
 «Подите мои князи бѣяра,
 «Мои послы царя Калина!
 «Подите ко стольному городу ко Киеву,
 «Къ ласкову князю Владимиру,
 «Не спросите у дверей придверниковъ,
 «У воротъ не спросите приворотниковъ, —
 «Отпирайте вы двери на пату,
 «Положите конвертъ на золоченый столъ,
 «Пословесно ему выговаривайте
 «Ласкову князю Владимиру:
 «Чтобы были улицы опаканы,
 «Чтобы были дворы очищены,
 «Ты бы дворы богатырски,
 «Ты бы полаты княженецки,
 «Чтобы было гдѣ стоять царю Калину,
 «Чтобы было гдѣ стоять намъ князьямъ боярамъ.»
 Тутъ Владимиръ стольне-кѣвской
 Заводилъ онъ свой почестенъ пиръ,
 На всихъ на князей на бояровъ,
 На рускиихъ могучихъ богатыревъ.
 Красное солнце на вечери,
 Почестенъ пиръ у нихъ на весели.
 Все на пиру пьяны весели.
 Зъ-за того стола за дубоваго
 Выходитъ Владимиръ стольне-кѣвской,
 Ёнъ имъ бьетъ челомъ поклоняется:
 — Вы рускии могучии богатыри:
 — Пособите мни дума думати:
 — Что мнѣ дѣлать съ царемъ Калиномъ?
 — Хочетъ насъ со царицей во полонъ обратъ,

— Душеньку царевну въ замужество. —
 Зъ-за того стола зъ-за дубоваго,
 Зъ-за того пиру зъ-за почостнаго,
 Выскочилъ Алешенька Поповичъ тотъ сынъ.
 «Солнышко Владимиръ стольне-кѣвской!
 «Не отдадимъ мы стольнаго города Киева,
 «Тебе ласкова князя Владимира,
 «Бей войска безъ драки безъ великоюй.»
 А 'ще Владимиръ стольне-кѣвской
 Имъ бьетъ челомъ, поклоняется:
 — Вы рускии могучии богатыри!
 — Вы пособите мнѣ дума думати:
 — Что мнѣ дѣлать съ царемъ Калиномъ?
 — Хочетъ насъ съ царицей въ полонъ обратъ,
 — Душеньку царевну въ замужество. —
 Зъ-за того стола зъ-за дубоваго,
 Зъ-за того пиру зъ-за почостнаго,
 Выскочилъ Добрынюшка Микитинъ сынъ,
 Говоритъ ёнъ таково слово:
 «Солнышко Владимиръ стольне-кѣвской!
 «Не отдадимъ мы стольнаго града Киева,
 «Тебе ласкова князя Владимира
 «Безъ войска безъ драки безъ великоюй.»
 А 'ще Владимиръ стольне-кѣвской
 Имъ бьетъ челомъ, поклоняется:
 — Вы рускии могучии богатыри!
 — Вы пособите мнѣ дума думати:
 — Что мнѣ дѣлать съ царемъ Калиномъ?
 — Хочетъ насъ съ царицей въ полонъ обратъ,
 — Душеньку царевну въ замужество. —
 Зъ-за того стола зъ-за дубоваго,
 Зъ-за того пиру зъ-за почостнаго,
 Выходитъ старый казакъ Илья Муромецъ,
 Говоритъ ёнъ таково слово:
 «Солнышко Владимиръ стольне-кѣвской!
 «Послыхай мене стараго казака Илью Муромца
 «Положи на мису красна золота,
 «На другу чистаго серебра,
 «На третью скатнаго жемчуга.
 «Заложы коляску княженецкую,
 «Меня-то возьми во запятнички,
 «Съѣздимъ въ далече во чисто поле,
 «Свеземъ къ царю Калину дороги подарочки,
 «Времени упросимъ на два мѣсяца:
 «Чтобы было когда улицы опакивать,
 «Чтобы было когда дворы очищивать,
 «Ты бы дворы богатырскии,
 «Ты бы полаты княженецкии,
 «Чтобы было гдѣ стоять царю Калину,
 «Было бы стоять гдѣ князьямъ боярамъ.»
 Послухалъ Владимиръ стольне-кѣвской

Старога казака Илью Муромца
 Положилъ на мису красна золота,
 На другу чистаго серебра,
 На третью скатнаго жемчуга,
 Заложилъ коляску княженецеу,
 Илью Муромца взявъ въ запятнички,
 Поѣхали въ далече во чисто поле,
 Свели царю Кáлину дороги подарочки,
 Времени упростили на два мѣсяца:
 Чтобы было когда улицы опаживать,
 Чтобы было когда дворы очищивать,
 Ты бы дворы богатыхъ кин,
 Ты бы полаты княженецкии,
 Чтобы было гдѣ стоять царю Кáлину,
 Чтобы было гдѣ стоять князьямъ боярамъ.
 Собрались тутъ русьскіи могучіи богатыри,
 Мало по малу справляются,
 Мало по малу сподобляются.
 Сподобляется Олешенька Поповъ-тотъ сынъ
 Во далече далече во чисто поле,
 Сѣдае уздае добра коня:
 На коня положилъ онъ войлочки,
 На войлочки клалъ онъ потеси,
 На потеси сѣделишко черкасское,
 Подвязывалъ двѣнадцать потесей,
 Подвязывалъ шелками муханьскими,
 Не для ради красы басы угожества, —
 Для ради закрѣпы богатырской.
 Пряжки клалъ мѣди казанской,
 Стремянки желѣза булатнаго.
 Вид'ли добра молодца садучи,
 Не вид'ли добра молодца во чисто поле поѣдуци, —
 Одна курева стоитъ во чистомъ поли
 Отъ ёго копытъ отъ лошадиныхъ.
 Приѣхалъ Олеша во чисто поле
 Къ тому дубу ко Невиду,
 Къ тому кресту Леванидову,
 Къ бѣлому ко каменю къ Олатырю.
 Роздёрнулъ ёнъ свой бѣлъ шатерь,
 Во шатерь поставилъ добра коня,
 Насыпалъ пшени бѣлояровой,
 О шатѣрь поставилъ одно деревцо,
 Одно деревце поставилъ двадцати сажень.
 На деревце повѣсилъ одну кисточку,
 Одну кисточку повѣсилъ золоченую,
 Не для ради красы басы угожества,
 Для ради признашки богатырской:
 Чтобы знали поганые татарова,
 Что стоитъ Алеша во чистомъ поли,
 На этой на заставы великой.
 Мало по малу справляются,

Справляются сподобляются.
 Сподобляется Добрынюшка Микитиничъ
 Во далече далече во чисто поле,
 Сѣдае уздае добра коня:
 На коня положилъ онъ войлочки,
 На войлочки клалъ онъ потеси,
 На потеси сѣделишко черкасское,
 Подвязывалъ двѣнадцать потесей,
 Подвязывалъ шелками муханьскими
 Не для ради красы басы угожества, —
 Для ради закрѣпы богатырской.
 Пряжки клалъ мѣди казанской,
 Стремянки желѣза булатнаго.
 Вид'ли добра молодца садучи,
 Не вид'ли добра молодца во чисто поле поѣдуци, —
 Одна курева стоитъ въ чистомъ поли
 Отъ ёго копытъ отъ лошадиныхъ.
 Приѣзжаетъ Добрыня во чисто поле
 Къ тому дубу ко Невиду,
 Къ тому кресту Леванидову,
 Къ бѣлому ко каменю къ Олатырю.
 Роздёрнулъ ёнъ свой бѣлъ шатерь,
 Во шатерь поставилъ добра коня,
 Насыпалъ пшени бѣлояровой,
 О шатѣрь поставилъ одно деревцо,
 Одно деревце поставилъ тридцати сажень,
 На деревце повѣсилъ двѣ кисточки,
 Двѣ кисточки повѣсилъ золоченны
 Не для ради красы басы угожества,
 Для ради закрѣпы богатырской,
 Чтобы знали поганые татарова,
 Что стоитъ Добрыня во чистомъ поли
 На той ли на заставы великой.
 Мало по малу справляются,
 Справляются сподобляются.
 Сподобляется старый казакъ Илья Муромецъ
 Во далече далече во чисто поле,
 Сѣдае уздае добра коня:
 На коня положилъ онъ войлочки,
 На войлочки клалъ онъ потеси,
 На потеси сѣделишко черкасское,
 Подвязывалъ двѣнадцать потесей,
 Подвязывалъ шелками муханьскими
 Не для ради красы басы угожества, —
 Для ради закрѣпы богатырской.
 Пряжки клалъ мѣди казанской,
 Стремянки желѣза булатнаго.
 Вид'ли добра молодца садучи,
 Не вид'ли добра молодца во чисто поле поѣдуци, —
 Одна курева стоитъ въ чистомъ поли
 Отъ ёго копытъ отъ лошадиныхъ.

Приѣзжаетъ Илья во чисто поле
 Къ тому дубу ко Невиду,
 Къ тому кресту Леванидову,
 Къ бѣлому ко каменю къ Олатырю.
 Роздернулъ ѣнъ свой бѣлъ шатерь,
 Во шатерь поставилъ добра коня,
 Насыпалъ пшени бѣлояровой,
 О шатерь поставилъ одно деревцо,
 Одно деревце поставилъ сорока сажень,
 На деревце повѣсилъ три кисточки,
 Три кисточки повѣсилъ золоченныхъ,
 Не ради красы басы ужоества,
 Для ради пристрашки богатырскойей,
 Чтобы звали поганые татарова,
 Что стоитъ Илья Муромецъ въ чистомъ поли,
 На этой на застави великойей.
 Мало по малу справляются,
 Мало по малу сподобляются.
 Собрались двѣнадцать богатыревъ
 На эту на заставу великуюю.
 Тутъ Владимиръ стольне-кѣвской,
 Енъ по городу похаживать,
 Кувней шубой окрывается.
 У стольнаго у города у Кіева
 Хлѣба трѣснуть-ѣсть — ё кому,
 А за Кіевъ градъ постоять — некому.
 Съ того царева со кабака
 Зъ-за тыхъ зъ-за бочекъ зъ-за винныхъ,
 Повыскочилъ младый Ермакъ Тимоѣевичъ:
 — Солнышко Владимиръ стольне-кѣвской!
 — Ай ты мой крестный батюшко!
 — Дай-ко мнѣ коня богатырскаго,
 — Поѣду въ далече во чисто поле
 — На эту на заставу великуюю. —
 Спрогѣворить князь стольне-кѣвской:
 «Ты, младый вьюношь, перѣрвешься,
 «Не будешь впередъ ты богатыремъ.»
 — Дашь коня, крѣстный батюшка, —
 — Я поѣду во чисто поле;
 — А не дашь коня, я пѣшомъ пойду. —
 Владимиръ стольне-кѣвской
 Онъ далъ ему добра коня.
 Скочилъ Ермакъ на добра коня,
 Не на сѣдланаго, не на узданаго,
 Только видѣли добра молодца сядуци,
 А не видѣли во чисто поле поѣдуци,
 Одна курева стоитъ во чистомъ поли
 Отъ его копыть отъ лошадиныхъ.
 Приѣхалъ Ермакъ на заставу великуюю
 Къ тому къ дубу ко Невиду,
 Къ тому кресту Леванидову,

Къ бѣлому каменю къ Олатырю,
 Оставилъ коня непривязанаго.
 Пришелъ Ермакъ во бѣлъ шатерь
 Къ тому Ильи, Ильи Муромцу,
 Сидятъ двѣнадцать богатыревъ
 Играютъ въ шашки въ шахматы заморскіи.
 Спрогѣворить Ермакъ Тимоѣевичъ:
 — Во томъ во городѣ Кіевѣ
 — Хлѣба трѣснуть ѣсть ё кому, —
 — А за Кіевъ градъ постоять некому. —
 Спрогѣвори старый казакъ Илья Муромецъ:
 «Поди-тко младый Ермакъ Тимоѣевичъ,
 «Повыстань, поди, во сырой дубъ,
 «Считай-ко силу по знаменью,
 «Погляди на силу великую:
 «Ужо ли сила на ходъ пошла?»
 Повысталъ Ермакъ во сѣрой дубъ,
 Поглядѣлъ на силу великуюю,
 А тамъ сила на ходъ пошла.
 Скочилъ Ермакъ со сыра дуба
 Садился Ермакъ на добра коня,
 Съѣхалъ въ силу великуюю.
 Сидѣли богатыри въ бѣломъ шатрѣ.
 Спрогѣвори старый казакъ Илья Муромецъ:
 «Сходи-тко Добрыня во сѣрой дубъ:
 «Не упалъ ли Ермакъ со сыра дуба?»
 Пришелъ Добрыня во сырой дубъ,
 Поглядѣлъ на силу великуюю.
 Тамъ не ясный соколъ полетываетъ,
 Не черныи воронъ попурхиваетъ,
 Посказивалъ удалой добрый молодець
 Младый Ермакъ Тимоѣевичъ.
 Пришелъ Добрыня со сыра дуба,
 Къ Ильи Муромцу пришелъ во бѣлой шатерь:
 — Ай же вы русскіе могучіе богатыри!
 — Ъзди въ силы великойей
 — У насъ не ясный соколъ полетываетъ,
 — Не черныи воронъ попурхиваетъ,
 — Посказивае удалой добрый молодець
 — Младый Ермакъ Тимоѣевичъ. —
 Спрогѣвори старый казакъ Илья Муромецъ:
 «Вы русскіе могучіе богатыри!
 «Садитесь богатыри на добрыхъ коней,
 «Поѣзжайте въ силу великуюю,
 «Берите храпы желѣзные,
 «Младому Ермаку Тимоѣевичу
 «Накидывайте на плечи могутви,
 «Пословесно его уговаривайте:
 «Ты сегодня позавтракаль,
 «Дай ты намъ хоть пообѣдати.
 «А онъ младый вьюношь перервется,

«Не будетъ впередъ онъ богатыремъ.»
 А тутъ русскіе могучіи богатыри
 Брали храпы желѣзныи
 Накидывали на плечи могутніи
 Младому Ермаку Тимоѣевичу,
 Пословесно ему выговаривали:
 — Младый вьюношь переревься
 — Не будешь впередъ богатыремъ.
 — Ай ты младый Ермакъ Тимоѣевичъ!
 — Дай намъ хоть пообѣдати. —
 Тутъ русскіе могучіи богатыри
 Вывели съ силой съ великой
 Младаго Ермака Тимоѣевича.
 Заѣхалъ который отъ Новѣгорода,
 Который отъ Бѣлаозера,
 Который заѣхалъ отъ Кіева,
 Который заѣхалъ отъ Еросблима
 Всю прибили силу великую.
 Тутъ въ одно мѣсто богатыри съѣхались,
 А тутъ они поросхвастались:
 «Кабы была на небо лѣстница,
 «Мы прибили бы мы всю силу небесную.»
 А тутъ убьютъ татарина — станеть два да три.
 Тутъ русскіе могучіе богатыри,
 Прибились они, примучились,
 И другъ другаго прикололи прирѣзали,
 Не осталось на Руси богатырей,
 Остался одинъ младый Ермакъ Тимоѣевичъ.
 Младый Ермакъ Тимоѣевичъ
 Приѣхалъ ко городу ко Кіеву,
 Ко ласкову князю Владиміру.
 Спроговори князь стольне-кіевской:
 — Ай ты любимый мой крестничекъ!
 — Чѣмъ тебя нынѣ мнѣ пожаловать?
 — Мызамы тебя, али дачами,
 — Али жаловать тебя золотой казной? —
 А спроговори младый Ермакъ Тимоѣевичъ:
 «Ай ты крестный мой батюшка!
 «Тѣмъ только меня пожадуйте:
 «Въ важномъ царевомъ кабацѣ,
 «Пить пивцѣ-винцѣ безденежно.»

Записано тамъ же, 4 іюля.

У стольнаго города у Кіева,
 У ласкова князя у Владиміра,

Было пированье почестень пирь,
 На вси на князи, на бѣяра,
 На русскіихъ могучіихъ богатырей,
 На всіихъ поляницъ на удаліихъ.
 Красно солнце на вѣчери,
 Почестень пирь у нихъ на вѣселл.
 Вси на пиру пьяны вѣсели,
 Вси на пиру наѣдалися,
 Вси на пиру напивалися,
 Вси на пиру поросхвастались:
 Умный похвасталъ отцемъ матерью,
 А безумный похвасталъ молодой женой.
 Кто хвасталъ своей удатью,
 А кто хвасталъ своей участью.
 Кто ли конима добрыма,
 Кто ли платьями цвѣтныма,
 Изъ-за того стола зъ-за дубова,
 Зъ-за того пиру зъ-за почѣстнаго,
 Выходи Владиміръ стольне-кіевской:
 — Ай же вы князи, князи бѣяра,
 — Всѣ русскіе могучіе богатыри!
 — Вси вы на пиру принакормлены,
 — Вси вы на пиру принапоены,
 — Вси вы на пиру пьяны веселы,
 — Вси вы на пиру испоженены,
 — Я у васъ одинъ холостъ нѣженатъ.
 — Дайте вы мнѣ супротивную
 — Чтобы станикомъ она была ровнѣшенька,
 — Ростомъ была высокѣшенька,
 — Очи бы были ясна собола,
 — Брови бы были черна собола,
 — Чтобы тѣло было снѣгу бѣлаго,
 — Волосомъ желта, и умомъ сверста. —
 Зъ-за того стола зъ-за дубоваго,
 Зъ-за того пиру зъ-за почѣстнаго,
 Выходить сильней Дунай Ивановичъ,
 Бьетъ челомъ поклоняется:
 «Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
 «Я тебѣ знаю супротивную.
 «Е во земляхъ Ляховинскіихъ
 «У короля Микулы Ляховинскаго,
 «Е у него двѣ дѣчери:
 «Больша дочь Настасья Микулична
 «Бѣди въ чистомъ поли, полакуеть.
 «Меньша дочь Опраксія Микулична
 «За тридевять сидитъ за замочками
 «За тридевять сидитъ за сторожочками.»
 Спроговори князь стольне-кіевской:
 — Достаньте вы Опраксію Микуличну
 — Русскіе могучіе богатыри. —
 Спроговори сильней Дунай Ивановичъ:

«Дай ты мнѣ во товарищи
 «Хоть младаго Добрыню Микитьевича.
 «Пишите письма скорописчаты
 «О добромъ дѣлѣ о сватовствѣ,
 «Сѣдлайте уздайте добрыхъ коней.»
 Дали ему во товарищахъ
 Младаго Добрыню Микитьевича,
 Писали письма скорописчаты
 О добромъ дѣлѣ о сватовствѣ,
 Сѣдлали уздали добрыхъ коней,
 На коней клали попутники,
 На попутники клали наметники,
 На наметники сѣделышка черкасскіи,
 Вид'ли добрыхъ молодцовъ сѣдучи,
 А не вид'ли во чисто поле поѣдучи.
 Не воротами молодцы поѣхали, —
 Ихъ добры кони черезъ стѣну скочили городовую,
 Поѣхали дорогами не окольными,
 А поѣхали дорогами прямоѣзжими.
 Скоро сважется, а тихо дѣется.
 Приѣхали въ земли ляховинскіи,
 Къ королю Микулѣ Ляховинскому.
 Ёнъ оставилъ Добрыню середі двора.
 Во лѣвой рукѣ два повода шелковныхъ,
 Держить два комона добрыхъ,
 Во правой рукѣ дубинка вязовая.
 А Дунай пошолъ на высокъ теремъ,
 Пришолъ Дунай на высокъ теремъ
 Крестъ кладець по писаному,
 Поклонъ ведетъ по учёному,
 На двѣ на три на четыре на сторонушки,
 А королю Микулѣ въ особину:
 «Здравствуй король земли Ляховинскія!»
 Спроговори король земли Ляховинскія:
 — Ай же вы горланы святорусскіе!
 — Зачѣмъ же приѣхали на королевскій дворъ?
 — Безданно заѣхали безошлинно? —
 Спроговори сильнѣй Дунай Ивановичъ:
 «Заѣхали мы на королевскій дворъ
 «Хоть безданно, заѣхали безошлинно,
 «О добромъ дѣлѣ о сватовствѣ.»
 Кладывас письма скорописчаты,
 На столики ёнъ на дубовые,
 Спроговори король земли Ляховинскія:
 — Хоть вы приѣхали о добромъ дѣлѣ о сватовствѣ,
 — Я за ваши рѣчи неумидныя
 — На годъ тебя кладу въ конюхи,
 — На другой кладу тебя во пѣвары,
 — А на третій кладу въ погребы глубокіи,
 — Желѣзной дощечкой призадвину тебя,
 — Пропитомство кладу овсѣ съ водой.

— Пусть-ко Дунай воспотѣшится,
 — Ума разума въ головку побирается. —
 Онъ повѣсилъ свою буйную головушку,
 Утопилъ свои ясныя очушки
 А въ тни столики дубовыи,
 Въ тни мосты во кленовыи,
 Здмнулъ свою бѣлую ручушку,
 Ударилъ кулакомъ во столики.
 Тутъ столики вси порозсыпались,
 Крыльца перильца покосились.
 Король по терему побѣгиваетъ,
 Куньей шубой окрывается:
 — Ахъ ти мѣ ребята на бѣду попалъ,
 — Ахъ ти мѣ ребята на великую:
 — Не знаю какъ съ бѣдою розвязатися? —
 Прибѣжали слуги его вѣрныи
 Съ его двора королевсваго:
 «Король земли ляховицкія!
 «Ты ѣшь ѣешь похлаждаешься,
 «А надъ собою невзгоды не вѣдаешь.
 «На твоёмъ дворѣ на королевскомъ.
 «Не ясный соколъ полетываетъ,
 «Не черныи воронъ попухиваетъ:
 «Поскакивалъ удалый добрый молодець.
 «Въ лѣвой руки два повода шелковныхъ
 «Держить два комона добрыхъ,
 «Во правой руки дубинка вязовая,
 «Полна дубина свинцу налита.
 «Ёнъ куды махнѣтъ, падутъ улицама,
 «А отмахнѣтъ — переулкама,
 «Крупныхъ татаръ убилъ сорокъ тѣсячей,
 «А мелкимъ татарышкомъ тымъ и смѣты нѣтъ.
 «Не оставилъ татарышекъ на сѣмены.»
 Король земли ляховинскія
 Ёнъ по терему побѣгиваетъ,
 Куньей шубой укрывается:
 — Бѣжите слуги мои вѣрныи,
 — Отом(в)ните тридевятъ замочки,
 — Ведите Опраксию Микуличну,
 — Мойте Опраксию бѣлешенько,
 — Сокрутите ю хорошононько,
 — Посадите ю на добра коня,
 — Отпустите въ земли святорусскіи. —
 Сходили слуги его вѣрныи,
 Отом(в)нули тридевятъ замочки,
 Взяли Опраксию Микуличну,
 Мыли тутъ Опраксию бѣлешенько,
 Сокрутили ю хорошононько,
 Посадили ю па добра коня,
 Отпустили въ земли святорусскіи.
 Въ томъ во чистомъ полюшкѣ

Сустигла ихъ темная почушка.
 Бѣгъ они шатѣръ роздернули и спать легли.
 Въ головы клали саблю вострую,
 Возли себя копьѣ муримецкое,
 Въ ноги палицу булатную.
 Вставае сильнѣй Дунай Ивановичъ
 По утрушку вставае ранѣшенько,
 Выходи на путнсту дороженку,
 Тамъ ѣде поляница удалая,
 По волѣнь въ землю конь угрызываетъ.
 Прибѣжалъ сильнѣй Дунай Ивановичъ:
 «Вставай Добриня Микитѣвичъ!
 «Садись Добриня на добра коня,
 «Поѣзжай ты въ земли святорусьски,
 «Вези Опраксию Микуличну,
 «Сважи поклонны, челомъ-битыице,
 «Всеу городу Кіеву,
 «Ласкову князю Владиміру.
 «Ащѣ ль я живъ буду, поѣду за поляницей за
 удалою.»

Сбѣхались съ поляницей они съ удалою,
 Начали биться тутъ ратиться.
 Ударились палицами булатными, —
 Палицы до рукъ приломались.
 Ударились копыями муримецкими, —
 Копейца въ одно мѣсто свивались.
 Ударились саблями вострыма, —
 Сабли до рукъ пригугнились;
 Боле нечѣмъ биться ратиться.
 Стали биться боемъ кулачнымъ,
 Ёнъ побилъ поляницу удалою:
 Не самъ ёнъ побилъ, ему Богъ пособилъ.
 Вынялъ съ ножни свой вострый ножъ,
 Хоть пластать ёй бѣлу грудь.
 А груди мяки по женьскому.
 Сталь у нѣй тутъ и выпрашивать:
 «Сважи поляница удалая!
 «Какой ты орды и какой земли?»
 А говоритъ поляница удалая:
 — Я кабы сидѣла на твоихъ грудяхъ,
 — Пластала бы твои груди бѣлыя,
 — Не спрашивала бы ни какой орды ни какой
 земли. —

Говоритъ сильнѣй Дунай Ивановичъ:
 «Не стану я пластать твоихъ бѣлыхъ грудь,
 «Только сважи ты какой орды, какой земли?»
 — Коли ты сталъ у меня выпрашивать,
 — Я тебѣ буду высказывать:
 — Я есть земли Ляховинской,
 — Короля Микулы Ляховинскія
 — Бѣльша дочь Настасья Микулична.

— Приѣхали горланы святорусьски,
 — Увезли мою сестрицу родимую. —
 Спроговори сильнѣй Дунай Ивановичъ:
 «Ай же ты Настасья Микулична!
 «Сядемъ-ка, пойдемъ на добрыхъ коней
 «Поѣдемъ-ко въ столыню граду ко Кіеву,
 «Ко ласкову князю Владиміру,
 «Станемъ мы креститься молитвиться,
 «Сходимъ ми съ тобою во Божью церковь,
 «Примемъ ми съ тобою золоты вѣнци.»
 Здималъ ю за ручни за бѣлыя,
 За ты перетни злаченны,
 Посадилъ Настасью на добра коня,
 Поѣхали они тутъ во Кіевъ градъ.
 Настасья Микулична во Божью церковь,
 Апраксию Микулична съ Божѣй церкви.
 На церковномъ крыльцѣ они встрѣтились,
 Тутъ они поздоровались,
 Сходили тутъ они во Божью церковь,
 Приняли тутъ они золоты вѣнци,
 Жили они тутъ и три годы.
 Тутъ князь Владиміръ кіевской,
 Заводилъ онъ свой почестенъ пиръ
 На всихъ на князей на бояровъ,
 На русьскихъ могучихъ богатиревъ.
 Красно солнце на вечери,
 Почестенъ пиръ у нихъ на весели,
 Все на ппру пьяны весели.
 Спроговоритъ сильнѣй Дунай Ивановичъ:
 «Я-ка въ зѣмляхъ Ляховинскихъ
 «Какъ самъ женился, да царя женилъ,
 «Вытащилъ двѣ бѣлыя двѣ лебеди.»
 А спроговори Настасья Микулична:
 — Ай же ты сильнѣй Дунай Ивановичъ!
 — Хоть ты самъ женился да царя женилъ,
 — Хоть ты вытащилъ двѣ бѣлыхъ лебеди;
 — Много въ чистомъ поли ѣзживалъ,
 — А не стрѣливалъ только стрѣлочки калѣной,
 — А не попадывалъ въ колечко золоченое.
 — Какъ я стрѣлю стрѣлочку каленую,
 — Таеъ я попаду въ колечко золоченое,
 — Не убью тебя во чистомъ поли.
 — А тебѣ не стрѣлить стрѣлочки каленой,
 — Чтобы попасть въ колечко золоченое:
 — Ты убьешь Настасью Микуличну. —
 Тутъ они пошли во чистѣ поле.
 Настасья Микулична стрѣлила стрѣлочку каленую
 Таеъ попала въ колечко золоченое.
 Тутъ она и расплакалась:
 — Ай же сильнѣй Дунай сынъ Ивановичъ!
 — Не стрѣлай стрѣлочки каленой,

— Тебѣ не попасть въ колечко золоченое. —
 Тутъ сильнѣй Дунай Ивановичъ
 Стрѣлилъ стрѣлочку каленую,
 Не попалъ въ колечко золоченое,
 Попагъ Настасья Микуличнѣ въ бѣлы груди,
 Убилъ Настасью Микуличну, расплакался:
 «Гдѣ пала лебедь бѣлая, тутъ пади и ясной со-
 волю.»

Взялъ зъ ножнѣй свой вострой ножъ,
 Поставилъ вострый ножъ на сыру землю,
 Тупымъ концемъ во сыру землю,
 Вострымъ концемъ во бѣлы груди.
 Гдѣ пала лебедь бѣлая, тутъ протеки рѣка Черная,
 А гдѣ сильнѣй Дунай, Дунай сынъ Ивановичъ,
 Тутъ протеки матушка Дунай рѣка
 Отъ нынѣ и до вѣка.

Записано тамъ же, 4 июля.

140.

СТАВЕРЬ.

У стольнаго города у Кіева,
 У ласкова князя у Владиміра
 Заводилось пированье, почестень пиръ
 На всихъ на князей, на бояровъ,
 На русскихъ могучихъ богатырей,
 На всихъ поляницъ на удалыхъ.
 Красно солнце на вѣчери,
 Почестень пиръ у нихъ на вѣселі.
 Все на пирѣ пьяны вѣсели,
 Все на пирѣ наѣдались,
 Все на пирѣ напивались,
 Все на пирѣ поросхвастались:
 Умный похвасталъ отцемъ матерью,
 А безумный похвасталъ молодой женой.
 Кто хвасталъ своей удалю,
 А кто хвасталъ своей участю.
 За тымъ же столикомъ за дубовымъ
 Сидитъ молодой гость Черниговской,
 Молодой Ставеръ сынъ Годиновичъ.
 Не ѣсть, не пьетъ ѣнъ, не кушаетъ,
 Бѣлой лебеди не рушаетъ,
 Ничѣмъ онъ молодець не хвастаетъ.
 Подходить князь стольне-кіевской:
 «Что ты молодой гость Черниговскій,
 «Молодой Ставеръ сынъ Годиновичъ,
 «Не ѣшь, не пьешь, ты не кушаешь,
 «Бѣлой лебеди не рушаешь,

«Ничѣмъ ты не похвастаетъ?»
 Тутъ дородный добрый молодець
 Молодой Ставеръ сынъ Годиновичъ
 Наѣлся, напился, расхвастался.
 — Чѣмъ мнѣ-ка молодцу хвастати?
 — У меня у молода Ставра
 — Сапожки на ножкахъ не держатся,
 — Цвѣтныи платья не носятя,
 — Золоты кареты не ломаются,
 — Добрыи кони не ѣзятся,
 — Вѣрныи слуги не старятя.
 — А 'ще у меня у молода Ставра
 — Есть-то жонка молодая.
 — Всихъ князей бояръ обманула она,
 — Самого царя съ ума выведеть. —
 «Ты скажи молодой Ставеръ!
 «Для чего сапожки на ножкахъ не держатя,
 «Цвѣтное платье не носитя,
 «Золоты кареты не ломаются,
 «Добрыи кони не ѣзятся,
 «Вѣрныи слуги не старятя?»
 — Кожу я куплю себи хорошую,
 — Мастера у меня придворны:
 — Сошьютъ мнѣ-ка-ва хорошохоныо.
 — Я день держу, да другой держу,
 — Много что недѣлку подержу,
 — Снесу въ лавоньку торговую,
 — Вамъ же продамъ, князи бояры.
 — Цѣну я съ васъ возьму полную.
 — Оттого платице у меня не носитя:
 — Суконце куплю хорошее,
 — Мастера у меня придворны:
 — Сошьютъ мнѣ-ка-ва хорошохоныо.
 — Я день держу, да другой держу,
 — Много что недѣлку подержу,
 — Снесу въ лавоньку торговую,
 — Вамъ же продамъ, князи бблары,
 — Цѣну я съ васъ возьму полную.
 — А оттого кареты не ломаются:
 — Тьи кареты со двора пошли,
 — А другіи кареты на готовый на дворъ придуть.
 — Да съ того добры кони не ѣзятся:
 — У меня кобылочки хорошия,
 — Носятъ жеребчиковъ хорошихъ.
 — Я годъ держу, да другой держу,
 — Сгоню же я на рыночекъ,
 — Вамъ же продамъ, князи бблары,
 — Цѣну я съ васъ возьму полную.
 — А 'ще ка у меня молода Ставра
 — Есть-ка жонка молодая,
 — Всихъ князей бояръ обманула ѣна,

— Самого царя съ ума вывести. —
 Тутъ его за хвастки великіи,
 Тутъ его за рѣчи неумныя
 Посадили въ погребѣ глубокіи,
 Задвинули дощечками желѣзными,
 Ворота засыпали песками желтыми,
 Пропитомство клали овса съ водой.
 Остался у него младый паробокъ,
 Одна дружинишка хоробрая.
 Крестъ на лицѣ, съ теремá долой.
 Скоро скажется, тихо сдѣется.
 Приходить къ городу Чернигову,
 Идетъ ступае на высобѣ теремъ
 Къ той Василисты Микуличной,
 Крестъ кладѣ по писаному,
 Поклонъ ведѣ по ученому.
 У ей Василисты Микуличны
 Были забраны гостишки любимыи.
 Она ѣсть, да пьеть, кушаетъ,
 Надъ собою невзгоды не вѣдаеть,
 Что не стало у ней молода Ставра,
 Посадили его въ погребы глубокіи.
 Спроговори младай паробокъ:
 «Ай Василиста Микулична!
 «Ѣшь ты пьешь, да кушаешь,
 «Надъ собою невзгоды не вѣдаешь,
 «Что не стало у тебя молода Ставра.
 «Посажень въ погребы глубокіи
 «За его за хвастки великіи.»
 Спроговорила Василиста Микулична:
 — Подите вы гости по своимъ домамъ,
 — Нынѣ мнѣ гости не до васъ пришло:
 — Не стало у меня ясна сокола
 — Молода Ставра сына Годиновича! —
 Тутъ Василиста Микулична
 Волосы подбрила по мужичьему,
 Платья надѣла богатырскіи,
 Сходила въ конюшечку во новую,
 Взяла жеребчика неѣзжаного.
 Сѣдлала уздала добра коня,
 Сѣделышко клала черкасское,
 Положила стремянки булатныи,
 Пряжки мѣди казанской:
 Не для ради красы басы угожества
 А для ради закрѣпы богатырской
 Сѣла она да поѣхала.
 Скоро скажется, тихо сдѣется.
 Буде у города у Кіева,
 У ласкова князя Владиміра.
 Остановила коня среди двора,
 Непривязаного, непривязаного,

Скоренько идетъ на высобѣ теремъ,
 Крестъ кладѣть по писаному,
 Поклоны ведѣ по ученому,
 На всѣ на четыре сторонушки,
 Князю Владиміру въ особину
 Съ молодой княгиней съ Опраксіей.
 Спроговори князь стольне-кіевской:
 «Откуда ты дородный добрый молодець?
 «Откуда-ва ѣдешь, куда путь держишь?
 — А есть я земли Тальянской,
 — А любимый племянникъ королевскій.
 — Пріѣхалъ на твоей дочкѣ посвататься
 — На молодой Настасѣ Владиміровны. —
 Спроговори князь стольне-кіевскій:
 «Ай же ты Настасья Владиміровна!
 «Не хочу тебя держать, хочу за мѣжь отдать,
 «За любимого племянника королевскаго.»
 Спроговорила Настасья Владиміровна:
 — Ай же ты батюшка Владиміръ стольне-кіев-
 ской!
 — Не отдай ты дѣвцы за женщины,
 — Не надѣлай смѣху по святой Руси.
 — У ней жопа крутинька по женьскому,
 — Походка частенька по женьскому.
 — Груды мяконьки по женьскому. —
 «Сходимъ мы съ нимъ въ парну баенку,
 «Я тутъ его и побмотрую.»
 «Ай дородный добрый молодець!
 «Не угодно ли въ баенку попариться?»
 — Не худо съ дорожки парна баенка. —
 Она была да лукавая:
 На тую пору выпустила жеребчиковъ,
 Жеребчиковъ выпустила неѣзжаныхъ.
 Жеребчики по двору разбѣгались,
 Оглядѣлся Владиміръ стольне-кіевской.
 Она той порой вымылась и упарилась,
 Скоро съ баенки справилась.
 «Что ты дородный добрый молодець
 «Не долго мылся парился,
 «Скоро съ баенки справился?»
 — У насъ вѣдъ sprawy не по царскому,
 — А у насъ спраы по дорожному. —
 Спроговорила Владиміръ стольне-кіевской:
 «Ай же ты Настасья Владиміровна!
 «Я отдамъ тебя за королевскаго племянника.»
 — Ай же батюшко Владиміръ князь стольне-
 кіевской.
 — Не выдай ты дѣвцы за женщины,
 — Не надѣлай смѣху по святой Руси. —
 «А мы его спровѣдаемъ,
 «Положимъ на перину на царскую:

«Буде мужчина, — подъ плечами буде ямина,
«А женщина, — буде подъ жокою.»

Она была то лукавая:

Жокой легла на изголовьице.

Спрогворить Владимиръ стольне-кїевской:

«Ай же дородній добрый молодець!

«Не угодно-ль поиграть въ шашки въ шахматы
заморскїи?»

А спрогворить добродній добрый молодець:

— У насъ онъ эвтомъ дѣло не свѣдано,

— Игроки у меня съ дому не взяты.

— Пожалуй, поиграемъ въ шашки въ шахматы
заморскїи. —

Обыграла цара со царицею,

Всѣхъ игроковъ придворныхъ.

Говорить Владимиръ стольне-кїевской:

«Ай ты дородній добрый молодець!

«Больше у меня нѣкому съ тобой играть

«Въ шашки шахматы заморскїи.»

А спрогворилъ дородній добрый молодець:

— Никто въ Расеи не могъ меня обыграть,

— Одинъ то меня и обыгрывалъ Ставеръ Годи-
новичъ.

— Когда я бывалъ во Черниговѣ

— Одинъ-то онъ меня обыгрывалъ. —

Сходилъ Владимиръ князь стольне-кїевской,

Выпустилъ Ставра изъ погребовъ глубокїихъ.

Сѣи со Ставромъ Годиновичемъ

Они играть въ шашки шахматы заморскїи,

Спрогвори ему дородній добрый молодець:

— Помнишь ли молодой Ставеръ сынъ Годи-
новичъ

— Какъ мы съ тобой живали во Черниговѣ?

— Я была чернильницей, а ты перомъ лебеди-
нымъ,

— Ты въ меня частенько помакивалъ,

— Я въ тебѣ тогда-сегды. —

Спрогворилъ Ставеръ сынъ Годиновичъ:

«Дородній добрый молодець!

«Я все позабылъ сидючи въ погребѣхъ глубокїихъ.»

Спрогворилъ дородній добрый молодець:

— Помнишь Ставеръ сынъ Годиновичъ!

— Какъ мы живали во Черниговѣ

— Я ходила кобылицей,

— А ты жеребчикомъ некладенымъ:

— Ты на меня частенько поскакивалъ,

— Я на тебѣ тогда-сегды.

— Съѣдемся Ставеръ во чистомъ полѣ,

— Попробуемъ силы богатырской!

— Дай-ко Владимиръ стольне-кїевской

— Дай-ко Ставру молодѣ коня

— Съѣздить со мной во чисто поле,

— Спробовать силы богатырской! —

Сѣи на добрыхъ коней поѣхали,

Уѣхали они во Черниговъ градъ.

Записано тамъ же, 4 іюля.

141.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

Въ славномъ было во Новѣгородѣ,

Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,

Жилъ Буславъ дѣлу тысящу,

Живучи Буславъ не старился,

На достали Буславъ переставился,

Со Новымъ Градомъ не перечился,

Съ каменной Москвой спору не было.

Оставалоси чадо милое

Молодой Василий сынъ Буславьевичъ.

Сталъ по улицамъ показивать,

Съ робятами шуточки пошучивать:

Кого за руку дернетъ—рука съ плеча,

Кого за ногу дернетъ—нога съ колѣнъ,

Кого за голову дернетъ—голова съ плечи вонъ.

Собирались мужики новгородскїи,

Собрались къ Васильевой матушки.

«Ай же Васильева матушка,

«Молодая Фетьма Тимоеевна!

«Уйми свое чадо милое

«Молода Василия Буславьева.

«А не уймешь Васильюшка Буслаева,

«Будемъ унимать всемъ Новымъ Градомъ,

«Сгонимъ Васильюшка подъ Волхово,

«Пихнемъ Васильюшка въ Волхово.»

Тутъ Васильева матушка,

Молода Фетьма Тимоеевна,

Чоботы надернула на босїи ноги,

Шубу навинула на одно плече,

Хватила свое чадо милое,

Хватила подъ правую полъ пазуху.

— Ай ты Василий сынъ Буславевичъ!

— Какъ жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,

— Жилъ Буславъ дѣлу тысящу,

— Живучи Буславъ не старѣлся,

— На достали Буславъ переставился,

— Со Новымъ Градомъ не перечился,

— А съ каменной Москвой спору не было. —

Василий сынъ Буславьевъ

Завелъ онъ свой почестенъ пиръ.
 Накурилъ Василій зеленá вина,
 Наварилъ Василій пива пьянаго,
 На бѣлой дворъ бочки выкатывалъ,
 На бочкахъ подписи подписывалъ,
 На вѣдрахъ подрѣзи подрѣзывалъ.
 Мѣрой чара полтора ведра,
 Вѣсомъ чара полтора пуда.
 «Тотъ поди ко мнѣ на почестенъ пиръ,
 «Кто выпьетъ эту чару зелена вина,
 «Кто истерли мой черленой вязъ.»
 Какъ идутъ мужики новгородскіе
 Скажутъ: къ чорту Василья и съ честнымъ пи-
 ромъ.

Идетъ встрѣту маленькій Потанюшко,
 На правую ножку припадываетъ,
 Онъ на небо поглядываетъ.
 Говорятъ мужики новгородскіе:
 «Не ходи Потаня на почестенъ пиръ!
 «Не выпить тебѣ чары зелена вина,
 «И не стерпѣть вяза черленаго.»
 Пришелъ-то маленькій Потанюшко,
 Пришелъ Потаня на почестенъ пиръ,
 Хватилъ ѣнъ чарочку одной рукой,
 Пилъ онъ чарочку однимъ духомъ.
 Хлопнулъ Василій сынъ Буслаевичъ
 Хлопнулъ вязомъ черленнымъ,
 Стоитъ Потанюшко не страхнется,
 Его жолты кудри не сворохнутся.
 Спроговоритъ Василій сынъ Буслаевичъ:
 — Ай же ты маленькій Потанюшка!
 — Поди ко мнѣ въ дружинушки въ хоробрыи.—
 Тутъ мужики новгородскіе
 Заводили они почестенъ пиръ,
 Накурили они зеленá вина,
 Наварили пива пьянаго.
 А всихъ-то они на пиръ позвали,
 А Василія Буславьева и не позвали.
 Спроговори Василій сынъ Буславьевичъ:
 — Пойду я, матушка на почестенъ пиръ! —
 Спроговоритъ матушка родимая
 Молодая Фетьма Тимоеевна:
 «Не ходи, Василій, на почестенъ пиръ!
 «Все придутъ на пиръ гости званни,
 «Ты придеши на пиръ незваный гость.»
 Спроговоритъ Василій сынъ Буслаевичъ:
 — Пойду я, матушка, на почестенъ пиръ!
 — Куда меня посадятъ, я тамъ сижу.
 — Что могу достать, то я ѣмъ да пью. —
 Пошли со дружиною на почестенъ пиръ.
 Приходитъ Василій на почестенъ пиръ,

Крестъ кладеть по писаному,
 Поклонъ ведеть по ученому.
 — Здравствуйте мужики новгородскіи!
 «Поди Василій сынъ Буславьевичъ!
 «Садись Василій во большомъ углу.»
 Кормили тутъ Васильюшка досыта,
 Поили Васильюшка дѣбьяна.
 «Бейся Васильюшка во великъ закладъ,
 «Завтра итти на Волхово!
 «Мы станемъ бится всимъ Новымъ-Градомъ,
 «А ты двоима со дружинушкой.»
 Пошелъ Василій со честна пиру,
 Приходитъ къ матушкѣ родимоей
 Прикручинивши, припечаливши.
 Спроговори матушка родимая:
 — Эй же Василій сынъ Буслаевичъ!
 — Что ты Василій прикручинивши,
 — Что ты Василій припечаливши?
 — Вѣдь не чарой Василій тебя обнесли,
 — Либо пьяница собою обезчестила? —
 Спроговори маленькой Потанюшка,
 Его дружинушка хоробрая:
 «Чарой Василья не обнесли,
 «И пьяница собака не обезчестила:
 «Ѣнъ глупымъ умомъ, хмѣльнымъ разумомъ,
 «Бился Василій о великъ закладъ:
 «Что итти съ-утра на Волхово,
 «Имъ бится всимъ Новымъ Градомъ.
 «А намъ двоима со дружинушкой.»
 Тутъ молодая Фетьма Тимоеевна
 Чоботы надернула на босіи ноги,
 Шубу накинула на одно плече,
 Намистку положила красна золота,
 На дрѹгую чистаго серебра,
 На третью скатнаго жемчуга.
 Пришла она на почестенъ пиръ,
 Крестъ кладеть по писаному,
 Поклоны ведеть по ученому.
 — Здравствуйте мужики новгородскіе!
 — Возьмите дѣроги подарочки,
 — Простите Василья во той вини. —
 Говорятъ мужики новгородскіе:
 «Мы не возьмемъ дороги подарочки
 «И не простимъ Василья во той вини.
 «Хоть повладѣемъ Васильевыма конями добрыма,
 «Повладѣемъ платьями цвѣтныма!»
 Тутъ молодая Фетьма Тимоеевна,
 Крестъ на лицѣ, да съ теремá долой.
 Ударила чоботомъ во липину,
 А улетѣла липина во задній тынъ,
 А у нихъ задній тынъ весь и рассыпался,

Вся крыльца перильца покосилъся.
 Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ
 Вставая по утру равешенько,
 Пошелъ на Дунай рѣку купатися.
 Иде въ стрѣту дѣвушка чернавушка.
 — Ай же ты Василій сынъ Буслаевичъ!
 — Зналъ загадки загадывать,
 — А не знаешь нонѣ отгадывать:
 — Прибили дружину во чистомъ доли. —
 Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ
 Чоботы надернулъ на босую ногу,
 Шубу накиннулъ на одно плече,
 Колпакъ накиннулъ на одно ухо.
 Хватилъ Василій свой черленый вязъ,
 Побѣжалъ Василій во чисто поле.
 Идетъ въ стрѣчу старчицо Андроницо,
 Его иде крѣстный батюшко,
 Надѣтъ на голову Софенинъ колоколь.
 «Ай же ты крѣстный батюшко!
 «Зачѣмъ надѣлъ на голову Софенинъ колоколь?»
 Хлопнулъ крѣстнаго батюшку,
 Убилъ старчицо Андроницо.
 Прибѣжалъ Васильюшко на Волхово,
 Сталъ по Волхову поскакивать,
 Черленымъ вязомъ помакивать.
 Куды махнетъ—падутъ улицамъ,
 А въ перехватъ махнетъ—переулкама.
 Кистенями головы переломаны,
 Кушаками головы перевязаны.
 Бѣжать къ Васильевой матушкѣ.
 — Ай же Васильева матушка,
 — Молодая Фетьма Тимоѣевна!
 — Уйми свое чадо милое,
 — Оставь людей хоть и на сѣмена. —
 Тутъ Васильева матушка
 Чоботы надернула на босыя ноги,
 Шубу накиннула на одно плече,
 Прибѣжала она на Волхово,
 Хватила свое чадо милое,
 Хватила подъ правую подъ лѣвую.
 «Ай же ты Василій сынъ Буслаевичъ!
 «Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
 «Жилъ Буславъ цѣлу тысячу,
 «Живучи Буславъ не старился,
 «На достали Буславъ переставился,
 «Со Новымъ Градомъ не перечился,
 «Съ каменной Москвой спору ве было.»
 Принесла Василья со чиста поля,
 Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ
 Говоритъ онъ матушкѣ родимой:
 — Ай же ты матушка родимая!

— Утрось я не завтракалъ, вечеръ я и не ужиналъ,
 — Дай хоть сегодня пообѣдати.
 — Спусти меня молодца въ Еросѣлими градъ,
 — Во святую святиню помолитися,
 — Ко Христову гробу приложитися.
 — Во Ердань рѣку окупатися.
 — Сдѣлалъ я велико прегрѣшеніе,
 — Прибилъ много мужиковъ новгородскіихъ! —
 Говоритъ Васильева матушка
 Молодая Фетьма Тимоѣевна:
 «Не спущу тебя Василья во Еросѣлими градъ,
 «Тебе мнѣ-ка-ва больше жьва не видать.»
 — Ай же матушка родимая!
 — Спустишь—поѣду, а не спустишь—пойду. —
 Оснастили суденушко дубовое,
 Со своей съ дружинишкой хоробрюю
 Сѣли въ суденушко, поѣхали.
 Приѣхали къ матушкѣ Сивдѣнь горы.
 Пошли на матушку Сивдѣнь гору,
 Пошли по матушкѣ Сивдѣнь горѣ,
 Лежить тутъ кость сухолова.
 Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ
 Сталъ этой костью попинивать,
 Сталъ этой костью полягивать.
 Спроговори кость сухолова
 Гласомъ яна человѣческимъ:
 «Ты бы хоть Василій сынъ Буслаевичъ
 «Меня бы кости не попинивалъ,
 «Меня бы кости не полягивалъ,
 «Тебѣ со мной лежать во товарищакъ.»
 Плюнулъ Васильюшко, да прочь пошелъ.
 «Сама спала себи сонъ вид'ла.»
 Сѣли въ суденушко, поѣхали.
 Приѣхали они въ Еросѣлими городъ,
 Сходили въ святую святиню помолитися,
 Ко Христову гробу приложилися;
 Пришелъ Василій сынъ Буслаевичъ,
 Окупался въ матушкѣ Ердань рѣкѣ.
 Идетъ та дѣвушка чернавушка,
 Говоритъ Васильюшку Буслаеву:
 — Ай Василій сынъ Буслаевичъ!
 — Нагнѣмъ тѣломъ въ Ердань рѣки не куплются,
 — Нагнѣмъ тѣломъ купался самъ Исусъ Христосъ!
 — А кто куплется, тотъ живъ не бываетъ. —
 Сѣли въ суденушко, съ дружинишкой поѣхали.
 Заболѣла у Васильюшка буйная головушка.
 Спроговори Василій сынъ Буслаевичъ:
 «Ай же дружинишка хоробра!
 «Болятъ у меня буйная головушка.

«Вечоръ были мы на матушѣ Сивонь горѣ,
 «Пошли мы съ костью разбранился,
 «Пошли мы съ костью не простилися.
 «Заѣдемъ-ко на матушку Сивонь гору,
 «Простимся у кости сухояловой.»
 Приѣхали на матушку Сивонь гору
 Гдѣ лежала кость сухоялова.
 Тутъ лежитъ въ томъ мѣстѣ синь камень:
 Въ долину камень сорокъ сажень.
 Въ ширину камень двадцать сажень.
 Спроговори Василий сынъ Буслаевичъ:
 «Ту дружинуска скачи въ поперекъ камня.
 «А я скачу вдоль камня;
 «Перескочимъ черезъ камень!»
 Скочилъ Васильюшко вдоль камня,
 Палъ Васильюшко о синь камень.
 Рѣченъ азыкъ въ головкѣ поворотится,
 Говоритъ дружинускѣ хоробрый:
 «Съѣдешъ дружинуска хоробрая
 «Къ моей матушѣ родимой, —
 «Вели поминать Васильюшка Буславьева.»

Записано тамъ же, 4 июля.

—
 142.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

У Грознаго царя Ивана Васильевича
 Былъ у его почѣстенъ пиръ
 На всихъ на князей на бояръ,
 На русьскіихъ могучіихъ богатыревъ.
 Красное солнце на вечера,
 Почѣстенъ пиръ у нихъ на весели.
 Все на пиру пьяны вѣсели.
 Спроговори Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 «Повывель я измѣну со Новгорода,
 «Повывель я измѣну съ каменной Москвы,
 «Повывель я измѣну и со Кіева.»
 Спроговори его аще меньшій сытъ:
 — Ай же ты батюшка родимый мой!
 — Хоть повывель ты измѣну со Кіева,
 — Хоть повывель ты измѣну со Новгорода,
 — Хоть повывель ты измѣну съ каменной Мо-
 сквы,
 — А е у тебя измѣна подѣ правимъ плечомъ.
 — Какъ я которой ѣхалъ улицей,
 — Я казнилъ чисто на чисто.
 — Дядюшко какъ ѣхалъ улицей,
 — Тоже казнилъ чисто на чисто.

— А братецъ какъ ѣхалъ улицей,
 — Тотъ казнилъ чисто не на чисто:
 — Впереди себя послалъ скорѣ гонца,
 — Чтобы мужики новгородскіи
 — По погребамъ они бы охитялися,
 — А желѣзными бы досками задвигалися.
 — Онъ казнилъ чисто не на чисто. —
 Тутъ царское сердце расходилося.
 Хмѣльнымъ умомъ, да пьянымъ разумомъ,
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ
 Говоритъ онъ да таково слово:
 «Ай палачикъ немилосливый!
 «Ведите мо'го сына большаго
 «За тое болото за житное,
 «На тую доску на липову,
 «Завѣсите ему ясныя очушки,
 «Сѣките ему буйную голову.»
 Тутъ все на пиру испужалися,
 Тутъ все на пиру разбѣжалися.
 Зѣ-за того стола зѣ-за дубоваго,
 Зѣ-за того пиру зѣ-за почостнаго,
 Выходитъ воръ Малютка Скурлатовъ сынъ.
 Взялъ его сына большаго
 За его за ручки за бѣлины,
 За его за перстни значены,
 Повель за болото за житное,
 На тую доску на липову
 Отсѣчь ему буйная головушка.
 Прознала его матушка родная,
 Прознала Анна Романовна.
 Чоботы надернула на босы ноги,
 Шубу навинула на одно плечо,
 Прибѣжала къ братцу къ Микитѣ Романовичу.
 Идетъ скоренько на высокъ теремъ,
 Крестъ кладетъ по писаному,
 Поклоны ведеть по ученому.
 Спроговори братецъ, Микита Романовичъ.
 — Неждана гостынца ко мнѣ пришла! —
 Спроговори Анна Романовна:
 «Ай же ты братецъ Микита Романовичъ!
 «Ты-ль надо мною надсмѣхаешься?
 «Али ты надо мной надрываешься?
 «Аль надо мной невзгоды не вѣдаешь?
 «Не стало у меня вѣдь сына большаго
 «Молода Федора Ивановича,
 «Свелъ воръ Малютка Скурлатовъ сынъ
 «За тое болото за житное,
 «На тую доску на липову,
 «Завѣситъ ему ясныя очушки,
 «Сѣчь его буйная головушка.»
 Тутъ Микита Романовичъ

Скорѣшенько ѣнъ тутъ исправился:
 Чоботы надернулъ на босіи ноги,
 Шубу накиннулъ на одно плече,
 Колпакъ накиннулъ на одно ухо,
 Паль на коня не на сѣданого,
 Колпакѡмъ махалъ, голосѡмъ кричалъ:
 — Не казните-тко вы сына царскаго! —
 Приѣхалъ за болото тутъ за житное
 Къ той доскѣ онъ къ липовой.
 Положенъ Федоръ Ивановичъ на тую дощечку
 на липовую,

Завѣшены ясныя очушки,
 А не сѣчена буйная головушка.
 Тутъ хватилъ его за ручки за бѣлыи,
 Выздынулъ съ дощечки онъ съ липовой.
 Вора Малютка сына Скурлатова
 Положилъ на дощечку на липову,
 Завѣсилъ ему ясныя очушки,
 Ссѣкъ ему буйную головушку.
 Племянника на коню везетъ,
 А самъ за конѣмъ онъ и вслѣдъ идетъ.
 Дѣло дѣлалось въ Христовскую во Пятницу.
 Въ Христовъ день пошли ко заутрени.
 Идетъ Никита Романовичъ въ церковь божію,
 Ко той Христовской ко заутрени,
 Самъ идетъ, племянника подъ полой ведетъ.
 Пришелъ къ царю Ивану Васильевичу:
 — Что же ты, братецъ, царь Иванъ Васильевичъ,
 прикручинился,

— Что же ты припечалился? —

Спроговорить царь Иванъ Васильевичъ:
 «Ай же ты, братецъ, Никита Романовичъ!
 «Толи-ль надо мной надсмѣхаешься,
 «Аль надо мной невзгоды не вѣдаешь?
 «Не стало у меня сына бблшаго,
 «Мблода Федора Иванова.
 «Свелъ Малюта воръ Скурлатовъ сынъ
 «За тое болото за житное,
 «На тую доску на липову,
 «Завѣсилъ ему ясныя очушки,
 «Ссѣкъ ему буйную головушку.
 А спроговори Никита Романовичъ:
 — Ай же ты, братецъ, царь Иванъ Васильевичъ;
 — Мнѣ можно съ мертва жива сдѣлать! —
 Проговорить царь Иванъ Васильевичъ:
 «Вѣкъ того на сѣмъ свѣтѣ не водится,
 «А живой съ мертваго не рѡдится.
 «Кто мнѣ-ка-ва съ мертва жива сдѣлалъ,
 «Я бы половину отдалъ своего государствія!»
 Спроговори Никита Романовичъ:
 — Мнѣ-ка-ва не надо ни злата, ни серебра,

— Ни половины твоего государствія,
 — А только сдѣлай Микитину отчину.
 — Кто голову сдѣлае, ѡйде въ Микитину от-
 чину, того Богъ проститъ,
 — Кто коня угонитъ, ѡйде въ Микитину отчину,
 того Богъ проститъ. —
 Записали записи великіи,
 Показалъ ему сына бблшаго.
 Тутъ царь Иванъ Васильевичъ
 Взялъ сына бблшаго за ручки за бѣлыи,
 Цѣловалъ его въ уста сахарныи.

Записано тамъ же, 4 іюля.

143.

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ.

Господь-то на насъ поразгнѣвался
 На славное царство Расейское,
 На Расейское царство Московское.
 Далъ намъ Господь царя несчастливаго,
 Назвался собака воръ прямымъ царемъ,
 Прямымъ царемъ, царемъ Митріемъ,
 Царевичемъ Митріемъ Московскимъ.
 Не успѣлъ воръ собака вцариться,
 Похотѣлъ воръ собака жениться:
 Не у насъ въ Росей въ каменной Москвы,
 Не въ каменной Москвы—въ хороброй Литвы,
 У Юрья панѣ Сердобольскаго,
 На самой на меньшей дочери,
 На душенькѣ Маринѣ на Юрьевны.
 Пиръ свадьбу играли въ Филипповъ постъ,
 Вѣнецъ принимали въ Миколинъ день,
 А Микола у насъ была въ пятницу.
 Дошло это дѣло до велика-дни,
 До великаго дни до Христова дни.
 У того ли у Іоанна-Великаго
 Ударилъ во бблшой во колоколъ.
 Всѣ князи бояри къ обѣдни пошли,
 Ко той ко Христовской ко заутрени,
 Воръ Гришка-Рострижка онъ въ мыльню идетъ
 Со душенькой Мариной со Юрьевной.
 Князи бояря Богу молятся,
 А воръ Гришка-Рострижка въ мыльнѣ моется
 Со душенькой Мариной со Юрьевной.
 Князи бояря отъ обѣдни пошли,
 Отъ той они Христовской заутрени,
 Воръ Гришка-Рострижка со мыльни идетъ
 Со душенькой Мариной со Юрьевной.

На Гришкѣ тулупъ восемьсотъ рублей,
 На Маринѣ салоупъ въ цѣлу тысячу.
 Выбѣгать воръ собака на царско крылечико,
 Кричитъ воръ громкимъ голосомъ,
 Чтобы было слышно въ королю въ Литву,
 Къ Юрію паву Сердобольскому:
 «Послушай Марина что я скажу,
 «Послушай Марина что я говорю!
 «Поди въ полату бѣлокаменну,
 «Не бей челомъ княземъ боярамъ,
 «Не влкаяйся ты чуднымъ образамъ.
 «Сѣдь, Марина, за дубовый столъ,
 «Кушай рушай бѣлу лебедь,
 «Проживемъ съ тобою можетъ тридцать лѣтъ.»
 Прожить ли Маринѣ хотъ три году —
 Не прожить намъ съ тобою Марина три часу.*)
 Собирались господа, бояри московскіи,
 Думали думашку обчю,
 Приходили ко иноку Марей Ивановичѣ.
 — Инока Марей Ивановича!
 — Вѣрно Господь на насъ разгнѣвался
 — Что далъ царя несчастливаго! —
 «Не-умны вы господа вси неразумны!
 «Дмитрію царю вѣдь смерть придали,
 «Голову рубили въ хоробрѣи Литвы,
 «А мощи хоронили подъ каменну церковь.
 «А это Гришка-Рострижка Отрепьевъ сынъ
 «Сидѣлъ въ тюрьмѣ ровно тридцать лѣтъ,
 «Заростилъ крестъ во бѣлы груди,
 «Такъ назвался собака прямымъ царемъ,
 «Прямымъ царемъ, царемъ Митріемъ,
 «Царевичемъ Митріемъ Московскимъ.»
 Тутъ господа бояре вси московскіи,
 Собрались бояре въ одно мѣсто,
 Гришкѣ-Рострижкѣ смерть придали,
 А его жену въ окно бросили.

Записано тамъ же, 4 июля.

XXVI.

НИКОЛАЙ ДУТИКОВЪ.

Николай Филипповъ Дутиковъ изъ
 Конды, крестьянинъ лѣтъ 50-ти, заимство-
 вавъ свои былины отъ того же Конона съ Зяб-
 лыхъ Нивъ, о которомъ упомянуто выше (VI и VII),

*) «Это онъ видитъ въ окно», пояснилъ сказитель.

но помнить ихъ слабо и часто не досказываетъ
 конца. Дутиковъ говорилъ, что онъ бывалъ въ
 Петрозаводскѣ у г. Рыбникова и что послѣдній
 записывалъ его былины. Изъ сопоставленія этого
 съ тѣмъ, что упоминаетъ г. Рыбниковъ о ка-
 комъ-то крестьянинѣ Федотовѣ, ученикѣ Конона
 съ Зяблыхъ Нивъ (т. III, стр. XXVIII), а также
 изъ сличенія текста самыхъ былинь, оказывае-
 ся, что Дутиковъ есть тотъ самый сказитель,
 который названъ въ сборникѣ г. Рыбникова Фе-
 дотовымъ; это послѣднее имя произошло отъ
 ошибки.

144.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

(См. Рыбникова, т. III, 7).

Какъ ѣздилъ Илья Муромецъ во чистомъ погѣ,
 Во чистомъ погѣ ѣздилъ за охвотою,
 Стрѣлялъ Илья гусей, да лебедей,
 Стрѣлялъ малыхъ перелетныхъ сѣрыхъ уту-
 шекъ,
 Онъ не могъ убить ни гуся, ни лебеда,
 Ни малой перелетной сѣрой утицы;
 А встрѣтился калѣка, калѣка переходая,
 И говорить Илья таково слово:
 «Ай же ты, калѣка, калѣка переходая!
 «Давно ль ты бывалъ на святой Руси,
 «На святой Руси, въ славномъ Кіевѣ,
 «Давно ль ты видѣлъ князя Владиміра
 «Со стольною княгиною Апраксою?»
 Да спроговорить калѣка переходая:
 — Ай же старый казакъ Илья Муромецъ!
 — Недавно я былъ на святой Руси, третьеводни,
 — И видѣлъ я князя Владиміра
 — Со стольною княгиною Апраксою;
 — Надъ нима несчастье случилось:
 — Сидитъ татаринъ между княземъ и княгиною,
 — Не даетъ волюшки князю со княгиною думу
 подумати.
 — А голова у татарина какъ пивной котѣлъ,
 — А глазища у татарина какъ пивныя чашыщи,
 — А носъ-то у татарина какъ кислѣй пирогъ,
 — А по грѣху учинилось:
 — Въ Кіевѣ богатирей не случилось. —
 Спроговорить Илья, да Илья Муромецъ:
 «Ай же ты, калѣка, калѣка переходая!
 «Молодца въ тебѣ въ два меня,
 «И силы то у тебя въ три меня,

«А смѣлости нѣтъ и въ полѣ-меня.
 «Скидывай ты платице калѣцкое,
 «Скидывай-ко подсумочки рытаго бархата,
 «Скидывай-ко ты гуню сорочинскую,
 «Разувай-ко лапотники шелковыя,
 «И надѣвай платѣ богатырское,
 «Садись на моего добра коня
 «И поѣзжай-ка въ Муромъ градъ
 «Къ тому подворью богатырскому.»
 И думалъ-подумалъ калѣка перехожая:
 — Не дать Ильѣ платице, силой возьметъ,
 — Силой возьметъ, да мнѣ-ка бокъ набьетъ. —
 И складывалъ подсумки рытаго бархата,
 И скидывалъ онъ гуню сорочинскую,
 И разувалъ онъ лапотки шелковыя,
 И вткнулъ онъ вѣшечку волжанку *)
 Во матушку сыру землю, —
 И уходила та вѣшечка до кокобочки **;
 И скидывалъ онъ шляпу греческую,
 И одѣвалъ онъ платѣ богатырское,
 Садился на добра коня.
 И поѣхалъ во Муромъ градъ,
 Ко тому подворью богатырскому.
 Обувалъ Илья лапотники шелковыя,
 Одѣвалъ Илья гуню сорочинскую,
 Одѣвалъ Илья подсумки рытаго бархата,
 Одѣвалъ Илья шляпу греческую
 И выдернулъ вѣшечку волжанку
 Со матушки сырой земли...
 Какъ скоро скажется, тихо дѣется...
 И будетъ онъ во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
 У ласкова князя у Владиміра,
 У него ли палатъ княженецкихъ;
 Закричалъ Илья громкимъ голосомъ:
 «Солнышко, Владиміръ стольно-кіевскій!
 «Сотвори-ко мнѣ милостыню:
 «Было бы калѣкѣ чего ѣсть да пить,
 «Да чего калѣкѣ волочиться!»
 Тутъ татаринъ бросался по-плечъ въ окно:
 — Ай же вы горланы русскіе!
 — Что вы здѣсь завѣдали,
 — Что вы стали почасту уцащивать?
 — Ступай-ко, калѣка, прямо во высокъ теремъ. —
 Проходить калѣка во высокъ теремъ,
 Крестъ кладець по писаному,
 Поклонъ ведетъ по ученому,
 Здравствуетъ князя со княгиною,
 А тому-ли татарину челомъ не бьетъ.

*) Изъ дерева иволги.

**) До загнутаго верхняго конца палки.

Говоритъ Идолище поганое:

«Ай же ты, калѣка, калѣка перехожая!
 «Давно-ль ты бывалъ на святой Руси,
 «Давно-ль ты видѣлъ Илью Муромца?
 «Какъ-у васъ есть Илья Муромецъ?
 «А мнѣ бы Илью видѣть надо
 «Я бы клалъ Ильинку на долонь
 «Я ударилъ бы другой долонью сверху
 «И сдѣлалъ бы Ильинку какъ овсяный блинъ.»

Говоритъ ему калѣка перехожая:

— Недавно я былъ на святой Руси, третьеводни,
 — И видѣлъ я Илью, Илью Муромца.
 — Илья есть мнѣ братецъ названный:
 — Онъ мнѣ есть братецъ большій,
 — А я ему братецъ меньшій.
 — Я за своего брата хочу постоять. —

Это слово татарину не слюбилося:

Какъ схватилъ онъ со стола булатнй ножъ
 И вкинулъ ножъ въ Илью, Илью Муромца.
 Тутъ-то Ильѣ не къ суду пришло:
 Увернулся онъ за печку муравленую,
 А ножъ-отъ улетѣлъ во стоечку,
 Стоечка улетѣла въ задній тынъ,
 И задній тынъ весь поразсыпался.
 Тутъ выходилъ Илья, Илья Муромецъ
 Изъ-за печки, печки муравленой,
 Какъ бралъ черезъ столъ, дубовый столъ
 Бралъ татарина за желтыя кудри,
 И здынулъ его выше буйной головушки,
 И бросилъ татарина о кирпичной полѣ.
 И тутъ ему руки и ноги повывломалъ,
 И глаза-то ему повывкопалъ,
 И изъ платя вонъ повытряхнулъ.
 Поѣхала Хупова та Крынская,
 Со земли російскія
 И сама говоритъ таково слово:
 «Здѣсь чортъ не борцы и не удалы добры мо-
 лодцы!

«Почто бычо руками ломать,
 «Почто было глазъ воротить?»

(Эта Хупова прѣзжала вмѣстѣ съ татаринномъ, но не помнитъ какъ оно поется.)

Во славномъ было во городѣ во Кіевѣ,
 У ласкова у князя у Владиміра,
 Середь было двора да княженецкаго,

А не бѣлая березка къ земли клонится,
 Еще кланяется сынъ да своей матушкѣ.
 «Свѣтъ ли государыня моя матушка!
 «Дай-ко мнѣ прощеньице, благословеньице
 «Повѣхатъ во далече-далече во чисто поле,
 «Поискать мнѣ-ка-вѣ братца названого
 «Старово ли казака да Илью Муромца.
 «Да распрогнѣвался на меня солнышко Влади-
 мѣрь стольне-кѣвской,
 «Наложилъ на меня службу несносную
 «Ѣхатъ въ землю во татарскую
 «Сбирать тутъ дани да и выходы,
 «Не за много, не за мало, за двѣнадцать лѣтъ.»
 Спроговорить его родная матушка,
 Честна вдова Намерфа Тимоѣевна:
 — Ай же ты мое да чадо милое,
 — Младый Добрынюшко Микитиницъ!
 — На кого ты оставляешь свою матушку,
 — На кого ты покидаешь молодѣ жену,
 — Мблodu Настасью Микуличну? —
 Спроговорить Добрынюшка Микитиницъ:
 «Оставляю я свою матушку и молодѣ жену,
 «Подъ онекою да старого казака да Ильи Му-
 ромца.»

Спроговорить его да любимѣ семья,
 Мблoda Настасья Микулична:
 — Ахъ ты младый Добрынюшко Микитинъ сынъ!
 — Скоро ли назадъ да поворотъ держишь? —
 Спроговорить Добрынюшка Микитинъ сынъ:
 «Вы ждѣтка-ко меня да по три году.
 «А по три году не можете дожdatся,
 «Ждите меня да и по шесть годовъ.
 «А по шесть годовъ не можете дожdatся,
 «Тутъ моя любимѣ семья,
 «Мблoda Настасья Микулична
 «Хотя вдовой живи, да хотъ замужъ поди.
 «Поди-ко ты за князей и за бояровъ,
 «Поди-ко за русьскихъ могучихъ богатыревъ,
 «А столько не ходи за славнаго Алешеньку Попо-
 вича,
 «За того ли за бабьяго насмѣшничка.»
 А и тутъ Добрынюшко Микитиницъ
 Сѣдалъ онъ своего добра коня,
 На добра коня кладывалъ потнички,
 На потнички войлочки,
 На войлочки сѣделочко черкацкое,
 Двѣнадцать поддрузжковъ подтягивалъ
 Шелку да шемуханскаго,
 Не ради красн басы ужоства,
 А для ради закрѣпы богатырскія.
 И бралъ онъ доспѣхи богатырскіи,

И садился онъ да на добра коня.
 И не одинъ поѣхалъ, со дружинкою.
 Видѣли добрыхъ коней сѣдучихъ,
 А не видѣли поѣдучихъ.
 Не путемъ поѣхали дорожкой,
 А прямо черезъ стѣну городовую.
 Одна куревка въ чистомъ поли стоятъ
 Отъ тѣхъ коньгъ да лошадиныхъ.
 Ждали Добрынюшко по три году,
 По три году не могли дожdatся.
 Ждали Добрынюшко по шесть годовъ,
 По шесть годовъ не могли да дожdatся.
 Тутъ его любимѣ семья,
 Мблoda Настасья Микулична
 Нарушила слово Добрынюшки Микитича,
 Пошла она въ замужество
 А за смѣлаго Алешеньку Поповича.
 Свадебка назначена играть двѣнадцать дней.
 Тутъ какъ сидитъ его родная матушка
 Во теремѣ высокоемъ,
 Сама слезно да и порасплакалась.
 — Не пѣло на мени красное солнышко по шесть
 годовъ,
 — А пѣлъ на меня младъ свѣтелъ мѣсяць.
 — Нынече и младъ свѣтелъ мѣсяць закатѣется! —
 — А подѣзжаетъ Добрынюшка Микитинъ сынъ
 Ко стольному ко городу ко Кіеву.
 Стрѣтается ему въ чистомъ полѣ Раньжа калѣка
 переходяя.
 Тутъ проговорить Добрынюшка Микитинъ сынъ:
 «Эй же ты, Раньжа, калѣка переходяя!
 «Давно ли ты бывалъ во Кіевѣ,
 «Давно ли видалъ князя Владиміра
 «И внягню Апраксию?
 «Все ли они живутъ да и здравствуютъ?»
 — Да не давно я былъ третьѣго дни,
 — Все живутъ они да и здравствуютъ. —
 «Да еще спрoшу, Раньжа калѣка переходяя!
 «Пріѣхалъ-ли Добрыня Микитинъ сынъ со зѣм-
 лей татарскихъ?»
 Спроговорить калѣка переходяя:
 — Не пріѣхалъ еще Добрынюшко со зѣмлей та-
 тарскихъ.
 — А его любима семья
 — Нарушила слово Добрынюшки Микитича,
 — Пошла она въ замужество
 — За смѣлаго Алешеньку Поповича.
 — Какъ его родная матушка порасплакалась,
 — Сидитъ она да въ теремѣ высокоемъ,
 — Глядитъ во чисто поле въ восащатое око-
 шечко. —

Не ясенъ соколъ по чисту полю, полётывать,
 А ѣдетъ Добрынюшка со землей татарскіихъ.
 Тутъ его родная матушка
 Выходила на крылечко перёное,
 Брала Добрынюшку за бѣлы руки,
 Вела его въ теремы высокіи.
 Спроговорить Добрынюшка Микитинъ сынъ:
 «Ай же ты моя родная матушка!
 «А гдѣ моя любимъ семья,
 «Молода Настасья Микулична?»
 Тутъ она да пораспѣалась:
 — Ай же ты мое да чадо милое!
 — Нарушила она слово твое Добрынюшко Микитинъ сынъ,
 — Пошла она въ замужество
 — За смѣлаго Алешеньку Поповича,
 — Свадебка назначена играть двѣнадцать дней.—
 Тутъ-то Добрынюшкѣ не дѣчго.
 Скидывалъ онъ платице дорожное,
 Надѣвалъ онъ платице богатырское,
 Бралъ онъ гусельшка яровчатинъ,
 И пошелъ къ нимъ да на почѣстной пиръ.
 Садился онъ у дверей да у дубовицъ,
 У тѣхъ у стоечекъ кленовицъ,
 Началъ онъ играть въ гусельшка яровчата:
 Игра играетъ отъ Царяграда,
 Выпѣваетъ онъ да отъ Еросѣлима,
 А напѣвочки поетъ все къ Настасьѣ Микуличной.
 Какъ услышала тутъ Настасья Микулична
 Напѣвочки Добрынюшки Микитица,
 Выходила она зъ-за стола зъ-за дубоваго,
 Наливала она чарочку да зелена вина,
 Подносила Добрынюшкѣ Микитичу,
 Да выпилъ онъ чарочку зелена вина,
 А Добрынюшка Микитинъ сынъ
 Наливалъ стаканъ да меду сладкаго,
 И спустилъ онъ да свой злачѣнъ перстень.
 Которымъ перстнемъ они да обручались,
 И самъ говорить таково слово:
 «И пей Настасья Микулична стаканчикъ ѣ весь
 до дна,
 «Тагъ увидишь ты много добра.»
 И она выпила стаканъ меду сладкаго,
 И прикатился перстень къ устамъ ея сахар-
 нымъ.
 Тутъ спроговорить Настасья Микулична:
 — Не тотъ мужъ, который со мною да за сто-
 ломъ сидитъ,
 — А тотъ мужъ, который передъ мной стоитъ.
 — Ты прости ты Добрынюшко Микитичъ меня
 въ такой вини!—

Спроговорить Добрынюшка Микитинъ сынъ:
 «У бабы волосъ дологъ, да умъ коротогъ,
 «Мужъ въ лѣсъ по дрова, баба и замужъ пошла.»
 «Не виню тебя молодá жена *),
 «А виню Алешеньку Поповича:
 «Зачѣмъ у живá мужа жену беретъ!
 «А князя Владиміра — зачѣмъ сватаетъ.»
 Тутъ взялъ Алешу за желты кудри,
 Почалъ по терему поваживать,
 А почалъ гуселками охаживать.
 А тутъ спроговорить Алешенька Поповъ тотъ
 сынъ:
 — А всякій на сѣмъ свѣтѣ женится,
 — Только не всякому женитьба удавается. —
 А взялъ Добрынюшка Настасью Микуличну,
 Повелъ Настасьюшку во свой теремъ.

Записано на Леликовѣ, 5 іюля.

146.

САДКО.

(См. Рыбникова, т. III, 42).

Во славномъ было во Нови-городѣ
 Жить-былъ Садко купецъ, богатый гость,
 Да все-то у Садка по небесному:
 И на небѣ солнце, въ теремѣ солнце,
 На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ,
 На небѣ звѣзды, и въ теремѣ звѣзды, —
 Все-то у Садка по небесному.
 И спроговорить Садко купецъ, богатый гость:
 «Ай же вы, дружинишки, прикащики мои!
 «Вы берите золотой казны по надобью,
 «Поѣзжайте-тко вы во славенъ въ Новгородъ,
 «Откупите-во товары въ Нови-городѣ,
 «Чтобы больше товаровъ тамъ не было.»
 Слушали дружинишки, прикащики его,
 Да они брали золотой казны по надобью,
 Да ѣхали да во въ Новгородъ,
 Откупили товары въ Нови-городѣ,
 На другой день товаровъ еще больше того.
 А еще спроговорить Садко купецъ, богатый гость:
 «Ай же вы, дружинишки, прикащики мои!
 «Еще берите золотой казны по надобью,
 «Поѣзжайте-тко вы во въ Новгородъ,

*) Конецъ былины, начиная съ этого стиха, прибавила Су-
 рикова (XXII).

«И откупите-ко товары во Новп-городѣ,
 «Чтобы больше товаровъ тамъ не было.»
 Слушали дружинишки, прикащики его,
 Да они брали золотой казны по надобью,
 Да ѣхали да во славенъ въ Новгородъ.
 Откупили товары во Новп-городѣ:
 На другой день товаровъ еще больше того.
 И спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
 «Ай же вы, дружинишки, прикащики мои!
 «Вы берите золотой казны по надобью.
 «А стройте-тко да тридцать кораблей,
 «Носъ-корму кладите по звѣриному,
 «Боба-то вы сведите по змѣиному,
 «Машты кладите краснаго дерева,
 «Блочики кладите все вязюльные,
 «Канатики кладите все шелковые,
 «Паруса кладите полотняные,
 «Якори кладите все булатные,
 «Да по черному по соболу сибирскому
 «Вмѣсто бровь продерните,
 «По бурья лисицы по сибирскія
 «А вмѣсто ушей повѣсьте-тко,
 «По дорогѣ по камешку по яхонту
 «Вмѣсто глазъ вы вставляйте.»
 Слушали дружинишки, прикащики его,
 Дѣлали дѣло повелѣное.
 Да тутъ-то Садко купецъ богатый гость поѣздъ
 держалъ

Поѣздъ держалъ изъ Чернаго,
 Изъ Черна моря во Бѣло море,
 Изъ Бѣла моря во Свирайское,
 Изъ Свирайскаго моря во Китайское,
 Изъ Китайскаго моря въ Овианъ-море.
 Всѣ-то корабли, какъ соколы, они летать,
 А Садковъ корабль становиться сталъ,
 Становиться сталъ, да онъ ко дну пошелъ.
 Тутъ спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
 «Ай же вы, дружинишки, прикащики мои!
 «Послушайте стараго хозяина,
 «Рѣжьте-тко тридцать жеребевъ,
 «И на жеребяхъ имена вы подписывайте,
 «Бросайте-тко жеребья вы на воду.»
 Слушали дружинишки, прикащики его,
 Рѣзали тридцать жеребевъ,
 На жеребяхъ имена подписывали
 И бросали жеребья на воду:
 Всѣ-то жеребья какъ гоголи плывать,
 А Садковъ жеребей становиться сталъ,
 Становиться сталъ, онъ ко дну пошелъ.
 Да спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
 «Ай же вы, дружинишки, прикащики мои!

«Вы тешите дочечку дубовенькую
 «И бросайте дощечку на воду.
 «А садите-тко Садка купца, гостя богатаго,
 «На тую дощечинку дубовенькую
 «И полагайте мнѣ гуселки яровчаты.»
 Тутъ его дружинишки, прикащики его,
 Дѣлали дѣло повелѣное,
 Спускали дочечки на воду,
 Садил Садка купца, гостя богатаго,
 На тую дощечки на дубовыя
 И полагали ему гуселки яровчаты
 И тутъ его взялъ водяной царь.

(На умѣть также спѣть конца при всемъ стараніи сказать
 складно).

147.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА.

Ѣздн поляница удалая
 Ѳедоръ Петровичъ, княженецкій сынъ,
 Во чистомъ поли за охвотою:
 Стрѣлялъ гусей да лебедей,
 Малыхъ перелетныхъ сѣрыхъ уточекъ.
 Увидѣлъ онъ во сыромъ дубу
 Стараго чернаго ворона:
 Распущены его крылушки по сырѣмъ дубу.
 И говоритъ Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ
 «Я убью стараго чернаго ворона,
 «Пролью его кровь по сырѣ дубу,
 «Спущу его тузово о сырѣ землю,
 «И распущу его перышка по чистѣ полю.»
 Спроговоритъ старый черный воронъ
 Гласомъ человѣческимъ:
 — Ай же ты поляница расейская,
 — Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ!
 — Не бей-ка меня стараго чернаго ворона.
 — Я лечу съ землей татарскіихъ.
 — Ѣздилъ татаринъ во чистомъ поли,
 — Выдастъ палицу булатную
 — Подъ тни подъ облаки летучи, подхватыва-
 ваешь,
 — Грозится на землю святорусскую. —
 Тутъ Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ
 Садился на добра коня, поѣхалъ во земли татар-
 скіихъ.
 И будетъ онъ во земляхъ татарскіихъ.
 Наѣхалъ татарина во чистомъ поли,
 И самъ говоритъ таково слово:

«Татаринъ поганый! скажи съ коей земли,
 «Съ коей земли, съ коей орды,
 «И какъ тебя зовуть по имени,
 «И называютъ тебя по отчеству?»
 Спроговорить татаринъ поганый:
 — Ай же ты поляница расейская!
 — Сядемъ-ко мы на добрыхъ коней,
 — И разѣдемся по чисту полю. —
 И ударились они въ палицы богатырскія,
 Палицы богатырскія до рукъ вси приломалися.
 Ударились во сабельки вострыя,
 Сабельки до рукъ вси прищелаяся.
 Ударились въ копейца мурамецкя,
 Копейца мурамецкя до рукъ вси свивалися.
 Опуцалися они да со добрыхъ коней.
 Кому-то была на бою Божья помочь?
 Была на бою Божья помочь поляницѣ расей-
 скойей.

Побилъ онъ татарина поганого,
 Садился татарину на бѣлую грудь,
 Еще сталъ у татарина выспрашивать:
 «Скажись-ко татаринъ поганый
 «Коей земли, и коей орды,
 «Тебя какъ зовуть по имени,
 «Называть тебя по отчеству?»
 Спроговорить татаринъ поганый:
 — Ай же ты поляница расейская!
 — Даль я тебѣ насмѣхатись
 — Какъ ты сидишь на моихъ на бѣлыхъ на гру-
 дяхъ.
 — А бы какъ былъ на твоихъ на бѣлыхъ на гру-
 дяхъ,
 — Пласталь бы тебѣ да груди бѣлыя,
 — И вынималъ бы тебѣ сердце ретивое. —
 Тутъ Федоръ Петровичъ княженецкій сынъ
 Вынималъ изъ ножней булатенъ ножъ,
 И здынулъ ножъ выше буйной головушкы,
 И хочеть пустить да во груди бѣлыя,
 Правая рука въ плечи да застоляся.
 Еще сталъ у татарина выспрашивать:
 «Скажись съ коей земли, да коей орды,
 «Тебя какъ зовуть по имени,
 «Называть по отчеству?»
 Спроговорить татаринъ поганый:
 — Ай же ты поляница расейская!
 — Когда сталъ ты у меня выспрашивать,
 — Я тебѣ стану высказывать:
 — Я есть не татаринъ да не поганый,
 — Я есть съ зѣмлей расейскыхъ,
 — Славнаго города Очакова,
 — Вотчины Березинской,

— Улицы Рогатницы,
 — Лука Петровичъ княженецкій сынъ.
 — Увезли меня татарева поганый
 — Трехъ годовъ во земли во татарскіи. —
 Тутъ Федоръ Петровичъ княженецкій сынъ
 Скорѣшенько вставая на рѣзвы ноги,
 И бралъ онъ братца за бѣлы руки,
 И здымалъ на ножки на рѣзвыя,
 И цѣловалъ во уста во сахарныи.
 «Ты есте братецъ мой родимый
 «Лука Петровичъ княженецкій сынъ!»
 Тутъ они садилсъ на добрыхъ коней
 И поѣхали во земли во расейскія.
 Скоро скажется, да тихо дѣется,
 Будуть они во земляхъ во расейскыхъ
 У славнаго города Очакова,
 Во той во отчинѣ Березинской,
 Во улицѣ Рогатницы,
 У того ли подворья княженецкаго.
 Сходили они да со добрыхъ коней,
 Оставилъ Федоръ Петровичъ братца у добрыхъ
 коней,
 Самъ онъ шель въ палаты княженецкя,
 Говорить онъ родной матушкѣ:
 «Ай же ты моя родная матушка!
 «Поди-ко ты на широкій дворъ,
 «Да бери-ко татарина за желты кудри,
 «Да веди-ко его во палаты княженецкя,
 «Да корми-ко татарина хлѣбомъ крупивчатымъ.»
 Спроговорить его родная матушка:
 — Ай же ты мое да чадо милое
 — Федоръ Петровичъ княженецкій сынъ!
 — Какъ бы была у меня старая пѣрушка,
 — Я бы пла-то на широкій дворъ,
 — Я бы брала татарина за желты кудри,
 — Вела бы татарина въ погребы глубокіи,
 — Кормила бы татарина пескомъ жолтымъ,
 — Поила бы татарина водой болотнею. —
 Спроговорить Федоръ Петровичъ княженецкій
 сынъ:

«Ай же ты моя родная матушка!
 «Не татаринъ есть да не поганый,
 «А есть мой братецъ родимый
 «Лука Петровичъ княженецкій сынъ.
 «Я привезъ его со зѣмлей татарскыхъ!»
 Тутъ его родная матушка
 Скорѣшенько надѣла чоботы на босую ногу,
 Кунью шубоньку накинула на одно плечо,
 Брала его да за бѣлы ручки,
 Вела его въ палаты княженецкя,
 Столы она ставила дубовыи,

Скатерти слала все бранши,
 Ёства-ты клала сахáрныи.
 Кормила-понла двухъ удалыхъ добрыхъ молод-
 цовъ,
 Тутъ они стали жшть да быть веселитися.

XXVII.

АБРАМЪ ЧУКОВЪ.

Абрамъ Евтихievъ Чуковъ, по прозванiю Бутылка, крестьянинъ д. Горка, Пудожгорской волости, Повѣнецкаго уѣзда, 59-ти лѣтъ. Заимствовалъ былины отъ отца, который былъ мастеръ пѣть и зналъ очень много «старинъ». Отецъ родился и провелъ молодость на Космозерѣ, въ Кижскомъ краѣ; оттого, по свидѣтельству самого Абрама, онъ поетъ былины такъ, какъ Кижане, а не такъ, какъ ихъ поютъ другiе сказители на Пудожской Горѣ. Впослѣдствiи отецъ переселился въ Кузаранду, а оттуда уже, лѣтъ сорокъ тому, на Пудожскую Горку. Абрамъ Евтихievъ въ молодости выучился портняжному мастерству и до сихъ поръ ежегодно проводитъ осень и зиму, странствуя по деревнямъ, чтобы шить крестьянамъ платье; преимущественно бываетъ въ Кижскомъ Заонежѣ; за работою онъ обыкновенно распѣваетъ свои старины. Онъ, впрочемъ, ведетъ и крестьянское хозяйство, довольно порядочное, служилъ обществу въ качествѣ сборщика податей. — Абрамъ Евтихievъ, какъ кажется, первый изъ Олонецкихъ сказителей обратилъ на себя вниманiе, чему онъ обязанъ какъ открытому, общительному характеру, такъ и тому, что часто бывалъ въ губернскомъ городѣ. По его словамъ, ужъ онъ много лѣтъ тому назадъ, еще гораздо прежде знакомства съ г. Рыбниковымъ, сдѣлался извѣстенъ какому-то генералу въ Петрозаводскѣ (должно быть, Бутеневу, бывшему начальнику горныхъ заводовъ), и по порученiю этого генерала какой-то писарь списалъ у него всѣ былины, какiя онъ зналъ; а зналъ онъ ихъ въ то время безъ малага два десятка, гораздо больше, чѣмъ помнитъ теперь. Но писарь этотъ потерялъ тетрадь съ этими былинами: такъ увѣрялъ Абрамъ. Однако оказывается, что всѣ тѣ былины, которыя въ 50-хъ годахъ печатались въ «Олонецкихъ Вѣдомостяхъ» и ко-

торыя г. Рыбниковъ помѣстилъ потомъ въ своемъ сборникѣ съ простою отиѣткою «изъ Олонецкой губернии», суть тѣ самыя, которыя поетъ Абрамъ Евтихievъ.

148.

ДОБРЫНЯ И ЗМЪЙ.

(См. Рыбникова, т. III, 15).

Добрынюшкѣ-то матушка говаривала,
 Да й Минитичу-то матушка наказывала:
 «Ты не ѣздп-ко далече во чисто полѣ
 «На тую гору да сорочинскую
 «Не топчи-ко младныхъ змиѣнышевъ,
 «Ты не выручай-ко полоновъ да русьскiныхъ,
 «Не кулись Добрыня во Пучай рѣки.
 «Но Пучай рѣка очень свирпая,
 «Но середняя-то струйка какъ огонь счѣтъ.»
 А Добрыня своей матушки не слушался.
 Какъ онъ ѣдетъ далече во чисто полѣ
 А на тую на гору сорочинскую,
 Потопталъ онъ младныхъ змиѣнышевъ,
 А й повручалъ онъ да полоновъ да русьскiныхъ.
 Богатырско его сердце роспотѣдоси,
 Роспотѣлось сердце нажадѣлоси.
 Онъ приправилъ своего добра коня,
 Онъ добра коня да ко Пучай рѣки,
 Онъ слѣзалъ Добрыня со добра коня,
 Да снималъ Добрыня платье цвѣтной,
 Да онъ забрелъ за струечку за первую,
 Да онъ забрелъ за струечку за среднюю,
 И самъ говорилъ да таково слово:
 — Мнѣ Добрынюшки матушка говаривала,
 — Мнѣ Минитичу маменька й наказывала:
 — Что не ѣздп-ко далече во чисто полѣ
 — На тую гору на сорочинскую,
 — Не топчи-ко младныхъ змиѣнышовъ,
 — А не выручай полоновъ да русьскiныхъ,
 — И не кулись Добрыня во Пучай рѣки.
 — Но Пучай рѣка очень свирпая,
 — А середняя-та струйка дакъ огонь счѣтъ.
 — А Пучай рѣка она кротна смирна,
 — Она будто лужа-то дождевая,
 Не успѣлъ Добрыня словца смолвити,
 Вѣтра нѣтъ, да тучу наднесло,
 Тучи нѣтъ, да быдто дождь дождитъ,
 А й дождя-то нѣтъ, да только громъ громитъ,
 Громъ громитъ, да свищеть молвiя.
 А какъ лѣтптъ змиѣнцо Горыничцо

О тмѣхъ двѣнадцати о хоботахъ.
 А Добрыня той змѣи да приужахнется.
 Говоритъ змѣя ему проклятая:
 «Ты тебѣ рече Добрыня во моихъ рукахъ!
 «Захочу тебя Добрыню тебѣ теперь потоплю,
 «Захочу тебя Добрыню тебѣ съѣмъ-сожру,
 «Захочу тебя Добрыню въ хоботѣ возьму,
 «Въ хоботѣ возьму, Добрыню во норѣ снесу.»
 Припадаетъ змѣя какъ во быстрой рѣки,
 А Добрынюшка - то плавать онъ гораздъ вѣдь
 былъ:

Онъ нырнѣтъ на бережокъ на таможенной,
 Онъ нырнѣтъ на бережокъ на здѣшней.
 А нѣтъ у Добрынюшки добра коня,
 Да нѣтъ у Добрыни платьевъ цвѣтныхъ,
 Стольби-то лежитъ одинъ пуховъ копаекъ.
 Да ^{сприятеля} поспѣваетъ тотъ копаекъ да земли греческой:
 По вѣсу тотъ копаекъ да въ цѣло три пуда.
 Какъ ухватить онъ копаекъ да земли греческой,
 Онъ шибнѣтъ во змѣю да во проклятую,
 Онъ отшибъ змѣи двѣнадцать да всихъ хоботовъ.
 Тутъ упала-то змѣя да во кувѣлъ траву.
 Добрынюшка на пожку онъ былъ побертокъ,
 Онъ скочитъ на змѣинны да груди бѣлыя.
 На ^{костѣ} крестѣ-то у Добрыни былъ булатнй ножъ,
 Онъ вѣдь хочеть распластать ей груди бѣлыя,
 А змѣя Добрыни ему смолится:

«Ахъ ты эй Добрыня сынъ Никитиничъ!
 «Мы положимъ съ тобой заповѣдь великую:
 «Тебѣ не ѣздити далече во чисто поле,
 «На тую на гору сорочинскую,
 «Не топтать большѣ младыхъ змѣеншувъ,
 «А не выручать полоновъ да русьскнхъ,
 «Не купаться ти Добрыня во Пучай рѣки,
 «И мнѣ не летать да на святую Русь,
 «Не косить людей ни больше русьскнхъ,
 «Не кошитъ мнѣ полоновъ да русьскнхъ.»
 Онъ выпуститъ змѣю какъ съ-подъ колѣнъ
 свопхъ,

Поднялась змѣя да вверхъ подъ облаку.
 Случилось ей летѣть да мимо Кіевъ градъ,
 Увидала она князеву племянницу.
 Молоду Забаву дочь Потятичну
 Идущій по улицѣ по широкой.
 Тутъ принадлежитъ змѣя да ко сырой земли,
 Захватила она князеву племянницу,
 Унесла въ норѣ да въ глубокую.
 Тогда солнышко Владиміръ стольне-кїевской,
 А онъ по три дня да тутъ близічь *) вликалаъ,

А близічь вликалаъ да славныхъ рыцарей,
 Кто бы могъ съѣздитъ далече во чисто поле,
 На тую на гору сорочинскую,
 Сходить въ норѣ да въ глубокую.
 А достать мою князеву племянницу
 Молоду Забаву дочь Потятичну.
 Говорилъ Олешенька Левонтьевичъ:
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольне-кїевской,
 — Ты навннъ-ко эту службу да великую
 — На того Добрыню на Никитича.
 — У него вѣдь со змѣю заповѣдь положена,
 — Что ей не летать да на святую Русь,
 — А ему не ѣздитъ далече во чисто полѣ,
 — Не топтать-то младыхъ змѣеншувъ,
 — Да не выручать полоновъ да русьскнхъ.
 — Такъ возьмѣтъ онъ князеву племянницу
 — Молоду Забаву дочь Потятичну,
 — Безъ бою, безъ драки кроводитія. —
 Тутъ солнышко Владиміръ стольне-кїевской
 Какъ накиннулъ эту службу да великую
 На того Добрыню на Никитича —
 Ему съѣздитъ далече во чисто полѣ
 И достать ему князеву племянницу
 Молоду Забаву дочь Потятичну.
 Онъ пошелъ домой Добрыня закручинился,
 Закручинился Добрыня запечалился.
 Стрѣтатъ государннй да родна матушка,
 Та честна вдова Офимья Александровна:
 «Ты эй рожбно мѣе дитяго,
 «Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
 «Ты что съ пиру идешь не весель-де?
 «Знать что мѣсто было ти не по чину,
 «Знать чарой на пиру тебя приобнесли,
 «Аль дураекъ надъ тобою насмѣляся-де?»
 Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
 — Ты эй государннй да родна матушка,
 — Ты честна вдова Офимья Александровна!
 — Мѣсто было мнѣ-ка по чину,
 — Чарой на пиру меня не обнесли,
 — Да дураекъ-то надо мной не насмѣляся вѣдь:
 — А накиннулъ службу да великую
 — А тотъ солнышко Владиміръ стольне-кїевской,
 — Что съѣздитъ далече во чисто полѣ,
 — На тую горѣ да на высокоу,
 — Мнѣ сходить въ норѣ да во глубокую,
 — Мнѣ достать-то князеву племянницу
 — Молоду Забаву дочь Потятичну. —
 Говоритъ Добрыни родна матушка,
 Честна вдова Офимья Александровна:
 «Ложись-ко спать да рано съ вечера,
 «Но утро будетъ очень мудро:

*) Знахарокъ.

«Мудренѣе утро будетъ оно вечера.»
 Онъ ставалъ по утрянкѣ ранешенько,
 Умывается да онъ бѣлешенько,
 Снаряжается онъ хорошохонько,
 Да идетъ на конюшню на стоялюю,
 А беретъ въ руки узду онъ да тесманюю,
 А беретъ онъ дѣдушковá да вѣдь добра коня,
 Онъ поилъ бурка ^{notse} цитѣмъ медвянымъ,
 Онъ кормилъ ^{inilis} шпоной да бѣлояровой,
 Онъ сѣдлалъ бурка въ сѣдлышко черкальское.
 Онъ потнички да клалъ на потнички,
 Онъ на потнички да кладеть войлочки,
 Кладъ на войлочки черкальское сѣдлышко,
 Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпру-
 говъ.

Онъ тринадцатой-отъ клалъ да ради крѣпости,
 Чтобы добрый конь-отъ съ-подъ сѣдла не вы-
 скокнѣлъ,

Добра молодца въ чистомъ полѣ не ^{thru} вырѣдилъ.

Подпруги были шелковыи,

А спенки у подпругъ всё булатни.

Пряжи у сѣдла да красна золота.

Тотъ да шолкъ не рвется, да булатъ не трѣтся,
 Красно золото не ржавѣтъ.

Молодецъ-то на кони сидитъ, да самъ не ста-
 рѣтъ.

Поѣзжалъ Добрыня сынъ Никитиничъ.

На прощенье ему матушка да плѣтуе подала,
 Сама говорила таково слово:

«Какъ будешь далече во чистомъ поли,

«На тѣ горы да на высоби,

«Потопчешь младнихъ змѣньшовъ,

«Повѣручишь полововъ да русьскѣхъ,

«Какъ ты-то младни змѣньши

«Подточать у бурка какъ они щоточки,

«Что не можеть больше бурушко поскакивать,

«А змѣньшовъ отъ ногъ да онъ отряхивать,—

«Ты возми-ко эту плѣточку шелковую,

«А ты бей бурка да промежѣ ногъ,

«Промежѣ ногѣ, да промежѣ уши,

«Промежѣ ноги да межу задни.

«Станеть твой бурушко поскакивать,

«А змѣньшовъ отъ ногъ да онъ отряхивать,

«Ты притопчешь всихъ да до одинаго.»

Какъ будетъ онъ далече во чистомъ поли,

На тѣ горы да на высоби,

Потопталъ онъ младнихъ змѣньшовъ.

Какъ ты-ли младни змѣньши

Подточили у бурка какъ они щоточки,

Что не можеть больше бурушко поскакивать,

Змѣньшовъ отъ ногъ да онъ отряхивать,—

Тутъ молодой Добрыня сынъ Никитиничъ

Береть онъ плѣточку шелковую,

Онъ бѣтъ бурка да промежѣ уши,

Промежѣ уши, да промежѣ ноги,

Промежѣ ноги, да межу задни.

Тутъ сталъ ёго бурушко поскакивать,

А змѣньшовъ отъ ногъ да онъ отряхивать,

Притопталъ онъ всѣхъ да до одинаго.

Выходила какъ змѣя она проклятая

Изъ тѣ норы да изъ глубокія,

Сама говоритъ да таково слово:

— Ахъ ты эй Добрынюшка Никитиничъ!

— Ты знать побрѣшилъ свою заповѣдь.

— Зачѣмъ стоишь младнихъ змѣньшовъ,

— Почто выручалъ полоны да русьскѣи? —

Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:

«Ахъ ты эй змѣя да ты проклятая!

«Чортъ ли ты нѣсь да черезъ Кіевъ градъ.

«Ты зачѣмъ взялъ князеву племянницу

«Молоду Забаву дочь Потятичну?

«Ты отдай же мнѣ-ка князеву племянницу

«Безъ бою, безъ драки кроволитія!»

Тогда змѣя она проклятая

Говорила-то Добрыни да Никитичу:

— Не отдамъ, я тебѣ князевой племянницѣ

— Безъ бою, безъ драки кроволитія. —

Заводила она бой драку великую.

Они дрались со змѣю тутъ трой сутки,

Но не могъ Добрыня змѣи перебить,

Хочеть тутъ Добрыня отъ змѣи отстать,

Какъ съ небесъ Добрыни ёму гласъ гласить:

«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!

«Дрался со змѣю ты трой сутки, —

«Подерись со змѣей ёще три часу:

«Ты побѣшь змѣю да ю проклятую!»

Онъ подрался со змѣю ёще три часу,

Онъ побилъ змѣю да ю проклятую.

Тая змѣя она кровью пошла.

Стоялъ у змѣи онъ тутъ трои сутки,

А не могъ Добрыня крови переждать.

Хотѣлъ Добрыня отъ крови отстать,

Но съ небесъ Добрыни опять гласъ гласить:

«Ахъ ты ей Добрыня сынъ Никитиничъ!

«Стоялъ у крови ты тутъ трои сутки,

«Постой у крови да ёще три часу,

«Бери своё копьѣ да бурзомецкое

«И бей копьёмъ да во сырѣ землю,

«Самъ копью да приговаривай:

«— ^{Сиди}Розступись-ко матушка сырѣ земля,

«— На ^{Сиди}четыре розступись да ты на четверти!

«— Ты ^{Сиди}пожри-ко эту кровь да всю змѣиную! —»

Розступилась тогда матушка сыра земля,
 Пожрала она кровь да всю змѣиную.
 Тогда Добрыня во нору пошолъ,
 Во тыя въ норы да во глубокіи.
 Тамъ сидитъ соробъ царей сорокъ царевичевъ,
 Сорокъ королей да королевичевъ,
 А простой-то силы той и смѣту нѣтъ.
 Тогда Добрынюшка Никитиничъ
 Говорилъ-то онъ царямъ да онъ царевичамъ,
 И тѣмъ королямъ да королевичамъ:
 — Вы идите нынѣ туда, отвель принесены,
 — А ты молода Забава дочь Потятична,
 — Для тебя я эдакъ тѣперь странствовалъ,
 — Ты поѣдемъ-ко ко граду ко Киеву.
 — А ѣ ко ласковому князю ко Владиміру. —
 Повѣзь молоду Забаву дочь Потятичну.
 На тыя путь широкой дороженьи
 Увидаль онъ бродъ да лошадинни,
 По колѣнъ было у лошади да въ землю грязнуто.
 Онъ догналъ Олешеньку Поповича,
 Самъ говорилъ да таково слово:
 — Ты эй Олешенька Левонтьевичъ!
 — Ты возьми-ко эту князеву племянницу,
 — Молоду Забаву дочь Потятичну,
 — Отвези-ко къ солнышку да ко Владиміру,
 — Ко Владиміру да ты во цѣлости.
 — Я поѣду этимъ бродомъ лошадиннымъ. —
 Онъ поѣхалъ этимъ бродомъ лошадиннымъ,
 Догналъ поляницу да великую,
 Онъ ударилъ своей палицей булатнею
 Тую поляницу въ буйну голову.
 Поляница та назадъ да не оглянется,
 А онъ Добрыня на кони да приужахнется,
 И самъ говорилъ да таково слово:
 — Вся сила у Добрыни есть по старому,
 — Вѣрно смѣлость у Добрыни не по старому. —
 Онъ назадъ Добрынюшка воротится,
 Приѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
 Толщиною дубъ оволо трѣхъ сажонъ.
 Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
 Да росшибъ вѣдь сырой дубъ по ластиньямъ,
 И самъ говорилъ да таково слово:
 — Вся сила у Добрыни есть по старому.
 — А вѣрно смѣлость у Добрыни не по старому. —
 Догналъ поляницу да великую,
 Ударилъ своей палицей булатнею
 Тую поляницу въ буйну голову.
 Поляница та назадъ да не оглянется,
 Онъ Добрыня на кони да приужахнется,
 И самъ говорилъ да таково слово:
 — Что смѣлость у Добрыни есть по старому,

— Вѣрно сила у Добрыни не по старому. —
 Онъ назадъ Добрынюшка воротится,
 Приѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу.
 Толщиною дубъ да былъ шести сажонъ,
 Онъ ударилъ своей палицей булатнею,
 А росшибъ вѣдь сырой дубъ по ластиньямъ,
 Самъ говорилъ да таково слово:
 — Вся сила у Добрыни есть по старому,
 — Вѣрно смѣлость у Добрыни не по старому. —
 Онъ догналъ поляницу да вѣдь въ третій разъ,
 Онъ ударилъ своей палицей булатнею
 Тую поляницу въ буйну голову.
 Поляница та назадъ да приоглянется,
 Сама говоритъ да таково слово:
 «Я думала комарники покѣсываютъ?
 «Ажно русьскіи могучіи богатыри пошалкиваютъ.»
 Ухватить-то Добрыню за желты кудри,
 Положить-то Добрыню во глубока карманъ,
 Во глубока карманъ Добрынюшку съ конѣмъ
 цѣло.
 А везла она Добрынюшку трой сутенъ,
 Испровѣщитса какъ ейной добрый конь
 Ей но голосомъ да человическимъ:
 — Молода Настасья дочь Никулична!
 — Что конь у богатыря да сопротивъ меня,
 — Сила у богатыря да сопротивъ тебя:
 — Не могу везти я больше васъ съ богатыремъ! —
 Говоритъ Настасья дочь Никулична:
 «Ежели богатырь да онъ старши,
 «Я богатырю да голову срублю.
 «Ежели богатырь да онъ младши,
 «Я богатыря да во полонъ возьму.
 «Ежели богатырь мнѣ въ любовь придетъ,
 «Я теперъ вѣдь за богатыря за мужъ пойду.»
 Вынимаетъ-то богатыря да изъ корманчика,
 Тутъ ѣй богатырь да понравился.
 Говоритъ Настасья да Никулична:
 «Ты молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
 «Мы поѣдемъ съ тобою ко граду ко Киеву,
 «Да ко ласкову ко князю ко Владиміру,
 «Примемъ мы съ тобою по злату вѣнцу.»
 Тутъ приѣхали кобъ (sic) граду ко Киеву,
 И ко ласкову ко князю ко Владиміру,
 Приняли они да по злату вѣнцу.
 Тутъ по три дни было да пированьицо
 Про молода Добрыню про Никитича,
 Тутъ вѣкъ про Добрыню старину поютъ:
 А Синему морю да на тишину,
 А вамъ добрынь-тѣмъ людямъ на послушанье.

149.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША ПОПОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 25).

Добрынюшка тотъ матушкѣ говаривалъ,
 Да Никитиничъ-отъ матушкѣ наказывалъ:
 «Ты свѣтъ государыня да родна матушка,
 «Честна вдова Офимья Александровна!
 «Ты зачѣмъ меня Добрынюшку несчастнаго спо-
 рѣдила?»

«Породила государыни бы родна матушка
 «Ты бы бѣленькимъ, горючимъ меня камешкомъ,
 «Завернула государыни да родна матушка
 «Въ тонкольняный было бѣлый во рукавичекъ,
 «Да вздынула государыни да родна матушка
 «Ты на вѣсоку на гору Сорѣчинскую
 «Испустила государыня да родна матушка
 «Меня въ Черное бы море, во турецкое,
 «Я бы вѣкъ бы тамъ Добрыня во морі лежалъ,
 «Я отишѣ бы лежалъ да я бы до вѣку,
 «Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту полю,
 «Я не убивалъ Добрыня неповинныхъ душъ,
 «Не пролилъ бы крови я напрасная,
 «Не слезилъ Добрыня отцев матерей,
 «Не вдовилъ бы я Добрынюшка молодыхъ жонъ,
 «Не спущалъ бы сиротатъ да малыхъ дѣтушекъ.»
 Отвѣтъ держитъ государыни да родна матушка,
 Та честна вдова Офимья Александровна:
 — Я бы рада бы ты дитятко спорѣдити:
 — Я таланомъ-участью въ Илью Муромца,
 — Я бы силой въ Святогора да богатыря,
 — Я бы смѣлостью во смѣлаго Алешу во Попо-
 вича,

— Я походкою тебя шапливою
 — Во того Чурилу во Пленковца,
 — Я бы вѣжествомъ въ Добрыню во Никитича,
 — Столько тыи стѣтѣи есть, а другихъ Богъ не
 далъ,
 — Другихъ Богъ статей нѣ далъ, да не пожа-
 валь. —

Скоро-на-скоро Добрыня онъ коня сѣдлалъ,
 Садился онъ скоро на добра коня,
 Какъ онъ потнички клалъ да на потнички,
 А на потнички клалъ войлочки,
 Кладъ на войлочки черкальское сѣдлышко.
 Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпир-
 говъ,
 Онъ тринадцатой-отъ клалъ да ради вѣрности,

Чтобы добрый конь-отъ съ-подъ сѣдла не вы-
 скочилъ,
 Добра молодца въ чистомъ полѣ не вѣрушилъ.
 Подпируги былъ шелковыи,
 А спенкѣй у подпиругъ все булатнии,
 Пряжи у сѣдла да красна золота.
 Тотъ да шелкъ не рвется, да булатъ не трется,
 Красно золото не ржавѣеть.
 Молодецъ-то на кони сидитъ, да самъ не ста-
 рѣеть.

Провожала-то Добрыню родна матушка.
 Простиласи и воротиласи
 Домой пошла, сама заплакала.
 А у тыя было у стремини у правни,
 Провожала-то Добрыню любимѣ семья,
 Молода Настасья дочь Викулична
 (Она была взята изъ земли Политовскія),
 Сама говоритъ да таково слово:
 «Ты душкѣ Добрынюшка Никитиничъ!
 «Ты когда Добрынюшка домѣй будешь?
 «Когда сѣждать Добрыню изъ чистѣ поля?»
 Отвѣтъ держитъ Добрынюшка Никитиничъ:
 — Когда меня ты стала спрашивать,
 — Такъ теперича тебѣ я стану сказывать:
 — Сождай меня Добрынюшку по три года.
 — Если въ три года не буду, жди по друго три,
 — А какъ сполнитса то время шесть годовъ,
 — Какъ не буду я Добрыня изъ чистѣ поля,
 — Поминай меня Добрынюшку убитаго.
 — А тебѣ-ка-ва Настасья воля вольная:
 — Хоть вдовой живи, да хоть замужъ поди
 — Хоть ты за князя поди хотъ за боярина,
 — А хотъ за русьскаго могучаго богатыря, —
 — Столько нѣ ходи за мѣго за брата за названаго
 — Ты за смѣлаго Алешу за Поповича. —
 Его государыня-то родна матушка,
 Она учала какъ по полати-то похаживать,
 Она учала какъ голосомъ поваживать,
 И сама говоритъ да таково слово:
 «Единое-жъ было да солнце красное,
 «Нонъ тепере за темны лѣса да закатилоси,
 «Стольки оставлялся младъ свѣтѣлъ мѣсяцъ.
 «Какъ единое-жъ было да чадо милое
 «Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
 «Онъ во далечи, далечи, во чистомъ поли,
 «Судить-ли Богъ на вѣку хотъ разъ видать?»
 Еще стольки оставлялась любимѣ семья,
 Молода Настасья дочь Никулична,
 На роздѣй тоски великою кручиннушки.
 Стали сѣждать Добрыню изъ чиста поля по три
 годы,

А ѿ по три́ годы, еще и по́ три дни,
Сполнилось времени цѣло три́ годы,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста́ поля.
Стали со́ждать Добрыню по друго́е три,
Тутъ какъ день за днѣмъ да будто дождь дожди-

жить,

А недѣля за недѣлей какъ трава ростеть,
Годъ тотъ за годомъ да какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени и другое три,
Да какъ сполнилось времени да цѣло шесть го-

довъ,

Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Какъ во тую пору, да во то время,
Приѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
Привозилъ имъ вѣсточку нерадостну:
Что нѣтъ жива Добрынюшки Никитица,
Онъ убитъ лежитъ да на чистомъ поли:
Буйна голова да испроломана,
Могучи плеча да испрострѣяны,
Головой лежитъ да въ часть ракутовъ кустъ.
Какъ тогда-то государыня да родна матушка
Слезила-то свои да очи ясныи,
Скорбила-то свое да лицо бѣлое
По своему рожоно́му по дитяти,
А по молодомъ Добрыни по Никитичи.
Тутъ сталъ солнышко Владиміръ-то показывать,
Да Настасья то Викуличной посватывать,
Посватывать да подговаривать:

— Что какъ тебѣ жить да молодой вдовой,
— А ѿ молодой вѣкъ да свой корѣтати,
— Ты поди замужъ хоть за князя хоть за боя-

рина,

— Хоть за русьскаго могучаго богатыря,
— Хоть за смѣлаго Алешу за Поповича. —
Говоритъ Настасья дочь Микулична:

«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольне-кїевской!
«Я исполнила заповѣдь ту мужнюю!

«Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ,
«Я исполню заповѣдь да свою женскую:

«Я прожду Добрынюшку друго́е шесть лѣтъ.
«Какъ сполнится времени двѣнадцать лѣтъ,
«Да успѣю и въ тѣ порѣ замужъ пойти.

Опять день за днѣмъ да будто дождь дождитъ,
А недѣля за недѣлей какъ трава растеть,
Годъ тотъ за годомъ да какъ рѣка бѣжитъ,
А прошло тому времени двѣнадцать лѣтъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Тутъ сталъ солнышко Владиміръ тутъ покази-

вать,

Онъ Настасья той Викуличной посватывать,
Посватывать да подговаривать:

— Ты эй молода Настасья дочь Микулична!

— Какъ тебѣ жить да молодой вдовой,

— А молодой вѣкъ да свой корѣтати.

— Ты поди замужъ хоть за князя, хоть за боя-

рина,

— Хоть за русьскаго могучаго богатыря,

— Хоть за смѣлаго Алешу за Поповича. —

Не пошла замужъ не за князя, не за боярина,

Не за русьскаго могучаго богатыря,

А пошла замужъ за смѣлаго Алешу за Поповича.

Пиръ идетъ у нихъ по третій день,

А севодни имъ ити да ко божьей церкви,

Принимать съ Олешей по злату вѣнцу.

Въ тую-ль было пору, а въ то время,

А Добрыня-то случился у Царяграда,

У Добрыни конь да подтыкается.

Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:

«Ахъ ты волчья сымъ, да ты медвѣжья шерсть!

«Ты чево севодня подтыкаешься?»

Испровѣщится какъ ему добрый конь,

Ему голосомъ да человѣческимъ:

— Ахъ ты эй хозяинъ мой любимыи!

— Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:

— А твоя Настасья королевична

— Королевична она замужъ пошла

— За смѣлаго Алешу за Поповича.

— Какъ пиръ идетъ у нихъ по третій день,

— Севодня имъ ити да ко божьей церкви,

— Принимать съ Олешей по злату вѣнцу. —

Тутъ молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,

Онъ бѣтъ бурка да промежу уши,

Промежу уши да промежу ноги,

Что сталъ его бурушка носкаивать,

Съ горы на горы да съ холма на холму,

Онъ рѣки и озѣры перескаивалъ,

Гдѣ широкіи раздолья—межу ногъ пушалъ.

Буде во градѣ во Кїевѣ.

Какъ не ясный соболю въ перелѣтъ летѣлъ,

Добрый молодецъ да въ перебо́нъ гонитъ,

Не воротми ѣхалъ онъ черезъ стѣну,

Черезъ тую стѣну городовую,

Мимо тую башню наугольную,

Ко тому придворью ко вдовиному;

Онъ на дворъ заѣхалъ безобсѣдно,

А въ палаты идетъ да бездокладно,

Онъ не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ,

У дверей не спрашивалъ придверниковъ;

Всѣхъ онъ взяшей прочь отталенвалъ,

Смѣло проходилъ въ палаты во вдовиныи:

Крестъ владеть да по писаному,

Онъ поклонъ ведетъ да по ученому,

На всѣ три, четыре да на стороны,
А честной вдовѣ Офимьѣ Александровнѣ да въ
особину:

«Здравствуешь честна вдова Офимья Александровна!»

Какъ вслѣдъ идутъ придверники да приворотники,

Вслѣдъ идутъ, всѣ жалобу творять,
Сами говорятъ да таково слово:

— Ахъ ты эй Офимья Александровна!

— Какъ этотъ-то удалый добрый молодецъ

— Онъ наѣхалъ съ поля да скорымъ гонцомъ,

— На дворъ заѣхалъ безобсмыочно,

— Въ полаты-то идетъ да бездокладочно,

— Насъ не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ,

— У дверей не спрашивалъ придверниковъ,

— Да всѣхъ взяшей прочь отталкивалъ,

— Смѣло проходилъ въ полаты во вдовиньи. —

Говоритъ Офимья Александровна:

«Ты эй удалой добрый молодецъ!

«Ты затѣмъ же ѣхалъ на сиротскій дворъ да безобсмыочно,

«А въ полаты ты идешь да бездокладочно,

«Ты не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ,

«У дверей не спрашивалъ придверниковъ,

«Всѣхъ ты взяшей прочь отталкивалъ?

«Кабы было живо мое чадо милое,

«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ, —

«Отрубилъ бы онъ тебѣ-ка буйну голову

«За твои поступки неумильни.»

Говорилъ удалый добрый молодецъ:

— Я вчерась зъ Добрыней поразѣхался,

— А Добрыня поѣхалъ ко Царѣ-граду,

— Я поѣхалъ да ко Киеву. —

Говоритъ честна вдова Офимья Александровна:

«Во тую-ли было пору во перво шесть лѣтъ,

«Приѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,

«Привозилъ намъ вѣсточку нерадостну:

«Что нѣтъ жива Добрынюшки Никитича

«Онъ убитъ лежитъ да во чистомъ полѣ:

«Буйна голова его испроломана,

«Могучи плеча да испрострѣяны,

«Головой лежитъ да въ часть рахитовъ кустъ.

«Я жалешенько тогда вѣдъ по немъ плакала,

«Я слезила-то свои да очи ясныя,

«Я скорбила-то своё да лицо бѣлое

«По своёмъ рожиномъ по дитятики.

«Я по молодомъ Добрыни по Никитичи.»

Говорилъ удалый добрый молодецъ:

— Что наказывалъ мнѣ братецъ-отъ названья,

— Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,

— Спросить про него про любиму семью,

— А про молоду Настасью про Микуличну. —

Говоритъ Офимья Александровна:

«А Добрыня любима семья замужъ пошла

«За смѣлаго Олешу за Поповица.

«Пиръ идетъ у нихъ по третій день,

«А сегодня имъ ити да ко божьей церкви,

«Принимать съ Олешой по злату вѣнцу.»

Говорилъ удалой добрый молодецъ:

— А наказывалъ мнѣ братецъ-отъ названья,

— Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ:

— Если случитъ Богъ быть на пору тебѣ въ
Кіевѣ,

— То возьми моѣ платье скоморское,

— Да возьми мок гуселюшка яровчаты

— Въ новой гореньѣ да все на стопочкѣ. —

Какъ бѣжала тутъ Офимья Александровна,

Подавала ему платье скоморское,

Да гуселюшка ему яровчаты.

Накрутился молодецъ какъ скоморошиной,

Да пошолъ онъ на хорошъ почестный пиръ,

Идетъ какъ онъ да на княженецкій дворъ,

Не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ,

У дверей не спрашивалъ придверниковъ,

Да всѣхъ взяшей прочь отталкивалъ,

Смѣло проходилъ во полаты княженецкія.

Тутъ онъ врестъ кладѣтъ да по писаному,

А поклонъ ведетъ да по ученому,

На всѣ три четыре да на стороны,

Солнышку Владимиру да въ собицу.

— Здравствуй солнышко Владимиръ стольный
Кіевскій

— Съ молодой княгиней со Опраксией! —

Вслѣдъ идутъ придверники, да приворотники,

Вслѣдъ идутъ, всѣ жалобу творять,

Сами говорятъ да таково слово:

«Солнышко Владимиръ стольне-кіевскій!

«Какъ эта удала скоморошина

«Наѣхалъ изъ чиста поля скорымъ гонцомъ,

«А теперичу идѣтъ да скоморошиной,

«Насъ не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ.

«У дверей онъ насъ не спрашивалъ придверниковъ,

«Да всѣхъ насъ взяшей прочь отталкивалъ,

«Смѣло проходилъ въ полаты княженецкіе.»

Говорилъ Владимиръ стольный Кіевской:

— Ахъ ты эй удала скоморошина!

— Зачѣмъ идешь на княженецкій дворъ да безобсмыочно,

— А й въ палаты идешь бездокладочно,
 — Ты не спрашивашь у воротъ да приворотни-
 ковъ,
 — У дверей не спрашивашь придверниковъ,
 — А всѣхъ ты взапей прочь отталкивалъ? —
 Скоморошина въ рѣчамъ да не вчуется,
 Скоморошина къ рѣчамъ не примется,
 Говорить удала скоморошина:
 «Солнышко Владиміръ стольный кіевскій!
 «Скажи гдѣ есть нашо мѣсто скомороское!»
 Говорить Владиміръ стольне-кіевской:
 — Что ваше мѣсто скомороское
 — А на той на печкѣ на муравленой,
 — На муравленой на печкѣ да на запечкѣ. —
 Онъ скочилъ скорѣ на мѣсто на показано,
 На тую на печку на муравлену.
 Онъ натягивалъ тетивочки шелковыя,
 Тыи струночки да золочѣныя,
 Онъ учалъ по стрункамъ похаживать,
 Да онъ учалъ голосомъ повѣживать.
 Играеть-то онъ вѣдь во Кієви,
 А на вѣнгрышъ беретъ во Царіградѣ.
 Онъ повѣнгралъ воо гради во Кієви,
 Онъ во Кієви да всѣхъ поименно,
 Онъ отъ стараго да всѣхъ до малаго.
 Тутъ всѣ на пирѣ игры заслухались,
 И всѣ на пирѣ призаболкнулись,
 Саміи говорятъ да таково слово:
 «Солнышко Владиміръ стольне-кіевскій!
 «Не быть это удалой скоморошины.
 «А какому нѣ быть надо русьскому
 «Быть удалому да добру молодцу.»
 Говорить Владиміръ стольне-кіевской:
 — Ахъ ты эй удала скоморошина!
 — За твою игру да за веселюю,
 — Опускайся-ко изъ печки изъ-запечка,
 — А садись-ко съ нами да за дубовъ столъ,
 — А за дубовъ столъ да хлѣба кушати.
 — Теперь дамъ я ти три мѣста три любиминыхъ:
 — Перво мѣсто сядь подлѣ мене,
 — Друго мѣсто сопротивъ мене,
 — Третье мѣсто куды самъ захошь,
 — Куды самъ захошь, еще пожалуешь. —
 Опущалась скоморошина изъ печки изъ мурав-
 леной,
 Да не сѣла скоморошина подлѣ князі,
 Да не сѣла скоморошина да сопротивъ князя,
 А садилась въ скамеечку
 Сопротивъ княгини-то обручныя,
 Противъ молодой Настасьи да Никулничны,
 Говорить удала скоморошина:

«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
 «Бласлови-ко налить чару зеленá вина,
 «Поднести-то эту чару кому я знаю,
 «Кому я знаю, еще пожалу.»
 Говорилъ Владиміръ стольне-кіевской:
 — Ай ты эй удала скоморошина!
 — Бѣла дана ти повѣлька да великая,
 — Что захочешь, такъ ты то дѣлай
 — Что ты задумаешь, да еще й то твори. —
 Какъ тая удала скоморошина
 Наливала чару зелена вина,
 Да опустить въ чару свой злаченъ перстенъ,
 Да подноситъ-то княгини поручѣныя,
 Самъ говорилъ да таково слово:
 «Ты эй молода Настасья дочь Микулнична!
 «Прими-ко сію чару единой рукой,
 «Да ты выпей-ко всю чару единымъ духомъ.
 «Какъ ты пьешь до дна, такъ ты вѣдашь добра,
 «А не пьешь до дна, такъ не видишь добра.»
 Она приняла чару единой рукой,
 Да и выпила всю чару единымъ духомъ.
 Да обсмотри въ чары свой злаченъ перстенъ,
 А котормымъ съ Добрыней обручалася,
 Сама говоритъ таково слово:
 — Вы эй же вы князи, да вы бояра
 — Вы всѣ же князи вы и дворяна!
 — Вѣдь не тотъ мой мужъ, да кой подлѣ мене,
 — А тотъ мой мужъ, кой сопротивъ мене:
 — Сидитъ мой мужъ да на скамеечкѣ,
 — Онъ подноситъ мнѣ-ко чару зеленá вина. —
 Сама выскочитъ изъ стола да изъ-за дубова,
 Да й упала Добрыни во рѣзвѣ ноги,
 Сама говоритъ да таково слово:
 — Ты эй молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
 — Ты прости прости Добрынюшка Никитиничъ
 — Что не по твоему наказу да я сдѣлала,
 — Я за смѣлаго Олѣшенку за мужъ пошла.
 — У насъ волосъ дологъ да умъ коротокъ,
 — Насъ куда ведутъ, да мы туда идѣмъ,
 — Насъ куда везутъ, да мы туда ѣдемъ. —
 Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
 «Не дивую разуму я женскому:
 «Мужъ-отъ въ лѣсъ, жена и замужъ пойдетъ,
 «У нихъ волосъ дологъ, да умъ коротокъ,
 «А дивую я солнышку Владиміру
 «Со своей княгиней со Опраксией,
 «Что солнышко Владиміръ тотъ сватомъ былъ.
 «А княгиня-то Опраксія да была свахою,
 «Они у жива мужа жѣну да просватали.»
 Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло,
 Онъ повѣсилъ свою буйну голову,

Утопилъ ясны́ очи во сырú землю.
 Говорить Олешенько Левонтьевичъ:
 — Ты прости, прости братецъ мой названья
 — Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
 — Ты въ той винѣ прости меня во глупости,
 — Что я посидѣлъ подлѣ твоей любимой семьи,
 — Подлѣ молодой Настаси́и да Викуличной.—
 Говорилъ Добрыня сынъ Микитиничъ:
 «А въ той вини́и братецъ тебя Богъ прѣститъ
 «Что ты посидѣлъ подлѣ моѣй да любимой семьи
 «Подлѣ молодой Настаси́и Микуличны!
 «А въ другой вини́и братецъ тебя не прошу.
 «Когда приѣзжалъ изъ чиста́ поля во первое шесть
 лѣтъ,
 «Привозилъ ты вѣсточку нерадостну,
 «Что вѣтъ жива Добрынюшки Микитинича
 «Убить лежитъ да на чистомъ полѣ.
 «А тогда-то государыня да моя родна́ матушка,
 «А жалешенько она да по мнѣ плакала,
 «Слезила-то она свои да очи ясныя,
 «А скорбила-то своё да лицо бѣлое.
 «Такъ во этой вини́и братецъ тебя не прошу.»
 Какъ ухватить онъ Олешу за желты́ кудри,
 Да онъ выдернетъ Олешку черезъ дубовъ столъ,
 Какъ онъ броситъ Олешу о кириичень мость,
 Да повывернетъ шалыгу подорожную,
 Да онъ учалъ шалыгищемъ охаживать,
 Что въ хлопавѣ-то охханья не слышно вѣдь,
 Да тольки-то Олешенка и женатъ бывалъ,
 Ну столыки-то Олешенка съ женой сыналъ.
 Всякъ-то братцы на вѣку видъ женится,
 И всякому женитьба удавается,
 А не дай Богъ женитьбы той Олешиною.
 Тутъ онъ взялъ свою да любиму́ семью,
 Молоду Настасью да Микуличну,
 И пошолъ къ государыни да и родной матушкѣ.
 Да онъ здымалъ доброе здоровьице,
 Тутъ вѣкъ про Добрыню старину́ скажутъ,
 А синему морю на тишину,
 А вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записано въ Петрозаводскѣ, 20 іюня.

150.

МИХАЙЛА ПОТЫКЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 16).

Во стольномъ было во городѣ Кіевн,
 Да у ласкова у князя у Владиміра,
 Какъ было пированье почестный пиръ

Да на многіихъ тыхъ князей, бояръ,
 Да на всѣхъ тыхъ гостей званыхъ бранныхъ,
 Званыхъ бранныхъ, гостей приходящихъ.
 Всѣ-то на пиру да наѣдались,
 Всѣ-то на чѣстномъ да напивались,
 Всѣ-то на пиру да порасхвастались.
 Иный хвалится есть молодець добрымъ конемъ,
 Иный хвастаетъ да шелковымъ портомъ
 Иный хвалится есть села и со приселками,
 Иный хвалитъ города и съ пригородками,
 Умный хвастаетъ да родной матушкой,
 А безумный хвалится да молодой женой.
 Изъ-за того было стола да изъ-за дубова
 А не золота звонка́ труба да вытрубила,
 Испроговорилъ Владиміръ стольне-кіевской:
 «Ай вы, эй вы, князи бояра!
 «Какъ нечѣмъ мнѣ Владиміру похвастати:
 «Нѣту у меня да золотой казны.
 «Ты первый русьскій славный богатырь
 «Старый казакъ Илья Муромецъ!
 «Съѣзди-ка ты да въ золоту орду,
 «Повыправь-ка мнѣ дани выходы
 «За двѣнадцать годъ и за тринадцать лѣтъ,
 «За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
 «А ты другой русьскій славный богатырь
 «Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ!
 «Съѣзди-ка ты да во Турецію,
 «Повыправь-ка тамъ дани выходы,
 «За двѣнадцать годъ и за тринадцать лѣтъ.
 «Третій русьскій славный богатырь
 «Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Съѣзди-ко ты да во Швецію
 «Ай повыправь-ко тамъ дани выходы
 «За двѣнадцать годъ и за тринадцать лѣтъ.»
 Согласились три русьскихъ три могучихъ три бо-
 гатыря,

Приѣхали ко кресту къ Леванидову
 Тутъ они крестами да побратались.
 Который же изъ нихъ былъ старшій братъ?
 Старый казакъ Илья Муромецъ былъ старшій
 братъ,
 Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ былъ сред-
 ній братъ,
 А Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ былъ мѣнь-
 шій братъ.

Который-то пораньше повѣдетъ,
 А ко другому-то ѣхать да й на вируху.
 Старый-то казакъ Илья Муромецъ
 Отправился да въ золоту орду,
 Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ во Швецію.
 Какъ тотъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ

Взыскаль-то свои дани выходы,
 Привозилъ ко солнышку да ко Владиміру.
 Получаетъ онъ свои да дани выходы
 За двѣнадцать годъ и за тринадцать лѣтъ,
 Говорилъ Владиміръ стольне-кѣвской:
 «Знай Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Пишетъ мнѣ де Бухарь царь заморскія:
 «Проситъ онъ съ меня дани выходы
 «За двѣнадцать годъ за тринадцать лѣтъ,
 «За тринадцать лѣтъ да съ половиной.»
 Говорилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
 — Солнышко Владиміръ стольне-кѣвской!
 — Напиши-ко ты скорописчатые ёрлики,
 — Што отпущены у тебя дани выходы
 — За Михайломъ Потыкомъ сыномъ Ивановымъ,
 — А я поѣду да безъ выходовъ.—
 Поѣхалъ ко Бухарю царю заморскому:
 «Ты здравствуешь Бухарь да царь заморскія!
 «Я привезъ тебѣ да дани выходы,
 «За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ
 «За тринадцать лѣтъ, да съ половиною.»
 Говорилъ Бухарь-то царь заморскія:
 — Гдѣ же у тебя да дани выходы?—
 «Дани выходы остались во чистомъ полѣ.
 «Я везу монетою все мѣдною,
 «Какъ телѣжочки да приосынались,
 «Тамъ остались мужики да вѣдъ починивать.»

Говорилъ Бухарь-то царь заморскія:
 — У васъ чѣмъ въ Россіи забавляются,
 — Со той съ великія со радости,
 — Какъ получать-то у васъ да дани выходы?—
 Говорилъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ:
 «Что у насъ въ Россіи забавляются:
 «А ѣ играютъ въ карты билиарты,
 «Да играютъ въ шашечки кленовыя,
 «На тѣхъ дощечкахъ на дубовыхъ.»
 Они стали играть во шашечки кленовыя,
 Какъ наставили дощечку они первую,
 Тотъ Бухарь да царь заморскія
 Положилъ онъ на дощечку дани выходы,
 А Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Положилъ на дощечку онъ добра коня.
 Проигралъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 Проигралъ своего онъ добра коня,
 Онъ Бухарю то ему царю заморскому.
 Какъ наставили дощечку они другую,
 Тотъ Бухарь то царь заморскія
 Положилъ на дощечку дани выходы,
 Да положилъ Михайлина добра коня,
 А тотъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ

Положилъ на дощечку буйну голову.
 Сыграли то дощечку они другую,
 Тутъ повыигралъ Михайло Потыкъ сынъ Ивано-
 вичъ

Со Бухаря со царя да ѣ дани выходы.
 Наставили дощечку они третью.
 Тотъ Бухарь то царь заморскія
 Положилъ на дощечку онъ полцарства пол-имѣй-
 ство де,

А тотъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Положилъ на дощечку дани выходы.
 Сыграли какъ дощечку они третью,
 Тутъ повыигралъ Михайло Потыкъ сынъ Ивано-
 вичъ
 И онъ полцарства-то повыигралъ, да пол-имѣй-
 ство де,

Со Бухаря со царя да ѣ со заморскаго.
 Какъ о тую было пору да о то время,
 А ѣ дубовая то дверь да отпирается,
 Приходилъ тутъ старый казакъ да Илья Муро-
 мецъ,

А самъ говорилъ да таково слово:
 — Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Ты сидишь-играешь-забавляешься,
 — Надъ собой незгодушки не вѣдаешь!
 — А твоя жъ вѣдъ Марья лебедь бѣлая,
 — Аѣ подоленка да королевична,
 — Уѣхала во землю политовскую
 — Со тоимъ королемъ со политовскимъ. —
 Разсердился тутъ Михайло Потыкъ сынъ Ивано-
 вичъ.

Схватилъ онъ дощечку да дубовую,
 Да отбросилъ въ дверь да во кленовую,
 Да повыметилъ вонъ двери съ ободвереньемъ.
 Говорилъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ:
 «Ты эѣ же братецъ мой крестовой
 «Старый казакъ да Илья Муромецъ!
 «Получай-ко со Бухаря со царя да со заморскаго
 «А полцарства ты, да пол-имѣйство де.
 «Я поѣду нонъ во землю политовскую,
 «Я исвать своей да Марьи лебедь бѣлой,
 «Я подоленки да королевичной.»
 Приѣзжаетъ онъ во землю политовскую.
 Заѣхалъ онъ на королевской дворъ,
 Заеричалъ голосомъ да богатырскимъ.
 Услыхала Марья лебедь бѣлая,
 А та подоленка да ѣ королевична
 Наливала чару питья забудущаго,
 Выбѣгала на крылечко на переное,
 Увидала тутъ Михайлу Потыка сына Ивановича,
 Да ѣ сама говоритъ да таково слово:

— Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 — У насъ волосъ дологъ, да умъ коротокъ.
 — Насъ куда ведутъ, а мы туда идемъ,
 — Насъ куда везутъ, а мы туда ѣдемъ.
 — Ты прими-ка сію чару единой рукой,
 — Да ты выпей сію чару единымъ духомъ,
 — Да поѣдемъ мы ко граду ко Киеву,
 — Да ѣй ко ласкову ко князю ко Владимиру. —
 Онъ Михайло до вина да былъ упачливой.
 Какъ онъ принялъ чару единой рукой,
 Да онъ выпилъ вѣдь всю чару единымъ духомъ,
 Гдѣ онъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.

А тая жъ вѣдь Марья лебедь бѣлая,
 А ѣй подоленка да королевична,
 Броситъ то Михайла да черезъ плече,
 Вела Михайлу во чисто поле,
 А сама къ Михайлѣ приговаривала:
 — Гдѣ былъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 — Тутъ стань бѣленькій горючій да нынѣ каме-
 шекъ. —
 И тутъ Михайло да окаменѣлъ.

Съ тѣя поры да съ того времени,
 Сожалѣли его братьица крестовни,
 Наеврутились они каликама,
 Да ѣй пошли они во землю политовскую.
 На той на пути да на дороженьки
 А ѣй сустигли тутъ старчище пилигримище.
 Говорилъ старчище пилигримище:
 «Ахъ вы русски могучи богатыри!
 «Пригласите вы старчища пилигримища
 «А итти-то намъ во землю въ политовскую».
 Пригласилъ тутъ старчища а пилигримища,
 Да ѣй пошли они во землю въ политовскую.
 Да ѣй приходятъ то во землю политовскую,
 Къ тому королю да политовскому.
 Пришли они къ полатамъ бѣлокаменнымъ,
 Подъ тоѣ косивчато овощечко,
 Попросили то они да тутъ милостыню.
 Какъ тутъ теремá да пришаталиси,
 А околенки да приосыпались.
 Услыхала Марья лебедь бѣлая,
 Та подоленка да ѣй королевична,
 И сама говоритъ да таково слово:
 — Ты ѣй король земли да политовскія!
 — Это есть то не калики переходжін,
 — А есть русскіи могучіи богатыри!
 — Ты зови каликъ въ палаты бѣлокаменныя,
 — Да корми каликъ ты тѣперь досыта,
 — Да напои каликъ ты тѣперь допяна. —

Садилъ каликъ за столы да за дубовыи,
 Онъ кормилъ каликъ да вѣдь тутъ досыта,
 Онъ поилъ каликъ да вѣдь тутъ допяна,
 Онъ дарилъ каликъ да вѣдь тѣперь долюба,
 Много онъ дарилъ да злата-серебра.
 Пошли какъ тутъ калики переходжіе
 Отъ того отъ короля да политовскаго,
 Пришли они къ бѣлому горючему ко камешку.
 Говорилъ старчище пилигримище:
 «Станемте ко братцы животы дѣлать.»
 Говорятъ тутъ русскіи могучіи богатыри:
 — А дѣли-ко ты старчище пилигримище! —
 Онъ сталъ дѣлать старчище пилигримище,
 Дѣлать онъ на четыре да на четверти.
 Говорилъ тутъ старикъ казакъ да Илья Муро-
 мець:
 «Ахъ ты эй старчище пилигримище!
 «Ты что дѣлишь на четыре да на четверти?»
 А говорилъ старчище пилигримище:
 — А тому изъ насъ братцы да четверта часть,
 — Кто броситъ этотъ камешокъ черезъ плечо! —
 Принялся молодой Добрыня сынъ Микитиничъ
 Ко зтому горючему ко камешку,
 Да здынулъ онъ камень по колѣни себя, —
 По колѣнушка Добрынюшка во землю угрызъ.
 Прискочилъ какъ старикъ казакъ да Илья Муро-
 мець,
 А здынулъ онъ камень по грудямъ себѣ,
 По грудямъ Илья да онъ въ землю угрызъ,
 Самъ говорилъ да таково слово:
 «А здымай-ко ты старчище пилигримище!»
 Какъ тотъ старчище пилигримище
 Прискочилъ къ горючему ко камешку,
 Хватилъ этотъ камень да конѣць руки,
 Бросилъ камень этотъ да черезъ плечо,
 Самъ ко камешку да приговаривалъ:
 — Гдѣ былъ бѣленькій горючій да тотъ камешокъ,
 — Тутъ повскочи Михайло Потыкъ сынъ Ива-
 новичъ! —

Тутъ повскочилъ Михайло Потыкъ сынъ Ива-
 новичъ,
 Самъ говорилъ да таково слово:
 «Фу, фу, фу, братцы! я коль долго спалъ!»
 Говорилъ калика переходжа:
 — Если бы не я, такъ ты и вѣдь-бы спалъ! —
 Говорили ему да братьица крестовни:
 «Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Пойдемъ съ нами ко граду ко Киеву,
 «Ко ласкову князю ко Владимиру!»
 Говорилъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ:

— Я пойду въ королю да въ политовскому,
 — За тоей за Марьей лебедь бѣлоей,
 — За подоленкой королевичной. —
 Простился онъ съ братьями крестовыми,
 Да ѣ приходитъ онъ въ землю да политовскую,
 Ко тому къ королю къ политовскому.
 А ѣ заходилъ онъ какъ на широкой дворъ,
 Закричалъ онъ голосомъ да богатырскимъ.
 Услыхала то да Марья лебедь бѣлая,
 Та подоленка да ѣ королевична.
 Наливала чару питья забудущаго,
 Выбѣгаетъ на крыльцо на перенос,
 Сама говорила да таково слово:
 «Прими сию чару единой рукой,
 «Да ты выпей чару единымъ духомъ,
 «Да поѣдемъ мы коб граду ко Киеву,
 «И ко ласкову князю ко Владиміру.»
 Онъ Михайло до вина то былъ упачливоѣ:
 Принялъ чару единой рукой,
 Да и выпилъ чару единымъ духомъ.
 Гдѣ онъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
 А тая же Марья лебедь бѣлая,
 Да схватила то Михайла за желты кудри,
 Да стащила въ глубокъ погребъ.
 Прибила Михайлу она на стѣну,
 Прибила ему руки-ноги гвоздями,
 Не хватило то гвозда ему сердечнаго.
 Побѣжала она въ торгъ на ярмонку
 Покупать гвоздѣ ему сердечнаго.
 А во тую пору да въ то время,
 Та Настасья королевична
 Пошла смотреть русьскаго могучаго богатыря.
 Тутъ богатырь ѣй да и понравился.
 А тая она гвозди съ него нѣтями,
 И прибила то татарина тутъ мѣртваго,
 Мѣртваго да ѣ мѣрзлаго.
 Сама говорила да таково слово:
 — Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичь!
 — Ты дай мнѣ заповѣдъ великую,
 — Что отрубить то Марьѣ буйну голову,
 — Меня взять замуъ Настасью королевичну.—
 Онъ далъ ей заповѣдъ великую.
 Тая жъ Настасья королевична
 Завернула его въ шубу соболиную,
 Провела она въ покои во особые.
 Какъ заростилъ эти раночки кровавон,
 Тогда молода Настасья королевична
 Говорила королю то политовскому:
 — Ты ѣй государь мой родной батюшко!
 — Обсѣдай-ко мнѣ коня да богатырскаго
 — Мнѣ-ка ѣхать во чисто поле поляковать. —

И отпустила она русскаго могучаго богатыря
 Во тое во чисто поле поляковать.
 Приѣзжаетъ какъ богатырь изъ чиста поля,
 Заѣзжаетъ онъ на королевской дворъ,
 Закричалъ онъ голосомъ да богатырскимъ.
 Услыхала Марья лебедь бѣлая,
 Та подоленка да королевична,
 Наливала чару питья забудущаго.
 Выбѣгаетъ на крыльцо на перенос,
 Да подноситъ то Михайлѣ Потыку сыну Ива-
 нову:

«Ты ѣй Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь!
 «Прими-ко чару единой рукой,
 «Да ѣ выпей сию чару единымъ духомъ,
 «Да поѣдемъ мы коб граду ко Киеву
 «Ко ласкову князю ко Владиміру.»
 Михайло до вина да былъ упачливоѣ:
 Какъ онъ принялъ чару единой рукой,
 Хотѣлъ выпить чару единымъ духомъ,
 Увидала Настасья лебедь бѣлая,
 Та подоленка да королевична:
 — Ты ѣй Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь!
 — А ты знать нарушилъ свою заповѣдъ! —
 Спомнилъ-то Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь,
 Да смахнулъ своей да саблей вострой,
 И отнесъ онъ Марьѣ буйну голову,
 Той подоленкѣ да королевичнѣ.
 Тутъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичь
 Взялъ млада Настасью королевичну,
 Да ѣ поѣхали коб граду ко Киеву,
 И ко ласковому князю ко Владиміру.
 Тутъ по три дни было пированьице
 Про Михайлу Потыка сына Ивановича,
 Что отрубилъ онъ Марьѣ буйну голову,
 А онъ взялъ замуъ Настасью королевичну.
 Тутъ вѣкъ по Михайлу старину поють
 Синему-то морю да на тишину,
 А вамъ добрымъ-то людямъ на послушаньѣ.

Записано въ Петрозаводскѣ, 29 іюня.

151.

СТАВЕРЬ.

(См. Рѣбникова, т. II, 20).

Во стольномъ было городѣ во Киеви,
 Да у ласкова было князѣ Владиміра,
 Было пированьице почестной пирь
 А на многихъ князей да на бояровъ,

Да на всѣхъ тыхъ гóстей званыхъ бранныхъ,
Званыхъ бранныхъ, гóстей приходящихъ.
Все-то на пиру да наѣдался,
Все-то на честномъ да напивался,
Все на пиру да порасхвастались.
Иный хвалится есть мóлодецъ добрымъ конёмъ,
Иный хвастаетъ да шелковымъ портомъ,
Иный хвалитъ села со приселками.
Иный хвалитъ города да съ пригородками.
Богатый хвастать золотой казной,
Умный хвастать рóдной матушкой,
А безумный хвалится да молодой женой.
Говорилъ Владимíръ стольнѣ-кíевской:
«Ахъ ты эй, Ставеръ да сынъ Години́вичъ:
«Прíехалъ ты изъ зéмли ляхови́цкiя,
«Ты самъ сидишь, да ты не хвастаешь.
«Аль нѣту у тебя да золотой казны?
«Аль нѣту у тебя да добрыхъ коменей?
«Аль нѣту сёлъ со приселками?
«Аль нѣту городовъ да съ пригородками?
«Аль не слава твоя да рóдна матушка?
«Аль не хóроша твоя да молода жена?»
Говоритъ Ставеръ да сынъ Години́вичъ:
— Хóть есть у меня да золотой казны,
— Золота казна у мóлодца не тóщится,
— И то мнѣ мóлодцу не пóхвальба;
— Хóть есть у меня да добрыхъ коменей,
— Добры комонн стоятъ да все не ѣдятся,
— И то мнѣ мóлодцу не пóхвальба;
— Хóть есть города и съ пригородками,
— И то мнѣ мóлодцу не пóхвальба;
— Хóть есть и селóвъ да со приселками,
— И то мнѣ мóлодцу не пóхвальба;
— Да хóть слава-та моя рóдна матушка,
— Такъ и то мнѣ мóлодцу не пóхвальба;
— Хóть и хóроша моя да молода жена,
— Такъ и то мнѣ мóлодцу не пóхвальба;
— Васъ князей бояръ она повыманитъ,
— Тебя солнышко Владимíра съ ума сведеть. —
Тутъ всѣ на пиру и призамокнули.
Испроговоритъ Владимíръ стольнѣ-кíевской:
«Мы засадимъ-ко Ставра во пóгреба глубокiн,
«Да пуцай Ставрова молода жена
«А Ставра она изъ погребя повыручитъ,
«Васъ князей бояръ да всѣхъ повыманитъ
«А меня Владимíра съ ума сведеть.»
Посадилъ Ставра во пóгреба глубокiн.
А былъ у Ставра тутъ свóй чёлóвѣкъ,
Онъ садился на Ставрова на добра коня,
Уѣзжалъ во землю ляхови́цкую
Къ молодой Васили́сты ко Никуличной:

«Ахъ ты эй Васили́ста дочь Никулична!
«Ты сидишь да пнешь да забавляешься
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь.
«Какъ твой молодой Ставеръ да сынъ Години́-
вичъ
«Какъ посаженъ онъ во пóгреба глубокiн,
«Что похвасталъ онъ тобой да молодой женой,
«Что князей бояръ ты всѣхъ повыманитъ,
«Его солнышка Владимíра съ ума сведешь.»
Говоритъ Васили́ста дочь Никулична:
— Мнѣ-ка деньгами выкупать Ставра — не вы-
купить,
— Если силой выручать Ставра — не выручить,
— Я могу ли, нѣтъ, Ставра повыручить
— А своёй догадочкою женскою. —
Скорешенько бѣжала она къ фершеламъ,
Подрубила волосы по молодецкiн,
Накрутиласи Васи́лемъ Никуличемъ,
Брала дружинники хоробрия,
Сорокъ мóлодцёвъ удалыхъ стрѣльцёвъ
И сорокъ мóлодцёвъ удалыхъ борцёвъ,
Поѣхала ко-ó граду ко Кíеву,
Ко ласковому князю ко Владимíру,
Не доѣдучи до-ó града до Кíева
Пораздёрнула она хóрошъ бѣлъ шатеръ
Да й оставила дружину у бѣла шатра
Сама поѣхала ко-ó граду ко Кíеву
Ко ласковому князю ко Владимíру.
Приходитъ во палаты бѣловаменны,
Она крестъ кладеть да по писаному,
Поклонъ ведеть да по ученому,
Она бьетъ челомъ да поклоняется
На всѣ три четыре на стороны,
Солнышку Владимíру въ особину:
— Здравствуй солнышко Владимíръ стольнѣ-кíев-
ской!
— Съ молодой княгиней со Опраксией! —
«Ты откуда есть, удалый добрый молодецъ,
«Ты коёй орды, ты коёй земли,
«Какъ тебя именёмъ зовутъ,
«Нарекаютъ тебе по отечеству?»
Говоритъ удалый добрый молодецъ:
— Что я есть изъ зéмли ляхови́цкiя
— Того короля сынъ ляхови́цкаго,
— Молодой Василий да Никуличъ де.
— Я прíехалъ къ вамъ о добромъ дѣлѣ о свѣ-
товствѣ
— На твоей любимой на дочери.
— Что же ты со мною будешь дѣлать? —
Говорилъ Владимíръ стольнѣ-кíевской:
«Я схожу съ дочерью подумаю.»

Приходить-то ко дочери возлюбленной
 Самъ говорилъ да таково слово:
 «Ахъ ты эй же, дочь моя возлюблена,
 «Приѣхалъ есть посолъ земли ляховицкія,
 «Того короля сынъ ляховицкаго,
 «Молодой Василій сынъ Микуличъ де,
 «Онъ объ добромъ дѣлѣ да объ свѣтовствѣ
 «На тебѣ любимой на дочери.
 «Что-же мнѣ съ посломъ-то будетъ дѣлати?»
 Говорить-ко дочь ему возлюблена:
 — Ты эй государь мой родной батюшка!
 — Что у тебя теперь на разуми?
 — Отдавать дѣвчину самъ за женщину.
 — Ричь-поговоры всё по женскому,
 — Пельки мяконьки всё по женскому
 — Перцки тоненьки все по женскому,
 — Гдѣ жукѳвнѣ-ты были, да то мѣсто знать.—
 Говорилъ Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
 «Я схожу посла да поотвѣдаю.»
 Приходитъ онъ къ послу земли да ляховицкіи
 Самъ говоритъ да таково слово:
 «Ахъ ты эй посолъ земли ляховицкіи,
 «Молодой Василій да Микуличъ де!
 «Не угодно ли съ пути да со дороженки
 «Сходить теби во парную во баенку?»
 Говорилъ Василій да Микуличъ де:
 — И это съ дороги да не худо бы. —
 Стопни ему парную-то баенку,
 Попросили какъ во парную во баенку,
 Онъ пошолъ во парную во баенку,
 Но покудова Владиміръ снаряжается,
 А посолъ той порой во баенки попарился.
 Изъ байни-то идетъ, ему и честь отдасть:
 — Благодарствуешь на парной на баенки! —
 Говорилъ Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
 «Ты же мене въ баенки не подождѣлъ.
 «Я бы въ баенку пришолъ а тебѣ пару поддалъ,
 «Я бы пару поддалъ да и тебя обдалъ.»
 Говорилъ Василій да Никуличъ де:
 — Что ваше дѣло-то домашное,
 — Домашное дѣло княженецкое,
 — А наше дѣло-то посольное,
 — Недосугъ вѣдъ долго да намъ чваниться
 — А во баенки-то долго да намъ париться,
 — Я приѣхалъ объ добромъ дѣлѣ объ свѣтовствѣ
 — На твоей любимой на дочери.
 — Что же ты со мною будешь дѣлати?
 Говорилъ Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
 «Я схожу со дочерью подумаю.»
 Приходить-то ко дочери возлюбленной
 Самъ говорилъ да таково слово:

«Ахъ ты эй же, дочь моя возлюблена,
 «Приѣхалъ есть посолъ земли ляховицкія,
 «Того короля сынъ ляховицкаго,
 «Молодой Василій сынъ Микуличъ де,
 «Онъ объ добромъ дѣлѣ да объ свѣтовствѣ
 «На тебѣ любимой на дочери.
 «Что-же мнѣ съ посломъ-то будетъ дѣлати?»
 Говорить-ко дочь ему возлюблена:
 — Ты эй государь мой родной батюшка!
 — Что у тебя теперь на разуми?
 — Отдавать дѣвчину самъ за женщину.
 — Ричь-поговоры всё по женскому,
 — Пельки мяконьки всё по женскому
 — Перцки тоненьки все по женскому,
 — Гдѣ жукѳвнѣ-ты были, да то мѣсто знать.—
 Говорилъ Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
 «Я схожу посла да поотвѣдаю.»
 Приходитъ онъ къ послу земли да ляховицкіи
 Самъ говорилъ да таково слово:
 «Ахъ ты эй посолъ земли ляховицкіи,
 «Молодой Василій да Микуличъ де!
 «Не угодно ли тебѣ да послѣ парной баенки
 «Отдохнуть во ложни-то во тѣпльи?»
 Говорилъ Василій да Никуличъ де:
 — И это послѣ баенки не худо бы. —
 Приходитъ какъ во ложню-ту во тѣплую,
 Головой-то онъ ложился гдѣ ногамъ-то быть,
 А ногами-то ложился на подушечку.
 Какъ выходитъ вонъ изъ ложни-то изъ тѣпльи,
 Шолъ туда Владиміръ стольнѣ-кѣвской,
 Посмотрѣлъ онъ ложни его тѣпльи,
 И самъ говорилъ да таково слово:
 «Есть широкія плеча да богатырскія.»
 Говорилъ Василій да Никуличъ де:
 — Солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 — Я приѣхалъ вѣдъ объ добромъ дѣлѣ да объ свѣ-
 товствѣ
 — На твоей любимой на дочери.
 — Что же ты со мною будешь дѣлати? —
 Говорилъ Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
 «Я схожу, со дочерью подумаю.»
 Приходитъ-то ко дочери возлюбленной
 Самъ говорилъ да таково слово:
 «Ахъ ты эй же, дочь моя возлюблена,
 «Приѣхалъ есть посолъ земли ляховицкія,
 «Того короля сынъ ляховицкаго,
 «Молодой Василій сынъ Микуличъ де,
 «Онъ объ добромъ дѣлѣ да объ свѣтовствѣ
 «На тебѣ любимой на дочери.
 «Что-же мнѣ съ посломъ-то будетъ дѣлати?»
 Говорить-ко дочь ему возлюблена:

— Ты эй государь мой родной батюшка!
 — Что у тебя теперь на разуми?
 — Отдавать дѣвчину самъ за женщину.
 — Ричь-поговоры всё по женскому,
 — Пельки мяконьки всё по женскому
 — Перщки тоненьки все по женскому,
 — Гдѣ жукѳвннѣ-ты были, да то мѣсто знать.
 Говорилъ Владимірѣ стѳльнѣ-кѣевской:
 «Я схожу посла да поотвѣдаю.»
 Приходитъ онѣ къ послу земли да ляховицкѣи
 Самъ говорилъ да таково слово:
 «Ахъ ты эй посолѣ земли ляховицкѣи,
 «Молодой Василѣи да Никуличѣ де:
 «Не угодно-ли со мѳнни дворянами потѣшиться,
 «Сходитъ съ нимѣи да на широкѣи дворѣ
 «Стрѣлять въ колечко золоченое,
 «Во тое острѣи да во ножевое
 «Расколѳтъ бы стрѣлочка да надвое,
 «Чтобы мѣроу однаки и вѣсѳмъ ровны?»
 Говорилъ Василѣи да Никуличѣ ли:
 — Остались стрѣльци да во чистѳмъ поли,
 — Во чистѳмъ поли да у бѣла шатра:
 — Неужоли самому-то поотвѣдати? —
 Выходитъ онѣ да на широкѣи дворѣ,
 Сталъ стрѣлять стрѣлокѣ да пѣрво князевой,
 Первый разъ стрѣлилъ онѣ не дѳстрѣлилъ,
 Дрѳгой разъ стрѣлилъ онѣ да перѣстрѣлилъ,
 Третѣи разъ стрѣлилъ онѣ и нѣ попалъ.
 «Стрѣляй-ко ты Василѣи да Никуличѣ де!»
 Какъ тотѣ Василѣи да Никуличѣ де
 Натягивать скорешенько свой тугой лукѣ,
 Налагаетъ стрѣлочку валенуѣ,
 Стрѣлялъ во колечко золоченое
 Въ тое вострѣи да во ножевое,
 Расколѳлъ онѣ стрѣлочку-ту надвое,
 Оны мѣроу однаки и вѣсѳмъ ровны.
 И самъ говоритъ онѣ таково слово:
 — Я прѣхалъ вѣдѣ о добромѣ дѣлѣ да обѣ свѣ-
 товствѣ
 — На твоей любимой на дочери.
 — Что же ты со мною будешь дѣлати? —
 Говорилъ Владимірѣ стѳльнѣ-кѣевской:
 «Я еще схожу, со дочерью подумаю.»
 Приходитъ-то во дочери возлюбленной
 Самъ говорилъ да таково слово:
 «Ахъ ты эй же, дочь моя возлюблена,
 «Прѣхалъ есть посолѣ земли ляховицкѣи,
 «Того короля сынѣ ляховицкаго,
 «Молодой Василѣи сынѣ Никуличѣ де,
 «Онѣ обѣ добромѣ дѣлѣ да обѣ свѣтовствѣ
 «На тебѣ любимой на дочери.

«Что-же мнѣ съ посломѣ-то будетѣ дѣлати?»
 Говоритъ-ко дочь ѣму возлюблена:
 — Ты эй государь мой родной батюшка!
 — Что у тебя теперѣ на разуми?
 — Отдавать дѣвчину самъ за женщину.
 — Ричь-поговоры всё по женскому,
 — Пельки мяконьки всё по женскому
 — Перщки тоненьки все по женскому,
 — Гдѣ жукѳвннѣ-ты были, да то мѣсто знать. —
 Говорилъ Владимірѣ стѳльнѣ-кѣевской:
 «Я схожу посла да поотвѣдаю.»
 Приходитъ онѣ къ послу земли да ляховицкѣи
 Самъ говорилъ да таково слово:
 «Ахъ ты эй посолѣ земли ляховицкѣи,
 «Молодой Василѣи да Никуличѣ де!
 «Не угодно ли со мѳнни дворянами потѣшиться,
 «На широкомѣ-то двори да поборотисѣ?»
 Говорилъ Василѣи-то Никуличѣ де:
 — Остались борци да во чистѳмъ поли,
 — Въ чистѳмъ поли да у бѣла шатра:
 — Неужоль мнѣ самому да поотвѣдати? —
 Выходитъ онѣ какъ на широкѣи дворѣ,
 Сталъ Василѣи тутѣ боротисѣ,
 Того захватитъ въ руку, дрѳгого во дрѳгую
 Третѣя склѣснетъ во серѣдочку,
 По трое заразѣ онѣ на зѣнѣ ложилъ,
 Которнихъ положить, тни съ мѣста нѣ встаютѣ.
 Говорилъ Владимірѣ стѳльнѣ-кѣевской:
 «Молодой Василѣи да Никуличѣ де!
 «Украти-ко свое сердце богатирское,
 «Оставъ людѣи мнѣ хоть на сѣмена!»
 Говорилъ Василѣи да Никуличѣ де:
 — Солнышко Владимірѣ стѳльнѣ-кѣевской
 — Я прѣхалъ вѣдѣ обѣ добромѣ дѣлѣ да обѣ
 свѣтовствѣ,
 — На твоей любимой на дочери.
 — Что же ты со мною будешь дѣлати?
 — Если съ чести нѣ дашѣ, такъ возьму нѣ съ
 чести,
 — Нѣ съ чести возьму да теби бохъ набью. —
 Не пошолѣ онѣ больше къ дочери-то спрашивать,
 Да сталъ онѣ дочь свою просвативать.
 Какъ пирѣ идетѣ у нихъ по третѣи день,
 Севодни имѣ итти да во Божѣи церкви,
 Принимать съ Василѣемъ по злату вѣнцу.
 Закручинилъ Василѣи, запечалилъ,
 Онѣ повѣсилъ свою буйну голову,
 Утошилъ яснѣи очѣ онѣ во смру землю.
 Подходить-то Владимірѣ стѳльнѣ-кѣевской:
 «Ахъ ты эй Василѣи да Никуличѣ де!
 «Что же ты севодни да не веселѣ есть?»

Говорилъ Василій да Никуличъ де:

- Что-то будетъ на разумѣ не весело.
  - Либо батюшко мой есть да померъ вѣдь,
  - Либо матушка да моя померла.
  - Нѣтъ ли у тебя да младыхъ загусельщичковъ
  - Поиграть въ гусельшка яровчаты?—
- Привели они младыхъ загусельщичковъ,
Всѣ они играютъ всё не весело.

Говорилъ Василій да Никуличъ де:

- Солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
  - Нѣтъ ли у тебя да младыхъ затюрѣмщичковъ
  - Поиграть во гусельшка яровчаты?—
- Повыпустили младыхъ затюрѣмщичковъ,
И всѣ они играютъ всё не весело.

Говорилъ Василій да Никуличъ де:

- Солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
- Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшка
- Что былъ посаженъ нашъ Ставеръ да сынъ
Годиновичъ

- У тебя во погребѣ глубокіи.
  - Онъ гораздъ играть въ гусельшка яровчаты.—
- Говорилъ Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
— Миѣ какъ выпустить Ставра, такъ не видать
Ставра
- А не выпустить Ставра, такъ разгнѣвить по-
сла.—

А не смѣетъ онъ посла да разгнѣвить,
Онъ повыпустилъ Ставра изъ погреба,
Ставеръ сталъ играть во гусельшка яровчаты.
Развеселился тутъ Василій-то Никуличъ де,
И самъ говорилъ да таково слово:

- Помнишь-ли Ставеръ да памятуешь ли,
  - Какъ мы маленьки на улличку показивали
  - И мы съ тобою свачкой поигрывали?
  - Твоя-то была свачка серебряна,
  - А мое было кольцо да подзолоченое,
  - Я-то попадывалъ тогдѣ-сегдѣ
  - А ты попадывалъ всегдѣ-всегдѣ?—
- А Ставеръ-то къ ричамъ да не примется,
Годиновичъ вѣдь въ ричи да не вчуется:
«Да я съ тобою свачкой не игривалъ.»
- Говорилъ Василій-то Никуличъ де:
— Помнишь ли Ставеръ да памятуешь ли,
— Мы вѣдь вмѣстѣ съ тобой въ грамотѣ училиси,
— Какъ моя была чернильница серебряна
- А твое было перо да подзолочено:
- Я-то помакивалъ тогдѣ-сегдѣ
- А ты помакивалъ всегдѣ-всегдѣ?—

А Ставеръ-то къ ричамъ да не примется,
Годиновичъ вѣдь въ ричи да не вчуется:
«И я съ тобою грамотѣ не учивался.»

Говорилъ Василій да Никуличъ де:

- Солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
  - Спусти Ставра съѣздить до бѣла шатра
  - Посмотрѣть дружинушки хоробрныя.—
- Говорилъ Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
«Миѣ спустить Ставра, такъ не видать Ставра,
«А не спустить Ставра, такъ розгнѣвить посла.»
А не смѣетъ онъ посла порозгнѣвить,
Спустилъ Ставра съѣздить до бѣла шатра,
Посмотрѣть дружинушки хоробрныя.

Пріѣхали они ко бѣлу шатру,
Слѣзли они со добрыхъ коней.
Тутъ молодой Василій да Никуличъ де
Заполъ онъ скоренько въ хѳоронъ бѣлъ шатеръ,
Снималъ съ себя онъ платье молодецкое,
Надѣвалъ на себѣ платье женское,
Выходитъ онъ на улицу на широкую,
Самъ говорилъ онъ таково слово:

- Топерича, Ставеръ, меня ты знаешь ли?—
- Говорилъ Ставеръ да сынъ Годиновичъ:
«Ахъ ты эй млада Василица дочь Микулична!
«Не поѣдемъ больше ко граду ко Киеву
«А ко ласковому князю ко Владиміру,
«А уѣдемъ мы во землю ляховицкую.»
- Говорила Василица дочь Никулична:
— А не честь хвала тебѣ-ка добру молодцу
— Тебѣ вѳоревски изъ Кіева уѣхати,
— А поѣдемъ ко князю ко Владиміру,
— Мы станемъ свадѣбки доигрывать.—
- Пріѣхали они ко солнышку Владиміру
Говорилъ Василій да Никуличъ де:
— Солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
— Зачто былъ посаженъ нашъ Ставеръ да сынъ
Годиновичъ

— У тебя во погребѣ глубокіи?—

Говорилъ Владиміръ стольнѣ-кѣвской:
«А похвасталъ онъ своей да молодой женой,
«Что князей бояръ да всѣхъ повыманить,
«Меня солнышка Владиміра съ ума сведеть.»

Говорила Василица дочь Никулична:
— Такъ что же у тебя теперь на разуми?
— Выдавать дѣвчину самъ за женщину,
— За меня-то Василицу за Микуличну!—

Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло.
Повѣсилъ свою буйну голову,
Утопилъ ясныи очи во сыру землю,
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй Ставеръ да сынъ Годиновичъ!
«За твою великую за похвальбу
«А торгуй въ нашѳомъ во-о градѣ во Кіевѣ
«Ты во Кіевѣ во градѣ вѣкъ безъ пошпины.»

Туть Ставѣрь да сынъ Гоудиновичъ
Поѣхалъ онъ во землю ляховицкую
Съ молодою Василистой со Микуличной.
Туть вѣкъ про Ставра старину поють
Синему морю-то на тишину,
А вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записано тамъ же, 30 июня.

—
152.

ДЮКЪ СТЕПАНОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 49).

Во той во Индѣи во богатяи,
У честной вдовы Мамельѣи Тимоѣевнѣ
Тамъ былъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
Онъ ходилъ-гулялъ по тихимъ все по заводамъ,
Стрѣлялъ сѣрныхъ гусей и стрѣлялъ лебедей;
Всѣхъ повмстрѣлялъ равно триста стрѣлъ,
Равно триста стрѣлъ, еще три стрѣлы.
Триста-то стрѣламъ цѣну вѣдаетъ,
Только тремъ стрѣламъ цѣны не вѣдаетъ.
Когда билъ онъ изъ-подъ камня изъ-подъ яфонту
Онъ изъ-подъ яфонту самоцвѣтнаго,
Убилъ три орла, три орловица;
Не тѣхъ, которыя летаютъ на святой Русѣ,
Которы летаютъ надъ синемъ моремъ:
Онъ сидитъ орелъ на бѣленькомъ на камешки,
И когда онъ утрить перьяца орлиныя,
Тогда ѣздятъ мужики оны Индѣйскія
Покунають это перьяцо орлиное
И привозятъ это перьяцо орлиное
Его Дюкову-то батюшку въ подарочкахъ.
А онъ самъ убилъ молодой бояринъ Дюкъ Степа-
новичъ

И со тоя со великия со радости
Пошолъ къ государыни родной матушки
Просилъ у ней благословенья
Ѣхать ко граду Киеву
И ко ласковому князю ко Владимиру,
Прямой дорожкой, не окольною.
И говорила государыня ему родна матушка
Честна вдова Мамельѣа Тимоѣевна:
— Ахъ ты гей рожоно мое дитятко
— Не дамъ я ти прощенья съ благословеньяцкомъ
— Той прямой дорожкой не окольною.
— Что на той прямой дорожке не окольныя
— Есть три заставы великиныя.
— Первая та застава великая:

— Стоять тамъ горы толкучин;
— Тыи жъ какъ горы врозь ростолнута
— И тогда онъ вмѣсто столнута,
— И туть тебѣ Дюку не проѣхати,
— И туть тебѣ молодому живу не бывать.
— Другая есть великая застава:
— Сидятъ двѣ птицы тамъ клеучинхъ
— Тыи птицы тебя съ конемъ склюють:
— И туть тебѣ Дюку не проѣхати.
— Третяя застава великая:
— Лежитъ Змѣище да Горѣнчище.
— О двѣнадцати змѣи о хоботахъ;
— И тая змѣя тебя съ конемъ сожрѣтъ,
— И туть тебѣ Дюку не проѣхати,
— Туть тебѣ-ко-ва живому не бывать. —
Онъ боаринъ своей матушки не слушался,
Идетъ на конюшню на столую,
Беретъ узду себѣ въ руки теснянную,
Одвѣвалъ на мала бурушка-ковурушка;
По колѣнъ было у бурушка въ землю зарощено.
Онъ понлъ бурка питьемъ медвянымъ.
И кормилъ его пшеною бѣлояровой,
И сѣдлалъ бурка на сѣдлышко черкальское,
И потнищи кладетъ на потнищи,
И на потнищи онъ кладетъ войлоцен,
Кладъ на войлоцен черкальское сѣдлышко.
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпру-
говъ,
Тринадцатой кладъ ради крѣпости.
Подпруги были шелковыя,
Пряжи у сѣдла красна зблота
А шпеньки были у пряжи все булатныя
Чтобы добрый конь сподъ сѣдла не высочилъ
Добра молодца въ чистомъ полѣ не вѣрутилъ.
Провожала-то его родна матушка
На прощанье ему словчѣ смолвила:
— Ахъ ты гей, рожоно мое дитятко,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Если случитъ Богъ во гради во Киеви
— У славнаго князя у Владимира,
— Ты не хвастай животинками сѣротскими,
— И сѣротскими животинками вдовинными. —
Первой поприщей свочилъ бурка цѣлу версту,
Онъ во землѣ бурко туть припадывалъ;
Испровѣщитъ ему добрый конь,
Въ видѣ голоса человѣческа:
— Ты эй, хозяинъ мой любимыя,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Опущайся-ко съ меня добра коня,
— Бери змли сыро-матерой,
— Подвизывай подъ пелеццо подъ правое

— И подь другое подвязывай подь лѣвое,
 — Чтобъ не страшно бы сидять на добромъ кони,
 — А я стану малыи бурушко поскакивать,
 — Съ горы на гору, и съ холмы на холму,
 — Буду рѣки и возѣра перескакивать
 — Гдѣ широкія раздолья — и между ногъ пу-
 щать. —

Приѣзжаетъ онъ ко первыи ко заставы
 Гдѣ стоятъ тутъ горы толкучи;
 Тне жъ какъ горы врозь растолнулись
 И не успѣли горы вмѣсто стѣлнуться,
 Онъ первую заставу проскакивалъ.
 Ко другой ко заставѣ прискакивалъ:
 Сидять тутъ птицы клеучин
 И не успѣли птицы крылышекъ распрѣвити,
 Онъ и другу заставу проскакивалъ.
 Ко третей ко заставѣ прискакивалъ:
 Лежить змишко да Горѣнчицо,
 О двѣнадцати змиа о хоботахъ:
 Не успѣла змиа хоботу распрѣвити,
 Онъ и третью заставу проскакивалъ.
 Онъ ко граду ко Киеву прискакивалъ,
 Заѣхалъ онъ на княженецкѣи дворъ,
 И оставилъ своего добра коня,
 Добра коня середь бѣла двора,
 Не привязана и не привязана;
 Самъ пешель во передню во столовую.
 Крестъ кладеть по писаному,
 Поклонъ ведеть да по учѣному
 На всѣ три-четыре на стороны,
 Книгини-то Опраксѣи да въ собину:
 «Ты здравствуешь, княгиня да Опраксѣи!
 «Гдѣ есть солнышко Владимѣръ стольный кiev-
 скѣи?»

Отвѣчала княгиня тутъ да Опраксѣи:
 — Солнышко Владимѣръ стольно-кievскѣи къ
 обидни шолъ. —
 Онъ пешель во церковь ту во Божію:
 По тья идеть по улицы по шірокой
 Мостовыя были черною землею изнасыпаны,
 Ихъ подлило водою тутъ дождевою,
 Сдѣлалась грязь-та по колѣну де;
 Замаралъ онъ сапожки-ты зеленъ сафьянъ.
 Идучи во церковь-то во Божію,
 Приходитъ онъ во церковь во Божію
 Крестъ кладеть по писаному
 Да поклонъ ведеть по учѣному,
 На вси три-четыре на стороны,
 И солнышку Владимѣру да въ собину:
 «Здравствуй солнышко Владимѣръ стольный кiev-
 скѣи

«Съ молодой княгиней со Опраксѣей!»
 Говорилъ Владимѣръ стольный кievскѣи:
 — Ты откудашной, удалой доброй молодець,
 — Ты кобѣи орды, ты кобѣи земли,
 — И какъ тебя именѣмъ зовуть,
 — Нарекають тебя по отечеству? —
 Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:

«Что я есть изъ Индѣи изъ богатыя
 «Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ;
 «Отстоялъ я дома раннюю заутреню
 «Сюда приѣхалъ ко обѣднѣ-де.»
 Говорять вси князи, вси бѣяра,
 И тая жъ говорить вся мелка чета:
 ««Что не бытъ это молоду боярину,
 ««Тому де Дюку Степанову,
 ««Есть какой нибудь дѣтинушка заѣвшаникъ,
 ««Онъ убилъ купца, либо боярина,
 ««Платьевъ дѣтина не видаютьци,
 ««И все онъ на платъе поглядывать.»»
 Вышли они изъ Божѣи церкви
 Становились на мѣсто на плѣское
 На тую дуброву на зеленую.

Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 «Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшка,
 «Что Кіевъ градъ очень красивъ-добрисъ;
 «Ажно въ Кіевѣ у васъ да не по нашому:
 «Церкви все у васъ да деревѣнныя,
 «У васъ маковки на цервахъ всѣ осіновы,
 «Мостовыя у васъ черною землею изнасыпаны,
 «Ихъ подлило водою тутъ дождевою,
 «Сдѣлалась грязь-то по колѣну-ди;
 «Замаралъ я сапожки-ты зеленъ сафьянъ.»

Идучись во церковь ту во Божію
 Приходятъ тутъ ко князю ко Владимѣру,
 Садились за дубовъ столъ хлѣба кушати,
 Они стали исть калачиковъ крупивчетыхъ.
 Какъ тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Онъ мякшѣ-отъ ѣсть, корку подь столъ мечѣтъ.
 Говорилъ Владимѣръ стольный кievскѣи:
 — Ахъ ты молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 — Ты на что же мякшѣ ѣшь, корку подь столъ
 мечѣшь? —

Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 «Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшка,
 «Что Кіевъ градъ очень красивъ-добрисъ;
 «Ажно въ Кіевѣ у васъ да не по нашему:
 «У васъ пѣчечьки да все глиняны
 «Да и помалчики у васъ сосновыя,
 «Пахнутъ калачики крупивчеты
 «На тую на глину на ручѣвую
 «И на тую на сѣру на сосновую,

«На сосновую на сѣру на капучую;
 «Не могу я листъ калачиковъ крупичетыхъ.
 «Какъ у насъ было во Индѣи во богатя,
 «Какъ у моей государини родной матушки,
 «У честной вдовы Мамельон Тимошеевной,
 «Какъ пекеть она калачики крупичеты,
 «У ней печечки все муравлены
 «Да и помялчики у ней шелковны,
 «Какъ калачикъ-отъ съѣшь, другого хочется,
 «Другой съѣшь — по третьему душа горить,
 «Третій съѣшь — четвертый съ ума нейдетъ.»
 Говорилъ Владиміръ столбный киевскій:
 — Я вижу, что ты молодець захвасливый;
 — Ты ударь съ нашимъ Чурилою великъ закладъ,
 — Что вамъ ѣхать въ чисто поле поляковать
 — Снова на ново, все на три года,
 — По три года да еще и по три дни,
 — Чтобы на всякій день кони были смѣнные
 — И смѣнные кони перемѣнные,
 — Чтобы въ три года такой больше не было;
 — Чтобы на всякій день платья были смѣнные,
 — Цвѣтныя платья перемѣнные,
 — Снова на ново, все на три года,
 — На три года, да еще на три дни,
 — Чтобы въ три года такого цвѣту не было. —
 Ударилъ они о великъ закладъ,
 По тоѣмъ было Чурилъ по Пленковичѣ
 Держали поруку-то двумя грады:
 Первымъ Киевомъ, другимъ Черниговымъ;
 А по тоѣмъ было по молодомъ бояринѣ,
 По немъ не было никаковой порукушки,
 Столько держалъ по немъ крѣпкую поруку-ту
 И тотъ владыка Черниговскій,
 И тотъ крестовый его батюшка,
 Не спустать-то боярина, домей сгонять
 За своимъ за платицемъ за цвѣтнымъ.
 Закручинился бояринъ запечалился,
 Повѣсилъ свою буйну голову,
 Утопилъ ясныя очи въ сыру землю
 Садился скоро на ременсать стуль,
 И не писалъ онъ скорописчатые ерлуки,
 Полагалъ въ сумки перемѣтныя,
 Отпущалъ мала бурушка-ковурушка,
 Сталъ его бурушка поскѣкивать
 Съ горы на гору, съ холмы на холму,
 Рѣки-озера перескѣкивать,
 Гдѣ широкія раздолья между ногъ пущать.
 Куда будетъ онъ во Индѣи во богатя
 У него государини родной матушки
 Заржалъ голосомъ лошадинымъ;
 Услыхала государини родна матушка.

Выбѣгала она на крылечко на перѣное,
 Сама говорить да таково слово:
 «Видно нѣтъ жива рожонова дитятки,
 «Стонть у крыльца одинъ добрый конь.»
 Какъ увидла она сумки перемѣтныя,
 Сама говорить таково слово:
 «Что рожоно мое дитятео захвасливо,
 «И захвасливо, да-знать-захвачено »
 Брала она сумки перемѣтныя,
 И читала скорописчатые ерлуки,
 Полагала-то ему да платьевъ цвѣтныхъ,
 По три пары положила да на всякій день,
 Съ ново на ново на три года,
 И на три года, еще на три дни,
 Отпустила мала бурушка-ковурушко.
 Какъ будетъ его бурушка во Киевн
 У Владиміра на широкомъ дворѣ,
 Заржалъ голосомъ лошадинымъ,
 Что тутъ теремы пошатилися
 Да околени чуть не сыпались,
 Все во градѣ приужахнулись.
 Услыхалъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Выбѣгаетъ скоро на широкій дворъ
 Увидѣлъ своего добра коня,
 Получалъ свои платьевъ цвѣтныхъ
 По три пары получилъ онъ на всякій день.
 Тутъ поѣхали они во чисто поле.
 Какъ тотъ Чурилушка Пленковичъ,
 Погналъ лошадей туды цѣлымъ стадомъ,
 А тотъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Поѣхалъ на одномъ-то добромъ конѣ.
 Какъ пораньше онъ поутрушку повыстанеть,
 Бурка своего въ росы повѣкатать,
 И на бурки-то шерсть да перемѣнится.
 Проѣздили они тутъ по три годовъ,
 По три года, еще и по три дни;
 Пришли они во Божѣй церкви
 Заходили въ церковь-ту во Божю.
 Какъ тотъ Чурилушка Пленковичъ —
 Какъ во своемъ во градѣ ему дѣтса, —
 Такъ становился онъ на крылоса на правое,
 А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Такъ становился онъ на крылоса на лѣвое.
 Какъ тотъ Чурилушка Пленковичъ
 Онъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать.
 Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
 Какъ отъ пуговки было до пуговки
 Да изъ петелки было въ петелку.
 Пловеть Змишечко-Горнячицо.
 Тутъ всѣ въ церкви приужахнулись
 Самы говорятъ таково слово:

«Какъ у нашего Чурилки у Пленковича
 «Есть отиѣточка противъ молада боярина
 «Что еще некуда бодрѣ ему выступить.»»
 Закручинился бояринъ, запечалился,
 И новѣсилъ свою буйну голову,
 Утопилъ ясны очи во сирѣ землю,
 Овъ сталъ плетонвой по пуговкамъ поваживать,
 Овъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
 Какъ запѣли птички тутъ пѣвучиѣ,
 Закричали звѣри тутъ рыкучиѣ,
 Тутъ вси во церкви да о зѣнь пали,
 О зѣнь пали, да они обмерли.
 Говорилъ Владиміръ стольный кіевскій:
 — Ты молодой бояринъ; Дюкъ Степановичъ!
 — Приуйми-тка птичекъ ты пѣвучиѣхъ
 — Призакличь-ка звѣрей тыхъ рыкучиѣхъ,
 — Оставь людей намъ хоть на сімена. —
 Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 «Не твое вѣдь а севодня ѣмъ, да кушаю,
 «Не хочу тебя теперича послушати.»
 Говорилъ владыка-то Черниговскій
 Тотъ крестовъ его батюшка:
 — Ахъ ты эй, крестово мое дитятко.
 — Ты послушай крестоваго батюшки
 — Приуйми-тка птичекъ ты пѣвучиѣхъ
 — Призакличь-ка звѣрей тыхъ рыкучиѣхъ,
 — Оставь людей хоть намъ на сімена. —
 Овъ послушалъ крестоваго батюшка
 Приуналъ птичекъ тыхъ пѣвучиѣхъ,
 И призакликалъ звѣрей всѣхъ рыкучиѣхъ,
 И самъ говорилъ таково слово:
 «Ты солнышко Владиміръ стольный кіевскій!
 «Намъ которому съ Чурилой голова рубить?»
 Говорилъ Чуришка Пленковичъ:
 «Ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
 «Ударимъ-ко еще о великъ закладъ:
 «Переѣхать намъ черезъ Пучай-рѣку,
 «Пучай-рѣка на два поприща;
 «Который-то не можетъ да перескочить,
 «Тому изъ насъ и голова рубить.»»
 Приѣхали они ко Пучай-рѣки.
 Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 «Ты эй Чурилушка Пленковичъ
 «Твоя похвальба сегодня на перѣдъ зашла,
 «Поѣзжай черезъ рѣку ты попереди.»
 Тогда Чурилушка Пленковичъ
 Приправилъ своего добра коня
 Добра коня черезъ Пучай-рѣку,
 О полу-рѣки Чурила въ воду вѣверзился,
 Тотъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Скоро на скоро скочилъ черезъ Пучай рѣку,

Еще того скорѣ поворѣтъ держалъ:
 О полу-рѣки да овъ вринадивалъ,
 Овъ Чурилу за желты кудри захватывалъ;
 Повыташилъ Чурилу съ конѣмъ съ воды,
 Не спустилъ Чурилу овъ до Кіева
 До солнышка до Владиміра.
 А самъ говоритъ таково слово:
 «Ты солнышко, Владиміръ стольный кіевскій!
 «Намъ которому съ Чурилой голова рубить?»
 Говорилъ Владиміръ стольный кіевскій:
 — Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
 — Не руби-ко ты Чурилу буйной головы,
 — А оставь-ко намъ Чурилу хоть для памяти. —
 Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 «Ахъ ты эй, Чурилушка Пленковичъ!
 «Пусть ты княземъ ты Владиміромъ упрошенный,
 «Пусть ты Кіевскими-то бабами оплаканный!
 «Да не ѣзди съ нами со бурлаками,
 «А ѣзди во гради во Кіевн
 «Ты во Кіевн во гради между бабами!»
 Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло:
 — Ахъ ты молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 — Ты торгуй въ нашомъ воо гради во Кіевн
 — Въ Кіевн да вѣдь безъ пошлынн. —
 Тогда Владиміръ стольный кіевскій
 Овъ сталъ посылать туды общищниковъ,
 Его Дюковыхъ животовъ описывать:
 Старога казака Илью Муромца,
 Въ другихъ смѣлаго Олешу Поповича.
 Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 «Не посылайте-ко Олешеньки Поповича,
 «Его глазищеца поповскіе,
 «Пововскіе глазищеца завидливы,
 «А ему оттоль съ Индѣи да не выѣхать!
 «Пошли ты молада Добрынюшку Никитича.»
 Какъ поѣхали въ Индѣю во богатую.
 Не доѣдуци Индѣи богатя,
 Вѣстали на горѣ на высѣбуѣ,
 Увидѣли Индѣю богатую,
 Сами говорятъ таково слово:
 «Знать, что молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 «Овъ послалъ туды вѣсточку не радосту
 «Чтобы зажгали Индѣю ту богатую:
 «Горитъ Индѣя та богатая!»
 Какъ подѣхали они поближе тутъ,
 Увидѣли Индѣю богатую:
 Тамъ крышечки въ домахъ золоченны,
 У нихъ маковки на цервахъ самоцѣтныя,
 Приѣзжали ко Дюку ко Степанову
 Къ его государини ко родной матушкѣ.

Идутъ они по улицы по широкой
 Мостовія рудожелтыми песочками изнасыпаны,
 Сорочинскія суконца приразостланы,
 Не замараешь-то сапожковъ зеленъ-сафьянъ
 Идущисъ во церковь во Божию.
 Приходятъ въ палаты бѣлокаменны
 Къ его государыни родной матушки;
 Сидитъ жена стара-матера,
 Стара-матера сидитъ жена вся въ золоти,
 Вся въ золоти она да въ серебрѣ.
 Они бьютъ челомъ поклоняются,
 Самы говорятъ таково слово:
 «Ты здравствуешь, Дюкова матушка!»
 Говоритъ жена стара-матера:
 — Я есть не Дюкова матушка
 — Я есть Дюкова портомывница.
 — Подите въ покои во другія
 — И тамъ есть Дюкова матушка. —
 Приходятъ въ покои во другія.
 Сидитъ жена стара-матера,
 Стара-матера жена сидитъ вся въ золоти,
 Вся въ золоти, она вся въ серебри.
 Они бьютъ челомъ, да клянутся:
 «Ты здравствуешь, Дюкова матушка!»
 Говоритъ жена стара-матера:
 — Что я есть не Дюкова матушка,
 — Я есть Дюкова да вѣдь калачница
 — Я неку калачники крупивчаты
 — Про того про молада боярина
 — Про того про Дюка про Степанова.
 — Подите-ко въ покои да въ третіи
 — Тамъ есть Дюкова матушка. —
 Идутъ они въ покои въ третіи.
 Идетъ жена стара-матера
 Стара-матера идетъ вся въ золоти
 Въ золоти она да въ серебри.
 Они бьютъ челомъ, поклоняются:
 «Ты здравствуешь, Дюкова матушка!»
 Говоритъ жена да стара-матера:
 — Вы здравствуйте, мужики да вы общѣнники!
 — Вы за чѣмъ сюда теперь прѣхали
 — Вы сиротскихъ животиншекъ описывать? —
 Садилсѣ они тутъ за дубовъ столъ
 За дубовъ столъ хлѣба кушати,
 Они стали листъ калачиковъ крупивчатыхъ:
 Какъ калачикъ-отъ съидать — другого хочетсѣ,
 Другой съидать — по третьемъ и душа горитъ,
 Третій съидать — четвертый и съ ума ней-
 деть.
 Какъ вышли они изъ-за стола изъ-за дубова
 Тая жъ де Дюкова матушка

Свела ихъ во погреба глубокии, ко сбруамъ ло-
 шадинымъ:

Писали они тутъ по три года,
 По три года, еще и по три дни,
 Не хватило тутъ бумага листъ гербовныя
 Не могли общѣнить однихъ сбруи лошадиныхъ.
 Говорила Дюкова матушка:
 — Вы эй мужики, вы общѣнники,
 — Вы скажите-ко солнышку Владимиру
 — На бумагу-ту пуцай-ко-то продасть весь Кіевъ
 градъ,
 — На чернила-ты продасть весь Черниговъ градъ,
 — И тожно пусть прѣдетъ животиншекъ опи-
 сывать. —

И повела она ихъ по погребамъ глубокимъ:
 Висятъ бочечки красна золота,
 Висятъ бочечки чиста серебра
 Висятъ бочечки скѣтна жемчуга.
 Повывела она ихъ на широкій дворъ:
 И течетъ тутъ струйка золоченая, —
 Тутъ они не могли и вовсе смѣты дать.
 Прѣхали ко-о граду ко Кіеву
 И ко солнышку ко Владимиру.
 И сказали солнышку Владимиру:
 «Наказывала тебѣ Дюкова матушка:
 «На бумагу-ту велѣла продать она весь Кіевъ
 градъ,

«На чернила продать весь Черниговъ градъ,
 «И тожно прѣхатъ животиншекъ описывать.»
 Говорилъ Владимиръ стольный кіевскій:
 — Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
 — За твою за великую за похвальбу
 — Ты торгуй въ нашемъ во гради во Кіевн,
 — Во Кіевн во гради вѣкъ безъ пошлыни. —
 Тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Отправилсѣ къ государыни и родной матушки,
 Тутъ сдѣлалъ онъ съ ней доброе здоровьице.
 Тутъ вѣкъ про Дюка старинѣ скажутъ
 Синему морю да на тишину,
 А вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 65).

Когда-то возсіяло солнце красное,
 На гоёмъ-то небушкѣ на ясномъ,
 Тогда-то воцарилсѣ у насъ Грозный царь,
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ.

Заводилъ онъ свой хорошъ почестный пирь:

Вси-то на пиру да наѣдалися,

Вси-то на почестномъ напивалися

И вси на пиру порасхвасталися.

Иный хвастаетъ села со приселками,

А иный хвалитъ города съ пригородками,

Иный хвалится да золотой казной,

Умный хвалится родной матушкой,

Безумный хвастаетъ молодой женой.

Изъ-за того стола да изъ-за дубова

Не золота звонка труба вытрубила,

Испроговорилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,

Испроговорилъ онъ таково слово:

«Есть и мнѣ царю теперь похвастати:

«Я повynesъ-то царенье изъ Царя-града,

«Царскую перфиру на себя надѣлъ,

«Царскій костюль я себѣ въ руки взялъ,

«И повыведу измѣну съ каменной Москвы!»

Съ-по тья было палаты бѣлокаменной

Туть не красное-то солнышко каталося,

А не скатный жемчугъ разсыпается,

Ходить маленькой Иванушко царевичъ-государь,

Сынъ говоритъ да таково слово:

— Ты эй государь мой родной батюшка

— Не вынести измѣны съ каменной Москвы:

— Сидитъ-то измѣна за однимъ столомъ,

— Исъ-пьетъ измѣна одни кушанья,

— Платьи носить одноцвѣтныя,

→ Да сапожки на ножкахъ одноличныя. —

Туть не мутное око помутилось

Его царское сердце разгорѣлось

И сговорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:

«Ахъ ты маленькой Иванушко, царевичъ-государь!

«Ты подай мнѣ измѣнщика да на очи:

«Я измѣнщику голову срублю.»

Испроговорилъ Иванушко царевичъ государь:

— Ужъ я глупымъ-то разумомъ промолвился

— Какъ на брата мнѣ сказать, такъ мнѣ-ка брата жаль,

— На себя мнѣ-ка сказать, такъ мнѣ-ка живу не бывать;

— А буде сказать мнѣ на брата своего,

— На того на Федора Ивановича.

— Ей ты, государь родной батюшка!

— Когда жъ мы брали съ тобой царскій градъ,

— Когда ты-то ѣхалъ да по краечку,

— А я-то ѣхалъ да по другому,

— А братецъ мой ѣхалъ по середочки.

— Мы съ тобою государь да все ѣхали,

— Мы все казнили, да все вѣшали,

— А Федоръ братецъ ѣхалъ по середочкѣ,

— Напередъ пословъ да онъ поразсмыслалъ,

— Чтобы удалые да поразбѣгались,

— А которые по кувиль-траву да развалилися,

— А которые при домахъ оставалися.

— Теперичу измѣна вся повыстала. —

Туть не мутное око помутилось,

Ево царское сердце разгорѣлось:

«Ай вы ей, палачи да немилостивы!

«Вы возмите-ка Федора Ивановича

«За тья за ручки за бѣлья,

«За тье за перстни за злеченые,

«Сведите-ка Федора въ чисто поле

«А на тое болото-то на житное,

«А на тую на плашку на липову,

«Отрубите ему буйну голову

«За него поступки неумильны!»

Туть всѣ палачи поразбѣгались,

Которые разумны, растулялися,

Одинъ остался Малютка воръ Скуратовъ сынъ.

А самъ говоритъ таково слово:

««Я много вѣдь казнилъ царей, царевичевъ,

««Я безъ счету королей, да королевичей,

««А тебя-ко-ва я Федора да не сиучу!»»

Онъ беретъ его за ручки за бѣлья,

За тье за перстни да за злеченые,

Повелъ Федора да въ чисто поле

На тое болотечко на житное,

На тую плашечку на липову

Срубить Федору да буйну голову

За него поступки неумильныя.

Во тую ль было пору да во то время

Услыхала Авдотья Романовна,

Его государыни да родна матушка,

Она чеботы обула да на босу ногу,

Кунью шубу-ту одѣла на одно плечо,

Побѣжала-то на горку да на Вшивую,

А ко своему ко братцу ко родимому,

Ко тому Никиты-то Романовичу.

А срѣтать ю братецъ-отъ ей родимый,

А самъ говоритъ таково слово:

«Что же ты, сестрице, да не въ покрутъ

«А въ одной ты шубы черныхъ соболей?»

Говоритъ Авдотья да Романовна:

— Ты ей же, братецъ мой родимый!

— Знать ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:

— Вѣдь нѣтъ жива твоего любимого племянничка,

— Тотъ воръ Малютка Скуратовъ сынъ

— На тое болото да на житное,

— На тую плашку на липову,
 — Срубить Ѳедору буйну голову. —
 Онъ кидается, скоро бросается,
 Береть уаду въ руки теслянную,
 Бѣжалъ на конюшину на стоялую,
 Одѣвалъ на мала бурушка да кавурушка,
 Садился скоро на добра коня,
 Не на сѣдлана, да не на уздана,
 Городомъ ѣдетъ и да голосомъ кричитъ,
 Голосомъ кричатъ, да самъ рукой машитъ:
 «Ты ей, воръ, Малютка Скуратовъ сынъ!
 «Ты не тотъ кусъ съѣшь, самъ задавишься,
 «Не казни-тка млада царевича,
 «Ай тогожь-де Ѳедора Ивановича.»
 Малютка того и не пытаючи,
 Береть Ѳедора да за желты кудри,
 Клонитъ на плашку на липову,
 Хочеть срубить да буйну голову.
 А наѣхалъ Никита да Романовичъ,
 Смахнулъ своей саблей да вострой,
 Отнесъ Малютки буйну голову,
 За него поступки неумильные.
 А онъ взялъ, де, Ѳедора Ивановича,
 Увозилъ на горку да на Вшивую.

Сегодня день былъ суботниа,
 Завтра день да воскресный де,
 Ёхать намъ ко ранной ко заутрени.
 Какъ тотъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 Что нѣтъ жива молодого царевича,
 Сокрутился онъ во платье во опальное,
 Заложилъ лошадей да вороненныхъ
 Подъ ты (кареты) подъ черныхъ,
 Поѣхалъ ко ранной ко заутрени.
 А тотъ Никита да Романовичъ
 Заложилъ онъ лошадей да все рыжихъ
 Одѣлъ на себя платье цвѣтное,
 Платье цвѣтное, самолучшее,
 Поѣхалъ ко ранной ко заутрени.
 Крестъ кладець по писаному,
 Поклонъ ведетъ по ученому
 На всѣ три-четыре стороны,
 А Ивану Васильевичу въ собиу:
 «Ты здравствуй, Грозный царь Иванъ Василье-
 вичъ

«Со своей со любимою семьей,
 «Со молодой со Авдотьей со Романовной,
 «Со своимъ со малымъ со дѣтушками,
 «Со тымъ со Иваномъ Ивановичемъ!»
 Иговорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 — Ай ты же, шуринъ мой любимый,

— Ты ей, Никита да Романовичъ!
 — Знать ты надъ собой невзгодушки не вѣ-
 даешь?
 — Вѣдь нѣтъ жива твоего любимого племянничка,
 — Ай того де Ѳедора Ивановича:
 — Вѣдь увелъ воръ Малютка Скуратовъ сынъ
 — На тое болотцо да на житное,
 — Да на тую на плашку да на липову
 — Срубить Ѳедору буйну голову
 — За него поступки неумильные. —
 Въ другой говоритъ Никита Романовичъ:
 «Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
 «Со своею съ молодой семьей,
 «Съ молодой Авдотьей со Романовной,
 «Со своимъ со малымъ со дѣтушками,
 «Со тымъ со Ѳедоромъ Ивановичемъ,
 «Со тымъ Иваномъ Ивановичемъ!»
 Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 — Ты ей же, шуринъ мой любимый,
 — Ты ей, Никита Романовичъ!
 — Что же ты въ рѣчи да не вчуешься?
 — Вѣдь нѣтъ жива твоего любимого племянничка,
 — Тогожь де Ѳедора Ивановича:
 — Увелъ воръ Малютка Скуратовичъ
 — На тое болотцо да на Житное,
 — Ай на тую на плашку да на липову
 — Срубилъ Ѳедору буйну голову
 — За него поступки неумильные.
 Третій разъ говоритъ Никита Романовичъ:
 «Ты здравствуй, Грозный Иванъ Васильевичъ,
 «Со своею любимою семьей,
 «Со молодой Авдотьей Романовной,
 «Со своимъ со малымъ со дѣтушками,
 «Со тымъ со Ѳедоромъ Ивановичемъ,
 «Со тымъ Иваномъ Ивановичемъ!»
 Тутъ не мутное око помутнело,
 Его царское сердце разгорѣлося:
 — Ахъ ты ей же, шуринъ мой любимый
 — Ахъ ты ей же, Никита Романовичъ!
 — Знать, ты надо мной насмѣхаешься!
 — Отстою какъ я раннюю заутрению,
 — Прикажу тебѣ Никиты голову срубить. —
 И самъ заплакалъ горькимъ дятелемъ (птица).
 — Какъ по ворахъ было по разбойникахъ.
 — По разбойникахъ по ворахъ есть заступники!
 — По моемъ рожное по дитатки,
 — По томъ Ѳедоръ Ивановичъ
 — По немъ не было никакого заступника! —
 Говоритъ Никита Романовичъ:
 «Бываетъ ли грѣшному прощенье-то?»
 Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:

— Хоть бываетъ-то прощенье, теперь взять не-
гдѣ.—

Говорить Никита Романовичъ:

«Не отрублена есть Федору да буйна голова,

«А отрублена да буйна голова

«А тому Малюты да Скурлатову.»

Тутъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,

Онъ кидается скоро, бросается

Не кидается за Федора Ивановича,

Кидался за Никиту за Романовича,

Береть его за ручки за бѣлья,

Цѣлуется во уста во сахарныя,

Самъ говорилъ таково слово:

— Мнѣ-ка чѣмъ тебя наскори пожаловать?

— Ты эй же шуринъ мой любимыя,

— Дать тебѣ села со приселками,

— Али дать города съ пригородками,

— Али дать тебѣ да золотой казны?

Говорить Никита Романовичъ:

«Есть у меня села со приселками

«А и то мнѣ молодцу не похвальба

«Есть у меня города съ пригородками,

«А и то мнѣ молодцу не похвальба.

«Есть у меня и золотой казны

«И то мнѣ молодцу не похвальба,

«А ты дай-ка мнѣ Микитину да вотчину:

«Что хоть съ петли уйди, хоть коня утони,

«Хоть коня утони; хоть жену уведи,

«Столько ушелъ бы въ Микитину вотчину,—

«Того добраго-то молодца да Богъ простить.»

Онъ пожаловалъ Микитиноу его вотчиной:

Что хоть съ петли уйди, да хоть коня утони,

Хоть коня утони, да хоть жену уведи,

Столько ушелъ бы въ Микитину да вотчину,—

Того добраго-то молодца да Богъ простить.

Тутъ вѣкъ про Микиту старину скажутъ,

Синему морю на тишину,

Вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

154.

ЗЕМСКИЙ СОБОРЪ.

(См. Рыбникова, т. III, 46).

Во тоя было Москвы да бѣлокаменной,
Когда царствовать Алексѣй Михайловичъ Мо-
сковской

А выходилъ онъ сударь изъ Божьей церкви,

Становился онъ на лобно сударь мѣсто,

На тую сударь зеленую дубраву,

Говорить онъ надежа-государь царь

Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:

«Ай же вы, князи, вы бояра!

«Пособите государю дума думати,

«Надо думать крѣпка дума, не продумать.

«Мнѣ-ка пишеть нынь король да земли швед-
ской:

«Онъ просить у насъ города Смоленца,

«А даетъ ли намъ Хинскую землю,

«То отдать-ли намъ Смоленецъ, не отдати,

«Али намъ за Смоленецъ постояти,

«Али намъ на Смоленецъ нанимати?»

Выходилъ перво князь Востраханскій,

Онъ поблизку государя становился,

А онъ понизку государю поклонился:

— Ахъ ты эй-ну надежа-государь-царь,

— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!

— Благослови мнѣ, государь, слово смолвити:

— Что Смоленецъ есть строеньице литовско;

— Да во Смоленцѣ стрѣльцовъ вѣдь нѣтъ ни-
сколько,

— Во Смоленцѣ казны вѣдь нѣтъ ни копѣйки:

— Отдаемъ туда городъ-отъ Смоленецъ,

— А возмемъ ко себѣ Хинскую землю! —

Государю тья рѣчи не влюбились.

Говорилъ надежа-государь-царь

Онъ Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:

«Ахъ вы, эй же, малы дѣтущки, солдаты!

«Пособите государю дума думать,

«Надо думать крѣпка дума, не продумать.

«Мнѣ-ка пишеть нынь король земли шведской:

«А ужъ онъ просить у насъ города Смоленца,

«А онъ даетъ ли намъ Хинскую землю.

«То отдать ли намъ Смоленецъ не отдати,

«Али намъ да за Смоленецъ постояти,

«Аль намъ да на Смоленецъ нанимати?»

Выходилъ-ка второй князь Бухарскій,

Онъ поблизку государя становился,

Да онъ понизку государю поклонился:

— Ахъ ты эй-ну надежа-государь-царь,

— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!

— Благослови мнѣ, государь, да слово смолвити:

— Что Смоленецъ есть строеньице не московско,

— А Смоленецъ есть строеньице литовско;

— Да во Смоленцѣ стрѣльцовъ вѣдь нѣтъ ни-
сколько,

— Да во Смоленцѣ казны нѣтъ вѣдь ни копѣйки.

— Отдадимъ туда городъ-отъ Смоленецъ,

— Мы возмемъ-ко себѣ Хинскую землю. —

Государю тѣя рѣчи не влюбилсь.
 Говорилъ надежа-государь-царь,
 Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
 «Ахъ вы эй-же, малы дѣтунки, солдаты!
 «Пособите государю дума думать,
 «Надо думать крѣпка дума, не продумать,
 «Мнѣ-ка пишеть нынѣ король да земли швед-
 ской:

«Онъ просить у насъ города Смоленца,
 «А даетъ ли намъ Хинскую землю.
 «То отдать ли намъ Смоленецъ, не отдать,
 «Да али намъ за Смоленецъ постоати,
 «Да али намъ на Смоленецъ нанимати?»
 Выходилъ-ка князь Давида Милославской,
 Онъ поблизку государю становился,
 Онъ понизку государю поклонился:
 — Ахъ ты эй-ну надежа-государь-царь,
 — Благослови мнѣ, государь, слово смолвить:
 — Что Смоленецъ строенье не литовско,
 — А Смоленецъ строеньеце московско;
 — А во Смоленецъ казны есть — да смѣту нѣту:
 — Ужъ мы станемъ за Смоленецъ постоати,
 — Ужъ мы станемъ за Смоленецъ нанимати,
 — Не дадимъ мы туда города Смоленца,
 — А не возьмемъ себѣ Хинскую землю! —
 Государю тѣя рѣчи прилюбилсь.
 Говорилъ сударь надежа-государь-царь,
 Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
 «Ахъ ты эй же князь Давида Милославской!
 «Мнѣ-ка чѣмъ тебя раскорѣ пожаловать,
 «А я пожалую во Смоленецъ воеводой.»
 Астраханскаго взять — повѣсилъ,
 А Бухарскому-то князю голову срубилъ.

155.

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВНА.

(См. Рыбникова, т. III, 52).

Кабы на соловья
 Не зима бы студеная,
 Не морозы бы были крещенскіе,
 Не леталъ бы я соловей
 По мхамъ, по болотечкамъ,
 По частымъ наноловищамъ.
 Кабы да й на молодца
 Мнѣ не служба государева
 (Не наборы-бы были солдатскіе),
 Не ходилъ бы я молодецъ

По чужой-я по дальней стороны
 По тѣя бы по Свирской украинны.
 Прошелъ молодецъ изъ орды въ орду,
 Зашелъ молодецъ въ королю въ Литву:
 «Какъ батюшко, король политовскій,
 «Литовскій король земли польскій!
 «Прими-ко меня во слуги-рабы,
 «Во слуги-рабы, хоть во конюхи.»
 Я во конюхахъ жилъ цѣло три году.
 Служилъ королю вѣрой-правдою,
 Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
 Король по сту въ годъ мнѣ-ка жаловалъ,
 Не шелъ молодецъ на царевъ кабакъ,
 Не пилъ молодецъ пива пьянаго,
 Не пилъ молодецъ меда сладкаго,
 Такъ Богъ добра молодца миловалъ,
 А король молодца любилъ-жаловалъ,
 Пожаловалъ молодца онъ во столъники.
 Я во столъникахъ жилъ цѣло три годъ,
 Служилъ королю вѣрой-правдою,
 Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
 Такъ Богъ добра молодца миловалъ,
 А король по сту въ годъ мнѣ-ка жаловалъ.
 Не шелъ молодецъ на царевъ кабакъ,
 Не пилъ молодецъ пива пьянаго,
 Не пилъ молодецъ меду сладкаго,
 И не закусывалъ я бѣлымъ сахаромъ.
 Пожаловалъ молодца онъ во ключники.
 Я во ключникахъ жилъ цѣло три годъ,
 А король по сту въ годъ мнѣ-ка жаловалъ.
 Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною,
 Такъ Богъ добра молодца миловалъ.
 И у того короля политовскаго
 Была дочь его Настасья красивая.
 Говорила королю политовскому;
 «Ты батюшко король политовскій,
 «Литовскій король земли польскій!
 «Ты дай мнѣ ко кроватѣ кроватничка.»
 Говорилъ король политовскій:
 — Молодая Настасья королевична!
 — Выбирай ко кроватѣ кроватничка,
 — Хоть изъ князей, хоть изъ бояръ,
 — Хоть изъ русскихъ могучихъ богатырей,
 — Хоть изъ гѣхъ изъ поганыхъ татаровей. —
 Говорила Настасья королевична:
 «Не надо ко кровати кроватничка
 «Мнѣ не изъ князей, мнѣ не изъ бояръ,
 «Мнѣ не изъ русскихъ могучихъ богатырей,
 «Мнѣ не надо поганыхъ татаровей:
 «Ты дай ко кроватѣ кроватничка,
 «Своего дай любимаго ключника.»

Положи тутъ его ко кровати крватничкомъ.
 Служилъ молодецъ тутъ онъ три годы,
 Не стоялъ у кровати тесовья,
 Не постигалъ онъ перины пуховья,
 Не складалъ круто-складне зголовья,
 Не натягивалъ одѣяла соболнаго, —
 Онъ спалъ на кровати тесовья
 Съ молодой Настасьей королевичной.
 Зашелъ молодецъ во царевъ кабакъ,
 А выпилъ молодецъ пива пьянаго,
 Да и выпилъ молодецъ меду сладкаго,
 Заходилъ во кружало королевское,
 Закусилъ молодецъ бѣлымъ сухаремъ.
 Онъ тутъ во кружалѣ расквастался:
 «Служилъ королю всѣхъ двѣнадцать лѣтъ:
 «Перво три годя служилъ я въ конюхахъ,
 «Друго три годя служилъ я во столъникахъ,
 «Третье три годя служилъ я во ключникахъ,
 «Это три годя служилъ во крватничкахъ.
 «Это три годя служилъ я у крваточки:
 «Не стоялъ я у кровати тесовья,
 «Не постигалъ я перинки пуховья,
 «Не складалъ круто-складне зголовья,
 «Не натягивалъ соболнаго одѣяла,
 «Я спалъ на тесовья кровати
 «Съ молодой со Настасьей королевичной.»
 Схватили меня добра молодца,
 Донесли королю политовскому,
 Посадили въ тюрьму богадѣльную,
 Держали тамъ меня нѣсколько.
 Повели меня добра молодца
 Изъ той изъ тюрьмы богадѣльной
 На туя на плашну на липову
 Отрубить-то мою буйву голову.
 Говорилъ онъ удалый добрый молодецъ:
 «Вы эй, сторожа котемьскіе!
 «Берите съ меня золотой казны!
 «Вы только берите, сколько надобно,
 «А ведите меня добра молодца
 «Помимо окошко королевнино.»
 Повели какъ его добра молодца
 Помимо окошко королевнино,
 Закричалъ онъ удалый добрый молодецъ:
 «Молодая Настасья королевнино!
 «Ведуть-то меня добра молодца
 «На туя-то плашку на липову,
 «Срубить-то мнѣ буйву голову,
 «Я похвасталъ тобой королевичной!»
 Тая же ли Настасья королевична
 Отворяла косивчато окошечко,
 Бросилася въ окошко по поясу,

Говорила сторожамъ королевскимъ:
 — Вы эй сторожа королевскіи!
 — Вы спустите его добра молодца,
 — Возмите татарина мертваго,
 — Мертваго татарина мерзлага,
 — Отрубите ему буйву голову. —
 Призвала къ себѣ добра молодца,
 Стала его тутъ допрашивать:
 — Скажи мнѣ, удалый добрый молодецъ!
 — Есть ли у тебя въ домѣ отецъ и мать,
 — Да есть ли у тебя молода жена,
 — Да есть ли у тебя малы дѣтушки? —
 Говорилъ ей удалый добрый молодецъ:
 «Что есть у меня въ дому отецъ и мать,
 «Да и есть у меня молода жена,
 «Да и есть у меня малы дѣтушки.»
 Говорила Настасья королевична:
 — Бери-ко мои золоты ключи,
 — Отмыкай-ка мои кованы ларцы,
 — Бери-ко себѣ золотой казны,
 — Ты столько бери, сколько надобно,
 — Чтобъ было твоимъ малымъ дѣтушкамъ
 — Да осталось твоимъ младымъ ввучатамъ. —
 Тутъ вѣкъ про нее старину поють,
 Синему морю на тишину
 И вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

XXVIII.

ИВАНЪ КАСЬЯНОВЪ.

Иванъ Аникиевичъ Касьяновъ, крестьянинъ с. Космозера, 40 лѣтъ отъ роду, грамотный, изъ старообрядцевъ, перешедшій лѣтъ десять тому назадъ въ единовѣріе. Научился въ молодости пѣть былины отъ стариковъ, съ которыми ѣздилъ на рыбную ловлю, преимущественно отъ нѣкоего криваго Ивана Трофимова. Въ прежнее время зналъ былины весьма много, но потомъ бросилъ ихъ пѣть, предавшись страстно чтенію церковныхъ книгъ для уясненія спорныхъ между православною церковью и расколомъ вопросовъ. Это и привело его въ единовѣріе, но, по словамъ Касьянова, заглушило былины въ его памяти. При встрѣчѣ съ собирателемъ въ Чолмужахъ, Касьяновъ не могъ припомнить былины о Вольгѣ, но упоминалъ, что ее отлично знаетъ и хорошо поетъ его сосѣдъ, раскольничій

наставникъ Иуда Егоровъ. Въ послѣдствіи, прибывъ въ Петербургъ, по порученію единовѣрческаго общества для сбора на церковь, онъ уже пѣлъ эту былину со словъ Егорова.

156.

ВОЛЬГА.

Когда возсіяло солнце красное
 На тое ли на небушко на ясное,
 Тогда зарождался молодой Вольга,
 Молодой Вольга Святославовичъ.
 5 Какъ сталъ тутъ Вольга рости матерѣтъ,
 Похотѣлоси Вольги много мудрости:
 Шукой-рыбою ходитъ ему въ глубокыхъ моряхъ,
 Птицей-соколомъ летать ему подъ оболока,
 Сѣрымъ волкомъ рысать да по чистѣмъ полямъ.
 10 Уходили всѣ рыбы во снаи моря,
 Улетали всѣ птицы за оболока,
 Ускакали всѣ звѣри во темни лѣса.
 Какъ сталъ тутъ Вольга рости матерѣтъ,
 Сбиралъ себѣ дружинишку хоробрую:
 15 Тридцать молодцовъ да безъ одинаго,
 А самъ-то былъ Вольга во тридцатныхъ.
 Сбиралъ себѣ жеребчиковъ темнокарихъ,
 Темнокарихъ жеребчиковъ нелѣгченыхъ.
 Вотъ посѣли на добрыхъ коней поѣхали,
 20 Поѣхали къ городамъ да за получкою.
 Повѣхали въ раздольице чисто поле,
 Услыхали во чистомъ поли оратая,
 Какъ оретъ въ полѣ оратая, посвистываетъ,
 Сошка у оратая поскрипываетъ,
 25 Омешники по камешкамъ почиркиваютъ.
 Ъхали-то день вѣдь съ утра до вечера,
 Не могли до оратая доѣхати.
 Они ѣхали да вѣдь и другой день,
 Другой день вѣдь съ утра до вечера,
 30 Не могли до оратая доѣхати.
 Какъ оретъ въ полѣ оратая посвистываетъ,
 Сошка у оратая поскрипываетъ,
 А омешники по камешкамъ почиркиваютъ.
 Тутъ ѣхали они третій день,
 А третій день еще до пѣбѣдья,
 А навѣхали въ чистомъ поли оратая.
 Какъ оретъ въ полѣ оратая посвистываетъ,
 А бороздки онъ да пометываетъ,
 А пеньѣ кореня вывертываетъ,

А большіе-то каменя въ борозду валить.
 У оратая кобыла соловая,
 Гужики у нея да шелковыи,
 Сошка у оратая кленовая,
 Омешники на сошки булатнии,
 Присомечекъ у сошки серебряный,
 А рогачикъ-то у сошки красна золота.
 А у оратая кудри качаются.
 Что не скаченъ ли жемчугъ разсыплются.
 У оратая глаза да ясна сокола,
 А брови у него да черна соболя.
 У оратая сапожки зеленъ сафьянъ:
 Вотъ шиломъ пяты, носіи востры,
 Вотъ подъ пату пату воробѣй пролетѣтъ,
 Около носа хотъ лицо прокати.
 У оратая шляпа пуховая,
 А кафтанчикъ у него да черна бархата.
 Говорить-то Вольга таковы слова:
 «Божья помощь тебѣ оратая-оратаюшко!
 «Оратъ, да пахатъ, да крестьяноватъ,
 «А бороздки тебѣ да пометыватъ,
 «А пеньѣ кореня вывертыватъ,
 «А большіе-то каменя въ борозду валить!»
 Говорить оратая таковы слова:
 — Поди-ко ты Вольга Святославовичъ!
 — Мнѣ-ка надобно Божья помощь крестьяноватъ.
 — А куда ты Вольга ѣдешь, куда дуть держишь?—
 Тутъ проговорилъ Вольга Святославовичъ:
 «Какъ пожаловалъ меня да родной дядюшка,
 «Родной дядюшка да крестной батюшка,
 «Ласковой Владиміръ стольне-киевской,
 «Тремя ли городами со крестьянами:
 «Первымъ городомъ Курцовцомъ,
 «Другимъ городомъ Орѣховцемъ,
 «Третьимъ городомъ Крестьяновцемъ,
 «Теперь ѣду къ городамъ да за получкою.»
 Тутъ проговорилъ оратая-оратаюшко:
 — Ай же ты Вольга Святославовичъ!
 — Тамъ живутъ-то мужички да всѣ разбойнички,
 — Они подрубить-то сляги калиновы,
 — Да потопить ты въ рѣку да во Смородину!
 — Я недавно тамъ былъ въ городи, третьѣго-дни,
 — Закупилъ я соли цѣло три мѣха,
 — Каждый мѣхъ-то былъ вѣдь по сту пудъ,
 — А самъ я сидѣлъ-то сорокъ пудъ,
 — А тутъ стали мужички съ меня грошовъ про-
 сить.
 — Я имъ сталь-то вѣдь грошовъ дѣлать,
 — А грошовъ-то стало мало ставиться,
 — Мужичковъ-то вѣдь да больше ставитсе.
 — Потому сталь-то я ихъ вѣдь отталкивать,

— Сталь отталкивать да кулакомъ грозить,
 — Положилъ тутъ ихъ я вѣдь до тысячи:
 — Который стоя стоитъ, тотъ сѣда сидѣть.
 — Который сѣда сидѣть, тотъ и лёжа лежѣть. —
 Тутъ проговорилъ вѣдь Вольга Святославовичъ:
 «Ай же ты оратай-оратаюшко!
 «Ты поѣдемъ-ко со мною во товарищахъ?»
 А тутъ ли оратай-оратаюшко
 Гужни шелковни повстегнулъ,
 Кобылу изъ сошки повернулъ,
 Они сѣли на добрыхъ коней поѣхали,
 Какъ хвостъ-то у ней разстиляется,
 А грива-то у нея да завивается,
 У оратая кобыла ступою пошла,
 А Вольгинъ конь да вѣдь поскакиваетъ.
 У оратая кобыла грудью пошла,
 А Вольгинъ конь да остается.
 Говорить оратай таковы слова:
 — Я оставилъ сошку во бороздечкѣ
 — Не для ради прохожаго-проѣзжаго:
 — Маломожный-то найдеть — взять нечего,
 — А богатый-тотъ найдеть не позарится,
 — А для ради мужичка да деревенщины.
 — Какъ бы сошку изъ земельки повѣдёрнуть,
 — Изъ омешиковъ бы земельку повытряхнутъ,
 — Да бросить сошку за ракитовъ кустъ. —
 Тутъ вѣдь Вольга Святославовичъ
 Посылаетъ онъ дружинишку хоробрую,
 Пять молодцовъ да вѣдь могучихъ,
 Какъ бы сошку изъ земли да повѣдёрнули,
 Изъ омешиковъ земельку повытряхнули,
 Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
 Приѣзжаетъ дружинишка хоробрая,
 Пять молодцовъ да вѣдь могучихъ,
 Къ той ли ко сошки кленовенькой,
 Они сошку за обори вокругъ вертятъ,
 А не могутъ сошки изъ земли поднять,
 Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
 Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
 Тутъ молодой Вольга Святославовичъ
 Посылаетъ онъ дружинишку хоробрую,
 Цѣльнимъ онъ да вѣдь десяточкомъ.
 Она сошку за обори вокругъ вертятъ,
 А не могутъ сошки изъ земли выдёрнуть,
 Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
 Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
 И тутъ вѣдь Вольга Святославовичъ
 Посылаетъ всю свою дружинишку хоробрую,
 Чтобы сошку изъ земли повѣдёрнули,
 Изъ омешиковъ земельку повытряхнули,
 Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.

Они сошку за обори вокругъ вертятъ,
 А не могутъ сошки изъ земли выдёрнуть,
 Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
 Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
 Тутъ оратай-оратаюшко,
 На своей ли кобылы соловенькой,
 Приѣхалъ ко сошки кленовенькой,
 Онъ бралъ-то вѣдь сошку одной рукой,
 Сошку изъ земли онъ повѣдёрнулъ,
 Изъ омешиковъ земельку повытряхнулъ,
 Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
 А тутъ сѣли на добрыхъ коней поѣхали:
 Какъ хвостъ-то у ней разстиляется,
 А грива-то у нея да завивается.
 У оратая кобыла ступою пошла,
 А Вольгинъ конь да вѣдь поскакиваетъ.
 У оратая кобыла грудью пошла,
 А Вольгинъ конь да остается.
 Тутъ Вольга сталъ да онъ покрякивать,
 Колпакомъ онъ сталъ да вѣдь помакивать.
 «Ты постой-ко вѣдь оратай-оратаюшко!
 «Какъ бы эта кобыла конькомъ бы была,
 «За эту кобылу пятьсотъ бы далъ.»
 Тутъ проговорилъ оратай-оратаюшко:
 — Ай же глупый ты Вольга Святославовичъ!
 — Я купилъ эту кобылу жеребёночкомъ.
 — Жеребёночкомъ да изъ-подъ матушки,
 — Заплатилъ за кобылу пятьсотъ рублей.
 — Какъ бы эта кобыла конькомъ бы была,
 — За эту кобылу цѣны нѣ было бѣ! —
 Тутъ проговорить Вольга Святославовичъ:
 «Ай же ты оратай-оратаюшко!
 «Какъ-то тебя да именемъ зовутъ,
 «Называютъ тебя да по отечеству?»
 Тутъ проговорилъ оратай оратаюшко:
 — Ай же ты Вольга Святославовичъ!
 — Я какъ ржи-то напашу да во скидры сложу,
 — Я во скидры сложу да домой выволочу,
 — Домой выволочу да дома вымолочу,
 — А я пива наварю да мужичковъ напою,
 — А тутъ стануть мужички меня похваляватъ:
 — «Молодой Мишула Селянинъвичъ! —»
 Тутъ приѣхали ко городу ко Курцевцу,
 Стали по городу похаживатъ;
 Стали города рассматриватъ,
 А ребята-то стали поговариватъ:
 «Какъ этотъ третьего дни былъ, да мужичковъ
 онъ билъ!»
 А мужички-то стали собиратися,
 Собиратися они да думу думати:
 Какъ бы притти да извинитися,

А имъ нязко бы да поклонится.
 Тутъ проговорилъ Вольга Святославовичъ:
 — Ай же ты Никула Селянновичъ!
 — Я жалую отъ себя трема городами со крестья-
 нами.
 — Оставайся здѣсь да вѣдь намѣстникомъ,
 — Получай-ко ты дань да вѣдь грошовую! —

Записано въ Петербургѣ, 13 октября.

—
 157.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

Добрыня говорила родна матушка:
 «А что молодъ началъ ѣздить во чисто поле,
 «А топтать-то младныхъ змѣеншевъ,
 «Выручать-тополововъ да русскихъ.
 «Не купились Добрыня во Пучай рѣки,
 «Пучай рѣка да есть великая,
 «Средняя струя-то какъ огонь сѣчетъ.»
 А Добрыня матушки не слушался,
 Онъ зашелъ-то во конюшенку стоялую,
 Онъ и взялъ себѣ да коня добраго,
 Онъ сѣдалъ во сѣдельшко черкасское,
 Онъ потнички-то клалъ на потнички,
 А на потнички-то клалъ вѣдь войлочки,
 Онъ на войлочки черкасское сѣдельшко,
 И натягивалъ двѣнадцать тугихъ подируговъ,
 А тринадцатый-то клалъ для ради крѣпости,
 Чтобы добрый конь съ сѣдла не выскочилъ,
 Добра молодца съ сѣдла не вырнулъ.
 Подируги-то были шелковыя,
 А шпеньки-ты были булатни,
 Пряжки у сѣдла да красна золота.
 Вотъ какъ шелкъ не рвется, а будать не трется,
 Красно золото не ржавѣтъ,
 Молодецъ на конѣ сидитъ не старѣтъ.
 Онъ поѣхалъ во далече во чисто поле
 На тни горы сорочинскіи.
 Приотпалъ всѣхъ младныхъ змѣеншевъ,
 Богатырское его сердце разгорѣлося,
 Разгорѣлося да распотѣлося.
 Онъ правилъ коня ко Пучай рѣки,
 Снимаетъ плащце онъ цвѣтное,
 Забрелъ онъ за струечку за первую,
 Забрелъ онъ за струечку среднюю,
 Самъ говоритъ таково слово:
 — Мнѣ Добрыня матушка говорила,
 — Мнѣ Никитичу матушка наказывала:

— Не купился Добрыня во Пучай рѣки!
 — А Пучай рѣка да есть свѣрпная,
 — Средняя струя да какъ огонь сѣчетъ.
 — А Пучай рѣка да есть смирна крута,
 — Какъ будто лужа вѣдь дождевая. —
 Вотъ какъ вѣтра вѣтъ и тучу поднесло,
 Тучи вѣтъ, да быдто громъ гремитъ,
 Грому вѣтъ, да искры сыплются.
 Налетѣло змѣичицо Горыничцо
 О двѣнадцати змѣя о хоботахъ.
 «А теперъ Добрыня во моихъ рукахъ,
 «Я теперъ Добрыню съѣмъ-сожру,
 «Съ конемъ съѣмъ-сожру, а захочу въ полонъ
 возьму!»

Какъ не было у Добрыни да добра коня,
 Да не было у Добрыни платья цвѣтнаго,
 Да не было моча да бурзомецкаго,
 А Добрыня-то плавать гораздъ онъ былъ.
 Нырнетъ на бережекъ на тамошній,
 Перевырнетъ на бережекъ на здѣшний.
 А только лежалъ да пуховъ колпакъ.
 Насыпанъ колпакъ да земли греческой,
 Вѣсомъ колпакъ ровно три пуда.
 Онъ ударилъ во змѣю да во проклятую,
 Отбилъ двѣнадцать хоботовъ.
 Тутъ унала змѣя да во ковыль траву.
 А Добрыня да на пожеу повертокъ;
 Онъ скочилъ змѣи да на бѣлы груди,
 Вотъ какъ тутъ змѣя да возмолилася:
 «Ай же ты Добрыня сынъ Никитиничъ!
 «Мы положимъ съ тобой заповѣдь великую
 «Чтобъ не ѣздить бы тебѣ во далече чисто поле,
 «Не топтать-то вѣдь младныхъ змѣеншевъ,
 «А моихъ-то вѣдь рононыхъ малыхъ дѣтушокъ,—
 «А мнѣ не летать больше на святую Русь,
 «Не носить-то людей да во полонъ къ себѣ.»
 А и та змѣя да вѣдь проклятая,
 Поднялась она да вѣдь подъ облаку.
 Случилось ей летѣть черезъ Кіевъ градъ,
 Захватила тутъ князеву племянницу
 Молоду Забаву дочь Путятичу.
 Солнышко Владиміръ стольне-кіевскій,
 Онъ и кликалъ вѣдь былиць да волшебницъ,
 Кто бы могъ достать Забаву дочь Путятичу.
 Какъ проговоритъ Алешенька Левонтьевичъ:
 — Ай ты солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
 — Ты навинь-ка эту службу на Добрынюшку,
 — На молода Добрынюшку Никитинича.
 — У него-то со змѣей заповѣдь положена
 — А не ѣздить боли во чисто поле,
 — На тни горы сорочинскіи,

— Не топтать-то вѣдъ младыхъ змѣнышевъ,
— А змѣи не летать да на святую Русь,
— Не полѣнить ей да людей русскіихъ.
— Такъ онъ можетъ достать безъ бою, безъ
драки кровопролитія. —

Какъ пошелъ Добрыня закручинилъ,
Онъ повѣсилъ буйну голову,
Утупилъ онъ ясны очи во сыру землю.
Какъ проговорила Добрынина матушка,
Пречестна вдова да Мальфа Тимоеевна:
«Ай же ты Добрынюшко Никитиничъ!
«Что же ты Добрыня закручинилъ?
«Али мѣсто тебѣ было не по чину,
«Али чарой на пиру тебя пообнесли,
«Дуракъ нѣ пиру да насмѣялся-де?»
Испроговоритъ Добрыня родной матушкѣ:
— Мѣсто мнѣ было вѣдъ по чину,
— Чарой меня да не пообнесли,
— А дуракъ-то на пиру не насмѣялся де.
— Какъ солнышко Владиміръ стольне-кѣвской
— Онъ навинулъ мнѣ да службу вѣдъ великую,
— Сѣздить мнѣ далече во чисто поле
— На тьи горы сорочинскіи,
— Во тую нору во глубокую,
— А достать князеву племянницу
— Молоду Забаву дочь Путятичну! —
Проговоритъ Добрынюшенина матушка:
«Молись-ко Богу и ложись-ко спать:
«Утро будетъ мудрое,
«Мудренѣе оно вечера!»
Путу онъ вставалъ ранешенько,
Умывался водушкой бѣлешенько,
Подерутился вѣдъ да хорошеюнько.
Онъ зашелъ во конюшеньку стоялю,
Онъ сѣдлалъ вѣдъ коня дѣдушкова,
Онъ сѣдлалъ да во сѣдлѣшко черваское,
Потнички онъ клалъ на потнички,
Онъ на потнички клалъ вѣдъ войлочки,
А на войлочки черваское сѣдлѣшко.
Онъ натягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатой-то клалъ для ради вѣрности:
Чтобы добрый конь съ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ сѣдла не вырुтилъ.
Подпруги-то были шелковыя,
А шпеньки-ты были булатніи,
Пращи у сѣдла да красна золота.
Вотъ какъ шелкъ не рвется, а булатъ не трется,
Красно золото не ржавѣетъ,
Молодецъ на конѣ сидитъ не старѣетъ.
Онъ прощался съ родной матушкой,
Пречестной вдовой да Мальфой Тимоеевной.

Она на прощаньице ему да плетку подала,
Сама говорила таково слово:
«Когда будешь далече во чистомъ поли
«На тнихъ горахъ да сорочинскіихъ,
«А притопчешь-то всѣхъ младыхъ змѣнышевъ,
«Подточать у бурка они да щоточки,
«Такъ возьми ты плеточку шелковую,
«Бей бурушки промежду ушей.
«Бей бурушки промежду ноги,
«Промежду ноги да ноги заднія.
«Станетъ бурушка-кавурушка подсказивать,
«А змѣнышевъ отъ ногъ онъ да оттряхивать,
«Притопчетъ всѣхъ да до единого.»
Онъ пріѣхалъ-то во чисто поле
На тьи горы сорочинскіи,
Притопталъ-то онъ младыхъ змѣнышевъ.
Подточили да змѣи коню подъ щоточки,
Не можетъ бурушка болѣи да подсказивать,
Змѣнышевъ отъ ногъ да вѣдъ оттряхивать.
Добрынюшка Никитиничъ
Онъ взялъ плеточку шелковую,
Сталъ бить бурушка промежду ушей,
Промежду ушей и промежду ноги,
Промежду ноги да ноги заднія.
Сталъ бурушка-кавурушка подсказивать,
А змѣнышевъ отъ ногъ да вѣдъ отряхивать,
Притопталъ онъ всѣхъ да до единого.
Какъ изъ норы да изъ глубокия
Выходило змѣицо Горыничцо,
Выходила змѣя да та проклятая,
Сама говоритъ да таково слово:
— Какъ у насъ съ тобой была заповѣдь поло-
жена,
— Чтобъ не ѣздить тебѣ болѣ во чисто поле,
— Не топтать-то младыхъ змѣнышевъ,
— Моихъ-то рожонныхъ малыхъ дѣтушокъ. —
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
«Ай же ты змѣя да ты проклятая!
«А черти-ль тебя несли да черезъ Кіевъ!
«Зачѣмъ ты взяла князеву племянницу
«Молоду Забаву дочь Путятичну?
«Ты отдай безъ брани безъ бою кровопролитія!»
Испроговоритъ змѣя та проклятая:
— Не отдамъ тебѣ безъ брани кровопролитія! —
Они тутъ дрались да цѣло по три дня.
А Добрыня сынъ Никитиничъ
Отшибъ у ей двѣнадцать хоботовъ,
Убилъ змѣю да ту проклятую.
Сопелъ во нору во глубокую,
Тамъ много князей боировъ,
И много русскіихъ могучіихъ богатирей,

А мелкой силы и смѣты нѣтъ.
 Испроговорить Добрыня сынъ Никитиничъ:
 «Теперь вамъ да воля вольная!»
 Онъ взялъ князеву племянницу
 Молоду Забаву дочь Путятичну,
 Онъ отдалъ Алешенькѣ Поповичу
 Свезти ее да во Кіевъ градъ,
 Ко солнышку ко князю ко Владиміру,
 А самъ увидѣлъ лошадиный бродъ:
 По колѣнъ-то у бурки да ноги грязнули.
 Онъ наѣхалъ палиницу женщину великую,
 Онъ ударилъ своей палицей булатнею
 Да тую палиницу въ буйну голову, —
 Палиница назадъ не оглянется,
 Добрыня на конѣ да приужахнется.
 Воротился Добрыня да ко сыру дубу,
 Толщину дубъ шести сажень.
 Онъ ударилъ своей палицей булатнею во сырой
 дубъ,
 И расшибъ-то дубъ да весь по ластиньямъ,
 Самъ онъ говоритъ таково слово:
 «Какъ сила у богатыря по старому,
 «А смѣлость у богатыря не по старому.»
 Онъ догналъ-то палиницу женщину великую,
 Онъ ударилъ своей палицей булатною
 Тую палиницу въ буйну голову.
 Палиница-то назадъ да не оглянется,
 Добрыня на конѣ да приужахнется.
 Воротился Добрыня ко сыру дубу,
 Толщиною дубъ сажень двѣнадцати.
 Онъ ударилъ своей палицей булатною во сырой
 дубъ,
 Онъ расшибъ-то дубъ весь да по ластиньямъ,
 Самъ говоритъ таково слово:
 «Какъ сила у богатыря по старому,
 «А смѣлость у богатыря не по старому.»
 Онъ догналъ-то палиницу женщину великую,
 Онъ ударилъ своей палицей булатною
 Тую палиницу въ буйну голову.
 Палиница та назадъ да приоглянется,
 Сама говоритъ таково слово:
 — Я думала комарикъ повусывають.
 — Ажно русскіи могучіи богатыри пошалки-
 вають! —
 Ухватила Добрыню за желты кудри,
 Посадила Добрыню во глубокъ карманъ,
 А везла Добрыню цѣло по три дня.
 Испроговорить палиницынъ конь человѣческимъ
 голосомъ:
 «Ай же ты хозяйшечка любимал!
 «Не могу я васъ везти со богатыремъ.

«Конь у богатыря супротивъ меня,
 «А сила у богатыря супротивъ тебя!»
 Испроговорить палиница женщина великая:
 — Если старъ богатырь, я голову срублю,
 — Если младъ богатырь, я въ полонъ возьму;
 — Если ровня богатырь, я замужъ пойду! —
 Пovyкинеть Добрыню изъ карманчика,
 Тутъ ей Добрыня вѣдь повравился.
 Поѣхали ко городу ко Кіеву,
 Ко ласкову князю ко Владиміру
 Принимать съ Добрыней по злату вѣнцу,
 Побыло три дня у нихъ да пированьице.
 Говорилъ Добрыня своей родной матушкѣ
 Пречестной вдовѣ да Мадѣфѣ Тимоѣевнѣ:
 «Ты почто меня Добрынюшку несчастнаго спо-
 родила?
 «Ты бы лучше меня матушка спородила
 «Бѣлымъ горячимъ камешкомъ,
 «Завернула бы вотонкій бѣлой рукавичекъ,
 «А спустила бы меня во сине море.
 «Я бы вѣкъ тамъ Добрыня во морѣ лежалъ,
 «Я не ѣздилъ бы далече во чисто поле,
 «Не проливалъ бы я напрасно крови человѣчій,
 «Не слезилъ бы я Добрыня отцовъ матерей,
 «Не вдовилъ бы я Добрыня молодыхъ женъ,
 «Не сиротались бы да малы дѣтушки!»
 Испроговорить да пречестна вдова Мадѣфа Ти-
 моѣевна:
 — Ай же ты Добрыня свѣтъ Никитиничъ!
 — Я бы рада тебя дитятко спородити
 — Я таланомъ-участью въ Илью Муромца,
 — Я бы силой въ Святोगора богатыря,
 — Я бы смѣлостью въ Олеша да Поповича,
 — Красотою во Осифа прекраснаго,
 — А походкою щепетливою во того-ли Чурилуш-
 ку Пленковича,
 — Я бы вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича,
 — Только ты статьи есть, другихъ Богъ не далъ,
 — Богъ не далъ, не пожаловалъ. —
 Провожала Добрыню родна матушка.
 Какъ простилася — воротилася,
 Домой пошла, сама заплакала,
 Стала по покоямъ похаживать,
 Стала голосомъ она да поваживать,
 Жалобнѣшенько она да вѣдь съ причетью:
 — Какъ у тия было стремени у правия,
 — Провожали-то Добрыню любимъ семья,
 — Молода дочь Настасья Никулична.
 — Провожаючи она да стала спрашивать,
 — Стала спрашивать, да выговаривать:
 — «Ты когда Добрынюшко домой будешь,

— «Когда Добрыню ждѣть да изъ чиста поля?»
 — Испроговорить Добрыня сынъ Никитиничъ:
 — Когда ты меня стала спрашивать,
 — Я тебѣ буду наказывать:
 — Ты прожди Добрыню цѣло три году,
 — Черезъ три года не буду — жди и друго три.
 — Когда исполнится времечки шесть годовъ,
 — Я не буду домой да изъ чиста поля,
 — Поминай меня Добрынюшку убитаго,
 — А тебѣ-ка-ва Настасья воля вольная:
 — Хоть вдовой живи да хоть замужъ поди,
 — Хоть за князя поди, хоть за боярина,
 — Хоть за русскаго могучаго богатыря,
 — Только нѣ ходи за моего брата пазванаго,
 — За смѣлаго Олешу за Поповича,
 — А Олеша-то Поповичъ мой крестовый братъ! —
 Вотъ какъ день за днемъ будто дождь дождить,
 Недѣля за недѣлей какъ трава растеть,
 Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣжить,
 Прощло тому времечки цѣло три года,
 Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
 И день-то за днемъ будто дождь дождить,
 Недѣля за недѣлей какъ трава растеть,
 Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣжить,
 Прощло тому времечки друго три года.
 Когда исполнилось времечки шесть годовъ,
 Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
 Какъ во ту пору во то время
 Приѣхалъ Олешенька Левонтьевичъ изъ чиста поля,
 Привезъ онъ вѣсточку нерадостну,
 Что вѣтъ жива Добрынюшки Никитича,
 Онъ убитъ лежитъ да во чистомъ поли,
 Буйна голова его да испроломана,
 Мулужий плечи его да испрострѣлены,
 Головой лежитъ да чрезъ раковито кустъ.
 Пречестна вдова Мальфа Тимоеевна
 Жалобнешенько она по немъ поплакала,
 Слезила свои очи асныя,
 Скорбила свое лицо бѣлое
 По своему по рожиномъ по дитятки,
 По молодомъ Добрынюшкѣ Микитичѣ.
 Какъ во ту пору во то время
 Сталъ солнышко Владиміръ князь похаживать,
 Сталъ похаживать да выговаривать:
 «Ай же ты Настасья дочь Никулична!
 «Да какъ тебѣ жить да молодой вдовой,
 «Молодой свой вѣкъ да корѣтати?
 «Ты поди замужъ хоть за князя поди хоть за
 боярина,
 «Хоть за русскаго могучаго богатыря,
 «Хоть за смѣлаго Олешу за Поповича!»

Испроговорить Настасья дочь Никулична:
 — Я исполнила-то заповѣдь мужнюю:
 — Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ,
 — Я исполню свою заповѣдь женскую;
 — Я прожду Добрыню друго шесть годовъ.
 — Когда исполнится времечки двѣнадцать лѣтъ,
 — А не будетъ Добрыни изъ чиста поля,
 — Я поспѣю и тогда за мужъ пойти. —
 Вотъ какъ день за днемъ будто дождь дождить,
 Недѣля за недѣлей какъ трава растеть,
 Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣжить.
 Прощло тому времечки друго шесть годовъ,
 Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
 А тутъ солнышко Владиміръ князь
 Сталъ похаживать да выговаривать:
 «Ай же ты Настасья дочь Никулична!
 «Какъ же тебѣ жить да молодой вдовой,
 «Молодой свой вѣкъ да корѣтати?
 «Ты поди замужъ хоть за князя поди хоть за
 боярина,
 «Хоть за русскаго могучаго богатыря,
 «Хоть за смѣлаго Олешу за Поповича!»
 Не пошла замужъ ни за князя ни за боярина,
 Ни за русскаго могучаго богатыря,
 А пошла замужъ за смѣлаго Олешу за Поповича.
 Вотъ какъ ниръ у нихъ идетъ да по третій день,
 А сегодня имъ итти да ко Божьей церкви,
 Принимать съ Олешей по злату вѣнцу,
 А Добрыня случился во Царѣградѣ.
 Добрынинъ конь да спотыкается,
 Испроговорить Добрыня сынъ Никитиничъ:
 — Ты волчья сыть, медвѣжья персть!
 — Ты зачѣмъ сегодня потыкаешься? —
 Какъ проговорить Добрыня конь человѣческимъ
 голосомъ:
 «Ай же ты хозяинъ мой любимый,
 «Добрыня сынъ Микитиничъ!
 «Какъ ты ѣздишь да забавляешься,
 «Надъ собой незгодушки не вѣдаешь;
 «Какъ твоя да любима семья
 «Молода Настасья дочь Никулична
 «Замужъ пошла за смѣлаго Олешу за Поповича
 «Вотъ ниръ у нихъ идетъ да по третій день,
 «Сегодня имъ итти да ко Божьей церкви,
 «Принимать съ Олешей по злату вѣнцу.»
 Богатырское его сердце разгорѣлося,
 Взялъ онъ плеточку шелковую,
 Сталъ онъ бурушка бить да промежду ушей,
 Сталъ онъ бурушка бить да промежду ноги,
 Промежду ноги да ноги заднія.
 Сталъ онъ бурушко-ковурушка поскакивать,

Съ горы на гору да съ холмы на холму,
Рѣки озера перескакивать,
Широкія раздолья между ногъ пущать.
Что не ясенъ соколъ перелететь летить,
Добрый молодецъ да перегонъ гонить.
Онъ пріѣхалъ ко граду Кіеву.
Не воротами ѣхалъ, чрезъ стѣну городовую,
Мимо тую башню наугольную,
Ко тому-ли ко подворью ко вдовиному.
Онъ поставилъ своего добра коня,
Добра коня среди бѣла двора,
Непривязана да не приказана.
Какъ пошелъ во полаты бѣлокаменны,
Онъ не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Онъ всѣхъ въ зашей прочь отталкивалъ.
Онъ зашелъ въ полаты бѣлокаменны,
Онъ крестъ кладець по писаному,
Поклоны ведетъ по ученому,
Онъ на всѣ на четыре на стороны
Пречестной вдовѣ да Мальфы Тимоеевны въ
особину.

А вслѣдъ идутъ придвернички, да приворотнички,
Сами всѣ идутъ да жалобу творять:

— Ай же ты пречестна вдова да Мальфа Тимоеевна!

— Какъ сей удалый добрый молодецъ

— Онъ наѣхалъ изъ поля скорымъ гонцомъ,

— Онъ не воротами ѣхалъ, черезъ стѣну городовую,

— Мимо тую башню наугольную.

— Онъ не спрашивалъ насъ приворотниковъ,

— Онъ не спрашивалъ насъ придверниковъ,

— Онъ всѣхъ въ зашей насъ да прочь отталкивалъ. —

Какъ проговоритъ честна вдова да Мальфа Тимоеевна:

«Ай же ты удалый добрый молодецъ!

«Ты зачѣмъ заѣхалъ на сиротскій дворъ,

«Да въ полаты идешь бездокладочно.

«Въ покои идешь да безобсмыслочно,

«А не спрашиваешь у воротъ да приворотниковъ,

«У дверей не спрашивашъ да придверниковъ,

«Въ зашей прочь да всѣхъ отталкиваешь?

«Какъ бы было рожопо мое дитятко,

«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,

«За твои поступки не умильными

«Отрубилъ бы тебѣ буйну голову.»

Какъ проговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:

— Не напрасно-ли вы да согрѣшаете?

— Я вчера съ Добрыней поразѣхался,

— Добрыня-то поѣхалъ ко Царюграду,

— Я поѣхалъ ко Кіеву.

— Велѣлъ спросить про его любиму семью,

— Про молодую Настасью да Никуличну! —

Испроговоритъ да Мальфа Тимоеевна:

«Какъ его Добрынина да любима семья,

«Настасья дочь Никулична замужъ пошла

«За смѣлаго Олешу за Поповича,

«Вотъ какъ пиръ у нихъ идетъ да по третій день,

«Сегодня имъ итти да ко Божьей церкви,

«Принимать съ Олешей по злату вѣнцу.

«Какъ исполнилось времечки шесть годовъ,

«Пріѣхалъ Олеша изъ чиста поля,

«И привезъ онъ вѣсточку нерадостну:

«Что вѣтъ жива Добрынюшки Никитича,

«Онъ убитъ лежить да во чистомъ полѣ,

«Буйна голова его да испроломана,

«Могучи плечи его да испрострѣлены,

«Головой лежить черезъ ракитовъ кустъ.

«Жалобнешенько о немъ я да поплакала,

«Слезидя я свои очи ясныя,

«Скорбила я свое лицо бѣлое

«По своемъ рожовомъ по дитятѣ

«По молодомъ Добрынюшкѣ Никитичѣ,

«Стала я по покоямъ похаживать,

«Стала голосомъ я вѣдъ поваживать,

«Жалобнешенько я да и съ причетью.»

Какъ проговорилъ удалый добрый молодецъ:

— Миѣ наказывалъ Добрыня сынъ Никитиничъ:

— Какъ есть въ горенки, да во спаленки,

— А во спаленки есть на столнѣ,

— Гуслицы его есть да яровчаты,

— Платьцо его да скоморошское. —

Одѣвался молодецъ да скоморошиной,

Пошелъ онъ на тотъ на почетный пиръ,

Онъ не спрашиваетъ у воротъ да приворотниковъ,

У дверей не спрашивалъ придверниковъ,

И всѣхъ въ зашей прочь да онъ отталкивалъ.

И заходитъ во палаты княженецкія,

Крестъ кладець онъ по писаному,

Поклонъ ведетъ да по ученому,

На всѣ на четыре на стороны,

А князю Владиміру въ особину.

— Здравствуй князь Владиміръ стольне-кіевскій

— Со своей княгиней со Опраксіей! —

Какъ вслѣдъ идутъ придвернички да приворотнички,

Сами идутъ жалобу творять:

«Какъ сей удалый добрый молодецъ,

«Онъ не спрашивалъ у воротъ насъ приворотниковъ.

«У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
«Онъ всѣхъ взашей прочь да насъ отталкивалъ.»
Скоморошина къ рѣчамъ не принимается,
Скоморошина къ рѣчи не вчуется,
Испроговорить удача скоморошина:
— Ай ты солнышко Владиміръ стольне-кіевскій!
— А гдѣ вѣдь наше мѣсто скоморошиной? —
Испроговорить съ сердцемъ князь Владиміръ
стольне-кіевскій:

«Ваше мѣсто скоморошеное
«На той-то печей на запечки,
«На зѣпечки печки муравленой!»
Онъ скоро скочилъ на мѣсто показаной,
Онъ натягивалъ тетивочки шелковыи,
На туп-ли на струночки да золоченыи,
Сталъ онъ по струночкамъ похаживать,
Сталъ онъ голосомъ-то вѣдь поваживать.
А какъ въ карты играетъ во Царѣградѣ,
Онъ выигрышъ беретъ да все во Кіевѣ,
Онъ отъ стараго всѣхъ да до малаго.
Только вси на пиру да призамокнули,
Сами говорятъ да таково слово:
— Это не быть удадой скоморошинѣ,
— А вакому либо русскому могучему богатырю! —
Испроговорить Владиміръ стольне-кіевскій:
«Ай же ты удача скоморошина!
«За твою нгру да за веселую
«Опущайся-ко съ печки съ зѣпечки,
«Выбрай-ко себѣ три мѣста любимыхъ:
«Перво мѣсто подли меня,
«А другое мѣсто супротивъ меня,
«Третье мѣсто куда самъ захошъ,
«Куда самъ захошъ, еще пожалуешь!»
Не садилась скоморошина подли князя,
Не садилась скоморошина супротивъ князя,
А садилась скоморошина супротивъ княжны да

порученныя,
Противъ молодой Настасьи Никуличной.
И проговорить удача скоморошина:
— Ай ты солнышко Владиміръ стольне-кіевскій!
— Ты позволь мнѣ налить чару зелена вина,
— А поднести-то чару кому я знаю,
— Кому я знаю, еще пожалую! —
Наливалъ онъ чару зелена вина,
Опустилъ онъ въ чару свой злаченъ перстень,
Подносилъ онъ чару молодой княжнѣ,
Молодой княжнѣ Настасьѣ Никуличнѣ,
А самъ онъ говорилъ да таково слово:
— Ай же ты Настья Никулична!
— Ты приип-тко чару единой рукой,
— Выпей чару единымъ духомъ.

— А какъ выпьешь до дна, увидишь добра,
— А не выпьешь до дна, не увидишь добра. —
Молода Настасья Никулична
Принимала-то чару единой рукой,
Выпивала чару единымъ духомъ,
Увидала въ чарѣ свой злаченъ перстень,
Которымъ съ Добрыней обручались.
Испроговорить Настасья Никулична:
«А не тотъ мой мужъ который подли меня си-
дять,
«А тотъ мой мужъ который супротивъ меня си-
дять!»

Она скбчила черезъ дубовый столъ
И упала къ Добрынѣ ко рѣзвымъ ногамъ.
«Ты прости, прости, Добрынюшка Никитиничъ,
«А во той меня вины прости во глупости,
«Что не по твоему наказу вѣдь я сдѣлала:
«Я за смѣлаго Олешенку замужъ пошла!»
И проговорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Не дивую я разуму женскому:
— У нихъ волосъ дологъ, умъ коротокъ,
— Ихъ куда ведутъ, они туда идутъ,
— Ихъ куда везутъ, они туда ѣдутъ.
— А дивую я князю Владиміру,
— Что князь-то Владиміръ ходилъ свататься,
— А вьягня-то Опраксія да свакою,
— У живаго мужа жену просватали! —
Тутъ князю Владиміру ко стыду пришло.
Испроговорить Алешенка Леонтъевичъ:
«Ты прости, прости, крестовый братъ,
«Добрынюшка сынъ вѣдь Никитиничъ!
«Что я подли твоей поспѣлъ да любимой семьи,
«Подлѣ молодой Настасьи Никуличной!»
Испроговорить Добрынюшка Никитиничъ:
— Какъ во этой винѣ братецъ тебя Богъ про-
стять,
— А въ этой винѣ братецъ тебя пѣ прошу!
— Вы пріѣхали изъ чиста поля черезъ шесть
годовъ,
— Привезли вы моей матушкѣ вѣсточку нера-
достну,
— Что вѣтъ жива Добрынюшки Никитинича,
— Онъ убитъ лежитъ да во чистомъ полѣ,
— Буйна голова его да испроломана,
— Могучи плечи его да испрострѣлены,
— Головой лежитъ черезъ ракивовъ кустъ.
— Тутъ родитель моя матушка,
— Пречестна вдова да Мальфа Тимоеевна,
— Жалобнешенько она по мнѣ поплакала,
— Слезила свои очи ясныя,
— Скорбила свое лицо бѣлое

— По своемъ по рожеюмъ по дитяткѣ
 — По молодомъ Добрынюшкѣ Никитиничѣ! —
 Тутъ схватилъ Олешу за желты кудри,
 Да выдернулъ Олешу чрезъ дубовый столъ,
 Бросилъ Олешу о кирпичень полъ.
 Выхватилъ шалыгу подорожную,
 Онъ сталъ шалыжищемъ охаживать,
 А что хлопанья, что оханья не слышно вѣдь.
 Что не два-ли ясныхъ сокола слетались,
 Два сильныхъ могучихъ богатыря
 Съѣзжались на смертный бой.
 А всякъ-тѣ братцы женится,
 А не всякому женитьба удавалась.
 А не дай Богъ женитьбы Олени Поповича,
 Только Олеша и женатъ бывалъ,
 И женатъ бывалъ и съ женой сыпалъ.
 Вотъ тутъ вѣкъ про Добрыню старицу поють,
 Синему морю на типину
 Вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записано въ Чолмузахъ, 19 юля.

—
 458.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

Во стольнемъ было во городи во Києви,
 У славнаго князя у Владиміра,
 Былъ собранъ многопочетный пиръ
 На всѣхъ-то князей, да вѣдь бояровъ,
 На всѣхъ гостей званныхъ-избранныхъ.
 А какъ всѣ на пиру наѣдались,
 А какъ всѣ на пиру напивались,
 И всѣ на пиру-то порасхвастались:
 Иный хвастаетъ добрымъ конемъ,
 Иный хвастаетъ золотой казной.
 Говорилъ тутъ Владиміръ стольне-кіевской:
 «Еще нечѣмъ мнѣ Владиміру похвастаться:
 «Нѣтъ у меня да золотой казны.
 «Еще первой русскій сильныи могучии богатырь
 «Старый казакъ да Илья Муромецъ,
 «Съѣзди-ты да въ золоту орду,
 «Получи тамъ дани-выходы
 «За двѣнадцать лѣтъ да съ половиною.
 «Еще другій русскій сильныи могучии богатырь
 «Ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Съѣзди ты во Турцію
 «Получи тамъ дани-выходы
 «За двѣнадцать лѣтъ да съ половиною.
 «Еще третій русскіи сильныи могучии богатырь

«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
 «Съѣзди ты во Швецію
 «Получи тамъ дани-выходы
 «За двѣнадцать лѣтъ да съ половиною.»
 Собрались три сильныхъ русскихъ три могучихъ
 богатыря

Ко кресту да ко Левинову.
 Они тутъ крестами да побратались.
 А кто изъ нихъ да будетъ большій братъ?
 А кто изъ нихъ да будетъ средній братъ?
 А кто изъ нихъ да будетъ меньшій братъ?
 А старый казакъ да Илья Муромецъ былъ боль-
 шій братъ,
 Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ былъ средній
 братъ,
 А молодой Добрынюшка Никитиничъ былъ мень-
 шій братъ.
 А который изъ насъ раньше выѣдетъ,
 А къ другому пріѣхати на выручку.
 Воротился прежде всѣхъ Михайла Потыкъ сынъ
 Ивановичъ,

Онъ привезъ-то дани выходы за двѣнадцать лѣтъ
 и съ половиною.

Благодарилъ его Владиміръ стольне-кіевскій,
 Говорить Михайлу Потыку сыну Ивановичу:

«Пишетъ мнѣ Бухарь да царь заморскіи:
 «Проситъ съ меня дани выходы за двѣнадцать
 лѣтъ и съ половиною.»

Тутъ говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:

— Ай ты солнышко Владиміръ стольне-кіевской!

— Ты напиши-тко къ Бухарю царю заморскому,

— Что посланы-де дани выходы за двѣнадцать
 лѣтъ и съ половиною,

— А со тѣмъ ли съ Михайломъ Потыкомъ,

— А я поѣду самъ туда безъ выходовъ. —

— Здравствуйте Бухарь да царь заморскіи! —

Какъ проговорить Бухарь да царь заморскіи:

«Вы коей земли, да вы коей орды?»

— Я есть изъ города изъ Києва.

— Я привезъ вамъ дани выходы за двѣнадцать
 лѣтъ и съ половиною

— Отъ того ли солнышка отъ князя отъ Влади-
 міра. —

Испроговорить Бухарь да царь заморскіи:

«А гдѣ же у васъ-то дани выходы?»

— А отпращены монетою все мѣдною.

— У мужичковъ тележки подломались,

— Мужички остались починивать. —

Тутъ Бухарь-то царь заморскіи,

Онъ съ тол великія со радости,

Самъ-то говоритъ да таково слово:

«У васъ чѣмъ въ Россіи забавляются:
 «А играютъ ли во карты билиартовы,
 «А играютъ ли во шашечки кленовыи
 «А на тыхъ дощечкахъ на дубовыхъ?»
 Они ставили да первую дощечку.
 А Бухарь-то царь заморскій
 Онъ поставилъ на дощечку дани выходы,
 А Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Онъ поставилъ на дощечку своего добра коня.
 Сыграли тутъ дощечку они первую;
 Проигралъ Михайло да добра коня.
 А поставили дощечку-то вѣдь другую.
 А Бухарь-то царь заморскій
 А поставилъ на дощечку дани выходы,
 Да поставилъ онъ Михайлина добра коня.
 А Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 Онъ поставилъ на дощечку буйну голову,
 Вотъ сыграли они дощечку да вѣдь другую,
 Тутъ повнигралъ Михайла дани выходы,
 Да повнигралъ Михайла своего добра коня.
 А поставили дощечку они третьюю.
 А Бухарь-то царь заморскій
 Онъ поставилъ на дощечку полцарства полѣ-
 мѣнства,
 А Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Онъ поставилъ на дощечку дани выходы,
 И сыграли они дощечку-то и третьюю,
 Тутъ повнигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивано-
 вичъ
 А полцарства и полѣмѣнства.
 Какъ въ ту пору, да въ то время
 Дубовая дверь да растворилася,
 Молодой Добрыня сынъ Никитичъ является,
 И самъ онъ говоритъ таково слово:
 — Ай же ты крестовый братъ Михайло Потыкъ
 сынъ Ивановичъ!
 — Ты сидишь-играешь-забавляешься,
 — Надъ собой-то вѣдь незгодушки не вѣдаешь.
 — Какъ твоя ли Марья лебедь бѣлая,
 — А подоленка да королевична,
 — А уѣхала-то въ землю политовскую,
 — Какъ со тѣмъ королемъ да политовскімъ! —
 У Михайла сердце разгорѣлося,
 Онъ и тяпнеть-то дощечку-ту дубовую,
 Да ударитъ въ дверь да во кленовую,
 Да и вышибъ дверь онъ и съ одверницею,
 А самъ онъ говоритъ да таково слово:
 «Ай же ты крестовый братъ
 «Молодой Добрынюшка Никитичъ!
 «Ты получай-ко дани выходы
 «Съ Бухаря царя заморскаго,

«Отвези ко солнышку Владимиру,
 «Я поѣду къ королю да политовскому.»
 Какъ пріѣхалъ Михайло Потыкъ сынъ Ивано-
 вичъ,
 Закричалъ онъ богатырскімъ да голосомъ.
 Услыхала Марья лебедь бѣлая,
 Та подоленка да королевична.
 Наливала питья забудущаго,
 Выбѣгала на переное крылечко,
 А сама да говоритъ да таково слово:
 — Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 — У насъ волосъ дологъ, да умъ коротокъ.
 — Насъ куда ведутъ, мы туда идемъ.
 — Насъ куда везутъ, мы туда ѣдемъ.
 — Ты прими-ко чару единой рукой,
 — Выпей чару единымъ духомъ. —
 А Михайло до вина да былъ упальчивый.
 Онъ и принялъ чару единой рукой,
 Онъ и выпилъ чару единымъ духомъ.
 А какъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
 А вѣдь Марья лебедь бѣлая,
 Ухватила Михайлу за желты кудри,
 Потащила Михайлу во чисто поле.
 Бросила Михайлу да черезъ плечо,
 А сама она да приговорила:
 «А ты стань-ко бѣленькой горячій камешокъ!»
 Какъ вспомнили его братцы крестовыи,
 Сожалѣли Михайлу Потыка Ивановича.
 А старши казакъ да Илья Муромецъ,
 А молодой Добрынюшка Никитичъ
 Накрутились въ калки переходжя,
 А пошли они да въ землю политовскую.
 Идучись до земли политовскія,
 А сугости старичица пилигримица.
 А влюка у него да сорока пудовъ!
 Пригласила старичица и въ компанію.
 Приходили къ королю да политовскому,
 Подъ тоѣ косявчато окошечко,
 Сопросили они тутъ да милѣстныи.
 А'ше Марья лебедь бѣлая,
 Та подоленка да королевична.
 Услыхала голось да каличьин,
 А сама-то говоритъ да таково слово:
 «Ай же ты король да политовскій!
 «Ты зови каликъ въ палаты бѣлокаменны,
 «Ты корми каликъ да дѣсыта,
 «Ты напои каликъ да дѣпына,
 «Ты дари каликъ да дѣлюбя!»
 И'ще тотъ король да политовскій,
 Онъ и взялъ каликъ въ полаты бѣлокаменны,
 Онъ кормилъ каликъ да дѣсыта,

Онъ поилъ каликъ да дѣбьяна,
 Онъ дарилъ каликъ да дѣлюба:
 Далъ и злата имъ онъ много множество.
 Ты пошли калики изъ земли политовскія,
 Приходили ко бѣлому ко камешку.
 Говорить старичищо пилигримищо:
 — Теперь время намъ братцы животовъ дѣлать. —
 Испроговарять калики переходя: .
 «Ты дѣли старичище пилигримищо.»
 И тутъ сталъ старичище животовъ дѣлать,
 А дѣлать-то на четыре четверти.
 И проговарять калики переходя:
 «А кому эта вѣдь четверта часть?»
 Говорить старичищо пилигримищо:
 — А тому изъ насъ вѣдь четверта часть,
 — А кто броситъ этотъ камешокъ черѣзъ плечо?—
 Прискочилъ Добрынюшка Ниятиничъ,
 По колаѣнъ-то камня поднять онъ могъ,
 По колаѣна Добрыня онъ въ землю увязъ.
 Прискочилъ тутъ старый казакъ Илья Муромецъ,
 По грудямъ-то камня поднять онъ могъ,
 По грудямъ Илья въ землю увязъ.
 Испроговарить старый казакъ да Илья Муромецъ:
 «Поднимай-ко старичищо пилигримищо
 «А ты этотъ-то да бѣлый камешекъ!»
 Прискочилъ пилигримищо ко камешку,
 Онъ привязалъ-то камешокъ конецъ-кувши, *)
 Онъ и бросилъ камешокъ черѣзъ плечо,
 Самъ ко камешку да приговаривалъ:
 — Ты повискочь-ко тутъ Михайла Потыкъ сынъ
 Ивановичъ! —
 «Фу-фу я какъ долго спалъ!»
 Говорить старичищо пилигримищо:
 — Еслибъ не я, тутъ ты и вѣкъ бы спалъ! —
 Говорить старичищо таково слово:
 — Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Ты когда будешь во градъ во Кіевѣ,
 — Ты поставь свѣчу Николы угоднику. —
 Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Распроцался онъ со братцима крестовима,
 Самъ пошелъ онъ въ землю политовскую.
 Онъ приходитъ вѣдь на королевскій дворъ,
 Закричалъ онъ богатырскимъ да голосомъ.
 Услыхала Марья лебедь бѣлая,
 Та подоленка да королевична,
 Наливала питья забудущаго,
 Выбѣгала на перѣное крылечко.
 А сама да говорить-то таково слово!
 «Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!

*) Такъ поетъ, но не знаетъ, что значить.

«Ты прими-тко чару единой рукой,
 «А вѣдь выпей чару единымъ духомъ.
 «Мы поѣдемъ съ тобою ко граду во Кіеву,
 «А ко ласковому князю ко Владимиру.»
 А Михайла до вина упальчивъ былъ.
 Онъ принялъ-то чару единой рукой,
 А вѣдь выпилъ чару единымъ духомъ,
 А гдѣ выпилъ, онъ тутъ въ сонъ заснулъ.
 Тутъ схватила Марья лебедь бѣлая,
 А подоленка да королевична,
 А того Михайлу за желты кудри,
 Потщила его да во глубоку погребъ,
 Прибивала его да вѣдь на стѣну.
 Сама побѣжала вѣдь на торжищу
 Покупать-то гвоздѣвъ да сердечныхъ.
 У того короля да политовскаго
 Была дочь Настасія красивая,
 Пришла посмотрити русскаго богатыря.
 Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ взмолился ей:
 — Ай же ты Настасья королевична!
 — Ты повятащи гвоздья хоть бы нѣгтями,
 — Я теперя Марья голову срублю,
 — А тебя Настасья я замужъ возьму. —
 Вотъ повятащи гвоздья она нѣгтями,
 Прибивала мертваго татарина,
 А хотъ мертваго да и мерзлаго.
 Повѣла Михайлу во покои во особе,
 Увидаль-то король политовскій,
 И самъ говорить да таково слово:
 «Ай же ты Настасья королевична!
 «Ты кого ведешь да черна съ собой?»
 Испроговарить Настасья королевична:
 — У м'не была младая служаночка,
 — Захотѣла посмотрити русскаго богатыря:
 — Какъ увидѣла и испугалася,
 — А теперя идетъ во покои во особе. —
 Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 Онъ заростилъ тутъ кровавыи раночки,
 А Настасья-то королевична
 Стала просить коня-то богатырскаго
 У того короля политовскаго,
 А что съѣздитъ ей да во чисто поле.
 Посадила на коня Михайлу Потыка сына Ивано-
 вича.
 Тутъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Закричалъ онъ богатырскимъ голосомъ.
 Услыхала Марья лебедь бѣлая,
 А подоленка да королевична.
 Наливала питья забудущаго,
 Выбѣгала на перѣное крылечко,
 Сама говорить да таково слово:

«Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 «Ты прими-тко чару единой рукой,
 «А да выпей чару единымъ духомъ.
 «Мы поѣдемъ къ городу ко Кіеву
 «А ко ласковому князю ко Владиміру.»
 А Михайла до вина упальчивъ былъ.
 Онъ и принялъ чару единой рукой,
 Хотѣлъ выпить онъ да единымъ духомъ.
 Услыхала Настасья королевична,
 Растворила косивчато окопечко,
 Закричала она жалкимъ голосомъ:
 — Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Знать забылъ ты свою заповѣдь? —
 Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 Онъ взмахнулъ да своѣй саблей вострой,
 Онъ срубилъ-то Марьѣ буйну голову.
 А онъ тутъ Настасья да замужъ-то взялъ,
 Да поѣхали да ко граду ко Кіеву,
 А ко солнышку ко князю ко Владиміру.
 Было по три дня у нхъ пированьицо.
 А вѣдъ тутъ про Михайла старину поють,
 Спимену морю да на тишину
 Намъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записано въ Чолмузахъ, 20 іюля.

159.

ДЮКЪ.

Во той было Индѣи во богатя,
 А былъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
 Онъ ходилъ по тихимъ по заводамъ,
 Стрѣлялъ сѣрыхъ гусей и лебедей.
 Онъ всѣхъ выстрѣлялъ ровно триста стрѣлъ,
 Ровно триста стрѣлъ да еще три стрѣлы.
 Онъ тремъ-то стамъ цѣну вѣдаетъ,
 Только тремъ стрѣламъ цѣны не вѣдаетъ.
 Какъ изъ-подъ камешка изъ-подъ яхонта,
 Изъ-подъ яхонта да самоцвѣтнаго,
 Убилъ онъ три орла онъ три орловнища.
 А не тѣхъ убилъ, которые летаютъ по святой
 Руси,
 Онъ тѣхъ убилъ, которые летаютъ по синимъ
 морямъ. •
 Какъ ѣдутъ гости корабельщики,
 Поднимаютъ это перушко орлинное.
 Продавали это перушко
 Подороже-то атласу, рята бархату.
 Покупали мужички-то да индѣйскіе,

Приносили это перушко въ подарочекъ
 Ко его-ли ко Дюкову батюшко.
 А онъ самъ стрѣлялъ молодой бояринъ Дюкъ
 Степановичъ.
 Онъ съ такихъ-ли великихъ со радостей,
 Пошелъ онъ къ государынѣ родной матушкѣ,
 Просить прощеньица съ благословеньицемъ
 Ъхать ко граду ко Кіеву,
 Ко ласковому ко князю ко Владиміру,
 Онъ прямой дорожкой не окольною.
 Какъ проговорила его государыня родна матушка,
 Родна матушка Мальфа Тимоеевна:
 «Я не дамъ тебѣ прощеньица съ благословеньи-
 цемъ,
 «Ъхать ко граду ко Кіеву,
 «Ко ласкову ко князю ко Владиміру,
 «Прямой дорожкой не окольною.
 «А прямой дорожкой не окольною
 «Есть три заставы тамъ да великія:
 «А первая-то застава есть горы тамъ толкучи:
 «Въ другой разъ столкнутся, а въ другоры истол-
 кнутся;
 «Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
 «Тутъ тебѣ молодому живѣ не быть.
 «Есть тамъ другая застава — птицы клеучія,
 «Онѣ тебя Дюка и съ конемъ склюють.
 «Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
 «Тутъ тебѣ молодому живѣ не быть.
 «Есть третья тамъ застава — лежитъ змѣнцо го-
 рынчицо,
 «О двѣнадцати змѣя о хоботахъ,
 «И тая тебя и съ конемъ сожретъ.
 «Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
 «Тутъ тебѣ молодому живѣ не быть.»
 А онъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Онъ не слушалъ своей да государыни родной ма-
 тушки,
 Пречестной вдовы Мальфы Тимоеевны,
 Онъ пошелъ во конюшенку стоялую,
 Взялъ онъ уздицу да вѣдъ тесмяную,
 Онъ взялъ бурушко да вѣдъ ковурушка.
 Какъ у бурушка по колѣнъ ноги въ землю за-
 рощены.
 Онъ кормилъ бурка пшеномъ да бѣлоаровымъ,
 Онъ поилъ бурка питьицемъ медвянымъ,
 Онъ сѣдлалъ бурка въ черкаское сѣделышко,
 Онъ потнички-то клалъ на потнички,
 На потнички онъ клалъ да вѣдъ войлочки,
 А па войлочки черкаское сѣделышко.
 Онъ натягивалъ двѣнадцать тугихъ подируговъ,
 А тринадцатый клалъ для ради крѣпости,

Чтобы конь съ-подъ сѣда не выскочилъ,
 Добра молодца съ сѣда не вырुтилъ.
 Подпруги-ты были шелковыя,
 Шеньки у подпруговъ булатнія,
 Пращки у него да красна золота.
 А какъ шелкъ не рвется, булатъ не трется,
 Красно золото не ржавѣеть,
 Молодецъ на кони сидитъ не старѣеть.
 Онъ садился на добра коня,
 Прощался съ государыней родной матушкой,
 Какъ пречестна вдова да Мальфа Тимоѣевна
 На прощеньице ему да наказывала:
 «Ай ты молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 «Если Богъ тебѣ судить быть во Кіевѣ,
 «У ласкова князя во Владиміра,
 «Ты не хвастай жпвотинками сиротскими,
 «Сиротскими жпвотинками вдовинными!»
 Перво поприще бурке скокнлъ цѣлу версту,
 И припадывалъ къ земли сыро-матерой,
 Испроговорить челоѳическимъ голосомъ:
 — Ай же ты хозяинъ мой любимыи!
 — Опускайся-ко съ меня добра коня,
 — Ты берн-тко земли да сыро-матерой,
 — Ты подвязывай подъ плечико подъ право,
 — Да подвязывай подъ плечико подъ лѣвое,
 — Чтобъ не страшно было сидѣть на мнѣ да на
 добромъ конѣ. —
 Какъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Онъ опускался вѣдь да со добра коня,
 А онъ бралъ земли да сыро-матерой,
 Онъ подвязывалъ подъ плечико подъ правое,
 Да подвязывалъ подъ плечико подъ лѣвое,
 И садился онъ да на добра коня.
 Тутъ сталъ бурушко-кавурушка поскакивать,
 Съ горы на гору, да съ холмы на холму,
 А рѣки озѣра перескакивать,
 Широки раздолья между ногъ пуцать.
 А прѣхалъ онъ ко граду ко Кіеву,
 Ко ласковому князю ко Владиміру.
 Заѣхалъ онъ среди бѣла двора,
 Поставилъ онъ своего добра коня
 Не привязана, да не приказана.
 А онъ самъ взошелъ въ столову во переднюю,
 Онъ крестъ владеть по писаному,
 А поклонъ ведеть да по ученому
 А на всѣ на четыре на стороны,
 А княгинѣ Апраксіи въ особину.
 А спроговорить молодой бояринъ Дюкъ Степа-
 новичъ:
 «Вы здравствуйте княгиня Апраксія!
 «А гдѣ солнышко Владиміръ стольне-кїевской?»

— А солнышко Владиміръ стольне-кїевской
 — Ушелъ онъ во Божью церковь,
 — Къ обѣдни да ко ранниа. —
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Онъ вышелъ на улицу на широкую,
 На тую дуброву на зеленую,
 Пошелъ онъ во Божью церковь.
 Мостовныа были землею призасыпаны,
 Ихъ поддило водою дождевою,
 Замаралъ онъ сапожки зеленъ сафьянъ.
 Пришелъ онъ во Божю церковь,
 Онъ крестъ владеть да по писаному,
 Поклонъ ведеть да по ученому,
 На всѣ на четыре на стороны,
 А князю Владиміру въ особину.
 Испроговорить Владиміръ стольне-кїевской:
 «Ай же ты удалый добрый молодецъ!
 «Ты изъ какой земли, изъ какой орды,
 «Да какъ тебя, молодецъ, именуемъ зовуть,
 «Нарекають по отечеству?»
 — Я изъ той Индїи изъ богатя,
 — Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
 — Отстоялъ дома раннюю заутреню,
 — А сюда прѣхалъ вѣдь къ обѣдни-де. —
 Какъ проговорятъ князи бояра,
 А также говорятъ и мелка чета:
 «А не быть это молоду Дюку Степановичу!
 «А какой нибудь дѣтнуншко залѣтаникъ.
 «Опъ убилъ князя, либѣ боярина,
 «Онъ на платьице свое да вѣдь поглядивать.»
 Какъ и вышли изъ церкви изъ Божія
 На тую улицу на широкую,
 На тую дуброву на зеленую,
 Мостовныа были земелькой принасыпаны,
 Ихъ поддило водою дождевою,
 Замаралъ онъ сапожки зеленъ сафьянъ.
 Какъ проговорить молодой бояринъ Дюкъ Сте-
 пановичъ:
 — Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшки:
 — А что Кіевъ очень красивъ-добрить,
 — Ажно въ Кіевѣ все не по нашему.
 — Церкви у васъ деревянныа,
 — А маковки на церквахъ да осиновыа.
 — А у насъ-ли во Индїи во богатя
 — Церкви у насъ да всѣ каменныа,
 — А известочкой они да отбѣлены,
 — На церквахъ-то маковки самоцѣтныа,
 — На домахъ-то крышечки золоченныа,
 — Мостовныа рудожелтыма приусыпаны,
 — Сорочинскія суковца прирозастланы,
 — Не замараешъ тутъ сапожковъ зеленъ сафьянъ. —

Вотъ зашли они во полаты княженецкія,
Садлись за дубовый столъ хлѣба купати,
Стали крупивчатыхъ колачиковь оны рушати.
Какъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ мякійшъ-то ѣсть, а корочку подъ столъ мечеть.
А проговорить Владиміръ стольне-кїевскій:
«Ай же ты молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«А ты почто мякійшъ ѣшь, а корочку подъ столъ
мечешь?»

Какъ проговорить молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:

— Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшки:
— Что Кїевъ очень красївъ-добрпсть,
— Ажно въ Кїевѣ все не по нашему.
— У васъ печки-то каменные,
— А помелечки у васъ да сосновыи.
— А какъ пахнуть-то колачики крупивчаты
— На тую сѣру на сосновую,
— На сосновую сѣру на кипучую,
— На кипучую сѣру на горючую,
— Не могу я ѣсть колачиковь крупивчатыхъ.
— Какъ у мѣей государыни у родной матушки,
— Пречестной вдовы Мальфы Тимоеевны,
— У насъ печки всѣ-то муравленны,
— А помелечки у насъ да шелковыи,
— А пекеть она колачики крупивчаты
— Какъ колачикъ-то съѣшь, такъ другой хо-
чется,
— А другой-то съѣшь, по третьемъ душа горитъ,
— А какъ третїй съѣшь, четвертый съ ума ней-
детъ. —

Тутъ проговорилъ Владиміръ стольнїй-кїевскій:
«Ай же ты молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«А ты молодой бояринъ самъ захвастливый.
«Ты ударъ-ко съ нашимъ Чурилушкой Пленко-
вичемъ о великѣ закладъ:
«Чтобы ѣздить намъ во чисто поле по три году,
«А по три году да еще по три дни,
«Чтобы на всякїй день кони были смѣнные,
«Чтобы смѣнные да перемѣнные,
«А шерсти такой да бы не было,
«А платьѣ на всякїй день было смѣнное,
«Чтобы цвѣту такого да не было,
«А на третїй день вамъ итти да ко Божьей
церкви.

«А который изъ васъ добрѣе выступитъ,
«А другому изъ васъ да голова рубить!»
И не спустили тутъ Дюка Степановича
Сѣздить за платьемъ за цвѣтнннмъ,
Во тую Индїю во богатую.
Онъ сѣзъ бояринъ закручинился,

Закручинился, да запечалился,
Онъ повѣсилъ свою да буйну голову,
Утупилъ-то ясны очи во сыру землю.
Онъ садился вѣдь да на ремечать стулъ,
Писалъ скорописчатые брлычки
Ко своей-ли государыни родной матушкѣ,
Къ пречестной вдовѣ Мальфѣ Тимоеевнѣ,
Какъ по Чурилѣ-то Пленковичу
Держали порукушку двумя грады:
А первымъ градомъ Кїевомъ,
А другимъ градомъ Чернигомъ.
А молодому боярину Дюку Степановичу
Держалъ поруку крѣпкую
Тотъ-ли владко Черниговскїй,
Его-ли крестовый онъ батюшко.
Кладъ на бурушка сумки переметныя,
Самъ онъ говорить таково слово:
— Ай ты бурушко-ковурушко!
— Когда прискачешь во Индїю во богатую
— Къ моей-то государыни родной матушкѣ,
— Ты заржай-ко голосомъ лошадинннмъ! —
Услыхала голосъ лошадинннй
Его-ли государыня родна матушка,
Выбѣгала на крылечико переднее,
А сама говорить да таково слово:
«Видно нѣтъ жива моего дитятки,
«Молода боярина Дюка Степановича!»
Какъ увидала сумки переметныя,
И говорить да таково слово:
«Какъ мой-ли молодой бояринъ Дюкъ Степано-
вичъ захвастливый,
«Захвастливый, да звать захваченой!»
Вынимала скорописчатые брлычки,
Кладывала туды платница на каждой день;
На каждой дѣнь по три платница,
Смѣнныя и перемѣнныя по три годы,
По три годы, еще и по три дни.
Отпущала бурушка ковурушка,
Сама говорить да таково слово:
«Какъ прискачешь ты во Кїевъ градъ,
«Во Кїевъ градъ на княженецкїй дворъ,
«Ты заржай-ко лошадинннмъ голосомъ!»
А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Услыхалъ онъ своего добра коня,
Она взялъ сумки да вѣдь переметныя.
Тутъ поѣхали во чисто поле поляковать,
А Чурилушка Пленковичъ погналъ коней онъ
цѣлннмъ стадомъ,
А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Пораньше-то онъ повывстапетъ,
Бурка въ росы онъ повыватаетъ,

На бурѣ-то шерсть да перемѣнится.
 И тутъ они проѣздили по три годы,
 По три годы да еще по три дни.
 А севодня итти имъ ко Божьей церкви.
 А тому-ли Чурилушкѣ Пленковичу
 Во своємъ-ли ему городѣ да дѣбета,
 Становился онъ на крылосо на правое,
 А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Становился онъ на крылосо на лѣвоѣ.
 А Чурилушко Пленковичъ взялъ онъ плеточку
 шелковую,
 Сталъ онъ плеточкой по пуговкамъ поваживать
 Пуговкой о пуговку позваивать.
 Какъ отъ пуговики было да до пуговики,
 Плыветъ змѣицо горынчицо,
 О двѣнадцати змѣя о хоботахъ.
 Какъ испроговорятъ князи бояра,
 И также говорить и вся мелка чета:
 — Какъ у нашего Чурилушки Пленковича
 — Есть отмѣточка противъ молода боярина Дюка
 Степановича! —
 А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Онъ повѣсилъ свою да буйну голову,
 Утупилъ ясны очи во сыру землю.
 Онъ взялъ-то плеточку шелковую,
 Сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
 Пуговкой о пуговку позваивать.
 Какъ отъ пуговики было да до пуговики
 Налетѣли тутъ птицы клеучицъ,
 Наскакали тутъ звѣри рыкучицъ.
 А тутъ въ церкви всѣ да о зень пали,
 О зень пали да ины обмерли.
 Тутъ проговорить Владиміръ стольній-киевскій:
 «Ай же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 «Приуми-тко ты птицъ тыхъ клеучицъ,
 «Призакличь-ко тыхъ звѣрей рыкучицъ,
 «Да оставь-ко ты народу хоть на сѣмена!»
 Тутъ проговорить молодой бояринъ Дюкъ Сте-
 пановичъ:
 — Я севодня не твое ѣмъ, да кушаю,
 — Не хочу тебя и слушати! —
 Какъ проговорить владыко-то Черниговскн,
 Его-ли крестовый батюшко:
 «Ай же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 «Призакличь-ко ты птицъ клеучицъ,
 «Приуми-тко ты звѣрей рыкучицъ,
 «Ты оставь-ко народу намъ на сѣмена.»
 А тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Послушался крестоваго онъ батюшки,
 Призакликалъ птицъ онъ клеучицъ,
 Приумялъ звѣрей тыхъ рыкучицъ.

Тутъ проговорить молодой бояринъ Дюкъ Степа-
 новичъ:
 — Ай же солнышко Владиміръ стольній-киевскій!
 — Намъ которому съ Чурилой голова рубить? —
 Какъ возговорилъ Чурилушка Пленковичъ:
 «Ай же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 «Ты ударь-ко со мною о великъ закладъ.
 «А который изъ насъ перескочитъ черезъ Пучай-
 рѣку,
 «А который изъ насъ да не перескочитъ, —
 «Тому изъ насъ да голова рубить.
 «А Пучай-рѣка да на два поприща!»
 Тутъ проговорилъ молодой бояринъ Дюкъ Сте-
 пановичъ:
 — А твоя ли похвальба панередъ зашла!
 — Ты скачи-ко прежде чрезъ Пучай-рѣку. —
 Онъ скакалъ Чурило чрезъ Пучай рѣку:
 О полу рѣки Чурило въ воду вверзился.
 А какъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Скоро на скоро скакалъ да чрезъ Пучай рѣку,
 Онъ скорѣе того поворотъ держалъ.
 О полу рѣки онъ на воды припадывалъ,
 И Чурилу за желты кудри захватывалъ,
 Повытащилъ Чурилушку съ конемъ съ воды,
 И самъ онъ говоритъ да таково слово:
 — Ай ты солнышко Владиміръ стольній-киевскій!
 — Намъ которому съ Чурилой голова рубить? —
 Тутъ проговорилъ Владиміръ стольній-киевскій:
 «Ай же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 «Не руби-тко ты Чурилу буйной головы,
 «Ты оставь-ко намъ Чурилу хоть для памяти!»
 Тутъ проговорилъ молодой бояринъ Дюкъ Сте-
 пановичъ:
 — Ай же ты Чурилушка Пленковичъ!
 — А пусть ты ввяземъ Владиміромъ упрошенный.
 — А кіевскими бабами уплаканый.
 — Ты не ѣзди-то съ нами со бурлаками,
 — Ты не ѣзди во чисто поле поляковать,
 — А живи ты во градѣ во Кіевѣ,
 — Въ Кіевѣ во градѣ между бабами! —
 Тутъ Владиміръ стольній-киевскій
 Посылалъ онъ тутъ общищничковъ
 Во ту-ли Индѣю во богатую
 Къ пречестной вдовѣ Мальфы Тимоѣевной.
 Во первыхъ стараго казака Илью Муромца,
 А въ другіихъ молода Добрынюшку Никитича,
 А онъ въ третіихъ Олешушку Поповича.
 Тутъ проговорилъ молодой бояринъ Дюкъ Сте-
 пановичъ:
 — Ай ты солнышко Владиміръ стольній-киевскій!
 — Не посылай-ко ты Олешушку Поповича.

— У него глазшечка-ты поповскія,
 — А поповскія глазшечка завидливы,
 — Не выйхати ему изъ той Индѣи изъ богатяя.
 — Не берите-ко бумаги на три мѣсяца,
 — Вы берите-ко бумаги на три году,
 — На три году, да еще на три дни. —
 Тутъ солнышко Владиміръ стольній кievскій,
 Отправлялъ-то стараго казака Илью Муромца,
 Отправлялъ-то молода Добрынюшку Никитича.
 Какъ пріѣхали подъ Индѣю подъ богатую,
 Они встали на гору на высокую,
 И увидѣли ту Индѣю да богатую,
 Сами говорятъ да таково слово:
 «Какъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 «Знать послалъ онъ вѣсточку къ своей матушкѣ,
 «Что зажгана Индѣя та богатая.»
 Какъ пріѣхали въ Индѣю ту богатую,
 А тутъ церкви были всѣ каменные,
 Стѣны известочкой отбѣлены,
 На церквахъ маковки самоцѣтныя,
 На домахъ крышечки да золоченыя,
 Мостовыя рудожелтыми песочками приусыпаны,
 Сорочинскія суковца приразосгланы.
 Вотъ зашли они въ полаты бѣлокаменны,
 Вотъ сидитъ жена да стара-матера,
 Стара-матера да и вся въ золотѣ.
 Они бьютъ челомъ, да поклоняются:
 «Вы здравствуйте да Дюкова матушка!»
 Испроговоритъ жена да стара-матера:
 — Я не есть-то Дюкова матушка! —
 Тутъ прошли они въ полаты во переднія,
 Тутъ сидитъ жена да стара-матера,
 Она болѣ того да и вся въ золотѣ.
 Они бьютъ челомъ, да поклоняются:
 «Вы здравствуйте да Дюкова матушка!»
 Испроговоритъ жена да стара-матера:
 — Я не есть-то Дюкова матушка!
 — Я есть-то Дюковой матушки колашница. —
 «А гдѣ-же есть-то Дюкова матушка?»
 Испроговоритъ жена да стара-матера:
 — А Дюкова матушка
 — Ушла она во Божю церковь,
 — Къ обѣдѣ-то ко позднеей. —
 Какъ идетъ-то Дюкова матушка:
 Двое-трое ведутъ ее подъ руки,
 А и сама говоритъ де таково:
 «Вы здравствуйте мужички да вы оцѣннички!
 «Вы зачѣмъ сюда да вѣдь пріѣхали?
 «Знать животинешекъ сиротскіихъ описывать?»
 Тутъ прошли они въ полаты бѣлокаменны,
 Сиделися они за столы дубовыи,

И стали за столомъ они да кушати,
 И крупичатыхъ колачиковъ рушати.
 Какъ колачикъ-то съѣшь, другой хочется,
 Другой съѣшь, по третьемъ душа горитъ,
 А третій-то съѣшь, четвертый съ ума нейдетъ.
 Тутъ пречестна вдова да Мальфа Тимоеевна
 Привела ихъ въ погреба глубокіи,
 Ко тѣмъ ли сбруямъ лошадинымъ,
 Да тутъ они писали по три годы,
 По три годы да еще по три дни.
 Еще привела: висятъ бочки красна золота,
 А другія висятъ чиста серебра,
 А третьи висятъ скатна жемчуга.
 Потомъ вывела на улицу да на шпрокую:
 Течеть-то струйка золоченая,
 И тутъ они не могли и смѣти дать.
 Сама говоритъ таково слово:
 «Ай же вы мужички да вы оцѣннички!
 «Поѣзжайте вы ко граду ко Киеву,
 «Ко тому ли ко князю ко Владиміру,
 «Вы скажите-тко князю Владиміру:
 «Онъ на бумагу продасть пусть Киевъ градъ,
 «А на чернила продасть весь Черниговъ градъ,—
 «А тогда пріѣдетъ животинешекъ сиротскіихъ
 описывать.»

Какъ старыи казакъ Илья Муромецъ,
 Да молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
 Они пріѣхали-то ко граду ко Киеву,
 Къ солнышку князю ко Владиміру,
 И сами говорятъ да таково слово:
 — Наказывала Дюкова матушка
 — На бумагу продать весь Киевъ градъ,
 — На чернила продать Черниговъ градъ, —
 — Тогда пріѣхать животинешекъ сиротскіихъ
 описывать? —

Тутъ проговорилъ Владиміръ стольній кievскій:
 «Ай же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 «За твою ли за великую за похвальбу,
 «Ты торгуй-то въ нашемъ во градъ во Киевѣ,
 «А во Киевѣ во градъ да безъ пошлины!»
 А тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Онъ садился на своего добра коня,
 Онъ поѣхалъ-то въ Индѣю во богатую
 Ко своей государни родной матушкѣ.
 Къ пречестной вдовѣ Мальфѣ Тимоеевнѣ.
 А онъ сдѣлалъ съ нею доброе здоровьице,
 А тутъ вѣкъ про Дюка старину скажутъ,
 Сицею морю на тишину
 Добрымъ людямъ на послушанье.

Записано въ Чолмухатъ, 20 іюля.

160.

ВЗЯТІЕ КАЗАНИ.

Вы молодѣе ребята послушайте,
А мы стары старики да будемъ сказывать
Про грознаго царя Ивана Васильевича,
Какъ государь царь Иванъ Васильевичъ
Казань горóдь покорилъ,
Подъ Казанку подь рѣку онъ подкопы подводилъ,
За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ катилъ,
А онъ пушки и сваряды въ чистомъ полѣ раз-
ставлялъ:

А татаре-то по городу похаживаютъ,
Они всякіе похабности оказываютъ,
Они грозному царю да надсмѣхаются:
«Не бывать нашей Казани да за бѣлымъ ца-
ремъ!»

Какъ тутъ государь царь Иванъ Васильевичъ
Государь царь поразгнѣвался,
Что подрывъ-то такъ долго медлится,
Приказалъ тутъ онъ да пушкарей казнить,
Всѣхъ подкопщикковъ да й зажигающичковъ.
Какъ тутъ всѣ пушкари призадумалися,
Призадумалися да запечалилися.
А одинъ пушкарь поотважился,
Говорить пушкарь да таково слово:
«Ты позволъ государь слово выговорить!»
Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить,
Какъ тутъ догорѣли зажигающія свѣчи,
Вдругъ разорвало бочки съ порохомъ:
Стѣны крѣпости, бросало за Сулай за рѣку.
Татаре тутъ всѣ утрашилися,
Они бѣлому царю да покорилися.
Говорятъ онъ татаре таково слово:
— Вѣчно быть нашей Казани подь святой Русью,
— Подь святой Русью непобѣдимую,
— Непобѣдимую Богомъ любимую! —

Записано въ Петербургѣ, 24 ноября 1874.

161.

ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ.

Посредѣ-ль было московскаго царства,
Среди было російска государства,
Какъ у свѣта у Архангелы Михайлы,
У Ивана у великаго въ соборѣ,

Зазвонили во большой во колоколъ,
Всѣхъ князей бояръ къ обѣднѣ созывали.
Тамъ служили святни молебень.
Выходилъ нашá надежа государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ московской,
Становился государь на ровню мѣсто,
На всѣ стороны онъ поклонился,
Что ни золота труба да вострубила,
Не серебряная полочка звенѣла,
Зговорилъ нашá надежа государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ московскій:
«Ай же вы мои князья бояра!
«Пособите государю дума думать,
«Дума думать государю не продумать:
«А отдать ли мнѣ-то городъ Смоленецъ?»
Изъ того ли изъ боярскаго изъ круга,
Еще первыи бояринъ выступаетъ
Тимошей сударь Ивановичъ Казанской,
Поблизешеньку къ царю онъ становился,
Понизешеньку царю онъ поклонился.
— Ахъ ты свѣтъ нашá надежа государь царь
— Алексѣй сударь Михайловичъ московскій:
— Бласлови-тко государь мнѣ слово молвить,
— Не возьми-тко мое слово во досаду,
— Не вели-тко скоро за слово казнить.
— А отдай-ко ты городъ Смоленецъ,
— А Смоленецъ-то городъ не крѣпокъ,
— Во Смоленцѣ золотой казны немножко,
— Не московскоѣ строеньцо, литовско. —
Государь-то вѣдъ тѣмъ рѣчамъ не принялся,
Алексѣй сударь Михайловичъ московскій.
Изъ того ли изъ боярскаго изъ круга
Еще другии бояринъ выступаетъ,
А Илья сударь Ивановичъ Хованской.
Поблизешеньку къ царю онъ становился,
Понизешеньку царю онъ поклонился.
«Ахъ ты свѣтъ нашá надежа государь царь
«Алексѣй сударь Михайловичъ московскій!
«Бласлови-тко государь мнѣ слово молвить,
«Не возьми-тко мое слово во досаду,
«Не вели-тко скоро за слово казнить.
«Ты отдай-ко вѣдъ городъ Смоленецъ
«А Смоленецъ-то городъ не крѣпокъ,
«Во Смоленцѣ золотой казны немножко,
«Не московскоѣ строеньцо, литовско.»
Государь-то вѣдъ тѣмъ рѣчамъ не принялся,
Алексѣй сударь Михайловичъ московскій.
Изъ того ли изъ боярскаго изъ круга
Еще третии бояринъ выступаетъ
А Иванъ сударь Ивановичъ Милославской.
Поблизешеньку къ царю онъ становился,

Понизешенько царю онъ поклонился.
— Ахъ ты свѣтъ нашъ надежа государь царь
— Алексѣй сударь Михайловичъ московскій!
— Не отдай-ко ты вѣдь города Смоленца,
— А Смоленецъ-то вѣдь городъ очень крѣпокъ,
— Во Смоленцѣ золотой казны безчѣтно,
— Не литовское строеньице, московско! —
Тутъ проговорить свѣтъ наша надежа государь

царь

Алексѣй сударь Михайловичъ московскій:
«Ай же ты храбрыи воинъ
«Иванъ сударь Иванчъ Милославской!
«А ты знаешь вѣдь съ царемъ и говориши,
«Поѣзжай туда во полки воеводой!»
А какъ тѣхъ бояръ велѣлъ да царь казнити.

Записано въ Чолмузахъ, 20 июля.

162.

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВНА.

Какъ на сѣловья не зима бы да студеная,
Не морозы бы да вѣдь крещенскіе,
Не леталъ бы я сѣловей по мхамъ, по болотин-
цамъ,

И по частнымъ да наночичамамъ.
А какъ на мѡлодца да не служба бь государева,
Не наборы вѣдь солдатскіе, —
Не ходилъ бы молодецъ по чужей дальней по сто-
ронущкѣ;

А по той по свирской по украинѣ.
Вотъ пошелъ молодецъ изъ земли въ землю,
А зашелъ молодецъ къ королю въ Литву.
«Ай ты батюшко да король польскій!
«Ты прими молодца во слуги-рабы,
«Во слуги-рабы прими да хотъ во конюхи.»
Я во конюхахъ-то жилъ да цѣло три годы,
Не ходилъ молодецъ во царевъ кабацъ,
А не пилъ молодецъ меду сладкаго,
И не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не закусывалъ да бѣлымъ сахаромъ.
Меня Богъ добра мѡлодца миловалъ,
А король молодца да любилъ жаловалъ.
Тутъ пожаловалъ молодца во стольнички.
Я во стольникахъ-то жилъ да цѣло три годы,
Не ходилъ молодецъ во царевъ кабацъ,
А не пилъ молодецъ меду сладкаго,
И не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не закусывалъ да бѣлымъ сахаромъ.

Меня Богъ добра мѡлодца миловалъ,
А король молодца да любилъ жаловалъ.
А пожаловалъ-то молодца во ключники.
Я во ключникахъ-то жилъ да цѣло три годы,
Не ходилъ молодецъ во царевъ кабацъ,
А не пилъ молодецъ меду сладкаго,
И не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не закусывалъ да бѣлымъ сахаромъ.
Какъ у того короля политовскаго,
Была дочь Настасья красивая.

— Государь-то мой да король батюшко!
— Ты дай-ко мнѣ къ кровати кроватничка. —
Испроговорить король политовскій:
«Выбирай себѣ къ кровати кроватничка:
«Хотъ изъ князей-то иль изъ бояровъ,
«Иль изъ сильныхъ могучихъ богатырей,
«Или изъ тѣхъ ли поганыхъ татариновъ!»
Испроговорить Настасья королевична:
— Мнѣ не надо къ кровати кроватничка
— Мнѣ не съ князей-то, не изъ бояровъ,
— Не изъ сильныхъ могучихъ богатырей,
— А ты дай-ко мнѣ къ кровати кроватничка
— Своего ты любимаго ключничка! —

Я въ кроватничкахъ жилъ да цѣло три годы.
Тутъ зашелъ молодецъ во царевъ кабацъ,
А напился молодецъ меду сладкаго,
А напился молодецъ пива пьянаго,
А онъ самъ говоритъ таково слово:
«Я служилъ королю всѣхъ двѣнадцать лѣтъ:
«Перво три годы служилъ я да во конюхахъ
«Друго три годы служилъ я да во стольникахъ
«Третье три годы служилъ я да во ключничкахъ,
«Четверто три годы служилъ да во постельнич-
кахъ.

«Я тисовой кроваточки не складывалъ,
«Я пуховой перинки не растряхивалъ,
«Круто-складнаго зголовница не складывалъ,
«Соболина одѣльца не натагивалъ,
«А я спалъ-то со Настасьей королевичной,
«А я спалъ у ей да на правой руцѣ,
«Часто я бывалъ да на бѣлой груди!»

Тутъ схватили удалаго молодца,
Повели во тюрьму да богадѣльню.
Черезъ три дни молодцу рѣшеньице
Огрубить-то ему буйна голова.
Испроговорить удалый добрый молодецъ:
«Ай же вы палачи политовскіе!
«Вы берите съ меня золотой казны,
«А вы только берите, сколько надобно,
«Вы ведите меня мимо окошечекъ королевич-
ныхъ!»

Закричал удалый добрый молодецъ:
 «Ты прости прости Настасья королевична!
 «А ведутъ меня-то на дощечку да на липову
 «Отрубить-то маѣ да буйну голову!»
 Тутъ проговорить Настасья королевична:
 — Ай же вы палачи политовскіи!
 — Вы спустите сего удалаго молодца.
 — Вы берите съ меня золотой казны,
 — А вы только берите, сколько надобно,
 — Вы возьмите татарина хотъ мертваго,
 — А хотъ мертваго, да еще мерзлаго,
 — Отрубите ему да буйну голову,
 — Донесите королю политовскому,
 — Что за его поступки неумильныя
 — А отрублена ему буйна голова!
 Тутъ проговорить Настасья королевична:
 — Ай же ты удалый добрый молодецъ!
 — А есть ли дома у тебя отецъ и мать,
 — Есть ли у тебя да молода жена,
 — А есть ли у тебя да малы дѣтушки? —
 Тутъ проговорить удалый добрый молодецъ:
 «Есть у меня дома отецъ и мать,
 «Есть у меня и молода жена,
 «Есть у меня и малы дѣтушки!»
 Тутъ проговоритъ Настасья королевична:
 — Ты возьми-ко мои золоты ключи,
 — Отмыкай мои кованы ларцы,
 — Ты бери себѣ да золотой казны.
 — Ты только бери, сколько надобно,
 — Чтобы было довольно твоимъ да малымъ дѣ-
 тушкамъ! —
 А тутъ вѣкъ про Настасью старину скажутъ,
 Синему морю на тишину
 А вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушаніе.

Записано въ Чолмузахъ, 20 іюля.

XXIX.

ІЕВЪ ЕРЕМЬЕВЪ.

Іевъ Еремьевъ, слѣпой крестьянинъ дер. Кокориной въ Мелой Губѣ, старообрядецъ. Ему 56 лѣтъ отъ роду, но по глубокимъ морщинамъ его лица имѣеть видъ древняго старика, хотя обладаетъ желѣзными мышцами и страшною силою. Трехъ лѣтъ отъ роду у него отъ оспы вытекли глаза; оставшись въ малолѣтствѣ сиротой, онъ былъ призрѣнъ добрыми людьми, но какъ

скоро подросъ, началъ кормиться собственною работою. «Своими трудами праведными» Еремьевъ устроилъ себѣ, съ теченіемъ времени, домъ и хозяйство; не смотря на слѣпоту, постоянно ѣздитъ на рыбную ловлю, править лодкою и всѣмъ распоряжается самъ безъ чужой помощи и знаетъ такъ хорошо мѣста въ озерѣ, что къ нему обращаются за совѣтами, какъ къ опытному лодману. Еремьевъ слыхалъ былинны отъ матери и отъ стариковъ и случайно удержалъ нѣкоторыя изъ нихъ въ памяти, но ему недосугъ было заниматься этимъ дѣломъ.

163.

ДОВРЫНЯ И МАРИНКА.

Какъ во стольномъ было городѣ во Кіевѣ
 Былъ бы молодой Добрынюшка Микитиницъ.
 Былъ охвоцъ Добрыня за охвотою гулять,
 За своей охвотою молодецкою,
 Молодецкою охвотою богатырскою.
 Встаетъ онъ по утришку ранехонько
 Умывается онъ да бѣлехонько
 Снаряжается онъ хорошонько,
 Убиралъ онъ своего добра коня
 Во свое сѣделышко черваское,
 Взялъ съ собою онъ тугой лукъ розрывчатой
 Да поѣхалъ добрый молодецъ во чисто поле гу-
 лять
 За своей охвотою молодецкою,
 Молодецкою охвотою богатырскою.
 И заѣхалъ онъ въ Маринкину во улицю.
 Какъ у души у Маринки дочь Игнатьевны
 На ей на косицатомъ окошечкѣ
 Сидѣло два сизыихъ два голуба.
 А й душа Добрынюшка Микитиницъ
 Онъ натягиваетъ тугой лукъ розрывчатой
 И накладывалъ онъ стрѣлочку каленую,
 Спускаетъ во сизыихъ во голубовъ.
 Не летѣла стрѣлочка каленая,
 Не летѣла во сизыихъ во голубовъ,
 Пролетѣла стрѣлочка каленая
 Къ души ко Маринкѣ во высобѣ теремъ.
 А й душа Добрынюшка Микитиницъ
 Скоро онъ скочилъ да со добра коня,
 Скоро онъ пошелъ да по перѣходамъ,
 Поскорѣ того по новымъ синямъ,
 Буде во палаты бѣлокаменной.

Нé крестить Добрыня лица блага,
И не молится Добрыня чудну образу,
Взялъ свою онъ стрѣлочку каленую.
Душка Маринка дочь Игнатьевна
Сама говорила таково слово:
«Ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
«Что жъ ты Богу да не молишься,
«Сб́ мною Маринкою целомъ не бьешь?»
Говорилъ Добрыня сынъ Микитиницъ:
— Охъ ты сука-блядь Маринка дочь Игнатьевна!
— Ты была во городѣ жалищца,
— Была въ городѣ ты кровопивчица
— Много извела ты безповинныхъ головъ,
— Мене хошь Добрынюшку ты извести! —
— Да не твой е кусъ, да не тебѣ е съестъ,
— Хоте буде съѣшь, да ты подавишься,
— Хоте буде глонешь, заклекутъся ти будеть! —
Взялъ онъ свою стрѣлочку каленую,
Пб́шолъ со палаты бѣлокаменной.
Душка Маринка дочь Игнатьевна
Брала нб́жище княжаловое.
Подрѣзала слѣды-то Добрынины.
А й душа Добрынюшка Микитиницъ
Бздилъ онъ по далечу чисту полю
И поѣхалъ онъ ко городу ко Киеву,
Стала тутъ Добрынюшку тоска ушибать,
Онъ заѣхалъ во Маринкину во улицу,
Скоро онъ скочилъ да со добра коля,
Поскорѣе того по перѣходамъ,
Будеть во палаты бѣлокаменной.
Крестъ онъ кладеть по ученому,
Онъ поклоны ведеть по писаному
Молятся Добрыня, поклоняется
На всѣ на четыре онъ на стороны
А души Маринки онъ въ особину.
Душка Маринка дочь Игнатьевна
А грубá сидитъ да съ мѣста нé стаетъ,
Съ мѣста нé стаетъ, сама целомъ не бьетъ,
Сама говорила таково слово:
«Ну когды Добрыня-то на своей воли гулять,
«Нивчо Добрыня на моихъ рукахъ!
«Захочу, Добрынюшку я обверну.
«Обверну Добрыню я сорокою,
«Обверну Добрыню я вороною,
«Обверну Добрынюшку я свиньею,
«Обверну Добрынюшку гнѣдымъ туромъ!»
Она стала-то Добрынюшку обвертывать,
Обвернула-то Добрыню да сорокою,
Обвернула-то Добрыню да вороною,
Обвернула-то Добрынюшку да свиньею
Обвернула-то Добрынюшку гнѣдымъ туромъ,

У ней было въ поли тридевять туровъ,
Сбылся въ поли тридесатый туръ.
Рожки у тура да въ золоти,
Ножки у тура да въ сѣребри,
Шерсть на турѣ да рыта бархату.
Добрынина сестрица-та родима
Ждѣтъ она братца да родимаго,
Сама говорила таково слово:
«Никакъ это дѣло есте нé плохо!»
Обернулася сестрица-та сорокою
Полетѣла она во Маринкину во улицу,
Къ душкѣ ко Маринкѣ дочь Игнатьевной,
Сѣла на косивчато окошечко,
Сáма говорила таково слово:
— Охъ ты сука-блядь Маринка дочь Игнатьевна!
— Ты была во городѣ жалищца,
— Была въ городу ты кровопивчица,
— Много извела ты безповинныхъ головъ,
— Моего хошь братца нынче извести!
— Да не твой е кусъ, да не тебѣ е съестъ,
— Хоте буде съѣшь, да ты подавишься,
— Хоте буде глонешь, заклекутъся ти будеть!
— Захочу Маринку-ту я обверну,
— Обверну Маринку я сорокою,
— Обверну Маринку я вороною,
— Обверну Маринку-ту я свиньею
— Да спущу Маринку-ту по Киеву гулять! —
А й душа Маринка дочь Игнатьевна
Давала-то ей заповѣдь великую
Отвернуть ей братца да по старому,
Да по старому братца по прежнему.
Обвернулася Маринка-та сорокою,
Полетѣла въ далече чисто поле,
Будеть-то далече далече во чистомъ поли
У тыхъ у туринныхъ у пастыревъ,
Сѣла ко Добрынюшкѣ Микитичу,
Сѣла на плечко на правое,
Говорила она таково слово:
«А й душа Добрынюшка Микитиницъ!
«А давай-ко ты мни заповѣдь великую,
«Вб́зьми ты Маринку мене за себе.
«Отверну Добрыню я по старому,
«А по старому Добрынюшку по прежнему.»
А й душа Добрынюшка Микитиницъ
Онъ давалъ ей заповѣдь великую
Взять Маринку-ту онъ за себе.
Она стала-то Добрынюшку отвѣрывать,
Отвернула-то Добрыню да сорокою,
Отвернула-то Добрыню да вороною,
Отвернула-то Добрынюшку да свиньею,
Отвернула-то Добрынюшку по старому

Да й по старому Добрынюшку по прежнему,
Они пошли къ городу ко Киеву.
Они сто́лы столовали да й пиры пировали.
А й душа Добрынюшка Микитиничъ
Взялъ Маринку онъ да за себе.
Пошли въ теплую во ложню спать.
А й душа Добрынюшка Микитиничъ
Взялъ съ собой саблю-ту вострую
Отрубилъ Маринкину буйную голову.
А й душа Добрынюшка Микитиничъ
Онъ стаётъ по утрышку ранешенько,
Умывается онъ да бѣлешенько,
Спаряжается онъ хорошохоенько,
Онъ сбѣраетъ поповъ протопоповъ всѣхъ,
Самъ говорилъ да таково слово:
— Вечоръ былъ Добрынюшка женать не х-
лостъ,
— Нынече Добрынюшка холостъ не женать,
— Отрубилъ Маринкину буйную голову! —
Собѣралися помы протопопы всѣ,
Дѣлали огни палашинъ,
Рыли Маринкино бѣло тѣло
На эти на огни на палашинъ.
Какъ у душки у Маринки дочь Игнатьевни
Во всякоемъ суставѣ по змѣнышу,
По змѣнышу да й по гадѣнышу.

Записано за Онегѣ, 30 июня.

164.

ХОТЕНЬ БЛУДОВИЧЪ.

Во стольномъ было городѣ во Киевѣ,
У ласковаго князя у Владиміра,
Заводилъ государь свой почестный пиръ
На всѣ на князя, на бѣяра,
На сильныи могучии богатыри
И на всѣ поляницы на удалыи.
Красное солнышко на вечери,
Почестный пиръ идетъ на вѣсели.
Всѣ на пиру наѣдалися
И всѣ на пиру вапивалися,
И всѣ на пиру порасхвасталися.
Сильный хвастать своей силою,
Богатый хвастаетъ золотой казной,
Глупый хвастать молодой женой,
А разумный хвастать своей матушкой.
Ай же тутъ Чайна Чусовна
Да было Катерина Блудовая жена.

Она говорила таково слово:
«Ай же ты Чайна Чусовна!
«У тебя есть дочка на выдаванью,
«У меня есть сынъ холостъ, не женать,
«Сдѣлаемъ мы съ тобой сватовство.»
Говорила ей Чайна Чусовна:
— Ой ты Катерина Блудовая жена!
— Мы есть роду княженецкаго,
— Княженецкаго роду вѣковѣчнаго,
— А вы есть роду каличьяго,
— Да й каличьяго роду вѣковичнаго.
— Но и молодой Катѣнке Блудовской
— Ъзди по далечу чисту полю,
— Ищеть куса перехватнаго,
— Во что бы Катенку подавиться было! —
Эта Катерина Блудовая жена,
Споль-пиру она й вѣнъ пошла.
Ъдетъ во далече чистомъ полѣ,
Стрѣтаетъ ей Катѣнке Блудовской.
«Что же, родитель моя матушка!
«Съ пиру идешь кручиннато.
«Але мѣсто въ пиру было тебѣ не по любви,
«Але ѣста тебѣ во пиру была не по мысли,
«Але пьяница тебя обезчестила,
«Але голь надъ тобою надсмѣяласи?»
Говорила Катерине Блудовая жена:
— Мѣсто въ пиру было мнѣ по любви,
— И ѣста въ пиру мни была по мысли,
— Да и пьяница меня не обезчестила,
— Да й голь надо мной не надсмѣяласи, —
— А надсмѣяласи Чайна Чусовна.
— Дѣлала я съ ней сватовство,
— Она говорила таково слово:
— «Мы есть роду княженецкаго,
— «Княженецкаго роду вѣковѣчнаго,
— «А вы есть роду каличьяго,
— «Каличьяго роду вѣковѣчнаго.
— «Молодой Катѣнке Блудовской,
— «Ъзди по далечу чисту полю,
— «И ищеть куса перехватнаго,
— «Во что бы Катенку задавиться бы было.» —
Говорилъ Катѣнке ей Блудовской:
«Ай же родитель моя матушка!
«Ъшь и пей, Богу молись и поди спать ложись.
«Утро мудро, день прибыточепь!»
Эта темная почка на проходѣ прошла.
Молодой Катѣнке Блудовской
Встаётъ онъ по утру ранешенько,
Умывается онъ бѣлешенько,
Спаряжается онъ хорошехоенько.
Убиралъ онъ своего добра копя

Во свое сѣделишко черкасское.
 Поѣхалъ добрый молодецъ въ чисто поле гулять,
 За своей охвотой молодецкою,
 Молодецкою охвотой богатырскою.
 Взялъ онъ съ собой палицу булатную,
 Да заѣхалъ онъ ко Чайнѣ ко Чусовнѣ.
 Ударилъ палицей по терему,
 Теремъ палъ и загородъ поломалъ,
 И вышибло ворота середѣ двора,
 Середѣ двора княженецкаго,
 Княженецкаго двора вѣковѣчнаго.
 Ай же тутъ Чайна Чусовна
 Сама говорила таково слово:
 — Ужо Господи-свѣтъ милосердный Богъ!
 — Не было ни вѣтра, ни вихоря,
 — Теремъ палъ, загородъ поломалъ
 — И вышибло ворота середѣ двора,
 — Среди двора княженецкаго,
 — Княженецкаго двора вѣковѣчнаго. —
 Ей была дочка любимая,
 Она говорила таково слово:
 «Ай же родитель моя матушка!
 «Не было ни вѣтра, ни вихоря,
 «Ѣхалъ Катѣнке Блудовской
 «И ударилъ палицей по терему.
 «Теремъ палъ и загородъ поломалъ,
 «Вышибло ворота среди двора,
 «Среди двора княженецкаго,
 «Княженецкаго двора вѣковѣчнаго.»
 Она была жонка упрямая,
 Упрямая жонка богатая.
 Наняла бурлаковъ пятьсотъ чедовѣкъ,
 И давала бурлакамъ пятьсотъ рублей.
 — Ай же бурлаки вы вольница!
 — Сходите во далече чисто поле,
 — Тамъ увидите Катѣнка Блудовска.
 — Приведите вы на мои бѣлыя руки,
 — Я-то ему жопу голникомъ поѣбу! —
 Ай же бурлаки вольница,
 Собирались они пятьсотъ чедовѣкъ,
 И брали они пятьсотъ рублей.
 Пошли во далече чисто поле,
 Тамъ увидѣли Катѣнка Блудовска.
 Говорилъ Катѣнке имъ Блудовской:
 «Ай же бурлаки вы вольница!
 «Если смерти вы рады, такъ ступайте сюда.
 «Пожить вамъ охвота, такъ вы прочь бѣги.»
 Они увидѣли бѣду всѣ неминуемую,
 Да затыкнули жопу всѣ онучами,
 Побѣжали ко Чайнѣ ко Чусовнѣ.
 Говорили онѣ Чайнѣ Чусовнѣ:

— Мы видѣли Катѣнка Блудовска,
 — Говорилъ Катѣнке намъ Блудовской:
 — «Ай же бурлаки вы вольница!
 — «Если смерти вы рады, такъ ступайте сюда,
 — «Пожить вамъ охвота, такъ вы прочь бѣги!»
 — Мы увидѣли бѣду всю неминуемую,
 — Да затыкнули жопу всѣ онучами
 — И побѣжали ко Чайнѣ ко Чусовнѣ. —
 Говорила имъ Чайна Чусовна:
 «Ай же бурлаки вы вольница!
 «Подите во далече чисто поле.
 «Вы увидите Катѣнка Блудовска,
 «Вы скажите Катѣнку Блудовску:
 «— Сдѣламъ мы съ нимъ свѣтовство.» —

Записано тамъ же, 30 июня.

165.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Московско царство все смутилося,
 Царско сердце разгорѣлося.
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ
 Ходи по полатѣ бѣлокаменной,
 Бѣлыми руками помахиивайтъ,
 Копьемъ на ворота самъ подписывайтъ.
 «Вывель я измѣну-ту изъ Пскова,
 «И вывелъ я измѣну изъ Турскова,
 «Не могъ вывести измѣны съ каменной Москвы.
 «Всѣ въ Москвѣ люди были казненныи,
 «А нееднова людей въ Москвѣ не казнено.»
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ
 Ходи по полатѣ бѣлокаменной,
 Бѣлыми руками помахиивайтъ,
 Копьемъ на ворота самъ подписывайтъ.
 «Вывель я измѣну-ту изъ Пскова,
 «И вывелъ я измѣну изъ Турскова,
 «Не могъ вывести измѣны съ каменной Москвы.
 «Кто измѣнулъ въ каменной Москвѣ,
 «Дайте мнѣ на руки измѣнника!»
 И пронзить государь тако третій разъ.
 Московско царство все смутилося,
 Царско сердце разгорѣлося,
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ
 Ходи по полатѣ бѣлокаменной
 Бѣлыми руками помахиивайтъ,
 Копьемъ на ворота самъ подписывайтъ.
 «Вывель я измѣну-ту изъ Пскова,
 «И вывелъ я измѣну изъ Турскова,

«Не могъ вывести измѣны съ каменной Москвы.
 «Всѣ въ Москвѣ были люди казенные,
 «И не ёднаво людей въ Москвѣ не казнено.
 «Дайте-ко мнѣ на руки измѣнщика,
 «Кто измѣнулъ въ каменной Москвѣ!»
 Всѣ палачи поразбѣгались,
 Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
 Выскакивалъ въ полату бѣлокаменную.
 — Я-то вѣдь вѣдаю измѣнщика!
 — Измѣнулъ у насъ въ каменной Москвѣ
 — Младой царь Ѳеодоръ Ивановичъ! —
 Тутъ злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
 Взялъ Ѳеодора за руки,
 За тѣи за ручки за бѣлья,
 А'що за перстни за злечены,
 Повелъ на болото на житницу
 Къ этой ко казени ко смертной.
 Ево родитель матушка
 Побѣжала къ Микитѣ Романовичу.
 Не креститъ она лица бѣлаго,
 Не молится чудну образу,
 Сама говорила таково слово:
 «Ай же Микита Романовичъ,
 «Братецъ ты мой родимий!
 «Бѣшь и пѣшь и тѣшишься,
 «Надъ собой незгоды не вѣдаешь.
 «Твоего любезнаго племянца,
 «Давно его и жива нѣтъ.
 «Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
 «Увелъ на болото на житницу,
 «Ко тоей ко казени ко смертной,
 «Къ этой ко кончинѣ ко послѣдней.»
 Этотъ Микита Романовичъ
 Скоро скочилъ изъ-за дубова стола,
 Шубу надѣлъ рукавомъ на голову,
 Скочилъ въ конюшню бѣлодубовую,
 Тамъ взялъ жеребчика неѣжанаго,
 И не ѣжана жеребчика и не сѣдланаго.
 Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
 Буде на болотѣ на житницѣ.
 Держить онъ Ѳеодора за руки,
 Самъ говорить таково слово:
 — Ужъ ты младой царицѣ Ѳеодоръ Ивановичъ!
 — Скажи-ко ты мнѣ, попровѣдай-ка:
 — Нынече смерть тебѣ скорая,
 — Теперъ кончина тебѣ послѣдняя.
 — Кому оставишь золотыя ключи,
 — Кому ты оставишь золотую парчу,
 — Кому оставишь платье цвѣтное,
 — Кому оставишь всѣхъ добрыхъ коней? —
 Говорилъ ему младой царицѣ Ѳеодоръ Ивановичъ:

«Ужъ ты злой Малюта сынъ Скуратьевичъ!
 «Да былъ бы я на твоей бѣлой груди,
 «Не спрашивалъ бы твоей золотой парчи,
 «И не спрашивалъ бы твоихъ золотыхъ ключи,
 «И не спрашивалъ бы твое платье цвѣтное,
 «Отрубилъ бы тебѣ буйну голову!»
 А й же Микита Романовичъ
 Ъхалъ по далечу чисту полю,
 Рукой махалъ и голосомъ кричалъ:
 — Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ!
 — Нѣ убей любезнаго племянца,
 — Не твой е кусъ, да не тебѣ и сѣсь.
 — Хоте буде и съѣшь, да подавишься,
 — Да хоте буде и глонешь, да заклекутъся бу-
 деть. —

Будеть онъ на болотѣ на житницѣ,
 Взялъ онъ Ѳеодора за руки,
 За тѣи за ручки за бѣлья,
 А'що за перстни за злечены,
 Цѣловадъ во уста во сахарни,
 И поѣхали они къ каменной Москвѣ.
 Эта темная ночь она на проходъ прошла.
 Этотъ Микита Романовичъ
 Встаетъ онъ по утру ранешенько,
 Пошелъ къ грозному царю ко Ивану ко Василье-
 вичу

Подъ его косивчато окошечко.
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ
 Тоже встаетъ по утру ранешенько,
 Съѣлъ онъ подъ косивчато окошечко,
 Жалешенько самъ пораспалкался:
 — Потухла заря свѣтло-вечорная,
 — Не видать ни краснаго солнышка,
 — Младого царевича Ѳеодора Ивановича.
 — Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
 — Увелъ на болото на житницу,
 — Ко твоей ко казени ко смертной,
 — Къ этой кончинѣ ко послѣдней! —
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ
 Надѣвалъ платье опальное,
 Сбѣралъ онъ поповъ и протопоповъ всѣхъ.
 Пошли во церковь во Божію
 Служить молебны великіе.
 Этотъ Микита Романовичъ
 Надѣвалъ онъ платье что лучшее,
 И пошелъ во церковь во Божію.
 Взялъ онъ любезнаго племянца,
 Оставилъ на крылечкѣ бѣлодубовымъ,
 Пришелъ во церковь во Божію.
 Взглянулъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
 На этого на Микиту Романовича,

Самъ говорилъ таково слово:

— Ужь ты старый собака, сѣдаты пѣсь!

— Такиль ты надо мною надсмѣхаешься?

— Иль надъ собою незгоды не вѣдаешь?

— Твоего любезнаго племянника

— Давно его и жива нѣту!

— Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ

— Увелъ на болото на житницу,

— Ко тней ко казни ко смертноей,

— Ко этой кончинѣ ко послѣдней: —

Говорилъ Микита Романовичъ:

«Ай же ты грозный царь Ивапъ Васильевичъ!

«Не вели-ко тѣ сударь меня скорѣ казнить,

«Только вели мнѣ государь слово вымолвить!

«Что тому буде, кто жива найдетъ?»

Говорилъ грозный царь Ивапъ Васильевичъ:

— Я дамъ тому села со приселками,

— Да дамъ города съ пригородками,

— И дамъ золотой казны по надобну.

— Перво мѣсто подлія меня,

— И другое мѣсто противъ меня,

— А третье гдѣ тому и надобно. —

Этотъ Микита Романовичъ

Скочилъ на крылечко бѣлодубово,

Взялъ онъ Федора за руки,

Своего любезнаго племянника

Привелъ во церковь во Божію.

Взглянулъ грозный царь Ивапъ Васильевичъ

На своего сына любезнаго,

Самъ онъ говорилъ таково слово:

— Ай же ты Микита Романовичъ!

— Братецъ ты мой богоданный!

— Я дамъ тебѣ села со приселками,

— И дамъ города съ пригородами,

— И дамъ золотой казны по надобью.

— Первое мѣсто подлія меня,

— Другое мѣсто противъ меня,

— Третье гдѣ тебѣ и надобно! —

Говорилъ Микита Романовичъ:

«Не надобно мнѣ селъ съ приселками,

«Не надобно городовъ съ пригородками

«Да не надо и золотой казны по надобью.

«Только дай-ко Микиты таково слово:

«Кто голову убьетъ, или жону уведетъ,

«Того у Микиты и Богъ простить.»

Записано въ Горскомъ, 1 июля.

166.

КОСТРЮКЪ.

Задумалъ царь государь,

Задумалъ жениться,

Во земли во невѣрныя.

Бралъ шурина любезнаго,

Тако бралъ во приданыхъ

Молодѣ Кострюкѣ Мастрюкѣ,

Молодѣ Чемерюковица.

Этотъ ли младъ Кострюкъ,

Молодой Чемерюковицъ,

Сидитъ за дубовымъ столомъ,

Хлѣба соли онъ не кушаетъ

И бѣлой лебеди не рушаетъ.

Говорилъ ему царь государь:

«Ай же ты младъ Кострюкъ,

«Молодой Чемерюковицъ!

«Что же хлѣба соли не кушаешь,

«И бѣлой лебеди не рушаешь?»

Говорилъ ему младъ Кострюкъ,

Молодой Чемерюковицъ:

— Ай же ты царь государь!

— Дай же ты мнѣ-ко борцовъ,

— Да и дай удалыхъ молодцовъ,

— Все названныхъ мастеровъ! —

Государь припечалился,

Послалъ молодыхъ пословъ,

Послалъ по всей орды,

И кричать во всё горло,

Покликивать имъ борцовъ,

И борцовъ удалыхъ молодцовъ,

Все названныхъ мастеровъ.

Эти молоды послы

Пошли по всей орды

Кричать во всё горло

И покликиваютъ онѣ борцовъ,

Да и борцовъ удалыхъ молодцовъ,

Все названныхъ мастеровъ.

Сошлись на единый дворъ

Одинъ Сенюшка маленький,

Другой Васенька невеликъ тоже былъ,

Два братца родимыхъ.

Говорятъ таковы словеса:

«Мы пойдемъ съ Кострюкомъ поборотися.

«Да и пойдемъ съ молодымъ повидатися.»

Эти млада послы

Пошли въ полату бѣлокаменную,

Во гридню столовую,

Говорятъ таковы словеса:

«Ай же ты младъ Кострюкъ

«Молодой Чемерюковницъ!

«Тебѣ хлѣбъ соли есть на столи

«Да и Богъ-отъ есть на стѣни,

«А борцы на ширѣкомъ дворцы.»

Этотъ младъ Кострюкъ

Молодой Чемерюковницъ

Скочилъ изъ-за дубовѣ стола,

Задѣлъ ножкой за скамеечку:

Пятьдесятъ-то Татаръ онъ убилъ,

И пятьдесятъ онъ бояръ погубилъ.

Выходитъ на крылечко бѣлодубовое,

Взглянулъ на широкій дворъ,

Говорилъ таковы словеса:

— Это-то есть мнѣ нѣ борцы,

— Да й то не удалы молодцы!

— Я братца во руку возьму,

— Да й другаго во другу возьму,

— Я братьями вмѣсто хлесну,

— У нихъ кости расхлѣбаются,

— И всѣ суставы разсиплются. —

Одинъ Сенюшка маленький

Говорилъ таковы словеса:

«Ужъ ты братецъ родимый мой!

«У тебя силы есть съ двѣ-то меня,

«А смѣлости въ полъ меня.

«Мы пойдемъ съ Кострюкомъ поборотися,

«Мы пойдемъ съ молодымъ покидатися!»

Пошли съ Кострюкомъ поборотися,

Пошли съ молодымъ покидатися.

Разъ-то Кострюкъ поборолъ

Да й другой разъ Кострюкъ поборолъ,

Такъ третій разъ Кострюка,

Такъ третій разъ младаго,

Они силу его смитили,

Да и брали тутъ Кострюка

На ручки на бѣлны,

Кидали тутъ Кострюка

Выше церкви соборныя

Со кресты Леванидовы.

Паль тутъ младъ Кострюкъ,

Онъ паль о сырѣ землю.

Рубашка-га трѣснула

И на себѣ кожа лопнула,

Онъ свой сбромъ долонью закрылъ,

И побѣжалъ съ каменной Москвы,

Говорилъ таковы словеса:

— Не дай-во мнѣ Господи

— Въ каменной Москвѣ побывати,

— Да й борцовъ поотвѣдывати,

— Да й борцовъ удалыхъ молодцовъ,

— Все названыхъ мастеровъ.

— Не дѣлать, не внучатать,

— Да не роду нашему Карачанамъ *). —

Записано на Овгѣ, 30 июня.

167.

БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА.

Покрай моря, моря синяго,

Покрай моря ай верижскаго,

Покрай синяго моря верижскаго.

Тамъ стояла да хоромина некрытая,

А некрытая хоромина не мшояная.

Тамъ жила была вдова благочестивая,

Было у вдовушки девять сыновъ,

Во десятныхъ была одинокая дочь.

И эти всѣ сыновѣ въ разбой пошли,

Оставалася дочка единѣшенька.

Какъ изъ-за синяго моря верижскаго,

Наѣхали на дочку къ ней свѣтова,

Она выдала дочку за синѣ море,

За этого за гостя за торговаго.

Она тамъ годъ жила не стоскулася,

Другой жила въ умѣ не было,

На третій на годочекъ стосковалася,

Она у мужа у свѣта подавалася,

У всѣй семьѣ здоложилася.

Состроилъ ей мужъ червончатый корабъ,

Онъ носъ дѣлалъ по змѣиному,

Корму дѣлалъ по звѣриному,

Носъ грузилъ чистымъ сѣребромъ,

Середочку грузилъ краснымъ золотомъ,

Корму грузилъ скатнымъ жемчугомъ.

Онѣ сѣли съ мужемъ въ лодочку и поѣхали.

Тутъ не темная ноченька суслигла ихъ,

Не частыи дождики обсыпали,

Наѣхали воры разбойники,

Онѣ гостя торговаго зарѣзали,

Зарѣзали и въ воду бросили,

Онѣ жоночку рязаночку въ полонъ брали,

Въ полонъ брали обезчестили.

Всѣ эти разбойнички спать легли,

Меньшій разбойничекъ не спитъ, не лежитъ,

*) Что значить «Карачанамъ» пѣвецъ не умѣлъ хорошо объяснить и сказалъ только, что такъ называется какая-то земля. Онъ растолковалъ при этомъ, что Кострюкъ былъ «поляница, т. е. дѣвица.»

Не спитъ не лежитъ думу думаетъ,
 У жоночки рязаночки высирашиваетъ:
 «Скажи жоночка рязаночка съ кой орды,
 «Съ кой орды, съ кой страны?»
 — Ужъ мы жили жили по край моря,
 — Покрай синяго моря веряжскаго.
 — Тамъ стояла хоромна не крытая,
 — Не крытая хоромна не мшоная.
 — Во той было хороминѣ некрытой
 — Жила была вдова благочестивая.
 — Было у вдовушки девять сыновъ,
 — Во десятихъ была одинокая дочь.
 — У ней всё сыновѣ во разбой пошли,
 — Оставалася дочка одинёшенька.
 — Изъ-за синяго моря веряжскаго,
 — Наѣхали на дочку къ ней свѣтова.
 — Она выдала дочку за синё море,
 — За этого гостя за торговаго. —
 Тутъ разбойничий расплакался.
 «Вы ставайте-ко братцы родимьи!
 «Мы не гостя торговаго зарѣзали,
 «Зарѣзали и въ воду бросили,
 «Мы зарѣзали зятя любимаго.
 «Не жоночку рязаночку въ полонъ брали,
 «Въ полонъ брали и обезчестили,
 «Обезчестили сестрицу родимую.»

Записано тамъ же, 30 июня.

XXX.

ПРАСКОВЬЯ МАКАРОВА и ПРАСКОВЬЯ ПОЛУЕКТОВНА ПАСТУХОВА.

Прасковья Макарова и Прасковья Полуектовна Пастухова, крестьянки дер. Горка въ Чоргѣ-Губѣ, лѣтъ подѣ 30, поютъ на посидѣлкахъ былины и разные духовные стихи, которымъ выучились отъ родителей. Былины, здѣсь записанныя, пѣлись ими хоромъ вмѣстѣ съ крестьянкою дѣвушкою, сестрою Пастуховой.

168.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Три году Добрынюшка ключничалъ,
 Друго три Добрыня подворотничалъ,
 А третье три Добрынюшко пиръ держалъ.
 Нигдѣ Добрыня счастья не пришло,
 Самъ говоритъ таково слово:

«Ай же ты родитель моя матушка,
 «Честна вдова Афирья Александровна!
 «Безчастнаго Добрынюшку спородила,
 «Безчастнаго Добрыню, безталаннаго.
 «Ты бы силою, родитель, бы спородила
 «Во сильныхъ могучихъ богатырей,
 «Смѣлостью, родитель, бы спородила
 «Во смѣлаго Олѣшенку Поповича,
 «Таланомъ бы, родитель, спородила
 «Во тыхъ купцовъ во заморскихъ,
 «Ты походочкою въ родителя спородила
 «Во того родителя батюшку,
 «Красотою бы, родитель, ты спородила
 «Во Осина того прекраснаго.
 «А нѣтъ, такъ бы, родитель, спородила
 «Катучинъ валучинъ бѣлымъ камешкомъ.
 «Завернула бы этотъ камешокъ въ полотнушко,
 «Спустила бъ этотъ камешокъ въ синё морѣ,
 «Пусть бы онъ катался, валался
 «Отъ нынѣ да, сударь, вѣку.»
 Ай мать ему да отвѣтъ держитъ:
 — Ай же ты рождоно мое дѣтатко,
 — Ты ай Добрынюшко Микитиничъ!
 — Мать пришла не Богородица,
 — Рукамы я наладити тебя не могла.
 — Какого мнѣ-ка Господь Богъ далъ! —
 Это-то Добрынюшкѣ словечушко во гнѣвъ пришло,

Во гнѣвъ пришло и во преть пришло.
 Выходилъ Добрынюшка на широкъ дворъ,
 Отворялъ копушенку стоялую,
 Вынималъ лошадушку ѣзжалую,
 Своего ли бѣрушка космочь'вича.
 Засѣдлалъ сѣделышко черкасское,
 Двѣнадцать подпруговъ шелковыхихъ,
 Ай не нашего шелку заморскаго,
 Заморскаго шолку китайскаго.
 Въ воротахъ стоитъ Добрынина матушка,
 Еще стоитъ молодѣ жена,
 Сами говорятъ таково слово:
 «Ты ай ли Добрынюшко Микитиничъ!
 «И скоро ли ты домой будѣшь,
 «Ты домой будѣшь да поворотъ держишь?»
 — Жена моя Настасья Микулична! *)
 — Ты жди-тко меня три года.
 — А я три года не буду, такъ друго три,
 — А друго не буду, такъ еще жди третье три.
 — А третье три не буду, хоть вдовой живи,
 — Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди.

*) Сестренка была ея Василиса Микулична.

— А только не ходи за смѣлаго Олешеньку Поповича.

— Олешенька Поповичъ мнѣ крестовый братъ,

— Мы съ нимъ златыма крестами побратались,

— Значеныма крестами помѣнялись. —

Видѣли Добрынюшку тутъ садучи,
А не видѣли Добрынюшки поѣдучи,
Подымуль Добрынюшко кѹрево,
Ай кѹрево Добрынюшко мѣрево,
Отъ неба дѣо земли, отъ земли дѣо неба.

Прѣѣхаль онъ во далече чисто поле.

Тутъ его Добрынина матушка,

Еще Добрынина молода жена,

Шли они во высѣбѣ терѣмъ,

Жалешенько они порослѣакались.

«Закатилось наше красное солнышко,

«Ай за мхи, болота, за топучи,

«И за этия горушки высоки,

«И за тьи лѣсушки темны!»

Ай прѣѣхаль Добрынюшка Микитиничъ

Во далече чисто поле.

И сидитъ тутъ птица черна ворона,

И онъ натягиваль свой тѹгой лукъ,

Накладываль свою да каленѹ стрѣлу.

Ужъ онъ хочеть пострѣлить птиченку да черна ворона.

Спроговорить тутъ птиченка черной воронъ

Тынимъ язѣкомъ человѣческимъ:

— Ай же ты Добрынюшко Микитиничъ!

— Не убей ты меня птицы черна ворона,

— Не пролей ты крови вороньей,

— Вороньей крови напрасной!

— Не укротить тебѣ богатырскаго ретливаго сердечушка!

— Ты поди на гору на Ячкыну,

— Поглянь-ко подѣ сторону подѣ сточную.

— Тамо стоить сила невѣрная,

— Ай невѣрва сила поганая,

— Людямъ тамо да проходу нѣтъ,

— Птиченки да пролету нѣтъ,

— Звѣрю тамо да пробѣгу нѣтъ,

— Добрымъ молодцамъ проѣзду нѣтъ. —

И тотъ Чурилушка Плѣнковичъ,

И старый казакъ Илья Муромецъ,

Еще Добрынюшка Микитиничъ,

Ай Алешенька Поповичъ,

И стали они по силы поѣзживать,

И стали они татаръ потаптывать,

Не оставили силы на сѣмена.

Годъ по году прошло три года.

Тутъ приходять отъ Добрыни вѣсточки нерадостны,

Ай нерадостны вѣсти невеселыя:

Лѣжить убить Добрынюшка въ чистомъ полѣ,

Ручки ножки пораскиданы,

Буйна́ головка поразломана,

Сквозь желтыя кудерышны

Шелковая травушка прѣросла,

Ай Добрынюшкинъ конь во мху дѣо колѣнъ стоить.

Сталь тутъ Алешенька къ Настасьюшкѣ подхаживать,

Сталь онъ Настасю посватывать.

Спроговорить Настасья Никулична:

«Какъ былъ у меня законный мужъ,

«Ай законный мужъ, вѣнчальный другъ,

«Ты ко мнѣ бѣдной горюшѣ на бесѣду не подхаживаль,

«Ай меня бѣдну горюшу не посватываль.

«И спомню я мужнюю заповѣдь,

«И проживу да ужъ я друго три.»

Ай скоро старина-та скажется,

Не скоро времечко сбывается.

Ай годъ по году прошло три году.

Тутъ Добрынюшка Микитиничъ

Онъ говоритъ вѣдь онъ таково слово:

Да нынечку да теперечку

Тутъ они какъ въ полѣ воевали

И тутъ они сказали:

— И со небесной мы бы силой супротивились,

— А не то что съ силой проклятой! —

Тутъ на нихъ Господь прогнѣвался,

Спустилъ на нихъ столѣпъ огненный.

Они какъ столѣпъ перерублять, такъ двѣ стапеты,

Два станѣтъ все поединщика.

Еще перерубать, а тутъ три станѣтъ,

Три станѣтъ все опять поединщики.

Тутъ они Богу смоглися:

— Намъ бы тое же слово да не такъ сказать! —

Годъ по году прошло опять три года.

Приходять отъ Добрынюшки тутъ вѣсточки нерадостны,

Нерадостны вѣсти невеселыя:

Лѣжить убить Добрынюшка въ чистомъ полѣ,

Ручки, ножки пороскиданы,

Буйна́ головка поразломана,

Сквозь желтыя кудерышны

Шелковая травушка прѣросла,

А Добрынюшкинъ конь во мху дѣо колѣнъ стоить.

Сталь тутъ Алешенька къ Настасьюшкѣ подхаживать,

Сталь онъ Настасю посватывать.

Спроговорить Настасья Никулична:

«Какъ былъ у меня законный мужъ,

«Ай законный мужъ, вѣнчальный другъ,
«Ты ко мнѣ бѣдной горюшѣ на бесѣду не под-
хаживалъ,
«Ай меня бѣдну горюшу не посватывалъ.
«И спомню я мужнюю заповѣдь,
«Проживу да ужъ я третье три.»
И побѣжалъ Алешенька Поповичъ
Побѣжалъ отъ ней прочь.
И тотъ старый казакъ Илья Муромецъ.
Годъ по году прошло еще три года.
Все отъ Добрынюшки вѣсти приходять нера-

достны.
Опять Олешка Поповичъ сватаеть.
Она говоритъ таково слово:
«Какъ былъ у меня законный мужъ
«Ай законный мужъ вѣнчальный другъ,
«Ты ко мнѣ бѣдной горюшѣ на бесѣду не под-
хаживалъ.
«Ай меня бѣдну горюшу не посватывалъ,
«И спомню я мужнюю заповѣдь.»
Опять приходять тѣ же вѣсти,
Приходять отъ Добрынюшки тутъ вѣсточки пе-

радостны,
Нерадостны вѣсти невеселыя:
Лежить убитъ Добрынюшка въ чистомъ полѣ,
Ручки ножки пороскиданы,
Буйнѣ головка поразломана,
Сквозь желтыя бугорышки
Шелковая травушка прѣросла,
А Добрыня конь во мху до колѣнъ стоитъ.
Вотъ по году прошло и двѣнадцать лѣтъ.
Тутъ сталъ Олешенька подхаживать,
Поумилась Настасьюшка замужъ пойти.
Веселымъ пиркомъ, да за свадебку.
Было у Добрынюшки Микитинича,
Было два голубка кормленыхъ,
Кормленыхъ два голубка поѣвшихъ,
Спустила ихъ родитель его матушка,
И жалешенько она расплакалась:
Увидалъ Добрынюшко Микитиничъ
Своихъ голубковъ кормленыхъ,
Садился на добра кова, поѣхалъ домой,
И поѣхалъ ко родителю матушкѣ,
Прѣѣхалъ къ родителю матушкѣ,
Самъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты честна вдова Офимья Олександр-

ровна!
— При смерти Добрынюшко наказывалъ:
— Висать во клѣточкѣ на гвоздику,
— Висать сафьяны сапоженеи,
— То, сударыня, подай сюда. —

Спроговорить честна вдова Офимья Олександр-

ровна:
«Ай же ты удалой скоморошище!
«Какъ была бы у меня силушка могутушка,
«И бы тебя ножикомъ зарѣзала!»
Ай же спроговорить Добрынюшка Микитиничъ:
— Еще при смерти Добрынюшка наказывалъ:
— «Висать во клѣточкѣ на гвоздику,
— «Висать кунья шубонька,»
— Тѣ, сударыня, подай сюда.
— Еще при смерти Добрынюшка наказывалъ:
— «Висать въ клѣточкѣ на гвоздику,
— «Висать шапочка соболья,»
— И то, сударыня, подай сюда.
— Еще при смерти Добрынюшка наказывалъ:
— «Во клѣточкѣ на гвоздику,
— «Висать яровчаты гусельшки,»
— То, сударыня, подай сюда! —

И сокрутился Добрынюшка Микитиничъ,
Пошелъ на почестный пиръ на свадебку.
Приходитъ на почестный пиръ на свадебку,
Крестъ кладець по писанному,
Поклонъ ведеть по ученому,
На три на четыре стороны,
Князю молодому со княгиню въ особину.
Вси есть мѣстечка призаваты,
Одно то мѣстечко на кирпичной печкѣ.
А садился тутъ Добрынюшка да на кирпичной
печь,

Сталъ ѣтъ во гусельшки выигрывать.
Догадалась Настасья Микитинича,
Сама говоритъ таково слово:
«Удалому скоморошищу
«Поднесемъ чару зелена вина!»
И наливала чару зелена вина,
Вѣсомъ чара полтора пуда,
А мѣрой чара полтора ведра.
Возымалъ Добрыня единой рукой,
Вышивалъ Добрыня во единый здухъ.
Тутъ спустилъ свой значеный перстень,
Спустилъ во чару зелена вина,
И поднесъ Настасья Микитинича,
Самъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты Настасья Микитинича!
— Ужъ ты выпьешь до дна, ты увидишь добра,
— А не выпьешь до дна, не увидишь добра! —
И выпила Настасья Микитинича,
Увидала вѣдь свой перстень обрученной,
Сама говоритъ таково слово:
«Не тотъ мой мужъ, который за столомъ си-

дять,

«А тотъ мой мужъ, который на кирпичной пещь.»
 Она и вышла зъ-за дубовá стола.
 «Прости меня Добрыня Микитиничъ!
 «У бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ,
 «Куды вѣтеръ повѣеть, туда умъ понесеть,
 «Ай мужъ по дрова, да жена за мужъ пошла!»
 Скочилъ Добрынюшка Микитиничъ,
 Схватилъ Олешеньку Поповича,
 Схватилъ за желты кудри,
 Бросилъ о дубовъ полъ.
 Только Олешенька женатъ бывалъ.
 Спрогóворитъ Олешенька Поповичъ:
 — И всякій-то на свѣгъ женится,
 — Не всякому женидба удаается.
 — Только удалась женидба
 — Ставру Годиновичу, да Добрынюшеѣ Мики-
 тичу. —

Записано тамъ же, 1 июля.

169.

СТАВЕРЬ.

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ
 У ласкова князя у Владиміра
 Да былъ присобранъ почестный пиръ
 На вси на князи на вси бóяра,
 На вси гостюшки столовыи,
 На вси людюшки торговыи,
 На вси поляницы на удалыи.
 И вси на пиру-то наѣдались,
 И вси на пиру-то напивались,
 И вси на пиру-то порасхвастались.
 Богатый хвастаетъ золотой казной.
 Умный хвастать отцемъ-матерью,
 А безумный хвастать молодой женой
 Сильныи Ставеръ сынъ Годиновичъ
 Онъ не ѣсть не пьетъ не кушаетъ,
 Ничѣмъ онъ не хвастаетъ.
 Испроговоритъ князь стольнѣ-кіевской:
 — Что же ты, Ставеръ сынъ Годиновичъ,
 — Что же ты не ѣшь не пьешь не кушаешь,
 — И ничимъ же Ставеръ ты не хвастаешь? —
 И тутъ добрый молодецъ расхвастался:
 «Да есть у меня у добра молодца,
 «Золотой казны да у меня и счету нѣтъ,
 «Цвѣтныхъ платилицевъ и смѣту нѣтъ,
 «Тридевятъ кобылицъ есть пеѣзжанныхъ,
 «Тридевятъ жеребчиковъ некладенныхъ

«Жена у меня Василиста Микулична
 «Она Кіевъ градъ кúпнть-продасть,
 «Самого царя съ ума выведеть!»
 — Ай же слуги мои вѣрныи!
 — Вóзьте Ставра, подхватите Ставра
 — Посадите Ставра во глубокой погрѣбъ
 — За него слова неумильни,
 — За него рѣчи неучливныи! —
 Взяли Ставра, подхватили Ставра
 Да за него за ручки за бѣлыи
 За него перстни за злаченыи,
 Посадили Ставра во глубоокъ погрѣбъ.
 При Ставрѣ при Годиновѣ
 Былъ молодой Ванюша воръ повáренокъ,
 Онъ скорешенько садился на добра коня,
 Поѣзжалъ во городъ во Чернигово.
 Пріѣзжаетъ тутъ во городъ во Чернигово
 Приходилъ ко Василистиной ко матушки:
 «Ай же Василистина матушка!
 «Да гдѣ же Василиста Микулична?»
 — Василисты Микуличны-то дома нѣтъ,
 — Ушла на почестный пиръ на свадьбу. —
 Онъ приходитъ слѣдъ туда да на почестный пиръ.
 Кресть кладеть по писаному,
 Онъ поклонъ ведетъ по ученому
 На три на четыре на сторонюшки,
 Князю со княгинею въ особину.
 «Ай же Василиста Микулична!
 «Ты ѣшь, ты пьешь, да прохлаждаешься,
 «Надъ собою ты незгодушки не вѣдаешь,
 «Какъ старши Ставеръ да сынъ Годиновичъ
 «Онъ посаженъ во глубоокъ погрѣбъ
 «За него слова неумильни
 «За него рѣчи неучливныи!»
 Скочила она зъ-за дубовá стола,
 Пала она да о бѣлый полъ,
 Думала думу ровно три часу:
 «Силой Ставра мнѣ-ка изъ Кіева не взять,
 «Деньгами Ставра мнѣ-ка не вѣкупити,
 «Взять не взять Ставра своима догадама жешъ»
 сенима.»

Она волосы брила по турецкому,
 Кудерышки вила по молодецкому,
 Штаники одѣла чернобáрхатный,
 А сапожки на ножки зеленъ сафьялнъ.
 Шиломъ пятики, носы остры,
 Около носочка яичко катить,
 А и подъ пяту воробѣй пролетить.
 Стала Василиста удалымъ молодцомъ
 Да садилась на добра коня, поѣхала.
 Пріѣзжала она да во Кіевъ градъ

Какъ поставила коня середь широка двора,
 Несвязанаго, непривязанаго
 Еще никому неприказанаго.
 Стоитъ добрый конь, не ворóхнется.
 Проходила тутъ во гридню во столовую.
 Кладывала листь посольвѣй на дубовъ столъ
 Сама говоритъ таково слово:
 «Ай же ты князь стольнѣ-кѣвской,
 «Ты хоть въ листь гляди, хоть за листомъ слушай!
 «А я пришолъ къ тебѣ свататься
 «На твоѣй любезной дочери
 «А на младоей Машутѣ Владиміровнѣй.»
 Видитъ князь, что удалъ молодець,
 Князь бы далъ, да посѣлъ бы взялъ,
 Нѣ иде младяя Машутка Владиміровна,
 Сама говоритъ да таково слово:
 — Свѣтъ государь ты мой батюшко,
 — Солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской,
 — Не отдай-ко дѣвчину за женщину!
 — Это, сударь, есте женщина,
 — Да примѣты ейны женскіи:
 — Ричь-поговоры ў нея съ прѣвизгомъ
 — А походочка ў нея частенька,
 — Она на лавкѣ сидитъ — стѣгна жметъ
 — Стѣгна жметъ, животá бережетъ.
 — Два на двое буде намъ съ тоскѣ помереть.—
 Говорилъ Владиміръ стольне-кѣвской:
 «Можно посла поотвѣдати.»
 Дали борцовъ удалыхъ молодцовъ,
 Которыхъ лучше во Кіевѣ нѣтъ.
 Она взяла борца по правую руку,
 Другаго взяла по лѣвую руку,
 Она стала тутъ борцами потаскивать,
 Да тѣмъ борцамъ только можется.
 Видитъ князь, что удалъ молодець,
 Князь бы далъ, да посѣлъ бы взялъ,
 Нѣ иде младяя Машутка Владиміровна,
 Сама говоритъ да таково слово:
 — Свѣтъ государь ты мой батюшко,
 — Солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской,
 — Не отдай-ко дѣвчину за женщину!
 — Это, сударь, есте женщина,
 — Да примѣты ейны женскіи:
 — Ричь-поговоры ў нея съ прѣвизгомъ
 — А походочка ў нея частенька,
 — Она на лавкѣ сидитъ — стѣгна жметъ
 — Стѣгна жметъ, животá бережетъ.
 — Два на двое буде намъ со тоскѣ помереть.—
 Говорилъ Владиміръ стольне-кѣвской:
 «Можно посла поотвѣдати.»
 Дали стрѣльцовъ, удалыхъ молодцовъ,

Которыхъ лучше во Кіевѣ нѣтъ.
 Одинъ стрѣлил не дострѣлил,
 Другой стрѣлил перестрѣлил.
 А Василиста Микулична стрѣлила
 Да во цѣлочку попала.
 Видитъ князь, что удалъ молодець,
 Князь бы далъ, да посѣлъ бы взялъ,
 Нѣ иде младяя Машутка Владиміровна,
 Сама говоритъ да таково слово:
 — Свѣтъ государь ты мой батюшко,
 — Солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской,
 — Не отдай-ко дѣвчину за женщину!
 — Это, сударь, есте женщина,
 — Да примѣты ейны женскіи:
 — Ричь-поговоры ў нея съ прѣвизгомъ
 — А походочка ў нея частенька,
 — Она на лавкѣ сидитъ — стѣгна жметъ
 — Стѣгна жметъ, животá бережетъ.
 — Два на двое буде намъ со тоскѣ помереть.—
 Говорилъ Владиміръ стольне-кѣвской:
 «Можно посла поотвѣдати.
 «Мы постелемъ мягку пухову постель,
 «Кладемъ круто складно зголовницо,
 «Буде стане подъ плечма ямина — мужичина бу-
 деть,
 «Буде стане подъ жоной — женщина.»
 И они стлали мягку пухову постель
 Положили круто складно зголовницо.
 Куда бы поваляться буйной головою
 Она тутъ жоной повалилася.
 По утру пришла Машутка Владиміровна,
 Сама говоритъ да таково слово:
 — Свѣтъ государь ты мой батюшка
 — Солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 — Тутъ гдѣ бы спать головою, тутъ жоной спаню.
 — Не отдавай мене дѣвчины за женщину.—
 «Мы еще посла да поотвѣдаемъ:
 «Вытопимъ теплу парну баенку.»
 Пришелъ тутъ посѣлъ тотъ ляховицкіи
 Племничекъ да королевскіи,
 Онъ не мылся, онъ да не парился,
 Помочилъ свою буйну головушку.
 Князь-то идетъ да во баенку,
 А посѣлъ-то идетъ да пзъ баенки.
 Испроговорить тутъ князь стольнѣ-кѣвской;
 «Ай же ты посѣлъ да ляховицкіи,
 «Племничекъ да королевскіи!
 «Что же ты скоро умылся, испарился?»
 Испроговорить посѣлъ ляховицкіи:
 — Ваши повороты княженецкіи,
 — Наши повороты молодецкіи

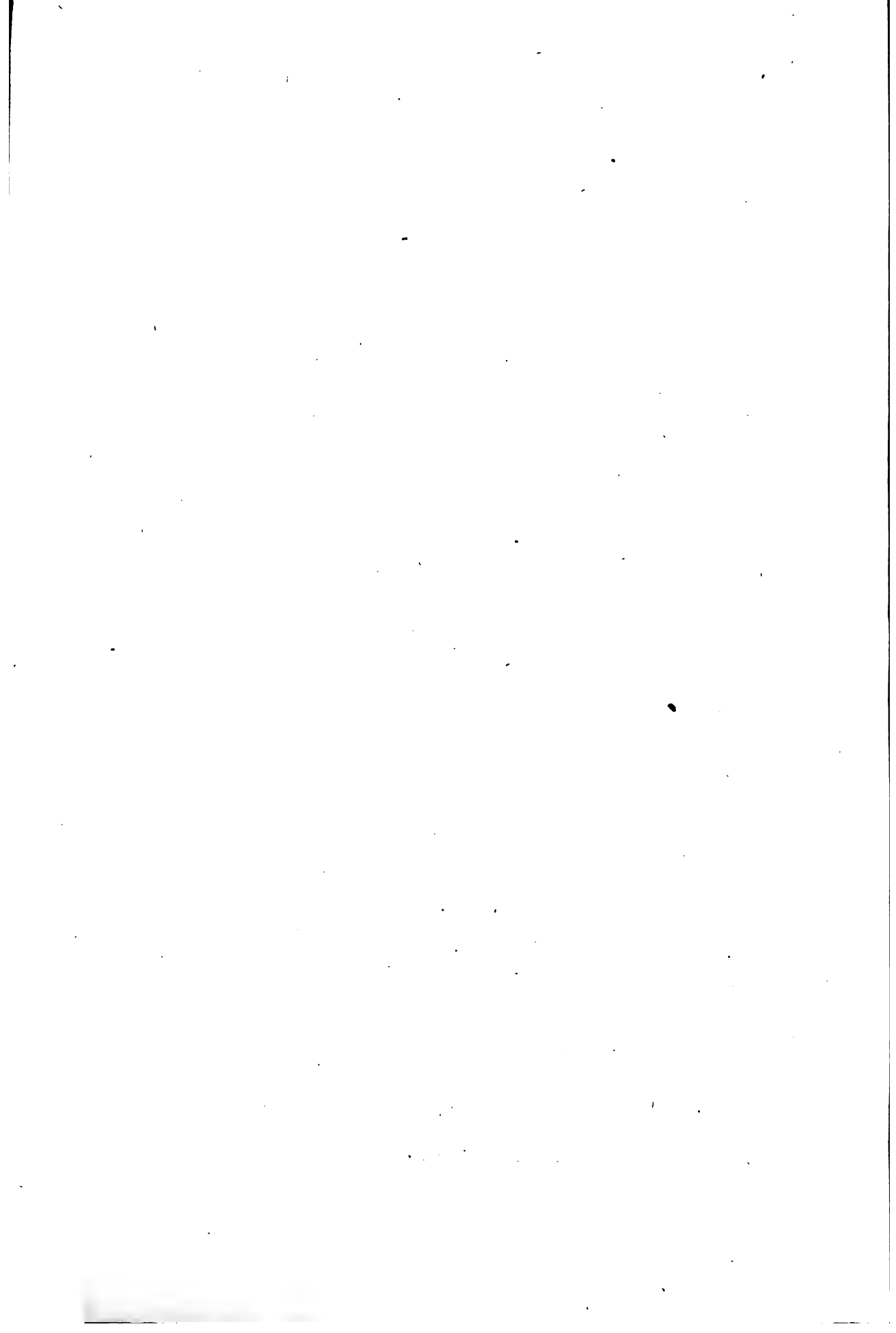
— За то жалуешь любезной своей дочерью,
 — Младоей Машуткой Владимировной. —
 Видит князь, что удалъ молодець,
 Тутъ веселымъ пиркомъ да за свадебку.
 Испроговорить тутъ посёлъ ляховицкіи
 Племничекъ королевскіи:
 — Дайте игроковъ, удалыхъ молодцевъ,
 — Игры бы играли во Кіевѣ,
 — Топьци выводили въ Еросѡлимъ градъ. —
 Тутъ-то князь пораздумался:
 «Только было игроковъ, удалыхъ молодцевъ
 «Одинъ старый Ставѣрь сынъ Годиновичъ,
 «Такъ посаженъ во глубоць погребъ.
 «Взять Ставра, такъ невидать Ставра
 «А не взять Ставра, такъ огрубить посла.»—
 «Ай же слуги мои вѣрнии!
 «Ужь вы возьте Ставра, подхватите Ставра
 «За его за ручки за бѣлыи,
 «За его перстни за злаченни,
 «Приведите Ставра на почестный пиръ.»
 Тутъ взяли Ставра, подхватили Ставра,
 Приводили Ставра на почестной пиръ.
 Сталъ онъ играть да выигрывать,

Игры играетъ во Кіевѣ,
 Топьци выводитъ въ Еросѡлимъ градъ.
 Тутъ-то вси на пиру поразслуhalись.
 Испроговорить Василиста Микулична:
 — Помнишь ли Ставѣрь, памятуешь ли Ставѣрь?
 — Когда я была кобылицей, ты жѣребцемъ,
 — У меня было колечечко золоченое,
 — У тебя была спаячка (такъ) серебряна? —
 . . . . . *)
 Она одѣлась въ платья женскіи,
 Пришла къ князю ко Владиміру
 Она говоритъ да таково слово:
 — Занапрасно Ставра посадили во глубоць по-
 гребъ.
 — Онъ похвасталъ, такъ былѣцею. —
 Испроговорить ему князь стольнѣ-кіевской:
 «По любви бери золотой казны,
 «По любви бери добрыхъ коней.»
 Тутъ они домой поѣхали.
 Записано тамъ же, 4 іюля.

*) Тутъ пѣвцы застыдились и пропустили цѣлое мѣсто

IV.

ВЫГОЗЕРО.

ВЫГОЗЕРО.

XXXI.

НИКИТИНЪ.

Федоръ Никитинъ, крестьянинъ родомъ съ Выгозера, лѣтъ около 45, высокій, статный, весьма пріятной наружности. Въ молодости занимался портняжнымъ мастерствомъ и въ то время выучился пѣть множество былинъ, преимущественно на поморьѣ, въ Кемскомъ уѣздѣ, гдѣ часто бывалъ для работы; но онъ не могъ припомнить отъ кого именно онъ былины заимствовалъ. Въ послѣднее время онъ многое позабылъ, особенно съ тѣхъ поръ какъ поступилъ на службу лѣснымъ стражникомъ, потому что служба эта не даетъ ему досуга распѣвать былины. Живетъ онъ теперь на Карельскомъ острову, верстъ 50 отъ Выгозерскаго погоста, но сохранилъ въ родномъ селѣ участокъ земли и крестьянское хозяйство. Никитинъ поетъ очень пріятнымъ голосомъ и весьма складно. Нѣкоторыя изъ его былинъ были записаны для г. Рыбникова писаремъ мѣстнаго исправника.

170.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Какъ подъ славныя поды Кіевъ градъ,
И во славному князю во Владиміру,
И приходитъ посѣль да скоровѣстныя.
Приходилъ посѣль да изъ чиста полл,

А изъ чиста поля отъ Калина царя,
И отъ Калина царя да Калиновича.
А онъ идѣтъ посѣль да не съ уладкою,
А онъ не бьетъ челомъ, не низко кланяется,
Ай прямо грядѣтъ въ гридни свѣтлыя,
И во тѣс ли полаты княженецкія.
А онъ бросилъ ярлыкъ на кленовый столъ,
А вѣдь сей ярлыкъ-то былъ написанный,
И чтоль на свинцу да чубаравскомъ.
И сей ярлыкъ вѣсу былъ сорока пудовъ.
Ужь какъ бросилъ сей ярлыкъ да на кленовый
столъ,
Ай чтоль кленовый столъ да подломншася,
И тутъ Владиміръ князь да испугается,
И онъ бросилъ взоръ да на посла на скоровѣст-
наго,
Испроговоритъ онъ да таково слово,
И чтоль тому послу да скоровѣстному:
«А ты откуда пришолъ да добрый молодець,
«И отъ кого принесъ ты сей посланный ерлыкъ?»
И чтоль отвѣтъ держитъ да добрый молодець,
И чтоль скорый посѣль Василій Ивановичъ:
— Я пзъ пной земли, изъ золотой орды,
— Отъ Калина царя да Калиновича,
— Ай же ты Владиміръ князь да стольпе-кіев-
скій!
— И ты давай-ко-си изъ Кіеви да поединщика,
— Поединщика да супротивника.
— И супротивъ Калина царя да Калиновича
— Ежели не дашь ты намъ да поединщика,
— Поединщика и супротивника,
— То мы твой славныя Кіевъ градъ въ полонъ
возьмемъ,

— И въ полощъ возьмемъ и весь огнемъ сож-
гемъ. —

И тутъ весьма Владиміръ князь да закручинило,
Закручинило князь да запечалило,

Испроговоритъ Владиміръ таково слово:

«По грѣхамъ то вѣрно случинося,
«И богатырей во градѣ не случинося.»

И какъ на тую славу на великую,
Какъ прослышала во царевомъ кабаки голъ ка-
бацка,

А по имени ли тотъ Васильюшка упьянсливы.

Какъ приходилъ Василей въ гридни свѣтляя,

И въ тѣе ли полаты княженецкія,

И онъ какъ крестъ то кладеть да по писаному,

И поклонъ тотъ ведеть да по ученому,

И на всѣ стороны Василей поклоняется,

И бьетъ целомъ да о сыру землю,

И ласковому князю Владиміру.

Испроговоритъ Василей таковы слова:

— А гой же ты Владиміръ князь да стольнѣ-кѣв-
скій,

— И стольнѣ-кѣвскій славно-Владимірскій!

— И ты почто же такъ сильнѣ кручиннишся,

— Но зачѣмъ же тебѣ да такъ печалиться?

— Развѣ нѣтъ у насъ да на святой Руси,

— Развѣ нѣтъ у насъ во стольноѣмъ во градѣ
въ Кіевѣ,

— Развѣ нѣтъ такова да супротивника,

— Ай сопротивъ Калина царя да Калиновича?

— Ай какъ есть у насъ да во чистомъ полѣ,

— И во чистомъ полѣ да во бѣломъ шатрѣ,

— Ай есть вѣдь тамъ да удалой добрый моло-
децъ.

— Еще старья казакъ да Илья Муромецъ.

— И про него же славу про великую,

— И про него же силу богатырскую,

— И во стихахъ поють, и въ старинахъ ска-
жутъ,

— И на бою ему то смерть не писана.

— А знаю я объ томъ и вѣрно вѣдаю

— И что онъ можетъ сразиться супротивъ Ка-
лина,

— И что онъ можетъ сразиться супротивъ царя
да Калина. —

Испроговоритъ Владиміръ князь да таково слово:

«Ай ты скорѣй достань да добра молодца,

«И славнаго казѣку Илью Муромца.»

Приѣзжаетъ Василей во чисто полѣ,

Во чисто поле да ко бѣлу шатру.

И во бѣломъ шатри - то ситъ да добрый моло-
децъ,

А онъ-то спитъ да добрый молодець глубокимъ
сномъ,

А его добрый конь зоблетъ пшену да бѣлоярову

И щиплетъ добрый конь травеньку шелкову,

И пьетъ-то добрый конь водочку ключовую.

И дожидать Васильюшко упьянсливый,

И когда прохватится да добрый молодець,

Старья казакъ да Илья Муромецъ,

Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.

И онъ воспрянулъ отъ крѣпка сна да безпробуд-
наго,

И предъ собой увидѣлъ стоитъ да добрый моло-
децъ,

И тотъ ли то Васильюшко упьянсливый,

И бьетъ челомъ Василей низко кланяйтся,

И какъ удалому да добру молодцу,

Старому казаку да Ильѣ Муромцу.

Испроговоритъ Василей таково слово;

— А гой же ты старья казакъ да Илья Муро-
мецъ!

— И сослужи-тко-сь Владиміру да службу вѣр-
ную,

— И отгони отъ Кіева цюдовища великого.

— Приѣзжаетъ Калинъ царь Калиновичъ,

— И со той ли силой со невѣрною,

— И со тымъ ли войскѣмъ со татарскимъ. —

Цють ли выслушалъ да таковы слова

Старья казакъ да Илья Муромецъ,

И скоро онъ беретъ своего добра коня.

И какъ садился онъ да на добра коня,

И поѣзжалъ же тутъ онъ во чисто полѣ,

И чтоль подъ славныя да чтоль подъ Кіевъ градъ.

Только видѣли вѣдь добра молодца какъ сѣдучи.

Но не видѣли удалаго поѣдучи.

Во чистомъ поли да курева стоитъ,

Курева стоитъ, да пылъ столбомъ валить.

Куда падаютъ копыта лошадинья,

И становятся тутъ колодци ключевой воды.

И какъ доѣхалъ старья казакъ да Илья Муро-
мецъ

И до того ли до города Кіева,

У какъ увидѣлъ онъ тутъ стоитъ въ чистомъ
поли,

И какъ увидѣлъ онъ тутъ рать-сила великая,

И во чистомъ поли вѣдь стѣитъ бѣлъ шатеръ,

Въ которомъ шатрѣ былъ да Калина царь Кали-
новичъ.

И направляютъ коня да ко бѣлу шатру,

Ко бѣлу шатру да къ Калину царю,

Къ Калину царю да Калиновичу,

И какъ увидѣлъ тутъ Калина царь,

И Калина царь да что-ль Калиновичь.
 А какъ садился Калина на добра коня,
 И на того ли на жеребчика на ворона,
 И беретъ Калина саблю вострую,
 И во вторыхъ беретъ копье да долгомѣрное,
 И выѣзжать Калина во чисто поле
 И супротивъ русскаго богатѣря.
 И какъ не два ли ясныхъ сокола слетаются,
 И не двѣ ли сильнѣи горѣ вмѣсто скатаются,
 И какъ два сильнѣихъ могучѣихъ богатыря сра-
 жаются.

И они съѣхались добры молодцы побратались,
 А й у Калина царя конь на колѣна пагъ,
 А й самъ ли Калина царь подъ конемъ лежить,
 И разбить онъ до конскаго до сѣдлица.
 А старья казакъ да Илья Муромецъ,
 А й на кони сидитъ подобно какъ столѣтнѣи дубъ.
 И на конѣ сидитъ да не шатается,
 А его сердечико да розгоряется.

Пачаль рубить тутъ силу всю татарскую,
 И пролил онъ всю кровь татарскую,
 Очистилъ онъ вѣдь славный Киевъ градъ,
 Избавилъ отъ напасти онъ князя Владимѣра.
 И прѣзжаетъ Илья Муромецъ во Киевъ градъ.
 И какъ встрѣчаютъ добра молодца да по ученому,
 И бьютъ челомъ да добру молодцу со всемъ усер-
 діемъ,

И Владимѣръ князь да ему въ особину.
 «И какъ спасибо тебѣ да добрый молодецъ
 «И за то, что избавилъ отъ той напасти отъ ве-
 ликія,

«И что-ль отъ той бѣды да отъ напрасныя,
 «За то-ль я тебя добрый молодецъ вѣдь жалую:
 «Ты бери-ко-сь отъ меня да злата серебра,
 «И ты бери отъ меча каменя драгоцѣннаго;
 «Или городъ на-бъ тебѣ да съ пригородками,
 «Или тебѣ села надо да съ приселками,
 «Или тебѣ деревни надо со крестьянами?»
 А й отвѣтъ держитъ да добрый молодецъ
 И солнышку князю Владимѣру:
 — Ничего вѣдь мнѣ не надобно.
 — Только дай-ко мнѣ похвальнѣи листъ,
 — И напиши Владимѣръ ты своей рукой. —

Записано въ Тайгевицѣ, 17 июля.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

(См. Рыбникова, т. IV, 3).

Изъ того ли изъ города изъ Мурома,
 Изъ того ли села да Карачаева,
 Бѣла тутъ поѣзда богатырская.
 Выѣзжаетъ оттуль да добрый молодецъ,
 Старши казакъ да Илья Муромецъ,
 На своемъ ли выѣзжаетъ на добромъ кони,
 И во томъ ли выѣзжаетъ во кованомъ сѣдлѣ.
 И онъ ходилъ гулялъ да добрый молодецъ,
 Ото мѣлкости гулялъ да онъ до старости.
 Ёдетъ добрый молодецъ да во чистомъ поли,
 И увидѣлъ добрый молодецъ да латырь камешокъ,
 И отъ камешка лежить три розстани,
 И на камешки было подписано:
 Въ первую дороженку ѣхати — убиту быть,
 Во другую дороженку ѣхати — женату быть,
 Третью дороженку ѣхати — богату быть.
 Стоитъ старенькой да издивляется:
 Головой качать самъ выговаривать:

«Сколько лѣтъ я во чистомъ поли ходилъ гулялъ
 да ѣзживалъ,
 «А ещѣ таковаго чуда не нахаживалъ.
 «Но на что поѣду въ ту дороженку да гдѣ бо-
 гату быть?»

«Нѣту у меня да молодой жены,
 «И молодой жены да любимой семьи,
 «Некому держать топить да золотой казны,
 «Некому держать да платя цвѣтнаго.
 «Но на что мнѣ въ ту дорожку ѣхати гдѣ же-
 нату быть?»

«Вѣдь прошла моя теперъ вся молодость.
 «Какъ молодинка вѣдь взять да то чужа корысть,
 «А какъ старая-та взять дакъ на печи лежать,
 «На печи лежать да киселемъ кормить.
 «Развѣ поѣду я вѣдь добрый молодецъ,
 «А й во тую дороженку гдѣ убиту быть?
 «А й пожилъ я вѣдь добрый молодецъ на семь
 свѣти,
 «И походилъ погулялъ вѣдь добрый молодецъ во
 чистомъ поли.»

Но поѣхалъ добрый молодецъ въ ту дорожку гдѣ
 убиту быть.

Только видѣли добра молодца вѣдь сядучи,
 Какъ не видѣли добра молодца поѣдучи.
 Во чистомъ поли да курева стоитъ,
 Курева стоитъ да пылъ столбомъ летитъ.

Съ горы на гору добрый молодецъ поскакивалъ,
 Съ холмы на холму добрый молодецъ попрыгивалъ,
 Онъ вѣдь рѣки-ты озѣра межу ногъ спускалъ,
 Онъ сини моря-ты на околь скакалъ.
 Лишь проѣхалъ добрый молодецъ Корелу проклятую,
 Не доѣхалъ добрый молодецъ до Инди до бегатны,
 И наѣхалъ добрый молодецъ на грязи на смоленскіи,
 Гдѣ стоятъ вѣдь сорокъ тысячей разбойниковъ
 И тѣ ли ночни тати подорожники.
 И увидѣли разбойники да добра молодца,
 Старога казѣку Илью Муромца.
 Закричалъ разбойническій атаманъ большой:
 — А гой же вы мои братці-товарищи,
 — И разудаленькии вы да добры молодци!
 — Принимайтесь-ко за добра молодца,
 — Отбирайте отъ него да платье цвѣтное,
 — Отбирайте отъ него да что-ли добра коня. —
 Видятъ тутъ вѣдь старыи казакъ да Илья Муромецъ,
 Видитъ онъ тутъ что да бѣда пришла,
 Да бѣда пришла да неминуема.
 Испроговорить тутъ добрый молодецъ да таково слово:
 «А гой же вы сорокъ тысячъ разбойниковъ
 «И тѣхъ ли татѣй почныхъ да подорожниковъ!
 «Вѣдь какъ бить трепать вамъ будетъ стара некого,
 «Но вѣдь взять-то будетъ вамъ со старога да нечего.
 «Нѣтъ у старога да золотой казны,
 «Нѣтъ у старога да платья цвѣтнаго,
 «А и нѣтъ у старога да камня драгоцѣннаго.
 «Столько есть у старога одинъ вѣдь добрый конь,
 «Добрый конь у старога да богатырскіи.
 «И на добромъ конѣ вѣдь есть у старога сѣдлышко,
 «Есть сѣдлышко да богатырское.
 «То не для красы, братцы, и не для басы,
 «Ради крѣпости да богатырскіи,
 «И что можно было сидѣть да добру молодцу,
 «Биться ратиться добру молодцу да во чистомъ поли.
 «Но еще есть у старога на кони уздечика тесмяная,
 «И во той-ли во уздечкии да во тесмяни
 «Какъ зашто есть по камешу по яфонту.
 «То не для красы, братцы, не для басы,

«Ради крѣпости да богатырскіи.
 «И гдѣ ходитъ вѣдь гулять мой добрый конь,
 «И среди вѣдь ходитъ ночи темныи,
 «И видѣо егѣ да за пятнадцать верстъ да равномѣрныихъ.
 «Но еще у старога на головушкѣ да шеломчатъ колпакъ,
 «Шеломчатъ колпакъ да сорока пудовъ.
 «То не для красы, братцы, не для басы,
 «Ради крѣпости да богатырскіи.»
 Скричалъ слычалъ да громкимъ голосомъ
 Разбойническій да атаманъ большой:
 — Ну чтожь вы долго дали старому да выговаривать!
 — Принимайтесь-ко вы ребята за дѣло ратное. —
 А и тутъ вѣдь старому да за бѣду стало,
 И за великую досаду показалоси.
 Снималъ тутъ старыи со буйной главы да шеломчатъ колпакъ,
 И онъ началъ старенькій тутъ шеломомъ помахивать.
 Какъ въ стѣрону махнетъ — такъ тутъ и улица,
 А и въ дрѣгу онъ махнетъ — дакъ переулочекъ.
 А видятъ тутъ разбойники да что бѣда пришла,
 И какъ бѣда пришла и неминуема,
 Скричали тутъ разбойники да зычнымъ голосомъ:
 «Ты оставь-ко добрый молодецъ да хоть на сѣмена.»
 Онъ прибилъ прирубилъ всю силу невѣрную,
 И не оставилъ разбойниковъ на сѣмена.
 Обращается ко камешку ко латырю,
 И на камешки поднѣсь поднимавалъ:
 И что ли очищена тая дорожка прямоѣзжая.
 И поѣхалъ старенькой во ту дорожку гдѣ женату бытъ,
 Выѣзжаетъ старенькой да во чисто полѣ,
 Увидалъ тутъ старенькой полаты бѣлокаменны,
 Приѣзжаетъ тутъ старенькой къ полатамъ бѣлокаменнымъ,
 Увидала тутъ да красна дѣвица,
 Сильная поляница удалая,
 И выходила встрѣчать да добра молодца:
 — И пожалуй-ко-сь ко мнѣ да добрый молодецъ! —
 И она бѣетъ челомъ ему, да низко кланяйтся,
 И беретъ она добра молодца да за бѣлы руки,
 За бѣлы руки, да за златы перстни.
 И ведетъ вѣдь добра молодца да во полаты бѣлокаменны,
 Посадила добра молодца да за дубовый столъ,
 Стала добра молодца она угащивать,

Стала у добраго молодца выспрашивать:

— Ты скажи-тко, скажи мнѣ добрый молодецъ!

— Ты какой земли есть, да какой орды,

— И ты чьего же отца есть, да чьей матери?

— Еще какъ же тебя именемъ зовутъ,

— А звеличаютъ тебя по отечеству? —

А и тутъ отвѣтъ-то держалъ да добрый молодецъ:

«И ты почто спрашивашь объ томъ да красна дѣвица.

«А я теперь усталъ да добрый молодецъ,

«А я теперь усталъ да отдохнуть хочу.»

Какъ беретъ тутъ красна дѣвица да добра молодца,

И какъ беретъ его да за бѣлы руки,

За бѣлы руки да за златы перстни,

Какъ ведетъ тутъ добра молодца

Во тую ли во спальню богатоубрану,

И ложитъ тутъ добра молодца на ту кроваточку обмансливу.

Испроговоритъ тутъ молодецъ да таково слово:

«Ай же ты душечка да красна дѣвица!

«Ты сама ложись да на ту кроватку на тисовую.»

И какъ хватилъ тутъ добрый молодецъ да красну дѣвицу,

И хватилъ онъ ей да по подпазушки,

И бросилъ на тую на кроваточку,

Какъ кроваточка-то эта подвернулася,

И улетѣла красна дѣвица во тотъ да во глубоокъ погребъ.

Закричалъ тутъ вѣдь старый казакъ да зычнымъ голосомъ:

«А гой же вы братци мои да вси товарищи,

«И разудалии да добры молодцы!

«Но имай хватай вотъ и сама идеть.»

Огворяетъ погребѣ глубокиа,

Выпускаетъ двѣнадцать да добрыхъ молодцовъ,

И все сильныхъ могучихъ богатырей,

Едину оставилъ саму да во погребѣ глубокоемъ.

Бьютъ-то челомъ да низко кланяются

И удалому да добру молодцу,

И старому казаку Илью Муромцу.

И приѣзжаетъ старенькой ко камешку къ олатырю,

И на камешки-то онъ подиись подписывалъ:

И какъ очищена и та дороженка да прямоѣзжала.

Но направляетъ добрый молодецъ да своего коня

И во тую ли дороженку да гдѣ богату быть.

Во чистомъ поли наѣхалъ на три погребѣ глубокихъ,

И которыми насыпаны погребѣ златомъ серебромъ,

Златомъ серебромъ камешемъ драгоцѣннымъ.

И обиралъ тутъ добрый молодецъ все злато это серебро,

И роздавалъ это злато серебро по нищей по братинъ,

И роздалъ онъ злато серебро по сиротамъ да безпріютнымъ.

Но обращался добрый молодецъ ко камешку къ олатырю,

И на камешки онъ подпись подписывалъ:

И какъ очищена эта дорожка прямоѣзжала.

И онъ задумалъ ѣхать тутъ да добрый молодецъ

И которой же дороженкой да прямоѣзжею.

И коя лежитъ дороженка отъ Кіева,

Отъ Кіева и до Чернигова,

И мѣрная дороженка была три девяноста равномѣрныхъ верстъ,

А около-то ѣздили да ровно двѣ тысящи.

И на той ли на дороженки да прямоѣзжала,

А и на шести дубахъ сидѣлъ Соловей разбойникъ Догматьевичъ,

И онъ-свисталъ вѣдь посвистомъ змѣинымъ,

И онъ кричалъ вѣдь покрикомъ звѣринымъ.

И отъ посвиста его да отъ змѣинаго,

И отъ покрика его да отъ звѣринаго,

Умирали тутъ сильныи могучии богатыри.

Но наѣхалъ тутъ добрый молодецъ на шесть дубовъ да кряновистыхъ,

И какъ увидалъ тутъ Соловей разбойникъ Догматьевичъ,

И видитъ онъ опасно ѣдучись-то добра молодца.

Засвисталъ онъ въ полсвиста да въ пол-змѣинаго,

Закричалъ онъ въ полкрика да въ пол-звѣринаго,

А и у стараго казаки Ильи Муромца

Вѣжить добрый конь да потыкается,

Отъ того ли отъ страха отъ великаго.

И онъ тутъ бьетъ коня да по тучнымъ ребрамъ,

И онъ тутъ бьетъ коня да выговаривать:

«Ой же ты медвѣжій кормъ, да травяной мѣшокъ!

«Ты зачѣмъ же во чистомъ поли да потыкаешься,

«Развѣ вѣдаешь ты надъ собой незгодушку великую;

«Развѣ вѣдаешь со мной да супротивника?

«А вѣдь мнѣ-ка-ва-ли добру молодцу,

«На бою-то мнѣ вѣдь смерть не писана,

«Я не вѣдаю того что меня убьетъ.»

Какъ увидалъ Соловей разбойникъ Догматьевичъ,

И закричалъ разбойникъ во весь крикъ да богатырскии,

Въ богатырскіи да по звѣриному,
И засвисталъ Соловѣй разбойникъ по змѣиному,
И засвисталъ во весь свистъ богатырскіи.
У старенькаго вѣдь добра молодца конь на ко-
лѣни палъ.

И онъ тутъ бьетъ копя да по тучнымъ ребрамъ,
И онъ бьетъ коня, да выговаривать:

«Ахъ ты волчья сыть, да травяной мѣшокъ!
«Развѣ не бывалъ ты во чистомъ поли,
«Не слыхалъ ты пѣрки звѣринаго,
«И не слыхалъ же ты п посвиста змѣинаго?»

А й беретъ вѣдь старенькой свой тугой лукъ,
Потягаетъ свой тугой лукъ да богатырскіи,
Вынимать колчанъ со стрѣлами да со балѣвыми,
И полагаетъ онъ вѣдь стрѣлочку каленую,
И стрѣляетъ онъ въ Сбловья разбойника,
И прилетѣла стрѣлочка да прямо въ правый
глазъ,

И тому ли собаки Сбловью разбойнику.
Увалился Соловей разбойникъ на сыру землю,
И наскочилъ же тутъ да добрый молодець,
И налагалъ ему да петелку шелковую,
И на его ли на голову татарскую,
И привязалъ тутъ петелку ко стремени,
И поѣзжалъ тутъ добрый молодець во славный
Кіевъ градъ

И во столюнему князю ко Владиміру.
Какъ видѣли во городи тутъ добра молодца вѣдь
ѣдучи.

Какъ пріѣхалъ добрый молодець во Кіевъ градъ,
И привезъ тутъ онъ Сбловья разбойника Дог-
матѣева.

И во скоромъ времени узналъ Владиміръ князь
И выходилъ Владиміръ онъ да на крылечико,
Испроговоритъ Владиміръ князь да таково слово:
— И ты скажи-сь-ко скажи-сь да добрый моло-
дець!

— И ты какой земли, да ты какой ордѣ,
— И чьего отца есть и чьѣе матери,
— И какъ же тебя добра молодца да именемъ
зовутъ,

— И звелчаютъ по отчеству?
— И ты куда же ѣдешь, откуда путь держишь?—
Отвѣтъ держалъ да добрый молодець:

«А гой же ты ласковое солнышко Владиміръ
князь!

«Ѣду я отъ города Чернигова,
«А й отъ Чернигова пріѣхалъ и до Кіева,
«И очистилъ ту дороженку да прямоѣзжую
«И на которой былъ тутъ Соловѣй разбойникъ
Догматѣевичъ.

«И онъ убивалъ вѣдь свистомъ змѣиннымъ,
«И покрикомъ звѣриннымъ,
«Сильныхъ онъ богатырей,
«И тѣхъ ли поляницъ да всѣхъ удалыхъ.
«А я вѣдь самъ-то добрый молодець
«Изъ того ли города изъ Мурома,
«Изъ того села да Карачаева,
«Изъ села вѣдь Карачаева крестьянскіи сынъ.
«Именемъ зовутъ меня да Илья Муромецъ,
«По отчеству да сынъ Ивановичъ.»
Сбиралъ Владиміръ князь почестень пиръ,
И на тѣхъ ли князей и на бѣяры,
И на тѣхъ ли на вельможъ да на великихъ,
И на русскіихъ на славныхъ богатырей,
И на поляницъ да на удалыхъ.
Испроговоритъ Владиміръ таково слово:
— Ты повели-тко добрый молодець,
— И тому ли Сбловью разбойнику,
— Засвистать ему въ пол-свиста въ пол-змѣи-
наго,
— И закричатъ въ пол-крика звѣринаго.
— А й пусть потѣшатся мои всѣ князи бѣяра,
— И пусть услышатъ всѣ вѣдь русскіи богатыри,
— И тѣ ли поляницы всѣ удалыи.—

И повелѣлъ же тутъ да старши казакъ да Илья
Муромецъ

И засвистать въ пол-свиста въ пол-змѣинаго,
И закричатъ въ пол-крика въ пол-звѣринаго.
Но не послушалъ татаринъ Соловей разбойникъ
Догматѣевичъ,

Закричалъ во весь вѣдь крикъ да богатырскіи,
Богатырскіи да по звѣриному,

И засвисталъ во весь свистъ по змѣиному.
И всѣ народъ тотъ людюшки да испугались,
И кони мертвыи, а ины окорачъ ползутъ,
Владиміръ князь стойтъ онъ и шатается.

А й молодѣ княгиню ёго Абраксину
И спасъ ея да жизнь вѣдь доброй молодець,
Старши казакъ да Илья Муромецъ.

Тутъ ли ему да за бѣду стало,
И за великую досаду показалоси.

Выводилъ Сбловья да во чисто полѣ,
Отрубилъ у него да буйну голову,
Буйну голову его татарскую.

И тутъ ему да Соловью славу поютъ.

Записано на Выгозерѣ, 16 іюля.

172.

ИВАНЪ ГОСТИНЫЙ СЫНЪ.

(См. Рыбникова, т. IV, 13).

Какъ отъ батюшки было отъ унаго,
 Какъ отъ матушки да отъ разумнаго,
 Зарождается чадушко безумноё,
 Что-ль по имени Иванушко Гостиной сынъ.
 Какъ не стало у Иванушка да родна батюшко,
 И остается у Иванушка да родна матушка,
 И честна вдова Офимья Александровна.
 И унимасть родна матушка да своего чада,
 И своего ли чада милаго,
 И того ли дитятка любимаго,
 И какъ по имени Иванушка Гостиного.
 «А гой же ты свѣтъ мое чадо ненаглядное!
 «И не ходи-тко чадо да на царевъ кабакъ,
 «И ты не пей-ко-сь, не кушай зелена вина,
 «И не имѣй союзъ со голями кабацкими,
 «И не связывайся чадо со жонками со курвами,
 «И со тѣма ли со дѣвками со блядками.»
 И не послушалъ Иванушко да своей матери,
 И онъ сталъ тутъ пить, кушати да зелено вино,
 И сталъ онъ знаться тутъ со голями кабацкими,
 И съ тѣма ли со жонками со блядками,
 И съ тѣма ли со дѣвками со курвами.
 И какъ прослышала да ёво матушка,
 И честна вдова Офимья Александровна,
 И приходила тутъ ево да родна матушка,
 Приходила она да на царевъ кабакъ,
 Испроговорить она да таково слово!
 «А гой же вы народъ люди православныи!
 «И не видали ль вы моего да чада милаго,
 «Чада милаго дитя любимаго,
 «И что ль по имени Иванушка Гостиного?»
 Испроговорятъ народъ да православныя:
 — А гой же ты честна вдова Офимья Александровна!
 — И не видали мы твоего да чада милаго,
 — И что ль по имени Иванушка Гостиного. —
 Испроговорить тутъ Офимья Александровна,
 И что ли ко тѣмъ голямъ ко кабацкимъ:
 «А гой же вы голи вы кабацкія!
 «Вы скажите-тко да гдѣ мой есть чадо милоё,
 «И чадо милоё дитя любимоё,
 «И что-ль по имени Иванушко Гостиный сынъ?
 «И за то дарю васъ златомъ серебромъ.»
 И привели тутъ голи кабацкія
 А ѣ оборванаго да добра молодца,

Ай что-ль по имени Иванушка Гостиного.
 И какъ берётъ Ивана родна матушка,
 И честна вдова Офимья Александровна,
 И какъ берётъ ево да за желты кудри,
 За желты кудри да за бѣлы руки,
 И за бѣлы руки да за златы перстни,
 И повела ево на пристань корабельную,
 И ко тѣмъ ли купцамъ да ко заморьскимъ,
 И ко заморянамъ купцамъ да къ вавилонянамъ.
 Испроговорить честна вдова Офимья Александровна,

Испроговорить она да таково слово:

«А гой же вы купци заморяна,
 «И вы заморяна купци да ѣ вавилоняна!
 «И вы купите-тко да моего чада,
 «И моего ли купите чада милаго,
 «И чада милаго купите дитя любимаго,
 «И что-ль по имени Иванушка Гостиного,
 «И дайте-тко за него мнѣ-ка-ва петъсотъ рублей.»

Испроговорятъ купци да таково слово:

— А гой же ты честна вдова Офимья Александровна!
 — И не вора ли продаешь да не разбойника? —
 А ѣ отвѣтъ держитъ честна вдова Офимья Александровна

И ко тѣмъ купцамъ да ко заморянамъ,
 Ко заморянамъ купцамъ да къ вавилонянамъ:

«И я не вора продаю, да не разбойника,
 «А своего ли продаю да чада милаго,
 «И что-ль по имени Иванушка Гостиного.»

А ѣ отвѣтъ держитъ да добрый молодець,

И что ль Иванушко Гостиной сынъ,
 И ко тѣмъ купцамъ да ко заморянамъ,
 Ко заморянамъ купцамъ да къ вавилонянамъ:
 — И не жалѣйте-тко вы да цѣлой тысящи,
 — И что было бы мой матушкѣ
 — И до гробной доски ей да не скитатиса. —
 И тутъ пролилъ горячія слезы добрый молодець,
 И въ слезахъ-то добрый молодець слово повывольвилъ:

— И ты прощай-ко-сь прощай да родна матушка,
 — И какъ честна вдова Офимья Александровна,
 — И по писаному была да родна матушка,
 — А ѣ по житью бытью да змѣя лютая. —
 И тутъ простилася да родна матушка,
 А какъ простилася она да съ любимымъ сыномъ,
 Съ любимымъ сыномъ да со Иванушкомъ.

Записано въ Тайгеницѣ, 17 іюля.

473.

СОРОКЪ КАЛИКЪ.

Изъ того-ли изъ города изъ Мурома,
Изъ того-ли села изъ Карачаева,
А изъ того-ль скита да изъ Ефимьина,
А изъ той-ли пустыни богомоленья,
Выходило соробъ каликъ да добрыхъ молодцовъ,
Выходило соробъ каликъ да со каликою.
Выходили онѣ да во чисто полѣ,
Становилися каликушки да во зелѣной лугъ,
Во зеленой лугъ да во единой кругъ,
И ткнули каликушки копыца да во сыру землю,
И на копыца положили они сумочки,
А й сумочки ты были у нихъ да рыта бархату.
И стали они думать думу заединую:

«Мы куда пойдемъ братці каликушки да куда
путь держимъ?»

«И кто изъ насъ братци каликушки буде атаманъ
большой?»

«Молодой Михайлушка Романовичъ да атаманъ
большой.»

И стали они думать думу заединую.

«Мы пойдемъ братци ребятушки во славный
Ерусалимъ градъ,

«И ко гробу Господнему да помолитися,

«И ко честнымъ мощамъ да причаститися,

«И во Ерданъ рѣки да покупатися,

«И во плакунъ травы да покаталися.

«Кто изъ насъ убьетъ, или украдетъ-ли,

«Или по русскому сказать — какъ сдѣлать тяж-
кій блудный грѣхъ,

«И того казнить вѣдь казню калицкою,

«И жива копать да по грудямъ въ сыру землю.»

И думали тутъ добры молодцы, да и пошли во
чисто поле,

И во славный Киевъ градъ,

Ко ласкову ко солнышку Владимиру.

Не дошедши до города до Кіева,

На пути попалъ солнышко Владимиръ князь
стольне-киевскій.

Онѣ бьютъ челомъ да о сыру землю,

И они бьютъ челомъ да низко кланяются:

«И здравствуй ласковѣе солнышко Владимиръ
князь,

«Что-ль Владимиръ князь да стольне-киевскій,

«Стольне-киевскій славно-владимірскій!

«И ты подай-ко намъ Владимиръ князь мило-
стыню,

«Ты подай-ко-сь намъ каликамъ переходимъ,

«И ты подай-кось намъ по гривнѣ золотой,

«И что было бы пройти въ славный Еросолима
градъ,

«И ко гробу Господнему да помолитися,

«И ко святымъ мощамъ да причаститися,

«И во Ерданъ рѣкѣ да покупатися,

«И во плакунъ-травѣ да покаталися.»

Подадѣ Владимиръ князь по гривнѣ золотой,

Испроговоритъ самъ да таково слово:

— А гой же вы соробъ каликъ да добрыхъ мо-
лодцовъ,

— И соробъ сильныхъ могучихъ богатырей!

— Вы идите-тео добры молодцы во славный во
Кіевъ градъ,

— Ко молодой моей жены къ Абраксини.

— И пусть примѣтъ она каликъ со честію,

— И пусть понтъ, кормитъ, и съ честию спать
примѣтъ. —

И бьютъ челомъ калики о сырой земли,

И бьютъ каликушки да низко кланяются,

И самъ путь держать ко городу ко Кіеву,

И къ молодой княгинѣ ко Абраксинѣ,

Какъ вступили жь только въ славный Киевъ градъ.

Идутъ они во тѣ полаты бѣлокаменны,

И къ молодой княгинѣ ко Абраксини,

И они бьютъ целомъ да до сырой земли,

И отъ солнышка отъ князя отъ Владимира,

И отъ Абраксина супруга отъ законнаго.

Испроговарятъ калики таково слово:

«А гой же ты Абраксина да молода жена!

«И ты накорми каликъ, напои, да спать прими.»

Посадила Абраксина каликъ за столицки дубовыи

И за тѣя-ли за скатерѣдочки за бранныя.

И всѣ калики за столомъ да наѣдалися,

И всѣ каликушки да за столомъ и напивалися,

Но й всѣ каликушки да на покой пошли,

Какъ единъ остается калиціи атаманъ большой.

И молодой Михайлушка Романовичъ.

Прельстилась въ Михайлушку молода жена Абрак-
сина,

И стала просить его къ себѣ да на кроватичку.

— И ты пожалуй-ко да доброй молодецъ,

— Молодой Михайлушко Романовичъ!

— А не угодно-ли тебѣ да ночевать со мной,

— А й ночевать со мной да й позабавится?

Испроговоритъ калиціи атаманъ большой,

Молодой Михайлушка Романовичъ:

«Вѣдь у насъ положена какъ заповѣдь великая

«А й великая тутъ заповѣдь калицкая:
«Кто изъ насъ убьетъ, или украдетъ-ли,
«Или по русскому сказать — какъ сдѣлать тяж-
вѣй блудный грѣхъ, —

«Того казнить вѣдь казню калицкою,
«И жива копать да по грудямъ въ сыру землю.»
Но вѣдь въ томъ тутъ добра молодца да приза-
мѣтили,

И тѣ ли калики да его товарищи,
И скопали его по грудямъ во сыру землю.
И они путь держатъ каликушки да во славный
Ерусалимъ градъ,

Что-ли во гробу Господнему да помолитися,
Что-ли во святымъ мощамъ да причаститися,
И во Ерданъ рѣкѣ да покуратися,
И во плакунъ-травѣ да покаталися,

Пришли они во славныя во Еросолимъ градъ,
И во гробу Господнему да помолилися,
И во честнымъ мощамъ да причастилися,
И во Ерданъ рѣкѣ да покупалися,
И во плакунъ-травѣ да покаталися.

И они взадъ тутъ путь держать-то сорокъ ка-
лигъ да добрыхъ молодецвъ.

Какъ дошли до славнаго до града Кіева,
И до ласкова солнышка да до Владиміра,
И посмотрѣли они мѡлода Михайлушка Рома-
нова,

И своего-ли калицкаго да атаманъ-больша.
И какъ обѡзрили тутъ калицкаго да атаманъ-
больша,

И мѡлода Михайлушку Романовича,
И всѣ-ль тутъ каликушки да удивились,
И какъ живой есть тутъ калицій атаманъ большой,
И молодій Михайлушка Романовичъ,
И тутъ у калицкаго атаманъ-больша,
Да всѣ каликушки простились,
И какъ избавили Михайлушку да изъ неволюшки.

И они путь держать да добрыя мѡлодцы,
И они путь держать да во свои мѣста.

Записано тамъ же, 16 іюля.

—
174.

С А Д К О.

И бился Садко купецъ да о великѣй закладѣ,
И не о ста рублѣхъ онъ бился не о тысящи,
И о своей онъ бился о буйной головушкѣ,
И что изъ Новѡграда товарушки выкупишь,

И какъ на желтыя пески товарушки выкатить,
На черныя корабли товарушки выгрузить.
И началъ Садко купецъ богатя,
И началъ товарушки выкупливать,
И на желтыя пески товарушки выкатывать,
И на черныя корабли товаръ выгрузить.
И не могъ Садко купецъ богатя,
Столько откупить да одного мѡлока дѣсна,
Но и въ каждый день на славушку привозятъ по
два разъ.

И видитъ тутъ Садко купецъ богатя,
И видитъ да что бѣда пришла и неминуема.
И нагрузилъ Садко купецъ богатя,
И нагрузилъ всѣ корабли черденя,
И отправляется Садко во синее море,
Во синее морѣ да во солонѡе.
Какъ услышалъ князь да новгородскій,
Онъ въ догонъ послалъ за Садкомъ купцомъ бо-
гатнимъ,

Какъ догнать Садка купца богатаго,
Привести Садка да предъ мое лицо,
На то-ль судьбище да на страшное.
И скоро догоняли слуги вѣрныя,
Слуги вѣрныя и безмѣнныя,
И хочутъ только схватить Садка купца бога-
таго.

А й видитъ Садко купецъ богатя,
Какъ бѣда пришла да неминуема,
И беретъ Садко купецъ богатя,
И беретъ гусельника звончатя,
И бросился Садко купецъ богатя,
Да во синее море да во солонѡе.
И тамъ сымалъ поддонный князь Садка купца
богатаго,
Ведеть Садка во полаты бѣлокаменны
Испроговорить тутъ поддонный князь да таково
слово:

«А гой же ты Садко купецъ богатя!
«И ты выграй-ко во гусельникѣ звончатя,
«И ты спотѣшь, спотѣшь меня князя поддоннаго.»
И началъ Садко купецъ богатя,
И началъ онъ въ гусельника выигрывать.
И игралъ Садко купецъ богатя,
И онъ игралъ въ гусельника да трои сутоки,
И тутъ поддонный князь да распотѣшился,
Какъ синѣ-то море всколыбалося,
Черныя корабли вѣдь въ морѣ всѣ разрушались,
И много тутъ погинуло напрасныхъ душъ,
Напрасныхъ душъ да человѣческихъ.
И на четвертыя на сутоки
Повалился спать Садко купецъ богатя,

И какъ во снѣ кажется Садку купцу богатому
Что-ли пришла къ нему да Богородица,
Испроговорить ему да таково слово:

— Ты гой же Садко купецъ богатый!
— И ты почто игралъ въ гусельника звончатя,
— И спотѣшалъ вѣдь ты Садко князя поддоннаго?
— И какъ поддонный князь да воспотѣшился,
— И въ тое время синѣ море всколыбалоси,
— И черны кáрабли да разрушались,
— И много погибало тутъ напрасныхъ душъ,
— Напрасныхъ душъ да человѣческихъ.
— И ты сорви, сорви струны да у гусельниковъ,
— Ты Садко что-ли купецъ богатый,
— И за то дарить будетъ тебя да златомъ сере-
бромъ,
— И дарить будетъ камнемъ да драгоцѣн-
нымъ, —
— Не бери-тко, не бери да злата серебра,
— Не бери-тко камеша да драгоцѣннаго,
— И попроси себѣ невѣсту нареченую.
— И приведетъ онъ сорокъ дѣвицъ да со дѣ-
вицею,

— И выбирай себѣ Садко купецъ да ты богатя,
— И выбирай себѣ которой хуже нѣтъ,
— И которой хуже нѣтъ, коей чернѣе нѣтъ. —
И воспрянулъ Садко купецъ богатя
И онъ отъ крѣпка сна да безпробуднаго.
И онъ во страхъ бысть да во великосмъ,
И онъ сорвалъ да струночки звончатя.
Приходить тутъ къ Садку поддонный князь,
И повелѣтъ (такъ) играть въ гусельника звон-
чатя.

Испроговорить Садко купецъ богатя:
«А гой же ты поддонный князь!
«Какъ нельзя взиграть въ гусельника звончатя,
«И какъ гусельника у меня да потравилсь,
«И сорвали струночки звончатя.»
Испроговорить поддонный князь да таково слово:
— Ай же ты Садко купецъ богатый!
— Ты за то бери съ меня да злата серебра,
— И ты еще бери -тко камешевъ да драгоцѣн-
ныхъ. —

Испроговорить Садко да таково слово:
«А й же ты поддонный князь да что-ль великя!
«А й не надо мнѣ-ка-ва да злата серебра,
«И не надо мнѣ-ка камеша да драгоцѣннаго,
«И столько дай-ко-сь мнѣ невѣсту нареченую,
«Я здѣсь у тебя хочу жениться.»
И приводилъ поддонный князь сорокъ дѣвицъ да
со дѣвицею,
И выбиралъ Садко купецъ богатя,

И выбиралъ себѣ невѣсту нареченую,
И выбираетъ дѣвицу коей хуже нѣтъ,
И коей хуже нѣтъ, коей чернѣе нѣтъ.
И тутъ Садко купецъ богатый,
Началъ Садко купецъ жениться.
Всѣ прошли у него да столованя,
И отвели Садка купца богатаго,
Со своей-ли со невѣстой нареченою,
И повалился спать Садко купецъ богатя,
И охалилъ Садко купецъ богатый
Онъ тую-ли невѣсту нареченую.
И увидалъ Садко купецъ богатый,
И увидалъ онъ тутъ что я въ воды лежу,
Въ воды лежу я на берегу да во своей рѣкѣ.
И увидалъ Садко купецъ богатый
И что-ль свои полаты бѣлокаменны,
И выходилъ Садко купецъ богатя,
И прославлялъ пречисту Богородицу,
И что избавила меня да отъ погибели,
И отъ погибели да отъ напрасныя.

Записано тамъ же, 16 июля.

175.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Какъ подъ славную да каменну Москву
И бысть напущеніе великое
И на грознаго царя Ивана Васильевича
Изъ ипой земли, изъ золотой орды,
Наѣзжасть молодой нахвальщичекъ,
И со той ли со силой невѣрною,
И со тѣмъ ли со войскомъ со татарскимъ.
А й самъ онъ молодой нахвальщикъ похваляется:
«А я всю землю русскую наскрозь пройду,
«И каменну Москву я въ плѣнъ возьму.»
И какъ услышалъ эту похвалу
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Призываетъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Своихъ трехъ сыновъ любимыхъ,
Испроговорить да таково слово:
— А гой же вы мои дѣточки любимыя!
— И вы берите-тко золотой казны да сколько
надобно,
— И вы берите-тко войска сколько надобно,
— Поѣзжайте вы да во чисто поле,
— И поразите вы мѣлада нахвальщика. —
И принимаются тутъ дѣти царскія,
И что ль за тое ли за дѣло ратное.

И собираютъ войска полки великіе,
И отправляются они да во чисто поле.
И наказывасть имъ да родный батюшко,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Вы пойдете вѣдь дѣти во чисто поле,
— Станете бить рубить вы силу на выпашку,
— И не оставяйте на улици ни курици;
— И на воротахъ вы кровью подписывай,
— Какъ плѣнены эти улици Фодоромъ царевичемъ,

— Какъ плѣнены эти улици Василиемъ Ивановичемъ. —

Выѣзжаютъ добры молодцы во чисто поле,
И начали сражаться супротивъ войска невѣр-
наго,

И начали рубить тутъ силу татарскую,
И не оставяютъ на улици ни курици,
На воротахъ они кровью подписывать:
Какъ плѣнены эти улици Василиемъ царевичемъ.
И какъ увидѣлъ Василий царевичъ надъ своимъ
братомъ,

А что дѣлаетъ мой братъ родной измѣну вели-
кую;

И побѣдили они тутъ все войско татарское.
И какъ ѣдутъ они съ побѣдой въ каменну
Москву,

И бьютъ челомъ да своему родному отцу,
И бьютъ челомъ ему да до сырой земли:
«Какъ съ побѣдою тебѣ нашъ Грозный царь,
«Много лѣтно здравствовать тебѣ Васильевичъ!»
А ѣ тутъ вѣдь грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Какъ беретъ своихъ онъ трехъ сыновъ,
За бѣлы руки да за златы перстни,
И онъ цѣлуетъ ихъ да во уста во сахарныи.
И какъ садилъ онъ ихъ за столики да за клено-
выи,

И за тѣя ли за скатерти за бѣлобранныя,
И начинается у Грознаго почестной пиръ.
Всѣ ли на пиру сидятъ да полны веселы,
Всѣ на пиру да напивались,
Еще какъ всѣ на пиру да наѣдались,
И всѣ на пиру да порасхвастались.
И чтоль похвасталъ грозный царь своей защи-
тою.

— Какъ повыведу измѣнушку-ту я изъ Кіева,
— И повыведу измѣну изъ Чернигова,
— Не повыведу измѣнушку да съ каменной
Москвы. —

Испроговорить его да родной сынъ,
А ѣ родной сынъ Василий царевичъ младъ:
«А ѣ не повывести измѣнушки будетъ изъ Кіева,

«И не повывести измѣны изъ Чернигова,
«И не повывести измѣны съ каменной Москвы.
«Ужъ какъ первая измѣна за столомъ сидитъ,
«Изъ одной она чашечки ѣсть и пьеть,
«И платьице-то носить одного сукна,
«Одного сукна да одного швеца.
«Ужъ какъ на брата сказать, такъ брата жаль,
«А какъ по брати сказать — себѣ напрасна
смерть.»

Какъ скричалъ слычалъ да громкимъ голосомъ
И грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— А ѣ гой же вы сорокъ палачовъ да немилос-
сливыхъ!

— И вы возьмите скоро моего сына,
— И чтоль того ли Фодора царевича,
— И вы ведите-тко-съ на поле на куликово,
— И что на тую лягу на кровавую,
— И что на тую ли на плаху на дубовую,
— И отсѣйте-тко у него по плечъ да буйну го-
лову,

— И положите его да буйну голову
— И что на тое ли на копыце на вострое,
— И принесите его да буйну голову,
— И сопротиво моихъ палачъ да бѣлокаменныхъ,
— И сопротиво ли окошечка косявчета,
— И сопротиво ли моего зеркала хрустальчаго. —

И какъ услышала его да родна матушка,
И честна царица Омельфа Тимоеевна.
И какъ не кукушка по городу прорыскала,
И что ль царица скоро по городу пробѣжала,
И ко тому ли братцу въ двуродному,
И ко тому ли ко Никитушку Романову.

Приходила она во гридни свѣтлыя,
А ѣ она крестъ-то владѣтъ да по писапому,
И поклонъ тотъ ведеть да по ученому.
«И тебѣ хлѣбъ да соль да добрый молодецъ,
«И мой ли ты вѣдь братецъ двуродимыя!

«Ѣшь ты пьешь да прохлаждаешься,
«И надъ собой же ты негодущки не вѣдаешь.
«Какъ укатается изъ глазъ да красно солнышко,
«Увозятъ у меня да чада милаго,
«И твоего ли племянника любимаго,

«А ѣ на тое ли болото на куликово,
«И что ль на тую ли на плаху на дубовую,
«И какъ на тую ли на лягу на кровавую,
«И хочутъ отрубить по плечъ да буйну голову.»

Чуть ли выслушалъ глаголы сестры двуродныя,
И поскорешенько Никита снаряжается,
Посмѣшешенько Романовичъ да отправляется,
А ѣ обуваетъ онъ чеботники да на босу ногу,
И кунью шубовку бросаетъ на одно плечо,

И турью шапочку метаетъ на одно ухо,
И выходилъ Никитушка да на-вонюшенъ дворъ,
И чтоль беретъ Никитушка уздечиву тесмяную,
А ѿ выбираетъ Никитушка коня да чтоль не ѿ-
жана,

А ѿ отправляется Никита во чисто поле.
Столько видѣли добра молодца вѣдь садучись,
И какъ не видѣли Никитушки поѣдучи.
Въ чистомъ поли да курева стоитъ,
Куда падаютъ конята лошадиныи,
И тутъ становятся колодцы ключевой воды,
А кой поспѣлъ уйти дакъ того Богъ унесъ,
А кой не поспѣлъ уйти, того конемъ топталъ.
И приѣзжаетъ Никита въ поле куликово,
И закричалъ Никита громкимъ голосомъ:

— А ѿ ты стой-ко-съ палачъ да немилосливый,
— А ѿ ты маленькой Малиутушка-Шеуратьевичъ!
— И ужъ ты съѣшь кусокъ да самъ подавишься.—

А ѿ выпадаетъ сабля со правой руки,
А ѿ у того ли палача да немилослива.
И отрубилъ у палача да буйну голову,
И чтоль положилъ его да буйну голову,
И тутъ принесъ его да буйну голову
И сопротивъ полать да бѣлокаменныхъ,
И сопротиво ли окошечка косявчета,
А ѿ сопротиво ли то зеркала хрустального.
И вѣдь тутъ какъ грозный царь да запечалилсо.
Запечалилсо царь да закручинилсо.
Подаетъ сигналъ онъ по всѣй Москвѣ,
Чтобы собирались народъ да православныи,
И поминать его да чада милаго,
И одѣли бы они платьѣ печальной.
И какъ собрались народъ люди православныи,
И приходили народъ да во Божью церкву,
Приходили они во томъ ли платьѣ во опальноемъ,
Какъ Никитушка Романовичъ приѣхалъ въ платьѣ

драгоцѣнномъ,

И за собой привезъ онъ ёго чада милаго,
И самъ становился онъ да супротивъ царя,
А племяка поставилъ позади себя.
Испроговорить да таково слово
Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«А гоѿ же ты старнице удалънице
«И ты Никитушка Романовичъ:
«Развѣ ты надо мной да надсмѣхаешися,
«Какъ пришелъ ты да во Божью церкву,
«И какъ пришелъ ты въ платьѣ драгоцѣнносмъ?
«Весь народъ то люди въ платьѣцѣ опальноемъ.»
Испроговорить Никита таково слово:

— А гоѿ же ты грозный царь Иванъ Василье-
вичъ!

— Есть ли грѣшнику да тамъ прощеніе,
— А ѿ виноватому да покаяніе? —
«И какъ простилъ бы я, да того негдѣ взять.»
И подаетъ тутъ въ руки грозному царю Ивану
Васильевичу

Своего ль ему да чада милаго,
Чада милаго, дитя любимаго,
И что ль того ли Федора царевица,
И какъ беретъ онъ чада за бѣлы руки,
За бѣлы руки да за златы перстни,
Цѣлуетъ его во уста да во сахарни.
Испроговорить Никита таково слово:
«А гоѿ же ты старикъ Никитушка Романовичъ!
«Ты бери-тко-съ отъ меня да каменья драгоцѣн-
наго,

«И города ты бери съ пригородками,
«И села ты бери да чтоль съ приселками,
«И ты бери деревни со крестьянами.»
Испроговорить Никита таково слово:
— И мнѣ не надо твоей да золотой казны,
— И мнѣ не надо твоего да каменья драгоцѣн-
наго,

— И не надъ (такъ) твоихъ градѣвъ да съ при-
городками,
— И не надо мнѣ твоихъ селъ да со приселками,
— И не надо мнѣ-ка-ва деревенъ да со крестья-
нами,

— Только дай-ко мнѣ-ка-ва Грозный царь Иванъ
Васильевичъ,

— Дай-косъ мнѣ ты свою отчину. —
И кто что сдѣлалъ и сбѣжить, такъ того Богъ
унѣсъ.

Записано тамъ же, 17 іюля.

—
476.

БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА.

(См. Рыбникова, т. IV, 49.)

Какъ у вдовушки было у пашницы,
Какъ девять сынковъ да одинака дочь.
Какъ девять сынковъ да возростать стали,
Возростать стали да вдругъ повыросли.
И вдругъ повыросли да во разбой пошли,
Одинаку дочь да замужъ выдали,
И чтоль за славной да за синѣ море,
И за того купца да за богатаго.
«Ужъ я годъ жила да не стоснулася,
«Я другой жила да въ умѣ не было,

«И я на третій годъ да стосковалася,
«И чтоль у свекрушка да подавалася,
«И у свекровушки да доложиласи,
«Съ мужемъ сдумали, вдвое поѣхали,
«Чтоль за славной за синё морё,
«За синё морё да за солоное.»
Какъ среди моря да среди синяго,
Что ль не тученки да призатемнили,
И не бѣлы снѣжки да призабѣлѣли,
Призатемнѣли черны карабли,
А ѣ призабѣлѣли да тонки парусы.
Чтоль наѣхало девять разбойниковъ,
И у младой жены мужа потребили,
И чтоль младенчика да въ море спустили,
И молодую вдову да прибезчестили.
Всѣ разбойники спать улягутся,
И одному жъ разбойнику не поспалось,
И не поспалось да призадумалось,
И онъ началъ тутъ вдовушку выпрашивать,
И началъ у вдовушки вывѣдывать:
— И ты скажи, скажи, ты скажись, вдовушка,
— И ты цего роду п цего племени,
— И ты цего отца да цѣё матери?
— Еще какъ тебя да именемъ зовуть,
— Звеличаютъ тебя да по отечеству? —
И чтоль отвѣтъ дѣржитъ да молода вдова:
«Ужъ я есть-то роду сама меньшого,
«Ужъ я есть-то рода вдовки пашницы
«И какъ у вдовушки было у пашницы
«И чтоль девять сыновъ было одинака дочь.
«И какъ девять сыновъ да возрастать стали,
«Возрастать стали да вдругъ повьросли,
«И вдругъ повьросли да во разбой пошли,
«И чтоль меня едину за мужъ выдали,
«И какъ за славной да за синё море
«И за того купца да за богатаго.
«Ужъ я годъ то жила да не стоснуласи,
«И другой жила да въ уми не было,
«Я на третій годъ да стосковаласи,
«Я у свѣкрушка да подаваласи,
«У свекровушки да доложиласи.
«Двое здумали, съ мужемъ поѣхали,
«Чтоль за славной да за синё морё
«И ко свѣой ли ко родной матушкѣ.
«Чтоль среди моря да среди синяго,
«И какъ не тученки призатемнѣли,
«И не бѣлы снѣжки да призабѣлѣли,
«Призатемнѣли вѣдъ черны карабли,
«А ѣ призабѣлѣли да тонки парусы.»
А ѣ все то выслушалъ да тотъ разбойничекъ,
И онъ вскричалъ слычалъ да зычнымъ голосомъ:

— И вы ставайте-тко да братья родныи!
— Своего ли зятя мы потребили,
— Родна племника да въ море спустили,
— Родиму сестру да прибезчестили. —
И всѣ разбойники да пробудилися
И всѣ разбойники да устрашилися,
И у родной сестры они простилися:
«И ты прости, прости да сестра родная,
«И ты во всемъ прости и ты помилуй насъ!»

Записано тамъ же, 16 июля.

177.

ГОРЕ.

И какъ отъ батюшка было отъ умнаго,
И отъ матушки да отъ розумной,
Зародилоси чадушко безумноё,
Безумноё чадо неразумноё.
И унимаеъ тутъ чадушко родна матушка:
«И не ходи-тко чадо на царевъ кабакъ,
«И не пей-ко-сь чадо да зелена вина,
«И не имѣй суюзъ со голями кабацкими,
«И не знаея ты чадо со жонками со блядками,
«И что ли со тѣма со дѣвками со курвами.»
И не послышалъ тутъ чадо родной матушки.
И какъ пошелъ тутъ чадушко да на царевъ ка-
бакъ,
И сталъ тутъ пити кушати да зелена вина,
И сталъ знаться чадо съ голями кабацкими,
И суюзъ имѣть сталъ съ жонками со блядками,
А ѣ со тѣма ли-то со дѣвками со курвами.
А ѣ тутъ вѣдъ къ добру молодцу да Горе привя-
залоси,
Какъ молодець со Горюшка да въ козаки по-
шоль,
Еще Горе вслѣдъ да топоры несётъ,
Топоры несётъ само приговаривать:
— И ты постой-ко-сь не ушолъ да добрый моло-
дець,
— И не на часъ къ тебѣ я Горе привязалоси.—
И молодець со Горюшка да во солдатушкин.
А еще Горе вслѣдъ да оружѣ несётъ,
А ѣ оружѣ несётъ само выговаривать:
— И ты постой-ко-сь не ушолъ да добрый моло-
дець,
— И не на часъ я къ тебѣ Горе привязалоси.—
И молодець со Горюшка да во быстру рѣку.
А ѣ Горе вслѣдъ да неводѣ несётъ,

И неводá несеть да выговаривать:
 — И ты постой-ко-сь не ушелъ да добрый молодець,
 — И не на часъ я къ тебѣ Горе привязалоси.—
 И молодець-то со Горюшка да на синѣ море.
 Еще Горе вслѣдъ да гоголѣмъ пловѣтъ,
 И гоголѣмъ пловѣтъ да выговаривать:
 — И ты постой-ко-сь не ушелъ да добрый молодець,
 — И не на часъ я къ тебѣ Горе привязалоси.—
 И молодець-то со Горюшка да во синѣ море.
 А й тутъ-то Горе сѣдо вѣдъ на бѣлую грудь,
 И стало Горюшко да слезно плакати.
 — И тебѣ спасибо добрый молодець,
 — И какъ умѣлъ на сѣмъ свѣтѣ Горя помняти!—
 А й тутъ на вѣвѣ Горе розставалоси,
 И со удаленьемъ да добрымъ молодецемъ.

Записано тамъ же, 11 июля.

XXXII.

Ө. ЗАХАРОВЪ.

Өедоръ Захаровъ, крестьянинъ съ Выгозера, подъ пятьдесятъ лѣтъ, земледѣлецъ; выучился былинамъ отъ завзжихъ людей; поетъ «голосомъ» былины про Ивана Гординовича, Батыгу и королевичей изъ Крякова; прочихъ не умѣетъ пѣть, а рассказываетъ ихъ словами, съ сохраненіемъ однако стихотворнаго склада.

178.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

А й во городѣ было во Кіевѣ,
 А явилоси чудо неслыхано,
 Наѣхало Идолище поганое,
 Ростомъ Идолище трехъ аршинъ,
 Межъ глазами у него пята мѣрная,
 Глаза у него какъ чаши пивныя,
 Онъ сидитъ, ѣсть да пьетъ, прокладается,
 Надъ Владиміромъ княземъ похваляется:
 «Я Кіевъ градъ вашъ въ полонъ возьму,
 «А Божьи церкви всѣ на дымъ спущу,
 «Князей бояръ всѣхъ повырублю.»
 А на ту пору да на то времечко,
 Старый казакъ Илья Муромецъ,

Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 Онъ является Илья да во Владиміру.
 Испроговорить Идолище поганое:
 «Это кто пришелъ у васъ, какой пастухъ?»
 — Это старый казакъ Илья Муромецъ. —
 Испроговорить Идолище поганое:
 «Онъ много-ль ѣсть, да много-ль кушаетъ?»
 А отвѣчать ему Илья Муромецъ:
 — А колачикъ съѣмъ, другой хочется.
 — А другой съѣмъ, съ того смѣть живу. —
 «А я то Идолище поганое,
 «Я по хлѣбу владу за щеку,
 «А по другому владу я за другую,
 «Лебедь бѣлую на заусочку,
 «Ведро мѣрное да на запивочку.»
 Испроговорить тутъ Илья Муромецъ:
 — Какъ у моего было у батюшка
 — Большобрюхая коровища обжорища,
 — Она много ѣла пѣла, — да и лопнула. —
 Таковó слово ему за гнѣвъ пало.
 Онъ бросилъ ножичищомъ книжалищомъ
 Во стараго казака Илью Муромца.
 Его ножикъ Илья влюхой отвелъ,
 Не попало въ Илью Муромца,
 А попало въ придверину со дѣрjami.
 Вышибло придверину со дѣрjami.
 И того Илья не устрашаетъ,
 А стоитъ Илья да й усмѣхается.
 Самъ говоритъ таково слово:
 — Не честь не хвала молодецкая,
 — Окровавить полата княженецкая,
 — А повывести Идолища на крылечико. —
 И бралъ тутъ его за желтыя кудри,
 За желтыя кудри да за бѣлыя руки,
 Выводилъ его изъ полаты вонъ.
 Говорилъ Илья таково слово:
 — Не честь будѣ хвала молодецкая,
 — Окровавить крылечко княженецкое,
 — Лучше вывести татарина на шірокъ дворъ.—
 Поднималъ его да выше головы,
 Ударилъ его о сырú землю,
 Розбилъ его всего въ дребезги.
 Тутъ среди стола бѣлодубова
 Только Идолище живъ бывалъ,
 Только поганое Кіевъ бралъ;
 А вся честь хвала Ильи Муромцу.

Записано на Выгозерѣ, 15 июля.

179.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

А й у насъ было въ городи Києви,
У ласкова князя у Владиміра,
Завелся зачался почестевъ пиръ
На многи на князи на бѣра.
И на русскы поляницы удалыи.
И самъ тутъ Владиміръ весель былъ,
Говорилъ тутъ Владиміръ таково слово:
«У насъ вси молодци были женены,
«А племянничекъ Иванушко Гординовичъ
«Онъ холостъ ходилъ и неженатъ гулялъ.
«Поѣзжай ты, Иванушко, женитися,
«Сколько надобно бери золотой казны,
«Или несчетныя силушки великія.»
Испроговорить Иванушко Гординовичъ:
— Свѣтъ государь ты мой дядюшка,
— Солянышко Владиміръ стольнѣ-кіевскій!
— Мнѣ нѣ надо твоей золотой казны,
— Мнѣ не надо твоей силы несмѣтныя.
— Только дай мнѣ три коня что ни лучшіихъ,
— Еще три молодца избранныхъ.
— Во-первыхъ дай Добрыню Никитича,
— Во другіихъ дай Алешу Поповича,
— Во третьихъ Исака Петровича.
— У мѣня есть теперь невѣста повыврапа,
— А во этомъ городи Черниговѣ,
— У Митрія купца у богатаго,
— Есть душечка Настасья Митріевична,
— Всѣмъ то Настасьюшка добрымъ добра,
— И тѣломъ Настасья быдто свѣтъ бѣла.
— У ей бровушки были черна соболя,
— У ней очушки были ясна сокола,
— Походочка у ней была павная,
— Разговорушки были лебедице. —
А й сядилисн молодци поѣхали
Ко этому городу Чернигову,
Ко Митрію купцу ко торговому.
Только видѣли молодцевъ сѣдучи,
А не видѣли далыихъ поѣдучи.
И не путемъ они ѣдутъ не дорогою,
Прямо ѣдутъ черезъ стѣну городовую.
Увидѣлъ тутъ Митрѣй торговый гость,
Скоро выбѣжалъ Митрей на шірокъ дворъ,
Во бднихъ чулочвахъ безъ чоботовъ,
И въ бдной рубашкѣ безъ шубоньки,
Принимаетъ гостей да й подчуетъ.
«Ай же вы удалыи молодци!
«Вы чего сюда теперь пріѣхали?»
— А пріѣхали посвататся

— На твоей ли любимой на дочери,
— А й на этой Настасьѣ Митріевичной.
— Есть ли волей не дашь, мы боёмъ возьмёмъ.
Испроговорить купецъ имъ богатыи:
«Ай же вы удалыи добры молодци!
«У мѣня за три годы Настасьюшка просватана
«За того царя за Кощерища,
«А вы возьмите увезите, вамъ Богъ подастъ.»
Брали удалыи молодци
Душечку Настасью Дмитріевичну,
Посадили еѣ на добра коня,
Повезли еѣ ко городу Києву,
И ко ласкову князю Владиміру.
Не доѣдучи до города Києва,
Попало на лѣсу три слѣдочика.
И первый слѣдъ левá звѣра,
А дрúгой слѣдъ лани бѣлыя,
А третій слѣдъ черной куночки.
Тутъ Добрынюшка поѣхалъ за левымъ-звѣрёмъ.
А Олешенька за ланью за бѣлою,
А Исакъ Петровичъ за куночкой черною,
А Иванушка Гординовичъ
Отдыхалъ онъ съ Настасьей во бѣломъ шатрѣ.
Наѣзжаетъ тутъ царицо Кощерицо,
И говорилъ тутъ царицо таково слово:
— Ай же ты Иванушко Гординовичъ!
— Ты почто увезъ невѣсту обрученую,
— Обрученую Настасью за три года.
— А ужъ мы станемъ-ко выдать теперь жеребѣй,
— Будемъ пробовать мы силу молодецкую. —
И бросилъ тутъ Иванушко Гординовичъ
Царица Кощерица о землю,
И сядилса ему на бѣлу грудь,
Садилса Иванъ да выговаривалъ:
«Ужъ ты душечка Настасья Митріевична!
«Ты подай ножичицо кинжалицо,
«Роспорю я теперичу татарску грудь.»
А й возмолитса царицо Кощерицо:
— Ужъ ты душечка Настасья Митріевична!
— Не подай ножичища кинжалища,
— А возми-тко Иванушка за кудри,
— А сними-тко съ меня ёго на землю.
— За мной будешь жить, дакъ царицей слыть,
— А за Иваномъ жить, бабой портомойнницей. —
А у дуры у бабы волосá долги,
Волосá долга да дума коротка.
Она взяла Иванушка за кудри,
А склонила его да на сыру землю,
Исправилса царицо Кощерицо.
Нарвали они да ковыль травы,
Привязали Ивана ко сыру дубу,

Ко снру дубу да на ковыль траву.
 Снрой дубъ погибается,
 А ковыль трава не порывается.
 А на ту пору да на то времечко
 Прилетѣло два малыихъ два сизыихъ голуба,
 Прилетѣли надъ Иванушкою вѣркали:
 «За что эта головушка привязана,
 «Привязана головушка прикована?
 «Ради дѣвви ради дурица.»
 А й ты слова царю да не влюбилси,
 Онъ беретъ тутъ Иванушкою тѣгой лукъ,
 Накладываетъ Иванову калену стрѣлу,
 Направляетъ во малыихъ голубовъ.
 А возмолится Иванъ у сыра дуба:
 — Ужь ты батюшко мой тѣгой лукъ,
 — Матушка да каленá стрѣла,
 — Не пади стрѣла не на воду,
 — Не пади стрѣла ты й не на землю,
 — А воротись ко татарину во бѣлу грудь. —
 По егѣ словамъ тутъ случилоси,
 Каленá стрѣла да воротиласи,
 И вышибла сердце со печеню.
 А й заплакала Настасья Митріевича,
 А отъ бѣдного бережка откáчнутосъ,
 Ко дрѣугому да не прикáчнутосъ.
 Говорить ей Иванъ таково слово:
 — Отвяжи меня Настасья отъ сыра дуба,
 — Я не буду бить тебя назывывать,
 — Только дамъ три грозы княженецкиихъ,
 — Да и три тебѣ науки молодецкиихъ. —
 Отвязала Настасья отъ сыра дуба,
 А й беретъ тутъ Иванушко булатнй ножъ,
 Отсѣкъ у ей руки по локѣтамъ прочь.
 — Этыхъ мѣсть мнѣ не надобно,
 — Съ поганимъ царемъ охалпаласи. —
 Отсѣкъ у ей носъ да и со губами.
 — Этыхъ мѣсть мнѣ не надобно,
 — Этима мѣстама цѣловаласи. —
 А копаль глаза со косицами.
 — Этыхъ мѣсть мнѣ не надобно.
 — Этима мѣстама умиаласи. —
 А й тулово оставилъ на снрой земли,
 Чернымъ вѣронамъ на граянье,
 Добрымъ людюшкамъ на баянье.
 Самъ поѣхалъ ко городу Киеву,
 А ко дялюшкѣ Владиміру ко Киевску,
 Розказалъ ему обо всемъ пѣдробно.
 А и только нашъ Иванушка женать бывать,
 И только Гординовичъ съ женой сыпаль.

Записано тамъ же, 15 июля.

180.

ДЮКЪ.

Во стольномъ во городѣ во Киевѣ,
 А й у ласкова князя у Владиміра,
 Открылся зачался почестной пиръ,
 На многи на князи на бояры,
 И на русски поляницы удалыи.
 Этотъ день идетъ къ вечеру,
 А почестной пиръ сталъ на весели.
 Всѣ на пиру напивалиси,
 И всѣ на пиру наѣдалиси,
 И всѣ на пиру порасхвасталиси.
 Сильнй-отъ хвасталъ своей силою,
 А богатый хвасталъ золотой казной,
 А удалой хвасталъ добрымъ конѣмъ,
 Умный хвасталъ отцемъ матушкой,
 А безумный хвасталъ молодой женой.
 Тутъ, среди стола бѣлодубова,
 Сидѣлъ удалый добрый молодецъ
 Молодой Дюкъ Степановичъ.
 Онъ не ѣсть, не пьетъ, не кушаѣтъ,
 Ни съ кѣмъ не говоритъ и не хвастаѣтъ.
 Говорить ему Владиміръ князь:
 «Ай же ты удалый добрый молодецъ!
 «Ты чего не пьешь, не кушаѣшь,
 «Ни съ кѣмъ не говоришь, не хвастаѣшь?
 «Развѣ пиръ тебѣ да не по разуму,
 «Или ѣсть тебѣ было нечего,
 «Или человекъ бѣдѣнъ хвастать не о чемъ?»
 Говорить ему Дюкъ Степановичъ:
 — Ай ты солнышко Владиміръ стольно-киевскій
 — У меня есть живота и больше вашего,
 — Я отъ батюшки остался малешенѣкъ,
 — И не привыкъ ѣсть хлѣба чернаго,
 — А у моей-то родители у матушки,
 — У честной вдовы Амальфы Тимоеевной,
 — Есть гридни палаты бѣлокаменны.
 — Полю и среда одного серебра,
 — Крюки пробои по булату злачѣны,
 — Печки тѣ были муравлены,
 — Помялышка были шелковыи,
 — Водушка была медовая,
 — Колачики пекутъ крупивчаты.
 — Колачиъ съѣшь, а другой хочется,
 — А другой съѣшь, по третѣемъ душа горитъ.
 — Если третій съѣшь, то и смѣту нѣтъ.
 — А серебра и золота смѣту нѣтъ,
 — Широкий дворъ на семи верстахъ,

— И около заборы позолочены. —
 На тѣ слова Владиміръ не повѣрилсо,
 А принялъ молодца за гостя,
 Къ нему въ домъ послалъ Чурилу Плѣнкова
 И мѣлада Олешу Поповича,
 Узнать, описать все имѣніе.
 Пріѣзжали молодцы къ дому Дюкову,
 И увидѣли изрядную женщину.
 Поклонившись ей проздравили:
 «Здравствуй-ко Дюкова матушка,
 «Честна вдова Амелѣфа Тимоѣевна!»
 Отвѣчала имъ женщина:
 — Я не Дюкова матушка,
 — А Дюкова послѣдняя портомойница,
 — А вы увидите Дюкову матушку,
 — Она отворитъ вамъ глубокіи погребы
 — И покажетъ вамъ много золота и серебра,
 — И всякаго каменя драгоцѣннаго. —
 Потомъ Чурила Плѣнковичъ,
 Написалъ письмо ко Владиміру:
 «Ты послушай Владиміръ кievской!
 «У насъ чернилъ бумаги не ставится,
 «А у Дюка живота остается.»

Записано тамъ же, 15 Іюля.

181.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

А й у насъ было во городи во Кіевѣ,
 А какъ сподъ этой-то стѣны городовья
 Выходило два тура златорогія,
 А на встрѣчу турамъ ихна мать родна.
 «Ай же малыи туры неразумныи!
 «Ужь вы гдѣ туры были, что вы видѣли?»
 — Ужь мы видѣли, мати, чудо чудное,
 — Чудо чудное видѣли, диво дивное.
 — Тамъ ходила по стѣны красна дѣвица,
 — Не столько ходила, сколько плакала,
 — Она плакала тужила зычнымъ голосомъ. —
 «Ужь вы глупыи туры неразумныи!
 «Это плакала стѣна городовая,
 «Она слышала побѣду надъ Кіевомъ.»
 А й на ту пору на другой день,
 Пріѣхалъ Батый тутъ невѣрной царь,
 Со своимъ сынѣмъ Батыгою Батыгичемъ,
 Да съ любимымъ зятемъ татаринѣмъ.
 И со хитрымъ дьячкомъ зловыдумчивымъ.
 У Батыги было силы сорокъ тысящей,

И у сына его сорокъ тысящи,
 У зятя у него сорокъ тысящей,
 Да й у хитраго дьячка сорокъ тысящей.
 Обступили обошли они Кіевъ градъ,
 И посылаетъ тутъ Батый царь скорѣ гонца:
 — Ты поди сходи гонецъ ко Владиміру,
 — Ты потребуй у него намъ поединщика.
 — А й не дасть будетъ Владиміръ поединщика,
 — Мы побьемъ разоримъ его Кіевъ градъ,
 — Не оставимъ мы во городѣ ни ѣдного,
 — Ни ѣдного Владиміру на сѣмена. —
 А й приходитъ тутъ гонецъ ко Владиміру,
 Ужь онъ бросилъ ярлыкъ на круглый столъ,
 Самъ онъ садился на ременный стулъ,
 Испроговорить татаринъ таково слово:
 «Ты пожалуй намъ Владиміръ поединщика.
 «А й не дашь буде Владиміръ поединщика,
 «Мы побьемъ разоримъ твой Кіевъ градъ.»
 Видитъ тутъ Владиміръ что бѣда пришла
 И некого послати поединщика.
 Самъ говоритъ таково слово:
 — По грѣхамъ надо мной случилосѣ,
 — Молодцевъ у меня не случилоси.
 — Илья Муромецъ гуляетъ во чистомъ полн,
 — А Добрыня у Макары на ярмонѣхъ,
 — А й Олешенка Поповичъ въ Новѣгороди.
 — А одинъ мѣладой Васильюшка упянсливой
 — Со похмѣльница лежитъ во царевнѣ кабаки. —
 Запечалился Владиміръ позадумался.
 Услышалъ тутъ Василей таково бѣду,
 Скоро шелъ на башню на стрѣльню,
 И беретъ себѣ Васильюшко тугой лукъ,
 А й накладываетъ Василей калену стрѣлу,
 Онъ пушаетъ во шатры во Батыгивы,
 И убилъ подъ шатрамъ ровно три головы,
 Что не лучшии головушки удалыи.
 Во первыхъ убилъ сына Батыгина,
 Во другихъ убилъ зятя любимаго,
 А й во третьихъ убилъ хитраго дьяка зловыдум-
 чива.
 Тутъ увидѣлъ Батый что бѣда пришла,
 Что изъ Кіева пушена каленѣ стрѣла.
 Призываетъ себѣ татарина побольше всѣхъ,
 А й которой-то татаринъ былъ потолще всѣхъ,
 Да й которой-то татаринъ носильвѣе всѣхъ.
 Отправляетъ онъ его ко Владиміру,
 Отправляетъ онъ его да и наказывать:
 «Ты поди скорѣй татаринъ ко Владиміру,
 «Ужь ты требуй у него виноватаго.
 «И кто это убилъ у меня три головы,
 «Что не лучшии головушки удалыи?»

Пріѣзжаетъ тутъ татаринъ ко Владиміру,
 Онъ не вяжетъ коня да не приказываетъ,
 Скоро бѣжитъ во GRIDНЮ СВѢТЛУЮ,
 Онъ Спасову образу не молится,
 И Владиміру князю челомъ не бьетъ,
 Только самъ говоритъ таково слово:
 — Ужь ты старая собака сѣдатый песь!
 — Это кто сошутилъ таку шуточку.
 — Изъ лука пустилъ калену стрѣлу,
 — А й убилъ подъ шатрами ровно три головы.
 — Ты давай намъ скорѣй виноватаго.
 — А й не дашь буде Владиміръ виноватаго,
 — Мы сейчасъ разоримъ твой Кіевъ градъ. —
 А й приходитъ тутъ Владиміръ во царевъ кабакъ,
 Говоритъ тутъ Владиміръ таково слово:
 «Охъ молодой Васильюшко ульянсливый!
 «А не ты-ли сошутилъ таку шуточку,
 «Ты убилъ у Батыги ровно три головы?
 «Поѣзжай-ко къ нему ты прощатися,
 «Во большой во винѣ извинятися.»
 Говоритъ ему Василей ульянсливой:
 — Ты послушай-ко Владиміръ стольнѣ-кіевской!
 — Не могу я теперъ пристати, головы поднять,
 — А й шумить-то болитъ буйна голова,
 — Со похмѣльница дрожать и ножки рѣзвыя.
 — Прикажи-тко ты Владиміръ опохмѣлиться,
 — Хоть единою чарочкой похмѣльною,
 — Чтобы мѣрою помѣрить полтора ведра. —
 Принималъ Василей единой рукой,
 А й выпивалъ тутъ Василей единымъ духомъ,
 Да й по кабаку Василей сталъ похаживать,
 Буйною головушкой покачивать,
 Правую ручкой помахивать.
 «Я теперъ могу владѣть добрымъ конемъ,
 «Я теперъ могу владѣть саблей острою.»
 А й приходитъ тутъ Василей ко Владиміру,
 Увидалъ онъ татарина сидячаго,
 Самъ говоритъ таково слово:
 «Ужь ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кіевской!
 «Это что у тебя за дуракъ сидитъ?
 «Это что у тебя болванъ необтесанный?
 «Онъ Спасову образу не молится,
 «А Владиміру князю челомъ не бьетъ.»
 Выбиралъ тутъ Василей коня по любви,
 На этой на конюшенкѣ княженицкою,
 Сѣдалъ уздалъ Василей приговаривалъ:
 «Ужь ты конь мой конь лошадь добрая!
 «Не убойсь-тко шуму татарскаго.»
 Выѣзжалъ тутъ Василей изъ Кіева,
 Подѣзжалъ ко татарамъ ко Батмевымъ,
 У Батыя во винѣ онъ прощатся:

«Ты прости меня Батый во большой винѣ,
 «Дай мнѣ-ка силы сорокъ тысячей,
 «Пособлю я тебѣ взяти нашъ Кіевъ градъ.
 «Ужь я знаю гдѣ ворота худо заперты,
 «Худо заперты ворота, не заложены.»
 А й на ты слова Батый обнадѣяло,
 А й давалъ ему силы сорокъ тысячей.
 Выводилъ ихъ Василей во чисто поле,
 Прибилъ, пригубилъ всѣхъ до одного.
 Поскорешенько назадъ и ворочается,
 Онъ во этой винѣ извиняется:
 «Ты прости меня Батый во большой винѣ!
 «Я попалъ на заставушки россійскія,
 «Отобразили у меня всѣхъ до одного.
 «Еще дай мнѣ-ко силы сорокъ тысячей.»
 А й на ты слова Батый приувицулся,
 А й давалъ ему силы сорокъ тысячей.
 Выводилъ ихъ Василей во чисто поле,
 Онъ прибилъ пригубилъ всѣхъ до одного.
 Поскорешенько назадъ и ворочается,
 И больше въ винѣ не прощатся.
 Размахалась у Василья ручка правая,
 Распиналась у Василья ножка рѣзвая.
 Куды рученкой махнѣтъ — туды улнца,
 Куды ноженкой пихнѣтъ — переулочекъ,
 Вдвое втрое того топчетъ его добрый конь.
 И видитъ тутъ Батый что бѣда пришла,
 И самъ говоритъ таково слово:
 — Не ужоль таковы люди въ Кіевѣ, —
 — А одинъ молодець всѣхъ татаръ прибилъ? —
 Поскорешенько на коней собирается,
 И самъ онъ, невѣрный, заклинается:
 — Не дай мнѣ-ка Богъ на Руси бывать,
 — И не дѣтямъ монимъ и не внучатамъ.
 — Оставайтесь во Кіевѣ по прежнему. —

Записано тамъ же, 15 іюля.

182.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА.

Ай диди диди дидюшечки,
 А и изъ городка было изъ Крякова,
 Изъ того села Карачаева,
 А выѣзжалъ тутъ удалый добрый молодець,
 Пётре Петровичъ королевской смнѣ,
 Поѣздитъ гуляти по чисту полю.
 Онъ увидѣлъ на дубу синя ворона.
 А й беретъ тутъ Пётре тугой лукъ,

Направляетъ Петре казену стрѣлу.
 Испровержется воронъ птица хитрая:
 «А ѣ ты Петре Петровичъ королевской сынъ!
 «Не спускай-ко ты Петре казену стрѣлу.
 «А ѣ прольешь ты королевичъ воронину кровь,
 «А ѣ рознесетъ мое перье воронинное
 «По широкому да по чисту полю,
 «И сгвѣютъ мои кости у сира дуба,
 «У сира дуба на кореньцахъ.
 «А поѣзжай-ко Петре на гору висоую,
 «Посмотри-ко во страну во восточную.
 «А ѣ тамъ ѣздитъ татаринъ косинскій,
 «Онъ тѣшитса утѣхой молодецкою.
 «А ѣ мечетъ онъ палицю подь облако,
 «На кони гонять да и подхватывать.»
 А ѣ раздумался Петре королевскій сынъ:
 — Мнѣ-ка старца убить не спасенѣ,
 — А черна ворона убить не корысть получить.
 — Я повыстану на гору висоую,
 — Посмотрю во страну во восточную. —
 А ѣ увидѣлъ онъ татарина косинскаго,
 Молодецкое сердце разгорѣлось,
 А ѣ я пробовать силы захотѣлось.
 Направился къ татарину насупротивъ,
 Съѣхались молодчики ударились,
 А ѣ ударились во копыя во острии,
 У нихъ острии копыя приломались,
 И не кой коего не поранили.
 А ѣ ударились во палици булатнии,
 У нихъ палици въ рукахъ прицепались,
 И не кой коего не поранили.
 Соскочили они со добрыхъ коней,
 Ухватились они рукопашною,
 И одолѣлъ королевичъ татарина.
 Онъ садился татарину на бѣлу грудь,
 Вынималъ ножичицо, вынжалицо,
 Хочетъ пороти ѣму бѣлу грудь.
 Тутъ въ плечи его рука устояласи,
 Выпадаетъ ножъ съ руки на землю.
 Сталъ тутъ королевичъ спрашивать:
 — Ты скажи, скажи татаринъ косинскій,
 — Ты койей орды татаринъ, койей земли,
 — Какъ тебя именемъ зовуть,
 — А чьего отца и каковой матери?—
 А ѣ отвѣчать ему татаринъ косинскій:
 «Ужъ ты сукинъ сынъ, блядинъ сынъ молодой
 щенокъ!
 «Кабы я сидѣлъ на твоѣй груди,
 «Я не спрашивалъ бы имени, отечества.
 «Я бы скоро поролъ твою бѣлу грудь
 «И вынулъ бы тебѣ сердце со печенью,

«А ѣ закрылъ бы тебѣ да очи ясныи.»
 И говоритъ ему Пѣтре королевской сынъ:
 — Ты послушай-ко татаринъ косинскій!
 — Ты скажи, скажи да не утайвай,
 — А ѣ какъ тебя именемъ зовуть.
 — А чьего отца ты, каковой матушки? —
 А ѣ говоритъ ему татаринъ косинскій:
 «А ѣ ты русскій удалый добрый молодецъ!
 «Когда началъ мѣня спрашивать,
 «А я тебѣ теперь буду рассказывать.
 «Я есть не татаринъ не косинскій,
 «А я русской удалый добрый молодецъ,
 «Изъ этого изъ города изъ Крякова,
 «Изъ этого села Карачаева,
 «А ѣ Василій Петровичъ королевской сынъ.
 «Когда воевали татара косинскій,
 «Тогда меня съ батюшкой малаго въ полонъ
 взяли,
 «Въ полонъ взяли и въ Литву свезли.»
 Тогда скоро скочилъ Петре на ноги,
 Поднималъ онъ татарина за руки,
 Цѣловалъ во уста во сахарнии,
 Прижималъ ко сердечнику ретивому.
 И садилси они на добрыхъ коней,
 Поѣзжали ко городу ко Крякову,
 Ко своему селу Карачаеву.
 Подѣзжалъ тутъ Петре королевичъ ко дому,
 Онъ кричитъ тутъ зычнымъ голосомъ:
 — Свѣтъ ты государни матушка!
 — Ты бери-тко татарина за руки,
 — А корми-тко татарина до сыта,
 — А люби-тко татарина д'люби.
 — Это есть не татаринъ косинскій,
 — А мой старшій братецъ родимый,
 — Василій Петровичъ королевскій сынъ. —

Записано тамъ же, 25 июля.

183.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

А у насъ было братцы во каменной Москвѣ,
 У Грознаго царя Ивана Васильевича,
 Собранъ былъ да великій пиръ
 На многи на князи на бояры.
 Все на пиру наѣдались,
 Все на пиру напивались.
 Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 «Я повывелъ измѣншуку изъ Кіева,

«Я повывелъ измѣну изъ Чернигова,
 «А повывелъ я измѣну изъ Пскова,
 «А я повыведу измѣну съ каменной Москвы».
 Зѣ-за того стола да бѣлодубова,
 Изъ этой скамеечки яровчатой,
 Ставалъ поднимался удалой добрый молодець,
 А по имени Иванъ да Ивановичъ.
 Ставалъ молодець выговаривалъ:
 — Свѣтъ государь ты мой батюшко,
 — Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 — А не вывелъ ты измѣнушки изъ Кіева,
 — А не вывелъ ты измѣны изъ Чернигова,
 — Да не вывелъ ты измѣны изъ Пскова,
 — А не вывести измѣны съ каменной Москвы,
 — А измѣнушка твоя за столомъ сидитъ,
 — За столомъ сидитъ да во глаза глядитъ,
 — Она платице носить одного швеца,
 — Ъсть-то пѣтъ да съ одной чашечки. —
 Испроговорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 «Ты скажи скажи моё дитято,
 «Это кто такова измѣнушка?»
 А я восплачется Иванушко Ивановичъ:
 — Свѣтъ государь ты мой батюшко,
 — Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 — Миѣ на братца сказать, дакъ братца жаль,
 — А на себя сказать, дакъ живу не быть.
 — Которой улицей ѣхалъ я съ тобой,
 — Мы грѣшничковъ били всё вѣшали;
 — А которой улицей ѣхалъ братецъ мой,
 — Онъ грѣшнихъ не билъ, а миновалъ,
 — Давалъ ермички потаенные
 — Велѣлъ виновнымъ укрытися. —
 Испроговорилъ Грозный Иванъ Васильевичъ:
 «А я же вы татары безбожныи,
 «А я же вы палачи немилосливы!
 «Вы берите-тко моего сына Ѳедора
 «За бѣлы руки, да желты кудри,
 «Отвезите-тко его во чисто поле,
 «Ко этому болоту куликову,
 «Ко этой ко плахѣ ко липовой,
 «А ко той ко сабли ко вострой.
 «Отрубите-тко Ѳедору голову,
 «За его за измѣнушку великую.»
 Тутъ палачи испугались,
 Грознаго гласу убоилися,
 Средній тулялся за старшаго,
 А старшій тулялся за младшаго,
 А отъ младшаго во-все я отвѣту вѣтъ.
 И всё говорили единѣ слово:
 — Послушай-ко грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 — Намъ нельзя поднять руки татарскія,

— На твои на роды на царскія. —
 А одинъ малый Малютка Шкуратовичъ,
 Онъ бралъ Ѳедора за руки,
 Выводилъ его на широкій дворъ,
 Посадилъ его во карету темную,
 А повезъ его во чисто полѣ,
 Ко этому болоту куликову,
 Да я ко этой ко плахѣ ко липовой,
 И ко этой ко сабли ко вострой.
 Видитъ царица россійская,
 Молода Марья Романовна,
 Что бѣда еѣ пристыгла немилуема.
 Она чоботы одѣла на босу ногу
 И шубоньку бросала на одно плечо,
 А я бѣжала царица каменной Москвой
 Ко милому братцу родимому,
 Ко этому Никитѣ Романову.
 Не черная куночка прорыскала,
 Свѣтъ-государыни пробѣгнула.
 А я увидѣлъ тутъ Никита Романовичъ,
 Выбѣжалъ Никитишка на широкъ дворъ
 И самъ говорилъ таково слово:
 «Ты послушай-ко сестрица родимая,
 «Молодая ты Марья Романовна!
 «А какимъ тебя вѣтрушкою закинуло?»
 Отвѣтъ держитъ Марья Романовна:
 — Ты постушай-ко родимый мой братецко,
 — Старый Никита Романовичъ!
 — Какъ не стало у тебя да старша племянника,
 — Старша племянника любима крестничка.
 — А увезъ его Малютка въ чисто полѣ,
 — Отрубить у него буйну голову.
 Тутъ выдался Малютка Романовичъ
 На свою онъ конюшнѣ богатырскую.
 Онъ бралъ себѣ жеребчика неѣзжана,
 Неѣзжана жеребчика некладана,
 Сѣдлакъ уздалъ Никита приговаривалъ:
 «А я же вы народъ да люди добрыи,
 «Вы сусѣдушки мои порядовныи!
 «Дайте торну путь дорожку широкую,
 «Чтобы старому мощно проѣхати.»
 Только видѣли Малютку сѣдучи,
 А не видѣли Романовича ѣдучи.
 Только пыль пылить да дымъ столбомъ валить.
 Пovyѣхалъ Никита во чисто поле,
 Увидалъ онъ Малютку Шкуратова.
 Не доѣдучи болота куликова,
 Закричалъ тутъ Никита громкимъ голосомъ:
 «А я же ты сукинъ-сынъ молодой щенокъ Ма-
 лютка Шкуратовъ
 «И не тотъ стаганъ выѣдешь ты закленешься,

«А съѣшь наше мясо да и задавишься.»
 Наѣхалъ Микитушка Романовичъ,
 Отрубилъ у Шкуратова голову.
 Бралъ онъ любимаго племянника,
 Посадилъ его на добра коня,
 Привозилъ тутъ Никита во полатушку.
 Отправлялся ко грозному царю Иваву Василье-
 вичу,

Бьетъ онъ челомъ да и поклоняется:
 «Здравствуй грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 «Со своей ты съ любимой семьей,
 «Съ любимой семьей да съ молодой женой!»
 Испроговорить грозный царь Иванъ Василье-
 вичъ:

— Ты послушай-ко Микита Романовичъ!
 — Али ты надо мной да надсмѣхаешься,
 — Или вовсе про незгодушку не вѣдаешь,
 — Какъ не стало у тебя да старша племяника,
 — Любимаго хрестиника а моего сына Ѳедора.
 — Увезъ его Малютка въ чисто поле
 — Отрубить у его буйну голову. —
 Испроговорить Микита Романовичъ:
 «Ты послушай-ко грозный царь Иванъ Василье-
 вичъ!

«Есть ли грѣшнику покаяніе,
 «А виноватому бываетъ ли прощеніе?»
 — А было бы оно, теперъ негдѣ взять. —
 «А не отрублена Ѳедору голова,
 «А отрублена Малютѣ Шкуратову.»
 — Ай же ты Микита Романовичъ!
 — За твою за услугу великую,
 — Ты бери города съ пригородками,
 — Ты бери сѣла со присѣлками,
 — И сколько надо бери золотой казны,
 — А представъ ты мнѣ Ѳедора прѣдъ меня. —
 Говорить ему Никита Романовичъ:
 «Мнѣ не надо городовъ съ пригородками,
 «И не надо мнѣ-ка сѣлъ со присѣлками,
 «Да не надо твоей золотой казны,
 «Только дай ты мнѣ Микитину отчину.
 «Хощь коня угони, хощь жену уведи,
 «Хощь убей голову — уйди только въ Никитину
 отчину.»

Который ушелъ, того Богъ увезъ,
 А застали — повѣсили, тому судъ пришелъ.

Записано тамъ же, 15 іюли.

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВИЧНА ЛИТОВСКАЯ.

Ходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
 Изъ орды въ орду, да изъ земли въ землю,
 Загулялъ молодецъ въ землю литовскую,
 Ко тому королю литовскому,
 Господь молодца помиловалъ,
 Король молодца пожаловалъ,
 Принялъ молодца служить конюхомъ.
 Три года служилъ молодецъ конюхомъ,
 Пожаловалъ король его ключникомъ.
 Три года молодецъ служилъ ключникомъ,
 Еще король его пожаловалъ
 Постельникомъ служить у своей дочери,
 У этой Елены королевичной.
 Служилъ молодецъ тутъ постельникомъ,
 Ростилалъ онъ перинушки пуховыи,
 Росправлялъ одѣяла соболинны,
 У Елены былъ да во большой любви.
 По времени былъ и на бѣлой груди.
 Говорить ему Елена королевична:
 «Ай же ты удалой добрый молодецъ!
 «Не ходи молодецъ въ бесѣду татарскую,
 «Не пей молодецъ зелена вина,
 «Не расхвастайся Еленой королевичной.»
 Во одну пору во это времечко
 Выходилъ молодецъ прогулятися,
 Приходилъ молодецъ во царевъ кабакъ.
 Увидали тутъ татаровья-улановья,
 Привяли его съ честью съ радостью,
 Брали его за бѣлы руки,
 Посадили его за дубовый столъ,
 Напили молодца они до пьяна.
 Тутъ молодецъ порасхвастался:
 — Я три годы служилъ во конюхахъ,
 — Три годы служилъ я во ключникахъ,
 — А теперъ служу во постельникахъ.
 — Постилаю перинушку пуховую,
 — Роспровляю одѣяла сдоболинное,
 — А и по времени бываю у Елены на бѣлой
 груди. —

Тутъ скочили татаровья-улановья,
 Брали молодца за желты кудри,
 За желты кудри его, за бѣлы руви,
 Приводили его къ королю литовскому.
 «А вы сведите молодца во чисто поле.
 «Отрубите ему да буйну голову.»
 Тутъ взмолился удалый добрый молодецъ:

— Вы послушайте татаровья-улановья!
 — Вы возьмите-тко съ меня золотой казны,
 — Не ведите-ко меня во чисто полѣ,
 — Вы сведите-тко къ Елены королевичной. —

Повели его татаровья-улановья.

Закричалъ молодець да зычнымъ голосомъ:

— Ты прощай, прощай мой бѣлый свѣтъ,
 — Прощай милая Елена королевична. —

А ѣ услышала Елена королевична.

Бросилась она въ окошечко косивчато,

Въ одной тутъ рубашки безъ пояса,

Сама говорила таково слово:

«Ай же вы татаровья-улановья!

«Вы ведите молодца ко мнѣ на широкъ дворъ,

«Вы берите съ меня золотой казны,

«Золотой казны сколько надобно.»

А сама стала мѣлодца спрашивать:

«Ты скажи, молодець, не утанвай,

«Не утанвай, меня не оманывай,

«Холость ли ходишь, или женать гуляшь?

«Есть ли у тебя мѣлодець отецъ и мать,

«Есть ли у тебя молода жена,

«Есть ли мѣлодець малы дѣточки?»

Испроговорить удалый добрый мѣлодець:

— Есть у меня отецъ и мать,

— Есть у мѣлодца молода жена,

— Есть у меня малы дѣточки. —

«Ты возьми мѣлодець золотой казны,

«Да пооди мѣлодець въ твою сторону.

«Ты корми мѣлодець отца и мать,

«Ты люби свою молоду жену,

«А корми мѣлодець, малыхъ дѣточекъ,

«А ѣ не хвастай ты Еленой королевичной.»

Записано тамъ же, 15 июля.

XXXIII.

ВИСАРИОНОВЪ.

Алексѣй Висаріоновъ Ватѣвъ съ Выгозера, двадцати шести лѣтъ, земледѣлецъ, дюжій, неповоротливый и крайне несообщительный. Удержалъ въ памяти нѣсколько былинъ изъ тѣхъ, которыя пѣвалъ его отецъ, скончавшійся года два тому назадъ и считавшійся лучшимъ знаткомъ былинъ на Выгозерѣ. Онъ поетъ былинны очень складно, вѣрно сохраняя различіе въ напѣвахъ.

185.

КОЛЫВАНЪ БОГАТЫРЬ.

Во чистомъ поли съѣзжалосѣ
 Три сильнѣихъ могучѣихъ богатырѣ
 По имени первой Колыванъ богатырѣ,
 Другой Муромлянъ богатырѣ,
 Третьей Самсонъ богатырѣ.
 Промежду собою рѣчи говорили,
 Которыя изъ насъ будетъ большій братъ?
 Говоритъ Самсонъ богатырѣ:
 Кабы былъ столобъ въ землѣ
 Кабы было кольцѣ въ столбѣ
 Я бы землю всю во кругъ повернулъ.
 Говоритъ Муромлянъ богатырѣ
 Я бы такожде повернулъ.
 Говоритъ Колыванъ богатырѣ:
 Я бы такожде могъ повернуть.
 Господь Всевышній творецъ
 За нихнеѣ похваленьѣ
 Далъ имъ привидѣніѣ
 Куда у ихъ было нѣрчено въ путь ѣхать,
 Лежить на дороги сумкѣ,
 Въ таковой сумкѣ сложенъ весь земныя грузъ.
 Выскакивать со своего со добраго съ коня
 Самсонъ богатырѣ,
 Хватаетъ такову сумку.
 Сумка съ мѣста не ворохнѣтсѣ
 Выходитъ Муромлянъ богатырѣ
 Со своего со добраго коня
 Хватаетъ такову сумку.
 По колыванъ въ землю усѣлъ,
 Сумка съ мѣста не ворохнѣтсѣ
 Выходитъ Колыванъ богатырѣ
 Со своего со добраго коня,
 Хватаетъ такову сумку.
 По грудямъ въ землю сѣлъ,
 Сумка съ мѣста не ворохнѣтсѣ,
 Съ небеси имъ гласъ прогласилъ:
 Сильнѣи могучѣи богатырѣ
 Отстанете прочь отъ таковой сумкѣ,
 Весь земныя грузъ въ сумку сложенъ,
 Впередки не похваляйтесѣ
 Всѣю землѣю владѣти,
 Наблюдайте свое доброѣ,
 Ѣздите по Русѣи,

Дѣлайте защиту,
Сохраниайте Русью отъ вѣпріятелѣ
А хвастать по пустому вногу не знайте.

Записано въ Давиловѣ, 17 іюля.

—
186.

ИЛЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

Во стольнѣмъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя Владиміра,
Сдѣлалась побѣдушка великая,
Великая побѣда на весь Кіевъ градъ.
Наѣхало Идолищо великоѣ,
Въ долину Идолищю шти сажень,
Въ ширину Идолищю трѣхъ сажень,
Межъ ушами у него вѣдь какъ сажень со локотью,

Межъ глазами у него вѣдь какъ пада мѣрная,
Межъ ноздрами у его изляжетъ каленѣ стрѣла,
Самъ на словахъ похваляется:

«Давайте мнѣ поединщика!

«Если нѣтъ у васъ поединщика,

«Я Божьи церкви всѣ на дымъ спущу,

«А ѣ весь Кіевъ градъ я въ полонъ возьму.»

А ѣ ѣсть-то онъ пьетъ хлѣбъ-отъ за щеку,

Другой за другую,

А ѣ бѣлую лебедь на закусточку.

Выпиваетъ онъ вѣдь напитокочекъ,

По боченкѣ сороковочкѣ на единый духъ,

А во градъ вина все мало ставится.

А ѣ стольнїя князь стольнѣ-кіевской,

А ѣ видитъ бѣда пришла,

Бѣда пришла немнучая.

А ѣ говорить тутъ Василей ульянсливой,

Говоритъ тутъ онъ таково слово:

— Стольнїя князь стольнѣ-кіевской!

— Дай-ко-сь мнѣ зелена вина,

— Ретливѣ сердце мнѣ приобкатить,

— Буйна голова мнѣ извѣселить. —

Наливали ему чару зелена вина,

Мѣрой чара полтора ведра.

Принимаетъ Василей единой рукой,

Выпиваетъ Василей единымъ духомъ,

А ѣ самъ на словахъ выговаривать:

— Ретливѣ сердце теперь приобкачено,

— Буйна голова теперь извѣселена. —

Беретъ въ руки клюху богатырскую,

Вѣсомъ клюха тянетъ ровно сорокъ пудъ.

А ѣ сталъ онъ съ горы на гору поскакивать,
А ѣ сталъ онъ съ холма на холму попрадывать:
Рѣки, мелки озера межъ ногѣ спущалъ.

Приходитъ Василей ульянсливой

Во то ли онъ во чисто полѣ,

А ѣ встрѣчу ѣдетъ старый казакъ Илья Муромецъ
«Здравствуй Василей ульянсливой!»

— Здравствуй старый казакъ Илья Муромецъ! —

Говоритъ Илья Муромецъ таково слово:

«А ѣ же ты Васильюшко ульянсливой!

«Все-ль есть во городъ во Кіевѣ по старому,

«По старому-ли есть по прежнему?»

Испроговоритъ Васильюшко ульянсливой:

— Все есть во городъ не по старому,

— Все-ль есть во городъ не по прежнему,

— Наѣхало Идолищю великоѣ,

— Въ долину-то Идолищю шти сажонъ,

— Въ ширину-то Идолищю трѣхъ сажонъ,

— Межъ ушами у него вѣдь какъ сажень съ локотью,

— Межъ глазами у него вѣдь какъ пада мѣрою,

— Межъ ноздрами у его вѣдь изляжетъ каленѣ стрѣла. —

Говоритъ тутъ старый казакъ Илья Муромецъ:

«А ѣ же ты Васильюшка ульянсливой!

«Силы у тебя вѣдь есть два меня,

«Смѣлости-удати у тебя нѣтъ въ полъ-меня.»

Выходитъ старый казакъ Илья Муромецъ

Со своего ли онъ вѣдь со добра коня,

И скидываетъ изъ себя онъ платье богатырское.

Снимаетъ съ Василья платье калічьеѣ,

Надѣваетъ на себя онъ платье калічьеѣ,

А ѣ на Васильюшка на ульянслива,

Надѣваетъ платье богатырскоеѣ.

Посадилъ Василья на своего на добра коня,

Во двѣнадцать сѣдлышекъ засѣдывалъ,

Во двѣнадцать онъ подпужковъ подтягивалъ.

Тутъ поѣхалъ Василей по чисту полю,

Безъ ума его вѣдь конь носить безъ памяти,

А ѣ радъ бы Василей выпасть да нѣ можно.

А ѣ старый казакъ Илья Муромецъ

Беретъ въ руку клюху богатырскую,

Вѣсомъ клюха тянетъ ровно сорокъ пудъ.

А ѣ сталъ онъ съ горы на гору поскакивать,

А ѣ сталъ онъ съ холма на холму попрадывать.

Приходитъ старый казакъ Илья Муромецъ

Ко тому ли ко городу ко Кіеву,

Ко той ко полата бѣлокаменной,

Крычитъ покрикномъ богатырскимъ,

Свиснулъ пѣсвистомъ соловьинымъ,

Матушка сыра земля подрогнула,

Полата бѣлокаменна зашаталася.
 Это Идолище не вчается,
 Не вчается, за рѣчь не примется.
 Крикнулъ Илья Муромецъ другой разъ,
 Крикнулъ пѣрикомъ богатырскимъ,
 Свиснулъ пѣвистомъ соловьинымъ, —
 Матушка сыра земля подогнула,
 Полата бѣлокаменна зашаталася.
 Это Идолище не вчается,
 Не вчается, за рѣчь не примется.
 Крикнулъ Илья Муромецъ третей разъ,
 Крикнулъ покрякомъ богатырскимъ,
 Свиснулъ пѣвистомъ соловьинымъ, —
 Вся матушка сыра земля подогнула,
 Полата бѣлокаменна съ угла на уголъ зашаталася,
 А ѣ всѣ пята по столамъ раслескались.
 Говорить Идолище таково слово:
 — Подите-тео-сь, выведите-тео-сь,
 — Какая-сь калика переходяя,
 — Перехожа калика переѣзжая? —
 А идетъ старшій казакъ Илья Муромецъ,
 А ѣ во тую-ли во полату бѣлокаменну,
 А ѣ онъ крестъ-отъ кладѣть по учѣному,
 А ѣ поклонъ тотъ ведѣть по писаному.
 «А ѣ здравствуйте вси купци вси бѣяра,
 «Вси сильни могучи богатыри!»
 Князю Владимиру со княгиней низко кланялсо,
 Низко кланялсо имъ въ особину,
 А этому татарину челомъ не бѣеть.
 Говорить-отъ татаринъ таково слово:
 — А ѣ же ты калика переходяя,
 — Перехожа калика, переѣзжая!
 — Видалъ-ли ты, все слыхалъ-ли ты,
 — Славнаго богатыря
 — Старога казака Илью Муромца? —
 «Видалъ вѣдь я, все слыхалъ вѣдь я
 «Старога казака Илью Муромца.
 «Съ меня ростомъ, съ меня толстомъ,
 «Съ меня ровво всимъ величествомъ.»
 — По вногу ли вѣдь онъ къ выти ѣсть? —
 «А ѣ ѣсть онъ пѣеть во славу Божью,
 «Колачиѣ съѣсть, по другомъ душа горитъ,
 «А ѣ другой съѣсть, вѣдь онъ сытъ бывать.»
 — По вногу ли онъ выпивать напитокочѣ? —
 «Онъ стаканчикъ выпѣе, по другомъ душа горитъ,
 «А другой выпѣеть, онъ доволенъ бывать.»
 — Какъ бы эттакъ былъ, на долѣнь бы я клалъ,
 — Да грязь родилася.
 — А я то вѣдь какъ ѣмъ-то пью.
 — Хлѣбъ тотъ я за щеку,
 — Другой я за другую,

— Бѣлую лебедь на закусочку.
 — Испиваю я вѣдь напитокочѣ,
 — По бочечкѣ сороковочкѣ
 — На единой духъ.—
 Говорить тутъ старшій казакъ Илья Муромецъ:
 «У моего досколъ у батюшка родителя
 «Была коровищо обжорищо,
 «Вногу питей пила, только лопнула.
 «А ѣ былъ кобелищо объѣднищо,
 «Вногу ѣлъ, только треснулъ онъ.»
 Эта рѣчь-та татарину не влюбилася.
 Берѣтъ ножичищо кинжалищо,
 А ѣ бросилъ ножичищо кинжалищо
 Въ старога казака Илью Муромца.
 А ѣ старога казакъ былъ догадливой,
 Былъ догадливой самъ увѣтливой,
 Отвелъ ножичищо кинжалищо
 А ѣ той ли клюкой богатырскоѣй,
 Пролетѣю ножичищо во липину,
 Рвало липину вѣдь со двѣрма вонъ.
 Говорить тутъ старшій казакъ Илья Муромецъ:
 «Пойти взять было татарина за желты кудри,
 А ѣ взял-то татарина за желты кудри,
 А ѣ самъ говоритъ таково слово:
 «Не честь фала молодецкая,
 «Кровавить полати княженецкя.»
 Повывелъ татарина на новы сѣни.
 «Не честь фала молодецкая,
 «Кровавить сѣней княженецкинъ.»
 Повывелъ татарина на широкии дворъ.
 «Не честь фала молодецкая,
 «Кровавить двора княженецкаго.»
 Повывелъ татарина во чисто полѣ,
 А ѣ тропнулъ его единой рукой,
 А ѣ только татаринъ вѣдь живъ бывалъ.
 А ѣ сталъ онъ тоемъ туловомъ помахивать,
 Куды махнетъ — улками,
 Перемахне — переулками.
 Ахъ какъ ребята оружѣ добро,
 Ай гнѣтся татаринъ не ломится,
 Самъ весь на жильяхъ подавается.

Записано въ Тайгеницѣ, 17 июля.

187.

ДОБРЫНЯ И ОЛЕША.

У того ль у пана у купца сердопольскаго,
 Было оставленьице оставлено.
 Добрынюшка Микитиничъ,
 Во младоемъ возрастѣ,
 Остался отъ родителя отъ батюшка.
 Честна вдова Степанида Обрамовна
 Возростила своего сына,
 Добрынюшку все Микитича,
 До полнаго его до возраста.
 А ѿ сталъ Добрынюшка Микитинецъ,
 Въ чисто поле сталъ поѣзживатьъ,
 Богатырской силы своей пробовать,
 Выѣзжалъ вѣдь онъ на поединочокъ,
 А ѿ со многима всё со витязями.
 А ѿ на то ли на ратно на смертно побойшо,
 А ѿ не было съ нимъ поединничка.
 А ѿ прославился Добрынюшка Микитинецъ
 А ѿ сильнѣимъ могучѣимъ богатырѣмъ,
 А ѿ прославился Добрынюшка во Кіевѣ,
 А ѿ прославился Добрынюшка въ Черниговѣ,
 А ѿ въ матуцкѣ Добрыня въ каменной Москвѣ.
 А ѿ приѣзжаетъ домой Добрынюшка
 А ѿ со ратнаго смертнаго побойща.
 А ѿ честна вдова Степанида Обрамовна
 А ѿ присудила Добрынюшкѣ жениться,
 Чтобы жилъ былъ онъ съ молодой женой,
 А ѿ не ѣздилъ бы на ратной на смертной побойшо.
 А ѿ Добрынюшка Микитинецъ,
 Онъ слушался свою матушку.
 Прибравъ себѣ княжню обручную,
 А ѿ Настасьюшку Викуличну.
 А ѿ взялъ онъ Настасьюшку въ замужество,
 А ѿ самъ говорить таково слово:
 «А ѿ матушка ты честна вдова
 «Степанида Обрамовна!
 «А ѿ душечка Настасья Викулична!
 «Не могу я укротить своего сердца богатырскаго,
 «Поѣду я во чисто полѣ.»
 Говорить тутъ ёго матушка,
 Честна вдова Степанида Обрамовна:
 — А ѿ же Добрынюшка Микитинецъ!
 — На кого же оставишь молодую жену? —
 Говорить тутъ Добрынюшка Микитинецъ:
 «А ѿ же ты моя матушка,
 «Честна вдова Степанида Обрамовна!

«Кабы ты меня все спородила
 «Красотою-басотою во Осипа прекраснаго,
 «Силою-храбростью въ стараго казѣка Илью Муромца,
 «Смѣлостью во Олешу Поповича,
 «Не ѣздилъ бы я по чисто полю,
 «Не билъ бы головъ безновинныхъ,
 «Не слезилъ бы я отпей, матерей.
 «А ѿ такъ не могу укротить своего сердца богатырскаго,
 «А ѿ поѣду я во чисто полѣ.
 «Матушка Степанида Обрамовна!
 «Дай-ко-съ мнѣ благословеньице.
 «Вы ждите-тко-съ Добрынюшку во три года.
 «Я не буду, не буду во три года,
 «Вы ждите-тко-съ Добрынюшку во шесть годовъ.
 «Я не буду, не буду во шесть годовъ,
 «А ѿ ждите-тко-съ меня вѣдь во двѣнадцать лѣтъ,
 «Я не буду, не буду во двѣнадцать лѣтъ,
 «Матушка Степанида Обрамовна,
 «А ѿ душечка Настасья Викулична,
 «Не читайте-тко-съ Добрынюшки во живности.
 «А ѿ душечка мнѣ молодѣ жена,
 «Настасья Викулична!
 «Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
 «Только не ходи за братца крестоваго,
 «За того ли за Олешенку Поповича.»
 А ѿ уѣхалъ Добрынюшка во чисто полѣ.
 А ѿ матушка его Степанида Обрамовна.
 Молодѣ жена Настасья Викулична,
 А ѿ ждали его домой вѣдь во три годы,
 На исходѣ Добрынюшки три годы,
 А ѿ нѣту Добрынюшки во три годы.
 А ѿ ждали Добрынюшку шесть годовъ,
 На исходѣ Добрынюшки во шесть годовъ,
 А ѿ нѣту Добрынюшки во шесть годовъ.
 А ѿ ждали Добрынюшку во девять лѣтъ,
 А ѿ ждали Добрынюшку во девять лѣтъ,
 На исходѣ Добрынюшки девять лѣтъ,
 А ѿ нѣту Добрынюшки во девять лѣтъ.
 А ѿ ждали Добрынюшку во двѣнадцать лѣтъ,
 На исходѣ Добрынюшки двѣнадцать лѣтъ.
 А ѿ Олешенка Поповинецъ
 А ѿ сталъ тутъ къ Настасьюшкѣ поѣзживатьъ,
 Поѣзживать сталъ посватывать.
 Самъ говорить таково слово:
 — А ѿ же ты Настасьюшка Викулична!
 — Ты волей нейдешь, я боёмъ возьму. —
 А ѿ брать-то Настасью за бѣлыи руки,
 За бѣлыи руки, значены перстни,
 А ѿ повозилъ Настасью во церковь во Божьюю,

А ѿ во тотъ ли Настасью во Черниговъ градъ.
 Еще тамъ столовали пировали онѣ,
 А ѿ мало времечко миновалоси,
 А ѿ приѣзжаетъ Добрынюшка Микитинецъ.
 А ѿ поразвѣдалъ, что вѣту Настасьи Викуличной,
 А ѿ увезѣна у Олешенки Поповича,
 А ѿ во тотъ ли она всё во Черниговъ градъ,
 А ѿ посылаетъ послѣ онъ ко матушки.
 «Ты послушай-ко-сь меня вѣдъ посѣлъ вѣрныя
 «А ѿ за денежной расчѣтъ.
 «А ѿ съѣзди-тко-сь къ мойѣ матушкѣ,
 «Къ Степанидѣ Обрамовой,
 «А ѿ проси-тко у ѣй вѣдъ платья цвѣтныи,
 «А ѿ проси-тко у ней вѣдъ гусѣлышка нѣмецкѣи,
 «А ѿ проси-тко у ней вѣдъ струночки сибирскѣи,
 «Для своего сына Добрыни Микитича,
 «А ѿ что набы то росчитаютъ тебѣ за утружденіе.»
 А ѿ послушалъ его вѣдъ посѣлъ вѣрныя,
 А ѿ съѣздиль вѣдъ ко его ко родители ко матушки,
 А ѿ къ Степанидѣ къ Обрамовой.
 А ѿ просиль у ней платица цвѣтныи,
 А ѿ просиль у ней гусѣлышка нѣмецкѣи,
 А ѿ просиль у ней струночки сибирскѣи,
 Ради своего сына Добрыни Микитича.
 А ѿ говоритъ послу его матушка,
 Степанида Обрамовна:
 — А ѿ же ты посѣлъ вѣрныя!
 — А ѿ гдѣ ты видѣлъ моего вѣдъ чада милого;
 — А ѿ Добрынюшку всё Микитича? —
 А ѿ отвѣчаетъ ѣй вѣдъ посѣлъ вѣрныя:
 «А ѿ нынѣ мы что ни съ Добрынюшкой приразъ-
 вѣхалсь.
 «А ѿ платица у него на себѣ вѣдъ повыдержались,
 «А ѿ платица на себѣ вѣдъ онъ носить досинни.»
 Ёго матушка Степанида Обрамовна
 Подавала послу всё платья цвѣтныи,
 Подавала послу гусѣлышка нѣмецкѣи,
 А ѿ струночки были сибирскѣи.
 А ѿ отвозиль вѣдъ посѣлъ вѣрныя
 Цвѣтны платица къ Добрыни Микитичу,
 А ѿ гусѣлушка нѣмецкѣи,
 А ѿ струночки онъ сибирскѣи.
 А ѿ Добрыничина Микитинецъ,
 За утружденіе послу далъ несчетной золотой
 казны,
 А ѿ золотой казны все сколько надобно.
 А ѿ надѣвалъ на себя платицо цвѣтноѣ,
 А ѿ бралъ съ собой гусѣлышка нѣмецкѣи,
 А ѿ бралъ съ собой струночки сибирскѣи,
 А ѿ поѣзжалъ онъ ко городу Чернигову,
 А ѿ на тотъ ли на тотъ на почестевъ пиръ.

А ѿ приѣзжаетъ онъ во Черниговъ градъ,
 А ѿ приходитъ онъ на почестевъ пиръ,
 А ѿ на пиру былъ боольшо собраньицо,
 А ѿ на пиру былъ князь Митрей богатыя,
 А ѿ управитель города Чернигова.
 А ѿ доложилсо Добрынюшка Микитинецъ,
 А ѿ у Митрѣи князя богатаго.
 — А ѿ Митрей князь ты богатыя!
 — А ѿ дай волю-тко сыграть мнѣ въ гусѣлышка
 нѣмецкѣи,
 — А ѿ дай волю-тко поподернуть въ струночки
 сибирскѣи,
 — А ѿ для мѣлода Олеша Поповича. —
 А ѿ говоритъ тутъ Митрей князь таково слово:
 «А ѿ ты сыграй-ко-сь въ гусѣлушка нѣмецкѣи,
 «А ѿ поподерни-ко въ струночки сибирскѣи.»
 А ѿ заигралъ тутъ Добрынюшка Микитинецъ,
 А ѿ заигралъ тутъ въ гусѣлушка нѣмецкѣи,
 Поподернулъ онъ струночки сибирскѣи.
 А ѿ распотѣшило Митрей князь богатыя,
 А ѿ распотѣшило мѣлодой Олеша Поповича.
 А ѿ наливали Добрынѣ зелена вина,
 А ѿ подносили на подносы мѣлодой князь Олеша
 Поповича,
 Со своѣю онъ со княгинюю.
 А ѿ принимаетъ чару зелена вина
 Добрынюшка онъ Микитинецъ,
 А ѿ выпиваетъ чару зелена вина,
 А ѿ спущаетъ въ стакавъ свой обручной перстень.
 А ѿ говоритъ тутъ Настасьюшка Викулична:
 — А ѿ не тотъ мнѣ мужъ, который стоитъ подѣ
 меня,
 — А ѿ тотъ мнѣ мужъ, который стоитъ супротивъ
 меня. —
 А ѿ Добрынюшка Микитинецъ,
 А ѿ хватаетъ Олешу Поповича за шиворотъ,
 А ѿ самъ говоритъ таково слово:
 «А ѿ же ты Олешенка Поповича!
 «Кѣбы не братецъ былъ ты мнѣ крестовыя,
 «А ѿ тропнулъ бы я ты вѣдъ о печной столбѣ,
 «А ѿ только бы ты живъ бывалъ.
 «А ѿ такъ сдѣлаю я тебѣ уважечку,
 «Ради брата крестоваго.»
 А ѿ мѣлодой Олеша Поповича,
 А ѿ скоро женился, да не съ вѣмъ спать.
 А ѿ только Олешенька жевать бывалъ,
 А ѿ женать бывалъ онъ съ женой сыпалъ.
 А ѿ Добрынюшка Микитинецъ,
 А ѿ всимъ какъ онъ вѣдъ честь воздалъ,
 А ѿ Митрею князю со княгинюю.
 Уѣзжалъ онъ во своѣ во помѣстьяцо,

А ѿ со своєю женою старопрежней.
 А ѿ съ Настасьешкой оубъ съ Викулничной,
 А ѿ ко матушкѣ Степанидѣ Обрамовой.
 А ѿ полно больше Добрынюшке ѣздить по чисту
 полю,

Положилъ мысль и разумъ
 Во своихъ полатахъ проживати.

Записано въ Давилѣѣ, 17 іюля.

188.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

Во томъ-то во городи во Кієви,
 У ласкова князя Владиміра,
 Завелсо завелсо почестенъ пиръ.
 А ѿ вси на пиру наѣдалися,
 А ѿ вси на пиру напивалися,
 А ѿ вси на пиру порасхвастался.
 А ѿ кто вѣдъ хваста отцемъ матушкой,
 А иной вѣдъ хваста молодой женой.
 Испроговорить Владиміръ князь стольне-кіевской:
 «А ѿ вси-ль добры молодцы споженены,
 «Вси дѣвущи за мужъ повыданы,
 «Одинъ-то единъ добрый молодець
 «Холость ходилъ, не женатъ гулялъ,
 «Иванушко Годиновицъ.»
 А ѿ испроговорить Иванушко Годиновицъ:
 — А ѿ свѣтъ государь ты мой дядушка!
 — У меня есть невѣста поприбрапа,
 — Поприбрана невѣста во Кієви,
 — Во Кієви невѣста во Чернигови,
 — У Митрея князя богатаго.
 — А ѿ всимъ-то Настасьешка добрымъ добра,
 — Тѣломъ Настасья какъ снѣгъ бѣла,
 — Походочка у ей вѣдъ павлиная,
 — А ѿ тихая рѣчь лебединая,
 — А ѿ брови-ты у ей черна собола,
 — Глаза-ты у ей ясна сокола,
 — А ѿ личико у ей вѣдъ какъ маковъ цвѣтъ. —
 Испроговорить Владиміръ князь стольне-кіевской:
 «А ѿ же ты Иванушко Годиновицъ!
 «Чего-ль тебѣ вѣдъ все надобно,
 «Города-ль тебѣ набъ съ пригородками,
 «Аль несчетной тебѣ надо золотой казны,
 «Аль силы войска тебѣ надо великаго?»
 Испроговорить Иванушко Годиновицъ:
 — Владиміръ князь стольне-кіевской,
 — Свѣтъ государь ты мой дядушка!

— Ницѣго вѣдъ мнѣ-ка не надобно.
 — Не надо городовъ съ пригородками,
 — Не надо силы войска великаго,
 — Не надо несчетной золотой казны.
 — А ѿ только дай-ко-сь три молодца что ни луч-
 шинхъ,
 — Что ни лучшинхъ перебранныхъ.
 — Во-первыхъ стараго казака Илью Муромца,
 — А ѿ во-другихъ Исака Петровича,
 — А ѿ во-третьихъ Алѣшу Поповича. —
 А ѿ вид'ли добрыхъ молодцовъ сядучи,
 Не вид'ли удалыхъ поѣдучи.
 Во чистомъ полѣ куревá стоитъ,
 Курева стоитъ, пылъ столбѣмъ валить.
 Не путемъ-то ѣдутъ не дорогою,
 Черезъ башню ѣдутъ треугольнюю.
 Скакали кони черезъ стѣну городовую,
 Приѣзжали во тотъ ли во Черниговъ градъ,
 Ко Митрею князю богатоу,
 А ѿ ко той ко полаты бѣлокаменной,
 А ѿ ко тымъ крыльцамъ ко точѣннымъ.
 А ѿ вязали добрыхъ коней
 Ко тымъ ко кольцамъ золочѣннымъ,
 А ѿ идутъ во полату бѣлокаменну,
 А ѿ крестъ-то кладутъ по писаному,
 Поклонъ тотъ ведутъ по уцѣному.
 «А ѿ здравствуйте вси купци вси ббара,
 «Вси сильни могучи богатыри!»
 А ѿ Митрею князю со княгиною
 Въ особину низко кланялись.
 Говорить тутъ Митрей князь богатыи:
 — Цѣго пришли гостюшки небывалыи,
 — Небывалыи гости неѣзжалыи?
 — Садитесь-ко-сь вы хлѣба соли покушати,
 — Бѣлымъ лебедей все порушати. —
 Испроговорить добры молодцы:
 «Митрей князь богатыи!
 «Мы не хлѣба соли пришли кушати,
 «Не бѣлымъ лебедей мы всё рушати, —
 «Мы пришли зашли объ староемъ дѣлѣ, объ сва-
 товствѣ,
 «А ѿ сватать Настасья Митриѣвичной,
 «За того-ль за Ивана Годиновица.»
 Говорить тутъ Митрей князь богатыи:
 — А ѿ же вы добры молодцы!
 — За три годы Настасьешка просватана,
 — Во тую-ль во землю во невѣрную,
 — За того ль за царца за Кошерица. —
 Испроговорить добры молодцы:
 «Митрей князь богатыи!
 «Ты волей не дашь — мы боёмъ возьмѣмъ.»

Испроговорить Настасья Митріївична:

— Свѣтъ государь ты мой батюшко,

— Митрей князь богатня!

— Я не йду вѣдь во землю во невѣрную,

— За того ль за царица за Кошерича,

— Я иду за Пвана Годиновича. —

А й брали Настасью добры молодци.

Иванушка Годиновичъ

А й брать онъ вѣдь за бѣлы руки,

За бѣлы руки злачены перстни,

А й водилъ вѣдь во церковь во Божью,

А й садилсь въ корету золоченую,

А й видѣли добрыхъ молодцевъ садучи,

Не видѣли удалыхъ поѣдучи,

Во чистомъ полн одна пылъ стоитъ.

На пути имъ попало три слѣдочника:

А й первый слѣдочникъ левѣ звѣря,

А й другой слѣдочекъ лани бѣлыя,

А й третій слѣдочекъ черна соболя.

Говорить тутъ Иванушко Годиновичъ:

«Старый казакъ Илья Муромецъ!

«Поди-тко-сь ты за левомъ звѣрѣмъ,

«Достань-ко-сь ты вѣдь левѣ звѣря,

«А й дѣдушки все вѣдь въ подарочкахъ.

«А й Исакъ Петровинецъ!

«Поди-тко за ланью за бѣлыя,

«Достань-ко-сь ты вѣдь лани бѣлыя,

«А й дѣдушки все вѣдь въ подарочкахъ.

«Алеша Поповинецъ!

«Поди-тко за чернымъ за соболемъ,

«Достань-ко-сь ты черна соболя,

«А й дѣдушки все вѣдь въ подарочкахъ.»

А й остался одинъ добрый молодецъ

Иванушко вѣдь Годиновичъ,

А й самъ роскинулъ онъ бѣлы шатерь,

А й сталъ съ Настасьей забавлятися.

Мало времечко миновалоси,

А й ѣдетъ царицо Кошеричо

Крычить покрикомъ богатырскимъ,

Свиснулъ по свистомъ соловьинымъ,

А й самъ на словахъ выговаривать:

— А й же ты Иванушко Годиновичъ!

— Съѣшь мое мясо подавишься. —

Видитъ Иванушко бѣда пришла,

Бѣда пришла неминучая.

Выскакивалъ изъ бѣла шатра

На тую-ль на площадь дуброву зеленую,

Глядитъ-смотритъ въ сторону полудѣнную,

А й ѣдетъ царицо Кошеричо.

Куды падаютъ копыта лошадины,

Тутъ остаются колодци ключевой воды.

А Иванушко Годиновичъ

Выскакивалъ онъ на добра коня,

А й взялъ сбрую всю богатырскую.

Не двѣ горушки вмѣсто столкнулось,

Два богатыря вмѣсто съѣхалось.

А й помахнулись въ палици булатни,

А й палци во цѣвяхъ пригибались,

Пригибались переломались,

А й другъ друга до крови не ранили.

Помахнулись во сабли во вострыя,

Востры сабли прищербилсь,

Прищербилсь пополамъ переломилсь,

А й другъ друга до крови не ранили.

Помахнулись во копыа во вострыя,

Востры копыа притупилсь,

А й другъ друга до крови не ранили.

Выскакивали вѣдь съ добрыхъ коней,

На тую-ль на площадь дуброву зеленую,

А й сжакиваются на рукопашный бой.

Иванушко Годиновичъ

А й взялъ-то татарина за шиворотъ,

А й положилъ-то своей вѣдь правой ногой

Татарина по лѣвой ноги.

А й бросалъ-то его о сыру землю,

А й съѣлъ ему на груди на бѣлыя,

А й на бѣлыя на груди на царскіи,

На царскіи груди татарскіи,

А й самъ говоритъ таково слово:

«А й же ты Настасья Митріївична!

«Подай ножичица кинжалчица

«Вывать сердце со печеню татарскою,

«Татарскою сердце царскою,

«Добрымъ людюшкамъ на сгяжѣнію,

«А й старымъ старухамъ на роптанію,

«Чернымъ воронамъ все на граяню,

«А й сѣрымъ волкамъ все на вбѣню.»

Говорить тутъ царицо Кошеричо:

— А й же ты Настасья Митріївична!

— Не подай ножичица кинжалчица,

— Какъ за имъ вѣдь будешь жить,

— Будешь слыть бабой простомыяныя,

— Будешь старому малому кланяться.

— А й за мной вѣдь будешь жить,

— Будешь слыть царицей вѣвовѣчною,

— Будетъ старій вѣдь малый тѣ кланяться. —

А й у бабы волосъ дологъ, умъ коротокъ.

Выскакивалъ Настасья изъ бѣла шатра,

А й хватаетъ Иванушко Годиновича за желты

кудри,

А й сбиваетъ Иванушко Годиновича о сыру землю.

А й привязали Иванушко Годиновича

Ко тому ли ёго ко сыру дубу,
 А й той ли ёго всё кувмыл травой,
 А й сами свалились во бѣлъ шатерь.
 Мало времечко миновалоси,
 Прилетѣли три сизыхъ, три малыхъ три голуба,
 А й другъ промежь другомъ спрогурьнули:
 «За что эта головушка привязана,
 «Привязана головушка прикована?
 «Ради дѣвки, ради бляди, ради сводницы,
 «Ради сводницы, всё душолюбницы.»
 Эта рѣчь-то татарину не влюбиласи.
 Выскакиваетъ татаринъ изъ бѣла шатра,
 Вытягиваетъ у Ивана Годиновича
 Съ колчана у его какъ вѣдь тугой лукъ,
 А й берётъ у его калену стрѣлу,
 А й тугой лукъ онъ натягивать,
 Калену стрѣлу все направляивать,
 А й хочеть стрѣлѣти сизыхъ малыныхъ голубовъ.
 Иванушко Годиновичъ
 У сыра дуба приговаривать:
 — Ужь ты батюшко мой тугой лукъ,
 — Ужь ты матушка калена стрѣла,
 — Не пади-ко стрѣла ты ни на воду,
 — Не пади-ко стрѣла ты ни на гору,
 — Не пади-ко стрѣла ты ни въ сырой дубъ,
 — Не стрѣли сизыхъ малыныхъ голубовъ,
 — Обвернись стрѣла въ груди татарскіи,
 — Въ татарскіи груди во царскіи,
 — А й вырви-ко сердце со печенью,
 — Добрымъ людшкамъ на сглаженіе,
 — А й старымъ старухамъ на роптаніе,
 — Чернымъ воронамъ всё на грѣанье,
 — А й сѣрымъ волкамъ всё да вбѣнѣе. —
 А й не пала стрѣла вѣдь ни на воду,
 А й не пала стрѣла вѣдь ни на гору,
 А й не пала стрѣла вѣдь ни въ сырой дубъ,
 Не стрѣлила сизыхъ малыныхъ голубовъ,
 Обвернулась стрѣла въ груди татарскіи,
 А й въ татарскіи груди во царскіи,
 А й вырвала сердце со печенью,
 Добрымъ людшкамъ на сглаженье,
 А й старымъ старухамъ на роптаніе,
 Чернымъ ворономъ всё на грѣанье,
 А й сѣрымъ волкамъ всё на вбѣнѣе.
 А й тутъ то Настасьюшко заплакала:
 «Я отъ бережка отквачнулася,
 «Я ко другому не прикачулася.»
 Испроговоритъ Иванушко Годиновичъ;
 — Отвяжи-ко Настасья Митріевична
 — Отъ того ли меня отъ сыра дуба. —
 Говоритъ Настасья таково слово:

«А й же ты Иванушко Годиновичъ!
 «Отвязала бы я тя отъ сыра дуба,
 «А й будешь ты меня вѣдь всё бити мучити.»
 Говоритъ тутъ Иванушко Годиновичъ:
 — А й же ты Настасья Митріевична!
 — Я не буду тебя бити мучити,
 — Только дамъ три науки молодецкіихъ,
 — Молодецкіихъ науки княженецкіихъ. —
 Эта рѣчь-то Настасья не влюбиласи,
 А й выскакиваетъ изъ бѣла шатра,
 А й на туюль на площадь дуброву зеленую,
 А й берётъ въ руки саблю вострую,
 А й замахъ держитъ на Иванушко Годиновича,
 А й хочеть у него отсѣчь прочь буйну голову.
 А й богатырско сердце разгорѣлоси,
 Сходилсо Иванушко у сыра дуба,
 Сырой дубъ къ зені приклоняется,
 Самъ весь въ штильци прищербается.
 Отходилъ Иванушко Годиновичъ
 На свой волю отъ сыра дуба,
 А й хватаетъ Настасьюшку за желту косу,
 Сбиваетъ Настасью о сыру землю,
 Отсѣкъ у ней губы вѣдь какъ съ носомъ прочь:
 — Этыхъ мѣсть мнѣ не надобно,
 — Этима мѣстами несчастливимъ цѣловаласи. —
 Коцалъ глаза со косицами:
 — Этыхъ мѣсть мнѣ не надобно,
 — Этима мѣстами несчастливимъ смотрѣласи. —
 Отсѣкъ у ей руки по локотамъ прочь:
 — Этыхъ мѣсть мнѣ не надобно,
 — Этима мѣстами несчастливимъ обнималаси. —
 Отсѣкъ у ней ноги по колѣнамъ прочь:
 — Этыхъ мѣсть мнѣ не надобно,
 — Этима мѣстами несчастливимъ залеталаси. —
 А й только Иванушко женать бывалъ,
 А й женать бывалъ онъ съ женой сыпаль.
 А й скоро женился, да не съ кимъ спать.

Записано въ Тайгеницѣ, 17 іюля.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

Обувается Чурила снаряжается,
 Наливаетъ Чурила ключевой воды въ тазъ,
 Умываетъ Чурила лицо бѣлое,
 Утираетъ Чурила въ тонко льняно полотенно,
 Сапожки на ноженъ краснаго сафьяна,
 Краснаго сафьяна турецкаго,

Турецкаго шитья вѣмецкаго,
 Подъ паты паты воробей пролетѣлъ,
 Около носочковъ ячико катилъ.
 На головушку шапочку пятьсотъ-то рублей,
 А й пушисту, пушисту завѣсисто,
 Чтобы спереди не видно лица бѣлаго,
 Чтобы сзади не видно желтыхъ-то кудрей.
 Онъ беретъ-то коня да коня шахманка,
 Во двѣнадцать сѣдѣлышекъ засѣдываетъ,
 Во двѣнадцать онъ подпружковъ подтягивае.
 Подпружки были шелковыи,
 А й супруженки золоченыи,
 А й не ради красы, всё ради крѣпости.
 А й шелкъ-то не рвется, булатъ тотъ не трется,
 Красно золото не ржавѣетъ.
 Вид'ли-то Чурилушку сядучись,
 А й не вид'ли удалаго побдучись,
 Во цистомъ-то поли да одна пыль стоптъ.
 Увидала Катерина Викулична,
 Она во поясъ бросалась во косивчато окно,
 Она скоро-то шла да по новѣимъ сѣнямъ,
 А еще того скорѣе ко широкимъ воротамъ.
 Отпирала широкія воротника,
 Запускала Чурилушку Пленковича,
 А й ставила коня до во конину стойлу,
 Во кониную стойлу лошадиную,
 А й насыпала шпоны да бѣлояровой.
 Отошла отъ коня да поклонилася.
 «Ужъ ѣшь ты конь да нецѣстой духъ!
 «Не для тебя поклоняюсь, для хозяина,
 «Для хозяина да для Чурилушки,
 «Для Чурилушки да для Пленковича.»
 Брала Чурилу за бѣлыи руки,
 За бѣлыи руки все значеніи перстни,
 Цѣловала во уста да во сахарнии,
 Проводила Чурилу во свѣтлы свѣтлицы.
 «Садемъ-ко Чурилушка во шашечки играть.»
 Они разъ-то играли — проигрывали
 Они другою-то играли — выигрывали.
 «Бросимъ-ка Чурилу шашечну игру,
 «Лажемъ-ко Чурилу на тисовую кровать,
 «На тисовую кроватку, призабавимся.»
 Увидала тутъ дѣвчоночка черная,
 Черная дѣвчоночка челядинка.
 — Еще что же Катерина Викулична,
 — У тя гость въ гостяхъ да быдто братъ родной,
 — Быдто братъ родной, да быдто мужъ съ
 женой.—
 Испроговорить Чурилушка Пленковичъ:
 «Черная дѣвчоночка челядинка!
 «Вотъ тѣ дѣвчоночка шапочка,

«Шапочка да пятьсотъ рублей,
 «Ушиста, пушиста, завѣсисто,
 «Чтобы спереди не видно лица чернаго,
 «Чтобы сзади не видно вшиваго пучка.
 «Еще вотъ тѣ дѣвчоночка полтинка серебра,
 «Полтинка серебра да на румянишка,
 «Еще вотъ тебѣ друга на бѣлилушка.»
 Испроговорить Катерина Викулична:
 — Еще а й же ты Чурилушка Пленковичъ!
 — Еще шапочку-то эту самъ сдержи,
 — А й полтинки серебра мнѣ-ка-ва отдай.—
 А й дѣвчоночку пало не по идраву,
 Она скоро-то да по чистому полю,
 А еще того скорѣе во Божью церкву,
 Не крестя ни моля да лица чернаго.
 Испроговорить Пермякъ да сынъ Васильевичъ;
 «Еще что же ты дѣвчоночка черная,
 «Черная дѣвчоночка челядинка;
 «Не крестя ни моля да лица чернаго.»
 — Ты повмыслушай Пермякъ да сынъ Василье-
 вичъ!
 — У тя гость въ гостяхъ, да быдто братъ родной,
 — Быдто братъ родной, да быдто мужъ съ
 женой.—
 Онъ скоро-то шелъ да по чистому полю,
 А еще того скорѣе ко широкимъ воротамъ.
 Увидала Катерина Викулична.
 «Еще охъ-ти мнѣ да пере-охъ-ти мнѣ,
 «Куды-то я владу да Чурилушку,
 «А й Чурилушку да Пленковича.»
 Еще брала тутъ она да золотѣи ключи,
 Отмыкала она тутъ кованѣи ларцѣи,
 Полагала Чурилушку Пленковича.
 Она скоро-то шла да по новѣимъ сѣнямъ,
 А еще того скорѣе ко широкимъ воротамъ,
 Отпирала широкія воротника,
 Запускала Пермяна Васильевича.
 — Еще что же Катерина Викулична,
 — А въ однихъ ты чудочкахъ бѣвъ чоботковъ?
 — У тя гость въ гостяхъ, да быдто братъ род-
 ной,
 — Быдто братъ родной, да быдто мужъ съ же-
 ной.—
 «Ты повмыслушай Пермякъ да сынъ Васильевичъ
 «Еще бѣла казка переходящая.
 «Накормила, напоила, на перинѣи отдохнуль.»
 Поворотъ-то держалъ Пермякъ сынъ Василье-
 вичъ.
 Онъ скоро-то шелъ да по чистому полю,
 А еще того скорѣе во Божью церкву,
 Самъ говоритъ таковѣ словѣ:

— Чорна дѣвчоночка челядинка!
 — Завела говорить, такъ ты доказывай.—
 «Ты повыслушай Пермьянъ да сынъ Васильевичъ
 «Ты поди-тко во свою да во конину стойлу,
 «Во кониную стойлу лошадиную,
 «Тамъ стоитъ вѣдь Чуриллино конишечко.»
 Поворотъ-то держаль Пермьянъ Васильевичъ.
 А ѣ онъ скоро-то шель да по чистому полю,
 А еще того скорѣ во кониную стойлу,
 Во кониную стойлу лошадиную,
 Тамъ стоитъ-то Чуриллино конишечко,
 Онъ замакъ-то держаль да на конишечка,
 У конишечка головушка скатилася.
 Еще самъ говорить да такое слово:
 — Еще что же Катерина Викулична!
 — А ѣ откуль у тебя да конишечко,
 — А ѣ конишечко да Чуриллино? —
 «Ты повыслушай Пермьянъ да сынъ Василье-
 вичъ!»
 «Какъ крестовныя братици съѣзжались,
 «Они добрыма кобыми помѣнялися.»
 Поворотъ-то держаль Пермьянъ Васильевичъ.
 А ѣ онъ скоро-то шель по чистому полю,
 А еще того скорѣ во Божью церкву,
 Самъ говорить такое слово:
 — Еще чорна дѣвчоночка челядинна
 — Завела говорить, такъ ты доказывай.—
 «Ты повыслушай Пермьянъ да сынъ Василье-
 вичъ!»
 «Ты поди-тко во свои да свѣтлы свѣтлицы.»
 Поворотъ-то держаль Пермьянъ Васильевичъ.
 А ѣ онъ скоро-то шель по чистому полю,
 А еще того скорѣ въ свѣтлы свѣтлицы,
 А ѣ бралъ-то свои да значенія ключи,
 Отмыкаль-то свои да кованія зарци,
 Откуль выскочилъ Чурилушка Плёнковичъ.
 Онъ замакъ-то держаль да на Чурилушку,
 У Чурилушки головушка скатилася.
 Говорить Катерина Викулична:
 — Куды пала Чурилина головушка,
 — Тутъ скатись-ко моя буйна головушка. —
 Онъ замакъ-то держаль да на Викуличну,
 У Викуличны головушка скатилася.
 Какъ не бѣлыя лебеди слетались,
 Двѣ головушки вмѣсто скатилоси.
 Поворотъ-то держаль Пермьянъ Васильевичъ.
 А ѣ онъ скоро-то шель да по чистому полю,
 А еще того скорѣ во Божью церкву,
 Еще самъ говорить да такое слово:
 «Чорна дѣвчоночка челядинна!
 «Знала бы ты да коровъ кормить,

«Коровъ кормить, да телягъ понтъ,
 «А не знала бы ты мужнихъ жонъ доказывати.»
 Онъ замакъ-то держаль да на дѣвчоночка,
 У дѣвчоночки головушка скатилася.
 Онъ тупымъ-то концомъ да о сырью землю,
 А ѣ онъ вострымъ концомъ да въ свою бѣлую
 грудь.

Записано въ Тайгеницѣ, 17 іюля.

XXXIV.

ЛИСИЦА.

Елена Алексѣева, по прозванію **Лисица**, съ Зубовой близъ Выгозера, бѣдная вдова, изъ раскольницъ, лѣтъ подъ 60. Извѣстна въ околоткѣ знаніемъ свадебныхъ пѣсень, причитаній, заговоровъ и т. под., и этимъ получаетъ пропитаніе. Былинъ знаетъ немного, но эти поетъ весьма складно, но старческимъ, дребезжащимъ голосомъ.

190.

ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Старой казакъ да Илья Муромецъ,
 Ѣздилъ старъ по чисту полю,
 Онъ рѣки озѣра черѣзъ скакаль,
 Онъ синѣ морюшко на околѣ бѣжалъ.
 Приѣзжалъ старъ ко чисту полю, къ сѣру ка-
 мешку,
 На камешѣхъ подпись подписана:
 Въ одну дорожку ѣхатъ убиту быть,
 А въ другу ѣхатъ богату быть,
 Въ третью ѣхатъ женату быть.
 А стоитъ старъ удивляется,
 Головой кача, выговаривать:
 «На что мнѣ-ка стару убиту быть,
 «На бою стару не написана.
 «А на что мнѣ-ка стару женату быть,
 «Мнѣ-ка старая взять на печи держать,
 «А ѣ молодая взять да чужа корысть.
 «А на что мнѣ-ка стару богату быть,
 «Еще нѣтъ у меня любимой семьи,
 «Любимой семьи молодой жены,
 «Молодой жены малыхъ дѣточекъ,

«Малыхъ дѣточекъ красныхъ дѣвушокъ.
 «Не кому тощитъ золотой казны,
 «Некому держать платья цвѣтного.
 «А поѣду въ ту дорожку гдѣ убиту быть.»
 Попроѣдучись Индѣи богатней,
 А и не доѣдучись Корелы проклятыи,
 А стоитъ соробѣ воровъ соробѣ разбойниковъ,
 Стоитъ соробѣ тѣхъ же дураковъ-подорожниковъ.
 — Мы убьемъ-ко стараго, пограбимъ-ко,
 — Со конемъ, животомъ его рѣзучимъ. —
 Говори старъ таково слово:
 «Убить-то вамъ стараго некого,
 «И взять-то со стараго нечего.
 «Золотой казны не случилось,
 «И только съ собой прилучился
 «Одинъ солѣмъ на главы сорокъ тысячей,
 «На ножвахъ сапожки семи шелковъ,
 «Во рукахъ во ногахъ по камешку,
 «По цвѣтному лазуреву по латырю,
 «А чудевъ-то крестъ да семьсотъ рублей.»
 Говорѣ воры разбойники:
 — Мы убьемъ-ко стараго, пограбимъ-ко,
 — Со конемъ, животомъ его рѣзучимъ. —
 Говори старъ таково слово:
 «Убить-то вамъ стараго некого,
 «И взять-то со стараго нечего.
 «Золотой казны не случилось,
 «Только прилучился добрый конь,
 «И доброму коню у меня цѣны нѣтъ,
 «И потому ему цѣны нѣтъ:
 «Запечены дрѣги (sic) камешки во гривушку во
 конивую,
 «Положенъ во хвостнѣхъ самоцвѣтный каме-
 шокъ,
 «Не ради красы басы молодецкіи,
 «Ради темныи ночи осеннии.
 «Гдѣ ходитъ гуляѣ добрый конь во чистомъ
 поли,
 «Вижу за тридцать верстъ мѣрныихъ.»
 Садился старъ на добра коня,
 Сталъ коничкомъ порыскивать,
 Куды махнѣтъ — улканы,
 Куды перемахнетъ — переулканы.
 Смолились воры разбойники:
 — Старой казакъ Илья Муромецъ!
 — Оставь-ко ты хотъ насъ на сѣмена. —
 Старой казакъ Илья Муромецъ
 Прирубилъ силу татарскую,
 Прирубилъ силу поганую.
 Приѣзжалъ къ тому сѣру камешку,
 Старую подпись выхѣривалъ,

Новую подпись написывалъ:
 Та дорожка очищена,
 Старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ
 Очищена, оглажена.
 Поѣхалъ въ ту дорожку гдѣ женату быть.
 Приѣхалъ къ палаты бѣлокаменной,
 Привязывалъ коня добраго
 Ко тому столбу ко точену,
 Ко колечку вязалъ золочену
 Старой казакъ Илья Муромецъ,
 И шѣлъ въ полату бѣлокаменну,
 И не держали замочки шурупчаты,
 Отворялъ вси двери ворота великіи.
 Нашелъ красну дѣвицу въ своемъ теремѣ,
 И просилъ ключовъ великіихъ
 Отомнуть всѣ погребы глубокии.
 И жалко красной дѣвицы
 Подать ключовъ великіихъ,
 Не стала красна дѣвица
 Подавать ключовъ великіихъ.
 Старой казакъ Илья Муромецъ
 Не спрашивалъ тыхъ ключовъ великіихъ,
 Онъ толнулъ красну дѣвицу во бѣлу грудь,
 Просѣла она въ тьи погребы глубокии,
 И роскочилися двери великіи.
 Выпускалъ соробѣ купцей, сорокъ купечичей,
 Соробѣ простыхъ молодецѣхъ со тыхъ погре-
 бовъ глубокиихъ.
 Приѣзжалъ старой казакъ Илья Муромецъ
 Ко тому ко камешку ко сѣрому,
 Тую подпись выхѣривалъ,
 Новую подпись подписывалъ:
 Все эти дорожки очищены,
 Очищены дорожки, оглажены
 Старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ.
 А не поѣду въ ту дорожку гдѣ богату быть,
 Есть у меня золотой казны несчетныи,
 Есть у меня казны — собинны несметныи.

Записано на Выгозерѣ, 15 іюля.

191.

ДУНАЙ.

Дунай Дунаюшко сынъ Ивановичъ,
 Гулялъ Дунаюшко по чисту полю,
 Стрѣлялъ Дунаюшко сѣрыхъ утусеъ,
 Убилъ Дунаюшко головъ безповинныхъ.
 Кого за руку щипнулъ, то рука прочь,

Кого за ногу щипнулъ, то нога прочь.
 Сдѣлалась надъ Дунаюшкою незгодушка великая,
 Сдѣлалась надъ царемъ незгодушка великая,
 Улетѣла люта змѣя пещорская,
 Любимую его племяннику,
 Отъ креста его хрестничку.
 И прозвалъ царь про Дуная Дунаюшка,
 Дуная сына Ивановича,
 Набъ ѣхать за любимую племянничкой,
 Отъ креста его хрестничкой,
 Вывести отъ змѣи пещорскіи.
 А й сидитъ Дунаюшка кручинится,
 Буйная головушка повѣшена.
 Очи ясныя потупя держитъ.
 Говорила Дунаюшку родна матушка,
 Родна матушка, чѣстна вдовушка:
 «Ты Дунай Дунаюшко,
 «Дунай сынъ Ивановичъ!
 «Поди Дунаюшко на конюшій дворъ,
 «Остался отъ батюшка добрый конь.»
 Шелъ Дунаюшко на конюшій дворъ,
 Отворилъ конюшій дворъ.
 — Ужь ты добрый конь, вѣрна слуга!
 — Набъ съѣздитъ ко лютой змѣи,
 — Ко лютой змѣи ко пещорскіи,
 — За любимой племянничкой, царской хрестнич-

кой. —

^{sp. a. s.}
 Глаголетъ конь языкомъ человѣческимъ:
 «Семнадцать лѣтъ послѣ батюшка не кармливалъ,
 «Послѣ батюшка семнадцать лѣтъ не павивалъ.»
 Да тутъ Дунаюшко сынъ Ивановичъ
 Паль коню въ копытце правое.
 — Ужь ты добрый конь, вѣрна слуга!
 — Свози къ змѣи пещорскіи. —
 И наливалъ пшеницы бѣлояровой
 Дунай Дунаюшко, Дунай сынъ Ивановичъ,
 И кормилъ коня до сыта
 Дунай Дунаюшко, Дунай сынъ Ивановичъ.
 Принесла матушка сѣдельшко черкальское,
 Принесла матушка узду золоченую,
 Принесла матушка плетку шелкову,
 Плетку шелкову сорока пудовъ.
 И садился Дунай на добра коня,
 Вид'ли добра молодца сѣдучись,
 Не вид'ли поѣдучись.
 Въ чистомъ поли курева стоитъ,
 Курева стоитъ, дымъ столбомъ летитъ.
 Приѣзжалъ къ змѣи пещорскіи,
 Глаголетъ красна дѣвица Дунаюшку:
 «Дунай Дунаюшко Дунай сынъ Ивановичъ!
 «А пусть змѣя лютая

^{be devoured}
 «Нажрется груди бѣлою,
 «Груди бѣлою дѣвочкою.»
 Наждралась змѣя пещорская
 Груди бѣлая, груди дѣвочкою,
 И повалилась змѣя пещорская,
 Заснула сна крѣпкіи.
 И увезъ Дунаюшко любимую племяннику
 Отъ змѣи пещорскіи,
 И привезъ царю въ полату бѣлокаменну,
 И садилъ ю на золотъ столъ.
 Сталъ царь выпрашивать
 И сталъ вывѣдывать:
 — Ты красна дѣвица любима моя племянника,
 — Отъ креста моя хрестничка!
 — Везъ тебя Дунаюшко, не пристыдилъ ли,
 — Везъ тебя Дунаюшко, не пристраимилъ ли? —
 Отвѣтъ держитъ красна дѣвица,
 Своему хрестну батюшку,
 Царю великому:
 «Везъ меня — не пристыдилъ,
 «Везъ меня — не пристраимилъ.»
 Говоритъ царь великіи:
 — Ты Дунай Дунаюшко, Дунай сынъ Ивановичъ!
 — Городамы ль берешь съ пригородками,
 — Али селами берешь съ присѣлками,
 — Аль золотой казны несчетною,
 — Шль силой берешь несмѣтною? —
 Говоритъ Дунаюшко Ивановичъ:
 — Не набъ золотой казны несчетною,
 — Не набъ мнѣ силы несмѣтною,
 — Не набъ мнѣ-ка-ва городовъ съ пригородкамъ,
 — Осталось отъ батюшка родителя
 — Золотой казны несчетною,
 — Остались бочечки сороковочки,
 — И вѣснуть на цѣпочкахъ серебряныхъ.
 — Ты царь великіи
 — Дай-ка красну дѣвицу за меня замужь. —
 И сложился царь, отдалъ любимую племяннику
 За Дуная сына Ивановича,
 За его вѣрну услугушку,
 Съ весельемъ и радостью.

Записано тамъ же, 15 июля.

192.

ДАНИЛО ИГНАТЬЕВИЧЪ.

Заводилъ государь да почестень пирь,
 На многи на князи на бояра,
 На сильни могучи богатыри,
 На вси поляници удалми.
 И вси во пиру пьяны веселы,
 И вси во честномъ приросхвастались.
 Да иной-то похваста золотой казной,
 А иной-то похваста своей удатью.
 А й за тымъ столомъ бѣлодубовымъ,
 За той скамеечкой каленовою,
 Сидитъ старыи Данилушко Игнатъевичъ.
 Онъ не ѣсть-то не пьетъ самъ не кушае,
 А ничего самъ въ пиру не хвастае.
 Говоритъ царь таково слово:
 «Престарѣвшіи Данилушко Игнатъевичъ!
 «Ты чего сидишь въ пиру кручинишься,
 «Ты чего сидишь въ пиру печалишься?
 «Али мѣсто въ пиру не по отчинѣ,
 «Али чарой въ пиру тебя приобнесли,
 «Али пьяница надъ тобою усмѣхнуласи.»
 Говоритъ Данилушка Игнатъевичъ!
 — Бласлови, осударь, слово навывмолвить,
 — Не сруби, осударь, буйной головы,
 — Не вынь сердцѣ со печенью.
 — Бласлови Данилу въ монастырь итти,
 — Какъ постричься во старци во чорныи,
 — Поскомидиться въ книги спасенны,
 — При старости Данилы бы душа спасти. —
 И говоритъ царь таково слово:
 «Престарѣвшіи Данилушко Игнатъевичъ!
 «Бласловилъ бы я тебя въ монастырь пойти.
 «Какъ прознають орды невѣрныи,
 «Провѣдаютъ цари нещасливыи,
 «Такъ Кіевъ градъ щеной возьмутъ,
 «Да церкви Божьи на дымъ спустятъ,
 «Меня осударя въ полонъ возьмутъ.»
 — Есть у меня чадо и въ девять лѣтъ.
 — Когда будетъ чадо въ двѣнадцать лѣтъ
 — И будетъ стоять по городи по Кіеву,
 — И по тебѣ Владиміръ стольне-кіевской. —
 Нашъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
 Нашъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
 Бласловилъ Данилу въ монастырь пойти
 Какъ постричься во старци во чорныи,
 Поскомидиться во книги спасенны,

При старости Данилы бы душа спасти.
 И прознають орды невѣрныи,
 Провѣдаютъ цари нещасливыи.
 Да заводилъ осударь почестень пирь,
 На многи на князи на бояра,
 На сильни могучи богатыри,
 На вси поляници удалми,
 И вси во пиру пьяны веселы,
 Вси во честномъ приросхвастались.
 Да иной похваста золотой казной,
 Да иной-то хвастаетъ своей удатью,
 А иной-то хвастаетъ добрымъ конемъ,
 И самъ осударь-та не ѣсть не пѣе.
 Самъ въ пиру ничимъ не тѣшитси,
 Ничимъ въ пиру онъ не хвастае.
 Говоритъ царь таково слово:
 «Ой вы князи вси бояра,
 «Вси сильни могучи богатыри,
 «Вси поляници удалми!
 «Выбирайте-тко мнѣ поединщика
 «Ѣхать во далечо чисто полѣ,
 «Намъ сила считать, полки высмѣкать,
 «Вывести передъ смѣтой на зѳлотъ столъ.»
 Изъ-за тыхъ столовъ бѣлодубовыхъ,
 Изъ-за той скамеечки кленовыи,
 Выставае мѳлодой Иванушко Данильевичъ.
 Онъ князьямъ-то бѣе о лѣвую руку,
 Самому осударю о правую руку.
 — Ѣду во далечо въ чисто поле,
 — Всю силу считаю, полки высмѣваю,
 — Приведу передъ смѣтой на зѳлотъ столъ. —
 Говоритъ царь таково слово:
 «Нѣтъ ли поматерѣе Ѣхать добра молодца?»
 И говорятъ вси князи, вси бояра,
 Вси сильни могучи богатыри,
 Вси поляници удалми:
 — Видѣтъ добра молодца по походочкамъ,
 — Видѣтъ добра молодца по поступочкамъ. —
 Наливалъ осударь чару зелена вина,
 Вѣсомъ та чара полтора пуда,
 Мѣрой та чара полтора ведра.
 Принималъ Иванушко единой рукой,
 Выпивалъ Иванушко на единый духъ.
 Видѣли добра молодца сядучись,
 Не видѣли добра молодца поѣдучись.
 А во чистомъ поли курева стоитъ,
 Курева стоитъ, дымъ столбомъ летитъ.
 На встрѣту бѣжитъ родной батюшко,
 Онъ голосомъ кричитъ, шляпой маше.
 «Мѳлодой Иванушко Данильевичъ!
 «Ты не ѣдь-ко въ цѣлый гужъ,

«Ты їдь-ко въ поль-гужа,
 «Ты силу руби съ одного плеча.»
 Молодой Иванушко Данильевичъ
 Онъ во день їздилъ по красну по солннышу,
 Онъ въ ночь їздилъ по лунну по мѣсяцу,
 И наизл коню пшеницы бѣлояровой,
 И самъ молодець спать-то лѣгъ.
 Проснулся добрый молодець, стоитъ конь доб-

рын,
 Не їсть травы шелковыи,
 Не зоблетъ пшеницы бѣлояровой.
 Онъ бѣе коня по тучнымъ ребрамъ:
 — Волчья їда, травяной мѣшокъ!
 — И что же ты не зоблешь пшеницы бѣлояро-

вой,

— Не їшь травы шелковыи? —

Жерствуе*) конь языкомъ чловѣчьимъ:

«Надъ тобой знаю незгодушку великую,

«Надъ собою знаѣ незгодушку великую,

«Копали татара поганыйи,

«Копали три погребя глубокыиъ

«И влани рогатныи звѣринныи.

«И первой тотъ погребъ перѣскочу,

«И другой тотъ погребъ перѣскочу,

«Третьяго погребя не могу скочить,

«Упаду во погребы глубокии,

«Во ты рогатныи звѣринныи.

«Обневолятъ тебѣ добра молодца

«Во ты во пѣтныи шелковыи,

«Во ты желѣза во нѣмецкыи.»

Онъ бѣе коня по тучнымъ ребрамъ:

— Волчья їда, травяной мѣшокъ!

— Ты не знашь незгодушки, не вѣдаешь. —

И сядыся Иванушко на добра коня,

Въ чыстомъ поли 'ще куревá стоить,

Куревá стоить, дымъ столбомъ летить.

Прѣѣжалъ къ татаровамъ поганымъ.

Онъ первой тотъ погребъ перѣскочилъ,

Онъ дрѣгой тотъ погребъ перѣскочилъ,

Говорить конь доброй языкомъ чловѣчьимъ,

Говорить мѣлоду Иванушко Данильевичу:

«Мѣлодой Иванушко Данильевичъ!

«Дай-ко ты-ка мнѣ здохъ здохнуть.

«Перѣскочу погребъ и третыи.»

Богатырское сердце разретнвылось,

Онъ бѣе коня по тучнымъ ребрамъ,

Упалъ конь во погребы глубокии,

Во ты рогатныи звѣринныи.

Обневолили добра молодца,

Связали ручки бѣлыи

Во тыи пѣтныи шелковыи,

Во ты желѣза нѣмецкыи.

Росплакался добрый молодець.

Богородица Иванушку гласъ гласить:

— Молодой Иванушко Данильевичъ!

— Здынь-ко правую ручку выше гѣловы,

— Лѣвую ручку ниже пояса,

— И розлопаютъ пѣтныи шелковыи,

— И рострескаютъ желѣза нѣмецкыи. —

Молодой Иванушко Данильевичъ

Прáвую ручку выше гѣловы,

Лѣвую ручку ниже пояса.

Розлопали пѣтныи шелковыи,

Рострескали желѣза нѣмецкыи,

Онъ хватилъ татарина кой больше вснхъ,

Онъ сталъ татаринѣ помохивать,

Куды махнѣтъ — туды улкамы,

Куды перемахнѣтъ — переулкамы.

И добро оружье татарское,

Гнется татаринъ не ломится.

На жылы татаринъ подавается,

Во вси стороны татаринъ поклоняется.

Куды махнѣтъ — туды улкамы,

Куды перемахнѣтъ — переулкамы.

И та дорожка очыщена

Молодымъ Иванѣмъ Данильевичемъ.

Записано тамъ же, 15 июля.

—
193.

КОСТРЮКЪ.

Їдетъ царица Крымская,

Їде Унаво татарскыи,

Поляница удаая,

Съ молодымъ со Кѣстриюкомъ.

Кѣстриюкъ Кѣстриюковичъ,

Демьянъ Демьяновичъ,

Молодой їдетъ черваленець,

Иде царю въ нову горенку,

Иде Богу не молится,

Говорить не съ упадками:

«Грозный царъ Иванъ Васильевичъ!

«Чтобъ были столы розставлены,

«Терема были роспространены,

«Кушанья были налажены,

«И пѣтыя наготовлены.»

Їде царица Крымская,

*) Такъ нѣсколько разъ.

Упавъ ѣдетъ татарскій,
Поляница ѣде удалая,
Со молодымъ со Кострюкомъ.
И ѣде Кострюкъ Кострюковичъ,
И ѣде Демьянъ Демьяновичъ,
И ѣде молодой черкаленецъ,
Иде во нову горенку.
Во палату бѣлокаменну.
Идетъ онъ Богу не молится,
Говорить не съ упадкою:
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Есть-ли у васъ въ Москвы борца,
«Удали добры молодци,
«Съ Кострюкомъ поборотиси,
«Его силы отвѣдати
«Плеча богатырскаго?»
Говорить грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ужь ты Оедька дьякъ на ноженку легошенекъ,

— На походочку скорѣшенѣкъ.
— Бѣжи Оедька дьякъ ко той церкви ко Божьей,
— Крыкни Оедька дьякъ во всю орду,
— Чтобъ слышали во всю землю. —
Оедька дьякъ на ноженку легошенекъ,
На походочку крутѣшенѣкъ,
Бѣжалъ къ церкви соборныи,
Ко Михайлы Архангелу,
Ко кресту Леванидову,
Кривнуль во всю орду,
Услышали во всю землю,
Заслышали за сорокъ верстѣ мѣрныхъ.
Съ-подъ пятничкой пятны,
Съ-подъ волоцкой стороны
Бѣжить два брата родимныхъ:
Михалка бѣжить нарывається,
Иванка бѣжить похваляется.
Пришелъ борець на широкъ дворъ.
Говорить грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Хлѣбъ тебѣ на столѣ,
— И Богъ стоитъ на стѣнѣ,
— И борець стоитъ на дворѣ. —
Побѣжалъ молодой борець черкаленецъ на широкъ дворъ,

Задѣлъ ногой за скамью,
Убилъ сорокъ бойровей,
Убилъ сорокъ татареней,
Достальни лежать окарачками.
Дай Богъ на дворъ живу сойти,
Со двора живу не притти.
Пришелъ молодой борець черкаленецъ на широкъ дворъ,

Оедька поткнуль, Оедька стоитъ не тряхнется,
Желты кудерки не шарашатся.
Онъ и другой разъ поткнуль, Оедька стоитъ не тряхнется,
Желты кудерки не шарашатся.
Онъ и третей разъ поткнуль, Оедька стоитъ не тряхнется,

Желты кудерки не сворѣхнутся.
Говорить Оедька дьякъ таково слово:
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Смѣтъ ли борца побороть,
«Смѣтъ ли молодого ломать,
«Смѣтъ ли рука ногѣ ломить,
«Смѣтъ ли глазъ новѣворотить?»
Говорить грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Кабы тебѣ Господи пособилъ. —
Здынуль Оедька дьякъ повыше церкви соборныи
Пониже креста Леванидова.
Спустилъ о кирпичный подъ,
Рубашка та лопнула
Отъ бѣлой шеи до груди.
А тутъ Кострюку славѣ поють,
Славѣ поють старину скажутъ.
Тутъ царица попурихвала,
На что борца побороль,
На что молодого ломалъ,
На что руку ногу ломилъ,
На что глазъ вонъ воротилъ.
Царица не попурихвай,
Крымска не помахивай,
Не выѣхать съ нашего граду.
И царицы славѣ поють,
Славѣ поють старину поють.
И только была въ граду царица крымская,
Царица крымская съ честной славою
Не выѣхала зъ граду, въ полонъ взяли.

Записано тамъ же, 15 юля.

XXXV.

ЕЛИСѢЕВЪ.

Иванъ Елисеѣвъ, старикъ раскольникъ, подъ 80 лѣтъ, съ Выгозера, земледѣлецъ, занимался и рыболовствомъ. Сохранилъ въ памяти только одну былинку, здѣсь помѣщаемую.

194.

ЖЕНИТЬБА ДОБРЫНИ.

Молодой Добрыня Микитинецъ
 Самъ говоритъ таково слово:
 «Ай же вы братцы крестовые:
 «Ты молодой Олеша Поповинецъ,
 «Во другихъ Исѣдушко Петровинецъ!
 «А сходите на конюшню великую,
 «Берите коня что ни лучшаго,
 «Сѣдлайте во сѣделышка черкацѣи,
 «Выводите кова на улушку широую,
 «Чтобы съѣздить Добрынюшеѣ ко городу ко
 Киеву,
 «И ко ласкову князю Владиміру на широкій
 дворъ,
 «Посвататься бы на душечкѣ Настасѣѣ Митріе-
 вичвой,
 «Да Митріевичной Настасьюшкѣ Петровичной.
 И всимъ была Настасья добрымъ добра,
 И тѣломъ Настасья быдто снѣгъ бѣла,
 Походочка у ей была павлиная,
 Поговорка у Настасѣи лебедивая.
 Сходили братцы крестовы на конюшню великую,
 Брали коня что ни лучшаго,
 Приводили коня ко крылечушку точеному,
 Ко тому столбу золоченому.
 Выходитъ Добрыня на новы сѣнй,
 Изъ новыхъ сѣней на круто крыльцо,
 На круто крылечко на перінчато,
 И самъ говоритъ таково слово:
 «Ай же вы народъ, людюшки добрые!
 «Пороздвнѣйтесь, поростройнѣйтесь, на три на че-
 тире стороны,
 «Дайте Добрынѣ порозѣхаться.»
 Только видѣли Добрынюшку сѣдучнѣ,
 Не видѣли Добрыню поѣдучнѣ.
 Курева стоитъ, столбомъ парь валить.
 Куда падали копыта лошадиныи,
 Ставятся колодцы ключевой воды,
 Рѣки озера Добрыня межъ ногамъ спущагъ.
 Пріѣзжаетъ ко городу ко Киеву,
 Ко ласкову князю Владиміру на широкій дворъ,
 Привязывать коня ко столбику точеному,
 Ко тому столбу золоченому,
 Самъ заходитъ Добрыня во горницу великую,
 Поклонъ ведетъ по ученому,
 На всѣ на четыре стороны поклоняется,
 Ласковому князю въ особину.

Выходитъ князь со горницы великой,
 И самъ говоритъ таково слово:
 — Ай же вы гостюшкѣ заѣзжіе,
 — Заѣзжіе гости захожіе!
 — Вы чего пришли, чего заѣхали? —
 «Мы пришли, зашли посвататься,
 «На душечкѣ Настасѣѣ Митріевичной,
 «Митріевичной Настасьюшеѣ Петровичной.»
 Честнымъ пиркомъ да и свадебку.
 Бралъ Добрыня за бѣлы руки,
 Бралъ за алачены перстни,
 Отвозилъ Добрыня во чисто поле.
 И много-ль мало времечки ѣхали,
 Какъ встрѣтились два слѣдочика.
 И первой слѣдъ бѣла звѣря,
 Другой слѣдъ кунушки прорыскивать.
 Пошли братцы крестовые за полѣсьницею *).
 Молодой Добрыня Микитинецъ
 Раскинулъ бѣлъ шатерь, зашелъ съ Настасѣей
 забавлятися.
 И много-ль мало времечки миновалоси,
 Наѣзжалъ Гришка-Растрижка нечистой духъ,
 И самъ говоритъ таково слово:
 — Ай же ты Настасья Митріевична!
 — За емъ будешь Настасья Митріевична,
 — Будутъ бабой звать портомойницей,
 — Кабы за мной была Настасьюшка,
 — Былъ бы старый малый кланялся. —
 Хватила она за желты кудри,
 Посадила Добрыню ко сыру дубу,
 Приковала Добрыню ко смру дубу,
 Сама зачала съ нечестивымъ забавлятися.
 И много-ль мало времечки миновалоса,
 Налетало три голуба,
 Три малыхъ связихъ голубушка.
 Какъ кричатъ зычатъ звонкимъ голосомъ:
 «Зачто е та головушка посажена,
 «Посажена головушка прикована?
 «Ради дѣвки ль дуры, бляди сводницы,
 «Ради сводницы ль душегубницы?
 «У бабы у дуры волосъ дологъ, умъ коротокъ,
 «Куды вѣтеръ повѣетъ, туды й умъ понесеть.»
 И видитъ Настасья Митріевична,
 Что бѣда пришла неминучая.
 Отъ бережка Настасья откачулася,
 Ко друтому Настасья не прикачулася.
 Хватаетъ она палицу булатною во сорокъ пудъ,
 Сама говоритъ таково слово:
 — Ай же ты Добрыня Микитинецъ!

*) т. е. за этою дѣлюю.

— Не станешь ли Добрыня бить мучити.
 — Буде Добрыня станешь бить мучити,
 — Ударю палицей булатней въ сорокъ пудъ.—
 И его же богатирско сердце розгорѣлоси.
 Сходился Добрынюшка у сыра дуба,
 Вѣдь сырой дубъ ко матушкѣ сырой землѣ при-
 клоняется,

И матушка сыра земля подрогнула,
 Все Божьи церкви пошаталиси,
 Князи бояра испужалися.

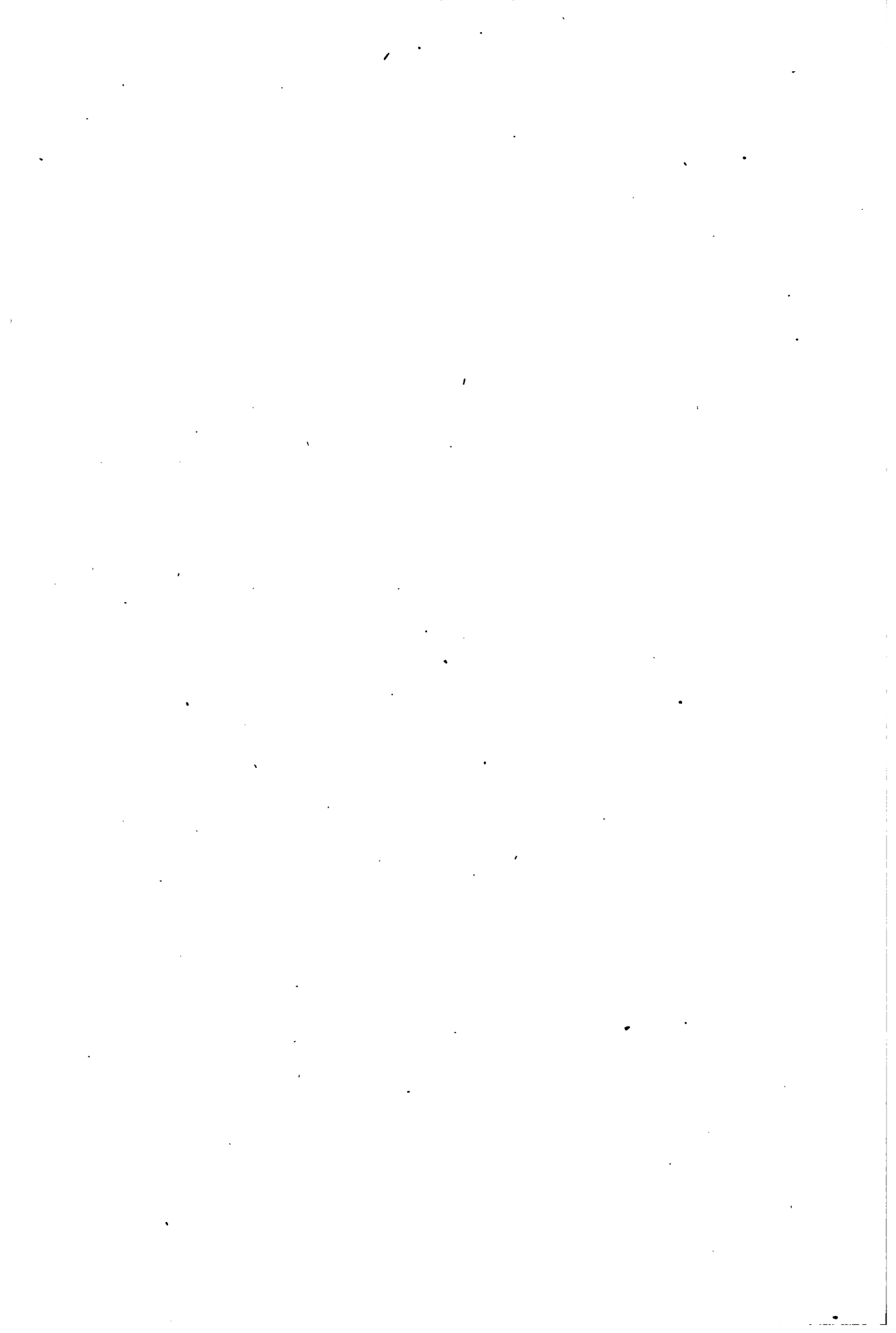
И самъ говоритъ Добрыня таково слово:
 «Ай же ты Настасья Митрѣевична!
 «Не стану я тебя Настасьюшка бить мучити,

«Только дамъ я тебѣ три наукушки великиихъ.
 «Отсѣку ей губы съ носомъ прочь:
 «Этихъ мнѣ мѣстищевъ не надобно,
 «Этима мѣстищами съ нечестливымъ цѣловаласи.
 «Отсѣку ей руки по локоткамъ прочь:
 «Этихъ мнѣ рукъ не надобно,
 «Этима руками съ нечестливымъ обнималаси.
 «Отсѣку ей ноги по колѣнамъ прочь:
 «Этихъ мнѣ ногъ не надобно,
 «Этима ногами съ нечестливымъ оплеталаси.»
 И столько Добрынюшка женать бывалъ,
 Только Добрыня съ женой сыпалъ.

Записано на Выгозерѣ, 15 іюля.

V.

ВОДЛОЗЕРО.

ВОДЛОЗЕРО.

XXXVI.

И. ЗАХАРОВЪ.

Иванъ Григорьевичъ Захаровъ, крестьянинъ дер. Пога на Водлозерѣ, 82 лѣтъ, самый зажиточный и вліятельный домохозяинъ въ своей мѣстности. Былъ человекъ «волокипный», т. е. разѣзжавшій много для покупки въ деревняхъ и перепродажи рыбы, дичи и скота и снабженія Водлозеровъ хлѣбомъ и порохомя. Во время этихъ поѣздокъ (ему случалось бывать даже на Волгѣ) онъ выучился множеству былинъ, по въ настоящее время, по старости лѣтъ, многое уже забылъ. Тѣ былины, которыя онъ помнитъ твердо, поются имъ очень складно, замѣчательно пріятнымъ голосомъ и съ соблюденіемъ различныхъ напѣвовъ; другія былины (напр. про Вольгу и про Илью съ Идолицемъ) онъ возстановлялъ съ нѣкоторымъ усиленіемъ, и онѣ выходили у него не совсѣмъ складными.

—
195.

ВОЛЬГА И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВЪ.

Когда возіяло красно солнышко
На тое на небо на ясное,
А тогда народился Вольгѣ богатырь.
А звѣри ты ушли во темныи лѣса,
Рыба та ушла во глубокій станы,

А птица улетѣла подь оболоко,
Самъ Санталъ убѣжалъ во Золоту орду,
А со своей царицей со Давыдьвеной.
А поѣзжалъ Вольгѣ богатырь
На тое на тое на поле на чистое,
А наѣхалъ во чистомъ поли Вольга
Да Викулушку Сѣятелевича.
И говоритъ Вольга таково слово:
«А я же вы дружинишка хоробрая!
«Бросьте у мужика вы соху ту въ сторону,
«Да ведите мужика вы сюды.»
А я тутъ-то дружина хоробрая
Приходили оны къ мужику оны
Ко Викулу ко Сѣятелевичу,
А хотять соху бросить въ сторону,
А не могутъ-то сохи отъ земли поднять.
Приходили къ Вольгѣ оны къ Сеславичу,
Говорять оны таково слово:
— А я же ты Вольга сынъ Сеславьевичъ!
— Да не можетъ у мужика-то сохи поднять.—
Подѣзжатъ Вольга онъ самъ къ мужику,
Говоритъ онъ мужику таково слово:
«Здравствуй мужичокъ, тебя какъ зовуть?»
— А я же ты Вольга сынъ Сеславьевичъ!
— А я есть Викула Сѣятелевичъ. —
«А я же ты Викула Сѣятелевичъ!
«А поѣдемъ-ко со мной Викула Сѣятелевичъ.»
А тутъ оны поѣхали въ чисто полѣ,
А говоритъ Вольга таково слово:
«Кабы этаа кобыла конемъ была,
«Далъ бы я за кобылу пятьсотъ рублей.»
Говоритъ ему Викула Сѣятелевичъ:
— Глуный ты Вольга неразумный!

— Куплена эта кобыла во Пурховцѣ во Орф-
ховцѣ,
— Однолѣткомъ куплена съ-подъ матушки.
— Дано за кобылу пятьсотъ рублей,
— Теперь этой кобылы цѣны-то нѣтъ. —
Говорить ему Вольга сынъ Сеславьевичъ:
«А ѣ же ты Викула Святелевичъ!
«Да поѣдемъ-ко со мной ты о запуски.»
А Викулина кобыла въ ходъ пошла,
Этотъ Вольгинъ конь да оставаться сталъ.

Записано на Водлозерѣ (дер. Куганаволокъ), 7 августа.

196.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

А ѣздилъ Илья Муромецъ по чисту полю,
Да наѣхалъ онъ калкику переходяю.
«А здравствуй ты каллика переходяя:
«Ты откуль идешь, да откуль путь держишь?»
Говорить ему каллика переходяя:
— Здравствуй Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
— Развѣ не узналъ меня каллика переходяя?
— Да я есть сильнѣе могучеѣ Иванищо,
— А мы съ тобой учились въ одномъ училищѣ,
— А я теперь иду да отъ Царяграда. —
«Ай же ты сильнѣе могучеѣ Иванищо!
«Да все ли въ Царягради по старому,
«А все ли въ Царягради по прежнему?»
— Ахъ ты свѣтъ государь да Илья Муромецъ!
— А въ Царягради да не по старому,
— Не по старому да не по прежнему.
— А приѣхалъ поганой Идолищо,
— Да зашелъ онъ къ царю Константину Бого-
любовичу
— Во тѣхъ во полаты бѣлокаменны.
— А сидитъ за столами за дубовима,
— А за ѣствами сидитъ онъ за сахарнима,
— А къ царици сидитъ онъ лицинищомъ *),
— А къ царю Константину Боголюбовичу,
— А къ царю сидитъ онъ хребтианицомъ.
— И такового вора вѣкъ не видывалъ,
— И слыхомъ про вора не слыхивалъ.
— Голова у него какъ пивной котѣлъ,
— А между глазъ идеть стрѣла казѣная,
— А въ плѣчахъ у вора сажень косая та. —
«Чего же ты сильнее могучее Иванищо,

*) Т. е. лицомъ.

«Не очистилъ ты Царяграда,
«Не убилъ ты поганого Идолища?»
— Ахъ ты свѣтъ государь да Илья Муромецъ!
— Да не смѣлъ напустить на вора на разбой-
ника,
— Да на поганого Идолища. —
Да говорить тутъ Илья Муромецъ да сынъ Ивано-
вичъ:

«Ай же ты сильнѣе могучеѣ Иванищо!
«А скидывай ты съ себѣ платьѣ каличьѣе,
«Да разувай съ себя лапотники семи шелковъ,
«А бери ты моего добра коня,
«Да надѣжь мои платьѣ богатирскія.
«Я пойду каликой во Царь-то градъ,
«А очисти я вѣдь Царь-тотъ градъ,
«Да убью поганого Идолища.»
Да ѣ тутъ Иванищо раздумался,
А ѣ раздумался Иванищо расплакался:
— Ахъ ты свѣтъ государь Илья Муромецъ!
— Да кабы не ты просилъ платьѣвъ каличьихъ,
— Да не ты бы просилъ лапотниковъ семи шелковъ,
— Да не отдалъ бы я платьѣвъ каличьихъ,
— Да не отдалъ бы я лапотниковъ семи шелковъ.
— А въ лапотники ты было влетено
— По дорогомъ камню самоцвѣтному,
— Да не для ради красы басы убожества,
— Ради темныхъ ноченки осеннихъ. —
А ѣ тутъ-то онъ платьѣми помѣшался.
Надѣвалъ Илья Муромецъ платьѣ каличьи,
Обувалъ онъ лапотники семи шелковъ,
Да бралъ онъ дубинѣ ту каличьюю,
Да пошелъ онъ къ Царюграду,
Да во тому ли Константину Боголюбовичу.
Приходилъ каллика переходяя къ Царюграду,
Приходилъ онъ на широкъ дворъ,
Закричалъ каллика громкимъ голосомъ:
«А ѣ же ты царь Константинъ Боголюбовичъ!
«Да возьми-тео ты калкику да въ полаты бѣло-
каменны,
«Да накорми-тео ты калкику его до сыта,
«А напои-тео ты калкику его до пьяна.
«За каликой есть вѣсти не плохихъ,
«А не плохихъ вѣсти есть царскихъ.»
А ѣ тутъ-то царь Константинъ Боголюбовичъ
Выходилъ онъ на крылечко перѣное.
— А ступай-ко ты каллика во полату бѣлока-
менну. —
Приходитъ онъ во палату бѣлокаменну,
Онъ вкрестъ-тотъ кладетъ по писаному,
Да поклонъ ведеть по ученому,
Царю Константину Боголюбовичу онъ кланяется,

Поганому Идолищу не клонится.

Говорить ему поганое Идолище:

«Ты откуда каллика перехожая,
«Ты съ коей земли съ коей орды?»

— А я есть отъ города отъ Кіева,
— Да хожу каллика по святой Руси. —

Говорить тутъ поганое Идолище:

«А что у васъ е во городи во Кіевн,
«Слава идетъ есть у васъ Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
«А великъ ли онъ ростомъ собой-то онъ?»

Говорить ему каллика перехожая:

— Намъ вѣдь ладятся съ нимъ платя цвѣт-
ныи. —

«А по многу ли онъ хлѣба ѣсть?»

— Ёсть онъ по три калачика крупичатыхъ. —

«Экой богатырь да еще славится,

«Я бы на руку глазъ другой ударилъ бы,

«Такъ только одинъ бы блинъ да стагъ съ
него.

«Я какъ ѣмъ по три коровы яловницы,

«Да по три ведра и пива пью.»

Говорить тутъ каллика перехожая:

— Да у нашего князя у Владиміра,

— Да й было коровищо обжорищо,

— Да много ѣла пила и трѣснула.

— А й ты же поганое Идолище.

— По многу ѣшь да пьешь и трѣснешь самъ. —

А й тѣе татарину да не слюбилосе,

А й тѣе татарину да не взглянулосе.

А беретъ татаринъ ножищо кнѣжалищо,

Да бросать въ каллику перехожаю.

А й тутъ-то каллика перехожая,

Да онъ ускакивалъ отъ ножища кнѣжалища,

А й пролетѣлъ-то ножищо кнѣжалищо,

А й пролетѣлъ-то во липину,

Улетѣла липина со стѣной-то вся.

А й тутъ-то каллика перехожая,

А ухватилъ онъ ножищо кнѣжалищо, *

Да кидаль онъ въ татарина поганого

А тѣмъ ли ножищомъ кнѣжалищомъ, —

Пролетѣлъ ножищо кнѣжалищо татарина на
скрозь.

А й тутъ хватилъ онъ татарина за ноги,

А стагъ онъ татаринномъ помахивать.

Говорить каллика таково слово:

— Да ты царь Костянтинъ Боголюбовичъ!

— Упади ты царь подъ лавицу,

— Не поади на махъ на татарскн,

— А по плечу мнѣ оружѣ пришло. —

А поганый татаринъ на жнльяхъ не ломится,

А и бьетъ татарь онъ до единого,

Прибилъ онъ всѣхъ татарь да до единого,

А очистилъ онъ Царьградъ весь.

Записано тамъ же. 7 августа.

197.

ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Ѣздитъ-то старъ по чисто полю,

А самъ себѣ старой дивуется:

«Ахъ ты старость ты старость ты старая,

«А старая старость глубокая,

«А глубокая старость триста годовъ,

«А триста годовъ да пятьдесятъ годовъ!

«Застала ты стараго во чистомъ поли,

«Во чистомъ поли застала чернымъ ворономъ,

«А сѣла ты на мою на буйную голову.

«А молодость моя молодость молодецкая!

«Улетѣла ты молодость во чисто поле,

«А во чисто поле да яснымъ соколомъ.»

Приѣхаль какъ старой ко камешку,

А ко бѣлому камю ко Латырю

А у камня три дороги три розстанн,

А на камени подпись написана:

Въ середнюю розстань ѣхать — богату быть,

Въ правую розстань ѣхать — убиту быть,

Въ лѣвую розстань ѣхать — женату быть.

А й тутъ-то старой роздумался,

Роздумался старой расплакался:

«А на что мнѣ-ка старому женату быть,

«А на что мнѣ-ка старому богату быть?»

«А поѣду въ тую розстань прямоѣзжую,

«А въ тую розстань гдѣ убиту быть.»

Выѣхаль на поле на Елѣсино,

Стоять-то тутъ станичники плѣнничники,

Да по русьскому воры разбойники,

А денны ночны подорожники,

Хотять стараго убить да съ душой рѣзучить.

Говорить-то имъ старая старѣйшина:

«А й же вы станичники плѣнничник,

«А й бить меня вамъ стараго некого,

«А взять меня со стараго вамъ нечего.

«Одворядочка у стараго да во пятьсотъ рублей,

«А петли пугвицы у стараго да въ цѣлу тысячу,

«А мой добрый конь да цѣны смѣты пѣть.»

А стагъ онъ по разбойникамъ поѣзживать,

Шелковой плѣточкой да стагъ помахивать,

Да тутъ разбойниковъ да мало ставится.

Да смолилися станичники плѣнники:
 — Ай же ты старая старѣйшина!
 — А оставь ты насъ да хоть на смена. —
 И говорить имъ старая старѣйшина:
 «А вы станичники плѣнники!
 «Выходите-тко вы на святую Русь,
 «Запишитесь-ко въ пустыни вы въ монастыри,—
 «Нѣтъ, — такъ убью васъ я до одного.
 А й тутъ-то станичники плѣнники
 Ему дали заповѣдь великую
 Записаться во пустыни во монастыри.

(Дальше не помнитъ).

Записано тамъ же, 7 августа.

—
 198.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Въ стольномъ городи во Києви
 А у ласковаго князя у Владиміра
 Заводился у князя почетной прѣ
 А на многи князя на бояра
 И на всѣ полянцы удалыи.
 Всѣ на пиру папивалесе,
 Всѣ на пиру ваѣдалесе,
 Всѣ на пиру да пьлыи-веселыи.
 Говорить Владиміръ стольне-кіевской:
 «А й же вы князи мои бояра,
 «Сильніи могучіи богатыри:
 «А кого мы пошлѣмъ во Золоту орду
 «Выправлять-то даией выходы
 «А за старыи годы за новыи
 «За двѣнадцать лѣтъ.
 «А Одешу Поповича намъ послать,
 «Такъ онъ молодець холостъ нѣ жевать:
 «Онъ съ дѣвушками загуляется,
 «Съ молодушками онъ да забалуется.
 «А пошлѣте мы Добрынюшку Никитича:
 «Онъ молодець жевать нѣ холостъ,
 «Онъ и съѣздитъ намъ въ Золоту орду,
 «Выправитъ даии выходы
 «Да за двѣнадцать лѣтъ.»
 Написали Добрыни Никитичу посольный листъ.
 А приходитъ Добрынюшка Никитичъ къ своей
 матушкѣ,
 А ко честной вдовы Амелфы Тимоеевнѣ,
 Проситъ у ней прощеньца благословеньца:
 — Свѣтъ государыни моя матушка!

— Дай ти мнѣ прощенье благословеньцо
 — Ъхать-то мнѣ въ Золоту орду,
 — Выправлять-то даии выходы
 — За двѣнадцать лѣтъ. —
 Остается у Добрыни молода жена,
 Молода жена любима семья,
 Молода Настасья Микулична.
 Поѣзжать Добрыни самъ наказывать:
 — Ужь ты а й же моя молода жена,
 — Молода жена любима семья!
 — Жди-тко ты Добрыню съ чиста поля менѣ
 три года.
 — Какъ не буду я съ чиста поля да перво три
 года,
 — Ты еще меня жди да и друго три года.
 — Какъ не буду я съ чиста поля да друго три
 года,
 — Да ты еще меня жди да третье три года.
 — Какъ не буду я съ чиста поля да третье три года.
 — А тамъ хоть ты хоть вдовой живи, а хоть за-
 мужъ поди,
 — Хоть за князя поди хоть за боярина,
 — А хоть за сильнаго поди ты за богатыря, —
 — А только не ходи ты за смѣлаго Алѣшу По-
 повича,
 — Смѣлый Алеша Поповичъ мнѣ крестовой
 братъ, —
 — А крестовой братъ паче родного. —
 Какъ видѣли-то молодца съдучись,
 А не видѣли удалаго поѣдучись.
 Да прошло тому времечки девять лѣтъ,
 А не видать-то Добрыни изъ чиста поля.
 А какъ сталъ-то ходитъ князь Владиміръ сва-
 таться
 Да на молодой Настасьи Микуличной
 А за смѣлаго Алѣшу Поповича.
 «А ты съ-добра не пойдешь. Настасья Мику-
 лична,
 «Такъ я тебя возьму въ портомойниці,
 «Такъ я тебя возьму еще во постельниці,
 «Такъ я тебя возьму еще во коровниці.»
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кіев-
 ской!
 — Ты еще прожди-тко три года.
 — Какъ не будетъ Добрыня четверто три года.
 — Такъ я тошто пойду за смѣлаго Алѣшу за
 Поповича. —
 Да прошло тому времени двѣнадцать лѣтъ,
 Не видать не видать Добрынюшки съ чиста поля.
 А й тутъ пошла Настасья Микулична
 Да за смѣлаго Алѣшу Поповича,

Да пошли они пировать столовать къ князю
Владимиру.

Ажно мало и по малу изъ чиста поля,
Наѣзжалъ удалый дородный доброй молодець.

А самъ на кони бывъ ясень соколъ,
А конь тотъ подъ нимъ будто лютый звѣрь.

Приѣзжать ко двору да ко Добрынину,
Приходитъ Добрыня Микитичъ тутъ

Въ домъ тотъ Добрыниной.

Онъ крѣсть тотъ владѣтъ по писаному,

Да поклонъ тотъ ведѣтъ по учёному,

Поклонъ ведѣтъ да самъ здравствуетъ:

«Да ты здравствуй Добрынина матушка!

«Я вчера съ твоимъ Добрынюшкой разѣхался,

«Онъ велѣлъ подать гусли скоморошныи,

«Онъ велѣлъ подать платья скоморошныи,

«Онъ велѣлъ подать дубинку скоморошьюю,

«Да итти мнѣ ко князю Владимиру да на по-
честень пиръ.»

Говоритъ тутъ Добрынина матушка:

— Отойди прочь дѣтина засельщина,

— Ты засельщина дѣтина деревенщина!

— Какъ ходя старухи кошельницы,

— Только нося висти недобрыи:

— Что лежить убитъ Добрынюшка въ чистомъ
полю

— Головой лежить Добрыня ко Пучай рѣки,

— Рѣзвыма ножками Добрыня во чисто поле,

— Сквозь его сквозь кудри сквозь желтые

— Проросла тутъ трава муравая,

— На травы росцвѣли цвѣточки лазуревы,

— Какъ его-то теперъ молода жена,

— Молода жена любима семья,

— Да выходить-то за смѣлаго Олѣшу за Попо-
вичя. —

Онъ ей и говоритъ-то вторій наконъ:

«Да ты здравствуй ли Добрынина матушка,

«Ты честна вдова Амелфа Тимошеевна!

«Я вчера съ твоимъ Добрынюшкой разѣхался

«Онъ велѣлъ подать гусли скоморошныи,

«Онъ велѣлъ подать платья скоморошныи,

«Онъ велѣлъ подать дубинку скоморошьюю,

«Да итти мнѣ къ князю Владимиру да на поче-
стень пиръ.

— Отойди прочь дѣтина засельщина!

— Кабы было живо мое красное солнышко,

— Молодой тотъ Добрынюшка Микитичъ,

— Не дошло бы тѣ невѣжи насмѣхатся,

— Ужъ не стало моего красного солнышка

— Да не что мнѣ дѣлать съ платьями скомо-
рошныи,

— Да не что мнѣ дѣлать съ гуслии скомо-
рошныи,

— Да не что мнѣ дѣлать съ дубинкой скомо-
рошьею. —

Тутъ-то ходила въ погреба глубоки,

Принесла ова платья скоморошныи,

Приносила гусельшка яровчаты,

Принесла ова дубинку скоморошьюю.

Тутъ накрутился молодой скоморошникъ

Удалый добрый молодець,

Да пошѣлъ онъ къ князю Владимиру на почест-
ной пиръ.

Приходилъ онъ во гридню столовую,

Онъ крѣсть тотъ владѣтъ по писаному,

Да поклонъ ведѣтъ по учёному,

Онъ кланяется да поклоняется,

Да на всѣ на четыре на стороны.

Онъ кланяется тамъ и здравствуетъ:

«Здравствуй солнышко Владимиръ стольне-кѣв-
ской,

«Да со многима съ князѣми и со боярами,

«Да со русскимъ могучими богатырями,

«Да со своей-то со душечкой со княгиной со
Опраксіей!»

Говоритъ ему князь Владимиръ стольне-кѣвской:

— Да ты поди-тко молода скоморошникъ!

— А вси тыи мѣста у насъ нынѣ заняты,

— Да только мѣстечка немножечко

— На одной-то печкѣ на муравленой. —

Да тутъ скочилъ молода скоморошникъ

А на тую-ту печку на муравлену,

Заигралъ онъ во гусельшка яровчаты.

Онъ первую завѣлъ отъ Кіева до Еросолима,

Онъ другу завѣлъ отъ Еросолима да до Царя-
града,

А всѣ пошли валѣвки ты Добрынины.

А вь тутъ-то князь Владимиръ распотѣшился,

Говоритъ онъ молодой скоморошникъ:

— Поди-тко сюды молода скоморошникъ!

— А я тебѣ дамъ теперъ три мѣста:

— А первое-то мѣсто подли меня,

— А другое мѣсто опротивъ меня,

— Третьеѣ противо княгини Настасьи Мику-
лични. —

А тутъ-то молода скоморошникъ

Садился онъ въ скамейку дубовую,

Да противо Настасьи Микulichной.

А тутъ-то Настасья Микulichна,

Наливала она чару зелена вина въ полтора
ведра,

Да турей тотъ рогъ мѣду сладкаго,

Подносила она Добрынюшки Миеитичу.
А й тутъ-то Добрынюшка Миеитиничъ
Да бралъ онъ чару зелена вина въ полтора
ведра,

А бралъ онъ чару единой рукой,
Выпивалъ онъ чару на единый духъ,
Да й турей рогъ выпилъ мѣду сладкаго,
Да спускалъ онъ въ чару перстень значенни,
Которымъ перстнемъ съ ней обручался онъ.
Да говоритъ онъ Настасьи Микуличной:
«Ты гляди-тко Настасья Микулична,
«Во чару гляди-тко значеную.»
Какъ поглядѣла Настасья Микулична
Въ тую чару золоченую,
Взяла въ руки значенъ перстень,
Говоритъ тутъ Настасья Микулична:
— Да не тотъ мужъ — который подли меня си-
дять,
— А тотъ мой мужъ — которой противо меня
сидитъ. —

А тутъ-то Добрыня Миеитиничъ,
Да скочилъ Добрыня на рѣзвы ноги,
Да бралъ Алѣшу за желты кудри,
Да онъ выдѣргивалъ изъ-за стола изъ-за дубо-
ваго,

А сталъ онъ по гридни потаскивать,
Да сталъ онъ Алѣши приговаривать:
«Не дивую я разуму женскому, —
«Да дивуя я ти смѣлый Алѣша Поповичъ ты,
«А ты-то Алѣшенька да мнѣ крестовой братъ.
«Да еще тебѣ дивую, старый ты князь Влади-
миръ стольне-кѣвской!
«А колько я тѣ дѣлалъ выслугъ-то великихъ,
«А ты всё Владимиръ надо мной надсмѣхаешься.
«Да теперь я выправилъ изъ Золотой орды,
«Выправилъ дани и выходы
«За старыи годы за новыи.
«Везуть тебѣ три телѣги ордннскіи:
«Три телѣги злата и серебра.»
Тутъ онъ взялъ свою молоду жену,
Молоду жену любиму сѣмью,
Да повѣлъ Добрыня къ своей матушки.
Да тутъ ѿ Алѣшенька Поповичъ тотъ,
Да ходитъ по гридни окоркою,
А самъ ходитъ приговаривать:
— Да всякъ-то на сѣмъ свѣти женится,
— Да не всякому женидба удавается. —
А тольки Алѣшенька женать бывалъ.

Записано тамъ же, 7 августа.

199.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧЪ.

А й изъ-за то́го острова Кадойлова,
А й изъ-подъ то́го вѣзу съ-подъ черлѣнаго,
А й изъ-подъ того камешка съ-подъ бѣлаго
Изъ-подъ то́го кустышка ракитоваго,
А пала выпадала мать Нѣпра рѣка,
А устьемъ выпадала въ море Черное,
Во Черное море во Турецкое.
А по этой матери Нѣпрѣ по рѣки,
Вылеталъ выѣзжалъ младъ хупавъ молодець,
Молодь Соловей сынъ Будимировичъ.
Поѣзжалъ Соловей вѣдь онъ свататься
А за славное онъ за синѣ морѣ,
Да ко славному городу ко Кіеву,
А ко ласкову князю ко Владимиру,
На его любимыи племянницы,
А на мѳлодой Забавы на Путятичной.
А сталъ Соловей корабля снастити:
Носъ корма по звѣриному,
А бока у карабля всё по туриному,
А вмѣсто бровъ было вдѣргивано
А по дѳрогой кунницы по пещерскіи,
А вмѣсто ушей было повѣшивано
А по дорогомому соболю заморьскому,
А вмѣсто очей было врѣзвано
А по дорогомому камню самоцвѣтному,
А не для ради красы басы ужожества,
Ради темныи ноченки осеннии.
Приѣзжалъ Соловей сынъ Будимировичъ
А ко славному городу ко Кіеву.
А сходенни металъ онъ дорогъ рѣбей зубъ,
Выходилъ выступалъ онъ на крутъ бережокъ,
А со своей дружиной со хороброю,
Чашу насыпалъ онъ красна золота,
А другу насыпалъ онъ чиста серебра,
Третью насыпалъ онъ скатнаго жемчуга,
А въ четвертыхъ беретъ онъ камочку крущатую,
Крущатую камочку двосличную.
А ничѣмъ эта камка была не дѳрога,
А не краснымъ она да была золотомъ,
А не чистымъ она да была серебромъ,
А дѳрога камка была крущатая
А тымъ ли цвѣтами заморскима.
А приходилъ онъ во гридню во столовую,
Онъ вѣрстѣ-тотъ кладетъ по писаному,
Онъ покловъ-тотъ ведетъ по учѣному,

Онъ кланяется покланяется
 Да на всѣ на четыре на стороны.
 Онъ кланяется, самъ чѣствуетъ:
 «Здравствуй Владиміръ стольнѣ-кѣвской,
 «Да со многима князѣми со боярами!»
 Онъ кланяется, самъ чѣствуетъ,
 Подавалъ онъ чашу красна золота
 А солнышку Владиміру стольнѣ-кѣвскому,
 А другую подавалъ онъ чиста серебра
 Только душечки княгини онъ Опраксіи,
 А третью подавалъ онъ скатня жемчуга
 Молодой Забавы Пугачиной.
 Да еще подавалъ онъ камочку крушатую.
 Онъ кланяется самъ и чѣствуетъ.
 А эти дѣрова князю полюбилсе.
 Заводилъ князь Владиміръ стольнѣ-кѣвской,
 Заводилъ онъ тутъ вѣдь почестенъ пирь,
 А на многи князя на бояра,
 А на многихъ поляницъ на удалныхъ.
 А вси на пиру напивалисе,
 А вси на пиру да наѣдалисе.
 И говоритъ Соловей сынъ Будиміровичъ:
 «Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 «Бласлови государь мнѣ слово вымолвить.»
 — Говори Соловей что тебѣ надобно. —
 «А позволю мнѣ-ка-на выстроить три терема,
 «А три терема златоверхнихъ.
 «Этой-то ноченкой тѣмную,
 «Темною ноченкой осенною.
 «А то поставитъ-то мнѣ-ка три терема,
 «А три терема златоверхнихъ,
 «Среди того полюшка чистаго,
 «Среди того садочку Пугачинова.»
 — Станови Соловей гдѣ тебѣ любо. —
 А й тутъ Соловей сынъ Будиміровичъ,
 Выходилъ Соловей онъ на крылечко перѣное.
 Говоритъ Соловей сынъ Будиміровичъ,
 А своей говоритъ онъ дружинишки хоробри:
 «А й же вы дружинишка хоробрая!
 «Дѣлайте дѣло повелѣное.
 «Скидывайте-тко платицо цвѣтное,
 «Надѣвайте-тко платицо лосиное,
 «Обувайте-тко лапотники семи шелковъ.
 «А вы дубья да вяза повѣрубити,
 «Вонъ изъ зелена саду повѣмечите,
 «А состройте-тко мнѣ-ка три терема,
 «Три терема златоверхнихъ,
 «А въ четвертыхъ состройте мнѣ гостинной
 дворъ
 «Этой-то ноченкой темною,
 «Темною ноченкой осенною.»

А й тутъ-то дружинишка Соловьева,
 Скидывали они платица цвѣтныи,
 Надѣвали кожанни лосиновыи,
 Обували лапотники семи шелковъ.
 Они дубья да вяза повѣрубилл,
 Вонъ изъ зелена саду повѣметали,
 А состроили они да три терема,
 Три терема златоверхнихъ,
 А въ четвертыхъ состроили гостинной дворъ,
 Той-ли ноченкой тѣмною,
 А темною ноченкой осенною.
 А по утру вставала дочь Пугачинова,
 Поглядѣла во косичато окошечко.
 — А что это чудо-то случилосе,
 — А что это диво-то сдѣвилосе?
 — А вечеръ-то стоялъ да мой зелѣной садъ,
 — А стоялъ-то садъ онъ цѣлымъ цѣлой,
 — А теперичу-то садъ онъ полонѣной сталъ.
 — А построено въ немъ да три терема
 — А три терема златоверхнихъ,
 — Да въ четвертыхъ построенъ гостинный дворъ.
 — Ай же вы невѣшкы мамушки,
 — Да пойдете-тко гулять да во зелѣный садъ. —
 Да пришли они гуляти во зелѣный садъ,
 А въ первомъ терему-то шепчоль-молчокъ, —
 То есть дружинишка Соловьева.
 А въ другомъ терему да шепотомъ говорятъ, —
 То есть Соловьѣвая матушка,
 Она Господа Бога умаливаетъ,
 За своего за чада за милаго.
 А въ третьемъ терему-то гудки гудятъ,
 Игры играютъ Царяграда,
 Напѣвки выпѣвають Еросолима, —
 То самъ Соловей сидитъ Будиміровичъ.
 А говоритъ тутъ Забава дочь Пугачинова:
 — Ай же вы невѣшкы мамушки!
 — Да зайдете-ко въ этотъ теремъ высокин. —
 Приходила тутъ Забава дочь Пугачинова.
 А тутъ Соловей сынъ Будиміровичъ,
 А ставалъ Соловей онъ на рѣзвы ноги,
 А подергивалъ онъ тутъ ременчатъ стулъ.
 «Да садись-ко ты Забава Пугачѣвна,
 «А садись-ко Забава на ременчатъ стулъ.»
 А стали играть они во шахматы.
 А й тутъ ли Соловей сынъ Будиміровичъ,
 Разъ тотъ сыгралъ Забаву поигралъ,
 Другой тотъ сыгралъ Забаву поигралъ,
 Третьей тотъ сыгралъ Забаву поигралъ.
 А говоритъ тутъ Забава дочь Пугачинова:
 — Ахъ молодецъ ты заулишекъ добръ!
 — Кабы взялъ за себя, я бы шла за тебя. —

Говорить Соловей сынъ Будимировичъ:
 «А совсѣмъ ты мнѣ Забава въ любовь пришла,
 «А однимъ ты мнѣ Забава нѣ любя,
 «Что сама себя Забава ты просватываешь.»
 А ѣ тутъ ли у князя у Владимира,
 Да не пива-ты варить да не мѣды-ты сычить,
 Веселѣмъ пиркомъ да за свадьбуку.

Записано тамъ же, 7 августа.

—
 200.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА.

А города было то Крякова,
 А села то вѣдь было Березина,
 Снаряжается да убирается
 А Лука Петровичъ королевской сынъ,
 Да во далече далече во чисто полѣ.
 Онъ долгой день ѣздилъ до вечера,
 А темную ночь до полуночи,
 Да не могъ себѣ наѣхать супротивника,
 А супротивника наѣхать поединщика,
 Ему не съ кимъ розѣздить добра коня,
 Ему не съ кимъ ростолкать плеча богатырскаго,
 Да утѣшить мысли молодецкіи.
 А наѣхалъ во чистомъ поли —
 Сидитъ на дубу на кряковнистомъ,
 А ѣ сидитъ на дубу тутъ вѣдь черной вранъ.
 А ѣ самъ-то вранъ онъ чернѣмъ черѣмъ,
 А крылья у ворона бѣлымъ бѣлы,
 А бѣлымъ бѣлы да будто бѣлый снѣгъ.
 Говорить Лука Петровичъ королевскій сынъ!
 «Натяпу я тѣгой лукъ розрывчатой,
 «Да убью я тя чернаго ворава,
 «Пропущу твою кровь горячую
 «По тому сыру дубу да по кряковнисту.»
 Говорить ему чернѣмъ вранъ язѣкомъ челоуѣче-
 скимъ:
 — А ѣ же ты Лука Петровичъ королевскій сынъ!
 — А у васъ на Руси говорятъ пословицу:
 — А старца убить не спасенѣ залучить,
 — А ѣ ворона убить некакую корысть получить.
 — А есть какъ далече далече во чистомъ поли,
 — А на поли было на Касимовскомъ,
 — А ѣздитъ тамъ Сокольникъ на добромъ кони,
 — Тебѣ е съ кимъ розѣздить добра коня,
 — Тебѣ е съ кимъ ростолкать плечо богатырское,
 — Да утѣшить тѣ мысли молодецкіи. —
 Поѣзжать Лука Петровичъ королевской сынъ

Да на тоо поле на Касимовско.
 Приѣхалъ онъ на поле на Касимовско,
 Ажно видитъ тамъ Сокольникъ на добромъ кони,
 А самъ молодецъ да былъ ясѣнъ соколъ,
 А конь тотъ подъ нимъ будто лютѣмъ звѣрь,
 Будто лютѣмъ звѣрь да на рогатну.
 А съѣхались молодцы да поздоровались,
 А ударились оны во палици булатни,
 А палици до рукъ да приломались.
 А ударились оны въ копыя бурзомецкіи,
 А другъ друга богатыри не ранили.
 Да спустились оны на сыру землю,
 Да пошли оны шировымъ боѣмъ,
 Шировымъ боѣмъ да рукопашкою,
 А ѣ тутъ Лука Петровичъ королевскій сынъ
 Да сбиль онъ Сокольника на сыру землю,
 А съѣзъ онъ тутъ на бѣлы груди,
 Вынимать онъ ножицо кинжалцо.
 И хочеть пластать ему груди ты бѣлы,
 Вынимать у нѣго сердце то да со печенью,
 А въ плечи рука да застоюласи.
 Говорить Лука Петровичъ королевскій сынъ:
 «Да ты скажи татаринъ не трави соби:
 «Ты коей земли да ты коей орды,
 «Коего отця коей матери,
 «А какъ тебя молодца именовъ зовутъ,
 «А какъ величаютъ по отечеству?»
 Говорить ему Сокольникъ таково слово:
 — Кабы былъ я на твоихъ бѣлыхъ грудяхъ,
 — Да не спрашивалъ бы ни имени ни отчины,
 — А пластать бы груди твои бѣлы,
 — Вынималъ бы у тя сердце со опеченью. —
 Богатырское сердце озвѣрилося,
 Да хватать онъ ножицо кинжалцо,
 Хочеть ему пластать-то груди бѣлы,
 Вынимать у нѣго сердце то съ печенью,
 А въ плечи рука да застоюласи.
 Онъ его спрашивать второй наконъ:
 «Да ты скажи Сокольникъ не трави себя:
 «Тѣбя какъ молодца зовутъ по имени,
 «Тѣбя какъ величаютъ по отечеству?»
 — Я есть города Крякова,
 — А села то есть я Березина,
 — Молодой Василей Петровичъ королевской сынъ.
 — Когда воевали татарова Касимовцы,
 — Увели меня оны въ свою землю,
 — Увели меня да трехгодоваго.
 — А у меня остался братецъ королевскій сынъ,
 — Лука Петровичъ королевскій сынъ тремѣсяч-
 вымъ. —
 А ѣ тутъ-то Лука Петровичъ королевскій сынъ,

Да сбочилъ онъ на ножки на рѣзвья,
 Да здымалъ онъ братца за ручки за бѣлья,
 Цѣловалъ во уста сахарніи:
 «Да ты здравствуй родимый мой брателко!
 «Да я вѣдь есть Лука Петровичъ королевскій
 сынъ.

«А я слыхалъ отъ своей матушки,
 «Что воевали татарова Касимовца,
 «Да убили-то нашего батюшка
 «А увезли въ свою землю тебя да трехгодоваго,
 «А я остался въ сели Березини тремѣсячной.»
 Говорить Лука Петровичъ королевскій сынъ:
 «Ахъ ты братецъ Василей Петровичъ-отъ!
 «Да поѣдемъ-ко мы въ свою землю.»
 Говорить тутъ Василій Петровичъ королевскій
 сынъ:

— А поѣдемъ-ко къ татаровамъ Касимовцамъ,
 — Убьемъ мы татаровею до единоваго,
 — Отместимъ свою кровь ту горячую. —
 Говорить тутъ Лука Петровичъ королевскій сынъ:
 «А ѿ же ты Василей Петровичъ королевскій сынъ!
 «Да поѣдемъ-ко мы къ своей матушки.»
 Да тутъ поѣхали они въ свою землю,
 Да приѣзжали оны въ городъ въ Кряковъ-то,
 Да приходилъ Лука Петровичъ къ своей матушки,
 Да здравствуетъ свою матушку:
 «Здравствуй ты родитель моя матушка!
 «А ѿ же ты Василей Петровичъ королевскій сынъ.»
 Говорить его родитель-та матушка:
 — Не могла бѣ я ни слышати ни видѣти,
 — Про злодѣевъ Касимовскихъ татаровею. —
 «А ѿ же ты родитель моя матушка!
 «Не татарина привезъ къ тебѣ Касимовца, —
 «Твоего-то сына любимаго,
 «Своего-то братца родимаго.»

Записано тамъ же, 7 августа.

201.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Какъ во матушкѣ было въ каменной Москвѣ,
 Да у Грознаго царя Ивана Васильевича,
 А было пированье почестной пирѣ.
 Всѣ на пиру напивалисе,
 Всѣ на пиру наѣдалисе,
 Грозный царь тотъ Иванъ Васильевичъ стѣлъ на
 весели:
 Ходить онъ по гриднн столовыи,

Говорить-то царь таково слово:
 «Да повывелъ я измѣну со Кіева,
 «Да повывелъ я измѣну изъ Чернигова,
 «Да повывелъ я измѣну изъ Новѣ-города,
 «А повыведу измѣну съ каменной Москвы.»
 А говорить его сынъ тутъ любезни Федоръ
 Ивановичъ:
 — Ахъ батюшко Грозный царь Иванъ Василье-
 вичъ!
 — Не повывести измѣны съ каменной Москвы.
 — А твой тотъ сынъ любезни Иванъ-то Ива-
 новичъ,
 — Онъ уважать-то боярамъ московскимъ,
 — Онъ-то творить великіи милости. —
 Тутъ-то Грозный царь Иванъ Васильевичъ да
 розретилися:

«Вы ведите-тко Ивана Ивановича,
 «Да на тое-то на поле на житное,
 «А отсѣните вы Ивану буйну голову.»
 Какъ доносили эту вѣсточку на-скори
 Да его-то вѣдь царица благовѣрныи,
 Анны доносили Романовной:
 — Аѿ же ты царица Анна Романовна:
 — Ышь ты пьешь да проклажаешься,
 — Про великую незгодушку не вѣдаешь.
 — А твой тотъ мужъ любезнии,
 — Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 — Отпускалъ твоего-то сына любимаго Ивана
 Ивановича,
 — А на тое на поле на житное,
 — Да на тую-то на плаху кровавую,
 — А велѣлъ ему отсѣчь буйну голову. —
 Тутъ ли-то царица благовѣрная
 А видала она шубу на одно плечо,
 А бѣжала-то она по Москвы городомъ,
 Она голосомъ кричить-то какъ въ трубу тру-
 битъ:

«А мнрѣ крещеный народъ-то вы добрыи!
 «Дайте путь дорожку широкую.
 «А бѣжать-то мнѣ къ Микиты Романовичу.»
 Какъ приѣзжала къ Микиты Романовичу!
 «Аѿ же ты мой милый брателко,
 «А старый князь Микита Романовичъ!
 «А ѣшь ты пьешь проклажаешься,
 «Про великую незгоду не вѣдаешь.
 «А твоего-то племянника любимаго,
 «А Ивана Ивановича
 «Увели его на поле на житное,
 «А на тую-то на плаху кровавую,
 «Да велѣно отсѣчь-то буйну голову.»
 А ѿ тутъ-то Микита Романовичъ

Онъ скоро садился на добра коня,
 Не на уздана коня онъ не на сѣдлана,
 Онъ ѣдетъ Москвой-то вѣдъ городомъ:
 — А ѿ вы люди народъ добрыи!
 — Дайте путь дорожку широкую
 — Ъхать на поле на житное,
 — Да на тую-то плаху кровавую,
 — Да застать въ живыхъ любимаго племянника,
 — Да Ивана застать мнѣ Ивачовича. —

Туть указъ читають они царскіи
 А читають указъ государевъ-отъ.
 А заздиута у палача-то сабля острая.
 Закричалъ туть Микита громкимъ голосомъ:
 — Ахъ ты маленькой Малютушка Скурлатовъ
 сынъ!

— Съѣшь ты собака самъ подавишься,
 — Моего-то ты любимаго племянника. —
 Туть-то маленькой Малютушка Скурлатовъ сынъ,
 Да клadalъ онъ саблю-вострую да во сыру землю,
 Во сыру землю тупымъ концѣмъ,
 А на вострой конецъ закололся самъ.
 Прискакалъ туть Микита Романовичъ,
 Онъ бралъ своего любимаго племянника да за
 бѣлы руки,

Цѣловалъ во уста да во сахарніи.
 Да садился Микита на добра коня,
 Полагалъ племянника подъ пазуху,
 Да поѣхалъ Микита въ свою вотчину.
 А поутру-то равнымъ равешенько,
 Да проспался Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 Сдѣлалъ онъ указъ государевой
 Чобы князи и бояра,
 Все купци да мѣщана богатыи,
 А ходили бы они въ платяхъ-то опальныхъ.
 Да не ходитъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 Не къ заутренѣ онъ ходитъ не къ обѣднѣ онъ.
 Въ воскресенье пришлоъ онъ во Божью цер-
 ковь,

А пришлоъ онъ во платяхъ опальныхъ,
 А старый князь Микита Романовичъ,
 Да надѣлъ онъ платя что ни лучшии,
 Да приходитъ-то Микита во Божью церкву,
 Онъ вѣрстъ тотъ кладѣ по писаному,
 А поклонъ тотъ ведѣтъ да по учёному,
 Онъ поклонъ тотъ ведѣ самъ и здравствуетъ:
 — Здравствуй Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 — Со своимъ со любезнымъ со дѣтушками:
 — Здравствуй съ Федоромъ Ивачовичемъ,
 — Да съ Иваномъ ты здравствуй Ивановичемъ!
 Говоритъ ему грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 «А ѿ ты старый князь Микита Романовичъ!

«Во глазахъ ли ты Микита насмѣхаешься,
 «Да не стало вѣдъ у насъ-то Ивана Ивановича»
 Онъ ему говоритъ и второй наконъ:
 — Здравствуй-ко ты грозный царь Иванъ Ва-
 сильевичъ,
 — Да со своимъ со любезнымъ со дѣтушками:
 — Да ты съ Федоромъ Ивановичемъ,
 — Да съ Иваномъ ты здравствуешь Иванови-
 чемъ! —

Говоритъ ему грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 «Ахъ ты старый князь Микита Романовичъ!
 «Да давай-ко ты мнѣ Ивана Ивановича теперъ
 на лицо.»

А туть-то старый князь Микита Романовичъ,
 Выводилъ-то онъ своего любезнаго племянника,
 Да съ-подъ шубы выводилъ онъ соболонни.
 — На-тко ты грозный царь Иванъ Васильевичъ
 — Своего туть ты сына любимаго,
 — Да Ивана Ивановича. —

А ѿ туть-то вѣдъ грозный царь Иванъ Василье-
 вичъ

Обрадѣлъ *) онъ своего-то сына любимаго,
 Говоритъ онъ Микиты Романовичу:
 «Ахъ ты старый князь Микита Романовичъ!
 «А ѿ чѣмъ тебя Микиту буде жаловати:
 «Города-ты мнѣ-ка дать тебѣ съ приселками,
 «Али села-ты мнѣ дать тебѣ великии?»
 Говоритъ ему старый князь Микита Романовичъ
 — Ахъ ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 — Мнѣ не надобно городовъ съ пригородками,
 — Мнѣ не надобно селъ-то съ приселками,
 — А ты сдѣлай-ко указъ мнѣ-ка царскій,
 — А дай ты мнѣ Никитину отчину:
 — Кто голову убьѣтъ, кто коня уведѣтъ,
 — Кто коня уведѣтъ, да кто бабу уведѣтъ,
 — А не было бы ни иску, ни отыску,
 — Того Богъ проститъ. —

Записано тамъ же, 7 августа.

202.

ЕРМАКЪ.

Какъ собирался казаки | на круть бережокъ.
 Ахъ довьски гребеньски | запорожскіи,
 Запорожскіи казаки | и все были яцкии.
 Ахъ атаманъ былъ у донскихъ у казаковъ,

*) Т. е. обрадовался.

Онъ изъ Тихаго Дону Ермакъ былъ Тимоее-
вичъ,

А есаулъ былъ у донскихъ у казаковъ
Ахъ со Двины Остафей Лаврентьевичъ.
Какъ сядились казаки | на легки стружки,
А й на легки стружки | сѣли на мелки повозки,
Какъ грянули розмахну | ли внизъ по Волги
рѣки.

Ахъ еще будутъ казаки | о полу онѣ пути,
О полупути пути бу|дутъ противъ Охучи рѣки,
Ахъ супротивъ того ку|стышка ракитоваго,
Супротивъ того лужечка | ай зелѣного.

А сверху внизъ было по ма|тушки по Камы
рѣки,

А по Камы рѣки | легка лодочка плыветь,
Ахъ со лютымъ со зѣльемъ | съ чернымъ поро-
хомъ,

А со страшной казной | государевой.
А й на казны-то сидить | тутъ грозѣнь посѣль,
Ахъ по имени Семѣнь | Костянтиновичъ,
Костянтиновичъ Семѣнь | сидитъ Корамышевичъ.

Ахъ какъ немношечко вре|мечки миновалосе,
Супротивъ кустышка лодочка свереталасе,
Ахъ какъ гунула пу|шечка мѣдная,
Ахъ какъ розбила эту | лодочку коломанку,
А какъ убило посла | государева
Корамышева Семе|на Костянтиновича.

«Ахъ мы не ладно мы | два брателка удумали
«Какъ убили мы посла | государева
«А золотой казны | намъ немношко доставалосе,
«Доставаласе казны | намъ же по три тмы,
«А й по три тмы доставалосе по три тысячи.
«Какъ куды же мы братцы | воровать теперь
пойдемъ?

«А й намъ во Казань городъ итти | намъ уби-
тымъ быть.

«Намъ во Востракань итти | быть повѣшеннымъ.
«Ахъ пойдете-тео братцы | во каменну Москву.

(Дальше не помнитъ).

Записано тамъ же, 7 августа.

203.

СТЕНЬКА РАЗИНЪ.

Какъ во славномъ было го|роди во Востракани,
Проявился тамъ дѣти|нушка незнаемъ человекъ,
Какъ незнакомой дѣти|нушка невѣдомой отеуль.
Басно шепетно по Ва|стракани погуливаетъ,
Ужъ онъ штапамъ афице|рушеамъ не кла-
няется,
Востраканскому губерна|тору челою ему не
бьетъ.

А сапоженки на ножкахъ шел|комъ тѣченны,
Черна шляпа на кудрахъ | и перчатки на ру-
кахъ,

А й свой тотъ вишневой кафтанъ | на одномъ
плечи таскаль,

И какъ персидской кушачокъ | во бѣлыхъ ру-
кахъ держаль.

Какъ увидѣлъ молодца | губернаторъ скрмчалъ:
«Вы сходите приведи|те удалого молодца.»
Еще сталь-то губерна|торъ его спрашивати:
«А ты скажись скажись-ко дѣти|нушка не-
знаемъ человекъ,
«Изъ тиху ли ты Дону казакъ | аль казачей сынъ
«Аль ты съ нашего крѣпкаго города изъ Ва-
стракани.»

Какъ проговорить дѣти|нушка незнаемъ чело-
вѣкъ:

— Изъ тиху-то я Дону не казакъ | не казачей
сынъ,

— Я не съ вашего крѣпкаго го|рода а изъ Ва-
стракани.

— Я со Камы-то со рѣки | Сенъки Разина сынъ,
— Посулился мой-то ба|тюшко завтра въ гости
къ вамъ быть,

— Вы умѣйте-тео моего ба|тюшка кормить его
понтъ,

— Вы кормить его понтъ | и честно жаловати,»
Востраканьскому губерна|тору не слюбился
словеса.

«Еще есть-ли то при мнѣ | а слуги вѣрны при
собѣ,

«Вы сведите-тео молодца | въ бѣлокаменну
тюрьму.»

Взяли брали молодца за | желтыи волоса,
Повели его молодца | въ бѣлокаменну тюрьму.

Сверху внизъ было по ма|тушки по Камы по
рѣки,
Что ѣ по Камы по рѣки | легка лодочка плывётъ,
Какъ на той-то на легкой лодкѣ а | таманъ
воровской сидитъ,
Атаманъ воровской сидитъ | Сенька Разинъ тотъ
сынъ.
— Еще что-то мнѣ братцы рѣб|тушка тош-
нымъ стало тошно,
— Мнѣ тошнымъ стало тошно | и тошнѣшенько,
— Вы подайте-тео воды | съ-подъ правѣи съ-подъ
руки.»
И надъ водой-то Сенька волховалъ | и воду взадъ
выливалъ,
— Видно мой тутъ вѣдъ сыновъ | а сидитъ въ
бѣлокаменной тюрьмѣ,
— Приворачивайте робата | ко крутому берегу,
— Ужъ мы стѣну разобьемъ | а ѣ тюрьму по
каменю разнесемъ,
— И Востраканьскаго губерна|тора въ полонъ
къ собѣ возьмемъ,
— И Востраканьскую губерна|торшу въ на-
ложницы. —

Записано тамъ же, 7 августа.

204.

ШВЕДСКАЯ ВОЙНА.

А пише пише король шведскій | государыни на-
шой въ Москву:
«А ѣ да милосердная государыня | не прогнѣ-
вайся на меня,
«На меня-то Швета да на злодѣя на Шведскаго
короля.
«А ѣ роспиши-тео ты мнѣ кватерушку | а ѣ въ
каменной Москвы постоять:
«И моей конницы пѣхотушки | и во ямской стоять
улицѣ,
«А самому-то мнѣ королю | Шведскому а ѣ въ
Кремли городи постоять,
«А ѣ у Бориса стоять у Петровича | а ѣ Шеле-
ментьева во дворци.»
А милосердная государыни | а призадумалась
стоитъ,
А наши главные всѣ фельдмаршаты | а ѣ при-
ужахнулись.
Какъ у ней правой подъ р|ученькой донской
казакъ стоитъ,

Ахъ у ней подъ лѣвой подъ ру|ченькой а ѣ ча-
совой солдатъ стоитъ,
О ѣ впереди-то наши служивши | да словцѣ ви-
молвики:
— А милосердная государыни | не печалуйся ни
о чемъ,
— А ѣ не бывать-то королю Шведскому | а ѣ
въ каменной нашей Москвы,
— А ѣ не видать-то ему да собаки | о ѣ нашей
крѣпости.
— А ужъ мы встрѣтимъ короля Шведскаго | на
Тюмень быстрой рѣки,
— А ѣ ужъ мы встрѣтимъ, всѣ | съ королемъ
побратаемся,
— Да розоставимъ-ко мы сто|лицы о ѣ все ду-
бовенькие,
— О ѣ да накатаемъ-ко мы пу|шечекъ все со
адрушкамы.
— А ужъ какъ мы стапемъ ему подавать, онъ |
не успѣетъ принимать. —

Записано тамъ же, 7 августа.

205.

ПРУССКІЙ КОРОЛЬ.

О ѣ ростужится расплачется | нашъ Прусской
нашъ Прусской *) король,
А ѣ сидючись-то на укра|сушки а ѣ на крутой
горы,
А онъ глядѣлъ смотрѣлъ на свою укрѣ|пушку
на Берлинъ городъ
И на свою укрѣпушку | на Берлинъ да на Бер-
линъ городъ.
«Ты ли-то укрѣпа | моя ты укрѣпушка,
«Ты мой Берлинъ | мой Берлинъ городъ,
«А ты кому-то моя укрѣ|пушка доставалася,
«Доставалася да доставалася моя укрѣпушка,
«О ѣ царю бѣлому | о ѣ царю бѣлому,
«А какъ другому же генера|лушку Красноще-
кову.»
А ѣ какъ ходилъ гулялъ | Краснощеконъ к|уп-
цезъ по городу,
Ахъ онъ закупаетъ-то | Краснощеконъ а ѣ сѣш-
чу пѣроху,
И закупае еще онъ | Краснощеконъ сорокъ пу-
шечекъ.

*) Набранные курсивомъ слоги повторяются два раза.

Ахъ онъ Прускую жену | ту красавицу а й *со*
половъ беретъ,
 И во половъ-то беретъ пруску | жену и самъ
 онъ допросомъ *допрашивать:*
 — А й ты скажи-тко скажи | пруска жена а й
куды Прусъ ушелъ? —
 «Ахъ вы глупы генера|лушки глупы *неразумны!*
 «А й за столомъ-то сидѣлъ | пруской король *бѣ-*
лой лебеди,
 «А й на окошечки сидѣлъ | пруской король а й
сизымъ голубомъ,
 «И на корабль полетѣлъ | пруской король *вотъ*
онъ чернымъ ворономъ.»

Записано тамъ же, 7 августа.

XXXVII.

Т. СУХАНОВЪ.

Трофимъ Ивановичъ Сухановъ, крестьянинъ съ Охтом-острова на Водлозерѣ, 70 лѣтъ, здоровый, моложавый, еще несущій тягло и занимающийся доселѣ полѣсничествомъ. Перенялъ былинны отъ отца, который умеръ подь 100 лѣтъ отъ роду; говоритъ, что большую часть изъ нихъ забылъ, вслѣдствіе тяжелой рабочей жизни.

206.

ДОВРЫНЯ И АЛЕША.

Во славномъ было городи во Києвѣ,
 А й у ласкова князя Владимира,
 Собирается у князя почестень пиръ.
 Все ли на пиру напвазисе,
 Все ли на пиру наѣдалисе,
 Все ли на пиру пьяны веселы,
 А все ли на пиру порасфастались:
 Умный фастать отцемъ матерью,
 Безумной фастать молодой женой,
 Глупой фастать добрымъ конемъ.
 А сидитъ тутъ Добрынюшка Микитиничъ,
 Не ѣсть онъ не пьетъ да не кушаетъ,
 Бѣлой лебѣдушки не рушаетъ
 Надъ собой онъ думушку думаетъ.
 Говоритъ солнышко князь столно-кѣвской:

«А чего же ты сидишь позадумался,
 «Хлѣба ты соли не кушаешь,
 «Бѣлой лебѣдушки не рушаешь,
 «Не пьешь ты чары зелена вина?»
 И говоритъ князь столно-кѣвской:
 — Ай же вы русскіи богатыри:
 — Во первѣихъ казаѣхъ Илья Муромецъ,
 — Во другѣихъ Добрынюшка Микитиничъ
 — Вы берите значенны жеребѣи
 — Кому ѣхать въ путь богатырскую,
 — Во тую въ дороженку пирокую,
 — Не за триста за три тысячи,
 — Выправляти дани выходы за двѣнадцать лѣтъ.
 — Во тми Индѣи во богатни,
 — Не вамъ были дани запушены,
 — Только вамъ будутъ дани взысканы. —
 А й тутъ Добрынюшка поросплакался,
 Своей матушки порозжался:
 — Ужъ ты свѣтъ добра да моя матушка!
 — На что Добрынюшку породила,
 — Сильняго Добрынюшку не сильняго,
 — Ростомъ его не высокаго,
 — Красотою его не красиваго,
 — А й богатствомъ не богатаго.
 — Лучше родила-бъ моя матушка
 — Сѣрымъ горючимъ камешкомъ,
 — Завертѣла во товку колотенышко,
 — Ставала на гору высокую,
 — Розмахала Добрыню — въ море бросила.
 — А лежалъ бы Добрынюшка въ синѣмъ морѣ,
 — Не ѣздилъ Добрыня по святой Руси,
 — Не проливалъ бы крови христіанскіи,
 — Не вдовилъ Добрыня молодыхъ жонъ,
 — Не сиротали-бъ малыя дѣточки. —
 И получаетъ несчастныя жеребѣи.
 Говоритъ онъ казаку Илью Муромцу:
 — Я поѣзжаю въ путь богатырскую. —
 И говоритъ Добрынюшка Микитиничъ:
 — Ужъ ты свѣтъ добра да моя матушка,
 — Честна вдова Намельфа Тпмоѣевна! *)
 — Только нѣтъ у молодца добра коня,
 — Нѣту срующаи богатырскіи,
 — Всихъ успѣховъ богатырскіихъ. —
 Отвѣчае добра да ему матушка:
 «Ты Добрынюшка сынъ Миеитиничъ!
 «Поди на конюшню столую,
 «А на другу поди ты на коную,
 «Видирай добра коня ученаго.
 «Буде тутъ тебѣ не прилюбится,

*) Она была поляница, сидѣла на пиру.

«Опускайся въ погрѣбы глубокіи,
 «Стоитъ добрыи конь богатырскіи
 «На двѣнадцати цѣпочкахъ серебряныхъ,
 «На двѣнадцати тонкихъ поводахъ,
 «На тыхъ ли на поводахъ шелковыхъ,
 «А не нашего полку — Шемахинскаго.
 «Тамъ есть сбруя богатырская,
 «Вси успѣхи молодецкіи.»
 Только Добрынюшка спрашивалъ.
 Скочилъ Добрыня на рѣзвы ноги,
 Зѣ-за того за столика дубоваго,
 Бѣжалъ на конюшню стоялую.
 Тутъ ему не слюбилосе,
 Перешолъ на конюшенку на конную,
 Нѣтъ добра коня по разуму.
 Опустился въ погрѣбъ глубокіи,
 Увидѣлъ коня онъ добраго,
 Онъ валился коню во праву ногу:
 — Ужъ ты добрый конь богатырскій!
 — Служилъ конь и батюшку,
 — Служилъ добрый конь дѣдушку,
 — Послужи-тко Добрыни Микитичу
 — Во тѣи путі богатырскій. —
 Сталъ добра коня отбѣивать (отковыивать),
 Сталъ добра коня отвязывать,
 Кладывалъ онъ сѣдельшко черкальское.
 Самъ онъ себя сталъ окольчуживать:
 Обувалъ онъ сапожки сафьянные,
 Околь носика яйцѣ кати,
 А й подѣ паточки воробей лети.
 Въ каблучкахъ были шпильки серебряны,
 Шляпочки позолочены,
 Не ради красы басы молодецкіи,
 Ради вѣрности богатырскіи,
 Одѣвалъ онъ лату богатырскую,
 Не грузную лату, въ девяносто пудъ.
 Одѣвалъ онъ платицо цвѣтное,
 Кладывалъ онъ шляпу пуховую,
 Не грузную шляпу, во двѣнадцать пудъ.
 Кладывалъ онъ праву ногу во стремено,
 Во тое ли стремено булатнѣе,
 Скочилъ Добрыня легче зайчика,
 Повернулся кручѣ горносталюшка.
 Садился во сѣдельшко черкальское,
 Пріѣзжалъ онъ къ полаты бѣлокаменной,
 Ко своей ко матушки ко родни,
 Ко честной вдовѣ Намельфѣ Тимоеевной.
 Говоритъ Добрыня таково-слово:
 — Дай-ко прощеньицо родительско,
 — Миѣ-ка ѣхать въ путь богатырскую. —
 Свѣтъ добра да ёго матушка,

Полагае крестъ благословенный,
 Отправяе въ путь богатырскую.
 Стоитъ молода жена Настасья Микулична,
 Говоритъ Настасья Микулична:
 «Ай же Добрынюшка Микитиничъ!
 «Поѣзжаешь ты въ путь богатырскую,
 «Когда ждать тебя со чиста поля?»
 Отвѣчае Добрыня Микитиничъ:
 — Ждите Добрынюшку три года.
 — Не пріѣде Добрынюшка три года,
 — Еще ждите Добрынюшку три года.
 — Не пріѣде Добрыня черезъ шесть годовъ,
 — Еще ждите Добрынюшку три года,
 — Пройде времечки всего девять лѣтъ. —
 И говоритъ-то Настасья Никуличной:
 — Аль вдовой живи аль хотъ замужъ поди,
 — И за того поди хошь за іннаго,
 — За вора поди хошь за разбойничка,
 — Не ходи за моего за брата крестоваго,
 — За смѣлаго Алѣшу Поповича,
 — За дѣвочяго за насмѣшника. —
 Поѣзжалъ Добрынюшка во чисто полѣ,
 Аль не пылъ во поли запылаеся,
 Отъ земли песокъ поднимался,
 Одна куревка покурла,
 Поѣзжалъ Добрыня во чисто полѣ,
 Вид'ли молодца сядучись,
 А й не вид'ли удалаго поѣдучись.
 Прошло тому времени три года,
 Не видать Добрынюшки съ чиста поля.
 Тутъ ходя старухи кошельницы *),
 Они вѣсти носятъ недобрны:
 «Нѣту Добрынюшки во живности,
 «Убить Добрыня во чистомъ поли,
 «Лежитъ Добрыня о Почай рѣку,
 «А й ногами лижитъ во Почай рѣку,
 «Кудрями лежитъ въ часть ракивовъ-кусть,
 «Малолѣсны птички гнѣзда сповили
 «Во Добрыниныхъ во желтыхъ кудряхъ.»
 Тому старуха не вѣрила:
 — Молода Настасья Микулична!
 — Подождемъ еще времечки три года. —
 Прошло того времечки шесть годовъ,
 Не видать Добрынюшки съ чиста поля.
 Пріѣзжаетъ Олѣшенька поповскій сынъ
 Со дѣлеча далѣча со чиста поля,
 Прямо къ доброй-то его матушки,
 Молодой жены Настасьи Микуличной.
 Говоритъ добра да его матушка:

*) Ниція.

— Гдѣ ты былъ Олѣшенька поповскій сынъ? —

Отвѣчаетъ Олѣшенька поповской сынъ:

«Ужъ я былъ во далечи далечи во чистомъ поли.»

— Не видалъ ли Добрыни Микулича? —

Отвѣчаетъ Олѣшенька поповскій сынъ:

«Ужъ я видѣлъ Добрыню во чистомъ поли,

«Видилъ Добрыню убитаго:

«Лежить Добрыня о Пучай рѣку,

«А ѣ ногамы лежить во Пучай рѣку,

«Кудрями лежить въ часть ракивовъ-кусть,

«Малолѣсны птички гнѣзда сповили

«Во Добрынинныхъ во желтыхъ кудряхъ.»

Говорить Настасья Микулична,

Говорить она Олѣши Поповичу:

— Не былъ ты Олѣша во чистомъ поли,

— Не видалъ ты Добрыни убитаго,

— А былъ ты съ собаками на задворки. —

Олѣши слова не слюбилесе,

Идѣть онъ съ обидою великою

Прямо ко князю Владиміру:

«Ужъ ты солнышко князь столно-кїевской!

«Пособи-тко мнѣ думы думати.

«Надо мной удовка насмѣяласе

«Молодая Настасья Микулична

«Не могу на ѣй сосвататься.

«Возьми меня во служители,

«Возьми меня въ сторожители,

«Буду служить вѣрой правдой.»

Говорить князь стольне-кїевской:

— Ай же ты Олѣшенька поповской сынъ!

— Сдѣлаю указы мы грозныи,

— По первому городу ко Кїеву,

— По дрѹтому городу Чернигову,

— По трѣтьему городу Смоленску:

— Не держать бы жонъ безмужніихъ,

— Не держать удовокъ безпашпортніихъ.

— Пошлю стражовъ немилѣсливыхъ,

— Чтобы гнали со перваго города,

— Со перваго города Кїева,

— Со дрѹга гнали Чернигова,

— Со третьѣго со Смоленска. —

Какъ шли стражи немилѣсливы,

Выгнали съ перваго города Кїева,

Выгнали съ дрѹгаго Чернигова,

Выгнали съ трѣтьяго Смоленска,

Всїихъ удовокъ безмужніихъ.

Идутъ съ обидой великою

Ко той Добрыниной матушки,

Идутъ къ Настасьи Микуличной:

«Ужъ ты свѣтъ Настасья Микулична!

«Поди за Олѣшу во замужество.

«Не подѣшь за Олѣшу во замужество —

«Изгоняютъ тебя вонъ изъ города.»

Говорить Настасья Микулична;

— Я порѹшаю мужнюю заповѣдь. —

Пожалѣла удовокъ безмужніихъ,

Пожалѣла вдовицъ безпашпортніихъ,

Не охвотою шла во замужество,

Поневоѣ пошла во замужество.

Во далечи во чистомъ поли,

Не за триста за три тысячи,

Спать Добрыня во бѣломъ патри.

Стоять добрый конь у бѣла патра,

Онъ, копытомъ бѣетъ о сыру землю,

Подъ патромъ земля сколбаласе,

Во рѣки вода зазбаласе.

Скочилъ Добрыня на рѣзвы ноги,

Отъ крѣпка сну богатырскаго.

Говорить Добрынюшка Микитиничъ:

«Ай же добрый конь богатырскїи!

«Не во время будишь русскаго богатыря.»

Отвѣчаетъ конь по-человѣчьему:

— Ай же Добрынюшка Микитиничъ!

— Ты не знашь незгоды великіи.

— Твоя жена Настасья Никулична

— Пошла она во замужество,

— Не охвотою по неволюшки,

— За смѣлаго Олѣшу Поповича.

— Вчерасе было рукобѣтїяцо,

— Сегодня у ихъ столованїяцо. —

Тольки Добрынюшка спрашивалъ.

Садился на добра коня учѣнаго,

Бѣетъ коня плѣткой шелковою,

Бѣетъ коня по тучнѣмъ бедрамъ.

Сталъ его добрый конь посвакивать,

Свои давать съ горы на гору,

Мелки источники въ шахъ берѣтъ.

Прїѣзжае къ славному городу ко Кїеву,

Ко своей полаты бѣлокаменной.

Становилса къ косивчату окошечку,

Закричалъ онъ гласомъ богатырскїимъ:

«Ай же добра да моя матушка,

«Есть ли честна вдова во живности?

«Отвори-ко широки воротечка,

«Запусти Добрыню Микитича.»

Отвѣчатъ старуха таково слово:

— Отойдите голи кабацкіи!

— Кабы былъ Добрынюшка во живности,

— Не досугъ бы вамъ насмѣхатисе,

— Надо мной старухой пролыгатисе. —

Говорить Добрыня во второй наконъ:

«Ужъ ты свѣтъ добра да моя матушка,

«Честна вдова Намельфа Тимоеевна!
 «Опустишь ты со печки муравленой,
 «Ты садись на скамейку хрустальную,
 «Ты гляди въ окошко стекольчато,
 «Тутъ сидитъ Добрыня на добромъ кони.»
 Свѣтъ добра да его матушка
 Опускалася со печки муравленой,
 Садилась на скамейку хрустальную,
 Глядѣла въ околенку стекольчату.
 Только взяла дубину подорожную,
 Не грузиую дубину, въ девяносто пудъ,
 Говорила старуха таково слово:
 — А й удалый добрый молодець!
 — Не такой Добрынюшка отпущенъ онъ
 — Во тую ли путь богатырскую,
 — Во тую повѣзку молодецкую,
 — Его личико было бѣлое,
 — Платицо на немъ цвѣтное,
 — Сапожки на ножкахъ сафьянны,
 — Шляпа была пуховая. —
 Отвѣчать Добрыня Микитиничъ:
 «Ужъ ты свѣтъ добра да моя матушка!
 «Во тѣи пути богатырскіи
 «Сапожки о стрѣмена вытерло,
 «Цвѣтное платице сдѣржано,
 «Пухову шляпу дождями повѣсѣкло,
 «Личико жарамъ зажарило.»
 Говорить добра да его матушка:
 — Будеть сидитъ тутъ Добрынюшка Микитиничъ
 — На своемъ кони богатырскоемъ,
 — Дакъ подашь ты крестъ благословенный. —
 Тутъ Добрыня Микитиничъ
 Подавае крестъ благословенный,
 Свѣтъ доброй да своей матушки.
 Получала крестъ благословенный,
 Съ которымъ спустила во чисто поле,
 Тутъ она срадовѣлалася.
 Скоро бѣжала на широкъ дворъ,
 Отворила воротца широкии,
 Запустила Добрыню Микитича.
 Тутъ скочилъ Добрыня со добра коня.
 Говорить добра да ему матушка:
 — Ты Добрынюшка сынъ Микитиничъ!
 — Какъ твоя молода жена,
 — Пошла ѣна во замужество
 — Не охвотою, по неволюшки,
 — За смѣлаго Олѣшу Поповича. —
 Тольки Добрынюшка спрашивалъ.
 Спустилъ коня на свою волю,
 Самъ бѣжалъ въ полату бѣлокаменну,
 Обувалъ онъ сапожки сафьянны,

Надѣвалъ онъ платицо цвѣтное,
 Кладывалъ онъ шляпу пуховую,
 Береть онъ гусѣлушка аровчаты,
 Береть онъ напитокъ подорожныхъ
 Во правѣи корманъ, во лѣвой корманъ,
 Береть онъ дубину подорожную,
 Не грузиу дубину, въ девяносто пудъ,
 Прямо пошолъ на почестенъ пиръ.
 Тутъ у солнышка князя Владиміра
 Поставлены стражи немилѣсливы,
 Сильнии могучии богатыри —
 Не ходитъ никому на почестенъ пиръ —
 Не пуцають Добрыни на почестенъ пиръ.
 У Добрыни сердце розгорѣлося,
 Онъ махнулъ дубиной подорожною,
 Убилъ онъ сильнихъ богатырей.
 Прямо идеть на почестенъ пиръ,
 Во тую полату грянвитую,
 Къ этымъ ко столикамъ дубовымъ,
 Самъ говоритъ таково слово:
 «Ужъ ты солнышко князь стольно-кїевской!
 «Нѣтъ ли мѣста немношечко
 «Поприѣсть удалому молодцу?»
 Отвѣчае князь стольно-кїевской:
 — Все мѣста попризаяты. —
 Угледѣлъ онъ мѣста немношечко
 На тѣи на печки муравленой.
 Скочилъ Добрыня лѣкче заюшка
 На тую на печку муравлену,
 Заигралъ онъ въ гусѣлушка аровчаты.
 Все на пирѣ оглянулиця,
 Все на пирѣ ужахнулиця.
 Скочить князь на рѣзвы ноги,
 Самъ говоритъ таково слово:
 — А й скomorшина удалая!
 — Опустишь-во со печки муравленой:
 — Первое мѣсто подлѣ меня,
 — А другѣе тѣ мѣсто возлѣ меня,
 — Третье мѣсто гдѣ слѣбится. —
 Отвѣчаетъ Добрынюшка Микитиничъ:
 «Ужъ ты солнышко Владиміръ стольно-кїевской!
 «Не спрашивай у холоднаго,
 «Не спрашивай у голоднаго.
 «Слѣшись-во молодца кормить коня,
 «Потомъ удалаго спрашивать.»
 Приносили чару зелена вина,
 Не большую чару, полтора ведра.
 Принималъ Добрыня единой рукой,
 Выпивалъ Добрыня на единой духъ,
 Самъ говоритъ таково слово:
 — Солнышко князь стольно-кїевской!

— Позволь поднести чару зелена вина,
 — У м'ня есть напитокъ подорожныхъ.
 — Поднести мнѣ князю со княгиною,
 — Первую Настасья Никуличной,
 — А вторую Алеша Поповичу. —
 Наливаетъ чару зелена вина,
 Не большую чару, полтора ведра,
 На вѣсъ-то чара полтора пуда,
 Вкладываетъ онъ перстень злаченны
 Самъ говорить таково слово:
 — Ужъ ты пей Настасья Никулична!
 — Пей-ко чарочку зелена вина,
 — Пей-ко чарочку да всю до дна:
 — Какъ пьешь до дна — увидашъ добра,
 — Не пьешь до дна — не видать добра. —
 Беретъ Настасья Никулична,
 Беретъ чарочку одной рукой,
 Выпивала цару на единой духъ,
 Къ устамъ перстень прикатается,
 Свѣтъ Настасья срадоваласе.
 За тымъ за столикомъ дубовымъ,
 Скочила Настасья на рѣзвы ноги,
 Скочила она легче заюшка,
 Зъ-за того за столика дубоваго.
 Прямо къ Добрыни на бѣлы груди,
 Сама говорить таково слово:
 «Не тотъ мой мужъ, кой подѣлъ меня,
 «Тотъ мой мужъ — супротивъ меня,
 «Супротивъ очей моихъ асннхъ.»
 Тутъ Добрынюшка Микитиничъ
 Онъ беретъ Алешеньку Поповича,
 Зъ-за того за столика дубоваго,
 Беретъ Алешу за желты кудри,
 Стагъ онъ дубиною накладывать.
 Отъ стуканья пошло бѣканья,
 Отъ бѣканья пошло окванья
 По всей полаты гряновитыи.
 Все съ пиру розбѣжалисье,
 Все съ пиру розскакалисье,
 Только стоятъ князь со княгиною.
 Говоритъ Добрынюшка Микитиничъ:
 — Чѣго ты стоишь князь со княгиною,
 — Чѣго ты стоишь да того же ждѣшь,
 — Пусть тебѣ приуважено:
 — Моему-то батюшку крестовой братъ.» *)
 Тутъ помогъ Алешенька поповской сынъ,
 Помогъ съ пиру окоракую,
 Самъ идѣтъ съ пиру кленетса,
 Больше того проклинаетса:

«Всякой чортъ на сѣмъ свѣтѣ женится,
 «Не всякому женитьба удавается,
 «Мнѣ-ка женитьба неудачная,
 «Молода жена невзрачная.» *)
 «Удаваласе женитьба двумъ богатырямъ:
 «Во первыхъ Добрынюшка Микитичу,
 «Во-другихъ старому казаку Илью Муромцу.»

Записано на Водлозерѣ, 6 августа.

207.

КАЛИКА-БОГАТЫРЬ.

А й съ-подъ ельничку съ-подъ березничку,
 Изъ-подъ часта молодого орѣшничку,
 Выходила калива переходая,
 Переходая калива переѣзжая.
 У калики костыль дорогъ рыбей зубъ,
 Дорогъ рыбей зубъ да въ девяносто пудъ.
 О костыль калика подпирается,
 Высоко калика поднимается,
 Какъ повыше гѣсу да столчаго,
 А пониже облачка ходячаго.
 Опустилася калика на тни поля,
 На тни поля на широкія,
 На тни лужка на зеленны,
 А й о матушку-ль о Почай рѣку.
 Тутъ стоитъ ли силушка несмѣтная,
 А несмѣтна сила непомѣрная,
 Въ три часу сѣру волку да не обскакати,
 Въ три часу ясну соколу да не облѣтѣти.
 Осередѣ-то силы той невѣрной,
 Сидитъ Турченко да богатырченко.
 Онъ хватилъ Турку да за желты кудри,
 Опустилъ Турку да о сыру землю.
 Говоритъ калика таково слово:
 «Скажи Турченко да богатырченко!
 «Много ль вашей силы соскопилося,
 «Куда эта сила снарядиласе?»
 Отвѣчаетъ Турченко да богатырченко:
 — Я бы радъ сказать, да не могу стерпѣть,
 — Не могу стерпѣть, да голова болитъ,
 — А й уста мои да запечалились.
 — Е сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
 — Сорокъ королей, да королевичевъ.
 — Какъ у кажнаго царя царевича,
 — А й у короля да королевича,

*) Владиміръ.

*) Т. е. дубина.

— А ѿ по трѣ тмы силы по три тысячи.
 — Снарядиласе ужь силушка подь Кіевъ-градъ,
 — Хотуть Кіевъ градъ да головнѣй катить,
 — Добрыхъ молодцѣвъ ставить ширинками,
 — А ѿ добрыхъ коней да табунами гнать,
 — А ѿ животь со града вонь телѣгамъ. —
 О костыль калика подирается,
 Высоко-ль калика поднимается,
 А ѿ повыше лѣсу столчаго,
 А ѿ пониже облачка ходячаго.
 Присказала каликушка ко городу,
 А ѿ ко славному ко городу ко Кіеву,
 Она въ городъ шла да не воротамы,
 Она прямо черезъ стѣну городовую,
 Не что лучшу башню наугольную.
 Становилася калика середь города,
 Заеричала калика во всю голову,
 Съ теремовъ верхочки посыпались,
 А ѿ окѣленн да повалялись,
 На столахъ питья да поплескались.
 Выходилъ Олешенька поповскій сынъ,
 Береть палицу булатную,
 Нѣ грузную палицу, да въ девяносто пудъ,
 Онъ бьетъ калику по головушки,
 Каликушка стоитъ не страхнется,
 Его жѣлты кудри не сворохнутса.
 Выходилъ Добрынюшка Микитиничъ,
 Какъ беретъ Добрынюшка черлѣнный вязъ,
 Не грузный вязъ, да въ девяносто пудъ *),
 Онъ бьетъ калику по головушки,
 Каликушка стоитъ не страхнется,
 Его жѣлты кудри не сворохнутса.
 Выходилъ казакъ Илья Муромецъ,
 Говорить казакъ таково слово:
 «Ужъ вы глушы русскіи богатыри!
 «Пошто бьете калику по головушки?
 «Еще набъ у калики вѣстей спрашивать:
 «Куды шла калика, а что видѣла?»
 Говорить калика таково слово:
 — Ужъ я шла калика по тымъ полямъ,
 — По тымъ полямъ, по широкимъ,
 — По тымъ лужкамъ по зелѣннымъ,
 — А ѿ о матушку ли о Почай рѣку.
 — Ужъ я видѣла тутъ силушку великую,
 — Въ три часу волку не обсыкати
 — Въ три ясну соколу не облѣгѣти.
 — О серѣдѣи силы великіи
 — Сидитъ Турченко богатырченко.
 — Я хватилъ Турку за жѣлты кудри,

*) Богатыри всѣ одной силы были.

— Опускалъ Турку о сыру землю.
 — Скажи Турченко богатырченко:
 — Много ль вашей силы соскочилое,
 — Куда эта сила снарядиласе?
 — Ужъ бы радъ сказать, да не могу стерпѣть,
 — Не могу стерпѣть, да голова болитъ,
 — А ѿ уста мои да запечалились. —
 Говорить казакъ таково слово:
 «А ѿ калика перехожая!
 «А идѣшь ли съ намы во товарищи,
 «Ко тый ли силы ко великіи?»
 Отвѣчатъ калика перехожая
 Старому казаку Илью Муромцу:
 — Я иду со вами во товарищи. —
 Садилісь богатыри на добрыхъ коняхъ:
 Во первыхъ казакъ Илья Муромецъ,
 Во другихъ Добрынюшка Микитиничъ.
 Они съ города ѣхали да не воротамы,
 Прямо черезъ стѣну городовую,
 Не что лучшу башню наугольную.
 А ѿ каликушка не осталасе,
 О костыль она да подираласе,
 А скочила стѣну городовую.
 Поѣзжать казакъ Илья Муромецъ
 Во тую ли силу во великую,
 Во тую ли силу правѣй рукой,
 Добрыня Микитиничъ лѣвѣй рукой,
 Калика шла серѣдочкой.
 Сталь онъ своею дубиною помахивать,
 Какъ куды махнулъ—дакъ пала улнца,
 Отмахиваль—переулочокъ,
 Прибили всю силу невѣрному.
 Обращались ко славному городу,
 Ко тому ли городу ко Кіеву,
 Скакали черезъ стѣну городовую,
 Отдавали честь князю Владимиру:
 «Мы прибили силу всю невѣрную».

Записано тамъ же, 6 августа.

208.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧЪ.

По морю морю морю синему,
 По тому по морю по Верайскому,
 По тому по морю по Дунайскому,
 Изъ-за того ли острова Кодольскаго,
 Бѣжить побѣжить тридцать кораблей.
 Одинъ корабль напередъ бѣжить,

Носъ корма по звѣриному,
 Бока-ты у его по туриному,
 И хоботь-ты мече по змѣиному,
 И мѣсть очей было вставлено
 По дорогомю камню самоцвѣтному,
 И мѣсто бровь было владено
 По дорогомю собою заморьскому,
 Мѣсто хвоста было повѣшено
 По дорогой лисици заморьскія.
 О середь корабля стоить три терема,
 Три терема златоверхнихъ:
 Во первомъ теремѣ стучить-бунчить,
 Въ другомъ теремѣ шепоткомъ говорятъ,
 Въ третьемъ терему скачуть и пляшуть и пѣсни
 поють,

Пѣсни поють прикокѣиваютъ.
 Тутъ Соловьѣва дружинишко
 Пятьдесять молодцовъ со единымъ,
 Все молодець молодца лучше,
 Тутъ самъ Соловей сынъ Будиміровичъ
 Со своей дружиною хороброю.
 Онъ говоритъ таково слово:
 «А ѣ же дружина хоробрая!»
 «Приворачивай къ крутому бережку,
 «Выкиньте сходни дубовни,
 «Други сходни серебряны,
 «Третьи сходни мѣди казанскія.»
 Говоритъ Соловей таково слово:
 «А ѣ дружина хоробрая!
 «Бери дружина золоты ключи,
 «Отмыкай дружина кованы ларьцы,
 «Вынимай-ко камочку золотую,
 «Что въ золоты камочка не погнется.»
 Брала дружина золоты елючи,
 Отмыкала дружина кованы ларьцы,
 Вынимала камочку золотую,
 Въ золоты камочка не погнется.
 Берѣтъ онъ подарки великии,
 Иде къ солнышку князю столно-кѣевску
 Съ зтыма подарками великими,
 Въ эту полату грановитую,
 Крѣсть онъ кладѣтъ по писаному,
 Поклонъ-отъ ведѣтъ по учѣному,
 Бѣтъ онъ челомъ покланяется
 На всѣ на четыре на стороны.
 Онъ говоритъ таково слово:
 «Ужъ ты солнышко князь столно-кѣевской!
 «Дай-ко мнѣ мѣста немношечко
 «Поставить три терема златоверхнихъ.
 «Въ одну ноченку во темную,
 «Во темную ноченку въ осенную,

«Къ утру свѣту жить перейти.»
 — Гдѣ тебѣ мѣсто прилюбится,
 — Устрой терема златоверхи. —
 Поклонился Соловей Будиміровичъ
 Солнышку князю столно-кѣевску.
 Онъ говоритъ таково слово:
 «А ѣ же дружина хоробрая,
 «Пятьдесять молодцовъ со единымъ!
 «Скидывайте платицо цвѣтное,
 «Надѣвайте кожаны досинны,
 «Берите топорыки булатни,
 «Поставьте три терема златоверхнихъ,
 «Къ утру къ свѣту бы жить перейти.»
 Въ эту во ноченку во темную,
 Во темную ноченку во осенную,
 И молода Забава Путятично
 Во тую во ноченку во темную,
 Слышала стужъ и громъ она великин,
 Поглянула въ косивчату околенку:
 — Что это у насъ не по старому.
 — У батюшка въ зеленомъ саду
 — Дубья колоды повмысѣчена,
 — Изъ-за саду вонъ все повѣметано,
 — Стоять три терема златоверхнихъ. —
 Она скоро скочила на рѣзвы ноги,
 Чѣботы обула на босу ногу,
 Салопъ одѣвала на одно плечо,
 По крылечку спуцалась по-легошенько,
 По улущкѣ шла по-скорѣшенько.
 У пѣрваго терема послушала,
 Въ тоемъ теремѣ стучить-бунчить,
 Стучить-бунчить щелчить-молчить,
 Тутъ Соловьѣва золоты казна.
 У другаго терема послушала,
 Въ другомъ теремѣ шепоткомъ говорятъ,
 Тутъ Соловьѣва родна матушка,
 Она за Соловья Бога умаливала.
 У третьяго терема послушала,
 Въ тоемъ теремѣ скачуть и пляшуть и пѣсни
 поють,

Пѣсни поють прикокѣиваютъ, —
 Тутъ Соловьѣва дружинишка,
 Самъ Соловей сынъ Будиміровичъ.
 Она прямо идетъ во высокъ теремъ,
 Она крѣсть то кладѣтъ по писаному,
 Поклонъ-тотъ ведѣтъ по учѣному,
 Она бѣтъ челомъ покланяется
 На всѣ на четыре на стороны,
 Соловьѣ Будиміровичу въ собину.
 — Ты молодець есть холостъ не женатъ,
 — Я красна дѣвица на выдѣваньи. —

Говорит Соловѣй сынъ Будиміровичъ:
 «Всѣмъ ты мнѣ дѣвица прилюбиласе,
 «Однимъ ты мнѣ дѣвица не слюбиласе,
 «Сама себя за мужъ просватываешь.»
 Говорит Соловей сынъ Будиміровичъ:
 «А ѣ же дружина хоробрая!
 «Сбирайте злаченни теремы,
 «Отъѣдемъ отъ крутаго берега.»

Записано тамъ же, 6 августа .

209.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Когда же возсіяло солнце красное
 На тую ли на землю свято-русскую,
 Тогда же вопарился нашъ Грозный царь,
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 На тую на землю свято-русскую.
 Тогда же собиралъ онъ почестень пиръ.
 Все ли на пиру напивалисе,
 Все ли на пиру похвалялесе:
 Умный фастать отцемъ матерью,
 Безумной фастать молодой женой,
 Глухой фастать добрымъ конемъ.
 Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 «А вывелъ я измѣну изъ Опского,
 «Да вывелъ я измѣну изъ Казаньскаго,
 «А вывелъ я измѣну съ Астраканьскаго,
 «Да вывелъ измѣну съ Новѣгорода,
 «Да выведу измѣну съ каменной Москвы,
 «Всю неправду со святой Руси.»
 Подъ его подъ ручкой подъ правую,
 Сидитъ млади Иванъ тотъ Ивановичъ,
 Подъ его подъ ручкой подъ лѣвою,
 Сидитъ младый Ѳедоръ Ивановичъ.
 Воспроговоритъ Иванъ тотъ Ивановичъ:
 — Батюшко Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 — А вывелъ измѣну изъ Опского,
 — Да вывелъ измѣну изъ Казаньскаго,
 — А вывелъ измѣну съ Астраканьскаго,
 — Да вывелъ измѣну съ Новѣгорода,
 — Не вывести измѣну съ каменной Москвы,
 — А всѣй-то неправды со святой Руси.
 — У тебя измѣнщикъ за однимъ столомъ,
 — Ѳзидилъ по царству Російскому,
 — По тому государству московскому,
 — Улицу казнилъ онъ десятую,
 — Въ десятой казнилъ онъ десятаго,

— Больше голову пѣтунюю,
 — Все ерлуки онъ подписывалъ.
 — Въ той улицы больше (пѣтуны не поють*)
 — Въ той улицы больше щепотью не молятся.
 — Не могъ вывести измѣны изъ Пскога,
 — Не могъ вывести измѣны изъ Скопскаго
 — Не могъ вывести измѣны изъ Казаньскаго,
 — Не могъ вывести съ Востраканьскаго,
 — Не могъ вывести измѣны съ Нова-города,
 — Не могъ вывести измѣны съ каменной Москвы
 — Всей неправды со святой Руси. —

Грозно царь распалается,
 Сбочитъ царь на рѣзвы ноги,
 Говоритъ ли царь таково слово:
 «А ѣ полачи немилосливни!
 «Берите-тко Ѳедора Ивановича
 «За его за ручки за бѣлны,
 «За его за перстни злаченни,
 «Накиньте камочнику черную,
 «Бросьте въ телѣгу ордынскую,
 «Везите за мать Москву бѣлокаменну,
 «На тое болото на Житное,
 «На тую на плаху кровавую,
 «Отсѣкните измѣнщику голову.»
 Все палачи розбѣжалисе,
 Все палачи роскакалисе,
 Большой-отъ хоронится за средняго,
 Средней-отъ хоронится за меньшаго,
 А отъ меньшаго стало да отвѣту нѣтъ.

Грозно царь распалается,
 Говоритъ ли царь таково слово:
 «А ѣ палачи немилосливни!
 «Берите Ѳедора Ивановича
 «За его за ручки за бѣлны,
 «За ты за перстни злаченни,
 «Накиньте камочнику черную,
 «Бросьте въ телѣгу ордынскую,
 «Везите за мать Москву бѣлокаменну,
 «На тое болото на Житное,
 «На тую на плашку кровавую,
 «Отсѣкните измѣнщику голову.»
 Изъ-за того стола за нижайшаго,
 Выходитъ маленькой малютка Скурлатковъ см въ
 Беретъ онъ Ѳедора Ивановича
 За его за ручки за бѣлны,
 За его за перстни злаченни,
 Накинулъ камочнику черную,
 Бросилъ въ телѣгу ордынскую,
 Повезъ за мать Москву бѣлокаменну,

*) Такъ при первоначальномъ сплошномъ распѣтѣ.

На тоѣ болото на Житное,
 На тую на плаху кровавую,
 Отсѣчь измѣнщику голову.
 Молодая Марья Романовна
 Сочила она на рѣзвы ноги,
 Чобота обула на босу ногу,
 Шубу одѣвала на одно плечо,
 По крылечку спущалась полегоньку,
 По улущку бѣжала поскороньку,
 Прямо къ Микитѣ Романовичу
 Во тую полату грянвитую.
 Крѣсть-то владеть по писаному,
 Поклонъ-то ведѣть по учоному,
 Бьетъ челомъ покланяется,
 На вси на четыре на стороны,
 Братцу Микитѣ Романовичу въ собину.
 Говоритъ братецъ Микита Романовичъ:
 — Что же за чудо за чудное,
 — Что же за диво за дивноѣ,
 — Не звана пришла гостя не приказывана? —
 Говоритъ Марья Романовна:
 «А ѣ братецъ Микита Романовичъ!
 «Потухла свѣча наша мѣстная,
 «Заватилось наше красное солнышко,
 «Не стало млада Федора Ивановича,
 «Увезъ маленькой Малютка Скурлатковъ сынъ
 «На тоѣ болото на Житное,
 «На тую на плаху кровавую,
 «Отсѣкѣтъ ему буйную голову.»
 Сочилъ Микита на рѣзвы ноги,
 Чоботы обулъ на босу ногу,
 Армякъ надѣвалъ на одно плечо,
 Шляпу кладывалъ на одно ухо,
 Онъ бѣжитъ на конюшню стоялую,
 Беретъ добра коня учоного.
 Садился на добра коня не сѣдлана,
 Ёде по мать Москвы бѣлокаменной,
 Шляпою маше голосомъ кричитьъ:
 — А ѣ же народъ люди добрыи!
 — Дайте мѣста немножечко
 — Коню пройти, меня провезти,
 — Скоро ѣхать за мать Москву бѣлокаменну
 — На тоѣ болото на Житное,
 — Ко тин ко плашки кровавыи,
 — Застать любезнаго племянника. —
 Увидѣлъ маленькой Малютка Скурлатковъ сынъ,
 Закричалъ Микита во всю голову:
 — Ты не ѣшь-ко собака куса сахарня,
 — Хоть съѣшь собака подавишься. —
 Повернулъ копые во матушку сыру землю,
 Маленькой Малютка Скурлатковъ сынъ

Самъ падаетъ на вострой конецъ.
 Тутъ Скурлатковы славы поють.
 Подъѣзжаетъ Микита Романовичъ
 Къ этой ко плашкѣ кровавыи,
 Беретъ нонь любезнаго племянника
 За его за ручки за бѣлыи,
 За тин за перстни злеченыи,
 Кладываетъ его подъ правую пазушку,
 Везетъ онъ въ полату бѣлокаменну,
 Во свой домъ да грянвитын.
 Прошло тому времечки круглой годъ.
 Вспомнилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
 Своего Федора Ивановича,
 Сдѣлалъ указы онъ грозныи
 По всему по царству російскому,
 По тому ли государству московскому,
 Къ этии обѣдни воскресенскіи,
 Къ этии заутренн Христовскіи,
 Шли бы въ платьицахъ опальникъ.
 Молодой Микита Романовичъ
 Надѣвалъ платье что ни лучшеѣ,
 Кладывалъ любезнаго племянника,
 Кладывалъ подъ правую пазушку,
 Идетъ онъ къ обѣдени Христовскіи,
 Крѣсть онъ владѣть по писаному,
 Поклонъ ведѣть по учоному,
 Бьетъ онъ челомъ покланяется
 На вси на четыре на стороны,
 Грозному царю Ивану Васильевичу въ собину:
 — Здравствуй Грозный царь Иванъ Васильевичъ
 — Со своимъ сѣменамъ царскимъ,
 — Со своей любезной семейшкой:
 — Со молодымъ Иваномъ Ивановичемъ,
 — Со молодымъ Федоромъ Ивановичемъ,
 — Со молодой со Марьей Романовной! —
 Воспроговоритъ царь таково слово:
 «Кабы былъ ты не Микита не Романовичъ,
 «Отсѣкѣ бы тебѣ буйну голову.»
 Здравствуетъ Микита во второй наконъ:
 — Здравствуй Грозный царь Иванъ Васильевичъ
 — Со своимъ сѣменамъ царскимъ,
 — Со своей любезной семейшкой:
 — Со молодымъ Иваномъ Ивановичемъ,
 — Со молодымъ Федоромъ Ивановичемъ,
 — Со молодой со Марьей Романовной! —
 Говоритъ царь таково слово:
 «А ѣ же ты Микита Романовичъ!
 «Подай скоро Федора Ивановича.
 «Не подашь ты Федора Ивановича,
 «Отсѣку тебѣ буйну голову.»
 Молодой Микита Романовичъ

Вынимаетъ Федора Ивановича
Изъ этии правии пазушки.
Говорить Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«А ѿ ты Микита Романовичъ!
«Чимъ тебя буде жаловать
«За твои подарки великин:
«Города ли тебѣ съ пригородками,
«Деньгами ль золотой казной,
«Али платиномъ тебѣ цвѣтннимъ,
«Али пожаловать добрымъ конёмъ?»
Отвѣчаетъ Микита Романовичъ:
— Не надо городовъ съ пригородками,
— И золота казна у м'ня не тощится,
— Цвѣтное платьѣ не дѣржится,
— Добрыя кони не ѣзжены.
— Пожалуй Микитину улицу:
— Кто голову убьѣ, кто жону уведѣтъ,
— Въ Микитину отчину зайдетъ — того Богъ
простить. —

Записано тамъ же, 6 августа.

XXXVIII.

ПА Н О В Ъ.

Савелій Кузмичь Пановъ съ Куганаволова на Водлозерѣ, 43 лѣтъ; выучился пѣть былины на лѣсныхъ гонбахъ, гдѣ бывалъ въ работникахъ.

210.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

А ѿ какъ изъ города да изъ Мурома,
А изъ того села Коротяева,
А ѿ какъ справляется вооружается,
А ѿ какъ удаленькой да дородненькой,
А ѿ какъ дородненькой добрый молодецъ.
А ѿ нынъ какъ старши казакъ Илья Муромецъ,
А Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Онъ справляется да вооружается,
А ѿ какъ въ тотъ ли во славны да во Кіевъ градъ,
А ѿ какъ на тотъ ли онъ ва славны на почестевъ пиръ,
А ѿ какъ ко солнышеу князю Владимиру стольнѣ-
кіевску.

А ѿ онъ беретъ себѣ да добра коня,
Беретъ бурушка да косматушка,
А ѿ какъ не сѣдлана добра коня беретъ не уздана,
А ѿ какъ не уздана беретъ не обкольчужена.
Сталъ онъ бурушка осѣдывать,
Сталъ косматушка да обкольчуживать:
А ѿ на главу въ-первѣхъ влалъ лошадиную,
А ѿ онъ какъ влалъ уздицу тесманую,
Какъ не ради влалъ красы басы молодецкою,
А ѿ ради крѣпости крѣпилъ онъ богатырскою.
А ѿ на синну-ту влалъ онъ лошадиную
Двѣнадцать потниковъ двѣнадцать войлоковъ,
А ѿ на верѣхъ-то влалъ сѣдлышко черкальское,
А ѿ какъ не ради влалъ красы басы молодецкою,
А ѿ ради крѣпости крѣпилъ онъ богатырскою.
А ѿ онъ двѣнадцать нынъ вязать подируговъ
шелковыхихъ,
А ѿ ради крѣпости крѣпилъ-то все да богатыр-
скою.
А ѿ какъ подируги у его сѣдлышка да шелковыи,
А ѿ какъ того шелку ли витайскаго,
Да славнаго того Маханскаго.
А ѿ какъ вѣдъ пражечки нынъ были мѣдныи,
А ѿ какъ той мѣди казанской.
А ѿ Маханскій шолкъ да не сорвется,
Какъ казанская мѣдъ да не ржавѣтъ.
А ѿ стремена бузатъ желѣза нынъ крѣпкаго не
подогнутыя,
А ѿ тутъ не ради красы басы крѣплѣно моло-
децкою,
А ѿ ради крѣпости нынъ крѣплѣно богатырскою.
А ѿ только вид'ли добраго молодца
А ѿ на добраго коня вид'ли сядучисъ, —
А ѿ какъ не вид'ли его удалаго да поѣдучисъ,
А ѿ только одна куревка по чисту полю да по-
еурна,
А ѿ какъ отъ буйнаго вѣтруска нынъ зномъ
снѣгъ завивается, —
А ѿ также тутъ отъ старá казака отъ добра коня,
А ѿ отъ сырой земли песокъ-то къ верху подни-
маются.
А ѿ онъ приѣхалъ нынъ на чисто полѣ къ трѣмъ
розстанямъ:
А ѿ нынъ какъ первая розстанъ во Кіевъ градъ,
Какъ другая розстанъ во Черниговъ градъ,
А ѿ нынъ какъ третья та розстанъ дорожка пря-
мохожая,
Прямохожая да прямоѣзжая.
А ѿ только нынъ какъ на той пути на богатыр-
скою,
А ѿ какъ на той дорожки прямоѣзжей,

А ѿ какъ стоить тамъ сила ратищѣ да великая.
 «А ѿ мнѣ не честь хвала молодецкая,
 «Какъ мимо силушку да проѣхати,
 «А ѿ не побиться мнѣ не пораниться,
 «А на бою-то мнѣ стару казаку да смерть не
 писана.»

А ѿ какъ стоить тамъ сила великая,
 А ѿ стоить пановья да улановья,
 А ѿ какъ поганни да татаровья.
 А ѿ онъ прѣхалъ ко той ко силы ко ратищу,
 А ѿ сохотилъ вѣдь онъ со добра коня,
 А ѿ онъ какъ палъ бою во праву ногу:
 «А ѿ ужъ ты бурушко мой косматушко!
 «А ѿ пособи-тко мнѣ, помоги-тко мнѣ,
 «А ѿ какъ побиться мнѣ какъ пораниться
 «А ѿ со пановьями со улановьями,
 «А ѿ со поганьми со татаровьями.»
 А ѿ пошолъ его добрый конь какъ ясень соколъ.
 А ѿ тутъ вѣдь старъ казакъ Илья Муромецъ
 сынъ Ивановичъ

А онъ какъ рвалъ сырїя дубъ да крякновистый,
 А ѿ воротилъ опъ дубъ изъ сырой земли со ка-
 меньями со кореньями,
 А ѿ сталъ онъ тутъ сырїмъ дубомъ да крякно-
 вистымъ помахивать,
 А ѿ его добрый конь сталъ по силушки тутъ по-
 скакивать.

А ѿ куды дубомъ махнетъ — падеть силы удица,
 Перемахнетъ — переузочекъ.
 А ѿ кольцо самъ-то бѣтъ — вдвое конь топ-
 чѣтъ,
 А ѿ какъ прибилъ онъ силушку до одинаго,
 А ѿ не оставилъ онъ ни одинаго да тутъ во жив-
 вости.

А онъ прѣхалъ ко городу ко Чернигову.
 А ѿ во томъ во городи во Чернигови,
 А ѿ во стѣны ворота призаперты,
 А ѿ у воротъ крѣпки стѣрожа да поставлены,
 А ѿ стоить сильнии да могучии да богатыри.
 А онъ вѣдь тутъ да у сильниихъ у могучиихъ да
 у богатырей,
 Да онъ не спрашивался не докладывался,
 А ѿ онъ направилъ добра коня черезъ стѣночку
 городовую,
 А ѿ какъ махнулъ его добрый конь черезъ тую
 стѣну городовую,
 А ѿ какъ котора стѣна высотой-то была двѣнад-
 цать сажений печатниихъ,
 А онъ заѣхалъ тутъ да въ Черниговъ градъ,
 А онъ прѣхалъ тутъ ко Божьей церкви,
 А ѿ ко тому ли Ивану великому.

А ѿ во Божьей церкви стоить тутъ люди Богу
 молятся,

А онъ каются приобщаются,
 А ѿ какъ со бѣлымъ свѣтушкомъ да прощаются.
 А онъ принолъ тутъ во славныи да великой храмъ,
 А онъ какъ крестъ владеть по писаному,
 Поклонъ ведетъ по ученому,
 А ѿ во-первыхъ клонился Спасу образу,
 А ѿ во-другиихъ клонился Божьей матери,
 А ѿ во-третьиихъ поклонился онъ тутъ всему міру.
 «А ѿ ужъ вы здравствуйте купци да Черниговци
 вельможи богатыи,
 «А ѿ ужъ вы сильнии могучии да здравствуйте
 богатыри,
 «А ѿ ужъ вы вси поляници *) здравствуйте да
 удали!
 «А ѿ вы объ чемъ тутъ нынѣ-же каетесь да
 причащаетесь,
 «А ѿ вы зачѣмъ же со бѣлымъ свѣтомъ прощае-
 тесь?»

А ѿ говорили тутъ вси купци вельможи богатыри,
 Какъ вси сильнии могучии богатыри,
 А ѿ отвѣчали поляници удали:
 — А ѿ мы объ томъ вѣдь каемся причащаемся.
 — А ѿ для того со бѣлымъ свѣтомъ прощаемся, —
 — А ѿ обступила насъ сила великая,
 — А ѿ наступаютъ на насъ пановья да улановья,
 — А ѿ какъ поганни да татаровья. —
 А ѿ говорилъ тутъ вѣдь батюшко да старой ка-
 закъ Илья Муромецъ,

А Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
 «А ѿ вы идите-тко да на славу стѣну городовую,
 «А ѿ посмотрите-тко на чисто поле,
 «Нынѣ на тую силу великую.»
 А ѿ выходили купци бояра вельможи богатыри,
 А нынѣ какъ вси сильнии могучии да богатыри,
 А ѿ нынѣ какъ вси выбирались поляници удали,
 А ѿ какъ смотрѣли во чисто поле на тую силу
 великую.

А гдѣ стоили пановья да улановья,
 А ѿ какъ поганни да татаровья,
 А ѿ тутъ только на томъ поли да на чистоёмъ,
 А ѿ какъ остались знамена стоить да не русьскіи,
 А ѿ какъ осталось знамянъ многимъ много мно-
 гѣшенько,
 А ѿ во темномъ лѣсу какъ стоить знамяно,
 Какъ ровнымъ много какъ лѣсу сухаго.
 А ѿ какъ народу тутъ прибито приранѣно,
 А ѿ какъ приранѣно да приважено,

*) дѣвцы богатырицы.

Будто въ лѣсахъ какъ нива присичена.
 А ѿ оны вси ему какъ низкимъ низко кланялись:
 — А ѿ ты удаленькой да дородненькой,
 — А ѿ какъ дорѣдненькой доброй молодець,
 — А ѿ ужъ ты старши казакъ да Илья Муромецъ,
 — А ѿ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
 — А ѿ хоть у насъ ты въ гради Чернигови
 — А ѿ хоть князёмъ живи, хоть королёмъ живи,
 — А хоть живи бариномъ а хоть крестьянномъ.
 — А занимай себѣ три мѣста любимыхъ:
 — А ѿ ужъ какъ первое мѣсто супротивъ Ивана
 Великаго,
 — А ѿ какъ другое мѣсто середь ринку-то на-
 шего столчнаго,
 — А ѿ вѣдь какъ третье мѣсто гдѣ думаешь. —
 А ѿ вѣдь какъ старши казакъ Илья Муромецъ,
 А ѿ вѣдь какъ только у ихъ онъ спрашивалъ,
 А ѿ вѣдь какъ только онъ тутъ сказывалъ:
 «А ѿ не живу я у васъ ни бариномъ, ни крестья-
 ниномъ.
 «А ѿ вы скажите мнѣ про ту дороженку да пря-
 мохожую.»
 А ѿ какъ сказали оны ему про дорожку прямо-
 хожую.
 А ѿ вы скажите мнѣ про ту дороженьку да пря-
 моѣзжую.»
 А ѿ какъ сказали оны ему про прямоѣзжую:
 — А ѿ прямоѣзжая дороженка до Кіева одна
 тысяча
 — А ѿ какъ окольная дороженка есть двѣ ты-
 сячи.
 — А только не ѣзди по той дорожки прямоѣзжею,
 — А ѿ какъ не ѣзди по той прямохожею:
 — А ѿ какъ на той дорожки прямохожею,
 — А ѿ какъ на той дорожки прямоѣзжею,
 — Да есть три заставы да великинъхъ:
 — А нынѣ какъ первая заставка гора крутая,
 — А ѿ какъ вторая-та заставка широка рѣка мать
 Смородина.
 — А ѿ въ ширину рѣка она въ шесть же вѣрсть,
 — А за рѣкой живётъ тамъ разбойничокъ,
 — А ѿ по названью живеть Соловьѣшка,
 — А вѣдь какъ тая птица рахманная.
 — А только нынѣ по той пути по дороженки,
 — А ѿ какъ вѣдь тридцать лѣтъ нието да не ха-
 живалъ,
 — А ѿ на добромъ кони нието туда не проѣз-
 живалъ. —
 А вѣдь какъ только старъ казакъ у ихъ выспра-
 шивалъ,
 А вѣдь какъ только Илья Муромецъ вывѣдывалъ.

А ѿ ѣнъ садился нынѣ на добра коня,
 А ѣнъ поѣхалъ по той дорожки прямохожею,
 А ѣнъ поѣхалъ нынѣ по прямоѣзжею,
 А ѣнъ пріѣхалъ ко первому ко заставѣ.
 А ѿ какъ пріѣхалъ онъ ко крутой горы,
 А ѿ какъ поднялся его добрый конь отъ сырой
 земли,
 А ѿ какъ поднялся конь какъ ясень соволъ,
 А ѿ ѣнъ повыше вѣдь лѣсу стоячаго,
 Какъ пониже облачка ходячаго, —
 А ѿ переѣхалъ тутъ старъ казакъ Илья Муро-
 мецъ сынъ Ивановичъ
 А ѿ переѣхалъ онъ первую заставу,
 А ѿ переѣхалъ онъ гору високу.
 А ѿ пріѣзжаетъ онъ ко второй заставы ко бы-
 стрѣй рѣки,
 А ѿ какъ ко матушки ко Смородины.
 А на быстрой рѣки нѣтъ ни мостику, нѣтъ ни
 плотнику,
 Да не прибиралъ онъ тутъ мелка мѣстеца.
 А ѣнъ какъ билъ коня по тучнымъ ребрамъ,
 А ѿ какъ махнулъ его добрый конь какъ ясень
 соколъ,
 А черезъ тую онъ махнулъ черезъ рѣку Сморо-
 дину.
 А ѿ подѣзжаетъ онъ къ третьей заставы,
 А ѿ ко тому ли къ дому Соловьѣному,
 А ѿ какъ сидитъ Соловьѣшко да разбойничекъ,
 А по названью Птица Рахманная,
 А ѿ какъ сидитъ-то на семи дубахъ да на кра-
 новистыхъ.
 А ѿ ѣнъ беретъ тутъ старъ казакъ Илья Муро-
 мецъ сынъ Ивановичъ,
 Да ѣнъ беретъ съ плеча нынѣ тугой лукъ да раз-
 рывчатой,
 А ѿ кладываётъ на лукъ нынѣ какъ стрѣлочку
 калѣную,
 А ѣнъ самъ тутъ какъ стрѣлочку приговаривалъ:
 «А ѿ ты лети-тво стрѣлка каленая къ Соло-
 вьюшку,
 «А ты лети къ Соловьѣшко во право ухо,
 «Вылетай-во стрѣлка во лѣвыи глазъ.»
 А ѿ покажетъ онъ тутъ стрѣлочку навкладывалъ,
 А ѿ вѣдь какъ тугой лукъ да направлявалъ,
 А ѿ какъ вѣдь той порою да тѣмъ временёмъ,
 А ѿ засвисталъ Соловей по соловьиному,
 А ѿ закричалъ тутъ Соловьѣшко по звѣриному,
 А ѿ задыхалъ Соловьѣшко по змѣяному.
 А ѿ у стара казака Илья Муромца сына Ивано-
 вича,
 А подъ нмъ добрый конь на колѣна палъ,

На колышка палъ испугается.

А й только старъ казакъ со добра коня сопущается,

А ёнь пиналъ коня по тучнымъ ребрамъ:

«А й ужъ ты конь ты конь пеловой *) мѣшовъ!

«А развѣ ты не бывалъ вѣдь конь во темномъ лѣсу,

«А развѣ ты не слыхалъ вѣдь здоху змѣйнаго,

«А развѣ ты не слыхалъ вѣдь врыку звѣринаго,

«А развѣ ты не слыхалъ вѣдь свисту соловьи-наго.»

А й какъ добрый конь да на нѣги всталъ,

А вѣдь какъ тутъ отъ стрѣльбы Соловейко на землю упалъ.

А прїѣзжалъ тутъ старъ казакъ Илья Муромецъ

А й подѣзжаетъ онъ тутъ ко Соловьешку,

А й подымаетъ отъ сырой земли да онъ Соловьешка,

А того ли пресильнаго премогучаго да разбойника.

А ёнь везалъ его Соловьешку ко сѣдѣлшкѣ да ко стрѣмену,

А какъ поѣхалъ тутъ старъ казакъ Илья Муромецъ,

А Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,

А ёго добрый конь сталъ посканивать,

А й Соловьешку у стрѣмени сталъ поплясывать.

А подѣзжаютъ они къ тому дому Соловьиному,

А ко тому двору да ко широку.

А й Соловьешка дворъ да повмстроены,

Да повмстроены дворъ да повблагены,

А й на семи столбахъ да на семи верстахъ.

А й только тутъ увидали Соловьины какъ дѣточки,

А й говорили они родной матушки:

— А й государини наша матушка!

— А й нашъ какъ батюшка ѣдетъ мужика везетъ,

— А й какъ у стремена да привязана. —

А й подходила къ тому окошку косивчату,

Подходила дочь Елена волшебница,

Какъ смотрѣла въ то окошко косивчато.

Какъ во то ли-то стекло хрустальнее.

А й какъ глядѣла она да на лицу,

А й говорила она таково слово:

«А й мой родныи брѣтница мой сѣстрици!

«А й какъ не батюшко ѣдетъ, — мужика везетъ, —

«А й вѣдь какъ ѣдетъ старой казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,

«А й везетъ нашего батюшка да у стремена нынѣ привязана.»

А й какъ бѣжала Алена волшебница да на широкъ дворъ,

А й какъхватила она подворотенку полтораста пудъ,

А й какъ хотѣла ударить старъ казака Илью Муромца сына Ивановича,

А й прямо въ лобъ ударить межъ ясны очи,

А й какъ вѣдь дать ему разъ да смѣртни.

А й вѣдь на уволочки онъ былъ ловкенькой,

А й увернулся отъ уразу великаго,

А й онъ скочилъ вѣдь тутъ старъ казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,

А й онъ скочилъ скоренько со добра коня,

А й какъ онъ пнулъ то Алену подъ жоппицо ото всего зла,

А й какъ летѣла Алена волшебница черезъ широкъ дворъ,

А й какъ ко заднюю летѣла ко стѣночекъ,

Да у стѣны-то она плаваётъ окоракою.

А й говоритъ Елена волшебница:

«Да меня чортъ-отъ кинулъ жалибницю *),

«А й какъ не доброй меня сунулъ заступницю.»

А й какъ кричить тутъ Алена волшебница своей матушки:

«А й государини моя матушка!

«Вы насыпьте нынѣ злата да серебра,

«А й вѣдь какъ скатнаго мелкаго жемчугу,

«А й какъ три нынѣ насыпьте подноса серебряныхъ,

«А й вы дарите стара казака Илью Муромца сына Ивановича,

«А й вы дарите его златомъ да серебромъ,

«Нынѣ какъ мелкимъ скатнымъ жемчугомъ,

«А чтобы оставилъ намъ родна батюшка,

«Хоть не ради прокормленьца, а хоть бы ради поглаженьца.»

А й говоритъ тутъ какъ батюшка старой казакъ Илья Муромецъ:

— А прїѣзжай-те нынѣ во славный Кіевъ градъ,

— Не оставлю я вамъ батюшка на поглаженьцо.

— Прїѣзжайте вслѣдъ во Кіевъ градъ,

— А прїѣзжайте вы во Кіевъ градъ на проценъцо. —

А й только тутъ какъ поѣхалъ нашъ батюшко да старой казакъ,

А его добрый конь сталъ посканивать,

А й Соловешку у стрѣмени сталъ поплясывать.

*) Пелѣ — мякина отъ овса.

*) Отца жалѣя.

А ѿ какъ поѣхалъ да удаленькой дородненькой
добрый молодець
А ѿ нынѣ какъ старини казакъ Илья Муромецъ
сынъ Ивановичъ,
А ѿ какъ во славныи да во Кіевъ градъ,
Какъ во славному князю Владиміру,
А ѿ какъ на славныи да на почестень пиръ.
А ѿ какъ на тѹ пору да на тѹ время,
Какъ Владиміра князя стольне-кіевска,
А его при домі не случилося.
Какъ ушелъ Владиміръ князь стольне-кіевской,
Какъ ушелъ Владиміръ князь во Божій храмъ,
А ѿ какъ ушелъ ко той обѣдени христосскіи.
А ѿ какъ вѣдъ тутъ старини казакъ Илья Муромецъ
сынъ Ивановичъ,
А ѿнъ заѣхалъ ко Владиміру князю стольне-кіевску
на широкъ дворъ,
А ѿ безъ допросу безъ доклада заѣхалъ нынѣ
княженецкаго,
И становилъ добра коня посередь двора нынѣ
какъ шірока,
А ѿнъ вязалъ коня ко тому столбу ко точёному,
А ѿ ко тому ли вязалъ кольцо да къ золочёному.
А походилъ тутъ вѣдъ старъ казакъ Илья Муромецъ
сынъ Ивановичъ,
Да онъ добру коню тутъ наказывалъ:
— А стой-жо бурушка, стой косматушко,
— Береги нынѣ бурушка косматушка береги Соловюшка,
— А ѿ того сильнаго могучаго нынѣ разбойничка. —
А ѿнъ еще Соловейку наказывалъ:
— Ты уйдешь Соловейко отъ моего коня,
— А отъ меня ты Соловей ни куда не уйдешь по бѣлу свѣту. —
А ѿ какъ пришлоъ тутъ вѣдъ батюшко да старой
казакъ нынѣ во Божій храмъ,
А ѿ какъ во Божій храмъ да во Божью церкву,
А ѿнъ какъ крѣстъ владѣтъ по писаному,
Онъ поклонъ веде по ученому,
Онъ Владиміру князю тутъ челомъ не бѣтъ.
А ѿ отошла тутъ обѣденка да христосская,
А ѿ какъ пошлоъ тутъ Владиміръ князь стольне-кіевской,
А ѿ какъ пошлоъ онъ по городу по Кіеву,
Онъ какъ сдѣлалъ тутъ публикацю:
А ѿ чтобы кромѣ Владиміра князя стольне-кіевска,
А ѿ чтобы не были пиръ балы да открытыи.
А ѿ какъ выходятъ тутъ со Божьей церквы
Какъ старой казакъ Илья Муромецъ,
А ѿ какъ идутъ тутъ по городу да по Кіеву,

Какъ идутъ тутъ голи кабацкіи пьяницы,
А между собою они разговаривають:
«А что это у насъ у князя нынѣ да узаконено,
«А ѿ чтобы у его у одного было пированьицо,
«Пированьицо да столованьицо?
«А ѿ какъ вѣдъ намъ голямъ да кабацкіимъ,
«Въ кабакахъ не вышло позволеньца
«А ѿ выпить съ горюшка да съ досадушки зелена вина.»
А ѿ говорилъ голямъ кабацкіимъ пьяницамъ
Какъ старой казакъ Илья Муромецъ:
— А ѿ погодите голи кабацкіи пьяницы.
— Я отопру кабаки вси питейные,
— Розрѣшу я вамъ выпить зелена вина. —
А ѿ вѣдъ какъ самъ-то помошъ тутъ батюшко
нашъ старой казакъ,
А ѿ ѿнъ вѣдъ помошъ къ тому нынѣ князю Владиміру,
А ѿ ко тому ли помошъ ко свѣту ко солнышку,
А ѿ какъ пришлоъ къ ему да на почестень пиръ,
А ѿ какъ Владиміръ князь ему челомъ не бѣтъ,
Какъ челомъ не бѣтъ его не здравствуетъ.
«А ты зачѣмъ идѣшь да незваной гость,
«А ѿ какъ незваной гость не приказыванъ?»
А ѿ приказалъ тутъ Владиміръ князь стольне-кіевской:
«А ѿ вы вставайте-тко друзья да вы удалы добри молодцы!
«А ѿ вы ведите-тко гостя за бѣлы руки,
«А ѿ какъ за бѣлы руки ведите на широкъ дворъ
«А изъ-за того стола изъ-за дубоваго.»
А ѿ какъ ставали два удалыхъ да два молодца,
А ѿнъ брали старя казака Илью Муромца
А ѿнъ брали его за бѣлы руки,
А ѿ какъ они вели его да на шірокъ дворъ,
А ѿ ѿнъ какъ бралъ на дворн свою палицю,
А ѿ свою палицю взялъ булатную.
А ѿ какъ кругомъ-то у князя Владиміра,
А ѿ у того ли у свѣта у солнышка,
А ѿ кругомъ всѣй палаты бѣлокаменной,
А ѿ были шарикъ принавѣшены,
А ѿ принавѣшены да золочѣнныи,
А тѣмъ полата да была изурашена,
А обломалъ тутъ вѣдъ батюшко да старой казакъ,
А ѿ какъ старой казакъ да Илья Муромецъ,
А Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
А собиралъ онъ ты шарикъ во праву полу,
А ѿ выходилъ онъ тутъ на улицу съ широкъ двора,

А й какъ на ту ли на дороженку да на почто-
вую,

А й на ту улицу да на плановую.

Да ёнъ пошѣлъ тутъ нынѣ на царѣвъ кабаекъ,
А ёнъ собралъ всихъ голѣй пьяницъ кабацкихъ,
А ёнъ пришѣлъ къ кабаку, — въ кабаки ворота
призаперты,

А й крѣпкимъ-на-крѣпко да заложены,
А ёнъ кричалъ своимъ громкимъ голосомъ:

— А й посидѣльщики цѣловальники!
— А й отпирайте-тео да отложайте-тео
— А й нынѣ какъ славны да царѣвъ кабаекъ,
— И со тьма ли со напитками со рѣзными. —

А отвѣчаютъ тутъ ёму чумаки цѣловальники:
«А й покажѣсть не изойдутъ строки тому пиру
вняженецкому,

«А не имѣемъ мы право отпереть кабака да за-
пустить тебя.»

А й какъ вѣдь только тутъ старѣй казакъ Илья
Муромецъ,

А й какъ вѣдь столько онъ у цѣловальничковъ
тутъ спрашивалъ.

Какъ ударилъ рукою во всѣ двери,

А й какъ на разъ тутъ двои трои двери отвори-
лпсе.

А ёнъ какъ бралъ своей силою да натурою,
А й бралъ своей силою да натурою зелена вина
полтора ведра,

А принималъ то онъ единой рукою,
Да выпивалъ-то онъ тутъ на единый здохъ.

А й какъ скорымъ-скоро да скорѣшенько,
А й у Владиміра князя стольнѣ-киевска,
А й у того ль у свѣта у солнышка,
А й вѣдь какъ тамъ за его да схватилисе.
«А й вѣдь у насъ гость-отъ хошь не старъ ли
казакъ Илья Муромецъ?»

А й говорить тутъ Владиміръ князь стольнѣ-киев-
ской:

— А й вы друзья братья гости любящи!
— А й вы сходите-тео да провѣдайте,
— А й гдѣ находится тамъ старѣй казакъ Илья
Муромецъ? —

А й какъ во томъ столы да во дубовоёмъ,
А й какъ всѣ вѣдь сидятъ во молчаночку.
А й тутъ сидитъ одинъ удалой доброй молодець,
А й Скоморохъ сидитъ да Скомороховичъ.

«А й вѣрно надо мнѣ итти ко стару казаку да
Ильи Муромцу.»

А й вѣрно тутъ удалой доброй молодець да
справляется,

А й какъ справляется онъ воруется.

А й какъ скорымъ-скоро было на скоро,
А й онъ приходитъ тутъ да на царѣвъ кабаекъ,
А й во которомъ кабаки нашъ-ко батюшко да
старѣй казакъ,

А й какъ старѣй казакъ Илья Муромецъ сынъ
Ивановичъ,

А ёнъ сидитъ-то тамъ пѣть прокладается,
А й со тьма со голями съ кабацкими пьяницами.

А й какъ пришлоъ тутъ удалой добрый молодець,

А й какъ пришлоъ Скоморохъ Скомороховичъ,

А й какъ низкимъ-низкохонько кланался,

А й какъ тому ли нынѣ стару казаку Ильи Му-
ромцу,

А Ильи Муромцу сыну Ивановичу,

А нынѣ какъ сильнѣму могучему да богатырю:
«А й ты пожалуй-ко нашъ какъ батюшко да ста-
рой казакъ

«И какъ старѣй казакъ да Илья Муромецъ,

«А Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!

«Да ты пожалуй-ко да на почестенъ пиръ,

«А й какъ ко нашему князю ко Владиміру,

«А й ко тому ли ко свѣту ко солнышку.»

А й вопроговорилъ тутъ удаленькой,
Какъ удаленькой да дородненькой доброй моло-
дець,

А й нынѣ какъ старѣй казакъ Илья Муромецъ,
Да Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:

— А й не иду я на вашъ на почестенъ пиръ.

— А й заведите-тео сизнова вы почестенъ пиръ,

— А й какъ не ради вѣдь князя Владиміра,

— А для ради старѣй казака Ильи Муромца,

— А Ильи Муромца сына Ивановича. —

А й завели оны да почестенъ пиръ.

А й какъ пришлоъ тутъ батюшко да нашъ ста-
рой казакъ,

А й нашъ старѣй казакъ Илья Муромецъ да сынъ
Ивановичъ,

А й какъ низкимъ они низкохонько ему кланя-
лись.

А какъ вѣдь онъ самъ пришлоъ, Соловьѣ при-
вѣлъ,

Отвязалъ его да отъ стремена.

А й какъ садился съ Соловѣюшкою оны рядыш-
комъ,

А й говорилъ тутъ Владиміръ князь стольнѣ-киев-
ской,

А й стольнѣ-киевской, да красно солнышко:

«А ну-тео ты свищи нынѣ Соловьѣюшко въ поль-
свисту,

«А й да ты кричи-тео Соловьѣюшко ровно въ
поль-крику,

«А ѿ да ты здыши-тко Соловьёшко ровно въ
поль-вздоху.»
А ѿ говорилъ вѣдь тутъ Соловьёшко да разбой-
ничокъ:
— А ѿ ты послушай-ко Владиміръ князь стольне-
кѣвской!
— Хоть за твоимъ столомъ сижу да нью да ку-
шаю,
— А только не тебя я Владиміръ князь да нынѣ
слушаю.
— А надо мною есть да нынѣ большій братъ,
— А нынѣ какъ старій казакъ есть Илья Му-
ромецъ.
— А если онъ прикажетъ мнѣ здыхать нынѣ въ
поль-здоху,
— А если онъ прикажетъ мнѣ кричать нынѣ
какъ въ поль-крику,
— А если онъ прикажетъ мнѣ свистать нынѣ
какъ въ поль-свисту. —
А говорилъ тутъ старій казакъ Илья Муромецъ,
А Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
«А ѿ ты кричи Соловёшко ровно въ поль-крику,
«Вѣрно ты здыши Соловьёшко нынѣ какъ въ
поль-здоху,
«А нынѣ свищи Соловьёшко ровно въ поль-
свисту.»
А ѿ закричалъ Соловьёшко ровно въ поль-крику,
А ѿ задыхалъ Соловьёшко вѣрно въ поль-здоху,
А ѿ засвисталъ Соловьёшко вѣрно въ поль-свисту.
А ѿ какъ отъ крику тутъ Соловьёшнаго,
А ѿ стары тѣрема розсыпалисе,
А новы тѣрема да пошаталисе.
А ѿ какъ отъ здоху его люди тутъ пужалисе,
А ѿ какъ отъ свисту люди съ шру да розбѣжа-
лисе.
А ѿ какъ вѣдь бралъ тутъ Соловьёшка старій
казакъ,
А ѿ какъ вѣдь какъ бралъ его за бѣлы руки,
А ѿ выводилъ изъ-за стола изъ-за дубоваго,
А ѿ какъ вѣдь свѣлъ Соловёшка въ тѣмны по-
греба,
А ѿ въ темні погреба да во глубокіи.
А ѿ вѣрно тутъ Соловёшку да славіи поють,
А ѿ только тутъ Дунай Дунай да ничего не звай.

Записане на р. Черевѣ, 8 августа.

241.

ДОБРЫНЯ И ОЛЕША.

Начало этой былины Пановъ пѣлъ совершенно сходно съ предыдущимъ сказителемъ. Постѣ отвѣта Настасьи Алешѣ Поповичу, что онъ не былъ въ чистомъ полѣ, а былъ съ собаками на задворкѣ, Пановъ продолжалъ:

А ѿ какъ пошолъ тутъ Алёшенька да Поповскій
сынъ,
А ѿ онъ пошолъ ли тутъ ко князю Владиміру.
А ѿ ко тому ли свѣту ко солнышку,
А ѿ на совѣтъ пошолъ думы брѣвни.
«А ѿ ты послушай-ко нашъ баюшко какъ Вла-
диміръ князь:
«А ѿ пособи-тко мнѣ, помогн-тко мнѣ,
«А мнѣ повывсватать нынѣ молодой' жены,
«Той Настасьи ли свѣтъ Викуличной.
«А ѿ вѣдь она надо мною нынѣ надсмѣхаеся,
«А ѿ какъ она надо мною нынѣ да надрывается.
«А ѿ напишите вы указы престрогій,
«А ѿ нынѣ какъ тѣ манифесты да немилосливы:
«А ѿ чтобы въ городи да во Кіевѣ,
«А ѿ чтобы нѣ были жоны безмужніи,
«А ѿ чтобы нѣ жили люди безпашпортныи.
«А если найдутся жоны безмужніи,
«А ѿ найдутся люди да безпашпортныи,
«А ѿ высылать ихъ изъ города да изъ Кіева,
«А ѿ высылать ихъ на чужу на дѣльнюю на сто-
рону,
«А ихъ лишать государевой своей вотчины.»
А ѿ какъ писали указы престрогій,
А ѿ нынѣ какъ тѣ манифесты немилосливы,
А ѿ розсылали по городу да по Кіеву,
А ѿ нынѣ какъ вси ты люди безпашпортныи убоя-
лисѣ,
А ѿ молодыи жоночки перепалисе,
А ѿ какъ со той со страсти со ужасті.
А ѿ какъ пошла свѣтъ Настасья Викулична,
А ѿ какъ пошла за Алёшеньку во замужество.
А ѿ какъ скорымъ-скоро было на скоро,
А нынѣ какъ красное солнышко да на вечери,
А ѿ у Алёшеньки прѣр да на весели.
А ѿ путь не за треста, за три тысячи,
А ѿ тутъ у той ли рѣки у Смородины,
А ѿ какъ стоитъ тамъ шатѣръ бѣлополотнявой,
А ѿ во шатри спить удаленькой

И какъ дородненькой добрый молодець,
И молодой Добрынюшка Микитичь-отъ.
А ёго добрый конь стоять не вѣсть не пѣгъ да
не кушаётъ,

А какъ не зоблетъ пшена да бѣлоярова,
А и призадумался, запечалился
А и какъ о той незгоды великинъ.
А ёнъ какъ бѣётъ копытомъ лошадинымъ,
А и какъ о матушку бѣётъ о сыру землю,
А и какъ сирѣя земля подъ шатерникомъ потря-
хается,
А только тотъ шатѣрь бѣлополотнявой колы-
бається.

А и ото сна тутъ удалой доброй молодець про-
буждается

А молодой-то Добрынюшка да Микитинъ сынъ,
А ёнъ какъ сталъ тутъ поскорѣшенько,
А ёнъ умылся тутъ да бѣлѣшенько,
А ёнъ ливалъ коня по тучнымъ ребрамъ.
— А и ужъ ты конь мой конь целовой мѣшокъ,
— Целовой мѣшокъ да нынѣ же волчья сыть!
— А ты ужъ что стоишь да не пьешь, не ѣшь,
да не кушаешь,

— А и ты скажи-тко каку незгодушку вѣдаешь,
— А надъ собой ли нынѣ, надо мной ли нынѣ?—
А и какъ заржалъ тутъ добрый конь по кони-
ному,

Только тутъ же конь проговорилъ по человѣчьему:
«А ты послушай-ко вѣдь какъ мой сѣдакъ,
«А вѣдь какъ мой сѣдокъ, я какъ твой возакъ.
«Только у насъ нынѣ Добрынюшка сынъ Мики-
титичь-отъ,

«А и какъ у насъ-то дома не по старому,
«А и какъ у насъ-то дома не по прежнему:
«А какъ твоя молода жена свѣтъ Настасья Ви-
кулична,

«А и какъ пошла она во замужество,
«А и не со охвотушки да съ неволюшки,
«А и за того ли Олѣшу Поповича,
«А за того ли твоего нынѣ брата вѣстового.»
А и вѣдь только Добрынюшка у добра коня вѣдь
спрашивалъ,

Вѣдь какъ только онъ у добра коня да вывѣды-
валъ,

А ёнъ садился тутъ на добра коня,
А поднимался ёго добрый конь да отъ сырой
земли,

А и ровно онъ полетѣлъ какъ ясѣнь соколъ,
А и повыше онъ лѣсу стоячаго,
А и какъ пониже поѣхалъ облачка ходячего.
А и какъ прѣхалъ во славныи да во Киевъ градъ,

А какъ во той ли полаты прѣхалъ бѣлокаменной,
Къ своему ли дому да къ широку двору.

А и во тоемъ широкомъ двори ворота прѣза-
перты,

А и да вѣрѣникмъ-на-вѣрѣпко да заложены.
А и какъ стучится Добрынюшка да колотится,
А и какъ у тѣхъ воротъ да у широкихъ
А ёнъ кричитъ своимъ громкимъ голосомъ:

«А и государыни моя матушка,
«А и ты честна вдова Намельфа Тимоѣевна!
«А и если есть ты нынѣ да во живности,
«А и отопри ворота широкинъ,
«А и ты пусти-тко Добрынюшку меня на ши-
рокъ дворъ.»

А и какъ кричитъ старуха громкимъ голосомъ,
А и на печи кричитъ она на печномъ столби:
— А и отойдите вы голи кабацкинъ пьяници,
— А и отъ моихъ воротъ да отъ широкихъ.
— А и какъ не вами ворота устроены,
— А и не для васъ ворота улажены.
— А и кабы былъ Добрынюшка да во живности,
— Дакъ не досугъ бы вамъ надо мною нынѣ па-
смѣхатисе. —

А и какъ соходила старуха со той ли печи впр-
пичи,

Соходила она да на кирпичень полъ,
А и какъ полъ то окопечко косячато,
Какъ глядѣла во то стекло хрустальнѣе,
А и какъ глядѣла она прямо на улицу,
На улицу да на бѣлой свѣтъ,
А и па того на удалаго на дородняго,
На дородняго да добра молодца,
А на своего на Добрынюшку Микитича.
А и не узнала Добрынюшки своего Микитича,
А послѣ той поѣздки да богатырскою,
Не узнала его да во бѣло лицѣ.

А и говорила старуха та престарая да предрев-
няя:

— А и ты удаленькой да упаленькой,
— А и ты дородненькой доброй молодець:
— Ты какой орды да ты какой земли,
— А и какого отца какой матушки? —

А и какъ кричалъ тутъ Добрынюшка громкимъ
голосомъ,

А ёнъ кричалъ ей вѣдь тутъ втории разъ:
«А что же ты нынѣ не узнала меня матушка,
«А и ты честна вдова Намельфа Тимоѣевна!
«А и что же ты не узнала меня во бѣло лицѣ?»

А и говорила намѣсто старуха престарая:
— А и потому не узнала я тебя удалой доброй
молодецъ,

— А й потому не узнала да во бѣло лицѣ.
— А й какъ у меня Добрынюшка былъ отпущенъ
бѣлымъ-бѣло,

— Какъ бѣлымъ-бѣлой да бѣлешенѣкъ,

— А й какъ бѣлешенѣкъ румянешенѣкъ. —

А й говорилъ намѣсто Добрынюшка сынъ Мики-
тичь-отъ:

«А й государынѣ моя матушка,

«А й вѣдь честна вдова Намельфа Тимоеевна!

«А й вѣдь какъ ѣздила я во той пути богатыр-
скою,

«А я вѣдь въ той поѣздѣ ѣздила молодецкою,

«А й у меня бѣлое личушко да вѣтрамы завѣяло,

«А й красоту во мнѣ краснымъ солнышкомъ да
зажарило,

«А цвѣтно платьѣ у м'я ныцъ дождями повывило,

«А й какъ о темны лѣса платьѣ да повывало,

«А й пуховую шляпу сучьями повывало.

«А й ты гляди-бо только на благословлящій
крѣсть,

«А й какъ которымъ крестомъ благословила
ѣхати во тую путь,

«А какъ во тую путь богатырскую,

«Да какъ во ту поѣздку молодецкую.

«А й ты еще гляди на втору примѣточку на зла-
чонъ перстень.

«А й мы когда съ своей женой съ Настасьей
Вигудичной,

«А й мы когда съ ей да вѣначалисе.

«А именнымъ перстнемъ обручалисе.»

А вѣдь какъ тутъ старуха ерадоваласе,

А какъ тутъ она да испужаласе;

А какъ бѣжала старуха на широкъ дворъ,

А й отпирала ворота широки,

А й какъ пустила Добрынюшку захвати да на
широкъ дворъ,

А какъ захалъ Добрынюшка да на широкъ дворъ.

(Конецъ сходенъ съ предыдущей былнью,
№ 206).

Записано на Заволочьѣ, 8 августа.

XXXIX.

ОЕДУЛОВЪ.

Павелъ Антоновичъ Оедуловъ, кре-
стьянинъ 40 лѣтъ, родомъ съ Великострова на
Водлозерѣ, теперь живетъ въ дер. Бостиловѣ.
Зналъ нѣсколько былнй, которымъ выучился отъ

стороннихъ людей; многое забылъ вслѣдствіе про-
должительной горячки, отъ послѣдствій которой
доселѣ еще не оправился.

212.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

Старин казакъ Илья Муромецъ,

Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,

Поѣзжаетъ онъ во далече далече чисто поле.

Поѣзжаетъ онъ прямохожею,

Прямохожею дорожкой прямоѣзжею,

Черезъ тотъ ли черезъ градъ черезъ Чернигов-
ской,

Черезъ тую грязь да черезъ Черную,

И ко стольному ко городу ко Киеву,

И ко ласкову князю ко Владиміру.

И ужъ ѣдетъ черезъ градъ черезъ Черниговской

Ужъ онъ спрашивать у старичковъ у чернигов-
скихъ:

«И куды мнѣ-ка попасть эгта будетъ

«Прямохожею дорожкой прямоѣзжою,

«Черезъ тотъ ли черезъ градъ черезъ Чернигов-
ской,

«Черезъ тую грязь да черезъ Черную,

«Черезъ тую рѣчку да Смородину?»

Говорятъ тутъ старички тыи черниговскии:

— Еще тридцать лѣтъ дорожка заколодѣла,

— Заколодѣла дорожка задубровѣла.

— Тамъ сидитъ на той дорожкѣ Соловей разбой-
ничокъ,

— Енъ сидитъ тутъ да естъ на трехъ дубахъ.

— Какъ вѣдь пѣшому тутъ пѣтъ проходща,

— Лошадному вѣдь нѣту тутъ проѣздища,

— И вѣдь птици нѣту тутъ пролетища. —

Какъ поѣхалъ тутъ вѣдь да Илья Муромецъ,

Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,

Ужъ онъ ѣдетъ черезъ градъ черезъ Чернигов-
ской,

Ужъ какъ въ томъ ли гради во Чернигови,

Тутъ вѣдь стоитъ ли вѣдь войско несмѣточно.

Ужъ онъ поѣхалъ тутъ до рать силы великии,

Ужъ онъ нѣсколько тутъ вѣдь бьетъ да на отма-
шину,

Ужъ онъ только больше да ковѣмъ топчѣтъ.

Ужъ перебилъ онъ ту рать силу великую.

Ужъ какъ выходятъ старички тутъ черниговскии:

«А й же ты старин казакъ Илья Муромецъ!

«Ты живи-тко у насъ полниимъ хозяиномъ:

«Золота тебѣ казна не запрещоная,
«Ужъ что тебѣ угодно то и сотвориай.»

— Ужъ мнѣ не надоть ли вѣдь вашей золотой казны,

— У м'не золотой казны безсчетныи тутъ есть.

— Только покажите мнѣ дорожку прямохожую,

— Прямохожую дорожку прямоѣзжую. —

Ужъ поѣхалъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ,

Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,

Ужъ онъ ѣдетъ-то мимо то Соловьиное (sic) гнѣздышко.

Ужъ какъ сидитъ-то Соловей тутъ разбойничекъ,

Ужъ сидитъ-ли тутъ на трехъ дубахъ,

Засвисталъ тутъ Соловей разбойничокъ,

Засвисталъ тутъ Соловей по змѣиному,

Закричалъ злодѣй онъ по звѣриному.

Ужъ его добрый конь упалъ на колѣночка,

Говоритъ старин казакъ Илья Муромецъ,

Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:

— Ужъ не слышалъ ли развѣ свисту Соловьиного,

— Аль ты крику змѣинаго? —

Ужъ натягалъ онъ тутъ лукъ да калену стрѣлу,

Ужъ онъ стрѣлялъ Соловья тутъ разбойника,

Ужъ онъ стрѣлялъ его да во правыи глазъ,

Вылетѣла его стрѣлка во лѣво ухо,

Ужъ повалился Соловей да тутъ разбойничокъ,

Ужъ онъ съ трехъ дубовъ какъ овсяной снопъ,

О сыру землю.

Ужъ онъ привязывалъ Соловья да тутъ разбойничка,

Ужъ ко булатнии ужъ онъ ко страмены.

Ужъ онъ ѣдетъ мимо то Соловьиное (sic) гнѣздышко,

Ужъ какъ глядятъ его рожовыи дѣтушки:

«А й же ты родитель наша матушка!

«Ужъ какъ ѣдетъ нашъ да тутъ батюшко,

«Везетъ голову да чловѣчьюю,

«А й другу везетъ да лошадиную.»

И какъ глядитъ его родитель та матушка:

— А й же вы рожовы мон дѣтушки!

— Какъ не батюшко везетъ да голову чловѣчьюю,

— Только вашъ есть батюшко у булатнии ѣтъ у стремены. —

Ужъ какъ проѣзжаютъ оны къ Соловьиному-то гнѣздышку,

Онъ прибѣлъ то Соловьиное-то гнѣздышко.

Ужъ онъ ѣдетъ тутъ ко городу ко Киеву,

А й ко ласкову князю ко Владимиру,

Ужъ приѣзжаетъ онъ ко городу ко Киеву,

Приѣзжаетъ онъ ко князю Владимиру,

Приѣзжаетъ тутъ на широкой дворъ,

Ужъ онъ приходитъ тутъ во гридню во столовую,

Говоритъ тутъ Владимиръ князь столно-кѣвской:

«А й же ты старин казакъ Илья Муромецъ!

«И ты которой же вѣдь ѣхалъ дорожкой:

«Прямоѣзжею ли дорожкой, ли окольной?»

— Ужъ я ѣхалъ вѣдь дорожкой прямохожею,

— Прямохожею дорожкой прямоѣзжею,

— Ужъ мимо того Соловья да разбойника. —

Ужъ говоритъ тутъ Владимиръ князь столно-кѣвской:

«Ужъ какъ у насъ на той дорожкѣ прямохожею,

«Какъ тутъ сидитъ Соловей да разбойничокъ:

«Ужъ какъ пѣшому нѣту проходища,

«Лошадиному нѣту проѣздища,

«И вѣдь птицы нѣту тутъ пролетища.

«Ужъ какъ сидитъ тутъ Соловей да разбойничокъ».

Ужъ говоритъ тутъ вѣдь ѣтъ да таково слово

Еще старин казакъ да Илья Муромецъ,

Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:

— Ужъ Соловей да разбойничокъ,

— Ужъ у меня онъ на бѣломъ дворѣ,

— У булатнии онъ у стремены. —

Ужъ выходилъ тутъ Владимиръ князь столно-кѣвской,

Ужъ онъ выходилъ тутъ да на бѣлой дворѣ,

Самъ онъ говорилъ да таково слово:

«Еще а й ты Соловей да разбойничокъ,

«Засвищи-тко ты вѣдь свистомъ соловьинымъ,

«Закричи-тко ты злодѣй да по змѣиному.»

Говоритъ тутъ Соловей да разбойничокъ:

— Еще ай же ты Владимиръ столно-кѣвской!

— Ужъ не твоѣ я вѣдь ѣмъ пью да вѣдь кушаю,

— И не тебя я буду и слушати.

— У кого ѣмъ пью да я кушаю,

— Дакъ того я буду и слушати. —

Ужъ какъ приходитъ Владимиръ столно-кѣвской:

«Ужъ ты старин казакъ Илья Муромецъ,

«Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!

«Ты заставь-ко засвистать Соловья по соловьиному,

«Закричать тутъ злодѣя по змѣиному.»

Какъ выходитъ старин казакъ Илья Муромецъ,

Ужъ онъ выходитъ тутъ на бѣлой дворѣ,

Ужъ онъ говоритъ Соловья да разбойнику:

— Еще ай ты Соловей да разбойничокъ:

— Засвищи-тко Соловей по соловьиному,

— Закричи злодѣй да по змѣиному. —

«А й же старин казакъ Илья Муромецъ,

«Ужъ какъ дай-тко мнѣ головушку лошадиную

«Ты купи-тео зелена вина полтора ведра.»
 Ужь выпиваѣль ёнъ тутъ чару зелена вина,
 Зелена вина полтора ведра,
 Ужь выпиваѣль онъ чару на единый духъ,
 Ужь онъ самъ онъ говоритъ таково слово:
 «Еще старини казакъ Илья Муромецъ,
 «Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
 «Еще какъ мнѣ-ка да буде засвистать:
 «Еще въ поль-свиста, али во цѣлый свистъ?»
 Говоритъ тутъ старини казакъ Илья Муромецъ;
 — Засвищи-тео Соловей да разбойничокъ,
 — Закричи злодѣй по змѣнному,
 — Засвищи ты хотъ тутъ въ поль-свиста. —
 Ужь засвисталъ тутъ Соловей да разбойничокъ,
 Засвисталъ онъ свистомъ соловьинымъ,
 Закричалъ злодѣй да по змѣнному.
 Какъ во томъ во царствѣ во Кіеви
 Ужь вси околени да порозсыпались.
 Ужь говоритъ тутъ Владиміръ столно-кіевской,
 Столно-кіевской да князь Владиміръской:
 «А ѣ же ты старини казакъ Илья Муромецъ:
 «Ты уйми-тео Соловья свистать разбойника,
 «Ты уйми-тео свистать свистомъ соловьинымъ,
 «Да кричать злодѣя по змѣнному.»
 Ужь какъ тутъ вѣдь старини казакъ да Илья Му-
 ромецъ,

Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 Ужь натягалъ ёнъ лукъ калену стрѣлу,
 Каленую стрѣлочку розстрѣлчату,
 Ужь тугин лукъ да ёнъ розрывчатой,
 Ужь застрѣлилъ тутъ Соловья да разбойничка.
 И тутъ ёму да ёнъ вѣдь смерть придаѣль.

Записано на Водлозерѣ, 5 августа.

—
213.

ДЮКЪ.

А изъ Волинца города изъ Галичи,
 А изъ той Корелы пребогатини
 А исправляется да вооружается
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Ко стольнѣму ли городу ко Кіеву,
 Ко ласкову князю ко Владиміру.
 «И у мнѣ во Кіеви дѣ не бывано,
 «А ѣ Владиміра въ очи дѣ не видано.»
 И онъ приходитъ къ своей родителя матушки:
 «Ужь ты свѣтъ родитель мой матушка,
 «А ѣ честна вдова Офимья Тимоеевна!

«Дай прощеньицо да благословеньицо
 «Съѣздить ко городу мнѣ-ка ко Кіеву,
 «Ко ласкову князю ко Владиміру.
 «У меня есте во Кіеви дѣ не бывано,
 «А ѣ Владиміра да въ очи дѣ не видано.»
 И говоритъ ёго свѣтъ родитель матушка,
 А ѣ честна вдова Офимья Тимоеевна:
 — Молодой боярской Дюкъ Степановичъ!
 — У тебя есте умокъ тотъ молодѣшенѣкъ,
 — Самъ не въ полноёмъ ты большомъ возрастѣ.
 — Когда будешь въ городи во Кіевѣ,
 — У ласкова ты князя у Владиміра,
 — Ужь ты самъ собой дѣ не рохвастайся,
 — Не житьемъ бытьемъ да не богатствомъ,
 — А ѣ не силушкой своей богатыйскіи,
 — А ѣ не храбростью да молодецкіи.
 — Много въ Кіевѣ есте богатыйрей,
 — Много тамъ сильниихъ да очень могучиихъ. —
 Благословила свѣтъ его родитель матушка,
 А ѣ честна вдова Офимья Тимоеевна.
 А ѣ пошолъ боярской Дюкъ Степановичъ,
 А ѣ онъ выходитъ на конюшню на стоялую
 И говоритъ своимъ да малыимъ конюхамъ:
 «А ѣ же вы мои да малы конюхи!
 «Вы сѣдлайте-уздойте моего коня,
 «Моёго вы маленькаго бурушка.
 «Кладьте вы потнички да вы на потнички,
 «А ѣ на потнички кладите вы войлочеп,
 «А ѣ на войлочки кладьте сѣдлышко.
 «Ужь вы то кладите сѣдлышко черкальское,
 «Подпруговъ кладите вы до двѣнадцати,
 «До двѣнадцати подпруговъ шолковниихъ,
 «А ѣ того ль кладьте шолку Шаматиньскаго.
 «Ужь вы пряжочки кладите мѣдныи,
 «Дороги мѣди вы сибирскіи.
 «А ѣ шневѣчки кладьте булатъни,
 «Дороги булату вы дѣ заморскаго.»
 Самъ пошолъ боярской Дюкъ Степановичъ
 Ко заутренни пошолъ христосскіи,
 И отстоялъ заутренку христосскую.
 Онъ выходитъ Дюкъ да со Божьей церквы,
 Отъ тни заутренѣ отъ христосскіи,
 Набъ поспѣтъ къ обѣденѣ христосскіи
 И ко стольнѣму городу ко Кіеву,
 Ко ласкову князю ко Владиміру.
 Ёнъ приходитъ Дюкъ да къ своей матушки,
 Во свою ль ёнъ полатушку бѣлокѣменную,
 Ёнъ со матушкой своей прощается.
 А ѣ выходитъ Дюкъ тутъ на широкъ дворъ,
 И толь садился ёнъ дѣ на добра коня.
 Ёнъ поѣхалъ тутъ да во городъ Кіевъ-онъ,

Черезъ тую стѣну городовую,
Черезъ тую башню что да не большую.
Какъ пошолъ его добрый конь въ полъ дѣрѣвца,
Енъ приправилъ коня повыше деревца,
А ѣ выше деревца стоячаго,
А ѣ пониже онъ облачка ходячаго.
И розстаянница было немножечко
Отъ Волинца города отъ Галича
И до стольнёго города до Кіева,
До ласкова князя до Владиміра,
Розстаянница было триста тридцать верстъ.
Переѣхалъ боярской Дюкъ Степановичъ,
Пріѣзжаетъ къ стѣнѣ онъ бѣлокаменной.
Ужъ енъ не спрашивалъ у дверей придвернич-

ковъ,

У воротъ не спрашивать приворотничковъ,
Прямо ѣдетъ черезъ стѣну городовую,
Черезъ тую башню что да не большую.
Пріѣзжать ко гриденки столовни,
А ѣ ко столбику да ко точёному,
А ѣ къ колепушку да къ золочёному.
Насыпалъ шпона енъ бѣлоарова,
Самъ приходитъ енъ да во гридню во столовую,
Ужъ енъ крестъ кладётъ да по писаному,
А ѣ поклонъ ведётъ да по учёному,
И поклонился на вси четыре стороны,
А ѣ Владиміру князю въ особину.
Отстояли обѣденку христосскую,
А ѣ пошолъ Владиміръ князь стольно-кіевской
Отъ обѣденки да отъ христоскин.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Ужъ онъ вслѣдъ идётъ всё не останется,
И самъ онъ говоритъ да таково слово:
«А ѣ же ты Владиміръ стольно-кіевской!
«А ѣ велика славушка шла про Кіевъ градъ,
«Про тебя Владиміръ князь стольно-кіевской.
«Поцему́жъ у васъ улушки есть грязныи,
«Какъ измаралъ я свои чоботы дорожныи?
«Во моемъ во городѣ во Галичи,
«У моѣй свѣтъ-родители дѣ у матушки,
«У честной вдовы Офимьи Тимоѣевной,
«У ей мостычки стланы калѣнныи,
«По мостамъ стланы сукна одинцовыи,
«По сукнамъ песочныи посыпаны,
«Не измарашъ чоботовъ своихъ дорожныхъ.»
И говорятъ ёго туть князя бѣяра,
И говорятъ сильнѣи могучии богатыри:
— А ѣ же ты Владиміръ стольно-кіевской,
— Столно-кіевской да князь владимірской!
— А ѣ не Дюкъ идётъ да туть Стѣпановичъ,
— А идётъ мужикъ туть деревенщина,

— Деревенщина да пустохвастина. —
Какъ подходятъ ёны къ гриденки столовни,
Молодой боярской Дюкъ Степановичъ
Ужъ онъ вслѣдъ идётъ самъ не останется,
И богатырьско ёго сердце росходилося,
Молодецка кровь въ ёмъ розыгралася.
Енъ началъ плѣтныи-плѣтно поступывать,
И дубово крылечко подгибается,
И мостовнички вси да ломаются,
А ѣ стекольчаты сини ходуномъ ходять.
Туть говоритъ Владиміръ стольно-кіевской:
«Ужъ вы глупыи мои князя бѣяра,
«Неразумныи дѣ мои богатыри!
«Не мужикъ идётъ туть деревенщина,
«Не мужикъ идётъ да пустохвастина,
«Молодой идѣ бояринъ Дюкъ Степановичъ.»
А ѣ провадя ёго въ гриденку столовую,
А ѣ садятъ ёго въ мѣсто въ большое,
А ѣ во большо мѣсто во большомъ углу,
И почитаютъ ёго гостя за гостя.
И становили ёны столики дубовыи,
Накрывали скатерти шелковыи,
Стаповили ёствы туть сахарныи,
Розводили питья туть медовыя,
А ѣ садили за столики ёго дубовыи,
А ѣ за тыи скатерти шелковыи,
А ѣ во большо мѣсто во большомъ углу.
И вси ѣдятъ туть пьютъ да веселятиса (sic),
Молодой боярской Дюкъ Стѣпановичъ
Енъ не ёсть не пьётъ да енъ не кушаѣ,
Енъ не чимъ боль молодецъ не хвастаѣ.
И говоритъ Владиміръ князь стольно-кіевской,
Столно-кіевской да князь владимірской:
«А ѣ же молодой ты боярской Дюкъ Степано-
вичъ!
«Ужъ ты что сидишь не пьешь не ёшь дѣ не
кушаѣшь,
«А ѣ нечимъ ты молодецъ боль не хвастаѣшь!»
— А ѣ же ты Владиміръ стольно-кіевской,
— Столно-кіевской да князь владимірской!
— Не могу я хлѣба соли вашей кушати.
— И почему же ў васъ печки-ты кирпичныи,
— А ѣ помельца дѣржите вы болотнии,
— И нежите хлѣбцы вы подгорѣлыи?
— Во моемъ во городѣ во Галичи,
— У моѣй родители дѣ у матушки,
— У честной вдовы Офимьи Тимоѣевной,
— У ей печки-ты есте да муравленыи,
— А ѣ помальца дѣржитъ она шелковыи,
— А ѣ пекётъ она калачики крупивчатыи.
— И какъ калачикъ съѣшь — другого хочетея,

— А й какъ другой-отъ съшь — по третѣемъ
душа горитъ. —

Вынималъ онъ три калачика зъ-за пазушки,
Енъ поѣлъ попилъ своихъ калачиковъ,
Енъ употчивалъ князя Владиміра,
Ены хлѣба-соли тутъ откушали.

А й выходя изъ-за столничковъ дубовыхъ,
Изъ-за тынхъ скатертей шелковыхъ,
Изъ-за тынхъ ѣстовъ зъ-за сахарныхъ,
Изъ-за тынхъ напитокочковъ медвяныхъ,
Ены Господу Богу помолилися.

Говоритъ Владиміръ stolно-кѣвской:
«Не угодно ли боярской Дюкъ Степановичъ,
«Не угодно ль съѣздить прогулятися,
«Съ моимъ со князямы съ боярами,
«Съ сильными могучими богатырями?»

Говорилъ тутъ Дюкъ да таково слово:

— А й же ты Владиміръ stolно-кѣвской!

— Буде съѣздить прогулятися,

— Не въ досадочку съѣздить во гуляночку. —

И давать ему Владиміръ stolно-кѣвской
Самолучшаго ему богатыря,

А й того Щурилу шапа Пленкова.

Оны садилса тутъ на добрыхъ коней,

А й поѣхали гуляти да во чисто полѣ.

А й говоритъ ужъ Щурилу шапа Пленковичъ,

Самолучшой богатырь stolно-кѣвской:

«Молодой боярской Дюкъ Степановичъ!

«Поѣзжай-ко гостюшко попереди,

«Я поѣду я вслѣдъ тутъ да вѣдъ пѣзади.»

Говорилъ вѣдъ Дюкъ да таково-ль слово:

— А й же ты Щурилушка шапа Пленковичъ,

— Самолучшой богатырь stolно-кѣвской!

— Ты когда будѣшь какъ на моей земли,

— Ты когда будѣшь да на моей орды,

— Дакъ тогда поѣду я попереди. —

Оны ѣзда гуляютъ во чистомъ поли,

А й Владиміръ князь тутъ stolно-кѣвской

Ужъ онъ смотреть въ ты трубы подзорныи,

Какъ гуляютъ ѣздить добры молодцы,

Добры молодцы да во чистомъ поли.

И говорилъ вѣдъ Дюкъ енъ таково слово:

— А й же ты вѣдъ-то да stolно-кѣвской

— Самолучшой ты да богатырь-отъ.

— Да ай же ты Щурилу шапа Пленковичъ!

— Что намъ ѣздитъ гулять да во чистомъ поли,

— Мы поѣдемъ гулять да за Неву рѣку,

— А й по тому гулять станѣмъ по крѣжику,

— Какъ по тымъ по травонькамъ шелковымъ,

— А й по тымъ по цвѣточкамъ по лазуревымъ,

— А й Нева-рѣка три вѣрсты ширина. —

И говоритъ Щурилу шапа Пленковичъ:

«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!

«Поѣзжай-ко гостюшко попереди,

«Я поѣду вслѣдъ тутъ да вѣдъ пѣзади.»

Говорилъ вѣдъ Дюкъ да таково слово:

— А й же ты Щурилу шапа Пленковичъ!

— Ты когда будѣшь вѣдъ на моей земли,

— Ты когда будѣшь да на моей орды,

— Тогда поѣду я да тутъ попереди. —

И самолучшой богатырь Щурилу шапа Пленко-
вичъ,

Онъ чесалъ коня по чеснымъ ребрамъ,

Онъ приправилъ коня черезъ Неву-рѣку,

Онъ огрузъ съ конемъ съ мечѣмъ съ саблей во-
стрии,

Съ саблей острыи да осередъ рѣки.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ

Енъ приправилъ коня черезъ Неву рѣку,

Ухватилъ Щурилу шапа Пленкова,

Самолучшого его богатыря,

Осередъ его рѣки да за желты кудри,

За желты кудри да за бѣлы руки,

Перевезъ Щурилу шапа Пленкова

Изъ тыи онъ да изъ середъ рѣки.

Переѣхали ены за Неву рѣку,

Ены тамъ ѣзда гуляютъ тутъ по крѣжику,

А й по тымъ травонькамъ по шелковымъ,

А й по тымъ цвѣточкамъ лазуревымъ.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,

Енъ приправилъ коня черезъ Неву рѣку,

Переѣхалъ взадъ да во чисто полѣ.

А й тыи Щурилу шапа Пленковичъ,

Самолучшой богатырь stolно-кѣвской,

Енъ не смѣетъ ѣхать зъ-за Невы рѣки,

Онъ кричитъ оттуль да перевознику.

Молодой боярской Дюкъ Степановичъ

Приѣзжать онъ къ князю тутъ Владиміру:

— А й же ты Владиміръ stolно-кѣвской:

— Stolно-кѣвской ты князь владимірской!

— Самолучшой богатырь Щурилу шапа Пленко-
вичъ,

— Енъ сидитъ тамъ вѣдъ да за Невой рѣкой,

— Енъ кричитъ оттуль да перевознику. —

Какъ занарядилъ Владиміръ stolно-кѣвской

А й достать Щурилу шапа Пленкова,

А изъ-за тыи тутъ его да зъ-за рѣки,

А й молодого боярского Дюка Степановича

Посадилъ его въ темницу тутъ во темную,

Енъ поставилъ тутъ вѣдъ енъ да стражиковъ,

Посылалъ во городъ тутъ во Галичу

А й своихъ господъ енъ да общинниковъ,

Обцѣнить у Дюка вѣдь имѣньцо:

«Не пустымъ ли захвастался Дюкъ Степановичъ

«Ень житьемъ-бытьемъ своимъ богатствомъ,

«Своей силушкой да богатырскіи,

«Своей храбростью да молодецкіи?

А ѣй какъ пошли вѣдь тутъ какъ обцѣннички,

А ѣй приходя во городъ тутъ во Галичу,

Тамъ вѣдь увидѣли оны да портомойницу.

Оны падали тутъ на рѣзвы ножки:

«Помогай вамъ Господь портомойницы,

«Портомойницы да бѣломойницы!

«Еще какъ намъ увидать да Дюкова матушка?»

— А каки вы идите добры людюшыи,

— Когда шцѣте да Дюкову матушку,

— Дюкову матушку вы въ портомойницахъ.

— Ино у насъ никогда вѣдь Дюкова матушка

— Не бывать она да въ портомойницахъ. —

«А ѣй же вы да портомойницы!

«Намъ увидѣть надо Дюкова матушку.»

— Вы живите-тко да до воскресна дня.

— А ѣй воскресный день да вы увидите

— Какъ пойдѣтъ тутъ Дюкова-та матушка

— А ѣй ко ты къ обѣднѣ ко воскресныи. —

Тутъ оны жили были до воскресна дня,

Зазвонили тутъ какъ въ воскресный день,

А ѣй ко ты къ обѣденкѣ къ воскресныи,

Тутъ какъ эгши господа обцѣннички

А ѣй берутъ оны да тутюшна челоуѣка-то,

А ѣй когда поидеть да Дюкова матушка.

Какъ идеть народу вѣдь премножество.

Оны думаютъ совѣтъ удумываютъ:

«Что не Дюкова ли идеть тутъ вѣдь матушка?»

Дюковой матушки да ище близко вѣтъ.

Тутъ потомъ идеть да Дюкова матушка,

Дакъ ведутъ вѣдь Дюкову естъ матушку

А ѣй за ты ведутъ ю за бѣлы руку (sic),

За бѣлы руки да во Божью церковь.

Идѣтъ Дюкова матушка вся въ золоти,

Идѣтъ Дюкова матушка вся въ серебри.

Околѣ Дюковой да вѣдь тутъ матушки

Золотыи кисти и серебряныи,

А ѣй отъ Дюковой матушки да лучи пекутъ

По всему ли по городу по Галичи.

Какъ приходитъ Дюкова вѣдь матушка,

Какъ на то крылечко на церковноѣ,

Тутъ вѣдь господа вѣдь обцѣннички,

А ѣй обцѣннички да столно-кѣевски,

Становилисе да на колѣночка,

Положили тутъ да эти записи,

Эти записи да на головушку.

Какъ глядитъ ѣго родитель матушка,

Принимать у ихъ да эти записи

Во свои она да во бѣлы ручен,

Ена сама вѣдь тутъ да прослезиласе,

Горючи слѣзы съ глазъ прокатилисе,

Только ничего имъ ена не спромолвила.

Какъ прошла ена да во Божью церковь,

Отстояла обѣденку воскресную,

Какъ пошли отъ обѣденки воскресныи,

Какъ выходятъ на церковно на крылечушко,

Сейчасъ пази господа да вѣдь обцѣннички,

Становилисе оны да на колѣночка.

Какъ приходитъ къ нимъ Дюкова тутъ матушка,

А ѣй на супротивку ихъ да устояласе,

Ена говоритъ имъ таково слово:

«А ѣй же вы господа да вѣдь обцѣннички,

«А ѣй обцѣннички да столно-кѣевски!

«Вы пришли Дюковыхъ животовъ обцѣннички.

«А ѣй же оны глупой Дюкъ да неразумной сынъ,

«Молодой ень боярской Дюкъ Степановичъ.

«Говорила ему родитель матушка:

«Молодой болринъ Дюкъ Степановичъ!

«Ужъ ты будешь въ городѣ во Кѣевѣ,

«У ласкова князя у Владиміра,

«Ужъ ты самъ собой да не захвастайсе,

«Не житьемъ-бытьемъ своимъ богатствомъ,

«И не силушкой своей богатырскіи,

«А ѣй не храбростью да молодецкіи

«Ень захвастался боярской Дюкъ Степановичъ

«А ѣй какъ больши а ѣй сѣротски животы,

«Сѣротски животы у его побѣдныи.

«Дакъ приходите господа вы тутъ обцѣннички,

«А ѣй послѣ обѣда въ третьемъ часу

«Буду я оказывать вамъ Дюковыи животы.»

Оны поѣли тутъ ишлили покушали,

Оны приходятъ на кое мѣсто приказаны,

Ажно идеть тутъ Дюкова естъ матушка,

Идѣ въ золоти да иде въ серебри.

А ѣй ведутъ тутъ Дюкову естъ матушку

А ѣй служаночки да за бѣлы руки,

А ѣй приходя къ погребамъ глубокимъ,

Вынимать она три камешка съ погребовъ глубо-

кихъ.

«А ѣй же вы господа мои обцѣннички!

«Можете ль этимъ камешкамъ цѣны тутъ дать?»

Да когда отъ тыхъ вѣдь тутъ камешковъ,

По всему по городу по Галичи,

Всякіи огни горя, лучи пекутъ,

Ены господа да тутъ обцѣннички.

Ены стали тутъ да пороздумалисе,

А ѣй не могутъ оны да тутъ цѣны вѣдь дать,

Еще что стоять этии три камешка.

Говорить тутъ Дюкова-та матушка,
 А ѿ честна вдова Офимья Тимоеевна:
 «А ѿ же вы господа да тутъ общѣннички!
 «Ужь вы что вы стали подроудумались?
 «Неужоль вы не можете цѣны тутъ дать.
 «А ѿ надо не эдакъ Дюковы животы цѣнить:
 «Когда не можете трехъ камешковъ цѣнить,
 «Дакъ не дорого вы стоите господа общѣннички,
 «А ѿ общѣннички да столно-кѣевски.»

Говорять господа вѣдь тутъ общѣннички:
 — А ѿ же ты вѣдь Дюкова есть матушка,
 — А ѿ честна вдова Офимья ты Тимоеевна!
 — А ѿ не можѣмъ тутъ мы цѣны-есть дать
 — Твоимъ ли этымъ тутъ камешкамъ.
 — Негдѣ опѣнить намъ вѣдь Дюковы животы,
 — А ѿ велики вѣрно что у Дюка животы.
 — Какъ намъ спродать надо весь городъ Кѣевъ-отъ,
 — А ещѣ семь разъ спродать ѣго новыкупить,
 — Накупить бумаги да черниловъ-то,
 — То не хватить намъ у Дюка животовъ упи-
 сать. —

Оны пошли въ свой городъ столно-кѣевской,
 Оны приходятъ тутъ въ городъ-есть въ Кѣевъ-онъ
 А ѿ ко князю ѣны во Владиміру,
 Ко Владиміру да столно-кѣевскому.
 Еще спрашиваютъ Владиміръ князь столно-кѣев-
 ской:

«А ѿ же вы господа мои общѣннички!
 «А ѿ чимъ хвасталъ Дюкъ у насъ Степановичъ,
 «А ѿ житьемъ-бытьемъ онъ да богатствомъ,
 «А ѿ велики ли есть у Дюка животы?»
 Говорять ѣго тутъ князи ѣго бояра,
 Говорять сильни могучи богатари:
 — А ѿ же ты Владиміръ столно-кѣевской,
 — Столно-кѣевской ты князь владимірской!
 — А ѿ велики у Дюка есте животы.
 — Какъ семь продать нашъ городъ Кѣевъ набъ,
 — Намъ спродать ѣго да п повыеупить,
 — Накупить намъ бумаги да черниловъ-то,
 — И то не хватить у Дюка животовъ уписать.—
 Тутъ Владиміръ князь да столно-кѣевской
 Выпустилъ ѣпъ Дюка тутъ Степановича,
 Изъ-за той тѣмницы на свою волю.
 Какъ зарядилъ Шурилу шапа Плѣнкова
 На три годину да ѣнъ выщипывать,
 Онъ со Дюкомъ тутъ вѣдь Степановичемъ
 Ёны стали вѣдь тутъ щипать-то есть.
 А что денчикъ то платѣ смѣнноѣ,
 И прощали оны тутъ два годичку.
 Какъ не стало у Дюка тутъ Степановича,
 Недохваточки стали во платьицахъ,

Посылаетъ ѣнъ да своего коня,
 А ѿ своего коня во городъ во Галичъ-отъ,
 А ѿ привязывать коню да онъ записочку,
 Чтобы послала родитель ѣго матушка,
 А ѿ честна вдова Офимья Тимоеевна,
 А ѿ послала бы ему да платѣ смѣнноѣ,
 Чтобы хватило на цѣлой тутъ на годичекъ.
 Какъ приходитъ тутъ ѣго вѣдь доброй конь,
 А ѿ во городъ ѣнъ да вѣдь во Галичю,
 Онъ къ стѣны приходитъ бѣлокаменны,
 Началъ бить копытомъ въ подворотенку,
 Въ подворотенку да во серебряну,
 По всему по городу по Галичи,
 А ѿ по Галичи да только звонъ пошолъ.
 Какъ выходятъ ѣго да слуги вѣрныи,
 Отворяютъ ворота ты желѣзныи,
 Запускаютъ оны да доброго коня,
 А ѿ приводятъ ѣго тутъ на бѣлой дворъ,
 А ѿ докладъ держать то Дюковой матушки:
 «А ѿ же ты честна вдова Офимья Тимоеевна!
 «А ѿ пришолъ вѣдь конь, а Дюка близко нѣтъ.
 А ѿ выходитъ свѣтъ ѣго родитель матушка,
 А ѿ выходитъ она тутъ на бѣлой дворъ,
 А ѿ беретъ она да доброго коня,
 Доброго коня да во бѣлы руки,
 И нашла у коня ѣна записочку.
 Какъ глядитъ ѣго родитель матушка,
 Молодой боярской Дюкъ Степановичъ
 Ёнъ находится тамъ во несчастьцѣ,
 Онъ приказывать да платѣ цвѣтнаго,
 Платѣ цвѣтнаго ѣнъ да на цѣлыи годъ.
 А ѿ честна вдова Офимья Тимоеевна,
 Она подвязывала да доброму коню,
 А ѿ во тымъ подпругамъ шелковнымъ.
 Отпустила коня да во чисто поле,
 А ѿ пошолъ ѣго тутъ да вѣдь доброй конь.
 А ѿ приходитъ ѣнъ да вѣдь тутъ добрый конь,
 Ёнъ приходитъ во князю столно-кѣевскому,
 А ѿ стрѣтатъ ѣго да Дюкъ Степановичъ,
 Своѣго ѣнъ маленькаго бурушка.
 Ёнъ со радостію стрѣтатъ съ весельицемъ,
 Что пришолъ ѣго да тутъ добрый конь,
 А ѿ привѣсь ѣму да что вѣдь надобѣ.
 Какъ пошѣлъ тутъ Дюкъ да ѣнъ выщипывать.
 А ѿ что день тутъ платьице ѣго смѣнное.
 Прощалъ вѣдь онъ да тутъ вѣдь цѣлыи годъ,
 Только недохваточки есть на одинъ тотъ день.
 Вынималъ тутъ онъ да еще сумочку,
 А ѿ котора прежде была привезена,
 Вынималъ ѣнъ лапоты тутъ плетѣныи,
 Ёнъ пошолъ въ лапоткахъ Дюкъ плетѣнныхъ,

Енъ шапнть пошоль по городу Киеву,
Только лапотки на ноженкахъ пошвистываютъ.
А й у князя тутъ да у Владимира,
Во всёмъ городи да тутъ во Киеви,
Не нашлось тутъ вѣдь берѣстины,
Не могли вѣдь Дюковымъ лапоточкамъ,
А й лапоточкамъ его цѣны тутъ дать.
Тутъ вѣдь Дюкъ онъ есть да какъ Степановичъ,
Еще тутъ вѣдь Дюкъ онъ да слободенъ сталъ.
Отправляется во свой во городъ во Галичю,
Самъ говоритъ Дюкъ вѣдь таково слово:
— А й гости Владиміръ стошно-киевски!
— Ты гости-тво князь да на ту же честь,
— А й на ту же честь какъ и меня употчи-
валъ *)! —

Енъ отправился въ свой городъ Галичю,
Ко своей родители ко матушки,
Ко честной вдовѣ Офимьи Тимошеевной.
Онъ прѣзжаетъ во городъ тутъ во Галичю,
Ко своей къ родители енъ къ матушкѣ.
Ужъ какъ тутъ свѣтъ его родитель матушка,
А й честна вдова Офимья Тимошеевна,
А й встрѣчать ёго да съ большой радостью,
Съ большой радостью да со весельицею.
«Дожидала своего Дюка Степановича,
Своего сына да я любимаго.»

Записано тамъ же, 5 августа.

XL.

ПЕТРОВЪ.

Алексій Петровъ, крестьянинъ съ Пил-
мас-острова на Водлозерѣ, за 50 лѣтъ отъ роду;
помнить только одинъ отрывокъ былинны, здѣсь
печатаемый; слышалъ его отъ стороннихъ людей.

214.

ДУНАЙ.

А во славноёмъ городи во Киеви,
А у славнаго у князя у Владимира,
Заводился у его да вѣдь почестенъ пиръ.
Вси на пиру да напивалисе,
Вси на пиру да наѣдалисе,

*) Т. е. прѣзжай къ гости.

Вси на пиру да пьяны веселы,
Вси на пиру хорасквасталисе.
Умнои хвастать отъцѣ матерью,
А безумный хвастать молодой женой,
Сильный хвастать своей силой богатирскою,
А богатый хвастаетъ имѣниемъ.
А по той ли по гридни княженецкин
А похаживать славный князь да стольнѣ-киев-
ской,

Своимъ то бѣлыма онъ ручками помахивать,
Свои тыи желты кудѣрышка подрачивать,
Самъ-то онъ да выговаривать:
«Слушайте вы гости любимии!
«Вси вы на пиру напивалисе.
«Съищитѣ-ко мнѣ невѣсту сосватайте,
«Чтобы возрастомъ да изъ плеча въ плечо,
«Красотою то была изъ лица къ лицѣ,
«Чтобы было мнѣ-ка съ кимъ-то вѣкъ-отъ жить,
«Чтобы вамъ то было кому кланяться.»

А вси эти гости закручинилисе,
А й вси эти гости запечалилисе.
Еще большой-отъ туляется за средняго,
Средней-отъ туляется за меньшаго,
А отъ меньшаго да и отвѣту нѣтъ.
Зѣ-за тыхъ ли столовъ зѣ-за дубовыхъ,
Зѣ-за тыхъ ли кушаней медовыхъ,
А выходитъ-то славныи Дунай да сынъ Ивано-
вичъ.

Становился онъ супротивъ его лица княженец-
каго,

Говорилъ ёму да таково слово:

— А й же ты славныи да князь ты стольнѣ-киев-
ской!

— Ты позволь сударь да словцѣ вымолвить:
— Съѣздимъ-то тебѣ невѣсту да сосватаемъ.
— Она возростомъ да изъ плеча въ плечо,
— Красотою съ тобой да изъ лица въ лицѣ.
— Черны брови соболя заморскаго,
— Ясны очи сокола пролѣтнаго.
— Только дай-ко мнѣ да двухъ товарищовъ:
— Дай-ко мнѣ Василья да Буславьева,
— Дай-ко Ванюшенку повареннаго,
— И позволь сходить да на конюшній дворъ,
— Выбрать намъ да трѣхъ жеребчиковъ,
— Трѣхъ жеребчиковъ да намъ несѣдланыхъ,
— Несѣдланыхъ жеребчиковъ невѣженыхъ. —
Воспроговорить славный князь да стольнѣ-киев-
ской:

«Ужъ ты славныи Дунай да сынъ Ивановичъ!
«Ты бери-тко ты моеи казны безсчетныи,
«Ты бери моеи силы колько надобно.»

Славны Дунай да сынъ Пвановичъ
 Говорилъ ему да таково слово:
 — Не набъ твоей силы мѣ-ка мелкія,
 — Не набъ твоей казны мѣ-ка безсчетныи. —
 И пошли добры молодцы да на конюшній дворъ,
 Выбирали оны трѣхъ жеребчиковъ неѣженыхъ,
 Облатились добры молодцы да обольчужились,
 И сажались добры молодцы да на добрыхъ коней.
 Видли добрыхъ молодець садучись,
 А не видли удалныхъ поѣдучись.
 Ъхали не путемъ да не дороженкой,
 И скакали черезъ стѣну городовую,
 Черезъ ту ли башню наугольную.
 Приѣзжали оны ко царству Малидоньскому,
 Къ Николаю державцю Малидоньскому,
 Сосватались оны да на Оправцин да Микулаевной,
 И сажли ей да на добрыхъ коней,
 Повезли оны ко городу ко Киеву,
 Ко славному князю ко Владиміру.
 Тутъ оны да заводили свадебку,
 Заводили тутъ оны почестень пирь.

Записано на Водлозерѣ, 7 августа.

—
 XLI.

В. СУХАНОВЪ.

Василій Алексѣевичъ Сухановъ,
 крестьянинъ-столяръ, съ Пилмас-острова; вы-
 учился былнвнмъ отъ слѣпнаго старика изъ дерев-
 ни Волковой, Быковской волости въ Каргополь-
 скомъ уѣздѣ и прежде часто распѣвалъ ихъ за
 столярною работою. Въ послѣдствіи бросилъ за-
 ниматься этою работою и почти пересталъ пѣть
 былины, большую часть которыхъ и забылъ.

—
 215.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

А еще шла подошла у насъ повѣкатилѣ,
 Еще славная матушка быстра Волга рѣка,
 Ёна мѣста шла ровно три тысячи версть,
 А ѣ широко а ѣ далѣко подь Казань подь го-
 родъ,
 Ёна шире того далѣ подь Вастракань.
 Ёна устьѣ давала ровно семдесятъ вѣрсть,
 А ѣ во славное морюшко Каспійскоѣ.

Е широкой перевозъ тамъ подь Невѣмъ подь
 градомъ,

А ѣ темныи гѣсушки Смоленьскіи,
 И тамъ высоки были горы Сорочинскіи,
 Славны тихи плеса да Черевістий.
 Теперь скажемъ про Добрынюшку мы сказочку,
 А ѣ теперь у насъ Добрыни старина пойдѣтъ.
 И какъ во стольномъ славномъ городи во Києвѣ,
 А ѣ у ласкова князя у Владимира,
 Какъ корошенькой заведенъ былъ почестной
 пирь,

А ѣ для многинхъ для князей для боѣрей,
 А ѣ для сильнихъ могучинхъ богатырей,
 А ѣ для всѣхъ поляницъ для удалныхъ *).
 Еще всѣ на пиру да напивались,
 А ѣ всѣ на пиру да наѣдались,
 А ѣ всѣ на пиру да пьяны весели сидѣтъ,
 Еще всѣ на пиру да поросхвастались:
 А ѣ умной-отъ хвастать отцемъ матерью,
 А ѣ безумной-отъ хвастать молодой женой.
 Выходилъ ли князь Владиміръ на крутой кра-
 сень крылецъ,

Ужъ онъ зреть да глядитъ во чистоѣ во полѣ.
 Что ли во далечи далѣчи во чистоѣ во полѣ,
 Какъ не ясныи соколикъ тамъ вылѣтываѣ,
 А ѣ не бѣлии заюшко проскакиваѣ,
 А ѣ не гречо-отъ (sic) головою повѣрачиваѣ,
 Какъ не малый горносталюшко прорыскиваѣ,
 Онъ не млепкин слѣдочкии промѣтываѣтъ.
 Какъ изъ далеча далѣча изъ чистоѣ изъ полѣ,
 А ѣ повиѣхалъ удалой доброй молодець,
 Какъ по имени Ильюшка славенъ Муромецъ.
 Ёде прямо ко Владиміру на широкой на дворъ.
 Заходилъ Илья во гридни княженецкии,
 Еще крѣсть кладѣ Ильюшка по писаному,
 Какъ поклонъ веде Ильюшка по ученому,
 Исполна творить молитву поісусову.
 Еще бьетъ Илей чоломъ покланяется,
 А на всѣ ли на четыре на сторонушки,
 Какъ Владиміру да князю бѣе въ особину че-
 ломъ.

А ѣ садился Шлюша за дубовой столъ,
 А ѣ во тыи ли во почестной во большом-уголъ
 На туѣ ли на скамеечку на рѣбчатую.
 Еще всѣ ли у насъ гости ѣдятъ и пьютъ,
 Еще всѣ приходящи хлѣбъ соль кушаютъ,
 А бѣлюю лебедь сидя рушаютъ.
 Какъ Владиміръ князь по гридни похаживаѣ,
 Еще самъ государь князь выговариваѣтъ:

*) Женщины-богатырицы были досель.

«Ахъ мы всё на пиру да ёдимъ мы пьемъ,
 «А всё на почестномъ стали навеселѣ;
 «А ѣ некого у насъ нынѣ нѣту на заставушкѣ.
 «А ѣ во дѣлечи далѣчи во чистомъ во полѣ,
 «Какъ летаетъ тамъ невѣжа чернымъ ворономъ,
 «А пише невѣжа за угрозою ко мнѣ:
 «А ѣ ты подай-ко князь Владиміръ поединщика!»
 А ѣ всё на пиру да замолчали да сидѣ,
 Еще большой-отъ хоронится за средняго,
 А средній хоронится за меньшаго,
 А отъ меньшаго князю отвѣта нѣтъ.
 А со того ли со почестнаго большомъ-угла,
 А ѣ со той ли со скамеечки со рѣбчатыи,
 Выходилъ ли тутъ удалой доброй молодець,
 Какъ по имени Ильюшка славенъ Муромецъ.
 Становился Ильюшка на рѣзвѣи ноги,
 Ёнъ клонилъ свою головушку низехонько,
 А своё-то оупъ бѣло лице къ рѣзвямъ ногамъ:
 — Ахъ вы многи наши князи а ѣ вы бояра,
 — А ѣ вы сильнии могуци богатыри,
 — Еще всё ли наши гости приходящии!
 — Еще колько не молчать да говорить намъ
 — бить.
 — Я вѣдь топереча Ильюша изъ дороженки,
 — Я вѣдь три годѣ стоялъ подъ Царемъ подъ
 градомъ,
 — Я вѣдь три годѣ стоялъ подъ Еросолнмомъ,
 — Я двѣнадцать лѣтъ Ильюша на разѣздѣ былъ,
 — Не видалъ во поли собачки пробѣгаючись,
 — Я увидѣлъ бы собачку изъ лучка бы пострѣ-
 зилъ.
 — А пошлѣмте-тко Добрынюшку Микитичъевича,
 — А ѣ во дѣлечо далѣчо во чистомъ во полѣ,
 — Какъ защита-га буде славцу Киеву,
 — Уборона (sic) будетъ нашей крѣпости. —
 Тутъ премладши Добрынюшка Микитичъ младъ,
 Выходилъ ли тутъ Добрыня зъ-за дубоваго стола.
 Какъ пошолъ тутъ Добрыня на широкой дворъ,
 На широкой дворъ Добрыня къ своей матушки,
 Пришолъ къ матушки Добрынюшка расплакался,
 Своей матушки Добрынюшка розжалился:
 «Ахъ ты свѣтъ государыни моя матушко,
 «Свѣтъ честна вдова Емельфа Тимоеевно!
 «И ты на что молодца меня спородила:
 «Ахъ ты силой меня матушка не сильнѣго,
 «Ахъ ты смѣлостью меня мать не смѣлаго,
 «А похавностью меня ли не похавнаго *),
 «Какъ щапствомъ щегольствомъ не щегольни-
 ваго ли,

«Красотою меня матушка не красиваго,
 «Какъ имѣниемъ богатствомъ не богатаго меңя.»
 Говорила тутъ Добрыни родна матушка:
 — Какъ премладши Добрынюшка Микитичъ младъ!
 — Я бы знала молодца какъ воспроизити тебѣ,
 — Я бы силою въ Самсона Кольваннша,
 — Я бы смѣлостью въ Ильюшку славна Муромца,
 — Я похавностью въ Олѣшу во Поповичева,
 — А ѣ щапствомъ щегольствомъ въ Чурилу Плен-
 ковича,
 — Красотою бы тебѣ въ Осипа прекраснаго,
 — А поѣздкою во Дюка во боярскаго.
 — Какъ такого тебѣ чада нынѣ Господь зародилъ. —

Тутъ Добрынюшка со матушкой прощается,
 Молодой жены Добрынюшка наказывае:
 «Ты премлада Катерина Викулична!
 «Пройдетъ девять лѣтъ Добрыни во чистомъ во
 полѣ,
 «А не будутъ къ тебѣ письма и грамоты,
 «Какъ не будутъ ерлыки скорописчатый,
 «Хоть вдовой ты живи да хоть ты за мужъ поди,
 «Хоть ты за князя поди хоть за боярина,
 «За купча хоть ты поди гостя торговаго,
 «А не ходи-ко ты за вора за Олѣшу Поповичева.
 «Мнѣ похавный воръ Олѣшка крестовый братъ,
 «А какъ крестовой-отъ вѣдь братецъ наче род-
 наго.»

Выходилъ ли Добрыня на широкой дворъ,
 Какъ садился Добрыня на добра коня,
 Еще видѣли добра молодца сядучись,
 А не видѣли удалаго поѣдучись.
 А ѣ да пыль-га вспылѣла во чистомъ полцѣ,
 Еще бѣлыи березки къ землѣ клонятся.
 Еще три года стоялъ онъ подъ Царемъ-градомъ,
 Еще три года стоялъ подъ Еросолнмомъ,
 А ѣ двѣнадцать лѣтъ Добрыня на разѣздѣ былъ.
 Того времечки прошло ли восемнадцать лѣтъ,
 На Добрыни цвѣтно платице поприривалосе,
 На Добрынюшкѣ платице звѣрнинае,
 На Добрынюшкѣ шапочка звѣрнинае.
 А ѣ тутъ похавливый Алѣшенька догадливъ былъ.
 А ѣ обуздаль обседалъ онъ своего добраго
 коня,
 Какъ объѣхалъ Алѣшенька по задворкамъ,
 А ѣ назадъ къ Владиміру ворочался,
 Еще самъ говорить таково слово:
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольне-кѣвскаго
 князь!

— А ужъ былъ я Алѣша во чистомъ во полцѣ,
 — Ужъ я видѣлъ Добрыню бита ранена лежить,

*) Поступками не хорошии человекъ.

— Ужь онъ буйною головошкой въ равнотѣ
кусть,

— А ѣ да рѣзьма ногама во кавылъ во травѣ.

— Что ль оружье его ручки порозмѣтаны лежа,

— Ёго добрый конь во стѣпѣ гулять,

— Еще черны вороны тѣло трѣнкають его.

— А ѣ ты поѣдемъ-ко Владиміръ со мною сва-
таться,

— Какъ на той ли поѣдемъ на молодой на вдовѣ,

— А ѣ на прежней на Добрыниной молодой
женѣ,

— На молодой Катерины Викуличной. —

И тутъ на силушку Владиміръ приволозилъ ей
иттѣ,

У нихъ въ пятницу-ту было сватовство,

Во субботу у нихъ было рукобитыце,

Еще завтра воскресенье будетъ свѣдебка у нихъ.

Изъ широкихъ было улушокъ Ильинскихъ,

А ѣ изъ мелкихъ переулковъ изъ Маринишени-
ныхъ,

Какъ не ясный соколикъ тамъ вылѣтывае,

А ѣ не бѣлы заюшко проскакивае,

Какъ не гречеть (sic) головою поварачивае,

Какъ не малый горностаюшко прорѣскивае,

Онъ не миленькіи слѣдочки промѣтывае,

Какъ повѣхалъ Ильюша славень Муромецъ.

А ѣ поѣхалъ Пльюша во чистое во поле,

Какъ на тую ли застаушку на Кіевску.

Какъ раздѣрнулъ тамъ шатѣрь бѣлополотпяной,

Насыпалъ копы пшена онъ бѣлояроваго,

Какъ увидѣлъ тутъ Добрыня: стоитъ бѣль въ
полю шатѣрь,

Прѣзжае тутъ Добрыня ко бѣлу шатру,

А ѣ выходитъ Добрыня со добра коня,

Становилъ вѣдь ѣвъ крѣна къ пшену да бѣлояро-
вому,

Какъ заходитъ Добрыня во бѣлы во шатѣрь.

Оны свидѣлись съ Ильюшей поздоровались,

Сталъ Добрынюшка про Кіевъ-отъ выпрашивать:

«Еще всё ли у насъ въ Кіевѣ по старому,

«Еще всё ли у насъ въ Кіевѣ по прежнему?»

— Только въ Кіевѣ у насъ нынѣ не по старому,

— Столько въ Кіевѣ у насъ ямы не по преж-
нему.

— А твоя-та молода жена замужъ пошла.

— Пошла за вора Алёшу за Поповичева,

— А за нашего за брата за крестоваго.

— Ей на силушку Владиміръ приволозилъ ей
иттѣ:

— У нихъ въ пятницу-ту было сватовство,

— Во субботу у нихъ было рукобитыце,

— Въ воскресенье сеюдня у нихъ свѣдебка
идѣтъ. —

Не досугъ Добрыня разговаривать съ Ильѣй.

Выходилъ ли тутъ Добрыня съ бѣлаго шатра,

Какъ садился Добрыня на добра коня,

Оны видѣли добра молодца садучись,

Какъ не видѣли удалаго поѣдучи,

Только пыль-та вѣдь вспылѣла во чистоемъ во
поле,

Еще бѣлы берѣзки къ земли клонятся.

А ѣ даетъ онъ поѣздку лучше стараго,

Лучше стараго поѣздку лучше прежнаго,

Ѣдетъ прямо онъ ко городу ко Кіеву,

А не около вѣдь ѣде не воротами,

Ѣде прямо черезъ стѣну городовую,

Черезъ тую ѣде башню что не большую,

Ѣде прямо къ своей матушки на широкой на
дворѣ.

Говорилъ тутъ вѣдь Добрыня своей матушки:

«Ахъ ты свѣтъ ли государыни моя матушка,

«Свѣтъ честна вдова Емельфа Тимоѣевна!

«Признавай-ко ты меня по правой по щекѣ,

«А ѣ на правой на щекѣ есть три знамени у
м'нѣ,

«Какъ три знамени у м'нѣ твои родительски.»

Говорила тутъ Добрыня родна матушка,

Свѣтъ честна вдова Емельфа Тимоѣевна:

— А ясный соколикъ на дворѣ залетѣлъ,

— А ѣ да бѣлая лебедка со двора сошла.

— Какъ твоя то Добрыня молода жена,

— Молодая Катерина Викулична,

— А Викулична она замужъ пошла,

— И пошла за вора за Алёшку за Поповичева,

— А за нашего за брата за крестоваго.

— Какъ на силу князь Владиміръ приволозилъ
ей иттѣ:

— У нихъ въ пятницу-ту было сватовство,

— Во субботу у нихъ было рукобитыце,

— Въ воскресенье сеюдня у нихъ свѣдебка
идѣтъ. —

Говорилъ ли тутъ Добрыня родной матушкѣ:

«Ахъ ты свѣтъ ли государыни моя матушка,

«Свѣтъ честна вдова Емельфа Тимоѣевна!

«Принеси-тко мнѣ-ка платье-скоморошкино,

«Принеси-тко мнѣ-ка досочку гусельчатую),

«Принеси-ко мнѣ шалыгу подорожную,

«Подорожную шалыгу поль-восьма пуда.»

Еще справился Добрынюшка на свѣдебку по-
шоль.

Онъ приходитъ къ Алёшкѣ на свѣдебку,

Еще крестъ владѣтъ Добрыня по писаному,

А ѱ поклонъ ведѣтъ Добрыня по учѣному,
Исполна творить молитву поусову.
Еще бѣѣтъ Добрыня челоюмъ и поклоняется,
А ѱ на всѣ ли на четыре на сторонушки,
Какъ Владиміру князю да бѣѣтъ въ особину челоюмъ.

Туть садился Добрыня на опеченку,
Сталъ Добрынюшка въ гусѣлушка поигривати.
Ужъ онъ струночку играетъ что я кievской,
Какъ во другую играть отъ Еросолцма,
Еще въ третью про разѣзды про Добрынюшкныи.

Какъ ни кто этой игры не догадается,
Догадаласе Добрынина молѣдая жена,
А ѱ молѣдая Катерина Викулична.
Какъ Владиміру игра эта показаласе,
Еще самъ говорилъ таково слово:

— А ѱ ты премладая забѣжа скоморошника!
— А ѱ ты поди-ко ты садись къ намъ за дубовой столъ,

— За дубовой столъ садись, вотъ три мѣста тебѣ:
— Еще перво тебѣ мѣсто, ты возлѣ меня садись,
— А другѣе тебѣ мѣсто супротивъ меня,
— Еще третье тебѣ мѣсто куда хочешь туть и сядь. —

А ѱ садился Добрыня супротивъ своей жены,
Супротиву Катерины Викуличной.

Наливала Катерина зелена чару вина,
Подавала туть Добрынюшки Микитичу,
А ѱ сама говорила таково слово:

«А ты премладий Добрыня сынъ Микитичъ младъ:
«Ужъ ты пей-ко у м'ня чару зеленого вина,
«И другу тебѣ налью да пива пьянаго,
«Еще третью подамъ я меду сладкаго.»

А ѱ премладыи Добрыня сынъ Микитичъ младъ,
А ѱ беретъ онъ чару зеленѣ въ руки вина,
Опускаетъ туды перстень злачѣный,

А ѱ которымъ они перстнемъ обручались,
Подавае туть Добрыня зеленѣ вино назадъ.
— А ѱ ты премлада Катерина Викулична!

— Ужъ ты выпей-ко до дна, такъ ты увидишь и добра,
— А не выпьешь до дна, такъ не видать тебѣ добра. —

Еще пила Катерина зелено вино до дна,
Какъ увидитъ Катерина тамъ злачѣный перстень
А ѱ сама говорила таково слово:

«Ахъ вы князи ли вы наши а ѱ вы бѣяра,
«А ѱ вы сильнии могучии богатыри,
«Еще вси ли наши гости приходяции!

«А ѱ не тотъ мнѣ мужъ кой возлѣ меня стоитъ

«Еще тотъ мнѣ-ва мужъ кой супротивъ меня сидитъ,

«Еще прежнии Добрынюшка Миештичъ младъ.»
Выходилъ ли туть Добрыня зѣ-за дубового стола,
Уфатилъ вѣдъ онъ Алѣшку за желты кудри,
А ѱ повыдернулъ на сѣреду кирпичную,
Взималъ въ руки онъ шалыгу подорожную,
Подорожную шалыгу поль-восьмѣ пуда.
Еще сталъ вѣдъ онъ Алѣшку туть работати,
А ѱ во охканьи не слышно бухканье,
А во бухканьи не слышно охканья.
Еще всѣ со шире да разбѣжались,
Еще всѣ ли съ почествого расхучались *),
Ужъ какъ видитъ князь Владиміръ пеминучую бѣду,

Затыкаетъ онъ свою жону онучею.

Записано на Водлозерѣ, 7 августа.

XIII.

НИГОЗЕРКИНЪ.

Матвей Федоровичъ Нигозеркинъ,
крестьянинъ дер. Чулы на Водлозерѣ, маленькій, невзрачный мужчина лѣтъ за 40, земледѣлецъ, занимающійся отчасти и рыболовствомъ. Выучился былинамъ осенью прошлаго 1870 года отъ старика, профѣзжавшаго изѣ-за Кенозера черезъ его деревню и два раза проведеннаго почь въ его избѣ; до того времени былинъ не зналъ и не слыхалъ.

—
216.

ПОЊЗДКИ ИЛЪИ МУРОМЦА.

А ѱ ѣздилъ старой по чисту полю,
А ѣтъ отъ младости ѣздилъ до старости,
А ѣтъ отъ старости да до гробной доски,
А ѣтъ стоялъ за вѣру да отечество.
А ѱ какъ хорошъ у стараго былъ доброй конь,
А ѣтъ у рѣкъ перевозу старъ не спрашивалъ,
А конь рѣки вѣдъ озѣра перескакивалъ,
Етъ эти мхи болота промежъ ногъ пуцалъ,
А ѣтъ сини моря тып кругомъ бѣжалъ.

*) Попрыгались.

А выѣзжае старъ на тую ли на путь,
 На путь дорожену широкую,
 А ѿ какъ камени подпись есть написана,
 А ѿ на другой стороны есть напечатана:
 «А ѿ какъ въ дорожку ѣхать да богату быть.
 А во другу ѣхать да женату быть,
 А ѿ во третью ѣхать да ѿ убиту быть.»
 Илья Муромецъ да самъ раздумался:
 «А ѿ какъ на что старому жениться мни?
 «А еще стара взять да не надержишься *);
 «А ѿ молодая взять да какъ чужа корысть.
 «А ѿ на что тутъ старому богатство?
 «А ѿ золотой казны у ёго смѣты нѣтъ.»
 А ёнъ поѣхалъ старъ во тую ёнъ во путь,
 Во тую путь дороженку широкую — гдѣ убиту
 быть.

А ёнъ наѣхалъ на сорокъ на разбойниковъ,
 А ёнъ на чистыхъ ночныхъ подорожниковъ.
 А ѿ какъ разбойники ко старому трогались,
 А ёнъ хочуть у стараго коня отнять,
 Ёнъ хочуть старому тутъ смерть придать,
 Ёнъ смѣрточку да ему скорую.
 А ѿ говоритъ тутъ старой таково слово:
 «Ахъ вы сорокъ сорокъ вы разбойниковъ,
 «А ѿ сорокъ чистыхъ ночныхъ подорожниковъ!
 «А еще гдѣ вамъ у стараго коня отнять?
 «А ѿ какъ уздица у стараго въ пятьсотъ рублей,
 «А ѿ какъ сѣдлышко у стараго въ двѣ тысячи,
 «А ѿ самому старъ бурушку чѣны не знать.
 «А ѿ какъ старъ колпакъ да со головушки,
 «А еще тотъ шишакъ да девяносто пудъ.»
 А ёнъ вѣдь началъ колпачкомъ да ёнъ помахи-
 вать,

А ѿ куда махнетъ махнетъ—туда улочокъ,
 А ѿ назадъ отмахнетъ — переулочокъ.
 Ёнъ приближъ тутъ сорокъ всѣхъ разбойниковъ,
 А ѿ сорокъ чистыхъ ночныхъ подорожниковъ,
 А ѿ какъ назадъ тутъ старъ да ворочается,
 А ёнъ вѣдь старую ту подпись вѣдь захѣривалъ,
 А ёнъ нову тутъ вѣдь напечатывалъ:
 «Еще та дороженка росчищена,
 А ѿ какъ росчищена дороженка розѣзжена,
 А ѿ какъ розѣзжена дорожка Ильѣй Муром-
 цемъ.

(конца не знаетъ).

Записано на Водлозерѣ, 6 августа.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

А ѿ во стольноёмъ во городи во Кіевѣ,
 А ѿ у солнышко вѣдь князя у Владиміра,
 Собираются да соѣзжаются,
 Соѣзжается да какъ почестный пиръ,
 На царевъ царевъ да на царевичовъ,
 А ѿ на королей королей да королевичевъ,
 Какъ на сильныхъ на могучихъ на богатырѣвъ,
 Какъ на тѣхъ ли поляницъ вельможъ да на уда-
 лыхъ.

Говорить тутъ солнце князь, да князь владимірс-
 кой,

Князь владимірской, да стольнѣ-кіевской:
 «А ѿ ужъ вы князи, князи ужъ вы боярныи,
 «А ѿ ужъ вы сильвии могучии богатыри!
 «Вы поѣдете-тко да по нимъ землямъ,
 «Вы сберите-тко да дани пошлины,
 «Вы за стары годы да за нынѣшній,
 «Ужъ за тыи годы за двѣнадцать лѣтъ.»
 Какъ большой туляется за средняго,
 Какъ средній туляется за меньшаго,
 Какъ отъ меньшаго отъ бѣднаго отвѣту нѣтъ.

А ѿ изъ-за того стола изъ-за дубоваго,
 Выходилъ удалой доброй молодецъ,
 Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
 Говорить вѣдь ёнъ да таково слово:
 — Ужъ ты солнце князь да князь владимірской,
 — Князь владимірской да стольнѣ-кіевской!

— Я могу поѣхать по нимъ землямъ,
 — Я могу собрать да дани пошлины,
 — Я за стары годы я за нынѣшній,
 — Я за тыи годы за двѣнадцать лѣтъ. —
 Говорить тутъ князь да князь владимірской,
 Князь владимірской, да стольнѣ-кіевской:
 «А ѿ молодой Добрыня сынъ Микитиничъ!
 «За твою услугу да великую,
 «Города тѣ дамъ я съ пригородками,
 «Я села тѣ дамъ да со приселками,
 «Золота казна незатворѣная.»
 Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ,
 Ёнъ пошолъ вѣдь ёнъ да со честна пира
 Во свою полату бѣлокаменну,
 Ёнъ садился на ременчатъ стулъ,
 Обувалъ сапожки ёнъ козловыи,
 Ёнъ черна возла да вѣдь заморскаго.
 Одѣвалъ ёнъ шубу соболіную,

*) Помреть скоро.

Енъ того ли черна соболя заморскаго,
 Выходилъ удалой доброй молодець,
 Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ,
 Выходилъ вѣдь енъ да на широкій дворъ.
 Енъ идѣтъ на стойлу лошадиную,
 Выбиралъ добра коня неѣзжена,
 Налагалъ уздицу енъ шелковую,
 Енъ изъ чиста шолку Шемаханскаго.
 Енъ вѣдь потнички на потнички накладывалъ,
 Войлочки на войлочки сѣделышко черкасско око-
 ваное,

Енъ подпругъ кладаетъ до двѣнадцати,
 Енъ тринадцату натягивалъ продольною,
 Какъ не для ради красы басы угожества,
 Для такой укрьны богатырскіи.
 Подпруга изъ чиста шолку Шемаханскаго,
 Стремена желѣза есть булатнаго,
 Еще пражки мѣди ты казанскіи.
 Шемаханской шолкъ не трется да не держится,
 А булатъ желѣзо то не ломится,
 А казанска мѣдь та не заржавѣе.
 Выходилъ удалой доброй молодець,
 Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
 Енъ вѣдь бралъ вѣдь сбрую всю енъ лыцарску,
 Енъ таку ли сбрую богатырскую.
 Во-первыхъ беретъ да онъ вѣдь вострой мечъ,
 Въ-вторыхъ беретъ да онъ вѣдь тугой лукъ,
 Енъ во-третьихъ палицу булатную.
 Енъ вѣдь вострой мечъ беретъ подъ пазуху,
 Енъ вѣдь тугой лукъ да на плечѣ клadalъ,
 Енъ вѣдь палицу булатную ту въ кольцо клadalъ.
 Какъ садился удалой доброй молодець,
 Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ,
 На туго ли бурушка косматушка,
 Приходила его родитель матушка,
 Какъ честна вдова Елена Тимоеевна.

Говоритъ ена да таково слово:
 — Ужь ты чадо, чадо моё милое,
 — Ты дитя дитя моё любимое,
 — Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ!
 — Отправляешься ты вооружаешься,
 — Ты во далече далече по нинѣ землякъ,
 — Ты собирать собирать какъ дани пошлнн
 — За стары годы да за нинѣшній,
 — Какъ за тни годы за двѣнадцать лѣтъ. —
 Во вторыхъ пришла да молода жена,
 Молода жена Настасья да Викулична.

Говоритъ Добрынюшка наказывалъ:
 «Ай молода жена Настасьюшка Викулична!
 «Если годъ не буду, — жди вѣдь два году,
 «Если два не буду, — жди вѣдь три году,

«Если три не буду, — жди вѣдь шесть годовъ,
 «Если шесть не буду, — жди двѣнадцать лѣтъ,
 «Если двѣнадцать лѣтъ не буду — хотъ вдовой
 живи,

«Хотъ вдовой живи, а хотъ замужъ поди.
 «За царя поди, ли за царевича,
 «За короля поди, за королевича,
 «Ли за сильнаго за храбраго могучаго за воина.
 «Не ходи за вора за Алѣшеньку Поповича,
 «Воръ Алѣшеа мнѣ крестовый братъ.»

Какъ видали добра молодца что садучись,
 Не видали добра молодца поѣдучись.
 Какъ по тымъ степямъ да по саратовскимъ
 Одна куревка да завивается,
 Съ горы на гору да съ доли на долу.

А й конь рѣки енъ озера перескакивалъ,
 А енъ мхи ты да болота промежъ ногъ пушалъ,
 Енъ сини моря тни кругомъ бѣжалъ.
 А какъ день тутъ за день — какъ вода течѣ,
 Какъ недѣля за недѣлю — какъ трава ростѣ.

Какъ прошло то тому времечки да чѣлный годъ,
 Не видать Добрыни изъ чиста поля.
 Какъ прошло то времечки тутъ два году,
 На проходи времечки тутъ три году.

Какъ прошло времечки тутъ шесть годовъ,
 На проходи времечки двѣнадцать лѣтъ.
 Еще сталъ тутъ воръ Алѣшенька подхаживать
 Ко честной вдовы Настасья да Викуличной:

— А й ты честна вдова Настасья да Викулична!
 — Ты поди иди за м'на да во замужество,
 — За меня Олешу за Поповича.
 — Я вечоръ вѣдь ѣздилъ по чисту полю,
 — А на томъ ли поли да на лыцарскомъ
 — Какъ видалъ Добрынюшка убить лежить,
 — Головой лежить да ко синю морю,
 — А й ноги рѣзвыи о ракиновъ кустъ.

— Скрозь его ранѣ да скрозь кровавыи
 — Проросла трава да росшелковая,
 — Расцвѣли цвѣты да всѣ лазуревы. —
 Говоритъ Настасья таково слово:

«Воръ Алѣшенька да ты Поповичъ-отъ!
 «Не бывалъ вечоръ ты во чистомъ поли,
 «Какъ ходилъ съ собаками на задворкахъ.»
 Это слово ему не показалося,
 Не кавалося слово не слюбилосе.

Какъ идетъ Алѣша прѣмъ на царской дворъ,
 Говоритъ Алѣша таково слово:
 — Ужь ты солнце князь да князь владимірской,
 — Князь владимірской, да стольнѣ-киевской!
 — Ты послушай князь да что тѣ я скажу:

— Сочини указы государевы —

— Не держать удочки въ гради въ Києви
 — Еще той Настасьи да Викуличной,
 — Не хорошима словами меня озвала,
 — Чтò я не былъ вечеръ да во чистомъ поли,
 — Я на томъ ли поли да на лыцарскомъ,
 — Что ходилъ съ собаками по задворкамъ. —
 По Алешеньки да вси ручаются,
 Еще сильнїи могучїи богатыри,
 А й вельможи поляницы да удалыи,
 Ёны проса солнышка да князя да Владимира
 Сочинить указъ да государевой,
 Не держать удочки въ гради въ Києви,
 Еще той Настасьи да Викуличной.
 Еще солнце князь да князь владимірской,
 Князь владимірской да стольнѣ-кїевской,
 Приказалъ указы сочинить ёнъ строгїи —
 Не держать удочки въ гради въ Києви.
 Приходитъ Алешенька Поповичъ-отъ
 Ко честной вдовы Настасьи да Викуличной,
 Говорить Алѣша таково слово:
 — А й ты честна вдова Настасья да Викулична!
 — Если въ честь йдѣшь — такъ я тя въ честь
 возьму.
 — Если въ честь не йдѣшь — такъ я не въ честь
 возьму.
 — Красота твоя мнѣ приглянулася,
 — Ты не йдешь ли за меня да во замужество,
 — За меня Алѣшу за Поповича,
 — Какъ должна итти да съ града съ Києва.
 — Сочиненъ указъ да государевы —
 — Не держать удочки въ гради въ Києви. —
 Какъ честна вдова Настасья да Викулична,
 Какъ пошла ена да во замужество,
 За того Алѣшу за Поповича.
 Какъ во стольнѣмъ городи во Києви,
 Какъ во Києви да былъ почетной пиръ.
 Какъ на томъ пиру да на почетномъ,
 Тамъ цари съѣзжались царевичи,
 Короли съѣзжались королевичи,
 Тамъ вѣдь сильнїи могучїи богатыри,
 Какъ вельможи поляницы да удалыи.
 А й молодой Добрыня сынъ Микитиничъ
 Ёнъ съѣзжаетъ съ земли съ земли съ Датскїи,
 Выѣзжалъ вѣдь ёнъ да на чисто полѣ,
 Ёнъ роздернулъ шатѣръ бѣлополотняной,
 Насыпалъ коню шена ёнъ бѣлоярова.
 Ёнъ зашелъ въ шатѣръ бѣлополотняной,
 Веругъ бѣла шатра да его доброй конь,
 Его добрый конь кругомъ похаживать,
 Ёнъ не ѣсть шена да бѣлоярова,
 Ёнъ вѣдь билъ ногами о сыру землю,

Еще мать земля сталá продрагивать.
 Выходилъ Добрыня изъ бѣла шатра,
 Ёнъ вѣдь взялъ вѣдь палицу булатную,
 Ёнъ вѣдь бьетъ коня да но тучнымъ ребрамъ,
 Ёнъ вѣдь бьетъ коня самъ приговаривать:
 — Ужъ ты волчья смѣть да травяной мѣшокъ! —
 Какъ за тымъ шатромъ бѣлополотнянымъ,
 Говорить Добрыня добру молодцу *):
 «А й молодой Добрыня сынъ Микитиничъ!
 «Ты не бей-ко бурушка косматушка,
 «Ты садись на бурушка косматушка,
 «Поѣзжай-ко ты во стольнѣй Києвъ градъ.
 «Какъ во томъ ли городи во Києви,
 «Какъ во Києви да тамъ почетной пиръ.
 «Тамъ цари съѣзжаются царевичи,
 «Короли съѣзжались королевичи,
 «Ужъ тамъ сильнїи могучи храбры лыцари,
 «Тамъ вельможи поляницы да удалыи.
 «Какъ твоя теперъ да молода жена,
 «Молода жена да любима семья,
 «Какъ пошла ёна да во замужество,
 «Не за царя ёна не за царевича,
 «А не за короля ёна за королевича,
 «Не за сильнаго за храбраго могучаго богатыря, —
 «За того Олеша за Поповича.»
 А й молодой Добрыня сынъ Микитиничъ,
 Ёнъ садился на бурушка косматушка,
 Поѣзжалъ вѣдь ёнъ да во стольнѣй Києвъ градъ,
 Прїѣзжалъ къ полаты бѣлокаменной.
 Ёнъ во томъ ли городи во Києви,
 Становился къ окошечку косивчату,
 Ёнъ на томъ ли бурушки косматушкѣ.
 Закричалъ Добрыня громкимъ голосомъ:
 — А й во моей полаты бѣлокаменной,
 — Еще есть родитель моя матушка въ живно-
 ностяхъ? —
 Какъ честна вдова Елена Тимоѣевна,
 Какъ сидитъ старуха старо-матерша,
 На печи печи да у печна столба.
 Услыхала старуха старо-матерша
 Ёна громкїй голось богатырскїи.
 Сопушается и съ печенки муравленой,
 Ко тому окошечку косивчату,
 Увидала сына да любимаго,
 Молода Добрынюшку Микитича.
 Какъ скочила ена да на широкїй дворъ,
 Отворять воротца да широкїи.
 Заѣзжалъ Добрыня на широкой дворъ,
 Говорилъ Добрыня добрый молодецъ:

*) Неизвѣстно кто, такъ слышалъ и отъ «пѣтара».

— А й ты родитель моя матушка,
 — Честна вдова Елена Тимоеевна!
 — Еще гдѣ мол да молода жена,
 — Молода жена Настасья да Викулична? —
 «Ужъ ты чадо чадо моё милое,
 «Ты дитя дитя мое любимоё,
 «Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ!
 «Какъ твоя теперь да молода жена,
 «Молода жена да любима семья,
 «Какъ пошла ёна да во замужество
 «Не за царя ёна не за царевича,
 «Не за короля ёна за королевича,
 «Не за сильнаго за храбраго могучаго богатыря,
 «За того ли за Олѣшеньку Поповица.»

— А й ты родитель моя матушка,
 — Честна вдова Елена Тимоеевна!
 — Принеси миѣ платье скоморошноё,
 — Принеси гусельшка яровчаты,
 — Какъ пойдѣтъ Добрыня на почестный пирь. —
 Принесла вѣдь платье скоморошноё,
 Принесла гусельшка яровчаты,
 Какъ пошолъ Добрыня на почестный пирь.
 Ёнъ иде въ полагы бѣлокаменны,
 Ёнъ во тни гридни во столовны,
 А й ёнъ крестъ владеть самъ по писаному,
 Ёнъ поклонъ веде самъ по учёному,
 Ёнъ на вси четыре да на стороны,
 А й царю съ царницей да въ особину.
 Говорить удалой доброй молодець,
 Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ:
 — Ужъ ты солнце князь да князь Владимірской,
 — Князь Владимірской, да стольнѣ-кѣвской!
 — Ты послушай князь да что тѣ я скажу:
 — Отведи-ка мя-ка нынѣ вѣдь мѣстечко
 — Миѣ молóдому теперь гусельщичу. —
 Говорить тутъ солнце князь да князь владимір-

ской,

Князь владимірской да стольнѣ-кѣвской;
 «А й молодой молóдны гусельщичокъ!
 «Еще вси мѣста да попризаняты
 «У молóдныих да у гусельщичковъ,
 «Только мѣстечка да на печѣ печи,
 «На печи печи да на печномъ столби.»
 Какъ ставалъ Добрыня добрый молодець,
 Ёнъ на тую печенку муравлену,
 Ёнъ садился удалый добрый молодець,
 Ёнъ садился тутъ да на печной-отъ столбъ,
 Ёнъ вѣдь началъ гуселка налаживать,
 Ёнъ вѣдь началъ струночки натягивать.
 Ёнъ первую наладилъ съ града съ Кіева,
 Ёнъ другу наладилъ изъ Чернигова,

Ёнъ вѣдь третью изъ каменнóй Москвы.
 Ёнъ вѣдь началъ гуселка поигрывать, —
 Какъ дивилися цари цари царевичи,
 Короли дивилися королевичи,
 Ужъ какъ сильни могучи богатыри,
 Какъ вельможи поляницы да удалыи.
 Еще не было молóдаго гусельщича
 Супротивъ Добрынюшки Микитица,
 А й находится молóдны гусельщичокъ,
 Ёнъ не хуже да Добрыни добра молодца,
 Ёнъ вѣдь волосомъ да ёнъ вѣдь возрастомъ,
 Красотой вѣдь ёнъ да всѣмъ угожествомъ
 Какъ не хуже Добрынюшки Микитица.
 Говорить тутъ солнце князь да князь владимір-

ской

Князь владимірской, да стольнѣ-кѣвской:
 «А й молодой молóдны гусельщичокъ!
 «Сопущайся-ко да и съ печна столба,
 «Какъ и съ той и съ печени муравленой.
 «Еще перво мѣстечко подѣлѣ меня,
 «Еще друго мѣсто супротивъ меня,
 «Еще третьё мѣсто супротивъ княгини да мо-

лóдны,

«Супротивъ Настасьюшки Викуличной.»
 Молодой молóдны гусельщичокъ,
 А й садился ёнъ да о-середѣ стола
 Ёнъ на ту скамейчку клеповую,
 Супротивъ княгини да молодой,
 Супротивъ Настасьи да Викуличной.
 Наливали чару зелена вина,
 Подносили молóдому гусельщичу,
 Принималъ ёнъ чару единой рукой,
 Выпивалъ ёнъ чару на единой здохъ.
 Говорить молóдны гусельщичокъ:
 — Ужъ ты солнце князь, да князь владимірской,
 — Князь владимірской да стольнѣ-кѣвской!
 — Ты послушай князь да что тѣ я скажу:
 — Какъ позволѣ-ка налить чару зелена вина,
 — А вѣдь тую чару, кою я вѣдь пилъ,
 — Поднести княгини да молодой,
 — Еще той Настасьюшки Викуличной. —
 «А й молодой молóдны гусельщичокъ!
 «А й наливай-ко чару зелена вина,
 «А й подноси княгини да молодой,
 «Еще той Настасьи да Викуличной.»
 Наливалъ ёнъ чару зелена вина,
 Ёнъ спущалъ туда да именнóй перстень,
 Какъ котормъ перстнемъ обручались
 А со той Настасьей да Викуличной.
 Подносилъ вѣдь чару приговаривалъ:
 — А й молодá молодáя Настасья да Викулична!

— Если пьешь до дна, дакъ увидашь добра,
 — А й не пьешь до дна, дакъ не видать добра.—
 Принимала чару единой рукой,
 Выпивала чару на единой здохъ,
 Увидала перстень золоченнй.
 Какъ увид'ла перстень золоченнй,
 Какъ которымъ перстнемъ обручалисе
 А й со тымъ Добрынюшкой Миевитицомъ,
 Положила перстень ёна на руку:
 «Ужь ты солнце князь да князь владимірской,
 «Князь владимірской, да стольне-кїевской!
 «Ты послушай князь да что тѣ я скажу:
 «А не тотъ мой мужъ, кой нынѣ подлѣ меня,
 «Еще тотъ мой мужъ, кой супротивъ меня.»
 Какъ ко той скамейчкѣ кленовыи,
 Какъ пошла изъ-за стола изъ-за дубоваго.
 Какъ ко той скамейки ко кленовыи,
 Какъ къ тому Добрынюшки Миевитичу.
 Розгорѣлось сердце богатырскоё,
 Какъ ставалъ Добрыня на рѣзвы ноги,
 Ёнъ взималъ Алѣшу за желты кудри,
 Ёнъ выдалъ Алѣшу о кирпичной поль,
 А ёнъ прнулъ Алешеньку подъ лавочку.
 Какъ подъ лавицей Алѣша выговаривалъ:
 — Еще всякой-отъ дуракъ на свѣтѣ женится,
 — Какъ не всякому женидьба удавается.
 — Удаваласе женидьба тремъ богатырямъ:
 — Еще старому казачку да Плью Муромцу,
 — А й молоду Добрынюшки Миевитицу,
 — А й молоду Чурилы щаны Пленковицу.

Записано тамъ же, 6 августа.

218.

Д Ю К Ъ.

А й въ Волянъ земли да въ золотой орды.
 А й что во той Индѣи пребогатии,
 Во Волянцѣ городи во Галицѣ,
 А й жилъ молоденькой бояринъ Дюкъ Степано-
 вичъ.
 А й какъ удаленькой да доброй молодецъ,
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Ёнъ пришель въ полату бѣлокаменну,
 Ёнъ садился на лавочку брусовую,
 Ёнъ понизилъ буйну голову пониже плечъ,
 А й ниже плечъ своихъ могучихъ богатырскїихъ.
 Приходила родитель ево матушка,
 А й честна вдова Напельфа Тимоеевна,

А й говорила ёна да таково слово:
 «Ужь ты чадо, чадо моё милоё,
 «А й ты дитя дитя моё любимое,
 «Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 «И отправляешься ты вооружаешься,
 «А й во первую поѣздку богатырскую,
 «А й не въѣзжай ли на гору на Палань-гору,
 «А на то ли мѣстечко на красивоё,
 «А й на красиво мѣстечко удобноё,
 «Гдѣ пари сѣзжаются царевичи,
 «А й короли сѣзжались королевичи,
 «А й гдѣ сильнии могучи храбры лицари,
 «А й вельможи поляничн *) тамъ удалии.
 «А й не садись съ нима во тую во компанью
 великую,
 «А й какъ хвастай-ко имѣнникомъ сиротскїимъ.
 «А й какъ сиротскїимъ имѣнникомъ побѣдннмъ.
 Это слово ему не слюбилосе.
 А й какъ ставалъ бояринъ на рѣзвы ноги,
 Ёнъ пошелъ на стойлу лошадиную,
 А й выбиралъ добра коня не ѣзжана,
 Налгалъ уздицю ёнъ шелковую,
 А й онъ пѣз чиста шолку Шемаханскаго,
 А й онъ вѣдъ потяички на потяички нагла-
 валъ,
 А й войлочкн на войлочкн,
 Сѣделмшко черкасско окованое,
 А й подпругъ бладае до двѣнадцати,
 А й онъ тринадцату натягивалъ продольную.
 Какъ не для ради красы басы угожества,
 А й для такой укрьпы богатырскїи.
 А й подпруга пѣз чистаго шолку шемаханскаго,
 А й стремена желѣза пѣз булатнаго,
 А еще пряжки мѣди ты казанскїи.
 А й Шемаханской шолкъ не трется да не дер-
 жится,

А й булатъ желѣзо то не ломится,
 А й кошъ казанска мѣдъ та не заржавѣе.
 А й молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Ёнъ пришолъ въ полату бѣлокаменну,
 Садился ёнъ да на ременчатъ стугъ,
 А й обувалъ сапожки онъ козловыи,
 А й онъ черна козла да ёнъ заморскаго;
 А й одѣвалъ ёнъ шубу соболиную,
 Ёнъ того ли черна соболя заморскаго,
 Выходилъ удалой на широкїй дворъ.
 А й молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 А й онъ беретъ вѣдъ сбрую всю вѣдъ лицарскїи

*) Досюль женщины воевали, это — поланица значить в деревенски, — объяснил пѣвецъ.

А ѿ во-первыхъ беретъ онъ вострой мечъ,
 А ѿ во другихъ беретъ да ёнъ вѣдь тугой лукъ,
 А ѿ онъ во-третьихъ палицу булатную.
 А ѿ онъ вѣдь вострой мечъ да брагъ подъ па-
 зуку,
 А ѿ онъ вѣдь тугой лукъ да на плечѣ кладалъ,
 А ѿ онъ вѣдь палицу булатную ту въ кольцо
 кладалъ,
 А ѿ онъ садился удалой доброй молодець,
 А ѿ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Енъ на того ли бурушка косматушка. 65
 А ѿ какъ видали добра молодца что садучись,
 А ѿ не видали удала поѣзжающихся.
 А ѿ съ горы на гору да съ доли на долу,
 А ѿ какъ по тымъ степямъ по саратовскимъ
 Одна куренка да завивается. 70
 А ѿ конь вѣдь рѣки-озѣра перескакивалъ,
 А ѿ ёнъ мхи болота промежъ ногъ пушалъ,
 А ѿ какъ сиви моря тыи кругомъ бѣжалъ,
 Выѣзжалъ на гору онъ на Паланъ-гору,
 А ёнъ на тое мѣстечко красивой, 75
 А ѿ на красиво мѣстечко удобной.
 А ѿ тамъ цари съѣзжаются царевичи,
 А ѿ королѣи съѣзжались королевичи,
 А ѿ тамъ вѣдь сильнѣи вѣдь храбрии богатыри,
 А ѿ какъ вельможи поляницы да удалыи. 80
 А ѿ не садился съ нимъ во ту ли во камнаныцу
 великую,
 А ёнъ не хвастаетъ имънѣицемъ спротскимъ,
 А ѿ поѣзжалъ съ горы ёнъ съ Паланъ-горы,
 А ѿ выѣзжалъ ёнъ вѣдь во чисто поле,
 А ѿ на тое поле да на лыцарско, 85
 И прѣѣзжалъ онъ въ доли ко сирѣ дубу.
 А ѿ на сиромъ дубу сидитъ птица чернѣи во-
 ровъ-отъ,
 А ѿ говоритъ тутъ удалой доброй молодець,
 А ѿ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 — А ужъ ты воронъ воронъ птица цорная, 90
 — А ѿ птица цѣрная да сама вѣщала!
 — А ѿ ты скажи-ко воронъ да повѣдай-ко,
 — А ѿ не видалъ мнѣи воронъ поединщика,
 — А ѿ изъ царевъ ли изъ царевичевъ,
 — А ѿ изъ королѣи ли королевичевъ, 95
 — А ѿ какъ изъ сильнѣиныхъ храбрѣиныхъ могучѣиныхъ
 изъ лыцаревъ,
 — А ѿ какъ изъ тѣхъ вельможъ ли поляницъ да
 мнѣи удалыиныхъ.
 — А ѿ ты не скажешь воронъ сущей правды мнѣи,
 — А ѿ пострѣлю ты воронъ на сиромъ дубу, 100
 — А ѿ изъ сира дуба да падешь на землю. —
 А закричалъ тутъ воронъ громкимъ голосомъ:

«А ѿ ты удаленькой да доброй молодець:
 «А ѿ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 «А ѿ не стрѣлай-ко меня да чорна ворона,
 «А ѿ я скажу тебѣ про поединщика, 105
 «А ѿ я скажу тебѣ про супротивника.
 «А ѿ поѣзжай-ко къ рѣченкѣ Смородинѣ.
 «А ѿ какъ у той у рѣченкѣ Смородины,
 «А ѿ тамъ стоитъ шатѣръ бѣлополотняной,
 «А ѿ ужъ тамъ терема да златоверхѣи. 110
 «А ѿ какъ во томъ шатри бѣлополотняномъ,
 «А ѿ спитъ старѣи казакъ да Илья Муромецъ,
 «А ѿ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
 «А ѿ у того шатра бѣлополотняна,
 «Что у шатричка да стѣитъ доброй конь, 115
 «А ёнъ при всей вѣдь сбруи богатырской:
 «А ѿ на конѣ уздица е шелковая,
 «Что изъ чиста-ль шолку Шемаханскаго,
 «А ѿ на ёмъ потнички на потнички наклады,
 «А ѿ на ёмъ войлочки на войлочки, 120
 «А ѿ на войлочкахъ черкасское сѣделко окованое
 «А ѿ подпругъ кругомъ да до шестнадцати,
 «А ѿ какъ семнадцата натянута продольная,
 «А ѿ какъ не для ради красы басы ужошества,
 «А ѿ для такой укрѣпы богатырской. 125
 «А ѿ подпруга изъ чиста шолку Шемаханскаго,
 «А ѿ стремена желѣза изъ булатнѣо,
 «А ѿ еще пряжки мѣди ты казанскѣи.
 «Шемаханской шолкъ не трется да не держится,
 «А ѿ какъ булатъ-желѣзо то не ломится,
 «А ѿ казанска мѣдь та не заржавѣе.»
 А ѿ какъ удаченкой да доброй молодець,
 А ѿ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 А ѿ не стрѣлилъ вѣдь ёнъ да чорна ворона,
 А ѿ поѣзжалъ ёнъ къ рѣченкѣ Смородины. 130
 Прѣѣзжае къ рѣченкѣ Смородины,
 А ѿ тамъ стоитъ шатѣръ бѣлополотняной,
 А ѿ тамъ теремъ-отъ да златоверхѣи.
 И у того шатра бѣлополотняна,
 А ѿ что ль у терема да златоверхаго, 135
 А ѿ что ль у терема да стѣиалъ доброй конь,
 А ёнъ при всей вѣдь сбруи богатырской.
 А ѿ на конѣ уздица есть шелковая,
 А ѿ какъ изъ чиста шолку Шемаханскаго,
 А ѿ на ёмъ потнички на потнички наклады,
 А ѿ на ёмъ войлочки на войлочки,
 На войлочкахъ сѣделышко черкальско окованое,
 А ѿ подпругъ на ёмъ есть до шестнадцати,
 А ѿ какъ семнадцата натянута продольная,
 А ѿ какъ не для ради красы басы ужошества,
 А ѿ для такой укрѣпы богатырской. 140
 А ѿ какъ во томъ шатри бѣлополотняномъ,

А ѿ въ терему во томъ да златоверхіимъ,
А ѿ спитъ старій казакъ да Илья Муромецъ,
155 А Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.

А ѿ приходилъ удалой доброй молодець,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
А ѿ говоритъ ёнъ таково слово:

— А ѿ ты старій казакъ да Илья Муромецъ,

170 — А Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!

— А ужъ ты спишь лежишь да проклаждаешься?

— А ѿ надъ собой незгоды не начаешься,

— А ѿ отрублю Ильюши буйну голову. —

А ѿ какъ старій казакъ да Илья Муромецъ,

185 А онъ на одри лежитъ самъ выговаривать:

«А ѿ ты удаленькой да добрый молодець,

«А ѿ молодая жлада скоморошина!

«А ѿ ты скажись удалой доброй молодець:

«А изъ какой земли изъ какой орды,

170 «Коего отца которой матушки?

«А ѿ ты не скажешься удалой доброй молодець,

«А ѿ ужъ мы сядемъ-ко на добрыхъ коней,

«А ѿ мы отправимся мы во чисто полѣ,

175 «А ѿ кто вывезе головушку съ чиста поля.»

— А я скажу тебѣ да проповѣдую:

— Я съ Волянъ земли да съ Золотой орды,

— Я изъ той Индѣи пребогатинъ,

— Изъ Волянца города изъ Галичи,

— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ. —

180 »Ужъ мы сядемъ-ко да на добрыхъ коней,

«Мы отправимся да во чисто полѣ,

«Кто повывезе головушку съ чиста поля.»

А ѿ молодой бояринъ сокручинился,

А ѿ сокручинился да запечалился.

185 А ѿ онъ понизилъ буйну голову пониже плечъ,

А ѿ ниже плечъ своихъ могучихъ богатырскихъ,

Говоритъ вѣдь ёнъ да таково слово:

— А ѿ ты старій казакъ да Илья Муромецъ!

— Еще гдѣ мнѣ стоять съ тобой въ чистомъ

полѣ? —

190 Говоритъ старой казакъ да Илья Муромецъ:

«А ѿ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!

«Не кручинься-тко да не печалься-тко,

«Назовѣмся братьями крестовыма.»

А ѿ какъ старой казакъ да Илья Муромецъ,

195 А Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,

А Илья Муромецъ да тотъ большій-отъ братъ,

А ѿ молодой бояринъ тотъ меньшой-отъ братъ.

А ѿ какъ старой казакъ да Илья Муромецъ,

Своего да брата ёнъ крестоваго,

А ёнъ за рученки за бѣли,

А ёнъ за тьи перстни за злачёвыи,

А ёнъ за тьи кольца золочёвыи,

А ёнъ садилъ за столчки дубовыи,

А ёнъ за тьи шелковы скатерти за бранни,

105 Ёнъ за тьи ѣствы за сахарнии,

И за такіи питья за медвянии.

А ѿ какъ сидятъ тутъ ѣдятъ пьютъ прокла-
жаются,

А ѿ какъ два брателка да два крестовникъ,

Надъ собой незгоды не начаются.

110 А ѿ какъ въ томъ шатри бѣлополотняномъ,

А ѿ въ терему во томъ во златоверхіимъ,

А ѿ отворилась дверь дубовая тутъ на пату,

115 Какъ идеть поганой Инодолищо,

Ёнъ вѣдь чудному образу не молится,

120 Ёнъ вѣдь добрымъ молодцамъ челою не бѣеть.

А ёнъ садился на лавочку брусовую,

А сидучисъ вѣдь ёнъ да поросфастался

И какъ тое поганое Инодолищо:

— Я прошолъ по всѣмъ землямъ, по всѣмъ ор-
дамъ,

125 — Я Казань-Рязань прошолъ да Вбстрокань.

— Ужъ я былъ я въ городи во Києви,

— Я не давно ль былъ да во Чернигови,

— Я сейчасъ иду изъ каменной Москвы.

— А ѿ не находится мнѣ поединничка,

130 — Изъ царевъ царевъ мнѣ изъ царевичевъ,

— Изъ королей королей изъ королевичевъ,

— А ѿ какъ изъ сильнихъ изъ храбрныхъ могу-
чихъ богатыривъ,

— А ѿ какъ изъ вельможъ мнѣ поляницъ мнѣ
да удалыхъ.

— А ѿ какъ на тотъ ли тотъ ли стольнѣ Києв
градъ,

135 — А идеть честь вѣдь слава великая,

— А ѿ что во томъ ли гради да во Києви,

— Есть старой казакъ да Илья Муромецъ,

— Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ. —

А ѿ говоритъ погано Инодолищо:

140 — А Илья Муромецъ да вѣрно силёнъ есть.

— А ѿ вѣрно сплёнъ есть, да ёнъ по многу ль
ѣсть? —

А ѿ говоритъ удалой доброй молодець,

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:

«Что старой казакъ да Илья Муромецъ,

145 — А ёнъ вѣдь витъ держалъ да ёнъ не боль-
шеньку,

«По одной то ѣлъ крупчатой булочки,

«А ѿ какъ круивчатымъ колачикомъ закусы-
валъ,

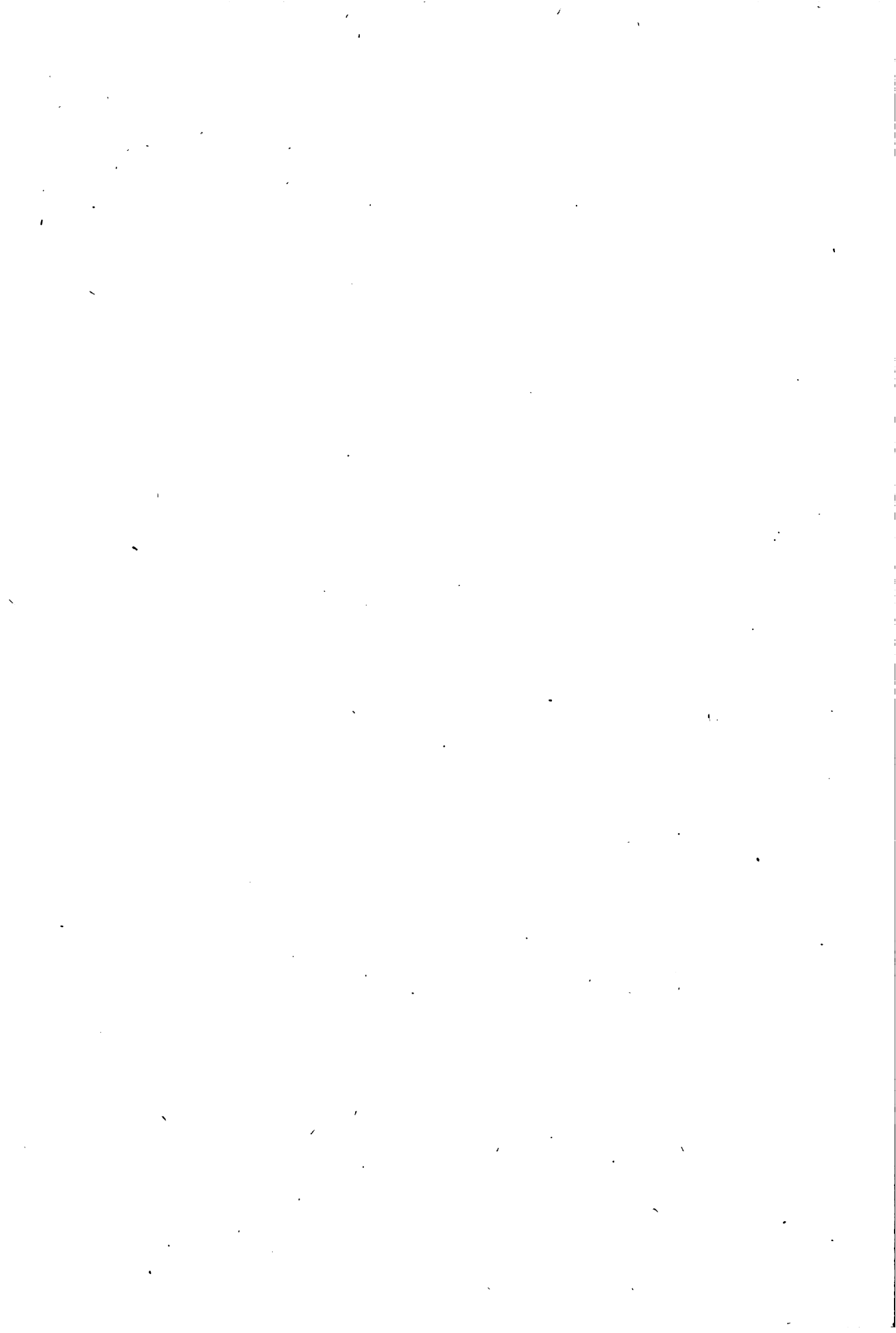
«А ѿ какъ круивчатой колачикъ будто турей
рогъ.»

А ѿ говоритъ погано Инодолищо:

— А й что какой Илья миѣ поединничѣкъ?? 45
 — Я того Илью да на помахѣ убью.
 — А ужь какъ я удалой доброй молодець,
 — А хотъ выть держалъ да я вѣдь среднюю,
 — По семи хлѣбовъ да я къ выти ѣлъ,
 — По полу волу да я закусывалъ, 250
 — Гуса лебедя да на закуску ѣлъ. —
 Говорить Ильюша таково слово:
 «А й у поганого да Инодолица,
 «А й лошаденка была да обжорищо,
 «И обжралась пшеномъ да бѣлояровымъ.» 255
 А й какъ во стольноёмъ во городи во Києви
 А поганому да Инодолицу
 Это слово ему не прилюбилосе,
 Вынималъ ножищо да кинжалищо,
 А й ѣшь бросалъ Ильюши во бѣлы груди. 260

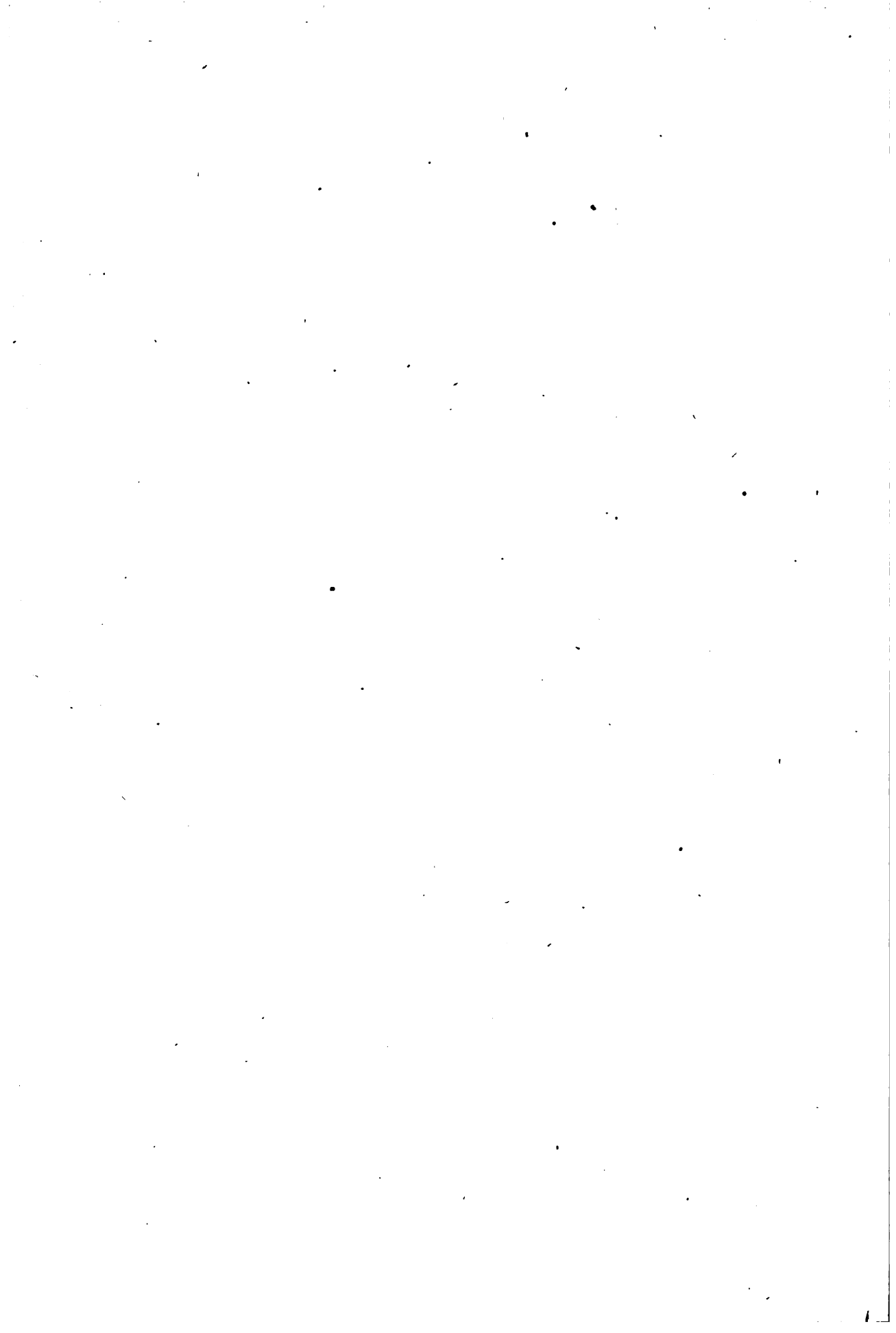
А й какъ старій казакъ да Илья Муромецъ,
 А ѣнь вѣдь зналъ увертки богатырскіи,
 Отвернулса отъ ножики кинжалики.
 Пролетѣлъ тутъ ножъ да скрозъ дубову дверь,
 Улетѣлъ тутъ ножъ да во чистѣ полѣ, 265
 А й какъ валился ножъ да на сыру землю,
 Ень уполъ вѣдь въ землю да й до череня.
 А й какъ старій казакъ да Илья Муромецъ,
 А й розгорѣлось сердце богатырское,
 И отъ порога ѣнь да ворочается, 270
 И ень хватилъ поганого Инодолица,
 И ѣнь здымалъ его вышѣ могучихъ плечъ,
 А ѣнь бросалъ его да о кирпичной полъ,
 А еще тутъ поганому слави поють.

Записаво тамъ же, 6 августа.

VI.

КЕНОЗЕРО.

КЕНОЗЕРО.

XLIII.

ПОРОМСКОЙ.

Иванъ Павловичъ Сивцевъ, по прозванію **Поромской**, богатый крестьянинъ изъ дер. Поромска, лежащей у впаденія рѣчки Пормы въ Кенозеро, средняго роста, плотный, еще молодой, безъ единого сѣдаго волоса, старикъ 65 лѣтъ. Его отецъ, умершій 30 лѣтъ тому назадъ не старымъ еще человѣкомъ (на шестомъ десяткѣ отъ роду), былъ лучшей званой былинъ во всемъ околотеѣ. Звали его Павломъ Семеновичемъ, и онъ былъ по ремеслу деревенскимъ портнымъ. Былины свои онъ заимствовалъ отъ стариковъ въ Плесскомъ погостѣ, что у впаденія Кены въ Онегу-рѣку (этотъ погостъ сосѣдній съ Бережно-дубровскимъ, откуда вынесъ былины Иванъ Фепоновъ, см. выше XIII). Здѣсь учителями старика Поромскаго были преимущественно двое слѣпыхъ «пѣтаря»*) — Шерѣнкинъ и Подмѣткинъ, оба давно умершіе. Мальчикомъ Иванъ Павловичъ сопровождалъ своего отца и помогалъ, ему въ портняжной работѣ; тутъ-то онъ, слушалъ отца, а иногда и вышпоименованныхъ Плесскихъ пѣтарей, «понялъ старинны.» Самъ онъ, съ тѣхъ поръ какъ выросъ, почти оставилъ портняжное ремесло и занимается по большей части земледѣліемъ и рыбною ловлею.

*) Слово *пѣтаря* употребляется на Кенозерѣ и Моглѣ въ томъ же смыслѣ, какъ *сказитель* на Онежскомъ побережьи, оно означаетъ пѣвца былинъ.

Иванъ Сивцевъ извѣстенъ былъ, хотя не лично, г. Рыбникову; въ сборникѣ его онъ упоминается подъ именемъ «Паромскаго старика»; былины, которыя были отъ него доставлены г. Рыбникову, записалъ по словамъ Сивцева, фельдшеръ, жившій въ то время на Кенозерѣ. Это лучшей изъ кенозерскихъ пѣвцовъ, но нельзя сказать, чтобы его дикція была такъ изящна, какъ напр. у Рябинина, Калининна, Никитина или Прохорова. Вонновъ (см. ниже, XLIV) поетъ изящнѣе его, но у Сивцева былины отличаются болѣею полнотою и складностью.

219.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СЫНЪ ЕГО.

Изъ столянаго города изъ Кіева
Выѣзжали два могучіе богатыря:
Одинъ богатырь Илья Муромецъ,
Да другой молодецъ Добрынюшка Микитьевичъ.
Приѣзжали богатыри на Фаворъ гору,
Розставляли богатыри полотнянъ шатѣръ,
Во шатри-то богатыри опочивъ держать.
Спать темную ночь до бѣла свѣту,
Пробужается свѣтъ государь Илья Муромецъ,
Да и самъ говоритъ таково слово:
«Вставай молодецъ Добрынюшка Микитьевичъ!
«У насъ что де надъ шатромъ сотворилось,
«Налетала на шатѣръ да вѣщя птица
«Вѣщя птица черной воронъ,
«Черной воронъ самъ прокрѣпивать,

«Нерадошну вѣсточку сказывать.
 «Да выходи-тко Добрыня изъ бѣла шатра,
 «Погляди по дорогѣ прямоѣзжіе:
 «Не проѣхала ли поляница удалая?»
 Выходили Добрыня изъ бѣла шатра,
 Да поглядѣлъ по дорогѣ прямоѣзжіе,
 Да проѣхала поляница удалая.
 Да ево храбра поѣздка молодецкая,
 Да ископытъ у коня мѣтана
 По цѣлой-то овчинѣ по барановой.
 У коня изъ рта-то пламя машѣ,
 Изъ ноздрей у коня да кудрявъ дымъ валитъ.
 Да ѣде молодець да самъ тѣшитса,
 Да шибаетъ онъ палицу подъ облаки,
 Да назадъ-то она ей подхватывать.
 Да пришлоъ Добрынюшка въ шатѣръ, а самъ раз-
 сказывать:

— Ты де батюшко да Илья Муромецъ!
 — Да проѣхала поляница удалая
 — Ево храбра поѣздка молодецкая,
 — Ископытъ у коня мѣтана
 — По цѣлой овчинѣ по барановой.
 — У коня изъ рта-то пламя машѣ,
 — Изъ ноздрей у коня да кудрявъ дымъ валитъ,
 — Да ѣде молодець да самъ тѣшитса,
 — Да шибаетъ онъ палицу подъ облаки,
 — Да назадъ-то она ей подхватывать. —
 Говоритъ Илья Добрыня таково слово:
 «Да ты молодець Добрынюшка Микитѣвичъ!
 «Поѣзжай-ко теперъ за богатыремъ.
 «Да буде русской богатырь — побратайся,
 «А невѣрной богатырь — ты войны проси.»
 Говори Добрыня Ильи таково слово:
 — Ты де батюшко да Илья Муромецъ!
 — Я не смѣю де ѣхать за богатыремъ. —
 Говоритъ Илья Добрыня таково слово:
 «Когда не смѣешь ты ѣхать за богатыремъ,
 «Дакъ больше мнѣ въ товарищи не надобно.
 «Поѣзжай-ко назадъ ты во Кіевъ градъ,
 «Къ молодой-то жены, да къ своей матери.»
 Да ставалъ Илья на чеботы сафьянныя,
 Да на сини чулки кармазинныя.
 Надѣваетъ онъ шубу соболіную,
 Да выходитъ старикъ изъ бѣла шатра,
 Да удалъ-сѣдалъ онъ добра коня,
 Да удалъ-то осѣдалъ скоро-на-скоро,
 Скоро-на-скоро да крѣпко-на-крѣпко.
 Да спочилъ де старикъ на добра коня,
 Да поѣхалъ Илья за богатыремъ,
 Да онъ ѣдетъ изъ утра день до вечера,
 Да и темную ночь до бѣла свѣту;

Да на другой-отъ день попускается,
 Да другой день проѣхалъ изъ утра до вечера,
 Да и темную ночь до бѣла свѣту,
 Да догналъ онъ богатыря въ чистомъ поли,
 Да изъ далеча-то Илья закричалъ по звѣри-
 ному,
 Засвисталъ да старикъ а по змѣиному,
 Да подъ богатыремъ конь на колѣни палъ.
 Да ѣде богатырь не оглянется,
 Да бьетъ палкой коня по тучнымъ ребрамъ:
 — Ты несытая кляча конь а травяной мѣшокъ!
 — Еще что ты въ полѣ птицы шарашинься,
 — Налетѣла де ворона поразгралась. —
 Закричалъ Илья-то во второй наковъ,
 Да засвисталъ де старикъ по змѣиному,
 Подъ богатыремъ конь а на колѣни палъ,
 Да оборачивалъ богатырь коня къ Илью Муромцу,
 Да съѣхались они уже копыями, —
 Только копыя ты въ кольцахъ попритнулисѣ.
 Да разѣздъ чинили на тридцати верстахъ,
 Да съѣхались богатыри палками, —
 Только палки по шербяямъ отвернулисѣ.
 Соскочили они со добрыхъ коней,
 Да схватились они на руконашной бой.
 Да хватилъ невѣрной богатырь Илью Муромца,
 Да шибалъ де его о сырѣ землю,
 Да и самъ де садился на бѣлы груди,
 Да вынималъ изъ чинжалница вострой ножъ,
 Да хотѣлъ ему пороть а груди бѣлыя.
 Да и видитъ Илья что бѣда пришла,
 Поглядѣлъ онъ на ручку на правую,
 На бою де старикъ смерть не писана.
 Да сокоплялъ Илья силу всю въ одно мѣсто,
 Да спибалъ съ себя богатыря въ чисто полѣ.
 Да выскочилъ онъ на рѣзвыя ноги,
 Да хватилъ де богатыря за желты кудри,
 Да шибалъ ево онъ подъ облаки,
 Да назадъ-то онъ ево подхватывалъ.
 Кабы де ево не подхватывалъ,
 Дакъ предалъ бы ему смерть ту скорую,
 Становилъ де богатыря протѣво себя,
 Да началъ ево онъ выспрашивать:
 «Скажи-тко удалый дородній добрый молодець!
 «Ты коей орды ты коей земли,
 «Да котораго ты града урождение,
 «Да и какъ тебя зовуть по имению?»
 Говоритъ молодець таково слово:
 — Да не знаю я себѣ рѣднаго батюшѣа,
 — Да одна у м'ня есть родная матушка,
 — Да старая дѣвка Сиверьянична. —
 Говоритъ Илья-то таково слово:

«Да и съѣдешь ты къ родной матери,
«Да скажи-тко ты матери низкѡй поклонъ.»
Да поѣхалъ молодецъ къ своей матери,
Да встрѣчаетъ ево матушка родимая,
Да сама говорила таково слово:

— Да ты что Василей пріѣхалъ не весѣль, а съ
чиста поля? —

Говорилъ де Васька своей матери:

«Да государыни моя ты родна матушка!
«Да наѣхалъ богатырь-меня во чистомъ полѣ.
«Да перво я было ево побилъ сидѣлъ да на бѣ-
лыхъ грудяхъ,

«Да хотѣлъ ему пороть а груди бѣлме,
«Да онъ меня шибалъ во чисто полѣ,
«Да ухватывалъ за желты кудри,
«Да шибалъ де меня подъ облаки,
«Да назадъ-то онъ меня подхватывалъ.
«Кабы онъ, мать, не подхватывалъ,
«Дакъ предалъ бы мнѣ смерть ту скорую.»

Говорить ему мать да таково слово:

— Да и ты дитя моѣ мялоѣ!

— Да и тутъ-то тебѣ вѣдь ужъ отецъ родной. —

Говорилъ де Василей своей матери:

«Государыни моя ты родна матушка!
«Да не хочу де я слыть заугольникомъ.

«Да ему жить, алибо мнѣ-ка жить.»

Да обварачивалъ назадъ добра коня,

Да поѣхалъ опять къ Ильи Муромцу.

Да Ильи Муромецъ гдѣ близъ тутъ и опочивъ
держать (sic).

Да раздѣргиванъ былъ ево бѣлъ шатѣръ,
Да закричалъ де Васька зычнымъ голосомъ:

«Да ты старая собака сѣдатой пѣсь!
«Да выходи-тко ты а изъ бѣла шатра,
«Тебѣ вѣдь жить, либо мнѣ-ка жить.»

Да ставалъ Ильи на чеботы сафьянныя,

Да на синя чулки кармазинныя,

Да выходилъ Ильи изъ бѣла шатра,

Да хватилъ де богатыря съ коня за желты
кудри,

Да шибалъ де онъ ево подъ облаки,

Да назадъ-то ево да не подхватывалъ,

Дакъ предалъ ему смерть ту скорую.

Записано на Кенозерѣ (дер. Нематова), 12 августа.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ ВЪ ЦАРЕГРАДЪ.

Отъ стольняго города отъ Кіева,
Да идѣтъ тамъ калика переходая.
Старой волосомъ бѣлъ бородѡй сѣдой,
Да на старомъ была гуня сорочивская,
Да была шляпа на главы земли греческой,
Да влюча у калики свинцовая.
Да идѣтъ ли старикъ подиирается,
Да ино мать земля та колыбається.
Да пришло-де старикъ-отъ во Царьгородъ,
Да зашло на кружало государево.
Да онъ крестъ тотъ кладѣтъ по писаному,
Да покловы ведѣтъ по ученому.
«Да вы здравствуйте чумаки чѣловальники!
«Да мнѣ дайте вина на пятьсотъ рублей,
«Да розопьюсь — мнѣ повѣрьте на тысячу.»
Да въ закладъ имъ давалъ-то пречудной крестъ
Изъ червоннаво краснаго золота.
Да ему тутова старому не вѣрили.
Да догадались одни голи кабацкіе,
Да сбиралнсе голи въ единой кругъ,
Да сложились голи по деньги въ складъ,
Да брали вина полтора ведра,
Да подносили де калики переходему.
Да у ихъ принималъ единой рукой,
Да выпивалъ де старикъ на единой духъ,
Да и самъ говорилъ а таково слово:
«Да вамъ спасибо братцы голи кабацкіе!
«На приходѣ старика вы мѣня опохмѣлили,
«Да опохмѣлили пить роззадорили.»
Да съ тово де пошло съ кабака долой,
Да пришло ко глѣбокому ко погребу,
Да пиналъ ворота ногой вальчачные,
Да съ крѣжковъ замковъ двери вовъ выстави-
валъ.

Да зашло де старикъ во глѣбокъ погребѣ,
Да и бралъ-де онъ бочку подъ пазуху,
Да другую сороковую подъ другую,
Да третью ту бочку ногой катилъ,
Да выкачивалъ на площадь торговую,
Да уполнъ де голей со всѣхъ кабаковъ,
Да и самъ упивался онъ до пьяна,
Да пришло лѣгъ спать на печку кабацкую.
Да и всѣ чумаки порасплакались,
Да въ царю пришли да поразжались:
— Ты де батюшко царь Костянтинъ Боголюбо-
вецъ!

— Да чога невѣдомо де къ намъ за старобі при-
шоль,
— Да просилъ онъ вина на пятьсотъ рублей,
— Да распиваться-то ладилъ на тысящу,
— Да въ закладъ давалъ намъ пречудной крестъ,
— Да изъ червонова краснаго золота,
— Да и тутъ мы ему старому не вѣрили.
— Догадался де голи кабацкіе,
— Да купили де вина полтора ведра,
— Подносили кѣлики перехожему.
— Да у ихъ принималъ единой рукой,
— И выпивалъ де старикъ а на единый духъ.
— Да съ тово де онъ ходилъ во глубоку погребъ,
— Да пиналъ ворота ногой вальчанне,
— Да съ крюковъ замковъ двери вонъ выставивалъ.
— Да зашоль де старикъ во глубоку погребъ,
— Да и бралъ-де онъ бочку подъ пазуху,
— Да другую сороковую подъ чругую,
— Да третью ту бочку ногой катилъ,
— Да выкачивалъ на площадь торговую,
— Да упонилъ де голей со всѣхъ кабаковъ,
— Да и самъ упивался онъ до пьяна,
— Нонъ лежить на печи да на кабацкіи. —
Говорить тутъ царь Костянтинъ Боголюбовець:
«Да вы глупы чумаки чѣловальники!
«Да подите приведите ко мнѣ на лицо,
«Погляжу я де каковъ станомъ върастомъ.»
Пришли чумаки чѣловальники,
Да разбудили соннаго ёго хмѣльнаго.
Да скочилъ старъ со печки кабацкіе,
Да не успѣлъ хватить клюши водвѣнадцатъ пудовъ,
Да ухватилъ онъ воронѣчницу дубовую,
Да сталъ онъ по кабаку похаживать,
Да дубовоі воронѣчиной помахивать,
Да прибилъ чумаковъ чѣловальниковъ,
Да пошоль де старикъ съ кабака долой.
Да идѣтъ мимо палату мимо царсеую,
Да закричалъ де старикъ зычнымъ голосомъ:
— Ты де батюшко царь Костянтинъ Боголюбовець!
— Да ищи казну за Ильей славнымъ Муром-
цемъ,
— Да приходилъ къ тебѣ на славу на великую,
— Да и пить зелено вино безденежно. —
Да ушоль де старикъ а во чисто поле,
Да раздѣргивалъ въ полѣ бѣлъ шатѣръ,
Да во шатри то старикъ опочинивъ доржалъ.
Да мы съ той поры Илью въ старинахъ поёмъ,
Да отвынѣ поёмъ его до вѣку.
Да диди-диди-дудай болѣ впередъ не знай.

Записано тамъ же, 11 августа.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Да ѣздилъ тамъ старъ по чисту полю,
Ото младости ѣздилъ до старости.
Да хорошъ былъ у стараво добрый конь,
За рѣку ту перевозу мало спрашивалъ.
Да ѣдетъ де старый чистымъ полѣмъ,
Да большой-то дорогою латынскою,
Да наѣхалъ на дороги горючъ камень.
Да на камешки подпись подписана:
«Старому де казаку да Ильѣ Муромцу
«Три пути пришло дорожки широкие:
«А во дороженку ту ѣхать — убиту быть,
«Во другую ту ѣхать — женату быть,
«Да во третью ту ѣхать — богату быть.»
Да сидитъ де старикъ на добромъ конѣ,
Головой то качать проговаривать:
— Да я кольки по святой Руси не ѣживалъ,
— Такова-то чуда вѣкъ не видывалъ.
— Да на что мнѣ-ка старому богатество,
— Своего де у м'ня много злата серебра,
— Да и много у меня скатнаго жемчугу.
— Да на что мнѣ-ка старому женитися,
— Да женитися мнѣ не нажитися,
— Молодая та жена взять чужа корысть,
— Да мнѣ-ка старой жены взять не хочется. —
Да поѣхалъ въ ту дорогу гдѣ убиту быть,
Да наѣхалъ на дорогѣ то станицу разбойниковъ.
Да разбойниковъ стоитъ до пати ихъ сотъ,
Да хотятъ они у стараво коня отнять,
Да сидитъ де старикъ на добромъ конѣ,
Да головой то качать проговаривать:
— Да вы разбойники братцы станичники!
— Вамъ убити де старика меня некого,
— Да отняли у стараво нечево,
— Да съ собою у м'ня денегъ семь тысячей,
— Да точмяна (sic) узда въ цѣлу тысящу,
— Да ковано мое сѣдло во девять тысящей.
— Своему де я добру коню цѣны не знай,
— Да я цѣны не знай бурку не вѣдаю:
— Да межъ ушми у м'ня у коня скаченъ жем-
чугъ,
— Драгое самоцвѣтное каменьѣ,
— Да не для ради красы басы молодецкоѣ,
— Для ради темной ночки осеннеи,
— Чтобы видно гдѣ ходитъ мой доброй конь. —
Да говорятъ ему разбойники станичники:
«Да ты старая собака сѣдатой пѣсь!

«Да и долго ты сталь разговаривать.»
 Да скочилъ де старикъ со добра коня,
 Да хватилъ де онъ шапку со буйной головы,
 Да и началъ онъ шапкой помахать.
 Дакъ куды де махнётъ — туда улица,
 Да назадъ отмахнётъ — переулочки.
 Да разбилъ ёнъ станицю разбойниковъ,
 Да разбойниковъ разбилъ подорожниковъ.
 Да сядилъ старикъ на добра коня,
 Да поѣхалъ онъ ко латырю камешку,
 Да на камени подпись поднавливаль:
 «Да старому де казаку а Ильѣ Муромцу
 «На бою старикъ смерть не писана,
 «Да и та была дорожка прочищена.»
 Да отъ столыняво города отъ Кіева,
 Да отъ Кіева лежитъ а ко Чернигову,
 Да еще было дорожка извѣдати:
 «Отчево старикъ буде женитися,
 «Да женитися мнѣ не нажитися,
 «Да, молодая жена взять чужа корысть,
 «Да мнѣ старой жены взятіи не хочется.»
 Да поѣхалъ большою дорогою,
 Да наѣхалъ на дороги крѣпость богатырскую.
 Да стоитъ туто церковь соборная,
 Да соборная богомольная.
 Отъ тѣе де обѣдни полудѣнные,
 Идетъ двѣнадцать прекрасные дѣвнцы,
 Да посредѣ то ихъ идѣтъ королевична.
 Говорила королевна таково слово:
 — Ты удалой дородній доброй молодець!
 — Да пожалуй ко мнѣ во высокъ терѣмъ,
 — Да напою накормлю хлѣбомъ солюю. —
 Да соходилъ де старикъ со добра коня,
 Да оставливалъ онъ добра коня,
 Не прикована да не привязана.
 Да пошолъ де старикъ во высокъ терѣмъ,
 Да мосты ты подѣ старымъ качаются,
 Переводники перегибаются.
 Да зашолъ де старикъ во высокъ терѣмъ,
 Да сядилъ за столъ за бѣлудобовы,
 Да онъ ѣсть де пѣтъ проклажается,
 Да весь дологъ день да до вечера.
 Да выходилъ изъ-за стола изъ-за дубоваго
 Да и самъ говорилъ таково слово:
 «Ты ли душечка красная дѣвушка!
 «Да гдѣ-ка твои ложи теплые,
 «Да и гдѣ твои кровати тесовыи,
 «Гдѣ-ка мяккіе перныи пуховые?
 «Да мнѣ на старость старикъ бы опочинуться.»
 Да привела его де въ ложи теплые,
 Да стоитъ старой у кровати головой качать,

Головой то качать проговаривать:
 «Да я кольки по святой Руси не ѣзживаль,
 «Таковѣ де я то чуда вѣтъ не видываль,
 «Да видно эта кроватка подложная.»
 Да хватилъ королевну за бѣлыи руки,
 Да шибаль ей ко стѣны кирпичныи.
 Одвернулася кроватка тисовалъ,
 Да увалилася королевна во глубокъ погрѣбъ.
 Да выходилъ старикъ на улицу паратную,
 Да нашолъ двери глубокаго погребя,
 Да колодѣмъ то были призывалены,
 Да песками-ты были призасыпаны.
 Да ёнъ колодѣя погами распахиваль,
 Да пески ты руками распоркивалъ,
 Да нашолъ двери глубокаго погребя,
 Да пиналь ворота ногой валячныи,
 Да съ крѣжковъ съ замковъ двери вонъ выстави-
 валь,
 Да вынущаль сорокъ царей сорокъ царевичевъ,
 Да и сорокъ королей королевичевъ,
 Сорокъ сильныхъ могучихъ богатырѣвъ.
 Да и самъ говорилъ таково слово:
 «Да вы подѣте цари по своимъ землямъ,
 «Да вы короли по своимъ Литвамъ,
 «Да вы богатыри по своимъ мѣстамъ.»
 Да идѣтъ душечка красная дѣвушка,
 Да ёнъ видѣргиваётъ саблю вострую,
 Да срубилъ ей по плечъ буйну голову,
 Да розѣвъ разрубилъ тѣло женское,
 Да куски ты разметаль по чисту полю,
 Да сѣрымъ-то волкамъ на сѣдѣніи,
 Да чернымъ воронамъ на погрѣяніи.
 Да сядилъ старикъ на добра коня,
 Да пріѣхалъ онъ ко латырю камешку,
 Да на камешки подпись поднавливаль:
 «Старому де казаку да Ильи Муромца,
 «Да и та была дорожка прочищена.»
 Да отъ столыняго отъ города отъ Кіева,
 Да отъ Кіева лежитъ а ко Царюграду,
 Да еще было дорожка извѣдати,
 Да отчего де старикъ буде богатство.
 Да поѣхалъ онъ большою дорогою,
 Да наѣхалъ на дороги пречудной крестъ,
 Да стоитъ у креста головой качать,
 Головой то качать проговаривать:
 «Да я кольки по святой Русн не ѣзживаль,
 «Такова то де я чуда вѣкъ не видываль.»
 Да этотъ крестъ есть не прѣстъ стоитъ,
 Да стоитъ онъ на глубокомъ на погрѣбѣ,
 Да есть несмѣтной злато серебро.
 Да соходилъ де Ильѣ со добра коня,

Да и бралъ крестъ ёнъ на руки на бѣлме,
 Да снималъ со глубокаго со погребѣ,
 Да воздвигнулъ животъ въ славный Кіевъ градъ,
 Да построилъ онъ церковь соборную,
 Соборную да богомольную.
 Да и тутъ вѣдь Илья-то окаменѣлъ,
 Да понинѣ ево мощи нетлѣнныя.

Записано тамъ же. 11 августа.

—
 222.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Изъ-за горь-то было изъ-за высокинхъ,
 Изъ-за лѣсу-то было лѣсу темнаго,
 Да повышла, повышла-повыкатила
 Да широкая та матушка быстра Волга рѣка,
 Да широкая та Волга подъ Казань прошла,
 Да пошире подаль подъ Вѣсторовань,
 Да широкій перевозъ подъ Новымъ-городомъ,
 Темныя лѣсы Смоленскіе,
 Да тихіе плеса то Чижарицкіе.
 Да мѣста шла ровно три тысячи,
 Да рѣкъ и ручьёвъ брала смѣты нѣтъ,
 Да выпала во море Коспійское.
 Да то де Добрынюшкѣ не сказочка,
 Да теперь старинны ево началъ пойдѣтъ *).
 Да въ стольнѣмъ во городѣ во Кіевѣ,
 Да у ласкова князя у Владиміра,
 Да хорошъ завѣденъ былъ почестной пиръ,
 На многи на князи да на бояра,
 На сильныя могучіе богатыри,
 Да на всѣ поляницы удалые.
 Да свѣтъ государь де Владиміръ князь,
 Да налилъ онъ чару зелена вина,
 Да залилъ онъ чару ту сладкимъ медомъ,
 Да засыпалъ онъ чару бѣлымъ сахаромъ.
 Становилосе вина да полтора ведра,
 Да подноситъ онъ сильными богатырямъ,

*) Крестьянинъ Илья Максимовъ изъ Нематова на Кенозерѣ, лѣтъ 50-ти отъ роду, отецъ котораго пѣвалъ много былинъ, во который очень немногое изъ нихъ удержалъ въ памяти, говорилъ, что его отецъ начиналъ эту былинку такъ:
 Вышла, повышла-повыкатила да матушка Волга рѣка,
 Волга рѣка широка глубока,
 Мѣста-то шла она три тысячи,
 Песа-ты давала Сужерѣцкіе,
 Выпала въ морѣ во Кармское.
 Теперь-то про Добрынюшку не сказочка сказать,
 А тепере про Добрыню старинны будетъ началъ.

Да самъ говорить и таково слово:
 «Вы братцы могучи богатыри!
 «Да пише невѣжа заугрозою ко мнѣ,
 «Да просить де въ поле поединщика.
 «Да который изъ васъ меня выручитъ
 «Отъ этой бѣды а отъ великіе?»
 Всѣ во пирѣ призаболѣли сидѣть,
 Да говорить изъ ихъ уже большій-отъ богатырь.
 Да большій богатырь а Илья Муромецъ:
 — Да вы братцы могучіе богатыри!
 — Да хоша долго сидѣть, а говорить будѣтъ.
 — Да кому въ поле ѣхать поединщикомъ?
 — Да я вѣдь недавно изъ походу де пришолъ,
 — Да бился рубилъ съ невѣжей богатыремъ.
 — Да летаетъ невѣжа чернымъ ворономъ,
 — Да я не могъ его на очи обздрити.
 — Кабы увидѣлъ собаку, убилъ бы изъ туга лука.—
 Службу-работу накиннул
 Да молодцу Добрынюшкѣ Микѣтевичу.
 Да выпивалъ Добрыня чару зелена вина,
 Да одва де скороталъ онъ почестной пиръ,
 Да невесель Добрыня со пирѣ пошолъ,
 Да невесель Добрыня да не радощенъ.
 Да приходитъ Добрыня къ своей матери,
 Говоритъ ему матушка сударини:
 «Что ты Добрыня невесель со пирѣ пришолъ?
 «Мѣсто тебѣ было не по вотчинны,
 «Али чара тебѣ де не рядомъ дошла,
 «Али безумница тебя да обезчестила?»
 Говорилъ де Добрыня да отвѣтъ держитъ:
 — Да государини моя ты родна матушка!
 — Что мати спорѣдила несчастливаго,
 — Да несчастливаго да неталанливаго:
 — Да силою меня де ты не сильнаго,
 — Да поѣздкой меня не наѣздника. —
 Говорила ему матушка сударини:
 «Да удалый ты дородній добрый молодецъ!
 «Да я радѣ молодца бы ты спородити.
 «Ужо силою въ Самсона Колывановича,
 «Да смѣльствомъ напускомъ въ Илью Муромца
 «Да красотою во Осипа прекраснаго,
 «Да кудрями въ царя де Кудрейнища,
 «Да поѣздкой во Дюка во Степановича,
 «Да пощайкой въ Чурилу сына Плѣнковича.
 «Да такова молодца тебя Господь Богъ зародилъ!»
 Да больше Добрыня не расприиваетъ,
 Да со своею матерью прощается.
 Да паче тово де съ молодой женой.
 Да молодой-то жены да самъ наказывалъ:
 — Да хороша Катерина дочь Микулична!
 — Да я въ полѣ проѣзжу вѣдь семь годовъ,

— Да подь дубомъ простоя да всёго девять лѣтъ,
 — Да всё Катерина ты вдовой живи.
 — Да тогда я не буду изъ чиста поля,
 — Да хоть вдовой живи да хошь замужь поди.
 — Не ходи не за князя, не за боярина,
 — Да вибери богатыря противо хошь мей.
 — Да еще не ходи за Алёшу за Поповича,
 — Да ёнъ воръ собака мнѣ крестовой братъ,
 — Да крестовой-отъ братъ а паче роднаго. —
 Да въ торока Добрыня кладѣтъ платье цвѣтное,
 Въ торока ты кладѣтъ и калёны стрѣла,
 Въ торока кладѣтъ и золоту казну.
 Скоро Добрыня забрается.
 Забирался Добрыня на коня ли самъ сѣлъ,
 Поѣхалъ по городу по Киеву,
 Да уѣхалъ Добрыня во чисто полѣ.
 Да въ полѣ проѣздилъ оупь семь годовъ,
 Да подь дубомъ простоялъ а всёго девять лѣтъ,
 Да всё Катерина-та вдовой живѣтъ.
 Да выѣхалъ Алёша во чисто полѣ,
 Да проѣздилъ ёнъ дологъ день до вечера,
 Да приѣхалъ ко князю самъ подсказывается:
 «Да свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
 «Да ѣздилъ я сегодня во чисто полѣ,
 «Да видѣлъ Добрыню бита ранена лежить,
 «Да буйной головой а во ракутовъ кустъ,
 «Да рѣзвыми ногами во чисто полѣ.
 «Да орудія вся-де поразмѣтана,
 «Да черныя враны тѣло тринкаютъ.»
 Да ево-то хозяйка замужь пошла,
 Да за премладава Алёшу за Поповича.
 Да на силу ей князь поневолилъ-де пойти,
 Да въ пятницу у ихъ рукобитье было,
 Да въ субботу у ихъ ужо и свадѣба была,
 Въ воскресенье у ихъ а столованье.
 Да на свѣтло-то Христово воскресеніе,
 Да поѣхалъ Илья Муромецъ въ чисто полѣ,
 Стрѣтилъ Добрынюшку Микитѣвича.
 Да ѣдетъ Добрыня изъ чиста поля,
 Да началъ Добрыня-то про Киевъ градъ выпра-
 шивати,
 Да Илья ему Муромецъ разсказывати:
 — Премладна Добрынюшка Микитѣвичъ!
 — Тебѣ первое словцо перадошное:
 — Да твоя-та хозяйка за мѣжъ пошла.
 — За премладаго Алёшу за Поповича,
 — На силу-де ей князь а поневолилъ-де пойти
 — Да сегодня у ихъ столованіе. —
 Да большіе Добрыня не разспрашиваётъ,
 Да поѣхалъ ко городу ко Киеву.
 Да будетъ Добрыня на своёмъ широкѣмъ дворѣ,

Да не узнала ёво матушка родимая,
 Сама говорила таково слово:
 «Ты какая поляница наѣхала,
 «Не видала ли Добрынюшки Микитѣвича?»
 Да нельзя признать Добрынюшки Микитѣвича:
 Да ѣзучись дѣтина по чисту полю,
 Стоячись-де дѣтина подь сиримъ дубомъ,
 Истаскалосе да платье цвѣтное,
 Издержалосе да золота казна,
 Испошилъ-де кафтаны всё звѣрипые,
 Да шапки, сапоги да всё звѣриноё:
 Говорилъ-де Добрыня таково слово:
 — Да помнишь ли мать, спамятуешь-ли,
 — Да у Добрыни на правѣмъ лицѣ три знамени
 было? —

Говорила ево матушка сударыни:
 «Да роспекло-де у насъ какъ солнце красное,
 «Да закатается-де младъ свѣтѣлъ мѣсяць.
 «Да твоя-та хозяйка замужь пошла
 «За премладаго Алёшу за Поповича,
 «Да на силу-де ей князь поневолилъ де пойти.»
 Говорилъ-де Добрыня таково слово:
 — Государыни моя ты родна матушка!
 — Да мнѣ подай-ко мать платье скоморошноё,
 — Да мнѣ подай-ко мать гусли хрустальни.
 — Да подай мать шалыгу подорожную. —
 Да пошоль-де Добрыня во почестной пирѣ,
 Да садился Добрыня на учечинку,
 Началъ во гусли наигрывать,
 Первой разъ игралъ отъ Царя-де города,
 Другой разъ игралъ отъ Ерусалима,
 Третьей разъ сталъ наигрывать,
 Да всё своё-то похождение разсказывати.
 Да князю эта игра и по уму пришла,
 Самъ говорилъ и таково слово:
 «А ѣ же ты дѣтина скоморошина!
 «Да поди-ко дѣтина ты во почестной пирѣ,
 «Тебѣ первое мѣсто подлѣ меня садись,
 «Другое-то мѣсто супротиво-де мей,
 «Третье-то мѣсто куды самъ похощь.»
 Да пришоль-де Добрыня во почестной пирѣ
 Да садился противу Алёши съ молодой женой,
 Началъ во гусли наигрывать,
 Первой разъ игралъ отъ Царя-де-города,
 Другой разъ игралъ отъ Ерусалима,
 Третьей разъ сталъ наигрывать,
 Всё своё-то похождение разсказывати.
 Никто-то тому не догадается,
 А Катя тому и догадаласе.
 Говорилъ-де Добрыня таково слово:
 — Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!

— Прикажи Алёшиной да молодой жены,
 — Да мнѣ налить де стаканъ-и зелена вина. —
 Наливала Катерина стаканъ-и зелёнаго вина,
 Положила на поднось-и на серебряной,
 Да подносила Добрыни, низко кланяласе.
 Да вынулъ Добрыня стаканъ-и зелёна вина,
 Наливалъ стаканъ да назадъ подавалъ,
 Да опустилъ-де во чару ту значень перстень
 Молодца Добрынюшки Микитьевича,
 Да самъ говорилъ-и таково слово:
 — Да выпивай Катерина стаканъ до суха вина.
 — Да выпьешь ты до дна, дакъ увидашь добра. —
 Выпивала Катерина стакаъ до суха вина,
 Да нашла де во чары-то значень перстень
 Да молодца Добрынюшки Микитьевича,
 Да сама говорила таково слово:
 «Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
 «Да не тотъ мнѣ-ка любь а кой подлѣ меня си-
 дить,
 «А тотъ мнѣ-ка любь, кой супротиво менѣ,
 «Да молодецъ Добрынюшка Микитьевичъ.
 «Да я не знаю, откуда его Богъ принѣсъ.»
 Да князю эта рѣчь-и за бѣду пришла,
 За великую досаду не за маую.
 Да говорилъ де Добрыня таково слово:
 — Да свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
 — Кабы ты-де былъ а не Владиміръ князь,
 — Назвалъ бы тебя я уже сводникомъ,
 — Да государыню княгиню бы я сводницею.
 — Да вы зачѣмъ отъ жива мужа жену да от-
 няли? —
 Да бралъ Добрыня Алёшу за желтѣ кудри,
 Да прямо черезъ столъ а передѣргиваеъ,
 Да началъ шалыгой поворачиватъ:
 Въ бухканъѣ не слышно охканья,
 Да не далъ ему смерти скорые,
 Да далъ ему безвѣчье вѣковѣчное,
 Да столько Алёша-та женатъ бывалъ,
 Да столько Алёша-та съ женой сыналъ.

Записано тамъ же, 12 августа.

223.

МОЛОДОСТЬ ЧУРИЛЫ.

Въ стóльнѣмъ городи во Кіевѣ,
 У ласкова князя у Владиміра,
 Хорошій завѣденъ былъ почестной пиръ,
 На мпогіе на князи да на бояри,

Да на сильни могучіе богатыри.
 Бѣлой день иде ко вечеру,
 Да почестной-отъ пиръ идѣтъ на веселѣ.
 Хорошо государь распотѣшился,
 Да выходилъ на крылечко перѣное,
 Здрѣль-смотрялъ во чисто полѣ.
 Да изъ дѣлеча далѣча поля чиставо,
 Толпа мужиковъ да появиласе.
 Да идутъ мужики да все Кіевляна,
 Да бьютъ они князю жалобу кладуть:
 «Да солнышко Владиміръ князь!
 «Дай государь свой праведные судъ,
 «Да дай-ко на Чурила сына Плёнковича.
 «Да сегодня у насъ на Сарогѣ на рѣкѣ
 «Да невѣдомни люди появилисе,
 «Да наѣхала дружина-та Чурилова.
 «Шелковы нѣводы замѣтывали,
 «Да тетивки были семі шелковъ,
 «Да плутивца у сѣтокъ-то серебряные,
 «Камешки позолоченке.
 «А рыбу Сарогу (sic) повыволили,
 «Намъ государь свѣтъ улову нѣтъ,
 «Тебѣ государь свѣжа куса нѣтъ,
 «Да намъ отъ тебя нѣту жалованья.
 «Скажутса называются
 «Все они дружиною Чуриловою.»
 Та толпа на дворъ прошла,
 Новая изъ поля появиласе.
 Да идутъ мужики да все Кіевляна,
 Да бьютъ онѣ челомъ жалобу кладуть:
 — Да солнышко да нашъ Владиміръ князь!
 — Дай, государь, свой праведные судъ,
 — Дай-ко на Чурила сына Плёнковича.
 — Севодня у насъ на тихихъ на зѣводахъ
 — Да невѣдомне люди появляице,
 — Гуса да лебеда да повѣстрѣляли,
 — Сѣру пернату малу утицу.
 — Намъ, государь свѣтъ, улову нѣтъ,
 — Тебѣ государь свѣжа куса нѣтъ,
 — Намъ отъ тебя да нѣту жалованья.
 — Скажутса а называются
 — Все они дружиною Чуриловою. —
 Та толпа на дворъ прошла,
 Новая изъ поля появиласе.
 Да идутъ мужики да все Кіевляна,
 Да бьютъ онѣ челомъ жалобу кладуть:
 «Да солнышко да нашъ Владиміръ князь!
 «Дай государь свой праведные судъ,
 «Дай-ко на Чурила сына Плёнковича.
 «Да севодня у насъ во темныхъ во лѣсахъ
 «Невѣдомне люди появилисе,

«Шёлковы тѣнета заметывали,
 «Кунокъ да лисокъ повѣловни,
 «Чернаго сибирскаго соболя.
 «Намъ, государь свѣтъ, улову нѣтъ,
 «Да тебѣ, государь свѣтъ, корысти нѣтъ,
 «Намъ отъ тебя да нѣту жалованья.
 «Скажутся а называются
 «Всѣ оны дружиною Чуриловою.»
 Та толпа на дворъ прошла,
 Новая изъ поля появилася.
 А иде молодцовъ до пяти ихъ сотъ,
 Мѳлодцы на коняхъ одноличные,
 Кони подъ нимъ да однокѳаріе были,
 Жѳеребцы все латынскіе,
 Узды повода у ихъ а сорочинскіе,
 Сѳдѣлшка были на золотѣ,
 Сѳпожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ,
 Зелена сафьяну-то турецкаго,
 Слѳвново покрою-то иѳмецкаго,
 Да крѳпкаво шитья-де ярославскаго.
 Скобы гвоздѣ да были на золотѣ,
 Да кѳжаны на мѳлодцахъ лосинные,
 Да кафтаны на мѳлодцахъ голубъ скурлатъ,
 Да источниками (sic) подпоисаносе,
 Кошпацы золотіе верхи.
 Да мѳлодцы на кѳняхъ бывъ свѳчї-де горять,
 А кѳни подъ нимъ бывъ соколї-де летять.
 Доѳхали прїѳхали во Кїевъ градъ,
 Да стали по Кїеву урѳдствовать,
 Да лукъ чеснокъ весь повѳрвали
 Бѳлюю капусту повѳломали,
 Да старыхъ-то старухъ обезвичили,
 Молодїхъ мѳлодїцъ въ соромї-де довели,
 Красныхъ дѳвїцъ а опозорили.
 Да бьютъ челомъ князю всемъ Кїевомъ,
 Да князи-ты просятъ со княгїнами,
 Да боїра-ты просятъ со боїрынями,
 Да все мужики огородники:
 — Да дай, государь, свой праведные судъ,
 — Да дай-ко на Чурила сына Плѳнквича.
 — Да сегодня у насъ во городѣ во Кїевѣ,
 — Да невѳдомые люди появилисе.
 — Да наѳхала дружина та Чурилова,
 — Да лукъ чеснокъ весь повѳрвали
 — Да бѳлюю капусту повѳломали,
 — Да старыхъ-то старухъ обезвичили,
 — Молодїхъ мѳлодїцъ въ соромї-де довели,
 — Красныхъ дѳвїцъ а опозорили. —
 Да говорилъ тутъ солнышко Владимїръ князь:
 «Да глухие вы князи да боїра,
 «Неразумные гости торговые:

«Да я не знаю Чуриловой посѣлчи,
 «Да я не знаю Чурило гдѣ дворомъ стоить.»
 Да говорятъ ему князи и боїра:
 — Свѣтъ государь ты Владимїръ князь!
 — Да мы знаемъ Чурилову посѣлчу,
 — Да мы знаемъ Чурило гдѣ дворомъ стоить.
 — Да дворъ у Чурила вѣдъ не въ Кїевн стоить,
 — Да дворъ у Чурилы не за Кїевомъ стоить.
 — Дворъ у Чурила на Почаї на рѣкї,
 — У чудна креста де Мендалидова,
 — У святїхъ мощей да у Борїсовыхъ.
 — Да около двора да все булатнї тнѣ,
 — Да вѣрен были все точѣные. —
 Да поднялся князь на Почаї на рѣкѣ,
 Да со князьми-ты поѳхалъ со боїрамъ,
 Со купцами со гостями со торговыми.
 Да будетъ князь на Почаї на рѣкї
 У чудна креста-де Мендалидова,
 У святыхъ мощей да у Борисовыхъ,
 Да головой-то кача, самъ проговаривать:
 «Да право мнѣ не пролгали мнѣ.»
 Да дворъ у Чурила на Почаї на рѣкї,
 Да у чудна креста-де Мендалидова,
 У святыхъ мощей да у Борисовыхъ.
 Да около двора все булатнї тнѣ,
 Да вѣрен-ты были все точѣные,
 Воротика-ты все бїли все стекольчатые,
 Подворотенки да дорогъ рїбей зубъ.
 Да на томъ дворѣ-де на Чуриловомъ,
 Да стояло теремовъ до семи до десяти.
 Да во которыхъ теремахъ Чурилъ самъ живѣтъ,
 Да трои сѳни у Чурила-де коспчатые,
 Трои сѳни у Чурила-де рѳшатчатые,
 Да трои сѳни у Чурила-де стекольчатые.
 Да изъ тѣхъ-де изъ высокїхъ изъ теремовъ,
 На ту ли на улицу падовую,
 Да выходилъ тутъ старши матерїй человекъ.
 На старомъ шуба-та собѳля былъ,
 Да подъ дѳрогїмъ подъ зеленымъ подъ стѳметомъ,
 Да пугвицы были вальчаные,
 Да вальекъ-отъ литый красна золота.
 Да кланяется поклоняется,
 Да самъ говоритъ и таково слово.
 — Да свѣтъ-государь ты Владимїръ князь!
 — Да пожалуй-ко Владимїръ во высѳкъ терѣмъ,
 — Во высѳкъ терѣмъ хлѣба кушати. —
 Да говорилъ Владимїръ таково слово:
 «Да скажи-ко мнѣ старши матерїй человекъ,
 «Да какъ тебя да именѣмъ зовутъ,
 «Хотя зналъ у кого бы хлѣба кушати?»
 — Да я Плѳнкѳ да гостъ Сарожанинъ,

— Да я вѣдь Чуриловъ-отъ есть батюшко. —
 Да пошолъ де Владиміръ во высокъ теремъ,
 Да въ теремъ-отъ идѣтъ да всё дивуется.
 Да хорошо де теремы да изукрашены были:
 Поль-середѣ одного серебра,
 Печки-ты были всё муравлённые,
 Да потики-ты (sic) были всё серебряные,
 Да потолокъ у Чурила изъ черныхъ соболѣй,
 На стѣны сукна навѣваны,
 На сукна-ты стѣла навѣваны.
 Да всё въ теремѣ-де по небесному,
 Да вся небесная луна-де принавѣдена была,
 Ино всякія утѣхи несказанныя.
 Да пирь-отъ идѣтъ о полу-пиру,
 Да столъ-отъ идѣтъ о полу-столѣ,
 Владиміръ князь распотѣшился,
 Да всерылъ онъ окошечка немножечко,
 Да поглядѣлъ-де во далече чисто полѣ.
 Да изъ далеча далеча изъ чиста поля,
 Да толпа молодцовъ появилася,
 Да ѣде молодцовъ а болѣтъ тысящи,
 Да середѣ-то силы ѣздить купавъ молодѣць,
 Да на молодцѣ шуба-та соболья была,
 Подъ дорогимъ подъ зеленымъ подъ стѣметомъ,
 Пугвицы были вальчаные,
 Да вальякъ-отъ литый красна золота,
 Да по дорогу яблоку свирскому.
 Да ѣде молодець да и самъ тѣшится,
 Да съ коня-де на коня переслѣживаѣтъ,
 Изъ сѣдла въ сѣдло перемахиваѣтъ,
 Черезъ трѣтьево да на четвѣртаго,
 Да вверхъ коньѣ побрасываѣтъ,
 Изъ ручки въ ручку подфатываѣтъ.
 Да ѣхали прѣехали на Почаѣ на рѣку,
 Да сила-та ушла-де по своимъ теремамъ.
 Да сказали Чурила по незнаемыхъ гостей,
 Да брать-де Чурила золоты ключи,
 Да ходилъ въ амбарѣ мугазенные,
 Да брать онъ сорокъ сороковъ черныхъ соболѣвъ,
 Да и многіе пары лисицъ да куницъ,
 Подарилъ-де онъ князю Владиміру.
 Да говоритъ-де Владиміръ таково слово:
 «Да хоша много было на Чурила жалобщиковъ,
 «Да побольше того де челомъ-бѣтчиковъ,
 «Да я теперь на Чурила да судѣ-де не дамъ.»
 Да говорилъ-де Владиміръ таково слово:
 «Да ты премладши Чурилушко сынъ Плѣнковичъ!
 «Да хошь ли итти ко мнѣ во стольники,
 «Да во стольники ко мнѣ во чашники.»
 Да иной отъ бѣды дакъ откупается,
 А Чурила на бѣду и нарывается.

Да пошолъ ко Владиміру во стольники,
 Да во стольники къ ему во чашники.
 Прѣехали они уже во Кіевъ градъ,
 Да свѣтъ государь да Владиміръ князь,
 На хороша на новаго на стольника,
 Да завѣлъ государь да почетной пирь.
 Да премладши Чурила-то сынъ Плѣнковичъ,
 Да ходитъ-де ставить дубовы столы,
 Да желтыми кудрями самъ потрѣхиваѣтъ,
 Да желтны кудри рассыпаются,
 А бывъ скаченъ жемчугъ раскатается.
 Прекрасная княгиня-та Апраксія
 Да рушала мясо лебединое,
 Смотрячись-де на красоту Чурилову,
 Обрѣзала да руку бѣлу правую.
 Сама говорила таково слово:
 — Да не дивуйте-ко вы жены господскіе,
 — Да что обрѣзала я руку бѣлу правую.
 — Да помѣшался у меня разумъ во буйной го-
 ловѣ,
 — Да помутились у м'ня-де очи ясныя,
 — Да смотрячись-де на красоту Чурилову,
 — Да на егѣ-то на кудри на желтыя,
 — Да на егѣ-де на перстни злачешия,
 — Помѣшался у м'ня разумъ во буйной головѣ,
 — Да помутились у меня да очи ясныя. —
 Да сама говорила таково слово:
 — Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
 — Да премладому Чурилу сыну Плѣнковичу
 — Не на этой а ему службы быть,
 — Да быть ему-де во постельникахъ,
 — Да стлати ковры да подъ насъ мягкіе. —
 Говорилъ Владиміръ таково слово:
 «Да суди тѣ Богъ княгиня что въ любовь ты мнѣ
 пришла.
 «Да кабы ты княгиня не въ любовь пришла,
 «Да я срубилъ бы тѣ по плечъ да буйну голову,
 «Что при всѣхъ ты господахъ обезчестила.»
 Да снялъ-де Чурила съ этой большины,
 Да поставилъ на большину на иную,
 Да во ласковые зазыватели,
 Да ходитъ-де по городу по Кіеву,
 Да зазывати гостей во почетной пирь.
 Да премладши Чурило-то сынъ Плѣнковичъ,
 Да улицы идѣтъ да переулками,
 Да желтыми кудрями потрѣхиваѣтъ,
 А желтыя-ты кудри рассыпаются.
 Да смотрячись-де на красоту Чурилову,
 Да старицы по кельямъ онати*) они деруть,

*) Такъ; не знаетъ что: «одѣжа, должно быть.»

А молодыя молодницы въ голенища спать,
Красныя дѣвки отселья (отъ селья?) деруть.
Да смотрячись-де на красоту Чурилову,
Да прекрасная княгиня-та Апраксія
Да еще говорила таково слово:
— Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
— Да тебѣ-де не любить, а пришло мнѣ говорить,
— Да премладому Чурилу сыну Плёнковичу,
— Да на этой а ёму службы быть,
— Да быти ёму во постельникахъ,
— Да стлати ковры подъ насъ мягкіе. —
Да видить Владиміръ что бѣда пришла,
Да говорилъ-де Чурилу таково слово:
«Да премлады Чурило ты сынъ Плёнковичъ!
«Да больше въ домъ ты мнѣ не надобно.
«Да хоша въ Кіевѣ живи, да хоть домой поди.»
Да поклопъ отдалъ Чурилу да и вошь пошолъ.
Да вышелъ Чурило-то на Кіевъ градъ,
Да нанялъ Чурило тамъ извозчика,
Да уѣхалъ Чурило на Почай на рѣку,
Да и сталъ жить быть а вѣкъ коротати.
Да мы со той поры Чурилу въ старинахъ ска-
жёмъ,

Да отпущишь сказать а будемъ до вѣку.
А ѣ диди диди дудай — болѣ впередъ не знай!

Записано тамъ же, 11 августа.

—
224.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

Накануиъ было праздника Христова дни,
Канунъ-де честнаго Влжговѣщенья,
Выпала порошица-де снѣгъ а молодой.
По той-де порохъ по бѣлому по снѣжку
Да не бѣлый горносталя слѣды прометывалъ
Ходилъ-де гулялъ уже кунавъ молодець
Да на ния Чурило сынъ Плёнковичъ.
Да ровилъ ёнъ гвоздочки серебряныя
Скочочки позолоченыя
Да вслѣдъ ходя малые ребятушка
Да собирали гвоздочки серебряныя,
Да тѣмъ-де ребята головѣ кормятъ
Да загулялъ-де Чурило ко Бермяты ко высокоу
терему.

Да Бермяты во дому-де не случилосе,
Да одна Катерина прилучиласе.
Отворялось окошечко косивчатое,
Не бѣлая лебедушка прокычала,

Говорила Катерина таково слово:
«Да удалый дородній добрый молодець!
«Да премлады Чурилу ты сынъ Плёнковичъ,
«Пожалуй ко мнѣ во высокъ терѣмъ.»
Пришолъ-де Чурило во высокъ терѣмъ,
Крестъ кладѣтъ по писаному,
Да поклопъ-отъ ведѣтъ по ученому,
Кланяется да покланяется
На всѣ четыре на сторонушки,
Катерины Чурило и въ особину.
Да брала Катерина-та доску хрустальную,
Шахматы брала серебряныя,
Да начали играть а съ нимъ во шахматы.
Говорила Катерина-та Микулична:
«Да премлады Чурилу ты сынъ Плёнковичъ!
«Да я ты поиграю, тебѣ Богъ простить,
«А ты меня поиграешь, тебѣ сто рублей.»
Да первой разъ игралъ Чурило ея мать давалъ,
Да взялъ съ Катерины денегъ сто рублей.
Да другой-де разъ игралъ, да ей другой-де мать
давалъ,
Да взялъ съ Катерины денегъ двѣсти рублей.
Да третей-де разъ игралъ, да ей третей-де мать
давалъ,
Да взялъ съ Катерины денегъ триста рублей.
Да бросала-де Катерина доску хрустальную
Да шахматы бросала-де серебряныя,
Да брала-де Чурилу за руки за бѣлыя,
Да сама говорила таково слово:
«Да ты премлады Чурилушко сынъ Плёнко-
вичъ!
«Да я не знаю играть съ тобою во шахматы,
«Да я не знаю глядѣтъ на твою красоту,
«Да на твои-ты на кудри на желтыя,
«На твои-ты на перстни значеныя,
«Да помѣшался у м'ня разумъ во буйной головѣ,
«Да помутились у меня-де очи ясныя,
«Смотрячись-де Чурило на твою на красоту.»
Да вела ево во ложню во тёплую,
Да ложились спати во ложни тёплыя,
Да на мягку перину на пуховую,
Да начали съ Чуриломъ забавлятисе.
Да бѣла у Бермяты-де дѣвка чернавка егѣ,
Да ходить она по терему, шурчѣтъ да бурчѣтъ:
— Хороша ты Катерина дочь Микулична!
— Еще я пойду къ Бермяты, научу да намучу. —
Да тово Катерина не пытаючи,
Да во ложни съ Чуриломъ забавляется.
Да пошла-де дѣвка во Божью церковь.
Приходить-де дѣвка во Божью церковь,
Крестъ-отъ кладѣтъ и по писаному,

Да поклонъ-отъ ведётъ по ученому,
 На вси стороны дѣвка поклоняется,
 Да хозяйну Бермяты-де въ особину:
 — Ласковой мой хозяйнушко!
 — Да старши Бермята сынъ Васильевичъ,
 — Да стоишь ты во церкви Богу молишься,
 — Надъ собой ты незгоды-то не вѣдаешь.
 — Да у тебя въ теремѣ есть уже гость гостить,
 — Да не званый-де гость а не приказывай,
 — Да съ твоею-то женою забавляется. —
 Да говорилъ-де Бермята таково слово:
 «Да правду говоришь, дѣвка, пожалуй,
 «А итъ, тебѣ дуры срублю голову.»
 Говорила-де дѣвка таково слово:
 — Да мѣ сударь не вѣришь, поди самъ а до-
 смотри. —

Да пошоль-де Бермята изъ Божьей церкви,
 Да пришоль ко высокому ко терему,
 Да застучалъ во кольцо-де во серебряное,
 Спитъ Катерина не пробудится.
 Да застучалъ-де Бермята во второй наконъ,
 Да спитъ Катерина не пробудится.
 Да застучалъ-де Бермята во третей наконъ,
 Да изъ-за всей могутъ де богатырскіе,
 Теремы-ты всё да пошаталнсе,
 Маковки поламалнсе.

Услышала Катерина та Микулчна,
 Да выбѣгала въ одной тоненькой рубашечкѣ безъ
 пояса,

Въ однихъ тоненькихъ чулошвахъ безъ чеботовъ,
 Отпирала Катерина широкіе ворота,
 Запускала Бермяту Васильевича.

Говорилъ-де Бермята таково слово:
 — Что Катерина не снарядна идешь?
 — Сегодня у насъ вѣдь честной празничекъ.
 — Честное Христово Благовѣщенье. —

Да умѣ Катерина какъ отвѣтъ держать:
 «Да ласковой мой хозяйнушко:
 «Да старши Бермята сынъ Васильевичъ,
 «Да болитъ у м'ня буйная голова,
 «Опускалась болѣсница ниже пупа и до пояса,
 «Да во тѣ ли во нижніи чѣрева,
 «Не могу хорошо я обрядитися.»

Да пришоль-де Бермята во высобъ теремъ,
 Да увидѣлъ-де платье всё Чурилово,
 Да шапка, сапоги да всё Чурилово.
 Говорилъ-де Бермята таково слово:
 — Да хороша ты Катерина дочь Микулчна!
 — Да я этоѣ платье на Чурили всё выдалъ. —
 Да умѣ Катерина какъ отвѣтъ держать:
 «Ласковой мой хозяйнушко,

«Старши Бермята сынъ Васильевичъ!
 «Да у моего родимаго у брателка,
 «Да конями съ Чурилой-то помѣняносѣ,
 «Да цвѣтнымъ-то платьемъ побратаносѣ.»
 Да того-де Бермята не пытаючи,
 Да беретъ-де со стопки саблю вострую,
 Да идеть-де Бермята въ ложню теплую.
 Да увидѣлъ Чурила на кровати слововыхъ ко-
 стей,

На мягкой перинѣ на пуховые.
 Да не лучная зорюшка просвѣтила,
 Да вострая сабелько промѣхнула,
 Да не кружатая жемчужинка скатиласе,
 Да Чурилова головушка свалиласе,
 Да бѣлые горохъ а разстлается,
 Да Чурилова кровь-и проливается,
 Да по той-де по сѣредѣ кирпичине
 Да Чуриловы кудри валяются.
 Да услышала Катерина та Микулчна,
 Да брала два ножа она, два вострые
 Становила ножи чѣренемъ во сырѣ землю,
 Да разбѣгаласе на ножики на вострые,
 Да своею она грудью бѣлоу.
 Да подрѣзала жилицѣ ходячей,
 Да выпустила кровь-и ту горячую,
 Да починуло двѣ головушки,
 Да что хорошиѣ головы не лучшіе.
 Да старши Бермята сынъ Васильевичъ,
 Да дождался Христова Воскресенья,
 Да пропустилъ-де недѣлю ту онъ Свѣтлую.
 Старую дѣвку черпавушку,
 Да беретъ ёю за правую за рученку,
 Да сводилъ-де дѣвку во Божью церковь,
 Да принялъ съ дѣвкой золотіе вѣнцы,
 Да сталъ жить быть да вѣкъ коротати.
 Да мы съ той поры Бермяту въ старинахъ ска-
 жёмъ,

Да премладаго Чурила сына Пленковича.

Записано тамъ же, 12 августа.

225.

Д Ю К Т.

Изъ славнаго города изъ Галпча,
 Изъ Волянъ земли богатые,
 Да изъ той Карелы изъ упрямые,
 Да изъ той Сарачины изъ широки,
 Изъ той Индѣи богатые,

Не ясенъ соколъ тамъ пролётывалъ,
 Да не бѣлой кречетко вонъ выпорхивалъ,
 Да проѣхалъ удалой дородній доброй молодецъ,
 Молодой боярской Дюкъ Степановичъ.
 Да на гуся ѣхалъ Дюкъ на лебеда,
 Да на сѣру пернасту малу утицу,
 Да изъ утра проѣхалъ день до вечера,
 Да не наѣхалъ нѣ гуся и не лебеда,
 Да не сѣрой пернастой малой утицы.
 Да не разстрѣливалъ вѣдь Дюкъ-отъ триста
 стрѣлъ,

Да триста стрѣлъ ровно три стрѣлы,
 Головой-то качать проговаривать:
 «Да всѣмъ-то стрѣламъ я цѣну знаю,
 «Только трѣмъ стрѣламъ цѣны не вѣдаю.
 «Почему эти стрѣлы были дороги?
 «Да потому эти стрѣлы были дороги,
 «На три граночки были стрѣлы строганы,
 «Да изъ той трестнички заморскіе.
 «Да еще не тѣмъ стрѣлы были дороги,
 «Что на три гряночки были стрѣлы строганы,
 «Да тѣмъ-де были стрѣлы дороги,
 «Перены-де перомъ были сиза орла,
 «Не того орла сиза орловича,
 «Да которой летаетъ по святой Руси,
 «Бьетъ сорокъ, воронъ, черную галицу,
 «Да того-де орла сиза орловича,
 «Да который летаетъ по снью морю,
 «Да и бьетъ-де онъ гуся да и лебеда
 «И отлетаетъ садится на бѣлы камень,
 «Щиплетъ ронить-де перьяца орлиные,
 «Да отмѣтывать на море на синей.
 «Мимо ѣдутъ-де гости карабельщики,
 «Да развозятъ тѣ перьяца по всѣмъ ордамъ,
 «По всѣмъ ордамъ по всѣмъ украинамъ,
 «Дарятъ царей все царевичѣвъ,
 «Дарятъ королей и королевичѣвъ,
 «Дарятъ сильныхъ могучихъ богатырѣвъ.
 «Да пришли эти перья мнѣ въ даровыхъ,
 «Оперилъ-де я этимъ перьемъ три стрѣлы.
 «Да еще не тѣмъ, братцы, были стрѣлы дороги,
 «Что перены-де были перьемъ ещѣ орла, —
 «Да тѣмъ-де стрѣлы были дороги:
 «Въ носъ и въ пяты втираны каменья афанты.
 «Гдѣ стрѣла та лежитъ, такъ отъ ней лучъ не-
 чѣтъ,
 «Будто въ день отъ краснаго отъ солнышка,
 «Да въ ночи то отъ свѣтлаго отъ мѣсяца.»
 Да собиралъ Дюкъ стрѣлы во единъ колянъ.
 Да дѣло то вѣдь, братцы, дѣется:
 Да во ту ли во субботу Великодѣнную

Да пріѣхалъ Дюкъ во свой Галичъ градъ,
 Да ушли ко вѣчерни ко Христовскіе.
 Да пошолъ Дюкъ ко вѣчерни Христовскіе,
 Отстояли вѣчерню въ церкви Божіей,
 Да выходитъ-де Дюкъ изъ Божьей церкви,
 Становился на крылечки перѣные.
 Да выходитъ ево матушка изъ Божьей церкви,
 Да понизеенько Дюкъ поклоняется,
 Да желтыма-ты кудрами до сырой земли,
 Да и самъ говоритъ таково слово:
 «Государыни ты свѣтъ а моя матушка!
 «Да на всѣхъ городахъ, мать, много бывано,
 «Да во города во Кіеви не бывано,
 «Да Владимира князя мать не видано,
 «Да государыни княгини свѣтъ Апраксин.
 «Дай мнѣ, матушко, прощенье-благословленіе —
 «Сѣздити во Кіевъ градъ,
 «Повидати солнышка князя Владимира,
 «Государыню княгиню свѣтъ Опраксию.»
 Говорила ему мать да таково слово:
 — Да свѣтъ ты моѣ чадо милоѣ,
 — Да молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
 — Да не ѣзди-тко ты уже во Кіевъ градъ.
 — Да живутъ тамъ люди все лукавые,
 — Изведутъ тебя добраго молодца,
 — Бывъ хороша наливного яблока. —
 Да говорилъ Дюкъ матери отвѣтъ держалъ:
 «Да государыни моя ты родна матушка!
 «Да даси мать прощенье — поѣду я,
 «И не даси мать прощенья — поѣду я.»
 Да давала матушка прощениѣ,
 Да матушкино благословленіе,
 Давала матушка плѣтоньку шелковую.
 Да поклонъ отдалъ Дюкъ прочь пошолъ,
 Да ходилъ на конюшню стоялую,
 Да выбиралъ жеребца себѣ неѣзжана,
 Да изо стѣ бралъ да изъ тысячи,
 Да и выбралъ себѣ бурушка косматаго.
 Да у бурушка шорсточка трѣхъ пядей,
 Да у бурушка грива была трѣхъ локоть,
 Да и фостъ-отъ у бурушка трѣхъ сажѣвъ.
 Да уздалъ узду ему течмяную,
 Да сѣдлалъ ѣнъ сѣделышко черкасское,
 Да накинулъ попону пестрадиную,
 Да строчена была попона въ три строки:
 Да первая строка краснымъ золотомъ,
 Да другая строка чистымъ сѣребромъ,
 Да третья строка мѣдью казаркою (sic).
 Да котора-де была казарка мѣдь,
 Да подороже ходитъ злата и серебра,
 Да не дорога узда была въ цѣлу тысячу,

Да не дорого сѣдѣло во двѣ тысячи,
 Да попона та была во три тысячи.
 Снарядилъ-де Дюкъ лошадь богатирскую,
 Да отходить прочь самъ поглядывать,
 Да поглядывать Дюкъ поговаривать:
 «Да и конь ли лошадь, али лютой звѣрь,
 «Да съ-подъ-наряду добра коня не видѣти.»
 Да въ торока ты кладѣть платья цвѣтные,
 Въ торока ты кладѣть калены стрѣлы,
 Да въ торока ты кладѣть золоту казну,
 Да скоро дѣтина забирается.
 Забирался-де скоро на коня ли самъ сѣлъ,
 Хорошо-де подѣ нимъ добрый конь повыско-

чигль,
 Черезъ стѣну маше прямо городовую,
 Черезъ високу башню наугольную.
 Да хорошо-де пошелъ въ поле добрый конь,
 Да мети-ты мече онъ по версты,
 Да мети-ты мече по двѣ версты,
 Да по двѣ по три по пяти-де версть.
 Да повыше идѣтъ дерева жаровчата,
 Да пониже иде облака ходячего,
 Да онъ рѣки озѣра между ногъ пустилъ,
 Да гладкіе мхи перескакивалъ,
 Да синей-то море кругомъ-де нѣсь.
 Да налегала на молодца Горныи-змѣя,
 Да о двѣнадцати зла де ли о хоботахъ,
 Да и хочеть добра коня огнѣмъ пожечь.
 Да добрый конь у змѣи ускакивалъ,
 Да добра молодца у смерти унашивалъ.
 Да налегалъ тутъ на молодца лютой звѣрь,
 Да хочеть добра коня живкомъ слотить,
 Да со боярскимъ со Дюкомъ со Степановымъ.
 Да доброй конь у звѣря ускакивалъ,
 Добра молодца у смерти унашивалъ.
 Да налетало на молодца стадо грачѣвъ,
 Да по нашему стадо черныхъ вороновъ,
 Да хотять они молодца расторгнути.
 Да доброй конь у грачѣвъ ускакивалъ,
 Добра молодца у смерти унашивалъ.
 Да и тѣ заставы Дюкъ проѣхалъ вси,
 Да на заставу пріѣхалъ на четвертую.
 Да край пути стоитъ во поли бѣлъ шатѣръ,
 Во шатрѣ-то спитъ могучъ богатырь,
 Да старой-де казакъ Илья Муромецъ.
 Да пріѣхалъ-де Дюкъ ко бѣлу шатру,
 Да не съ разума слово згворилъ:
 «Да кто-де тамъ спитъ во бѣломъ шатрѣ,
 «Да выходи-ко съ Дюкомъ поборотися.»
 Да вставае Илья на чеботы сафьянные,
 Да на сини чулки кармазинные,

Да выходитъ старикъ изъ бѣла шатра,
 Да самъ говоритъ таково слово:
 — Да я смѣю-де съ Дюкомъ поборотися,
 — Поотвѣдаю-де Дюковой-то храбрости. —
 Да одолила-де страсть Дюка Степанова,
 Да падалъ съ коня Илья во рѣзвы ноги,
 Да и самъ говорилъ а таково слово:
 «Да одно у насъ на небеси-де солнце красное,
 «Да одинъ на Руси-де могучъ богатырь,
 «Да старой-де казакъ Илья Муромецъ!
 «Да кто-де съ нимъ смѣя поборотися,
 «Тотъ бовами отвѣдать матки тунъ-травы» (sic).
 Да Илья эти рѣчи полюбилсе,
 Да и самъ говорилъ а таково слово:
 — Да ты удалый дородній доброй молодець,
 — Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
 — Да ты будѣшь во города во Києв,
 — Да живутъ тамъ вѣдь люди всё лукавые,
 — Да и стануть валегать на тѣбя молодца,
 — Да ты пиши ярлыкѣи скорописчаты,
 — Да ко стрѣламъ ярлыкѣи припечатывай,
 — Да разстрѣливай стрѣлы во чисто поле.
 — У меня-де летае младъ ясѣнь соколъ,
 — Да собираеть-де всё стрѣлы со чиста поля.
 — Да пособлю-де я, дѣтина, твоему горю. —
 Да поклонъ отдалъ Дюкъ на коня ли самъ сѣлъ,
 Да поѣхалъ ко городу ко Києву.
 Да пріѣхалъ онъ вѣдь во Києвъ градъ,
 Черезъ стѣну маше прямо городовую,
 Да черезъ високу башню наугольную,
 Да пріѣхалъ ко палаты княженецкіе.
 Соходилъ онъ со добра коня,
 Да оставливалъ онъ добра коня
 Неприкована сво да непривязана,
 Да пошоль-де Дюкъ во высокъ терѣмъ.
 Да приходитъ Дюкъ во высокъ терѣмъ,
 Врестъ-отъ владѣть по писаному,
 Да поклоны ведеть по учѣному,
 На всё стороны Дюкъ поклоняется,
 Желтыма-ты кудрами до сырой земли.
 Владимира въ домѣ не случилосе,
 Да одинъ какъ тутъ ходя люди стряпчіе.
 Говоритъ туто Дюкъ таково слово:
 «Да вы стряпчіе люди всё дворецкіе!
 «Да гдѣ у васъ солнышко Владиміръ князь?»
 Говорять ему люди стряпчіе:
 — Да ты удалой дородній доброй молодець!
 — Да изученье *) мы видимъ твое полноѣ,
 — Да не знамы теби ни имени ни вотчини.

*) Образование.

— У насъ Владиміра въ домѣ не случилось,
 — Да ушолъ ко заутрени Христовскіе. —
 Да больше Дюкъ не разговаривалъ,
 Да выходилъ онъ на улицю паратную,
 Да садился Дюкъ на добра коня,
 Да прѣхалъ къ собору Богородицы.
 Сохожалъ-де Дюкъ со добра коня,
 Да оставивалъ онъ добра копя
 Неприкована ево да непривязана,
 Да зашолъ-де Дюкъ во Божью церковь.
 Да крестъ-отъ кладѣтъ по писаному,
 Поклопъ ведѣтъ по ученому,
 Да на всѣ стороны Дюкъ а поклоняется,
 Желтыма-ты кудрями до сырой земли.
 Стаповился подлѣ князя Владиміра,
 Промежду-де Берматы Васильевича,
 Промежду-де Чурила сына Плѣпковича,
 Да кланяется да поклопается,
 Да на платѣ-де часто самъ посматривать.
 «Да погода та братцы была вѣшная,
 «Да я ѣхалъ мхами да болотами,
 «Убризгалъ-де я свое платѣ цвѣтное.»
 Говорилъ тутъ Владиміръ таково слово:
 — Да скажись-ко удалый дородній добрый молодецъ!

— Ты коей орды да коей земли,
 — Тебя какъ молодца зовутъ по имени? —
 «Да есть я изъ города изъ Галича,
 «Изъ Волинъ-земли изъ богатые,
 «Да изъ той Карели изъ упряме,
 «Да изъ той Сорочины изъ широкіе,
 «Да изъ той Ипдѣи богатые,
 «Молодой-де боярской Дюкъ Степановичъ,
 «Да на славу прѣхалъ къ тебѣ во Кіевъ градъ.»
 Говорилъ-де Владиміръ таково слово:
 — Да скажи удалый дородній добрый молодецъ!
 — Да давно ли ты изъ города изъ Галича? —
 Говорить-де Дюкъ ему отвѣтъ держитъ:
 «Да свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
 «Да вечерню стоялъ я въ славномъ Галичѣ,
 «Да ко заутрени поспѣлъ къ тебѣ во Кіевъ градъ.»

Говорилъ-де Владиміръ таково слово:
 — Да дѣроти ли у насъ кони въ Галичѣ? —
 Да говорилъ Дюкъ Владиміру отвѣтъ держалъ:
 «Да есть у насъ кони, сударь, по рублю,
 «Да есть сударь кони по два рубли,
 «Да есть по сту, по два, по пяти-де сотъ.
 «Да своему-де я добру копя цѣны не знай,
 «Да я цѣны не знай, бурку не вѣдаю.»
 Говорилъ-де Владиміръ таково слово:

— Слушайте, братцы князи бояра!
 — Да кто бывалъ, братцы, кто слыхалъ,
 — Да отъ Кіева до Галича много ль разстоянія? —
 Говорять ему князи да и бояра:
 «Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
 «Да овольней дорогой — на шесть мисяцевъ,
 «Да прямой-то дорогой — на три мисяца.
 «Да были бы-де кони перемѣнные,
 «Съ коня-де на конь перескакивать,
 «Изъ сѣдла въ сѣдло лишь перемакивать.»
 Да говорятъ ему князи да и бояра:
 «Да свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
 «Да не быть тутъ Дюку Степанову,
 «Тако быть мужиченку засельщины,
 «Да засельщины быть деревеньщины.
 «Да жилъ у купца гостя торговаго,
 «Да украсть увѣсъ платѣ цвѣтное.
 «Да жилъ у иного боярина,
 «Да угналъ у боярина добра коня,
 «На иной городъ прѣхалъ и красуется,
 «Надъ тобой-то княземъ надсмѣхается,
 «Да надъ нами боярами пролыгается.»
 Да отстояли оны заутрину въ церкви Божіей,
 Да съ обиднею да святѣе честнѣе молебны.
 Выходили на улицю паратную,
 Да на улицы стоитъ народу и смѣты цѣтъ,
 Да смотрять на лошадь богатырскую,
 На ево-то спаряды молодецкіе.
 Да садились ѣны-де по добрымъ копямъ,
 Да поѣхали къ высокому терему.
 Да ѣдетъ-де Дюкъ головой качать,
 Головой-то качать проговаривать:
 — Да у Владиміра всё а не по нашему.
 — Какъ у насъ-то во городѣ во Галичѣ,
 — Да у моей-то сударыни у матушѣи,
 — Да мощѣны-де были мосты всё дубовые,
 — Сверху стлапы-де сукна багрецовые.
 — Наперѣдъ-де пойдуть у насъ лопатники,
 — За лопатниками пойдуть и метельщики,
 — Очищаютъ дорогу сукна стланого.
 — А твои мосты, сударь, неровные,
 — Неровные мосты да всё сосновые. —
 Да прѣхали оны къ широкому двору,
 Головой-то качать Дюкъ проговаривать:
 — Да хороша была слава на Владиміра,
 — Да у Владиміра всё де не по, нашему.
 — Какъ у насъ во городѣ во Галичѣ,
 — Да у моей-то сударыни у матушки,
 — Надъ воротами было рамъ до семидесятъ.
 — А у Владиміра того-де не случилось,
 — Да одна та икона была мѣстная. —

Да за́хали они на широкой дворъ,
 Да головой качать Дюкъ проговаривать:
 — Да хороша была слава на Владимира,
 — У Владимира-де всё а не по нашему.
 — Какъ у насъ-то во городѣ во Галичѣ,
 — Да у моей сударьни у матушки,
 — На дворѣ стояли столбы всё серебряны,
 — Да подёрнуты кольца позолочены,
 — Разоставлена ситá медвяная,
 — Да насмнано пшени-то бѣлоярне,
 — Да е что добрымъ конямъ пить-ѣсть-ку-
 шати,

— А у тебя Владимиръ того-де не случилось. —

Да зашли-де они во высокъ теремъ,
 Да садлись за столы за бѣлодубовы,
 Понесли-де по чаркѣ зелена вина.
 Да молодой боярской Дюкъ Степановичъ
 Головой-то качать проговаривать:

— Да хороша была слава на Владимира,
 — У Владимира-де всё а не по нашему.
 — Какъ у насъ-то во городѣ во Галичѣ,
 — У моей-то сударьни у матушки,
 — Да глубокіе были погребы,
 — Сорока-де сажонъ въ землю копаны.
 — Зелено вино на дѣпяхъ виситъ на серебря-
 ныхъ,

— Да были въ поле то трубы понавѣдены.
 — Да повѣть-де вѣтѣрь изъ чиста поля,
 — Да проносить зѣтохоль великую,
 — Да цару ту пѣшь другая хочется,
 — Да безъ третьей чары минутъ нельзя.
 — А твое, сударь, горько зелено вино,
 — Да пахнѣтъ та зѣтохоль великую. —

Понесли послѣднюю ѣству — колачики крупн-
 цаты.

Говорилъ-де Дюкъ таково слово:

— Хороша была слава на Владимира,
 — У Владимира-де всё а не по нашему.
 — Какъ у насъ-то во городѣ во Галичѣ,
 — У моей-то сударьни у матушки.
 — Да калачиѣ съѣси а другаго хочется,
 — А безъ третьяго да минутъ нельзя.
 — Да твои, сударь, горькіе калачиѣ,
 — Да пахнуть ёны на фонъ сосновую. —

Да тутъ-то Чурилу стало зѣзорко,

Да и самъ говорилъ таково слово:

«Да свѣтъ государь ты Владимиръ князь!
 «Да когда правдой дѣтина похваляется,
 «Дакъ пусть ударить со мной о великъ закладъ:
 «Щапнть-басить по три года
 «По стольнему городу по Киеву,

«Надѣвать платя на разъ, на другой не пере-
 нашивать.»

Порѣкъ поставили пятьсотъ рублей:

Который изъ ихъ а не перещапнть,

Взять съ того пятьсотъ рублей.

Премадны Чурило сынъ Плёнковичъ,

Обуль сапожки-ты зеленъ сафьянъ,

Носы — шило, а пята — востра,

Подъ пату хотъ соловей лети,

А кругомъ паты хотъ янцо кати.

Да надѣлъ ёнъ шубу-ту купеческу,

Да во пуговкахъ литы добры молодцы,

Да во петелькахъ шиты красны дѣвицы,

Да наложилъ ёнъ шапку черну мурманку,

Да ушисту-пушисту и завѣнсту,

Спереди-то не видно яснѣхъ очей,

А сзади не видно шеи бѣлые.

А молодой боярской Дюкъ Степановичъ

Да по Киеву онъ не снаряженъ шоль:

Обути-то у его лапѣтци-ты семі шелковъ,

И въ эти лапѣтци были вилѣтаны

Каменья всё яфонты.

Да который же камень самоцвѣтные

Стѣбитъ гѣрода всего Киева,

Опришио *) Знаменья Богородицы,

Да опришио прочихъ святителей.

И надѣта была у его шуба-та раскожая,

Во пуговкахъ литы люти звѣри,

Да во петелькахъ шиты люти змѣи.

Да бралъ онъ Дюкъ матушкино благословленіе,

Плѣтеньку шолкову:

Да подёрнулъ Дюкъ-отъ по пуговкамъ,

Да заревѣли во пуговкахъ люти звѣри;

Да подёрнулъ Дюкъ-отъ по петелькамъ,

Да засвитали во петелькахъ люти змѣи.

Да отъ тово-де рѣву отъ звѣринаво,

И отъ тово-де свишту отъ змѣннаго,

Да въ Киеви старой и малой на земли лежить.

Токо (sic) малые люди оставались,

Да за Дюкомъ всѣмъ городомъ Киевомъ качну-
 лисе.

— Тебѣ спасибо удалый дородній добрый моло-
 дець!

— Перещапнлъ ты Чурила сына Плёнковича. —

И тогда взялъ онъ съ Чурила пятьсотъ рублей,

Да купилъ на пятьсотъ зелена вина,

Да напоилъ онъ голей кабацкихъ всѣхъ до пьяна,

Тогда всё тутъ голи зрадовались.

Тутъ еще Чурилу стало зѣзорко,

*) т. е. крокъ.

Да самъ говорилъ таково слово:
 «Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
 «Когда же правдой дѣтѣва похваляется,
 «Да пошлѣмъ мы туда переписчика,
 «Во славную во Волянн землю.»
 — Кого намъ послать переписчикомъ? —
 «Да пошлѣмъ мы Добрынюшка Микитьевича.»
 Да поѣхалъ Добрыня во Волянн землю,
 Во славной во Галичъ градъ,
 Житѣя его богатства описывать.
 Да нашолъ онъ три высоки три терема,
 Не видалъ теремовъ такихъ на сѣмъ свѣтѣ.
 Зашолъ Добрыня во высокъ терѣмъ,
 Да сидитъ жена стара матера,
 Мало шолку вся въ золотѣ.
 Говорилъ-де Добрынюшка Микитьевичъ:
 — Ты здравствуй Дюкова матушка!
 — Тебѣ сынъ послалъ челомбитіе,
 — По-низку велѣлъ поклонъ поставити. —
 Говорила жена стара матера:
 «Удалой дородній добрый молодець!
 «Изученье вижу твоѣ полноѣ,
 «Да не знай тебѣ ни имени ни вотчины.
 «А я не Дюкова здѣсь а есть вѣдь матушка,
 «А Дюкова здѣсь а есть портомойница.»
 Да тутъ Добрыня стало зѣорко,
 Отѣзжалъ-де Добрыня во чисто полѣ,
 Да просыпалъ Добрыня ночку темную.
 На утро прѣіхалъ онъ во Галичъ градъ,
 Да нашолъ три високи три терема,
 Не видалъ теремовъ такихъ на сѣмъ свѣтѣ.
 Да зашолъ-де Добрыня во высокъ терѣмъ,
 Да сидитъ жена стара матера,
 Мало-де шолку вся въ золотѣ.
 Говорилъ-де Добрыня таково слово:
 — Ты здравствуй Дюкова матушка!
 — Тебѣ сынъ послалъ челомбитіе,
 — По-низку велѣлъ поклонъ поставити. —
 Говоритъ жена стара матера:
 «Удалый ты дородній добрый молодець!
 «Я не знай тебѣ ни имени ни вотчины.
 «Да не Дюкова здѣсь а есть я матушка,
 «А Дюкова здѣсь а есть я божатушка.
 «Не найти тебѣ здѣсь Дюковой матушки.
 «У насъ на утро Христово Воскресеніе,
 «Да ты стань на дорогу прешпехтивую,
 «Гдѣ-ка сланы сукна багрецовые.
 «Наперѣдъ пойдутъ у насъ лопатники,
 «За лопатниками пойдутъ метельщики,
 «Очищаютъ дорогу сукна стланаго,
 «Дакъ ты стань на дорогу прешпехтивую.

«Да пойдѣтъ тутъ Дюкова-та матушка.»
 Да тутъ Добрыня стало зѣорко,
 Отѣзжалъ Добрыня во чисто полѣ,
 Просыпалъ Добрыня ночку темную.
 На утро прѣіхалъ онъ во Галичъ градъ,
 Да сталъ на дорогу прешпехтивую,
 Гдѣ-ка сланы сукна багрецовые.
 Наперѣдъ пошли тутъ лопатники,
 За лопатниками пошли метельщики,
 Да очищаютъ дорогу сукна стланаго.
 Потомъ пошла уже толпа-де вдовъ,
 Пошла тутъ Дюкова-та матушка.
 То умѣетъ дѣтина поклонитися
 Желтымъ кудрями до сырой земли.
 — Ты здравствуй Дюкова же матушка!
 — Тебѣ сынъ послалъ челомбитіе,
 — По-низку велѣлъ поклонъ поставити. —
 Говорила Добрыня мати таково слово:
 «Сважи ты удалый дородній добрый молодець,
 «Я не знай тебѣ ни имени ни вотчины,
 «А изученье вижу твоѣ полноѣ.
 «У насъ сегодня Христово Воскресеніе,
 «Пойдѣмъ со мной во Божью церковь,
 «Простой ты обѣдию воскресѣнную.
 «Заберу молодца тебя въ высокъ терѣмъ,
 «Напою накормлю хлѣбомъ солю.»
 Простояли обѣдию въ церкви Божеей,
 Забрала молодца во высокъ терѣмъ,
 Поитъ и кормитъ да много чествуетъ.
 Да премладшъ Добрынюшка Микитьевичъ
 Выходилъ изъ-за стола изъ-за дубоваго,
 Да самъ говорилъ таково слово:
 — Да государыни ты Дюкова матушка!
 — Да я вѣдь прѣіхалъ не тебя смотрѣть,
 — Житѣя твоего богатства описывать;
 — Призахвастался сынъ твой богатствомъ. —
 Да брала старуха золоты ключи,
 Да привела его въ погребы темные,
 Гдѣ-ка складена деньга не хожалая.
 Смекалъ Добрыня много времени,
 Да не могъ онъ деньгамъ и смѣты дать.
 Да привела его въ амбары мугазенные.
 Гдѣ-ка складены товары заморскіе.
 Да смекалъ Добрыня много времени,
 Не могъ товарамъ онъ смѣты дать.
 Да садился Добрыня на ременьчатъ стулъ,
 Да писалъ ярмыки скорописчаты,
 Да самъ говорилъ таково слово:
 — Да намъ съ города пзъ Кіева,
 — Да везти бумаги на шести возахъ,
 — Да чернилъ-то везти на трѣхъ возахъ,

— Да описывать Дюково богатство,
 — Да не описать будётъ. —
 Да прощался Добрыня-то съ Дюковой матушкой,
 Да садился Добрыня на добра коня,
 Да поѣхалъ ко городу ко Киеву.
 Пріѣхалъ онъ въ славный Киевъ градъ,
 Да ко впазю Владимиру,
 Ярлыкѣ на дубовъ столъ клалъ,
 Словесно-то больше самъ розсказывать.
 Тогда Дюкова правда сбывается,
 Да будто вѣшная вода розливается.
 Да еще тутъ Чурилу стало зазорко,
 Да самъ говорилъ таково слово:
 «Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
 «Да когда же правдой дѣтина похваляется,
 «Дакъ пусть со мной ударить о велнѣе закладъ:
 «Скакать на добрыхъ коней,
 «За матушку Почай рѣку,
 «И назадъ на добрыхъ коняхъ отскакивать.»
 И ударились ѣпы о великъ закладъ,
 Да не о стѣ они и не о тысячѣ,
 Да ударились онъ о своихъ о буйныхъ головахъ:
 Который изъ ихъ не перескочитъ,
 Дакъ у тово молодца голова срубить.
 Премладши Чурило-то сынъ Пленковичъ,
 Выводилъ-де Чурило тридцать жеребцовъ,
 Изъ тридцати выбиралъ-де самолучшаго.
 Да разганивалъ да онъ разѣзживалъ,
 Изъ далеча далеча изъ чиста поля,
 Да скакалъ-де за матушку Почай рѣку.
 Молодой-отъ боярской Дюкъ Степановичъ,
 Да не разганивалъ да не разѣзживалъ,
 Да съ крутого берегу коня своего приравливалъ,
 Да скочилъ-де за матушку Почай рѣку,
 И назадъ на добромъ конѣ отскакивалъ,
 И Чурила къ крутому берегу притягивалъ.
 Тогда видѣргивалъ Дюкъ-отъ саблю вострую,
 Да хотѣлъ ему срубить буйну голову.
 Тогда вступился князь и со впагиною,
 Говорили Дюку Степанову:
 — Удалий дородній добрый молодець!
 — Не руби ты Чурилу буйной головы,
 — Да спусти ты Чурила на свою волю. —
 Тогда Дюкъ-отъ пиналъ Чурила правою ногой,
 Да улетѣлъ Чурило во чисто полѣ,
 Да самъ говорилъ таково слово:
 «А й де ты Чурило сухоногіе!
 «Да поди шапи съ дѣвками да съ бабами,
 «А съ нами съ добрыма молодцами.»
 Да прощается Дюкъ-отъ со княземъ Владиміромъ,
 Съ государынею княгиною Апраксіей:

«Да простите вы бояра всѣ Киевски,
 «Всѣ мужики огородники,
 «Да вспоминайте вы Дюка вѣки на вѣки.»
 Да садился Дюкъ на добра коня,
 Да уѣхалъ Дюкъ во свой Галичъ градъ,
 Ко своей-то матушки сударыни,
 Да сталъ жить бытъ, вѣтъ коротати.

Записано тамъ же, 11 и 12 августа.

XLIV.

ВОИНОВЪ.

Петръ Андреевичъ Воиновъ, крестьянинъ дер. Рыжкова на Свиномъ озерѣ (у Кен-озера), высокій статный мужчина 59 лѣтъ, земледѣлецъ; въ молодости жила въ работникахъ у кенозерскихъ крестьянъ, между прочими — у Павла Семеновича, отца Сивцева (XLIII), отъ котораго и перенялъ нѣкоторыя былинны; другимъ онъ научился отъ старика Захара Андреева, жившаго въ сосѣдней съ нимъ избѣ и занимавшагося плетеньемъ сѣтей; а этотъ Захаръ Андреевъ въ свою очередь научился былинамъ отъ того же Павла Сивцева. Петръ Воиновъ поетъ очень пріятнымъ голосомъ и складно; замѣчательно при этомъ, что былины у него не подверглись искаженіямъ, которыхъ можно бы было ожидать отъ обстоятельствъ его жизни: Воиновъ былъ долго въ Петербургѣ и служилъ здѣсь нѣсколько лѣтъ въ артельщикахъ; во время крымской войны поступилъ въ ополченіе, гдѣ ему досталась честь быть знаменосцемъ. По окончаніи похода, онъ возвратился на родину и сталъ крестьянствовать.

226.

ИЛЯ МУРОМЕЦЪ И СЫНЪ ЕГО.

Изъ славнаго города изъ Києва,
 Выѣзжало двѣ поляницы двѣ удалце
 А два сильные могучіе богатыря.
 Выѣзжали молодцы-де на Фаворъ-гору,
 Розвернули молодцы бѣлой шатѣръ,
 Проспали-то дологъ день до вечера,
 Да темную ночь да до бѣла свѣту.

По утру на зорюшки на утреной,
Пробуждается старіе казакъ да Илья Муромецъ.
Говорилъ Илья да таково слово:

«Ставай-ко Добрынюшка Микитьевичъ!

«Да что у насъ надъ бѣлымъ шатромъ да сдѣла-
лось?»

«Налетѣла вѣщая птица у насъ чѣрный врань,
«Жалобнѣшенько да онъ прокрививать,
«Видно сказывать онъ вѣсточку нерадостну.
«Не проѣхала ли поляница тутъ удалая,

«Ли не звѣрь ли подходитъ подъ добрыхъ коней?»

Выставалъ Добрыня на рѣзвы ноги,

Выходилъ Добрыня изъ бѣла шатра,

Поглядѣлъ на дорожку прямоѣзжую,

Увидѣлъ въ чистомъ поли богатыря.

А ѣде богатырь на добромъ кони,

Его храбрая поѣзда молодецкая,

А конь подъ богатыремъ какъ лютой звѣрь,

Скоки-ты онъ скаче по цѣлой версты,

Слѣдки-ты какъ доброй конь вымѣтывать

По цѣлой овчины по барановой,

Изо рта у добра коня пламя машѣ,

Изъ воздрей у коня да искры сыплются,

Изъ ушей у коня да въ кудряхъ дымъ стаѣтъ.

У богатыря шипакъ на головы-де какъ огонь го-
ритъ,

А узда на кони да какъ лучи некутъ,

Отъ стремени его да звѣзды сыплются,

Отъ сѣдла у него-де какъ зоря стаѣтъ,

Зоря стаѣтъ да ровно утренна.

У лѣва стремена борзой кобель проскакивать,

На правомъ стремени сидѣть-то младъ сизой
орѣлъ,

Поѣ орѣлъ да всё насвистывать,

Улещать, спотѣшааетъ онъ богатыря.

А съ плеча съ плеча ясенъ соколъ да перелѣты-
вать,

Да изъ уха въ ухо да висти перенашивать.

Сидитъ богатырь на добромъ конѣ самъ тѣшится,

Шибаетъ палочку подъ облака,

А назадъ-то палка опускается,

Онъ на бѣлые руки подфатаючи,

До сырой земли не допускаючи.

Подходитъ подъ коней у ихъ лютой звѣрь,

Забералъ Добрыня коней ко бѣлу шатру,

Насыпалъ пшена да бѣлоярова.

Заходилъ Добрыня во бѣлой шатѣрь,

Говорилъ Добрыня таково слово:

— Ужь ты старые казакъ да Илья Муромецъ!

— Проѣзжала поляница тутъ удалая,

— Проѣзжалъ богатырь на добромъ конѣ.

— Его храбрая поѣзда молодецкая

— А конь подъ богатыремъ какъ лютой звѣрь,

— Скоки-ты онъ скаче по цѣлой версты,

— Слѣдки ты какъ доброй конь вымѣтывать

— По цѣлой овчины по барановой,

— Изо рта у добра коня пламя машѣ,

— Изъ воздрей у коня да искры сыплются,

— Изъ ушей у коня да въ кудряхъ дымъ стаѣтъ,

— У богатыря шипакъ на головы-де какъ огонь
горитъ,

— А узда на кони да какъ лучи некутъ,

— Отъ стремени его да звѣзды сыплются,

— Отъ сѣдла у него-де какъ зоря стаѣтъ,

— Зоря стаѣтъ да ровно утренна.

— У лѣва стремена борзой кобель проскакивать,

— На правомъ стремени сидѣть-то младъ сизой
орѣлъ,

— Поѣ орѣлъ да всё насвистывать,

— Улещать, спотѣшааетъ онъ богатыря.

— А съ плеча съ плеча ясенъ соколъ да перелѣ-
тывать,

— Да изъ уха въ ухо да висти перенашивать.

— Сидитъ богатырь на добромъ конѣ самъ тѣ-
шится,

— Шибаетъ онъ палочку подъ облака

— А назадъ-то палка опускается

— Онъ на бѣлые руки подфатаючи,

— До сырой земли не допускаючи.

— Подходитъ подъ коней у насъ лютой звѣрь,

— Забиралъ я коней ко бѣлу шатру,

— Насыпалъ пшена да бѣлоярова.

Говорилъ Илья да таково слово:

«Да а й ты Добрынюшка Микитьевичъ!

«Садись-ко ты да на добра коня,

«Поѣдь-ко ты да вслѣдъ съ уговою.»

Говорилъ Добрыня таково слово:

— Ужь ты старые казакъ да Илья Муромецъ!

— Миѣ не дать на богатыря вѣдъ напуску. —

Говорилъ Илья да таково слово:

«Ты худая поляница ты удалая!

«Выѣзжалъ ты въ чистѣ полѣ поляковать,

«Какъ найдешь въ чистомъ поли сильнай себя,

«А какъ съ тѣмъ ты будешь бой держать,

«Али ты ему будешь покорь держать?

«Поѣдь къ жены да къ своей матери,

«А ты миѣ въ товарищи не надобно.»

А уздалъ Илья да тутъ добра коня,

Сѣдлалъ Илья да своего коня,

Садился Илья да на добра коня,

Поѣхалъ Илья да вслѣдъ съ уговою.

Настигъ онъ богатыря въ чистомъ поли,

А ѣде богатырь на добромъ кони,
Его храбрая поѣздка молодецкая,
А конь подъ богатыремъ какъ лютой звѣрь,
Скочитъ-ты онъ скаче по цѣлой версты,
Слѣдки-ты какъ доброй конь вымѣтывать
По цѣлой овчины по барановой,
Изо рта у добра коня пламя машѣ,
Изъ ноздрей у коня да искры сыплются,
Изъ ушей у коня да въ кудряхъ дымъ стаѣтъ.
У богатыря пишакъ на головы-де какъ огонь горитъ,

А узда на кони да какъ лучи пекутъ,
Отъ стремену его да звѣзды сыплются,
Отъ сѣдла у него-де какъ зоря стаѣтъ,
Зоря стаѣтъ да ровно утренна.
У лѣва стремена борзой кобель проскакивать,
На правомъ стремени сидѣтъ-то младъ низой орѣлъ,

Поѣ орѣлъ да всё насвистывать,
Улетать, спотѣшаетъ онъ богатыря.
А съ плеча съ плеча ясенъ соколъ да перелѣтывать,

Да изъ уха въ ухо да висти перенашивать.
Сидитъ богатырь на добромъ конѣ самъ тѣшитса,
Шибаетъ палочку подъ облака,
А назадъ-то палка опускается,
Онъ на бѣлые руки подфатаючи,
До снрой земли не допускаючи.
Тутъ Илья да пораздумалса.

«Да и что мнѣ съ богатыремъ да будетъ дѣлати?
«Мнѣ-ка битися драться не стоять будѣ,
«А назадъ отбѣхать дакъ не честь не слава молодецкая:

«Что настигъ я богатыря въ чистомъ поли,
«Да тутъ мнѣ съ богатыремъ не свидѣться,
«Не свидѣться не поздороваться.»

Зарыкалъ Илья да по звѣринуму,
Засвисталъ Илья да по змѣинуму,
Подъ богатыремъ конь да на колѣна палъ,
Говорилъ богатырь таково слово:

— Ты мой доброй конь, да травяной мѣшокъ!
— Чего ты мой доброй конь шарашисься,
— Пужаешься крику воронинаго,
— Налетѣла ворона порозгралася.»

А ѣде богатырь не оглянется,
Впередъ богатырь подавается.
Во-второй разъ зарыкалъ Илья да по звѣринуму,
Засвисталъ Илья да по змѣинуму,
Подъ богатыремъ конь да на колѣни палъ.
Говорилъ богатырь таково слово:
— Ты мой доброй конь, да травяной мѣшокъ!

— Чего ты мой доброй конь шарашисься,
— Пужаешься крику воронинаго.
— Налетѣла ворона порозгралася. —
Да ѣде богатырь не оглянется,
Впередъ богатырь подавается,
Да во третій разъ зарыкалъ Илья да по звѣринуму,
Засвисталъ Илья да по змѣинуму.
Подъ богатыремъ конь да на колѣна палъ,
Ударилъ богатырь тутъ добра коня да по тучнымъ бедрамъ.

— Ты волчья сыть, да травяной мѣшокъ!
— Чего ты мой доброй конь шарашисься,
— Пужаешься крику воронинаго,
— Видно мнѣ ворожишь да въ полону-де быть.—

Обворачивалъ богатырь тутъ добра коня,
Поѣхалъ на стрѣту къ Илью Муромцу.
Они стали добры молодцы съѣзжатице.
Будто двѣ сильнии горы вмѣсто свалилисе,
Будто два сильнии оболѣка вмѣсто солетѣлисе:
Два богатыря вмѣсто съѣзжалисе,
Они палками молодцы ударилисе,
А палки до рукъ поломалисе.

Да и коньями мѣлодцы ударилисе,
А и конья въ кольцахъ попригнулисе,
А другъ-то друга вѣдь не равни,
Да оба изъ сидѣлъ вонъ выпадали.
Пошли какъ онъ на рукопашной бой,
Пошибъ-то богатырь Илью Муромца.

Садился богатырь на бѣлы груди,
Вынималъ возище-то кинжалнице,
Ево ладить пороть да груди бѣлые.
Говорилъ Илья да таково слово:

«Скажись удалой доброй молодець!
«Ты коей земли, да ты коей орды,
«Коего отца, да чьѣи матери?»»

Говорилъ богатырь таково слово:
— А чортъ тебѣ мѣртвому и надобно. —
Во-вторые разъ Илья да ево спрашивалъ:

«Скажись удалой доброй молодець!
«Ты коей земли, да ты коей орды,
«Коего отца, да чьѣи матери?»»

Говорилъ богатырь таково слово:
— Да чортъ тебѣ мѣртвому и надобно,
— Лежи подъ низомъ, когда-де Богъ убилъ. —
Да во третій разъ Илья да ево спрашивалъ:

«Скажись удалой доброй молодець!
«Ты коей земли, да ты коей орды,
«Коего отца, да чьѣи матери?»»
Говорилъ богатырь таково слово:
— Да чортъ тебѣ мѣртвому и надобно. —

Дакъ видить Илья да неминучую,
 Сокопляетъ силу всю въ одно мѣсто,
 Зглянулъ Илья да на праву руку,
 На правой рукѣ подпись подписана:
 На бою Ильи да смерть не писана.
 Ухватилъ богатыря онъ за бѣлы груди,
 Да онъ сшибъ богатыря въ чисто полѣ.
 Выставалъ Илья да на рѣзвы ноги,
 Ухватилъ богатыря да за желты кудри,
 Да онъ сшибъ богатыря подъ облака.
 Назадъ-то богатырь опускается,
 Онъ на бѣлые руки подфатаючи.
 Становилъ богатыря онъ супротивъ себя,
 Да то сталъ богатыря онъ спрашивать,
 И дакъ сталъ богатырь ему сказывать:
 — Я изъ западныхъ странъ, изъ Золотой орды,
 — Я Петре царевичъ золотничанинъ.
 — Я спорожонъ отъ дѣвки Сиверьянчини *),
 — А не знаю родителя-то батюшка. —
 Говорилъ Илья да таково слово:
 «Да ай ты удалий добрый молодецъ!
 «Садись-ко ты да на добра коня,
 «Поѣдь-ко ты да къ родной матушки,
 «Скажи-тко ты да ей низкой поклонъ.
 «Отъ старова казака Ильи Муромца.»
 Садился богатырь на добра коня,
 Приѣзжаетъ богатырь къ родной матушки,
 Стрѣчаетъ ево да родна матушка,
 Стрѣчаетъ ево да среди двора.
 — Да ты ай ты дитя ты мое милое!
 — Что у ты дитя да въ лицу кровь не та,
 — Смѣнился румянецъ во бѣломъ лица.
 — Видно ты, дитя, да на побойщи былъ? —
 Говорилъ богатырь родной матушки:
 «Ты свѣтъ государыня моя матушка!
 «А былъ я сегодня на побойщи.
 «Бѣхалъ какъ я по чисту полю,
 «Настигъ меня богатырь во чистомъ поли,
 «Зарыкалъ богатырь по звѣриному,
 «Засвисталъ богатырь по змѣиному,
 «Подо мной доброй конь да на колѣна палъ.
 «А ѣду я да не оглядаюсь,
 «Вперѣдъ вѣдъ я да подаваюсе.
 «И во второй разъ зарыкалъ богатырь по звѣ-
 ринному
 «Засвисталъ богатырь по змѣиному,
 «Подо мной доброй конь да на колѣна палъ.
 «А ѣду я да не оглядаюсь,
 «Вперѣдъ вѣдъ я да подаваюсе.

*) «Была поляница какаа-то, Богъ ее знаетъ.»

«И да во третій разъ зарыкалъ богатырь по звѣ-
 ринному,
 «Засвисталъ богатырь по змѣиному,
 «Подо мной доброй конь да на колѣна палъ,
 «Тутъ ударилъ я добра коня да по тучнымъ бе-
 драмъ.
 — Ты волчья сыть, да травяной мѣшокъ!
 — Чего ты мой добрый конь шарашисься,
 — Пужаешься крику ворониного,
 — Видно мнѣ ворожишь да въ полону-де быть. —
 «И обворачивалъ тутъ я добра коня,
 «Поѣхалъ на стрѣту я къ богатырю.
 «Какъ мы стали добры молодцы съѣзжались,
 «Будто двѣ сильныя горы вмѣсто свалились,
 «Будто два сильныя облака вмѣсто солетѣлись,
 «Мы съ богатыремъ вмѣсто съѣзжались,
 «А палками мы съ нимъ какъ ударились,
 «Да и палки до рукъ да поломались.
 «А копытами мы какъ съ нимъ ударились,
 «Да копыта въ копытахъ попригнулися,
 «И другъ-то друга вѣдъ не ранили,
 «А оба изъ сидѣлъ конь выпадали.
 «Пошли мы какъ съ нимъ на рукопашной бой,
 «Пошибъ вѣдъ я да тутъ богатыря.
 «Садился тутъ я на бѣлы груди,
 «Вынималъ ножище-то кинжалнице,
 «Ево лажу пороть да груди бѣлые.
 «Говорилъ богатырь таково слово:
 «Скажись удалой доброй молодецъ!
 «Ты коей земли, да ты коей орды,
 «Коего отца, да чьей матери?
 «Говорилъ вѣдъ я да таково слово:
 «А чортъ тебѣ мертвому и надобно.
 «И во вторые разъ богатырь меня спрашивалъ:
 «Скажись удалой доброй молодецъ!
 «Ты коей земли, да ты коей орды,
 «Коего отца, да чьей матери?»
 Говорилъ вѣдъ я да таково слово:
 — Да чортъ тебѣ мертвому и надобно. —
 «Да въ третей разъ богатырь меня спрашивалъ:
 «Скажись удалой доброй молодецъ!
 «Ты коей земли, да ты коей орды,
 «Коего отца, да чьей матери?»
 Говорилъ вѣдъ я да таково слово:
 — Да чортъ тебѣ мертвому и надобно. —
 «Тутъ-то видить богатырь неминучую
 «Сокопляетъ силу всю въ одно мѣсто,
 «Ухватилъ меня онъ за бѣлы груди,
 «А онъ сшибъ меня да во чисто полѣ.
 «Выставалъ богатырь да на рѣзвы ноги,
 «Ухватилъ меня онъ да за желты кудри,

«Да и сшибь меня онъ тутъ подь облака,
 «Назадъ какъ я тутъ опускаюсе
 «Онъ на бѣлме руки подфатаючи,
 «До сырой земли не донускаючи.
 «Становилъ меня онъ супротивъ себя,
 «А и сталъ меня онъ тутъ-то спрашивать,
 «Да вѣдь сталъ-то я вѣдь ёму сказывать:
 — Я изъ западныхъ страць, изъ золотой орды,
 — И Петре царевичъ золотничанинъ.
 — Я спорожонъ отъ дѣвки Сиверьянчини,
 — А не знаю родителя-то батюшка. —
 «Говорилъ богатырь да таково слово:
 ««Да ты а й ты удалый добрый молодець!
 ««Садись-ко ты да на добра коня,
 ««Поѣдь-ко ты да къ рѣдной матушки,
 ««Сважи-тко ты да ей низкой поклонъ
 ««Отъ старова казака Ильи Муромца.»»
 Говорила ему да родна матушка:
 — Да а й ты дитя ты моё милое!
 — Ты бился съ родителемъ вѣдь батюшкомъ.
 — Когда ѣздила я во чисто полѣ. полаяковать,
 — Съѣзжались мы съ нмъ на поединочку.
 — Онъ меня побилъ, да тутъ и грѣхъ творилъ,
 — Оттого ты дитя моё зарѣжено. —
 Говорилъ богатырь таково слово:
 «Ты свѣтъ государыни моя матушка!
 «Поѣду я да на Фаворъ-гору,
 «Предамъ ему да смерть я скорую.»
 И обворачивалъ богатырь тутъ добра коня,
 Приѣзжаётъ къ Ильину да шатру бѣлому,
 Говорилъ богатырь таково слово:
 — Ставай, старая собака, ты сѣдатой пѣсь!
 — Я предамъ тебѣ да смерть вѣдь скорую. —
 Выставалъ Илья да на рѣзвы ноги,
 Надѣвалъ халатъ да въ ростопащечку (sic),
 Выходилъ Илья да изъ бѣла шатра,
 Ухватилъ богатыря онъ за желты кудри,
 Да онъ сшибъ богатыря подь облака,
 Да назадъ богатырь опускается,
 Онъ на бѣлме руки не подфатаючи.
 Убился богатырь о сыру землю.
 Говорилъ Илья да таково слово:
 «Едино чадушко на сѣмъ свѣтѣ зарѣжено,
 «И тому отъ своихъ да рукъ и смерть пришла.»

Записано на Кенозерѣ, 10 августа.

227.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

По три годы Добрынюшка стольничалъ,
 По три годы Добрыня приворотничалъ,
 По три годы Добрынюшка чашничалъ.
 На десятой-то лѣто сталъ конёмъ владать,
 Сталъ конёмъ владать Добрынюшка по городу гулять.

И матушка Добрынюшеѣ наказывала,
 Государыни Добрыни наговаривала:
 «Ужь ты млаже Добрынюшка Микитинъ сынъ!
 «Не ѣзди-тко Добрынюшка по городу гулять,
 «Да не ѣзди-тко Микитинъ сынъ по Киеву гулять.

«Ты не ѣзди-ко во улицы Игнатъевски,
 «Да въ тѣ ли переулочки Маринкины.
 «Да и та курва Мариночка Игнатъевска,
 «Да и сама курва Мариночка отравщица,
 «Она много отравила князей бояръ,
 «А поболѣ, отравила удалыхъ молодцовъ.
 «Отравила она девять богатырей,
 «Отравитъ тебя Добрыню во десятые.»
 Да и матушки Добрынюшка не слушаѣ,
 А поѣхалъ ли Добрынюшка по городу гулять,
 Да поѣхалъ ли Микитинъ сынъ по Киеву,
 Заѣзжалъ онъ тутъ во улицы Игнатъевски,
 А во тѣ ли переулочки Маринкины.
 А у той курвы Мариночки Игнатъевской,
 Хорошо ли теремъ да изукрашени.
 Онъ увидѣлъ на Маринкиномъ тереме,
 А сидятъ тутъ голубъ со голубкою,
 Да носокъ къ носку сидя ликуются *),
 А правильными крылами обнимаются.
 Розгорѣлось у Добрыни ретиво сердце,
 А натягалъ ли Добрынюшка свой тугой лукъ,
 И да наклáдалъ ли Добрыня калену стрѣлу,
 Да стрѣлялъ онъ тутъ во голуба съ голубкою.
 Не попалъ тутъ онъ во голуба съ голубкою,
 А цопалъ онъ ко Маринке во высокъ теремъ,
 Да во то ли то въ окошечко косярчато (sic).
 А разбилъ у ней околенку стекольчату,
 А сломилъ у ней прицѣпенку **) серебряну.
 А убилъ онъ у Маринки дружка милаго,
 А и младаго Тугарина Зміевича.
 И та курва Мариночка Игнатъевска,

*) Милуются.

**) Рама.

А металасе въ окошечко по поясу,
 Говорить курва Маринка таково слово:
 — А й ты младне Добрынюшка Микитиновичъ!
 — Ты на что стрѣлялъ во голуба съ голубкою,
 — Не попалъ ты во голуба съ голубкою,
 — А попалъ ко мнѣ ты во высокъ терѣмъ,
 — Да разбилъ у м'ня околенку стекольчатку,
 — А сломилъ у м'ня прицѣленку серебряну,
 — А убилъ ты у меня да дружка милаго,
 — Младаго Тугарина Зміевича,
 — Обирай-ко ты поди да тѣло мѣртвое. —
 Соходилъ тутѣ Добрыня со добра коня,
 Становилъ тутъ оны коня да ко точену столбѣ,
 Ко тому ли то кольцу да золочену.
 Заходилъ-то Добрыня во высокъ терѣмъ:
 «А й ты курва Мариночка Игнатьевска!»
 А металасе Мариночка за завѣсу,
 А мавила ли Добрынюшку за завѣсу,
 Просидѣлъ тутѣ Добрыня день до вечера,
 А не другъ-то другу слова не проговорили.
 Да пошолъ-то Добрынюшка изъ терема,
 Да и та курва Мариночка Игнатьевска,
 Да и брала то два ножика бузатніе,
 А подрѣзала Добрынины слѣдочки,
 Ко слѣдамъ курва Маринка приговаривала:
 «Какъ я рѣжу то Добрынины слѣдочки,
 «Такъ бы рѣзала Добрынюшко сердечушко,
 «А по мнѣ ли по Мариночкѣ Игнатьевской.»
 Затопяла скоро печку муравленну,
 Да метала-то Добрынины слѣдочки,
 Ко слѣдамъ курва Маринка приговаривала:
 «Какъ горя этѣ Добрынины слѣдочки,
 «Такъ горѣло бы Добрынюшко сердечушко.»
 Розгорѣлось у Добрыни ретиво сердце
 А по той ли по Мариночкѣ Игнатьевской.
 По утру вставае оны ранѣшенько,
 Да и просить оны прощенія у матушки.
 — Ты свѣтъ государыни моя матушка!
 — А и дай-ко мнѣ прощеньце женитися
 — А на той ли на Мариночкѣ Игнатьевской. —
 Говорила ли Добрыня редна матушка:
 «Ужъ ты младне Добрынюшка Микитиновичъ сынъ!
 «Хоть у князя ты женись, хоть у боярина.
 «Хоть у мужика женись ты у крестьянина,
 «Вездѣ дамъ тебѣ прощеніе женитися,
 «А не дамъ тебѣ прощеньца женитися
 «А на той курвы Мариночкѣ Игнатьевской.»
 Да и матушки Добрынюшка не слушае,
 А садился ли Добрыня на добра коня,
 Да поѣхалъ ли Добрынюшка по городу гулять.
 Заѣзжалъ оны тутъ во улицы Игнатьевски,

Да во тѣ ли переулки во Маринины,
 Соходилъ тутѣ Добрыня со добра коня,
 Становилъ оны тутъ коня да ко точену
 столбу,

Ко тому ли то кольцу да золочену,
 Заходилъ ли то Добрыня во высокъ терѣмъ.
 А й та курва Мариночка Игнатьевска,
 Она брала ли Добрыню за бѣлы руки,
 Говорила ли Добрыни таково слово:
 — Ужъ ты младне Добрынюшка Микитиновичъ сынъ!
 — Топерь какъ я захочу, такъ тобѣй поворочу.
 — Обвернуть тебя туромъ да златорогіемъ,
 — Отъ златорогаго тура поворотъ-отъ есть,
 — Обвернуть тебя какъ жабой подколоднею,
 — А отъ жабы подколодней повороту нѣтъ. —
 А й тутъ курва Мариночка сдобриласе,
 Обвернула-то туромъ да златорогіемъ,
 Да спустила-то тура да во чисто полѣ.
 А провѣдала Добрынюшкина матушка,
 Приѣзжала ко Мариночкѣ Игнатьевской,
 Говорила ли Маринки таково слово:
 «Ужъ ты ай Мариночка Игнатьевска!
 «А ты много отравила князей бояръ,
 «А поболѣ отравила удалыхъ молодцовъ,
 «Отравила ты девять богатирей,
 «Отравила ты Добрыню во десятые,
 «Обверни-тко ты Добрыню добрымъ молодцомъ,
 «Я тя за Добрынюшку замужъ возьму.
 «Не обвернешь ты какъ Добрыни добрымъ мо-
 модцомъ,

«Обверну тебя сорочкой вѣщицей.»
 Да и тутъ курва Маринка перепаласе,
 Обвернула-то Добрыню добрымъ молодцомъ.
 А и та ли та Добрынюшкина матушка,
 Обвернула-то Мариночку сорочкою,
 Да и той ли то сорочкой вѣщицей,
 Да спустила-то сорочку во чисто полѣ,
 Съ-подъ гумѣньца сорочекъ всѣхъ повѣгонила,
 Изъ чиста поля сорочекъ всѣхъ повѣтатила.

Записано тамъ же, 14 августа.

228.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Изъ-подъ бѣлыя березки вудреватя,
 Изъ-подъ чудна креста Леванидова,
 Изъ-подъ святыхъ мощей изъ-подъ Борисовыхъ,
 Изъ-подъ бѣлаго латыря каменя,

Тутъ повышла, повышла-повыбѣжала,
 Выбѣжала-вылегала матка Волга рѣка,
 Широка матка Волга подь Казань прошла,
 Пошире того она подь Вастракань.
 Она много матка Волга въ себе рѣкъ побрала,
 Побольше того она ручьѣвъ пожрала,
 Давала плеса она Далінскіе,
 А горы-доли Сорочинскіе,
 А мѣсто-то шла она три тысячи.
 А выпала Волга въ море Чёрное,
 Да устьѣвъ пустила ровно семдесятъ,
 Широкъ перевозъ да подь Новымъ-градомъ.
 Да все это братцы не сказочка,
 А все это братцы приба-луточка,
 Теперь-то Добрынюшки зачинъ пошолъ.
 Во стольнѣмъ-то города во Києвн,
 У ласкова князь у Владиміра,
 Хорошъ погодился почестной пиръ,
 На многіе князи на бѣира,
 На сильни могучіе богатыри,
 На всѣ поляници удалые.
 Да дологъ день иде ко вечеру,
 Почестной пиръ иде ко веселу,
 А красной солнышко ко западу.
 Почестной пиръ иде на весели,
 Владиміръ князь да роспотѣшился,
 Онъ ходитъ по грани по столовыи,
 Да самъ государь выговаривать:
 «Вы сильни могучіе богатыри,
 «Вы всѣ поляници удалые!
 «Постойте за вѣру христіанскую,
 «За домъ Пресвятны Богородицы,
 «За меня за князя за Владиміра,
 «За княгиню Опракси-Тимоеевну,
 «За вдовъ, за сиротъ и за безсчастныхъ жонъ,
 «А пишеть невѣжа за угрозою,
 «Да просить невѣжа поединщика.»
 А всѣ тутъ богатыри замолчали,
 А бѣльшей тулится за среднево
 А срѣдней тулится за мѣньшево,
 Отъ мѣньшево царю отвѣту нѣтъ.
 Возговорилъ да Илья Муромецъ:
 — Вы глупце русскіе богатыри!
 — Хоть долго молчать, а слово говорить.
 — Не давно братцы я изъ походу-то пришолъ,
 — Я жилъ на дорожки сорочинскіе,
 — На крѣпости-заставы богатырскіе,
 — А бился я дрался съ поединщикомъ.
 — Налетѣла невѣжа чернымъ ворономъ,
 — Не покажется невѣжа на мои глаза,
 — А я бы невѣжу изъ туга лука убилъ. —

Накинули службу-работушку
 На млада Добрынюшку Микитича,
 Тутъ здробѣло у Добрыни ретиво сердце,
 Помутались у Добрыни очи ясные,
 Потемнѣлъ бѣлой свѣтъ во ясныхъ очѣхъ.
 Онъ со пиру пришолъ къ родной матушки,
 Да не веселъ пришолъ не радощень.
 Говорила Добрыни родна матушка:
 «Да ай ты дитя мое милое,
 «Ты младой Добрынюшка Микитьевичъ!
 «А что ты не веселъ со пиру пришолъ?
 «Видно мѣсто тебѣ было не по вотчины,
 «Али чара пива не рядомъ дошла,
 «Али пьяница тобою осмѣялесе,
 «Али безумница прибезчестила.»
 Говорилъ Добрыня родной матушки:
 — Ты свѣтъ государынъ родна матушка!
 — А мѣсто-то мнѣ было по вотчины,
 — И чара-то пива мнѣ рядомъ дошла,
 — Да пьяница мной не осмѣялесе,
 — Безумница не прибезчестила.
 — Спородила ты меня мать несчастливаго,
 — А силою меня не сильнѣго,
 — Да смѣлостью меня не смѣлаго,
 — Поѣздочкой меня не храбраго,
 — Походочкой и не шпалливаго,
 — Басою-красой не красовитаго,
 — Кудрями меня не кудреватаго,
 — Богачествомъ не богатаго. —
 Говорила Добрыни родна матушка:
 «Да ай ты дитя ты мое милое!
 «Я бы рада спородитъ дитя милое,
 «А силой въ Самсона Кольванова,
 «А смѣлостью да въ Илью Муромца,
 «Поѣздочкой въ Дюка Степанова,
 «Походочкой въ Чурила Пленкова,
 «Басой-красой въ Осѣпа прекраснаго,
 «Кудрями въ царца Кудреянища,
 «Богачествомъ дитя милое
 «Въ Садка купца да новгородскаго,
 «Таково ты Господь зародилъ.»
 А прѣспалъ Добрыня ночку тѣмную,
 Поутру Добрынюшка справляется,
 Съ родителью матушкой прощается,
 А паче тово съ молодой женой.
 И да наказывалъ Добрыня молодой жены:
 — Да ай ты моя ты молода жена,
 — А ты Катерина дочь Микулична!
 — Какъ будѣтъ Добрынюшки три годъ,
 — А будѣтъ Добрынюшки шесть годовъ,
 — Пройдетъ какъ Добрыни ровно девять лѣтъ

— Не будет не вѣсточка, не грамота,
 — Не низко близко челомбѣтницю,
 — Тогда Катерина и замужъ поди,
 — Выбирай жениха собѣ по разуму.
 — Не ходи не за князя, не за барина,
 — А вѣдь ты за русскаго богатыря,
 — Выбирай-ко богатыря противо меня.
 — Не ходи Катерина дочь Микулична
 — За вора Олѣшу за Поповича.
 — Олѣша Поповичъ мнѣ крестовой братъ,
 — Крестовой братъ и паче рѣдчаго. —
 Садился Добрыня на добра коня,
 Поѣхалъ Добрынюшка во чисто полѣ,
 Отѣзжалъ Добрыня во чисто полѣ,
 Становился на дорожку Сорочинскую,
 На крѣпость-заставу богатырскую.
 Онъ жилъ на дорожки ровно три года,
 Не видѣлъ ни конного ни пѣшого,
 Не сѣраго гуся пролѣтнаго.
 А платье на молодци избилосе,
 Надѣвалъ онъ плащаница звѣринна.
 Захотѣлось Добрынюшки помытиса,
 Помытиса Добрыня покупатисе,
 Забродилъ онъ во матку во Пучай рѣку;
 На ту ли-то пору да на то время
 Налетѣла курва Ягá-баба,
 Ладить Добрынюшку нагá пожрать.
 Говорилъ Добрыня таково слово:
 — А й ты курва Ягá-баба!
 — Не честь не слава молодецкая
 — Нагого богатыря въ води пожрать.
 — А дай-ко, курва, надѣтисе,
 — Да дай-ко, курва, обутисе! —
 Да дала Ягá-баба надѣтисе,
 А дала Яга-баба обутисе,
 Совсѣмъ Добрынюшка справилсe.
 А стали Добрыня съ бабой битисе,
 Да бился Добрыня съ бабой шесть годовъ,
 Не видѣлъ ни конного ни пѣшого,
 Не сѣрого гуся пролѣтнаго,
 Только видѣлъ Олѣшу Поповича.
 А ѣде Олѣша изъ чиста поля,
 Да прямо-то ѣде онъ во Кіевъ градъ.
 Приѣзжалъ Олѣша во Кіевъ градъ,
 Приходилъ Олѣша ко Владиміру,
 Говорилъ Олѣша таково слово:
 «Владиміръ ты князь да степенъ-кіевской!
 «Благослови государь меня женитисе
 «На той Катерины на Микуличной.
 «Я видѣлъ Добрыню бита ранена,
 «Головою лѣжить да въ часть ракитовъ кусть,

«Ногами лежить да во кувиль траву,
 «Да ружья, лука исприломаны,
 «По сторонамъ лука испримѣтаны,
 «А конь-отъ ходитъ въ широкихъ степяхъ.
 «А летаютъ вороны-ты черные,
 «А трнѣкаютъ тѣло Добрыню
 «Нося суставы все Добрынины.»
 Говорилъ Владиміръ таково слово:
 — Поди-тко Олѣша ты къ ей сватайся.
 — Буде добромъ идѣ, дакъ ей добромъ бери,
 — Добромъ неиде, дакъ забоемъ бери,
 — Ты силой бери да богатырскою,
 — Грозою бери да княженецкою. —
 Приходилъ Олѣша къ ей свататься.
 Не позволила Катерина тутъ замужъ итти.
 Позволилъ Владиміръ ей сплѣомъ отдать,
 Онъ силой отдать да богатырскою,
 Грозою отдать княженецкою.
 Севодня у нихъ рукобѣтницю,
 А завтра будетъ у нихъ свадебка.
 По той ли по улки по Ильинскій,
 Не ясной соколикъ пролѣтывалъ,
 Проѣзжалъ-пролегалъ тутъ старѣй казакъ.
 Начальний богатырь Илья Муромецъ.
 Проѣзжалъ Илья во чисто полѣ,
 На ту на дорожку сорочинскую,
 На крѣпость-заставу богатырскую,
 Приѣзжалъ ко Добрынюшки Мнѣнтичу.
 Говорилъ Илья таково слово:
 «А здравствуй Добрынюшка Мнѣнтѣвичъ!»
 Говорилъ Добрыня таково слово:
 — А здравствуй любимый ты мой дядюшко,
 — Начальний богатырь Илья Муромецъ! —
 Тутъ-то спрашивалъ Добрынюшка про Кіевъ
 градъ,
 Здорово ли живѣтъ да весь тутъ Кіевъ градъ
 Первѣ говорилъ онъ вистъ нерадошну:
 «Здорово живѣтъ да весь-то Кіевъ градъ,
 «Какъ твоя-то вѣдь и молода жена,
 «Твоя Катерина дочь Микулична,
 «Выходитъ за вора Алѣшу за Поповича.
 «Не добромъ выходитъ, забоемъ берѣ,
 «Онъ силой берѣ да богатырскою,
 «Грозою берѣ княженецкою.»
 Говорилъ Добрыня таково слово:
 — Да а й же ты любимый ты мой дядюшко,
 — Начальний богатырь Илья Муромецъ!
 — Пособи-тко убить курвы Ягáи бабы. —
 Говорилъ Илья да таково слово:
 «Да а й ты Добрынюшка Мнѣнтѣвичъ!
 «Не честь не слава молодецкая

«Двумъ богатырямъ битися съ одной бабою.
 «А бей-ко ты бабу по бабьему,
 «По титькамъ бей да и подъ гузно.»
 Да спомнилъ онъ старыя ухваточки,
 А сталъ бити по титькамъ да и подъ гузно,
 Убилъ онъ курву Ягу-бабу.
 Садился Добрыня на добра коня,
 Поѣхалъ Добрынюшка во Кіевъ градъ,
 Кричить онъ вопить лучше старого,
 Поѣзду кажетъ лучше прѣжняго,
 Да прямо-то ѣде онъ во Кіевъ градъ.
 Приѣзжалъ Добрынюшка во Кіевъ градъ,
 Скакалъ черезъ стѣну городовую,
 Черезъ высоки башни наугольніе,
 Да прямо-то ѣде онъ ко терему,
 Ко своей родители матушки.
 Приѣзжалъ Добрынюшка ко терему,
 Соходилъ Добрыня со добра коня,
 Заходилъ Добрыня во высокъ теремъ,
 Онъ крестъ кладетъ да по писаному,
 Поклонъ выводитъ до сырой земли,
 А бьетъ челомъ да на вси стороны,
 Родители матушки въ особину.
 — А здравствуй родители моя матушка! —
 Говорила Добрыня родна матушка:
 «Ты здравствуй удалый добрый молодець!
 «Хоть Добрынюшкой ты называешься,
 «А нѣту Добрыни жива на свѣтѣ.
 «А видѣлъ Олѣша Поповичъ-отъ,
 «Онъ видѣлъ Добрыню бита-ранена,
 «Головою лежитъ да въ часть раки товѣ кустъ,
 «Ногами лежитъ да во кувылъ траву,
 «Да ружья, лука исприломаны,
 «По сторонамъ лука испримѣтаны,
 «А конь-отъ ходитъ въ широкіхъ стѣняхъ.
 «А лѣтають вороны-ты черныя,
 «А тренькають тѣло Добрынино,
 «Носятъ суставы все Добрынины.»
 Скидалъ Добрыня до-нага платьѣ,
 Показывалъ пятенца родимныя.
 Подъ той подъ правой подъ пазушкой
 А было два пятенца два черныя,
 Два черныя пятенца родимныя.
 Говорила Добрыня родна матушка:
 — Теперь возсіяло красно солнышко
 — Ты млáдой Добрынюшка Микитѣвичъ!
 — Какъ твоя-то вѣдь и молода жена,
 — Твоя Катерина дочь Микулична,
 — Выходитъ за вора Олѣшу за Поповича.
 — Не добромъ выходитъ забоемъ берѣ,
 — Онъ сплой берѣ богатырскою,

— Грозою берѣ княженецкою.
 — Вчерасе у нихъ рукобитыцо,
 — Севодня-то у нихъ свадебка. —
 Говорилъ Добрыня родной матушки:
 «Ты свѣтъ государынь моя матушка!
 «А дай-ко мнѣ доску гусельною,
 «Да дай-ко мнѣ платье скоморошноѣ,
 «А дай-ко шалыгу мнѣ корманную,
 «Вѣсѹ кой тянѣ поль-семá пуда.
 «Пойду я къ Олѣшѣ на свадебку.»
 А дала мать доску гусельною,
 Да дала мать платье скоморошноѣ,
 Да дала шалыгу корманную,
 Вѣсѹ кой тянѣ поль-семѣ пуда.
 Пошѣлъ онъ къ Олѣшѣ на свадебку,
 Заходилъ онъ къ Олѣшѣ во высокъ теремъ,
 Садился Добрыня на опѣсточѣвъ *),
 Натягалъ онъ струну про Кіевъ градъ,
 Другую-ту про похождение,
 Выигрывалъ свое рождение.
 Никто-то въ пиру не догадается,
 Одна Катерина догадалася:
 «Не быть то веселой скоморошине,
 А быть то Добрынюшки Микитичу.»
 Владимиру игра прилюбязася,
 Говорилъ Владимиръ таково слово:
 — Да а й ты весела скоморошина!
 — Садись, скоморохъ, за дубовой столъ,
 — Первѣе тѣ мѣсто подлѣ меня,
 — Другѣе мѣсто на лавочкѣ,
 — А третье мѣсто куды самъ садись. —
 Садился Добрыня на скамеечку,
 Супротивъ Олѣшиной молодой жены,
 Супротивъ Катерины-то Микуличной.
 Не долго сидѣлъ а слово выдумалъ:
 «Владимиръ ты князь да столень-кѣвской!
 «Благослови, государь, слово молвити.
 «За слово меня да не повѣсити.
 «А пусть-ко Олѣшина молода жена,
 «Поднесетъ мнѣ чару зелена вина.»
 Дакъ тутъ-то Олѣшина молода жена,
 Подносила чару зелена вина.
 Берѣтъ онъ чару единой рукой,
 Выпивалъ онъ чару на единой духъ,
 На отместку наливалъ самъ чару зелена вина,
 Подавалъ Катерины-то Микуличной,
 Подавалъ чару выговаривать:
 «Ужъ ты а й ты Олѣшина молода жена,
 «А ты Катерина дочь Микулична!

*) противъ печи.

«Ты пей до дна — дакъ увидашь добра,
 «Не выпьешь до дна — дакъ не видать добра.»
 Она пила до дна дакъ увидѣла добра:
 Выкатывался перстень обрученны,
 Боторымъ перстнемъ обручались
 Со старымъ Добрынюшкой Микитичемъ.
 По перстню она да догадалася,
 А тутъ Катерина взрадовалася,
 Говорить Катерина таково слово:
 — Владимиръ ты князь да столень-Кіевской!
 — Благословн, государь, слово молвити,
 — За слово меня да не повѣсити,
 — Какъ не тотъ мой милъ да кой подлѣ сидитъ,
 — А тотъ мой милъ кой супротивъ сидитъ. —
 Подавалъ-ка чару зелена
 Старо-прежній Добрынюшка Микитьевичъ,
 Выставалъ Добрыня со скамеечки,
 Берѣтъ онъ Олѣшу за желты будри,
 Да онъ тѣне Олѣшу зъ-за дубоваго стола,
 Ёво спибѣ-то о сѣреду кирпичную,
 Вынималъ шалыгу корманую,
 Да п сталъ Олѣшу покакивать*),
 А п сталъ Олѣша поахенвать.
 Въ томъ шалышномъ бухканѣ
 Не слышно Олѣшина охканья.
 Да только Олѣша женатъ бывалъ,
 Постригся Олѣша поскимился,
 Пошѣлъ Олѣша во монастыри.
 А тотъ ли Добрынюшка Микитьевичъ
 А бралъ Катерину за праву руку,
 Повѣлъ Катерину къ родной матушени.
 Съ той поры да съ того времени,
 Стали Добрыню стариной сказать,
 Отнынѣ сказать да ёво до вѣку.

Записано тамъ же, 10 августа.

229.

МОЛОДОСТЬ ЧУРИЛЫ.

Да во стольнемъ-то во городи во Кіеви,
 У ласкова князя у Владиміра
 Хорошъ погодился почестной пирь
 На многіе князи на бояра,
 На сильніе могучіе богатыри,
 На всѣ на поляницы удалые.
 Дологъ день иде по вечеру,

*) пополачивать.

Почестной пирь иде ко веселу,
 Красное солнышко ко западу,
 Почестной пирь иде на весели,
 Владиміръ князь роспотѣшился,
 Выходилъ онъ на крылечко перѣное,
 Овалился о перила о точеные,
 Здрѣлъ-смотрѣлъ въ поле чистое.
 Изъ далеча-далеча изъ чиста поля
 Идутъ мужики и все Кіевляна,
 Бьютъ они целомъ, жалобу кладутъ,
 Владиміру-то князю до сырой земли.
 «Солнышко нашъ, Владиміръ князь!
 «Дай, государь-царь, правой судъ
 «На вора Чурила сына Пленковича.
 «У насъ было на матки на Сароги на рѣки,
 «Невѣдомые люди появилисе,
 «Шелковы неводи запускавали,
 «Грузивца были серебряные,
 «Наплавки позолоченные.
 «Рыбы сорогу*) помыловили,
 «Намъ, государь свѣтъ, улову нѣтъ,
 «Тебѣ, государь, свѣжа куса нѣтъ,
 «Намъ отъ тебя нѣтъ, сударь, жалованья.»
 Та толпа-то на дворъ прошла,
 Новая изъ поля появилася,
 Идутъ мужики и все Кіевляна,
 Бьютъ они целомъ жалобу кладутъ,
 Владиміру-то князю до сырой земли.
 — Солнышко нашъ Владиміръ князь!
 — Дай, государь-царь, правой судъ
 — На вора Чурила сына Пленковича.
 — У насъ было на матки на Сароги на рѣки
 — Невѣдомые люди появилисе,
 — Во тѣхъ ли во тихихъ во заводяхъ,
 — Гуся-лебедя повыстрѣляли,
 — Сѣрюю пернату малу утушку.
 — Намъ, государь свѣтъ, улову нѣтъ,
 — Тебѣ, государь, свѣжа куса нѣтъ,
 — Намъ отъ тебя нѣтъ, сударь, жалованья. —
 Та толпа-то на дворъ прошла,
 Новая изъ поля появилася,
 Идутъ мужики и все Кіевляна,
 Бьютъ они целомъ жалобу кладутъ,
 Владиміру-то князю до сырой земли.
 «Солнышко нашъ Владиміръ князь!
 «Дай, государь-царь, правой судъ
 «На вора Чурила сына Пленковича.
 «У насъ было за городомъ зи Кіевомъ,
 «Во тѣхъ ли рощахъ во сосновихъ,

*) плотва.

«Невѣдомые люди появились.
 «Шелковы тѣнета протягивали,
 «Кунку и лиску повыловили,
 «Бѣлаго заморскаго зайца,
 «Чернаго сибирскаго соболя.
 «Намъ, государь-свѣтъ, улову нѣтъ,
 «Тебѣ, государь, свѣжа куса нѣтъ,
 «Намъ отъ тебя нѣтъ, сударь, жалованья.»
 Та толпа-то на дворъ прошла,
 Новая изъ поля появилася,
 Есть молодцовъ до пяти ихъ сотъ,
 Кони подъ нимъ однокаріе были,
 Жѣребцы всё латынскіе,
 Узды повода сорочинскіе,
 Сѣделышка были на золоти.
 Молодцы на коняхъ одноѣрные,
 Платьѣ у нихъ однопарное,
 Кожаны-ты на молодцахъ лосинные,
 Кафтаны-ты на молодцахъ голубъ скурлатъ,
 Источниками-де *) подпоясалисѣ,
 Шляпы на главахъ золоты вѣршки,
 Камзолы-ты штаны голоплісовые,
 Сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ,
 Дѳрога сафьяну турецкаго,
 Баскаго покрою нѣмецкаго,
 Крѣпкаго шитья ярославскаго.
 Кони подъ нимъ бы соколы летя,
 Молодцы на коняхъ какъ свѣчи горя,
 Ъзда по городу уродствуютъ,
 Лукъ и чеснокъ весь повыщипали,
 Бѣлую капусту повыломали,
 Красныхъ-то дѣвокъ къ сорому-де привели,
 Молодыхъ молодокъ прибезчестили,
 Старыхъ-то старухъ да обезвѣчили.
 Собиралисѣ князьѣ всё и бояре,
 Всё ли то купцы всё торговые,
 Всё ли мужики огородники.
 Бьютъ они челомъ, жалобу кладутъ,
 Владимиру-то князю до спрой земли.
 — Солнышко нашъ Владимиръ князь!
 — Дай, государь-царь, правой судъ
 — На вора Чурила сына Пленковича.
 — У насъ было во городи во Кіеви,
 — Невѣдомые люди появились,
 — Есть молодцовъ до пяти ихъ сотъ,
 — Кони подъ нимъ однокаріе были,
 — Жѣребцы всё латынскіе,
 — Узды, повода сорочинскіе,
 — Сѣделышка были на золоти.

*) не знаетъ.

— Молодцы на коняхъ одноѣрные,
 — Платьѣ у нихъ однопарное,
 — Кожаны-ты на молодцахъ лосинные,
 — Кафтаны-ты на молодцахъ голубъ скурлатъ,
 — Источниками-де подпоясалисѣ,
 — Шляпы на главахъ золоты вѣршки,
 — Камзолы-ты штаны голоплісовые,
 — Сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ,
 — Дѳрога сафьяну турецкаго,
 — Баскаго покрою нѣмецкаго,
 — Крѣпкаго шитья ярославскаго.
 — Кони подъ нимъ бы соколы летя,
 — Молодцы на коняхъ какъ свѣчи горя,
 — Ъзда по городу уродствуютъ,
 — Лукъ и чеснокъ весь повыщипали,
 — Бѣлую капусту повыломали,
 — Красныхъ-то дѣвокъ къ сорому-де привели,
 — Молодыхъ молодокъ прибезчестили,
 — Старыхъ-то старухъ да обезвѣчили. —
 Говорилъ-то Владимиръ таково слово:
 «Глупые князьѣ всё и бояра,
 «Неразумные купцы всё торговые!
 «На ково мнѣ-ка дать, сударь, правой судъ.
 «Не знаю я Чурила гдѣ дворомъ стоять,
 «Не знаю я Чуриловой поселицы.»
 Говорятъ-то князьѣ всё и бояра:
 — Знаемъ мы Чурила гдѣ дворомъ сѳонть,
 — Знаемъ мы Чурилову поселицу,
 — Живѣтъ-то Чурилушка не въ Кіеви,
 — Живѣтъ-то Чурилушка за Кіевомъ,
 — Дворъ-отъ у Чурила на семи верстахъ,
 — Около двора всё булатнй тынъ,
 — Верхй-ты были всё точѣнне,
 — Подворотенки-ты были дорогъ рыбей зубъ,
 — Надъ воротами иконъ до семидесятъ,
 — На дворѣ есть теремовъ до семй ихъ сотъ.—
 Подымается Владимиръ во чисто полѣ,
 Подымается къ Чурилушку поселицы глѣдѣтъ.
 Садилса Владимиръ на добрыхъ коней,
 Приѣзжае ко Чурилову широкому дворѣ,
 Говорилъ-отъ Владимиръ таково слово:
 «Какъ говорили мужики такъ и сдѣлалось.
 «Есть тутъ дворъ на семи верстахъ,
 «Около двора всё булатнй тынъ,
 «Верхй-ты были всё точѣнне,
 «Подворотенки-ты были дорогъ рыбей зубъ,
 «Надъ воротами иконъ до семидесятъ,
 «На дворѣ есть теремовъ до семй ихъ сотъ.»
 Изъ того ли изъ Чурилова широкаго двора
 Выходилъ тутъ старые матерый человекъ,
 Шуба-та на старомъ соболиная,

Подъ дѳрогимъ подъ зеленымъ подъ знаметоу,
 Путовки всё вольачныи,
 Литъ-то вольякъ красна золота,
 По тому ли-то по яблоку по любскому.
 Петельки изъ семи шелковъ,
 Шляпа-та на старомъ съ полимажами.
 Говорилъ тудо старой таково слово:
 — Владиміръ ты нашъ князь столень-кїевской!
 — Гости-тко ты, пожалуй во высокъ терёмъ —
 — Хлѳба ты соли покушати
 — Бѳлаго-то лебеда порушати. —
 Говорилъ туть Владиміръ таково слово:
 «А й же ты старые матерый человекъ!
 «Не знаю тебя, старый, какъ по имени зовуть,
 «Не знаю тебя, старый, по отѳчеству.»
 Говорилъ тудо старый таково слово:
 — Владиміръ ты нашъ князь столень-кїевской!
 — Я-то вѳдъ Плѳнкъ, сынъ Сарѳжанинъ,
 — Со Сарогн со рѳви, Чуриловъ батюшко. —
 Пошоль-то Владиміръ на широкой дворъ:
 У Чурила первы сѳни рѳшетчатые,
 У Чурила други сѳни серебряные,
 У Чурила третьи сѳни были на золоти.
 Заходилъ-то Владиміръ во высокъ терёмъ,
 Въ терему поль-середѳ одного серебра,
 Стѳны потолокъ красна золота,
 На неби сонце и въ тереми сонце,
 На неби мѳсяцъ и въ тереми мѳсяцъ,
 На неби звѳзды розсыплются,
 Въ тереми звѳзды розсыплются,
 Вся небесная луна въ теремѳ приведена.
 Садился Владиміръ за дубовой столъ:
 Столъ-отъ вѳдъ идѳ у нихъ въ поль-стола,
 Пиръ-отъ вѳдъ идѳ у нихъ въ поль-пира.
 Красное солнышко во западу,
 Почестной идѳ на весели,
 Владиміръ князь распѳтѳнился,
 Взглянулъ онъ въ окошко косѳрчатѳе,
 Увидѳлъ онъ въ поли толпа-де молодцовъ,
 Есть молодцовъ до пяти ихъ сотъ.
 Кони подъ нимѳ одноваріе были,
 Жѳребцы всё латынскіе,
 Узды повода сорочинскіе,
 Сѳделышка были на золоти.
 Мѳлодцы на коняхъ одношѳрные,
 Платѳе у нихъ однопарное,
 Кожѳны-ты на молодцахъ лосинные,
 Кафтаны-ты на молодцахъ голѳбъ скурлатъ,
 Источниками-де подпоясалисѳ,
 Шляпы на главахъ золотѳ вѳршки,
 Камзолы-ты штаны голоплѳсовые,

Саложки на ножкахъ зеленъ сафьянъ.
 Дѳрога сафьяну турецкаго,
 Бѳского покровѳ нѳмецкаго,
 Крѳпкого шитѳя ярославскаго.
 Кони подъ нимѳ бы соволи лети,
 Молодцы на коняхъ какъ свѳчи горя.
 Владиміръ князь исполошался,
 Говорилъ-то Владиміръ таково слово:
 «А й же ты старые матерый человекъ!
 «Чѳя эта сила появиласѳ?
 «Не царъ ли съ ордой, не король ли съ Литвой
 «Не думные бояринъ ли не сватовщикъ
 «На любимые Забавны на племянницы?»
 Говорилъ тудо старый таково слово:
 — Не пужайся, Владиміръ, не полошайся!
 — Не царъ ѳде съ ордой, не король съ Литвой,
 — Не думные бояринъ да не сватовщикъ
 — На любимые Забавнѳ на племянницы,
 — А ѳдутъ то Чуриловы всё столынки. —
 Та толпа-то на дворъ прошла,
 Новая изъ поля появиласѳ,
 Есть молодцовъ до пяти ихъ сотъ.
 Кони подъ нимѳ однорѳжи бѳжѳ,
 Жѳребцы всё латынскіе,
 Узды повода сорочинскіе,
 Сѳделышка были на золоти.
 Мѳлодцы на коняхъ одношѳрные,
 Платѳе у нихъ однопарное,
 Кожѳны-ты на молодцахъ лосинные,
 Источниками-де подпоясалисѳ,
 Кафтаны-ты на молодцахъ голѳбъ скурлатъ,
 Шляпы на главахъ золотѳ вѳршки,
 Камзолы-ты штаны голоплѳсовые,
 Саложки на ножкахъ зеленъ сафьянъ,
 Дѳрога сафьяну турецкаго,
 Бѳского покровѳ нѳмецкаго,
 Крѳпкого шитѳя ярославскаго.
 Кони подъ нимѳ бы соволи лети,
 Молодцы на коняхъ какъ свѳчи горя.
 Владиміръ князь исполошался
 Говорилъ-то Владиміръ таково слово:
 «А й же ты старые матерый человекъ!
 «Чѳя это за сила появиласѳ?
 «Не царъ ли съ ордой, не король ли съ Литвой,
 «Не думные бояринъ ли не сватовщикъ
 «На любимые Забавнѳ на племянницы?»
 Говорилъ тудо старый таково слово:
 — Не пужайся Владиміръ, не полошайся!
 — Не царъ ѳде съ ордой, не король съ Литвой,
 — Не думные бояринъ да не сватовщикъ
 — На любимые Забавнѳ на племянницы,

— А ѣдутъ то Чуриловы все ключники. —
 Та толпа-то на дворъ прошла,
 Новая изъ поля появилася,
 Есть молодцовъ ихъ до тысячи.
 Кони подъ нимъ однобуръ бѣжа,
 Жеребцы всё латынскіе,
 Узды повода сорочинскіе,
 Сѣдешка были на золоты.
 Мблудцы на коняхъ одноѣрные,
 Платѣ у нихъ однопарное,
 Кожаны-ты на молодцахъ лосинные,
 Кафтаны-ты на молодцахъ голубъ скурлатъ,
 Источниками-де подпоясалисе,
 Шапы на главахъ золоты вѣршенъ,
 Комзолы-ты штаны голоушсовые,
 Сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ,
 Дорога сафьяну турецкаго,
 Баскова покрову вѣмецкаго,
 Крѣпкого шитья ярославскаго.
 Кони подъ нимъ бы соколы лета,
 Молодцы на коняхъ какъ свѣчи горя,
 Середній ѣде улицею молодець,
 Съ коня-то онъ на конь перескѣкивае,
 Черезъ три-то онъ коня да на четвѣртого.
 Говорилъ тутъ Владиміръ таково слово;
 «А й же ты старые Матѣрній человекъ!
 «Что это ѣде за молодець?»
 — Не пужайся, Владиміръ, не полошайся,
 — Ёде мой сыннишко безгодные,
 — Младые Чурилушко сынъ Пленковичъ. —
 Заслышалъ-то Чурило немилыхъ гостей,
 Бралъ тутъ Чурило золоты ключи,
 Заходилъ-то Чурило во глубокъ погрѣбъ,
 Бралъ-то Чурило золотой казны,
 Да бралъ-то Чурилушка куніицъ и лисицъ,
 Бѣлыхъ заморскихъ-то зайцовъ,
 Князей-то дарилъ да онъ куніицами,
 Куніицами дарилъ да лисицами,
 А мужиковъ-то дарилъ онъ золотой казной.
 Говорилъ-то Владиміръ таково слово:
 «Младый ты Чурилушко сынъ Пленковичъ!
 «Много на тебя было просителей,
 «Теперь больше того благодателей.»
 Съ той поры съ того времени
 Стали Чурило старинной сказать.

Записано тамъ же, 14 августа.

230.

Д Ю К Ъ.

Изъ Волинца города изъ Галича,
 Изъ той Волини земли богатя,
 Изъ той Корелы изъ провлятя,
 Да не бѣлъ кречетушко виборхиваль,
 Не бѣлъ горносталюшко проскакиваль,
 Не ясенъ соколикъ тутъ пролѣтываль,
 Проѣзжалъ удамой доброй молодець,
 Молодой боярской Дюкъ Степановичъ.
 Ёздилъ Дюкъ да ко синю морю,
 Ко синю морю ѣздилъ за охвотами,
 Охвотникъ стрѣлять былъ гусей лебедей
 А сѣрыхъ пернатыхъ малыхъ утушекъ.
 Онъ двѣмъ стрѣлялъ, ночью стрѣлы собираль,
 Гдѣ стрѣла лежитъ, дакъ будто жаръ горитъ.
 А выстрѣлялъ Дюкъ да ровно триста стрѣлъ,
 А и триста стрѣлъ да ровно три стрѣлы,
 Не убилъ ни гуся и не лебедя,
 Не сѣрой пернатой малой утушки.
 Собираль онъ стрѣлочки въ одно мѣсто,
 Нашоль-то Дюкъ да ровно триста стрѣлъ,
 Не могъ найти онъ ровно трѣхъ-то стрѣлъ.
 Отошоль-то Дюкъ, а самъ дивуется:
 «Всѣмъ тремъ-стамъ стрѣламъ да цѣну вѣдаю,
 «А й тремъ стрѣламъ цѣны не вѣдаю,
 «Которыи стрѣлки потерялися.»
 А точены стрѣлки на двѣнадцать гранъ,
 Да точены стрѣлки позолочены,
 Пѣрены были перьями сиза орла,
 Не тотъ орѣлъ, кой по полямъ летать,
 А тотъ орѣлъ, кой по морямъ летать,
 Летать орѣлъ да за синимъ моремъ,
 Дѣтей выводитъ на спянимъ мори,
 На бѣломъ латыри на камени.
 Ёхали гости карабельщики,
 Нашли три пѣрышка орляныи,
 Приносили Дюку пѣрышка во даровяхъ.
 Садился Дюкъ да на добра коня,
 Поѣхаль Дюкъ да въ свою сторону.
 Онъ ёхаль путѣмъ-дорожкой широкою,
 Настигъ тридцать валикъ да со валикою,
 Кричитъ онъ вопитъ змычнымъ глосомъ:
 «Али воры вы, али разбойники,
 «Али вы ночныи подорожники,
 «Али вы церковныи грабители?»

Говоря калики перехожіе:

— Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
 — Мы не воры идёмъ, да не разбойники,
 — А и мы не ночныи подорожники,
 — Да мы не церковныи грабители.
 — Идёмъ мы калики перехожіе,
 — Идёмъ калики мы изъ Кіева,
 — Идёмъ мы калики въ славный Галичъ градъ,
 — Во ту Индѣрію широкую. —

Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:

«А ѿ вы, ай калики перехожіе!

«Скажете вы да мнѣ повѣдайте:

«А много ли отъ Галича до Кіева да розстоянница?»

Говоря калики перехожіе:

— Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
 — А отъ Кіева до Галича розстоянница:
 — Пѣшо птти будѣ на цѣлой годъ,
 — А конёмъ-то ѣхать на три мѣсяца,
 — Чтобы кони были перемѣнные,
 — А прямой дорожкой дакъ проѣзду нѣтъ.
 — На прямой дорожкѣ три заставушки:
 — Первая заставушка — Горынь-змѣя,
 — Горынь-змѣя да змѣя лютая,
 — Змѣя лютая, змѣя пещерская.
 — Другая заставушка великая —
 — Стоитъ-то стадушко лютыхъ грачѣвъ,
 — По русскіи назватъ дакъ черныхъ вороновъ.
 — А третья заставушка великая —
 — Стоитъ-то стадушко лютыхъ гонцѣвъ,
 — По-русски-то назватъ дакъ сѣрыхъ волковъ.
 — Четверта заставушка великая —
 — Стоитъ шатѣръ да во чистомъ поли,
 — Стоитъ богатырь во бѣломъ шатрѣ. —

Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:

«Спасибо калики перехожіе!»

Поѣхалъ Дюкъ во славной Галичъ градъ,

Пріѣхалъ Дюкъ во славной Галичъ градъ,
 Простоялъ Христосскую вечеренку.

Приходилъ-то Дюкъ да къ родной матушкѣ,

Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:

«Ты свѣтъ государынь моя матушка!»

«Мнѣ-ка дай прощеньицо благословленьицо,

«Мнѣ-ка ѣхать Дюку во столень Кіевъ градъ.»

Говорила Дюку родна матушка:

— Да ай ты дитя, ты моѣ милое,

— Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ:

— Я не дамъ прощеньица благословленьица

— Тебѣ ѣхать Дюку въ столень Кіевъ градъ,

— Не поспѣтъ къ христосскіи заутренн.

— Пѣшо птти буде на цѣлой годъ,

— Конёмъ-то ѣхать на три мѣсяца,

— Чтобы кони были перемѣнные.

— А прямой дорожкой дакъ проѣзду нѣтъ.

— На прямой дорожкѣ три заставушки:

— Три заставы вѣдь великія:

— Первая заставушка — Горынь-змѣя,

— Горынь-змѣя да змѣя лютая,

— Змѣя лютая, змѣя пещерская.

— Другая заставушка великая —

— Стоитъ-то стадушко лютыхъ грачѣвъ,

— По-русскій назватъ дакъ черныхъ вороновъ.

— А третья заставушка великая —

— Стоитъ-то стадушко лютыхъ гонцѣвъ,

— По-русски-то назватъ дакъ сѣрыхъ волковъ.

— Четверта заставушка великая —

— Да той заставушки минутъ нельзя:

— Стоитъ шатѣръ да во чистомъ поли,

— Стоитъ богатырь во бѣломъ шатрѣ. —

Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:

«Ты свѣтъ государынь моя матушка!

«Мнѣ-ка дай прощеньицо благословленьицо,

«Мнѣ-ка ѣхать Дюку въ столень Кіевъ градъ.

«Во всѣхъ градахъ у м'ня побывано,

«А всѣхъ князьѣвъ да перевидано,

«Да всѣмъ влигнцамъ-то послужено,

«Въ одномъ во Кіевѣ не бывано,

«Кіевскѣго князя-то не видано,

«Кіевской княгини-то не служено.

Говорила Дюку родна матушка:

— Я не дамъ прощеньица благословленьица —

— Тебѣ ѣхать Дюку въ столень Кіевъ градъ.

— Какъ вѣдь ты дитя мое заносливо,

— А заносливо да фастоватѣе,

— Пофасташъ Дюкъ ты родной матушкой,

— Пофасташъ Дюкъ да ты добрымъ конёмъ,

— Пофасташъ Дюкъ да золотой казной,

— Пофасташъ Дюкъ да платемъ цвѣтныимъ,

— А во Кіевѣ люди всё лукавыи,

— Изведутъ тебя Дюка не за денежку. —

Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:

«Ты свѣтъ государынь моя матушка!

«Тѣмъ меня ты не угрожайвай.

«Дасі прощеньицо — поѣду я,

«Не дасі прощеньица — поѣду я.»

Говорила Дюку родна матушка:

— А ѿ ты дитя, ты моѣ милое,

— Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!

— Тебя Богъ проститъ Господь помилуѣтъ. —

Выходилъ-то Дюкъ да на широкій дворъ,

На ту конюшню на стоялю,

Выбиралъ коня да собѣ добраго,

Коня добраго да не ѣзжалаго,
 Выбиралъ онъ бурушка косматаго.
 Да шерсть у бурушка по три пяди,
 А грива у бурушка да трёхъ локотъ,
 А фость у бурушка да трёхъ сажонъ,
 А фость и грива до сырой земли,
 Фостомъ слѣды да онъ запахивать.
 Выводилъ коня да на широкой дворъ,
 Катавъ-валявъ бурушка косматаго
 Во той росы да во вечерни,
 А бралъ часту рыблю ту гребёночку,
 Росчесалъ онъ бурушка косматаго,
 Накладъ онъ попоны пестрядиную,
 Въ три строки попоны была строчена:
 Первая строка да краснымъ золотомъ,
 Друга строка да скатнимъ жемчугомъ,
 А третья строка мѣдью казанскою.
 Не тѣмъ попоны была дорога,
 Что въ три строки попоны была строчена,
 А тѣмъ попоны была дорога,
 Что всякими манерами выплѣтана,
 По денежку мѣста дакъ рублемъ купить.
 А не тѣмъ попоны была дорога,
 Что всякими манерами выплѣтана,
 Да и тѣмъ попоны было дорога:
 Во ту попоны пестрядиную,
 Вплѣтано по камешку по яфанту,
 По яфанту по самоцвѣтному.
 Пекутъ лучи да солнопечные,
 Не ради красны басы да молодецкіе,
 А ради поѣздки богатырскіе,
 Чтобы днемъ и ночью видно ѣхати.
 Накинутъ Дюкъ да подсѣдельники,
 Накладъ сѣдельшко черкаское,
 Подпругалъ подпруги богатырскіе,
 Подпруги были изъ семи шелковъ,
 А прязицы были серебряны.
 Спенѣчки были всё булатніе,
 Да шолье не трется и булатъ не гнется,
 Красное золото не ломится.
 Подвизалъ торока-ты онъ великіе,
 Нагружалъ торока-ты золотой казны,
 Золотой казны да платья цвѣтнаго.
 Отошоль-то Дюкъ, а самъ двуется:
 «Али добрый конь, али ты лютый звѣрь,
 «Изъ-подъ наряду добра коня не видѣти.»
 Садился Дюкъ да на добра коня,
 Простился Дюкъ да со всѣмъ Галичемъ,
 Съ родителью матушкой въ особинку.
 А видѣли Дюка на коня гдѣ сѣлъ,
 Не видѣли Дюковой поѣздочки,

Только дымъ стоитъ да во чистомъ поли.
 А ѣдетъ Дюкъ тутъ-то и въ полъ-травы,
 А ѣдетъ Дюкъ тутъ-то поверхъ травы,
 Да ѣдетъ Дюкъ тутъ-то и въ полъ-лѣсу,
 А ѣдетъ Дюкъ тутъ-то поверхъ лѣсу,
 Пovyше лѣсу-то стоячего,
 Пониже облава ходячего.
 Налегала на молодца Горынь-змѣя,
 Горынь-змѣя да змѣя лютая,
 Она ладитъ молодца съ конёмъ пожрать.
 Отъ змѣи-то добрый конь ускокаивалъ,
 Добра молодца ў смерти унашивалъ.
 Налетало на молодца стадо грачовъ,
 По-русски назвать дакъ черныхъ вороновъ.
 Отъ грачевъ-то добрый конь ускокаивалъ,
 Добра молодца ў смерти унашивалъ.
 Налегало на молодца стадо гонцевъ,
 По-русски назвать дакъ то сѣрыхъ волковъ.
 Отъ гонцевъ-то добрый конь ускокаивалъ,
 Добра молодца ў смерти унашивалъ.
 Да тѣ три заставушки проѣхано,
 Четвёртой заставушки минуть нельзя.
 Доѣзжалъ до шатра бѣлополотняна,
 Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
 «Еще что въ шатрѣ да за невѣжа спать?
 «А идѣтъ ли съ Дюкомъ вѣдь побитися,
 «Да побитися съ нимъ поборотися?»
 Говоритъ въ шатрѣ да не уступивать:
 — А я-съ-то съ Дюкомъ вѣдь побитися,
 — Да я-съ-то съ Дюкомъ поборотися,
 — Я отвѣдаю Дюковой-то храбрости. —
 Тутъ-то видѣтъ Дюкъ да что бѣда пришла,
 А бѣда пришла бѣда не маленька.
 Соходилъ-то Дюкъ да со добра коня,
 Онъ снимае шляпу съ буйной головы,
 Да онъ бьётъ челомъ да до сырой земли.
 Говорилъ-то Дюкъ да таково слово;
 «Да едино солнышко на небеси,
 «Единъ богатырь на святѣи Руси,
 «Единъ Илья да Илья Муромецъ!»
 Ильи тѣ рѣчи прилюбились,
 Да то бралъ онъ Дюка за бѣлы руки,
 Да заводилъ онъ Дюка во бѣлой шатѣрь,
 Говорилъ онъ Дюку таково слово:
 — Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
 — Какъ будешь ты Дюкъ теперь во Києвѣ,
 — На тебя какъ буде вѣдь негодущка,
 — Негодущка безвеременино,
 — Тебя некому молодца повручить,
 — Дакъ стрѣляй-ко ты стрѣлочки калѣныи,
 — Ко стрѣламъ ты ермички припечатывай.

— У меня летаетъ вѣдъ сизой орёлъ,
 — Сизой орёлъ да по чисту полю,
 — Приноситъ онъ стрѣлочки въ бѣлой шатѣрь.
 — А тутъ я наѣду изъ чиста поля,
 — А тутъ тебя молодца повыручу. —
 Садился Дюкъ да на добра коня,
 Уѣхалъ Дюкъ да въ столень Кіевъ градъ.
 Приѣхалъ Дюкъ во столень Кіевъ градъ,
 А ѣде прешпехтами торговима,
 А всё тутъ купци да и дивуются:
 «Вѣкъ-то этого молодца не видано.»
 Ины говорятъ такъ вѣдъ и видано.
 И нашъ Чурилушко шапливѣе,
 Нашъ Чурило шогольливѣе.
 Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
 — Да ай вы купци да вы торговни!
 — А я гдѣ вашъ солнышко Владиміръ князь? —
 Говоря купци да всё торговни:
 «Да нашъ-отъ солнышко Владиміръ князь,
 «А ушолъ Владиміръ во Божью церковь,
 «Ко собору пресвятыи Богородицы.»
 Соходилъ-то Дюкъ да со добра коня,
 Пошолъ-то Дюкъ да во Божью церковь.
 Поставилъ коня своего добраго,
 Не привязана да не прикована.
 Приступили голи тутъ кабацкіе,
 Да лада съ коня они попоны снять,
 А доброй конь голямъ не даваётся,
 Со голями конь да одирается,
 Не давае конь съ себя попоны снять.
 Заходилъ-то Дюкъ да во Божью церковь,
 Онъ вкрестъ владеть да по писаному,
 Поклонъ ведеть да по учёному.
 Бьётъ челоуъ до на вси стороны,
 Владиміру князю-то въ особинку:
 — Здравствуй солнышко Владиміръ князь! —
 Говорилъ Владиміръ таково слово:
 «Ты здравствуй удалый добрый молодець!
 «Ты коей земли, да ты коей орды,
 «Коего отца да чьей матери?»
 Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
 — Изъ Волынца я города изъ Галича,
 — Я изъ той Волынь-земли богатия,
 — Изъ той Корелы изъ проклятыя,
 — Молодой боярской Дюкъ Степановичъ.
 Отстояли Христовскую обѣденку,
 Пошли какъ они да изъ Божьей церкви,
 Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
 — Владиміръ ты князь да столень-кіевской!
 — А слава велика есть на Кіевъ градъ,
 — На тебя-де солнышка Владиміръ князь.

— Какъ у васъ вѣдъ всё да не по нашему.
 — Какъ у насъ во городи во Галичѣ,
 — У моей государини у матушки,
 — У собора пресвятыи Богородицы,
 — Мощены мосточки всё калиновы,
 — А вбиты гвоздочки шоломчатые,
 — Розстиланы сукна багрецовые.
 — А у васъ въ городи во Кіевн,
 — У собора пресвятыи Богородицы,
 — Мощены мостиска все сосновые,
 — Худые мостиска крениватые *),
 — Крениваты мостиска виловатые,
 — А вбиты гвоздиска деревянные. —
 А и то ли князю за бѣдно стало.
 Да идуть по припнехту по торговому,
 А и добрый конь идеть да на широкій дворъ.
 Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
 — Ты мой маленькой бурушко косматенкой!
 — Помрѣшь ты добрый конь да здѣся съ голоду,
 — Какъ вѣдъ брошено овсника тебѣ заблого.
 — Во своёмъ ты городѣ во Галичѣ,
 — У моей государини у матушки,
 — Не хотѣлъ ѣсть пшена да бѣлорова. —
 А и то ли князю за бѣдно стало.
 Заходилъ тутъ Дюкъ да во высокъ терѣмъ,
 Садился Дюкъ да за дубовый столъ.
 Понесли какъ по чары пива пьяного,
 Чару въ руку взялъ да онъ и въ ротъ не взялъ.
 Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
 — Владиміръ ты князь да столень-кіевской!
 — А слава велика есть на Кіевъ градъ,
 — На тебя-де солнышко Владиміръ князь,
 — Какъ у васъ вѣдъ всё да не по нашему.
 — А у насъ во городѣ во Галичѣ,
 — У моей государини у матушки,
 — Да то копаны погребы глубокіе,
 — На цѣпяхъ-то бочки туды спусканы,
 — Проведены трубы подземельные,
 — Какъ повѣютъ вѣтры по чисту полю
 — Во тѣ ли погребы глубокіе,
 — На цѣпяхъ-то бочки зашатаются,
 — Въ бочкахъ пиво-то да сколыбаются,
 — Оттого пива не затыкаются.
 — Да чарку пьѣшь, а другой хочется,
 — По третьей-то такъ вѣдъ душа горить.
 — У васъ во городи во Кіевн,
 — Да копаны погребы глубокіе,
 — А спущены бочки ты да на землю,
 — Вы пива пьетѣ да вѣдъ всё затхлые,

*) крень — косое дерево.

— Не могу я пива-то вѣдь въ ротъ-отъ взять.—
Да и то ли князю за бѣдно стало.
Понесли колачиковъ крупнчатыхъ,
Колачъ въ руку взялъ, да онъ и въ ротъ не
взялъ.

Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:

— Владимиръ ты князь да столень-кѣвской!
— А слава велика есть на Кіевъ градъ,
— На тебя-де солнышко Владимиръ князь,
— Какъ у васъ вѣдь всё да не по нашему.
— А у насъ во городъ во Галичъ,
— У моей государни у матушки,
— Да то печки были всё муравленни,
— А поды-ты были всё серебряни,
— Да помела были всё шелковые,
— Колачки да всё крупнчаты.
— Колачикъ съѣшь, другаго хочется,
— По третѣмъ-то дакъ вѣдь душа горить.
— А у васъ во городи во Кіеви,
— А то печки были всё кирпичныи,
— Поды-ты были вѣдь все гнѣляны,
— Помяла были всё сосновыи,
— Колачкии да вѣдь крупнчаты,
— А колачкии да пахнутъ на фюю,
— Не могу колачика я въ ротъ-отъ взять.—

Да и то ли князю за бѣдно стало.
Пзъ-за того стола изъ-за дубоваго,
Выставалъ Чурилушко сынъ Пленковичъ.

Говорилъ Чурило таково слово:

«Владимиръ ты князь да столень-кѣвской!
«Къ намъ не Дюкъ Степановичъ наѣхалъ-то,
«Налетѣла ворона погуменная.
«Да онъ у крестьянина да въ козавахъ живѣ,
«Да онъ у крестьянина коня угналъ,
«А и онъ у крестьянина животы навралъ.
«А тѣмъ животомъ онъ похваляется.»

Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:

— Да а й ты Чурило сухоногоё,
— Сухоного Чурило грабоногоё!
— Я своимъ имѣнцемъ-богачествомъ
— Да и вашъ-отъ весь я столень Кіевъ градъ
— Я продамъ имѣнцемъ да и выкуплю.—

Говорилъ Чурило таково слово:

«Владимиръ ты князь да столень-кѣвской!
«Посадимъ-ко мы Дюка во глубокъ погрѣбъ.
«А пошлѣмъ-ко Олѣшу мы Поповича,
«Ко Дюку имѣнница описывать.»

Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:

— Владимиръ ты князь да столень-кѣвской!
— Не посылай-ко Олѣшеньки Поповича,
— А Олѣшино дѣло вѣдь поповскоё,

— Поповско дѣло не отважноё.

— Не описать имѣнья буде въ три годъ,

— Во тѣхъ межахъ ему числа не дать.

— Пошли-тко Добрынюшку Микитича.

— Добрынино дѣло вѣдь купецкое,

— Купецко дѣло всё отважноё,

— Опишѣ имѣнье онъ и въ три часа.—

Посылали Добрынюшку Микитича.

Садился Добрыня на добра коня,

Поѣхалъ Добрыня во славной Галичъ градъ,

Приѣхалъ Добрыня во славной Галичъ градъ,

Находилъ терема-ты самолучшіе.

Соходилъ Добрыня со добра коня,

Заходилъ Добрыня во высокъ терѣмъ,

Онъ крестъ кладѣтъ да по писаному,

Поклонъ ведѣтъ да по учёному,

А бѣтъ челомъ да на вси стороны.

Тутъ сидитъ жена да старо-матерна,

Не много шолу вѣдь, вся въ золоти,

Говорилъ Добрыня таково слово:

«Да ты здравствуй Дюкова ты матушка!»

Говоритъ жена да старо-матерна:

— А язъ-то Дюку вѣдь вѣдь не матушка,

— А язъ-то Дюкова колачица.—

Да и то ли Добрыни за бѣдно стало.

Выходилъ Добрыня на широкой дворъ,

Садился Добрыня на добра коня,

Отъѣзжалъ Добрыня во чисто поле,

Роздернулъ шатеръ бѣлополотняной,

И спалъ онъ дологъ день до вечера,

А темную ночь да й до бѣла свѣту.

Поутру встаетъ онъ ранѣшенько,

Садился Добрыня на добра коня,

Приѣзжалъ Добрыня въ славной Галичъ градъ,

Забирается да дальше прежняго.

Тутъ сидитъ жена да старо-матерна,

Не много шолку, вѣдь вся въ золотѣ.

Говорилъ Добрыня таково слово:

«Да ты здравствуй Дюкова ты матушка!»

Говоритъ жена да старо-матерна:

— Да ты здравствуй удалый добрый молодець!

— А язъ-то Дюку вѣдь не матушка,

— Да язъ-то Дюкова божатушка *).—

Говорилъ Добрыня таково слово:

«Да и ай ты Дюкова божатушка!»

«Скажи мнѣ про Дюкову-ту матушку.»

Говоритъ жена да старо-матерна:

— Да и ай ты удалой доброй молодець!

— Да ты въ утра стань-ко ты ранѣшенько,

*) крестьянка мать.

— А и стань въ церкви нищею калкою.
 — Какъ первая толпа пройде метельщиковъ,
 — Друга толпа пройде лопатниковъ,
 — Третья толпа пройде подстельщиковъ,
 — Розстилають сукна багрецовые,
 — Идутъ какъ тутова три женщины,
 — Несутъ подзонтикъ-отъ подсолнечной,
 — Умѣй-ко ты тутъ съ ней поздороваться. —
 Выходилъ Добрыня на широкой дворъ,
 Садился Добрыня на добра коня,
 Отѣзжалъ Добрыня во чисто полѣ,
 Роздернулъ шатѣрь бѣлополотняной,
 Да спалъ онъ дологъ день до вечера,
 А тѣмную ночь да до бѣла свѣту.
 Поутру ставае онъ ранѣшенько,
 Садился Добрыня на добра коня,
 Приѣзжалъ Добрыня въ славной Галичъ градъ,
 Становился въ церкви нищею калкою.
 Перва толпа прошла метельщиковъ,
 Друга толпа прошла лопатниковъ,
 Третья толпа прошла подстельщиковъ,
 Розстилають сукна багрецовые,
 Идутъ какъ тутова три женщины,
 Несутъ подзонтикъ-отъ подсолнечной.
 Заходилъ Добрынюшка на супротивочку,
 Говорилъ Добрыня таково слово:
 «Да ты здравствуй Дюкова ты матушка!
 «Послалъ вамъ Дюкъ по челомбѣтницю,
 «И всѣмъ по поклону вамъ поставити.»
 Говорила Дюкова-та матушка:
 — Да ты здравствуй удалой доброй молодець!
 — Ты коей земли, да ты коей орды,
 — Коего отца да чьен матери? —
 Говорилъ Добрыня таково слово:
 «Я изъ славнаго города изъ Кіева,
 «Молодой Добрынюшка Микитѣвиць.»
 Отстояли соборную обѣденку,
 Пошли какъ они да изъ Божьей церкви,
 Говорилъ Добрыня таково слово:
 «Да ты ай ты Дюкова ты матушка!
 «Послалъ-то Дюкъ да сынъ Степановичъ
 «Своего имѣнница описывать.»
 Дакъ-то тутъ-то Дюкова-та матушка
 Завела во клѣтку во сапожную,
 Не могъ Добрыня сапоговъ-то онъ перѣчитать,
 Не то что перѣчитать, глазами-то перѣглядѣть,
 А и всѣ сапоги да не держаные.
 Завела во клѣтку во сѣдельную,
 Не могъ Добрыня сѣдель-то перѣчитать,
 Не то что перѣчитать, глазами-то перѣглядѣть,
 Да всё этъ сѣдла не держаные,

А важно сѣдло стоить пятьсотъ рублей.
 Завела во конюшню во стоялую,
 Не могъ Добрыня жеребцовъ-то онъ перѣчитать,
 Не то что перѣчитать, глазами-то перѣглядѣть,
 Не какому жеребцу дакъ онъ цѣны не знать.
 Завела во погребъ сорока сажонъ,
 Не могъ-то бочекъ онъ перѣчитать,
 Не то что перѣчитать, глазами-то перѣглядѣть,
 Да полные бочки красна золота,
 А все это злато не держаное.
 Дакъ-то тутъ Добрыня пороздумался,
 Списалъ онъ грамоту посольною:
 «Владиміръ ты князь да столень-кіевской!
 «Пошли-тко бумага съюды три воза,
 «А пошли сюды да тридцать писчиковъ.
 «Не описать имѣнья буде въ три года,
 «Во тѣхъ межахъ буде числа не дать.»
 Выпуцали Дюка тутъ изъ погреба,
 Да и тутъ Дюкъ съ Чуриломъ приросхвастались,
 Ударили да о великъ закладъ,
 О великъ закладъ, да о пятьсотъ рублей —
 Шапить-басить да имъ по три года,
 На каждый день да платя смѣнныя.
 Поручились по Чурилушки всѣмъ Кіевомъ,
 Никто-то по Дюки не ручается.
 А и то ли Дюку за бѣднѣ стало.
 Выходилъ-то Дюкъ да на царевъ бабакъ,
 А и бралъ онъ три бочки зелена вина,
 Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
 — А и ай вы голи вы бабацкіе!
 — Да и пейте вино да вы безденежно,
 — Ручайтесь по Дюкъ по Степановѣ. —
 Дакъ-то тутъ-то голи поручились.
 И они стали шапить-басить по три года.
 Прощапли пробасили они три года,
 Пошли къ остатнии Христосскимъ заутрены,
 Снаряжаютъ Чурилушку всѣмъ Кіевомъ.
 Обувалъ сапожи онъ зеленъ сафьянъ,
 Да носъ-отъ шиломъ и пята востра,
 Съ носу къ пята хотъ янцо кати.
 И надѣвалъ кафтанъ онъ съ прозументами,
 А да пуговки былъ вольячныи,
 А литъ-то вольягъ да красна золота,
 По тому ли яблоку по любскому,
 А петельки да изъ семи шелковъ,
 Накладаъ шляпу съ полнмажами.
 Пошолъ Чурило во Божью церковь,
 Всѣ Чурилу поклоняются.
 Одинъ-то Дюкъ да снаряжается,
 Обувалъ онъ лапти изъ семи шелковъ,
 Таки были лапти востроносые,

Что вѣдь носъ-отъ шиломъ и пята востра,
 Съ носу къ пята хотъ ядо кати;
 Во тѣ во носы во запотнѣ,
 Вплѣтано по камешку по яфанту,
 По яфанту по самоцвѣтному,
 Пекутъ лучи да солнечные,
 Не ради красы-басы да молодецкіе,
 А ради поѣзды богатирскіе,
 Чтобы днѣмъ и ночью видно ѣхати.
 Надѣлъ Дюкъ шубу соболіную,
 Подъ дѣрогамиъ подъ зеленымъ подъ зѣметомъ.
 А пуговики были волычине,
 А литъ-то волыгъ да красна золота,
 Петельки да изъ семи шелковъ,
 Да въ пуговкѣхъ были леві-звѣри,
 А петелькахъ были люті-змѣи.
 Накладывалъ онъ шляпу семигранчату (sic),
 Помогъ-то Дюкъ да во Божью церковь.
 Зарыкали у Дюка тутъ леві-звѣри,
 Засвистали у Дюка тутъ люті-змѣи,
 Да всѣ тутъ въ Києвн заслушались,
 А всѣ тутъ-то Дюку поклонились.
 «Спасибо ты Дюкъ да сынъ Степановичъ!
 «Перещалилъ Чурилушка ты Пленкова.»
 Отстояли христовскую заутрену,
 Пошли какъ онѣ да изъ Божьей церкви,
 Да отобралъ Дюкъ съ Чурила тутъ великъ за-
 владъ,
 Великъ закладъ да вѣдь пятьсотъ рублей.
 — Да ай ты Чурило сухоногоѣ!
 — Сухоного Чурило грабоногоѣ!
 — Баси ты Чурило передъ бабамъ,
 — Передъ бабами да передъ дѣвками,
 — А й съ нами съ молодцами ты и въ конѣ
 нейди. —
 Говорилъ Чурило таково слово:
 «Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
 «Ударимъ съ тобой мы о великъ закладъ,
 «О великъ закладъ да о пятьсотъ рублей —
 «Скакать-то намъ да на добрыхъ коняхъ,
 «Черезъ ту ли скакагъ черезъ Пучай рѣку,
 «А Пучай рѣка да ровно три версты.»
 Поручились по Чурилушки всѣмъ Києвомъ,
 А никто-то по Дюкъ не ручается.
 Да голямъ-то болѣ не повѣрили,
 А и то ли Дюку за бѣднѣ стало.
 Выходилъ-то Дюкъ да на широкой дворъ,
 Стрѣлялъ онъ стрѣлочки каленные,
 Ко стрѣламъ ермички припечатывалъ.
 Изъ того ли поля-то изъ чистаго,
 Наѣзжалъ старше казакъ да Пля Муромецъ,

Поручился по Дюкъ по Степановѣ.
 Выбиралъ Чурилушко добра коня,
 Добра коня да улетуника,
 По чисту полю да сталъ розганивать,
 А розганивалъ да онъ розѣзживалъ.
 Приправилъ Чурилушка черезъ Пучай рѣку,
 Скочилъ Чурило за Пучай рѣку.
 Назадъ Чурило сталъ отскакивать,
 Упалъ Чурило о полу рѣки.
 Молодой боярской Дюкъ Степановичъ,
 Садился Дюкъ да на добра коня,
 Не розганивалъ да не розѣзживалъ,
 Приправилъ Дюкъ черезъ Пучай рѣку,
 Перескочилъ-то Дюкъ черезъ Пучай рѣку.
 Назадъ-то Дюкъ да сталъ отскакивать,
 Хватилъ Чурила за желты кудри,
 А сшибъ Чурила на крутъ бережокъ,
 Да й бралъ съ Чурила онъ великъ закладъ,
 Великъ закладъ да онъ пятьсотъ рублей,
 И сталъ подъ жопу-ту попинивать.
 — Да ай ты Чурило сухоногоѣ,
 — Сухоного Чурило грабоногоѣ!
 — Баси ты Чурило передъ бабами,
 — Передъ бабами да передъ дѣвками,
 — А съ нами съ молодцами ты и въ конѣ нейди. —
 Говорилъ Владимиръ таково слово:
 «Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
 «Гости-тко, пожалуй во высокъ теремъ,
 «А хлѣба соли ты покушати,
 «А бѣлаго лебедя порушати.»
 Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
 — Владимиръ ты князь да столень-киевской!
 — Какъ вѣдь съ утра солнышко не спело,
 — Подъ вечеръ солнышко не огрѣ.
 — На приѣздѣ молодца ты не учостовалъ,
 — А теперь на поѣздѣ не учостоватъ,
 — А будь-во свинья да ты безшорстная. —
 Скоренько садился на добра коня,
 А видѣли Дюка на коня гдѣ сѣлъ,
 Не видѣли Дюковой поѣздочки.
 А съ той поры да съ того времени
 А стали Дюка стариной сказать,
 Отнынѣ сказать да его до вѣку.

Записано тамъ же, 10 августа.

231.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

А й изъ-подъ той бѣлой березки кудреватя,
 Изъ-подъ чуднаго креста Леванцова,
 Туда шло девять туровъ, девять молодыхъ,
 Да на встрѣчу-то турамъ да родна матушка,
 Гнѣдая туриха златорогая.
 Говорила-то турамъ да родна матушка:
 «Ужъ вы гдѣ турѣ были, гдѣ гнѣдые гѣляли?»
 Говорятъ тудо турѣ да родной матушки:
 — Были мы турѣ да во чистомъ во полѣ.
 — Намъ случилось бѣжать мимо степенъ Кіевъ
 градъ,
 — Ужъ мы видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чудно:
 — Какъ по той ли по стѣнѣ по городовой,
 — А ходила душа красная дѣвица,
 — На рукахъ носитьъ Божью книгу евангелье,
 — Она кое-то читала съ двое плакала. —
 Говорила-то турамъ да родна матушка:
 «Вы глупые турѣ да неразумные!
 «Не красная дѣвица тудѣ плакала.
 «Тудо плакала сама мать Богородица,
 «Тужила-то о вѣрѣ христіанскіе.»
 Подъ ту ли подъ стѣну городovou
 Нагоняетъ тудѣ Батыга силы смѣтѣ нѣтъ,
 Будто чорнаго-то лѣсу дремучаго,
 Столько у Батыги силы нагнато.
 А богатырей-то дома не случилось.
 А Самсонъ и Лука на святѣхъ на горѣхъ,
 А Илья-то вѣдъ былъ Муромецъ въ иной земли,
 А Добрыня-то Микитичъ въ зеленыхъ лужкахъ,
 А Олѣша-то Поповичъ на желтыхъ пескахъ.
 Изъ тово ли-то изъ кабака царѣваго,
 Выходила тудо голь-та кабацкая,
 Право на имя Василей сынъ Васильевичъ.
 Выходилъ онъ на крылечко перѣное,
 Овалился о перила о точеные,
 Здрѣлъ-смотрѣлъ въ поле чистое.
 А натягалъ ли Василей свой тугой лукъ,
 А накладалъ ли Василей калену стрѣлу,
 Да стрѣлялъ онъ по Батыгинимъ бѣлымъ шат-
 рамъ,
 А разбилъ онъ у Батыги три бѣла шатра,
 А убилъ онъ у Батыги три головушки,
 Три головушки убилъ самолучшіе.
 Убилъ сына-то Батыгу Батыговича,
 Убилъ зятя Торокашку Скурлатѣевича,

Убилъ умнаго дьячка, убилъ разумнаго.
 Скоро у Батыги не замѣшчалось,
 Посмаетъ тудѣ Батыга скорого гонца:
 — Подай-ко мнѣ Владиміръ виноватаго,
 — На что ты мою силу бѣеши воровски? —
 Не знае тудѣ Владиміръ виноватаго,
 Говоря тудо солдаты буфетные:
 «Владиміръ ты нашъ князь степенъ-кіевской!
 «Знаемъ, государь, мы виноватаго.
 «Изъ того ли-то изъ кабака царѣваго,
 «Выходила тудо голь та кабацкая,
 «Право на имя Василей сынъ Васильевичъ.
 «Выходилъ онъ на крылечко перѣное,
 «Овалился о перила о точеные,
 «Здрѣлъ-смотрѣлъ въ поле чистое.
 «Натягалъ ли Василей свой тугой лукъ,
 «Накладалъ ли Василей калену стрѣлу,
 «Стрѣлялъ тудо Василій во чисто поле.»
 Говорилъ-то Владиміръ таково слово:
 — А й же вы солдаты буфетные!
 — Приведите-тко Василья ко мнѣ на лицо. —
 Приводили-то Василья ко Владиміру на дворъ,
 Говорилъ-то Владиміръ таково слово:
 — А й же ты голь ты кабацкая!
 — Не ты ли билъ силу Батыгину?
 — Поѣзжай-ко ко Батыги со отвѣтомъ самъ. —
 Говорилъ-то Василій таково слово:
 «Владиміръ ты нашъ князь степенъ-кіевской!
 «Дай-ко мнѣ-ка чару зелена вина,
 «Другую-ту дай пива пьянаго,
 «Третью дай чару меду сладкаго.»
 Подавали ему чару зелена вина,
 Другую подавали пива пьянаго,
 Третью чару зелена вина,
 Сливаетъ онъ питье да всё въ одно мѣсто,
 Становилось питье да полтора ведра.
 Беретъ онъ чару единой рукой,
 Выпиваетъ питье на единый духъ,
 Да облатился Василей обкольчужился,
 Садился Василей на добра коня,
 Подъѣзжаетъ ко Батыгинимъ бѣлымъ шатрамъ,
 Соходилъ тудо Василей со добра коня,
 Да идѣтъ онъ ко Батыгѣ низко кланяется:
 «А й же ты Батыга сынъ Васильевичъ!
 «Прости меня, Батыга, въ первой винѣ.
 «Дай-ко мнѣ-ка силы сорокъ тысячей,
 «Я пойду-де воевать степенъ Кіевъ градъ.
 «Знаю я ворота незаложены,
 «Незаложены ворота въ слѣтну*) сторону.»

*) южная.

Что вѣдь носъ-отъ шиломъ и пята востра,
 Съ носу къ пяту хоть яйцо кати;
 Во тѣ во носы во лапотнѣ,
 Вилѣтано по камешку по яфанту,
 По яфанту по самоцвѣтному,
 Пекуть лучи да солннопечные,
 Не ради красы-басы да молодецкіе,
 А ради поѣздки богатырскіе,
 Чтобы двѣмъ и ночью видно ѣхати.
 Надѣлъ Дюкъ шубу соболіную,
 Подъ дѳрогимъ подѣ зеленымъ подѣ знаметою.
 А пуговики были вольячине,
 А лить-то вольягъ да красна золота,
 Петельки да изъ семи шелковъ,
 Да въ пуговкакъ были левы-звѣри,
 А петелькакъ были люты-змѣи.
 Накладывалъ онъ шляпу семигрянчату (sic),
 Пошолъ-то Дюкъ да во Божью церковь.
 Зарыкали у Дюка тутъ левы-звѣри,
 Засвистали у Дюка тутъ люты-змѣи,
 Да всѣ тутъ въ Кіевн заслушались,
 А всѣ тутъ-то Дюку поклонилися.
 «Спасибо ты Дюкъ да сынъ Степановичъ!
 «Перещанилъ Чурилушка ты Пленкова.»
 Отстояли христосскую заутрену,
 Пошли какъ онѣ да изъ Божьей церкви,
 Да огобралъ Дюкъ съ Чурило тутъ великъ за-
 кладъ,

Великъ закладъ да вѣдь пятьсотъ рублей.

— Да ай ты Чурило сухоногоѣ!
 — Сухоного Чурило грабоногоѣ!
 — Басы ты Чурило передъ бабами,
 — Передъ бабами да передъ дѣвками,
 — А й съ нами съ молодцами ты и
 нейдн

Говорилъ Чурило таково слово:

«Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ,
 «Ударимъ съ тобой мы о великъ закладъ,
 «О великъ закладъ да о пятьсотъ рублей,
 «Скажать-то намъ да на добрыхъ коняхъ,
 «Черезъ ту ли скакать черезъ Пучай рѣку,
 «А Пучай рѣка да ровно три вѣста миль,
 Поручились по Чурилушка всѣмъ боярамъ,
 А никто-то по Дюкъ не ругалъ,
 Да голямъ-то болѣе не ругалъ,
 А и то ли Дюку закладъ да пятьсотъ рублей,
 Выходилъ-то Дюкъ да на коняхъ,
 Стрѣлялъ онъ съ ружья,
 Ко стрѣлямъ е
 Изъ того ли
 Наѣзжалъ с

Поручились по Дюкъ по Степановичъ,
 Выбиралъ Чурилушка добра коня,
 Добра коня да улетунника,
 По чисту полю да сталь рожь,
 А розганивалъ да онъ розганивалъ,
 Приправилъ Чурилушка чедра,
 Скочилъ Чурило за Пучай рѣку,
 Назадъ Чурило сталь о полумиль,
 Упалъ Чурило о полу ружья,
 Молодой боярской Дюкъ Степановичъ,
 Садился Дюкъ да па коня,
 Не розганивалъ да онъ розганивалъ,
 Приправилъ Дюкъ чедра,
 Перескочилъ-то Дюкъ за Пучай рѣку,
 Назадъ-то Дюкъ сталь о полумиль,
 Хватилъ Чурило ружья,
 А сшибъ Чурило ружья,
 Да й братья,
 Великъ закладъ да пятьсотъ рублей,
 И сталь о полумиль,
 — Да .
 — Су .
 — Б .
 — ' .
 — .
 |

ВАСИЛІЙ КРАСНОУСЫ

...и колоты вонь да выныивалъ,
 ...сея во погребы глубокіе,
 ...бочку берётъ вина подъ паузу,
 ...ую сороковку подъ другую,
 ...третью ту бочку да ногой катилъ,
 ...и выкатилъ три бочки зелена вина
 ...на ту ли площадку на торговую,
 ...и скрычалъ-де старикъ зычнымъ голосомъ:
 «Да и ой же чумаки на цѣловальники!

— «Подьте пейте до пьяна зеленá вина.» —
 — «Да и эти чумаки упивалисе
 — «Да и эта же калика упивалася,
 — «Да пошолъ спать на печку кабацкую.» —
 ! говоритъ-де Владиміръ таково слово:
 — Да и ой же чумаки вы цѣловальники!
 — Да ведите-ко валку ко мнѣ на дворъ,
 — И погляжу-ко я ево лица-возрасту. —
 Да и тутъ чумаки цѣловальники
 Да и пачали будить ево изъ крѣпкого сну,
 Да и соннаго будить ещё хмѣльняго.
 Да ставае-де Илья славный Муромецъ,
 Ёнь хватилъ воронечну *) дубовую,
 Да приблизъ чумаковъ до единого,
 Да и самъ вонъ калика пзъ кабака,
 Да идѣ мимо полату бѣлокаменну,
 Да скрычалъ-де старикъ зычнымъ голосомъ:
 «Да и свѣтъ государь нашъ Владиміръ князь!
 «Да ищи-ко за три бочки зеленá вина,
 «Да ищи ты на Илья славномъ Муромци,
 «Ёнь на славу **) приходилъ въ стольній Кіевъ
 градъ.»
 Да пошолъ-де Илья ко Царю-граду,
 И встрѣтилъ сильнаго могучаго да Иванищо:
 «Здравстуй сильнѣе могучо Иванищо!
 «Да и всё ль у васъ въ Цари-гради по старому?»
 И говоритъ туто сильнѣе Иванищо:
 — Ужь ты свѣтъ государь Илья Муромецъ!
 — Да у насъ въ Царѣ-градѣ не по старому,
 — Не по старому не по прежнему,
 — Овладѣло-де поганое Издолищо.
 — Да въ церквахъ образа всѣ исприколоты,
 — И золотая-де казна запечатано,
 — Да и царь Костянтинъ Боголюбовичъ
 — Да и со своей княгиною во стольникахъ.
 — Да и сяде-де поганой хлѣба-соли кушати,
 — Да по цѣлой ковригѣ ёнь въ ротъ суѣ,
 — Да по цѣлому быку ёнь у выти ѣсть,
 — Да по цѣлому котлу ёнь-де пива пѣть,
 — Да и жилъ я въ Царѣ-градѣ три года,
 — Да не смѣлъ я въ супорѣ слова молвити. —
 И говоритъ-де Илья таково слово:
 «Да ужъ ты сильнѣе могучѣе Иванищо!
 «Да и силы у тебя право здвое есть,
 «Да и смѣлости удачи въ половинку нѣтъ.»
 Да пошолъ-де Илья ко Царю-граду,
 Да идѣ мимо полаты бѣлокаменны,
 Да закричалъ-де старикъ зычнымъ голосомъ:

*) полка въ избѣ.
 **) парочко.

Давае тутъ Батыга силы тысячей.
 Да пошолъ Василей во столень Кіевъ градъ,
 Заводилъ онъ тутъ за стѣну городовую,
 Внимаеъ тутъ Василей свой вострой мечъ,
 Да и взялъ тутъ Васильюшко помахивать,
 А куды-де онъ махнетъ — дакъ туды улица,
 А куды онъ отмахнетъ — дакъ переулки знать,
 Да прибилъ онъ эту силу сорокъ тысячей.
 Обворачивалъ Василей тутъ добра коня,
 Приѣзжаетъ ко Батыгинымъ бѣлымъ патрамъ,
 Остальнюю-ту онъ силу по патрамъ добивалъ.
 У Батыги были кони тутъ добрые,
 А садился Батыга на добрыхъ коней,
 Да уѣхалъ ли Батыга во свою землю.
 Да и тутъ-то Батыга царь закаялся:
 — А не дай Богъ бывать на святой на Руси! —
 Да чудные кресты въ Еросблмѣ,
 А славные богатыри во Кіеві.
 Съ той поры да съ того времени
 Стали Василья стариной сказать,
 Отнынъ сказать да ево до вѣку.

Записано тамъ же, 14 августа.

—
 XLV.

КАЛИТИНА.

Ирина Денисовна Калитина, крестьянка 49 лѣтъ, съ Суетина-острова, что на Свиномъ-озерѣ, близъ Кенозера. Ея отецъ Данило Нечаевъ, умершій лѣтъ 40 тому назадъ, зналъ очень много былинъ, и по ея словамъ былъ учителемъ Петра Воннова (который, впрочемъ, приписывалъ происхождение своихъ былинъ другому источнику, см. выше). Кромѣ печатаемыхъ здѣсь, Калитина пѣла про молодость Чурилы, про Дюка и про Добрыню и Алешу варианты, весьма сходные съ тѣми, которые записаны со словъ Воннова, но менѣе подробные.

—
 232.

ИЛЪЯ МУРОМЕЦЪ ВЪ ЦАРЕГРАДѢ.

Отъ славнаго батюшка отъ Царяграда
 Пролегала путь дорожка широкая,
 И долиною по дорожкѣ вѣкъ не бывано,
 И широко та дорожка тридцати сажень.

Да по той по дорожке по широкіе,
 Да идѣтъ-де калика переходяя,
 И онъ-де волосомъ бѣлъ, бородой сѣдаты,
 Да и гуни-де на немъ сорочинская,
 Да и шляпа-де на немъ земли греческой,
 Да влюкою-де калика подпирается,
 Подъ каликою земля подгибается.
 Да приходитъ тотъ калика въ столней Кіевъ градъ,
 Да заходитъ-де старикъ во царевъ кабакъ:
 «Да и здравствуйте вы чумаки цѣловальники!»
 «Да всѣ-то вы головы да ларечные,
 «Да всѣ-то вы голи да кабацкіе.»
 Да по кабаку калика похаживать,
 И съ ноги на ногу старикъ переступывать,
 И всѣ дубовые половки подгибаются,
 Да переводины подъ старымъ шатаются,
 Да и самъ говоритъ онъ таково слово:
 «Да и ой же чумаки вы цѣловальники!
 «Да повѣрьте мнѣ вина вы на пятьсотъ рублей.
 «Буде мало розоньюсь дакъ на тысячу.»
 Да сказали чумаки цѣловальники:
 — Да и не во что калика тебѣ вѣрйти. —
 Да и тутъ-де калика переходяя,
 Да снимаетъ онъ съ вѣрота свой чуденъ крестъ,
 Дорогаго-де червонаго золота.
 Да и толщиною тотъ крестъ былъ во три пятки,
 Да вѣсу-то тѣнулъ полъ-сема пуда,
 Да не смѣли за крестъ онъ принятисе.
 Да и тутъ чумаки догадалисе,
 Да собирали голи по денежки,
 Да и того мало не хватило по копѣечкѣ,
 Да и брали-де вина полтора ведра,
 Приносили-де калики переходяе.
 Да примае-де калика единой рукой,
 Выпиваетъ-де старикъ на единый духъ,
 Да и самъ говоритъ онъ таково слово:
 «Да и ой же вы голи да кабацкіе!
 «Не напоили старика лишь роззадорили.
 «Выходите на площадку торговую,
 «Напою я всѣхъ до пѣяна зеленымъ виномъ.»
 Да и самъ вонъ калика изъ кабака,
 Да приходитъ онъ ко погребу-то княженецкому,
 Ёнь-де двери и колоды вонъ да выпинывалъ,
 Да руками ёнь замочники отщаливалъ,
 Да спускался во погребы глубокіе.
 Да онъ бочку берѣтъ вина подъ пазуху,
 Да другую сороковку подъ другую,
 Да и третью ту бочку да ногой катитъ,
 Да и выкатилъ три бочки зелена вина,
 Да на ту ли площадку на торговую,

Да скричалъ-де старикъ зычнымъ голосомъ: 55
 «Да и ой же чумаки вы цѣловальники!
 «Подьте пейте до пьяна зеленá вина.»
 Да и тутъ чумаки упивались,
 Да и эта же казика упивалася, 60
 Енъ пошолъ спать на печку кабацкую.
 Да и эти чумаки цѣловальники,
 Да пошли они ко князю порозжалились,
 И порозжалились ко князю пороспалакались:
 — Ужь ты свѣтъ государь нашъ Владиміръ
 князь!
 — Да у насъ-де во городи да во Кіевѣ, 65
 — Да во тѣхъ ли во цѣревыхъ во кабацкахъ,
 — Приходила-де калика перехожая:
 — Онъ волосомъ бѣлъ, бородой сѣдаты,
 — Да и гуня-де на немъ сорочинская,
 — Шляпа та на немъ земли греческой. 70
 — И запросилъ-то онъ вина да на пятьсотъ
 рублей,
 — И буде мало розоивъсь дакъ на тысячу.
 — И мы сказали чумаки цѣловальники,
 — Да что нѣ во что калика тебѣ вѣрити.
 — Енъ снимае-де съ вѣрота свой чуденъ крестъ, 75
 — Дорогаго-де червоннаго золота,
 — Да вѣсу-то тѣнулъ полъ-сема пуда,
 — И мы не смѣли за крестъ ему и принятиси,
 — Да и туто чумаки догодились,
 — Да собирали голи по денежѣ 80
 — И того мало нѣ хватило по копѣечкѣ,
 — Да и брали-де вина полтора ведра,
 — Привосили-де калики перехожіе.
 — Да примае-де калика единой рукой,
 — Выпивае-де старикъ на единой духъ,
 — Да и самъ говоритъ онъ таково слово:
 — «Да и ой же вы голи да кабацкіе!
 — «Не напоили старика лишь роззадорили.
 — «Выходите на площадку торговую,
 — «Напою я всѣхъ до пьяна зеленымъ ви-
 номъ. —» 85
 — Да и самъ вонъ калика изъ кабака,
 — Да приходитъ онъ ко погребу-то княженец-
 кому,
 — Енъ-де двери и колоды вонъ да выпинивалъ,
 — Да спускался во погребы глубокие.
 — Да онъ бочку берѣтъ вина подъ пазуху, 90
 — Да другую сороковку подъ другую,
 — Да и третью ту бочку да ногой катилъ,
 — Да и выкатилъ три бочки зелена вина
 — Да на ту ли площадку на торговую,
 — Да скричалъ-де старикъ зычнымъ голосомъ:
 — «Да и ой же чумаки вы цѣловальники!

— «Подьте пейте до пьяна зеленá вина.» —

— «Да и эти чумаки упивались

— «Да и эта же калика упивалася,

— «Да пошолъ спать на печку кабацкую.» — 85

И говоритъ-де Владиміръ таково слово:

— Да и ой же чумаки вы цѣловальники!

— Да ведите-ко калику ко мнѣ на дворъ,

— И погляжу-ко я ево лица-возрасту. —

Да и тутъ чумаки цѣловальники

Да и начали будить ево изъ крѣпкого сну,

Да и соннаго будить ещѣ хмѣльнаго.

Да ставае-де Илья славный Муромецъ,

Енъ хватилъ воронечну *) дубовую,

Да прибилъ чумаковъ до единого, 90

Да и самъ вонъ калика изъ кабака,

Да идѣ мимо полату бѣлокаменну,

Да скричалъ-де старикъ зычнымъ голосомъ:

«Да и свѣтъ государь нашъ Владиміръ князь!

«Да ищи-ко за три бочки зеленá вина, 95

«Да ищи ты на Ильи славномъ Муромци,

«Енъ на славу **) приходилъ въ столярнй Кіевъ
 градъ.»

Да пошолъ-де Илья ко Царю-граду, 100

И встрѣтилъ сильнаго могучаго да Иванищо:

«Здравствуй сильнѣе могучо Иванищо! 105

«Да и всё ль у васъ въ Цари-гради по старому?»

И говоритъ туто сильнѣе Иванищо:

— Ужь ты свѣтъ государь Илья Муромецъ!

— Да у насъ въ Царѣ-градѣ не по старому,

— Не по старому не по прежнему, 110

— Овлаждѣло-де поганое Издолищо.

— Да въ церквахъ образа всѣ исприколоты,

— И золотая-де казна запечатано,

— Да и царь Костянтинъ Боголюбовичъ

— Да и со своей книжиною во столярникахъ. 115

— Да и сяде-де поганой хлѣба-соли кушати,

— Да по цѣлой ковригѣ енъ въ ротъ суѣ,

— Да по цѣлому быку енъ у выти ѣсть,

— Да по цѣлому котлу енъ-де пива пѣтъ,

— Да и жилъ я въ Царѣ-градѣ три года, 120

— Да не смѣлъ я въ супоръ слова молвити. —

И говоритъ-де Илья таково слово:

«Да ужъ ты сильнѣе могучѣе Иванищо!

«Да и силы у тебя право двѣе есть,

«Да и смѣлости удачи въ половинку нѣтъ.»

Да пошолъ-де Илья ко Царю-граду,

Да идѣ мимо полаты бѣлокаменны,

Да закричалъ-де старикъ зычнымъ голосомъ:

*) полка въ избѣ.

**) нарочно.

«Ужь ты царь Костянтинъ Боголюбовичъ!
 155 «Да создай-ко калика милѣстину,
 «Да милѣстину подай золоту гривну.»
 И отъ того ли отъ крыку богатырскаго,
 Бѣлокаменны полаты пошаталисе,
 Да напитки на столахъ проливалисе.
 160 И говорить-де поганой таково слово:
 — Ужь ты царь Костянтинъ Боголюбовичъ!
 — Да ѣ что у тебя за уродъ пришолъ?
 — Да зови-ко ты въ полату бѣлокаменну,
 — Погляжу-то я его лица-возрасту. —
 165 Да и царь Костянтинъ Боголюбовичъ,
 Онъ-де скоро выходилъ на широкій дворъ:
 «Ужь ты, батюшко, калика переходая!
 «Овлаждѣло-де поганой Издолицо.
 «Да въ первяхъ образа всѣ исприволоты
 170 «И золотая-де казна запечатана,
 «У меня нѣтъ-те подати нынѣ милѣстны.
 «Да изволь итти въ полату бѣлокаменну,
 «Напою я накормлю хлѣбомъ солию.»
 Да и тутъ-де калика переходая,
 175 Да заходитъ онъ въ полату бѣлокаменну,
 Своему-де ѣнъ образу молится,
 Онъ кланяется поклоняется,
 Да на всѣ на четыре на сторонушки,
 Да поганому Издолицу челомъ не бѣ.
 180 Да тутъ-де поганой Издолицо,
 Да садился за столы хлѣба соли кушати,
 Да по цѣлой ковригѣ ѣнъ въ ротъ суѣ,
 Да по цѣлому быку ѣнъ у выти ѣсть,
 Да по цѣлому котлу ѣнъ-де пѣва пѣтъ,
 185 Да и самъ говорить онъ таково слово:
 — Да л ой же ты калика переходая!
 — Ужь ты знашь ли Илью славнаго Муромца.
 — Да по много ль Илья у васъ да у выти ѣсть?
 И говорить-де Илья таково слово:
 190 «Ужь я знаю Илью славнаго Муромца.
 «Да и нашъ-отъ Илья славной Муромецъ,
 «А и колачникъ онъ съѣсть а и много два,
 «Да не такъ какъ ты, кобыла обжорищо!
 «Какъ у моего-то государя у батюшка,
 195 «Эка была-де корова обжорищо,
 «Да дробины-то наѣлась ей и треснуло.»
 Да и тутъ-де поганому Издолицу
 Да и рѣчи ты его не приюбилися,
 Да и винулъ онъ ножищо винжалищо,
 200 Да Илья отъ ножа приувѣрнулся,
 Да и ножикъ-отъ палъ въ ободверину.
 Да и тутъ-де Илья славной Муромецъ,
 Да снимае-де шляпу съ буйной головы,
 Да ударилъ поганого Издолица,

705
 Да отшибъ у поганого голову,
 И проломилъ двѣ стѣны бѣлокаменныхъ,
 Да и самъ говорилъ онъ таково слово:
 «Ужь ты царь Костянтинъ Боголюбовичъ!
 «Обери-ко ты поганой тулово,
 «Да живи-ко ты въ Царѣ-градѣ по старому, 210
 «Да моли-твое ты Бога за Илью за Муромецъ (sic),
 «Онъ на славу приходилъ въ славный Царь-отъ
 градъ.»

Записано на Кенозерѣ, 15 августа.

233.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СЫНЪ ЕГО.

Выѣзжало два сильныи два могучіе два богатыри:
 Илья Муромецъ, да Добрынюшка Микитинъ
 сынъ,
 Они ѣхали да во чисто поле,
 Да роздѣрнули въ чистомъ поли тонкой бѣлой
 шатѣръ,
 Да и стали-то въ шатрѣ да опочіиъ держать.
 Да на тотъ на тонкой да на бѣлой шатѣръ,
 Налетѣла тутъ вранъ-отъ птица вѣщая.
 Да и вранъ-отъ надъ шатромъ да вѣдь прокыр-
 кивать,
 Да ставае Илья да славной Муромецъ,
 Онъ-де будить Добрынюшку Микитича:
 «И ты ставай-ко Добрынюшка Микитинъ сынъ,
 «У насъ что надъ шатромъ-то случилосе,
 «Не проѣхала ли поляница та удалая,
 «Не подходитъ ли подъ коней у насъ лютой
 звѣрь.»
 Да ставае Добрынюшка Микитинъ сынъ.
 Выходилъ-де Добрыня изъ бѣла шатру,
 Поглядѣлъ по дорожкѣ прямоѣзжіе,
 Да и ѣде поляница та удалая,
 Да подходитъ подъ коней у ихъ лютой звѣрь,
 И забиралъ онъ коней ко бѣлу шатру,
 И подавалъ пшена онъ бѣлояраго,
 И говорить Илья да таково слово:
 «Да и ой же Добрынюшка Микитинъ сынъ!
 «Поѣжай-ко въ сугонъ ты за богатыремъ.
 «И буде русской богатирь дакъ побратайся,
 «А невѣрной богатирь дакъ бою проси.»
 И говорить-де Добрыня таково слово:
 — Я не смѣю въ сугонъ ѣхать за богатыремъ.
 — У богатиря у коня изъ рота-то вѣдь пламя
 маше,

— А изъ ноздрей у коня-то искры сыплются,
— А изъ ушей у коня-то вудравъ дымъ стаётъ,
— У правой ноги борзой ли кобель проскаки-
вать,

— Съ плеча на плече ясенъ соколъ перелётывать.

— Да и ёде богатырь-отъ самъ тѣшитя,

— Да кинае палку вверхъ подь облаки. —

Да говоритъ Илья да таково слово:

«Да и ой же Добрынюшка Микитинъ сынъ!

«Да поѣзжай-ко къ женѣ да къ своей матери.

«Да ты экой въ товарищи мнѣ большѣе не на-
добно.»

Ёнъ-де скоро уздалъ-сѣдлалъ свой добра коня,

Да уздае-сѣдае крѣпко на крѣпко,

Не ради красы-басы молодецкіе,

Ради крѣпости да богатырскіе,

И поѣзжае въ суговъ да за богатырѣмъ.

Ёде вѣдь дологъ день ёде до вечера,

Да и тѣмву ночку до бѣла свѣту,

Да не можетъ догнать богатыря во чистомъ поли.

И на другой день Илья да попускается,

И ёде дологъ день ёде до вечера,

Да и тѣмву ночку до бѣла свѣту,

Да не можетъ догнать богатыря во чистомъ
полѣ.

Да на третій день же попускается,

Да догналъ богатыря въ чистомъ поли,

И закричалъ Илья-та по звѣриному,

И засвисталъ Илья-та по змѣиному.

И у богатыря конь-де на колѣнка палъ,

Да и бѣтъ богатырь коня по тучнымъ бедрамъ:

— Ужъ ты волчья сить конь травяной мѣшокъ!

— Да пугаешься кряку ты вороньяго. —

Да и тутъ Илья закричалъ онъ по звѣриному,

Засвисталъ-де Илья та по змѣиному,

И у богатыря конь-де на колѣнка палъ,

Да и бѣтъ богатырь коня по тучнымъ бедрамъ:

— Ужъ ты волчья сить конь травяной мѣшокъ!

— Да пугаешься кряку ты вороньяго. —

Налетѣла ворона изъ чиста поля,

Налетѣла ворона порозѣглася,

Такъ тутъ-де Илья да славной Муромецъ,

И того зля закричалъ онъ по звѣриному,

И засвисталъ Илья-де по змѣиному.

И у богатыря конь-де на всѣ ноги палъ.

Да и видитъ богатырь [бѣду] неминучую,

Обворачиваѣ свѣя добра коня.

И сѣзжалось два сильніе два могучи два бога-
тыря,

Будто двѣ сильніе горы вмѣсто скатилосе:

Да и палицами они ударились,

Да и пальи у ихъ-то поломалисе,

Да и другъ-то друга-то не равнили.

Да и тутъ же добры молодцы порозѣхались,

Да и копыями они ударились,

Да и копыя въ кольцахъ-то погибалисе,

Да и другъ-то друга-то не ранили.

Да и тутъ же добры молодцы порозѣхались,

Да и саблями они ударились,

Да и сабли у ихъ же приломалисе,

Да и другъ-то друга-то не ранили.

Да схватились они на рукопашечку,

Да ушибъ-де богатырь-отъ невѣрныи,

Да ушибъ-де Илью-то о сырѣ землю,

Да и сѣлъ на его-то на бѣлы груди,

Да и ладить пороть онъ груди бѣлыи,

Да и вынять сердце-то со печенью.

И говоритъ-де Илья да таково слово:

«Да и ой же удалой доброй молодець!

«Ты скажись каковой земли, да ты каковой орды,

«Да чьего отца, да ты чьей матери?»

И говоритъ-де богатырь таково слово:

— Да и чортъ тебѣ старому псу надобно,

— Да и старому да пушай мертвому. —

И поглядѣлъ-то Илья да на праву руку,

Какъ Илья на бою-то смерть не писана.

Да стрепестался Илья да подь богатырѣмъ,

Да ушибъ-то богатыря во чистѣ полѣ,

Да и взялъ-то богатыря впереди себя,

Да и сталъ у богатыря выпрашивать:

«Ты каковой земли, да ты каковой орды,

«Да чьего отца, да ты чьей матери?»

И говоритъ богатырь таково слово:

— Я естъ сиверной страны да золотой орды,

— Да естъ дѣвицы Сиверьяничны. —

И говоритъ Илья да таково слово:

«А й когда ты дѣвицы Сиверьяничны,

«Да поѣзжай-ко ты да въ свою сторону,

«Да скажи Сиверьяничны низкой поклонъ.»

Да и тутъ богатырь-отъ невѣрныи,

Да поѣхалъ богатырь въ свою сторону,

Да встрѣчае родитель ёво матушка:

— Да что дитя ты моѣ милоѣ,

— Да и что моѣ милоѣ съ лица ты спалъ. —

И говорилъ богатырь таково слово:

«Ужъ ты свѣтъ государь моя матушка!

«Я наѣхалъ богатыря въ чистомъ поли.

«И перво я ёво побилъ, а послѣ онъ меня,

«Да и сталъ у меня-то ёнъ выпрашивать,

«Я сказался дѣвицы Сиверьяничны,

«Ёнъ наказалъ тебѣ та вѣдь низкой поклонъ.»

И говорить дѣвица таково слово:

— Да наказалъ какъ вѣдь низкой поклонъ,
— Да къ тутъ тебѣ дитя тебѣ родной отецъ.
— И когда ѣздилъ я въ полѣ поляницею,
— И тогда онъ меня побилъ, да съ мной грѣхъ
творилъ,

— Да съ того я тебя дитятко спородила. —

И розгорѣлось ёго сердце богатырское

И обворачивае своя добра коня:

«Я поѣду убью-то вѣдь старо́го пса.»

Ёнь близко ли ѣхалъ вѣдь далѣко ли,

Да наѣхалъ шатѣръ да во чистомъ поли,

Да сврычалъ богатырь зычнымъ голосомъ.

И выходилъ-де Илья да изъ бѣла шатру,

И ухватилъ-де ево же за желты кудри,

И шибѣе вверхъ да ёнь подъ облаки,

Да назадъ-то ёго не подфатывать.

Да одно было чадушко на сѣмъ свѣти споро-
жено,

Да и то отъ своихъ рукъ смерть-та придана.

Записано тамъ же, 15 августа.

234.

ОТЪѢЗДЪ ДОБРЫНИ.

Да не куревка въ чистомъ поли закурилась*),
Да выбѣгало туто стадышко звѣриное,
Да какъ звѣриное-то стадышко да сѣрыхъ вол-
ковъ.

И впереди бѣжить-то собачка лютой скимеръ
звѣрь,

Да глаза-ты у собачки какъ огонь горять,

Еще уши у собаки какъ остры копыя,

Еще шерстка на собачки да буланая,

Да ко ушамъ ли ёго шерстка приклоняется.

И побѣжалъ тотъ воръ собака ко Нѣпру рѣки,

И закричалъ-де воръ собачка по звѣриному,

Да засвисталъ-де воръ собака по змѣиному.

И подъ нимъ бѣрѣжки-то собачкой подломилъ,

И какъ Смородина-то рѣка съ пескомъ смутилася,

И это синее-то море сколубалосе,

Еще мелкая-та ли рыбаца на дно ушла,

Еще бѣлая-та ли рыбаца наверхъ всплыла.

Какъ во стольнѣмъ ли было въ городи во Києви,

Да среди того ли двора-ста княженецкаго,

*) Каждый стихъ поется два раза; при второмъ запѣвѣ ча-
стица «да» въ началѣ замѣняется словомъ «и».

Да какъ то ли не бѣлая берѣзка къ земли кло-
няется,

Да не шелковая ли травка устилается,

Да еще кланяется-то сынъ своей матушки,

Да онъ-де просилъ благословленьца великаго:

«Да ужъ ты свѣтъ государынь моя матушка!

«Да мнѣ-ка дай-ко благословленьцо великое,

«Да мнѣ-ка ли ѣхати во далече въ чисто поле,

«Да поискать мнѣ своего брата названого,

«Да какъ старого казака-то Илья Муромца.»

Да какъ возговорить-то Добрыни родная матушка:

— Да еще ой же ты дитя моё милоё!

— Да на кого ты оставляешь свою матушку,

— Да на кого ты покинаешь молоду жену,

— Да какъ прекрасную ли Катерину да Мику-
личну? —

Да какъ возговорить-то Добрыня родной матушки:

«Да ужъ свѣтъ ты государынь моя матушка!

«Да оставляю тебя матушка да я на Господа,

«Да какъ на тѣхъ ли чудотворцевъ града Києва.

«Да какъ давно у м'ня Катеринѣ сказано,

«Да за недѣлюшку Микуличной повѣдано.»

Да возговорить-то Добрыни родна матушка:

— Да тебя-то Богъ проститъ Христось поми-
луетъ! —

Да какъ садился Добрыня на добра коня,

Да одна куревка въ чистомъ поли закурилась.

Записано тамъ же, 16 августа.

235.

ЩЕЛКАНЪ ДУДЕНТЬЕВИЧЪ.

Да на стули на бархати,

На златомъ на ременчатомъ,

Сидѣлъ туто царь Возягъ,

Да Возягъ сынъ Таврольевичъ,

Да онъ суди разсуживалъ,

Да дѣла приговаривалъ,

Да князей бояръ жаловалъ,

Да селами, помѣстьями,

Города съ пригородками.

Да Оому дарилъ Токмою,

Да Ерѣму Новимъ городомъ.

Да любимаго зятюшка,

Да Щелкана Дудентьевича,

И на дворѣ не случилось.

Да уѣхалъ Щелканушко

Во землю жидовскую,

Ради дани и выходу,
 Ради чортова прѣвежу.
 Онъ-де съ поля бралъ по колосу,
 Съ огороду по курици,
 Съ мужика по пяти рублей,
 У кого тутъ пяти рублей нѣту,
 У того онъ жену беретъ,
 У кого какъ жены-то нѣтъ,
 Такъ того самого беретъ.
 У Щелкана не вѣробисься,
 Со двора совъ не вѣрядисься.
 Да прѣхалъ Щелканушко
 Изъ земли изъ жидовскіе
 Да къ царю на широкій дворъ.
 Говорить же Щелканушко:
 «Да ой же ты царь Возягъ,
 «Да Возягъ сынъ Таврольевичъ!
 «Ты князей бояръ жаловалъ,
 «Да селами помѣстьями,
 «Города съ пригородками,
 «Да Ѳому дарилъ Токмою,
 «Да Ерѣму Новымъ городомъ,
 «Да любимаго зятюшка,
 «Да Щелкана Дудентьевича,
 «Подари Тверью городомъ,
 «Токо Тверью славною,
 «Токо Тверью богатою,
 «Двума братцами рѣдныма,
 «Да князьями благовѣрныма,
 «Да Борисомъ Борисовичемъ,
 «Да и Митріемъ Борисовичемъ.»
 — Да ой же Щелканушко,
 — Да Щелканъ сынъ Дудентьевичъ!
 — Заколи чада милаго,
 — Токо сына любимаго,
 — Нацѣди токо чашу руды,
 — Токо чашу серебряную,
 — Да и выпей ту чашу руды,
 — Стоючись передъ Звягой царемъ,
 — Передъ Звягой Таврольевичемъ.
 — Подарю Тверію городомъ,
 — Токо Тверію славною,
 — Токо Тверію богатою,
 — Двума братцами рѣдныма,
 — Да князьями благовѣрныма:
 — Борисомъ Борисовичемъ,
 — Да и Митріемъ Борисовичемъ. —
 Да туто Щелканушко
 Закололъ чада милаго,
 Токо сына любимаго,
 Нацѣдилъ-де онъ чашу руды,

Токо чашу серебряную,
 Да и выпилъ ту чашу руды
 Стоючись передъ Звягой царемъ,
 Передъ Звягой Таврольевичемъ.
 Да и тутъ царь Возягъ
 Подарилъ Тверію городомъ,
 Токо Тверію славною,
 Токо Тверію богатою,
 Двума братцами рѣдныма,
 Да князьямъ благовѣрныма:
 Да Борисомъ Борисовичемъ,
 Да и Митріемъ Борисовичемъ.
 Поѣхалъ Щелканушко
 Да во Тверь-ту городъ-отъ,
 Да заѣхалъ Щелканушко
 Ко родной сестры проститися,
 Токо къ Марьѣ Дудентьевной:
 «Да и здравствуй ты рѣдна сестра,
 «Да и Марья Дудентьевна!»
 — Да и здравствуй-ко рѣдной братъ!
 — Ужь ты по роду рѣдной братъ,
 — По прозванью окаянной братъ.
 — Да чтобы тебѣ брѣтелку
 — Да туда-то уѣхати,
 — Да назадъ не прѣхати,
 — Да остыть бы тѣ брѣтелко
 — Да на востромъ копѣѣ,
 — На булатнемъ на ножечкѣ. —
 Дунай Дунай болѣ впередъ не знай.

Записано тамъ же, 15 августа.

236.

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ.

Да на что на насъ Господь Богъ прогнѣвался,
 Да сослалъ намъ Господь Богъ прелестника,
 И вора Гришку ростригу Отрепьева.
 И не успѣлъ онъ воръ собака на царство сѣсть,
 И похотѣлъ воръ собака женитися,
 И не у насъ въ Москвы на святой Руси,
 Да во той во земли въ проклятой Литвы.
 Да у Юрья у пана орды польскіе,
 Да берѣтъ онъ Марішку дочь Юрьевну.
 Его свадьба была не въ указной день,
 Да на вѣшний праздникъ Микѣлинъ день,
 Да бояры ты пошли ко заутрени.
 Да Гришка съ Марішкой во банну помошь.
 Да бояра ты идутъ отъ заутрени,

Да и Гришка съ Маришкой изъ банны идѣ.
 Да на Гришки-то шуба чернаго соболя,
 На Маришки салошъ краснаго золота.
 Говорить-де вдова благочесливая:
 «Ужъ вы глупые бояра неразумные!
 «Да убить нашъ царевичъ во Углицкомъ,
 «Его мощи лежа въ каменной Москвы,
 «Да въ томъ ли во соборѣ Архангельскомъ.»
 Да и тутъ-де бояра догадался,
 Да и скоро до Григорья добиралися.
 Да и эта Маришка дочь Юрьевна
 Обвернулась изъ окошка сорокою.
 Да этотъ Грнша Отрепьевъ-отъ
 Выпадалъ изъ окошка о сѣреду,
 О сѣреду кирпичную убился и до смерти.
 Дунай Дунай болѣ впередъ не знай.

Записано тамъ же. 16 августа.

—
 237.

ШВЕДСКАЯ ВОЙНА.

Ой да пишѣ пишѣ-то пишѣ король шведскіе *),
 Да государыни пишѣ самой:
 «Ой да милосердная наша государыни!
 «Ну да замиримся-ко мы съ тобой.
 «Ой да ты отдай-ко мои города-ты,
 «Которые прежде ты намъ побрала.
 «Ой отдай Ригу ту Ригу отдай отдай Ревель,
 «Отдай Нарву-ту крѣпкій городокъ.
 «Аль да роспиши ты намъ ли полатушки
 «Въ каменной Москвы постоять,
 «Ой да нашей конницы нашимъ драгунамъ,
 «Въ пирской въ славной-то стоять улицы,
 «Ой да нашимъ графамъ, графамъ офицерамъ,
 «Ино да по купеческимъ стоять по домамъ.
 «Ой да самому-то королю шведскому,
 «Ему въ славномъ городѣ стоять въ Кремлѣ,
 «Ему въ шеллементѣвомъ стоять во дому.»
 Ой да милосердная наша государынька
 Убояласе она тогдъ,
 Ой да ея свѣрныя рѣзные ноженьки
 Подломилсе стоячнсе,
 Ой да бѣлотѣльные царскіе рученьки опустилися
 онѣ о бока.
 Ой да какъ по правую царскую рученку

*) Каждые два стиха составляютъ одинъ куплетъ, который повторяется два раза.

Стоить Румянцевъ-отъ енераль,
 Ой да какъ по лѣвую царскую рученку
 Стоить Потемкинъ-отъ енераль.
 Ой да какъ возговорить ли-то промолвить
 Ну да нашъ Румянцевъ-отъ енераль:
 — Ой да милосердная наша государыни!
 — Да не убойся-ко ничего.
 — Ой да не бывать-то вору ему собаки,
 — Ну да въ каменной во славной Москвы.
 — Ой да не стоять-то вору собаки,
 — Ну да по купеческимъ славнымъ домамъ.
 — Ой да ужъ мы встрѣтимъ короля шведскаго
 — Среди моря во губы. —
 Ой да въ славной въ ревельской было во губы,
 Стѣбитъ тридцать-то караблей,
 Ой да стѣбитъ тридцать у насъ три карабельки,
 Всѣ стопушечные.
 Ой да мы столики ему поставимъ,
 Черные охъ мы корабли.
 Ой да мы сеатиртки ему постелемъ,
 Тонкіе бѣлые паруса.
 Ой да ужъ мы кушанья ему составимъ,
 Черные охъ мы пушечки,
 Ой да ужъ мы черны пушечки поставимъ,
 Чугунные охъ мы ядрышка.
 Ой да мы силушку прибѣмъ прирубимъ,
 Короля-то мы въ полонъ возьмѣмъ.

Записано тамъ же. 16 августа.

—
 238.

НЕБЫЛИЦА.

Старина сказать да стародавняя,
 Стародавняя да небывалая,
 Хорошо сказать, да лучше слушати.
 Да побѣдна головушка бурлацкая,
 Да сокопиласе гривна передъ злыднямъ,
 Да на кабацк сойдѣ да на вино пропьѣ,
 Да на остатній грошъ да табаку возьмѣ,
 Да табаку возьмѣ да свеселá запоѣ,
 Да свесела запоѣ да свеселехонька.
 Да Дунай Дунай болѣ впередъ не знай.
 Да не курица на ступы соягниласе,
 Корона на лыжахъ покатиласе,
 Да свинья въ ели-то вѣдь гнѣздо свила,
 Да гнѣздо свила да дѣтей вывела,
 Малыхъ дѣточекъ да поросяточекъ.
 Поросяточка все по сучкамъ вися,

По сучкамъ вися и полетѣтъ хотя,
 По поднебесью братцы медвѣдь летить,
 Да медвѣдь летить да онъ хвостомъ вертить.
 И по чисту полю у насъ карабъ бѣжитъ,
 На синѣмъ мори у насъ овинъ горить,
 Да овинъ горить и то со рѣвою.
 Розодрался хлопоть *) хлопотшечко,
 Розодралась сношка со свекровкою,
 Да рогатками ѣна мутовками,
 На остаткахъ поварѣнками **),

Записано тамъ же, 16 августа.

XLVI.

ТРЯПИЦЫНЪ.

Михайло Ивановъ Тряпицынъ, крестьянинъ дер. Усть-поча у Кенозера, 58 лѣтъ, небольшого роста, лысый, съ русою бородою. Поетъ былины, которыя заимствовалъ отъ дѣда и отца; въ молодости зналъ больше; такъ, теперь онъ не могъ припомнить былины про Святогора и про Илью Муромца, которыя пѣвалъ въ прежнее время. Михайло Ивановъ упоминалъ, что и съ его словъ были записываемы «старыны» для г. Рыбникова тѣмъ же фельдшеромъ, который записывалъ ихъ у Сивцева. Оказывается, что былины, помѣщенные въ сборникъ г. Рыбникова подъ именемъ Михайлы Богданова, должны принадлежать этому пѣвцу. Имя Богданова вкралось тутъ, вѣроятно, по ошибкѣ.

239.

ИЛЪЯ МУРОМЕЦЪ И ГОЛИ КАБАЦКІЕ.

Отъ того отъ города отъ Галича,
 Да ко городу было ко Кіеву
 Идѣ калива переходяя.
 Балахоншко одѣто веретномъ тряхвуть,
 Татаурищомъ ***) онъ подиоисался,
 Лапотци на ножкахъ ѣво липовы,
 Бородушка у старого сѣдѣхонько,
 Головушка у стара на убѣлѣ бѣла.

*) жорновъ мельничной.

**) ложка кухонная.

***) обрывокъ

Да идѣтъ старикъ по городу по Кіеву,
 Захотѣлось зайти стару на царевъ кабакъ,
 Да выпить стару зелена вина.
 Идѣтъ-то старой потихохонько,
 Да ступаеъ старой полегомешько,
 Онъ молитву творить и вонусову,
 Ёнъ крестъ кладеъ по писаному,
 Клонится на всѣ четыре на стороны:
 «Да здравствуйте чумаки вы чѣловальники,
 «И здравствуйте бурмисты (sic) ларечные!
 «А ѣ вы чумаки чѣловальники!
 «И налейте вина мнѣ полтора ведра,
 «Да опохмѣльте калику переходяго.
 «Розопьюсь я старой, выпью на двѣ тысящи.»
 Говорятъ чумаки чѣловальники:
 — Тебѣ нѣ во что старому повѣрити.
 — Да головушка у старого сѣдѣшенъка,
 — Да бородушка у стара на убѣлѣ бѣла,
 — На головушки у старого зеленъ колпакъ,
 — Да сорочишка одежда исприношена. —
 Да снимае съ вѣрота старой чуденъ крестъ,
 Въ долину крестъ онъ и двѣ четверти,
 Поперѣкъ-то крестъ и въ цѣлу четвереть,
 Въ толщину-ту крестъ былъ онъ и двухъ вер-
 ховъ,

Онъ старого червоннаго золота.
 Не берутъ чумаки ли чѣловальники,
 Не берутъ у него крѣста чуднаго.
 И тѣ ли бѣдны голи кабацкіе,
 Да тѣ ли мужики деревенскіе,
 Склали мужики оны по денежки,
 Да побольше тово по копѣчепи,
 И купили вина полтора ведра.
 Да примае старой одной рукой,
 И выпилъ старой на единъ на духъ.
 Говорилъ имъ старой таково слово:
 «Вамъ спасибо голи кабацкіе,
 «Да спасибо мужики деревенскіе!
 «Напоили стара меня дѣо пьяна,
 «Не напоили только стара роззадорили.
 «И теперь у насъ дѣло поздное,
 «Приходите по утру ко мнѣ ранѣшешько,
 «И напою я виномъ всѣхъ васъ дѣо пьяна.»
 Да зашолъ старикъ на печу кирпичную,
 И спить тамъ старой просыпаеъся.
 Да ставае по утру онъ ранѣшешько,
 До восходу тѣпла краснаго солнышка,
 Да спрашиватъ ключовъ сталъ ларечниковъ.
 Ёнъ и пришолъ ко погребамъ ко виннымъ,
 Да отворяетъ старой двери дубовые,
 Беретъ бочку сороковку подъ пазуху,

Да другу сороковку бралъ подь другую,
 Ёнъ и третью сороковку ногой катить,
 Да выкатывалъ старой на зеленой лугъ,
 Но на ту ли площадь торговую,
 Да срычалъ да старой громкимъ голосомъ:
 «Эй же вы голи кабацкіе,
 «Да вы мужики деревенскіе!
 «Ступайте вы ко стару на почетной пирь,
 «Напою виномъ я всѣхъ васъ до пьяна.»
 А тѣ ли чумаки ли чѣловальники,
 Собралось ихъ челоувѣкъ до восьмидесяти,
 Отбивать ли у стара зелена вина.
 Ничего не могли у стара сдѣлати,
 Да пошли просить ко князю Владимиру,
 Да на этого калику переходяго.
 — Ты Владиміръ князь столень-кѣвской!
 — Да у насъ-то было во вчерашной день
 — Невѣдома калика появиласе:
 — Борода у калики сѣдѣхонька,
 — Голова у калики на убѣлѣ бѣла,
 — Сорочинская одежда вся истаскана,
 — Лапотци на ножкахъ ёво липовы.
 — Да зашѣлъ въ подвалы къ намъ во винныя
 — Бочку сороковку бралъ подь пазуху,
 — И другу сороковку бралъ подь другу,
 — Да третью сороковку ногой катилъ.
 — Да выкатывалъ старой на зеленой лугъ,
 — На ту ли площадь торговую,
 — Да собралъ мужиковъ деревенскіе (sic)
 — И собралъ голей онъ и кабацкіе (sic),
 — И распилъ вино да и безденежно.
 — И гдѣ мы эту сумму сударь будемъ взыска-
 вать? —

Говорилъ князь имъ таково слово:
 «А й же чумаки вы чѣловальники!
 «Посмотрю я калики переходяго,
 «Да за это я вамъ рассчитаюсе.»
 И распилъ старъ зелено вино,
 Говорилъ старой таково слово:
 — А й вы голи кабацкіе,
 — Да вы мужики деревенскіе!
 — Вы ступайте теперъ по своимъ мѣстамъ,
 — По своимъ мѣстамъ по своимъ домамъ,
 — По своимъ домамъ къ молодымъ женамъ,
 — Къ молодымъ женамъ къ малымъ дѣточкамъ.
 — Я пойду теперъ старой на царевъ кабакъ,
 — Да пойду вѣдъ я на печку кирпичную,
 — И буду я старой просыпаться. —
 Да по тому ли по утру по равному
 Приходя отъ князя слуги вѣрныя,
 Говорятъ емъ таково слово:

«А й ты калика переходяя!
 «Ты ступай-ко ко князю ко Владимиру.»
 Говорилъ имъ старой таково слово:
 — А й же вы братцы товарищи!
 — Напрасно меня стара беспокоите,
 — Не дѣете мнѣ старому проспаться. —
 Сомоль старикъ со печки кирпичныя,
 Да поможъ старикъ по городу по Кіеву,
 Мимо этия полаты княженецкіе.
 И кричитъ старой громкимъ голосомъ:
 — А й ты Владиміръ князь столень-кѣвской!
 — Получай-ко сумму за зелено вино
 — Ты съ донского казака ли съ Ильи Муромца.
 — Я пойду теперъ старикъ во чисто полѣ,
 — И на ту пойду дорогу на латынскую,
 — И на ту пойду заставу богатирскую,
 — Да подь тотъ пойду старой подь сѣрой дубъ. —

Записано на Кенозерѣ, 11 августа.

240.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

А ѣздилъ-то старый по чисту полю,
 Ото младости ѣздилъ до старости,
 И наѣхалъ старой во чистомъ поли
 На тѣ на три дороги широкіе.
 Лежитъ на дороги горючъ камень,
 Да на томъ каменю подпись подписана:
 Въ дорожку ѣхати богату быть,
 Въ другую-ту ѣхати женату быть,
 Да во третью-ту ѣхати убиту быть.
 Стоитъ-то старой, самъ дивуется:
 «Да колько по святой Руси не ѣзживалъ,
 «Такового чуда вѣкъ не видывалъ.
 «Да на что-то старому мнѣ-ка богатство,
 «Своево у меня злата серебра,
 «Своево у меня злату-жемчугу.
 «На что мнѣ-ка старому женитисе,
 «Да старая взять мнѣ замѣны нѣтъ,
 «Да молоденька взять мнѣ чужа корысть.
 «Я пойду старой гдѣ убиту быть,
 «Да убиту-то быть больнѣ ранену,
 «На бою на драки смерть не писана.»
 Да хорошъ былъ у стараго доброй конь,
 Былъ маленькой бурушко косматенькой.
 Грива у бурушка трѣхъ локтей,
 А фостъ-отъ у бурушка трѣхъ сажонъ.
 Ёнъ рики, озѣра перескакивалъ,

Мхи-ты болота впромежь ногъ пустиль,
Ешь широки роздолья перерыскиваль,
Да отъ смерти меня старова й унашиваль.
Да ѣдетъ старикъ путемъ-дорогою,
Туть стоитъ сорокъ тысячей разбойниковъ,
Да стоять п денные подорожники.
Стали ёни ко старому приступывать,
Хочуть оны старого убить-сказнить,
Да хочуть ёго старого съ коня стащить.
Говорилъ имъ старой таково слово:
«А й же вы воры разбойники,
«А й же денные подорожники!
«Да бить-то меня старого вамъ нѣ-по-что,
«И бить меня старого нѣ-за-что.
«На кони у м'на узда е во пятьсотъ рублѣвъ,
«И оттого узда у мѣна дорога,
«Драгоценные каменя въ ёю влѣтены,
«Не для ради красы-басы молодецкіе,
«Для ради славы богатырскіе,
«Да для ради проѣзду полуночнаго.
«И на кони е сѣдло въ цѣлу тысячу,
«На себѣ кожанъ е во девять тысящей,
«Своему доброму коню да я цѣны не знай.»
Да стали ёни къ старому приступывать,
И хочуть ёни старого убить-сказнить,
Да хочуть ени старого съ коня стащить.
И видить-то старой неминучую,
Да беретъ старой свой-отъ вострой мечъ,
Да въ другу руку копьѣ да бурзомецкое.
И началъ старой поскакивать,
Да копьѣмъ, мечѣмъ ёнъ помахивать.
И куда-де проѣдетъ — туды улица,
И куда-де отъѣдетъ — переулочъ знать,
Да прибилъ сорокъ тысячей разбойниковъ,
Да прибилъ всѣхъ денныхъ подорожниковъ.
И ворочается старой изъ дороженки,
И та ли дорога очищена,
Эта ли подписка захѣрена,
Да старымъ-то казакѣмъ Ильей Муромцѣмъ.
«Я поѣду старой гдѣ женату быть.»
Да ѣдетъ старой по чисту полю,
И стоитъ въ чистомъ поли бѣлой шатѣръ,
И привѣжае старой ко бѣлу шатру.
Привазалъ коня къ золоту кольцу.
Выходила прекрасна королевична,
Брала стара за бѣлы руки,
Уводила въ полаты бѣлокаменны.
Ставила столы ёна дубовые,
Наносила всѣи ѣствы сахарвіе,
Напоила накормила стара дѣ пьяна.
Говорить прекрасна королевична:

— Старой казакъ Илья Муромецъ!
— Мы пойдемъ съ тобой во ложни во тёплые,
— Да на тѣ ли на кровати слоновыхъ костей,
— И на тѣ ли на перины на мягкіе. —
Говорить королевна таково слово:
— А й же донскій казакъ Илья Муромецъ!
— Ты ложись-ко ко стѣны кирпичные. —
Говорилъ ей Илья таково слово:
«А й же ты прекрасна королевична!
«Намъ ли у стѣнки спать не хочется,
«Въ насъ ли въ старикахъ мочь не держится,
«Да мы старики часто вонъ ходимъ.»
Да взялъ прекрасну королевичну,
Ёнъ бросилъ на кроватку на тисовую,
Повернулася кроватка тисовая,
Да й упала королевна во глубокъ погрѣбъ.
Да молодцовъ у ней туды наловлено.
Туть донскіе казакъ Илья Муромецъ,
Да розломалъ онъ двери ты желѣзные,
Да у этого погреба глубокого,
Да выпускае молодцовъ на святую Русь,
Ворочается старой изъ дороженки,
Да та ли дорожка очищена,
И та ли подписка захѣрена
Да старымъ-то казакѣмъ Ильей Муромцѣмъ.
Да поѣхалъ онъ старой гдѣ богату быть,
Да ѣдетъ старой по чисту полю,
Стоитъ въ чистомъ поли царевъ кабакъ,
Да собираются въ кабакъ воры разбойники,
Сбираются въ кабакъ и голи пьяные.
Да розбилъ Илья этѣтъ царевъ кабакъ,
Да розгонялъ онъ всѣхъ голей кабацкіихъ.
Ворочается старой изъ дороженки,
Да и та ли дорожка очищена,
Эта ли подписка захѣрена
Да старымъ-то казакѣмъ Ильей Муромцѣмъ.

Записано тамъ же, 11 августа.

241.

ДОВРЫНЯ И ЗМЪЙ.

А й Добрынуши мать ему наказывала,
А й государыни Добрыни наговаривала:
«А й да поѣдешь ты Добрыня во чистѣ полѣ гу-
лять,
«А й да приѣдешь ты Добрыня ко синю ко морю»,
«А й ко синю ко морю Добрыня къ морю чѣр-
ному,

«И поѣдешь Добрыня о синѣ морѣ,
 «И палитъ будешь стрѣлять гусей, лебедей,
 «Да малые пернастые утицы,
 «А тѣмъ будешь Добрынюшка питатисе.
 «И прїѣдетъ Добрыня ко Пучаю ко рѣкѣ,
 «А ѣ розгорится твоѣ сердце богатырское,
 «Да захочется, Добрыня, покупатися тебѣ,
 «Заплыви-тко, Добрынюшка, за первую струю,
 «Заплыви-ко, Добрыня, за другую за струю,
 «Да не плавай-ко, Добрыня, за третью за струю.
 «А ѣ налетитъ тутъ змѣя, змѣя лютая,
 «А ѣ она лютая змѣя, змѣя пещерская,
 «Да возьмётъ тебя на хоботы на черныя,
 «А ѣ унесё ли тебя на горы змѣйныя,
 «А ѣ да сядетъ ли къ тебѣ на бѣлыя груди,
 «Да разберётъ ли тебѣ да груди бѣлыя,
 «А ѣ она вынетъ ли сердце со печенью.»
 А ещё мать Добрынюшки наказывала,
 И государыни Добрыни наговаривала:
 «А ѣ да поѣдешь ты Добрынюшка по Киеву гу-

лять,
 «Да не ѣзди-ко Добрыня на царевъ кабакъ,
 «Да не пей-ко ты Добрыня зелена вина,
 «И не ѣзди во улицы Маринкины,
 «Во тѣ ли переулочки къ Игнатѣвны.
 «Эта ли вѣдь дѣвушка Мариночка
 «Отравля дѣвяти она богатырей,
 «А ѣ отравитъ тебя Добрыню десятого.»
 А ѣ Добрыня матушки не слушаётъ,
 Да садилася Добрыня на дѣброва на коня,
 Да поѣхалъ ея Добрыня во чисто ли во полѣ,
 И прїѣхалъ онъ Добрыня ко синю ко морю,
 И ко синю морю Добрыня ко морю черному.
 Стрѣлялъ онъ палитъ гусей, лебедей
 И малые пернастые утицы,
 А ѣ ѣдетъ тѣмъ ли Добрынюшка питается,
 Да прїѣхалъ ли Добрыня ко Пучаю ко рѣкѣ,
 И розгорѣлось его сердце богатырское,
 И захотѣлось Добрыни покупатисе ему.
 Скидываётъ онъ съ себя платье цвѣтнѣе,
 Да заплылъ Добрыня за первую струю,
 И онъ заплылъ Добрынюшка за другую струю,
 И обзадорило Добрыню плыть за третью за

струю.
 И налетѣла тутъ змѣя, змѣя лютая,
 И взяла его на хоботы на черныя,
 И унесла ли его на горы змѣйныя,
 И да садилася къ Добрыни на бѣлыя груди,
 Да хочё ли распороти груди бѣлыя.
 Да вынять ёво сердце со печенью.
 Да говоритъ ли Добрыня таково слово:

— А ѣ ты лютая змѣя пещерская!
 — А ѣ не пори-ко змѣя моихъ бѣлыхъ грудей,
 — А не вымай-ко ты сердца со печенью,
 — А не ирдавай-ко мнѣ смерти скорыя.
 — Да ли ты змѣя пусть мнѣ сестра родная,
 — И мы пойдемъ съ тобою во чисто во полѣ,
 — Да палитъ будёмъ стрѣляти гусей, лебедей.
 — Да малые пернастые утицы,
 — И съ тѣмъ, змѣя, съ тобою будёмъ питатисе.—
 И взяла змѣя на хоботы на черныя,
 И увѣсла-де вѣдь Добрыню во чисто полѣ,
 И во чисто полѣ Добрыню ко добру коню.
 И надѣваетъ онъ Добрыня платье цвѣтнѣе,
 И да садилася Добрыня на дѣброва на коня,
 И да берётъ ли онъ саблю ли вострую,
 И во другу руку копьё бурземецкоё,
 И заздынулъ онъ саблю вострую,
 Да отрубилъ ёя змѣи да буйну голову.
 А ѣ да поѣхалъ онъ Добрынюшка во Киевъ

градъ,
 И да заѣхалъ онъ Добрыня на царевъ кабакъ.
 И да напился Добрыня вина до пьяна.
 Да поѣхалъ ли ёя Добрыня по Киеву гулять,
 Ея заѣхалъ вѣдь во улицы Маринкины.
 И во тѣ ли переулочки къ Игнатѣвны,
 И ко той ли ко дѣвушки къ Игнатѣвны.
 А ѣ у той Маринки у Игнатѣвны,
 По окошечку два голуба похаживаётъ.
 Да нагнѣаетъ Добрыня туюго лубъ.
 Накладаётъ онъ стрѣлочку каленую,
 Да стрѣляетъ онъ во голубей во сизые.
 Не попалъ ли ёя во голубей во сизые,
 Да ёя разбилъ вѣдь околенку стекольчатую,
 Да рамочку ту вышибъ позолочену,
 Да убилъ ли у Маринки друга многого,
 Друга многого убилъ у ней Тугарина,
 Да Тугарина убилъ ево Змѣевча.
 Ея ко стало стрѣлочка калѣныя,
 Поѣхалъ ли Олѣшеньку Поповича:

— Ты крестовой братъ Алешенька Поповичъ
 сынъ!
 — И сходи-ко ты за стрѣлочкой во высокъ терѣмъ.
 — Еще стрѣлочка у мѣя е наточѣная,
 — И точѣна стрѣлка золочѣная.
 — Стрѣлка точѣна вѣдь была на двѣнадцатъ
 грянъ
 — Сажена была-то перьями орлиньскими,
 — Дарена-то была княземъ Владиміромъ. —
 И сходилъ ли Олѣша во высокъ терѣмъ,
 Да такой ли Добрынюшки отвѣтъ держалъ:

«Говорила ему дѣвушка Мариночка:
«Да которыми руками стрѣлка стрѣлена,
«Да тѣма руками пусть-де стрѣлка подната.»
Самъ пошолъ Добрыня во высокъ терѣмъ,
Подъ Добрынею ступени ^{сидятъ} поглядываются,
Половицы ^{сидятъ} подъ нимъ да шатаются.
Да берётъ ёнъ стрѣлочку каленую,
Да выходить ли Добрыня на широкой дворъ,
Да та ли дѣвушка Мариночка,
И брала ли она ^{вручки} булатнѣе,
Да подрѣзала ^{сидятъ} слѣды его горячіе,
И обернула ^{сидятъ} вѣдь Добрыню чернымъ соболюмъ.

(Дальше не знаетъ).

Записано тамъ же, 11 августа.

242.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

Не бѣленкой вреточекъ выпорхивалъ,
Не ясѣнъ соколичокъ вылетывалъ,
Выѣзжалъ удаць дородній добрый молодець,
По прозванію Чурилушко сынъ Пленковичъ.
Но не скатня жемчужинка катается,
Да Чурило по Кіеву катается.
Выѣзжае противу дому Бермятова,
Заигралъ онъ во доску гусельную.
Да первую доску играе про Кіевъ градъ,
А й другую доску играе про свою поѣздочку,
А й третью доску играе про Бермятовъ домъ.
Да услыхала Катерина дочь Микулична,
Зазывала Чурилу на широкой дворъ:
«Заѣзжай Чурило на широкій дворъ,
«У меня Бермята-то дома не случилося,
«Да ушолъ ли Бермята во Божью церковь,
«Да ёнъ ушолъ къ обѣдни благовѣщенской,
«Заходи ко мнѣ въ полаты бѣлокаменны,
«Да станемъ Чурило мы во шахматы играть.»
Да первую доску играли Чурило Катя мать даё,
Да другую доску играли Чурило Катя мать даё.
Да тово ли Катя не пытаючи,
Ёна крѣпче за Чурилу принимается,
И вводила во ложни во тёплые.
Да служанка по терему похаживать,
Таковы слова да выговаривать:
— А й Катерина дочь Микулична!
— А не за хороши порядки принимаешься,
— И Катя глупого ума ты набираешься.

— Я пойду схожу къ Бермяту во Божью церковь,
— И на тебя Катерина накучю й намучю. —
Ёна спитъ-то Катя не пробудится,
Да пошла ли служанка во Божью церковь,
А стоитъ-та Бермятъ да Богу молится,
И говорила ёму дѣвушка служаночка:
— А ай же Бермятъ сынъ Михайловичъ!
— А й у тебя въ дому да за невѣжа е.
— Ёнъ спитъ съ Катериной забавляется,
— Надъ твоимъ, Бермятъ, надъ домоу надсмѣ-
хается. —
Да стоитъ-то Бермятъ онъ Богу молится,
И Богу молится Бермятъ да не отвѣрнется.
И во второй разъ служаночка говорила:
— А ай же Бермятъ сынъ Михайловичъ!
— А й у тебя въ дому да за невѣжа е.
— Ёнъ спитъ съ Катериной забавляется,
— Надъ двоимъ, Бермятъ, надъ домоу надсмѣ-
хается. —
Да говорилъ ей Бермятъ таково слово:
«А ай же ты дѣвушка служаночка!
«Да ты правду говоришь, тебя за мужъ возьму,
«Да ты ложно говоришь, да я голову срублю.»
И достоялъ онъ обѣдню благовѣщенскую,
Ёнъ пришолъ въ свою полату бѣлокаменну,
Это заперты ворота тѣ широкіе.
Да первой разъ Бермятъ и постукается,
Да спитъ Катерина не пробудится.
И во второй разъ Бермятъ и постукается,
Да изъ тѣрема околицы вонъ посыпался,
Да крѣпко Катерина испугалася.
И отворяла Катерина двери на пятю,
Да въ одной становочки *) безъ пояса,
Да въ казужскихъ чулочкахъ безъ цѣботовъ.
И говорилъ ей Бермятъ таково слово:
«А ай Катерина дочь Микулична:
«Да что же сегодня не сварѣдна ходишь?»
— Да сегодня у насъ да дѣло празднично,
— Да честнó Господне Благовѣщенсье. —
«А й ты врѣшь Катерина всё оманывашь!
«На дворѣ-то стоитъ ли Чуриловъ конь,
«Да шинель-сертукъ виситъ Чурилово.»
Говоритъ Катерина дочь Микулична:
— У меня въ гостяхъ есть вѣдь рѣднѣй братъ,
— Да съ Чуриломъ у нихъ конями помѣняво,
— И сертуками шивелями побратано. —
«А й ты врѣшь Катерина все оманывашь!»
И онъ зашолъ-де во ложни во теплые,
Да спитъ тутъ Чурилушко сынъ Пленковичъ.

*) рубашки.

Да не утреня зоря да знаменуется,
 Да вострая сабелька промахнула,
 Но не скатня жемчужинка скатиласе,
 Да Чурилова голова съ плечъ свалиласе.
 Да не черная тафта да розстиляется,
 Да Чурилова кровь проливается.
 И отверня Катеринѣ голову срубилъ.
 Да берётъ да дѣвочку служаночку,
 Да берётъ Бермятъ да за себя замужь.

Записано тамъ же, 11 августа.

—
 243.

Д Ю К Т.

Кого нѣтъ сильнае да могучѣе,
 Старика Ильи да Ильи Муромца.
 Кого нѣтъ славиѣе да богатѣе,
 Молодца-то Дюка да Степанова:
 Дворъ у Дюка на семи верстахъ,
 Да кругомъ двора да всё булатнй тынъ,
 Столбики были точеные,
 Да точеные да золоченые.
 Да на каждомъ столбичкѣ по маковки,
 Маковки ты были мѣдные,
 Дорогою мѣди всё казарскіе (sic),
 Да пекутъ лучи да солннопечные,
 По тому по городу по Галицѣ,
 Да по той Волынъ-земли богатые.
 Да ещё у Дюка у Степанова
 Ворота были вольячныя,
 Подворотенки были хрустальнѣе,
 Надворотенки да дорогъ рыбей зубъ.
 Да еще у Дюка у Степанова
 Надъ воротами да надъ широкима,
 Да стоя у Дюка чудны образы,
 Да горя свѣчи неугасимые.
 Да еще у Дюка у Степанова
 Да стоятъ три церкви три соборныя:
 Да на каждой церкви по три маковки,
 Маковки ты были мѣдныя,
 Дорогою мѣди всё казарскіе (sic),
 Да пекутъ лучи да солннопечныя,
 По тому по городу по Галицѣ,
 Да по той Волынъ-земли богатые.
 Да во первую церкву соборную
 Туда ходитъ Дюкова-га матушка.
 Да во другую церкву соборную
 Туда ходитъ Дюкъ Степановичъ.

А во третью церкву соборную
 Туда ходитъ дружина-та Дюкова.
 Да еще у Дюка у Степанова
 Среди двора его широково,
 Да стоятъ три терема высокіе,
 Да высокіе да златоверхіе.
 Да во первомъ тереме высокіемъ
 Да живётъ тутъ Дюкова-га матушка.
 А во другомъ тереме высокіемъ
 Да живеть тутъ Дюкъ сынъ Степановичъ.
 Да во третьемъ тереме высокіемъ
 Да живеть дружина тутъ вѣдь Дюкова.
 Да еще у Дюка у Степанова
 Среди двора того широкаго
 Да стояли погребы глубокіе.
 Да во эти погребы глубокіе
 Бочки спущены да на тетивочкахъ.
 Да во эти погребы глубокіе
 Да проведены да трубы мѣдныя,
 Трубы мѣдныя да изъ чиста поля.
 Да повіють вѣтры со чиста поля
 Да во эти трубы да во мѣдныя,
 Да во эти погребы глубокіе,
 Въ погребахъ тамъ бочки зашатаются,
 Оттого ли пиво да не затыхается.

(Дальше не знаетъ).

Записано тамъ же. 11 августа.

—
 244.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Когда возсіяло красно солнышко,
 На наше ясно на небо,
 Тогда надарился грозный царь,
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
 Енъ царей казнилъ по-царскіе *),
 Царя Симіона съ мѣста снялъ,
 Отнялъ клюху ли его царскую
 И снялъ порфиру королевскую.
 На ту на пору, на то время
 Хорошъ появился почестной пиръ,
 На многіе (sic) на князей на бояровъ,
 На русскіе (sic) могучихъ богатырей.
 Всѣ на пиру ли пьяны веселы,
 Да никто на пиру ничимъ не хвастае.

*) по-царски.

Да то грозный царь Иванъ Васильевичъ
 Да ходить по гридни столовые,
 Таково слово ёнъ выговаривать:
 «Да вывелъ измѣну изъ Пскова,
 «Я вывелъ измѣну изъ Скѣпсково,
 «И вывелъ измѣну изъ Нова-города,
 «Изъ матушки вывелъ каменной Москвы.»
 Ставать изъ-за большаго стола большѣй-отъ сынъ,
 Большѣй сынъ Иванъ Ивановичъ:
 — Батюшко грозный царь сударь милосливъ!
 — Дай одно слово мнѣ-ка молвити,
 — За одно слово не повѣсити.
 — Только есть у насъ измѣнщикъ за однимъ
 столомъ:

— На князя сказать напрасной грѣхъ,
 — На барина сказать наирасна смерть,
 — На братца сказать братца тошно жаль,
 — На себя сказать пожалыче всёхъ.
 — Братецъ-отъ Ѳѣдоръ Ивановичъ
 — Да по матушкѣ ѣздилъ каменной Москвѣ,
 — Свои-ты подииси подписывалъ,
 — Твой подииси похѣривалъ,
 — Прибилъ указы ко всёмъ столбамъ. —

На ту пору на то времечко,
 Будто сине море вскудыбалосе,
 Богатырско сердце розгорѣлосе.
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 Да ходить по гридни столовые,
 Таково слово ёнъ выговаривать:
 «Да есть ли во миру ли таки мастеръ,
 «Казнить бы вѣшать роды царскіе,
 «Царски роды государскіе?»
 Вставать изъ-за меньшаго стола Малюта-та Шкур-
 латкинъ сынъ,

Говорилъ Малюта таково слово:
 — Ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 — Дай указъ да за своей рукой,
 — Да за дѣловой печатью государевой,
 — Казнить буду вѣшать роды царскіе,
 — Царски роды государскіе. —
 Давать указъ и за своей рукой
 И за дѣловой печатью государевой,
 Да казнить-то вѣшать роды царскіе.
 По тому по утру по ранному,
 И до выхода тѣла краснаго солнышка,
 Берѣтъ воръ Малюта-та Шкурлаткинъ сынъ,
 Да того ли Ѳѣдора Ивановича
 За ручевки бралъ за бѣлме,
 И за кудѣрышка бралъ его за желтые.
 Повѣлъ во полѣ во чистое,
 Къ тому ли болоту къ Куликову,

На ту на казень на смертную.
 И бѣла у Ѳѣдора матушка,
 Обувала башмаки на босу ногу,
 Шла къ братцу къ Никитѣ Романовичу.
 «Братецъ Никита Романовичъ!
 «А спишь и незгоды не вѣдаёшь.
 «Надо мной несчастьѣ состоялосе,
 «Не стало сына одинакаго,
 «Твоего ли крестника любимаго.
 «Увѣлъ Малюта во чистѣ полѣ,
 «Къ тому болоту Куликову,
 «На ту на казень на смертную,
 «Да хочѣтъ отрубить буйну голову.»
 Не много Никита розговаривалъ,
 А скочилъ Никита скоро-на-скоро,
 Обувалъ сапоги на босѣ ногу,
 Одѣвалъ ёнъ шубу соболинуу,
 Накладалъ шляпу пуховую,
 Берѣтъ узду свою мѣдную,
 Да идѣ на конюшню столую,
 Берѣ жеребца да не ѣзжалаго,
 Не ѣзжалаго да не сѣдланаго,
 Несѣдланаго только узданаго.
 Только видѣли Никиту саждаючи,
 Не видали Никиты поѣзжаючи,
 Только столбъ стоитъ во чистомъ поли.
 У вора Малюты-та Шкурлаткина
 Лѣва ножка откинута,
 Права рука задынута.
 А й скричалъ Никита громкимъ голосомъ:
 — А й же Малюта-та Шкурлаткинъ сынъ!
 — Не твоя воръ ѣства не тебѣ воръ ѣсть,
 — А съѣси собака кусъ подавшяся,
 — Теперь тебѣ вору живу не быть. —
 У вора Малюты-та Шкурлаткина,
 Лѣвая ногá его оглезула,
 Правая рука его одрогнула,
 Выпадала у Малюты сабля вострая.
 Приѣхалъ Никита Романовичъ
 Да берѣтъ своего крестника любимаго,
 Да посадилъ ево ли на добра коня,
 Да повѣзъ ево ли въ каменну Москву.
 Стоитъ Малюта пороздумалосе:
 «Да какъ я молодецъ теперь къ царю пойду.»
 Взялъ кобеля ли мелединскаго,
 Отрубилъ кобелю ёнъ буйну голову
 И вынялъ сердце со печенью,
 Подносилъ на подносы на серебряны.
 Идѣтъ къ грозному царю Ивану Васильевичу,
 Говорилъ царъ таково слово:
 — Ахъ Малюта-та Шкурлаткинъ сынъ!

— Да что же отъ сердца пѣсей духъ пахнѣ? —

Говорилъ Малюта таково слово:

«Онъ закону-то былъ не нашево,

«Порядку былъ не хорошаго,

«Отово ли отъ сердца пѣсей духъ пахнѣ.»

Да прошло тово времени цѣлой годъ,

Да на ту ли заутрину христовскую,

Приказалъ грозной царь Иванъ Васильевичъ

Обрядиться всѣмъ въ платьѣ опальнѣе,

Поминать-то Ѳедора Ивановича.

Да тотъ Никита Романовичъ

Одѣвае платьѣ ѣнъ цвѣтнѣе,

Со каменьемъ до драгоцѣнннмъ,

И пришолъ во церкву соборную

Да бьетъ челомъ поклоняется —

— Здравствуй Грозной царь Иванъ Васильевичъ,

— Со своимъ ли дѣтми одинакима:

— И со тѣмъ ли Иваномъ Ивановичомъ,

— И со тѣмъ ли Ѳедоромъ Ивановичомъ! —

Говорилъ царь таково слово:

«Да ты старая собака сѣдатой пѣсѣ!

«До вочью ты мною насмѣхаешься

«По ворахъ и по разбойникахъ.

«Много потучниковъ *) и попецельщиковъ

«По моёмъ по сыни по Ѳедори,

«Не потучики не были, ни попечальщики.»

Отстоялъ заутрину христовскую,

Да привѣлъ къ обѣдени христовскіе,

Повказалъ ли сына одинакова,

Да того ли Ѳедора Ивановича.

Говорилъ царь таково слово:

«Да кто скраде своруе голову убьётъ,

«Да ступайте въ Микитину вотчину.»

Записано тамъ же, 11 августа.

XLVII.

КОСТИНЪ.

Александръ Давыдовъ Костинъ изъ дер. Кузминска на Почезерѣ (близъ Кенозера), крестьянинъ-земледѣлецъ, 35 лѣтъ отъ роду. Оставшись въ дѣтствѣ сиротою, онъ ходилъ по міру и тутъ, по его словамъ, еще будучи маленькимъ мальчикомъ, затвердилъ нѣсколько былинъ. Кромѣ печатаемыхъ здѣсь, онъ пѣлъ про Добрыню совершенно сходно съ Воиновымъ и про смерть Чурилы одинаково съ Сивцевымъ.

*) потучниковъ, тужителей?

245.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ЦДОЛИЩЕ.

По той по дорожки по латынскіе,

Идѣтъ тутъ калика перехожая,

Перехожая калика бродимая,

По прозванію славнѣ Иванище.

Какъ на встрѣчу ему Илья Муромецъ,

Говорилъ ему Илья таково слово:

«Ужъ ты здравствуй-ко, славно Иванище!

«Благополучно ли есть во славномъ во Кіевѣ,

«Да здорово ли живѣтъ нашъ Владиміръ князь?»

Гворитъ ему славно Иванище:

— Ужъ ты сильнѣи богатырь Илья Муромецъ!

— Какъ на нашъ-отъ на батюшко Кіевъ градъ

— Натѣжаетъ нечисто Едолище,

— По прозванію Батыга Батыговичъ.

— Онъ князей бояръ всѣхъ повырубилъ,

— Самого Владиміра въ полонъ побралъ. —

Говорилъ ему Илья, Илья Муромецъ:

«А ѣ же ты славно Иванище!

«У тя силы есть вдвоёмъ противъ меня,

«Только смѣтки-то нѣтъ противъ меня.»

Соходилъ Илья со добра коня,

Одѣваетъ онъ платьѣ скоморошноѣ,

Наложаетъ онъ шляпу сорочинскую,

Да и пошелъ по дорожкѣ въ славный Кіевъ градъ.

И заходитъ Илья на царевъ кабакъ,

Говорилъ Илья таково слово:

«А ѣ же вы чумаки цѣловальники,

«А ѣ же вы голи кабацкіе!

«Вы собирайте-ко голи по денежки,

«Да и мало тово по копѣчкѣ,

«Наливайте вина полтора ведра,

«Опохмѣльте калику перехожую,

«Перехожую калику бродимую.»

И тутъ склали ему голи по денежки,

Да и мало тово по копѣчкѣ,

Наливали вина полтора ведра,

Выпиваетъ калика черезъ край до дна.

Какъ пошолъ Илья въ погрѣбъ глубокиѣ,

Да и первую бралъ бочку подъ пазуху.

А другую бралъ бочку подъ другую,

А третью-то бочку ногой катитъ:

«Вы собирайтесь чумаки цѣловальники,

«Вы собирайтесь всѣ голи кабацкіе!

«Ужъ вы пейте вино всѣ безденежно,

«А молитѣ вы Бога за Илью Муромца.»

А самъ пошолъ въ славный Кіевъ градъ,

А заходить онъ въ полаты бѣлокаменны,
 Да во тѣ ли чертоги государевы.
 Какъ во той ли полаты бѣлокаменной,
 За тѣмъ за столомъ бѣлобровымъ,
 Да на той на скамейки изъ рыбыъ зуба,
 Да сидитъ тутъ поганю Едолище,
 По прозванью Батыга Батыговичъ.
 Какъ говоритъ Батыга таково слово:
 — Ты скажи мнѣ, калика переходящая,
 — Переходящая калика бродимая!
 — У васъ есть сильнѣй богатырь Илья Муромецъ.
 — Онъ много ли хлѣба соли кушаетъ,
 — А и много ли пьетъ зелена вина? —
 Какъ говорилъ ему Илья Илья Муромецъ:
 «Ужъ онъ хлѣба-то ѣсть по три калачика,
 «А напитококъ пьетъ по три рюмочки.»
 Какъ говорилъ ему Батыга Батыговичъ:
 — Это нѣтъ богатыря Ильи Муромца.
 — Какъ я хлѣба-то ѣмъ вѣдь по три печи,
 — А напитококъ-то пью по три ведра. —
 Говорилъ ему Илья Илья Муромецъ:
 «У моего-то родителя батюшка,
 «У его есть-то корова обжирная.
 «Она сѣна-то ѣла по три воза,
 «А напитококъ-то пила по три шану,
 «Ей съ этихъ напитококъ всю прирвало,
 «А тебя розорветъ поганю Одолищѣ.»
 Какъ хватаетъ поганю Едолище
 Со стола вѣдь ножичокъ булатнѣе,
 Да кидаетъ въ Илью Илью Муромца,
 И какъ ульнюлъ у Ильи ножикъ въ червонной
 крестъ.
 Какъ снимаетъ Илья шлану сорочинскую,
 Какъ махнулъ онъ въ Батыгу Батыгова,
 Тутъ-то гдѣ его глава, гдѣ-ка тулово,
 И возвелъ онъ тутъ князя на высобъ престоль.

Записано на Кенозерѣ, 13 августа.

—
 246.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СЫНЪ ЕГО.

Изъ Волинца города Галича,
 На ту на дорожку латынскую,
 На ту на заставу богатырскую,
 Выѣзжало три сильныхъ могучихъ богатыря:
 Первой богатырь Илья Муромецъ,
 А второй Добрыня Микитѣвичъ,
 А третьей Микита Романовичъ,

Простояли на заставы три мѣсяца.
 Какъ во то ли во время трехмѣсячно,
 Проѣзжаетъ тутъ сильнѣи могучѣи богатыря,
 По прозванью-то славно Аполонище.
 Какъ воспроизговорилъ Илья таково слово:
 «Поѣзжай-ко ты Добрыня во чисто полѣ,
 «И ты найдешь въ поли на богатыря,
 «И ты сруби ему буйну голову.»
 Какъ осѣдлалъ Добрыня добра коня,
 Какъ поѣхалъ Добрыня за богатыремъ,
 И наѣхалъ въ полѣ на богатыря.
 Какъ богатырь ревить будто лютый звѣрь,
 Подъ Добрынею конь пошарашился,
 На конѣ-то Добрыня устранился.
 Повернулъ коня ко заставушки,
 И приѣхалъ Добрыня къ Ильи Муромцу,
 И самъ говорилъ таково слово:
 — Ужъ ты старой сѣдатой Илья Муромецъ!
 — Какъ наѣхалъ я въ поли на богатыря,
 — А богатырь ревить будто лютый звѣрь,
 — Подо мною конь пошарашился,
 — На конѣ-то я поустрашился. —
 И говорилъ Илья таково слово:
 «Поѣзжай-ко ты Микита Романовичъ!
 «Поѣзжай-ко ты Микита во чисто полѣ,
 «И ты найдешь въ поли на богатыря,
 «И ты сруби ему буйну голову.»
 Осѣдлалъ Микита ворона коня,
 Поѣзжаетъ Микита за богатыремъ,
 Наѣхалъ онъ въ полѣ на богатыря,
 Какъ богатырь ревить будто лютый звѣрь,
 Подъ Микитою конь пошарашился,
 На конѣ-то Микита устранился,
 Повернулъ коня ко заставушки,
 Ко той ко заставы къ Илью Муромцу,
 И говорилъ Микита таково слово:
 — Ужъ ты старой сѣдатой Илья Муромецъ!
 — Какъ наѣхалъ я въ поли на богатыря,
 — А богатырь ревить будто лютый звѣрь,
 — Подо мною конь пошарашился,
 — На конѣ-то я поустрашился. —
 И воспроизговорилъ Илья таково слово:
 «Ужъ ты старость ты старость богатырская,
 «Видно некому мнѣ замѣнитися,
 «Надъ повинуть мнѣ старость великую.»
 И пошелъ на конюшню стоялую,
 И беретъ жеребца неѣзжалово,
 Неѣзжалово да и неузdana.
 Какъ сѣдлаетъ Илья ворона коня,
 Только видѣли людюшки сядучи,
 А не видѣли людюшки поѣздуши,

Только копытца въ поли какъ столбъ стоитъ.
 И наѣхалъ онъ въ поли на богатыря,
 А богатырь рѣвить будто лютой звѣрь,
 И ужъ онъ бьетъ коня по тучнымъ бедрамъ:
 «Ужъ ты конь ли мой конь травяной мѣшокъ,
 «Развѣ конь въ полѣ не бѣивалъ (sic),
 «Вороньяво врыку не слыхивалъ?
 «Не ворона ли въ полѣ разлеталася,
 «Не пусто ли перо поразгрѣялось.
 «Я хвачу ворону въ карманъ брошу,
 «Не бывать вороны на бѣломъ свѣту.»
 Они ударились палицей въ палицу,
 У обѣхъ у нихъ палицы поломались,
 Не одинъ одново не поранили.
 Ударились копьемъ въ копье,
 У обѣхъ у ихъ копья поломались,
 Не одинъ одново не поранили.
 Какъ сошлись на ручную поборотисе,
 Какъ ушибъ ево Илья, Илья Муромецъ.
 Онъ ставаетъ кодьнами на бѣлу грудь,
 Ужъ онъ самъ говорилъ таково слово:
 «Ужъ ты чьей земли ужъ ты чьей орды,
 «Ты чьего отца коей матери?»
 Говорилъ ему удалой доброй молодецъ:
 — Ужъ ты старой сѣдатой Илья Муромецъ!
 — Кабы я у тя былъ на бѣлой груди,
 — Я не спрашивалъ ни имени ни вотчины,
 — Не какой пути дорожки проѣзжѣ.
 — Вынималъ бы я ножичекъ булатнѣ,
 — Я поролъ бы твои груди бѣлые,
 — Вынималъ бы я сердце со печенью. —
 Какъ второй разъ спросилъ Илья Илья Муромецъ:
 «Ты скажи-тко удалой добрый молодецъ!
 «Ужъ ты чьей земли, ужъ ты чьей орды,
 «Чьего отца коей матери?»
 Говорилъ ему удалой доброй молодецъ:
 — Ужъ ты дядюшка Илья Муромецъ!
 — Какъ по прозванію я славно Аполонище,
 — А мать моя дѣвка Сиверьянична. —
 Какъ берѣтъ Илья за ручки за бѣлые,
 Поднимаетъ Илья отъ сирой земли,
 Цѣловалъ во уста во сахарнѣ.
 «Видно ты мнѣ сильнѣй могучѣй богатыре,
 «Видно ты мнѣ молодецъ рѣдной сынъ.»
 Какъ сядилисе бны на добрыхъ коней,
 И поѣхали онѣ ко заставушки,
 И наказалъ Илья Аполоницу:
 «Ты свези своей матери низкѣй повлонъ.»

Записано тамъ же, 13 августа.

БРАТЯ ДОРОВОВИЧИ.

Поѣхалъ Михайло Дородовичъ,
 Поѣхалъ гулять во чисто полѣ
 И выѣхалъ на гору высокую,
 Розвертывалъ трубку подзорную,
 Глядѣлъ-смотрѣлъ во чисто поле.
 Увидѣлъ онъ тамъ три знаменья:
 Первое знамя бѣлымъ-бѣло,
 Другое знамя краснымъ-красно,
 Да и третье-то знамя чернымъ-черно.
 Какъ поѣхалъ Михайло Дородовичъ
 Ко тѣмъ-то ко трѣмъ онъ ко значекьямъ,
 Началъ ево бурушко посказивать,
 Изъ-подъ копытъ-то онъ долы выметывать
 По цѣлой овчины барановой.
 Приѣхалъ ко тѣмъ ко трѣмъ ко знаменьямъ.
 И первое знамя стоитъ бѣль шатѣръ,
 А другое знамя на шатри маковка,
 А третье-то знамя стоитъ воронъ конь.
 И соходилъ Михайло со добра коня,
 И надовалъ коню ишена бѣлоярова,
 А и самъ онъ зашолъ во бѣлой шатѣрь.
 Во бѣломъ шатрѣ удалой доброй молодецъ,
 Ужъ онъ многима ранами раненой.
 И какъ спросилъ онъ удала добра молодца:
 «И ты удалой дороднѣй добрый молодецъ!
 «Ужъ ты гдѣ-ка битъ, гдѣ-ка раненой?»
 Какъ сказалъ ему удалой доброй молодецъ:
 — Ужъ былъ я во лугахъ во кургановыхъ,
 — Ино я бился со погаными татарами,
 — И наконецъ мнѣ-ка измѣна состоялася,
 — И у туга лука тетивка порывалася,
 — Булатная палица поломалася,
 — Коцѣ въ череню поросшаталася,
 — И востра сабля пополамъ переломилася.
 — Тутъ обступили поганне татарове,
 — Тутъ меня били да ранили. —
 Какъ выходитъ Михайло изъ бѣла шатра,
 Садился Михайло на добра коня,
 Розвертывалъ трубку подзорную,
 Онъ смотрѣлъ во луга во кургановы.
 Уже сколько стоитъ лѣсу темнаго,
 Да и столько поганыхъ татаровей,
 Да и сколько въ чистомъ поли кувилъ травы,
 А тово болѣ поганыхъ татаровей.
 И тутъ-то молодца страхъ-отъ взялъ.
 «Какъ куда мнѣ-ка ѣхать, куда мнѣ коня гнать.

«Какъ ѣхать мнѣ въ луга, такъ убиту быть,
 «А домой мнѣ-ка ѣхать, нечимъ хвастати.»
 И какъ поѣхалъ онъ въ луга во кургановы,
 И ужъ онъ лукомъ перебилъ силы смѣты нѣтъ,
 Копьемъ перекололъ силы смѣты нѣтъ,
 Да и палицей прибилъ силы смѣты нѣтъ,
 Да и саблей перерубилъ силы смѣты нѣтъ,
 И наконецъ тово измѣна состоялась,
 И у туга лука тетивка порвалася,
 Булатная палица поломалася,
 Конь въ череню рощаталося,
 Востра сабелька пополамъ переломилася.
 И обступили поганые татарове,
 Да и хочуть добра молодца съ коня стащить.
 Ино ево была головушка удалая,
 Да и вся была натура молодецкая.
 Какъ скочилъ Михайло съ добра коня,
 А хваталъ онъ поганого татарина,
 За его ли за поганые за ноги,
 Началъ онъ татаринкомъ помахивать,
 Куда махнѣтъ — туды улица,
 Назадъ отмахнѣ — переулочекъ.
 И то оружье по плечу пришло,
 Прибилъ онъ татаръ до единого,
 И ужъ онъ самъ сказалъ таково слово:
 «И ты родись-ко головушка удалая,
 «А худа голова бы лучше нѣ была.»
 Садился Михайло на добра коня,
 Поѣхалъ Михайло ко бѣлу шатру,
 И какъ пріѣхалъ Михайло ко бѣлу шатру,
 Надавалъ коню пшена бѣлоярова.
 И заходитъ Михайло во бѣлъ шатеръ,
 И спросилъ Михайло добра молодца:
 «Ты удалой дородній доброй молодець!
 «Ты котораго отца, которой матери?
 «Я тому бы отцу вѣдь поклонъ отвезъ.»
 И какъ сказалъ ему удалой доброй молодець:
 — Какъ по имени зовутъ меня Федоромъ,
 — А по отчеству Федоръ Дородовичъ,
 — А больше я съ тобой говорить не могу. —
 И какъ тово часу молодцу смерть пришла.
 А сказалъ тутъ Михайло Дородовичъ:
 «Да и видно ты родимой мнѣ брателко,
 «Да и старшой-отъ Федоръ Дородовичъ.»
 Да и предалъ онъ его тѣло сырой земли,
 А своимъ онъ родителямъ поклонъ отвезъ.

Записано тамъ же, 13 августа.

248.

БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА.

Уже за моремъ было за синіемъ,
 Тамъ жила была молода вдова,
 Молода вдова благочестивая.
 Какъ у той вдовы было девять сыновъ,
 Во десятихъ дочь однакая,
 Ею отдали замужъ за море,
 Замужъ за море за моренна,
 Ею за вора за разбойника.
 Она жила за моремъ девять годовъ,
 На десятой годъ и стосковалася.
 Она стала звать моренинушка:
 «Ты пойдемъ, моренинушко, за море,
 «Пойдемъ за море къ родной маменькѣ,
 «Къ родной маменькѣ, къ роднымъ братьицамъ.»
 Они пошли съ морениномъ за море,
 Какъ на встрѣчу имъ девять разбойниковъ.
 Они моренина въ море врѣзали,
 А моряночку во полонъ взяли,
 Во полонъ взяли и прибезчестили.
 Они шли разбойники день до вечера,
 Да и тутъ разбойники ночью *) сдѣлали,
 Да и всѣ разбойники спать легли.
 Какъ одинъ разбойникъ не спитъ, не лежитъ,
 Не спитъ, не лежитъ и думу думаетъ,
 Думу думаетъ, рѣчь проговорилъ.
 — Ты скажи, моряночка, повѣдай мнѣ:
 — Ужъ ты чьей земли, ты чьей орды,
 — Ты чьево отца, которой матери? —
 Начала моряночка высказывать:
 «Уже за моремъ было за синіемъ,
 «Тамъ жила была молода вдова,
 «Молода вдова благочестивая.
 «Какъ у той вдовы было девять сыновъ,
 «Во десятихъ дочь однакая,
 «Меня отдали замужъ за море.»
 Какъ скричитъ разбойникъ громкимъ голосомъ:
 — Вы вставайте, братья, пробужайтесе.
 — Не моренина мы въ море врѣзали,
 — Не моряночку во полонъ взяли,
 — Въ море врѣзали зятя любимаго,
 — Во полонъ взяли сестру родимую,
 — Прибезчестили единокровную. —
 Какъ ставали разбойники пробужалисе,

*) мѣсто въ лѣсу съ огонькомъ для ночовки.

Какъ давали заповѣдь крѣпкую,
Начали вязать оны шелковъ неводъ,
Нѣ могли достать зятя любимаго.
И возвратилисе оны въ родимой домъ,
Онъ въ родимой домъ и къ родной матери.

Записано тамъ же, 13 августа.

—
XLVIII.

КУКШИНОВЪ.

Николай Ивановъ Кукшиновъ, крестьянинъ-земледѣлецъ изъ дер. Кенозерской у того же Почезера, о которомъ упомянуто выше. Ему лѣтъ за 50. Кромѣ былинъ, здѣсь помѣщаемыхъ, зналъ, но плохо, про Грознаго царя Ивана Васильевича и про Настасью королевичну литовскую.

—
249.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ГОЛИ КАБАЦКІЕ.

Изъ Волынца города изъ Галица,
Изъ Волынь-земли невѣрные,
Изъ той Корелы изъ упрямыя
Лежала дорожка широкая.
Въ ширину дорожка сорока сажень,
Въ длину по дорожкѣ не бывано.
По той по дорожки широкіе
Идѣтъ калика переходяя.
Платье на немъ веретномъ тряхнуть.
Идѣтъ калика шатается,
Своею клюхой подпирается,
Подъ каликой земля подгибается.
На той на дорожки широкіе,
Стоитъ тутъ застава великая,
Стоитъ сорокъ воровъ сорокъ разбойниковъ,
Сорокъ ночныхъ подорожниковъ,
Берутъ калику за бѣлы руки,
Говоритъ калика таково слово:
«Вы ай же воры разбойники,
«Вы ай же ночны подорожники!
«Чего вамъ у стара захотѣлось,
«Денегъ у м'я теперь не было,
«Только есть одинъ крестъ полтора пуда,
«Изъ самаво червонаво золота.»
Обступили воры разбойники:

— Намъ неча со старымъ разговаривать!
— Принимайтесь ребята за старова. —
У калики сила богатырская,
Ухватка была молодецкая.
Ухватилъ онъ разбойника за ногу,
Началъ разбойникомъ помахать,
Разбойникъ-отъ гнѣтся — не ломится,
На жильяхъ проклятой не сорвется,
Куда махнетъ — туда улица,
Куда отмахнетъ — переулочокъ.
Прибилъ сорокъ воровъ всѣхъ разбойниковъ
И всѣхъ онъ ночныхъ подорожниковъ,
И самъ онъ калика впередъ пошѣлъ.
Приходить ко погребамъ питейнымъ.
Ходятъ тутъ голи кабацкіе,
Нагольни горькіе пьяницы.
Онъ говорилъ таково слово:
«Вы ай же голи кабацкіе,
«Вы нагольни горькіе пьяницы!
«Вы скиньте, голи, по денежкѣ,
«Еще прибавьте по копѣчкѣ,
«Купите вина полтора ведра,
«Опохмѣльте калику переходяю,
«Заутра напою васъ безденежно.»
Скинули голи по денежки,
Еще прибавляли по копѣчкѣ,
Купили вина полтора ведра,
Подавали калики переходяе.
Берѣтъ калика единой рукой,
Выпиваетъ калика на единой духъ.
«Спасибо голи кабацкіе!
«Не напоили старика лишь роззадорили.
«Приходите къ питейнымъ погребамъ,
«Напою я васъ, голи, безденежно.»
Приходили голи ко погребамъ,
Ждали калику переходяю.
Идетъ калика ко погребамъ,
Онъ двери колоды выпинивалъ,
Заходитъ во погребъ питейные,
Онъ бочку берѣтъ онъ подъ пазуху,
Другую берѣтъ онъ подъ другую.
Краны печати взялъ оторвалъ:
«Пейте голи сколько надобно,
«Споминайте калику — Илью Муромца.»

—
Записано на Кенозерѣ, 14 августа.

250.

ИЛЯ МУРОМЕЦЬ И АЛЕША ДОРОДОВИЧЬ.

На той на дорожка латынскіе,
 На той на заставы богатырскіе,
 Стоитъ тутъ заставушка великая,
 Три сильныхъ могучихъ три богатыря:
 Во первыхъ богатырь Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
 Второй же Микита Романовичъ,
 Подъ Микитой Олѣша Поповичѣвъ,
 Нельзя ни пройти, ни проѣхать,
 Ни конному да и не иѣшему.
 Какая невѣжа проѣхала,
 Невѣрная сила прокатилася,
 Не спросилъ онъ ни имени, ни вотчины.
 Илья говорилъ таково слово:
 «Кому изъ насъ ѣхать за богатыремъ?
 «Послать намъ Алѣшу Поповича.
 «Половскіе роды задумчивы:
 «Хоть самъ онъ надеть, хоть богатыря убьеть,
 «Не спроситъ ни имени, ни вотчины.
 «Послать намъ Микиту Романова.»
 Въ дорожку Микитушка справляется.
 Онъ день-отъ ѣхалъ до темной ночи,
 И темную ночь ѣхалъ до бѣлого дни.
 Другой день ѣхалъ до темной ночи,
 И другую ночь ѣхалъ до бѣлого дни.
 Наѣхалъ онъ въ поли на богатыря.
 Богатырь кричитъ аки лютой звѣрь,
 Онъ бѣеть коня по тучнымъ бедрамъ,
 А самъ говоритъ таково слово:
 — Конь ты мой конь, травяной мѣшокъ,
 — Травяной мѣшокъ, медвѣжей обѣдъ!
 — Ты развѣ конь во поли не бѣивалъ,
 — Не слыхалъ ты вороньяво покрику?
 — Не ворона ли въ полѣ розлеталася,
 — Не пустое ли перо порозгралось?
 — Налетитъ ворона, я въ корманъ брошу.
 — Не бывать изъ кармана вѣтъ и по вѣку,
 — Не видать воронѣ свѣту бѣлаво. —
 Подъ Микитой конь пошарашился,
 И онъ на конѣ приустранился.
 Конь палъ на колѣни лошадинне,
 Воротилъ Микита добра коня,
 Поѣхалъ назадъ ко заставушкѣ.
 Встрѣчае родитель ево дяденька,
 И дяденька Илья Муромецъ.
 «Ты ай же Микитушка Романовичъ!

«Здорово ли ѣздилъ за богатыремъ,
 «Срубилъ ли ему буйну голову,
 «Спросилъ ли про имя про вотчину?»
 — А й же дялюшка Илья Муромецъ!
 — Я день-отъ ѣхалъ до темной ночи,
 — Темной ночи ѣхалъ до бѣлого дни.
 — Другой день ѣхалъ до темной ночи,
 — Другую ночь ѣхалъ до бѣлого дни,
 — Наѣхалъ я въ поли на богатыря.
 — Богатырь кричитъ аки лютой звѣрь,
 — Онъ бѣеть коня по тучнымъ ребрамъ,
 — А самъ говоритъ таково слово:
 — Конь ты мой конь, травяной мѣшокъ,
 — Травяной мѣшокъ, медвѣжей обѣдъ!
 — Ты развѣ конь во поли не бѣивалъ,
 — Не слыхалъ ты вороньяво покрику?
 — Налетитъ ворона, я въ корманъ брошу.
 — Не бывать изъ кармана вѣтъ и по вѣку,
 — Не видать воронѣ свѣту бѣлаво.
 — Подо мною конь пошарашился,
 — А я на коня приустранился.
 — Конь палъ на колѣни лошадинне,
 — Воротилъ я Микитушка добра коня,
 — Поѣхалъ назадъ ко заставушкѣ. —
 Илья Муромецъ призадумался,
 И самъ онъ себѣ розговаривалъ:
 «Вѣрно некъмъ у стара замѣнитися.
 «Росплатать развѣ старость богатырская,
 «ѣхать мнѣ въ поле за богатыремъ?»
 Онъ день-отъ ѣхалъ до темной ночи,
 Темную ночь ѣхалъ до бѣлого дни,
 Другой день ѣхалъ до темной ночи,
 Другую ночь ѣхалъ до бѣлого дни,
 И третій день ѣхалъ до темной ночи,
 И третью ночь ѣхалъ до бѣлого дни.
 Наѣхалъ онъ въ поли на богатыря.
 Богатырь кричитъ аки лютой звѣрь,
 Онъ бѣеть коня по тучнымъ бедрамъ,
 А самъ говоритъ таково слово:
 — Конь ты мой конь, травяной мѣшокъ,
 — Травяной мѣшокъ, медвѣжей обѣдъ!
 — Ты развѣ конь во поли не бѣивалъ,
 — Не слыхалъ ты вороньяво покрику?
 — Не ворона ли въ полѣ розлеталася,
 — Не пустое ли перо порозгралось?
 — Налетитъ ворона, я въ корманъ брошу.
 — Не бывать изъ кармана вѣтъ и по вѣку,
 — Не видать воронѣ свѣту бѣлаво. —
 Подъ Ильею конь не шарашился,
 Илья на кони не устранился
 И сталъ наѣзжать на богатыря.

Ударилсь молодцы во палици,
 И палици у нихъ приломалисе,
 Ни который ни кобго не ранили.
 Ударилсь молодцы во копя,
 И копя у нихъ приломалисе,
 Ни который ни кобго не ранили.
 Ударилсь молодцы во сабельки,
 И сабли у нихъ приломалисе,
 Ни который ни кобго не ранили.
 Сошли онѣ поборотися.
 Въ пошиббахъ пошибъ Илья Муромецъ,
 И сталь ему на бѣлы груди.
 Самъ говорилъ таково слово:
 «Скажи же удалъ дороднѣй молодецъ!
 «Ты чьей земли скажи чьей орды,
 «Чьево отца да чьево матери,
 «Чьево уржденія великаго?»
 Онъ говорилъ таково слово:
 — Ты старой чортъ Илья Муромецъ!
 — Кабы я былъ на твоихъ грудяхъ,
 — Не спрашалъ бы ни имени ни вотчины.
 — Вымалъ бы ножищо-кинжалищо,
 — Поролъ бы твои груди бѣлые,
 — Вымалъ бы я сердце со печеню. —
 «Ты скажи удалнѣй дороднѣй молодецъ!
 «Скажи чьей орды, скажи чьей земли,
 «Чьево отца да чьево матери,
 «Чьево уржденія великаго?»
 Онъ говорилъ таково слово:
 — Ты старой чортъ Илья Муромецъ!
 — Кабы я былъ на твоихъ грудяхъ,
 — Не спрашалъ бы ни имени ни вотчины.
 — Вымалъ бы ножищо-кинжалищо,
 — Поролъ бы твои груди бѣлые,
 — Вымалъ бы я сердце со печеню. —
 «Не гордись на меня, чадо милое,
 «Скажи чьей орды, скажи чьей земли,
 «Чьево отца да чьево матери,
 «Чьево уржденія великаго?»
 — Я той орды, да я и той земли,
 — Того отца да того матери,
 — Того уржденія великаго,
 — Зовутъ меня Алѣша Дорбдовичъ. —
 Илья Муромцу рѣчи прилюбилися,
 Сходилъ какъ онъ со бѣлой груди,
 Да поднялъ ево за бѣлы руки,
 Цѣловалъ во уста во сахарнѣе,
 Назвались они братьями крестовыми.

Записано тамъ же, 14 августа.

МОЛОДОСТЬ ЧУРИЛЫ.

Во славномъ батюшки во Києви гради,
 У ласкова князя у Владимира,
 Было столованіе почестенъ пиръ,
 На многіе князи а на бояра,
 На сильни могучии богатыри,
 На всѣ поляницы на удалые.
 Дологъ день идѣ ко вечеру,
 Красное солнышко ко западу,
 Почестные пиръ идѣ на весели.
 Всѣ на пиру пьяны весели,
 Всѣ на пиру напивалисе,
 Всѣ на честномъ наѣдалисе,
 Князь-де Владимиръ свѣтелъ радощенъ,
 Выходитъ на крылечко переное,
 Опирается въ перилицо точеное,
 Зрѣлъ-смотрѣлъ въ чистое во полѣ.
 Изъ дѣлака дѣлака изъ чиста поля
 Идутъ мужики граждана,
 Граждана мужики посадскіе,
 Посадскіе рыболовщички.
 Кланяются князю поклоняются,
 Бьютъ-де челомъ жалобу владутъ:
 «Солнышко-де наше красное,
 «Солнышко Владимиръ стольне-кіевской!
 «Пьешь-де їси спотѣшаещься,
 «Надъ нами побѣдуши не вѣдаешь.
 «Надъ нами побѣда состоласе,
 «На нашихъ любимыхъ на займищахъ
 «У насъ-то ли было на Сароги на рѣки,
 «Невѣдомые люди появились.
 «Платье'на нихъ дорогой скурлатъ,
 «Источниками *) подпоясалисе,
 «Шапки на нихъ черны мурманки,
 «Черны мурманки золоты вершки.
 «Сапожки у нихъ-де зеленъ сафьянъ,
 «Дброга сафьяну заморскаго,
 «Хброша шитья новоторскаго.
 «Носъ-отъ шиломъ — пята востра,
 «Около носу янцѣ покаты,
 «Подъ пята соловей пролетѣ.
 «Наши невода роздѣргивали,
 «Свои невода замѣтывали,
 «Рыбу сорогу повывловили.

*) не знаетъ.

«Намъ, государь, лову не было,
 «Вамъ, государь, подносу нѣтъ,
 «Намъ отъ васъ нѣту жалованья.
 «Скажутся-называются —
 «Всё это дружина Чурилова.»
 Онъ и говорилъ таково слово:
 — Не знаю я Чуриловой вотчины,
 — Не знаю я Чуриловой поселицы,
 — Не знаю я Чурило гдѣ дворомъ стоитъ. —
 Та толпа мимо дворъ прошла,
 Новая изъ поля появляется.
 Идутъ мужики граждана,
 Граждана мужики посадскіе,
 Посадскіе звѣрѣловщички.
 Кланяются князю покланяются,
 Бьютъ-де челомъ жалобу творятъ:
 «Солнышко-де наше красное,
 «Солнышко Владиміръ стольне-кѣвской!
 «Пьѣшь-де ѣси спотѣшаешься,
 «Надъ нами побѣдушки не вѣдаѣшь.
 «Надъ нами побѣда состоялесе,
 «На нашихъ любимыхъ на займищахъ
 «У насъ-то ли было во темныхъ во лѣсахъ,
 «Невѣдомые люди появилисе.
 «Наши они петельки задѣргивали,
 «Свои они петельки заметывали,
 «Кунку да лиску повыловили,
 «Чѣрнаго соболя повывадили,
 «Сѣраго заморскаго зайца.
 «Намъ, государь, лову не было,
 «Вамъ, государь, подносу нѣтъ,
 «Намъ отъ васъ нѣту жалованья.
 «Скажутся-называются —
 «Всё это дружина всё Чурилова.»
 Онъ и говорилъ таково слово:
 — Не знаю я Чуриловой вотчины,
 — Не знаю я Чуриловой поселицы,
 — Не знаю я Чурило гдѣ дворомъ стоитъ. —
 Та толпа мимо дворъ прошла,
 Новая изъ поля появляется.
 Идутъ мужики граждана
 Граждана мужики посадскіе,
 Посадскіе огороднички,
 Кланяются князю покланяются,
 Бьютъ-де челомъ жалобу творятъ:
 «Солнышко-де наше красное,
 «Солнышко Владиміръ стольне-кѣвской!
 «Пьѣшь-де ѣси спотѣшаешься,
 «Надъ нами побѣдушки не вѣдаѣшь.
 «Надъ нами побѣда состоялесе,
 «На нашихъ любимыхъ на заводахъ,

«На нашихъ любимыхъ на займищахъ
 «Невѣдомые люди появилисе.
 «Наши заводи *) раздергивали,
 «Свои они огороды заметывали,
 «Травку-муравку новытоптали,
 «Красныхъ дѣвицъ къ сорому привели,
 «Молодыхъ молодухокъ прибезчестили,
 «Старыхъ старухъ обизвичили.
 «Скажутся-называются —
 «Всё это дружина Чурилова.»
 Онъ и говорилъ таково слово:
 — Не знаю я Чуриловой вотчины,
 — Не знаю я Чуриловой поселицы,
 — Не знаю я Чурило гдѣ дворомъ стоитъ. —
 За тѣмъ за столомъ бѣлодубовымъ,
 На той на скамейкѣ слоновыхъ костей
 Сидѣлъ тутъ удалой добрый молодецъ,
 По имени Иванъ да Ивановичъ.
 Онъ самъ говорилъ таково слово:
 «Знаю я Чурилову вотчину,
 «Знаю я Чурилову поселицу,
 «Знаю я Чурило гдѣ дворомъ стоитъ.
 «У Чурила дворъ на Сароги на рѣки,
 «Супротивъ креста Леванидова,
 «У святыхъ мощей у Борисовыхъ.
 «У Чурила дворъ на семи верстахъ,
 «Около двора есть булатнй тынъ,
 «На каждой тыниночкѣ по маковкѣ,
 «И маковки были золочѣнне.
 «Посередѣ двора стоитъ три терема,
 «Свѣдени были по небесному:
 «На неби солнце и въ тереми солнце,
 «На неби мѣсяцъ и въ тереми мѣсяцъ,
 «На неби звѣзды и въ тереми звѣзды.
 «По небу звѣздочка покатится,
 «По терему звѣздочки посыплются.
 «Въ которомъ же тереми Чурило живѣ,
 «Трои были сѣни кострчатне,
 «Трои были сѣни стекольчатне,
 «Трои были сѣни рѣшатчатне,
 «Полъ и середѣ изъ чиста серебра,
 «Потолока были соболинне,
 «Завѣсы были миткалиннове.»
 Справляетса Владиміръ стольне-кѣвской,
 Со многими князьями со боярами,
 Со всѣми купцами со торговыми.
 Поѣзжаетъ Чуриловой посѣлицы смотрѣтъ,
 Приѣзжаетъ Владиміръ ко Чурилову двору,
 Самъ говорилъ таково слово:

*) «заводы, т. е. огороды,» — такъ объяснилъ пѣвецъ.

— Какъ сказано да такъ и сдѣлано. —
 Изъ этого терема високаго,
 Выходитъ старь-младыи*) матеръ человекъ,
 Кланяется князю поклоняется,
 Берё его за ручки за бѣлые,
 Проводитъ во терема высокіе.
 Садилъ за столъ бѣлодубовы,
 Кормилъ да поилъ хлѣбомъ солюю.
 Князь-де Владиміръ воспотѣшился,
 Сѣлъ подь одошко косѣрчатое,
 Зрѣлъ-смотрѣлъ во чистое во полѣ.
 Изъ далска далѣка изъ чиста поля
 Ёдетъ молодцовъ сотъ до двухъ,
 Всѣ молодцы одноличные.
 Плате на нихъ дорогой скурлатъ,
 Источниками подпоясалисѣ,
 Шапки на нихъ черны мурманки,
 Черны мурманки золоты вершки.
 Сапожки у нихъ-де зеленъ сафьянъ,
 Дорога сафьяну заморскаго,
 Хороша шитья новоторскаго.
 Носъ-отъ шиломъ — пята востра,
 Около носу янцѣ покаты,
 Подь пята соловей пролетѣ.
 Кони подь нима были латышскіе,
 Узды повода сорочинскіе.
 Сѣделышка были чиста золота.
 Кони бѣжа какъ соколы летя.
 Та толпа къ нимъ на дворъ пришла,
 Новая изъ поля появляется:
 Ёдетъ молодцовъ сотъ до трѣхъ,
 Всѣ молодцы одноличные.
 Плате на нихъ дорогой скурлатъ.
 Источниками подпоясалисѣ,
 Шапки на нихъ черны мурманки,
 Черны мурманки золоты вершки.
 Сапожки у нихъ-де зеленъ сафьянъ,
 Дорога сафьяну заморскаго.
 Хороша шитья новоторскаго.
 Носъ-отъ шиломъ — пята востра,
 Около носу янцѣ покаты,
 Подь пята соловей пролетѣ.
 Кони подь нима были латышскіе,
 Узды повода сорочинскіе,
 Сѣделышка были чиста золота.
 Кони бѣжа какъ соколы летя.
 Та толпа въ нимъ на дворъ пришла,
 Новая изъ поля появляется:
 Ёдетъ молодцовъ до четірехъ сотъ,

*) такъ слышано.

Всѣ молодцы одноличные.
 Въ той толпѣ превеликіе,
 Ёдетъ Чурило сынъ Плѣпковичъ.
 Ёдетъ Чурило на трѣхъ лошадахъ,
 Съ лошади на лошадъ перескакиваѣ,
 Изъ рукі въ руку коньё перемѣтываѣ.
 Князь-де Владиміръ испужается:
 — Какая-то певѣжа появляется,
 — Не проситъ ли въ поле поединщика? —

(Дальше не знаетъ.)

Записано тамъ же, 14 августа.

XLIX.

ПАТРИКЪЕВЪ.

Филиппъ Васильевичъ Патри-
кѣевъ, изъ дер. Дородницкой на Почезертъ,
 крестьянинъ-земледѣлецъ, 40 лѣтъ отъ роду.
 Знаетъ только двѣ былины, которымъ научился
 отъ своей матери, въ настоящее время дряхлой
 70-лѣтней старухи.

252

МИХАЙЛО ДОРОДОВИЧЪ.

По за Кіевомъ не ясѣлъ соколъ въ перелѣтъ ле-
 тить,

По той пути дорожкѣ широкіе,
 Туды ёдѣ Михайло Дородовичъ,
 На своёмъ-то на бурушкѣ косматенькомъ.
 У бурушка шерсть была трѣхъ пядей,
 И грива у бурушка трѣхъ локотъ,
 И фостъ у косматаго трѣхъ сажонъ.
 И билъ онъ коня по кониному,
 И билъ онъ коня по тучнымъ бокамъ,
 И по тучнымъ-то бокамъ по вострымъ ребрамъ.
 И пошѣлъ этотъ бурушко косматенькой,
 И во всю пору-мѣтъ лошадиную,
 И ископытъ мечѣ кониную,
 И по-повыше лѣсу онъ жароваго,
 И по-повниже онъ облака ходячаго.
 И рѣки озѣра перескакивалъ,
 И топучи мѣста промежъ ногъ пустилъ,
 И выѣзжаѣ Михайло Дородовичъ
 На ту ли на гору сорочинскую,

И здрѣль-смотрѣль въ трубку подзорную,
 И увидѣль Михайло три значечка:
 И перво-то знамѣ бѣлымъ-бѣло,
 Да другое было знамѣ чернымъ-черно,
 И третье-то знамѣ краснымъ-красно.
 И поѣхалъ Михайло Дородовичъ
 И ко тѣмъ ко трѣмъ-то онъ значечкамъ,
 И приѣхалъ Михайло Дородовичъ
 И ко этимъ трѣмъ онъ ко значечкамъ.
 И бѣлымъ-бѣло значечко — бѣлъ шатѣръ,
 И чернымъ-черно значечко — добрый конь,
 И краснымъ-красно значечко — добрый молодецъ,

И лежитъ онъ больнѣ поранѣной.
 И спрашивать Михайло Дородовичъ:
 «И ты труднѣй-то больнѣй добрый молодецъ!
 «Ужь какъ гдѣ ты былъ больнѣ пораненой?»
 — Ужь какъ былъ во лугахъ во вургановыхъ,
 — Бился-дрался съ поганымъ татарами,
 — И тутъ меня больнѣ поранили.
 — И росчитывалъ раны кровавые:
 — И коя была рана отъ туга лука,
 — И другая была рана отъ востра копьа,
 — И третья была отъ палици булатныи. —
 И не синѣе морѣ сколибалосе,
 У Михайлы ли сердце розгорѣлосе,
 И поѣхалъ Михайло Дородовичъ
 И на ту ли на площадь широкою,
 И на тѣ на луга на кургановы,
 И на то ли болото куликово,
 И на ту ли на плашку на липову,
 И на ту ли на казень на смертнующую.
 И началъ Михайло помахивать,
 У туга лука тетивка срываласе,
 И востро конь потушилосе.
 И фатиль онъ татарина за ноги,
 И началъ татаринომъ помахивать.
 И впередъ онъ махнѣ — улицá стоитъ,
 И татаринъ-отъ гнется не ломится,
 И на жилкахъ татаринъ подавается.
 И всѣхъ онъ татариновъ повырубилъ,
 Не оставилъ единого на сѣмена.

Записано на Кенозерѣ, 15 августа.

253.

РЕВНИВЫЙ МУЖЬ.

И женился князь во двѣнадцать лѣтъ,
 Онъ ли бралъ княгиню девяти годовъ,
 Онъ ли жилъ со княгиней ровно три годы,
 На четвѣртой годъ онъ гулять пошолъ.
 Онъ гулялъ, гулялъ да ровно три годы,
 На четвѣртой годъ онъ домой пошолъ.
 И идѣ онъ по полю по чистому,
 Встрѣтилосе ему двѣ старицы,
 И двѣ старицы двѣ чѣрноризицы,
 И спрашивать князь у тѣхъ старицей:
 «Вы давно ли давно ли съ моего двора,
 «Съ моего двора съ княженецкаго?»
 — Мы топерь, топерь да топерѣшенько,
 — Съ твоего двора съ княженецкаго. —
 «А здорово ли стоять мой высокъ терѣмъ,
 «И здорово ли живутъ добры конюшени,
 «И здорово ли живутъ чайны чашечки,
 «И здорово ли пьяны питьца.
 «И здорово ли живутъ и цвѣтны платицо,
 «И здорово ли живѣтъ молода жена?»
 На отвѣтъ-то дѣржа и ты старицы:
 — Твой высокъ терѣмъ покосá стоитъ.
 — Добры кони да всѣ заѣзжены,
 — И чайны чашечки да всѣ испрѣбиты,
 — И пьяны питьца да всѣ испрѣпиты,
 — Цвѣтны платица да всѣ изношены,
 — Молода жена во теремѣ сидитъ,
 — Во теремѣ сидитъ колубеня качать. —
 И не синѣе-то море всколибалосе,
 У князя сердце розгорѣлосе.
 И приходитъ князь еъ своему двору,
 Къ своему двору да княженецкому,
 Топне ворота правой ноженкой,
 Улѣтъли тѣ ворота среди двора,
 Среди двора да княженецкаго.
 Вышла княгина на круто крыльцо,
 Въ одной тоненькой рубашкѣ безъ нѣтничка *),
 Въ однѣхъ бѣленыхъ чулочкахъ безъ чеботовъ.
 Вынималъ тутъ князь востру сабельку,
 А срубилъ у княгини буйну голову.
 А во теремъ-отъ заходитъ колубеня нѣтъ,
 Колубеня нѣтъ все пала **) лежа.

*) сарафана.

**) для вышиванья.

Сколько шито было вдвое сплано,
 Все князя домочѣкъ (sic) дожидано.
 Ужь какъ тутъ ли князь да закручинилъ,
 И сходилъ во конюшенку стоялую,
 Добры кони не ѣзжены,
 Лучше стараго да лучше прежняго.
 Чайны чашечки да не прибиты,
 Пьяны питьяца да не припиты,
 Цвѣтны платяца да не изношены.
 И не синѣ море всколыбалосе,
 А у князя сердце розгорѣлосе,
 И заставлял онъ князь и во чистомъ поли
 Этыхъ старицей да чѣрноризицей.
 Вынимаетъ князь и востру сабельку,
 Онъ срубилъ у старидъ буйну голову.

Записано тамъ же, 15 августа.

L.

ЛЯДКОВЪ.

Иванъ Михайловичъ Бропачевъ, болѣе извѣстный по прозвищу **Лядковъ**, крестьянинъ деревни Мамонова на Кенозерѣ, грамотный, 65 лѣтъ, высокій, сгорбленный старикъ съ сильною просѣдью. Заимствовалъ былины отъ своего отца, крестьянина-торговца, который зналъ очень много «старинъ» и превосходно ихъ пѣлъ; но отъ кого и гдѣ отецъ имъ научился, этого Лядковъ не знаетъ, потому что помнитъ отца только старикомъ. Когда онъ родился, отцу было 50 лѣтъ, умеръ же онъ въ глубокой старости лѣтъ 25 тому назадъ. Самъ позабылъ многое изъ того, что онъ прежде зналъ отъ отца, особенно съ тѣхъ поръ какъ научился грамотѣ отъ теткин-монастырки (это было лѣтъ 15 тому назадъ) и предался чтенію церковныхъ книгъ. Онъ прочелъ всю Библию, Четью-Минею, Прологъ, Златую Цѣпь, Маргаритъ и др. Въ продолженіе 9-ти лѣтъ (въ концѣ 50-тыхъ и въ 60-тыхъ годахъ) Лядковъ былъ цѣловальникомъ и въ это время ему случилось бывать въ Каргополѣ, гдѣ онъ однажды встрѣтился съ г. Рыбниковымъ, который записалъ съ его словъ одну былинну. Онъ означенъ въ его сборникѣ подъ именемъ «кенозерскаго цѣловальника». Развязавшись съ должностью цѣловальника, Лядковъ занялся опять крестьянствомъ, но, разоренный недавно пожаромъ, жи-

ветъ очень бѣдно. Былинны поетъ не совсѣмъ приятно, хриплымъ голосомъ, но весьма складно.

254.

ВОЛЬГА И ЩЕЛКАНЪ.

Ди-ди-ди Волга рѣка,
 Да широка-де мать рѣка,
 Да подъ Казань подошла,
 Да пошире-то тово
 Была подъ Вастроканъ.
 Много Волга рѣка въ себя побрала,
 Да поболѣ того ручьевъ вѣдъ пожрала,
 Негдѣ Добрынюшки прогуливатьсѣ,
 Негдѣ Минятинцу проѣзживаться.
 Да во славномъ во Твѣри во городѣ,
 Да на томъ ли то было на стул на златомъ,
 Да и на томъ ли было ремѣчатомъ,
 Да сидѣлъ тутъ царь-отъ Везьякъ сынъ Везьяковичъ.

Онъ сидѣлъ суды вѣдъ рассуживаѣ,
 Да слова онъ выговариваѣ,
 Да князей-де бояръ онъ жалуѣ,
 Онъ чинами ихъ, вотчинами.
 Да ли Сеньшу на устьѣ послалъ,
 А Щелкана-то Дудетьевича
 Да тово-де пожаловалъ Тверію-то городомъ,
 Да ли Тверію-то славною,
 Да ли Твѣрью богатую.
 Да Щелканъ-отъ Дудетьевъ сынъ,
 Да онъ съ улицы бралъ-де по кѣрици,
 Со двора онъ бралъ по коню.
 У кого коня-то вѣдъ нѣтъ,
 У того онъ жену возьмѣ.
 У кого-де жены-то вѣдъ нѣтъ,
 А тово-де самова возьмѣ.
 Да у Щелканушка не вѣслужисься,
 Изъ двора-то вонъ не выпрѣжешься.
 Да тотъ ли то Щелканушко Дудетьевъ сынъ,
 Да царь-отъ Везьякъ сынъ Везьяковичъ,
 Да они слыша нарожденье богатирское
 Сильнаго могучаго богатыря,
 Да Вольѣу сына Щеславьевича.
 Да по той ли по Волги по рѣки,
 Взяли-де рыбоньку бѣлуженку повѣловили,
 Окуна сарожку повѣдобили,
 Рыбчика косачика повыстрѣляли,
 Да лисицу кунцу повывадили.

Да тутъ Вольеушенька рождається,
 Да Щелканушко кончається,
 Да кончається Щелканова вотчина,
 Да только ли Щелканушко живъ-то бывалъ.

Записано на Кенозертъ, 12 августа.

—
 255.

МИКУЛА СЕЛЯНОВИЧЪ И ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

Да во славномъ городи Києви,
 Да у младаго князя Владиміра,
 Былъ любимые племяннѣ Иванъ сынъ Годино-
 вичъ.

Онъ ѣздилъ по всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ,
 Онъ собиралъ дани пошрины,
 Онъ со всѣхъ съ царей со всѣхъ королей,
 Привозилъ-де во славный Кіевъ градъ,
 Своему дядюшкѣ князю Владиміру.
 Онъ-де набралъ много золота и серебра,
 Да и набралъ много святяго жемчуга,
 Да и больше того онъ набралъ мѣди аравітскіе.
 Котора была мѣдъ аравітская,
 Никогда она ни бусѣла *) и не ржавѣла,
 Была дороже золота и серебра,
 Дороже святяго жемчуга.
 Да за ту-де за ево службу вѣрную,
 Ево дядюшка князь Владиміръ стольне-кіевской
 Пожаловалъ Иванушку удѣломъ три города,
 Которые были города, сударь, славные.
 Тамъ въ ихъ жили люди упрямые,
 Да никому-де они не были покорные,
 Некому не давали ни дани, ни пошрины,
 Да и некрутской съ себя-де повинности.
 Да Иванушку пожаловалъ князь Владиміръ эти
 города.

Да поѣхалъ Иванъ сынъ Годиновичъ,
 Славной-отъ городъ былъ Курсовець,
 А другой-отъ городъ Орѣховець,
 А третьей городокъ былъ Орѣшечокъ.
 Набралъ съ собой онъ дружины хоробрые
 Тридцать удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
 Супротивъ себя голосомъ и волосомъ,
 И рѣчью, походкой, пословицей,
 И всей онъ цѣстучкой да молодецкою,
 И выѣзжалъ-де Иванъ во чисто полѣ изъ Кіева.

*) червѣла.

Ѣхалъ онъ бѣлый день до вечера,
 Услыхалъ что сошка въ поли посекривать,
 Ратные въ поли посвистывать.
 Пристигала его на пути вѣдъ темна ночь.
 Спалъ онъ со своей дружиной хороброю
 Всю темну ночь до бѣла свѣту.
 Таже на другіе бѣлой день,
 Слышитъ что сошка въ поли посекривать,
 Да и ратные въ поли посвистывать.
 Наѣзжае онъ во чистомъ поли,
 Что пашеть ратные,
 Сырые дубья выарывать,
 А ни-де кореня валить въ борозду.
 Поровнялся супротивъ ево Иванъ сынъ Годино-
 вичъ,

Закричалъ громкимъ голосомъ:
 «Тебѣ Богъ помочь, ратные!
 «Что же ты пашешь на кобылицы,
 «Можно бы тебѣ было и коня завести.»
 Отвѣтъ ему дѣржить ратные:
 — Да моя-та кобылица
 — Да буде лучше твоего коня.
 Говорять ему Иванъ Годиновичъ:
 «Почему же твоя кобылица лучше моего коня?»
 — Потому она лучше твоего коня,
 — Ей у м'ня дано прозванье «Унеси-голова».
 — Когда я былъ во городи Курсовки,
 — Кушилъ я два куля соли Курсовской,
 — Да оны были куля вѣсу два девяносто пудъ.
 — Да хоша злы были мужичончка Курсовци,
 — Да и злые тово-де Орѣховци,
 — Хотѣли у меня мужичончка соль отнять,
 — Соль отнять и самого убить,
 — Я бралъ куль подъ пазуху,
 — Другой подъ другую,
 — Садился я на свою на кобылицу,
 — Только видѣли они меня-де саждаючи,
 — Да не могли-то меня увидать поѣзжаючи. —
 Тогда говорилъ-де Иванъ Годиновичъ
 Къ ратному да таково слово:
 «А ѣ же ты, ратные, какъ тебя зовуть по имени?»
 Въ отвѣтъ ратной слова держалъ:
 — А ѣ же ты Иванъ сынъ Годиновичъ!
 — Когда я пашу во чистомъ поли,
 — Тогда называютъ меня люди ратнымиъ.
 — А когда приде весна-то красная,
 — Будуть мужички-де ко мнѣ ходить,
 — Да ко мнѣ ходить да у м'ня и хлѣбъ купить,
 — Да тогда меня зовуть величаютъ по имени,
 — Да Микула да сынъ я Селяновичъ.
 — А я тебя-де спрошу, Иванъ Годиновичъ,

— Ты куда идешь-ѣдешь, куда путь держишь?—

Говорить-де Иванъ сынъ Гоудиновичъ:

«Я иду ѣду во славные городъ во Курсовець,

«Да ѡ во славные городъ Орѣховець,

«Да ѡ во малый городокъ-де Орѣшечокъ.

«Мнѣ пожаловалъ дядошко Владиміръ князь,

«Покорить-то и съ нихъ дани побрать.»

Говорить-де Микула Селяновичъ:

— А ѡ же ты Иванъ сынъ Гоудиновичъ!

— Да тѣ много меня мужики вѣдь прогнѣвали,

— Я желаю тебѣ ѣхать на помощь.

— Да вели-тѣ ты Иванъ сынъ Гоудиновичъ

— Своей-то дружины хоробрѣе,

— Да обратъ мою соху ратную съ бѣрозды,

— Да обратъ соху въ край снести,

— Чтобы не украли ей воры разбойники. —

Приказалъ-то Иванъ-отъ Гоудиновичъ,

Да своей-то дружины хоробрѣе,

Да обратъ соху ратного,

Да соху въ край снести.

Да ихъ тридцать-то удалыхъ добрыхъ молодцовъ,

Пришли обирать соху ратного,

Да не могли сохи они съ мѣста двигнути,

Да не то что имъ соха въ край нести.

Говорилъ-то Микула Селяновичъ:

— А ѡ же ты Иванъ сынъ Гоудиновичъ!

— Да не почто везѣшь дружину хоробрѣю. —

Подходилъ онъ къ своей сохѣ ратные,

Какъ поднималъ соху на руки,

Да онъ бросилъ-де сошку подъ облакъ,

Самъ говорилъ таково слово:

— Ты прощай моя сошка ратная,

— Да болѣ мнѣ-ка вѣкъ на тебѣ и не пахивать. —

Какъ прѣехали Иванъ сынъ Гоудиновичъ,

Да ѡ Микула сынъ Селяновичъ,

Да во тотъ ли славной-отъ городъ во Курсовець,

Да ѡ во славный городъ Орѣховець,

Да ѡ во тотъ городокъ во Орѣшечокъ,

Какъ собрались мужики къ имъ станичами,

Да учинили мужики съ нима великій бой

Какъ начали онѣ-де поѣзживать,

Да ѡ Микула съ Иваномъ поскакивать,

И мужичковъ стали шалыгами пошалакивать.

Хоша злы мужичочка Курсовци,

А злѣе тово-де Орѣховци,

Да видя они что дѣлать буде нечено,

Тутъ мужики покорились,

Да ѡ Микула съ Иваномъ поклонилсе.

Съ той поры стали они дань платить,
Ко князю Владиміру во Кіевъ градъ.
И тѣмъ-то у ихъ дѣло кончилось.

Записано тамъ же, 12 августа.

—
256.

ЖЕНИДЬБА ИВАНА ГОДИНОВИЧА.

Во славномъ во Кіевѣ было во городѣ,

Былъ сильнѣ славные богатырь

Иванъ сынъ Гоудиновичъ.

Ѣздилъ онъ по всѣмъ землямъ,

По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ,

И во многіе земли невѣрные,

Сучинялъ-де онъ войска великіе,

Онъ царей устрашалъ и богатырѣй убивалъ,

Множество городовъ въ полонъ побралъ,

Распространялъ онъ землю русскую.

Былъ онъ во той земли да во Индіи богатые,

Увидалъ у гостя Митрія торгового,

У купца у Индійскаго,

Его дочерь прекрасну красавицу,

Молодую Настасью Митреевну.

Какъ очи-ты у ей были какъ яснаго сокола,

А брови-ты у ей были какъ чернаго соболя заморскаго.

Рѣчь-та у ей была бѣлой лебеди кукучіе,

А походочка у ей была птици павиные.

Захотѣлъ онъ-де на Настасью Митреевну свататься,

Приходилъ-де онъ въ полату къ купцу гостю Митрію торговому,

Онъ-де пришолъ безъ доклада и безъспроса,

То-де купцю Митрію не показалося.

Онъ бѣ Иванъ челомъ гостю Митрію торговому

О добромъ дѣлѣ о сватовствѣ:

«А ѡ же ты гость Митрій торговые!

«Есть у тебя вѣдь прекрасная дочь красавица,

«Красавица Настасья Митреевна,

«Ты пожалуй отдай за меня замужъ.» ,

Говорилъ гость Митрій торговые неразумную рѣчь:

— А ѡ же ты Иванъ сынъ Гоудиновичъ!

— Да у насъ изъ Индіи богатые,

— Да за тебя-де во Кіевъ градъ,

— У м'ня на дворѣ и собачка не выросла. —

Да ѡ немного Иванъ спрашивалъ,

Да и не горазно купцѣмъ розговаривалъ,
Онъ бралъ-де Настасью Митреевну за бѣлы
руки,

Повѣлъ-де онъ во чисто полѣ.

Говорилъ ему гость Митрій торговые:

— А и же ты Иванъ сынъ Годиновичъ!

— У меня вѣдь есть дочка просватана,

— За тово за царя за Кошея Трипетова. —

Выѣзжаетъ Иванъ во чисто полѣ

Со прекрасной Настасьей Митреевной,

Онъ силу армию да впереди послалъ

Ко славному Киеву городу,

Самъ-де лѣгъ опочинуть во бѣломъ шатри,

Да онъ хотѣлъ ли съ прекрасной дѣвицей заба-
виться.

Да въ ту пору не стукъ стучить, не пылъ пы-
лить во чистомъ поли,

Ѣде поганый Кошуй сынъ Трипетовой.

Увидаль-де Ивана съ Настасьей въ бѣломъ
шатри,

Закричалъ-де онъ громкимъ голосомъ:

«Стой же Иванъ сынъ Годиновичъ!

«Да ты не всѣмъ повладѣлъ-де Настасьей Ми-
треевной,

«Какъ она вѣдь есть моя Богомъ сужена,

«За меня у отца вѣдь просватана.

«Поѣдемъ-во мы нынѣ во чисто полѣ,

«Сядемъ мы съ тобой на добрыхъ коней,

«Мы сдѣлаемъ надъ Настасьей великой бой.

«Да которому достанется прекрасна красавица

«Настасья Митреевна,

«Тому-де она буде молодой женой.»

Выѣзжали они во чисто поле на добрыхъ ко-
няхъ,

Другъ на друга розѣхались,

Коньями ударились,

У ихъ конья въ кольца согнулисѣ.

Они саблями ударились,

У ихъ сабли поломилисѣ,

Сами отъ удару на землю валилисѣ.

Имѣли на земли они рукопашной бой,

Ушибъ-де Иванъ Кошуя о сыру зѣмлю,

Сѣлъ-де Кошуя на бѣлу грудь,

Самъ говорилъ таково слово:

— А и ты прекрасна красавица

— Настасья Митреевна!

— Подай ты мнѣ вострой булатнй ножичокъ,

— Я роспорю Кошуя груди бѣлме,

— И выну ёму сердце ретивое. —

Кошуй подъ визомъ лежитъ,

Говорить Кошуй да не съ упадкою:

«А и же ты Настасья Митреевна!

«Ты подумай нынѣ своимъ разумомъ:

«Какъ за Иваномъ жить, дакъ те служанкой
слыть,

«А за мною быть, дакъ те царицей слыть.

«Будуть земли покоратисѣ,

«Добры люди поклонятисѣ.

«А бери-ко ты Ивана за желты кудри,

«Тащи-во ты Ивана съ моей груди бѣлме.»

Туть Настасьюшка раздумалася,

Брала-де Ивана за желты кудри,

Тащила-де она съ груди Кошуевой.

Выставалъ-де Кошуй со сырой земли,

Онъ беретъ тетивки шелковыми,

Связалъ-де Ивану ручки бѣлме,

Да завязалъ онъ крѣпко ножки рѣзвие.

Положилъ онъ Ивана подъ сѣрой дубъ,

Онъ поставилъ противо ножищо-кинжалнищо,

Говорилъ-де онъ таковы слова:

«Вотъ тебѣ Иванъ сынъ Годиновичъ

«Тебѣ буде туть скоро смерть,

«А я пойду съ Настасьей Митреевной въ бѣлой
шатерьъ,

«Я пойду позабавлюсѣ.»

Да зашолъ-де Кошуй во бѣлой шатерьъ

Со прекрасной красавицей

Со Настасьей Митреевной.

Лежитъ-де Иванушко Годиновичъ,

Да подъ тѣмъ ли подъ дубомъ подъ сырнимъ,

Да отъ желанья Иванъ Богу молится,

Чтобы Ивану отъ смерти избавитисѣ.

Налетѣли на шатерьъ на Кошуевъ вѣдь

Да два сизыхъ два голубя,

А не два голубя налетѣло два ангела,

Поразили Кошуя смертью скорою,

Только Кошуй вѣдь Трипетовъ и живъ бывалъ.

Оставаласѣ Настасья единѣшенька,

Выходила она изъ бѣла шатра,

Приходила къ Ивану Годиновичу,

Брала она отъ сырой земли въ руки острой
ножь,

Сама говорила Ивану таково слово:

— А и же ты молодой Иванъ сынъ Годиновичъ!

— Ты возмешь ли пылъ меня Настасью за себя
замужъ?

— Если ты взятъ обѣцашься,

— То я розрѣжу тетивки шелковые

— На твоихъ на бѣлыхъ рукахъ,

— А пѣтъ дакъ предамъ тѣ смерти скорые. —

Да Иванъ на земли лежитъ,

Говорить Иванъ да не съ упадкою:

«А ѿ же ты Настасья Митреевна!
 «Я возьму тебя за себя замужъ,
 «Только я тебѣ дамъ три грозы превеликіе:
 «Перву грозу — отрублю ручки бѣлыя,
 «Другую грозу — отсѣку ноги рѣзвыя,
 «А третью грозу — отсѣку твою буйную голову,
 «Да и вырѣжу все твое доброё.»
 Таковыя угрозы Настасья испугалася,
 Опустила ножъ изъ бѣлыхъ рукъ,
 Паль-де къ Ивану по тетивкамъ шелковымъ,
 Онъ разрѣзалъ у Ивана на рукахъ тетивки шел-
 ковныя.

Тутъ-то Иванъ сынъ Годиновиць отъ земли воз-
 сталь,
 Бралъ-де онъ Настасью Митреевну за бѣлы
 руки,

Отсѣкъ онъ ей ручки бѣлыя,
 Самъ говорилъ таково слово:
 «Эти мнѣ ручки не надобно,
 «Обнимали поганатаго Кошуя Трипетова.»
 Отрубилъ ножки рѣзвыя,
 Самъ говорилъ таково слово:
 «Да эти ножки мнѣ не надобно,
 «Оплетали Кошуя Трипетова.»
 Да отрѣзалъ ей уста тѣ сахарныя,
 Самъ говорилъ таково слово:
 «Эти уста мнѣ не надобно,
 «Цѣловали Кошуя Трипетова.»
 Да ископаль-то у Настасьи очи ясныя,
 Да отсѣкъ-де у ей буйну голову,
 А только-то Иванушко и женать бывалъ.

Записано тамъ же, 12 августа.

—
 257.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ГОЛИ КАБАЦКІЕ.

Во славномъ во Кіевѣ городѣ,
 Былъ сильныя славныя богатырь Илья Муромецъ.
 Онъ ѣздилъ далече далече во чистомъ поли,
 Онъ ѣздилъ много времени.
 Цвѣтно платье ево истаскалось,
 Золота казна у ево издержалася.
 Пріѣзжаѣ во Кіевъ градъ,
 Захотѣлъ онъ съ пути-дорожки опохмѣлиться,
 Приходить онъ во царевъ кабакъ,
 Говорить чумакамъ чѣловальникамъ:
 «А ѿ вы братцы чумаки чѣловальники!
 «Я ѣздилъ долго въ чистомъ поли,

«Цвѣтно платье у м'ня истаскалось,
 «Золотая казна у м'ня издержалася,
 «Я желаю теперь съ пути опохмѣлиться,
 «Со своими людьми познакомиться.
 «Вы позвольте мнѣ три бочки сороковыя
 «Зелена вина безденежно.»
 Говорятъ чумаки чѣловальники:
 — А ѿ ты старая собака, сѣдатый пѣсь!
 — Да не дадимъ мѣ безъ денегъ зелена вина —
 Да не много-то Илья у нхъ спрашивалъ,
 Да не много съ нима разговаривалъ.
 Приходилъ онъ ко подвалу кабачному,
 Онъ пиналъ правой ногой во двери подвальныя,
 Бралъ онъ бочку сороковую подъ пазуху,
 Да другую бралъ подъ другую,
 Третью бочку онъ ногой катилъ.
 Выходилъ Илья да на зеленый лугъ,
 Закрывалъ онъ во всю голову человичію,
 Во всю силу свою богатырскую,
 Онъ зычнымъ громкимъ голосомъ:
 «А ѿ вы братцы мои пьяницы,
 «Да вы голи кабацкіе,
 «Кабацкіе голи мужички деревенскіе!
 «Вы ножадите ко мнѣ на зеленый лугъ,
 «Да вы пейте у м'ня зелена вина до пьяна,
 «Да вы молитѣ Бога за старатаго.»
 Да собирались пьяницы голи кабацкіе,
 Мужики деревенскіе на зеленый лугъ,
 Они пили вино да и безденежно.
 Да чумаки чѣловальники
 Не могли у Илья отнять зелена вина.
 Да Илья-то Муромецъ скидалъ съ себя шубу со-
 бовиную,
 Обливалъ эту шубу зеленымъ виномъ,
 Самъ волочилъ по лужечку зеленому,
 Онъ ко шубы приговаривалъ:
 «Уливайся, моя шуба, зеленымъ виномъ.
 «Судить ли мнѣ Богъ волочить собаку царя Га-
 лина.
 «Да по этому лужечку зеленому,
 «А ёму отъ моихъ бѣлыхъ рукъ плакати.»
 Услыхали эти рѣчи чумаки чѣловальники,
 Приходили ко князю Владимиру,
 Они бли челомъ низко кланялись.
 — Да ужъ ты нашъ свѣтъ государь-де Владимиръ
 князь!
 — Да мы не знаемъ у насъ вчера какое чудо
 сотворилось,
 — Да не знаемъ кто пришолъ:
 — А чертъ ли пришолъ, али водяной пришолъ
 — Къ намъ на царевъ кабакъ.

— Онъ просилъ зѣлена вина безденежно
 — Три бочки сороковме,
 — А мы безденежно ему вино не дали.
 — Да онъ не много у насъ спрашивалъ,
 — Да не горазно съ нами разговаривалъ,
 — Шолъ ко подвалу кабачному,
 — Онъ пиналъ-де во двери подвальніе правѣй
 ногой
 — Бралъ онъ бочку сороковую подъ пазуху,
 — А другую бралъ бочку подъ другую,
 — Да третью бочку ногой катилъ.
 — Да й выходилъ онъ сударь на зеленый лугъ,
 — Закричалъ-де онъ громкимъ голосомъ,
 — Во всю голову человическу,
 — Во всю силу свою богатырскую:
 — А й вы братцы мои вы товарищи,
 — Пьянцы голи кабацкіе,
 — Мужички деревенскіе!
 — Вы пожалуйте ко мнѣ на зеленой лугъ,
 — Да вы пейте у м'ня зѣлена вина безденежно.
 — Приходили тутъ пьянцы голи кабацкіе,
 — На зеленой лугъ,
 — Роспили оно вино имъ безденежно,
 — Да скипалъ съ себя шубу соболинуу,
 — Да уливалъ эту шубу зеленымъ виномъ,
 — Да й волочилъ по лужечку зеленому,
 — Да онъ ко шубы приговаривалъ:
 — Да уливайся, моя шуба, зеленымъ виномъ,
 — Да судить ли мнѣ Богъ волочить собаку князя
 Владиміра
 — Да по этому лугу зеленому.
 — Да намъ нечѣмъ сударь Владиміръ князь,
 — Нечѣмъ буде за вино расчетъ держать. —
 Воскричалъ князь Владиміръ стольне-кїевской
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Посадить его въ погребъ глубокіе,
 «Въ глубокъ погребъ да сорока сажень.
 «Не дать ему не пить не ѣсть да ровно сорокъ
 дней,
 «Да пусть онъ помрѣтъ собака и съ голоду.»
 Какъ узнала про это честная вдовица княгиня
 Апраксїа,
 Что посаженъ Илья Муромецъ да во глубокъ по-
 грѣбъ,
 Она сдѣлала подкопъ ту тайную,
 Да во тотъ ли погребъ глубокіе,
 Кормила поила Илью ровно сорокъ дней.
 Да прошолъ туто слухъ по всѣмъ землямъ по
 всѣмъ ордамъ,
 Да прознали то всѣ короли иностранные,
 Что не стало во Кїеву во городи

Славнаго богатїря Ильи Муромца.
 Изъ той земли изъ Корельскіе
 Подходилъ тутъ подъ Кїевъ градъ
 Собака Галинъ царь,
 Со своей силой арміей.
 Да й не много не мало было силы нагонено,
 Да колько было въ лиси лѣсу стоячаго,
 Да й на лѣсочку-то прутья вѣсучаго,
 А на прутьяхъ листочку зеленого.
 Онъ пише во Кїевъ градъ ко князю Владиміру,
 Да ли пише къ ему со угрозами:
 — А й ты князь Владиміръ стольній-кїевской!
 — Ты пожалуй-отдай добромъ мнѣ Кїевъ градъ,
 — Безъ бою-то драки великіе.
 — А если добромъ не дашь Кїева,
 — То я возьму его силою,
 — Я князей бояръ твоихъ всѣхъ повирублю,
 — Да и княгини боярыней живыхъ въ полонъ
 возьму,
 — А тебя князя Владиміра
 — Предамъ смерти скорые. —
 Тѣхъ-то угрозъ Владиміръ князь испугается,
 Объ Ильи Муромци схватается.
 «Какъ бы былъ у м'ня живъ несудимый бога-
 тиръ Илья Муромецъ,
 «Да я не слышалъ бы я этой угрозы великіе.»
 Да приходитъ честная вдовица княгиня Апраксїа
 Ко князю Владиміру.
 Она бьетъ челомъ да й поклоняется:
 — Да ужъ ты свѣтъ государь нашъ Владиміръ
 князь!
 — Да ты прости меня я виновата естъ:
 — Да живъ-то Илья да вѣдь Муромецъ,
 — Онъ сидитъ во тѣмномъ во погребѣ.
 — Я сдѣлала подкопъ тутъ тайную,
 — Да во тотъ ли во погребъ глубокіе,
 — Я поила кормила его сорокъ дней. —
 Да говоритъ ей Владиміръ князь:
 «А й же ты честная вдова княгиня Апраксїа!
 «Если правду говоришь до любви буду жаловать,
 «А если нѣтъ жива, буду казнить твою голову.»
 Приходитъ князь во погребъ глубокіе,
 Тотъ погребъ сорока сажень.
 Онъ приходитъ къ Ильи поклоняется,
 Говорилъ-то Владиміръ Ильи таковы слова:
 «Ты прости, сударь Ильюшенка, во пѣрвой вини,
 «Этому дѣлу были виновны чѣловальники.»
 Да приходитъ во погребъ честная вдова княгиня
 Апраксїа,
 Да приходитъ Ильи поклоняется:
 — А й же ты сильній богатырь Илья Муромецъ!

— Послужи ты за вѣру христіанскую,
 — Да и за землю російскую,
 — Да за славный за Кіевъ градъ,
 — За вдовъ за сиротъ за бѣдныхъ людей,
 — За меня молодую княгиню Апраксию,
 — Да за князя за стольнего Владиміра. —
 Говорилъ тутъ Илья-де Муромецъ:
 «А ѣ же ты честная княгиня вдовица Апраксія!
 «Я иду служить за вѣру христіанскую,
 «И за землю російскую,
 «Да и за стольніе Кіевъ градъ,
 «За вдовъ, за сиротъ, за бѣдныхъ людей.
 «И за тебя молодую княгиню вдовицу Апраксию.
 «А для собаки-то князя Владиміра,
 «Да не вышель бы я вонъ изъ погребя.»
 Выходилъ-то Илья изъ погребя глубокаго,
 Онъ сѣдаль-уздалъ своего коня добраго,
 Онъ садился на добра коня,
 Бралъ онъ въ руки шалыгу желѣзную,
 Да желѣзну шалыгу дорожную,
 Да котора была вѣсу ровно сто пудовъ.
 Да поѣхалъ онъ во чисто поле,
 Гдѣ стояла сила собаки царя Галина.
 Только видѣли молодца на коня вѣдь саждаючи,
 Да не увидѣли куда его поѣдучи.
 Онъ какъ взялъ этой шалыгой помахивать,
 Да и по татарамъ пощалакивать,
 Да къ куда ли махнѣ — улицѣ надѣ,
 А назадъ отмахнѣ — переулицы,
 Да исприбилъ онъ всѣхъ до одинаго.
 Пріѣзжалъ ко патру-де онъ царскому,
 Да онъ берѣтъ-де въ полонъ самого царя Галина,
 Предалъ его смерти скорые.
 Да тѣмъ рѣшилося царство татарскоѣ,
 Покорилась земля-де Корельская.
 Да стольнѣму князю Владиміру,
 Да стали татарове
 Съ той поры дань платить,
 И тѣмъ это дѣло прикончилось.

Записано тамъ же, 13 августа.

258.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

Изъ-подъ бѣлые березки кудреваственкіе,
 Изъ-подъ чуднаго креста Деванделидова
 Шли туто четыре гнѣдѣе туры,
 Гнѣдѣе туры олени златорогіе.

Они шли-де бѣжали мимо Кіевъ градъ,
 Они видѣли надъ Кіевомъ городомъ
 Чудо ли чудное, диво ли дивное:
 Да на той ли стѣны городовой,
 Да стоитъ-то дѣвица душа красная,
 Держить она въ бѣлыхъ-де рукахъ
 Да святую книгу-де евангеліе,
 Колько читать вдвоѣ плакала.
 Да на стрѣчу турамъ ѣде турица златорогая:
 «Да вы здравствуйте туры-де олени златорогіе!
 «Да вы шли-де мимо Кіевъ мимо градъ:
 «Что ли надъ Кіевомъ видѣли,
 «Али что ли надъ городомъ слышали?»
 — Да мы видѣли надъ Кіевомъ городомъ,
 — Да ли чудо-то видѣли чудное,
 — Да ли диво-то видѣли дивное.
 — Да на той ли стѣны-де ограды городовой,
 — Да стояла дѣвица душа красная,
 — Да держала-де въ рукахъ Божью книгу,
 — Али Божію книгу святое евангеліе.
 — Сколько читала вдвое плакала. —
 Возговорить турица златорогая:
 «А вы глупые туры олени златорогіе!
 «Да не дѣвица тутъ стояла душа красная,
 «Да стѣна та-де ограда городова.
 «Она плакала о вдовахъ о сиротахъ о бѣдныхъ
 о головахъ.»

Да на ту ли пору времечко,
 Да ко нашему городу Кіеву
 Подходилъ-то вѣдь царь Батыга Батыговичъ,
 Онъ привѣлъ много силы-де арміи:
 Колько было-де въ лиси лѣсу стоячево,
 На лѣсочку-то прутья вѣсучево,
 Да на прутьяцахъ листьвица зелѣневъката, —
 Только у Батыги было сили нагонено.
 Да во славномъ во Кіевѣ во городѣ
 Сильныхъ славныхъ тѣхъ богатырей не лучилосе.
 Самсонъ Святогоръ за синимъ за морѣмъ,
 Славные Илья-то вѣдь Муромецъ
 Тотъ далече, далече во чистомъ во полѣ,
 А Добрыня съ Олѣшкой у Макарья на желтыхъ
 на пескахъ.

Только во Кіевѣ осталосе во городѣ
 Одна-та вѣдь голъ-та кабацкая,
 Молодые Василей Игнатѣвъ спитъ.
 Да въ младые лѣта онъ во двѣнадцать лѣтъ,
 Да онъ пропилъ житѣ-бытѣе отеческо богатство,
 Онъ ходилъ темной ноченкой,
 Да за стѣну онъ ходилъ городовую.
 Не путѣмъ онъ ходилъ не дорогою,
 Прямо онъ скакалъ черезъ башни наугольніи,

Выходилъ онъ во чисто во полѣ,
 Приходилъ онъ ко Батыгину шатру.
 Онъ убилъ у Батыги у царя у Батыговича,
 Онъ убилъ у Батыгушекъ три головы,
 Да которые головушки ни лучшенькіе:
 Первую головушку — милá сына,
 А другую-ту головушку — любимаго зятюшка,
 Да любимаго-то зятя Торокана Карáникова,
 А третью-ту головушку — большóго дьяка,
 Да большóго-то дьяка ево здумщика.
 Пишѣ-де Батыга ко князю ко Владиміру,
 Али пишѣ Батыга со угрозами:
 — А ты солнышко Владиміръ-де князь стольне-
 кіевскіе!
 — Кто-де теперь у тебя виноватой есть,
 — Кто у м'ня убилъ-де три головы,
 — Да которые головушки ни лучшенькіе:
 — Первую головушку — милá сына,
 — А другую-ту головушку — любимаго зятюшка,
 — Да любимаго-то зятя Торокана Карáникова,
 — А третью-ту головушку — большóго дьяка,
 — Да большóго-то дьяка моего здумщика,
 — Нонь пришли ко мнѣ, сударь, виноватаго. —
 Солнышко Владиміръ-отъ князь стольне-кіевскіе
 Собираю-де почестный пирь,
 На многіе князя онъ на бояра,
 Да й на сильни на могучи на богатыри.
 Да на всѣ ли поляницы на удалые.
 Говорилъ-де Владиміръ на пиру таково-де слово:
 «А вы ли мои князи есть бояра,
 «И всѣ вы мои сильни могучи богатыри,
 «Всѣ тѣ поляничы удалые!
 «Да ли кто ли изъ васъ виноватъ сударь есть?
 «Кто ли почесь-де ходилъ тёмной ноченкой,
 «Черезъ стѣну онъ ходилъ-де городовую,
 «Не путѣмъ онъ ходилъ не дорогою,
 «Онъ-де прямо скакалъ черезъ башню науголь-
 ню?
 «Кто ли убилъ у Батыги царя у Батыговича
 «Три головы которые головушки ни лучшенькіе:
 «Первую головушку — милá сына,
 «А другую-ту головушку — любимаго зятюшка,
 «Да любимаго-то зятя Торокана Карáникова,
 «А третью-ту головушку — большóго дьяка,
 «Да большóго-то дьяка ево здумщика.
 «Нинь ступай-ко ко Батыги со отвѣтами.»
 Да большой-отъ столъ тулился за середняго,
 А средней столъ тулился за меньшаго,
 А меньшова столá-де князю отвѣту нѣтъ.
 Да со той ли скамеечки дубовенькіе,
 Изъ-за того ли стола изъ-за меньшаго,

Выставае каравульніе сторожъ вѣдь,
 Онъ приходитъ ко князю ко Владиміру:
 — А й ты солнышко Владиміръ князь стольне-
 кіевскіе!
 — Да я знаю ли кто у насъ виноватъ сударь
 есть.
 — Есть у насъ во Кіевн во городи голь-та ка-
 бацкая
 — Молодые Василей Игнатъевъ сынъ:
 — Да въ младые онъ лѣта во двѣнадцать лѣтъ,
 — Онъ пропилъ всё отеческо житѣ-бытѣ бога-
 чество,
 — Онъ ходилъ-де тёмной ноченкой,
 — Черезъ стѣну-ту ходилъ онъ городовую,
 — Да не путѣмъ онъ ходилъ не дорогою,
 — Онъ-де прямо скакалъ черезъ башню науголь-
 нюю.
 — Онъ убилъ у Батыгушекъ три головы. —
 Солнышко Владиміръ князь стольне-кіевскіе
 Доставае онъ Василя на почестень пирь.
 Приходитъ Василей на почестный пирь,
 Да онъ крестъ-отъ кладѣ по писаному,
 А поклонны-ты ведѣ по учёному,
 Да онъ князю-то Владиміру покланяется въ осо-
 бину:
 «А й ты солнышко Владиміръ-де князь!
 «Да не достоенъ я притти къ тебѣ на почестень
 пирь.»
 Да возговоритъ Владиміръ-де князь:
 — А й же ты Василей сынъ Игнатъевичъ!
 — Да почто ты убилъ у Батыгушекъ три головы,
 — Да которые головушки ни лучшенькіе?
 — Нинь ступай-ко ко Батыгѣ со отвѣтами. —
 Да отвѣтъ держитъ Василей Игнатъевъ сынъ:
 «А й ты солнышко Владиміръ-де князь стольне-
 кіевскіе!
 «Но могу я цинь итти ко Батыги со отвѣтомъ,
 «Какъ болить у м'ня съ похмѣлья буйна́ голова,
 «Да дрожа у м'ня съ похмѣлья всѣ жилы под-
 колѣнныя.
 «Да налей-ко ты мнѣ чарочку похмѣльную,
 «Да опохмѣль-ко мою буйну голову
 «Похмѣльною чарочкой зелёнаго вина,
 «Этого вина полтора-де ведра,
 «А другу налей пива-то пьянаго,
 «А третью ты налей меду сладкаго.»
 Наливалъ Владиміръ князь-де чару похмѣльную,
 И сливалъ онъ питьѣ въ единое мѣсто,
 То вѣдь этого питья было полпятá ведра.
 Да принималъ-то Василей чарочку единою рукой,
 Выпивалъ-то Василей на единый духъ,

Говорилъ-то Василей таково слово:
 «Да топеречу Васильюшко поправился,
 «Да спасибо тѣ царь Батыга Батыговичъ,
 «Что прѣхалъ ко нашему Киеву городу,
 «Да привѣзъ ко мнѣ-ка чарочку похмѣльную.
 «Не видать би мнѣ-ка чарочекъ похмѣльные
 «Да отъ ласкова князя Владиміра.»
 Ночь пошоль-де Василей во чисто во полѣ,
 Да во чистое поле ко Батыгину шатру.
 У собаки у царя у Батыги у Батыговича,
 Нѣту на воротахъ-де Спасова образа,
 Помолиться-то Васильюшку не кому.
 Онъ приходитъ ко Батыги во бѣлье шатѣръ,
 Онъ приходитъ къ Батыги поклоняется.
 Говорить-де вѣдь царь Батыга Батыговичъ:
 — А й ты голь же кабаккая,
 — Молодые Василей Игнатъевъ сынъ!
 — Да ты ли то топеръ виноватый есть,
 — Ты ли ночесъ приходилъ ко мнѣ во бѣлой шатѣръ,
 — Ты почто у м'ня убилъ-де вѣдь три головы
 — Да которіе головушки ни лучшенькіе:
 — Первую головушку — милѣ сына,
 — А другую ту головушку — любимаго зятюшка,
 — Да любимаго-то зятя Торокана Карѣяникова,
 — А третью ту головушку — большого дьяка,
 — Да большого-то дьяка мово здумщика. —
 Возговорить Василей таково слово:
 «Да помилуй-де царь Батыга Батыговичъ!
 «Да моѣ-то вѣдь дѣло поднебѣльной,
 «Да моѣ-то вѣдь дѣло подначальной.
 «Да ты прости, сударь, во цѣрвой вини,
 «Да пожалуй мнѣ силъ-де арміи трѣста тысячъ,
 «Я пойду-де подъ-столяніе Киевъ градъ,
 «Да я скоро-де градъ въ полонъ безъ труда
 возьму.
 «Да я знаю гдѣ-ка тонкая стѣна городоваля,
 «Да я знаю гдѣ-ка помы ворота ты не залѣже-
 ны.»
 Да сдавался Батыга на Васильевы слова,
 Давалъ-де Васильюшку силы трѣста тысячъ,
 Да выходилъ-то Василей во чисто во полѣ,
 Да выводилъ-де онъ силушку Батыгина,
 Да бралъ онъ-де татарина за ноги,
 Да какъ началъ онъ татаринѣ помахивати,
 Куды-де махнѣ — уницѣ-де падѣ,
 Отмахнѣ-де — переулочки,
 Да исприбилъ онъ татаръ всѣхъ до единаго.
 Да пошоль онъ ко Батыгину шатру,
 Ко Батыги ко царю ко Батыговичу,
 Увидаль-то Батыга Василья единѣшенъки,

Да садился Батыга на добраго коня,
 Да поѣзжалъ онъ въ свою-де вѣдь сторону.
 Проговорилъ Батыга таково-де слово:
 — Да унеси-тко Господь буйну голову,
 — Да отъ стольнаго города отъ Киева,
 — Да отъ молода Василья отъ Игнатъевича.
 — Да не дай болѣ Богъ бывать подъ Киевомъ,
 — Да не дѣтямъ моимъ-де не вучатамъ,
 — Да не роду моему-де не племени. —
 Только-то Батыгушка подъ Киевомъ бывалъ.

Записано тамъ же, 11 августа.

—
 259.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

Молодой Василій Буславъевичъ,
 Да во млади лѣто былъ восемнадцать лѣтъ,
 Заводилъ онъ почестенъ пиръ —
 Изобрать себѣ дружина хоробрая.
 Много на пиръ народу ко Василью съѣзжалосе.
 Выходилъ-то Василей преже пиру на широкой
 дворъ,
 Говорилъ-то Василей таково слово:
 «Кто хочѣ къ Василью на пиру вѣдь быть?»
 Бралъ-то Василей въ руки черлѣнный вязъ,
 Ударялъ народъ по рѣзвнымъ ногамъ:
 Кто отъ удару ево вистойтъ,
 Тотъ ему буде дружина хоробрая:
 Перебилъ онъ народу многи тысячи,
 Только нашлося дружина хоробрая.
 Ома толстородливой,
 Да Костя Бѣлѣзерянинъ,
 Ванюша Новгороджанинъ.
 Да пошли со двора мужики отъ Василья Бу-
 славъева,
 Все идутъ со двора-де ругаючи,
 Все Василья проклинаячи.
 — Да упито было у вора Василья не уѣдено,
 — Да и въ краснѣ въ хорощѣ не ухожено,
 — Только на вѣкъ безвѣчья залезено. —
 Услыхалъ-де солнышко Владиміръ князь да
 стольне-киевской,
 Созывалъ онъ Василья къ себѣ на почестенъ
 пиръ.
 Всѣ на пиру напивалисе,
 Да многіе люди на пиру поросхвасталисе:
 Умногъ-отъ фастать отцемъ матерью,
 А богатой-отъ фастать золотой казной,

А глухой-отъ фастать молодой женой.
 А Василей-отъ Буславьевичъ,
 Съ молодого ума разума,
 Воспроговорилъ-то онъ словечушко глупое:
 «А й ты князь Владиміръ стольне-кіевской!
 «Я могу итти биться-драться со всѣмъ Новѣмъ-градомъ,
 «Со своею дружиной хороброю,
 «Опроче двухъ монастырей Юрьева и Антоньева.»
 Ударилъсь они о великъ закладъ:
 Если Василей побѣтъ съ князя два ста тысячъ,
 Если побѣютъ мужики Новгороджана,
 То Василью голова срубить.
 Бой чинить на мосту на калиновомъ,
 Да на славной на рѣчкѣ на Волхови.
 Тутъ на пиру принапилисе,
 Тутъ на пиру принаѣлисе,
 Розошолся у князя почестень пиръ.
 Приходилъ онъ Василей въ свои полаты бѣлока-
 менны,
 Ложился онъ во спальню во тѣплую,
 Спалъ онъ съ хмѣлю тѣмну ночь до бѣла свѣту,
 Да не могъ пробудиться, прошло много бѣла дня.
 Во ту пору биласе ево дружина хоробрая
 На мосту на калиновомъ,
 На той ли на рѣчкѣ на Волхови.
 Малая дѣвушка чернавочка,
 Васильѣва вѣрна служачочка,
 Мыла она бѣлье на рѣчкѣ на Волхови,
 Выходила она съ коромысломъ дубовынимъ,
 На тотъ на калиновъ мостъ,
 Убила она новгороджанъ до трѣхъ вѣдъ сотъ.
 Приходила къ Василью во спальню во тѣплую,
 Говорила она таково слово:
 — А й же ты молодой Василій Буславьевичъ!
 — А й же ты пьешь ѣей да проклажаешься,
 — Али сладко спишь забавляешься,
 — А надъ собой ничего-де не знаешь не вѣ-
 даешь.
 — У твоей-то у дружины хоробрые,
 — На мосту на калиновомъ,
 — Да на той ли на рѣчкѣ на Волхови,
 — На бою ихъ головки проломаны,
 — Да уже платками кушаками были завязаны.—
 Пробужался Василій Буславьевичъ изъ велика
 сну,
 Бралъ на дворѣ онъ ось ту телѣжную,
 А телѣжную ось ту дорожную,
 Выходилъ-то Василій Буславьевичъ на калиновъ
 мостъ,
 На ту ли на рѣчку на Волхово,

Говорилъ таковы слова:
 «А й же вы моя дружина хоробрая!
 «Поразстроньтесь, пороздвиньтесь на стороны,
 «Чтобы мнѣ васъ не убить вмѣсто съ новы-го-
 рожанъ.»
 Какъ зачалъ Васильюшко осью помахивать,
 Исприбилъ новгороджанъ онъ до единаго.
 Былъ у новгороджанъ староста Ѳома Родивонов-
 вичъ,
 Шолъ въ монастырь-де онъ Юрьевской.
 Упросилъ-де онъ старца сильна богатыря,
 Посулилъ-де онъ старцу много золотой казны,
 Чтобы онъ побѣдилъ-де Василя Буславьева,
 А этотъ старецъ былъ Василью крестный ба-
 тюшко.
 Да пошолъ-де старецъ на калиновъ мостъ,
 Да на ту ли на рѣчку на Волхово,
 Къ своему сыну крестному
 Молодому Василью Буславьеу.
 Онъ клалъ на свою голову колоколъ монастыр-
 скін,
 Который колоколъ былъ вѣсу ровно три тысячи,
 Онъ идѣтъ-де колокольнымъ языкомъ подпирается.
 Тутъ калиновъ мостъ да подгибается.
 Какъ поровнялся съ сыномъ крестнымъ,
 Съ молодымъ-де Васильемъ Буславьевымъ,
 Говорилъ-де Василей таковы слова:
 «А й ты собака мой крестные батюшко!
 «Какъ безъ тебя было у насъ съ княземъ дѣло
 дѣлано,
 «Да й безъ тебя были записи написаны.
 «Да не дождался ты яичка отъ крестника о Хру-
 стовѣ дни,
 «Дакъ вотъ тебѣ нынѣ яичко о Петровѣ дни.»
 Какъ ударилъ его осью телѣжною въ голову,
 Роскололъ колоколъ монастырскін,
 Который былъ вѣсу пудовъ три тысящи,
 И проломилъ онъ у старца ево буйну голову.
 Тѣмъ тугъ бой на мосту прекращается.
 Получае Василей Буславьевичъ со князя Влади-
 мира
 По залогу золоту казну до двухъ сотъ тысячъ.
 Какъ Василей Буславьевичъ,
 Со своей-то дружиной хороброю,
 Получили они со князя залогъ золоту казну,
 Пировали онѣ угощались
 Ровно семь-де дѣнь.
 Да отъ той-де великой отъ радости,
 Послѣ этого пиру великаго,
 Вышли на гору високою,
 Не могли никакъ у себя силы извѣдати.

Увидали на горѣ лежатъ сѣрые горючіе камешки,
 Въ долину камень да сорока сажень,
 Въ ширину камень да двадцати сажень,
 Въ толщину камень да десяти сажень.
 Брали они въ руки копыя долголѣтныя,
 Скакали они поперекъ сѣра горючаго камешка.
 Да захотѣлось скакать вдоль сѣра угрюмаго (sic) камешка.

Да мало того Василью показалось,
 Говорилъ-то своей дружинѣ хоробрѣе:
 «А ѣ же вы моя дружина хоробрая!
 «Вы скачите вдоль камешка напередъ лицомъ,
 «А я буду скакать назадъ лицомъ.»
 Какъ скочилъ-де Василій назадъ лицомъ,
 Вдоль сѣра горючаго камешка,
 Какъ перенёсъ ножку правую,
 А задѣлъ ножкой лѣвою,
 Да упалъ-де Василій о сыру землю,
 Только-де Васильюшко тутъ живъ бывалъ,
 Получилъ тутъ Васильюшко скору смерть.
 Оставалась дружина хоробрая:
 Ома толстородивой,
 Костя Бѣлозѣряннинъ,
 Да Ванюша Новгороджанинъ.
 Да тому молодцу такова слава,
 А тѣмъ дѣло всё ихъ кончилось.

Записано тамъ же, 12 августа.

—
 260.

АВДОТЯ РЯЗАНОЧКА.

Славные старше король Бахметъ турецкіе.
 Воевалъ онъ на землю російскую,
 Добывалъ онъ старше Казань городъ подлѣсные.
 Онъ-де стоялъ подъ городомъ
 Со своей силой арміей,
 Много поры этой было времени,
 Да ѣ розорилъ Казань городъ подлѣсные,
 Розорилъ Казань-де городъ на-пусто.
 Онъ въ Казани князей бояръ всёхъ вырубилъ,
 Да и княгинь боярыней
 Тѣхъ живыхъ въ полонъ побралъ.
 Полонилъ онъ народу многи тысячи,
 Онъ повѣлъ-де въ свою землю турецкую,
 Становилъ на дороги три заставы великіе:
 Первую заставу великую —
 Нанускалъ рѣки, озѣра глубокіе;

Другую заставу великую —
 Чистые поля широкіе,
 Становилъ воровъ разбойниковъ;
 А третью заставу темнѣ лѣсы —
 Нанпустилъ звѣрьевъ лютихъ.
 Только въ Казани во городѣ
 Оставалась одна молодая жонка Авдотья Рязаночка.

Она пошла въ землю турецкую
 Да ко славному королю ко Бахмету турецкому,
 Да она пошла полону просить.
 Шла-де она не путѣмъ, не дорогою,
 Да глубоки ты рѣки, озѣра широкіе
 Тѣ она пловомъ плыла,
 А мелкіе ты рѣки, озѣра широкіе
 Да тѣ ли она бродкомъ брела.
 Да прошла ли она заставу великую,
 А чистые поля тѣ широкіе,
 Воровъ разбойниковъ тѣхъ о полдѣнь прошла,
 Какъ о полдѣнь воры лютые,
 Тѣ опочивъ держа.
 Да прошла-де вторую заставу великую
 Да темны ты лѣса дремучіе,
 Лютихъ звѣрей тѣхъ о полночь прошла,
 Да во полночь звѣри лютые
 Тѣ опочивъ держа.
 Приходила во землю турецкую
 Къ славному королю Бахмету турецкому,
 Да въ его ли палаты королевскіе,
 Она крестъ-отгъ кладеть по писаному,
 А поклонь-ты ведѣ по учёному,
 Да она бѣе королю-де челомъ низко кланялась.
 «Да ты осударь король-де Бахметъ турецкіи!
 «Розорилъ ту нашу стару Казань городъ подлѣсную,
 «Да ты князей нашихъ бояръ всёхъ поврубилъ,
 «Ты княгинь нашихъ боярыней тѣхъ живыхъ въ полонъ побралъ,
 «Ты бралъ полону народу многи тысячи,
 «Ты завѣлъ въ свою землю турецкую,
 «Я молодая жонка Авдотья Рязаночка,
 «Я осталасе въ Казани единешенька.
 «Я пришла сударь къ тебѣ сама да изволила,
 «Невозможно ли будетъ отпустить мнѣ народу сколько нибудь плѣннаго,
 «Хошь бы своево-то роду племени?»
 Говоритъ король Бахметъ турецкіе:
 — Молодая ты жонка Авдотья Рязаночка!
 — Какъ я розорилъ вашу стару Казань подлѣсную,
 — Да я князей бояръ я всёхъ поврубилъ,

— Я княгинь боярыней да тѣхъ живыхъ въ по-
лонь побралъ,
— Да я бралъ полону народу многи тысячи,
— Я завелъ въ свою землю турецкую,
— Становилъ на дорогу три заставы великіе:
— Первую заставу великую —
— Рѣки, озѣра глубокіе.
— Вторую заставу великую —
— Чистые поля широкіе,
— Становилъ лютыхъ воровъ разбойниковъ.
— Да третью заставу великую —
— Темны лѣса ты дремучіе,
— Напустилъ я лютыхъ звѣрей.
— Да скажи ты мнѣ жонка Авдотья Рязаночка!
— Какъ ты эти заставы прошла и проѣхала? —
Отвѣтъ держитъ жонка Авдотья Рязаночка:
«А ѣ ты славныи король Бахметъ турецкіе!
«Я эти заставы великіе
«Прошла не путѣмъ, не дорогою.
«Какъ я рѣки озѣра глубокіе
«Тѣ я пловомъ плыла,
«А чистые поля тѣ широкіе,
«Воровъ-то разбойниковъ,
«Тѣхъ-то я о полдѣнь прошла,
«О полдѣнь воры разбойники
«Они опочивъ держа.
«Темныи лѣса ты лютыхъ звѣрей,
«Тѣхъ-де я въ полночь прошла,
«О полночь звѣри лютыи,
«Тѣ опочивъ держа.»
Да тѣ ли рѣчи королю прилюбилсе,
Говоритъ славныи король Бахметъ турецкіе:
— А ѣ же ты молодая жѣнка Авдотья Рязаночка!
— Да умѣла съ королемъ ричъ говорити,
— Да умѣи попросити у короля полону-де голо-
вущки,
— Да которой головущки боль вѣкъ не нажити
будѣ. —
Да говоритъ молодая жѣнка Авдотья Рязаночка:
«А ѣ ты славныи король Бахметъ турецкіе!
«Я замужь выйду да мужа наживу,
«Да у мѣня буде свѣкоръ стапу звать батюшко,
«Да ли буде свекрова стану звать матушкой.
«А вѣдь буду у ихъ снохою слыть,
«Да поживу съ мужомъ да я сынка рожу,
«Да воспою вскормлю у мѣня и сынъ будѣ,
«Да стане мѣня звати матушкой.
«Да я сынка женю да и сноху возьму,
«Да буду ли я и свекровой слыть.
«Да еще же я поживу съ мужомъ,
«Да и себѣ дочь рожу.

«Да воспою вскормлю у мѣня и дочь будѣ,
«Да стане меня звати матушкой.
«Да дочку я замужь отдамъ,
«Да ѣ у мѣня и зять будѣ,
«И буду я тѣщей слыть.
«А не нажить-то мнѣ той буде головущки,
«Да милого-то братца любимаго.
«И не видать-то мнѣ братца буде вѣкъ и по
вѣку.»

Да тѣ ли рѣчи королю прилюбилсе,
Говорилъ-де онъ жонкѣ таково слово:
— А ѣ же ты молодая жонка Авдотья Рязаночка!
— Ты умѣла просити у короля полону ли голо-
вущки,

— Да которой-то не нажить и вѣкъ будѣ.
— Когда я розорялъ вашу стару Казань городъ
подлѣсныи,

— Я князей боярь-де всѣхъ повырубилъ.
— А княгинь боярыней я тѣхъ живыхъ въ по-
лонь побралъ,

— Бралъ полону народу многи тысячи,
— Да убили у мѣня милого братца любимаго,
— И славнаго вашу турецкаго,
— Да ѣ не нажить мнѣ братца буде вѣкъ и по
вѣку.

— Да ты молодая жонка Авдотья Рязаночка,
— Ты берн-тко народъ свой полонѣныи,
— Да уведи ихъ въ Казань до единого.
— Да за твои ты слова за учливые,
— Да ты бери себѣ золотой казны.
— Да въ моеи-то земли во турецкіе,
— Да ли только бери тебѣ, сколько надобно. —

Тутъ жѣнка Авдотья Рязаночка
Брала себѣ народъ полоненныи,
Да и взяла она золотой казны,
Да изъ той земли изъ турецкіе,
Да колько ей-то было надобно.
Да привела-де пародъ полоненныи,
Да во ту ли Казань во опустѣлую,
Да она построила Казань городъ на ново.
Да съ той поры Казань стала славная,
Да съ той поры стала Казань-де богатая,
Да тутъ ли въ Казани Авдотьино имя возвеличи-
лось,

Да и тѣмъ дѣло кончилось.

Записано тамъ же, 13 августа.

261,

КАСТРЮКЪ.

На горахъ было да Воробьёвыхъ,
 На мѣстахъ было да на знакомыхъ,
 Становилисе да пораздернули
 Шатры да бѣль-полѣтняны,
 Да той ли царицы для Крыльскіе,
 Для той ли Управы татарскіе,
 Для Марьи Демрюковной,
 Дочери королевскіе.
 Тутъ былъ Кастрюкъ-Демрюкъ
 Молодой черкашенинъ.
 Кострюкъ семдесятъ побонщовъ пробилъ,
 Триста борцей поборолъ,
 Да и девятьсотъ городовъ выборолъ.
 Похвалялся онъ выборотъ
 Матушку каменну Москву,
 Просить онъ себѣ съ Москвы
 Кострюкъ онъ поединщика:
 Съ кѣмъ бы было поборотися,
 Да ему попытатисе,
 Да ли другъ друга извѣдати
 Своего плеча богатырскаго.
 Да у Грознаго царя,
 У Ивана Васильевича,
 И не было въ Москвѣ поединщика,
 Не кому съ Кострюкомъ поборотисе,
 Съ молодымъ попытатисе,
 Другъ друга извѣдати,
 Своего плеча богатырскаго.
 Собиралъ царь почестень пирь
 Онъ на многи на князи на бояры,
 На сильніе думные русски богатыри,
 Да и на всѣ поляничы удалые.
 На пиру государь слово говорилъ:
 «А и вы всѣ мои князи есть и бояра,
 «Да всѣ сильни могучи богатыри!
 «Кто бы изъ васъ могъ съ Кострюкомъ поборо-
 тисе,
 «Съ молодымъ попытатисе,
 «Другъ друга извѣдати
 «Своей силы богатырскіе.»
 Да большій столъ тузился за середняго,
 А средней столъ за меньшаво,
 Отъ меньшаго стола-де отвѣту нѣтъ.
 Говорить на пиру тутъ честная вдова-де Апрак-
 сія:
 — Ты государь императоръ-царь!

— Есть у меня два сына любимые:
 — Большой сынъ Ванюшка.
 — Меньшой сынъ Потанюшка.
 — Ты достань, сударь, ихъ на почестень пирь.
 — Онѣ могутъ съ Кострюкомъ поборотисе
 — Съ молодымъ попытатисе,
 — Другъ друга извѣдати
 — Своей силы богатырскіе. —
 Посылае царь государь
 Призвать сыновъ-бѣи на почестень пирь,
 Приходили онѣ на почестень пирь,
 Говорилъ государь императоръ царь:
 «Да вы дити честной вдовы-де Апраксіи!
 «Да можете ли вы съ Кострюкомъ поборотисе,
 «А съ молодымъ попытатисе?»
 Ванюшка не хвалитса,
 А Потанюшка онъ похваляется.
 А Потанюшка былъ ростомъ маленькой,
 Собой былъ худенькой,
 Самъ былъ хроменькой горбатенькой.
 — Я сударь могу съ Кострюкомъ поборотисе
 — Да я могу съ молодымъ попытатисе. —
 Да Кострюкъ и за столомъ сидитъ,
 Онъ ѣсть-то Кострюкъ по звѣриному,
 А пѣь Кострюкъ по лошадиному,
 Самъ во хмѣлю похваляется,
 На Потанюшку ругается:
 «Да мнѣ съ тобой съ дуракомъ бороться не съ
 кѣмъ вѣдь.»
 Потанюшка на мѣсто отвѣтъ держитъ:
 — А и же ты Кострюкъ-Демрюкъ,
 — Молодой Кострюкъ черкашенинъ!
 — Да у насъ на Россіи прежде всякаго дѣла не
 хвастаютъ;
 — Когда дѣло сдѣлаютъ
 — Тогда и пофастаютъ.
 — Да пожалуй, Кострюкъ, мы пойдемъ на широ-
 кой дворъ. —
 Какъ пошолъ Кострюкъ на широкой дворъ,
 Онъ пиналъ правой ногой за скамейку дубову.
 Гдѣ сидѣли татаровья поганые.
 Тутъ татаровья на земь повалилисе,
 Много ихъ отъ разу убилосе.
 Выходили онѣ на широкой дворъ,
 Потанюшка хроменькой маленькой
 На ножку припадае,
 Изъ-подъ ручки выглядаетъ.
 Онъ бѣе Кострюка правой рукой во бѣлую грудь.
 А левой ногой пинае его подъ гузно.
 Отъ его Кострюкъ упалъ на сыру землю,
 Содралъ съ его Потанюшка платицо цвѣтное,

Оказалось его тѣло женскоѣ.

Тутъ узнали всѣ люди увѣдали,

Что ходила дѣвчонка мущиною.

Говорила царица та Крыльская,

Та ли Управа татарская:

«А ѿ же ты Потанюшка хроменькой!

«Да па что Кострюкомъ надрыгаешься?

«Лучше бы было кабы ты по рукамъ локти въ
жопѣ бирашь,

«А ясные очи копаль,

«Неже нагу Кострюка по Москвы пускашь.»

На то-де царица Потаня отвѣтъ держитъ:

— Да на то вѣдь дѣло было у м'ня дѣлано,

— Дѣло дѣлано, и съ царемъ записи были попи-
саны,

— Чтобы знали всѣ люди и вѣдали,

— Какъ ходила дивчонка мущиной. —

Да Дунай-Дунай да Лядковъ болѣ пѣть не знай!

Записано тамъ же, 12 августа.

—
262.

МОЛОДЕЦЪ И РѢКА СМОРОДИНА.

А Богъ молодца-то не милуѣ,

И государь его царь не жалуѣ,

И нѣтъ ни чести ому похвалѣбы молодецкіе,

Да друзья братья товарищи

Тѣ на совѣтъ не сѣзжаются,

Да женилъ молодца родной батюшко,

Да на чужой-то дальней сторонюшки.

Да браль-де онъ ему молодую жену,

Да браль за женой приданого

Три, три червѣнныхъ коробля:

Да первой-отъ грузонъ черѣнь корабь.

Быль златомъ и серебромъ,

А другой-отъ грузонъ черѣнь корабь

Все скатнѣмъ жемчугомъ,

А третей отъ грузонъ черѣнь корабь

Все женинымъ приданымъ.

Тутъ молодцу-де жена не въ любовь пришла,

Не въ любовь-де пришла ему не по разуму.

Браль молодець себѣ онъ коня добраго,

Да браль себѣ онъ сѣдѣлко черкальское,

Да браль себѣ уздицю точмяную,

Да браль себѣ въ руки плетку шелковую,

Самъ говорилъ таково слово:

«Лучше мнѣ доброй конь злата и серебра.

«Лучше мнѣ сѣдѣлко уздица точмяная,

«Лучше всево женна приданого.

«Да лучше мнѣ-ка плетка шелковая,

«Да лучше-то мнѣ буде молодой жены.»

Шолъ да сковаль себѣ два товарища два надѣй-
ные,

Два ножа онъ сковаль два булатніе.

Онъ садился вѣдь на добра коня,

Самъ поѣзжалъ на чужую на дальню на сто-
рону.

Да ли ѣхаль онъ путѣмъ ли дорожкой,

Гдѣ-ка было на пути на дороги широкіе

Текла быстрая рѣчка Смородинка.

Было на этой рѣки на Смородинки

Три, три мосточка калиновы:

Да на первомъ-то рѣка берѣ на мости

Да сѣдѣлко съ коня окованое,

Да на другомъ берѣ на мости

Добра коня наступчива,

А на третьемъ берѣ на мости

Самово добра молодца.

Онъ взмолился-де рѣчки Смородинки:

«А ѿ ты матушка черная рѣчка Смородинка!

«Есть ли черезъ тебя, рѣка, переходы ты узкіе,

«А переброды ты мелкіе?»

Да отвѣтъ держитъ рѣка ему Смородина:

— А ѿ ты удалый дородній добрый молодець!

— Есть черезъ меня рѣчку Смородинку,

— Есть переходы ты узкіе,

— Да и переброды есть мелкіе.

— А есть три мосточка калиновы:

— Я на первомъ беру на мости

— Съ коня сѣдѣлко ковѣное,

— А на другомъ беру на мости

— Добра коня наступчива,

— Я на третьемъ беру на мости

— Самово добра молодца.

— А ты поѣзжай-ко дородній добрый молодець,

— Я тебя и такъ топерь пропушу. —

Какъ переѣхаль молодець черезъ рѣчку Сморо-
динку,

Да тѣ ли мосточки калиновы,

Да возговоритъ молодець неразумну рѣчь:

«Да мнѣ сказали добру молодцу,

«Что топерь на пути на дороги широкіе,

«Да текѣтъ черная рѣчка грозна Смородинка.»

Да онъ сталъ надъ рѣкой надсмѣхатисе,

Да онъ сталъ надъ рѣкой надрыгатисе:

«Да топерь ли вѣдь рѣчка Смородина,

«Будто текѣтъ болотня вода-та со ржавчинкой.»

Да забыль-то доброй молодець,

За рѣкой за Смородинкой,

Онъ забылъ два товарища два надѣйные,
 Два ножичка забылъ два булатніе,
 За той рѣкой за Смородинкой.
 Онъ поѣхалъ черезъ рѣчку Смородинку,
 Да по тѣмъ по мосточкамъ калиновымъ.
 Да на первомъ брала на мости
 Съ коня-де сѣдлако ковѣное,
 А на другомъ брала на мости
 Добра коня наступчива,
 А на третьемъ брала на мости
 Самово добра молодца.
 Возмолятся удамый дородній добрый молодець
 Онъ-де быстрои рѣчки Смородинки:
 «А ѿ ты матушка быстрая рѣчка Смородинка!
 «И не губи и не тони добра молодца.»
 Говорить-де рѣка молодцу,
 Говорить-де рѣка человѣческимъ голосомъ:
 — Да не я тебя топлю гублю,
 — А тонить губить похвалба молодца мо-
 децкая. —

Только вѣдь молодець и живъ бывалъ,
 Да тому хоробрѣ такова слава,
 И оставалась у его пелюбá жена.

Записано тамъ же, 12 августа.

263

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВНА.

Взднлъ молодець изъ земли въ землю,
 Гулялъ удалой изъ орды въ орду,
 Загулялъ молодець къ королю въ Литву,
 Къ королю въ Литву-де ко Прусскому.
 Да тово молодца-де король во любви держалъ,
 Да тутъ молодець съ королѣмъ за одпѣмъ сто-
 ломъ сидѣлъ,
 Да вѣдь нилъ онъ ѣлъ съ одной ложечки,
 Со одново-де стаканца да водочку кушали.
 Того было времени прошло три года,
 Да слюбился молодець съ королевскою дочерью.
 Да ничево-то про это король не вѣдаѣ.
 Да донесли королю вѣсти нехорошіе:
 «А ѿ ты король земли Прусскіе!
 «Да ты котора молодца во любви держишь,
 «Да ты съ которымъ молодцомъ сидишь за однимъ
 столомъ,
 «Да ты пѣишь ѣей да съ одной ложечки,
 «А съ одново стаканца вѣнца кушаешь,
 «Тотъ живѣ молодець съ твоей дочерью,

«Онъ творить любовь вѣдь третей годъ.»
 Эти королю были рѣчи не поправились,
 Приказалъ вести молодца во чисто полѣ,
 Да на то ли болото Куанково,
 Да на то ли па мѣсто на лобноѣ,
 Да на ту вѣдь на плаху на липову,
 Да отрубить молодцу буйну голову.
 Повели молодца палачи во чисто полѣ,
 Мимо тѣ вѣдь ведутъ палаты королевскіе,
 Тутъ возмолился молодець палачамъ немилоси-
 вымъ:

— А ѿ вы братцы палачи немилосливы!
 — Не водите молодца вы по задворкамъ,
 — Да мимо ту ли палату королевскую.
 — Да вы ведите меня молодца по подóконью,
 — Да мимо эту спальню ту тёплую,
 — Гдѣ-ка мы спали съ дѣвицей королевичной.—
 Повели молодца по подóконью,
 Да мимо тѣ ли палаты королевскіе,
 Да мимо эту спальню теплую,
 Гдѣ-ко спалъ молодець съ дѣвицей королевичной.
 Да онъ занѣлъ пѣсню новую,
 Да онъ новую пѣсню хоронную:
 — Да хорошо у м'ни молодца было пожито,
 — Да хорошо было цвѣтноѣ платьѣ изношено,
 — Да приуинто было у молодца приуѣдено,
 — Да и въ красній въ хороші приухожено,
 — Да и въ зеленѣмъ-то саду приуѣляно,
 — Да подъ яблонью на кроваточкѣ было приуѣ-
 пано,
 — Да и у королевскою дочери
 — На бѣлой груди было у дѣвицы улѣжано. —
 Какъ услышала дѣвица королевична,
 Что повели молодца палачи во чисто полѣ,
 Да во то ли болото куанково,
 Да на ту вѣдь на плаху на липову,
 Да хотя отрубить ему буйную голову,
 Сама отворяла красно окошко косѣвчато,
 Брала въ руки булатніе вострые ножичокъ,
 Ставила она тувымъ концѣмъ да во окошечко,
 А вострымъ себѣ да въ бѣзу грудь,
 Говорила она таково слово:
 «Да куда полетѣлъ младъ ясѣвъ соколъ,
 «Да туда полетай-ко лебѣдушка бѣлая,
 «Да ты преже лети ясна сокола.»
 Тутъ-то она сама себя и зарѣзала,
 Да отрубили палачи молодцу буйну голову,
 Да донесли королю-де Прусскому,
 Да дошли ему вѣдь вѣсти нехорошіе,
 Что сво-то любимая дочь сама себя зарѣзала,
 Да еще преже дородня добра молодца.

Тутъ говоритъ-де король таково слово:
 — Кабы зналъ я это вѣдалъ вѣдъ,
 — Что моя любима дочь вѣдъ зарѣжется,
 — Да я бы не приказалъ вести молодца во чисто
 полѣ,
 — Да на то из болото куликово,
 — Да на ту ли на плаху на липову,
 — Да не рубить бы ему буйну голову.
 — Пусть бы лучше жилъ молодець съ моей до-
 черью,
 — Да пусть бы жилъ-де вѣкъ да и по вѣку.
 — Топерь я весь потерялъ бѣлый свѣтъ изъ
 асныхъ очей,
 — Я лишился милой дочери любимые. —

Записано тамъ же, 12 августа.

264.

ПТИЦЫ.

Отчего-то зима наставала?
 Наставала зима отъ морозовъ.
 Послѣ той зимы — теплое лѣто.
 Изъ-за тихаго дунайскаго синяго моря,
 Вылетала младая дунайская птица,
 Малая птица пѣвица,
 Садилась на синѣ русское море,
 Начала птица вѣдъ пѣти,
 Голоса на Русь подавати,
 Да слетались къ ей русскія птицы,
 Да саднились птицы ко птицы рядами,
 Да въ одну ли онѣ сторону головами.
 Начали птицы вѣдъ пѣти,
 Стали онѣ воспѣвати,
 Младую птицу пѣвицу пѣтати:
 «Да скажите намъ младая птица пѣвица,
 «Да кто у васъ на мори на́большо большой,
 «А кто на дувайскомъ всѣхъ выше?»
 Да возговоритъ млада дунайская птица:
 — Да у насъ было на мори на́большо болѣй,
 — Да у насъ на дунайскомъ всѣхъ выше,
 — Бѣлые клепчнѣ-то бѣлые царь,
 — Бѣлая птица клевица та вѣдъ есть бѣлая ца-
 рица.
 — Гусь-отъ вѣдъ на мори тотъ губернаторъ,
 — А рябчикъ тотъ на мори страпчій,
 — А журавъ-отъ на мори-то перевощикъ:
 — Ноженки тонесъки тонѣньки,
 — Штаники синѣньки узѣньки.

— Онъ ходитъ да бродитъ,
 — Да всякую птицу перевозитъ,
 — А цвѣтнаго платя не мочитъ.
 — А кúропать на мори бобыль безпомѣстной,
 — Изъ куста въ кустъ вылетаетъ,
 — Самъ себѣ покою не знаетъ.
 — Хлюстикъ тотъ на мори плюстикъ*),
 — Дроздикъ тотъ на мори гвоздикъ
 — Сивъ тотъ на мори птица безсчастлива,
 — А сивъ работать не умѣе,
 — Казаковъ нанимать онъ не смыслитъ.
 — Галка-та на мори палка,
 — Богатая на мори птица ворона:
 — Она зиму ту живѣ по дорогамъ,
 — А лѣто живѣ по суслонамъ,
 — Осень живѣ по омѣтамъ,
 — Все она крестьянъ разоряе,
 — Оттрого она сита пребывае,
 — Тѣмъ свою голову питае.
 — Детель тотъ на мори плотникъ церковный:
 — Церквы онъ Божіи строитъ,
 — Тѣмъ свою голову кормитъ.
 — А курница на мори птица несчастна:
 — Всякъ у ей въ жопы копае,
 — Одно лица добывае,
 — А все тѣща зятю запасае. —

Записано тамъ же, 12 августа.

LI.

ТРЕТЬЯКОВЪ.

Игнатій Григорьевичъ Третьяковъ,
 крестьянинъ дер. Росляковой на Кенозерѣ, 58
 лѣтъ, грамотный. Отецъ его зналъ очень много
 былинъ, которыя онъ отъ него и перенялъ, но
 теперь забылъ большую часть. Третьяковъ, хотя
 и поетъ былинны, но сомнѣвается въ правдивости
 событій, которыя съ нихъ описываются. Кромѣ
 былинъ, здѣсь помѣщаемыхъ, онъ знаетъ, но толь-
 ко словами, въ видѣ сказки, «исторію» про пер-
 выя поѣздки Ильи Муромца и про Михайлу По-
 гыка.

*) не знаетъ.

265.

СВЯТОГОРЪ.

По той дорогѣ по латынскіе,
 Стоитъ семь заставъ да богатырскіехъ.
 Первѣ заставка — Илья Муромецъ,
 Другѣ заставушка — Добрынюшка Микитьевичъ,
 Третья заставка — Алѣша Поповичъ младъ.
 Подъ Алѣшей стоялъ тутъ Полѣшанинъ,
 Полѣшанинъ да Долгоблянинъ.
 Было два братца родимые,
 Лука, Мосей — дѣти боярскіе.
 Тѣ ли роды ты боярскіе
 Охвочи они были долго спать,
 Они проспали житье-бытьѣ богатство.
 Проѣхалъ богатырь-отъ во чисто полѣ,
 У коня слѣды по цѣлоѣ овчинѣ по барановы.
 Поутру ставали-то равѣшенъко:
 «Кому у насъ ѣхать за богатыремъ съ угоною?
 «Послать Лука, Мосія — боярскіихъ дѣтей,
 «Онѣ ли роды ты боярскіе,
 «Онѣ проспали житье-богатство.
 «Послать Добрынюшку Микитича.»
 Сѣдлалъ Добрыня своего коня,
 Уздалъ Добрыня своего коня,
 Садился Добрыня на добра коня,
 Поѣхалъ за богатыремъ съ угоною,
 Засталъ богатыря-то во чистомъ поли,
 Не доѣдучи до Кіева-то двадцать вѣрсть.
 Сидитъ богатырь-отъ на добромъ кони,
 Онъ мечеть палку ту подъ облаки,
 Дó земли не допускаючи,
 На бѣлы руки подхватючи.
 Не смѣлъ Добрыня дати напуска,
 Назадъ Добрыня ворочается,
 Не путѣмъ онъ ѣхалъ не дорогою,
 Приѣхалъ Добрыня къ Ильи Муромцу:
 — Я засталъ богатыря-то во чистомъ поли,
 — Не доѣдучи до Кіева-то двадцать вѣрсть.
 — Сидитъ богатырь-отъ на добромъ кони,
 — Мечеть палку ту подъ облаки,
 — Дó земли не допускаючи,
 — На бѣлы руки подхватючи,
 — Не смѣлъ-то я да дати напуска. —
 Говоритъ Илья да таково слово:
 «Хоша й много рати удало́го нѣтъ,
 «Нѣтъ на Илью да нѣтъ на Муромца.»
 Сѣдлалъ Илья да своево коня,
 Уздалъ Илья да своево коня,

Садился Илья да на добра коня,
 Поѣхалъ за богатыремъ съ угоною,
 Засталъ богатыря-то во чистомъ поли,
 Не доѣдучи до Кіева патнадцать вѣрсть.
 Сидитъ богатырь-отъ на добромъ кони,
 Онъ мечеть палку ту подъ облаки,
 Дó земли не допускаючи,
 На бѣлы руки подхватючи.
 Закричалъ Илья да громкимъ голосомъ.
 У богатыря конь-отъ на колѣни палъ,
 Вискокнулъ съ подъ стрѣмена багровъ жижець*.)
 Поди жижець да на своѣ волю,
 Лови жижець да осетра́ рыбу,
 Споминай меня стáраго хозьянища,
 Видно мнѣ уже живу не быть.
 Полетѣ соколъ да на свою волю,
 Лови лисицу да и зайца,
 Споминай меня стараго хозьянища.
 Съѣхались онѣ ударились,
 Другъ-то друга вѣдь не рапили,
 Оба изъ сѣделъ вонъ выпадали.
 Помогъ-то Богъ да Ильи Муромцу,
 Сбился Илья да на бѣлѣ груди,
 Вынималъ вожищо онъ кнѣжалищо,
 Хочеть поротъ да груди бѣлыи.
 И сталъ Илья да ёво спрашивать:
 «Ты коѣй земли, да ты коѣй орды,
 «Какъ тебя да именѣмъ зовутъ?»
 — Я-есть-то вѣдь изъ золотой орды,
 — Петръ царевичъ Золотнѣчанинъ,
 — Тебѣ, Илья, да вѣдь я вѣрстный сынъ.
 — Тебѣ полно, Илья, ѣздитъ по чисту полю,
 — Побивать, Илья, тебѣ богатырей,
 — Пора, Илья, тебѣ душа спасти. —
 Ильи тѣ рѣчи прилюбилися,
 Спустилъ богатыря онъ на своѣ волю,
 Самъ поѣхалъ Илья да по чисту полю,
 Засталъ богатыря онъ во чистомъ поли,
 И думалъ: «богатырь-отъ пѣвѣрне.»
 Розгорѣлось у Ильи да ретиво сердце,
 Наганивалъ коня онъ со чиста поля,
 Со чиста поля онъ во первой наковъ,
 Ударилъ богатыря онъ палкою,
 И думалъ: «богатыря съ конѣмъ убилъ.»
 Сидитъ богатырь на добромъ кони,
 Назадъ богатырь не оглянется.
 Розгорѣлось у Ильи да ретиво сердце,
 Наганивалъ коня онъ со чиста поля,
 Со чиста поля онъ во второй наковъ,

*) такъ поется, неизвѣстно что.

Ударилъ богатыря онъ палкою,
И думалъ: «богатыря съ конёмъ убилъ.»
Сидитъ богатырь на добромъ кони,
Назадъ богатырь не оглянется.
Розгорѣлось у Ильи да ретиво сердце,
Наганивалъ коня онъ со чиста поля,
Со чиста поля онъ во третій наконъ,
Ударилъ богатыря онъ палкою,
И думалъ: «богатыря съ конёмъ убилъ.»
Сидитъ богатырь на добромъ кони,
Назадъ богатырь отоглянется:
— Я думалъ кусаютъ русскіе комарники,
— Ажно славной богатырь Ильи Муромецъ. —
Взялъ Илью онъ и со конёмъ въ карманъ,
Возилъ-то онъ вѣдь трой сутки.
Святигоровъ конь провѣщился язѣкомъ чловѣ-
ческимъ:

«Ты славный богатырь Свѣтигоръ!
«Тяжело возить мнѣ двухъ богатырей,
«Третью лошадь богатырскую.»
Онъ выпялъ Илью да изъ кормана вонъ,
Говоритъ Ильи онъ таково слово:
— Ты поѣдемъ, Илья, да на святѣ горы,
— Я буду тамъ да представлятися.
— Пойдѣ отъ меня уже великой потъ,
— Ты моёво поту-то наконъ лизни,
— Наконъ лизни да ты другой лизни,
— Третьяво накону, Илья, не лизни,
— Не стану поспитъ матушка сырѣ земля,
— Не стануть возитъ кони богатырскіе. —
Прѣѣхали онѣ да на святѣ горы,
Сталъ Свѣтигоръ-отъ представлятися.
Пошолъ отъ него уже великой потъ,
Илья тово поту-то наконъ лизнулъ,
Наконъ лизнулъ да онъ другой лизнулъ,
Третьяво накону Ильи не лизалъ.
Святигорово было преставленіе,
Ильи Муромца было погребеніе,
Надъ верхомъ воздвигъ-то онъ чуденъ крестъ.
А и дайдай-дайдай боги впередъ знай.

Записано на Кенозерѣ, 17 августа.

—
266.

ПОВѢДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Ѣздилъ старъ по чисту пою,
Ого младости Ѣздилъ до старости.
Хорошъ былъ у старого-ли добрый конь,
За рѣку перевозу онъ не прашивалъ,

Конь рѣки, озѣра перескакивалъ,
Широкіе мхи кругомъ обеканивалъ.
Наѣхалъ ли старой во чистомъ поли
Три пути дороги три широкіе.
На разстѣняхъ лежитъ сѣрый камешекъ,
На камени подпись подписана:
«Въ дорогу ту ѣхать убиту быть,
«Въ другую ту ѣхать женату быть,
«Въ третью ту ѣхать богату быть.»
Стоитъ тутъ старикъ да пораздумался,
Сѣдой головой своей пошатывается:
«На что мнѣ-ка старому богатство,
«У м'не есть-то своей золотой казны,
«Своей золотой казны смѣты нѣтъ.
«На что мнѣ-ка старому жениться,
«Жениться мнѣ да не нажитися:
«Худая та взять такъ замѣны нѣтъ,
«Хорошая взять, такъ чужа корысть.
«Я поѣду въ ту дорогу, гдѣ убиту быть,
«А убитому быть, такъ не вѣку и жалъ,
«При смерти головушка шатается.»

Ѣде старикъ да по чисту пою,
Заѣхалъ ли старой во темны лѣса,
Стоитъ тутъ станица станичникковъ,
По русски назвать такъ разбойниковъ,
Не много не мало сорокъ тысячей.
И хочуть-то стараго пограбити,
И хочуть у стараго коня отнять,
Говоритъ-то старикъ да таково слово:
«Вы ой же станичники разбойники!
«И битъ меня стараго некого,
«Пограбить у стараго нечего,
«Съ собой-то казны да не случилось
«Съ собой-то казна одна пятьсотъ рублей,
«Шуба на себѣ да соболиная,
«Шуба-та стобитъ три тысящи,
«Сѣделко черкальское въ двѣ тысящи,
«Узда та течмяная въ пятьсотъ рублей.
«Межъ ушами камѣнь драгоцѣнный
«Не ради красы-басы великіе,
«Ради тѣмные ночи осенные,
«Гдѣ ходитъ гуляе мой доброй конь,
«Видно за три-то вѣрсты какъ мѣрные,
«Мѣрные вѣрсты семисотные.»

Говорятъ-то станичники разбойники:
— Ты много старикъ да разговариваешь. —
И хочуть-то стараго съ коня стащить.
Какъ снимае старикъ шлѣмъ *) да со буйной
главы,

*) киверъ или шляпа, не знаетъ что.

Всомъ то шеломъ былъ двѣнадцать пудъ,
 И сталъ шеломомъ онъ помахивать.
 Куды онъ махнѣтъ — дакъ туды улицы,
 Куда отмахнѣтъ — дакъ переулочки.
 Прибилъ сорокъ тысячъ станичниковъ,
 По русски называть дакъ разбойниковъ.
 Назадъ-то старикъ ворочается
 Ко сѣрому камению латырю,
 Старую подпись захѣриваль,
 Новую подпись подписываль:
 «Ложно была подпись подписана,
 «Я съѣздить въ дорожку, убить не бываль.»
 «Поѣду въ ту дорогу гдѣ женату быть.»
 Ёдетъ ли старой по чисту полю,
 Стоять тутъ полаты бѣлокаменны.
 Изъ тѣхъ изъ полаты бѣлокаменныхъ,
 Идетъ изъ полаты сорокъ дѣвицей,
 Прекрасна идетъ королевична,
 Беретъ старика да за бѣлы руки,
 Цѣлуе во уста да во сахарніе,
 Зовѣтъ во полаты бѣлокаменные
 Къ себѣ хлѣба соли она кушати.
 Идѣтъ-то старикъ да усмѣхается:
 «Сколько по святой Руси не бывано,
 «Экого-ли чуда вѣкъ не видано.
 «Ведѣтъ-то прекрасна королевична,
 «Ведѣтъ старика да за бѣлы руки,
 «Цѣлуе во уста да во сахарніе,
 «Зовѣтъ въ полаты бѣлокаменные
 «Къ себѣ хлѣба соли она кушати.»
 Привела она въ полаты бѣлокаменные,
 Садла за столы да за дубовые,
 Пили фли прохлаждалися.
 Говорить-то прекрасна королевична:
 — Вотъ тебѣ мѣсто старому туту спать,
 — Ложись-ко ко стѣнки кирпичные.—
 Говорить-то ли старой таково слово:
 «Ты ой же прекрасна королевична!
 «Мы старики да по краямъ вѣкъ спимъ.
 «Нашю-то дѣло вѣдь старое,
 «Охвочи ми ночью на дворъ ходить.
 «Ложись-ко сама ко стѣпки ко кирпичные.»
 Взялъ онъ прекрасну королевичну,
 Взялъ-то ее за бѣлы груди,
 Кинулъ на кровать на тисовую.
 Тисовая кровать была подложная,
 Тисовая кровать та обернулася,
 Упала прекрасна королевична,
 Упала во погребы глубокіе,
 Во глубокіе погребы сорока сажень.
 Говорить-то старикъ да таково слово:

«Вы слуги лакен безымянные,
 «Покажите вы ходы мнѣ во глубокъ погрѣбъ.»
 Показали ему ходъ да во глубокъ погрѣбъ,
 Ключи стариву были не надобно.
 Замки ты рубли роздѣргиваль,
 Онъ двери-то ногами вовъ выпиниваль.
 Идѣтъ тутъ изъ погреба сорокъ чарей,
 Сорокъ то чарей идѣтъ чаревичей,
 Сорокъ королей да королевичей,
 Идѣтъ тутъ прекрасна королевична.
 Говорить-то старикъ да таково слово:
 «Подъте цари вы по своимъ царствамъ,
 «А вы короли да по своимъ ордамъ.
 «Молите вы Бога за старово,
 «За старово Илью вы за Муромца.»
 И взялъ онъ прекрасну королевичну,
 Посадилъ на ворота на широкіе,
 Онъ всю разстрѣлялъ да изъ туга лука,
 Розсѣкъ распласталъ да тѣло бѣлое,
 П всё разметаль онъ по чисту полю.
 Назадъ-то старикъ да ворочается,
 Ко сѣрому камению латырю,
 Старую подпись захѣриваль,
 Новую подпись подписываль:
 «Та ложно была подпись подписана.
 «Я съѣздить въ дорожку, женать не бываль.»
 «Я поѣду въ ту дорогу, гдѣ богату быть.»
 Ёдетъ старикъ по чисту полю,
 Заѣхалъ ли старой во темны лѣса.
 Стоитъ туту погрѣбъ золотой казны,
 На погрѣбѣ подпись подписана:
 «Выкатить казна да Ильи Муромцу,
 «Наняты хитро-мудрыхъ плотниковъ,
 «Построить-то церкву соборную
 «Святителю Николы Можайскому,
 «Во славномъ во городи въ Кіеви,
 «И тутъ-то Ильи будетъ преставиться.»
 Какъ выкатилъ казну да Ильи Муромецъ,
 Нанялъ хитро-мудрыхъ плотниковъ,
 Построилъ онъ церкву соборную
 Святителю Николы Можайскому,
 Во славномъ въ городи во Кіеви,
 Самъ заѣхалъ во пещеры во глубокіе,
 Тутъ-то Ильи уже преставился.
 Понялъ теперъ мощи нетлѣвные.

Записано тамъ же, 17 августа.

267.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

По три года Добрынюшка-то стольничаль,
 По три года Добрынюшка да чашничаль,
 По три года Добрыня у воротъ стояль.
 Того стольничаль-чашничаль она девять лѣтъ,
 На десятыя Добрынюшка гулять пошоль,
 Гулять пошоль по городу по Киеву.
 А Добрынюшки-ли матушка наказываетъ,
 Государыни Добрыни наговариваетъ:
 «Ты пойдешь гулять по городу по Киеву,
 «Не ходи-тко ты, Добрыня, на царевъ кабаць,
 «Не пей-ко ты до пьяна зелена вина.
 «Не ходи-ко ты во улицы Игнатьевски,
 «Въ тѣ ли переулки во Маринкины,
 «Та ли блядь Маринкина да иптравица,
 «Потравила она Маринка девяти-ли молодцовъ,
 «Девяти-ли молодцовъ да будто ѣсныхъ соколѣтъ,
 «Потравитъ тебя Добрынюшку въ десятыя.»
 А Добрынюшко-то матушки не слушался,
 Заходитъ-ли Добрыня на царевъ кабаць,
 Пашивается до пьяна зелена вина.
 Самъ пошелъ гулять по городу по Киеву,
 А заходитъ ли во улицы въ Игнатьевски,
 А во тѣ ли переулки во Маринкины.
 У той ѹ бляди Маринки у Игнатьевой
 Хорошо-ли терема были роскрашены,
 У ней теремъ-отъ со теремомъ свивается,
 Одѣмъ-то жемчугомъ пересынается.
 На теремахъ сидѣли два сизыхъ два голубя.
 Носокъ-то по носку они цѣлуются,
 Правильными крылами обнимаются.
 Розгорѣлось у Добрыни ретиво сердце,
 Натягается Добрынюшка свой тугой лукъ,
 Накладаетъ Добрыня калепу стрѣлу,
 Стрѣляетъ ли Добрыня во сизыхъ голубей.
 По грѣхамъ ли надъ Добрыней состоялсе,
 Ево правая-то ноженка поглѣзнула,
 Ево лѣвая-та ручешка подрогнула,
 А не могъ згодить Добрыня во сизыхъ голубей,
 Едва згодилъ къ Маринкѣ во красно окно.
 Онъ вышибъ прищипину *) серебряную,
 Розбилъ-то околелку стекольчатую,
 Убилъ-то у Маринки друга милово,
 Милово Тугарина Змѣевича.
 Стоитъ-то ли Добрыня пороздумалсе:

«Въ теремъ-отъ итти такъ голова пропадѣтъ,
 «А въ теремъ-отъ нейти такъ стрѣла пропадѣтъ.»
 Зашоль-то ли Добрыня во высокъ терѣмъ,
 Крестъ-отъ онъ владѣтъ по писаному,
 А поклопъ-отъ онъ ведѣтъ ученому.
 Сѣлъ онъ во большой уголъ на лавицу,
 А Маринка та сидитъ да блядь за завѣсою.
 Просидѣли они лѣтній день до вечера,
 Онѣ другъ-то съ другомъ слова не промолвили.
 Взялъ-то ли Добрыня калепу стрѣлу,
 Пошоль-то ли Добрыня изъ высбка терема.
 Ставала-ли Маринка изъ-за завѣсы,
 А берѣтъ-та ли Маринка булатнй ножъ,
 Она рѣзала слѣдочки Добрынюшкины,
 Сама крѣпкой приговоръ да приговаривала:
 — Какъ я рѣжу эти слѣдочки Добрынюшкины,
 — Такъ-бы рѣзало Добрыни ретиво сердце,
 — По мнѣ-ли по Маринкѣ по Игнатьевой. —
 Она скоро затопляла печь кирпичную,
 Какъ метала эти слѣдочки Добрынюшкины,
 Сама крѣпкой приговоръ да приговаривала:
 — Какъ горятъ-то эти слѣдочки Добрынюшкины,
 — Такъ горѣло бы Добрыни ретиво сердце
 — По мнѣ-ли по Маринкѣ по Игнатьевнѣ.
 — Не могъ-то бы Добрынюшка ни жить, ни быть,
 — Ни дни бы не дневать, ни часу бы часовать. —
 Какъ вышелъ-ли Добрыня на широкой дворъ,
 Розгорѣлось у Добрыни ретиво сердце
 По той-ли по Маринкѣ по Игнатьевой.
 Назадъ-то ли Добрыня ворочается,
 Этая Маринка Игнатьевна
 Обвернула-то Добрынюшку гнѣдымъ туромъ,
 Послала-то ко морю ко турецкому:
 — Поди-ко ты, Добрынюшка, ко морю ко турецкому.
 — Гдѣ ходять тамъ гуляють девять туромъ,
 — Поди-ко ты Добрынюшка десятнымъ туромъ. —
 Какъ провѣдала Добрынюшкина матушка,
 Сама-то ли старуха подымаласе,
 Пришла она къ Маринки ко Игнатьевой,
 Сѣла-то на печку на кирпичную,
 Сама-ли говорила таково слово:
 «Хочешь ли Маринка блядь иптравица
 «Обверну я тя собакой подоконною,
 «Ты будешь-ли ходить да по подоконью.»
 Этая Маринка Игнатьевна
 Видитъ-ли она да немипучую.
 Обверпуласе Маринка сѣрой ласточкой,
 Полетѣла-то ко морю ко турецкому,
 Сѣла ли Добрыни на могучй плеча,
 Говорила-ли она да таково слово:

*) у окна поперечина.

— Возьмешь ли ты, Добрыня, за себя меня за мужа,
 — Отверну я тя, Добрыня, добрымъ молодцемъ. —
 — Возьму я тя Маринку за себя за мужа. —
 Повернула-то ево да добрымъ молодцомъ.
 Взялъ то онъ Маринку Игнатьевну,
 Посадилъ онъ на ворота на широкіе,
 Всю онъ разстрѣлялъ изъ туга лука,
 Розсѣкъ онъ роспосталъ тѣло бѣлое,
 Всѣ-ли розметалъ по чисту полю.

Записано тамъ же, 17 августа.

268.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

Выпала порошица снѣгъ молодѣи.
 По той по пороши по бѣлу снѣжку
 Да не бѣлый горностаи слѣды промѣтываетъ,
 Ходить-ли гуляетъ удалой молодецъ,
 На имя Чурилушко сынъ Пленковичъ.
 Ронить онъ гвоздочки сребрянныѣ,
 Скобочки да позолоченыѣ,
 И вслѣдъ ходять ребятушка маленкыѣ,
 Обираютъ тѣ гвоздочки сребрянныѣ,
 Тѣмъ они ребята свою голову кормятъ.
 Приходить-ли Чурило ко Бермятову двору,
 И пошолъ ли Бермята ко заутрени.
 Кто-ли отъ бѣды да откупается
 Иной то на бѣду да накупается.
 Старые Бермята Васильевичъ
 Онъ на бѣду ту вѣдъ самъ идеть.
 Посылаетъ ли Чурило во высокъ теремъ:
 «Ты поди-тко-ли Чурило во высокъ теремъ.»
 Заходить-ли Чурило во высокъ теремъ,
 Стоить-то Катерина Богу молится,
 Назадъ Катерина оглянулася,
 Тѣнла вода да по пятѣмъ потекла.
 Говорить-то Катерина таково слово:
 — Сядемъ-ко Чурило мы во шахматы играть.
 — Ты ли поиграешь такъ тебѣ сто рублей,
 — Я ли поиграю тебя такъ прощу. —
 Поигралъ онъ Катерину во первой наконъ,
 Взялъ казны онъ съ ней сто рублей,
 Поигралъ онъ Катерину во второй наконъ,
 Взялъ казны онъ съ ней двѣсти рублей,
 Поигралъ онъ Катерину во третій наконъ,
 Взялъ казны онъ съ ней триста рублей.
 Говорить-то Катерина таково слово:
 — Ты премладше Чурилушко сынъ Пленковичъ!

— Хошь во шахматы играть, хошь на тебя смо-
 трѣть.
 — У меня по тебѣ сердце розгорѣлось.
 — Пойдемъ-ко Чурило въ ложню теплую,
 — И станемъ-ко Чурило опочихъ держать. —
 Черная дѣвка служанка ея,
 Она говорила таково слово:
 «Не ходите вы во ложню во теплую.
 «Я пойду къ Бермяту накучу и намучу,
 «Накучу и намучу я пажалюсѣ.»
 Катерина-то тово да не пытаючи,
 А во теплую-то ложню убирается,
 А черная-то дѣвка изъ терема пошла.
 Пришла-то она да ко заутрени,
 Говорила-ли она да таково слово:
 «Ты старые Бермята Васильевичъ!
 «Стоишь ты Бермята Богу молишься,
 «И не знаешь Бермята ты не вѣдаешь.
 «Право у тебя да сударь гость гостить,
 «Незваной-отъ гость да не приказываной.»
 Говорить-то Бермята Васильевичъ:
 — Черная дѣвка служанка моя!
 — Правду донесешь я за мужа тебя возьму,
 — А неправду донесешь, я тебѣ голову срублю. —
 «Поди-ты Бермята скоро-на-скоро.»
 Скоро золото кольцо забрякало,
 Маковки всѣ пошатилися,
 Идеть Катерина та Микулична,
 Въ одной она рубашки безъ пояса.
 Говорить-то Бермята Васильевичъ:
 — Что же Катерина не въ снаряждѣ ты идешь?
 — У насъ-то сеюдня дѣло праздничное. —
 Говорить-то Катерина таково слово:
 «У меня-то ли сеюдня голова болить,
 «Болить моя буйная головушка,
 «Щемить мое сердце ретивоѣ,
 «Дрожать мои жилия подколѣнныѣ,
 «Не могла я хорошо да снарядитися.»
 Заполь-то ли Бермята во высокъ теремъ,
 Вся туто кафтаны платьѣ цвѣтвое.
 Говорить-то ли Бермята таково слово:
 — Этыя кафтаны на Чурилы-то видаль. —
 Говорить-то Катерина Микулична:
 «У моего у брата родимого,
 «Съ Чуриломъ было платьями помѣняно,
 «Платьями, да добрымъ коньми.»
 Заполь-то ли Бермята въ ложню теплую,
 Спитъ туто Чурило опочихъ держитъ.
 Взялъ-то ли Бермята саблю острую,
 Отрубилъ-то ли Чурилу буйну голову.
 Будто скатная жемчужина скатиласѣ,

Скатилася Чурилова головшка,
 Не грущатая камка да розстигаласе,
 Чурилова кровь проливаласё.
 Огрубилъ онъ Катерины буйну голову.
 Двѣ ли головы да вдругъ погнуло,
 Наканунѣ честнаго Благовѣщеня.
 Дожили до свѣтлаго Христова дня,
 Чѣрную дѣвку за мѹжь онъ взялъ,
 Сталъ онъ жить бытъ вѣкъ коротати.

Записано тамъ же, 17 августа.

—
 269.

ЩЕЛКАНЪ ДУДЕНТЬЕВИЧЪ.

Во Таврѣ было городи,
 На стули на золоти,
 На отласи на бархати,
 Сидитъ Возьякъ Возьякъ царь
 Возьякъ Таврольевичъ.
 Онъ суди ты рассуживаль,
 Дѣла приговариваль,
 Книзей бояръ жаловаль,
 Онъ Оомку-ту Тотмою,
 Ерѣму Новимъ-городомъ;
 Любимаго зятюшка,
 Щелкана Дудентьевича,
 На́ дому не случилось,
 Онъ уѣхаль въ землю жидовскую,
 Во жидовскую землю литовскую.
 Не для дани да выхода
 Ради чѣртова прѣвежу.
 Чортъ-отъ съ улици
 Браль по курницѣ,
 Сѹ избы браль онъ по пѣтуху,
 Сѹ бѣла двора онъ по добру коню,
 У ково коня нѣтъ дакъ и жену возмѣтъ,
 У ково жены нѣтъ, самово въ полонъ возмѣтъ.
 Гдѣ ли Щелканъ побываль,
 Какъ будто Щелканъ головнѣй покатилъ.
 Приѣхаль Щелканушко Дудентьевичъ
 Къ царю Возьяку Таврольевичу:
 «Чѣмъ тебя Щелкана буде жаловать?»
 «Сѣла тебѣ ли же со присѣлками,
 «Ли городами тебѣ съ пригородками,
 «Ли деревни тебѣ да со крестьянами?»
 — Пожалуй меня государь царь Таврольевичъ
 — Тверью-то городомъ,
 — Тверью богатою,

— Двуми братьями рѹдними:
 — Борисомъ Борисовичемъ,
 — Митриемъ Борисовичемъ. —

(Дальше не помнитъ).

Записано тамъ же, 17 августа.

—
 LII.

ГУРЬБИНЪ.

Иванъ Александровичъ Гурьбинъ,
 изъ Кривцова, 60 лѣтъ, крестьянинъ, въ прежніе
 годы занимавшійся преимущественно издѣліемъ
 гребней, отчасти земледѣліемъ. Былны перенялъ
 частію отъ своего отца, частію отъ посторон-
 нихъ стариковъ. Кромѣ здѣсь помѣщаемыхъ,
 пѣлъ обыкновенную былину про Добрыню и
 Алешу; про Дюка Степановича и Михайлу Пѹ-
 тыка Гурьбинъ пѣтъ былины не умѣтъ, но знаетъ
 содержаніе ихъ, которое рассказываетъ словами,
 въ видѣ сказокъ.

—
 270.

СВЯТОГОРЬ.

Ѣздилъ-то Илья да по чисту полю,
 Да наѣхаль Илья на поляницу тутъ.
 И да ѣдутъ съ поляницей по чисту полю,
 Да ударилъ ёво палпцей по буйной главы,
 Да ударилъ ёнъ тутъ во другіе разъ,
 Да ударилъ ёнъ вѣдъ тутъ да въ третій разъ,
 И розгорѣлось у ёво сердце богатырско,
 У тово ли у Самсона Святигора у богатыря.
 Даль-то-ко Илью да за бѣлы руки,
 И положилъ-то-ко Илью да во корманъ къ себѣ,
 И далъ (sic) -то-ко Илью да во кормани у себи.
 Еще сталъ туто вѣдъ конь да поппнатисе.
 «Еще что ты туто волчья сыть да травяной мѣ-
 шокъ!»
 «Еще что ты туто вѣдъ да запинаешся,
 «Еще развѣ ты незгоду мнѣ-ка вѣдаешъ?»
 И да провѣщилъся вѣдъ конь язѣкомъ челоуѣче-
 скимъ:
 — Еще гдѣ мнѣ-ка возить да двухъ богатырей
 съ конѣмъ. —
 И вынималъ туто Самсонъ Илью да изъ кармана
 тутъ,

Да поѣхали съ Ильей да по святымъ горамъ,
Еще сталъ Самсонъ-Святигоръ тутъ выспраши-
вать:

«Да велика ли въ тебѣ да еще сила есть?»

— А ѿ во мнѣ вѣдь еще сила небольшая есть,

— Еще только побиваю я вѣдь храбростью
своей. —

«И да славные Илья да вѣдь ты Муромецъ!

«Да вѣдь во мнѣ-то сила да такая есть,

«Кабы въ земною-то обширности былъ столбъ,

«Да какъ былъ бы-то въ небѣсной вышны,

«Да кабы было въ столбѣ въ этомъ кольцо,

«Поворотилъ бы я всю землю подвселенную.»

И поѣхали-то тутъ они да по святымъ горамъ,

И наѣхали на гѣхъ они на святыхъ горахъ,

Да лежить тутъ вѣдь дѣи сумы переметные,

И говорить тутъ Самсонъ да таково слово:

«Ужъ ты славные Илья да ты Муромецъ!

«Сходи-ко ты Илья да со добра коня,

«И каки тутъ лежать дѣи сумы переметные,

«Поздымай-то ты сумы переметные.»

Соходилъ-то-ко Илья да со добра коня.

И онъ примается за ты сумы за переметные,

Еще тѣ ли сумы съ мѣста не здимаются.

Соходилъ-де вѣдь Самсонъ да со добра коня,

Еще самъ-то за сумы да привинается,

Еще тѣ ли-де сумы да съ мѣста не здимаются,

А все жили и суставы у Самсона рослущаются,

И по колѣну-то въ землю Самсонъ убирается.

(Тутъ Илья его в похороналъ).

Записано на Кенозерѣ, 15 августа.

271.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Вздилъ-де старъ по чисту полю,

Отъ младости вѣздилъ онъ до старости.

И хорошій у его былъ добрый конь,

И за конѣмъ-то онъ вѣдь перевозу вѣкъ не пра-
шивалъ,

И все рѣки ты озѣра конь вѣдь перескакивалъ,

Мелкіе источины прѣмежъ погъ пустилъ.

Да наѣхалъ-то-де старій на чистомъ поли

Да на тѣ ли на розстанѣ на черниговски.

И лежить-то на розстаняхъ вѣдь латымъ камень,

И на камешки-то подишь написана:

«Во дороженьку ту ѣхать гдѣ вѣдь старому бо-
гату быть,

«Да во другую-ту ѣхать гдѣ жепату быть,

«Да во третью-ту дороженьку вѣдь ѣхать гдѣ
убиту быть.»

Да сидитъ-то-ко вѣдь старій на добромъ коня,

Да сидитъ-то-ко вѣдь старій пороздумался:

«Да на что-то мнѣ вѣдь старому богатство?

«Еще нѣтъ у м'ня любѣю-то семьи да молодой
жены,

«И нѣту малыхъ у м'ня да нѣту дѣтонѣкъ,

«Еще некому тощитъ да золотой казны.

«А на что-то мнѣ да старому женитися?

«Еще старая мнѣ взять дакъ не нажитися,

«И отъ старую-то мнѣ да вѣдь замѣны нѣтъ,

«И да молодая взять то вѣдь чужа корысть.

«Да поѣду въ ту дорожку гдѣ убиту быть.»

Да отѣхалъ-де вѣдь старій за три поприца,

Да по-русьски-то сказать да за три верстовыкъ

Вышло сорокъ-то воровъ да разбойниковъ,

Вышло сорокъ-то ставичныхъ подорожниковъ,

Тутъ хочуть старого-де вѣдь пограбити.

Еще что тутъ у стараго пограбити:

И тачмяная да есть на бурушкѣ въ пятьсотъ
рублѣвъ,

И черканское сѣдѣлко во двѣ тысячи,

И на бурушкѣ попона есть семи шелковъ,

И въ три строки ли-то попона была точено.

Еще первая строка да злата серебра,

А другая-та строка да чиста золота,

Да третья-та строка мѣди казарочки,

Еще тою ли-де мѣди журавницкіе,

Да на всѣхъ-то уголкахъ да камешки само-
цвѣтные,

И во гривушку тутъ вплетанъ-де скачѣвъ жем-
чугъ,

Не для ради красы-басы,

А для поченки-то было ради темные,

Чтобы видно старому-то ѣхать вѣдь путемъ до-
роженькой.

«А коню-то у меня да еще смѣты нѣтъ,

«А мнѣ-то старику да на бою смерть не писана:

Говорятъ тутъ-де воры разбойники:

— Ужъ ты старой-де вѣдь чортъ сѣдатый волкъ!

— Еще много съ нами сталъ да разговаривать.

— Соходи-тко-де вѣдь старій со добра коня,

— И тогда вѣдь будемъ мы съ тобой да бой дер-
жать. —

Соходилъ-то-де вѣдь старій со добра коня,

Снялъ-то-де вѣдь старъ шоломъ да съ буйво-
голови,

И да началъ-де шоломомъ онъ помахивать.

Со права-то плеча-то махнетъ — улочка,

И назадъ-то отмахнётъ и переулочокъ.
Розгорѣлось ево сердце богатырскоѣ,
Ухватилъ-то вѣдь татарина онъ за ноги,
Качалъ онъ татариномъ помахивалъ,
Да приблизъ онъ приплѣнилъ, всёхъ татаръ до
единово.

Да назадъ-то старенькой ворóтился,
И онъ старую-то подишь вонъ выхѣривалъ,
Еще новую-ту подишь онъ подписывалъ:
«И та очищена дороженка старымъ казакомъ
Ильей Муромцемъ.

«И поѣду во дорожку гдѣ женату быть.»
И отѣхалъ онъ-де старый за три поприща,
Да по русьски-то сказать да за три вѣрстоньки,
Туть стоятъ-де терема вѣдь златоверхіе.
Выбѣгала-де прекрасна королевична,
Брала-де вѣдь стара за бѣлы руки,
Да вела-то въ терема вѣдь златоверхіе,
Да вѣдь ставила столы она дубовые,
Стала скатерѣточки вѣдь браные шелковые,
И носила ена ѣствы вѣдь сахарніе,
И напичочки носила вѣдь медовые,
Да поила вѣдь кормила низко кланялася,
И ложила на кроватку слоновыхъ костей.
Говорилъ туть старый таково слово:
«Ты хорошая прекрасна королевична!
«Ты сама-де вѣдь ложись ко стѣночки,
«А я-то-де старикъ и на краю посплю.»
Не ложится туть хорошая прекрасна короле-
вична.

Бралъ туть старые казакъ да Илья Муромецъ
И хорошую прекрасну королевичну,
Бралъ токо вѣдь ей да за бѣлы руки,
И за ей-то вѣдь за перстни за злачѣнные,
И бросилъ-то на кроватку слоновыхъ костей.
А у ей-то вѣдь кроваточка подложная,
Увалилася во погребъ сороку сажень.
Выходилъ-то старые казакъ да Илья Муромецъ,
Выходилъ онъ съ теремовъ вѣдь златоверхіехъ,
И перстами-то замки онъ сдергивалъ,
Да ногами-то вѣдь двери вонъ вышибивалъ.
Вышло сорокъ-то царей да вѣдь царевичевъ,
Вышло сорокъ королей да королевичевъ,
И вышло сорокъ сильніехъ могучіехъ богатырей.
И говорилъ туть старые казакъ да Илья Муро-
мецъ:

«Еще глупы вы цари да всё царевичи,
«И да глупы короли да королевичи!
«Вы сдааетесь на прелестъ-ту на женскую.»
И говорилъ туть старые казакъ да Илья Муро-
мецъ:

«Вы поѣзжайте-тко да по своимъ мѣстамъ,
«По своимъ мѣстамъ вы ко своимъ женамъ,
«И ко малымъ ко глушымъ ко дѣтонькамъ.»
И тудо всё они да съединилися,
И да стару казаку да Илья Муромцу
И да всё-то вѣдь онѣ да поклонилися.
Туть взялъ вѣдь онъ розстрѣлялъ прекрасну ко-
ролевичну,
Пресѣкъ, припласталъ, куски разметалъ по чисту
полю,
И назадъ-то-ко старенькой ворóтился,
И онъ старую-ту подишь вонъ выхѣривалъ,
Да вѣдь новую-ту подишь туть подписывалъ:
«И стали тудо старому жепату быть,
«Тудо старенькой женать не бывалъ.»
И поѣхалъ въ ту дорожку гдѣ богату быть.
И отѣхалъ старой за три поприща,
Да по русьски-то сказать за три вѣрстоньки,
И туть стоятъ-то погреба да золотой казны.
Туть онъ взялъ эту казну и сталъ строить мо-
настыри.

Записано тамъ же. 15 августа.

272.

ДУНАЙ.

А во стольнѣмъ-то городѣ во Кіевѣ,
Да у ласкова князя у Владиміра,
И хорошей-то заведенъ былъ почестной пиръ,
На всё сильніе могучи на богатыри,
И на всё ли поляницы на удалые.
И дологъ-то вѣдь день идѣтъ ко вечеру,
И да всё ли во пиру да пьавы веселы,
Самъ государь да распотѣшился.
Еще красное солнышко Владиміръ князь,
И онъ по гринди (sic) по столовые похаживать,
И онъ умильныхъ-де словъ выговаривать:
«Еще всё у насъ во Кіевѣ поженены,
«А дѣвицы-ты вдовицы за мужъ выданы,
«Еще я-то-де Владиміръ не женать хожу.
«Еще кто бы мнѣ-ка зналъ да супротивницу,
«Чтобы любя-то да мнѣ была княгиню,
«Еще вамъ нарекать да государынею.»
Туть большой-отъ ворогъ-де хоронится за сред-
няго,
А середней-отъ ворогъ хоронится за меньшаго,
А ѣ отъ меньшаго отъ вóрога ѣ отвѣта нѣту.
Изъ-за тово ли-де столпка окольняго,

Ставать тихіе Дунай сынъ Ивановичъ:
 — Бласловъ-ко ты словцо промолвити. —
 «Говори-тко ты тихой Дунай Ивановичъ!»
 — И я жилъ-то я во земли во польскіе,
 — А й у короля у Жимана у польскаго.
 — И жилъ я во служебницѣ двѣнадцать лѣтъ,
 — И есть у нево три дочери любимые.
 — Еще перва Настасья королевична,
 — Еще та тебѣ не буде вѣдь царицею,
 — Ъздитъ въ чистомъ-то во полѣ поляницею.
 — Есть вторая-то вѣдь Марья королевская,
 — И та просватана въ землю жидовскую
 — И за царя-то за Кощея за Трипетова,
 — И тутъ пописаны-то записи крѣпкіи.
 — И третья-то есть Апракси королевична,
 — Еще та тебѣ любя княгиною,
 — И намъ нарекати государицею,
 — Есть намъ кому покоритисе,
 — И по низкому намъ поклонитисе. —
 «И тихіе Дунай сынъ Ивановичъ!
 «И силы ты бери сорокъ тысячей,
 «Золотой ты казны сколько надобно,
 «И поѣдь-ко ты ко королю посватайся.
 «И добромъ отдаётъ, такъ ты добромъ возьми,
 «А добромъ не даётъ, такъ ты забоемъ возьми,
 «И силою грозой княженецкою,
 «И великой могутой богатырскою.»
 — И красное солнышко Владиміръ князь!
 — О снатовствѣ-то съ войскомъ-то не ѣздятъ
 вѣдь.
 — Дай-ко думщичка мнѣ да вѣдь совѣтничка,
 — А дай мѣлодца Добрынюшку Микитѣевича,
 — А ево-то-де родительство хорошее,
 — Да умѣ-то Добрыня съ людьми ричъ гово-
 рить. —

Да не долго тутъ у солнышка замѣшкалось,
 И давалъ думщичка ему да вѣдь совѣтничка,
 А еще молодца Добрыню-то Микитича.
 И да сѣдлали да уздали вѣдь добрыхъ коней,
 Не для ради красы-басы молодецкіе,
 Для ради могуты вѣдь богатырскіе.
 И да видѣли вѣдь мѣлодцевъ сѣдучи,
 И да не видѣли удалмехъ поѣдучи.
 И да насковь-отъ берутъ да по цѣлой версты,
 Да ископытъ тутъ мечуть по цѣлой конны.
 И прѣхали во землю во польскую,
 И ко Жимапу ко королю литовскому.
 И оставялъ вѣдь онъ товарища въ чистомъ поли,
 И поѣхалъ-де ко Жиману на широкій дворъ,
 А идѣтъ-де во полаты безобъявочно,
 И крѣсть-отъ онъ кладѣтъ да по писаному,

И молитву-ту творить изусть по книжному,
 И поклонъ-отъ онъ ведѣтъ да по ученому,
 Еще съ праваго колѣна до сырой земли,
 И Жимапу-де королю въ особину.
 «Поди тихіе Дунай да сынъ Ивановичъ!,
 «Аль въ придверники идѣшь-ли въ приворот-
 ники,
 «Аль въ любимые идѣшь ко мнѣ во конюхи.»
 — И не въ придверники иду не въ приворот-
 ники,
 — И не въ любимые иду да я во конюхи,
 — Я приношу къ тебѣ вѣдь король польскіе
 — Посвататся-то да на хорошей Апракси ко-
 ровичны,
 — И за солнышка Владиміра за князя. —
 И росшумѣлися со королемъ о большую,
 И выходилъ-то-ко тихой Дунай Ивановичъ
 И на то ли на крылечко на перѣное,
 И махнулъ онъ тутъ шелковымъ платкомъ.
 — И казни-тко ты татаръ да и узановой,
 — И всѣхъ тутъ идолицѣвъ поганыхъ. —
 Да изъ чистого-то поля вѣдь бѣгцѣ бѣжать,
 А изъ чистого-то поля вѣдь гонцѣ гонять.
 И не велика-то птичка летать во чистомъ поли,
 Еще всю-де нашу силу о полѣ била,
 И для одной-то намъ вѣдь дѣвки не погинути.
 Говоритъ тутъ-да король Жиманъ польскіе:
 «Уйм-тко ты вѣдь думщичка совѣтничка,
 «Уйми молодца Добрыню Микитича.
 «Отдаёмъ-ко мы честнымъ пиркомъ да за сва-
 дебку.»

Записано тамъ же, 15 августа.

—
 LIII.

МЕНШИКОВЪ.

Петръ Яковлевичъ Меншиковъ,
 крестьянинъ 52 лѣтъ съ Тамбасезера, на Юго-за-
 падъ отъ Кенозера. Онъ считался въ прежнее
 время хорошимъ пѣвцомъ былинъ, которыхъ, по
 его словамъ, зналъ въ молодости весьма много,
 выучившись имъ частью отъ своего отца, частью
 ходя по чужимъ людямъ на заработки; по те-
 перь уже позабылъ большую часть того, что
 зналъ: «крестьянство» убило въ немъ память,
 потому что у него большая семья, 9 человекъ
 дѣтей и хлѣба не всегда хватаетъ на ея про-
 кормленіе.

273.

СВЯТОГОРЬ.

Ёздилъ-то старъ да по чпсту полю,
 Въѣхалъ старъ да на святѣе горѣ,
 Да наѣхалъ старъ да на богатыря.
 А богатырь ѣдетъ на конѣ, да дрѣмлетъ онъ.
 «Что это за чудо есть,
 «Сильнѣе и могучѣе богатыре
 «Могъ-ба выпастъся да во бѣломъ шатри?»
 Да розѣхался Илья Муромецъ,
 Да ударилъ богатыря крѣпко-на-крѣпко.
 Богатырь ѣде всё впередъ.
 «Ахъ да что я за сильнѣи богатыре,
 «Отъ моей руки никакой богатырь не могъ на
 конѣ усидѣть,
 «Дай-ко розѣдусь во второй разъ.»
 Какъ розѣхался Илья Муромецъ,
 Да ударилъ крѣпко-на-крѣпко,
 Богатырь ѣде всё впередъ.
 «Что это за чудо есть,
 «Видно я ударилъ худо ево.»
 Какъ розѣхался Илья да онъ вѣдь въ третій
 разъ,
 Какъ ударилъ богатыря крѣпко на крѣпко,
 Да ударилъ ево плотно-на-плотно,
 Тутъ-то богатырь пробудился ото сна.
 Хватилъ-то Илью да своей правою рукой,
 Положилъ-то Илью да къ себѣ въ корманъ,
 Возилъ-то Илью да двои суточки,
 Да на третьи суточки конь и сталъ потыкаться,
 У коня-то стали ножки подгибаться.
 Какъ ударилъ Святогоръ да своего добраго коня:
 — Что ты, конь, потыкаешься? —
 Говорилъ-то конь таково слово:
 «Какъ мнѣ-ка-ва да не потыкнуться?
 «Вожу я третьи суточки
 «Двухъ сильнѣиехъ могучѣиехъ богатырей,
 «Третѣёго вожу коня да богатырскаго.»
 Тутъ Святогоръ вынималъ Илью да изъ кармапа
 вонъ,
 Но раздѣрнули шатѣръ бѣлополотняной,
 Стали съ Ильей да опочикъ держать.
 А побратались они крестами съ Ильей Муром-
 цемъ,
 Назвались они крестовыми братьями.
 Но ѣздили гуляли по святымъ горамъ,
 Съѣзжали-то они да со святыхъ вѣдь горъ
 На тѣ-ли на площади широкіе,

На тѣ-ли лужка они зелѣные.
 Какъ увидѣли-то они чудо чудноё,
 Чудо чудноё да диво дивноё,
 Какъ состроены стоятъ да вѣдь бѣлой гробъ.
 Говорилъ-то Илья да таково слово:
 — Ты послушай-ко крестовой ты мой брателко,
 — Для ково-жъ этотъ гробъ состроены есть? —
 Соходили они да съ коней добрыхъ,
 Ложились-то Илья да во сей-отъ гробъ,
 А Святогоръ-отъ говорилъ да таково слово:
 «Ты послушай-ко крестовой ты мой брателко,
 «Не для тебя сей гробъ состроены есть,
 «Дай-ко я вѣдь лягу да во сей-отъ гробъ.»
 Дакъ лёгъ Святогоръ во сей гробъ спать,
 Говорилъ Святогоръ да таково слово:
 «Ты послушай-ко крестовой мой ты брателко!
 «Да закрой-ко меня дощечками дубовыми.»
 Говорилъ-то Святогоръ да таково слово:
 «Ты послушай-ко крестовой мнѣ ты брателко!
 «Хорошо здѣсь во гробѣ жить.
 «Ну-тко крестовой мой ты брателко,
 «Отокрой-то дощечки дубовые.»
 Какъ Илья Муромецъ сталъ открывать дощечки
 дубовые,
 Да не можетъ оторвать ни какой доски.
 — Да ты послушай-ко крестовой ты мой брателко!
 — Не могу я открыть ни какой доски. —
 «Ты послушай-ко крестовой ты мой брателко,
 «Да Илья вѣдь Муромецъ!
 «Бей-ко своей боевою-то палицею.»
 Илья то началъ палицей бить:
 Куды ударить—туды обручи желѣзные.
 Говорилъ-то Илья да таково слово:
 — Да ты послушай-ко крестовой ты мой брателко!
 — Куды ударю—туды обручи желѣзные. —
 Говорилъ-то Святогоръ да таково слово:
 «Ты послушай-ко крестовой ты мой брателко!
 «Видно мнѣ-ка туто Богъ и смерть судилъ.»
 Тутъ Святогоръ и помирать онъ сталъ,
 Да пошла изъ его да пѣна вонъ.
 Говорилъ Святогоръ да таково слово:
 «Ты послушай-ко крестовой ты мой брателко!
 «Да лжи ты возьми вѣдь пѣну мою,
 «Дакъ ты будешь ѣздить по святымъ горамъ,
 «А не будешь ты бояться богатырей,
 «Ни какого сильнаго могучаго богатыря.»

Записано на Келозерѣ, 14 августа.

274.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗ-
БОЙНИКЪ.

Ѣздилъ-то старой въ чистомъ поли,
Въ тѣхъ-ли во долинушкахъ широкіяхъ.
Пріѣзжаетъ старъ ко лѣсамъ да дремучіемъ,
Выѣзжаетъ старой на дороженку широкую,
А прямою дороженькой ѣхать надо трои сутоки,
А окольною дорожкой ѣхать надо три мѣсяца,
А на этой дорожки есть заставушка великая.
«Да поѣду я прямою дороженькой.»

Ѣхалъ онъ день ко вечеру,
Наѣхалъ на сорокъ воровъ, сорокъ разбойниковъ,
На сорокъ почныхъ да подорожниковъ.

Начали онъ да ево спрашивать:

— Ты давай-ко старой намъ имѣньяцо. —

«Пограбить-то у мѣня у стараво нечево,

«Но убити-то мѣня стараво не за что.

«Уздица на кони да во сто рублей,

«А сѣдѣлка на кони да во пѣтсоть рублей,

«А попонка на кони да въ цѣлу тысячу,

«А самому-то я коню цѣни не знай.»

— Но давай-те-тко, ребята, принимайтесь-ко за
стараво. —

Но такъ у стараво сердце розгорѣлось,

Да и началъ плѣточкой помахать,

Началъ илѣточкой посвистывать,

Куды онъ махнѣтъ — да туды улущка,

А назадъ онъ отмахнѣтъ — да переулочокъ.

Да приближъ онъ всѣхъ-то сорокъ воровъ, сорокъ
разбойниковъ,

Да убилъ-то онъ сорокъ почныхъ-то подорожни-
ковъ.

Да садился старой на добра коня,

Да поѣзжаетъ старой ко Соловьиному ко гнѣз-
дышку.

Не доѣхалъ до гнѣзда да за три поприща,

Услыхалъ Соловей-отъ разбойникъ-отъ:

«А какаа невѣжа проѣхала

«Мимо мою заставу ту великую?»

Засвисталъ Соловейишко въ полъ-свиста,

Конь подъ Ильей да на когѣнцы палъ.

Вѣтъ коня онъ по тучнымъ ребрамъ,

Говорилъ Илья да таково слово:

— Что же ты конь и лотыкаешься,

— Не слышалъ ты соловьиного посвисту? —

Пріѣзжае къ соловьиному гнѣздышку,

У Соловья гнѣздо на двѣнадцати дубахъ.

Началъ Соловей посвистывать,

Илья на конѣ сидѣть не ворохнется,

А кудѣрышка на немъ да не страхнется.

А натѣгае старый свой тугой лукъ,

Да накладае старый калену стрѣлу,

А спущае въ Соловьѣ вора разбойника,

Вышибъ у Соловья да правой глазичокъ,

А отшибъ у Соловья да право ухо прочь,

Увалился Соловей да со гнѣзда долой.

Соходилъ Илья да со добра коня,

Привязалъ Илья Соловья вора разбойника,

Привязалъ Соловья да ко стремяннику,

А садился Илья да на добра коня,

Да спущался въ долинушки широкіе.

Изъ далѣча далѣча изъ чиста поля

Да не солнце тамъ выкаталосе,

Выѣзжаетъ старый казакъ Илья Муромецъ.

Выходила Соловьинна дочка вонъ,

Да смотрѣла въ подзорную трубочку.

Говорила она да таково слово:

«Ай мужья наши любезные!

«Батюшко ѣдетъ изъ чиста поля,

«Да какого-то богатыря везѣтъ у стремянника.»

Средняя дочи вышла на улущку,

Глядѣла въ подзорную трубочку.

— Ай мужья наши любезная!

— Да сѣдлайте-тко добрыхъ коней.

— Какой-то богатырь ѣдетъ везѣтъ нашево ба-
тющка,

— Ѣдьте-тко да отбивайте нашево батюшка. —

Меньшая дочи вышла на улщку,

Глядѣла въ подзорную трубочку.

«Мужья наши любезные!

«Садитесь на добрыхъ коней,

«Ѣдьте-тко да вы встрѣчайте-тко,

«Просите-тко сильнаго могучаго богатыря

«Къ себѣ ёво въ гостя.»

А больша-то дочи говорила таково слово:

— Я пойду сяду на ворота *),

— Здыну я подворотенку желѣзную,

— Какъ онъ и вѣдетъ подъ ворота,

— Тутъ спущу я подворотенку желѣзную,

— Убью сильнаго могучаго богатыря. —

Не доѣхалъ Илья да до двора да къ нимъ,

Увидѣлъ невѣжу на воротахъ сѣжучись.

Но ударилъ коня по тучнымъ ребрамъ,

Да пустился Илья во Кіевъ градъ.

Пріѣзжаетъ-то Ильишка во Кіевъ градъ,

*) самъ сознается, что не складно.

Да заѣзжалъ Илья да на широкой дворъ,
 Становилъ коня да среди двора,
 Ко тому ли столбичку къ точёному,
 Да къ тому ли-то къ крылечку къ золочёному,
 Заходилъ Илья въ полаты бѣлокаменны.
 «Ужъ ты здравствуй-ко батюшко Владиміръ князь!
 — Ужъ ты здравствуй Илья да Илья Муромецъ!
 — Гдѣ ты ѣздилъ, гдѣ гулялъ? —
 «Ѣздилъ-гулялъ во долинушкахъ широкихъ,
 «Ѣздилъ-гулялъ я во чистомъ полѣ,
 «Привѣзь-ка тебѣ Соловья вора разбойника.
 «Слыхалъ ли ты Соловьиного посвисту?»
 — А ѣ же ты Илья да Илья Муромецъ!
 — Прикажи-тко засвистать Соловьёвора раз-
 бойнику

— Во весь-отъ свистъ. —
 Говорилъ Илья князю Владиміру:
 «А ѣ же ты батюшко Владиміръ князь!
 «Прикажу я засвистать да въ полной свистъ,
 «Да розсыплются твои полаты бѣлокаменны.
 «А прикажу я засвистать въ четвереть свиста.»
 Выходятъ со княгиней на балкончикъ смотрѣть,
 А приказалъ Илья одѣть имъ шубы-то енотовые,
 А завязать-обвить свои буйныя головушки,
 Говорилъ Илья да таково слово:
 «Ты послушай Соловѣй вора разбойникъ-отъ!
 «Засвищи-тко въ четвереть свиста.»
 Соловѣй вора разбойникъ-отъ осмѣлился,
 Засвисталъ Соловѣй въ полъ свисту.
 Задрожали полаты бѣлокаменны,
 Посипались стѣкла хрустальныя.
 Тутъ у Ильюшки сердце розгорѣлось
 На Соловѣя вора разбойника.
 Да приходитъ Илья да къ Соловьёву вору,
 Вынимаетъ Илья да саблю вострую,
 Отрубилъ у Соловѣя вора разбойника,
 Отрубилъ буйну голову.

Записано тамъ же, 14 августа.

275.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

Во славномъ-то во городе во Києви;
 У ласкова князя у Владиміра
 Да заведѣвъ былъ почестной пиръ
 Да на многіе ты князей бояровъ,
 Да на сильнѣихъ могучѣихъ богатырей,
 Да на всё-ты поляницы на удалые.

Честной-отъ пиръ идетъ по веселу,
 Катится красно солнышко ко вечеру.
 Всё на пиру попапывалисе,
 Всё на почестномъ наѣдалисе,
 Всё на пиру поросхвасталисе:
 Умною хвастать отцемъ матерью,
 Безумной отъ хвастать молодой женой,
 А иною-отъ хвастать коньми добрыма,
 А иною-отъ хвастать золотой казной,
 Золотую-то казную несчетною.
 А сидитъ Иवानушко Годѣновичъ,
 Не веселъ сидитъ онъ и нерадошенъ.
 Приходитъ къ нему дядюшка Владиміръ князь,
 Владиміръ князь стольнѣ-кѣвской:
 «Что же ты любезной мой племянничекъ
 «Не веселъ сидишь нерадошенъ?
 «Развѣ тебѣ чарочка винца да не рядомъ дошла,
 «Ли безумница тобою осмѣяласе,
 «Ли злые-ты собаки облаяли,
 «Ли черныя вороны тебя огрjali?»
 — А ѣ же ты любезный мой ты дядюшка!
 — Мнѣ-ка чарочка винца рядомъ дошла,
 — И безумница-то мною не осмѣяласе,
 — И злые-ты собаки меня не облаяли,
 — И черныя вороны меня да не огрjali.
 — А всё-ты на пиру у тебя да испоженены,
 — А одинъ я молодець холостой сижу,
 — И холостой сижу да и жениться хочу.
 — Дай-ко ты мнѣ силы сколько надобно,
 — Золотой казны да сколько я возьму,
 — Да поѣду я ко Митрею гостю торговому сва-
 таться
 — На прекрасной Настасѣй дочкѣ Митрьевной.
 — Онъ добромъ отдасть — дакъ я добромъ возьму,
 — А добромъ онъ не отдасть — дакъ забобѣмъ
 возьму,
 — Своей силой могутъ да богатырскою. —
 «А ѣ любезной мой племянничекъ!
 «Да бери-тко силушки да сколько тебѣ надобно,
 «Казна тебѣ не затворѣная.»
 Да беретъ-то Иванъ да сынъ Годиневичъ
 А и силы сколько надобно,
 А ѣ золотой казны да сколько самъ возьмётъ,
 Да въ походъ-отъ отправилъ свою силушку,
 Впереди себя да за два мѣсяца.
 Но онъ засталъ-то силу въ единой день,
 Но объѣхалъ всеѣ силу въ чистомъ полѣ,
 Да прѣѣзжаетъ къ Митрію гостю торговому,
 Не спрашивалъ онъ у дверей придверничковъ,
 Да у воротъ да приворотничковъ,
 Да прямо приправилъ своего бурушко

Прямо черезъ стѣну городовую.
Становилъ коня да середя двора
Ко тому ли столбичку точеному,
Да ко тому колечку золоченому,
Да приходитъ прямо къ Митрею гостю торго-
вому,

Прямо-то въ полаты бѣлокаменны.
Крестъ-отъ кладеть и по писаному,
Да молитву творить да воисусову,
Кланяется да покланяется

Да на всё ли на четыре и на стороны,
Митрею гостю въ особинку.

— Здравствуй-ко ты Митрей гость торговые!

— Я прѣхалъ къ тебѣ вѣдь свататься,

— Да на прекрасны Настасьи дочки Митрьевной.

— Ты добромъ отдашь — дакъ я добромъ возьму,

— А добромъ ты не отдашь — дакъ забоемъ
возьму,

— Своей силой могутой да богатирскою. —

А й заходитъ Иванушко Гоудиновичъ,

Да заходитъ онъ во спаленку во теплую,

Да отдернулъ онъ вѣдь завѣсу шелковую,

Да берётъ онъ Настасью за бѣлы руки,

Да цѣлуетъ онъ Настасію въ уста сахарніе,

Да говорилъ-то Иванъ да таково слово;

— Да прощай-ко, Митрей, гость торговые. —

Да выходилъ Иванъ-то на широкой дворъ,

То садилсь-то съ Настасьей на добра коня,

Да отправились съ Настасьей во чисто поле.

Да засталъ онъ силушку въ чистомъ поли,

И говорилъ-то онъ да таково слово:

— Отправляйтесь вы да вѣдь во Кіевъ градъ. —

Онъ поѣхалъ Иванушко Гоудиновичъ во Кіевъ
градъ.

Не доѣзжая Иванъ до Кіева,

Раздернулъ Иванъ шатеръ бѣлополотняной,

Сталь-то Иванъ да опочикъ держать,

Дакъ съ прекрасны Настасьей дочкой Митрьев-
ной.

Въ тое само времечко,

Да наѣхалъ Кощей-отъ безсмертныи,

Битсья-рубитьсья съ Иванъ Гоудиновичемъ.

Выходить тутъ Иванъ да изъ бѣла шатра,

А садился Иванъ да на добра коня,

Да съѣхались съ Кощеемъ да безсмертнемъ,

Да вишибъ Иванъ Кощея да изъ сѣдла,

Да садился Иванъ Кощею на бѣлы груди.

Вострой сабельки при себѣ да не случилось,

А книжалища у его не пригодилосе

Роспороть-то у Кощея груди бѣлыи.

— Ой дати прекрасная Настасья дочка Митрьевна!

— Да подай-ко мнѣ-ка-ва саблю вострую

— Роспороть-то у Кощея груди бѣлыи,

— А и вынуть-то сердечушко со печенью. —

Говорилъ-то Кощей да таково слово:

«А й же ты Настасья дочка Митрьевна!

«Пособи-тко мнѣ Ивана приобдужати.

«Да за мной-то жить дакъ царицей слыть,

«А за Ивановъ-то жить дакъ портомойницей
слыть.»

Настасья пороздумалась,

Да и взяла-то Ивана за желты кудри,

Да стащила-то съ Кощея со безсмертнаго.

Да и двое одного да приобдужали,

Да связали у Ивана ручки бѣлыи,

Да сковали у Ивана ножки рѣзвыи,

Да привязали-то Ивана ко сыру дубу.

Да попомъ-то Кощей опочикъ держать

Съ прекрасны Настасьей дочкой Митрьевной.

Но налетѣло-то два голуба съ голубушкой,

Сѣли они да на сырой дубъ,

Да голубъ-отъ съ голубушкой воркуется,

А носочикъ къ носочнику цѣлуются,

А правильными крыльями обнимаются.

А выходитъ-то Кощей да изъ бѣла шатра,

Да натягаѣ Кощей да свой вѣдь тугой лукъ.

Да накладаѣ Кощей да калену стрѣлу,

Да случалъ-то Кощей въ двухъ сизыхъ голубей,

Да не попалъ-то онъ въ двухъ сизыхъ голубковъ.

Высоко-то стрѣла да поднималасе,

Да назадъ-то стрѣла да ворочаласе,

Росколола у Кощея буйну голову,

Роспорола у Кощея груди бѣлыи.

Выходила-то Настасья изъ бѣла шатра,

Говорила-то Настасья таково слово:

— А й же ты Иванъ да сынъ Гоудиновичъ!

— Возьмешь ли, Иванъ, меня да за себя за мужъ,

— Да отвяжу я тебя да отъ сыра дуба. —

«А и взяти возьму да за себя за мужъ,

«Только дамъ тебѣ я три грози великіи:

«Первую грозу да бѣлы ручки отсѣку,

«А вторую-то грозу дамъ тебѣ

«Сахарніи уста прочь отрублю,

«А третью то грозу дамъ тебѣ,

«Да рѣзвы ножки отрублю.»

Туть-то сердце-то женско испугалосе,

Бѣлы рученки у ней да задрожалисе,

Востра сабелька изъ ручекъ повалиласе,

Да на тѣ ли-то тетивочки шелковыи,

Туть-то Иванушко на воли сталь.

Да беретъ-то Иванъ саблю вострую,

Отрубилъ-то у Настасьи ручки бѣлыи,

Отрубилъ-то у Настасьи уста сахарніе,
Отрубилъ у Настасьи ножки рѣзвие.
Говорилъ-то Иванъ да таково слово:
«Только Иванъ да женатъ бывалъ,
«Только Иванушко съ женой сыпалъ.»
Да не всякому женитьба издаваётся;
Издавалась-то женитьба Олешу Поповичу,
Да Ивану Годѣновичу.

Записано тамъ же, 14 августа.

—
276.

СТЕНЬКА РАЗИНЪ.

Въ славномъ-то во городи во Вѣстракани
Очудился-проявился тамъ дѣтинушка незнамый
человѣкъ,
Да незнамой, незнакомый чей, невѣдомый откуль.
Баско-щепетко по городу погуливать,
Черной бархатній кафтанчикъ на распашечку
таскалъ,
Перстирску онояску носилъ въ правые руки,
Зелены сафьянны сапожки носилъ на шелковѣхъ
чулкахъ,
Черну шляпу со полями носилъ на жѣлтыхъ ку-
драхъ.
Онъ вѣдь штафамъ офицерамъ не кланяется,
Востроканьскому губернатору челомъ не бѣтъ,
А челомъ-то ему не бѣтъ да подь судъ ней-
дѣтъ.
А й увидѣлъ губернаторъ изъ окошка молодца,
Воскричалъ-то губернаторъ громкимъ голосомъ
своимъ,
Громкимъ голосомъ своимъ на своихъ вѣрныхъ
слугъ:
«Ужъ вы слуги мои слуги слуги вѣрные мои,
«Слуги вѣрные мои да бабандѣры урванці!
«Ужъ вы подьте — приведите удалого молодца,
«Удалого молодца да къ губернатору на дворъ.»
Приводили молодца да къ губернатору на дворъ,
Ставили молодца противъ паратней крыльца.
Выходилъ-то губернаторъ на паратней крыльцо,
И говорилъ-то губернаторъ таково слово:
«Ты скажись-ко, скажись, дѣтинушка, незнамый
человѣкъ,
«Да незнамый, незнакомый, невѣдомый откуль!
«Да ты какой орды, какой земли,
«Да какого отца, да чью матери?
«Али со Дону казакъ, али казачій сынъ?»

Отвѣчалъ-то молодець не съ упадкою:

— Я не со Дону казакъ да не казачій сынъ.
— Я изъ-за матушки Москвы да я со Камы со
рѣки.
— Со Камы со рѣки да Сеньки Разина сынъ.
— Завтра батюшко приѣдетъ, дакъ ты умѣй-во
гостя встрѣтити.
— Хорошо ты гостя встрѣтишь — кунью шубу
подарить,
— Ужъ ты худо гостя встрѣтишь — во тюрьму
ты посадишь,
— А й мало-то тово — дакъ и на висѣлицу. —
Ахъ по утру во поддѣнъ да красно солнышко пе-
кѣтъ,
Ахъ по Камы по рѣки да лѣгка лодочка бѣ-
житъ,
И всѣмъ-то лодка изукрашена,
Да молодцами вѣдь эта лодка изусажена.
Въ этой лодочкѣ гребцовъ да сидитъ сорокъ мо-
лодцовъ,
Посреди-то этой лодки Сенька Разинъ сидѣтъ.
Какъ грянули прихватили прямо къ губернатору
на дворъ,
Не успѣлъ-то губернаторъ Сеньки встрѣтити,
Ахъ посадилъ-то Сенька Разинъ губернатора въ
тюрьму,
Мало-то тово ево на висѣлицу.

Записано тамъ же, 14 августа.

—
LIV.

Г-жа ГЕОРГІЕВСКАЯ.

Авдотья Васильевна Георгіевская,
супруга кенозерскаго іерея о. Никиты и дочь
прежняго іерея о. Василья Кенозерскаго. Роди-
лась и всю жизнь провела на Кенозерскомъ по-
гостѣ; ей лѣтъ подь 40. Выучилась былинамъ отъ
крестьянина «Швеца» изъ Масельги Лекшмозер-
ской (Лекшмозеро лежитъ къ югу отъ Кенозера
въ Каргопольскомъ уѣздѣ), который по зимамъ
живалъ для портняжнихъ работъ въ домѣ ея
отца. По словамъ г-жи Георгіевской, причина,
подавшая ей поводъ усвоить себѣ былинны, со-
стояла въ томъ, что ея отецъ, отличавшійся осо-
бенною суровостью характера, запрещалъ своимъ
дочерямъ пѣть хороводныя и другія веселыя пѣ-
сни, которыя онъ называлъ грѣховными, и за-

ставляя ихъ нѣтъ божественныя стихи. Виѣсть съ такими стихами она отъ скуки выучилась и былинамъ, которыхъ знала въ молодости гораздо больше, чѣмъ теперь.

—
277.

ХОТЕНЬ БЛУДОВИЧЪ.

Было на пиру двѣ почетныя вдовы:
Первою была Садоваго жена,
А другія была вдова да Огородникова
Наливала вдова да Огородникова,
Еще чарочку да зелена вина,
Подносила вдовы да Садоваго жены:
«Ужъ ты ней-ко, вдова да Садоваго жена!
«Какъ буду я тебѣ да слово говорить,
«А слово говорить да буду свататься.
«У меня-то есть Ѳадеюшко Игнатъевичъ,
«У тебя-то есть да лебедь бѣлая,
«Лебедь бѣлая да одинакая дочь.»
Уразила вдова да Садоваго жена
Она чарочку да о смру землю:
— Ты не хвастай-ко вороной погумѣною,
— Пусть-ко ворона полетаетъ по загумѣнямъ. —
И отправилась вдова Огородникова,
И встрѣчаетъ ей Ѳадеюшко Игнатъевичъ.
«Что же ты, родитель моя маменька, не вѣсело
идѣшь?
«Развѣ мѣстечко да не по вотчинны,
«Али чарочка тебѣ да не рядомъ дошла,
«Али пьяница тебя да обезчестилъ?
— А ѿ же ты дитятко да моѣ милое!
— Мнѣ-ка мѣстечко было по вотчиннѣ,
— И мнѣ-ка чарочка да вѣдь рядомъ дошла,
— Пьяница меня не обезчестилъ.
— А что же ты родился нехорошъ непригожъ:
— Красотою бы родился въ Олѣшеньку Поповича,
— А походочкой бы родился въ Чурила Пленковича,
— А поѣздочкой да въ Илью Муромца,
— А богатствомъ да въ Дюва Степановича.—
«А ѿ ты родитель моя матушка!
«Ты ложись-ко на кроваточку тисовую,
«А на ту ли на перинку на пуховую,
«Пусть-ко дикой-отъ хмѣль да выкурается
«Какъ наѣдетъ-то къ тебѣ да лебедь бѣлая.»
Какъ садился Ѳадей да на добра коня,

Да берѣтъ-то Ѳадей полураговѣѣ.
Прѣхалъ Ѳадей ко той ли во вдовы да ко Садоваго жены,
Какъ задѣлъ-то Ѳадей да полураговѣѣмъ,
Сини новыя да пошаталисе,
А крылечушко да приломалосе,
Выходила тутъ да лебедь бѣлая:
— А ѿ же ты ворона погумѣнная!
— Летала бы ворона по загумѣню.
— У меня-то есть да дѣвять братовъ,
— Какъ стоятъ они да во чистомъ во полѣ,
— А тебя-то вороны дожидаются. —
Какъ поѣхалъ Ѳадейко во чисто полѣ,
А задѣлъ-то Ѳадей да полураговѣѣмъ.
Какъ убилъ-то Ѳадеюшко пяті братовъ,
А остатніе братья помирились,
Да Ѳадеюшку въ ноги поклонилися:
«Ты бери-тко съ насъ да золотой казны.»
Ужъ какъ втѣкнулъ Ѳадей да полураговѣѣ:
— Насыпайте-тко мнѣ да полураговѣѣ. —
Они пять-то сажень да насыпали,
А три-то сажени не дохвѣтило,
И пошли они къ Чурилушкѣ займовать.
Говорилъ имъ Чурило таково слово:
«Не давайте Ѳадею золотой казны,
«А отдайте за Ѳадея сестру родную.»
Говорили они Ѳадею таково слово:
— Не бери-тко съ насъ да золотой казны,
— А возьми-тко за себя да лебедь бѣлую. —
И на то Ѳадей да соглашается,
Заѣзжаетъ къ вдовы да Садоваго жены,
Онъ берѣтъ себѣ да лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую да одинакую дочь.
Онъ привозитъ ко родители ко матушкѣ:
«Ужъ ты матушка да моя родная!
«И вотъ тебѣ привѣзъ я лебедь бѣлую,
«Лебедь бѣлую да одинакую дочь.»

Записано на Кенозерскомъ погостѣ, 16 августа.

—
278.

ДАНИЛО ИГНАТЬЕВИЧЪ.

Гулялъ молодець загуливалъ,
Загулялъ онъ къ королю въ Литву.
Половилъ его король и сталъ выспрашивать:
«Ты коей земли, да ты коей орды,
«Какого отца да ты коей матери?»
— Ужъ какъ есть да со тиха Дону,

— Со тихого Дону есть донской казакъ,
 — Да Данило сынъ Игнатьевичъ. —
 Полюбилъ король да добра молодца,
 За однѣмъ столомъ да хлѣба кушалъ,
 Съ одной чарочки пили сладкой водочки.
 А жилъ молодець да то тринадцать лѣтъ,
 Еще сталъ молодець да онъ сталъ погуливать,
 По царевымъ кѣбачкамъ да онъ похаживать,
 А королевскимъ житьемъ онъ похвастивать:
 — Какъ жилъ въ королевствѣ тринадцать лѣтъ,
 — Со той прекрасной королевичной двѣнадцать лѣтъ.

Какъ стали къ королю вѣсти донашивать,
 Говорилъ король да таково слово:
 «Палачи палачи да немилосливы!
 «Отыщите Данилушку Игнатьева,
 «Отведите къ болотичку Куликову,
 «А ѣ на ту ли на плашечку на липову,
 «Отсѣките Данилу буйну голову.»
 Отыскали палачи ево Данилушку,
 Вели-то ево да ко болотечку,
 Говорилъ-то Данило таково слово:
 — Проведите меня по королевству,
 — Позвольте-ко спѣтъ да пѣсню новую,
 — Пѣсню новую да вѣдь побѣдную. —
 Какъ вели палачи по королевству,
 Запѣвалъ-то Данило пѣсню новую,
 Пѣсню новую да вѣдь побѣдную:
 — Какъ во этомъ-то садичкѣ погуляно,
 — Да со той со прекрасной королевичной,
 — И попито-то было да ѣ поѣдено. —
 Услыхала прекрасна королевична,
 Не разбирала она частыхъ мелкихъ да лѣснокъ,
 Выпадала съ окошечка костѣрчата,
 И бѣжала ко родителямъ ко батюшку.
 «Ужъ ты батюшко мой родненьки!
 «Не сѣки-тко Данилу буйной головы.»
 Говорилъ отецъ да таково слово:
 — Ты бѣжи-тко къ болотечку Куликову,
 — Если можешь застать жива да добра молодца,
 — Не казните ему да буйной головы. —
 Еще брала она два ножечка булатніе,
 Отправлялась къ болотечку Куликову,
 И не застала жива да добра молодца.
 Ена втакнула ножечки въ сыру землю,
 А ко ножечкамъ сама да выговаривать:
 «Гдѣ тутъ палъ да палъ ясѣнъ соколъ,
 «Тутъ пади-тко пади да лебедь бѣлая.»
 Она пала на ножечки, сколомасе.

Записано тамъ же, 16 августа.

279.

Д Ю К Ъ.

Изъ Волинца-то города изъ Далеча,
 Изъ Волинъ-земли было богатые
 Не ясѣнъ ли соколичекъ выпархивать,
 Какъ не Дюкъ ли на бурушкѣ выѣзживать,
 Онъ на сивушкѣ да онъ на бурушкѣ,
 Онъ на маленькомъ да на косматенькомъ.
 Еще шерсть-та у бурка ровно трѣхъ пятей,
 Ужъ какъ грива у бурка ровно трѣхъ локотей,
 Ужъ какъ хвостъ у бурка ровно трѣхъ сажень,
 Изъ кольца да въ кольцо да завивается,
 Изъ замочка въ замочекъ замыкается.
 Поѣзжаетъ-то Дюкъ да во чисто полѣ,
 А Дюку матушка да вѣдь наказывать:
 Государыни Дюку выговаривать:
 «Ужъ ты Дюкъ, ты Дюкъ, да Дюкъ Стѣпановичъ!
 «Ты не ѣзди, Дюкъ, да во чисто полѣ,
 «Ты не бей-ко удалыхъ добрыхъ молодець,
 «Ты поѣзди-ко, Дюкъ, да во синю морю,
 «А на тѣ ли-то тихіе на заводи.
 «Ужъ ты бей-ко палъ да гусей лебеди,
 «Сѣру малую заморскую да утушку.»
 Дюкъ-отъ матушки да онъ послушаётъ,
 Онъ сѣдаетъ уздаётъ добра коня,
 Онъ и уздицу кладётъ тесмянную,
 Да сѣделко кладётъ да Дюкъ черкальское,
 А подируги кладётъ да Дюкъ шелковые,
 Еще славнаго шолку Шемахинскаго.
 Какъ поѣхалъ-то Дюкъ да во синю морю,
 Да на тѣ ли-то тихіе на заводи,
 Еще вѣтъ-то ни гуся да ни лебеди,
 Нѣтъ ни сѣрныя заморскія да утушки.
 Онъ палилъ-то стрѣлялъ да въ бѣла заюшка,
 Онъ новыстрѣлялъ да ровно тридцать стрѣль,
 Еще тридцать-то стрѣль, ровно три стрѣлочки.
 — Тридцати-то стрѣламъ да цѣну вѣдаю,
 — Ужъ я трѣмъ-то стрѣламъ цѣны не вѣдаю,
 — Еще чѣмъ-то стрѣлки были дороги,
 — Чистымъ сѣребромъ стрѣлки изнавѣдены.
 — Какъ не тѣмъ-то стрѣлки были дороги,
 — Какъ изъ камешка были драгоцѣннаго.
 — А и не тѣмъ-то стрѣлки были дороги,
 — Развѣ тѣмъ эти стрѣлки были дороги,
 — Какъ изъ перышка были изъ орлиного,
 — Еще славнаго орла да изъ чиста поля. —
 Поѣзжаетъ-то Дюкъ да во чисто полѣ,
 Ко тому ли ко бѣлому ко шатрику.

На шатричкѣ подписочка подписана:
Кто во этой-отъ шатѣрь зайдѣтъ тому убиту
быть.

Богатырскоѣ сердце не удрогнуѣ,
Богатырская кровь да розгорѣлассе,
И пришлоъ это Дюкъ да во бѣлой шатѣрь,
Онъ и крестъ-отъ владѣтъ да по писаному,
Онъ поклонъ-отъ ведѣтъ да по учёному,
Онъ бѣтъ-то челомъ да поклоняется.
А сидитъ тутъ старобѣ да хлѣба кушаѣтъ,
И говорилъ-то старобѣ да таково слово:
«А ѣ же ты удалъ доброй молодецъ!
«Ты на что идѣшь да во бѣлой шатѣрь,
«Какъ на шатричкѣ-то написано?»
— Я зашѣлъ къ тебѣ, старобѣ, распроситисе. —
«Ты куда ѣдѣшь, куда путь держишь,
«Ты коей земли, да ты коей орды,
«Каковаго отца да ты и матери,
«Еще какъ тебя зовутъ на имя на отчество?»
— Какъ есть я изъ Волиница города изъ Далеча,
— Изъ Волинь-то земли да изъ богатне,
— Ужъ я Дюкъ-то Дюкъ да Дюкъ Степановичъ.—
«А ѣ же ты молодой Дюкъ Степановичъ!
«Мы поѣдемъ съ тобою да силы пробовать.
«А розѣдемся мы да по чисту полю.»
Говорилъ это Дюкъ да таково слово:
— Ты скажись-тко, да ты повѣдайся,
— Ты коей земли, ты коей орды,
— Каковаго отца да ты матери,
— Еще какъ тебя зовутъ на имя на отчество?—
«Ужъ какъ есть-то есть да со тиха Дону,
«Со тихого-то Дону есть донской казакъ,
«А донской-отъ казакъ да Илья Муромецъ.»
Говорилъ это Дюкъ да таково слово:
— Какъ одно-то на небѣ да красно солнышко,
— А одинъ-то на Руси да Илья Муромецъ.
— Я не ѣду съ тобою да во чисто полѣ.—
Еще это-то слово показалосе,
За однимъ-то столомъ да хлѣба кушали,
Изъ одной-то чарочки пили сладеку водочку.

Записано тамъ же, 16 августа.

280.

ПТИЦЫ.

Ди-ди-ди-ди отчего же зима становилась?
Становиласе зима да отъ морозовъ,
Отъ зимы становиласе весна красна,
Отъ весны становилосе лѣто тѣпло,

А отъ лѣта становиласе богатая осень.

Изъ-за синяго дунайского моря
Налетѣла малая птица пѣвица.
Садиласе птица пѣвица
Во зеленой да во садочекъ,
Ко тому ли ко бѣлому шатрочку.
Налетали малая птицы стадами,
Садилисе птички рядомъ,
И въ одну сторону да головами,
И начали птицу питати:
«А ѣ же ты малая птица пѣвица!
«И кто у насъ за моремъ большой,
«Кто за дунайскимъ меньшой?»
— На морѣ колпикъ-отъ царикъ,
— Бѣлая колпика царица.
— На морѣ гуси бояра,
— А лебедушки были княгини.
— На мори рябчикъ стряпчой,
— На мори жеравъ перевощикъ.
— Ножки бѣленьки тоненьки,
— Штаники синеньки узеньки,
— По морю ходить и бродить,
— Штаничковъ не смочить,
— Кажную птицу перевозить,
— Тѣмъ свою голову кормить.
— На мори дятель-отъ плотникъ,
— Каждное дѣрево питаѣтъ,
— Съ тово ради сытъ пребываѣтъ.
— А ластушки были дѣвнцы,
— Утушки молодцы,
— Чаюшки водоплавны,
— Гагары были рыболовки,
— Много-то рыбы валовили;
— Рыба на горы не бывала,
— Крестьяны рыбы не ѣдали,
— Всѣ она крестьянъ розоряѣтъ,
— Съ того ради сыта пребываѣтъ.
— А синочка она худая,
— Часто милая она хвораѣтъ,
— Долго она не умираѣтъ.
— Роботы роботатѣ не умѣѣтъ,
— Казаковъ наниматѣ не смыслитѣ.
— А ворона богатая птица:
— Въ лѣтнюю пору по суслонамъ,
— А въ зимную пору по омѣтамъ,
— Всѣ она крестьянъ разоряѣтъ,
— Съ тово ради сыта пребываѣтъ.
— А воробьи были царскіе холопы,
— Кольѣ-жердѣ подбираютъ
— И загорды подпираютъ,
— Всѣ они крестьянъ розоряютъ,

— Съ тово ради сыты пребываютъ.
 — А голубь-отъ на мори попякъ,
 — А голубушки попадаюшки,
 — А сорока кабацкая жонка,
 — Съ ножки на ножку ступаётъ,
 — Черные чѣботы топтаётъ
 — Высоко чѣботы топтаётъ,
 — Удалихъ молодцовъ прельщаётъ.
 — Пѣтушки казачи были донскіе,
 — Имѣютъ по хозяйки и по двѣ,
 — По пѣлomu да по десятку,
 — И не такъ какъ на Руси крестьянинъ,
 — Одну-то онъ женку имѣеть,
 — А той нарядить не умѣеть,
 — А бить-то ей бѣдной не смѣеть.
 — Курица побѣдная птица,
 — По улицѣ ходить и бродить.
 — Кто вѣдь ей изымаётъ,
 — Всякъ яйца у ей пытаётъ.

Записано тамъ же, 16 августа.

—
 LV.

МАТРЕНА МЕНЬШИКОВА.

Матрена Григорьевна Меньшикова, крестьянка лѣтъ около 40, подруга г-жи Георгіевской, съ которою росли вмѣстѣ; уроженка дер. Якововой на Кенозерѣ, нынѣ замужемъ въ сосѣдней деревнѣ Горкѣ. Выучилась пѣть былины отъ своего отца. Ея отецъ, также какъ и сынъ, грамотные; сама она грамотѣ не знаетъ. Она поетъ, такимъ же складомъ какъ былины, «старину» про Юву и Мару (въ переводѣ Щербини), вовсе не дѣлая различія между этою пѣснью и настоящими былинами. Меньшикова знаетъ, кромѣ печатаемыхъ здѣсь, былины про Добрыню и Маринку, про молодость Чурилы и Молодца и королевну. Про Садка купца богатаго она рассказываетъ словами, изрѣдка переходя къ стихотворному складу, вариантъ, одинаковый по содержанию съ напечатаннымъ выше подъ № 70.

281.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ГОЛИ КАБАЦКІЕ.

Ото стольняго города Кіева
 Ко славному городу Чернигову
 Пролегала дорога-путь широкая.
 Въ ширину-то дорожка двадцати сажень,
 А въ долнну-то дороженка не бывана,
 А боемъ та дороженка не выбита.
 И по той дорожкѣ прямоѣзжія
 Идетъ тутъ калика перехожая.
 Ёнъ волосомъ бѣлъ а бородой сѣдаты,
 А гуя на калики сорочнивая,
 А трувь на калики трипетова,
 И шляпа у калики шестьдесятъ пудовъ,
 И костыль у калики девяти сажонъ,
 И влюхой идѣ калика подирается,
 И подъ имъ мать земля вся колубается.
 И заходитъ калица на царевъ кабакъ,
 А по кабаку калика-та похаживалъ,
 Съ ноги на ногу калика переступивать,
 Всѣ дубовые половки подгибался.
 Говорить чумакамъ онъ цѣловальникамъ:
 «Отпустите вина мнѣ полтора ведра.»
 Говорятъ чумаки-де цѣловальники:
 — Какъ не во что старому тѣ вѣрити.
 — Муница*) на тебѣ вѣдь веретѣномъ тряхнуть. —
 «А берите въ закладъ у м'ня чуденъ-крестъ,
 «Золотаго крестъ червоннаго золота,
 «А вѣсу-то крестъ тѣне поль-семѣ пуда.»
 Не смѣютъ за крестъ оны принятися,
 Не смѣютъ ему дати зелена вина.
 Какъ онъ вышелъ на площадъ на торговую,
 И скрыкнулъ-де калика зычнымъ голосомъ:
 «Собирайтесь-ко всѣ голи до единого,
 «А купите вина мнѣ полтора недра,
 «А опохмѣйте калику перехожаю.»
 Собиралися голи до единого.
 Какъ собрали калики да по денежки,
 И мало того по копѣчкѣ,
 И купили калики полтора ведра.
 И принялъ калица единой рукой,
 И выпилъ калика на единой вздохъ,
 И уже самъ говоритъ ёнъ таково слово:
 «Не напоили старпка лишь роззадорили.»
 Какъ шолъ ёнъ ко погребу княжевецкому,
 Ёнъ вѣдь замочекъ руками-то отшалакивалъ,

*) «рипсышка», худое платье.

А двери колоды вопь вышнывалъ.
 И заходитъ во погребы княженецкіе,
 И берѣ бочку сороковку подъ пазуху,
 Другу сороковку бралъ подъ другую,
 А третью-ту бочку ёнъ ногой катилъ.
 И выходилъ на площадь на торговую,
 И скрикнулъ де самъ онъ зычнымъ голосомъ:
 «Собирайтесь вы голи до единого!
 «Пейте-тко голи зелено вино,
 «Зеленого вина вы пейте до пьяна.»
 Собиралися голи на площадь торговую,
 Пили-де голи зелено вино,
 Зелено вино да пили до пьяна.
 Тутъ всё голи напивалисе,
 Напивалисе голи ушывалисе.

Записано на Кенозерѣ (дер. Нематова), 16 августа.

—
 282.

ХОТЕНЬ ВЛУДОВИЧЪ.

Какъ во стольнемъ городи во Києви
 И у ласкова князя у Владиміра
 Хóрошъ заведенъ да былъ почестной пиръ,
 На многіе князи пиръ на бояра,
 На всё сильни могучіе богатыри,
 На всё поляницы на удалые.
 И была-де на томъ на почестномъ пиру
 Славна богата Часовенна вдова,
 Другая вдова-де была Збудова.
 Такъ эта вѣдь Збудова вдова,
 Ена наливала чару зелена вина,
 Подносила ту чару славные богатые Часовенной

вдовы:

«Выпей-тко ты славная богатая Часовенна вдова.»
 — И я же вѣдь теперь не у тебя въ гостяхъ. —
 «А есть у меня премладый Фотенчикъ Збудовича,
 «А у тебя есть единка та Часовенна.
 «И отдай-ко ты Чединку за Фотѣя замужъ.»
 И она хлопъ по подносу и стокавъ улетѣлъ,
 И такъ-де вдову вѣдь обезчестила,
 И одва вдовица и пиръ кончала,
 И не весела вдова пріѣзжала домой.
 И встрѣчае Фотей да родну матушку:
 — Ты свѣтъ государини моя матушка!
 — Развѣ мѣсто тѣ было не по вотчиннѣ,
 — Развѣ винная чара да не рядомъ дошла,
 — Развѣ пьяница тобою осмѣялесе,
 — И безумница да слово молвила. —

«Ты премладый Фотеюшко сынъ Збудовичъ!
 «И мѣсто-то мнѣ было по вотчиннѣ,
 «И винная чара мнѣ рядомъ дошла,
 «И пьяница-та мной не осмѣялесе,
 «И вдова-та м'ня и прибезчестила.
 «Я за тебя Фотеюшко посваталесе,
 «И у славные богатые Часовенной вдовы.
 «Ена хлопъ по подносу и ставанъ улетѣлъ.»

Говорилъ Фотѣй да родной матушки:

— Свѣтъ государини моя матушка!

— Я насмѣшку эту отсмѣюсь. —

Говорить слуги онъ своей вѣрине:

— А ѿ слуга ты моя вѣрная!

— Поди на конюшню на стоялую,

— Выбирай-ко ты двухъ добрыхъ лошадей,

— И сѣдай-уздай да скоро-на-скоро,

— Скоро-на-скоро и крѣпко-на-крѣпко,

— И не ради красы-басы молодецкіе,

— Ради крѣпости да богатырскіе. —

И шолъ слуга на конюшню на стоялую,

Енъ сѣдаль-уздалъ да двухъ добрыхъ лошадей,

И не ради красы-басы молодецкіе,

Ради крѣпости да богатырскіе.

И поѣхалъ со слугой онъ въ стольній Києвъ
 градъ,

И заѣхали ко вдовы да во широкой садъ,

Приломали притоптали всё притравили.

И вдовы-то дома не случилось,

И одва Чадинка пригодилаесе.

Выходила на балхончикъ на точеные,

Сама говорила таково слово:

«И что за невѣжа появилесе,

«И надъ нашимъ домоу насмѣхається!»

У Фотей-то ратовѣе шести сажень,

Енъ-де хлопнулъ по балхончику точеному,

И балхончикъ точеный весь розсыпалесе.

И пріѣзжала вдова-де на широкой дворъ,

Говорить Фотей да таково слово:

— Вотъ тѣ славная богата Часовенна вдова,

— И обсыпъ-ко это ратовѣе ты золотомъ,

— И не увезу Чадинки за себя замужъ. —

Самъ уѣхалъ Фотей да во чисто полѣ,

И роздѣрулъ Фотей да тонкой бѣлъ шатѣрь,

И сказалъ слуги онъ своей вѣрине:

— Какъ появится слухка изъ Києва,

— Ты буди-ко меня да скоро-на-скоро. —

Эта славна богата Часовенна вдова,

Она начала собирать да злато серебро

И обсыпѣть это ратовѣе шести сажень.

И пять она сажень вѣдь насыпала,

И шестой сажени вѣдь нечѣмъ насыпать.

И выѣхала она вѣдь въ стольней Кіевъ градъ,
 И сама говорила таково слово:
 «А ѿ мужики вы всѣ мнѣ должны!»
 «Ваши головы всѣ запоручены.
 «А поѣдьте, мужики, вы во чисто полѣ,
 «Убейте Фотеюшка въ чистомъ поли,
 «Я всѣхъ мужиковъ васъ во долгахъ прошу.»
 Она справила срадила семи сѣновѣвъ,
 И появиласе силушка изъ Кіева.
 Да будитъ слуга Фотеюшка Збудовича:
 — А вставай Фотеюшко Збудовичъ!
 — Появиласе силушка изъ Кіева. —
 И встаетъ Фотеюшко Збудовичъ,
 И наразъ зашибъ онъ всѣхъ семи сыновѣвъ.
 «И васъ, мужики, не тронѹ я не единого,
 «Ваше дѣло поневольнѣе.»
 И пріѣхалъ Фотей ко вдовицы на широкой дворъ,
 И скрыкнулъ-де Фотей да зычнымъ голосомъ:
 «Неси, вдова, записи закладніе,
 «По которымъ золота казна роздѣлана.»
 И неслъ-де вдова записи закладніе,
 По которымъ золота казна роздѣлана.
 Роздалъ Фотеюшко эти записи,
 И всѣ мужики поѣхали да кланялись.
 — Какъ спасибо Фотеюшко Збудовичъ! —
 И взялъ ту Чаднику Часовенну,
 И увелъ ту Чадничку замужь за себя.
 Привозилъ Фотей ей къ родной матушки:
 «Свѣтъ государынѣ моя матушка!
 «Эту пасмѣшку ты ей отсмѣйся,
 «И втрое ты вдвое и впятеро,
 «Хоть въ портомойниці клади, хоть въ бѣломой-
 ниці.»

Записано тамъ же, 16 августа.

—
 283.

ЩЕЛКАНЪ ДУДЕНТЬЕВИЧЪ.

А на стулѣ на бархатѣ,
 На златомъ на ременьчатомъ
 Сидѣлъ тугъ царь Возвягъ,
 Возвягъ сынъ Таврольевичъ.
 Енъ-де суды разсуживалъ
 Всѣ дѣла приговаривалъ
 И князьевъ бояръ жаловалъ
 Селами, помѣстьями.
 Городамъ съ пригородками.
 И Хому дарилъ Токмою,

И Ерѣму Новымъ-городомъ.
 И Щелканушка дома не случилосе,
 И уѣхалъ Щелканушко
 Енъ во землю жидовскую,
 Енъ для чѣртова правожу
 Ради дани и выходу.
 Енъ-де съ поля по вѣлосу бралъ,
 Съ улици по курици,
 Съ мужика по патіи рублей.
 У ково-де патіи рублей нѣтъ,
 У того онъ женѹ берѣтъ.
 У кого какъ жены-то нѣтъ,
 И того самого берѣтъ.
 Какъ у Щелкана не вѣробилосе,
 Со двора вонъ не вѣрдишеся.
 Какъ пріѣхалъ Щелканушко
 Изъ земли изъ жидовскіе
 Ко царю на широкой дворъ:
 «Токо токо ты царь Возвягъ,
 «Царь Возвягъ сынъ Таврольевичъ!
 «И ты суды разсуживалъ,
 «Всѣ дѣла приговаривалъ
 «Всѣхъ князьевъ бояръ жаловалъ.
 «И селами помѣстьями,
 «Городамъ съ пригородками.
 «И Хому дарилъ Токмою
 «И Ерѣму Новымъ-городомъ.
 «Подари-тко Щелканушка,
 «Ты любимаго зятюшка,
 «Мѣня Тверію городомъ,
 «Мѣня Тверію славною,
 «Мѣня Тверію богатою.
 «Двума братцами родными
 «И князьемъ благовѣрными,
 «И Борисомъ Борисовичомъ,
 «И Митріемъ Борисовичомъ.»
 Говоритъ ѣму царь Возвягъ:
 — Ты любимые зятюшко,
 — Щелканъ сынъ Дудентьевичъ!
 — Заколѣ-ко чада милаго,
 — Своего сына любимаго,
 — Ты Гордѣя Щелкановича.
 — Нацѣди-ко ты чашу руды,
 — Токо чашу серебряную;
 — Выпей ту чашу руды
 — Стоячись передъ Звягой царѣмъ,
 — Передъ Звягой Таврольевичемъ. —
 Токо взявши Щелканушко,
 Заколѣлъ чада милаго
 Своѣго сына любимаго
 И Гордѣя Щелкановича.

Напѣдилъ же ѣтъ чашу руды
 Токо чашу серебряную.
 Вышилъ ту чашу руды,
 Стоячись передъ Звягой царѣмъ,
 Передъ Звягой Таврольевичемъ.
 Подарилъ ёго царь Возвягъ
 Ёго Тверюю городомъ,
 Ёго Тверюю славною,
 Ёго Тверью богатою,
 Двума братцами рѣдними
 И князьемъ благовѣрными,
 И Борисомъ Борисовичомъ
 И Митріемъ Борисовичемъ.
 И поѣхалъ Щелканушко,
 И заѣхалъ Щелканушко
 Къ родной сестры проститися,
 Токо къ Марьѣ Дудентьевной:
 «Ты прощай моя рѣдна сестра
 «Токо Марья Дудентьева.»
 — Ты прощай же мой рѣдной братъ,
 — Ужо по роду рѣдной братъ,
 — По прозванью океанной братъ.
 — И кабы ти уѣхати,
 — И назадъ не пріѣхати.
 — Кабы ти самому на ножи остыть
 — И на сабли на вострые. —
 И уѣхалъ Щелканушко
 Еще самъ головой вѣршилъ.

Записано тамъ же, 16 августа.

LVI.

ЛОСКУТОВА.

Марья Семеновна Лоскутова, крестьянка вдова дер. Горка, лѣтъ 60-ти отъ роду. Быливамъ научилась отъ своего отца, который, по ея словамъ, пѣлъ очень много и между прочимъ зналъ большую былинну про Михайлу Пѣтыка, ея теперь забытую. Кромѣ былинъ, здѣсь помѣщаются, она пѣла отрывокъ изъ былинны про молодость Чурилы и про братьевъ-разбойниковъ и сестру.

284.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

Былъ у вдовы единой сынъ,
 Былъ Василій сынъ Буслаевичъ.
 Ходилъ Василій на великій пиръ,
 Веѣ на пиру да напивалисе,
 Веѣ на пиру да наѣдалисе,
 Веѣ на пиру да приростахасталисе.
 Васильюшко да тѣмъ похвастьвать,
 Кабы битися-рубитися со Новымъ градомъ,
 Со тѣмъ-ли повгородскимъ новымъ старостой.
 Сдѣлали залогы ты великіе,
 Пописали записи за болѣ того,
 Что заутра Василю стать да на великій бой,
 Битися-рубитися со Новымъ градомъ.
 Поможъ Василій съ пиру вѣдь не весель ѣтъ не
 радощень,

Буйну голову да понизилъ онъ Васильюшко.
 Встрѣчае ёго родна матушка:
 «Что ты, Васильюшко, съ пиру идѣшь,
 «Да не весель вѣдь не радощень?
 «Мѣсто тебѣ бѣло не по разуму?
 «Ли рюмка тебѣ не рядомъ пришла,
 «Али пьяница да осмѣялесе?»
 Говоритъ Васильюшко да родной матушки:
 — Мнѣ мѣсто было да по разуму,
 — Мнѣ рюмочка да вѣдь рядомъ пришла,
 — Мою пьяница не осмѣялесе.
 — Сдѣлали мы записи великіе
 — Со тѣмъ ли новгородскимъ новымъ старостой,
 — Что заутру мнѣ стать Василю на великій
 бой. —

Говоритъ же ёму родна матушка:
 «Не за дѣло, Васенька, приаешися,
 «Что гдѣ-тѣ битися со Новымъ градомъ,
 «Со тѣмъ ли новгородскимъ новымъ старостой.»
 Ёна брала мису злата серебра,
 Другую брала скатня жемчугу,
 Пошла ёна да къ новгородскому да новому старосты:
 «Ты новгородскіе да новой староста!
 «Ты возьми-тео мису злата серебра,
 «А другу берн да скатня жемчугу,
 «Оставь моего да сына роднаго.»
 Говоритъ же новгородскій новый староста:
 — Мнѣ не надо миса злата серебра,
 — Не надо скатня жемчуга,
 — Надо мнѣ Васильева головушка. —

Приходила ёво родна матушка,
 Брала Василя за бѣлы руки,
 Поводила Василя въ чисто полѣ,
 Посадила Василя во глубокой погребѣ,
 Рѣшоточкой задернула желѣзною,
 Чтобы не выйти Васѣ да не выхъать.
 Какъ дѣвочка её служаночка,
 Со дубовымъ да со ведѣрышкомъ,
 Пришла къ Василю во (sic) ту погребу,
 Говорила Василю таково слово:
 «Ты Василій сынъ Буславъевичъ!
 «Ты сидишь да вѣдь во погребѣ.
 «Какъ идѣ да шумъ да громъ да во Новомъ градѣ,
 «Какъ твои тѣ дружинишки хоробрые,
 «Какъ тебя Василя дожидаются,
 «Еще гдѣ у насъ да славной воинъ есть,
 «Славный воинъ-отъ Василій сынъ Буславъевичъ?
 Говорить же дѣвочки служаночки:
 «Ты одерни-ка рѣшоточку желѣзную,
 «Выпусти Васильюшка на бѣлый свѣтъ.»
 Какъ отдернула рѣшоточку желѣзную,
 Выходилъ Васильюшка на бѣлый свѣтъ,
 Ухватилъ Васильюшко черлѣный вязъ,
 Пошолъ Василій по Нову граду.
 Еще сталъ Васильюшко помахивать,
 Какъ куды махнѣтъ — такъ тутъ улица,
 Назадъ отмахнѣтъ — переулочекъ.
 Ёнъ прибилъ всю силу богатырскую,
 Не оставилъ силы онъ на сѣмена.
 Какъ прослышала да ёго родна матушка,
 Выходила она на крылечко на перѣное,
 Кричала она да зычнымъ голосомъ:
 — Ахъ ты Василій мой да сынъ Буславъевичъ!
 — Сокроти-тко свою силу богатырскую. —
 Ёнъ идѣтъ по мосту то по Волховскому,
 Идѣ старичищо-то Угрюмищо,
 На головѣ несе колоколъ да стопудовые,
 У колокола языкъ двадцати пудовъ.
 Говорить старичищо-то Угрюмищо:
 «Молодоѣ кѣро, не попадай мнѣ,
 «Молодоѣ кѣро, не попорхивай.»
 Какъ хватилъ Василій онъ черлѣной вязъ.
 Теснулъ Василій по буйной главѣ,
 Слетѣлъ колоколъ да стопудовые,
 Ухватилъ азыкъ-отъ колокольни,
 Зашьбъ старичища съ одвогъ разу.
 Не старичища ёнъ убилъ да крѣсна батюшка.
 Какъ прослышала ево да родна матушка,
 Выходила она на крылечко на перѣное,
 Какъ крикала ему да сыну родному:
 — Ахъ ты чадо, чадо моѣ милоѣ!

— Ты зачѣмъ убилъ да крѣсна батюшка,
 — Тебѣ самому да вѣдь така же смергъ придѣ. —
 Пошолъ да вѣдь Василій въ дороженку,
 Какъ стоитъ же камень превеличѣющей,
 Какъ на камешку подпись да вѣдь подписана:
 «Еще кто этотъ камень вѣдь перескочить,
 «Такъ вѣдь богато будетъ жить.»
 Василій разъ скочилъ, такъ ёнъ не дѣскочилъ,
 А другой скочилъ, такъ тутъ и смергъ пришла.

Записано на Кенозерѣ, 17 августа.

—
 285.

ДВА ЛЮБОВНИКА.

Было у вдовы тридцать трѣ дочери,
 Да всѣ ёны во грамотѣ повѣучены.
 Всѣ ёны пошли по Божьимъ церквамъ,
 Всѣ ёны сказали: «Боже мой,
 «Боже мой да помилуй насъ!»
 А одна бѣдна Софіюшка промѣлвиласѣ:
 — Князь молодой ты Васильюшко,
 — Ты, Васильюшко, подвинься сюдѣ. —
 Бралъ онъ Софію за бѣлы руки,
 Поводилъ онъ Софію въ Божью церкву,
 Накладали имъ да золоты вѣнды.
 Да провѣдала Васильюшкова матушка,
 Да садиласе она на ворожа коня,
 Поѣзжала во Китѣй-города.
 А на гривенку взяла зелѣного вина,
 А на другую взяла люта зелья,
 Да Василю паливала люта зелья,
 А Софін наливала зелѣного вина.
 «А Василій испивай, ты Софін не давай.»
 А Василій испивалъ, онъ Софін подавалъ,
 А къ утру свѣту преставиласе.
 А Васильюшку тѣшуть изъ кленова дерева,
 А Софіюшки тѣшуть изъ елѣшки молодой.
 А Васильюшка несутъ на буйнѣхъ головахъ,
 А Софіюшку несутъ на бѣлыхъ на рукахъ.
 А Васильюшка хоронять по правую по руку,
 А Софіюшку хоронять по лѣвую по руку.
 На Софін выростало кипарисное древо,
 На Василѣ выростала золотѣ верба.
 А старой отъ идѣтъ такъ наплачется,
 А посередѣ вѣку идѣ надивуется,
 А маленьки ребятка тѣ натѣшатся.

Записано тамъ же, 17 августа.

LVII.

ШУМАНОВЪ.

Федоръ Григорьевичъ Шумановъ,
крестьянинъ 68-ми лѣтъ изъ дер. Тамвицкоп-
лахты на Кенозерѣ, по ремеслу камепотестъ,
ослѣдшій лѣтъ пять тому назадъ. Знаетъ хорошо
только одну былинку, здѣсь печатаемую. Онъ ее
перенялъ отъ старика Ивана Григорьева изъ дер.
Ряусовой, который былъ отличный мастеръ пѣть
былины.

286.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

И жилъ-то Буславьюшко сто годовъ,
И жилъ-то Буславьюшко не старѣлся,
И теперь-то Буславьюшко преставился
Оставалось у Буславья чадо милое,
И премладый Вася Буславьевичъ.
И сталь-то ли Васенька копѣмъ владать,
Копѣмъ-то владать и копѣмъ шурмовать.
И сталь-то Вася по улюи похаживать,
И нелѣккія шутки пошучивать,
И нелѣккія шутки непомѣрные:
Ково за руку хватить — ручку выдеріеъ,
Ково подъ ногу инѣ — ножку выпивываль,
Ково въ голову ударить и въ смерть убѣтъ.
И тутъ ли новгородскіе староста,
И приносятъ великіе жалобы,
И къ той ли вдовѣ благочестивыс,
И премлады Амелфы Тимоѳеевны.
«Ай же ты вдова благочестивая,
«И премлада Амелфа Тимоѳеевна!
«Уйми своево чада милово,
«И премладова Васю Буславьева,
«И много обидушку дѣлаѣ.»
У тово-ли новгородскаго старосты
И хорошъ былъ заведепъ почестной пиръ
И на сильни могучи богатыри,
И на всѣ полчища удалые,
И на всѣ на добрые молодцы.
И какъ всѣ на пиру напивался,
И какъ всѣ на пиру паѣдалися,
И всѣ на пиру пьяны веселы,
И всѣ на пиру порасхвасталсь.

И которой-то хвастаетъ добрымъ конемъ,
И которой-то хвастаетъ золотой казной,
И безумной похвасталъ молодой женой.
И сидитъ-то Василий Буславьевичъ
И ничѣмъ-то Василий не хвастаетъ.
И говоритъ-то новгородскій староста:
«И что ты Василий Буславьевичъ,
«И что ты ничѣмъ не похвастаѣшь?
— И чѣмъ мнѣ-ка братцы похвастать?
— Да нѣту у м'ня вѣдь добрыхъ коней,
— И нѣту у м'ня золотой казны,
— И нѣту у м'ня молодой жены;
— И похвастаю силой могучіе,
— Итти-то вѣдь биться-драться на весь Новый
градъ
— И съ тѣмъ-ли новгородскіемъ старостой. —
И тутъ-то ли они записи записывали,
И въ записямъ бѣлы ручки прикладали,
И завтра-то итти да на Волховъ мость,
И биться-то драться со Новымъ градомъ,
И съ тѣмъ ли новгородскіемъ старостой.
И прѣзжаетъ Василий къ своей матушки,
И премлады Амелфы Тимоѳеевны.
Онъ не весѣль прѣзжаетъ не радощѣнъ.
Говорила ему родна матушка,
Премлада Амелфа Тимоѳеевна:
«И что ты ли Вася Буславьевичъ,
«Али что ты не весель не радощѣнъ?
«Али мѣсто тебѣ было не по разуму,
«Али чара тебѣ не рядомъ дошла,
«Али безумница тобой осмѣяласе.»
— Ай ты же родная матушка!
— И мѣсто-то было по разуму,
— И чара та мнѣ вѣдь рядомъ дошла,
— И безумница мной не осмѣяласе.
— И какъ всѣ на пиру напивалисе
— И какъ всѣ на пиру наѣдалисе,
— И всѣ на пиру поросхвасталсь:
— Которой-то хвастаетъ добрымъ конѣмъ,
— А которой-то фастатъ золотой казной,
— И безумной пофасталъ молодой женой.
— Я похвасталъ-то силой могучіе
— Итти-то биться-драться на весь Новый градъ,
— И съ тѣмъ-ли новгородскіемъ старостой. —
И повела ево да и во чисто полѣ,
И садила ево во темной погрѣбъ,
И темной отъ погрѣбъ сорока сажонъ,
И навалила пилу ровно сто пудовъ,
И наклала кису злата серебра,
И другую наклала скатня жемчуга,
И понесла-то великіе даровья

И тому ли новгородскому старосты.
 «Ай же новгородчкіе староста!
 «И прими-ко великіе даровья,
 «И отмѣни-ко моего чада милова,
 «И премладаго Васю Буславьева,
 «Отъ тово ли побойща кроваваго.»
 И говорилъ-то новгородчкіе староста:
 — Ай же ты вдова благочестивая,
 — Премлада Амельфа Тимоѳеевна!
 — Не дорого ни злато ни серебро,
 — И не дорого ни скатнѣ жемчуга,
 — Тольки дѳрога похваляба молодецкая. —
 П были дружны хорабрые,
 И были слуги были вѣрные,
 Слуги вѣрные и неизмѣнные,
 И пошли оны да и на Волховъ мость,
 И битъся-то драться съ Новымъ-градомъ,
 И съ тѣмъ-ли новгородчкіемъ старостой.
 Оны бились ровно три вѣдъ дня,
 И эта-то дѣвка чернавушка,
 И выходила на Дунай рѣку,
 И увидала это побойща кровавое.
 И эти ево слуги вѣрные,
 И стоять оны и по колѣнъ въ рудѣ,
 И буйны головки проломаны,
 И платками головки повязаны.
 И тутъ-то ли дѣвка Чернавушка,
 И тутъ-то она слезно всплакала,
 И приходила она да и во чисто полѣ,
 И во чисто полѣ да и во темной погрѣбѣ,
 И говорила она таково слово:
 «Ай же ты, Вася Буславьевичъ!
 «И спишь ли ты Вася просыпаешься,
 «И надъ собой ты невзгодушки не вѣдаешь.
 «И твои-ты вѣдъ слуги вѣрные,
 «И стоять оны да по колѣнъ въ рудѣ,
 «И буйны головки проломаны,
 «И платками головки повязаны.»
 И скидывала эту плиту ровно сто пудовъ,
 И выпускала Василья на святую Русь.
 И выходилъ-то ли Вася на святую Русь,
 И не попало оружьецо звѣрною,
 И не попало копѣ бурзомецкоѣ,
 И ратовѣ до девяти сажень,
 И попала осыща телѣжная.
 И пошолъ-то ли Вася на Волховъ мость,
 И на то ли кроваво побойща,
 И началъ-то Вася помахивать.
 А куды-то махнѣтъ — улица надѣ,
 И повимахнѣтъ — дакъ переулочѣкъ.
 И приблизъ-то народу и смѣты пѣтъ

И тотъ ли новгородчкіе староста,
 И наклалъ-то кису злата серебра,
 И другую наклалъ скатня жемчуга,
 И повѣсь-то великіе даровья,
 И той ли вдовѣ благочестивыи,
 И премлады Амельфы Тимоѳеевныи.
 — Ай же ты вдова благочестивая!
 — И уйми своево чада милова,
 — И премладаго Васю Буславьева,
 — И оставь хоть народу на симена. —
 И говорила ему родна матушка,
 И премлада Амельфа Тимоѳеевна:
 «Ай же ты Василій Буславьевичъ!
 «И окроти своё сердце богатырскоѣ,
 «И оставь хоть народу на симена.»

Записано на Кенозерѣ, 14 августа.

—
 LVIII.

АНДРЕЙ ГУСЕВЪ.

Андрей Тимоѳеевичъ Гусевъ, пзъ Заболотья на Кенозерѣ, худенькой, маленькаго росту старичокъ-крестьянинъ, 70 лѣтъ. Осталъсь въ дѣтствѣ сиротой, выучился былиннамъ отъ стороннихъ людей, у которыхъ жилъ въ работникахъ; потомъ завелъ себѣ крестьянское хозяйство, подѣ старость впалъ почти въ нищету. Кромѣ былинъ, здѣсь печатаемыхъ, онъ зналъ, по доволно плохо, былины про Василья Игнатьевича и Батыгу и про Братьевъ-разбойниковъ и се-стру.

—
 287.

ТРИ ПОЊЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

А ѣздилъ-то старъ по чисту полю,
 Ото младости ѣздилъ до старости,
 Ото старости ѣздилъ до гробной доски.
 Хорошъ былъ у старого доброй конь,
 А батюшко бурушко косматенкой.
 А фостъ-отъ у бурушка трѣхъ сажовъ,
 А грива у бурушка трѣхъ локотъ,
 А шерсть-та у бурушка трѣхъ пядей.
 А й рѣки озѣра перескакивалъ,
 А мхи-ты болота промежъ ногъ пустилъ.

Поѣхалъ путёмъ по дороженки,
 На той на пути на дороженки,
 На дорожки лежитъ сѣръ горючъ камень,
 На камешки подпись подписана,
 Написана подпись нанечатано.
 Отъ камешка три дороженки:
 И во дороженку ѣхать — убиту быть,
 Убитому быть, биту, граблену.
 И во другую ѣхать — женату быть,
 А въ третью-ту ѣхать — богату быть.
 И тутъ-де какъ старъ пороздумался,
 А въ каку ѣхать дорожку широкую.
 А во дорожку ту ѣхать богату быть?
 А на что мнѣ-ка старѣму богатество,
 Своево живота класть какъ некуда?
 Въ дорожку-ту ѣхать — женату быть?
 На что мнѣ-ка старѣму жѣнитися,
 И старой-то взять не захочется,
 Молодая-та взять дакъ чужа корысть.
 Я поѣду въ ту дорожку широкую,
 И во которой дорожка-то убиту быть,
 А убитому быть, биту, граблену.
 И поѣхалъ путёмъ по дороженки,
 И по дороженки сорокъ тысячъ разбойниковъ,
 И тутъ атаманъ со атаманью,
 И захватили у стараго добра коня.
 «А сходи-тко ты, старъ, со добра коня,
 «Давай-ко намъ злата да серебра,
 «Давай-ко намъ скатяго жемчуга.»
 Говоритъ туто старъ не съ упадкою:
 — И ой же станичны разбойники!
 — У м'ня-то у стараго взять нечего.
 — Узница у м'ня во пятьсотъ рублёвъ,
 — А сѣдлышко-то въ цѣлу тысячу,
 — А батюшку бурушку сѣты вѣтъ,
 — Самому старику мнѣ-ка смерти нѣтъ,
 — На бою мнѣ-ка смерть не написана. —
 «Ой же ты старой матѣрой человекъ!
 «Почему у ты сѣдлышко да дѣрого?»
 — Потому у м'ня сѣдлышко дѣрого,
 — Орленѣ было. перьемъ орлинымъ.
 — А не тотъ ли орѣлъ по горама леталъ,
 — А тотъ ли орѣлъ по морямъ леталъ,
 — Да ушибся орѣлъ о сѣръ горючъ камень,
 — Ломалъ ёнъ перья да орлиные.
 — Ъхали купці зъ-за синя моря,
 — Обирали эти перья орлиные,
 — А врѣзаны каменя самоцѣтны,
 — Самоцѣтны каменя драгоцѣтны.
 — Не ради краси-басы молодецкіе,
 — Не ради крѣпости богатырскіе,

— Ради тѣмныя ночки да осеніе.
 — Ходить батюшко бурушко въ чистѣмъ поли,
 — Отъ батюшка бурушка лучі пекуть. —
 «А й ты же старъ матѣръ человекъ!
 «А много ты сталъ розговаривать.»
 Говоритъ же старъ не съ упадкою.
 Хватилъ какъ разбойника за ноги,
 Какъ взялъ онъ разбойникомъ помахивать,
 Прибилъ онъ станичныхъ разбойниковъ,
 Убилъ атамана со атаманью.
 Приѣхалъ ёнъ ко тому ли ко камешку,
 Ту вѣдь онъ подпись сорѣзывалъ,
 А другую-то подпись нарѣзывалъ,
 А эта-то подпись была ложная:
 А пусть-ко дорожка прямохожая,
 Прямохожая дорожка прямоѣзжая,
 Прочистилъ Илья старій Муромецъ.
 — Я поѣду въ ту дорожку гдѣ женату быть. —
 Ъдетъ путёмъ по дороженки,
 А стоять терема златоверхіе.
 Заѣхалъ-то старъ на широкой дворъ,
 Привязалъ-то коня онъ вѣдь добраго,
 Ко тому-то столбу ко точѣному,
 Ко тому ли къ кольцу къ золочѣному.
 И выходила прекрасна королевична,
 На ей было платье самоцѣтнѣе,
 Самоцѣтнѣе платьѣ драгоцѣтнѣе,
 На денежку мѣста рублѣмъ не купить.
 Берѣтъ же за ручки за бѣлисе,
 Цѣлуе во уста во сахарніе,
 Заводитъ ево во высокъ терѣмъ,
 Становила столы ты дубовые,
 А стала-то скатерти браные,
 Носила-то кушанья сахарніе,
 Питья носила медвяные,
 Сама говорить таково слово:
 «Не ушвайся-то, старъ, не уѣдайся-тко,
 «Чередь со дѣвицей забавлятися.»
 Приводила къ кровати тисовые,
 Ко той ко перникѣ пуховые.
 «А ложись-ко старой ко стѣнчкѣ,
 «Я молода на краю просплю.»
 — Ой же ты дѣвица душа красная!
 — Да нашѣ-то дѣло дорожное,
 — И нашѣ-то дѣло походнѣе.
 — Ложись-ко дѣвица ко стѣнчкѣ,
 — А я вѣдь старъ на краю просплю. —
 И хватилъ какъ вѣдь ёнъ по серѣдчкѣ,
 Уложилъ какъ ей да ко стѣнчкѣ,
 Кроваточка была у пей ложная,
 Упала во погребъ глубокіе,

Глубокіе погребѣ сорока сажонѣ.
 Въ тѣхъ погребѣхъ во глубокіихъ,
 Наспускаю народу у ней — смѣти нѣтъ:
 Много царей, много царевичѣвъ,
 Много королей и королевичѣвъ,
 Много сильныхъ могучихъ богатырѣвъ.
 И ключѣвъ ѣнѣ не роспрашивалъ,
 Двери колоды ногами выпинивалъ,
 И ропустилъ ѣнѣ народѣ по своимъ землямъ,
 По своимъ онѣ землямъ, по своимъ ордамъ,
 По своимъ отцамъ, по своимъ матерямъ.
 Захватилъ онѣ прекрасну королевичну,
 Ухватилъ ю за жоженку,
 Да роздѣрнулъ прекрасну королевичну.
 И воротился старикъ на дороженку,
 И на тѣ розстѣни на широкіе,
 Да съ камня онѣ пописъ ту сорѣзываетъ,
 Да новую ту пописъ самъ нарѣзываетъ:
 Да прочистилъ Илья да какъ дороженку.
 «Да поѣду я въ дороженку,
 «Гдѣ ка старому богату быть.»
 А ѣде старикъ путѣмъ-дорогою,
 Да наѣхалъ на дороги сѣрѣ горючѣ камень,
 Да на камешки, гдѣ пописъ подписана,
 Насыпано злата серебра,
 Отвалить старикъ да Ильи Миромцу,
 Отобрать-де злато серебро,
 Поставить три церкви три соборные:
 Первая-та церковь Спасу пречистому,
 А другая-та церковь Миколи Можанскому,
 А третья-та церковь Егорью храброму.
 Отправился старикъ по розстани широкіе
 И старую-ту пописъ срѣзываетъ,
 Да новую-ту пописъ старъ подрѣзываетъ:
 Прочищены дорожки широкіе,
 У старика да Ильи Муромца.

Записано на Кенозерѣ, 16 августа.

—
 288.

ДОВРЫНЯ И МАРИНКА.

По три годы Добрынюшка столарничалъ,
 По три годы да пивоварничалъ,
 И на четвѣртой годѣ Добрынюшка коня сѣдлалъ,
 Коня сѣдлалъ, да со двора сѣзжалъ.
 Добрынюшеѣ матушки наказывать,
 А Микитчу да наговаривать:
 «А поѣдешь, Добрынюшка, по Кіеву гулять,

«Поѣдешь, Микитичъ, да по славному гулять,
 «И не завѣртывай-ко въ улицы мѣщанскіе,
 «А во тѣ переулочки Маринкины.
 «И курва-блядь Мариночка Игнатьевна
 «Отравила провела да девяти молодцовъ,
 «Отравить тебя, Добрыня, во десятыхъ.»
 А Добрынюшка матушки не слушаѣ,
 Поѣхалъ Добрынюшка по Кіеву гулять,
 Заѣхалъ во улочки мѣщанскіе,
 А во тѣ переулочки Маринкины.
 А курва-блядь Мариночка догадлива,
 Сама отравчивая.
 У курвы у Маринки у Игнатьевной
 Сидитъ голубокъ да со голубушкой,
 На еѣ на окошкѣ на костѣрчатомъ,
 А рыльцо-то въ рыльцо они цѣлуются,
 Правильными крылами обнимаются.
 А натягивалъ Добрынюшка ѣнѣ тугой лукъ,
 А накладываѣ стрѣлочку валеную,
 И стрѣлилъ въ голубка да со голубушкой.
 А не убилъ онѣ голубѣюшка съ голубушкой,
 А пролетѣла стрѣлка во высобѣ терѣмъ,
 Убила у Маринки друга милаго,
 Друга милаго Тугарина Зміѣвича.
 — А поди-тво, слуга да моя вѣрная,
 — Маринкинымъ богамъ поди не кланяйся,
 — Да дѣвкѣ Маринкѣ ты челомъ не бей,
 — Стрѣлку возьми да самъ вонъ поди. —
 Пошолъ-то слуга да слуга вѣрная.
 Говоритъ-то Мариночка Игнатьевна:
 «Кто застрѣлилъ да пусть-ко самъ идѣтъ.»
 Розгорѣлось у Добрыни ретиво сердце,
 Маринкинымъ богамъ идѣ не молится,
 И дѣвкѣ Мариночкѣ челомъ не бѣѣ,
 Стрѣлочку взялъ да самъ вонъ пошолъ.
 А курва Мариночка догадлива,
 Да брала ѣна да свой-отъ вострой ножъ,
 А срѣзывать слѣдочки Добрынины,
 И мечѣ во пѣченьку кирпичную,
 Сама во слѣдамъ да приговаривать:
 «А горять какъ слѣдочки Добрынины,
 «Тагъ розгорись-ко у Добрыни ретиво сердце.»
 И розгорѣлось у Добрыни ретиво сердце,
 По дѣвкѣ Маринки по Игнатьевной.
 Маринкинымъ богамъ да идѣтъ молится,
 Дѣвкѣ Маринкѣ да челомъ-то бѣѣтъ:
 — Здравствуй, Мариночка Игнатьевна!
 — Ты ли, дѣвица, на выдаваньи,
 — А я молодецъ да неженатъ, холостъ,
 — Идешь ли, дѣвица, за меня замужъ? —
 И говоритъ-то Мариночка Игнатьевна:

«Теперь ты, Добрыня, во моихъ рукахъ,
 «Какъ захочу такъ и поворочу.
 «Обверну тебя во чисто поле сѣрѣмъ волкомъ,
 «А нѣтъ дакъ во темнѣ лѣса гнѣдѣмъ туромъ.»
 И обвернула вѣдь въ темнѣ лѣса гнѣдѣмъ ту-

ромъ.

Прознала его да вѣдь провѣдала,
 Родитель его тѣтушка.
 — Ужъ ты курва Мариночка Игнатъевна!
 — Теперь ты, Маринка, во моихъ рукахъ,
 — Какъ захочу такъ и поворочу.
 — Обверну тебя сорокой щекотливой,
 — А нѣтъ дакъ кобылой водовозницей,
 — Вози-тко ты воду на весь Кіевъ градъ. — *)

Записано тамъ же, 16 августа.

289

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

Добрынюшка матушка наказывала,
 А Микитичу да наговаривала:
 «Поѣдешь, Добрынюшка, ко риченки,
 «Поѣдешь, Микитичъ, да ко быстрые,
 «И не задумай-ко, Добрыня, ты купатися,
 «И не задумай ты, Микитичъ, да вырѣмъ хо-
 дить.»

Добрынюшка матушки не слушаеъ,
 Задумалъ Добрынюшка купатисе,
 Задумалъ Микитичъ онъ вырѣмъ ходить.
 А на бережку нѣрне, на другомъ вѣнѣрне.
 Налетѣла змѣя, да змѣя лютая,
 А ладѣтъ Добрынюшку ^{аутѣа} глотомъ сглотить.
 И говоритъ-то Добрынюшка Микитичъ младъ:
 — А нагого сглотить да будѣ мѣртваго,
 — Дай надѣтъ платьѣ богатырскоѣ. —
 И надѣвае ѣнъ платьѣ богатырскоѣ,
 Берѣтъ-то же ѣнъ да саблю вострую,
 Отсѣкъ у змѣи да ѣнъ три хѣбота.
 А на ту ли пору на то времечко,
 Летить-то змѣя, да змѣя лютая,
 Несѣ ѣна да красну дѣвушку.
 Сидить-то дѣвица да прѣчитывать
 И ко своей-то косы да желто-русые:
 «И моя-та коса да желто-русая,
 «Плетенѣ у родители у матушки,

*) Гусевъ досказалъ словами, что Маринка испугавшись
 отвернула Добрыню по старому.

«Во новомъ во високомъ во тереми.
 «Расплетѣтъ станутъ маленьки змѣеныши,
 «Да во тѣхъ во пещерахъ во глубокихъ.»
 Розгорѣлось у Добрыни ретиво сердце,
 Поѣхалъ за змѣей да онъ за лютой,
 Во тѣ во пещеры во глубокиѣ.
 А эта змѣя, да змѣя лютая,
 Да хоче его да вѣдь глотомъ сглотить,
 И убирается во пещеры во глубокиѣ.
 А во тѣхъ во пещерахъ во глубокихъ,
 А ^{о led u y} нашошею народу тамъ вѣдь смѣты нѣтъ,
 Смѣты нѣтъ да смѣтити нѣможно.
 Сидятъ старичек-ты — ^{посѣдѣти,} посѣдѣти,
 Сидятъ старушки-то — ^{посѣдѣти,} посѣдѣти,
 У грудей висятъ маленьки змѣенышки.
 Розгорѣлось у Добрыни ретиво сердце,
 Розбилъ эти пещеры онъ глубокиѣ,
 Прибилъ онъ вѣдь маленькихъ змѣенышковъ,
 Роспустилъ онъ народъ-отъ по своимъ землямъ,
 Пр своимъ землямъ, да по своимъ ^{ордамъ,} ордамъ,
 По своимъ отцамъ, по своимъ матерямъ.

Записано тамъ же, 16 августа.

290.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Во славномъ-то городи Кіевн,
 У ласкова солнца Владмира,
 Хорошъ заведенъ былъ почетной пиръ
 На многи на князи, на бояра,
 На сильни могучи богатыри,
 На всѣ поляницы удалне.
 А всѣ на пиру напивалисе,
 И всѣ на почетномъ наѣдалисе,
 А тутъ всѣ молодцы пороскхвасталисе:
 Иной-отъ хвастаетъ: «у м'ня домъ хорошъ»,
 Иной-отъ хвастаетъ силой богатырскою,
 Иной-отъ хвастать: «у м'ня платьевъ много»,
 Иной-отъ хвастать отцемъ матерью,
 Безумный-отъ хвастаетъ молодой женой.
 Одинъ молодецъ онъ не пѣтъ, не ѣтъ,
 Не пѣтъ онъ не ѣтъ да не кушаеъ,
 Не кушаеъ да ѣнъ не хвастаеъ.
 А солнышко-то нашъ Владиміръ князь,
 И ходитъ по полатамъ княженецкіемъ,
 А самъ государъ выговаривалъ.
 Накидывать службу на большаго,
 А большаго тулялся за средняго,

Средней тулялся за меньшаго,
 А отъ меньшей-то братьи отвѣту нѣтъ.
 Наклонули службу великую,
 А великую службу непомѣрную,
 А на молодца Добрыню Микитича:
 Завтра ему ѣхать въ чисто поле,
 Биться-рубиться съ богатыремъ,
 Съ богатыремъ биться съ Ягой-бабой.
 Наказывалъ Добрыня молодой женѣ:
 «Послушай, моя молода жена!
 «Жди-тко меня ровно три года,
 «Другое-то жди меня три года,
 «И жди меня третье три года.
 «Пройдетъ того времечка девять лѣтъ,
 «На десятый годъ домой не жди.
 «Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
 «Хоть за князя поди, за боярина,
 «И за сильна мочуга богатыря,
 «Не ходи ты за Олегу Поповича,
 «Олеша Поповичъ — крестовой братъ,
 «Крестовой братъ онъ да насмѣшникъ мой.»
 Поѣхалъ Добрыня во чисто поле,
 А биться-рубиться съ богатыремъ,
 Съ богатыремъ биться съ Ягой-бабой.
 Подъ краснымъ-то боромъ стоялъ три годы,
 Подъ крутой-то горой стоялъ три годы,
 Подъ ракиновымъ кустомъ стоялъ три годы,
 Туто времечки прошло девять лѣтъ.
 Ой поѣхалъ Илья славный Муромецъ,
 Ой искать онъ баженаго племянничка.
 — Ой же Добрыня Микитичъ младъ!
 — И пѣшь ты, ѣси, проклажаешься,
 — Не знаешь незгоды, не вѣдаешь:
 — Твоя молода жена замужъ пошла
 — А ѣ за вора Алешу Поповича.
 — Поневодилъ ей солнышко Владиміръ князь.
 — Севодни у нихъ рукоблѣнцо,
 — А завтра у нихъ буде свадьба. —
 «Ой же родитель мой дядюшка!
 «Поддомлились у меня ножи рѣзые,
 «И трѣпали у меня ручки бѣлые,
 «И не могу я убить-то богатыря.
 «Пособи-тко убить мнѣ богатыря,
 «А богатыря убить мнѣ Ягу-бабу.»
 — Не честь похвала молодецкая
 — Биться двумъ богатырямъ съ Ягой-бабой,
 — А бей бабу по титкамъ, пинай подъ гузно. —
 И бьетъ бабу по титкамъ, пиналъ подъ гузно,
 Да вѣдъ тутъ же баба и умерла.
 Розсѣкъ эту бабу на мелки куски,
 Розметалъ эту бабу по чисту полю,

Поѣхалъ путемъ по дороженькѣ,
 Ёнъ встрѣтилъ калику переходящую,
 Перехожу калику переѣзжую:
 «Ты ой же калика переходящая!
 «А скидывай-ко, калика, платье черное,
 «И надѣвай-ко ты платье Добрынино.
 «Доброемъ не даси — забоемъ возьму,»
 И скидывае калика платье калическо,
 И поѣхалъ каликой переходящей.
 Приѣхалъ Добрыня Микитичъ младъ
 Ко своей ко родители къ матушкѣ:
 «И здравствуй Добрынина матушка,
 «А ѣ матушка Омельфа Тимофеевна!
 «И дай-ко гусѣлка яровчаты,
 «И дай же шалыгу подорожную.
 «Я поѣду къ Алѣши на свадьбу.»
 И говорить-то Добрынина матушка:
 — И ой же калика переходящая!
 — Пришолъ ты, калика, насмѣхаешься,
 — Надо мной безчастной надъ матерью.
 — Потерялось у меня солнце красное,
 — А сегодня закатился младъ свѣтѣль мѣсяцъ,
 — У Добрыни молода жена замужъ пошла. —
 Несе ѣна блюдо злата серебра,
 А другое несе скатня жемчуга,
 И третье мѣди жаровически.
 Поминаетъ Добрыню Микитича.
 «И ой же Добрынина матушка!
 «Какое у Добрыни было значечко!»
 — Значечко было на головушки. —
 Ущупала ѣна значечко.
 Роспекло тѣплое красное солнышко,
 Приѣхалъ Добрыня Микитичъ младъ,
 И несѣ она гусѣлка яровчаты,
 И несѣ она шалыгу подорожную.
 Ёнъ поѣхалъ къ Олѣши на свадьбу,
 Приѣхалъ къ Олѣшѣ на свадьбу,
 Ёнъ игрицо игралъ отъ Царяграда,
 Другое игралъ отъ Еросолима,
 Третье играе отъ Кіева,
 И похождение выигрывалъ Добрынины.
 Которы на пиру догадались,
 А зъ-заранья съ пиру убиралисе.
 И самъ говорилъ таково слово:
 «Послушай, Алѣша Поповичъ младъ!
 «Прикажи налить чару зелена вина,
 «Подвести-то твоей молодой жены.»
 Наливали ту чару зелена вина.
 Съ руки онъ спустилъ свой значень перстень:
 «И выпьешь до дна — увидашъ добра,
 «Не выпьешь до дна — не видать добра.»

И выпила до дна й увидала добра,
 А спушонъ съ руки-то злачонъ перстень.
 Она говоритъ таково слово:
 — Не тотъ мой мужъ, кой подлѣ меня сидитъ.
 — Да тотъ мнѣ мужъ, супротивъ меня стоитъ. —
 Хватилъ какъ шалыгу подорожную,
 А взялъ какъ шалыгой помахивать,
 Буди онъ махнѣтъ — туды улица,
 Куды отмахнѣтъ — переулочка.
 А въ буханѣхъ какъ не слышно охванья,
 А въ оханѣхъ какъ не слышно бухванья.
 Хватилъ какъ Алѣшу за желты кудря,
 Ушибъ ѣнъ Алѣшу о сыру землю.
 «Кабы ты вѣдъ былъ не крестовой братъ,
 «И придалъ бы тобѣ скору смѣртоньку.»
 И говоритъ-то Алѣша Поповичъ младъ:
 — И всѣ-то у насъ братцы женятся,
 — А не всякому женидба издавается. —
 И только и Алѣша и женатъ бывалъ.

Записано тамъ же, 16 августа.

—

LIX.

ХАРЛАМЪ ГУСЕВЪ.

Харламъ Андреевичъ Гусевъ, смнѣ
 предыдущаго сказителя. Ему лѣтъ 40. Былины
 заимствовалъ отъ отца. Кромѣ здѣсь помѣщае-
 мыхъ, онъ зналъ еще былины про Добрыню и
 Маринку и смерть Чурилы.

—

291.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Былъ старъ матѣрь человекъ Илья Муромецъ,
 Былъ у стараго хорошъ добрый конь,
 Рѣки, озѣра перескакивалъ,
 Грива-та была да трѣхъ локоть,
 Да фостъ-отъ былъ да трѣхъ сажѣнъ,
 Шерсть-то была да трѣхъ прятей *).
 Осѣдлалъ-то старой коня добраго,
 Поѣхалъ во чисто полѣ,
 Ко тому ли камешку горячому.
 На камешки подписъ подписана:
 Во перву дорожку ѣхать — убиту быть,

*) масть — такъ объяснилъ сказитель.

Въ другую-ту ѣхать — женату быть.
 Тутъ-то старъ пораздумался:
 «На что мнѣ старому женитися?
 «Старой-то взять мнѣ не хочется,
 «Молодая-то взять дакъ чужа корысть.
 «Поѣду въ дорожку гдѣ убиту быть,
 «А биту-то быть, биту, граблену.»
 Поѣхалъ въ дорожку гдѣ убиту быть.
 Началъ бурушко посказивать,
 Началъ косматушко помахивать,
 Онъ рѣки, озѣра перескакивалъ,
 А мхи ти болота промежъ ногъ пустилъ,
 Наѣхалъ на заставу великую,
 Сорокъ тысячъ разбойниковъ.
 Атаманъ стоитъ со атаманью,
 Захватилъ у стара добра коня.
 — Отдай-ко, старой, золоту казну. —
 Говоритъ-то старой не съ упадкомъ:
 «А й же станичны разбойники!
 «У м'ня у стара грабить нечего.
 «Сѣделко у м'ня во пятьсотъ рублей,
 «Уздица у м'ня во тысячу.»
 — Почему у тебя она дорога? —
 «Врѣзываны каменья самоцвѣтные,
 «Самоцвѣтны каменья драгоцѣнные,
 «Не для краси-басы молодецкія,
 «Для крѣпости богатырскіе,
 «Чтобы видно въ осенніа ноченьки,
 «Чтобы видно добра коня во чистомъ полѣ.
 «Еще шуба у м'ня во пятьсотъ рублей,
 «Шапка у м'ня да во тысячу.»
 — Почему у тебя она дорога? —
 «Перена она перьемъ орлинымъ.
 «Не того орла, кой леталъ по синимъ морямъ.
 «И того ли орла, кой леталъ по крутымъ горамъ.
 «Ударился онъ горючъ камень,
 «Обломалъ онъ перья орлянина.
 «Ѣхали купцы Измайловски,
 «Собирали перье орлиное,
 «Везли-то старому въ подарочкахъ.
 «Коню моему цѣны вѣдъ нѣтъ,
 «А мнѣ старику вѣдъ смерти нѣтъ.»
 Хватилъ онъ разбойника за ноги,
 Началъ разбойникомъ помахивать,
 Началъ онъ поворачивать.
 Буда махнѣ — туду улупезъ,
 Куду отмахнѣ — переулочѣкъ,
 Прибилъ онъ сорокъ тысячъ разбойниковъ,
 Убилъ атамана со атаманью,
 Самъ ли онъ выговаривалъ:
 «Пусть эта дорожка прохожая,

«Прохожа и проѣзжая.»
 «Поѣду въ дорожку гдѣ женату быть.»
 Началъ бурушко поскакивать,
 Онъ рѣки, озѣра перескакивалъ,
 Мхи ты болота промежъ ногъ пустилъ.
 Приѣхалъ къ герему златоверхому,
 Къ той ли стѣны да высокія,
 Къ той ли башни треугольніе.
 Скочилъ онъ черезъ стѣну высокую,
 Черезъ ту ли башню треугольную.
 Приѣзжаетъ онъ на широкой дворъ,
 Слѣзаетъ старъ со добра коня,
 Привязывалъ старой добра коня
 Къ тому ли столбу да точёному,
 Къ тому ли кольцу золочёному.
 Выбѣгала дѣвица душа красная,
 Браза стара за бѣлыя руки,
 Цѣловала въ уста сахарніе,
 Проводила во полаты бѣлокаменны,
 Садилась за столы за дубовыя,
 За тѣ ли скатерти бранныя.
 Принесла вина полтора ведра,
 Бразъ старой единой рукой,
 Выпивалъ-отъ старой на единой духъ.
 Возговорить дѣвица душа красная:
 — А й же ты старъ матѣрь челоувѣкъ!
 — Полно пить, ѣсть, веселитися,
 — Пора времечко со мной забавлятися.
 — Ложись-ко ты, старой, на кроваточку,
 — На кроваточку ко стѣночкѣ,
 — Я молода на краю просплю. —
 Говорить-то старъ таково слово:
 «А й же дѣвица душа красная!
 «Ты ложись-ко во стѣночкѣ,
 «А я старичокъ на краю просплю,
 «Потому что часто вонъ хожу.»
 Не ложится дѣвица ко стѣночкѣ.
 Хватилъ-то старой за бѣлыя руки,
 Бросилъ ей на кроваточку,
 Кроваточка была ложная,
 Кроватка у ней провалиласе,
 Сама во погребѣ увалиласе,
 Погребъ были сорока сажонъ.
 Выходилъ-то старой на широкой дворъ,
 Розломилъ онъ двери дубовыя.
 Выходило изъ погребъа глубокаго,
 Сорокъ царей, сорокъ царевичѣвъ,
 Сорокъ королей, королевичѣвъ,
 Сорокъ сильныхъ могучихъ богатырей,
 Простого народу и смѣты нѣтъ,
 Стары старички — посѣдѣли.

Возговорить старъ таково слово:

«А й же вы люди добрые!

«Росходитесь по своимъ землямъ, по своимъ
 ордамъ,

«По своимъ отцамъ, по своимъ матерямъ.»

Записано тамъ же, 16 августа.

—
 292.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Во славномъ во городи Кіеви,
 У ласкова солнца Владимира,
 Былъ заведенъ хорошъ почѣстной пиръ
 На многихъ на князей и на бояровъ,
 На сильны могучи богатыри,
 На всѣ поляницы удалые,
 На всѣ ли татары улановы.
 Всѣ на пиру напивадися,
 Всѣ на пиру наѣдалися,
 Всѣ на пиру распотѣшились,
 Всѣ на пиру поросхвастались:
 Умною-отъ хвастатъ отцомъ матерью,
 Безумной-отъ хвастатъ молодой женой,
 Иной-отъ хвастатъ: «у м'ня конь хорошъ»,
 Иной-отъ хвастатъ: «у м'ня домъ хорошъ»,
 Иной-отъ хвастатъ силой богатырскою.
 Добрыня Микитичъ младъ
 Не пѣтъ онъ не ѣсть да не кушаѣ,
 Не кушае Добрыня не хвастаѣ.
 Солнышко Владимиръ князь
 По княженецкимъ полатамъ похаживалъ,
 Руки въ карманахъ понашивалъ,
 Самъ государъ выговаривалъ:
 «Кому-то, братцы, ѣхать съ утра во чисто поле
 «Биться-рубиться съ богатыремъ,
 «Съ богатыремъ биться съ поляницею,
 «Съ поляницею биться со Ягой-бабой?»
 Накимывали службу великую
 На того ли Добрыню Микитича.
 Пошоль-то Добрыня ко матушки,
 Не весель идѣ не радошень,
 Спустилъ онъ очи ясны въ сырú землю,
 Буйну голову въ плечи могучіе.
 Встрѣчаетъ родитель ево матушка,
 Та ли Омельфа Тимоѣевна:
 — А й же Добрыня Микитичъ младъ!
 — Что ты не весель не радошень,
 — Спустилъ ты очи ясны въ сырú землю,

— Буйну голову въ плечи могучіе.
 — Развѣ мѣсто было не по разуму,
 — Развѣ чарка тебѣ не рядомъ дошла,
 — Или дворянски собаки облаяли,
 — Невѣжа тобой осмѣялase?
 «А ѣ же родитель моя матушка!
 «Мѣсто-то было по разуму!
 «Чарка-та мнѣ-ка рядомъ дошла,
 «Дворянски собаки не облаяли,
 «Невѣжа-то мной не осмѣялase.
 «Солнышко Владиміръ князь
 «Накимвалъ службу великую:
 «Заутра-то ѣхать въ чистѣ полѣ,
 «Виться-рубиться съ богатырёмъ,
 «Съ богатырёмъ биться съ поляницею,
 «Съ поляницею биться съ Ягой-бабой.»
 Наказывалъ Добрыня молодой женѣ:
 «А ѣ же моя молода жена,
 «Катерина Микулична!
 «Жди-тко меня ровно три года,
 «Другое-то жди меня три года,
 «Третье-то жди меня три года.
 «Того времечки пройде девять лѣтъ,
 «На десятый годъ домой не жди,
 «Хоть вдовой живи, хоть за мужъ подв,
 «Хоть за князя поди за боярина,
 «Хоть за сильна могуча богатыря,
 «Не ходи за Олѣшу Поповича,
 «Олѣша Поповичъ — крестовой братъ,
 «Крестовой братъ да насмѣшникъ мой.»
 Осѣдалъ Добрыня коня доброва,
 Поѣхалъ Добрыня во чистѣ полѣ,
 Ко тому ли камешку горячему.
 Начали биться со Ягой-бабой,
 Подъ сѣрымъ-то камешкомъ билась ровно три
 года,
 Подъ красной-то сѣсной друго три года,
 Подъ крутой-то горой третье три года.
 Того времечки прошло девять лѣтъ.
 Солнышко Владиміръ князь
 Обневолилъ Добрыню молодую жену
 Итти за мужъ за вора Олѣшу Поповича.
 Севодни у ихъ рукобитыцо,
 Завтра будетъ у нихъ свадьба.
 Былъ у Добрынюшки дядюшка,
 Славный-то храбрый Илья Муромецъ.
 Осѣдалъ онъ коня добраго,
 Поѣхалъ искать онъ племянничка,
 Нашелъ онъ племянничка въ чистѣмъ поли,
 Говорилъ-то ему таково слово:
 — А ѣ же Добрыня Микитичъ младъ!

— Что ты пьешь, ѣси, проплажаешься,
 — Не знаешь незгоды не вѣдаешь.
 — Твою ли молодую жену
 — Солнышко Владиміръ князь
 — Обневолилъ итти за мужъ за Олѣшу Попо-
 вича.
 — Севодня у ихъ рукобитыцо,
 — Завтра будетъ у нихъ свадьба.
 «А ѣ же родитель мой дядюшка!
 «Пособи-тко убить мнѣ богатыря,
 «Богатыря убить мнѣ Ягу-бабу.»
 Возговорить дядюшка:
 — Не честь-то хвала молодецкая.
 — Двумъ богатырямъ биться съ Ягой-бабой.
 — Вей бабу по титвамъ, пивай подъ гузно. —
 Билъ онъ бабу по титвамъ, пиналъ подъ
 гузно,
 Тутъ-то ей да скоро смерть пришла.
 Разсѣлъ онъ бабу на мелкіе куски,
 Росшибалъ онъ бабу до чисту поля,
 Сорокамъ воронамъ на пожраніе.
 Самъ поѣхалъ путёмъ-дорогой широкою,
 Стрѣтилъ калкиа прохожую.
 «Здравствуй, калкиа прохожая!
 «Скинай-ко платье калическо,
 «Надѣвай-ко платье цвѣтное,
 «Платье цвѣтно богатырское.»
 Надѣлъ калкиа платье богатырское,
 Надѣлъ Добрыня платье калическо,
 Пришолъ-то Добрыня ко матушки.
 «Здравствуй Добрыня матушка!»
 — Здравствуй, калкиа прохожая! —
 Несетъ она блюдо злата серебра,
 Другое несетъ скатня жемчугу,
 Третье несетъ мѣди жаровнической.
 — Поминай Добрыню Микитича. —
 Примае блюдо злата серебра,
 Другое примае скатня жемчугу,
 Третье примае мѣди жаровнической,
 Поминае Добрыню Микитича.
 «А ѣ же Добрыня матушка!
 «Како у Добрыни было знамечко?»
 — Знамечко было на головушѣ,
 — Кружокъ-отъ былъ да съ копѣчку. —
 «Погляди-ко у мѣна на головушкн.»
 Поглядѣла у калкии на головушкн,
 Кружокъ-отъ былъ да съ копѣчку.
 Говорила она таково слово:
 — Роспекло-то севодни красно солнышко,
 — Освѣтитъ-то севодни младъ свѣтелъ мѣсяць.
 Возговорить Добрыня таково слово:

«А ѿ же родитель моя матушка!
 «Принеси мнѣ шалыгу подорожную,
 «Принеси мнѣ гусѣлка муравчаты,
 «Пойду я къ Олѣшн на свадебку.»
 Принесла она шалыгу подорожную,
 Принесла ему гусѣлка муравчаты,
 Пошоль-то Добрыня на свадебку.
 Приходить Добрыня на свадебку,
 Игрище игралъ отъ Царяграда
 Другое игралъ отъ Еросѡліма,
 Третье игралъ отъ града отъ Кіева,
 Отъ того ли отъ солнца Владиміра,
 Похожденья выигрывалъ Добрынины.
 Которы на пирѣ здогаданы,
 Тѣ заранья съ пирѣ убиралися.
 Которы на пирѣ не догаданы,
 Тѣ на пирѣ оставаны:
 Оставаны воры-разбойники,
 Оставаны голи кабацкіе.
 Разгорѣлось у Добрыни ретиво сердце,
 Хватилъ онъ шалыгу подорожную,
 Началъ шалыгой помахивать,
 Началъ шалыгой поворачивать.
 Куда махнѣ — туда улица,
 Куда отмахнѣ — переулочѣвъ,
 Онъ силы прибиль и смѣтъ нѣтъ,
 Говоритъ онъ Алѣшн Поповичу:
 «А ѿ же Алѣша Поповичъ младъ!
 «Прикажи-ко своей молодой женѣ,
 «Налить-то чару зелена вина,
 «Подать-то калики прохожія.»
 Приказалъ Алѣша молодой женѣ
 Налить-то чару зелена вина,
 Подать-то калики прохожія.
 Приняе калика прохожая,
 Полагае перстень со правой руки
 Въ чару зелена вина,
 Подавае Алѣшиной молодой женѣ:
 «А ѿ же Алѣшина молода жена!
 «Пей чару до дна — дакъ увидашь добра,
 «Не выпьешь до дна — не видать добра.»
 Она пила до дна увидала добра,
 Увидала значѣнъ перстень
 Младаго Добрыни Микитича.
 Говорила таково слово:
 — Не тотъ мой мужъ, кой подлѣ стоитъ,
 — Тотъ мой мужъ, кой супротивъ стоитъ. —
 Хватилъ Добрыня Алѣшу за желты кудри,
 Ударилъ Алѣшу о сырѣ землю:
 «Кабы былъ Алѣша не крестовой братъ,
 «Придалъ-бы тебѣ скору смѣртоньку.»

Столько Алѣша и женатъ бывалъ.
 Всякой у насъ, братцы, женится,
 Не всякому женитьба издаваается.

Записано тамъ же, 15 августа.

—
 LX.

АНДРЕЕВА.

Ирина Андреева, крестьянка 60-ти лѣтъ.
 Вдова, въ дер. Немятовой на Кенозерѣ; слыхала
 былины отъ стариковъ и поетъ нѣкоторыя изъ
 нихъ, впрочемъ, довольно нескладно. Кромѣ бы-
 лины, здѣсь помѣщаемыхъ, она пѣла еще обще-
 извѣстную женщинамъ старину про двухъ лю-
 бовниковъ и весьма плохой пересказъ того
 самаго варианта былины про Молодца и рѣку
 Смородину, который поетъ Лядковъ (см. № 262).

—
 293.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

А ѿ да во славномъ городѣ во Кіевѣ,
 А у ласкова князя Владиміра,
 А ѿ да пошло пированье почетной пирѣ
 А ѿ да на многіи князи на бояре,
 А ѿ да на сильніе могучіе богатыри,
 А ѿ да на всѣ поляницы удалые.
 А ѿ лѣтной день идѣтъ ко вечеру,
 А красное солнышко ко западу,
 А ѿ честень-отъ пирѣ на весели.
 А ѿ всѣ-то на пирѣ да напивалисе,
 А ѿ всѣ-то на почетномъ наѣдалисе,
 А ѿ всѣ-то на пирѣ да порасхвасталисе:
 А умной-отъ хвастать отцемъ матерью,
 А ѿ да безумный хвастать молодой женой.
 Да одинъ на пирѣ да все не весѣлъ сидитъ,
 Не весѣлъ ѣнъ сидитъ не радошень:
 «А ѿ что ты Иванъ сынъ Годиновицъ,
 «Не весѣлъ ты Иванушко не радошень.
 «Развѣ мѣсто-то тебѣ да не по вотчины,
 «А чара та да не рядомъ дошла,
 «А ѿ ли умница прибезчестила,
 «Аль безумница насмѣялесе,
 «Али пьяница надрыгалесе.»
 — А ѿ послушай-ко, любезный мой дядюшко!
 — А ѿ умница не насмѣялесе,

— А й пьяница не нарыгаласе.
 — А во славномъ городи въ Чернигови,
 — А у Митрея гостя торговаго,
 — Есте у него любимая дочь,
 — Любимая Настасья дочь Митреевна.
 — Тѣломъ-то бѣла ѣна, лицомъ свѣрстна,
 — А походочка-то лани златорогіе,
 — Щечки у неѣ будто маковъ цвѣтъ,
 — Брови у неѣ соболинне,
 — А глаза-то у неѣ соколинне,
 — А дородно бы, дядушка, посвататься.
 — А добромъ ѣнъ отдасть, я добромъ возьму,
 — А добромъ не отдасть, забоемъ возьму.
 — А й силушки дай колько надобно,
 — Золотой-то казны колько требуется,
 — Поѣду я къ Митрію свататься,
 — А на той ли Настасьи Митрѣвичной. —
 А видѣли молодчика саждаючи,
 А не видѣли молодчика поѣзжаючи.
 А пріѣхалъ ѣнъ въ городъ Черниговской,
 А ко тому ли-то къ Митрею ли гостиному,
 А ко тому ли терему златоверхому,
 А ко тому ли крылечку къ перѣному,
 А ко тому ли столбичку ко точеному,
 А къ колечушку къ золоченому.
 А й да заходитъ Иванъ во високой въ терѣмъ,
 Брестъ-отъ кладѣть по писаному,
 Поклоны ты ведеть по ученому,
 Да на всѣ-то четыре сторонушки,
 А й Митрею гостю въ особинку.
 — Ай здравствуй, Митрей торговій гость!
 — А пріѣхалъ у тебя я посвататься
 — А на той ли Настасьи Митрѣвнѣй.
 — А й добромъ-то отдашь, я добромъ возьму,
 — А добромъ не отдашь, такъ забоемъ возьму. —
 Говорить тутъ Митрей таково слово:
 «У меня про тебя и собачки нѣтъ.
 «А у м'не Настасьюшка просватана,
 «А й да великіе записи пописаны,
 «А къ записямъ-то рученки прикладены,
 «А буйные головушки приложены.»
 Не много Иванушко спрашивалъ,
 Да не долго Иванъ разговаривалъ,
 Захватилъ онъ Настасью за бѣлыя руки,
 Да за тѣ-ли за перстни за злаченые,
 Цѣловалъ во уста во сахарніе,
 Выходилъ съ Настасьей на широкой дворъ,
 А садился съ Настасьей на добра коня,
 А поѣхалъ съ Настасьей во чисто полѣ.
 А видѣли молодчика саждаючи,
 А не видѣли куды поѣзжаючи.

Выѣхалъ съ Настасьей во чисто полѣ,
 А раздернулъ шатѣръ бѣлополотняной,
 Надавалъ коню бѣлоярова пшена,
 Сталъ съ Настасьей опочивъ держать.
 А не стукъ стучить да не громъ гремитъ,
 Лѣтять тутъ Кошей сынъ Трипѣтовичъ,
 — А й станемъ, Иванушка, мы бой держать,
 — А кому-то будетъ на бою Божья помочь. —
 Какъ урвали Кошея о сырѣ землю,
 А ударилъ ѣнъ Иванъ сынъ Годиновичъ.
 «А й же ты Настасья дочь Митрѣвна!
 «А подай-ко ты мнѣ булатній ножъ,
 «Стану рѣзать пороти ѣго бѣлу грудь,
 «Вынимать сердечушко со печенью.»
 Говорить Кошей сынъ Трипѣтовичъ:
 — Не давай-ко, Настасьюшка, булатнаго ножа.
 — А за имъ-то жить тебѣ служанкой слить,
 — А за мной-то жить тебѣ царицей слить. —
 А й женское сердце разгорѣлосе,
 А фатилъ Ивана за желтыя кудри,
 Ударилъ Ивана о сырѣ землю.
 Привязали Ивана ко сырѣ дубу,
 А сами зашли во бѣлой шатѣръ,
 А й стали со Кошеюшкою опочивъ держать.
 А й на этотъ на сырѣй на дубочекъ
 Налетѣло тутъ два сизыхъ голуба,
 А й голубъ налетѣлъ да со голубушкой,
 А носокъ къ носку ѣнѣ цѣлуются,
 Правильными крылышками обнимаются.
 Направилъ Кошеюшко тугой лукъ,
 Натягивалъ Кошеюшко калѣную стрѣлу.
 А этая стрѣла Кошеюшку
 Прилетѣла Кошею въ бѣлу грудь,
 Роспорола у Кошеюшка бѣлу грудь.
 А сидитъ тутъ Настасья дочь Митрѣвна,
 Сидитъ тутъ Настасья разгорюнилась,
 А й отъ бережку да откачнуласе,
 А къ другому-то не привачнуласе.
 Говорить тутъ Иванъ сынъ Годиновичъ:
 «Отвѣжи-тко ты, Настасья, отъ сыра дуба,
 «Я не стану тебя да не битъ бранить,
 «Только дамъ тебѣ три грозы три великіе.»
 Женское сердце розгорѣлосе,
 Отвязала Ивана отъ сыра дуба.
 Отрѣзалъ Иванъ бѣлыя рученки:
 «А мнѣ-то эти рученки не надобно,
 «Которы обнимали Кошеюшка.»
 Да отрѣзалъ у нею да сахарніе уста:
 «А мнѣ эти устия не надобно.
 «Которы цѣловали Кошеюшка.»
 А отломилъ у ей рѣзвы ноженки:

«А мнѣ эти поженки не надобно,
«Которы заплетаи Кощеюшка.»
Да столько Иванъ и женать бываеъ.
А Дунай, Дунай, Дунай,
Боги вперед не знаи.

Записано на Кенозерѣ, 12 августа.

—
294.

БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА.

А жила была да молода вдова,
Молода вдова благочеславая.
А у той вдовѣ было девять сыновъ,
А девять сыновъ да ясныхъ соколовъ,
Во десятые да дочь любимая,
Дочь любимая да одинокая.
А приѣхали да на ей свататься,
Да за мужъ за море да за морянина.
А ея отдала да родна матушка,
Поневолили вѣдь родны братьица,
А ушла съ моряникомъ она за море,
А девять годовъ да не стоснулося,
На десятой годъ да стосковалосе,
Стала звать просить морянина:
«А поидемъ, морянинъ, со мной за море,
«Со мной за морѣ да къ моей матушки,
«Къ той ли ко вдовѣ благочеславые.»
Какъ шли-прошли да путь-дороженку,
А намъ встрѣтилосе девять школьничковъ,
Девять школьничковъ, девять разбойничковъ.
Какъ морянина да въ море врѣзвили *),
А моряночку да съ собой взяли.
Всѣ разбойнички да опочивъ держа,
А одинъ разбойникъ не спитъ нечто (sic),
У моряночки да сталъ выпрашивать:
— Ты скажись, моряночка, коей земли,
— Ты коей земли да ты коей орды,
— Коего отца да коей матери?
«Есть морянка изъ за сннѣ моря,
«Той вдовы благочеславые.
«Меня отдали да родны братьица,
«Поневолила да родна матушка.»
Говоритъ разбойникъ таково слово:
— Вы ставайте, братцы разбойники!
— Не морянина да въ море врѣзвили,
— Не моряночку да вособѣй взяли:

*) потопили.

— Въ море врѣзвили зятя любимаго,
— Да вособой взяли да сестру родную. —
Всѣ разбойнички да перепалисе,
За рогатинки да пофаталисе,
Три дни, три ночи да не пиваючи,
Не пиваючи да не ѣдаючи,
У морянина душу добываючи.

Записано тамъ же, 12 августа.

—
295.

НЕБЫЛИЦА.

Старина скажу стародавнюю,
Стародавнюю да небывалую.
Хорошо сказать, да лучше слушать.
Побѣдна головушка бурлацкая,
Соскопилася гривна передъ злыми дни.
«На кабакъ иду да на вино пропью,
«На остатній грошь да табаку возьму,
«Дунай, Дунай, Дунай, вперед боги не знаи.»
А не курица подъ стопомъ ягниласе,
Не кобыла на лыжахъ прокатиласе,
Клепина въ ели да бѣлку слагала,
Бѣлку слагала да дѣтокъ вывела.
Малы дѣточки да поросюточка,
По сучкамъ вися, да полетить хотя,
Полетить хотя да по поднебесью.
По поднебесью братцы медвѣдъ летить,
Медвѣдъ летить, самъ фостомъ вертить.
А за плотной стѣной было за жарновомъ,
Роздралася свекрова со невѣсткою,
Ѣна мутовками да поварѣнками,
Тараканъ шельма да ѣнъ въ портки насралъ.

Записано тамъ же, 12 августа.

—
LXI.

СТЕПАНЪ МАКСИМОВЪ.

Степанъ Ильичъ Максимовъ, крестьянинъ-земледѣлецъ и отчасти каменотесъ, изъ дер. Немятовской. Выучился былъ про Илью Муромца отъ Трофима Романова изъ дер. Пирзиковской, что на Колодозерѣ (Пудожскаго уѣзда), извѣстнаго, сказителя со словъ ко-

тогого записано 8 былинъ въ сборникѣ г. Рыбинкова (этотъ Трофимъ Романовъ умеръ въ 1870 году). Прочіи «старинки» Максимовъ перевалъ дома, у своей тетки.

296.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Во стольномъ городи во Кіевѣ,
 Да у засковаго князя у Владиміра,
 Да собранъ-то былъ почестной пиръ,
 Да на многіе князи всихъ на бояровъ,
 Да и сильнихъ на могучихъ богатырей,
 Да на ихъ поляницу *) на удалюю.
 Да на всѣхъ-то купецъ-гостей торговыхъ.
 Самъ ли солнышко спотѣшился,
 Да кого дарилъ онъ городами-то,
 Да кого-то дарилъ и съ пригородами,
 Да кого-то дарилъ и селами-то,
 Да селами-то дарилъ да съ присѣлками,
 А Ильи-то подарилъ да шубу кунью-ту,
 Да-де тотъ воротникъ соболіные.
 Да Ильи-то шуба не въ честь пришла,
 Да не въ честь пришла, не въ хвалу дошла.
 Да понёсъ-то-де шубу онъ на кухнюку,
 Да таскалъ-то-де шубу онъ по кухнюкъ,
 Да самъ-то-де шубѣ приговариваетъ:
 «Таскаю я какъ шубу соболіную,
 «Оттаскаю змѣя царя Калина,
 «За его-ль-то за кудерышка желтые.
 «И обливаю шубу зеленымъ виномъ,
 «И обольется его сердце ретивое,
 «Да ево ли-то кровью горячею.»
 Да-де была тутъ дѣвушка чернавушка,
 И доложила то солнышку Владиміру:
 — Ужь ты солнышко Владиміръ князь!
 — Какъ и былъ-то Илья у м'ня на кухеньи,
 — Да таскалъ ёнъ шубу какъ и кунью-ту,
 — Да-де самъ-то онъ шубѣ приговариваетъ:
 — Оттаскивать-ли мнѣ князя да Владиміра
 — И за его ли-то кудерышка за жолтые,
 — Обливать-то де шубу зеленымъ виномъ,
 — Самъ-то ли шубѣ приговариваетъ:
 — Обольется ли солнышко Владиміръ князь
 — Да своей-то ли кровію горячею
 — И отъ монхъ-то рукъ да отъ бѣлыхъ.
 Да разсерчался-то солнышко Владиміръ князь,

*) дружина богатырей, — у каждаго богатыря дружина.

Да скричалъ своимъ да громкимъ голосомъ:
 «Ахъ вы сильніе могучіе богатыри!

«Да отведите вы Илью да вѣдь во погребъ,
 «И навалите чугуновую рѣшеточку,
 «И завалите дубъ-колодыя со всѣ стороны,
 «Да заройте песками ёво жѣлыма.»

Приѣзжаютъ тутъ богатыри:

— Ужь ты старые казакъ Илья Муромецъ!

— Приказалъ намъ солнышко Владиміръ князь

— Посадить тебя въ погребы глубокие,

— И навалить-то рѣшоточку чугуновую,

— И завалить-то дубъ-колодыемъ со всѣ стороны.

— Да зарыть-то песочками желтыма. —

И говорить-то Илья да таково слово:

«Да-де что со мною подѣлаете?»

Да говорятъ богатыри таково слово:

— Да не одно ли солнышко на небѣ,

— Не одинъ ли богатырь на святой Руси,

— Старые казакъ Илья Муромецъ.

— Да выведи изъ неволи изъ великия,

— Побѣдитъ насъ солнышко Владиміръ князь. —

Да садился Илья да на добра коня,

Да поѣхалъ Илья да и во Кіевъ градъ,

Не заѣхалъ Илья во Кіевъ градъ,

Да поѣхалъ во погребу глубокому.

Соходилъ-то съ коня да онъ со добраго,

Да снимае сѣделишко черкальское,

Да снимае уздичу да тесляную,

Да спускае онъ бурушка на Божью волю.

Да спускался Илья во погребы глубокіе,

И навалили рѣшоточку навалили,

И навалили дубъ-колодые со всѣ стороны,

Да зарыли песочками какъ желтыма.

Какъ провѣдала княгиня да Апраксія,

Да конала-то ли копн да глубокіе,

Да къ старому казаву да къ Ильи Муромца

Да носила-то ѣствы сахарніе,

Да ставила напитки медовые.

Да сидѣлъ-то Илья да онъ три годика,

Да провѣдалъ-то царь-змѣй Калиновъ,

Да собралъ силы сорокъ тысячей,

Подшолъ ёнъ къ городу во Кіеву,

Посылае посланника строгаго:

«Ужь ты солнышко Владиміръ князь!

«Ваше-то царство пожрѣмъ-поилѣнимъ

«И головней покатымъ,

«А тебя-то возьмемъ во поварниги,

«Молодую-то княгиню да въ постельницу.»

Да некому-то князя замѣнитъ-то.

Говорила княгиня-то Апраксія:

— Да иди-тко ты въ погребамаъ глубокимаъ

— Да отрой-ко песочек ты желтые.
 — Отвали-ко ты дубь-кѳлодьа на всѣ стороны,
 — Отвали-тко рѣшоточку чугунную,
 — Да проси старика да Илью Муромца. —
 И говоритъ-то-де солнышко Владимірь князь:
 «Да вѣдь нѣтъ-то Ильи да въ живностяхъ.»
 Да приходитъ ко погребамъ глубокіемъ,
 Да отрѣлъ-то песочек да желтые,
 Отвалилъ-то ли дубь-кѳлодьа на всѣ стороны,
 Отвалилъ-то рѣшоточку чугунную,
 Да сидитъ-то Илья вѣдь въ живностяхъ.
 И говоритъ-то де солнышко Владимірь князь:
 «Ужь ты выдь-то Илья да изъ погреба.
 «Какъ подступилъ-то змѣй-царь Калпновъ
 «Подъ нашъ да подъ Кіевъ градъ.»
 — А нѣтъ у м'ня силы теперь по старому. —
 И приходила-то княгиня какъ Апраксія
 Съ сиротами да съ вдовами людьми бѣдными,
 Да прѣсила-то Илью да съ униженіемъ:
 «Да встань ты, Илья, да какъ изъ погреба,
 «Да ли выдь ты, Илья, да на святую Русь.»
 И выходилъ-то Илья да какъ изъ погреба,
 Да скричалъ ѳнъ теперь да громкимъ голо-
 сомъ:
 «Ахъ ты бурушко да ты косматне! —
 Да накладывалъ уздечку тесьманую
 Да накладывалъ сѣдлышко черкальское,
 Да поѣхалъ-то Илья да во Кіевъ градъ.
 Да заѣхалъ-то Илья да на шировой дворъ,
 Да заходитъ-то въ полаты княженецкіе.
 Да встрѣчае ево солнышко Владимірь князь
 Да не одно-то ли солнышко на небѣ,
 Не одинъ ли богатырь на святой Руси,
 Старые казакъ да Илья Муромецъ.
 Да на эту пору да на времечко,
 Да является посланникъ и какъ строгіе,
 Да и требуетъ отъ солнышко Владиміра,
 Да и требуетъ ево да во чисто полѣ.
 Говоритъ-то Илья да какъ и Муромецъ:
 — Ахъ ты солнышко да Владимірь князь!
 — Принеси-тко вина да полтора ведра,
 — Да ты потчуй посланника строгаго. —
 Да берѣтъ-то посланникъ вино еднѳой рукой,
 И выпиваетъ ѳнъ на единый духъ.
 — Принеси еще вина полтора ведра. —
 Да берѣтъ-то вино онъ еднѳой рукой,
 И выпиваетъ ѳнъ на единый духъ.
 — Принеси-тко ты да пива крѣпкаго,
 — Да подай-то ему да полтора ведра. —
 Да берѣтъ-то-де пиво онъ еднѳой рукой,
 Выпиваетъ на единый духъ.

Говоритъ-то старина таково слово:
 — Ахъ ты солнышко да Владимірь князь!
 — Да хорошъ къ намъ пріѣхалъ гостюшко,
 — Да выпилъ напитокъ полпята ведра. —
 И говоритъ-то старикъ таково слово:
 — Да й отсрочьте вы время трѳп сутоки. —
 Да садился Илья да на добра коня,
 Да поѣхалъ Илья да во чисто полѣ,
 Да искать-то дружины своей храбрне.
 Говоритъ ему бурушка косматая:
 «Поѣзжай-ко, Илья, да ко спивъ морю,
 «Да стоитъ-то дружина у сивя моря,
 «Да служила молебные богомольнѣ.»
 Да розѣхался старикъ да Илья Муромецъ
 И поклонился-то имъ съ униженіемъ.
 — Да заступимъ мы да за Кіевъ градъ,
 — Да не для ради князя Владиміра,
 — Съ молодой-то княгиней Апраксией,
 — Да для ради дому Богородицы
 — Да для ради вдовъ сиротъ людей бѣдныхихъ. —
 И отвѣчатъ-то дружина и какъ храбрая:
 «Ты старые казакъ да Илья Муромецъ!
 «Да однажды отъ Кіева отказаны.»
 И воротился Илья да онъ ко Кіеву,
 И пріѣхалъ онъ къ дядюшку родимому.
 — Да любимый мой какъ дядюшка Самсонъ
 богатырь!
 — И пособи защититъ да за Кіевъ градъ.
 — Да не для ради князя Владиміра,
 — Да не для ради княгини Апраксин,
 — Да для ради дому Богородицы,
 — Да для ради вдовъ сиротъ людей бѣдныхихъ.
 — Да не много то я да не поправился. —
 Да подѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву.
 Обступила-то сила бѳльша армія
 Да ко нашему городу ко Кіеву,
 Да ли бьютъ въ колоколы во церковные,
 Проклинають старика да Илью Муромца.
 И разсерчался Илья Муромецъ,
 Да заѣхалъ-то въ рать силу великую,
 Да вынимаетъ старикъ шалыгу подорожную,
 Да и началъ шалыгою помѣхивать.
 Да куда-то махнѣтъ — да какъ улица,
 Да куда й отмахнѣтъ — переулочокъ.
 Да скричалъ-то ли царь громкимъ голосомъ:
 «Ужь ты старые казакъ да Илья Муромецъ!
 «Да отсрочь-ко ты времени трѳп сутоки.»
 Говоритъ-то старикъ да Илья Муромецъ:
 — Да не дамъ-то тебѣ да исколѣшенъко. —
 «Да отсрочь-ко ты мнѣ хоть на сутоки.»
 Да дозволилъ Илья да ваезъ на сутоки.

Да-де въ эту пору въ это времечко
 Да копали-то копи глубокіе,
 Да спускали телѣги ордынскіе,
 Становили-то конья бурманецкіе,
 Зарывали песочками желтыма.
 Да слышались-то бурушко незгодушку,
 И говорятъ-то Ильи да таково слово!
 — Да великое несчастьицо подведено.
 — Да на той-то дорожкѣ на латышкиной,
 — Да на тѣхъ-то скокахъ богатырскіихъ,
 — Да ли выкопаны копи глубокіе,
 — Да ли спущены телѣги ордынскіе,
 — Становили-то конья бурманецкіе,
 — Да первую-то конь перескочимъ мы,
 — И другую-то конь перескочимъ мы,
 — А въ третью-ту конь сами вѣржемся. —
 И рассерчался старикъ да Илья Муромецъ,
 И да садился на бурушка косматаго,
 Да и былъ-де бурушка по тучнымъ ребрамъ.
 И на бою-то Ильи смерть не писана.
 Да поѣхалъ Илья по дорожкѣ по латышкиной,
 Да по тѣмъ-то скокамъ богатырскимъ.
 Да-де первую конь перескакивали,
 Да другую-ту конь перескакивали,
 Да-де въ третью-ту конь сами вѣзались.
 Да взлетѣлъ-де бурушко косматые,
 Да изъ тѣхъ-то копей изъ глубокіихъ,
 Да свалился старикъ да Илья Муромецъ,
 Да схватила его сила больша армія,
 И завязали ему очи ясныя.
 И повели-то Илью да по чисту полю,
 И говорятъ-то царь таково слово:
 «Да ѡ отправьте его да во свою землю *).»
 И говорятъ-то Илья да таково слово:
 — Да повѣсьте меня да во своей земли **),
 — Да во славномъ-то городѣ во Кіевѣ. —
 И повели-то Илью да ко висѣлицѣ,
 И сопровождаютъ Илью да какъ и Муромца,
 Со всѣми звонами-то съ церковными.
 Да идѣтъ-то старикъ потихохонько,
 Да разглядывалъ старикъ помелѣхонько,
 И осмотрѣлъ-то онъ да ѡ богатыря,
 Да который бѣгатырь пилъ вина да полъ - пята
 ведра,
 И ухватилъ-то богатыря за ноги,
 Да и началъ онъ богатыремъ помакивати:
 Такъ куда-то махнетъ — туда улнца,
 Да куда отмахнѣтъ — переулочѣтъ.

*) т. е. въ землю царя Калива.

**) т. е. на Руси.

Да прибилъ-то всѣхъ до единого,
 И самого-то царя да во плѣтъ ѣтъ бралъ,
 Да садилъ-то въ засадушки во рѣчкие.

Записано на Кенозерѣ, 17 августа.

—
297.

СТАРИНА О БОЛЬШОМЪ БЫКѢ.

Да всѣ-то теперь разбѣжались,
 Да всѣ-то теперь роскучались
 И со того со двора со боярскаго,
 Да со того помѣстья государскаго:
 «Да, князья, послушайте,
 «Да, бояра, послушайте,
 «Да мужички, ты земскіе,
 «И старички деревенскіе,
 «Да ребятушка махотные,
 «Да крестьянушка пахотные,
 «И не шумите — послушайте.
 «Да я вамъ старинушку скажу
 «Про того-де большова быка,
 «Рободановика,
 «У котораго степи *) рукой не достать.
 «Промежду-то рогами косая сажень,
 «На рогахъ была подпись-та книжная,
 «Того Василья Богдановича,
 «Самого де Рободановича.»
 Да ли былъ Алѣшенька Кутятинъ-отъ,
 Да не ѣлъ ли онъ да ни утятинки,
 Да не ѣлъ ли онъ ни лебедятинки,
 Захотѣлъ поѣсть урослой телатинки,
 Да-де собралъ ѣтъ почетной пиръ.
 И говорятъ-то Алѣша таково слово:
 — Да кто бы у м'ня да во честномъ пиру,
 — Да кто бы у м'ня да на ножку скоръ,
 — Да кто бы у меня да на походку легокъ,
 — Да скочилъ бы за Москву за рѣку,
 — Да на тотъ бы на боярскаго дворя,
 — Ко тому бы боярину,
 — Да къ Василью Богдановичу,
 — Къ самому Рободановичу: —
 Да былъ Зеновка на ножку скоръ,
 Да былъ на походку легокъ,
 Да скочилъ за Москву за рѣку,
 Да на тотъ ли на широкій дворя,
 Да къ тому ли Василью Богдановичу,

*) мѣсто надъ передними ногами.

Къ самому бнѣ да ли Рободановичу.
 Да обуль-то бытца *) въ лапотци,
 Да повернуть быка пятами на перёдъ,
 Да самъ-то быку да приговаривалъ:
 «Да кто-то быка какъ увёлъ,
 «Да тому бы какъ безвѣстно уйти.
 «Да кто-то быка къ дѣреву визалъ,
 «Да тому бы какъ въ то везиво **) попастьъ.»
 Да былъ Алѣшенька мясникъ,
 Да были у его кулаки толсты.
 И розскачился быка палкой въ лобъ,
 Да ткнулъ-де ево ножомъ въ бокъ.
 Да сдирали кожу съ бычочочка,
 Совивали кожу трубочкой,
 Завязали кожу урывочкомъ,
 Поносили кожу кожевнику.
 Ихнѣ урывочекъ срывается,
 Ихна кожа розвивается,
 Да собаки ты облаяли,
 Да черныя вороны огралаи,
 Пала кожа — дѣло не удаю ***).
 Три года въ дѣло была,
 Да середочка у ей повѣгнела,
 Да краёчкой у ей да не осталосе,
 Да-де вовсе-то кожа потеряласе.
 Да тому-то кожевнику
 Да набили-то спину кнотомъ,
 Да справили двѣстѣ съ рублёмъ,
 Да двѣстѣ съ полтиною,
 Да полно, дѣло повинули.
 Да не люди-ты добрые,
 Да не заступы-ты крѣпкіе,
 Да не гости-ты Стрѣганые,
 Да только кожевнику бы головой вершить.
 Да та бѣда не бѣда,
 Лишь бы больше впередъ не была.
 Да была Марья Кншочница,
 Она старая харчевница.
 Да состроила харчевенку,
 Наварила она студенца,
 Наварила она хорошаго,
 Да сварила она съ прѣбросью,
 Господамъ-то ѣсть было съ лёгостью,
 Да не съ того ли большого быка,
 Рободановика,
 У котораго стѣпи рукой не достать,
 Промежду-то рогами косая сажень,

На рогахъ была подпись-та книжная,
 Того Василя Богдановича,
 Самого-де Рободановича.
 Да той-то Марья Кншочница
 Да набили-то спину кнотомъ,
 Да справили двѣстѣ съ рублёмъ,
 Да двѣстѣ съ полтиною,
 Да полно, дѣло повинули.
 Да не люди-ты добрые,
 Да не заступы-ты крѣпкіе,
 Да не гости-ты Стрѣганые,
 Да только бы Марья и головой вершить.
 Да та бѣда не бѣда,
 Лишь бы больше впередъ не была.
 Да былъ у ихъ Васенька,
 Да былъ у ихъ Васильюшко,
 Да строилъ онъ волыночку
 Да на новую переладочку.
 Да сталь-то Васенько пошалкивать,
 Да стали господа-ты посматривать,
 Да стали Василя подхваивать.
 — Да то-то нашъ Васенька,
 — Да тотъ нашъ Васильюшко!
 — Какъ состроилъ онъ волыночку,
 — Да не съ большого ли быка,
 — Рободановика,
 — Промежду-то рогами косая сажень,
 — На рогахъ была подпись-та книжная,
 — Того Василя Богдановича,
 — Самого-де Рободановича. —
 Да тому-то ли Васенькѣ
 Да набили спину кнотомъ,
 Да справили двѣстѣ съ рублёмъ,
 Да двѣстѣ съ полтиною,
 Да полно, дѣло повинули.
 Да не люди-ты добрые,
 Да не заступы-ты крѣпкіе,
 Да не гости-ты Стрѣганые,
 Да только Василю и головой вершить.
 Да тотъ-то быкъ сталъ во шестьсотъ рублѣвъ,
 И во шестьсотъ рублѣвъ кромѣ становыхъ
 костьѣвъ.
 Дунай, Дунай — больше впередъ не знай.

Записано тамъ же, 17 августа.

*) быка.

**) веревка, привязанная къ рогамъ.

***) плохо.

LXII.

АНДРЕЙ МАКСИМОВЪ.

Андрей Ильичъ Максимовъ, меньшей братъ предыдущаго, крестьянинъ-земледѣлецъ, 35 лѣтъ отъ роду. Знаетъ только одну нижестѣдующую «старину», которую пѣвалъ его дѣдъ, жившій въ той же деревнѣ Нематовой.

—
298.

ПТИЦЫ.

Изъ-за снѣга дунайскаго моря
Вылетѣла малая птица,
Малая птица синица.
Садилася птица синица
На высокое дерево калину,
Начала птица та пѣти,
На Руси голосъ подавати.
Услышали русскія птицы,
Слѣталися птицы стадами,
Садились около рядами,
Въ одну сторону да головами.
Начали птицы ты пѣти,
Заморскую птицу пытаги:
«Сважи-ко, заморская птица,
«Всю-ту сущу правду неутайну:
«Кто у васъ за моремъ больше,
«Кто за дунайскіемъ меньше?»
— Глупая русская птица!
— Зачѣмъ же сюда налетѣла,
— Про синее море спросила?
— Всѣ у насъ за моремъ большія,
— Нѣтъ за дунайскіемъ меньшіе:
— Цари ты всѣ цѣря по царствамъ,
— Попы ты попя по погостамъ,
— Купцы бояра по посадамъ,
— Крестьяна живутъ по деревнямъ.
— Коляникъ былъ на мори царикъ,
— Бѣлая колница царица.
— Солобьюшко былъ веселіе,
— Всякіе свирѣла играе,
— Всѣ ли царя смогѣшае.
— Голубъ-отъ на мори пописъ,
— Голубушка та попадейка.

— Косачки дѣячки церковны.
— Тетери были дѣячицы,
— Куликъ пономарь церковный,
— Травникъ былъ на мори трапезникъ,
— Зуй-отъ ли былъ портомойникъ,
— Жеравъ-отъ былъ перевозникъ:
— Всякую птицу перевозить,
— Ноженки тоненьки долбеньки.
— Штанчики были узеньки,
— Глубоко по берегу бродить,
— Цвѣтнаго платица не мочить.
— Гуси-ты на мори бояра,
— Бѣлыя лебеди княгини,
— Ластушки были дѣвицы,
— Утушки ты молодцы,
— Сѣлезни гости торговли,
— Чаюшка та водоплавка,
— Гагара была рыболовка:
— Всю-то ли рыбу приловила,
— Та-то ли рыба
— На горы не бывала,
— Той-то ли рыбы
— Крестьяна не ѣдали.
— Мошникъ-то на мори крестьянинъ,
— Коппала крестьянская жонка,
— Дроздъ-отъ у ихъ казаченко:
— Коля жердѣ подбирае,
— Вігороды подпирае.
— Ястребъ на мори разбойникъ,
— Сова-то ли былъ подорожникъ,
— Въ деревни оны летають,
— Великую дань собирають.
— По кури берутъ по другой,
— Для сердія ради по четьре.
— Дѣтель-отъ на мори плотникъ,
— Желнѣ-то церковные мастеръ.
— Галушки были циганки,
— Воронъ-отъ вѣщая птица,
— Воробушки были колопы,
— Рябчикъ-отъ на мори страпчикъ,
— Піщикъ-отъ на мори писчикъ,
— Кокушка побѣдная птица:
— День она ночь кокуе,
— Дѣтей выводитъ не толкуе.
— Ворона богатая птица:
— Зимой она да по гумнамъ,
— Весной она по дорогамъ,
— Осенью по суслонамъ.
— Сорока кабацкая блядка:
— Съ ножи на ножку скакала,
— Высоко фостъ залупала,

— Всѣ молодцовъ прелещала.
 — Кúропотъ безпомѣстная птица:
 — Изъ куста въ кустъ онъ и бродить,
 — Себѣ подворья не имѣ.
 — Пѣтушки ты казачки донскіе,
 — Тѣ ли молодцы удалые,
 — По куры дѣржить, по другой,
 — По другой дѣржить, по четыре,
 — И по цѣлому ли по десятеу.
 — Не такъ какъ мужикъ крестьянинъ:
 — Одну бажѣну женушечку держитъ
 — И той нарядить не толкуе.
 — Курица побѣдная птица:
 — Кто ли ей ни изымае,
 — Каждый въ жопы ковыряе,
 — Всѣ какъ лица пытается.
 — Кошечки были вдовицы:
 — День они ночь вдовѣютъ,
 — Днѣмъ-то ли спя по печуркамъ,
 — Ночью-то ходя по добычамъ,
 — Молочные крынки ломаютъ,
 — За то ихъ и бьютъ непошадно.
 — Волкъ-отъ на мори овчинникъ,
 — Медвѣдь-отъ ли былъ кожедерникъ,
 — Заюшко былъ калачникъ,
 — Лисица лукавая свекрова:
 — Сдѣлае вину да не скаже,
 — Дологъ фостъ, не наступишь. —
 Дунай, Дунай — болѣ впередъ не знай.

Записано на Кенозерѣ, 17 августа.

LXIII.

ВАРВАРА МАКСИМОВА.

Варвара Ивановна Максимова, жена предъидущаго, лѣтъ 30 отъ роду, уроженка дер. Шуй-лахты на Кенозерѣ. Переяла былинны отъ своего отца, нынѣ умершаго.

299.

КНЯЗЬ МИХАЙЛО.

Женился не спросился,
 Повѣнчался не сказался.
 Его матушка родима,
 Скоро со двора спроводила,

Парну баенку топила,
 Горючъ камень нажигала,
 Горючъ камень до каліны *).
 Выжигала мать **) младени,
 Мать младени изъ утробы.
 Завивала мать младени
 Въ мелкоотравчату бумажку,
 Кладѣла мать младени
 Во бѣздубову колоду,
 Набивала на колоду
 Что ты обруча желѣзныхъ,
 Поносила ту колоду
 Во Онего великое.
 И какъ ѣде князь Михайло,
 Вороной-отъ коня попѣлся,
 Востра сабелька сломилась,
 Очи ясны помутились,
 Изъ глазъ слѣзы покатились.
 Видно дома нездорово,
 Родна матушка не можетъ.
 Ко крылечку пріѣзжае,
 Его няночки встрѣчая,
 Со слезами проздравляли.
 Князь Михайло прослезился,
 Во Онегушко бросился,
 Во Онего великое,
 Во Онего къ рыболовамъ.
 Рыболовцы рыбу ловятъ.
 «Вы закиньте шолковъ нѣводъ,
 «Вы достаньте ту колоду
 «Изъ Онего великого.»
 Ёнъ примае ту колоду
 Со горючими со слезами.

Записано на Кенозерѣ, 17 августа.

300.

НЕВОЛЬНОЕ ПОСТРИЖЕНИЕ.

Батюшко съ матушкой споръ сучинилъ:
 Батюшку надо за князя отдать,
 Матушке надо да въ старушки постричь.
 «Садись-ко ты, дитятко, да на зóлотой на стулъ,
 «Постригёмъ та дитятка старушкою.»
 — Дай волю, матушка, въ баенку схожу. —
 «Вытопишь ты, дитятко, старушкою,

*) калены.

**) мать князя Михайлы.

«Да садись-ко ты, дитятко, да на зóлотой на стуль,

«Постригёмъ ты дитятка старушкою.»

— Дай волю, матушка, божаткушку дождусь. —

«Садись-ко ты, дитятко, да на зóлотой на стуль,

«Постригёмъ ты дитятко старушкою.»

— Дай волю, матушка, я косы заплету. —

«Остригёмъ у дитятка ножницами.»

Мало по малу да стукъ во крыльцо,

Стукъ во крыльцо да еще брякъ во крыльцо,

Да батюшко идё да молодá князя ведетъ.

Молодой князь идё да золотí вѣнцы несё,

Матушка на ей да ли роспрогнѣваласе.

Хватила она дитятка за бѣлые волоса,

Ушибла она дитятка о сырúю о землю *).

Записано тамъ же, 17 августа.

LXIV.

ЛОСКУТОВЪ.

Едодръ Низифодовичъ Лоскутовъ, крестьянинъ дер. Вершинина у Кенозера, 50 лѣтъ. Большой мастеръ пѣтъ божественные стихи (что, впрочемъ, не имѣтъ для него значенія ремесла). Изъ былинъ знаетъ только нижеслѣдующую, составляющую переходъ отъ былинъ къ духовнымъ стихамъ.

301.

СОРОКЪ КАЛИКЪ.

Изъ-за славнаго батюшка Царя-града,

Изъ-за тово ли изъ-за озера Москова,

Вышло сорокъ каликъ да со каликою,

Да калики тѣ всѣ были ученые,

Ученые калики были грамотнѣе.

Да шубы на каликахъ соболниные,

Подсумки у каликъ рита бархату,

Да шляпы на главахъ земли грецкѣе.

Пришли эти калики ко Ясень ко рѣкѣ,

Да рѣзали калики по жеребью,

Метали тѣ жеребьи во Ясень во рѣку.

*) Забыла конецъ этой старинны, гдѣ рассказывается, что все-таки отецъ, не смотря на сопротивление матери, выдалъ дочь за князя замужъ.

«А й да чей у насъ жеребей противъ воды пойдеть,

«Тому у насъ братцы атаманомъ быть.»

Да всѣ какъ вѣдъ жеребьи внизъ пошли,

Одинъ у насъ жеребей противъ воды пошолъ,

Противъ воды пошолъ, будто соколъ полетѣлъ.

«Пошолъ жеребей Касьяна Михайловича,

«Тому у насъ братцы атаманомъ быть,

«Податаманьемъ Терентью Михайловичу.

«Какъ сдѣлаемте заповѣдъ великую:

«Бто скраде своруе за блудомъ пойдеть,

«По титвамъ копать да во сырúю землю,

«Языкъ-отъ тянуть у него теменемъ,

«Глазá ты копать да вонъ косицами.»

А пошли эти калики во Кіевъ градъ *).

Записано тамъ же, 17 августа.

LXV.

ЗАВАЛЬ.

Ефимъ Явовлевичъ Заваль, крестьянинъ-коноваль, 84 лѣтъ, изъ Ошѣвенска (волость эта лежитъ къ югу отъ Кенозера, по дорогѣ къ Каргополю). Онъ—старообрядецъ и пользуется репутаціею мудреца, лѣкаря и чуть ли не знахаря. Въ качествѣ коновала, исходилъ почти всю Россію отъ Петербурга до Кавказа, былъ въ 20-ти губерніяхъ; на старости лѣтъ поселился на родинѣ и имѣетъ нѣкоторый достатокъ. Онъ мастеръ рассказывать сказки и шутивыя повѣстухи, которыхъ набрался въ своихъ странствіяхъ. Изъ старинъ помнитъ только двѣ, которыя пѣвалъ его отецъ.

302.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА.

Какъ во ту было пору во то время,

Какъ во славномъ было градѣ во Кряковѣ,

Какъ не бѣлая берѣза къ земли клонится,

Приклоняется сынъ ко матери

Молодые Лука Петровичъ дворянской сынъ:

«А ой же ты матушка честна вдова,

*) Конецъ былинны Лоскутовъ рассказывалъ плохо, сбиваясь на сказочный выкладъ.

«Честна вдова Катерина Ивановна!
 «Ты дай мнѣ прощенье благословеньцо,
 «Бхать во далечо во чисто поле
 «Да ко славному морю Каспицкому,
 «Тамъ стрѣлати гусей и лебедей,
 «Сърыхъ малыхъ пернатыхъ утенышковѣ.»
 Не дала она ему не прощенья, не благосло-
 веньцо.

Выходилъ онъ на свой на широкій дворъ,
 Выводилъ онъ коня себѣ бураго.
 Въ вышину тотъ бурушко трѣхъ аршинъ,
 Въ долину тотъ бурушко трѣхъ сажень,
 Какъ у бурушка грива трѣхъ аршинъ,
 Какъ у бурушка чолва трѣхъ падей,
 Какъ у бурушка фостикъ трѣхъ сажень.
 Полагалъ онъ войлоки на войлоки,
 А на верхъ наложилъ сѣделько черкасское.
 Подтягивалъ онъ двѣнадцать подпругъ подъ
 брюхо,

А тринадцатую подъ груди,
 Не ради красы-басы молодецкіе,
 А ради крѣпости богатирскіе.
 Видѣли добраго молодца на коня съдучи,
 А не видали въ кою сторону поѣдучи.
 Выѣзжалъ онъ изъ града изъ Крякова.
 Онъ бьетъ коня по тучнымъ бедрамъ,
 Какъ конь его разгорается,
 Отъ земли его конь отдѣляется,
 Онъ пошелъ выше лѣсу стоячаго
 А ниже облака ходячаго.
 Онъ рѣен, озѣра перескакивать,
 А мхи да болота промежъ ногъ пустить.
 Онъ пріѣхалъ во далечо чисто полѣ,
 Онъ ко славному морю Коспицкому.
 Онъ ѣздилъ цѣлый день до вечера.
 Не нашолъ онъ не гуся, не лебедя,
 Да не сѣраго малаго пернатого утенышка.
 И тутъ говорить Лука Петровичъ дворянской сынъ:
 «А ой же ты мать пресвята Богородица!
 «Не дала мнѣ не гуся, не лебедя,
 «Да не сѣраго малаго пернатого утенышка.
 «Теперь поѣду ли я во тѣ ли во лѣсы во темные,
 «Да во тѣ ли-то грязя топучіе.»
 Заѣхалъ онъ во тѣ ли во темны лѣсы,
 Привязалъ коня онъ ко сырѣ дубу,
 Онъ насыпалъ шена бѣлоярова,
 А самъ сталъ вынать колачикъ крупичатой,
 И не по множечву ножичкомъ порушивать.
 Да вдругъ со восточною стороны,
 Не темной облакъ накатается.
 Налетѣлъ на дубъ черной воронъ,

Какъ загремѣлъ воронъ по ворониному,
 Да какъ дубъ по коренью шатается,
 Говорить Лука Петровичъ дворянской сынъ:
 «А ой же ты черной воронъ!
 «Какъ я выну свой тѣгой лукъ изъ залучника,
 «А каленую стрѣду изъ заплечника.
 «Натяну я свой тѣгой лукъ,
 «Я пушу въ тебя, чернаго ворона.
 «Ушибѣтъ твоѣ черно мясо о сырѣ землю,
 «Потекѣтъ твоя черна кровь во коренья дубовой,
 «Полетитъ твое черно перье по чисту полю
 «Полетитъ твой бѣлой пухъ по поднѣбесью.»
 Во ту было пору во то время,
 Возговорить воронъ по человѣчески:

— А ой же ты молодой Лука Петровичъ дворян-
 ской сынъ!
 — Тебѣ ворона убить — не корысть получить,
 — А тебѣ старца убить — спасенья нѣтъ.
 — А лучше ты молодой Лука Петровичъ,
 — Ты стань по утру ранешенько,
 — Ты до самой красной зори до утренной.
 — Поѣзжай ты во далечо чисто полѣ,
 — Тамъ пріѣдетъ татаринъ Касимовской,
 — Тамъ побейся подерись съ татаринимъ Каси-
 мовскимъ. —

И во ту пору воронъ не видимъ бысть.
 Какъ ставае поутру Лука Петровичъ до зори до
 утренной,
 Онъ садился на своево на добра коня,
 Выѣзжаетъ во далечо чисто полѣ,
 Онъ раскинулъ шатѣръ бѣлополотняной,
 Какъ насыпалъ коню шена бѣлоярово.
 Какъ не долго поры миновалосе,
 Да какъ ѣдетъ татаринъ Касимовской.
 Подъ татариномъ бѣжить бѣлой конь,
 У коня изъ ушей дымъ валить,
 Изъ ноздрей у коня искры сыплются,
 Изъ рта у коня пламя машеть.
 Тутъ садится Лука Петровичъ дворянской сынъ,
 Садится Лука Петровичъ на добра коня,
 Поѣзжаетъ противу татарина Касимовскаго.
 Они съѣхались съ татариномъ Касимовскимъ,
 И ударились они палицами боѣвыми.
 У нихъ палицы въ рукахъ поломались.
 Съѣзжаются они во вторымъ разъ,
 И ударились они саблями вострыми.
 У нихъ сабли въ рукахъ поломались.
 Какъ съѣзжаются онъ въ третей разъ,
 Да ударились они бѣлыми руками.
 Какъ сшибъ Лука Петровичъ татарина на сырѣ
 землю,

Какъ притиснулъ конь ногой татарина къ сирой
земли.

Какъ сходить Лука Петровичъ со своего добракона,
Садится къ татарину на бѣлу грудь,
Вынимаетъ пожищо кинжалнищо,
И самъ говоритъ таково слово:

«А ой же ты татаринъ Касимовскій!

«Ты скажи какой орды ты какой земли,

«Какого роду ты какого племени.»

Говоритъ татаринъ Касимовской:

— А ой же ты удалъ доброй молодець!

— Кабы я сидѣлъ на твоихъ на бѣлыхъ грудяхъ,

— Я не спрашивалъ бы не роду, не племени;

— Я поролъ бы твои бѣлы груди,

— Вынималъ бы твоё сердце со печенью. —

«Да однако скажи татаринъ Касимовскій,

«Ты какой орды какой земли,

«Ты какого роду и племени.»

Говоритъ татаринъ Касимовской:

— А ой же ты удалъ доброй молодець!

— Кабы я сидѣлъ на твоихъ на бѣлыхъ грудяхъ,

— Я не спрашивалъ бы не роду, не племени;

— Я поролъ бы твои бѣлы груди,

— Вынималъ бы твоё сердце со печенью. —

Въ трѣтихъ говоритъ Лука Петровичъ:

«Ты скажи татаринъ Касимовской!

«Ты какой орды, какой земли,

«Ты какого роду и племени.»

Говоритъ татаринъ Касимовской:

— Я изъ славнаго города изъ Крякова,

— Я Василей Петровичъ дворянской сынъ. —

Какъ ставаетъ Лука Петровичъ дворянской сынъ

На свои на рѣзвы ноги,

Какъ примааетъ его за бѣлы руки,

Какъ становитъ его также на рѣзвы ноги,

Да цѣлуетъ его во уста во сахарніе:

«А ой же ты любезной мой брателко,

«Я и самъ изъ того града изъ Крякова,

«Молодые Лука Петровичъ дворянской сынъ.»

Говоритъ татаринъ Касимовскій:

— А ой же ты родимый мой брателко,

— Молодой Лука Петровичъ!

— Какъ наѣхали татара Касимовски,

— Какъ на славный нашъ на Кряковъ градъ,

— Отца нашего Петра смерти предали,

— А меня малолѣтнаго въ полонъ взяли,

— А ты остался отъ меня во качелюшки. —

Тутъ садятся они на добрыхъ коней,

Пріѣзжаютъ во славный городъ во Кряково.

Заѣзжаетъ Лука Петровичъ на свой на широкий
дворъ,

Говоритъ Лука Петровичъ таково слово:

«А ой же ты матушка честна вдова Катерина
Ивановна!

«Ты встрѣчай-ко меня съ дорогимъ гостемъ,

«Я привѣзъ тебѣ въ гости татарина Касимов-
скаго.»

Говоритъ Катерина Ивановна:

— А ой же ты мой любезный сынъ,

— Молодой Лука Петровичъ дворянской сынъ!

— Я и чуть не могу про татарина Касимов-
скаго.

— Какъ плѣнили татара нашъ Кряковъ градъ,

— Твоего отца Петра дворянина смерти предали,

— А брата Василья Петровича въ полонъ взяли. —

«А ой же ты любезная матушка,

«Честна вдова Катерина Ивановна!

«Я не татарина привѣзъ тебѣ Касимовскаго,

«А своего я привѣзъ братца роднаго,

«Я Василья Петровича сына дворянскаго.»

Тутъ пошли они въ полаты бѣлокаменны,

Тамъ сажались они за столы за дубовые,

Тамъ веселились пировали много времени,

А потомъ остались въ покоѣ и веселіи.

Записано въ Ошевскомъ, 18 августа.

303.

СТАРИНА О БОЛЬШОМЪ БЫКѢ.

А й диди диди диди дидѣ,

Князи послушайте,

Да бояра послушайте,

Да вы всѣ люди земскіе

Мужики вы деревенскіе,

Да солдаты служивые,

Да ребятушки маленькіе,

Не шумите послушайте.

Да старушки вы старенькіе,

Не дремите послушайте.

Молодые молодушки

Не прядите послушайте.

Да красныя дѣвушки

Да не шейте послушайте.

Да какъ я вамъ пословицу скажу,

Да пословицу хорошенькую,

Про того ли про большаго быка,

Про быка Рободановскаго.

Да какъ тотъ ли великіе быкъ,

Да какъ степи рукой не добыть,

Промежу роги косая сажень,
 На рогахъ подишь княжеская:
 Василя Богдановскаго,
 Да еще Рободановскаго.
 Да какъ нашъ-отъ великіе князь,
 Аеонасій Путятинской,
 Да не ѣсть онъ гусятинки,
 Да не бѣлье лебедятинки,
 Да не сѣрые утятинки,
 Не иудѣйской курятинки.
 Да свинина отѣлесе,
 Баранины не хочется.
 Захотѣлесе говядинки,
 Да урослой телятинки.
 Да какъ самъ-то похаживаетъ,
 Да какъ самъ-то покряхиваетъ,
 Бородой-то потрахиваетъ,
 Да какъ самъ выговариваетъ:
 «Да какъ есть ли у меня на дворѣ,
 «Да такіе люди подобныѣ.
 «Да сходили бы на барской дворѣ,
 «Да на помѣстьѣ дворянское
 «По того ли по большого быка,
 «По быка Рободановскаго.»
 Да какъ былъ-то Зеновей слуга,
 Да онъ часто на Волги ходилъ,
 Да онъ много-то сѣлъ тамъ громилъ,
 Да и тѣмъ голову кормилъ.
 Хватилъ конопля на плетень,
 Да скочилъ за Москву за рѣку
 Ко двору-то боярскому,
 Да къ помѣстью-то дворянскому.
 Да какъ свилъ-то вѣдъ визивцѣ,
 Да какъ онъ воръ догадивъ былъ,
 Быку липовы лаптици обулъ,
 Напередъ онъ пятами повернулъ
 Да какъ такъ-то быка увѣлъ.
 Да завѣлъ быка въ рошницу,
 Привязалъ быка къ деревцу.
 Да какъ самъ-то похаживаетъ,
 Да какъ самъ поговариваетъ:
 — Да какъ кто-то быка-то увѣлъ,
 — Да и тотъ-то безвѣстно ушолъ,
 — Да какъ кто съ быка кожу сдерѣтъ,
 — Да и тотъ концомъ пропадѣтъ. —
 Да какъ былъ-то Алѣша мясникъ,
 Да у него кулаки мясны,
 Да у него клепикій востры.
 Да какъ ткнулъ быка палкой въ лобъ,
 Да какъ ткнулъ клепикомъ-то въ бокъ,
 Да какъ взялъ съ быка кожу слупилъ,

Да слупилъ въ трубу завертѣлъ,
 Завязалъ его вязивцѣмъ,
 Да и чуть на плечо воротилъ.
 По несчастью Алѣшенкину,
 По навожденью по дьявольскому,
 Да какъ люди тѣ пробаяли,
 Да собаки тѣ облаяли,
 Да обстали собаки въ кругъ,
 Да лише только кожа кинуть съ рукъ.
 Да скочилъ за Москву за рѣку,
 Да какъ къ Митьѣѣ къ кожѣвнику,
 Полтора́ годы въ дѣлѣ былъ,
 Да не удала изъ дѣла вышлѣ:
 Да серѣдочка выгнила,
 По краямъ не осталось ничто,
 Да Алѣши-то мяснику,
 Да какъ Митьки-то кожѣвнику,
 Какъ кожи по рядамъ провелъ,
 Да кожи тѣ енутомъ набилъ,
 Да какъ справили двѣсти рублей,
 Да по двѣсти съ полтиною,
 Да еще не накиннули,
 Кабы нѣ люди добрые,
 Да не заступы тѣ крѣпкіе,
 Да не гости тѣ Стрѣганова,
 Да лише только головѣ отстать.
 Та-то бѣда не бѣда,
 Да лишъ бы болѣ той не была.
 Да къ тому ли къ большому быку,
 Да къ быку Рободановскому,
 Да били два тѣ харчевника,
 Да молодые тѣ поспѣшнички,
 Да какъ губки обрѣзывали,
 Да бедѣрки обрѣзывали,
 Да какъ сдѣлали студенцу,
 Молодую да съ прѣрѣзью,
 Да на здоровье и съ лѣгостью,
 Да не на что не подумати.
 Выносили на базаръ продавать,
 Да какъ гости подхаживали,
 Да бояра подхаживали,
 Да студенечку подкушивали,
 Да какъ ей-то подхвалявали:
 Да какъ-то это студеньца,
 Молодая да съ прѣрѣзью,
 На здоровье и съ лѣгостью,
 Не на что не подумати,
 Да не тово ли большого быка
 Да быка Рободановскаго,
 Да какъ двумъ-то харчевникамъ,
 Да молодымъ-то поспѣшникамъ.

Да какъ кожи по рядамъ проведи,
 Да какъ кожи тѣ кнутомъ набилъ,
 Да какъ справили двѣсти рублей,
 Да по двѣсти съ полтиною,
 Да еще не покинули,
 Кабы нѣ люди добрые,
 Не заступы тѣ крѣпкіе,
 Да не гости тѣ Строганова,
 Лише только головъ отстать,
 Да какъ то-то бѣда не бѣда,
 Да лишь бы больше той не была,
 Къ тому ли къ большому быку,
 Да быку Рободановскому.
 Да била Марья харчевенка,
 Молодая поспѣшенка,
 Да кишочки обрѣзывала,
 Да какъ ихъ-то начинивала
 Толоконцемъ да крупочкой,
 Да лучкомъ да и перечкомъ,
 Выносила на базаръ продавать.
 Да какъ гости подхаживали,
 Да бояра подхаживали,
 Да кишочки подкушивали,
 Да какъ ихъ-то подхваливали:
 Да какъ-то это кишечки,
 Молодые да съ прорѣзью,
 На здоровье и съ лёгостью.
 Не на что не подумати,
 Не того ли большого быка,
 Да быка Рободановскаго.
 Да какъ Марья-то харчевенки,
 Да молодой-то поспѣшенки.
 Да какъ кожу по рядамъ проведи,
 Да какъ кожу-ту кнутомъ набилъ,
 Да какъ справили двѣсти рублей,
 Да по двѣсти съ полтиною,
 Да еще не покинули,
 Кабы нѣ люди добрые,
 Не заступы тѣ крѣпкіе,
 Да не гости тѣ Строганова,
 Лише только головъ отстать,
 Да какъ та-то бѣда не бѣда,
 Да какъ больше той не была,

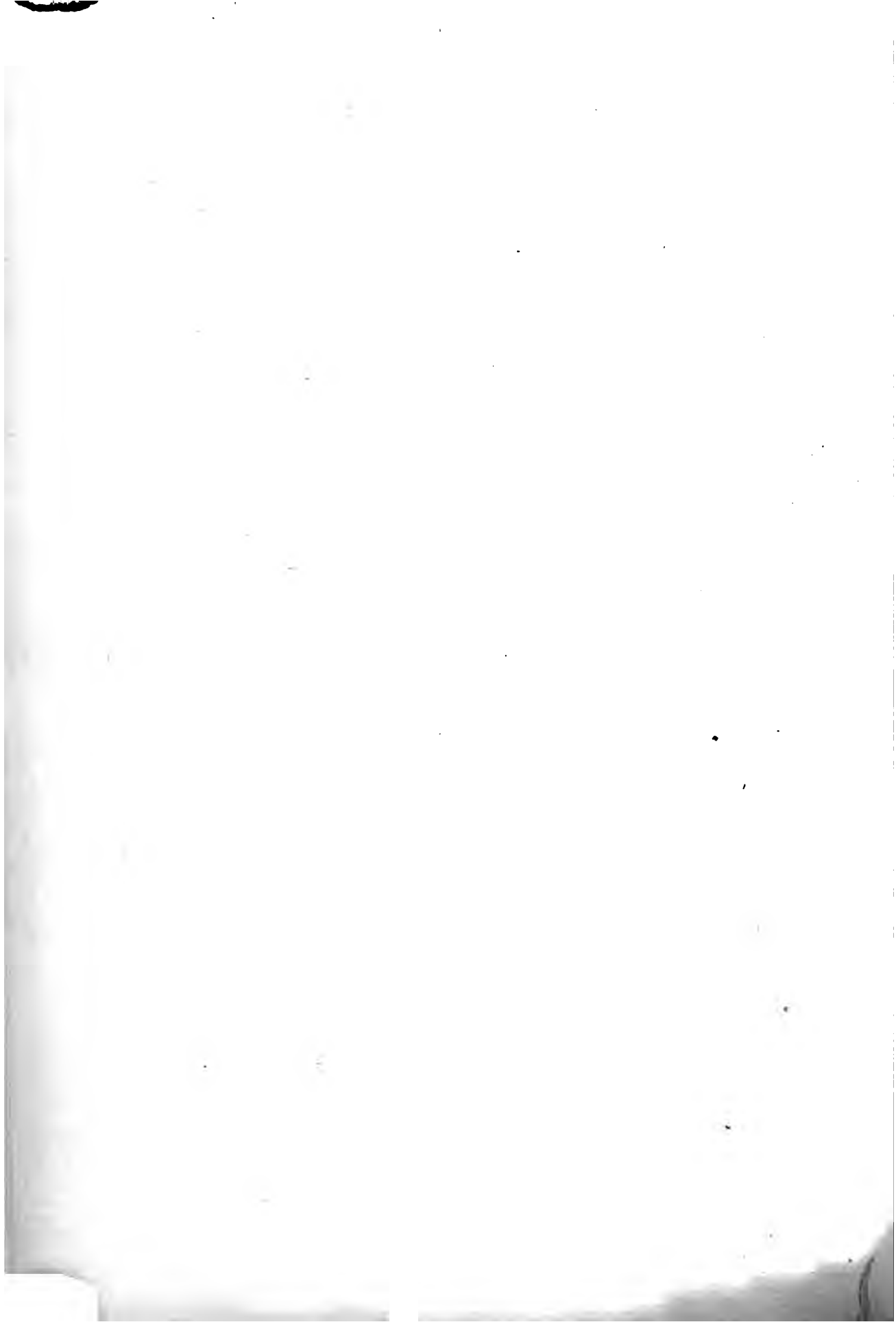
Да къ тому ли къ большому быку,
 Да къ быку Рободановскому
 Да былъ нѣбаковъ волынничёкъ,
 Да молодой-отъ гудошничёкъ.
 Да онъ другомъ *) пузѣрь доступилъ,
 Да какъ сдѣлалъ волынчочку,
 Да на новую перегудочку.
 Да какъ сталъ онъ на рѣнонь гулять,
 Да какъ сталъ онъ въ волынку играть,
 Да какъ гости подхаживали,
 Да бояра подхаживали,
 Да волынку послушивали,
 Да какъ ей-то подхваливали:
 Да какъ-то это волынчочка,
 На новую перегудочку,
 Да не на что не подумати,
 Но того ли большаго быка,
 Да быка Рободановскаго.
 Да тому ли-то волыннику,
 Да молодому-то гудошнику,
 Да какъ кожу-ту кнутомъ набилъ,
 Да какъ справили двѣсти рублей,
 Да по двѣсти съ полтиною,
 Да еще не покинули,
 Кабы нѣ люди добрые,
 Не заступы ты крѣпкіе,
 Да не гости тѣ Строганова,
 Лише только головъ отстать,
 Да какъ та-то бѣда не бѣда,
 Да какъ болѣ бы той не бѣды,
 Да къ тому ли къ большому быку,
 Да къ быку Рободановскому.
 Да какъ каженя косточка,
 Да какъ стала-то въ пять рублей,
 Да какъ каждое ребришко,
 Да какъ стало-то въ семь рублей,
 Опрічѣ становѣхъ костей,
 Ровно тысяча сѣмьсотъ рублей,
 А становѣмъ костѣмъ,
 И цѣны не знай.

Записано тамъ же, 18 августа.

*) черезъ друзей досталъ.

VII.

MO III A.

МОША.

LXVI.

ШВЕЦОВЪ.

Николай Михайловичъ Швецовъ, крестьянинъ дер. Ормы, Лимскаго прихода (сосѣднаго съ Мошенскимъ), 65 лѣтъ, грамотный. Его дѣдъ, Леонтіѳъ Игнатъевичъ, славился какъ знатокъ былинь; занимаясь преимущественно рыболовствомъ на р. Мошѣ, онъ бралъ съ собою внука, который тутъ и слышался отъ него былинь, потому что дѣдъ, во время рыбной ловли, почти всегда пѣвалъ. Самъ Швецовъ мало занимается рыболовствомъ, а болѣе «крестьянствуетъ», по зимамъ же обыкновенно ѣздитъ къ Бѣлому морю, въ Сороку, покупать тамъ сельдей, которыя доставляетъ для продажи въ Вельскъ, Верховажье и Вологду. Онъ одинъ изъ самыхъ зажиточныхъ и уважаемыхъ крестьянъ въ его мѣстности. Одинъ изъ его сыновей, по словамъ Швецова, перенялъ почти всѣ былины, которыя онъ знаетъ.

304

ИЛЪЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

А ѿ вѣдъ чужда Калинъ Смарадоновичъ
Собираетъ онъ силы съ сорока земель,
Съ сорока земель и съ сорока царей,

Со «кажнимъ» силы по стѣ тысячей,
А съ самимъ собакою силѣ несчетная.
Поднимался онъ чужь да на святую Русь,
На святую Русь, на красенъ Кіевъ градъ,
Не дошелъ до Кіева пятнадцать верстъ,
Розоставилъ онъ шатры бѣлополотняны,
Выбиралъ татариченка малава,
Которой по-русьски умѣлъ говѣрнн,
Онъ гораздъ толмачить по татарскому,
Онъ и писалъ ему грамоту скорописчату,
А на верхъ словами наговаривалъ:
— Ты поди, татарченко, во Кіевъ градъ,
— Ты поди ко князю ко Владиміру,
— Да поди въ палаты бѣлокаменны,
— Отвори ты двери ты на пату,
— Не клади креста ты по писаному,
— Не веди поклона по ученому,
— А Владиміру князю ты не кланяйся,
— Да ѿ княгини Опраксн такожде,
— Выкидай ты грамоту на дубовый столъ,
— Да ѿ на верхъ словами наговаривай:
— «Ужъ ты ѿ Владиміръ стоешь-кіевскн!»
— «Выбирайсе изъ города изъ Кіева,
— «Аль встрѣчай собаку «аря Калино». —
Онъ пошелъ татарченко во Кіевъ градъ,
Да ѿ приходнть ко князю ко Владиміру,
Онъ заходитъ въ палаты бѣлокаменны,
Не кладетъ креста онъ по писаному,
Не ведетъ поклона по ученому,
Онъ Владиміру князю не кланялся,
Да ѿ княгини Опраксн такожде,
Выкидалъ онъ грамоту на дубовой столъ,

А онъ самъ говорилъ таково слово:
 «Ужь ты ой Владиміръ стодень-кіевской!
 «Выбирайся изъ города изъ Кіева,
 «Али стрѣчай собаку царя Калина.
 «Ты мости мосточки каленны,
 «Усынай песочками желтыма,
 «Утяни всё сукна багречевыя,
 «Убивай гвоздѣмъ шеломчатнымъ,
 «Да куда итти куда ѣхати,
 «Самому собакѣ царю Калину.»
 А вѣдь тутъ Владиміръ призадумался,
 Онъ задумался и запечалился,
 Собиралъ онъ скоро князь почестной пирь,
 Да онъ самъ говорилъ же таково слово:
 — Ужь вы ой князья вы мой бояра,
 — Вы сильныи могучии богатыри,
 — А й всё поляницы вы удалыи,
 — Пособите князю думу думати,
 — Выбираться изъ города изъ Кіева,
 — Али намъ съ собакой попротивитесь. —
 А большѣй хоронится за среднево,
 А средній хоронится за меньшево,
 А отъ меньшево князю отвѣту нѣтъ.
 Изъ тово ли стола было изъ заднево,
 Да изъ той скамелки бѣлодубовой,
 Выставалъ удалой доброй молодець,
 А вѣдь храбрый сударинъ Илья Муромецъ,
 Да онъ самъ говорилъ таково слово:
 «Ужь ты ой Владиміръ стодень-кіевской!
 «Когда заведешь ты князь почестной пирь,
 «Тогда много есть у тебя думщиковъ,
 «Много думщиковъ, много совѣтниковъ,
 «А топерь вѣдь нѣту ни единово.
 «Еще я тебѣ да что придумаю,
 «Я придумаю да присоветую:
 «Ты дари татарченка шубою,
 «Ево шубою ты соболіною,
 «Ты дари татарченка шапкою,
 «Ево шапкой чѣрной мурманкой,
 «А оснета пушкета была завѣсета,
 «Насынай ему мису злата серебра,
 «Я поѣду просить строку на три годичка,
 «Къ самому собакѣ къ царю Калину.»
 Онъ сѣдлалъ-уздалъ скоро добра коня,
 Да й поѣхалъ Илеюшка во чисто полѣ,
 А Владиміру князю онъ наказывалъ:
 «Запирай ворота ты на крѣпко.»
 Онъ ирѣхалъ къ собакѣ царю Калину,
 Онъ заходитъ Илеюшка во бѣлыя шатеръ:
 «Ужь ты чужь да Калинь Смарадоновичь,
 «А ты дай намъ строку на три годичка —

«Намостить мосточки каленны,
 «Усыпать песочками желтыма,
 «Утянуть всё сукна багречевыя,
 «Убивать гвоздѣмъ шеломчатнымъ,
 «Да куда встрѣчать собаку царю Калину,
 «А куда итти да куда ѣхати,
 «Самому собакѣ царю Калину.»
 — Я не дамъ вамъ строку на три годика —
 «Ты хоть дай намъ строку на полъ-годичка»
 — Я не дамъ вамъ строку на полъ-годичка —
 «Ты хоть дай намъ строку на три мѣсяца.»
 — Я не дамъ вамъ строку на три мѣсяца —
 «Ты хоть дай намъ строку на три денечка.»
 — Я не дамъ вамъ строку на три денечка —
 А проговорить татарченку малое:
 «Ужь ты чужь да Калинь Смарадоновичь,
 «А безстрочныхъ людей-то вѣдь на свѣтѣ нѣтъ.»
 Онъ вѣдь далъ имъ строку на три денечка.
 А й поѣхалъ Илеюшка отъ бѣла шатра,
 Онъ вѣдь тутъ Илеюшка роздумался,
 Онъ роздумался и запечалился:
 «Не знай въ Кіевъ ѣхати, не знай — во чисто
 поле,
 «Я поѣду развѣ да въ чисто полѣ,
 «А исвать поѣду своево дядюшки,
 «Дядюшки Самсона Нанойловича.»
 А онъ ѣздилъ день да и до вечера,
 Да не могъ наѣхать своево дядюшки.
 А стоитъ гора да ирвысокая,
 Да вѣдь тутъ Илеюшка роздумался:
 «Я выѣду на гору на высокую,
 «Я поѣду виражъ да со крутой горы,
 «Упаду ли я да со добра коня,
 «Ушибуся я о сыру землю,
 «Хошь бы мнѣ не отъ собаки скоро смерть при-
 нять.»

А онъ выѣхалъ на гору на высокую,
 А онъ здрѣлъ-смотрѣлъ да на всё стороны,
 А увидѣлъ въ доли стоять бѣлыя шатры,
 А вѣдь бѣлыя шатры полотняныя,
 А вѣдь маковки были золоченыя,
 Да й поѣхалъ Илеюшка ко бѣлымъ шатрамъ,
 Ажно тутъ въ шатрѣ ево дядюшка,
 Ево дядюшка Самсонъ Нанойловичъ.
 Да проговоритъ Илеюшка Муромецъ:
 «Ужь ты ой родимой ты мой дядюшко,
 «А поѣдемъ скоро въ красенъ Кіевъ градъ,
 «Обступилъ собака красенъ Кіевъ градъ.»
 А проговоритъ Самсонъ Нанойловичъ:
 — Ужь ты ой любезной мой племянничекъ,
 — Отказалъ меня Владиміръ князь отъ Кіева —

А проговорить Илья Муромецъ:
 «Не для Владиміра князи со княгиною,
 «Для Божьихъ церквей для монастырей,
 «Для сиротъ-то маленькихъ дѣточекъ.»
 Закричалъ Самсонъ да громкимъ голосомъ:
 — Ужь вы ой, мои слуги вѣрныя,
 — Вы двѣнадцать сильнѣи богатыри,
 — Вы сѣдлайте-уздайте скоро добрыхъ коней.—
 А срядились они да и поѣхали.
 Не доѣхали до Кіева пятнадцать верстъ,
 Сошли Самсонъ со добра коня,
 Розоставили шатры бѣлополотняны,
 Онъ ложился спать опочивъ держать,
 А Илеюшка Муромчу недосугъ вѣдь спать,
 Онъ вѣдь билъ коня съ поры на пору,
 Онъ вѣдь скачетъ конь съ горы на гору,
 Онъ пріѣхалъ Илеюшка во Кіевъ градъ,
 Обступила сила красенъ Кіевъ градъ,
 А вѣдь бьютъ въ колоколѣ да во плакуція,
 Проклинають Илеюшку Муромчу,
 Не велѣлъ выбираться да намъ изъ Кіева,
 А теперь приходитъ смѣртка скорая.
 У Илеюшки побоища не случилось,
 Ухватилъ татарина онъ за ногу,
 Да й началъ татариномъ помахать,
 Онъ вѣдь гдѣ махнѣтъ тутъ и улочка,
 А назадъ отмахнѣтъ переулочекъ,
 Да и отбилъ онъ силу на три поприща.
 Тутъ забилъ въ колоколѣ да въ радуція,
 Моля здравія здоровья, вѣку долгаго
 А за свѣта судара Илью Муромча.
 Да й проговорить Илеюшка Муромецъ:
 «Ужь ты ой Владиміръ столень-кіевской,
 «Ты подай съ полицы мнѣ-ка тугой лукъ,
 «Ты подай съ полицѣ мнѣ калену стрѣлу.»
 Да й натагивалъ Илеюшка тугой лукъ,
 А накладывалъ стрѣлочку каленую,
 А онъ самъ ко стрѣлки приговаривалъ:
 «Полети моя ты калена стрѣла,
 «Далеко далече во чисто полѣ,
 «Не пади не на воду не на землю,
 «Паднъ къ дядюшкѣ Самсову на бѣлы груди,
 «А сбуди его да отъ велика сна.»
 Ото сна Самсонъ пробуждается,
 Закричалъ Самсонъ громкимъ голосомъ:
 — Ужь вы ой мои слуги вѣрныя,
 — Вы двѣнадцать сильнѣи богатыри,
 — Пошто ѣхали мы-то и проспали,
 — А мы выдали Илью Муромча,
 — Вы сѣдлайте-уздайте скоро добрыхъ коней.—
 А срядились они да и поѣхали,

Да й пріѣхали во красенъ Кіевъ градъ.
 А проговорить Самсонъ Нанойловичъ:
 — Ужь ты ой любезной, мой племянничокъ,
 — Поѣзжай топеръ ты во чисто полѣ,
 — А ложись ты спать да опочивъ держать,
 — А мы будемъ здѣсь оберегатели,—
 Онъ поѣхалъ Илеюшка во чисто полѣ,
 Онъ розоставилъ себѣ скоро бѣлы шатеръ,
 А ложился спать и опочивъ держать.
 Онъ вѣдь спалъ девять дней да и девять ночей
 Поутру ставаетъ ево добрый конь,
 Онъ провѣштвуетъ языкомъ человѣческимъ:
 — Ужь ты ой любезной мой хозяйнушко,
 — Мнѣ ночесъ коню добру малю спалось,
 — А малю спалось, да много видѣлось,
 — Будто копаецъ Калинъ Смарадоновичъ,
 — Онъ копаецъ три подкои глубокиа,
 — Упаду я доброй конь въ первую подкою,
 — А я самъ-то доброй конь выскочу,
 — Тебя добраго молодца вынесу;
 — Упаду я доброй конь во вторую подкою,
 — А я самъ-то доброй конь выскочу,
 — Тебя добраго молодца вынесу;
 — Упаду я доброй конь въ третью подкою,
 — Я вѣдь самъ-то доброй конь выскочу,
 — Тебя добраго молодца не вынесу.—
 А проговорить Илеюшка Муромецъ:
 «А тебѣ не спалось дакъ тебѣ видѣлось,
 «А вѣдь мнѣ Илеюшки на здоровьнцо.»
 Онъ сѣдлакъ-уздалъ скоро добра коня,
 Да поѣхалъ Илеюшка изъ чиста поля.
 А упалъ ево доброй конь въ первую подкою,
 А онъ самъ вѣдь доброй конь выскочилъ,
 Ево доброво молодца выносилъ;
 Да упалъ онъ доброй конь въ вторую подкою,
 Онъ вѣдь самъ-то доброй конь выскочилъ,
 Ево добраго молодца выносилъ;
 Да упалъ онъ доброй конь въ третью подкою,
 Да онъ самъ вѣдь доброй конь выскочилъ,
 Ево добраго молодца не выносилъ.
 Тутъ схватили-сымали вѣдь добраго молодца
 Да й сковали въ желѣза во нѣмецкіа,
 А въ ручныя въ ножныя да и въ заплечныя,
 Повели къ собагѣ къ царю Калину.
 А проговорить чужда Смарадоновичъ:
 — Ужь ты ой Илеюшка Муромецъ,
 — У меня вѣдь есть двѣ дочери,
 — Ты посватайся на мои дочериахъ,
 — Я любую отдамъ за тебя замужь.—
 Говорилъ Илеюшка не съ упадкою:
 «Ужь ты чужда Калинъ Смарадоновичъ,

«Не случилось у меня сабли вострыя,
 «Я посватался бы на твоей шен.»
 Да на толи чужда порозсердилса,
 Приказалъ вести да во чисто поле —
 Отрубить ему буйну голову.
 Повели Илеюшку въ чисто полѣ,
 Да вѣдь вывели ево во чисто полѣ,
 Онъ страхнулса Илеюшка Муромецъ,
 Всѣ нѣмецкія желѣза попадали,
 А ручныя ножныя да и заплечныя.
 А вѣдь тутъ Илеюшка на воли сталъ.
 У Илеюшки побонища не случилосе,
 Ухватилъ татарина онъ за ногу,
 Да началъ татаринѡмъ помахивать,
 Онъ гдѣ махнетъ а тутъ и улица,
 Назадъ отмахивѣтъ — тутъ переулочекъ,
 А прибилъ онъ силы и смѣту нѣтъ.
 Самъ пошолъ Илеюшка во Кіевъ градъ,
 Да приходитъ ко князю ко Владиміру.
 А вѣдь тутъ Самсонъ и Нанойловичъ,
 А съ двѣнадцатю онъ богатырями.
 Они стали метати во жеребей,
 Да кому итти по праву руку,
 А кому итти по лѣву руку.
 На паю Илеюшки не обидѣли,
 Доставалосе итти по серѣдкѣ по матицы
 Противо собаки царя Калина.
 Выходили они да во чисто полѣ
 Они стали силу битъ какъ траву косить,
 А прибили силу всю до единово,
 Не оставили и не единово,
 Самого собаку царя Калина
 А отсѣкли ему да руку правую,
 Отрубили ему да ногу лѣвую,
 Да вѣдь выкопали ему-то вѣдь правый глазъ,
 Посадили ево да на добра коня,
 Да спустили ево да во чисто полѣ:
 «А ты ѣзди вѣкъ да и по вѣву,
 «А мы будемъ за Кіевъ обстоятели
 «Отъ всѣхъ сторонъ оберегатели.»

Записано на Мошѣ, 24 августа.

—
 305.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЫИ МУРОМЦА.

А старья сударинъ Илья Муромецъ,
 Хорошъ былъ у старова доброй конь,
 А онъ ѣздилъ въ чистѡмъ полѣ день до вечера,
 А темную почъ до бѣла свѣту,

Да наѣхалъ онъ въ чистѡмъ полѣ три дороженки,
 Три дорожки наѣхалъ три розстанюшки.
 На розстаняхъ лежить тамъ вѣдь бѣлъ камень,
 На камешкѣ подпись написана:
 «А въ дорожку ту ѣхать — богату быть,
 «Въ другую ту ѣхать — женату быть,
 «А во третью ѣхать — убиту быть.»
 А тутъ вѣдь какъ старъ пороздумалса,
 Да въ которую дорожку будетъ ѣхати:
 «На что мнѣ-ка старому богатество?
 «Я самъ-то умру живѡтъ останется,
 «Живѡтомъ-то владѣтъ будетъ немѡму.
 «А по что мнѣ старому женитиса?
 «А женитиса мнѣ — не нажитиса,
 «Худой-то мнѣ взять — не захочетса,
 «А хорошая-то взять — такъ чужа корысть.
 «Поѣду въ ту дорожку, гдѣ убиту быть,
 «А убитому быть и замучену,
 «А души-то со тѣломъ быть разлѣченой.»
 А онъ ѣхалъ по пути по дороженки,
 Наѣхалъ стаметниковъ разбойниковъ,
 Не мало число сорокъ тысячей.
 Говорятъ эти стаметники разбойники:
 — Это что-ли за шаль къ намъ пріѣхала,
 — Съ коня-то вѣдь снать ево неково,
 — Да развѣ взять-то у старова нечево. —
 Говорилъ съ нима старъ не съ упадкою:
 «А вы глупыя стаметники разбойники!
 «Съ коня-то вѣдь снать ево неково,
 «Да и взять вамъ у старова нечево,
 «Одна кунья вѣдь шубочка въ пятьсотъ рублей,
 «По барманамъ казны сорокъ тысячей,
 «А доброму коню и цѣны вѣдь нѣтъ,
 «А мезъ уши влѣтанъ былъ свѣтѣлъ камень,
 «Онъ не ради красіи молодецкія,
 «А онъ ради вѣдь ноченки темныя.
 «Осередь-то вѣдь было темной ноченки
 «Розстрѣлялъ я всѣ стрѣлки каленныя,
 «Да и собралъ я стрѣлки до единой всѣ.»
 Да натягивалъ Илеюшка тѣгой лукъ,
 Накладывалъ стрѣлочку каленую,
 Да стрѣлялъ онъ вѣдь стрѣлку въ сыру землю,
 Рвала стрѣла землю въ косу сажень,
 Тому они весьма испугалисе,
 Со дубовъ они на землю попадали,
 Да сами говорятъ таково слово:
 — Одно красное солнцо на бѣломъ свѣтѣ,
 — Одиный сильней богатырь Илья Муромецъ,
 — А спусти ты насъ, свѣтъ, по своимъ домамъ,
 — Бери ты казны колько надобно,
 — Да табунъ лошадей ты любѣхъ бери,

— А спусти ты насъ, свѣтъ, по своимъ домамъ,
 — Да къ отцамъ, къ матерямъ, къ молодымъ
 женамъ,
 — Не будемъ мы стоять при пути при дороженьѣ,
 — Проливати вѣдь кровь христіанскую. —
 Натягивалъ Илеюшка тѣгой лукъ,
 Да накладывалъ стрѣлочку каленую,
 Стрѣлялъ онъ стаметниковъ разбойниковъ,
 Прибилъ онъ вѣдь всѣхъ до единово,
 Не оставилъ онъ тутъ ни единово.
 Да оттудова назадъ онъ воробчался,
 На камешкѣ подпись переписывалъ:
 «Хоть я ѣздицъ въ дорожку мнѣ-ка смерти вѣтъ,
 «Росчистилъ дорожку широкою.»
 Да поѣду въ ту дорогу гдѣ женату бытъ.
 Доѣхалъ, стоять теремъ высокія,
 Идетъ вѣдь толпа красныхъ дѣвушекъ.
 Выходила тутъ прекрасна королевична,
 Брала ево за руки за бѣлыя,
 За тѣ ли за перстни злаченныя,
 Повела ево въ высокія новы тѣремы,
 Садилъ за столы за дубовыя,
 Да поила-кормила хлѣбомъ-солюю:
 — Ты гой еси удалой доброй молодецъ,
 — Пожалуй со мною опочинуться
 — На ту на кроватку тисовую
 — Да на ту ли на перину пуховую. —
 Привела она во спальню во теплую,
 Да сама говоритъ таково слово:
 — Ты къ стѣнѣ ложишь, а на край съ тобой. —
 А видать Илеюшка Муромецъ,
 Онъ видитъ, что кроватка фальшивая,
 Фальшивая кроватка, подломная.
 Ухватилъ какъ онъ прекрасну королевичну,
 Да онъ бросилъ на кроватку тисовую
 На ту ли на перину пуховую,
 Да и въ тотъ часъ кроватка подломилася,
 Упала она во погребы глубокія,
 Оттудова назадъ онъ ворочался,
 Пошолъ онъ во погребы глубокія,
 У дверей онъ придверниковъ не спрашивалъ,
 У воротъ приворотниковъ не слѣдовалъ,
 Всучія замочки онъ на руку беретъ,
 Подворотенки ногами выпинывалъ,
 Отворялъ онъ воротца широкія,
 Побралось тамъ вѣдь много князей*) да бояръ
 Много сильныхъ могучихъ богатырей.
 Проговоритъ Илеюшка Муромецъ:
 «Проздравляю васъ съ прекрасной королевичной.»

*) такъ вездѣ.

Они молятъ здравія здоровья вѣку долгаго
 Да за свѣта сударя Илью Муромча,
 Проклинають всё прекрасну королевичну,
 Отрубили королевны руку правую,
 Отсѣкли королевны ногу лѣвую,
 Посадили ея на добра коня,
 Спустили ея во чисто полѣ.

(Дальше не знаетъ).

Записано тамъ же, 24 августа.

306

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Повышла, повышла-повыкатила
 Наша славная матушка быстра Волга рѣка,
 Много она рѣтъ и ручей побрала.
 Широка перевозъ подъ Нижнимъ городомъ,
 Поширь-подашь подъ Вастрѣбанью;
 Долгіе плеса Чижиковскія,
 Высокія горы Сорочинскія,
 Темныя лѣсы Смоленскія.
 Ростояница пла она три тысячи,
 А устье въ ровно она сѣмьдесятъ далъ
 Во славное морѣ во Персидское.
 Это вѣдь Добрынюшки не славочка.

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ
 У ласкова князя Владиміра
 Было столованье почетной пирь.
 Да самъ государь князь распотѣшился,
 Выходилъ онъ на крылечко на красной,
 Приходить въ палату розговаривать:
 — Гой вы есть князя мои бѣяра,
 — Вы сильніи могучи богатыри,
 — Да всѣ поляницы удалыи!
 — Ково намъ послать будѣ въ чисто поле —
 — Стоять на заставы на крѣпкія,
 — Битися со невѣжей во чистомъ полѣ,
 — Пишетъ вѣдь невѣжа за угрозою ко мнѣ. —
 Большой-отъ хоронится за среднево,
 Средней хоронится за меньшево,
 Отъ меньшево князю отвѣту нѣтъ.
 Изъ тово стола было изъ задняво
 Выставалъ удалой доброй молодецъ
 Храбры сударинъ Ильа Муромецъ,
 Да самъ говорилъ онъ таково слово:
 «Хоть долго молчать да говорить же будѣ.

«Вчера я приѣхалъ изъ чиста поля,
 «Стоялъ на заставѣ двѣнадцать лѣтъ,
 «Бился со невѣжей во чистомъ полѣ,
 «У ево ли у невѣжи крылатой конь.»
 А службу-работу накладывали
 На премладава Добрыню Микитича,
 А ѣхать Добрыни во чисто полѣ,
 Стоять на заставѣ ему шесть годовъ,
 Биться со невѣжей во чистомъ полѣ.
 Пошолъ вѣдь Добрынюшка домой со пиру,
 Не веселъ пришолъ онъ не радочень.
 Матушка Добрыни вѣдь спрашивать:
 — Что же ты Добрынюшка Микитевичъ
 — Не веселъ пришолъ и не радочень?
 — Мѣсто тебѣ было не по разуму,
 — Чара-та была развѣ не рядовая,
 — Княгиня въ пиру развѣ обезчестила тебя. —
 «Гой еси родитель мол маменька!
 «Мѣсто мнѣ-ка было по разуму,
 «Чара та была мнѣ-ка рядовая,
 «Княгиня въ пиру не обезчестила.
 «На что такова меня спорѣдила,
 «Силою родила м'яна не сильяваю,
 «Красотой родила не красинаво,
 «Счастлиномъ да не счастливаго.»
 Проговорить родитель ево маменька;
 — Гой еси Добрынюшка Микитевичъ,
 — Какъ бы я могла тебя спорѣдить молодца
 — Силою въ Самсонича сильяваю,
 — Красотою я въ Осипа прекраснова,
 — Смѣлостью въ Илеюшку Муромча,
 — Богачествомъ въ Дюка Степановича,
 — Пощанкой въ Чурила сына Пленковича,
 — Премудростью въ Солѣмона премудраго,
 — Кудрями въ царича Кудрянича, —
 — Такова-то теби, дитятко, Господь же спорѣдилъ. —
 Прощается Добрыня съ своей маменькой,
 Нанпаче со своей онъ молодой женой.
 Молодой жены Добрыня наказываетъ:
 «Гой еси моя молода жена!
 «Пройдетъ какъ вѣдь времечка шесть годовъ,
 «Не вѣсти не будетъ, ни грамотки,
 «Такъ тебѣ, Авдотья, свой воля:
 «А хошь ты, Авдотья, вдовой сиди,
 «А хошь ты, Авдотья, замужъ поди,
 «Прибирай ты молодца супротивъ меня;
 «Не ходи ты за Алѣшу Поповича,
 «Алѣша Поповичъ мнѣ-ка крестный братъ,
 «А крестный-отъ братъ паче рѣднаго.»
 Поѣхалъ Добрынюшка въ чисто полѣ,

Стоять на заставѣ на крѣпкѣ,
 Бился со невѣжей въ чистомъ полѣ,
 У ево ли у невѣжи крылатый конь.
 Прошло вѣдь какъ времечка шесть годовъ,
 Не конново вѣту, не пѣшево,
 Ко славному городу ко Киеву
 А не съ кѣмъ послать ему вѣсточки,
 А не съ кѣмъ послать ему грамотки.
 Алѣша Поповичъ догадивъ былъ,
 Онъ ѣздилъ Алѣша въ чистомъ полѣ,
 Приѣхалъ онъ къ князю розсказываетъ:
 — Убить лежитъ Добрынюшка въ чистомъ полѣ,
 — Буйной головой въ ракитовъ кустъ,
 — А рѣзвѣя ноженки въ ковыль травы,
 — Сабелька лежитъ на сырой земли,
 — А добрый конь ходитъ во чистомъ полѣ,
 — Черны вороны вѣдь тѣло ево притрыкали,
 — Пойдемъ же, Владимиръ, станемъ свататься
 — На Добрыниной на молодой жени. —
 Пришли на Авдотьи стали свататься.
 Авдотьи итти не хотѣлось,
 На силу Владимиръ поневолилъ ей итти.
 Въ пятницу было рукобитиче,
 Въ субботу было у нихъ сватовство *),
 Въ воскресенье-то у нихъ буде свадьба.
 Премладый Добрынюшка Микитевичъ
 Износилъ Добрыня платье своё цвѣтное,
 Надѣвалъ на себя платьѣ звѣриное,
 Поѣхалъ Добрыня изъ чиста поля,
 Наѣхалъ Добрыня въ полѣ бѣлъ шатеръ.
 Ко бѣлу шатру Добрыня приворачивалъ,
 Ажно тутъ въ шатрѣ Илеюшка Муромецъ.
 Первое словцо нерадошно:
 «Твоя-то жена вѣдь замужъ пошла
 «За премладаго Алѣшу Поповича,
 «Авдотьи итти не хотѣлось,
 «На силу Владимиръ поневолилъ ей итти,
 «Во пятницу было рукобитиче,
 «Въ субботу у нихъ было сватовство,
 «Въ воскресенье у нихъ дакъ буде свадьба.»
 Не досугъ Добрыни долго разговаривать,
 Поѣхалъ Добрыня отъ бѣла шатра
 Ко славному городу ко Киеву.
 Поѣзду даетъ лучше прежнаво:
 Скачетъ конь по вѣрсты по мѣрныя,
 Ископытъ по ямы по рѣпныя.
 Приѣхалъ Добрынюшка во Киевъ градъ,
 Пришолъ онъ къ родителю своей маменькѣ,
 Матушка Добрыни не узнала:

*) такъ поётъ.

— Гой еси удалый добрый молодец!
 — Коей ты орды а ты коей земли,
 — Какъ же вѣдь тебя именемъ зовуть
 — А какъ звеличаютъ изъ отечества? —
 На Добрынюшка была замѣточка,
 На бѣломъ лицѣ была баръздинка,
 Узнала родитель ёво матушка:
 — Обогрѣло меня красное солнышко,
 — Потухъ у насъ молодой-отъ свѣтѣль мѣсяць,
 — Твоя-та вѣдь жена да замужъ пошла.
 — Авдотьи нтъ не хотѣлось,
 — Насилу Владимиръ поневолилъ ей нтъ,
 — Въ пятницу было рукобитиде,
 — Въ субботу у нихъ было сватовство,
 — Сѣгодня у нихъ да идеть свадебка. —
 Не досугъ Добрыни долго разговаривать:
 «Гой еси родитель моя маменка!
 «Подай мнѣ-ка платье своморочиноѣ,
 «Подай мнѣ-ка доску гусельную,
 «Подай мнѣ палыгу подорожную,
 «Пойду я къ Алѣши на свадебку.»
 Приходить въ палаты бѣлокаменная,
 Отворяетъ двери онъ на пяту,
 А крестъ-отъ владеть по писаному,
 Поклонъ-отъ ведеть по учёному,
 На всѣ онъ вѣдь стороны поклоняется,
 Владимиру князю на особинку.
 Садился на печку на муравленую,
 Дай ѣ началъ играть онъ вѣдь въ гусельцы:
 Струночку играетъ отъ синя моря,
 Другую играетъ отъ Царя-града,
 А третью отъ Ерусалима,
 А всё похожденьицо Добрынюшинно.
 Не кто-ли тому не догадается,
 Добрынина жена вразумляется.
 Владимиру игра полюбила:
 — Гой еси удалой доброй молодец!
 — Любо тебѣ мѣсто подлѣ меня — садись,
 — Друго тебѣ мѣсто — супротивъ меня,
 — А третье мѣсто — куды хочешь ты садись. —
 Садился Добрынюшка въ скамелечку
 Противъ Авдотьи Микуличны.
 Премлада Авдотья Микулична
 Налила стоканъ зелена вина,
 Подавала она Добрыни Микитичу,
 Брала онъ вѣдь стоканъ единой рукой
 Выпивалъ стоканъ на единый духъ,
 Положилъ въ стоканъ Добрынюшка злаченъ
 перстень,
 Наливалъ стоканъ зелена вина,
 Подносилъ Авдотьи Микуличны,

Да самъ говорилъ онъ таково слово:
 «Пить до дна — такъ видать добра,
 «А не пить до дна — не видать добра.»
 Брала она стоканъ единой рукой,
 Выпила стоканъ на единый духъ,
 Брала вѣдь Авдотья злаченъ перстень,
 Наложила на руку на правую,
 Сама говоритъ таково слово:
 — Этниъ мы съ Добрыней обручались.
 — Не тотъ мнѣ-ка милъ, кой подлѣ меня сидѣтъ,
 — А тотъ мнѣ-ка милъ, кой супротивъ меня,
 — Премладый Добрынюшка Микитьевичъ. —
 Не досугъ Добрыни долго разговаривать,
 Хватилъ какъ Алѣшу за желты кудри,
 Черезъ столъ бросилъ на чѣреду *) кирничную,
 Да началъ палыгой охобачивать:
 Въ окханьѣ нѣ чуть бухканья,
 А въ бухканьѣ дакъ нѣ чуть окханья.
 Прибилъ онъ Алѣшу до полу-смерти,
 Только Алѣшенька женать бывалъ,
 Лучше бы Алѣши не родитися,
 Родитися, мнѣ бы не женитися,
 Всякъ-то на сѣмъ свѣтѣ женитися,
 Не всякому женитьба издавается.
 Премладый Добрынюшка Микитьевичъ
 Брала онъ вѣдь Авдотью за праву руку,
 Пошолъ онъ къ родителямъ своей маменькѣ,
 Да сталъ онъ жить бытъ да вѣкъ коротати,
 Отъниѣ живѣтъ да и до вѣку.
 А мы вѣдь Добрыню въ старинахъ поѣмъ,
 Ахъ дудай-дудай, больше впередъ не знай!

Записано тамъ же, 24 августа.

307.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

Во славномъ во городѣ во Киевѣ
 У князя Ивана Васильевича
 Было столованье почестной пирь.
 А самъ государь князь распотѣшился,
 Выходилъ середь полаты бѣлокаменной,
 Да самъ говорилъ онъ таково слово:
 — Гой вы есть мой князья бояра,
 — Сильнии могучии богатыри,
 — Да всѣ полянцы удални!
 — Есть у меня три добрыя три коня,

*) полъ.

— Кто ударится со мною о великъ закладъ,
 — Розѣзжать вѣдъ намъ на добрыхъ коняхъ —
 — Изъ Кіева ѣхать въ Черниговъ градъ,
 — Изъ Чернигова ѣхать въ чисто полѣ,
 — Изъ чиста поля ѣхать во Кіевъ градъ,
 — Не воротами прямо, черезъ стѣну городовую. —
 Большѣй-отъ хоронится за средняво,
 Серѣдней хоронится за меньшево,
 Отъ меньшево князю отвѣту нѣтъ.
 Изъ того стола было изъ заднева,
 Изъ той ли скамелки бѣлодубовой
 Выставалъ удалой доброй молодець
 Премладый Иванушко Годиновичъ,
 Да самъ говорилъ онъ таково слово:
 «Гой еси князь Иванъ Васильевичъ!
 «Есть у меня маленькой бурушко,
 «Селяточкомъ купленъ былъ за моремъ,
 «За селяточка дано было пятьсотъ рублей,
 «Съ пошлиной съ провозомъ сталь въ тысящу.
 «Я ударюся съ тобою о великъ закладъ —
 «Розѣзжать вѣдъ намъ на добрыхъ коняхъ.»
 Написали записи крѣпкіе,
 Къ записямъ-то руки прикладывали.
 По князѣ-то всѣ поручаются,
 По Иванѣ-то никто не поручается,
 Поручилося двѣ голи двѣ кабацкія,
 Пошолъ вѣдъ Иванушко домой да со пирѣ.
 Матушка Ивана вѣдъ спрашивать:
 — Что же ты не весель не радочень пришдлъ?
 — Мѣсто было тебя не по разуму,
 — Али чара-то была развѣ не рядовая,
 — Княгиня въ пирѣ развѣ обезчестила тебя? —
 Проговорилъ Иванушко Годиновичъ:
 «Гой еси родитель моя маменька!
 «Мѣсто мнѣ-ка было по разуму,
 «Чара-та была мнѣ-ка рядовая,
 «Княгиня въ пирѣ не обезчестила.
 «Я самъ во хмѣлю призахвастался,
 «Ударился со княземъ о великъ закладъ —
 «Розѣзжать вѣдъ намъ на добрыхъ коняхъ,
 «Князь прописалъ золоту казну,
 «А я прописалъ буйну голову свою.»
 Проговорилъ родитель ево маменька:
 — Поди на конюшню стоялую,
 — Падай малу бурушку въ ноженки,
 — Чтобы збавилъ онъ хозяина отъ смѣрточки. —
 Пошолъ онъ на конюшню стоялую,
 Падалъ малу бурушку въ ноженки.
 Онъ провѣштуетъ языкомъ человѣческимъ:
 — Гой еси любезный мой хозяйнушко!
 — Выпусти меня во чисто полѣ:

— Поѣсть-то вѣдъ мнѣ муравой травн,
 — Попить-то вѣдъ мнѣ ключевой води. —
 Конь наѣлся-напился онъ домой идеть,
 Самъ провѣштуетъ языкомъ человѣческимъ:
 — Гой еси любимый мой хозяйнушко!
 — Сѣдай-уздай ти скоро добра коня,
 — Поѣзжай ко князю на широкой дворъ,
 — Не воротами прямо, черезъ стѣну городовую,
 — Станови добра коня среди двора,
 — Приказана станови а не привязана,
 — Самъ соболгну шубочку порывай *),
 — Маленьково бурушка подрачивай. —
 Сѣдай-уздай онъ скорѣ добра коня,
 Поѣхалъ ко князю на широкой дворъ,
 Не воротами прямо, черезъ стѣну городовую,
 Становилъ добра коня среди двора,
 Привязана становилъ, а не привязана,
 Самъ соболгну-ту вѣдъ шубочку порывавъ,
 Маленькаво бурушка подрачивавъ.
 Набралось тутъ много князей да бояръ,
 Сами говорятъ таково слово:
 «Пропала у Ивана буйна голова.»
 Довесли вѣдъ князю Ивану Васильевичу.
 Выходилъ вѣдъ князь на широкой дворъ,
 Да самъ говорилъ онъ таково слово:
 — Гой еси мои слуги вѣрныя!
 — Выпускайте коней вы на берегъ. —
 Бѣжать ево кони со ярости,
 Хотятъ мала бурушка на смѣртъ да затоптать,
 Хотятъ мала бурушка на смѣртъ залагать.
 Какъ маленькой бурушко справилса,
 Закусилъ онъ губу ту нижнюю,
 Ударилъ копытомъ о сыру землю,
 Мать-земля приудрогнула,
 Красное крылечко разсыпалось,
 Всѣ князья-бояра попадали,
 Златогривова коня онъ на смѣртъ затопталъ,
 Сивогриваво коня онъ на смѣртъ залагалъ,
 Полоненой воронкѣ Ильи Муромча,
 Полоненой воронкѣ одва высочилъ.
 Приходитъ вѣдъ князь Иванъ Васильевичъ,
 Бѣтъ онъ челомъ до сырой земли:
 — Спасибо, Иванушко Годиновичъ!
 — Спасибо на маленькомъ бурушкѣ,
 — Нѣ на комъ мнѣ ѣхать въ чисто поле,
 — Получай поди со князя золоту казну. —
 Получилъ вѣдъ онъ Иванъ и золоту казну,
 Зашелъ онъ въ канторы питейныя,
 Откупилъ двѣ бочки зелена вина:

*) попиывай.

«Гой вы есть мои поручители!
 «Пейте зелено вино безденежно.»
 Садился Иванъ на добра коня,
 Поѣхалъ къ родителямъ своей матушкѣ.
 Да сталъ онъ вѣдь жить бытъ да вѣкъ коротать,
 Отнынѣ живѣтъ да и до вѣку.

Записано тамъ же, 24 августа.

308.

ХОТЕНЬ БЛУДОВИЧЬ.

Во славномъ во городѣ во Киевѣ
 У ласкова у князя у Владиміра
 Было столованье почестной пирѣ.
 Да было у князя во честномъ да во пиру
 Двѣ славны двѣ богаты двѣ Часовыя вдовы.
 Первая славная Часовая вдова,
 Вторая богатая Збѣдова жена.
 Наливала она чару зелена вина,
 Заливала чарочку сладкимъ медомъ,
 Засыпала чару бѣлымъ сахаромъ,
 Подносила эту чарочку Часовыя вдовы:
 — Ты славна богата Часовая вдова,
 — Выпьемъ мы по чары зелена вина,
 — Да мы вѣдь за чары порозговоримъ съ тобой.
 — У тебя ли у вдовы есть вѣдь девять сыновей,
 — Будто ясные хороши твои соколы. —
 «Еще у вдовы есть одинака дочь,
 «Премлада Чадиночка Часовенная.»
 — У меня ли у вдовы есть единокій сынъ,
 — Премладый Хотешко сынъ Збудовичъ.
 — Отдай-ко ты Чадиночку Часовенную
 — За моево Хотей любимой семьей. —
 На то ли вдова порозсѣрдилася,
 Бросила она чару зелена вина,
 А платьѣ-то всё перепозорила,
 Пристрамила она Хотей, въ безчестьице ввела,
 Называла она вороной погумѣнною.
 На то ли вдова же порозсѣрдилася,
 Пошла вѣдь вдова домой со пиру,
 Не вѣсела пришла она не радочна.
 Началъ вѣдь Хотей да еѣ спрашивать:
 — Гой еси родитель мой маменька!
 — Что же ты не вѣсела не радочна пришла?
 — Мѣсто было тебѣ не по разуму,
 — Чара та была развѣ не рядовая,
 — Княгина въ пиру развѣ обезчестила. —
 Проговорить родитель ево матушка:

«Мѣсто мнѣ-ка было по разуму,
 «Чара-та была мнѣ-ка рядовая,
 «Княгина въ пиру не обезчестила,
 «А я за тебя Хотей посваталася
 «У той ли у вдовы у Часовыя
 «На премладия Чадиночки Часовенныя,
 «Пристрамила она теби Хотей въ безчестьице
 ввела,

«Называла она вороной погумѣнною.»
 Проговорить Хотей своей маменькѣ:
 — Гой еси родитель мой маменька!
 — Напейся ты съ горя зелена вина,
 — Ложись-ко ты спать опочивъ держать,
 — Эту я насмѣшку отсмѣюся я вдовы. —
 Вѣрному слуги онъ приказывалъ:
 — Гой ты еси моя слуга вѣрная!
 — Сѣдай ты уздай скоро двухъ лошадей. —

Срядились они да и поѣхали.
 Видѣли они какъ садился,
 Не видали въ кою сторону поѣхали.
 Приворачивали ко вдовѣ ко Часовыя.
 Вдовы-то вѣдь дома не случилось,
 Девять сыновей дома не было,
 Одна въ домѣ Чадиночка Часовенная.
 Поѣхалъ Хотей на широкой дворѣ,
 У дверей придверниковъ не спрашивалъ,
 У воротъ онъ приворотниковъ не слѣдовалъ,
 Подворотенки ногами выпинивалъ.
 Выходила тутъ Чадиночка Часовенная
 На то на крылечко на красной,
 Сама говорить таково слово:
 — Настояща ты ворона погумѣнная,
 — Надъ нашимъ ты домомъ надсмѣхаешься. —
 На то ли Хотей поразсѣрдился,
 Бралъ онъ вѣдь коня буржомецкое,
 А ратовѣ было девяти сажонъ,
 Хотѣлъ ударить по Чадиночкѣ Часовенной,
 Ударилъ по крылечку по красному,
 Росшибъ на щену онъ на мелкую.
 Оттудова назадъ онъ ворочался,
 Поѣхалъ Хотей во чисто полѣ,
 Розставилъ Хотей себѣ бѣлъ шатѣрь,
 Ложился онъ спать опочивъ держать,
 Вѣрному слугѣ онъ наказывалъ:
 «Гой еси слуга моя вѣрная,
 «Поберется когда сила изъ Киева,
 «Тогда ты меня отъ сна разбудь.»
 Часовая вдова домой прибыла,
 Девять сыновей домой приѣхали,
 Чадиночка имъ и порозжалилася.
 Проговорить вдова та Часовая:

— Ой вы сыновья мои ясны соколы!
 — Убейте Хотей во чистомъ поли. —
 Проговорятъ сыновья ея ясны соколы:
 «Гой еси родитель наша маменька!
 «Были мы во земли во Шведскія,
 «Были у Хотей мы во вѣрныхъ во слугахъ,
 «Не убить вѣдь намъ Хотей во чистомъ поли.»
 На то ли вдова порозсердилась,
 Бросалась въ сундуки окованья,
 Вымала вѣдь записи крѣпкія,
 По которымъ были денежки роздѣваны,
 Собрала мужиковъ своихъ должниковъ:
 — А вы мужики, мои должники!
 — Убейте Хотей во чистомъ поли
 — Во всѣхъ-то васъ денежкахъ Господь про-
 стить. —

Видятъ мужики, что бѣда пришла,
 Дѣться мужикамъ стало некуда,
 Срядилися они да и поѣхали.
 Побралася сила изъ Кіева,
 Началъ вѣдь слуга Хотей-то бужать.
 Ото сна Хотей пробужается,
 Садился Хотей на добра коня,
 Бралъ онъ коньё буржамецкоё,
 А ратовё было девяти сажонъ.
 Трѣхъ-то вѣдь сыновъ у ей на смерть убилъ,
 А шесть-то сыновъ онъ во полонъ побралъ:
 «А вы мужики ея должники,
 «Ваше-то вѣдь дѣло поневолярое,
 «Скажите вдовѣ вы Часовья,
 «Этою вѣдь силою меня не взять.»
 Самъ поѣхалъ онъ къ родитель своей матушкѣ.
 Не хотѣлося вдовѣ покоритися,
 Пришло вѣдь вдовы да поклонитися,
 Пришла она къ Хотейю низко кланялась:
 — Премладый Хотейушко сынъ Збудовичъ!
 — Возьми мою Чадиночку Часовенную
 — За себя возьми любимой семьей,
 — Отдай мнѣ-ка шесть сыновъ изъ полу. —
 Проговорить Хотей таково слово:
 «Мнѣ твоя Чадиночка не надобно,
 «Я за вѣрнаго слугу замужь ея не возьму.»
 Бралъ онъ вѣдь коньё буржамецкоё,
 А ратовё было девяти сажонъ,
 Поставилъ тупымъ концомъ въ сыру землю:
 «Засынь это ратовё златомъ-серебромъ,
 «Отдамъ тебѣ шесть сыновъ изъ полу.»
 Сбирала вдова злато серебро,
 Шесть-то вѣдь сажонъ призасынала,
 А трѣхъ-то вѣдь сажонъ мнѣ-ка не гдѣ взять.
 Пошла она ко князю ко Владиміру

Займовати злата и сѣребра,
 Выкупити шесть сыновъ изъ полону.
 Проговорить Владиміръ столень Кіевской:
 — Соберу я скоро князь почестной ниръ,
 — Попросимъ Хотей на почестень ниръ,
 — Не-что мѣво разговору онъ послушаетъ,
 — Возьмётъ твою Чадиночку Часовеннуу,
 — Отдасть тебѣ шесть сыновъ изъ полу. —
 Сбиралъ вѣдь скоро князь почестной ниръ,
 Просили Хотей на почестень ниръ,
 Да началъ Владиміръ уговаривать,
 Послушалъ онъ князя Владиміра,
 Да взялъ онъ Чадиночку Часовенную.
 Да шли во Божью церковь обвѣнчались,
 Со той ли Чадиночкой Часовенной,
 Бралъ онъ вѣдь за руку за правую,
 Повѣлъ онъ къ родитель своей маменькѣ:
 «Гой еси родитель моя маменька!
 «Вотъ тебѣ Чадиночка Часовенная,
 «Хоть ты держи ея подворницей,
 «А хоть ты держи портомойницей,
 «Какъ тебѣ надо-тъ поворачивай.»
 А мы вѣдь Хотей въ старинахъ поёмъ.
 Ахъ дудай-дудай, больше впередъ не знай.

Записано тамъ же, 24 августа.

309.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

Супротивъ праздника велика дни,
 На канунъ было Благовѣщенья,
 Выпала пороха, снѣжокъ молодой.
 По той по порохъ, по бѣлу снѣжку,
 Ходилъ тамъ вѣдь гулялъ купать *) молодець,
 По имени Чурилушко сынъ Плѣковичъ.
 Дѣрого на немъ было цвѣтно платьѣ,
 Шапочка была соболиная,
 На ножкахъ саножки — зелёнъ сафьянъ,
 Зелена сафьяну турецкаво,
 Мудрово покрою нѣмецкаво,
 Крѣпкаво шитья ярославскаво;
 Около носочка — ячко катить
 Подъ яту Чурилу соловей пролетить.
 Ходилъ-щипилъ по городу по Кіеву,
 Красныя тѣ дѣвки вѣдь стѣкла рвутъ,
 Смотрючись да на Чурилку на красоту,

*) не знаетъ.

На ево ли на дороднее дородниство,
 Молоды молодки въ голенища сгать.
 Старыя старухи вѣдь влюхі тѣ грызуть,
 Смотрячись да на Чурилкуву на красоту,
 На ево ли на дороднее дородниство.
 Зашолъ-загулялъ онъ ко Бермятину двору,
 Ко ему ли-то Бермяты высокому теремѹ.
 Бермяты во домъ не случилосе,
 Ушолъ въ благовѣщенской заутрини,
 Одна въ домъ Катерина дочь Микулична,
 Отпирала она окошко косивчатой,
 Отворяла она околенику стокблѣчатудъ,
 Сама говоритъ таково слово:
 — Премладый Чурилушко сынъ Плѣнковичъ,
 — Пожалуй ко мнѣ на высокъ теремъ. —
 Отворяла она воротца широкія,
 Пошли они въ высоки новы терема,
 Брали они доску ту шахматную,
 Да стали играти они шашками.
 Проговоритъ Катерина дочь Микулична:
 — Гой есп Чурилушко сынъ Плѣнковичъ,
 — Буде ты меня поиграешь, съ меня сто рублей,
 — А какъ я тебя поиграю, тебѣ Богъ про-
 стить. —
 Разъ сѣгралъ, да онъ матá ей далъ,
 Наигралъ на Катерину онъ вѣдь сто рублей;
 Другой разъ сѣгралъ, да онъ матá же ей да-
 валь,
 Наигралъ на Катерину онъ вѣдь два ста рублей;
 Третій разъ сѣгралъ, онъ матá же ей давалъ,
 Наигралъ на Катерину онъ вѣдь триста рублей
 Проговоритъ Катерина дочь Микулична:
 — Гой еси Чурилушко сынъ Плѣнковичъ,
 — Полно намъ играть съ тобой шашками,
 — Пойдемъ мы во спальню во теплую,
 — На ту на кроватку тисовую,
 — На ту на перину пуховую,
 — Лягемъ-ко мы спать — забавлятися. —
 А дѣвка вѣдь ходитъ служанка ево,
 Ходитъ она дѣвка стучить да ворчать:
 «Я пойду къ Бермяты научу да намучу.»
 Тому Катерина не пытается,
 Съ Чуриломъ на перины забавляються.
 Надѣвала дѣвка платье-то цвѣтноё,
 Пошла къ благовѣщенской заутрини,
 Приходитъ она въ церковь соборную,
 Отворяетъ двери-ти на пату,
 Да крестъ-отъ кладётъ по писаному,
 Поклонъ-отъ ведётъ по учёному,
 На всѣ она стороны поклоняется,
 Старому Бермяты на особинку:

«Престарѣлыя Бермята сынъ Васильевичъ!
 «Не хóрошо у насъ въ домъ учинилосе,
 «Есть у тебя вѣдь и гость гостить,
 «Гость щипливъ есть и гбсть ломливъ,
 «Незванъ у тебя и не приказыванъ,
 «Премладый Чурилушко сынъ Плѣнковичъ,
 «Съ Катериной на перины забавляються.»
 Проговоритъ Бермята таково слово:
 — Гой еси дѣвка служанка моя!
 — Буде правду говоришь, дѣвка, пожалую тебя;
 — А неправду говоришь, тебѣ голову срублю. —
 Проговоритъ дѣвка служанка ево:
 «Буде мнѣ вѣры не имѣшь, поди самъ досмотри».
 Пошолъ отъ благовѣщенской заутрини,
 Ко своимъ пошолъ онъ ко высокимъ теремамъ,
 Здымался на крылечко на красной,
 Да брякалъ въ колечко серебряное.
 Какъ разъ онъ побрякалъ, да нѣтъ никово,
 Другой разъ побрякалъ, да нѣтъ же никово,
 Третьей разъ побрякалъ попуще тово,
 Высокіе терема пошаталисе,
 Маковки со теремовъ попадали,
 Выходила Катерина дочь Микулична,
 Сафьяны башмачки на босбй ноги.
 Проговоритъ Бермята сынъ Васильевичъ:
 — Что ты Катерина не уборна идѣшь,
 — Севодня у насъ праздниѣ Благовѣщенсь. —
 Проговоритъ Катерина дочь Микулична:
 «Гой еси Бермята сынъ Васильевичъ!
 «Угорѣла я севодня, голова болитъ,
 «Щемить у меня ретиво сердце,
 «Не могла такъ хорошо обрядитисе.»
 Тому ли Бермята не пытается.
 Пошолъ онъ въ высоки новы теремы,
 Увидѣлъ на стопкѣ шапочку Чурилкуву:
 — Эту я вѣдь шапку на Чурилѣ видаль. —
 Проговоритъ Катерина дочь Микулична:
 «Гой еси Бермята сынъ Васильевичъ!
 «У моево родимово у брателка,
 «Съ Чуриломъ вѣдь платьицомъ помѣняносъ,
 «А добрыми конами побрѣтаносъ.»
 Тому ли Бермята не пытается,
 Пошолъ онъ во спальню во теплую,
 Увидѣлъ подъ кроваткой саложики Чурилкувы,
 Увидѣлъ на кровати Чурилко лежить.
 Какъ бралъ онъ со стопки саблю вострую,
 Не утрена зорюшка просвѣтила,
 А вострая сабелька просвѣркала,
 Не свачѣная жемчужинка катиласе,
 Чурилкува головушка съ плечъ свалиласе
 На ту ли на чѣреду кирпичную,

Не красная камка розстиляется,
 Чурилова кровь проливается
 На ту ли на череду кирпичную.
 Не бѣлой горохъ розсыпается,
 Чуриловы желты кудри валяются,
 По той ли по чѣреды кирпичныя.
 Видитъ Катерина, что бѣда пришла,
 Дѣться Катерины стало нѣ куда,
 Брала Катерина востръ булатнй ножъ,
 Поставила тупымъ концомъ въ сыру землю,
 А вострымъ концомъ въ ретиво сердце.
 Погинуло втапоръ двѣ головушки,
 Чурило съ Катериной со Микуличной.
 Прожили говѣнье великоѣ,
 Пропустили вѣдь недѣлю они свѣтлую,
 Старья Бермата снѣжь Васильевичъ
 Да шли съ дѣвкой въ церковь обвинчались
 Со той ли со дѣвкой служанкой свѣ,
 Стали жить и быть да вѣкъ коротати.
 А мы вѣдь Чурила въ старинахъ поёмъ.
 Ахъ дудай-дудай больше впередъ не знай!

Записано тамъ же, 24 августа.

310.

КОСТРЮКЪ.

Изволилъ нашъ царь государь
 Царь Иванъ да Васильевичъ,
 Онъ изволилъ женитися
 Да онъ, свѣтъ, обручитися,
 Не у насъ на святой Руси,
 Не у насъ въ каменной Москвѣ,
 Во земли во литовскія,
 Да во той во черкасскія
 На премладой Черкашенки,
 А на Марьѣ Демрюковны.
 Да онъ много въ приданы бралъ,
 Онъ триста узановой,
 Да пятьсотъ улывановой.
 Еще онъ въ приданы бралъ
 Молодого-де шурина
 Кострюка-го Демрюковича.
 На радостяхъ завѣлъ онъ пиръ,
 Да онъ всѣхъ по мѣстамъ садилъ.
 А всѣ во пиру напивались,
 Да всѣ во хмѣлю пьяны веселы сидятъ,
 Одинъ во пиру какъ не пьѣтъ не ѣстъ,
 Зелена вина не кушаетъ,

Бѣлой лебеди не рушаетъ.
 Проговорить царь государь:
 — Ужъ ты гой еси шуринъ мой,
 — Кострюкъ ты Демрюковичъ!
 — Молодой Черкашенко!
 — Для че'же ты хлѣба и соли не ѣшь,
 — Зелена вина не кушаешь,
 — Бѣлой лебеди не рушаешь,
 — На царя лихо думаешь,
 — Али на мать каменну Москву. —
 Проговорить Кострюкъ Мастрюкъ
 Да Кострюкъ-отъ Демрюковичъ:
 «Ужъ ты гой еси царь государь,
 «Царь Иванъ да Васильевичъ!
 «Хошь и хлѣба и соли не ѣмъ,
 «Зелена вина не кушаю,
 «Бѣлой лебеди не рушаю,
 «На царя лиха не думаю,
 «И на мать каменну Москву.
 «Захотѣлось какъ мнѣ Кострюку,
 «Захотѣлось какъ мнѣ Демрюку
 «Молодому Черкашенкѣ —
 «Въ Москвѣ поборотися,
 «Да въ Москвѣ поломатися,
 «По двору покататися,
 «По двору-ту по царскому,
 «По тому государскому.»
 Борцовъ не случилось
 Молодцовъ не сгодилося,
 Одинъ вязъ Микита Романовичъ
 Выходилъ на широкой дворъ,
 На крылечко на красное,
 Да кричалъ громкимъ голосомъ:
 — Еще есть ли у насъ въ Москвы,
 — Еще есть ли у насъ борцы,
 — Удаале молодцы? —
 Борцовъ не случилось,
 Молодцовъ не сгодилося.
 Изъ того изъ села изъ Иванова
 Да пло вѣдь три родные брателка,
 А первой-отъ брателко
 Былъ Василей Андреевичъ,
 Второй-отъ брателко
 Былъ Андрей да Андреевичъ,
 А третьей-отъ брателко
 Былъ Поташей Андреевичъ.
 Большой-отъ вѣдь братъ говорить:
 «Да мнѣ не съ кѣмъ боротися,
 «Да мнѣ не съ кѣмъ ломатися,
 «По двору-ту кататися.»
 Средней-отъ братъ говорить:

«Да мнѣ не съ кѣмъ боротися,
 «Да мнѣ не съ кѣмъ ломатися,
 «По двору-ту кататися.»
 А малой-отъ брателко
 Былъ Потанюшко хроменькой,
 А на ножку былъ лёгонькой,
 Онъ на ножку припадывать,
 Изъ-подъ ручки поглядывать:
 «Развѣ мнѣ поборотися,
 «Развѣ мнѣ поломатися,
 «По двору покататися?»
 Ухватилъ какъ вѣдь онъ Кострюка,
 Ухватилъ какъ вѣдь онъ Демрюка,
 Молодово Черкашенку,
 Да ушибъ о сыру землю,
 О чѣреду кирпичную.
 Изъ холма ногу выставилъ,
 Изъ плеча руку выломилъ,
 Да нагá по двору спустилъ,
 А былъ доброй молодецъ,
 Стала красная дѣвица,
 Онъ рукой закрывается,
 За людей убирается.
 За бѣду пришло
 Марьи Демрюковны:
 — Не поставлю я пени въ томъ,
 — Что крестьянской-отъ снѣгъ одолѣлъ
 — А царева-то шурна,
 — А поставлю я пени въ томъ
 — Что нагá по двору спустилъ. —

Записано тамъ же, 24 августа.

311.

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВНА.

Ходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
 Изъ орды онъ въ орду, къ королю въ Литву,
 Служилъ королю ровно тридцать лѣтъ.
 Король молодца любилъ-жаловалъ,
 Королевна любила паче короля.
 Да онъ сталъ молодецъ по пирамъ ходить,
 По пирамъ-то ходить сталъ упиватися,
 Королевскимъ-то домоу похвалятися,
 Королевскимъ-то домоу, ево дочерью.
 А злы палачи, бурзы-гетманы
 Донесли королю оны Шведскому:
 «А батюшка ты ль нашъ, Шведскóй король!
 «А есть у тебя съ Руси молодецъ,

«По пирамъ онъ вѣдь ходитъ упивается,
 «Королевскимъ твоимъ домоу похваляется,
 «Королевскимъ-то домоу, твоей дочерью.»
 Король-то на молодца прогнѣвался:
 — А вы злы палачи, бурзы-гетманы!
 — Отведите молодца во чистó полѣ,
 — Да на то ли на поле кровавое,
 — Да на ту ли-то на плашку на липову,
 — Отрубите молодцу буйну голову. —
 А злы палачи, бурзы-гетманы
 Повели молодца позади дворца.
 Да речѣ молодецъ таково слово:
 «А вы злы палачи, бурзы-гетманы!
 «Не водите молодца позади дворца,
 «А ведите молодца попередъ дворца,
 «Мимо тотъ ли-то садъ, мимо зѣленой.»
 Палачи молодца вѣдь послушали,
 Повели молодца попередъ дворца,
 Мимо тотъ ли-то садъ мимо зѣленой.
 Запѣлъ молодецъ съ горя пѣсенку:
 «А садъ ты мой садъ ты мой зѣленой,
 «А яблонь ты яблонь кудреватая,
 «Приупито вѣдь было приуѣдено,
 «Съ королевной-то было пригуляно,
 «А теперь вѣдь приходитъ смертка скорая.»
 Да услышала прекрасна королевична,
 Она по поясъ въ окошко бросалася:
 — А вы злы палачи, бурзы-гетманы!
 — Не ведите молодца во чистó полѣ,
 — По локóтъ вы берите золотой казны. —
 Палачи королевны не послушали,
 Повези молодца во чистó полѣ,
 Да на то ли-то на поле кровавоѣ,
 Да на ту ли-то на плашку на липову,
 Отрубили молодцу буйну голову.
 Да скорѣшенько королевна сряжалася,
 Пришла королевна во чистó полѣ,
 Ко той ли ко плашкѣ ко липовой,
 Брала королевна востръ булатней ножъ,
 Поставила тупымъ концомъ во сыру землю,
 А вострымъ концомъ въ ретиво сердце.
 Да погнуло втапоръ двѣ головушки.

Записано тамъ же, 25 августа.

312.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНКА.

Со Щукина двора
Идетъ сѣдая борода,
Тотъ миленькой мой,
Пріятель дорогой.
Во всё лѣтушко гуляли,
Картофельку копали,
Денежку брали.
У насъ не было работы,
Только прибыло заботы,
Гдѣ бы деньги брать,
Кому работать.
День и два живѣмъ не ѣдимъ,
Съ горя пѣсенку запѣвши,
Пошли во Тычокъ,
Славный кабачокъ.
Ужъ мы двери отворяли,
Насъ вѣдь за руки примали
Дьяконъ и дьячокъ.
— Вы здорово ли живѣте,
— И куда теперь идѣте? —
Спрашивали насъ.
«Ужъ вы видите вы сами,
«Что въ трактирѣ вмѣстѣ съ вами.»
Мы имъ говоримъ.
«Давай пива и вина,
«Еще есть у насъ казна
«Роздѣлаться съ вамъ.»
Мы наѣлись-напились,
Домой скоро пошелъ,
Захотѣли спать.
Зашли въ улицу Садову,
Во ту харчевню нову,
Послухатъ часовъ.
Скоро частной прибѣгаль,
На допросы призывалъ,
Очень хорошо.
Не успѣли мы сказать,
Намъ вѣдь ручки назадъ,
Въ полицу свели.
Что во темную тюрьму
Во холодную стѣну:
«Сидите-тко тутъ.»
Мы хотѣли оправдаться,
Велятъ скоро роздѣлаться,
Очень поскорѣй.
Не успѣли платя свлечь,

Начинаютъ спину сѣчь
Моржовымъ ремвѣмъ,
Большимъ шелепнѣмъ.
Спину, жопу отстегали,
Впередъ вотъ что наказали:
«Ходите умнай,
«Очень помирнай.»
Ужъ мы вышли изъ полицы,
Намъ на встрѣчу по дѣвицы,
Лапушки драгі.
Мы наказы забывали,
Дѣвокъ за руки примали,
Радошни были,
Ихъ съ собой вели.

Записано тамъ же, 25 августа.

LXVII.

ЮРЬЕВЪ.

АНТОНЪ СТЕПАНОВИЧЪ ЮРЬЕВЪ, 82
лѣтній старикъ, крестьянинъ изъ дер. Пророкова,
Мошенскаго прихода, выучился пѣть былины отъ
старика изъ Онеги-города, который часто у него
ночевалъ по зимамъ, когда проѣзжалъ черезъ
Мошу. Кромѣ «старинъ», здѣсь помѣщаемыхъ,
знаетъ о походе Илья Муромца, но ска-
зочнымъ, а не пѣсеннымъ складомъ.

313.

ДОБРЫНЯ.

У князя у Владимира заводился почестенъ пиръ
На многи князя многи бояра,
А на всѣ поляницы на удале.
А какъ всѣ ли во пирѣ да напивалисе,
А какъ всѣ ли во честномъ да наѣдалисе,
Ужъ какъ всѣ ли во пирѣ да пьяны веселы си-
дѣтъ,
Ужъ какъ всѣ ли во пирѣ да поросхвасталисе.
Ужъ какъ кто ли-то похвастатъ золотой казной,
А другой-отъ похвастатъ добрымъ конемъ,
Глушой-отъ похвастатъ молодой женой,
Неразумный-отъ похвастатъ своей дочерью.
А сидитъ Добрынюшка Микитинъ сынъ
По концу онъ столка дубоваго,
Говоритъ онъ рѣчи таковы слова:

— А ты князь ты князь да вѣдь Владимірской!
 — А спусти-ко вѣдь меня да во чисто поле,
 — А во то ли поле во широкое,
 — А ко той рѣки да ко Пучи-рѣки,
 — Обвалить тамъ сила всё татарская,
 — А татарская та сила всё уланская. —
 Говорить-то князь вѣдь тутъ владимірско:
 «Молодой воробыкъ не вылетывай,
 «Молодой Добрыня не выскаивай.»
 Говорить тутъ Добрынюшка Микитинъ сынъ:
 — А ты князь ты князь да вѣдь владимірскій!
 — Ахъ дамъ тебѣ вѣдь я добра коня,
 — Выѣзжай ты во чисто поле,
 — Помолись ты матери пресвятой Богородицѣ. —
 Далъ вѣдь онъ ему добра коня,
 Онъ какъ сѣлъ да вѣдь на добра коня,
 А поѣхалъ онъ да во чисто полѣ,
 А ко той ли ко матушки ко Пучи-рѣкѣ,
 Обвалить тамъ сила вся татарская,
 Татарская сила все уланская.
 А пріѣхалъ Добрынюшка Микитинъ сынъ
 А ко той ли ко матушки къ Пучи-рѣкѣ,
 Какъ махнѣтъ на право — туды улочка,
 А махнѣтъ на лѣво — переулочекъ,
 Прирубилъ онъ силу всю татарскую,
 А татарску силу всю уланскую.

Записано на Мошѣ, 24 августа.

314.

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВНА.

А й дюрди-дюрди да дюрди гетманы,
 Заигралъ молодецъ изъ орды въ орду,
 Изъ орды въ орду да къ королю въ Литву,
 А й полонилъ молодца да тутъ шведской ко-
 роль,
 А й король король да король батюшко.
 Привели молодца да на конюшенку,
 А на ту ли на конюшню на дубовую,
 А запѣлъ молодецъ да пѣсни царскія,
 Пѣсни царскія пѣсни умильнія,
 А услышала королѣвна пѣсни царскія,
 А пришла къ ему да на конюшенку,
 А на ту ли на конюшню на дубовую.
 Она стала съ молодцомъ да въ шахматы играть,
 Онъ игралъ съигралъ да ёя обыгралъ,
 Онъ другой игралъ да ёя обыгралъ,
 Онъ третьей игралъ да ёя обыгралъ,

Онъ третьей игралъ да и на верхъ погѣзъ,
 Увидѣли палачи да бурзы-гетманы,
 Донесли королю да вѣдь таковы рѣчи.
 У ево розгорѣлось ретиво сердце,
 У ево роскипѣлась кровь горячая:
 — А й вы палачи палачи, да бурзы-гетманы!
 — Вы возьмите молодца да за желты кудри,
 — Поведите молодца да во чисто полѣ,
 — А во то ли во поле во Куликово,
 — А на ту ли плашку вы на липову,
 — Отрубите молодцу вы буйну голову. —
 Повели молодца да во чисто поле,
 Повели молодца да поперѣкъ двorca,
 А запѣлъ молодецъ да пѣсню новую,
 Пѣсню новую запѣлъ да все умильною:
 «А й со королѣвной было приунито, приуѣдено
 «А съ съ королѣвной было приуѣжано.»
 Ахъ услышала королѣвна пѣсню новую,
 А бросалася да вѣдь по плечъ въ окно:
 — А й вы ай вы палачи да бурзы-гетманы,
 — Не ведите молодца да во чисто поле,
 — Не рубите молодцу да буйной головы,
 — А й берите вы казны да сколько надобно. —
 А повели молодца да во чисто полѣ,
 Отрубили молодцу да буйну голову.
 А какъ тутъ она да воскипѣлася,
 Ея сердце розгорѣлосе,
 Обвернулася она да лебедью бѣлою,
 А брала съ собою ножечки булатніе,
 Прилетѣла она въ полѣ Куликово,
 А ко той ко плашкѣ ко липову,
 Она ставила ножечки булатніи,
 А тулымъ концёмъ да во сыру землю,
 Вылетала сама да высокошенько,
 Говорила рѣчь да помалѣшенько:
 — А гдѣ палъ какъ вѣдь сѣрой гусь,
 — А пади тутъ лебедь бѣлая. —

Записано тамъ же, 24 августа.

LXVIII.

МАКУШКИНЪ.

Андрей Ѳедоровичъ Макушкинъ,
 крестьянинъ дер. Мелехинской на Мошѣ, земле-
 дѣлецъ, лѣтъ 40. Знаетъ только былинну, здѣсь
 помѣщаемую, да еще про Анну-воинна.

345.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Было во славномъ городѣ во Кіевѣ,
 При славномъ князѣ было при Владимірѣ,
 Были у его слуги вѣрныя,
 Былъ Алеша богатіръ Поповичъ,
 А другой Добрынюшка Микитинъ сынъ.
 И завелъ Владиміръ онъ почестенъ пиръ.
 Собрались на пиръ князья да и боіра
 И вси думныя министры.
 На пиру сидѣли, напивалисе,
 На честномъ сидѣли, наѣдалисе,
 На пиру сидѣли, приростахасталисе:
 И кто хвастаетъ добрымъ житьемъ,
 И кто хвастаетъ имѣніемъ - богатствомъ,
 И кто хвастаетъ своей силой богатырскою.
 Пріѣзжало на пиръ чудовищно-издолищю,
 Просило себѣ поеднищика.
 Говорилъ и тутъ Владиміръ стольне-кіевской,
 Говорилъ онъ таково слово:
 — А кому у насъ ѣхать на большину,
 — А й на ту границу на турецкую
 — Битися да съ неприятелѣмъ.
 Говорилъ ему Алѣша вѣдь Поповичъ:
 «Ѣхать Добрынюшки Микитичу
 «И на ту границу на турецкую
 «Битися да съ неприятелемъ.»
 Приходилъ Добрыня къ своей матери:
 — И прощай же матушка Амелѣфа Тимоеевна!
 — Поѣзжаю я на ту границу на турецкую
 — Битися да съ неприятелѣмъ,
 — Мнѣ-ка времени намѣченъ я на три года.
 — А какъ три года да время прѣдлится
 — И когда не возвращусь назадъ,
 — И въ ту поръ меня вы поминайте. —
 Говорилъ онъ вѣдь своей жены и таково слово:
 — Какъ вѣдь три года да сполнится,
 — И когда я назадъ да не вѣзвращусь,
 — И въ ту поръ меня вы поминайте,
 — И ты хотъ вдовой живи, хотъ замужъ поди,
 — Только нѣ ходи ты за Алѣшу за Поповича. —
 Тому время прѣдлѣлось только три года.
 Выѣзжалъ Алѣша во чисто полѣ,
 Пріѣзжалъ ко князю ко Владиміру,
 Говорилъ Алѣша таково слово:
 «И увидѣлъ я Добрынюшку въ чистомъ полѣ,
 «И лежитъ и головой да во ракутовъ кустъ,
 «Голова коньемъ вся неприколота.»

Говорилъ Владиміръ таково слово:

—И не врѣшь ли ты Алѣша и Поповичъ. —
 «И не вру, не вру, Владиміръ князь, да стольне-
 кіевской.»

Говорилъ Алѣша ему таково слово:

«И Владиміръ князь да стольне-кіевской!
 «Ты меня на той же ты вдовы жени
 «И на той Добрынюшки да на Микитиною.»
 Говорилъ ему Владиміръ таково слово:

— А й Алѣша и Поповичъ,
 — Я съутра же вѣдь тебя жениу. —

И на ту да пору время

Пріѣзжалъ Добрыня вѣдь со той границы со ту-
 рецкой

И ко той вдовы къ Амелѣфѣ Тимоеевнѣ.

Пріѣзжалъ да вѣдь на бѣлый дворъ,

Становилъ и своего добра коня

Среди же онъ бѣла двора,

И къ тому кольцу да къ золочѣному.

Приходилъ онъ тутъ къ своей матери:

— Здравствуй, здравствуй, бабушка Амелѣфа Ти-
 меевна!

— Гдѣ у ты Добрынюшка Микитинъ сынъ. —

«А и ты удалый добрый молодецъ!

«Кабы былъ Добрынюшка Микитинъ сынъ,

«Ты бы безъ доклада и сюда бы нѣ пришѣлъ.»

— Ужъ ты бабушка Амелѣфа Тимоеевна,

— Гдѣ его обручная княгиня? —

«А й удалой доброй молодецъ,

«А й увѣлъ Алѣша и Поповичъ

«И увѣлъ онъ за себя замужъ,

«И волей ушла ли по неволѣ,

«И увѣлъ ее Владиміръ князь да по неволѣ.»

Обрядился Добрыня скоморошкою весѣлою,

И пошѣлъ Добрыня вѣдь на чѣстѣнъ пиръ,

Говорилъ и скоморошка вѣдь весѣлая:

— И Владиміръ князь да стольне-кіевской,

— Приважи же поиграть да скоморошки мнѣ ве-
 сѣлая

— И на вашемъ на честномъ пиру. —

«А играй, играй же скоморошка ты весѣлая.»

Заигралъ тутъ скоморошка да весѣлая

А во тѣ ли звончаты гусли.

Выходилъ Владиміръ князь изъ-за бѣла стола,

Бралъ онъ скоморошку вѣдь веселу за правъ
 руку,

Говорилъ ему да таково слово:

«Скоморошка ты весѣлая

«И тебѣ три мѣста три любимица:

«И первѣ мѣсто хотъ въ рядъ меня садись,

«А й друго мѣсто хотъ въ рядъ княгини,

«Третьей мѣсто гдѣ-ка вѣдь тѣбѣ любо.»
И садился онъ насупротивъ княгини много-
бранья.

Наливала тутъ княгиня чару зелена вина,
Подавала скоморошкѣ вѣдь весѣльна:
— Выпей, выпей чару зелена вина. —
Принималъ и скоморошка чару зелена вина:
«Здравствуй, здравствуй и княгиня многобраная,
«Выпить чара мнѣ-ка зелена вина.»
И онъ снималъ съ руки своей значенъ перстень,
Подалъ онъ въ чары вѣдь княгини много-
бранья,

И брала княгиня многобраная,
И брала вѣдь она свой значенъ перстень,
Говорила вѣдь она да таково слово:
— А ѣ Владиміръ князь да стольне-кіевской,
— И не тотъ-то мужъ, да кой вѣдь въ рядъ меня
сидить,

— То мнѣ мужъ, которой прамъ меня сидить,
— И сидитъ Добрынюшка Микитинъ сынъ. —
Не стерпѣло тутъ Добрынюшки Микитича
И его да ретиво сердцо,

Ухватилъ онъ тутъ Алѣшу вѣдь Поповича
Зъ-за того ли онъ вѣдь зъ-за бѣла стола.
Тутъ Алѣша только живъ бывалъ.
Выскочилъ же тутъ Владиміръ князь
Зъ-за за того ли онъ изъ-за бѣла стола,
Говорилъ онъ тутъ да таково слово:
«А ѣ Добрынюшка да ты Микитинъ сынъ!
«Хочешъ ты теперь что надо мной дѣлай.»
Бралъ Добрыня свою молодую жену,
Бралъ Добрыня за праву руку,
И повелъ и къ своей матери Амелѣфы Тимо-
еевны:
— Здравствуй матушка родимая Амелѣфа Тимо-
еевна! —

Записано на Мошѣ, 23 августа.

LXIX.

МАЛЫГИНЪ.

Петръ Саватьевичъ Малыгинъ, 18-
лѣтній огромнаго роста юноша, изъ дер. Полин-
ской на Мошѣ; зналъ только одну былинку, ко-
торую слышалъ отъ стариковъ.

316
316.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

Ходилъ-гулялъ Добрынюшка по городу,
Ходилъ-гулялъ Микитиничъ по Кіеву,
Да Добрынюшки-то матушка наказывала:
«Не ходи-ко ты по городу по Кіеву,
«Не ходи-ко ты во улочку возвратную,
«Во тѣ ли переулки во Маринкины,
«Тутъ живѣ курва Маринца Игнатьевна,
«Она отравница да ожеленщица,
«Отравила она много добрыхъ молодцовъ,
«Еще сильныхъ могучихъ богатырєвъ.»
Ну ходилъ-гулялъ Добрынюшка по городу,
Да ходилъ-гулялъ Микитиничъ по Кіеву,
Зашолъ какъ онъ въ улочку возвратную,
Да во тѣ ли переулки Маринкины.
Увидала тутъ Маринка Игнатьевна,
Выпускала голубка да со голубушкой.
Тутъ увидѣлъ какъ Добрынюшка Микитичъ
младъ,

Онъ натягивалъ Добрыня свой-отъ тѣгой лукъ,
Онъ накладывалъ стрѣлу ту калѣную,
Ко стрѣлы-то онъ Добрыня приговаривалъ:
— Ты убей-ко голубка да со голубушкой. —
Не убила голубка да со голубушкой,
А убило у Маринки околенку,
Околенку да дружка милого,
Дружка милого Идолица,
И поганого да некрещеного.

Стоячись какъ самъ Добрыня пороздумалъ:
— Не честь мнѣ хвала да молодецкая,
— Не есть слуга да богатырская,
— Не пропасть моея да каленой стрѣлы,
— У дѣвки у Маринки у Игнатьевны. —
Заходилъ какъ-мо Добрыня во высокъ теремъ,
Онъ и крестъ-то кладеть да по писаному,
И поклонъ тѣ ведеть да по ученому,
Ну Добрынюшка Марини-то челомъ не бьетъ.
А Марини-то Добрыни низко кланялась,
Онъ и бралъ свою да калену стрѣлу,
Ну пошолъ Добрыня вонъ изъ тѣрему.
Марини тутъ да за бѣду стало,
За бѣду стало да за досадушку,
За досаду-ту да за великую.
Брала она два ножичка булатнія,
Ставала-то она да на рѣзвѣи ноги,
Ну подрѣзывала слѣды-ты Добрынины,
Она клала на дрова-тѣ на дубовыя:

«Ужь вы нойте, вы нойте, слѣдочки вы Добрыницы,

«Чтобы ныло у нево да ретиво сердце,
«Ну по той ли по Маринки по Игнатъевны.»

Приходилъ какъ-но Добрыня къ родной матушки.

— Ну ходило, моё дитятко, догулялось. —

Какъ не може ну Добрынюшка ни пить, ни ѣсть,

Ну не може какъ Добрыня тёмной почки спать.
Зазвонили какъ ко ранней ко заутрини,
Выходилъ какъ-но Добрыня на крылечушко,
Стоячись какъ самъ Добрыня пороздумался.

— Что мнѣ дѣлать какъ у церкви у соборныя

— Да у той ли у заутренки у ранниа,

— Ну пойду я ко Марини ко Игнатъевны. —

Заходилъ какъ-но Добрыня во высокъ теремъ,

Онъ крестъ-то кладеть да по писаному,

Поклоны тѣ ведётъ да по учёному,

На всѣ стороны Добрыня поклоняется,

Туть Добрыня-то Маринки на особицу.

Ну Марина-та Добрынюшки челомъ не бѣгъ:

— Ты теперъ-то ты да во моихъ рукахъ,

— Во моихъ-то рукахъ да подь моей грозой,

— Обверну я тебя жабой подземельною,

— Ну которой жабы отвороту нѣтъ. —

Обвернула какъ Добрынюшку Микитича

Обвернула какъ она ево да мѣрскимъ кобелемъ:

— Ты ходи-ко-се по городу по Киеву,

— Ты собирай-ко кусочки тѣ подстольныя. —

Туть ходилъ какъ-но Добрыня ровнио суточки,

Приходилъ какъ туть Добрынюшка къ Мариницы,

«Насбирался ли кусочковъ подстольныхъ-то?

«Ты возьми-ко си теперъ да за себя замужь.»

— Не подобаеть-де взять дѣвка невѣрная,

— Ну невѣрная да некрещёная. —

«Обверну-то я Добрынюшку морскимъ туромъ

«Есть у меня да во чистомъ полѣ,

«Есть у меня да девять туровъ,

«Девять туровъ да девять гнѣдыхъ,

«Пусть ты десятии да ты на большины,

«Я тура да тебя да изукрашу всѣмъ,

«Рожка тѣ у тура да позолочёная,

«Бочка тѣ у тура да рита бархату.»

У царя-то было да у Владиміра

Собирался у нево да и великой пиръ.

На на пиру-то они да напивался,

На пиру-то они да наѣдалися,

На пиру-то они да поросхвасталися,

Кто хвастать видно да молодой женой,

А другой-отъ хвастать золотой казной*),

А четвертой-отъ хвастать добрымъ конемъ.

Туть Добрынюшкой Марина та похвастала:

— Есть у меня да во чистомъ полѣ,

— Есть у меня да девять туровъ,

— Да девять туровъ да девять гнѣдыхъ,

— А десятой-отъ да изукрашенъ всѣмъ,

— У тура-то рожка да позолочёные,

— Ну бочка тѣ у нево да рита бархату. —

Туть ставала Парасковья какъ Микитична,

Какъ ставала она да на рѣзвы поги,

Ну брала она Марину рукой за воротъ,

А другой-то рукой она била по бѣлу лицу:

«И какъ курва Маринка ты Игнатъевна,

«Отверни-ко Маринка всѣхъ да добрыхъ молодцевъ,

«Отверни-ко всѣхъ могучихъ да богатырѣвъ.

«Отверни-ко ты Добрынюшку Микитича.»

Отвернула какъ Мариницу сорокою

Улетѣла она да во чистомъ полѣ,

Сѣла Добрыни она на золотой рожокъ:

— Находися ли ты да по чисту полю,

— Наѣся ли ты да ну ковыль травы,

— Напился ли ты да водушки болотнія,

— Дашь ли теперъ клятву мнѣ великую,

— Ты возьмешь ли меня да за себя замужь? —

Даль онъ теперъ клятву ту великую.

Отвернула туть Добрынюшку Микитича,

Отвернула она да всѣхъ сильныхъ добрыхъ молодцевъ,

Всѣхъ да могучихъ богатырѣвъ.

Приходилъ какъ ко царю туть ко Владиміру:

— Даль я Марини Игнатъевны,

— Даль ужъ какъ клятву я великую,

— Взять-то ея да за себя замужь. —

Туть-то они да обручались,

Туть-то они да повѣнчались.

У Добрыни-то какъ слуги тѣ здогадливыя:

— Ужь вы дайте мнѣ-ка чару ту оправшую. —

Ужь какъ дали Добрыни саблю вострую,

Онъ срубилъ какъ-но Марини буйну голову,

Онъ сожѣгъ какъ на дровахъ да на дубовыхъ,

Роскидалъ какъ онъ песокъ да по чисту полю.

Приходилъ какъ-но ко ранней ко заутринкѣ,

Проздравляютъ сво да съ молодой женой.

«Я вчера-то былъ да я женать ходилъ,

«Сегодня я да какъ и вдовъ кожу.»

Записано на Мошѣ, 24 августа.

*) третьяго нѣтъ.

LXX.

БУРНИКОВЪ.

Иванъ Ивановичъ Бурниковъ, 70-лѣтній крестьянинъ изъ Канавши (волость на юго-востокъ отъ Моши, на границѣ Вельскаго уѣзда), зажиточный и уважаемый въ своей мѣстности домохозяинъ. Знаетъ много сказокъ и прибаутокъ, а изъ былинъ только про Кострюка, да еще ту самую буквально былину про Добрыню и Маринку, которую пѣлъ Малыгинъ (см. выше № 216). Бурниковъ рассказывалъ, что эту послѣднюю былинку онъ перенялъ незадолго передъ тѣмъ (именно въ 1870 году) отъ прохожаго мужичка изъ Шалекужской волости (къ сѣверу отъ Моши), который, зная только одну эту былинку, ходитъ изъ дома въ домъ просить милостыни и тутъ поетъ свою былинку.

317.

КОСТРЮКЪ.

А не твисте-то дѣвушки,
 Не прядите молодухи,
 Ужь вы сядьте послушайте,
 Я вамъ сказку скажу,
 Прибаулушку немаленькую,
 Ай диди-диди-диди
 И про того Кострюка Кострюкановича
 Про того Дебряка Дебрякановича.
 И какъ у насъ было братцы въ каменной Москвѣ,
 У великаго царя Ивана Васильевича,
 Заводился тутъ пиръ пированьицо,
 Собирались гости честные почестные,
 Приѣзжалъ Кострюкъ Кострюкановичъ,
 Приѣзжалъ Дебрякъ Дебряковичъ,
 Садиле ево за столы тѣ дубовые,
 Подносили напитокки сладкіе медовце,
 Еще тутъ Кострюкъ напивается,
 Еще тутъ молодой наѣдается,
 Еще тутъ Кострюкъ приростхвастался,
 Еще тутъ молодой разбохвалился
 Да своей ли то силой богатѣрскою:
 — У васъ есть ли борцы молодцы
 — Да московскіе ухватчики
 — А со мной поборотися,

— Да со мной поломатися,
 — Отвѣдати силы богатѣрскія. —
 У царя была слуга вѣрная
 Слуга вѣрная благовѣрная
 Да Микита Романовичъ.
 Выходилъ на крылечко перѣное,
 Кричалъ во всю голову,
 Чтобы слышно на всю Москву,
 Собирались бы борцы молодцы,
 Да московскіе ухватчики
 И съ Кострюкомъ поборотися
 И съ молодымъ поломатися.
 Ай диди-диди-лиди!
 Вотъ на пору на таково время,
 Въ Москвѣ борцовъ не лучилосе,
 Въ Москвѣ удалцовъ не лучилосе,
 И только было въ малой улицы,
 У старухи врьдѣ (sic) кузницы
 Было три сына милые,
 Было три родимые:
 Первой былъ Васенька,
 Другой Потанюшка,
 Третій былъ Мишенька,
 Маленькой хроменькой,
 На ножку припадываетъ
 Изъ-подъ ручки посматриваетъ.
 Обряжались братаны
 Въ кафтаны тѣ снїе,
 Кушаки были шелковые,
 На ножкахъ сапожки сафьяненькіе,
 На головушкѣ шляпоньки пуховенькіе.
 Идутъ-то по мосту калиновому.
 Говорятъ царю да не съ упадкою:
 — Ужь если поборемъ Кострюка Кострюкановича
 — Дебряка Дебрякановича.
 — Дакъ не будемъ ли гнѣвны мы,
 — Да не будемъ ли судѣбны мы. —
 Говоритъ имъ царь Иванъ Васильевичъ:
 «Да борите борцы молодцы,
 «Да московскіе ухватчики,
 «И не будете гнѣвны вы,
 «Да не будете судѣбны вы,
 «И дамъ я вамъ по двадцати пяти рублей деньгами,
 «И по кафтану голубому,
 «Дамъ я вамъ похвальбный листъ
 «Вѣдять по инымъ городамъ и по ярмонкамъ
 «Торговать всё товарами разными,
 «И безъ дани безъ пошлины,
 «Безъ государевой подати,

« И пить вино въ каждомъ кабакѣ безденежно.»

А й диди-диди-диди!

Услыхалъ Кострюкъ Кострюкановичъ,
Услыхалъ Дебрякъ Дебрякановичъ,
Выходилъ изъ-за столовъ-то дубовыхъ,
Столы-тѣ всѣ пошаталисе,
Уже напитокки поплескалисе,
Уже скатерти шелковыи да заливалисе,
Пошолъ по полу — половочки да погнбалисе,
Уже петелки у дверей разгнбалисе,
Уже лиственки дубовыи порозсыпалисе:

— Уже гдѣ борцы, гдѣ молодцы,
— Да Московски ухватчики? —

Говорить борцы да не съ упадкою,
Говорить бблшій братъ Васенька:
«Развѣ я пойду поборотися,
«Развѣ я пойду поломатися
«И захвачу я тебя осередѣ вѣшнѣ,
«Да брошю я тебя осередѣ Москвы.»
А говорить дрúгой Потанюшка:

«Какъ я пойду поборотися,
«Какъ я пойду поломатися,
«Захвачу твою буйную голову,
«Отверну твою буйную голову,
«Да брошю за Москву за рѣку,
«Чтобы слышно на всю на Москву.»
Говорить имъ третій братъ Мишенька:
«Развѣ я пойду поборотися,
«Развѣ я пойду поломатися?»

Пошолъ Мишенька да пошолъ маленькой,
Не принадлежалъ онъ не на ногу и не на руку,
Онъ принадлежалъ къ правому плечу,
Какъ гянулъ *) Кострюка о сырú землю,
Тутъ рубашка та треснула

И брюшинка верѣснула,
Да нага-то нага Кострюка по двору спустилъ,
Да Кострюкъ-отъ былъ дѣвушка,
Да Кострюкъ-отъ былъ красная,
У ево п...а какъ сильная вачуга**),
Закрýла она долонью-то правую
Побѣжала по двору-то широкому,
Хоронится за лиственни дубовые
Говорить имъ сестра Марья Добряковна:

— Ай вы борцы молодцы
— Да московски ухватчики
— Онъ какой борець какой молодець
— Она красная дѣвушка. —

Говорить имъ царь Иванъ Васильевичъ:

*) пригнулъ.

**) рукавица.

«А й спасибо борцы молодцы,
«Да московски ухватчики,
«И ступайте ко мнѣ въ каменный домъ,
«Дамъ вамъ по двадцати пяти рублей деньгами,
«И дамъ я вамъ пофальной листъ,
«Ѣздить по ннымъ городамъ и ярмонкамъ
«Торговать всѣ товарами разныма,
«Безъ дани безъ пошлины,
«Безъ государевой подати,
«Ужо пить вино въ каждомъ кабакѣ безденежно!»
Да диди-диди-диди!

Записано въ Кавани, 25 августа.

—
LXXI.

СИВЦЕВЪ.

Тимоѣй Михайловичъ Сивцевъ
крестыанинъ дер. Парфеновской, Лискаго при-
хода, 60-ти лѣтъ, знаетъ много сказокъ про Илью
Муромца и другихъ богатырей; поетъ только
одну, нижеслѣдующую «старинку», сложенную
на Мошѣ объ истинномъ происшествiи, тамъ
случившемся.

—
318.

СОБЫТИЕ 1830-ТЫХЪ ГОДОВЪ.

Вотъ по Моши по рѣки
Живуть богаты мужики

Вотъ ка|лина,
Вотъ ма|лина!

Околъ масляной гуляи,
Коневала признавали.

Коневалушко знакомъ,
Стало ѣхать не на комъ.

Взяли лошадь заложили,
Коневала придружили.

Еще лошадь-та берѣжа,
Что дорожка нехороша.

А лошадка воронá,
Дорожѣнка не торнá.

Только сѣлъ Кузьма съ внучомъ,
Коневалко съ багоркомъ.

Кузьма сзади обнимае *),
Коневакъ дѣла не знае,

Они ѣхали страдали,
Пѣтушкова **) вслѣдъ дождали,

Пѣтушкова обождали,
Коневака повалили,

Онъ сказавъ добромъ не лихомъ,
Что вы ѣдете-то тихо.

Это слово не по ндраву,
Пѣтушкова обругали.

Пѣтухъ, Пѣтухъ, Пѣтушокъ!
Ты табашной корешокъ.

Потому ты корешокъ,
Зачѣмъ дѣржишь дѣвушкѣ.

Коневака повалили,
Къ Оедкѣ на груди напали.

Съ него сумочки сорвали,
Всѣ мѣшочки развязали.

Въ сумкѣ денежки нашли,
Въ разны стороны пошли.

Коневакъ опаматился,
На погостъ бѣжать спѣшился.

Къ подомарю прибѣжалъ
У воротъ-то постучалъ.

Подомарь-отъ отложилъ ***)
Коневакъ стоять дрожить.

• Онъ по утру-то ставалъ,
Онъ туда же къ нимъ бѣжалъ.

Онъ по утру-то ставалъ,
Онъ въ Запондомѣ бѣжалъ.

*) чтобы деньги ущупать.

**) Богатый крестьянинъ держалъ (носилъ) нѣмецкое платье,
былъ временщикомъ.

***) отперъ ворота.

Изъ Запондомья-то шелъ,
Къ Пѣтушкову гостя зашелъ.

Ужъ ты батюшко Романъ,
Что пустой-то сталъ карманъ.

Не можно ли тому статься,
О мои деньгѣ стараться.

Когда денежки взыщу,
За работу заплачу.

Какъ Романъ со стула всталъ,
Коневаку руку далъ.

Еще сядь, дуракъ, послушай,
Чаю кофею покушай.

Коневалушку не пьется,
О своихъ деньгахъ некется.

Романъ кофею напился,
Во дѣлахъ распорядился.

Взявъ записку написалъ,
За Кузьмой скоро послалъ.

По чужой Кузьма наслышнѣ,
По Романовой запискѣ,

Какъ сейчасъ скоро явился,
Во дѣлахъ своихъ винился.

Романъ Кузьмѣ говорилъ:
Небось, Кузьма, не тужи.
У тя много старой ржи.

Ничего тебѣ не будетъ,
Только старой ржи убудетъ.

Старшина у насъ Морозъ,
Онъ вѣдъ любить стару рожъ.

Для сѣменъ для ѣды,
Онъ избавить отъ бѣды.

Небольшимъ судомъ судили,
Мы въ расправы замирили.

Вотъ Кокора ковыляе,
Становому объявляе.

Становой дѣло узналъ,
Сейчасъ на глазички призвалъ.

Онъ и бить-то ихъ не бѣтъ,
Ручки ноженки куётъ.

Кузька скоро догадался,
Онъ ночьюъ домой бросался.

Золотыя подарили,
Съ рукъ жегѣзо-ты сложили,

Съ рукъ жегѣза-ты сложили,
По домамъ ихъ ролпустили.

Трои сутоки гулялъ,
Дни ни ноченки не зналъ.

Записано на Мошѣ, 24 августа 1871 года.

КОНЕЦЪ.